

ГОГОЛЬ
в воспоминаниях,
дневниках,
переписке
современников

ГОГОЛЬ
В ВОСПОМИНАНИЯХ,
ДНЕВНИКАХ,
ПЕРЕПИСКЕ
СОВРЕМЕННИКОВ

2

2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ГОГОЛЬ В ВОСПОМИНАНИЯХ, ДНЕВНИКАХ, ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННОКОВ

*Полный систематический свод
документальных свидетельств*

Научно-критическое издание

В трех томах

Том второй

Издание подготовил И. А. Виноградов

Москва
ИМЛИ РАН
2012

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РНФ).
Проекты № 08–04–00261а, 12–04–16036д*

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание. В 3 т. Т. 2/ Издание подготовил И. А. Виноградов. — М.: ИМЛИ РАН, 2012. — 1032 с.

Книга представляет второй том издаваемого впервые полного систематического свода свидетельств о Гоголе его современников. В том вошли воспоминания, дневниковые записи и переписка знакомых Гоголя за границей, графов Виельгорских, В. А. Жуковского, А. О. Смирновой, московских семейств Погодиных, Шевыревых, Нащокиных, Аксаковых, их родственников и друзей. Большинство материалов расположено в виде систематических сводов, состоящих из нескольких разделов, мемуары сопровождаются историко-литературными и текстологическими комментариями. Значительная часть текстов подготовлена к изданию по автографам. Именной указатель насчитывает более двух с половиной тысяч имен.

Запись о Гоголе в дневнике П. Д. Дурново

3 июля <н. ст. 1836. Экс-ла-Шапель (Аахен)>. <...> Только что прибыл наш писатель Гоголь, это очень талантливый молодой человек. Он сочинил водевиль под названием «Ревизор», который, говорят, очень хорош. Это злая критика провинции, и говорят даже, что он вынужден был отправиться путешествовать, чтобы избежать неприятностей. <...>

Впервые опубликовано, в оригинале на фр. языке и в переводе на рус. язык: *Теребенина Р. Е.* Записи о Пушкине, Гоголе, Глинке, Лермонтове и других писателях в дневнике П. Д. Дурново // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 8. Л., 1978. С. 255, 261. Печатается по первой публикации.

Павел Дмитриевич Дурново (1804–1864), с 1835 г. камергер, к концу жизни тайный советник, гофмейстер; был женат (с 1831 г.) на Александре (Алине) Петровне Волконской, дочери министра Императорского Двора светлейшего князя П. М. Волконского. С мая 1835 по август 1836 г. находился с семьей за границей; жил в Мариенбаде и Франценбруне (где встречался с Н. М. и А. О. Смирновыми), в Дрездене, Вене и Аахене. Воспитательницей сына П. Д. Дурново Петра была одесская знакомая Гоголя Е. А. Хитрово (см. в наст. изд. ее дневник «Гоголь в Одессе. 1850–1851»).

Свидетельства о Гоголе Н. В. Путятты

Запись о Гоголе в дневнике Н. В. Путятты

<...> Аахен, 25 июня <7 июля (н. ст.) 1836>. Встреча с Гоголем. <...>

Впервые опубликовано: *Пигарев К. В.* Н. В. Гоголь. Неизданное письмо // Звенья. М.; Л., 1932. № 1. С. 93. Печатается по первой публикации.

Николай Васильевич Путятта (1802–1877), литератор.

Кирилл Васильевич Пигарев (1911–1984), литературовед, правнук Ф. И. Тютчева, сын Екатерины Ивановны Тютчевой (в замужестве Пигаревой, 1879–1957).

Н. В. Путятта — А. Ф. Воейкову

<10 октября 1838. Санкт-Петербург>

<...> ...Следующие лица: В. П. Андросов¹, К. М. Бородин, Н. В. Гоголь, П. Ф. Горяинов², В. И. Даль³, А. А. Краевский⁴, П. П. Максимович⁵, Д. А. Меньшиков⁶, Н. П. Мундт⁷, Н. И. Надеждин⁸, Кн<язь> В. Ф. Одоевский⁹, Я. М. Неверов¹⁰, М. П. Погодин¹¹, П. А. Плетнев¹², И. П. Сахаров¹³, С. П. Шевырев¹⁴, А. Ф. Шенин¹⁵ и И. П. Шульгин¹⁶, сколько известно, уже отказались от участия в Энциклопедическом Лексиконе¹⁷. <...>

10-го октября 1838.

С.-Петербург.

Печатается по автографу: *РНБ*. Ф. 539. Оп. 2. Ед. хр. 1642. Л. 1.

Александр Федорович Воейков (1779–1839), литератор.

¹ Василий Петрович Андросов (1803–1841).

² Павел Федотович Горяинов (1796–1865), врач и ботаник, профессор Санкт-Петербургской медико-хирургической академии.

³ Владимир Иванович Даль (1801–1872).

⁴ Андрей Александрович Краевский (1810–1889).

⁵ Павел Петрович Максимович (1796–1888).

⁶ Дмитрий Алексеевич Меньшиков, один из сотрудников «Энциклопедического Лексикона» Адольфа Александровича Плюшара (1806–1865).

⁷ Николай Петрович Мундт (1803–1872).

⁸ Николай Иванович Надеждин (1804–1856), ученый и критик.

⁹ Князь Владимир Федорович Одоевский (1803–1869).

¹⁰ Януарий Михайлович Неверов (1810–1893).

¹¹ Михаил Петрович Погодин (1800–1885).

¹² Петр Александрович Плетнев (1792–1865).

¹³ Иван Петрович Сахаров (1807–1863), этнограф и археолог.

¹⁴ Степан Петрович Шевырев (1806–1864).

¹⁵ Александр Федорович Шенин (1803–1855), инспектор Павловского кадетского корпуса.

¹⁶ Иван Петрович Шульгин (1795–1869), ректор Санкт-Петербургского университета (с 1834 г.).

¹⁷ Словарь выходил с 1835 по 1841 г.; издание было прекращено; вышло 17 томов из 29-ти задуманных.

Программа для издания книги под названием: Русский Сборник с принадлежащим к нему Литературным Летописцем Фрагмент

<...> В Русский Сборник обещали доставлять свои произведения по отделу *Словесности*... Бенедиктов¹, Князь П. А. Вяземский², В. А. Жуковский³, И. А. Крылов⁴, В. Г. Тепляков⁵, В. Безгласный⁶, А. В. Веневитинов⁷, Н. В. Гоголь, Андрей Н. Карамзин⁸, Александр Н. Карамзин⁹, барон Розен¹⁰ и Трилунный¹¹; по отделу *Наук*: К. И. Арсеньев¹², Я. И. Бередников¹³, Г. И. Гесс¹⁴, В. В. Григорьев¹⁵, А. П. Заблоцкий¹⁶, А. А. Краевский, М. А. Коркунов¹⁷, С. П. Крашенинников¹⁸... Ленц¹⁹, Н. И. Любимов²⁰, П. П. Максимович, Князь Е. П. Мещерский²¹, Я. М. Неверов, Г. П. Небольсин²², Князь В. Ф. Одоевский... Остроградский²³, А. Н. Очкин²⁴, П. А. Плетнев, Ф. Ф. Сидонский²⁵, И. М. Снегирев²⁶ и Ф. В. Чижов²⁷; по отделу *Промышленности*: Н. П. Филиппов²⁸; по отделу *Художеств*: А. Г. Венециянов²⁹, Князь В. Ф. Одоевский, М. Д. Резвой³⁰, Д. Н. Струйский. <...>

В течении 1837-го года будет издано *четыре тома Русского Сборника*. <...>

Отставной 8-го класса чиновник А. В. Враский³¹.

Князь Одоевский и
Краевский.

Первые опубликовано: *Могилынский А. П. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок» // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1949. Т. 4. № 3. С. 215–217. Печатается по первой публикации.*

По мнению Ю. Г. Оксмана, замысел нового издания вызван «разногласиями внутри редакционного аппарата» журнала «Современник»: «В августе 1835 г. два ближайших сотрудника Пушкина — кн<язь> В. Ф. Одоевский и А. А. Краевский — противопоставляют “Современнику”, при молчаливом сочувствии большинства других литераторов, участвовавших в издании, план нового журнала, который они предполагают организовать в 1837 г. под названием “Русский сборник”» (*Оксман Ю. Переписка Белинского. Критико-библиографический обзор // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 233–234*).

«Дело канцелярии Главного управления цензуры о журнале *Русский Сборник* с принадлежащим к нему *Литературным летописцем*» началось 17 августа 1836 г. В этот день была рассмотрена программа издания и вынесено постановление: «О дозволении сего журнала представить на Высочайшее Государя Императора разрешение, по возвращении Его Величества в столицу». 16 сентября 1836 г. в Коломне на всеподданной докладной записке С. С. Уварова от 10 сентября 1836 г. Государь написал: «И без того много» (*Могилынский А. П. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок» // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1949. Т. 4. № 3. С. 219*).

Александр Н. Карамзин 30 сентября 1836 г. (уже после запрещения журнала) писал брату Андрею: «Одоевский готовится издавать свой журнал, но еще нет ничего. Я буду у него послезавтра. Пришли ему статейку» (письмо написано в период с двадцатых чисел сентября по 1 октября 1836 г.; впервые опубликовано: *Андроников И. Тагильская наход-*

¹ Далее в оригинале пропуск фамилии.

¹¹ Далее в оригинале пропуск фамилии.

¹¹¹ Далее в оригинале пропуск фамилии.

^{11V} Далее в оригинале пропуск фамилии.

^v Далее в оригинале пропуск фамилии.

ка // Новый мир. 1956. № 1. С. 173; цит. по изд.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов/ <Публ. письма М. П. Султан-Шах>. М.; Л., 1960. С. 119). О запрещении журнала Александр Карамзин известил брата в письме от 6 ноября 1836 г.: «...Одоевскому запретили издавать журнал. Наша литературная слава оказалась недолговечной, дорогой мой, наши имена были напечатаны в объявлении, и на том все кончилось» (Там же. С. 174).

См. также в наст. изд. *Список лиц, желающих участвовать в издании журнала «Северный Зритель»*.

¹ Владимир Григорьевич Бенедиктов (1807–1875).

² Князь Петр Андреевич Вяземский (1792–1878).

³ Василий Андреевич Жуковский (1793–1852).

⁴ Иван Андреевич Крылов (1768–1844).

⁵ Виктор Григорьевич Тепляков (1804–1842), поэт.

⁶ Безгласный – псевдоним князя В. Ф. Одоевского.

⁷ Алексей Владимирович Веневитинов (1806–1872).

⁸ Андрей Николаевич Карамзин (1814–1854).

⁹ Александр Николаевич Карамзин (1816–1888).

¹⁰ Барон Егор Федорович Розен (1800–1860).

¹¹ Трилунный – псевдоним Дмитрия Юрьевича Струйского (1806–1856).

¹² Константин Иванович Арсеньев (1789–1865).

¹³ Яков Иванович Бередников (1793–1854).

¹⁴ Герман Иванович Гесс (1802–1850), химик.

¹⁵ Василий Васильевич Григорьев (1816–1881), ориенталист.

¹⁶ Андрей Парфеньевич Заблоцкий-Десятовский (1807–1881).

¹⁷ Михаил Андреевич Коркунов (1806–1858).

¹⁸ Сергей Петрович Крашенинников (1811–1870).

¹⁹ Эмилий Христианович Ленц (1804–1865), физик.

²⁰ Николай Иванович Любимов (1808–1875).

²¹ Князь Елим Петрович Мещерский (1808–1844), поэт.

²² Григорий Павлович Небольсин (1811–1896).

²³ Михаил Васильевич Остроградский (1801–1861), математик.

²⁴ Амплий Николаевич Очкин (1791–1865), журналист, переводчик, цензор.

²⁵ Федор Федорович Сидонский (1805–1873).

²⁶ Иван Михайлович Снегирев (1793–1868).

²⁷ Федор Васильевич Чижов (1811–1877).

²⁸ Николай Павлович Филиппов, инспектор Санкт-Петербургского университета.

²⁹ Алексей Гаврилович Венецианов (1780–1847).

³⁰ Модест Дмитриевич Резвой (1807–1853).

³¹ Александр Васильевич Враский (1789–1852), двоюродный брат Бориса Алексеевича Враского (1795–1880), чиновника III Отделения, владельца типографии, в которой печатался пушкинский «Современник».

<О программе издания «Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду на 1837 год»>

<...> К началу декабря 1836 г. между Одоевским, Краевским и А. А. Плюшаром, с одной стороны, и А. Ф. Воейковым – с другой, состоялось соглашение о временной передаче прав на издание «Литературных прибавлений», печатавшихся с 1830 г. к «Русскому инвалиду». <...> ...Сохранилось дело канцелярии главного управления цензуры об издании этого журнала в 1837 г. В этом деле мы находим программу издания под названием «Об издании Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду на 1837 год». <...> ...Документ <...> представляет собою легкую переработку и сокращение программы «Русского сборника»¹ применительно к условиям еженедельного органа. <...>

В программе «Литературных прибавлений» указаны 14 основных постоянных сотрудников: Краевский (редактор), Вяземский, Жуковский, Крылов, Одоевский, Пушкин, Тепляков, Гоголь, Розен, Арсеньев, Бередников, <П. П.> Максимович, Плетнев и Струйский. Из этих имен в программе «Русского сборника» отсутствовало лишь имя А. С. Пушкина. В «Списке» «Северного архива» отсутствовали лишь Крылов и Розен. Среди фактических сотрудников «Литературных прибавлений» мы находим и других сотрудников «Северного зрителя» и «Русского сборника»: Бенедиктова, Александра Карамзина, Кольцова, Снегирева. <...>

В 1839 г. Одоевскому при содействии ряда лиц, наконец, удалось осуществить свою мечту в виде «Отечественных записок»... <...> Историческое значение «Литературных прибавлений» к «Русскому инвалиду» 1837 и 1838 гг., таким образом, в первую очередь состоит в том, что они явились связующим звеном между «Русским сборником» и «Отечественными записками», сохранив основную группу сотрудников, восходящую еще к «Северному зрителю» 1835 года². <...> Несмотря на то, что со времени «Списка» «Северного зрителя» до момента возникновения «Отечественных записок» полностью истекло три года (1835–1838), среди лиц, объявленных сотрудниками «Отечественных записок» в их программе или действительно сотрудничавших в них, мы находим 19 человек из числа выразивших свою готовность сотрудничать в «Северном зрителе». Лица эти следующие: К. И. Арсеньев, В. Г. Бенедиктов, А. В. Веневитинов, А. Г. Венецианов, П. А. Вяземский, Н. В. Гоголь, В. В. Григорьев, В. А. Жуковский, А. П. Заблоцкий-Десятовский, Александр Н. Карамзин, А. В. Кольцов, А. А. Краевский, П. П. Максимович, Г. П. Небольсин, Я. М. Неверов, В. Ф. Одоевский, М. Д. Резвой, Д. Ю. Струйский, Ф. В. Чижов. <...>

Впервые опубликовано: Могиланский А. П. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок» // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1949. Т. 4. № 3. С. 220. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. «Программу для издания книги под названием: *Русский Сборник* с принадлежащим к нему *Литературным Летописцем*».

² См. в наст. изд. «Объявление об издании *Отечественных Записок* в 1839 году» А. А. Краевского.

Д. П. Северин — князю П. А. Вяземскому

Оберрид близ Берна, 8/20 сентября 1836.

<...> Гоголь привез мне рекомендательное письмо твое¹, на дачу вечером и перед отъездом в горы Бернского оберланда. Обещал по возвращении посетить нас снова, но по сию пору не является² <...> Я не обманул его насчет здешнего края и советовал ехать далее для лучших вдохновений. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 554. Печатается по первой публикации.

Ответное письмо князя П. А. Вяземского от 7/19 октября 1836 г. из Петербурга см. в изд.: Собственноручные письма князя П. А. Вяземского к Д. П. Северину // Русская Старина. 1896. № 1. С. 86–88.

Дмитрий Петрович Северин (1792–1865), дипломат, русский посланник в Швейцарии, приятель князя П. А. Вяземского и В. А. Жуковского.

Леонид Рафаилович Каплан (Ланский, 1913–2000), литературовед.

¹ Не сохранилось. См. в наст. изд. коммент. к <Извещениям газеты «Санкт-Петербургские Ведомости» от 17, 21 и 25 мая 1836 г. об отъезде Гоголя за границу>.

² См. также в наст. изд. статью А. С. Стурдзы «Дань памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя».

Из писем цесаревича Александра Николаевича к императору Николаю Павловичу

Цесаревич Александр Николаевич — Императору Николаю Павловичу

<4–6 мая 1837. Тверь>

<...> 4 мая.

<...> В 1/2 8 часа мы приехали на ночлег в Вышний Волочек... <...> Городничий тамошний напомнил нам городничего из «Ревизора» своей турнюрой¹. <...>

Впервые опубликовано: Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. Сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюник. М., 1999. С. 30. Печатается по первой публикации.

¹ Государь и Наследник присутствовали на первом и третьем представлениях «Ревизора» в Александринском театре в 1836 г.

Цесаревич Александр Николаевич — Императору Николаю Павловичу

<15–19 мая 1837. Тверь>

<...> 16 мая. Воскресенье.

<...> Мы ночевали в доме поме<щицы> Жадовской <...> сын ее отставной офицер нас угощал, он должен быть удивительный чудака и напомнил мне Петр<а> Ив<ановича> Бобчинского, наподобие его он просил одной только милости, чтобы довести до Твоего сведения, что я ночевал в его доме. Но и при сем случае я припомнил Твое наставление, любезный Папа, чтобы не показывать вид другим, что кажется смешным. <...>

Впервые опубликовано: Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. Сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюник. М., 1999. С. 41. Печатается по первой публикации.

Цесаревич Александр Николаевич — Императору Николаю Павловичу

17 (29) декабря 1838. Рим.

<...> ...Вечером Гоголь¹, сочинитель «Ревизора», читал нам другую свою комедию «Женитьба», преуморительную¹. <...>

Впервые опубликовано: Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. Сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюник. М., 1999. С. 211. Печатается по первой публикации.

¹ Так в автографе.

Из писем цесаревича Александра Николаевича...

¹ Наследник оказал тогда Гоголю материальную помощь. Об этом позволяет судить позднейшее свидетельство В. А. Жуковского в письме к Наследнику от 13–14 января 1840 г. (см. в наст. изд. коммент. к этому письму).

Из писем императора Николая Павловича к цесаревичу Александру Николаевичу

Император Николай Павлович — цесаревичу Александру Николаевичу

С.–Петербург. 8-го мая 1837 г.

<...> Не одного, а многих увидишь подобных лицам *«Ревизора»*, но остерегись и не показывай при людях, что смешными тебе кажутся, иной смешон по наружности, но зато хорош по другим важнейшим достоинствам, в этом надо быть крайне осторожным. <...>

Впервые опубликовано: Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. Сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюник. М., 1999. С. 130. Печатается по первой публикации.

Император Николай Павлович — цесаревичу Александру Николаевичу

Царское Село. 25-го мая 1837 г.

<...> Смеялся я, читав сцену с Бобчинским, хорош, должен быть, гусь; но спасибо тебе, что <приучился> не показывать смеху при других. <...>

Впервые опубликовано: Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. Сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюник. М., 1999. С. 134. Печатается по первой публикации.

Документы об оказании Гоголю Императором Николаем I денежного пособия в 1837 г.

<Резолюция Императора Николая I на прошении Гоголя на Высочайшее имя от 18 апреля (н. ст.) 1837 г.>

<8 июля 1837. Санкт-Петербург>

Послать ему чрез нашу миссию 500 червонцев.

Впервые опубликовано: *Виноградов И. А.* Неизвестное письмо великого русского писателя. Гоголь и монархия // Воскресная школа. 1998. Сент. № 34 (58). С. 7–10; см. также: *Виноградов И. А.* Спасен я был Государем. Неизвестное письмо Н. В. Гоголя к Императору Николаю Павловичу // Лит. Россия. 1998. 25 сент. № 39. С. 13; *Виноградов И. А.* «Спасен я был Государем». Неизвестное письмо Н. В. Гоголя к Императору Николаю Павловичу и его отношение к монархии // Литература в школе. 1998. № 7. С. 8. Печатается по автографу: РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Ед. хр. 6092. Л. 1.

Написано на первой странице письма Гоголя. Здесь же находятся две канцелярские пометы: «Получено от Государя Императора 8 июля 1837 года»; «Объявлено Высочайшее повеление министру финансов 10го июля № 1155^а и писано г<ну> Гоголю № 1136^а». Само письмо Гоголя помечено: «№ 1220^а».

В деле сохранился также ответ Департамента народного просвещения от 8 июля 1837 г. на запрос Императорской канцелярии о том, что адъюнкт-профессор Санкт-Петербургского университета, «Николай Васильев сын Гоголь-Яновский, по сему званию, приобрел право на чин 8 класса и при новом образовании университета уволен из одного 31 декабря 1835 года» (РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Ед. хр. 6092. Л. 3).

<Директор кредитной канцелярии Министерства финансов Ф. П. Вронченко — директору Департамента хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел графу Мих. Ю. Виельгорскому>

<15 июля 1837. Санкт-Петербург>

№ 3792. 16 июля 1837¹.

Министерство финансов.
Особенная канцелярия.
По кредитной части.
Отделение 2. Стол 1.
15 июля 1837 г.
№ 3659.

Министерства иностранных дел в Департаменте хозяйственных и счетных дел.

С препровождением 2 векселей для доставления г. Гоголю в Рим.

Г. статс-секретарь Танеев¹ от 10го сего июля № 1155 сообщил г. министру финансов, что Государь Император во внимание к крайне стесненному положению находящегося в Риме Русского Сочинителя, бывшего при С. Петербургском университете адъюнктом, Николая Гоголя, Всемилостивейше пожаловать ему соизволил в единовременное пособие пять сот червонных из Государственного казначейства, повелев сумму сию доставить ему, Гоголю, чрез нашу миссию. Во исполнение сего Особенная канцелярия по кредитной

¹ Номер и дата поставлены в канцелярии Департамента хозяйственных и счетных дел при получении бумаги.

части имеет честь препроводить при сем первый и второй векселя, на имя г. Гоголя, в 4860 рублей ассигнац<иями>¹, составляющих достоинство означенных 500 червонных, за вычетом 10 % в пользу увечных, покорнейше прося Департамент хозяйственных и счетных дел учинить распоряжение о доставлении сих векселей чрез миссию в Риме к г. Гоголю и о последующем Кредитную канцелярию уведомить.

Директор *Ф. Вронченко*.

Начальник отделения *Б. Ате*<нрзб.>

Впервые опубликовано: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 11. С. 397. Печатается по подлиннику: *АВПРИ*. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 25. Л. 1–2.

¹ Александр Сергеевич Танеев (1785–1866), статс-секретарь, управляющий 1-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии

<Министр финансов граф Е. Ф. Канкрин — управляющему I Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии статс-секретарю А. С. Танееву>

<15 июля 1837. Санкт-Петербург>

Министерство финансов.
Особенная канцелярия.
По кредитной части.
Отделение 2. Стол 1.
15 июля 1837 г.
№ 3669.

Его пре<восходительст>^{ву} А. С. Танееву.
№ 1292.

Милостивый государь, Александр Сергеевич. Во исполнение Высочайшего повеления в отношении Вашего превосходительства от 10^{то} сего июля № 1155, учинив распоряжение о доставлении в Министерство иностранных дел, для отправления чрез миссию нашу в Риме, к находящемуся там русскому сочинителю, бывшему при С.Петербургском университете адъюнктом, Николаю Гоголю, первого и второго векселей в 4 860 руб<лей> ассиг<нациями>, составляющие всемиловнейше пожалованные ему, в единовременное пособие, 500 червон<ных>, за вычетом из оных 10 % в пользу увечных, имею честь о том Вас, милостивый государь, уведомить.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть Вашего превосходительства покорнейший слуга

Гр<аф> Канкрин.

Впервые опубликовано: *Виноградов И. А.* Неизвестное письмо великого русского писателя. Гоголь и монархия // Воскресная школа. 1998. Сент. № 34 (58). С. 8; см. также: *Виноградов И. А.* Спасен я был Государем. Неизвестное письмо Н. В. Гоголя к Императору Николаю Павловичу // Лит. Россия. 1998. 25 сент. № 39. С. 13; *Виноградов И. А.* «Спа-

¹ Слова: 4860 рублей ассигнац<иями> — написаны рукой Ф. П. Вронченко.

сен я был Государем». Неизвестное письмо Н. В. Гоголя к Императору Николаю Павловичу и его отношение к монархии // Литература в школе. 1998. № 7. С. 8. Печатается по подлиннику: РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Ед. хр. 6092. Л. 4.

<Директор Департамента хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел граф Мих. Ю. Виельгорский — российскому поверенному в делах в Риме П. И. Кривцову>

По № 3792.

<16 июля 1837. Санкт-Петербург>

Г. Поверенному в делах при Римском Дворе.

Министерство иностранных дел.

Департамент хозяйственных и счетных дел.

Отделение 1.

Стол 2.

Июля 16 дня

1837.

№ 3286.

Г. статс-секретарь Танеев сообщал г. министру финансов, что Государь Император во внимание к стесненному положению находящегося в Риме Русского Сочинителя, бывшего при С. Петербургском университете адъюнктом, Николая Гоголя, Всемиловейше пожаловать ему соизволил в единовременное пособие пять сот червонных из Государственного казначейства.

Во исполнение сей Монаршей воли министр финансов доставил в Деп<артамен>т хоз<яйственных> и с<четных> дел первый и второй векселя, на имя г. Гоголя, в 4860 р<ублей> асс<игнациями>, составляющие за вычетом 10 % в пользу увечных достоинство означенных 500 червонных.

Деп<артамен>т хоз<яйственных> и с<четных> дел, поставляя долгом препроводить к Вашему Высокобл<агородию> из сих векселей первый вексель, покорнейше просит выдать оный по принадлежности под роспись и оную прислать в Деп<артамен>т. Второй вексель на вышепрописанную сумму отправлен будет к Вам на следующей почте.

(Под<писали>)

Директор Гр<аф> Виельгорский.

Нач<альник> отдел<ения> Яковлев.

Верно: Старший помощник

столонач<альника> Дементьев.

Впервые опубликовано: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 11. С. 397. Печатается по подлиннику: АВПРИ. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 25. Л. 3; черновое.

Павел Иванович Кривцов (1806–1844), секретарь русского посольства в Италии, попечитель над русскими художниками в Риме. «Утвержден в звании Почетного Вольного Общника <Академии Художеств>: Павел Иванович Кривцов, Начальник Русских художников в Риме, Старший Секретарь тамошней русской миссии» (Выписка из Журнала Общего Собрания Императорской Академии Художеств, 1840 года, сентября 29-го дня // Художественная Газета. 1840. 1 ноября. № 21 (цензурное разрешение 1 ноября). С. 1–2).

<Директор Департамента хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел граф Мих. Ю. Виельгорский — директору кредитной канцелярии Министерства финансов Ф. П. Бронченко>

<По №> 3792.

Министерство иностранных дел.

Департамент хозяйственных и счетных дел.

Отделение 1.

Стол 2.

Июля 16 дня

1837.

№ 3287.

<16 июля 1837. Санкт-Петербург>

Министерство Фин<ансов> в Особенную канцелярию по кредитной части.

Присланные при отношении сей Канцелярии от 15 июля под № 3659 первый и второй векселя на сумму Всемиловнейше пожалованную находящемуся в Риме Русскому Сочинителю, бывшему в П. Бургском университете адъюнктом Николаю Гоголю, в Деп<артамен>те хоз<яйственных> и с<четных> д<ел> получена.

О чем сей Деп<артамен>т имеет честь уведомить Особ<енную> канц<елярию> по кредитной части.

(Под<писали>)

Директор Гр<аф> Виельгорский.

Нач<альник> отделения Яковлев.

Верно: Старший помощник

столонач<альника> Дементьев.

Впервые опубликовано: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 11. С. 398. Печатается по подлиннику: АВПРИ. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 25. Л. 4; черновое.

<Заведующий делами Департамента хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел Орлов — российскому поверенному в делах в Риме П. И. Кривцову>

По № 3792.

Кривцову.

Министерство иностранных дел.

Департамент хозяйственных и счетных дел.

Отделение 1.

Стол 2.

Июля 20 дня

1837.

№ 3346.

<20 июля 1837 г. Санкт-Петербург>

Г. Поверенному в делах при Римском Дворе.

При отношении Департамента хоз<яйственных> и сч<етных> дел от 16 июля, под № 3286-м, отправлен был к В<ашему> В<ысоко> Б<лагородию> первый вексель в 4860-х <рублях> ас<сигнациями>, составляющих достоинство 500 червонных, на имя находящегося в Риме Русского Сочинителя, бывшего при С. Петербургском университете адъюнктом, Николая Гоголя, Всемиловнейше пожалованных ему в единовременное пособие [из Государственного казначей<ства>].

Ныне Департамент хоз<яйственных> и сч<етных> <дел>, почитая долгом препроводить при сем на выше-прописанную сумму второй вексель, покорнейше просит В<аше> В<ысоко> Б<лагородие> о получении оной уведомить Департамент.

(Под<писали>)
Заведыв<ающий> делами Департамента Орлов.
Нач<альник> отделения Яковлев.
Верно: Старший помощник
столонач<альника> Дементьев.

Впервые опубликовано: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 11. С. 399. Печатается по подлиннику: АВПРИ. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 25. Л. 5; черновое.

<Российский поверенный в делах в Риме П. И. Кривцов — Департаменту хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел>

<14 октября (н. ст.) 1837. Рим>
№ 5672. 10 ноября 1837¹.

Министерство иностранных дел.

Императорская Российская миссия в Риме.

О получении векселей на имя г. Гоголя.

Рим. Октября 2-го / 14-го дня 1837 года.

№ 945.

В Департамент хозяйственных и счетных дел.

Препровожденные ко мне при почтеннейших отношениях оного Департамента от 16-го и 20-го июля с<его> г<ода> под №-ми 3286 и 3346-ми один первый и второй векселя в 4860-х <рублях> ас<сигнациями>, Всемиловнейше пожалованных Русскому сочинителю, бывшему при С.-Петербургском университете адъюнктом Николаю Гоголю, я получил в свое время, но по отбытии из Рима сего последнего и по неизвестности его местопребывания удержал оные векселя при мне. Нынче известившись партикулярным образом, что г. Гоголь намеревался провести зиму в г. Лозан<н>е, я поспешил отправить вышеозначенные векселя к нашему посланнику при Швейцарском союзе, с просьбою доставить оные по принадлежности под росписку и сию последнюю препроводить в Департамент хозяйственных и счетных дел.

П. Кривцов.

Впервые опубликовано: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 11. С. 399. Печатается по подлиннику: АВПРИ. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 25. Л. 6.

¹ Номер и дата поставлены в канцелярии Департамента хозяйственных и счетных дел при получении бумаги.

<Примечания к письмам Гоголя>

<Примечание к письму из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу от 2–30 ноября (н. ст.) 1837 г.>

Гоголь тщательно переписал это письмо для печатания, и оно было уже подписано цензором; но, по некоторым особым обстоятельствам, печатание его было отменено автором¹.

Первые опубликовано: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Николая М. // Современник. 1854. № 3. Отд. 2. С. 44; см. также: <Кулиш П. А.> Николай М. Опыт биографии Н. В. Гоголя. СПб., 1854. С. 100; <Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя. Т. 1. СПб., 1856. С. 197; Гоголь Н. В. Сочинения и письма. Т. 5. Письма, с 1820 по 1842 год. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. С. 330. Печатается по первой публикации.

В. И. Шенрок, комментируя дату при гоголевском письме — «2 ноября 1837 г.», также замечал: «Эта дата, значащая на копии письма, переписанного для цензуры (Гоголь предполагал напечатать это письмо целиком), подвержено сомнению. Кулиш относит это письмо к 1838 году, но пометка цензора показывает, что оно могло бы принадлежать разве самому началу его» (Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 460). (Замечание Шенрока связано с тем, что письмо, напечатанное сначала Кулишом в «Опыте биографии Н. В. Гоголя...» и «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» как относящееся к 1837 г., получило позднее, в изданных им «Сочинениях и письмах Н. В. Гоголя» ошибочную датировку — 1838 г.) Упомянутую «пометку цензора» Шенрок привел в примечании к последним строкам письма: «Внизу страницы пометка: “28 марта 1838 г. Цензор А. Никитенко”» (Там же. Т. 1. С. 462). Подробнее о письме см. в коммент. в изд.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 7. С. 760–763.

¹ Готовившееся Гоголем к печати <Письмо из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу>, в котором выражается благодарность за материальную помощь, оказанную в 1837 г. Гоголю Императором Николаем Павловичем, является своеобразным «опытом» и предвестием позднейших «Выбранных мест из переписки с друзьями» (подробнее см. коммент. к этому письму в изд.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 7. С. 760–763). Благодарность за полученную помощь Гоголь высказал именно в «Переписке с друзьями»: «Один раз <...> я очутился в городе, где не было почти ни души мне близкой, без всяких средств, рискуя умереть не только от болезни и страданий душевных, но даже от голода. Это было уже давно тому. Спасен я был Государем. Нежданно ко мне пришла от него помощь. Услышал ли он сердцем, что бедный подданный его на своем неслужащем и незаметном поприще помышлял сослужить ему такую же честную службу, какую сослужили ему другие на своих служащих и заметных поприщах, или это было просто обычное движенье милости его. Но эта помощь меня подняла вдруг. Мне было приятно в эту минуту быть обязану ему, а не кому-либо другому».

<Примечание к письму А. С. Данилевскому от 25 марта (н. ст.) 1839 г.>

Это <П. А. Лукашевич> — один из соучеников Гоголя¹, которого он очень любил, несмотря на то, что не уважал его мнимой учености. Но <П. А. Лукашевичу>¹ мало было приязни Гоголя. Однажды, получив от него комическое и очень любезное письмо из-за границы, он тотчас

¹ В публикации: Но DD

бросил его в огонь; а письмо, по свидетельству другого товарища Гоголева, «стоило многих ученых книг даже и не таких писателей, как <П. А. Лукашевич>¹¹».

Впервые опубликовано: Соч. и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 65. С. 364. Печатается по первой публикации.

¹ Примечание относится к следующим строкам письма Гоголя: «Погодин привез мне известие о Лукашевиче». В издании П. А. Кулиша имя П. А. Лукашевича в указанных строках было передано инициалами: «Погодин привез мне известие о DD».

<Примечание к письму Н. М. Языкову от 26 октября (н. ст.) 1844 г.>

Даже в провинциях распространился тогда слух, будто бы Гоголь написал дневник русского генерала, веденный в Италии, и что это будто бы самое комическое из его произведений.

Впервые опубликовано: Соч. и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 6. С. 106. Печатается по первой публикации.

¹¹ В публикации: как DD

Украинофильство Гоголя. (Свидетельство Богдана Залеского) Фрагменты

Среди биографических материалов о Гоголе, опубликованных в течение последних месяцев, мы не встретили указаний на интересное свидетельство о нашем писателе известного польского украинофила и поэта Богдана Залеского (1802–1886). На это свидетельство мы натолкнулись случайно, просматривая переписку Иосифа-Богдана Залеского с разными лицами, напечатанную в журнале «Przewodnik naukowy i literacki» (приложение к «Gazeta Lwowska») за 1901 год¹. В шестой книжке этого журнала (t. XXIX, zeszyt VI, стр. 466–467) помещено письмо Залеского из Фонтенбло от 19-го февраля 1859 года к известному польскому патриоту Франциску Духинскому, создателю пресловутой теории о «туранстве» великорусов (москалей). В настоящее время эта теория, отрицающая арийское (в частности, славянское) происхождение великоруссов, не имеет успеха и среди серьезных польских ученых. Лет 50 назад дело обстояло иначе. Залеский начинает свое письмо с благодарности Духинскому за присылку его книги. По всей вероятности, он благодарит за книгу Духинского «Zasady dziejow Polski i inwyh krajon slowianskich».

Продолжение письма Залеского приводим в русском переводе:

«Твоя книжка, уважаемый земляк, отличается ученостью, поучительностью и патриотизмом. Общий взгляд на историю поляков, родственных народов и великоруссов кажется мне правильным. Что издавна понемногу представлялось отдельным лицам (niejedney glowie), ты разъяснил своими исследованиями почти до очевидности. Я не сомневаюсь, что как в этой части твоей “Истории”, так и в последующих ты одинаково успешно докажешь свою главную мысль и докажешь ее притом на пользу общую и во славу Польши. Не перехожу к разбору того или другого из твоих предположений и мнений, потому что не имею для того ни места, ни времени. Вместо этого предпочитаю присоединить небольшую подробность, которая может пригодиться тебе при дальнейших исследованиях.

Лет 25 назад гостил в Париже знаменитый русский поэт Гоголь. С Мицкевичем и со мной соукраинцем (spolukraincem) он был в тесной дружбе (zostawal w sciely zazylosci). Мы сходились тогда часто по вечерам для литературно-политических бесед. Конечно, мы говорили более всего о великоруссах (moskalach), внушавших отвращение (wstretnych) и нам и ему. Вопрос о финском их происхождении (kwestya finskosc) был беспрерывно предметом обсуждения. Гоголь подтверждал его со всею своею малорусской запальчивостью. Он имел под рукой у себя замечательные сборники народных песен на разных славянских наречиях. Итак по вопросу о финском происхождении великоруссов (moskalow) он написал и читал нам прекрасную статью (wyborne pisemko). В ней он указывал на основании сравнения и детального сопоставления песен чешских, сербских, украинских и т. д. с великорусскими (moskie wskiem), бьющие в глаза отличия в духе, обычаях и в нравственных взглядах (moralnosci) у великоруссов и у других сла-

¹ Тут мы находим и письма к католическим священникам Кайсевичу и Семененко, об отношениях которых к Гоголю см. в ст. В. Лугаковского «Гоголь в польской литературе» («Литер<атурный> Вестник», 1902, № 1). — *Примеч.* А. И. Лященко.

вянских народов. Для характеристики каждого человеческого чувства (*okazdem uczuciu ludzkim*) он подобрал особую песню: с одной стороны, нашу славянскую — сладостную, нежную (*slodka, lagodna*) и рядом великорусскую (*moskiewska*) — угрюмую, дикую, нередко каннибальскую (*ponura, dzika, nie rzadko kanibalska*), словом, — чисто финскую. Уважаемый земляк, ты легко можешь себе представить, как эта статья искренно образовала Мицкевича и меня.

Много лет спустя, в Риме я думал раздобыть (*zazadac*) у Гоголя эту параллель, но тогда Гоголь уже превратился в защитника Царя и Православия, и мне пришлось отказаться от этой попытки. Какова же, однако, судьба этой статьи? Неужели в посмертном собрании сочинений Гоголя нет ничего подобного?¹ Она послужила бы прекрасным подтверждением твоих выводов. Во всяком случае найдется или же не найдется эта статья между сочинениями Гоголя, и в настоящее время нетрудно составить подобную параллель. Но достойна сожаления утрата многих и характерных анекдотов о великоруссах, — анекдотов, которые мог знать только сам Гоголь и которые он один мог рассказать с особым ему свойственным остроумием».

Таково воспоминание Залеского о Гоголе. Предоставляя знатокам биографии Гоголя подробное его разъяснение, мы ограничимся в настоящей заметке только самым кратким комментарием. Сближение Гоголя с Богданом Залеским и Мицкевичем относится ко времени пребывания его в Париже в 1836 году. Беседовал Гоголь с Залеским, по свидетельству Данилевского, чаще всего по-малорусски (В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, т. III, стр. 66). До нас дошла и небольшая дружеская записка нашего поэта к Залескому, писанная также по-малорусски (Письма Гоголя, Спб., 1902, т. I, стр. 431). В письмах Гоголя находим ряд сочувственных отзывов о Мицкевиче, как поэте. Дружеские собрания нередко сопровождалось юмористическими рассказами Гоголя. По поводу встречи с разными «комическими» лицами Гоголь «всегда любил пошутить или придумывая разные забавные положения, в которых ярче выступали их комические стороны, или представляя в новом юмористическом освещении никем еще незамеченные странности» (В. И. Шенрок, III, стр. 214).

Приведенные нами сейчас справки указывают на то, что внешние обстоятельства в воспоминаниях Залеского правдоподобны. Нужно думать, однако, что Гоголь рассказывал с обычным юмором комические эпизоды не только из жизни великоруссов, но и из быта других народностей. <...> ...Уверение Залеского, будто Гоголь питал отвращение к великоруссам, мы безусловно отвергаем. <...>

Впервые опубликовано: <Лященко А. И.> А. Л. Украинофильство Гоголя. (Свидетельство Богдана Залеского) // Новое Время. 1902. 30 июля. № 9483. С. 3. Перепечатано: Лященко А. Украинофильство Гоголя. (Свидетельство Богдана Залеского) // Литературный Вестник. 1902. № 5. С. 66–68. Печатается по первой публикации.

Аркадий Иоакимович Лященко (1871–1931), историк литературы и педагог; выпускник Санкт-Петербургского университета (1892), сотрудник Библиотеки Академии наук (с 1922 г.).

¹ Возможно, Гоголь зачитывал Б. Залескому фрагменты своих статей «Взгляд на составление Малороссии» и «О малороссийских песнях». В первой встречается упоминание о том, что после татаро-монгольского нашествия «мало-помалу выходцы из Польши, Литвы, России начали селиться в этой земле <в Южной Руси>, настоящей отчизне славян, земле древних полян, северян, чистых славянских племен, которые в Великой России начинали уже смешиваться с народами финскими...»; во второй статье Гоголь приводит следующие слова М. А. Максимовича: «Русская заунывная музыка выражает, как справедливо заметил М. Максимович, забвение жизни; она стремится уйти от нее и заглушить вседневные нужды и заботы; но в малороссийских песнях она слилась с жизнью...». Подробнее см. коммент. к строкам статьи «Взгляд на составление Малороссии» — ...а... *земле... чистых славянских племен, которые в Великой России начинали уже смешиваться с народами финскими, но здесь сохранялись в прежней цельности...* — в т. 7 Полн. собр. соч. и писем Гоголя в 17 т. (М., 2009), а также сопроводит. статью к т. 17 этого издания.

Гоголь в письмах и дневниковых записях И. Кайсевича и П. Семененко

П. Семененко — Б. Яньскому

<15 марта (н. ст.) — 3 апреля (н. ст.) 1838. Рим>

Возвращаемся с обеда у княгини Волконской¹ и с прогулки на ее виллу в сообществе ее, а также одного из наилучших современных писателей и поэтов русских, Гоголя, который здесь поселился. Об его даровании говорим со слов княгини. В разговоре он нам очень понравился. У него благородное сердце, притом он молод; если со временем глубже на него повлиять, то, может быть, он не окажется глух к истине и всю душою обратится к ней. Княгиня питает эту надежду, в которой и мы сегодня несколько утвердились. Понятно, беседовали мы о славянских делах. Гоголь оказался совершенно без предрассудков, и даже, может быть, там в глубине очень чистая таится душа. Умеет по-польски, т. е. читает. Долго говорили о «Небожественной Комедии»², о «Тадеуше»³ и пр. Забыл сказать, что княгиня Волконская нарочно пригласила нас на обед, чтобы устроить это знакомство, так как Гоголь, слышавши об нас, очень хотел этого; да и сама княгиня рада была удовлетворить его желание, ожидая от этого пользы для религии. Из этого, однако, очевидно, что было бы крайне полезно, если бы у нас имелся и Мицкевич, и «Небожественная Комедия» с «Иридионом»⁴, и Мохнацкий⁵. Почему этот последний? Гоголь сказал нам, что читает Мерославского⁶ и что он ему нравится, если отбросить его страстность и склонность к преувеличениям. Сего ради мы ему — о Вротновском и Мохнацком. Последнего особенно ради языка и стиля. Это особенно увлекло Гоголя, ибо он хотел бы проникнуться силою польского языка. Как вам это нравится! Мы сообщаем, каким Гоголь нам показался... Вротновского мы оставили у Замоиского во Флоренции и оттого не имели. Что касается Тадеуша и, вообще, Мицкевича, равно «Иридиона» с «Комедией», то хотели бы иметь их под рукой не ради одного Гоголя! Сама Волконская просит. А затем и вообще могут понадобиться для разных случаев. Те отношения, в которых мы теперь находимся, по-видимому, ничем не могут нам повредить, а затем — трудно переменить. Надо довольствоваться существующим положением вещей и надеяться на Бога. <...>

О княгине Волконской и все, что касается Адама⁷, узнаешь из письма Иеронима. Будут у нас несколько церковнославянских книг, понадобившихся для истории, от священника посольства⁸. Гоголь их возьмет для себя, ему известно наше положение, и он, как мы говорили, человек благородный. Думаем также некоторые выписать из России. Петр Семененко. 3 апреля.

Иероним, когда болезнь его глаз мешает ему заниматься, а случается — целыми днями, пишет свои сонеты. Вот несколько их: первый можно было бы напечатать. Петр⁹. <...>

<4-й> Н. Гоголю

Видел я цветок прекрасный, пересаженный с поля,
Водой ключевой заботливо поливаемый,
И солнцем освещенный, и за стеклом согретый,
Но все-таки теряющий красу и печально поникший.
Видел я певца с Днепровской стороны,
Хоть сердцем и умом щедро наделенного,
И возросшего в райской земле, засеянной вдохновением,
Но все же осененного неясной болью.

Пришла весна, открыли прозрачную темницу:
Цветок, душистым фиалом приветствуя обнаженный луч,
Теплой росой утоляет долгую жажду.
И ты, вестник, будешь избавлен от мертвящей суши,
И песнь горячая сильнее затронет грудь братьев,
Только росе небесной не закрывай души.

И. Кайсевич

Дневник Фрагмент

<15 марта (н. ст.) 1838. Рим.> Познакомились с Гоголем, малороссом, даровитым великорусским писателем, который сразу выказал большую склонность к католицизму и к Польше, совершил даже благополучное путешествие в Париж, чтобы познакомиться с Мицкевичем и Богданом Залесским¹⁰. Но склоненный правительством, вступил в члены существующего в Петербурге «Общества распространения Православия»¹¹.

П. Семененко — Б. Яньскому

<7 апреля (н. ст.) 1838. Рим.>

Гоголь недавно посетил нас¹², на завтра мы его. Мы беседовали у него на славянские темы. Что за чистая душа! Можно про него сказать, с Господом: «Недалек ты от Царствия Божия!» Много говорили об общей литературе. Мы обстоятельнее высказались о том, о чем в той прогулке на виллу говорили друг с другом только намеками. Удивительное он нам сделал признание. В простоте сердца он признался, что польский язык ему кажется гораздо звучнее, чем русский. «Долго, — сказал он, — я в этом удостоверился, старался быть совершенно беспристрастным — и в конце концов пришел к такому выводу». И прибавил: «Знаю, что повсюду смотрят иначе, особенно в России, тем не менее мне представляется правдою то, что я говорю». О Мицкевиче с величайшим уважением. Сам Гоголь — дитя Пушкина, и в последнее время Пушкин возлагал на него большие надежды. По нашей просьбе дал прочесть свое сочинение: повести из малороссийского быта. Прочел одну: «Старосветские помещики»¹³. Очень мне понравилась. Из этого всего видите, как полезно прислать последние произведения нашей литературы, о которых мы просили; сперва Адама, потом автора «Небожественной Комедии», затем Вротновского и Мохнацкого; также Гаршинского и Словацкого и хотя бы Чайковского, так как и он может быть весьма кстати. <...>

П. Семененко — Б. Яньскому

<22 апреля (н. ст.) 1838. Рим.>

Пошли мы к княгине Волконской... Тотчас же начали мы и о Гоголе; сказали ей пару слов о посещениях, которые мы ему сделали и о которых мы в последнем письме написали вам более пространно. Иероним вспомнил о сонете, который он перед этим написал. Княгиня пригласила

¹ В позднейшем переводе В. А. Лукаковского 1903 г.: Однако, обласканный правительством, сделался ревнителем Православия (wszedl do towarzystwa propagandy schizmatycznej, zalozenego w Peterburgu)

нас к себе на завтра обедать, чтоб нам опять встретиться с Гоголем. Тогда же она нам сообщила, как поделилась с ним своими намерениями касательно своего сына¹⁴ и как Гоголь сердечно это принял и добродушно подбодрял ее, чтоб она имела надежду — т. е., что ее сын обратится. <...>

Обед у Волконской прошел, как мы желали. Особенно благодарим Господа Бога, что не оставляет нас в эти трудные минуты и не позволяет нам полюбить свет, ниже отдать ему нашу мысль. Я сидел рядом с Гоголем и разговаривал с ним по-русски, так как иначе он не говорит; по-итальянски и по-французски он лучше читает, чем говорит, хотя всегда говорит хорошо; но, как он нам объяснил, он не имеет дара к языкам. Сдается мне, что с пару хороших мыслей я ему внушил. Вообще, течение разговора целого общества было *намеренно* направляемо. Сильно Гоголь «задумался», говоря его языком. «Это меня радует, — говорила нам позднее княгиня Волконская. — Заметили ли вы, как он внутренне работает?» Под конец княгиня выразила желание, чтобы мы приходили к ней каждый день; но в пятницу не могли быть и отложили обед на субботу. <...>

В пятницу <20 апреля (н. ст.)> ... к Гоголю в его собственной квартире; тут, как и в первый раз, больше говорили о славянстве, поэтому мы условились ходить вперед поодиночке, так как одиночные встречи более располагают к взаимному обнаружению себя. Но мы видим, что и за эти посещения в его душе утвердились хорошие впечатления.

После обеда у Волконской Иероним читал оба свои сонета¹⁵. Сонет к Гоголю не прошел мимо цели и произвел большое впечатление на душу певца. Они были переведены по-французски, но Гоголь и по-польски немало понимает. Тот раз мы провели в их обществе более трех часов. <...>

И. Кайсевич и П. Семененко — Б. Яньскому

<12 мая (н. ст.) 1838. Рим>

<...> С Божьего соизволения, мы с Гоголем очень хорошо столковались. Удивительно: он признал, что Россия — это розга, которою отец наказывает ребенка, чтоб потом ее сломать. И много-много других очень утешительных речей. Благодарите и молитесь; и княгиня Волконская начинает видеть иначе. <...>

П. Семененко — Б. Яньскому

<25 мая (н. ст.) 1838. Рим>

Княгиня Зинаида Волконская неделю назад выехала в Париж. Отъезд был внезапный. Догадываемся почему: хотела уклониться от объяснений. Впрочем, она увидит Адама и может не писать об Иерониме. Гоголь — как нельзя лучше. Мы столковались с ним далеко и широко. На это мы уже намекнули парюю слов в последнем письме. Он подробнейшим образом рассказывал нам о перемене, которая произошла в мыслях русских за последние два года. Находящиеся здесь офицеры лейб-гвардии, два года назад русские энтузиасты, теперь обвиняют царя в невероятнейших вещах¹, и это те, которые осыпаны почестями, привилегиями, благодеяниями. И удивительна та откровенность, которая господствует между русскими: демагоги в Париже осторожнее, чем эти недовольные. Занимается Гоголь русской историей. В этой области у него очень светлые мысли. Он хорошо видит¹¹, что нет цемента, который бы связывал эту безобраз-

¹ В переводе В. А. Лукаковского: теперь занимаются враньем на царя; в переводе А. А. Кочубинского: теперь измышляют странные вещи

¹¹ В переводе В. А. Лукаковского: Главное сознает

ную громадину. Сверху давит сила, но нет внутри духа. И каждый раз восклицает: «У вас, у вас что за жизнь! После потери стольких сил! Удар, который должен был вас уничтожить, вознес вас и оживил¹⁶. Что за люди, что за литература, что за надежды! Это вещь нигде не слыханная».

И. Кайсевич — А. Мицкевичу

<21 марта (н. ст.) 1840. Рим>

<...> Волконская в Петербурге, здорова и вернется не раньше осени. Где Гоголь — не знаем; верно, в Чехии, как предполагал. <...>

И. Кайсевич — А. Мицкевичу

<4 января (н. ст.) 1841. Рим>

<...> Княгиня Волконская становится все почтеннее и почтеннее, скажу прямо — она уничтожила в себе без следа все национальные предрассудки и недостатки, и католическую церковь любит и ставит превыше всего. Дай Бог и нам так очиститься. <...>

И. Кайсевич — Я. Козьмяну

<9 февраля (н. ст.) 1841. Рим>

<...> ...Коснувшись раз римских новинок, подтверждаю вам то, что вы наверное уже прочли в газетах — переход в католицизм гр<афа> Штакельберга и кн<язя> Ф. Голицына¹⁷. Властен Господь Бог из камней сотворить сынов Авраамовых. Конечное обращение это совершилось в декабре <1840 г.>; но тайна едва продержалась один месяц. Велика эта потеря для России, но для нас — великое утешение. Посольство перешло; один посланник еще избежал выговора, хотя жена его — католичка. Кто знает, не сделает ли, в конце концов, того же шага и сам Потемкин, раз он впал в немилость! <...>

Впервые опубликовано, на польск. языке: *Historia Zgromadzenia Zmartwychwstania Panskiego* <История Общества Воскресения Господня>. Podlug rekopisu wiernych zrolel. Napisał ks. Pawel Smolikowski. Krakow, 1893. Т. 2. S. 89–90, 104, 112–115, 127, 134. Отдельные цитаты приведены: *Шенрок В. И.* Заметка о сношениях Гоголя с змартвяхвстанцами // *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1895. Т. 3. С. 549. В русском переводе напечатано: *Лугаковский В. А.* Гоголь в польской литературе // *Лит. Вестник.* 1902. № 1. С. 24–30; *Кочубинский А.* Будущим биографам Н. В. Гоголя // *Вестник Европы.* 1902. № 2. С. 667–671, 673–674. Печатается, за исключением сонета, по изд.: *Вересаев В.* Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. М.; Л., 1933. С. 187–190, с дополнениями по изд.: *Лугаковский В. А.* Гоголь в польской литературе. С. 24–28; *Лугаковский В. А.* Русские писатели в польской литературе. Вып. 1. Гоголь. СПб., 1903. С. 14–18. Сонет И. Кайсевича, посвященный Гоголю, печатается по первой публикации в переводе Е. Ю. Марченко.

Иероним Кайсевич, выходец из униатов, польский эмигрант, бывший уланский офицер, участник польского восстания 1830–1831 гг., впоследствии ксендз. Петр Семененко, украинец, обращен в католичество в детстве, артиллерист, участвовал в польском восстании 1830–1831 гг., эмигрант, впоследствии ксендз. Осенью 1837 г. И. Кайсевич и П. Семененко с подложными паспортами нелегально прибыли в Рим, чтобы учиться и вербовать приверженцев в новый католический орден «Общество Воскресения Господня», основанный в Париже их учителем, другом А. Мицкевича, Богданом Яньским.

В 1933 г. В. В. Вересаев высказал мнение, что Гоголь просто «водил за нос охотившихся за ним польских монахов» и что «единственная его цель была — угодить богатой и знатной княгине Волконской...» (*Вересаев В.* Гоголь в жизни. Сис-

тематический свод подлинных свидетельств современников. М.; Л., 1933. С. 190). Действительно, весьма вероятно, что своим сближением с Гоголем Кайсевич и Семененко были обязаны главным образом Волконской, которая, по словам В. А. Лугаковского, использовала их как «орудие ее внушений» (*Лугаковский В. А. Русские писатели в польской литературе*. Вып. 1. Гоголь. СПб., 1903. С. 19–20). Однако, согласно свидетельству П. Семененко в письме к Б. Яньскому от 17 марта (н. ст.) 1838 г., инициатива знакомства исходила и от самого Гоголя («...Гоголь, слышавши об нас, очень хотел этого...»), а потому можно предположить, что на сближение писатель шел главным образом для изучения новых знакомых, — тем более, что проповедуемые ими идеи польского мессианизма, возрождения «рыцарской» Польши, внешним образом напоминали собственные устремления Гоголя к духовному преображению России, его веру в то, что всякий русский человек способен «вдруг» «поступить в рыцарство» (по словам из письма Гоголя к С. Т. Аксакову от 16 мая (н. ст.) 1844 г.). Эти устремления и определили, с одной стороны, пафос «Мертвых душ» (в его критическом и утверждающем началах), с другой — обусловили создание самого «Тараса Бульбы» — как произведения о запорожских «рыцарях». В 1933 г. В. А. Десницкий в статье «“Мертвые души” Гоголя как поэма дворянского возрождения» отметил: «Идея возрождения поместного дворянства и его культуры была органически присуща исторической действительности первой половины XIX в. <...> Не говоря уже о славянофильской линии, мы найдем отражение дворянских реставрационных чаяний в обширной литературе исторического романа 30-х и 40-х годов. В этом смысле и пушкинский Петр (“Полтава”, “Медный всадник”, “Арап Петра Великого”) включен в ту же реставрационную идеологию поместного дворянства, которая создала гоголевского Тараса Бульбу, определила социальную направленность “Мертвых душ” <...> В польском обществе и в польской литературе <...> идеи феодальной реставрации зародились и обсуждались ранее, чем в русской литературе. Идеи дворянского “возрождения” острее, чем в России, ставила историческая действительность Польши, потерявшей государственную самостоятельность <...> Вполне возможно, что <...> через близкое отношение Гоголя к польской эмиграции (в Париже, в Италии), к Залесскому, к Мицкевичу с его идеями польского мессианства, реставрационного возрождения феодально-рыцарской Польши, эти идеи могли приобрести у Гоголя те же внешние очертания, как и у польских реставраторов» (*Десницкий В. А. “Мертвые души” Гоголя как поэма дворянского возрождения // Десницкий В. А. На литературные темы*. М.; Л., 1933. С. 224, 231, 220). М. Марковский в 1902 г. указывал: «...Мессианистическое настроение Гоголя <...> могло придерживаться и примером польского поэта Мицкевича... <...> Даже между <...> “Перепиской с друзьями” Гоголя и “Книгами польского народа и странничества” Мицкевича (изданной в Париже в 1832 г.), чувствуется какое-то родство...» (*Марковский М. История возникновения и создания “Мертвых Душ”*. Киев, 1902. С. 56–57).

С отъездом Гоголя из Рима в июне 1839 г. всякая связь его с И. Кайсевичем и П. Семененко порывается.

Княгиня Зинаида Александровна Волконская (Волхонская, рожд. княжна Белосельская-Белозерская, 1789–1862), певица и писательница, хозяйка литературно-музыкального салона, с 1829 г. жила в Италии; тайно оставила Православие, еще будучи в России.

² «Небожественная комедия» — романтическая драма польского поэта Сигизмунда (Зыгмунта) Красинского (1812–1859), напечатанная в 1835 г. во Франкфурте-на-Майне.

³ «Пан Тадеуш» (1834) — поэма А. Мицкевича.

⁴ «Иридион» — драматическая поэма С. Красинского, напечатанная в Париже в 1836 г.

⁵ Маврикий Мохнацкий (1803–1835), польский публицист и эстетик.

⁶ Людовик Мерославский (1814–1878), польский революционер, автор «Истории революции в Польше», напечатанной в Париже в 1836–1838 гг.

⁷ Мицкевича.

⁸ Имеется в виду настоятель православной русской церкви Святителя Николая Чудотворца в Риме (с 1836 г.) иеромонах (с 1844 г. архимандрит) Герасим (см.: *Талалай М. Православная русская церковь Святителя Николая Чудотворца в Риме*. Рим, 1994. С. 4). С отцом Герасимом (ум. в Риме 22 августа 1849 г.) Гоголь познакомился, по-видимому, еще во время первого пребывания в Риме весной 1837 г. К архимандриту Герасиму обращался позднее за духовным советом друг Гоголя художник А. А. Иванов. Ф. В. Чижов 6–12 октября 1845 г. писал Иванову: «...Вышло превосходное сочинение одного какого-то архиерея об иконописании <книга преосвященного Анатолия (Мартыновского) «О иконописании»>. М., 1845>. Оно написано с большим умом, с любовью и знанием дела... <...> Между прочим замечательно то, что автор советует обращаться к людям духовного звания; я тотчас и вспомнил ваше обращение к отцу Герасиму» (цит. по: *Виноградов И. А. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях*. М., 2001. С. 363–364).

⁹ «Приводятся сонеты, — числом четыре. Первый — посвященный Адаму Целинскому, витиеватый и приятельского содержания. Во втором — “Мадонна” — воспевается образ Богоматери. Третий — в честь Волконской. Певец вспоминает “страннопримный привет”, оказанный Волконскою, “блиставшей в высшем свете, нашему вдохновенному певцу”, т. е. Мицкевичу. Заключается аккордом “благочестивой теперь вдове, верующей в великий мир будущего, когда крестом истинной религии”, подразумевается католической, “осенится полночная страна и соединится в исповедании одной религии славянские народы, и гроб воплотившегося Сына Божьего отнимется у неверных”. Четвертый <написанный 25 марта (н. ст.) 1838 г.> — посвящен Гоголю. <...> (Заметим: ранние «Sonety» Kajsiewicz’a изданы в Париже в 1833 году)» (*Лугаковский В. А.* Гоголь в польской литературе // Лит. Вестник. 1902. № 1. С. 26; см. также: *Кочубинский А.* Будущим биографам Н. В. Гоголя // Вестник Европы. 1902. № 2. С. 668).

¹⁰ С Богданом Залесским Гоголь сблизился зимой 1836/37 г. в Париже. Б. Залесский знаком не только с Мицкевичем, но и с Кайсевичем и Семененко; см. письма Б. Залесского к И. Кайсевичу (начиная с 1833 г.) и к П. Семененко (с 1837-го) в изд.: *Zaleski D.* Korespondencya Jozefa Bohdana Zaleskiego // *Przewodnik naukowy i literacki.* Lwow, 1899, 1900, 1901). В шуточном письме к Б. Залесскому на украинском языке, написанном перед отъездом в Рим во второй половине февраля (н. ст.) 1837 г., Гоголь называет его «очень близким земляком» («а по серцю ще близьчий, чим по землі») и желает ему здоровья «на славу усій козацкій землі». Б. Залесский — уроженец Украины, участник польского восстания 1830–1831 гг. и один из основателей «украинской школы» в польской литературе — своеобразной «третьей унии» (по определению позднейших исследователей) — унии поэтической, после политической и религиозной, — действительно, имел отношение к упорочению «славы казацкой земли». В своих «думах» и поэмах, написанных как на Украине и в Варшаве, так и в эмиграции (например, в поэмах «Януш Беньявский», 1823; «Золотая дума», 1836; «Збаражский поход», 1839), он воспевал Украину, казачество, Запорожскую Сечь, которая виделась ему «словно огромный военный монастырь необычайно сурового устава». Однако, воскрешая в своих произведениях XV и XVI вв., воспевая первых казацких гетманов, олицетворявших собою союз Польши и Украины в борьбе с татарами и турками, «казакофил» Залесский предпочитал не касаться той эпохи, которая по преимуществу была изображена в «Тарасе Бульбе», — XVII в. — века Богдана Хмельницкого. В свою очередь, именно в период общения с Мицкевичем и Залесским Гоголь продолжал считать «Тараса Бульбу» одной из лучших своих повестей и просил В. А. Жуковского «указать» на нее Государю: «Он же так расположен ко всему, где есть [верные] теплота чувств и что пишется прямо из души...» (письмо от 18 апреля (н. ст.) 1837 г.). Ко времени пребывания Гоголя в Париже зимой 1836/37 г. относится и появившееся в его статье «Петербургские записки 1836 года» противопоставление «раздольного мотива русской песни» «опрямечивому мотиву польской мазурки» (эти строки из характеристики Гоголем оперы М. И. Глинки «Жизнь за Царя» имеют прямую связь с изучением писателем народной песни при создании «Тараса Бульбы»).

¹¹ Вероятно, подразумевается активное сотрудничество Гоголя с министром народного просвещения С. С. Уваровым, относящееся к периоду до отъезда Гоголя за границу (к 1834 г.).

¹² «...Коморка их была убогая, в сиротском доме» (*Кочубинский А.* Будущим биографам Н. В. Гоголя. С. 668).

¹³ По-видимому, Гоголь, давая своим новым знакомым на прочтение сборник повестей «Миргород», рассчитывал, что после «Старосветских помещиков» будет прочитана и следующая повесть — «Тарас Бульба» (весьма близкая по теме к содержанию его разговоров с Кайсевичем и Семененко) — и этим обращением к истории Малороссии намеревался дать новое направление беседам с бывшим униатом и с своим земляком-украинцем. Какую-то надежду найти с ними общий язык (помимо темы духовного возрождения нации), возможно, давало Гоголю и то, что их общий приятель поляк Б. Залесский, с которым Гоголь встречался ранее в Париже, способен был проявить некоторую объективность в оценке казацких восстаний против польского гнета и даже воздать должное личности Богдана Хмельницкого (например, в «Думе Мазепы», 1825).

¹⁴ Князь Александр Никитич Волконский (1811–1878), сын княгини З. А. Волконской, дипломат.

¹⁵ К княгине З. А. Волконской и к Гоголю.

¹⁶ Вероятная реминисценция следующих строк пушкинской «Полтавы» (1829):

Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Об этих строках Гоголь вспоминал позднее в статье «Близорукому приятелю» (1844): «Россия не Франция <...>

Тот же самый молот, когда упадет на стекло, раздробляет его вдребезги, а когда упадет на железо, кует его». «Диалог Гоголя с польской стороной, очевидно, вовсе не означал забвения им того, что религиозно и политически отделяло Польшу от России и изображению чего он посвятил в 1835 г. «Тараса Бульбу». Перекликающиеся с пушкинской «Полтавой» размышления Гоголя об «ударе», который «вознес» и «оживил» дух польской нации, восходят, с одной стороны, к наблюдениям самого писателя над историей средневековой Испании (до разделения Церквей): «Христианство, окруженное язычниками и жидами, отличалось стремительною ревностью», а с другой — непосредственно к «Тарасу Бульбе», где образование казачества поставлено в тесную связь с испытаниями, выпавшими на долю народа — вторжением татар, турок и поляков. «...Являясь для южной России более бесчеловечным врагом, чем монгол, — писал К. С. Хоцянов, — Польша вместе с тем больше последнего и будит и воспламеняет спящие исполинские силы народа» (Хоцянов К. С. Опыт разбора повести Гоголя «Тарас Бульба». СПб., 1883. С. 4). «Казачество не могло бы сложиться в определенную общественную силу, — замечала А. Я. Ефименко, — если б не было вблизи могучего и вечно настороженного врага» (Ефименко А. Малороссийское казачество по Гоголю // Журнал для всех. 1902. № 2. С. 210). В основе этих размышлений Гоголя лежали также раздумья о религиозном национально-освободительном движении греков, — и в частности, о значении мученической кончины Константинопольского патриарха Григория V, о которой рассказывал Гоголю его однокашник К. М. Базили. Казнь патриарха оказала огромное влияние на весь ход дальнейшей борьбы греков за свое освобождение: она осватила и вдохновила эту борьбу: «Сами турки впоследствии были крайне изумлены, когда увидели, что кончина мученика, вместо того, чтобы прекратить и подавить восстание, расширила и утвердила его» (Соколов И. И. Константинопольская Церковь в XIX веке. СПб., 1904. Т. 1. С. 193–194; см. также: Стурдза А. С. Память Григория V, Патриарха Константинопольского // Москвитянин. 1842. № 6 (цензурное разрешение 11 июня). С. 380–384). Примечательно и обращение Гоголя в 1835 г., сразу вслед за изданием первой редакции «Тараса Бульбы», к созданию драмы из английской истории, главным героем которой должен был стать английский король Альфред Великий (849–899), причисленный на Западе (в Англиканской церкви) к лику святых за свои исключительные заслуги в религиозно-политическом объединении Англии перед угрозой норманнского завоевания.

Размышления, с которыми связаны были слова Гоголя об «ударе», «оживившем» Польшу, были, конечно же, мало понятны его собеседникам. Прежде всего в них услышали созвучные собственным настроениям «антимоскальские», антирусские ноты. Между тем сказанные Гоголем в беседе с П. Семененко и И. Кайсевичем слова о находящихся в Риме русских либералах, обвиняющих царя «в невероятнейших вещах» (согласно другому переводу, занимающихся «враньем на царя»), содержали в себе определенный укор самим эмигрантам-полякам. Высказывание Гоголя о недовольных Государем офицерах русской лейб-гвардии — офицерах привилегированных, отборных войск, находившихся при особе Императора, осыпанных «почестями, привилегиями, благодеяниями», едва ли не с тем же основанием можно было отнести и к другим, столь же неблагодарным подданным русского Государя — мятежным полякам (13/25 января 1831 г. собранный во время восстания польский сейм объявил «династию Романовых лишенной престола»). Несомненно, говоря с польскими «революционерами»-эмигрантами — бывшими подданными Российской державы — о «революционно» настроенных офицерах русской лейб-гвардии, Гоголь хорошо сознавал, с кем и зачем он это говорит.

Еще в 1834 г., спустя три года после польского восстания, в отрывке из «Истории Малороссии» Гоголь замечал о мятежной Польше: «Безрассудные магнаты <...> были избалованные деспоты в отношении к народу и непокорные демократы к государю». С размышлениями о современности — отмеченной польским восстанием 1830–1831 годов — связана и характеристика Гоголем в одном из набросков его лекций по истории нового времени политики польских магнатов: «...<Поль>ша снова наполнилась интригами и раздорами <между шляхетством>, присвоившим себе всю власть и угнетавшим бедный народ» («Происшествия на Севере»). В прямом соответствии с этими размышлениями Гоголь в первой редакции «Тараса Бульбы», говоря о пытках, которым был подвергнут в Варшаве поляками Остап, замечал: «...Король всегда почти являлся первым противником этих ужасных мер. <...> Но король не мог сделать ничего против дерзкой воли государственных магнатов, которые непостижимою недалекостью, детским самолюбием, гордостью и неосновательностью превратили сейм в сатиру на правление». (Понятна в этом свете и гоголевская оценка в «Переписке с друзьями» царя Иоанна Грозного, который, по словам Гоголя, «притеснял и казнил» только бояр, а «самый народ <...> почти ничего не потерпел от него».) Борьба монарха, английского короля Альфреда Велико-го, с своевольными «танами» — угнетающими народ «магнатами государства» («глядящими лесным зверем»), должна была развернуться, судя по сохранившимся наброскам, и в незавершенной трагедии Гоголя «Альфред».

Примечательно, что суждение, подобное тому, какое Гоголь высказывал в 1838 г. по отношению к недовольным русским Императором офицерам лейб-гвардии, он повторил позднее применительно к декабристам, — решившимся, как известно, на прямое царевубийство. Декабристы в свою очередь принадлежали не к бедным и захудалым родам, но были выходцами из наиболее известных и влиятельных фамилий (см., в частности, в наст. изд. фрагмент <Из воспоминаний Гр<игория> Мих<айловича> <Лешадова?>). Примечателен вдохновенный монолог одного из героев Гоголя из первоначальной редакции драматического «Отрывка» (1842), где о декабристах говорится как о «пятидесяти русских пустых головах, воспитанных на французскую ногу», увлеченных, по словам героя, «оторванной от всего мыслью, созданной наскоро в легкой голове француза». Возмущенный комическим упреком матери в следовании «масонским правилам», герой, размышляя о самопожертвовании русского человека, восклицает: «И этот русский должен нести иногда бессмысленное имя либерала, придаваемое первому встречному сорванцу». В статье «Занимающему важное место» Гоголь говорит о декабристах почти в тех же выражениях: «В последнее время <...> всякого рода недоброжелатели России писали статьи <...> чтобы <...> показать Государю России партию каких-то фантастических бояр, оспаривающих <...> власть <...> Но, слава Богу, уже прошли те времена, чтобы несколько сорванцов могли возмутить целое государство». Искусственность и прямую враждебность традиционной культуре России «боярско»-«демократического» начала, объясняющуюся западным влиянием, Гоголь отмечал и в 1851 г. в сходном «республиканском» движении украинских сепаратистов: «Они все еще дожевывают европейские, давно выкинутые жваки» (см. в наст. изд. статью Г. П. Данилевского «Знакомство с Гоголем»).

Эти многочисленные параллели и переключки в отношении Гоголя к различным политическим движениям объясняются не только единством взглядов писателя. Историческое объяснение этих соответствий заключается в том, что и декабризм, и тесно связанный с ним украинский сепаратизм своим происхождением одинаково были во многом обязаны деятельности польских националистических кругов. По замечанию Н. И. Ульянова, «декабристский заговор в значительной мере, и может быть в большей, чем мы предполагаем, был заговором украинско-польским». Именно в декабристской среде под влиянием польских националистов, издавна притязавших на южнорусские земли, был усвоен взгляд на Малороссию как на жертву царской тирании (Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. (Репринтное воспроизведение изд. 1966 г.; Нью-Йорк; Мадрид.) С. 149–150).

Нужно добавить, что размышлениям Гоголя о польских магнатах — угнетателях, «тиранах» народа и своевольных «непокорных демократах» по отношению к Государю — вполне соответствуют и исторические наблюдения писателя над своеобразным «демократизмом» католицизма — часто опиравшегося в борьбе за мировое господство на народные низы, подрывая этим власть европейских монархов. Так, в конспекте 1834 г. книги английского историка Г. Галлама «Европа в средние века» Гоголь замечал: «Несмотря на дарственные свои земли от Конст<антина>, Пипина, Карломана и Людовика, папы боролись в самом Риме с префектами, офицерами, присягавшими императорам <...> Чтобы сохранить свои быстрые приобретения <...> нужно было унижить в Италии власть императора и поднять демократизм городов» (раздел «Италия»). Ср. также в учебнике по всеобщей истории Е. Ф. Зябловского, которым также пользовался Гоголь при составлении своих лекций: «...Примеры тех ссор, которые заводили Папы между венчанными главами и их подданными, дабы тем удобнее вмешаться в политические дела и увеличить свои выгоды, весьма многочисленные» (Курс Всеобщей Истории, читанный на публичных лекциях, учрежденных при Санкт-Петербургском Педагогическом Институте для чиновников, обязанных Гражданскою службою, оною Института Профессором, Едодкимом Зябловским. Часть третья, содержащая Новую Историю. С. 4). «Главным» результатом этой папской политики явилось именно возникновение вельможного «магнатства» — «учреждение мелких тираний на развалинах прав республиканских», — так что «все города, так упорно отказывавшиеся от легких знаков покорности императору, потеряли даже память о независимости и были разделены как вотчины их новых повелителей». «При начале республик ломбардских, — писал Гоголь, — их ссоры <...> были ограничиваемы посредничеством императора, и потеря этого влияния, может, была одна из причин, доведших Италию до такого состояния...». Этим традиционным «демократизмом» католического духовенства и определяется, согласно размышлениям Гоголя, отношение польского «тираноборчества», с одной стороны, к Малороссии и, с другой — к русской государственности в целом.

Вполне очевидна вытекающая из этих высказываний Гоголя его основная мысль: подлинные свободы (свободы и «демократии», и «республики») достижимы лишь при полном, неограниченном православном самодержавии. — Уже в «Страшной мести» он высказал эту мысль устами пана Данила: «...Было золотое время!.. <...> Старый гетьман сидел на вороном коне, блестела в руке булава <...> Стал говорить гетьман — и все стало как вкопанное. <...> Порядку нет в

Украине: полковники и есаулы грызутся, как собаки, между собою. Нет старшей головы над всеми. Шляхетство наше все переменяло на польский обычай, переняло лукавство... продало душу, принявши унию. Жидовство угнетает бедный народ». Эти размышления и стали основополагающими для замысла «Тараса Бульбы».

¹⁷ Речь идет о секретарях русского посольства в Риме графе Г. О. Штакельберге (бывшем протестанте) и князе Ф. Ф. Голицине (бывшем православном), служивших под началом главы посольства И. А. Потемкина, который, по выходе в отставку, также принял католичество.

Гоголь в письмах Анд. Н. Карамзина к Е. А. Карамзиной

11 февраля <н. ст. 1837>. Суббота. Утро. <Париж>

Третьего дня я обедал у Смирновых с кн<ягиней> Трубецкой, Соллогубом и Гоголем. <...> Гоголь сделал успехи на французском языке и довольно его понимает, чтобы прилежно следовать за театрами, о которых он хорошо толкует. Но вообще у Смирновых толковать трудно, потому что немедленно вмешивается Николай Михайлович¹, спорит страшно и несет чепуху. <...>

<1-5 марта (н. ст.) 1837. Париж>
2 марта.

<...> У Смирновых обедал Гоголь: трогательно и жалко смотреть, как на этого человека подействовало известие о смерти Пушкина². Он совсем с тех пор не свой. Бросил то, что писал, и с тоской думает о возвращении в Петербург, который опустел для него. <...>

28/<16>³ апреля <1837>. Пятница. <Рим>

<...> Вечером⁴ был я *somme de raison* на 12 Евангелиев, но и тут бес попутал, сведя меня с Гоголем, он мне все время шептал про двух попов в городе Нижнем, кот<орые> в большие праздники служат вместе и стараются друг друга перекричать так, что к концу обедни прихожане гложут; и как один из этих попов так похож на козла, что у него даже борода козлом вьется и пр. <...>

Рим. <8>⁵ мая / 26 апреля 1837. Понедельник.

<...> Завтра собираюсь я вечером с Гоголем к Репниным, которые *пожелали* моего знакомства.

Рим. 26/14 мая <1837>. Пятница. <Рим>

<...> В вечер или, лучше сказать, в ночь отправления последнего письма моего, т. е. в субботу⁶ ездили мы (Гоголь и я) с Балабиной и Репниной-Балабиной (она премиленькая) смотреть на Колиссеи при лунном свете: все было очень хорошо придумано, и факелы для контраста света — недоставало только одного, а именно луны, которая, как на смех, скрылась за тучи, как только мы подошли к Колиссею, и не выглянула из них ни разу в продолжении двух часов, что мы там были. Впрочем, Колиссеи всегда хороши, и без луны, а одними факелами производилось в его темных аркадах чудесные эффекты. К тому же меня чрезвычайно тешил бывший с ними немец г-н Майер, секретарь Прусского посольства, антикварий удивительный и глубокий ученый, к тому же дурак необыкновенный, совершенная карриатура своего патрона Бунцена. Он старался приволочнуться за Репниной... <...>

Рим. 3 июня / 22 мая 1837. Суббота.

<...> В среду⁷ поехали мы с Гоголем во Фраскати, к Репниным, и пробыли там два дня. Роскоши юга в полном летнем уборе, и милое гостеприимство хозяек осветило и ободрило унылый дух. <...>

Гоголь *gange a etre soupiu*⁸, он делается разговорчив и часто в разговоре смешон и оригинален, как в своих повестях. Жаль, очень жаль, что недостает в нем образования, и еще больше жаль, что он этого не чувствует. Погода здесь установилась превосходная; в городе тяжело ходить днем от раскаленных камней... <...>

18/6 августа <1837.> Пятница. <Баден-Баден>

<...> В понедельник⁹ обедал я у Смирновых с Гоголем, который принес читать нам новое, еще неоконченное сочинение: это длинный юмористический роман о России. Это лучше всего до сих пор писанного им, но ничего другого не смею сказать, потому что он читал нам *sous le sceau du secret*¹⁰. И кстати запаслись мы этим чтением, которое задержало нас до позднего вечера, потому что на небе и в воздухе разыгралась такая чертовщина, которой ни сказкой не сказать, ни пером написать. Гром, дождь, вихрь! В четверть часа, ручей, бежавший под окнами, выступил из берегов и залил всю дорогу, телега со двора выплыла на улицу, некоторые мосты снесло; умник Борх послал за почтовыми лошадьми! Когда мы в 11 часов возвращались домой, то безоблачная луна смотрела на нас с радушною улыбкой и сыпала серебряные искры на тихо текущий ручей, листья не колыхались и природа, как бы утомленная своим буйством, покоилась в сладкой дремоте. <...>

Письма от 11 февраля и от 1–5 марта (н. ст.) 1837 г. впервые опубликованы: Письма Андрея Николаевича Карамзина к своей матери, Екатерине Андреевне // Старина и Новизна. М., 1914. Кн. 17. С. 281, 298–299. Остальные письма впервые опубликованы: Римские письма А. Н. Карамзина к своей матери, Екатерине Андреевне // Старина и Новизна. М., 1916. Кн. 20. С. 94, 101, 113, 119, 164. Печатаются по первым публикациям.

Андрей Николаевич Карамзин (1814–1854), прапорщик лейб-гвардии конной артиллерии, впоследствии полковник; сын Н. М. Карамзина.

Екатерина Андреевна Карамзина (рожд. Колыванова, побочная дочь князя Анд. Ив. Вяземского, 1780–1851), сводная сестра князя П. А. Вяземского, вторая жена Н. М. Карамзина.

Ранее, 20 октября / 1 ноября 1836 г. Е. А. Карамзина писала сыну: «...Вчера или позавчера мы много говорили о "Современнике"; ты так и не написал, получил ли его, а между тем князь Петр <Вяземский> тебе его послал; я дала ему для этого тот экземпляр, который ты сам себе присвоил, постараюсь выслать тебе третий том, который только что вышел: все находят, что он лучше остальных и должен вернуть Пушкину его былую популярность; у меня его еще нет, но нам из него читали превосходные вещи самого издателя, очень милые — Вяземского и несказанное сумасбродство Гоголя "Нос"; Софи <С. Н. Карамзина> возмущена, я же, слушая его, смеялась, хотя и не обнаружила в нем, не скажу здравого смысла, — фантастический род может без него обойтись, — но хоть какого-нибудь правдоподобия в воображении; я вышлю тебе его, как только ты где-нибудь поселишься...» (впервые опубликовано: Андроников И. Тагильская находка // Новый мир. 1956. № 1. С. 173; цит. по изд.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов / <Публ. письма П. Р. Заборов>. М.; Л., 1960. С. 122–123).

¹ Смирнов, муж А. О. Смирновой.

² О смерти А. С. Пушкина А. Н. Карамзин узнал из письма к нему его матери Е. А. Карамзиной и сестры С. Н. Карамзиной от 30 января 1837 г. «Милый Андрюша, — писала мать, — пишу тебе с глазами, наполненными слез, а сердце и душа тоскою и горестию; закатилась звезда светлая, Россия потеряла Пушкина! Он дрался в среду <27 января 1835 г.> на дуэли с Дантезом, и он прострелил его насквозь; Пушкин бессмертный жил два дни, а вчерась, в пятницу <29 января 1835 г.>, отлетел от нас; я имела горькую сладость проститься с ним в четверг; он сам этого пожелал. Ты можешь вообразить мои чувства в эту минуту, особливо когда узнаешь, что Арнд с первой минуты сказал, что никакой надежды нет!

Он протянул мне руку, я ее пожала, и он мне также, а потом махнул, чтобы я вышла. Я, уходя, осенила его издали крестом, он опять мне протянул руку и сказал тихо: *перекрестите еще*; тогда я опять, пожавши еще раз его руку, я уже его перекрестила, прикладывая пальцы на лоб, и приложила руку к щеке: он ее тихонько поцеловал и опять махнул. Он был бледен как полотно, но очень хорош; спокойствие выразилось на его прекрасном лице. Других подробностей не хочу писать, отчего и почему это великое несчастье случилось: мне противны: Сонюшка тебе их опишет. А мне жаль тебя; я знаю и чувствую, сколько тебя эта весть огорчит; потеря для России, но еще особенно *наша*; он был жаркий почитатель твоего отца и наш неизменный друг 20 лет» (*Андроников И.* Тагильская находка // Новый мир. 1956. № 1. С. 183; см. также: Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960. С. 166).

Сестра С. Н. Карамзина писала брату: «Бедный, бедный Пушкин! Как он должен был страдать все три месяца после получения этого гнусного анонимного письма, которое послужило причиной, по крайней мере *явной* причиной, несчастья, столь страшного. Я не могу тебе сказать, что именно вызвало дуэль, которую женитьба Дантеса, казалось, делала невозможной, и никто этого не знает. Думают, что раздражение Пушкина дошло уже до предела еще в прошлую субботу, когда на балу у Воронцовых он видел, как жена его разговаривает, смеется и *вальсирует* с Дантесом, и эта неосторожная не побоялась снова встретиться с ним в воскресенье у Мещерских и в понедельник у Вяземских. Уезжая оттуда, Пушкин сказал тетушке <княгине В. Ф. Вяземской>: “он не знает, что ждет его дома”. Он подразумевал свое письмо к отцу Геккерну <от 25 января 1835 г.>, оскорбительное сверх всякой меры, в котором он называл его “старой сводней” (тот действительно играл эту роль), а его сына презренным *трусом*; он обвинял Дантеса в том, что даже *после своей женитьбы* он осмеливается обращаться к м<ада>м Пушкиной со своими казарменными остротами и *гнусными объяснениями в любви*, и он грозил публично *оскорбить* его на балу, если *письменного оскорбления* ему недостаточно. Тогда Дантес послал к нему в качестве своего секунданта некоего д'Аршиака из французского посольства, чтобы передать ему вызов. Это было во вторник утром <26 января 1835 г.>, а вечером на балу у графини Разумовской я видела Пушкина в *последний* раз; он был спокоен, смеялся, разговаривал, шутил; он как-то очень крепко пожал мне руку, но я тогда не обратила на это внимания. В среду утром он поехал к своему товарищу по лицу Данзасу, чтобы пригласить его себе в секунданты, встретил его на улице, посадил к себе в сани, тут же объяснил ему, в чем дело, и в пятом часу они уже отправились на место поединка — на Парголовскую дорогу возле имения Одоевских. Там, говорят, Пушкин проявил величайшее спокойствие и энергию. Дантес стрелял первым и ранил его в середину тела; он упал, но когда Дантес бросился, чтобы поддержать его, он закричал: “Вернитесь на место, мой выстрел!” Его приподняли и поддерживали; так как пистолет выпал у него из руки на снег, Данзас подал ему другой. Он долго целился, пуля пробила руку Дантеса, но только мягкую часть, и остановилась против желудка — пуговица на мундире предохранила его, и он получил только легкую контузию в грудь, но в первую минут он зашатался и упал, тогда Пушкин подбросил пистолет вверх и закричал: браво! Потом, видя, что Дантес поднялся и идет, он сказал: “А, *значит поединок наш не окончен*”. Он был окончен, но он-то думал, что ранен только в бедро. По пути домой тряска в карете вызвала у него сильные боли в животе. Тогда он сказал Данзасу: “Кажется, это серьезно. Послушай, если Арендт найдет мою рану смертельной, ты мне это скажешь. *Меня не испугаешь. Я жить не хочу*”.

Дома он увидел жену и сказал ей: “*Как я рад, что еще вижу тебя и могу обнять. Что бы ни случилось, ты ни в чем не виновата и не должна упрекать себя, моя милая!*” — Арендт сразу объявил, что рана безнадежна, так как перебита большая артерия и вены, кровь излилась внутрь и поранены кишки. Пушкин выслушал этот приговор с *невозмутимым спокойствием, с улыбкой*. Он причастился, всех простил; он был в памяти до последней минуты и с ясным сознанием наблюдал за угасанием своей прекрасной жизни. От Государя он получил полное участия письмо, в котором выражено пожелание, чтобы он умер, как христианин, и не тревожился о судьбе жены и детей, ибо заботу о них Государь берет на себя. Пушкин недолго страдал; все время он был неизменно ласков со своей бедной женой. За 5 минут до смерти он сказал врачу: “Что, кажется, жизнь кончается?” Без агонии закрыл он глаза, и я не знаю ничего прекраснее его лица после смерти — чело, исполненное мира и покоя, задумчивое и вдохновенное, и *улыбающиеся* губы. Я никогда не видела у мертвых такого ясного, утешительного, поэтического облика. Его несчастная жена в ужасном состоянии, почти невменяема; это понятно. *Страшно о ней думать*» (*Андроников И.* Тагильская находка // Новый мир. 1956. № 1. С. 183–184; см. также: Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960. С. 167–168).

12/24 февраля 1837 г. А. Н. Карамзин отвечал матери: «Я получил Ваше горестное письмо с убийственным известием, милая, добрая, маменька, и до сих пор не могу опомниться!.. Милый, светлый Пушкин, тебя нет!.. <...> Сидя за столом у Смирновых, мне вручили Ваше письмо, я... <...> ...прочел, вскрикнул и сообщил Смирновым. Александр

Осиповна горько плакала. Вечером собрались у них Соболевский, Платонов... <...>» (Письма Андрея Николаевича Карамзина к своей матери, Екатерине Андреевне // Старина и Новизна. М., 1914. Кн. 17. С. 291–292).

³ В публикации ошибочно: 17

⁴ 27 апреля (н. ст.) 1837 г.

⁵ В публикации ошибочно: 16

⁶ 20 мая (н. ст.) 1837 г.

⁷ 31 мая (н. ст.) 1837 г.

⁸ При знакомстве выигрывает (*фр.*).

⁹ 14 августа (н. ст.) 1837 г.

¹⁰ Под покровом тайны (*фр.*).

Объявление об издании «Отечественных Записок» в 1839 году Фрагмент

<...> В издании «Отечественных Записок» с 1839 года принимают участие следующие русские ученые и литераторы.

А. М. Айбулат, С. Т. Аксаков, А. А. Александров (девица-кавалерист)¹, В. П. Андросов, К. И. Арсеньев, А. П. Башуцкий², Е. А. Баратынский³, В. Безгласный, В. Г. Бенедиктов, Н. Д. Брашман⁴, В. Я. Буняковский⁵, Е. Ф. Бутовский⁶, Д. М. Велланский⁷, Ю. И. Венелин⁸, А. Г. Венецианов, В. А. Владиславлев⁹, М. С. Волков¹⁰, князь А. Н. Волконский, княгиня Э. А. Волконская, А. Х. Востоков¹¹, В. И. Всеволодов¹², князь П. А. Вяземский, А. Д. Галахов¹³, Г. И. Гесс, Ф. Н. Глинка¹⁴, Н. В. Гоголь, князь С. С. Голицын, П. Ф. Горяинов, Е. П. Гребенка¹⁵, В. В. Григорьев, Э. И. Губер¹⁶, В. И. Даль, И. И. Давыдов¹⁷, П. И. Дегай¹⁸, М. Я. Диев¹⁹, Н. П. Джегитов, М. А. Дмитриев²⁰, П. П. Ершов²¹, Н. А. Жеребцов²², В. А. Жуковский, А. П. Заблоцкий, А. О. Ишимова²³, П. П. Каменский²⁴, П. И. Кеттен²⁵, Н. А. Козлов, И. И. Козлов²⁶, Ф. А. Кони²⁷, (Тит) Космократов²⁸, И. А. Крылов, Н. И. Крылов²⁹, А. Я. Купфер³⁰, А. Н. Лаголов, И. И. Лажечников³¹, В. П. Лангер³², Н. А. Лежнев, М. Ю. Лермантов^{1 33}, М. Н. Макаров³⁴, А. П. Максимович³⁵, П. П. Максимович, В. С. Межевич³⁶, Н. А. Мельгунов³⁷, Ф. Ф. Мец³⁸, Д. А. Меньшиков, князь Е. П. Мещерский, А. И. Михайловский-Данилевский³⁹, Н. П. Мундт, Н. Н. Мурзакевич⁴⁰, П. А. Муханов⁴¹, Н. И. Надеждин, Г. П. Небольсин, Я. М. Неверов, А. П. Нелюбин⁴², А. В. Никитенко⁴³, А. С. Норов⁴⁴, князь В. Ф. Одоевский, Р. К. Орлов⁴⁵, Грицько Основьяненко⁴⁶, Д. П. Ознобишин⁴⁷, М. Г. Павлов⁴⁸, Н. Ф. Павлов⁴⁹, В. И. Панаев⁵⁰, И. И. Панаев⁵¹, Е. И. Паррот⁵², Д. М. Перевощиков⁵³, М. П. Погодин, В. Г. Порошин, И. Т. Раджицкий⁵⁴, С. Е. Раич⁵⁵, барон Е. Ф. Розен, И. В. Росковиенко⁵⁶, М. Д. Резвый, П. С. Савельев⁵⁷, Н. В. Савельев, И. П. Сахаров, П. П. Свинын⁵⁸, И. И. Связев⁵⁹, И. М. Снегирев, В. И. Соколовский⁶⁰, М. П. Сорокин⁶¹, Н. А. Степанов⁶², С. И. Стромилов, А. Н. Струговичков⁶³, Д. Ю. Струйский, А. Г. Тепляков, граф Ф. П. Толстой⁶⁴, граф Д. Н. Толстой⁶⁵, Мирза-Джиафар-Топчибаев⁶⁶, Ф. А. Туманский⁶⁷, В. И. Туманский⁶⁸, С. М. Усов⁶⁹, В. С. Филимонов⁷⁰, А. С. Хомяков⁷¹, Ф. В. Чижов, М. Б. Чистяков⁷², А. С. Чужбинский⁷³, князь А. А. Шаховской⁷⁴, П. И. Шварц⁷⁵, С. П. Шевырев, А. Ф. Шенин, И. О. Шиховской⁷⁶, И. Ф. Штукенберг⁷⁷, И. П. Шульгин, П. А. Языков⁷⁸, Л. А. Якубович⁷⁹ и И. М. Ястребцов.

Редактор А. Краевский.

Впервые опубликовано: Краевский А., редактор. Объявление об издании Отечественных Записок в 1839 г. // Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду. 1838. 22 окт. № 43. С. 360. Печатается по первой публикации.

¹ Александр Андреевич Александров — псевдоним писательницы Надежды Андреевны Дуровой (в замужестве Черновой, 1783–1866).

² Александр Павлович Башуцкий (1801–1876), писатель и журналист.

³ Евгений Абрамович Боратынский (Баратынский; 1800–1844).

⁴ Николай Дмитриевич Брашман (1796–1866), математик.

⁵ Виктор Яковлевич Буняковский (1804–1889), математик.

¹ Так в публикации.

- ⁶ Егор Федорович Бутович-Бутовский, эконо́м, переводчик.
- ⁷ Дмитрий Михайлович Велланский (1774–1847), философ, профессор анатомии и физиологии.
- ⁸ Юрий Иванович Венелин (1802 – 26 марта 1839), славист и этнограф.
- ⁹ Владимир Андреевич Владиславлев (1807–1856), писатель.
- ¹⁰ Матвей Степанович Волков (1802–1878), экономист.
- ¹¹ Александр Христофорович Востоков (Александр Вольдемар Остенек, 1781–1864), филолог.
- ¹² Всеволод Иванович Всеволодов (1790–1863), ветеринар.
- ¹³ Алексей Дмитриевич Галахов (1807–1892), критик, историк литературы.
- ¹⁴ Федор Николаевич Глинка (1786–1880), поэт и писатель.
- ¹⁵ Евгений Павлович Гребенко (Гребенка, Гребенкин, 1812–1848), писатель и поэт.
- ¹⁶ Эдуард Иванович Губер (1814–1847), поэт и переводчик.
- ¹⁷ Иван Иванович Давыдов (1794–1863), филолог.
- ¹⁸ Павел Иванович Дегай (1792–1849), юрист.
- ¹⁹ Протоиерей Михаил Яковлевич Диев (1794–1866), археолог и историк.
- ²⁰ Михаил Александрович Дмитриев (1796–1866), критик, поэт.
- ²¹ Петр Павлович Ершов (1816–1869), поэт и писатель.
- ²² Николай Арсеньевич Жеребцов (1807–1868), писатель.
- ²³ Александра Осиповна Ишимова (1804–1881), детская писательница.
- ²⁴ Павел Павлович Каменский (1810 или 1812 – 1871), прозаик, драматург, критик.
- ²⁵ Петр Иванович Кеппен (1793–1864), историк, этнограф, археолог.
- ²⁶ Иван Иванович Козлов (1879–1840), поэт.
- ²⁷ Федор Алексеевич Кони (1809–1879), водевилист и театральный критик.
- ²⁸ Тит Космократов – псевдоним В. П. Титова.
- ²⁹ Никита Иванович Крылов (1807–1879), юрист, цензор.
- ³⁰ Адольф Яковлевич (Адольф Теодор) Купфер (1799–1865), физик и метеоролог.
- ³¹ Иван Иванович Лажечников (1792–1869), писатель.
- ³² Валериан Платонович Лангер (1799 – 1870-е), художник и писатель.
- ³³ Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841).
- ³⁴ Михаил Николаевич Макаров (1789–1847), писатель.
- ³⁵ Александр Петрович Максимович (1810–1875), картограф.
- ³⁶ Василий Степанович Межевич (1814–1849), критик и публицист.
- ³⁷ Николай Александрович Мельгунов (1804–1867), писатель.
- ³⁸ Федор Федорович Мец, педагог, переводчик.
- ³⁹ Александр Иванович Михайловский-Данилевский (1790–1848), военный историк.
- ⁴⁰ Николай Никифорович Мурзакевич (1806–1883), археолог.
- ⁴¹ Павел Александрович Муханов (1797–1871), археолог.
- ⁴² Александр Петрович Нелюбин (1785–1858), врач-фармаколог, писатель.
- ⁴³ Александр Васильевич Никитенко (1805–1877), писатель, педагог, цензор.
- ⁴⁴ Авраам Сергеевич Норов (1795–1869), писатель.
- ⁴⁵ Ростислав Кондратьевич Орлов, историк и переводчик.
- ⁴⁶ Грицько Основьяненко – псевдоним писателя Григория Федоровича Квитки (1778–1843).
- ⁴⁷ Дмитрий Петрович Ознобишин (1804–1877), поэт, писатель и переводчик.
- ⁴⁸ Михаил Григорьевич Павлов (1793–1840), физик, почвовед, минералог и геолог, доктор медицины.
- ⁴⁹ Николай Филиппович Павлов (1803–1864), писатель.
- ⁵⁰ Владимир Иванович Панаев (1792–1859), поэт, писатель.
- ⁵¹ Иван Иванович Панаев (1812–1862), писатель, журналист.
- ⁵² Егор Иванович (Георг Фридрих) Паррот (1767–1852), физик.
- ⁵³ Перевощиков Дмитрий Матвеевич (1788–1880), математик, астроном, писатель.
- ⁵⁴ Илья Тимофеевич Радожицкий (1788–1861), генерал-майор, писатель.

- ⁵⁵ Семен Егорович Раич (настоящая фамилия Амфитеатров, 1792–1855), писатель.
- ⁵⁶ Иван Васильевич Росковшенко (1809–1889), писатель, цензор.
- ⁵⁷ Павел Степанович Савельев (1814–1859), археолог, ориенталист.
- ⁵⁸ Павел Петрович Свиньин (1787 – 9 апреля 1839), писатель и художник.
- ⁵⁹ Иван Иванович Связев (1797–1875), архитектор.
- ⁶⁰ Владимир Игнатьевич Соколовский (1808–1839), поэт.
- ⁶¹ Михаил Павлович Сорокин, переводчик.
- ⁶² Николай Александрович Степанов (1807–1877), карикатурист, писатель.
- ⁶³ Александр Николаевич Струговщиков (1808–1878), поэт и переводчик.
- ⁶⁴ Граф Федор Петрович Толстой (1783–1873), скульптор, художник-медальер.
- ⁶⁵ Граф Дмитрий Николаевич Толстой (Знаменский, 1806–1884), писатель, археолог.
- ⁶⁶ Мурза Джаифар Топчибашев (1805 – 1870-е), персианин, профессор персидского языка в Институте восточных языков при Азиатском департаменте.
- ⁶⁷ Федор Антонович Туманский (нач. XIX в. –1853), поэт.
- ⁶⁸ Василий Иванович Туманский (1800–1861), поэт.
- ⁶⁹ Степан Михайлович Усов (1797–1859), профессор сельского хозяйства.
- ⁷⁰ Владимир Сергеевич Филимонов (1787–1858), поэт и писатель.
- ⁷¹ Алексей Степанович Хомяков (1804–1860).
- ⁷² Михаил Борисович Чистяков (1809–1885), писатель-педагог.
- ⁷³ Александр Степанович Афанасьев-Чужбинский (1817–1875), писатель.
- ⁷⁴ Князь Александр Александрович Шаховской (1777–1846), драматург.
- ⁷⁵ Павел Иванович Шварц, автор трудов по ботанике.
- ⁷⁶ Иван Осипович Шиховской (1803–1854), ботаник.
- ⁷⁷ Иван Федорович (Иоганн Христиан) Штукенберг (1788–1856), географ.
- ⁷⁸ Петр Александрович Языков (1800–1869), генерал-лейтенант, писатель по военным вопросам.
- ⁷⁹ Лукьян Андреевич Якубович (1805 – июль 1839), писатель.

Журнал путешествия <Наследника Цесаревича
Александра Николаевича> за границу 1838 года
Фрагмент

<...> Вечером 17 декабря господин Гоголь, приобретший уже некоторую репутацию в русской словесности комедией *Ревизор*, имел честь читать драматическое произведение под названием *Женитьба*. <...>

Впервые опубликовано: *Маркина Л. А.* Живописец Федор Моллер. М., 2002. С. 34. Печатается по первой публикации.

О чтении Гоголем «Женитьбы» великому князю Александру Николаевичу см. также в наст. изд. письмо Наследника Императору Николаю I от 17 (29) декабря 1838 г. и дневниковую запись В. А. Жуковского от того же числа.

Свидетельства о Гоголе В. А. Жуковского

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского

1838

4 (16) декабря, воскресенье. Из Терни в Рим. <...> Темнота и звезды при въезде в город. Мятлев¹, Кочубей, Васильчиков, Вьельгорский, Кривцов². <...>

5 (17) декабря, понедельник³. Представление. Поездка к Папе⁴. <...> Домой. Скинув мундир, на высоту Капитолия с Лауницем. Конь Марка Аврелия. *Беги*. К Сестиевой пирамиде. В церковь св. Павла за стенами⁵. <...>

6 (18) декабря, вторник. <...> Обедня. Русские жители и русские художники. <...> Обед у в<еликого> князя⁶. <...>

7 (19) декабря, среда. У Тенерани⁷: le buste du rare; две Психеи; Флора; Положение во гроб для Торлониа⁸, Вулкан и Веста для Торси; гений охоты и гений рыбной ловли; Венера с занозою в ноге. Барельефы: Христос, благословляющий младенцев; Св. Иоанн; барельеф мученика; монумент Северина; монумент англичанки. Орлов голый с эмблемами⁹. Благотворительность общественная. Фигуры для Лейхтенбергского монумента; бюсты Тасса и Ариоста. Фавн. — К Овербеку: большая картина: Катехизисы искусства, умирающие в лоне Бога. Рисунки для молитвенника. — На Монте Пинчио. Рафаелева вилла. Вилла Боргезе. — К Пилати. Кабан прекрасный в дурных ландшафтах. Картины проданные: Коре<д>жиева Магдалина, Гвидо Софонеба¹⁰; пейзаж Клод Лоррена. Св. Семейство Андреа д<ель> Сарто и еще Рафаелев Кальвин. — У Бруни. — Все сии осмотры с Гоголем. <...> Вечеру у княгини Волхонской вместе с Гоголем и Шевыревым. Шевырев вечно на кафедре и все готовые, округленные, школьные мысли; Гоголь весь минута. Он живет Италиєю и в то же время, кажется, видит, что ему недолго жить; всегда живописец, и часто забавный. Живет близ Piazza Barberini, где, как говорит, прогуливаются только козлы и живописцы¹¹. <...>

9 (21) декабря, пятница. Утром у меня наши русские живописцы: Иванов, Живаго¹² и декоратор Никитин. Потом Шевырев. К Кривцову, у которого завтракал; от него <...> к княгине Голицыной¹³ и к княгине Волхонской. К Гоголю, замазанная служанка¹⁴. В рабочую Торвальдсена: новый барельеф Аполлон пастух, pendant Иоанна; начатый барельеф Аполлон, грации, музы и поэты; Молодая плясунья. Гомер, поющий перед толпою. Суд Соломонов, проект барельефа¹⁵. <...>

10 (22) декабря, суббота. К Гоголю и с ним к Иванову. Иоанн Креститель¹⁶. <...>

11 (23) декабря, воскресенье. Обедня в мундирах. <...> Обедал у княгини Волхонской на даче вместе с Гоголем, Шевыревым, к<нязем> А. Н. Волконским и Бруни. Прекрасный вид с эспланады, весь Лациум¹⁷. <...>

16 (28) декабря, пятница. С Гоголем в S. Maria in Cosmedin¹⁸. Кафедра и стул Августина. Витые мраморные канделябры с мозаикою. Пол из древней мозаики. Подземная церковь с гробницами мучеников. — Cecilia in Trastevere. Статуя лежащей святой Мадерна. — S. Maria in Trastevere. Полы мозаичные. Витые колонны. Хор, мозаика и фрески Цук<к>ари. Богатый плафон, в коем фрески Доминикина. — Фарнезиана. Фрески Рафаеля. — Palazzo Corsini. В галерее особенно замечательны три головы Спасителя: Гвершина — страждущий, Гвида — терпящий, К<арло> Дольче — исходящий кровью. Портрет возмужалого Филиппа II и портрет его же с братом, Тициана. — Trinita di Pellegrini. Троица Гвида. — Farnese. Фрески Кар<p>ачив;

гармония в пестроте; недостаток общей мысли. К Меццофанти¹⁹. — Palazzo Doria. Целая горница Пуссеней, Николая и Гаспара. Четыре Клод Лоррена. Несколько ландшафтов Аннибала Караччи. Портрет Жанны Неаполитанской Леонардо да Винчи. Магдалина Тицианова. S. Ingazio²⁰. Великолепная церковь, которая заставила много думать о том, что должна быть наша греческая. Великолепный плафон с фреском. Памятники в темных приделах. — S. Maria sopra Minerva²¹. Прелестная Мадонна Fiesole. Благовещение и другая с ангелом и с святым N., его же. Христос Микель Анжа, слишком грубо. — S. Maria della Pace. Великолепные Сивиллы Рафаэля. Две слушают; одна читает; одна пишет. Барельефы. — S. Agostino. Madonna и колонны со множеством привесок. Св. Исаия Рафаэля, нам его не показали²². <...>

17 (29) декабря, суббота. С Гоголем S. Giovanni in Fiorentin<i> ⁱ>²³. Белая церковь. Salvator Rosa Козма и Дамиан. Барельефы, коих никто не видит. Алтарь с освещенным барельефом Иоанна Крестителя. — Галерея Феша²⁴. Множество не поставленных картин. I. Несколько прекрасных Гвидов: Магдалина (Смирнов!!!). Вознесение Богоматери. Ангелы у гроба Господня Альбано. Ангел и Товия Гвидо. Страшный Суд Фьезоле. II. La Pieta²⁵ Микель Анжело. Четыре головы А<ндреа> Мантеньи. III. S. Carlo Доминикина. Прекрасные портреты Спаньоleta, Тициана, Бордоне. Страшный Суд Тин<т>оретта. Два пейзажа Тициана. IV. Богоматерь и 4 отца Церкви Тициана. Жан Беллино. Спаситель учащий. Рождество Хр<истово> Жиорджоне. V. Христос на кресте Рафаэля. Мазаньелло Бронзино. С. Себастиан Карло Дольче. — S. Andre della Valle. Фрески Доменикина на куполе. Его Четыре Евангелиста. Вера, Надежда, Любовь, и пр. Еще фрески Calabrese²⁶ и Цук<к>арии. — S. Agnese. Великолепная, октогон, барельефы, мрамор, позолота. — S. Maria delle Pulinari. Богатство мрамора. — San Luigi di Francese. Мрамор и позолота. Длинная nef. Фрески Доминикина из жизни св. Сесилии превосходны. Два образа Караважио. — San Carlo sur Corso. Великолепная церковь архитектурой, а не материалом. Росписана, как ей быть после. — В галерею Боргезе. Дверь. Колоссальные древние статуи. Галерея. I. Рафаэлев эскиз. Богоматерь С<ас>со-Феррато. Св. Екатерина. II. Сня<тие> со креста Гарофало. Богом<атерь> Фр<анческо> Франчии. Диана и нимфы Доминикина. Спаситель у семейства Зеведеев Бонифачио. Пейзаж Поттера. III. Июлий II Джулио Романа. <Св.> Семейство Порденоне. Портрет Рафаэля, им самим (?)¹ [писанный]. Грации Тициана. Лукреция Аллори. Богоматерь Жан Беллино. IV. Апостолы М<икель> Анжа. Снятие со креста — Рафаэля²⁷. Выражение лица Спасителя, отражается на несущих Его²⁸. Те, кои подалее, печальнее; Магдалина в горести; Богоматерь без чувств, и молодые около нее плачут; одна из них смотрит на Спасителя. V. Копия Мадонны d'Albi. Les 4 saisons²⁹ d'Albane. Одевающаяся Венера Padoviano. Les 4 ages de Sasso Ferrato, копия с Тициана. Иоанн Креститель, копия Ю<лия> Романа. VI. Форнарина и Венера Ю<лия> Романа. VII. Копия Мадонны Коррежио. Голова Караважио. L'amour profane et divin³⁰ Тициана. Портрет Ц<езаря> Боржиа Рафаэля. VIII. Козимо Медичи Аллори. Самсон Тициана. Богоматерь au serpent Корраважио. Дант Коррежио. IX. Св. Семейство Гаetano (портрет Саши)³¹. Св. Семейство Ж<ан> Беллини, где особенно зам<ечательная> голова Иосифа. Лукреция Элизы Сирани. — Богоматерь Ф<ранческо> Франчии и К<арло> Дольче. Богоматерь Перуджина (Юлия Романа, Гарофало). <...> Вечер у великого князя; неудачное чтение Гоголя³².

18 (30) декабря, воскресенье. У меня поутру Гоголь и Нибби³³. К обедне³⁴. <...>

1839

22 декабря <1838> (3 января <1839>), четверг. С Гоголем. I) в S. Maria del Popolo. Фрески Пинтуриккия: 1) Богоматерь пред Младенцем; 2) Жизнь Богоматери: Рождество, Введение,

¹ Знак вопроса В. А. Жуковского.

Благовещение, брак, Сретение, Богоматерь на троне, Успение, Христос в гробе между двух ангелов; 3) фрески на своде алтаря: 4 евангелиста, 4 отца Церкви, 4 сивиллы. Апотеос Богоматери; 4) Мозаика по рисунку Рафаэля. Две картины Каравашшиа. — II) В Сан Карло. Расписан под мрамор. Величественная архитектура. — III) В GesЭ Maria. Большое богатство мраморов. Неогромная церковь. — IV) В галерею Sciar<г>a: 1) Копия Рафаэл<ева> Преображения Ж<улио> Романа. Жертвоприношение Авраама — Гер<арда> de la Notti, противная картина: Исаак ревет, Авраам палач. 2) Хорошие ландшафты Клод Лоррена, N<icolas> Poussin, Бота, Локателли, Оризонта. 3) Аллегорическая картина Гауденци<о> Феррари. Богоматерь и Спаситель на троне, ангелы, лица библейские, лестница от земли на небо. Моисей 1-ой манеры Гвидо. Форнаррина, копия Юлио Романо. 4) Игрок на скрипке Рафаэля. Усекновение главы Предтечи — Жиоржионе. Суетность и Скромность Леонардо да Винчи. Две Магдалины, повторение одного и того же Гвидо (Смирнов). Семейство Тициана, им самим. Св. Себастиан Перуджино. Портрет Виоланты Тициана. Богоматерь Fra Bartolomeo³⁵. <...>

25 декабря <1838> (6 января <1839>). С Гоголем в Trinità del Monte. Прелестная картина Положение во гроб Д<аниеля> д<а> Волтер<р>a и Мадонна Фейта. Пение монахинь³⁶. <...>

30 декабря <1838> (11 января <1839>), пятница. <...> Вечер дома; чтение Гоголево³⁷.

6 (18) января <1839>, пятница. Отъезд в <еликого> князя в Неаполь. <...> Вечеру Гоголь читал главу из «Мертвых душ». Забавно и больно³⁸. <...>

7 (19) января, суббота. <...> Поездка с Гоголем. В Villa Albani, оттуда в Сарусин<s>. Монашеский быт. Гранетова сакристия. Кладбище. В Palazzo Барберини³⁹. <...>

8 (20) января, воскресенье. С Гоголем в S. Agostino. Бездна вотивов⁴⁰. В S. Antonio. Мраморы. В Ватикан. Сикстина. Monsigneur Laureani. Библиотека. Зала Сикста V и Фонтаны. Горницы Боржиа и фрески Пинтуриккия. Манускрипты Данте (Клавио)⁴¹ и Бокаччио, Виргилия, Теренция, писем Георга <Генриха> VIII к Анне Болейн. — В Villa Panfilii⁴². <...>

9 (21) января, понедельник. С Гоголем на выставку. К князю Голицыну⁴³. Распятие Перуджина. Прекрасная картина С<вятой> Себастиан и Магдалина. La Pieta Мантеньи. Психея Vienaimée. Дискбол Кессельса. Портрет Кипренского⁴⁴. <...> С Гоголем росписание дня⁴⁵.

10 (22) <января>, вторник. <...> С Гоголем в Palazzo Colonna⁴⁶. К Минарди⁴⁷. <...>

12 (24) января, четверг. С Гоголем и Викулиным⁴⁸ у Минарди⁴⁹. <...>

17 (29) января, вторник. <...> С Гоголем к Камучини. Прекрасная галерея. Пристань морская Клод Лоррена. Рафаэля Мадонна и св. Екатерина с св. Варварой. Эскиз Магдалины Корречия. Жиотто. Замеч<ательная> картина Жан Беллино Боги на земле в пьянстве (Плутон и Прозерпина, Бахус и Венера, Юпитер и Геба, Аполлон, Геркулес, фавны. Ландшафт к ней Тицианов). Христос и беснующийся Гарофало. Есфирь Гверчино. Ферарская красавица в виде Юдифи Гарофало. Pra<e>serio de Garofalo. Распятие — Гвида. Портрет Павла III — Тициана. — В Maria sopra Minerva повидаться с несравненно Мадонною Фьезоле. Замечательная библиотека. — В Palazzo Braschi, дивная лестница, гранитные колонны, пилястры из др<агоценного> мрамора, пол мозаика, балюст<рада> белого мрамора; в Palazzo Mattei, замечательный двор. На Рипетту рисовать. <...> Вечеру у умирающего Агафонова⁵⁰. Потом чтение Гоголево. «Коробочка»⁵¹.

18 (30) января, среда. Рождение Гоголя⁵². День дождливый. <...> С Гоголем обедал в Falcone. После обеда в Bunatini⁵³. <...>

20 января (1 февраля), пятница. Обедал у Вьельгорского. Поутру с Гоголем⁵⁴. <...>

22 января (3 февраля). <...> Возвращение великого князя⁵⁵. <...>

24 января (5 февраля), вторник. <...> С Гоголем к Кудинову⁵⁶, который по обыкновению наших архитекторов восстанавливает римские развалины⁵⁷. <...>

26 января (7 февраля), четверг. <...> В церковь св. Петра. Позавтракав с Гоголем, на Monte Pincio. — Чудный, ревучий день карнавала. Мы в масках на омнибус. Потом пальба с балкона бл<из> Palazzo Ruspoli и церкви S. Carlo. Иллюминация Петра. Золотое кружево лежало в фо-

нарях. Быстрая перемена в час ночи. Вид издали. Разъезд. Les nuées⁵⁸. Толпы на площади. Вечеру бал посланника⁵⁹: Баварский кронпринц⁶⁰. Ночью пожар у Люцова⁶¹. <...>

28 января (8 февраля), суббота. <...> С Гоголем в S. Сгосе. Фрески Пинтуриккия: Обретение Честного Креста, поправленные или испорченные капуцинами. К княгине Волхонской. Завтрак на вилле. Ее прекрасные стихи мне⁶². На Corso, по которому ходил пешком в толпе вместе с Гоголем и Бруни⁶³. <...>

31 января (12 февраля), вторник. Последний день в Риме. Поутру вместе с Гоголем к Кестнеру, к Потемкину, к Шпауру, к Мену, к в<еликому> князю. У Вьельгорского, которого срисовал и у которого обедал вместе с Гоголем и Чертковою⁶⁴. На Корзо. Скачка лошадей⁶⁵. Не было масок замечательных. Лава народу. Быстрота на страде. Всякий невольно увлекается. Идущий тихо становится бегущим бешено, как скоро их увлекает струя. Начало моколетти⁶⁶. Трубки, трости, телеги. Нападения на едущих... Бой сверху вниз и по бокам. Senza тос<с>оli. На кровлях, в окнах, в корзинах, на длинных жердях. Посещение домов. Как бы хоть раз прокричать, промычать, прореветь. Непрерывный гул. Звезды. Лошади и их смирение. Оратор, увенчанный и заброшенный. Наш балкон цель нападения и самое опасное место для сидящих внизу⁶⁷. <...>

1 (13) февраля, среда. Выезд из Рима⁶⁸. <...>

6 <октября>, пятница. Приезд в Москву в 11-ть часов вечера.

7 <октября>, суббота. <Москва>. У нас Тургенев, бар<он> Черкасов⁶⁹, Павлов. Обедал Гоголь. Шарады из Гоголя. Шереметева. <...>

9 <октября>, понедельник. <Москва>. <...> Вечеру чтение Гоголя⁷⁰. <...>

1 ноября, среда. <Царское Село>. У меня Гоголь⁷¹. <...>

15 <ноября>, среда. <Санкт-Петербург>. <...> Обедал у Вьельгорского с Гоголем. Рождение Анны Михайловны⁷². Вечер у Вяземского. Спор. Гоголь дикарь⁷³. <...>

22 <ноября>, среда. <Санкт-Петербург>. <...> О Гоголе с Императрицею⁷⁴. <...>

1 декабря, пятница. <Санкт-Петербург>. Обедал у великих князей. <...> Потом с Гоголем у Смирновой⁷⁵. <...>

1841

29 <сентября> (11 <октября>), понедельник. <...> Я читал в спальне Гоголя. <...>

30 <сентября> (12 <октября>), вторник. <...> Я читал в спальне Гоголя⁷⁶. <...>

1843

<13>/25 мая 1843 г. [Письмо к Гоголю.]⁷⁷

<27 мая> 8 <июня>, четверг. Отъезд из Вильгельмсбада. Пребывание во Франкфурте. Покупки Нарышкиной⁷⁸. Обедал с женою⁷⁹ в Romische Kapelle. Гоголь. У Лауница. У Гюндероде. У нас. Лауниц. Убриль⁸⁰. Радовиц⁸¹.

<28 мая> 9 <июня>, пятница. Соден. <...>

<30 мая> 11 <июня>, воскресенье. <...> В Эмс⁸². <...>

6/18¹ июня. <Эмс>. Здесь русские: <...> Гоголь. <...>

¹ В источнике описка: 6/17

9 <21 июня>, вторник <среда>. <Эмс>. Явление Греча⁸³ — все та же фраза о Булгарине⁸⁴. — Его встреча с Гоголем. Чтение «Шинели»⁸⁵. <...>

10 <22 августа, вторник>. Баден. Писал только ввечеру. На почту о квартире. Гоголь. Смирнова⁸⁶. <...>

13 (25) <октября>. <Дюссельдорф>. Принялся за «Одиссею». Жена в постеле. Появление Гоголя. Ввечеру с ним прогулка. — Приезд Михаила Павловича, известие о рождении в<еликого> князя Николая⁸⁷. <...>

<...> <Конец декабря. Дюссельдорф>. Весь этот год, благодаря лени моей, не записан. Вспомню, что могу. <...> 26 мая мы отправились из Дюссельдорфа. Свидание в Бонне с семейством Келлер... <...> С 29 мая по 9 июня в Wilhelm<s>bad. <...> Выезд 8 июня из W<ilhelms>bad. Встреча во Франкфурте⁸⁸ с Нарышкиною, с Гоголем. — Затем в Соден. <...> В Эмсе... <...>

15 июля в Швальбах. <...>

22 <августа> переезд в Баден. Смирнова, в<еликий> князь и великая княгиня, Сологуб, к<нягиня> Мещерская⁸⁹ с сестрою, Нарышкина, Воронцов. Профессор Вольф. Граф Толстой. Горчаков. С великим князем Толстой, Огарев⁹⁰, Теттенборн; с великою княгинею Гранвальд, к<няжна> Львова, Мамонова, Мольтке⁹¹. Долгорукий, Голицина. Обрезков. Гоголь. Левенштейн⁹². — 27-го августа в Карлсру. <...> 28-го возвращение в Дюссельдорф.

5–23 сентября. Поездка в Берлин... <...>

Проезд вел<икого> князя Мих<аила> Павловича через Дюссельдорф. Пребывание Гоголя⁹³. Барятинский⁹⁴. <...>

Пребывание в Дармшта<д>те с 7 по 22 декабря. <...>

Написал Матео Фальконе, Боппа и перевел две с лишним песни из Гомера. Вся сия работа продолжалась с возвращения из Берлина 23 сент<ября> до поездки в Дармштадт 5 декабря. Пребывание Гоголя было мне полезно⁹⁵.

1844

Суббота 18/30 <марта>. В 11 часов по железной дороге во Франкфурт. Встреча с Барановым⁹⁶ и с Адамом Виртембергским. Гоголь. <...> С Гоголем в Дармштадт. Hotel de Russie⁹⁷. <...>

20 марта / 1 апреля. Ввечеру чтение с Гоголем.

22 марта / 3 апреля. Ввечеру чтение с Гоголем.

20 апреля / 2¹ мая. <Письмо> к Гоголю.

26 июля / 7 августа. Письмо Гоголю.

12 / 24 августа. Гоголь о дороге.

13 / 25 августа. Гоголь. Письмо Шереметевой.

19 октября / 10¹¹ ноября. [Гоголю деньги]⁹⁸.

¹ В источнике ошибочно: 1

¹¹ В источнике ошибочно: 1

1844 и 1845

В 1844 мы переселились во Франкфурт. Нам достали прекрасный дом на берегу Майна с садом, весьма поместительный... <...> В этом году я довольно успешно трудился. Перевел девять песен Одиссеи; написал несколько сказок: Тюльпанное дерево, Кот в сапогах; перевел весь Новый Завет. Но в конце года занемог и прохворал почти весь следующий <1845>, в котором ничего не мог работать. Этот год <1844> замечен печальными событиями. Катя Воейкова⁹⁹ умерла. Вел<икая> княгиня Алекс<андра> Николаевна¹⁰⁰ и герцогиня Нассавская¹⁰¹ опочили. На возвратном пути из Киссингена жил у меня Тургенев. Прежде Гоголь¹⁰². <...>

В самый новый год <1845> родился у меня сын. Жена долго хворала. Пребывание и отъезд Гоголя¹⁰³. <...>

<30 декабря 1844> / 11 января 1845 г. Отъезд Гоголя¹⁰⁴.

1845

3/15 <января>, среда. <...> Писал к <А. И.> Тургеневу и Гоголю¹⁰⁵. <...>

12/24 января. <Письмо> к Гоголю¹⁰⁶.

20 <февраля> / 4 <марта>, вторник. <Франкфурт>. <...> Возвращение Гоголя¹⁰⁷. <...>

3/15 <апреля>, вторник. <...> Кончил сказку о Иване Царевиче. Чтение с Гоголем. <...>

11/23 <апреля>, <Великая> среда. Отъезд в Висбаден¹⁰⁸. Чтение с Гоголем о исповеди¹⁰⁹.

12/24 <апреля>, <Великий> четверг. О причащении. Письмо к жене. Чтение Иоанна Зластоуста. О причащении в «Христ<ианском> Чтении». Прогулка. Письмо от жены. Всенощное чтение XII Еванг<елий>. Чтение в Димитрии Ростовском, разговоры.

13/25 <апреля>, <Страстная> пятница. Продолжал писать о исповеди¹¹⁰. Чтение Лютера и выписки из него. Чтение Акафистов с Гоголем. <...> Письмо от Смирновой и от Уварова к Гоголю¹¹¹.

16/28 апреля. Прodelка <?> с Гоголем.

<21 апреля> / 3 мая. К Гоголю¹¹².

<24 апреля> 6 <мая>, вторник. <Франкфурт>. Отъезд Гоголя в Гейдельберг¹¹³. <...>

12/24 августа. Худые известия о Гоголе.

23 августа / 4 сентября. Письмо к Гоголю <...> Ниренберг у Гоголя.

17/29 сентября. Письмо к Гоголю.

<24 сентября> / 6 октября. Письмо к Гоголю¹¹⁴.

Воспоминания В. А. Жуковского о Гоголе см. также в наст. изд. в разделах: *Гоголь в воспоминаниях, дневниках и письмах Ф. В. Чижова; Записи о Гоголе в дневнике А. В. Никитенко.*

Василий Андреевич Жуковский (1787–1852), поэт, академик Санкт-Петербургской Академии наук.

¹ Иван Петрович Мятлев (1796–1844), поэт.

² Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 446. Печатается по первой публикации.

³ В этот день «в половине десятого утра» Жуковский послал Гоголю записку, в которой назначил ему встречу в тот же день на «половину третьего».

⁴ Григорий XVI (Бартоломео Копеллари, 1765–1846), римский папа с 1831 г.

⁵ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 446. Печатается по первой публикации.

⁶ На обеде у великого князя присутствовал также Гоголь.

⁷ Пьетро Tenerani (1789–1869), итальянский скульптор.

⁸ Алессандро Торлони (Торлония, Torloni), герцог (1800–1886), итальянский банкир, глава банковского дома в Риме.

⁹ Вероятно, скульптура, напоминающая графа А. Ф. Орлова.

¹⁰ Софонеба (Софонива), дочь Асдрубала (Газдурбала), жена нумидийского царя Массиниссы.

¹¹ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 447. Печатается по первой публикации.

¹² Семен Афанасьевич Живаго (1807–1863), исторический живописец.

¹³ Княгиня Евдокия (Авдотья) Ивановна Голицына (рожд. Измайлова, 1780–1850), жена князя С. М. Голицына, с которым с 1801 г., после двух лет совместной жизни, была в разъезде. Имела прозвище «Princesse Nocturne» («Ночная княгиня»), так как верила предсказанию гадалки М. А. Ленорман, что умрет ночью, вследствие чего завела обычай бодрствовать и принимать только ночью (с 12 часов), а спать днем.

¹⁴ Вероятно, служанка Нанна.

¹⁵ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 448. Печатается по первой публикации.

¹⁶ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 448–449. Печатается по первой публикации.

¹⁷ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 449. Печатается по первой публикации.

¹⁸ S. Maria in Cosmedin — церковь Св. Марии в Космедина (XIII в.).

¹⁹ Джузеппе Меццофанти (1774–1849), итальянский церковный деятель, кардинал, полиглот, профессор Болонского университета.

²⁰ Собор Св. Игнатия Лойолы.

²¹ Готическая церковь Св. Марии, построенная на развалинах храма Минервы.

²² Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 452. Печатается по первой публикации.

²³ T. e. S. Giovanni de Fiorentini.

²⁴ Иосиф (Жозеф) Феш (1763 — 13 мая 1839), французский кардинал. См.: Кардинал Феш и его галерея // Художественная Газета. 1840. 1 янв. № 1 (цензурное разрешение 20 декабря 1839 г.). С. 39–40.

²⁵ Pieta (жалость; *ит.*) — здесь: изображение снятого с креста Спасителя на коленях у Богородицы.

²⁶ Калабриец (*ит.*).

²⁷ Имеется в виду «Положение во гроб» С. Рафаэля (1507). В 1841 г. Гоголь заказывал художнику И. С. Шаповаленко через А. А. Иванова копию головы Спасителя и с этой картины.

²⁸ См. также в наст. изд. раздел *Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в письмах П. А. Кулиша*.

²⁹ Сезон (*фр.*).

³⁰ Любовь земная и небесная (*фр.*).

³¹ Подразумевается сходство с покойной племянницей В. А. Жуковского Александрой Андреевной Воейковой.

³² О чтении Гоголем «Женитьбы» великому князю Александру Николаевичу см. также в наст. изд. письмо Наследника Императору Николаю I от 17 (29) декабря 1838 г. и соответствующую запись графа В. Ф. Адлерберга от того же числа в «Журнале путешествия <Наследника Цесаревича Александра Николаевича>»

Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 452–454. Печатается по первой публикации.

³³ Антонио Нибби (Ниббий, Нибий, 1792–1839), итальянский историк и археолог, автор путеводителей по Риму.

³⁴ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 454. Печатается по первой публикации.

³⁵ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 456. Печатается по первой публикации.

³⁶ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 457. Печатается по первой публикации.

³⁷ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 458. Печатается по первой публикации.

³⁸ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 459. Печатается по первой публикации.

³⁹ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 459–460. Печатается по первой публикации.

⁴⁰ У мраморной статуи Божией Матери. Вотив (*votif; фр.*) – дар, приношение по обету.

⁴¹ Сочинения Данте, с миниатюрами Джулио Кловио.

⁴² Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 460. Печатается по первой публикации.

⁴³ Князь Василий Петрович Голицын (1800–1863), чиновник министерства финансов, музыкант-любитель, певец.

⁴⁴ Орест Адамович Кипренский (1783 – 5 октября 1836), художник.

⁴⁵ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 460. Печатается по первой публикации.

⁴⁶ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 460. Печатается по первой публикации.

⁴⁷ Томаззо Минарди (1787–1871), итальянский художник.

⁴⁸ Сергей Алексеевич Викулин (1800–1648), гвардейский офицер, литератор.

⁴⁹ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 461. Печатается по первой публикации.

⁵⁰ Михаил Афанасьевич Агафонов (ум. 29–30 января 1839 г.), старый камердинер императора Николая I и великого князя Александра Николаевича.

⁵¹ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 462–463. Печатается по первой публикации.

⁵² На самом деле Гоголь родился 19/31 марта 1809 г. В 1839 г. на этот день приходилось Вербное воскресенье (Вход Господень в Иерусалим). Позднее, 10 сентября (н. ст.) 1839 г., Гоголь писал С. П. Шевыреву из Вены: «...Ты владеешь стихом и <...> стих твой силен <...> это я заключаю из тех памятных мне стихов в день моего рождения, которые ты написал в Риме. Донеыне я их читаю, и мне кажется, что я слышу Пушкина». Стихотворение, посвященное Гоголю, было поднесено ему Шевыревым в Риме 18/30 января 1839 г. Впервые оно было напечатано М. П. Погодиным в № 1 журнала «Москвитянин» за 1842 г., с заглавием: «К Г<оголю>». При поднесении ему от друзей нарисованной сценической маски в Риме, в день его рождения» (с подписью: «С. Ш. Января ³⁰/₁₈ 1839. Рим») (С. 16–17). Позднее Погодин датировал стихи Шевырева, посвященные Гоголю, 27 декабря 1838 / 9 января (н. ст.) 1839 г. – днем именин Шевырева (см. в наст. изд. коммент. к статье М. П. Погодина «Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году»). Сам Шевырев 12 марта 1852 г. писал Погодину: «Я не знаю, когда день рождения Гоголя. Аксаковы говорят: 19-го марта, в день взятия Парижа. Мне помнится другой день. У меня взял студент 1-й № «Москвитянина» 1840 г. Там, кажется, напечатаны стихи мои, написанные ему в день его рождения. Это было в Риме. Он угощал тогда Жуковского, Вельгорского и меня в своей любимой гостинице, что близ Пантеона: Al Falcone. На этих стихах обозначен день его рождения верно: мне помнится, января 15» (см. в наст. изд.). Возможно, мистификация Гоголя была связана с известной репликой купцов в «Ревизоре», относящейся к городничему: «Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь <...>; нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины». Память преподобного Антония Великого совершается 17 января (ст. ст.). С. П. Шевырев в письме к М. Н. Синельниковой от 2 апреля 1852 г. сообщал о Гоголе: «День его рождения 17-го генваря. Я узнал это в Риме» (см. в наст. изд.). По всей вероятности, отпраздновать в присутствии В. А. Жуковского в Риме свой мнимый день рождения Гоголю 17/29 января 1839 г. не удалось, так как, соглас-

но дневниковым записям поэта, этот день был полностью посвящен их совместному осмотру римских достопримечательностей, а также чтению — к вечеру — третьей главы «Мертвых душ» (см. выше). Очевидно, однако, что С. П. Шевырев был извещен о намеченном Гоголем праздновании заранее, так как к утру 18/30 января 1839 г. у него уже было готово посвященное Гоголю стихотворение (и приобретена упоминаемая в этом стихотворении «сценическая маска»). Позднее М. П. Погодин в статье «Обед в честь Айвазовского и Иордана» сообщал: «19 марта <1851>, в Художественном классе, друзьями искусства дан был обед в честь <...> Айвазовского и <...> Иордана. <...> Хомяков вспомнил, что ныне день рождения Гоголя, и предложил выпить за его здоровье. <...> Но Шевырев относил день рождения Гоголева к другому времени. Чтоб кончить спор, предложено выпить за Гоголя на Антония, а потом еще на Онуфрия» (см. в наст. изд.). О «Ревизоре» речь идет и в стихотворении, посвященном Гоголю в 1839 г. С. П. Шевыревым.

⁵³ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 463. Печатается по первой публикации.

⁵⁴ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 463. Печатается по первой публикации.

⁵⁵ Из Неаполя.

Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 463. Печатается по первой публикации.

⁵⁶ Кудинов Александр Семенович (1810–1870-е), академик архитектуры (с 1855 г.).

⁵⁷ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 464. Печатается по первой публикации.

⁵⁸ Тучи, множества (*фр.*).

⁵⁹ Пост русского посланника при дворах Римском и Тосканском занимал с 1838 по 1844 г. занимал тайный советник Иван Алексеевич Потемкин (1780–1849).

⁶⁰ Сын баварского короля Людовика I Иосиф (1811–1864), с 1848 г. — король баварский Максимилиан II.

⁶¹ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 464. Печатается по первой публикации.

Граф Рудольф Лютцов (1780–1858), австрийский посланник при папском дворе в 1825–1848 гг.

⁶² На день рождения В. А. Жуковского.

⁶³ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 464. Печатается по первой публикации.

⁶⁴ Елизавета Григорьевна Черткова (рожд. графиня Чернышева; 1805–1858), жена А. Д. Черткова.

⁶⁵ Граф Д. А. Милютин, проживавший в Риме с 5 февраля по 25 февраля (н. ст.) 1841 г., вспоминал: «Не перечисляя всех виденных мною замечательных предметов и живописных видов, упомяну <...> об уличных увеселениях карнавала, происходивших с 1-го по 11-е февраля ежедневно, кроме воскресных дней и пятницы... <...> В первый день карнавала я любопытствовал осмотреть на странную церемонию открытия карнавалных увеселений. Церемония эта установлена с того времени (XV столетия), когда еврейское население Рима было освобождено за известную ежегодную плату от лежавшей на нем прежде позорной обязанности потешать римлян в карнавал бегом взапуски по Corso; с того времени и введено взамен двуногих бегунов пускать по Corso четвероногих. Вот в память этой-то милости, оказанной евреям Римским сенатом, и происходит ежегодно в день открытия карнавалных потех торжественный прием Сенатом в здании Капитолия, в виду толпы народа, еврейской депутации, подносящей благодарственный адрес и определенную денежную сумму выкупа» (Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / Под ред. заслуженного ординарного профессора Военной Академии, Генерального Штаба генерал-лейтенанта Г. Г. Христиани. Издание Военной Академии. Томск, 1919. Т. 1. Кн. 1–3. С. 348; см. также: Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / Под ред. д-ра ист. наук, проф. Л. Г. Захаровой. М., 1997. С. 361).

⁶⁶ *Moccolotti* — маленькая свечка, огарок (*ит.*). 28 апреля — 1 мая (н. ст.) 1838 г. Гоголь писал сестрам Анне и Елизавете из Рима: «Я не знаю, писал ли я вам что-нибудь о карнавале, то, что называется у нас масленицею. <...> В последний вечер, который называется *Moccolotti*, гасят масленицу, т. е. везде, во всех окнах, показываются огни. Все, которые ни едут в колясках (а в колясках сидит человек по 12), все держат на длинных шестах огни, а другие бегут за ними тоже с шестами, на которых навязаны платки, и этими платками они стараются погасить свечи. Если им удастся

это сделать, тогда они смеются от всей души. Во всё продолжение этого всё сливается в один гул; все до одного кричат: Senza moscolo, senza moscolo! <Долой свечи! (ит.).> Иные прибавляют: O che oscurita! то есть: какая темнота! Дамы между тем из балконов домов протягивают тоже длинные шесты с огнями и зажигают те, у которых погасли. Это продолжается до 11 часов ночи, и таким образом оканчивается карнавал...» См. также в воспоминаниях графа Д. А. Милютина: «Не менее странен и конец карнавалных увеселений, так называемое "погребение" карнавала. В последний день беснования на Corso продолжаются долее обычного часа, до вечерней темноты, когда в толпе на улице, также как и на балконах и в окнах домов, появляются бесчисленные огоньки — moscoletti; тогда начинается смешная забава взаимного друг у друга гашения свечей; каждый употребляет всякие ухищрения для защиты своего огонька и для тушения соседнего. Прodelки эти, разумеется, сопровождаются смехом, криками, фарсами разного рода, столь заразительными, что не одни итальянцы, но и самые флегматические иностранцы предаются с увлечением этой наивной забаве. После всей уличной суматохи окончательным заключением карнавала служит festino, т. е. маскарад в театре. Зато какая противоположность последнему бешеному дню карнавала следующий первый день великого поста. Улицы, кипевшие вчера жизнью, теперь пусты; везде тишина; в церквах идет служба» (Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / Под ред. заслуженного ординарного профессора Военной Академии, Генерального Штаба генерал-лейтенанта Г. Г. Христиани. Издание Военной Академии. Томск, 1919. Т. 1. Кн. 1–3. С. 348; см. также: Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / Под ред. д-ра ист. наук, проф. Л. Г. Захаровой. М., 1997. С. 361).

⁶⁷ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 466. Печатается по первой публикации.

⁶⁸ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 466. Печатается по первой публикации.

⁶⁹ Петр Иванович Черкасов (1796–1867), барон.

⁷⁰ Вероятно, имеется в виду чтение глав первого тома «Мертвых душ».

Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 506. Печатается по первой публикации.

⁷¹ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 509. Печатается по первой публикации.

⁷² Имеется в виду день рождения графини Анны Михайловны Виельгорской (в замужестве княгини Шаховской, 1822–1861), дочери Мих. Ю. и Л. К. Виельгорских, фрейлины.

⁷³ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 511. Печатается по первой публикации.

⁷⁴ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 512. Печатается по первой публикации.

⁷⁵ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 513. Печатается по первой публикации.

⁷⁶ Впервые опубликовано: Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М., 2004. С. 262. Печатается по первой публикации.

⁷⁷ Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 690. Печатается по первой публикации.

⁷⁸ Мария Яковлевна Нарышкина (рожд. княжна Лобанова-Ростовская, 1789–1854), жена К. А. Нарышкина.

⁷⁹ Елизавета Евграфовна (Алексеевна) Жуковская (рожд. баронесса Рейтерн; 1821–1856), жена В. А. Жуковского.

⁸⁰ Петр Яковлевич Убри (Убриль, 1774–1847), действительный статский советник, дипломат, посланник во Франкфурте.

⁸¹ Иосиф Радовиц (1797–1853), прусский генерал и государственный деятель.

⁸² Впервые опубликовано: Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М., 2004. С. 272. Печатается по первой публикации.

⁸³ См. об этой встрече в наст. изд. в «Записках о моей жизни» Н. И. Греча.

⁸⁴ Возможно, имеется в виду излюбленное сравнение Н. И. Гречем себя и Ф. В. Булгарина с каторжниками-врагами, скованными одной цепью (см.: Зотов В. Р. Из воспоминаний // Исторический Вестник. 1890. № 3. С. 571. Указано:

Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М., 2004. С. 537).

⁸⁵ Фрагменты впервые опубликованы: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 690. Печатается по изд.: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М., 2004. С. 273; с дополнениями по первой публикации.

⁸⁶ Впервые опубликовано: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М., 2004. С. 273. Печатается по первой публикации.

⁸⁷ Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 690. Печатается по изд.: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М., 2004. С. 276.

⁸⁸ 8 июня (н. ст.) 1843 г. (см. выше).

⁸⁹ Княгиня Екатерина Николаевна Мещерская (рожд. Карамзина, 1809–1867), дочь Н. М. Карамзина, жена князя П. И. Мещерского.

⁹⁰ Николай Александрович Огарев (1812–1867).

⁹¹ Вероятно, барон Павел Федорович Мольтке, русский поверенный в делах в Карлсруэ.

⁹² Филипп Левенштейн (1814–1883), врач, писатель, переводчик на немецкий язык первого тома «Мертвых душ».

⁹³ С 25 октября (н. ст.) 1843 г.

⁹⁴ Князь Александр Иванович Бяратинский (1811–1879), генерал-фельдмаршал, командир Отдельного кавказского корпуса, наместник Кавказа (с 1856 г.).

⁹⁵ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 530–533. Печатается по первой публикации.

⁹⁶ Вероятно, имеется в виду граф Павел Трофимович Баранов (1815–1864).

⁹⁷ Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 690. Печатается по изд.: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М., 2004. С. 281; с дополнением по первой публикации.

⁹⁸ Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 690. Печатается по первой публикации.

⁹⁹ Екатерина Александровна Воейкова (1815 – 28 января 1844), старшая дочь племянницы Жуковского Александры Андреевны Воейковой.

¹⁰⁰ Великая княгиня Александра Николаевна, принцесса Гессен-Кассельская, скончалась 29 июля 1844 г.

¹⁰¹ Великая княгиня Елисавета Михайловна, принцесса Нассауская, скончалась 16 января 1845 г.

¹⁰² Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 533. Печатается по первой публикации.

¹⁰³ Впервые опубликовано: Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 534. Печатается по первой публикации.

¹⁰⁴ Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 690. Печатается по первой публикации.

¹⁰⁵ Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 690. Печатается по изд.: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М., 2004. С. 282.

¹⁰⁶ Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 690. Печатается по первой публикации.

¹⁰⁷ Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 690. Печатается по изд.: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М., 2004. С. 284.

¹⁰⁸ В Висбадене находилась русская домовая церковь, настоятелем которой был отец Иоанн Базаров.

¹⁰⁹ Имеется в виду либо статья В. А. Жуковского «Как достигать состояния покаяния...», законченная 14/26 апреля 1845 г. (на это предположительно указывает дневниковая запись Жуковского от 13/25 апреля 1845 г.: «Продолжал писать о исповеди»; см. ниже), либо, судя по записи в дневнике от 12/24 апреля 1845 г. («О причащении»), — статья «Причащение Святых Тайн...», заключительный фрагмент которой также посвящен исповеди (среди «Мыслей и замечаний» Жуковского эта статья находится непосредственно перед статьей «Как достигать состояния покаяния...» и после статьи, датированной 12/24 апреля 1845 г.) (см.: *Жуковский В. А. Мысли и замечания / Публ., вступление и примеч. А. С. Янушкевича; коммент. В. Я. Лазарева // Наше наследие. 1995. № 33. С. 58–60*). В эти же дни Жуковский написал отрывок «Без самоотвержения нет молитвы...» (в «Мыслях и замечаниях» находится после статьи «Как достигать состояния покаяния...») (см.: *Жуковский В. А. Мысли и замечания / Публ., вступление и примеч. А. С. Янушкевича; коммент. В. Я. Лазарева // Наше наследие. 1995. № 33. С. 60–61*). Позднее отрывок «Без самоотвержения нет молитвы...» Жуковский включил в литературное письмо к Гоголю «О молитве» (конец 1847). Очевидно, что общение с Жуковским не могло не оказывать влияния на создание Гоголем книги о Литургии.

¹¹⁰ См. примеч. выше.

¹¹¹ Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 690. Печатается по изд.: *Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М., 2004. С. 284, с дополнениями по первой публикации*.

¹¹² Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 690. Печатается по первой публикации.

¹¹³ Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 690. Печатается по изд.: *Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М., 2004. С. 285*.

¹¹⁴ Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 690. Печатается по первой публикации.

Гоголь в письмах В. А. Жуковского

В. А. Жуковский — А. О. Смирновой

<Январь, после 18 числа, — февраль 1836. Санкт-Петербург>

<...> В воскресенье буду к вам обедать. Но вот предложение: вам хотелось слышать Гоголеву комедию¹. Хотите, чтоб я к вам привез Гоголя? Он бы прочитал после обеда; а я бы так устроился, чтобы не заснуть под чтение. <...>

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. К биографии Жуковского // Русский Архив. 1883. № 2. С. 336. Печатается по первой публикации.

Кроме писем В. А. Жуковского с упоминаниями о Гоголе, помещенных в настоящем разделе, см. также в наст. изд. письмо В. А. Жуковского к П. А. Плетневу от 5/17 марта 1852 г. в «Воспоминаниях о Гоголе» А. О. Смирновой (письме к И. С. Аксакову) от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.) Сохранилось также письмо В. А. Жуковского к П. И. Кривцову с упоминанием о Гоголе от 1/13 числа (без указания года и месяца) из Вены в Рим: «Мы сегодня едем из Вены, прожив здесь 12 тревожных дней. Гоголя сердечно обнимаю и благодарю за письмо. Жуковский. 1/13» (АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 545. Л. 43).

¹ «Ревизор».

В. А. Жуковский — Н. И. Гречу

<Декабрь, до 11-го числа, 1839. Санкт-Петербург>

<...> Благодарю Вас за любезное Ваше приглашение. <...> Вы зовете меня на особенное чтение, которого бы так приятно было в малом круге послушать, а я сам утерял у Карамзиных чтение Гоголя¹, которому другого дня избрать невозможно, который скоро отсюда уезжает и хочет прочитать главы из нового начатого им романа². Сожалею, а делать нечего. Авось будущей пятницы судьба у меня не отымет. <...>

Впервые опубликовано: Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922. С. 116. Печатается по первой публикации.

¹ 11 декабря 1839 г.

² Имеются в виду «Мертвые души».

В. А. Жуковский — А. П. Елагиной

<Первые числа января 1840. Санкт-Петербург>

Приложенное письмо отдайте поскорее Гоголю. Возьмите от него поскорее мне ответ. Ведь мне опять ехать за границу надобно¹, чтобы все было до сих пор кончено.

Впервые опубликовано: Бычков И. А. Неизданные письма Жуковского к А. П. Елагиной // Русский Библиофил. 1912. № 7–8. С. 110.

8 января 1840 г. А. П. Елагина сообщала В. А. Жуковскому: «Гоголю доставила письмо» (см. в наст. изд.). По-видимому, на письмо, которое передавал Гоголю Жуковский через Елагину (не сохранилось), Гоголь отвечал: «Мне отдали сию минуту ваше письмо: вы заботились, вы хлопотали обо мне...» (Гоголь имел в виду хлопоты Жуковского по изданию своих сочинений). В том же письме Гоголь просил Жуковского собрать ему четыре тысячи рублей: «Я придумал вот что: сделайте складку, сложитесь все те, которые питают ко мне истинное участие, составьте сумму в 4000 р-ублей» и дайте мне займы на год». Получив прошение Гоголя, Жуковский около 13 января 1840 г. обратился с письменной просьбой к Наследнику о ссуде четырех тысяч рублей (см. ниже).

¹ В. А. Жуковский оставался в Петербурге до 5 марта 1840 г.

В. А. Жуковский — Наследнику Цесаревичу Александру Николаевичу

<Около 13 января 1840. Санкт-Петербург>

<...> ...Главный предмет письма моего есть просьба к Вам. Барон Розен получил свою отставку; всего на все у него теперь только 400 рублей годового пенсионна. Этого достаточно только для того, чтобы в первую треть года не умереть с голоду. Прошу Вас не оставить Розена. Если Вы сохраните ему то, что было ему от Вас определено сверх того жалованья, которое он получал на своем месте, то для Вас большой траты не будет, а у него будет верный, хотя, впрочем, весьма скудный кусок хлеба.

Еще одна просьба. Гоголь в самом стесненном положении: взял из института сестер, а маленькое именище, какое у него было, пропадает. Ему нужно 4000 рублей. Я хотел было их собрать, но это не удастся. Не можете ли меня *ссудить* эту сумму? Я перешлю ее Гоголю, а Вам заплачу, когда это мне будет удобно, впрочем в течение года или через год. От Вас же самих помощи не прошу, ибо знаю, что Вы бы охотно помогли, но что этого теперь нельзя сделать: слишком много других расходов¹. <...>

Впервые опубликовано: Письма В. А. Жуковского к Государю Императору Александру Николаевичу. В бытность Его Наследником Цесаревичем. Печатается с Высочайшего соизволения // Русский Архив. 1883. Кн. 2. С. XXXIX. Печатается по первой публикации.

С просьбой о ссуде четырех тысяч рублей для помощи Гоголю Жуковский обратился к Наследнику после получения письма Гоголя, отправленного около 8 января 1840 г. (см. в наст. изд. коммент. к письму В. А. Жуковского А. П. Елагиной от первых чисел января 1840 г.). Возможно, ускорить дело Жуковского побудило новое послание Гоголя, переданное прибывшим тогда в Петербург М. П. Погодиным (последний, по свидетельству Н. П. Барсукова, выехал из Москвы в Петербург около 11 января 1840 г.; см.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 5. С. 330). В новом послании Гоголь писал: «Письмо мое передаст Погодин». Здесь Гоголь вновь благодарил Жуковского за хлопоты по изданию сочинений: «Что я могу написать к вам! Благодарить только вас за ваши заботы, за ваше редкое участие»; — и здесь же напоминал: «...Как, где найти средства! Думаю и ничего не могу придумать». — Далее Гоголь намекает (впервые в своих письмах) на возможность получения им места конференц-секретаря в Риме при только что назначенном туда инспектором русских художников П. И. Кривцове: «Неужели мне не могут дать какого-нибудь официального поручения... Неужели меня не могут приклеить и засчитать в какую-нибудь должность. Ведь всё же таки в Риме можно чем-нибудь быть полезным. Как бы то ни было, ведь всё же тут огромная, великая часть искусства, которая должна бы войти сколько-нибудь в деловой круг наш, и я бы тут мог быть полезным в отношении художеств». К этой мысли Гоголь вновь обратился в письме к В. А. Жуковскому от 3 мая 1840 г. (см. в наст. изд. ниже коммент. к письму В. А. Жуковского А. П. Елагиной от 21 января 1840 г.). Подробнее об этих своих планах Гоголь 25 июня (н. ст.) 1840 г. сообщил П. А. Плетневу из Вены: «...Еще в Москве мне советовали в одно слово Вяземский и Тургенев сделать вот что: Кривцову назна<чи>ли в Риме быть директором римских художников и вследствие того составившейся римско-русской Академии с 25 тысячами в год жалованья <...> Так как при директоре должно находиться что-нибудь вроде конференц-секретаря <...> то чтобы я хлопотал для себя об этом. <...> Я написал к Жуковскому, чтобы он употребил влияние свое при дворе Наследника; потому что Кривцов, между прочим, обязан этим местом Наследнику. <...> ...Весьма не худо бы, если бы вы что-нибудь сказали об этом великим княжнам. Если Марья Николаевна от себя еще слово, то это натурально еще действительнее. <...> Жалованья мне может быть дадут 1000 рубл<ей> серебром, меньше чего за границей не дают. И теперь, вообразите себе, я в Риме и обеспечен! Только работай да наслаждайся! Это было бы так хорошо...» См. также письма Гоголя из Рима к М. П. Погодину от 29 октября (н. ст.) 1840 г., к П. А. Плетневу от 30 октября (н. ст.) 1840 г., к С. Т. Аксакову от 28 декабря (н. ст.) 1840 г. По словам Гоголя в письме к А. А. Иванову от 20 сентября (н. ст.) 1841 г. из Ганау, вместо должности секретаря Кривцов предложил Гоголю через Жуковского место «библиотекаря еще покамест не существующей библиотеки»: «Я, однако же, как вы сами догадаетесь, за место поблагодарил, сказавши, что хотя бы Кривцов предложил мне и свое собственное место, то и его бы не взял, по причине других дел и занятий».

¹ Просьба Жуковского сначала вызвала недоразумение. Наследник решил, что Жуковский просит для Гоголя четыре тысячи рублей и назначал вместо этой суммы две (см. в наст. изд. письмо В. А. Жуковскому к Наследнику Цесаревичу Александру Николаевичу от 13–14 января 1840 г.).

В. А. Жуковский — Наследнику Цесаревичу Александру Николаевичу

<13–14 января 1840. Санкт-Петербург>

За Розена целую Вашу благодетельную руку; Вы меня очень этим порадовали, и Вам самим хорошо быть благодетелем своих приближенных.

О Гоголе другое дело. Видно, вы не разобрали моего письма. Я не просил для него помощи, и было бы с моей стороны *несправедливо* просить ее, особливо такой большой, какую Вы назначили: ибо у Вас есть кому давать, и Вы уже раз помогли Гоголю — довольно¹.

Еще менее просил я у Вас *ему* займа: это было бы с моей стороны *неприлично*. Я просил у Вас просто *взаимы* себе самому, как то было прежде, и Вы очень одолжите меня, если ссудите меня этими деньгами; а с Гоголем будут у меня свои расчеты. Эти деньги дам ему *от себя*, не

вмешивая в это Вашего имени. Итак прошу Вас убедительно не давать в подарок назначенных Вами 2000 рублей; я решительно от этого отказываюсь, благодаря вас за доброе намерение, которое само по себе есть уже богатый подарок, мне сделанный, и прося покорно *ссудить* мою особу вышереченными 4000, кои нимало не потеряют своей натуры, если будут, принадлежа Вам, покоиться в моем кармане, откуда в свое время с торжеством возвратятся в прежнюю великокняжескую обитель². <...>

Впервые опубликовано: Письма В. А. Жуковского к Государю Императору Александру Николаевичу. В бытность Его Наследником Цесаревичем. Печатается с Высочайшего соизволения // Русский Архив. 1883. Кн. 2. С. XL. Печатается по первой публикации.

Послание представляет собой ответ на письмо Наследника от 13 января 1840 г.

¹ Вероятно, ранее помощь была оказана Гоголю Наследником в конце 1838 — начале 1839 г., во время пребывания его в Риме вместе с Жуковским. Гоголь в то время, 17 декабря 1838 г., прочел Наследнику «Женитьбу» (см. в наст. изд. «Журнал путешествия <Наследника Цесаревича Александра Николаевича> за границу 1838 года» графа В. Ф. Адлерберга; дневниковую запись В. А. Жуковского 17 (29) декабря 1838 г., а также письмо Наследника Цесаревича Александра Николаевича Императору Николаю I от 17 (29) декабря 1838 г.).

² Вследствие просьбы Жуковского деньги для Гоголя, четыре тысячи рублей, были получены. Об этом Жуковский известил Гоголя в письме от 21 января 1840 г. (см. в наст. изд. письмо Жуковского к А. П. Елагиной от того же числа). См. также в наст. изд. дневниковую запись О. М. Бодянского от 2 февраля 1854 г.

В. А. Жуковский — А. П. Елагиной

<21 января 1840. Санкт-Петербург>

<...> Прошу вас вложенное письмецо доставить немедленно и сказать Гоголю, чтобы так же немедленно отвечал. <...>

Впервые опубликовано: *Бычков И. А.* Неизданные письма Жуковского к А. П. Елагиной // Русский Библиофил. 1912. № 7–8. С. 110. Печатается по первой публикации.

1 февраля 1840 г. Гоголь отвечал В. А. Жуковскому: «Я получил ваше письмо, в нем же радостная весть моего освобождения. — Рим мой! <...> А о благодарности нечего и говорить: вы понимаете, как она должна быть сильна. — Что я употреблю всё, вы этому должны поверить потому, что я для этого живу и существую, и, даст Бог, выплачу мой долг. Деньги отправьте или с Тургеневым, или еще лучше передайте Погодину, который теперь в Петербурге и который мне их передаст и привезет. У ваших теперь не случилось». (По-видимому, В. А. Жуковский предлагал Гоголю, взамен полученных для него в Петербурге 4000 рублей, взять эти деньги у Киреевских, родственников Жуковского.) Письмо к Жуковскому Гоголь, вместе с распиской в получении 4000 рублей, вложил в письмо к М. П. Погодину, которому писал: «Жуковский достал для меня денег 4000. Я просил его, чтобы передал он тебе, и ты уже привез бы их ко мне». С возвращением Погодина из Петербурга в Москву деньги были переданы Гоголю.

Откуда Жуковским были получены деньги, Гоголь, вероятно, в то время не узнал. Спустя два месяца, стремясь упрочить свое положение в Риме и расплатиться с долгами, Гоголь вновь обратился с просьбой к Жуковскому доставить ему место конференц-секретаря в Риме при только что назначенном туда инспектором русских художников П. И. Кривцове (см. также выше в наст. изд. коммент. к письму В. А. Жуковского Наследнику Цесаревичу Александру Николаевичу около 13 января 1840 г.). «...Тогда мне, может быть, — писал Гоголь Жуковскому 3 мая 1840 г., — дадут рублей 1000 серебром жалованья. <...> Вы можете это <...> представить Государю Наследнику и расположить его в мою пользу <...> Если бы вы знали, как мучится моя бедная совесть, что существование мое повиснуло на плечи великодушных друзей моих. Хотя я знаю, что они с радостью и охотно поделились со мною; но я знаю также, что всё доброе и великодушное на свете есть само по себе уже голь, и лохмотье ему дается, как звезда на грудь или Анна на шею за труды». 9 августа 1840 г. об этой просьбе Гоголя писал Жуковскому Плетнев (см. в наст. изд.). Получить место при Кривцове Гоголю, однако, не удалось.

В. А. Жуковский — А. П. Елагиной

С-Петербург, 26 февраля 1840.

<...> То, что вы пишете мне о предложении, сделанном вам от Гоголя, сердит меня. Как можно сделать такое предложение! И чего доброго вы еще и согласитесь. Если это будет, то знайте, что рассержусь на вас не на шутку. Вы не должны соглашаться на такое предложение; это с вашей стороны будет слабость и неблагоразумие. А Гоголь часто капризный эгоист. Погодин требует, чтобы он у него оставил сестер своих¹; Аксаков тоже ему предлагал. Нет, он хочет по-своему, и безо всякой деликатности навязывает на вас, обремененных семейством и не богатых ни здоровьем, ни средствами для такого затруднительного дела. Это мне противно. <...>

Впервые опубликовано: Бычков И. А. Неизданные письма Жуковского к А. П. Елагиной // Русский Библиофил. 1912. № 7–8. С. 111–112. Печатается по изд.: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852 / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э. М. Жиликовой; Томский гос. ун-т. М., 2009. С. 465.

Письмо В. А. Жуковского представляет собой ответ на послание А. П. Елагиной от 17 февраля 1840 г. (см. в наст. изд.).

¹ Анну и Елисавету.

В. А. Жуковский — А. П. Елагиной

4/16 мая 1843. Дюссельдорф.

<...> ...Будет ко мне Гоголь. Я получил от него письмо из Флоренции. Он обещается явиться во Франкфурт в конце мая и прожить несколько времени в моем соседстве. Его явление живее напомнит о вашем минутном: вы нашли нас посреди беспорядка неустроенной квартиры; теперь все уютно, и покойно, и светло. Как бы хорошо прожить несколько времени вместе! <...> В Москве сойдемся опять в один кружок. <...>

Впервые опубликовано: Бычков И. А. Неизданные письма Жуковского к А. П. Елагиной // Русский Библиофил. 1912. № 7–8. С. 120. Печатается по изд.: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852 / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э. М. Жиликовой; Томский гос. ун-т. М., 2009. С. 511.

В. А. Жуковский — А. О. Смирновой

<28 июня (н. ст.) 1843. Эмс>

L'homme propose et Dieu dispose¹. Человек: да, а Бог: нет, и наоборот, матушка Александра Иосифовна. Я должен остаться в Эмсе до 3/15 июля. После этого числа отправлюсь в Штутгарт и надеюсь быть у вас: это последнее может случиться 8/20 июля. Может быть, днем ранее, может быть, днем позже. Прежде моего появления в Бадене вы не имеете права покидать сего купательного парадиза. Потом можете заехать и в Дюссельдорф; это было бы очень деликатно с вашей стороны. А я привезу вам с собою Гоголя. Итак, прошу дожидаться меня в Бадене. Если я не увижу вас, то знаете, что будет: ослы забрыкают меня до смерти. Нехорошо.

Я к вам два раза писал в Баден. Спросите на почте. Бычок.

<На обороте:> A Madame Smirnoff a Bade-Bade, Zährngen-Hof.

16/28 июня, Эмс.

Впервые опубликовано: Из переписки А. О. Смирновой с В. А. Жуковским // *Смирнова (рожд. Россет) А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 341–342. Печатается по первой публикации.

¹ Человек предполагает, а Бог располагает.

В. А. Жуковский — А. О. Смирновой

<9 июля (н. ст.) 1843>

Посылаю вам, любезнейшая другиня, письмо, на ваше имя полученное, вероятно, от тех персон, которых вы теперь лично созерцаете. Все-таки прочитайте его — приятно получить письма от присутствующих. А мы вас благодарим, очень благодарим за ваше посещение, которое нам оставило сладостный фимиам воспоминания. Скажите, прошу вас, Гоголечку (также и Викулину), что в нашем быту произошла перемена: в будущую пятницу 2/14 июля мы едем из Эмса, но не в Дюссельдорф, а по докторскому велению, не по нашему прошению, в Швальбах, где и пробудем две или три недели. А я уже оттуда съезжу в Баден, побывав в Штутгарте.

Таким образом (если однако мои пенязи мне то позволят) могу надеяться очень скоро с вами повидаться. Прощайте, до свидания, милая душка, любезная коровушка вашего усердного *Бычка*.

Воскресение, 27 июня / 9 июля.

Впервые опубликовано: Из переписки А. О. Смирновой с В. А. Жуковским // *Смирнова (рожд. Россет) А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 343–344. Печатается по первой публикации.

В. А. Жуковский — А. О. Смирновой

<27 августа (н. ст.) 1843. Пароход «Виктория»>

Прошу вас, милая подруга, отвечать немедленно на это письмо. Я сдуру забыл порядком расспросить, когда будет государь в Берлине; узнайте это, прошу вас, в точности и напишите поскорее ко мне в Дюссельдорф. Думаю, что мне надобно будет непременно съездить в Берлин, это многое приведет для меня в порядок. — Я забыл, кажется, у Блудова свои очки; это худо. Хоть со мной есть и другие, но старый друг — лучше новых двух. Попросите Блудова привезти сие окулы с собою в Дюссельдорф. — Скажите всем благожелателям нашим мой поклон. Уведомьте о своей дочке¹, а себя как-нибудь умудритесь от меня поцеловать за то, что вы и теперь были со мною так же милы, как всегда.

Жуковский.

<На обороте:> Jhr Hochwohlgeboren Frau von Smirnoff in Baden-Baden. Höchsteilig.

Впервые опубликовано: Из переписки А. О. Смирновой с В. А. Жуковским // *Смирнова (рожд. Россет) А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 344. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду дочь А. О. Смирновой Ольга Николаевна. См. в наст. изд. ответное письмо А. О. Смирновой В. А. Жуковскому от 28 августа (н. ст.) 1843 г. из Баден-Бадена.

В. А. Жуковский — А. О. Смирновой

<4 сентября (н. ст.) 1843. Дюссельдорф>

Посылаю вам ваши 130 франков с благодарностью за доверенность, которой вы меня удостоили, любезнейшая подруга. Завтра 5 сентября отправлю свою личность в Берлин и думаю, что приеду туда днями тремя позже всероссийского самодержца. Это и хорошо. Мне делать в Берлине нечего. Увижу царя один раз, да и домой. Только скоро ли до него доберешься? Маневры. Какая досада, что Тургенев попал в воду; если б он тотчас попал ко мне, то застал бы меня, и мы успели бы вместе пожить дня три в Дюссельдорфе. Надобно ж случиться таким непутным крестинам. Если он еще в Бадене, то скажите, что я получил для него письмо из Парижа, которое по его требованию отправлю назад. Возвратясь из Берлина, буду к нему писать, — вот еще письмо, полученное мною из Бадена, для доставления г-же Карлгоф: вероятно, от графини Сологуб... извините; я только теперь разобрал, что письмо не из Бадена, а из Эмса, следовательно, это Васильчиковой, которой я его и возвращаю. Гоголь здесь; но завтра, кажется, куда-то едет: возвратился сюда по моему приезду. Он у нас ежедневно обедает. — Напишите о себе, как скоро вздумаете покинуть Баден, куда и как и что. А теперь простите. Обнимаю вас, прошу обнять С. Сологуб, с согласия ее мужа. Ж.

4 сентября н. с. Дюссельдорф.

Впервые опубликовано: Из переписки А. О. Смирновой с В. А. Жуковским // *Смирнова (рожд. Россет) А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 345–346. Печатается по первой публикации.

В. А. Жуковский — Н. Н. Шереметеву

<18 ноября (н. ст.) 1843. Дюссельдорф>

<...> Ваше письмо не застало Гоголя в Дюссельдорфе; он отправился в Ниццу, где проживет зиму; но мы съедемся с ним опять во Франкфурте на Майне, куда я хочу переселиться весною. Он отправился от меня с большим рвением снова приняться за свою работу, и думаю, что много напишет в Ницце. Я перешлю к нему письмо ваше. <...>

6/ 18 ноября. Дюссельдорф.

Впервые опубликовано: Соч. В. А. Жуковского. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 504. Печатается по первой публикации.

В. А. Жуковский — графу Мих. Ю. Виельгорскому

1844. 4 февр<аля> н. с<т>. Дюссельдорф.

<...> Ты, мой любезнейший сиятельный тюфяк, не уведомил меня даже о пребывании твоих в Ницце; а я узнал об этом от Гоголя, который там с ними делит солнце, обращающееся здесь ежедневно в туман при своем восхождении. <...>

Впервые опубликовано: Письмо Жуковского к графу М. Ю. Виельгорскому // *Русский Архив*. 1869. Стб. 645; см. также: Соч. В. А. Жуковского. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 607. Печатается по первой публикации.

В. А. Жуковский — А. О. Смирновой

<Июнь 1844>

Вот вы какая, милостивая государыня Александра Иосифовна, вздумали вы написать ко мне письмецо, и того я в три часа не мог разобрать; а всего кажется десять строк. Наконец, как-то понатужившись, догадался, что *котегга* значит коттедж (Cottage) и что им. значит императрица. Слава Богу, вот вам герб коттеджа: шпага в венке из белых роз. Помню его, потому что сочинял и рисовал его я сам. Девиза же я не помню. Кажется: Dieu et l'honneur. Но никак не поручусь за это; следовательно, не надобно вам девиза. Вот а реи pres рисунок в голубом поле¹. Заставьте какую-нибудь французскую каналью нарисовать это как следует. В стороне я не ошибся. Прощайте, более писать к вам не стану. И не должно. Всякий день получаю от вас пакеты. Для меня только адрес, а все прочее к Гоголю. Я и без вас знаю, что я Василий Андреевич Жуковский, что и до сих пор жил в Дюссельдорфе; что теперь живу во Франкфурте. Но я никогда не думал, чтоб я был только хвост Гоголя, за который вы благоволите иногда дергать, чтобы Гоголь вам откликнулся. Знайте, однако, что императрица будет 12 июня или 9-го н. с. в Берлине. Вы, может быть, поедете к ней. И если поедете, то, конечно, через Франкфурт. Чего доброго, вы еще проедете через сей вольный город и мне не скажетесь, да я и сам недели через две или три отправлюсь в Берлин. Прощайте, Лапочка. *Бычок*.

<На обороте:> A Madame Madame Smirnoff a Paris.

Впервые опубликовано: Из переписки А. О. Смирновой с В. А. Жуковским // *Смирнова (рожд. Россет) А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 346–347. Печатается по первой публикации.*

В. А. Жуковский — А. И. Тургеневу

13 (25) июля 1844, Франкфурт на Майне.

<...> Гоголь был здесь и уехал в Остенду: бедный часто страдает нервами, и страшно за него. <...>

Впервые опубликовано: Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 304. Печатается по первой публикации.

В. А. Жуковский — А. И. Тургеневу

<Октябрь 1844. Франкфурт>

<...> Наверху у меня гнездится Гоголь: он обрабатывает свои Мертвые Души. <...>

Впервые опубликовано: Соч. В. А. Жуковского. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 420; см. также: Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 305. Печатается по первой публикации.

¹ В подлиннике имеется рисунок. — *Примеч. Л. В. Крестовой.*

В. А. Жуковский — А. И. Тургеневу

Франкфурт, 8 (20) ноября (1844).

<...> О себе мне писать тебе совершенно нечего. Идет время, как заведенные часы. Живу между женою, дочерью и Гомером. Прибавь к ним Гоголя, который гнездится теперь в том гнезде, в котором ты гнездился. А что он пишет, еще не знаю; не читал ничего, но пишет. <...>

Впервые опубликовано: Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 306. Печатается по первой публикации.

В. А. Жуковский — А. П. Елагиной

<17 декабря (н. ст.) 1844. Франкфурт>

Франкфурт — н<a> / М<айне> 1844. 5/17 december.

<...> ...12 числа Декабря н. с <т>. получил Гоголь (у меня гнездящийся¹) от Шевырева письмо², в котором уведомил его Шевырев, что Москвитянин из Погодина обратился в Ивана Киреевского. И во мне загорелось желание выступить на сцену в его 1 №. В тот же день начал предлагаемую здесь пиесу, которую кончил 14-го, а до нынешнего дня поправляю³. <...> Пиеса переписана Гоголем, что манускрипту дает особенное достоинство, и вы можете его сберечь как драгоценный autografe⁴, который после можно разыграть в лотерею в пользу двух или трех семейств. <...>

Впервые опубликовано: Наше наследие. 2005. № 65. С. 81–91. Печатается по изд.: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852 / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э. М. Жиликовой; Томский гос. ун-т. М., 2009. С. 522–523.

¹ 16 ноября (н. ст.) 1844 г. датирован счет (на печатном бланке) франкфуртского книготорговца и антиквара К. Югеля (Carl Jügel). Счет (на нем. яз.) обрывается на имени: «von Gogol» (далее следовал, по-видимому, перечень книг, приобретенных Гоголем) (РГБ. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 93. Л. 1).

² Письмо от 15 ноября 1844 г.

³ Имеются в виду «Две повести. Подарок на Новый год Москвитянину» В. А. Жуковского, напечатанные в № 1 «Москвитянина» за 1845 г.

⁴ Автограф (фр.).

В. А. Жуковский — А. О. Смирновой

<16–28 января (н. ст.) 1845. Саксенгаузен — Франкфурт>

4 (16) генваря 1845. Саксенгаузен.

Милая Александра Иосифовна, протяните ваши милые ручки и примите с тем моего новорожденного сыночка Павла Васильевича Жуковского... <...> Он появился на свет в самый новый год, в 6 1/2 часов пополудни... <...>

Гоголя нет с нами; за два дня до рождения Павла отправился он в Париж, приглашенный туда Толстыми и Виельгорскими. Я сам его послал туда, ибо у него начинали колобродить нервы, и сам Копп¹ прописал ему Париж, как спасительное. Весной он ко мне возвратится². Вам бы надобно о нем позаботиться у Царя и Царицы³. Ему необходимо надобно иметь что-нибудь верное в год. Сочинения ему мало приносят, и он в беспрестанной зависимости от завтрашнего дня. Подумайте об этом; вы лучше других можете характеризовать Гоголя с его настоящей, луч-

шей стороны. По его комическим творениям могут в нем видеть совсем не то, что он есть. У нас смех принимают за грех, следовательно всякий насмешник должен быть великий грешник. <...>

Впервые опубликовано: Письма В. А. Жуковского к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1871. Стб. 1858; см. также: Гофман М. Л. Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже. Paris, 1926. С. 178–179. Печатается по изд.: Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 644. Автограф хранится: ИРЛИ. 27.759 / СХСVIIIб. 30.

¹ Ранее, 25 июля / 6 августа 1836 г., князь П. А. Вяземский, в частности, писал Анд. Н. Карамзину: «Когда увидишь Копа, скажи ему, пусть отошлет все свои сочинения Арендту для того, чтобы поднести их государю, а когда увидишь Гоголя, спроси у него, что он сделал с моим письмом к Копу: мне хотелось, чтобы оно было ему непременно вручено» (Пушкин в письмах Карамзинных 1836–1837 годов / <Публ. письма П. Р. Заборов>. М.; Л., 1960. С. 86).

² Гоголь пробыл во Франкфурте с сентября 1844 г. по 11 января (н. ст.) 1845 г. и 4 марта (н. ст.) опять вернулся во Франкфурт.

³ См. в наст. изд. письма А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому от 31 января 1845 г. и к великой княгине Марии Николаевне от февраля (после 24-го числа) 1845 г., а также всеподданнейший доклад министра народного просвещения С. С. Уварова от 17–18 марта 1845 г.

В. А. Жуковский — Н. Н. Шереметевой

11/23 генваря 1845.

<...> Гоголь жил у меня, накануне рождения моего сына уехал в Париж, ибо Копп предпичал ему путешествие, как лекарство от расстройства нерв. <...>

Впервые опубликовано: Письма В. А. Жуковского к Н. Н. Шереметевой // Библиографические Записки. 1858. № 22. Стб. 680; см. также: Соч. В. А. Жуковского. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 505. Печатается по первой публикации.

В. А. Жуковский — А. О. Смирновой

<20 марта (н. ст.) 1845. Франкфурт>

Мое письмецо, как видите, написано 7 марта, а пролежало у меня до 20. Как эти дела делаются, я сам не знаю. — Надобно прибавить несколько строк, чтобы уведомить вас о жене; вот уже третий день как, благодаря пьивкам и какому-то весьма противному лекарству, она может вставать и ходить по горнице свободно. До сих пор вся ее жизнь состояла в лежании *на боку* (на спине лежать было запрещено), и все ее прогулки состояли в том, что она с большим трудом с правого боку перекладывалась на левый; когда же надобно было пройти несколько шагов от постели к софе, то это происходило медленно, с трудом, по образу безногих. Это была школа терпения и для нее и для меня. Но можно сказать, что ей было легче, нежели *мне*: молодая, святая, размышляющая, набожная душа ее легче моей устарелой доходила до мирносного смирения. Я только *убежден*, мыслям убежден в том, что страдания земные суть послание божественное и что их надобно принимать с благоговением, как ангелов, навещающих душу; но покоя, даруемого *верою*, я еще не имею и долго иметь не буду: он даром не достается. Хорошо, что у меня такой вождь и товарищ к такой цели, — но успеет ли он меня довести до нее? Мне ли, недоученному (как то и естественно), уйти прежде него отсюда, или его от меня вдруг позовут — знает это Бог. А я теперь знаю, что эти сцены домашней жизни, в которых присутствует страдание, суть важные часы земных уроков — ничто так не учит, не переучивает, не просвещает души, как жизнь семейная; нигде так не вняты уроки евангельские, так не понятны обещания и надеж-

ды, так не трогательны слова говорящего нам: придите ко Мне все труждающиеся, и Аз упокою вы, — как в святилище семейства. И уже много ржавчины, положенной жизнью на сердце, счистила с него рука жены моей или, лучше сказать, ее кротость; но гораздо более на нем осталось; и тем труднее это оставшееся счистить с него, что оно не имеет ни признака, ни имени, а есть просто (отсед), произведенный годами, привычною беспечною. — Я думал, что нам можно будет возвратиться нынешний год в Россию, но выходит на поверку, что это невозможно; я не должен привозить жены своей в наш суровый климат, не дав ей оправиться совершенно; да и сам я должен буду непременно полечиться; вот уже более двух месяцев, как хвораю; в мои лета и маленькая болезнь упряма. Устаревшая машина от малейшего потрясения расходится врозь, и снова приводить ее в порядок трудно. Копп хочет, чтобы я поехал в Киссинген. — На будущую весну однако возвращусь непременно; и пушу корень в землю отечественной. Прошу вас, при случае, объяснить это и государю и государыне. Я буду и сам писать; но вы знаете сами мои обстоятельства и скажете все, как следует, согласно с правдой. Простите. Гоголь опять у меня. Он похварывает, жалуется на нервы. У нас погода худа, и зима еще не думает трогаться с места: это ему вредит; надеюсь, что весна принесет нам всем исцеление. — Прощайте. Жена будет писать к вам, как скоро поправится. Я не смею радовать себя надеждою; а она смирна и терпелива.

Вечеру. Да и совсем еще нечего радоваться. Ей опять хуже; опять ее осудили на порошки. Опять надобно лежать на боку.

Первые опубликовано: Из переписки А. О. Смирновой с В. А. Жуковским // *Смирнова (рожд. Россет) А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 347–349. Печатается по первой публикации.

В. А. Жуковский — начальнику III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии графу А. Ф. Орлову

7 (19) апреля 1845 г. Франкфурт-на-Майне.

<...> Александра Осиповна Смирнова писала ко мне, что когда она говорила с Вашим Сиятельством о *Гоголе*, то вы выразили ей желание знать о нем мое мнение. Спешу выразить его как можно короче, зная, что вы записной враг длинных писем.

Гоголь есть один из самых оригинальных русских писателей. Написал мало потому, что часто бывает болен, но что написал, то чрезвычайно значительно. В таких людях, как он, самое важное есть та *надежда*, которую подают они: если эта надежда часто не исполняется, то виною тому их обстоятельства, а не их воля. Гоголь есть одна из этих *больших надежд*; но обстоятельства, которые грозят этой надежде неисполнением, суть *болезнь и бедность*. Чтобы писать, надобно быть здоровым или хотя полуждоровым; кто же болен, тому надобно вылечиться; чтоб вылечиться, надобно иметь карман полный или хотя бы полуполный; чтобы, вылечившись, писать, надобно что-нибудь притом есть и пить не раз в неделю, а каждый день один раз; и для этого нужна вышесказанная полуполнота кармана. Гоголь болен и болен нервами (это я видел в его шестимесячное пребывание у меня во Франкфурте); вылечиться ему нечем, а если и вылечится, то нечем будет доставлять себе удовольствия есть каждый день. Следовательно, Гоголю ни больному, ни здоровому нельзя будет писать, если не вступится в судьбу его сила высшая. Такого рода забота достойна души графа Орлова. Ломоносову был покровителем граф Шувалов, Карамзину (прежде нежели Александр сделался его искренним другом) М. Н. Муравьев, Пушкину — сам Государь Николай Павлович; Россия им за то благодарна. Она будет благодарна и графу Орлову, если он для нее сохранит дарование Гоголя истинно русское и даст этому дарованию жизнь, избавив его от борьбы с обстоятельствами, часто убийственными.

Прибавлю еще одно: Гоголь по характеру и по своей жизни человек самый чистый, а по своим правилам враг всякого буйства; он вполне христианин. За все это я ругаюсь. <...>

Впервые опубликовано: *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения С<обственной> Е<го> И<мператорского> В<еличества> Канцелярии. СПб., 1908. С. 170. Печатается по первой публикации.

Послание написано В. А. Жуковским по просьбе А. О. Смирновой (см. в наст. изд. ее письмо к Жуковскому между 16 и 17 марта 1845 г.).

Получив письмо В. А. Жуковского, граф А. Ф. Орлов составил доклад Императору, где сообщал: «Тайный советник Жуковский, узнав, что до меня дошли сведения о бедственном положении писателя Гоголя, известного и уважаемого публикою по комедии его “Ревизора”, роману “Мертвые души” и другим сочинениям, в доставленном ко мне письме свидетельствует, что Гоголь, по изданным им сочинениям, по дарованию истинно русскому и еще более по той надежде, которую он подает в будущем, заслуживает исключительного покровительства, по примеру писателей наших Ломоносова, Карамзина и Пушкина, а между тем крайняя бедность угнетает его до такой степени, что он не имеет средств ни лечиться от болезней, коими страдает, ни даже содержать себя, и лишен всякой возможности предаться литературным занятиям. Жуковский присовокупил к сему, что Гоголь и по образу жизни и по правилам своим есть человек в полном смысле благонамеренный.

Как Ваше Императорское Величество сами изволили мне отзываться, что на Гоголя уже обращено Всемилостивейшее Ваше внимание, то представляя при сем в подлиннике письмо тайного советника Жуковского, имею счастье всеподданнейше ходатайствовать, не удостоите ли Высочайше повелеть выдать Гоголю единовременное вспомоществование» (*Лемке М.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. С. 170–171).

Однако оказалось, что Гоголю пособие уже было назначено. Об этом граф А. Ф. Орлов известил В. А. Жуковского в письме от 30 апреля 1845 г., составленном одним из чиновников канцелярии: «...Его Величество предупредил мое ходатайство и мне соизволил отозваться, что министру Императорского Двора <князь П. М. Волконский> уже Высочайше повелено сделать Гоголю вспомоществование. <...> Я всегда и по собственному моему чувству уважал талант Гоголя, а с сего времени мне будет еще приятнее делать для него все от меня зависящее, потому что ваше Превосходительство изволите принимать в нем участие» (Там же. С. 171).

В. А. Жуковский — А. О. Смирновой

<19 апреля (н. ст.) 1845. Франкфурт>

Милая Иосифовна, не имею ни минуты более для написания к вам длинного письма. Да и не нужно. Ваше получил и малюсенькое и большое из Берлина. По сему последнему¹ писал к Орлову, сославшись на вас. Дodelывайте и скажите Орлову пояснее, что помощь единовременная будет только пальятив, что Гоголю нужно что-нибудь верное и что это можно и должно сделать. Мое письмо, надеюсь, его приготовит к вашему более убедительному красноречию, сопутствуемому необыкновенным красноречием очей ваших. Прощайте, милая голубушка. Жена вас целует, но писать к вам не может еще. Ваш Бык.

7/19 апреля.

Письмо к Орлову отправлено теперь с <1 нрзб.>

<На обороте:> Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой в С.-Петербурге.

Впервые опубликовано: Из переписки А. О. Смирновой с В. А. Жуковским // *Смирнова (рожд. Россет) А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 349. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. письмо А. О. Смирновой к Жуковскому между 16 и 17 марта 1845 г.

В. А. Жуковский — А. О. Смирновой

<Вторая половина мая (н. ст.) 1845. Франкфурт>

Я давно получил от вас письмо Уварова к Гоголю¹, и он уже на это письмо отвечал². Но за чем же дело стало в присылке денег? Пора бы уже и прислать. Эта операция весьма кстати. Здоровье Гоголя требует решительных мер; ему надобно им заняться исключительно, бросив на время перо, и ни о чем другом не хлопотать как о восстановлении своей машины. Живучи у меня, во всю почти зиму, он ничего не написал, и неудачные попытки писать только раздражали его нервы. Я его посылал в Париж, полагая, что рассеяние сделает ему добро; но добро сделало ему только самое путешествие, то есть переезд из Франкфурта в Париж, а жизнь парижская никакой не принесла пользы: он возвратился в том же расстройстве. Копп назначает ехать в Гастейн, который, вероятно, поднимет его на ноги, но, по совету Хелиуса, он поехал было в Гомбург пить воды и тем приготовить себя к Гастейну; начал пить и тотчас почувствовал, что питье вредно. Копп велел ему брать ванны в продолжении двух недель, после чего, осмотрев его, назначит, что ему делать. Я думаю, что он должен будет ехать в Гастейн. Оттуда на всю зиму в Италию. Прошу вас похлопотать или заставить похлопотать Петра Александровича Плетнева, чтобы деньги были тоже выданы и высланы на мое имя во Франкфурт на М<айне>. Я буду знать, куда пересылать Гоголю. Он теперь на три года обеспечен; от Царя милостивого 1000 р<ублей>, да от Великого Князя 1000 франк<ов>, также в продолжении трех лет. Этого будет достаточно, и он может серьезно предаться лечению и с Божьей помощью получит излечение. А я уже и от Орлова получил письмо³ очень любезное, в котором он уведомляет меня о сделанном для Гоголя и охотно вызывается сделать для него впредь что может полезного. <...>

Впервые опубликовано: Письма В. А. Жуковского к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1871. Стб. 1859–1860; см. также: Соч. В. А. Жуковского. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 524–525. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо графа С. С. Уварова к Гоголю от 27 марта 1845 г. было отправлено А. О. Смирновой В. А. Жуковскому при ее письме от 27–28 марта 1845 г. (см. в наст. изд.).

² В конце апреля (н. ст.) 1845 г.

³ От 30 апреля 1845 г. (см. в наст. изд. коммент. к письму В. А. Жуковского к графу А. Ф. Орлову от 19 апреля (н. ст.) 1845 г.).

В. А. Жуковский — П. А. Плетневу

1 июля 1845 г.

<...> К Уварову я писал, но совсем о другом, хотя впрочем и об Одиссее поместил несколько строк в письме своем. Я писал к нему о Гоголе. Но Гоголь уже со мною с месяц расстался; он отправился купаться в Гастейн; я, однако, еще ни строки не имею от него со времени его отъезда. <...>

Впервые опубликовано: Плетнев П. А. Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 556. Печатается по первой публикации.

В. А. Жуковский — А. О. Смирновой

13 (25) октября 1845 г. Франкфурт.

Вот уже целые два месяца прошло с тех пор, как я получил ваше письмо, милая Иосифовна; за ним последовало и другое с векселем Гоголю, — а от меня все еще не было вам ответа.

<...> Ваш вексель получен; я пошлю его в Рим к Бутеневу, которому уже рекомендовал Гоголя. <...>

Впервые опубликовано: Письма В. А. Жуковского к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1871. Стб. 1861, 1867; см. также: Соч. В. А. Жуковского. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 526, 530. Печатается по первой публикации.

В. А. Жуковский — Н. Н. Шереметевой

23 ноября <н. ст.> 1845. Франкфурт.

<...> ...Уведомлю вас о нашем Гоголе. Он, как вам известно, прожил всю прошлую зиму у меня, все хворал; для развлечения съездил в Париж; путешествие ему помогло, а пребывание на месте опять повредило. Возвратясь ко мне, прожил у меня до лета; потом по слову Коппа отправился в Гастейн; но дорогою рассудил посоветоваться с другими докторами — они его отправили в Карлсбад; Карлсбад ему повредил. Вдруг по собственному вдохновению он кинулся в Грэфенберг; лечился холодной водою, ему стало лучше, и он отправился в Рим. Но доехал ли до Рима и что с ним там делается, я не ведаю; он не пишет и на письма не отвечает. <...>

Впервые опубликовано: Письма В. А. Жуковского к Н. Н. Шереметевой // Библиографические Записки. 1858. № 22. Стб. 681–682; см. также: Соч. В. А. Жуковского. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 507. Печатается по первой публикации.

В. А. Жуковский — А. О. Смирновой

13 (25) мая <1846>.

<...> Жду с одной стороны Великого Князя Наследника, он будет в половине июня (старого стиля); с другой стороны жду Гоголя, который едет не в Палестину, а в Остенду.

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. К биографии Жуковского // Русский Архив. 1883. № 2. С. 343. Печатается по первой публикации.

В. А. Жуковский — М. П. Погодину

<10 августа (н. ст.) 1846. Франкфурт>

<...> У меня в Швальбахе гостил Гоголь; ему вообще лучше; но сидеть на месте ему нельзя; его главное лекарство путешествие; он отправился в Остенде; оттуда поедет во Франкфурт и, поживя у меня несколько дней, отправится далее и будет несколько времени везде и нигде; потом воротится на родину, вероятно, в том же году, как и я. <...>

Впервые опубликовано: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 325–326. Печатается по первой публикации.

В. А. Жуковский — А. О. Смирновой

4 (16) августа 1846. Франкфурт.

<...> У меня в Швальбахе гостил две недели Гоголь; он стал здоров; теперь и он в Остенде, оттуда заедет во Франкфурт и потом надолго со мною простится.

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. К биографии Жуковского // Русский Архив. 1883. № 2. С. 345. Печатается по первой публикации.

В. А. Жуковский — Н. Н. Шереметевой

<19 мая (н. ст.) 1847. Франкфурт>

Сию минуту получил ваше любезное письмо, почтеннейшая Н<адежда> Н<иколаевна>, и спешу отвечать вам на него в нескольких словах. Во-первых, донесу вам, что Гоголя нет еще во Франкфурте¹, почему письмо ваше пролежит у меня несколько времени, прежде нежели дойдет ему в руки; посылать же в Неаполь я не хочу, ибо он уже давно писал мне, что будет во Франкфурте через месяц. <...>

Впервые опубликовано: Письма В. А. Жуковского к Н. Н. Шереметевой // Библиографические Записки. 1858. № 22. Стб. 683; см. также: Соч. В. А. Жуковского. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 508. Печатается по первой публикации.

¹ Гоголь прибыл во Франкфурт 10 июня (н. ст.) 1847 г.

В. А. Жуковский — А. О. Смирновой

<15 июля (н. ст.) 1847>

Вместо того чтоб ехать к вам, милая Александра Осиповна, я хотел было послать к вам прошение о том, чтобы вы сами отправились к нам. Копп посылает жену в Интерлакен дышать горным воздухом, который, по словам его, будет ей радикальным лекарством, и я должен везти ее туда, чему необходимо должна быть принесена в жертву моя поездка в Петербург. Но это вложило мне в сердце желание пригласить и вас в Интерлакен — вероятно, что и вам тем же мог бы целителен быть горный воздух, но теперь другое обстоятельство — Вяземский пишет ко мне, что его княгиня нашла вас совершенно здоровою и что... После здесь начертанной закорючки вам нельзя предпринимать путешествия. Зато, как утверждает Копп, такого рода закорючка лучше всяких других лекарств исцеляет от болезней, подобных вашим. Помогите вам Бог. Но мне весьма грустно, что я вас не увижу. Правда, наше свидание было бы минутным сном — но что же в жизни не сон? Говорю это однако не в смысле Горация, который велит

Ловить, ловить летящий лист;

Он, улетев, не возвратится —

а в том смысле, что существенность начинается для нас только тогда, когда в последний здешний час <1 нрзб.> смерти все наши житейские сны вдруг сольются для нас в один образ неизменного и вечного. Скажу вам, что наш Гоголь теперь в Франкфурте; он пополнел, поздоровел, но вместо жаркой Палестины едет к южным берегам Северного моря, в котором надеется утопить последний остаток своего нервического недуга. Он теперь давно ушел от того состояния, в каком провел у меня целую зиму. Это подает мне надежду и за мою жену; она было начала поправляться после осьмимесячного почти беспрестанного страдания — но вот опять уже более трех недель как начинает возвращаться то же, что в прошлую зиму так сильно ее мучило. Это тоже вы знаете. Страх берет при одной мысли, что, если оно возвратится. Поможет ли Интерлакен — знает один Бог. Простите, милая; пишите о себе поподробнее. Мой дружеский поклон Николаю Михайловичу¹. Жена вас всем сердцем обнимает. Ваш Жуковский.

Завтра надеюсь увидеть великого князя наследника во Франкфурте.

3/15 июля 1847 года.

<На обороте:>

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой в Калуге.

Впервые опубликовано: Из переписки А. О. Смирновой с В. А. Жуковским // *Смирнова (рожд. Россет) А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 350–351. Печатается по первой публикации.*

¹ Смирнову.

В. А. Жуковский — князю П. А. Вяземскому

<14 июля – 1 августа (н. ст.) 1847. Эмс>
<...> 3/15 <июля>.

<...> Знаешь ли, с кем я живу под одною кровлею в Эмсе? — с Хомяковым¹. Он здесь с женою, которая лечит Эмсом свою большую грудь (впрочем, ее болезнь не имеет ничего опасного). Хомяков — живая, разнообразная, поэтическая библиотека; добродушный, приятный собеседник. Он мне всегда был по нутру; теперь я впился в него, как паук голодный в муху: навалил на него чтение вслух моих стихов... <...> К нам подъехал и Гоголь, и мы на досуге триумвиратствуем. <...>

Статью твою о Гоголевой книге² я читал с необыкновенным удовольствием. Многое даже меня глубоко тронуло. Но к ней я намерен возвратиться после; теперь только вообще благодарю тебя за мастерски написанную статью. Вот истинная критика. <...>

Впервые опубликовано: Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива // Русский Архив. 1866. Стб. 1073–1074; см. также: Соч. В. А. Жуковского. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 632–633. Печатается по первой публикации.

¹ «30 мая 1847 года Хомяков выехал из нелюбимого им города <Петербурга> и в июле был уже в Эмсе» (Русский Архив. 1866. Стб. 1073).

² К<князь> Вяземский. Языков. — Гоголь // Санктпетербургские Ведомости. 1847. 24 апр. № 90; 25 апр. № 91. Фрагмент статьи см. в наст. изд.

В. А. Жуковский — А. О. Смирновой

Эмс, 7 августа 1847, н. ст.

<...> Гоголь (теперь он в Остенде) читал мне прекрасное письмо Аркадия о его книге¹. В вашей семье, надобно признаться, ум свил себе гнездо и сидит на нем без слета; сидит, да и высживает. <...>

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. К биографии Жуковского // Русский Архив. 1883. № 2. С. 346. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо Аркадия Осиповича Россета, брата А. О. Смирновой, к Гоголю от 12 марта 1847 г. о «Выбранных местах из переписки с друзьями». 22 марта 1847 г. А. О. Россет писал сестре: «Я написал Гоголю довольно подробно и откровенно, какое впечатление произвела вообще его книга на публику. В письме этом я не столько боялся, что передал впечатление неверно, сколько того, чтобы оно не показалось ему черствым. Я читал его Вяземскому и Плетневу: они уговорили меня послать его. Летом буду в Калуге и прочту, ибо оставил у себя копию» (Русский Архив. 1896. № 3. С. 366).

В. А. Жуковский — А. П. Елагиной

7 марта н. с<т.> 1848 г. <Франкфурт>.

<...> ...Приложенное письмо, написанное и не посланное Гоголю месяца полтора перед этим, я посылаю вам для сообщения его С. П. Шевыреву, издателю Москвитянина: если он найдет его годным для журнала своего, то пускай напечатает¹. Скажите ему, что я дружески ему кланяюсь. <...>

Прошу вас внимательно прочесть письмо к Гоголю и поправить ошибки, чтобы избежать их в печати. Мне самому перечитывать некогда и не хочется. Письмо давно переписано, но я промедлил послать.

Впервые опубликовано: Уткинский сборник. М., 1904. С. 78–79. Печатается по изд.: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852 / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э. М. Жилияковой; Томский гос. ун-т. М., 2009. С. 570–571.

¹ Письмо к Гоголю было помещено в № 4 «Москвитянина» под заглавием: «О поэте и современном его значении» с пометой: «29 января 1848 г. Франкфурт на Майне» (другое название: «Слова поэта – дела поэта»).

В. А. Жуковский — А. Я. Булгакову

1849 7/19 марта. Баден.

<...> Где Гоголь? Ты ведь с ним знаком? видишь его? Если выдаешь его, скажи ему, что я всем сердцем пеняю ему за молчание. <...> Праздник у вас, нечего сказать, был прекрасный¹. Мысль его мне чрезвычайно понравилась, и почти жаль, что праздник был *дан*; его непременно бы надобно было отложить до первого посещения Москвы Императором. По крайней мере ограничиться бы одним Кенильвортом², а Россию сберечь про Русского Царя. Но это была службишка, а служба впереди. Можно повторить будет Россию при первом появлении Царя в ее древнюю столицу; но чтобы не было просто повторения, можно прибавить к представлению материальной России в ее народах быстрый обзор ее Истории; можно в немногих живых картинах представить все главные эпохи ее истории. Надобно только, чтобы выбраны были сюжеты живописные, а эскизы и план расстановки, костюмы и освещение были поручены *живописцу*, и чтобы он в этом деле был полным господином. Для избрания сюжетов, составить комитет из наших ученых профессоров, которых особенный предмет есть История Российская, не забыть пригласить в этот комитет Хомякова и Гоголя. <...>

Впервые опубликовано: Письма В. А. Жуковского к московскому почтдиректору А. Я. Булгакову. Сообщены Павлом Александровичем Булгаковым // Русский Архив. 1868. Стб. 1475–1476; см. также: Соч. В. А. Жуковского. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 581–582. Печатается по первой публикации.

¹ В ночь с 9 на 10 февраля 1849 г. в Москве в доме генерал-губернатора графа А. А. Закревского состоялся маскарад, организованный супругой Закревского Аграфеной Федоровной, на котором в большом разнообразии были представлены русские национальные костюмы. По поводу этого маскарада М. П. Погодин написал статью (*Погодин М.* Несколько слов о значении русской одежды в сравнении с европейской. *12-го февраля* // Москвитянин. 1849. Ч. I. № 1–4. Отд. V. С. 114–120). С. П. Шевырев также писал об этом маскараде (см.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 10. С. 206).

² Замок в Англии.

В. А. Жуковский — А. Я. Булгакову

<...> Базель 17/29 мая <1849>.

P. S. <...> Если увидишь Гоголя, скажи ему, что я получил коротенькую записочку, которая доказала мне только то, что ему ко мне писать не хочется; вследствие сего и я не пишу к нему, а ты уведоь его, что Одиссея кончена и отпечатана, и едет на долгих в Россию. <...>

Впервые опубликовано: Письма В. А. Жуковского к московскому почтдиректору А. Я. Булгакову. Сообщены Павлом Александровичем Булгаковым // Русский Архив. 1868. Стб. 1477; см. также: Соч. В. А. Жуковского. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 583. Печатается по первой публикации.

В. А. Жуковский — А. Я. Булгакову

<12 ноября (н. ст.) 1849>

...Теперь прошу только передать приложенное письмо Гоголю, если только он еще существует на земле. <...>

31 октября 1849.

Впервые опубликовано: Соч. В. А. Жуковского. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 584. Печатается по первой публикации.

В. А. Жуковский — П. А. Плетневу

3 (15) февраля 1850 г. Баден-Баден.

<...> Вы называете мой перевод второй части Одиссеи подвигом исполинским — это особенно в том отношении правда, что моя работа была *постоянная* и *без всякого внешнего подкрепления*; первые 12 песней переведены во Франкфурте; там жил в моем доме Гоголь, я читал ему мой перевод, он читал его мне и судил о нем как поэт... <...> Ничего этого я не имел, переводя вторую часть Одиссеи в Бадене. <...>

Впервые опубликовано: *Плетнев П. А.* Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 631. Печатается по первой публикации.

В. А. Жуковский — А. Я. Булгакову

<15 марта (н. ст.) 1850. Баден-Баден>

Возвратился ли ты наконец из Пб., мой добрый Александр? И твои письма и приложенные к ним письма от моих я получил и благодарю тебя сердечно, но не благодарю за то, что ты все меня величаешь ленивцем, тогда как я довольно часто пишу к тебе. Правда, многие мои письма весьма не длинны, но ведь для длинных писем у меня совсем нет материалов. Я веду жизнь уединенную; о том, чтоб у меня дома делается, сказано один раз навсегда: мир домашний. Об болезни жены говорить не хочется — тяжело и грустно. И тем более тяжело, что эта болезнь, сама по себе несчастье, приковывает меня уже несколько лет к заграничному, противному мне житью; а вы все *попрекаете* мне, что я забыл Русь и все бредите (чтобы только что-нибудь сказать), что я совсем решил покинуть отечество. На такие бредни и рука не подымается отвечать. Писать о политике?.. Чтob чорт побрал эту собаку политику с архисобакою Пальмерстоном и со всеми коммунистами, красными, черными и оранжевыми и канительными (как говаривал во время оно наш домашний дурак Варлашка). Меня всякий раз тошнит, когда при-

носят мне газеты. Покойный франкфуртский парламент сделал, однако, одно доброе дело: я подписался на стенографические протоколы его заседаний и вот уже более года... бумага мягкая, немецкие речи длинны, скопилась целая кипа... Остальное время мое посвящено такому делу, которое со временем дойдет до тебя печатное, следственно оно еще менее годится для писем. — Хорош и Вяземский; он пишет из Константинополя в Пб. длинные письма о том, что я не пишу к нему из Бадена; а сам ко мне не пишет... Я остаюсь в Бадене до конца июня, потом на 6 недель в Остенду или в Киссинген; оттуда на зиму в Ревель. След<овательно>, если Бог велит и если опять болезнь жены не привинтит меня к какому-нибудь углу в Германии, мы увидимся будущей зимою. Это значит, что я побываю в Пб. и в Москве, пока один без жены. А потом? Бог скажет что. Прости. Обнимаю тебя, Жуковский.

3/15 марта 1850. Баден-Баден.

Впервые опубликовано: Соч. В. А. Жуковского. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 585–586. Печатается по первой публикации.

Письмо было передано А. Я. Булгаковым для прочтения Гоголю. См. письмо Гоголя к А. Я. Булгакову от 20 марта 1850 г.

В. А. Жуковский — К. К. Зейдлицу

<Март 1851>

<...> ...Особенное достоинство моего перевода «Одиссеи», что он совершался без свидетелей, выключая одного Гоголя, который читал первые 12 песен: остальные я переводил в Бадене. Для курьеза посылаю тебе табличку, из которой увидишь ход перевода. Те числа, против которых стоят точки, означают те дни, в которые я занимался переводом... <...>

Перевод начат в январе 1842 года.
До 1-го октября 1842 года переведено VIII песен.

Числа	В 1844 году во Франкфурте.					В 1848 году в Бадене.			В 1849 году в Бадене.	
	Ок-тябрь	Но-ябрь	Де-кабрь	Ок-тябрь	Но-ябрь	Де-кабрь	Ян-варь	Фев-раль	Март	Ап-рель
1	IX	...		XIII	...	XV		...		
2		С 1-го	XIX	
3		по 6-е	XXIII
4		мая
5	...	X		213
6	...			стихов
7	XXIII
8
9
10	IX			
11				
12						XVII
13					...	XV		XVIII
14	X				...	XVI		...	XIX	...
15	XX	...

16	...	XI		XIV
17	XXIV
18
19	XII		XX
20			XVI	...	XXI
21
22			XVII	XVIII	...
23
24	XXI
25	XXII
26	...	XI			
27		XIII
28	XII	XIV
29
30
31	XXII

Впервые опубликовано: *Зейдлиц К.*, д-р. Очерк развития поэтической деятельности В. А. Жуковского. По неизданным источникам и личным воспоминаниям // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1869. № 6. С. 331–332. Печатается по первой публикации.

В. А. Жуковский — П. А. Плетневу

Баден, 7 (19) декабря 1851.

<...> Не знаете ли чего о Гоголе? Он для меня пропал. Я бы давно к нему писал, но не знаю, куда к нему писать. Говорят, что он кончил вторую часть «Мертвых душ» и что это чудесно хорошо. Если будет напечатано, пришлите немедленно. <...>

Впервые опубликовано: *Плетнев П. А.* О жизни и сочинениях В. А. Жуковского // Живописный Сборник замечательных предметов из наук, художеств, промышленности и общежития. Издание А. А. Плюшара. СПб., 1853. <Т. 3.> С. 394; см. также: Соч. В. А. Жуковского. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 603–604; *Плетнев П. А.* Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 141, 723. Печатается по последнему изданию (С. 723).

В. А. Жуковский — П. А. Плетневу

23 января (4 февраля) 1852 г. Баден.

<...> Гоголь наконец по двухлетнем молчании написал ко мне, и я из его письма узнал с восхищением, что он живет в Москве, на Никитском бульваре, в доме Талызина. Я начинаю думать, что я всех моих друзей и приятелей обидел, подарив им по экземпляру моих сочинений: почти ни один мне не откликнулся. <...>

Впервые опубликовано: *Плетнев П. А.* О жизни и сочинениях В. А. Жуковского // Живописный Сборник замечательных предметов из наук, художеств, промышленности и общежития. Издание А. А. Плюшара. СПб., 1853. <Т. 3.> С. 395; см. также: Соч. В. А. Жуковского. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 605; *Плетнев П. А.* Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 143–144, 726. Печатается по последнему изданию (С. 726).

В. А. Жуковский — графу А. П. Толстому

<16 марта (н. ст.) 1852. Баден-Баден>

Милостивый Государь Граф Александр Петрович! Гоголя нет на свете; вчера я получил это печальное известие из Петербурга от Петра Александровича Плетнева. Он между прочим извещает меня, что Гоголь жил последнее время у Вашего Сиятельства в доме. Это меня порадовало: он Вас любил; в его смерти не могло быть одиночества. Обращаюсь к Вам с покорною просьбою: благоволите сообщить мне подробности о причине смерти и о его последних минутах. При этом почитаю обязанностью обратить Ваше внимание на следующее: после Гоголя остались мать и две сестры¹; я не знаю, какое их положение; друзьям Гоголя надлежит позаботиться о двух предметах: о благосостоянии оставшегося после его семейства и о полном издании его сочинений, подпискою на которое могло б быть устроено это благосостояние. Я уверен, что Вы не откажетесь дать ход этому делу: во-первых, надобно снести с семейством, оставшимся после Гоголя, которому принадлежит право издания его сочинений; потом составить комитет из нескольких литераторов, дабы привести в порядок сочинения, уже напечатанные и неизданные манускрипты; в Москве для этого рекомендую Вам профессора Шевырева, а в Петербурге Ректора Университета Петра Александровича Плетнева, который заведывал всегда делами литературными Гоголя. Если б я был в России, я бы предложил Вам охотно свои услуги. Простите, что без всякого с Вашей стороны вызова я предлагаю Вам свои советы: это служит доказательством моего уважения к Вашему благородному характеру.

С неизменным чувством этого уважения честь имею быть

Вашего Сиятельства

покорным слугою

Жуковский.

Bade-Bade

Maison Kleinmann

1852 4/16 марта.

Первые опубликовано: Письмо В. А. Жуковского к графу А. П. Толстому. Сообщил Я. К. Грот // Сборник Общества Любителей Российской Словесности на 1891 год. М., 1891. С. 67–68. Печатается по первой публикации.

¹ В то время из трех сестер Гоголя незамужними оставались две — Анна и Ольга.

Н. П. Лыжин

Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы Фрагмент

<...> С 1827 года Тимофей Егорович Бок¹ жил в своем имении, лишенный рассудка. Когда наш поэт² поселился в Германии и жил в Саксенгаузене, сын описанного мною лица³, сообщивший мне интересные данные, вошедшие в мой рассказ, в бытность свою за границею посещал его несколько раз. Навсегда сохранил он в памяти радушный и теплый прием Жуковского, обаятельную прелесть его жены и безмолвного Гоголя. Когда после обеда последний вышел в сад, Жуковский заметил, что за чудак стал этот Гоголь, все молчит; прежде бывало рассказам его конца нет. Вот вам для образчика анекдот, слышанный мною от него. Во время какого-то праздника в кремлевских воротах столпился народ; надзиратель, командуя городовыми, грозно кричал: «публика, проходи, проходи, а народ пошел назад!»⁴ «Позвольте вас спросить, — заметил Гоголь, — какая же разница между народом и публикою?» — «А вот какая, — отвечал надзира-

тель, схватив за бороду одного из мужиков, тыкая его довольво нецеремонно в зубы, — это вот народ; куда лезешь, пошел назад! а вы-с публика, пожалуйста-с!» Надо было послушать, как рассказывал Гоголь этот простой случай, заметил Жуковский. <...>

Впервые опубликовано: *Лыжин Н.* Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы // *Летописи Русской Литературы и Древности*, издаваемые Н. Тихонравовым. 1859. Т. 1. Отд. 1. Кн. 2. С. 77–78. Печатается по первой публикации.

Николай Петрович Лыжин, историк.

¹ Тимофей Егорович Бок (род. в 1786); в 1818 г. был лишен свободы на девять лет.

² В. А. Жуковский.

³ Георгий Тимофеевич Бок (1818–1876), вице-адмирал, гофмейстер двора великого князя Владимира Александровича.

⁴ Эти слова напомнил Гоголю К. С. Аксаков в письме, датированном периодом между 11 и 20-м числами мая 1848 г.: «Знаете ли вы знаменитое восклицание полицмейстера: *публика вперед, народ назад!*»

Портреты Гоголя и рисунки к его сочинениям *Фрагмент*

<...> По отзыву лиц, близко знавших Гоголя, наиболее удачный и схожий портрет его принадлежит кисти А. А. Иванова, который писал его с Гоголя в Риме, в 1841 г., для В. А. Жуковского. Портрет этот был передан Гоголем Жуковскому при свидании с ним во Франкфурте-на-Майне в сентябре 1841 года. <...>

Впервые опубликовано: *Ефремов П. А. Портреты Гоголя и рисунки к его сочинениям // Русская Старина. 1878. № 5. С. 158. Печатается по первой публикации.*

Петр Александрович Ефремов (1830–1907), библиограф.

Гоголь в письмах и воспоминаниях графа Мих. Ю. Виельгорского

Из писем графа Мих. Ю. Виельгорского

Граф Мих. Ю. Виельгорский — В. А. Жуковскому

20 декабря (н. ст.) 1838 г. Рим.

<...> Видел я Гоголя, которого можно назвать *римским Гоголем*. Он помолодел, об тебе много спрашивал и с нетерпением ожидает. <...>

Впервые опубликовано: Из писем к В. А. Жуковскому // Русский Архив. 1902. Кн. 2. С. 442. Печатается по первой публикации.

Граф Михаил Юрьевич Виельгорский (1788–1856), высокопоставленный чиновник (обер-шенк) двора великой княгини Елены Павловны, масон, композитор, музыкальный деятель, с апреля 1827 по январь 1828 г. исполнял обязанности попечителя Харьковского учебного округа.

Граф Мих. Ю. Виельгорский — В. А. Жуковскому

14 мая (н. ст.) 1839 г. Alla villa Celimontana.

<...> Гоголь, который приходит бодрствовать ночью и целые дни проводит с нами, тебе кланяется сердечно. Он нас много утешает и забавляет оригинальной, умной своей болтовней. <...>

Впервые опубликовано: Из писем к В. А. Жуковскому // Русский Архив. 1902. Кн. 2. С. 444. Печатается по первой публикации.

Граф Мих. Ю. Виельгорский — графу Матв. Ю. Виельгорскому

<Сентябрь 1848>

<...> Не знаю, предупрежден ли ты о приезде Гоголя. Несмотря на свои истинные достоинства, этот человек не лишен тщеславия, хотя оно тщательно скрыто, и он и сам, быть может, не подозревает о нем. Это делает его для меня мало симпатичным. Рейнар также приезжает. Итак, нужно приготовить им хорошие постели, это главное в деревне. Я думаю, что Рейнара и Гоголя можно поместить в маленьком домике, если он пригоден для жилья. <...>

Подлинник на фр. яз. Впервые опубликовано, в переводе: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Р. Б. Заборовой // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 708. Печатается по первой публикации.

Граф Матвей Юрьевич Виельгорский (1794–1866), виолончелист, музыкальный деятель, вице-председатель Общества поощрения художников, камергер; брат Мих. Ю. Виельгорского.

**Граф Мих. Ю. Виельгорский
о первом авторском чтении «Ревизора»,
в дневниковой записи князя П. А. Васильчикова**

<...> 15 декабря 1853 г. Виельгорский мне рассказывал, как он присутствовал у Волконского¹ при первом чтении «Ревизора». Пушкин присутствовал. Все были в восхищении. Михаил Юрьевич Виельгорский и князь Вяземский (Петр) одни позволили себе некоторые замечания.
<...>

Впервые опубликовано: Тургенев о революционном Париже 1848 г. Из дневниковых записей П. А. Васильчикова. Публикация Л. М. Долотовой // Лит. наследство. Т. 76. М., 1967. С. 346. Печатается по первой публикации.

Князь Петр Алексеевич Васильчиков (1829–1898), сын сенатора князя А. В. Васильчикова (1778–1854).

¹ Имеется в виду министр Императорского Двора князь П. М. Волконский. Первое чтение «Ревизора» состоялось у В. А. Жуковского 18 января 1836 г. См. в наст. изд. письмо князя П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 19–23 января 1836 г., а также «Литературные воспоминания» И. И. Панаева.

Гоголь в дневнике графа И. М. Виельгорского

20 декабря (н. ст.) 1838 г. <Рим>. <...> Гоголь. Открытие нового Корреджио¹. Процесс. Мертвые Души.

Впервые опубликовано: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и Виельгорские в их переписке // Вестник Европы. 1889. № 10. С. 449. Печатается по первой публикации.

Граф Иосиф Михайлович Виельгорский (1817–1839), сын Мих. Ю. и Л. К. Виельгорских, с 1828 г. воспитывался вместе с великим князем Александром Николаевичем. См. о нем: Наше наследие. 1998. № 46. С. 38–59; *Лямина Е. Э., Самивер Н. В.* «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999.

«...Имя Гоголя в записке подчеркнуто; любопытно далее упоминание о новом Корреджио, под которым, без сомнения, разумеется <...> А. А. Иванов <...> ...Оценив высокое дарование Иванова и стараясь указать и разъяснить его другим, Гоголь не мог не заинтересовать им юношу Виельгорского, питавшего наследственную симпатию к представителям науки и искусства» (*Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и Виельгорские в их переписке. С. 449).

¹ Ср. обращение Ф. А. фон Моллера в письме к А. А. Иванову от 4 июня (н. ст.) 1843 г.: «Correggio, ne unvayite» (см. в наст. изд.).

Графиня Ап. М. Виельгорская — графу Матв. Ю. Виельгорскому

22 июня <н. ст.> 1839 г. <Марсель>

<...> Гоголь обещался нам дать воспоминания и последние слова ангела нашего¹, выражения которого он никогда не забудет. <...>

Впервые опубликовано: *Розанов А. С. Ф. Лист в Риме в 1839 г. (по материалам семейного архива графов Виельгорских)* // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1983. Л., 1985. С. 301. Печатается по первой публикации.

Графиня Аполлиария Михайловна Виельгорская (в замужестве Веневитинова) (1818–1884), дочь Мих. Ю. и Л. К. Виельгорских.

¹ Имеется в виду покойный граф И. М. Виельгорский.

Графиня Л. К. Виельгорская (рожденная герцогиня Бирон) — княгине О. С. Одоевской

Понедельник. <11 или 18 ноября 1846>.

Я была у Вас, дорогая княгиня, надеясь увидеться и поговорить с Вами. <...> Дело касается нашего дорогого Гоголя, от которого мы получили письмо¹. Ответить на него невозможно до нашего свидания. Таким образом, повидаться с Вами крайне необходимо.

Подлинник на фр. яз. Впервые опубликовано, в переводе: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Р. Б. Заборовой // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 692. Печатается по первой публикации.

Графиня Луиза Карловна Виельгорская (рожд. герцогиня Бирон, 1791–1853), фрейлина, вторая жена Мих. Ю. Виельгорского.

Княгиня Ольга Степановна Одоевская (рожд. Ланская, 1797–1872), жена князя В. Ф. Одоевского.

¹ Имеется в виду письмо Гоголя к дочери графини Л. К. Виельгорской Анне Михайловне от 2 ноября (н. ст.) 1846 г. из Ниццы, где Гоголь предложил А. М. Виельгорской взять на себя обязанность раздачи нуждающимся денег, вырученных от продажи нового благотворительного издания «Ревизора с Развязкой». В Петербурге такую раздачу Гоголь поручил также, в числе других лиц, княгине О. С. Одоевской (см. гоголевское «Предупреждение» к предполагаемому изданию комедии). 20 ноября 1846 г. графиня А. М. Виельгорская отвечала Гоголю из Петербурга: «...я постараюсь всеми силами оправдать ваше ко мне доверие. <...> Плетнева до сих пор я не могла видеть. Он живет на Васильевском острове, с которым очень долго не было сообщения; но я уж давно ему послала ваше «Предупреждение» через княгини Одоевской <через княгиню Одоевскую>, растолковавши ей прежде хорошенько ваши намерения. Она также готова исполнить их, но до сих пор «Ревизор» еще не вышел, так что нам покамест нельзя ничего предпринять».

<Из воспоминаний родственников Виельгорских> Фрагменты из «Материалов для биографии Гоголя» В. И. Шенрока

<...> В одном случае, именно в вопросе о точном установлении времени сватовства Гоголя к А. М. Виельгорской, впрочем, действительно трудно устранить сбивчивость и колебания, так как здесь мы имеем дело с фактом, который по самому своему существу *был особенно тщательно скрываем*. <...>

...Отношения ее <графини А. М. Виельгорской> незаметно перешли за черту обыкновенной дружбы и сделались чрезвычайно интимными. Но здесь-то началась фальшь их положения. Виельгорские, как большинство людей титулованных и принадлежащих к высшему кругу, никогда не могли бы допустить мысли о родстве с человеком, так далеко отстоявшим от них по рождению. Анна Михайловна, конечно, не думала о возможности связать свою судьбу с Гоголем. Оказалось, что Виельгорские, при всем расположении к Гоголю, не только были поражены его предложением, но даже не могли объяснить себе, как могла явиться такая странная мысль у человека с таким необыкновенным умом. Особенно непонятно это казалось Луизе Карловне, давно уже переставшей переписываться с Гоголем по причине болезни глаз, а теперь решившей и не возобновлять переписку. Впрочем, мы должны сделать оговорку: собственно говоря, Гоголь только обратился с запросом к графине через Алексея Владимировича Веневитинова, женатого на старшей дочери Виельгорских, Аполлинии Михайловне¹. Зная взгляды своих родственников, Веневитинов понял, что предложение не может иметь успеха, и напрямик сказал о том Гоголю. <...>

Предложение было сделано, вероятно, в 1850 или в 1848, когда¹ Гоголь ездил на короткое время в Петербург. Воспоминание о нем сохранилось в семейных преданиях родственников Анны Михайловны... <...>

Впоследствии, уже после смерти Гоголя, Анна Михайловна Виельгорская вышла за князя Александра Ивановича Шаховского.

Кроме категорического сообщения родственников Виельгорских о сватовстве Гоголя к Анне Михайловне, отметим, что довольно знаменательными представляются нам приведенные строки письма от 29 октября 1848 г.: «Бросьте всякие, даже и малые, выезды в свет: вы видите, что свет вам ничего не доставил. Вы искали в нем душу, способную отвечать вашей, думали найти человека, с которым об руку хотели пройти жизнь, и нашли мелочь да пошлость»; и все письмо², начинающееся словами: «Мне казалось необходимым написать вам хоть часть моей исповеди», где встречаются, между прочим, такие выражения, как напр<имер>: «Скажу вам из этой исповеди одно только то, (что) я много выстрадался с тех пор, как расстался с вами в Петербурге», или: «если бы каждый помолился покрепче Богу, то мы все стали через несколько времени в такие отношения друг к другу, в каких следует нам быть. Тогда бы и мне и вам оказалось видно, чем я должен быть относительно вас. Может быть, я должен быть не что другое в отношении вас, как верный пес, обязанный беречь в каком-нибудь углу имущество господина своего. Не сердитесь же» и проч. <...>

¹ В изд. 1889 г.: вероятно, в 1848 г., когда

Впервые опубликовано, без последнего абзаца: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и Виельгорские в их переписке. 1839–1849 г. // Вестник Европы. 1889. № 10. С. 474–475. Печатается по изд.: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. VIII, 739–740.

О «влюбленности» Гоголя в графиню А. М. Виельгорскую упоминали также граф В. А. Соллогуб (см. в наст. изд. *Воспоминания графа В. А. Соллогуба*), П. И. Бартнев (см. в наст. изд. раздел *Гоголь в письмах А. О. Россета*). Возражения на этот счет высказывали сестра Гоголя А. В. Гоголь (см. в наст. изд. раздел *Гоголь в письмах А. В. Гоголь к А. М. Черницкой*), О. Н. Смирнова (см. в наст. изд. <*Воспоминания о Гоголе А. О. и О. Н. Смирновых в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока*> и <*Воспоминания о Гоголе О. Н. Смирновой в «Указателе к письмам Гоголя... в издании Кулиша» В. И. Шенрока*>). Подробнее о характере отношения Гоголя к графине А. М. Виельгорской см. в наст. изд. в коммент. к письму графа В. В. Апраксина к матери от 20 августа (н. ст.) 1847 г. и в коммент. к письму И. С. Аксакова к родным от 21 августа 1854 г., а также в статье: *Виноградов И. А.* «Дело жизни» Н. В. Гоголя и вопрос о его сватовстве к графине А. М. Виельгорской // Писатель в контексте времени: проблема научного комментария. М.: ГАСК, 2001. С. 50–64.

В. И. Шенрок писал: «Женский персонал семьи <Виельгорских>, безусловно, не мог быть знаком Гоголю в тридцатых годах, так как еще в 1828 году, до переезда его из Малороссии в Петербург, Виельгорские почти целым домом переселились в Вюрцбург для лечения хворавшего с младенчества младшего сына, Михаила Михайловича. (Впоследствии его фамилия была Виельгорский-Матюшкин. <...>) С тех пор они оставались за границей почти безвыездно вплоть до сороковых годов. В Петербурге находился в это время только сам Михаил Юрьевич (он встречался тогда с Гоголем на субботних вечерах Жуковского и в кружке Смирновой) с старшим сыном, Иосифом Михайловичем, жившим во дворце» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 263; см. также: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и Виельгорские в их переписке. 1839–1849 г. // Вестник Европы. 1889. № 10. С. 447). Утверждая, что «женский персонал» семьи Виельгорских не мог быть знаком Гоголю в 1830-х гг., В. И. Шенрок ошибался. Графиня Л. К. Виельгорская с дочерьми Аполлиinarieй, Софьей и Анной находилась в Петербурге в период первой постановки «Ревизора». Об этом свидетельствует список «Отъезжающих за границу», напечатанный 7, 12 и 15 мая 1836 г. в «Санкт-Петербургских Ведомостях»: «Двора Его Императорского Величества Шталмейстера Тайного Советника супруга Графиня Луиза Карловна Виельгорская, урожденная Принцесса Бирон, с дочерьми: Графинями Аполлиinarieю, Софьею и Анною Виельгорскими... <...> спрос<ить> 3-й Адм<иралтейской> части 1-го кварт<ала> в доме Графа Голенищева-Кутузова, под № 332» (Прибавление № 101 к Санкт-Петербургским Ведомостям. Четверток, 7-го мая 1836 года. С. 907; Прибавление № 104 к Санкт-Петербургским Ведомостям. Вторник, 12-го мая 1836 года. С. 934; Прибавление № 107 к Санкт-Петербургским Ведомостям. Пятница, 15-го мая 1836 года. С. 962).

¹ Впоследствии сын А. В. и А. М. Веневитиновых, Михаил Алексеевич (1844–1901), написал две статьи о Виельгорских: *Веневитинов М. А.* Несколько слов о графе Иосифе Михайловиче Виельгорском // Русская Старина. 1898. № 1; *Веневитинов М. А.* Семейство Виельгорских // Русская Старина. 1888. № 6.

² Письмо датируется маем 1849 г. В. И. Шенрок отнесил письмо к 1850 г. и отметил: «Это письмо было впервые напечатано в “Вестнике Европы” (1889, XI, стр. 152–153). Оно, кажется, было написано по получении Гоголем отказа по поводу сделанного им Анне Михайловне Виельгорской предложения. Точно определить время его написания очень трудно» (Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 4. С. 309). К словам Гоголя из этого письма: «...все же, что относится до вашего дома, для меня святыня», — В. И. Шенрок в том же издании сделал примечание, что «слова эти как бы подтверждает семейное предание родственников Виельгорских о предложении, сделанном Гоголем Анне Михайловне Виельгорской» (Там же. Т. 4. С. 310).

Гоголь в письмах графа В. В. Апраксина

Граф В. В. Апраксин — графине С. П. Апраксиной

Рим. 9 января <н. ст.> 1847.

<...> Я был вчера также у художника, посетившего вас в Искии. Он меня принял с большим удовольствием, показал мне свою картину, которая, действительно, поразительна и будет достойна великих мастеров, если только ей суждено быть законченной¹. Я говорю так потому, что нашел беднягу в том же состоянии морального упадка. Завтра утром я снова приду к нему, чтоб прочесть ему письмо о нем, которое я предполагаю написать Николаю Васильевичу Гоголю². Это письмо, может быть, не отправится по своему назначению так быстро, как мне хотелось бы, потому, что я не доверяю его почте и оно должно ждать специальной оказии в Неаполь. Эти предосторожности, может быть, излишни, но поскольку здесь чужие тайны, следует быть особенно осторожным. <...>

Подлинник на фр. яз. Впервые опубликовано, в переводе: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 693. Печатается по первой публикации.

Граф Виктор Владимирович Апраксин (1822–1898), сын графа Владимира Степановича Апраксина (1796–1833) и графини Софьи Петровны, сестры графа А. П. Толстого. Кроме него, в семье В. С. и С. П. Апраксиных было еще двое детей: дочери графини Наталья Владимировна, фрейлина, и Мария Владимировна (в замужестве княгиня Мещерская), на которой в 1847 г. вынашивал планы жениться А. А. Иванов. В 1841 г. граф В. В. Апраксин был студентом Московского университета (см.: К. Б. Опыт исторического родословия дворян и графов Апраксиных. СПб., 1841 (цензурное разрешение 28 мая). С. 13–14). В письме к П. А. Плетневу от 15–16 января (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал: «...Апраксин (Викт<ор> Владим<ирович>), весьма дельный молодой человек, вовсе не похожий на юношей-щелкоперов. Он глядит на вещи с дельной стороны и, будучи владелец огромного имения, намерен заняться благосостоянием его серьезно».

¹ Речь идет об А. А. Иванове и его картине «Явление Мессии». В октябре 1847 г. А. А. Иванов, вспоминая о времени, проведенном в Искии (селение на острове с одноименным названием, близ Неаполя), писал графине С. П. Апраксиной: «Столь приближенный к вашему дому благословенными воспоминаниями Искии и Каstellамаре, я чувствую непреодолимое желание знать о положении и здоровье как вашему, так и достопримечательнейшего семейства вашего» (*Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. С. 471). «Как полезно мне было прошедшее лето у вас. <...> Благословенные сцены в Искию способны дух мой воскресить из самых горячайших пришибов жизненных и дать мне новые силы к существованию» (Там же. С. 478).

² Письмо неизвестно.

Граф В. В. Апраксин — графине С. П. Апраксиной

9 апреля 1847 г. Петербург.

<...> Я надеюсь <...> приготовить письмо для Николая Васильевича. Скажите ему, от моего имени, что он получит выдержки из отзывов всех журналов, газет и т. п. о его книге¹, но не ранее, чем через две недели. <...>

Подлинник на фр. яз. Впервые опубликовано, в переводе: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 694. Печатается по первой публикации.

¹ Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».

Граф В. В. Апраксин — графине С. П. Апраксиной

8/20 августа 1847 г. Коксгавен.

В то время как я читал Ваши письма, я получил письмо от Гоголя, который умоляет меня приехать¹; вчера я решился, и через час я отправляюсь в Амстердам, Роттердам и Остенде, куда я прибуду через двое суток. <...>

Подлинник на фр. яз. Впервые опубликовано, в переводе: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 694. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо не сохранилось. Просьба в нем Гоголя к графу В. В. Апраксину приехать в Остенде связана с тем, что еще в начале 1847 г. у Гоголя возникла идея познакомить Апраксина с графиней А. М. Виельгорской. 16 января (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал ей: «Спешу, пользуясь счастливой оказией и посредством моего доброго приятеля Викт<ора> Влад<имировича> Апраксина, которого вы уже, вероятно, знаете, написать также и вам несколько строчек, моя добрейшая Анна Михайловна». Спустя три месяца, 16 марта (н. ст.) 1847 г., он спрашивал Виельгорскую: «Напишите мне, как вам показался Апраксин. Он на мои глаза показался совсем не похожим на других молодых людей, исполнен намерений благих и намерен заняться не шутя благосостоянием *истинным* своего огромного имени и людей, ему подвластных». Виельгорская в письме от 5–8 мая 1847 г. отвечала: «...вы меня еще просили писать вам, как мне понравится молодой Апраксин. Я его вовсе не видала. Он был раз у маменьки, а потом заболел на всю зиму, и весной, как только он выздоровел, он отправился в Москву». Получив этот ответ, Гоголь тем не менее не оставил своего намерения. Спустя некоторое время он предпринял новую попытку познакомить молодых людей. Помимо недошедшего до нас письма к самому Апраксину, 8 августа (н. ст.) 1847 г. он писал из Остенде матери А. М. Виельгорской графине Л. К. Виельгорской: «Скажите, какой Апраксин в Нордерне? Вы написали: Вик<тор> Степ<анович>. Если это сын Софьи Петровны, Вик<тор> Владимирович, то я ему просто напишу, чтобы он приезжал сюда. Зачем ему сидеть там, где, вероятно, никого у него нет знакомых, а здесь будет, без сомнения, и дядя его, гр<аф> Алек<сандр> Петро<вич> Толстой, хоть на две недели, Хомяков, Муханов, и с вами, вероятно, также будет ему приятно встретиться. — Напишите мне хоть две строчки о том, как вы проводите время в Висбадене, и передайте об этом же просьбу мою Анне Михайловне...» В тот же день Гоголь писал графу А. П. Толстому: «...я узнал, что племянник ваш Виктор Владимирович Апраксин находится в Нордерне, где берет морские ванны. Я написал ему письмо, в котором прошу его заглянуть в Остенде, где, может быть, он встретит вас, что, без сомнения, и вам, и ему будет приятно, и признаюсь, в то же время подумал: хорошо, если бы он познакомился и узнал Ан<ну> Миха<й>лов<ну>. Почему знать? Может быть, они бы понравились друг другу. У Виктора Вл<адимировича> желанье сильное сделаться помещиком и заняться не шутя благоустройством крестьян. В таком случае вряд ли ему во всей России найти где лучшую помощницу, которая дейс<твует и> рассуждает так умно об этом деле, как я не встречал никого из нашей братьи мужчин». 21 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь вновь писал графу А. П. Толстому из Остенде: «Вчера приехал сюда ваш племянник Викт<ор> Владим<ирович> Апраксин. Он поправился здоровьем. Вам надобно его узнать. Он очень умный и очень желающий действовать полезно; только и думает, чтобы заняться деревней, хозяйством и благосостояньем крестьян. От Вьельгорских я получил на днях известие. Они едут к 1 сентября». По предположению Л. Р. Каплана, известное Гоголю намерение графа В. В. Апраксина «серьезно» заняться благосостоянием его «огромного имени» (см. коммент. к письму графа В. В. Апраксина к матери от 9 января (н. ст.) 1847 г.) «некоторым образом» отразилось в «Выбранных местах из переписки с друзьями» в главе XXII. *Русский помещик. (Письмо к Б. Н. Б.....му)* (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 694).

Вполне можно предположить, что Гоголь, излагая в «Выбранных местах из переписки с друзьями» свои представления о хозяйствовании, о семье и браке и др., видел возможность осуществления своих взглядов в семейном союзе Апраксина и Виельгорской. В еще одном письме к графу А. П. Толстому, отправленном около 14 августа (н. ст.) 1847 г. из Остенде, Гоголь прямо указывал: «О племяннике вашему я подумал потому, что в нем есть большая ревность к хозяйству и забота об устройении судьбы крестьян. Вот почему мне подумалось о том, что ему нужна была бы умная помощница в таком деле». Можно также предположить, что этими же соображениями руководствовался Гоголь и позднее, а именно тогда, когда невозможность брака между Апраксиным и Виельгорской стала для него очевидной, и он сам попытался воплотить в жизни чаемый им тип хозяйственника и семьянина, — сделав, согласно не вполне достоверному преданию, предложение графине А. М. Виельгорской уже от своего имени (см. в наст. изд. раздел <Из воспоминаний родственников Виельгорских>. Фрагменты из «Материалов для биографии Гоголя» В. И. Шенрока). Именно в духе статьи «Русский помещик» (1846) во многом написано майское письмо Гоголя 1849 г. к графине А. М. Виельгорской, на содержание которого В. И. Шенрок указывал как на косвенное свидетельство о гоголевском сватовстве. Можно не без оснований заключить, что это, по сути, *главное* содержание письма: «...мы еще не довольно друг друга узнали и на многое *очень важное* взглянули легко... <...> Вы бы все меня лучше узнали, если бы случилось нам прожить подольше где-нибудь вместе не праздно, но за делом. Зачем, в самом деле, не поживете вы в подмосковной вашей деревне? Вы уже более двадцати лет не видали ваших крестьян. Будто это бездельца: они нас кормят, называя нас же своими кормильцами, а нам некогда даже через двадцать лет взглянуть на них! Я бы к вам приехал также. Мы бы все вместе принялись дружно хозяйничать и заботиться о них, а не о себе. <...> Тогда бы и мне и вам оказалось видно и ясно, *чем я должен быть относительно вас*. «Что ни говори, — как бы «добавлял» Гоголь в статье «Русский помещик», — но поставить 800 подданных, которые <...> могут быть примером всем окружающим своей истинно примерною жизнью, — это дело бездельное и служба истинно законная и великая». Из слов Гоголя, обращенных к графине Виельгорской, можно также с определенностью заключить, что, какова бы ни была степень достоверности слухов о его сватовстве, «Выбранные места из переписки с друзьями», в духе которых написано цитированное письмо, в свою очередь, как и другие гоголевские произведения, носящие почти всегда автобиографический характер, пронизаны глубоко личными мотивами, не исключая статей самого «делового» и сугубо «хозяйственного» содержания.

К упоминанию Гоголя в письме к А. М. Виельгорской о «подмосковской» деревне Виельгорских В. И. Шенрок в 1889 г. сделал примечание: «Сенницы, Зарайского уезда Рязанской губернии. В начале 50-х годов Виельгорские действительно несколько лет сряду приезжали в Сенницы, что видно из случайно сохранившихся небольших писем на немецком языке к моему покойному отцу И. Х. Шенроку, лечившему Луизу Карловну от болезни глаз. (Будучи, как и Л. К. Виельгорская, уроженцем Остзейского края, отец Шенрока служил в Рязани врачом. — *И. В.*) Письма эти, не имеющие даты, ни в каком случае не относятся к 1853 и последующим годам, так как Луиза Карловна скончалась 6-го февраля 1853 года» (сам В. И. Шенрок родился в Рязани в год смерти Л. К. Виельгорской) (*Шенрок В. И. Н. В. Гоголь и Виельгорские в их переписке // Вестник Европы. 1889. № 11. С. 153; см. также: Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 4. С. 310*).

Граф В. В. Апраксин — графине С. П. Апраксиной

19/31 августа 1847 г. <Остенде>.

<...> Гоголь ожидает со дня на день Виельгорских — мать, дочь и сына, которые объявили, что приедут 1 сентября. <...>

Подлинник на фр. яз. Впервые опубликовано, в переводе: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 694. Печатается по первой публикации.

«Беглые упоминания о Гоголе встречаются и в других письмах В. В. Апраксина к матери, а также в неизданных дневниках последней...» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 694).

Свидетельства о Гоголе С. Б. Шевыревой (рожденной Зеленской)

Гоголь в дневниковых записях С. Б. Шевыревой

<...> 11 мая / 29 апреля 1839 г. Рим. <...> Гоголь пришел в 11 часов, он остался с нами до того момента, когда мы все сели в экипаж, до 2 1/2. — Прежде чем уехать, мы с Лизой¹ благословились, и я простилась с детьми. Теперь все те, кого я люблю, уехали. Господи! Благоволи всем нам снова встретиться. Лиза, ее муж и Гоголь проводили меня домой и пошли à la vigne к больному²; у которого она останется до 5 часов утра, и там она сядет в экипаж, чтобы уехать из Рима. <...>

20 <мая (н. ст.)>. Вечером, когда я <пере>одевалась, пришел Гоголь. Его визит и страшный каприз Бориса³, который закончился тем, что я его нашла, заставили меня спуститься позже, чем мне хотелось. <...>

2 <июня (н. ст.)>, воскресенье, 11 часов вечера. Граф Иосиф умер сегодня в 7 часов. Бедный отец! и мать, которая едет в Париж, предполагая встретиться с ними, — страшно подумать. Мы обедали à la vigne, где я видела Гоголя. Около 6 ч <асов> г <оспо>жа Власова⁴, Борис и я отправились в палаццо Джустиниани, откуда должны были смотреть на процессию, идущую к церкви святого Иоанна Латеранского. <...> Княгиня⁵ приехала на минутку и уже собиралась возвращаться, когда пришли с известием, что больной умирает. Аббат Жерве⁶, тоже пришедший смотреть на процессию, вскоре вызвался сходить за пальто для Бориса, который жаловался, что ему холодно. Когда он вернулся на vigne, его как раз искали: надо было прочесть молитву на исход души. Послали за священником⁷, его не оказалось дома, но больной причащался накануне. Пока все это происходило, мы были в палаццо Джустиниани. <...>

Когда <панихида> окончилась, мы вернулись à la vigne. Брат был последним, с кем говорил граф Иосиф, брат все время поддерживал его голову, и тот ему сказал: «Господин Равей⁸, надо решаться». Агония продолжалась лишь полчаса. Его отец, говорят, был так трогателен в его предсмертные минуты. Пока мы были здесь, он вышел в сад с Гоголем, который пришел только после смерти юного графа. Он подошел к нам, пожал руку князю⁹ и госп<оже> Влас<овой>; я отступила назад, он меня увидел и протянул мне руку. Он не мог говорить. Княгиня осталась с ним до 10 1/2. Князь Репнин¹⁰ отвел нас под вечер. Брат вернулся в 9 часов; он поднялся ко мне, мы могли говорить только о покойном. Добрый брат, он посвятил ему все свое время после отъезда Лизы. <...>

4 <июня>, полночь. Вчера в 6 часов мы (князь, княгиня, господин Влад<имир Паве> и я) пошли à la vigne на панихиду по почившему. Он лежал на столе, и на том самом месте, где мы обедали этой зимой; было еще несколько человек, которые присутствовали на панихиде. Бедный отец был там. После молитв открыли лицо графа И<осифа>, и я его увидела. Он казался уснувшим; его лицо, такое интересное, несколько не изменилось, казалось даже, что на щеках был легкий румянец. Мой добрый граф Риччи¹¹, видя, что это меня взволновало, он подал мне руку, чтобы прогуляться по саду. Он провел ту ночь у отца, и сегодня днем он там; похороны были сегодня¹² после обеда. <...>

Первые частично опубликовано: *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М., 1999. С. 440–441. Заново по автографу напечатано: *Виноградов И. А., Воронаев В. А.* Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2010. Т. 16. С. 328. Пер. с фр. Е. В. Балдиной. Печатается по последней публикации, с дополнениями по публикации 1999 г.

Софья Борисовна Шевырева (рожд. Зеленская; 1809–1871), жена С. П. Шевырева.

¹ Е. Г. Чертовой.

² Графу И. М. Виельгорскому.

³ Сын С. П. и С. Б. Шевыревых Борис Степанович (1836–1888).

⁴ Магдалина Александровна Власова (рожд. княжна Белосельская-Белозерская), сестра княгини З. А. Волконской.

⁵ З. А. Виельгорская.

⁶ Филипп Олимп Жерве (1798–1864), аббат, с 1854 г. — епископ Перпиньянский.

⁷ Имеется в виду настоятель православной русской церкви Святого Николая Чудотворца в Риме (с 1836 г.) иеромонах (с 1844 г. архимандрит) Герасим.

⁸ Владимир Паве (Paveu, около 1811 – после 1858), воспитанник княгини З. А. Волконской, впоследствии камергер при дворе папы римского.

⁹ Князь А. Н. Волконский.

¹⁰ Князь В. Н. Репнин-Волконский.

¹¹ Граф Миньято Риччи (1792–1860), певец-любитель, литератор; близкий друг княгини З. А. Волконской.

¹² 4 июня (н. ст.) 1839 г.

С. Б. Шевырева — С. П. Шевыреву

3–5 июня (н. ст.) 1839 г. Рим.

Все кончилось для графа Иосифа¹, душечка, он умер вчера² между 7 и 8 часами пополудни, кажется, без больших мучений. Княгиня, аббат Жерве и господин Paveu были вместе с отцом в его³ предсмертные минуты. Господин Paveu был последним, с кем он⁴ говорил, он сказал ему: «Как трудно душе отойти от тела». Гоголь ушел часом раньше и пришел только после его смерти. Священник⁵ тоже опоздал; мы не ожидали, что <все> это кончится в тот день. Впрочем, он причащался накануне и еще две недели назад. Отец был так трогателен; он с ним⁶ разговаривал, называл его самыми нежными именами, но тот не мог уже говорить; агония продолжалась около часа.

Княгиня пришла на одну минуту с аббатом; но когда она была уже в пути, возвращаясь à la Vigne, ей сообщили, что больной при смерти. Она пришла еще вовремя вместе с аббатом, который встал на колени и начал читать молитвы за него. После <панихиды> мы пришли в сад, отец с Гоголем прошел мимо нас, он остановился и каждому из нас пожал руку, будучи не в силах выговорить ни слова. Князь Репнин, который находился здесь, отвел нас домой; господин Paveu вернулся в 9 часов, он поднялся ко мне; мы могли говорить только об этом; он был очень взволнован; со времени отъезда Лизы он посвятил почившему все эти дни, он к этому привязался, несмотря на то, что такой образ жизни ему совсем не подходил; он все еще тяжело вздыхал. Спустившись в гостиную, мы провели вечер с <нрзб.>; княгиня вернулась de la vigne только к 11 часам. В понедельник⁷ после ужина мы были à la vigne, <чтобы> присутствовать на панихиде по почившему; его лицо было закрыто; но потом платок сняли, и я увидела его. Его черты совсем не исказились; он казался уснувшим. Во вторник⁸ состоялись похороны, на которых мы не были. <...>

Первые частично опубликовано, с пропусками и неточностями: *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М., 1999. С. 441–442. Заново по автографу напечатано: *Виноградов И. А., Воропаев В. А.* Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2010. Т. 16. С. 326–329. Печатается по автографу: *РГАЛИ. Ф. 563. Оп. 1. Ед. хр. 48. Пер. с фр. Е. В. Балдиной.*

¹ Виельгорского.

² 2 июня (н. ст.) 1839 г.

³ Графа И. М. Виельгорского.

⁴ Граф И. М. Виельгорский.

⁵ Иеромонах Герасим.

⁶ И. М. Виельгорским.

⁷ 3 июня (н. ст.) 1839 г.

⁸ 4 июня (н. ст.) 1839 г.

Гоголь в письмах и документах С. П. Шевырева

Гоголь в письмах С. П. Шевырева

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<9 июля (н. ст.) 1839. Мюнхен>

Письмо это вручит тебе, милый друг, Г. Надворный Советник Мартини, служащий при нашем посольстве в Мюнхене, очень приятный и любезный человек, которому я обязан многими знакомствами здесь. <...> В Риме, слава Богу, все хорошо. Вам жена¹ много кланяется — и все Римские. Гоголь уехал. <...> Дело Барона Молля такое, что другой бы, а не я, в Мюнхене два года прожил. <...> Обними Гоголя, если он с вами.

<Адрес на обороте:>

Herrn

Herrn Professor

von *Pogodin*

Hochwohlgeboren

in *Marienbad*.

Публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 28. Л. 11–12.

Степан Петрович Шевырев (1806–1864), поэт, критик, профессор словесности Московского университета. В 1852 г. Академией наук Шевыреву было поручено составление биографии Гоголя. Собранные Шевыревым свидетельства о Гоголе см. также в наст. изд. в разделах: «Воспоминания М. И. Гоголь-Яновской в путевом дневнике С. П. Шевырева»; «Воспоминания о Гоголе Н. И. Билевича в путевом дневнике С. П. Шевырева».

¹ С. Б. Шевырева.

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<22 июля (н. ст.) 1839. Мюнхен>

Что с тобою, любезный друг Михайло Петрович? Что с вами? Где вы? — Твое молчание наводит на меня большое беспокойство. — Если только ты в Мариенбаде, то верно уже получил письмо мое, посланное к тебе с Г-ном Мартини, который хотел с тобою познакомиться. — Я начал свою первую работу над Моллевской библиотекой. Выбрал 571 том, составил каталог — и отправил донесение к Министру¹ и Попечителю² с вопросом: вспять ли мне теперь же отправляться в Москву — или здесь кончать дело? <...> Теперь только Университет получит лучшее из Моллевской библиотеки. <...> В ожидании ответа буду продолжать работу свою в Дахау. — Сегодня отправляется донесение. — Ответ придет через месяц. — Итак, 22-го/10 августа я надеюсь узнать — с вами ли я еду в Россию или остаюсь еще на год. <...> Мельгунов пишет ко мне, что едет в половине июля в Ганау к Коппу — и оттуда в Гаштейн около Зальцбурга, а на зиму в Италию. — Об Гоголе я имел известие от одного Русского Немца — Крона, который путешествовал вместе с ним и с Данилевским. <...> Послезавтра на м<еся>цъ переезжаю в Дахау — и сюда буду наезжать только за письмами. — Обнимаю тебя, друг мой. Целую ручку у Елизаветы Васильевны³. Обними Гоголя. — Уведомь поскорее о себе и успокой меня.

Твой душев<но> Шевырев.

Мюнхен.

22/10 июля 1839.

<Адрес на обороте:>

Herrn

Herrn von Pogodin

Hochwohlgeboren

in *Marienbad*.

Poste restante.

<Почтовый штемпель:>

MÜNCHEN

22 IUL 1839

Фрагмент письма впервые опубликован: Неизданные письма к Гоголю / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 836. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 28. Л. 9–10.

¹ С. С. Уварову.

² Граф Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882), генерал-майор, попечитель Московского учебного округа в 1835–1847 гг.

³ Е. В. Погодина, жена М. П. Погодина.

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

24 / 12 июля <1839. Мюнхен>.

Наконец получил от тебя весточку, любезный друг. Накануне этого отправил к тебе письмо по почте. Да что же сделалось с этим Надворным Советником Мартини, который взял от меня письмо к тебе в Мариенбад и не отдал. <...> Обнимаю тебя и Гоголя.

Твой душ<евно> Шевырев.

Мюнхен.

<Адрес на обороте:>

Herrn

Herrn Professor

von Pogodin

Hochwohlgeboren

in *Marienbad*.

Fr. Gr.

Публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 28. Л. 13–14.

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<6 ноября (н. ст.) 1839. Мюнхен>

Не знаю, как вы доехали? <...> Где Гоголь? — Как кто придет в Москву, тотчас замолчит. Безответный город. <...>

Твой Шев<ырев>.

Ноября 6 / окт<ября> 25.

Публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 28. Л. 15.

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

Рим. 1840. Мая 1 / Апр<еля> 19.

<...> Напиши же Данилевскому, чтобы он выслал деньги к Павлову. По моему расчету следует с него 354-х асс<игнациями>, которым равняются 400 франков.

Станкевич¹ здесь и бедный очень болен: у него горловая чахотка. Едва ли он ее вынесет. Лечит его прусак, доктор Папы — и посылал его в Альбано, в окрестности Рима. Очень жаль его.

А Максимович-таки перебил заглавие! Этот человек не <может>¹ не подражать: мы Москвитянина, а он уж тотчас Киевлянина. <...>

Публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 28. Л. 23.

¹ Николай Владимирович Станкевич (1813–1840), философ, поэт.

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<Апрель 1841. Москва>

Помогай тебе Бог. — Вчера я читал в клубе 4-й № Отч<ественных> Записок. Такая пустошь, что стыдно за них. — Павлов еще не был у меня. — Выходка против Глинки гадка: за нее надобно *высечь* Белинского¹. Следовало бы тебе напечатать несколько строк от своего имени, чтобы [сказать только, что] сделать только *ожлик* на пьяницу Белинского, чтобы не обижал честных людей, да на Отч<ественные> Записки, чтобы не позволяли у себя таких выходов против людей, которые, кроме литературного имени, ограждены против нахальных нападений нравственным достоинством. — Вот в этом смысле. — Номер, кажется, будет слав<ным>.

С. Шев<ырев>.

Публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 31. Л. 20.

¹ Имеется в виду ироническое упоминание о Ф. Н. Глинке в напечатанной без имени автора в № 4 «Отчественных Записок» рецензии А. Д. Галахова на книгу А. А. Орлова «Малолеток, кормилец престарелого, обнищавшего отца своего...» (М., 1841).

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<4 февраля 1842. Москва>

Четверги открываются: завтра ты приглашен. — Гоголь обещал чтение¹, о котором я говорил Князю². Нельзя ли устроить его в этот четверг? Поговори ему и спроси у него.

Твой Шев<ырев>.

Февр<аля> 4, среда.

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии

¹ Лист оборван.

Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 613. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 31. Л. 2.

¹ Речь идет о чтении повести «Рим». С. Т. Аксаков свидетельствовал: «В 3-м номере “Москвитянина” 1842 года была напечатана большая статья Гоголя, под названием “Рим”. Предварительно он прочел ее у меня в доме, а потом на литературном вечере у князя Дм. Вл. Голицына, который просил об этом Гоголя, но через кого — не помню. У Гоголя не было фрака, и он должен был надеть чужой» (см. в наст. изд. «Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>» С. Т. Аксакова); «Докуки Погодина увенчались <...> успехом. Он <Гоголь> дал ему в журнал большую статью под названием “Рим”, которая была напечатана в 3-м № “Москвитянина”. Он прочел ее в начале февраля <1842 г.> предварительно у нас, а потом на литературном вечере у князя Дм. Вл. Голицына (у Гоголя не было фрака, и он надел фрак Константина <Аксакова>» (см. в наст. изд. «Историю нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова).

Уточнить даты чтений Гоголя повести «Рим» на вечерах Аксаковых и князя Д. В. Голицына в 1842 г. помогает обращение к письмам дочери С. Т. Аксакова Веры.

У Аксаковых Гоголь прочел «Рим» предположительно в субботу 14 февраля 1842 г. 13 февраля этого года В. С. Аксакова сообщила брату Ивану: «Последняя суббота <7 февраля 1842 г.> была отложена, как кажется — причина та, что Н. Ф. <Павлов> хотел дать другое направление разговору, который в последнее время на всех вечерах был ему совершенно не по сердцу, а именно: все спорили о Гоголе. Начался спор с субботы у него, потом у Елагиной, где Костя <Аксаков> много говорил о Павлове и, разумеется, не ставил его высоко как сочинителя, потом у Киреевского тот же спор. Хомяков соглашается во всем с Константином, и другие просто сердятся; наконец, о том же Хомяков говорил и на вечере у кн<язя> Голицына <вероятно, 5 февраля 1842 г., в четверг>, так что Голицын попросил на другой день Шевырева прочесть ему “Тараса Бульбу”, и ему очень понравилось — сколько он может оценить. Он через Шевырева предлагал Гоголю место какое-то с жалованьем, но Гоголь отказался. (Надобно прибавить, что кн<язь> Голицын звал на вечер к себе Гоголя, который сказывается больным.)» (см. в наст. изд.).

В двадцатых числах февраля 1842 г. В. С. Аксакова уже сообщала М. Г. Каргашевской: «Накануне этого дня Гоголь читал нам одно свое сочинение, чудное, как и всё, что он ни пишет. Я не буду тебе давать отчета в том, что мы слышали, ты сама прочтешь это в “Москвитянине”, вероятно, в 3-й книжке. Это нельзя назвать повестью, но это отрывок из одной повести, которую он хотел написать и еще напишет, может быть, со временем. Тут же более описание <1 нрзб.> Рима, значения Италии, ее народа...» (см. в наст. изд.). — Поскольку в письме от 13 февраля 1842 г. В. С. Аксакова еще не упоминает о чтении Гоголем его повести, а в 20-х числах февраля говорит об этом уже в прошедшем времени, учитывая, что литературные вечера у Аксаковых устраивались по субботам, очевидно, что повесть была прочитана у них Гоголем не в «начале февраля», как вспоминал С. Т. Аксаков, а в субботу между 13 и 19 февраля (дата чтения повести у Голицына; см. ниже), то есть 14 февраля 1842 г.

О том, что чтение Гоголем повести «Рим» на вечере у князя Д. В. Голицына состоялось, скорее всего, в четверг 19 февраля 1842 г., позволяют судить следующие эпистолярные свидетельства. Хотя в комментируемой записке к М. П. Погодину, отправленной в среду 4 февраля 1842 года, С. П. Шевырев сообщает, что «четверги» у князя Д. В. Голицына открываются, и просит Погодина переговорить с Гоголем о возможном чтении его повести на следующий день, 5 февраля, однако из слов В. С. Аксаковой в цитированном письме от 13 февраля 1842 г. («Надобно прибавить, что кн<язь> Голицын звал на вечер к себе Гоголя, который сказывается больным») явствует, что на первых двух четверговых вечерах — 5 и 12 февраля 1842 года — Гоголь не присутствовал. Вечер в четверг 26 февраля 1842 г. не состоялся (см. ниже в наст. изд. письмо С. П. Шевырева к М. П. Погодину от 25 февраля 1842 г.). Таким образом, чтение Гоголя могло состояться только в четверг 19 февраля 1842 г. См. также в наст. изд. примеч. 3 к письму С. П. Шевырева к М. П. Погодину от 23 февраля 1842 г.).

В 1844 г. в некрологе князю Д. В. Голицыну С. П. Шевырев также писал: «Он любил и науки изящные: на них отдыхал его ум, утомленный государственными занятиями. Мы все еще живо помним его литературные беседы, его веселую речь, его жаркие юридические и литературные споры в кругу ученых и литераторов... Давно ли, кажется, Гоголь читал у него в кабинете свой Рим? Давно ли мы все сидели тут кругом, в живом общении мысли и слова?..» (Шевырев С. Князь Дмитрий Владимирович Голицын // Москвитянин. 1844. № 5 (цензурное разрешение 18 мая). С. 161). О чтении Гоголем повести «Рим» на вечере князя Д. В. Голицына см. также в наст. изд. «Главы из воспоминаний моей жизни» М. А. Дмитриева.

² Д. В. Голицыну.

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<23 февраля 1842. Москва>

Отвечаю тебе на записку.

О четверге¹ нечего сказать особенного. <...>

Гоголя чудная вещь; я ее перечитал с большим удовольств<ием>². Но надобно ему кой-где уделать слог, и особенно устроить два периода, мною замеченные.

Эк ты как гонишь! Статью во вторник³! <...>

Твой Шев<ырев>.

Февр<аля> 23.

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 616. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 31. Л. 4.

¹ Имеется в виду литературный четверг у князя Д. В. Голицына 26 февраля 1842 г.

² Речь идет о повести Гоголя «Рим». Очевидно, С. П. Шевырев «перечитал» повесть после чтения ее Гоголем 19 февраля 1842 г. на вечере у князя Д. В. Голицына (см. выше в наст. изд. коммент. к письму С. П. Шевырева к М. П. Погодину от 4 февраля 1842 г.).

³ Речь идет о второй части статьи Шевырева «Взгляд на современную русскую литературу», опубликованной в № 3 «Москвитянина» за 1842 г. Шевырев писал здесь о Гоголе: «Во главе молодого поколения прозаиков стоит Гоголь: также Малоросс по происхождению <ранее в статье речь шла о Г. Ф. Квитке-Оснovieнко>, носящий на себе яркие признаки южной природы, он отходит ото всех других писателей незаемною оригинальностью языка своего и становится резким особняком между ними. У него тоже Русская речь, прямо, не запинаясь, льется с уст на бумагу (видно, это особенный признак Малороссиян). Не ищите в нем качеств отрицательных слога. У него речь слишком покоряется могучей воле его воображения и не любит узды грамматической. Но он довел ее до высшей степени колорита: Гоголь — наш первый живописец в слоге; его язык — кисть; его слова — бесчисленные яркие краски на палитре; то, чего вы никогда не видели, он изобразит вам словами так, что вы это как будто глазами увидите, а слепой мог бы осязать и пальцами. Лицо ли человеческое, одежда ли, ландшафт ли какого бы то ни было климата, небо ли с его тысячеобразными оттенками, степь ли наша, тесная ли комнатка, целый ли город, будь он наш вчерашний губернский, будь шегольской Париж, будь Рим многовековой, покрытый темной пылью, на все у него есть краски, все и мелкое и великое забирает его всеобъемлющая, его широкая кисть. Не ищите, как мы сказали, правильного рисунка в его слоге и даже периоде: он рисует прямо красками, как Венецианец Тинторетто. В этой живописи Гоголева слога отзывается его природа южная. Недаром замечают, что между живописцами нашими Малороссияне особенно отличались колоритом. Не из этого ли свойства объясняется его неодолимое сочувствие к Италии, которую полюбил он перед всеми другими странами? Под его благосклонным небом живет горит воображение, яснеют в прозрачном воздухе самые дальние образы и кисть ярче схватывает все оттенки предметов.

Мы изобразили главный характер собственного Гоголева слога, но кроме того он владеет еще чудным даром подслушивать устную речь говорящего Русского человека и менять ее по характеру, свойствам, многоверному чувству лиц, им выводимых. В Ревизоре неистощима Поэзия комического слога, вся эта яркая бессмыслица уездной речи, рисующей нам какой-то безымянный город, получивший право действительного существования посредством Гоголевой кисти; Гоголь разговором также рисует характер лица, как своим слогом предметы внешние. Незванные критики осмеливаются до сих пор назвать Ревизора фарсом, а фарсам действительным дают хитрое имя милой и умной шутки. Никакой фарс не удержится долго на сцене, а то, что называют они шутками умных людей, не дожило и году существования. Другие критики, еще замысловатее, упрекают Ревизора в неправильности слога: но, конечно, в том виноват не Гоголь, что Горюничий с братиею не читал еще Грамматики Греча» (*Шевырев С. Взгляд на современ-*

ную русскую литературу. Статья вторая. Сторона светлая. (Состояние Русского языка и слога) // Москвитянин. 1842. № 3 (цензурное разрешение 11 марта; в этом же номере опубликован «Рим» Гоголя). С. 179–180). Позднее С. П. Шевырев также указывал: «...Нельзя не обратить внимание на симпатию Гоголя к Италии, на душевное влечение его к стране изящного. Откуда объяснить это? Из того только, что он истинный художник, что искусство — его призвание» (*Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая* // Москвитянин. 1842. № 8. С. 358).

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<25 февраля 1842. Москва>

Вечера не будет у Князя¹. Отлагается ради масленицы, от которой он не хочет отвлекать гостей своих.

Твой Шев<ырев>.

Февр<аля> 25.

Среда.

Москвитян<ина> он получил. Он не от нас его получает, а от Полевого.

Публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 31. Л. 8.

¹ Речь идет о литературном четверге 26 февраля 1842 г. у князя Д. В. Голицына.

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<25 февраля 1842. Москва>

Слава тебе! Чудо, чудо! Как я рад этому приобретению!¹ Это придаст мне еще сил к работе. Дай тебе Бог выручить все это! — Только где же она? У тебя ли? — Уж у него оставлять опасно. — Надобно ею заняться во время поста².

У Князя вечера нет: я о том писал к тебе³. <...>

Ты уж слишком напал на статью Буслаева⁴. В ней есть много хорошего. — Я ему указал на некоторые противоречия. — В литерат<урные> прибавления она идет. — <...>

Твой Шев<ырев>.

Февр<аля> 25.

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 616. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 31. Л. 6.

¹ Вероятно, речь идет о «приобретении» М. П. Погодиным для журнала «Москвитянин» повести Гоголя «Рим». В записке, относящейся, по-видимому, к 23–24 февраля 1842 г., М. П. Погодин сообщал Гоголю о третьем номере «Москвитянина»: «3 № начинает набираться — готово ли у тебя?». Гоголь отвечал: «Будет готово к четвергу» (т. е. к 26 февраля 1842 г.). Вероятно, лишь получив этот ответ, Погодин решил сообщить Шевыреву о «приобретении» для журнала повести Гоголя.

В третьем номере «Москвитянина» за 1842 г. (цензурное разрешение 11 марта), в разделе «Критика», были также напечатаны отрывки из первой публикации о преподобном Серафиме Саровском (1759–1833): *И. С. Сказание о жизни и подвигах блаженный памяти отца Серафима, Саровской пустыни Иеромонаха и Затворника. М., 1841, 32 с.* (цензурное разрешение 30 сент.). См.: *Н. Н. Сказание о жизни и подвигах блаженный памяти отца Серафима, Саровской пустыни Иеромонаха и затворника. Москва, 1841, в 8-ку, 31 с.* // Москвитянин. 1842. № 3. С. 201–205.

² Великий Пост в 1842 г. начинался 2 марта.

³ См. в наст. изд. предшествующую записку С. П. Шевырева к М. П. Погодину от 25 февраля 1842 г.

⁴ Статья Ф. И. Буслаева «Храм Св. Петра в Риме» была напечатана в том же номере журнала, где был опубликован «Рим» Гоголя (*Буслаев Ф. Храм Св. Петра в Риме // Москвитянин. 1842. № 3 (цензурное разрешение 11 марта). <Отд. 2>. Смес. С. 22–33*). Историю публикации этой статьи см. также в наст. изд. в разделе: *Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания*.

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<25 февраля 1842. Москва>

Поздравляю тебя от всей души, любезный друг. Дай Бог новорожденному¹ и вам много лет здравствовать!

Обнимаю тебя.

Твой Шев<ырев>.

Февр<аля> 25.

Публикуется впервые по автографу: *РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 31. Л. 9.*

¹ Речь идет о рождении сына Погодина Ивана.

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<Конец февраля — начало марта 1842. Москва>

<...> Возвращаю листы. Сообщи их Гоголю¹. Я нарочно все отмечал карандашом. Статью Буслаева, пожалуйста, напечатай². Я назначил ее в «Смесь», в «Литературные прибавления». — Я обещал ему: надо поощрить молодого человека. Статья ведь очень хороша. — В «Смеси» она удалена будет от опасного Гоголева соседства. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 616. Печатается по первой публикации.

¹ Корректирующие листы повести Гоголя «Рим».

² См. выше в наст. изд. коммент. ко второй записке С. П. Шевырева к М. П. Погодину от 25 февраля 1842 г.

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<6 марта 1842. Москва>

<...> Корректуру статьи Буслаева¹ ко мне не приносили. <...>

Тв<ой> Шев<ырев>.

Марта 6. Пятница.

Публикуется впервые по автографу: *РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 31. Л. 11 об.*

¹ См. выше в наст. изд. коммент. ко второй записке С. П. Шевырева к М. П. Погодину от 25 февраля 1842 г.

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<Апрель 1842. Москва>

<...> Посылаю тебе все мои статьи в «Смесь»¹ <...> Скажи Гоголю, чтоб он заключил и поправил — мне некогда: и то опоздаю. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 616. Печатается по первой публикации.

¹ Возможно, одной из статей была заметка С. П. Шевырева «Шекспир о Русских» (*Шевырев С. Шекспир о Русских* // Москвитянин. 1842. № 5 (цензурное разрешение 6 мая). Отд. «Науки». С. 93–96).

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<Июль 1842. Москва>

<...> Мертвые души разберу немедленно¹. <...>

Тв<ой> Шев<ырев>.

Публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 31. Л. 36.

¹ Статьи Шевырева о «Мертвых душах» были напечатаны в августе 1842 г.: *Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая* // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.). С. 207–228; *Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья вторая* // Москвитянин. 1842. № 8 (цензурное разрешение 22 авг.). С. 346–376.

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<1 сентября 1842. Москва>

Грустно мне было слышать, Любезный друг, что ты так хворал в Лемберге. Но авось Бог подкрепит тебя теперь. Лечись хорошенько.

Сначала о М<осквитяни>не. 7-ой №, по милости Д<митрия> П<авловича>¹, вышел 13-го августа, но зато уж 8-й явился 29-го. <...> Вот содержание книжек. 7-я тебе до половины известна. Остальная часть статьи Д<митрия> П<авловича> прекрасна и заслужила одобрение. — Мертвые Души, первая статья² (<1 нрзб.> Хом<яков> и Павл<ов> хвалятся). — 8-й. Вологда. — Лунина Историография (1-я половина). — Анекд<оты> о Петре Вел<иком>. — Мертвые Души, 2-я статья. <...>

М<ертвые> Души шли прекрасно, теперь приостановились. — Ты принял ответ Аксакова за смирение: он ту же минуту выдал статью свою брошюрой отдельной. Но всеобщий хохот читавших (даже и его стороны) был ему возмездием за гордость. Осрамился совершенно! Даже Белинский в Отеч<ественных> Зап<исках> сказал ему дело — оправдывается у нас в 9-м №³. <...>

Бод<янский>, говорят, здесь, но и его не видал. Слышно, что он привез 30 ящиков Слав<янских> книг. — Прощай. Обнимаю тебя. Жена и сын тебе кланяются. —

Твой С. Шев<ырев>.

Сент<ября> 1/13. 1842. Москва.

Публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 31. Л. 32.

¹ Дмитрий Павлович Голохвастов (1796–1849), писатель, помощник попечителя Московского учебного округа с 1847 г., двоюродный брат А. И. Герцена.

² См. коммент. к письму С. П. Шевырева к М. П. Погодину от июля 1842 г.

³ О восприятии брошюры К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842. Июня 16 1842. Цензурное разрешение 7 июля. Цензор Н. Крылов. С. 1–19) см. в наст. изд. коммент. к письму К. С. Аксакова Ю. Ф. Самарину от конца мая 1842 г.

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<17 декабря 1845. Москва>

<...> В последней книжке «*Revue des Deux Mondes*» есть статья Сент-Бёва о Гоголе¹. Поручи кому-нибудь перевести, и поскорее, и помести в 1-й книжке «Москвитянина». Да сделай это непременно. Это возбудит участие. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 679. Печатается по первой публикации.

¹ Статья Ш. О. Сент-Бёва (познакомившегося с Гоголем лично в 1839 г.) появилась в 1845 г. в т. XII «*Revue des Deux Mondes*» («Обозрение двух миров») (С. 875–889). Перепечатано в переводе в «Отечественных Записках» (1846. № 1) в статье В. Г. Белинского «Отзывы французских журналов о Гоголе» (статья без подписи). См. в наст. изд.: Ш. О. Сент-Бёв. Русские повести Николая Гоголя, переведенные на французский язык Луи Виардо.

С. П. Шевырев — С. Т. Аксакову

6 января 1846 г. Москва.

Посылаю Вам два письма от Гоголя: одно к Вам¹, другое к его матери², которой адрес вы знаете. Когда вы будете в Москве, очень бы желал видиться с Вами, чтобы переговорить о его поручении³. Твердость его характера не терпит никаких противоречий и из письма его я вижу, что он оскорбился моей неготовностью исполнить его волю, которой я по совести признать не мог за справедливую. Но с ним невозможно вести разговор, а тем менее спор, как с другими. У него своя логика и свои убеждения. Я рад тому, что здоровье его поправляется.

Впервые опубликовано: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 13. С. 514–515. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 76. Л. 1.

¹ Письмо из Рима от 25 ноября (н. ст.) 1845 г.

² Письмо не сохранилось.

³ Речь идет о поручении, данном С. П. Шевыреву Гоголем в письме от 14 декабря (н. ст.) 1844 г., о пожертвовании денег, выручаемых от продажи его сочинений, в пользу «бедных, но достойных» студентов Московского университета.

С. П. Шевырев — П. А. Плетневу

<27 марта 1846. Москва>

<...> Благодарю вас истинно за сочувствие, которые Вы мне выразили в Современнике. Я сам не разделяю мнений г-на Студитского¹ в отношении к Гоголю; но Москвитянин хочет отличиться терпимостью всяких мнений. Я, впрочем, отвечаю только за то, что подписано моим именем. <...>

27 марта 1846 г. Москва.

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 943. Печатается по первой публикации.

¹ В опубликованном в 1846 г. в первом номере «Москвитянина» обзоре А. Е. Студитского «Русская словесность в 1845-м году» о Гоголе говорилось как о продолжателе «разрушительного» направления, заданного О. И. Сенковским и поддержанного М. Ю. Лермонтовым. «...Мы хотели <...>, чтобы поэт взглянул <...> на нашу жизнь, чтобы в его созданиях, как в верном зеркале, мы могли видеть себя со всех сторон». В «Мертвых душах», продолжал критик, «одного лица нет живого — в благородном значении этого слова, <...> название столько же прилагается и к тем душам, которые торгуются, продаются, покупаются, вводятся в крепости, и к тем, которые торгуют, продают, покупают, заключают крепости! Самое отвращение общества к отвратительному торгу выразилось в мертвой, отвратительной форме! Мольер, изображая в своих высших комедиях пороки своего общества, считал обязанностью выказывать и его добродетели, у Гоголя нет еще ничего подобного! Преклоняемся пред дарованием поэта, но жалеем о том мертвом направлении, по которому он шел до сих пор, изображая великую Русь и ожидаем с нетерпением новых произведений его гения, кои должны примирить с ним и недовольных» (*Студитский А.* Русская словесность в 1845-м году // Москвитянин. 1846. № 1 (цензурное разрешение 30 янв.). С. 253–256).

С. П. Шевырев — П. А. Плетневу

<29 июля 1846. Москва>

<...> По просьбе Гоголя препровождаю к Вам последний экземпляр «Мертвых Душ». Он поручает мне второе издание. К здешней цензуре нечего обращаться: она не возьмется за решение такой мудреной задачи. Она же не решалась пропускать первого и, вероятно, захочет быть настойчивою. Сделайте милость, передайте экземпляр прежнему цензору¹ и попросите его от имени Гоголя ускорить подписание и возвращение, а главное: похлопочите о том сами. Гоголь, хотя и уверен в благосклонности и расположении к нему цензора, но еще более надеется на Вашу распорядительность. Он желает ускорить, как можно, второе издание. Я принимаю для того все меры типографские, но теперь главное зависит от цензуры, и еще более от Вас. <...>

29 июля 1846 г. Москва.

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 965. Печатается по первой публикации.

¹ А. В. Никитенко.

С. П. Шевырев — П. А. Плетневу

<21 августа 1846. Москва>

<...> Благодарю Вас от Гоголя и от себя за такое скорое возвращение «Мертвых Душ», под-писанных цензором¹. Без Вас это дело бы оттянулось. Я уже печатаю. Гоголь обещает предисло-вие. Нетерпеливо желаю знать содержание той переписки, которую Вы печатаете. Скоро ли она выйдет? Справедливо ли известие, что продолжение «Мертвых Душ» уничтожено автором? <...>

Москва, 21 августа 1846 г.

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 951. Печатается по первой публикации.

Запрос Шевырева был вызван сообщением в письме к нему Плетнева от 9 августа 1846 г. о том, что Гоголь прислал ему «для напечатания особою книгой начало рукописи, под названием: Выбранные места из переписки с друзьями» (Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 162).

¹ А. В. Никитенко.

С. П. Шевырев — П. А. Плетневу

<29 октября 1846. Москва>

<...> Сегодня отправляю в цензурный комитет 8 экземпляров Мертвых Душ, из которых 6 для ценз<урного> комит<ета>, один для Вас, и один для г. цензора¹. Сделайте милость, по-заботьтесь о скорейшей высылке билета. Но Мертвые Души не должны выйти прежде появле-ний той книги, которую Вы печатаете². Потому прошу Вас покорнейше уведомить меня: к ка-кому времени, думаете Вы, поспеют отрывки из Переписки с друзьями? Еще пишет Гоголь об издании вновь Ревизора с развязкой. Развязка эта прислана к Щепкину на мое имя. Надеюсь на днях Вам ее отправить, для доставления в цензуру театральную и печатную. Все это, как просит автор, должно оставаться втайне между нами. Неприятно было мне читать кошунские выходы Сенковского о том, как наш Гомер впал в мистицизм³. Какая в нем странная злость против Гоголя — и как мог он узнать о его новом направлении, в котором я, впрочем, судя по тому, что знаю, не нахожу ничего мистического. <...>

Известие о том, что Вы передаете Современник в руки Никитенко, скажу Вам искренно, ме-ня очень огорчило. <...>

Октября 29 1846. Москва.

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 958–959. Печатается по пер-вой публикации.

¹ А. В. Никитенко.

² «Выбранные места из переписки с друзьями».

³ О. И. Сенковский в статье, посвященной сборнику стихотворений Александры Бедаревой, писал: «...я печален — Го-мер, знаете, болен... Туманное облако мистицизма окружило Гомера и его болезненное самолюбие...» (<Сенковский О. И.> Стихотворения А. Бедаревой. Киев, 1846 // Библиотека для Чтения. 1846. Т. 78. Отд. VI. С. 17–18).

С. П. Шевырев — А. В. Веневитинову

Октября 31. 1846. Москва.

<...> У меня до тебя просьба, или, лучше, не у меня, а у Гоголя, и не до тебя лично, а до графа Михаила Юрьевича¹. Гоголь желает, чтобы Щепкин дал в свой бенефис «Ревизора» точно в том виде, в каком он напечатан в его сочинениях, и с прибавлением «Развязки», которую я сегодня через Плетнева посылаю в театральную цензуру². Гоголь просит графа, чтобы он своим влиянием пособил этому доброму делу и чтобы всё было пропущено так, как Гоголю хочется. Передай эту просьбу графу с моим душевным ему почтением... <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 691. Печатается по первой публикации.

Алексей Владимирович Веневитинов (1806–1872), брат поэта Д. В. Веневитинова, сенатор. Был женат на графине Ап. М. Виельгорской.

См. в наст. изд. ответное письмо А. В. Веневитинова от 10 декабря 1846 г.

¹ Виельгорского.

² 24 октября (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал С. П. Шевыреву: «Прошу тебя доставить <...> письмо Щепкину, которое должен он прочесть при тебе, а потом дать его прочесть тебе и больше никому. <...> Из него ты увидишь, в чем дело. «Ревизор» должен быть напечатан в своем полном виде, с тем заключением, которое сам зритель не догадался вывести. Заглавие должно быть такое: «Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях, с заключением. Соч. Н. Гоголя. Издание четвертое, пополненное, в пользу бедных». Игратья и выйти в свет «Ревизор» должен не прежде появления книги «Выбранные места»: иначе всё не будет понятно вполне». В письме к М. С. Щепкину от того же числа Гоголь добавлял: ««Развязку» нужно будет переписать, потому что, кроме экземпляра, нужного для театральной цензуры, другой будет нужен для подписанья цензору Никитенке, которому отдаст Плетнев...».

С. П. Шевырев — П. А. Плетневу

<31 октября 1846. Москва>

<...> Перед Вами два экземпляра Развязки Ревизора. Гоголь желает, чтобы Щепкин дал в свой бенефис Ревизора в том виде, как он напечатан в его сочинениях, с Развязкою, которая пред Вами. Вас и графа М. Ю. Виельгорского поручает он ему просить о том, чтобы Вы похлопотали о том где следует. Просит он и сам Гедеонова *от своего имени крепко*, если тот Гедеонов цензурует пиесы для театра, который был в Петербурге¹ с графом Васильевым: передайте ему эту просьбу, если Вы с ним знакомы. О графе Виельгорском я пишу к Веневитинову²; но Вы, вероятно, и сами с ним знакомы. Один экземпляр Развязки назначается для сценической цензуры, другой для типографской. Гоголь просит о сей последней Никитенко. Щепкин сам должен был ехать в Петербург, но не может: он болен, по возвращении своем из Крыма, и просил меня распорядиться всем этим. Гоголь желает, чтобы все это оставалось между нами в совершенной тайне. Итак, просим Вас сберечь эту тайну, сколько она от Вас зависит; но, конечно, за две цензуры Вам поручиться трудно.

Третьего дня я отправил к Вам экземпляры Мертвых Душ.

Развязку надобно прочесть несколько раз, чтобы вникнуть в смысл ее. В ней много глубокого. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 960–961. Печатается по первой публикации.

¹ В Риме. Ср. в письме Гоголя к М. С. Щепкину от 24 октября (н. ст.) 1846 г.: «Если тот самый Гедеонов, который был в Риме с графом Васильевым и с которым я там познакомился, то попросите его от моего имени крепко».

² См. в наст. изд. письмо С. П. Шевырева к А. В. Веневитинову от 31 октября 1846 г.

С. П. Шевырев — П. А. Плетневу

Москва, 6 ноября 1846 г.

<...> Никитенко потерял и последнее достоинство в глазах моих. Я считал его благородным цензором и благородным человеком, но он, как видно, ни то, ни другое. Какое же право он имел оглашать рукописи, которые вверяются ему для прочтения? Неужели и общественное мнение против этого не действует? С одной стороны, Никитенко притесняет Гоголя, а с другой — он и его ватага распускают и в Петербурге и в Москве самые странные о нем слухи. Эти люди не действуют без умысла. Но притеснения Никитенки будут оглашены и здесь. Здесь уже хоронят его литературный талант; говорят, что он отказывается от всех своих сочинений, как от грехов (хотя и печатает вторым изданием «Мертвые Души» и «Ревизора»); посягают даже на благородство его мнений. Не говорю уже о дальнейших толках, что он подпал влиянию иезуитов, что он сошел с ума. Город NN в «Мертвых Душах» с своими толками о Чичикове здесь в лицах. Источник всего этого главный — собрания у Никитенки и его цензурная нескромность. Противодействовать этому может только самый выход книги¹ и издание «Мертвых Душ». Тогда будут данные, по которым публика сама рассудит Гоголя. Я понимаю, что решительное изъявление мнений, которые в нем <Гоголе> не новы, но только созрели, могло озлобить всю эту партию и вызвать ее на такие действия против прежнего ее любимца. Понимаю, как она может против Гоголя неистовствовать; но я никак не мог вообразить, чтобы она могла унизиться до таких подлых против него действий. <...>

Здесь есть вестовщики, которые явно всем рассказывают, что они читали рукопись Гоголя у Никитенки, что там прочли они ужасы; цитируются места, фразы. Первое письмо Ваше несколько успокоило толки в кругу мне знакомых.

Объявляют за важную весть, что Белинский, который будет заведывать критикой Современника, изменил уже свое мнение о Гоголе и напечатает ряд статей против него. Это послужит только к чести Гоголя — и давно пора ему для славы своей скинуть с себя пятно похвал и восклицианий, которые приносил ему Белинский. <...>

Первые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 962. Печатается по первой публикации.

¹ «Выбранные места из переписки с друзьями».

С. П. Шевырев — П. А. Плетневу

Января 4 <утро>. 1847 г. Москва.

<...> С нетерпением ожидаю книги Гоголя¹. Содержание ее в Северной Пчеле возбудило еще более мое любопытство. Мертвые Души я пускаю в продажу. С нашими книгопродавцами невозможны те условия, которые вы учредили с петербургскими. У нас и за двести никто не в силах отдать денег вдруг. Не поменяться ли нам? Не прислать ли и мне к вам «Мертвых Душ»? Не знаю, куда деваться с книгами Гоголя. Дом у меня тесен. Хорошо, что они не залеживаются. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 718. Печатается по первой публикации.

¹ «Выбранные места из переписки с друзьями».

С. П. Шевырев — П. А. Плетневу

<4 января 1847. Москва>

Сегодня утром к вам писал, любезнейший Петр Александрович, и вот пишу в другой раз. Ко мне явился книгопродавец, желающий купить за наличные деньги до 1200 экз<емпляров> новой книги Гоголя¹, с уступкою 25 проц<ентов>. По вашему письму я запродаю ему все. Потому прошу вас, как можно скорее, выслать мне экземпляры. Издержки пересылки вне счета, т. е. на счет автора. Итак, сделайте милость, поторопитесь. Я тотчас бы отправил деньги к Гоголю.

Ваш душевно С. Шевырев.

Января 4, 1847 г. 1 час по полудни.

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 719. Печатается по первой публикации.

¹ «Выбранные места из переписки с друзьями».

С. П. Шевырев — П. А. Плетневу

8 января 1847 г. Москва.

Вчера получил письмо ваше от 4-го, любезнейший Петр Александрович. Я уже начинал сетовать на вас: что вы не присылаете книгу Гоголя¹, когда ее получили некоторые книгопродавцы? До сих пор она до меня не дошла. Жду сегодня или завтра. Ваше письмо еще более раздражает мое нетерпение. Я уже писал к вам, что 1200 экз<емпляров> за проданы за наличные деньги. Поскорее присылайте их. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 719. Печатается по первой публикации.

¹ «Выбранные места из переписки с друзьями».

С. П. Шевырев — Н. Н. Шереметевой

<26 февраля 1847>

Милостивая государыня Надежда Николаевна. Гоголь все в Неаполе – и адрес его не переменился. Путешествие его в Иерусалим отложено. Судя по письму его, он здоров. Кончину Н. М. Языкова он перенес, как догадываюсь, хорошо. В письме он не выразит того, что вероятно почувствовал. Вот несколько слов из письма¹. «Наши мысли и вкусы были почти сходны. Но разум и чистота младенчества, каких у меня не было, светились в одно и то же время в его словах. Как он был добр ко мне и как любил меня! О! да достоин нас Бог всех совершить честно свой долг на земле, чтобы удостоиться небесного блаженства, и ликовать вместе с ним, с

которым уже и здесь на земле было так приятно беседовать, как бы беседовал с Ангелом на небесах». Принося Вам мою душевную благодарность за Ваши добрые желания, с совершенным почтением и глубокою преданностью имею честь быть Вашим, милостивая государыня, покорнейшим слугою С. Шевырев.

1847. Февр<аля> 26.

Первые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 160. Печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 279. Оп. 1. № 144.

¹ Письмо Гоголя к С. П. Шевыреву от 11 февраля (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

С. П. Шевырев — О. В. Гоголь

<19 марта 1847. Москва>

Милостивая Государыни, Ольга Васильевна! Братец Ваш, Николай Васильевич, поручил мне переслать к Вам прилагаемое письмо¹ — и с тем вместе проповеди Иннокентия²; но сии последние вышли все в книжных лавках, и вот причина, почему я не мог исполнить этого поручения, а как только появится новое издание, я немедленно Вам его доставлю. <...>

Москва, 1847. Марта 19 дня.

Первые опубликовано: Чаговец В. А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник. Киев, 1902. Отд. 3. С. 59. Печатается по первой публикации.

¹ От 4 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

² К 1847 г. вышло несколько сборников проповедей святителя Иннокентия. В бумагах Гоголя сохранилась выписка из т. 43 «Журнала Министерства Народного Просвещения» за 1844 г. с изложением 5–12 глав книги святителя Иннокентия «О грехе и его последствиях: Беседы на Святую Четыредесятницу» (изложение И. Д. Галанина). В 1845 г. Н. Н. Шереметева послала также Гоголю книгу святителя «Молитва св. Ефрема Сирина. Беседы на Святую Четыредесятницу» (Харьков, 1844). Кроме того, в погодинском «Реестре книг, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года июля 11 дня» значатся «Проповеди» святителя, изданные в Киеве в 1834 г.

С. П. Шевырев — П. А. Плетневу

1847 г., марта 20. Москва.

Как давно я к вам не писал, любезнейший Петр Александрович! С тех самых пор, как получил от вас книгу Гоголя¹, деньги за которую к нему немедленно отправил. Были многие причины моему безмолвию. Недосуг одна из них, но более причина нравственная. Книга Гоголя произвела во мне много дум, которым надобно было перекипеть. Прежде всего мне был неприятен его поступок с Погодиным, вы меня поймете. Передо мною были книга и поступок; перед вами только книга. Вы не знали их отношений. Вы не знали того, как Погодин любил Гоголя и как помогал ему во время самой тяжкой нужды его. Гоголь говорит, что полезно бывает человеку получить публичную оплеуху: может быть, полезно тому, кто получит да сумеет перенести ее и стать выше, но каково тому, который решается дать ее? — Гоголь похерил одним почерком пера 30-ти летнюю деятельность человека², с которым я был близок, начиная с 18-ти моих лет: вот уже 22 года, — человека, которого я привык любить и уважать, несмотря на все его недостатки, искупаемые великими, редкими, особенно в наше время, достоинствами. Обвиняйте меня, как хотите. Я забыл на время о книге, я видел поступок, в котором, кроме неправды, была еще не-

благодарность. Я долго не мог писать ни к Гоголю, ни к вам. Обращения страшны, когда противоречат им поступки. То, что надобно приписать человеку, приписывают началу, в нем действующему. Христианину, объявляющему себя во всеуслышание таким, ничего не спустят. Всякое пятнышко на нем выкажут и протрубят о нем.

Но время лечить раны — и все выяснить. Гоголь уже знает обо всем. Он обратился к Погодину³ с такою любовью, какой еще никогда не питал к нему. Вот для меня лучшее доказательство, что книга его, в которой много уродливого в христианском смысле, проистекала из самого чистого источника. Обидевший обыкновенно ненавидит обиженного, а Гоголь еще более любит Погодина с тех пор, как обидел. И теперь я уверен более, чем когда-нибудь, что книга Гоголя, несмотря на многие в ней заблуждения, принесет великую пользу, выяснив многое, потому что все, истекающее из доброго и чистого источника, если бы на время и помутилось, принесет добро и пользу.

Вы не удивитесь тому, что я ни слова не говорю еще о книге. Вы сами лучше, чем кто-нибудь, цените прежде человека, а потом писателя. Самая книга для меня — переход Гоголя к какой-то высшей точке, переход во многом неуклюжий и странный, но тем не менее замечательный и в психологическом и в литературном отношении. Много светлых, новых, свежих мыслей о Церкви, о народе, о литературе. Но вместе с тем много и разных промахов. Какая гордость во всех советах, какие он дает! Как мог он так истолковать послание Пушкина к Гнедичу! Толкование даже неприличное, если вникнуть во все послание⁴. Статья его об Одиссее показывает, что он всей Одиссее не читал. Но все-таки и здесь искры мыслей прекрасных.

Книга Гоголя подействует непременно, но никто не захочет признать ее действия. Нам надобно говорить об ней после, когда проследим все ее влияние. Я, может быть, соберусь сказать об ней, но это будет тогда, когда выскажется все другими. Не знаю, прочли ли вы статью Павлова⁵. Из всего напечатанного до сих пор она — самое замечательное и самое сильное против Гоголя. Но Павлов пристрастен — и потому суждение его не может быть полно. А Гоголю надобно выслушать Павлова, которого статью здесь разные люди толкуют разным образом. Она произвела сильное впечатление. С нею согласились многие благомыслящие, но ей сочувствует и противная сторона, толкуя ее иначе. Пускай, пускай высказываются мнения. Гоголь сам того и хочет. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 721–722. Печатается по первой публикации.

¹ «Выбранные места из переписки с друзьями».

² Подразумевается статья «О том, что такое слово».

³ В письме от 4 марта (н. ст.) 1847 г.

⁴ См. в наст. изд. ответ П. А. Плетнева в письме к С. П. Шевыреву от 24 марта 1847 г.

⁵ Имеется в виду первая из трех статей, или «писем» Н. Ф. Павлова о книге Гоголя, напечатанных в № 28, 38, 46 «Московских ведомостей» за 1847 г. (от 6, 29 марта и от 17 апреля) и в том же году перепечатанных в «Современнике» (№ 5, 8).

С. П. Шевырев — П. А. Плетневу

<13 мая 1847. Москва>

<...> Письмо ваше о Гоголе¹ объяснило мне многое, что до тех пор оставалось непонятным. Правда ли, что книга его будет напечатана в прежнем виде без всяких изменений? — Спасибо Вяземскому за многое, что сказал он²; но зачем восставать против народного направления, несправедливо приписывая ему какую-то односторонность? Впрочем, за это Вяземский принял

уже достойную награду в том полном сочувствии, которое публично выразил ему Булгарин³. <...>

Первые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 728. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. письмо П. А. Плетнева к С. П. Шевыреву от 24 марта 1847 г.

² Имеется в виду публикация: К<нязь> Вяземский. Языков. — Гоголь // Санктпетербургские Ведомости. 1847. 24 апр. № 90; 25 апр. № 91. Фрагмент статьи см. в наст. изд.

³ См. в наст. изд. примеч. 3 к письму П. А. Плетнева к Я. К. Гроту от 19 марта 1847 г.

С. П. Шевырев — Н. Н. Шереметевой

17 декабря 1847 г.

Милостивая Государыня Надежда Николаевна. Посылаю Вам письмо ко мне от Н. В. Гоголя¹, зная, какое сердечное участие Вы в нем принимаете. Он же сам желает, чтоб Вы особенно прочли последнюю страничку его письма, которая произвела на меня грустное впечатление. Видно, что он сильно огорчен отзывами о книге своей, да и в самом деле есть за что. Сомневаться в искренности убеждений человека и сомневаться публично — кто же имеет право? В первом номере «Москвитянина» будущего года я выражу свое мнение². Прошу Вас покорнейше, прочитав письмо, мне возратить его. Гоголь ждет Ваших молитв за него — и, конечно, ждет Ваших утешений, которые, как видно, особенно для него сладки. С искренним почтением и глубочайшею преданностью имею честь быть Вашим, Милостивая Государыня, покорнейшим слугою С. Шевырев.

Первые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 180. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 3. Л. 11–12.

¹ Письмо от 2 декабря (н. ст.) 1847 г.

² Шевырев С. Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. № 1 (цензурное разрешение 27 дек. 1847). <Отд. 2>. С. 1–29.

С. П. Шевырев — О. В. Гоголь

<30 декабря 1847. Москва>

Милостивая Государыня, Ольга Васильевна! По поручению брата Вашего, Николая Васильевича, полученному мною вчера¹, препровождаю к Вам тридцать рублей серебром (вместо 100 руб<лей> ассигнац<иями>), как он приказывает, ибо ассигнационный счет с 1-го января уже не существует. <...>

Декабрь 30. 1847. Москва.

Прилагаю и письмо от Вашего брата².

Первые опубликовано: Чаговец В. А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник. Киев, 1902. Отд. 3. С. 59. Печатается по первой публикации.

¹ В письме от 18 декабря (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

² От 18 декабря (н. ст.) 1847 г.

С. П. Шевырев — П. А. Плетневу

<4 января 1848. Москва>

<...> Имеете ли Вы известие от Гоголя? Он здоровее, чем был, скучает по России и особенно по русской речи и собирается на Восток, но не совсем решительно. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 733. Печатается по первой публикации.

С. П. Шевырев — Н. Н. Шереметевой

9 февраля 1848 г.

Милостивая Государыня Надежда Николаевна. Н. В. Гоголь поручает мне передать Вам это письмо¹ и к этому прибавляет: «Поблагодарите, пожалуй<й>ста, добрую Надежду Николаевну за то, что она не оставляла меня во все это время и писала ко мне беспрестанно, несмотря на то, что отвечал ли я или не отвечал на ее письма»². Передавая Вам поручение нашего общего друга, который пишет из Мальты на пути ко Гробу Господню и просит молитв о себе, с истинным почтением и глубочайшею преданностию имею честь быть Вашим, Милостивая Государыня, покорнейшим слугою С. Шевырев.

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 187. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 3. Л. 1.

¹ Письмо Гоголя к Н. Н. Шереметевой от 23 января (н. ст.) 1848 г. из Мальты.

² Из письма Гоголя к С. П. Шевыреву от 23 января (н. ст.) 1848 г. из Мальты.

С. П. Шевырев — Н. Н. Шереметевой

<8–10 апреля 1848>

Христос Воскресе! Милостивая Государыня Надежда Николаевна. Примите мое душевное поздравление с светлым праздником Воскресения Христова и с приобщением Святых Таин. Два праздника завтра соединятся в чистой и доброй душе Вашей. Ваше любезное письмо¹ обрадовало меня накануне праздника. Немедленно на него отвечаю. К духовным радостям завтрашнего дни я вместо красного яичка посылаю Вам еще радость сердечную. Вчера имел я известие от Е. А. Свербеевой², которая получила письмо от посланника нашего Титова в К<онстантино>поле³, что Николай Васильевич в Иерусалиме уже был, теперь странствует по Сирии и Палестине, т. е. в то время, как Титов писал, к Страстной неделе возвратится опять в Иерусалим, там встретит Пасху⁴ — и после приедет в К<онстантино>поль⁵. Итак, мы можем завтра мысленно христосоваться с ним у Гроба Господня. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 199. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 3. Л. 5.

¹ Письмо Н. Н. Шереметевой от 7 апреля 1848 г. см. в наст. изд.

² Екатерина Александровна Свербеева (рожд. княжна Щербатова; 1808–1892), дочь генерал-майора князя Александра Федоровича Щербатова (1772–1817) и княгини Варвары Петровны Щербатовой (рожд. княжны Оболенской, 1774–1843), жена Д. Н. Свербеева.

³ Титов Владимир Павлович (1807–1891), писатель и дипломат, в 1843–1853 гг. советник русского посольства в Константинополе.

⁴ См. свидетельство современника Гоголя о сожжении благодатного огня во время праздновании Св. Пасхи в Иерусалиме в 1843 г.: «Мы ночевали каждый раз в храме; но всего труднее было выдержать страстную субботу, когда сходит священный огонь на Гроб Господень. Я пришла в назначенное место позже других; но со всем тем в продолжении нескольких часов надлежало выдержать дикий крик Арабов, которые бегали, скакали и били в ладоши. Человек 10, составив группу, становили себе на голову Араба, таскали его вокруг часовни, изъевляли нетерпение и радость, пронзительно крича на своем языке: *наша вера православная*. Наконец вышел из Алтаря Наместник Патриарха и начался ход с хоругвями; за ним несли на хоругви изображение Петра Апостола, которого имя он носит, как его преемник. В великолепном облачении обошел он три раза часовню Гроба Господня и приблизился к двери. С него сняли омофор и верхнюю одежду, отпечатали дверь и туда пустили его. Все утихло; через несколько времени из круглого отверстия ярко блеснул огонь с правой стороны, и ожидавший бросился с пучком свеч в храм Воскресения, за ним толпа и мгновенно храм был весь в огне. Все зажгли приготовленные свечи, пылавшие как факелы. Патриаршеского Наместника Петра, державшего также пук, Арабы подняли на руки и тащили, держа свечи над его головой так близко, что я боялась, чтобы они не зажгли на нем волоса; прочие же тушили свечи хлопчатой бумагой и так надымили, что едва можно было стоять на возвышении. Началась в 4 часа полудни Литургия Василия Великого — и все затихло» (*Богомолова Ек. Г. Второе письмо из Иерусалима. Иерусалим. Воскресенье, Апреля 25. 1843 // Москвитянин. 1843. № 7 (цензурное разрешение 8 авг.). С. 170; в этот номер журнала Гоголь выслал М. П. Погодину для публикации стихотворения Н. М. Языкова «То ли дело как бывало...» и «Люблю смотреть на сине море...»*). От наместника Иерусалимского патриаршего престола митрополита Мелетия, упоминаемого Е. Г. Богомоловой, Гоголь 23 февраля 1848 г. «ради усердия», показанного им «к живоносному Гробу Господню» и к «прочим Святым Местам», получил благословение в виде «маленькой части камушка от Гроба Господня и части дерева от двери храма Воскресения, которая сторела во время пожара в 1808 сентября 30-го дня» (см. в наст. изд. статью В. А. Гиляровского «В Гоголевщине. (Из последней поездки)»). О преосвященном Мелетии (1786–1868), митрополите Петры Аравийской, см.: *Гуминский В. М. Путешествие Гоголя по Святой Земле // Новая русская книга. 2011. № 11 (203). С. 23.*

⁵ Слухи, сообщаемые В. П. Титовым, не подтвердились. (Сам Гоголь 10 сентября (н. ст.) 1846 г. писал М. П. Погодину: «...Маршрут мой <...> к Великому Посту и Пасхе — в Иерусалим...». Позднее, 20 ноября (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал А. О. Смирновой: «Прежде у меня было в мысли говеть [и] быть во время Пасхи в Иерусалиме, потом побывать [и побывать] во всех местах, ознаменованных святыми событиями. Теперь ничего другого не хочется, как только поклониться в тишине святому гробу, принеся на нем благодарность за всё, со мною случившееся, [и помолиться о благополучном возврате в Россию] испросить сил и мужества на свое дело и потом возвратиться прямо в Россию.») 6 апреля 1848 г. Гоголь вместе с семейством К. М. Базили выехал из Бейрута в Константинополь; 13 апреля был в Константинополе, а 14 апреля выехал из Константинополя в Одессу.

С. П. Шевырев — Н. Н. Шереметевой

29 апреля 1848 г.

Милостивая Государыня Надежда Николаевна. Сию минуту получил я письмо от Н. В. Гоголя из Одессы от 21-го апреля¹. Слава Богу, он прибыл благополучно. Пишет ко мне из карантина. Духом спокоен и счастлив. Едет к своей матери, в Полтаву, в д<еревню> Васильевку. Там будет и его адрес. Вам просит сказать, что письма Ваши получены им очень исправно в Константинополе и что он будет отвечать. Когда я прочел его письмо, первую мыслью моею было благодарить Бога за то, что Он по милосердию Своему услышал наши молитвы о благополучном возвращении нашего друга в Россию. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 204–205. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 3. Л. 2–3.

¹ Гоголь прибыл в Одессу 16 апреля 1848 г.

С. П. Шевырев — Н. Н. Шереметевой

<4 августа 1848. Москва>

Милостивая Государыня Надежда Николаевна. Наше пребывание в Сокольниках причиною тому, что не тотчас я отвечаю на Вашу записку. Об Н. В. Гоголе я имею известие от него более месяца тому назад. Он у матери своей, в Полтавской деревне Васильевке. Обещал было после половины июля здесь быть; но и не едет и не пишет. Не знаю — что с ним. Я отвечал ему, но на письмо мое не имею еще от него никакого отголоска. Надеялся от Вас получить об нем известие, но и Вы в неведении¹. <...>

Адрес Н<иколая> В<асильеви>ча: в Полтаву, в дер<евню> Васильевку.
Августа 4 дня. 1848. Москва. Сокольники.

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001. С. 212–213. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 3. Л. 7–8.

Письмо представляет ответ на недошедшую до нас записку Н. Н. Шереметевой.

¹ Спустя некоторое время Шевырев получил от Гоголя письмо из Васильевки от 26 июля 1848 г., где тот сообщал: «Отвечаю тебе на твое письмецо слабый, едва оправившийся от изнурительной болезни <...> В Москву не думаю, что выберусь раньше половины августа <...> Впрочем, теперь останусь я в Москве не более, как неделю. На месяц или на три недели нужно будет съездить в Петербург затем, чтобы после этого подольше пробыть с вами».

С. П. Шевырев — В. А. Жуковскому

<26 августа 1848. Москва>

<...> Письмо ваше к Гоголю¹ произвело сильное впечатление и, что мне особенно приятно, на молодежь. Это новое данное вами начало для будущей русской эстетики, которая должна быть построена на христианском основании. <...>

Первой статьи вашей — письма к Гоголю — оттиснуто у меня несколько отдельных экземпляров. Я хотел доставить их вам, но каким путем, не знаю. Из письма вашего вижу, что вы и Москвитянина не получаете, а между тем Погодин заботился о том, чтобы к вам пересылали его. <...>

Гоголя до сих пор нет в Москве. Я жду его всякий день. До сих пор он живет в своей Полтавской деревне. Был болен, но писал ко мне по выздоровлении и собирался все ехать. <...>

Августа 26 с<т>. с<т>. 1848 года. Москва.

Впервые опубликовано: Из бумаг В. А. Жуковского // Русский Архив. 1875. № 11. С. 370–372. Печатается по первой публикации.

Письмо адресовано во Франкфурт, получено В. А. Жуковским в Баден-Бадене.

¹ «О поэте и современном его значении». См. в наст. изд. коммент. к письму В. А. Жуковского А. П. Елагиной от 7 марта (н. ст.) 1848 г.

С. П. Шевырев — Н. Н. Шереметевой

<1 октября 1848. Москва>

Милостивая Государыня Надежда Николаевна. Вот письмо от Н. В. Гоголя¹, писанное в ответ на Ваше², которое его не застало здесь³ и которое я к нему переслал. Он пробыл здесь весь

ма короткое время, так что я не успел бы дать Вам знать. К тому же случились у меня недосуги по причине начала курсов в Университете и приезда Министра⁴ в Москву. Через три или четыре недели Н<иколай> В<асильевич> хотел возвратиться к нам. Не знаю, сдержит ли слово. Будучи уверен, что семейные радости мои не чужды Вашему Христианскому сердцу, скажу Вам свою радость. Бог дал мне сына Дмитрия, 22-го сентября. Он назван в память покойного Князя Дмитрия Владимировича Голицына, благодетеля жены моей, которого я всегда любил и уважал душевно. Жена и младенец – уже Христианин – слава Богу здоровы. Пожелав Вам доброго здоровья и спокойствия душевного, с чувством искреннего почтения и неизменной преданности всегда имею честь быть Вашим, Милостивая Государыня, покорнейшим слугою С. Шевырев.

Октября 1. 1848. Москва.

Н<иколай> В<асильевич> наружностью не переменялся нисколько. Здоровье его хорошо. Бойтся зимнего холода. Слово его такое же, как было прежде. Собирается здесь работать.

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 708. Полностью напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. М., 2001. С. 215. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 3. Л. 9–10.

¹ От 25 сентября 1848 г. из Петербурга.

² От 12 сентября 1848 г. из с. Покровского.

³ Гоголь приехал в Москву 7 сентября 1848 г. и выехал в Петербург 12 сентября вечером или 13-го утром. В Москву Гоголь вернулся через месяц, 13 октября 1848 г.

⁴ Графа С. С. Уварова.

С. П. Шевырев — П. А. Плетневу

<4 января 1849. Москва>

<...> Гоголь сказывал мне, что Вы в письме к нему¹ сообщаете известие о наступающем для Вас счастье² и передаете мне упрек. Поздравляю Вас от всей души с первым и желаю, чтобы оно было прочно. За упрек благодарю. Это значит, что Вы не забыли меня. <...> Гоголь с нами, но ни слова не говорит о том, что он делает. <...>

Москва. 4 января 1849.

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 738–739. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо не сохранилось.

² 26 января 1849 г. П. А. Плетнев женился вторично. Избранницей его была княжна Александра Васильевна Щетинина (1828–1901) (первая жена – С. А. Раевская умерла в 1839 г.).

С. П. Шевырев — П. А. Плетневу

<3 мая 1849. Москва>

<...> Гоголю, Коссовичу¹ и Бергу² передам Ваши поклоны. Первый пишет, кажется. Иногда и сам о том поговаривает. <...>

Москва. 3 мая 1849.

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 741. Печатается по первой публикации.

¹ Каэтан Андреевич Коссович (1815–1883), санскритолог.

² Николай Васильевич Берг (1823–1884), писатель.

С. П. Шевырев — Я. К. Гроту

<9 ноября 1849. Москва>

<...> Гоголь давно уже в Москве. Он деятельно работает над 2-м томом Мертвых Душ и дал мне обещание скоро прочесть первые главы. Вы можете представить себе мое нетерпение; но он искушает его. <...>

Москва. 9 ноября 1849 г.

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 746. Печатается по первой публикации.

С. П. Шевырев — П. А. Плетневу

<18 декабря 1851. Москва>

<...> Гоголь издает вновь свои сочинения. Авось скоро приступит и к изданию второго тома «Мертвых Душ». Он читал мне семь глав¹. Превосходно! Я ожидаю с нетерпением этого явления. Он вспырнет живой водою нашу мертвую литературу. <...>

Декабря 18. 1851. Москва.

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 756. Печатается по первой публикации.

¹ См. также в письме С. П. Шевырева к К. С. Сербиновичу от 11 марта 1852 г.: «Семь глав второго тома он мне читал: это утрата, долго незаменяемая в нашей словесности» (Русская Старина. 1904. № 2. С. 429).

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<12 марта 1852. Москва>

<...> Студент Крылов написал комические сцены: «Друзья Гоголя», в которых много хорошего. Он желал бы поместить их в «Москвитянине» и за этим будет у тебя. Прими его. Мне кажется, можно бы было напечатать. Впрочем, ты лучше разумеешь современные отношения. <...>

Я не знаю, когда день рождения Гоголя. Аксаковы говорят: 19-го марта, в день взятия Парижа¹. Мне помнится другой день. У меня взял студент 1-й № «Москвитянина» 1840 г. Там, кажется, напечатаны стихи мои, написанные ему в день его рождения. Это было в Риме. Он угощал тогда Жуковского, Вьельгорского и меня в своей любимой гостинице, что близ Пантеона: Al Falcone. На этих стихах обозначен день его рождения верно: мне помнится, января 15². <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 755. Печатается по первой публикации.

¹ См. также в наст. изд. письмо М. А. Максимовича к С. Т. Аксакову от 19 марта 1857 г., письмо Ф. И. Иордана к А. А. Иванову от 6 апреля 1851 г. и примеч. 5 к «Воспоминаниям М. И. Гоголь в путевом дневнике С. П. Шевырева».

² См. в наст. изд. коммент. к дневниковой записи В. А. Жуковского от 18/30 января 1839 г.

С. П. Шевырев — А. Н. Верстовскому

<29 марта 1852. Москва>

Милостивый Государь Алексей Николаевич!

В понедельник на Пасху, в Данилове монастыре, мы совершаем в сороковой день поминки по Н. В. Гоголю. Пришлось же помянуть его на светлый праздник, который он так любил и почитал глубоко. После панихиды предложена будет трапеза бедным, монахам и желающим принять участие в поминовении. Мне хочется перед трапезой прочесть его Светлое Воскресение. Вы, конечно, не откажетесь принять участие в этом поминовении. Вы принадлежите, без сомнения, к тем, которые глубоко чувствуют нашу потерю. Покойник желал, чтобы все соединились в духе любви Христианской: это была любимая мысль его. А мы не только не соединяемся, даже и видимся редко. <...>

С. Шевырев.

Издержка каждого участника 10 р<ублей> сер<ебром>.

Марта 29.

1852.

Москва.

Публикуется впервые по автографу: ГЦТМ. Ф. 53. Ед. хр. 425.

С. П. Шевырев — М. Н. Синельниковой

<2 апреля 1852. Москва>

Милостивая государыня Марья Николаевна!

Извините меня великодушно, что не отвечал немедленно на письмо ваше: заботы семейные, болезни детей отвлекли меня. Горестная утрата для всех нас, любивших Николая Васильевича, была так внезапна, что до сих пор нам трудно опомниться. Считаю святым долгом исполнить желание ваше и передать вам все то, что сам знаю и что узнал от других об его болезни и кончине.

За неделю до масленицы Николай Васильевич казался совершенно здоровым и бодрым. В течение всей зимы я радовался за него, что он хорошо выносит московскую зиму, которой боялся. Нередко обедал он у нас, после обеда занимался со мною чтением корректур первого и второго тома своих сочинений, в которых он выправлял слог, а я правил под диктовку его. Другие два тома печатались в то же время. В последний раз занимались мы с ним этим делом в четверг перед масленицей¹. В понедельник на масленице² приехал он ко мне в пять часов вечера, чтобы сказать, что некогда ему теперь заниматься корректурами. Я и жена³ заметили перемену в лице его и спросили, что с ним. Он отвечал, что дурно себя чувствовал и кстати решился попить и поговорить. Я спросил его: «зачем же на масленой?» — «Так случилось, — говорит он, — ведь и теперь Церковь читает уже: «Господи, Владыко живота моего!» и поклоны творятся»⁴. На другой день⁵ после лекций моих я поехал к нему и застал его на отъезде. Он жаловался мне на расстройство желудка и на слишком сильное действие лекарства, которое ему дали. Я говорил ему: «но как же ты, нездоровый, выезжаешь? Посидел бы дня три дома, и прошло бы. Вот то-то не женат: жена бы не пустила тебя»; он улыбнулся этому, и между тем слова сбылись горькою правдою. Что в мире, какая дружба может заменить отношения матери, жены, сестры,

брата? Им принадлежит прежде всего наша жизнь и здоровье, и они берегут его. В среду⁶ он опять был у меня. Казалось, ему лучше: лицо было спокойнее, хотя следы усталости какой-то были видны на нем. Я приписывал их посту. В среду он исповедовался, в четверг⁷ причастился Святых Тайн⁸. Это было в приходе у Погодина, в церкви Святого Саввы Освященного, где живет его духовник⁹. Вечером он приехал в ту же церковь, чтобы отслужить благодарственный молебен. Из церкви заехал к Погодину, который также заметил перемену в лице его и спросил его о том. Он вскоре уехал от него. В пятницу и субботу¹⁰ продолжал еще выезжать. В субботу был у Хомяковых вечером. Должно сказать, что смерть жены Хомякова, случившаяся почти внезапно, после кратковременной болезни¹¹, поразила его очень: это была сестра Языкова¹², одного из лучших друзей его. Вероятно, это событие произвело в нем потрясение душевное. Между тем, как узнали мы после, большую часть ночей проводил он в молитве, без сна. В одну из таких ночей, с пятницы на субботу¹³, молясь на коленях перед образом, он услышал голоса, говорившие ему, что он умрет. В душевной тревоге он разбудил своего человека и послал его поскорее за священником¹⁴ с просьбой соборовать его маслом. Когда священник пришел, он уже был спокойнее, извинился, что потревожил его, и отложил до другого дня совершение таинства. Такая ночь не помешала ему быть на другой день у Хомякова.

С первой недели поста¹⁵ он перестал выезжать. Хозяева дома, граф и графиня Толстые¹⁶, гонели. Служба совершалась у них дома¹⁷. Он всякий раз ходил на службу, слушал ее стоя и усердно молился. Графиня, видя, что это утомляет его, прекратила говенье. Мысль о смерти его не оставляла. Еще, кажется, в первый понедельник¹⁸ он позвал к себе графа Толстого и просил его взять к себе его бумаги, а по смерти его, отвезти их к митрополиту¹⁹ и просить его совета о том, что напечатать и чего не напечатать. Граф не принял от него бумаг, опасаясь тем утвердить его в ужасной мысли, его одолевавшей. С понедельника на вторник ночью²⁰ он молился до трех часов на коленях перед иконою.

К трем часам ночи разбудил мальчика своего Семена²¹. Спросил его: холоднее ли в той комнате, где он обыкновенно занимался? Мальчик ответил, что гораздо холоднее. Не послушался он убеждений его, чтобы лечь спать; оделся в теплый плащ, взял свечу и пошел в кабинет, велел мальчику следовать за собою, останавливался во всех комнатах и крестился. Пришедши в кабинет, велел мальчику открыть трубу, но так осторожно, чтобы не разбудить ни одного человека. Между тем перебирал свои бумаги: некоторые откладывал в портфель, другие обрекал на сожжение. Эти последние велел мальчику связать трубкою и положить в камин. Семен бросился на колени перед ним и слезно убеждал его не жечь их, говоря ему, что он будет сожалеть о них, когда выздоровеет. «Не твое дело!» — отвечал он. Сам зажег бумаги. Когда обгорели углы, огонь стал потухать. Мальчик обрадовался. Но Николай Васильевич заметил это, велел развязать связку, еще подложить огня и ворочал бумаги до тех пор, пока они не превратились в пепел. В продолжение всего сожжения он крестился.

По окончании дела, от изнеможения опустился в кресло. Мальчик плакал и говорил: «что вы это сделали?» — «Тебе жаль меня», — сказал ему, обнял его, поцеловал и заплакал сам. Крестьясь по-прежнему, возвратился он в спальню, лег на постель и горько заплакал. Поутру рано узнал о происшедшем граф Толстой и пришел к нему. Он сознался ему в том, что сделал, и говорил о том с раскаянием, приписывая это дело влиянию нечистого духа. «Хитер лукавый! — говорил он, — я хотел сжечь одни только ненужные бумаги, и вместо того сжег и нужные». Тут выговорил он графу, зачем он не взял у него бумаг по его просьбе. Из подробностей видно, что он сжег второй том «Мертвых Душ». Намерением было у него раздать по главе каждому из друзей его. Кажется, сожжено также и объяснение на Литургию²². Из второго тома он читал мне летом, живучи у меня на даче около Москвы, семь глав. Он читал их, можно сказать, наизусть по написанной канве, содержа окончательную отделку в голове своей. Из объяснения на Литургию он читал мне начало²³ перед отъездом на родину, куда не доехал²⁴. Обо всех подробностях сожжения узнали уже после его кончины.

Это событие поразило всю Москву, и, можно сказать, уже всю Россию. Бумаги его до сих пор не открыты. Что осталось в них, еще неизвестно.

Портфель с ними он держал при себе до смерти. На первой неделе поста я в редкий день не навещал его. Но он тяготился моим присутствием и всех друзей своих допускал на несколько минут и потом отзывался сном, что ему дремлет, что он говорить не может. В положении его, мне казалось, более хандры, нежели действительной болезни.

Доктор Иноземцев²⁵ определил состояние его катарральным и не находил в нем ничего важного.

Впрочем, Николай Васильевич отвергал всякое медицинское пособие и врачу не верил. Тут из расспросов слуги я в первый раз узнал, что он лечился в доме и каждое утро обвертывался мокрой простынею. Так было в декабре и январе месяце. Он никогда не говорил мне о том. Лечение это было прервано. Потом возобновил его опять, но, обернувшись простынею, не согревался. Видно, сильная простуда проникла в него и произвела первую горячку. Такое лечение было совсем не по его слабому сложению. Я думаю, в нем заключалась главная причина его болезни. Когда я его спрашивал о том, он сказал мне, что лечение освежило его силы и он чувствовал себя бодрее, но, конечно, это была искусственная бодрость. Он почти не хотел говорить о своей болезни; сказал мне, что его постигла болезнь та самая, от которой умер отец его, что нашел на <н>его страх смерти, но что отец Матвей, Ржевский священник²⁶, которого он очень уважал, успокоил его. Я застал его с молитвенником в руках; говорил ему, что он напрасно напрягает умственные силы на молитву, что такая молитва требует сил телесных, что для больного довольно призывания имени Иисуса Христа. Но видно было, что весь он погружен был в молитву, готовясь торжественно к переходу в вечность.

Семен говорил мне, что он ест очень мало, отказывается от всякой пищи и не принимает бульону²⁷.

Я убеждал его именем всех его любящих принять пищу, которая могла бы подкрепить его. Я говорил ему, что пост — есть великая продолжительная наука, что нам невозможно от обыкновенной сытной пищи вдруг переходить к воздержанию великих подвижников Церкви; что покушения — самоубийство. В тот самый день, как приобщился он Святым Тайн²⁸, я был у него, и со слезами, на коленях молил его о том, но он как будто оскорбился такою просьбою; уверял меня, что ест весьма довольно. Между тем врачей он <принимать> не хотел. Иноземцев сам занемог в это время. Я предлагал ему привезти Варвинского²⁹. Но он не захотел никого. В последние дни был при нем знаменитый Овер³⁰ и другие³¹, но уже все усилия медицины были напрасны. Ни в субботу, ни в воскресенье³² на второй неделе положение его не было опасным. Я виделся с графом Толстым и говорил с ним о его состоянии. Граф был спокоен и все более и более приписывал хандре его. В понедельник утром³³ я должен был до четырех часов провести время в университете. После обеда вечером готовился я к лекциям; но вдруг приезжает ко мне Павлов³⁴ и говорит, что Николай Васильевич утром соборовался елеем и что положение его находят безнадежным. Пораженный как громом, я поехал к нему в девятом часу. Дом был в тревоге. Граф с расстроенным лицом сказал, что надежды нет.

Утром³⁵ больной снова исповедовался, приобщался Святым Таин и соборовался елеем, в полной памяти, в присутствии всех умственных сил своих, с сокрушением полного молитвой сердца, с теплыми слезами. Вечером положение его стало очень трудно; при нем был и духовник его, и приходской священник, которого он очень уважал. Он убеждал его принять медицинское пособие, необходимое по совету докторов, но он не соглашался и, раз, согласившись, со стоном закричал: «не мучьте меня!» Мы были с Погодиным около его комнаты. Граф не впускал к нему нас, боясь испугать его появлением многих лиц. До одиннадцати часов почти пробыл я у него и оставил спокойно заснувшим. Но сам от сильной тревоги и от позднего выезда простудился, занемог, лег в постель и весь горестный исход узнал после.

В последние дни он имел еще силы писать, хотя дрожащею рукою. На длинных бумажках писал он большими буквами: «Аще не будете малы, яко дети, не внидете в Царствие Небесное!»³⁶ Потом молитву Иисусу Христу против сатаны, чтобы Иисус Христос связал его неисповедимую силою креста Своего³⁷. Последние слова, написанные им, были: «как поступить, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце полученный урок?» К чему относились эти слова — это осталось тайной.

Все медицинские пособия, ванны, пиявки и проч. только нарушали спокойствие последних минут его. Он со стоном подчинялся им и все просил, чтобы оставили его в покое. Одним из последних слов, сказанных им еще в полном сознании, были слова: «как сладко умирать!»

Последнюю ночь он был уже в беспамятстве, не узнавал к нему подходивших, бредил, дышал усиленно. К утру дыхание стало реже. В четверг, 21-го февраля, в восемь часов утра не стало нашего незабвенного друга и великого художника. Печаль Москвы была всеобща. Плач окружал его гроб. Молодежь Москвы вся была проникнута живой скорбью, и на руках своих отнесли его до могилы. Многие известные лица Москвы шли за гробом до самого кладбища. Собрана значительная подписка на надгробный памятник. Много портретов его вышло в свет³⁸. Если желаете иметь лучшие, я могу прислать их.

Сороковой день его кончины пришелся замечательным образом на второй день Пасхи в понедельник³⁹. Он так любил праздник Воскресенья, так глубоко понимал его, и последнее его печатное слово было посвящено этому празднику⁴⁰.

Друзья и ценители покойного собрались в Данилов монастырь. Там отслужили заупокойную обедню и панихиду по душе его. Утешением было в нашем горе — слышать воскресный колокол вместе с заупокойным пением. На могиле его, убранной зеленью и цветами среди снега, мы слышали: «Христос Воскресе!» После панихиды предложена была трапеза шестидесяти бедным и монашествующей братии. Мы собрались в кельях архимандрита⁴¹ и перед своею трапезою прочли его «Светлое Воскресенье», которое всех тронуло до слез⁴². Во время обеда мысль сосредоточивалась на нем; говорили о том, какой надгробный памятник поставить ему⁴³. Это будет крест на гранитном камне. Две надписи встретили всеобщее сочувствие. Одна относится к нему как к писателю и взята из пророка Иеремии: «Горьким словом моим посмеюся»⁴⁴. Другая относится к любимым мыслям последнего десятилетия его жизни. В ней выражается сосредоточие всех его мыслей: «Ей, гряди, Господи Иисусе!»⁴⁵. Поминки происходили в замечательный день: 30-го марта, по преданию Церкви, было распятие Спасителя. С 31-го марта на первое апреля совершилось Воскресение. 31-го марта мы поминали его.

В заключение моего плачевного рассказа позвольте мне обратиться к вам с моею покорнейшей просьбой. Я полагал бы написать биографию Николая Васильевича; кроме моего желания собственного, Академия возложила на меня это поручение. Вы можете мне много содействовать к совершению этого труда сообщением семейных подробностей о покойном. Мы не знаем даже год его рождения. От вас я буду ожидать этих сведений и прошу вас о том всепокорнейше. День его рождения 17-го января. Я узнал это в Риме⁴⁶. Все, что относится к его детству в доме родителей и в семье его, все это желательно собрать, и позвольте мне надеяться, что вы это на себя примете и сообщите мне. К числу главных материалов последнего десятилетия его жизни принадлежат его письма. Если можете, соберите мне те, которые он писал вам и к другим родным своим, или, по крайней мере, замечательные отрывки из них. Этим много меня обяжете. Всего бы лучше — самые письма; я бы списал с них копии и возвратил бы обратно с благодарностью. Из писем его я мог бы составить еще том к его сочинениям. Не хранятся ли где-нибудь у родных его черновые тетради его «Мертвых Душ» или других сочинений. Это было бы сокровище! Издание сочинений его покамест остановилось⁴⁷. Для продолжения нужны два условия: разрешение Высочайшее и доверенность его наследников. Я рад служить семейству покойного моего друга своими трудами, как служил ему в изданиях его.

Памятны мне слова, сказанные покойным перед гробом Хомяковой, у которого собрались мы для слушания панихиды: «Ничто не может быть торжественнее смерти. Жизнь не была бы так прекрасна, если бы не было смерти». Тогда, погруженный весь в молитву, он готовился совершить этот переход в вечность и совершил его как истинный христианин и как верный сын Церкви... С покойного сняли маску⁴⁸. Лицо его носит следы тяжелых страданий болезни, но из этих страданий светит добрая его улыбка и выражение его предсмертных слов: «Как сладко умирать!»

Примите, милостивая государыня, чувство моего глубочайшего почтения и преданности, с коими имею честь быть вашим покорнейшим слугою.

Степан Шевырев.

Москва, 2-го апреля 1852 г.

Впервые опубликовано: *Шенрок В. И.* Письмо С. П. Шевырева М. Н. Синельниковой о последних днях и смерти Н. В. Гоголя // *Русская Старина*. 1902. № 5. С. 440–447. Печатается по первой публикации.

См. в наст. изд. ответное письмо М. Н. Синельниковой от 15 апреля 1852 г.

Содержание письма частично пересказал П. А. Кулиш в 1854 г. Ср., в частности: «Г-жа Хомякова была родная сестра поэта Языкова, одного из ближайших друзей Гоголя. Гоголь крестил у нее сына и любил ее, как одну из достойнейших женщин, встреченных им в жизни. Смерть ее, последовавшая после кратковременной болезни, сильно потрясла его. <...> Он рассматривал это явление с своей высокой точки зрения и примирился с ним у гроба усопшей. “Ничто не может быть торжественнее смерти, — произнес он, глядя на нее, — жизнь не была бы так прекрасна, если бы не было смерти”. Но это высшее умственное созерцание не спасло его сердце от рокового потрясения: он почувствовал, что болен тою самою болезнью, от которой умер отец его, — именно, что на него “нашел страх смерти”, и признался в этом своему духовнику. Духовник успокоил его, сколько мог...» (<*Кулиш П. А.*> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение *Николая М.* СПб., 1854. С. 191–192; см. также: <*Кулиш П. А.*> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 2. С. 260). (Судя по дальнейшим словам Кулиша: «...но Гоголь во вторник на маслянице <5 февраля 1852 г.> явился к нему, объявил, что говеет, и спрашивал, когда может приобщиться», — биограф, вопреки сообщению Шевырева о том, что в переживании страха смерти Гоголя успокоил «отец Матвей, Ржевский священник, которого он очень уважал», вместо протоиерея Матфея Константиновского, настоятеля Успенского кафедрального собора во Ржеве, указал на иерея московской церкви Преподобного Саввы Освященного на Девичьем поле, духовника Гоголя с 1842 г., отца Иоанна Никольского.)

¹ 31 января 1852 г.

² 4 февраля 1852 г.

³ Софья Борисовна Шевырева.

⁴ Масленица (неделя мясопустная) является преддверием Великого Поста. В эту неделю уже не вкушается мясная пища, а в среду и пятницу совершаются службы с молитвой преподобного Ефрема Сирина («Господи, Владыко живота моего...») и поклонами.

⁵ 5 февраля 1852 г.

⁶ 6 февраля 1852 г.

⁷ 7 февраля 1852 г.

⁸ Ср. также в наст. изд. свидетельство М. П. Погодина в некрологе «Кончина Гоголя».

⁹ Имеется в виду священник церкви Преподобного Саввы Освященного на Девичьем поле отец Иоанн Диомидович Никольский. Гоголь познакомился с ним в 1842 г., когда по приезде из-за границы жил у М. П. Погодина. В декабре 1846 г., накануне выхода книги «Выбранные места из переписки с друзьями», Гоголь писал Шевыреву из Неаполя: «Отыщи, пожалуйста, того самого священника, у которого я говел и исповедовался в Москве. Имени его не помню. Погодин или, еще лучше — мать его должна знать его. Священник этот несколько толст, с лица ряб, на манер С***, но мне очень понравился. Простое слово у него проникнуто душевным чувством. Все, что я услышал о нем потом, было в его пользу. Отдай ему один экземпляр книги, скажи, что я его помню и книгу мою нахожу приличным вручить ему как продолжение моей исповеди».

¹⁰ 8 и 9 февраля 1852 г.

¹¹ Екатерина Михайловна Хомякова (рожденная Языкова, 1817–1852) умерла 26 января.

¹² Поэт Н. М. Языкова.

¹³ С 8 на 9 февраля 1852 г.

¹⁴ Речь идет об отце Алексии Ивановиче Соколове, священнике церкви Преподобного Симеона Столпника, что на Поварской (впоследствии протопресвитер Храма Христа Спасителя).

¹⁵ Великий Пост в 1852 г. начинался 11 февраля.

¹⁶ А. П. и А. Г. Толстые.

¹⁷ У Толстых была своя домовая церковь, которая располагалась на втором этаже.

¹⁸ 11 февраля 1852 г.

¹⁹ Гоголь просил графа А. П. Толстого передать свои рукописи святителю Филарету, митрополиту Московскому, в Прощеное воскресенье, 10 февраля.

²⁰ С 11 на 12 февраля.

²¹ Семен Григорьев, крепостной мальчик Гоголя, бывший его слугой в 1848–1852 гг. Гоголь, по словам его матери в письме к С. П. Шевыреву от 30 января 1853 г., «боялся, как говорил, отдать ответ за него Богу и старался внушать ему все доброе, исправлял сколько мог, давая полезные книги читать» (см. в наст. изд.). После смерти Гоголя Семен был отправлен в Васильевку и отдан в услужение Н. П. Трушковскому, племяннику Гоголя. «Впоследствии этот бывший мальчик-слуга Гоголя спился и рано умер» (*Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 938).

²² См. в наст. изд. письмо Шевырева М. П. Погодину от 2 мая 1852 г.

²³ См. также в наст. изд. письмо Шевырева к А. В. Гоголю около 20 июня 1852 г.

²⁴ 22 сентября 1851 г. Гоголь выехал из Москвы в Васильевку на свадьбу сестры, намереваясь оттуда проехать в Крым и остаться там на зиму. Однако, доехав до Калуги, он отправился в Оптину Пустынь, а потом неожиданно для всех вернулся в Москву.

²⁵ Федор Иванович Иноземцев (1802–1869), московский врач, профессор, старый знакомый Гоголя. Осенью 1848 г. Ф. И. Иноземцев, «поручая Погодину поклониться Гоголю, замечает о нем: *чай, хандрит*» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 9. С. 475).

²⁶ Речь идет о протоиерее Матфее Константиновском (1791–1857), настоятеле Успенского кафедрального собора во Ржеве.

²⁷ Ср. также в наст. изд. некролог М. П. Погодина «Кончина Гоголя».

²⁸ В четверг 7 февраля.

²⁹ Иосиф Васильевич Варвинский (1811–1878), врач, профессор Московского университета.

³⁰ Александр Иванович Овер (1804–1864), московский врач, профессор.

³¹ На консилиуме, который собрал граф А. П. Толстой в среду 20 февраля 1852 г., кроме И. В. Варвинского и А. И. Овера, присутствовали также доктора А. Е. Эвениус, С. И. Клименков, К. И. Сокологорский, А. Т. Тарасенков.

³² 16 и 17 февраля 1852 г.

³³ 18 февраля.

³⁴ Николай Филиппович Павлов (1805–1864), прозаик, критик и публицист.

³⁵ 19 февраля.

³⁶ Евангелие от Матфея (гл. 18, ст. 3).

³⁷ «Помилуй меня грешного, прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственную силою неисповедимого Креста!».

³⁸ С. А. Рачинский в заметке «К портретам Гоголя» рассказал историю одной литографии, изданной спустя несколько дней после смерти писателя: «Вскоре после кончины Гоголя тело его было положено в гроб и перенесено в церковь Московского университета. Тут, около гроба, до самого погребения постоянно дежурили студенты. В одном из таких ночных дежурств участвовал мой покойный брат, Владимир Александрович Рачинский, тогда студент 4-го курса юридического факультета. Обладая немалым талантом в рисовании и желая сохранить воспоминание об этом скорбном и торжественном бдении, он во втором часу ночи принялся рисовать профиль покойного, надеясь, что он успеет окончить рисунок без свидетелей. Но в это время вошла в церковь графиня Е. П. Ростопчина, задрапированная по-испански в черные кружева, вся еще прекрасная. Долго молилась она перед гробом, а затем обратила внимание на рисующего юношу, взглянула на его набросок и была поражена достигнутым сходством и передачею печати важного покоя, лежавшей на чертах усопшего. На другой день она рассказала о портрете Вл<адиимиру> Ив<ановичу> Назимову, тогдашнему попечителю Московского университета. Он также пожелал на него взглянуть и настоял на том, чтобы он был воспроизведен и пущен в продажу. Так и сделали. Портрет был налитографирован в ограниченном количестве экземпляров и в несколько дней раскуплен.

У меня сохранилась расписка, писанная рукою Степана Петровича Шевырева, о получении от В. А. Рачинского 143 руб<лей> на сооружение памятника Гоголю.

По прошествии нескольких дней каким-то убогим рисовальщиком была пушена в продажу плохая копия, в уменьшенном виде, с рисунка моего брата, с прибавкою разных безвкусных эмблем» (*Рачинский С. К.* портретам Н. В. Гоголя, с приложением письма его к графине П. Е. Капнист <на самом деле с приложением письма Гоголя к С. В. Скалон (рожд. Капнист) от 3 октября 1851 г.>. СПб., 1903. С. 1–2).

³⁹ 31 марта 1852 г.

⁴⁰ Подразумевается заключительная статья «Выбранных мест из переписки с друзьями» «Светлое Воскресенье».

⁴¹ «Настоятелем Данилова монастыря в то время был архимандрит Пармен» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 551). Архимандрит Пармен (Соколов) (ум. в 1855 г.), настоятель Свято-Даниловского монастыря с 1848 г.

⁴² Статью читал сам Шевырев (см. в наст. изд. письмо С. П. Шевырева А. Н. Верстовскому от 29 марта 1852 г.).

⁴³ Как устанавливается неизданным письмом А. И. Кошелева к С. П. Шевыреву от 28 февраля 1852 г., хлопоты по сооружению надгробного памятника Гоголю, по предложению попечителя Московского учебного округа В. И. Назимова, взял на себя С. П. Шевырев. В архиве последнего сохранились письма к нему Н. А. Рамазанова с подробными расчетами стоимости работ. Значительную сумму для этой цели внес К. Т. Солдатенков (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Д. Эфрос // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 760, 762).

⁴⁴ Иеремия (гл. 20, ст. 8). По свидетельству Н. В. Берга, эта надпись была предложена Шевыревым (см. в наст. изд. письмо Н. В. Берга к В. В. Ганке от 11 июня 1852 г.).

⁴⁵ Апокалипсис (гл. 22, ст. 20).

⁴⁶ См. в наст. изд. ответное письмо М. Н. Синельниковой к С. П. Шевыреву от 15 апреля 1852 г. и коммент. к дневниковой записи В. А. Жуковского от 18/30 января 1839 г.

⁴⁷ Издание, начатое Гоголем незадолго до смерти, увидело свет в 1855–1856 гг. Отдельно был выпущен дополнительный том (подготовленный к печати Шевыревым): «Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти» (М., 1855), куда вошли сохранившиеся главы второго тома «Мертвых душ» и «Авторская исповедь».

⁴⁸ Маску снимал скульптор Н. А. Рамазанов.

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<28 апреля 1852. Москва>

<...> Пришли мне через контору Переписку Гоголя (ты хотел доставить лично) и 10 р<ублей> сер<ебром>. <...>

Авг<уста> 28.

Понед<ельник, 28 апреля>. Гр<аф> Толстой был у меня вчера — и сказал, что Гражд<анский> Губернат<ор>¹ желает сделать вскрытие бумаг Гоголя как можно тише, а потому пригласили только меня, что и будет сделано сегодня, в понедельник². Вот почему Гр<аф> Т<олстой> не дал знать тебе.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 756; см. также: *Паламарчук П. Г.* Список уцелевших от сожжения рукописей Гоголя // Гоголь: История и современность. М., 1985. С. 487–488. Письмо Шевырева ошибочно датировано «Авг. 28». Датировка письма уточнена. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 52. Л. 504–504 об.

¹ И. В. Капнист.

² Согласно <Акту об описи имущества Гоголя...> вскрытие опечатанных бумаг и имущества писателя произошло не 28, а 30 апреля 1852 г. См. в наст. изд. *Документы Московской городской полиции и Московского надворного суда о кончине Гоголя.*

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<2 мая 1852. Москва>

<...> Сделай милость, пришли мне Переписку Гоголя. Мне она крайне нужна. Вот уже 5-й раз к тебе прошу об этом — и не могу добиться от тебя толку.

Я боюсь, не отдал ли ты кому из своих сотрудников. Это напрасно. Экземпляр для меня драгоценный по надписи покойного и весь исчерчен моими заметками. Сделай милость, возврати немедленно. Мне теперь он *крайне* нужен.

Бумаги открыли. Нашлись Объяснение на Литургию и 4 главы черновых 2-го тома М<ертвых> Душ. Подробности при свидании¹.

Маия 2. <...>

Впервые частично опубликовано: *Паламарчук П. Г.* Список уцелевших от сожжения рукописей Гоголя // Гоголь: История и современность. М., 1985. С. 486. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 52. Л. 493–493 об.

¹ См. в наст. изд. составленный С. П. Шевыревым «Список бумаг, оставшихся после покойного Н. В. Гоголя».

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<4 мая 1852. Москва>

Граф Толстой, которого я спрашивал, думает, что лучше ничего не печатать о том, что найдено в бумагах. Он боится, чтобы через печатное оглашение не потребовали их в Петербург. <...>

Маия 4. Воскресенье.

Впервые опубликовано: *Паламарчук П. Г.* Список уцелевших от сожжения рукописей Гоголя // Гоголь: История и современность. М., 1985. С. 487. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 52. Л. 494–494 об.

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<20 мая 1852. Москва>

<...> С мнением твоим о литургии¹ я несколько не согласен, а я читал ее уже 4 раза. Такого объяснения на русском языке еще не было. Что скажет М<итрополи>т — не знаю. Удовлетворить его, конечно, трудно. Маленькие неисправности могут быть, конечно, исправлены. <...>

Позабыл я тебя погонять тоже за описание поминок². Уж кстати. Написано очень неловко. Ты компрометируешь бедного Пармена³ и всю обитель⁴. 9-го мая я был там — и заметил по некоторым признакам, что могила доброго Гоголя у них уж не в таком уважении. <...>

Маия 20.

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 52. Л. 497–497 об.

¹ О «Размышлениях о Божественной Литургии» Гоголя. 16 мая 1852 г. С. П. Шевырев читал это сочинение на вечере у попечителя Московского учебного округа, председателя Московского цензурного комитета В. И. Назимова. Прослушав это чтение, М. П. Погодин записал в своем дневнике, под 16 мая 1852 г.: «Вечер у Назимова. Слушать Литургию Гоголя. Нет — слабо, хоть и есть несколько прекрасных мест. Шевырев читал впопряд все с амфазом» (см. в наст. изд.).

² См. в наст. изд. статью М. П. Погодина «Московские известия. Поминовение по Гоголе (Отрывок из письма в Петербург)».

³ Настоятель Свято-Даниловского монастыря архимандрит Пармен (Соколов).

⁴ Речь идет о статье М. П. Погодина «Поминование по Гоголе. (Отрывок из письма в Петербург)», напечатанной в № 8 «Москвитянина» за 1852 г. (цензурное разрешение 15 апр.) (см. в наст. изд.).

С. П. Шевырев — М. И. Гоголь

<20 июня 1852. Москва>

Лишь только отправил я к Вам письмо от 14-го июня, как получил Ваше от 8-го. <...> Доверенности всем наследникам надобно будет, конечно, написать порознь; но они должны быть все одного содержания. Об этом надеюсь поговорить с Вами при свидании. Хорошо бы было, если бы они могли быть готовы все в июле месяце, чтобы я мог привезти их от Вас с собою. Кроме доверенностей, для печатания нужно еще высшее разрешение, как я уже писал к Вам. Не прежде августа и даже сентября можно будет получить его. Все это объясню Вам подробно при свидании.

На днях дворецкий¹ графа Толстого отправляет к Вам с транспортом Харьковского комиссионерства все вещи и книги Николая Васильевича, и при них отправится Семен². Я же привезу к Вам все оставшиеся бумаги. Если бы что-нибудь замедлило предположенную мною поездку, то завещания я вышлю по почте, но страховым письмом. Завещания эти не имеют формы акта, а могут иметь только семейную силу. <...>

Москва. 1852. Июня 20.

Впервые опубликовано: *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник. Киев, 1902. Отд. 3. С. 59–60. Печатается по первой публикации.

¹ Александр Иванович Рудаков.

² С. Григорьев.

С. П. Шевырев — А. В. Гоголь

<Около 20 июня 1852. Москва>

Милостивая государыня Анна Васильевна. Примите мою душевную благодарность за письмо ваше и за подробности, которые вы сообщаете о биографии Николая Васильевича, в опровержение напечатанным¹. Лучшим опровержением всем клеветам, постигшим его память, чистую и светлую, и всем неверностям, может быть его полная и верная биография, извлеченная из его писем. Жду с нетерпением той минуты, когда кони из Полтавы помчат меня в вашу Васильевку. Да пошлет Всевышний вашей маменьке и всем вам сил на перенесение вашего горя и сладостных утешений в мысли о его загробном блаженстве. Когда я в первый раз читал его Размышления о Литургии, мне казалось, душа его носилась около меня, светлая, небесная, та, которая на земле много страдала, любила глубоко, хотя и не высказывала этой любви, молилась пламенно, и в пламени самой чистой молитвы покинула брненное, изнемогшее тело. Простите или, лучше, позвольте сказать мне вам: до свидания. Со мною поедет старший сын мой. Хотелось бы мне ехать не позднее 1 июля². <...>

Впервые опубликовано: *Линниченко И. А.* Новые материалы для биографии Н. В. Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 191–192. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо С. П. Шевырева является ответом на приписку А. В. Гоголь к письму ее матери к Шевыреву от конца апреля 1852 г., в которой речь шла о статье П. А. Кулиша «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя»,

опубликованной в апрельском номере журнала «Отечественные Записки» за 1852 г. (см. в наст. изд. раздел «Гоголь в письмах матери М. И. Гоголь-Яновской и сестры А. В. Гоголь к С. П. Шевыреву»).

² С. П. Шевырев выехал из Москвы в Васильевку, вместе с своим сыном Борисом, 3 июля 1852 г. и прибыл туда 10 июля 1852 г. (РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 20. Шевырев С. П. Журнал. Записки и заметки. 1843–1852 гг. 95 л. Л. 88 об., 91 об.).

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<13 августа 1852. Москва>

<...> Гоголя оставшиеся бумаги еще не успел переписать. По возвращении напали на меня приемные экзамены. Теперь только разобрался с бумагами и примусь. Портрет его у Рамазанова. С него списывают копию. Он лучше Ивановского. Иордан должен гравировать с Моллеровского¹. <...>

Авг<уста> 13.

Впервые опубликовано: *Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1892. Кн. 12. С. 10; см. также: *Паламарчук П. Г. Список уцелевших от сожжения рукописей Гоголя // Гоголь: История и современность*. М., 1985. С. 487. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 52. Л. 502–502 об.

¹ Согласно «Завещанию» Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

С. П. Шевырев — М. П. Погодину

<17 августа 1852. Москва>

Сожалею очень о том, что ты, не сказав мне ни слова, решил сам послать тысячу руб<лей> сер<ебром> Марии Ивановне¹. Я никак не мог думать, что ты до того простишь скорость свою. Мария Ивановна может весьма оскорбиться твоею внезапною присылкою и еще подумать, что я был к тому виною. Твое предложение и необдуманно и неделикатно — я должен тебе сказать искренно. Если б можно было воротить эти деньги, всего <было> бы лучше. Если бы деньги были им крайне нужны, они могли бы воспользоваться теми своими деньгами, которые у меня, а не пользоваться твоими. Мария Ивановна от имени дочерей своих через меня отвечала тебе самым деликатным образом, а ты, в ответ на ее деликатность, лезешь к ней с 1000 р<рублями> сер<ебром> и хочешь точно насильно отнять статьи.

Я вчера хотел быть у тебя к обеду, но просидел долго у Муханова; дома получив записку твою, не мог решиться поехать к тебе, потому что был на тебя сердит.

Рукописи к тебе пришлю, если не сам привезу. <...>

Авг<уста> 17, вечер.

Как же это ты решил, что все бумаги Гоголя, по смерти его оставшиеся, стоят только 1000 р<ублей> сер<ебром> и что ты можешь из великодушия прибавить еще что-нибудь, если стоят они дороже?

Впервые опубликовано (частично): *Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1892. Кн. 12. С. 10. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 52. Л. 503–503 об.

¹ См. в наст. изд. примеч. 7 к письму М. И. Гоголь С. Т. Аксакову от 20 апреля 1858 г.

С. П. Шевырев — М. И. Гоголь—Яновской
<Черновые проекты прошения М. И. Гоголь—Яновской к
Императору Николаю I, составленные С. П. Шевыревым>

<Средина апреля 1853. Москва>

<Первоначальный вариант>

Ваше Императорское Величество!
Всемиловитивейший Государь!

Мать Гоголя, имевшего счастье при жизни трудами своими заслужить благодеяния *Ваше-го Императорского Величества*, повергается перед Вами с своею всеподданнейшею^I просьбою. Из личных признаний сына моего мне известно, что без соизволения Вашего, *Всемиловитивейший*^{II} *Государь*, никогда бы не была сыграна и напечатана его комедия: Ревизор; что, страдая болезнию за границею, сын мой жил пенсиєю от Вашей щедроты^{III} *Монаршей*; что под Августейшим^{IV} покровительством Вашим он совершил странствие на Гроб Господень. Благодеяния Ваши сыну моему при жизни его внушают мне надежду, что голос матери того, кто Вами был облагодетельствован, дойдет до милостивого внимания^V *Вашего Императорского Величества*.

По смерти сына моего, в бумагах его найдены неизданные сочинения, из которых особенно замечательны: Авторская исповедь, Размышления о Божественной Литургии и пять глав второго тома Мертвых душ. По мнению, не моему, которое могло бы быть пристрастно, но людей, заслуживающих доверие, в этих сочинениях обнаружены такие нравственные истины, которые бросают новый свет на все прежние сочинения моего сына и выставляют образ его мыслей, подвергавшийся разным толкованиям, в настоящем виде. Издание их вместе с прежними трудами сына моего, как уверяют меня, могло бы принести некоторую пользу Русской Словесности в отношении к нравственному направлению ее произведений. Память сына моего мне дорога — и сильно во мне желание, чтобы он Божиим даром, ему данным, тем словом своим, которым имел счастье при жизни заслужить благосклонное^{VI} внимание *Вашего Императорского Величества*, и по смерти своей мог быть полезен своему *Отечеству*. А мне известно, что по мере того, как созревал он душою и летами, эта польза становилась^{VII} единственным предметом его молитв и непрерывных занятий всей его жизни^{VIII}. Как мать семейства, не могу также скрыть от *Вашего Императорского Величества*, что труды сына моего составляют^{IX} единственный и значительный капитал детей моих и внуков^X.

Без воли^{XI} Вашей, *Всемиловитивейший Государь*, издание всех сочинений сына моего совершено быть не может. С чувствами благоговейной благодарности за благодеяния *Ваши* к сыну моему при жизни его; с чувством надежды, что Вы, Великодушный *Монарх*, не откажете в бла-

^I всеподданнейшею *вписано вместо*: верноподданническойю

^{II} без соизволения Вашего, Всемиловитивейший *вписано вместо*: без воли Вашей,

^{III} *Далее было начато*: Царс<кой>

^{IV} Августейшим *вписано вместо*: личным

^V милостивого внимания *вписано вместо*: сердца

^{VI} благосклонное *вписано*.

^{VII} становилась *вписано вместо*: была

^{VIII} и непрерывных занятий *вписано вместо*: его непрерывных трудов

^{IX} *Далее было*: поч<ти>

^X Как мать семейства <...> детей моих и внуков *вписано*.

^{XI} *Было*: Но без воли

говолении Вашем и памяти его¹, повергаю сию всенижайшую просьбу мою к стопам Вашим.
Вашего Императорского Величества
Всемиловитейшего *Государя* моего
верноподданная
Мария Гоголь.

<Окончательный вариант>^{II}

Ваше Императорское Величество!
Всемиловитейший Государь!

Мать Гоголя, имевшего счастье при жизни трудами своими заслужить благодеяния *Вашего Императорского Величества*, повергается перед Вами с своею всеподданнейшею просьбою. Из личных признаний сына моего мне известно, что без соизволения Вашего, *Всемиловитейший Государь*, никогда бы не была сыграна и напечатана его комедия: Ревизор; что, страдая болезнию за границу, сын мой жил пенсиою от Вашей щедроты *Монаршей*; что под Августейшим покровительством Вашим он совершил странствие на Гроб Господень. Благодеяния Ваши сыну моему при жизни его внушают мне надежду, что голос матери того, кто был облагодетельствован Вашею Царскою милостию, дойдет до великодушного внимания *Вашего Императорского Величества*.

По смерти сына моего, в бумагах его найдены неизданные сочинения, из которых особенно замечательны: Авторская исповедь, Размышления о Божественной литургии и пять глав второго тома Мертвых душ. По мнению, не моему, которое могло бы быть пристрастно, но людей, заслуживающих доверие, в этих сочинениях обнаружены такие нравственные истины, которые бросают новый свет на все прежние сочинения моего сына и выставляют образ его мыслей, подвергавшийся разным толкованиям, в настоящем виде. Издание их вместе с прежними трудами сына моего, как уверяют меня, могло бы принести некоторую пользу Русской Словесности в отношении к нравственному направлению ее произведений. Память сына моего мне дорога — и сильно во мне желание, чтобы он Божиим даром, ему данным, тем словом своим, которым имел счастье при жизни заслужить милостивое внимание *Вашего Императорского Величества*, и по смерти своей мог быть полезен своему *Отечеству*. А мне известно, что по мере того, как созревал он душою и летами, эта польза становилась единственным предметом его молитв и непрерывных занятий всей его жизни. Как мать семейства, не могу также скрыть от *Вашего Императорского Величества*, что труды сына моего составляют почти единственный значительный капитал детей моих и внуков^{III}.

Без воли Вашей, *Всемиловитейший Государь*, издание всех сочинений сына моего совершенно быть не может. С чувствами благоговейной благодарности за благодеяния *Ваши* к сыну моему при жизни его; с чувством надежды, что Вы, Великодушный *Монарх*, не откажете в благоволении Вашем и памяти его, повергаю сию всенижайшую просьбу мою к стопам Вашим.

Вашего Императорского Величества
Всемиловитейшего *Государя* моего
верноподданная
Мария Гоголь.

Мая — дня.
1853.
Полтава.

¹ в благоволении Вашем и памяти его *вписано вместо*: в покровительстве ему и семейству его и по смерти его

^{II} *Вверху листа карандашная надпись*: Прекрасно, и ничего ни прибавить, ни убавить не нужно, прикажите переписать. <Подпись нрзб.>

^{III} *Фраза*: Как мать семейства <...> детей моих и внуков. — *зачеркнута в источнике карандашом*.

Окончательный вариант прошения впервые опубликован: *Линниченко И. А.* Новые материалы для биографии Н. В. Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 183–184. Печатается по автографу: РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 65. Гоголь-Яновская (рожд. Косяровская) М. И. Письмо Николаю I. Черновые проекты рукой С. П. Шевырева. Л. 3–4 (первоначальный вариант); Л. 1–2 (окончательный вариант).

Письмо было отправлено к М. И. Гоголю через полтавского гражданского губернатора Н. И. Ознобишина (см.: *Балакшина Ю. В.* К истории посмертных публикаций сочинений Н. В. Гоголя // Русская литература. 2011. № 2. С. 167).

В свое время мать Гоголя за оказанную в 1812 году русской армии большую материальную помощь была награждена медалью. «В период Отечественной войны 1812 года родители Гоголя оказали русской армии большую материальную помощь, за что мать была награждена медалью» (*Хоменко Н. В., Тюнин А. П.* Заповедник-музей Н. В. Гоголя. Харьков, 1988. С. 14). «Родители Гоголя в годы Отечественной войны 1812 года пожертвовали для нужд русской армии значительную сумму денег, продовольствие и фураж. Экспонируется фотокопия документа о награждении матери писателя медалью за участие в войне» (*Доваль И. Ф., Литвин Н. О.* Великосорочинский литературно-мемориальный музей Н. В. Гоголя. Путеводитель. 6-е изд., перераб. и доп. Харьков, 1987. С. 9). Н. Самойленко также сообщал: «Недавно в экспозиции Велико-Сорочинского литературно-мемориального музея <...> появилась фотокопия документа о награждении матери писателя Марии Ивановны медалью за участие в Отечественной войне 1812 года. Такой же награды был удостоен и его отец – Василий Афанасьевич. Родители Гоголя, как свидетельствуют архивные материалы, принимали активное участие в формировании полтавского ополчения, полки которого храбро сражались с войсками Наполеона. В девяти казачьих полках было немало крепостных В. А. Гоголя-Яновского, которых отправлял на защиту Отечества Василий Афанасьевич» (*Самойленко Н.* Медали родителей Н. В. Гоголя // Труд. 1988. 27 окт. № 247).

С. П. Шевырев — графу А. Ф. Орлову

<22 мая 1853. Москва>

<...> ...Гоголь завещал матери и сестрам, чтоб они доходами с его сочинений делились с бедными. Хотя семейство само не богато, но свято чтет добродетели христианские и, конечно, исполнит волю покойного.

В бумагах Гоголя, разобранных мною, отыскалось несколько ненапечатанных сочинений, из которых три главные: *Авторская исповедь*, *Размышления о Божественной Литургии* и пять глав второго тома *Мертвых Душ*. В этих сочинениях выражены многие высокие нравственные истины: издание их вместе с прежними трудами покойного могло бы принести пользу, особенно молодому поколению писателей, и содействовать нравственному направлению русской словесности. <...>

Мая 22

1853. Москва.

Впервые опубликовано: *Линниченко И. А.* Новые материалы для биографии Н. В. Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 189–190. Печатается по первой публикации.

Настоящим письмом С. П. Шевырев сопроводил составленные им ранее прошения М. И. Гоголь-Яновской к Императору Николаю I (см. в наст. изд.). См. также в наст. изд. письмо М. И. Гоголю к О. Сем. Аксаковой от 18 мая 1853 г.: «...Не знаю, скоро ли дойдет письмо мое к Государю, когда он за границей, и будет ли он так ко мне милостив, что уважит мою просьбу о позволении печатать труды моего Ангела».

28 мая 1853 г. великий князь Константин Николаевич отправил просьбу М. И. Гоголю графу А. Ф. Орлову для представления Императору. Письмо С. П. Шевырева оказалось при этом невостребованным, так как великий князь написал собственное сопроводительное послание к графу Орлову (опубл.: *Линниченко И. А.* Новые материалы для биографии Н. В. Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 187).

С. П. Шевырев — М. И. Гоголь—Яновской

<21–22 февраля 1854. Москва>

Февраля 21 1854, Москва.

Милостивая государыня Мария Ивановна. Я много виноват перед вами, что так давно не писал к вам. Кстати мне попросить у вас прощения в том в прощенный день¹, который пришелся в день второй годовщины по вашему незабвенном сыне². В Данилове монастыре отслужена была панихида самим архимандритом с братиею и пропета на могиле: вечная память!.. Памятник скоро будет готов. На Крестопоклонную будет водружен бронзовый золоченый крест на диком камне, который уже поставлен; я надеюсь, что это совершится в день его рождения, 19 марта, на Крестопоклонной в пятницу. А самый памятник — большой зеленого гранита камень с надписями — поспеет, как надеюсь, ко дню его ангела³. Тогда надеюсь обсадить могилу плакучими березками — и вся она будет уже устроена. Промедление произошло оттого, что главные вкладчики не согласились на первый рисунок, но долго не давали и другого и дали потом один только очерк, по которому исполнить надобно было художнику, знающему дело.

Не писал я к вам и по той еще причине, что до сих пор не могу вам сказать ничего утешительного касательно издания сочинений вашего сына. Попечитель возил их в Петербург⁴ и привез оттуда решение пересмотреть их снова в Московском, а потом в Петербургском комитете, где находятся сильные люди, противящиеся изданию. *Размышления о Литургии* до сих пор находятся у митрополита, который обещался пропустить их и сам хочет исправить. Но до сей минуты длится и конца ему я еще не предвижу.

Портрет давно уже свободен; письма также переписаны. Но г. Аксаков⁵ ко мне не являлся за ними перед отъездом своим. Всего лучше будет, если Николай Павлович⁶ летом возьмет все это с собою и доставит вам. Будьте уверены, что все эти сокровища у меня берегутся в совершенной целости. С портрета списано копий бесчисленное множество.

По приказанию вашему, я с нынешнею же почтой отправляю к Николаю Павловичу сто рублей серебром. Я прошу его быть со мною искренним и сказать о своих нуждах. <...>

Февраля 22
1854. Москва.

Впервые опубликовано: *Линниченко И. А.* Новые материалы для биографии Н. В. Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 190–191. Печатается по первой публикации.

¹ 21 февраля 1854 г.

² 21 февраля 1852 г.

³ 9 мая — день памяти святителя Николая Чудотворца.

⁴ 28 ноября 1853 г. В. И. Назимов лично отправился с сочинениями Гоголя из Москвы в Петербург (см.: *ЦИАМ*. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 327. Л. 76 об.). В Петербурге он передал их товарищу министра народного просвещения А. С. Новову вместе с представлением, датированным 5 декабря 1853 г. (в «Реестре исходящих бумаг Московского цензурного комитета за 1853-й год» этот документ вписан в конце журнала, после 31-го декабря, так что, очевидно, это представление было оформлено здесь задним числом, по возвращении В. И. Назимова из Петербурга в конце декабря 1853 г.; см.: *ЦИАМ*. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 122–124). В представлении В. И. Назимов сообщал, что С. П. Шевырев по имеющейся у него доверенности от родственников Гоголя обратился в цензурный комитет с просьбой о разрешении ему переиздания «Сочинений» Гоголя в четырех томах 1842 г. с дополнением «Авторской исповеди» и пяти глав второго тома «Мертвых душ» (*ЦИАМ*. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 122–122 об.; см. также: Литературный музей. <1922>. Кн. 1. С. 83).

⁵ Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886), поэт, публицист, общественный деятель.

⁶ Трушковский.

С. П. Шевырев — М. И. Гоголь—Яновской

<1854, после апреля. Москва>

Милостивая государыня Мария Ивановна. На днях вы получите от г. министра народного просвещения, Авраама Сергеевича Норова¹, письмо, в котором он намерен просить вас о доставлении ему на время Моллеровского портрета с Николая Васильевича. Г<-н> министр хочет снять с него копию для того, чтобы поставить этот портрет вместе с другими портретами русских писателей в библиотеке министерства народного просвещения. Хотя многие попытки наши об исходатайствовании позволения напечатать сочинения покойного Н<иколая> В<асильевича> кончались неудачами, но, мне кажется, здесь представляется удобный <случай> возобновить прерванное дело. А потому я желал бы, чтобы вы не отказали просьбе министра и с тем вместе в ответном письме возобновили просьбу. Если он хочет портретом Н<иколая> В<асильевича> украсить библиотеку своего министерства, то, конечно, употребит и власть свою, чтобы возвратить сочинения покойного публике и семейству. На всякий случай прилагаю вам черновой образчик письма; но, может быть, материнское ваше сердце внушит вам письмо сильнее и красноречивее¹. <...>

Впервые опубликовано: *Линниченко И. А.* Новые материалы для биографии Н. В. Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 192. Печатается по первой публикации.

¹ А. С. Норов был назначен министром народного просвещения в апреле 1854 г.

С. П. Шевырев — М. И. Гоголь—Яновской

<29 июня 1857. Москва>

<...> ...Лишь только я собрался вам писать, как получил ваше письмо и отпускную Семену¹. <...> Кулиш мне прислал прекрасный подарок — сочинения Николая Васильевича, им изданные, но я еще не успел получить их. <...>

Печатается по изд.: *Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 938. Датировка письма уточнена.

¹ С. Григорьеву.

С. П. Шевырев

<Редакторское примечание в заключении второй главы в первом издании второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя>

Здесь пропущено примирение Генерала Бетрищева с Тентетниковым; обед у Генерала и беседа их о двенадцатом годе; помолвка Улиньки за Тентетникова; молитва ее и плач на гробе матери; беседа помолвленных в саду. Чичиков отправляется, по поручению Генерала Бетрищева, к родственникам его, для извещения о помолвке дочери и едет к одному из этих родственников Полковнику Кошкареву.

¹ Затем в письме следует проект прошения к министру народного просвещения. — *Примеч. И. А. Линниченко.*

Впервые опубликовано: Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти: Мертвые души, том второй (пять глав), и Авторская исповедь. М., 1855 (цензурное разрешение 26 июля 1855). С. 73. Печатается по первому изданию.

В начале августа 1849 г. Гоголь жил на даче у С. П. Шевырева в Больших Вяземах и читал ему первые главы второго тома «Мертвых душ». Во второй половине июля — начале августа 1851 г. на даче Шевырева в с. Троицком Гоголь в обстановке полной секретности читал хозяину новые главы из второго тома. В предисловии Н. П. Трушковского к первому изданию второго тома сообщалось, что «в августе 1851 г. Гоголь прочел С. П. Ш^{евыреву} шесть глав совершенно оконченных к печати и седьмую, почти готовую» (*Трушковский Н. От издателя // Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти. М., 1855. С. VIII*). 2 апреля 1852 г. Шевырев сообщал также М. Н. Синельниковой: «Из второго тома он читал мне летом, живучи у меня на даче около Москвы, семь глав» (см. в наст. изд.). Следовательно, Шевырев мог лучше других знать содержание сожженной рукописи. Ввиду этого имеет значение его редакторская заметка в конце второй главы в первом издании (заметка помещена в издании в основном тексте уменьшенным шрифтом в скобках, сразу после слов: «И генеральский смех пошел отдаваться вновь по генеральским покоям»). Эта заметка по содержанию совпадает с рассказом Л. И. Арнольди (см. в наст. изд. раздел «Гоголь в воспоминаниях Л. И. Арнольди»). Остальные редакторские примечания не представляют интереса и, вероятно, принадлежат Н. П. Трушковскому (ни разу не присутствовавшему на гоголевских чтениях). Так, в примечании в третьей главе на с. 123 первого издания (напечатанном также мелким шрифтом в круглых скобках в основном тексте) отмечен пропуск в разговоре между Костанжогло и Чичиковым. По поводу содержания этой утраченной части разговора редактор мог привести только предположение: «Здесь в разговоре между Костанжогло и Чичиковым пропуск. Должно полагать, что Костанжогло предложил Чичикову приобрести покупкою имение соседа его, помещика Хлобуева». Всё это ясно из самого текста и не вносит никакого дополнения. Такого же характера и две другие заметки: «Здесь пропуск, в котором, вероятно, содержался рассказ о том, как Чичиков отправился к помещику Леницыну» (с. 168; глава четвертая); «Тут должен быть пропуск» (с. 232; заключительная глава). Возможно, содержательных редакторских примечаний было бы больше, если бы осенью 1854 г. мать Гоголя М. И. Гоголь-Яновская не передала права по изданию сочинений Гоголя Н. П. Трушковскому (доверенности наследников на право издания изданных и неизданных сочинений Гоголя Шевырев получал дважды — в июне и в октябре 1852 г., однако вследствие цензурных затруднений воспользоваться ими так и не смог).

С. П. Шевырев

Список бумаг, оставшихся после покойного Н. В. Гоголя

Сочинения

1. Объяснение на Литургию.
2. Черновые тетради 2-го тома Мертвых душ: 1-я глава, от 1-й до 35 страницы, 2-я глава, от 37-й до 46-й страницы, 3-я глава, от 47-й страницы по 75-ю, 4-я глава, от 77-й по 99-ую. Еще глава, не обозначенная номером. Еще эскизы, д^{олжно} быть из 1-го тома М^{ертвых} Душ.
3. Выбранные места из Переписки с друзьями, Рукопись с пометками цензора, и многие новые прибавления к ним.
4. Предупреждение к Ревизору и Развязка Ревизора, с некоторыми замечаниями Автора.
5. Учебная книга Словесности для Русского юношества. Начертание Н. Гоголя. (План¹ для большого труда.)

Все эти сочинения могут и должны быть напечатаны.

¹ Было: Эскиз

Содержание прочих бумаг

6. Письма к матери и родным, завещание покойного и помянники.
7. Отдельные мысли, молитвы, отрывки и письма покойного.
8. Семь переплетенных книжек с карманными заметками и выписками.
9. Выписки из книг церковных и из Творений Отцов Церкви, сделанные рукою покойного.
10. Выписки его же из сочинений Ломоносова и Державина.
11. Собрание Русских и Малороссийских песен.
12. Выписки стихов и прозы.
13. Выписки из Путешествий по России.
14. Занятия языками Греческим, Латинским, Италианским и Английским.
15. Занятия сельским хозяйством и ботаникою.
16. К объяснению Божественной Литургии, Греческий и Латинский тексты, и Божественная Литургия из чиноположений Апостольских.
17. Словарь Русских простонародных слов.
18. Занятия Русскою и Польскою Историею, Географи<ей> и Русскими древностям<и>.
19. Любопытные документы, относящиеся к странствию покойного в Иерусалим, из которых видно личное покровительство, оказанное ему *Государем Императором*.
20. Рисунки к Ревизору, одобренные покойным для издания. Они могут быть приложены к новому изданию его Сочинений¹.
21. Разные рисунки, сохранившиеся в бумагах писателя.
22. Статьи печатные и письменные о «Переписке» и «М<ертвых> Душах».
23. Диплом на звание Почетного Члена И<мператорского> Московского Университета¹, Аттестат, паспорта² и подорожные.
24. Занятия каллиграфией.
25. Лоскутки чего-то разорванного, писанного рукою покойного.

Из всех этих бумаг могут быть извлечены многие отрывки для издания.

26. Переписка.

Письма семейные и от частных лиц.

Письма Жуковского и Погодина.

Записки рукою А. С. Пушкина.

Письма живописца А. Иванова.

Письма Плетнева и Ишимовой.

Письма А. О. Смирновой.

— Н. Н. Шереметевой.

— семейства Аксаковых.

— Самарина³.

— Прокоповича.

— Чиждова.

— Шевырева.

— от лиц духовных.

— от разных лиц.

Письма составляют необходимый материал для биографии Н. В. Гоголя.

Чтобы приступить к изданию того, что осталось после покойного, я должен также получить

¹ Они могут быть приложены к новому изданию его Сочинений. *вписано*.

от его наследников доверенность на полное распоряжение оставшимися его бумагами. Та же сумма, которая будет выручена скоро по издании 4-х томов его сочинений, может послужить к изданию того, что осталось.

Впервые опубликовано: *Линниченко И. А.* Новые материалы для биографии Н. В. Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 180–182. Печатается по автографу: РНБ. Ф. 850. Шевырев С. П. Ед. хр. 64. Л. 4–5.

Список составлен С. П. Шевыревым около 2 мая 1852 г., возможно, 7-го числа. См. также в наст. изд. письмо графа А. П. Толстого к графине С. П. Апраксиной от 1–2 мая 1852 г. и составленную С. П. Шевыревым 7 мая 1852 г. «Записку о печатании Сочинений покойного Н. В. Гоголя. О сумме денег, им на то оставленной».

¹ См. в наст. изд. публикацию Н. П. Бочарова «Новинки для биографии Н. В. Гоголя. <Диплом на звание почетного члена, выданный Гоголю Императорским Московским университетом>».

² См. в наст. изд. «Itinerarium, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя».

³ Юрий Федорович Самарин (1819–1876), публицист, критик-славянофил.

С. П. Шевырев

Записка о печатании Сочинений покойного Н. В. Гоголя. О сумме денег, им на то оставленной

<...> После покойного Н. В. Гоголя осталось в моих руках — от его благотворительной суммы, которую он употреблял на вспоможение бедным молодым людям, занимающимся наукою и искусством, 2533 р<ублей> 87 коп<еек> сер<ебром>.

Его карманных денег — остаток от вырученных за второе издание Мертвых Душ, 170 р<ублей> 10 <копеек>.

Итого — 2703 р<ублей> 97 <копеек>.

Деньги от его благотворительной суммы назначал он употребить теперь на напечатание его сочинений с тем, чтобы по выручке издержек она следовала опять своему назначению. <...>

Текст к Мертвым Душам, заключающий эскизы из 1-го тома, вложен в черновые тетради <второго тома> М<ертвых> Душ.

Впервые опубликовано: *Линниченко И. А.* Новые материалы для биографии Н. В. Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 185–186. Печатается по автографу: РНБ. Ф. 850. Шевырев С. П. Ед. хр. 64. Л. 6–7, 11.

Записка составлена С. П. Шевыревым 7 мая 1852 г. (см.: *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник. Киев, 1902. Отд. 3. С. 61). См. также в наст. изд. составленный С. П. Шевыревым «Список бумаг, оставшихся после покойного Н. В. Гоголя» и письмо графа А. П. Толстого к графине С. П. Апраксиной от 1–2 мая 1852 г.

С. П. Шевырев

<Itinerarium¹, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя>

Паспорт из Москвы 22 <мая>. 1842.

9 июня 1842 в таможен<е>¹ Таурогена.

¹ Далее было: <1 нрзб.> Петерб<ург>

20 июня. Берлин.
17/29 июня. Дрезден.
30 июня. Прага.
1-го авг<уста>. Гастейн².
3 авг<уста>. Зальцбург.
Мюнхен.
28 сент<ября>. Венеция.
2 окт<ября>¹. Болонья.
30 окт<ября>¹¹. Флорен<ция>.
Зима 1842/1843 в Риме.
19 апр<еля>/1 мая 1843 выехал^{III} во Флоренцию.
5 мая во Флоренции.
Болонья.
Модена 8 мая 1843.
Мантуя.
Верона 9 мая 1843.
Триент.
Ровередо.
Инспрук.
Зальцбург.
Мюнхен 23 мая^{IV}.
Штутгард 6-го июня.
Франция 19 Nov. 1843.
из Франции
Ницца 19 ноября. — Зима.
1844. 4/16 марта из Ниццы во Франкф<урт>-на-Майне³.
через Францию
Стразбург 25 марта.
Брюссель, Ахен.
Франкф<урт>-на-М<айне> 1844 29 дек<абря>/1845 10 янв<аря>.
1845 — 15^V янв<аря>. Париж.
— ” — 3-го марта во Франкф<урте>-на-М<айне>.
1845 29 июня / 11 июля. Берлин.
С 11-го июля в^{VI} Карлсбад.
8-го авг<уста> из Карлсб<ада> в Грейфенберг.
через Прагу —
Берлин 22 сентя<бря>.
Гастейн.
Прага —
Зальцбург.

¹ Далее было: Флоренция

¹¹ По-видимому, описка. Следует: 3 окт<ября>. (См. в наст. изд. коммент. к письму Н. М. Языкова родным от 3 октября (н. ст.) 1842 г.)

^{III} выехал вписано.

^{IV} По-видимому, описка. Следует: 28 мая. (В Мюнхене Гоголь был 28 мая (н. ст.) 1842 г. 24 мая (н. ст.) он был еще в Гастейне.)

^V Было: 12

^{VI} в вписано.

Венеция, октябрь.
через Болонью, Флор<енцию> в Рим.
1845/6 зима в Риме.
1846 20 апр<еля> / 2 мая во Флор<енцию> и Геную.
9 мая во Флоренции.
14 мая Генуя.
16 мая Ницца.
Через Францию во Франкф<урт>-на-М<айне>¹.
Дрезден — Франкф<урт> — Карлсбад.
Генуя 4 ноября.
Флор<енция> 7 ноября в Рим.
1846/7 в Неаполе зима⁴.
1847 18/30 апр<еля> из Неап<оля> в Рим.
1/13 мая в Риме.
через Флоренцию — Геную — Ниццу —
22 мая Pont de Vai.

2-й паспорт. Января 15. 1847¹¹. Находящийся в Неаполе чиновник 8 класса Николай Гоголь отправляется для путешествия по Святым Местам сроком на полтора года.

Марсель, Ницца — октябрь 1847.
Генуя — Флор<енция> — Рим —
Неаполь —
1848 Мессина — Мальта 14/26 января.
К<онстантино>поль — 13 апреля.
Одесса — 30 апреля.

Впервые опубликовано, с ошибками и пропусками: Itinerarium, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 179–180; перепечатано: Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 4. С. 437–438. Печатается по автографу (карандаш): РНБ. Ф. 850. Шевырев С. П. Ед. хр. 64. Л. 2–3. В бумажной обложке, надписанной «Бумаги, касающиеся Гоголя и издания его сочинений»; на обороте карандашом: «Письма Н. В. Гоголя к матери его М. И. Гоголь» (Л. 1–1 об.).

Itinerarium составлен С. П. Шевыревым около 2–7 мая 1852 г. См. также в наст. изд. составленный С. П. Шевыревым «Список бумаг, оставшихся после покойного Н. В. Гоголя» и письмо графа А. П. Толстого к графине С. П. Апраксиной от 1–2 мая 1852 г.

Один из паспортов Гоголя находился позднее у В. А. Гиляровского: «...Находятся у г. Гиляровского принадлежащие ему лично: <...> Заграничный паспорт Гоголя, выданный ему в Москве 27 мая 1842 года и визированный более 100 раз за границей. По этому паспорту можно определить в точности, где и когда Н. В. Гоголь находился во время своих многолетних странствований за границей. Паспорт этот, который постоянно находился при нем, в прочном кожаном переплете, в осмушку писчей бумаги, имеет вытесненную золотом надпись: *Passport de M-r de Gogol*» (Бочаров Н. Новинки для биографии Н. В. Гоголя // Русское Слово. 1901. 20 окт. № 289; перепечатано: Новинки для биографии Н. В. Гоголя // Киевская Газета. 1901. № 293. 21 окт. С. 2; Новое Время. 1901. 22 окт. № 9208).

До нас не дошли заграничные паспорта Гоголя более раннего периода, а в тех паспортах 1842–1847 и 1847–1848 гг., которые были в распоряжении С. П. Шевырева, несомненно, имеются пропуска. По свидетельствам М. П. Погодина и С. Т. Аксакова, Гоголь часто избегал предъявлять проверяющим свой паспорт и порой, вследствие различных уловок, «уезжал с незаписанным паспортом». «Разумеется, — добавлял С. Т. Аксаков, — он разнообразил свои выдумки. Дело

¹ Далее было: 5-го июня во Фр<анкфурте>

¹¹ Далее было: для

только в том, что я и другие видели его паспорт, возвратившимся из-за границы почти белым; а известно, как бывают измараны заметками заграничные паспорта» (см. в наст. изд. «Фрагменты из воспоминаний С. Т. Аксакова в “Записках о жизни Н. В. Гоголя...” П. А. Кулиша»). М. П. Погодин сообщал: «Г<оголь> уверял меня, что он нигде не визировал своего паспорта, и не выпускал его никогда из рук, уклоняясь различным образом от вопросов полицейских. Слава его изобретательности, но я плохо ему верю!» (см. в наст. изд. раздел «Из книги “Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина” (ч. 2–4)»); «Гоголь ни за что на свете не хотел никому показывать своего паспорта, и его надо было клещами вытаскивать из его кармана. Он уверял меня даже, что когда ездит один, то никогда не показывает паспорта никому по всей Европе под разными предлогами» (см. в наст. изд. «Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году» М. П. Погодина).

¹ Дорожник, перечень населенных пунктов (*фр.*).

² Гоголь был в Гастейне уже 20 июля (н. ст.) 1842 г., о чем свидетельствует его указание на место и время создания написанного им в Гастейне послания к П. В. Нащокину: «Гастейн. Июль 20/8». Согласно почтовому штемпелю, поставленному на этом письме («Bad Gastein, 29 Jul. 1842. Franco»; см.: Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 2. С. 194), послание было отправлено спустя девять дней – 29 июля (н. ст.) 1842 г. Все это свидетельствует, что Гоголь в Гастейн прибыл не 1 августа (н. ст.) 1842 г., как на это указывает отметка в паспорте, а несколькими днями ранее, – по-видимому, уже 20 июля (н. ст.). Возможно, помета в паспорте: «1-го авг<уста>. Гастейн» – была сделана незадолго до отправления Гоголя из Гастейна в Мюнхен, откуда 5 августа (н. ст.) 1842 г. он отправил письмо к Н. М. Языкову.

³ Из Ниццы Гоголь выехал 19 марта (н. ст.) 1844 г. (см. замечание Гоголя в письме к А. А. Иванову из Ниццы от 18 марта (н. ст.) 1844 г.: «Завтра еду из Ниццы»).

⁴ 10 марта (н. ст.) 1847 г. на печатном бланке банкирской конторы Ротшильда в Неаполе Гоголем была написана расписка в получении от банкира В. А. Ротшильда 285 рублей 70 копеек, подписанная: «Nicolas Gogol» (*Городецкий Б. П.* Описание автографов Н. В. Гоголя в собрании Института Литературы Академии Наук СССР // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. 1938. Т. 1. С. 439).

17 апреля (н. ст.) 1847 г. в Неаполе Гоголь написал расписку в получении тысячи рублей от В. А. Жуковского, которую приложил к письму Жуковскому от того же числа (*Городецкий Б. П.* Описание автографов Н. В. Гоголя в собрании Института Литературы Академии Наук СССР // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. 1938. Т. 1. С. 439).

А. В. Веневитинов — С. П. Шевыреву

10 декабря 1846 г.

<...> Тебе, вероятно, уже известна участь покушения Гоголя насчет «Ревизора». Переделанная эта пьеса отказана. Впрочем, не говоря об этой новой пьесе, которой не знаю, в самом Гоголе с некоторых пор заметны такие странности, которые огорчают всех любящих его и его необыкновенный талант. Это останется между нами, ибо я думаю, что все эти странности суть следствие временного раздражения нервов. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 692. Печатается по первой публикации.

Об А. В. Веневитинове см. в наст. изд. в коммент. к письму С. П. Шевырева А. В. Веневитинову от 31 октября 1846 г. Предполагаемое свидетельство Веневитинова о Гоголе см. в наст. изд. в разделе <Из воспоминаний родственников Виельгорских>.

Н. П. Бектышев — С. П. Шевыреву

<15 мая 1853. Москва>

Милостивый Государь
Степан Петрович!

По смерти матери моей живя в чужом доме и почти не имея вовсе свободного времени, я, при всем желании лично видеть Вас, до сих пор никак не мог этого исполнить. — Решаюсь письменно переговорить с Вами о том, что мне весьма хотелось бы передать Вам лично. Я надеюсь, что Вы простите меня в этом и благосклонно примете мою готовность быть Вам в чем-нибудь полезным.

Зная очень хорошо отношения ваши к покойному Николаю Васильевичу Гоголю и предполагая, что не иной кто будет писать его биографию при новом полном издании его сочинений, как Вы, ибо, мне по крайней мере так кажется, никто, кроме Вас одних, не может так знать и понимать его, как Вы его понимали и знали при жизни. — За долг поставляю известить Вас при сем, что я познакомился недавно с человеком, который может очень много рассказать любопытного о Николае Васильевиче, о героях некоторых его повестей, а в особенности о Миргороде и о личностях этого повета, так живо и так верно изображенных нашим писателем. Этот человек, о котором я теперь говорю, не иной кто, как учитель Каллиграфии Николай Наумович Трифинский. С ним познакомился я в доме Дарагана, где и теперь живу; он-то между делом общал мне эти чрезвычайно любопытные подробности. Трифинский родился и жил долгое время близ Миргорода, а потому многих лиц, столь известных нам, каковы: Иван Иванович, Иван Никифорович и т. д., знал очень хорошо и может Вам доказать, что все это характеры невымышленные, но действительно существовавшие и с изумительною верною изображенные. Ему известна даже и позднейшая судьба этих героев, судьба, о которой Гоголь, по всему вероятно, не знал еще тогда, когда писал эти повести. — Она в высшей степени жалка и смешна.

Итак, если Вам будет угодно обо всем этом слышать подробный рассказ от самого очевидца, то он с радостью готов будет исполнить Ваше желание и явиться к Вам в назначенное Вами время. Он очень любит Николая Васильевича и непритворно плачет о том, что не удалось ему видеть великого своего земляка при жизни, — поэтому я и уверен, что беседа с Вами доставит ему величайшее удовольствие. <...>

15 мая 1853.

P.S. Адрес мой:

На Маросейке, в приходе Косьмы и Дамиана, в доме Дарагана.

Николай Петрович Бектышев.

Публикуется впервые по автографу: РНБ. Ф. 850. Шевырев С. П. Ед. хр. 129. Л. 1–2.

Николай Петрович Бектышев, выпускник Московского университета (1852), ученик С. П. Шевырева.

Гоголь в письмах и воспоминаниях А. П. Елагиной (рожденной Юшковой, в первом браке Киреевской)

Воспоминания А. П. Елагиной в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша

<...> <С> А. П. Е<лагин>ой, <...> он <Гоголь> сблизился всего больше по случаю помещения сестры его к П. И. Р<аевск>ой. Интересен рассказ ее о нерешимости, овладевшей Гоголем (это была одна из слабостей его характера), когда нужно было ехать к П. И. Р<аевск>ой с матерью, чтобы поблагодарить ее за доброе дело, которое она для него сделала. Заехав к А. П. Е<лагин>ой на минуту, он долго медлил у нее, не смотря на напоминания матери, что пора ехать; наконец положил руки на стол, оперся на них головою и предался раздумью. «Не поехать ли мне за вас, Николай Васильевич?», — сказала тогда А. П. Е<лаги>на. Гоголь с радостью на это согласился. <...>

Впервые опубликовано: <Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 1. С. 260–261. Печатается по первой публикации.

Авдотья Петровна Елагина (рожд. Юшкова, в первом браке Киреевская, 1789–1877), мать братьев П. В. и И. В. Киреевских. Д. Н. Свербеев вспоминал: «...Еще гораздо прежде моего приезда в Москву <в 1826 г.> составилась литературный кружок, который еженедельно сходился у Красных ворот, в доме Елагиных. Авд. Петр. Елагина, урожденная Юшкова, родственница и друг Жуковского, была мать служивших в архиве братьев Киреевских. Почетными посетителями ее гостиной, кроме архивных юношей, товарищей ее сыновей и друзей по литературе и философии, бывали нередко: Нестор русских писателей И. И. Дмитриев, Михаил Александрович Салтыков, М. Ф. Орлов и наезжавшие по временам в Москву Вяземский, Жуковский и А. И. Тургенев, всюду известный своим обширным образованием и европейскими учеными и общественными связями. Там бывал и Пушкин уже после своего *Бориса Годунова*, и в первый раз явился там Гоголь еще до *Ревизора*» (впервые опубликовано: *Свербеев Д. Н.* Воспоминание об А. И. Герцене // *Русский Архив*. 1870. С. 673; цит. по изд.: *Свербеев Д. Н.* Записки. (1799–1826). М., 1889. С. 496–497; см. также: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1891. Т. 4. С. 37). П. И. Бартенев писал о Елагиной: «...В хозяйке дома было что-то примиряющее, безотносительно высокое и общее людям обоих направлений. У нее бывали и менялись мыслями А. И. Тургенев, Гоголь, Хомяков, Погодин, Шевырев, Вигель, Иноземцев, Редкин, Н. Ф. Павлов, Мельгунов, М. А. Дмитриев, Крюков, Огарев, Сатин. <...> Поколение, явившееся на смену спутников ее молодости, сверстники и товарищи младших сыновей ее <В. А., Н. А. и А. А. Елагиных> — Валуев, Кавелин, А. Н. Попов, А. П. Ефремов, Вас. А. Панов, Стахович, отец и братья Аксаковы, братья Бакунины, Ф. В. Чижов, Ю. Ф. Самарин, князь Черкасский — любили пользоваться ее беседою» (<*Бартенев П. И.*> П. Б. Авдотья Петровна Елагина // *Русский Архив*. 1877. Кн. 2. № 8. С. 494–495). К. Д. Кавелин в мемуарном очерке-некрологе об А. П. Елагиной, опубликованном 7 июля 1877 г. в газете «Северный Вестник», сообщал: «1835 года в салоне Елагиных появились новые лица — некоторые из молодых профессоров Московского университета, недавно возвратившиеся из-за границы и вдохнувших в университет новую жизнь <имеются в виду Н. И. Крылов, Д. Л. Крюков, П. Г. Редкин, А. И. Чивилев и С. И. Баршев>. То было время его процветания и небывалого блеска. В 1838 году <вероятнее, в 1832> с Елагиными познакомился Гоголь, а в сороковых годах салон Авдотьи Петровны стали посещать Герцен, Ю. Ф. Самарин, Аксаковы, Сергей Тимофеевич и Константин Сергеевич, Н. П. Огарев, Н. М. Сатин» (*Кавелин К. Д.* Авдотья Петровна Елагина // *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 327).

Гоголь в письмах А. П. Елагиной

А. П. Елагина — В. А. Жуковскому

<25 декабря 1835. Дрезден>

<...> Прикажете Одоевскому *через посольство* прислать мне <...> Арабески Гоголя и все, чем ему вздумается меня потешить. <...>

Впервые опубликовано: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852 / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э. М. Жилияковой; Томский гос. ун-т. М., 2009. С. 421. Печатается по первой публикации.

А. П. Елагина — В. А. Жуковскому

<8 января 1840. Москва>

<...> Гоголю доставила письмо. <...>

Впервые опубликовано: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852 / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э. М. Жилияковой; Томский гос. ун-т. М., 2009. С. 457. Печатается по первой публикации.

А. П. Елагина — В. А. Жуковскому

<17 февраля 1840. Москва>

<...> Вчера, ко всем прочим горестям, легло у меня на сердце еще новое: Гоголь просил меня взять его бедненьких сестер¹, а мне и некуда, и нечем. <...> ...Чтобы иметь возможность иметь каждому *свой* уголок в доме, нужен не такой дом, какой я нанять не в состоянии. Необходимость отказать ему и себе в счастье быть бедным Гоголицам полезной огорчает меня неизъяснимо; буду стараться поместить их у кого-нибудь доброго (напр<имер>, Кат<ерина> Фед<оровна> Муравьева²), но знаю, что у меня им было бы лучше, они нашли бы любовь и прямое участие. Ведь он Диканькин! <...>

Впервые упомянуто (с датой 14 февраля 1840 г.): Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 586. Печатается по изд.: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852 / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э. М. Жилияковой; Томский гос. ун-т. М., 2009. С. 459–460.

¹ Анну и Елисавету.

² Екатерина Федоровна Муравьева (рожд. баронесса Колокольцева, 1771 — 21 апреля 1848), вдова поэта и государственного деятеля М. Н. Муравьева (1757–1807). Последний, по приглашению Екатерины II, с 1785 г. был воспитателем великих князей Александра и Константина Павловичей; преподавал им русскую словесность, русскую историю и так называемую «нравственную философию». В 1801 г. был назначен Императором Александром I статс-секретарем, в 1802-м — товарищем министра народного просвещения, в 1803-м — попечителем Московского университета. Покровитель Карамзина, под руководством которого в 1810 г. были изданы «Сочинения М. Н. Муравьева». Сыновья М. Н. и Е. Ф. Муравьевых Никита и Александр были осуждены на длительные сроки в каторжную работу (на 15 и 8 лет). После смерти в 1843 г. старшего из сыновей-декабристов, Н. М. Муравьева, Е. Ф. Муравьева воспитывала его дочь — свою внучку Е. Н. Муравьеву, страдавшую «ослаблением умственных сил» (Восстание декабристов. Материалы по истории восстания декабристов. Л., 1925. Т. 8. С. 358). 4 июня 1848 г. Н. Н. Шереметева писала Гоголю: «Я <...> приезжала к сороковому дню на поминование одной знакомой и близкой мне по душе своими скорбями. Я в 22 года нашего знаком-

ства не видала для нее ни одного часу радостного, а горе кругом ее облегло так, что никогда не прояснялось что-нибудь похожее на радость. А со всем тем жаль ее и очень жаль, зная ее сострадание и благотворительность, с какою любовью спешила на помощь нуждающим<ся>, охотно делила их горе, которым сама была так богата, как никто. Вы, может быть, в «Московских Ведомостях» читали сочинение Погодина, кажется, 27 апреля, на смерть Катерины Федоровны Муравьевой». В помещенном в «Московских Ведомостях» некрологе (от 24 апреля 1848 г.) М. П. Погодин писал: «В субботу в Новоспасском монастыре происходило погребение Екатерины Федоровны Муравьевой, скончавшейся сего апреля 21-го числа, на 78 году от рождения. Вдова Михаила Никитича Муравьева — сколько воспоминаний пробудило это незабвенное в летописях отечества имя! Воспитатель Императора Александра, сочинитель всех учебных уставов в начале его царствования, первый попечитель Московского университета, пламенный ревнитель просвещения, друг русской словесности, доставивший Карамзину средства посвятить себя истории, талантливый писатель, благородный человек — вот кого судьба даровала ей в спутники жизни! Каким блеском и славою озарено было ее вступление в свет! <...> Дом Муравьевых был тогда средоточием всего возвышенного, отличного, лучшего в обществе и литературе, сборным местом всех достоинств, заслуг, дарований: Батюшков здесь воспитывался. Державин, Дмитриев, Карамзин, Жуковский, один за другим принадлежали к этому семейству. <...> Но другие мысли, другие чувства наполнили мою душу, когда я увидел гроб, вмещавший в себе останки покойницы. Мне представилась последняя половина ее долговременной, семидесятилетнего жизни! Боже мой! Какие горести, какие страдания, какие удары! Какую страшную чередой, одни других сильнее, убийственнее, разражались они над этой бедной женщиной! Она похоронила мужа, детей, внучат, — все свои чувства, желания, радости, надежды — разве кроме небесной, и помертвела на земле прежде чем умерла» (Погодин. Некролог // Московские Ведомости. 1848. 24 апр. № 51. С. 413; То же // Москвитянин. 1848. № 5 (цензурное разрешение 31 апр.). С. 76–78).

А. П. Елагина — В. А. Жуковскому

<Между 17 и началом двадцатых чисел февраля 1840. Москва>
<...> Гоголю письмо ваше отдала, и он обещал отвечать. <...>

Впервые опубликовано: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852 / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э. М. Жиликовой; Томский гос. ун-т. М., 2009. С. 463. Печатается по первой публикации.

Датируется как ответ на письмо В. А. Жуковского от 12 февраля 1840 г. Жуковский отвечал на это письмо Елагиной, а также на ее предшествующее послание от 17 февраля 1840 г. 26 февраля того же года (см. в наст. изд.).

А. П. Елагина — Н. Н. Шереметевой

<Апрель 1840. Москва>

Сию минуту получила от Гоголя записку, хотела послать к вам, но дети куда-то затащили; он в великой тревоге, возьмет ли Р<аевская> сестру¹ его или нет. Ваша добрая записка его успокоит. Какие вы славные! Дай вам Бог здоровья!

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 586. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 340. К. 34. Ед. хр. 5. Л. 92.

¹ Елисавету.

А. П. Елагина — Н. Н. Шереметевой

<Апрель 1840. Москва>

Благодарю вас сердечно; приказание ваше передала Гоголю, который принял с покорностью, и исполнит. Он хотел сегодня *к вам*, не знаю, доедет ли. Еще раз, дай вам Бог здоровья.

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 586. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 340. К. 34. Ед. хр. 5. Л. 91.

А. П. Елагина — Н. Н. Шереметевой

<Апрель 1840. Москва>

Благодарю вас от всего сердца. Завтра он у меня обедает; я переговорюсь с Н<иколаем> В<асильевичем> и тогда повезу сама к Прасковье Ивановне¹, которую Бог наградит лучшими Своими благами. И вас также, моя добрая, бесценная.

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 586. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 340. К. 34. Ед. хр. 5. Л. 94.

¹ Раевской.

А. П. Елагина — В. А. Жуковскому

23 января <1842. Москва>.

<...> Здесь Гоголь, опять болен и грустен. Хотел печатать роман свой, но цензура не пропустила «Мертвые души», потому что душа бессмертна¹. — Он собирается опять в Ганау, к Языкову и с ним в Гастейн, а оттуда — в Рим. Всё мелочи, но мелочи, которые всю жизнь портят. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 611. Печатается по первой публикации.

¹ 7 января 1842 г. Гоголь писал П. А. Плетневу: «Как только занимавший место президента Голохвастов услышал название: Мертвые души, закричал голосом древнего римлянина: — Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть, автор вооружается против бессмертья. В силу наконец мог взять в толк умный президент, что дело идет об ревижских душах». Дмитрий Павлович Голохвастов (1796–1849), председатель Московского цензурного комитета, помощник попечителя Московского учебного округа (с 1847 г. попечитель), автор трудов по древнерусской истории, первый издатель высоко оцененного позднее Гоголем «Домостроя». В 1845 г. негативный отзыв Д. П. Голохвастова о «Мертвых душах» напечатал М. П. Погодин в «Москвитянине». Д. П. Голохвастов, имея в виду рецензию В. Г. Белинского на книгу «Грамматические разыскания В. А. Васильева» (СПб., 1845) (Отечественные Записки. 1845. № 8), писал: «Не верим Рецензенту О<течественных> З<аписок>, когда он говорит, что Русская литература в лице Гоголя “обратилась преимущественно к изображению русского общества” <...> Грибоедов и Гоголь показали нам одни карикатуры. Если они хотели составить нравственно-патологическую коллекцию уродов, то вполне успели. Если же это изображение нынешнего Русского общества, то любопытно, в ком из действующих лиц в комедии Грибоедова и в романе Гоголя, — а их довольно много, — Рецензент захочет узнать себя, своего отца, мать, брата или сестру? Неужели мы Русские должны так мало уважать в себе человечество, так мало сознавать в себе *человеческого* и на-

ционального достоинства, что при всякой выставке карикатур должны хлопать в ладоши и с восхищением кричать: это мы! это мы! похожи! похожи как две капли воды!» (<Голохвастов Д. П.> Д. Голос в защиту Русского языка // Москвитянин. 1845. № 11. С. 71–72).

А. П. Елагина — А. Н. Попову

Москва, 23 сентября (1842).

<...> Я ничего не могу сказать вам о здешних действиях литературных. <...> Гремит брошюрка Аксакова о Гоголе¹. Поэма его возвышена до небес и сравнена с Шекспиром, с Гомером. Это бы еще хорошо бы, *как мнение*; но выражено оно не совсем изящно. <...>

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. Из бумаг Александра Николаевича Попова // Русский Архив. 1886. № 3. С. 336. Печатается по первой публикации.

¹ Аксаков К. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. М., 1842. Подробнее о восприятии современниками брошюры К. С. Аксакова см. в наст. изд. коммент. к его письму Ю. Ф. Самарину от конца мая 1842 г.

А. П. Елагина — А. Н. Попову

22 декабря (1842).

<...> Хомяков возвратился из деревни: будет живее. Прошедшее воскресенье весь вечер проспори́л с Герценом о Гегелевой логике. Тургенев Ал. Ив. оживляет своими горячими пустяками все беседы; Аксаков так на него бесится, что перестал кланяться. Лихое Православие! Мертвые Души совсем его с ума свели, и он с теми не знакомится, кто их не величает. <...>

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. Из бумаг Александра Николаевича Попова // Русский Архив. 1886. № 3. С. 337. Печатается по первой публикации.

А. П. Елагина — М. П. Погодину

<Осень 1848>

Навещайте его <И. В. Киреевского> почаще, не давайте уединяться. О том же прошу Гоголя, которому скажите мой дружеский поклон... Старость почиталась прежде Божиим благословением, а теперь выходит наказанием, гневом. Но везде Бог и на кресте, и в воскресении. <...>

Впервые опубликовано: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 10. С. 11. Печатается по первой публикации.

М. В. Киреевская — Е. А. Свербеевой

24 сентября 1848 г.

<...> Благодарствуйте за известие о Гоголе. — Если он в самом деле поедет в Киев, напомните ему, пожалуйста, что ему не будет крюку ехать через Белев и захватить в Петрищеве, где ему так будут все рады. Прежде он, бывало, любил маменьку и часто ходил к ней. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 706. Печатается по первой публикации.

Марья Васильевна Киреевская (1811–1859), дочь А. П. Елагиной от первого брака.

Е. А. Елагина — Н. А. Языковой

Москва, 25 марта 1850 года.

На днях приехала я сюда, любезная моя Наталья Алексеевна, и Хомяковы встретили меня новостью, что Гоголь берет подорожную в Симбирск и надеется на будущей неделе быть у Вас в пятницу¹. Никто из Ваших не хотел к Вам об этом писать, желая вас удивить, но я, признаться, не утерпела.

До нас доходят слухи, что у Вас в Симбирске удивительно как весело, что заставляет Константина Аксакова ужасно вздыхать о временах Грозного, когда все девушки и дамы сидели в теремах за пряжею.

Гоголь, кажется, не его мнения и потому едет к Вам с большим удовольствием и везет вторую часть «Мертвых душ», я еще не успела их прочесть, то есть слушать, ибо недавно переехала из деревни и нахожусь в ужасных хлопотах... <...>

В Москве, сколько я могла узнать, все по-старому. Закревский воюет, в славянофильском кругу много говорят о новой комедии Александра Островского². Новый автор проявился, дай Бог ему счастья и успеху. Как отрадн слышать о молодом человеке, занимающемся изучением русских элементов. Пожалуйста, не говорите Н. В. Гоголю, что я к Вам писала об нем; он хотел сделать Вам сюрприз, но предупредите Ваших знакомых, чтобы они запаслись всею возможною признательностью; пусть они разгадают и изучают нашего общего друга.

Расскажите ему побольше анекдотов, я думаю у Вас их очень много должно быть в запасе.

Кланяйтесь от меня Петру Александровичу Бестужеву; говорят, Прасковья Михайловна³ ездит по вечерам, — неужели это правда.

Приехали Хомяковы. Оставляю Вас, моя любезнейшая Наталья Алексеевна. Надеюсь, что Гоголь останется доволен Вашим приемом.

Ваша преданная
Е. Елагина.

Впервые опубликовано: *Иващенко Ал.* Новый документ о Гоголе. Письмо Е. Елагиной к Н. А. Языковой // Лит. газета. 1939. 10 июля № 38. С. 6. Печатается по первой публикации.

Елизавета Алексеевна Елагина (1825–1848), дочь А. А. и А. П. Елагиных.

Наталья Алексеевна Языкова (рожд. Наумова), жена А. М. Языкова.

Позднее, Екатерина Ивановна Елагина (рожд. Моейр, 1818–1890), жена старшего сына А. П. Елагиной от второго брака Василия Алексеевича Елагина (1818–1879), писала М. В. Киреевской по поводу второго тома «Мертвых душ»: «А ты, Маша, перепишешь нам “Мертвые души”? Пожалуйста, душа моя, потрудись скорее это сделать, в деревне это истинное благодеяние» (письмо от 7 июня 1853 г.; *Кулешов В. И.* Славянофилы и русская литература. М., 1976. С. 202). 17 декабря 1853 г. Е. И. Елагина писала А. П. Елагиной из деревни: «Когда повидеашь соседей, то увидишь, что в Гоголе, право, ничего нет преувеличенного» (Там же. С. 202).

¹ 31 марта 1850 г.

² «Банкрут» («Свои люди – сочтемся!»).

³ Бестужева (рожд. Языкова), жена П. А. Бестужева.

В. Г. Анастасевич — И. И. Срезневскому

14 февраля 1838 г.

<...> Жаль, что добрый Гоголь пустился над Сеною собирать материалы для обещанной Истории Малороссии. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 556. Печатается по первой публикации.

Василий Григорьевич Анастасевич (1775–1845), библиограф и переводчик.

Гоголь в письмах И. И. Срезневского

И. И. Срезневский — Е. И. Срезневской

<7–8 октября 1839. Москва>
Москва. 1839. Окт<ября> 7-е.

Вот уже скоро неделя, как я в Москве... <...> Покамест самое важное — знакомства. Я познакомился с Каченовским¹, Снегиревым, Строевым², Раичем³, Вельтманом⁴, Погодиным, Гоголем. <...> Погодин <...> только что воротился из-за границы, был в Германии, Англии, Франции, Италии, — и воротился вместе с Гоголем. Вот почему я имел случай увидеться и с этим русским испанцем. Очень молодой человек, хорошенький собою, умный, любящий все славянское, все малороссийское, но с первого вида мало обещающий. Сегодня вечером они заедут ко мне, и потом поедem к ним. <...>

8 октября.

<...> От Черткова, в 6 часов, я поехал к Погодину, и провел с ним вечер, рассматривая редкости. Много очень важного. Гоголя не было дома. Погодин удерживал меня с часу на час, говоря, что Гоголь будет его бранить, если он отпустит меня, и будет жалковать. До 9 часов он не приехал, и я отправился домой... <...>

Впервые опубликовано: Путевые письма И. И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) // Живая Старина. 1892. № 1. С. 65–67; см. также: Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842. СПб., 1895. С. 14–16. Печатается по первой публикации.

Измаил Иванович Срезневский (1812–1880), филолог-славист. Заочное знакомство Гоголя с И. И. Срезневским началось с письма последнего к Гоголю из Харькова от 16 февраля 1834 г. по поводу гоголевского «Объявления об издании Истории Малороссии». Спустя несколько месяцев, в ноябре 1834 г., незадолго до выхода в свет «Миргорода» и «Арабесок», в газете «Северная Пчела» было опубликовано извещение И. И. Срезневского о том, что читатели, подписавшиеся на первую часть «Запорожской Старины», «в непродолжительном времени получат в добавок к трем книжкам этой части издания... книжку первую *литературных прибавлений*». В числе произведений других авторов здесь были обещаны повести «Рудаго Панька» (издание не состоялось) (см.: в наст. изд. <Извещение газеты «Северная Пчела» от 15 ноября 1834 г. об издании «Литературных Прибавлений» к «Запорожской Старине» И. И. Срезневского>). Очное знакомство Гоголя и Срезневского состоялось в 1839 г., когда Срезневский, отправляясь в путешествие по славянским землям, несколько дней провел в Москве. Согласно письму И. И. Срезневского к матери от 15–16 октября 1839 г. (см. в наст. изд.), 10 октября 1839 г. Гоголь посетил Срезневского вместе с актером М. С. Щепкиным. По словам Срезневского, на вечере говорили «всё о Малороссии», читали украинские песни, баллады и думы. Однако почти в то же время Срезневский, по свидетельству В. Г. Белинского в письме к В. П. Боткину из Петербурга от 22 ноября 1839 г. (см. в наст. изд.), неожиданно критически отозвался о «Тарасе Бульбе» (отзыв этот был тем более неожиданен, что при создании повести Гоголь широко пользовался изданием Срезневского «Запорожская Старина»; Харьков, 1833. Ч. 1. <Кн. 1–2>; 1834. Ч. 1. Кн. 3; Ч. 2. <Кн. 1>; 1835. Ч. 2. Кн. 2; 1838. Ч. 2. Кн. 3). Позднее сын Срезневского, Всеволод Измайлович, публикуя переписку Гоголя с его отцом 1834–1835 гг., писал: «Знакомые с личностью И. И. Срезневского, знакомые с его несочувственными взглядами, как на самого Гоголя, так и на его литературную деятельность, вероятно, удивятся, прочитав печатаемые здесь их дружеские, радушные письма» (Срезневский В. И. Н. В. Гоголь в переписке с И. И. Срезневским в 1834–1835 гг. // Русская Старина. 1892. № 3. С. 751).

¹ Михаил Трофимович Каченовский (1775–1842), журналист, историк, профессор Московского университета.

² Павел Михайлович Строев (1796–1876), археограф.

³ Семен Егорович Раич (настоящая фамилия Амфитеатров, 1792–1855), родной брат Киевского митрополита Филарета, поэт, переводчик, журналист и педагог.

⁴ Александр Фомич Вельтман (1800–1870), писатель, археолог.

И. И. Срезневский — Е. И. Срезневской

<15–16 октября 1839. Москва>

15 окт<ября> 1839. Воскресенье. Москва.

<...> ...Он <М. С. Щепкин> страстный охотник до всего малороссийского. <...> Между прочим я передал ему Москаля Чаривника: он издаст его как 2-ю книжку Украин<ского> Сборника¹, и Гоголь будет держать корректуру; а издавши поставит на моск<овском> театре². Щепкин премилый человек: он однажды³ просидел у меня с Гоголем целый вечер, и мы говорили все о Малороссии, между прочим читали кое-что из баллад украинских и думок и песень. <...>

Первые опубликовано: Путевые письма И. И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) // Живая Старина. 1892. № 1. С. 71; см. также: Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842. СПб., 1895. С. 20. Печатается по первой публикации.

¹ «Малороссийская опера» «Москаль-Чаривник» И. П. Котляревского была издана в 1841 году во второй книге «Украинского Сборника»; содержание пьесы перекликается с комедией Гоголя-отца «Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом». При этом, в отличие от комедии Котляревского, произведение Василия Афанасьевича изобилует церковной лексикой. Об общем западном источнике комедии Гоголя-отца и «Москаля-Чаривника» Котляревского см.: Дашкевич Н. П. Вопрос о литературном источнике украинской оперы И. П. Котляревского «Москаль-Чаривник» // Киевская Старина. 1893. № 10–12. С. 451–481.

² См.: «Февр<аля> <...> 9 <1840>. Бол<ьшой> т<еатр>. Последнее прости, др<ама> в 2 д<ействиях>; Украинская Невеста, вод<евиль> в 1 д<ействии>; Ехал да не доехал, вод<евиль> в 1 д<ействии>; Москаль-Чаривник, оп<ера> в 1 д<ействии>; Дивертисмент. (Бенефис г. Щепкина)» (Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 1 по 25 февраля 1840 года // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1840 год. СПб., 1840. Т. 1. Кн. 3. <Отд. 2>. С. 1).

³ 10 октября 1839 г.

Воспоминания С. А. Ермоловой о Гоголе

Софья Александровна Ермолова, дочь приснопамятных московскому образованному обществу Александра Дмитриевича и Елисаветы Григорьевны Чертковых, относится к памяти Гоголя с трогательным умилением. Он был другом ее матери, и она помнит его с раннего детства.

«Мы, дети и подростки, всегда радовались, когда он к нам приходил. Было в нем что-то обаятельное. Чудесные глаза, пронизательные и в то же время кроткие и добрые, то задумчивость, то шутливость производили впечатление неизгладимое». Гоголь был носат, у красавицы Е. Г. Чертковой также был большой, но изящный нос. Сопоставление этих носов давало Гоголю повод к разным шуткам¹. У Чертковых он держал себя откровенно и добродушно, и не стеснялся. Софья Александровна помнит, как однажды он начал икать и говорил: «чорт возьми, как я у вас объелся, напала икота», и далее разный вздор. «Да перестаньте же», — говорят ему. «Что же вы мне мешаете», — отвечает Гоголь. Оказалось, что это было началом его какой-то повести². Известно, как превосходно он читал; выводимые им лица говорили, словно живые, и он лицедействовал, как чудесный актер на сцене.

Мать С. А. Ермоловой познакомилась с Гоголем, вероятно, через свою приятельницу Луизу Карловну Вьельгорскую, детям которой Гоголь, кажется, давал уроки. На первом представлении «Ревизора»³ Гоголь сидел в ложе у Чертковых. Гоголя стали вызывать, он пригнулся к полу и ползком ушел из ложи. Каково же было удивление Чертковых, когда, приехав домой, они застали у себя Гоголя храпящим на диване! Дружба с Гоголем усилилась, когда Елисавета Григорьевна вместе с ним и другими ухаживала за умиравшим в Риме прекрасным юношей, графом Иосифом Михайловичем Вьельгорским⁴ («Ночи на вилле»). Чертковы уехали в Москву⁵, Гоголь остался в Риме и переписывался с Елисаветой Григорьевной; но как-то долго от него не было писем, и, в ответ на напоминание о том, Гоголь прислал большой лист бумаги, на котором было им написано лишь несколько строк в таком роде: а правда ли, что в новой вашей зале подоконники не ровные?

Гоголь познакомил с Чертковыми и сестер своих, и они с матерью гостили у Чертковых в их Воронежской Ольховатке.

С. А. Ермолова вполне убеждена в полной искренности Гоголя и в живом его благочестии.

Первые опубликовано: <Бартенев П. И.> Воспоминания С. А. Ермоловой о Гоголе. Из записной книжки «Русского Архива» // Русский Архив. 1909. № 6. С. 301. Печатается по первой публикации.

¹ См. ниже примеч. 5.

² Имеется в виду первая сцена драматического отрывка «Тяжба».

³ Имеется в виду представление «Ревизора» в помещении Московского Большого театра 17 октября 1839 г. Следующее представление «Ревизора» на московской сцене состоялось 23 апреля 1840 г. (см.: Черневский С. А. <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1897 гг.> // ГЦТМ. Ф. 299. Ед. хр. 1853).

⁴ Умер 2 июня (н. ст.) 1839 г. (см. в наст. изд. «Свидетельства о Гоголе С. Б. Шевыревой»).

⁵ 12 мая (н. ст.) 1839 г. (см.: Лямина Е. Э., Самовер Н. В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Вьельгорского. М., 1999. С. 433). Накануне отъезда Гоголь сделал в альбом Е. Г. Чертковой шуточную запись: «Наша дружба священна. Она началась на дне тавлинки. Там встретились наши носы...».

Гоголь в письмах Н. П. Огарева

Н. П. Огарев — А. И. Герцену

<18 октября 1839. Москва>

<...> Начну с *Ревизора*. Вчера его давали¹. Во 2-м антракте стали вызывать Гоголя. Барон отхлопал себе ладоши, которые рдеют и покрываются пузырями, а я в ложе хлопал только тогда, когда внизу и вверху, казалось, хотела было водвориться тишина. Но явился Хлестаков и рассказал, что Гоголя нет в театре (*sensation désappointements, gumeur a gauche*²). Но пьеса шла превосходно, кроме Синецкой³, которая, мне кажется, не умеет схватить это слияние провинциализма, скверных приемов и романтичности. Хлестаков (Самарин) средней доброты. Щепкин⁴ неподражаем и Орлов⁵ тоже. Чем более вникаю в эту пьесу, тем более сглаживаются все неровности, которые воображались прежде, и каждое лицо является в удивительной истинности. <...>

Впервые опубликовано: Из переписки недавних деятелей. (Материалы для истории русского общества) // Русская Мысль. 1888. № 11. С. 1. Печатается по первой публикации.

Николай Платонович Огарев (1813–1877), поэт, публицист. В 1834 г. по решению Императора Николая I был арестован за непопозвоительный образ мыслей и после девятимесячного тюремного заключения с 1835 по 1839 г. находился в ссылке в Пензенской губернии.

¹ Имеется в виду представление «Ревизора» в помещении Московского Большого театра 17 октября 1839 г.

² Чувство разочарования, шум слева (*фр.*).

³ Мария Дмитриевна Львова-Синецкая, 1795–1875), актриса. Исполняла роль жены Городничего.

⁴ В роли Городничего.

⁵ И. В. Орлов; исполнял роль Осипа (см. в наст. изд. коммент. к письму М. С. Щепкина к И. И. Сосницкому от 3 июня 1836 г.).

Н. П. Огарев — М. А. Огаревой

Гейсенгейм, четверг. <26 августа (н. ст.) 1841>.

<...> Происшествия этого дня удивительны. <...> В 12 час<ов> отправились мы <...> в Майнц. Обедали. <...> Во Франкфурте я закричал: Гоголь! — и Гоголь явился; мы вместе ехали на паровозе¹. Чудак он! В Майнце я осмотрел достопримечательный собор и в 5 час<ов> на маленьком пароходе уехал сюда, в Гейсенгейм. <...>

Впервые опубликовано: *Гершензон М.* Любовь Н. П. Огарева // *Гершензон М.* Образы прошлого. М., 1912. С. 496. Печатается по первой публикации.

Мария Львовна Огарева (рожд. Милославская, по другим сведениям — Рославлева), племянница пензенского губернатора А. А. Панчулидзева, жена Н. П. Огарева.

¹ Во Франкфурте Гоголь встретился с В. А. Жуковским и читал ему драму из эпохи Богдана Хмельницкого. После сожжения драмы Гоголь из Франкфурта 26 августа (н. ст.) 1841 г. переехал к Н. М. и П. М. Языковым в Гану. Железная дорога во Франкфурте в 1841 г. была только до Майнца (см.: Состояние сети железных дорог в Западной

Европе в 1846 году / <Комаро>в <А. С.> Европейские железные дороги в историческом, географическом и статистическом отношениях. (С картою всех железных дорог в Европе — оконченных, ныне строящихся и проектированных) // Отечественные Записки. 1846. Т. XLVIII. № 9 (цензурное разрешение 31 августа 1846). Отд. 2. Вклейка между с. 56 и 57). Очевидно, что Гоголь вместе с Н. П. Огаревым проехал сначала в Майнц (в обратную сторону от Гану), а затем по Майну отправился пароходом в Гану.

Н. П. Огарев — М. Л. Огаревой

Кёльн. 5 час<ов>. <28 августа (н. ст.) 1841>

<...> Гоголь не верит смерти Лермонтова, ибо дуэль¹ давно известна и известно, что никто в ней не погиб. Слава Богу, если так! <...>

Впервые опубликовано: Гершензон М. Любовь Н. П. Огарева // Гершензон М. Образы прошлого. М., 1912. С. 498. Печатается по первой публикации.

¹ Дуэль М. Ю. Лермонтова с Н. С. Мартыновым состоялась 15 июля 1841 г.

Н. П. Огарев — М. Л. Огаревой

<Январь — февраля начало 1842>. Москва.

<...> Гоголь грустит — «Мертвые Души» не прошли. <...>

Впервые опубликовано: Гершензон М. Любовь Н. П. Огарева // Гершензон М. Образы прошлого. М., 1912. С. 466. Печатается по первой публикации.

Н. П. Огарев — М. Л. Огаревой

5 (17) февраля <1842. Москва>

<...> Вчера обедал с Гоголем; он очень мил. <...>

Впервые опубликовано: Гершензон М. Любовь Н. П. Огарева // Гершензон М. Образы прошлого. М., 1912. С. 469. Печатается по первой публикации.

С. И. Астраков — Н. П. Огареву

27 февраля 1852 года. <Москва>.

<...> В Москве очень много умирает народа, точно повальная болезнь. В числе разных других иных умерших замечательный умер один — это Гоголь; его со всею торжественностью отпевали в университетской церкви, схоронили в Даниловом монастыре. Говорят, он перед смертью помешался на постах и уморил почти себя с голода, на масленице говел и тому подобное и в заключение после какого-то сновидения сжег в камине ночью все свои бумаги и сочинения, еще не напечатанные, которых, по сказанию, было весьма немало. <...>

Друзей-то, закадышных, и не было на похоронах: Шевырев болен, а Погодин в Суздале — там, по приказанию начальства, отрывают могилу Пожарского, и, разумеется, при этой okazji Михаил Петрович необходим. В заключение о Гоголе можно еще прибавить, что А. С. Хомяков собирает подписку на сооружение памятника Гоголю¹. Вот и всё, что до меня дошло о Гоголе. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 748. Печатается по первой публикации.

Сергей Иванович Астраков (1817–1866), преподаватель математики, приятель А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

¹ См. в наст. изд. письмо Д. Н. Свербеева к Е. А. Свербеевой от 29 февраля 1852 г.

Гоголь в письмах Н. Ф. Павлова

Н. Ф. Павлов — С. П. Шевыреву

20 октября ст<арого> ст<иля> 1839. <Из Москвы в Баварию>.

<...> Гоголь здесь и он немножко гримасничает. Аксаковы и я постарались, чтоб его вызвали в Ревизоре¹. Загоскин² нарочно дал пиесу. Гоголь сидел в бенуаре у Чертковой³. После второго действия стали вызывать. Хоть в театре было немного, но публика приняла единодушное участие в вызове, а Гоголь посидел, посидел, да и уехал, не показавшись. Загоскин лез на стены. Если б публика не вызвала Гоголя, мы бы назвали ее публикой вандалов да готтентотов; теперь она узнала о его приезде, кричала, и тут виновата. На другой день, разумеется, по внушенью Погодина, а может быть и нет, Гоголь написал извинительное письмо⁴, в котором говорит, что он был расстроен, что у него есть семейные отношения, какое-то горе, которое помешало ему выдти. Этого письма в ход не пустили, и умно сделали. Повести мои⁵ поступили в продажу несколько дней тому назад. Здесь их еще нет. Опубликовано в Петербурге. <...>

Впервые опубликовано: Из собрания автографов Императорской публичной библиотеки. СПб., 1895. С. 119; см. также: <Бартенев П. И.> П. Б. Письма Н. Ф. Павлова к С. П. Шевыреву // Русский Архив. 1897. № 4. С. 557. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду представление «Ревизора» в помещении Московского Большого театра 17 октября 1839 г.

² Михаил Николаевич Загоскин был в то время директором Императорских московских театров.

³ Черткова (рожденная графиня Чернышева) Елизавета Григорьевна, жена Александра Дмитриевича Черткова.

⁴ Письмо к М. Н. Загоскину датируется октябрём 1839 г. (после 17 числа).

⁵ Подразумевается сборник, содержавший повести Н. Ф. Павлова «Маскарад», «Демон», «Миллион» и озаглавленный «Новые повести» (СПб. 1839).

Н. Ф. Павлов — А. В. Веневитинову

1 марта 1852 г. Москва.

Любезный друг Алексей Владимирович, я должен бы сам сейчас же ехать в Петербург, но занемог и сижу дома больной, простудился на похоронах Гоголя. О смерти его вы, вероятно, уже знаете. Страшная потеря. В последнее время никто почти из русских писателей не умирал естественной смертью. Гоголь истощил себя постом; лекарства никакого не хотел принимать, даже не позволил поставить клистира, кажется, от того, что думал, что, прибегнув к человеческой помощи, оскорбит величие Божие. Истинная это вера или физическое расстройство мозга, не берусь решить: только во всяком случае вера не Христианская, а Индейская. Дней за десять до смерти, ночью, часа в три, сжег все бумаги, так что Хомяков ни в одном ящике не нашел ничего, нет и готовых семи глав второй части *Мертвых Душ*, которые Гоголь читал Шевыреву. Неизвестно, отыщется или нет. Говорят, что список есть у великой Княгини Ольги Николаевны. Похоронили его с должным уважением и со всеми возможными почестями. Назимов принял сердечное участие в этой потере. Тело покойника было перенесено

в университетскую церковь. Студенты дежурили день и ночь. Закревский приехал на отпевание в ленте. При прощании, лавровый венок был растерзан на кусочки, всякому хотелось иметь хоть листок на память. Хомяков и одномыслящие с ним недовольны и противились этому отпеванию в университетской церкви, утверждая, что она слишком похожа на салон, что в нее не придет тот класс людей, которым более дорожил Гоголь, что это отпевание акт, а не молитва. Все другие и я, мы были совершенно противного мнения. Похороны Гоголя должны были иметь общественный характер, какой и имели. — Нищие, лакеи и мещане, которых желали, не пришли бы и в приходскую церковь, ибо чтоб ценить писателя, надо знать грамоте, при том же этот класс людей всегда предпочитает жеманную литературу литературе гениальной. Граф Закревский не читал Гоголя, но на похороны приехал, а московские купцы, которые также не читали и следовательно имели одинакие права, — не приехали. Ни один не был, кроме Зевакина, да и тот явился, как бриллиант, оттого только, что торгует бриллиантами. Всего любопытнее и поразительнее толки в народе во время похорон; анекдотов тьма; все добивались, какого чина. Жандармы предполагали, что какой-нибудь важный граф или князь; никто не мог представить себе, что хоронят писателя; один только извозчик уверял, что это умер главный писарь при университете, т. е. не тот, который переписывает, а который знал, к кому как писать, и к государю, и к генералу какому, ко всем.

Впервые опубликовано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 537–538. Печатается по первой публикации.

Литературное обозрение Фрагмент

<...> После первых блестящих успехов в литературе Гоголь уехал в Италию; классический Рим, с его чудесами искусства, очаровал нашего художника, и он, погруженный душою в мир изящного, так пристрастился к дивной стране, что избрал ее постоянным своим местопребыванием. Внезапная кончина Пушкина, который с таким радушным приветом, с таким юношеским восторгом первый встретил его первое произведение, и так полюбил Гоголя, предвидя в нем и надежду, и славу литературы русской, печатным покровом облекла для него отчизну... В то время носились слухи о возвращении Гоголя в Петербург; эти слухи не сбылись... Кончина Пушкина, которая не могла не подействовать глубоко на впечатлительную душу Гоголя, может быть, была отчасти тому причиною.

Наконец, в 1839 году петербургские друзья Гоголя дождались его возвращения. После кратковременного своего здесь пребывания Гоголь уехал в Москву. Москва всегда рада гостям такого рода: она радушно встретила своего любимца и ласково, громко приветствовала его в театре, во время представления «Ревизора»¹. Едва разнесся слух, что «Ревизора» дадут в театре для Гоголя, который и сам будет присутствовать при этом представлении, билеты тотчас были разобраны. Наступил вечер. Театр был полнехонек. Публика была в каком-то торжественном ожидании. Артисты московские, и без того с удивительным совершенством разыгрывающие «Ревизора», в этот раз были еще более одушевлены присутствием того, кому каждый из них, со включением даже *третьестепенных*, обязан прекрасною ролью, обязан, можно сказать, дальнейшим успехом на сценическом поприще¹. Но в особенности Щепкин, пламенный поклонник Гоголя, Щепкин в этот раз, казалось, превзошел самого себя... Нечего говорить о восторге, с каким, по окончании пьесы, приветствовала Гоголя московская публика!..² <...>

Первые опубликовано: <Межевич В. С.> Литературное обозрение // Ведомости С.-П.-бургской Городской Полиции / Редактор Межевич. 1842. 16 июня. № 48. С. 202–203. Печатается по первой публикации.

Василий Степанович Межевич (1813 – 7 сентября 1849), писатель, критик, журналист. См., в частности: О народности в жизни и в поэзии. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского Дворянского института 1835 года, Декабря 22-го дня, Старшим Учителем *Василем Межевичем*. М.: В Университетской Типографии, 1835 (цензурное разрешение 10 дек.). 59 с.

«Литературное обозрение» В. С. Межевича представляет собой рецензию на «Мертвые души» (еще один фрагмент этой рецензии см. в наст. изд. в коммент. к письму В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 7 июля 1842 г.).

¹ Имеется в виду представление «Ревизора» в помещении Московского Большого театра 17 октября 1839 г.

² Гоголь на вызовы публики не вышел. Об этом представлении «Ревизора» см. в письме Гоголя к М. Н. Загоскину от октября (после 17 числа) 1839 г., а также в наст. изд. в статье И. Родионова «Воспоминания В. А. Нащокиной о Пуш-

¹ Действительно, достойно замечания то, что многие из самых посредственных артистов на московской сцене, остававшиеся совершенно незамеченными, явились очень хорошими артистами в «Ревизоре» и дали возможность как публике, так и Дирекции театра узнать направление их таланта, и – последней – употребить их впоследствии с пользою. Соч. – Примеч. В. С. Межевича.

кине и Гоголе», в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова, в «Литературных воспоминаниях» И. И. Панаева, в воспоминаниях С. А. Ермоловой о Гоголе в записи П. И. Бартенева, а также в письмах О. Сем. Аксаковой — Г. С. и И. С. Аксаковым от 18 октября 1839 г., К. С. Аксакова к Г. С. и И. С. Аксаковым от 24–25 октября 1839 г., Н. Ф. Павлова к С. П. Шевыреву от 20 октября 1839 г.; Н. П. Огарева к А. И. Герцену от 18 октября 1839 г., Т. Н. Грановского к Н. В. Станкевичу от 25 ноября — 10 декабря 1839 г.

Гоголь в письмах Т. Н. Грановского

Т. Н. Грановский — Н. В. Станкевичу

Москва, 25 ноября — 10 декабря 1839.

<...> 2-го декабря.

<...> Был здесь Гоголь. Я поругался за него с Белинским и Катковым¹: давали Ревизора (играли чудесно); вдруг, после второго акта наши друзья и еще несколько молодцов заорали: по-давай сюда сочинителя. Разумеется, к ним присоединилось много других голосов; кричали, кричали, но без толку: сочинитель уехал, не желая тешить зрителей появлением своей особы². За это его ужасно поносили. Мне стало досадно: как будто человек обязан отдавать себя на волю публики, да еще какой! И Белинский и Катков видели, какой народ наиболее кричал: отъявленные дураки, люди известные. <...>

Впервые опубликовано: Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 374–375. Печатается по первой публикации.

Тимофей Николаевич Грановский (1813–1855), историк.

Николай Владимирович Станкевич (1813– 24 июня 1840), писатель.

¹ Михаил Никифорович Катков (1818–1887), публицист.

² См. в наст. изд. коммент. к «Литературному обозрению» В. С. Межевича.

Т. Н. Грановский — Н. В. Станкевичу

Москва, 12 февраля — 4 марта 1840.

<...> Февраля 22-го.

Вчера была среда¹ и чтение у Киреевских: читал Крюков², которого наконец допекли до того, что покался, — признаюсь, я от него не ожидал такой дельной статьи «Об отношении искусства к жизни». Но главное украшение вечера был отрывок из романа³, еще не конченного, читанный Гоголем. Чудо. Действие происходит в Риме. Это одно из лучших произведений Гоголя, если только он доведет до конца так же хорошо. <...>

Впервые опубликовано: Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 383–384. Печатается по первой публикации.

¹ 21 февраля.

² Дмитрий Львович Крюков (1809–1845), профессор римской словесности Московского университета.

³ «Аннунциата» (впоследствии повесть «Рим»). См. также в наст. изд. дневниковую запись А. И. Тургенева от 21 февраля 1840 г.

Т. Н. Грановский — Я. М. Неверову

Москва, весна 1840 г.

<...> Я подбиваю Ивана Киреевского издать альманах. У него все средства: связи со всем, что есть хорошего в нашей литературе. Я обещал с своей стороны дать ему историческую статью. Состоится ли предприятие — не знаю. Гоголь, вероятно, дал бы отрывок из своего романа¹. Я слышал чтение нескольких глав — чудо! Также при мне читал он первую главу романа, взятого из итальянской жизни — Аннунциата. Талант его еще выше стал. Вообрази, каковы наши книгопродавцы! Никто не купил строки у Гоголя. <...>

Впервые опубликовано: Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 401. Печатается по первой публикации.

¹ «Аннунциата» (впоследствии повесть «Рим»).

Т. Н. Грановский — Е. К. и А. В. Станкевичам¹

Москва, 26 февраля 1852 г.

<...> Гоголь умер и перед смертью, в припадке хандры, доходившей почти до сумасшествия, сжег свои бумаги, в том числе готовый к печати 2-ой том Мертвых Душ. Много другого драгоценного погибло таким же образом. Раскаяние по-видимому ускорило его смерть. Похоронили его вчера, со всеми почестями, приличными последнему великому писателю Русской земли². <...>

Впервые опубликовано: Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 297. Печатается по первой публикации.

¹ Александр Владимирович Станкевич и его жена Елена Константиновна (рожденная Бодиско).

² В тот же день, 26 февраля 1852 г. (на второй день после похорон Гоголя) И. С. Аксаков писал И. С. Тургеневу: «Ну, кажется, теперь больше хоронить некого», сказал нам вчера Грановский. И действительно, мы похоронили не только последнюю свою славу, но кажется, и последнего художника не только для России, но и для целого мира» (см. в наст. изд.).

Отчет Комитета Общества Поощрения Художников, с апреля 1838 по 28 апреля 1839 года Фрагмент

<...> В истекшем году <...> выбраны в Члены Корреспонденты: Григорий Григорьевич *Кишкин*, по просвещенной любви его к изящным искусствам. Общество ожидает от него содействия преимущественно по части сообщения сведений о Российских древностях в Рязанской и других внутренних губерниях; Полковник *Рейтерн*¹, известный своими познаниями по искусствам и практическими изучениями их; и Николай Васильевич *Гоголь-Яновский*. Оба они могут быть полезными Обществу, по сношениям касательно искусств за границую. <...>

Впервые опубликовано: Отчет Комитета Общества Поощрения Художников, с апреля 1838 по 28 апреля 1839 года // Художественная Газета. 1840. 1 янв. № 1 (цензурное разрешение 20 декабря 1839 г.). С. 16; с примечанием: «Читан Членом-Секретарем В. И. Григоровичем в заседании Общества 15 мая 1839 года» (С. 17). Печатается по первой публикации.

В члены-корреспонденты петербургского Общества поощрения художников Гоголь был избран по рекомендации Н. М. Смирнова. Об этом Гоголь был извещен вместе с художником Е. Р. фон Рейтерном. В черновике уведомления, отправленного графом П. И. Кутайсовым Рейтерну 5 июля 1839 г., имеется помета, что такое же уведомление было отправлено и Гоголю: «№ 28. 5 июля 1839. Его Высокоблагородию Е. Р. Рейтерну. № 29. Его Высокоблагородию Николаю Васильевичу Гоголю-Яновскому». Кутайсов писал: «Общество Поощрения Художников вследствие представления Г. Члена Николая Михайловича Смирнова в Общем собрании 9 Марта 1839 года единогласно приняло Вас в члены своих Членов-Корреспондентов, в полной уверенности, что Вы по просвещенной любви своей к изящному не оставите ревностно участвовать во всем, что к благу Общества и пользе Художников в нашем Отечестве относиться будет. По званию Председателя Общества извещая Вас о сем и препровождая Экземпляр Высочайше утвержденного Устава и Отчет о действиях Комитета за протекший год, с 28 Апреля 1838 по 28^е Апреля 1839 года, я вменяю себе в особенное удовольствие изъявить Вам, Милостивый Государь, сколь мне приятно иметь в Вас по Обществу сочлена, с толицем успехом проходящего прекрасное поприще изящного» (впервые опубликовано: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 11. С. 243). Извещение было получено Гоголем спустя полгода, в конце декабря (н. ст.) 1840 – начале января (н. ст.) 1841 г., в Риме. В письме на имя конференц-секретаря Академии художеств В. И. Григоровича от 7 января (н. ст.) 1841 г. Гоголь, сообщая о своем отказе от избрания, писал: «Я давно уже слышал об избрании меня в члены-корреспонденты общества поощрения искусств, но, не имея официальной о сем бумаги, не мог изъявить письменно моей благодарности. Теперь только доставили мне из здешнего посольства залежавшийся там пакет на мое имя, содержащий бумагу об избрании меня в члены-корреспонденты».

В Отчете Комитета Общества Поощрения Художников, присланном Гоголю вместе с извещением, в частности, также сообщалось: «Академик *Александр Иванов*, находящийся в Риме, с успехом занимается картиною в большом размере: "*Явление Мессии*". Этот достойный Художник, пользующийся содержанием от Общества с 1830 года, оправдал надежды, возбужденные его талантом. Комитет Общества Поощрения Художников, видя из представленного им эскизного рисунка, что означенная картина, если она будет так же превосходно исполнена, как сочинена, обогатит Русскую школу отличным произведением, назначил Г-ну Иванову 300 червонных в пособие на 1839 год, предлагая ему постараться к 1840 году, если возможно, окончить эту картину, дабы вспоможение, оказываемое Г-ну Иванову в продолжении 9 лет, могло быть ныне прекращено и обращено в пользу другого какого-либо достойного художника, отличающегося необыкновенным талантом. <...> Комитет Общества принял под покровительство свое в прошлом году

трех молодых людей, а именно: *Крушкена, Патина и Шевченка*, из коих особенно два последние подают о себе отличные надежды» (Художественная Газета. 1840. 1 янв. № 1. С. 10, 14).

¹ Барон Герхарт (Gerhard) Вильгельм (Евграф Романович) фон Рейтерн (1794–1865), художник, тесть В. А. Жуковского.

Гоголь в дневнике Н. А. Маркевича

<Москва>. *Генварь 1840. 23.* Знакомство с Верстовским¹. <...> Разговор с Гоголем. <...> Собирались с Верстовским писать оперу «Страшная месть».

24. С утра на репетиции «Вадима»² и «Аскольдовой могилы»³. Толкование о будущей опере: «Страшная месть». Я пишу либретто, Верстовский — партитуру⁴. <...>

Впервые опубликовано: *Гозенпуд А.* Гоголь в музыке // *Литературное наследство.* Т. 58. М., 1952. С. 896. Печатается по первой публикации.

Николай Андреевич Маркевич (1804–1860), историк и поэт.

¹ Алексей Николаевич Верстовский (1799–1862), композитор.

² Опера А. Н. Верстовского «Вадим, или Двенадцать спящих дев» (1832; текст С. П. Шевырева).

³ Опера А. Н. Верстовского «Аскольдова могила» (1835; сюжет М. Н. Загоскина).

⁴ Замысел остался неосуществленным.

<Объявление газеты «Московские Ведомости» от 3 февраля 1840 г. о постановке комедии «Сганарель» Мольера>

В Большом театре <...> В пятницу, 9-го февраля, Императорскими российскими актерами представлено будет в пользу актера г. Щепкина¹, в первый раз: ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ, трагедия в 2 действиях. Тика². <...>

За оною последует, в первый раз: СТАНАРЕЛЬ, или муж, думающий, что он обманут женою. Комедия в I действии. Соч. Мольера. Перевод с французского³.

В оной комедии будут играть роли: жены Снагареля дев<ица> Щепкина 1-я⁴, Цилии¹ дев<ица> Щепкина 2-я⁵.

Действующие:

Горгибус, мещанин	г. Потанчиков ⁶ .
Целия, дочь его	дев<ица> Щепкина 2-я.
Лелий, влюбленный в Целию	г. Ленский ⁷
Гро-Рене, слуга Лелия	г. В. Степанов ⁸ .
Сганарель, мещанин	г. Щепкин.
Жена его	дев<ица> Щепкина 1-я.
Виллебрекень, отец Валерия	г. Ф. Сахаров.
Горничная Целии.	г-жа Степанова.
Родственник жены Сганареля .	г. Максим 2-й.

Первые опубликовано: Московские Ведомости. 1840. 3 февраля. № 10. Прибавления к № 10 Моск. Вед. (Февраля 3-го). Отд. II. Объявления частные. С. 158. Печатается по первой публикации.

¹ Бенефис М. С. Щепкина, назначенный на 2 февраля 1840 г. (в то время Гоголь был еще в Москве), не состоялся (см. в наст. изд. статью В. И. Родиславского «Мольер в России»).

² М. С. Щепкин в постановке этой трагедии не участвовал.

³ Перевод комедии был выполнен друзьями М. С. Щепкина Т. Н. Грановским и Н. Х. Кетчером и обработан Гоголем в конце 1839 г. во время его пребывания в Москве (см. в наст. изд. статью В. И. Родиславского «Мольер в России» и мемуары А. Н. Афанасьева «М. С. Щепкин и его записки» и «Отрывки из моей памяти и переписки» в разделе «Гоголь в воспоминаниях и письмах М. С. Щепкина»). В то время Гоголь общался с Щепкиным лично, поэтому никаких упоминаний об этой работе в переписке Гоголя нет (за исключением слов о «двух пьесах» для бенефисов Щепкина – под одной из которых подразумевался, вероятно, «Сганарель» – в письме к актеру от 10 сентября (н. ст.) 1840 г. из Венеции).

⁴ Александра Михайловна Щепкина (1816–1841), актриса (выступила на сцену в 1834 г.), дочь М. С. Щепкина.

⁵ Фекла (Фанни) Михайловна Щепкина (в замужестве Барсова, 1814–1852), актриса, дочь М. С. Щепкина.

⁶ Федор Семенович Потанчиков (1800–1871), московский актер.

⁷ Дмитрий Тимофеевич Ленский (наст. фамилия Воробьев, 1805–1860), московский актер, водевилст.

⁸ Василий Алексеевич Степанов (ум. в 1848), актер московской драматической труппы с 1827 г.

¹ Так в публикации.

Мольер в России

Фрагмент

<...> Щепкин постоянно хотел иметь для своих бенефисов Мольеровы комедии; поэтому некоторые из близких ему людей, желая ему угодить, задумали перевести целой компанией Мольерова *Сганареля*. К этой компании присоединился Гоголь и на него возложилась редакция перевода. Таким образом явился перевод комедии Мольера *Le Coci imaginaire*, под заглавием *Сганарель, или муж, думающий, что он обманут женой*. Говорят, редактируя перевод компании, Гоголь почти совершенно его переделал и даже странное заглавие: *Муж, думающий, что он обманут женой* было написано им. Многие оспаривали такое заглавие, но Гоголь настоял, и оно было удержано. Перевод этот был объявлен 9-го февраля 1840 года в бенефис Щепкина¹, с следующим распределением ролей: Горгибус, мещанин — Потанчиков, Целия, дочь его — Щепкина 2-я, Лелий, влюбленный в Целию — Ленский, Гро-Рене, слуга Лелия — В. Степанов, Станарель, мещанин — Щепкин, Жена его — Щепкина 1-я, Виллебрекень, отец Валерия — Ф. Сахаров, горничная Целии — Степанова, Родственник жены Сганареля — Максин 2-й; но в бенефис Щепкина, 9-го февраля 1840 перевод этот не шел (если не ошибаемся, был отменен весь бенефис) и *Сганарель* в этом переводе дан на Московской сцене в первый раз в том же году 4-го октября, в бенефис Никифорова², с некоторыми уже изменениями в распределении ролей³. Так дочери Щепкина в нем уже не участвовали, вместо них играли: Целию — Сабурова 2-я⁴, жену Сганареля — Самарина, а Лелия, вместо Ленского, исполнял Самарин⁵. Перевод этот не долго продержался на Московской сцене, он был дан всего раза три, до тех пор пока его не возобновил Шумский⁶ в свой бенефис, бывший 7-го января 1869, причем Садовский⁷, с своею естественностью, простодушием и комизмом, очень хорошо исполнил роль Сганареля. Сколько наивности, сколько веселости и вместе с тем сколько чувства вложил он в исполнение этой роли! Особенно комично вышла у Садовского сцена, когда он, движимый ревностью, надев латы и шлем поверх своего мещанского платья, хочет пронзить своего соперника Лелия, но трусит, боится и не решается, несколько раз замахивается шпагой и при обороте к нему Лелия отступает и опускает шпагу.

Перевод этот, сделанный Гоголем, прозаический. Он очень неровен, а местами и неразговорен. Видно, перевод компании был таков, что хотя даже по нем прошла и рука Гоголя, но все-таки не могла сгладить всех его шероховатостей. Перевод этот не был напечатан⁸. <...>

Впервые опубликовано: *Родиславский В. И.* Мольер в России // *Русский Вестник*. 1872. Т. 98. Март. С. 75–76. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. <Объявление газеты «Московские Ведомости» от 3 февраля 1840 г. о постановке комедии «Сганарель» Мольера>.

² Николай Матвеевич Никифоров (1805–1881), артист московской группы Императорских театров.

³ Спустя несколько дней комедия была представлена на сцене Большого театра: «Октября <...> 15. Бол<ышой> т<еатр>. Сганарель, ком<едия> в 1 д<ействии>; Полюбовная сделка, вод<евиль> в 1 д<ействии>; Неожиданная семья, вод<евиль> в 1 д<ействии>; дивертис<мент>» (Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 1 октября по 1 декабря <ноября> 1840 года // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песочким, на 1840 год.

СПб., 1840. Т. 2 / Приложения к Репертуару Русского Театра. № 2. 1840 (цензурное разрешение 24 октября 1840).
Кн. 11. <Отд. 2>. С. 1).

⁴ Варвара Александровна Сабурова, актриса Малого театра с 1838 г.

⁵ Иван Васильевич Самарин (1817–1885), артист Московского драматического театра.

⁶ Сергей Васильевич Шумский (наст. фамилия Чесноков, 1820–1878), актер Московского Малого театра.

⁷ Пров Михайлович Садовский (1818–1872), актер Московского Малого театра.

⁸ Перевод был напечатан позднее Н. С. Тихонравовым в изд.: Сочинения *Н. В. Гоголя*. Дополнительный том ко всем предшествовавшим изданиям сочинений Гоголя. Вып. I. М., 1892 (Библиотека для Чтения. Бесплатное приложение к журналу «Царь-Колокол». № 3).

<Извещения газеты «Московские Ведомости» от 6, 10 и 13 апреля 1840 г. об отъезде Гоголя за границу>

Отъезжающие за границу:

<...> В Германию и Италию, 8-го класса Николай Васильевич Гоголь; жительство имеет на Девичьем поле в доме профессора Погодина. <...>

Впервые опубликовано: Отъезжающие за границу // Прибавления к № 28-му Московских Ведомостей. (Апреля 6-го <1840>). Отделение II. Объявления частные. С. 430; Прибавления к № 29-му Московских Ведомостей. (Апреля 10-го <1840>). Отделение II. Объявления частные. С. 448; Прибавления к № 30-му Московских Ведомостей. (Апреля 13-го <1840>). Отделение II. Объявления частные. С. 460. Печатается по первой публикации.

В первых двух из указанных номеров «Прибавлений...» к «Московским Ведомостям» от 6 и 10 апреля 1840 г., а также в «Прибавлении...» от 17 апреля 1840 г. было напечатано также следующее объявление Гоголя: «Некто не имеющий собственного экипажа, имеет попутчика для Вены, имеющего собственный экипаж, на половинных издержках; на Девичьем поле в доме проф<ессора> Погодина; спросить Николая Васильева Гоголя» (С. 426, 446).

27 апреля, 1 и 4 мая 1840 г. в «Московских Ведомостях» было опубликовано также извещение об отъезде В. А. Панова, согласившегося 14 апреля 1840 г. быть попутчиком Гоголя: «В Германию, Швейцарию и Италию, кандидат ИМПЕРАТОРСКОГО Московского университета Василий Алексеевич Панов; спросить в университете» (Отъезжающие за границу // Прибавления к № 34-му Московских Ведомостей. (Апреля 27-го <1840>). Отделение II. Объявления частные. С. 512; Прибавления к № 35-му Московских Ведомостей. (Мая 1-го <1840>). Отделение II. Объявления частные. С. 528; Прибавления к № 36-му Московских Ведомостей. (Мая 4-го <1840>). Отделение II. Объявления частные. С. 546). См. в наст. изд. раздел *Гоголь в письмах В. А. Панова*.

Значение Гоголя в истории русской литературы Фрагмент

<...> У Аксакова в Москве молодой помещик Панов так был поражен прочтенным Гоголем рассказом о Плюшкине¹, что тут же решился сопровождать Гоголя в Рим. Мне рассказывал один почтенный человек, бывший в то время в Риме, что он раз спросил Панова²: «что вы здесь делаете», а тот таинственно сказал ему на ухо: «*переписываю "Мертвые души"*»³. <...>

Впервые опубликовано: *Некрасов И. С.* Значение Гоголя в истории русской литературы // *Некрасов И. С.* О значении Лермонтова и Гоголя в истории русской литературы. Две публичные лекции. Одесса. 1887. С. 34. Печатается по первой публикации.

¹ Авторское чтение шестой главы «Мертвых душ» у Аксаковых состоялось 13 апреля 1840 г. перед пасхальной заутреней. См. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к сыновьям от 15 апреля 1840 г. и его же «Историю нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.>».

² Василий Алексеевич Панов (1819–1849), литератор.

³ В. А. Панов жил в Риме с Гоголем с 25 сентября (н. ст.) 1840 г. по 6 мая (н. ст.) 1841 г. Под диктовку Гоголя им в феврале–апреле (н. ст.) 1841 г. были переписаны первые пять глав поэмы.

Гоголь в письмах В. А. Панова

В. А. Панов — К. С. Аксакову

<27 июня — 8 июля (н. ст.) 1840 г. Вена>

Вена. 1840, июня 15/27. Суббота.

Написавши число, я вспомнил, что нынче ровно четыре недели, как мы с Вами расстались¹, любезнейший Константин Сергеевич! А я еще ни слова Вам не написал, хотя теперь уже 11-й день как мы приехали даже в Вену². <...>

Июля 3 <н. ст.>.

<...> Я не могу не упомянуть уже теперь о главном наслаждении, главной пользе, которое оно <путешествие> мне до сих пор доставляло, о счастье быть так долго неразлучно вместе с Великим человеком. Да, бывали минуты, когда созерцание его меня вполне наполняло; когда, соображая всё мною испытанное в нем, я видел всю полноту его самосознания, о котором мы не могли иметь понятия в Москве. Чудесные минуты! Тем светлее, тем ярче они для меня были, что им иногда предшествовали такие, в которые мы чуть не бранились, споря или о блюде, которое должно заказать, или о русском языке, или когда мы даже мешали друг другу, бегая, например, по улицам: он иногда побежит, а я с ужасною головою болью едва тащусь, не зная, куда деться от солнца или жару; или я затороплюсь, а у него на ту беду ноги распухнут, и он их едва переводит, жалуясь на мозоли. — Впрочем, я хотел Вам все рассказать по порядку.

Потерявши Вас из виду на первой станции³, где мы с Вами простились, мы пожали друг другу руку и стали смотреть каждый в свою сторону и погонять изредка ямщика, до тех пор пока не заснули. Я на каждой станции выходил, чтоб подать подорожную и рассчитаться, а Николай Васильевич, закутанный с головою в плащ, казалось, не просыпался во всю ночь. <...> Днем он совершенно не спал, только разве когда мы поехали в дилижансах. Вам хорошо известно, что чувствуешь у нас, когда едешь на почтовых. И мы, как обыкновенно, находились большей частью в этом напряженном состоянии, когда всё хочется ехать поскорее, рассчитываешь беспрестанно, сколько проехал и сколько остается. Бывали, однако ж, минуты, когда нас наполняло настоящее, и это обыкновенно после хорошего обеда (что по милости Ольги Семеновны⁴ и искусства Николая Васильевича мы имели даже в деревнях) и особенно после удачного чаю. Тогда Николай Васильевич или пел краковяк и вместе отплясывал его в повозке, или читал стихи, особенно Языкова «Послание к Каролине Карловне»⁵, учил меня по-итальянски. Один раз рассматривание замка Сапеги, мимо которого мы проехали в Минской губернии, привело нас к разговору о России, в котором он высказал чудные, разительные мысли. Как он умеет проникать в глубину того, что жизнь в себе скрывает. Передавать Вам все мысли, замечания, высказанные им в разное время, — невозможно. При первой возможности запишу их, чтоб не позабыть. — При въезде в города повторялись на словах сцены из начала 1-й главы «Мертвых душ». <...>

Мы ехали очень скоро, несмотря на несносные песчаные дороги, которые тянутся посреди литовских тундр; в шесть дней мы приехали в Брест, 24 мая с<тарого> с<тиля>. Пробывши в нем час, мы пустились было далее, но нас не пропустили за заставу, потому что у человека не было паспорта. И мы за этим пробыли там целые сутки. Это было очень досадно. Мне надо было все хлопотать в полиции. Николай Васильевич был тут такой же, как и в Москве. Ему лень было приняться. Поэтому я не имел ни времени, ни расположения хорошего для того, чтоб писать Вам. Из Бреста до Варшавы мы пронеслись в 18 часов — 200 верст. Почта тут устроена пре-

красно. Мы пробыли в Варшаве 6 дней, от 7 до 13 июня. Я надеялся оттуда написать Вам и всем, кому было нужно, но всё вышло напротив. Едва мы поместились там в своем номере, как в нем сделался ужасный хаос; все разбросалось, ничего нельзя было ни собрать, ни найти. Что делать, непривычка! Я не умел (Николай Васильевич, по крайней мере, не старался) избавиться от этого хаоса, а между тем он был для меня невыносим. Пришедши вечером домой, я не в состоянии был приняться ни за что другое, как за книгу. Едва в продолжение всех 6 дней написал одно письмо к маменьке⁶. Очень кстати было в таких обстоятельствах шататься с утра до вечера, как мы делали. Варшава — этот оазис кругом обнаженной, весьма мало заселенной Польши — город прекрасный. Характер ее совершенно уже отличен от городов наших. Совершенно похожи одни только новые здания, которые в середине города имеют вид каких-то заплат. Мы объехали все примечательные окрестности (путеводителем нашим был везде один лицейский товарищ Гоголя — Симановский; чрезвычайно любопытно было видеть его в кругу прежних товарищей — он отыскал одного, которого не видал с самого выхода из лицея и который там адъютантом) — королевские Лазенки, кулинария, замок Радзивилла, Бельведер — дворец гр<афа> Потоцкого, построенный И. Собизским. Везде тут есть картинные галереи, которые мы осматривали. Замечательна только Бельведерская. — В самом городе есть довольно большой сад с прекрасными каштановыми аллеями. Из многих прекрасных дворцов и зданий всех замечательнее банк и театр, который, однако ж, столько же беден внутри, сколько величествен снаружи. Мы были в нем на одном представлении — актеры плохие, даже гадкие, за исключением одной панны Гальперт. Играют еще пьесы старой французской школы. <...>

Я продал в Варшаве свой тарантас за 270 злотых. Он нам послужил прекрасно. Во всю дорогу не изломался ни один винтик. Из Варшавы до Кракова мы ехали в дилижансе с курьером одни сутки (13–14) и во всё время спали, что очень забавляло трех полячек и поляка, которые ехали с нами и без умолку болтали. С границы нашей Польши, где прописывали наши паспорта, открылся перед нами вид Карпатских гор — впрочем, они были еще далеко. Краков мне понравился, несмотря на то, что я был против него предрешен. <...>

В Кракове вдруг пробудилась деятельность Николая Васильевича. Он вечером написал там статью по-итальянски для журнала римского о собрании эскизов кн<язя> Долгорукого в Москве⁷. — Я не стану Вам говорить, как в Podguz'e — место Венгрии, отделяющееся от Кракова одним мостом через Вислу и где находится австрийская таможня, — меня заставили заплатить около 20 р<ублей> штрафа за то, что я при осмотре позабыл показать кисет, который лежал у меня в коляске; его увидели, когда я отъехал уже шага два от рогатки; меня воротили, взвесили кисет, нашли в нем $\frac{1}{2}$ фунта, за который взяли с меня $7\frac{1}{2}$ гульденов (Николай Васильевич оставался в городе дожидаться выдачи паспортов из Пол<ьши>). Если бы я Вам писал тот день, я бы несколько листов написал ругательствами за этот невежественный поступок. Теперь боюсь вспомнить. В Подгурте мы сели в дилижанс (15 июня) до Брюна, куда приехали 17<-го> в 7-м часу утра, тотчас переправились на железную дорогу и через 5 часов были уже в Вене (20 миль).

Наконец, пропустивши всю дорогу чрез Венгрию, Моравию, Богемию, где сначала тянутся отрасли Карпат, где чудное население, где каждая станция есть прекрасный чистый городок, дорогу, по которой виды и воздух доставляли наслаждения Николаю Васильевичу, но не мне, страдавшему от ужасного насморка и начавшейся уже головной боли, — я добрался, наконец, до Вены, куда я относил все свои ожидания, где думал отдохнуть, получить письма, устроить дела, всем написать, где ничего этого не сделал, где сначала ничего не нашел нового и которой, между тем, доволен сверх всякого ожидания. — Первая вещь, которая меня здесь поразила, это была довольно несносная болезнь. Она началась еще в Варшаве насморком и кончилась здесь сильным ревматизмом в глазу и головную болью... Неделю просидел я дома, мне ставили пьявки и пр. <...>

<7 июля (н. ст.)>

Мы имели величайшее счастье застать здесь чудную оперу — известнейших артистов — Ронкони⁸, Мариани, Ungher⁹, Frezzolini¹⁰, Brambilla, Gabussi. Это всё такие имена, которые приводили Николая Васильевича в восторг, когда он читал их на афишах. Несколько дней продолжался этот приятный сюрприз — узнавать, что эти артисты здесь, а Николай Васильевич первый день, увидавши только, что здесь Ungher, был уже в восхищении. Это наслаждение (т. е. итальянскую оперу) имели мы только до 1 июля.

Николай Васильевич показывал мне здесь картинные галереи в Бельведере (императорском) и кн. Эстергази. <...>

8 июля <н. ст.>.

<...> Пробуду здесь до субботы (11-е июля), потом еду в Мюнхен — до Линца на пароходе. <...> В Венецию к 1-му сентября, где найду Николая Васильевича. С ним чрез Анкону в Рим. В конце октября в Берлин. Пишите мне, пожалуйста, в Венецию или Рим. Найду ли я Вас в Берлине? Я Вам не успел ничего сказать о Николае Васильевиче. Он работает здесь над мало-российскими песнями, никогда не изданными, которых у него самое огромное богатейшее собрание¹¹. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 590–592. Печатается по первой публикации.

Василий Алексеевич Панов (1819–1849), писатель-славянофил, родственник Аксаковых (сестра В. А. Панова Екатерина Алексеевна была замужем за братом С. Т. Аксакова Николаем Тимофеевичем).

¹ В. А. Панов вместе с Гоголем выехал из Москвы в Италию 18 мая 1840 г.

² 17 июня (н. ст.) 1840 г.

³ Перхушково.

⁴ Аксаковой.

⁵ Стихотворение Н. М. Языкова «К К. К. Павловой» («Забыли вы меня? Я сам же виноват...») стало известно Гоголю прежде его публикации в журнале М. П. Погодина «Москвитянин» (1841. № 2 (цензурное разрешение 31 января). С. 348–350). В рукописном фонде М. П. Погодина РНБ сохранился список Гоголя этого послания, с которого, очевидно, и осуществлялся набор (см.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2010. Т. 17. С. 644). См. также в наст. изд. письмо Е. М. Хомяковой к Н. М. Языкову от первой половины мая 1840 г. из Москвы.

⁶ Марии Александровне Пановой.

⁷ Имеется в виду богатейшее собрание рисунков, составленное русским послом в Вене князем Д. М. Голицыным (1665–1738) и перешедшее позднее к семье князей Долгоруких. (Вероятно, временно эта коллекция находилась у кого-то из Глинок, возможно, поэта Ф. Н. Глинки.) В 1840-х гг. это собрание было выставлено для продажи и спустя несколько лет приобретено зубным врачом Жилем (Жоли), увезшим его в Париж и там распродавшим. 14 июня (н. ст.) 1847 г. М. П. Погодин писал Гоголю об этом собрании: «Ты знаешь коллекцию эскизов, что была у Глинки? С тех пор не нашлось охотника купить ее даже за 100 тысяч рублей. Каковы подлещи наши богачи, которых ты так честишь. Ее хотят увезти в чужие края». Статья Гоголя о собрании рисунков князя Д. М. Голицына неизвестна. Возможно, статья предназначалась Гоголем в итальянский журнал «Diario di Roma» («Римский ежедневник»; *ит.*). Граф Мих. Ю. Вильгорский 28 июля 1839 г. писал Гоголю из Марселя: «...Жалею, что не просил вас написать строк десяток для помещения в “Diario” о смерти нашего незабвенного друга!» (речь шла о сыне М. Ю. Вильгорского Иосифе).

⁸ Джорджио Ронкони (род. в 1810), баритон. Пел в Вене, Лондоне, Париже, Петербурге.

⁹ Каролина Унгер (Унгер-Сабатье, 1803–1877), австрийская певица (контральто).

¹⁰ Эрминия Фрецолини (1818–1884), итальянская певица. Дебютировала в 1838 г. во Флоренции в опере «Беатриче ди Тенда» В. Беллини. Пела в Лондоне, Петербурге (1848–1850), Мадриде и Париже.

¹¹ Гоголевское собрание народных песен см. в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2010. Т. 17.

В. А. Панов — С. Т. Аксакову

21/9 ноября 1840 г. <Рим>.

Я не знаю, когда бы я преодолел мою обычную леность и решился дать вам о себе известие, если б к этому не подала мне теперь повод одна новость, которую вам, вероятно, будет чрезвычайно интересно слышать. Эта новость касается Николая Вас<ильевича>. Но прежде должен сказать вам, что знаю о состоянии, в котором он находится с выезда своего из России и до сих пор. Вообще мне кажется, что он ошибался, если думал, что ему стоит только выехать за границу, чтобы возвратить деятельность и силы, которые он боялся уже потерять. Хорошо, если бы так. Но, к несчастью, его расстройство не зависит от климата и места, и не так легко поправляется. (Теперь он тешит себя другою мыслию: он убежден, что для поправления своего здоровья, ему необходимо сделать огромное путешествие, жалеет, что слишком скоро приехал в Рим, и хотел бы, чтоб его теперь курьером отправили в Камчатку¹, разумеется, с возвратом.) Может быть, целые десять лет его жизни постепенно расстроивали его организацию, которая теперь в ужасном разладе. Его физическое состояние действует, конечно, на силы душевные; поэтому он им чрезвычайно дорожит, и поэтому он ужасно мнителен. Все эти причины, действуя совокупно, приводят его иногда в такое состояние, в котором он истинно несчастнейший человек, и эти тяжкие минуты, в которые вы его видели, мне кажется, были здесь с ним чаще, продолжительнее и сильнее, нежели в России. Когда мы с ним в Москве собрались в дорогу, он говорил, что, как скоро мы переедем границу, он станет мне полезен, приучая меня к бережливости, расчету, порядку. Вышло совсем наоборот: он был точно так же рассеян, как и в Москве. Однако ж он чувствовал себя довольно хорошо. В Вене его беспокоила только какая-то боль в ноге. В продолжение почти 4 недель, которые я тут с ним пробыл, я видел ясно, что он чем-то занят. Хотя он и в это время лечил себя, пил воды, прогуливался, но все ему оставалось свободное время, и он тогда перечитывал и переписывал свое огромное собрание малороссийских песен, собирал лоскутки, на которых у него были записаны поговорки, замечания и проч. Расставаясь около половины июня¹¹ (по н. ст.), мы назначили съехаться в Венеции. Он хотел приехать туда из Вены в половине августа, а мне назначил последним сроком 1 сентября. Въезжая в Венецию 2 сентября<бря>, я дрожал, боялся его уже не застать в ней. Вместо этого встречаю его на площади Св. Марка и узнаю, что мы с противоположных сторон въехали в один и тот же час. Болезнь, от которой он думал умереть, задержала его в Вене. К счастью, с ним был <Н. П.>Боткин¹, брат того, которого знает Константин Сергеевич². Этот истинно добрый человек ухаживал за ним, как нянька. (Он с ним приехал сюда, и живет теперь со мной в одном доме.) Болезнь эта надолго расстроила Ник<олая> Вас<ильевича>, без того уже расстроенного. Она отвлекла его внимание ото всего, и только в Венеции иногда проглядывали у него минуты спокойные, в которые дух его сколько-нибудь просветлял ужасную мрачность его состояния, большею частию по необходимости материального. Какие мысли светлые он тогда высказывал, какое сознание самого себя! Но, приехавши сюда (25 с<ентября> н. с.), он уже, казалось, ничем более не был занят, как только своим желудком, поправлением своего здоровья (а между тем никто из нас не мог съесть столько макарон, сколько он их опускал иной раз); скучал, беспрестанно жаловался, что даже ничего не может читать. Хотя я в душе никогда не переставал быть убежденным, что Гоголь непременно пробудится с новыми силами, но, признаюсь, мне кажется, — я уже забывал видеть в нем Гоголя, как вдруг в одно утро, дней 10 тому назад, он меня угостил началом нового произведения³! Вот новость, которую я вам в начале возвестил⁴. Это будет, как он мне сказал, трагедия. План ее он задумал еще в Вене, начал писать здесь. Действие в Малороссии. В не-

¹ О том же говорит сам Гоголь в письме к Погодину от 17 октября 1840 г. <...>. См. также соч. Гоголя, изд. X, т. 1, стр. 637. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

¹¹ Так в публикации. Следует: июля

скольких сценах, которые он уже написал и прочел мне, есть одно лицо комическое, которое, выражаясь не столько в действии, сколько в словах, теперь уже совершенство. О прочих судить нельзя: они должны еще обрисоваться в самом действии. Главное лицо еще не обозначилось. Не поверите, с каким торжеством я возвращался домой. Первою мыслию было писать к вам. Подумайте, что если б этого не было, то значило бы, что все погибло. Это должно было быть. Во-первых, он один, на своей прежней квартире. Ничто его не рассеивает. Идти почти некуда более, как только к нам да к двум-трем художникам. Часов пять в день должно уже непременно просидеть одному; надо же что-нибудь делать! Но главное то, что в Риме невозможно не заниматься; или надо быть больным, без движения. Здесь человека, который сколько-нибудь посвятил себя умственной жизни, все вызывает к деятельности, к труду, все из него вытягивает мысль¹. <...>

В продолжение десяти дней, которые мы там^{II} прожили, мне казалось, что я был окружен каким-то волшебством. С утра до вечера мы катались по водяным улицам в гондоле, между мраморных палаццов, заезжали в церкви, галереи, наполненные гениальными произведениями богатой, роскошной венецианской школы. Из гондолы выходили на площадь Марка, где проводили все остальное время... Потом опять мы в гондоле возвращались на площадь взглянуть, как она оживает при лунном свете. Через Болонию, Флоренцию, Ливурно, море, Чивит<t>а-Векию мы 25 сентября достигли Рима^{III}. <...>

Приехавши сюда^{IV} из Фраскати, куда я отправился дней за пять, чтобы в совершенном одиночестве рассматривать эту дивную Кампанию римскую, я нашел Николая Васильевича совершенно поправившимся. Он теперь гораздо веселее; вспоминает всегда с удовольствием об России, а приехал ведь для того, чтобы с ней рассориться. <...>

Впервые частично опубликовано: Соч. и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 5. С. 424–425; см. также: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Кн. 5. С. 367–369. Печатается по изд.: *Письма Н. В. Гоголя.* Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 2. С. 87–89.

¹ Николай Петрович Боткин (1813–1869), брат В. П. Боткина.

² Аксаков.

³ Речь идет о драме из эпохи Богдана Хмельницкого.

⁴ См. в наст. изд. ответное письмо С. Т. Аксакова от 17 января 1841 г.

В. А. Панов — К. С. Аксакову

Рим. 1840 — декабря 31 / 1841 года — января 12.

<...> По письмам, которые Николай Васильевич получил от Сергея Тимофеевича¹ и недавно от Вас, я узнал, что Вы постоянно еще пребываете в Москве, а то прежде я думал, что Вы, может быть, с сентября уже в Берлине, как Вы твердо были уверены при моем отъезде. <...> О себе после буду говорить Вам — сперва о том, что имеет интерес общий, — о ближайшем моем соседе. Когда мы приехали сюда с Николаем Васильевичем, он после несколько дней был в

¹ Кроме того, из того же письма, извлекаем следующие строки, не приведенные Кулишом, но не лишенные интереса для биографии Гоголя. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

^{II} В Венеции. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

^{III} Далее следует примечание В. И. Шенрока: Несколько далее читаем

^{IV} В Рим. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

совершенной нерешительности, где ему нанять квартиру — потому что тогда для него было трудно подняться в полчаса на маленький пригорок и, чтоб взойти десять ступень, надо было двадцать раз остановиться, а прежняя его квартира на горе и в третьем этаже, — но, к счастью, нерешимость была так велика, что он думал, думал и, наконец, все-таки поселился на старой своей квартире². Мне же он советовал для практики в итальянском языке взять квартиру, где была бы хозяйка, с которой интересно было бы беседовать. Боткин³, который приехал сюда вместе с нами, знал здесь одно семейство, куда тотчас и отвел меня. Таким образом мы с Николаем Васильевичем виделись довольно часто; завтракали, обедали вместе. Но вскоре я стал обедать дома, в семействе хозяев. Спустя месяц Николай Васильевич также начал более сидеть у себя, и мы уже виделись гораздо реже, по вечерам, раза три, четыре в неделю. Между тем я был сначала очень доволен своей квартирой; комната у меня, в самом деле, была хорошая. Практика итальянского языка меня мало-помалу впутала в обстоятельства моего семейства, состоящего из матери, трех дочерей от 20 до 13 лет и шестнадцатилетнего сына. Наконец я так запутался, что и не знал уже, что мне делать. Конечно, через месяц уже я стал довольно свободно изъясняться по-итальянски...⁴

Первое опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 596, 598. Печатается по первой публикации.

¹ Письма С. Т. Аксакова к Гоголю за этот период не сохранились.

² Квартира Гоголя в Риме находилась на Via Felice (в настоящее время Via Sistina), № 126. Позднее, вероятно, в феврале (н. ст.) В. А. Панов переехал на эту квартиру к Гоголю, где им были переписаны первые пять глав первого тома «Мертвых душ», а также «Новые сцены к комедии «Ревизор»» (1–5 явления IV действия), «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору» и «Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы» (все эти дополнения к «Ревизору» были высланы Гоголем из Рима М. П. Погодину и С. Т. Аксакову 17 марта (н. ст.) 1841 г.). В. А. Панов выехал из Рима 6 мая (н. ст.) 1841 г. П. В. Анненков в своих мемуарах сообщал: «Комната Николая Васильевича была довольно просторна, с двумя окнами, имевшими решетчатые ставни изнутри. Обок с дверью стояла его кровать, посередине большой круглый стол; узкий соломенный диван, рядом с книжным шкафом, занимал ту стену ее, где пробита была другая дверь. Дверь эта вела в соседнюю комнату, тогда принадлежавшую В. А. Па<но>ву, а по отъезде его в Берлин доставшуюся мне...» (см. в наст. изд. «Воспоминания о Гоголе. Рим, летом 1841 года» П. В. Анненкова).

³ Николай Петрович Боткин (1813–1869), брат В. П. Боткина.

⁴ Письмо не дописано и, по-видимому, осталось неотправленным. См. также в наст. изд. письмо к В. А. Панову некоей Джюлии — возможно дочери его квартирной хозяйки — от 9–11 мая (н. ст.) 1841 г.

В. А. Панов — К. С. Аксакову

Берлин. 1841-го. Мая 25 / июня 6.

<...> Незадолго перед отъездом моим из Рима¹ Николай Васильевич сообщил мне известие, которое он получил тогда от Погодина, о несчастии, постигшем Ваше семейство². <...>

В конце апреля я должен был сделать путешествие в Неаполь: я подговорил ехать туда семейство Обуховых³, которое с генваря месяца было в Риме, и обещал им ехать вместе. Но мое решение не было еще твердо. Мне не хотелось изменять прежнего моего плана — на этот раз не заезжать в Италию дальше Рима, и потом из Неаполя мне пришлось бы опять возвращаться на Рим — новый соблазн. Одно утро, накануне дня, назначенного к отъезду нашему, 1-го мая, я отправился, не сказавши никому ни слова, в контору дилижансов и взял билет на 6-е в Анкону! Дело было кончено, Обуховы, недовольные, уехали одни. Николай Васильевич был доволен. Получивши его благословение, я 6-го мая расстался с Римом. <...> Я был раза два у Фарнгаге-

на⁴, к которому я имел письмо. Он принял меня даже с излишними учтивствами. Он вообще относится к разряду людей, которых Николай Васильевич называет сладкими и которых знакомство отчасти бывает тяжело. К тому же у него бездна предрассудков. Мы себе его представляли совершенно иначе. Он мне сказывал, между прочим, что он произведения г-жи Дюдеван, или George Sand, ставит наравне с лучшим, что произвела Германия. <...> В мое письмо не могла по недостатку времени и места войти целая статья о дорогом, неоцененном Николае Васильевиче. Я бы никогда не кончил. Вы его скоро увидите⁵. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 602, 604. Печатается по первой публикации.

¹ 6 мая (н. ст.) 1841 г.

² 5 марта 1841 г. у Сергея Тимофеевича и Ольги Семеновны Аксаковых умер один из сыновей, Михаил. Спустя более месяца, 16 апреля, М. П. Погодин записал в своем дневнике: «Вечер у Акс<аковых>... Домашняя досада на О<льгу> С<еменовну>, которая просто блажит, забывает о девяти живых, чтоб плакать об одном» (см. в наст. изд.) По-видимому, об этом Погодин написал тогда Гоголю, который отвечал в письме из Рима от 15 мая (н. ст.) 1841 г.

³ О семействе Обуховых см. в наст. изд. «Записки профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана».

⁴ К. А. Фарнгаген фон Энзе.

⁵ В середине августа (н. ст.) 1841 г. Гоголь выехал из Рима, 7 октября прибыл в Петербург, 17 октября – в Москву.

В. А. Панов — К. С. Аксакову

<6–8 июля (н. ст.) 1841. Берлин>

Берлин. 1841 г. Июня 24-го / июля 6-го.

<...> Здесь проездом пробыла дней пять Авдотья Петровна Елагина; она тоже сообщила мне кое-какие известия о нашей молодежи, о том, что делается в Москве. Она в конце сентября думает возвратиться и желала бы привезти с собою Гоголя. <...>

Июня 26 / июля 8-го.

Три недели тому назад я получил письмо, или записку, от Николая Васильевича из Рима¹. Вообразите, не пишет ни слова, долго ли там остается и куда оттуда едет. Я ему отвечал наудачу. Ответ этот в продолжение трех суток волновал меня ужасно. Конец его записки всегда останется мне памятным. Он очень важен. Сообщу Вам его, когда буду подробнее говорить о Николае Васильевиче, может быть это будет только при нашем свидании. А когда оно будет? <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 604. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо Гоголя к В. А. Панову от середины июня (н. ст.) 1841 г.

В. А. Панов — М. А. Пановой

Берлин. 1841 года. Октября 26/14 – 29/17.

<...> Окончивши свою работу в Дрезденской королевской библиотеке, я оставил Дрезден 18 числа и приехал сюда 19. <...> Когда я приехал сюда, мне ужасно досадно было найти, что портрет мой оставлен здесь. Кажется кн<язь> Хованский¹, не понявши, вероятно, то, что слышал от Гоголя, уверил Анну Ивановну², будто я не хочу, чтобы портрет мой отвезли в Россию³. Я думаю, что можно будет отправить Вам его, когда повезут тело покойного Петра Ивановича⁴ в Россию. Теперь я нахожу его очень похожим. Бороду я свою уже сбрил. <...>

Впервые опубликовано: Встреча с Европой. Письма В. А. Панова к матери М. А. Пановой из центральной и юго-восточной Европы (1841–1843) / Сост. Т. Ивантышова и М. Ю. Досталь. Bratislava, 1996. С. 28–29. Печатается по первой публикации.

Письмо адресовано В. А. Пановым матери Марии Александровне.

¹ Князь Александр Николаевич Хованский (1771–1857), сенатор (с 1818), родственник В. А. Панова.

² Родионову. «Анна И. Родионова писала Панову: “Гоголь не дает Ваш портрет”» (Встреча с Европой. Письма В. А. Панова к матери М. А. Пановой из центральной и юго-восточной Европы (1841–1843) / Сост. Т. Ивантышова и М. Ю. Досталь. Bratislava, 1996. С. 28).

³ Речь, вероятно, идет о портрете В. А. Панова с его возлюбленной Джулией (см. в наст. изд. письмо Джулии В. А. Панову от 9–11 мая (н. ст.) 1841 г.).

⁴ Родионова.

Джюлия — В. А. Панову

<9–11 мая (н. ст.) 1841. Рим>

Рим. 9 мая 1841.

Друг мой, наконец-то я получила свой портрет; как только он оказался у меня в руках, я побежала к Поэту¹, чтоб возможно скорее передать ему на хранение, однако с большим огорчением, дорогой мой Базильо, должна сообщить тебе, что я не застала его дома. Никогда не смогу тебе передать, сколько я выстрадала, стоя на улице, — ничего подобного я не испытывала в течение всей своей жизни. <...>

Увидев мое состояние, Нанна² предложила мне сесть. Я ее горячо поблагодарила; сказав, что не имею времени, я попросила ее передать Поэту, чтоб он был настолько добр и пришел ко мне на следующий день. Она мне обещала сделать всё, что будет в ее силах, чтобы сообщить ему это, и надеюсь — она не обманет.

Рим. 10 мая 1841. Вечер.

Сегодня утром ко мне приходил Поэт. Я была так рада видеть его. Я говорила ему о своем портрете и сказала ему, что отнесу его завтра к нему на дом, так как отнести сегодня у меня нет возможности.

Я его заставила дать обещание тотчас же отправить портрет к тебе и не показывать его никому, и я объяснила ему причину, по которой ты не мог взять портрета с собой. Он обещал мне также, что, когда он тебе будет писать, то передаст привет от меня. Завтра я собираюсь отправиться к нему и отдать портрет ему в собственные руки, как я тебе обещала.

Рим. 11 мая 1841. Около 3 часов ночи

Мой славный Базильо, будь спокоен: сегодня утром я побывала у Поэта и передала портрет ему в собственные руки, и он взял на себя его доставку к твоему другу³, у которого ты сможешь его получить⁴. <...>

Подлинник на ит. яз. Впервые опубликовано, в переводе: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 600–602. Печатается по первой публикации.

Джюлия — возлюбленная В. А. Панова; вероятно, дочь его квартирной хозяйки в Риме. Вероятно, речь в письме идет о ее совместном портрете с В. А. Пановым.

¹ Имеется в виду Гоголь.

² Служанка Гоголя. Упоминание о ней см. также в наст. изд. в воспоминаниях М. П. Погодина «Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году».

³ М. Н. Каткову, находившемуся в Берлине.

⁴ В середине июня (н. ст.) 1841 г. Гоголь в письме к В. А. Панову, объясняя причины, помешавшие отправлению портрета, замечал: «...Оригинал и сотой доли не стоит сердечных чувств ваших. И тени в нем и нет, и не было того, что заключается сильно в груди италийской любовницы. При вас, при моих глазах даже, произошли такие сцены, которые если бы я вам сообщил вполноту, то уже доставил бы вам несколько горьких минут, омрачивших бы, может быть, ваше последнее пребывание в Риме...»

Книга для записей рукописей и книг Московского цензурного комитета Фрагменты

№	Время поступ- ления	ВРЕМЯ ВСТУПЛЕНИЕ, ЗВАНИЕ КНИГИ ИЛИ РУКОПИСИ, ИМЯ СОЧИНТЕЛЯ, ПЕРЕВОДЧИКА, ИЛИ ИЗДАТЕЛЯ, ЕСЛИ ОНО ИЗВЕСТНО	Число страниц	Когда отдана Цензору
53	Марта 21 <1841>	Для представления в корректурных листах к Г. Цензору [Крылову] Снегиреву Ревизор, соч. Гоголя ¹ . <...>		
501	Декабря <1841>	Руко<пись>: Мертвые души Н. Гоголь. Часть 1. От Погодина ² .	399	Декабря 19 ³

Печатается по подлиннику: Книга для записей рукописей и книг. 17 мая 1840 г. — 29 декабря 1842 г. 219 л. // *ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 14. Л. 64 об., 121 об.*—122.

¹ См. также запись в журнале заседаний Московского цензурного комитета от 1 августа 1841 г.: «1841 Августа 1-го дня в присутствии Московского Цензурного Комитета прибыли по полуночи Правящий должность Председателя, Помощник Попечителя Московского Учебного Округа Его Превосходительство и Кавалер Дмитрий Павлович Голохвастов, Его Превосходительство и Кавалер Михаил Трофимович Каченовский, Иван Михайлович Снегирев, Никита Иванович Крылов, Василий Павлович Флеров <...> Присутствию Комитета докладываемо было о том, что с 25 прошлого июля по 1-е число сего месяца выданы были ГГ. Цензорами билеты на выпуск в свет отпечатанных книг и нот, а именно <...> Г. Цензором Снегиревым на книги: <...> 4. Ревизор, комедия в 5 действиях, соч. Н. Гоголя, издание 2-е...» (*ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 161. Л. 2 об.*). См. также в наст. изд. «Книгу для записывания объявлений на продажу книг, нот и картин Московского цензурного комитета».

² Рукопись первого тома «Мертвых душ» была передана цензору И. М. Снегиреву лично Гоголем 7 декабря 1841 г. (см. в наст. изд. дневниковую запись И. М. Снегирева от 7 декабря 1841 г.). Однако, Снегиреву, по-видимому, неудобно было самому представлять рукопись в цензурный комитет, и это сделал М. П. Погодин, в доме которого жил тогда Гоголь. (После выхода книги из печати гоголевская рукопись хранилась у Погодина.)

³ Решение о передаче рукописи было принято 12 декабря 1841 г. (см. в наст. изд. коммент. к дневниковой записи И. М. Снегирева от 7 декабря 1841 г.). 7 января 1842 г. Гоголь сообщил П. А. Плетневу, что отдал рукопись И. М. Снегиреву и что вследствие замечаний председателя Московского цензурного комитета Д. П. Голохвастова (см. в наст. изд. коммент. к письму А. П. Елагинной В. А. Жуковскому от 23 января 1842 г.), цензоров М. Т. Каченовского, Н. И. Крылова и др. рукопись была запрещена к печати. «Вы должны теперь действовать соединенными силами и доставить рукопись к Государю. <...> Рукопись моя у князя Одоевского», — сообщил Гоголь П. А. Плетневу 7 января 1842 г. Между 1 и 7 января 1842 г. Гоголь передал рукопись поэмы В. Г. Белинскому, отправлявшемуся в то время из Москвы в Петербург. Вместе с поэмой В. Г. Белинскому были переданы письма к А. О. Смирновой и к Императору Николаю I (пись-

ма не сохранились), а также сопроводительное письмо к князю В. Ф. Одоевскому, где Гоголь сообщал: «Рукопись моя запрещена. Прodelка и причина запрещения всё смех и комедия. Но у меня вырывают мое последнее имущество. Вы должны употребить все силы, чтобы доставить рукопись государю».

О написанных Гоголем между 1 и 7 января 1842 г. посланиях к А. О. Смирновой и Императору Николаю I А. О. Смирнова вспоминала впоследствии неоднократно. П. А. Кулиш в декабре 1854 г. с ее слов записал: «В 1841 году Гоголь приехал из-за границы в Москву через Петербург. Он сперва намерен был печатать “Мертвые Души” здесь, но потом раздумал. В этот приезд, он, между прочим, явился у А. О. Смирновой, в собственном доме ее на Мойке; был в хорошем расположении духа, но о “Мертвых Душах” не было и помину <...> Весной она получила от него из Москвы очень длинное письмо, с горькими жалобами на его неудачи в Москве по предмету издания “Мертвых Душ” К письму была приложена просьба к в Бозе почивающему Государю Императору, которую Александровна должна была подать, в случае надобности. Просьба была коротка, но написана с полным доверием к милостивому вниманию Государя и к Его высокому разуму. Она, впрочем, была удержана графом Ю. Вьельгорским, который горячо взялся за дело издания “Мертвых Душ” и устроил его к удовольствию автора вместе с попечителем С. Петербургского учебного округа князем Дундуковым» (<Кулиш П. А. > Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 2. С. 302–303; см. также в наст. изд.). Сведения об этом имеются в воспоминаниях о Гоголе в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила (написаны после 1862 г.): «...Под весну я получила от него письмо, очень длинное, все исполненное слез, почти стону, в котором жалуется с каким-то почти детским отчаянием на все насмешливые отметки московской цензуры. К письму была приложена просьба к государю, в случае, что не пропустят первый том “Мертвых душ”. Эта просьба была прекрасно написана, очень коротко, исполнена достоинства и чувства, вместе доверия к разуму государя, который один велел принять “Ревизора” вопреки мнению его окружавших. Я, однако, решилась прибегнуть к совету графа Ю. Вьельгорского; он горячо взялся за это дело и устроил все с помощью князя Д. А. Дондукова, бывшего тогда попечителем университета. Ни этого письма, ни просьбы у меня не нашлось; вероятно, они у графа Вьельгорского, и даже мне кажется, что просьбу я возвратила Гоголю, как вещь мне не принадлежащую» (Смирнова А. О. Записка о Гоголе // Смирнова А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 315; см. также в наст. изд.). В мемуарах А. О. Смирновой в записи А. Н. Пыпина 1873 г.: «Весной 1841 я получила от него очень длинное письмо, исполненное слез, воплей, стонов, в котором он жалуется на московскую цензуру с почти детским отчаянием. К письму была приложена просьба к государю, которую я должна была подать, если откажутся печатать “Мертвых Душ”. Просьба была коротка и прекрасно написана, с полным доверием к милостивому вниманию Государя Императора и к его высокому разуму. Я решилась, однако, посоветоваться с графом М. Ю. Вьельгорским. Он горячо взялся за это дело и устроил его с князем Дундуковым, попечителем Петербургского округа. Ни письма, ни просьбы нет. Они у Ю. Вьельгорского» (цит. по автографу: ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 85; см. также: Смирнова-Россет А. О. Воспоминания о Гоголе (в записи А. Н. Пыпина) // Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / Издание подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 36; и в наст. изд.). В письме А. О. Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «...я получила от него... длинное письмо, все исполненное слез, почти вопля, в котором жалуется на московскую цензуру. К письму была приложена просьба в форме письма к Государю, в которой он напоминал, что он милостиво оказал ему протекцию на “Ревизора” и велел дирекции заплатить ему 8000 рублей ассигнациями. Я решилась посоветоваться с Михаилом Юрьевичем Вьельгорским; он горячо принялся за дело и все устроил с помощью князя Дундукова, который был товарищем министра просвещения, графа Уварова. Ни мое письмо, ни письмо Гоголя к Государю не нашлись, они или остались у Вьельгорского, или были отосланы автору» (см. в наст. изд.). Цит. по автографу: РГБ. Ф. 474. К. 2. Ед. хр. 7; см. также: Смирнова-Россет А. О. Воспоминания о Н. В. Гоголе // Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 44; и в наст. изд.).

П. А. Плетнев 23 января 1842 г. писал Я. К. Гроту: «Смирнова показала мне письма Гоголя: одно к ней, другое к старому цензору “Ревизора” <Императору Николаю I>. Последнее написано с большим чувством и с полным достоинством. Мы условились передать его великой княгине Марии Николаевне, для вручения по адресу. Не знаем, какой это возьмет оборот. Что-то скажет министр, если ему будет передано» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1. С. 474; см. также в наст. изд.). 3 февраля 1842 г. Плетнев вновь извещал Грота: «Судьба Мертвых душ еще не вдруг решится. М. Вьельгорский хочет предварительно показать (Гоголя письмо) министру, что и благоразумнее» (Там

же. Т. 1. С. 482; см. также в наст. изд.). 13 февраля 1842 г. — «Гоголя роман граф Вьельгорский передал цензуровать Никитенке, который нашел, что за исключением одного эпизода и нескольких выражений можно его пропустить. Только ждуть Дондукова, который уехал на несколько дней в Москву» (Там же. Т. 1. С. 489; см. также в наст. изд.).

В. И. Шенрок, со слов О. Н. Смирновой, свидетельствовал: «Одно из писем к А. О. Смирновой было ею передано государю и, по словам дочери, покойной Ольги Николаевны, остались у него» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1898. Т. 4. С. 46).

Между 24 февраля и 4 марта 1842 г. Гоголь написал письма министру народного просвещения С. С. Уварову и попечителю Санкт-Петербургского учебного округа князю М. А. Дондукову-Корсакову с просьбой ускорить цензурное прохождение «Мертвых душ» (письма эти также не были переданы по назначению). «...Только 9 марта <1842 г.> на рукописи первого тома “Мертвых Душ” было написано: “Печатать позволяется, с тем, чтобы . . . Цензор А. Никитенко”» (*Тихонравов Н.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь Н. В.* Соч. 10-е изд. М., 1889. Т. 3. С. 474). Ср.: «Печатать позволяется с тем, чтобы по отпечатании представлено было в Ценсурный Комитет узаконенное число экземпляров. С.-Петербург, Марта 9-го дня 1842 года. *Цензор А. Никитенко*» (Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма. Н. Гоголя. М.: В Университетской Типографии, 1842. 475 с. Оборот титула). При этом А. В. Никитенко изменил заглавие (вместо «Мертвые души» — «Похождения Чичикова, или Мертвые души»), исключил «Повесть о капитане Копейкине» и сделал ряд других исправлений в тексте. Гоголь 27 марта 1842 г. писал П. А. Плетневу: «Вчера я получил письмо от Прокоповича, которым он уведомляет меня, что вы послали рукопись еще четвертого марта, в среду на первой неделе поста». В письме от 1 апреля 1842 г. А. В. Никитенко извещал Гоголя: «Совершенно невозможным к пропуску оказался эпизод Копейкина — ничья власть не могла защитить от его гибели, и вы сами, конечно, согласитесь, что мне тут нечего было делать». 9 апреля 1842 г. Гоголь извещал Н. Я. Прокоповича: «Рукопись получена 5 апреля. Задержка произошла не на почте, а от Цензурного комитета. Уведомивши Плетнева, что отправлена 7 марта, Ценз<урный> ком<итет> солгал, потому что 9-го только подписана она цензором. Выбросили у меня целый эпизод Копейкина, для меня очень нужный, более даже, нежели думают они. Я решился не отдавать его никак. Переделал его теперь так, что уж никакая цензура не может придаться. Генералов и всё выбросил и посылаю его к Плетневу для передачи цензору. Пожалуйста, наведайся к нему и узнай. Больше всего для меня опасна проволочка. Рукопись начата печататься, и потому задержка мне весьма повредит». В эти дни, между 5 и 9 апреля 1842 г., на титульном листе цензурной рукописи первого тома «Мертвых душ» Гоголь «в самом низу подлинника» написал: «Печатать на моей бумаге 2400. / Деньги сто рублей в задаток положил. / Н. Гоголь» (впервые опубликовано: *Бодянский О. М.* Мертвые души, поэма Н. В. Гоголя, сверенная со списком, представленным в Цензурный комитет, теперь принадлежащим Библиотеке Московского университета // Чтения в Имп. Обществе Истории и Древностей Российских при Московском ун-те. 1866. Кн. III. Отд. V. С. 241).

10 апреля 1842 г. Гоголь обратился с просьбой к П. А. Плетневу и А. В. Никитенко ускорить вторичное прохождение в цензуре «Повести о капитане Копейкине». В письме от 15 апреля Гоголь вновь просил Н. Я. Прокоповича передать П. А. Плетневу, чтобы тот «отстаивал» «Повесть...» «во что бы то ни было», и замечал также, что печатанию «Мертвых душ», вероятно, «помешают» праздники: «...В продолжение почти полторы недели нельзя никакими силами заставить здесь наборщиков работать» (Пасха в 1842 г. отмечалась 19 апреля). 30 апреля 1842 г. Гоголь писал М. П. Погодину в Петербург: «Я до сих пор не получил из Петербурга Копейкина. Печатанье чрез это остановилось. Всё почти уже готово. Какой медлительной Никитенко, просто нет мочи. Ну хоть бы дал знать одной строчкой: пожалуйста, добейся толку». Спустя еще десять дней, 11 мая 1842 г. Гоголь писал Н. Я. Прокоповичу: «Ты удивляешься, я думаю, что до сих пор не выходят “Мертвые души”. Всё дело задержал Никитенко. Какой несносный человек! Более полутора месяца он держит у себя листки Копейкина и хоть бы уведомил меня одним словом, а между тем все листы набраны уже неделю тому назад, и типография стоит, а время это мне слишком дорого. <...> Яжду еще два дни и, если не получу [несносного] Никитенка, обращусь вновь в здешнюю цензуру, тем более, что она чувствует теперь раскаяние, таким образом поступивши со мною». Но, по-видимому, к 15 мая 1842 г. рукопись «Повести...» была получена Гоголем, который в тот же день вновь писал Прокоповичу: «Я увижу тебя скоро. Может быть, через две недели. Книга тоже выдет к тому времени, всё почти готово». Полученный из цензуры автограф «Повести о капитане Копейкине» был вклеен в те дни в цензурную рукопись «Мертвых душ» на место вырезанных страниц первоначальной редакции повести.

После прохождения петербургской цензуры «Мертвые души» были напечатаны в Москве. Билет на выпуск в свет отпечатанной книги был выдан цензором И. М. Снегиревым, о чем в журнале заседаний Московского цензурного ко-

митета была сделана запись: «1842 Мая 15-го дня в присутствии Московского Цензурного Комитета прибыли по полуночи Правящий должность Председателя, Помощник Попечителя Московского Учебного Округа Его Превосходительство и Кавалер Дмитрий Павлович Голохвастов, Иван Михайлович Снегирев, Никита Иванович Крылов, Василий Павлович Флеров. <...> Присутствию Комитета докладываемо было о том, что с 8 по 15 число сего Мая месяца выданы были Г.Г. Цензорами билеты на выпуск в свет отпечатанных книг и нот, а именно: Г. Цензором Снегиревым на книги: <...> 6. Похождения Чичикова или мертвые души, поэма Н. Гоголя» (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 168. Л. 71).

**Книга для записывания объявлений
на продажу книг, нот и картин
Московского цензурного комитета
Фрагмент**

№	Время вступления	ЗАГЛАВИЕ КНИГ ПОИМЕНОВАННЫХ В ПУБЛИКАЦИИ	Число	От кого представлено	Когда и кем из Г. Цензоров публикация подписана	Время обратной выдачи	Росписка получившего
271	Сентября 22 <1841>	Ревизор, комедия в 5 действиях, Герой нашего времени, Каррикатурный Пантеон, Часы отдохновения.	2	Логинова ¹	Флевров	22	Логинов

Печатается по подлиннику: ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 39. Книга для записывания объявлений на продажу книг, нот и картин. 4 января 1837 г. — 7 января 1842 г. 283 л. Л. 201 об.—202.

См. также в наст. изд. «Книгу для записей рукописей и книг Московского цензурного комитета».

¹ Василий Васильевич Логинов (ум. в 1847), московский купец, издатель, книгопродавец.

Дневник Ивана Михайловича Снегирева

Фрагменты

1841 год. <...> *Ноябрь* <...> 6. Я ездил к Пассеку¹ и Погодину, у которого встретил Николая Васильевича Гоголя, подарившего мне свою комедию с надписанием, Хомякова и сына Аксакова. <...>

Декабрь. <...> 7. <...> Приезжал ко мне Гоголь с романом своим «*Мертвые души*»². <...>

1842 год. <...> *Январь*. <...> 15. Я был на литературном вечере у князя Д. В. Голицына по его приглашению. Там были Загоскин, Чертков, М. Дмитриев, Ф. Глинка, Шевырев, Погодин, Н. Павлов, Хомяков, профессора Крылов и Баршев. Рассуждали об упадке и улучшении Московских Ведомостей <...> спорили о Гоголе и Пушкине. <...>

1848 год. <...> *Октябрь*. <...> 14. У Шевырева я встретил Н. В. Гоголя... <...>

18. Я обедал у С. П. Шевырева в день его рождения, с Гоголем и Погодиным. Время провели приятно, в искренней беседе. <...>

21. <...> Обедал у А. И. Лобкова³ с преосвященным Иннокентием Одесским, Донским⁴ архимандритом Феофаном, олицеймейстером⁵ Лужиным, Гоголем, А. Бороздиным и графом Орловым-Денисовым. <...>

1849 год. <...> *Октябрь*. <...> 22. Ездил в крестный ход, к Малову и Стрешневу⁴, у которого встретился с Гоголем⁵. <...>

Декабрь. <...> 2. Вечером был у С. П. Шевырева, у которого встретил Гоголя... <...>

1850-й год. <...> *Февраль*. <...> 24. <...> На вечере был у С. П. Шевырева, где Островский читал свою оригинальную комедию «Банкрут», Федотов⁶ казал свою картину Сватовство майора на купеческой дочери с объяснениями в стихах, а Садовский забавлял нас своими рассказами о республике Французской. Там были профессора: Армфельд⁷, Соловьев⁸, Грановский, Варвинский, Погодин, кроме того Свербеев⁹, Хомяков, Буслаев, Кошелев¹⁰, Меншиков, несколько студентов; затем ужинали. <...>

1851-й год. <...> *Август*. <...> 22. День коронации Императора Николая I. Погода прекраснейшая. Я ездил во дворец для представления. Народу было множество в Кремле, на площади и на кровлях. Шествие царского семейства было блистательное и великолепно-торжественное. <...> Русские наряды дам мне понравились. Из дворца шли в Успенский собор, оттуда опять во дворец. <...> Я ездил в 4-ю гимназию в доме Пашкова смотреть с бельведера иллюминацию Кремля, великолепно освещенного. Там виделись с семьей г. Назимова, с Гоголем и Погодиным¹¹. <...>

Октябрь. <...> 18. У С. П. Шевырева по случаю дня его рождения обедал с Гоголем и Погодиным. <...>

Декабрь. 11. Обедал у Н. В. Сушкова с Гоголем, Шевыревым, Щербиною¹² и графиней Ростопчиной¹³. <...>

1852 год. <...> *Февраль*. <...> 24. У <...> обедали <...> поздней в университетской церкви, где отпевали Гоголя соборно. Надгробное слово говорил законоучитель, магистр Михаил Богданов¹⁴. <...>

Впервые опубликовано: Дневник Ивана Михайловича Снегирева // Русский Архив. 1903. Кн. 1. № 2. С. 228, 229; № 3. С. 369–370; Кн. 3. № 9. С. 104; № 10. С. 283, 286; № 11. С. 437; № 12. С. 533, 535, 536. Печатается по изд.: Дневник Ивана Михайловича Снегирева. С предисловием А. А. Титова. М., 1904. Т. 1. С. 309, 310, 311–312, 419, 442, 452, 485–486, 488–489, 493.

Иван Михайлович Снегирев (1793–1868), археолог, фольклорист, этнограф, профессор Московского университета, цензор.

¹ Вадим Васильевич Пассек (1808–1842), этнограф.

² «12 декабря 1841 г. в заседании <Московского Цензурного> Комитета, происходившем под председательством Помощника Попечителя Московского Учебного Округа Д. П. Голохвастова, в присутствии цензоров: М. Т. Каченовского, И. М. Снегирева, Н. И. Крылова и В. В. Флерова, состоялось постановление передать рукопись <«Мертвых Душ»> на рассмотрение цензору Снегиреву» (*Тихонравов Н.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь Н. В.* Соч. 10-е изд. М., 1889. Т. 3. С. 458). См. также в наст. изд. фрагмент из «Книги для записей рукописей и книг Московского цензурного комитета».

³ Алексей Иванович Лобков (ум. в 1868), купец, благотворитель.

⁴ Николай Петрович Глебов-Стрешнев, отставной конно-пионер, разбитый параличом.

⁵ «Любопытно, что Гоголь посещал старого богача Глебова-Стрешнева. П. Б.» (ошибочное примеч. П. И. Баргенева).

⁶ Павел Андреевич Федотов (1815 – 14 ноября 1852), живописец и рисовальщик. См. в наст. изд. фрагмент из «Воспоминаний о русском художнике Павле Андреевиче Федотове» А. В. Дружинина.

⁷ Александр Осипович Армфельдт (1806–1868), профессор судебной медицины в Московском университете.

⁸ Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879), историк.

⁹ Дмитрий Николаевич Свербеев (1799–1874), дипломат, литератор, мемуарист.

¹⁰ Александр Иванович Кошелев (1806–1883), публицист, журналист, общественный деятель.

¹¹ См. также в наст. изд. «Воспоминания о В. И. Назимове» П. Д. Шестакова.

¹² Николай Федорович Щербина (1821–1869), поэт.

¹³ Графиня Евдокия Петровна Ростопчина (рожд. Сушкова; 1811–1858), поэт, прозаик, драматург.

¹⁴ Протоиерей Михаил Григорьевич Богданов (1802–1860).

Гоголь в письмах попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова

Граф С. Г. Строганов — начальнику III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии графу А. Х. Бенкендорфу

22 января 1842 г. Москва

Граф. Узнав о стесненном положении, в котором находится г. Гоголь, автор «Ревизора» и один из наших самых известных современных писателей, нуждающийся в особом содействии, думаю, что исполню по отношению к Вам свой долг, если извещу Вас об этом и возбужу в Вас интерес к молодому человеку. Может быть, Вы найдете возможным доложить о нем Императору и получить от него знак его высокой щедрости. Г. Гоголь строит все свои надежды, чтобы выйти из тяжелого положения, в которое он попал, на напечатании своего сочинения «Мертвые души». Получив уведомление от московской цензуры, что оно не может быть разрешено к печати, он решил послать ее в Петербург. Я не знаю, что ожидает там это сочинение, но это сделано по моему совету. В ожидании же исхода Гоголь умирает с голоду и впал в отчаяние. Я немало не сомневаюсь, что помощь, которая была бы оказана ему со стороны Его Величества, была бы одной из наиболее ценных. Простите, граф, попытку, которую мне продиктовало мое чувство, почерпаемое в уверенности в вашей просвещенной доброте и которой я имею столько доказательств. <...>

Впервые опубликовано: *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения С<обственной> Е<го> И<мператорского> В<еличества> Канцелярии. СПб., 1908. С. 135; с примечанием: «Дело архива III Отделения, 2 экспедиция, 1842 года, № 130». Печатается по первой публикации.

Граф Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882), генерал-майор, попечитель Московского учебного округа в 1835–1847 гг.

По резолюции Императора деньги были посланы Гоголю «через несколько дней» (*Лемке М.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. С. 136). См. в наст. изд. «Всеподданнейший доклад начальника III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии графа А. Х. Бенкендорфа от 2 февраля 1842 г. об оказании Гоголю единовременного пособия, с резолюцией Императора Николая I».

Граф С. Г. Строганов —
министру народного просвещения С. С. Уварову

<16 июня 1842. Москва>
№ 3861

Министерство
Народного Просве-
щения.

От Попечителя
Московского
Учебного Округа,
в Москве.

Милостивый Государь
Сергий Семенович.

16 июня 1842.
№ 1985.

На днях, прочитывая новую поэму Гоголя: *Похождения Чичикова или мертвые души*, я останавливался на многих местах, которые, несмотря на свою занимательность и юмор, не могли, как я думаю, быть дозволены к напечатанию без особенного Высшего разрешения и с какою-либо особенною целию.

Ценсурные постановления вообще неопределенны. Были случаи, что Ценсура, при одобрении некоторых сочинений к напечатанию или при неодобрении, руководствовалась доселе особенными указаниями Правительства и из них составляла для себя частные правила. Теперь, новое произведение Гоголя обратило на себя всеобщее внимание и конечно будет подвергнуто разным толкованиям и критике. В сем случае Ценсура будет поставлена в затруднение, потому, что не имеет указания, при каких обстоятельствах дозволено напечатание означенной поэмы.

Вследствие сего и для ограждения Членов Московского Ценсурного Комитета, покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство снабдить меня наставлением, какими условиями должно руководствоваться, в случае представлений рецензий и критик на поэму Гоголя, для напечатания в повременных изданиях и журналах.

Его
Выс<око>пре-
<восходитель-
ст>ву,
С. С. Уварову.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть
Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою
гр<аф> Строганов.

Впервые опубликовано: Официальная переписка о «Мертвых душах» // Литературный музей. (Цензурные материалы 1-го Отд<еления> IV секции Государственного Архивного Фонда). Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксман. Пг., <1921>. Вып. I. С. 43–44. Печатается по первой публикации.

**Всеподданнейший доклад начальника III Отделения
собственной Его Императорского Величества
канцелярии графа А. Х. Бенкендорфа от 2 февраля
1842 г. об оказании Гоголю единовременного
пособия, с резолюцией Императора Николая I**

Попечитель московского учебного округа генерал-адъютант гр<аф> Строганов уведомляет меня¹, что известный писатель Гоголь¹ находится теперь в Москве в самом крайнем положении, что он основал всю надежду свою на сочинении своем под названием «Мертвые души», но оно московскою цензурою не одобрено и теперь находится в рассмотрении здешней цензуры, и как между тем Гоголь не имеет даже дневного пропитания и оттого совершенно упал духом, то граф Строганов просит об исходатайствовании от Монарших щедрот какого-либо ему пособия. Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству о таком ходатайстве гр<афа> Строганова за Гоголя, который известен многими сочинениями, в особенности комедией своей «Ревизор», я осмеливаюсь испрашивать Всемиловитвейшего Вашего Величества повеления о выдаче ему в единовременное пособие пятьсот рублей серебром.

<Резолюция Императора Николая I:> Согласен.

Впервые опубликовано: *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения С<обственной> Е<го> И<мператорского> В<еличества> Канцелярии. СПб., 1908. С. 135–136. Печатается по первой публикации.

Александр Христофорович Бенкендорф (1781 или 1783 – 23 сентября 1844), граф (с 1832 г.), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета, военачальник и государственный деятель.

¹ См. в наст. изд. письмо графа С. Г. Строганова графу А. Х. Бенкендорфу от 22 января 1842 г.

¹ Так в источнике.

Главы из воспоминаний моей жизни Фрагменты

Глава 20

Литературные вечера. — Гегелисты и славянофилы. — Мои Пятницы. — Знакомые этого времени. — Приезд в Москву Жуковского. — Мое стихотворство. — Вечера Князя Голицына. — Стихотворство и журналы. — Зыково.

Сенатская служба оставляла мне мало свободного времени, или по крайней мере я не мог располагать им по своему произволу, и по необходимости должен был привести свои дни и часы в некоторый определенный порядок. <...> В это время, т. е. около сороковых годов, завелись в Москве так называемые литературные вечера, в которых, правду сказать, мало было литературного. По понедельникам съезжались к Федору Николаевичу Глинке, по четвергам к Павлову; один день в неделю был обед у Писемского¹... <...> У Глинки собирались и мужчины и дамы; у Павлова одни мужчины, и большею частью или профессора университета, или славянофилы. И потому у Глинки было более разнообразия и терпимости во мнениях, более приличия и воздержности в речах, хотя и туда забегали иногда кое-кто из другого света, не принадлежавшие ни к той эпохе, ни к разряду общих интересов. <...> ...Я решил назначить у себя тоже один вечер в неделю, чтобы все, кто хочет меня видеть, знали на верное, что я свободен и дома, и чтобы самому мне быть свободным в другие дни недели. Таким образом начались и у меня вечера, по пятницам, тоже литературные, не потому, чтобы на них что-нибудь читалось, а потому, что в начале ездили ко мне только литераторы и любители литературы.

Первые стали ездить ко мне: друг моей юности Александр Дмитриевич Курбатов, о котором я упоминал выше², и двоюродный брат его Петр Александрович, человек основательного ума благочестивый, кроткий и скромный, живший некогда в большом свете, бывавший за границею, при посольстве, когда еще это было отличием, и сохранивший чистоту души, выражавшуюся в его спокойной и веселой физиономии. Потом бывали у меня: Профессор Шевырев и известный поэт Баратынский. <...> Бывал у меня и добродушный Загоскин... <...> Граф Александр Панин³, старший брат нашего министра⁴ <...> Александр Дмитриевич Чертков, московский губернский предводитель и президент общества истории и древностей... <...> Чаадаев познакомил со мною Михайла Федоровича Орлова⁵. <...> Езжали ко мне еще: Князь Шаховской, наш комик, <...> и Филипп Филиппович Вигель... <...> В числе гостей, посещавших мои пятницы, я не должен забыть еще слепца Шатрова. Он был чей-то вольноотпущенный, кажется, дворовый человек Татищева, хотя впоследствии и дослужился до чина коллежского советника. <...> Он принадлежал к масонству и имел в нем довольно высокие степени. <...> К чести его надобно сказать, что, несмотря на свое происхождение, он не обнаруживал той ненависти к дворянству, какую показывают некоторые выходцы, Погодин и другие. <...>

Из сенаторов ездили на мои пятницы только двое: мой незабвенный Александр Павлович Протасов⁶ и Нечаев⁷... Прочим сенаторам было бы у меня скучно: им нужны были карты, а карт у меня не было.

Но я не должен забыть человека, который в то время был в большой славе: я говорю о Гоголе. Когда он, по временам, жил в Москве, он бывал у меня. О таланте его говорить я не буду: он

всем известен и давно оценен, по достоинству, и даже выше достоинства. По моему суждению, главное его отличие состоит в живой фантазии и верном изображении малороссийской природы и обычаев. У нас, как у народа небогатого воображением, это, конечно, большое достоинство, хотя нельзя при этом не пожалеть, что он худо знал русский язык, и впоследствии пустившись в изображение грязного захолустья, перешел границы истины и был родоначальником тех грязных произведений, которые ныне завалили нашу литературу, в произведениях Щедрина, Селиванова⁸ и им подобных. Это замечание мое относится к «Мертвым Душам» Гоголя, несправедливо увеличившим его славу. Вот об этой-то славе я хочу теперь несколько пораспространиться. Я сказал уже что достоинство его таланта неоспоримо; но все имеет свои степени: так и слава. Только у нас не знают постепенности, ни в прославлении, ни в унижении. Попал он на руки к Аксаковым. А кто попадет, бывало, в милость к их горластому семейству, они поднимутся все кричать и прославлять своим широким горлом, и непременно поставят, с помощью своей шайки, великим человеком. Это случилось и с Гоголем; даже наконец Константин Аксаков написал особую брошюру⁹, в которой сравнивал его с Гомером и давал ему перед Гомером преимущество. Эти похвалы подхватил и Погодин, который всегда любил ухаживать за известностями. В Москвитянин он был назван однажды великим человеком! — А толпа всегда верит крикам, без справки. Все это свихнуло Гоголя и вскружило ему голову, между тем как и без того он был полон самолюбием. В последнее время своей жизни он раскаялся в этой славе, и даже сжег продолжение своих «Мертвых Душ»: что делает ему большую честь как человеку, победившему свою гордость. Но в то время, о котором я пишу теперь, Гоголь был еще надут своею известностью. Он был неговорлив; но это происходило едва ли тоже не от самолюбия: он не хотел высказываться перед всеми, как перед профанами. В нем было довольно ума, и ума малоросса, то есть хитрого под наружностью натуральной простоты. К сожалению, он был мало образован и совсем не знал обращения: он сам это чувствовал, и тем менее любил показываться там, где его принимали наравне со всеми; ему нужны были овации! — Одним словом: он был талантливый мужичок; но совсем не образованный писатель. — Я помню, что приехали ко мне в первый раз и увидя у меня на стене знаменитый эстамп Миллера с Рафаэлевой *Madona di Santo Sisto*, он сказал, взглянув на него: «Эка мерзость!». — Я захохотал и просил его объяснить мне, почему же это мерзость? — Вышло, что он видел в Дрездене подлинную картину и что, по его мнению, эстамп не выражает вполне красоты подлинника! — Лучше, на своем демократическом языке, он не умел выразиться. — Таков был Гоголь, и нельзя никак сказать, чтоб его беседа была занимательна.

Я не буду описывать всех, посещавших мои пятницы; я рассказываю только о тех лицах, которые почему-нибудь замечательнее других, то есть, или по своему личному характеру, или по известности, или по странности, выдающейся из общего уровня. Но не могу умолчать еще об одном человеке, который чаще других навещал меня и был везде как бы домашним. Это был Михайла Николаевич Лихонин. Короткого роста, с огромным носом... <...>

В начале 1841 года приезжал в Москву Жуковский. <...>

В 1842-м году учредились литературные же вечера у генерал-губернатора Москвы, добродушного и благородного князя Дмитрия Владимировича Голицына. Мы этому очень удивились, потому что он был совсем не литератор. Но вот что было этому причиною. Ему велено было наблюдать, и наблюдать за всеми, бывающими на наших вечерах. Он, как человек благородный, нашел такое средство, чтоб этих же людей приглашать к себе и тем, с одной стороны, узнать скорее их образ мыслей, с другой — успокоить правительство тем, что они и у него бывают! — И что же? Эти четверги князя были самыми приятными и лучше всех наших вечеров. На них говорили свободнее, чем у нас, потому что сам генерал-губернатор был свидетелем и участником этих разговоров: никого уже не боялись, а вредных политических рассуждений и без того никому не приходило в голову. На этих вечерах, по желанию хозяина, читались и стихи; кроме того, был всегда прекрасный и тонкий ужин, чего у нас не было! — Но будь другой на его месте, надзор принял бы другое направление¹⁰. <...>

Я сказал уже, что к князю ездили все те же, кто и к нам, с тою, однако, разницею, что у него, на этих вечерах, не было людей, не принадлежащих к разряду ученых или литераторов: приглашаемы были только некоторые из более приличных профессоров и писатели. Из последних долго не являлся один Гоголь. Как ни старались, как ни хлопотали его почитатели, Шевырев и Погодин, ввести его к князю: никак не удавалось. — Князь спрашивал: «А что же Гоголь?» — Шевырев давал, с запинкой, оговорку, которая никак не могла бы послужить оправданием человеку порядочного общества: «Да что, Ваше Сиятельство! Он странный человек: отвык от фрака; а в сертуке приехать не решается!» Князь говорил: «Нужды нет; пусть придет хоть в сертуке!» — и смеялся. Но Гоголь не являлся. А истинная причина была та, что он был неуч, но неуч гордый, малороссийский медвежонок, которому было неловко в высшем обществе. Он хотя и был знаком с некоторыми лицами, к нему принадлежащими; но те принимали его как самородного гения и спускали ему его демократическое, бесцеремонное обращение: его избаловали снисходительностию к его *sans-taescu*. А у князя нужно было уметь держать себя. Наконец, однако, два поводильщика, Шевырев и Погодин, привели его и представили князю своего медвежонка. Он приехал во фраке, но, не сказав ни слова, сел на указанные ему кресла, сложил ладонями вместе обе протянутые руки, опустил их между колен, согнулся в три погибели и сидел в этом положении, наклонив голову и почти показывая затылок. — В другой приезд¹¹ положено было, чтоб Гоголь прочитал что-нибудь из ненапечатанных своих произведений. Он привез и читал свою «Ан<н>унсиаду», писанную на сорока страницах, тяжелым слогом и нескончаемыми периодами. Можно себе представить скуку слушателей; но вытерпели и похвалили¹². — Тем и кончились его посещения вечеров просвещенного вельможи. <...>

Получивши должность обер-прокурора <...> я вместе с этой должностию стал получать больше прежнего и жалованья, именно шесть тысяч ассигнациями и две тысячи столовых, а в 1844 году, поступив и в общее собрание, за управление типографией Сената, получил прибавку в четыре тысячи. <...>

25 марта 1866.

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 613–614, 615. В полном объеме напечатано: Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни / Подготовка текста и примеч. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой и Т. Ф. Нешумовой. М., 1998. С. 438–459. Печатается по автографу: Дмитриев Михаил Александрович. Главы из воспоминаний моей жизни (1796–1854). Гл. 15–23. 1864–1866. 212 лл. + обл. // РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. К. 8184. Ед. хр. 2. 212 л. Л. 141–142, 145 об.–147, 150 об.–152 об., 158 об.–160, 168. Листы вложены в картонный переплет с кожаным корешком и углами. Часть корешка (верх) вырвана. На верхней крышке переплета наклеен герб.

Михаил Александрович Дмитриев (1796–1866), критик, поэт, масон и апологет масонства (к масонству Гоголь относился негативно). Согласно «Главам из воспоминаний моей жизни», М. А. Дмитриев был принят в масоны 20 июля 1830 г. доктором медицины М. Я. Мудровым (РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. К. 8184. Ед. хр. 2. Л. 39). Масонами были также упоминаемые в мемуарах М. А. Дмитриева князь Дмитрий Владимирович Голицын (Там же. Л. 41), Николай Александрович Головин (Л. 38 об.), Александр Дмитриевич и Петр Александрович Курбатовы (см.: Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 446–447), И. П. Писемский (Там же. С. 644), Ф. Н. Глинка, М. Н. Загоскин, А. Д. Чертков, П. Я. Чаадаев, М. Ф. Орлов, Ф. Ф. Вигель, Н. М. Шатров, А. П. Протасов, С. Д. Нечаев, князь П. И. Шаликов.

Критический отзыв М. А. Дмитриева о «Мертвых душах» 1848 г. см. в наст. изд. в коммент. к заметке М. П. Погодина «Литературные новости». В 1854 г. М. А. Дмитриев писал также о Гоголе: «...С одного конца России до другого, кому не было известно имя князя Шаликова? — Добейтесь до такой известности! — Гоголь, которого талант был так силен и живописен; Гоголь, которого так прославляют друзья его, желая прицепиться к нему, как паук к хвосту орла, в басне Крылова, Гоголь никогда не пользовался такой известностию» (Дмитриев М. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1854. С. 59–60; см. также: Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. Вторым тиснением, с значительными дополнениями по рукописи автора. Издание Русского Архива. М., 1869. С. 99).

Весной 1853 г. С. Т. Аксаков обратился к М. А. Дмитриеву с просьбой высказать свое отношение к Гоголю. В ответ Дмитриев писал: «...Я вижу в Гоголе необыкновенное дарование: богатое воображение и много чувства, но не великого писателя, и главное — не художника. В Гоголе была верная натура; но это не искусство! Натура прекрасна, но бессознательна! А искусство хотя и живет тоже натурою, без которой и нет его, но оно действует с разумением, то есть с тем верным инстинктом, который различает истинно-прекрасное и берет одно необходимое для своей цели... Дело не в том, что Гоголь был иногда немножко грязен, как, например, в "Мертвых душах": это относится до вкуса, а не до искусства. А дело в том, что в натуре не видать полноты и целости: ее видит во всей полноте один Бог; а в искусстве эту полноту видим мы: тем-то для нас искусство и выше натуры! <...> У художника (у живописца, и у скульптора, и у писателя) есть стиль; а у Гоголя нет никакого! — Не возражай мне, что у него прекрасно говорят все действующие лица; и я признаю тоже, что прекрасно, — т. е. на своем месте все говорят верно своему характеру. Но как скоро Гоголь заговорит от себя, как автор, он не умеет написать ни полстраницы! Это доказывают его письма; это свидетельствуют все его описания, в которых нет того, что называется *l'ordonnance*, — *расположение*, художественный порядок, который служит постепенному усилению впечатления и без которого впечатление разбегаются врознь!.. Словом, у Гоголя была богатая натура; но, по моему мнению, он не умел управлять ею; а художник ею управляет!» (Машинский С. И. С. Т. Аксаков. М., 1973. С. 535–536). В 1856 г. М. А. Дмитриев писал также С. Т. Аксакову: «Дались нашим литераторам только Пушкин и Гоголь, и вне их — нет в литературе спасения, как вне папы нет спасения в римской церкви! — Да что же была бы это за литература, состоящая вся из Гоголей и Пушкиных? Неужели нет идей повыше и почище?» (Машинский С. И. С. Т. Аксаков. М., 1973. С. 537).

По словам С. Т. Аксакова, «Дмитриев, несмотря на свой замечательный ум, никогда вполне не понимал Гоголя» (см. в наст. изд. «Историю нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова).

¹ Иван Петрович Писемский (около 1798–1850), майор.

² В 16-й главе: «Александр Дмитриевич Курбатов еще прежде меня, и кажется, гораздо прежде, вступил в орден. Я описал отчасти его разгульную молодость» (РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. К. 8184. Ед. хр. 2. Л. 39 об.).

³ В ГИМ хранится акварель Я. П. де Бальмена 1838 г., на которой изображены Н. В. Гоголь, князь М. Одоевский и граф А. Панин. Граф Александр Никитич Панин (1791–1850). В 1909 г. историк Е. Н. Опочинин сообщил также предание о том, что изображения Гоголя имелись в нежинском школьном альбоме графа Я. П. де Бальмена (см.: <Опочинин Е. Н.> Е. О. Жизнь офицера 30-х годов прошлого столетия. (К рисункам гр<афа> Я. П. де-Бальмена) // Северное Сияние. 1909. Февраль. № 4. С. 61–62; Опочинин Е. Н. Люди и жизнь в Гоголевское время. (По поводу альбома рисунков гр<афа> Я. П. де-Бальмена) // Гоголевское время. Оригинальные рисунки графа Я. П. де-Бальмен<а>. Исполнено и издано факсимиле худож. фототипией К. А. Фишер<а>. М., 1909. С. 8–9). Предание это недостоверно, так как Гоголь окончил Гимназию высших наук в Нежине еще до поступления туда графа де Бальмена. Гоголь учился в гимназии в 1821–1828 гг.; де Бальмен — в 1830–1832 гг.

⁴ Граф Виктор Никитич Панин (1801–1874), министр юстиции.

⁵ Михаил Федорович Орлов (1788–1842), генерал-майор, декабрист, один из руководителей Союза благоденствия.

⁶ Александр Павлович Протасов (1790–1856).

⁷ Степан Дмитриевич Нечаев (1792–1860).

⁸ Илья Васильевич Селиванов (ум. в 1882), писатель.

⁹ «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842).

¹⁰ 1 февраля 1842 года М. А. Дмитриев написал пространный стихотворный гимн «Песнь Правде» (в масонском духе) и опубликовал это произведение, с посвящением князю Д. В. Голицыну, в погодинском «Москвитянине» (в том же номере, где был напечатан «Рим» Гоголя): Дмитриев Мих. Песнь Правде. Посвящено Его Светлости Князю Дмитрию Владимировичу Голицыну // Москвитянин. 1842. № 3 (цензурное разрешение 11 марта). С. 1–7.

¹¹ Чтение Гоголем повести «Рим» состоялось в первый и единственный приезд Гоголя на литературный вечер князя Д. В. Голицина в четверг 19 февраля 1842 г.

¹² Судя по свидетельствам других очевидцев, М. А. Дмитриев под первым и вторым приездами Гоголя к Голицыну описывает одно-единственное его посещение 19 февраля 1842 г. (см. в наст. изд. коммент. к письму С. П. Шевырева М. П. Погодину от 4 февраля 1842 г.).

Гоголь в письмах П. П. Татаринова

П. П. Татаринов — Н. И. Бахтину

Получено в Венеции 26-го апреля нов. ст.

Отвечал 3-го июля нов. ст.¹

С. Петербург. 4/16 марта 1842.

<...> Не позже как сегодня прочел довольно длинную статью о Риме Русского путешественника от марта прошлого года¹; читал ее с любопытством, воображая, что слышу ваш рассказ. Так и пахнет Римом. Видно, впечатление было сильное, первобытное и свежее; ничто иное, как просто Заметки, но которые говорят убедительно в пользу вечного города. <...>

Публикуется впервые по автографу: РНБ. Ф. 682. Ед. хр. 685. Л. 95 об.

Петр Петрович Татаринов (ум. в 1858), переводчик.

Николай Иванович Бахтин (1796–1869), критик.

¹ Имеется в виду статья М. П. Погодина «Месяц в Риме» (см. в наст. изд.), повествующая о пребывании автора в Риме с 8 марта по 9 апреля (н. ст.) 1839 г. (а не 1841 г., как это понял П. П. Татаринов). На момент отправления письма Татариновым была прочитана только первая часть статьи, напечатанная во втором номере «Москвитянина» за 1842 г. (цензурное разрешение 16 февраля). Повесть Гоголя «Рим» была напечатана в третьем номере журнала (цензурное разрешение 11 марта). Окончание статьи Погодина — в № 4 (цензурное разрешение 1 апреля).

П. П. Татаринов — Н. И. Бахтину

Получено в Мариенбаде 3-го августа нов. ст.

Отвечал 21 августа нов. ст.¹¹

С. Петербург. 14/26 июля 1842.

<...> [Статья о Риме писана Гоголем] Статьи о Риме писаны Гоголем и Погодиным, я их имел в виду, писавши к вам¹. Я знал, как она писана, и мечтал, что вы ходите по тем же улицам, то же видите и, может быть, то же чувствуете. <...> Гоголь издал Роман *Чичиков* или *мертвые души*. Он называет его поэмою. Промотавшийся чиновник скупает души, записанные по последней ревизии, но умершие. Покупая их, он посещает разных помещиков, которых и описывает. Вышел первый еще том. <...>

Публикуется впервые по автографу: РНБ. Ф. 682. Ед. хр. 685. Л. 100–100 об.

¹ См. в наст. изд. коммент. к письму П. П. Татаринова Н. И. Бахтину от 4/16 марта 1842 г.

¹ Вписано Н. И. Бахтиным.

¹¹ Вписано Н. И. Бахтиным.

П. П. Татаринов — Н. И. Бахтину

*Получено в Берлине 12-го сентября нов. ст.*¹

С. Петербург. 23 августа / 4 сентября 1842.

<...> Писал ли я вам о новом творении Гоголя *Чичиков*, которое он назвал поэмою? Все журналы делают ему разборы и бранятся между собою. Мысль оригинальная, но слог не чист, груб. Есть описания преуморительные. <...>

Публикуется впервые по автографу: РНБ. Ф. 682. Ед. хр. 685. Л. 102 об.

¹ Вписано Н. И. Бахтиным.

**<Извещения газеты «Московские Ведомости»
от 13, 16 и 20 мая 1842 г.
об отъезде Гоголя за границу>**

Отъезжающие за границу:

<...> В Италию и ко Святым местам, 8-го класса Николай Васильевич Гоголь; жительство имеет в доме Погодина на Девичьем поле. <...>

Впервые опубликовано: Отъезжающие за границу // Прибавления № 38-му Московских Ведомостей (мая 13-го <1842>). Отделение II. Объявления частные. С. 567; Прибавления № 39-му Московских Ведомостей (мая 16-го <1842>). Отделение II. Объявления частные. С. 582; Прибавления № 40-му Московских Ведомостей (мая 20-го <1842>). Отделение II. Объявления частные. С. 594. Печатается по первой публикации.

В тех же номерах, непосредственно за извещениями об отъезде Гоголя, печатались извещения об отъезде П. М. Языкова: «В Германию, Италию, Францию и Англию, Петр Михайлович Языков, Гиттенфервальтер; жительство имеет в Симбирской губернии».

После публикации извещений Гоголю 22 мая 1842 г. был выдан заграничный паспорт.

**<Извещение газеты «Санкт-Петербургские
Ведомости» от 28 мая 1842 г. о прибытии
Гоголя в Санкт-Петербург>**

Приехавшие в столичный город С. Петербург мая 25 и 26 дня 1842 года

<...> Из Москвы <...> здешнего Университет<a> Профессор Гоголь. <...>

Впервые опубликовано: Приехавшие в столичный город С. Петербург мая 25 и 26 дня 1842 года // Прибавление к С. Петербургским Ведомостям. 1842. 28 мая. № 118. С. 1282. Печатается по первой публикации.

Воспоминания академика П. П. Соколова Фрагмент

<...> Однажды Булгакова¹ посетил Н. В. Гоголь и пресерьезно осматривал его коллекцию портретов и рисунков. Не заметя, что на диване сидел какой-то важный генерал, и к тому же очень щепетильный, Гоголь долго стоял над диваном, рассматривая висевшую над ним картину, не замечая сидевшего генерала, бесившегося от злобы на неделикатность какого-то обыкновенного смертного.

— Я заметил, — рассказывал Булгаков, — что Гоголь, не видя этого петуха, осеняет его своим длинным носом, и стал их представлять. «Mon cher, — сказал я генералу, моему старому приятелю, — je te presente la personne du célèbre Gogol — l'écrivain»². Тогда надо было видеть, как флегматически Гоголь опустил свой длинный нос на моего бедного генерала, побагровевшего от такого неслыханного *sans façon*³ обращения, и как они оба в унисон промычали что-то вместо приветствия. <...>

Впервые опубликовано: Воспоминания академика П. П. Соколова // Исторический Вестник. 1910. Сентябрь. С. 786. Печатается по первой публикации.

Петр Петрович Соколов (1821–1899), сын художника П. Ф. Соколова, рисовальщик и живописец.

¹ Константин Александрович Булгаков, сын почт-директора А. Я. Булгакова (1781–1863), соученик М. Ю. Лермонтова по Московскому университетскому благородному пансиону, приятель М. И. Глинки, графа В. А. Соллогуба.

² Мой дорогой, представляю тебе знаменитого Гоголя, писателя (*фр.*).

³ Бесцеремонность (*фр.*).

Встреча с Н. В. Гоголем (Отрывок из воспоминаний)

Летом, вскоре после открытия нашей первой железной дороги¹, возвращался я из Царского Села в Петербург. В вокзале, перед самым отходом поезда, я встретил одного молодого человека Ф., которого видал в университете. Он являлся на лекциях в качестве вольного слушателя, но не особенно аккуратно и, кажется, ходил больше для того, чтобы в перемену поболтать со студентами и похвастаться каким-нибудь бархатным жилетом или часовой цепочкой с брелоками. Любимой темой его рассказов было сообщение, с какими знаком он актерами, литераторами, художниками; но все мы легко догадывались, что если в этих рассказах и была кое-какая правда, то в весьма небольшой дозе. Над ним нередко подсмеивались довольно нецеремонно, но он этим нисколько не смущался. Впоследствии я встретил его как-то на улице в форме гусарского юнкера, и он не замедлил отрекомендовать мне, что у него лучшая во всем полку лошадь.

На это раз мы вошли вместе в вагон второго класса, и мне поневоле пришлось сидеть рядом с Ф. На противоположной стороне, наискосок от нас, поместились два господина средних лет, — один невысокого роста, плотный, с открытым лицом и небольшой эспаньолкой, в довольно поношенном пальто; другой худощавый, с длинными волосами и большим тонким носом, в каком-то не совсем модном плаще с капюшоном. Лица их показались мне как будто знакомыми, хотя я и не мог придумать, где и когда видел их. Господин в пальто курил сигару, а товарищ его молча оглядывал сидевших в вагоне. Изредка они обменивались короткими фразами, которых я не мог расслышать не столько от шума поезда, сколько от болтовни моего надоедливого соседа. Когда он стал показывать мне перстень с подозрительным алмазом и в довольно прозрачных выражениях намекнул, что получил его от известной в то время танцовщицы, давая понять о близости своего знакомства с нею, наши молчаливые соседи переглянулись между собой с легкой улыбкой. Мне было крайне совестно на моего хлыща.

На полдороге к Петербургу в наш вагон вошел низенький смуглый человек в сильно потертом черном сюртуке и совсем порыжелой черной шляпе. Он быстро оглянул пассажиров и, так как мы сидели ближе других, подошел прямо к нам, вынул из бокового кармана бумажник и с каким-то заискивающим поклоном заявил, что он художник, вырезывает в три минуты необычайного сходства силуэты, по рублю за экземпляр, и удостоился внимания многих знаменитых людей, поощривших его талант. Вычитывая эту рекламу на плохом французском языке с резким итальянским выговором, он вынул из своего бумажника и развернул сложенную в виде карточной колоды длинную белую бандероль, на которой наклеены были вырезанные из черной бумаги профильные силуэты. Сосед мой принялся их рассматривать, очевидно, не столько из прямого любопытства, сколько с желанием показать свое знакомство с известностями литературного и артистического круга.

— Это Александр Сергеевич? — спросил он итальянца, показывая на довольно удачно вырезанный профиль Пушкина.

— Точно так, мосьё.

— С натуры снято?

— С живого, незадолго до смерти.

Кажется, на этот раз, как говорится, нашла коса на камень, и бродячий артист был так же беззастенчив, как и мой сосед.

— А это Василий Андреевич! — продолжал Ф. — Выражение, мне кажется, напоминает Каратыгина в «Гамлете».

— В театре, в уборной снимал.

— А! И Карл Павлыч Брюллов? Очень, очень похожи.

Силуэтист на все эти замечания кивал утвердительно головой и в то же время нетерпеливо пощелкивал маленькими ножницами, поглядывая на всех нас с видимым желанием и надеждою получить от кого-нибудь заказ. При последнем замечании моего соседа господин в плаще, который во все это время поглядывал с улыбкой то на него, то на итальянца, быстро переглянулся со своим товарищем и, обратясь к Ф., спросил:

— А вы знаете Брюллова?

— Да, часто видал, — отвечал тот без малейшего смущения.

— Вероятно, на картине «Последний день Помпеи»? И силуэт, должно быть, по ней же вырезан! Ну, видите, Брюллов пококетничал там, помолодил себя и поприкрасил, иначе и вы, молодой человек, и господин художник давно бы узнали его, когда он сидит перед вами собственной особой.

При этих словах своего компаньона господин с эспаньолкой приподнял шляпу и наклонил с улыбкой голову. Я понял, отчего лицо его с самого появления в вагоне показалось мне знакомым: это был действительно К. П. Брюллов, которого впоследствии мне пришлось еще встретить перед отъездом его за границу. Теперь мне любопытно было, кто его товарищ, так забавно обличивший фатовство моего хлыща, и я перебирал мысленно известных тогда художников, думая, что это, должно быть, какой-нибудь из собратий Брюллова по искусству. Разумеется, не зная никого лично, я не мог ни на ком остановиться.

В первый раз я видел, что Ф. несколько сконфузился. Между тем итальянец с заискивающими поклонами просил позволения снять силуэт великого артиста с натуры, и когда ему это было разрешено, он менее чем в пять минут вырезал из черной глянцевитой бумаги очень похожий профиль художника. Брюллов похвалил его.

— Снимите же и с моего приятеля, — сказал он артисту, показывая на своего соседа в плаще. — А вы, молодой человек, — продолжал он, обращаясь к Ф., — так интересуетесь знакомством с известными сколько-нибудь людьми, что, без сомнения, видались с Николаем Васильевичем Гоголем?

При этом я догадался, что товарищ Брюллова был именно автор «Ревизора», который возбуждал тогда самые оживленные толки в обществе и в большинстве университетской молодежи. Мне показалось только, что лицо его было гораздо красивее, чем на литографированном его портрете, и в действительности на нем не так резко замечалось саркастическое выражение, каким наделяли его художники.

Хлестаков мой понял, что Брюллов ставит ему ловушку, и отвечал художнику, что, к сожалению, не имел случая встречаться с Гоголем.

— Так позвольте рекомендовать его, — сказал Брюллов, показывая на своего соседа. — Он тоже не будет, конечно, жалеть, что случай доставил ему возможность встретить молодого человека, который так интересуется нашим бедным артистическим миром и составил уже в нем столько знакомств.

Не знаю, понял ли эту насмешку Ф. Что касается Гоголя, то он, по-видимому, был недоволен, что художник назвал его. Может быть, ему хотелось остаться неизвестным и повнимательнее всмотреться в тип нового Хлестакова. Но выдав раньше своего товарища, он, конечно, сам подал повод и к своему разоблачению. Как бы то ни было, но он нахмурился, и когда итальянец обратился к нему с предложением снять с него силуэт, он решительно отказал. Силуэтист несколько времени не спускал с него глаз, потом поклонился и быстро перешел в другой вагон.

Минут через десять после этого поезд остановился у петербургского дебаркадера. Наши знаменитые спутники ушли. Но Ф. не отставал от меня и принялся уверять, что с первого взгляда угадал, кто они. Когда мы с платформы вошли в залу, наш артист-итальянец остановил нас и, показывая не наклеенные еще на бумагу и, очевидно, только что вырезанные с замечательным сходством силуэты Брюллова и Гоголя, обратился к Ф. с предложением, не угодно ли ему заказать копии с них.

— Когда же вы успели сделать портреты? — спросил я с удивлением.

— Сейчас, в другом вагоне.

— Заочно?

— О, это мой талант... я могу через год снять, кого хорошо видел.

Конечно, итальянец прибавлял и рисовался, но я жалею, что не познакомился тогда с этим, во всяком случае замечательным, человеком. Разумеется, Ф. поспешил приобрести тут же вырезанные силуэты, которые давали ему прекрасный случай говорить о знакомстве с Николаем Васильевичем Гоголем и Карлом Павловичем Брюлловым, о чем он и не преминул распространиться, как только явился в университет.

Таким образом, благодаря фатовству Ф., мне удалось хотя один раз видеть и хорошо всмотреться в Гоголя.

Впервые опубликовано: Миллюков А. П. Встреча с Н. В. Гоголем. (Отрывок из воспоминаний) // Исторический Вестник. 1881. Янв. С. 135–138. Перепечатано: Литературные встречи и знакомства. Рассказы А. Миллюкова. СПб., 1890. С. 52–61. Печатается по первой публикации.

Миллюков Александр Петрович (1817–1897), писатель. Окончил Петербургский университет в 1839 г. С 1840 г. — преподаватель уездных училищ, затем — 2-й Петербургской гимназии, Дворянского полка и Сиротского института. Будучи участником кружка, или «литературно-музыкального салона» писателя-петрашевца С. Ф. Дурова, привлекался к допросу 29 августа 1849 г. и был подвергнут секретному надзору. На допросе 7–8 июня 1849 г. петрашевец Ф. Н. Львов показал, что «Миллюков сказал один раз, что он, замечая, что воспитанники, видя проходящего мимо их класса [законо<учителя>] священника, выбегали целовать у него руки, прибавил, читая описание характера Чичикова (в Мертвых душах), “что он в училище выбегал всегда из класса, видя проходящего законоучителя, под благословение”, и что после этого уже из класса его никто не выбегал под благословение» (Дело петрашевцев / Ред. издания В. Десницкий. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. С. 411).

В воспоминаниях о Ф. М. Достоевском А. П. Миллюков сообщал: «Незадолго перед закрытием кружка <имеется в виду кружок С. Ф. Дурова> один из наших членов ездил в Москву и привез оттуда список известного письма Белинского к Гоголю, писанного по поводу его “Переписки с друзьями”. Ф. М. Достоевский прочел это письмо на вечере и потом, как сам он говорил, читал его в разных знакомых домах и давал списывать с него копии. Впоследствии это послужило одним из главных мотивов к его обвинению и ссылке. Письмо это, которое в настоящее время едва ли увлечет кого-нибудь своей односторонней парадоксальностью, произвело в то время сильное впечатление» (Миллюков А. П. Федор Михайлович Достоевский // Литературные встречи и знакомства. Рассказы А. Миллюкова. СПб., 1890. С. 183–184).

В 1847 г. в «Очерке истории русской поэзии» Миллюков отмечал: «Лучшие произведения Гоголя — *Тарас Бульба*, *Ревизор* и *Мертвые души*. В первом поэт изобразил широкой кистью Малороссию и Запорожскую Сечь, всю жизнь казачества в лучшую его эпоху, всю великолепную природу южной России; но к несчастью, эта повесть пострадала от дополнений, сделанных автором впоследствии. Стычки казаков под Дубно с польскими войсками, описанные в гомерическом духе, повредили своею неуместностью и быстроте действия и единству тона» (Миллюков А. Очерк истории русской поэзии. СПб., 1847. С. 213). Это рассуждение напоминает мнение о «Тарасе Бульбе» О. И. Сенковского, который в 1843 г., отметив достоинства первой редакции повести, критически отозвался о новом, дополненном издании: «...В собрании его <Гоголя> “Сочинений” мы уже не видим прежнего Тараса: из обширной по сюжету, но хорошо сжатой повести, раскинулась целая украинская пустыня, и большая часть достоинств прежнего “Бульбы” утонула в степном ковыле» (Библиотека для Чтения. 1843. Т. 57. Отд. VI. С. 23). С Сенковским Миллюков познакомился в 1847 г., разговаривал с ним о Гоголе (вероятно, весной 1848 г.); позднее написал об этом разговоре в своих мемуарах: «Личное мое

знакомство с Сенковским началось в конце 1847 г. В это время вышел из печати мой литературный опыт, "Очерк истории русской поэзии", и в "Библиотеке для Чтения" явился очень лестный отзыв об этой книжке. Вскоре после того зашел ко мне сослуживец мой по учебным заведениям и постоянный сотрудник "Библиотеки", Василий Васильевич Дерикер <1815–1878>. Он сообщил мне, что Осип Иванович Сенковский сам писал рецензию моей книжки и желает лично со мною познакомиться. <...> У меня остался в памяти разговор о Гоголе, причем я заподозрил, что странные выходы Сенковского против автора "Мертвых душ" едва ли выражали его действительное убеждение. Он как-то упрекнул молодое поколение в пристрастии к реальной школе и заметил, что новая критика, во главе которой стоял Белинский, неумеренными похвалами Гоголю наделает много вреда русской литературе. "Беда не в том, — говорил Сенковский, — что вы собьете с толку вашего кумира и заставите его считать себя величайшим гением в мире: пускай он воображает себя Гомером и Фомою Кемпийским — скорее допишется до абсурда. Гораздо хуже то, что ваша критика восторженными панегириками ему расплодит толпы маленьких Гоголей, которые доведут его жарт до омерзительной пошлости и совсем испортят вкус публики. Вот и теперь уже нельзя без перчаток брать в руки иных книг, а скоро придется или окуривать их, или выбрасывать в помойную яму. Увидите, какая грязно-реальная школа расцветет под влиянием вашего хохлацкого корифея. Ведь подражателем не удастся усвоить его природного юмора: они только будут потчивать вас его галушками, приправленными луком и конопляным маслом". <...>

Преобладающим мотивом во всех литературных работах Сенковского был смех. Но как и над чем он смеялся? Русское общество с постоянным участием прислушивалось к смеху Гоголя, хорошо понимая, каким он вызван благородным чувством, какая сквозит в нем светлая идея, какие таятся под ним горячие слезы любви и надежды. Холодный, бессердечный смех Сенковского, безразлично направленный как на темные, так и на светлые явления общественной жизни, нередко забавлял, но никогда глубоко не затрогивал читателя» (Миллюков А. П. Знакомство с О. И. Сенковским // Литературные встречи и знакомства. Рассказы А. Миллюкова. СПб., 1890. С. 88, 98–99, 103).

Употребляя сравнение Гоголя в статье «Несколько слов о Пушкине», А. П. Миллюков писал: «Гоголя упрекают в цинизме, сальностях его картин и лиц и в преувеличении портретов, переходящих будто бы в карикатуру. <...> Такие обвинители Гоголя похожи на устарелую и некрасивую кокетку, которая, заказывая свой портрет художнику, требует сходства, но сердится, если он пишет его, не скрывая лишней морщины и не делая даже грациозным какого-либо прыщика» (Миллюков А. Очерк истории русской поэзии. 3-е доп. изд. СПб., 1864. С. 259–260).

Перу Миллюкова принадлежит также статья «Почему "Мертвые души" Гоголя названы поэмой. Рассуждение», датированная 10 мая 1872 г. (см.: РНБ. Ф. 236. Данилевский Г.П. № 174).

А. П. Миллюков собирал автографы русских писателей и впоследствии передал своей архив В. П. Авенариусу (1839–1923), а тот, в свою очередь, — в Пушкинский Дом (см.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 9. С. 838).

¹ Первая железная дорога в России — Царскосельская, между Петербургом и Павловском, — была открыта в 1838 г. 7 ноября (н. ст.) 1838 г. Гоголь писал М. П. Балабиной из Рима: «Я рад очень, что Петербург для вас становится сносно; по крайней мере, вы находите теперь развлечения, которые вас занимают. Ваше описание железной дороги и поездки по ней очень живо; стало быть, вам было весело; стало быть, вы были довольны, и, признаюсь, сказать вам нужно втайне и по секрету, я крепко завидовал вам. Всё-таки сердце у меня русское. Хотя при виде, то есть при мысли о Петербурге, мороз проходит по моей коже, и кожа моя проникается насквозь страшною сыростью и туманною атмосферою, но хотелось бы мне сильно прокатиться по железной дороге и услышать это смешение слов и речей нашего вавилонского народонаселения в вагонах. Здесь много можно узнать того, чего не узнаешь обыкновенным порядком. Здесь бы, может быть, я бы рассердился вновь — и очень сильно — на мою любезную Россию, к которой гневное расположение мое начинает уже ослабевать, а без гнева — вы знаете — немного можно сказать: только рассердившись, говорится правда».

Описываемая А. П. Миллюковым встреча произошла, вероятно, в период с 25–26 мая по 5 июня 1842 г.

Встреча моего отца с Гоголем в 1842 году. (Отрывок из воспоминаний)

Знакомство моего отца с Гоголем ограничилось единственной встречей, причем между ними произошла довольно продолжительная беседа, о которой мой отец, отличавшийся прекрасной памятью, на всю жизнь сохранил неизгладимое воспоминание и неоднократно рассказывал подробности этого свидания с великим писателем.

Эта встреча произошла в самых последних числах мая или же около 1–2 июня 1842 года, так как Гоголь в разговоре с отцом заметил, что дня через два уезжает за границу¹.

Отец мой служил в то время в капитуле орденов, где Гоголю понадобилось навести какую-то необходимую справку. Его и направили к «журналисту» капитула — моему отцу. Когда Гоголь получил необходимые ему сведения, то он как-то невольно разговорился с отцом. (По своему открытому, искреннему характеру отец мой привлекал к себе всех знавших его людей.) Узнав фамилию своего собеседника, отец спросил, не с писателем ли Гоголем, сочинениями которого он восхищался, пришлось ему беседовать. Гоголь отвечал утвердительно, а затем у него с отцом зашел разговор сперва о тогдашних писателях, а затем об их общей родине — Малороссии. Отец рассказывал, что он с детства страстный любитель чтения и литературы и рад случаю познакомиться с таким писателем, как Гоголь. На это последний спросил:

— А с другими писателями вам случалось быть знакомым?

Отец рассказал, что знал незадолго перед тем умершего Карлгофа^{II}, а теперь знаком с Кукольником и Бенедиктовым, но особенно приятельски близок с Е. П. Гребенкой. При этих именах Гоголь, как выражался отец, «покрутил носом» с какой-то забавно-презрительной миной и проговорил:

— Ну, это все пустой народ...

Отец горячо вступился за Гребенку, рассказав, какой это чудесный человек. Гоголь заметил, что он лично не знает ни Гребенки, ни других названных отцом писателей, что легко может быть, что они хорошие и прекрасные люди, но как писатели они — пустой народ.

Далее отец заметил, что он давно и хорошо знает П. А. Плетнева, у которого был любимым учеником, еще в 20-х годах, в 1-м кадетском корпусе (еще с того времени и до самой своей смерти отец всегда с большим уважением и любовью относился к Плетневу).

— Вот насчет Петра Александровича (Плетнева) мы с вами вполне сойдемся, — сказал Гоголь. — Это прекрасный человек, истинный христианин и отличный писатель и тонкий критик... Вы бываете у него?

Отец ответил, что бывает очень редко, так как завален служебными занятиями: занимается в присутствии и, кроме того, берет дела и на дом для вечерних занятий.

Гоголь убеждал отца, что время найдется, что нужно бывать на литературных вечерах у Плетнева. «Иначе, — заметил он, — ваш брат-чиновник совсем одичает и мохом зарастет».

¹ Гоголь действительно уехал за границу 4-го июня 1842 года, как это видно из его переписки. — *Примеч. Д. П. Сильчевского.*

^{II} Вильгельм Ив<анович> Карлгоф (1799–1841), ныне совсем забытый беллетрист 30-х годов. Его повести и рассказы изданы в 2-х томах. — *Примеч. Д. П. Сильчевского.*

Разговорились о Малороссии, из которой отец вывезен был еще мальчиком лет 10-ти, и с того времени не видал ее. Разговор принял такой откровенный, чуть не дружеский характер, что отец решился посоветоваться с Гоголем о своей судьбе. Он сказал, что долголетняя (кажется, с 1827 г.) служба ему надоела, и он стремится отдохнуть на родине, выйдя в отставку, что сделать это убеждает его в своих письмах его сестра, обещая передать отцу их родовое доставшееся ей имение в Черниговской губернии. Гоголь расспросил отца об его обстоятельствах служебных и частных и, узнав, что отец иногда посылает деньги сестре, отсоветовал отцу выходить в отставку. Гоголь сказал, что сестра приглашает отца выйти в отставку и приехать к ней, думая, что он человек с деньгами, и надеясь найти в нем дарового управляющего имением и пользоваться его добротой и деньгами. «Имения же она вам не передаст, попомните мое слово, — сказал Гоголь. — Начальство ваше вас любит, а потому служите да служите себе, а в Малороссию успеете поехать и под старость. Вы еще молоды (отцу в то время было 36 лет: он родился в 1805 г., умер в 1877 г.); грешно в ваши годы покидать службу».

Разговор отца с Гоголем продолжался более часу. Наконец, Гоголь вспомнил, что он заговорился очень долго, а у него еще есть дела перед отъездом за границу, и сердечно распрощался с отцом, еще раз убеждая его не выходить в отставку и не верить заманчивым обещаниям сестры.

Отец, прослужив еще лет пять, все-таки, поддался просьбам своей сестры, в начале 1847 г. вышел в отставку и уехал в Малороссию. Он впоследствии глубоко сожалел, что не продолжал службы, так как предсказание Гоголя исполнилось буквально: отец ничего не получил от своей сестры; расстался с нею и вынужден был искать частных занятий (имение перешло к нему только уже перед ее смертью). «Пророк был Гоголь, пророк», — всегда неизменно заключал отец свой рассказ о свидании с Гоголем, разговор с которым навсегда запечатлелся в его памяти...

Впервые опубликовано: *Сильчевский Д. П.* Встреча моего отца с Гоголем в 1842 году. (Отрывок из воспоминаний) // *Новости и Биржевая Газета.* 1902. 21 февр. № 52. С. 2. Частично перепечатано: *Русское Слово.* 1902. 22 февр. № 52; *Курьер.* 1902. 23 февр. № 54. Печатается по первой публикации.

Дмитрий Петрович Сильчевский (род. в 1851), библиограф.

Николай Гоголь Фрагмент

<...> В 1842 году <28 мая>¹, после блестящего успеха его последних повестей и «Мертвых душ», мы видели Гоголя в Петербурге, *появлявшегося подобно одной из своих мертвых душ* в кружке преданных друзей, безучастно слушающего все то, что говорилось вокруг него, и отвечающего лишь холодной улыбкой на те искренние похвалы, которые расточались его произведениям; с интересного вечера он возвращался столь же пасмурным и угрюмым, каким входил туда. <...>

Впервые опубликовано: Au bord de la Neva. Contes russes, traduit par X. Marmier. Paris, 1856. P. 214. Печатается по изд.: Алексеев М. П. <Примечания> // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 272.

Ксавье Мармье (1809–1892), французский писатель и путешественник.

¹ См. в наст. изд. письмо П. А. Плетнева к Я. К. Гроту от 29 мая 1842 г. «Особый интерес представляет для нас знакомство К. Мармье с Гоголем, состоявшееся 28 мая 1842 года в доме В. Ф. Одоевского. О своей встрече с Гоголем К. Мармье рассказал в очерке, предпосланном изданному им в 1856 году французскому переводу «Шинели» (Прийма Ф. Я. Ксавье Мармье и русская литература // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.; Л., 1958. С. 143–144).

П. Ф. Заикин — М. Н. Каткову

<Лето 1842>

<...> «Мертвые души», поэма Гоголя, уже напечатана, и я ее читал. Вот содержание ее: Чичиков, помещик, коллежский советник, разъезжает по России и закупает мужиков, которые *давным-давно* померли, но из ревизских сказок не исключены; хотя этот новый род покупки поражает всех, но добрые люди помещики на все соглашаются легко и всему верят — таким образом Чичиков скупил 400 душ. Вот главное содержание этой поэмы... Вероятно в следующем томе будет их закладывать в опекунский совет. Все, что есть гадкого, гнусного и подлого в России, все здесь обнаружено. — Разговор помещиков, помещиц, лакеев, кучеров с лошадьми и жизнь каждого и вообще целой России, т. е. провинциальных жителей, характеризованы очень верно; одним словом, когда я прочел поэму, как будто вышел из этого пошлого, безотрадного общества. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 636. Печатается по первой публикации.

Павел Федорович Заикин, петербургский знакомый Белинского; летом 1842 г. находился в Германии.

О М. Н. Каткове см. в разделе *Свидетельства о Гоголе М. Н. Каткова*.

Свидетельства о Гоголе М. Н. Каткова

М. Н. Катков — А. Н. Попову

20 февраля 1843 г. Москва.

<...> С интересами, которые теперь, сколько я мог заметить, господствуют в Петербурге и Москве, я нахожу в себе мало сочувствия¹. Только и слышишь, что Гоголь, да Гегель, да Гомер, да Жорж Занд. <...> Я здесь молчу и только слушаю: там слышишь, что Россия гниет; здесь, что Запад околевает, как собака на живодерне; там, что философия цветет теперь в России и надо бы держать ее как можно далее от жизни, заключить ее в формулы, чтобы толпа не смела в нее вмешиваться; здесь, что философия — морска-сука, что она есть не более, как выражение немецкого филистерства. Но над всем царит в непоколебимой высоте Гоголь. Впрочем, брошюрка Аксакова² возбудила и здесь общий смех. <...>

Первые опубликовано: Письма М. Н. Каткова к А. Н. Попову. 1843–1857 // Русский Архив. 1888. № 8. С. 480. Печатается по первой публикации.

Письмо отправлено А. Н. Попову за границу.

Михаил Никифорович Катков (1818–1887), публицист, журналист, в 1840–1843 гг. жил за границей, преимущественно в Берлине, в 1845–1850 гг. адъюнкт философии Московского университета.

¹ В неизданном письме к В. А. Елагину от 23 февраля 1843 г. М. Н. Катков также иронически упоминает о том, что некоторые москвичи «изъявляли сожалительное презрение», что он, Катков, «не становится на колени, когда гремит слово Гоголь» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 552). См. также в наст. изд. в дневнике П. И. Бартењева упоминание о каком-то анекдоте про Гоголя, который рассказывал М. Н. Катков.

² «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842). О восприятии этой брошюры К. С. Аксакова современниками см. в наст. изд. коммент. к письму К. С. Аксакова Ю. Ф. Самарину от конца мая 1842 г.

М. Н. Катков

<Некролог Гоголю> Фрагменты

В четверг, 21-го февраля, в 8 часов утра, скончался Николай Васильевич Гоголь. <...> Незадолго до своего последнего дня он выходил еще из дома, но в нем самом, казалось, было уже предчувствие близкой смерти. Еще в Сырную неделю он готовился к приобщению Святых Таин. Глубокая религиозность, бывшая его отличительным свойством, сопровождала его до последней минуты, и он скончался весь преданный загробным помыслам, обращенный к тому миру, который перед ним открывался.

Гоголь скончался 44 лет от роду, унося с собою еще так много великих надежд. <...>

Первые опубликовано: <Катков М. Н.> Внутренние известия. <...> Москва // Московские Ведомости. 1852. 23 февр. № 24. С. 243. Печатается по первой публикации.

Известие о похоронах было напечатано в № 25 «Московских Ведомостей» от 26 февраля 1852 г.

Свидетельства о Гоголе А. О. Смирновой (рожденной Россет) и ее дочери О. Н. Смирновой

Из писем А. О. Смирновой

А. О. Смирнова — князю П. А. Вяземскому

4 мая 1836 г.

Благодарю за «Современник»: я его вкушаю с чувством и расстановкой, разом проглотив Чиновников¹ и Коляску Гоголя, смеясь, как редко смеются, а я никогда; ведь это, однако, Плетнев открыл это маленькое сокровище; у него чутье очень верное, он его распознал с первой встречи. <...>

Впервые опубликовано: Александр Сергеевич Пушкин. По документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям кн<язя> П. П. Вяземского. СПб., 1880. С. 1–96; То же// Собр. соч. князя П. П. Вяземского. 1876–1887. Изд. графа С. Д. Шереметева. СПб., 1893. С. 549. Печатается по первой публикации.

Александра Осиповна Смирнова (рожденная Россет, 1809–1882), фрейлина, мемуаристка. С Гоголем познакомилась в июле 1831 г. Была также знакома с А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, М. Ю. Лермонтовым.

Воспоминания о Гоголе А. О. Смирновой, а также ее мужа Н. М. Смирнова см. также в наст. изд. в разделе «Анекдоты и рассказы о Гоголе» Д. В. Стасова.

¹ Имеется в виду «Утро делового человека».

А. О. Смирнова — князю П. А. Вяземскому

Рим. 30-е января <н. ст.> 1843.

Мы живем Forum Trajaniani, palazetto Valentini. Солнце на нас смотрит во все глаза с утра до вечера. Комнаты миленькие, довольно уединенно и вместе близко от шумного Корсо. <...> Вот материальное устройство, а это статья важная для дряхлой старушки, у которой голова болит ежедневно с тех пор как я скитаюсь, да и еще есть другие недуги. Но смотря на них и не слушая их, всякий день в час является к нам Гоголь, и мы странствуем, располагаясь таким образом, чтобы видеть всякий день церковь, галерею и кончить прогулкой, т. е. древностию или виллой и видом¹. Гоголь лучше покойника Нибби² и его замещающего Висконти³; лишнего не говорит и не показывает, оставляя впечатления совершенно свободными. *Пишу я дурно, а порусски еще хуже* и потому не буду ничего писать о том, что тут в душе происходит. Наконец я познакомилась с древностию и с Рафаэлем, о котором понятия не имела; Мадонн его, разбросанных по галереям, я никогда не любила, от <того> что есть только *одна*, и эта здесь. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 648. Печатается по первой публикации.

¹ См. связанную с осмотром римских достопримечательностей А. О. Смирновой гоголевскую <Записку о плане осмотра Рима для А. О. Смирновой>, составленную на следующий день по ее приезде в Рим, т. е. в двадцатых числах января (н. ст.) 1843 г. (см. в наст. изд. письмо А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому от 20 апреля (н. ст.) 1843 г.), а также

написанный Гоголем дневник осмотра А. О. Смирновой Рима «Путешествие Александры Осиповны», относящийся к первой неделе ее пребывания в Риме.

² Нибби (Ниббий, Нибий) Антонио (1792–1839), итальянский историк и археолог, автор путеводителей по Риму.

³ Джованни-Баттиста-Антонио Висконти (Visconti; 1722–1784), итальянский археолог, автор ряда трудов о римских древностях.

А. О. Смирнова — В. А. Жуковскому

<20 апреля (н. ст.) 1843. Рим>

Что вы делаете, милый и многолюбимый Василий Андреевич, и зачем не отвечали на мое флорентийское письмо? Или оно к вам не дошло? Я в Риме уже три месяца¹, живу хотя не припеваючи, однако ж с некоторым удовольствием, припевать не приходится больше в жизни, но душа еще живо принимает новые, совершенно неизвестные впечатления для нас, северных обитателей. Люблю Рафаэля, люблю и Петра и Ватикан, но особенно влечет меня в Campagna di Roma. Там есть какая-то неизъяснимая прелесть, и, не знаю почему, вспоминается что-то родное, вероятно, степь южной России, где я родилась. Мы часто с Гоголем там бродим, говорим об вас, вы поймете, с какой нежностью, потому что он вас обожает, а мою привязанность вы давно знаете. Чувствую, что очень дурно пишу по-русски, но как же иначе писать к вам, мой любезный немец. Мария Николаевна, погостив у нас месяц по возвращении из Неаполя, отправилась в Мюнхен со своею ношей, которая, впрочем, не мешала ей осматривать Рим и древний, и папский, и даже общество. Перовский был у ней в прикомандировке, а теперь прикомандировался ко мне. Если б я его прежде не любила, то теперь бы, узнав покороче, верно полюбила. Он все так же неизменно мил, смешлив, забавен, т. е. *drole*, но особенно добр, как дитя. Это странно при строгом выражении лица и прожили, резко вырезанной. Алеша его ожил с помощью гомеопатии, хотя кашель еще не совсем исчез. На днях все мы разъедемся. Брат мой² едет в Грейфенберг, Перовский в Россию. Гоголь с Языковым в Гастейн, я в Неаполь, где проживу только две недели, а потом потащусь на север. Вас мне надобно видеть непременно, надобно посмотреть на ваше счастье вблизи, полюбоваться им, и потому прошу уведомить меня, где и как мы можем встретиться. 10 июня просвещенного стиля я буду во Франкфурте, а 15 июля того же стиля я должна быть в Диеппе. В этот промежуток я хочу обозреть Голландию и Бельгию, мне неведомые страны на севере, тут и вам посвящается неделя. Напишите мне к 10 июню во Франкфурт, *Hotel de Russie*, а *m-g Sarg* и скажите, где вас отыскать. Мне приятнее всего было бы вас застать в вашем *at home*, а, впрочем, поеду, куда хотите. Жене вашей передайте мой дружеский поклон и приготовьте ее увидеть теперь просто Осиповну, от Иосифовны мало осталось, но Осиповна вас и ее любит. Александру Васильевну³ буду питать по-русски. Мои дети славные девчонки⁴; у меня гувернантка⁵ прекрасная. Бог мне ее послал, потому что я совершенно не способна воспитывать детей. Вы знаете, что я не всегда была небесный дьяволенок, и вам доставалось иногда в старые годы, когда вы подвергались моему гневу и после усовещивали меня галиматеей. Об Карамзиных не знаю ничего *directement*, разнесся было слух, что Андрей женится на Дуке, сестре графа Клейнмихель. Это бы не дурно, но до сих пор слухи не оправдались. Мне становится грустно расставаться с Римом, а прожить еще год не хочется, в Россию тоже не хочется, *en attendant je ferme les yeux a l'avenir et je vis au jour le jour. Mais n'est il pas temps de fermer ma lettre*⁶. Прощайте, и до скорого свидания. Прошу поверить, что, уезжая из России, я уже радовалась надежде вас увидеть и обещала себе свидание с вами, как светлый праздничный день в моем путешествии. Ваша от души А. Смирнова.

Рим, 20 апреля 1843 г.

Нельзя сказать, что я русская *Sevigne*⁷, но однако ж похвально русской барыне писать по-русски.

Впервые опубликовано: Из переписки А. О. Смирновой с В. А. Жуковским // *Смирнова (рожд. Россет) А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 332–334. Печатается по первой публикации.

¹ Очевидно, А. О. Смирнова приехала в Рим около 20 января (н. ст.) 1843 г.

² Ар. О. Россет.

³ Дочь В. А. Жуковского Александра (в замужестве баронесса Верман, 1842–1899).

⁴ Дочери Смирновой Ольга (1834–1893), Софья (в замужестве княгиня Трубецкая, 1836–1884) и Надежда (в замужестве Сорен, 1840–1899).

⁵ Мария Яковлевна Овербек (ум. в 1887), англичанка, гувернантка дочерей А. О. Смирновой.

⁶ Тем временем я закрываю глаза на будущее и живу день за днем. Не пора ли окончить мое письмо (*фр.*)

⁷ Мария де Севинье (1626–1696), французская писательница,

А. О. Смирнова — В. А. Жуковскому

<26 июня (н. ст.) 1843. Баден-Баден>

Как я обрадовалась Вашему письму, любезный Василек! Курилочка так вспыхнул по-старому, легко видно из его каракулек, что он сам и она сама — здоровы. Слава Богу, слава Богу! Итак, я буду у вас, мои милые Курилочки, в Дюссельдорфе около 13 июля. Не по дороге ли в Штутгарт Баден, подумайте об этом. Впрочем, вы едете молиться, так лучше не заезжать и не смущаться по дороге. И мне приятнее вас будет застать в новом для меня вашем at home. Вашу жену я знаю по рассказам Перовского, он ее очень полюбил, что меня с ним совсем примирило. Вы, может быть, и не знали, что я презирала одно время вашего Васюточку за его пошлые дружбы в Петербурге. Где Гоголь? Мне нужно его видеть, поговорить об Иванове. Простите, до скорого свидания, самый от меня дружеский поклон. Что делает Саша¹, Сашенька, Саша, Ся-ся, Сауринька или Adinchen, Alexandrinchen и проч., не назвать ли ее Мосичкой или Осликом, как Мария Николаевна² Колю³ зовет. До свидания, милые, добрые и счастливые.

А. Смирнова.

<На обороте:> A Monsieur de Joukoffsky a Ems⁴. Генералу и поэту Жуковскому, Курилочке, Бычку, Васильку и пр. и пр.

Баден-Баден, 14/28 июня 1843 года.

Впервые опубликовано: Из переписки А. О. Смирновой с В. А. Жуковским // *Смирнова (рожд. Россет) А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 334–335. Печатается по первой публикации.

¹ Дочь В. А. Жуковского.

² Великая княгиня.

³ Николай Александрович, великий князь.

⁴ Господину Жуковскому в Эмсе.

А. О. Смирнова — В. А. Жуковскому

<5 июля (н. ст.) 1843. Баден-Баден>

Письмо ваше от неизвестного числа, потому что каракульки не могла разобрать, я получила вчера, любезный Василий Андреевич. Собралась было тотчас к вам, но на днях рождение Оленьки, и ее бы очень огорчило мое отсутствие, а между тем Гугорт¹ хочет начать уже une si

или соуге, как он говорит, и потому не могу прежде двух недель к вам ехать. Напишите немедленно, слышите ли, сколько вы еще пробудете в Эмсе, мне бы хотелось вас тут видеть, потому что близко, а я устала и больна или, возможно, оторвусь от Гургорта. Не хочу откладывать до осени, потому, может быть, не удастся побывать в Дюссельдорфе. Вам Гоголь скажет, какая возня с тремя девчонками, — то одна, то другая больна. А вы скажите Гоголю, что он должен непременно меня видеть, нам надо поговорить об Иванове, да и Библия его у меня. Отвечайте скорее, милый Василек. Жене нежный поклон. Дочь вашу собираюсь нежно любить, надеюсь, что она еще очень глупа, я люблю бабу больше, чем говорящих детей. Гоголю мой поклон. Наденька об нем часто говорит.

А. Смирнова, ваша от души.

Баден. Церингенгоф.

<На обороте:> A Monsieur de Joukoffsky a Ems. Господину Василию Андреевичу Жуковскому. Генералу и поэту, кавалеру разных орденов, наставнику цесаревича, почтенному и заслуженному мужу, примерному отцу и супругу.

Впервые опубликовано: Из переписки А. О. Смирновой с В. А. Жуковским // *Смирнова (рожд. Россет) А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 335–336. Печатается по первой публикации.*

¹ Гургорт, врач в Бадене.

А. О. Смирнова — В. А. Жуковскому

<12 июля (н. ст.) 1843. Баден-Баден>

Любезный Joukoffsky, вчера получила от вас послание, спешу ответом, чтобы застать вас еще в Эмсе. Я хотела вам писать тотчас по приезде, но три дня сряду у меня так болела голова, что я пролежала в постели. Я доехала благополучно, нашла всех здоровыми и вдобавку Гоголя, который трапезует у меня ежедневно. Жену вашу прошу за меня расцеловать нежно и крепко. Она не мила и не хороша, это все мало для впечатления, которое во мне осталось. Она ангел чистоты душевной, и эта чистота так ярко и прелестно выражается в ее прекрасном лице и во всех ее движениях. И потому этому ангелу желаю искренно желанного ею уединения в Лифляндии, ей нечего делать в грязном Петербурге. Успокойте ее conscience timoree¹ насчет Гоголя, он очень доволен приемом, требования его невелики, ему нужно только часто вас видеть, он вам предан душой, благодарной за ваши ласки и покровительство, хотя мало изъясняется на этот счет. Ему и Викулину передам ваше письмо. Оленька в восхищении от ваших книг, другие — от игрушек. Надежду Николаевну я нашла в буйном расположении и ставила в угол, откуда она мне кричала во весь дух: «Жуцу, жуцу, мама моська». Бедный Перовский мне писал из Тильзита, где он отдыхал день для Алеши, который сильно кашляет. «Je vais d'agrafer mon surtout militaire, cette toilette me fait tout l'effet de la toilette d'un condamne», — me dit il. Ай да матушка Россия! «Je renonce a mon libre arbitre et a toute liberte en endossant mon uniforme»².

Прав Кюстин, который все-таки скотина, прочтите 3-й том³. Прочтите Blanc, я начала 3-й том тоже⁴. Писано удивительно, и портреты Chateaubriand⁵ и Berry⁶ прекрасны. C'est digne des portraits du due de <1 нрзб.> et autres par St.-Simon avec quelque ton de plus pointu et de plus aggrete comme l'epoque⁷. Я жене вашей сделаю прекрасный подарок, который ей вручится мною при свидании, а где и когда, не знаю. «Annee spirituelle»⁸ — так называется эта книга, тут St.-Francois de Sales, Fenelon, Thomas a Kempis, псалмы и Евангелие, все прекрасно выбрано для каждого дня, точно хлеб насущный для души. Я читаю ее уже лет восемь, и всякий день от-

крывается новое. Прощайте, душа Василек, милушку вашу расцелуйте, какая душка и как мило глядит большими глазочками. Письмо для верности посылаю Балашовой, она вам перешлет.
А. Смирнова.

Баден-Баден, 12 июня.

Впервые опубликовано: Из переписки А. О. Смирновой с В. А. Жуковским // *Смирнова (рожд. Россет) А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 336–337. Печатается по первой публикации.

¹ Ее боязливую совесть (*фр.*).

² Я застегну на все пуговицы мой военный сюртук. Это одяние действует на меня, как одяние осужденного, — сказал он мне... — Я отказываюсь от свободной воли и от всякой свободы, облакаясь в форму (*фр.*).

³ Имеется в виду книга А. де Кюстина «Россия в 1839» (4 т. Париж, 1843).

⁴ Имеется в виду «История десяти лет. 1830–1840» (5 т. Париж, 1841–1844) французского публициста и историка Луи Блана (1811–1882).

⁵ Ф. О. Шатобриан.

⁶ Каролина Фердинанда Луиза де Берри (1778–1870), герцогиня.

⁷ Это достойно портретов герцога де... и других, начерченных Сен Симоном лишь с большей остротой и большей решительностью, как и сама эпоха (*фр.*).

⁸ Об этой книге А. О. Смирнова упоминает также в письме к Гоголю из Петербурга от 1–7 октября 1844 г.: «Начала читать по старому *Année Spirituelle*, Послания, Евангел<ие>, иногда и псалмы твержу». Дочь А. О. Смирновой Ольга Николаевна, поясняя эти строки, сообщала: «*Année Spirituelle*» — очень старинная французская книга. Она теперь у меня, так же как и Евангелие (в 2 столбца, издания Библейского общества 1824 года), подаренное матери при выпуске из института императрицей Марией Федоровной, а «*Année Spirituelle*» — императрицей Александрой Федоровной в 1829 году, после кончины Марии Федоровны. В «*Année Spirituelle*» на каждый день несколько текстов Ветхого и Нового Завета и псалмов и цитаты из «Подражания Христу», St.-François de Sales, Fénelon, Bossuét и других святых или проповедников до XVIII ст. Эту книгу сочинили для St. Суг'a <школа Сен-Сир, основанная в 1686 г.>, по приказанию *me de Maintenon*; такой же экземпляр был у самой императрицы; он был ей подарен в Париже, когда она путешествовала с Павлом Петровичем (*voyage du comte et de la comtesse du Nord* <путешествие графа и графини Севера; *фр.*>). Эта книга уже не находится в продаже: составлена она отлично» (*Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // *Русская Старина*. 1888. № 7. С. 60–62). См. также в наст. изд. статью О. Н. Смирновой «Ответ г-же Черницкой».

А. О. Смирнова — В. А. Жуковскому

<28 августа (н. ст.) 1843. Баден-Баден>

Любезный Василек. По получении вашего письма я тотчас отправилась за справками. Очки у Блудова, и ему будет сказано о них. На мой вопрос насчет Берлина один дипломат сказал: «Я право не смею выговорить числа, а передайте Жуковскому, что надо ему спешить». С этим дипломатическим ответом я побрела домой и встретила вел<икого> князя, который просто сказал, что он будет в известном вам месте 5 или 6 сентября. Из града Петра пишут, что они все в большом горе. Бедняжку Адину¹ уже схоронили в крепости, а Марье Николаевне не смели еще объявлять этого. Мне очень жаль Адину, она была прекрасный ребенок, мы им так любовались в Риме. Оленька встала и уже гуляет, слава Богу, но очень похудела и слаба еще. Подумайте хорошенько, добрый Бычок, надо ли вам ехать в Берлин, или ждать. Там будет страшная кутерьма, маневры, и к тому эрцгерцог Этьен человек *не женатый*. Тургенев здесь, приехал вчера, обедал у меня и потом отправился в страшную грозу к Мещерской, споткнулся и упал в реку до ушей; долго барахтался, сломал мой зонтик и утопил два фунта чаю, который нес им в по-

дарок, наконец, вылез оттуда и сидит дома, ушиб себе ногу. Я была сегодня у него, под ногами у него был сундук, в головах мешок; il m'a fait l'effet de <1 нрзб.> sur les ruines de Carthago². А какая сумятица в его голове, и какой смешной вздор на языке. Едва ли он к вам будет, или если будет, спросите его про Воробьевы горы, он там филантропствовал при отправлении каторжных в Сибирь. Нет моды на systemes peniten<t>ices³. Французы пишут, как же ему не заглянуть и не прокричать об этой роли. Tout cela sont des choses et des mots sonores, sont resultats pour l'humanite, dont il est de mode s'occuper. Quand a la charite combien peu la pratiquent⁴.

Впрочем, он, бедный, жалок, постарел и невесел. Прощайте, милая душа, поцелуйте другую вашу душу и третью, поклонитесь автору «Мертвых душ» и прочих известных сочинений. Привез ли сей юмористический писатель вам пакет, ему врученный? С. М. Сологуб вам кланяется. Прощайте, милый Василек, ваша к услугам

А. Смирнова.

Баден, 16/28 августа.

Впервые опубликовано: Из переписки А. О. Смирновой с В. А. Жуковским // *Смирнова (рожд. Россет) А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 338–339. Печатается по первой публикации.

Послание представляет собой ответ на письмо В. А. Жуковского к А. О. Смирновой от 27 августа (н. ст.) 1843 г.

¹ Четырехлетняя дочь герцога Лейхтенбергского Максимилиана и великой княгини Марии Николаевны.

² Он произвел на меня впечатление... на развалинах Карфагена (*фр.*).

³ Исправительная система (*фр.*).

⁴ Все это звучные вещи и слова, все это результат гуманности, которой сейчас модно заниматься. Что касается до милосердия, то им немногие обладают (*фр.*).

А. О. Смирнова — В. А. Жуковскому

Париж, 3-го июня <н. ст.> 1844 года.

<...> Гоголь мною управляет, и я ему делала запросы: мы писали о своих делах! <...>

Впервые опубликовано: <*Бартенев П. И.*> П. Б. Письма А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому // *Русский Архив*. 1902. № 5. С. 103; с подстрочным примечанием П. И. Бартечева: «С подлинников, сообщенных в “Русский Архив” сыном поэта П. В. Жуковским и покойною дочерью А. О. Смирновой, Надеждою Николаевной Сорен» (С. 95). Печатается по первой публикации.

¹ См. письмо Гоголя к А. О. Смирновой от 30 мая (н. ст.) 1844 г. из Франкфурта, написанное перед ее отъездом в Россию, куда она возвращалась в связи с назначением мужа Н. М. Смирнова с 1845 г. губернатором в Калугу.

А. О. Смирнова — В. А. Жуковскому

<22 августа 1844. Санкт-Петербург>

P.-bourg, 22 aout 1844.

<...> Где Гоголь? <...>

Впервые опубликовано: <*Бартенев П. И.*> П. Б. Письма А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому // *Русский Архив*. 1902. № 5. С. 108. Печатается по первой публикации.

А. О. Смирнова — В. А. Жуковскому

<31 января 1845. Санкт-Петербург>

Petersbourg, 31 janvier 1845.

<...> При всем письмо волтижёру Гоголю¹. Неужели же не будет воскресу его Мертвым Душам? Пора бы однако ж. Я уж давно говорила Марье Николаевне о его состоянии; она одна может это устроить, это сладится со временем, без сомнения². <...> Не затеряйте мое письмо к Гоголю, там есть вексель; перешлите, если он велел, в Париж. <...>

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. Письма А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому // Русский Архив. 1902. № 5. С. 108. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду письмо А. О. Смирновой к Гоголю от 30–31 января 1845 г.

² См. в наст. изд. письмо В. А. Жуковского к А. О. Смирновой 16–28 января (н. ст.) 1845 г.

А. О. Смирнова — великой княгине Марии Николаевне

<Февраль (после 22-го числа) 1845. Санкт-Петербург>

Ваше Императорское Высочество милостиво изволили принять мою просьбу о Гоголе и приказали составить о нем записку, которую имею честь представить¹. Сочинения его известны Вашему Императорскому Высочеству¹. Публика особенно заметила в них оригинальные комические стороны; но от Вашего взгляда, без сомнения, не ускользнули красоты высшие, чувства всего прекрасного, чисто Русского, народного, которые его поставили наряду с первыми нашими литераторами. Чем более входит он в изображение серьезной стороны Русского быта (о чем упоминает сам в последних своих сочинениях), тем медленнее подвигается его работа, и, следовательно, он лишается выгод, соединенных с продажей книг. Самая первая выручка его сочинений употреблена была им на поправление расстроенного состояния матери и сестер, которые и до сих пор не совершенно обеспечены. Между тем его здоровье было всегда так слабо, что вследствие сильной болезни он вынужден был оставить самую выгодную службу, находившись в здешнем Университете Адъюнкт-Профессором, и отправиться за границу. Лишенный всякого способа достигнуть своих предприятий литературных и касающихся до здоровья, он только благодеяниями Царскими может быть обеспечен. — Конечно, он еще не успел сделать для пользы Русской словесности столько, как Пушкин и Карамзин; но милости Государа не исключают никого, кто из любви к пользе Отечества принесет хотя слабую дань своего усердия. Участие Вашего Императорского Высочества само определит, каким образом может быть поддержано существование человека, который по общему признанию подает много надежд.

Вашего Императорского Высочества
много преданная и всепокорная слуга

А. Смирнова.

Впервые опубликовано: Дризен Н. В., барон. Заметки о Гоголе // Исторический Вестник. 1907. Октябрь. С. 164–165; с пометой: «Общ. архив министерства императорского двора, д. № 343/1571» (С. 167). См. также: Дело о пособии Гоголю в 1845 году // Литературный музей. (Цензурные материалы 1-го Отд<еления> IV секции Государственного Архивного Фонда). Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., <1921>. Вып. I. С. 69–70. Копия письма хранится: ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 33. Л. 1–2. Печатается по первой публикации.

¹ Записки при деле не имеется. — *Ошибочное примеч. барона Н. В. Дризена. Упомянутой «запиской» является настояще письмо.*

Послание было составлено А. О. Смирновой 22 февраля 1845 г. с помощью П. А. Плетнева (см. в наст. изд. письмо последнего к Я. К. Гроту от 24 февраля 1845 г.).

11 марта 1845 г. вечером Смирнова была у Императрицы и напомнила Государю о Гоголе (см. в наст. изд. раздел «Из дневника А. О. Смирновой»).

13 марта 1845 г. великая княгиня Мария Николаевна передала записку Смирновой Государю (см. в наст. изд. письмо Смирновой В. А. Жуковскому от 16 марта 1845 г.).

На следующий день, 14 марта 1845 г., министр Императорского Двора светлейший князь П. М. Волконский препроводил записку Смирновой «о литераторе Гоголе» министру народного просвещения С. С. Уварову «при бумаге следующего содержания: “По Высочайшему повелению имею часть препроводить к вашему высокопревосходительству для рассмотрения и доклада Государю Императору представленную Ея Императорскому Высочеству великой княгине Марии Николаевне супругою церемониймейстера Смирнова записку о литераторе Гоголе” (От 14 марта 1845 г. Общ. архив министерства императорского двора, д. № 343/1571. Оп. 936)» (*Дризен Н. В.*, барон. Заметки о Гоголе // *Исторический Вестник*. 1907. Октябрь. С. 167–168).

15 марта 1845 г. А. О. Смирнова из разговора с графом А. Ф. Орловым узнала, что Государь поручил ему «заняться Гоголем» (см. в наст. изд. раздел «Из дневника А. О. Смирновой» и письмо Смирновой В. А. Жуковскому от 16 марта 1845 г.). Вследствие этого Смирнова в тот же день отправила послание к Жуковскому, где просила его написать Орлову о Гоголе (см. в наст. изд. письмо Смирновой В. А. Жуковскому от 16 марта 1845 г. и примеч. 7 к этому письму).

18 марта 1845 г. на всеподданнейшем докладе С. С. Уварова от 17 марта о денежном пособии Гоголю Государь вынес резолюцию: «Пусть сам М<инистр> определит меру пособия, которого заслуживает» (см. в наст. изд.).

21 марта 1845 г. С. С. Уваров поручил П. А. Плетневу спросить у А. О. Смирновой, какая сумма нужна для помощи Гоголю, и на следующий день, 22 марта, Плетнев со Смирновой, по совету князя П. А. Вяземского, решили просить для Гоголя на пять лет по тысяче рублей серебром в год (см. в наст. изд. письма П. А. Плетнева к С. С. Уварову от 23 марта 1845 г. и к Я. К. Гроту от 24 марта 1845 г., а также раздел «Из дневника А. О. Смирновой»).

Официальное извещение Гоголю о предоставлении ему пенсии на три года по тысяче рублей серебром ежегодно С. С. Уваров 27 марта 1845 г. передал через П. А. Плетнева А. О. Смирновой, которая через В. А. Жуковского отправила это извещение Гоголю (см. в наст. изд. письмо А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому от 27–28 марта 1845 г.).

Гоголь благодарил С. С. Уварова в письме от конца апреля (н. ст.) 1845 г. По свидетельству А. О. Смирновой, благодарственное письмо Гоголь написал тогда же и Государю: «Я после узнала, что он писал и Государю» (см. в наст. изд. <Воспоминания о Гоголе> А. О. Смирновой — письмо к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.).

¹ Сочинения Гоголя в четырех томах (СПб., 1842) были посланы П. А. Плетневым великой княгине Марии Николаевне в Рим в феврале 1843 г. (см. в наст. изд. письмо П. А. Плетнева к Я. К. Гроту от 17 февраля 1843 г.). О знакомстве Гоголя с великой княгиней Марией Николаевной в Риме весной 1843 г. см. в наст. изд. письмо А. М. Языкова к Н. М. Языкову от 5 мая 1843 г.; *Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина; Воспоминания графа В. А. Соллогуба и Воспоминания О. Н. Смирновой о Гоголе в статье В. И. Шенрока «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь» (1888).*

А. О. Смирнова — В. А. Жуковскому

Петербург, 16-го марта 1845 года.

Любезный, добрый и прекрасный Василек, или по старому Бычок, я пишу вам по поводу Гоголя и начинаю просьбою, чтобы он ничего не знал о наших работах на его счет. Месяца два тому назад я говорила с великой княгиней Марьей Николаевной, которая очень охотно взялась доложить о нем Государю и приказала приготовить записку. С помощью Плетнева¹, я составила довольно казенную штуку² и подала ее Ея Высочеству. Великая княгиня беспрестанно хворала и теперь еще лежит в постели, и дело казалось забытым. Однажды³ в собрании (двухперсонном) Государь был очень со мной милостив, и я не пропустила случая ему сказать несколько слов о Гоголе, упиравшись на ваши слова, и просила постоянного пособия в виде пенсии. Еди-

новременное, да, был ответ, но не пенсию: он еще ничего не сделал такого, что заслуживает пенсию. Вы понимаете, что тут явился вопрос о его пребывании за границею, и я описала положение его здоровья в самых черных красках, не подозревая, что наш бедный Гоголек так скоро и горестно подтвердит мои слова. Вчера явилась ко мне ваша милая и премилая Александра Воейкова⁴ и сказала, что Марья Николаевна отдала Государю третьего дня⁵ мою записку, вследствие разговора обо мне, в котором он, т. е. Царь, весьма лестно изъяснился насчет моей персоны. Вечером вчера же был во дворце концерт, первый большой вечер после шестимесячного заключения. Ко мне подошел Орлов, нельзя сказать, чтобы с приятным обхождением и весьма без улыбки и сказал: Жуковский вам писал о Гоголе, надобно подать мне записку; ведь он молод и ничего такого не сделал...¹ Вы понимаете, что я на это ничего не отвечала, а только просила убедительно, выставляя расстроенное здоровье и невозможность вылечиться и заняться делом без этой помощи. Я не авторитет для этих господ, а вы *une cloune consacrée en littérature*, действительный тайный советник в литературе, вам и покойный Государь дал право на бессмертие и на пенсию; потому я и прибегаю к вам, чтобы довершить начатое дело во имя ваше. Как вы думаете? Не написать ли вам Орлову коротенькое письмо⁶? Он, я думаю, читать не охотник, да и завален делом; так пишите ему коротко и ясно, изложите свое мнение насчет, по-моему, неоспоримых прав Гоголя. Пожалуйста, ему, Гоголю, ничего не говорите; я как-то раз с ним в Ницце сказала несколько слов, и он отвергнул именно этими словами: «Я теперь еще не имею никакого права, а может быть, вперед сделаю что-нибудь, которое мне его доставит». Последнее его письмо⁷ меня очень огорчило: кроме расстроенного состояния проглядывает как бы еще душевное предчувствие, что он свое дело не окончит. <...>

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. Письма А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому // Русский Архив. 1902. № 5. С. 111–112. Печатается по первой публикации.

Письмо было отправлено В. А. Жуковскому через графа М. М. Виельгорского (см. ниже в наст. изд. письмо Смирновой Жуковскому, отправленное между 16 и 27 марта 1845 г.).

¹ См. в наст. изд. письмо П. А. Плетнева Я. К. Гроту от 24 февраля 1845 г.

² См. в наст. изд. письмо А. О. Смирновой к великой княгине Марии Николаевне от февраля (после 22 числа) 1845 г.

³ 11 марта 1845 г. (см. в наст. изд. раздел «Из дневника А. О. Смирновой»).

⁴ Александра Александровна Воейкова, фрейлина великой княгини Марии Николаевны, «дочь “Светланы” <Ал. Анд. Воейковой (рожд. Протасовой)>, внучатая племянница В. А. Жуковского» (<Бартенев П. И.> П. Б. Письма А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому // Русский Архив. 1902. № 5. С. 111).

⁵ 13 марта 1845 г.

⁶ См. в наст. изд. письмо В. А. Жуковского к начальнику III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии графу А. Ф. Орлову от 7/19 апреля 1845 г. из Франкфурта.

⁷ Подразумевается либо письмо Гоголя к А. О. Смирновой от 24 февраля (н. ст.) 1845 г. из Парижа, либо письмо от 15 марта (н. ст.) 1845 г. из Франкфурта, с приложением письма, начатого 9 января (н. ст.) 1845 г. в Париже и законченного 15 марта (н. ст.) во Франкфурте.

А. О. Смирнова — В. А. Жуковскому

<Между 16 и 27 марта 1845. Санкт-Петербург>

Я писала вам по оказии чрез М. М. Вьельгорского; не знаю, переслал ли он вам мое письмо¹. Дело шло о Гоголе. Я просила вас писать к графу Орлову по этому случаю. Мне некто, очень верный человек, которого вы любите и который вас любит, советовал вам обратиться прямо к Великому Князю Наследнику. Вот что! <...>

¹ Точки в подлинном письме. — *Примеч. П. И. Бартенева.*

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. Письма А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому // Русский Архив. 1902. № 5. С. 113. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо от 16 марта 1845 г. (см. выше в наст. изд.).

А. О. Смирнова — В. А. Жуковскому

<27–28 марта 1845. Санкт-Петербург>
Петербург, 27-го марта 1845 года.

<...> Дело о Гоголе приняло самый счастливый оборот: Государь говорил с Уваровым, который, по словам Плетнева, был очень мил в этом случае, и ему назначили на три года по 1000 рубл<ей> с<еребром> в год. Скажите вы это ему и научите, что делать. Деньги будут получиться в казначействе, за год вперед; вероятно, на днях мы их вышлем. Пусть он знает, что все это сделано именем вашим, а не моим. При этом письмо к нему от брата Аркадия¹, который вам свидетельствует свое почтение. <...>

А. Смирнова.

Вчера вечером принес ко мне Плетнев следующее при сем письмо к Гоголю от Уварова², т. е. официальное извещение милостей Государя. Я нечаянно его распечатала. Заставьте, пожалуйста, Гоголя написать Уварову, или сделать то, что следует, по вашему мнению. <...>

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. Письма А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому // Русский Архив. 1902. № 5. С. 114. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо от 28 марта 1845 г.

² Письмо от 27 марта 1845 г.

А. О. Смирнова — С. Т. Аксакову

Петербург, 4 июня 1845 года.

Милостивый государь! Хотя не имею чести вас знать лично, знаю вас, однако же, по общему нам другу Николаю Васильевичу Гоголю. Последнее его письмо ко мне наполнило душу мою беспокойства и мрачных предчувствий; я с ним так тесно сблизилась в течении двух последних лет, что и теперь, как бы по особенному усмотрению Божию, страдаю тоже болезнями душевными, и по обстоятельствам нахожусь в невозможности ему помочь действительно. Словом же тому нельзя помочь, который проникнут Им, но который все-таки по слабости человеческой требует души любящей возле себя в тяжкой болезни, ему Богом посланной. Переписываю вам из его письма то, что касается прямо до него; передумайте все это и решите, что делать с ним? Тому назад два месяца, я уже ему предлагала вернуться в Россию, прямо ко мне, и имела тогда намерение провести лето в деревне под Москвой; но он уклонился от моего предложения. Может быть, переезд его сюда был бы спасителен еще: ему нужно общество друзей более, чем он думает, а он себя обрек на страшное одиночество в Германии, которая его натуре уже противна, и живет у Жуковского, погруженного в свой семейный быт, в свои домашние заботы и радости, и который светлую душою своею не может и понять страданий Гоголя. Но пора вам выписать его собственные строки¹: «Я страдаю весь душою от страданий моего тела, а душа изнывает вся от страшной хандры, которую приносит болезнь, бьется в ней и выбивается из сил биться с ней. Я, верно, исхудал не меньше вашего, и вы бы ужаснулись, меня увидев. И ни души не было около

меня в продолжении самых трудных минут, тогда как всякая душа человеческая была бы подарком, и всякий страждущий, вызвавший меня на помощь себе, тем самым, может, исцелил хотя на время дух мой. Здоровье мое с каждым часом хуже и хуже. Воды Гомбурга действуют дурно, и этому помогает, может быть, опасное положение совершенного одиночества. Всякое занятие умственное невозможно и усиливает хандру, а всякое другое занятие не есть занятие, а потому также усиливает хандру. Изнурение сил совершенное. Мне казалось бы, что встреча была бы нужна с вами, если Богу угодно будет продлить до того времени мою жизнь². Письма для большей верности адресуйте по-прежнему к Жуковскому; он их мне перешлет; книги¹ же прямо в Гастейн. Затем прошу вас о том же, о чем вы меня просите: молитесь обо мне; здоровье мое очень плохо, очень плохо. Молюсь и об вас, сколько в силах то по нынешнему бессилию моему».

Сегодня же я пишу ему и зову его в Россию, ко мне или к вам в Москву; если и назначено Богом кончить ему жизнь или продлить ее в недуге душевном, что было бы ужаснее смерти, то по крайней мере он найдет соболезнующие сердца, и не чуждым языком будут говорить с ним. Не могу пересказать вам, как я скорблю по нем. Или вышлите к нему кого-нибудь или вытребуйте его к себе в Москву, но не оставляйте одного в Германии. Пишите ему во Франкфурт к Жуковскому; пожалуйста, отвечайте мне: *Александр Осиповне Смирновой у Синего моста, в собственном доме, на Мойке*. Еще раз повторяю: не имея чести вас знать лично, не извиняюсь, однако же, и забываю все светские приличия, потому что дело идет о спасении нашего общего друга.

А. Смирнова.

Впервые опубликовано: *Павлов Н. М.* Из переписки А. О. Смирновой с Аксаковыми // Русский Архив. 1896. № 1. С. 144–145. Печатается по первой публикации.

¹ Следуют фрагменты из письма Гоголя к А. О. Смирновой от 4 июня (н. ст.) 1845 г. Из Гомбурга.

² Далее пропущено: «Мне казалось, что воды Гастейна вам помогли бы больше всего, и если бы вы решились хотя с одним Аркадием Осиповичем отправиться в Гастейн, оставивши детей с м<исс> Овербек в селе Спасском, то это было бы не дорого. Из Москвы вы отправились бы прямо в Гастейн на Вену [прямо на Вену] в легком экипаже. Вы спрашиваете, как познакомиться со стариком Аксаковым. Приехавши в Москву, пошлите прямо за ним, чтобы он приехал к вам. Скажите, что это мое желание. Отыщите также старушку Шереметьеву; скажите [скажите ей] также, что я велел вам с нею познакомиться. В минуты трудные она вам будет очень полезна. Навестите также Языкова. Он без ног, а пото<му> к вам не в состоянии приехать. Прочих всех можете увидеть у Хомякова, который даст [сделает] для вас вечер и на нем покажет вам всех. Когда вам слишком будет трудно и грусть ваша будет велика, не забудьте взять сочинения св. Димитрия Ростовского (в 5 томах) и в первом томе прочитайте (помолившись прежде крепко Богу) разговор между *утешающим* и *скорбящим* и не один раз потом его перечитывайте. Вот всё, что могу вам посоветовать, изнывая и скорбя сам. Затем обнимаю вас всей мыслию души моей.

Весь Ваш Г<оголь>.

Если будет вам не в труд, то купите для меня книги:

- 1) “О небесной иерархии” Дионисия Ареопагита, в одном томе.
- 2) “О церковном священноначалии”, его же, Дионисия Ареопагита, также в одном томе.
- 3) “Изъяснен<ие> Литургии”, недавно вышедшее, священн<ика> Нортова и
- 4) книга совершенно мирская, на днях [ед<ва>] вышедшая, что-то вроде “Петербургских сцен”, Некрасова, которую очень хвалят и которую бы мне хотелось прочесть».

¹ Он просил книг у меня. — *Примеч. А. О. Смирновой.*

А. О. Смирнова — П. А. Плетневу

Павлино¹, 26 июня 1845 года.

Я получила письмо от Гоголя², любезный Петр Александрович, который меня спрашивает, зачем он получил так мало денег за прошлую треть и когда ему следует еще получить. Потрудитесь мне все это растолковать, пожалуйста; он хочет точного и подробного отчета по этому предмету, потому что, смотря по деньгам, будет путешествовать и назначит нам, куда их высылать. Он теперь выехал в Гастейн, и здоровье его как будто бы поправляется. Графиня Виельгорская его видела во Франкфурте, в первый раз он ей показался очень плох, но потом был веселее и живее. Что с ним будет? не знаю; а со мною пока вот что. Я еду в Калугу в октябре, а Н<иколай> М<ихайлович>³ теперь, т. е. через три недели. <...> Аркадия мне недостает; но ему нужен Гельсингфорс, которым он до сих пор очень доволен. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 910. Печатается по первой публикации.

¹ Павлино — дача Виельгорских под Петербургом.

² Письмо от 18 июня (н. ст.) 1845 г. из Гомбурга.

³ Смирнов, муж А. О. Смирновой.

А. О. Смирнова — В. А. Жуковскому

Павлино, 19 августа 1845 года.

<...> Бедному Гоголю все не лучше¹. <...>

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. Письма А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому // Русский Архив. 1902. № 5. С. 117. Печатается по первой публикации.

¹ См. письма Гоголя к А. О. Смирновой от 5 и от 15 июля (н. ст.) 1845 г. из Берлина и от 25 и от 28 июля (н. ст.) 1845 г. из Карлсбада.

А. О. Смирнова — В. А. Жуковскому

Петербург, 20 сентября (1845).

<...> Дюваль, по моему щучьему веленью, выслал на ваше имя письмо с векселем для Гоголя; перешлите этот вексель скорее в Рим в посольство, любезный Василий Андреевич; он теперь очень в коротких и тонких обстоятельствах. <...>

В Павлине мы прочитали ваше письмо к Сол<л>огубу, по случаю Тарантаса. У него, конечно, есть талант, но признаюсь, вот имя-то Тарантас не что иное как слабый отпечаток Мертвых Душ: то же направление, та же смешная сторона, даже и *de la vulgarité*; но нет той силы, той оконченности, которая у Гоголя так живо рисует лицо и тем самым искупила многие недостатки. При этом отсутствие сильного убеждения, и только намеки и улики в отсутствии горячего чувства между классом мыслящим. В доме Вьельгорского нельзя это сказать, конечно, но таково мое мнение о Тарантасе. <...>

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. Письма А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому // Русский Архив. 1902. № 5. С. 117–118. Печатается по первой публикации.

А. О. Смирнова — П. А. Плетневу

<Январь 1846. Калуга>

<...> Благодарю вас за вашу заботливость об Гоголе и за выписку из его письма¹. Мне также не было времени ему расписаться; до меня дошло, что он поправился, бывает всякий день у Софьи Петровны Апраксиной, которая его очень любит, чему я очень рада. Ему всегда надобно пригреться где-нибудь, тогда он и здоровее и крепче духом. Совершенное одиночество для него пагубно... <...>

Читали ли вы коротенькую critique de Ste-Beuve на Гоголя²? Он славно разобрал Тараса для француза: полагает, что Гоголь напитан Шекспиром и Гомером, и что гениальность его — есть переимчивость. Он ошибается: Гоголь такой же гений, как и Шекспир. Шекспир же нигде не черпал своих вдохновений. Я здесь перечла всего Н<иколая> Васильевича. Как-то здесь уясняется вся его пронизательность, все его столкновения с живым и внутренним ходом дел в России. Гоголь — чудное явление у нас. Если бы вы знали, как им хохлы гордятся, хоть и не паны, а так-таки себе просто хохлы, а все ж люди... <...>

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 930–931. Печатается по первой публикации.

¹ Вероятно, имеется в виду письмо Гоголя к П. А. Плетневу от 28 ноября (н. ст.) 1845 г. из Рима.

² Фрагмент статьи Ш. О. Сент-Бёва см. в наст. изд.

А. О. Смирнова — П. А. Плетневу

<17 апреля 1846>

<...> Я получила письмо от Гоголя¹ очень радостное для нас, он пишет и теперь, вероятно, во Франкфурте у Жучка. Не вышли ли его пять лет, чтобы не продали имение с аукциона. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 945. Печатается по первой публикации.

¹ Не сохранилось.

А. О. Смирнова — В. А. Жуковскому

Калуга, 15-го июня (1846).

<...> Я лечилась два месяца в Москве водою. <...> Гоголю не пишу, и он мне не пишет. <...>

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. Письма А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому // Русский Архив. 1902. № 5. С. 121. Печатается по первой публикации.

А. О. Смирнова — П. А. Плетневу

Калуга, 10 декабря <1846>.

<...> Гоголь два раза писал ко мне¹, чтобы я ехала в Петербург и, переговорив с вами, принялась за дело живо и с жаром². Ехать мне решительно нельзя, я и ему уже об этом писала в

Неаполь³: на 1000 верст дороги моих физических сил не хватит. Я не сомневалась, что дело без меня обойдется, и что в ваших руках он, как у Христа за пазушкой. Вчера в этом удостоверялась письмом старика Аксакова к сыну. Тогда как в Москве произошло недоумение, сомнение, и самая глупая боязнь за рассудок Гоголя, вы один осмелились объявить им, что будете все печатать и выполните его волю свято. Дело в том, что они все Гоголя любят как свое знамя и хотят, чтобы он носил их цвета, считают уже за отпадшего или упавшего того, кто осмелится отступить от принятого ими за истину. В кого они теперь его из Гомеров разжалуют. Прошу вас, любезный друг, не смущаться их толками и печатать и действовать в его смысле. Что есть странности за Гоголем, знаем мы это и знали и они, но пока он их забавлял, все ему прощалось, а теперь пойдут опять глупые нападки. Что Гоголь для нас пропал в смысле чисто-изящном, это я предвидела давно; не менее того он останется высоким явлением в истории и литературы нашего времени и обличителем эпохи своей. Тут многое бы можно сказать, но чтобы не коснуться лишнего, письменно, окончу еще просьбою оставаться вам твердо в вашем добром намерении. <...> Отвечайте скорее Гоголю в Неаполь *poste restante* и мне. Пришлите скорее его письма о духовенстве. Я рада, что вы развязались с Современником. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 965–966. Печатается по первой публикации.

¹ 15 октября (н. ст.) 1846 г. из Франкфурта и от 9 ноября (н. ст.) 1846 г. из Флоренции.

² Речь идет об издании «Выбранных мест из переписки с друзьями».

³ Письмо не сохранилось. См. ответ Гоголя из Неаполя от 24 ноября (н. ст.) 1846 г.

А. О. Смирнова — В. А. Жуковскому

Калуга, 7-го апреля (1847).

<...> Читали ли вы книгу Гоголя¹ и знаете ли вы, какие толки пошли о нем? В Москве его сочли совсем за сумасшедшего и объявили это во всеуслышание, разумеется, *его друзья*. Он много страдал, и все ошибки его в том, что он всех полагал такими же страдающими; а дело в том, что большая часть живет в ладу с своими пороками: в этом мне порукой целый город Калуга, преспокойно почивающий на лаврах своего разврата и безнравственности. <...>

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. Письма А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому // Русский Архив. 1902. № 5. С. 126. Печатается по первой публикации.

¹ «Выбранные места из переписки с друзьями».

А. О. Смирнова — И. С. Аксакову

28 июня <1850. Калуга>

<...> ...Сегодня я детям читала Тараса Бульбу вслух. Что за человек этот Гоголь, что за оригинальный гений. Он проехал здесь с Максимовичем, здоровье его плохо; если Бог поможет ему получить паппорт за границу, он, вероятно, поселится в Афинах или на Афоне и кончит там второй том¹. На Афон советываю я и завлек<ли> его рассказами автор Писем Святогорца² и слепой³, с которыми он виделся в Москве. <...>

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 734; отрывок из письма см. также: Аксаков И. С.

Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 538. Печатается по автографу: *РГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 164. Л. 2.

¹ Сведения об этом И. С. Аксаков сообщил родным в письме от 9 июля 1850 г. (см. в наст. изд.).

² Иеромонах Сергей (Веснин) (известный под именем Святогорца, 1814–1853), с которым Гоголь познакомился, вероятно, в конце 1849 – начале 1850 г. в Москве (см. в наст. изд. письмо Святогорца неустановленному лицу от 1 июля 1850 г.); сохранилось также письмо Святогорца Гоголю от 3 марта 1851 г. из Константинополя (по-видимому, зимой 1850/51 г. они встречались в Одессе).

³ Григорий Иванович Ширяев (1817–1875), из крестьян Пермской губернии; девяти лет лишился зрения от оспы. С двенадцати лет странствовал по святым местам; обошел почти всю Россию и православный Восток (см.: *Князев А.* Странствования русского слепца-паломника (Памяти слепца Гр. И. Ширяева) // *Странник*. 1889. № 3–5).

А. О. Смирнова — С. Т. Аксакову

1 марта <1852>. С.-Пб.

Милостивый государь, Сергей Тимофеевич. У меня до вас есть просьба. Сделайте одолжение, попросите Хомякова, чтобы он позволил мне списать портрет Николая Васильевича и прикажите Лангу это сделать в ту самую величину, как оригинал. Странно начинать так письмо, не сказав ничего о покойном друге нашем; но сил моих не хватает еще, да и что сказать? Все молчит и страдает при некоторых потерях в жизни. Такая жизнь и такая смерть, каковые вынес наш добрейший Николай Васильевич, заставят всякого призадуматься. Сколько, сколько было сокровищ в этом человеке, и какое сиротство для нас, его коротко знавших! <...>

Впервые опубликовано: *Павлов Н. М.* Из переписки А. О. Смирновой с Аксаковыми // *Русский Архив*. 1896. № 1. С. 150. Печатается по первой публикации.

А. О. Смирнова — В. А. Жуковскому

С.-Петербург, 16 марта 1852.

<...> Плетнев сообщил мне ваше любезное письмо. И вы и мы все грустим о добром, милом, много милом Гоголе. Какая потеря для всех, каждому в его меру, в его потребность! Странно, от чего он сделался так нужен всем своим друзьям; стало быть, велики были залогов в этой душе, истинно и глубоко христианской. Летом, он был у нас в деревне¹ и провел две недели кряду, вставал очень рано, бродил по роще; я уже была больна, он меня ободрял, но видимо сам страдал и жаловался на леность желудочных отправления. Купался ежедневно, это его освежало, а по утрам я заставляла его за работой; он, казалось, торопился окончанием второго тома *Мертвых Душ*. В октябре я с ним простилась в Москве; он казался расстроен и прекратил прощание пожатием руки, ушел скорым шагом, и кто мог подумать, что это было наше последнее свидание! К Новому году он еще писал ко мне несколько строк²; но я не могла отвечать, а 21-го февраля его не стало. Какая трогательная смерть! Так скончался недавно Макарий в Болховском монастыре настоятель, так же и Георгий, Задонский затворник³. В Москвитянине есть статья *Погодина*, прекрасно написанная, где все подробности, узванные от графа Толстого⁴. Все сожжено, за исключением маленького портфеля, который он сам отдал Шевыреву, да еще запечатан его шкаф; надеются, что там найдется кое-что. Толстой слег в постель; в его комнате читают сорокоуст, исполняется с покорностью обряд наш Православный. Покойный так любил, понимал и ценил премудрость наших церковных постановлений. Его жалеют много и многие; но пишут мало, что весьма хорошо: сгоряча написала бы лишнее, пристрастное, и пошла бы

журнальная перепалка. Хоронил его Университет. Назимов поступил благородно и с чувством: сам опустил его в могилу в Даниловом монастыре, возле Языкова, его друга. Граф Закревский был на похоронах, колесница ехала пустая, а студенты и профессора несли на плечах от церкви до кладбища. Все это утешительно. Пишу эти подробности; вам дорого все, что у нас делается хорошего. Вышли два его портрета, один в гробу хорош, а другой, в профиль, Мамонова, неудачен. <...> Виельгорских видела мало, а теперь и совсем не вижу, потому что у моего сынишки⁵ корь была. О Гоголе они мне даже не написали ни полсловечка. Бедный Вяземский о нем взгрус<т>нет: они очень сблизились в последнее время. <...>

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. Письма А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому // Русский Архив. 1902. № 5. С. 126–127. Печатается по первой публикации.

¹ «В селе Спасском, Бронницкого уезда, на Москве-реке, ныне принадлежащем графу Орлову-Давыдову» (<Бартенев П. И.> П. Б. Письма А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому // Русский Архив. 1902. № 5. С. 127).

² Письмо от 1 января 1852 г.

³ Георгий, Затворник Задонский (в мире Машурин Георгий Алексеевич, 1789–1836), монах Задонского Богородицкого монастыря.

⁴ Речь идет о статье М. П. Погодина «Кончина Гоголя» (см. в наст. изд.).

⁵ Михаил Николаевич Смирнов (1847–1889), биолог.

А. О. Смирнова — П. А. Плетневу

<Средина марта 1852>

<...> Пожалуйста, пишите, все обстоятельства Вашего знакомства с покойным <Гоголем> и вообще все, что запомнили. Вручим это все Аксакову Константину, который много усмирел, и очень способен сделать хорошую вещь из этих материалов. Напечатаем, а вырученные деньги — его сестрам и матери, если она переживет эту потерю. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 761. Печатается по первой публикации.

Письмо было получено П. А. Плетневым 18 марта 1852 г.

А. О. Смирнова — М. П. Погодину

<Средина марта> 1852.

Милостивый Государь Михаил Петрович. Я прочла вашу статью в Москвитянине¹. Благодарить, хвалить — неприлично. Человека не хвалят и не благодарят за его чувства, не радуются за него, как мы все должны радоваться за ближнего, когда он таков, каков должен быть во Христе. Чудно связал покойный Н<иколай> В<асильевич> всех тех, которых знал, и потому все равно почувствовали его смерть. Потому и я не извиняюсь, что пишу к вам, так (по-светски судя) некстати. Не говорите о моем письме, зачем другим это знать. Я же знала все отношения Гоголя. Остаюсь вас искренне и глубоко уважающая

А. Смирнова.

Публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 30. Ед. хр. 51. Л. 3.

¹ Речь идет о статье М. П. Погодина «Кончина Гоголя» (см. в наст. изд.).

А. О. Смирнова — П. А. Плетневу

<Начало апреля 1852>

Любезный Петр Александрович, посылаю Вам копию с письма Погодина ко мне, прочтите его и пошлите Жуковскому. Я очень благодарна за эти подробности Погодину, и главное, за желание поделиться; прилагаю письмо брата Льва Арнольди, где тоже интересные подробности о добром нашем Гоголе. Левино письмо пошлите мне назад. Вы бы написали к его сестрам, я напишу к матери. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 761. Печатается по первой публикации.

Письмо было получено П. А. Плетневым 9 апреля 1852 г.

А. О. Смирнова — С. Т. Аксакову

9 апреля <1852>, Петербург.

<...> ...Я была в расклеяке; между тем подъехали ко мне *Записки Ружейного Охотника* и ваше письмо. В Записках отметок не оказалось¹, о чем весьма жалею, благодарю, однако, и за них и за два последние письма. Как хороши ваши болота, как хороши птицы, как мил бекас, который я ела, не подозревая всех его милых достоинства и качеств, даже красивой и веселой наружности.

Вот и прошли шесть недель, а мы все еще под сильным влиянием покойного. Как это приятно и утешительно! Дай Бог, чтобы чувства примирения и любви продолжались долго и всегда. Я полагаю, что мы способны враждовать друг на друга от того только, что прикасаемся в свете друг к другу дурными нашими сторонами. А отчего именно только дурными сторонами? Ответ, кажется, прост. От того, что беседы наши, даже самые лучшие, есть все-таки пустословие или о художестве и литературе или о политике и управлении государственным. И те, которые ведут эти речи о предметах высоких, по их мнению, считают себя выше тех, которые говорят о театрах, маскарадах, нарядах и танцовщицах. <...> Заметьте, что менее всего мы говорим о Том, о Котором заповедано нам: иметь Его всегда в мысли и душе своей. <...> Конечно, это трудно, надобно себя настраивать долго, чтобы дойти до такого состояния, в котором находился Николай Васильевич в последние годы своей жизни, для него лучшие, несмотря что страдал. Пожалуйста, продолжайте мне сообщать ваши воспоминания о нем; мне приятно было видеть, что он вам высказал что у него было на душе о вашем *пристрастии* ко всему вам близкому, к лицам так, как и к идеям. Его это очень смущало, потому что он вас искренно уважал и очень любил. Вообще удивительно, как он заботился беспрестанно о загробном человеке, как он понимал, что, лишь зрея здесь для будущей жизни, мы можем сделаться прочными в этой жизни. Прочного человека он ставил выше всякого гения и почитал его полезнее и нужнее для отечества. Не знаю, писали ли вы к его матери; вам бы следовало это сделать. Я тоже напишу к ней несколько строк. Переписываю для вас письмо его на Светлый Праздник прошлого года². Он как-то особенно любил этот день; я однажды ему рассказывала, как один нищий старичок³, которого я знала, перед смертью вскрикнул три раза: Христос Воскресе! Он беспрестанно это вспоминал и просил пересказывать ему, как это было. Вот письмо из Одессы:

«Христос Воскресе!

Спешу поздравить вас, добрый друг, с радостным днем свет<лого> Воскресенья. Дай Бог и вам и мне того же: радоваться о Христе, любить всех о Христе, позабыть себя со всем черствым окружением собственных забот и дорожить всякой минутой, спешить благодарить Бога за нее, живя подобно птицам небесным, не сея, не собирая в житницы, радуясь о том только, что со-

вершается Его Божия воля. О! Пошли нам Бог, и вам и мне, силу любить всех! В ней потонет всё грустное. Еще раз Христос Воскресе! Ваш весь Н. Г<оголь>».

Вот вам пока от меня подарок, а вы меня подарите новыми подробностями о ваших сношениях с ним. Передайте Ольге Семеновне и всем вашим мой дружеский поклон. Самарин мне не писал ни слова о портрете, и даже не знаю, где он. Ему хорошо прочитать *Переписку с друзьями*. Как все в ней хорошо! Даже то, что казалось смешно, даже наставление жене насчет кучек неприкосновенных. Это доказал он на деле. Какие мы все дрянь, когда сравним себя с ним! <...>

Впервые опубликовано: Павлов Н. М. Из переписки А. О. Смирновой с Аксаковыми // Русский Архив. 1896. № 1. С. 153–155. Печатается по первой публикации.

¹ В письмах к А. О. Смирновой от 10 и 28 марта 1852 г. (см. в наст. изд.) С. Т. Аксаков обещал сделать в своей книге отметки, «после прочтения которых Гоголь читал» ему «по одной главе “Мертвых Душ”». См. также письмо С. Т. Аксакова к А. О. Смирновой от 19 апреля 1852 г.

² Письмо от конца марта 1851 г. из Одессы.

³ Майор Филонов.

А. О. Смирнова — М. П. Погодину

<Конец апреля 1852>

<...> Прочитавши статью в *Северной Пчеле*, меня страх пробрал: что вы или кто-нибудь другой порядочный человек вздумает в первую минуту негодования отвечать на нее¹. Сегодня приезд брата² подтвердил мое опасение и боязнь, что письмо мое опоздает. Сделайте одолжение, хотя и ваша личность затронута, не отвечайте. <...> Всякая полемика журнальная неприлична в сию пору над свежей могилой Гоголя, и в особенности с таким нечеловеком. Гоголь мне часто говорил, что всегда можно себя поблагодарить за то, что промолчал, и не раз себя ударишь по лбу за то, что говорил. <...>

Впервые опубликовано: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1898. Кн. 12. С. 3. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. коммент. к статье М. П. Погодина «Ответы г. Булгарину».

² Вероятно, Л. И. Арнольди.

А. О. Смирнова — П. А. Плетневу

<25 октября 1852>

<...> Я вам скоро пришлю рукопись Гоголя, списанную для <великого князя> Константина Николаевича, которую мне сообщили и переписали. Его Исповедь. <...>

Впервые опубликовано: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 768. Печатается по первой публикации.

А. О. Смирнова — И. С. Аксакову

Торкай. 2/14 февраля <1873>.

<...> Прощайте, будьте здоровы, хоть Паскаль, Сперанский и Гоголь говорили, что человек тогда только и хорош, когда болен, я держусь латынской поговорки: *in corpore sano, mens sana*¹.

Кулиш, кажется, спятил с ума. 100 лет пройдет, а Гоголь все будет нов, у него внутреннего содержания, <1 *нрзб.*>, слишком много, чтобы устареть. Он и Пушкин вечны. Прощайте. Христос с вами.

А. Смирнова.

Публикуется впервые по автографу: РГАЛИ. Ф. 10. К. 3. Ед. хр. 164. Л. 76.

¹ В здоровом теле здоровый дух (*лат.*).

Из дневника А. О. Смирновой

<...> 1845 года. <...> 5 марта. <...> Я получила письмо, одно грустное, от Гоголя, и другое — от живописца Иванова из Рима¹, того, который пишет Иоанна Крестителя для Наследника. Оно замечательно тем, что в первый раз Русской художник говорит о православной живописи и о различии между нашими и западными образами. <...>

11 марта. <...> ...Говорили о письмах Импер<атрицы> Екатерины к Барону Черкасову²... <...> Государь перебил разговор. Я ему напомнила о Гоголе, он был благосклонен. «У него есть много таланту драматического, но я не прощаю ему выражения и обороты слишком грубые и низкие». — «Читали вы “Мертвые души”?» — спросила я. — «Да разве они его? Я думал, что это Соллогуба» (NB). Я советовала их прочесть и заметить те страницы, где выражается глубокое чувство народности и патриотизма. <...>

15 <марта>. <...> Орлов говорил мне, что Импер<атор> желал поместить брата к нему, говорил и нелюбезно и даже сурово. Мое дело просить, и не стыдно просить для других, для себя, слава Богу, ничего не прошу. Государь приказал ему заняться Гоголем, он также говорил: «Ведь он еще молод и ничего такого не сделал». Прошу покорно господ министров сказать, что такое надобно сделать в литературе, чтобы получить патент на достоинство литератора в их смысле. Им сядь и выведи «Ода», потом в один присест: такого-то дня и года³. Право, они смешны; еще если бы читали по-русски. После такого великолепия я вернулась домой и долго размышляла о дворце и царедворцах, хотя их давно знаю.

16 <марта>. <...> Я писала по оказии Жуковскому насчет Гоголя и просила его написать несколько строк к Орлову⁴. <...>

21 <22 марта>⁵. <...> Мое дело пошло на лад: Государь приказал Уварову узнать, что нужно Гоголю. Уваров тут поступил благородно, сказал, что Гоголь заслуживает всякую помощь. <...>

Впервые частично опубликовано: Из записок знатной дамы <А. О. Смирновой> // Русский Архив. 1882. № 1. С. 212, 215–216, 218–219; см. также: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 74; более полный текст (с непрочитанными словами): Николаевская эпоха: Воспоминания французского путешественника маркиза де-Кюстина. С приложением дневника А. О. Смирновой (1845 г.). М., 1910; перепечатка: Смирнова (рожд. Россет) А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 272–295. С неточностями также: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / Издание подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 7, 10–11, 13–14, 16. Печатается с исправлениями по автографу: РГБ. Ф. 474. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 3–3 об., 8, 9. Дневник неозаглавлен.

¹ Письмо не сохранилось. См. строки письма Гоголя к А. О. Смирновой от 24 февраля (н. ст.) 1845 г. из Парижа: «Сейчас получил письмо от Иванова и при нем письмо к вам, которое он просит прежде процenzуровать мне самому, а потом отправить вам. Но я отправляю вам с тем, чтобы вы сами и процenzуровали его».

² Александр Иванович Черкасов (1728–1788), барон.

³ Парафраза из сатиры И. И. Дмитриева «Чужой толк» (1794): «...Он тотчас за перо и разом вывел: ода! / Потом в один присест: *такого дня и года!*»

⁴ См. в наст. изд. коммент. к письму В. А. Жуковского начальнику III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии графу А. Ф. Орлову от 19 апреля (н. ст.) 1845 г.

⁵ Согласно письмам П. А. Плетнева к С. С. Уварову от 23 марта 1845 г. и к Я. К. Гроту от 24 марта 1845 г., настоящая запись в дневнике А. О. Смирновой должна относиться к 22 марта 1845 г. (см. указанные письма в наст. изд.).

Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в письмах П. А. Кулиша

П. А. Кулиш — А. М. Кулиш

<17 декабря 1854. Санкт-Петербург>

<...> Она (А. О. Смирнова) <сказала> мне, что изучала подлинники (картин) с Гоголем и что без его указаний не заметила бы в них и половины того, что в них есть. Особенно остановилась она над картиной Рафаэля, представляющей погребение Иисуса Христа¹, и указала мне на некоторое сходство лиц, окружающих Иисуса, с Его лицом. Это сделано художником нарочно, чтоб показать, как сильно отражался в них Его образ. Мысль эту Смирнова назвала высокою: на нее навел ее Гоголь, который до тех пор водил ее смотреть картину Рафаэля, пока наконец она угадала, в чем дело. <...>

Отрывок письма П. А. Кулиша к жене, Александре Михайловне Кулиш (рожденной Белозерской; печаталась под псевдонимом Ганна Барвинок, 1829–1911), публикуется впервые по копии: *ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 64. В рукописи имеется помета: «Пис<ьмо> Кул<иш> Ал<ексан>дре Мих<айловне>. Декабрь 17, <1>854».

¹ Имеется в виду картина Рафаэля «Положение во гроб» (1507). В заметке «Путешествие Александры Осиповны» (1843) Гоголь называет эту картину «Снятие с креста». Такое же название за картиной сохранили в своих дневниковых записях В. А. Жуковский (см. в наст. изд. его запись от 29 декабря (н. ст.) 1838 г.) и М. П. Погодин (см. его запись от 13 марта (н. ст.) 1839 г.), с которыми Гоголь также смотрел «Положение во гроб». К сожалению, рассказ о том, как Гоголь водил Смирнову смотреть эту картину Рафаэля, Кулиш не включил в «Записки о жизни Н. В. Гоголя...». См. также ниже письмо П. А. Кулиша к С. Т. Аксакову от 18 декабря 1854 г.

П. А. Кулиш — С. Т. Аксакову

<18 декабря 1854. Санкт-Петербург>

<...> Здесь я уже четвертые сутки, но не хотел писать к вам, пока не познакомился с А. О. Смирновой. Приехал я к ней вчера утром в 12 часов. <...> Тут доложили о переплетчике. Просят извинения и выходят в гостиную. Через секунду зовут меня туда по имени и отчеству и показывают гравюры, привезенные из-за границы и представляющие фрески и картины Микель-Анжело и Рафаэля. Из нескольких замечаний тотчас можно было заметить, что владелица гравюр смыслит в живописи. Она сказала мне, что изучала подлинники с Гоголем и что без его указаний не заметила бы в них и половины того, что в них есть. Особенно остано-

лась она над картиной Рафаэля, представляющей погребение Иисуса Христа¹, и указала мне на некоторое сходство лиц, окружающих Иисуса, с Его лицом. Это сделано художником нарочно, чтоб показать, как сильно отражался в них образ Спасителя. Гоголь находил эту мысль очень высокою и до тех пор водил Смирнову смотреть картину Рафаэля, пока наконец она догадалась, в чем дело. <...> Опыт биографии Гоголя она читала «с большим удовольствием» и спрашивала меня о новом труде Н. М.² Она сама начала писать свои воспоминания о Гоголе и обещала передать мне свою рукопись для полной биографии.

Письма же к ней Гоголя она отдала Трушковскому, который увез их в Москву, в надежде, что московская цензура позволит издавать их отдельною книгою. Она просила меня прочитать ей Записки о жизни Гоголя, чтоб она могла сделать с своей стороны разные замечания, и сегодня будет первый биографический вечер. <...>

Первое содержание письма П. А. Кулиша к С. Т. Аксакову от 18 декабря 1854 г. частично пересказано Л. В. Крестовой в изд.: *Смирнова (рожд. Россет) А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями* Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 80. Впервые опубликовано: *Гудзий М. К. Невидані листи П. О. Куліша до Аксакових // Радянське літературознавство. 1957. Ч. 19. С. 64–65. Печатається, в сокращении, по изданию 1957 г.*

¹ См. выше коммент. к письму П. А. Кулиша к А. М. Кулиш от 17 декабря 1854 г.

² Т. е. П. А. Кулиша.

Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша

<...> Из всех женщин, которых он <Гоголь> уважал, которым открывал свою душу и в дружбе которых искал освежения после сурового своего одиночества, он всего сильнее и постоянно был привязан к А. О. Смирновой. Его переписка с нею не вся помещена в этой книге по случайным обстоятельствам, но я имею позволение представить здесь, с ее слов, некоторые ее воспоминания о Гоголе.

Знакомство их началось так давно и таким обыкновенным образом, что А<лександра> О<сиповна> не может даже припомнить времени, когда она увидела Гоголя в первый раз. В год его смерти она спрашивала его об этом.

— Неужели вы не помните? — отвечал Гоголь. — Вот прекрасно! Так я же вам и не скажу. Это, впрочем, тем лучше: это значит, что мы всегда были с вами знакомы.

Сколько раз она ни повторяла потом свой вопрос, он отвечал:

— Когда не знаете, так не скажу ж. Мы всегда были знакомы.

В 1837 году А<лександра> О<сиповна> проводила зиму в Париже, и Гоголь ходил к ней довольно часто в Rue du Mont Blanc, № 21. В то время она обходилась уже с ним, как с человеком коротко знакомым. Разговор у них часто шел о Малороссии, о высоком камыше, о бурьяне, об аистах, о галушках, варениках и сереньком дыме, вылетающем из деревянных труб и стелющемся по голубому небу. Она пела ему известную песню:

Ой не ходы, Грицю, на вечерныци.

Он больше слушал ее, нежели говорил сам; однако ж описал ей однажды малороссийский вечер, когда солнце садится, табуны несутся с поля к водопою, подымая копытами пыль, а за ними скачут пастухи с развевающимися чубами и пугами (нагайками) в руках. Обо всем этом говорил он очень живо, с любовью, но прерывисто и в коротких словах. О Париже мало было

у них речи. По-видимому, он уж и тогда не любил его. Он посещал, однако ж, камеры и театры и часто рассказывал, как входят в театр *a la file* (т. е. гуськом) и покупают право на *хвост*. Дело в том, что задний театрал кричит которому-нибудь из передних, чтоб он уступил ему свое место, торгуется с ним и наконец меняется местами; но часто купленное таким образом место бывало захватываемо другим, и это служило поводом к брани и ссорам. Гоголь, с свойственной ему способностью замечать то, что другим казалось несмешным и незамечательным, представлял сцены при покупке, как он называл, «права на хвост» в самых характеристических и забавных рассказах.

Однажды разговор зашел о разных комфортах в путешествии, и Гоголь сказал, что хуже всего на этот счет в Португалии.

— А вы как это знаете, Николай Васильевич? — спросили его.

— Я там был, — отвечал он, — я пробрался в Лиссабон из Испании, где также прегадко в трактирах. Особенно хороша прислуга. Однажды мне подали котлету совсем холодную. Я заметил об этом слуге. Но он очень хладнокровно пощупал котлету рукою и объявил, что нет, что котлета достаточно тепла.

Так как Гоголь до тех пор ни разу не упомянул об Испании, то Александра Осиповна начала утверждать, что он никогда не был в этой стране и не мог там быть, потому что там вечные разбои, дерутся на всяком перекрестке, и т. п.

Гоголь на все это отвечал очень хладнокровно:

— На что ж все рассказывать и занимать собою публику? Вы привыкли, чтоб вам человек с первого разу все выхлестал, что знает и чего не знает, даже и то, что у него на душе.

Это, однако ж, не убедило его собеседницы, и она осталась при своем мнении, что Гоголь в Испании не был. С того времени между ними образовалась шутка: «Это было тогда, когда вы были в Испании», и сам Гоголь говаривал: «Это было тогда, когда я был в Испании». Александра Осиповна часто над ним смеялась и выговаривала, как ему не стыдно лгать, и т. п. Гоголь все переносил с хладнокровием стоика. Будучи в Риме, уже в 1843 году, он опять начал что-то рассказывать об Испании. Это было в присутствии В. А. Перовского, Я. В. Ханыкова и А. О. Росета. А. О. Смирнова заметила, что Николай Васильевич мастер очень серьезно солгать. На это он сказал:

— Так если ж вы хотите знать правду, я никогда не был в Испании, но зато я был в Константинополе, а вы этого и не знаете.

Тут он начал описывать во всех подробностях Константинополь: называл улицы, рисовал местности, рассказывал о собаках, упоминая даже, какого они цвета и о том, как там подают кофе в маленьких чашках с гущею. Речь его была наполнена множеством мелочей, которые мог знать только очевидец и заняла всех слушателей на целые полчаса или около того.

— Вот сейчас и видно, сказала тогда ему Александра Осиповна — что вы были в Константинополе.

А он отвечал:

— Видите, как легко вас обмануть. Вот же я не был в Константинополе, а в Испании и Португалии был.

Действительно он провел в Испании и Португалии с неделю в первую свою поездку за границу¹. Если же не говорил об испанской живописи и вообще о памятниках искусств в этих странах, то это, кроме его привычки о многом умалчивать, происходило оттого, что он в то время находился уже под сильным влиянием Рима. Испанская школа, в отношении красок и в особенности рисунка, сливалась для него с Венецианскою и Болонскою, которых он не любил, особенно Болонской. Такой художник, как Гоголь, познакомясь с Микель-Анжело и Рафаэлем, не мог слишком увлекаться другими живописцами. «У него, по словам А. О. Смирновой, была какая-то трезвость в оценке произведений искусства; он тогда только называл создание резца и кисти прекрасным, когда оно затрагивало струны его души».

В 1837 летом А. О. Смирнова жила в Бадене. Гоголь приехал туда больной, но не лечился. Он только пил воды в Лихтенвальской аллее и ходил, или, лучше сказать, бродил один по лугу зигзагами, возле Стефанибада. Часто он бывал так задумчив, что его звали и не могли дозваться. Если же это и удавалось, то он отказывался гулять вместе, приводя самые странные причины. Из русских, кроме покойного А. Н. Карамзина, его никто тогда не знал, а один господин из высшего круга² даже упрекал Александру Осиповну, что она гуляет с mauvais genre³.

В июле месяце Гоголь объявил ей, что пишет роман под заглавием «Мертвые Души» и желает прочитать вечером⁴ ей и ее небольшому кружку. Она пригласила к себе покойных А. Н. Карамзина и графа Л. Салогуба и В. П. Платонова. День был очень знойный. В 7 часов вечера небольшое общество уселось вокруг стола, и Гоголь начал чтение. Вдруг началась страшная гроза. Надобно было затворить окна. Хлынул такой дождь, какого никто не запомнил. В одну минуту пейзаж переменялся: с противоположной горы полился каскад, а маленькая речка вздулась и закипела. Гоголь посматривал сквозь стекла и сперва казался смущенным, но потом успокоился и продолжал чтение. Он прочел две первые главы «Мертвых душ», в том виде, как они после явились в печати. Все очень много смеялись, и были в восторге. После того он просил Карамзина проводить его на Грабен, говоря, что там много собак, а с ним нет палки. На Грабене, однако ж, собак не было; но Гоголь от грозы и чтения пришел в такое нервическое состояние, что не мог идти один. На другой день Александра Осиповна просила его повторить чтение, но он отказался решительно и даже просил не просить его никогда об этом.

Из Бадена Гоголь ездил с А. О. Смирновой и ее братом на три дня в Страсбург. Там в кафедральной церкви он срисовывал карандашом на бумажке орнаменты над готическими колоннами, дивясь изобретательности старинных мастеров, которые над каждой колонной делали отменные от других украшения. Александра Осиповна взглянула на его работу и удивилась, как он отчетливо и красиво срисовывал.

— Как вы хорошо рисуете! — сказала она.

— А вы этого и не знали? — отвечал Гоголь.

Через несколько времени он принес ей нарисованную пером часть церкви очень искусно. Она любовалась его рисунком, но он сказал, что нарисует для нее что-нибудь лучше, а этот рисунок тотчас изорвал.

В половине августа⁵ Александра Осиповна и ее брат оставили Баден. Гоголь проводил их до Карлсруэ, где переночевал с ними в гостинице и был всю ночь болен. На другой день он возвратился в Баден.

После этого личные и письменные сношения между ними прекратились до 1841 года. <...>

В 1841 году Гоголь приехал из-за границы в Москву через Петербург. Он сперва намерен был печатать «Мертвые Души» здесь, но потом раздумал. В этот приезд, он, между прочим, явился у А. О. Смирновой, в собственном доме ее на Мойке; был в хорошем расположении духа, но о «Мертвых Душах» не было и помину. Тут она узнала, что он находится в коротких отношениях с семейством графов Вильгорских: это, впрочем, было для нее понятным: ибо она знала о его тесной дружбе с покойным графом Иосифом. Весной она получила от него из Москвы очень длинное письмо, с горькими жалобами на его неудачи в Москве по предмету издания «Мертвых Душ». К письму была приложена просьба к в Бозе почивающему Государю Императору, которую Александра Осиповна должна была подать, в случае надобности⁶. Просьба была коротка, но написана с полным доверием к милостивому вниманию Государя и к Его высокому разуму. Она, впрочем, была удержана графом М. Ю. Вильгорским, который горячо взялся за дело издания «Мертвых Душ» и устроил его к удовольствию автора вместе с попечителем С. Петербургского учебного округа князем Дондуковым-Корсаковым.

Во время обратного переезда через Петербург, Гоголь останавливался у П. А. Плетнева, часто бывал у А. О. Смирновой и очень сблизился с ее братом А. О. Россетом. Он читал им

тогда у князя П. А. Вяземско^{го} отрывки из напечатанных «Мертвых Душ», и особенно хорош выходил в его чтении разговор двух дам. Но, по словам А^{лександр}ы О^{сиповны}, никто тогда не подозревал еще тайного смысла поэмы; сам же Гоголь не обнаруживал ничего.

После этого он предложил А^{лександр}е О^{сиповне} прочитать ей комедию «Женитьба». Она пригласила к обеду, по назначению Гоголя, князя П. А. Вяземского^{го}, П. А. Плетнева, А. Н. и В. Н. Крамзины^х и брата своего А. О. Россет^и. После обеда все собрались в кабинете. Швейцару приказано было никого не принимать. Гоголь начал чтение. Вдруг неожиданно вошел князь М. А. Голицы^н, который долго жил за границей, почти там воспитывался и мало знал русский язык. С Гоголем он был почти незнаком. Это появление смутило хозяйку. Она подошла к князю и рассказала, в чем дело. Он извинялся и убедительно просил позволения остаться. К счастью, Гоголь не обратил на помеху никакого внимания и продолжал чтение. После чтения все его благодарили, и в особенности князь Голицы^н, который сознавался, что никогда не испытывал такого удовольствия. Гоголь казался очень доволен произведенным впечатлением, был весел и ушел домой.

Тут кстати заметить, что смех, возбужденный чтением «Мертвых Душ», производил на него совсем не то впечатление, как смех во время чтения комедии. Ему, очевидно, делалось грустно⁷. <...>

Осенью 1842 года А. О. Смирно^{ва} поехала в Италию и остановилась, в ноябре, во Флоренции. Неожиданно получила она от Гоголя письмо, в котором он писал, что его удерживает в Риме больной Языков, и просил ее приехать в Рим. «Увидеть вас (заклучил он) у меня душевная потребность»⁸. Через несколько времени она получила от него другое письмо, которое оканчивалось так: «Упросите себя ускорить приезд свой: увидите, как этим себя самих обяжете»⁹.

В конце декабря брат г-жи Смирно^{вой}, А. О. Россет^е, поехал в Рим, для приискания ей там жилья, а в конце января¹⁰ 1843 года она отправилась туда сама и приехала на Piazza Troiana, в Palazzetto Valentini. Верхний этаж был освещен. На лестницу выбежал Гоголь, с протянутыми руками и с лицом, сияющим радостью.

— Все готово! — сказал он. — Обед вас ожидает, и мы с А^{ркадием} О^{сиповичем} (имя брата г-жи Смирно^{вой}) уже распорядились. Квартиру эту я нашел. Воздух будет хорош; Корсо под рукою, а что всего лучше — вы близко от Колизея и Foga Voagio.

Поговорив немного, он отправился домой, с обещанием придти на другой день. В самом деле, на другой день он пришел в час, спросил карандаш и лоскуток бумаги и начал писать:

«Куда следует А^{лександр}е О^{сиповне} навещаться между делом и бездельем, между визитами, и проч. и проч.»

В этот день Гоголь был с г-жей Смирно^{вой} во многих местах и кончил обозрение Рима церковью св. Петра. Он возил с собой бумажку и везде что-нибудь отмечал; наконец написал:

«Петром осталась А^{лександра} О^{сиповна} довольна».

Такие прогулки продолжались ежедневно в течение недели, и Гоголь направлял их так, что они кончались всякой раз Петром.

— Это так следует, — говорил он, — на Петра никак не наглядисься, хотя фасад у него и комодом.

Однажды он повез г-жу Смирно^{ву} и ее брата в San Pietro in Vinculi, где стоит статуя Моисея, работы Микель-Анджело. Он просил своих спутников идти за собою и не смотреть в правую сторону; потом привел их к одной колонне и вдруг велел обернуться. Они ахнули от удивления и восторга, увидев перед собою сидящего Моисея, с длинной бородой.

— Вот вам и Микель-Анджело! — сказал Гоголь. — Каков?

Сам он так радовался восторгу спутников, как будто он сделал эту статую. «Вообще (говорит А. О. Смирно^{ва}) он хвастал перед нами Римом так, как будто это его открытие».

В особенности он заглядывался на древние статуи и на Рафаэля. Однажды, когда его спутница не столько восхищалась, сколько бы он желал, Рафаэлевой Психеею в Форнезине, он

очень серьезно на нее рассердился. Для него Рафаэль-архитектор был столь же велик, как и Рафаэль-живописец, и, чтоб доказать это, он возил своих гостей на виллу Madama, построенную по рисункам Рафаэля. А. О. Смирнова всходила с Гоголем на Петра, и когда сказала ему, что ни за что не решилась бы идти по внутреннему карнизу церкви (который так широк, что по нему могла бы проехать карета в четыре лошади), он отвечал:

— Теперь и я не решился бы, потому что нервы у меня расстроены; но прежде я по целым часам лежал на этом карнизе, и верхний слой Петра мне так известен, как едва ли кому другому. Когда взглядишься в Петра и в пропорции его частей, нельзя надивиться довольно гению Микель-Анджело.

Гоголь ездил с А. О. Смирновой и в Альбано. Там он сначала казался очень весел, потом вдруг почувствовал скуку и томление. Вечером все спутники Гоголя собрались вместе, и один из них начал читать *Lettres d'un Voyageur, par George Sand*. Гоголь был необыкновенно тревожен, ломал руки, не говоря ни слова, когда другие восхищались некоторыми местами, и смотрел как-то пасмурно; наконец ушел к себе. Все небольшое общество его спутников ночевало в Альбано. На другой день, когда А. О. Смирнова спрашивала, зачем он ушел, он сказал:

— Любите ли вы скрипку?

— Да, — отвечали ему.

— А любите ли вы, когда на скрипке фальшиво играют?

— Да что же это значит?

— Так ваша Жорж Занд видит и изображает природу. Я не мог видеть, как вы ею восхищаетесь. Я удивляюсь, как вам вообще нравится все это растрепанное.

В тоне, которым он говорил эти слова, выражалось искреннее сожаление, что люди ему близкие могут восхищаться подобными произведениями. Во весь тот день он был пасмурен и казался озабоченным. Он условился провести в Альбано вместе с г-жою Смирновой и ее спутниками трое суток; но, возвратясь вечером из гулянья, она с удивлением узнала, что он уехал в Рим. В оправдание этого странного поступка он приводил потом такие причины, которые показывали, что он желал только отделаться от дальнейших объяснений.

Во время прогулок по Риму, его собственно забавляли ослы, на которых он ехал со своими спутниками. Он находил их очень умными и приятными животными и уверял, что они ни на каком языке не называются так приятно, как на итальянском (*i ciuesi*). После ослов его занимали растения, которых образчики он срывал и привозил домой. Под весну, когда уже в поле сделалось веселее, он выезжал для прогулок в Кампанию. Особенно любил он *Ponte Numentano* и *Aqua Accittosa*. Там он ложился на спине и не говорил ни слова. Когда его спрашивали, отчего он молчит, он отвечал:

— Зачем говорить? тут надобно дышать, дышать, втягивать носом этот живительный воздух и благодарить Бога, что столько прекрасного на свете.

На страстной неделе¹¹ Гоголь говел, и тут А. О. Смирнова заметила уже его религиозное расположение. Он становился обыкновенно поотдаль от других и до такой степени бывал погружен в молитву, что, казалось, не замечал никого вокруг себя.

А. О. Смирнова уехала из Рима в мае и до июля не имела никакого известия о Гоголе; наконец узнала, что он в Эмсе у Жуковского, к которому она намеревалась ехать. Приехав туда из Бадена, она узнала, что Гоголь выехал в Баден к ней навстречу, и скоро получила от него шутивное письмо¹², которое начиналось так:

«Каша без масла гораздо вкуснее, нежели Баден без вас. Кашу без масла все-таки можно как-нибудь есть, хоть на голодные зубы, а Баден без вас просто нейдет в горло».

Проведя в Эмсе три дня, она выехала в Баден и нашла там Гоголя. Он почти всякой день у нее обедал, исключая тех дней, когда он говорил:

— Пойду полюбоваться, что там русские делают за табльдотом.

Он ходил в гостиницы и другие публичные места, как ходят в кунсткамеру. Не будучи почти ни с кем знаком, Гоголь знал почти все отношения между приезжими и угадывал многое очень верно. Всякий день после обеда он читал г-же См<ирнов>ой «Илиаду», в переводе Гнедича, и когда она говорила, что эта книга ей надоедает, он оскорблялся, сердился и писал к Жуковскому, что А<лександра> О<сиповна> «и на Илиаду топают ногами». В это время он уж был очень известен русской заграничной публике по своим сочинениям, и князь Д<олгоруков>¹³ просил А. О. С<мирно>ву показать ему автора «Мертвых Душ». Гоголь уже простился тогда с нею и должен был через минуту проехать мимо в дилижансе. Но сколько она ни звала его, Гоголь, заметивши, видно, с нею князя, сделал вид, что ничего не слышит, и таким образом проехал мимо нее и уехал во Франкфурт к Жуковскому.

Она не условилась с ним, где им увидиться в будущую зиму, и просила его письменно приехать в Ниццу. Он отвечал, что он чувствует, что слишком привязывается к семейству графа С<оллогуба> и к ней, а ему не следует этого делать, чтобы не связывать своих действий никакими узами. Живя в Ницце, А. О. С<мирно>ва долго не получала от него писем, как однажды, в декабре месяце¹⁴, возвратясь из прогулки, нашла в своей квартире Гоголя.

— Вот видите, — сказал он, — вот и я теперь с вами, и поселился очень близко к вам. Я распорядюсь так, что буду делить свое время между вами и В<иельгорски>ми.

Квартира его, однако ж, оказалась неудобною, и он переехал к В<иельгорски>м, в дом г-жи Пароди.

В Ницце Гоголь тоже почти ежедневно обедал у А. О. С<мирнов>ой, но уж не читал больше после обеда «Илиады», а вытаскивал вместо нее из кармана толстую тетрадь выписок из Святых Отцов. Иногда он читал сочинения Марка Аврелия и с умилением говорил:

— Божусь Богом, что ему недостает только быть христианином!

О своих обстоятельствах он говорил очень мало; но так как было известно, что его способы существования очень скудны, то его собеседница желала хотя шуткой выпытать, что у него есть. Один раз она начала его экзаменовать, сколько у него белья и платья, и старалась отгадать, чего у него больше.

— Я вижу, что вы просто совсем не умеете отгадывать, — отвечал он. — Я большой фронт на галстуки и жилеты. У меня три галстука: один парадный, другой повседневный, а третий дорожный, потеплее.

Из расспросов оказалось, что у него было только необходимое для того, чтоб быть чистым.

— Это мне так следует, — говорил он. — Всем так следует, и вы будете жить, как я, и можете быть, я увижу то время, когда у вас будет только две пары платья: одно для праздников, другое для будней. А лишняя мебель и всякие комфорты в комнате вам так надоедают, что вы сами понемногу станете избавляться от них. Я вижу, что это время придет для вас. Вот я заметил, что у меня в чемодане завелась ненужная вещь; я вам ее подарю.

И на другой день принес А. О. С<мирнов>ой рисунок Иванова¹⁵.

В то время на нее иногда находила непонятная тоска. Гоголь списал собственноручно четырнадцать псалмов и заставлял ее учить их наизусть. После обеда он спрашивал у нее урок, как спрашивают у детей, и лишь только она хоть немножко запиналась на слове, он говорил: «Не твердо!» и отсрочивал урок до другого дня.

Все утро он обыкновенно работал у себя в комнате и только в три часа выходил гулять, или один, или с графом М. М. В<иельгорским>. Г-жа С<мирно>ва часто встречала его на берегу моря. Если его внезапно поражало какое-нибудь освещение на утесах или на зелени, он не говорил ни слова, а только останавливался, указывал и улыбался. В Ницце он был по большей части очень весел, представлял своих гимназических учителей, рассказывал анекдоты и между прочим прочитал своему небольшому обществу «Тараса Бульбу». Здоровье его, однако ж, не было в цветущем состоянии. Он рассказывал, что, едуци в Ниццу, заболел в Марселе ночью¹⁶ так ужасно, что не надеялся дожить до утра и с покорностью ожидал смерти. Он чувствовал,

как смерть к нему приближалась, и встречал ее молитвами. Утром он чувствовал большую слабость, однако ж сел в дилижанс и приехал в Ниццу.

Весною 1844 года А. О. Смирнова уехала говеть в Париж, Гоголь в Штутгарт, но вместо Штутгарта попал в Дармштадт¹⁷. В июне она приехала во Франкфурт и нашла Гоголя в Hotel de Russie. Она провела там две недели, выдавая каждый день с Гоголем и Жуковским. Гоголь был беззаботно весел и не жаловался на свое здоровье.

В том же году она возвратилась в Россию и вела с Гоголем деятельную переписку, о которой мне известно только, что она была нравственно-религиозного содержания. <...>

1844-й год Гоголь завершил прекрасным планом, которому, к сожалению, не суждено было осуществиться, по обстоятельствам, от него не зависевшим. Он определил, чтобы часть суммы, выручаемой от продажи его сочинений, обращена была для помощи молодым талантливым людям, воспитывающимся в С. Петербургском университете. Он об этом написал к одному из петербургских друзей своих, прося его взять на себя обязанность раздавать, по усмотрению, деньги, но сохранить в глубокой тайне, от кого они жертвуются. Это письмо, покамест, еще не отыскано, но содержание его ясно из письма к Гоголю (от 18-го декабря, 1844) от одной особы¹⁸, которой сделалось известным его поручение. Вот оно. <...>

На это письмо Гоголь отвечал уже в 1845 году целою тетрадью, из которой, по необходимости, я должен был сделать большие исключения; но и из того, что оставлено, читатель увидит философию дружбы и любви к ближнему, по которой он действовал в жизни и старался заставить действовать друзей своих. Между прочим, в этом письме Гоголь объясняет свои литературные отношения к некоторым друзьям своим, доселе бывшие для них и для всех нас загадкою¹⁹. <...>

В то же время Гоголь сделал такое же предложение одному из московских своих друзей²⁰, и также встретил представления, что невозможно исполнить — по крайней мере до времени — его желания. В Москве, однако ж, великодушное предприятие поэта осуществилось, и до сих пор у одного его друга²¹ хранятся банковские билеты на 2500 рублей серебром, положенных в рост для помощи бедным талантливым студентам Московского университета. <...>

С 1842 года завязывается у Гоголя весьма интересная переписка с поэтом Языковым и А. О. Смирновой, выражающая самую нежную и искреннюю дружбу к обоим этим лицам, и в то же время — высшую степень религиозной настроенности. <...>

Письма Гоголя к А. О. Смирновой вообще отличаются догматическим характером, но местами исполнены глубокой грусти, сквозь которую прорывается нередко врожденный ему юмор... <...>

В июне 1849 года А. О. Смирнова, по дороге в Калугу, приехала в Москву и нашла Гоголя в доме графа А. П. Толстого, где он поселился с самого своего приезда из Малороссии. Он обещал погостить у нее с месяц и вслед за нею отправился в тарантасе с ее братом Л. И. Арнольд и.

Гоголь приехал к Смирновой сперва в село Бегичего, Калужской губернии, Медынского уезда. Его возили по окрестным деревням, и ему очень понравился дом и сад на полотняной фабрике Гончарова. Он часто выходил на сенокос любоваться костюмами бегичевских крестьянок и заставлял гостившего тогда также у Смирновых живописца Алексея²² рисовать их со всеми узорами на рубашках. Он был в восхищении от физиономий, костюмов и грациозности бегичанок и находил в них сходство с итальянками. Его очень заботило вообще здоровье простого народа и своеобразность его быта. Он вспоминал, как в царствование Алексея Михай-

ловича один путешественник, посетив Россию, написал, что население ее скудно, народ измелчал и обеднел, а другой, приехавши к нам через двадцать пять лет после первого, нашел города и деревни обильно населенными, нашел народ здоровый, рослый, цветущий и богатый. Гоголь это приписывал благочестивой жизни Царя, который везде в государстве водворил порядок, безопасность и спокойствие.

Через несколько дней семейство С<мирнов>х переехало с Гоголем в Калугу. Дорогою его занимало: как ему покажется губернский город, как будет устроен губернаторский дом, и вообще, каков будет быт губернатора и всего, что его окружает. Подъехали к Калуге вечером. Вдали начали мелькать огни загородного губернаторского дома... Гоголь пришел в восхищение.

— Да это просто великолеpie! — сказал он, — да отсюда бы и не выехал!²³ Ах, да какой здесь воздух!

Ему отвели квартиру в особом флигеле, в котором жил некогда Ю. А. Нелединский (при губернаторе князе А. П. Оболенском, женатом на дочери Нелединского). Флигель не отличался своей красотой, но Гоголю нравился, потому что он был там совершенно один и вид из окон был прекрасный. Его особенно восхищали зеленый сосновый бор и река Яченка, на крутом берегу которой стоял загородный губернаторский дом. Вправо от бора ему видны были главы Лаврентьева монастыря. Гоголь сам пожелал, чтоб ему служил человек Христофор, который нравился ему тем, что у него «настоящая губернская физиономия». Он утверждал, что «именно такие слуги должны быть в губернском городе у губернатора».

По утрам Гоголя не видали; он являлся в дом только в три часа, к обеду. Он очень любил видеть за губернаторским обедом чиновников и говорил, что «это так следует». За столом он всегда разговаривал с чиновниками и был с ними очень любезен, но посещал только инспектора врачебной управы В. Я. Быковского²⁴, с которым он познакомился, как с земляком. Несмотря на то, в Калуге все знали Гоголя и очень им интересовались. Однажды ветер сорвал с него и бросил в лужу белую шляпу. Гоголь тотчас купил себе черную, а белую, запачканную грязью, оставил в лавке. Все «рядовичи» собрались к счастливому купцу, которому досталась эта драгоценность, и каждый примеривал шляпу на своей голове, удивляясь, что голова, дескать, у Гоголя и не очень велика, а сколько-то ума! Есть в Калуге книгопродавец Олимпиев²⁵, великий почитатель литературных знаменитостей. Он был знаком с Пушкиным, с Жуковским и хаживал к Гоголю. Узнав о том, что шляпа Гоголя находится в руках гостиннодворцев, он убедил их поднести эту драгоценность А. О. С<мирнов>ой, что и было исполнено с подобающею церемониею. Но, разумеется, А<лександра> О<сиповна>, наслаждаясь присутствием у себя в доме самого Гоголя, отказалась принять его запачканную шляпу, и шляпа осталась во владении рядовичей.

Гоголя возили по окрестностям губернского города и, между прочим, в село Ромоданово, откуда, по его словам, вид Калуги напоминал ему Константинополь. Бывши там у всенощной в праздник Рождества Богородицы, он восхищался тем, что церковь убрана была зеленью.

Костюм Гоголя в это время разделялся на будничный и праздничный. По воскресеньям и праздникам, он являлся обыкновенно к обеду в бланжевых нанковых панталонах и голубом, небесного цвета, коротком жилете. Он находил, что «это производит впечатление торжественности, и говорил, что в праздники все должно отличаться от будничного: сливки к кофе должны быть особенно густы, обед очень хороший, за обедом должны быть председатели, прокуроры и всякие этакие важные люди, и самое выражение лиц должно быть особенно торжественно».

Еще до переезда с дачи в город, Гоголь предложил А. О. С<мирнов>ой прочесть ей несколько глав из второго тома «Мертвых Душ», с тем условием, чтоб никого при этом чтении не было и чтоб об этом не было никому ни писано, ни говорено. Он приходил к ней по утрам в 12 часов и читал почти до 2-х. Один раз был допущен к слушанию брат ее Л. И. А<рноль>ди.

Уцелевший от сожжения обрывок второго тома «Мертвых душ» давно уж напечатан и известен каждому. То, что читал Гоголь А. О. С<мирнов>ой, начиналось не так, как в печати. Читатель помнит торжественный тон окончания первого тома. В таком тоне начинался, по ее словам, и второй. Слушатель с первых строк был²⁶ поставлен в виду обширной картины, соответствовавшей словам: «Русь! куда несешься ты? дай ответ!» и проч.; потом эта картина суживалась, суживалась и наконец входила в рамки деревни Тентетникова. Нечего и говорить о том, что все читанное Гоголем было несравненно выше, нежели в оставшемся брульоне. В нем очень многого недостает даже в тех сценах, которые остались без перерывов. Так, например, анекдот о черненьких и беленьких рассказывается генералу во время шахматной игры, в которой Чичиков овладевает совершенно благосклонностью Бетрищева; в домашнем быту генерала пропущены лица — пленный французский капитан Эскадрон и гувернантка англичанка. В дальнейшем развитии поэмы не достает описания деревни Вороного-Дрянного, из которой Чичиков переезжает к Костанжогло. Потом нет ни слова об имении Чегранова, управляемом молодым человеком, недавно выпущенным из университета. Тут Платонов, спутник Чичикова, ко всему равнодушный, заглядывается на портрет, а потом они встречаются, у брата генерала Бетрищева, живой подлинник этого портрета, и начинается роман, из которого Чичиков, как и из всех других обстоятельств, каковы бы они ни были, извлекает свои выгоды²⁷. Первый том, по словам А. О. С<мирнов>ой, совершенно побледнел в ее воображении перед вторым: здесь юмор возведен был в высшую степень художественности и соединился с пафосом, от которого захватывало дух. Когда слушательница спрашивала: неужели будут в поэме еще поразительнейшие явления? Гоголь отвечал:

— Я очень рад, что это вам так нравится, но погодите: будут у меня еще лучшие вещи: будет у меня священник, будет откупщик, будет генерал-губернатор.

Известно, что откупщик Муразов и генерал-губернатор, в уцелевшем брульоне, вышли довольно слабыми созданными Гоголева таланта; но, судя по силе первых глав второго тома, за свидетельствованной несколькими строгими ценителями изящного, надобно думать, что Гоголь мало-помалу возвел бы и эти лица «в перл создания». Творчество его в последнее время его жизни приобрело дивное свойство. Не теряя свежести первого наития, оно пересоздавало и совершенствовало взятую художественную идею до тех пор, пока она являлась в полном соответствии требованиям строгой критики самого автора. Гоголь стоял выше людей, которые, потратив на создание какого-нибудь характера запас умственной силы, чувствуют невозможность создать то же самое вновь, в более совершенном виде. Он сжег второй том «Мертвых душ» в 1845 году, и однако ж у него явились такие вещи, как деревня Тентетникова, как генерал Бетрищев и обжора Петух, не обнаруживающие никакого усилия над самим собою, свободные, как природа. Так, вероятно, поступлено было бы и с Муразовым, и с генерал-губернатором, если бы только продлилась жизнь автора. Его не пугала медленность работы и трудность переделки. Переделывать он был готов самые оконченные свои вещи, если только в нем оставалось хотя малейшее подозрение, что они не вполне истинны. Так, например, А. О. С<мирно>ва заметила, что Улинька, дочь генерала, немножко идеальна. Он тотчас записал карандашом на поле страницы: «А<лександра> О<сиповна> находит, что Улинька немножко идеальна», и, верно, уничтожил впоследствии эту идеальность. Кто знает? может быть, ревность художника к высоким идеям искусства, которых он не успел воплотить в соответствующие им осязательные формы, была также отчасти причиной сожжения второго тома «Мертвых душ» перед смертью. <...>

Кажется, во время его отсутствия из Москвы, по случаю несостоявшейся поездки в Малороссию, — проехала через Москву А. О. С<мирно>ва в свою подмосковную, именно в село Спасское, Бронницкого уезда. Не застав его в Москве, она написала к нему письмо и просила его к себе в деревню. Гоголь приехал в село Спасское и прожил там с месяц²⁸. Ему отведено бы-

ло во флигеле две небольшие комнаты, обращенные окнами в сад. В одной он спал, в другой работал стоя. Он вставал обыкновенно в 5 часов утра, умывался и одевался без помощи слуги и выходил в сад, с молитвенником в руке. К 8 часам он возвращался, и тогда подавали ему кофе. После этого он работал часа два и потом приходил к хозяйке дома, или она к нему приходила. Она видала перед ним мелко исписанную тетрадь в лист, на которую он всякой раз набрасывал платок; но однажды ей удалось прочитать, что дело идет о генерале-губернаторе и о Никите²⁹. Гоголь каждый день читал из Чети-Миней житие святого, который на тот день приходился, и предлагал это чтение хозяйке. Но она страдала тогда расстройством нервов, и не могла читать ничего подобного. Тогда Гоголь хотел повеселить ее и предложил прочитать ей первую главу второго тома «Мертвых Душ». Он думал, что Тентетников живо займет ее. Но болезненное состояние не позволило ей увлечься и этим чтением. Она почувствовала скуку и призналась в этом автору «Мертвых Душ».

— Да, вы правы, — сказал он, — это все-таки дребедень, а вашей душе не того нужно.

Но после этого он казался очень печальным.

Так как его комнатки были очень малы, то он, в жары, любил приходиться в дом и садился на диване, в глубине гостиной. Однажды хозяйка нашла его там в необыкновенном состоянии. Он держал в руке Чети-Миней и смотрел сквозь отворенное окно в поле. Глаза его были какие-то восторженные, лицо оживлено чувством высокого удовольствия: он как будто видел перед собой что-то восхитительное. Когда А<лександра> О<сиповна> заговорила с ним, он как будто изумился, что слышит ее голос, и с каким-то смущением отвечал ей, что читает житие такого святого³⁰.

По вечерам Гоголь купался в реке, пил воду с красным вином, бродил по берегу реки и всегда с удовольствием наблюдал, как возвращались стада с поля в деревню: это напоминало ему Малороссию. Он уж тогда был нездоров, жаловался на расстройство нервов, на медленность пульса, на недеятельность желудка и не разговаривал ни с домашними слугами, ни с крестьянами. Шутливость его и затейливость в словах исчезла. Он весь был погружен в себя.
<...>

...Прошли первая неделя поста³¹ и половина второй³². Все свое время Гоголь проводил в молитве, или в молчаливом размышлении, почти не говорил ни с кем, но, повинувшись, видно долговременной привычке мыслить на бумаге, писал дрожащею рукою изречения из Евангелия, молитву Иисусу Христу и, между прочим, написал следующие замечательные слова:

«Как поступить, чтобы вечно, признательно и благодарно помнить в сердце полученный урок?»

<...> Гоголь старался помнить в сердце полученный урок вечно, признательно и благодарно!
но! <...>

Первые опубликовано в: <Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 1. С. 206–210, 302–303; Т. 2. С. 1–6, 18–20, 23, 25–35, 40, 224–228, 252–253, 265–266. Печатается по первой публикации.

В декабре 1854 г. С. Т. Аксаков направил Кулиша к А. О. Смирновой в Петербург, чтобы она сделала замечания и дополнения к биографии Гоголя. Беседы Кулиша со Смирновой происходили с 17 по 26 декабря. О первой встрече 17 декабря Кулиш на следующий день рассказал в письме к Аксакову (см. в наст. изд. письмо П. А. Кулиша к С. Т. Аксакову от 18 декабря 1854 г.). Как явствует из следующего письма Кулиша к Аксакову, от 27 декабря 1854 г., после нескольких встреч со Смирновой, Кулиш считал свою работу над «Записками о жизни Н. В. Гоголя...» в основном завер-

¹ В Гоголе было именно то прекрасно, что посреди сует и неперемного условия своей жизни, т. е. своей художественной деятельности, он хранил о смерти память ежеминутную. Часто он читал молитву Василия Великого <свт. Иоанна Златоуста>: «Господи, даждь ми слезы умиления и память смертнующую». Эти слезы умиления текли из глаз его во время торжественного последнего обряда миропомазания. Из письма А. О. Смирновой к С. Т. Аксакову. — Примеч. П. А. Кулиша.

шенной. «Скажу только, — писал он Аксакову, — что я бывал у А<лександры> О<сиповны> очень часто — иногда по пяти вечеров сряду. Но не думайте, чтобы дела было сделано много. К ней толкаются беспрестанно то франты в белых перчатках и с стеклышком в одном глазу, то графини и княгини, называющие по имени и отчеству людей, которых изображения хранятся у меня на платках. <...> ...При теперешних обстоятельствах я бы желал, чтоб она возвысилась над собой до приказанья швейцару никого не принимать, покуда она будет занята со мной. Впрочем, Бог ей судья, а я и за то немногое, что она успела сообщить мне о Гоголе, глубоко ей благодарен. <...> Как бы то ни было, но наконец миг вожделенный настал: официальные визиты А<лександре> О<сипов> не кончились, и Макаров <т. е. сам Кулиш, печатавшийся под этим псевдонимом> почти совсем приготовил книгу к цензуре. Он, однако ж, чужд упованиям на нее и скорее думает, что в эту зиму книга не напечатается. <...> Александре Осиповне письма возвращены. Прочитать ей повесть о жизни Гоголя не было никакой возможности: для этого надобно было бы ездить к ней ежедневно шесть месяцев. Как жаль, что она не вверила мне собственных записок о Гоголе» (*Гудзий М. К. Невидані листи П. О. Куліша до Аксакових // Радянське літературознавство. 1957. Ч. 19. С. 66*). По поводу своей переписки с Гоголем Смирнова позднее писала: «Переписка с ним <с Гоголем> вся в порядке и сохранности, из нее сделал выписки Кулиш с моего позволения, а напечатал, не спросив меня» (см. в наст. изд. <Воспоминания о Гоголе> А. С. Смирновой — письмо к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.).

¹ См. в наст. изд. коммент. к <<Отрывкам из дневника> А. О. Смирновой, присланным О. Н. Смирновой В. И. Шенроку около 1888 г. >

² Князь Сергей Сергеевич Гагарин (1795–1852), директор Императорских театров в 1829–1833 гг., гофмейстер (см. в наст. изд. четвертый раздел «Биографии Александры Осиповны Чаграновой» А. О. Смирновой). См. также в наст. изд. статью Н. П. Мундта «Попытка Гоголя».

³ Человек дурного тона (*фр.*).

⁴ 14 августа (н. ст.) 1837 г. См. в наст. изд. письмо Анд. Н. Карамзина к матери от 18 августа (н. ст.) 1837 г.

⁵ Нового стиля.

⁶ В. И. Шенрок, со слов О. Н. Смирновой, свидетельствовал: «Одно из писем к А. О. Смирновой было ею передано государю и, по словам дочери, покойной Ольги Николаевны, осталось у него» (*Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 46*).

⁷ По свидетельству А. О. Смирновой, Гоголь был огорчен, когда увидел, что герои «Мертвых душ» вызывают лишь смех. (Так же огорчен был Гоголь и в 1836 г. после постановки «Ревизора».) «Высокий христианин в душе, — вспоминала Смирнова, — Гоголь чувствовал, что образец наш — Христос Спаситель даже не улыбался, а плакал и вздыхал. Потому легко представить, что произошло в его душе, когда он увидел, что Чичиков, Манилов, Собакевич и Ноздрев возбуждают лишь смех или отвращение. “Полюбите нас черненькими, а беленькими нас всяк полюбит”, задумал он уже тогда» (см. в наст. изд. <Воспоминания о Гоголе> А. С. Смирновой — письмо к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.).

⁸ Письмо от 29 ноября (н. ст.) 1842 г. из Рима.

⁹ Письмо от 17 декабря (н. ст.) 1842 г. из Рима.

¹⁰ В двадцатых числах января (н. ст.). См. в наст. изд. коммент. к письму А. О. Смирновой В. А. Жуковскому от 20 апреля (н. ст.) 1843 г. Смирнова приехала в Рим с дочерьми Ольгой (1834–1893), Софьей (1836–1884) и Надеждой (1840–1899), гувернанткой старших дочерей Марией Яковлевной Овербек (ум. в 1887), няней младшей дочери Надеждой Степановной и девушкой-горничной.

¹¹ 5/17 – 10/22 апреля 1843 г.

¹² Письмо от 4 июля (н. ст.) 1843 г. из Баден-Бадена.

¹³ Князь Петр Владимирович Долгоруков (1816–1868), публицист, историк, генеалог, чиновник Министерства народного просвещения, с 1859 г. эмигрант.

¹⁴ Гоголь выехал из Дюссельдорфа в Ниццу 5 ноября (н. ст.) 1843 г. и прибыл в Ниццу 19 ноября (н. ст.) 1843 г. По свидетельству А. О. Смирновой (см. ниже), он ехал через Марсель.

¹⁵ Имеется в виду авторское повторение акварели А. А. Иванова «Жених, выбирающий кольцо для невесты» (1839). Такая же акварель была подарена А. А. Ивановым в конце 1838 – начале 1839 г. В. А. Жуковскому вместе с первоначальным эскизом «Явления Мессии» и рисунком «Явление Христа Марии Магдалине».

¹⁶ Около 18 ноября (н. ст.) 1843 г.

¹⁷ В Дармштадте в 1844 г. Гоголь был с 27 марта по 7 апреля (н. ст.). В Штутгардте в 1844 г. он побывал позднее, по пути из Франкфурта в Баден, о чем свидетельствует счет на печатном бланке штутгартского отеля «Marquard» «für <1 нрзб.> Gogol aus Peterburg» («для... Гоголя из Петербурга»; нем.) за проживание с 17 по 19 мая (н. ст.) (год не указан) (РГБ. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 93. Л. 2).

¹⁸ Имеется в виду А. О. Смирнова.

¹⁹ Имеется в виду письмо Гоголя к А. О. Смирновой от 29 декабря 1844 / 9 января (н. ст.) 1845 г. из Франкфурта-на-Майне.

²⁰ См. письмо Гоголя к С. П. Шевыреву от 14 декабря (н. ст.) 1844 г.

²¹ Имеется в виду С. П. Шевырев.

²² Вероятно, Сергей Алексеевич Алексеев (род. в 1813 г.).

²³ «...Стоит, перейдя каменный мост, направиться по прямой линии Загородной улицы в конец города к так называемой губернаторской даче — и перед вами с крутого обрыва откроется неожиданно-негаданно вид в полном смысле очаровательный... на далекий, угрюмо-темнеющий сосновый бор и раскинувшуюся вокруг мягким изумрудным ковром долину речки Яченки. По обе стороны маленькой извилистой речки, сверкающей на солнце точно разлившееся серебряное покрывало, пестреют живописно стада, представляющиеся сверху, среди нежной муравы, фантастическим скопищем божьих коровок. Глянешь направо — холмы, пашни, луга, на горизонте — новая зеленая роща, из-за вершин которой задумчиво высматривают святые главы Лаврентьева монастыря. Глянешь налево — в дымке тумана синее великолепный берег Оки, пленяя глаз своей неясной и широкой далью. Словом, красота и восторг — да и только!» (Шеглов Ив. Три дня в городе Калуге. (Дорожные заметки) // Новое Время. 1900. 26 сент. № 8830).

²⁴ «...По словам старожилов, это был искуснейший врач и редкой доброты человек, лечивший бедных бесплатно и всячески помогавший. Калужане хранят о нем благодарную память, и до сих пор в некоторых лавках вы найдете на стене, в рамке, его литографированный портрет» (Шеглов Ив. Три дня в городе Калуге. (Дорожные заметки) // Новое Время. 1900. 26 сент. № 8830).

²⁵ «Оказывается, что никакого книгопродавца “Олимпиева” в Калуге не существовало, а был книгопродавец “Антипин”, дед нынешнего благополучно здравствующего калужского книгопродавца Антипина. Справки, наведенные мною по этому поводу, не лишены интереса. Дед нынешнего М. А. Антипина, имеющего на Никитской улице книготорговлю и библиотеку, Иван Фомич Антипин, или, как его попросту звали в Калуге, “Фомич”, несмотря на свое простонародное происхождение, был замечательный для своего времени человек. Торговые дела не помешали ему собрать для себя хорошую библиотеку, живо интересоваться литературой и политикой и даже помещать от времени до времени в петербургских журналах собственные стихи. Сохранилось, впрочем, всего одно из этих стихотворений — “Молитва русских людей”, напечатанное в 1845 г. в “Калужских Ведомостях” и фигурирующее в настоящее время под стеклом в магазине его внука. У последнего также хранится и портрет Фомича — карандашный набросок княжны Трубецкой, большой почитательницы этого умного и оригинального мужика: из мохнатого воротника шубы на вас глядит красивое безусое и млажаемое лицо, напоминающее чертами поэта Языкова, а мечтательным взглядом отчасти Жуковского. В 1830 году, когда Пушкин гостил на Полотняном Заводе, в имении Гончаровых, “Фомич”, восторженный поклонник Пушкина, подбил своего земляка Абакумова совершить паломничество к Пушкину в день рождения последнего 26-го мая. <...> Пушкин его обласкал, угостил обедом, оставил переночевать и на прощанье подарил свой автограф» (Шеглов Ив. Три дня в городе Калуге. (Дорожные заметки) // Новое Время. 1900. 26 сент. № 8830). Составленная И. Ф. Антипиным молитва («Нашей молитве внимли, / Боже, Царя нам храни...») опубликована также отдельным изданием: Молитва русских людей. Сочинение Калужского купеческого сына Ивана Антипина. СПб., 1845 (цензурное разрешение 24 июля). 2 с.

²⁶ В изд. 1856 г. ошибочно: «Слушатель строк, с первых был...»

²⁷ Позднее А. О. Смирнова привела еще ряд подробностей к содержанию этой главы (см. в наст. изд. <Воспоминания о Гоголе> А. С. Смирновой — письмо к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г. — и мемуары ее брата Л. И. Арнольди «Мое знакомство с Гоголем»). Вероятно, одним из прототипов Чаграновой (Чаграновой, Чагравинной) послужила Гоголю сама А. О. Смирнова. Недаром одну из рукописей своего мемуарного цикла — так называемого «Баденского романа» (название дано публикатором Л. В. Крестовой в 1931 г.) она озаглавила «Биография Александры Осиповны Чаграновой» (см. в наст. изд.). См. также коммент. к письму С. Т. Аксакова к сыну Ивану от

7 февраля 1844 г.

²⁸ Гоголь прожил в Спасском около двух недель с конца июня (после 25 числа) по 8 июля 1851 г.

²⁹ Персонажи второго тома «Мертвых душ».

³⁰ Искаженный пересказ этого случая, со слов И. С. Тургенева, см. в наст. изд. в *Воспоминаниях М. С. Щепкина о Гоголе в дневнике Ф. И. Буслаева*.

³¹ 11–17 февраля 1852 г.

³² 18–20 февраля 1852 г.

<Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила>

<1>

Каким образом, где именно и в какое время я познакомилась с покойным Н. В. Гоголем, совершенно не помню. Это может показаться странным, потому что встреча с замечательным человеком обыкновенно нам памятна, и притом у меня память прекрасная. Когда я однажды спрашивала Н<иколая> В<асильевича>, «где мы с вами познакомились», он мне отвечал: «Неужели вы не помните? Вот прекрасно! Так я ж вам не скажу: это, впрочем, тем лучше, это значит, что мы всегда были с вами знакомы». И сколько раз я его потом ни просила мне сказать, где мы познакомились, он всегда отвечал: «Не скажу, мы всегда были с вами знакомы». В 1837 году я провела зиму в Париже, rue du Mont Blanc, № 21. Русских было довольно, в конце зимы был Гоголь с приятелем своим Данилевским. Он был у нас раза три один, и мы уже обходились с ним как с человеком очень знакомым, но которого, как говорится, ни в грош не ставили. Все это странно, потому что мы читали с восторгом «Вечера на хуторе близ Диканьки» и они меня так живо перенесли в великолепную Малороссию. Оставивши еще в детстве этот край, я с необыкновенным чувством прислушивалась ко всему тому, что его напоминало, а «Вечера на хуторе» так ею и дышат. С ним тогда я обыкновенно заводила речь о высоком камыше и бурьяне, о белых журавлях на красных лапках, которые по вечерам прилетают на кровлю знакомых хат, о галушках и варениках, о сереньком дымке, который легко струится и выходит из труб каждой хаты; пела ему «Не ходи, Грицько, на вечерниці». Он более слушал, потому что я очень болтала, но однажды описывал мне малороссийский вечер, когда солнце садится, табуны гонят с поля и отсталые лошади несутся, подымая пыль копытами, а за ними с нагайками в руках пожилой хохол с чупруном; он описывал это живо, с любовью, хотя прерывисто и в коротких словах. О Париже мало было речи; по-видимому, он уже и тогда его не любил. Однако он посещал с Данилевским театры, потому что рассказывал мне, как входили в оперу а la file dans la queue¹ и как торгуют правом на хвост. С свойственною ему одному способностью замечать то, что другим кажется ни смешным, ни замечательным, он рассказывал это очень смешно. Один раз говорили мы о разных комфортах в путешествии, и он сказал мне, что хуже всего на этот счет в Португалии, и советовал мне туда не ездить. «Вы как это знаете, Ник<олай> Вас<ильевич>?» — спросила я его. — «Да я там был, пробрался туда из Испании, где так же прегадко в трактирах», — отвечал он преспокойно. Я начала утверждать, что он не был в Испании, что это не может быть, потому что там все в смутах, дерутся на всех перекрестках, что те, которые оттуда приезжают, всегда много рассказывают, а он ровно никогда ничего не говорил. На все это он очень хладнокровно отвечал: «На что же все рассказывать и занимать публику? Вы привыкли, чтобы вам с первого слова человек все выкладывал, что знает и не знает, даже и то, что у него на душе». Я осталась при своем, что он не был в Испании и меж нами осталась эта шутка: «Это когда я был в Испании». В Испании он точно был, но проездом, потому что в самом деле оставаться долго было неприятно после Италии: ни климат, ни природа, ни художества, ни карти-

ны, ни народ не могли произвести на него особенного впечатления. Испанская школа сливалась для него с Болонскою в отношении красок и в особенности рисунка; Болонскую он совсем не любил. Очень понятно, что такой художник, как Гоголь, раз взглянувши на Рафаэля в Риме, не мог слишком увлекаться другими живописцами. Вообще у него была une certaine sobriete dans l'appréciation de l'art; il fallait que toutes les cordes de son ame reconnaissent une chose pour belle pour qu'il la qualifia de telle². «Соразмерная стройность во всем, вот что прекрасно», — говорил он.

Лето того же 37 года я провела в Бадене, и Н<иколай> В<асильевич> приехал не лечиться, но пил по утрам холодную воду в Лихтентальской аллее. Мы встречались почти каждое утро. Он ходил или лучше сказать бродил один, потому что иногда был на дорожке, а чаще гулял en zig-zag на лугу у Стефани-бад. Часто он так был задумчив, что я долго, долго его звала; обыкновенно он отказывался со мною гулять, прибирая самые нелепые резоны. Его, кроме Карамзина³, из русских никто не знал, и один господин высшего круга⁴ мне сказал, встретив меня с ним: «Vous donnez dans la mauvaise societe; vous vous promenez avec un certain Gogol, qui est tres mauvais genre»⁵.

В июне месяце он нам вдруг предложил вечером⁶ собраться и объявил, что пишет роман под названием «Мертвые души» и хочет прочесть нам две первые главы.

Андрей Карамзин, граф Лев Сологуб, Платонов и нас двое условились собраться в 7 часов вечера. День был знойный. Около 7-го часа мы сели кругом стола. Н<иколай> В<асильевич> взошел, говоря, что будет гроза, что он это чувствует, но несмотря на это вытащил из кармана тетрадку в четверку листа и начал первую главу столь известной своей поэмы. Меж тем гром гремел, и разразилась одна из самых сильных гроз, какую я запомню. С гор потекли потоки, против нашего дома образовалась каскада с пригорка, а мутная Мур бесилась, рвалась из берегов. Он поглядывал в окно, но продолжал читать спокойно. Мы были в восторге, хотя что-то было странное в душе каждого из нас. Однако он не дочел второй главы и просил Карамзина с ним пройти до Грабена, где он жил. Дождь начал утихать, и они отправились. После Карамзин мне говорил, что Н<иколай> В<асильевич> боялся идти один домой и на вопрос его отвечал, что на Грабене большие собаки, а он их боится и не имеет палки. На Грабене же не было собак, и я полагаю, что гроза действовала на его слабые нервы, и он страдал теми невыразимыми страданиями, известными одним нервным субъектам. На другой день я еще просила его прочесть из «Мертвых душ», но он решительно отказал и просил даже не просить. В августе⁷ мы оставили Баден-Баден, и Гоголь с другими русскими проводил нас до Карлсруэ, где ночевал с моим мужем в одной комнате и был болен всю ночь, жестоко страдая желудком и бессонницей. О первой своей нервической болезни, которую выстрадал в Вене, он не говорил ни слова.

Мы приехали в Россию в 1838 году. Он оставался в чужих краях, и ничего об нем не слышали, не были с ним в переписке. В 1841 году он вдруг явился ко мне в хорошем расположении духа, но о «Мертвых душах» не было и помину. Я узнала тут, что он уже был в коротких отношениях с Виельгорскими, но сама еще тогда редко с ними виделась и не старалась разьяснить, когда и как эта связь устроилась. Находила его сближение с comme il faut⁸, очень естественным и простым. В том же году под весну я получила от него письмо, очень длинное, все исполненное слез, почти стону, в котором жалуется с каким-то почти детским отчаянием на все насмешливые отметки московской цензуры. К письму была приложена просьба к государю, в случае, что не пропустят первый том «Мертвых <душ>». Эта просьба была прекрасно написана, очень коротко, исполнена достоинства и чувства, вместе доверия к разуму государя, который один велел принять «Ревизора» вопреки мнению его окружавших. Я, однако, решилась прибегнуть к совету графа М. Ю. Виельгорского; он горячо взялся за это дело и устроил все с помощью князя М. А. Дондукова, бывшего тогда попечителем университета. Ни этого письма, ни просьбы у меня не нашлось; вероятно, они у графа Виельгорского, и даже мне кажется, что просьбу я возвратила Гоголю, как вещь мне не принадлежащую.

Весною 42 года Гоголь приехал в Петербург и остановился у Плетнева, приходил ко мне довольно часто и уже очень запросто, очень дружески. Очень сблизился с братом моим Аркадием О<сиповичем>, изъявил желание прочесть отрывки уже напечатанных «Мертвых душ» и читал у Вяземского разговор двух дам. Никто так не читал, как покойный Николай Васильевич и свои и чужие произведения; мы смеялись неумолкаемо, и, если правду сказать, Вяземский и мы не подозревали всей глубины, таящейся в этом комизме. Такова уже участь комика, и надобно, чтобы долго смеялись ему, пока вдруг не уразумеют некоторые избранные, что этот смех вызван у него плачем души любящей и скорбящей, которая орудием взяла смех.

А отчего душа так или иначе выражает свои чувства, известно одному Богу. Этот вопрос, конечно, смущал самого Гоголя. Высокий христианин в душе, он знал, что образец наш, Христос Спаситель, не смеялся никогда. Потому легко понять, что произошло в нем, когда он увидел, что Чичиков, Собакевичи, Ноздревы производят лишь смех с отвращением для иных, отвращение в людях высшего тона и в малом числе его поклонников смех с восторгом к артисту. Один Плюшкин в 1-м томе выступает резко, как трагическое лицо, но Плюшкин вообще менее интересовал читающую публику. Все это в первую минуту Гоголь чувствовал; но до страдальчества дошло это позже, когда пошла так называемая его школа, и страдание это вырвалось из груди его в «Переписке с друзьями». Ее никто не понял, эту переписку, потому что никому не был открыт он вполне, и что *перегорело в его душе* (собственные его слова в письме ко мне), было известно только Богу.

Летом в июле месяце я жила в городе. Он сам предложил читать мне новую комедию «Женитьба». Вяземский, Плетнев, брат мой Аркадий и двое Карамзиных были приглашены к обеду. Гоголь был весел, спокоен; после обеда, отдохнув немного, вынул из кармана тетрадку и начал читать так, только как он один умел читать. Швейцару было приказано никого не принимать; но внезапно взошел князь Михаил Александрович Голицын, который мало знает русский язык. Меня это смутило, я подошла к нему и рассказала, в чем дело; он просил позволения остаться. К счастью Гоголь не обратил никакого внимания и продолжал читать. После прочтения все его благодарили; он казался весел и доволен впечатлением и ушел домой. Голицын не находил слов, чтобы благодарить, и сказал, что подобных приятных минут не проводил в Петерб<урге>, что читал «Мертвые души» с восторгом и радовался, что, наконец, увидел их автора. Вскоре Гоголь уехал за границу.

Осенью того же года я поехала в Италию и остановилась на два месяца во Флоренции. Неожиданно получаю письмо от Н<иколая> В<асильевича>, в котором он пишет, что хотел сам ко мне ехать, но что удерживает больной Языков; просит меня скорее приезжать в Рим. В январе месяце брат мой Аркадий туда поехал для приискания мне квартиры, а в конце того же месяца⁹ я отправилась с детьми. Мы выехали в Рим часов в 7, уже смеркалось, кое-где зажигался фонарь. И мы шагом потянулись в собственных экипажах, не с *vetturino*¹⁰.

Переночевавши в Romiglione, мы встали как-то празднично, с мыслью, что на другой день проснемся в Риме. Погода была великолепная, солнечная и *tiede*¹¹. Я отворила все окна, выглядывала то в одно, то в другое, чтобы увидеть скорее купол Петра; от нетерпения у меня разболелась голова. Наконец мы поравнялись с гробницей Нерона. *Vetturino* мне закричал: «*Esso San Pietro, alia destra, signora*»¹², и я перекрестилась. На одну минуту показался весь Рим в каком-то легком тумане, как огромная масса, и немного, очень немного выступил знаменитый купол Петра, который, увы! жестяной. Потом я уже начала помышлять об обеде, расположении комнат и проч<их> житейских суетах, потому что дети устали от дороги.

Начало вечереть, проехали *Ponte Malvo* и въехали после пятидневного похода в *Porta del Popolo*. Остановились у гауптвахты, где заплатили за догану¹³ и получили письмо от брата с направлением, куда ехать. Смеркалось, вокруг фонтана и по *Corso* тянулись еще экипажи римлян, и мы тоже потянулись за ними вдоль по длинному *Corso*, повернули налево и остановились на *Piazza Troiana* у *Palazetto Valentini*. Верхний этаж был освещен. На лестницу выбежал Н<ико-

лай> В<асильевич> с протянутыми руками и лицом, исполненным радости. «Все готово, — сказал он, — обед вас ожидает, и мы с Аркадием Осиповичем уже распорядились. Квартиру эту я нашел, воздух будет хорош, Corso под рукой, а что лучше всего, вы близко от Колизея и Фого Воагио». Немного поговорили, и он отправился домой с обещанием прийти на другой день. В самом деле пришел в час, спросил бумажку и карандаш и начал писать, куда следует понаведываться чаще Александре Осиповне и с чего начать. Были во многих местах и кончили Петром; он возил бумажку с собой и везде отмечал что-нибудь, например: *Петром осталась довольна Александра Осиповна*>. Таким образом он меня водил целую неделю и направлял всегда так прогулки, что кончалось все Петром, это так следует: на Петра никогда не наглядись, хотя фасад у него и *комодом*. Когда мы осмотрели Рим en gros¹⁴, он начал ко мне являться реже по утрам. Он жил via Felice¹⁵ с Языковым, который в то время был болен, не ходил, и Н<иколай> В<асильевич> проводил с ним все досужие минуты. Никто не знал лучше Рима, подобного чичероне¹⁶ не было и быть не может. Не было итальянского историка или хроникера, которого бы он не прочел, не было латинского писателя, которого бы он не знал, все, что относилось до исторического развития искусства, даже современности итальянской, ему было известно и как-то особенно оживляло для него весь быт этой страны, которая тревожила его молодое воображение и которую он так нежно любил, в которой его душе яснее виделась Россия, в которой, описывая грустных героев 1-го тома «Мертвых душ», отечество его озарялось для него радужно и утешительно. Он сам мне говорил, что в Риме, в одном Риме он мог глядеть в глаза всему грустному и безотрадному и не испытывать тоски и томления. Изредка тревожили его там нервы в мое пребывание, и почти всегда я видела его бодрым и оживленным. И точно, в Риме есть что-то примиряющее человека с человечеством. Слава языческого мира там погребена так великолепно; на великолепных развалинах воздвигся другой Рим, христианский, который сперва облекся в смирение в лице мучеников или молчаливых отшельников в катакомбах, но впоследствии веков, зараженный тою же гордынею своих предков, начал погребаться с древним Римом. Развалина материальная и развалина духовная — вот что был он в 40-х годах, но все над ним то же голубое небо, то же яркое, теплое, но не палящее солнце, та же синяя ночь с сиянием звезд, тот же благотворный воздух, не тревожный, как неаполитанский, но успокаивающий. И столько красоты и величия в воспоминаниях не примиряет ли нас с человечеством? Остается благодарность Провидению, которое позволило всякому принести плод свой во время свое, и, гуляя по развалинам, убеждаешься без горечи, что народы, царства, так же как и всякая личность, преходящи. Рим мне казался всегда каким-то всемирным музеемом, в котором всякий камень гласит об историческом, назидательном событии, но уже не имеет никакого значения в настоящем, и вот почему в Риме не грустно, а отраднo. Николаю Васильевичу, как художнику, говорил весь Рим особенным языком. Это сильно чувствуется в его отрывке «Рим». S-te Veuve говорит, что ни один путешественник не делал таких точных и вместе оригинальных наблюдений; особенно поразило его замечание Гоголя о трастевеянах и собрание нескольких песен почти никому незаметной, но весьма особенной группы римлян. Едва ли сами жители города знают, что трастевеяне с ними никогда не сливались и не сливаются, что у них даже свой язык еще, или свой patois¹⁷. Заметив, что Гоголь так хорошо знает все, что касается до древности, я сама завлеклась ею; я его мучила, чтобы узнать поболее. Карты, планы у меня лежали на столе, Nibuhr, Canina¹⁸, Visconti — все беспрестанно пересматривалось; мне хотелось перенестись в эту историческую даль, в этот мрак, и часто я к нему приставала с вопросами.

Один раз, гуляя в Колизее, я ему сказала: «А как вы думаете, где Нерон сидел? Вы это должны знать, и как он сюда являлся, пешком, в колеснице или на носилках?» Гоголь рассердился: «Да что вы ко мне пристааете с этим мерзавцем! Вы воображаете, кажется, что я в то время жил; вы воображаете, что я хорошо знаю историю. Совсем нет. Историю никто еще так не писал, чтобы живо можно было видеть или народ, или какую-нибудь личность. Вот один Муратори понял, как описывать народ; у него одного чувствуется все развитие, весь быт, кажет-

ся, Генуи; а прочие все сочиняли или только сцепляли происшествия; у них не слышится никакой связи человека с той землей, на которой он поставлен». Потом продолжал уже разговор об истории и, советуя мне прочесть *Cantu*, прибавил: «*Histoire universelle*»¹⁹ Боссюэта написана с одной духовной точки, в ней не видна свобода человека, которому Бог предоставил действовать или хорошо, или дурно; он был католик. Guizot написал хорошо также «*Histoire des Revolutions*», но слишком с феодальной точки. Надобно бы найти середину и написать ярче, придать более выпуклости. Я всегда думал написать географию; в этой географии можно бы было увидеть, как писать историю. Но об этом после, друг мой, я заврался, а скажу вам между прочим, что подлец Нерон входил в эту ложу в золотом венке и в том костюме, в котором вы его видели в Ватикане». Но не часто и не долго он говорил; обыкновенно шел один поодаль от нас, подымал камушки, срывал травки или, размахивая руками, попадал на кусты и деревья, в сапрагна ложился навзничь и говорил: «*Забудем все, посмотрите на это небо*», — и долго задумчиво и вместе весело он глядел на это голубое, безоблачное, ласкающее небо. В одно утро он явился с праздничным лицом и объявил, что хочет мне сделать сюрприз. «Надобно, чтобы Аркадий Осипович и Ханыков были с нами», — и мы поехали в San Giovanni in Laterano. Он отправил нас в церковь, а сам оставался на паперти, так что вправо у него была S-ta Croce in Yerusalemo, а влево Scala Santa. Мы осматривали все капеллы, все редкости, все предметы уважения или удивления и вышли к нему; он стоял на одном месте, и глаза его как будто терялись вдали и как будто ему...¹

Меня просили многие из моих знакомых написать не биографию Ник<олая> Вас<ильевича>, но просто все обстоятельства моего знакомства с ним. Гоголь был такое интересное, такое новое явление на литературном поприще, что биографию его почти невозможно написать, если друзья его не согласятся передать черты его жизни или слова его, более или менее значительные и все обнаруживающие внутреннее состояние его души. Гоголь был добр, кроток, ленив и вместе деятелен, самолюбив и смиренен; вообще двойственность в нем обнаруживалась и обличалась резко, как всегда бывает у людей гениальных. Постоянное было в нем одно: желание победить все низкое, недостойное и стать выше душою. Его уважение, даже особенное предпочтение...^{11 20}

<2>

<...> Но возвратимся к нашей молодежи. Вот их имена: Одоевский <...>; братья Веневитиновы <...>; Кошелев, Андрей Муравьев и Галахов <...>; Андрей Муравьев, которого Пушкин назвал Бельведерский Митрофан, когда он разбил вдребезги гипсовую статую ватиканского Аполлона. Этот Муравьев написал трагедию под названием «Тивериада». Муравьев, что ни говорят его критики, замечательная личность. У всех братьев этого семейства выработался железный характер, сильное религиозное чувство. Андрей Ник<олаевич> позже писал о Православной Церкви, познакомил невежественную публику с сокровищами Православия. Гоголь очень уважал его труд и говорил: «Вот человек, который исполнил долг пред Богом, Церковью и своим народом»²¹. <...>

<...> Наследник начал уже серьезно заниматься; к нему взяли в товарищи графчика Иосифа Виельгорского и Паткуля. Это товарищество было нужно, как шпоры для ленивой лошади. Ве-

¹ Оборвано.

¹¹ Оборвано.

чером первый подходил тот, у которого были лучшие баллы, обыкновенно бедный Иосиф, который краснел и бледнел; что касается до Паткуля, тот никогда не помышлял о такой чести. Наследник на любил Виельгорского, хотя не чувствовал никакой зависти: его прекрасная душа и нежное сердце были далеки от недостойных чувств. Просто между ними не было симпатии. Виельгорский был слишком серьезен, вечно рылся в книгах, жаждал науки, как будто спеша жить, готовил запас навеки. Придворная жизнь была для него тягостна. Весной этого года он занемог, его послали в Рим на зиму, и там, на руках Елизаветы Григорьевны Чертковой и Гоголя, увял этот прекрасный цветок и скончался тихо, не жалея этого мира. Его мать была уже в Марсели с дочерьми и сыном Михаилом, когда Гоголь привез неутешного отца на пароходе. Графиня не хотела верить, когда наш консул ей сообщил это известие; она его схватила за ворот и закричала: «Вы лжете, это невозможно!» Потом, не говоря ни слова, поехала в Петербург, уселась против портрета сына, покрытая длинным креповым вуалем, не плакала, а сидела, как каменный столб. Александр Николаевич Голицын и Матвей Юрьевич постоянно были при ней. Государя она приняла как нельзя хуже и упрекала его за смерть Иосифа, говоря, что они его не поняли и огорчили его юное сердце. Странно, что брат мой Иосиф очень подружился с покойным Иосифом; тот ему сообщал все свои беды и читал ему выписки из книг, все серьезное²². <...>

<...> Мы поехали в четверместной карете к Троице. <...> Утром пошли к обедне. Антоний²³ сам служил и позировал страшно; по выходе все подходили за благословением. Когда я подошла в розовой шляпке, он принял вид благоговения, а мужикам давал руку почти с презрением. «Э, да ты штукарь», подумала я и вскоре убедилась, что он точно был штукарь и обманщик. Антоний был побочный сын царевича грузинского и родился в его доме в Нижнем, красивой наружности и очень самолюбивый; отец сделал из него аптекаря и лекаря. Единственная дочь царевича Анна Егоровна²⁴ влюбилась в красивого юношу. Царевич уговаривал сына посвятить себя Богу и церкви и отослал его к игуменье в Саратовскую¹ пустынь²⁵. Эта женщина имела хорошее влияние на него и послала его в какой-то монастырь, где его постригли. Он любил рисовать в рассказах своих искушений. Первое явилось в рыжей шубе, покрытой камлотом, второе — в пении соловья в часы полуночи, когда он читал молитвы. Все это победил силою креста и воли, бросаясь на колени и орошая пол слезами. Графиня не хотела выходить замуж, что очень огорчало старика-отца, и просилась в монастырь. Он ее отпустил, и она отправилась в Костромскую губернию, в Бельмажскую¹¹ обитель. Игуменья была умная, образованная женщина, с большой *experience*²⁶, казначая была Ханыкова; они заметили, что душа Анны Егоровны была взволнована, и притом она не хотела подчиняться монастырским правилам; письменно они известили царевича, что не знают, что с ней делать, и считают ее вовсе не созданной к монастырской жизни. Царевич послал Антония вывезти ее оттуда. Перед отъездом она изъявила желание взять совет от Серафима. Поехали вечером, и с ними какая-то дама; семь верст тащились по песчаной дороге, княжна все время спала. Домик пустытника состоял из конурки и большой комнаты, где валялась всякая дрянь, бочки, кадки и пр. Долго стучали; наконец, он спросил: «Кто там?» — «Я, Антоний, ваш знакомый». Он выглянул и спросил: «Кто эти дамы?» Первая пошла ее приятельница, а наша княжна крепко уснула на бочке, и отец и она страдали спячкой. Когда она вышла, Серафим сказал: «Тем лучше, значит я ей не нужен». Проснувшись, она стучала, но ответа не было; они вернулись в монастырь и оттуда отправились в Нижний. 35 лет княжна вышла замуж за графа Александра Пет<ровича> Толстого, святого человека. Он подчинился своей чудовине и жил с нею как брат. Вся ее забота состояла в том, чтоб графу устроить комнаты, вентиляцию и обед по его вкусу. Она видела только

¹ Ошибка. Следует: в Саратовскую

¹¹ Ошибка. Следует: в Белбазскую

тех людей, которых ее муж любил; брезгливая, она сама стояла в буфете, когда люди мыли стекло и фарфор; полотенцам не было конца, переменяли их несколько раз. «Вы были в Англии и знаете, как там содержится буфет; вот посмотрите, какая вода в бутылки; она накрыта новой чистой дощечкой». В коридоре жили семинаристы; у каждого был свой номер; они были совершенно свободны после обедни, где они составляли препорядочный хор и пели простым напевом. Граф вывез дьяка из Иерусалима; это был такой чтец, что мог только сравниться с дьяком им<ператора> Павла Пет<ровича>; слова выкатывались как жемчуг. После обедни пили чай в длинной гостиной; его разливала Софья Пет<ровна> Апраксина, которую граф звал Фафка, а она его Зашу. Графиня засыпала; подавался чай, кофий, шоколад, крендели и сухари всякого рода из Немецкой булочной на Кузнецком мосту. В гостиной стоял рояль и развернуты ноты, музыка все духовного содержания. Графиня была большая музыкантша; по левую руку этой гостиной была ее спальня, <кровать> посреди комнаты, с чисто подобранными одеялами и простынями, чтобы не касаться ничего пыльного. За этим была комната Кальяны, наперсницы ее причуд, и стоял некоторый мебель, который играл большую роль в доме: его мыли в трех водах и выставляли на чистый воздух, а горшок или выпаривали, или купали новый. Графа называли Еремой, потому что он огорчался безнравственностью и пьянством народа и развратом модной молодежи; он нарочно ездил к Оверу, который ему сказал, что Диоген, встретив идиота, сказал ему «Несчастное дитя, отец твой был пьян, когда мать зачала тебя». Граф тогда возился с монахами Греческого подворья, бегло читал и говорил по-гречески; акафисты и каноны приводили его в восторг; они писаны стихами, и эта поэзия ни с чем не может сравниться. В псалмах были темные места в славянском, как и в греческом переводе; они и теперь не исправлены. Только один английский перевод ясен; но я полагаю, что Тиндаль или был хорошо знаком с еврейским языком, или вложил в уста царя Давида свою собственную мысль.

Графиня принимала по вечерам с семи часов. Серафима Голицына им читала вслух какую-нибудь духовную книжку, а через день приходил греческий монах и читал также. Графиня засыпала и на русский день. «Как я люблю греческий звук, потому что граф это любит; и вас я люблю, потому что он вас любит. Мы благодарны Гоголю за ваше знакомство». Все эти Толстые оригиналы, а более всех Сергей Петрович, неразлучный со своим камердинером Иваном. За границей они меня тешили. Раз в Люцерне погода стояла премерзейшая. Mont Pilate утопал в густом сером тумане, дождь лил ливня. Пурталес приходит и говорит мне: «Александра Осип<овна>, знаете ли, кто здесь?» — «Нет» — «Граф Толстой с Иваном; они обедают в table d'hote». Толстой прибежал на минуту и сказал, что спешит показать Ивану ce lion²⁷ de Lucerne. Иван остался недоволен; дураки не хотят признаться, что Бог их спас, а не их львиная храбрость. «Меня, — говорил Толстой, — жена послала сюда, потому что я не был на Пилате, где Суворов отличился. А что вы скажете о новом догме?» — «Паганство»²⁸, — отвечала я. — «А я говорю, что Божию Матерь за заслугу произвели в следующий чин». В Москве славянофилы рассуждали о браке и чистоте, которой требовал этот юнец. Да, надобно быть девственником, чтобы удостоиться быть хорошим супругом; где тут девственник, нет ни одного. «Я», — отвечал Константин Сер<геевич> Аксаков. «Ну, позвольте же мне стать перед вами на колени», — и точно стал на колени, низко поклонился, перекрестился, а потом сказал: «А теперь позвольте вас поцеловать». Брат Лев Арнольди рассказывал все его проказы, которые он делал, бывши губернатором. Раз он поехал в уездный город и пошел в уездный суд, вошел туда, помолился пред образом и сказал испуганным чиновникам, что у них страшный беспорядок. «Снимите-ка мне ваш образ! О, да он весь загажен мухами! Подайте мел, я вам покажу, как чистят ризу». Он вычистил его, перекрестился и поставил его в углу. «Я вам изменю киоту, за стеклом мухи не заберутся, и вы молитесь; все у вас будет в порядке». Ничего не смотрел, к великой радости оторопелых чиновников; и с чем приехал, с тем уехал и, возвратившись, рассказал жене, что все там в порядке. Я думаю, что такие губернаторы лучше тех, которые все принимают en serieux²⁹ и всякое лыко в строку. <...>

<...> Я тотчас послала эти стихи³⁰ Плетневу в «Современную газету»³¹, в которой была страшная пустота. Иногда явятся, бывало, стихи Лермонтова, и печатался «Портрет» Гоголя. Меня поразил этот талант, и я спросила Плетнева, кто автор этой *pouvelle*. «Неужели вы не узнали? Это последнее произведение Гоголя». <...>

Отрывки, помещенные в первом разделе <Воспоминаний о Гоголе в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила>, впервые опубликованы: *Бартенев П. И.* А. О. Смирнова о Гоголе. (Из вновь найденных ее Записок) // Русский Архив. 1895. № 4. С. 537–544. Заново по автографу, «с рукописного подлинника, хранящегося в альбоме А. О. Смирновой, (Шукинское собрание), 157 Г. 83/31 (ГИМ), листы 4–11», напечатано: *Смирнова (рожд. Россет) А. О.* Записка о Гоголе // *Смирнова (рожд. Россет) А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 311–322; см. также: *Смирнова-Россет А. О.* Воспоминания о Гоголе // *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Издание подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 27–33, 642 («Автограф: В альбоме, предназначенном для сына – ОПИ ГИМ, ф. 420 (Шукинское собрание). № 83/157»). Печатается по изданию 1929 г.

Фрагменты, помещаемые во втором разделе <Воспоминаний о Гоголе в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила>, впервые опубликованы: <*Бартенев П. И.*> П. Б. Из записок А. О. Смирновой // Русский Архив. 1895. № 7. С. 326, 333; № 8. С. 458–461; № 9. С. 78 (второй фрагмент этого раздела см. также: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1895. Т. 3. С. 263–265); затем: Записки А. О. Смирновой // *Смирнова (рожд. Россет) А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 191, 201–202, 242–246, 253. Заново по автографу напечатано в изд.: *Смирнова-Россет А. О.* Автобиографические записки. Воспоминания о детстве и молодости. Альбомный вариант // *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Издание подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 192–193, 198, 223–226, 229. Печатается по последнему изданию.

В № 4 «Русского Архива» за 1895 г. воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе были сопровождаемы примечанием П. И. Бартенева: «Альбом, в котором находятся эти Записки, $5\frac{3}{8}$ в. длины, $5\frac{3}{8}$ в. ширины, в продольную большую ось-мушку листа; переплет светло-коричневого сафьяна тиснен золотом. Весь альбом исписан собственноручно, сначала в два столбца. На первом листке: “1 Juillet 1842 (т. е. первого июля 1842). Мише отдать после моей смерти”. (Это единственный, ныне умерший сын А. О. Смирновой; в 1842 году он был еще ребенком). На следующих двух листках Смирнова списала письмо В. А. Жуковского к П. А. Плетневу от 5 (17) марта 1852 г. по поводу кончины Гоголя (ныне напечатанное в III-й книге Сочинений Плетнева (стр. 731), и затем начинается вышенапечатанный рассказ о знакомстве ее с Гоголем. Надо полагать, что А. О. Смирнова купила себе альбом в 1842 году с намерением записывать свои воспоминания для малолетнего своего сына. Потом забыла о том и начала вести Записки только через 10 лет, когда умер Гоголь.

Альбом с Записками А. О. Смирновой приобретен нынешнем его владельцем П. И. Шукиным от неизвестного лица, который принес его на продажу и которому он мог достаться из имущества после Аркадия Осиповича Россета (брата Смирновой), скончавшегося старым холостяком в Москве. Записки печатаются с позволения Надежды Николаевны Сорен (дочери А. О. Смирновой), имеющей на них наследственное право собственности. П<стр> Б<артенев>» (*Бартенев П. И.* А. О. Смирнова о Гоголе. (Из вновь найденных ее Записок) // Русский Архив. 1895. № 4. С. 544).

При описании альбома П. И. Бартевым была допущена ошибка. Сын А. О. Смирновой Михаил Николаевич Смирнов, которому она завещала альбом, начатый в 1842 г., родился 29 мая 1847 г. (ум. в 1889). Как указала Л. В. Крестова, запись А. О. Смирновой на первом листе: «Мише отдать после моей смерти», сделана почерком «гораздо более поздним», чем помета «1-ое июня 1842 г.» (см.: *Смирнова (рожд. Россет) А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 404).

¹ По очереди (*фр.*).

² Известного рода трезвость в оценке искусства; лишь в том случае, когда он всеми струнами души своей признавал произведение прекрасным, тогда оно получало от него наименование прекрасного (*фр.*).

³ Анд. Н. Карамзина.

⁴ Князь С. С. Гагарин (см. в наст. изд. четвертый раздел «Биографии Александры Осиповны Чагановой» А. О. Смирновой).

⁵ Вы находитесь в дурном обществе; вы гуляете с каким-то Гоголем, человеком очень дурного тона (*фр.*).

⁶ 14 августа (н. ст.) 1837 г. См. в наст. изд. письмо Анд. Н. Карамзина к матери от 18 августа (н. ст.) 1837 г.

⁷ Во второй половине августа (н. ст.) 1837 г.

⁸ Комильфо (*фр.*).

⁹ В двадцатых числах января (н. ст.) 1843 г. См. в наст. изд. коммент. к письму А. О. Смирновой В. А. Жуковскому от 20 апреля (н. ст.) 1843 г.

¹⁰ Проводником (*ит.*).

¹¹ Мягкая (*фр.*).

¹² Вот Святой Петр направо, сударыня (*ит.*).

¹³ Таможня (*ит.*).

¹⁴ В общем (*фр.*).

¹⁵ Via Felice, или Strada Felice, в настоящее время – Via Sistina (Виа Систина). На Страда Феличе, дом № 126, Гоголь жил во время четырех периодов своего пребывания в Риме в 1837–1843 гг.: с конца ноября (н. ст.) 1837 г. по конец июня (н. ст.) 1838 г.; с 15 ноября (н. ст.) 1838 г. по начало июня (н. ст.) 1839 г.; с конца сентября (н. ст.) 1840 г. по средину августа (н. ст.) 1841 г.; с начала октября (н. ст.) 1842 г. по начало мая (н. ст.) 1843 г. (с Н. М. Языковым).

¹⁶ Чичероне (cicerone) – гид (*ит.*).

¹⁷ Жаргон, местное наречие (*фр.*).

¹⁸ Л. Канина (1795–1856), итальянский археолог.

¹⁹ Всеобщая история (*фр.*).

²⁰ Далее в публикации 1895 г. следует примечание П. И. Бартенева: «Здесь прерывается рассказ о Гоголе, и на другом листке (11-м) начинаются Записки А. О. Смирновой: «Когда мне случилось...» (Бартенев П. И. А. О. Смирнова о Гоголе. (Из вновь найденных ее Записок) // Русский Архив. 1895. № 4. С. 544).

²¹ См. также в наст. изд. коммент. к *Воспоминаниям Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша.*

²² Ср. также в наст. изд. третий раздел «Воспоминаний о Гоголе А. О. и О. Н. Смирновых в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока»

²³ Преподобный Антоний (Андрей Гаврилович Медведев, 1792–1877), архимандрит Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (см.: Житие преподобного Антония (Медведева), наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. 64 с.), побочный сын князя Георгия Александровича Грузинского, имение которого находилось в с. Лысково Нижегородской губернии. 2 октября 1847 г. А. О. Смирнова писала Гоголю из Свято-Троицкой Сергиевой Лавры: «Господь Бог милосердный привел меня сюда после возобновления сильных припадков моей болезни. Страдала и страдаю, любезный друг Николай Васильевич. Я здесь была тому назад 8 лет, совсем с другими чувствами, теперь чувствую большое услаждение у гроба Преподобного. Наместник меня принял очень милостиво, он духовен и любовен, исполнен жалости помочь каждому. Душа радуется при встрече с такими людьми, как будто не так одиночно в этом мире. Он читал вашу книгу и многим очень доволен; радуется духу вашему и что вы не боились говорить громко о том, чем наполнена душа ваша: “аще кто постыдится Мене, того Я...” и проч. Светские люди не так вас судили и говорили: “зачем ему нам говорить о Боге?” Им, видно, за вас совестно было» (Шенрок В. И. Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой, рожд. Россет // Русская Старина. 1890. № 8. С. 279; письмо ошибочно датировано здесь 1846 г.).

²⁴ Графиня Анна Георгиевна (Егоровна) Толстая (рожд. княжна Грузинская; 1798–1889), жена графа А. П. Толстого.

²⁵ В Саровскую пустынь А. Г. Медведев поступил в 1818 г.; спустя четыре года постригся в монахи с именем Антония (в честь преподобного Антония Печерского) в Высокогорском монастыре.

²⁶ Опытность (*фр.*).

²⁷ этого льва (*фр.*).

²⁸ Паганство – от «поганый» (церк.-сл.) – языческий (лат. paganus; фр. pagane – язычник).

²⁹ Всерьез (*фр.*).

³⁰ Имеются в виду два стихотворения И. С. Аксакова, посвященные А. О. Смирновой: «Вы примиряетесь легко...» и «Когда-то я порыв негодованья...» (опубликованы после смерти Аксакова и Смирновой).

³¹ Журнал «Современник».

П. А. Висковатов

Михаил Юрьевич Лермонтов. Юность поэта Фрагмент

<...> Гоголь говаривал, что писатель должен, как художник, постоянно иметь при себе карандаш и бумагу. Плохо, если пройдет день — и художник ничего не набросает. Плохо и для писателя, если он пропустит день, не записав ни одной мысли, ни одной черты, — надо в себе подерживать уменье выливать в форму думы свои¹.

Этот рецепт, рекомендованный Гоголем каждому писателю, Лермонтов выполнял вполне.
<...>

Впервые опубликовано: *Висковатов Пав.* Михаил Юрьевич Лермонтов. Юность поэта // Русская Мысль. 1882. № 2. С. 171; перепечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 941. Печатается по первой публикации.

¹ Из рассказов о Гоголе, сообщенных мне А. О. Смирновой в 1867 г. в Женеве. — *Примеч. П. А. Висковатова.*

П. Висковатов-Висковатый

Из рассказов А. О. Смирновой о Н. В. Гоголе

В 1867 году на берегу Женевского озера жила А. О. Смирнова, рожденная Розетти, вместе с дочерью своею Ольгою Николаевной. Я близко познакомился с нею чрез князя Б. и часами просиживал у нее по большей части дома или в саду и на прогулках. Самым дружеским отношениям положен был конец ссорой из-за Лермонтова. Я тогда уже собирал материал для его биографии. Князь Б. не любил его памяти, в спорах о нем Александра Осиповна становилась всегда на сторону Б... Ей, кажется, доставляло удовольствие дразнить меня, тогда еще юношу, только что окончившего университетский курс. Но о г-же Смирновой и ее дочери в другой раз. (Я подробнее говорю о них в записках своих.) Теперь хочется поделиться несколькими воспоминаниями Александры Осиповны о Гоголе, как тогда были они записаны со слов ее. Она передала мне в оригинале 26 его писем 1844 и 1845 годов. Эти письма в копиях были переданы мною проф<ессору> Оресту Федоровичу Миллеру в 1871 году в Петербурге, когда я приехал на короткое время, приглашенный профессорами С.-Петербургского университета читать вместе с ними ряд публичных лекций в пользу недостаточных студентов. О. Ф. Миллеру отдал я и оригиналы Гоголевских писем для сравнения с ними копий, как он этого желал, а затем выслал драгоценные рукописи Александре Осиповне. По каким причинам проф<ессору> Миллер не исполнил своего намерения и не напечатал писем, не помню хорошенько. Знаю только, что в редкие мои приезды Орест Федорович мне копий с писем не возвращал — не мог разыскать их (теперь читатель найдет их в собрании писем, изд<анном> под ред<акцией> г. Шенрока). У меня сохранились только довольно подробные извлечения из них, собственно мест, касавшихся некоторых интересовавших меня вопросов в истории развития Гоголя. Да и эти наброски и выписки сильно потерпели от бывшего у меня пожара. Я тогда собирался писать об отношениях писателя нашего к поэме его «Мертвые души». Намерение это так и осталось намерением, хотя на лекциях своих я студентам университета не раз читал о «Мертвых душах», пополняя

свои сообщения тем, что слышал от А. О. Смирновой, Авдотьи Петровны Елагиной (Киреевской), Ивана Сергеевича Аксакова, Софьи Михайловны Соллогуб (рожд<енной> Вьельгорской) и других¹. В настоящее время я поделюсь тем, что сообщила мне Александра Осиповна Смирнова. Читателю эти рассказы будут может быть частью известны, но, записанные прямо со слов Александры Осиповны, они имеют интерес.

1) «Познакомилась я с Гоголем еще в детстве... Меня рано увезли из Малороссии, и воспоминания о ней и детстве как-то сплелись с образом ребенка Гоголя, игравшего со мной. Вот почему, встретившись позднее в Петербурге в доме, где Гоголь давал уроки, я заинтересовалась “хохлому”, который был неловок и застенчив и совсем не интересен при первом знакомстве. Но меня влекла к нему память о детстве и дорогой Малороссии, представлявшейся мне в каком-то таинственном полусвете, как это говорит ваш Лермонтов:

...вечер ясный

Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет.

И в этом таинственном полумраке рисовался мне неясный образ мальчика, рассказывавшего мне что-то, мастеровившего какую-то игрушку, а на синем небе с алою полосой солнечного заката, причудливо обозначались узоры вишневых деревьев, тянувшихся вдоль плетня. Как и когда мы увидели друг друга в первый раз, я никогда не могла вспомнить. Не раз я задавала о том вопрос Гоголю, но он всегда отвечал мне:

— Никогда не было этого первого раза. Мы всегда были с вами знакомы.

А между тем он хорошо помнил свое детство и любил порою возвращаться к нему и рассказывать о нем. Жаль, что я не записывала, а теперь всего в памяти не восстановить. В памяти сохранился у меня рассказ Гоголя о себе еще мальчиком.

— Было мне лет пять. Я сидел один в Васильевке. Отец и мать ушли. Оставалась со мною одна старуха няня, да и она куда-то отлучилась. Спускались сумерки. Я прижался к уголку дивана и среди полной тишины прислушивался к стуку длинного маятника старинных настенных часов. В ушах шумело, что-то надвигалось и уходило куда-то. Верите ли, — мне тогда уже казалось, что стук маятника был *стуком времени, уходящего в вечность*. Вдруг слабое мяуканье кошки нарушило тяготивший меня покой. Я видел, как она, мяукая, осторожно кралась ко мне. Я никогда не забуду, как она шла, потягиваясь, а мягкие лапы слабо постукивали о половицы когтями, и зеленые глаза искрились недобрым светом¹¹... Мне стало жутко! Я вскарабкался на диван и прижался к стене... “Киса, киса”, — пробормотал я и, желая

¹ Между прочим не безынтересны были краткие сообщения Эммануила Александровича Дмитриева-Мамонова, который часто видался с Гоголем перед смертью его и еще 5-го февраля (след<овательно>, за две недели до смерти) снял с писателя карандашом известный профильный портрет, приложенный к запискам о жизни Гоголя Кулиша (тоже к 4 тому Тихонравовского изд<ания> сочинений Гоголя и пр.). Мне в Дерпте Мамонов подарил карандашный набросок, сделанный с Гоголя (и еще портреты некоторых славянофилов). Это только голова — и художник объяснил, что галстук и часть тела, вырисованные больше на печатных экземплярах, была сделана позднее. Подарил он мне и литографию своего портрета, сделанную тоже в 1852 г. На ней дата: 5 марта 1852 г. Когда я спросил, что же это значит? Гоголь-то умер 21-го февраля, то Мамонов объяснил это просто ошибкой: «надо было пометить 5-го февраля». Находящийся у меня карандашный портрет типичнее, жизненнее известного всем печатного экземпляра. П. В. — *Примеч. П. А. Висковатова*.

¹¹ Не вспомнилась ли Гоголю эта сцена из его детства, когда он в «Майской ночи» описывает кошку, крадущуюся к одиноко тоскующей дочке сотника: «Глядит: страшная черная кошка крадется к ней; шерсть на ней горит, и железные когти стучат по полу...» Ведь известно, что Гоголь каждую черту в рассказах своих списывал с натуры. Г. Свибров <вероятно, Д. Н. Свербеев> в шипевших часах Коробочки, столь удививших Павла Ивановича Чичикова, узнал старинные часы в столовой своего поместья, потерявшие бой и хрипевшие. — *Примеч. П. А. Висковатова*.

ободрить себя, соскочил и, схвативши кошку, легко отдавшуюся мне в руки, побежал в сад, где бросил ее в пруд и несколько раз, когда она старалась выплыть и выйти на берег, отталкивал ее шестом. Мне было страшно, я дрожал, а в то же время чувствовал какое-то удовлетворение, может быть, месть за то, что она меня испугала. Но когда она утонула и последние круги на воде разбежались — водворились полный покой и тишина, — мне вдруг стало ужасно жалко “кисы”. Я почувствовал угрызения совести. Мне казалось, что я утопил человека. Я страшно плакал и успокоился только тогда, когда отец, которому я признался в поступке своем, меня высек.

Этот рассказ, — говорила Александра Осиповна, — остался у меня особенно в памяти из-за выражения “*стук времени, уходящего в вечность*”. И теперь еще, когда я одна в комнате, и при полной тишине раздастся щелканье маятника стальных часов, мне сдается, что густая, страшная, подавляющая густота какого-то тока проходит мимо меня, уходя в пучину темного прошлого, и “топит в пропасти забвенья народы, царства и царей”, а уж обо мне и подобных смертных — говорит нечего».

2) «Гоголь любил лакомиться, и у него в карманах, особенно в детстве, всегда были какие-либо пряники, леденцы и т. п. Живя в гостинице, он никогда не позволял уносить прислуге поданный к чаю сахар, а собирал его, прятал где-нибудь в ящике и порою грыз куски за работою или разговором.

— Вот посмотрите, — сказала мне Александра Осиповна, лежавшая на кушетке, указывая на комод, — выдвиньте ящик.

Я выдвинул. Он почти весь был полон кусками сахара.

— Этому научил меня Гоголь. Зачем, говорит он, оставлять его хозяину гостиницы, ведь мы за него уплатили...

Происходило это, конечно, не от скупости. Гоголь никогда не был скупым.

— Ну а вы, — спросил я, — что станете делать с этим количеством сахара?

— Уж, конечно, не возьму с собою, а оставляю здесь, ну хоть в пользу горничной. Пусть угощает, кого знает».

3) «У Гоголя всегда в кармане была записная книжка или просто клочки бумаги. Он заносил сюда все, что в течение дня его поражало или занимало: собственные мысли, наблюдения, уловленные оригинальные или почему-либо поразившие его выражения и пр. Он говорил, что если им ничего не записано, то это потерянный день; что писатель, как художник, всегда должен иметь при себе карандаш и бумагу, чтобы наносить поражающие его сцены, картины, какие-либо замечательные, даже самые мелкие детали. Из этих набросков для живописца создаются картины, а для писателя — сцены и описания в его творениях. “Все должно быть взято из жизни, а не придумано досужей фантазией”¹».

4) «Гоголь, при всей своей застенчивости и нелюдимости, охотно вступал в разговоры с разными разнообразными людьми.

— Мне это вовсе неинтересно, — говорил он, как бы оправдываясь, — но мне необходимо это для моих сочинений.

В Калуге он как-то перезнакомился в Гостином дворе со всеми купцами и лавочниками. У некоторых засиживался и играл подолгу в шашки. Его знали не только как гостя, проживавшего у губернатора, но и как автора “Ревизора”, столь знакомой комедии.

Брат мой¹ застал раз целую толпу купцов и приказчиков, рассматривавших и примерявших шляпу с головы Гоголя, оставившего ее в лавке, где купил новую. Шляпа была старая и гряз-

¹ Ср. Материалы для биографии Гоголя, изданные Шенроком, т. IV, стр. 941. — Примеч. П. А. Висковатова. (П. А. Висковатов указывает на фрагмент из воспоминаний А. О. Смирновой, опубликованный им ранее, в 1882 г., в статье «Михаил Юрьевич Лермонтов» (см. выше в наст. изд.), а затем перепечатанный В. И. Шенроком в «Материалах для биографии Гоголя».)

ная, всем велика, но ее надевали друг другу на голову и острили по поводу «головного убора» писателя.

Но вообще Гоголь был туг на новое знакомство. Он утверждал, что вести знакомство можно только с теми, у кого чему-либо можно научиться или кого можно научить чему-либо. По-знакомившись и заинтересовавшись человеком, Гоголь или внимательно слушал его, или обучал иногда самым элементарным истинам или просто вопросам практической жизни. Толкуя их по-своему и придавая им особое значение, он смущал этим людей, а натуры обыденные, любящие говорить свысока самые банальные истины, приводил в негодование. Они не на шутку сердились на расточавшего непрошенные поучения».

5) «Гоголь был доброжелателен к людям, но требовал, чтобы непременно входили в его интересы. Придавая, особенно в последние годы деятельности своей, большое значение своим сочинениям, в особенности “Мертвым душам”, он и от других требовал почтения, и странным образом не к написанному — это можно было разбирать и бранить, — но к тому, что роилось у него в мыслях, над чем он думал и день и ночь, но чего не говорил другим и не объяснял.

Тут Александра Осиповна из пачки Гоголевских писем вынула письмо его к ней от 25-го июня 1845 года из Карлсбада и продиктовала мне следующий отрывок:

«Вы коснулись “Мертвых душ” и просите меня не сердиться на правду, говоря, что исполнились сожаления к тому, над чем прежде смеялись. Друг мой, я не люблю моих сочинений, доселе бывших и напечатанных, и особенно “Мертвых душ”, но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за них автора, принимая за карикатуру, насмешку над губерниями, так же, как были прежде несправедливы, хваливши. Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет “Мертвых душ”. Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах, если бы Богу угодно было продлить жизнь мою и благословить будущий труд. Повторяю вам вновь, что это еще тайна, и ключ от нее покамест в душе у одного только автора»¹...

— Вот видите ли, — продолжала Александра Осиповна, — как Гоголь тщательно скрывал от других значение своей бессмертной поэмы и в то же время негодовал, что никто из читателей, и особенно друзей, не догадался, что он замышлял сделать из своих “Мертвых душ”, какое должно было быть влияние их на Россию. Он так и говорил: на Россию, на судьбу России, на развитие русского общества или на развитие русского человека. Он действительно сердился на меня и друзей, что мы не умели проникнуть в его душу. Он говорил: “От друзей не можешь требовать всегда сочувствия к своим делам, но понимания тебя должно требовать. Ибо что ты мне за друг, когда ты меня не понимаешь. Чем же ты будешь мне полезен? Как ты меня убедишь и наставишь на путь истинный, когда и я, и мысли мои тебе непонятны?”

Гоголя сердило, что конец первой части “Мертвых душ”, да еще два-три места в поэме (очевидно, речь шла о так называемых лирических местах) остались непонятными даже близкими ему.

— И Аксаковы, и друзья его² и мои могли думать, что восторг свой к России я выражаю по поводу Собакевичей и Ноздревых!

— Так зачем же вы не объясняете друзьям своих планов? — спрашивала его Александра Осиповна.

— Довольно сказано, — возражал, раздражаясь, Гоголь. — Ведь напечатано, что такое Чичиков, указано, что в следующих частях должны появиться люди, перед которыми все мы преклонимся. Не виноват я, или нет, извините, виноват, что так выставил Ноздревых, что все в них увидели идеал русского человека, да и сами захотели стать ими.

¹ Интересно сравнить с этим и письмо от 27-го января 1846 года у Шенрока. Т. III, стр. 141 внизу. — *Примеч.* П. А. Висковатова.

Тут Гоголь разразился страшною бранью, не хуже своего Костанжоглы».

б) «Гоголь был очень нервен и боялся грозы. Раз как-то в Ницце, кажется, он читал мне отрывки из второй и третьей части “Мертвых Душ”, а это было не легко упротить его сделать. Он упирался, как хохол (А<лександра> О<сиповна> и называла его “хохлик”), и чем больше про- сишь, тем сильнее он упирается. Но тут как-то он растаял, сидел у меня и вдруг вынул из-за па- зухи толстую тетрадь и, ничего не говоря, откашлялся и начал читать. Я вся обратилась в слух. Дело шло об Улинке, бывшей уже замужем за Тентетниковым. Удивительно было описано их счастье, взаимное отношение и воздействие одного на другого... Тогда был жаркий день, стано- вилось душно. Гоголь делался беспокоен и вдруг захлопнул тетрадь. Почти одновременно с этим послышался первый удар грома, и разразилась страшная гроза. Нельзя себе представить, что стало с Гоголем: он трясся всем телом и весь потупился. После грозы он боялся один идти домой. Виельгорский взял его под руку и отвел.

Когда после я приставала к нему, чтобы он вновь прочел и дочитал начатое, он отговаривал- ся и замечал:

— Сам Бог не хотел, чтобы я читал, что еще не окончено и не получило внутреннего моего одобрения... Признайтесь, вы тогда очень испугались?

— Нет, хохлик! это вы испугались, — сказала я.

— Я-то не грозы испугался, а того, что читал вам, чего не надо еще никому читать, и Бог в гнев своем погрозил мне¹».

7) «Гоголь смотрел на “Мертвые души”, как на что-то, что лежало вне его, где должен был раскрыть тайны, ему заповеданные.

— Когда я пишу, очи мои раскрываются неестественною ясностью. А если я прочитаю напи- санное еще не оконченным, кому бы то ни было, ясность уходила с глаз моих. Я это испытывал много раз. Я уверен, когда сослужу свою службу и окончу, на что я призван, то умру. А если вы- пущу на свет незрелое или поделюсь малым, мною совершаемым, то умру раньше, нежели выполню, на что я призван в свет...

Свою службою царю и отечеству Гоголь называл свою писательскую деятельность, но не ту, что была за ним, а ту, что была впереди.

— Бог вразумил Государя, и он дает мне возможность работать, он дает мне средства — это мое жалованье за мою службу... Неужели вы думаете, что он дал бы мне деньги за ту дрянность, что я написал? Да и эта дрянность полезна только тем разве, что тоже дала мне некоторые средства... Да, это навоз, но без него не вырасти розанам».

8) «Гоголь любил со всеми жить в мире. Он боялся кого-либо огорчить и искренно сетовал на то, что его не понимают, как и на Белинского, которому не отвечал.

Я принес Смирновой “Полярную Звезду” Герцена, где напечатано было известное письмо Белинского к Гоголю в ответ на его письмо, и затем опять ответ Гоголя на письмо Белинского (“Полярная Звезда” 1855 г., стр. 62–77).

Александра Осиповна сказала, что ответа Гоголя не знала, но что в нем видна прекрасная душа Николая Васильевича, и что он только служит подтверждением всего того, что она гово- рила о Гоголе.

Гоголь стремился к тому, чтобы не только перезнакомить всех своих знакомых, но постоян- ным его желанием было сблизить друзей своих, чтобы все были связаны одними общими уза- ми дружбы и “жили между собою в мире и согласии”».

¹ Подобный же рассказ из записок о жизни Гоголя воспроизведен Шенроком (Мат<ериалы> для биограф<афии> Го- голя, т. III, стр. 194). — Примеч. П. А. Висковатова. Имеется в виду соответствующий фрагмент из воспоминаний А. О. Смирновой, опубликованный П. А. Кулишом в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» и перепечатанный позднее В. И. Шенроком в «Материалах для биографии Гоголя».

9) «Немцев он не любил, но хранил благодарную память и любовь к некоторым из немецких писателей. Особенно благоволил к Шиллеру и Гофману. Последнего называл даже своим наставником “при создании моих первых юродивых творений”. Но долго Гофман не мог ужиться на малороссийском хуторе. Хохол перестал понимать немца, немец — хохла и убежал, и мы после не встретились.

— Вы браните немцев, — как-то раз сказала я ему, — ну, а Шиллера все-таки любите; а Шиллер тоже немец.

— Шиллер! — отвечал Гоголь. — Да когда он догадался, что был немцем, так с горя умер. А вы думали, отчего он умер?»

10) «Из рассказов Гоголя, которыми он любил занимать своих слушателей, Александра Осиповна передавала мне довольно много. Но рассказы эти в мастерской передаче Николая Васильевича и даже А. О. Смирновой, владевшей малороссийской речью, имели свою прелесть (тут было много малороссийских анекдотов), а в простой, безыскусной передаче они теряют и смысл и значение.

Таков, напр<имер>, рассказ о майоре, прибывшем в селение на отведенную ему квартиру на краю города. Тщетно он спрашивает у хохла-денщика спичек и затем посылает его раздобыть их, строго наказывая хорошенько испытать, горят ли они. Денщик возвращается не скоро. Майор его ругает, чиркает спички об стену, об обшлаг рукава, они не вспыхивают. Денщик объясняет, что, исполняя приказ барина, перечиркал их все, и у него они горели».

Впервые опубликовано: *Висковатов-Висковатый Пав.* Из рассказов А. О. Смирновой о Гоголе // Русская Старина. 1902. № 9. С. 485–492. Печатается по первой публикации.

¹ Л. И. Арнольди.

² С. Т. Аксакова.

<Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина>

Как<им> обр<азом> и где им<енно> позн<акомилась> с Н<иколаем> В<асильевичем> — соверш<енно> не помню, но поро<й>, к<огда> я спраш<ивала> у Н<иколая> В<асильевича>, где мы с ва<ми> позн<акомились>, он мне отв<ечал>: «Неуж<ели> вы не помн<ите>!? Вот прекрасно! так я же вам и не ск<ажу>. Это впроч<ем> тем лучше. Это знач<ит>, что мы всегда б<ыли> с в<ами> знак<омы>». Сколько раз я пот<ом> прос<ила> его сказ<ать>, где мы позн<акомились>, он отв<ечал>. «Не скажу ж — мы всегда были знако<мы>». (В год смерти.)

В 1837 я провод<ила> зиму в Пар<иже>, Rue de Mont Blanc № 21, и Н<иколай> В<асильевич> ход<ил> ко мне дов<ольно> часто. Я с ним уже обх<одилась> к<ак> с чел<овеком> хор<ошо> знакомым. Разгов<ор> мы ч<асто> вели о Мал<ороссии>, о высоком камыше, о бурьяне, о журавл<ях> на красн<ых> лапках (аисты), о галушк<ах>, варен<иках>, о сереньком дыме. Пела ему Грицько. Он более слуша<л>, но однажды описыв<ал> мне мал<ороссийский> веч<ер>, к<огда> солнце сад<ится>, табуны несутся, подым<ая> пы<ль> копыт<ами>, а за ними¹ хохол с чубом и с наг<айкой> в рук<е>. Он описывал все это очень живо, с любовью, но прерывисто и в коротк<их> слов<ах>. О Париже было мало реч<и>, по-вид<имому>, уж он тогда его не люб<ил>. Он, одн<ако>, посещ<ал> конц<ерты> и театры, п<отому> ч<то>

¹ Далее было: Впрочем

² Далее было: с ч<убом>

расск<азывал> мне, к<ак> входят а la file¹, как покупают право на хвост (как он назыв<ал> en fil), как им торгуют, и с свойственным ему способом замечать то, что друг<им> каж<ется> не смешным и не замечате<льн>ым, он это расск<азывал> оч<ень> забавно.

Однажды мы гов<орили> о раз<ных> комфортах в путеш<ествии>, и он мне сказ<ал>, ч<то> хуже всего на этот счет в Португалии и не сов<етовал> туда ехать. «А вы к<ак> это знаете, Н<иколай> В<асильевич>?» — «Я там был; пробрался в Лисаб<он> из Исп<ании>, где так же прегадко в трактирах. Слуги там очень нечисты, и раз, когда я жал<овался> трактирному слуге, ч<то> котлеты хол<одные>, то он оч<ень> хладнокр<овно> пощуп<ал> ее рук<ой> и прибр<авил>, ч<то> нет, ч<то> достаточно теплые». Так как он ни разу не упом<инал> прежде об Исп<ании>, то я нач<ала> утв<ерждать>, ч<то> он не б<ыл> в Исп<ании>, ч<то> он не мог там б<ыть>, п<отому> ч<то> там разб<ой>, дерутся на вс<ех> перекрестках, и на все это он отв<ечал> мне очень хладн<окровно>: «На что ж все расск<азывать> и заним<ать> собою публ<ику>. Вы привыкли, чтоб вам с перв<ого> сл<ова> человек все выхлестал — что знает и чего не знает, даже и то, что у него на душе». Я осталась при своем, ч<то> он не б<ыл> в Исп<ании>, и между нами была шутка: «А, это когда вы были в Исп<ании>» (или «когда я б<ыл> в Испании»). Шутка эта б<ыла> повод<ом> к др<угой> шутке, уже в Риме в 1843 г., при В. А. Перовск<ом>, Я. В. Ханьк<ове> и А. О. Россет. Зашла речь об Испании. Я сказ<ала>, что Н<иколай> В<асильевич> мастер очень серьезно солгать. На ч<то> он мне и сказал: «Так если ж вы хотите знать правду, я никогда не б<ыл> в Исп<ании>, но зато я б<ыл> в Конст<антинополе>, а вы этого и не знаете». Тут он нач<ал> опис<ывать> нам во всех подробностях кон<стантинопольские> ули<цы>, описывал местности, называл собак, как под<ают> кофе в мал<еньких> чашк<ах> с гущей. Целы<х> с полчаса занима<л> нас св<оими> расск<азами>. После этого я ему ск<азала>: «Вот сейч<ас> и видно, ч<то> вы б<ыли> в К<онстантинополе>». А он отв<ечал> мне на это: «Видите, к<ак> легко вас обм<ануть>. Вот же я и не б<ыл> в К<онстантинополе>, а в Исп<ании> и П<ортугалии> был». Он был в Константиноп<оле> точно, после путеш<ествия> в Иерус<алим>, но когда я расспр<ашивала>, он мне ничего не расск<азал>. Т<аким> обр<азом> он молч<ал> и о Св<ятых> Мест<ах>. Только расск<азал> мне одну ночь, проведенную им в церкви. Я понимаю, поч<ему> он говорил мало об Испа<нии>. Он б<ыл> под влиянием Рима. Испанск<ая> школа слив<алась> для него с болонскою, с венец<ианскою> в отнош<ении> красок и в особ<енности> рисунка, кот<орый> он не любил, особ<енно> болонцев. Такой худ<ожник>, как Гог<оль>, взглянувши на М<икель> А<нджело> и на Раф<аэля>, не мог слишк<ом> увлекаться другими живописцами. Il avait un certain sobriete dans l'appréciation des belles arts. Il fallait que toutes les cordes de son ame reconnaiss<aient> quelque chose pour belle, pour qu'il la qualiffia de telle»². Заметьте, какая стройность всегда в антично<сти>.

В 1837 лет<ом> я жила в Бад<ене>. Н<иколай> В<асильевич> приехал больной, но не лечился. Он пил по утрам хол<одную> в<оду> в Лихтентальской аллее. Он ходил или лучше сказ<ать> брод<ил> один по лугу, зигзагами возле Стефани-бад. Часто он б<ывал> так задумч<ив>, ч<то> я его звала и не могла дозваться, и когда и дозовусь, то он отказ<ывался> гулять, прибир<ая> сам<ый> нелеп<ый> резон. Его из русск<их>, кроме покойно<го> Андрея Никол<аевича> Карамз<ина>, никто не знал, и даже один господ<ин> из высш<его> круга³ меня упрекал, что я гуляю с mauvais genre⁴. В июле месяце он нам вдруг предложи<л> собраться вечером⁵ и объяви<л>, что пишет ром<ан> под назв<анием> «М<ертвые> Д<уши>» и хоч<ет> нам прочесть 2 перв<ых> главы. Я пригласила покойных Андр<ея> Карамз<ина> и гр<афа> Льва Сологуба и В. П. Платоно<ва> (поб<очный> сын князя Зубова). День б<ыл> оч<ень> знойный. В 7 часов веч<ера> он сел у круглого стола, окно затвори<ли>; началась страшная гроза. С гор полилися каскады. Сначала он б<ыл> смущен, но потом продолжал читать. Мы оч<ень> много смеялись и были в восторге. После он прос<ил> Кар<амзина> пров<одить> его на Грабен, говоря, ч<то> т<ам> много собак. На Грабене же не б<ыло> соб<ак>.

Гоголь был в нервнич<еском> распол<ожении> от чтения и грозы. На другой день я просила Н<иколая> В<асильевича> еще проч<итать>, но он отказ<ался> решит<ельно> и даже прос<ил> не просить.

В полов<ине> авг<уста> мы остав<или> Баден. Н<иколай> В<асильевич> нас про<вод<ил> до Карлсру, где с нами переночевал в трактире⁶. Был всю ночь болен. На др<угой> день мы уех<али>, а он возвр<атился> в Баден с Кар<амзиным> и Плат<оновым>. Мы с ним езд<или> на 3 дни в Стразбург, и в Стразбург<ской> каф<едральной> церкви он карандашом срисовывал необыкновенно красиво карнизы над карнизами. «Как вы хорошо рисуете?» — «А вы этого и не знаете?» Принес кусок церкви. (Над каждой колонной различные орнаменты и оч<ень> красивы.) Разорвал — «я лучше что-ниб<удь> нарисую». После этого я не б<ыла> с ним в переп<иске> в 1838—41. В 1841 году он яв<ился> ко мне в Пет<ербурге> в дом мой на Мойке; б<ыл> в хор<ошем> распол<ожении> духа, но о «М<ертвых> Д<ушах>» не б<ыло> и помину. Тут я узн<ала>, ч<то> он в коротк<их> отношен<иях> с сем<ейством> графов Виельгорских. Я находила это оч<ень> естественн<ым>, потому что он б<ыл> оч<ень> дружен с Иосиф<ом> Виельгорским. Весной 1841 я получила от него очень длинное п<исьмо>, исп<олненное> слез, воплей, стонов, в кот<ором> он жалуется на моск<овскую> цензуру с каки<м-то> почти детск<им> отчаян<ием>. К письму была прилож<ена> пр<осьба> к Госуд<арю>, к<оторую> я д<олжна> б<ыла> под<ать>, если отк<ажутся> печат<ать> I т<ом> «М<ертвых> Д<уш>». Просьба была коротка и прекр<асно> написана, с полн<ым> доверием к милостив<ому> вним<анию> Г<осударя> Имп<ератора> и к его высок<ому> разуму. Я решила, одн<ако>, посовет<оваться> с гр<афом> М. Ю. Виельгорским. Он горячо взялся за это дело и устроил его с кн<язем> Дундуков<ым>, попечит<елем> Пет<ербургского> окр<уга>. Ни письма, ни просьбы нет. Они у М. Ю. Вьельгорского. В 1842 Гоголь остан<авливался> у Плетнева, часто быв<ал> у нас и очень сблиз<ился> с брат<ом> Арк<адием> Ос<иповичем>. Тогда он нам читал отрывки из напеч<атанных> «М<ертвых> Д<уш>» у князя П. А. Вяземск<ого>. Особенно хор<ошо> и забавно читал разговор двух дам и, кажется, никто из нас не подозревал тайного смысла «М<ертвых> Д<уш>». Он же сам не обнаруж<ивал> ничего. После этого он мне предлож<ил> чит<ать> ком<едию> «Женитьбу». К обеду б<ыли> приг<лашены> Вяз<емский>, Плетнев, Андр<ей> и Владимир Карамзины и Арк<адий>, брат мой, по желанию Гоголя. После обеда все собрал<ись> в кабинете. Швейцару приказ<али> б<ольше> никого не принимать, но внезапно взош<ел> кн<язь> М. А. Голицын, котор<ый> долго жил за границ<ей>, почти там воспитыв<ался> и мало зн<ал> р<усский> яз<ык>. Гоголю он бы<л> почти незнак<ом>. Это появление меня смутило. Я подошла к нему и расск<азала>, в чем дело. Он просил убедительно позвол<ить> остаться. К счастью, Гоголь не обрати<л> никак<ого> внимания и продолж<ал> чит<ать>. После чтения все его благодар<или>, и он каз<ался> очень довол<ен> впечатлением, весе<л> и уше<л> домой. Голицын не наход<ил> слов благодарить. Это почти начало 1844¹.

Вскоре Г<оголь> уех<ал> за границу. Осенью 1843 я поех<ала> в Италию и остан<овилась> в ноябре во Флоренции. Неожиданно получи<ла> письмо от Н<иколая> В<асильевича>, кот<орый> пишет, что его уд<ерживает> больной Язык<ов>¹ и прос<ил> меня приехать в Рим. Письмо это⁸ оканч<ивалось>: «Вас увидеть будет светлый праздник для души моей». Вторично пис<ал>, оканч<ивая>: «Приезжайте: вы не знаете, как вы сами себе будете благодарны»⁹. В конце дек<абря> брат мой поех<ал> в Рим для приискания мне там жилья, а в конце генв<аря>¹⁰ я сама отправи<лась> и приехала на Piazza Troiana palazzeto Valentini. Верхний этаж б<ыл> освещен. На лестницу выбеж<ал> Н<иколай> В<асильевич> с протянуты<ми> рук<ами> и лицом, исполненн<ым> радости. «Все готово, — сказ<ал> он, — обед вас ожидает, и мы с Арк<адием> Ос<иповичем> уже распоряд<ились>. Квартеру эту я наш<ел>. Воздух

¹ Это почти начало 1844. *вписано карандашом.*

будет хорош. Корсо под рукою, а что всего лучше — вы близко от Колизея и Fora Voagio». Немного поговори<ли>, и он отправился домой с обещанием прийти на др<угой> день. В сам<ом> деле приш<ел> в час, спроси<л> бумажку и карандаш и нача<л> писать: «Куда следует понаведываться чаще А<лександр> О<сиповне> и с чего начать». Мы были в этот день во многих местах и кончили Петром. Он возил бумажку с собой и везде отмечал что-нибудь. Напис<ал>: «Петром осталась А<лександра> О<сиповна> довольна». Таким образом он воз<ил> меня неделю и направлял всегда так прогулку, ч<то> кончалось все Петром. «Это так следует, — гов<орил> он, — на Петра никак не наглядись, хотя фасад у него и комодом». Раз он воз<ил> нас в San Pietro in vinculi, где стоит статуя Моисея Мик<ель> Анж<ело>. Он велел нам идти за собою и не оглядываться в правую сторону, потом привел нас к одной колонне и вдруг велел обернуться. Все ахнули от удивления и вост<орга>, увидев Моисея с длинной бород<ой> сидящего. Гог<оль> сказ<ал>: «Вот вам и Мик<ель> Анж<ело>. Каков?» Сам так радовался, как будто бы он эту статую сделал! Вообще он хвастал Римом перед нами, как будто это его открытие.

В особ<енности> он заглядывался на древн<ие> статуи и на Рафаэля. Мы с ним посещали Фарнезину, где он оч<ень> серд<ился> на м<еня>, п<отому> ч<то> наход<ил>, ч<то> я не дов<ольно> восхищаюсь Психеею Рафаэля. Он столько же восхищ<ался> Р<афаэлем> живописцем, к<ак> и Раф<аэлем> архитектором: вози<л> нас даже нарочно на виллу, постр<оенную> по рисункам Рафаэля. С ним мы также сов<ершили> пут<ешествие> на Петра, и к<ак> я ему гов<орила>, ч<то> я не реш<илась> бы ни за что идти по внутр<еннему> карнизу Петра, кот<орый> так<ой> ширины, что кар<ета> в 4 <места>. — Он сказ<ал>: «Теп<ерь> и я не решил<ся>, пот<ому> ч<то> нервы у<ж> не те, но прежде я по цел<ым> час<ам> лежал на этом кар<низе>, и верхний слой Петра мне так изв<естен>, как едва ли кому другому. Нельзя надивиться дов<ольно> гению М<икель> А<нжело>, когда взглядишься в Петра пропорции¹». Мы с ним сов<ершили> поездку в Альбано. Он снач<ала> каз<ался> оч<ень> вес<елым> и дов<ольным>, потом вдр<уг> поч<увствовал> скуку и томл<ение>. Вечером мы собрались вместе и од<ин> из нас нач<ал> читать «Lettres d'un voyageur» George Sand. Я заметила, как Н<иколай> В<асильевич> был необ<ыкновенно> тревож<ен>, лом<ал> руки, не гов<орил>, ни<чего>, к<огда> мы восх<ищались> нек<оторыми> местами, смотрел как-то пасмурно и даже вскоре оставил нас. Ночевали.¹¹ На др<угой> день, когда я его спрашив<ала>, зач<ем> он уш<ел>, он спрос<ил>, люблю ли я скрипку? Я ск<азала>, что да. Он сказ<ал>: «А люб<ите> ли вы, к<огда> на скр<ыпке> фальш<иво> игр<ают>?» Я ск<азала>: «Да что же это знач<ит>?». Он: «Так ваша Ж<орж> З<анд> вид<ит> и понимает природу. Я не мог равн<одушно> вид<еть>, к<ак> вы можете эт<им> восх<ищаться>». (Раз сказ<ал>: «Я удивляюсь, к<ак> вам вообще нрав<ится> все это растрепанное».) Мне тогда казал<ось>, ч<то> он к<ак> б<ы> жалел нас, что мы мож<ем> эт<им> восх<ищаться>. Но и весь д<ень> он б<ыл> оч<ень> пасмур<ен>. Након<ец>, возвр<ащаясь> из гулянья, с удивл<ением> узнал<и>, что Н<иколай> В<асильевич> от нас улетел в Р<им> (На 3 дня пер.<?> Ханыков, дети).

Во вр<емя> прогул<ок> его особ<енно> забав<ляли> наши ослы, к<оторых> он считал<>> особ<енно> умными и приятными животными и ув<ерял>, что ни на к<аком> языке не наз<ываются> т<ак> при<ятно>, к<ак> на ит<альянском>, gli *чучи*¹¹¹ ¹¹, и потом срыв<ал> беспр<естанно> разн<ые> травки.

Представлялся В<еликой> К<нягине> Марье Никол<аевне> утром. Она оч<ень> милост<иво> приняла и раз приказа<ла> приглас<ить> на музык<альный> веч<ер> к гр<афу> Вьель<горскому>, где она была.

¹ пропорции *вписано*.

¹¹ Ночевали. *вписано*.

¹¹¹ чучи *вписано вместо: суси*

Под весну, к<огда> уже сдел<алось> в поле веселее, мы с ним выезжали в Кампанию ди Рома. Оч<ень> люб<ил> Ponte momentano u aqua Cetoza, ложился на спине, ни слова не гов<орил>. Когда спраш<ивали>, отвеч<ал>: «Зачем гов<орить>? Тут надобно дышать, дышать, втягивать носом этот живит<ельный> воздух и Б<ога> благодар<ить>, что столько прекр<асного> на свете».

На Стр<астной> нед<еле>¹² Гог<оль> говел, и тут я уже зам<етила> его религи<озное> располож<ение>. Он стоял обыкнов<енно> поодаль от других и до т<акой> ст<епени> б<ыл> погр<ужен> в себя, к<ак> б<удто> никого не вид<ел> и ник<ого> не б<ыло> вокр<уг> него.

В мае я отпр<авилась> в Неап<оль>, а Н<иколай> В<асильевич> еще неск<олько> врем<ени> остав<ался> с Яз<ыковым>¹³. После этого я об нем не имела ник<аких> изв<естий> до июля. Но в июле¹, одн<ако>, я <у>знала чрез Жук<овского>, что он у него в Эмсе, а в Эмс я собир<алась> к Жук<овскому>, к<оторого> давно не вид<ела>. Пока у нас шла переп<иска> с Жук<овским> и мы условливались, дело это тянулось, я решила все остав<ить> и ехать в Эмс, и узнала от Ж<уковского>, что Г<оголь> поех<ал> в Бад<ен> ко мне, а из Бад<ена> получила в Эмсе (всего 3 дня) письмо шуточное¹⁴, в кот<ором> он гов<орит>, что «каша без масла все-таки в горло идет, а Баден без вас никаким образом». Я переех<ала> в Бад<ен> и нашла Н<иколая> В<асильевича>. Он почти всяк<ий> д<ень> у м<еня> обедал, исключ<ая> те д<ни>, к<оторые> он гов<орил>: «Пойду полюбоваться, ч<то> там русские дела<ют> за table'дотом». Не бывши почти ни с к<ем> знак<ом>, Г<оголь> знал почти все отнош<ения> между людьми и угад<ывал> многое оч<ень> верно. Особенно занимала его princesse de Betu<п>, к<оторую> он наз<ывал> Бетюнице. Изв<естный> русской пуб<лике> князь Дол<горуков> прос<ил>?, Гоголь будто не видел и не слыш<ал> и уехал в дилижансе к Жук<овскому> во Франкфурт. Мы не условились, ув<идимся> мы в буд<ущую> зиму или нет. Я просила приех<ать> в Ниц<ц>у. Ответ<ал>, что он чувств<ует>, что слишк<ом> привязыв<ается> к семейству Соллог<уба> и ко мне, а ему не следует этого, чтоб не связыв<ать> себя никакими <узами>. Я поех<ала> в Ниццу и не получ<ая> писем, в дек<абре> поех<ала> обрат<тно>?. Возв<раща>юсь домой — вдруг вижу Г<оголя>¹⁵. «Вот видите, и я теперь с вами, и поселился оч<ень> близко к Вам и распоряжусь так, ч<то> буду между вами и Вьельгурск<ими>». Квартира неуд<ачная>, и он переех<ал> к Вьельгурск<им> в дом г-жи Paradis.

В Бадене он всяк<ий> день? после обеда чит<ал> «Илиаду», она мне надоед<ала>. Он сердился, оскорблялся и рассказыв<ал> Жук<овскому>, что я и на «Илиаду» топаю ногами. В Ниц<ц>е почти ежедн<евно> обед<ал> у меня и после обеда вытаскив<ал> из карм<ана> выписки из Св. Отцов. Иногда читал Марка Аврелия. С умилением говори<л>: «Божусь Богом, что ему недостает только б<ыть> христианином!»

О своих собств<енных> делах он гов<орил> в<есьма?> мало, но так к<ак> я знала, ч<то> способы его сущ<ествования> оч<ень> скудны, то мне хот<елось> хотя шуткой выпытать, что у него есть. Один раз — я помню, к<ак> я смеялась! я начала его экзаменовать, ск<олько> у него белья и платья. На что он отв<ечал>: «Я вижу, ч<то> вы просто совсем не умеете отгад<ывать>. А я больш<ой> ф<рант> на галстух и жил<ет>». У него 3 галст<ука>; 1^{II} пар<адный>, друг<ой> повседневный и 1 дорожный теплый. У него б<ыло> только то, ч<то> необх<одимо> челов<еку>, чтоб быть чистым. «Это мне так следует, все<м> т<ак> след<ует>, и вы так будете, как я, жить, и я увижу то вр<емя>, к<огда> у вас будет только 2 платья: одно, к<оторое> всяк<ий> д<ень> буд<ете> надев<ать>, друг<ое> — в воскр<есе-нье> и в празд<ничные> дни. А лишняя меб<ель>, комф<орт> и всякие игр<ушки> вам так надоед<ят> со вр<еменем>, ч<то> вы сами понемн<огу> станете избавляться от них. Я ви-

¹ Далее было: я полу<чила>

^{II} Далее было: стар

жу, ч<то> это время придет. Вот я заметил, ч<то> у меня в чем<одане> зав<елась> нужн<ая> вещь, я вам ее под<арю>». И на др<угой> д<ень> принес мне рис<унок> Иванова¹⁶. В то вр<емя> на м<еня> нах<одила> ч<асто> тоска, и Г<оголь> сам списал 14 п<сал>мов и заст<авлял> учить наизусть, после об<еда> спраш<ивал> уроки как у мал<еньких> детей.

Г<оголь> об<ычно> занимался все утро, а вых<одил> гул<ять> в 3 часа, или один, или с графом Мих. Мих. Вьельгурским. Я его часто встр<ечала> на бер<егу> моря. Если его внез<апно> пораж<ало> к<акое>-ниб<удь> освещ<ение>, то он ни слова не гов<орил>, а только останавлив<ался>, указывал и улыбался. Он рассказ<ывал>, ч<то> к<огда> ех<ал> в Ниц<цу> через Марсель¹⁷, чувствов<ал>, что умирает, с покорностью молился до утра — слабость, однако ж сел в дили<жанс> и поех<ал> в Ниц<цу>. «Тараса Б<ульбу>» прочел в Ниц<це>е, рассказ<ывал> об учителях и представлял некоторых, бывал весел.

В ап<реле> я поех<ала> гов<еть> в Пар<иж>, а он в Штутт<гарт>, но попал гов<еть> в Дармштадт. В июне месяце во Франкф<урт>е я нашла Г<оголя> в Hotel de Russie на ул<ице> Цейль, где и я останов<илась>. А Жук<овский> жил в Саксенгаузене. Мы провели 2 нед<ели> втроем оч<ень> приятно, виделись кажд<ый> д<ень>. Г<оголь> был как-то беззаб<отно> весел во все это вр<емя> и не жалов<ался> на здоровье. Мне каж<ется>, ч<то> он тогда б<ыл> не в ладах с madame Жуковскою¹⁸. Она сама гов<орила>, ч<то> он ей в тягость, что он навод<ит> хандру на Жук<овского>.

Я поех<ала> в Росс<ию>, и мы переписыв<ались>. В 1845 г. наша переп<иска> б<ыла> очень деятельна, а летом я получала от него самые грустные письма. Жал<овался> на св<ое> здоро<вье> и что его все забыли. Я поех<ала> осенью в Калугу, в 1846 все еще перепис<ывались>. Он оч<ень> часто пис<ал> в Калугу и в 1847. В 1848 я осенью жила в Павловске. Явился Г<оголь> в дов<ольно> хор<ошем> расп<оложении> дух<а>, но не хот<ел> ни у кого быв<ать>, ничего не хот<ел> гов<орить> о Иерус<алиме>, отговаривался при мне ехать на вечер, ссылаясь, ч<то> ему жиды шили в Бейруте сюртук и что в этом сюртуке не может явиться ни к кому в Петерб<урге>. Он бывал осенью часто у Вьельгурских, у С. П. Апраксиной, о к<оторой> он гов<орил>, что он люб<ит>. Она сама по себе оч<ень> добра — она сестра моего любез<ного> А. П. Толстого. Вообще он ее очень высоко ставил, любовался очень ею к<ак> светскою¹ женщ<иной>, что никто не умеет дать бал хор<ошо> и экономно. Если этому надо быть, то ч<тобы> меньше было времени и денег. — Он уехал осенью и упрек<ал> письменно, что я не поехала его провож<ать> до дилижанса. Ему было грустно. В Москву. Писал мало — я была больна и не могла ему отвечать.

Геогр<афия> д<олжна> б<ыть> так нап<исана>, ч<тобы> б<ыла> сл<ышна> связь чел<овека> с той почв<ой>, на кот<орой> он родился. Все входило в общую теорию. — Очень любил соч<инение> Храповицкого¹⁹ о хозяйстве. Не видела до 1851. В 1851 письмо с приглашением в Крым. У Вороного-Др<яного>²⁰ осмотрели только запущенный дом. — В М<оскве> в мае Гоголя не было, на порожное <?> вр<емя> пригласила в подмосковную. Я занемогла. Бронецкого уезда в с. Спасское²¹. Нервы — бессонница — волн<ения> — тоска. — «Ну я опять вожусь с нервами». — «Что дел<ать>? Я сам с нерв<ами> вожусь. Не <2 нрзб.>». Очень жаркое лето. Гоголю — 2 комнатки во флиг<еле> окнами в сад. В одной он спал, а в другой раб<отал>, стоя, и к<ак> не б<ыло> попитра, то взд<умал> поставить бревна. Прислуживал чел<овек> Афанасий, от кот<орого> он встав<ал> часов в 5. Сам умыв<ался> и одевался без помощи человека. Шел прямо в сад с молитв<енником> в руке — в рошу — т. е. англ<ийский> сад. Возвращ<ался> к 8 час<ам>, тогда подав<али> кофе. Потом занимался, а в 10 или в 11 ч<асов> он прих<одил> ко мне или я к нему. Когда я — у него тетр<ади> в лист очень мелко. Покрыв<ал> платком. Я сказ<ала>, что я прочла: «Никита и генер<ал>-губ<ернатор>²² раз-

¹ Далее было: дамою

говарив<ают>». — «А вот как! вы подглядываете! так я же буду запирать». Предлагал часто Чети-Миней. Каждый день читал житие святого на тот день. Перед обед<ом> пил всегда полынную водку, кот<орая> придав<ала> деятельность желудку, ел с перцем. А после об<еда> мы ездили кат<аться>. Он прос<ил>, ч<тобы> езд<или> в сосн<овую> или в еловую рощу. Он любил после гулянья брод<ить> по бер<егу> Москвы р<еки>; заход<ил> в куп<альню> и купался. М<ежду> т<ем> мое зд<оровье> б<олее> и б<олее> расстр<аивалось>. Гог<оль> раз хот<ел> меня повес<елить> и предлож<ил> прочесть 1-ю главу. Но нервы т<ак> б<ыли> расстр<оены>, ч<то> я нашла пошл<ым> и скучным. — «Вид<ите>, к<аковы> мои нервы, даже и Тент<етников> скучен». — «Да, вы правы: это все-таки дребедень, а ваш<ей> душе не этого нужно». Казался оч<ень> груст<ным>. — Так к<ак> его комн<аты> были оч<ень> малы, то он в жары любил приход<ить> в дом и садился в гост<иной> на середн<ий> диван, в глубине комнаты — для прохлады. Придет и сядет. Вот что раз случ<илось>. Я взшла в гост<иную>, дум<ая>, ч<то> ник<ого> нет, и вдруг увидела Гог<оля> на див<ане> с книгой в р<уках>. Когда я взшла, он к<ак> б<удто> испуг<ался>. Ему дико показ<алось>, что кто-то явился. Глядел в меня — иду — «Николай В<асильевич>, что вы тут делаете?» К<ак> б<удто> проснулся. — «Ничего. Житие (в июле) такого-то». Что-то приятное — молился он что ли — в экстазе. Чуть ли не Косьмы и Дамиана²³. По вечерам Г<оголь> брод<ил> перед домом после куп<анья>, пил воду с крас<ным> вин<ом> и с сах<аром> и уходил час<ов> в 10 к себе. Был нездоров, жалов<ался>, не разгов<аривал> ни с людьми, ни с приятелями <?>. Шутил над садом Попова с затеями. Девушки: «Это наш Никол<ай> Ив<анович> сдел<ал>». Одна шутка: «Где же наш Ник<олай> Ив<анович>» и т. п. С детьми ездил к обедне, к заутрене. Любил смотреть, как загоняли скот домой. Это напоминало Малороссию. Село Константиново за рекой Москвой. Любил ходить на Маршкино версты 2. «Больше некуда как на Н<евский> Просп<ект> — на Маршкино». — «Почему не гов<орили> с мужик<ами>?» — «Да у вас старых мужиков нет». — Терпеть не мог фабричных служ<ащих> в фуражках и дам нарумянен<ных>. Странности над опи<?> Малороссии. Куда ехать? в Малороссию. — А потом к себе — к Малор<оссии> невозможно. — Совето<вал>? — «Помолитесь как перв<ая> мысль — положите. — Ехать. Больны — расстались — благословил образом, «и молитва моя за вас будет». Приходил всякий день по<том> в Трубников<ский> пер<еулок> в собств<енном> доме. Сигрин — пастор. — Псалмы. М. Овербек. Письмо к новому — году. Не любил <1 нрзб.> крестьянок. — Не то наши бегичевские. Villa Madama. — Ci? Gli ciucci — i ciuciar²⁴.

«С вами это было?» — «Все было и такое было, чего с вами не будет». — «А думали ли вы о смерти?» — «О, это любимая моя мысль, на кот<орой> я кажд<ый> д<ень> выезжаю».

Впервые частично опубликовано: Смирнова (рожд. Россет) А. О. Воспоминания о Гоголе // Смирнова (рожд. Россет) А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 322–328. Заново по рукописи напечатано, с отдельными пропусками и неточностями: Смирнова-Россет А. О. Воспоминания о Гоголе (в записи А. Н. Пыпина) // Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / Издание подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 34–41. Печатается по автографу А. Н. Пыпина: ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 85. 7 л. Датирована временем около 1873 г.

¹ По очереди (фр.).

² Он был несколько строг в оценке произведений искусства. Для признания чего-либо прекрасным ему необходимо было признать это всеми струнами своей души (фр.).

³ Князь С. С. Гагарин (см. в наст. изд. четвертый раздел «Биографии Александры Осиповны Чаграновой» А. О. Смирновой).

⁴ Человеком дурного тона (фр.).

⁵ 14 августа (н. ст.) 1837 г. См. в наст. изд. письмо Анд. Н. Карамзина к матери от 18 августа (н. ст.) 1837 г.

⁶ Вероятно, 27–28 августа (н. ст.) 1837 г. (см. в наст. изд. четвертый раздел «Биографии Александры Осиповны Чаграновой» А. О. Смирновой).

⁷ Имеется в виду письмо от 29 ноября (н. ст.) 1842 г.

⁸ Письмо от 17 декабря (н. ст.) 1842 г.

⁹ Имеются в виду следующие строки письма Гоголя от 17 декабря (н. ст.) 1842 г.: «...Скажите, зачем вы не в Риме, а во Флоренции? Упросите себя ускорить приезд свой. Увидите, как этим себя самих обяжете».

¹⁰ В двадцатых числах января (н. ст.) 1843 г. См. в наст. изд. коммент. к письму А. О. Смирновой В. А. Жуковскому от 20 апреля (н. ст.) 1843 г.

¹¹ Сіусі – ослы (*ит.*).

¹² 5/17 – 10/22 апреля 1843 г.

¹³ Гоголь и Н. М. Языков выехали из Рима 2 мая (н. ст.) 1843 г.

¹⁴ Письмо от 4 июля (н. ст.) 1843 г. из Баден-Бадена.

¹⁵ Гоголь прибыл в Ниццу 19 ноября (н. ст.) 1843 г.

¹⁶ Акварель А. А. Иванова «Жених, выбирающий кольцо для невесты» (1839).

¹⁷ Около 18 ноября (н. ст.) 1843 г.

¹⁸ См., в частности, в наст. изд. письмо А. О. Смирновой В. А. Жуковскому от 12 июля (н. ст.) 1843 из Баден-Бадена.

¹⁹ Михаил Васильевич Храповицкий (1758–1819), переводчик, брат А. В. Храповицкого.

²⁰ Персонаж несохранившихся глав второго тома «Мертвых душ».

²¹ Гоголь прожил у А. О. Смирновой в с. Спасском около двух недель с конца июня (после 25 числа) по 8 июля 1851 г.

²² Персонажи второго тома «Мертвых душ».

²³ Память св. бессеребренников Космы и Дамиана совершается 1 июля (ст. ст.).

²⁴ Вилла Мадама. Ослы (*ит.*).

А. О. Смирнова

<Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову>

<25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877. Париж>

Париж, 25/13 сентября 77 г.

Каким образом, где именно и в какое время я познакомилась с Николаем Вас<ильевичем> Гоголем, совершенно не помню. Это должно показаться странным, потому что встреча с замечательным человеком обыкновенно нам памятна; у меня же память прекрасная. Когда я однажды спросила Гоголя: «Где мы с вами познакомились?», он отвечал: «Неужели вы не помните? вот прекрасно! так я же вам не скажу; это значит, что мы были всегда¹ знакомы». Сколько раз я пробовала выспросить его о нашем знакомстве. Он всегда отвечал: «Не скажу, мы всегда были знакомы».

В 1837 г. я проводила зиму в Париже: Rue du Mont Blanc, 21, на дворе, т. е. entre cour et jardin¹, но Гоголь называл этот hotel Трущобой. Он приехал с лицейским товарищем Данилевским, был у меня раза три, и я уже обходилась с ним дружески, но как <с> человеком, которого ни в грош не ставят. Опять странность, потому что я читала с восторгом «Вечера на хуторе близ Диканьки»; они так живо переносили меня в нашу великолепную Малороссию. Оставив 8-ми лет этот чудный край, я с необыкновенным удовольствием прислушивалась ко всему, что его напоминало, а «Вечера на хуторе» так ею и дышат. С ним в это время я обыкновенно завела разговор о высоком камыше, о бурьяне, белых журавлях с красным носиком, которые при захождении солнца прилетают на знакомые¹¹ хаты, крытые старновкой, о том, как¹¹¹ плечистый

¹ всегда *вписано*.

¹¹ знакомые *вписано*.

¹¹¹ Далее было: гонит

Яким с чубом гонит лошадей в поле, и какая пыль поднимается их копытами; потом заводилась речь о галушках, варениках, коржиках и пампушках¹, вспоминали хохлацкое пение:

«Грицько, не ходы на вечерницы,
Там увси девки чаровницы»,

Или:

«На бережку у стрелочка»...

Или любимая его песня:

«Цвыли лози при дорози».

<1 нрзб.> потом:

«Ходы козак по улицы
В свитлой белой котулицы».

Он, вообще, не был говорлив и более любил слушать мою болтовню; вообще, он был охотник заглянуть в чужую душу^{II}. Я полагаю, что это был секрет, который создал его бессмертные типы в «Мертвых душах»; в каждом из нас сидит Ноздрев, Манилов, Собакевич и прочие фигуры его романа. О Париже мало было речи, он уже тогда не любил его^{III}. Он, однако, посещал театры с Данилевским, потому что рассказывал мне, как входят в оперу *a la queue*² и как торгуют правом на хвост, с свойственной <ему> способностью замечать то, что другим не кажется^{IV} ни замечательным, ни смешным. Раз говорили о разных комфортах в путешествии, и он сказал мне, что на этот счет всего хуже в Португалии, и еще хуже в Испании, и советовал мне туда не соваться с моими привычками. «Вы как это знаете, Николай Вас<ильевич>?» — спросила я его. «Да я там был, пробрался из Испании, где также очень гадко в трактирах; всё едят с прогорклым прованским маслом; раз слуга подал мне котлету совсем холодную; я попросил его подогреть ее; он преспокойно пощупал рукой и сказал, что она должна быть так. Чтобы не спорить, я спросил шоколаду, который оказался очень хорошим, и ушел». — Неправда, Ник<олай> Вас<ильевич>, вы там не были, там всё дерутся гверильясы, все в смутах; и что все, которые оттуда приезжают, много рассказывают, а он ровно ничего. На все это он очень хладнокровно отвечал: «Вы привыкли, чтобы вам всё рассказывали, и занимали публику, чтобы с первого^V слова человек всё выложил, что знает, что пережил, даже то, что у него на душе». Я осталась при своем, что он не был в Испании, и у нас осталось это русской шуткой (Жуковский говорил, что русская шутка только тем и хороша, что повторяется). В Испании он точно был³ и, кажется, там познакомился с Боткиным⁴; он оставался недолго; ни климат, ни природа, ни картины не могли произвести особенного впечатления. Испанская школа для него с Болонскою, как в отношении красок, так и рисунка, была противна. Он называл Болонскую школу пекарской^{VI}. Понятно, что такой художник, как Гоголь, раз взглянувши на Рафаэля в Риме,

^I Вместо: коржиках и пампушках — было: пампушках, коржиках и <1 нрзб.>

^{II} душу *вписано* вместо: жизнь

^{III} его *вписано*.

^{IV} Далее было: ни смешным

^V Далее было: раза

^{VI} была противна. Он называл Болонскую школу пекарской *вписано*.

не мог слишком увлекаться другими живописцами. Его приводил в восторг сжатый, строгий рисунок Рафаэля, он любил Перуджино, из Ранционгли¹. Джон Bellini нравился своей божественной наивностью; но всё это не может сравниться с нашими византийцами, у которых краска ничего, и всё в выражении и чувстве¹¹. Вообще у него была некоторая сдержка в оценке произведений художников; надобно было, чтобы все струны его души признали вещь за прекрасную, чтобы он ее признал гармоническою. «Стройность, гармония во всем, вот что прекрасно», говорил он.

Лето того же 37-го я провела в Бадене, и Ник<олай> Вас<ильевич> приехал. Он не лечился, но пил по утрам холодную воду в Лихтентальской аллее. Мы встречались всякое утро. Он ходил или, вернее, бродил по лугу зигзагами. Часто он был так задумчив, что я не могла дозваться его, и не хотел гулять со мной, прибирая самые нелепые причины. Он был во всю жизнь мастер на нелепые причины.

В июле месяце⁵ он неожиданно предложил собраться вечером и объявил, что пишет роман под названием «Мертвых душ». Андрей Карамзин, граф Лев Сологуб, Валериан Платонов собрались на нашу дачу. День перестал знойный, мы уселись, и Гоголь вынул из кармана тетрадку в четвертку и начал первую главу своей бессмертной поэмы. Между тем, гром гремел, разразилась одна из самых сильных гроз, какую я запомню; дождь лил ливнем, с гор потекли потоки. Смирренная Мур, по которой куры ходили посуху, бесилась и рвалась из берегов. Мы были в восторге. Однако Гоголь не кончил второй главы и просил Карамзина довести его до Грабена, где он жил. Дождь начал утихать, и они отправились. После Карамзин сказал, что Ник<олай> Вас<ильевич> боялся идти один, что на Грабене большие собаки, и он их боится, и не взял своей палки. На Грабене же не оказалось собак, а просто гроза действовала на его слабые нервы. На другой день я его просила прочесть далее, но он решительно отказал и даже просил не просить. Мы уехали осенью <из> Баден-Баден<а>, и Гоголь с другими русскими провожали нас до Карлсруэ, где Гоголь ночевал с моим мужем и был болен, страдал желудком и бессонницей⁶. О первой и страшной болезни⁷ он не любил говорить; его спас приезд Боткина, который усадил его полумертвого в дилижанс, и в Глогнице <?>^{III}⁸ он, после двух месяцев, в течении которых он ровно ничего не ел^{IV}, выпил чашку бульона. Ехали день и ночь, и в Венеции Гоголь был почти совсем здоров, сидел на Пиацетте и грелся итальянским солнцем, не палящим, но ласкающим.

В 1838 году я была в России, потеряла Гоголя из виду и не переписывалась с ним. В 1841 году он явился ко мне в весьма хорошем расположении духа, но о «Мертвых душах» не было и помину. Я узнала, что он был в коротких сношениях с Виельгорским. Они часто собирались, там обедались, и Жуковский называл это макаронными утехами на бульоне^V. Ник<олай> Вас<ильевич> готовил макароны, как у Лепри в Риме, масло и пармезан, вот что нужно. В этом же году я получила от него опять длинное письмо, все исполненное слез, почти вопля, в котором жалуется на московскую цензуру. К письму была приложена просьба в форме письма к Государю, в которой он напоминал, что он милостиво оказал ему протекцию на «Ревизора» и велел дирекции заплатить ему 8000 р<ублей> асс<игнациями>⁹. Я решилась посоветоваться с Мих<аилом> Юрь<евичем> Виельгорским; он горячо принялся за дело и все устроил с помощью князя Дундукова, который был товарищем министра просвещения, графа Уварова. Ни мое письмо, ни письмо Гоголя к Государю не нашлись, они или остались у Виельгорского, или были отосланы автору. «Мертвые души» вышли в свет tel quel¹⁰ без глупых поправок и вычеркивания цензоров.

¹ Далее вписано: Один <?> I<нрзб.>

¹¹ Далее вписано: <3 нрзб.> от <1 нрзб.>, что должно быть мне вам <3-4 нрзб.> В<асильевич?>

^{III} Вместо: Глогнице — может быть прочитано: Гмюнде

^{IV} в течении которых он ровно ничего не ел вписано.

^V утехами на бульоне вписано вместо: удовольствиями

Весной 42 года Гоголь приехал в Петербург и остановился у Плетнева. Приходил довольно часто и уже совсем на дружеской ноге. Он тогда сблизился с моим братом Аркадием, изъявил желание прочесть нам отрывки уже отпечатанных «Мертвых душ»; у Вяземского он читал разговор двух дам. Никто так не читал, как Гоголь, и свои, и чужие произведения. Мы смеялись немолчаемо. В нем был залог великого актера. Мы смеялись, не подозревая, что смех вызван у него плачем души любящей и скорбящей, которая выбрала орудием своим смех. А отчего душа так или иначе выражает свое чувство, известно одному Богу. Высокий христианин в душе, Гоголь чувствовал, что образец наш, Христос Спаситель даже не улыбался, а плакал и вздыхал. Потому легко представить, что произошло в его душе, когда он увидел, что Чичиков, Манилов, Собакевич и Ноздрев возбуждают лишь смех или отвращение. «Полюбите нас черненькими, а беленькими нас всяк полюбит», задумал он уже тогда. Перед ним уже летали образы почище, поидеальнее, Уленька, Чагранова, Никита, генерал-губернатор, помещик Вороново-Дряново, Платонов, который влюбился в портрет петербургской львицы Чаграновой. Все это в первую пору своей авторской жизни он почувствовал, но до страдальчества оно дошло позже, когда создалась его школа, т. е. реалистическая литература. Его жалобы и стоны вырвались из груди в его «Переписке с друзьями». Эту переписку никто не понял, она подняла гвалт на всю Русь, потому что Гоголь не был открыт. «Никто не знает, — писал он мне, — что перегорело в моей душе, оно известно только Богу».

В июле месяце я оставалась в Петербурге, и Гоголь предложил прочесть мне новую комедию «Женитьба». После обеда Вяземский, Плетнев, Аркадий, Тютчев — мы сидели в гостиной, и он начал читать в рукописи; смех был постоянный, Подколёсин, Сваха, Капитан Жевакин, Яичница — все, начиная с фамилий, возбуждало смех. Швейцару приказано было не принимать; он пропустил князя Михаила Александровича Голицына, как короткого знакомого; тот вошел. К счастью, Гоголь не обратил внимания, продолжал читать, и после чтения пошел в кабинет мужа и крепко уснул на диване, и проснулся на вечере, потому что у мужа собрались играть в ералаш и преферанс. Он пошел ко мне и сказал: «Там занимаются делом до 8-ми часов утра, но там ангел-хранитель в синем мундире под сладким лицом генерала Дубельта, следовательно, до драки не дойдет». Голицын не находил слов, чтобы благодарить меня за приятные минуты, которые он провел у меня: «Я читал с восторгом “Мертвые души” и всегда желал видеть их автора. Подобных минут я не проводил в этом пошлом Петербурге».

Осенью я поехала с братом Аркадием в Италию и остановилась во Флоренции. Неожиданно получила письмо от Гоголя, который писал: «Точно ли вы во Флоренции? приезжайте скорее в Рим, вы увидите, как будете самой себе благодарны»¹¹. В январе брат мой опередил меня в Рим, для приискания квартиры. Мы потянулись в собственных экипажах с веттурино. Переночевавши в Romiglione, мы были празднично расположены, погода была великолепная, солнечная и tiede¹²; я опустила все окна, выглядывая то в одно окно, то в другое. Наконец мы поравнялись с гробницей Нерона, vetturino¹³ мне крикнул: «Esso San Pietro, a la destra»¹⁴. На одну минуту явился купол Св. Петра в сизом тумане. Я начала помышлять о квартире, о помещении детей и еде. Начинало вечереть, мы проехали по знаменитому Ponto Мальво и въехали после пятидневного похода через Porto del Popolo. У чиновника заплатили по 10-ти франков в догану¹⁵ и потянулись на Корсо, где еще тянулись тяжелые кареты и коляски римских принцipes и маркизов. В догане мне передали письмо брата, который извещал, что надобно ехать на foro Трояно в palazetto Валентини. Первый этаж был освещен. На лестницу выбежал Николой Васильевич с протянутыми руками и лицом, исполненным радости. «Все готово, — сказал он, — обед вас ожидает. Квартиру эту я нашел, воздух будет хорош, Corso под рукой, а что всего лучше, вы близки от Колизея, foro Боарио». Немного поговоривши, он отправился домой, с обещанием прийти на другой день. В самом деле он пришел, спросил бумажку и карандаш и

¹ Далее вписано: va <?> la to<нрзб.> del N<нрзб.>

начал писать: «Куда следует понаведываться А<лександре> О<сиповне> и с чего начать». Были во многих местах и кончили Петром; он взял бумажку с собой и написал: «Петром осталась А<лександра> О<сиповна> довольна». Таким образом он нас возил целую неделю и направлял всегда так, что все кончалось Петром. «Это так следует; на Петра никогда не наглядисься, хотя фасад у него комодом». При входе в Петра Гоголь подкалывал свой сертук, и эта метаморфоза преобразовывала его во фрак, потому что кустоду приказано было требовать церемонный фрак из уважения к Апостолам^I, Папе и Микель-Анджело. Когда мы осмотрели Рим *en gros*¹⁶, он стал реже являться ко мне.

У нас был комический слуга Александр, который утром рано находил необходимым сообщать мне все приключения его утра. «Io rincontrato^{II} signor Gogol, credo che venir a vedere si, perche passer sulla Piazza delli Apostoli»¹⁷; или говорил, что встретил «il generalo» Перовского. Перовского кучера, лакеи и в лавках купцы все знали, хотя он <2 нрзб.>^{III}, «il signor generalo»¹⁸. Он подъехал в Неаполе^{IV} в дилижансе и встретил кня<гиню> Зинаиду Волконскую. В Неаполе их высадили в догане. К<нягиня> Волконская дала таможенным чиновникам несколько байок¹⁹, а Перовский десять франков; вдруг он видит, что таможенный люд строится в шеренгу, и думал, что они обиделись; напротив, они с уважением поклонились и сказали: «Signor Generale, l'administracione della Dogana, voi ringrazia sur tante bonta que generosita e della avara^V una principessa, a dato^{VI} solamente qualche^{VII} baiochi»^{VIII}. Перовский провел однажды целый год в Неаполе; с восхищением рассказывал о Сор<р>енто, Пестуме и Сарт<аг>н'е. Я и без того хотела туда ехать; мы выехали рано весной, на Понтийские болота, в которых купаются великолепные буйволы и кормятся желтыми цветами четимеры. Другая дорога гориста, идет на Арильяну и параллельна с болотами. Мы завтракали в Terracino, некогда притоне brigante²⁰, потом остановились в Mala di Gealta, одно из прелестнейших уголков света. В Капо встретили прокаженного и остановились в гостинице на Chiaja. Итальянцы делали Corso, и два часа были так скучны, что меня одолели. Меня остановила меньшая дочь моя Надя; как ни старалась я ее будить, в Понтийских болотах^{IX} она крепко заснула и в Неаполе спала без просыпу. Перовский мне сказал, что она заразилась понтийской лихорадкой, и побежал за аллопатом доктором Романья; он меня успокоил, и через три дня она была совсем здорова, и мы поехали в Сор<р>енто и остановились в прекрасной гостинице на берегу моря; против нас стоял остров Капри, который обливали синие волны моря. С восхождением солнца я уже сидела у растворенного окна; женщины чудной красоты в живописных костюмах несли на голове огромные кувшины или амфоры, полные воды. В Пестум я не попала и вернулась на Кайо; из Неаполя я поехала на крошечном пароходе французской компании; уже в порте лодка сильно качалась, мальчишки пели и плясали салтареллу. Днем поднялся сильный ветер, кареты привязывали постоянно. Ночью разразилась буря, которая заливала пароход. Капитан Armand^X и рулевой были привязаны; по пароходу рыскал кельнер с лоханками и стаканами, подходил к каюте, где я лежала с Олей, которую беспрестанно покрывала; она спала крепким

^I Было: Апостолу

^{II} Следует: Io rincontrato

^{III} хотя он <2 нрзб.> *вписано*.

^{IV} в Неаполе *вписано*.

^V В автографе: amaga

^{VI} a dato *вписано*.

^{VII} В автографе: qualqzu

^{VIII} Генерал, администрация доганы благодарит вас за щедрое приношение в то время, как скупая княгиня дала всего несколько байок (ит.).

^{IX} в Понтийских болотах *вписано*.

^X Armand *вписано*.

сном. Соня и Надя лежали с няней внизу в каюте. Соня заснула над лоханкой, а няня говорила: «Охота вам была запрудить море русскими телами», призывала всех святых, приговаривая: «Кто по морю не плавал, еще Богу не молился». По лестнице меня вел полковник папских войск Загор; он сопровождал мою знакомую, графиню Пурталес. Кельнер меня успокаивал странным образом. «J'ai vu perir "Pallas" et "La Semiramide" pres de Marseille et me voila cependant». — «Et comme sauve t'on les Haulages?» — «Pardicu, on les attache sur une planche et puis, nos amis, faites que vous pourtez, mangez que vous pouvez et puis mourrez de faim sur un rocher»²¹. К утру ветер стал утихать, и мы вошли с трудом в миниатюрный порт Чивита-Векк<к>иа. Нас бросили в лодки и, наконец, мы ступили на благословенную твердую землю. М<ademoise>lle Овербек уже рвало кровью. Я послала за доктором и на другой день долго хлопотала об лошадях, чтобы засветло приехать в Рим. В Остии, описанной так прекрасно Плинием меньшим, мы обедали. От древнего великолепия остался кругленький пруд, в котором гармонично квакали лягушки. Я, как Анна Ив<ановна> Царица, люблю квакание этих зеленых зверей. Известно, что она развела их в любимом своем загородном доме¹ и по вечерам садилась с Бироном, чтобы вдвоем наслаждаться этим концертом. Начинало вечереть, где-то на пригорке лошади стали: ни тпру, ни ну. Кучер мне сказал: «Нечего делать, я отпрягу ваших лошадей, и кучер останется с вами». — Вот, те-на! Няня, моя девушка и Надя, мы сидели час. Вдруг является кавалер в круглой шляпе, плаще и подъезжает к нам шагом; словом, страшный brigante. Я уже готовилась сказать ему: «Prende tutte, ma lasciate noi vivere»²². Но он учтиво поклонился и сказал: «Non avete paura»²³. К полночи мы были у Porto del Borgo vicina al Vaticano²⁴, тут осмотрели пантакраты и велели ехать в догану. Там оставили наши экипажи на дворе, и эти бестии продержали нас более часа, несмотря на то, что содрали по две скуди с экипажа. Наконец, мы приехали на Piazza del Popolo в 2 часа ночи и подъехали в гостиницу M-me Milici, где нас ожидал чай и жареная курица. После улеглись с намерением <встать> рано утром, чтобы засветло ехать во Флоренцию¹¹. Дорога между Римом и Флоренцией была не безопасна, и курьер предложил мне взять двух провожатых с заряженными ружьями и пистолетами. Утром он объявил, что распорядился насчет жандармов, но что нам нельзя достать лошадей до часу, потому что граф Браницкий едет в 9-ти экипажах, и все в четыре лошади. Нечего было делать, мы поехали проститься с Петром и с Дашковыми, которые еще запоздали в Риме. В час мы тронулись и приехали поздно в Радикафали; это перевал в Тоскану, где кончаются опасности. Радикафальская станция на самой вершине горы¹¹¹, отсюда вид на юг и на север прекрасный, но пустынный и угрюмый. Дети проголодались, но тут ничего не могли достать. Я спросила девку, нет ли купить молока^{1V}. «Ma dove, — отвечала мне нечесаная, грязная девка, — le capre sono nella montagna»²⁵. Дети заснули, и в час мы были в Сиене в узкой улице и темной гостинице. Спросили обедать и сели за стол. Оля по один конец стола, Соня против меня и М<ademoise>lle Overbeck завязывала ее салфетку. Я ей сказала: «Заприте дверь. Вся взб<и>лась постель», и сказала, что может какой-нибудь призр<ак>^V. Она вернулась, и лицо ее изменилось. После скверного обеда all'uso di Francia²⁶, прилежаньем итальянских слуг к их подлейшему обеду, мы поспешили в соборную церковь академии, украшенной историческими картинами Пинтуриккио, смотрели, как юноши играли в Palle²⁷, и пришли домой в три часа^{VI}. Нянька Нади меня встретила с тревожным лицом и сказала, что ребенок играл с мячиком, ударил себя в глаз, что она мыла глаз, но Надя все повторяла: «Не могу открыть глазок». Я приказала курьеру заказать лошадей в 8-мь

¹ Далее *вписано*: М<нрзб.>

¹¹ Было: ехать во Флоренцию чтобы засветло

¹¹¹ горы *вписано*.

^{1V} девку, нет ли купить молока *вписано*.

^V Слова: Вся взб<и>лась постель», и сказала, что может какой-нибудь призр<ак> — *вписаны*.

^{VI} в три часа *вписано*.

часов, если она не откроет глаз, позвать д<окто>ра^I, и пошла в свою спальню. Моя девушка предложила мне лечь на одну из высоких итальянских кроватей^{II}, а я легла на свою походную, зажгла свечу и читала Евангелие, как вдруг что-то мелькнуло передо мной. Я думала, что это обман зрения или бабочка, а может быть, летучая мышь, которая забралась под занавески, и взглянула на зеркало и там увидела, как <будто> движущуюся тень, вскочила с кровати и пошла в детскую комнату и просила M-lle Овербек перенести мою кровать в их комнату. Заснула очень крепко. Доктор уже осмотрел глаз, сказал, что она тронула нерв своих век, и что я могу спокойно ехать в Ливорно. На половине дороге M-lle Овербек сказала мне: «Я нашла способ открыть этот глаз». Подали холодной воды, старшие сестры вымыли лицо и руки, а Наде сказали, что ей не велел доктор мыться холодной водой; тут пошли капризы, даже колотушки; ей долго отказывали, но, наконец, позволили, и она с радостью объявила: «А я открыла дазик». Ровно в три часа^{III} приехали в Ливорно, где детей занимали колодники, которые летом работали в порте, в желтых и красных куртках с страшными словами на спине homicida, raticida²⁸ и проч. Перовский пришел, и тогда я спросила M-lle Овербек, что нам явилось в Сиене. «Я видела почти прозрачную фигуру, которая склоняла голову на правую сторону», а M-lle Овербек сказала: «А я так встретила его глаза, они были впалы и горели каким-то дьяволическим взором, полным насмешки». Конечно, Перовский смеялся и говорил, что это бабьи сказки; детям мы ничего не сказали. В Бадене приехала belle-soeur²⁹ M-lle Овербек, и мы говорили о Сиенском случае; Оля вбежала, мы замолчали, а она сказала: «I know about what you speak. About what, yes, I know: it is about Sienna»³⁰. «Я знаю, о чем вы говорите: о том, что вы видели в Сиене». Значит, ребенок понимал, видя наше беспокойство.

Мы совершили тогда самое странное путешествие. Перовский советовал не делать крюков в Италии, а ехать просто по протоптанным дорогам, где можно не умереть с голода, без лошадей. Я хотела du pittoresque³¹ и поехала на Buchetto, где местоположение восхитительно. Мы ехали шагом, впрягая иногда волов. Эти два четвероногие не ссорились с лошадьми и дружно шли на горы и с горы. В Buchetto не нашлось трех яиц^{IV}, и нам сказали, что в лесу есть bruchiatataio³². Мы сели под деревом и ели сырые каштаны. Наконец, на одной станции добыли кусок сыру и хлеб, поделились и приехали в Пиаченцу, где женщины носят странную прическу, заплетают косу в девять плеток, ставят их короной и прикалывают длинными серебряными булавками. Они чешутся по субботам; легко себе представить, что гнездится в их черных волосах. Тут тоже запаслись сыром и хлебом и к вечеру приехали в Парму, где знаменитый Cotregio³³ писал своих ангелов. После Рафаэля, это все de la petite biere³⁴, замечателен только его белый колорит. В Парме доживала свой век герцогиня Пармская³⁵, которая была гораздо счастливее с своим вторым мужем, графом Нейп<p>ерг, чем с великим страдальцем острова Св. Елены. Она каталась в коляске с огромным зеленым веером, как и прочие дамы. Это единственный город, где господствует веер. Потом мы поехали в Германию, по Splugen³⁶, как легчайший переезд. Дорога была опасна и вместе безопасна^V. Via Mala была построена Наполеоном. Под горой мы ночевали. В Шплюгене всего один дом, с двумя рамами и натопленный зелеными изразцовыми печами. Via Mala почти доходит до Вагуца, где мы ночевали и прозябли порядком. А потом мало-помалу горы уступили место холмам, покрытым прекрасным лесом.

В Бадене мы поселились в знакомом доме старухи Дирхольц, взяли кухарку; одним словом, зажили домком. Я поехала к Жуковским в Эмс, разминулась с Гоголем, и он приехал в Баден;

^I позвать д<окто>ра *вписано*.

^{II} *Далее вписано: <8 нрзб.>*

^{III} Ровно в три часа *вписано*.

^{IV} В автографе *ошибочно*: не нашлось три яйца

^V *Далее было: и пре<красна>*

он из Грегфенберга¹ туда приехал, не заезжая к Жуковскому. Он писал мне³⁷: «Каша без масла не лезет в горло¹¹, но Баден без вас просто невозможен. Я нахожу одно утешение. Надежда Николаевна вышла ко мне вся завитая. Мы бросились друг к другу в объятия, крепко поцеловались, но она вспомнила, что не все совершила, и, взяв мою руку, сказала: “Николай Василич, поцелуйте вучку!»¹¹¹, так что со временем будет, хоча и не кокетка, но модница и щеголиха”¹¹¹. Она была прелестный ребенок, все говорила, как попугай, после старших сестер. В Риме она восхищалась Перовского; повторяла всем, как Перовский меня любит и Август³⁸ тоже. Перовский говорил: «Она всех умнее; вы всё ездите смотреть развалины, колонны и ворота всяких римских подлцов; она дома из окна любит Траяновой колонной по-своему и считает кошек». Она не могла произносить «кошка» и говорила «тоська». За обедом ей подали шпинат с гвоздичным орехом, она при Перовском сказала: «Надежда Станна, я не могу кушать спинет с плёхами и помпот тоже с плёхами». Она в Риме начала у Гоголя просить «вучку»; он закрывал ее какой-нибудь книжкой, она сердилась: «Я не хочу читать, а пожалуйста вучку». — «Зачем вы меня принимаете за Священника?» Кончалось это все брыканьем ее кривых ног, слезами, и нянька ее уносила из гостиной. Один раз она меня очень рассмешила, сказав мне: «Мама, помнись, как ты очень обижала нас между Римом и Флоренцией?» Я рассмеялась. Она рассердилась и сказала: «Тебе смешно, а ведь это очень больно». Она любила рассказывать всякой вздор очень серьезно своей няне. Когда мы ехали из Фонтенебло в Париж, она мне сказала: «Хочешь, я тебе расскажу про нови Карол¹⁴, мама?» Я ей отвечала: «Ну, нет, я тебе расскажу про этого Короля».

Никто не знал Рим так хорошо, как Гоголь. Не было итальянского историка или хроники, которую он не прочел. Все, что относится до исторического развития, искус<с>тва, даже современности итальянской, все было ему известно, как-то особенно обрисовывая для него весь быт этой страны, которая тревожила его молодое воображение. Он ее нежно любил, в ней его душе тогда виделась Россия, в которой описывал грустных героев 1-го тома, и отечество озарялось для него радушно и утешительно. — Он сам мне говорил, что в Риме, в одном Риме он <мог> глядеть прямо в глаза всему грустному и безотрадному и не испытывать тоски и томления. Изредка тревожили его старые знакомые: нервы, но в свою бытность я постоянно видела его бодрым и оживленным. И точно, в Риме есть что-то примиряющее человека с человечеством. Слава языческого мира погребена там великолепно, на ее развалинах воздвигся Рим Христианский, который сначала облекся в смирение, в лице грустных и молчаливых отшельников катакомбов, но впоследствии веков заразился гордостью своих предков и начал спогребаться с древним Римом. Развалина материальная, развалина духовная, вот что был Рим в 40-х годах; но над ним все то же голубое небо, то же яркое солнце, та же синяя ночь с миллионами звезд, тот же благорастворенный воздух, не тревожный, как в Неаполе, а, напротив, успокаивающий и убаюкивающий. Истинная красота природы не примиряет ли нас с человечеством? Останемся благодарны Провидению, которое позволяет каждому принести плод свой во время свое, и, гуляя по развалинам, убеждаемся без скорби и горести, что народы, Царства, и как и всякая личность, преходящи. Рим всегда казался каким-то всемирным Музеумом, в котором каждый камень гласит об историческом, назидательном событии, но уже не имеет никакого значения в настоящем, и вот почему в Риме не грустно, а отраднo. Ник<олаю> Вас<ильевичу> Рим, как художнику, говорил особенным языком. Это сильно чувствуется в его отрывке «Рим». St. Veuve встретил его на пароходе, когда после смерти Иосифа Виельгорского, они ехали в Марсель на встречу бедной матери. St. Veuve говорил, что ни один путешественник не делал таких точных и вместе оригинальных наблюдений; особенно поразили его знания Гоголя о Тра-

¹ В автографе: из Геренберга

¹¹ Далее написано: <1 нрзб.> хорошо

¹¹¹ Фраза: Писал, что со временем она будет, «хоча и не кокетка, но модница и щеголиха» — *вписана*.

¹⁴ Карол *вписано вместо*: Императа

стеверянах и собрании нескольких песен, почти никому неизвестных (позже я узнала от Грегориуса, что есть античная напечатанная литература римлян). Едва ли сами жители города знают, что Трастевеяне никогда не сливались с ними, что у них свой язык или *patois*³⁹. Заметив, что Гоголь так хорошо знал то, что относилось к языческой древности, я его мучила, чтобы узнать поболее. Он мне советовал читать Тацита. Я все его спрашивала, что такое история. Карты, планы, Nybby¹, Canina, Pegonezi⁴⁰ лежали на моем столе, все беспрестанно перечитывалось, мне хотелось перенестись в эту историческую даль. Что таилось в Нероне? И я часто к нему приставала.

Однажды, гуляя в Колизее, я ему сказала: «А как вы думаете, где сидел Нерон? вы должны это знать, и как он сюда являлся: пеший или в колеснице или на носилках?» Гоголь рассердился и сказал: «Да вы зачем пристааете ко мне с этим подлецом? вы, кажется, воображаете, что я жил в то время, воображаете, что я хорошо знаю историю, — совсем нет. Историю еще никто не писал так, чтобы живо обрисовался народ или личности. Вот один Муратори понял, как описать народ, у одного <n>его слышится связь, весь быт его народа, его связь с землею, на которой он живет». Потом он продолжал разговор об истории и советовал читать *Cantu*, «Историю республики», и прибавил: «“Histoire universelle”⁴¹ Боссюэта превосходна, но написана только с духовной стороны, в ней не видна свобода человека, которому Создатель предоставил^{II} действовать хорошо или дурно; он был римский католик. Guizot хорошо написал “Histoire des revolutions”, <no> то слишком феодально, и^{III} с революционной точки зрения. Надобно бы найти середину и написать ярче, рельефнее. Я всегда думал написать Географию. В этой предполагаемой Географии можно было бы видеть, как писать Историю. Но об этом после, друг мой, я заврался по привычке передавать вам все мои бредни. Между прочим, я скажу вам, что мерзавец Нерон являлся в Колизей в свою ложу в золотом венке, в красной хламиде и золоченых сандалях; он был высокого роста, очень красив и талантлив, пел и ак<к>омпанировал себе на лире; вы видели его статую в Ватикане, она изваяна с натуры». Но не часто и не долго он говорил; обыкновенно шел один поодаль от нас, поднимал камушки, срывал травки или, размахивая руками, попадал на кусты, на деревья, ложился навзничь и говорил: «Забудем все, посмотрите на это небо!» и долго задумчиво, но как-то вяло глядел на этот голубой свод, безоблачный и ласкающий.

Одним утром он явился в праздничном костюме, с праздничным лицом. «Я хочу сделать вам сюрприз, мы сегодня пойдем в купол Петра». У него была серая шляпа, светло-голубой жилет и малиновые панталоны, точно малина со сливками. Мы рассмеялись. «Что вы смеетесь? Ведь на Пасху, Рождество я всегда так хожу и пью после постов кофий с густыми сливками. Это так следует». Я ему сказала: «А перчатки?» — «Перчатки, — отвечал он, — я прежде им верил и покупал их на Пиацца Мадама, но давно разочаровался на этот счет и с ними простился». Ну, мы дошли, наконец, до самого купола, где читали надписи, видели, что Лазарь Якимович Лазарев⁴² удостоил бессмертный купол своим посещением, прочли надпись Государя Ник<олая> Пав<ловича>: «Я здесь молился о дорогой России», и вернулись очень усталые домой. Гоголь сказал нам, что карниз Петра так широк, что четвероместная карета могла свободно ехать по нем. «Вообразите, какую штуку мы удрали с Жуковским, обошли весь карниз; теперь у меня пот выступает, когда я вспомню наше пешее похождение, вот какой подлец я сделался. Аркадий Оси<пович>, не угодно ли вам пройтись?». — «Нет, я пробовал на Александровской колон<не>е и закаивался навеки». Мы посетили San Clemente, где он нас поставил в углу, велел закрыть глаза и потом сказал: «Посмотрите». Перед нами предстала знаменитая статуя Моисея, Микель-Анджело. Борода почти до ног и рога на голове; точно он прожил века

^I В автографе: Nibi

^{II} предоставлял вписано.

^{III} и вписано вместо: то

и глядел в не<с>кончаемое будущее. Потом видела Scala Sancta, народ набожно, молча поднимался, затем¹ перед нами таинственная личность этого избранника Божия, создателя закона, до малейших подробностей указывающего человеку чисто-начисто как нравственные, так и материальные признаки, который за непослушание лишился радости перейти через Иордан и видеть землю обетования. В Латеране мы осмотрели гробницы Пап и Римских Принсипе. Сколько нехристианской гордости в эпитафиях! С паперти по правую сторону возвышалась скромная церковь San Giovanni in Jerusalemo, перед ней просторное зеленое поле, по левую San Pietro nelle Catonea. Ходили на Monte Testaccio и осмотрели погорелье остатки этой древней и великолепной церкви San Paulo Fuori le Mura. Англ<ичанин> Robert написал сцену этого бедствия: два монаха с выражением ужаса проходят среди падающих камней и бревен. На Monte Testaccio под рукой San Paulo Fuori le Mura составляют настоящую гору битых посуды, в которой жгли трупы рабов. Патрициев сжигали, но их пепел хранился в колумбариях с надписью каждого. Эти колумбарии и теперь посещаются любопытными. Мы были в одном из них и видели урны, в которых сохраняются эти бранные останки¹¹; даже под носом без стыда унесли урну и лампадку. Мы посетили Santo Onufrio, где похоронен Тассо, но кипариса уже не стало. Гоголь говорил, что вид оттуда с террасы прекрасный, и были ясно видны пять таких деревьев. Это только detail¹³, но для художника все идет в дело. Ездили часто в Villa Madama, где прелестная Галатее Рафаэля и история Психеи. Villa построена по плану Рафаэля. И он, подобно Микель-Анджело, соединял все искусства. Купидоны «Галатее» точно живые летают над широкой бездной, кто со стрелой, кто с луком. Гоголь говорил, что итальянец так даровит, что ему все удается. В Сикстовой капелле мы с ним любовались картиной страшного суда. Одного грешника тянуло то к небу, то в ад. Видны были усилия испытания. Вверху улыбались ему ангелы, а внизу встречали его чертенята со скрежетанием <1 нрзб.> зубов. «Тут история тайн души, — говорил Гоголь. — Всякий из нас раз сто на день то подлец, то ангел». После поездок мы заходили в San Augustino и восхищались ангелами Рафаэля, и рядом с церковью покупали макароны, масло и пармезан. Гоголь сам варил макароны, на это у Лепри всего пять минут берет, и это блюдо съедалось с удовольствием. В Риме трудно было достать хорошее мясо, и телятина считалась какой-то delicatessen. Австрийский посол дал мне обед, и графиня Шпееер мне сказала: «Il a fait de grands frais pour vous; nous aurons du veau roti et de la salade»⁴⁴. Мне кажется, что было лучше, чем теперешнее довольствие. Мы с ним, Перовским и Ханьковым были в Тиволи, любовались кипарисами Траяновых времен, останками храмов и каскадами, которые падали в маленькое озеро, на котором плавали белые цветы, называемые drum, и cicerone⁴⁵ мне сказал: «Vede, Signora, tutti nascie». — «Credevo che sono fiori del Papa». — «No, Signora, fiori del Papa si chiamano parce parcini»⁴⁶. В Риме все del Papa, или all'uso di Francia. Одно, кажется, варенье у Spielman'a называется dolce del Papa⁴⁷. У Шпильмана¹¹¹ делали для англичан muffins и toaster bread⁴⁸.

Вел<икая> Кн<ягиня> Мария Николаевна с герцогом Лейхтенбергским жили у нашего посланника Потемкина. Он был женат на англичанке; она была красивая, статная, как заводский конь, но не имела ни малейшего понятия о<б> общежитии, беспрестанно шокировала В<еликую> К<нягиню>, а нас, русских, ни в грош не ставила. Но мы, помимо ее, познакомились и делали себе положение в свете. Тогда была К<нягиня> Белосельская⁴⁹ в Риме и задавала ужасный тон. В<еликая> К<нягиня> ее никогда не звала на вечера. Мои дети всякой день играли с старшей ее дочерью, потому что Марусю еще носили на руках. Эта Адина не была хороша, но была преострый и милый ребенок. Она умерла в Петербурге на четвертом году. Вечером мы играли у Великой Кн<ягини> в вист и преферанс: Герцог, Матвей Юр<ьевич> Виельгорский и я. Всякий

¹ затем вписано.

¹¹ В автографе ошибочно: остатки

¹¹¹ Далее вписано: и повар <1 нрзб.>

вечер проводил там Герцог Фридрих Саксен-Руссенгальский. Он был свеж и хорош. [В<еликой> К<нягине> вздумалось женить его на Адине. У него дохода было <1 нрзб.> 25.000 асс<игнациями>, он ездил в дилижансе, часто приходил ко мне и] сказал, что Ольга Ник<олаевна> по портрету ему более нравится; я это передала [В<еликой> К<нягине>]. Герцог тогда предавал свои] Саксонские земли, чтобы облегчить своему секретарю управление этих земель, ценность которых была в 18 миллионов <1 нрзб.>. У него часто бывал его двоюродный брат, ученый оригинал. Copino. [Я сказала Гоголю про эту свадьбу; он ответил: «Он ничего, но слишком кельнерват: В самом деле в Германии <1 нрзб.> кельнеры похожи на него манерами.]

Гоголь оставил Рим с Языковым⁵⁰ прежде меня. Из Неаполя я поехала, как выше сказано; в Баден-Баден, это первое отечество русских в Германии. Гоголь очутился там и писал мне комическое письмо, выше приведенное. [Там была тогда В<еликая> К<нягиня> Елена Павл<овна>, В<еликий> К<нязь>, Свистуновы, Толстая с мужем, Васенька Шереметев, красавец М-г Lu с графиней Гауфельд, которую я знала в Берлине, но по причине ее скандальной жизни ее уже никто не принимал. Николай Киселев жил рядом с нами в rez-de chaussee⁵¹, над ним Платонов, напротив них Клеопатра Трубецкая с графом Беарном, которого мы звали бубновым валетом. В картах он называется Hector de Beam, comte de Galiard. Он имел право на этот титул и носил его в самом деле. Гоголь вздумал читать мне Илиаду, которая мне страшно надоедала, что он и сообщил Жуковскому. Последний в записочке из Эмса написал мне: «Правда ли, что вы даже на Илиаду топаете ногами?». Гоголь обедал у меня и говорил: «Я ходил в Hotel d'Angleterre, где лучший стол, но мне надоели немцы, которые с грациями передают всякую жвачку, кримскилдам».

В<еликая> К<нягиня> Елена Пав<ловна> вздумала выдать свою старшую дочь Марию Мих<айловну> за будущего Герцога Баденского. Отказано было Брауншвейгскому и другим. Все представлялись ей; я спросила Ник<олая> Вас<ильевича>: «Когда же вы подколете ваш сертук и пойдете к ней?» — «Нет, пусть прежде представится Балинский, а потом уже я, и какая у него аристократическая фамилия». Балинский был мой курьер, родом из Курляндии. Однажды, в 2 часа пришли меня звать к обеду к ней. Я наскоро оделась и поехала в наемной дребезжалке на дачу Герца, где она жила. В гостиной я заметила тревогу в ее штабе, и бедная К<няжна> Львова мне объявила, что Герцогиня Баденская будет обедать, а мне места нет. «А где, сударыня, прикажете мне искать обед? у меня уже все отобедали». Тут пришел В<еликий> К<нязь>, я ему сказала: «Прошу объявить В<еликой> К<нягине>, что я остаюсь за обедом вашей супруги, которая только и знает, как бы русских топтать <в> грязь», и преспокойно осталась в приемной. Дверь открылась, и она вошла с Герцогиней; у Алёнки лицо покривилось, а Герцогиня, протянув мне руку, сказала: «C'est mal d'oublier ses amis»⁵², посадила меня возле себя, лицо В<еликой> К<нягини> прояснилось, она уже видела меня своей помощницей и свахой. Эта свадьба не состоялась по двум причинам. Красивый юноша, вкусивший слишком рано в развратной Вене жизни, окончил жизнь размягчением мозга. Его приезд праздновался с торжеством. В Бадене выстроили ворота, украшенные зеленью и красным миткалем, и везде надпись: свобода в Конституции. В<еликий> К<нязь> сказал: «Il n'y a pas de constitution sans liberte»⁵³. Герцог уже жил особняком от жены. Он дал праздник В<еликой> К<нягине>, и мы были приглашены. Там была одна фрейлина Герцогини, в коротеньком черном платье, толстые ляжки ее так и вертелись с толстым Камер-Гером, а волосы, причесанные a l'enfant⁵⁴, разлетались во все стороны. Вдруг замолчала музыка, и все рассмеялись, потому что толстый камергер и его дама нашли нужным довертеться до своего места без музыки. Первый камердинер подошел с подносом, на котором стоял одинокий бокал, и пошел неспешным шагом к В<еликой> К<нягине>. Герцог и Гугорт, видимо, были в восхищении от своей выдумки. Это все происходило в Егергаузе. Лёв Нарышкин мне сказал: «Дураки, хвастаются, что это все¹ принадлежит им; у меня

¹ Дале было: им

на Волге гораздо более земли, но она лежит даром: рубль с десятины, все-таки 50000 десятин дадут 50000 рублей». Думали уважить В<еликого> К<нязя> и запретили Мицкевичу ехать в Баден, что рассердило В<еликого> К<нязя>. Он мне сказал: «Что мне за нужда, что Мицкевич будет в Бадене, не съест же он меня!» Гоголь к нему поехал в Карлсруэ. Вернувшись, он мне сказал, что Мицкевич постарел, вспоминает свое пребывание в Пит<ере> с чувством благодарности к Пушкину, Вяземскому и всей литературной братии. Он приехал в Баден, где нашел Ал<е>к<сандра> Ив<ановича> Тургенева. Этот смехотвор чуть ли не утонул в Муре и выкупал мой чай, присланный Жучком: «Примите его от Гоголя в знак дружбы и уважения вашего быка, бычка, Васеньки Жуковского».

Гоголь меня все расспрашивал о русских и знакомых мне французах.] Иногда ходил в отель d'Angleterre обедать и потом таскался на террасе и на рулетке. С свойственной способностью все замечать, он узнал Кня<гиню> <Бетюн>. «Ну, — сказал он мне, — я узнал из вашего описания К<нягиню> Бетюн, да это просто Бетютище. Она спрашивала каждого блюда 2 раза и выпила досуха две бутылки кислого Меуля¹ <?>». С тер<р>асы он принес целый короб новостей: кто прячется за кустами, кто амуруется без зазрения совести, кто проиграл, кто выиграл, — «и гаже всех ведут себя наши соотечественники и соотечественницы, исключая вас, Кня<зя> и Княгини Мещерской». Тогда случился Веревкинский скандал, который кончился страшным реприман<д>ом. Баденская официя порицала Герцогиню за ее связь с жидом Герцом. Это <1 нрзб.> из платы^{II}. Веревкин заступился, замахнулся на Голера^{III} <?>, даже на Сапа, и условились драться на дуэли из пистолетов. Весь Баден смутился, точно как от нравственного землетрясения. Дуэль происходила в Рамтоне на шпагах; увы! оба дуэлиста лишились жизни. Веревкин напоял, а офицер баденский мучился три дня и умер, как христианин. Монго Столыпин, друг бедного Веревкина, был секундантом и привез его тело в крытой коляске. Все бродили по аллеям и видели этот крытый экипаж, который был отослан с поруганием, что все гостиницы условились не принимать это несчастное тело. Более всех кричал и размахивал руками Граф Гурьев. Выписали Священника из Стутгардта⁵⁵; его похоронили по обряду нашей Церкви; мы все, кроме Гурьева, присутствовали при этих похоронах, оплакивали эту кончину и завалили эту бедную, теперь забытую могилу цветами. По несчастью Александр Трубецкой много тут сплётничал, все могло устроиться, он вызвал пощечину Веревкина, и после этого дуэль сделалась необходимой^{IV}. В<еликого> К<нязя> это происшествие очень огорчило, и он уехал в Киссинген с К<нязем> Ильей Анд<реевичем> Долгоруким и полковником Философовым. Толстой его опередил для заготовления приличного помещения^V

В Киссингене он получил письмо от Ген<д>рикова, который сообщал, что милая жена^{VI} Пашенька⁵⁶ умерла; я тотчас ему написала, зная, что эта смерть была большим огорчением для его любящего сердца. Он отвечал, что ожидал моего сочувствия и был уверен, что, зная Пашу, я оценила его потерю. Не <1 нрзб.> свою семью в Киссингене, В<еликий> К<нязь> вернулся <?> в Баден, побывал вперед у меня, и мы с ним всё говорили о Паше^{VII}. В<еликая> К<нягиня> не могла терпеть меня, потому что воображала^{VIII}, что он поверял мне тайны своего сердца.

^I Меуля вписано вместо: рейнского

^{II} Это <1 нрзб.> из платы вписано.

^{III} Голера вписано вместо: Гёра

^{IV} В автографе ошибочно: необходимым

^V Далее вымарано 16 неразобранных строк, из которых 8 представляют собой два четверостишия.

^{VI} жена вписано.

^{VII} Фраза: Не <1 нрзб.> свою семью в Киссингене, В<еликий> К<нязь> вернулся <?> в Баден, побывал вперед у меня, и мы с ним все говорили о Паше. — вписана.

^{VIII} воображала вписано вместо: догадывалась

Все русские представлялись В<еликому> К<нязю>; я сказала Гоголю: «Когда же вы подколете свою сертук и пойдете?» — «Нет, пусть уж прежде пойдет Балинский, видите, какая у него аристократическая фамилия».

Гоголь уехал во Франкфурт. В Кобленце с ним был странный случай. Вечером он выставил сапоги, потому что рано утром пароход выходил в 6-ть часов. Проснувшись, Гоголь слышит, что все кричат: «Sie haben es gemacht»⁵⁷,¹ решается высунуть свой длинный нос, — тут все немцы хором закричали: «Er, er hat es gemacht»⁵⁸. Вот что случилось: один господин сунул ногу в сапог, и — о, ужас! — сапог до половины был полон золотой размазней; он закричал; один за другим все любопытные высунули свои носы, и он всех огулом обвинял в неожиданной катастрофе. На пароходе вместо дружеских отношений все друг на друга косились.

В Страсбурге я должна была проститься с Балинским. Уже в Бадене, когда производилось привязывание кож и ящиков, я заметила, что Балинский вовсе не сведущ в этом искусстве, отправилась в Hotel d'Angleterre, и мне очень рекомендовали Charles, немца. Балинский, всегда смиренный, принял с достоинством и объявил мне, что идет за полицией. Полиция пришла, однако <2 нрзб.>. Шарль перезаложил все, что было, согласно с достоинством de la grande nation⁵⁹. Балинскому приказано было возратить мне 50 фр<анков>, я хотела ему оставить эти деньги, но он с чувством истинного достоинства unsern Baltischen provinzen⁶⁰ их не принял; то я вручила их полиции для раздачи бедным, предложила полицейским 10 ф<ранков> за производство proces-verbal⁶¹, но они отвечали, что французская нация не унижает себя неправильными доходами. Балинскому было сделано внушение быть осторожнее и учтивее. Он уселся в дилижанс, а мы в своих экипажах отправились в Ниццу и поселились на зиму у Croix de marbre, в доме Masclet. Масклет давно жил в России, и русские охотно у него останавливались. Виельгорские жили в доме Paradis, и Гоголь у них жил. Утром он всегда гулял с Мих<айлом> Мих<айловичем> и Анной Мих<айловной>, обедал то у них, то у меня. «Насчет десерта вы не беспокойтесь, — говорил он, — я распоряжусь», и приносил фрукты в сахаре. Кухарка пела во все горло: «M-r Gogu, M-r Flogo, des raviols, dec raviols; et de la salade du Pere Francais»⁶². После обеда Ник<олай> Ва<сильевич> вытаскивал тетрадку и читал отрывки из Отцов Церкви; он особенно любил Григория Нисского и высказался следующими словами: «Искусство-то он понял, но разум искусства не понял»⁶³. Он написал мне 9-ть псалмов, и я должна была ему повторять урок, так безошибочно, чтобы не запинаться. «Нет, нет, дурно, — говорил он иногда, — вас следует наказать в угол». Эти псалмы писаны хорошим почерком, и я их берегу с его письмами, как сокровища. Он нам читал в Ницце у старухи Графини Сологуб⁶⁴ «Тараса Бульбу». Не раз вздыхал он о бедной Софье Мих<айловне> и говорил: «Ничто не может быть ужаснее, как когда чувство встречается с черствым бесчувствием». Сцены между Софьей Ми<хайловной> и старой Графиней были самые комические. Однажды она ей выговаривала, что у нее шляпы дурны. Софья очень хорошо отвечала, что у нее денег нет и она еще должна за эту шляпку marchande de mode⁶⁵. «Экая беда?» — отвечала Графиня. Ответ был: «Tu ne retienne pas la salaire de l'ouvrier»⁶⁶. Владимир Ал<ександрович> то и дело что таскался в Меран волочиться за Duchesse d'Istrie, которая была еще очень хороша и весьма свободного обращения. Бедная Софья Мих<айловна> все терпела молча, читала Библию и занималась детьми. Раз она мне сказала: «On dit que l'amour est aveugle; ce n'est pas vrai; mais il est indulgent et pardonne tout en voyant tout, en devinant tout»⁶⁷.

Из Ниццы все потащились на север, я говела в Париже, Гоголь в Дармштадте. Мы съехались во Франкфурте. Он жил в Саксенгаузене у Жуковского, а я в Hotel de Russie, на Цейле. Несчастный сумасшедший Викулин в Hotel de Rome. Жуковский посещал Викулина всякий день, платил в гостинице и приставил к нему человека. Викулин пил, чтобы заглушить приступы своей болезни и тем еще более раздражил свои нервы. После визита в Hotel de Rome, Жуков-

¹ Далее было: высовывается головой <1 нрзб.>

ский приходил ко мне и рассказывал всё старые, мне известные, анекдоты; в особенности любил происшествие Jean Paul Richter у Герцога Кобургского. «Знаем, знаем», — говорили мы; Гоголь грозил ему пальцем и говорил: «А что скажет Елисавета Евграфовна, когда я скажу, какие гадости вы рассказываете?» Жену Жуковского приводило в негодование, когда он врал этот вздор.

Я разбирала свои вещи и нашла, что мой portefeuille, capo d'opera⁶⁸ английского магазина был слишком велик и, купив себе новый, маленький, у жида на Цейле, предложила Гоголю получить мой в наследство. «Вы пишете, а в нем помещается две дести бумаги¹, чернильница, перья, маленький туалетный прибор и место для ваших капиталов». — «Ну, все-таки посмотрим этот пресловутый portefeuille». Рассмотрев с большим вниманием, он мне сказал: «Да это просто подлец, куда мне с ним возиться». Я сказала: «Ну, так я кельнеру его подарю, а он его продаст этому же жиду, а тот всунет русскому втридорога». — «Ну, нет, кельнеру грешно дарить товар английского искус<с>тва, а вы лучше подарите его в верные руки и дайте Жуковскому: он охотник на всякую дрянь». Я так и сделала, и Жуковский унес его с благодарностью. Гоголь говорил мне: «У меня чемодан набит, и я даже намереваюсь вам сделать подарок». Тут пошли догадки, я спросила: «Не лампа ли?» — «Вот еще что! стану я таскать с собой лампу; нет, мой сюрприз будет почище», — и принес мне единственную акварель Иванова⁶⁹. Сцена из римской жизни. Купец показывает невесте и ее матери запястье и коралловые украшения. Плотный купец в долгополом гороховом сертуке, сзади даже отгадывается выражение его лица. Невеста опустила руки и смотрит смиренно, трастеверянин длинного роста, он выглядит глуповато, он в ботфортах, с накинутым черным плащом. Писано широкой кистью и elegamment⁷⁰; кажется, он не накладывал краски для эф<ф>екту. Я подарила эту акварель В<еликой> К<нягине> Марии Ник<олаевне>, она очень обрадовалась и сказала: «Это будет мой подарок Саше; у Государя есть альбом с произведениями лучших акварелистов, но эта всех лучше, и ему, главное, будет приятно, что это русская акварель». Я очень рада, что так распорядилась; у меня могла ее украсть моя дочь Ольга Ник<олаевна>: она все собирает, бережет, после не отдает; у нее ведь альбом со стихами Пушкина, Вяземского, Плетнева, Граф<ини> Ростопчиной и Лермонтова. Меня в Калуге очень рассердил Священник Петр Степанович, уроженец Владимирской, который мне сказал: «Вас в Калуге боятся, потому что Лермонтов вам писал: “но, молча, вы глядите строго”»⁷¹ и т. д.

Из Франкфурта Гоголь поехал в Москву, а за ним и я поехала в Питер, и началась наша переписка. Летом я жила в городе, потому что у детей была скарлатина. Петр Петр<ович>⁷² приехал погостить у нас и все разговаривал с своим камердинером Павлом, которого он звал Пашкой. Человек был честный и прекрасный, и умер скоропостижно, что огорчило старика несказанно; он отвез его тело в Москву, похоронил его у самой церкви в Карачарове, отпустил его семейство на волю, дал им землю, деньги, чтобы завестись домиком, и подарил им две коровы и лошадь; они были сторожами церкви и гробницы любимого старшего сына. Чтобы развлечь дядю, мы приглашали Вяземского, Виельгорского и Баско обедать. У нас жила немка Мамзель Кайзер, настоящая ворона вечно с раскрытым ртом. Баско уселся возле нее, и она сделалась жертвой его шуток. Подали апельсины, она уже начала чистить свой, как он очутился на люстре. После обеда мы повели его в детскую, где он делал ventriloque⁷³: в нем то сыпался сор, то валились камни. Петр Пет<рович> — большое дитя, и дети очень забавлялись. Баско в самом деле был самый искусный шуток. Театр был всегда полон, когда он делал представления, они были разнообразны и всегда новы. Наш курьер Портиччи знал, как он это все творит. Баско взял его в Одессе и с ним доехал в Пет<ербург>. On ne sait pas comme il faisait, mais en Polosne il parlait Polonais comme ventriloque⁷⁴. Прежде Баско при Имп<ераторе> Павле был в Петр<опавловской> Крепости; раз он остановил все часы во дворце; часовщик, как ни вертел-

¹ Далее было: <1 нрзб.>

ся, не мог их завести <без> помощи Пинети <?>. В 1815 году был ventriloque; Император Александр Павлович позвал его, и после обеда он делал разные штуки, командовал войску голосом Императора. Государь имел привычку отдыхать час в своей спальне. Рядом с спальней была столовая. Волконский приказал тафельдекеру⁷⁵ оставить уборку и ушел к себе. Но Государь услышал странный шум, встал и удивился, что никого нет, а шум продолжается. Тогда вышел из передней штукать и сказал ему женским голосом: «Je vous demande pardon, Sire, pour cette mauvaise plaisanterie»⁷⁶.

Императору хотелось видеть все и всех в Париже, и <он> посетил известную гадалщицу Le Normand; она раскладывала карты про форма⁷⁷, но говорила в сомнамбулическом сне, который вызывала своей волей. Она ему сказала, что конец его царства будет очень грустный, что он умрет на юге России, что новое царство его брата начнется смутами, что его царствование будет длиннее, славнее, но потом смешала карты и сказала: «Et a present je ne vois que du feu, de flammes et du sang et la mort. Il sera suivi d'un regne tres doux, plain, de liberte»⁷⁸.

У государя был карандаш, подаренный ему Лавотером. Этот карандаш был в красном футляре и Государь никогда им не писал. В <3 нрзб.> футляре <2 нрзб.>. Лавотер дал его Юнг Штелингу; Юнг Штелинг М-ме Криднер, которая дала его Александру I-му¹. Лавотер задумался на словах Спа<си>теля людям: «не <1 нрзб.> меня, я из <4 нрзб.>»¹¹, и не мог вывести заключения, когда к нему вошел почтенный старец, дал ему карандаш и сказал: «Вот твоя¹¹¹ со<нрзб.>ция, она в Евангелии от Иоанна». Не знаю, где этот карандаш. Это мне рассказывал М<ихаил> Юрьевич Виельгорский. Удивительный человек был этот милый Граф; его библиотека была наполнена разных книг о <2 нрзб.> илюминатов, он прочитал всю эту литературу в 20000 томов⁷⁹, был масон петербургской ложи с другом своим Сергеем Степановичем Ланским. Император был генералом du grand Orient⁸⁰. Правила этих лож совершенно схожи с Иерусалимскими. Виельгорский мне говорил: «On a tres bien fait de les fermer: c'est un tres puissant moyen pour tenir les masses dans leur devoir, mais c'est une epee a deux tranchants»⁸¹. Гоголю были равно ненавистны Ленорманы и масоны^{IV}.

Зимой 40<-го> года Гоголь провел месяц или два в Петербурге. Жил у Плетнева в Университете, где он преподавал историю, два или три раза очень увлекательно читал, потом бросил⁸² и посвятил себя Елисаветинскому Институту⁸³, где воспитывались его две сестры⁸⁴ на казенный счет; Жуковский их посещал с разными сладкими утешениями. Гоголь обедал у меня с Крыловым, Вяземским, Плетневым и Тютчевым. Для Крылова всегда готовились борщ с уткой, салат, подливка с пшенной кашей или щи и кулебяка, жареный поросенок или под хреном. Разговор был оживленный, раз говорили о щедрости к нищим, и Крылов утверждал, что подавание вовсе не есть знак сострадания, а просто дело эгоизма. Жуковский противоречил. — «Нет, брат, ты что ни говори, а я остаюсь на своем. Помню, как я раз так из лениости подал нищим и^V не мог ничего есть в Английском клубе, даже поросенка под хреном».

Императрица всегда желала познакомиться с Иваном Андреевичем^{VI}, и Жуковский повел его в полной форме библиотекаря Императорской Библиотеки, в белых штанах и шелковых чулках. Они вошли в приемную. Дежурный камердинер уже доложил об них, как вдруг Крылов с ужасом сказал, что он пустил в штаны. Белые шелковые чулки окрасились желтыми ручьями. Жуковский повел его на черный дворик для окончания несвоевременной экспе-

¹ Фрагмент: В <3 нрзб.> футляре - дала его Александру I-му. — *вписан между строк.*

¹¹ Фрагмент: задумался на словах Спа<си>теля людям: не <1 нрзб.> меня, я из <4 нрзб.> — *вписан вместо: занимался какой-то философской тезой, когда пр<ишел>*

¹¹¹ твоя *вписано вместо: ваша*

^{IV} В автографе: Массоны

^V подал нищим и *вписано.*

^{VI} В автографе ошибочно: с Александром Андреевичем

диции: «Ты, брат, вчера за ужином верно нажрался всякой дряни». Он повел его в свою квартиру в Шепелевской дворец, там его вымыли, кое-как одели и повезли его домой. Плетнев мне рассказывал, что Крылов всегда в грязном халате лежал на диване, а над ним висела картина, которая покосилась, и он всегда рассчитывал, когда она на него упадет. Весьма немногие знают, что Крылов страстно любил музыку, сам играл в квартетах Гайдена, Моцарта и Бетгоvena; но особенно любил квартеты Бок<к>ерини. Он играл на первой скрипке. Тогда давали концерты в певческой школе. В первом ряду сидели Граф Нессельрод, который от восторга все поправлял свои очки и мигал соседу Князю Лариону Вас<ильевичу> Васильчикову, потом сидел Генерал Шуберт, искусный скрипач и математик; все математики любят музыку, весьма естественно, потому что музыка есть созвучие цифр; и les beaux chiffres de tete⁸⁵ для знатока чистое наслаждение. Во втором ряду сидели я и Карл Брюл<л>ов. Когда раз пели великолепный «Тебе Бога хвалим», который кончается троекратным повторением «Аминь», Брюл<л>ов встал и сказал мне: «Посмотрите, ажно пот выступил на лбу». Вот какая тайная связь между искусствами. Когда четыре брата Миллеры приехали в Петерб<ург>, восхищению не было конца. Они дали восемь концертов в Певческой капелле, играли самые трудные квартеты Бетгоvena. Никогда не били такт, а только смотрели друг на друга и всегда играли в tempo⁸⁶. Казалось, что был один колоссальный смычок. После обедни в большой церкви в Зимнем дворце, где пели певчие, начиналось пение. Я ездила на эти концерты. Это был праздник наших ушей. Ларион Вас<ильевич> Васильчиков говорил: «Важные, чудесные квартеты Бетгоvena, а я все-таки более люблю скромные квартеты старичка Бок<к>ерини. Помнишь, Иван Анд<реевич>¹, как мы с тобой дули их до поздней ночи?» Гоголь очень любил, но только духовную музыку и ходил к певчим. Певчих набирают со времен Разумовского в Украине и с 8-ми возраста, голоса этих малюток трогательны, и в два года учения¹¹ они уже готовы петь Бортнянского, Березовского и Сарти. Сарти приехал при Императрице Елисавете Алексеевне, его «Вкусите и видите» восхитительно. Придворным хором дирижировал Львов, после него его сын, который сочинял херувимские и прочие канты самые нелепые; он сторговался с Синодом, велел их разучивать по всей России, что дало ему 10000 дохода. Митрополит Филарет горячо жаловался, что испортили наше церковное пение. Теперь это пение под управлением Бахметьева совсем испортилось, и охотники ездят к Графу Шереметеву, где Ламенский <?> сделал много перемен. Шереметев ничего не щадит для Церкви. Князь Одоевский говорил тоже, что Глилки «Господи, помилуй» всегда кончается с accord parfait⁸⁷, как будто обедня кончилась; это повторение accord parfait очень томительно. Одоевский открыл ключ к древней церковной музыке и ввел ее в домашней церкви графини Протасовой; я была на этой обедне, которая прекрасна. В соборе Успенья в Москве поют киевским, или степенным напевом. У ранней обедни Священники и Дьяконы выходят в середину церкви, становятся пред ликами, у каждого клочок бумаги, на котором крюки. Особенно хороша «Херувимская». Я сообщила это Государю, который хотел непременно побывать у Успенья. Я лечилась холодной водой и всякое утро с Каролиной Ив<ановной>⁸⁸ ходила в церковь, согрешившись скорым шагом после закутывания в мокрые простыни, и становилась у гробницы Святителя Ионы; он, кажется, был из древнего рода дворян Скрипицыных; Филипп⁸⁹ Иона тоже похоронен в Успенском соборе. Святитель Алексей из рода Колычевых тоже покоится в Чудовом монастыре, на его гробницу клала Императрица Мария Феодоровна царского младенца, ныне Царствующего Императора Александра.

Но вернемся а nos moutons⁹⁰, т. е. к Гоголю; он жил у Жуковского во Франкфурте, был болен и тяготился расходами, которые ему причинял. Жуковскому он был нужен, потому что отлично знал греческий язык, помогал ему в «Илиаде»¹¹¹. Василий Андреевич просил меня

¹ В автографе ошибочно: Александр Анд<реевич>

¹¹ учения вписано.

¹¹¹ В автографе ошибочно: Илиаде

сказать В<еликой> К<нягине> Марии Николаевне, чтобы она передала эту просьбу Государю. Она родила преждевременно, забывала мою просьбу и сказала: «Parlez vous-meme a l'Emp<ereur>»⁹¹. На вечеру я сказала Государыне, что собираюсь просить Государя, она мне отвечала: «Il vient ici pour se reposer, et vous savez qu'il n'aime qu'on lui parle affaires; s'il est de bonne humeur, je vous ferai signe et vous pourrez laisser votre demande»⁹². Он пришел в хорошем расположении, сказал: «“Journal des Debate” imprime des sottises; c'est unepre-uve que j'ai bien agi»⁹³. Я ему сообщила поручение Жуковского, он отвечал: «Вы знаете, что пенсии назначаются капитальным трудам, а я не знаю, достаивается ли повесть “Тарантас”». Я заметила, что «Тарантас» — сочинение Соллогуба, а «Мертвые души» — большой роман. «Ну, так я его прочту, потому что позабыл “Ревизора” и “Разъезд”».

В воскресенье на обычном вечере Орлов напустился на меня и грубым, громким голосом сказал мне: «Как вы смели беспокоить Государя, и с каких пор вы русской меценат?» Я отвечала: «С тех пор, как Императрица мне мигнет, чтобы я адресовалась к Императору, и с тех пор, как я читала произведения Гоголя, которые вы не знаете, потому что вы грубый неуч и ничего не знаете и не читаете, кроме гнусных сплетен ваших голубых штанов»¹. За словами я не ходила в карман. Государь обхватил меня рукой и сказал Орлову: «Я один виноват, потому что не сказал тебе, Алеша, что Гоголю следует пенсия». За ужином Орлов^{II} заговаривал со мной, но тщетно; мы остались с ним навсегда в разладе. Я послала за Плетневым, мы сочинили письмо к Уварову и запросили 6000 р<ублей> асс<игнациями>. Плетнев говорил, что всегда дают половину, у нас уж такой обычай. Между тем мы отписали Гоголю и требовали, чтобы, отложивши лень, он послал Уварову благодарственную писулю^{III}, когда получит желаемую пенсию. Я после узнала, что он писал и Государю. Получивши 1000 р<ублей> серебром, т. е. 3500 р<ублей> асс<игнациями>, он поехал в Иерусалим. Что он чувствовал у Гробницы Спасителя, осталось тайной для всех; знаю, что он мне не советовал ехать в Палестину, потому что комфорта совсем нет.

Он поселился у Графа Александра Петровича Толстого в доме Татищева⁹⁴ на Никитской. Под весну я была очень больна и лечилась у Иноземцева холодной водой. Гоголь мне советовал бросить это лечение: «Мы с Аркадием Осип<овичем> заплатились за это лечение». Он мне писал⁹⁵ из Грейфенберга^{IV}: «Хотите ли вы знать, как Аркадий Осип<ович> лечится в Грейфенберге^V? В 5-ть часов утра его будят, тотчас обливают холодной, как только можно <водой>, заворачивают его в мокрые простыни и приказывают ему потеть. Но он не слушается, тираны доктора его раскутывают, когда он совсем посинеет и кричит благим матом, после чего его сажают бригадиршею в холодную воду, и он с отмороженной бригадиршей бежит в рубашке и кальсонах в лес. Дамы, все с отмороженными же бригадиршами, гуляют в лесу в длинных мантилиях, так что приличия соблюдаются строго. Из леса все бегут домой, где поедают множество булок и запивают синим снятым молоком; сливки идут Доктору в кофий, или сбиваются в масло. Обед самый гадкой, суп, разварная корова и черносливный компот. Насладившись два месяца такой жизнью, мы простились с гидротерапией навеки. Говорят, что Юлий Кесарь никогда бы не покорил Галлию, если бы не купался в холодной <воде>. Все эти новые лечения очень стары; за них принимают, когда испорченность нравов доводит до нервных болезней. Заключение: Алек<сандра> Осип<овна> Смирнова никогда не должна лечить свои нервы холодной водой. Это заключение вы должны носить на лбу, как Эзра в хранильнице».

Граф Алекс<андр> Петр<ович> был у меня в гостинице «Дрезден», как вошел Хомяков; они разговорились о политике, религии и наконец об освобождении крестьян. Когда Граф уе-

¹ Далее вписано на полях: Осторожность, Орлов с нею <?> прежний

^{II} Далее было: тщетно

^{III} Было: писулю благодарственную

^{IV} В автографе ошибочно: из Грейфенберга

^V В автографе ошибочно: в Грейфенберге

хал, Хомяков мне сказал: «Я вам обязан этим приглашением; до свиданья в 5-ть часов у Толстых». Гоголь пришел ко мне утром и был очень встревожен. «Что с вами, Ник<олай> Вас<ильевич>?» — «Надежда Ник<олаевна> Шереметева умерла, вы знаете, как мы с ней и с Фонвизиним жили душа в душу? Последние два года на нее нашло искушение: она боялась смерти. Сегодня⁹⁶ она приехала, как всегда, на своих дрожках и спросила, дома ли я. Поехала куда-то, опять заехала в дом Татищева⁹⁷, не нашла меня и сказала людям: “Скажите Николаю Вас<ильевичу>, что я приехала с ним проститься”, — поехала домой и душу отдала Богу, Который отвратил предсмертные страдания. Ее смерть оставляет большой пробел в моей жизни».

У Толстого был прекрасный русский стол, обедали мы с братом Клементием, Хомяков, Гоголь и хозяин. Хомяков болтал без умолку, был в ударе и смешил нас всех, перебрасываясь с Клементием Оси<повичем> самыми неожиданными выходками. После обеда подали чай и кофий, который Графиня сама разливала и потом уснула⁹⁸. День был жаркий, Граф и Хомяков всё говорили об освобождении крестьян, а Гоголь, Лёва⁹⁹ и Клема ходили со мной по комнате и все жаловались на нестерпимую жару. Клема сказал: «Совсем это не жара, а потому что говорят всё об одном, спросите Лёву, как душно в Губернском Правлении, всё это от того, что всё пишут об одном». Клема был тогда в раздраженном положении, впрочем, как и всегда. Он шел с Лёвой по Кузнецкому мосту в контору дилижансов. Лёва ему заметил, что у него постыдной сертук. «Это ничего, — сказал Клема, — в дилижансе он покажется новым и модным, ведь там ездит всякая дрянь, а в Петерб<урге> я проберусь домой и закажу новое платье; пушусь в свет, буду играть в карты с рябчиком Голицыным». — «А на какие деньги?» — спросил Лёва. — «На Смирновские, у него всё можно взять; бьюсь об заклад, что с его письменного стола унесу храм Пестума, статую Гладиятора, и он не заметит, лишь оставить ему дещь бумаги, чернила и перья. Ведь он готовится в Губернаторы, а известно, что эти дураки только и делают¹, что пишут, пишут по материи. Лёва, ты читал годовые отчеты Губернаторов, такая чепуха, что Бог прости, а бедный Государь по ночам их читает и карандашом делает отметки. Я никогда не буду Губернатором, какой чорт меня принудит сидеть в Губернском Правлении с Степановым, Григорьевым и прочей дрянью. Гораздо лучше остаться навеки майором; это<т> чин, как и бригадирский, совсем исчез на Руси; этот пробел следует пополнить и занять у немцев какое-нибудь длинное слово. Я знал в Дрездене Frau Steihring Hof frathin, очень милую wichtige Dame¹⁰⁰. У немцев все смешно, но в Дрездене смешнее, чем где-либо».

Клема поселился с Николаем Скалоном и Аркадей¹⁰¹. К ним часто ходил Князь Иван Серг<еевич> Гагарин, и в городе толковали о неурядице в доме Пушкина; Гагарин вышел от них в смущении и сказал: «Гаже анонимных писем ничего не может быть». Он уже получил свое, написанное незнакомым почерком. Вслед за ним братья, Скалон, Карамзины, Вяземский, Жуковской, Виельгорской, даже Государь получили эти злополучные письма. Кого подозревать? все единогласно обвиняли ракаля¹⁰² Долгорукого; он один способен на подобную гадость; его последняя пакостная история с почтенным стариком Лёвенштерном закрыла ему вход во все дома. Оказалось, что они были точно написаны им, и этот мерзавец обвинял Князя Ивана Гагарина; уверяли даже, что он <от> этого сделался иезуитом. После несчастной дуэли с французским авантюристом Дантесом последовала страдальческая смерть Пушкина. Государь, один Государь показал истинное горе и участие. При его постеле дежурили постоянно Жуковский, Вяземский, Скалон и мои братья, даже Ося¹⁰³ приехал из Стрельны; они несли его гроб в Колюшненную церковь. Похороны посетили все послы иностранных дворов. Граф Фикельмон¹⁰⁴ дал первый толчок этому движению. Народу было большое множество. Гоголь неутешно оплакивал эту смерть, Россия чувствовала, что замолкла ее лира. Громовое известие дошло до меня в ложе Кити Тюфякиной на первом представлении «Гугенотов»¹⁰⁵. Николай Киселев мне сообщил, он был очень дружен с Пушкиным и был видимо огорчен. «Наши немцы одни совершен-

¹ В автографе ошибочно: только и дело

но не принимают никакого участия в русском горе», Но он ошибся; когда Медем¹⁰⁶ был послан Министром при Авст<рийском> Императоре, Княгиня Мет<т>ерних позвала его обедать и сказала, что будет Гек<к>ерен, друг Дантеса? Медем отвечал: «Madame, chaissez entre la Hollande et la Russie»¹⁰⁷, никогда не встречал Гек<к>ерена и называл: «Ce mecreant ne devait pas vivre, il a vexé les droits de la nature. La Hollande devrait rougir d'avoir un pareil representant»¹⁰⁸. Этот подлец жил и умер в совершенном одиночестве в Голландии. Он был сродни со всей аристократией, но ни одна душа не почтила погребальную процессию, даже Дантес не поехал к своему папеньке, и его похоронили как собаку.

Зимой мужа моего назначили Губернатором в Калугу¹⁰⁹; он вывез всю нашу мебель, закупил много посуды, люстры и апплике¹¹⁰ на сто человек и отправился в Калугу. Я переехала на квартиру Карамзиных на зимние месяцы, получила от Гоголя письмо, в котором он просит меня не смущаться предстоящей новой жизнью. «Вы можете сделать много добра, в моих советах не будет недостатка, замечайте сначала все, но будьте, по словам апостола Якова, косны глаголати»¹¹¹. Утешайте себя возможностью делать плодотворное добро». Приезд мой в Калугу был новой эрой в моей жизни; я никогда не была в Русской Губернии, сама природа была другая; из Москвы все время едешь в гору по лесным дачам и болотам. Детей с Мисс Овербек послали вперед, они ночевали у помещика Чирикова, где их приняли с почетом, и они забавлялись с Карликом. Я выехала с братом Львом Арнольди. Он один был в двухместной карете, а повар Сильвио сидел сзади под канатом и смотрел с удивлением на шоколадную размазю, которая называлась большая дорога. Я ехала сзади в четвероестном рыдване с Княжной Цициановой¹¹², моей девушкой Ленхен и с Аннушкой, фактотумом Княжны. Мы ночевали¹¹³ у Уездного Предводителя, которого не посадили, а заставили стоять у притолки, не представляя, что он не только персона, но даже особа. Мы поехали в Монастырь к обедне, но опоздали, помолились и получили благословение игумена отца Антония¹¹⁴; он нам показывал ядра, сложенные в груды за стенами, все стены были испещрены ядрами фр<анцузской> артиллерии, которая была разбита в прах. Я вспомнила стихи Мятлева:

Хотите ли вы знать,
Как М-г Наполеон выгнан вон,
И как встретили мы друга
Comme за la ville¹¹⁵ de Калуга.
М-г Napoleon le vieux chemin¹¹⁶ убрал,
Из пушка паф, паф etc.

Предводитель предложил мне ехать вперед и прокладывать мне дорогу, потому что Афонасьевские луга не безопасны. Княжна смеялась и говорила: «Ma parole d'honneur, il ne quitte la bouche»¹¹⁷. К вечеру мы дотащились до полдороги, в село <1 нрзб.>¹¹⁸ и ночевали на сене и подушках. Лёва растянулся в дормёзе, а Ольга в передней. Утром рано поехали, в 2 часа въехали по Московской улице в столичный город Калужского воеводства, в котором в полном значении этого слова воевал Смирнов. Калуга до приезда Екатерины была воеводством, последний воевода был Телятьев. Екатерина устроила Генерал-Губернаторство, назначила Кречетникова и создала новую Епархию. Первым Епископом¹¹⁹ был Евлампий, болезненный, прямой человек и очень святой жизни. Его замечательный портрет украшает гостиную Преосвященного Николая, теперешнего Епископа¹¹⁸. Волоса черные, как смоль, лицо строгое, совершенно монашеское. Старичок Никитич, который всегда служил на больших банкетах, мне рассказывал любо-

¹ Антония вписано вместо: Василия

¹¹ в село <1 нрзб.> вписано.

¹¹¹ Епископом вписано вместо: Архиереем

пытные вещи о тогдашней жизни. М<итрополит>^I Платон спросил у Евлампия, что он думает о Христе ради юродивом Лаврентии¹¹⁹; по нем служат панихиды и молебны и делаются чудеса. «А как вы думаете, владыка^{II}, не пора ли его вынуть из-под спуда». — «Не знаю, как вам угодно». — «Мы было думали, что явление его мощей привлечет богомольцев и оживит торговлю; но лучше повременить, неравно Лаврентий законфузится; в этих делах лучше все предоставить мудрости Божией». Лаврентий и до сих пор под спудом, но его образ висит в каждом калужском доме.

Мы потащились по Московской улице, когда нас встретила карета Ник<олая> Мих<айловича>¹²⁰, лежащая на боку, и лакей Алексей был погружен в рассуждение о случившемся реприман<д>е. Мы подъехали к Губернаторскому дому, красивой наружности; дети выбежали мне навстречу, и Владимир Яков<левич> Ханыков приглашен был к обеду. Я села за клавикорды, и Княжна мне сказала: «Понимаю, это уж с горя»^{III}. К обеду был приглашен мой провожатый, исправник^{IV}. Я тотчас по приезде спросила Ник<олая> Мих<айловича>: «Я полагаю, что довольно, если я заплачу ему 50 р<ублей>». Он так и ахнул: «Ведь это дворянин и служит бесплатно, по выбору всего уездного дворянства». На другой день Ник<олай> М<ихайлович> посвятил меня в complication служебной иерархии, я не подозревала, что огромная Россия поддерживается такими тузами, как Председателями: Гражданской, Уголовной, Казенной палат; что есть такое судилище, как Губернское правление, что есть совестный судья, пробир-мейстер, Врачебная управа, которая отличается во время рекрутского набора и набивает себе карманы. Мелкопоместные дворяне тоже украшают своим присутствием город Калугу и селятся на Московской улице; эта улица составляет род F<au>bourg St. Germain¹²¹. На третий день мне дали лист и послали меня делать визиты по иерархическому порядку. Первый визит, конечно, был к Архиепископу, Преосвященному Николаю. Я поехала с матушкой, которая и выходила; мне казалось, что везде меня подвозили к заднему крыльцу. Эти визиты нагнали на меня скуку и тоску. Я все это описала Гоголю¹²², и он остался очень доволен моими сведениями.

Весной¹²³ он выехал из Москвы с Левою и Климой. Последний на одной станции потерял гартанас, который пропал без вести. А Гоголь и Лева остановились в Малом Ярославце менять лошадей; Городничий спросил брата: «Кто этот господин, ваш попутчик?» — «Это Гоголь». — «Как Гоголь, тот самый, который написал “Ревизора”?» — «Да». — «Ну, так, пожалуйста, представьте меня ему». Мы уже перебрались в загородный дом и назначили помещение Гоголю в домике, где жил Нелединский¹²⁴; он был очень доволен устройством комнат; говорил: «Вид прекрасный, под ногами прозрачная речка, а затем этот великолепный бор». Ему служил Афанасий, который тотчас потрафил свою должность. Гоголь вставал в 5-ть часов, пил кофе в 8-мь, и запивал его холодной водой; это служило для него лекарством. К нам он являлся в два часа. В воскресенье он пил кофий с нами, и приходил в полном параде, в светло-желтых нанковых панталонах, светло-голубом жилете с золотыми пуговками и в темном синем фраке с большими золотыми пуговицами и в белой пуховой шляпе. Он купил эту шляпу в рядах, куда сопровождал его Лёва, старую шляпу он оставил в лавке; все рядовые один за другим пробовали эту шляпу, нашли, что его голова была более других, потому что он писал такие умные книги, и решили поставить ее под^V колпаком на верхней полке счастливица, у которого великий писатель купил шляпу. Я, чаю, она и теперь стоит на этом месте. Из рядов они пошли в книжную лавку, где нашли 30 томов, в том числе и его сочинения, в мусака переплете. Наш переплетчик все переплетал очень дурно в этот цвет; если он приходил, люди докладывали, что пришел Мусака.

^I М<итрополит> *вписано*.

^{II} как вы думаете, владыка *вписано вместо*: как вам думается

^{III} *Далее было*: На дру<гой>

^{IV} *Было*: исправник, мой провожатый

^V *Далее было*: стеклянным

Гоголь, где бы ни был в России и за границей, заходил в книжную лавку и перелистывал каталог. «Это, — говорил он, — самый верный пробный камень умственного развития города; где в Германии 2 и 3 тысячи книг, в России в Губернских городах 30 или много 100 книг». В Москве он всякой день ходил к Ферাপонтову¹²⁵ на Никольской; там он встречал коротенького и плот<но>го человека, по выбору книг и по произношению он догадался, что перед ним Михаил Семен<ович> Щепкин, ударил его по плечу и сказал: «Гей жи живи, чи здорови, уси родичи Гарбузови». Это оригинальное знакомство¹²⁶ кончилось дружбой самой тесной. Я часто ездила с ним в Лаврентьевскую рошу, он вытаскивал тетрадку и записывал виды; скромный Архиерейский дом осеняла Лаврентьевская роша, и в самом деле пейзаж был великолепный. «So quietful and calm»¹²⁷. Перед моим отъездом¹ он мне дал записку, кого отыскать в Москве. Я познакомилась через Александра Ив<ановича> Тургенева с Екатериной Ал<ександровной> Сербеевой. Хомякова я прежде знала, и он писал ко мне стихи: «От роз ее название» и etc., etc. С Константином Аксаковым¹¹ произошла комическая сцена; он пришел в 10-ть часов утра в зипуне¹¹¹ на красную кумачевую рубашку, подпоясанный пестрым кушаком, с ермолкой в руке. Перекрестился, и я тотчас ему сказала: «Что это за костюм?» Обиженным тоном он ответил: «Сударыня, вы в costume, а я хожу в русском платье».

Вечером мы были собраны у Хомякова: Шевырев, Погодин, Аксаковы и Князь Дмитрий Хилков; разговор был литературный, решили, что лучшие прозаисты — Духовные писатели, хорошо знакомые со славянским языком; перешли к поэтам, все сошлись, что выше, вдохновеннее Пушкин; но Князь Хилков сказал, что не всегда; Аксаков вскочил и вспылил, и цитировал несколько пьес, всё невпопад; когда он прочел «Пророк» и его ответ¹²⁸ Митрополиту Филарету, Хомяков сказал¹²: «Вот это так поэзия. Кто же, по-вашему, поэт?». — «Царь Давид и все пророки, особенно Исаяя». — «Так после этого с вами нельзя спорить». — «Да я вас и не просил», — отвечал очень хладнокровно Князь Дмитрий. Все расхохотались, а Аксаков уселся и что-то бормотал про себя.

В конце лета Гоголь предложил нам собраться в 2 часа у меня. Граф Алексей Толстой сослан был за какой-то пиджак в Калугу с Сенатором Давыдовым¹²⁹ для ревизии нашей Губернии. Он прочел нам первую главу второго тома «Мертвых душ», всякой день в 2 часа. Тентетников, Вороново-Дряново, Костанжогло, Петух, какой-то помещик, у которого было все на Министерскую ногу, в чем он убивал драгоценное время для посева, жнитвы и косьбы, и все писал об агрикультуре. Чичиков уже ездил с Платоновым, который от нечего делать присуседелся к этому труженику и вовсе не понимал, что значила покупка мертвых душ. Наконец, приезд в деревню Чаграновых, где Платонов влюбляется в портрет во весь рост этой петерб<ургской> львицы; обед управляющего из студентов с высшими потребностями. Стол был накрыт, хрусталь, серебро, фарфор Саксонский. Бедный студент запил и тут высказал то, что тайно подрывало его энергию и жизнь; сцена так была трагически жива, что дух занимало. Все были в восторге. Когда он читал главу о Костанжогло, я ему сказала: «Да дайте хоть кошелек жене его, пусть она шали вяжет». «А! — сказал он, — вы заметили, что он обо всем заботится, но о главно<м> не заботится». Гоголь уехал в Москву, где через Ивана Вас<ильевича> Киреевского узнал, что в Оптиной пустыне, в скиту, живет знаменитый отшельник и молчальник¹³⁰; он к нему неоднократно ездил, так помучил своей нерешенностью¹³¹, что старец грозил ему отказать его принимать¹³². Мне осталось неизвестно, каких советов он просил у него. В то же время у Графа Толстого он познакомился с Ржевским Священником Матвеем Александровичем¹³³ и был с ним в частой переписке. Матвей Алек<сандрович> был точно замечательный человек. Кро-

¹ Было: отъездом моим

¹¹ Аксаковым вписано.

¹¹¹ Далее было: и с

¹² сказал вписано.

тость и смирение его были ни с чем несравнимы; он ездил в Петерб^{ург}, где жила у Татьяны Борисовны Потемкиной; на все философски-религиозные разговоры он отвечал только одной коротенькой фразой: «Как я рад, что Бог всего выше». С Гоголем они молились всегда на коленях и часто прибегали к исповеди и причастию. После долгого мясоеда настала страстная неделя¹³⁴; Нащокин¹³⁵ и Щепкин позвали Гоголя на блины в пятницу¹³⁶ в трактир Бубнова. Когда они за ним пришли, он наотрез отказался. Щепкин начал кощунствовать; он его взял за ухо: «Ты когда-нибудь будешь за эти слова раскаиваться, смотри, чтобы не было позд^но». После этого настали предсмертные. Матвей Алек^{сандрович} приехал из Ржева, и с ним он соборовался в присутствии Толстых; Граф и Графиня, и Нащокин плакали навзрыд; потом исповедывался и в последний раз вкусил хлеба жизни вечной в земле преходящей. Призваны были Доктора: Овер, Иноземцев; ежеминутно знакомые и незнакомые приходили за известиями. Всем известны последние слова этой кроткой души: «Оставьте меня, мне хорошо», и его рисунок, который никто не понимает. Он скончался через три дня, тихо; и сжег, ум^ирая¹¹, главы II-го тома. Остались списки, написанные Шевыревым.

Согласно с его желанием, Толстые хотели сделать скромные похороны; но весь университет поднялся и требовал настоятельно, чтобы его отпевали в Университетской церкви; отсюда студенты несли его на руках до Данилова монастыря. За гробом тянулись попарно его друзья в слезах и похоронили его на Монастырском кладбище при огромном стечении народа. Погодин выбрал надпись из Пророчества Исайи: «Горьким смехом посмеюся им¹³⁷». Я посетила эту могилу; на черной плите золотыми буквами гравирована надпись и далее год его смерти; с ним рядом лежат Хомяков, Языков и молодой Валуев, юноша 22 лет, уже успевший оставить потомству замечательные слова, в журнале «Беседа». Еще до масленой Гоголь мне написал твердой рукой записку; я была больна; он писал: «Не смущайтесь, вы воскреснете от болезни, повторяйте слова вашего друга майора Филонова, который, как вы мне сказали, повторял неустанно: «Христос Воскрес, Христос Воскрес!» Прощайте, добрый друг, Христос с вами и ныне, и присно, и во веки веков да будет». Графиня Толстая вместо письма написала мне: «Смерть оставила нас сиротами, одно утешение повторять следующие слова Ефрема Сирина»; у меня это письмо сохранилось, но теперь оно не под рукой у меня, я его найду и сообщу вам. Переписка с ним вся в порядке и сохранности, из нее сделал выписки Кулиш с моего соизволения, а напечатал, не спросив меня. На Гоголя имел большое влияние протоиерей Павловский¹³⁸, почтенный и добрейший Священник, когда Гоголь жил у Репниных в Одессе. Плетнев сообщил Жуковскому эту неожиданную горечь. Выписываю его письмо, малоизвестное и, вероятно, почти всеми забытое¹³⁹. Вот оно.

«Баден. 17/5 марта 1852 года.

Любезнейший Петр Алек^{сандрович}, какую вестью вы меня оглушили, и как она для меня была неожиданна! Весьма недавно я получил¹¹¹ письмо от Гоголя и собирался ему отвечать и хотел дать ему отчет в моей теперешней стихотворной работе, т. е. хотел поговорить с ним подробней о моем «Жиде», которого¹¹⁴ содержание ему было известно, который пришелся бы ему особенно по сердцу, и,¹¹⁵ которым занимаясь, я особенно думал о Гоголе... и вот уже его нет! Я жалею о нем несказанно, собственно для себя, и потерял¹¹⁶ в нем одного из самых симпатических участников моей поэтической жизни и чувствую свое сиротство в этом отношении. — Теперь мой литературный мир ограничивается четырьмя лицами: двумя муж-

¹ Отписка А. О. Смирновой. Следует: масленая

¹¹ ум^ирая¹¹ вписано.

¹¹¹ Далее в изд. 1853 г.: еще

¹¹⁴ В автографе ошибочно: которой

¹¹⁵ Далее было: занимаясь

¹¹⁶ В изд. 1853 г.: я потерял

ского пола и двумя^I женского^{II}: к первой половине принадлежите вы и Вяземский, к последней — старушка^{III} Елагина и Зонтаг. Какое пустое место оставил в этом маленьком мире мой добрый Тоголь! Жалею об нем еще для его начатых и недоконченных работ; для нашей литературы он — потеря незаменимая^{IV}. Но жалеть ли о нем для него? Его болезненная жизнь была и нравственно мучима. Настоящее его призвание было монашеское; я уверен, что ежели бы^V он не начал свои “Мертвые души”, которых окончание лежало на его совести и все ему не давалось, то он давно бы был монахом и был бы успокоен совершенно, вступил в эту^{VI} атмосферу, в которой его душа^{VII} дышала бы свободно и легко^{VIII}. Его творчество^{IX}, по особенному свойству его гения; в котором глубокая меланхолия соединялась с резкой иронией^X, было в противоречии с его монашеским призванием и ссорило его с самим собой. По крайней мере, так это мне кажется из тех обстоятельств, предшествовавших его смерти, которые вы мне сообщили^{XI}. Гоголь; стоящий четыре дня на коленях не вставая, окруженный образами, <говорящий> тем просто^{XII}, которые о нем заботились: “Оставьте меня, мне хорошо”, — как это трогательно! Нет, я^{XIII} не вижу суеверия; это набожность человека, который с покорностью держится установлений православной Церкви. Что возмутило эту^{XIV} страждущую душу в последние минуты, я не знаю; но он молился, чтобы успокоить себя, как молились многие святые отцы нашей Церкви^{XV}, и, конечно, в эти минуты ему было^{XVI} *хорошо*, как он сам говорил; путь^{XVII}, которым он вышел из жизни, был самый успокоительный и утешительный для души его. “Оставьте меня, мне хорошо” Так никому по себе неизвестно, что хорошо другому по свойству, и эта молитва на коленях четыре дня уже^{XVIII} есть нечто вселяющее глубокое благоговение: так бы он умер, если бы, послушавшись своего естественного призвания, провел жизнь в монашеской келье.^{XIX} Где он жил в последнее время в Москве? верно ли, что у Графа¹⁴⁰? если так, то бумаги в добрых руках, и ничто не пропадет^{XX}; надобно нам, его друзьям, позаботиться о издании^{XXI} его сочинений^{XXII} полном, красивом, по под-

^I В изд. 1853 г. состоит из четырех лиц, из двух мужского пола и из двух

^{II} В автографе ошибочно: четырьмя лиц: двух мужского пола и двух женского

^{III} В изд. 1853 г.: две старушки

^{IV} В изд. 1853 г.: незаменимая

^V В изд. 1853 г.: если бы

^{VI} В изд. 1853 г.: вступив в ту

^{VII} В изд. 1853 г.: душа его

^{VIII} В изд. 1853 г.: легко и свободно

^{IX} В изд. 1853 г.: Его авторство

^X В изд. 1853 г.: с резкостью иронии

^{XI} В изд. 1853 г.: сообщаете

^{XII} Вместо: стоящий - тем просто — в изд. 1853 г.: долгие часы стоящий на коленях пред образами, отказывающийся

ся от пищи, и кротко говорящий тем

^{XIII} В изд. 1853 г.: тут я

^{XIV} В изд. 1853 г.: его

^{XV} Слов: как молились многие святые отцы нашей Церкви — нет в изд. 1853 г.

^{XVI} В изд. 1853 г.: ему было в эти минуты

^{XVII} В изд. 1853 г.: и путь

^{XVIII} Вместо: по себе - четыре дня уже — в изд. 1853 г.: нельзя осуждать по себе того, что другому хорошо по его

свойству. И эта долгая молитва на коленях

^{XIX} Далее в изд. 1853 г.: Теперь, конечно, душа его нашла все, чего искала. Перейдем теперь к земному.

^{XX} Слов: Где он жил - и ничто не пропадет — нет в изд. 1853 г.

^{XXI} В изд. 1853 г.: об издании

^{XXII} Далее в изд. 1853 г.: об издании

писке в пользу его семейства: у него мать и две сестры живы¹ 141. Если опубликовать по подписке^{II}, то она может быть богатая. Позаботимся^{III} об этом. Если я был бы^{IV} в России, то бы дело разом закипело^V; между тем от себя напишу Толстому¹⁴². А вас прошу сообщить как можно более подробностей о его последних минутах.

Ваш Жуковский».

Маркевич мне говорил, что во время похорон с трудом он пробирался в толпе, полиция была вся на ногах, жандармы с озабоченными лицами рыскали во все стороны, как будто в ожидании народного восстания. Он нарочно спросил у жандарма: «Кого хоронят?» А тот громким голосом отвечал: «Генерала Гоголя». Это уже чисто русская оценка заслуг отечеству.

Тургенев в Петербурге напечатал самую нелепую статейку¹⁴³, чтобы почтить человека, которого он уважал и любил, зная его лично. Государю эту статью представили, как манифест партии пиджаков и общинного начала; его засадили прямо в сибирочку. Алексей Толстой посредством ныне царствующего Государя добился до его избавления от^{VI} двухнедельного страдания слышать, как секла благородная российская полиция пьяных мужиков и баб, забывая, что и она причастна тому же греху. Ему велено было жить в Орловской деревне и не писать. В этом уединении он написал свои лучшие повести: «Гамлет Щигровского уезда», исполненную трагического интереса; «Муму» и «Постоялый двор», которые через два или три года были напечатаны. Его chef d'oeuvre «Бежин луг», где так живо чувство русской природы; не раз в Спасском я сидела по вечерам у окна в светлую ночь и подслушивала то, что французы называют les bruits du silence¹⁴⁴, видела подпасков, стерегущих лошадей. Тургенев был у Гоголя в Москве; тот принял его радушно, протянул руку, как к товарищу, и сказал ему: «У вас есть талант, не забывайте, что талант есть дар Божий и приносит 10-ть талантов за то, что Создатель вам дал даром. Мы обнищали в нашей литературе, обогатите ее; главное — не спешите печатать. Обдумывайте хорошо, пусть скорее создастся повесть в вашей голове и тогда возьмитесь за перо, марайте и не смущайтесь. Пушкин беспощадно марал свою поэзию, его рукописей теперь никто не поймет, так они перемараны». — Николай В<асильевич> сердился, когда ему говорили, что «Бежин Луг» и «La petite Fadette» схожи; он вообще не любил Georges Санда. Когда мы были в Тиволи, Ханыков вечером читал вслух «Lettres d'un voyageur», Гоголь, видимо расстроенный, ушел. На другой день я его спросила, зачем он ушел. Он отвечал: «А вы разве любите, когда играют фальшиво на скрипке? У этой женщины нет искры правды, даже нет чутья истины. Она может только нравиться французам».

В 48-м году печатался роман Достоевского «Макар Девушкин»¹⁴⁵, который огорчил покойника. «А у него есть большой талант; жаль, что его перо пишет без остановки, но без руководства. Макар Девушкин оставляет в душе невыносимое чувство безотрадной грусти».

Скончался Гоголь, литература облеклась в траур; один Лермонтов пел стройно, на свой лад^{VII}, за что был наказан и отослан на Кавказ. Скоро и Хомяков закрыл свои глаза. Почтенный наш Священник Попов^{VIII} 146 писал мне из Лондона: «Странная судьба наших поэтов-философов и философов-поэтов; они как будто не уживаются на нашей земле и спешат на крыль-

¹ *Вместо:* у него мать и две сестры живы — в изд. 1853 г. в круглых скобках: (у него, кажется, живы мать и две сестры)

^{II} В изд. 1853 г.: опубликовать теперь подписку

^{III} В изд. 1853 г.: Позаботьтесь

^{IV} В изд. 1853 г.: Если бы я был

^V В изд. 1853 г.: скипело. На этом текст письма в изд. 1853 г. обрывается.

^{VI} *Вместо:* от — в автографе ошибочно: и

^{VII} на свой лад *вписано.*

^{VIII} Попов *вписано.*

ях голубиных в лучшую страну. С Пушкиным мы лишились великого поэта, с Гоголем — великого писателя».

Теперь следует вас просить некоторые вставки. В бытность свою в Калуге¹⁴⁷ он читал с восторгом Палласа¹⁴⁸, восхищался его познаниями в геологии и ботанике. «С ним я точно проехался по России от Питера до Крыма. Потом возьмусь за Гмелина¹⁴⁹».

2-ая вставка. Когда он приехал с Максимовичем в Калугу¹⁵⁰, от Москвы до Калуги они останавливали тарантас и собирали цветы и завалили экипаж ими; в Калуге остались три дня, сушили травы и наклеили их как следует. Они останавливались по дороге ночевать только в Монастырях до Киева, где Максимович уже был профессором. В Киеве Николай В<ильевич> говел, оставался недолго и поехал на лето в Васильевку, где с нетерпением ожидали его мать и сестры. Он сеял и сажал деревья и кусты и выучил сестер, как это делать. Привез им как руководителя книгу Храповицкого о сельском хозяйстве, которую считал истинным сокровищем.

А теперь прощайте; иди же, моя рукопись, на суд публики и назидай новое поколение, уклонившееся с прямой дороги. Слова бессмертного Христианина, точно как смерть первых Христиан-Мучеников, не должны пропадать даром. Теперь вопрос, где печатать эту Меморию и как назвать ее. Я думаю, что как ни пакостен Бартенева, надобно поддержать его «Архив», ради того, что он первый собрал много историко-анекдотических сокровищ. Выручка в пользу Славянской братии. Это будет моя первая лепта; вторая будет вся из золотых испанских <1 нрзб.>.

Мои мемуары пишутся, я уж добралась во дворец. Иезуит Гагарин мне советовал писать как попало, без систематического порядка; главный недостаток, что я запомнила¹¹ числа и года важных моментов для хроники русской. Итак, печатайте записки новейшей девицы Дуровой.

«De par Dieu a la voila pour la France», — вскричал Joinville. С ним и я повторяю: «De par Dieu a la voila pour la Russie»¹⁵¹.

Париж, 2 октября 1877 г.

Не забудьте нашу ссору в Калуге, когда вы воротились и порицали «Переписку с друзьями»¹⁵²; слова Ханькова к вам: «Поздравляю вас с первым впечатлением». Меня ночью Лева катал в санях; мои ругательства на вас как шишки на бедного Макара, при всех, и Клушин¹⁵³, этот смехотворный болтун, удивлялся придворному языку.

Передайте Анне¹⁵⁴ мой дружеский поклон и скажите ей, что Марья Алек<сандровна>¹⁵⁵ наконец победила английскую публику. Королева¹⁵⁶ от нее без души, она одна может <нрзб.>ть ее желанья <?> и весь двор ею оживляется. После Гоголя примусь за Самарина и его огромную переписку.

Прощайте, все ваши письма у меня целы. Остаюсь душевно преданная

А. Смирнова.

И вас буду выводить на свежую воду.

3-я вставка: Гоголь часто вспоминал свое детство в Васильевке. Описывал хаты с палисадником, перед которыми росли деревья, украшенные богатыми черными сливами и черешнями. Он особенно был счастлив в самые жаркие июльские дни. Пяти лет он лежал на густой траве, заложив руки под голову и задрал ноги.

«Солнце палило^{III}. Тишина была как-то торжественна, я будто слышал стук времени, уходящего в вечность. Кошка жалобно мяукала, мне стало нудно (по-малороссийски нудно, что по-русски грустно), я встал и с ней распорядился, взял ее за хвост и спустил ее в колодец, что

^I В автографе описка: Галена

^{II} В автографе ошибочно: запам<ят>ела <?>

^{III} Над строкой вписано: Скажите ему, что и во всем он был мой брат.

подле речки. Начали искать бедную кошку, я признался, что ее утопил, плакал, раскаивался и упрекал себя, что лишил Божию тварь наслаждений этой жизни». Это делал он в 5-ть лет. Какая глубина чувства!

Их домашним Доктором был Трохимовский; он по-своему лечил давно, до Греффенберга¹, холодной водой; вся процедура происходила у реки на солнце, не было ни завертывания в мокрые простыни, ни душ, раздражающих спинной мозг. Лекарства его составлялись из трав, которые росли в его околотке. «Бог, — говорил Доктор, — так щедр и милосерд, что дает ему на его месте, и в свое время, что ему нужно, <и> на пищу, и на его здоровье».

У¹¹ Гоголя точно была тетка и двоюродный брат, который бил мух хлопущками¹⁵⁷. Ссора Никифор Ив<ановича> с соседом¹⁵⁸ тоже взята с натуры.

Вот, кажется, все пробелы.

Нет-таки еще не кончено.

Когда дело шло о воспоминаниях малороссийских, у него было все картинно. Вот как после блюд и песен он рассказывал захождение солнца: «Солнце при закате, плечистый хохол с чупруном на макушке¹¹¹ летит во весь опор без седла¹¹⁴ на степной лошади, за ним бежит хромоногий пес, оглядываясь назад, как будто боится, чтобы не отстала кобыла, жеребец или жеребенок. <3 нрзб.> на запад. Журавли их провожают, и на розовом небе летят в чинном порядке и кажутся красивыми платочками». (Вы помните, что в «Тарасе Бульбе» он не забыл этой детали.) Весь рассказ уже живее и картиннее. Не вычеркивайте побочных подробностей, о других лицах; мне кажется, что вводные лица, как в комедии, пополняют общее впечатление; не надо, чтобы записки были монотонны.

Прошайте, скажите Ан<н>е, что в Англии наконец поняли нашу В<еликую> К<нягиню>. Королева от нее без ума, и в Виндзор она одна имеет право приезжать, когда хочет. Дети ее¹⁵⁹ прелесть как хороши, и Бог знает, может Анне придется их воспитывать; и вы начнете новую жизнь; вы будете учить русскому языку и давать уроки православия. Нет сомнения, что Англия опять окунется в паутину Римской Церкви, а герцог¹⁶⁰, конечно, предпочтет нашу драгоценную Церковь. Все это в будущем, но мне так чудится. Прошайте.

Душевно преданная

А. С<мирнова>.

Еще заметить, что Гоголь давал своим героям настоящие имена, а не вздорные и бессмысленные, как в наших водевилях: Ленский, Онегин и пр. Он всегда читал в «Инвалиде» статью о приезжающих и отъезжающих. Это он научил Пушкина и Мятлева вычитывать в «Инвалиде» имена, когда они писали «Поминки». У них уже была накропана довольно длинная рация:

Михаил Михайловича Сперанского
И Арзамасского Почт-Директора Ермоланского,
Апраксина Степана,
большого болвана,
И Князя Вяземского Петра,
Почти пьяного с утра.

Они долго искали рифму для Юсупова. Мятлев вбежал рано утром с восторгом: «Нашел, нашел»:

¹ В автографе ошибочно: до Грейффенберга

¹¹ Далее было: него точно

¹¹¹ Далее было: <2 нрзб.>

¹¹⁴ без седла вписано.

Князя Бориса Юсупова
И Полковника Арапунова¹⁶¹.

Имп<ератор> Николай Пав<лович> велел переменить многие неприличные фамилии. Между прочими¹ <1 нрзб.> и Зас — выдал свою дочь за рижского гарнизонного офицера Ранцева; он говорил, что его фамилия древнее, и потому Ранцев должен изменить фамилию <на> Зас-Ранцев. Этот Ранцев был выходец из земли Мекленбургской, истый оботрит; он поспешил с свёкром поставить ему на вид, что он пришел в Россию с Петром III-м, и его фамилия знатнее, но берет *le pas*. Однако он согласился на это прилагательное. Вся Гарниза смеялась. Но Государь n'entendait pas de retrogression¹⁶², просто велел Ранцеву зваться Ранцев-Зас. Свёкр поморщился, но должен был покориться железной воле своего Имп<ератора>. Гоголь восхищался этим рассказом и говорил: «Я так постараюсь поднести это публике, известить их, что “Инвалид” в фельетоне заключает интересные сведения. Мы в Калуге с Левой ежедневно читали эту интересную газету и вычитали раз, что прапорщик Штанов приехал из Москвы в Калугу, через три дня узнали, что он поехал в Орел. Из Орла он объехал наш город и поехал прямо в Москву; из Москвы в дилижансе в столичный город Санкт-Петербург; так было напечатано слово в слово в фельетоне “Инвалида”. Оттуда прямо в Москву, а из Москвы опять в Калугу, а из Калуги в Орел. Мы рас<с>читали, что прапорщик Штанов провел на большой дороге отпускные 21 день¹¹. А зачем он делал эти крюки, это неизвестно и осталось Государственной тайной». Это заключение принадлежит Николаю Ва<сильевичу> и делает честь его прозорливости. — Штанову так и следует рыскать по России.

Впервые опубликовано, с пропусками и ошибками: *Смирнова-Россет А. О. Н. В. Гоголь // Смирнова-Россет А. О. Автобиография (неизданные материалы). Подготовила к печати Л. В. Крестова. С предисловием Д. Д. Благого. М., 1931. С. 271–311. Заново по автографу, с ошибками и пропусками, напечатано: Смирнова-Россет А. О. Воспоминания о Н. В. Гоголе // Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / Издание подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 42–72. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 474. К. 2. Ед. хр. 7. Л. 1–57 (тетрадь в темно-зеленом картонном переплете; номер поступления: М. 4612. 63; бывшая единица хранения: Ф. 474. К. 2. Ед. хр. 3; рукопись не озаглавлена).*

До настоящего времени не было установлено, кто является адресатом послания А. О. Смирновой. Заключительные строки письма: «Не забудьте нашу ссору в Калуге, когда вы воротились и порицали “Переписку с друзьями” а также передаваемый Смирновой в письме «дружеский поклон» Анне; кроме того, двукратное упоминание, здесь же, о дочери Императора Александра II великой княгине Марии Александровне (1853–1920) и английской королеве Виктории, несомненно, указывают на Ивана Сергеевича Аксакова и его жену Анну Федоровну (рожд. Тютчеву) — бывшую фрейлину (с 1853 г.) супруги Императора Александра II Марии Александровны (1824–1880) и главную воспитательницу (с мая 1857 по 1866 г.) великой княжны Марии Александровны (помощницей в этом А. Ф. Тютчевой была М. С. Сабинина; см. в наст. изд. ее воспоминания о Гоголе). В 1874 г. великая княжна Мария Александровна вышла замуж за сына королевы Виктории принца Альфреда.

Хотя письма И. С. Аксакова к родным от 11 и 18 января 1847 г. из Калуги свидетельствуют о восторженном восприятии им книги Гоголя, однако, ссора И. С. Аксакова с А. О. Смирновой по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями», очевидно, все-таки была, на что указывают строки письма А. О. Смирновой к Гоголю от 11 января 1847 г.: «...Меня смущали толки и московское *ополчение* (друзья!), которое долетало ко мне через Ивана Аксакова. <...> Я вполне уверена, вопреки многим, что не оставит на дороге заблуждений, односторонности и мелкого формализма Господь того, кто умеет просить Его благодатного света. (Вас упрекали в католицизме и мелком формализме, потому что в предисловии <на самом деле в статье «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России»> назначены часы для дела и образ, как делать добро. — *Примеч. А. О. Смирновой. — И. В.*) Я это говорила Аксакову, говорила, разумеется, с свойственною мне неприличною прыт-

¹ Далее было: Зас

¹¹ В автографе ошибочно: 21 дня

костю и совершенно с ним рассталась». Ссора, возможно, произошла отчасти из-за сложившегося еще до выхода книги по слухам негативного мнения о книге Гоголя отца Ивана Аксакова Сергея Тимофеевича, которое И. С. Аксаков передал Смирновой. Однако и сам И. С. Аксаков в письме к родным от 25 января 1847 г. замечал по поводу своего отношения к «Выбранным местам...»: «Я не могу не согласиться с Вами во многом; я сам при чтении книги сильно смущался выходками на Погодина <в статье «О том, что такое слово»>; похвалами дому Романовых <в статье «О лиризме наших поэтов»>; разделением на 7 куч <в статье «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России»> и т. п., и говорил все это еще прежде Смирновой» (см. в наст. изд.).

Письмо А. О. Смирновой о Гоголе 1877 г., вероятно, связано с задуманным в 1874 г. И. С. Аксаковым изданием рукописи его отца «История нашего знакомства с Гоголем...» (намерение было выполнено им в 1880 г.; см. в наст. изд. коммент. к этим мемуарам), а также с неосуществленным замыслом И. С. Аксакова написать для этого издания две статьи. 7 ноября 1874 г. Аксаков сообщал об этом А. О. Смирновой: «Знаете, о чем я теперь собираюсь писать? О Гоголе. У меня есть еще неизданная рукопись моего отца: “История моего знакомства с Гоголем” <...> ...Мне хочется написать, в виде предисловия к рукописи <...>, два этюда о Гоголе: один — “место или значение Гоголя в истории русской литературы и русского общества”, а другой — психологический этюд о самом Гоголе...» (см. в наст. изд.). См. также в наст. изд. упоминание о Гоголе в письме А. О. Смирновой к И. С. Аксакову от 14 февраля (н. ст.) 1873 г.

Как следует из строк письма А. О. Смирновой 1877 г., послание предназначалось мемуаристкой для публикации. (Для этого был избран журнал П. И. Бартенева «Русский Архив».) На этом основании письмо в наст. изд. не включено в раздел собственно эпистолярных свидетельств «Из писем А. О. Смирновой», а печатается отдельно.

По указанию Л. В. Крестовой, помимо опубликованных воспоминаний А. О. Смирновой о Гоголе, «в тетрадях А<лександр> О<сиповны>» имеется также «проспект ее работы о Гоголе на английском языке» (*Смирнова-Россет* А. О. Автобиография (неизданные материалы). Подготовила к печати Л. В. Крестова. С предисловием Д. Д. Благого. М., 1931. С. 331).

¹ Между двором и садом (*фр.*).

² По очереди (*фр.*).

³ Путешествие в охваченную междоусобной войной Испанию и Португалию Гоголь совершил в период с 15 июня (н. ст.) по 16 июля (н. ст.) 1837 г.

⁴ Вероятно, имеется в виду автор «Писем об Испании» (1847) Василий Петрович Боткин (1811–1869), путешествовавший по Испании позднее. С братом В. П. Боткина Николаем Петровичем (1813–1869) Гоголь познакомился в Москве в конце августа 1835 г. (см. письмо Гоголя к Н. П. Боткину от 27 августа 1835 г.), с В. П. Боткиным — в 1840 г. (см. в наст. изд. письмо В. Г. Белинского В. П. Боткину от 24 апреля 1840 г.).

⁵ 14 августа (н. ст.) 1837 г. См. в наст. изд. письмо Анд. Н. Карамзина к матери от 18 августа (н. ст.) 1837 г.

⁶ Вероятно, 27–28 августа (н. ст.) 1837 г. (см. в наст. изд. четвертый раздел «Биографии Александры Осиповны Чаграновой» А. О. Смирновой).

⁷ Имеется в виду болезнь Гоголя в Вене во второй половине — конце августа (н. ст.) 1840 г. См. в наст. изд. письмо В. А. Панова к С. Т. Аксакову от 9/21 ноября 1840 г.

⁸ Глогниц, город в Нижней Австрии. Гмюнден (Гмуднен), город в Верхней Австрии.

⁹ «В одной из тетрадей Смирновой (4612/31, стр. 28) имеются следующие строки о первом представлении “Ревизора” “На этом спектакле государь был в эполетах, партер был ослепителен, весь в звездах и других орденах. Министры и Польш (П. Д. Киселев) сидели в первом ряду. Они должны были аплодировать при аплодисментах государя, который держал обе руки на барьере ложи. Громко хохотали, Польш громче других, так как ему не в чем было себя упрекать. Я не присутствовала на этом первом представлении «Ревизора», кажется, я была в Берлине»» (*Смирнова-Россет* А. О. Автобиография (неизданные материалы). Подготовила к печати Л. В. Крестова. С предисловием Д. Д. Благого. М., 1931. С. 331–332).

¹⁰ Полностью (*фр.*).

¹¹ Имеются в виду следующие строки письма Гоголя от 17 декабря (н. ст.) 1842 г.: «...Скажите, зачем вы не в Риме, а во Флоренции? Упростите себя ускорить приезд свой. Увидите, как этим себя самих обяжете».

¹² Мягкая (*фр.*).

¹³ Проводник (*ит.*).

¹⁴ Вот Св. Петр справа (*ит.*).

¹⁵ Таможня (*ит.*).

¹⁶ В общем.

¹⁷ Я встретил синьора Гоголя, думаю, что он придет сюда, так как шел по Пьяцца дель Апостоли (*ит.*).

¹⁸ Генерал (*ит.*).

¹⁹ Мелких монет.

²⁰ Разбойников (*ит.*).

²¹ Я видел гибель «Паллады» и «Семирамиды» у Марсея, и однако я цел. — А как спасают потерпевших крушение? — Черт возьми, их привязывают к доске, а потом, друзья мои, делайте, что хотите, ешьте, что можете, или умирайте с голоду на скале (*фр.*).

²² Возьмите все, но пощадите нас (*ит.*).

²³ Не бойтесь (*ит.*).

²⁴ Порта дель Борго рядом с Ватиканом (*ит.*).

²⁵ Но откуда... козы в горах (*ит.*).

²⁶ На французский лад (*ит.*).

²⁷ Мяч (*ит.*).

²⁸ Убийца, отцеубийца (*ит.*).

²⁹ Невестка (*фр.*).

³⁰ Я знаю, о чем вы говорите; да, я знаю, о чем: о Сиене (*англ.*).

³¹ Живописного (*фр.*).

³² Каштаны (*ит.*).

³³ А. Корреджио.

³⁴ Пустяки (*фр.*).

³⁵ Мария Луиза, герцогиня Пармская (1791–1847), дочь австрийского императора Франца I, вдова Наполеона I, во втором браке за австрийским генералом графом Адамом Альбертом Нейппергом (1775–1829).

³⁶ Шплюгенский горный проход в Швейцарских Альпах.

³⁷ Письмо от 4 июля (н. ст.) 1843 из Бадена.

³⁸ Слуга.

³⁹ Просторечие (*фр.*).

⁴⁰ Джамбатиста Пиранези (1720–1778), художник, гравер, архитектор, исследователь античной архитектуры.

⁴¹ Всеобщая история (*фр.*).

⁴² Лазарь Якимович (Екимович) Лазарев (1786–1871), генерал-майор.

⁴³ Частность (*фр.*).

⁴⁴ Он очень потратился на вас; у нас будет жареная телятина и салат (*фр.*).

⁴⁵ Проводник, гид (*ит.*).

⁴⁶ Посмотрите, синьора, все нарождаются. — Думаю, что это папские цветы. — Нет синьора, папские цветы называются раге рагсипи (*ит.*).

⁴⁷ Папское сладкое (*ит.*).

⁴⁸ Горячую еду и поджаренный хлеб (*англ.*).

⁴⁹ Княгиня Елена Павловна Белосельская-Белозерская (рожд. Бибикина, во втором браке Кочубей, 1812–1888), княгиня, жена князя Э. А. Белосельского-Белозерского.

⁵⁰ 2 мая (н. ст.) 1843 г.

⁵¹ В нижнем этаже.

⁵² Нехорошо забывать своих друзей (*фр.*).

⁵³ Не бывает конституции без свободы (*фр.*).

⁵⁴ По-детски (*фр.*).

⁵⁵ Священником в Штутгарте был с 1823 г. по 1852 г. отец Иоанн Михайлович Певницкий (1798–1863), протон-

ерей, духовный писатель. Православная церковь была построена здесь на горе Ротенберг, на могиле королевы Виртембергской Екатерины Павловны, дочери Императора Павла I (1788–1819). Позднее протоиерей Иоанн Базаров вспоминал: «...Не успел я <летом 1851 г.> вернуться в Висбаден, как со всех сторон стали доходить слухи, что на меня имеют виды в Стутгарте, где престарелый и зажившийся за границу протоиерей Певницкий должен был оставить свою службу. С ним я познакомился в Стутгарте еще за год перед тем... <...> Помню, что отец Певницкий произвел на меня тогда странное впечатление какого-то деревенского пастора. Ему пришлось много лет провести на горе Ротенберге, где находится надгробная церковь королевы Виртембергской Екатерины Павловны. Здесь живя в совершенном уединении, не имея никакого общения с русскими, кроме двоих псаломщиков, живших с ним в одном доме, не имевших по-тогдашнему никакого образования, он совсем одичал. Единственное общество, в котором он вращался много лет, были соседние деревенские пасторы, и как Ротенберг лежит среди виноградников, то не мудрено, что беседа их оживлялась произведением виноградной лозы, и эта привычка ежедневно делать возлияния Бахусу так ослабила бедного старика, что ему под конец довольно было двух рюмок вина, чтобы совсем опьянеть. Когда я приехал к нему, тогда он уже жил в городе, куда переселился со времени поступления князя Горчакова посланником, который выпросил у правительства устроить домовую церковь при посольстве, в виду крайних неудобств ездить за 10 верст в церковь на Ротенберг» (Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // Русская Старина. 1901. Март. С. 535).

⁵⁶ Графиня Прасковья Александровна Гендрикова (рожд. княжна Хилкова, 1803–1843).

⁵⁷ Вы это сделали (нем.).

⁵⁸ Он, он это сделал (нем.).

⁵⁹ Великой нации (фр.).

⁶⁰ наших балтийских губерний (нем.).

⁶¹ Протокол (нем.).

⁶² г. Гого, г. Флого, пельмени, пельмени и французский салат (фр.).

⁶³ Фраза не относится к св. Григорию Нисскому, как это запомнилось А. О. Смирновой, но сказана самим святителем о св. праведном царе Давиде. См. текст выписки Х. *Одухотворение (Из Св. Григория Нисского)* сборника Гоголя «Выбранные места из творений Св. Отцов и учителей Церкви».

⁶⁴ Графиня Софья Ивановна Соллогуб (рожд. Архарова, 1791–1854), мать В. А. Соллогуба.

⁶⁵ Модистке (фр.).

⁶⁶ А ты не задерживай заработок работника (фр.).

⁶⁷ Говорят, любовь слепа: это неправда: она снисходительна и все прощает, все видя и обо всем догадываясь (фр.).

⁶⁸ Портфель, образцовое произведение (фр.).

⁶⁹ Аquarelle А. А. Иванова «Жених, выбирающий кольцо для невесты» (1839).

⁷⁰ Изящно (фр.).

⁷¹ Стихотворение М. Ю. Лермонтова «А. О. Смирновой» («В простосердечии невежды...», 1840).

⁷² Петр Петрович Смирнов (1772–1854), дядя Н. М. Смирнова, тайный советник.

⁷³ Чревоушание (фр.).

⁷⁴ Не знали, как он это делал, но в Польше он говорил по-польски как чревоушатель (фр.).

⁷⁵ От нем. Tafeldecker — лакей при столовой.

⁷⁶ Прошу прощения, государь, за эту дурную шутку.

⁷⁷ Pro forma — для виду.

⁷⁸ А теперь я вижу только огонь, пламя, кровь и смерть. За ним последует царствование мягкое, ровное и свободное (фр.).

⁷⁹ После смерти графа Мих. Ю. Вильгорского его собрание мasonicкой литературы было передано его родственниками в дар Публичной библиотеке: «Обращаемся к новым приобретениям библиотеки. <...> В прошедшем году принесено в дар Библиотеке наследницами покойного графа М. Ю. Вильгорского собрание *псевдо-философических сочинений*, принадлежавшее покойному графу. Эту библиотеку, плод многолетних трудов и изысканий ее владельца, не шадившего на постоянное ее увеличение никаких издержек, составляют сочинения, частью уж давно исчезнувшие из книжной торговли, частью никогда в нее не поступавшие и представляющие самый живой интерес для истории как мистицизма, чернокнижничества и многих других суеверий, так и разных обществ, имевших направление мисти-

ческое, благотворительное и социальное» (Русская литература. Новые книги. Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1856 год, представленный г. министру Императорского Двора, директором Библиотеки, членом Государственного Совета статс-секретарем бароном М. А. Корфом // Санкт-Петербургские Ведомости. 1857. 27 апр. № 89. С. 457).

⁸⁰ Ложи Великого Востока (фр.).

⁸¹ Очень хорошо сделали, что их закрыли; это очень мощное средство для удерживания масс в повиновении, но это палка о двух концах (фр.).

⁸² В Санкт-Петербургском университете Гоголь преподавал историю с сентября 1834 по декабрь 1835 г.

⁸³ Имеется в виду Патриотический институт благородных девиц, где Гоголь преподавал историю с марта 1831 г. по апрель 1835 г.

⁸⁴ Анна и Елисавета.

⁸⁵ Прекрасные цифры также (фр.).

⁸⁶ В такт (фр.).

⁸⁷ Заключительным аккордом (фр.).

⁸⁸ Каролина Ивановна Витич, экономка родственников А. О. Смирновой князей Цициановых.

⁸⁹ Имеется в виду святитель Филипп, митрополит Московский и всея Руси.

⁹⁰ К прежнему разговору (фр.).

⁹¹ Скажите сами императору (фр.).

⁹² Он приходит сюда, чтобы отдохнуть, и вы знаете, как он не любит, когда с ним говорят о делах; если он в добром настроении, я сделаю вам знак и вы сможете отдать свою просьбу (фр.).

⁹³ Газета «Des Debats» печатает глупости. Это доказывает, что я поступил правильно (фр.).

⁹⁴ Имеется в виду дом А. И. Талызина.

⁹⁵ См. письма к Гоголю самой А. О. Смирновой от 24 марта 1845 г. и А. О. Россета от 28 марта 1845 г.

⁹⁶ 11 мая 1850 г.

⁹⁷ Имеется в виду дом А. И. Талызина.

⁹⁸ Отец графини А. Г. Толстой и сама она «страдали спячкой» (см. в наст. изд. <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила>).

⁹⁹ Лев Иванович Арнольди.

¹⁰⁰ советницу... важную даму (нем.).

¹⁰¹ Аркадий Осипович Россет.

¹⁰² Ракаль, ракаля (фр. gacaille) — сволочь, негодяй, подлец.

¹⁰³ И. О. Россет.

¹⁰⁴ Граф Шарль Луи Фикельмон (1777–1857), австрийский посланник в Петербурге в 1829–1839 гг.

¹⁰⁵ Опера в 4-х действиях Дж. Мейербера (наст. имя и фамилия Якоб Либман Беер; 1791–1864) «Гугеноты» (1836).

¹⁰⁶ Граф Павел Иванович Медем (1800–1854), русский посланник в Вене с 2 декабря 1848 г.

¹⁰⁷ Мадам, выбирайте между Голландией и Россией (фр.).

¹⁰⁸ Этот нечестивец не должен был жить, он оскорбил законы природы. Голландии должно быть стыдно, что ее представляет такой человек (фр.).

¹⁰⁹ Назначение состоялось 5 июня 1845 г. (см. письмо А. О. Смирновой к Гоголю от 6 июня 1845 г.). Смирнова приехала в Калугу 13 ноября 1845 г. (см. ее письмо к Гоголю от 16 декабря 1845 г.).

¹¹⁰ Апплике (аплике, applique) — накладное серебро (фр.).

¹¹¹ Иак. 1, 19.

¹¹² Княжна Елизавета Дмитриевна Цицианова (ум. в 1859), двоюродная тетка А. О. Смирновой. Жила в Троице-Сергиевой лавре, где заведовала богадельней и гостиницей. Впоследствии приняла монашество. 19 июня 1845 г. Смирнова сообщала Гоголю: «Я писала княжне Цициановой и просила ее к себе на житье в Калугу или, лучше сказать, навеки; она умная, добрая и меня любит; в жизни также страдала много и потому отдала себя совершенно Богу. Может быть, и вы к нам подъедете, и тогда мы переговорим обо всем и передумаем вместе многое, о чем прежде не говорили». 21 февраля 1846 г. А. О. Смирнова писала Гоголю: «Подъехала <...> моя княжна Цицианова из Троицы, вся упитанная Антонием и Голубинским: постничает и читает по целым часам, стоя, каноны и проч. Ее приезд меня оживил...». Позд-

нее, в 1849 г. Гоголь встречался с Цициановой в Троице-Сергиевой лавре (см. письмо Гоголя к Н. В. Путяте от 19 августа 1849 г.).

¹¹³ По-видимому, в Малоярославце.

¹¹⁴ Настоятель Малоярославецкого Николаевского монастыря в 1839–1853 гг. преподобный Антоний (Путилов, 1795–1865).

¹¹⁵ Как за городом (*фр.*).

¹¹⁶ Старая дорога (*фр.*).

¹¹⁷ Честное слово, он не пропускает своих чаевых (*фр.*).

¹¹⁸ Пресвященный Николай (Соколов, 1780 – 17 сентября 1851), епископ Калужский и Боровский (с 1834 г.). 14 января 1846 г. А. О. Смирнова писала Гоголю из Калуги: «С архиереем мы живем в ладах; как видное гражданское лицо, я ему, как главному духовному лицу, оказываю много почтения, что было здесь весьма нужно, потому что по разным причинам себе позволяли с ним даже неприличные шутки».

¹¹⁹ Память блаженного Лаврентия, Христа ради юродивого, Калужского, совершается 10 августа ст. ст.

¹²⁰ Смирнова.

¹²¹ Аристократическое предместье Парижа.

¹²² См. письма А. О. Смирновой к Гоголю из Калуги от 16 декабря 1845 г., от 14 января и от 21 февраля 1846 г.

¹²³ 4 или 5 июля 1849 г.

¹²⁴ Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1752–1828), поэт. Последние два года прожил в Калуге у дочери, княгини А. Ю. Оболенской, муж которой, князь А. П. Оболенский, был в 1825–1831 гг. калужским губернатором.

¹²⁵ Ферапонтов Николай Игнатьевич, московский книготорговец, букинист.

¹²⁶ Знакомство Гоголя с М. С. Щепкиным состоялось в начале июля 1832 г.

¹²⁷ Так грустен и спокоен (*англ.*).

¹²⁸ Имеется в виду стихотворение А. С. Пушкина «В часы забав иль праздной скуки...», напечатанное «Литературной Газете» 25 февраля 1830 г. История его создания такова. В 1828 г. Пушкин написал стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...» Святитель Филарет, митрополит Московский, ответил Пушкину стихотворным посланием «Не напрасно, не случайно...», которое распространилось в списках. Впервые опубликовано С. А. Бурачком в его статье «Видение в царстве духов» без указания на авторство святителя Филарета (Маяк. 1840. Ч. 10. С. 59):

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Господа дана!
Не без цели Его тайной
На тоску осуждена!
Сам я своенравной властью
Зло из бездн земных воззвал;
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.
Вспомнись мне, забытый мною!
Просияй средь смутных дум –
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светлый ум!

Пушкин ответил на это стихотворением «В часы забав иль праздной скуки...»

В марте 1845 г. Гоголь, живший тогда во Франкфурте, обратился к своему парижскому знакомому Ф. Н. Беляеву с просьбой, чтобы отец Димитрий Вершинский, настоятель русской посольской церкви в Париже, списал для него «стихи Филарета в ответ Пушкину». Беляев через графа А. П. Толстого переслал стихотворение Гоголю.

В статье «О лиризме наших поэтов» «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь замечал о стихотворении «В часы забав иль праздной скуки...»: «...у Пушкина слышится <...> строгий лиризм повсюду, где ни коснется он высоких предметов. Вспомни только стихотворенья его: к пастырю Церкви...»

¹²⁹ Князь Сергей Иванович Давыдов (1790–1878), сенатор (с 1845 г.).

¹³⁰ Речь идет о преподобном Макарии (Иванове, 1788–1860), иеросхимонахе Оптиной Пустыни, переводчике и издате святоотеческих творений; его память совершается 7 сентября и 11 октября.

¹³¹ См. записку Гоголя преподобному Макарию Оптинскому от 25 сентября 1851 г.

¹³² На самом деле в ответной записке Гоголю от 25 сентября 1851 г. преподобный Макарий писал: «Мне очень жаль вас, что вы находитесь в такой нерешимости и волнении. Конечно, когда бы знать это, то лучше бы не выезжать из Москвы. Вчерашнее слово о мире при взгляде на Москву было мне по сердцу, и я мирно вам сказал о обращении туда, но как вы паки волновались, то уже и недоумевал о сем. Теперь вы должны сами решить свой вояж, при мысли о возвращении в Москву когда ощутите спокойствие, то будет знаком воли Божией на сие. Примите от меня образок ныне празднуемого угодника Божия Сергия; молитвами его да подаст Господь вам здравие и мир. Многогрешный иеромонах Макарий».

¹³³ Отец Матфей Александрович Константиновский (1791–1857), священник Спасо-Преображенской церкви г. Ржева, с 1838 г. протоиерей, настоятель Успенского собора; проповедник.

¹³⁴ Имеется в виду масляная неделя 4–10 февраля 1852 г.

¹³⁵ Павел Воинович Нащокин (1800–1854), близкий друг Пушкина.

¹³⁶ 8 февраля 1852 г.

¹³⁷ Надпись на надгробном памятнике Гоголю: «Горьким словом моим посмеюся» (Иер. 20, 8), была предложена С. П. Шевыревым (см. в наст. изд. письмо Н. В. Берга к В. Ганке от 11 июня 1852 г.).

¹³⁸ Протоиерей Михаил Карпович Павловский (1810–1898), законоучитель Ришельевского лицея, профессор богословия Новороссийского университета.

¹³⁹ Письмо впервые было опубликовано в 1853 г.: Письма В. А. Жуковского // Литературный отдел Московских Ведомостей 1853 г. 24 февр. № 24. С. 251. См. также: *Плетнев П. А. О жизни и сочинениях В. А. Жуковского // Живописный Сборник замечательных предметов из наук, художеств, промышленности и общежития. Издание А. А. Плюшара. СПб., 1853. <Т. 3>. С. 395–396; Соч. В. А. Жуковского. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 605–606; Плетнев П. А. Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 732–733.*

¹⁴⁰ Граф А. П. Толстой.

¹⁴¹ В то время из трех сестер Гоголя незамужними оставались две — Анна и Ольга.

¹⁴² Письмо к графу А. П. Толстому была написано Жуковским за день перед тем, 4/16 марта 1852 г. (см. в наст. изд.).

¹⁴³ Текст статьи И. С. Тургенева («Письмо из Петербурга») в наст. изд. в разделе «Литературные воспоминания. III. Гоголь (Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин)» И. С. Тургенева.

¹⁴⁴ Звуки тишины (*фр.*).

¹⁴⁵ Бедные люди.

¹⁴⁶ Протоиерей Евгений Иванович Попов (1813–1875), настоятель русской православной церкви в Копенгагене (с 1838 г.) и в Лондоне (с начала 1842 г.).

¹⁴⁷ Летом 1849 г.

¹⁴⁸ Петр Симон Паллас (1741–1811), путешественник и натуралист, академик Петербургской Академии наук, автор «Флоры России» (Т. 1–2; 1784–1788). Сохранился обширный конспект Гоголя книги П. С. Палласа «Путешествие по различным провинциям Российского государства в 1768–1773 гг.» (СПб., 3 ч. в 5 т. 1773–1788).

¹⁴⁹ Иоганн Георг Гмелин (1709–1756), путешественник и натуралист, академик Петербургской Академии наук. В конце 1851 г. Гоголь, возвращая С. П. Шевыреву книгу И. Г. Гмелина «Путешествие по Сибири в 1733–1743 гг.» и спрашивая у него пять томов «Путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768–1773 гг.» П. С. Палласа, писал: «Мне нужно побольше прочесть о Сибири и о северо-восточной России».

¹⁵⁰ 15–16 июня 1850 г.

¹⁵¹ «С Богом во Францию»... Жуанвиль... «С Богом в Россию» (*фр.*). Жан Жуанвиль (1223–1318), французский историк.

¹⁵² Речь идет о ссоре А. О. Смирновой с И. С. Аксаковым в начале января 1847 г. по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя (см. преамбулу к наст. коммент.).

¹⁵³ Павел Николаевич Клушин (1814–1886), калужский вице-губернатор с 20 февраля 1846 г. по 1854 г.

¹⁵⁴ Анна Федоровна Аксакова (рожд. Тютчева, 1829–1889), жена И. С. Аксакова, дочь Ф. И. Тютчева.

¹⁵⁵ Великая княгиня Мария Александровна (1853–1920), младшая дочь Императора Александра II, жена (с 1874 г.) принца Великобританского Э. А. Альфреда.

¹⁵⁶ Королева Великобритании и Ирландии Виктория (1819–1901).

¹⁵⁷ Замечание, очевидно, относится к повести Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка».

¹⁵⁸ Имеется в виду «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

¹⁵⁹ Старший сын от этого брака, принц Альфред Александр, родился 15 октября 1874 г.

¹⁶⁰ Принц Великобританский Эрнест Альберт Альфред, герцог Эдинбургский (1844–1900), муж великой княгини Марии Александровны.

¹⁶¹ Стихотворение было послано князем П. А. Вяземским в письме к В. А. Жуковскому от 26 марта 1833 г. (часть строк — рукою П. А. Вяземского, часть — А. С. Пушкина). Тексту предшествовала фраза: «А не поговорить ли о словесности, то есть о поэзии, например, о нашей с Пушкиным и Мятлевым, который в этом случае был *nôtre chef de l'école*» (главой нашей школы; *фр.*) (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1881, Т. 3. С. 486, 487).

¹⁶² Не зная движения назад (*фр.*).

А. О. Смирнова

<Автобиография> Фрагменты

<...> Гоголь провел три недели у нас в Калуге¹, в загородном доме губернатора, восхищался видом на Яченку и великолепным бором за Яченкой; я с ним была в загородной даче архиерея и заметила, что он записывал виды в своей красной книжечке. Он тут прочел Палласа, от которого был в восторге. <...>

<...> Полковник² обычно делал свой туалет на балконе; раздетый, как Вазари, по пояс, он блевал и утирал себя полотенцем, брызгал, фыркал, щипцами выдергивал волосы из ноздрей, а после этого я должна была нести чай. Вижу теперь эту чашку с крышкой. Я рассказывала Гоголю про его мытье, и он это вывел генералу Бетрищеву, с той разницей, что серебряная. Нам приказано было целовать эту наглую руку, мы прикладывались к ней и громко плакали. Приказано было звать его папенькой. Мы говорили: «Петрушка!» «Что вы сказали?» — спрашивал он гневно. «Мы сказали: *папаша*». Боже, что накипело негодования и злобы в наших детских сердцах! <...>

<...> Мы ехали то на колесах, то на полозьях. После 12-го года беглые солдаты укрывались в лесах, тогда дремучих. (Увы! Где они теперь! Гоголь вздыхал и говорил: «Леса рубят без толку, реки мелеют, а климат все суровее».) <...> Однажды в лесу послышался свист, кучер наш стал ехать почти шагом и сказал, что лошади стали. Свист не переставал, кто знает, тут, может, была шайка капитана Копейкина и Дубровского. <...>

<...> ...Когда были в Петербурге иностранные послы или путешественники, которые желали видеть институты, то государыня сама с ними приезжала. <...>

Когда приехала знаменитая певица Каталани³, то и ее пение мы слышали. <...> Пошли приготовления, которые продолжались неделю. Вытащили белые коленкорные платья, которые переходили из выпуска в выпуск. Марья Ив<ановна> Штатникова, очень злая сероглазая кастелянша, которую звали «серый волк», и портной Шмидт, у которого палец был култышкой, как у портного Акакия Акакиевича, примеряли платья, то убавляли, то прибавляли по талье и по росту. <...>

Впервые опубликовано: *Смирнова-Россет А. О. Автобиография // Смирнова-Россет А. О. Автобиография* (неизданные материалы). Подготовила к печати Л. В. Крестова. С предисловием Д. Д. Благого. М., 1931. С. 61, 73, 88. Печатается по изд.: *Смирнова-Россет А. О. Автобиографические записки. Воспоминания о детстве и молодости // Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / Издание подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 94, 114, 122–123, 153–154.*

¹ Имеется в виду двухнедельное пребывание Гоголя в Калуге в июле 1849 г.

² Иван Карлович Арнольди (1780–1860), генерал-майор, отчим А. О. Смирновой.

³ Анжелика Каталани (1779–1849), итальянская певица.

А. О. Смирнова

Биография Александры Осиповны Чаграновой Фрагменты

<1>

<...> Гоголь — автор романа «Мертвые души» и малороссийских сказок¹. Пушкин от них в восторге. Еще есть комедия под названием «Городничий»², в ней выставлены на вид наши взяточничества. Ее не решались допустить для представления, но Государь приказал выдать ему четыре тысячи и поставить ее. Сам приехал в театр, постоянно аплодировал и смеялся. В партере были все первые чины, многие в душе морщились, но ваш брат Павел Дмитриевич³, граф Нессельрод и двое Горчаковых веселились от души, за ними не водятся эти грешки. Автора усиленно вызывали, но он скрылся. <...>

...У меня есть альбом, в котором есть <...> коллекция шутовских писем Жуковского и письма Гоголя⁴. <...>

<...> — C'est charmant.

— Oui, c'est charmant, comme tout ce qui est petite Russie, c'est toujours original au moins et comme les chansons sont jolies! Гоголь me citait souvent celles que je ne connaissais pas⁵.

Увяли¹ лози
При дорози,
Синесеньким свитом

¹ Описка. Следует: Цвели

Ходи казак по улице
В свитлой белой кошуленци.

— Ведь род Киселей⁶ казацкий, и я, право, хочу записаться в хохлы, казаки те же хохлы.
— Конечно. Гоголь удивительно как читает стихи и вообще великий актер; он очень любил русскую песню:

Пантелей государь ходит по двору,
Вахрамеич государь по широкому,
Шапка на нем соболя.

Il dit cela avec une expression tres expressive⁷. В Рождество в Малороссии обычай колядовать, т. е. Христа славить по вечерам, одна из этих коляд говорит:

Небеса растворились
И все ангелы поклонились.

Гоголь ne connaissait pas Щепкин qui est aussi petit Russe, mais de Курск⁸, там черкасы и ходят тоже с чубами. Он был крепостной графа Волкенштейна, который очень любил театр, он заметил, что маленький Мишка умен и проворен, и отдал его учиться у дьяка, тот, конечно, начал с псалмов. Однажды Щепкин его спросил: «Для чего эти точки и запяты?» Тот его ударил по голове: «Ах ты, дурень, не знаешь! Щоб дух переводить». После Щепкин играл на домашнем театре Волкенштейна при курском дворянстве. Гоголь встретил Щепкина на Никольской в лавке Ферапонтова, узнал по выговору, что он хохол, и Гоголь ему сказал: «Гей, чи живи, чи здорови вси родичи гарбузови?» Тут они сошлись и остались навсегда друзьями, и, конечно, никто лучше Щепкина не играл в его комедиях.

В Малороссии жена — хозяйин и хозяйка дома, что и выражается в одной песне:

Мужик сияв жито,	Мужик поймав шуку,
Жинка каже: мак.	Жинка каже: рак,
Нехай так, нехай так,	Нехай так, нехай так,
Нехай жито буде мак.	Нехай шука буде рак.

— Что такое нехай и жито?

— Жито — пшеница, а нехай — пусть будет так. Есть и заунывные, я пропою:

Не ходы, Грицю, тай на вечерницю,
На той вечерници дивки чаровници. <...>

<2>

<...> Обед кончился, он⁹ стал курить и храпеть в углу. Я сказала Киселеву: «Какой любезный компаньон!» Он пожал плечами.

— Плетнева, который был лишь учителем, так задевало это отсутствие приличий, а я ему говорила: «Петр Александрович, вы не думайте, что он только при вас ходит к Храповицкому, он и при Вяземском и при Жуковском спит».

— Как это хорошо — к Храповицкому.

— Но вы никогда ничего не читали Гоголя.

— Где же я мог найти Гоголя, я от всего русского отстал¹⁰.

— Ну, хорошо, я введу вас в курс нашей современной литературы; лучшую славу ее составляют: Гоголь в малороссийской прозе, Пушкин в поэзии и московский митрополит Филарет в религиозном красноречии. Ни Боссюэт, ни Буальдые не проповедывали никогда так, как он. Это мой большой друг. <...>

<...> — Нет, я не люблю, когда вы говорите «свинья» или «скотина», это излишества, которые вам наверно запрещали в институте, не нужно переходить границы ни в добром, ни в дурном.

— Вы правы, Гоголь говорил мне то же самое, он называл это «гнилые слова». <...>

<...> — Как вы хорошо изъясняетесь на всех языках, как вы хорошо рассказываете.

— Это напоминает мне «Утро делового человека» Гоголя. Дворецкий дает бал верхушке домашней челяди, и каждый должен доставить кавалера. Высокорожденная горничная говорит буфетчику: «Ах, Лаврентий Михайлович, как вы хорошо говорите, я вас всегда слушаюсь» и в этот момент входит маленький слуга с узелком в руке, в фризовой шинели с воротничками. Все смеются и говорят: «А ты, московская ворона, откуда прилетела?» Опять смех и последнее слово Лаврентия Михайловича — «без инженерного офицера и бал не бал». Резкий звонок «Делового человека» рассеивает всю переднюю.

— О, этот Гоголь, как я буду наслаждаться этим чтением.

— Вы увидите его в Париже, он придет со мной повидаться.

— Бьюсь об заклад, что он вас любит и усердно за вами ухаживает.

Я разразилась смехом.

— Знайте, мсье, — и я приняла важный вид, — что я — неприступная крепость. <...>

— Знаешь ли, друг мой, что я не могу причащаться без слез; в институте плакали на исповеди, а причащаясь, были серьезны и веселы. Когда я впервые причащалась в Аничковом дворце¹¹, я плакала; по обычаю все дамы были в синем, мужчины в мундирах с орденами; я люблю минуту, когда мужчины без шпаг, и их размещают в углу, за причастным столом. Когда открываются царские врата и священник говорит: «со страхом Божиим», все падают ниц; тогда император повернулся к императрице-матери и Александра Федоровна последовала за ним, но Марья Федоровна указала ему на детей, наследнику было уже 7 лет, потом Марья Николаевна 5 лет и маленькая Адини¹² была на руках своей кормилицы.

Император взял Оли и Адини на руки и поднес их к чаше. Это было так трогательно, что я залилась слезами и до сих пор всегда плачу, когда причащаюсь или смотрю, как причащаются другие. Гоголь, которому я об этом говорила, сказал мне: «Благодарите за это Бога, это слезы благодатные, это роса, освежающая уста малых наших братии». <...>

— А ты любишь писания де Мэстра? Я люблю его письма к семье д'Акоста, а в его церкви есть что-то ложное. Самарин со мной согласен, что же до Гоголя, то он говорит, что его за «Вечера в Петербурге» надо повесить. Я же все их прочла и запретила. <...>

— ...Есть люди, считающие тебя злой и язвительной. Ты должна писать свои мемуары, не забывая о том, заденешь ли кого-нибудь — исключая императора и императрицы, о них нет вопроса; прежде всего они — твои благодетели, и потом они действительно так совершенны, что,

говоря правду, ты скажешь о них только доброе. Что же касается двора и высшего общества, то есть самого развращенного, их надобно хлестать и карать; в конце концов ты, как Сен-Симон¹³, окунешь свое перо в желчь законного отвращения.

— Знаешь ли ты, что Гоголь говорил мне точно то же. <...>

— ...Хочу тебе сегодня сделать подарок; я тебе подарю станитовую юбку и наряжу себя в нее.

— Что это еще за выдумки? Как ты горазда на всякий вздор!

— Да это не я, это все-таки Гоголь. Это в какой-то сцене¹⁴, кто-то получил наследство и читает духовное завещание старой тетки вслух. Щепкин удивительно играл эту сцену. «Подушка, это ничего, хоть она и перовая, это ничего, сто рублей, мерзавка, обещала 400, и станитовую юбку — ну, на что мне станитовая юбка, я вас спрашиваю, и подписала черт знает что — обмокни, обмокни, черт знает что такое, когда ее зовут Авдотья. Надо тут тягаться по судам; ничего не достанешь, скажут — твоя, мол, тетка была Авдотья, а ты выставил Обмокни, подложное духовное завещание etc.»

— Это помрешь со смеху, во что бы то ни стало куплю его сочинения, Павел¹⁵ должен прислать их с курьером. Ну, так давай мне мою станитовую юбку, я даже не знаю, что такое станит.

— Это красный камлот, такой, как капоты, которые выдавали в институте провинившимся барышням и называли их «постыдный капот». Маленькие говорили это старшим, упрекая, когда ссорились: «Не забудьте, что вы носили красный капот, вы страмница». <...>

<...> — Как ты, моя жинка, любишь Россию!

— Ты знаешь, Константину Аксакову всегда говорят: твоя любовница Россия что-то съехала с рельсов, и у Гоголя одна любовница Россия. Я не люблю это слово любовница. Любовница мне представляется всегда какой-нибудь нечесаной Дуняшкой, которая валяется с каким-нибудь Митрошкой. Я предпочитаю слово *maitresse*. <...>

— ...Когда Гоголь был в Спасском¹⁶, я была очень больна, и мы пошли в деревню поблизости, с другой стороны Москвы. Это деревня (*название нрзб.*) государственных крестьян, очень богатое торговое село. Мы пошли на кладбище, он остановился и вписал в свою тетрадь следующую надпись:

О гроб, мой дом.

О, дом мой, гроб.

— Как это хорошо и верно, в доме враги, как сказал Спаситель, враги мои — домашние мои, а в гробе есть истинный дом наш.

— Ах, этот Гоголь, неоцененный Гоголь, у него сердце гениальное и святое. <...>

<...> В Англии мы познакомились с Бахметевым... <...> Дали в честь такого гостя бал, он танцевал с какой-то барыней, вероятно самой важной и недурной, она была вроде Марьи Антоновны Гоголя, он, может быть, ей сказал: «Сударыня, как я бы желал быть этим платочком»; она вдруг ему сказала: «Вы подлец и мерзавец, вы смотрите в мой декольте».

Киселев так и разразился смехом: «Это во вкусе Гоголя. А как и где это Марья Антоновна?»

— В «Ревизоре», городничий Амос Федорович Антонский, супруга его Марья Андреевна, потом другие персонажи, смотритель богоугодных заведений, школьный учитель, два обывателя Добчинский и Бобчинский, два короткопузика, судья Тяпкин-Ляпкин, почтмейстер, кажется, Земляника и Ревизор чиновник Хлестаков, большой шелкопер. Комедия начинается так:

городничий говорит: «Господа, я собрал вас; чтобы сообщить вам пренеприятную новость, к нам приехал Ревизор, недаром снились мне сегодня две большие крысы, они пришли, понюхали и ушли». Щепкин мне рассказывал, что всего труднее ему было говорить «две большие крысы, пришли, понюхали и ушли», а потом в «Игроках», где он играет роль Утешительного. «Игроки» — это жуткая драма, завтракают, едят закуску, и Щепкин должен говорить: «икра того, а семга не того». Представь себе, что когда я в первый раз видела эту комедию на сцене и играли Щепкин, Садовский и Самарин, т. е. выдающиеся таланты, публика ни разу не захлопала, и даже в антрактах молчали. После представления Щепкин пришел ко мне пить чай, он был еще потный и в гриме. Я заметила ему насчет поведения публики, особенно партер был полон офицеров и молодых чиновников. Он ответил мне: «Да, публика с первого представления всегда такова, ведь эта пьеса касается до важных тайн души, вот секрет ее серьезного успеха». Возвращаясь к «Ревизору», Бобчинский и Добчинский, которые объявляют о господинчике, открывают, что это таинственный персонаж, что он не платит, смотрит, какую провизию дают проезжающим. Это они объявляют о прибытии ужасного Ревизора. Щепкин говорит Землянике: «У вас больные точно кузнецы, колпаки их точно как будто вылудили всю посуду», учителю: «Вы приходите всегда в неистовый азарт. Конечно, Александр Македонский был великий человек, но зачем же опять стулья ломать», купцам: «А вы, аршинники, самоварники, поднесите ему лучшего чаю и рому, семгу, все, что у вас там есть, а не такой сор, как вы мне на именины приносите; я знаю, что вы уж накропали ему жалобу. Свистунов мне уж сказал, что вы писали к господину Фипоновому. Боже мой, а там выдрали бабу, скрыть это дело». Наконец, решается городничий ехать за Хлестаковым в гостиницу; половой оторопел, а хозяин совсем скрылся, и Хлестакова уговорили переехать с человеком его Осипом в дом городничего. Подали завтрак, икру, семгу, вина самые лучшие, лангарон из Петербурга, настойки, лососину, угрей, огромную кулебяку. Есть очень забавная сцена: накануне он просит свой обед, ему приносят помой, он ест несколько ложек и говорит: «Что это за мерзость, перья плавают, совсем есть нельзя», половой ему отвечает: «Хозяин говорит, что таким, которые не платят, и это хорошо, я пожалуй унесу». — «Ты, мерзавец, уже и обрадовался, Осип, возьми, доешь», Осип ему говорит: «Иван Александрович, уезжайте, право, а то беда будет, и к Папеньке придется идти пешком, а в Питере вы говорили: как удивятся, когда Иван Александрыч подъедет в коляске, тьфу ты, черт, и соседи — губернская дрянь, просто не посмеют подойти». Все представляются Хлестакову и он у всех занимает деньги, я, говорит, поистратился по дороге, все ссужают ему деньги, кто пять рублей, кто 15, купцы приносят провизию, городничий дает 100 рублей, и все. «Знаем мы тебя, петербургская штука». После знаменитого завтрака вино ударило в голову Хлестакова, он начинает ухаживать за Марьей Антоновной, берет стул, она жеманится и т. д., а затем он признается ей в любви, говоря: «как бы я желал быть этим платочком». Мать ревнует, и когда великий человек спит как убитый, все ходят на цыпочках, а две женщины разговаривают с Осипом, который ведет себя как истый крепостной. Барышня говорит ему: «Ах, какой твой барин душка». Перед сном Хлестаков хвастает своим положением: «Ко мне все посланники ездят, не говорю уже министры, это просто дрянь, я приказал готовиться к балу, я живу в 5-ом этаже и говорю кухарке: “Акулина”, что я заврался — говорю дворецкому: “Готовь все для итальянского посланника”. Наконец, он уезжает, обещая Амосу повышение и обещает жениться на барышне. Мамаша бранится с дочкой: он в меня влюблен, — говорит мать. «Ах, Маменька, право в меня, и про платочек он мне сказал». — «Врешь, он смотрел на меня, ты всегда так — чуть мужчина в комнату, ты уже воображаешь, что он в тебя влюблен», а потом Марья Андреевна говорит: «Антоша, какую кавалерию, ты думаешь, надобно просить — красную или голубую? Конечно, красную». — «Нет, Марья Андреевна, голубая выше». — «У тебя, Антоша, все так, красная нам более пристанет и курить будут у нас, как у Ивана Алекс<андровича>: совершенный амбре». Тогда наступает критический момент, входит жандарм и говорит: «приехал Ревизор». Все остаются, окаменев, с разинутым ртом. Почтмейстер входит с письмом в руке и гово-

рит Городничему: «Читайте»; письмо от Хлестакова, он дает прозвища всем, читают по очереди и каждый останавливается перед своим прозвищем, ему кричат: «нет, читайте: судья Тяпкин-Ляпкин совершенно свиное рыло, а барышня такая, что, пожалуй, сама попросится Кочубейники».

Император, невзирая на всех своих подлых министров, приказал играть эту пьесу, велел включить ее в репертуар театра, заплатив ему <Гоголю> 4000 рублей за рукопись, которая находится в архиве Малого театра. На этом представлении император был в эполетах, партер блистал мундирами и орденами; министры и Павел¹⁷ в первую очередь должны были аплодировать, когда аплодировал государь, хлопавший, высываясь из ложи наружу. Хототали, а Павел больше других, так как ему не в чем было себя упрекнуть. Я не была на этом первом представлении, думаю, что я была в Берлине. Потом следует эпилог¹⁸, который не играют и где автор говорит: «чему смеетесь, сами над собой смеетесь»¹⁹, двое молодых людей прогуливаются по коридору, один говорит: «Мишель, ты туда?» — «Да, и я туда, пьеса смешна, но согласись, что это вульгарно», по-французски, например, когда ковыряет себе в зубах, но все это мило, он валяется в халате, и это мило, это не то, что русский чурбан. Потом автор садится возле человека скромно одетого, после его дельных замечаний он говорит: «Бог с тобой, наша малознаемая Россия, сколько в тебе сокровищ!» И потом еще: вы говорите, что это все сказки, побасенки. Побасенки, побасенки, а вон залу потрясают рукоплескания, балконы стонут под тяжестью зрителей; а как он кончил первый том «Мертвых душ»? «Россия, ровным гладнем разметнулась ты на полмира. Куда несешься ты? И, косясь, посторониваются другие государства, давая ей дорогу». <...>

Я сидела между тетей и старухой, она для Грамаклеи надевала серый левантский капот и белый чепец с огромным белым бантом, у нее одной ноздри почти не было, что-то ведьмовское, хотя она была очень добрая.

— Ведьмовское — это очень хорошо, это ты изобрела, это хорошенькое прилагательное?

— Вовсе нет, ведьма играет в Малороссии очень большую роль, царица ведьм в Киеве, это то, что в России:

Баба-Яга, костяная нога,

Едет в ступе,

Пестом погоняет,

Помелом следы замечает.

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» ты увидишь, что такое ведьма и Вий, один из злых духов хохлов.

— Я изумлен твоей памятью и твоим стилем!

— Что же ты хочешь, дорогие воспоминания детства запечатлеваются в наших сердцах, как будто вырезанные римским кинжалом. <...>

<...> — Послушайте, если вы будете делать мне пошлые комплименты, я дам вам пощечину.

— Дайте, дайте, пожалуйста.

— Ну, вот добрая пощечина, чтобы ваша щека запомнила, что госпожа Смирнова, дама приятная во всех отношениях, не терпит лести.

— Я уверен, что дама приятная во всех отношениях — Гоголя.

— Конечно, есть просто приятная дама, и потом другая. <...>

<...> — А теперь мемории дамы, приятной во всех отношениях.

— Нет, просто приятной дамы.

— Нет, нет. Молчи, с благоговением, собака. Когда Жук путешествовал с наследником, в каком-то уездном городе городничий в церкви начал <текст утрачен> <толч>ками простой народ <утрачены три строки текста> со всех сторон, поравнявшись с каретой Жуковского, он ему сказал: «Накройте, ваша жизнь слишком драгоценна». Ну так я вам говорю: с благоговением, собака²⁰. <...>

<...> — Будьте уверены, мадам, что я скромный хранитель всего, что вы мне говорите, кроме того я, как Гоголь, вижу вещи вблизи, а вы мне сказали однажды, что все говорили Гоголю.

— Да, это правда. <...>

<...> ...Утром рано мы были уже в Карелии, откуда вывозят красивую карельскую березу, я вам покажу, у меня есть табакерка оттуда; на станции Оскуй я пила чай у мужика и встретила Андрея Карамзина и какого-то морского офицера, совершенно как капитан Жевакин Гоголя и говорил те же самые вещи: «Знаете ли, как попостился два или три года, приедешь в порт и увидишь женский пол, тут сейчас и влюбишься, какой-нибудь этакой розовый бутончик, как вы, например, сударыня, приведший вас в восторг, этакой, такой, что мое почтение...». <...>

<...> Мы сели на скамейку у входа в аллею и смотрели на идущее мимо нас пестрое общество²¹.

— Ах, вот и Гоголь, — сказала я ему. — Николай Вас<ильевич>, сядьте с нами.

— Не могу, хожу, чтобы сходить.

— Мне кажется, что в нем ничего нет замечательного. И что это значит «хожу, чтобы сходить»?

— Это шутка Вяземского, принимавшего в Царском Киссингенские воды. Он считал Эмилию очень хорошенькой и бродил под моими окнами. «Князь, что вы таскаетесь под моими окнами?» — «Потому, что я воды пью», и тогда он послал мне такие два стиха:

Сейчас видно, что Поэт

И друг природы

Нет, я воды пью,

Так и хожу, чтобы сходить. <...>

<...> Братьев Арнольди²² сам отвез и поручил их своему товарищу Ваксмуту²³. Корпусное начальство было все иностранное. Начальник был замечательный, Иван Григорьевич Гогель²⁴, швейцарский выходец времен Петра 1-го. Кажется, Гоголь описывал его во втором томе «Мертвых душ». <...>

<...> — Признайтесь мне во всем относительно Перовского.

— Мне не в чем признаваться. Он приходил ко мне каждый день или я встречала его где-нибудь случайно. Мы часто ходили в окрестности Рима, он, прекрасный ботаник, он рвал цветы и рассматривал их. <...> Только раз мы поехали в Тиволи или Фраскати; я не очень хорошо по-

мню, но я сидела с Перовским в карете, дети были в другом экипаже, а Гоголь следовал за нами в коляске. Вдруг я почувствовала опасность.

— Как чувствуют опасность?

— Воцарилось молчание и опасный магнетизм. Я предложила ему пройтись, он воспротивился и обнял меня, я влепила ему пощечину, вышла из экипажа, а потом он пришел в себя, и мы приехали в Фраскати друзьями; вот моя история с Перовским²⁵. <...>

<...> — Хотите ли теперь читать «Ревизора»?

— Конечно, только вы будете читать вопросы, а я ответы, а то вы устанете.

— Отлично, сядьте подле меня, я уверена, что вы будете хорошо читать. Вам предоставляется роль Хлестакова, самая трудная, как говорит Гоголь, ее в Петербурге играет Сосницкий, великий драматик во всех родах, а в Москве Самарин. Он мне говорил, что всех лучше играл Бурденков²⁶ на провинциальном театре, но я, конечно, не видела ни Кануса, ни Бурденкова. <...>

<3>

<...> — Киса, дайте мне руку, пойдем по Лихтенальской аллее, мне кажется, что я вижу Гоголя²⁷. Я не буду вас знакомить, потому что он никогда не знакомится с новыми людьми. Посмотрим... Николай Васильич! Он не оборачивается, пойдем-ка, сядем на скамью напротив фонтана, к счастью, она не занята. <...>

Но вот и Гоголь. Николай Васильич, хороши же вы — в Бадене и даже своего длинного носа не показали.

— Я пью воды и не успел быть у вас, приехал только известиться о вашем здоровье, еду завтра в Эмс к Жуковскому²⁸ — его жена познакомилась с нашими знакомыми муками, очень страдает, ей все кажется, что она тотчас умрет, держит часы в руках и говорит ему: «Еще пять минут, и я умру». Это истерзало бедного Жуковского; к счастью, подъехала ее приятельница графиня Фок, и это ее немало рассеяло. Потом еду к бедному Языкову в Ганау²⁹, он лечится у Коппа.

— Николай Васильич, вот Николой Дмитрич Киселев, он учился в Дерпте с Языковым и Языков ему первому читал свои стихи.

— Да, пожалуйста, Николай Васильич, передайте ему мое истинное сожаление и дружбу, я воображаю, сколько прелестных стихотворений он написал.

— Да, его стихи «Землетрясение»³⁰ — одно из лучших произведений нашей богатой поэзии. Пушкин от них в восторге³¹. А затем прощайте, мне приятно было с вами познакомиться, я Языкову передам ваши дружеские слова. А знаете ли вы, что он делает в Напау, у него кроме д-ра Коппа нет ни одной души знакомых, он сидит у окна и пишет историю проходящих³², у него распределены роли всех греков и римлян и их любезных готов и фризов, и это у него выходит целый роман.

— И я попробую писать историю проходящих у своего окна, только у меня совсем нет творческого духа, а вот Александр Осиповна, та мне рассказывает кое-что из своего детства, и так интересно, что я ее просил писать свой журнал.

— А затем прощайте, я сюда опять заверну в надежде поздравить вас с дочерью или сыном.

— Киселев, вы должны быть очень горды, Гоголь пожал вам руку, это доказывает, что вы заслуживаете его уважения.

— Но откуда он это знает? У меня на лице не написано, что я честный человек.

— Он большой физиономист и очень наблюдателен, он увидел, как скромненько ваш тон и туалет, а вообще-то молодые дипломаты — легкомысленные люди, которые носят с бархатными

жилетами и <крзб.> голубые галстуки, как этот дурак Жан Толстой, с такими высокими плечами и с видом пошлого воробья. <...>

<...> — Киса, я знакома с вами всего три дня, а мне кажется, что целые века.

— И у меня такое же чувство.

— Точно так же случилось у меня с Гоголем. Однажды я ему сказала: «Николай Васильевич, когда и как мы с вами познакомились?» — «Вот прекрасно, так вы не помните, так я не скажу вам, это значит, что мы были всегда знакомы». — «Вот теперь я помню: во-первых, я вас видела в Царском, вы мне попадались, когда я гуляла вокруг озера, вы оборачивались и шли назад, вы были закутаны в альмавиву». — «Совсем не в альмавиву, а просто в шинель». — «Ну, шинель, но я видела, что у вас белый нос и спросила, кто вы, — он мне сказал, что Гоголь — хохол, он писатель, а потом, кажется, Плетнев привел вас ко мне». — «Совсем нет, вы меня встретили у Аркадия Осиповича³³ и сами пригласили меня быть у вас — а все-таки я и прежде был с вами знаком. Помните, как мы любили говорить о Малороссии, о галушках, варениках, коржиках и шуляках?» <...>

<...> Аббат Николь основал лицей в Одессе, что было большим благодеянием для южных помещиков России, испытывавших большие трудности с воспитанием детей. Мой дядя Дмитрий Иванович³⁴ и его кузен Сергей Кудашев учились в лицее, они жили у нас в дрессолах, как говорили слуги. После польского восстания 1830 г. император Николай основал университет в Киеве, который назвали Владимирский университет. Виленский раскассировали, Мицкевича и еще некоторых профессоров уволили, а других перевели в Киев вместе со студентами. В Нежине был лицей, основанный Безбородкой, там воспитывался Гоголь, но профессора были самые плохие. <...>

— Приходите к нам обедать³⁵.

— Не могу, я по совету Коппа пью молоко, до 10 стаканов в день, и должен много ходить. Я загляну к вам завтра утром.

— Я вас знаю, вы только обещаете и не придете.

— Я никогда бы не подумал, что это большой писатель, как вы о нем мне говорили, в выражении его лица ничто этого не показывает.

— Гоголь — человек очень благочестивый, он всегда занят движением своей духовной жизни. Он очень мало учился в молодости, теперь он изучает греческий, чтобы иметь возможность читать Евангелие по-гречески. Он себе задает уроки после молитвы, ходит по комнате и учит наизусть греческие слова.

— Гоголь очень беден, у него мать и две сестры³⁶, которым он помогает, как может, продавая свои сочинения. Он представил в дирекцию свою комедию. Дирекция нашла, что нападки на взяточников могут оскорбить великих мужей, у которых рыльце в пушку, и не решилась поставить ее на сцену. Михаил Юрьевич Вьельгорский это узнал от Жуковского и доложил государю. Государь приказал выдать ему 4000 р.<ублей> асс<игнациями> и сам приехал в театр в маленькую ложу в эполетах. Хохот был постоянный, государь сам начинал аплодировать и более других смеялся. В первом ряду партера сидели тузы, ваш брат³⁷, двое Горчаковых, Владимир Федорович Адлерберг, Нессельрод, люди чистые и честные смеялись от души, остальной партер громко хохотал, но были такие, кто смеялся принужденно. Где прятался Гоголь, неизвестно.

но. Его вызывали, но он не являлся. Сосницкий играл роль городничего и, говорят, хорошо. Я видела «Ревизора» в Москве, там Щепкин играл, друг Гоголя и тоже хохол. Они друг друга не знали. Ах, Киса, как жарко, пойдем сядем у фонтана.

Гоголь ходил почти всякий день в лавку Феррапонтова на Никольской, более для приятной беседы. Феррапонтов говорил каким-то вычурным языком. Там он встретил Щепкина и сказал ему: «Гей, чи живи, чи здорови вси родичи гарбузови? Михаил Петрович <Семенович> Щепкин? Николай Васильевич Гоголь» — и пожалы друг другу руки. <...>

<...> — Как это прекрасно, я не знал, что у Тютчева такой замечательный талант.

<...> — ...Его назначили цензором иностранных книг, что дает ему небольшие деньги и занятие, а когда он слишком уж соскучится, он едет в Париж или в Швейцарию. Ему все равно, лишь бы менять место и видеть другие места и слышать другие разговоры.

— Какая странная неугомонная натура!

— Это бывает с гениальными натурами, то же самое ведь с Пушкиным и Гоголем. <...>

Гоголь мне говорил, что роль Хлестакова самая трудная и что ее лучше всего играл в Калуге Бурдин³⁸. Щепкин играет тоже в другой комедии Гоголя «Женитьба» и в комедии³⁹, в которой тетка оставляет племяннику свое состояние, но кто-то делает подложное духовное завещание; и она оставляет ему старые подушки и стаметовую юбку, и он все говорит: «Ну, я вас спрашиваю, на что мне стаметовая юбка, а подписано Обмокни, тогда как ее звали Авдотья, черт знает, что такое, надо тут тягать по судам». В Москве Щепкин играет всегда городничего, а Самарин — довольно изрядный Хлестаков. Щепкин тоже играет Фамусова, а Самарин прекрасно Чацкого. Щепкин — великий художник и всего лучше играет «Игроков» Гоголя. Это драма, почти как у Аристофана. Публика слушает со вниманием, молчит, не аплодирует, и все молча выходят с каким-то тяжелым чувством. Щепкин мне говорил: «И это всегда так, потому что слишком живо затронуты самые потайные струны души. Мне самому тяжела эта роль».

Вот это имена, а Гоголю это было совершенно натурально. У него в родстве Боб и Чечевица, Пищи-Муха, Миклуха-Маклай⁴⁰, а в «Тарасе Бульбе» есть воевода Кисель⁴¹, ваш предок, а так как вы мало энергичны, вы истый Кисель; есть Голопуенко, Белокопытенко, а в России есть Гнилосыров и Серопупов.

— Вот вы это выдумали, чтобы иметь удовольствие говорить гадости.

— Совсем не выдумала. Пушкин с Мятлевым пишут чепуху под названием «Поминки»:

Дай, попьем, помянем
Трех Матрен, Луку с Петром

а потом продолжение:

Михаила Михалыча Сперанского
И арзамасского почт-директора Ермоланского,
Князя Вяземского Петра,
Почти пьяного с утра,
Да Апраксина Степана,
Большого болвана.

Представьте себе, милый мой, что он слаб на ноги, уродлив, как смертный грех, и при этом глуп, но он человек с хорошим состоянием. Ваш знакомый Пушкин очень сердился, что Софи вышла за него. Но это случилось, и он имеет четырех детей, один уродливый другого, есть две дочки, безобразные, и совсем маленькие, их зовут шестерка и семерка, и они тоже подвывают.

— Гораздо лучше говорить о Грамаклее, чем об вони и вонючках.

— Я прибавлю только, что эти господа не могли сыскать рифмы к Юсупов, но однажды входит торжествующий Мятлев, говоря ему: «Нашел!»

Князя Бориса Юсупова
И полковника Серопупова».

Это в «Инвалиде» о приезжающих и отъезжающих. Гоголь всегда читает эти имена, так, в «Мертвых душах» и в «Городничем» нет ни одного выдуманного имени, все настоящие фамилии. Я узнала, что Онегин тоже подлинное имя. <...>

— Петербург — город зубоскальства. Граф Фикельмон⁴², австрийский посланник, говорил мне, что это самый злобный город в мире.

— Кому вы это говорите! Я об этом кое-что знаю! Особенно они высмеивают москвичей. Скоты, Москва ведь Россия, а Питер что? Константин Аксаков очень хорошо определил П<етер>бург, он написал своему брату Ивану в П<етер>бург: «Ненавистен мне Петербург, это незаконнорожденный город, прижитый с Западной Европой».

— Это мило. Но кто такой Аксаков?

— Аксаков это корифей славян, как и Хомяков.

— Но кто это славяне?

— Славяне — это общество, которое желало бы, чтобы Россия оставила свою западную одежду и цивилизацию, т. е. это накладное просвещение. Но вы понимаете, что сейчас это невозможно. Я думаю, однако, что это произойдет прежде 50 лет. Когда Иван Аксаков получил это письмо, его на 8 дней⁴³ заперли в III Отделение.

— Я не знаю, что это за учреждение. Благотворительное?

— Это как раз благотворительное учреждение. Утверждают, что там есть люк и что в нем поколотили графиню Лаваль, потому что она спрятала своего зятя Трубецкого⁴⁴, чтобы дать ему сбежать в Австрию с помощью другого ее зятя, графа Лебцельтерна⁴⁵. Вы представляете себе хорошенькое зрелище с вдовствующей брандармой, как говорит Гоголь. <...>

— В 1844 году я провела зиму в Ницце в очень приятном обществе. Гоголь там был⁴⁶, Вьельгорский, бедная Софья Михайловна Сологуб жила со старухой-свекровью. Я жила рядом с ними, Гоголь через день обедал у меня и так как он любил равиоли⁴⁷, то я их всегда заказывала своей кухарке. Она в кухне пела: «Мсье Гого, мсье Флого, равиоли, равиоли». В марте месяце я отправилась в Париж. <...>

<4>

Баден, 22 июля 1836⁴⁸.

<...> 30 <июня (н. ст.) 1836> Ничего нового, все время одна мысль — болезненное воспоминание об отсутствии того, кого люблю более всего на свете, больше, чем детей — этим, я по-

лагаю, все сказано, мой ангел-хранитель. Ты прочтешь этот дневник, обещанный мной тебе, когда я покину Париж.

<21 июля / 2августа 1836> 4 недели прошли, я очистилась, и сегодня утром, 21 июля, взяла первую ванну. Софи⁴⁹ через 8 дней после рождения держали над купелью Теодор Голицын и Клеопатра, священник приехал из Штутгарта⁵⁰, я не видела его, чтобы поблагодарить, или, скорее, видела одну секунду.

Был завтрак, которому отдал честь и храпун⁵¹; говорят, что кухарка и Гауф были увенчаны лаврами за кулинарное искусство и сервировку.

<16 августа (н. ст.) 1837. Баден> Я выпила мой первый стакан мариенбадской воды и, как левретка, бегала рысью по Лихтентальской аллее с Гоголем. Вечером он нам прочел 5 первых глав «Мертвых душ». Как не хватало тебя, мой любимый Николай⁵², а вместо тебя был меховой нос. Я села в твоё кресло, остальная компания разместилась на стульях Дурхольц и которые всего лишь дерево⁵³. Платонов, у которого за спиной была подушка, меховая, как его нос, не чувствовал, должно быть, себя на школьной скамье. Тут были Лев Сологуб, Андрей Карамзин, которого ты увидишь в Париже, я тебя с ним познакомлю, это другое дело, чем этот противный Володька⁵⁴, которого брат ненавидит и презирает; этот мальчик — гуляка и злока. <...>

Я забываю тебе сказать, что когда Гоголь читал, хозяин дома⁵⁵ осторожно сбежал на рулетку, так как это было после обеда, где большую роль играл картофель, а повар Изабеллы Гагариной⁵⁶ сделал суп из капусты и Пухову кашу. Это слово понравилось бы тебе, и когда мы поженимся и будем бедны, я тебе своими руками приготовлю эту кашу; она действительно полита малиновым вареньем и сдобрена ванилью. Герцог Роган здесь, и в душе моих собеседников роковым образом пробудился вкус к высшей аристократии; понятно, что споры о чепухе вывели меня в конце концов из себя, я взяла сторону Рогана, который глуп, но обладает здравым смыслом и логикой. Тогда <...> как петух перед дождем, Роган, наконец, перестал приходить и сказал мне откровенно, что эти дискуссии ему надоели.

Хочешь ли ты знать мой день: встав как обычно, я пошла в Лихтентальскую аллею прогулять мою мариенбадскую воду; я поймала, как обычно, Гоголя в огромном скандале с Сергеем Гагариным, который говорил, что он — дурного тона, мы повстречали меховой нос, нацепивший белые панталоны и темно-зеленый жакет, украшенный золотыми пуговицами, и с таким фанфаронским видом, что можно помереть со смеху; он проводит свою жизнь у Дышек и катается с ними в карете; эта дура — в розовом, всегда выставляет свою руку с пинцетом и курит на свежем воздухе. С прогулки я пошла к Софи⁵⁷, которая еще спит в 10 часов, расположившись на земле, на матрасе; как только я вхожу, Михалина ее будит; она встает, надевает чулки и потом рубашку, которую не меняет и спит в денной, взмах гребенкой, черный капот, моет руки в воде, и готова; в ожидании этого слышно: «Лукаш, сбегай за сметанкой, Сальватор, приготовь кофейный сервиз». Нужно отдать ей справедливость: тарелка чистая, вода ледяная и Софи превосходно варит кофе.

После этой еды я осмотрительно удаляюсь — к счастью, вода не слишком действует. Видишь, я вовсе с тобой не кокетничаю, потому что могу говорить о действии вод. Это потому, что я уже смотрю на тебя как на своего маленького и любимого мужа и прошу тебя верить, что это не воздушные замки, волей-неволей ты со мной обвенчаешься. Потом я возвращаюсь и ничего не делаю, брожу в поисках мест, где проходила твоя маленькая нога, и готова поцеловать это милое место в спальне. Скажу тебе, что мои нервы довольно расстроены, особенно вечером, странные вещи творятся у меня в голове. Кстати об этом: скажу тебе, что в привычках Смирнова перемена, он все потерял и по утрам ходит играть к красноносому с Икскулем, а сегодня вечером он составляет ему компанию в столовой, а впридачу Платонов. Ты представляешь себе, мой любимый, что я вижу, как входят сюда три монстра, я бегу в свою комнату, чтобы думать о тебе, молиться за тебя и посылать тебе всю мою нежность; они пропадают в моем сердце, но я уверена, что мы думаем и чувствуем одно и то же. <...>

30 августа <н. ст. 1837>. <...> Гоголь уехал в <...>⁵⁸, так что я смертельно скучаю; он очень доволен, он там встретит моего брата Аркадия. <...>

<...> ...15-го <августа>⁵⁹ мы уже ночевали в Карлсруэ.

Гоголь вернулся. Няньки, слуги и трое малюток были в большом экипаже, Гоголь, он и я — в открытой карете; в дороге я купила корзину мушмулы. Как в Карлсруэ <...> скверный <...> я не знаю. Я спала в одной комнате, а Гоголь со Смирновым в другой. Мушмула причинила вред Гоголю. Ночью, несмотря на его крепкий сон и храп, Смирнов услышал страшный шум в комнате, он зажег огонь и увидел бедного Ник<олая> В<асильевича>, вытиравшего пол своей простыней, с графином в руке. Он понял, что несчастный искал место в коридоре, что он наполнил свой горшок и выбросил его за окно вместе с содержимым. Какая находка для тряпичников, а с остальным можно поздравить пол. Он был так смущен, что выехал до нас, приказав мне сказать, что он собирается присоединиться к Жуковскому в Дюссельдорфе. <...>

— <...> Знаете ли вы, что уже 10 ¹/₂.

— Хорошо, пойдем прочесть вечерние молитвы. Вот тетрабочка, куда я их переписала для вас вместе с молитвой по усопшим. А вот 9 псалмов, переписанных Гоголем, их вы выучите наизусть, а я буду вас экзаменовать, как он: чуть запнешься — в угол, с приказанием выучить так, как дьячки. <...>

— <...> ...Знаете, в Риме⁶⁰ я сообщила Гоголю русскую поговорку, от которой он пришел в восторг и сказал мне: «За эту поговорку спасибо, я ее таки вложу где-нибудь в II томе “Мертвых душ”».

Вот эта поговорка:

Удалось <...>

— Ну, А<лександра> О<сиповна>, не знаю, где вы набрались таких поговорок и речей, только, конечно, не в золотой гостиной Императрицы.

— Да, там все российское исключено, государь со мной всегда говорит по-русски, и с мужчинами тоже, но Государыня с трудом говорит по-русски, она говорит, но не может болтать. Императрица Мария Феодоровна гораздо хуже еще говорила. Ведь это одна Екатерина все повернула <...> <по->фр<анцузски> и с вертопрашным языком являлась в Петербургское вертопрашество. <...>

Материалы первого и второго разделов воспоминаний А. О. Смирновой «Биография Александры Осиповны Чаграновой» впервые частично опубликованы (с ошибками и непечатанными местами): *Смирнова-Россет А. О.* Баденский роман // *Смирнова-Россет А. О.* Автобиография (неизданные материалы). Подготовила к печати Л. В. Крестова. С предисловием Д. Д. Благого. М., 1931. С. 128, 144–145, 192–193. Заново по автографу напечатано: *Смирнова-Россет А. О.* Автобиографические записки. Баденский роман // *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Издание подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 264, 270, 347–348, 375, 390–391, 402–405, 413–414, 419–421, 426, 429, 435, 439, 453, 465, 470–471, 473. Печатается по последнему изданию.

Фрагменты третьего раздела мемуарного цикла «Биография Александры Осиповны Чаграновой» опубликованы впервые: *Смирнова-Россет А. О.* Автобиографические записки. Баденский роман // *Смирнова-Россет А. О.* Дневник.

¹ Пропуск в копии.

Воспоминания / Издание подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 486–488, 495–497, 500, 508–510. Печатается по последнему изданию.

Отдельные фрагменты четвертого раздела «Биографии Александры Осиповны Чаграновой» впервые были опубликованы (на фр. языке): *Каллаш Вл.* Неизданные отрывки из «Записок» А. О. Смирновой // Ветвь. Сборник Клуба московских писателей. М., 1917. С. 302. Остальные фрагменты впервые напечатаны: *Смирнова-Россет А. О.* Автобиографические записки. Баденский роман // *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Издание подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 512, 518–519, 523–524, 540, 547–548. Печатается по последнему изданию.

В первом разделе воспоминаний А. О. Смирновой «Биография Александры Осиповны Чаграновой» воспроизводятся фрагменты из основной редакции мемуаров, незаглавленной мемуаристкой, во втором разделе — из варианта записок, названного «Биография Александры Осиповны Чаграновой». В третьем разделе мемуарного цикла печатаются фрагменты из других незаглавленных вариантов воспоминаний. В четвертом разделе печатаются фрагменты мемуарного цикла, дошедшие до нас в копии утраченного автографа, сделанной для П. И. Бартенева.

Все фрагменты печатаются под общим названием «Биография Александры Осиповны Чаграновой». Это авторское название, сохранившееся в одной из рукописей и связывающее имя мемуаристки с героиней несохранившихся глав второго тома «Мертвых душ», представляется более предпочтительным, чем придуманное название «Баденский роман», данное этому мемуарному циклу в 1931 г. публикатором Л. В. Крестовой.

Мемуары написаны в форме диалога с близким знакомым А. О. Смирновым дипломатом Н. Д. Киселевым («Киса»).

¹ Имеются в виду «Вечера на хуторе близ Диканьки»

² «Ревизор».

³ Старший брат дипломата Николая Дмитриевича Киселева (1800–1869) Павел Дмитриевич Киселев (1788–1872), граф (с 1839 г.), министр государственных имуществ.

⁴ Ср. письмо О. Н. Смирновой сестре Н. Н. Сорен от 18/30 сентября 1882 г., когда Ольга Николаевна приезжала в Москву, сопровождая прах своей матери: «Бартеневу я отдала письма покойных теперь Гоголя, Жуковского, Вяземского, Мятлева, Тургенева (Ал<ексан>дра Ив<ановича>)» (*Смирнова А. О.* Воспоминания о Гоголе // *Смирнова А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 372).

⁵ — Это прелестно.

— Да, это прелестно, как все малороссийское, это всегда по меньшей мере оригинально, а как прекрасны песни! Гоголь часто приводил мне те, которых я не знала:

⁶ Собеседник Смирновой — Киселев.

⁷ Он говорил это очень выразительно.

⁸ не знал Щепкина, который тоже малоросс, но из Курска

⁹ Н. М. Смирнов, муж Смирновой.

¹⁰ См. также в наст. изд. письмо М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от 9 декабря 1845 г.

¹¹ После 25 июня 1825 г. — день рождения упоминаемой далее третьей дочери Императора Николая I Александры Николаевны (Адини).

¹² Великая княгиня Александра Николаевна.

¹³ Герцог де Сен-Симон, Луи (1675–1755), французский писатель и государственный деятель.

¹⁴ Драматический отрывок «Тяжба».

¹⁵ Граф П. Д. Киселев, брат Н. Д. Киселева.

¹⁶ Гоголь прожил у А. О. Смирновой в с. Спасском около двух недель с конца июня (после 25 числа) по 8 июля 1851 г.

¹⁷ П. Д. Киселев.

¹⁸ Имеется в виду «Театральный разъезд после представления новой комедии».

¹⁹ Реплика Городничего в «Ревизоре». Обсуждается также героями «Развязки Ревизора».

²⁰ См. этот анекдот в наст. изд. в *Упоминании о Гоголе в путевом дневнике кн. Ал. Влад. Голицыной*.

²¹ Речь идет о Бадене, где Гоголь встречался с А. О. Смирновой в июле — августе (н. ст.) 1837 г., в июле — августе (н. ст.) 1843 г. (см. ниже).

²² Александр (1817–1890) и Лев (1822–1860) Ивановичи Арнольди.

²³ Андрей Яковлевич Ваксмут (1791–1849), генерал-майор, командир Артиллерийского училища.

²⁴ И. Г. Гогель (1773 – 22 ноября 1834), военный педагог и писатель, генерал-лейтенант артиллерии, директор Пажеского Императорского корпуса в 1806–1830 гг., председатель военно-учебного комитета (с 1812 г.).

²⁵ А. О. Смирнова пробыла в Риме с двадцатых чисел января по май (н. ст.) 1843 г.

²⁶ Вероятно, имеется в виду Федор Алексеевич Бурдин (1827–1887), актер Малого (в 1843–1846 гг.) и Александринского театров.

²⁷ Вариант рассказа о встречах А. О. Смирновой в Бадене в июле – августе (н. ст.) 1837 г. и в июле – августе (н. ст.) 1843 г. (см. выше).

²⁸ В Эмсе у В. А. Жуковского Гоголь жил в июне (н. ст.) 1843 г., в начале августа (н. ст.) 1846 г., в июле (н. ст.) 1847 г.

²⁹ Гоголь познакомился с Н. М. Языковым в Ганеу 30 июня (н. ст.) 1839 г. и жил с ним в Ганеу с конца августа (последнее 26 числа н. ст.) по 26 сентября (н. ст.) 1841 г.

³⁰ Стихотворение Н. М. Языкова «Землетрясение» было напечатано в 1844 г. в журнале «Москвитянин» (№ 10 (цензурное разрешение 7 октября). С. 257–258). На это стихотворение Гоголь откликнулся в письме к Н. М. Языкову от 5 декабря (н. ст.) 1845 г.

³¹ А. С. Пушкин умер в 1837 г.

³² Подразумевается стихотворение Н. М. Языкова «Элегия» («Толпа ли девочек игривая, живая...», 1839), инициатором публикации которого в первом номере «Москвитянина» за 1842 г. был Гоголь. Известен список «Элегии» Языкова рукою Гоголя.

³³ Россет.

³⁴ Россет.

³⁵ Вариант окончания рассказа о встречах с Гоголем в Бадене в июле – августе (н. ст.) 1837 г. и в июле – августе (н. ст.) 1843 г. (см. выше).

³⁶ Подразумеваются сестры Гоголя Анна и Елизавета. У Гоголя была еще младшая сестра Ольга.

³⁷ П. Д. Киселев.

³⁸ Федор Алексеевич Бурдин (1827–1887), актер и писатель.

³⁹ Подразумевается драматический отрывок «Тяжба».

⁴⁰ Ср. также публикацию: *Шигаев Ю.* Женские чары: Тарас Бульба и Миклухо-Маклай // Сударушка. 1997. № 8. С. 12.

⁴¹ Адам Григорьевич Кисель (1580–1653), украинский магнат и политический деятель, сторонник польско-шляхетского господства на Украине. Представлял интересы польского правительства на переговорах с восставшими казаками Богдана Хмельницкого. Был последним из воевод, назначавшихся в Киев с 1577 по 1649 г. от польских королей. В 1652 г. бежал из Киева в Польшу.

⁴² Граф Карл Людвиг Фикельмон (1777–1857), австрийский генерал и политический деятель, посланник в России в 1829–1830 гг.

⁴³ С 17 по 22 марта 1849 г.

⁴⁴ Сергей Петрович Трубецкой (1790–1860), бывший князь, масон, декабрист.

⁴⁵ Граф Людвиг Лебцельтерн (1774–1854), австрийский посланник в Петербурге (с 1815 г.). С 1823 г. был женат на графине З. И. Лаваль. В его доме 15 декабря 1825 г. был арестован С. П. Трубецкой.

⁴⁶ С 19 ноября (н. ст.) 1843 г. по 19 марта (н. ст.) 1844 г.

⁴⁷ Редиска; пельмени (*фр.*).

⁴⁸ Записи относятся к периоду с 30 июня (н. ст.) 1836 по август (н. ст.) 1837 г.

⁴⁹ Софья Николаевна Смирнова (в замужестве княгиня Трубецкая, 1836–1884), дочь А. О. Смирновой.

⁵⁰ Протоиерей И. М. Певницкий. См. в наст. изд. коммент. к письму А. О. Смирновой И. С. Аксакову от 13/25 сентября 1877 г.

⁵¹ Н. М. Смирнов.

⁵² Н. Д. Киселев.

⁵³ Игра слов: имя квартирной хозяйки Дурхольц (*durch Holz*; *нем.*) означает: «древесиной».

⁵⁴ Владимир Николаевич Карамзин (1819–1879), сын Н. М. Карамзина, чиновник Министерства юстиции, член Петербургской судебной палаты, сенатор.

⁵⁵ Н. М. Смирнов.

⁵⁶ Жена князя С. С. Гагарина Изабелла Адамовна (рожд. Виленская).

⁵⁷ Софья Станиславовна Киселева (рожд. графиня Потоцкая, 1801–1881), жена П. Д. Киселева, с которым с 1829 г. находилась в разезде.

⁵⁸ Согласно «Воспоминаниям А. О. Смирновой в “Записках о жизни Н. В. Гоголя...” П. А. Кулиша» и «Воспоминаниям о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила» (см. в наст. изд.), Гоголь во второй половине августа (н. ст.) 1837 г. проводил Смирновых до Карлсруэ и возвратился в Баден. 1 сентября (н. ст.) 1837 г. он приехал во Франкфурт, 3 сентября (н. ст.) 1837 г. выехал из Франкфурта в Женеву, в конце ноября (н. ст.) 1837 г. приехал в Рим.

⁵⁹ Вероятно, по старому стилю, т. е. 27 августа по новому. См. также в наст. изд. «Анекдоты и рассказы о Гоголе» Д. В. Стасова.

⁶⁰ А. О. Смирнова была в Риме с двадцатых чисел января до мая (н. ст.) 1843 г.

Н. И. Лорер

Записки Фрагмент

<...> ...Однажды, известясь, что Гоголь нуждается за границей даже в необходимом, она <А. О. Смирнова> на балу смело подошла к Николаю Павловичу и просто сказала:

— Государь, наш народный поэт умирает в Риме в нищете; помогите ему... Он просит только 3000 рублей.

— Скажите Алексею Федоровичу, чтобы завтра мне об этом напомнили, — отвечал царь.

Смирнова пошла отыскивать Орлова, поймала его, наконец, и объявила ему волю государя.

— Что это за Гоголь? — спросил ее Орлов.

— Стыдитесь, граф, что вы — русский и не знаете, кто такой Гоголь.

— Что за охота вам хлопотать об этих голых поэтах! — возразил Орлов.

Однако на другой день было послано Гоголю 3000 рублей. <...>

Впервые опубликовано: *Нечкина М.* О Пушкине, декабристах и их общих друзьях. (По неисследованным архивным материалам) // Каторга и ссылка. М., 1930. Кн. 4 (65). С. 40. Печатается по первой публикации.

Николай Иванович Лорер (1797 или 1798 — 1873), майор, декабрист. А. О. Смирнова приходилась племянницей Н. И. Лореру. Она была дочерью родной сестры Н. И. Лорера, Надежды Ивановны, от первого брака.

В. П. Горленко

Воспоминания г-жи Смирновой о Гоголе <Перевод статьи О. Н. Смирновой «Études et souvenirs» (1885)>

Конец прошлого года в литературной жизни Франции ознаменовался явлением почти небывалым для этой страны, где так исключительно сосредоточивается внимание на своем, национальном. Мы говорим о громадном успехе, выпавшем на долю переводов русских писателей — Л. Толстого и Достоевского. От современников естественно было обратиться к тому, кого единогласно признают своим отцом и учителем величайшие из деятелей русской литературы, к творцу реального романа — Гоголю. Одновременно появилось о нем несколько статей. Издательская фирма Ашета выдала новое (третье по счету) издание «Мертвых душ», в переводе Шарьера. К сожалению, переводчик к бочке меду прибавил ложку дегтю и, потакая страсти

французских читателей к благополучным «развязкам», прибавил к гоголевскому тексту книжонку Ващенко-Захарченка, пытавшегося *окончить* «Мертвые души». Как бы то ни было, с прибавкою старых переводов Виардо и Мериме, в руках французских читателей имеются теперь все главнейшие сочинения Гоголя. Из статей о нем первое место занимает очерк Де-Вогюэ, критика, обратившего на себя общее внимание и главного пропагандиста во Франции русской литературы. С этим замечательным этюдом мы надеемся познакомить читателей «Киевской Старины». Две-три статьи меньшего значения, трактующие о Гоголе, не свободны от фактических ошибок и от ложного освещения в оценке его направления и характера. Таковы страницы, посвященные ему в книге Дюпюи «Les grands maitres de la litterature russe»¹ и некоторые журнальные заметки. Против этих промахов и погрешностей восстала г-жа Ольга Смирнова, одна из русских писательниц, пишущих по-французски. В предпоследней книге парижской «Nouvelle Revue», в статье «Etudes et Souvenirs», она полемизирует против той квалификации мистика, которую хотят присвоить Гоголю, и против определения последнего периода его жизни как периода чуть ли не сума<с>шествия. Эти близорукие взгляды перешли к французским авторам из России, где они почти приобрели право гражданства. Г-жа Смирнова, близко знавшая Гоголя, говорит наблюдениями и фактами. Какова бы ни была их достоверность, но самое противоречие их с установившейся рутинной свидетельствует о том, что в истории заката жизни Гоголя нельзя остановиться на приговоре толпы и что прилагать банальные определения к душевным мукам этого великого человека гораздо легче, чем стараться уяснить их себе.

Пушкина, Гоголя и других выдающихся людей николаевской эпохи г-жа Смирнова видела часто в доме своей матери А. О. Смирновой, урожденной Россет, дочери французского эмигранта² и одной из образованнейших и умнейших женщин своего времени³. Ее дружбою гордились Лермонтов, Жуковский и Гоголь, на ее суд отдавали свои произведения. Это та самая «калужская губернаторша», за знакомство и переписку с которой громили Гоголя русские либеральные критики. Воспоминания г-жи Смирновой относятся к молодости, проведенной в материнском доме. Свои возражения она начинает с известного факта сожжения Гоголем своих рукописей.

«Задумав сжечь связку своих бумаг, в бессонную ночь, за несколько дней до смерти, Гоголь бросил в огонь большую часть последнего тома своего романа, свои заметки о грамматике, ботанике и о первоначальном воспитании. Если б он хотел сжечь роман, то сжег бы и те наброски, которые уцелели от уничтожения и были обнародованы потом.

Молодой слуга⁴, ходивший за ним, умолял его лечь в постель; больной, дрожа от лихорадки, просил оставить его и сказал: “ты лучше бы помолился за меня”

Спустя немного, Гоголь вскрикнул с ужасом, взглянув на оставшиеся бумаги: “Боже, что я сделал! я хотел сжечь совсем не то! Я ошибся, я не то хотел сжечь!” Он прибавил: “меня вспомнили бы с благодарностью за то, что сожжено теперь!” Он порылся в ящиках еще и бросил в огонь пачку писем. Сдержанный и скрытный, он приходил в ужас от всех посмертных разглаговольствований и сжигал всегда большую часть получаемых писем. Желая уничтожить письма, в агонии и слабости, он сжег по ошибке свои рукописи.

Перед этим он не ел ничего несколько дней. Отвращение от пищи, обычный симптом желудочных лихорадок, мешало ему есть. Как только являлась возможность проглотить что-нибудь, он пил воду, слегка окрашенную вином, и даже суп. Некоторые лица, одушевленные наилучшими намерениями, обратились к его духовнику⁵ и к московскому митрополиту (думали все, что Гоголь не принимает пищи для умерщвления тела!). Всегда верно судивший о вещах, Филарет, а также и духовник дали ответ полный здравого смысла: “позовите докторов!”

У него было раньше начало желудочной лихорадки, уступившей, по-видимому, под влиянием некоторых средств; он вышел из дому, к обедни, и простудился. Возвращения болезней всегда пагубны, тем более опасности было в этом случае, так как злокачественная лихорадка, ко-

торую схватил Гоголь в Риме, когда проводил там однажды все лето⁶ с другом своим, живописцем Ивановым, сделала его организм очень подверженным влияниям смертоносных болезней. За несколько месяцев перед тем он ездил в Одессу и вывез оттуда перемежающуюся лихорадку, очень его мучившую. Большой лакомка, он очень любил некоторые блюда, свои, малороссийские, и макароны, которые умел готовить сам, как самый искусный неаполитанец. Когда наступали дни пароксизмов, он ничего не ел, лечась всегда строжайшей диетой.

Религиозное или мистическое безумие было равно ни при чем ни в его смерти, ни в истории сожжения рукописей. Он не был окончательно предан отчаянию и безнадежности. У него не было мании уничтожения своей литературной славы, он не был фанатиком никогда. Истинной виновницей его смерти была медицинская наука, спасовавшая перед тифом, обнаружившим себя у Гоголя как физическими, так и нравственными проявлениями.

В то время употребление хинина у нас почти не было известно. Польский врач Мянковский⁷ ввел его в ход между своими клиентами в Петербурге, где он был доктором High Life'a. Он советовал друзьям Гоголя попробовать над ним действие этого средства. Но было уже поздно!

Я останавливаюсь дольше на этих подробностях, так как о последних днях Гоголя, даже в России, где должны бы знать дело ближе, много толковали вкривь и вкось. Ходили нелепейшие толки, пущенные в оборот, без сомнения, с целью. Я уклонюсь от выяснения тех недостойных мотивов, которые руководили вестовщиками подобных слухов.

Много толковали также когда-то о посещении Гоголем Оптиной Пустыни. Он ездил туда из Калуги, куда и вернулся опять, к моим родным, полный впечатлений и рассказов об этой обители. Его привлекли туда слухи о знаменитом монахе-ботанике (занимавшемся и медициной), отце Мойсее⁸, о садах и питомниках которого ходила молва. Он сравнивал его с виденными в Италии почтенными отшельниками и был неистощим в похвалах образованным, просвещенным монахам, отдавшим свои знания и жизнь на служение окрестному люду (они лечили крестьян). Все аскетические и мистические крайности отталкивали Гоголя. Он допускал их возможность, но никогда их не проповедовал. Он во всем и прежде всего ценил простоту и стройность. Его молчание принимали за согласие: он просто не переносил споров. Когда собеседники начинали горячиться, он, в противность им, делался рассеянным. Он вставал, быстро менял разговор, открывал окно, "чтоб освежить температуру, — так слишком горячились", или просил кого-нибудь поиграть на рояли, "чтоб восстановить гармонию"

Если из его молчания сделали вывод, что он разделяет мистические бредни, то пришли к заключению, ничуть на него не похожему. Было бы крайне желательно уничтожить это ложное предание, налагающее тень на гениальную натуру: Гоголь был далек от всего посредственного, ребяческого или узкого в своих взглядах на жизнь, на религию, на свое собственное призвание, на сущность всего существующего. Возможно ли, чтоб дивный художник, проводивший целые часы перед древней статуей или фресками Рафаэля и Микель-Анджело, мог превратиться вдруг в угрюмого, одержимого бредом аскета? В конце ноября 1851 года, за три месяца до смерти, он с восторгом и волнением рассматривал в доме друзей античные бронзы и гравюры Марка-Антония. Он жадно слушал симфонии Бетховена, увертюру "Дон-Жуана", фуги Баха и "Реквием" Моцарта. Он говорил, что скоро поедет в Италию, для того только, чтоб опять увидеть Ватикан, галерею Уфици и музей Бурбонов. Еще раз хотел он взглянуть в Париже на Венеру Милосскую. Он рассчитывал посетить Лондон, чтоб видеть хоть перед смертью мраморы лорда Эльджина и фриз Партефона. Едва ли в то же время он мог обдумывать план самоубийства или уничтожения своего литературного наследия.

Если б он мечтал о монастыре, то ему надо было бы найти такой, где рисуют фрески Франджелико и Панселин, где артисты играют гимны Перголеза и Палестрины. Жизнь молчаливого и угрюмого аскета, в обществе невежественных монахов, не могла никогда привлечь его.

Гоголь охотно слушал все, что говорилось перед ним, даже то, что было ему не по душе, так как этим способом он изучал людей. В то время людей, посещавших общество духовных особ,

считали заклятыми ханжами; с ними говорили исключительно только о религиозных сюжетах. Гоголь, напротив, был того мнения, что с лицами из духовенства можно беседовать о всех предметах, волнующих умы. “Духовенство должно жить одними интересами со всем обществом страны”, — говорил он. В то время духовное сословие было совершенно замкнутым. Однажды Гоголь передавал нам с своим неподражаемым юмором о посещении своем московского митрополита. Он застал Филарета окруженным ханжами обоих полов, и присутствие их владыка выносил с евангельским терпением. Один из присутствующих рассказывал его высокопреосвященству о всех чудесах, случившихся в течение года. Митрополит слушал с своей тонкой, снисходительной и иронической улыбкой. Через несколько времени он прервал поток красноречия почтенного рассказчика этими простыми словами: “какое необыкновенное обилие чудес!” “Вслед за тем, — продолжал Гоголь, — выдвинуто было столько теологических тезисов и столько опровержений их, что мне думалось, не присутствую ли я на вселенском соборе, и неволью я преклонился пред добротой и терпением архипастыря” — “А что же вы-то делали там?” — спросили Гоголя. — “Я наблюдал. Весь этот народ так и просится на сцену в новый роман; вы встретитесь с ними когда-нибудь”. Стояли ли китайской стеной религиозные наклонности Гоголя на пути его творчества? Вот по-моему самый капитальный и существенный вопрос.

Я лично не думаю, чтоб это было так. Мысль о своей художественной работе занимала ум его так сильно, что единственным его опасением, никогда его не покидавшим и неизменным, была боязнь не успеть свершить всего того, что он задумал.

Он изучал английский язык, читая Библию и Шекспира, чтоб иметь возможность читать потом Байрона, Стерна и Фильдинга. Библия с его отметками, которую он читал с моей воспитательницей-англичанкой⁹ (говорившей очень хорошо по-русски), после его смерти была отослана этому другу нашего дома. Это была женщина во всех отношениях замечательная, разносторонне образованная и выдающаяся по характеру. Гоголь очень уважал ее, говорил с ней о своей системе воспитания и отзывался о ней, как “о восьмом чуде свете, в котором двадцать лет учительства не убили ни ума, ни сердца, ни воображения”. Он прибавлял, что у большей части учителей и наставников недостает одушевления и воображения, что составляет громадный пробел для того, кто хочет воспитывать других. Английский Шекспир, им читанный, и сделанный им для меня гербарий хранятся и до сих пор у меня.

Последнее мое воспоминание о Гоголе относится к концу ноября 1851 года. Он умер в феврале 1852 г. Я свидетельствую со всей энергией, что в нем не было никаких признаков безумия ни в эту пору, ни раньше. Моя мать, знавшая его долго, горячо возмущалась этою басней, приписывая ее той тайной зависти, которую питает посредственность к личностям исключительным.

Гоголь умер от случайной болезни, на лечение которой не было обращено внимания. Он до конца жизни сохранил силы своего великого таланта и творчества и смерть его для России была такую же громадную потерей, как смерть Пушкина».

Эти сведения г-жи Смирновой о Гоголе во всяком случае не лишены будут значения для будущих биографов поэта. К литературе о Гоголе прибавился в последнее время отрывок из воспоминаний его сестры Е. В. Быковой¹⁰, напечатанный «Русью». Здесь, в нескольких симпатичных штрихах, автор «Ревизора» выступает с интимной стороны родственных отношений. Самые записки, не назначавшиеся для печати и написанные необыкновенно безыскусно и просто, хорошо рисуют время и людей 30–40-х г. Но нет все-таки до сих пор, после давнего Кулишовского, ни нового собрания писем Гоголя (которых с тех пор открыто очень много), ни сколько-нибудь тщательного издания его сочинений.

Впервые опубликовано: <Горленко В. П.> Г—ко В. Воспоминания г-жи Смирновой о Гоголе // Киевская Старина. 1886. Февраль (цензурное разрешение 30 янв.). С. 381–387; перепечатано, без заключительного абзаца, с сокращенной

вступительной частью и без указания автора вступительных слов и перевода: Воспоминания о Гоголе // Орловский Вестник. 1886. 13 февр. № 43. С. 1–2. Печатается по первой публикации.

Представляет собой перевод статьи Ольги Николаевны Смирновой (1834 – декабрь 1893), дочери А. О. Смирновой, «Etudes et souvenirs» («Очерки и воспоминания»), напечатанной впервые в 1885 г. в кн. 11–12 журнала «La Nouvelle Revue». Автограф статьи (на фр. яз.) хранится: РГАЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. хр. 122. О. Н. Смирнова. Etudes et souvenirs – очерк (1 дек. 1885 г.).

Ср. также: «...Когда Гоголь читал “Шинель”, то семилетняя девочка, которая играла в другой комнате и на которую не обращали внимания, неожиданно разразилась такими рыданиями, что ее ничем не могли успокоить. (См. “Nouvelle Revue”, 1885, novembre, p. 14). Это девочка была покойная О. Н. Смирнова» (Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1895. Т. 3. С. 129).

Из статьи О. Н. Смирновой «Etudes et souvenirs» почерпнуты также следующие сведения: «Ольга Николаевна Смирнова, дочь А. О. Смирновой, рассказывает, что Гоголь хотел составить “народную ботанику, в которую предполагал внести не только сравнительный словарь народных названий растений, но и легенды о цветах» (Фридендер Г. М. Комментарии. <Заметки по этнографии> // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1952. Т. 9. С. 646). «Известно по воспоминаниям О. Н. Смирновой, что в последние годы жизни Н. В. Гоголь хотел составить “народную ботанику”, в которую предполагал внести не только сравнительный словарь народных названий растений, но и легенды о цветах (Smirnoff O. Etudes et souvenirs // La Nouvelle Revue. Paris, 1885. V. 37. № 1 (1 Novembre). P. 19–20)» (Карташов В. С., Швецов А. Н. Растения гербария Н. В. Гоголя. М.: Спутник +, 2011. С. 6).

¹ Э. Дюпюи, издавший в 1885 г. книгу о русских классиках «Великие мастера русской литературы XIX века», в частности, полагал, что «Тарас Бульба» первоначально написан был в стихах и потом переделан в прозу (Г<орленко> В. Гоголь и иностранцы // Новое Время. 1902. 21 февр. № 9328).

² Осип Иванович Россет (1760–1813), инспектор Одесского карантин, отец А. О. Смирновой.

³ Н. И. Лорер (в замужестве Россет, во втором браке Арнольди).

⁴ С. Григорьев.

⁵ Речь идет об отце Алексии Соколове, священнике церкви Преподобного Симеона Столпника, что на Поварской (впоследствии протопресвитер Храма Христа Спасителя).

⁶ Большую часть лета (включая начало августа н. ст.) Гоголь провел в Риме в 1841 г. По словам В. И. Шенрока, Гоголь перенес малярию («от которой никогда уже не мог совершенно излечиться») в «30-летнем возрасте» (Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 3. С. 234). Однако, сведениями о том, что Гоголь болел малярией в Италии в 1839 г. (в период пребывания в Риме со второй половины октября (н. ст.) 1838 г. по июнь (н. ст.) 1839 г.), мы не располагаем.

⁷ Иосиф Игнатьевич Мянковский (1804–1878), врач.

⁸ Речь идет о преподобном Макарии (Иванове, 1788–1860), иеросхимонахе Оптиной Пустыни.

⁹ Мария Яковлевна Овербек (ум. в 1887).

¹⁰ См. в наст. изд.

<Воспоминания О. Н. Смирновой о Гоголе в статье В. И. Шенрока «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь» (1888)>

<1>

Сова-сова¹ – Надежда Николаевна Сорен, меньшая дочь А. О. Смирновой, она плохо говорила и еще: даже вместо *comment cela va* говорила: сова-сова, картавя и коверкала слова не говаривая буквы л. Она и другие дочери А. О. Смирновой всегда называли Гоголя *Накавайка*, до дня его смерти. Гоголь нарисовал карикатуру: «Надежда Николаевна в молодости» или «сова-сова»; она хранилась у Ольги Николаевны Смирновой. Надежда Николаевна была очень смешная девочка; любила Гоголя, он ее звал всегда Надежда Николаевна и она ему говорила:

«Это мне приятно, Накавайка; я люблю почтение!» и прибавляла по-французски: «des égards et du respect». Ее остроумие его забавляло. — *Ольга Смирнова.*

Comte Rodolphe de Maistre², сын знаменитого автора «Soirées de St. Petersbourg de Pape» и пр. (Joseph de Maistre). Rodolphe был gouverneur de Nice в 1844 г. А. О. Смирнова очень сблизилась со всем его семейством в Ницце в 1844 г. Она имела к нему письмо от его дяди, Comte Xavier de Maistre, автора «Voyage autour de ma chambre». Граф Xavier был женат на родной тетке Нат. Ник. Пушкиной. Rodolphe de Maistre старался переманить А. О. Смирнову в католичество.

Первые религиозные разговоры и переписка между А. О. Смирновой и Гоголем начались собственно с 1843 г. в Риме, по поводу стараний княгини Зинаиды Волконской и других личностей и их пропаганды; но А<лександра> О<сиповна> не поддавалась на это, хотя уважала все, что есть хорошего в католиках, а в особенности их ordres précheurs et ordres hospitaliers, soeurs de St. Vincent и проч. полезные учреждения. В 1844 г. князь Иван Гагарин был в Париже и отправился в St. Acheul (novitiat de Jésuites). Брат А<лександры> О<сиповны> (Климентий Ос<ипович> Россет³) был очень дружен с Гагариным; А. О. Смирнова также была с ним очень дружна, видала его часто в Париже. А. О. Смирнова скончалась утром 19 (7) июня 1882 г. в Париже, отец И. Гагарин в вечер того же дня, в Париже; до конца он ее навещал, но никогда не старался ее перевести в католичество, потому что хорошо знал, что она не способна переменить веру. Каждый раз, как она приобщалась больная на дому (ее духовник, отец Прилежаев, недавно умер в Париже⁴), он приходил ее поздравить с принятием Св. Таин. Умнейший добрейший человек!.. Гагарин с ней говорил всегда о России и сохранил до старости горячие чувства любви к родине. А. О. Смирнова и отец Гагарин почти ровесники. — *Ольга Смирнова.*

<2>

<...> Герцог Лейхтенбергский уже был болен тогда; в 1843 г. он с вел<икой> кн<ягиней> был в Риме, где мать <А. О. Смирнова> их видала ежедневно.

Гоголя пригласили на чтение к вел<икой> княгине. Тут был очень забавный случай: у Гоголя не оказалось фрака, у него был старый мундир. В. А. Перовский сказал ему, что он не годится, — слишком стар. Ханыков и мой дядя <А. О. Россет> отправились к русским художникам (Иванов был приглашен на чтение сам); фрака не нашли. Иванов обежал все немецкие мастерские, — pas de frac!..⁵ Наконец, в Villa Medici у французов нашелся фрак по росту Гоголя, хотя и немного мешковат, и его нарядили. В 1858 г. Иванов еще вспоминал о фраке со смехом в Риме. Этот анекдот долго веселил римские мастерские и обедавших артистов (которые все знали Гоголя) у Lerre (ресторан бедных артистов). Гоголь видался у Lerre ежедневно с немецкими и французскими артистами и итальянцами; его все звали Signor Nicolo, а Иванова — Signor Alessandro. <...>

Прочитав в «Мертвых Душах», что Плюшкин ходил в юбке (паневе), Жуковский сказал Гоголю: «Ты, братец мой, это украл у меня; ведь наш юродивый (дурачок) Васька ходил в юбке; но я тебе этого не говорил; как же ты это украл?» Гоголь отвечал: «А<лександра> О<сиповна> <Смирнова> мне рассказала про вашего Ваську, — я украл его юбку и подарил ее Плюшкину». В<асилий> А<ндреевич> обнял Гоголя и сказал: «Дарю тебе ее в потомственное владение».

В 1843 г. все это записала А<лександра> О<сиповна>; я же в 1858 г. в Риме слышала от Иванова; он с матерью вспоминал о Гоголе часто и я все записывала тогда в своем дневнике. Все это с 1866 г. лежало в ящике в Англии, — 20 лет. Мать и я полагали, что этот ящик украли или что он затерялся. Знаю, что мать часто жгла *части* дневника и письма, я также полагала, что

многое исчезло в огне. Тут же нашелся и мой детский дневник, Калужский и Петербургский, и дневник даже до 1866 г.

От m<ademoise>lle Овербек я получила еще подробности о том, как арестовали Ив. С. Тургенева у нас; он обедал у нас с гр<афом> А. К. Толстым (после кончины Гоголя в 1852 г.). В моем дневнике 1852 г. я нашла подробности и даже разговоры по случаю смерти Гоголя, о его пребывании у нас в деревне летом, в подмосковной отца, в 1851 г., и арест Тургенева, и наше житье бытие в Москве в осень 1851 г., прощание с Гоголем и проч., и проч.

У меня листки с замечаниями Гоголя, 1843 г., в Риме, напр<имер>: «*Что следует А<лександра> О<сиповна> видеть в Риме.* Были в Колизее (Colyse). А<лександра> О<сиповна> осталась довольна им и Fogum понравился ей. Отправились в Петр (St. Pierre). А<лександра> О<сиповна> нашла, что он велик».

Все это в шутовском виде написано и даже про нас: «Дети А<лександры> О<сиповны> в Риме. В Риме все заняты Петром, Рафаэлем и Юлием Кесарем, а Н<адежда> Н<иколаевна> (моя меньшая сестра) занимается совсем другим: кошками, которые бегают по Piazza Траяна (мы жили на P<iazza> T<raiana>, в Palazzo Valentini), и гуляет по макаронам, которые валяются на тротуаре (в Риме есть обычай сушить макароны на тротуаре и сестра (и даже мы) бегали по макаронам; эти старые обычаи уже давно исчезли). Сестрицы (я и моя сестра С<офья> Н<иколаевна>) играют в мячики муфтами в Петре, уронили куклу в benitier, в Петре; какой-то monsignore ее достал; его это не смутило. Сестриц бранили за шалость».

«Н<адежда> Н<иколаевна>, сидя на полу, вдруг сказала: “Я пойду к папе *римскому*; он мне даст тоску (т. е. кошку)” Это всех удивило, почему Н<адежда> Н<иколаевна> (сова, сова) знает, что в Риме папа. Тайну эту еще не открыли до сих пор и, вероятно, это останется тайной во веки веков: ведь Надежда Степановна (нянька) про папу не знает!»

«Сестрицы собирают цветы в Villa Dogia Pamphili. На днях я в первый раз увидел С<офью> Н<иколаевну> (моя сестра, ровесница мне) в азарте: это было в Villa Dogia Pamphili, — цветов пропасть: анемоны и фиалки, цветущий ковер под Пинами; С<офья> Н<иколаевна> бросилась собирать, даже закричала от удовольствия, собрала букет величиной с Петра и даже упала под тяжестью добычи. С О<льгой> Н<иколаевной> было приключение другого рода: она украла косточку из ящика в колумбаре famiglia dei Scipioni и спрятала в кармане; ее нашли вечером и побранили; она заплакала. Кому же принадлежала эта косточка, неизвестно, — отдать ее нельзя. А<лександра> О<сиповна> простила О<льгу> Н<иколаевну> и позволила сохранить эту драгоценность на память неизвестного Сципиона. Я полюбопытствовал, спросил, почему О<льга> Н<иколаевна> ее взяла; она мне сказала, что она, т. е. косточка, такая чистенькая и беленькая и лежала под рукой в ящике из мрамора, — вот и все».

Эта драгоценность у меня: я сама не знаю, почему она мне показалась драгоценностью.

«Сестрицы (т. е. я и сестра Соня) целое утро копаются, у них даже лопаточки и мешочки, в садах импер<атора> Ливия¹. С<офья> Н<иколаевна> нашла чистенький желтенький кусочек мрамора. О<льга> Н<иколаевна> копеечку времен имп<ератора> Тиверия (она у меня); они все ищут мрамор. А<лександра> О<сиповна> обещает им подарить столик из мрамора, найденного ими, и presse-papier. Они готовят presse-papier в подарок отцу. Днем они собирают цветы; Марья Яковлевна (Овербек) составляет гербарий. С<офья> Н<иколаевна> не любит сухие цветы; они ей жалки. О<льга> Н<иколаевна> выспрашивает имена, любит сказки. Марья Яковлевна¹¹ рассказывает им Римскую историю, гуляя по Риму. О<льга> Н<иколаевна> спросила у меня, знаю ли я про Гусей и даже про Брута. С<офья> Н<иколаевна> негодует, что Тарквиний палкой бил по цветам⁶ и портил их. До этих премудростей еще не дожила

¹ В тексте опечатка: Ливии

¹¹ Мисс Овербек, гувернантка. — Примеч. О. Н. Смирновой.

Н<адежда> Н<иколаевна>, а кошки и папа ее занимают. Я посоветовал О<льге> Н<иколаевне> давать сестрицам уроки рисования и Марья Яковлевна очень это одобрила. Я привел, по совету Иванова, signor Fedì. Они рисуют углем, пачкают свои пальцы, но все-таки они уже умеют держать в ручонках карандаш, и глазомер развивается. О<льга> Н<иколаевна> все рисует в большем виде, С<офья> Н<иколаевна> в меньшем; они читают и пишут даже, любят сказки; наказаний мало, одно только: вместо V<ia> Doria гуляют по Via Pia, это своего рода наказание. Марья Яковлевна настоящий клад».

Вот что я нашла на листках с другими заметками; их много:

«Были у Тенерани, не понравился А<лександр> О<сиповне> (скульптор), в мастерской Иванова, голова Иоанна хороша».

«Катакомбы St. Agnese, Моисей не нравится А<лександр> О<сиповне> (в San Pietro in Vincolo), грубоват и силач».

«Приводил Овербека (живописца) к А<лександр> О<сиповне>. Разговор был о Рафаэле, смотрели с ним Сибиллы. А<лександра> О<сиповна> от них в восторге, станцы (Les stances du Vatican) понравились ей».

«Farnesina, Галатея и фрески большого дворца Farnese убедили А<лександр> О<сиповну>, что и в Риме есть Рафаэли, подходящие к ее идеалу (мадонна Сикстинская) и проч., и проч.».

«А<лександра> О<сиповна> взяла с собой в Ватикан Марью Яковлевну и сестриц; они исчезли; мы их искали долго, очень испугались. В<асилий> А<лексеевич> (Перовский) нашел О<льгу> Н<иколаевну>, она вскарабкалась на Нила⁷, ей хотелось стащить одного маленького мальчика, — вот ее объяснение. (На статуе Нила дети представляют ручьи и они ей очень понравились); custode стоял при ней и от души смеялся. С<офью> Н<иколаевну> нашел я в Giardino della Pigna, при ней стоял monsignore; она беззаботно рвала цветы папы Григория VI <XVI> и объяснила нам, что этот старичок в белом, т. е. папа, ей позволил рвать цветы, а что другой старичок в лиловых чулочках, т. е. monsignore, ей помогает».

«Детей водят по галереям и церквям; в сырую погоду их возят в церковь св. Петра; там тепло и они играют в этом пространстве, точно птички небесные. Н<адежда> Н<иколаевна> также играет в Петре; ей подарили кошку, но она ей пренебрегает, потому что она не живая».

«Были в Тиволи. Дети ужасно обрадовались, увидя ослов. Макароны Albergo della Sibilla были противны “alluso di Francia”». (Когда жаловались, что обед дурной, итальянцы уверяли, что это французская кухня.)

«Жили 3 дня в Frascati. А<лександра> О<сиповна>, Аркадий Осипович, дети со свитой, В<асилий> А<лексеевич> (Перовский), Яшка (Ханыков), Алеша (Перовский) отправились на ослах в Tusculum, в Rocca di Papa. Дети устали, даже заплакали сестрицы. В<асилий> А<лексеевич> (Перовский) и Яшка их взяли на руки и снесли с горы. Это их утешило».

«День дивный, малороссийский (sic). Очень понравились А<лександр> О<сиповне> Villa Mondragone вид, с террасы Villa Conti и Villa Falconnet. Тут обе сестрицы пришли в азарт при виде цветов suclamen Europea (по-итальянски Pan-Porcino). А<лександра> О<сиповна> даже расчувствовалась, когда дети принесли ей цветы muskerra Eur<orea>. Она помнит, что в Одессе росли muskerra Eur<orea> в саду на хуторе. Ничто не заменит ей эти первые впечатления детства; ведь родной василек дороже всяких роз для хохла».

Фрагменты, помещенные в первом разделе, впервые опубликованы: Шенрок В. И. (с примеч. Смирновой О. Н.) А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 6. С. 598–600. Фрагменты второго раздела впервые напечатаны: Шенрок В. И. (с примеч. Смирновой О. Н.) А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 10. С. 125–129. Все фрагменты печатаются по первым публикациям.

Позднее В. И. Шенрок сообщал: «В “Русск<ой> Стар<ине>” письма Смирновой к Гоголю печатались с некоторыми пропусками (в виду соглашения между покойной О. Н. Смирновой, дочерью Александры Осиповны, и покой-

ным редактором этого журнала М. И. Семеvским)...» (Письма *Н. В. Гоголя*. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 4. С. 165).

Приводимая О. Н. Смирновой записка Гоголя: «*Что следует А<лександре> О<сиповне> видеть в Риме*. Были в Колизее (Colysee). А<лександра> О<сиповна> осталась довольна им и Fogum понравился ей. Отправились в Петр (St. Pierre). А<лександра> О<сиповна> нашла, что он велик», — повторяет начальные строки двух заметок, составленных Гоголем в конце января 1843 г. в связи с приездом в Рим А. О. Смирновой, — незаглавленной записки о плане осмотра Рима Смирновой («Куда предстоит Александре Осиповне наведываться между делом и бездельем, между визитами, и проч. и проч.») и дневника осмотра ею римских достопримечательностей под названием «Путешествие Александры Осиповны»: «Петр. Оказался велик. Замечен Пантеон. Колизей. Найден прелесть» (заметка «Путешествие Александры Осиповны» впервые напечатана С. Н. Дурылиным в изд.: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 11–12).

Начальные строки заметки о плане осмотра Рима А. О. Смирновой впервые опубликованы П. А. Кулишом: «...На другой день он <Гоголь> пришел в час, спросил карандаш и лоскуток бумаги и начал писать: “Куда следует А<лександре> О<сиповне> наведываться между делом и бездельем, между визитами, и проч. и проч.” В этот день Гоголь был с г-жей С<мирнов>ой во многих местах и кончил обозрение Рима церковью св. Петра. Он возил с собой бумажку и везде что-нибудь отмечал; наконец написал: “Петром осталась А<лександра> О<сиповна> довольна”» («*Кулиш П. А. Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя...* СПб., 1856. Т. 2. С. 2). Полностью заметка о плане осмотра Рима А. О. Смирновой была опубликована В. И. Шенроком в т. 4 «Материалов для биографии Гоголя» (Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 191). Здесь же биограф пересказал и содержание других приводимых О. Н. Смирновой заметок Гоголя: «Как недавно тосковал Гоголь в Москве по Языкову, так теперь <...> всей душой обратился к Смирновой. Нечего и говорить, с каким восторгом и нетерпением он принялся показывать Смирновой <...> Рим, <...> как он <...> оживал при этом, занося в свой дневник каждое впечатление Александры Осиповны, каждое приключение с ее детьми... <...> Повторилось все, что было прежде при совместных осмотрах Рима с Погодиным, Жуковским и другими. Но общество теперь было больше и разнообразнее: тут были и хорошие знакомые Смирновой — В. А. Перовский с незаконным сыном, баловнем Алешей, и “Яшка” (Яков Владимирович) Ханыков и А. О. Россет. Гоголя беспрерывно приводил в восхищение и самый Рим, и впечатления новичков-товарищей по прогулкам и даже шалости детей, когда, напр<имер>, маленькая дочь Смирновой, Ольга Николаевна, вскарабкалась на статую Нила и хотела стащить одного мальчика, изображавшего на этой статуе ручей, или когда она же спросила у Гоголя, знает ли он о римских гусях и о Бруте. Забавляла его и трехлетняя сестра ее, Надежда Николаевна, которая однажды спросила неожиданно про римского папу. Гоголь поспешил познакомить Смирновых с Ивановым и Овербеком, и они внушили всему семейству и гувернантке Марье Яковлевне Овербек страсть к Риму. Когда настала весна, прогулки были перенесены за пределы Рима, и Гоголь увлекал целую компанию в Фраскати и другие окрестности, где они жилали по несколько дней...» (Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 190–192).

Фрагмент о том, как «у Гоголя не оказалось фрака», был также перепечатан В. И. Шенроком в «Материалах для биографии Гоголя» (М., 1986. Т. 4. С. 220).

¹ Примечание относится к следующим строкам письма А. О. Смирновой к Гоголю от 25–29 марта (н. ст.) 1845 г. из Парижа: «Сова-сова и все здоровы, слава Богу».

² Примечание относится к следующим строкам письма А. О. Смирновой к Гоголю от 25–29 марта (н. ст.) 1845 г. из Парижа: «От Местра письмо я сама ему вручила, без дальних слов».

³ Климентий Осипович Россет (1811–1866).

⁴ Протоиерей Василий Александрович Прилежаев (1831 – 28 августа 1887), настоятель православной церкви в Париже с 1869 г.

⁵ нет фрака (*фр.*).

⁶ Имеется в виду эпизод из легендарной римской истории, когда последний царь Древнего Рима Тарквиний Гордый (534/533 – 510/509 до Р. Х.), желая показать сыну, как тот должен поступить с влиятельными людьми города Габии, молча сбивал в саду самые высокие головки цветов мака.

⁷ В записке Гоголя «Путешествие Александры Осиповны» (впервые опубликованной в 1936 г.) помечено: «*Понедельник*». Ватикан. Нил с ребяташками».

**<Воспоминания О. Н. Смирновой о Гоголе
в статье В. И. Шенрока
«Н. В. Гоголь в его неизданных статье и письмах»
(1890)>**

<...> О. Н. Смирнова припоминает, что Гоголь находился в сношениях из духовных лиц особенно с духовником своим, ржевским протоиереем о. Матвеем Константиновским, с игуменом Оптинским Моисеем, а также с Макарием Боровским¹. О сношениях Гоголя с последним, кажется, до сих пор нигде не было сообщено.

Впервые опубликовано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь в его неизданных статье и письмах // Русская Старина. 1890. № 3. С. 856. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду старец Оптиной Пустыни иеросхимонах Макарий (Иванов) (именование его «Боровским» ошибочно). «Покойная О. Н. Смирнова еще припоминала в письмах к нам о сношениях Гоголя с Макарием Боровским. Письмо последнего <преподобного Макария Оптинского> к Гоголю см. в «Материалах для биографии», т. IV, стр. 828» (Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 4. С. 332).

В. И. Шенрок

**<Объяснения О. Н. Смирновой к письмам ее матери
А. О. Смирновой Гоголю (1890)>**

<...> Алексей Константинович Толстой (поэт и романист) прожил в Калуге все время следствия; он читал моей матери свой роман и стихи, охотился с моим отцом в Бегичеве (наше калужское имение), и Гоголь тут с ним сошелся. Толстой читал Гоголю первые главы «Князя Серебряного», план трилогии, стихи и былины, а Гоголь читал ему «Мертвые души», 2-й том. Гоголь очень полюбил графа Алексея Толстого. Последний год жизни Гоголя и в 1850 г. мы его видели очень часто и много (более, чем в промежуток с 1845 по 1849 г.), когда он был в Калуге с графом А. Толстым, и в 1849 и 1850 г. также. <...>

Гоголь был в Малороссии и приехал в Калугу, к нам, где и встретил гр<афа> А. К. Т<олстого>, который читал ему свои первые стихи. Граф Толстой воспитывался с наследником. <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 11. С. 362, 363. Печатается по первой публикации.

О. Смирнова

**Ответ г-же Черницкой
Фрагменты**

<...> Недавно мы прочли в «Северном Вестнике»¹ статью об отношениях Александры Осиповны Смирновой к Гоголю, в которой нам бросилось в глаза неверное и крайне оскорбительное для памяти нашей матери освещение приведенных фактов и цитат. <...>

С ранних лет Александра Осиповна интересовалась религиозными вопросами... <...>

У дочери ее есть отзывы Филарета о смерти Гоголя, о его мистицизме и записки о разговорах Александры Осиповны с Филаретом, который ее очень уважал еще молодой женщиной. <...>

Надо знать, что в промежутках от 1846 г. до 1850 года Смирнова была постоянно больна перед и после тяжелых родов в 1847 г. и тогда ни с кем не переписывались так часто, как прежде, а в 1848 и 1849 году частым письменным сношениям ее мешала отчасти холера. Она часто страдала также от печени, бронхита и бессонницы. <...>

При выходе из института императрица Мария Федоровна подарила каждой воспитаннице Евангелие Библейского общества в 2 столбца русского и славянского текста (оно теперь у дочери Александры Осиповны) и французскую книгу «Annes spirituelle»; она также у ее дочери². Александра Осиповна всегда читала (с института уже) по-славянски... <...>

Константин Сергеевич долго боялся за своего младшего брата, чтобы его не очаровала мнимая «сирена», и один раз говорил ему в присутствии Александры Осиповны:

— Нет, Иван, ты не должен увлекаться историческим чувством!

— Что это у вас за историческое чувство, — спросила Александра Осиповна.

— Это любовь, сударыня! — воскликнул Константин Сергеевич.

— Это прекрасно! — сказала Александра Осиповна.

— Я теперь всегда буду называть любовь историческим чувством. Я вам даже расскажу анекдот про любовь: тут именно дело историческое; мне его рассказал Вяземский; это любимый анекдот Жуковского и Гоголя. — Одна старая барышня, — «девушка Минерва», фрейлина Екатерины Первой, попросила у князя книги, но только такие, где есть кое-что про любовь. Вяземский, не имея других книг, предложил ей историю Роллена Millot. Она спросила: «А есть здесь про любовь?» — «Есть, — отвечал Вяземский, — в последнем томе Millot про любовь Митридата, а в десятом томе Роллена — про любовь кесаря». — «Спасибо, милый, прочитаю, хоть и мало про любовь, да и люди-то такие неизвестные!» — Вот видите, тут историческая любовь! Ну что, как вам нравится мой анекдот?

Константин Сергеевич понял колкость и обиделся ужасно. <...>

Напрасно г-жа Черницкая жалеет, что дневник Александры Осиповны не издан, он готовится к печати, и нам кажется, что г-жа Черницкая будет им *несколько озадачена*. На ее замечания об отрицательном влиянии Александры Осиповны на Гоголя ответим словами письма Жуковского к моей матери в марте 1852 года, продиктованного им уже слепым перед смертью: «счастлив я, что *наш Гоголь* не переставал верить своему художественному призванию». Митрополит Филарет писал к ней: «У Николая Васильевича Гоголя было слишком много простоты, чтобы вдаваться в нелепый мистицизм и морить себя голодом. Из него старались изобразить какого-то фанатика-католика, не то раскольника. Не верьте слухам, и не смущайтесь сплетнями и рассказами об его кончине». Нам кажется, что эти строки двух мыслящих людей уже вполне могут охарактеризовать Александру Осиповну Смирнову и мнение Жуковского и Филарета о ней и ее влиянии на Гоголя. В некоторых же отношениях это влияние было положительно благотворное, так как Александра Осиповна даже способствовала появлению в печати первого тома «Мертвых душ». Одно письмо Гоголя к Александре Осиповне о «Мертвых душах», относящееся к 1841 и 1842 году (до напечатания их) было передано государю и осталось у Его Величества. После этого цензура пропустила гораздо более, чем прежде, хотя много еще задержек было относительно повести о Капитане Копейкине. <...>

Публикуется впервые по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 265. Оп. 2. Ед. хр. 701. Л. 1–13. На сопроводительном листе к рукописи имеется пояснение В. В. Данилова от 28 ноября 1949 г.: «Статья Смирновой, Ольги Николаевны, была прислана

Шенроком, Владимиром Ивановичем, в редакцию “Русской Старины”, в феврале 1890 г. В “Описи материалов” “Русской Старины”, кн. V, 1890–1894 гг., стр. 14, № 7212, против названия статьи написано рукою М. И. Семевского: “Неинтересно, возвращено”. Большею частью, однако, непринятые статьи оставались в редакции, как и в данном случае. — В. Данилов. 28.11.49» (ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Ед. хр. 701. Лист без пагинации).

¹ Имеется в виду статья А. М. Черницкой «К биографии Гоголя. О дружбе его к А. О. Смирновой» (Северный Вестник. 1890. № 1 (цензурное разрешение 23 дек. 1889). С. 191–221).

² См. в наст. изд. коммент. к письму А. О. Смирновой В. А. Жуковскому от 12 июля (н. ст.) 1843 г.

О. Н. Смирнова — О. К. Нотовичу *Черновик письма*

18/6 марта 1890 г. Париж.

Последние письма Н. В. Гоголя Декабря <18>51 и Января 1852 г., А<лександре> О<сиповне>, отправлены после кончины курьером в Берлин, для передачи Жуковскому. В этих письмах¹ Гоголь пишет о своем 2-м издании, корректуры его утомляют, он печатает в 3-х типографиях, жалуется на их медленность, неряшество и на *халатное обращение*. В январе уже жалуется, что с ним припадки старого недуга, Римской лихорадки, боится, что этого он до отъезда в Италии не вытерпит, что только перемена воздуха его вылечит, он спешит с корректурами и подымеется для обращения из белокаменной в Питер на 5-й неделе, пост<а>.

Вот почему А. О. Смирнова (см. письмо Плетнева к Жуковскому) говорила П. А. Плетневу, что в Риме Гоголю было еще хуже, и что она надеется на выздоровление.

Публикуется впервые по автографу: РГАЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. хр. 16. Смирнова Ольга Николаевна. Письмо в газету <«Новости»> с поправками к дневнику А. В. Никитенко, опубликованному в «Русской Старине» по поводу даты смерти Гоголя и письма редактору этой газеты Нотовичу Осипу Константиновичу. Черновики. 18/6 марта 1890 г. — 20 декабря 1890 г. и б/д. 3 документа. 9 л. Л. 4.

Сохранился еще один черновик того же письма О. Н. Смирновой к О. К. Нотовичу: «Последние письма Н. В. Гоголя к А. О. Смирновой, с курьером были отправлены в Берлин, для доставления В. А. Жуковскому, они все написаны в январе, в них он говорит, что начинают 2-ое издание в 3-х типографиях, жалуется на медленность типографов, на неряшество их, и также жалуется на свое здоровье, и на припадки Римской лихорадки. Исправление корректур его утомляет и страшно как спешит желая быть в Италии. В Страстной недели у друзей мир: Все это написано в 1852 г.» (РГАЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1 об.).

Осип Константинович Нотович (1849–1914), журналист.

¹ Не сохранились. Известно лишь письмо Гоголя к А. О. Смирновой от 1 января 1852 г.

<<Отрывки из дневника» А. О. Смирновой, присланные О. Н. Смирновой В. И. Шенроку около 1888 г.>

<...> Александра Осиповна <...> прекрасно читала стихи и прозу; государь Николай Павлович охотно слушал в ее чтении повести Гоголя, а в 1850-х годах «Муму» и другие рассказы И. С. Тургенева¹. <...>

¹ Кроме того, она обнаруживала любовь и большие способности к языкам, истории и физике, чрезвычайно любила музыку, была искусна во всех женских работах; но математика и рисование ей не давались. *Ольга Смирнова. — Примеч. В. И. Шенрока.*

В 1831 году <...> в «Северных Цветах» было напечатано стихотворение кн<язя> Вяземского, в котором поэт сравнивает ее с ласточкой...¹ <...> С тех пор на некоторое время это название сделалось нарицательным в литературных кругах, подобно тому, как другая фрейлина, высокая стройная блондинка, Софья Урусова², была окрещена сальфидой¹. Под этими именами они обе упоминаются в письме Гоголя к его другу А. С. Данилевскому, написанному в ответ на просьбу последнего о присылке нот... <...> (письмо от 2 ноября 1831 года). <...>

В дневнике Александры Осиповны в 1831 г. <...> отмечено, что однажды вечером у нее при великом князе Михаиле Павловиче, в присутствии Пушкина, Гоголя, Жуковского, Вьельгорских и фрейлин Урусовой и Эйлер³, происходило чтение «Вечеров на Хуторе близ Диканьки»... <...>

Трудно сказать с точностью, к какому именно году относится начало знакомства Александры Осиповны с Гоголем. Ольга Николаевна Смирнова, по многим соображениям, склонна относить его к 1830 или даже к концу 1829 г. В дневнике Александры Осиповны рассказ об этом знакомстве записан вместе с заметками и рассказами о путешествии Пушкина в Арзерум, о войне 1829 г., о смерти Грибоедова; дальше следует о знакомстве с Гоголем, о чтении у нее в рукописи «Вечера накануне Ивана Купалы», затем о революции, о письме Луи-Филиппа к императору Николаю, о бегстве в Англию Карла X, снова о чтении Миргорода, повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, и проч. Так как Гоголь познакомился с Смирновой через Пушкина, то и было бы весьма важно определить начало знакомства обоих писателей; но и тут встречаются затруднения. 22-го февраля 1831 года Плетнев рекомендовал Пушкину Гоголя и советовал обратить внимание на его сочинения^{II}, прибавляя: «Я нетерпеливо ожидаю подвести его к тебе под благословение». Но даже в апреле 1831 года Пушкин отвечал Плетневу, что он еще «не читал Гоголя за недосугом». Между тем в июле 1831 г. Гоголь уже просит мать адресовать ему письма на имя Пушкина, в Царское Село. Таким образом знакомство Гоголя с Пушкиным, а следовательно и с Смирновой, относится к летним месяцам 1831 года⁴, а так как, как увидим ниже, оно состоялось до переезда на дачи, то можно почти наверное приурочить его к маю этого года (в июне Пушкин был уже в Царском Селе)^{III}. <...>

...Гоголь, новичок в литературном и особенно в светском кругу, недавний нежинский школьник, крайне самолюбивый, он был, вероятно, очень польщен новым знакомством^{IV}.... <...>

¹ <...> Фрейлины Россет, Урусова и Эйлер (внучка знаменитого математика) составляли один тесный кружок. Они и другие фрейлины собирались у Александры Осиповны, квартира которой была самая лучшая с более просторной гостиной. В этом салоне фрейлин Н. В. Гоголь познакомился как с Урусовой, так и с Эйлер, отличавшейся начитанностью и умом; г-жа Эйлер, вообще, была очень дельная, весьма образованная и набожная особа; она знала Гоголя до самой его смерти. Впоследствии она была замужем за А. Н. Зубовым. *Ольга Смирнова. — Примеч. В. И. Шенрока.*

^{II} С Плетневым Гоголь познакомился в 1830 г., и через него получил место преподавателя истории в Патриотическом Институте (в начале 1831). Плетневым же, как известно, был присоветован Гоголю псевдоним Рудага Панька при издании «Вечеров на Хуторе». Но во время выхода в свет «Ганца Кюхельгартена» в 1829 г. Плетневу и Погодину было послано еще incognito по экземпляру этой поэмы («Записки» о жизни Гоголя», т. I, стр. 67). — *Примеч. В. И. Шенрока.*

^{III} Мы не ругаемся, однако окончательно за верность этого соображения, так как, по свидетельству Ольги Николаевны Смирновой, ее мать познакомилась с Гоголем еще фрейлиной, не позже 1830 г. Напротив, Я. К. Грот в своей книге о Пушкине относит начало знакомства Пушкина с Гоголем к августу 1831 года (см. «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники», хронологическая канва для биографии Пушкина (стр. 245). — *Примеч. В. И. Шенрока.*

^{IV} Говоря это, мы имели в виду передачу рассказа в печатном источнике (т. е. у Кулиша), но О. Н. Смирнова, не соглашаясь с таким освещением фактов, отрицает в Гоголе как чрезмерное самолюбие вообще, так особенно в данном случае. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

...Приводим здесь вполне отрывок из дневника Ольги Николаевны Смирновой, о разговоре ее матери при Гоголе (в Калуге в 1850 г., а не в 1851 г., как у г. Кулиша) с Иваном Сергеевичем Аксаковым, записанный тотчас же на память.

«*Иван Сергеевич*. Александра Осиповна, расскажите, как вы познакомились с Николаем Васильевичем?

Александра Осиповна. Ах, как вы надоели, Иван Сергеевич! отстаньте! Я не помню совсем, — и что вам за дело!

Николай Васильевич Гоголь. Иван Сергеевич, Александра Осиповна про это забыла, а знаете ли вы — почему? Потому, что это было так давно, что мы были знакомы на том свете, когда и вас не было, да и нас самих!... Александра Осиповна про это забыла.

Иван Сергеевич. Николай Васильевич, расскажите мне всю правду, где и как вы познакомились?

Николай Васильевич. Хорошо; Александра Осиповна, сознайтесь, что вы забыли, а я помню.

Александра Осиповна. Именно забыла; расскажите Ивану Сергеевичу, а то он мне будет надоедать каждый день вопросами¹: у него страшное любопытство!

Иван Сергеевич. Это не любопытство, а любознательность. Как это вы, Александра Осиповна, «дама блистательного света»¹¹, узнали Николая Васильевича в вашем не русском Петербурге?

Николай Васильевич. Ну, слушайте же! Я давал урок одной барышне¹¹¹, прескучный урок: я не педагог... Моя бедная ученица зевала. Александра Осиповна пришла к нам с сестрой⁵ моей ученицы, заметила меня и тотчас узнала хохла. Мы близнецы великороссов, но видно, что на каждом хохле, как и на москвиче, особый отпечаток. Александра Осиповна тут же заметила, что небосклон Северной Пальмиры тяготит и гнетет хохла. Она знала уже, что П. А. Плетнев меня принимал дружелюбно и что В. А. Жуковский и А. С. Пушкин благоволили к хохлу. На другой день она приказала Плетневу *доставить к ней хохла*; это было им тотчас исполнено. Плетнев при Василии Андреевиче и Александре Сергеевиче передал мне приказание Александры Осиповны явиться к ней. Я закобенился, не захотел повиноваться, но тут Жуковский и Пушкин оба закричали на меня и сказали, что я и глуп, и невежа, и грубиян, что все должны слушаться Александры Осиповны, и что никто не смеет упираться, когда она приказывает. Побранив меня порядком, А. С. Пушкин, которому нельзя было отказывать, и В. А. Жуковский *схватили* меня и повели во дворец к Александре Осиповне. Когда она увидала меня с моим конвоем, она сказала: «Наконец-таки пришли! Ведь и я хохлачка, и я помню Малороссию. Мне было всего семь лет, когда я уехала на север, на *скудный* север, а я все помню и хутора, и малороссийские леса, и малороссийское небо, и солнце. Поговорим о родном крае». Александра Осиповна прочитала мне малороссийские стихи. Тут я узнал, что мы уже давным-давно знакомы и почти друзья, и что мы всегда будем друзья. А. С. Пушкин сказал: «Александра Осиповна, приютите хохла, побраните его, когда захандрит», а Василий Андреевич даже промычал¹¹⁴: «Вот видишь, брат, что Плетнев тебя бранит поделом за твою глупость: ведь ты не хотел идти, а теперь рад, что пришел и будешь нам благодарен вовеки, что мы тебя, хохла, схватили и привели». Вот как мы познакомились с Александрой Осиповной. Тогда все мы были помоложе, Пушкин еще не был женат¹¹⁵, Александр

¹ Иван Сергеевич Аксаков служил в Калуге под начальством Н. М. Смирнова и часто бывал в его доме. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

¹¹ Намек на стихи И. С. Аксакова А. О. Смирновой, где он называет ее: «И дама вы блистательного света». — *Примеч. В. И. Шенрока.*

¹¹¹ М. П. Балабиной, впоследствии Вагнер. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

¹¹⁴ Напоминаем читателю прозвание Жуковского «бычок». — *Примеч. В. И. Шенрока.*

¹¹⁵ Гоголь, вероятно, смешал эту подробность. — *Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1888 г.;* Гоголь, вероятно, смешал эту подробность, так как едва ли он знал Пушкина до его женитьбы. — *Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1892 г.*

ра Осиповна была фрейлина, а я был учитель. Я у нее познакомился с <еликим> кн<язем> Михаилом Павловичем и со многими добрыми друзьями. Пусть это будет вам примером, Иван Сергеевич: добрых советов слушайтесь! Знакомство с Александрой Осиповной мне было в пользу; ведь она приятная дама, но очень строгая, престрогая дама: она меня побранивает, а это мне очень здорово и полезно; она никогда не увлекается, что очень разумно. Пушкин с ней советовался; она ему говорила правду; это полезно автору.

Иван Сергеевич. Неужели вы в самом деле забыли про это, Александра Осиповна? Это непростительно: к вам пришли три личности, и какие же? гениальные личности! и вы забыли этот день!

Николай Васильевич. Не увлекайтесь, Иван Сергеевич! тут были две гениальные личности — два поэта, третий был я. Про мою гениальность нечего говорить, когда я напишу все, что у меня на уме, и на сердце, и в душе, и что еще не высказано, тогда, пожалуй, позволю вам определять мое место в русской литературе. Я вовсе не гений, и это уже слишком восторженное мнение обо мне, вовсе не нужное. Не восторгайтесь и не увлекайтесь!

Иван Сергеевич. Неужели вы это забыли, Александра Осиповна; даже не записали! Покайтесь!

Александра Осиповна. Записать-то я записала; я все записывала: разговоры с Пушкиным и Жуковским и другими, и теперь помню этот первый визит Николая Васильевича; но ведь это было так давно! Николай Васильевич, это было в Петербурге; мы уезжали в Царское; вы были потом у меня в Царском с Пушкиным. Этот день я помню. Была гроза — я боюсь грозы — и вы мне рассказали смешной анекдот малороссийский, старались меня развлечь, и Пушкин читал стихи шутовские... Это я очень хорошо помню... Но скажите мне, Иван Сергеевич, что вас удивляет, что я, именно я, давно знакома с Николаем Васильевичем, и к чему вам это знать?

Иван Сергеевич. Простите великодушно, Александра Осиповна: вы не сердитесь за стихи, отдайте мне эти стихи.

Александра Осиповна. Я вовсе не сержусь, Иван Сергеевич, а стихов не отдам. Они очень хороши, особенно один стих:

«И закалясь в борьбе суровой...»¹

Весь этот разговор был шуточный, веселый. Иван Сергеевич был очень молод, увлекался и восторгался. Александра Осиповна его очень любила, а иногда дразнила за стихи». <...>

...Дополним здесь кстати, на основании записанного Ольгой Николаевной Смирновой, рассказ Гоголя о путешествии его в Испанию⁶, тем более, что этот эпизод его жизни остается почти неизвестным в нашей литературе. Гоголь был в Испании и даже читал по-испански, в чем удостоверяют по воспоминаниям лица, близко его знавшие (О. Н. Смирнова и друг Гоголя — А. С. Данилевский).

Из Марселя Гоголь отправился морем в Барселону (вероятно, в 1837 г., когда в его переписке замечается длинный перерыв, — с июня по ноябрь) и рассказывал анекдот по этому поводу. Погода была отвратительная. В каюте был Гоголь, два француза и англичанин. Их очень укачивало и все сильно мучились морской болезнью.

¹ Этот намек относится к стихам И. С. Аксакова:

«Вы примиряетесь легко.
Вы снисходительны не в меру..

И дама вы блистательного света» (Стих. И. С. Аксакова, стр. 45).

На третий день Иван Сергеевич написал извинение в стихах и просил назад свое поэтическое слово, но ему его не отдали. И Иван Сергеевич Аксаков, и Александра Осиповна после много смеялись по этому поводу. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

К утру англичанин разделся, снял даже рубашку и при всех бесцеремонно вымылся с ног до головы. Один из французов, возмущенный такой выходкой, обращаясь к Гоголю, сказал:

— *Avouez, monsieur le russe, que voila un cochon bien propre!*¹

Другой случай произошел в гостинице в Мадриде. Все в ней по испанскому обычаю было грязно; белье было совсем засаленое. Гоголь пожаловался; но хозяин отвечал: «*senor*, нашу незабвенную королеву (Изабеллу) причисляют к лику святых, а она во время осады несколько недель не снимала с себя рубашки, и эта рубашка, как святыня, хранится в церкви, а вы жалуетесь, что ваша простыня нечиста, когда на ней спали *только* два француза, один англичанин и одна дама очень хорошей фамилии: разве вы чище этих господ?»

Когда Гоголю подали котлетку, жареную на прованском масле и совершенно холодную, Гоголь снова выразил неудовольствие. Лакей (*mozzo*) преспокойно пощупал ее грязной рукой и сказал:

— Нет, она тепленькая: пощупайте ее!

Рассказывая это впоследствии, Гоголь обыкновенно прибавлял: «В 1830-х годах испанские локанды⁸ были гораздо грязнее русских станций; грязнее их знаю только жидовскую корчму и один монастырь в Иерусалиме и также на Афоне, где легкая и тяжелая кавалерия, т. е. блохи, клопы, тараканы и вши, ночью поднимают настоящий бунт и однажды сражались на моей спине!» и проч. Он говаривал также: «Блохи при Тивериадском озере настоящие слоны!»

По шутливому тону этих рассказов, Александра Осиповна сначала сомневалась в их правдивости и даже в 1843 году, когда Гоголь рассказывал об этом в присутствии ее брата, Аркадия Осиповича Россета, Якова Владимировича Ханыкова и Василия Алексеевича Перовского. (Так рассказывает в своих «Записках о жизни Гоголя» П. А. Кулиш, но О. Н. Смирнова энергически отрицает его сообщение.) <...>

В конце тридцатых годов Гоголь переписывался с Н. М. Смирновым. <...> Впрочем, писем Гоголя к Н. М. Смирнову было немного; притом они не сохранялись обеими сторонами; содержание их¹ составляли семейные дела, а иногда и общественные и даже политические. В переписке родителей О. Н. Смирновой также сохранились некоторые указания на существование этих писем. <...> Ольга Николаевна Смирнова начало переписки относит положительно к 1837 г.⁹ <...>

По словам О. Н. Смирновой, на <...> тяжелое настроение ее матери, кроме естественного перехода от молодости к среднему возрасту, имела влияние и политическая злоба дня. <...>

О. Н. Смирнова напоминает, что именно Гоголь дал совет Александре Осиповне во время ее хандры учиться по-гречески, что она и исполняла до конца жизни. У Ольги Николаевны сохранились ее греческие книги и тетради¹⁰. <...>

Гоголь нередко также дружески ободрял и успокаивал Н. М. Смирнова, когда он, утомленный борьбой со взяточничеством и другими злоупотреблениями, в горькие минуты падал духом и поддавался отчаянию. Сознывая, что борьба непосильна, он пробовал отдавать большую часть жалованья и наконец все жалованье чиновникам своей канцелярии, но и это немного помогало. Гоголь отговаривал его не оставлять службу словами: «Николай Михайлович, вы уже тем делаете полезное дело, что, пока вы не оставите места, его не может занять какой-нибудь взяточник».

Дети Смирновых, видя в Гоголе простоту и полное отсутствие желания им импонировать, боготворили его. В письмах матери они передают ему поклоны, спрашивают о нем. В Бегичеве (калужской деревне Смирновых) Гоголь любил их поразвлечь и позабавить: раскрашивал им афи-

¹ Далее в изд. 1897 г.: по словам покойной О. Н. Смирновой

ши разноцветными чернилами, ходил с ними гулять, удить рыбу, собирать грибы; жарил часто грибы и караси в сметане, приготавливал в совершенстве макароны. Он с любовью наблюдал за развитием детей, а одну из них (Ольгу Николаевну) даже учил ботанике. — А. О. Смирнова однажды внесла в свой дневник следующее: «Гоголь заметил, что дети мои драматизируют все, что их занимает. Когда им прочитали о мексиканцах Купера, они три дня сряду играли в мексиканцев, кутались в одеяла и надевали перья на голову. Надя “представляет комедии” с куклами и передает им все, что m^{ademoi}sle Овербек говорит в классе Ольге и Соне; на днях передала даже урок физики, закончив словами: “физика — крыса в молоке”. Гоголь спросил, что это значит? Она отвечала: “Это значит, что физика — дрянь” Отчего у вас такое презрение к физике? — спрашивал Гоголь. “Отстаньте, Накавайка, — так она его называла, — много будете знать — скоро состаритесь” Однажды Гоголь хорошо “выдумал” для детей луну: достал пустой круглый ящик, в котором были привезенные им из Константинополя лакомства (халву и рахат-лукум), вынул дно ящика, наклеил бумагу, намазал ее маслом и приклеил огарок. Дети были вне себя от восторга: повесили ящик на дерево и говорили, что это луна для склепа весталки. В разговоре с детьми Гоголь часто шутил, был весел; они, в свою очередь, следуя примеру матери, обходились с ним, как с домашним, поверяли ему свои тайны, шалости, выпрашивали через него льготы. Ему особенно нравился их вкус к театру и живым картинам¹, в которых сами принимали участие. Однажды он очень интересовался, почему дети любят представлять Улисса, весталок, Бахуса и Ариадну. Наконец, он отгадал эту тайну. Для Улисса они выпрашивали из конюшни любимую собаку, а для весталок зажигали на блюдечке о-де-колон и приносили из кухни черный хлеб (для весталки, приговоренной к смерти), для Бахуса и Ариадны им давали виноград, который, конечно, очень скоро исчезал. Дети также любили вспоминать и о жизни в Ницце и в Риме, который любили до того, что, увидав после долгой отлучки, бросились целовать землю». <...>

Память о Гоголе Смирнова хранила свято. Когда И. С. Тургенев задел ее и Гоголя в «Отцах и Детях» (в словах Базарова: «Я препакостно себя чувствую, точно начитался писем Гоголя к калужской губернаторше»), она от души смеялась и сказала ему: «Однако ж, Иван Сергеевич, все-таки вы сами вышли, по вашим же словам, из шинели Гоголя, а из-под каланчи (см. <...> воспоминание <Тургенева> о том, как за некролог Гоголя он был посажен в «сибирку») по ходатайству губернаторши. Ваш роман *chef d'oeuvre*; ваши же друзья Герцены и компания его ругают, а Гоголь и губернаторша одобряют, т. е. Гоголь его бы одобрил, а губернаторша еще жива и вас поздравляет» (Из дневника Ольги Ник. Смирновой). <...>

Впервые опубликовано: Шенрок В. И. А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь в 1829–1852 гг. // Русская Старина. 1888. № 4. С. 35, 40–41, 44–51, 60–62, 66–67. Частично перепечатано, с исправлениями: Шенрок В. И. Материал для биографии Гоголя. М., 1892. Т. 1. С. 322, 332–337; М., 1897. Т. 4. С. 385, 387, 778–779, 869. Печатается по первой публикации.

Первые сведения о Гоголе В. И. Шенрок получил от О. Н. Смирновой летом 1886 г. (см. в наст. изд. <Воспоминания о Гоголе О. Н. Смирновой в «Указателе к письмам Гоголя... в издании Кулиша» В. И. Шенрока>). «Отрывки из дневника» А. О. Смирновой были присланы В. И. Шенроку О. Н. Смирновой из Парижа, вероятно, в начале 1888 г. Незадолго перед тем О. Н. Смирнова писала П. И. Бартеневу: «...А еще у меня Записки моей матери <...> хотите, я вам их перепишу для “Архива”, из них я извлекла для моей книги *sur la Russie*, они по-французски, вроде записной книги Пушкина, факты, разговоры и анекдоты *sans commentaires et tres concis et simples* <без комментариев и очень сжато и просто; фр.>, хотите их печатать?» (письмо от 27 октября (н. ст.) 1887 г.; цит. по: *Житомирская С. В. А. О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие // Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 618–619*). Присланные О. Н. Смирновой выписки из записной книжки ее матери П. И. Бартенева напечатал, переведя их на русский язык, в 1890 г. под заглавием «Из записной книжки А. О. Смирновой» (Русский Архив. 1890. № 6; включено в изд.: *Смирно-*

¹ О любви детей и всей семьи к живым картинам см.: Соч. Гоголя, VI, 80. — Примеч. В. И. Шенрока (имеется в виду письмо Гоголя к А. О. Смирновой от 16 мая (н. ст.) 1844 г.).

ва-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 566–569). По своему характеру они аналогичны тем «отрывкам из дневника» А. О. Смирновой о Гоголе, которые О. Н. Смирнова прислала В. И. Шенроку.

¹ Четверостишие князя П. А. Вяземского «К А. О. Россети» было напечатано в альманахе А. А. Дельвига «Северные Цветы на 1831 год» (цензурное разрешение 18 дек. 1830): «Красою смуглого румянца, / Смотрите, как она южна; / Она желтее померанца; / Живее ласточки она» (*Вяземский П. А.*, князь. Полн. собр. соч. СПб., 1880. Т. 4. С. 122). В «Северных Цветах на 1831 год» была напечатана также гоголевская «Глава из исторического романа», с подписью «0000» и датой «1830».

² Княжна Софья Александровна Урусова (в замужестве княгиня Радзивилл, 1804–1889), фрейлина.

³ Александра Александровна Эйлер (в замужестве Зубова, 1808–1870), фрейлина.

⁴ Такая датировка представляется наиболее вероятной.

⁵ Подразумевается княгиня Елизавета Петровна Репнина-Волконская (рожд. Балабина), старшая сестра М. П. Балабиной (в замужестве Вагнер).

⁶ Позднее, в 1895 г., в т. 3 «Материалов для биографии Гоголя» В. И. Шенрок писал: «По свидетельству покойной О. Н. Смирновой, из Марселя Гоголь приехал в Барселону и это путешествие могло произойти в более, нежели месячный промежуток между 15 июня, когда Гоголь был в Турине, и 21 июля, когда мы его видим уже в Бадене» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 3. С. 198). Путешествие в охваченную междоусобной войной Испанию и Португалию Гоголь совершил в период с 15 июня (н. ст.) по 16 июля (н. ст.) 1837 г.

⁷ Признайте, господин русский, что вот очень чистоплотная свинья! (*фр.*)

⁸ Локанда (*locanda; ит.*) – гостиница.

⁹ Сохранилось письмо Гоголя к Н. М. Смирнову от 3 сентября (н. ст.) 1837 г. из Франкфурта.

¹⁰ По свидетельству князя П. А. Вяземского, А. О. Смирнова училась греческому языку с целью изучить восточное богослужение и Святых Отцов: «Сведения ее были разнообразны, чтения поучительные и серьезные, впрочем не в ущерб романам и газетам. Даже богословские вопросы, богословские прения были для нее заманчивы... <...> Она выходила иногда в приемную комнату, где ожидали ее светские просители, после урока греческого языка, на котором хотела изучить восточное богослужение и Святых Отцов» (*Вяземский П. А.*, князь. Старая записная книжка // Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1883. Т. 8. С. 234–235).

<<Отрывки из дневника» А. О. Смирновой, присланные О. Н. Смирновой В. И. Шенроку около 1892 г.>

<...> Можно определить с точностью, к какому именно году и месяцу относится начало знакомства Александры Осиповны Россет (впоследствии Смирновой) с Гоголем. Дочь ее, Ольга Николаевна, для разъяснения данного вопроса, сообщила нам следующие отрывки из дневника ее матери на французском языке: <...>¹

Русский перевод:

«Малоросса, учителя Марии Балабиной, зовут Гоголь-Яновский; Лиза Репнина знает его; он родственник не так давно скончавшегося бывшего министра Трощинского^{II}. (Государь сказал тогда, что покойный император очень уважал Трощинского). Приходя проститься с Лизой Репниной, я увидела Гоголя-Яновского у Балабиных; хохол его мне напомнил Громоклею^{III} и старика Вороновского^I, жившего у бабушки². Он же (Гоголь) показался мне неловким, робким и печальным.

Послезавтра уезжаем в Царское».

¹ Следует текст на фр. языке.

^{II} Он умер 26 февраля 1829 г. («Русск. Стар.», 1882, VI, 656). – Примеч. В. И. Шенрока.

^{III} Громоклея-Водино, имени бабушки А. О. Россет («Русск. Стар.», 1888, IV, 33), Екатерины Евсеевны Лорер, урожденной Цициановой. – Примеч. В. И. Шенрока.

(*Спустя некоторое время*). «Завтра едем в Петергоф... <...>

Петергоф. Из Парижа прибыл курьер с самым неожиданным известием: катастрофа ошеломляющая! Король бежал из Рамбулье. Герцог Полиньяк не то, что Ришельё. Несчастливая герцогиня ангулемская опять должна жить в изгнании... Говорят, что они едут в Англию. Поццо¹ прислал курьера с кое-какими подробностями, но он слишком скоро уехал. <...>».

Из этого отрывка очевидно, что Гоголь познакомился с Россет именно в 1830 г., хотя Ольга Николаевна Смирнова сообщала нам прежде, что она по некоторым соображениям склонна относить время их первого знакомства не только к 1830, но даже к *концу 1829*. В дневнике Александры Осиповны рассказ о первой встрече с Гоголем записан после заметок и рассказов о путешествии Пушкина в Арзерум, о войне 1829 г., о смерти Грибоедова; несколько дальше следует о знакомстве с Гоголем, (и о нем же через некоторый промежуток упоминается снова, именно о чтении у Россет в рукописи «Вечера накануне Ивана Купала»¹¹), также о революции, о письме Луи-Филиппа к императору Николаю, о бегстве в Англию Карла X, снова о чтении «Миргорода», «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», и проч. <...>

Затем следует несколько страниц о событиях после революции 1830 года, потом снова любопытное место о Гоголе, об его первом визите. <...>¹¹¹

Русский перевод:

«Хохол упрям; он не хотел прийти ко мне с Плетневым; он робок, а мне хотелось поговорить с ним о Малороссии. Наконец Сверчок и Бык^{IV} привели его ко мне. Я их удивила, произнеся наизусть малороссийские стихи. Мне доставило большое удовольствие говорить об Украине; тогда он воодушевился. Я уверена, что северное небо давит его, как шапка, потому что оно часто бывает угрюмо. Я ему рассказала о Гопке^V, которая меня напугала вием³. Пушкин сказал, что это вампир греков и южных славян, каких у нас нет в северных сказаниях. Но Жуковский, будучи верен Германии и Гёте, прочитал нам «Коринфскую Невесту» (Гоголь хорошо знает по-немецки^{VI})... Я заметила, что он так и просияет каждый раз, как только с ним заговорит Пушкин. Он услышал, что я называю Пушкина Искрой, и нашел, что это название к нему идет... Как добр Пушкин: он тотчас приручил упрямого хохла! он так же добр, как Sweet William, или Бык, который мычит».

Sweet William^{VII}, Бык, Бычок и проч., по объяснению О. Н. Смирновой, были прозвания Жуковского; Сверчок и Искра — Пушкин, о котором отмечено в дневнике по-русски: «потому что его ум искрится». — Через несколько страниц снова читаем в дневнике о Гоголе: <...>^{VIII}

<Русский перевод:>

«Сверчок пришел поговорить со мной о Гоголе: он провел у него несколько часов, пересмотрел все его тетради, заметки, все, что он записал во время путешествия^{IX}, он поражен всем, что

¹ Граф Поццо-ди-Борго, русский посол в Париже в 1830 г. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

¹¹ В дневнике числа не обозначались и этот перечень сделан без строгой системы; см. ниже объяснение О. Н. Смирновой, хотя, впрочем, это ясно и из вышеприведенных строк. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

¹¹¹ *Следует текст на фр. языке.*

^{IV} Известные арзамасские прозвания Пушкина и Жуковского. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

^V Гопка, нянька А. О. Россет, хохлушка. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

^{VI} Сомнительное сообщение в виду других противоречащих данных. Впрочем, быть может, Гоголь научился немецкому языку в Петербурге по выходе из Нежинского лицея; в Нежине он уже выписывал немецкие книги, но успехов в языке сделал немного. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

^{VII} Sweet William — полевой цветок, дикая гвоздика. Василий Андреевич (Василий — William) поднес цветок А. О. Россет. Узнав, что это простонародное название гвоздики, он подписал однажды записку: Sweet William; под другими они подписаны: *ваш Бык* или *Бычок*. — *Ольга Смирнова.*

^{VIII} *Следует текст на фр. языке.*

^{IX} Допускаем несколько неточный перевод слова *note* в виду неудобного сочетания в русском языке соответствующего глагола *записать* с дальнейшими дополнениями после *conversations*. — В. Ш. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

Гоголь подметил на пространстве между Полтавой и Петербургом, потому что он уловил¹ даже разговоры, типы, пейзажи и черты различия между населением северным и южным (хохлами)».

«Тут же, — сообщает Ольга Николаевна Смирнова, — много говорится о политических событиях во Франции и о светской жизни при дворе; потом о выходе 1-го января 1831 г. и об елке при дворе 24 декабря 1830 г. Но, к сожалению, несколько страниц вырвано; год же выставился только вначале, а далее месяцы и числа большею частью не обозначены»^{II}. <...>

...К 1829 г. в дневнике Александры Осиповны относятся <...> несколько строк к автору «Ганца Кюхельгартена», но автор этот был тогда неизвестен: <...>^{III}

Русский перевод:

«Плетнев принес мне книжную новинку под немецким заглавием: “Танц Кюхельгартен”; я сказала ему: “ваш предполагаемый немец — хохол; это хохлацкие шутки!” Плетнев смеялся надо мной и спросил меня: “неужто я думаю, что одни хохлы умеют смеяться?” Автор ему неизвестен и он сильно заинтригован, потому что автор должен быть молодой человек. Несмотря на уважение, которым я обязана Плетневу, я осталась при своем мнении, что это веселый малороссийский юмор⁴. Плетнев принес мне письмо нашего странствующего Сверчка, который обещал нам, уезжая на Кавказ, дать нам описание своего чувствительного путешествия^{IV}. Он обещал мне свозить Евгения Онегина на Кавказ и в Одессу».

Правда, в данной выдержке, находящейся в альбоме А. О. Смирновой, мы встречаем неточное утверждение о юморе Гоголя, или, точнее, неизвестного автора в «Ганце Кюхельгартене», что заставляет предполагать, что заметка сделана несколько позднее, по памяти, когда Александра Осиповна, узнав о малороссийском происхождении автора, может быть, записала об этом проявлении ее проницательности... <...>

Впрочем, мы должны еще оговориться, что прежнее наше предположение о знакомстве Гоголя с А. О. Смирновой только в 1831 г., в самом деле, неточно⁵; но это произошло вследствие того, что мы не имели прежде в руках отрывков из дневника, почему на основании передачи нам О. Н. Смирновой второй из приведенных выдержек заключили, что «Гоголь познакомился с Россет через Пушкина», тогда как в выдержке речь шла уже о *второй* встрече Гоголя с Александрой Осиповной. Поэтому мы говорили: «Между тем в июле 1831 г. Гоголь уже просил мать адресовать ему письма, на имя Пушкина в Царское Село. Таким образом, знакомство Гоголя с Пушкиным, а следовательно и с Смирновой, относится к летним месяцам 1831 г., а так как, оно состоялось, как увидим ниже, до переезда на дачи, то можно почти наверное приурочить его к маю этого года (в июне Пушкин был уже в Царском Селе)^V. Пушкин и Жуковский приняли, как известно, самое живое участие в Гоголе и, оценив его дарования, спешили ввести его в литературные кружки и всюду, где он мог найти мыслящее, образованное общество. Признав его своим, они, естественно, не замедлили представить его в тех домах, где сами находили интерес и отраду». — В настоящее время мы должны исправить это место в том смысле единственно, что знакомство с Пушкиным произошло в самом деле приблизительно в мае 1831 г., но с Россет Гоголь был знаком уже несколько раньше. — Немного позже первого ви-

^I Вероятно, появление в печати VI тома сочинений Гоголя (под редакцией академика Н. С. Тихонравова) вскоре разъяснит, о чем здесь идет речь. — *Примеч. В. И. Щенрока.*

^{II} Между приведенными выше строками целые страницы дневника, относящиеся к 1830, 1831 и 1832 гг. — *Ольга Смирнова.*

^{III} *Следует текст на фр. языке.*

^{IV} Конечно, шутливый намек на известное заглавие «Чувствительного путешествия» Стерна. — *Примеч. В. И. Щенрока.*

^V <...> О. Н. Смирнова особенно настаивает на поправке допущенной нами неточности в смешении выражений *встреча и знакомство.* — *Примеч. В. И. Щенрока.*

зита Гоголя к Россет в дневнике последней находим еще следующий любопытный рассказ: <...>¹

Русский перевод:

«Жуковский в восторге от того, что ему удалось схватить упрямого хохла, потому что он заметил, какое удовольствие мне доставляет говорить о Малороссии, о бабушке, о Громоклее, о Гопке и о сказках, которые она мне рассказывала. Гоголь слышал их также от своей няни. Мы говорили о гнездах аистов на крышах в Малороссии, о чумаках, о венгерцах, которые приносили моей матери перья фазанов, о кобзарях... Я обещала Пушкину побранить бедного хохла, если он загрузит в Северной Пальмире, в которой, правду сказать, такое большое солнце! Пушкин сказал, что

“Наше северное лето
Карикатура южных зим”

Они (т. е. Жуковский и Пушкин) так трунили над робостью и дикостью Гоголя, что наконец заставили его прийти в себя (войти в колею), и он явно был доволен, что пришел ко мне с конвоем». <...>

Фрагмент: «В дневнике Александры Осиповны - «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», и проч.» — впервые, с небольшими отличиями от последующего издания, опубликован: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь в 1829–1852 гг. // Русская Старина. 1888. № 4. С. 44. Остальные отрывки впервые опубликованы: *Шенрок В. И.* Материал для биографии Гоголя. М., 1892. Т. 1. С. 319–324, 327–330. Печатается по первым публикациям.

В предисловии ко второму тому «Материалов для биографии Гоголя» В. И. Шенрок замечал: «...отрывки из дневника А. О. Смирновой, затерянные г-жей <А. М.> Евреиновой <род. в 1844 г.; до 1890 г. — редактор журнала «Северный Вестник»>, вторично поступили к нам от О. Н. Смирновой уже во время печатания первого тома, а иные документы, обещанные нам, до сих пор еще не получены...» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1893. Т. 2. С. VIII).

¹ Артемий Ефимович Вороновский, дядя А. О. Смирновой.

² Екатерина Евсеевна Лорер (рожд. княжна Цицианова).

³ Некоторые исследователи считали достоверными сведения, сообщенные О. Н. Смирновой о первой встрече ее матери с Гоголем, во время которой якобы упоминался прототип будущего гоголевского образа — Вия (см.: *Жданов И. Н.* История русской литературы. Н. В. Гоголь. СПб., 1904. С. 144; *Чудаков Г. И.* Отражение мотивов народной словесности в произведениях Н. В. Гоголя // Университетские Известия. (Киев), 1906. № 12. С. 32; *Сиповський В.* Україна в російському письменстві. У Києві, 1928. Ч. 1. С. 281; *Ермилов В. Н.* В. Гоголь. 2-е изд. доп. М., 1953. С. 52; *Грамзина Т. А.* Фантастическая повесть Н. В. Гоголя «Вий» и ее место в сборнике «Миргород» // Уч. зап. Волгогр. пед. ин-та. Кафедра литературы. 1964. Вып. 17. С. 113; *Осокин В. Н.* Откуда пришел вий? // *Осокин В. Н.* Пермские чудеса. Поиски и находки. М., 1979. С. 91–92; *Виролайнен М. Н.* «Миргород» Н. В. Гоголя. (Проблемы стиля). Дис. ...канд. филол. наук. Л., 1980. С. 189; *Крутикова Н. Е.* Великое братство // Гоголь и современность. Творческое наследие писателя в движении эпох. Киев, 1983. С. 19). В другом месте присланных О. Н. Смирновой В. И. Шенроку материалов добавлено: «Жуковский в восторге от того, что ему удалось схватить упрямого хохла <то есть Гоголя>, потому что он заметил, какое удовольствие мне доставляет говорить о Малороссии, о бабушке, о Громоклее, о Гопке и о сказках, которые она мне рассказывала. Гоголь слышал их также от своей няни...» (см. ниже).

Позднее свидетельство о рассказе Смирновой Гоголю в первую их встречу о Вии было напечатано в подготовленных О. Н. Смирновой «Записках А. О. Смирновой», которые публиковались сначала в журнале «Северный Вестник» (на языке оригинала и в переводе), а затем вышли отдельным изданием (на русском языке) (Из записных книжек А. О. Смирновой, урожденной Россет, с 1825 по 1845 г. Текст русский и французский (оригинал) // Северный Вестник. 1893. № 2. С. 279, 281; Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.). СПб., 1895. Ч. 1. С. 41, 43).

¹ Следует текст на фр. языке.

Из сличения публикаций явствует, что текст, напечатанный в «Северном Вестнике», несколько отличается от опубликованного ранее Шенроком. Это касается не только русского перевода, но и самого французского «оригинала» — что, впрочем, не может еще служить достаточным свидетельством неподлинности «Записок...» относительно данного фрагмента — подобные разночтения были характерны для самой А. О. Смирновой, оставившей многочисленные варианты своих воспоминаний. Однако сличение двух редакций текста, присланного О. Н. Смирновой, не дает оснований говорить о различных вариантах воспоминаний, а это в целом ставит под сомнение существование их оригинального источника.

В целом изучение фольклорных источников гоголевской повести заставляет признать свидетельство, сообщенное О. Н. Смирновой, малодостоверным. Сказок о вампире Вии среди этих источников не обнаружено. В. В. Сиповский, в частности, отмечал, что сходство гоголевского Вия с Вием, упоминаемым в «Записках А. О. Смирновой» — «вампиром греков и южных славян», только в имени (*Ситовський В.* Украина в російському письменстві. С. 281). Фальсификацией считал указанное свидетельство Д. И. Чижевский (*Tschizewskij D. I.* Bemerkungen zu den Novellen Gogol's // *Studia Linguistica A. V.* Issatschenko a Collegis Amicisque oblata. Lisse, 1978. С. 435). Возможно, в основу сведений, сообщенных О. Н. Смирновой (слова Пушкина о Вии как «вампира греков и южных славян»), было положено содержание одной из «Песен западных славян» (о Марке Якубовиче), а также соответствующее пушкинское примечание: «Западные славяне верят существованию *утырей* (vampire). См. песню о *Марке Якубовиче*». Некоторые основания для приведенного О. Н. Смирновой свидетельства можно усмотреть и в собственноручных записках А. О. Смирновой, именно в содержании одного из диалогов «Биографии Александры Осиповны Чаграновой»): «В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» ты увидишь, что такое ведьма и Вий, один из злых духов хохлов». — «Я изумлен твоей памятью <...>». — «Что же ты хочешь, дорогие воспоминания детства запечатлеваются в наших сердцах, как будто вырезанные римским кинжалом» (см. в наст. изд.).

Подлинными считал сведения, сообщаемые в присланных О. Н. Смирновой записках, В. И. Шенрок. В изданном им в 1893 г. втором томе «Материалов для биографии Гоголя», в статье, специально посвященной изучению источников повести «Вий» — «Происхождение повести «Вий» и отношение ее к народным малороссийским сказкам» (см.: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 2. С. 69–77), исследователь хотя и не упоминал о приведенном им годом ранее свидетельстве Смирновой, однако в этом же томе, — очевидно, опираясь на это свидетельство, заявлял: «Не подлежит сомнению, что первый неясный еще замысел таких фантастических рассказов, как «Вий» и «Страшная месть», зародился в голове Гоголя одновременно с мыслью воспользоваться для повестей собственным знанием малороссийского быта и пополнять их иными материалами, из которых впоследствии создались «Вечера»» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 2. С. 55). Шенрок указал при этом на ряд переключек между образами «Вия» и содержанием повестей «Вечеров на хуторе близ Диканьки» — «Страшной мести», «Вечера накануне Ивана Купала», «Майской ночи» и др. (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 2. С. 59–61, 103–105). Впоследствии замечание Шенрока о зарождении «неясных» замыслов «Вия» и «Страшной мести» в эпоху начала работы над «Вечерами...» было поставлено в связь со словами пасичника Рудого Панька в предисловии к первой части цикла, где пасичник обещает выпустить в свет в следующем году новую книжку и поместить туда страшные рассказы про «выходцев с того света» (см.: *Грамзина Т. А.* Фантастическая повесть Н. В. Гоголя «Вий» и ее место в сборнике «Миргород». С. 112). Думается, однако, что это замечание исследователей — согласно которому возникновение замысла «Вия» следует отнести еще ко времени до знакомства Гоголя с А. О. Смирновой (цензурное разрешение первой книжки «Вечеров...» — 26 мая 1831 г.; знакомство со Смирновой состоялось в июле) — вряд ли может служить — из-за отсутствия бесспорных данных — основанием для датировки начала работы Гоголя над «Виём». Тот же Шенрок замечал во втором томе «Материалов...», что созданию повестей «Миргорода» предшествовала поездка Гоголя на родину в Малороссию летом 1832 г., после чего тон его «малороссийских» повестей резко изменился — он стал более серьезным и даже трагическим (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 2. С. 123–126; см. также: *Гоголь Н. В.* Миргород. Повести. С приложением. Вступ. статья И. А. Виноградова. Сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М., 1996. С. 12–25).

⁴ Фраза: «...это веселый малороссийский юмор», — в тексте, присланном О. Н. Смирновой, выглядела следующим образом: «...ce sont des plaisanteries gaies (хохлацкие) de l'hummeur petit-russien». Позднее в «Записках А. О. Смирновой» О. Н. Смирнова замечала по поводу перевода этой фразы: «Г. Шенрок принял слово *hummer* за *юмор* в английском смысле этого слова, но моя мать говорила об *hummer* gaie, т. е. веселом нраве хохла» (см. в наст. изд. ниже).

⁵ Напротив, прежняя датировка В. И. Шенрока представляется более вероятной.

Записки А. О. Смирновой
(Из записных книжек 1826—1845 гг.)
Фрагменты

Предисловие

<Происхождение Записок>

Я извлекла из записок моей матери только то, что имеет историческое или литературное значение, и то, что она уполномочила меня рано или поздно напечатать. Потребовалось немало труда и терпения, чтобы привести в систему отдельные листки и собрать заметки, разбросанные в альбомах рядом со стихами, рисунками, засушенными цветами, или в записных книжках, рядом с извлечениями из прочитанных книг. Эта работа взяла у меня немало времени. Я ничего не исправляла, ничего не изменяла. Моя мать, записывая то, что поражало ее, не думала о потомстве и не заботилась ни о слоге, ни о форме. Даже в обычном смысле слова это не дневник, не записки, а просто записная книга. Действительность здесь взята живьем, — вот почему, может быть, эти заметки так жизненны. Встречаются разговоры между несколькими лицами в форме диалога. Это мне показалось оригинальным, я так и сохранила их. <...>

...Не надо рассчитывать на дневник в обычном смысле этого слова и в хронологическом порядке. Мать записывала с пылу то, что ее поражало. <...> ...Я сохранила, таким образом, рассказы моей матери, ее разговоры, исторические и литературные подробности. Иногда на тетради помечен известный год, но в той же тетради помещаются и заметки, относящиеся к следующему году. Иногда надписан какой-нибудь день недели или месяца. Но хронологии никакой. Только по указаниям на известные мне события из политики или из светской жизни я могла определить эпоху, но, приводя в порядок то, что я теперь публикую, я и не старалась держаться хронологического порядка. Не числа важны в этих торопливых, кратких заметках. Интересны подробные диалоги, интересно живое отражение эпохи, двора, салона Карамзина, светского кружка, где вращались Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Вяземский — все, что мыслило и писало в России; интересны отношения Государя, Императрицы и Великого Князя Михаила Павловича к этому кружку, где был принят и юноша Гоголь, где он начал свою литературную карьеру. <...>

Моя мать <...> сожгла много писем, доверенных ее честности, ее такту и сдержанности. И я буду верна ее завету относительно всего, что после нее осталось в мое распоряжение, т. е. опубликую только те из хранящихся у меня документов, обнародование которых не могло бы прямо противоречить желанию их авторов. Но архив, доставшийся мне от матери и увеличившийся еще моей собственной перепиской со многими историческими личностями, очень обширен, и я еще не успела как следует воспользоваться им для разъяснения многих историко-литературных вопросов, до сих пор совершенно неясных публике и часто очень превратно освещаемых нашими исследователями. Если я не успею напечатать всего, что может быть опубликовано, я поручу это другим; а все, что имеет литературный и исторический интерес, поступит в музей; в музей я отдам и портрет Гоголя от 1839 или 40-го года... <...>

У моей матери было несравненно больше бумаг и автографов, чем то, что осталось теперь. Очень многое у нее разобрали — для прочтения, чтобы никогда потом не отдать. Немало зачитано книг с посвящениями авторов. (Должно быть, страсть к автографам была непреодолима!) Вот почему мать советовала мне никому не доверять ни автографов, ни ее собственноручных записок, и опыт показал мне, насколько мудр был ее совет. Да никто и не мог бы разобраться в ее записках, не нашел бы нити в ее тетрадках, где рядом с рисунками, засушенными цветами

(мать очень любила ботанику), с переписанными стихами и выписками из книг разбросаны эти заметки. Они написаны по-французски; иногда попадает русская фраза, иногда какое-нибудь изречение по-немецки, по-английски, по-итальянски.

Моя мать могла бы из подобных заметок составить целую книгу, прибавив сюда и свои воспоминания. Но она не решалась на это. Она раза два начинала и рвала написанное. «Это будет слишком долго и утомительно, — сказала она мне. — Я не в силах хорошо написать книгу. Ты записала все, что ты слышала с детства, и можешь когда-нибудь позабавиться и издать все это, воспользовавшись моими записками».

<Архив О. Н. Смирновой>

Еще при жизни моей матери я стала приводить в порядок ее бумаги. На основании этих бумаг можно было бы весьма живо воспроизвести всю ее жизнь, полную самого глубокого исторического и общественного интереса. <...>

В Петербурге я виделась с Б. М. Маркевичем¹. Он знал мою мать с юности, так как был очень дружен с ее сводным братом, Львом Арнольди. Маркевич всегда восхищался моей матерью. Он предложил мне, сейчас же по окончании последнего романа, приступить к составлению ее биографии. Я должна была собрать материалы. Сотрудничество Маркевича, я думаю, было бы мне очень полезно: он так живо помнил прошлое. Кроме того, он был дружен с другом моей матери, графом Алексеем Толстым, жившим в Калуге, когда мой отец был там губернатором. Болезнь Б. М. Маркевича и его смерть (1884 год) приостановили появление биографии матери. Затем в продолжение трех лет у меня были другие дела, и я серьезно заболела. Но когда я получила из Лондона ящики с письмами, тетрадями и бумагами — я решила приняться за работу¹. Она пострадала отчасти от моего плохого здоровья, отчасти же от того, что я слишком медленно исполняла ее, так как у меня были и другие занятия.

Тем временем, до приведения в порядок ныне обнародуемых Записок моей матери, я решилась напечатать часть ее корреспонденции с разными лицами. «Русский Архив» напечатал несколько писем, вверенных его редактору. В 1888 году «Русская Старина» стала печатать письма моей матери к Гоголю, но Семеvский вдруг, не знаю почему, прекратил их печатание — прекратил без моего ведома. Оно возобновилось только в 1890 году¹¹. <...>

Жуковского я видела, когда была еще очень мала; он не вернулся в Россию к своему юбилею; вместо него прибыла «Одиссея»¹¹¹.

¹ Заметки и письма, из которых я заимствую весь материал, сохранились долгие годы в Лондоне и Дрездене; они были отданы мне только в 1886 году, а некоторые в 1887-м, после смерти моей гувернантки мисс Овербек. Мать моя умерла в 1882 году. Имя мисс Овербек часто встречается в переписке моей матери с Гоголем. Она мне завещала свои записки, всю переписку с моими родителями и дневник, который меня заставляли вести с шести лет до восемнадцати. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

¹¹ Это именно те письма, которые Кулиш отдал в Пражский музей *без разрешения* моей матери; он не имел никакого права распоряжаться ими. В. И. Шенрок отыскал их в Праге и меня об этом уведомил. Мать спрашивала эти письма назад и думала, что семья Гоголя сожгла их. Ей не сказали, что они у Кулиша, а он не отдал их. У него же должно было быть их гораздо больше, так как переписка матери с Гоголем шла с самой смерти Пушкина. Даже письма моего отца к Гоголю и ответы последнего пропали. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

¹¹¹ Он прислал один экземпляр моей матери; в 1847 году было напечатано его письмо к Плетневу, где он спрашивает, что мать думает о его переводе, так как она ничего ему об этом не написала. Это было после рождения моего брата, мать была очень больна тогда и проболела целых два года. Жуковский шутил и спрашивал, не приказала ли А<лександр> О<сиповна> своему лакею вынести его «Одиссею» из ее салона, и т. д. (См. соч. Плетнева, изд. Я. К. Гротом.) — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

Я помню Жуковского во Франкфурте. Он рассказывал мне сказки в саду дома Рейтерна², в Саксенгаузене. Жуковский казался мне очень высоким, очень полным, добрым, таким веселым! Странная вещь — воспоминания детства: почему одни обстоятельства так поражают, а другие исчезают как во сне. Быть может, в памяти детей остается то, что для них ново. Таким образом в эти дни, проведенные моею матерью во Франкфурте, чтобы видиться с Жуковским (там был и Гоголь), кроме жены Жуковского, сестры ее Мии Рейтерн, поразивших меня своей красотой, и дочери В<асилия> А<ндреевича>, маленькой Саши³, я помню больше всего их собаку, помню, как она глотала вишни и как Жуковский заставлял ее плясать. Гоголь, которого я встречала беспрестанно в Риме, в Ницце, в Бадене, был для меня свой человек и считался у нас обычным явлением. Я помню, что мы с сестрою, с которой были приблизительно одних лет и вместе учились, находили Жуковского приятным, веселым и ласковым. Гоголь также нам казался веселым, так как часто шутил с нами¹. Вообще в то время он еще не был так нездоров, хотя уже в Риме к нему привязалась *malaria*⁴. После этого лета, проведенного им в Германии⁵, при возвращении в Рим⁶, с ним сделались особенно сильные припадки римской лихорадки и тот ужаснейший припадок в Неаполе, когда он чуть не умер, и от которого спас его только врач, отправивший его едва живого морем в Геную. Морская болезнь тогда спасла его и прекратила припадки. Но с 1846 года здоровье Гоголя уже никогда не поправлялось. С тех пор он подвергался трехдневным лихорадкам всякий раз, как попадал в местность, где они царят. Он схватил такую лихорадку в Одессе, возвращаясь из Палестины. Припадок этой болезни, осложненный гастритом, и свел его в могилу. Вначале он мало заботился о своей болезни, полагая, что это просто обыкновенный припадок трехдневной лихорадки, и ограничивался лишь строгой диетой. В то время в Москве свирепствовал злокачественный гастрит. От него умерла в том же году одна из наших двоюродных сестер. Доктора и тут, как и у Гоголя, не поняли болезни, они ничего не знали о малярии, между тем как она, как возвратная лихорадка, может с двух припадков унести человека.

Я останавливаюсь на этом, потому что так много говорилось про болезнь Гоголя и о ней распространились самые нелепые слухи. Дошли до того, что уверяли, будто бы он из мистицизма уморил себя голодом! Странное понятие о религиозности. Все это должно быть еще раз пересмотрено в литературе, на основании документов и показаний знакомых и друзей Гоголя, к которым принадлежала моя мать и вся наша семья¹¹. У меня есть дневник, который я вела в то

¹ Моя маленькая сестра почувствовала внезапную страсть к Гоголю в Риме, и он играл с нею. И позднее в Калуге они находились в такой же дружбе, так что она оскорблялась, если он не обращал на нее внимания, и серьезно говорила моей матери: «Гоголь изменил мне». Тогда моя мать говорила ему: «Николай Васильевич, моя Надежда Николаевна в обиде, она вами недовольна», и Гоголь заключал с Надеждой Николаевной мир. Она питала также большую симпатию к графу Алексею Толстому и ссорилась (будучи очень маленькою) с Ю. Ф. Самариним, так как он дразнил ее; он находил забавными ее ответы и вид достоинства, который она принимала. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

¹¹ Пора бы сдать в архив мистицизм как способ смягчать выражения, изобретенный Белинским ради цензурных оскорблений, пора бы вспомнить, что великие мистики были в то же время превосходными деятелями и писателями, что они были не только людьми, черпающими свое вдохновение из Священного Писания, не только великими святыми, отцами и учеными Церкви, но также такими писателями, как Паскаль, Данте, Гете, Байрон. Человек, написавший знаменитые «Pensees» («Мысли»), открывший закон атмосферического давления, сделавший гигантский шаг вперед в развитии математических истин, был вместе с тем величайшим французским мистиком после Абельяра, столь же гениальным. Творец «Божественной комедии» был энергичный политический деятель. Байрон был настроен мистически: «Heaven and Earth» и «Cain» — произведения глубоко мистические. Достаточно перечесть чудные стихи Байрона о Св. Петре, чтобы убедиться, насколько этот гений был религиозен; только спиритуалист мог говорить в таких выражениях о Святой Святых, о желании предстать перед лицом Бога. Мильтон, автор «Defensio populi», был исполнен мистицизма, не только не повредившего, но, напротив, повлиявшего особенно благоприятно на его гений. То же самое нужно сказать о Шелли. Мистики анализируют тайны создания любви, смерти и их отношение к жизни, поражая глубиною своих психологических наблюдений.

время (мне тоже отдала его мисс Овербек). Я упоминаю в нем о Гоголе, Алексее Толстом, славянофилах, Ив. С. Тургеневе, о всех тех, кого я встречала в Калуге, в деревне, в Москве, в Петербурге у моих родителей. Я записала тогда же подробности относительно кончины Гоголя, его похорон, всего того, что я слышала об аресте Ив. С. Тургенева в то время, как он у нас обе-

Во всяком случае, я не могу признать, что религиозное чувство или мистицизм отяготили полет человеческой мысли или сгубили талант, как уверяют относительно Гоголя. Мне кажется, что все сочинения Достоевского ярко доказывают всю неосновательность такого воззрения.

Я не стану вдаваться в споры о достоинствах и недостатках «Переписки с друзьями». Мне известно, что моя мать советовала повременить ее изданием, потому что Гоголь, живя за границей, не мог присмотреться к эволюции, совершившейся среди московской молодежи между 1836 и 1846 гг., не знал, что Гегель и Прудон стали ее пророками после Шеллинга. Кроме того, не мешает принять во внимание, что многие из писем Гоголя служат ответом на запросы других лиц, письма которых не были приведены в «Переписке». Некоторые из писем, в особенности письмо к графу А. П. Толстому о театре, кажутся мне весьма замечательными. Гоголь оригинально развивает мысль, выраженную Шиллером: «Суд театра начинается там, где кончается суд законов». Письмо о «существо русской поэзии», в котором приведено изречение, сказанное Пушкиным по поводу Державина: «Слова поэта суть уже дела его», и о переводе «Одиссеи» Жуковского — я считаю также блестящими. Письмо о милостыне обращено к моей матери; это то самое письмо, от которого «тошнило» Базарова (см. «Отцы и дети» Тургенева). Из писем Аксакова видно, что не нравилось тогда молодежи в Гоголе. Оба лагеря (западники и славянофилы), о которых он сказал, что они видят каждый только одну сторону здания, а не все здание в совокупности, обиделись шибко!

Этого и следовало ожидать. Перечитывая резкое письмо Белинского к Гоголю и столь сдержанный ответ этого последнего, нельзя не признать, что автор «Переписки» проявил в данном случае на деле любовь к ближнему, о которой проповедовал. Его осыпали ругательными письмами, обвиняли в лести правительству, в том, что на устах его — ложь (письмо К. С. Аксакова), — и все это обрушилось на него за попытку высказать несколько истин о необходимости индивидуального самосовершенствования как исходной точки подъема нравственности всего общества. Я часто слышала от матери, как сильно повлиял Пушкин на склад воззрений Гоголя. Мне кажется (при изучении их сочинений мне всегда бросалось это в глаза), что влияние Пушкина проникло глубоко в душу Гоголя и всецело охватило ее. Смерть Пушкина даже повлияла на его тесное сближение с моими родителями, Жуковским и Плетневым. Это заметно в записках, относящихся к 1837 и 1838 гг., в тех местах, где моя мать говорит о трагической смерти поэта.

Припомните стих из «Пророка» Пушкина:

«И вырвал грешный мой язык»...

Гоголь, в сущности, выразил ту же самую мысль, заявив, что прежде чем писать, он должен очиститься, подготовить себя к своему труду размышлением, молитвою и проверкою своей совести.

Весь «Пророк» Пушкина проповедует ту же идею. Серафим касается очей и ушей пророка, открывает ему тайны мироздания и сокровенные истины, вырывает «празднословный и лукавый» язык и влагает в уста «жало мудрых змеи». Вырвав из груди сердце, «ангел водвинул уголь, пылающий огнем», чтобы пророк жег сердца людей пламенем божественной любви. Я знаю, что Гоголь часто говорил с моею матерью об этом гениальном стихотворении. В моем дневнике сохранилось содержание моего разговора с нею по этому поводу. Мать сказала мне: «Это были любимые стихи Гоголя». В другой раз она мне сообщила о довольно любопытной беседе Гоголя с моим отцом, очень восхищавшимся коротеньким стихотворением Баратынского:

Царь небес, успокой	Мне забвенья пошли
Дух болезненный мой,	И на строгий Твой рай
Заблужденьям земли	Силу сердцу подай!

Гоголь сказал моему отцу, что прежде он часто повторял эти шесть строк, терзаясь подобно Баратынскому и размышляя о значении слов «строгий Твой рай». Но потом он успокоился и слово *строгий* перестало смущать его. «Меня более не смущает строгость, — заметил Гоголь, — и это вовсе не верное изречение и понятие. Между грешником и строгостью стоит Спаситель и животворящий крест. Иго Его благо, бремя Его легко». — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

дал, и комментарии об этом событии. Я записала про посещение Государем моей матери в самый день, когда Тургенев был отпущен на свободу и пришел к нам обедать, записала даже про рассказ о кулебяке, которую он ел, когда за ним явились из III отделения, и которую моя мать ему потом послала в полицейский участок, записала те шутки, которыми по этому поводу его встретили, когда он вернулся к нам обедать. Я отметила в своем дневнике много мелких подробностей относительно Гоголя, А. Толстого, Ив. С. Тургенева, славянофилов, относительно разговоров и чтений, на которые была допущена¹. Я нашла также очень любопытные заметки мисс Овербек о воспитании, потому что ей случалось беседовать о нашем воспитании с Гоголем. Он прозвал ее восьмым чудом света, так как 20 лет учительства не убили в ней ни силы воображения, ни любви к прекрасному, к природе и к поэзии. Когда я напечатала в *Nouvelle Revue*, в Париже, два отрывка моих воспоминаний⁷, мисс Овербек мне написала: «Отчего вы не сообщаете подробностей об аресте Тургенева. Они довольно любопытны». Я отвечала: «Потому, что я рассчитываю со временем напечатать более подробные воспоминания». Поэтому-то она и завещала мне мой дневник и даже свои собственные заметки. Она была знакома со всем кружком, который собирался у моей матери, и даже толковала о воспитании с Жуковским, когда в 1844 г. моя мать навестила его перед своим возвращением в Россию и в последний раз с ним виделась. Я подробно рассказала о том, что моя мать записала про это последнее свидание с Жуковским. <...>

<Биография А. О. Смирновой>

<...> Моя мать воспитывалась в Екатерининском институте (девятого выпуска) и получила второй шифр. Первый дали m<ademoise>lle Балугьянской⁸: она была более способна к арифметике, к геометрии и рисованию, и у нее был отличный голос. У моей матери не было никаких способностей к рисованию, что не мешало ей тонко понимать пластические искусства. Особенно она развила вкус и любовь к искусству, когда вышла замуж за моего отца, известного знатока искусства и страстного любителя живописи; он прожил много лет в Италии, где особенно полюбил итальянскую музыку. И музыка была страстью моей матери до самой ее смерти; но только классическая музыка — итальянская и немецкая. Она изучила генерал-бас и разбирала ноты в совершенстве, так что могла играть a livre ouvert⁹ фуги Баха и всю классическую немецкую музыку. Она играла с Листом и очень часто с князем Владимиром Одоевским, хотя никогда не была тем, что называется пианисткой-исполнительницей.

Когда моя мать кончала институт¹¹, она понравилась молодой Императрице Александре Феодоровне, и та захотела взять ее к своему двору¹¹¹. В IX выпуске было три дебютантки. Княжна Стефания Радзивилл¹⁰, с которой моя мать была дружна с семи лет: они более девяти лет просидели рядом на институтской скамье. Ленивая, оригинальная, пылкая, простодушная и правдивая, с благородными порывами — молодая Радзивилл была любимой подругой моей

¹ Над моею привычкою «все записывать» слегка подшучивали. Ю. Ф. Самарин особенно часто говаривал: «О<льга> Н<иколаевна> все пишет, пишет». Я как-то ответила ему: «Только тогда, когда бывает интересный разговор! Я в особенности старательно записываю ваши насмешки, чтобы вы, Ю<рий> Ф<еодорович>, не умерли для печати. То-то выйдет язвительная книга! Я отмечаю также остроты Ф. И. Тютчева и князя Вяземского, красноречивые изобличения И. С. Аксакова и проч.». — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

¹¹ Матери моей было в это время 17 лет. Она родилась в марте 1809 г. и вышла из института в марте же 1826 г. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

¹¹¹ Ее дебют при дворе совпадает с первыми месяцами царствования Николая Павловича и Александры Феодоровны.

Император иногда говорил ей: «Александра Осиповна, я начал царствовать над Россиею незадолго перед тем, как вы начали царствовать над русскими поэтами. Что касается Императрицы, то она царствует над сердцами с тех пор, как она приехала в Россию». — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

матери; она, со своей стороны, платила ей дружбой и полным доверием. Императрица их немного баловала, с детства зная их, и прозвала обеих девушек «неразлучными». Стефания Радзивилл осталась при дворе Императрицы. Моя мать дежурила при обоих дворах. Живя в Аничковом дворце, она иногда ездила и в зимний; летом переезжала в Павловск. Но во время пребывания царской фамилии в Петергофе¹ она дежурила при Александре Феодоровне. После смерти Марии Феодоровны, в 1828 г., она окончательно перешла к Александре Феодоровне.

Третья дебутантка была Alexandrine Эйлер^{II}, очень красивая девушка, высокая блондинка, немного холодная, очень способная к музыке и математике. Она была благоразумная, прямая, искренняя; моя мать подружилась с ней и с баронессой Марией Дальгейм, уже после своего замужества и после преждевременной смерти подруги Стефании, которая в 1828 году вышла замуж за сына знаменитого графа Витгенштейна^{III 11}. <...>

Моя мать явилась ко двору в марте 1826 года, и весь этот год о Пушкине не упоминается. В 1827 г. его имя впервые появляется в записных книжках. По крайней мере, после коронации Государя моя мать пишет: «Жуковский получил письмо от своего “феникса”; ему будет разрешено жить здесь. Значит, я увижу Пушкина. Мне сказали, что он будет мне антипатичен, так как он насмешник, злой язык, язвительный и особенно смеется над молодыми девушками. Если он будет смеяться надо мною — пусть!»^{IV} <...>

<Отношение к Пушкину Государя и Императрицы>

<...> Мать записала также мнение В<еликого> К<нязя> Михаила Павловича. Он был сначала предубежден против Пушкина. Но раз, встретив его у моей матери, переменил мнение о нем. В тот же вечер он сказал матери: «Смотрите, как оклеветали Пушкина! Кроме того, что он талантлив, он вполне порядочный человек, рыцарь. Какой честный и гордый характер! Он очаровал меня».

В<еликий> К<нязь> говорил и о Гоголе, которого моя мать представила ему. Михаил Павлович находил в нем много оригинальности и юмора. <...>

<Гоголь, Вяземский и друг<ие> знакомства А. О. Смирновой>

Имя Гоголя впервые встречается в записках моей матери после подробных описаний событий 1830 г.

^I Она жила тогда в коттедже. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

^{II} Она потом вышла замуж за А. Н. Зубова и до самой смерти была искреннейшим другом моей матери. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

^{III} Все эти подруги моей матери упоминаются в записках. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

^{IV} Я сочла нужным поместить в самом предисловии несколько заметок, относящихся к 1827 году, и одну, которая, должно быть, принадлежит к 1828-му году; моя мать говорит здесь о своей встрече с Пушкиным, который с этого дня занимает большое место в ее заметках, что доказывает — до какой степени она поняла историческое его значение. Заметки, следующие за предисловием, относятся уже к более позднему времени. Заметки 1826 и начала 1827 года не имеют такого литературного интереса, и я их выпустила. *Все* послужило мне для объяснительных примечаний. Если я когда-нибудь издам рассказы моей матери, то я это сделаю по моим собственным заметкам, накопившимся в течение многих лет. Я обладаю очень хорошою памятью, но я не доверяюсь исключительно ей. Моя мать обладала в совершенстве удивительным даром рассказывать. Еще во время моего детства, отрочества, моей ранней юности она поражала меня, и не одну меня. Я очень рано начала записывать ее рассказы, *только что выслушанные*. Они близко познакомили меня с жизнью моей матери с ее детских лет, с ее школьными годами, с ее жизнью при дворе. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

В первый раз, когда мать говорит о Гоголе, она называет его двойной фамилией: Гоголь-Яновский. Она говорит о нем по поводу уроков Мари Балабиной, сестры княгини Елизаветы Репниной. Больше она никогда не называла его двойной фамилией. Есть указание на то, почему она сразу так заинтересовалась Гоголем: он был малоросс. Как только Орест и Пиллад (Пушкин и Жуковский) привели его к моей матери — он стал просто Гоголем и получил прозвище «Хохол упрямый». Он от застенчивости колебался ходить к моей матери, которая через Плетнева передавала ему, что она тоже отчасти «хохлачка». Это впервые сблизило их и положило начало их хорошим отношениям, перешедшим впоследствии в глубокую дружбу¹ 12.

Есть одна заметка, в которой дело идет о Гоголе, но моя мать не называет его, потому что говоривший с нею не знал, кому принадлежит произведение, подписанное немецким именем:

«Плетнев принес мне повесть, подписанную именем Ганса Кюхельгартена. Я сказала ему: «Ваш немец, должно быть, хохол». Плетнев посмеялся надо мною и спросил меня, не думаю ли я, что только одни хохлы умеют смеяться. Несмотря на мое уважение к Плетневу, я остаюсь при своем мнении, что его Ганс — веселый человек и его нрав (hummer¹¹) чисто малороссийский. Даже великоруссы шутят иначе, чем хохлы. Плетнев принес мне письмо, полученное им от нашего путешествующего Сверчка, который, отправляясь на Кавказ, обещал нам описать со временем свое сентиментальное путешествие. Я просила его не писать больше «Кавказских Пленников» — довольно уже одного офицера, похищенного чеченцами и любимого черкешенкой» <...>

¹ В апрельской книжке «Наблюдателя» за 1892 г., по поводу книги В. И. Шенрока «Материалы для биографии Гоголя», говорится об А. О. Смирновой и ее дружбе с Гоголем, в которой автор не видит ничего, кроме обыкновенного светского знакомства. Столь же характерно уверение «Наблюдателя», будто в нескольких выдержках из записок моей матери, напечатанных В. И. Шенроком в «Материалах для биографии Гоголя», говорится о революции 1848 г. Я предоставила в распоряжение г. Шенрока несколько строк, в которых упоминается об июльской революции 1830 г. и о Пушкине. Кому неизвестно, что Пушкин умер в 1837 г.? Очевидно, что в указанном «Наблюдателем» отрывке не могло быть речи о февральской революции 1848 г. Я послала эти страницы В. И. Шенроку для ознакомления с характером записок и с целью облегчить ему точное определение времени, когда Гоголь познакомился с моей матерью, — хотя, на мой взгляд, такие хронологические мелочи в данном случае не представляют особенного интереса. Во всяком случае Гоголь встретился с моей матерью не в 1829 г. В то время она (как и многие) не знала даже о его существовании. Даже в 1830 г. он не был ни знаменит, ни знаком «всему кружку». Раньше других познакомился с ним Плетнев. До 1830 г. Гоголя знали Репнины, Балабины, графиня <С. И.> Соллогуб.

Наконец, тот же «Наблюдатель» находит, что за 40 лет, миновавшие со времени смерти Гоголя, о нем написано уже достаточно, что Гоголь никого больше не интересует, что о нем сказано все. Это оригинальное воззрение на роковой 40-летний срок — истинная жемчужина в своем роде. Как далеко от этой «точки зрения» до принципов просвещенной критики, именно выжидающей того срока, когда время сотрет следы партийных раздоров, когда умолкнут отклики близоруких и односторонних суждений, на которые так щедра наша критика! В странах, в которых критика процветает с XIII века, до сих пор не перестают писать обширные исследования о Данте, Шекспире, Гете, Гейне, Раблэ, Кальдероне, Сервантесе, Шелли, Китсе, Во<р>дворте и даже о второстепенных и третьестепенных писателях. То и дело появляются на свет собрания писем и неизданные произведения Стендаля, Бальзака, Жорж-Занд, Флобера и др. поэтов, романистов, драматургов, философов, историков. Для нас, русских, царствование Николая Павловича (и конец царствования Александра Павловича) имеет такое же значение, как «великий век» (grand siecle) для Франции или период от Попа до Байрона и Шелли для Англии. И вот — еще прежде, чем эта эпоха разъяснена, в печати откровенно раздаются голоса, что ее пора предать забвению! — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

¹¹ Г. Шенрок принял слово hummer за юмор в английском смысле этого слова, но моя мать говорила об hummer gaie, т. е. веселом нраве хохла. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

<Воспоминания об А. О. Смирновой ее друзьями>

После смерти матери я получила много писем отовсюду, от всех, кто ее знал, даже в преклонных годах и больно. Масса писем, которые я получила, принадлежат людям самым разнородным по уму, положению и национальности.

Замечательно, что о душе, сердце, доброте говорят даже больше, чем об уме, который так ценили и которым так восхищались. Все верили в ее искреннюю дружбу, прямоту и благородство характера. Из стихотворений Пушкина и Хомякова видно, как хорошо они ее поняли; Хомяков описывает ее душу, а Пушкин — ее сердце и характер. Гоголь не преувеличил, назвав ее в одном из своих писем «перлом русских женщин»¹³.

К. М. Базили, человек ученый, редкого критического ума, приехавший знакомиться с моей матерью в Одессу, потому что она была другом Гоголя (Гоголь с ним много раз встречался в Бейруте, где он был нашим генеральным консулом), написал мне после смерти моей матери: «Пишите про нее, ее пример будет поучителен, узнают, что не только красота и ум (а ее ум был замечателен) останутся в памяти людей; доброта, высота и благородство характера, красота души не могут исчезнуть; они вместе с ее высоким умом составляли то незабвенное, что поражаело с первой встречи».

Дочь К. М. Базили (вышедшая замуж в Афинах) писала мне: «В ее избранной натуре была такая власть поработать людей всех возрастов, что даже когда не можешь ценить всех совершенств человека — ее совершенства овладевали воображением. Мне самой будет долго недоставать этого избранного существа, перед которым так приятно преклониться». <...>

<Салон А. О. Смирновой>

Моя мать не была специалисткой ни в какой области, но, как указывали П. А. Вяземский и Хомяков, в ней была душевная гармония и полнота, составлявшая ее обаяние и сделавшая ее центром литературного салона в царствование Николая Павловича.

Этот салон был, как мы видели, собранием лучших сил всей нашей страны, сердцем, из которого разносились во все концы России животворные соки — светлые, вдохновенные идеи и истинное просвещение. Здесь же происходил обмен мыслей между теми, которым суждено было будить Россию словом, и теми, кто имел возможность задумывать и подготавливать благие начинания в государственной жизни. <...>

Мне извинят это отступление, которое мне показалось необходимым, чтобы объяснить — в чем сношения наших писателей с нашими салонами и дворцами имеют важность и были тогда более чем «простыми светскими знакомствами». Впрочем, говорить о Пушкине и Лермонтове, что они гонялись за high-life, значит ничего не знать о них; они родились в этом кругу, они были в нем своими людьми. Гоголь познакомился с некоторыми представителями этого круга еще до появления в нем, у Плетнева, и очень естественно, что он был дружески принят там с тех пор, как Жуковский, Пушкин и Плетнев признали его талант. Поэтому давно пора перестать ставить нашим великим писателям в упрек «их тщеславное искание большого света, и двора, и знатных меценатов». Этот припев, который повторяется от времени до времени, столько же stale as a twice told tale (стар, как дважды рассказанная сказка), говоря словами Шекспира.

Наконец, я утверждаю и то, что говорили и писали все истинные друзья Пушкина, именно, что император Николай не только оценил и понял Пушкина, но и всегда о нем сожалел и не забывал его. Его смерть была для него очень прискорбна. У меня есть доказательства этого, которые я могла бы привести, так же как и доказательства сожаления его о Гоголе. Император ценил и сожалел автора «Ревизора» и «Мертвых душ», чему я тоже имею доказательства, которые мне было бы легко обнародовать. Может быть, я даже сделаю это, окончив издание Записок.

О. Смирнова

Из записных книжек А. О. Смирновой,
урожденной Россет,
с 1825 по 1845 г.

Часть 1

<Подробности придворной жизни>

(<...> ...Следует несколько замечаний по поводу бельгийской революции.)¹ Король (голландский)¹⁴ оставил Брюссель; королева уже раньше уехала в Гагу. <...> Все это передавал мне Виельгорский¹¹ для Пушкина, потому что я ехала к Карамзиным, а он мог быть у них в этот вечер. <...>

<Первое знакомство А. О. де-Россет с Гоголем>

(В 1830 г. моя мать впервые упоминает о Гоголе, но очень неопределенно.)

Лиза Репнина¹¹¹ говорила мне, что Мари меньше страдает мигренями и может опять начать брать уроки.

Ей нашли учителя, но это не Плетнев. Warette Репнина^{IV}, которая его знает, видела его семью в Полтаве. Они сродни Трощинскому, который умер в прошлом году¹⁵ в глубокой старости. В то время Государь очень хвалил его; он был министром при Екатерине II; Император Павел удалил его, а покойный Государь, тотчас по вступлении на престол, сам поехал к нему, чтобы просить его вернуться, так как он очень его уважал. Это семейство — Гоголь-Яновские — настоящие малороссы. Warette очень их любит. Лиза говорит, что учитель хороший.

(Значительно позднее опять говорится о Гоголе.)

Я издала видела хохла Вареты, когда шла прощаться с Балабинами^V. Там был старик Пари. Он был очень рад меня видеть; мы говорили о тапап Брейткопф¹⁶, о Кюхельбекерах, о Глинках, об институте. Лиза мне сказала: «Не заговаривайте с хохлом; он очень застенчив, да и не нужно прерывать урока». Я спросила, любит ли Мари своего учителя. Он, кажется, очень умен, но говорит мало, так как очень застенчив. Он показался мне грустным и неловким; но он настоящий малоросс^{VI}; чуб его даже напоминает мне старика Вара-

¹ Здесь и далее примеч. в круглых скобках принадлежат О. Н. Смирновой.

¹¹ Гр<аф> Михаил Виельгорский очень любил Пушкина, Жуковского и Гоголя. По вечерам он читал вслух Императрице. Он был большим любителем музыки, так же, как и его брат Матвей, который впоследствии заменил его при Императрице. — Примеч. О. Н. Смирновой.

¹¹¹ Урожденная Балабина, подруга моей матери. — Примеч. О. Н. Смирновой.

^{IV} Княжна Warette Репнина, сестра князя Василия, умерла в глубокой старости: она была большим другом Гоголя. Репнины родом из Полтавы. Гоголь бывал у них в их имении Егатино. Старая княгиня его очень любила. Ее муж был внук знаменитого Репнина при Петре Великом и сын наместника Царства Польского, который построил Брюльскую террасу в Дрездене. Репнина, как и все Репнины вообще, отличалась оригинальностью и независимостью характера. — Примеч. О. Н. Смирновой.

^V Г-жа Балабина была дочь эмигранта г<-на> де-Пари. Она была дружна с начальницей института г-жой Брейткопф, теткой декабриста Кюхельбекера и родственницей Глинки. Воспитанницы Смольного и Екатерининского институтов называли начальницу тапап. — Примеч. О. Н. Смирновой.

^{VI} Эта случайная встреча положила начало симпатии моей матери к Гоголю, так как он был малоросс, а она была в Малороссии в детстве (хотя родилась в Одессе); она даже знала Капнистов, которые были знакомы с семейством Гоголя. — Примеч. О. Н. Смирновой.

новского¹ 17, который бывал у моей бабушки. Я просила Плетнева привести мне когда-нибудь этого Гоголя-Яновского: я хочу его видеть, потому что он «из-под монумента»¹¹. Он отказался прийти: он слишком робок. А мне так хочется поговорить с хохлом, с настоящим, слышать хохлацкий говор. Это напомнит мне бабушку, Грамаклею¹¹, мое детство; хотя бабушка говорила не с хохлацким, а с грузинским акцентом, как и ее брат¹⁸, но знала малороссийский язык так же, как и я, и моя мать. Я непременно хочу видеть этого упрямого хохла, поговорить с ним об Украине, обо всем, что мне так дорого. Я просила Плетнева сказать ему, что я также хохлачка.

<Жуковский, Пушкин и Гоголь>

(Несколько времени спустя моя мать пишет:)

Наконец-то Сверчок и Бычок, мои два арзамасские зверя, привели ко мне Гоголя-Яновского. Я была в восторге от того, что могла говорить о Малороссии, и он также оживился. Я всех их поразила, продекламировав малорусскую песню. Я уверена, что северное небо давит Гоголя, как свинцовая шапка; порой оно бывает такое тяжелое. Мы говорили обо всем, даже о галушках. Я рассказывала о том, какой страх внушала мне Гопка^{IV} своими рассказами о Вии. Пушкин говорил, что это вампир греков и южных славян. У нас, на севере, Вий не встречается в сказках.

Жуковский, верный своему Гёте, продекламировал «Коринфскую невесту». Гоголь выучился немецкому языку и хорошо его понимает; он преклоняется перед Шиллером, и Жуковский упомянул, что на экзамене я прекрасно сказала «Элевзинский праздник». Я заметила, что достаточно Пушкину обратиться к Гоголю, чтобы тот просиял. Когда он услышал, что я называю его Искрой, он нашел это имя очень подходящим, более поэтическим, чем Сверчок. Сверчок очень добр, он быстро приручил бедного хохла — грустного, робкого и упрямого; он так же добр, как Sweet-William, милый мычащий бычок. Мой бычок мычит, очень довольный тем, что ему дают прозвища. Это тот самый белый бычок, о котором рассказывается детская сказка. <...>

Жуковский в восторге от того, что ему удалось притащить упиравшегося хохла, потому что он видел, как мне приятно было говорить об Украине, о бабушке, о Грамаклее, о Гопке и о тех сказках, которые она мне рассказывала. Гоголь также слышал их в детстве от своей няни. Мы говорили о гнездах аистов на крышах в Малороссии, о чумаках, кобзарях, венгерцах, которые приносили моей матери фазаньи перья. Я обещала Пушкину бранить бедного хохла, если он будет слишком грустить в Северной Пальмире, где солнце всегда имеет такой болезненный вид. Пушкин говорит, что северное лето — карикатура южных зим. Они так дразнили Гоголя за его дикость и застенчивость, что он наконец перестал стесняться и сам очень доволен тем, что пришел ко мне с конвоем.

¹ Варановский был очень богатый малоросс, который жил также и в Новороссии; он был женат на одной сестре моей бабушки. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

¹¹ Родившийся близ полтавского памятника. Местное выражение для обозначения уроженцев Полтавской губернии, сердца Украины. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

¹¹¹ Имение моей прабабушки Лорер. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

^{IV} Няня, которая ходила за детьми Россет в Грамаклее, под надзором гувернантки-швейцарки, Амалии Ивановны, при которой все они родились. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

Сверчок пришел поговорить со мной о Гоголе. Он провел у него несколько часов; просматривал его тетради, его заметки, все, что тот записывал по дороге. Он поражен тем, как много наблюдений Гоголь сделал уже на пути от Полтавы до Петербурга; он записывал даже разговоры, описывал города, в которых он останавливался, различных людей и местности, отмечал разницу между жителями севера и хохлами. Пушкин кончил тем, что сказал: «Он будет русским Стерном; у него оригинальный талант; он все видит, он умеет смеяться, а вместе с тем он грустен и заставит плакать. Он схватывает оттенки и смешные стороны; у него есть юмор, и раньше чем через 10 лет он будет первоклассным талантом. У него есть и драматическое чутье». <...>

...Пушкин <...> провел четыре часа у Гоголя и дал ему сюжет для романа, который, как Дон-Кихот, будет разделен на песни¹. Герой объедет провинцию. Гоголь воспользуется своими путевыми записками¹⁹. <...>

*<Литературные вечера у А. О. де-Россет: Государь,
Вел<икий> Кн<язь> Михаил, Пушкин, Жуковский,
Гоголь, Вяземский и др<угие>*

Вчера, когда я поднялась к себе с Alexandrine Эйлер, я застала m-r Ninette, Сверчка и Асмодея²⁰, я и забыла позвать его, и его уведомил Пушкин. Они ждали меня терпеливо, так как болтали с Марьей Савельевной¹¹. Плетнев привел своего упрямого хохла; прибыл и великий князь. Асмодей забыл своих «драконов» в карете и был очень остроумен и разговорчив. Марья Савельевна привела его в хорошее настроение; он утверждает, что моя дуэнья умна, как Сен-Симон, и чудесно знает дворцовый мир. Он зовет ее Madame Carnuel¹¹¹ и советует ей писать мемуары. Она воспитывалась в коридорах Зимнего дворца и видела три царствования. Ее бабушка служила у Елизаветы Петровны, ее мать — у Императрицы Екатерины; сама она видела конец ее царствования, затем царствование Павла и покойного Государя. Чтобы поболтать с Madame Carnuel, мои друзья всегда приходят ко мне раньше, чем я поднимаюсь к себе. Она рассказывает им ис-

¹ «Мертвые души». При этом приписано: «Пушкин просил моего покровительства Чичикову (герою) против суровости цензуры; я должна усыновить его, как Онегина и графа Нулина, хотя он очень некрасив, но портрет так хорош». Эта критика сделана гораздо позже; моя мать была уже тогда замужем. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

В изд. 1893 г. примечание к этому месту выглядело следующим образом: «Мертвые души». Я уже приводила впечатление после чтения I-ой главы. В заметке при этом говорится: «Пушкин просил моего покровительства Чичикову (герою) против суровости цензуры; я должна усыновить его, как Онегина и графа Нулина, хотя он очень некрасив, но портрет так хорош». Эта заметка написана гораздо позже; моя мать была уже тогда замужем..

¹¹ Эта Марья Савельевна была в своем роде знаменитостью. Она отличалась большим умом и сильным характером. Она осталась в семье моих родителей до самой смерти. Они ее очень уважали. К моей матери поместила ее Императрица-мать. Придворная прислуга служила из поколения в поколение. Некие Матвеевы и Петровы служили со времени Елизаветы. Моя мать говорила: «Есть династии гоф-фурьеров, лакеев, даже истопников». — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

¹¹¹ Madame Carnuel — дама XVII в., буржуазка при дворе. О ней говорится в письмах m-те де-Севиньи и в мемуарах Сен-Симона. Она была очень умна и находчива; ее изречения цитируются. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

тории из доброго старого времени, зовет Потемкина «герой Тавриды», а Суворова — «наш фельдмаршал» и знает сплетни за целые сто лет. Пушкин очень любит ее; она напоминает ему его старую няньку Арину²¹. Он сказал мне: «Она никогда не видала другой деревни, кроме дворцовых садов, другой избы, кроме коттэджа, а все-таки от нее пахнет деревней».

Я представила «хохла» В<еликому> К<нязю> Михаилу; он был очень любезен и доволен вечером. Гоголь читал «Майскую ночь». Я была очень взволнована воспоминаниями о моей милой Малороссии. Я даже сказала Великому Князю, что желала бы, чтобы столица была в Киеве.

Гоголь читает очень хорошо, он оживляется, становится не таким неловким, смеется про себя, когда смешно; при чтении и акцент его пропадает.

Говорили о Малороссии, о гетманах. У Пушкина были целые взрывы остроумия. Когда он в ударе — это просто фейерверк. А его гомерический, заразительный смех! Во всем мире нет человека, менее его рисующегося; это большая прелесть.

Императрица спросила меня: будут ли у меня сегодня вечером мои поэты? Я ответила, что у меня назначено чтение на понедельник и что они придут после вечера у Ее В<еличества>. Государь высказал желание прийти. Я очень насмешила его. Он спросил меня: «А что вы скажете, если я приду»? Я ответила: «Что я скажу, Государь? Вам скажу спасибо за честь, а потом скажу Марье Савельевне: бегите в кофешенскую¹ и спросите зеленого чаю для Его В<еличества>».

Он действительно пришел. Все мои гости были в сборе. Марья Савельевна прислуживала Государю, и он вспомнил, что знал ее мать, когда был ребенком; потом говорил с Пушкиным о его бедной Арине Родионовне¹¹. Он был очень милостив к Гоголю, высказывал похвалы его дяде Трошинскому, его деятельности при Екатерине и при покойном Государе. Он разговаривал с ним о Малороссии, о гетманах, о Хмельницком и Скоропадском.

Сверчок был очень в духе; Асмодей — весел, добрый Жуковский — счастлив; Вьельгорский болтал for a wander¹¹¹, Великий Князь был забавен.

Государь говорил о старых русских слугах и о стихах, где Пушкин упоминает о своей бабушке²² и старой няне. Государь попросил Пушкина прочесть их. Он прочел и, разумеется, очень плохо — по своей привычке, в галоп. Государь заставил его повторить и сказал ему:

— Какие восхитительные, мелодичные стихи!

На это я заметила:

— А как он плохо говорит их. Он читает галопом — марш, марш!

— Вы обращаетесь с поэтами без церемоний, вы смеетесь им прямо в лицо, — сказал мне Государь.

Пушкин ответил за меня:

— Это мой самый строгий цензор; она уважает поэзию, но не поэтов. Она третирует их свысока, но у нее музыкальное и верное ухо.

Тогда Е<го> В<еличество> сказал ему, чтобы он приносил свои стихи мне; Государь будет прочитывать их до цензуры; на меня возложена обязанность курьера. Уходя, Государь сказал мне. «Вы будете курьером Пушкина, его фельдгегерем».

¹ Государь пил вечером зеленый чай. Кофешенская — это придворный буфет, где варят кофе и чай; название осталось с царствования Анны Иоанновны, также и прочие немецкие придворные имена, переделанные на русский лад. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

¹¹ Она тогда умерла, и поэт очень жалел ее. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

¹¹¹ Вьельгорский вообще был не очень разговорчив. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

Когда Государь ушел, я поздравила Сверчка с находчивостью, так как он напомнил Государю, что он его цензор с самой Москвы. А этот неблагодарный ответил мне: «Бесконечно более снисходительный, чем вы, донья Соль!»

— Вы неблагодарны, — возразила я, — для вас я становлюсь фельдъегершей.

Пушкин хохотал во все горло. Я продолжала:

— Вы говорите, что я строгая, потому что я не люблю «Черную шаль» и «Кавказского пленника». Первая напоминает мне живые картины у Карамзиных, второй — повести Ксавье де Метра, а он надоел мне.

— Не ссорьтесь с Пушкиным за грехи его молодости, — проворчал Асмодей, — он больше не повторит их; он напишет вам оду гекзаметром, во вкусе стихов Шишкова! Это вас очарует.

Тогда Пушкин попросил у Марьи Савельевны бумаги и начал писать шуточную оду на мой зеленый чай, на мои прохладительные напитки, на красоту Марьи Савельевны и великолепие моих комнат. Я хотела сохранить эти стихи, но Пушкин порвал их, после того как прочел с жестами и выкатыванием глаз, как Каратыгин (которого я ненавижу). Пушкин хотел наказать меня за недостаток вкуса.

— Я расскажу графу Ксавье, что вы зеваете за его повестью, — закончил Пушкин.

— Я сама скажу ему, если вы хотите. Я люблю «Прокаженного» и «Путешествие вокруг моей комнаты», но нахожу «Парашу» сентиментальной и не обязана всем восхищаться.

— Она на все способна, — сказал Сверчок. — Мне нечего и говорить.

Он был в восторге от вечера.

Гоголь приходил читать «Миргород». Над Пульхерией Ивановной плакали. А потом Сверчок так смеялся, что Марья Савельевна, разливая чай, объявила ему, что когда будет умирать — то для храбрости пошлет за ним. Он рассказывал нам о Кишиневе, о цыганском таборе, об Одессе и о своих милых и восторженных соседках-псковитянках. Жуковский спросил его, за сколькими провинциальными барышнями он там ухаживал. Сверчок прочел нам очаровательные стихи, написанные им для m-те Керн; он хочет, чтобы Глинка положил их на музыку¹.

Гоголь сказал Плетневу, что думал о своей матери, когда описывал Пульхерию Ивановну.

Жуковский рассказывал нам о детстве и о своих путешествиях. Говорили о принце прусском²³, о Радовице, о его друге гр<афе> Галене и о Доппельгенгере, которого он видел в Лейпциге. Вяземский говорил о Вейсгауптских иллюминатах, о Кернере, друге m-те Крюднер, и о Превортской ясновидящей²⁴. Великий князь говорил о ложах, основанных одним шотландцем, Кейтом^{III}, говорил о маринисте Новикове, который был розенкрейцером; он был другом гр<афа> Сперанского.

Кн<ягиня> Дашкова ненавидела Новикова и была причиной опалы на него^{IV}, но, по-видимому, Императрица очень резко проучила ее по поводу Чулкова и вообще ссорилась с княгиней-президентом время от времени. К концу дружба их стала кисло-сладкой.

¹ Тот, что писал прокламации 1812 года; он писал в архаическом стиле. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

^{II} Глинка, как известно, положил на музыку стихи к Керн и многие другие стихотворения Пушкина. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

^{III} Джеймс Кейт (1696–1758), англичанин, протестант; в 1728 г. принят на русскую службу в чине генерал-майора, дослужился до чина генерал-аншефа; в 1741 г. назначен Великой Ложей Англии провинциальным гротмейстером для России; в 1747 г. вышел в отставку с русской службы.

^{IV} Президент академии Дашкова, действительно, способствовала этой опале, она не любила и протеже Новикова, Чулкова, издававшего русские сказки. Екатерина знала, что Дашкова задерживала их у себя, и приказала доставить книгу прямо к себе. Кн<ягиня> Дашкова была женщина начитанная и независимая. Она давала чувствовать Екатерине свои заслуги при вступлении ее на престол. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

У Вьельгорского множество книг по франкмасонству²⁵, и он говорит: «Я боялся смерти до тех пор, пока не стал франкмасоном». Он разговаривал с В<еликим> К<нязем> о Сведенборге и о Якове Беме.

Декабрист Лунин одно время очень увлекался иллюминатами. В<еликий> К<нязь> Константин Павлович очень ценил Лунина и жалел его. Жуковский говорил о немецком Vehmgericht. Полагают, что оно существует тайно. Говоря о Пестеле, В<еликий> К<нязь> сказал: «У него не было ни сердца, ни увлечения; это человек холодный, педант, резонер, умный, но парадоксальный и без установившихся принципов». Искра сказал, что он был возмущен рапортом Пестеля насчет этеристов, когда Дибич послал его в Скульяни¹. Он тогда выдал их²⁶. В<еликий> К<нязь> ответил: «Вы видите, я имею основание говорить, что это был человек без твердых убеждений». <...>

<...> Глинка говорил мне о молодом композиторе, у которого он находит более таланта, чем у Верстовского; его фамилия — Даргомыжский. <...> Даргомыжский собрал песни; я посоветовала ему попросить Гоголя выписать для него «Думы». Надо бы их собрать: кобзари поют лучше, чем русские мужики. <...>

<...> Вечером я рассказала Е<го> В<еличеству>, что Сверчок дал Гоголю сюжет для комедии: какой-то игрок приезжает в провинцию и его принимают за важное лицо; эта история не выдуманная. <...>

<Разговор из военной истории>

<...> Великий князь говорил со мной о Гоголе; он прозвал его: «Малоросс, прирученный доньей Соль».

Он находит в нем много юмора, оригинальности, веселости, а также поэзии. <...>

<Чтение «Сорочинской ярмарки»>

У меня был вечер: весь мой кружок и Великий Князь. Гоголь прочел нам оригинальную малороссийскую повесть «Сорочинская ярмарка». <...>

<Пушкин об античном мирозерцании>

Пушкин пришел с Гоголем и принес мне тетрадки стихотворений для Его Величества; мы опять говорили о литературе. Я спросила его, к чему дают ученикам, школьникам, произведения греческих и латинских авторов, если они часто неудобны для чтения? Пушкин улыбнулся и сказал: «Не все. Гомер вполне пристоеен; точно так же и Гезиод, Еврипид, Софокл, Вергилий и Эсхил. Есть у древних комедии малопристойные, есть у них поэты вольные и циничные; но все же они неизмеримо менее развратны, чем некоторые французы... <...>». <...>

¹ В этом рапорте Дибичу Пестель заявил, что этеристы — карбонарии. Говорили, что это помешало нам занять княжества, где турки избили столько этеристов и что главной причиной этого был рапорт Пестеля. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

<Пушкин о драмах и типах Мольера, об ученых и философах XVII и XVIII вв., о поэзии древних германцев, о реформации и революции>

<...> — ...Я так люблю цветы, что через них полюбила и ботанику. <...> Ландыши здесь прелестны; но васильки ярче в Украине; спросите Николая Васильевича¹, правду ли я говорю? Гоголь подтвердил мои слова. <...>

Гоголь слушал молча, от времени до времени занося слышанное в карманную книжку. Жуковский сказал ему: «Ты записываешь, что говорит Пушкин. И прекрасно делаешь. Попроси Александру Осиповну показать тебе ее заметки, потому что каждое слово Пушкина драгоценно. Когда ему было восемнадцать лет, он думал, как тридцатилетний человек; ум его созрел гораздо раньше, чем его характер. Это часто поражало нас с Вяземским, когда он был еще в лице. Он думал о стольких предметах и так сведущ в иностранной словесности; прочел ты то, что он тебе советовал?»

<Гоголь о прочитанных по совету Пушкина иностранных книгах>²⁷

Гоголь: Я прочел «Essais»²⁸ Монтеня, «Мысли» Паскаля, «Персидские письма» Монтескье, «Les Caracteres»²⁹ Ла-Брюйера, «Мысли» Вовенарга. Он³⁰ указал мне и трагедии Расина и Корнеля, которые я должен прочесть. Еще я прочел басни Лафонтена. О Вольтере и энциклопедистах он сказал мне, что я могу не читать их, но советовал прочесть сказки Вольтера, так как он находит, что это лучшее из написанного им. Дал он мне прочесть «Дон-Кихота» по-французски и всего Мольера. Затем я прочел немецкие книги, что вы мне дали, и переводы Шекспира.

Жуковский: Это похвально. Читай только то, что есть лучшего в немецкой и английской литературе, так как ты должен писать. Что же ты думаешь о Фаусте, о Вильгельме Мейстере?

Гоголь: Я совершенно поражен гением Гёте. Шиллер, с которым я довольно хорошо знаком, кажется мне теперь совсем другим. Я начал читать «Гамбургскую драматургию»³¹ и прочел «Натана Мудрого»³². Я сделаю извлечения из этих книг.

Жуковский: Можешь оставить их себе... Не благодари, потому что у меня их несколько изданий. Шиллер — великий поэт, но Гёте — и великий мыслитель. Пойдем обедать ко мне: у меня борщ и кулебяка. Поговорим о немецкой литературе. Я не приглашаю Колибри; они питаются медом и росой.

Я сказала на это: «Я обедаю у Pchette. Она угощает нас с Alexandrine Эйлер и Машей Дальгейм. Будет уха, расстегаи и пуховая каша со сливками».

Жуковский: Это довольно плотно для Колибри. <...>

<Жуковский и Плетнев о псевдониме Гоголя>

Большие прения между Плетневым и Жуковским по поводу псевдонима, который хочет взять Гоголь. Плетнев находит, что «Рудый Панько» звучит хорошо и что это вполне хохлацкое имя. А я нахожу, что и Гоголь-Яновский достаточно хохлацкое имя. Жуковский думает, что лучше ему выступить под псевдонимом, потому что автор молод, а наша критика возмутительно относится к начинающим, и болгаринская клика будет извергать свой яд; лучше избежать того, что может обескуражить начинающего автора. К тому же и Пушкин издал свои повести под псевдонимом Белкина, а Гоголь не может претендовать на большее, чем Пушкин. Гоголь и

¹ Гоголь. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

сам так думает. Я сказала ему мое мнение: «Если будут восхищаться Рудым Панько, вы ведь будете знать, что восхищаются вами». Я нахожу, что Пушкин должен был бы подписаться под своими повестями; но его забавляло то, что его принимают за Белкина. Я спросила его, где он выкопал эту фамилию; он сказал, что знал ее в провинции, в Смоленской и в Калужской губерниях, где у Гончаровых есть имение. Следовательно, псевдоним этот — знак внимания к родине Натальи Николаевны? Наконец, порешили с псевдонимом Гоголя, и пан «Рудый Панько» выступит на днях у книгопродавцев Петербурга. Жуковский так любит прозвища, что окрестил уже и Гоголя «Гоголёк» за его маленький рост. Я не знаю никого и ничего лучше и добрее Жуковского; как он тревожится теперь по поводу Рудого Панько, как озабочен тем, что о нем скажут. Он подбадривает Гоголя. Пушкин толкует другое и говорит ему: «Если вас разберют, тем лучше. Это докажет, что у вас есть будущность и что их беспокоит появление нового, многообещающего писателя».

Жуковский — воплощение бесконечной доброты. Искра сказал мне вчера о нем: «Он почти слишком добр. Во всей его обширной особе не найдется достаточно желчи, чтоб убить зловредную муху». Сам Пушкин добр, как все гениальные люди. Он заранее уже подготавливает статью в защиту Гоголя, и если на последнего слишком нападут, если Булгарин позволит себе что-нибудь, возражения Пушкина будут полны не только соли, но и перцу. Я видела Булгарина; мне показали это сокровище; у него препротивная физиономия. У Греча и Сенковского скучные лица педантов. Вот люди, с которыми нет охоты знакомиться. Троица скучнейших и неправдивых людей, всегда идущих кривыми и окольными путями. Sie sind Philister auch³³. <...>

<Интимный разговор Пушкина с А. О. де-Россет>

(Я нашла в записках чрезвычайно оригинальный разговор, не лишенный интереса как человеческий документ, говорящий о поэте и моей матери, а равно и о характере их дружеских отношений. Я несколько колебалась его печатать, но, по зрелом обсуждении, мне кажется, что разговор этот очень характерен. Им объясняются даже отношения, полные дружбы и безусловного доверия, между моими родителями и Гоголем после 1837 года: для них Гоголь был тем, кто, вместе с Жуковским, более всех любил и понимал Пушкина как поэта и как человека. <...> Мне казалось, что для характеристики Пушкина как человека беседа с ним моей матери, в то время когда она вступала в новую жизнь, имеет некоторое документальное значение... <...> — О. С<мирнова>.)

Визит Пушкина, торжественно возвещенный заранее. Он приехал поздравить меня; с обычной своей оригинальностью, входя, он сказал: «Я приехал от Смирнова, вашего жениха, вас поздравляли при дворе, надеюсь, что я поздравлю вас первым из непридворных друзей... <...> Я сказал Смирнову, что, по моему мнению, вы Татьяна». Я спросила, в чем я похожа на Татьяну? Он продолжал свою речь: «В сущности, вы не любите ни света, ни двора, вы предпочитаете жизнь домашнюю, она более соответствует вашим вкусам. Меня крайне поразила одна вещь: когда вы видели Гоголя в первый раз, вы были совсем взволнованы, говоря о вашем детстве, о жизни, до такой степени не похожей на ту, которой вы живете, и я сказал себе, что вы сумели бы быть счастливой даже в деревне, только вам потребовалось бы несколько умных людей для беседы с вами и множество книг. Вы умнее Татьяны, но вы всегда предпочитаете качества сердца качествам ума, я вас много изучал, но со вчерашнего дня я вас хорошо знаю. <...>». <...>

<Первый званый обед у Смирновых после их свадьбы>

Я дала свой первый обед близким друзьям, — они же и друзья моего мужа, а потому мы пригласили: Жуковского, Пушкина без жены, роды которой были слишком близки, чтобы она могла выезжать вечером, Вяземского без княгини, которая нездорова, Виельгорского, Плетнева, Софи Карамзину, Одоевских, мужа и жену. Мои братья приехали вечером, так же, как и Андрей Карамзин. <...>

Итак, Виельгорский смаковал наш первый обед. Жуковский тоже любит хороший обед, но в особенности обед русский, остальные относятся к этому так же равнодушно, как мой муж; что до меня, я ем хорошо, так как не живу воздухом, не изображаю из себя героиню романа и уважаю галушки и кулебяку, что приводит в восторг Гоголя и Жуковского. Мы просмеялись и проболтали весь вечер, мне было так весело давать обед друзьям. Гоголь не мог приехать, он заболел. Следующий обед наш будет для Крылова и Жуковского. Гоголь будет приглашен, у нас будут только русские и малороссийские блюда, так как у моего мужа есть и русский повар, очень хороший; Вяземский и Виельгорский сами назвались. Асмодей сказал мне: «Для этого обеда придется надеть кокошник, так как он будет русский».

Мятлев приехал вечером, он также будет на обеде *a la russe*. Мы порешили давать маленькие обеды друзьям раз в неделю и принимать вечером близких знакомых, или отправляться всем обществом кончать вечер у Карамзиных. <...>

<Чтение «Тараса Бульбы». Пушкин о «Тарасе Бульбе»>

Я объявила нашему хохлу, что он до отъезда должен нам перечисть «Тараса Бульбу», так как он в совершенстве прочел его в первый раз, а разговоры следует читать по-малороссийски, с ударениями, присущими родине Тараса. Пушкин, Жуковский, Плетнев, Мятлев и Вяземский приехали обедать; я, было, пригласила Натали и даже ее сестер, но они ехали к тетушке Xavier. Мятлев, всегда насмешливый, сказал мне тихонько: «Мне кажется, что вы задумали сделать из Натали Николаевны женщину, увлекающуюся литературой, но я полагаю, что вы потерпите неудачу; не для того чтобы говорить о “Путешествии вокруг моей комнаты” отправится она к этой госпоже Ксавье-де-Местр».

Я отвечала: «Молчите, бедовый человек».

Он возразил: «Ваш господин и повелитель того же мнения; он-то и сказал мне, что вы стремитесь внушить вкус к музам этой барыне, которая прекрасна и грациозна, но по части муз знает одну Терпсихору».

После обеда, который был очень веселый, Вяземский объявил, что гастрономия нашей столовой *пестрая*: блюда французские, русские, малороссийские и польские, причем он задается вопросом: эмигрировали ли борщ, колдуны и зразы из Польши в Украину или с берегов Сейма и Днепра на берега Вислы и Немана.

Они отправились курить и играть на бильярде, а я осталась с Гоголем и Плетневым. Гоголь говорил нам о своей матери и сестрах; он очень счастлив, что императрица платит за них в Патриотический институт, так как сначала платил сам и это было для него довольно тяжело³⁴; я обещала навещать их, если нас не отправят на какой-нибудь заграничный пост, быть может, в Берлин, или Париж, или Лондон, но мне думается, что для дебюта будет Берлин. Лиза Репнина и г-жа Балабина будут к ним ездить, а также г-жа Васильчикова и Варета Репнина, если она будет в Петербурге. Меня поразило, что Гоголь, который еще так молод, говорил о своих сестрах и даже матери, которую любит с большой нежностью, точно будто он отец семейства, обязанный им помогать, а между тем Варета говорила мне, что у них прехорошенькое имение и что он отказался от своей доли в пользу сестер и матери, но госпожа Гоголь не особенно опытная

хозяйка, и ее часто обманывают. Когда кончилась партия в билиард, они все возвратились в гостиную, и Гоголь начал читать с перерывами для чая и для ужина после двенадцати.

На этот раз «Тарас Бульба» показался нам еще оригинальнее; тут столько поэзии и правды, столько *малороссийского* в характерах.

Пушкин говорил во время роздыха: «Это эпопея, в которой можно было бы найти материал для прекрасной драмы. Акт первый: приезд сыновей и прощание с матерью, две прелестные сцены по представляемому им контрасту радости и горя. Акт второй: любовные сцены между Андреем и его хорошенькой полячкой, гнев Тараса, негодование и горе Остапа. Акт третий, великолепный: совет у казаков. Акт 4-й: пытка Остапа и сцена, посвященная Андрею и его польской Джульетте. 5-й акт составить трудно, так как невозможно изобразить на сцене ряд убийств; следовало бы сделать его коротким, изобразив Тараса, возвещающего о катастрофе жене своей и бунтующего Сечу своей речью, сказанную в чисто казацком духе.

Гоголь слушал его и казался счастливым. Наконец он сказал ему: «Александр Сергеевич, если бы вы написали драму Тараса, вы бы сделали это по-шекспировски».

Пушкин ответил: «Сюжет шекспировский, но сделать из него драму — дело автора, а не мое. Вообще чрезвычайно мало романов поддаются переделке на театральные пьесы; надо, чтобы действие могло быть сжато, чтобы страсти были очень просты; хотя человек существо сложное, страсти его всегда одинаковы; но они видоизменяются, так как человек изменчив в своих действиях, мыслях, даже целях! Здесь проявляются две страсти: страсть к независимости и родительская любовь, вопиющая о мщении, у матери материнская любовь и привычка к покорности мужу, главе семьи. Остап, который учился, остался чистокровным казаком, он обладает геройской твердостью спартанца, в его героизме есть гордость; а между тем это сердце, способное любить, что сказывается в его крике с эшафота: “Слышишь, ли, видишь ли меня, батько?” В этом зараз сказывается казак и сын, этот крик великолепен. Андрей — юноша верно схваченный, наивный, он романтичен, он не герой Сечи, а парень Грицко, <или> Левко в платье запорожца. Все эти противоположения совершенно верны и естественны». Гоголь сиял и наконец сказал: «Это исторический эпизод или, вернее, несколько эпизодов, слитых вместе; бывали романы между малороссами и поляками, казаки иногда увозили панн на своих конях».

Вяземский: «Как римляне похищали сабинянок; впрочем, любовь ничего не имеет общего с патриотизмом, и со времен Прекрасной Елены прекрасный пол причинял несчастья». Плетнев сделал замечание, которое Пушкин нашел превосходным: «Монтекки и Капулетти ненавидели друг друга, что и помешало Ромео сделаться открыто мужем Джульетты; влюбленные любили в то время, как их милые семейства ненавидели, и они от этого умерли; но любовь тем не менее восторжествовала, так как она сильнее смерти, ибо над трупами обе семьи-соперницы примирились».

Одобрив это замечание, Пушкин продолжал: «Песнь Песней говорит, что любовь сильнее смерти. Говорят, что Шекспир заимствовал свой сюжет из итальянской новеллы, которую я бы желал прочитать. Знаешь ли ты ее, Смирнов?» Мой муж отвечал: «Да, новелла делла-Порта; другие комедии он заимствовал у итальянских писателей, которые в то время были в большой моде в Англии; мне это говорил поэт ***, и я их читал. Я читал ту новеллу, из которой взят “Венецианский купец”. Автор ее Банделло; в Англии также существовала песня о жиде Шейлоке, которая появилась из Италии; я читал “Беатриче Ченчи”^{1 35}, откуда Шелли заимствовал свою трагедию³⁶. Знакомясь с этими слабыми набросками, поражаешься тем, что они внушили. Гамба, брат Терезы Гвичиолли, говорил мне, что Паризина также заимствована из старой сказки. Шекспир также читал шотландские и английские хроники; немного ему нужно было, чтобы создать шедевр: эскиз, факт, бесформенная канва. Столько любопытных вещей в интимной истории английских и итальянских семей, вещей не позабытых, так как они чтят предания прошлого».

¹ В публикации ошибочно: «Беатриче» Ченчи

Пушкин: «Чего нам слишком недостает. Но у нас мало писанных документов, так как мы долго были безграмотны; однако они должны существовать в монастырях, кроме государственных архивов».

Вяземский: «Романов мало, так как в русской истории недостает женщины».

Мятлев: «А они-то и делают романы или, по меньшей мере, вызывают их и даже эпопеи, со времен Трои...»

Пушкин: «Не станем на это жаловаться, так как это создает шедевры, без которых жизнь была бы пустыней, самый рай без Евы показался бы печальным Адаму».

Я спросила: «Вы говорите это потому, что я единственная представительница прекрасного пола?»

Он покачал головой: «Разве я говорю вам комплименты, придворных витязей гроза³⁷; или вы мне это говорите с нежной иронией?»

Когда Гоголь окончил свое чтение, Пушкин взял его за голову, поцеловал в лоб и сказал: «Пиши, пиши, думай, работай; все, что в этой голове, должно из нее вылиться, не заглушай ничего, ни ума, ни сердца, или воображения, ни души. Ты будешь путешествовать, ты увидишь, что Запад создал в мире искусства, ты уже понял искусство. Мне очень понравились твои статьи об искусстве, я завидую тебе, что ты можешь путешествовать». <...>

<Пушкин о Евангелии>

Сегодня Пушкин пришел меня навестить и спросил моего мнения... <...> Я отвечала: «<...> ...Сочините поэму на Рождество и на волхвов».

Он покачал головой. «Евангелие от Луки, которое читается 25 марта, — лучшая из поэм, никогда мне не написать ничего, что бы хоть сколько-нибудь к этому приближалось».

Минуту спустя он продолжал: «Ваша “Мадонна” Перуджино³⁸ меня чарует: она мне представляется таким типом рабы Господней, той, которая произнесла Magnificat. Брюллов говорил мне, что младенец написан Рафаэлевской манерой». Он пошел взглянуть на Мадонну... <...>

<Разговоры у Карамзиных: о современной музыке и друз<ом>

<...> «Надо иметь много философии и мужества, чтобы ночевать на этих почтовых станциях... — проворчал Вяземский. — <...> Я читаю имена путешественников в почтовой книге; там встречаются целые коллекции необыкновенных имен, которых никогда не слышишь: здесь можно было бы почерпнуть имена для романов и комедий, не оскорбив тех, кто их носит, так как романов они читать не будут и комедий не увидят».

«Вот отличная мысль, — сказал Пушкин, — я предложу ее Гоголю. Имена — дело довольно важное для романиста и для драматурга. <...>». <...>

<Чтение «Мертвых душ». Чтение «Ревизора». Пушкин о Гоголе>

Пушкин приказал хохлу, всегда неподатливому, когда он должен читать, принести рукопись начала его романа *Мертвые души*. Пока он читал, Пушкин, по своей привычке, ходил взад и вперед по комнате. Наконец он остановился перед Гоголем, положил ему обе руки на плечи, долго смотрел на него и сказал: «Умница!»; затем поцеловал его в лоб, в знак одобрения. Потом он снова заходил по комнате, подошел ко мне и сказал: «Невеселая штука — Россия!» Над не-

которыми сценами он от всей души хохотал, потом сделался чрезвычайно задумчив и наконец сказал Жуковскому: «А маленький-то хохол, каков?»¹ Потом он мне сказал: «М-те фон-Визин, вы способны это оценить, я по глазам вашим вижу — вы в восторге; вам следует взять г-*«*осподина> Чичикова под свое крылышко, он неказист, но вы должны оказать ему те же услуги, какие оказали изящному графу Нулину и очаровательному Онегину, так как ножницы страшной старухи (цензуры) его не пощадят». Гоголь был очень взволнован, и Сверчок даже поцеловал Плетнева, который всегда откроет какой-нибудь клад! Я не знаю провинции, но мой муж, который видал помещиков и чиновников, говорил мне, что Гоголь их верно описывает. Одно удивительно — это что Гоголь не жил в провинции в Великороссии, но прослужил несколько месяцев в одной из петербургских канцелярий. Пушкин говорил об этом с моим мужем и сказал: «Утверждают, будто столицы более развращены, чем провинция, это чистые заблуждения, так как Гоголь ничего не выдумывает, это совершенная правда, это страшная правда». Затем он прибавил: «Гроза придворных витязей³⁹ и цензоров, снаряжайтесь в поход из-за Мертвых Душ. Жуковский, который непременно должен говорить по-немецки, утверждает, что вы “dreist”»¹¹.

Жуковский решил, что я должна потребовать, чтобы хохол прочел мне свою комедию «Ревизор». Они устроили у меня обед: Сверчок, хохол, Плетнев, Виельгорский, — и Гоголь читал свой шедевр, который отличается необыкновенным юмором. Монологи Хлестакова и Осипа заставили нас смеяться до слез. Этот анекдот, взятый из действительности, рассказал ему Пушкин. Гоголь, читая, забыл все: свою робость, своих слушателей. Какой бы из него вышел актер! Он сливался со своими действующими лицами, присутствовал при всем этом и веселился. Он признался нам, что Бобчинского и Добчинского он знал, также и дам. Он мне также сказал, что, работая над «*Старосветскими помещиками*», он думал о своей матери. Что же касается Хлестакова, он говорит: «Этого везде можно встретить».

Плетнев думает, что цензура кое-что повырежет. Вяземский и Виельгорский говорят, что *Клика знаменитостей* (Булгарин и Брамбеус) сделает все на свете, чтобы повести интригу против «Ревизора» и что сами актеры скорчат гримасу, так как их приучили к тирадам Кукольника. Пушкин зовет Сенковского-Брамбеуса: Стенька Разин. Гоголь рассказывал нам, что хотел было сделаться трагическим актером; мысль эта показалась нам смешной: хохол в тунике и римском шлеме, декламирующий Озерова, — какое зрелище! Но комиком он был бы превосходным. Пушкин спросил меня: «Думаете ли вы, что Государь оценит эту пьесу и дозволит ее? Могли ли бы вы поговорить о ней и расположить его в пользу “Ревизора”?» — «Я не сомневаюсь, я даже убеждена, что он будет благосклонен и доступен», — и я обещала поговорить в благоприятную минуту. Государь же знает, что берут взятки, довольно он об этом говорит, а потому он и не запретит комедию, в которой достается вора; он разрешил давать «Горе от ума», которое было запрещено при покойном Государе, он нам как-то рассказывал, что Фон-Визин читал свою комедию императрице Екатерине и что Капнист читал «Ябеду» императору Павлу. Я все это ему напомним; я скажу ему также, что сюжет дал Гоголю Пушкин, так как Государь дружески расположен к Сверчку и чувствует, что Пушкин ему предан без всякой задней мысли, это расположит его в пользу «Ревизора». Все это я сказала друзьям, и Пушкин был поражен

¹ Существует письмо Жуковского, в котором говорится: «Никто и не подозревал, дорогая Александра Осиповна, что молодой дебютант, который так робел перед нашим дорогим Пушкиным, также произведет и свою революцию в русской литературе и будет творцом русского современного романа и русской современной комедии в прозе». — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

¹¹ Смелая, отважная. Пушкин поддразнивал Жуковского, говоря: «Он непременно должен всегда говорить по-немецки», — это намек на его увлечение немецкой литературой. Из всех немецких поэтов один Гете имел прелесть для Пушкина, всех остальных он ставил ниже английских и итальянских поэтов. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

моими дипломатическими намерениями, клонящимися к успеху г-на Хлестакова. Я привела его в восторг, сообщив, что Государь называет Булгарина «богом Гостиного двора». После их отъезда мой муж захохотал, я удивилась, и он объяснил мне, что вспомнил, как чиновники один за другим являются к ревизору, а затем прибавил: «Я хохочу, но это грустно до слез, избави меня Бог ехать служить в провинцию!» Я отвечала: «Аминь».

Пушкин навестил нас вчера вечером, мы были одни. Я рассказала ему, что мне говорил Николай, он засмеялся и сказал мне: «Избави вас Бог жить с чиновниками! Мне тоже хотелось плакать — от злости. Все это верно, слишком верно, бедный Гоголь будет уничтожен цензорами, ворами, критиками, людьми благонамеренными, каковы Булгарин и Сенковский, — эта вредоносная клика! Скажут, что Гоголь не обнаружил достаточного уважения к властям предержащим, к этой опоре существующего порядка или, вернее, беспорядка. Я отсюда слышу все, что будет говориться; даже актеры относятся крайне недоверчиво: они охотники до эффектных тирад и находят диалог тривиальным. Обо всем этом я предупреждал Гоголя, так как боюсь, чтобы он не стал унывать. Я рассказал ему, что бедный Грибоедов из-за “Горя от ума” имел даже неприятности с собственной семьей». Я отвечала: «Если Его Величество поедет смотреть Хлестакова и будет аплодировать, “Ревизора” найдут превосходным. Разве у этих людей есть мнение». Пушкин рассказал мне, что, набирая текст повестей Гоголя, наборщики хохотали от всей души, и прибавил: «Вот умные люди. М-ме Лафоре, поговорите с Государем о нашем Мольере».

*<Хлопоты А. О. Смирновой о допущении к представлению «Ревизора».
Государь о «Ревизоре»>*

Мне наконец представился благоприятный случай, и Государь обещал мне посмотреть пьесу. Он сказал, что она будет чрезвычайно полезна. Я рассказала монолог г. Хлестакова. Когда дело дошло до 30 000 курьеров, Государь расхохотался и наконец сказал:

«Успокойте автора; если Пушкин находит у него талант — этого достаточно, скажите им это от меня. Вы знаете, что я питаю большое доверие к Пушкину. Он не станет покровительствовать ничему заурядному, ничему, что было бы написано не в надлежащем духе, противном истине и нравственному чувству. Это рыцарь и патриот».

Я напомнила государю о Людовике XIV и Мольере, он рассмеялся и сказал: «Людовик XIV очень хорошо делал, что покровительствовал Расину и Мольеру, ничего лучшего он сделать не мог, но я не великий король; у того были иные цели и иные взгляды, чем у меня».

Виельгорский тоже был на вечере. Он также повел атаку в пользу «Ревизора». Он объявил Его Величеству, что пьеса не ниже «Горя от ума»; я полагаю, что Виельгорский уже пустил в ход нескольких знакомых ему цензоров.

Я видела великого князя Михаила Павловича; я просила его напомнить Его Величеству обещание посмотреть «Ревизора» и сказала ему, что пьесу эту будут читать у Виельгорских; я подстрекнула его любопытство, он мне сказал: «Я бы желал присутствовать». Вяземский сообщит об этом Виельгорскому, и великий князь будет торжественно приглашен. Асмодей Андреевич сказал мне, что вся клика, которая ненавидит Пушкина, бьет тревогу против Гоголя. Они ему ставят в вину, что он малоросс. Точно евреи, которые находили, что истина не может идти из Галилеи⁴⁰. Как я люблю Вяземского! Кроме ума, у него есть и сердце, при своем холодном обращении он добр, как и оба брата Виельгорские: Михаил и Матвей, и ничего банального в этой доброте, ничего заурядного. Всего хуже то, что триумвират: Лепид, Красс и Марк Анто-

ний, т.е. Булгарин, Греч и Сеньковский — народ не глупый, но они искательны, лукавы, воплощенная посредственность. Пушкин на днях говорил мне: «Хочется мне налепить объявление на дверь к цензорам, с надписью “Lasciate ogni speranza...”»⁴¹

Он нарисовал пещеру с этой надписью, а в пещере совсем сморщенную старуху, которая похожа на Сеньковского. Я просила его подарить мне этот рисунок, но он ни за что не согласился. Его рисунки к *работнику Балде* прелестны, в особенности чертенята и поп. Он рисует прекрасные карикатуры и всегда их рвет, Николай показывал ему карикатуры Сен-При⁴² и подарил ему некоторые из них. Граф Нессельроде имеет прекрасную коллекцию этих карикатур, Николай также подарил Пушкину английские карикатуры Б., нарисованные в момент Реформ-Билля⁴³, и французские карикатуры на короля Луи-Филиппа. Все это забавляет и занимает Сверчка, но с некоторых пор я нахожу его очень грустным и озабоченным, дела его плохи, и у отца его много долгов.

Я просила Гоголя еще раз прочесть нам Шинель. Пушкин говорит⁴⁴, что это чудо. Наш хо-хол прослужил несколько месяцев в одной из канцелярий и наслушался там характерных словечек. Всякий раз, как я вижу на улице бедного писаря, я вспоминаю об Акакии Акакиевиче. По поводу этой повести Сверчок мне сказал: «Помните ли вы, что я вам говорил — уже очень давно — что Гоголь будет русским Стерном?»

Чтение у Виельгорских, успех огромный. Было более народу, чем у меня. При втором чтении «Ревизор» показался нам еще лучше. Какая естественность в диалоге! Пьеса произвела на Великого Князя очень сильное впечатление, он поблагодарил Виельгорского за то, что он доставил ему это удовольствие, а затем сказал мне: «Мы смеялись, но грустно сознаться, а все это правда, и почти что хочется над этим заплакать; я думаю, что эта пьеса будет очень полезна и что брат мой так на это и взглянет».

Тем лучше!

Затем Великий Князь сказал мне, что если я буду вечером у Императрицы, и он там будет, и Государь будет в хорошем настроении, то он мне советует снова заговорить с Его Величеством о «Ревизоре». Случай представился великолепный, я провела вечер у Императрицы, там были Великий Князь и Виельгорский. Государь, очень веселый, спросил у меня, что я делала на этой неделе. Я рассказала о вечере у Виельгорских, о чтении, Государь стал нас расспрашивать. Его Высочество сказал ему, что пьеса дивная, совершенно необыкновенное произведение для такого молодого человека, что в ней есть монолог героя, единственный в своем роде, что он так хохотал, что у него бока заболели. Его Величество спросил у меня, что я об этом думаю; тогда я прочла наизусть части монолога, о котором уже ранее говорила Государю, и когда я дошла до 30 000 курьеров, Государь опять расхохотался, и я поняла, что пьеса спасена. Затем он нам сказал:

— Этот г-н Хлестаков напоминает мне Х., который выиграл все битвы 1812-го года!

Все это я рассказала у Карамзиных, где все общество пришло в восторг. Гоголь был в восхищении, равно как и Пушкин. Виельгорский объявил, что я читаю монолог Хлестакова идеально. Великий князь, которого я сегодня утром встретила на набережной, объявил мне, что Государь будет в театре. После этого все будут аплодировать.

Вчера был у меня Т. Во время его визита доложили о Пушкине и Гоголе. Т. продолжал разводить свои слащаво-добродетельные рапсодии. Когда он уехал, Сверчок, который сгорал от нетерпения, обратился к Гоголю и сказал: «Вот столичный Манилов, сохраните его для вашего романа, молодой человек, и поблагодарите Александру Осиповну за то, что она доставила вам счастливый случай слышать разглагольствования этого господина о добродетели, благотворительности и религии».

Гоголь отвечал: «Я его набросаю, у него вырывались драгоценные словечки».

Они мне рассказали, что воспитанники Театрального училища в восторге от «Ревизора», присутствуют на репетициях, пускают в ход различные острооты из пьесы, говорят языком действующих лиц и что актеры начинают проникаться духом нового рода произведений, если молодежь поняла, это обещает успех, так как она — будущее. Я убеждена, что Государь будет аплодировать раньше всех, так как он отлично поймет, о чем тут речь¹.

<Планы о заграничном путешествии Гоголя>

Обсуждали планы Хохла. Он хочет ехать в Германию, а Николай советовал ему ехать в Италию, провести часть зимы в Риме, после того как Тибр войдет в свои берега; он даже составил ему маршрут: из Вены в Венецию через Тироль и Верону, затем города Ломбардии, Болонья, из Милана в Геную, Пизу, Флоренцию, Сиенну, Умбрию, там — в Рим и в конце мая в Неаполь. Муж говорил ему, что таким образом он увидит все с птичьего полета и может вновь осмотреть, в больших подробностях, то, что особенно его поразит. В Венецию можно ехать в августе, для морских купаний в Лидо. Муж обещал Гоголю дать ему письмо к знаменитому падуанскому доктору Малфатти, который помнит Байрона и познакомит Хохла с профессорами университета; в Падуе имеется знаменитый ботанический сад, а Гоголь любит ботанику. Во Флоренцию муж снабдит его письмами в нашу миссию и к своим друзьям: Бутурлиным, Воронцовым, а также к Орлову, к художникам и к Аффендульево, великому знатоку картин и оригиналу, каких мало.

Пушкин от души хохотал, слушая рассказы Николая об одиссее этого Аффендульево, корфюта, ученого, великого чудака, близкого друга последнего венецианского дожа Манина, Аффендульево, который ненавидел Наполеона за то, что тот уничтожил всепресветлейшую венецианскую республику. Манин сделал Аффендульево вице-королем Кипра, а впоследствии королем Кандии. Пушкин сказал: «Так это один из королей, которых Кандид встретил в Венеции!» На венском конгрессе было решено, что Австрия и Россия должны производить пенсию этому низверженному королю, так как у него отобрали все его собственное состояние, ему и производят австро-русскую пенсию, на которую он и живет во Флоренции. Одно время он жил в Испании. Это страстный охотник до составления коллекций и большой знаток, он отказывает себе во всем, чтобы покупать эстампы, камни, всякие *objets d'art*, он разыскивает их на чердаках различных палаццо; он-то и нашел в Перуджии прекрасную «Мадонну», которую Николай купил у одних *decaduti*⁴⁵; это произведение Перуджино никогда не выходило из палаццо одного семейства, которое наконец впало в бедность, и Николай купил картину очень дешево, за 35 000 франков, что для картины Перуджино, самой лучшей той эпохи, за подлинной подписью художника, даже и без старинной рамы — сущие пустяки. Орлов познакомил мужа с Аффендульево, он почти всякий день обедал у Орлова, с тех пор как тот узнал, что экс-король питается одними оливками. Видеть Аффендульево чрезвычайно интересно, и через него Гоголь основательно ознакомится со страной и художниками, с профессорами академий Флоренции и Рима, куда он часто ездит. В Риме Гоголь увидит Жиро, драматурга, с которым Николай знаком⁴⁶. Пушкин дает Хохлу письмо к княгине Зинаиде Волконской. Репнины также снабдят его письмами. Мой муж часто видал княгиню Зинаиду, которая хорошо знала его мать⁴⁷, он тоже будет рекомендовать ей Гоголя, который получит и письмо к директору нашей академии, а также в нашу миссию. В Неаполе Николай будет его рекомендовать нашей миссии и археологам, из коих один друг сэра Вильяма Пелль, который указал английскому правительству на эллинские мраморы, сказав, что их должно спасти от разрушения.

¹ Уверяют, что Государь сказал после представления «Ревизора»: «Всем досталось, а мне больше всех», — что, однако, не помешало пьесе удержаться в репертуаре, несмотря на все усилия, какие делались, чтобы добиться запрещения, и невзирая на ярость критиков. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

<Литературный обед перед отъездом Смирновых>

<...> Вечер мы провели очаровательный, но немного грустный, потому что когда собираешься уезжать, всегда задаешь себе вопрос: когда-то свидимся. <...> ...Пушкин, вынув из кармана бумажник, сказал мне: «Отгадайте, что здесь заключается?» <...> Это список поэм и стихотворений, которые эта прекрасная особа давала читать Государю, ранее чем их видел Катон, уже около восьми лет она мой фельдбегер. <...> Здесь <...> и стихи Н., когда Государь читал Илиаду перед балом. Этот последний факт я рассказал Гоголю, который записал его, он был им поражен. <...> ...А теперь скажите мне, почему вы настаивали на том, чтобы тотчас показать Государю стихи Н. по поводу Илиады? Я всегда хотел спросить у вас причину и хочу наконец знать это.

— Потому что они прекрасны и доставили ему удовольствие, да вы и сами отлично знаете, что он мне ответил.

Соболевский: «А что он ответил?»

Я: «Я и не подозревал, чтобы Пушкин до такой степени за мною наблюдал и чтобы это даже могло поразить его. Это не поразило никого более из бывших на бале». <...>

Часть 2

<Известие о смерти Пушкина за границей>

<...> Юлия Зиновьева¹ написала мне несколько негодующих строк⁴⁹, она выражается со своею обычною резкостью: «Вот к чему ведет то, что принято называть невинным кокетством. Выходя замуж, надо посвятить свое кокетство мужу, оно неуместно с вальсерами. Вы разделяете мое мнение, дорогая Alexandrine, но мы обе с вами слышем *ворчуньями*, я — потому что некрасива, а вы — потому что прекрасны и исполнены ума и потому что к вам не смеют обращаться с пошлыми комплиментами, — вы и без помощи мужа умеете дать отпор, пристыдив нескромных. Мой муж⁵⁰ взбешен и, вместе с тем, огорчен. Как будет потрясен Баратынский! Он снова уехал и не присутствовал при этой трагической драме, прологом которой послужила серия безмянных гнусностей».

Я отошлю это письмо⁵¹ княгине Зинаиде¹¹ в Рим. Она даст его прочесть Гоголю. <...>

<Отношение к смерти Пушкина высшего русского общества>

Я получила длинное письмо от Алины Дурново⁵²; она пишет мне, по обыкновению, без фраз: «Я сожалею, что вы лишились Пушкина, потому что дружба с человеком, подобным ему, есть одна из редких радостей в жизни. Я жалею Смирнова, — он утратил друга, которого так высоко ценил своим столь добрым, столь рыцарским сердцем, своим патриотизмом. Я слишком люблю вас, чтобы могла завидовать вашей дружбе с Пушкиным, а между тем дружба с ним была достойна зависти. Я рада, что вы далеко отсюда, потому что ваше сердце, как и ваша душа, были бы возмущены. Наши изящные салоны не пропустили случая проявить свою низменность, пошлость и ограниченность. Меня пригласили на вечер к Императрице; гостей было довольно много. Она говорила со мной о вас, как и каждый раз, когда меня видит, и сказала мне, что написала к вам. Она даже добавила: “Ее так огорчит смерть *ее* поэта”

¹ Жена Н. В. Зиновьева, урожденная Батюшкова, сестра поэта. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

¹¹ Волконской. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

Говорили о Пушкине; видя, что Их Величества жалеют о нем и хвалят его, те самые люди, которые не далее как накануне клеветали на него и яростно злословили против него, придали своим лицам соответствующее случаю выражение; мне противно было смотреть на их притворство. Искренно оплакивают утрату Пушкина, считая его гордостью России, во дворце и у вашего верного друга, великого князя Михаила Павловича — оплакивают в такой же степени, как друзья поэта и все те, кто не принадлежит к числу пошлых льстецов или модников (*fashionables*) без мозгов, без сердца, считающих себя цивилизованными, потому что не знают родного языка, полагающих все свое изящество в нарядах, жилетах, дорогой мебели.

Вы достаточно изучили наш любезный большой свет, чтобы догадаться, *кто* поступал хорошо и *кто* выказал свою гнусность.

Произошло еще нечто любопытное; некоторые личности, видя отношение Государя к покойному и его вдове, сделали вдруг открытие, что Пушкин был великим человеком. Принялись расхваливать его перед лицами, которые могли передать об этом во дворце, — пошли даже дальше, стали делать визиты вдове, не принимающей никого, кроме самых близких знакомых и родни; стали наведываться к княгине Вяземской, также не принимающей, потому что она проводит целые дни у т-те Пушкиной, нервное расстройство которой внушало одно время опасения: с ней постоянно делалось дурно. Теперь она несколько оправилась. Стали посещать графиню Виельгорскую; она своим суровым видом сразу дала понять, что не скажет ни слова об этих визитах в Зимнем дворце. Она мне рассказала подробности о двух посещениях с остроумием, которого я не знала в ней, так как она не словоохотлива. Она нежно любит вас».

Я пошлю это письмо⁵³ в Рим, для Гоголя; я отправлю его княгине Зинаиде Волконской, она также прочтет его с интересом. <...>

Я получила письмо от Гоголя из Рима⁵⁴. Он в отчаянии и пишет мне: «Мое солнце угасло». Я не думала, что он так глубоко любит Пушкина как человека, помимо благоговения к его гению. Николай напишет ему обо всех подробностях, потому что я слишком расстроена, чтобы писать письма; я спишу, однако, для него несколько строк из писем, полученных мною из Зимнего дворца и от Великого Князя, потому что он очень скромнен и не *разгласит* о них. Николай приготовит для него копии с наиболее интересных из полученных нами писем или же пошлет их ему для прочтения, если не успеет переписать, так как теперь он очень занят в посольстве, вследствие отсутствия Медема⁵⁵. <...>

<Письма Гоголя к А. О. Смирновой>

(После 1837 года есть заметки о Гоголе, после парижских заметок, где говорится о смерти Пушкина, о которой я уже упоминала.) Итак: «Вот уже год как умер Пушкин. Мы заказали по нем панихиду. Николай и я — мы были очень тронуты, потому что Гоголь написал нам обоим 29-го января⁵⁶».

Николай написал Гоголю, чтобы сообщить ему о Крылове⁵⁷, который теперь поправляется после болезни. Он даже у нас обедал и спрашивал о «маленьком Хохле». Он был в театре, чтобы еще раз посмотреть «Ревизора», и Николай написал об этом Гоголю.

Наконец я получила письмо от Гоголя⁵⁸; оно успокоит Жуковского и Плетнева. Он пишет, что путешествовал, болел лихорадкой, но теперь поправился. Он много работает и читает. Он благосклонен только ко мне, ибо Жуковский писал мне, что Гоголь его забыл, а Плетнев уже целую вечность не имел от него ни строчки.

Гоголь очень интересуется⁵⁹, какое впечатление произвела на меня Москва, и в особенности деревня, потому что, в смысле деревенского, я видела в Великороссии только Царское Село, Петергоф, Павловск и Гатчину.

Получила ответ от Гоголя⁶⁰; он доволен, что мне нравится жизнь в деревне и что Спасское¹ произвело на меня хорошее впечатление. Он говорит, что русские не должны быть абсентеистами и должны больше жить в деревне. В этом отношении англичане дают хороший пример — абсентеизм помещиков погубил Ирландию.

Он доволен, что Николай охотился на волков, которые наносят такой вред. Он говорит, что русские мало знают настоящую Россию. Это правда, но зима среди снегов — слишком плачевна, и я, по природе и климату, предпочла, чтобы Спасское находилось в Малороссии. Конечно, это тронуло бы Гоголя. Во всяком случае, Московская губерния не похожа на местность по берегу Финского залива и Невы. Он не особенно поразился, когда я написала ему, что Москва показалась мне бестолковым городом. Это — большая деревня; конечно, Кремль красив, еще более любопытен; вид чудный, живописный, но город, сам по себе, неудобен вследствие больших расстояний, — и я вполне понимаю, что общественная жизнь не может быть там развита; каждая поездка — целое путешествие по невозможной мостовой. Николай, родившийся в Москве и имеющий даже там дом, не хотел бы в ней жить; правда, он покинул Москву совсем молодым. Вообще, я предпочитаю деревню. В Москве — какая-то пустота, несмотря на то, что Кремль и город¹¹ полны оживления, но все показалось мне «incoherent»⁶¹, — вот слово. На обратном пути я осмотрела церкви. Приехал Хомяков и сделал со мною исторический обход. Тетка моя⁶² свела меня к Троице, и я познакомилась с о<тцом> Антонием, грузином по рождению¹¹¹.

Это должно быть в 1841–1842 гг.^{1V}

Гоголь писал мне⁶³, что много работает и надеется, что Чичиков, его главный герой, будет иметь счастье мне понравиться. Он думает также, что мне понравятся провинциальные дамы и что они будут действительно очаровательны. Одна — дама просто приятная, другая — приятная во всех отношениях, гораздо элегантнее, чем жена и дочь городничего, это будет high life гу-

¹ Имя моего отца в Московской губернии, на берегу р<еки> Москвы. Гоголь был у нас там в последнее лето перед смертью. — *О. Н. С<мирнова>*.

¹¹ Это мнение было, кажется, причиною недоверия славянофилов к моей матери, до полного <их> знакомства после 1845 года. Эта заметка, очевидно, 1838 года, когда моя мать отправилась в деревню. Однажды она очень хвалила Ревель, оставивший в ней лучшие воспоминания, и высказывала желание иметь там виллу. С. Аксаков глубоко возмутился: «Ревель — немецкий город». Мать сказала: «Скорее финляндский. Наконец, точно не все равно, раз мне нравится. В Катеринентале такие чудные деревья и потом море варягов». Он пожал плечами. — *Примеч. О. Н. Смирновой*.

¹¹¹ Отец Антоний был настоятель Троицко-Сергиевской Лавры. — *Примеч. О. Н. Смирновой*.

^{1V} *Примечание О. Н. Смирновой*.

бернского города. Будет бал у губернатора, на котором Чичиков победит все общество. Я с нетерпением жду прочесть эту Одиссею.

Он пишет, что каждый день думает о Пушкине, что, Бог знает, что дал бы, чтоб иметь радость прочесть ему свой роман, услышать его мнение, которым он так дорожил и которое стало выше всего.

Он пишет мне о Риме, о соборе Св. Петра, о Колизее, Ватикане. Он иногда отправляется на виллу Волконского⁶⁴ и говорит: «Есть моменты, когда в Риме все чудно прекрасно: воздух, освещение, памятники, развалины, — когда чувствуешь себя среди грандиозно трогательных воспоминаний, одновременно грозных, трагичных и сверхъестественных. Это город городов, это вечный город, предопределенный, и если в нем остаются надолго, то любят, привязываются к нему, как к живому существу»¹.

Он говорит об Иванове, находящемся в очень затруднительном положении, — я скажу об этом Государю⁶⁵.

(Несколько дней спустя мать пишет): Уваров был на вечере у Императрицы. Я говорила ему об Иванове, и он советовал мне замолвить словечко у Государя, что я и сделала, когда он пришел к чаю; Его Величество обещал мне послать ему пособие.

Он меня спросил: «От кого вы это узнали?» Я ответила, что мне об этом писал Гоголь. «А он как, — нуждается в деньгах?» «Да, он тоже стеснен, но Ваше Величество уже дали ему пособие несколько времени тому назад». Государь улыбнулся: «Он, наверно, уже все истратил. Я велю вам выдать из моей шкатулки известную сумму и для него, но с условием, что это останется между нами, вы меня не назовете». Я была в восторге, а Его Величество обратился к Уварову: «Художнику Иванову нужны деньги, чтобы платить моделям, не забудьте, пожалуйста, позаботиться об этом».

*<Краткие заметки о Гоголе, живописце Иванове,
женильбе Жуковского>*

(Далее моя мать пишет о своем новом доме, в который она переехала в 1840 году. Из этого я заключила, что эта заметка тоже относится к тому времени. Между 1837 и 1845 г. много крайне сжатых заметок о Гоголе, Жуковском, Языкове, Вяземском:)

Письмо от Гоголя⁶⁶, плохое здоровье, ипохондрия. Языков очень болен, уезжает за границу⁶⁷. <...>

Гоголь пишет мне⁶⁸, что оканчивает «Мертвые души» и возвращается in cara patria⁶⁹, в Москву, чтобы их печатать. У него был Панаев⁷⁰ и какой-то молодой Анненков, которому он диктовал несколько глав; одно время они даже у него жили в Риме.

Иванов нарисовал еще голову Иоанна, и Гоголь пишет, что эта голова — самая лучшая. Иордан работает над гравюрой Преображения. Пименов^{11 71} в Риме. Его статуя много обеща-

¹ Небезынтересно заметить странность того факта, что Гоголь, создавая «Мертвые души», мог одновременно так глубоко чувствовать красоты Рима. Это два совершенно различных состояния души и ума и, очевидно, это поразило мою мать, так как она приводит эти слова в своих заметках. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

¹¹ Этот скульптор сделал статую, находящуюся перед подъездом Александровского дворца, в Царском, — Горгон, мечущий диск. У него был талант. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

ет, но ведь русские не поощряют своих артистов. Муж рассказывал мне, что Щедрин¹ 72 умирал с голоду в Неаполе, когда он купил у него три картины, а это был безусловно большой талант.

Гоголь пишет, что проводит целые дни в галереях с Овербеком^{II} 73, который научил его понимать Рафаэля. Иванов предпочитает Микель-Анджело. <...>

<...> ...Жуковский объявляет о рождении сына⁷⁴: «Его рождение — кульминационная точка моей жизни» (письмо)^{III}.

Гоголь упоминает мне о маленькой картине, нарисованной Ивановым. Это группа маленьких детей, бегущих навстречу Спасителю. Говорит, что красиво, но скорее жанровая картинка. Большой картон подвигается. Здоровье Иванова беспокоит Гоголя. Он работает слишком много, проводит ночи за книгой, глаза его испорчены, и он в общем плохо видит краски. Голова Юпитера Stator, которую он копировал для своего Иоанна Крестителя^{IV}, очень удалась, но он все-таки не вполне доволен. <...>

*<Затруднения Гоголя с цензурой и ходатайство А. О. Смирновой
пред Государем>*

Получила от Гоголя письмо из Москвы⁷⁵: неприятности с цензурой. Плетнев отправится к Уварову, но мне кажется, лучше я поговорю с Государем. Я посоветуюсь с Виельгорским и Василием Перовским, только что возвратившимся.

Провела вечер у Государыни. Государь был очень в духе. Я этим воспользовалась, чтобы замолвить словечко за Гоголя, и рассказала все, что он мне написал. Его Величество мне ответил: «Если его книга будет *так же хороша*, как “Ревизор”, я буду очень рад; расскажите мне содержание». В кармане у меня было старое письмо Гоголя⁷⁶, в котором он подробно передает мне «Мертвые души». Я его дала Его Величеству. Он очень внимательно его прочел и оставил у себя, чтобы перечесть. Я красноречиво рассказывала о Чичикове и Манилове; по крайней мере, Виельгорский, присутствовавший при этом, поздравил меня с ораторским талантом, я привела даже несколько оригинальных слов. Государь смеялся, заинтересовался и наконец сказал: «Так значит, автор вам читал свой роман?» Я «закинула преловко»^V фразу а la Kourdioukoff⁷⁷: «Да, Ваше Величество, и даже в присутствии Пушкина, на которого эта книга произвела большое

^I Щедрин, умерший очень молодым, был хороший пейзажист. — Примеч. О. Н. Смирновой.

^{II} Overbeck — знаменитый мюнхенский художник, живший постоянно в Риме. — Примеч. О. Н. Смирновой.

^{III} Попадают заметки о женитбе Жуковского, о рождении его дочери; о смерти Иосифа Виельгорского в Риме, за которым ухаживал Гоголь. Он был товарищ по учению Наследника. Там говорится о путешествии наследника по России, Сибири, за границу, в Лондон. Но эти заметки очень коротки и не имеют литературного интереса. Так как отец, по возвращении из Парижа, служил при дворе, то родители мои проводили лето в Царском и Петергофе. В 1842 году (осенью) мать моя отправилась на два года путешествовать и продолжала свои беглые заметки. Вернувшись в Россию, она тоже записывает, но с меньшею последовательностью. Корреспонденция ее тогда сильно увеличилась. — О. Н. Смирнова.

^{IV} Одна из этих голов Иоанна Крестителя была у моего отца, и мать после его смерти отдала ее в московский музей. Отец еще одну отдал раньше. — Примеч. О. Н. Смирновой.

^V «И закинула преловко», стих из Курдюковой. — Примеч. О. Н. Смирновой.

впечатление». Государь ответил: «Это был лучший судья, и мне достаточно его мнения. Попросите графа Уварова мне об этом напомнить. Не можете ли вы пригласить его к себе и вновь все рассказать; ведь он более чем кто-либо интересуется русской литературой». В карете Виельгорский мне сказал: «Кажется, вы имели успех. Заметили ли вы, что всякий намек о Пушкине трогает Государя? Я наблюдал за ним, он отводит ему совсем особое место в своей памяти!» Я ответила: «Заметила ли я! Да я ведь это знаю и поэтому упомянула о нем! Согласитесь, я сегодня отличилась как истинная жена дипломата». Мы окончили вечер у Нессельроде. Мой муж играл партию с графом. Общество было скучное — все дипломаты.

Перовский¹ получил письмо от Гоголя⁷⁸. Он приглашал его в Петербург, даже предлагал поместиться у него.

Мне доложили о графе Уварове, которому я писала. Он был очень любезен и полон расположения. Плетнев тоже ему говорил, и он обещал напомнить Его Величеству о Гоголе. Я сказала ему, что Государь взял письмо и что я хотела бы прочесть и ему, он яснее бы тогда понял «Мертвые души». Доложили о великом князе Михаиле, и остальные удалились¹¹. Я тотчас же посвятила великого князя в обстоятельства, он тоже обещал мне еще раз переговорить с Его Величеством. Мы говорили о прошлом, о чтениях у меня, о Пушкине. Великий князь не забывает нашего милого Сверчка. Он сказал: «Это было чудное время, оно слишком быстро миновало».

Я обедала у великой княгини Елены. Там были братья Виельгорские, Василий Перовский, Одоевский. Великий князь рассказал великой княгине, что Гоголь печатает роман. Она сильно им заинтересовалась. Она видела на сцене «Ревизора», читала «Тараса Бульбу» и «Вечера на хуторе». Она довольно хорошо понимает этот род литературы, в общем еще мало доступный русскому обществу. Говорили о Карамзине, Лермонтове и о бедном Крылове, который так медленно поправляется. Друзья его, в особенности Вяземский, посещают его каждый день. Он не может много разговаривать, но был очень доволен, когда я к нему пришла с Николаем. У великой княгини мы должны были музицировать, но в 8 часов я должна была отправиться с Михаилом Виельгорским к Императрице на вечер. В Зимнем дворце я встретила Уварова. Он объявил мне, что Гоголю разрешено печатать все, что вычеркнул московский цензор. Уваров был замечательно обязателен, а Государь спросил, довольна ли я. Я благодарила его, но он не отдал мне письма; оно не у Уварова, хотя он и читал его.

*<Болезнь и смерть Крылова. Самарин о Белинском,
Тургеневе, Герцене и славянофилах>*

В этот вечер Государь послал узнать о здоровье Крылова. <...>¹¹¹

¹ Генерал Перовский, оренбургский губернатор, он был очень дружен с Жуковским и Гоголем. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

¹¹ Когда докладывают о приезде члена императорской фамилии, по этикету остальные гости должны удалиться; конечно, если великий князь не остановит их. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

¹¹¹ Крылов был очень болен, потом поправился, и жил еще три года, хотя и был очень стар. <...>

Несколько спустя мать пишет о смерти старого баснописца: «Крылов умер, это был честный, достойный человек, прямая, открытая натура. Он был один из оставшихся в живых писателей екатерининского времени. Он видел Екатерину во всем ее блеске! Говорят, он не оставил записок, что очень жаль. С его юмором и с замечательным умением подмечать он отлично описал бы три эпохи — конец XVIII столетия, людей времени Александра I и большую перемену,

(Заметки, сделанные в Париже в 1844 г.)

<...>

<Беседа с Мериме...>

Мериме пробыл у меня целый час, говорил со мною о Пушкине, Гоголе, о своих переводах; он хитер, суховат, довольно циничен, колок, говорит так же хорошо, как пишет. <...> Он сказал мне, что Сент-Бёв и Бальзак в восторге от Гоголя и предложил мне с ними познакомиться... <...>

происшедшую с 1825 года. Уже во времена покойного Государя настроение умов было серьезнее, чем в XVIII столетии, а с 1826 года, благодаря Жуковскому, Пушкину и Гоголю, развитие сделало сильный шаг вперед. Если судить по Ю. Ф. Самарину, то молодежь 1845 года, которая едва покинула университетскую скамью, пожалуй, еще серьезнее. Самарин, например, глубоко интересуется религиозными вопросами. Мне кажется, его ожидает большая будущность. Он обладает критическим умом, очень образован и вообще поразил меня. Он вполне русский и в то же время очень просвещен. В обществе — остер, ироничен, даже насмешлив, но не *салонный человек*. Тютчев говорит, что это лучший человек в Москве. Его диссертация о двух архиереях Петра I — замечательна. Он был поражен легкомыслием петербургских салонов, где много говорят и болтают, но не беседуют. Он много меня расспрашивал о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, о дуэли Пушкина. Хомяков дал ему письмо ко мне. Мы говорили о Чаадаеве, о «Философских письмах», о J. de Maistre, о салоне Свечиной, о Лакордере, Ламенэ, Монталамбере, Фаллу и Гизо. Я была поражена, что они так мало знают о том, что происходит в Париже, в среде, где так много мыслят и пишут. Они имеют вид полного безучастия к этому. Я сообщила ему, что знала о сенсимонистах и фурьеристах, а он ответил: «Это нас совершенно не касается». Я спросила: «Чем же Гегель был более подходящ к русским? Да и кроме того, Прудон ведь гегельянец, и мне кажется, нужно прочесть произведения, чтобы отвергать их. Ваш кружок должен был бы близко следить за тем, что именно происходит на Западе». В Москве погружены в немецкую философию, даже Аксаковы, друзья Самарина, наряду с славянофильством, находятся в состоянии *Schönseeligkeit*.

Мне хотелось узнать его мнение о Белинском, который, *наконец, понял Гоголя* (это писано до «Пер<еписки> с друзьями», в 1845 году. — *Примеч. О. Н. Смирновой. — И. В.*). Самарин находит его очень невежественным, богато одаренным, парадоксальным и на ложном пути, так как он увлекается аттицизмом. Самарин говорит, что молодой профессор истории, Грановский, очень способен, довольно учен, хорошо говорит. Уваров послал его в Германию для изучения; он вернулся оттуда таким же горячим последователем философии Гегеля, как и его покойный друг Станкевич, умерший так рано и бывший в большой дружбе с Кольцовым. К их кружку принадлежит также Тургенев, отдаленный родственник А. и Н. Тургеневых; у него многообещающий талант, он также был в Берлине, чтобы углубиться там в премудрость философии (*des Ich's des Rechts, Verstand, Vernunft und Geist*). Белинский, крайне невежественный, нашел в ней только (он мог пользоваться только переводами, не знал ни одного языка, кроме родного) «*den Geist, der stets verpeint*» («Фауст», пролог). Право, чтобы достигнуть такого результата, не стоило делаться учеником Бакунина. <...>

Правда, у нас тут, со смерти Пушкина и Лермонтова, нет более литературного движения. Жуковский и Гоголь — за границую, у нас здесь только остатки их кружка и старые литераторы, — вот причина застоя. Поневоле здесь делается рыбаком, но мне кажется, что местность ни при чем, а есть масса других причин, перечислять которые слишком длинно. А между тем все было исполнено, о чем писал Гоголь.

Приписывать застою и легкомыслию общества влиянию местности — значит слишком далеко искать причины. <...>

Год спустя моя мать проезжала Москву, где познакомилась с Аксаковыми. В своих письмах к Гоголю она сделала хорошую оценку Самарина. Я приводила эту заметку от 1845 года. Аксаковы, Катков, Герцен, Тургенев — все были тогда очень молоды и неизвестны. Самарин, тоже совсем молодой, появился в Петербурге у Карамзиных и у моей матери. <...> — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

<Свидание с Жуковским во Франкфурте-на-Майне и семья Рейтернов>

Франкфурт-на-Майне. Hotel de Russie. 1844.

Я послала сказать Жуковскому, что приехала. Он сейчас же прибежал с Гоголем. Потолстел, совсем не постарел, все тот же добряк. Он вошел, говоря: «Voila votre boeuf, votre sweet William, oh! Mon eternelle Princesse!»⁷⁹ Расцеловались, как на Пасхе. Я обедала в Саксенгаузене¹. Рейтерны совсем особые люди. М-ме Рейтерн⁸⁰ напоминает женщин реформации. Елизавета⁸¹, более утомленная, чем год тому назад в Эмсе, похожа на большую гольбейновскую мадонну, она идеальна и трогательна. Маленькая болтушка⁸² забавна, ее отец — ее верный рыцарь. У нее улыбающиеся, хитрые глазенки, и она уже обожает туалеты. Я водила своих детей к Жуковским, они с ним играли в саду; он их совсем очаровал, рассказывая сказки Пушкина и волшебные немецкие сказки. Жуковский много смеялся над их венским акцентом в немецком языке, он даже разговаривал с их Минною⁸³. Miss Овербек⁸⁴ произвела на него отличное впечатление, он долго с ней разговаривал, а потом сказал мне: «Это у вас сокровище. Гоголь мне уже об ней говорил. Она тем более очаровательна, что так образована и не скучает с такими маленькими детьми». Я сказал <а> ему, как надо мною смеялись, что я беру воспитательницу ради того, чтобы научить детей читать. Алина Дурново⁸⁵ дала мне этот совет. Жуковский был того же взгляда и сказал: «Таким образом она поведет детей от а, b, с до последнего изучения литературы, а это даст образованию большую систему и последовательность». <...> Как-то вечером он говорил со мною об образовании, тут же был Гоголь и miss Овербек. Он высказал свое мнение об обучении, о манере учить; он очень интересуется моими детьми и расспрашивал miss Овербек об их характерах, способностях. Он нарочно болтал с ними, заставлял высказываться. Miss Ов<ербек> была в восторге. Жуковский вынес от нее хорошее впечатление и сказал ей: «В вас соединено все, что нужно для успеха: любовь к делу, энтузиазм, любовь к прекрасному, к природе, поэзии. Вы любите детей, а это необходимо, чтобы воспитать из них добрые и полезные существа».

<Беседа с Жуковским о Царской фамилии>

Сегодня вечером мой милый Жук был у меня; он пришел один, Гоголь отправился к больному В. (сумасшедшему, кажется)⁸⁶; за ним всегда посылают, когда тот слишком волнуется.

¹ Предместье Франкфурта, где жил Жуковский и Рейтерны, его beaux parents <родители жены; фр.>. Полковник Рейтерн, бывший военный, во время великих войн лишенный руки, сделался художником и нарисовал прекрасные портреты своих дочерей. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

⁸⁰ М-ме Жуковская, женщина очень нежного здоровья, была гораздо моложе своего мужа. Жуковский женился очень поздно. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

⁸¹ Впоследствии баронесса Вебрену. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

⁸² Наша добрая венка. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

⁸³ Наша английская воспитательница. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

⁸⁴ Урожденная Волконская, очень дружная с моею матерью, женщина в высшей степени умная и образованная. Она рекомендовала моим родителям Miss Овербек. Гоголь и Жуковский были дружны с нею. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

⁸⁶ Этот В. — Кошкарев из «Мертвых душ». Он так и умер сумасшедшим. У него был брат — ипохондрик. Гоголь их обоим знал, встретив их в Германии. Как только В. начинал волноваться, посылали за Гоголем, и он его успокаивал, читая ему что-нибудь интересное или гуляя с ним. Он на него имел влияние, а В. рассказывал ему свои планы. Причину сумасшествия была любовь, очень странная, к какой-то англичанке, которую В. даже никогда не говорил. Его брат, ипохондрик, в светлые промежутки вел дневник, который Гоголь читал и находил очень интересным и оригинальным по наблюдательности. Этот дневник был писан во Франкфурте, во время припадков ревматизма, причинявшего

Мы говорили о прошлом, обо всем, что случилось после нашего отъезда за границу, об X. и XX⁸¹. Он жаловался на Бенкендорфа, прочел мне его дерзкое письмо, даже без признаков внешней вежливости, по поводу бумаг Пушкина. Он хвалил Уварова и утверждал, что Бенкендорф насплетничал, так как Уваров никогда не относился к Пушкину враждебно.

Потом он мне сказал: «Бог знает, когда мы еще свидимся, а ведь, собственно говоря, мы не вспомнили как следует, глубоко, прошедшего. Пусть сегодняшний вечер будет полным *tete-a-tete*. Может быть, вам еще нужен будет Уваров для Гоголя; будьте уверены, что он человек цивилизованный, компетентный. Если вам когда-нибудь придется говорить с ним о *нашем Гоголке*, вы убедитесь в этом сами». <...>

*<Характер отношений А. О. Смирновой с Пушкиным,
Жуковским и Гоголем.
Вопросы совести и религиозные беседы с Гоголем>*

Мы опять вспоминали Пушкина, дуэль. Теперь, несмотря на горе, мы все-таки с большим хладнокровием можем вспоминать о Пушкине, хотя для Жуковского, так же как и для меня с мужем, что-то умерло с его смертью. Гоголь испытывает то же чувство. Его место всегда будет пустым, никто его не заменит. Вяземский, Виельгорский, Карамзины, конечно, тоже оплакивали его, но они не могут так сильно чувствовать этой утраты. Для Жуковского исчез его сын по духу, для Гоголя — его солнце, для мужа — человек, которого он более всего любил и уважал, его идеал русского писателя; я же потеряла лучшего друга юности, такого же верного, как Жуковский. Гоголь — мой настоящий друг, всегда говорящий правду. В Риме и Ницце он был для меня незаменимым спутником и часто очень строгим советчиком. Жук слишком добр, он не мог бы меня журить в минуты моей меланхолии, моих внутренних возмущений, моей злобы против человечества, против всего, что меня оскорбляет. Гоголь в этих случаях говорит мне или пишет, чтобы я обернулась на себя, заглянула в глубь себя, так как это делает нас снисходительнее. Наша дружба скорее исходит из души, чем из ума или сердца. В дружбе Пушкина я имела все: дружбу сердечную, очень старую, им же был дан толчок моему уму; что же касается

ему такие боли, что он не мог ходить. Он поселился в очень пустынной улице, вся прелесть которой для него состояла в близости лечившего его доктора. Сидя у окна в большом кресле, окруженный подушками, он развлекался наблюдением жизни улицы. День за днем, час за часом он отмечал все: прохожих, жителей дома *vis-a-vis* <напротив>, новые лица, появлявшиеся, впрочем, редко. Он воображал себе их историю, их существование по их внешнему виду, костюмам, лицам; он подмечал даже различные виды улицы в различные часы, с восхода до заката солнца, до момента, когда фонари зажигались с обеих сторон и темная улица казалась уснувшей. Он спал очень мало и слышал ночных сторожей, выкрикивающих часы, бой церковных часов. Он говорил Гоголю, что умер бы от скуки без этого дневника, который автор «Мертвых душ» просил у него для печати. Очень пораженный, ипохондрик ответил ему: «Невозможно, это история моих скучных часов, и перед смертью я его сожгу. У меня прошел ревматизм, но я получил приступы ипохондрии. Я предпочитаю ревматизм, для ипохондрика жизнь невыносима. Теперь я страдаю печенью и проклинаю доктора, вылечившего меня от моих болей». Гоголь уверял его, что он оригинальный, наблюдательный писатель. Сумасшедшего должны были поместить в ... , в Саксонии, и он долго еще жил, все влюбленный в свою незнакомку, имени которой он даже не знал. Между припадками он был спокоен, любил строить планы, отличался даровитостью. Брат его боготворил, посещал его, и наконец сам увлекся планами, о которых рассказывал Гоголю, прибавляя: «По правде, я делаю это, чтобы заглушить приступы меланхолии». Дружба братьев тронула Гоголя, в особенности брат-мечтатель, делающийся сам больным в присутствии сумасшедшего брата. Однажды, когда моя мать уезжала в Гамбург посетить подругу, она увидела сумасшедшего, спавшего в рубашке на краю дороги (он убежал от брата). Мать вернулась и дала свою карету Гоголю и В., которые поехали и привезли его домой. Это было поводом к тому, чтобы поместить его в больницу. До этого брат его не сознавал серьезности положения. — *Примеч. О. Н. Смирновой.*

души, он заставлял ее отзываться на все прекрасное и вечное. Но я никогда не говорила с ним о вопросах совести. Я должна признаться, что только в салоне г-жи Свечиной⁸², в 1837 году, я начала интересоваться религиозными вопросами. Я встречалась у нее с людьми, для которых в этих вопросах состоял весь смысл жизни, весь жизненный интерес. И Гоголь, когда я опять его видела в 1842 году, уже начинал задумываться над этими вопросами. В Риме мы тотчас же, как-то вдруг, заговорили о религиозном искусстве и о св. Петре.

Понемногу я рассказывала ему о тревогах моей совести, о моих волнениях, отчаянии, о сознании, что поступки мои не соответствуют моим верованиям, что я делаю слишком мало, менее чем следует, что когда я вспылю, то не могу себя сдерживать; что хотя я и не злословлю ближнего, но и не думаю о нем с состраданием, более того, отношусь индифферентно и слишком отдаюсь светской жизни; что я физически боюсь смерти, а это недостойно; я раздражаюсь, когда не исполняется или просто не удается то, чего я желаю. Наконец, все эти слабости нашей совести, за которые краснеешь и которые напоминают мне ужасные слова Ж<озефа> де-Местра: «Я не знаю, что такое совесть преступника, но знаю совесть честного человека (ибо я большой грешник, хотя не преступник) и в ужасе от этого сознания!» Я говорила все это Гоголю на другой день после посещения Колизея, и он мне вдруг ответил: «Я тоже переживаю все это, я понял это, находясь раз в Колизее. Вернувшись, я раскрыл молитвенник, как раз на молитве св. Ефрема Сирина, той, что так чудно Пушкин переложил в стихи⁸³, — это одно из его последних произведений. С этого дня я читаю эту молитву утром и вечером и советую вам поступать так же».

Во время нашего пребывания в Ницце он читал мне Евангелие или Библию, книгу Иова, псалмы, пророков. Софи Сологуб, а иногда и Nosie⁸⁴ присутствовали при чтениях, хотя славянский язык им был очень труден. Они обыкновенно приносили английскую и французскую Библию и следили по евангельскому или библейскому тексту. Я даже выучила некоторые славянские псалмы наизусть, по совету Гоголя. Однажды он продекламировал нам стихи на молитву св. Ефрема и говорил обеим сестрам о «Пророке» Пушкина. После замужества Софи стала лучше понимать по-русски (их отец очень хорошо знает русский язык, но графиня¹¹ говорит плохо). Nosie хочет теперь больше заняться этим языком, хочет научиться свободно читать. Я говорила об этом Жуку, но не рассказывала ему о религиозных вопросах, хотя он ими также занимается. <...>

*<Подробности дуэли и смерти Пушкина
по воспоминаниям Жуковского>*

Жук мне подробно рассказывал в этот раз обо всем, что происходило в 1837 г.<...>

Я уверен<а>, что Гоголь что-нибудь рассказывал ему о моем ужасе смерти и что он так подробно мне сообщал все мелочи о смерти Пушкина, столь полного жизни, столь страстно любившего ее, с целью убедить меня, что страх мой чисто физический, а не нравственный. Я надеюсь, что это так, но все-таки мысль о смерти меня ужасает. С тех пор, как умерла Adiny⁸⁵, самая здоровая из всех моих детей, мне с ними мучение. Я до того тревожусь, что если кто-нибудь из них болен и заснет, я сейчас себе представляю, что они умерли и тотчас бужу всех, к великому беспокойству няни и miss Овербек.

Жук мне однажды показывал свой маленький набросок с мертвого Пушкина и говорил: «Его лицо поражало строгой красотой, величественною и странною: в нем не было ничего земного; он преобразился!» <...>

¹ Вильгорская, младшая сестра графини С. Сологуб. Позднее ее звали вместо Nosie — Аполит. — Примеч. О. Н. Смирновой.

¹¹ Урожденная курляндская княжна Бирон. — Примеч. О. Н. Смирновой.

Первоначально «отрывки из дневника», или «альбома» А. О. Смирновой на французском языке, подготовленные О. Н. Смирновой, выслались (начиная с 1888 г.) В. И. Шенроку и были использованы последним в изд.: *Шенрок В. И. А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь в 1829–1852 гг.* // Русская Старина. 1888. № 4; *Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя.* М., 1892. Т. 1 (см. в наст. изд. выше). С 1 февраля 1893 г. «Записки А. О. Смирновой» стали публиковаться в журнале «Северный Вестник» (на языке оригинала и в переводе): Из записных книжек А. О. Смирновой, урожденной Россет, с 1825 по 1845 г. Текст русский и французский (оригинал) // Северный Вестник. 1893. № 2–12; 1894. № 1–9; затем вышли отдельными изданиями (на русском языке): Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.). Из журнала «Северный Вестник» за 1893 год. СПб., 1894 (неполное издание); Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.). СПб., 1895. Ч. 1; СПб., 1897. Ч. 2 (цензурное разрешение 18 марта 1897 г.). Неполное изд. 1894 г. перепечатано: Записки А. О. Смирновой, урожденной Россет (с 1825 по 1845 гг.) / Статьи Л. Крестовой и А. Пьянова. Сост. К. Ковальджи. М., 1999; изд. 1895 и 1897 гг. перепечатано: *Смирнова-Россет А. О. Записки* / Сост. О. Смирнова. М., 2003. Текст печатается по изд. 1895 и 1897 гг.: Ч. 1. С. 1–11, 14–16, 19–24, 27–28, 39–43, 45, 48–53, 57, 67, 107, 131, 136, 138–139, 177–178, 216–217, 219, 220, 234–237, 266, 274–275, 313–321; Ч. 2. С. 3–4, 8–9, 10, 44–48, 52–57, 68, 69, 72–75, 76–78, 83.

Псевдо-дневник А. О. Смирновой был издан дочерью мемуаристки Ольгой Николаевной Смирновой и во многом написан ею, а не самой Александрой Осиповной. Тем не менее многочисленные факты свидетельствуют, что в основе «Записок...», несомненно, лежат какие-то недошедшие до нас подлинные материалы А. О. Смирновой, использованные Ольгой Николаевной. Сама О. Н. Смирнова за пять лет до публикации «Записок...», поясняя одно из писем Александры Осиповны, признавалась: «Все эти подробности из записной книги моей матери, и она мне многое говорила, и я записывала с ее слов очень интересные подробности» (*Шенрок В. И. А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой.* 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 7. С. 53–54). А. О. Смирнова в одном из писем от сентября 1855 г. также замечала: «Моя дочь записывает все, что слышит и что я ей говорю, когда у меня были визиты, а ее не было. И я кое-что записываю. Она ужасно интересуется всем этим. Я поддерживаю в ней этот интерес, так как он более имеет значения, чем светские пустяки, и так как она живет в такой среде и во время чрезвычайно важное. Оно пойдет ей в пользу. <...> Она мне признавалась, что все-таки она довольна тем, что живет в такое историческое время» (*Бартенева П. И. > П. Б. Из писем А. О. Смирновой (ур. Россет). Сентябрь 1855 г.* // Русский Архив. 1897. № 9. С. 129). Ольга Николаевна в предисловии к «Запискам А. О. Смирновой» также сообщала: «Моя мать обладала в совершенстве удивительным даром рассказывать. <...> Я очень рано начала записывать ее рассказы, только что выслушанные. Они близко познакомили меня с жизнью моей матери с ее детских лет, с ее школьными годами, с ее жизнью при дворе» (Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.). СПб., 1895. Ч. 1. С. 16; см. также в наст. изд.). При серьезной критической проверке с привлечением других источников сведения, сообщаемые в «Записках А. О. Смирновой», должны быть приняты во внимание.

¹ Болеслав Михайлович Маркевич (1822–1884), писатель.

² Барон Герхарт (Gerhard) Вильгельм (Евграф Романович) фон Рейтерн (1794–1865), художник, тесть В. А. Жуковского.

³ Александра Васильевна Жуковская (в замужестве баронесса Верман, 1842–1899).

⁴ Малярия.

⁵ Имеется в виду 1844 г. либо 1845 г.

⁶ Ср. выше, в мемуарах О. Н. Смирновой, переведенных В. П. Горленко «Воспоминания г-жи Смирновой о Гоголе»: «...злокачественная лихорадка, которую схватил Гоголь в Риме, когда проводил там однажды все лето с другом своим, живописцем Ивановым, сделала его организм очень подверженным влияниям смертоносных болезней» (см. в наст. изд. коммент. к этим строкам, а также письмо О. Н. Смирновой к О. К. Нотовичу от 18 марта (н. ст.) 1890 г.).

⁷ Имеется в виду статья О. Н. Смирновой «Etudes et souvenirs» («Очерки и воспоминания»), напечатанная в 1885 г. в кн. 11–12 журнала «La Nouvelle Revue». См. выше в наст. изд. перевод этой статьи.

⁸ Александра Михайловна Балугьянская (в замужестве Капгер, 1808–1877), дочь М. А. Балугьянского.

⁹ с листа (фр.).

¹⁰ Княжна Стефания Доминиковна Радзивилл (в замужестве графиня Витгенштейн, 1809–1832).

¹¹ О групповом портрете работы К. П. Брюллова «Дети графа Л. П. Витгенштейна у ручья с нянькою, скидывающею с ноги чулок» (1831, местонахождение неизвестно) Гоголь упоминает в статье «Последний день Помпеи» (август 1834).

Эту картину Гоголь видел на выставке петербургской Академии художеств в 1833 г. Обольстительный образ красавицы, надевающей (или скидывающей) чулок или башмак, повторяется у Гоголя в «Записках сумасшедшего», в «Носе», в черновой редакции «Тараса Бульбы». Главенствующим на групповом портрете Брюллова является не изображение детей, но – как это отразилось в самом названии – «образ няни-итальянки, кокетливо наклонившейся, чтобы снять с ноги ажурный чулок»: «Своей экзотической яркостью и манящим лукавством она затмила безликие образы детей. Красный фон лифа итальянки, взятый в предельной светосиле, сделал ее фигуру центральным пятном цветовой композиции» (*Ацаркина* Э. К. П. Брюллов. Жизнь и творчество. М., 1963. С. 97). На это же указывали современники: «Няня начинает еще раздеваться, и только успела скинуть с одной ноги чулок и скидает с другой <...> Конечно эта картина не везде равно выдержана <...> няня, сидящая на втором плане картины, более выходит вперед, нежели дети, что на первом плане» (*Лобанов* М. Выставка Академии Художеств 1833 года // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1833. № 12. <Отд. 2>. С. 34–35; см. также: Отчет моих чувствований и ощущений после нескольких посещений Выставки Академии Художеств. (Посв<ящается> Ф. Н. Глинке) // Северная Пчела. 1833. 30 ноября. № 273. С. 1092; 1 дек., № 274. С. 1096).

¹² В примечании О. Н. Смирнова упоминает об анонимной рецензии на первый том «Материалов для биографии Гоголя» В. И. Шенрока: Материалы для биографии Гоголя, В. И. Шенрока. Том I. Москва, 1892 // Наблюдатель. Журнал литературный, политический и ученый, издаваемый под редакцией А. П. Пятковского. 1892. № 4. <Отд. 2>. С. 19–23.

¹³ В письме к Н. М. Языкову от 5 июня (н. ст.) 1845 г.

¹⁴ Вильгельм I (1772–1843), первый король нидерландский.

¹⁵ В 1829 г.

¹⁶ Анна Ивановна Брейткопф (рожд. фон Парис, 1751–1823), начальница Екатерининского института благородных девиц.

¹⁷ Имеется в виду А. Е. Вороновский, женатый на Екатерине Ивановне Лорер, сестре Н. И. Арнольди (рожд. Лорер, в первом браке Россети), тетке А. О. Смирновой.

¹⁸ Князь Цицианов Дмитрий Евсеевич (1747–1835).

¹⁹ Осенью 1835 г., когда состоялась передача Гоголю Пушкиным сюжета «Мертвых душ», Смирновой не было в Петербурге (*Цявловский* М. Комментарий // Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851–1860 годах. Вступит. статья и примеч. М. Цявловского. Л., 1925. С. 116). Последние встречи Смирновой с Пушкиным относятся к зиме 1834/35 г. Об обстоятельствах передачи сюжета Смирнова, вероятно, узнала со слов самого Гоголя зимой 1837 г., когда общалась с ним в Париже. Дополнительные сведения о передаче Гоголю Пушкиным сюжета «Мертвых душ» были почерпнуты О. Н. Смирновой из гоголевской «Авторской исповеди» (1847).

²⁰ Прозвище князя П. А. Вяземского.

²¹ Арина Родионовна Яковлева (1758–1828), няня А. С. Пушкина.

²² Мария Алексеевна Ганнибал (рожд. Пушкина, 1745–1818).

²³ Альбрехт (Фридрих Генрих, 1809–1872), принц прусский.

²⁴ Пациентка д<окто>ра Кернера, о которой он написал целую книгу. – *Примеч. О. Н. Смирновой.*

²⁵ См. в наст. изд. коммент. к <Воспоминаниям о Гоголе> А. О. Смирновой – письму к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.

²⁶ В результате последовательного осуществления во внешней политике России вневконфессиональных принципов «Священного Союза» позиция, занятая Императором Александром I по отношению к религиозной и национально-освободительной борьбе православных греков 1821–1827 гг. против турецкого владычества, явилась таким же вопиющим противоречием, каким во внутренней политике Императора было распространение враждебных Православию сочинений западной мистики. Англия, не участвовавшая в «Священном Союзе», поддержала, из политических соображений, движение православных греков, тогда как православный Император, – убежденный на Веронском конгрессе (1822) князем К. В. Меттернихом, что в интересах Австрии и всего «Братского Христианского Союза» выступать на стороне Оттоманской империи, – помощи Греции не оказал. По замечанию историка, «Александр считал своим долгом не уклоняться от тех принципов, которые лежали в основе Священного Союза, и подавлять всякое народное движение, направленное к ниспровержению алтарей и престолов, а в восстании греков он усматривал революционные стремления» (*Н<еведомский>* В. Баронесса Крюднер и ее переписка с князем А. Н. Голицыным // Русский Архив. 1883. № 3. С. 329). Одним из тех, кто подобным образом представлял Императору восстание православных греков, был декабрист П. И. Пестель, командированный в 1821 г. в Бессарабию для собирания сведений о греческом восстании.

²⁷ Сведения, сообщаемые в настоящем разделе «Записок...», мало достоверны и, вероятно, представляют собой своеобразный «ответ» А. О. Смирновой (или О. Н. Смирновой) на столь же недостоверное замечание о Гоголе П. В. Анненкова в «Воспоминаниях о Гоголе»: «...он решительно ничего не читал из французской изящной литературы и принял за Мольера только после строгого выговора, данного Пушкиным за небрежение к этому писателю. Также мало знал он и Шекспира (Гёте и вообще немецкая литература почти не существовали для него)...» (см. в наст. изд. коммент. к «Материалам для биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова). О знакомстве автора «Записок...» с мемуарами П. В. Анненкова «Воспоминания о Гоголе. Рим, летом 1841 года» см. в наст. изд. коммент. ниже.

²⁸ Опыты (фр.).

²⁹ Характеры (фр.).

³⁰ А. С. Пушкин.

³¹ Периодическое издание Г. Э. Лессинга 1767–1768 гг.

³² Пьеса Г. Э. Лессинга 1779 г.

³³ Они также — обыватели (нем.).

³⁴ Согласно послужному списку Гоголя, 9 марта 1834 г. он, будучи учителем истории в Патриотическом институте благородных девиц, был по случаю награждения преподавателей при выпуске воспитанниц пожалован от Ея Императорского Величества Императрицы Александры Феодоровны — «в награду отличных трудов» — «бриллиантовым перстнем» (<Кулиш П. А.> Николай М. Опыт биографии Н. В. Гоголя. С. 50; Белозерская Н. А. Н. В. Гоголь. Служба его в Патриотическом Институте. 1831–1835 // Русская Старина. 1887. № 12. С. 754; Линниченко И. А. Новые материалы для биографии Н. В. Гоголя. С. 173). «Особым» награждением Гоголя за преподавательскую работу в Патриотическом институте было также распоряжение Императрицы, объявленное ему в январе 1834 г., о том, чтобы его сестер, Анну и Елисавету, обучавшихся в институте по просьбе Гоголя с ноября 1832 г. в счет его жалованья, принять в число сверхкомплектных воспитанниц и с 1 января 1834 г. начать выплачивать ему жалованье. Повеление это получило ход только после обращения Гоголя к начальнице института Л. Ф. Вистенгаузен в июле 1834 г.; распоряжение об этом статс-секретаря Императрицы Александры Феодоровны Н. М. Лонгинова относится к 26 июля (см.: Белозерская Н. А. Н. В. Гоголь. Служба его в Патриотическом Институте. 1831–1835 // Русская Старина. 1887. № 12. С. 753). В первой редакции гоголевского «Портрета» (редакции «Арабесок» 1835 г.) имеется упоминание среди заложенных вещей в кладовых ростовщика о «бриллиантовом перстне бедного чиновника, получившего его в награду неутомимых своих трудов». Это упоминание имеет, по-видимому, автобиографический характер и заклад Гоголем наградного перстня должен был состояться между 9 марта и второй половиной июля 1834 г. Судя по гоголевским письмам той поры — к М. П. Погодину от 4 апреля, к матери от 10 июля 1834 г., Гоголь испытывал тогда серьезные материальные затруднения.

³⁵ Беатриче Ченчи (1577–1599), дочь знатного римлянина Ф. Ченчи, казненная за участие в убийстве отца. Ее история стала предметом народных песен и целого ряда литературных произведений.

³⁶ Трагедия П. Б. Шелли (1792–1822) «Ченчи» написана в 1819 г.

³⁷ Строки из стихотворного послания А. С. Пушкина А. О. Смирновой «Ее глаза» (1828).

³⁸ См. ниже историю приобретения этой картины мужем А. О. Смирновой Николаем Михайловичем (раздел «Планы о заграничном путешествии Гоголя»). Упоминание о «Перуджиновой Бианке» встречается в повести Гоголя «Невский проспект» (1834). Речь идет об известной фреске итальянского художника Перуджино (наст. фамилия Ваннуччи) Пьетро (между 1445 и 1452 – 1523) «Поклонение волхвов» с образом Мадонны в центре, находящейся в часовне Санта-Мария-деи-Бьянки в Пьеве. Как предположила Н. М. Молева, появление на страницах гоголевской повести «Перуджиновой Бианки», возможно, объясняется тем, что копии с фресок Перуджино были привезены в Петербург из пансионерской поездки художником А. Е. Егоровым, одним из профессоров Академии художеств, под руководством которого Гоголь учился живописи в академических классах (Молева Н. Загадка «Невского проспекта» // Знание — сила. 1976. № 4. С. 43).

³⁹ Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Ее глаза» (1828).

⁴⁰ Евангелие от Иоанна, гл. 7, ст. 52.

⁴¹ *Lasciate ogni speranza, voi ch' entrate* — оставьте всякую надежду, вы входящие (Данте А. Божественная комедия. Ад, 3, 9).

⁴² Граф Эммануил Карлович Сен-При (Saint-Priest, 1803–1828), сын французского эмигранта, был известен своими карикатурами, до нас не дошедшими.

⁴³ В 1832 г.

⁴⁴ Хотя первоначальный замысел повести «Шинель» (1842) возник у Гоголя еще до отъезда за границу в 1836 г., к работе над повестью писатель приступил лишь в 1839 г.

⁴⁵ пришедшие в упадок (*ит.*).

⁴⁶ С итальянским драматургом графом Джованни Жиро (1776–1834) Гоголь знаком не был. Однако в 1840 г. он выслал М.С. Щепкину из Венеции литературную обработку перевода комедии Дж. Жиро «Дядька в затруднительном положении» (1807) (см. в наст. изд. коммент. к дневниковой записи М. П. Погодина от 16 ноября 1840 г.).

⁴⁷ Федосья Петровна Смирнова (рожд. Бухвостова, 1788–1814).

⁴⁸ Юлия Николаевна Зиновьева (рожд. Батюшкова, 1808–1869), сводная сестра К. Н. Батюшкова, фрейлина Императрицы Александры Феодоровны, жена Н. В. Зиновьева.

⁴⁹ По поводу убийства А. С. Пушкина на дуэли.

⁵⁰ Николай Васильевич Зиновьев (1801–1882), генерал-адъютант, директор Пажеского корпуса (с 1844 г.), воспитатель (с 1849 г.) великих князей Николая Александровича (1843–1865), Александра Александровича (1845–1894, с 1881 г. Император Александр III) и Владимира Александровича (1847–1909).

⁵¹ В приложении к «Запискам А. О. Смирновой», в разделе «Выдержки из писем разных лиц к А. О. Смирновой по поводу смерти Пушкина», О. Н. Смирнова поместила еще один отрывок из письма Ю. Н. Зиновьевой: «(Письмо Julie Зиновьевой, урожденной Батюшковой): Один из моих beaux-freres'ов передавал мне разговор, который даст вам понятие о нравственности некоторых молодых девушек. Без сомнения, никто из нас не говорил бы и даже не думал бы так; по крайней мере, я надеюсь на это.

Он танцевал с одною барышнею, имени которой он мне не сказал, и она говорила с ним о Пушкине в довольно оскорбительном для него тоне, находя его безобразно некрасивым и вульгарным. Она сказала ему, что человек этой породы (*cette espece*) был недостойн такой красивой и поэтической жены. Дантес же, наоборот, был ее достоин, он был красив, изящен, вполне рыцарь! Мой beau-frere ответил ей, что Дантес далеко не был рыцарем, хотя и был кавалергардом (*sic*), и что он находит, что Дантес дважды поступил худо: сначала компрометируя *m-me* П<ушкину>, и наконец, если он ее любил, женись на Catherine Гончаровой, на что барышня ему ответила: «Дантес — жертва глупой ревности Пушкина, который заставил его пожертвовать собою, женись». И вообще все сплетни Геккерна и Дантеса! Потом она прибавила: «Моя тетка упрекала Дантеса в женитьбе, но она очень строга, можно ли запретить себе любить?» Мой beau-frere возразил: «Можно ли скрыть свою любовь; Дантес же настолько непорядочно себя вел, что воспользовался родством, чтобы продолжать свои ухаживания, — уж это совсем не *gentlemanlike*. Конечно, мы уважили волю Велико-го Князя, но что касается нас, гвардейских офицеров, мы бы проучили Дантеса и его приемного отца. Геккерна тогда понял бы наше к нему презрение» (*sic*). Да, впрочем, один из наших его и оскорбил при распродаже его мебели» (Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.). СПб., 1897. Ч. 2. С. 89).

⁵² Александра Петровна Дурново (рожд. княжна Волконская, 1804–1859), фрейлина, дочь светлейшего князя П. М. Волконского, жена (с 1831 г.) П. Д. Дурново.

⁵³ В приложении к «Запискам А. О. Смирновой», в разделе «Выдержки из писем разных лиц к А. О. Смирновой по поводу смерти Пушкина», О. Н. Смирнова поместила еще два отрывка из писем А. П. Дурново о гибели Пушкина: «(M-me Дурново, урожденная княгиня Волконская, также сообщает некоторые подробности о салонах, — подробности характерные, рисующие их нравственный уровень, так же как и некоторых из барышень.

Рассказывают самые смешные сплетни, утверждают, что Пушкин, спрятавшись за портьеру, видел свою жену, целующуюся с Дантесом, уже ее beau-frere'ом. И к этому *m-me* Дурново прибавляет: «Между тем как в их столь просто отделанной квартире, которую я видела, не было ни одной портьеры. Подразумевалась — квартира в доме Григория (брата *m-me* Дурново. — *Примеч. О. Н. Смирновой. — И. В.*), который поспешил сообщить эту подробность даме, говорившей ему об этих поцелуях. Григорий даже рассердился! Он рассказывал мне, что Дантес на балах разыгрывал из себя в углах трепещущего, сентиментально влюбленного и, как тень, следовал за своею belle-soeur <невестка; *фр.*>, что сильно возмущало моего брата, особенно с момента женитьбы Дантеса. Это было смешно, гадко и крайне неприлично; вообще Дантес был так невоспитан. Но он болтал по-французски, а кажется, этого достаточно, чтобы в некоторых салонах прослыть элегантным и светским.

Без сомнения, что после письма Пушкина и сцены, которую он ему сделал на лестнице у старой Z. <Н. К. Загряжской>, Геккерна испугался за своего сына, ибо он действительно его сын; Нессельроде давно об этом сказал моему отцу, и вот почему король Нидерландов его рекомендовал Его Величеству; можно поблагодарить короля за этот подарок

русской гвардии. Но король (не знаю почему) очень расположен к старику Геккерну, может быть оттого, что последний был хорошим голландцем, когда король Людвиг царствовал вместо Оранской линии.

Рассказывали, что Дантес опасно ранен, его друзья (*amis*) распространили слух, что ему будет сделана ампутация, между тем рана оказалась настолько легка, что никакой операции не требовалось. Он даже не упал. Без сомнения, вы имели в руках подробности следствия: донесения секундантов и докторов.

Мой отец говорил, что в подобных случаях женщины должны молчать, и что они, жертвывая теми, кто их действительно любит, большею частию — игрушки в руках ухаживающих за ними авантюристов.

Относительно многих случаев я тоже держусь этого мнения.

Представьте себе, какую ужасную вещь сказала одна из барышень: «Какое несчастье, что Пушкин не был убит до женитьбы Дантеса: тогда м-ме П<ушкина> могла бы выйти замуж за Дантеса! Право, вместо того, чтобы жениться, он должен был ее похитить»

Эти слова возмутили одного из друзей П<ушкиной> и он ответил ей: «А почему вы думаете, что м-ме П<ушкина> позволила бы себя похитить и вышла бы замуж за убийцу своего мужа? Вы таким образом на нее клеветаете»

Мне говорили, что Дантес сам подал повод к подобным сплетням, рассказывая часто, что любим м-ме П<ушкиной> и что он похитит ее. И мы хорошо знаем, почему Дантес так афишировал эту любовь, показывая, что она была не без успеха и почему он компрометировал свою *belle-soeur* даже гораздо раньше. И находят, что этот господин — рыцарь! Странное понятие здесь о рыцарстве!

Чем больше приходится слышать комментариев, всевозможных сплетен, тем более презираешь то высшее общество, в котором встречаются мужчины, женщины, даже молодые девушки, совершенно лишенные чувства рыцарства и порядочности».

(От нее же, несколько дней после дуэли):

«Продолжают злословить м-ме П<ушкину>, рассказывая о ее любви к Дантесу; вы отгадаете, кто более всего распространяет эту глупую клевету, и я, право, совсем расстраиваюсь, когда вижу эту женщину. Мне так и хочется дать ей встряску. Она всюду бывает и готова употребить все средства, чтобы очернить Пушкиных и обелить Дантеса, и у С. и у Б. и их союзников. Я предполагаю, она в отчаянии от того, что ее танцора выпроводили за границу с фельдъегерем, и что на будущее время доступ в Россию ему закрыт. Мой брат Дмитрий, прямодушие которого вы знаете, имел большую схватку с целым салоном по поводу дуэли и не постеснялся сказать им в лицо, что их снисхождение преступно и нечестно; что нельзя защищать мужчину, ухаживающего за замужнею женщиною, что любовь не извиняет поступка Дантеса, и что, кроме того, эта любовь далеко не была хорошего свойства, не была ни искреннею, ни чистою; выражать же подобным театральным образом свои чувства — странно и непозволительно.

Это объяснение всех крайне поразило, так как Дмитрий говорит мало и никогда не спорит. Ему ответили, что подобные случаи бывают каждый день и что смешно так горячиться из-за добродетели. На что мой Дмитрий прелестно сказал: «Вы, значит, предпочитаете — защищать порок? С чем вас и поздравляю»

Старый Полетика, присутствовавший при этой выходке, рассказывал моему отцу: «Ваш старший сын был очень кстати красноречив. Когда он кончил свою филиппику, воцарилось молчание, с одной стороны, — очевидно, от удивления, с другой, — от неловкости. Я же согласился со всем, что он говорил. Пробовали защищать Дантеса, но я отвечал его защитникам и защитницам, что если даже и была между ними любовная связь, то честный человек обязан был скрывать свои чувства, тогда как *beau-frere* м-ме П<ушкиной> хвастался этим во всех салонах, в полку; он распространял об ней слухи гораздо раньше женитьбы, и ухаживал за нею с шокирующим упорством и неприличием. Она — красавица, и *cela le posait*, — быть благосклонно принятым поклонником красавицы; его тщеславие фата, — ибо это, безусловно, фат, — было польщено, когда его считали любимым. Это — привычка дурно воспитанных волокит. И так как на этот раз он ничего не добился, то он хоть других хотел уверить в своем успехе, чтобы доказать свою неотразимость. Он даже не так молод, чтобы ему могли простить его легкомыслие, отсутствие воспитания, необдуманность; подобные вещи извинительны 15-ти летнему мальчишке, который не умеет еще себя держать и поэтому никого не может компрометировать. Моя речь расхолодила всех и заставила замолчать. Лаваль, бывший там, громко со мною согласился, и привел им то, что сказал Нессельроде.

Эти подробности дадут вам понятие о всем, что еще говорится по поводу печального события» (Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.). СПб., 1897. Ч. 2. С. 89–92).

⁵⁴ Сведения о получении А. О. Смирновой письма от Гоголя из Рима по поводу смерти А. С. Пушкина, несомненно, недостоверны. Период с начала ноября (н. ст.) 1836 г. по конец февраля — начало марта (н. ст.) 1837 г. Гоголь про-

вел в Париже, где тогда же жила и А. О. Смирнова. Впервые о смерти А. С. Пушкина 29 января / 10 февраля 1837 г. Гоголь узнал еще будучи в Париже от Анд. Н. Карамзина, который сообщил об этом на обеде у Смирновой. См. в наст. изд. письмо Анд. Н. Карамзина к Е. А. Карамзиной от 1–5 марта (н. ст.) и коммент. к этому письму.

⁵⁵ Граф Павел Иванович Медем (1800–1854), дипломат.

⁵⁶ Письмо неизвестно.

⁵⁷ Ср. упоминание Гоголя в письме к А. С. Данилевскому от 13 мая (н. ст.) 1838 г.: «На днях я получил письмо от Смирнова. Он упоминает, между прочим, об обеде, данном Крылову по случаю его пятидесятилетней литературной жизни».

⁵⁸ Ср. упоминание Гоголя в письме к В. А. Жуковскому от 30 ноября (н. ст.) 1837 г.: «Прошу вас покорнейше отдать эти письма Алекс<андре> Осип<овне> Смирновой и Андрею Карамзину». (Письма не сохранились.)

⁵⁹ Письмо неизвестно.

⁶⁰ Письмо неизвестно.

⁶¹ бессвязный, непоследовательный (*фр.*).

⁶² Двоюродная тетка А. О. Смирновой княжна Е. Д. Цицианова.

⁶³ Письмо неизвестно.

⁶⁴ Имеется в виду сын княгини З. А. Волконской князь Александр Никитич Волконский (1811–1878), дипломат.

⁶⁵ Ср. в наст. изд. примеч. В. И. Шенрока к <Воспоминаниям о Гоголе О. Н. Смирновой в «Указателе к письмам Гоголя... в издании Кулиша» В. И. Шенрока>, а также дневниковую запись А. О. Смирновой от 5 марта 1845 г.

⁶⁶ Письмо неизвестно.

⁶⁷ Н. М. Языков выехал из Москвы на лечение за границу в июне 1838 г.

⁶⁸ Письмо неизвестно.

⁶⁹ на любимую родину (*лат.*).

⁷⁰ Имеется в виду В. А. Панов. Ошибка, допущенная в «Записках...», свидетельствует о знакомстве А. О. Смирновой (или О. Н. Смирновой) с воспоминаниями П. В. Анненкова «Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года» (редакторское название мемуаров П. В. Анненкова «Воспоминания о Гоголе. Рим, летом 1841 года» в изд. 1877 г.), где также встречается эта неточность (см. в наст. изд. коммент. к мемуарам Анненкова).

⁷¹ Николай Степанович Пименов (1812–1864), скульптор.

⁷² Сильвестр Федосеевич Щедрин (1791–1830), художник-пейзажист.

⁷³ Об отношении Гоголя к И. Ф. Овербеку см. в наст. изд. коммент. к статье Молоткова «Письмо из Рима Николае Синчере».

⁷⁴ Павел Васильевич Жуковский (1845–1912), сын В. А. Жуковского.

⁷⁵ О написанных Гоголем между 1 и 7 января 1842 г. посланиях к А. О. Смирновой и Государю Николаю I см. в наст. изд. коммент. к разделу «Книга для записей рукописей и книг Московского цензурного комитета».

⁷⁶ Письмо неизвестно. См. выше в наст. изд. раздел «Записок...» <Письма Гоголя к А. О. Смирновой>.

⁷⁷ На манер Курдюковой (*фр.*). Имеются в виду путевые впечатления в юмористических стихах И. П. Мятлева «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границей, дан л'Этранже» (3 т.; СПб., 1840–1844).

⁷⁸ Сохранилось написанное по просьбе А. О. Смирновой послание Гоголя к В. А. Перовскому от 20 апреля (н. ст.) 1844 г. из Франкфурта.

⁷⁹ Вот ваш Бычок! Вот ваш sweet William! О, моя вечная принцесса!

⁸⁰ Шарлотта Рейтерн (рожд. Шварцель, 1797–1854), жена Е. Р. Рейтерна.

⁸¹ Подразумеваются Император Николай I и его супруга.

⁸² Софья Петровна Свечина (рожд. Соймонова, 1782–1857), жена генерала от инфантерии Н. С. Свечина, писательница; в 1815 г. под влиянием сардинского посланника в Петербурге Ж. М. де Местра приняла католичество и уехала в Париж, где открыла у себя салон религиозного направления, а в 1833 г. и домашнюю церковь.

⁸³ «Отцы пустынноики и жены непорочны...» (1836).

⁸⁴ Домашнее прозвище графини Анны М. Виельгорской.

⁸⁵ Александра Николаевна Смирнова (1834–1837).

**<Воспоминания о Гоголе А. О. и О. Н. Смирновых
в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока>**

<1>

<...> «Не понимаю, — говорит О. Н. Смирнова, — почему г. Мундт¹ прибавляет нелепые размышления, что будто Гоголь не хотел его признать потом, когда они встречались у Одоевского: Гоголь не скрывал своей бедности, не гнушался своего одиночества; все знали, что он искал уроков, что ему не повезло в департаменте и что его мать помогала ему деньгами. Брошенный на чуждой ему петербургской почве, бедный, одинокий, он должен был искать себе занятий и заботиться о куске насущного хлеба; он этого и не скрывал, он никогда не гнушался своей бедностью и никогда не краснел при воспоминании о том, как ему приходилось временами трудно и жутко. Обо всем этом он часто любил говорить моей матери»¹. <...>

<2>

<...> По воспоминаниям О. Н. Смирновой, Гоголь имел к княгине Зинке Волконской рекомендательные письма от Пушкина, А. О. Смирновой, Вяземского и Репниных. <...>

<3>

<...> По смерти Иосифа Михайловича², как припоминает О. Н. Смирнова, Гоголь выехал на встречу его матери, спешившей к сыну в Рим. В Марселе он объявил ей горестную весть. О. Н. Смирнова писала нам об этом следующее: «старуха графиня (я привыкла ее так называть: она еще в детстве моем казалась мне старухой), была на вид очень холодная женщина, но она горячо любила мою мать и Гоголя. С ними она была очень ласкова и поверяла им все тайные горести, хотя была гораздо старше обоих. Она никогда не забывала, что Гоголь присутствовал при последних минутах ее сына и первый объявил ей о его кончине. Когда он сказал ей это, она села на пол, накрыла лицо шалью и просидела в неподвижном положении двое суток. Гоголь не отходил от нее; он все старался ее растрогать, чтобы она заплакала, и, наконец, это удалось ему, когда он сказал: “бедный Иосиф! он умирал без матери!” Тут она разразилась рыданиями». «Иногда, — прибавляет далее О. Н. Смирнова, — она вспоминала об этом мне и моей матери»³. <...>

Кроме того в рукописных заметках А. О. Смирновой, находящихся в распоряжении ее дочери Н. Н. Сорен, мы находим следующие любопытные строки⁴, относящиеся к Иосифу Михайловичу Виельгорскому:

«Наследник начал серьезно заниматься. К нему взяли в товарищи графика Иосифа Виельгорского и Паткуля. Это товарищество было нужно для поощрения. Вечером первый подходил к государю тот, у которого были лучшие баллы, обыкновенно бедный Иосиф, который краснел и бледнел; что касается Паткуля, тот никогда не помышлял о такой чести. Наследник не любил Виельгорского, хотя не чувствовал никакой зависти; его прекрасная душа и нежное сердце были далеки от недостойных чувств; просто между ними не было симпатии... Виельгорский был

¹ Заметим, впрочем, что воспоминания Гоголя в его беседах с А. О. Смирновой (о трудных обстоятельствах в самом начале его петербургской жизни) относятся, вероятно, к более поздней поре, когда Гоголь значительно переменялся. Кроме того, не следует забывать, что Александра Осиповна Смирнова принадлежала к числу самых задушевных и интимных друзей Гоголя, так что, бесспорно, что многое, охотно сообщаемое ей, Гоголь ни за что не сказал бы многим и многим другим, даже близким приятелям. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

слишком серьезен, вечно рылся в книгах, как будто готовил запас на веки. Придворная жизнь была для него тягостна¹.

Весной этого (1838) года он занемог; его послали в Рим на зиму и там на руках Елизаветы Григорьевны Чертковой и Гоголя увял этот прекрасный цветок, и скончался тихо, не жалея этого мира. Его мать была в Марселе с дочерьми и сыном Михаилом, когда Гоголь привез неожиданно отца на пароходе. Графиня не хотела верить, когда наш консул сообщил ей это известие; она схватила его за воротник и закричала: «вы лжете! это невозможно!» Потом, не говоря ни слова, поехала в Петербург, уселась против портрета сына, покрытая длинным креповым вуалем, не плакала и сидела, как каменный столб. Александр Николаевич Голицын и Матвей Юрьевич были постоянно при ней. Г<осударя> она приняла как нельзя хуже и упрекала его за смерть Иосифа, говоря, что они его не поняли и огорчали его юное сердце». <...>

<4>

<...> ...Гоголь поехал после смерти Иосифа Виельгорского в Марсель; в продолжении шести недель утешал Луизу Карловну, чем заслужил такое расположение ее, каким она в других случаях никогда не дарила людей, не принадлежавших к ее кругу. <...>

<5>

<...> ...В сороковых годах, по выражению покойной О. Н. Смирновой, «Гоголь знал Рим, как свой карман». <...>

По словам О. Н. Смирновой, Гоголь знал Рим и его окрестности, как свой карман; А. А. Иванов называл его «чичероне первого сорта». <...>

<6>

<...> ...Со слов покойной О. Н. Смирновой нам известно о знакомстве Гоголя с русским уполномоченным в Париже Киселевым. <...>

<7>

С Александрой Осиповной Гоголь часто шутил и разговаривал от души. Приведем здесь несколько рассказов ее дочери <...> важных для характеристики его отношений к самой Смирновой и ее семье. Рассказы эти живо переносят нас в самую среду действующих лиц.

Однажды Гоголь читал Александре Осиповне «Одиссею», которую прислал ей Жуковский. Несмотря на обычное мастерство, он был не в ударе и читал нехорошо. Александра Осиповна перебила его нетерпеливым восклицанием: «Вы прескверно читаете; перестаньте!» — «Хуже Пушкина?» — спросил Николай Васильевич. — «Гораздо хуже: он читал дурно, а вы скверно читаете!» — «Не вы одна, Александра Осиповна, брезгаете моим чтением, — ответил Гоголь, — видно, я не гожусь на роль драматического актера, а Бобчинского я бы сыграл отлично, и уверен, что Щепкин не выгнал бы меня из труппы, если бы у него была своя труппа и свой театр! Я именно комик, и вся моя фигура карикатурна. “Энеиду” Котляревского я читаю хорошо». —

¹ См. о том же в «Сев<ерном> Вестнике». — *Примеч. В. И. Шенрока.*

Тут он бросил «Одиссею» и прочитал из «Энеиды»... Он читал еще «Тараса Бульбу» и «Миргород» превосходно. Но особенно Александра Осиповна любила «Нос», и он часто читал ей эту повесть, а дети Смирновой разучили «Утро делового человека» и играли эти сцены при нем. Он их учил и в качестве суфлера стоял за ширмами с книгой. Гоголь заставлял даже детей разыгрывать разные пьесы из Мольера, напр<имер>, «Le bourgeois gentilhomme»⁵, находя это прекрасным средством для развития их таланта.

«Матери моей, — сообщала нам покойная О. Н. Смирнова, — он высказывал все, что у него было на уме, на душе и на сердце, и не раз повторял ей, что говорит с ней как с другом, с женщиной умом, но с сердцем и душой женской, что она его понимает без разговоров. Помню, что уже в 1851 году он говорил ей это при мне в деревне и грустил, что Жуковский, с которым он также отводил душу, ослеп и что ему писать нельзя. Я была очень молода еще; меня сильно удивляло, что нельзя со всеми высказываться, и я спросила Гоголя: «отчего это?» Он мне ответил: «Поживете на свете, узнаете сами; но помните, что Жуковский и ваша мать меня знают лучше других, даже самых близких друзей: у них чутье на это; подрастете и, может быть, и вы меня хорошо узнаете, а теперь пойдемте заниматься ботаникой»¹. <...>

<8>

<...> Смирнова вообще плохо ладила с славянофилами. С Константином Сергеевичем она спорила до слез. Однажды, по воспоминаниям О. Н. Смирновой, Константин Сергеевич в пылу испуга стал стучать кулаками по столу, — Александра Осиповна так и покатила со смеху. В другой раз Константин Сергеевич назвал любовь историческим чувством. «Ах, как хорошо! — засмеялась Александра Осиповна, — всегда так буду называть любовь. Мне рассказывал Вяземский, как одна старушка просила у него какую-нибудь книжку про любовь. Вяземский ей принес историю Роллена.

— Есть здесь про любовь?

— Есть, в последнем томе про любовь Митридата, в десятом — про любовь Кесаря.

— Спасибо, родной, прочитаю; хоть и мало про любовь, да и люди какие все неизвестные!»

Константин Сергеевич был возмущен и глубоко обижен этим анекдотом. И в таком роде были их обыкновенные размолвки. А. О. Смирнова едко насмеялась над славянофильством Аксаковых, говоря: «Славяне меня хотят окунуть в свое море, но я не хочу петь в их хороводе». Она много глумилась над их любимыми выражениями, вроде: «коренное русское платье». Однажды лакей Смирновых не хотел пускать Хомякова и Константина Аксакова, приняв их за мужиков. Алекс<андра> Осиповна спросила: «Зачем вы ходите в таком костюме?» Константин Сергеевич встал и провозгласил: «Сударыня, это не костюм; вы ходите в костюме, а рубашка — коренное русское платье!» (Из воспоминаний О. Н. Смирновой). <...>

<9>

Александра Осиповна <...> в 1846 и в 1847 г., до рождения своего сына Михаила и вскоре после родов, <...> болела почти в продолжение двух лет и даже была при смерти и два раза боролась. <...>

...Горячо А. О. Смирнова спорила с Белинским, но, по воспоминаниям О. Н. Смирновой, это не произвело на него невыгодного впечатления, так как он после говорил Щепкину: «Александра Осиповна меня уверила своим гневом, что она умеет защищать друзей и что она

¹ Гоголь учил Ольгу Николаевну Смирнову ботанике. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

честная женщина. Она говорит, что думает, прямо в глаза. Это такая редкая черта в женщине!» <...>

<10>

<...> Сближаясь все более с графом Александром Петровичем Толстым, Гоголь сильно любил его племянника Виктора Владимировича Апраксина (родного сына сестры Толстого, Софьи Петровны Апраксиной)... <...> ...Желая добра и симпатизируя Анне Михайловне <Виельгорской>, Гоголь увлекся мыслью, что юноша мог бы быть для нее хорошим мужем. <...> Дело кончилось ничем, потому что молодые люди не думали друг о друге: Апраксин ненадолго заехал к Виельгорским, и Анна Михайловна не имела даже случая его заметить¹. Но в жизни Гоголя этот эпизод остался не без значения: раз запавшая мысль о пристроить Анну Михайловны, незаметно для него самого, развилась в особую привязанность к ней, которую он принял было впоследствии за любовь. Вот чем объясняются слова В. А. Соллогуба в «Воспоминаниях», что Гоголь будто бы был влюблен в Анну Михайловну <...> но покойная О. Н. Смирнова утверждала с своей стороны, что здесь «романов не было»... <...>

Фрагмент десятый впервые опубликован, в иной редакции: «Указатель к письмам Гоголя, заключающий в себе объяснения инициалов и других сокращений в издании Кулиша» В. И. Шенрока; М., 1886. С. 5 (см. в наст. изд. раздел <Воспоминания о Гоголе О. Н. Смирновой в «Указателе к письмам Гоголя... в издании Кулиша» В. И. Шенрока>). В новой редакции напечатано: Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 457–458. Первый абзац третьего фрагмента и фрагменты четвертый, седьмой, а также десятый (в новой редакции, но без фразы: «...но покойная О. Н. Смирнова утверждала с своей стороны, что здесь “романов не было”») впервые напечатаны: Шенрок В. И. Н. В. Гоголь и Виельгорские в их переписке. 1839–1849 г. // Вестник Европы. 1889. № 10. С. 450, 454–455, 472. Остальные отрывки впервые опубликованы: Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1893. Т. 2. С. 15; М., 1895. Т. 3. С. 227, 263–265, 273; М., 1897. Т. 4. С. 264, 192, 374, 184, 267–268, 382–383, 385, 387, 440, 456. Все фрагменты печатаются по последнему изданию.

¹ См. в наст. изд. статью Н. П. Мундта «Попытка Гоголя».

² Виельгорского.

³ «В пояснение к только что рассказанному необходимо прибавить, что Луиза Карловна Виельгорская отличалась необыкновенной любовью к детям, что она была всегда с ними и не любила полагаться на гувернеров и гувернанток и что до отъезда за границу всегда даже спала с ними в одной комнате, а когда воспитатель наследника, Мердер, выпросил, чтобы ее сын сделался товарищем последнего, она приходила в совершенное отчаяние. Сведения эти мы заимствуем из семейных преданий родственников Виельгорских и из рукописных воспоминаний С. М. Соллогуб (урожденной Виельгорской)» (Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1895. Т. 3. С. 264).

⁴ См. также в наст. изд. второй фрагмент второго раздела <Воспоминаний о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила>.

⁵ Мещанин во дворянстве (фр.).

¹ Впоследствии Апраксин женился на Пашковой. — Примеч. В. И. Шенрока.

<Воспоминания о Гоголе О. Н. Смирновой в «Указателе к письмам Гоголя... в издании Кулиша» В. И. Шенрока>

<...> Для проверки данных, заключающихся в предлагаемом указателе, корректурные листы, по просьбе составителя, были переданы академиком Я. К. Гротом на рассмотрение Ольге Николаевне Смирновой (дочери покойной Александры Осиповны). <...>

<...> Анна Михайловна не была еще во время знакомства с Гоголем замужем. О ней он был высокого мнения и очень ей симпатизировал. — По словам Соллогуба (Воспоминания, «Исторический Вестник», 1886, 4, стр. 84), Гоголь был влюблен в А. М. Виельгорскую; О. Н. Смирнова утверждает, напротив, что в данном случае никаких романов не было. <...>

Ему <Гоголю> <...> часто посылали книги из своей библиотеки Н. М. и А. О. Смирновы, преимущественно старинные русские издания. <...>

О. Н. Смирнова замечает, что Гоголь не одобрял политические тенденции славянофильства¹ и вообще не терпел политики. <...>

...В письме от 2 декабря 1847 <года> к Степану Петровичу Шевыреву <...> Гоголь, под влиянием свежего раздражения¹, оскорбив намеренно и едко С. Т. Аксакова, хочет теперь уладить отношения, но самолюбие не позволяет сделать это посредством объяснения с Аксаковым, и он избирает для этой цели третье лицо. <...>

У А. О. Смирновой бывала иногда хандра. Гоголь всегда старался развлекать ее и ободрял, говоря: «ай! не унывайте, это хандра». <...>

...В «Записках о жизни Гоголя» в I томе на стр. 302 находим: «Смирнова узнала^{II}, что он находится в коротких отношениях с семейством графов В-х (Вьельгорских)...» <...>

С 1846 г. до ноября 1851 г. (т. е. за три месяца до кончины) Гоголь постоянно гостил у Смирновых и Толстых. <...>

Гоголь возмущался суждениями Дмитриева, особенно тем, что Дмитриев называл школу Перуджино les primitifs² и рафаэлевские сеledки. Примечание О. Н. Смирновой. <...>

...В письме <Гоголя> к NF (А. О. Смирновой <от 27 января (н. ст.) 1846 г.>): «Графиня Н. (Нессельроде) мне понравилась с первого раза именно лицом, в котором много прекрасного душевного выражения»^{III}. <...>

¹ О. Н. Смирнова возражает против этих слов, что у Гоголя не было самолюбия относительно друзей, но он огорчался, когда его не понимали. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

^{II} Поправка О. Н. Смирновой: А. О. Смирнова познакомила Гоголя с Вьельгорскими и видала их каждый день, будучи с ними дружна с 1826 г. Таким образом в выражении *узнала* заключается неточность; да и не только Вьельгорские, но весь светский кружок петербургский узнал Гоголя через А. О. Смирнову. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

^{III} Этот отзыв, по словам О. Н. Смирновой, ясно показывает, что Гоголь отличался чрезвычайно чутким чувством и пронизательностью в своих суждениях. <...> Графиня Нессельроде была самым близким другом Смирновых. Н. М. Смирнова она знала еще с детства, а А<лександр> О<сиповну> узнала при дворе в 1826 г. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

...В письме <Гоголя> к А. А. Иванову <от 10 января (н. ст.) 1844 г.> <...>: «Вы посудите только сами, сколько слов нужно употребить, чтобы вбить им в голову иногда то, что с одного слова может понять художник»¹. <...>

...В письме <Гоголя> к А. А. Иванову <от 9 января (н. ст.) 1845 г.> <...>: «Явление это в Вас совершится вот каким образом»¹¹. <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В. И. Указатель к письмам Гоголя, заключающий в себе объяснения инициалов и других сокращений в издании Кулиша. М., 1886 (цензурное разрешение 11 июня). С. 2, 5, 12, 17, 19, 22, 23–24, 28, 40, 54–55, 83, 85. Печатается по первой публикации.*

¹ Правильнее сказать, что Гоголь разделял главные положения славянофильства, считая некоторые из славянофильских начинаний преждевременными (подробнее см.: *Виноградов И. А. Спор К. С. Аксакова и В. Г. Белинского: Культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ» // Гоголеведческие студии / Нежинский гос. ун-т им. Н. Гоголя, Гоголеведческий центр; Ин-т литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины. Нежин, 2012. Вып. 2 (19). С. 17–75; Виноградов И. А. Н. В. Гоголь в полемике К. С. Аксакова и В. Г. Белинского о «Мертвых душах»: К проблеме авторского понимания жанра поэмы // Писатель в контексте времени: проблема научного комментария. М.: ГАСК, 2012. Вып. 2 (в печати). «С своей стороны предлагаем обратить внимание на письмо к Л. <«Споры»> в «Выбранных местах из переписки с друзьями»» (*Шенрок В. И. Указатель к письмам Гоголя, заключающий в себе объяснения инициалов и других сокращений в издании Кулиша. С. 17).**

² Примитивной (*фр.*)

¹ По поводу этих слов О. Н. Смирнова отметила, что то же выражение было употреблено Гоголем в письме к А. О. Смирновой, в котором он просит похлопотать об Иванове у великой княгини Марии Николаевны. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

По поводу этих слов покойная О. Н. Смирнова писала нам, что то же выражение было употреблено Гоголем в письме к А. О. Смирновой, в котором он просит похлопотать об Иванове у великой княгини Марии Николаевны. Письмо это не сохранилось. — *Примеч. В. И. Шенрока в изд. 1901 г. (Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>, Т. 2. С. 376).*

¹¹ Примечание О. Н. Смирновой: «вопрос был: какое лицо имел Спаситель?» (Речь касалась лика Спасителя в катакомбах Porta Portese.) — *Примеч. В. И. Шенрока.*

Г. С. Степанов — А. Ф. Онегину-Отто

<26 июля / 7 августа 1899>

VII 26 / 7 99 г.

Милостивый Государь
Александр Федорович.

Получа разрешение из Лондона от М-ге Saugien¹, считая для себя обязанным послать вам некоторые рукописи Гоголя, им писанные; несколько писем его, по-французски на имя А. О. Смирновой, то имеется надпись рукою Надежды Николаевны² «все уничтожить». Вот почему я не могу их Вам послать и должен исполнить волю умершей. Надеюсь о получении посылаемого известите меня.

С уважением к Вам остаюсь

Степанов.

В 1925 г. в русском эмигрантском периодическом сборнике «На чужой стороне» была опубликована заметка «Сожженный Гоголь» (подписанная инициалом «Г.»), автор которой впервые пересказал содержание письма Г. С. Степанова к А. Ф. Онегину-Отто от 7 августа (н. ст.) 1899 г. (без указания на письмо как источник): Г. Сожженный Гоголь // На чужой стороне. Историко-литературные сборники. Под редакцией С. П. Мельгунова, при ближайшем участии Е. А. Ляцкого и В. А. Мякотина. Издание к<нигоиздательст>в «Ватага» (Берлин) и «Пламя» (Прага), 1925. № 9. С. 142. Судя по тождественному содержанию письма и заметки, а также по палеографическим особенностям автографа Г. С. Степанова, автор публикации располагал именно этим письмом (вследствие неразборчивой подписи в письме было ошибочно прочитано: «С. Потапов» — вместо: «Степанов») (см. ниже текст заметки). Инициал в подписи — «Г.» — указывает, вероятно, на одного из постоянных сотрудников сборника «На чужой стороне» Модеста Людвиговича Гофмана (1887–1959), известного пушкиниста, автора библиографического описания «Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже» (Париж, 1926), публикатора ряда материалов из обширного «онегинского» собрания автографов русских писателей (командированный в 1922 г. из Советской России во Францию М. Л. Гофман с 1926 г. стал «невозвращенцем»). Позднее письмо Г. С. Степанова было передано, вместе с большей частью собрания А. Ф. Онегина-Отто, в Пушкинский Дом. В подлиннике письмо впервые было опубликовано в 1938 г.: *Городецкий Б. П.* Описание автографов Н. В. Гоголя в собрании Института Литературы Академии Наук СССР // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. 1938. Т. 1. С. 432. Печатается по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 652. К. 2. Ед. хр. 26. Написано на почтовой бумаге размером 210 × 132, с филигранью: круг в виде застегнутого ремня с пряжкой, со скрещенными молотами в центре и надписью по окружности: «HAMMER-EXPORT».

Григорий Степанович Степанов (ум. после 1909 г.), бывший крепостной Смирновых, управляющий у Надежды Николаевны Сорен (рожденной Смирновой, 1840 — май 1899), дочери А. О. Смирновой. Жил при Н. Н. Сорен последние годы ее жизни.

Александр Федорович Онегин (наст. фамилия — Отто, 1844–1925), коллекционер, историк литературы, владелец собрания пушкинских автографов.

Н. Н. Сорен за несколько лет до смерти, 13 февраля (н. ст.) 1894 г., в ответ на предложение А. Ф. Онегина-Отто взять на себя разбор архива О. Н. Смирновой писала: «Насчет бумаг — да вы просто ангел, что берете на себя этот труд, конечно, я согласна. По-моему так: *все письма*, чьи бы ни были, *сжечь*. Все остальное мне прислать» (цит. по: *Житомирская С. В.* А. О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие // *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 621). После смерти Н. Н. Сорен А. Ф. Онегин-Отто запросил о судьбе бумаг ее сына А. В. Сорена (упомянутый в письме Г. С. Степанова m-g Saugien). 13 июня (н. ст.) 1899 г. А. В. Сорен отвечал: «Если бы это не вызывало большого расхода, я бы отослал обратно письма покойной моей тетки Ольги и другие письма, ей принадлежавшие (их оказалось два ящика), чтобы вы могли распорядиться ими по вашему усмотрению. Я их уничтожил, не желая их усту-

пять Бартеневу» (Там же. С. 622). Позднее, в письме от 25 января (н. ст.) 1909 г., Г. С. Степанов еще раз извещал А. Ф. Онегина-Отто о судьбе архива О. Н. Смирновой: «Дело обстояло очень просто: по получении из Парижа, Н<адежда> Н<иколаевна> разбирала вместе с Ю. Бартеневым, и не нашедши ничего интересного, первый ящик был уничтожен, сожжен. После смерти Н<адежды> Н<иколаевны> 2-й ящик сожжен при мне и из пепла не мог обновиться...» (Там же. С. 623).

Часть бумаг из архива О. Н. Смирновой была, однако, ранее продана самой Н. Н. Сорен в Щукинский музей (ныне хранятся в РГАЛИ). Еще ранее часть писем Гоголя к А. О. Смирновой была передана О. Н. Смирновой П. И. Бартеневу. А. О. Смирнова в «Биографии Александры Осиповны Чаграновой» сообщала: «...У меня есть альбом, в котором есть... коллекция шутовских писем Жуковского и письма Гоголя» (см. в наст. изд.). Ср. в примеч. 4 к «Биографии Александры Осиповны Чаграновой» письмо О. Н. Смирновой сестре Н. Н. Сорен от 18/30 сентября 1882 г.: «Бартеневу я отдала письма покойных теперь Гоголя, Жуковского, Вяземского, Мятлева, Тургенева (Ал<ексан>дра Ив<ановича>). <...> ...Многие вещи или сожжены, или потеряны во время пребывания тапап в Москве и Богданове. Из Фридлянда тапап привезла шкатулку с письмами и бумагами, она их уничтожила здесь, в Богданове. Я их, увы! нигде не нашла. В 1876 году она отдала несколько писем и предметов в музей (касающихся Гоголя и Иванова), они там и находятся. Я не знаю только, что сделалось с теми, которые были ею оставлены Мише» (*Смирнова А. О. Воспоминания о Гоголе // Смирнова А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 372*).

Приводим текст упомянутой заметки М. Л. Гофмана «Сожженный Гоголь» в полном объеме: «Какой-то рок преследует рукописи Гоголя. За неделю до смерти, как известно, Гоголь сам сжег все свои рукописи. Это печальное событие произошло в 1852 году и было тогда же оплакано всеми, кому дорог был Гоголь и кому дорога русская литература. Прошло 47 лет, почти половина века, — и в 1899 году произошло новое сожжение рукописей Гоголя. В семействе А. О. Смирновой сохранялось много рукописей Гоголя и в том числе пакет с письмами на имя А. О. Смирновой (письма на французском языке). Этот пакет берегла А. О. Смирнова; сохраняла его также и дочь ее Надежда Николаевна, хоть и сделала на нем надпись “Все уничтожить”. Воля умершей была исполнена в 1899 году С. Потаповым <г. е. Степановым; см. выше>. Все попытки преданного делу собирания и охранения литературных материалов А. Ф. Онегина спасти этот пакет — ни к чему не привели. Историк литературы должен отмечать не одни находки, но и потери, должен знать, что исчезло, а следовательно, что *было* — тем более, что часто акт не простой потери, а сознательного уничтожения является многоговорящим» (<*Гофман М. Л.*> *Г. Сожженный Гоголь // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1925. № 9. С. 142*).

¹ Артур В. Сорен (Saugien), сын и наследник Н. Н. Сорен.

² Сорен (рожд. Смирновой).

Гоголь в письмах А. О. Россета к А. О. Смирновой

А. О. Россет — А. О. Смирновой

2 (14) января 1843. Рим.

...Уведомляю вторично, любезная Сашинька, что здесь все готово для твоего приема. Нанят на Forum Траяно малый palazzo Valentini; за один месяц я заплатил вперед; вчера по описи принял вещи и поместил нанятого мною человека, который там моет, чистит и вытирает. Хотя эта квартира считается в Риме из лучших, все-таки она в сравнении с Петербургскими грязна, и я не совсем уверен в хорошем первом впечатлении, которая она сделает, особенно если приедешь не в солнечный день.

Впервые опубликовано: <Бартенев> П. Б. Из писем А. О. Россета к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1896. Кн. 2. С. 295. Печатается по первой публикации.

Аркадий Осипович Россет (1812–1881), прапорщик лейб-гвардии конной артиллерии, впоследствии генерал-майор, сенатор; брат А. О. Смирновой. «А. О. Россет всегда с особым удовольствием вспоминал о совместной жизни с Гоголем в Риме... <...> В одном из писем к сестре Россет говорит и о найме palazzo Valentini на foro Траяно, не упоминая, однако, об известных нам хлопотах Гоголя...» (Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 245). См. в наст. изд. *Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша и Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пытина.*

А. О. Россет — А. О. Смирновой

Грефенберг, 1843 г. 10 (22) августа.

<...> А я не знал, что Гоголь продрал и поселился в Бадене; кланяюсь ему очень дружно. Не могу вспомнить о Риме без Гоголя. «Мертвые души» со мною; я перечитал их еще два раза и знаю наизусть разговор двух дам от *веселенького ситца* до *Ринальдо-Ринальдини*¹. <...>

Впервые опубликовано: <Бартенев> П. Б. Из писем А. О. Россета к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1896. № 2. С. 297. Печатается в переводе по первой публикации.

¹ Упомянутый в девятой главе первого тома «Мертвых душ» герой романа немецкого писателя Х. А. Вульпиуса «Ринальдо Ринальдини, знаменитый атаман итальянских разбойников» (1797), который был переведен почти на все европейские языки и вызвал бесчисленные подражания. В России роман вышел вторым изданием в 1818 г.

А. О. Россет — А. О. Смирновой

С.-Петербург, 1846 г. 16 июля.

Из письма твоего, любезная Сашинька, к Карлю¹ видно, что ты еще не решила твой отъезд, и потому решаюсь отправить прилагаемое письмо от Гоголя². И мне, и Самарину он написал по несколько строчек³; по ним можно судить, что он ободрился; кончает наставлением: все будет хорошо, не хандрите и не держите носа вниз, но руководствуйтесь хотя тем, что мой нос еще держится кверху, и пусть это будет вам барометром, если до сих пор не нашли лучшего. Я на-

пишу ему во Франкфурт, хотя он большая скотина: сам начертил несколько каракулек, а просит написать ему обо всем как можно подробнее, не упуская никаких мелочей, потому что в мелочах весь секрет. <...>

Впервые опубликовано: Из писем А. О. Россета к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1896. № 2. С. 310. Печатается в переводе по первой публикации.

¹ Вероятно, имеется в виду курьер А. О. Смирновой Карл, или Шарль (Charles).

² Письмо Гоголя от 4–6 июля (н. ст.) 1846 г. из Карлсбада, с приложением письма, начатого 6 июня (н. ст.) 1846 г. в Праге. Последнее из этих посланий без изменений было помещено Гоголем в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» — статья XXI. *Что такое губернаторша*.

³ Письма к А. О. Россету и Ю. Ф. Самарину от 6 июля (н. ст.) 1846 г. из Карлсбада. Самарин ответил Гоголю 12 июля 1846 г., А. О. Россет — 17/29 июля 1846 г.

А. О. Россет — А. О. Смирновой

С.-Петербург, 1846 г. Ноября 1-го.

<...> Гоголя письма еще не вышли; только что выйдут, пришлю; их печатают в том самом почти виде, как были присланы. Мне говорил Плетнев, что в двух письмах он говорит о нашем черном и белом духовенстве, отдавая ему предпочтение перед западным. Цензор духовный¹ их не пропустил, надписав: «Нельзя, потому что идеи автора о нашем духовенстве конфузны». Плетнев, нашед самую резолюцию конфузную, обратился к графу Протасову, и он разрешил с малыми поправками.

Впервые опубликовано: Из писем А. О. Россета к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1896. № 3. С. 362. Печатается в переводе по первой публикации.

¹ Протоиерей Тимофей Ферапонтович Никольский (1788–1848), настоятель Казанского собора в Петербурге (с марта 1846 г.), магистр богословия, член Санкт-Петербургского комитета духовной цензуры (с 1842 г.), духовный писатель. Подробнее о цензурной истории «Выбранных мест из переписки с друзьями» см.: *Виноградов И. А.* К истории создания и публикации духовной прозы Гоголя // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 6. С. 445–464.

А. О. Россет — А. О. Смирновой

С.-Петербург, 1846 г. 30 ноября.

<...> Прилагаю письмецо от Гоголя; жалуется на твое молчание. Он прислал сюда прибавление к «Ревизору». Вырученные деньги продажею нового «Ревизора» пожертвовал в пользу бедных, но как-то странным образом: устроил под председательством гр<афини> Нози¹ комитет, в который включил меня и Самарина; мы должны непременно собираться в 11 часов и рассуждать об употреблении суммы. Это всех здесь немного удивило; не знаю, как отвечать ему на это, тем более, что Гедеонов не взял на сцену прибавления, а сумма, вероятно, будет ничтожная. <...>

¹ Так звали графиню Аполину <ошибка; следует: Анну> Михайловну Вьельгорскую (впоследствии княгиню Шашховскую). Гоголь был в нее влюблен и даже просил ее руки. *П. Б. — Примеч. П. И. Бартенева.*

Впервые опубликовано: Из писем А. О. Россета к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1896. № 3. С. 363. Печатается в переводе по первой публикации.

А. О. Россет — А. О. Смирновой

С.-Петербург, 1847 г. Февраля 14.

Толки о Гоголе мне также до смерти надоели. Мне кажется, что одно можно ему сказать положительно: письма его не должны были поступать в печать, а оставаться в руках тех, кому были писаны. Доказательством этого служит то, что его соотечественники, о которых он так трогательно заботится в предисловии, на любовь его посылают ему на прощание кто — сумасшедшего, кто подлеца или лжеца или гордеца. Так выразились единогласно журналы и почти единогласно масса. Сверх сего, прислушиваясь к толкам, слышишь, что все говорят о Гоголе, а никто о том, что он написал; все разбирают, что с ним случилось, а содержание книги осталось в стороне. Это понятно: у нас могут заняться лицом, если с ним случится какой-нибудь странный казус, а общих интересов, в коих принимали бы живое участие, нет. Ни одна пословица так полно не достигла цели, как та, что всяк Еремей про себя разумеет.

Я послал к нему журналы; больно ему будет не услышать ни одного доброго слова. Говорят, Вяземский пишет и хочет напечатать в Московском Городском Листке; он получил письмо от Гоголя¹, и это подало ему повод отвечать печатно². <...>

Впервые опубликовано: Из писем А. О. Россета к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1896. № 3. С. 364. Печатается в переводе по первой публикации.

¹ Письмо к князю П. А. Вяземскому от 16 января (н. ст.) 1847 г.

² Фрагмент статьи князя П. А. Вяземского «Языков. — Гоголь» (Санктпетербургские Ведомости. 1847. 24 апр. № 90; 25 апр. № 91) см. в наст. изд.

А. О. Россет — А. О. Смирновой

С.-Петербург, 1847 года. Марта 22.

Гоголь и мне писал¹, жалуясь, что вышла не его книга, а оглодок из общих мест, что главные письма, в которых он показывает, как общие места применять к делу, не пропущены. От этого, по его мнению, выступила не книга, а он. Он просил Плетнева, Вяземского и Велеурского прочесть непозволенные письма, исправить что нужно и представить прямо к Государю. Я их читал у Вяземского при Плетневе и Тютчеве вместо Велеурского, и положили ожидать ответа Гоголя на предложение Плетнева — письма эти, поместив в следующем томе, представить весь том Государю. След<овательно> в настоящую минуту нам нечего предпринимать; тем более, что в письме Гоголя², на днях мною полученном, он сам просит не спешить. При том не знаю, желать ли, чтобы письма были напечатаны. Их всего пять. В первом: «Нужно любить Россию», — он развивает мысль, что нельзя любить Бога, не полюбив Россию. Во втором: «Нужно проехать по России», — он уговаривает графа Толстого не идти в монастырь, развивает мысль, что монастырь для него — Россия, и учит, как с пользою должно ездить по России. Эти два письма так себе и с некоторыми лишь поправками, может быть, и будут пропущены. В третьем, к гр<афине> Вел<еурской>, «Страхи и ужасы России», самое заглавие как-то странно. Все мы знаем, что у нас много злоупотреблений, знает это более нас даже самое правительство; но опять видеть страхи и ужасы — это преувеличено. Во всяком случае дозволить печатно распространяться этим слухам было бы неблагоприятно. Теперь он мне пишет: письма этого не пе-

читать, вероятно, по просьбе гр<афини> Вел<еурской>, которая немного компрометирована сим письмом. В четвертом: «Что такое губернаторша» (тебе адресованном), и в пятом: «Важным лицам» — содержатся советы, как поступать лицам на известных местах. По моему мнению, вопреки мнению Гоголя, эти письма не исправят, а еще более повредят книге; по новости и оригинальности, с какими он является, и по новости самих предметов в нашей литературе, лицо его еще ярче выступает, и они добьют собственно книгу. Так думают и Вяземский, Тютчев и Плетнев — все его доброжелатели и ценители. Я написал об этом Гоголю довольно подробно³, как равно написал ему откровенно, какое впечатление произвела вообще его книга на публику. В письме этом я не столько боялся, что передам впечатление неверно, сколько того, чтобы оно не показалось ему черствым. Я читал его Вяземскому и Плетневу, и они уговорили меня послать его. Летом буду в Калуге и прочту, ибо оставил у себя копию. <...>

Первые опубликовано: Из писем А. О. Россета к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1896. № 3. С. 365–366. Печатается в переводе по первой публикации.

¹ Имеется в виду письмо от 11 февраля (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

² Не сохранилось.

³ Письмо от 12 марта 1847 г. из Петербурга.

А. О. Россет — А. О. Смирновой

<1849>

<...> От Вяземских есть известие из Одессы¹. Он писал Плетневу, садясь на пароход, что княгиня очень боялась. Ему давали литературные обеды и вечера в Одессе. — Гоголь, вероятно, с досады, что Nicolas² не улучшил Калугу в литературном отношении и что Калуга не давала ему обедов, сочинил песню «не улучшай, не улучшай!» <...>

Первые опубликовано: Из писем А. О. Россета к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1896. № 3. С. 367. Печатается в переводе по первой публикации.

¹ В 1849 г., после смерти от холеры дочери Марии, князь П. А. Вяземский с женой совершил путешествие в Константинополь, где служил их сын Павел, и паломничество к Святым Местам, после чего в конце 1850 г. вернулся в Россию.

² Н. М. Смирнов.

А. О. Россет — А. О. Смирновой

Вильно, 1852 г. Апреля 10.

Гоголь для меня совершенная загадка; видел его в Москве совершенно здоровым и бодрым, а из прочитанных журнальных статей не видел даже, был ли он наконец болен. Попроси Олю, чтобы она позаботилась отыскать и прислала мне статьи Аксакова, Тургенева, Погодина в Москвитянине и письмо Жуковского. Это сделает большое удовольствие ее старому дяде, и она верно это аккуратно исполнит.

Всего более мне жаль размышлений о Литургии; должно бы было быть прекрасно; если что появится, пришли, пожалуйста. Гоголь был один из самых неразгаданных людей, и независимо от дружеской или приятельской потери мы лишились огромного интереса в жизни. О похоро-

нах его я читал в газетах. Растопчина должна была надеть ему лавровый венок потому именно, что изо всех умерших Гоголю наиболее бы эта проделка не понравилась.

Впервые опубликовано: Из писем А. О. Россета к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1896. № 3. С. 377. Печатается в переводе по первой публикации.

А. О. Россет — А. О. Смирновой

Вильно, 1852 г. 25 ноября.

<...> Ты выписала <...> в письме одну фразу из биографии Гоголя¹; разве она вышла? Осталось ли что из его Литургии? Вчера я читал <...> статью о Гоголе² в Московских Ведомостях с его письмами к матери. <...>

Впервые опубликовано: Из писем А. О. Россета к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1896. № 3. С. 377–378. Печатается в переводе по первой публикации.

¹ Подразумевается «Авторская исповедь». См. в наст. изд. письмо А. С. Смирновой к П. А. Плетневу от 25 октября 1852 г.

² Статья Г. П. Данилевского «Хуторок близ Диканьки» (см. в наст. изд.).

Гоголь в воспоминаниях Н. Н. Сорен (рожденной Смирновой), в записи В. И. Шенрока

<...> ...В Бадене Гоголь <...> находил единственное развлечение в шутках и шалостях с детьми, особенно с младшей, трехлетней дочерью Смирновой, Надеждой Николаевной (ныне г-жой Сорен) <...> <В письме из Бадена к А. О. Смирновой от 4 июля (н. ст.) 1843 г. Гоголь писал: «Встреча наша была радостна необыкновенно. Крик был с обеих сторон; поцеловались мы весьма крепко. Потом она, уже отошедши от меня, вдруг вспомнила, что еще не всё, и подбежала к руке».> ...Дело идет о девочке, которая, как вспоминает сама Н. Н. Сорен, получала за то от Гоголя замечание в такой форме: «руки целуют только у дам и архиереев». <...>

Здесь¹ Гоголь в шутку говорит серьезным тоном о Надежде Николаевне, самой младшей дочери Смирновой, совсем еще маленькой. Надежда Николаевна, впоследствии Сорен, любила, вспоминая с ними о Гоголе, рассказывать, что она имела обыкновение девочкой целовать руки у Гоголя, при чем последний усиленно защищался и говорил: «Я не архиерей, а руки целуют только у дам и у архиереев». <...>

...Смирнова в минуты хандры, навещавшей ее даже в Ницце¹, страдала от сознания утраты молодости и свежих душевных сил, от собственных увлечений и неумения себя сдерживать, наконец от недовольства жизнью. <...> В Гоголе ей необходим был поверенный ее нравственных мук, как нужен бывает духовник человеку, в трудную минуту жизни обратившемуся к утешениям религии. <...> Иногда же он просто освежал ее и оживлял остроумной беседой, что так тонко подметила девочка, дочь Смирновой, Надежда Николаевна: «Maman est malade, parce qu'elle n'a personne pour causer avec elle, je sais, qu' à Nice elle avait toujours Gogol pour la distraire, quand elle Otait nerveuse»². <...>

Из Бадена Гоголь <...> сообщал³ <...>: «Я в Бадене, нахожусь в том самом отеле, где вы стояли (Hotel de Hollande), живу порожняком и беседую с одним графом Толстым, да иногда на две минуты вижу Викулина»⁴. <...>

Не удовлетворившись своим путешествием в Иерусалим, Гоголь собирался, однако, предпринять со временем другое путешествие туда. Н. Н. Сорен, урожденная Смирнова, дочь Александры Осиповны, припоминает, что он часто говорил уже в 1850 году о новой поездке в Иерусалим, причем она, тогда еще маленькая девочка, спросила его: «А меня возьмете в Иерусалим?» Гоголь ответил задумчиво: «Я не скоро поеду; мне нужно прежде кончить дело». <...>

По воспоминаниям ныне здравствующей дочери А. О. Смирновой (Н. Н. Сорен), Гоголь часто приходил к ним и держал себя совершенно своим человеком; он всегда разговаривал с ее матерью, летом подолгу сидя с нею в саду на скамейке в ее подмосковном имении Спасском, и был весьма ласков и приветлив со всеми. По утрам он был обыкновенно занят работой, которой отдавался с увлечением, а после усиленного напряжения чувствовал потребность в отдыхе среди дорогих людей. Здесь Гоголь сбрасывал с себя кору черствой замкнутости, в кругу

¹ Александра Осиповна нередко предавалась жестокой хандре. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

весьма немногих, самых избранных, где он являлся естественным и задушевным собеседником, тогда как для большинства считавшихся его друзьями, интимный мир был почти совсем закрыт. Таким же угрюмым и неприветливым являлся Гоголь и в литературных кружках. <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В. И.* Материал для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 250–251; Письма *Н. В. Гоголя*. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 2. С. 326; *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и Виельгорские в их переписке. 1839–1849 г. // Вестник Европы. 1889. № 10. С. 456; *Шенрок В. И.* Материал для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 269, 284, 694–695, 760. Все фрагменты печатаются по первым публикациям.

Надежда Николаевна Сорен (рожд. Смирнова, 1840–1899), дочь А. О. Смирновой.

¹ В письме Гоголя к А. О. Смирновой от 4 июля (н. ст.) 1843 г.

² Мама больна, терзается, что у нее нет никого, чтобы беседовать с нею, я знаю, что в Ницце у нее был всегда Гоголь, чтобы ее отвлекать, когда она была раздражительна (*фр.*).

³ В письме к В. А. Жуковскому от 23 мая (н. ст.) 1844 г.

⁴ «Викулин был старый знакомый Жуковского <...> По воспоминаниям О. Н. Смирновой, это был помещик, влюбившийся до безумия в какую-то англичанку. Гоголь будто бы изобразил его в Кошкареве во 2 части «Мертвых душ»» (примеч. В. И. Шенрока).

Гоголь в воспоминаниях Л. И. Арнольди

Воспоминания Л. И. Арнольди в записи П. И. Бартенева

10 дек<абря> <1850-е гг.>.

[Вечер у К<язя> Черкасского^I]. Арнольди, брат Смирновой Александры Осиповны, Калужский Вице-губернатор говорил^I, что он слышал некоторые погибшие главы второго тома Мертвых Душ. По его словам, одна из этих глав б<ыла> лучше всего, что написал Гоголь. Чичиков, желая склонить Генерала Бетрищева в пользу Тентетникова, распустил слух, будто последний занимается жизнеописанием Генералов, сражавшихся в 1812 году. Описание обеда у Бетрищева. Хозяин заговаривал о мнимых биографиях. Тентетников сначала удивляется, но потом угадавши^{II} выдумку Чичикова, начинает^{III} говорить о 12 годе, и говорит с прекрасным увлечением, упомянув между прочим о том, что 12 год важен не своими битвами, а тем, что вся земля встала как один человек² и пр. Одушевленная речь его действует на всех. Крупная слеза, как бриллиант, скатилась на седые усы Генерала. Улинька вся превратилась во внимание. Прислушивается и толстый обжора Испанец, какой-то Эспартерон, к<оторо>го в доме зовут Эспадроном и который проживает у Генерала^{IV} единственно для игры^V с ним в шахматы. Чичиков делает замечание, что в 1812 г. были большие холода. «Какие там холода!»³ — подхватывает Бетрищев и пускается в рассказы про свои походы.

Арнольди помнит в этой же главе другое^{VI} прекрасное место. Бетрищев благословил Тентетникова с Улинькою. Молодой человек в избытке всяких чувств выходит в сад. Знойный полдень.^{VII} Описание природы. Т<ентетник>ову так хорошо, что он даже помолился. Возвращаясь из сада, он видит Павла Ив<ановича>, бросается благодарить его, называет устройтелем своего счастья и просит сказать, чем может заплатить ему. Ч<ичиков> тотчас заводит речь о Мертвых Душах. Т<ентетников> предлагает^{VIII} ему дарственную запись на живых людей, и удивленный Ч<ичиков> спрашивает: «И вы не боитесь, что я вас обманул?»

Сцена, в которой^{IX} помолвленная Улинька молится на гробе своей матери (и которую помнит и Шевырев), по словам Арнольди, слишком идеальна.

[На том же вечере, на к<отором> мне было скучно, потому что нельзя было говорить прямо и откровенно, еще были И. С. Аксаков, Кошелевы⁴, М. М. Нарышкин⁵, Ник. Ив. Лорер⁶ и Сенатор Подчацкий⁷ (сын Льва Кирил<ловича> Разумовского⁸).]

^I Было: рассказывал

^{II} Было: догадав<шись>

^{III} Далее было: прекр<асно>

^{IV} Далее было: занимаясь

^V для игры *вписано вместо*: играя

^{VI} Было: другой

^{VII} Далее было: По

^{VIII} Далее было: дать

^{IX} Далее было: Ули<нька> помо<л>вле<нная>

Публикуется впервые по автографу: *РГБ*. Ф. 74. К. 9. Ед. хр. 18. Л. 1. Бартенев П. И. Запись рассказа Л. И. Арнольди о чтении Н. В. Гоголем некоторых глав второго тома «Мертвых душ» в семье А. О. Смирновой в Калуге, 1849, июль. Автограф с поправками. 10 дек. [1850-е]. Вверху листа карандашом вписано: «Записано Бартеневым от Арнольди».

Лев Иванович Арнольди (1822–1860), младший брат (по матери) А. О. Смирновой, служил чиновником по особым поручениям при ее муже, калужском гражданском губернаторе (в 1845–1851 гг.) Н. М. Смирнове; впоследствии вице-губернатор.

¹ Владимир Александрович Черкасский, князь (1824–1878), воспитанник О. М. Бодянского, муж Е. А. Васильчиковой, государственный и общественный деятель.

² В 1833 г. Кс. А. Полевой писал о 1812 годе: «Говорят об ожесточении крестьян, о народной войне: но ничего этого не было. Может быть на протяжении пути Французов, и с окрестностями Москвы, где прожили они довольно долго, несколько *десятков*, и едва ли *сотен* мужичков, оказали сопротивление фуражирам и мародерам; но разве это значит народная война? Русские Дворяне и Купцы сделали великие жертвования, но не прежде как при воззвании своего Монарха. Из Москвы бежали, в Петербурге готовились к бегству, но сопротивления народного не было никакого. Как <...> не отдать всей справедливости бессмертным мужам, спасителям России: Александру, мужественному, непоколебимому противнику Западного исполина, и мудрому, великому полководцу Барклаю де Толли?» (<Полевой Кс. П.> К. П. Жизнь Наполеона Бонапарт, Императора Французов. Сочинение Сира Вальтер-Скотта. Перевел с Английского С. де Шаплет. СПб., 1831 и 1832 гг. 14 т. in-12 // Московский Телеграф, издаваемый Николаем Полевым. 1833. Ч. 51. № 9. Май (цензурное разрешение 27 июня). С. 138–139). 20 февраля 1835 г. Гоголь, имея в виду это высказывание Кс. Полевого и побуждая М. П. Погодина к более деятельному участию в издании «Московского Наблюдателя», писал: «Признаюсь, я вовсе не верю существованию вашего журнала более одного года. Я сомневаюсь, бывало ли когда-нибудь в Москве единодушие и самоотвержение, и начинаю верить, уж не прав ли Полевой, сказавши, что война 1812 есть событие вовсе не национальное и что Москва невинна в нем». В письме к другому пайщику «Московского Наблюдателя», С. П. Шевыреву, Гоголь также замечал: «Москве предстоит старая ее обязанность спасти нас от нашествия иноплемennых языков» (письмо от 10 марта 1835 г.).

³ Объяснением, пущенным в ход самим Наполеоном, будто бы его армия потерпела поражение в России вследствие «холодов», в свое время был возмущен Д. В. Давыдов, посвятивший этому вопросу отдельную статью «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?», опубликованную в 1835 г. в т. 10 «Библиотеки для Чтения».

⁴ Вероятно, Николай Иванович Кошелев (род в 1791), чиновник, и его брат Валериан Иванович (1795–1866), капитан 1 ранга, члены масонских лож.

⁵ Михаил Михайлович Нарышкин (1798–1863), полковник Тарутинского полка, декабрист, член Северного общества.

⁶ Николай Иванович Лорер (1795–1873), майор Вятского пехотного полка, масон, декабрист.

⁷ Ипполит Иванович Подчацкий (Подчасский, 1792–1879), сенатор.

⁸ Граф Лев Кириллович Разумовский (1757–1818), генерал-майор.

Л. И. Арнольди

Мое знакомство с Гоголем

Я познакомился с Гоголем в Москве в мае месяце, в ...¹ году¹, скоро после его возвращения в Россию, следовательно, уже после всех толков о нем и его книге *Переписка с друзьями*. Любопытство мое было сильно возбуждено; мне хотелось ближе узнать эту замечательную личность, на которую бросали камни со всех концов России. С самых юных лет я был поклонником Гоголя; я знал почти наизусть его *Арабески*, его *Вечера на хуторе*, его *Ревизора*. *Мертвые Души* долго были моею настольною книгою. Но понятие, составленное мною о прежнем Гоголе, те-

¹ Так в публикации.

перь, казалось, никуда не годилось. Гоголь, заставлявший нас смеяться до слез своими гениально художественными произведениями, выступал теперь перед публикой, после долгого молчания, каким-то проповедником, аскетом и монахом, и обманул всех своих почитателей и врагов. Я, вероятно, был бы тоже поражен не менее других появлением в свет этой книги, если бы не особенное обстоятельство, о котором скажу после. Все увидели тогда, что ошибались в Гоголе, что не поняли его. Враги Гоголя известны: это люди старого времени, которые никогда не могли простить ему его таланта, его успехов, его славы. Мелкая зависть, или грубое понимание его произведений, заставляли их отзываться о Гоголе с пренебрежением, называть его героев карикатурами и бранить его за то, что он описывал всегда с любовью предметы грязные и людей пошлых, а не светских львов или героев добродетели. Из этого, и в особенности из долгого пребывания его за границей, вывели заключение, что он мало любит Россию. С такими людьми спорить нельзя, точно так же, как нельзя спорить с слепыми о цветах и красках. Если они не поняли, что Гоголь в лице Акакия Акакиевича или в Старосветских Помещиках заставлял любить своего брата, своего ближнего, простого, бедного, показывая, что и они такие же люди, как мы, и что у них есть душа, требующая от нас любви и справедливости, если они не поняли, что Маниловы, Собакевичи, Ноздревы, и в особенности Хлестаковы и Чичиковы, бывают везде, во всех слоях русского общества, что с ними можно встретиться и в блестящей гостиной знатного вельможи в Петербурге, и в скромном уездном городишке, — то стоит ли с ними спорить? Пусть восхищаются сочинениями гг. Масальского, Зотова, и другими историческими и нраво-описательными романами. Эти люди везде, при всяком случае, кстати и некстати, печатно и изустно, бранили Гоголя; они видели в нем начальника какой-то школы, человека не уважающего никаких авторитетов, вредного и даже опасного писателя, увлекавшего за собою все новое поколение и грозившего отбить у них всех читателей. Вдруг Гоголь совершенно неожиданно сбивает их с толку своею *Перепиской с друзьями*. Они видят с удивлением, что он говорит в этой книге с уважением о классической литературе, о Церкви, о властях, о России. Они видят, что он не проповедует никаких переворотов, бранит только себя, унижает только свои прежние произведения. И с злобною радостью пишут эти отсталые люди: вы видите, что мы были правы: Гоголь сам отказывается от своих ничтожных созданий, он сам их унижает; но, слава Богу, он опомнился. И они хвалят с каким-то снисхождением, с какою-то злобною радостью, его новую книгу, и прощают ему прежние его заблуждения. Вот каково было положение противников Гоголя при выходе в свет *Переписки с друзьями*. С почитателями же его таланта было совсем другое. Они всегда разделялись на два лагеря. В одном заседали люди прогресса, всякого движения вперед, почти все новое поколение, все студенты, профессора, учителя, и за ними целая толпа молодежи читающей и мыслящей. Они уважали Гоголя: во-первых, за его громадный талант, а во-вторых, за то, что он употреблял этот талант на пользу своим ближним, в том смысле, как понимали они пользу. Влияние Гоголя в самом деле было огромное. Он заставлял всех погружаться в самих себя, отвращал от порока, и в особенности от этих мелких слабостей, которыми заражена большая часть людей нашего времени. Он казнил и бичевал всенародно эти маленькие страстишки, эти ежегодные подлости, которых не скоро заметишь под маскою какого-то приличия, с которыми между тем сталкиваешься на каждом шагу и которые, к сожалению, очень часто не мешают человеку прослыть в свете благородным и честным. Эти первые почитатели Гоголя видели в нем передового человека на пути просвещения своего отечества, и страстно любили его глубоко нравственные сочинения. Другой лагерь составляли люди не менее их достойные, столь же умные и просвещенные, но с другими убеждениями, с другими верованиями. Сочувствуя всему прекрасному и доброму, они вместе с тем подняли знамя исключительной национальности, и явились жаркими противниками всякого иностранного, западного влияния. Гоголя считали они совершенно разделяющим их убеждения, писателем народным по преимуществу, и следовательно, писателем их школы, представителем их направления. Эти два направления, столь различные в своих основаниях, в своих принципах, имели,

впрочем, между собою много общего. Были вопросы, в которых они сходились совершенно. Гоголь в своей *Переписке с друзьями* разрешил некоторые из этих вопросов по-своему, так что не угодил ни тем, ни другим. К тому же все были возмущены и оскорблены его завещанием, тоном некоторых писем его, и наконец его отречением от прежних своих произведений. Друзья, или те, которые считали себя друзьями Гоголя, восстали на него с непостижимою злобой! Одни называли его безумным, больным; другие упрекали в лести и подлостях всякого рода; третьи провозглашали совершенное падение его таланта; наконец, почти все сомневались в искренности его смирения и называли его в глаза бесчестным человеком. Бедный Гоголь! Как вспомнишь все, что говорили, писали и даже печатали про него в то время, то становится страшно за человека, и удивляешься, как мог он все это вынести и не изнемогнуть. Я читал все, что писали тогда про Гоголя и к Гоголю, все оскорбления, все проклятия, посланные к нему за границу его мнимыми друзьями. Я говорю — мнимыми, потому что они все ошибались в нем, никто его не понял, никто не вступился за него. Забыли его талант, забыли то высокое наслаждение, которое доставлял он нам так долго своими чудными созданиями, забыли всякое приличие, всякую справедливость, не обратили никакого внимания на некоторые прекрасные страницы в его новой книге, все смешали, перепутали, и, не разобрав дела, осыпали бедного автора неслыханными подозрениями и язвительными насмешками. Признаюсь, я не разделял мнения друзей Гоголя, точно так же, как не разделял мнения его противников, и после, познакомившись с ним короче, слушая второй том его *Мертвых Душ*, им самим при мне читанный, беседуя с ним о разных современных вопросах, присутствуя, наконец, при его кончине и прочитав его *Авторскую Исповедь*, я всегда радовался тому, что не оскорбил его ни одним подозрением, ни одним из тех страшных упреков, на которые так были щедры его поклонники. Не скажу, чтоб я был совершенно доволен книгою Гоголя, нет, я особенно был не доволен ее появлением в свет; меня огорчили два, три письма Гоголя, завещание и предисловие; но я прощал ему его заблуждение, я восхищался некоторыми чудными местами его *Переписки*, точно так же, как восхищаюсь ими и теперь; я верил в его искренность, я не сомневался ни одной минуты в его таланте, я не боялся за него, но, напротив того, ожидал с нетерпением второго тома *Мертвых Душ*, и был убежден, что Гоголь появится в нем еще с большею силой, чем в первом томе, еще глубже заглянет в душу человеческую и выразит все в истинно художественной форме. Я думал так потому, что знал Гоголя, может быть, лучше всех друзей его, хотя и не был знаком с ним, хотя никогда не видал его. Узнал же я Гоголя именно незадолго до появления в свет его новой книги, из рассказов сестры моей², с которою Гоголь был дружен и находился в постоянной дружеской переписке, в течении четырнадцати лет. Читая эти прекрасные, откровенные письма, я видел все сомнения, тревожившие поэта, я видел его борьбу, я догадывался, чего он так сильно желал, чего так страстно добивался. Содержание *Мертвых Душ* стало мне понятно. Не скажу, чтоб я надеялся вместе с Гоголем на полный успех его второго тома, чтоб я думал найти в нем последнее слово, чтоб я верил, что ему удастся все согласить, все примирить, и выставить ясно перед очами читателя те идеалы, которые еще смутно носились даже в его воображении. Нет, я не смел верить этому; но я был твердо убежден, что во втором томе Гоголь еще ближе подойдет к действительности, и что герои его поэмы будут еще человечнее, еще понятнее для нас, — и думал так потому, что видел из писем его к сестре моей, что он стал строже к самому себе и строже глядел на искусство. Даже в неотделанных пяти главах второго тома мы видим уже, что характеры действующих лиц задуманы глубже; а что бы сделал из них Гоголь, если б они явились в совершенно оконченном виде? Генерал Бетришев, Тентетников, Кошкарев, и в особенности Хлобуев, не имеют уже в себе ничего каррикатурного, ничего преувеличенного; это живые люди, со всеми своими дурными и хорошими наклонностями, люди, которых мы встречаем каждый день, но в которых не замечали, по свойственному нам легкомыслию, тех слабых сторон, тех душевных болезней, которые так тонко подметил Гоголь. Собакевича и Ноздрева мы заметили сами, а Хлобуевых мы очень часто принимаем за людей достойных и милых, но только несчастных. А сам Чичиков? Посмотрите, как

вырастает он постепенно во втором томе, как он делается еще противнее, по мере того как становится приличнее, по мере того как ему все удается; прежде он внушал к себе презрение, вместе с тем — какое-то сострадание; теперь же он просто делается гадок в своем фраке наваринского дыма с пламенем. И вот по какой причине *Переписка с друзьями* не так сильно поразила меня, как остальных читателей. Я видел, что Гоголь ошибся в своих силах, ошибся в том, что хотел невозможного, хотел разрешить неразрешимое, хотел нам добра и пользы, и не знал, как за это взяться, с чего начать и как кончить. И вот, вровень этой сильной любви, как плод долгого, мучительного страдания, является сперва *Переписка с друзьями*, а потом отысканные уже после смерти Гоголя — пять глав с непонятым Муразовым, с неудачным Костанжогло и идеальным генерал-губернатором! Велика была ошибка, но зато и несоразмерно наказание! Бедный Гоголь! Ты не ожидал, что все от тебя отвернутся, что самые близкие друзья твои пошлют тебе проклятие, обвинят тебя в притворстве, в тщеславии и гордости, пристрастии к знатым и богатым, в желании достигнуть этим путем каких-то своекорыстных целей. Чем можно было более поразить человека в самое сердце, за несколько страниц временного заблуждения? Мир праху твоему, бедный страдалец! Своею смертью, своею авторскою исповедью, своим пожертвованием в пользу бедных студентов последнего своего достоинства, ты доказал нам, что был искренен и не лукавил ни перед собою, ни перед нами. К чести одного из друзей Гоголя, более других восставшего против него за его *Переписку с друзьями*, мы должны вспомнить здесь, что вскоре после кончины Гоголя, он печатно сознался, что был виноват перед ним, сомневаясь в его искренности, но что теперь видит ясно, что ошибался¹. Впрочем, к сожалению, таких людей немного. Иные и до сих пор еще, по какому-то непонятному для нас упрямству, называют его иезуитом Тартюфом! Вот что думал я о Гоголе в году³, и вот почему так сильно желал я познакомиться с ним и увидеть своими глазами этого знаменитого автора, строгого художника-монаха, возбудившего столько шума и разных толков. Я жил тогда в Москве; сестра моя приехала из Калуги и остановилась в гостинице Дрезден. При первом же свидании она объявила мне, что Гоголь здесь и в 6 часов вечера будет к ней. Я, разумеется, остался обедать и ждал Гоголя с нетерпением. Ровно в 6 часов вошел в комнату человек маленького роста с длинными белокурыми волосами, причесанными а la poujik, маленькими карими глазками и необыкновенно длинным и тонким птичьим носом. Это был Гоголь! Он носил усы, чрезвычайно странно тарантил ногами, неловко махал одною рукой, в которой держал палку и серую пуховую шляпу; был одет вовсе не по моде и даже без вкуса. Улыбка его была очень добрая и приятная, в глазах замечалось какое-то нравственное утомление. Сестра моя познакомила нас, и Гоголь дружески обнял меня, сказав сестре: «Ну теперь я знаком, кажется, со всеми вашими братьями; это, кажется, самый младший». Действительно, я был младший. Мы сели вокруг стола; разговор завязался о здоровье; Гоголь внимательно расспрашивал сестру о ее положении, давал какие-то советы и не сказал ничего замечательного. Вечером я проводил его домой; нам было по дороге, потому что он жил тогда на Никитском бульваре у графа А. П. Т<олсто>го, а я у Никитских ворот. Гоголь говорил со мною о моей службе и советовал не брать видных мест. «На них всегда найдутся охотники, — прибавил он, — а вы возьмите должность скромную, не блестящую, и постарайтесь быть именно в этой должности полезным; тогда вы увидите, как будет вам весело на душе». Я отвечал, что надеюсь скоро быть советником в губернском правлении. «Вот и хорошо, отвечал Гоголь, тут работы будет много и пользу принести можно; это не то что франты чиновники по особым поручениям или служба министерская; очень, очень рад за вас и душевно поздравляю вас, когда получите это место». На другой день вечером Гоголь опять был у сестры, но почти все время молчал. Пришел <Ю. Ф.> С<амарин>; говорили много о немцах, шутили, смеялись. С<амарин> со свойственным ему остроумием представлял все в лицах и смешил нас до слез. Так прошел почти весь вечер. Гоголь упорно молчал и наконец сказал: «Да, немец вообще не очень при-

¹ С. Т. Аксаков, в *Московских Ведомостях*. — Примеч. Л. И. Арнольди.

ятен; но ничего нельзя себе представить неприятнее немца-ловеласа, немца-любезника, который хочет нравиться; тогда может он дойти до страшных нелепостей. Я встретил однажды такого ловеласа в Германии. Его возлюбленная, за которую он ухаживал долгое время без успеха, жила на берегу какого-то пруда и все вечера проводила на балконе перед этим прудом, занимаясь вязанием чулок и наслаждаясь вместе с тем природой. Мой немец, видя безуспешность своих преследований, выдумал, наконец, верное средство пленить сердце неумолимой немки. Ну, что вы думаете? Какое средство? Да вам и в голову не придет что! Вообразите себе, он каждый вечер, раздевшись, бросался в пруд и плавал перед глазами своей возлюбленной, обнявши двух лебедей, нарочно им для сего приготовленных! Уж право не знаю, зачем были эти лебеди, только несколько дней сряду, каждый вечер он все плавал и красовался с ними перед заветным балконом. Воображал ли он в этом что-то античное, мифологическое или рассчитывал на что-нибудь другое, только дело кончилось в его пользу: немка действительно пленилась этим ловеласом и вышла скоро за него замуж». Все мы расхохотались, Гоголь же очень серьезно уверял, что это не выдумка, а факт и что он может даже назвать и немца и немку, которые живут и теперь еще счастливо на берегу все того же пруда. Когда мы остались втроем, сестра попросила Гоголя рассказать ей что-нибудь о его путешествии в Иерусалим. «Теперь уже поздно, — отвечал он, — вам пора и на отдых, лучше когда-нибудь в другой раз. Скажу вам только, что природа там не похожа несколько на все то, что мы с вами видели; но тем не менее поражает вас своим великолепием, своей шириной. А Мертвое море — что за прелесть! Я ехал с Базили, он был моим путеводителем. Когда мы оставили море, он взял с меня слово, чтоб я не смотрел назад, прежде чем он мне скажет. Четыре часа продолжали мы наше путешествие от самого берега, в степях, и точно шли по ровному месту, а между тем незаметно мы поднимались в гору; я уставал, сердился, но все-таки сдержал слово и ни разу не оглянулся. Наконец Базили остановился и велел мне посмотреть на пройденное нами пространство. Я так и ахнул от удивления! Вообразите себе что я увидел! На несколько десятков верст тянулась степь все под гору; ни одного деревца, ни одного кустарника, все ровная, широкая степь; у подошвы этой степи, или, лучше сказать — горы, внизу, виднелось Мертвое море, а за ним прямо, и направо, и налево, со всех сторон опять то же раздолье, опять та же гладкая степь, поднимающаяся со всех сторон в гору. Не могу вам описать, как хорошо было это море при заходе солнца! Вода в нем не синяя, не зеленая и не голубая, а фиолетовая. На этом далеком пространстве не было видно никаких неровностей у берегов; оно было правильно овальное и имело совершенный вид большой чаши, наполненной какою-то фиолетовою жидкостью».

Рассказывая это, Гоголь оживился, говорил с жаром, глаза его блестели; я узнал поэта и вспомнил лучшие лирические места в его произведениях! На другой день я с сестрой заехал к Гоголю утром. В комнате его был большой беспорядок; он был занят чтением какой-то старинной ботаники. Покуда он разговаривал с сестрой, я нескромно заглянул в толстую тетрадь, лежавшую на его письменном столе, и прочел только: *Генерал-губернатор*, — как Гоголь бросился ко мне, взял тетрадь и немного рассердился. Я сделал это неумышленно и бессознательно и тотчас же попросил у него извинения. Гоголь улыбнулся и спрятал тетрадь в ящик. «А что ваши *Мертвые Души*, Николай Васильевич?» — спросила у него сестра. «Да так себе, подвигаются понемногу. Вот приеду к вам в Калугу, и мы почитаем». Вообще Гоголь был очень весел и бодр в этот день. Вечером он опять явился к нам в гостиницу. Мы пили чай, а он красное вино с теплою водой и сахаром. В одиннадцать часов я провожал его снова до Никитских ворот. Ночь была чудная, светлая, теплая. Гоголь шел очень скоро и все повторял какие-то звучные стихи. На Тверском бульваре мы встретили стройную женщину, закутанную с ног до головы в черный плащ. На лицо опущен был черный вуаль. Гоголь вдруг остановился и сказал: «Знаете ли вы это двестишше Н<еелова>? ¹ 4 А стих? как вам нравится рифма: флера, полотера?»

¹ Я не повторяю здесь этого двестишшия: слишком грязно! Н<еелова> писал всегда стихи в этом роде, и сделал себе имя этою специальностью. — *Примеч. Л. И. Арнольди.*

До моей квартиры он несколько раз повторил это двустушие, и смеялся.

В продолжение двух недель я виделся с Гоголем почти каждый день; он был здоров, весел, но ничего не говорил ни о *Мертвых Душах*, ни о *Переписке с друзьями*, и вообще, сколько я помню, ничего не сказал все это время особенно замечательного. Раз только ночью, когда я по обыкновению провожал его до Никитских ворот и нам опять попалось навстречу несколько таинственных лиц женского пола, выползающих обыкновенно на бульвар при наступлении ночи, Гоголь сказал мне: «Знаете ли, что на днях случилось со мной? Я поздно шел по глухому переулку, в отдаленной части города: из нижнего этажа одного грязного дома раздавалось духовное пение. Окна были открыты, но завешены легкими кисейными занавесками, какими обыкновенно завешиваются окна в таких домах. Я остановился, заглянул в одно окно и увидел страшное зрелище! Шесть или семь молодых женщин, которых постыдное ремесло сейчас можно было узнать по белилам и румянам, покрывающим их лица, опухлые, изношенные, да еще одна толстая старуха отвратительной наружности, усердно молились Богу перед иконой, поставленной в углу на шатком столике. Маленькая комната, своим убранством напоминающая все комнаты в таких приютах, была сильно освещена несколькими свечами. Священник в облачении служил всенощную, дьякон с причтом пел стихиры. Развратницы усердно клали поклоны. Более четверти часа простоял я у окна... На улице никого не было, и я помолился вместе с ними, дождавшись конца всенощной. Страшно, очень страшно, — продолжал Гоголь, — эта комната в беспорядке, имеющая свой особенный вид, свой особенный воздух, эти раскрашенные развратные куклы, эта толстая старуха, и тут же — образа, священник, Евангелие и духовное пение! Не правда ли, что все это очень страшно?» Этот рассказ Гоголя напомнил мне сцену из *Клариссы Гарло*. Там тоже Ричардсон описывает сцену в этом роде!

Наконец сестра моя уехала в свою калужскую деревню, и Гоголь дал ей слово приехать погостить к ней на целый месяц. Я собирался тоже туда, и мы сговорились с ним ехать вместе. На неделе два или три раза Гоголь заходил ко мне, но не заставал дома. В последний раз он приказал сказать мне, что готов ехать, и просил меня дать ему знать, как, в чем и когда мы отправимся. У меня был прекрасный, большой тарантас вроде коляски на дрогах. Гоголь был очень доволен экипажем и уверял меня, что в телегах и тарантасах ездить очень здорово, особенно людям, подверженным ипохондрии и гемороею. Когда наступил день отъезда, Гоголь приехал ко мне с своим *маленьким* чемоданом и *большим* портфелем. Этот знаменитый портфель заключал в себе второй том *Мертвых Душ*, тогда уже почти конченных вчерне.

Мог ли думать Гоголь, что никто не прочтет того, над чем он в то время так бодро трудился, что та же участь, какая постигла *первый второй* том, ожидает и эти разрозненные листы, тщательно от всех скрываемые до времени.

Портфеля не покидал Гоголь во всю дорогу. На станциях он брал его в комнаты, а в тарантасе ставил всегда подле себя и опирался на него рукою. Немудрено, что он так заботился о нем: здесь было все его достояние, все прошедшее и будущее, вся его слава! Грустно подумать, что все это погибло навсегда, — и зачем погибло? Кто из нас даст ответ на это «зачем»? Кто может сказать утвердительно, что знает: какая мысль, какое чувство руководили поэта, когда он предавал пламени свое любимое детище, плод долгой борьбы и мучительных вдохновений!

Я взял с собою в Калугу одного француза вместо камердинера, предоброго малого, но до чрезвычайности тупого и глупого. Он никогда не выезжал из Москвы, и кроме того, будучи слабого здоровья, с великим удовольствием отправлялся со мной, чтобы подышать деревенским воздухом. Наконец в 5 часов вечера мы уселись с Гоголем в тарантас, француз взобрался на козлы, ямщик стегнул лошадей, и все пошло плясать и подпрыгивать по мостовой до самой Серпуховской заставы. Француз, не привыкший к такому экипажу, беспрестанно вскрикивал, держась за бока, и ругался на чем свет стоит. Мы только и слышали: Sacristie!.. Diable de tarantasse!⁵ Гоголь смеялся от души и при всяком новом толчке все приговаривал: «Ну еще!.. Ну, хорошенько его, хорошенько... вот так!.. А что, француз, будешь помнить тарантас?» Ямщика то-

же забавлял гнев моего француза, и он не только не сдерживал лошадей, но как нарочно ехал крупною рысью через весь город. Наконец потянулось перед нами прямое, как вытянутая лента, шоссе, и мы поскакали, качаясь, как в люльке, в нашем легком тарантасе. Даже французу понравилась такая шибкая езда, и он, закурив сигару, беспрестанно поворачивался к нам и как-то весело улыбался, причем называл Гоголя — *M-r Gogo*. Я несколько раз поправлял его, но он извинялся и через пять минут опять называл его так же. В продолжение всего месяца, пока мы оставались в Калуге, он никак не мог запомнить, что Гоголя зовут Гоголь, а не Gogo. Так ехали мы до Малоярославца. Гоголь много беседовал со мной; мы говорили о русской литературе, о Пушкине, в котором он любил удивительно доброго и снисходительного человека и умного, великого поэта. Говорили о Языкове, о Баратынском. Гоголь превосходно прочел мне два стихотворения Языкова: *Землетрясение* и еще другое. По его мнению, *Землетрясение* было лучшее русское стихотворение. Потом говорил Гоголь о Малороссии, о характере малороссиянина и так развеселился, что стал рассказывать анекдоты, один другого забавнее и остроумнее... Особенно забавен показался мне анекдот о кавказском герое, генерале Вельяминове⁶, верблюде и военном докторе малороссиянине. Мы много смеялись, Гоголь был в духе, беспрестанно снимал свою круглую серую шляпу, скидывал свой зеленый камлотовый плащ и, казалось, вполне наслаждался чудным теплым июньским вечером, вдыхая в себя свежий воздух полей. Наконец, когда совершенно стемнело, мы оба задремали и проснулись только в 12 часов утра от солнечных лучей, которые стали сильно жарить лица наши. Малоярославец был уже в виду. Вдруг ямщик остановился, передал вожжи французу и соскочил с козел. «Что случилось?» — спросил я. «Тарантас сломался, — отвечал хладнокровно ямщик, заглядывая под тарантас. — Одна дрога треснула, да заднее колесо не совсем-то здорово... не доедешь, барин, здесь чинить надоть!..» Экая досада, а мы хотели поспеть вечером в деревню; но делать было нечего, надо было кое-как доехать до станции, и мы шагком поплелись по скверной городской мостовой. Когда тарантас наш остановился перед станционным домом, толпа ямщиков с любопытством окружила его, и каждый почел долгом осмотреть дрогу, заднее колесо, а потом сказать свое мнение. Гоголь тоже очень внимательно рассматривал экипаж. В это время я заметил вдали какие-то дрожки и на них человека в военной шинели. Узнав от станционного смотрителя, что это городничий, я вспомнил, что знал его прежде, когда служил в Калуге, а потому стал знаками просить его подъехать к нам. Он был так любезен, что велел кучеру ехать в нашу сторону. Я пошел к нему навстречу и, объяснив наше положение, просил помочь нам своим влиянием. Городничий, барон Э., кликнул ямщиков, послал за кузнецами, условился в цене и велел, чтобы все было готово через час. Успокоив меня таким образом, он вдруг спросил меня совсем неожиданно: «Позвольте узнать, кто едет с вами в серой шляпе?» — «Гоголь», — отвечал я. «Какой Гоголь? — вскрикнул городничий. — Уж не писатель ли Гоголь, сочинивший “Ревизора”?» — «Он самый». — «Ах, сделайте одолжение, познакомьте меня с ним; я много уважаю этого сочинителя, читал все его сочинения, и был бы совершенно счастлив, если б мог поговорить с ним». Я знал странный характер Гоголя, не любившего никаких новых знакомств, и потому боялся, что он после будет сердиться на меня, если я представлю ему городничего; но отказать любезному майору в такой пустой вещи за все его хлопоты не было возможности, и я повел его прямо к Гоголю. «Николай Васильевич, позвольте вам представить начальника здешнего города барона Э., по милости которого мы еще можем поспеть сегодня в деревню». К моему удивлению, Гоголь весьма любезно поклонился майору и протянул ему руку, прибавив: «Очень рад с вами познакомиться». — «А я совершенно счастлив, что вижу нашего знаменитого писателя, — отвечал городничий, — давно желал где-нибудь вас увидеть; читал все ваши сочинения и *Мертвые Души*, но в особенности люблю *Ревизора*, где вы так верно описали нашего брата городничего. Да, встречаются до сих пор еще... встречаются такие городничие».

Гоголь улыбнулся и тотчас переменял разговор.

— Вы давно здесь?

- Нет, только полтора года.
- А городок, кажется, порядочный?
- Помилуйте, прескверный городишка, скука смертная, общества никакого!
- Ну а кроме чиновников, живут ли здесь помещики?
- Есть, но немного, всего три семейства, но от них никакого прока, все между собой в ссоре.
- Отчего это, за что поссорились?

Тут я оставил Гоголя с городничим и пошел на станцию. Через четверть часа я застал их еще на том же месте. Гоголь говорил с ним уже о купцах и внимательно расспрашивал, кто именно и чем торгует, где сбывает свои товары, каким промыслом занимаются крестьяне в уезде; бываю-ют ли в городе ярмарки и тому подобное. Я перебил их живой разговор предложением Гоголю позавтракать. Услыхав это, городничий стал извиняться, что уже отобедал, и потому жалеет, что не может просить нас к себе; но, кликнув будочника, послал его вперед в трактир, пригото-вить нам особенную комнату и обед, а сам пошел провожать нас. Гоголь впился в моего город-ничего, как пиявка, и не уставал расспрашивать его обо всем, что его занимало. У трактира го-родничий с нами раскланялся. На сцену явился половой и бойко повел нас по лестнице в особый номер. Гоголь стал заказывать обед, выдумал какое-то новое блюдо из ягод, муки, сли-вок и еще чего-то, помню только, что оно вовсе не было вкусно. Покуда мы обедали, он все вре-мя разговаривал с половым, расспрашивал его, откуда он, сколько получает жалованья, где его родители, кто чаще других заходит к ним в трактир, какое кушанье больше любят чиновники в Малоярославце и какую водку употребляют, хорош ли у них городничий и тому подобное. Расспросил о всех живущих в городе и близ города и остался очень доволен остроумными от-ветами бойкого парня в белой рубашке, который лукаво улыбался, сплетничал на славу и, как я полагаю, намеренно отвечал всякий раз так, чтобы вызвать Гоголя на новые расспросы и шут-ки. Наконец, ровно через час, тарантас подкатил к крыльцу, и мы, простившись с шоссе, поеха-ли уже по большой калужской дороге. Гоголь продолжал быть в духе, восхищался свежее зеле-нью деревьев, безоблачным небом, запахом полевых цветов и всеми прелестями деревни. Мы ехали довольно тихо, а он беспрестанно останавливал кучера, выскакивал из тарантаса, бежал через дорогу в поле и срывал какой-нибудь цветок; потом садился, рассказывал мне довольно подробно, какого он класса, рода, какое его лечебное свойство, как называется он по-латыни и как называют его наши крестьяне. Окончив трактат о цветке, он втыкал его перед собой за коз-лами тарантаса и через пять минут опять бежал за другим цветком, опять объяснял мне его ка-чества, происхождение и ставил на то же место. Таким образом, через час с небольшим образо-вался у нас в тарантасе целый цветник желтых, лиловых, розовых цветов. Гоголь признался, что всегда любил ботанику⁷ и в особенности любил знать свойства, качества растений и доиски-ваться, под какими именами эти растения известны в народе и на что им употребляются. Тер-петь не могу, прибавил он, эти новые ботаники, в которых темно и ученым слогом толкуют о ве-щах самых простых. Я всегда читаю те старинные ботаники и русские и иностранные, которые теперь уже не в моде, а которые между тем сто раз лучше объясняют вам дело.

Но вот мы свернули с большой дороги и поехали проселком. Солнце садилось. Гоголь то и дело спрашивал меня, да где же это Бегичево? Наконец направо от дороги показалось белое ка-менное строение, блеснул между деревьями пруд, и через пять минут мы подъехали к крыльцу господского дома. Нам, разумеется, очень обрадовались, напоили нас чаем, и мы скоро улег-лись спать. На другой день Гоголь уже бегал по старинному, стриженному саду с прямыми ал-леями и вернулся усталый.

Четыре дня, проведенные нами в деревне, не оставили во мне никаких особенных воспоми-наний... Помню, что мы ходили в большом обществе за грибами, помню, что ездили в длинной, восьмиместной линейке в имение г. Гончарова в пяти верстах от Бегичева, где одно время, ка-жется, вскоре после свадьбы своей, жил Пушкин; помню, что каждый вечер читал нам Гоголь *Одиссею* в переводе Жуковского и восхищался каждой строчкой. Читал он стихи превосходно

и досадовал, когда мы не восхищались теми местами, на которые он особенно указывал; вот и все.

На пятый день мы переехали в Калугу, в загородный губернаторский дом. При переезде я ехал в коляске с Гоголем и моим зятем⁸. Здесь, в первый раз, Гоголь произвел на меня неприятное впечатление и даже, могу сказать, рассердил меня. Заговорили об охоте. Надобно знать, что зять мой имеет отличную охоту, и его борзые и, в особенности, гончие, известны всем знаменитым русским охотникам, и собирал он ее, а теперь поддерживает с знанием дела и с любовью. Гоголь вмешивался беспрестанно в разговор, спорил с моим зятем, не понимая дела, и вообще высказал много самонадеянности и мало желания узнать от старинного охотника то, что ему подробнее и лучше было известно, чем Гоголю. После заговорили о сельском хозяйстве. У зятя моего около пяти тысяч душ в шести губерниях, и он всегда сам управлял своими именьями, следовательно, во всяком случае должен был хотя на опыте только узнать более, чем Гоголь, который, сколько мне известно, никогда не занимался хозяйством, и если знал что, то от других помещиков; но он и тут не преминул поспорить; говорил свысока, каким-то диктаторским тоном, одни общие места, не выслушивал опровержений, и вообще показался мне самолюбивым, самонадеянным, гордым и даже неумным человеком. Я не боюсь несколько сказать здесь откровенно мое мнение, но и тогда, и после, так же, как и в этот раз, я замечал в Гоголе странную претензию знать все лучше других. Он иногда, правда, расспрашивал специалистов, но расспрашивал их таким образом, что клонил все подробности и объяснения в ту сторону, куда ему хотелось, чтобы набрать еще более подтверждений той мысли, или тому понятию, которые он себе составил уже заранее о предметах. Если вы рассказывали ему что-нибудь для него новое, бросающее новый свет на отдельного человека, или даже на целое сословие, он никогда не старался вникнуть внимательно в ваш рассказ, заметить, насколько он был справедлив, и усвоить его себе или взять из него что-нибудь, как бы следовало писателю с таким громадным талантом, задумавшему описать всю Россию в одной поэме, — нет. Он просто переставал вас слушать, делался рассеянным, и ясно показывал вам, что рассказ не занимает его. Учиться у других он не любил, и вот каким образом объясняются те промахи, которые были замечены всеми в его сочинениях! Он не знал нашего гражданского устройства, нашего судопроизводства, наших чиновнических отношений, даже нашего купеческого быта; одним словом, вещи самые простые, известные последнему гимназисту, были для него новостью.

Заглядывая в душу русского человека, подмечая все малейшие оттенки его душевных слабостей, вырывая все это с необыкновенным искусством в своих произведениях, он не обращал внимания на внешнее устройство России, на все малые пружины, которыми двигается машина, и вот почему он серьезно думал, что у нас существуют еще капитан-исправники, что и теперь еще возможно без свидетельств совершать купчие крепости в гражданских палатах, что никто не спросит подорожной у проезжего чиновника и отпустит ему курьерских лошадей, не узнав его фамилии, что, наконец, в доме у губернатора, во время бала, может сидеть пьяный помещик и хватать за ноги танцующих гостей. И много, очень много подобных несообразностей можно отыскать в сочинениях Гоголя. Иной раз подумаешь, что он описывает какое-то далекое прошедшее, известное нам по преданиям; а между тем разговор о 12-м годе, генерал-губернатор, и другие места, показывают, что он желал рисовать Россию в ее настоящем виде. Разумеется, все это несколько не может вредить произведениям Гоголя, и не отнимает у них нравственного их достоинства. Характеры его героев все те же; задуманы глубоко, подмечены верно и выражены с необыкновенным талантом, но подтверждают вполне мое мнение, и доказывают только, что Гоголь не желал научиться чему-нибудь от других и не любил никаких противоречий. Так поступал он в тех случаях, когда дело касалось важных, самых важных вопросов в науке, в искусстве или даже каком-нибудь новом изобретении ума человеческого. Сколько раз приходилось мне удивляться громадности его способностей, и вместе с тем сожалеть, что в нем таится так много гордости. Вдруг заговорит Гоголь о какой-нибудь картине и выскажет при

этом свои понятия об искусстве, и выскажет прекрасно, думая, что для вас это новость, а между тем эта мысль уже была высказана прежде где-нибудь, в каком-нибудь сочинении, о котором Гоголь не имел никакого понятия! Он действительно дошел до этой мысли сам, выработал ее в голове своей, вследствие долгих рассуждений об искусстве, а не взял ее из книги совсем готовую. Так поступал он и в истории. Он не читал никаких новых сочинений, новых критик и разных взглядов на замечательные исторические личности или целые исторические эпохи⁹, а между тем с необыкновенною гениальностью угадывал их мировое значение, и выражал это, как истинный художник, в светлых, прекрасных и поэтических формах. Разумеется, жаль, что Гоголь и для своего предмета, для своих сочинений, пренебрегал этими безделицами, и не дал себе труда узнать, что русское общество далеко ушло вперед, как в нравственном отношении, так и в политическом и гражданском устройстве, с тех пор как он перестал вглядываться в него, а занялся, как сам он говорит в своей *Авторской Исповеди*, исключительно душою русского человека. Разумеется, тем, которые понимают искусство, эти маленькие промахи не мешают наслаждаться его произведениями, но зато люди, которые ничего не смыслят в искусстве, критики, которым Гоголь был всегда, как бельмо на глазу, которые никогда не любили его за то, что он сделал себе славное имя в русской литературе, без всякой помощи с их стороны, не прибегая к их покровительству, — эти люди схватились с радостью за эти промахи, и, выказывая все эти маленькие несообразности перед читателями, повторяли, а некоторые повторяют и до сих пор еще, кстати и некстати:

С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?¹⁰

Гоголь сам дал им орудие против себя; а между тем исправить эти мелочи было так легко; ему стоило бы для этого расспросить первого губернского чиновника и, наконец, любого господина из провинции!

По приезде в Калугу Гоголь и я поместились во флигеле, в двух комнатках рядом. По утрам Гоголь запирался у себя, что-то писал, всегда стоя, потом гулял по саду один и являлся в гостиную перед самым обедом. От обеда до позднего вечера он всегда оставался с нами или с сестрой, гулял, беседовал и был большую часть времени весел; с чиновниками и их женами он знакомился мало и неохотно, а они смотрели на него с любопытством и некоторым удивлением. Иногда Гоголь поражал меня своими странностями. Вдруг явится к обеду в ярких желтых панталонах и в жилете светло-голубого, бирюзового цвета; иногда же оденется весь в черное, даже спрячет воротничок рубашки и волосы не причешет, а на другой день, опять без всякой причины, явится в платье ярких цветов, приглаженный, откроет белую, как снег, рубашку, развесит золотую цепь по жилету и весь смотрит каким-то именинником. Одевался он вообще без всякого вкуса и, казалось, мало заботился об одежде, а зато в другой раз наденет что-нибудь очень безобразное, а между тем видно, что он много думал, как бы нарядиться по красивее. Знакомые Гоголя уверяли меня, что иногда встречали его в Москве у куаферов¹¹ и что он завивал свои волосы. Усами своими он тоже занимался немало. Странно все это в человеке, который так тонко смеялся над смешными привычками и слабостями других людей, от внимания которого ничего не ускользало и который подмечал не только душевные качества и недостатки человека, не только его наружность в совершенстве, но и как он говорит, ходит, ест, спит, одевается, всю его внешность до последней булавки, до самой ничтожной вещи, отличающей его от других людей. Кто знал Гоголя коротко, тот не может не верить его признанию, когда он говорит, что большую часть своих пороков и слабостей он передавал своим героям, осмеивал их в своих повестях и таким образом избавлялся от них навсегда. Я решительно верю этому наивному откровенному признанию. Гоголь был необыкновенно строг к себе, постоянно боролся с своими слабостями и от этого часто впадал в другую крайность и бывал иногда так странен и оригинален, что многие принимали это за аффектацию и говорили, что он рисуется. Много можно привести доказательств тому, что Гоголь действительно работал всю свою жизнь над собою, и в сво-

их сочинениях осмеивал часто самого себя. Вот, покуда, что известно и чему я был свидетелем. Гоголь любил хорошо поесть и в состоянии был, как Петух, толковать с поваром целый час о какой-нибудь кулебяке; наедался очень часто до того, что бывал болен; о малороссийских варениках и пампушках говорил с наслаждением и так увлекательно, что у *мертвого* *рождался аппетит*, в Италии сам бегал на кухню и учился готовить макароны. А между тем очень редко позволял себе такие увлечения и был в состоянии довольствоваться самою скудною пищею, и постился иногда как самый строгий отшельник, а во время говенья почти ничего не ел. Гоголь очень любил и ценил хорошие вещи и в молодости, как сам он мне говорил, имел страстишку к приобретению разных ненужных вещей: чернильниц, вазочек, пресс-папье и проч. Страсть эта могла бы, без сомнения, развиться в громадный порок Чичикова — хозяина-приобретателя. Но, отказавшись раз навсегда от всяких удобств, от всякого комфорта, отдав свое имение матери и сестрам, он уже никогда ничего не покупал, даже не любил заходить в магазины и мог, указывая на свой маленький чемодан, сказать скорей другого: *omnia mea tunc porto*¹², потому что с этим чемоданчиком он прожил почти тридцать лет, и в нем действительно было все его достояние. Когда случалось, что друзья, не зная его твердого намерения не иметь ничего лишнего и затейливого, дарили Гоголю какую-нибудь вещь красивую и даже полезную, то он приходил в волнение, делался скупен, озабочен и решительно не знал, что ему делать. Вещь ему нравилась, она была в самом деле хороша, прочна и удобна; но для этой вещи требовался и приличный стол, необходимо было особое место в чемодане, и Гоголь скучал все это время, покуда продолжалась нерешительность, и успокаивался только тогда, когда дарил ее кому-нибудь из приятелей. Так в самых безделицах он был тверд и непоколебим. Он боялся всякого увлечения. Раз в жизни удалось ему скопить небольшой капитал, кажется, в 5000 р <ублей> <еребром>, и он тотчас же отдает его, под большою тайною, своему приятелю профессору¹³ для раздачи бедным студентам, чтобы не иметь никакой собственности и не получить страсти к приобретению; а между тем через полгода уже сам нуждается в деньгах и должен прибегнуть к займам. Вот еще один пример. Глава первого тома *Мертвых Душ* оканчивается таким образом: один капитан, страстный охотник до сапогов, полежит, полежит и соскочит с постели, чтобы примерить сапоги и походить в них по комнате, потом опять ляжет и опять примеряет их. Кто поверит, что этот страстный охотник до сапогов не кто иной, как сам Гоголь¹⁴? И он даже несколько не скрывал этого и признавался в этой слабости, почитая слабостью всякую привычку, всякую излишнюю привязанность к чему бы то ни было. В его маленьком чемодане всего было очень немного, и платья и белья ровно столько, сколько необходимо, а сапогов было всегда три, часто даже четыре пары, и они никогда не были изношены. Очень может быть, что Гоголь тоже, оставаясь у себя один в комнате, надевал новую пару и наслаждался, как и тот капитан, формою своих сапогов, а после сам же смеялся над собою.

Через неделю с небольшим после нашего приезда в Калугу в одно утро я захотел войти к сестре моей в кабинет; но мне сказали, что там Гоголь читает свои сочинения и что сестра просила, по желанию Гоголя, никого не впускать к ней. Постояв у дверей, я действительно услышал чтение Гоголя. Оно продолжалось до обеда. Вечером сестра рассказывала мне, что Гоголь прочел ей несколько глав из второго тома «Мертвых душ» и что все им прочитанное было превосходно. Я, разумеется, просил ее уговорить Гоголя допустить и меня к слушанию; он сейчас же согласился, и на другой день мы собрались для этого в одиннадцать часов утра, на балконе, уставленном цветами. Сестра села за пьалцы, я покойно поместился в кресле против Гоголя, и он начал читать нам сначала ту первую главу второго тома, которая вышла в свет после его смерти уже. Сколько мне помнится, она начиналась иначе и вообще была лучше обработана, хотя содержание было то же. Хохотом генерала Бетрищева оканчивалась эта глава, а за нею следовала другая, в которой описан весь день в генеральском доме. Чичиков остался обедать. К столу явились, кроме Уленьки, еще два лица: англичанка, исправлявшая при ней должность гувернантки, и какой-то испанец или португалец, проживавший у Бетрищева в деревне с

незапамятных времен и неизвестно для какой надобности. Первая была девица средних лет, существо бесцветное, некрасивой наружности, с большим тонким носом и необыкновенно быстрыми глазами. Она держалась прямо, молчала по целым дням и только беспрерывно вертела глазами в разные стороны с глупо-вопросительным взглядом. Португалец, сколько я помню, назывался Экспантон, Хситендон или что-то в этом роде; но помню твердо, что вся дворня генерала называла его просто — Эскадрон. Он тоже постоянно молчал, но после обеда должен был играть с генералом в шахматы. За обедом не произошло ничего необыкновенного. Генерал был весел и шутил с Чичиковым, который ел с большим аппетитом; Уленька была задумчива, и лицо ее оживлялось только тогда, когда упоминали о Тентетникове. После обеда генерал сел играть с испанцем в шахматы и, подвигая шашки вперед, беспрерывно повторял: «Полюби нас беленькими...» «Черненькими, ваше превосходительство», — перебивал его Чичиков. «Да, повторял генерал, полюби нас черненькими, а беленькими нас сам Господь Бог полюбит». Через пять минут он опять ошибался, и начинал опять: «Полюби нас беленькими» и опять Чичиков поправлял его, и опять генерал, смеясь, повторял: «Полюби нас черненькими, а беленькими нас Сам Господь Бог полюбит». После нескольких партий с испанцем генерал предложил Чичикову сыграть одну или две партии, и тут Чичиков выказал необыкновенную ловкость. Он играл очень хорошо, затруднял генерала своими ходами, и кончил тем, что проиграл; генерал был очень доволен тем, что победил такого сильного игрока, и еще более полюбил за это Чичикова. Прощаясь с ним, он просил его возвратиться скорее и привезти с собою Тентетникова. Приехав к Тентетникову в деревню, Чичиков рассказывает ему, как грустна Уленька, как жалеет генерал, что его не видит, что генерал совершенно раскаивается и, чтобы кончить недоразумение, намерен сам первый к нему приехать с визитом и просить у него прощения. Все это Чичиков выдумал. Но Тентетников, влюбленный в Уленьку, разумеется, радуется предлогу и говорит, что если все это так, то он не допустит генерала до этого, а сам завтра же готов ехать, чтобы предупредить его визит. Чичиков это одобряет, и они условливаются ехать вместе на другой день к генералу Бетрищеву. Вечером того же дня Чичиков признается Тентетникову, что соврал, рассказав Бетрищеву, что будто бы Тентетников пишет историю о генералах. Тот не понимает, зачем это Чичиков выдумал, и не знает, что ему делать, если генерал заговорит с ним об этой истории. Чичиков объясняет, что и сам не знает, как это у него сорвалось с языка; но что дело уже сделано, потому убедительно просит его, ежели он уже не намерен лгать, то чтобы ничего не говорил, а только бы не отказывался решительно от этой истории, чтоб его не скомпрометировать перед генералом. За этим следует поездка их в деревню генерала; встреча Тентетникова с Бетрищевым, с Уленькой и наконец обед. Описание этого обеда, по моему мнению, было лучшее место второго тома. Генерал сидел посредине, по правую его руку Тентетников, по левую Чичиков, подле Чичикова Уленька, подле Тентетникова испанец, а между испанцем и Уленькой англичанка; все казались довольны и веселы. Генерал был доволен, что помирился с Тентетниковым и что мог поболтать с человеком, который пишет историю отечественных генералов; Тентетников — тем, что почти против него сидела Уленька, с которою он по временам встречался взглядами; Уленька была счастлива тем, что тот, кого она любила, опять с ними и что отец опять с ним в хороших отношениях, и наконец Чичиков был доволен своим положением примирителя в этой знатной и богатой семье. Англичанка свободно вращала глазами, испанец глядел в тарелку и поднимал свои глаза только тогда, как вносили новое блюдо. Приметив лучший кусок, он не спускал с него глаз во все время, покуда блюдо обходило кругом стола или покуда лакомый кусок не попадал к кому-нибудь на тарелку. После второго блюда генерал заговорил с Тентетниковым о его сочинении и коснулся 12-го года. Чичиков струхнул и со вниманием ждал ответа. Тентетников ловко вывернулся. Он отвечал, что не его дело писать историю кампании, отдельных сражений и отдельных личностей, игравших роль в этой войне, что не этими геройскими подвигами замечателен 12-й год, что много было историков этого времени и без него; но что надобно взглянуть на эту эпоху с другой стороны: важно, по его мнению,

то, что весь народ встал как один человек на защиту отечества; что все расчеты, интриги и страсти умолкли на это время; важно, как все сословия соединились в одном чувстве любви к отечеству, как каждый спешил отдать последнее свое достояние и жертвовал всем для спасения общего дела; вот что важно в этой войне и вот что желал он описать в одной яркой картине, со всеми подробностями этих невидимых подвигов и высоких, но тайных жертв! Тентетников говорил довольно долго и с увлечением, весь проникнулся в эту минуту чувством любви к России. Бетрищев слушал его с восторгом, и в первый раз такое живое, теплое слово коснулось его слуха. Слеза, как бриллиант чистой воды, повисла на седых усах. Генерал был прекрасен; а Уленька? Она вся впиалась глазами в Тентетникова, она, казалось, ловила с жадностью каждое его слово, она, как музыкой, упивалась его речами, она любила его, она гордилась им! Испанец еще более потупился в тарелку, англичанка с глупым видом оглядывала всех, ничего не понимая. Когда Тентетников кончил, водворилась тишина, все были взволнованы... Чичиков, желая поместить и свое слово, первый прервал молчание. «Да, — сказал он, — страшные холода были в 12-м году!» — «Не о холодах тут речь», — заметил генерал, взглянув на него строго. Чичиков сконфузился. Генерал протянул руку Тентетникову и дружески благодарил его; но Тентетников был совершенно счастлив тем уже, что в глазах Уленьки прочел себе одобрение. История о генералах была забыта. День прошел тихо и приятно для всех. — После этого я не помню порядка, в котором следовали главы; помню, что после этого дня Уленька решила говорить с отцом своим серьезно о Тентетникове. Перед этим решительным разговором, вечером, она ходила на могилу матери и в молитве искала подкрепления своей решимости. После молитвы вошла она к отцу в кабинет, стала перед ним на колени и просила его согласия и благословения на брак с Тентетниковым. Генерал долго колебался и наконец согласился. Был призван Тентетников, и ему объявили о согласии генерала. Это было через несколько дней после мировой. Получив согласие, Тентетников, вне себя от счастья, оставил на минуту Уленьку и выбежал в сад. Ему нужно было остаться одному, с самим собою: счастье его душило!.. Тут у Гоголя были две чудные лирические страницы. — В жаркий летний день, в самый полдень, Тентетников — в густом, тенистом саду, и кругом его мертвая, глубокая тишина. Мастерскою кистью описан был этот сад, каждая ветка на деревьях, палящий зной в воздухе, кузнечики в траве и все насекомые, и наконец все то, что чувствовал Тентетников, счастливый, любящий и взаимно любимый! Я живо помню, что это описание было так хорошо, в нем было столько силы, колорита, поэзии, что у меня захватывало дыхание. Гоголь читал превосходно! В избытке чувств, от полноты счастья, Тентетников плакал и тут же поклялся посвятить всю свою жизнь своей невесте. В эту минуту в конце аллеи показывается Чичиков. Тентетников бросился к нему на шею и благодарит его. «Вы мой благодетель, вам обязан я моим счастьем; чем могу возблагодарить вас?.. всей моей жизни мало для этого...» У Чичикова в голове тотчас блеснула своя мысль: «Я ничего для вас не сделал, это случай, — отвечал он, — я очень счастлив, но вы легко можете отблагодарить меня!» — «Чем, чем? — повторил Тентетников. — Скажите скорее, и я все сделаю». Тут Чичиков рассказывает о своем мнимом дяде, о том, что ему необходимо хотя на бумаге иметь триста душ. «Да зачем же непременно мертвых?» — говорит Тентетников, не хорошо понявший, чего, собственно, добивается Чичиков. «Я вам на бумаге отдам все мои триста душ, и вы можете показать наше условие вашему дядюшке, а после, когда получите от него имение, мы уничтожим купчую». Чичиков остолбенел от удивления! «Как, вы не боитесь сделать это?.. Вы не боитесь, что я могу вас обмануть... употребить во зло ваше доверие?» Но Тентетников не дал ему кончить. «Как? — воскликнул он, — сомневаться в вас, которому я обязан более чем жизнью!» Тут они обнялись, и дело было решено между ними. Чичиков заснул сладко в этот вечер. На другой день в генеральском доме было совещание, как объявить родным генерала о помолвке его дочери, письменно или через кого-нибудь, или самим ехать. Видно, что Бетрищев очень беспокоился о том, как примут княгиня Зююкина и другие знатные его родные эту новость. Чичиков и тут оказался очень полезен: он предложил объехать всех родных генерала и известить о

помолвке Уленьки и Тентетникова. Разумеется, он имел в виду при этом все те же мертвые души. Его предложение принято с благодарностию. Чего лучше? думал генерал, он человек умный, приличный; он сумеет объявить об этой свадьбе таким образом, что все будут довольны. Генерал для этой поездки предложил Чичикову дорожную двухместную коляску заграничной работы, а Тентетников четвертую лошадь. Чичиков должен был отправиться через несколько дней. С этой минуты на него все стали смотреть в доме генерала Бетрищева, как на домашнего, как на друга дома. Вернувшись к Тентетникову, Чичиков тотчас же позвал к себе Селифана и Петрушку и объявил им, чтоб они готовились к отъезду. Селифан в деревне Тентетникова совсем изленился, спился и не походил вовсе на кучера, а лошади совсем оставались без присмотра. Петрушка же совершенно предался волокитству за крестьянскими девками. Когда же привезли от генерала легкую, почти новую коляску и Селифан увидел, что он будет сидеть на широких козлах и править четырьмя лошадьми в ряд, то все кучерские побуждения в нем проснулись и он стал с большим вниманием и с видом знатока осматривать экипаж и требовать от генеральских людей разных запасных винтов и таких ключей, каких даже никогда и не бывает. Чичиков тоже думал с удовольствием о своей поездке: как он разляжется на эластических с пружинами подушках, и как четверня в ряд понесет его легкую, как перышко, коляску.

Вот все, что читал при мне Гоголь из второго тома *Мертвых Душ*. Сестре же моей он прочел, кажется, девять глав. Она рассказывала мне после, что удивительно хорошо отделано было одно лицо в одной из глав; это лицо: эманципированная женщина-красавица, избалованная светом, кокетка, проведшая свою молодость в столице, при дворе и за границей. Судьба привела ее в провинцию; ей уже за тридцать пять лет, она начинает это чувствовать, ей скучно, жизнь ей в тягость. В это время она встречается с везде и всегда скучающим Платоновым, который также израсходовал всего себя, таскаясь по светским гостиным. Им обоим показалась их встреча в глуши, среди ничтожных людей, их окружающих, каким-то великим счастьем; они начинают привязываться друг к другу, и это новое чувство, им незнакомое, оживляет их; они думают, что любят друг друга, и с восторгом предаются этому чувству. Но это оживление, это счастье было только на минуту, и через месяц после первого признания они замечают, что это была только вспышка, каприз, что истинной любви тут не было, что они и не способны к ней, и затем наступает с обеих сторон охлаждение и потом опять скука и скука, и они, разумеется, начинают скучать в этот раз еще более, чем прежде. Сестра уверяла меня, а С. П. Шевырев подтвердил, что характер этой женщины и вообще вся ее связь с Платоновым изображены были у Гоголя с таким мастерством, что ежели это правда, то особенно жаль, что именно эта глава не дошла до нас, потому что мы все остаемся теперь в том убеждении, что Гоголь не умел изображать женские характеры; и действительно везде, где они являлись в его произведениях, они выходили слабы и бледны. Это было замечено даже всеми критиками.

Когда Гоголь окончил чтение, то обратился ко мне с вопросом. «Ну, что вы скажете? Нравится ли вам?» — «Удивительно, бесподобно! — воскликнул я. — В этих главах вы гораздо ближе к действительности, чем в первом томе; тут везде слышится жизнь, как она есть, без всяких преувеличений; а описание сада — верх совершенства». — «Ну, а не сделаете ли вы мне какого-либо замечания? Нет ли тут вещи, которая бы вам не совсем понравилась?» — возразил снова Гоголь. Я немного подумал и откровенно отвечал ему, что Уленька кажется мне лицом немного идеальным, бледным, неоконченным. «К тому же, — прибавил я, — вы изобразили ее каким-то совершенством, а не говорите между тем, отчего она вышла такую, кто в этом виноват, каково было ее воспитание, кому она этим обязана... Не отцу же своему и глупой молчаливой англичанке». Гоголь немного задумался и прибавил: «Может быть, и так. Впрочем, в последующих главах она выйдет у меня рельефнее. Я вообще не совсем доволен; еще много надо будет дополнить, чтобы характеры вышли покрупнее». Он не был доволен, а мне казалось, что я не выбросил бы ни единого слова, не прибавил ни одной черты: так все было обработано и окончено, кроме одной Уленьки.

Через несколько дней после этого я и брат мой К. О. Р<оссет> собрались поздно вечером у графа А. К. Т<олстого>, который был тогда в Калуге. Разговор зашел о Гоголе; каждый из нас делал свои замечания о нем и его характере, о его странностях. Разбирали его как писателя, как человека, и многое казалось нам в нем необъяснимым и загадочным. Как, например, согласить его постоянное стремление к нравственному совершенству с его гордостью, которой мы все были не раз свидетелями? его удивительно тонкий, наблюдательный ум, видный во всех его сочинениях, и вместе с тем, в обыкновенной жизни, какую-то тупость и непонимание вещей самых простых и обыкновенных? Вспомнили мы также его странную манеру одеваться, и его насмешки над теми, кто одевался смешно и без вкуса, его религиозность и смирение, и слишком уже подчас странную нетерпеливость и малое снисхождение к ближним; одним словом, нашли бездну противоречий, которые, казалось, трудно было и совместить в одном человеке. При этом брат мой сделал замечание, которое поразило тогда своею верностию и меня, и графа Т<олстого>. Он нашел большое сходство между Гоголем и Жан-Жаком Руссо. И в самом деле, разбирая жизнь Руссо, читая его исповедь и его письма, нельзя не заметить в нем множества тех же достоинств, слабостей и недостатков, которые поражают нас в Гоголе. Кто коротко знал последнего, тот согласится с нами. Постараемся доказать это сравнениями. Руссо никогда не готовился быть писателем, и никогда ничему не учился систематически. Обширные познания, которые поражают нас в его сочинениях, приобретены им случайно в разное время, без всякой последовательности. Гоголь, также, учился, что называется на медный грош, и если что знал потом основательно, то добыл это в зрелом возрасте и долго блуждал, покада попал на свою настоящую дорогу. Гордость, самолюбие и подозрительность были причиной несчастья всей жизни Руссо. Эти же свойства перессорили Гоголя с самыми жаркими его почитателями, доставивши ему много горьких минут в жизни. И тот и другой сами запутывали свои отношения к людям, наиболее к ним расположенным. Все знают, как Гоголь боялся смерти и ада, и как эта мысль постоянно была для него причиной невыразимых страданий. Руссо в своей исповеди говорит то же; среди занятий и жизни самой чистой, страх загробных мучений не давал ему покоя, и когда он описывает, как ему пришлось в голову бросать в дерево камни, сказав себе, что он будет спасен, если попадет камень в цель, и будет проклят, если промахнется, то кто из нас не согласится, читая это, что и Гоголь по своему мечтательному характеру, был способен заняться таким же опытом? И Гоголь, и Руссо писали свои сочинения с большим трудом; каждое слово, каждую фразу переменяли они по нескольку раз, иногда совершенно уничтожали написанное, и начинали снова, переправляли, отделявая беспрестанно, и оба редко бывали довольны своими произведениями. Руссо говорит, что он никогда не мог украшать, а должен был творить, и прибавляет, что для описания весны он должен был среди зимы начертить красивую местность. Он мог писать только тогда, когда бывал заключен в стенах, и уверяет, что если бы его посадили в Бастилию, то, ему кажется, он только там мог бы написать яркую картину свободы. Не то же ли говорит и Гоголь, когда признается, что он только в Италии, из своего прекрасного *далека* видел ясно Россию и мог рисовать ее, но что каждый раз, как возвращался он в отечество, все ускользало от него, и он не понимал и не видел ничего того, что хотел в ней описывать. Руссо любил писать письма, предостерегать, давать советы, наставления, не только друзьям своим, но и людям мало ему знакомым, которые даже никогда не видали его, как, например, Фридриху II, Вольтеру и другим. Он имел большую склонность к поучению, к докторальному тону, к проповеди. *Переписка с друзьями* Гоголя и множество других неизданных писем его доказывают, что и Гоголь имел то же стремление, и особенно любил в письмах излагать свои мысли. Руссо более всего любил в жизни природу, деревню, уединение. Гоголь тоже был истинно счастлив только вдали от городской суеты, в хорошую летнюю погоду, где-нибудь в деревне, в малом кругу друзей. Там только работал он без усталости и с наслаждением. И Гоголь, и Руссо любили ботанику и занимались ею постоянно, но изучали ее не в книгах, а в лесах, полях, поверяя свои знания на практике. Истинные друзья Жан-Жака были все люди высшего

круга, которые по своему общественному положению, по богатству, мало имели с ним общего. Так было и с Гоголем. Если кто любил его до конца и никогда к нему не изменялся, так то были люди, служившие при дворе, люди так называемого большого света, а с литераторами он постоянно, как и Руссо, был в самых холодных отношениях. В обществе и Руссо, и Гоголь, были очень скучны и неразговорчивы, очень часто говорили вещи далеко не умные; тогда как в кругу приятелей разговор их всегда был умен и занимателен. Руссо постоянно проживал у кого-нибудь, и дожил до глубокой старости, не имея своего угла, своего хозяйства. Так жил и Гоголь всю жизнь свою. Руссо, несмотря на свою робость, позволял себе в обществе очень много, и часто оскорблял этим друзей своих. Бесцеремонность Гоголя бросается всякому в глаза. Посмотрим теперь на их отношения к женщинам. И Руссо, и Гоголь имели между ними много друзей, почитательниц, но в эту дружбу они оба вносили что-то особенно нежное, мечтательное, даже страстное. Как истинные поэты они смотрели на женщину, как на ангела, на существо высшее, и в своем воображении всегда наделял<и> ее такими редкими достоинствами ума и души, которых в них, как оказывается, не было. Оба были с женщинами робки, и эта робость, несмотря на их страстные натуры, мешала им, даже во дни их молодости, наслаждаться взаимною любовью. Наконец, вся жизнь и того, и другого прошла в борьбе с грязною действительностью, в чистых стремлениях, в тайных душевных страданиях. Сколько раз в минуты отчаяния Руссо хотел перестать писать вовсе! Жизнь литератора, человека публичного, его тяготила, и он жаждал покоя. А Гоголь? Кто из знавших его коротко не замечал в нем особенно в последнее время какой-то нравственной усталости, кто не видел, что он был бы гораздо счастливее где-нибудь в монастыре, что его талант мешал ему жить, как он желал, что он смотрел на этот талант как на испытание, как на тяжелый дар? Можно бы было найти еще несколько свойств и особенностей в характерах этих двух писателей, по-видимому столь различных между собою, которые бы доказали еще сильнее, что между ними было много общего; но довольно, кажется, и этого. Даже в сочинениях их, во всем направлении их талантов, можно найти черты одинаковые. Не мечтал ли Руссо перестроить все общественное здание своего времени, в котором его воображение видело гибель человечества? Не слышится ли в его творениях постоянная грусть, сетование о пороках, столь свойственных людям? Его мысли о воспитании, его письмо о театре, его *Contrat Social*, наконец, все его письма и памфлеты доказывают, что общественная реформа была его постоянной мыслью. Гоголь думал своими *Мертвыми Душами* и своими комедиями действовать таким же образом на русское общество. И тот, и другой сделали много, и влияние их несомненно, но мне скажут, может быть, что всякий гениальный писатель произведет такое же влияние на общество, и что мысли его, как семена, падающие на плодородную почву, всегда произведут плоды, что и произведения Байрона, Гете и других, также имели сильное влияние. Это так, об этом никто не спорит, но я хочу сказать, что иной поэт, как Байрон, страдает, любит и прощает, для звуков сладких и молитв, не заботясь о том, что останется людям от его песен, или, выражаясь словами поэта: *он поет, как птица, потому что он птица*, — тогда как в песне другого поэта постоянно слышится одна и та же струна, одна и та же строгая цель! Он поет не из наслаждения петь, он любит и страдает сознательно, и смотрит на свой талант как на оружие, как на средство, которое он должен употреблять на пользу ближних. Он постоянный мученик, он как будто исполняет чужую волю, высшее предназначение...

Иди, пророк, и виждь и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей. —

По силе своего таланта Пушкин ничуть не ниже Гоголя, но влияние его отразилось только в нашей литературе, в языке, в стихотворениях и на некоторых личностях, тогда как Гоголь

имел прекрасное влияние на все наше юное поколение, на весь склад наших общественных понятий. Так было и с Руссо! Исчезли из общества, из жизни волтерьянцы, смешны Чайлд-Гарольды, а мыслями Руссо до сих пор еще живет Европа, а общество, после стольких сильных переворотов, страшных потрясений и потоков крови, все еще стремится осуществить тот общественный идеал, который завещал ему Руссо в своих произведениях!

Вскоре после чтения второго тома *Мертвых Душ* я уехал в Москву, а Гоголь остался в Калуге еще на две недели. Прошел месяц с небольшим. Я был зван на именной обед в Сокольники, к почтенному И. В. К<апнисту>. Гостей было человек семьдесят. Обедали в палатке, украшенной цветами; в саду гремела полковая музыка. Гоголь опоздал и вошел в палатку, когда уже все сидели за столом. Его усадили между двумя дамами, его великими почитательницами. После обеда мужчины, как водится, уселись за карты; девицы и молодежь рассыпались по саду. Около Гоголя образовался кружок; но он молчал и, развалившись небрежно в покойном кресле, забавлялся зубочисткой. Я сидел возле зеленого стола, за которым играли в ералаш три сенатора и военный генерал. Один из сенаторов, в военном же мундире, с негодованием поглядывал на Гоголя. «Не могу видеть этого человека, — сказал он, наконец, обращаясь к другому сенатору во фраке. — Посмотрите на этого гуся, как важничает, как за ним ухаживают! Что за *аттитюда*¹⁵, что за *аллон*!¹⁶!» — и все четверо взглянули на Гоголя с презрением и пожали плечами. «Ведь это революционер, — продолжал военный сенатор, — я удивляюсь, право, как это пускают его в порядочные дома? Когда я был губернатором и когда давали его пиесы в театре, поверите ли, что при всякой глупой шутке или какой-нибудь пошлости, насмешке над властью, весь партер обращался к губернаторской ложе. Я не знал, куда деться, наконец не вытерпел и запретил давать его пиесы. У меня в губернии никто не смел думать о *Ревизоре* и других его сочинениях. Я всегда удивлялся, как это правительство наше не обращало внимания на него: ведь его стоило бы, за эти *Мертвые Души*, и в особенности за *Ревизора*, сослать в такое место, куда ворон костей не заносит!» Остальные партнеры почтенного сенатора совершенно были согласны с его замечаниями и прибавили только: «Что и говорить, он опасный человек, мы давно это знаем».

Через несколько дней я встретил Гоголя на Тверском бульваре, и мы гуляли вместе часа два. Разговор зашел о современной литературе. Я прежде никогда не видал у Гоголя ни одной книги, кроме сочинений отцов Церкви и старинной ботаники, и потому весьма удивился, когда он заговорил о русских журналах, о русских новостях, о русских поэтах. Он все читал и за всем следил. О сочинениях Тургенева, Григоровича, Гончарова отзывался с большою похвалой. «Это все явления утешительные для будущего, — говорил он. — Наша литература в последнее время сделала крутой поворот и попала на настоящую дорогу. Только стихотворцы наши хромают, и времена Пушкина, Баратынского и Языкова возвратиться не могут!»

— Вы вчера, кажется, читали несколько глав из второго тома И. В. К<апнисту>? — сказал я.

— Читал, а что?

— Я не понимаю, Николай Васильевич, какую вы имеете охоту читать ему ваши сочинения! Он вас очень любит и уважает, но как человека, а вовсе не как писателя! Знаете ли, что он мне сказал вчера? Что, по его мнению, у вас нет ни на грош таланта! Несмотря на свой обширный ум, И<ван> В<асильевич> ничего не смыслит в изящной литературе и поэзии; я не могу слышать его суждений о наших писателях. Он остановился на «Водопаде» Державина и дальше не пошел. Даже Пушкина не любит; говорит, что стихи его звучны, гладки, но что мыслей у него нет и что он ничего не произвел замечательного.

Гоголь улыбнулся... «Вот что он так отзывался о Пушкине, я этого не знал; а что мои сочинения он не любит, это мне давно известно, но я уважаю И<вана> В<асильевича> и давно его знаю. Я читал ему мои сочинения именно потому, что он их не любит и предупрежден против них. Что мне за польза читать вам или другому, кто восхищается всем, что я ни написал? Вы, господа, заранее предупреждены в мою пользу и настроили себя на то, чтобы находить все пре-

красным в моих сочинениях. Вы редко, очень редко сделаете мне дельное, строгое замечание, а И<ван> В<асильевич>, слушая мое чтение, отыскивает только одни слабые места и критикует строго и беспощадно, а иногда и очень умно. Как светский человек, как человек практический и ничего не смыслящий в литературе, он иногда, разумеется, говорит вздор, но зато в другой раз делает такое замечание, которым я могу воспользоваться. Мне именно полезно читать таким умным не литературным судьям. Я сужу о достоинстве моих сочинений по тому впечатлению, какое они производят на людей, мало читающих повести и романы. Если они рассмеются, то, значит, уже действительно смешно, если будут тронуты, то, значит, уже действительно трогательно, потому что они с тем уселись слушать меня, чтобы ни за что не смеяться, чтобы ничем не трогаться, ничем не восхищаться».

Слушая Гоголя, я невольно вспомнил о кухарке Мольера.

Зимой¹⁷ я видался с Гоголем редко и не знаю, что он делал, чем занимался; но вот наступила весна, и Гоголь стал чаще заходить ко мне, в послеобеденное время¹⁸. Сестра моя переехала в подмосковную, в двадцати пяти верстах от Коломны. В одно утро Гоголь явился ко мне с предложением ехать недели на три в деревню к сестре. Я на несколько дней получил отпуск, и мы отправились¹⁹. Гоголь был необыкновенно весел во всю дорогу и опять смешил меня своими малороссийскими рассказами; потом, не помню уже каким образом, от смешного разговор перешел в серьезный. Гоголь заговорил о монастырях, о их общественном значении в прошедшем и настоящем. Он говорил прекрасно о монастырской жизни, о той простоте, в какой живут истинные монахи, о том счастье, какое находят они в молитве, среди прекрасной природы, в глуши, в дремучих лесах! «Вот, например, сказал он, вы были в Калуге, а ездили ли вы в Оптиную пустынь, что подле Козельска?» — «Как же, отвечал я, был». — «Ну, неправда ли, что за прелесть! Какая тишина, какая простота!» — «Я знаю, что вы бывали там часто, Николай Васильевич, и в последний раз²⁰, когда хотели ехать в Малороссию, не доехали и остановились в Оптиной пустыни, кажется, на несколько дней». — «Да, я на перепутьи всегда заезжаю в эту пустынь и отдыхаю душой. Там у меня в монастыре есть человек, которого я очень люблю... Я хорошо знаю и настоятеля отца Моисея». — «Кто же этот друг ваш?» — «Некто Григорьев²¹, дворянин, который был прежде артиллерийским офицером, а теперь сделался усердным и благочестивым монахом и говорит, что никогда в свете не был так счастлив, как в монастыре. Он славный человек и настоящий христианин; душа его такая детская, светлая, прозрачная! Он вовсе не пасмурный монах, бегающий от людей, не любящий беседы. Нет, он, напротив того, любит всех людей как братьев; он всегда весел, всегда снисходителен. Это высшая степень совершенства, до которой только может дойти истинный христианин. Покуда человек еще не выработался, не совершенно воспитал себя, хотя он и стремится к совершенству, в нем все еще слишком много строгости, слишком много угловатого и много отталкивающего¹. Если же раз он успеет, с Божьею помощью, уничтожить в себе все сомнения, примирится с жизнью и дойдет до настоящей любви, то делается тогда совершенно спокоен, весел, ко всем добр, со всеми ласков. Таковы все эти монахи в пустыне: отец Моисей, отец Антоний, отец Макарий; таков и мой друг Григорьев». — «А не знаете ли вы, какая причина заставила его оставить свет и поступить в монастырь? Не было ли в его жизни какого-нибудь особенного обстоятельства, которое дало ему эту мысль?» — «Этого я хорошенько не знаю, — отвечал мне Гоголь, — только знаю, что он всегда был поэтом и мечтателем. Он всегда поступал по увлечению и способен был на всякие внезапные порывы. Вот я вам расскажу про него один очень забавный анекдот, который случился с ним, когда ему было лет восемнадцать, не более, но который объяснит вам всю стра-

¹ Гоголь очень часто употреблял слово «слишком». Это одна из особенностей его слога, часто неправильного, иногда запутанного, но в котором зато было так много крупного, сильного и мало той легкости, с которой пишутся некоторые русские фельетоны, забавляющиеся не о силе слога, верности, меткости, а только о правильности языка. — *Примеч. Л. И. Арнольди.*

стную натуру этого человека. Григорьев, как я вам уже сказал, служил в армейской артиллерии. Батарея, в которой он числился, была расположена с другими войсками в одной из великороссийских губерний; весь корпус был в сборе, в лагерях, и корпусный командир производил учение, маневры и артиллерийскую практическую пальбу. Григорьев тогда очень любил чтение и бредил стихами. Этому направлению способствовал в то время Пушкин, которого поэмы расходились в множестве по всем углам и закоулкам России. Вы знаете, с какою жадностью везде читались, переписывались и затверживались наизусть его стихи. Имя Пушкина было тогда у всякого порядочного человека и на языке и в сердце. Григорьев, как и все другие, был в восторге от *Кавказского пленника*, *Бахчисарайского фонтана* и прочего. Вот раз был он дежурным, что ли, или взвод его был выведен на ученье, я право не умею вам сказать, только случилось так, что он один находился на линейке, а все офицеры были еще по своим палаткам. Артиллерийская прислуга стояла по местам, фитили курились. Григорьев в задумчивости ходил подле своих двух орудий. Вдруг видит он: с большой дороги свернула коляска, за нею взвилось облако пыли, коляска катит прямо на батарею. В нескольких шагах от Григорьева экипаж остановился: из него вышел молодой человек, небольшого роста, черноволосый, кудрявый, с быстрыми, умными черными глазами. Слегка поклонившись, он вежливо подошел к Григорьеву с вопросом: “Позвольте узнать, где могу я отыскать полковника N?” — “Он в нескольких верстах отсюда, в другой деревне”, — отвечал Григорьев и стал объяснять, как ближе проехать до деревни. Выслушав это объяснение со вниманием, молодой человек поблагодарил за услугу и хотел уже удалиться, как Григорьев, почувствовав внезапно необыкновенную симпатию к незнакомцу, спросил его: “Извините за нескромность, я желал бы знать, с кем имею удовольствие говорить?”

— Пушкин...

— Какой Пушкин?.. — вскрикнул Григорьев.

— Александр Сергеевич Пушкин, — отвечал молодой человек улыбаясь.

— Вы Александр Сергеевич Пушкин, вы наш поэт, наша гордость, честь и слава... Вы сочинитель *Бахчисарайского фонтана*, *Руслана и Людмилы*... — и Григорьев, весь красный от восторга, замахал руками и вдруг крикнул: “Орудие! Первая пли...”, и вслед затем раздался выстрел... “Вторая... пли...”, и опять выстрел. На эти выстрелы, конечно, высыпали и солдаты и офицеры из своих палаток, где-то забили тревогу, прискакал сам батарейный командир, и бедного моего Григорьева, страстного поклонника поэзии, за неуместный восторг, посадили под арест, несмотря на все просьбы А. С. Пушкина, который, вероятно, много смеялся этому неожиданному происшествию».

— И поделом посадили молодца под арест, — сказал я смеясь, — вот и выходит, что городничий прав. Положим, что Александр Македонский — герой, да зачем же стулья-то ломать!

Подмосковная деревня, в которой мы поселились на целый месяц, очень понравилась Гоголю. Все время, которое он там прожил, он был необыкновенно бодр, здоров и доволен. Дом прекрасной архитектуры, построенный по планам Гр<афа> Растрелли, расположен на горе; два флигеля того же вкуса соединяются с домом галереями, с цветами и деревьями; посреди дома круглая зала с обширным балконом, окруженным легкою колоннадой. Направо от дома стриженный французский сад с беседками, фруктовыми деревьями, грунтовыми сараями и оранжереями; налево английский парк с ручьями, гротами, мостиками, развалинами и густою прохладною тенью. Перед домом, через террасу, уставленную померанцами и лимонами, и мраморными статуями, ровный скат, покрытый ярко-свежею зеленью, и внизу — Москва-река, с белою купальнею и большим красивым паромом. За речкой небольшие возвышенности, деревушка соседа с усадьбою, сереньким городским домиком, маленьким садом и покачнувшимися набок крестьянскими избами. На одной линии с господским домом, по сю сторону реки, на расстоянии четверти версты от сада, скотный двор, белый дом с красною крышей, где помещалась контора и жил управляющий и, наконец, десять или двенадцать кирпичных не оштукатуренных крестьянских домиков, с огородами, конопляниками и прочими хозяйскими заведениями.

По другую сторону дома зеленый луг, цветники, качели и китайская беседка, с видом на господское поле, и темный сосновый лес. Вот и все. Гоголь жил подле меня во флигеле, вставал рано, гулял один в парке и в поле, потом завтракал и запирался часа на три у себя в комнате. Перед обедом мы ходили с ним купаться. Он уморительно плясал в воде и делал в ней разные гимнастические упражнения, находя это очень здоровым. Потом мы опять гуляли с ним по саду, в три часа обедали, а вечером ездили иногда на дрогах гулять, к соседям или в лес. К сожалению, сестра моя скоро захворала, и прогулки наши прекратились. Чтобы рассеять ее, Гоголь сам предложил прочесть окончание второго тома *Мертвых душ*; но сестра откровенно сказала Гоголю, что ей теперь не до чтения и не до его сочинений. Мне показалось, что он немного обиделся этим отказом; я же был в большом горе, что не удалось мне дослушать второго тома до конца, хотя и ожидал тогда его скорого появления в печати; но одно уже чтение Гоголя было для меня истинным наслаждением. Я все надеялся, что здоровье сестры поправится и что Гоголь будет читать; но ожидания мои не сбылись. Сестре сделалось хуже, и она должна была переехать в Москву, чтобы начать серьезное лечение. Гоголь, разумеется, тоже оставил деревню... В Москве он каждый вечер бывал у сестры и забавлял нас своими рассказами. — Однажды он пришел к нам от С. Т. Аксакова, где автор *Семейной хроники* читал ему свои *Записки ружейного охотника*. Это было года за два до их появления в свет. Гоголь говорил тогда, что никто из русских писателей не умеет описывать природу такими сильными, свежими красками, как Аксаков. В другой раз я встретил Гоголя у сестры и объявил ему, что иду в театр, где дают *Ревизора*, и что Шумский в первый раз играет в его комедии роль Хлестакова²². Гоголь поехал с нами, и мы поместились, едва достав ложу, в бенуаре. Театр был полон. Гоголь говорил, что Шумский лучше всех других актеров петербургских и московских передавал эту трудную роль, но не был доволен, сколько я помню, тою сценой, где Хлестаков начинает завираться перед чиновниками. Он находил, что Шумский передавал этот монолог слишком тихо, вяло, с остановками, а он желал представить в Хлестакове человека, который рассказывает небылицы с жаром, с увлечением, который сам не знает, каким образом слова вылетают у него изо рта, который, в ту минуту как лжет, не думает вовсе, что он лжет, а просто рассказывает то, что грезится ему постоянно, чего он желал бы достигнуть, и рассказывает как будто эти грезы его воображения сделались уже действительностью, но иногда в порыве болтовни заговаривается, действительность мешается у него с мечтами, и он от посланников, от управления департаментом, от приемной залы переходит, сам того не замечая, на пятый этаж, к кухарке Марфуше. «Хлестаков, это — живчик, — говорил Гоголь, — он все должен делать скоро, живо, не рассуждая, почти бессознательно, не думая ни одной минуты, что из этого выйдет, как это кончится и как его слова и действия будут приняты другими». Вообще комедия в этот раз была разыграна превосходно. Многие в партере заметили Гоголя, и лорнеты стали обращать на нашу ложу. Гоголь, видимо, испугался какой-нибудь демонстрации со стороны публики и, может быть, — вызовов, и после вышеописанной сцены вышел из ложи так тихо, что мы и не заметили его отсутствия. Возвратившись домой, мы застали его у сестры распивающим, по обыкновению, теплую воду с сахаром и красным вином. Тут он и передал мне свое мнение об игре Шумского, которого талант он ставил очень высоко.

Зимой этого года я видался с Гоголем довольно часто, бывал у него по утрам и заставал его почти всегда за работой. Раз только нашел я у него одного итальянца, с которым он говорил итальянски довольно свободно, но с ужасным выговором. Впрочем, по-французски он говорил еще хуже и выговаривал так, что иной раз с трудом можно было его понять. Этот итальянец был очень беден и несчастлив, и Гоголь помогал ему и принимал в нем живое участие. В последний раз я был у Гоголя в новый год; он был немного грустен, расспрашивал меня очень долго о здоровье сестры, говорил, что имеет намерение ехать в Петербург, когда окончится новое издание его сочинений и когда выйдет в свет второй том *Мертвых Душ*, который, по его словам, был совершенно окончен. Потом тут же при мне взял почтовый лист бумаги и написал се-

стре несколько поздравительных слов²³, запечатал и, отдавая его мне, просил переслать в Петербург. Этим письмом оканчивается переписка его с сестрой, продолжавшаяся четырнадцать лет. Обстоятельства заставили меня скоро оставить Москву: я переменял род службы и должен был отправиться в Петербург. В хлопотах о переезде я не имел времени заходить к Гоголю и совершенно потерял его из виду. Так прошел февраль месяц, и только на первой неделе поста узнал я, что Гоголь болен. Один раз заезжал на Никитскую спросить о его здоровье, но мне сказали, что он в постели и что видеть его нельзя. Я и не думал, что он в опасности и близок к смерти. Через несколько дней захожу я проститься к И. В. К<апнисту>, и он встречает меня грустный и встревоженный... У него был граф <А. П.> Т<олстой>. «Как здоровье Николая Васильевича?» — спрашиваю я у графа. «Он очень плох, почти без надежды, — отвечал граф. — Сегодня будет еще консультация, посмотрим, что скажут доктора. Гоголь никого не слушается, не принимает никаких лекарств и никакой пищи, и я пришел просить И<вана> В<асильевича>, которого Гоголь очень любит и уважает, захватить к нему еще раз и уговорить его послушаться приказаний медиков. Не знаю, удастся ли нам?..» Я поехал в присутствие и, окончив свои дела, отправился к Гоголю. У подъезда стояло несколько экипажей. Человек сказал мне, что доктора все здесь, что консультация кончилась и что все присутствовавшие на ней отправились вверх в кабинет графа. «А что Николай Васильевич?» — «Все в одном положении». — «Можно его видеть?» — «Войдите», — отвечал он мне, отворяя дверь. Гоголь видно переменял комнаты в последнее время или был перенесен туда уже больной, потому что прежде я бывал у него от входной двери направо, а теперь меня ввели налево, в том же первом этаже. В первой комнате никого не было; во второй, на постели, с закрытыми глазами, худой, бледный, лежал Гоголь; длинные волосы его были спутаны и падали в беспорядке на лицо и на глаза; он иногда вздыхал тяжело, шептал какую-то молитву и по временам бросал мутный взор на икону, стоявшую у ног на постели, прямо против больного. В углу, в кресле, вероятно утомленный долгими бессонными ночами, спал его слуга, малороссиянин²⁴. Долго стоял я перед Гоголем, вглядываясь в лицо его и, не знаю отчего, почувствовал в эту минуту, что для него все кончено, что он более не встанет. Раза два Гоголь вскинул глазами вверх, взглянул на меня, но, не узнав, закрыл их опять. «Пить... дайте пить», — проговорил он, наконец, хриплым, невнятным голосом. Человек, вошедший вслед за мною в комнату, подал ему в рюмке воду с красным вином. Гоголь немного приподнял голову, обмочил губы и опять, с закрытыми глазами, упал на подушку. Человек графа разбудил мальчика, который, увидев меня, оробел и подошел к постели больного. Тут я был свидетелем страшного разговора между двумя служителями, и не знаю, чем бы кончилась эта сцена, если бы меня тут не было.

— Если его так оставить, то он не выздоровеет, — говорил один из них, — поверь, что не встанет, умрет, непременно умрет.

— Так что ж, по-твоему... — отвечал другой.

— Да вот возьмем его насильно, стащим с постели, да и поведем по комнате, поверь, что разойдется, и жив будет.

— Да как же это можно? он не захочет... кричать станет.

— Пусть его кричит... после сам благодарить будет, ведь для его же пользы!

— Оно так, да я боюсь... как же это без его воли-то?

— Экой ты неразумный; что нужды, что без его воли, когда оно полезно. Ведь ты рассуди сам, какая у него болезнь-то?.. никакой нет, просто так... не ест, не пьет, не спит и все лежит, ну как тут не умереть? У него все чувства замерли, а вот как мы разматываем его, — он очнется, поверь, что очнется... на свет Божий взглянет и сам жить захочет. Да что долго толковать, бери его с одной стороны, а я вот отсюда, и все хорошо будет!

Мальчик, кажется, начинал колебаться... Я, наконец, не вытерпел и вмешался в их разговор.

— Что вы хотите это делать, как же можно умирающего человека тревожить? Оставьте его в покое, — сказал я строго.

— Да право лучше будет, сударь! Ведь у него вся болезнь от этого, что как пласт лежит который уж день без всякого движения. Позвольте... Вы увидите, как мы его раскачаем, и жив будет.

Я насилу уговорил их не делать этого опыта с умирающим Гоголем, но, прекратив их разговор, кажется, нисколько не убедил того, который первый предложил этот новый способ лечения, потому что, выходя, он все еще говорил про себя: «Ну, умрет, бесприменно умрет... вот увидите, что умрет». И действительно, на другой день, когда я ехал по железной дороге в Петербург, Гоголь умерал в Москве...

Впервые опубликовано: *Арнольди Лев*. Мое знакомство с Гоголем // Русский Вестник. 1862. Т. 37. <№ 1>. С. 54–95, с редакционным примечанием: «Автора этих воспоминаний о покойном Гоголе нет уже самого в живых, и статья его доставлена в редакцию уже по его смерти» (С. 54). Печатается по первой публикации.

¹ В 1849 г.

² А. О. Смирновой.

³ В 1849 г.

⁴ Сергей Алексеевич Неелов (1781–1852), стихотворец.

⁵ Святыи!.. Дьявольский тарантас! (*фр.*).

⁶ Алексей Александрович Вельяминов (1785–1838), генерал, командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории.

⁷ «В воспоминаниях Арнольди любопытно <...> указание на страсть Гоголя к ботанике, о которой также неоднократно рассказывали нам многие лица, как, напр<имер>, сестры Гоголя, О. Н. Смирнова и сестра ее Н. Н. Сорен и проч.» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 753).

⁸ Возможно, речь идет либо о Н. М. Смирнове, муже А. О. Смирновой (рожд. Россет), либо о князе Петре Сергеевиче Оболенском (род. в 1814), муже Ольги Ивановны Оболенской (рожд. Арнольди) (1824–1851), сестры Л. И. Арнольди.

⁹ Сохранившиеся лекции и материалы Гоголя по истории опровергают это суждение мемуариста.

¹⁰ Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Журналист, читатель, писатель» (1840).

¹¹ Кауфер (*фр. coiffeur*) — парикмахер.

¹² Все мое всегда при мне (*лат.*).

¹³ Подразумевается С. П. Шевырев.

¹⁴ См. в наст. изд. фрагмент из «Моих воспоминаний» барона А. И. Дельвига.

¹⁵ Attitude — поза (*фр.*).

¹⁶ Aplomb — апломб (*фр.*).

¹⁷ 1849/50 г.

¹⁸ Речь идет о весне 1850 г. Следующие далее воспоминания Л. И. Арнольди относятся уже к лету 1851 г. Зимой 1850/51 г. Гоголь провел в Одессе и вернулся в Москву только 5 июня 1851 г. В селе Спасском у А. О. Смирновой Гоголь жил в период после 25 июня до 8 июля 1851 г.

¹⁹ 25 июня 1851 г.

²⁰ Анахронизм. Речь идет о позднейших событиях, относящихся к 24–25 сентября 1851 г.

²¹ Отец Порфирий (в мире Петр Александрович Григоров, около 1803 — 15 марта 1851), бывший гвардейский офицер, с 1834 г. — инок Оптиной Пустыни, с 1836 г. — рясофорный послушник; 22 июля 1850 г. пострижен в мантию с именем Порфирий. Издатель писем Затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия.

²² 22 октября 1851 г.

²³ Письмо к А. О. Смирновой от 1 января 1852 г.

²⁴ С. Григорьев.

Воспоминания графа А. К. Толстого в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша

<...> Когда Жуковский жил во Франкфурте-на-Майне, Гоголь пргостил у него довольно долго. Однажды, — это было в присутствии графа А. К. Т<олстого>, — Гоголь пришел в кабинет Жуковского и, разговаривая со своим другом, обратил внимание на карманные часы с золотой цепочкой, висевшие на стене.

— Чьи это часы? — спросил он.

— Мои, — отвечал Жуковский.

— Ах, часы Жуковского! Никогда с ними не расстанусь!

С этими словами Гоголь надел цепочку на шею, положил часы в карман, и Жуковский, восхищаясь его проказливостью, должен был отказаться от своей собственности. <...>

<...> ...Гоголь во всем, что с ним случилось, выказывал часть своего оригинального и разнообразного характера. Например, однажды, остановясь во Франкфурте-на-Майне, в гостинице «Der weisse Schwan»¹, он вздумал ехать куда-то далее и, чтобы не встретить остановки по случаю отправки вещей, велел накануне отъезда гаускнехту (то, что у нас в трактирах половой) уложить все вещи в чемодан, когда еще он будет спать, и отправить туда-то. Утром, на другой день после этого распоряжения, посетил Гоголя граф А. К. Т<олстой>, и Гоголь принял своего гостя в самом странном наряде — в простыне и одеяле. Гаускнехт исполнил приказание поэта с таким усердием, что не оставил ему даже во что одеться. Но Гоголь, кажется, был доволен своим положением и целый день и принимал гостей в своей пестрой мантии, до тех пор, пока знакомые собрали для него полный костюм и дали ему возможность уехать из Франкфурта. <...>

<...> Между прочим, путешествие на долгих² было для него уже как бы началом плана, который он предполагал осуществить впоследствии. Ему хотелось совершить путешествие по всей России, от монастыря к монастырю, езда по проселочным дорогам и останавливаясь отдыхать у помещиков. Это ему было нужно, во-первых, для того, чтобы видеть живописнейшие места в государстве, которые большею частию были избираемы старинными русскими людьми для основания монастырей; во-вторых, для того, чтобы изучить проселки Русского царства и жизнь крестьян и помещиков во всем ее разнообразии; в-третьих, наконец, для того, чтобы написать географическое сочинение о России самым увлекательным образом. Он хотел написать его так, «чтоб была слышна связь человека с той почвой, на которой он родился». Обо всем этом говорил Гоголь у г-жи С<мирнов>ой, в присутствии графа А. К. Т<олсто>го, который был знаком с ним издавна, но потом не видал его лет шесть, или более. Он нашел в Гоголе большую перемену. Прежде Гоголь, в беседе с близкими знакомыми, выражал много добродушия и охотно вдавался во все капризы своего юмора и воображения; теперь он был очень скуп на слова, и все, что ни говорил, говорил, как человек, у которого неотступно пребывала в голове мысль, что «с словом надобно обращаться честно», или который исполнен сам к себе глубокого почтения. В тоне его речи отзывалось что-то догматическое, так, как бы он говорил, своим собеседникам: «Слушайте, не пророните ни одного слова». Тем не менее, однако ж, беседа его была исполнена души и эстетического чувства. Он попотчивал графа двумя малороссийскими колыбельными песнями, которыми восхищался, как редкими самородными перлами. Вот они:

1

Ой спы, дытя, без сновыття,
Поки мыты з поля прыйде
Та прынесе тры квиточки:
Одна буде дримльвая,
Друга буде сонльвая,
А третяя щасльвая.
Ой щоб спало — щастя мало,
Та щоб росло — не болило,
На серденько не скорбило!
Ой ристочки у кисточки,
Здоровьячко на сердечко,
Разум добрый в головоньку,
Сонькы-дримкы у виченькы!

2

Ой ходыть сон по улоньци,
В билесенький кошулоньци;
Слоняетця, тыняетця,
Господонькы пытаетця:
«А де хата теплесенька
И дытына малесенька,
Туды пийду ночуваты
И дытыны колыхаты».
А в нас хата тепленькая
И дытына маленькая;
Ходы до нас ночуваты
И дытыны колыхаты!
Ходы, сонку, в колысочку,
Прыспы нашу дытыночку!

Вслед за тем Гоголь попотчивал графа лакомством другого сорта: он продекламировал, с свойственным ему искусством, великорусскую песню, выражая голосом и мимикой патриархальную величавость русского характера, которой исполнена эта песня.

Пантелей государь ходит по двору,
Кузьмич гуляет по широкому;
Кунья на нем шуба до земли,
Соболья на нем шапка до верху,
Божья на нем милость до веку.
Бояре-то смотрят из города,
Боярыни-то смотрят из терема,
Сужена-то смотрит из-под пологу.
Бояре-то молвят: «Чей то такой?»
Боярыни-то молвят: «Чей то господин?»
А сужена молвит: «Мой дорогой!» <...>

Впервые опубликовано: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Николая М. // Современник. 1854. № 3. С. 69, 70–71; № 4. С. 126–127; <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Соч. Николая М. СПб., 1854. С. 124–125, 126, 174–176; перепечатано: <Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и из его собственных писем. СПб., 1856. Т. 1. С. 231, 233; Т. 2. С. 232–234. Печатается по последней публикации.

См. также в наст. изд. фрагмент 1 из «Биографии Александры Осиповны Чаграновой» А. О. Смирновой. Алексей Константинович Толстой (1817–1875), поэт и драматург.

¹ Белый лебедь (нем.).

² Имеется в виду путешествие Гоголя с М. А. Максимовичем из Москвы на родину в июне 1850 г. (см. в наст. изд. *Воспоминания М. А. Максимовича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*).

<Воспоминания графа А. К. Толстого, А. М. Жемчужникова и графа А. П. Толстого, записанные П. А. Кулишом>

<л. 1>

О последних днях Гоголя

В среду на перв<ой> нед<еле> поста¹ Щепкин приехал к Гоголю. Его не приняли. Когда потом втерся к нему кто-то в роде Погодина или Шевырева, он сказал: «Вас чорт так и посылает; давеча Щепкин приезжал; того не пустили; а тот бы заставил есть».

А. К. Толстой о Гоголе:

Во всяком царстве природы есть своя свинья. В растительном царстве гриб — свинья.

Когда умерла невеста Дория, транстеверяне отправили посольство к родственникам — сожаление — ко дворцу — ругательствами — швыряли в окна. (Рас<с>просить вновь.)

Старший Жемчужников (поэт)²:

В описании усадьбы Тентетникова была фраза, которую Гоголь читал очень выразительно: «И при виде такой природы еще сильнее думал о комфорте скотина Чичиков!»³

<л. 2>

Г<оголь> носил всегда при себе *письма О<тца> Матвея*.

Во время *похорон* один студент на вопрос старухи: «Что он вам, родной что ли, что вы плачете?» отвечал: «Он всем нам родной».

Перед кончиною, после чтения Ев<ангелия>, Г<оголь> сказал: «Горе тем, кот<орые> теперь остаются жить! теперь наступят страшные бедствия и войны».

Фраза: «Г<оголь> носил всегда при себе *письма О<тца> Матвея*», — нашла отражение в изданиях П. А. Кулиша: «Гоголь так дорожил письмами отца Матвея, что носил их всегда при себе» (*Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и из его собственных писем*. СПб., 1856. Т. 2. С. 181; см. также: Соч. и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 6. С. 442). Заключительные строки рукописи («Перед кончиною - бедствия и войны») впервые опубликованы: *Виноградов И. А. Воспоминания о Гоголе и письма к нему графа А. П. Толстого (из неопубликованных материалов П. А. Кулиша) // Н. В. Гоголь и русская литература. К 200-летию со дня рождения великого писателя. Девятыне Гоголевские чтения: Сб. докл. Междунар. науч. конференции, Москва 1–5 апреля 2009 г. М., 2010. С. 80. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 56. Кулиш П. А. Вы-*

¹ *Было*: он ответ<ал>

писки из высказываний А. К. Толстого, А. М. Жемчужникова и др. о Гоголе [1850-е гг.] рукой Кулиша. № поступления: М.3233/19. 2 л.

См. также в наст. изд. заметку П. А. Кулиша «Для биографии Гоголя» в разделе «Свидетельства о Гоголе графа А. П. Толстого», «Записку, составленную А. В. М^аркович^ем из письма к нему Кн^яжны^и В. Н. Р^епни^ной о Гоголе» и «Воспоминания о Н. В. Гоголе» Г. П. Галагана.

С графом А. П. Толстым Кулиш познакомился осенью 1855 г. в Киеве. 30 ноября он писал Н. Д. Белозерскому: «Здесь граф А. П. Толстой, у которого умер Гоголь. Я с ним познакомился и очень сошелся, сколько это мне нужно для сведений о Гоголе. Он уезжает, но обещал писать ко мне на все мои вопросы. Очень симпатичный, очень искренний человек» (Пантелеймон Кулиш. Листи до М. Д. Білозерского. Упорядкування, вступна стаття й коментарі О. Федорука. Львів; Нью-Йорк, 1997. С. 134). Вероятно, подстрочное примечание: «Гоголь так дорожил письмами отца Матвея, что носил их всегда при себе», — было внесено Кулишом в «Записки о жизни Н. В. Гоголя...», со слов графа А. П. Толстого, на самых последних этапах подготовки книги к изданию (дата цензурного разрешения «Записок...» — 15 января 1856 г.).

¹ 13 февраля 1852 г.

² Алексей Михайлович Жемчужников (1821–1908), поэт, брат Александра (1826–1896) и Льва (1828–1912) Михайловичей Жемчужниковых.

³ Ср. сходные выражения о Чичикове в письме Гоголя к В. А. Жуковскому от осени 1849 г. из Москвы: «Скотина Чичиков едва добрался до половины своего странствования. <...> ...Автору “Мерт<вых> д<уш>” нужно быть гораздо лучше душой, нежели скотина Чичиков».

Три дня в городе Калуге. (Дорожные заметки) Фрагмент

<...> Большое утешение доставило мне знакомство с <...> калужским обывателем <...> эскутором губернского правления, неким Алексеем Ивановичем Мартыновичем-Лашевским. <...> Самое интересное, конечно, для меня было — добыть какие-либо сведения о Гоголе, гостившем в 1849 году в доме Смирновых, т. е. как раз в то самое время, когда отец А. И. Лашевского, Иван Тимофеевич, состоял при Н. М. Смирнове правителем канцелярии (сам А<лексей> И<ванович> тогда был двенадцатилетним мальчиком, Гоголя не видел... <...>). Но пункт о Гоголе оказался самым слабым пунктом в чреватых воспоминаниями рассказах А<лексея> И<вановича>. Отец его относился к Гоголю, по-видимому, совершенно так, как и остальные калужские чиновники, по свидетельству Арнольди, т. е. заинтересованы были им не более как диковинным зверем. Дома в интимном разговоре он даже намекал о какой-то тайной болезни писателя и высказывал мнение, солидарное со своими сослуживцами, «что Гоголь вообще слегка тронутый человек и до полного помешательства ждать придется не особенно долго». Впрочем, автору «Ревизора» едва ли можно было ожидать к себе особенно лестного отношения, тем более все то, что мне рассказывал А<лексей> И<ванович> о чиновных нравах того времени, до мелочей иногда подтверждало сцены гениальной комедии, и следовательно, краски преподнесенной обличительной картины не успели еще, так сказать, обсохнуть... Эта скрытая враждебность к писательской профессии проскальзывает и в другом случайном рассказе, слышанном А<лексеем> И<вановичем> от отца. Однажды, когда в губернаторской приемной собралось особенно много чиновников, один из них, по присущему канцелярскому любопытству, заглянул тихонько в соседний зал и заметил сидящего там Гоголя. «Господа, будьте осторожнее... здесь Гоголь!» — сообщил он предупредительно сослуживцам, и все стали суетливо оправляться и чиститься перед зеркалом. — «Надо подтянуться... того гляди, как бы еще не описал?» — тревожно промелькнуло в голове каждого. <...>

Взяточничество и всякие злоупотребления, с которыми Н. М. Смирнову приходилось бороться, приводили его порой в совершенное отчаяние, и Гоголю, как известно, приходилось не раз утешать и ободрять его. <...> По словам А<лексея> И<вановича>, Смирнов был добрейшей души человек и честности безупречнейшей, но вспыльчивый до умопомрачения. Однажды чиновник, которого он особенно горячо распекал, прямо пустился от него в бегство — тот за ним, через балкон, в сад... и оба бегали по дорожкам сада, пока оба не утомились. <...> Кроме того, Н<иколай> М<ихайлович> питал несчастную слабость к циркулярам при каждом удобном и неудобном случае: циркуляры и циркуляры... «Целая буря циркуляров из Калуги!» — как выразился однажды император Николай по поводу Смирновских донесений.

Порой, под сердитую руку, составлялись в самом деле довольно невероятные циркуляры. Например, как-то мимо губернаторской дачи промчались с гиком и криком пьяные ямщики. Н<иколай> М<ихайлович> вскипел и незамедленно сочинил такую приблизительно резолюцию: «До моего сведения дошло, что ямщики, проезжая по городу, поют отчаянным образом и по-разбойничьи присвистывают, пугая тем мирных семейных обывателей. Дабы впредь ничего подобного не случалось, предписываю и проч.». <...>

Все эти сведения о слабости Н. М. Смирнова к писанию многочисленных циркуляров и о его сумасшедше вспылчивом характере наводят меня на мысль... да уже не с почтеннейшего ли Смирнова был отчасти списан знаменитый «полковник Кошкарев»?.. <...>

Впервые опубликовано: *Щеглов Ив.* Три дня в городе Калуге. (Дорожные заметки) // Новое Время. 1900. 30 сент. № 8834. С. 2; см. также: *Щеглов Ив.* Три дня в городе Калуге. (Из записной книжки) // *Щеглов Ив.* Подвижник слова. Новые материалы о Н. В. Гоголе. СПб., 1909. С. 40–42; *Щеглов Ив.* Три дня в городе Калуге. (Из записной книжки) // *Щеглов Ив.* Н. В. Гоголь. <СПб.>, 1912. С. 40–44. Печатается по первой публикации.

Иван Леонтьевич Щеглов (Леонтьев, 1856–1911), писатель. В 1892 г. опубликовал рассказ «У отца Иоанна Кронштадтского»: У отца Иоанна Кронштадтского. (Рассказ очевидца). *Ивана Щеглова.* (Посвящается Сергею Александровичу Рачинскому). Отдельные оттиски из Сборника «Нивы» за октябрь 1892 г. СПб., 1892. С. 144–185.

Отклики дня Фрагмент

<...> Все старожилы г. Калуги помнят Гоголя, который служил предметом общего внимания во время приездов на отдых к губернаторше А. О. Смирновой.

Так и говорили: «к губернаторше», а не к губернатору, с которым собственно Гоголь не был особенно близок, как с чиновником до мозга костей... <...>

Дом, в котором проводил лето Гоголь, я помню еще великолепным губернаторским «дворцом», из которого открывается великолепный вид на луг в углу слияния речки Яченки с Окою и на сосновый «бор». К дому примыкал огромный загородный сад, ныне совершенно запущенный, а тогда кипевший жизнью, гуляньями с музыкою и «вокзалом», где устраивались спектакли и танцы. <...>

Хорошо помнит Гоголя в Калуге старожил Лаш<еви>ч¹, служивший еще при Смирнове. <...>

Впервые опубликовано: <Баталин И. А.> *Руслан*. Отклики дня // Петербургская Газета. 1902. 15 янв. № 14. Печатается по первой публикации.

Иван Андреевич Баталин (род. в 1844), журналист.

¹ Имеется в виду Алексей Иванович Мартынович-Лашевский, отец которого, Иван Тимофеевич Лашевский, служил при Н. М. Смирнове. См. выше фрагмент из статьи И. Л. Щеглова «Три дня в городе Калуге. (Дорожные заметки)».

О пребывании Гоголя в Калуге Фрагменты

<...> ...Приводимые мною воспоминания, частью позаимствованные мною из печатных источников (Шенрок, Арнольди, Смирнова и др.), частью записанные мною от местных старожилов — казначея губернского правления А<лексея> И<вановича> Лашевского¹, бывшего слугителя Смирновых старика Ольховича и других лиц, лично знавших Гоголя и бывших очевидцами его пребывания в Калуге, будут скудны и отрывочны. <...>

Знакомство Гоголя с Калугой относится к концу сороковых годов, когда, благодаря близкому знакомству с Александрой Осиповной Смирновой (урожденной Россет), муж которой, выдающийся человек своего времени, Николай Михайлович Смирнов с 3 июня 1845 по 14 марта 1851 года занимал пост калужского губернатора. В течение времени с 1848–1850 год Гоголь посещал неоднократно Калугу и Калужский уезд, смотря по тому, где проживала семья Смирновых. <...>

Живя в Москве, в шуме и суете столичной жизни, среди многочисленных знакомых, Гоголь страстно жаждал уединения, покоя и отдыха. Поэтому, получив летом того же года² от А. О. Смирновой приглашение погостить у них в деревне, он охотно воспользовался ее приглашением и скоро приехал в имение Смирновых Бегичев хутор, Калужского уезда, отстоящее не более 30 верст от Калуги. Богатая, вполне благоустроенная барская усадьба, роскошный, тенистый парк с его глубокими и прозрачными, как стекло, прудами, чистый воздух, простор полей и простота тихой сельской жизни — все это как нельзя более пришлось по душе Гоголю. Он с приятным чувством довольства прожил здесь некоторое время, делая свои наблюдения над крестьянами, их образом жизни, нравами, обычаями. Здесь, по собственному признанию, Гоголь вполне отдавал себя сладкому отдыху. Отсюда Гоголь предпринял свою поездку на родину и в Одессу³. Путь лежал через Калугу. Подъезжая к Калуге со стороны городского бора, он поражен был великолепием открывшейся пред ним панорамы города, расположенного по крутым скатам высокого нагорного берега Оки и сверкавшего в вечернем сумраке множеством огней. Отсюда, проезжая по почтовому тракту через Перемышльский и Козельский уезды, Гоголь посетил прославившуюся своим старчеством Оптину пустынь⁴. Открывавшиеся на пути перспективы засеянных хлебами полей и зеленых лугов, обрамленных пологими холмами, а также живописная национальная одежда перемышльских и козельских крестьян ему очень понравились, смутно напоминая ему родную Украину.

Лето следующего 1849 года⁵ Гоголь провел уже в Калуге, в семье А. О. Смирновой, жившей в летнем доме Загородного сада, известного под именем «Губернаторской дачи». Калужский Загородный сад в то время занимал собою вдвое большую площадь и представлял из себя прекрасный и вполне благоустроенный тенистый парк, служивший для калужан любимым местом обыденных прогулок и грандиозных праздничных гуляний. Летний дом Загородного сада, сооруженный еще в конце XVIII века для пребывания в нем назначенного на житье в Калугу последнего крымского хана Шагин-Гирея, потом капитально перестроенный, летний дом во времена Смирновых представлял собою одноэтажное деревянное здание, с двумя крытыми террасами, из которых одна выходит к главной аллее Загородного сада, а другая — к городскому бору, висячим балконом и полукруглой, крытой и застекленной верандой, выходящей на се-

вер. В ту же сторону несколько поодаль, находился одноэтажный, с двумя крылечками деревянный флигель, состоявший из нескольких небольших комнат и кухни. Трудно сказать, кто старше: флигель или дом. Но во всяком случае последний не моложе флигеля. В том же виде, как и при Смирновых оба сохранились и поныне, с той лишь разницей, что флигель по недостатку ремонта пришел в ветхость. Вокруг дома и флигеля разбиты были пышные цветники, а против флигеля между цветниками и садом стояла крытая соломой крохотная детская ферма, служившая для маленьких дочерей А. О. Смирновой местом приятного и полезного развлечения. Здесь они доили коз и упражнялись в молочном хозяйстве.

По словам старика Ольховича, служившего в то время при доме губернатора Смирнова и лишь этом году умершего, Гоголь прибыл к Смирновым в сопровождении какого-то другого господина (фамилию которого он не мог припомнить, но который несомненно был г. Арнольди). Из вещей с Гоголем были всего только дорожный чемодан и кожаная сумка (в которой, надо полагать, заключалось все его литературное богатство). Гоголь поселился не в доме, а во флигеле, что является вполне понятным, если только принять во внимание его тогдашнее стремление к уединению и покою. Во флигеле он занял три ближайшие к дому комнаты, из которых одна, в два света, служила приемной, другая, обращенная окнами на запад, к бору, была его рабочим кабинетом, а третья, самая маленькая, служила спальней. Это помещение очень нравилось Гоголю своей простотой и уютностью, может быть напомилавшее ему любимый его флигель в Васильевке, а открывавшийся из окон его кабинета очаровательный вид на Оку, городской бор и синеющую за ним даль приводили его в восхищение. По желанию Гоголя ему служил пожилой лакей Христофор, представлявший в его глазах интересный тип дворового слуги, с характерной физиономией. По уверению того же Ольховича, Гоголь ежедневно вставал очень рано, когда в большом доме все спало еще крепким сном. Один или с помощью мальчика-казачка Гоголь умывался и, наскоро сделав свой туалет, некоторое время гулял по саду, потом пил молоко или чай и садился за работу. Принадлежа к числу так называемых усидчивых писателей, Гоголь в то время был занят окончательной отделкой второго тома своей бессмертной поэмы «Мертвых душ»... Завтрак по большей части подавался Гоголю во флигель. После этого Гоголь продолжал свою вдохновенную работу вплоть до обеда. Иногда в эти часы он прогуливался по городу, заходя в книжные лавки Грудакова или Антипина, бывшие на Никитской улице, где просматривал вновь вышедшие журналы и книги. Нередко захаживал он помолиться в теплый Никольский собор.

На обед Гоголь являлся всегда к общему столу, уже более тщательно приодетый и нередко в цветном атласном жилете. Лица, с которыми Гоголю нередко приходилось встречаться в доме губернатора, были: преосвященный Николай, к которому он всегда относился с видом особенного уважения, считая его достойнейшим пастырем своей паствы, затем губернский прокурор, предводитель дворянства (Мещеринов), вице-губернатор (Клушин)⁶, председатель палаты гражданского и уголовного суда, советники губернского правления, городской голова (Золотарев), врачебный инспектор (Быковский), правитель дел (Лашевский-отец) и другие чины, а также случайные гости. Обыкновенно тон застольной беседы давала хозяйка дома Александра Осиповна. За обедом Гоголь обыкновенно сидел молча и лишь изредка вставлял в разговор свои замечания, приняв на себя роль внимательного наблюдателя, особенно в присутствии за обедом новых лиц. Надо заметить, что чиновники недолюбливали Гоголя, хотя и сильно им интересовались. Поэтому старшие чины местных учреждений, нередко, после докладов, происходивших в летнем доме, приглашаемые Н. М. Смирновым к столу, старались под каким-либо благовидным предлогом уклоняться от любезных приглашений своего начальника, из одной лишь боязни, чтобы потом не попасть Гоголю «на зубок». Как ни старался Гоголь войти в близкое общение с интересовавшими его чинами губернской администрации, но это ему так и не удалось. Было ли это под влиянием его «Ревизора», произведшего во всероссийском чиновном мире глубокую сенсацию, или по какой иной причине, только здешние чиновники упорно

избегали близкого знакомства с Гоголем, опасаясь, что он их «опишет». Единственные лица, с которыми успел сблизиться Гоголь, были врачебный инспектор В. Я. Быковский и правитель дел канцелярии губернатора И<ван Тимофеевич> Лашевский.

После обеда до вечера Гоголь проводил время в семье Смирновых, в беседе с своим задушевным другом, или же своими остроумными шутками и рассказами забавлял ее детей. Но большею частью это время он проводил в загородных прогулках по окрестностям, при чем нередко переправлялся на лодке за Оку, к селу Ромоданову. Гуляя по противоположному нагорному берегу Оки, он любовался красивой панорамой города, которую находил очаровательной. С того места, где р. Яченка вливается в Оку, Калуга напоминала ему большое сходство с Константинополем. Посещал он и Лаврентьев монастырь с его живописными окрестностями и городскую рощу. Праздниками распорядок дня был несколько иной. Будучи в глубоком религиозном настроении, Гоголь не опускал праздничных служб. Он часто присутствовал на богослужении в кафедральном соборе один или же в обществе А. О. Смирновой и ее маленьких дочерей. Интересуясь местным населением, его жизнью и обычаями, в которых он находил много оригинального, Гоголь иногда праздниками совершал прогулку по городским улицам, возбуждая и в калужанах к себе интерес и любопытство. По рассказу местного сторожила заслуживает внимания то обстоятельство, что некоторые матери, знавшие в лицо Гоголя, нередко пугали им расшалившихся детей, приблизительно в таких выражениях: «перестань, уймись, видишь вон Гоголь идет; увидит, что ты шалишь и запишет в книжку». И угроза будто бы хорошо действовала: ребенок унимался. Вообще, судя по словам очевидцев, на Гоголя многие из обывателей-калужан смотрели как на большого чудака оригинала: им интересовались, но и побаивались. Насколько велик был интерес к Гоголю, можно судить по следующему рассказу, записанному мною со слов одной почтенной старушки-калужанки, знавшей и не раз видавшей Гоголя. Идет обедня архиерейским служением в домовый семинарской церкви Иоанна Богослова. Во время службы, пред пением «Херувимской», среди присутствовавших в храме раздается довольно ясный шепот: «Гоголь! Гоголь!» — а взоры многих обратились с любопытством ко входным дверям. В то же время на пороге дверей показалась еще довольно молодая и замечательно красивая лицом, но просто одетая дама, в сопровождении двух хорошеньких девочек-малюток; за ними следовал довольно мешковатой походкой средних лет мужчина, одетый в теплое пальто с меховым воротником (в воздухе было свежо). Его бледное и худое, но выразительное лицо с высоким лбом, по которому спадала прядь густых волос, устало задумчивый взгляд его глаз — все это казалось в нем привлекательным. На левой руке он держал женскую шаль. Это были — калужская губернаторша Смирнова и Гоголь. Они прошли вперед, к самой солее, и стали усердно молиться. Присутствовавшие, забыв торжественность минуты, начали протискиваться вперед, чтобы получше оглядеть Гоголя. Интерес, сохранившийся среди здешнего купечества <к Гоголю, показывает> анекдотический рассказ о гоголевской шляпе, как о вещественной памяти его пребывания в Калуге. Этот рассказ, тщательно проверенный мною, повествует о том, что у Гоголя, проходившего однажды по Никитской ул<ице>, сильным порывом ветра сбросило с головы его серую пуховую шляпу, которая попала в лужу грязи. Подняв запачканную шляпу, Гоголь поспешил зайти в ближайший магазин Почапина, где и купил себе другую шляпу. Зайдя, по обыкновению, в книжную лавку купца Антипина, чтобы просмотреть новые журналы и книги, Гоголь оставил там свою запачканную шляпу. Долгое время она хранилась в кладовой семьи Антипина, пока не истлела от сырости. Вариант о том, что калужские купцы грязную шляпу подносили губернаторше Смирновой как ценный сувенир о Гоголе, подобно многому другому, есть чистейший и непростительный вымысел: ничего подобного не бывало, да и калужские купцы, надо полагать, были не так глупы, чтобы решиться на подобное подношение. <...>

¹ Имеется в виду Алексей Иванович Мартынович-Лашевский, отец которого, Иван Тимофеевич Лашевский, служил при Н. М. Смирнове. См. в наст. изд. фрагмент из статьи И. Л. Щеглова «Три дня в городе Калуге. (Дорожные заметки)».

² Подразумевается 1848 г. На самом деле в имени Смирновых Бегичево Гоголь побывал после 4 или 5 июля 1849 г.

³ Имеется в виду посещение Гоголем Калуги, проездом на родину, 15–16 июня 1850 г.

⁴ Речь идет о посещении Гоголем Оптиной Пустыни 17–19 июня 1850 г.

⁵ Июль 1849 г. Гоголь провел в Калуге у Смирновых непосредственно после поездки в Бегичево в начале этого месяца.

⁶ Павел Николаевич Клушин (1814–1886). О. Н. Смирнова, комментируя письмо ее матери к Гоголю от 26 января 1849 г. из Калуги, сообщала о П. Н. Клушине: «Калужский вице-губернатор был г. N. N. <П. Н. Клушин>. Он был страшный деспот. Его первая жена оставила ему двух сыновей; он ее просто замучил; она рано умерла. Он был в Калуге уже вдовым и вел очень неладную жизнь. Вторая жена его, кн. Т.....я, развелась с ним; он ее чуть не свел с ума... N*** <Клушин> любил музыку, имел свой оркестр. Один раз его chef d'orchestre (немец) пришел жаловаться к моему отцу: <Клушин> избил почти до смерти одного мальчика-музыканта, 15-ти лет, — это была первая размолвка моего отца с ним. К<лушин> был до того жесток, что его собственные дворовые люди проучили его до того сильно, что его едва спас камердинер; это было уже после Калуги. Однако же, он получает место; Закревские, особенно графиня, его поддерживали; он умер в 1885 г. N—н <Клушин> был умен. Граф Закревский имел свою клику, — это была своего рода аракчеевщина в Москве; он играл ту же роль, как Аракчеев при Александре Павловиче в 1820-х годах, в мнении публики.

После ссоры с К<лушиным>, который надеялся получить место калужского губернатора через Закревского, на моего отца начали посылать доносы. В Калуге было везде много раскольников, они давали взятки, все богатые купцы были в сектах. Отец беспощадно ловил взяточников. Были даже хлыстовские корабли и скопческие корабли. Закревский получал известный доход и был недоволен, что мой отец по делам комиссии раскола открывал все «корабли» Московской губ<ернии>, которые были в союзе с комиссией, ему этим помешал отец. Жандармский полковник был подкуплен хлыстами, отец прямо пожаловался Бенкендорфу или Дуббельту; его сменили, прислали другого, немца (заметьте, что почти все они были тогда немцы). Прежнему жандарму-полковнику Закревский покровительствовал. Он не посмел отместить Дуббельту, а отцу он отплатил всякими гадостями. Государь предложил отцу в 1845 г. быть московским губернатором; он отказался и выбрал Калугу, говоря, что не желает служить с графом Закревским. Последний это узнал и, будучи в хороших отношениях с прежним калужским губернатором <Н. В. Жуковским>, он уже на первых порах возненавидел отца. Мать моя в Москве не была с визитом у гр<афа> Закревского. Дядя моего отца, П. П. Смирнов <1772–1854>, жил в Москве и был с Закревским всегда на ножах, не ездил к нему и называл его «Аракчеевский капрал»; все это, мало-помалу, дошло до истории. Узнав о доносах, отец требовал ревизии губернии. Александр Толстой был послан Перовским (мин<истром> внутр<енних> дел) с князем Давыдовым... Жена его была дружна с Закревской. А Государь узнал, что не Корнилов, а Давыдов ревизует, уже к концу дела. После окончания дела ревизии в Калуге 1851 года отец оставил Калугу. В 1852 году ему дал Государь Станиславскую ленту; в 1853 г., меня еще на школьной лавке сделали фрейлиной, а в 1852 г. уже Государь послал отца в Москву для *секретного дела* по раскольническим делам Рогожского кладбища, а, помимо Закревского, и один Лужин знал о том. Это дело возобновилось в 1853–1854 гг., и до смерти Государя отец мой был в *тайной комиссии по раскольническим делам* в Петербурге и в Москве, а к Пасхе 1855 г. император Александр Николаевич назначил моего отца губернатором в Петербургскую губернию.

Дело с Е<ршовым>, другом Закревского, только косвенно касалось моего отца. Брат моей матери, Ос<ип> Ос<ипович> Россет, был дружен с орловскими Плещеевыми (из семейства поэта), а дяди их были дружны с Лорерами, у Е<ршова> были два сына; с одним он рассорился, с другим был хорош; первый был игрок. У Е<ршо>ва была побочная дочь, которую он признал и она была узаконена; она была хороша собой. Плещеевы ее видали, она дружна была с дочерью Плещеевых, которые очень желали выдать свою дочь за дядю моего, а он влюбился в Софью Ив. Е<ршову>, а она в него. Е<ршов> очень обрадовался и дал ей имение, возле своего поместья, в 500 душ; молодые поселились в нем. Софии Ивановне было 22 года, а боялась отца, как огня. В один прекрасный день Е<ршо>в избил до смерти одного мужика своей дочери и приехал обедать к ней. Дядя мой, которому дали знать об этом, без лишних разговоров и при Плещеевых, которые тут обедали, объявил Е<ршову>, что он не скрыл от станового правду, и что его

женавольна принимать отца своего, но что Е<ршов> не в праве засекал не только чужих, но и своих мужиков, и что он не намерен обедать с палачом, и уехал к Плещеевым, которые взяли его сторону. Началось следствие; Е<ршов> подкупил станowego, доктор донес правду, исправника подкупили, дело дошло до губернатора орловского, друга Ершова, который разными путями и страхом вынудил дочь свою дать ему доверенность на управление имением, а дядя, узнав это, увез ее в Калугу, где поселился у нас же. Она была беременна; они жили в Калуге до нашего отъезда, а потом в Москве. На моего отца явился тогда глупейший донос, что он будто бы велел обоим Е<ршовых> вывести силой из Калужской губернии и укрывал в своем доме дочь Е<ршова>, не позволяя ей видаться с ее нежным отцом († 1853 г.). Новый жандармский полковник после того устроил так, что у ней не было очной ставки с ее отцом; мысль, что он ее проклянет, пугала ее до истерики; она от робости, а также от некоторой странной привычки к отцу и его деспотизму, никогда не выговаривалась искренно и таила все, что она знала, и что он не в первый раз засекал людей, и что три раза его люди поджигали дом, и даже его раз отравили. Е<ршо>в был настоящий изверг и вел самую безнравственную жизнь. Дядя мой звал его се satrape persan <этот персидский сатрап; фр.>. Плещеевых мы знали хорошо и уже впоследствии я слышала про Е<ршовых> отца и сына ужасные истории, а дело это замаяли по милости Закревского. В 1853 г. мой дядя умер уже, и отец, чтобы оборонить Софью Ивановну Россет от ее недоброжелателей, испросил для ее детей высочайшую опеку. Она жила у себя в деревне; вышла замуж за соседа и умерла в родах в 1863 году.

Сенатор Давыдов был как-то в свойстве с женой Е<ршова> сына и вот почему, по интриге Закревского, не Корнилова, а его, Давыдова, назначили в ревизию. <...>

Старик Плещеев (неженатый) был дружен с Лорером, декабристом, родным дядей моей матери, и рассказывал нам, что И. С. Тургенев описал некоторые эпизоды из жизни Е<ршо>ва в своих повестях, напр<имер>, ссору с сыном в “Трех портретах”, а также в лицах помещиков-деспотов. По-видимому, Е<ршо>в был очень известен околоте своими экзекуциями. Я спросила Тургенева, правда ли это? — Он мне ответил: “Я даже не сказал и десятой доли того, что знал про отца Е<ршо>ва и про сына, его любимца, игрока, а также про К<луши>на, который был тем более ужасен, что он был умен; а Е<ршо>в был варвар допотопных времен”» (*Шенрок В. И. Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 11. С. 361–363.*)

В. П. Горленко, в свою очередь, писал о послании А. О. Смирновой к Гоголю от 18 мая 1849 г. из Царского Села: «Сообщено оно Ник<олаем> Влад<имировичем> Быковым, племянником поэта, и сохранилось в бумагах его тетки Анны Васильевны Гоголь... После рождения сына, Александра Осиповна была очень долго больна, а в это время над мужем ее, калужским губернатором, разразилась служебная неприятность. На него подан был донос отчаянными крепостниками, помещиками Ершовыми, обвинявшими его в страшных злоупотреблениях. Донос этот вызывал сенатское расследование. Причину всего дела был известный московский сатрап Закревский, ненавидевший Смирнова. Вместо сенатора Корнилова, указанного Государем, на следствие послан был сенатор Давыдов, родственник Ершовых. О таком нарушении своего желания император узнал только после окончания дела. В одном из писем, напечатанных в “Русской Старине”, Ал<ександра> О<сиповна> говорит подробно об этом возмутительном деле, поставившем ее, — благонамеренность которой была вне всякого сомнения, — глаз на глаз с чиновничьим произволом» (<*Горленко В. П. >* В. Г. Письмо к Гоголю Александры Осиповны Смирновой. С. 10).

Дело закончилось только в марте 1851 г. оправданием Н. М. Смирнова, но с увольнением его от должности калужского губернатора и причислением к министерству внутренних дел. Генерал-лейтенант Иван Захарович Ершов (1781–1852) и его сын по Высочайшему повелению были преданы суду за клевету на Н. М. Смирнова.

Гоголь в письмах, дневниках и воспоминаниях М. П. Погодина

Из писем М. П. Погодина

М. П. Погодин — С. П. Шевыреву

1832. Июня 30. <Москва>.

<...> Скоро приедет Гоголь-Яновский, <он> написал две части повестей малороссийских. Много прекрасного. Он здесь. И Федор Никол<евич> Глинка здесь же. <...>

Впервые опубликовано: Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву. С предисловием и объяснениями Н. П. Барсукова // Русский Архив. 1882. Кн. 3. С. 200. Печатается по первой публикации.

Помимо сведений о Гоголе, помещенных в настоящем разделе, существует предание, что знакомству с М. П. Погодиным Гоголь обязан одним из имен героев «Ревизора»: «У известного историка М. П. Погодина служил слуга по имени Тяпкин-Ляпкин. Погодин дружил с Гоголем, тот часто у него гостил. Отсюда, вероятно, и попал в комедию “Ревизор” судья Ляпкин-Тяпкин с несколько измененной фамилией» (Из записной книжки В. Вирена // Театральная жизнь. 1981. № 10).

М. П. Погодин — М. А. Максимовичу

<16 ноября 1834>

<...> В Москве затеялся журнал¹, по мысли кн<язя> Дмитрия Владимировича², который хочет, чтобы Москва учила вкусу и литературе, и т. п. Собралось денег тысяч 20, чтоб платить авторам (150 р<ублей> асс<игнациями> за лист) и переводчикам (40 р<ублей> асс<игнациями> за л<ист>). На веленовой бумаге. Редактор Андросов. Сотрудники — Гоголь, Киреевский, Хомяков, Языков, Шевырев и т. п. Просят вас участвовать. Присылайте скорее что-нибудь. <...>

1834, ноября 16.

Впервые опубликовано: Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. С пояснениями С. И. Пономарева // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1882. Т. 31. № 2. <Отд. 3>. С. 7. Печатается по первой публикации.

¹ «Московский Наблюдатель», издававшийся с марта 1834 г. по 1839 г.

² Князь Д. В. Голицын (1771–1844), московский генерал-губернатор.

М. П. Погодин — О. М. Бодянскому
С приписками С. П. Шевырева и Н. В. Гоголя

Рим, 21 (9) Марта 1839.

Да что же вы затеяли это, мой любезный Славянин? Занемочь, да как еще занемочь — на три месяца!

Долой, долой скорее с кровати, и на поле, на поле победы, покорять остальные партии и

привезти познания в отечество! Радуюсь вашему облегчению и удивляюсь героической решимости. Не может быть, чтоб столько пожертвований не увенчалось полным успехом.

Я ждал вас в Вене до 22-го числа и уехал, не получив известия и предполагая, что вы отправились далее. Если б ваше письмо пришло заблаговременно, то я, может быть, мог бы переменить свою дорогу и приехал бы в Пильзен навестить больного. Когда же мы увидимся? Вот вам мой маршрут: 8-го в Неаполь, 13-го во Флоренцию, и 17-го в Милан или в Марсель. Около 1-го Мая в Париж и в Вандею, поискать там Славянских следов. Июль в Мариенбаде. Август в Вену и Венгрию. Сентябрь домой. Принорапливайтесь или к Мариенбаду, куда поедет и Гоголь, или к Вене. Я здоров кроме груди, которая иногда занывает. Надеюсь на Мариенбад. Лиза¹ здорова. Путешествие идет благополучно и полезно. Рим – чудный город, музей Европы. Ну да об этом после.

Графа Строганова я спрашивал в последнее время об вас, и он отвечал, что давно не имеет известия; впрочем говорил об вас с участием, которое я, разумеется, старался увеличить, сообщив ему известия о ваших отличных успехах в партии Чешской и Сербской, как то дошло до меня по письмам. Он все боится вашего произношения², над чем я смеялся и ободрял его. Я писал к нему и отсюда о вашей болезни и лечении. В университете все идет у нас тихо и благополучно. Профессоры и студенты занимаются очень хорошо и ждут к себе с нетерпением одни – товарища, другие – учителя.

Киевский университет заперт на год, как я услышал вчера. Сперанский умер³. Дашков на его место⁴. Блудов – министр юстиции. Граф Александр Строганов – министр внутренних дел.

Пишите ко мне в Париж *poste restante*, а после в Мариенбад также. Старайтесь закупать мне старопечатных книг. Чертков уехал в Неаполь. Я не видал еще его.

*

<Приписка С. П. Шевырева>

Здравствуйте, любезнейший Иосиф Максимович! А я вас все поджидал в вечном городе и думал быть вашим чичероне в Ватикане и вместе с вами поработать в библиотеке. Здесь познакомился я с Палацким⁵, который дал мне первое известие о вашей болезни, но не совсем ясное. Погодин рассказал о вас подробнее. Я душевно соболезную вам и молю Бога о вашем скором выздоровлении. Что это за несчастье привязано у нас ко всему Славянскому! Прощайте. Авось до свидания в Праге. Хотелось бы к вам. Я все у Римлян. Пора к Славянам.

Ваш душою С. П. Шевырев.

*

<Приписка Н. В. Гоголя>

И я при этом тоже воспользуюсь этим очень приятным для меня случаем. Вы не дали мне своего адреса, и потому я к вам не писал; притом же вы писали, что будете скоро в Рим. Очень благодарю вас за ваше письмо. Надеюсь увидаться с вами в Праге или лучше в Мариенбаде и поговорить о многом интересном для нас обоих. Прощайте и будьте здоровы.

Искренно вас любящий
земляк Н. Гоголь.

Впервые опубликовано: *Титов А. А.* Письмо М. П. Погодина к О. М. Бодянскому с приписками Шевырева и Гоголя // *Русский Архив.* 1895. № 5. С. 115–116. Печатается по первой публикации, с уточнением текста записки Гоголя по: *Полотай А.* Неведомый автограф М. В. Гоголя // *Літературна Україна.* 1963. 19 листопада. № 92. С. 3.

На письме имеется пометка рукою О. М. Бодянского: «Получ<ено> 24-го Марта (5-го Апреля 1839), в Пятницу» (*Титов А. А.* Письмо М. П. Погодина к О. М. Бодянскому с приписками Шевырева и Гоголя. С. 116).

¹ Елизавета Васильевна, жена Погодина.

² Трогательная черта заботливости графа С. Г. Строганова: произношение у О. М. Бодянского было дикое. П. Б. —

Примеч. П. И. Бартенева.

³ 11 февраля 1839 г.

⁴ 14 февраля 1839 г. Дмитрий Васильевич Дашков был произведен в чин действительного тайного советника, назначен членом Государственного совета, председателем Департамента законов и начальником Второго Отделения Собственной Его Величества канцелярии.

⁵ Франц Палацкий (1798–1876), чешский ученый и политический деятель.

М. П. Погодин — С. П. Шевыреву

1839. Июня 17. <Мариенбад>.

<...> Языков, говорят, то есть сказывал Гоголь, плох.

Первые опубликовано: Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву. С объяснениями Н. П. Барсукова // Русский Архив. 1883. № 1. С. 77. Печатается по первой публикации.

М. П. Погодин — С. П. Шевыреву

1839. Августа 8. Мариенбад.

<...> Мы выезжаем из Мариенбада в 8 ч<асов> в Регенсбург и будем 9-го в Мюнхене. <...> Гоголь пробудет здесь после меня недели три и приедет в Вену. Может быть, мы все вместе пустимся в Россию.

Я познакомился здесь близко с Бенардаки¹: прекрасный человек, который может и вызывает сделать много на общую пользу. <...>

Первые опубликовано: Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву. С объяснениями Н. П. Барсукова // Русский Архив. 1883. № 1. С. 79–80. Печатается по первой публикации.

¹ Дмитрий Егорович Бенардаки (1799–1870), богатый петербургский откупщик. М. А. Дмитриев, вспоминая о своем пребывании в Симбирске во второй половине 1837 — первой половине 1838 гг., писал: «...*Прекрасный человек* назывался здесь тот, который сам дает взятки и сверх того поит шампанским. Титул прекрасного человека имел здесь откупщик Бенардаки, который в самом деле, говорят, был человек честный, насколько откупщик может быть честным человеком. Впрочем, если он пользовался здесь уважением, то, конечно, не за честность, которая и ныне здесь никакой цены не имеет, а за богатство, которое он нажил единственно умением и дальновидностью в самое короткое время: в шесть лет из ничего он сделался миллионщиком. При расчетах с товарищами он доказал не только честность, но примерное бескорыстие; а именно, торговавши на откупные доходы хлебом без ведома прочих соучастников откупа, он, по окончании с ними расчета, принес им еще 500 тысяч рублей, приторгованных с суммы, пущенной им в этот оборот с их части капитала. Этой прибыли они не могли ни знать, ни ожидать, ни требовать, если бы даже знали о его торге хлебом. — Этот Бенардаки платил ежегодно губернатору 10 тысяч рублей ассигнациями, вице-губернатору 20 тысяч рублей, прокурору Ренкевичу <Ефим Ефимович Ренкевич (Рынкевич, 1772–1834)> 3 тысячи, советникам всем по 2 тысячи рублей каждому. — Прокурору давал он сравнительно с другими мало, как человеку слабому и безгласному. — Сверх того всем им отпускатось даром из питейной конторы мед, пиво, вино и ерофеич <водка, настоящая на травах>. Он-то здесь был прекрасным человеком» (*Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни / Подготовка текста и примеч. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой и Т. Ф. Нешумовой. М., 1998. С. 377*). Ср. также заметку «Откупа» в записной книжке Гоголя 1841–1844 г., появившуюся, вероятно, в результате бесед с графом А. П. Толстым в Бадене в мае 1844 г.

М. П. Погодин — С. П. Шевыреву

1839. Августа 16 (28) — 18 (30). Шамуни — Женева.

<...> ...Издавать журнал я решил непременно с января месяца... <...> Вербуй сотрудников. Я вербую. Священник в Берне¹ дал мне статью и обещание работать без памяти; потом Сабинин², Мельгунов, Глинка, Дмитриев, Гоголь, Грановский, Бодянский, Иннокентий и проч. <...>

Впервые опубликовано: Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву. С объяснениями Н. П. Барсукова // Русский Архив. 1883. № 1. С. 82. Печатается по первой публикации.

¹ Священником Швейцарской миссии был в то время Иоанн Иоаннович Грацианский.

² Протоиерей Степан Карпович Сабинин (1789–1863), настоятель русской домово́й церкви Святой Марии Магдалины в Веймаре (с 1837 г.), богослов, историк, филолог. Два письма о Стефана к М. П. Погодину из Веймара, от 20 июня и от 6/18 октября 1840 г., были опубликованы М. П. Погодиным в 1840 г.: Отрывки из писем Протоиерея Сабинина на имя Секретаря Общества Профессора Погодина // Русский Исторический Сборник, издаваемый Обществом Истории и Древностей Российских. М., 1840. Т. 4. Кн. 1. С. 137–150.

М. П. Погодин — С. П. Шевыреву

1839. 10 октября, Москва.

Мы приехали благополучно в Москву 27 сентября ст. ст., выехав из Флоренции 1-го. Дорогою всю шло прекрасно, кроме небольших задержек в любезном Отечестве. Пробыли три дня в Вене, где ожидал нас Гоголь, потом по дню в Кракове, Варшаве, Вильно, Белостоке и Смоленске. <...> Гоголь работает. Ему обрадовались в Москве без памяти. <...>

Впервые опубликовано: Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву. С объяснениями Н. П. Барсукова // Русский Архив. 1883. № 1. С. 84. Печатается по первой публикации.

М. П. Погодин — М. А. Максимовичу

Октября 30, 1839. Москва.

<...> Гоголя я привез, жил у меня месяц, а теперь поехал в Петербург за сестрами, воротится ко мне опять месяца на три, и отправится в Рим. Написал он много¹. <...>

Впервые опубликовано: Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. С пояснениями С. И. Пономарева // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1882. Т. 31. № 2. <Отд. 3>. С. 18. Печатается по первой публикации.

¹ 10 января 1840 г. Гоголь писал М. А. Максимовичу: «Погодин слил пулю, сказавши тебе, что у меня есть много написанного. У меня есть, это правда, роман, из которого я не хочу ничего объявлять до времени его появления в свет; притом, отрывок не будет иметь большой цены в твоём сборнике...» Имеется в виду вторая книжка сборника «Киевлянин» (первая вышла в начале 1840 г.). В письме от 28 марта — 7 апреля 1840 г. (см. ниже) Погодин благодарил Максимовича за присылку книги.

М. П. Погодин — С. П. Шевыреву

1839. Ноября 29 (декабря 10). <Москва>.

<...> Гоголь еще в Петербурге; но теперь жду его с обеими сестрами, которые будут жить у нас. Он непременно должен выдать что-нибудь, и многое, потому что денег нужна ему куча и для себя, и для сестер, и для матери.

Аксаков поехал с ним отдавать Мишу в Лицей и воротится вместе. <...>

Впервые опубликовано: Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву. С объяснениями Н. П. Барсукова // Русский Архив. 1883. № 1. С. 90. Печатается по первой публикации.

М. П. Погодин — М. А. Максимовичу

(Февраль 1840) <Москва>

<...> Я только что воротился из Петербурга¹. <...>

Впервые опубликовано: Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. С пояснениями С. И. Пономарева // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1882. Т. 31. № 2. <Отд. 3>. С. 21. Печатается по первой публикации.

¹ М. П. Погодин, по свидетельству Н. П. Барсукова, выехал из Москвы в Петербург около 11 января 1840 г. (*Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. Кн. 5. С. 330). В начале февраля он был еще в Петербурге. 1 февраля 1840 г. Гоголь отправил ему письмо из Москвы, с вложением расписки в получении четырех тысяч рублей от В. А. Жуковского.

М. П. Погодин — М. А. Максимовичу

Марта 28 и апреля 7, 1840.

<...> Честь тебе и слава за твои труды! <...> ...Отвечаю тотчас на оба письма... <...>

Экземпляры ныне и завтра разошлю. — Разослал.

В лавку отдам. — Отдал Смирдину половину.

К Гоголю пристаю¹. <...>

Твоей Истории словесности я получил только вместе с «Киевлянином» 3 экз<емпляра>, один для себя, а другой для Киреевского, и 3-й для Гоголя. <...>

Гоголь едет чрез две недели в Рим. Мать его здесь. <...>

Впервые опубликовано: Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. С пояснениями С. И. Пономарева // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1882. Т. 31. № 2. <Отд. 3>. С. 22–23. Печатается по первой публикации.

¹ О раздражении Гоголя от «приставаний» М. П. Погодина, желавшего привлечь Гоголя к активному участию в «Москвитянине», свидетельствует, в частности, адресованная, предположительно, М. П. Погодину надпись Гоголя от 3 марта 1840 г. на авантитуле книги «О средствах сберечь глаза и зрение до самой глубокой старости. Сочинение, изданное для народа Федором Гильдебрандом» (М., 1819): «Мои советы тебе не нравятся и труд мой тебе не дорог. Прочти <далее следует печатный текст заглавия книги> О СРЕДСТВАХ СБЕРЕГАТЬ ГЛАЗА И ЗРЕНИЕ и повторяй советы этого издания. Гоголь. 1840 г. Марта 3-го» (Лики Гоголя. Фотоальбом. Под общ. ред. М. С. Гомозковой. Авторы-составители Е. М. Варенцова, С. П. Белехова, В. Н. Куделина, Н. Г. Прохоров. М., 2009. С. 176; первая публикация).

М. П. Погодин — М. А. Максимовичу

Сентября 4, 1840.

<...> Гоголь в Риме. Что будет — Бог весть. Чудак он превеликий. <...>

Впервые опубликовано: Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. С пояснениями С. И. Пономарева // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1882. Т. 31. № 2. <Отд. 3>. С. 25. Печатается по первой публикации.

М. П. Погодин — М. А. Максимовичу

19 января (1845).

<...> Гоголь колобродит как гений. <...>

Впервые опубликовано: Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. С пояснениями С. И. Пономарева // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1882. Т. 31. № 2. <Отд. 3>. С. 38. Печатается по первой публикации.

М. П. Погодин

Воспоминание о князе В. Ф. Одоевском

Фрагмент

<...> С тех пор, как Одоевский начал жить в Петербурге своим хозяйством¹, открылись у него вечера, однажды в неделю, где собирались его друзья и знакомые — литераторы, ученые, музыканты, чиновники. Это было оригинальное сборище людей разнородных, часто даже между собой неприязненных, но почему-либо замечательных. Все они, на нейтральной земле, чувствовали себя совершенно свободными и относились друг к другу без всяких стеснений. Здесь сходились веселый Пушкин и отец Иакинф² с китайскими, сузившимися глазками, толстый путешественник, тяжелый немец — барон Шиллинг³, возвратившийся из Сибири, и живая, милостивая графиня Ростопчина, Глинка и профессор химии Гесс⁴, Лермонтов и неуклюжий, но многознающий археолог Сахаров. Крылов, Жуковский и Вяземский были постоянными посетителями. Здесь явился на сцену большого света и Гоголь, встреченный Одоевским на первых порах с дружеским участием⁵. Беспристрастная личность хозяина действовала на гостей, которые становились и добрее, и снисходительнее друг к другу. <...>

Впервые опубликовано: *Погодин М.* Воспоминание о князе Владимире Федоровиче Одоевском // В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. М., 1869. С. 56–57. Печатается по первой публикации.

¹ С 1826 г.

² Архимандрит Иакинф (Бичурин, 1777–1853), синолог.

³ Барон Павел Львович Шиллинг фон Капштадт (1786–1837), изобретатель электромагнитного телеграфа и ориенталист. В 1830 г. был послан по службе в Сибирь, откуда вернулся в марте 1832 г.

⁴ Герман (Герман Генрих) Иванович Гесс (1802 — 1 декабря 1850), химик.

⁵ Граф В. А. Соллогуб в свою очередь, вспоминал о князе В. Ф. Одоевском: «Я сблизился с ним в тридцатых годах, когда он жил в Мошковом переулке, где занимал флигель в доме его тестя С. С. Ланского. Квартира его, как всегда, была скромна, но уже украшалась замечательною библиотекой, постоянно им дополнявшейся до дня кончины. В этом

безмятежном святилище знания, мысли, согласия, радушия сходилась по субботам весь цвет петербургского населения. Государственные сановники, просвещенные дипломаты, археологи, артисты, писатели, журналисты, путешественники, молодые люди, светские образованные красавицы встречались тут без удивления, и всем этим представителям столь разнородных понятий было хорошо и ловко; все смотрели друг на друга приветливо, все забывали, что за чертой этого дома жизнь идет совсем другим порядком. <...> На этом диване Пушкин слушал благоговейно Жуковского; графиня Ростопчина читала Лермонтову свое последнее стихотворение; Гоголь подслушивал светские речи; Глинка расспрашивал графа Виельгорского про разрешение контрапунктных задач; Даргомыжский замышлял новую оперу и мечтал о либреттисте» (Соллогуб В., граф. Воспоминание о князе В. Ф. Одоевском // Голос. 1869. 13 (25) марта. № 72. С. 3; перепечатано: Соллогуб В. А., *зр<аф>*. Воспоминание о князе В. Ф. Одоевском // В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. М., 1869. С. 96, 90).

Кроме того, граф В. А. Соллогуб сообщал о посещении Гоголем гостиниой Елизаветы Михайловны Хитрово (рожд. княжна Голицишева-Кутузова, в первом браке графиня Тизенгаузен, 1783–1839): «Самой оживлённой, самой “эклектической”, чтобы выразиться модным словом, петербургской гостиниой была гостиниая Елизаветы Михайловны Хитрово, рожденной Кутузовой. Кутузовы по рождению не принадлежали к петербургской знати, но доблестное положение, которое занял в истории России фельдмаршал, выдвинуло их на первое место; у Кутузова было пять дочерей: старшая, вышедшая за Матвея Толстого, вторая замужем сперва за графом Тизенгаузенем, от которого имела двух дочерей: известную красавицу графиню Фикельмонт, жену австрийского посла при российском дворе, и фрейлину графиню Екатерину Федоровну Тизенгаузен — потом камерфрейлину, вышедшую за Хитрово; третья в замужестве за Опочининым, четвертая за татарским или грузинским князем Кудашевым и пятая за другим Хитрово. Самой из них известной и самой привлекательной была, разумеется, Елизавета Михайловна Хитрово. Она никогда не была красавицей, но имела сонмище поклонников, хотя молва никогда и никого не смогла назвать избранником, что в те времена была большая редкость. Елизавета Михайловна даже не отличалась особенным умом, но обладала в высшей степени светскостью, приветливостью самой изысканной и той особенной всепрощающей добротой, которая только и встречается в настоящих больших барынях. В ее салоне, кроме представителей большого света, ежедневно можно было встретить Жуковского, Пушкина, Гоголя, Нелединского-Мелецкого и двух-трех других тогдашних модных литераторов. По этому поводу молва, любившая позлословить, выдумала следующий анекдот. Елизавета Михайловна поздно просыпалась, долго лежала в кровати и принимала избранных посетителей у себя в спальне; когда гость допускался к ней, то, поздоровавшись с хозяйкой, он, разумеется, намеревался сесть; г-жа Хитрово останавливала его. “Нет, не садитесь на это кресло— это Пушкина, — говорила она, — нет, не на диван — это место Жуковского, нет, не на этот стул — это стул Гоголя — садитесь ко мне на кровать; это место всех!” (Asseyez-vous sur mon lit, c’est la place de tout le monde)» (Воспоминания графа В. А. Соллогуба // Исторический Вестник. 1886. Т. XXIV. Апрель. С. 84–85).

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1832—1835 гг.

1832

Благословиши венец лета Твоего, Господи!

<...> *Июнь* <...> 11–7 июля. <...> Познакомился с рудым пасичником Гогелем¹ Яновским и имел случай сделать ему много одолжения¹. Гов<орили> с ним о Малорос<ийской> Истории, и проч. — Большая надежда, если восстановится его здоровье. — Он^{II} рассказал много чудес о своем Курсе Истории в Педаг<огическом> инстит<уте> женском в Петерб<урге>. (Из его воспитанниц нет ни одной неуспешей.)² <...>

Август <...> 5. <...> К Шир<яеву>³. — Письмо от Гоголя пр<ия>тное⁴. — К Дядь<овско-

¹ Так в автографе.

^{II} Далее было: большая над<ежда>

му⁵ об его здоровье⁶. Взял рецепт. <...> Шир<яев> не хочет покупать сказок Гог<оля>⁷ <...> Пис<ал> письмо к Гог<олю>⁸. <...>

2 <сентября> — октября 19. <...> С Шев<ыревым> об Италии, и взманил меня: как легко путешествовать: в 3 недели от Москвы до Рима. Можно на летнюю вакацию. Не попроситься ли теперь в Берлин? — Много толков об Уварове — предмет Унив<ерситетских> разговоров. — Он человек суетны<й>, тщеславный, не <1 нрзб.>, но может принести пользу просвещен<ию> даже своими недостатками, которых не имеют по своему невежеству Ливен и Ливены⁹. <...>

22 <октября>. <...> Обед<ал> у Акс<аковых>¹⁰.

1833

Генварь. <...> 14. <...> Нап<исал> к Гог<олю>¹¹. <...>

1834

<...> Ноябрь. <...> 12. <...> Смешн<ое> письмо от Гоголя¹². <...>

Декабрь. <...> 23. <...> Пис<ал> к <...> Гоголю¹³... <...>

1835

Январь. <...> 30. <...> Чит<ал> Гог<оля> и хохотал¹⁴. <...> Зам<ечания> Гог<оля> о Шлец<ере> раззадори<ли> меня и я р<е>ш<аюсь> издать Шлецера¹⁵. <...>

31. <...> Пис<ал> к Гоголю¹⁶. <...> Чит<ал> Гоголя.

Февраль. 1. <...> Чит<ал> Гог<оля>. <...>

16. <...> Мысль издать арабески¹. <...>

Частично опубликовано (с неточностями и пропусками): Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1891. Кн. 4. С. 113–114, 335; СПб., 1892. Кн. 5. С. 356, 358, 362; СПб., 1894. Кн. 8. С. 87, 544, 549. Печатается по автографу: Погодин М. П. Дневник. 1829–1840 // РГБ. Ф. 231. Раздел I. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 83, 86 об., 88 об., 92, 121, 122 об., 125 об.–126.

¹ В субботу 2 июля 1832 г. Погодин познакомил Гоголя с С. Т. Аксаковым (см. в наст. изд. «Историю нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.>» С. Т. Аксакова).

² Погодин тогда же написал П. А. Плетневу просьбу прислать ему для просмотра тетради учениц Гоголя в Патриотическом институте. См. в наст. изд. ответ Плетнева Погодину от июля 1832 г. Ср. также свидетельство П. А. Кулиша в письме к В. И. Шенроку от 29 апреля 1888 г.: «Вспоминал Плетнев с досадой и о том, как устроил Гоголь свою профессию в университете, будучи вовсе к ней неприготовленным и не думая готовиться» (Крутикова Н. Е. Н. В. Гоголь. Исследования и материалы. Киев, 1992. С. 284).

³ Александр Сергеевич Ширяев (ум. 15 февраля 1841), московский книгопродавец.

⁴ От 20 июля 1832 г. из Васильевки.

⁵ Иустин Евдокимович Дядьковский (1784 – 22 июля 1841), врач, профессор Московского университета.

⁶ 20 июля 1832 г. Гоголь писал М. П. Погодину: «...Мне не остается иного средства, как просить вас прибегнуть к

¹ Последняя запись в дневнике за февраль 1835 года; следующая запись относится к 17 мая 1835 года (л. 127). Между этими записями три страницы дневника остались незаполненными.

Дядьковскому и попросить у него первый рецепт. <...> Теперешнее состояние моего здоровья совершенно таково, в каком он меня видел».

⁷ 20 июля 1832 г. Гоголь писал М. П. Погодину: «Я еще вас обременю просьбою. Если будете в городе, дайте знать книгопродавцам, авось-либо не купят 2-го издания Вечеров на хуторе. Много из здешних помещиков посылало в Москву и Петербург, нигде не могли достать ни одного экземпляра. Что это за глупый народ книгопродавцы! Неужели они не видят всеобщих требований? Отказываются от собственной прибыли! Я готов уступить за 3000 р<ублей>, если не будут давать более. Ведь это им приходится менее, нежели по три рубли за экземпляр, а они будут продавать по 15 р<ублей>, итого 12 р<ублей> барыша на книжке. Пусть они вдруг продадут только 200 экземпляров то вырученная сумма за эти экземпляры уже вдруг окупит издержки. Остальные 1000 экзempl<яров> в течение года или двух, верно, разойдутся, особливо когда еще выйдет новое детище. Теперь я бы взял от них только 1500 р<ублей>, потому что мне они очень нужны, а остальных я бы мог подождать месяца два или три».

⁸ Не сохранилось. Ответное письмо Гоголя — от 2 сентября 1832 г. из Васильевки.

⁹ Князь Карл Андреевич Ливен (1763–1844), министр народного просвещения (с 1828 по 1833 г.), назначенный на этот пост после А. С. Шишкова. С самого начала деятельности С. С. Уварова на посту министра народного просвещения многие современники относились к нему как человеку, который, несмотря на известные его недостатки, может принести пользу России. К примеру, Ф. Ф. Вигель 17 марта 1836 г. писал М. Н. Загоскину: «Я ни в чем е<му> <Уварову> не верю, знаю, что он прикидывается только Руссоманом, но и за то ему спасибо; другие верят ему, он дает юношеству хорошее направление и неумышленно творит великое добро» (*РНБ*. Ф. 291. Ед. хр. 54. Л. 3 об.). Подробнее о сотрудничестве Гоголя, начиная с 1834 года, с министром народного просвещения С. С. Уваровым см.: *Виноградов И. А.* Неизвестные автографы Гоголя // Неизданный Гоголь. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 3–38.

¹⁰ 22 октября 1832 г. приходилось на субботу — традиционный день приема у Аксаковых. С 18 по 23 октября 1832 г. в Москве проездом в Петербург был также Гоголь.

¹¹ В ответ на письмо Гоголя от 10 января 1833 г. из Петербурга. Ответное послание Гоголя — от 1 февраля 1833 г. из Петербурга.

¹² Имеется в виду письмо Гоголя к Погодину от 2 ноября 1834 г. из Петербурга. 20 ноября 1834 г. Погодин написал Гоголю ответ (не сохранился), на который Гоголь откликнулся 14 декабря 1834 г.

¹³ Письмо Погодина, отправленное в ответ на послание Гоголя от 14 декабря 1834 г., не сохранилось. 14 декабря 1834 г. Гоголь, в частности, писал Погодину: «Я читаю один, решительно один в здешнем университете. Никто меня не слушает, ни на одном ни разу не встретил я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я решительно бросаю теперь всякую художескую отделку, а тем более желание будить сонных слушателей. Я выражаюсь отрывками и только смотрю в даль и вижу его в той системе, в какой оно явится у меня вылитую через год. — Хоть бы одно студентское существо понимало меня. Это народ бесцветный...» К последней фразе М. П. Погодин позднее, при публикации письма в 1856 г., сделал примечание: «Пусть извинится несправедливый упрек оскорбленного самолюбия! *Ред<актор>*» (<Погодин М. П.> Письма Гоголя. К М. П. Погодину // Москвитянин. 1855. № 19 и 20. Октябрь (цензурное разрешение 19 янв. 1856). Кн. 1 и 2. С. 19).

¹⁴ Подразумевается сопроводительное письмо Гоголя к Погодину от 22 января 1835 г. при посылке сборника «Арабески».

¹⁵ Ранее Погодиным было издано: Введение во Всеобщую Историю для детей. Соч. А. Л. Шлецера, бывшего Профессора Истории в Геттингенском Университете. Перевод с нем. М.: В Университетской Типографии, 1829. Ч. 1 (цензурное разрешение 1 авг. 1828; предисловие М. П. Погодина «От Переводчика» от 18 марта 1829 г.; посвящение С. Т. и О. Сем. Аксаковым); 1830. Ч. 2 (цензурное разрешение 19 февр.; предисловие М. П. Погодина «От Переводчика» от 11 мая). Реминисценции книги А. Л. Шлецера «Введение во Всеобщую Историю для детей» встречаются в статье Гоголя «Несколько мыслей о преподавании детям географии» 1830 г. и в отрывке «Введение» (в древнюю историю) (1834 г.). Характеристике взглядов А. Л. Шлецера, в числе других историков, была посвящена в «Арабесках» статья «Шлецер, Миллер и Гердер» (1834), где Гоголь противопоставил «оппозиционный», «всесокрушающий» гений Шлецера «тихому, размышляющему» «философу-законодателю» швейцарскому историку И. Мюллеру, который, по его словам, «охотнее занимается временами первобытными [европейских народов] и вообще теми эпохами, когда народ еще не был подвержен [цивилизации] образованности и порокам...» Это, однако, не помешало Гоголю взять на вооружение некоторые идеи Шлецера, в частности, его «идею об одном великом целом, об одной единице, к которой должны быть приведены и в которую должны слиться все времена и народы».

¹⁶ Письмо, где Погодин извещал Гоголя о своем предполагаемом приезде в Петербург, не сохранилось. Ответ Гоголя — от 9 февраля 1835 г. из Петербурга. Кроме того, позднее Гоголь получил от Погодина еще одно письмо — от 7 февраля 1835 г., на которое отвечал 20 февраля 1835 г.

М. П. Погодин

Письмо из Петербурга

<...> Гоголь читал мне отрывки из двух своих комедий. Одна, под названием — Комедия!¹ Другая — Провинциальный Жених². Что за веселость, что за смешное! Какая истина, остроумие! Какие чиновники на сцене, какие канцелярские служители, помещики, барыни! Талант первоклассный. На днях вы получите его Миргород, и должны будете поклониться этим повестям, со всеми наши<ми> повествователями без исключения, стихотворными и прозаическими. <...>

Петербург.

Марта 11 дня <1835>.

Впервые опубликовано: *Погодин М.* Письмо из Петербурга // Московский Наблюдатель. 1835. Март. Кн. 2 (цензурное разрешение 30 марта). С. 445. Печатается по первой публикации.

Письмо было отправлено М. П. Погодиным редактору «Московского Наблюдателя» В. П. Андросову. «Пользуясь пребыванием Погодина в Петербурге, Андросов писал ему: “Мне сказали, друг Михаил Петрович, что ты выедешь из Петербурга на днях, я и не писал и рад был радехонек. Дел куча, цензура строга, публика требовательна... Ну что твоё пребывание в Питере? В пользу ли? Ты верно увидишь, если уже не увидел нашей первой книжки. Вступишь за нее горячее... Не случится ли узнать мнение Главы?” Исполняя желание Андросова, Погодин подробно описал ему своё пребывание в Петербурге» (*Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1891. Кн. 4. С. 265).

¹ Вероятно, «Владимир 3-й степени».

² Первоначальное название комедии «Женитьба».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1836—1838 гг.

1836

<...> *Январь 8.* <...> Вечером Щепкин. Об упадке театра и комедии. — Комедии Гоголя должны сделать эпоху в истории театра Русского и восстановить его. <...>

Март <...> 17. Насилу дотянул лекцию. — К Щепкину. — Он находит новые затруднения по делу¹. Тьфу, чорт возьми! Когда кончится все это. Самое глупое дело, как оно велось по всем инстанциям. — Передали Гоголю. — Весь день не выходило из головы. Т<нрзб.> с Мих<анлом> Ив<ановичем>². <...>

<...> *16 апреля — 17 июня.* <...> 8 часов в Унив<ерситете> изменились в 4 раза, след<овательно>, все по-прежнему.

Ужасны известия о связи Уварова с Сенковским, Булгариным и проч., и об союзных действиях. Вот вам и блюститель просвещения! Он же и жандарм. <...>

Ревизор в Москве и известие преследований Гоголя. Звал его в Москву³. <...>

1837

<...> *Февраль*. 1. Слух о смерти Пушкина. Не верится. <...>
9–28. Нап<исал> письма Гоголю⁴ и Шафарыку. <...>

1838

<...> *Сентябрь 1838*. 1. <...> Получ<ил> письмо от Гоголя⁵ и обрадовался ему без памяти. Как кстати ему посланы деньги⁶; он также просит об них. <...>
2. <...> Чит<ал> и сме<я>лся над Гог<олем>. <...>

Фрагменты дневниковых записей М. П. Погодина 1836–1837 гг., кроме записи от 8 января и 17 марта 1836 г., публикуются впервые по автографу: *Погодин М. П. Дневник. 1829–1840 // РГБ. Ф. 231. Раздел I. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 130 об., 133 об., 134 об., 138 об., 148. Запись от 8 января 1836 г. впервые, без даты, частично опубликована: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1891. Кн. 4. С. 335; запись от 17 марта 1836 г. впервые частично опубликована: Гриц Т. С., Клиничин А. П. и др. М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества. М., 1966. С. 212.*

¹ Речь, вероятно, идет о постановке «Ревизора» в Москве.

² Возможно, Михаил Иванович Крашенинников (1775 – 3 января 1849), московский купец, благотворитель.

³ Имеется в виду письмо от 6 мая 1836 г., на которое Гоголь отвечал 15 мая.

⁴ На это несохранившееся письмо Погодина Гоголь отвечал 30 марта (н. ст.) 1837 г. из Рима.

⁵ Письмо от 14 августа (н. ст.) 1838 г.

⁶ Посланные деньги принадлежали не только М. П. Погодину, но также С. Т. Аксакову, Е. А. Боратынскому, Н. Ф. Павлову и И. Е. Великопольскому, однако было положено держать это от Гоголя в секрете (см. в наст. изд. «Историю нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.>» С. Т. Аксакова). Деньги были посланы Погодиным 1 сентября 1838 г. при следующем письме: «Видя, что ты находишься в нужде, на чужой стороне, я, имея свободные деньги, посылаю тебе 2000 р<ублей> ассигнациями. Ты отдашь их мне тогда, когда разбогатеешь, что, без сомнения, будет». Письмо и деньги были получены Гоголем по прибытии в Рим 15 ноября (н. ст.) 1838 г. Ответ Гоголь написал 1 декабря (н. ст.) 1838 г.

Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф*

<Январь (н. ст.) 1839 г.>. <...> Физиономия Виле<нской> губ<ернии> похожа на Малороссию, кажется. Очень мило. Как ясно отпечатлевается на всем характер поляк<ов>. <...> У поляк<ов> нет органа соразмерять средства с целями – вот текст всех их революций, прошедших и будущих. Один смотрит<ель> отпустил с нашим экип<ажем> кучером мальчика, который и посадил карету в снег. Бились, бились, не могли вытащить. <...>

Февраль. <...> 15 <(н. ст.)>. *Прага*. <...> С Лук<ашевичем>¹. – Он кажется помешанный, а сказ<ывает> славные вещи о происхожде<нии> казаков от детей Боярск<их> и от <1 нрзб.> и пр. Отнюдь не была слишком опустошена Юж<ная> Рос<сия>, но отчего же не осталось летописей? Он объяснил будто Нестор<овой> географией. – Заход<ил> к нему. Недоволен отнятием прав у малор<оссийских> каз<аков>. Действит<ельно>, если это есть сословие, собственники земли. Желал бы знать, отчего <1 нрзб.> Лук<ашевич> занимается слов<ами>, наречиями и путешествует четыре года. Идет наше просвещение. <...>

16 <февраля (н. ст.)> Лук<ашевич> рассказал множество прекрасных вещей о Малороссии. Такая любовь — редкое явление ныне, и сошел почти с ума. Хорошо бы объехать с ним Волы<нь> и Малорос<сию> после. <...>

Фрагменты дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. публикуются впервые по черновому автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 39. Ед. хр. 2. Л. 5–6.

¹ Платон Акимович Лукашевич (1806–1887), пансионер Гимназии высших наук в Нежине с 1821 г.; этнограф, фольклорист, филолог.

Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 1)

Предисловие. Честь имею представить публике дорожный свой дневник <...>. Я не исправлял, не украшал, не распространял его: как было замечено в записной книжке, на ночлегах, в дилижансах, в письмах к родным и приятелям, так и осталось¹. Мне не хотелось изглаживать следов живого впечатления от виденных предметов... <...> Многое исключил я волей, неволей и своей охотой, на иное только намекнул, впредь до основательного рассмотрения... <...>

Дорога от Москвы до Петербурга. 27–30 декабря 1838 года. Декабря 27 отправились мы в чужие края и 30 приехали в Петербург.

Спутником нашим в дилижансе случился Н. Ф. Павлов, известный наш писатель, который вез в Петербургскую цензуру три новые свои повести². Он прочел их нам дорогою и рассказал содержание других, задуманных. <...>

Варшава. 15–22 января. <...> Из русских занимается здесь Историею г. Павлищев³, который показывал мне несколько Карт, приготовленных им к параллельной Истории Русской и Польской. Они стоили ему больших трудов, и обещают великую пользу.

Я был рад засвидетельствовать свое почтение супруге его, любимой сестре нашего Пушкина, которую я часто видал в 20 годах. Я просил ее, во имя Русской Литературы, чтоб она сохранила Воспоминания о своем брате, об его первом воспитании и пр. <...>

Дорога от Бреславля до Праги. <...> 13 <февраля (н. ст.)>. <...> ...Клячи дотащились до Праги поздно вечером. <...>

15 <февраля (н. ст.)>. <...> Ш<афарик> проводил меня до Национального музеума... <...> Осматривал библиотеку Ганки... <...> Встретил в Музеуме одного Русского, Лук<ашевича>, который путешествует по Славянским странам и изучает наречия. На всяком шагу удостоверяешься, как идет Россия вперед: кто путешествовал у нас с такою целию лет десять назад из частных людей? Лук<ашевич> был занимателен для меня и с другой стороны: он почти помешан на любви к Малороссии, и горько скорбел о состоянии казаков, которые лишаются теперь каких-то прав своих, в сравнении с прочими обывателями, чего я, впрочем, не выразумел порядочно, уверенный, что единство требует иногда по необходимости тяжелых жертв, вознаграждая оные своими выгодами. Для меня, каюсь в холодности, любопытнее было услышать от него оригинальные мысли о происхождении казаков от Детей Боярских древнего времени, которые отнюдь не были истреблены ни в период Татарщины, ни в период Литовский. Он обещался также доставить мне сочиненный им Географический комментарий к летописи Несторовой.

Лук<ашевич> товарищ Гоголю. Замечательно, что всякое из наших учебных заведений дало отечеству по поколению отличных или по крайней мере замечательных людей; Царскоелицевский лицей, например, подарил А. Пушкина, Корфа, Волховского⁴, Дельвига, Матюшкина⁵ и проч.; Нежинский — с Гоголем Кукольника, Прокоповича, Базили и этого Лукашевича. <...>

16 <февраля (н. ст.)>. Лук<ашевич> рассказал мне множество любопытных вещей о Малороссии, и дал черновое письмо, посланное им к Графу Б<лудову>, о Польских помещиках на Воьлыни и Подолии, кои владеют своими Русскими крестьянами по амфиатическому праву, со времени возвращения края к России, сроком на пятьдесят лет, истекших недавно. И при Польских Королях у них не было полного крепостного владения, а только временное поместное; крепостное также установилось обычаем, а не по праву, со времени их возвращения к России. <...>

Венеция.⁶ <...> 2 <марта (н. ст.)>. <...> Счет Г<оголя>, кажется, с грешком, хотя и не с большим. Пребывание в Венеции обошлось рублей в 7 в день на человека, благодаря адресу любезного Л<укашевича>. — А можно б дешевле еще, если б ходить и осматривать целым обществом. <...>.

Впервые опубликовано: Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина. М., 1844. Ч. 1 (цензурное разрешение 8 июля 1842; цензор В. Флеров). С. I–II, 1, 55–56, 132–134, 210–211. Печатается по первой публикации. В сохранившемся дневнике М. П. Погодина 1829–1840 гг. записи за 1839 г. отсутствуют.

Погодин путешествовал вместе с женой, Елизаветой Васильевой.

¹ Несмотря на это замечание, М. П. Погодин существенно дополнял и перерабатывал первоначальные дневниковые записи. Даже опубликованную в 1842 г. статью «Месяц в Риме» Погодин в 1844 г. несколько дополнил, перерабатывая этот текст для издания в книге «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (см. ниже). О продолжительной работе Погодина над книгой свидетельствуют его многочисленные дневниковые записи 1840–1844 гг. Они позволяют восстановить историю создания книги. Маршрут путешествия Погодина был следующий: Москва, Петербург, Варшава, Бреславль, Прага, Вена, Триест, Венеция (1 часть книги); Рим, Неаполь, Марсель (2 часть); Париж, Лондон (3 часть); Бельгия и Голландия, Мариенбад, Швейцария, Милан, Флоренция; Возвратный путь (4 часть). Последовательность работы над книгой была несколько иной.

Первая публикация, вошедшая позднее в книгу «Год в чужих краях...», появилась уже летом 1840 г. 14 июля этого года получил цензурное разрешение № 7 «Отечественных Записок» за 1840 г. со статьей Погодина «Любопытная встреча. (Из путевых записок)», посвященной встрече Погодина 6 сентября 1839 г. с Л. Океном.

Летом того же года, 27 августа, Погодин отметил в дневнике: «Писал о Бельгии и Голландии» (*Погодин М. П. Дневник. 1840–1845 // РГБ. Ф. 231. Раздел I. К. 33. Ед. хр. 1. Л. 2 об.*). Далее в дневнике 1840 г. следует еще ряд отметок.

29 августа 1840 г.: «Писал о Голландии» (Там же. Л. 4);

30 августа: «Писал дорогу из Амстердама до Кельна» (Л. 5);

31 августа: «Писал много из путешествия, — почти уже из Франкфурта» (Л. 5 об.);

1 сентября: «Дорога в Мариенбад» (Л. 6);

2 сентября: «Кончил до Мариенбада. <...> Был Рихтер из Рима через Афины и Конст<антинополь>. Обновился в воображении Рим» (Л. 6);

3 сентября: «Писал о Лондоне» (Л. 6);

6 сентября: «Рихтер рассказывал о Рус<ских> худ<ожниках> в Риме, чем я воспользуюсь для путешествия (Лебедеву, Брюл<л>ове, Кипренском). Закажал ему написать о Кленце и о нуждах Рус<ских> Худ<ожников>...» (Л. 6 об.);

14 сентября: «Дополнял Парижский дневник» (Л. 8 об.);

15 сентября: «Дополнял Пар<ижский> дневник» (Л. 8);

25 сентября: «Воспользуюсь этими праздниками, чтоб пописать путешествия. — Мариенбад. — Если б мне кончить хоть до возвратного пути» (Л. 9 об.);

26 сентября: «Кончил Мариенбад» (Там же. Л. 9 об.);

29 сентября: «Париж и Лондон» (Л. 10);

30 сентября: «Писал о Цирихе и Штраусе» (Л. 10 об.);

1 октября: «Писал о Риге и Люцерне» (Л. 10 об.);

14 октября: «Писал <...> ввечеру путешествия»;

15 октября: «Швейцария»;

16 октября: «Написал много о Швейцарии, так что рука устала»;

17 октября: «Ввечеру писал о Швейцарии» (Там же. Л. 13–13 об.);

- 19 октября: «Писал о Швейцарии»; 20 октября: «Писал о Милане»;
- 21 октября: «Писал о Милане и дошел до Океновского дня. Очень рад. Читал Акс<акову> о Мариенбаде; надо выправить, нескладно» (Там же. Л. 14 об.);
- 22 октября: «Просматривал Париж» (Л. 15);
- 29 октября: «Начал путешествия с начала» (Л. 16);
- 1 ноября: «Я могу посвятить лекциям только 3 утра в неделю, а остальное время посвятить путешествию»;
- 3 ноября: «Писал Петербург»;
- 4 ноября: «Кончил Петерб<ург>» (Л. 16 об.);
- 20 ноября: «Поправлял о Петерб<урге>» (Л. 18 об.);
- 27 ноября: «Разбирал книги, исправлял путешествия» (Л. 19 об.);
- 13 декабря 1840 г. получили цензурное разрешение № 1 и 2 «Москвитянина» за 1841 г. с первой и второй частями статьи Погодина «Месяц в Париже. (Из дорожного дневника 1839)».
- 27 декабря 1840 г. Погодин записывает в дневнике: «Кор<ректур>. Исправлял несколько из путешествий для 2 №» (Погодин М. П. Дневник. 1840–1845 // РГБ. Ф. 231. Раздел I. К. 33. Ед. хр. 1. Л. 23);
- 31 декабря: «Что же я сделал в нынеш<нем> году? <...> Листов 80 написал путешествий» (Там же. Л. 24 об.).
- После месячного перерыва в 1841 г. Погодин отметил в дневнике от 4 февраля: «Начал писать о Венеции» (Там же. Л. 32);
- 10 февраля получил цензурное разрешение № 3 «Москвитянина» за 1841 г. со статьей Погодина «Еще две недели в Париже».
- 5 марта 1841 г. Погодин вновь отметил: «Писал о Венеции» (Погодин М. П. Дневник. 1840–1845 // РГБ. Ф. 231. Раздел I. К. 33. Ед. хр. 1. Л. 31 об.);
- 8 марта: «Писал о Венеции» (Там же. Л. 32 об.);
- 6 апреля: «Решился поместить Венецию, ибо мало изящной прозы» (Л. 34 об.);
- 7 апреля: «Писал Венецию и делал справки» (Л. 34 об.). В этот же день получил цензурное разрешение № 5 «Москвитянина» за 1841 г. со статьей М. П. Погодина «Венеция. (Из дорожного дневника 1839)»;
- 8 апреля: «Обработал Венецию и отправил в типографию» (Погодин М. П. Дневник. 1840–1845 // РГБ. Ф. 231. Раздел I. К. 33. Ед. хр. 1. Л. 34);
- 9 апреля: «Писал о Риме... <...> Путешествия будет, я думаю, части три» (Там же. Л. 34);
- 10 апреля: «...Принялся за Рим. <...> Вечеру еще написал лист о Риме» (Л. 34);
- 11 апреля: «Писал <...> о Риме» (Л. 35);
- 14 апреля: «Рим...» (Л. 35 об.);
- 15 апреля: «Вечеру о Риме» (Л. 36);
- 16 апреля: «Написал лист о Риме. <...> Вечер у Акс<аковых>... <...> Читал им Рим» (Л. 36–36 об.);
- 17 апреля: «Написал немного о Риме. <...> Успел написать немного о Риме» (Л. 36 об.);
- 19 апреля: «Вечер дома, писал немного о Риме...» (Л. 37);
- 20 апреля: «О Риме» (Л. 37 об.);
- 21 апреля: «Рим» (Л. 37 об.);
- 23 апреля: «Писал о Риме» (Л. 37 об.);
- 24 апреля: «Писал о Риме» (Л. 37–37 об.);
- 25 апреля: «Писал о Риме» (Л. 37);
- 26 апреля: «Писал о Риме» (Л. 38);
- 4 мая: «Писал о Риме» (Л. 39);
- 16 мая: «Писал Варшаву» (Л. 40);
- 23 мая: «Писал до Бреславля и о Бр<еславле>» (Л. 41 об.);
- 24 мая: «Путешествие склеивается: кончил Бреславль, и до Праги будет листов 15» (Л. 42);
- 25 мая: «Писал дорогу до Праги» (Л. 42);
- 26 мая: «Кончил путешествие до Вены, и начну печатать с той недели» (Л. 42).

В 1842 г., 16 февраля, получает цензурное разрешение № 2 «Москвитянина» с первой частью статьи Погодина «Месяц в Риме».

6 марта 1842 г., Погодин записывает в дневнике: «Перечел Лондон для Смирдина» (*Погодин М. П. Дневник. 1840–1845 // РГБ. Ф. 231. Раздел I. К. 33. Ед. хр. 1. Л. 44.*)

1 апреля получает цензурное разрешение № 4 «Москвитянина» за 1842 г. с окончанием статьи Погодина «Месяц в Риме».

8 июля 1842 г. получает цензурное разрешение первый том книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина».

10 августа 1842 г. получает цензурное разрешение № 7 «Москвитянина» со статьей Погодина «Неаполь». В заключение этой публикации было сделано примечание: «Все путешествие под заглавием: Год в чужих краях, 4 части, выйдет в сентябре месяце».

10 сентября 1842 г. получила цензурное разрешение ч. 1 сборника «Молодик» за 1843 г. со статьей Погодина «Отрывки из дорожных записок. Брюссель. — Амстердам».

Осенью 1843 г. работа Погодина над книгой путешествий возобновляется. 18 августа 1843 г. получает цензурное разрешение № 9 «Москвитянина» со статьей Погодина «Швейцария. (Из путевых записок)».

27 октября Погодин записывает: «Прочел 2 листа путешествий, которые оканчиваются. Надо написать теперь о возвратном пути» (*Погодин М. П. Дневник. 1840–1845 // РГБ. Ф. 231. Раздел I. К. 33. Ед. хр. 1. Л. 48 об.*);

29 октября: «...Корр<ектура> Путешествий...» (Там же. Л. 48 об.);

1 ноября: «Обдумывал окончание путешествия. Перечел о Милане» (Л. 49);

3 ноября: «Читал и написал о Флоренции» (Л. 49 об.);

5 ноября: «Оканчивал путешествие: Флоренцию, возвратный путь и Эпilog. Корр<ектуры>» (Л. 49 об.);

15 ноября: «Отправлял в Петерб<ург> Путешествия для цензуры»;

16 ноября: «Продолжение Пут<ешествий> для цензуры» (Л. 51).

9 января 1844 г. Погодин отмечает: «Корр<ектура> Пут<ешествий> и отставка не выходят из головы» (Л. 57);

11 января: «Приготовил продолжение путешествия» (Л. 57).

Заключительная запись, посвященная работе над книгой, обнимает месячный период: «30 января — февраля 21. Путешествия» (Л. 59).

19 июня 1842 г. второй, третий и четвертый тома книги получили разрешение в цензуре.

² «Новые повести» Н. Ф. Павлова (СПб., 1839; «Маскарад», «Демон», «Миллион»).

³ Николай Иванович Павлишев (1802–1879), историк, был женат на сестре А. С. Пушкина Ольге Сергеевне.

⁴ Владимир Дмитриевич Вольховской (1798 — 7 марта 1841), капитан Главного Генерального штаба.

⁵ Федор Федорович Матюшкин (1799–1872), адмирал.

⁶ Страницы дневника М. П. Погодина, посвященные Венеции (27 февраля — 2 марта н. ст. 1839 г.), впервые напечатаны: *Погодин. Венеция. (Из дорожного дневника 1839 <в публикации опечатка: 1838>) // Москвитянин. 1841. № 5 (цензурное разрешение 7 апр.). С. 41–60.*

Из дорожного дневника
М. П. Погодина 1839 г.
Черновой автограф

Рим

8 <марта (н. ст.) 1839 г.>. Прекрасное утро. Чувство приближения к Риму. Опасности, кажется, миновались. Слава Богу. Соверш<енная> пустыня, по большей части бесплодная, похоже на Моск<овскую> дорогу в Петерб<ург>. — Даже для станций по дому одному. Конд<уктор> показал издали купол Св. Петра. — Поклонился. — В таможеню. — 2 паола. — С вещами искать квартиру. В пос<ольство>, узнал, где Шев<ырев>, и к нему. Обрадов<ался>^I. Нашли прехорошеньку<ю>, и наняли пока на 4 дня. К Гоголю. Новая радость. Он здоров и свеж. В Хр<ам> Св. Петра, произвел, как обыкновенно, впечатление сна<чала> несильное. — Величина его более познается <?> расчетом, нежели непосредственным чувством. Но чудо^{II}. Прошли мимо Тибра и креп<ости> Св. Ангела. Какие имена. Не верится, что в Риме. Пообед<али>. Вечеру к Шев<ыреву>. Об унив<ерситете>. План обозре<ния>^{III} Рима. Страшный сон о Лизе^I.

9 <марта (н. ст.)>. Капитолий, древние Фивы, в земле. Колонны. Арка Септ<имия> Севера. Остатки храмов. Форум. Храм Антон<ина> и Фавсти<ны>. Сады Цезаря. Крестьяница Конста<нтинова>. Колизей. Очаровательно, упоительно. Как все хорошо, все к лицу, и птички поющие, и часовенка с изображением Страстей Христовых, и простой крест посредине, к которому приложился при мне один проходящий (а другой молился пред ветхою часовней), и плющ, и цветы. Не знаешь, что он лучше — выстроен или разрушен. Когда я смотрел на Форум, все казалось мне каким-то накладным, призрач<ным>, под которым явится древнее. Оно ничуть не мешало. Напротив, еще была пища воображ<ению>, сильнее впечатление. Рим был велик, и что же стало? Урок. Не здесь видно величие. Урок подобный Наполеону. <...> Но Гоголь пусть живет здесь, пока ему живется сладко, пусть набирается хоть^{IV} впечатлений, которые рано или поздно дадут плод. На месте Форума свозили сор, выросли сады, и откопан недавно. Но что бы Евр<опейским> Государям скинуться на конгрессе по миллиону, чтоб восстановить хоть Форум Рима. Стена какая-то из времени республики. Квиринальская гора. Прогулялись по Монте Пинчио. Вид на Рим. Чудно должно быть летом. Домик Рафаэлев, расположенный им самим с его фресками. — Обед у...^V Итал<ьянский> аббат лет 50. Французск<ий> мальчик лет 13, пришел, спросил бифтекс, расположился как большой и рассказы<вал> о Наполеоне. Что он говорил о Понятов<ском>, как Мармон изменил при Ватерло, зола вместо пороху^{VI}, уморительно. Нап<oleon> пошел на Москву, но Русс<кие> изменили, сожгли, и ему стало нельзя и проч. А те все слушали, разиня рот. Ну что будет из него чрез 5 лет. И теперь он говорит уже с каким самодовольствием! — Устроили, кажется, дешевенькую квартиру. На почту за письмами, к банкиру. А в Риме, уже видно, что почти можно решительно уехать тотчас, если нельзя остаться год. <...> Покупать книги и естампы можно. — Гоголь смешон, удивителен и любезен. <...>

^I В пос<ольство>, узнал, где Шев<ырев>, и к нему. Обрадов<ался>. *вписано*.

^{II} Но чудо. *вписано*.

^{III} Было: путеш<ествия>

^{IV} хоть *вписано*.

^V Оставлен пробел для одного слова.

^{VI} Далее было: и

10 <марта (н. ст.)>. Чай у Гоголя. Бруни и Рихтер². Зачем сказались, что в грех. Мария Маджиоре. Огромна. — Прекрасна дорога к Латер<анской церкви>. — Прелестный вид — водопроводы, горы, плющи, лужайки и церковь. — Тишина упоительная. — Можно прекрасно представить 12 Апостолов, огромные статуи. Ужасные орудия смерти. Сверху — минута призвания. Остатки дворца Констант<инова> с тоненьк<ими> резными¹ колоннами, рассыпаны остатки древности. Крестильница Константина от Сильвестра. Мраморы. <...> На Форум. <...> Место, где решали<сь> дела вселенной — туда свозилась всякая гадость. Неужели здесь нет великого урока? Ни один город не производит таких впечатлений — здесь все особенное. — На форум Троянов. — Церковь Апостолов <с> памятниками Кановы. — Маленькая нищая. — В Лутере, видно, не было ни на грош чувство образовано, <1 нрзб.>. — Он не вида<л> в Риме ничего, кроме разврат<ных> попов, и пошел против него. — Обед, и с Соб<олевского>³ 1 руб. — С Лизой. — Отделались от учит<еля>, хоть и совестно. — Гог<оль> читал Мадон<на> degli fiori⁴. — Ввечеру Ш<ев>в<ырев>, кот<орый> рассказал мне историч<еские> подроб<ности> о Колизее. Жаль, что он болен. О живописи, о Жук<овском>, об универс<итете> и образованной неволе.

Письмо Демидова к Гоголю⁵. Напи<са>л статью, что нельзя быть профес<сором> без путешествия. Что было роскошью 25 лет назад, то теперь необходимость.

11 <марта (н. ст.)>. К Шев<ыреву>, к Гог<олю> <1 нрзб.>, <1 нрзб.>, князю⁶, об единстве, которое теперь у всех на <1 нрзб.>, об католи<ческих> обрядах, о папск<ой> горд<ости>. — Папа хоть и Христ<ианин>, а все-таки Римлянин гордой. Ему подносят причастие и проч. К Крив<цову> — молодой еще человек. — Домой и к Петру, обошли кругом... <...> На place di Populo. В цер<ковь> с Пентурик<кио>, которому удив<ляется> Гоголь... <...> Домик Рафаэля. Но зачем не соединить с Пинчио. Устали, а до 6 часов трактиры заперты, еще поголодали полчаса. <...>

12 <марта (н. ст.)>. К Кап<уцинам>, Михаил Гвида Рени. Умир<ающий> Франциск, фреск Домин<икино>. Кладбище из костей. Гал<лерей> Барбери<ни>, Ченчи Гвида и Фортнар<ина> Рафа<эля>. Большой сатир Мик<ель>-Андж<ела> и статуя Брута и множ<ество> других. В<олконская> княгиня. К мон<астырю> Св. Григория. Его кресла (древность 1200 лет). Стол. Фрески Гвидо. Андрей Первоз<ванный> рад кресту. Вид чудной. Мимо Климента, где Кирилл.

Вилла кня<гини> прелестна. Аллея воспом<инаний>. <1 нрзб.> Венев<итинов> и Рожалин⁷, и Пушк<ин>, и Карамзи<н>, и прислужник ее отца. Премилая женщина, но <1 нрзб.> противен <1 нрзб.>. <...> Обед у н<ее> с Виельг<орским>⁸, о Ганем<ане>⁹ и проч. Заним<ается> по Итал<ии>.

13 <марта (н. ст.)>. <...> Пошли чрез Жид<овское> жиль<е>, рыбный рынок, самый гадкий из всех гадких частей Рима. Грязные лавки, вдруг колонны. Что такое? Порттик Октавии к храму Юпитера и Юноны. Люди! Приходите сюда учиться познавать, как бренны все ваши <1 нрзб.> дела. <...>

Заключили Тассо<м>, дубом, под которым он отдыхал. Вид на Рим и сады, фонтаны. — Могилы и портрет. <...>

После Рима все покажется мелким, мелочным.

14 <марта (н. ст.)>. <...> Коляску за город. <...> К Шев<ыреву> и написали план для завтр<ашнего> дня. Обед<ли> одни. К Сев<астиану> не заходили, ибо вр<о>д<е> Печер<ской> катакомбы¹⁰. <...>

Государь нас<ледник> сделал обратное Петрово путешествие — по России. <...>

15 <марта (н. ст.)>. <...> Обед у Виельгорс<кого>. Урок с любопытн<ыми> подроб<ностями>. <...>

¹ В автографе: разными

17 <марта (н. ст.)>. В Рус<ской> церк<ви>. Сладко и в Риме поклониться Рус<скому> Богу. Хорош<ие> картины. — <1 нрзб.> проповедь. <...>

18 <марта (н. ст.)>. <...> Вот досада, целый день потеряли и устали. <...> К Виельг<орскому>, о Рус<ской> Истории. По Итал<ии>. <...>

20 <марта (н. ст.)>. <...> Вилла Памфили. Дубы, сосны, фонтаны <...> Дух прозелитизма. Двадцать челове<к> как слушало одного. Приметно сзади. — И в своем деле один в бороду, а прочие <1 нрзб.>. Этого духа у нас нет. Как ходит гувер<нер> с детьми. <...> Обед у Кривц<ова> <...>

22 <марта (н. ст.)>. <...> Обед у Виельг<горского>¹¹. Он прочел своих Цыган. То дурно, что будет слишком много хорошего.

23 <марта (н. ст.)>. <...> В Пропаганду. <...> Профессоры начали толковать о ближайшем родстве между церковью Римскою и Русскою. Владимир чистый Католик, которого мы почитаем Святым: он принял Христианскую веру, когда та еще была чиста. Греческая церковь дальше от Римской, чем Русская. <...> У Тайнера¹² есть письмо Иоанна к Поссевину. Он пишет сочинение о распространении Христ<ианской> веры на Севере, с приложением множества документов. Вы<й>дет через два года. 200 писем Стефана Батория. Густав Ваза за два года до обращения к Лютеранству обещал Папе обратить всю Россию в Католицизм и пр.

Проходили к нему по прекрасным корридорам, обширным, светлым, по стенам которых развешено множество ландкарт всех стран. Правду сказать, что Папы сделали много, в сторону их злоупотребления. Что было бы без них в Европе? — Дух обращения принадлежит Западным народам, это их достоинство. У нас нет его. У Италианцев пропаганда религиозная, у Французов политическая. У Католиков нет алтаря. По свойству народа, который любит иметь все беспрестанно пред глазами. Да. Народы веруют каждый по-своему. Италианцы чувством. Немцы не могут обойтись без ума. Все они должны оставлять друг друга в покое. Добру венец. Другое лицо горячилось. А это Грек. Как он говорит. По-Гречески. Нет, по-арабски. Здесь все языки. Единственное учреждение в Европе, с прекрасной идеей в основании — распространять веру Христианскую. — Как бы употребить два часа до обеда. Домой. E la mia spose? E sortito col¹ M. Nicola¹³. Вот тебе раз. Пошел было к Шевыреву, как беглянка воротилась. Сводил ее пообедать к Шевыреву.

24 <марта (н. ст.)>. <...> Домой. — С Лизой к Петру. <...> Одни обедать к князю. Прекр<асный> обед. О Шафари<ке>, о Мицкевиче, которому он вызвался помочь, <1 нрзб.>, о Чартор<ыйском>. Я не слышал прежде, что он побочный сын князя Репнина. <...> Зашел за Лизою, позабыв, что та еще не обедала. — Оттуда к Волх<онской>, куда хотел прийти Гоголь, предложив читать, и не пришел. Ужасная скука среди молчаний. Потолковали с Бруни об арх<итектуре>, о храмах. <...>

25 <марта (н. ст.)>. К Шев<ыреву> и назад за сюрт<уком>. — Опять и в Ват<икан>. <...> Студия Иванова. Новое явление для нас. — Художник один-одинехонек в своей блузе. Раскиданы все п<о сторонам>. — По стенам. Эскизы. Эстампы. Прекрасная мысль <изобразить> Христа идущего — и прочие указывают. Долго не мог отойти от картины. Совершен<но> новое положение! Богатое. — В Боргезе. Прекр<асный> сад. Музей. <...>

26 <марта (н. ст.)>. <...> Погода дур<ная>, и Гоголь не в духе. Сделали записку, что смотреть еще. К Шев<ыреву>, чтоб осмотреть студии. — Обед. И мы обедать. <...> Дождь. С Гог<олем> о рус<ской> литературе. <...>

27 <марта (н. ст.)>. <...> Вилла Гонза<га>, где Волк<онская> давала праздник Шевы<реву>. <...>

¹ Было: con

29 <марта (н. ст.)>. <...> Лавки колбасни<ков> освеще<ны>; чудо¹⁴. И золото, и серебро. Б<нрзб.> и статуи из сала. <...>

30 <марта (н. ст.)>. Хотел в Капит<олий>, но Шев<ырев> привел к Фешу. К нему, а Гоголь с Лизо<й> не пришли. За ними. А их нет. На площадь. Нет. Насилу нашел случайно в переулке. Пожурил <?> Гоголя и Лизе выговор. <...>

31 <марта (н. ст.)>. <...> Обед у Волк<онской>. Иллюминация. <...>

1 <апреля (н. ст.)>. Жирандола¹⁵. <...>

2 <апреля (н. ст.)>. В Тиволи. <...>

4 <апреля (н. ст.)>. К Шев<ыреву> <...> ...Обедать к Чер<ткову>. Гоголь читал. Разговор в полночи. Решил ехать с Шев<ыревым>. Очень рад.

5 <апреля (н. ст.)>. К Св. Агнессе. Св. Лаврентию. В кафе. К Шев<ыреву> домой. <...> ...К Вале<нтини> <...> ...Обед. И в 4 часа к Павлу. Дождались полчаса, и поехали без Гог<оля>, кот<орому> теперь понадобилось обедать. <...>

6 <апреля (н. ст.)>. Во Фраскати. Дождь, и назад, хоть начало проясняться. Досадно. Рассказы Рихтера об Англичанах. Его работа над for Трајани. [Об] Уснули. Обед в Палаццо, Гоголь у Фалькона. В Театре кукольном¹⁶. — Уснул у Рих<тера>, и к Заутрене. Нехорошо.

7 <апреля (н. ст.)>. Ночь с художн<иками>. — А чувство Русское живо. Досадно на себя, что не <1 нрзб.>. Н<нрзб.> с Л<изой> к к<нязю> Голицыну. У Черт<ковых>. <...> Обед у Черт<ковых>. — На Monte Mario. <...>

8 <апреля (н. ст.)>. В Ват<икан>. Рассказы Черт<кова>, как обманывали Кн<язя> Голицына¹⁷ курьеры. Толк<овали> о снимках. — Смотрели на библиотеку. Христи<анский> музей. Надо списать все Визант<ийские> образа, ибо они здесь не подновлены, и неиспорченные древние христ<ианские> вещи. Какое множество всего. Нет — спасибо Папам. Плафоны Гвида-Рени, Пентуриккио. Что за имена! К Вол<конской> за фресками. Вот тебе раз. А я надеялся было посмотреть и повторить еще раз. Укладываться и рассчитывать. Гоголь, кажется, огорчен. Покупки. Мой портрет. Прощался с Гризи. Прощ<ался> с Волк<онской>.

9 <апреля (н. ст.)>. В 5 часу проснулись и торопились, и, разумеется, я беспокоился. Простился с Гоголем до Чивиты-Веккии. Отправились.

Фрагменты дорожного дневника М. П. Погодина впервые были использованы самим автором при написании мемуаров «Месяц в Риме» и «Год в чужих краях» (см. ниже). Печатается по черновому автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 39. Ед. хр. 2. Л. 11–19.

¹ Имеется в виду жена Погодина.

² Федор Федорович Рихтер (1808–1868), архитектор.

³ Андрей Петрович Соболевский (1789–1867), акварельный живописец.

⁴ Первоначальное название незавершенного романа Гоголя «Аннунциата» (впоследствии — повесть «Рим. Отрывок»). Madonna degli Fiori, или dei Fiori (Мадонна дей Фьори) — Богоматерь Цветов (*ит.*). Это одно из имен, под которым католическая Церковь почитает Пресвятую Богородицу в одноименном храме в городе Бра (Bra), на севере Италии (между Туринио и Генуей). Предание, объясняющее происхождение этого имени, сообщает о том, как 29 декабря 1336 г. молодая беременная женщина Эджидия Матис (Egidia Mathis) совершала обычное для будущих матерей паломничество к чтимому изображению Божией Матери, находившемуся на столпе неподалеку от города Бра. Во время молитвы на нее напали два наемника. Эджидия бросилась к столпу, упав на колени с мольбой о помощи; внезапно оттуда изшло свечение, ослепившее «солдат удачи», которые бежали. Божия Матерь явилась Эджидии, которая в то время родила ребенка, утешила ее и исчезла, а находившиеся вокруг дерева дикой сливы (*Prunus spinosa*), несмотря на зиму, немедленно зацвели. Чудесное — в конце декабря — внесезонное цветение деревьев продолжается с тех пор в этом месте до настоящего времени. В 1626 г. здесь был построен храм в стиле барокко, сменивший часовню, поставленную в память о чуде. Мадонна Цветов считается покровительницей города Бра, в ее честь 8 сентября здесь еже-

годно совершаются процессии (см.: *Massimo Centini. Le apparizioni della Madonna* <Явления Мадонны; *ит.*>. Lourdes, Fatima, Medjugorje. De Vecchi Editore, 1998). Проездом в Турине и, видимо, в Бра Гоголь, как можно полагать, бывал не раз — и впервые, вероятно, при *самом первом* въезде в Италию в середине марта (н. ст.) 1837 г., по дороге из Парижа в Геную (и далее — во Флоренцию и Рим). Возможно, первоначальные впечатления Гоголя от Италии, от первого ее чуда, встреченного в Бра, и стали причиной выбора названия для романа «*Madonna degli Fiorei*». Слова «чудо», «чудный» — едва ли не самые частые в «Риме». Отношение к Риму как к «чуду» прослеживается и в гоголевских письмах. Одно из римских «чудес» и представляет собой, согласно содержанию повести «Рим», украшенная *цветами* красавица Аннунциата (само имя красавицы напоминает о чуде, так как означает в переводе «благовещение» — лат. *Annuntiatio*; ит. *Annunciazione*). В целом это смешение духовного и эстетического (присущего западной католической традиции) отвечает отношению Гоголя (на самых первых порах его пребывания в Италии) к своей жизни в Риме как «художническо-монастырской» (см. письмо Гоголя к А. С. Данилевскому от 15 апреля (н. ст.) 1837 г.). Дальнейшее преодоление Гоголем римского «эстетизма» при создании повести «Рим», возможно, и привело к отказу от первоначального названия.

⁵ Письмо не сохранилось. Ответ Гоголя — от 10 марта (н. ст.) 1839 г. из Рима. Личное знакомство Гоголя с П. Н. Демидовым состоялось в конце апреля — начале мая (н. ст.) 1839 г. (см. письмо Гоголя к М. П. Погодину из Рима в Париж от 5 мая (н. ст.) 1839 г.

⁶ Имеется в виду князь Д. В. Голицын.

⁷ Николай Матвеевич Рожалин (1805–1834), член Общества любомудрия, друг Д. В. Веневитинова. Приехал в Рим из Мюнхена после слушания лекций немецких профессоров. «В июне 1831 г. Р<о>жалин», у которого начался туберкулезный процесс, поехал из Мюнхена в Рим, где он сменил Шевырева в качестве воспитателя сына кн<ягини> З. А. Волконской. Здесь он пробыл три года и первое время поправился» (*Стратен В. В. Н. М. Рожалин, идеалист 20-х годов XIX в. // Ученые записки высшей школы г. Одессы. 1922. Т. 2. С. 107*). Оказал большое влияние на художника А. А. Иванова, впервые столкнувшегося в лице Рожалина с немецкой философией. В письме к председателю Общества поощрения художников П. А. Кикину А. А. Иванов рекомендовал Рожалина как «лучшего ученика Тирша и Шеллинга» (*Алпатов М. В. Александр Андреевич Иванов. Жизнь и творчество: В 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 398*). Осенью 1833 г. Рожалин отправился из Рима в Россию, где вскоре умер.

⁸ Имеется в виду больной граф И. М. Виельгорский.

⁹ Самуэль Ганеман (1755–1843), немецкий врач, основатель гомеопатии.

¹⁰ Ср.: «Севастьяновские катакомбы, у дороги Аппианской, показались мне похожими на Киевские пещеры...» (Епископ *Порфирий (Успенский)*). Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки. СПб., 1900. Т. 6. Часть 1854 г. С. 95). Имеются в виду пещеры (древнерус. — пещеры), в которых первоначально располагалась Киево-Печерская Лавра — знаменитый мужской монастырь, основанный в 1051 г. Киевские пещеры упоминаются Гоголем в «Тарасе Бульбе».

¹¹ Михаила Юрьевича, отца графа И. М. Виельгорского.

¹² Августин Тейнер (1804–1874), немецкий католический священник. В 1841 г. в Аугсбурге вышла его книга «Новейшее состояние католической Церкви обоих обрядов в Польше и России от Екатерины II до наших дней». В 1843 г. книга была переведена на французский и итальянский языки.

¹³ Где моя жена? Она вышла с монсеньором Николаем (*ит.*). — Имеется в виду Гоголь.

¹⁴ Речь идет о так называемом «празднике колбас». В. В. Стасов 18/30 апреля — 2 мая 1852 г. писал своей тете А. А. Сучковой о своем тогдашнем пребывании в Риме: «В Субботу вечером, накануне Пасхи, я был в кондитерской *Nazzari* <...> рассуждали о смерти Гоголя, стихах Некрасова и письме <В. П.> Боткина, написанных по этому случаю, как вдруг прибежал к нам живописец Иванов <...> и рассказал, что сейчас же надобно ехать по всему Риму смотреть *праздник колбас*. Взяли коляску и поехали мы *впятером* по всем улицам римским, где только есть большие колбасные, — а в итальянских городах они на каждом шагу. Вы не вздумайте судить о них по Петербургским — и сравнения никакого нет с нашими. — Нет <...> итальянская колбасная лавка может быть сравнена только *разве* с мясной лавкой в Лондоне, а это почти что все равно, что Парижская кондитерская <...> В Италии нет таких окон, таких стекол, напротив колбасные лавки скорее *темные*, потому что загромождены до такой степени, но какая чистота, а главное — какая живописность! В Пятницу же и Субботу Страстной недели, в Риме, эти лавки в са-

мом деле в настоящем своем празднике, точно театр в бенефис. У дверей и потом в лавке выставлены упирающиеся в высокий потолок толстые колонны из кругов сыра, темно-зеленые (потому что наружная корка у пармезана этого цвета) и перевитые зеленью. Весь потолок представляется точно резной выпуклый (как во всех итальянских palazzi XIV, XV и XVI веков), потому что плотно и сжато навешаны целые сотни маленьких окороков и толстых болонских колбас. Свиное сало <...> стоит по стенам, точно квадратные большие белые полета, со звездочками и разными фигурами из цветной бумаги, наклепанными на них. Над маслом точно настоящие скульпторы работали и вылепили, и вырезали из него сто разных групп, орнаментов, статуй и фигур маленьких: из него сделаны и *агнец* Пасхальный, и Иисус Христос, и апостолы, и фонтаны, из которых бьет вода, – обложено все зеленью, свежую и яркою, а сосиски висят везде в лавке и в дверях на улице цепями, гирляндами. Бесчисленные маленькие восковые свечки горят везде между сырами, зеленью, белым блестящим салом и делают в этой лавке такой свет, какой бывает в бальной зале. Но, что всего лучше, в этой *бенефисной*, расщеченной всеми красками и сияющей комнате, это *перспектива яиц*, прямо против самых дверей. На аршина 1 1/2 от полу, в четвероугольной пещерке, прорытой между салом и ветчинами, лежат в один ряд бесчисленные яйца, в глубине пещерки установлено зеркальце, которого никогда не увидишь сам и не догадаешься, если не расскажут; делается от этого зеркала перспектива яиц точно в версту длиной, вся освещенная опять-таки огоньками; еще с улицы увидишь эту прелесть и остановишься поневоле с десятками мальчиков, девочек и чудесных самых римлянок стоять у дверей, рассматривать этот необыкновенный итальянский праздник колбас. В этот вечер я вылезал 50 раз, я думаю, из коляски – смотреть каждую лавочку, и еще больше те лица и те глаза, которые разглядывали эти лавочки» (Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922. С. 267–268).

¹⁵ Жирандола (джирандола, girandola; *ит.*) – фейерверк. Традиционно в замке Св. Ангела, бывшем мавзолее императора Адриана (где находились урны с прахом римских императоров), устраивалась джирандола, сочиненная Микеланджело.

¹⁶ Имеется в виду кукольный театр на площади Фиано в Риме. Описание представлений этого театра см.: *Библиков М.* Выдержки из записной книжки туриста по Италии. I. Пифферари. II. Откуда происходит слово *пасквил*. III. Театр Фиано. IV. Театр Делла-Паче. V. Об итальянских аскетических живописцах // *Москвитянин*. 1853. № 7 (цензурное разрешение 2 апр.). Отд. VIII. С. 117–119.

¹⁷ Имеется в виду князь Василий Петрович Голицын (1800–1863), чиновник особых поручений по Министерству финансов, музыкант-любитель, певец, коллекционер картин иностранных мастеров. По-видимому, рассказ Черткова о курьерах, обманывавших князя Голицына, нашел отражение в первой главе первого тома «Мертвых душ»: «...на одной картине изображена была нимфа с такими огромными грудями, каких читатель, верно, никогда не видывал. Подобная игра природы, впрочем, случается на разных исторических картинах, неизвестно в какое время, откуда и кем привезенных к нам в Россию, иной раз даже нашими вельможами, любителями искусств, накупившими их в Италии по совету везших их курьеров».

Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2)

8 марта <н. ст.> 1839. Дилижанс едет. Рассветает. Опасности, кажется, миновались. Ну – слава Богу. Карabinieri сопровождают нас. Прекрасное утро! Я упрямил кондуктора взять меня к себе, на перед, чтоб смотреть удобнее вокруг, и поймать первую точку вечного города, как она мелькнет на горизонте. Места пустые, совершенно бесплодные, начались верст за сорок до Рима. Не видать ни одного дерева. Кое-где торчит скудный кустишко. Зелени нет. Вся земля как будто выжжена. Никакого жилья. На станциях только по дому для почтальонов и конюшни. Здесь господствует Malagia, зловредный воздух. Рим стоит, как оазис, окруженный им со всех сторон. Отчего же прежде не было его здесь. Что за знамение? –

С чувством стесненным приближался я к Риму.

— Вон купол Св. Петра, — воскликнул вдруг кондуктор, и схватил меня за руку, а другую указывал на точку, черневшуюся вдаль. Я вздрогнул, встал и поклонился.

Мы переменили еще лошадей. Эти места самые опасные, но солнце сияло во всем блеске, радость наполняла сердце, и страху не было места.

Нетерпение увеличивается со всяким шагом. Наконец город становится виднее и виднее, а вокруг сторона бесплодная и пустынная до невероятности. Ближе и ближе, и вот подъезжаем к воротам, *porta del Popolo*.

В Риме мы, в Риме!

За воротами открылась прекрасная площадь — обелиск, львы, фонтаны; налево виден какой-то всход — на *Monte Pincio* (первое гулянье города, устроенное Наполеоном), большими уступами, с великолепными лестницами, колоннадами и статуями. Кругом кипарисы.

Едем по длинной улице, не очень узкой, между двумя линиями высоких домов, не пахнущих однако древностию. Что это за улица? *Corso*, первая в городе, т. е. в новом городе, а старой¹ в другой стороне. Я сижу на козлах и пожираю глазами все предлежащее и предходящее. Поворачиваем направо, — площадь с огромною колонною. Какая колонна? *Colonna Antonina*, Антонинова, т. е. Марка Аврелия Антонина, а на вершине ее стоит Св. Апостол Павел.

Здесь почта, и дилижанс останавливается, но надо ехать еще в таможню.

Одиннадцать высочайших древних колонн с архитравом и фризом подставились нашим взорам: они вставлены в новое здание, или, вернее, здание поставлено между колоннами. На дворе кое-где в стенах видишь огромные каменные брусья, или, лучше сказать, глыбы, которые поступили из древней кладки в новую. Здесь был храм благочестивого Антонина. Ах, какое нетерпение брало меня, пока разбирали вещи. Наконец кое-как мы разделились, истратив рубля с два.

Отыскал Ш<евырева> и Г<оголя>. Нашли прехорошенькую квартирку, на четыре дня. <...> Квартиры здесь теперь дороги, потому что иностранцы наезжают отовсюду к Святой и Страстной неделе. —

Г<оголь> потащил меня тотчас в *Храм Св. Петра*. Вот мост Св. Ангела, вот Тибр, (Тибр!), вот мавзолей Адрианов, вот и площадь Св. Петра с Сикстовым обелиском.

Вхожу в церковь, и хожу как сумасшедший. Где я, где я? Г<оголь> поставил меня у одного простенка и спросил:

— Видишь ли, напротив, этих мраморных ангельчиков над чашею?

— Вижу — ну, что же?

— Велики они?

— Что за велики — маленькие.

— Обернись-ка.

Я обернулся, и увидел перед собою, под пару к тем, маленьким, двух почти колоссальных. Вот какова церковь!

Потом повел он меня по линии всей окружности. Шел, шел, несколько раз останавливался отдыхать, насилу обошел! Что за пространство!

В середине сход вниз, огороженный перилами, в подземную часовню с мощами Св. Апостола Петра, пред кою горят неугасимые лампы, в два ряда, кажется до ста. Не докинешь взгляда оттуда до вершины купола. По нижнему обручу купола, колоссальными буквами написан текст Евангелия: *ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь, и врата ада не одолают и*. Как счастливо прибран этот текст, сказанный именно как будто для этого храма.

Я не смотрел по сторонам, а только ходил в недоумении по этому первому храму Христианства.

Домой потащился уже совершенно изнеможенный. Вечером сходил к Ш<евыреву>. <...> Наметили исчисление предметов, кои надо осмотреть здесь.

Решили расположить осмотры по погоде: хорошие дни надо употреблять на пешеходные путешествия, для развалин; ненастные дождливые — для картинных галлерей и церквей. Окружности и виллы оставить до последних дней, т. е. весенних, когда они явятся в полном своем блеске и убранстве.

9 <марта (н. ст.)>. Напились кофию в Cafe nuovo. Огромные залы, уставленные маленькими столиками, по большей части мраморными, за коими сидит множество народу в шляпах, и между коими бегают без памяти, шныряет, человек десять камерьеров или прислужников, по непрерывным вызовам: una tazza di cafe, una tazza d'augore, del pane². Я никак не могу привыкнуть к западному обычаю, и входя всегда снимаю шляпу, на что все присутствующие тотчас обращают внимание.

Кофей, разносимый в особых крошечных кофейниках, очень дурен. Молоко козье еще хуже. — Г<оголь> повел меня смотреть Рим. Я боюсь как-то приступить к осмотрам, не могу собраться с духом, не смею.

— Что же ты покажешь мне нынче? — спросил я своего любезного чичероне.

— Подожди, узнаешь — пойдем.

Пошли молча по Корсо. Потом поворотили в переулок. Беспрестанно встречаются духовные в разных одеяниях: Капуцины в песочных, верблюжьих мантиях, подпоясанные ремнем, без шляп, остриженные; Прелаты в лиловых чулках; молодые монахи, в круглых черных шляпах и длинных домино. Всего смешнее маленькие мальчики, которые расхаживают в таких же костюмах, как и большие — в круглых шляпах, в черных однобортных кафтанах, чулках и башмаках, с книгами под мышкою. Это дети, предназначенные в духовное звание. Они заранее уже надевают монашеское платье, но шалят и резвятся на улицах, разумеется, как и прочие дети. Кардиналы ездят в каретах с лакеями в красных ливреях. Сделали несколько оборотов. Перед нами открылась вдали широкая каменная лестница, наверху, по бокам ее, два огромные коня, которых под уздцы держали всадники. За нею на площади конная статуя. В глуби какое-то обширное здание, с высокою каланчою.

— Ну, видишь молодцов? — спросил мой чудак.

— Вижу, да что же это такое?

— Хороши?

Между тем мы приблизились.

— Это древние статуи Диоскуров из театра Помпеева. А это Марк Аврелий на коне. А это Капитолий!

Капитолий! Можно ошеломиться от такого громового слова. «Капитолий!» — повторял я, смотря во все глаза.

— Ну полно, — сказал Г<оголь>, — пойдем дальше, древность увидишь ты с той стороны, — здание налево Museo Capitolino, где хранятся сокровища искусства, тут древние бюсты великих мужей Греции и Рима, бюсты Императоров, умирающий Гладиатор, и мало ли что! Направо картинная галлерея, очень богатая, и памятники новым великим людям Италии. Все эти здания воздвигнуты Микель-Анджелом в правление Павла III. За ними полагают скалу Тарпейскую.

Мы обогнули здание с левой стороны. В основании его, с боку, лежат остатки древнего Капитолия: огромные глыбы дикого камня, из коих складывались Римские здания. Страх посмотреть! Вот комментарий на устройство Латинского периода, и Римской Истории. Вот твердость, важность, величие!

Но что представилось глазам моим, как мы вышли на другую сторону Капитолия: древние колонны, ворота, храмы, притворы, сени, в священных развалинах: это арка Септимия Севера, это храм Антонина и Фавстины, Курия Гостилия, это Кастор и Полукс, там дворец Августов,

Калигулин, Неронов. Здесь *forum Romanum maximum*. Далее развалины базилики Константиновой, — а там вдали, вдали Колизей. Я совершенно обезумел. Глаза перебегали от одного предмета к другому. Долго не хотелось сдвинуться с места.

Перед Капитолием пространство, на котором, со времени Французов, производятся поиски, окружено со всех сторон перилами. Оно выкопано вглубь сажени на три. Долго, долго стоял я на этой знаменитой *Площади (forum Romanum maximum)*, где столько веков решались дела Рима, дела царств, народов, всей вселенной, *orbis terrarum*, по выражению Цицерона. Пусто и тихо. Оно называется теперь коровьим полем, *campo vaccino*, потому что сюда в Средние века пригоняли коров для продажи. Лет сот пять свозили сюда сор со всего нового города, и засыпали им все храмы Минерве, Аполлону и самому Юпитеру. Такие горы были этой дряни, одна на другую навоженные, что все древнее погреблось, и теперь с великим трудом мало-помалу откапывается и открывается!

Боже мой! что же значит эта человеческая твердость, что значит эта человеческая слава, которою так надмеваются люди? Эти каменные глыбы домов, и слов, и действий — которым я сейчас удивлялся, пыль и прах! Поднялся вихорь, и разметал все, и ничего не осталось. —

Здесь, здесь именно, да разве еще на острове Св. Елены, можно из глубины сердца воскликнуть с Соломоном: суета сует, и всяческая суета! Что сказал бы Цицерон, Помпей, Цезарь, если б предрекли им эту судьбу Рима! Люди, люди, приходите сюда удостоверяться в бренности вашего естества, тщете всех ваших предприятий и замыслов. Если Рим так упал, кто же из вас может надеяться на свою силу, крепость и твердость? И на какую силу можно надеяться? Упал — этого мало, утонул в тине, в грязи; подвергся, гордый, такому уничижению, такому позору всесветному! Не знаешь, была ль выше его слава, или глубже падение? О какой урок, какой урок, если кто умеет им воспользоваться! Величие, видно, не на земле.

Народ шатался между развалинами, с мелкими своими нуждами, с заботою о насущном хлебе, об ежедневных делах, не думая нисколько о Риме, ни о мире. Впрочем я свободно мог, когда хотел, отделять их накладные фигуры, сдувать их мимоходящие призраки, и видеть пред собою одну древнюю основу; они не мешали моим размышлениям, напротив — они дополняли картину, представляя мне вживе нашу пустую суетность, и тщету ее.

Г<оголь> потащил меня дальше, мимо развалин храмов с одной стороны, и огородов, пустырей с другой, взгроможденных на развалинах чертогов Цезарей. Открывается *Колизей*.

Что это за здание — целое Царство! Около 200 сажень в окружности, в четыре яруса, с окнами одно над другим. Толстота стен необъятная! Какие обширные коридоры, просторные прилавки. Здесь помещалось 110 тысяч зрителей, из коих 90 тыс<яч> сидело. Основание открыто из-под земли, аршин на шесть, и теперь окопано вокруг.

Как хорошо разрушился Колизей! Где обвалилась стена, где упал свод над окнами, где отстали карнизы. Даже нельзя жалеть, что он не сохранился в целости. Неужели целый он был лучше³!

Мы вошли во внутренность. Посредине, на небольшом дерновом возвышении, стоит простой деревянный крест с изображением распятого Господа. Мы прилегли у подножия. День был прекрасный. Солнце сияло во всем своем блеске, разливая какую-то сладостную животворящую теплоту в воздухе. Тишина восхитительная, упоительная. Только птички перепархивали в сквозных окошках и пели так приятно, так беззаботно, так весело! А как расстилается плещ по этим развалинам, какими живописными узорами изукрашает он обвалившиеся стены, раскрытые переходы, полуразрушенные лестницы, и что за разнообразие! Здесь лежит он густыми кучами, там висит длинными гирляндами, а какая зелень свежая, яркая, кое-где мелькают весенние цветочки.

Во внутренней окружности расположено двенадцать смиренных часовенок с образами Страстей Христовых. Прохожий какой-то старик прикладывается к ним. Другой подошел к на-

шему кресту и молится. Давно не чувствовал я такого наслаждения. Что за спокойствие было на сердце, оно как будто почивало на небе. Как все хорошо это — и небо, и воздух, и этот плещ, и птички, и прохожие, и часовни, и этот смиренный крест, под который прилегло нас двое пришельцев с холодного, дальнего Севера, в глубоком размышлении. Как разителен он здесь, посредине сего здания, на месте боев гладиаторских со львами и тиграми, где лилась потешная кровь, и сто тысяч зрителей рукоплескали победителям.

Не вышел бы отсюда! Ах, если б приехать сюда и пожить подолее! «Оставайся, брат, здесь, — сказал я Г<оголю>, — пока тебе сладко. Не имею духа звать тебя отсюда, и понимаю, что ты мог зажитья. Твои теперешние впечатления принесут отечеству плод сторицею».

Ночью, при свете месяца, Колизей представляет новое очарование.

Прошлись опять по Форуму. Ну, что бы на каком-нибудь конгрессе скинуться Европейским Государям по миллиону, дабы окопать весь Форум, и восстановить его сколько можно.

Воротились домой чрез Квиринальскую гору, на которой стоят колоссальные *Диоскуры*, мнимой работы Фидия и Праксителя, а между ними обелиск.

Обедали на Piazza di Spagna, где притон всех иностранцев, в небольшой гостиннице. За столом сидел Итальянский Аббат лет 50, кажется, весельчак, который радовался всякому случаю посмеяться от души. Пришел молоденький Француз, лет 14-ти, и сел подле него, спросил смело бифтексту, расположился как большой, и начал рассказывать о Наполеоне: как Русские изменили ему, сожгли Москву, и он должен был оставить ее, как Мармон предал его при Ватерло (где и не был), раздав солдатам золы вместо пороха, как Понятовский женился после Лейпцига, и проч. и проч. Аббат и прочие Итальянцы слушали его с подобострастием, а я едва удерживался от смеха: откуда он взял такие нелепицы? Что за депутат будет из него лет чрез пять или десять, если он теперь решает все так храбро!

После обеда по аллее вечнозеленых дубов мимо виллы Медичи, которую занимает теперь Французская Академия Художеств, на *Монте Пинчио*: здесь первая прогулка Римская.

Скажу два слова о *вилле Медичи*. Местоположение ее удивительное. Весь Рим перед глазами. Французы приобрели этот лучший дом в Риме для своих художников в эпоху своего владычества здесь в 90 годах. С *Монте Пинчио* вид также прекрасный. Что за прелесть должна быть в полном цвете весны! А теперь деревья все еще не распустились, кроме немногих.

Англичане рисуются верхами и в великолепных колясках. Итальянцев не видать. <...>

10 <марта (н. ст.)>. Г<оголь> повел нас к Марии Maggiore и Иоанну Латеранскому.

Мария Маджоре, это одна из главных церквей в Риме, или лучше базилик, гробницею знаменитейшего Папы, Сикста V, который более всех сделал добра Риму. Первоначально она основана в 352–384 г. Потолок, вызолоченный первым золотом, полученным из Америки⁴. Карл прислал его в дар Александру V <VI>. О мраморе, ясписе, бронзе я говорить не буду.

Дорога тянется отсюда прямою линией, и усажена деревьями, которые розовыми своими цветочками разливают благоухание. Что будет, как они распустятся совершенно, и осыплются еще синими цветочками вместе с розовыми. Приятнейшая прогулка!

Иоанн Латеранский. Это первая Христианская церковь, по своей древности, Mater et Caput ecclesiarum, после Св. Петра самая великолепная, принадлежит преимущественно Папе, который, немедленно по своем избрании, с торжеством принимает ее во владение. Впрочем, она горела и разрушалась несколько раз. Древнего осталось одно место. До 14 столетия здесь погребались Папы.

Войдете, и видите перед собою во всю длину церкви, по нишам, в значительном между собою расстоянии, колоссальные статуи двенадцати Апостолов из чистейшего мрамора. Каждый Апостол несет в руках орудие своей смерти. Вверху над ними изображение минуты его призвания. Вдали пред олтарем Сам Иисус Христос, к Которому они как будто сходятся, верные Его Слову. Действие разительное! Основатель Христианской Религии с Своими Учениками. Статуи не отличаются простотою, но прежде чем рассмотреть их порознь, они произвели уже впечатление.

Об изображении Христа говорят, что оно первое показанное Римскому народу Папою Сильвестром Сакрости с дверями 1194 года.

К Собору примыкают остатки *дворца Константинова*, — с его тоненькими витыми колоннами, и разными обломками, кои теперь бережно собираются и располагаются по приличию. Над крестильницею, где Константин, как говорит предание, принял Св. Крещение от Папы Сильвестра, ныне устроена особая церковь, осьмиугольная, уже совершенно в новом вкусе. Здесь Папы крестили прежде в Страстную Субботу, а ныне крестят Жидов и проч.

Так и пашет отовсюду древностию, а сколько ее еще подновлено. Какие имена раздаются беспрестанно в ушах! Оставя дворец, мы перешли дорогу, и сели на паперти у соседней церкви. Вид очаровательный. Между Собором и церковью простирается луговина, покрытая травой, точно как будто в какой-нибудь деревне. Следу не видать на траве, кроме проезжей дороги. Вдали тянется бесконечная колоннада *водопроводов*, которым конца, кажется, нет. А на краю горизонта белеют *Сабинские горы*. Тишина и уединение совершенное. Мы пробыли здесь с час в безмолвном созерцании, и в продолжение этого часа проехала одна какая-то тележонка.

Повел жену к Колизею — в профиль новая прекрасная картина. <...>

Обедал в Scalinata и встретили московского знакомого, художника С<облевского>, который приехал сюда на год и живет тринадцатый, не видав, как пролетело время.

Вечеру были у больного Ш<евырева>, который рассказал нам любопытные подробности об Истории Колизея в продолжение Средних веков, как он переходил из рук в руки между дворянскими фамилиями, и был то лазаретом, то гостинницей, театром для мистерий, крепостью, магазином, общею помойной ямой Рима.

11 <марта (н. ст.)>. Как благодарный обыватель, явился к Московскому Градоначальнику, Князю Д. В. Голицыну — говорили о Риме, о духовном единстве, о политических единствах, о гордости Папы, который хотя и Христианин, а все-таки древний Римлянин.

Домой, и отправились вместе с женою к Св. Петру. <...> Церковь Св. Петра убирается теперь разноцветными, алыми и белыми тканями, коими увешаны все стены и столы, так что ничего из-за них не видно: делаются приготовления для торжественного причтения к лику Святых пяти каких-то лиц, прославившихся своими добродетелями. Дело их производится еще по Священным Коллегиям. Говорят, что это убранство вредит много действию целого. — Мне пришлось в голову по этому случаю сравнение храма Св. Петра с Россиею. Легко может случиться, что в том или другом углу храма поставится памятник не красивый, не приличный, тот или другой столп загородится, или стена там или здесь попортится, но все эти мелочи пропадают при взгляде на целое, и нисколько не мешают общему эффекту: этого величия нельзя уже ничем унизить: этого изящества нельзя никак обезобразить! Так и у нас⁵. <...>

Взяли фиакр и отправились на *виллу Боргезе*. Прелести другого рода, прелести природы — какая зелень, что за благовоние! рощи, аллеи, какие огромные сенолиственные деревья! Здесь богатейшее собрание древностей, но мы опоздали, дверь пред нами заперлась. Англичане толпами валили с лестницы. Между виллою Боргезе и Монте Пинчио *домик Рафаэля*, расположенный им самим, с его фресками, где он жил и умер. Какие имена, какие воспоминания встречаете вы на всяком шагу! Жаль, что Виллу Боргезе не соединят с Монте Пинчио. Они рядом, а между тем теперь надо делать большой обход, чтоб попасть из одной на другую. И как бы приблизилась к городу эта прекрасная вилла! какая дорога вела бы к ней!

Зашли в церковь S-ta Maria del Popolo. Г<оголь> показывал нам здесь фрески Пентурикио, ученика Перуджино, которым он вместе с Ж<уковским> удивляется; но я, признаюсь в невежестве, не вижу в них никакого особенного достоинства.

Устали, и проголодались без памяти, а гостинницы все заперты. Надо ждать до шести часов, когда пропоется *ave Maria*⁶. Обошли лавки с камнями, мозаиками и бусами, которые здесь дешевы до невероятности, — чуть ли не единственное произведение Римской промышленности.

Наконец служба кончилась, и народ толпами бросился в гостинницы, чуть растворились двери. Нынче мы обедали у Лепри. Народа, небогатого, множество: насилу нашли место, хотя пропустили не более пяти минут по отворении дверей. Камерьер итальянский — существо особого рода. В белом переднике, а здесь и в белом колпаке, бегает он по комнатам, схватывает на лету заказы, кому *macaroni aux gratin*⁷, кому *servelli frutti*⁸, кому *cefalo con patate*⁹, кому *zuppa inglese*¹⁰, кому *crostata*¹¹, передает их на кухню, и чрез две-три минуты возвращается, навьюченный блюдами, в руках, под мышками, чуть ли не на ногах, раздает всем, кто что требовал, без ошибки, и немедленно отправляется опять в новое путешествие. Вы кончили обед, подзываете его, и он, с десятками новых заказов в голове, напомним вам в случае нужды, что вы забыли при исчислении вашего обеда, сочтет вам, не останавливаясь, как пономарь: *pasta al brode*¹² 4, *testa*¹³ di Mongana 8, *Agro dolce*¹⁴ di segnale 7, *pollastro*¹⁵ mezzo 15, *crema*¹⁶, *summa* 4 paoli; и получит от вас деньги, даст вам сдачу, положит себе на водку в особый карман, примолвив соразмерно с вашей щедростью: *grazie, mille grazie*, и проскачет в свою кухню. Память, или навык, проворство — удивительные!

12 <март (н. ст.)>. В монастырь Капуцинов смотреть знаменитого Архангела Михаила любезного моего Гвида Рени. Что за небесное лицо у Архангела! Там же не менее знаменитый фреск Доминикина — умирающий Св. Франциск, у которого в эту минуту только, кажется, вылетел последний вздох. Подземелье, где погребается умирающая братия, состоит из нескольких комнат, убранных их костями. Последний скончавшийся сидит в креслах, до тех пор, как принесется ему на смену новый покойник; тогда он разбирается по костям, кои и поступают на начатые украшения. Что за узоры составляются досужими отшельниками — звезды, цепи, городки, круги, кресты, в самых разнообразных соединениях! Нигде, разумеется, кости человеческие не составляют таких картин, как в этом подземелье Капуцинов¹⁷.

Осматривали галерею Барберини. Какая грация, прелесть, милость, невинность изображаются на лице этой Цецилии¹ Ченчи, Гвида Рени, в белом одеянии, с белою повязкою на голове. Не отошел бы от этого Ангельского лица. Вот и знаменитая Форнарина Рафаэлева, лицо живое, глаза пламенные, но она далека от красоты. Это две главные картины. — Не говорю о прочих. У Барберини же находятся во владении славный большой сатир, Микель-Анджела, статуя Брута, и проч.

Княгиня В<олконская> пригласила вместе с нею в монастырь Св. Григория, и оттуда к ней на виллу. С благоговением прикоснулся к его столу и седалищу, простому, каменному, которому с лишком 1200 лет. Какая глубокая, достопочтенная древность! Стены в одном из приделов расписаны Гвидом Рени и Доминикино и представляют подвиги Св. Апостола Андрея Первозванного. С какою радостью простирает он свои руки к вожделенному Кресту. Каким святым желанием горит его душа приять муки в угождение своему Великому Учителю и Господу. Жаль, что недостаток времени: перед такою картиною, чтоб рассмотреть ее сочинение, расположение групп, надо простоять часа по два по несколько раз, а мы едва окинем взглядом в одну минуту.

Вид на Рим с верхней лестницы великолепный: перед глазами в основании картины все развалины, в середине новый город с возвышающимися верхами церковью, и вдали Св. Петр! Разнообразием видов только Москва из всех Европейских городов может состязаться с Римом.

Дорога на виллу шла мимо церкви Св. Климента, где почивают мощи бессмертного изобретателя Славянской грамоты, Святого Кирилла.

Вилла Княгини <Волконской> за Иоанном Латеранским прелестна — домик с башенкою, впрочем довольно обширную, по комнате в ярусе, выстроен среди Римской стены и окружен с обеих сторон виноградниками, цветниками и прекрасно устроенными дорожками. Вдали виднеются арки бесконечных водопроводов, поля и горы, а с другой Римская населенная часть города, и Колизей, и Петр. Всего более умилил меня ее садик, посвященный Воспоминаниям.

¹ Так в источнике. Следует: *Beatrice*

Там под сению кипариса стоит урна в память о нашем незабвенном Димитрие Веневитинове; близь него камень с именем Николая Рожалина, который прожил в Риме три года в доме Княгини, занимаясь классическими языками и Древностями, в дополнение к Теории, изученной им в Минхене, и возвратился наконец в отечество с целью искать места Профессора, но умер на другой день после своего прибытия на пароходе. Жалкая участь! Все бумаги его, между коими были некоторые отдельные сочинения, присланы были в Москву, и сгорели в конторе дилижансов, так что от него не осталось ничего, как будто б и не существовал он на свете.

В особой куще белеется мраморный бюст покойного Императора Александра. Есть древний обломок, посвященный Карамзину, другой Пушкину. Вот два камня в память о старой няне Княгини и слугителе ее отца. <...>

Как много чувства, как много ума у нее! Всякой уголок в саду, всякой поворот занят, и как кстати. Где видите вы образ Божией Матери, где древнюю урну, камень, обломок с надписью.

Познакомился с молодым Графом Виел<ь>горским, который занимается у нее в гроте, по предписанию врача пользоваться как можно более свежим воздухом. Рад был удостовериться, что он искренно любит Русскую Историю и обещает полезного делателя. Его простота, естественность меня поразили. Не встречал я человека, до такой степени безыскусственного, и очень удивился, найдя такого в высшем кругу, между воспитанниками Двора.

13 <марта (н. ст.)>. <...> Ныне предстоит нам *Пантеон*, знаменитый храм, воздвигнутый Марком Агрипиою в честь всех богов, лет за 25 пред воплощением Бога истинного. О Пантеоне и его изящной Греческой архитектуре столько писано, что я считаю за лишнее говорить о нем здесь. Жаль только, что к нему приделаны две колоколенки, которые совершенно ослабляют действие целого. Еще более жаль, что с трех сторон он застроен, облеплен домами, из-за которых его вовсе не видать. Нечистота такая вокруг, что пройти почти нельзя. В двух местах видишь *immondezzaio*^{18!} Как будто в знамение победы над богами языческими. Открыта только передняя часть. Пантеон обращен в церковь Божией Матери и всех мучеников. Во всей ее внутренней окружности, на месте прежних языческих статуй, вы видите олтари с изображением Христианства, Распятого Спасителя и Св. Девы, пред коими беспрестанно преклоняет колена народ. Как это разительно! Наверху ниши, лишенные своих древних обитателей. Верхнее отверстие открыто, и часто случается, что весь Пантеон наполняется водою. Недавно под образом Божией Матери найдена *могила великого Рафаэля*, который один на свете из всех живописцев постиг воображением ее пресвятый лик, и оставил его в своих гениальных произведениях, на поклонение верующих. Он завещал, чтоб тело его было положено именно здесь. Август, Рим, Пантеон, *immondezzaio*, Христианские олтари, Рафаэль! — что за понятия, что за впечатления, что за воспоминания. Год, год надо прожить в Риме.

Мимоходом посмотрели еще на *колонны храма Антониева*, поступившие в фасад таможни, о которых говорили прежде. Для перемены впечатлений от древности обратились мы к новому искусству, и пошли осмотреть славную *Галерею Боргезе*, которая принадлежит к первым в Риме, столько богатом произведениями живописи. Здесь Снятие со Креста, Рафаэля¹⁹, которое, однако же, признаюсь, не произвело на меня особенного действия. Лицо Спасителя и Иоанна Богослова превосходны; но эта фигура выдающаяся человека, который поддерживает Христа, коей так удивляются знатоки, мне вовсе не нравится. Такова и фигура сестры бесноватого отрока в Преображении, которая как будто нарушает гармонию целого. Она встречается и в других картинах. Портреты Рафаэля, двух Юрисконсультов — чудо, живые, страстные. Даная Корреджио, купанье Дианы с Нимфами, Доминикина — особенно замечательны. Описывать картины считаю делом совершенно бесполезным и неблагодарным. — Можно ли передать впечатление? Разве писать оду на картину, как то сделал Жуковский при Дрезденской Мадонне — но здесь их слишком много! Скажу кстати: вкус в живописи, как в архитектуре, как в драматическом искусстве, вообще в поэзии, имеет нужду в изошрении — надо много смотреть на картины и всматриваться, точно как и вчитываться, наблюдать, изучать и сравнивать, чтобы нако-

нец осмелиться на суждение. Всякое дело мастера боится. У нас этого еще не понимают, и всякой берется судить о спектакле, о картине, об увертюре. Procul profani²⁰. Но всякий вправе, следуя своему естественному, врожденному чувству, сказать про себя, а другим разве на ухо: это мне нравится, это мне не нравится: de gustibus non est disputandum²¹. Беда только, если *всякий* начнет умничать, доказывать, и учить, не учась, *почему* ему нравится одно и не нравится другое; беда, если он еще вздумает спорить, настаивать на своем мнении²². Есть достоинства и недостатки тонкие, доступные только для опытного ученого глаза; только образованный вкус понимает законы красоты, или прикладывает теорию к практике — критика.

Зашли в церковь Maria della Pace: четыре Сивиллы Рафаэля. Прекрасные женщины: живописное положение, но я напрасно искал на их лицах удивления, изумления, ожидания, которые должны бы, кажется, выражать они в Христианском храме, предчувствуя и прозревая, хотя темно, явление Спасителя.

Идем по грязной улице. Я не заметил еще читателям, что нет города в Европе столько нечистого, как Рим, кроме разве небольших городов его области. Здесь все дела делаются на улице. — Г<оголь>, как я в первый раз пришел к нему, выплеснул воду из какой-то огромной чаши за окошко. «Помилуй, что ты делаешь это?» «Ничего, — отвечал он, — на счастливого!» Я, впрочем, старался ходить всегда по середине улицы, чтоб не ороситься таким счастьем. На всех самых лучших площадях, на видных местах, вы читаете большими буквами надпись: impondezzajo, т. е. приглашение или позволение делать тут что вам угодно. — Г<оголь>, который слишком хорошо знаком с Римской жизнью, замечает, впрочем, что эти привилегированные места бывают самые чистые, несмотря на позволение Полиции. Около дворцов, церквей, даже в великолепной колоннаде, ведущей к Св. Петру, в его притворе, вы можете увидеть всякие нечистоты. В лучших гостиницах нельзя пройти по лестнице, особенно на площадках при поворотах, не зажимая носа, не поднимая ног, чтоб выбрать тропинку посуше. На многих каменных стенах и заборах вы видите изображение огромных змеев, как то было в древности; доказательство, что эта привычка имеет древнее начало, и верно какую-нибудь физиологическую причину в организме южных италианцев.

Но возвратимся к прежнему. Я сказал, что мы шли по грязной улице — вдруг древняя, прекрасная, высокая стена в два яруса полукружием или, лучше, дугою, с Ионийскими и Дорийскими колоннами. Стена уходит, так сказать, скрывается на обеих сторонах в толпе новых домов, гадких, пошлых, принадлежащих, видно, самым бедным обывателям города. Что это такое?

Это *Театр Марцеллов*, тот театр, который выстроен был Августом для племянника его Марцелла, в котором помещалось тридцать тысяч зрителей; он почти весь разломан; чрез него прорезано несколько улиц и переулков; нижний ярус занят самыми черными кузницами; на двух древних ярусах надстроено два новых безобразных; стены вошли в состав всех здешних домов, в коих четвертая сторона везде Марцеллова. Теснота около него и в нем ужасная — жилья, как вылепленные ячейки, только самые нечистые.

Идем далее. Нечистота увеличивается до невероятности. Утренний дождик, пока мы были в Галлерее Боргезе, произвел грязь истинно непроходимую. Это Жидовский квартал — нечистота к нечистоте. Рыбий рынок, лавки со всякою дрянью для бедных жителей, frutti di mare²³, — самая гадкая часть из всех гадких частей Рима. Что за лавки — просто ужас! Какой народ тут ходит, оборванный, в лохмотьях — и вдруг величавые колонны, лучшего стиля, высокие, благородные: *Портик Октавии к храму Юпитера и Юноны!* Нельзя описать впечатлений, производимых этими знаменитыми остатками древности в тине, в гнили, в грязи настоящего. Мысли о бренности величия человеческого так и взраиваются в душе. Вообразите, что это был великолепнейший портик, построенный также Августом. Довольно сказать, что здесь стояла статуя Венеры Медицейской!

Насилу выбрались мы на простор.

Храм Весты, хорошо сохранившийся, кроме крышки, круглый, колоннами, где теперь помещается церковь S. Maria del Sole.

По мосту (Ponte Fabricio), через остров Св. Варфоломея, и по другому мосту (Ponte gaziano) перешли мы чрез Тибр, в Трастевере к Трастеверинцам, которые считают себя истинными потомками Римлян, и в самом деле отличаются особенною физиогномией, более марциальною, особенными телодвижениями, и ударениями голоса. С моста этого видны остатки Ponte Palasino, теперь *gotto* (разрушенного), восходящего к первым временам Республики!

Церковь Св. Цецилии, на месте дома Святой; показывают место, где она была замучена, в 3 веке. В третьем веке — шутка это? Вот ее баня, и свинцовый сток воды. Сердце трепещет, глядя на остатки и следы такой глубокой древности. В церкви много древней мозаики, 40 колонн из древнего храма, кои с первого взгляда так и мечутся в глаза.

Фарнезина. Дворец, принадлежавший Королю Неаполитанскому²⁴, знаменитый фресками Рафаэлевыми — история Психеи, в 12 картинах. Удивительные фигуры! какие летящие амур, что за грация, что за прелесть! Несколько живописцев, на высоких подмостках, списывают их с разных сторон. В углу колоссальная *голова*, нарисованная Микель Анджелом, который не застал Рафаэля дома, и оставил по себе эту визитную карточку.

Заключили день под ветвистым *дубом Тасса*, где он любил отдыхать, живя в монастыре Св. Онуфрия, и смотрели долго на Рим, расстилавшийся перед нашими глазами до конца горизонта, озаренный лучами заходящего солнца. Много мыслей, много чувств перешло в голове славного страдальца, который приходил сюда отдыхать. Зашли в церковь поклониться праху Тасса и взглянуть на его портрет, но уже было так темно, что ничего разглядеть не могли. Самый портрет росписан *Доминикином!* Монастырь окружен огородом с виноградом и брокколими. Гора очень высока, на которой расположен монастырь и растет этот знаменитый дуб. <...>

14 <марта (н. ст.)>. Решили для отдохновения посвятить нынешний день на обозрение развалин загородных, отдаленных, и наняли коляску на *piazza Antonina*, где только они и собираются (да еще на Испанской площади), за пять рубл<лей> на день.

Мимо Капитолия, Форума и Колизея, в ворота Друзовы, выехали мы на дорогу, на какую дорогу? Аппиеву, знаменитую первую дорогу древнего Рима, построенную в 442 г. от основания Рима Цензором Аппием Клавдием, и ведущую от Брундузий, гавань, из коей Римляне отправлялись на Восток. Во многих местах целые древние камни, даже вся часть настилки, по которой катался и Цезарь, и Цицерон, и Катон, и Помпей в свои виллы или приморские города. Скажите, можно ли равнодушно проехать по такой дороге?

А вот и Христианское воспоминание: здесь явился, говорят, Иисус Христос Апостолу Петру, оставившему Римскую темницу, Который спросил его: *Domine, quo vadis?* Так и называется маленькая церковь, а камень, на котором стоял, как говорит предание, Спаситель, хранится в ближней церкви Св. Севастиана.

По обеим сторонам дороги лежат развалины надгробных памятников, от времени незапамятного, над покойниками неизвестными. Здесь видите вы столб, склонившийся на сторону, там что-то круглое, от которого отвалился один бок, в другом месте груды камней, отрывок стены. Но как все эти развалины убраны, наряжены другом своим — плющом, который вьется везде, вдоль, поперек, вверх, вниз, пробивается чрез все отверстия, обвивается около всякой линии, и раскидывается в самых разнообразных очертаниях. Восхитительно!

Осмотрели одно подземелье, недавно открытое, где найден саркофаг какого-то Сципиона, как думают, брадатого (*barbatus*), перенесенный в Музей Ватиканский; близ него находится частное кладбище, *Colombarium*, в роде погреба, куда сошли мы по узенькой лестнице. Оно принадлежало, видно, одному семейству, и прах всех членов его, чад и домочадцев, полагался в маленьких урнах, расположенных по стене рядами, наподобие ячеек, или, лучше сказать, печурок: число их простирается до ста. Углубления, или ямки для костей закрываются вьюшками. Для

супругов особые отделения, по две печурки вместе. <...> Вновь находимые обломки можно покупать у сторожа или откупщика по полтине за кусок. Это цена средняя, а есть куски и в 5 рублей.

Осмотрев этот примечательный склеп, мы сели опять в коляску, и пустились по Аппиевой дороге к знаменитому памятнику Цецилии Метеллы (супруги Красса), огромному круглому зданию, среди которого находился саркофаг. В Средние времена этот памятник, увеличенный пристройками, составлял крепость и принадлежал Римской фамилии Гаэтанов, которые принимали живое участие в междоусобных войнах. Внизу находятся катакомбы, которые идут туннелем под Тибр. Говорят, что известный исследователь Древностей Средних веков, Дажинкур, заблудился было в них, и спасся по особенному случаю.

Осмотря развалины, мы пошли пешком по полю и приказали коляске ехать и ожидать нас у церкви Св. Урбана, близ Священного леса. Местоположение очаровательное — поле, усеянное развалинами и воспоминаниями, на одной стороне Рим, на другой — Фраскати, Тиволи с их горами.

Обошли кругом огромный *Цирк Каракаллы*, который приписывают теперь Максенцию для его сына Ромула. <...> Вот загородка в Цирке Каракаллы, из-за которой выпускались кони и колесницы на ристалище; вот древняя мета, до которой они должны были достигнуть; вот место поворота! Как все это живо здесь, и следовательно, разительно!

По всему огромному пространству рассыпано было множество путешественников. Где группами, где поодиночке. Со всех сторон слышались разные звуки, французские, немецкие, английские, а мы нарочно заговорили как можно громче по-русски.

Отсюда чрез бедные огороды пошли мы к *Священному лесу*, *Bosco sacro*, куда приходил отдыхать Нума, Нума за 700 лет до Рождества Христова, где прогуливались жрецы храма Бахусова. Вот и *грот Нимфы Эгерии*, с которою Нума советовался о законах религиозных для нового Рима! <...> Грот очень дурно устроен и содержится в пренебрежении. Вблизи стоит, в совершенном уединении, церковь Св. Урбана, в которую обращен храм Бахуса. Все стены и колонны при входе древние, целиком оставленные.

Извозчик, не поняв нас, стал не на то место, которое нами назначено, и мы должны были, с великою досадою, пройти верст пять, чтоб его наконец найти. Погода ясная, но с холодком.

Не имели уже силы заехать в катакомбы под церковь Св. Севастиана — Г<оголь> сказал, что они вроде наших Киевских.

Возвратились мы в город усталые, ослабелые и голодные, а *ave Maria* еще не пропета, и трактиры заперты; насилу дождались. После обеда зашли к Ш<евыреву> и написали план для завтрашнего, ибо все еще кажется мне, что у нас пропадает часа по два, по три в день в напрасных переходах. <...>

15 <марта (н. ст.)>. Нынешний день посвящается Императорам и горе Палатинской, месту древнего Рима, откуда оттеснил жителей в особенности Нерон.

В сады *Фарнезе*, от которых осталось только блистательное имя. Это уже развалины на развалинах. Развалины Средних веков на развалинах Древности. Папа Павел III развел славные свои сады на месте *дворца Калигулы*, для своей племянницы, и давал здесь великолепные празднества, о которых гремела слава во всей Италии. Теперь здесь пустырь и огород, живет один бедный садовник с мальчиком для показов. Наружная поддерживающая стена и лестница, единственные

Остатки роскоши полмертвой²⁵.

Этот пустырь переходил по наследству, и принадлежит Королю Неаполитанскому, который очень рад продать его хоть за что-нибудь. Что за местоположение — пред Капитолием и всеми его монументами, на самом Форуме, который есть теперь его улица, в виду ворот Север-

ных и Колизея, а с другой стороны Circus Maximus, за которым гора Авентинская. Виден и Тибр, и храм Весты, и часть Трастевринская. Стены Калигулины местами обвалились, но местами стоят высоко, повитые плющом, и удивляют еще своей огромностью. Спускались под землю со свечками, чрез прорытые входы — целы многие комнаты с своими стенами, потолками, полами, шуткатуркою, живописью и даже позолотою. Проводник привязывал свой свечок к длинному шесту, и поднимал его кверху, подставлял его к изображениям, лучше сохранившимся. Опять новое ощущение — ходить по тем комнатам, по которым ходили Римские Императоры. <...>

Рядом с развалинами чертогов Калигулы дача англичанина Мильса, также на развалинах, и на каких еще! *дворца Августова!* Что за дача — прелесть, прелесть, очарование! Надо отдать справедливость Англичанам — умеют украсить себе жилище. Целые стены из душистых розанов, померанцев, лимонов, которые красуются на весеннем солнце. Какие цветы! что за чистота! а древние стены, с неразлучным плющом. Мы сели в беседку, над самым цирком (circus maximus), под тению деревьев, навевавших на нас прохладу, нежились, наслаждались, пили благовонный воздух... взор покоился на росписных цветах, на раззолоченных плодах, на зеленом ярком плюще, — и потом обращался невольно к развалинам человеческого величия, и воображение раскидывало перед другими глазами другие картины и другие лица... <...>

Первый этаж дворца Августова отчасти открыт, и его смотреть очень удобно, спустившись по лестнице. Здешние комнаты сохранились гораздо лучше, чем Калигулины. Какая свежая краска во фресках! — Очищены целые корридоры. Вот бани Ливии. Картины по черному полю очень эффектны. Если взрывать виллу, то весь этаж откроется. Но жаль и ее. Англичанин живет здесь только весною, а летом над этими прелестями и красотами природы господствует злобный воздух, который выгоняет обитателей. Домик у Мильса очень хорош, и в нем есть еще сокровище: стена, расписанная Рафаэлем; но мы не могли взглянуть на нее.

На месте *Неронова дворца*, от которого осталось менее развалин, находится теперь монастырь строгих братьев, искупляющих неистовые оргии гнусного тирана.

Обошли Неронов дворец, занимавший пространство неизмеримое!

В *бани Каракаллы*, которые отстоят, однако ж, довольно далеко за городом. Я не знаю никакого здания, которое можно бы сравнить с этими банями, чтоб подать вам какое-нибудь понятие. Наши трехэтажные и четырехэтажные дома кажутся какими-то избушками, а капитальные стены какими-то заборишками подле этих исполинских стен, простирающихся в длину на 690 ф<утов>, в ширину на 450, и на 2230 ф<утов> в окружности. Только и осталось что они, наружные и внутренние, поперечные. <...>

Долго ходили мы по пустынным залам, заросшим травой, без протоптанных тропинок, где неистовствовало Римское сластолюбие. Бани у древних заменяли наши кофейные и рестораны. Там любили они гулять, пировать, или только нежиться, роскошествовать, читать. О великолепии бань Каракаллиных не наговорятся древние. Здесь было 1600 мест из полированного мрамора. О великолепии и важности украшений можете судить, если я вам скажу, что после всех опустошений, здесь найден Геркулес Фарнезский, Торс Бельведерский, ненаглядное сокровище Микель-Анджело, Флора, Фарнезский бык и проч. Поиски здесь продолжаются; мелкие куски и обломки собраны в одном сарае, устроенном между стенами, и продаются желающим очень дешево.

Как мы выходили, приехало в бани большое общество, и кажется, русское, потому что в массе французского и английского говора слышалось несколько беглых русских звуков. Я заговорил нарочно с своими, чтоб показать, что и мы русские, но не произвел ни малейшего действия. Прошли как чужие. Я не постигаю, как грубеет настоящее национальное и даже человеческое чувство в этих господах, хотя, может быть, и очень утончается космополитическое! Мне грустно было смотреть на них. <...>

Это впечатление изглажено было, однако ж, нынче за обедом у Графа Виельгорского, который... ну да, может быть, он прочтет эти строки, так я не стану говорить об нем¹. Познакомился с Г. Липманом²⁶, который преподавал Всеобщую Историю Государю Цесаревичу. Молодой Гр<аф> В<иельгорский> показывал мне свои материалы для Литературы Русской Истории. Прекрасный труд, — но приведет ли Бог кончить. Румянец на щеках его не предвещает добра. Он работает, однако же, беспрестанно. <...>

16 <марта (н. ст.)>. Погода предурная. Нынешний день посвящается церквам и какой-нибудь галлерее²⁷.

Андрея делла Валле с четырьмя Евангелистами Доминикина и плафоном.

Maria della Minerva, переделанная из древнего храма, со статуею Микель-Анджела Иисуса Христа.

С. Августина с картинами Гверчино, Караваджио, Пророком Исаией Рафаэля <...> и статуей Божией Матери... <...>

Богатейшая Церковь *Gesu* с колоннами из лаписа.

Обошед церкви, отправились в *Галлерию Дориа*: это один из великолепнейших дворцов в Риме, с знаменитою картинною галлереей. <...> Здесь знаменитый портрет Иоанны II Неаполитанской Леонардо да Винчи, Авраам Тицианов, портрет его в старости, Иоанн Креститель Гверчина, Каин и Авель Сальватора Розы, одна из лучших Мадонн Сассоферато. Как досадно, что пропустил знаменитую Клод де Лорреневу мельницу. Великолепные чертоги, лестницы, горницы, галлерей. <...>

17 <марта (н. ст.)>. Дождь льет ливнем. <...> Эти два дня очень бедны. Мы не увидели много нового, по крайней мере пользуясь дурною погодою, отдохнем для будущих путешествий.

Погода лучше, и мы можем выйти на Божий свет.

18 <марта (н. ст.)>. Были у *Св. Лоренца*, где находится знаменитое «Распятие» Гвида Рени.

В *Ватикане*, надеясь попасть в Музеи. <...> ...Заперт: ныне праздник какого-то Святого! <...> Весь день потеряян. <...>

19 <марта (н. ст.)>. В Галерею *Роспильёзи*. <...>

К Св. Петру in *Vincoli* (у нас в Москве есть церковь Вериг Св. Петра). Здесь статуя *Моисея Микель-Анджела*, сидящая. <...>

Остановился у *храма Палладия*, близ Форума, около которого до сих пор проходили мимо. <...>

Обошли *бани Титовы*, примыкавшие к дворцу Неронову. <...>

Время прекрасное, и мы решились идти в *виллу Албини*. <...>

На возвратном пути зашли в *Диоклетиановы бани*, в которых устроен монастырь Капуцинов. <...>

Взглянули чрез забор на *сады Саллюстия*, в которых разведен теперь огород, и вдали виднеется древняя стена — это, говорят, храм Венеры, обращенный с одной стороны в кузницу, только не Вулканом.

20 <марта (н. ст.)>. Поспешили на *piazza Navona*, которая по средам бывает нашим толкучим рынком. Все харчевни убраны ныне лавровыми и миртовыми деревьями, с блистающими лимонами в ветвях, точно как у нас лавки украшаются березками в Троицын день. Ныне день Св. Иосифа, покровителя плотников. По всем углам в улицах поставлены на четырех столбиках, обвитых зеленью, под нарядным навесом, походные кухни; здесь на пылающих углях в оливковом масле жарятся *fritti*, вроде наших пряженцев, в честь Святого Иосифа. <...>

Ныне a l'ordre du jour²⁸ Галерея Корсини. <...>

¹ Нет, он не прочтет их! Достойный юноша скончался вскоре после нашего отъезда из Рима. — *Примеч. М. П. Погодина.*

Наняли коляску и отправились на виллу Памфили. <...>

Долго гуляли мы по рощам и смотрели издали на Рим. Жаль, что еще не все расцвело. Это одна из приятнейших прогулок.

21 <марта (н. ст.)>. Наконец ныне отверзаются двери Ватикана. <...> ...Отправились к статуям. Начали с отделения, которое называется *Vraccio puovo*: в прекрасной галлерее, в коей свет падет сверху, по обеим сторонам стоят мраморные статуи, в рост человеческий — вот Император Траян, Тит, Адриан, Марк Аврелий, вот пленные Даки, на которых указал мне Ш<евырев>, — чистые Славяне, Русские мужики²⁹. <...> Ш<евырев> пробудил меня восклицанием: приготовься, ты увидишь сейчас *Аполлона Бельведерского*. <...> Не знаю, сколько времени остались бы мы перед этим чудом древности, если б Ш<евырев> не вызвал нас из этого сладкого самозабвения, сказав, что чрез пять минут запрется Ватикан. <...>

22 <марта (н. ст.)>. Опять в Ватикан, которого вчера не успели и обежать. Начали с *Этрусского Музея*, только что устроенного. <...> Из Этрусского музея перешли мы в *Египетский*. Здесь видите вы искусство Египтян, на всех степенях его развития... <...> Я звал Ш<евырева>, который читал нам лекции обо всех этих предметах, к Аполлону, к Лаокоону — освежиться, обрадоваться после этих мрачных, мертвенных произведений троглодитного племени. <...>

Обедал у Гр<афа> В<иельгорского>, который прочел свою новую оперу *Цыган*. В ней разве один недостаток, что слишком много хорошего. <...>

23 <марта (н. ст.)>. Опять в Ватикан с Ш<евыревым>. <...> После обеда отправились с Ш<евыревым> к Иезуитам, в их коллегию. Все двери и ворота заперты. <...>

В *Пропаганду*, к *Тайнеру*, с которым познакомился Ш<евырев>. Привратник указал дорогу. Проходили по прекрасным, светлым обширным корридорам. <...> Наконец указали нам дверь к Г. Тайнеру. Принял он нас очень приветливо. Маленькая комнатка, в которой разбросаны все вещи, в ужасном беспорядке, которому я только могу не удивляться. Ш<евырев> представил меня как Профессора Русской Истории, и разговор тотчас начался об исторических отношениях Церкви Греческой и Римской, в коем приняло участие и четвертое лицо, встреченное нами в комнате. Эти господа начали напевать свои песни: Русская Церковь, говорили они, гораздо ближе к Римской, чем самая Греческая. Вы приняли Христианскую веру, как она была чиста еще в Византии, и сохранили до сих пор в первоначальной чистоте, а Греки увлеклись после вашего уже обращения, и с Патриарха Михаила Церуллярия начинается собственно разлучение. Владимир ваш был совершенной Католик, которого мы считаем Святым. Его устав есть чистый Католический. О древней местной разности в обрядах, существовавшей еще до разделения, говорить нечего.

Эге, братцы, подумал я, уж не хотите ли вы обращать нас! Но не на тех напали! Мне, впрочем, захотелось выведать у них побольше, чтоб узнать, каким образом эти господа поступают с нашими несчастными соотечественниками, которых они убеждают целовать Папские туфли. Я говорил Тайнеру: да, конечно, разумеется. Другое лицо горячилось, — видно, что оно посвящено еще недавно. Это был грек, но говорил по-арабски.

Тайнер пишет сочинение о распространении Христианской Веры на Севере, с приложением многих документов. У него есть письмо Иоанна Грозного к Пассевину, доселе неизвестное, которое он обещал показать после. Густав Ваза за два года до своего соединения с Лютеранизмом, обещал Папе обратить всю Россию в Католическую веру. Он имеет до 200 писем Стефана Батория. <...>

24 <марта (н. ст.)>. <...> Поспешил домой за женою, чтоб идти к Св. Петру, где празднуется ныне Вербное воскресенье, и начинаются церковные торжества, новые достопримечательности³⁰.

Впервые опубликовано: <Погодин>. Месяц в Риме // Москвитянин. 1842. Ч. I. № 2 (цензурное разрешение 16 февраля 1842 г.; цензор Н. Крылов). С. 360–410. Перепечатано: Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник

М. Погодина. М., 1844. Ч. 2 (цензурное разрешение 19 июня 1844 г.; цензор В. Флеров). С. 1–80. Печатается по первой публикации.

Стиль путевых записок М. П. Погодина был подвергнут осмеянию в пародии В. Г. Белинского и А. И. Герцена «Путевые Записки г. Вёдрина» (<Белинский В. Г., Герцен А. И.> Путевые Записки г. Вёдрина // Отечественные Записки. 1843. № 11 (цензурное разрешение 31 окт.). Отд. 8. Смесь. С. 58–60).

¹ Т. е. старый город.

² Чашку кофе... хлеба (*ит.*).

³ Ср. описание сада Плюшкина в шестой главе первого тома «Мертвых душ»: «...все было хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соединятся вместе, когда по нагроможденному, часто без толку, труду человека пройдет окончательным резцом своим природа, облегчит тяжелые массы, уничтожит грубо-ощутительную правильность и нищенские прорехи, сквозь которые проглядывает нескрытый, нагой план, и даст чудную теплоту всему, что создано в ладе размеренной чистоты и опрятности».

⁴ Об историко-культурной концепции Гоголя, в которой важное место занимают размышления о роли американского золота в возникновении новейшей европейской цивилизации см.: *Виноградов И. А.* От «Невского проспекта» до «Рима» // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 3–4. С. 505–570; *Виноградов И. А.* Гоголь — историк и наблюдатель быта. (К истории и психологии «общества потребления») // Н. В. Гоголь и его творческое наследие. Десятые Гоголевские чтения. М., 2010 <2011>. С. 120–127.

⁵ Ср. размышление Гоголя о различии «европейских и славянских» воззрений на Россию в статье «Споры»: «Один подошел слишком близко к строению, так что видит одну часть его; другой отошел от него слишком далеко, так что видит весь фасад, но по частям не видит. Разумеется, правды больше на стороне славянистов и восточников, потому что они все-таки видят весь фасад и, стало быть, все-таки говорят о главном, а не о частях. Но и на стороне европистов и западников тоже есть правда, потому что они говорят довольно подробно и отчетливо о той стене, которая стоит перед их глазами; вина их в том только, что из-за карниза, венчающего эту стену, не видится им верхушка всего строения, то есть главы, купола и все, что ни есть в вышине».

⁶ Аве Мария — «Богородице Дево, радуйся», христианская молитва.

⁷ Макароны в запеканке (*фр.*).

⁸ Мозги (*ит.*).

⁹ Кефаль с картофелем (*ит.*).

¹⁰ Английский суп (*ит.*).

¹¹ Фруктовый пирог (*ит.*).

¹² Тесто в отваре (*ит.*).

¹³ Голова (*ит.*).

¹⁴ Кисло-сладкий (*ит.*).

¹⁵ Цыпленок (*ит.*).

¹⁶ Крем (*ит.*).

¹⁷ См.: *Джулиани Р.* О жанре и источниках обложки «Мертвых душ» // Н. В. Гоголь и его творческое наследие. Десятые Гоголевские чтения. М., 2010 <2011>. С. 75–85.

¹⁸ Помойка, свалка, мусорная куча (*ит.*).

¹⁹ Имеется в виду «Положение во гроб» С. Рафаэля (1507). О восприятии Гоголем этой картины см. в наст. изд. в разделе «Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в письмах П. А. Кулиша», а также в дневниковой записи В. А. Жуковского от 17/29 декабря 1838 г.

²⁰ Прочь, невежды! (*лат.*).

²¹ О вкусах не спорят (*лат.*).

²² Реминисценция басни И. А. Крылова «Голик» (1825): «Бывает столько же вреда, / Когда / Невежа не в свои дела влетается, / И поправлять труды ученого возьмется» (см. в наст. изд. текстологическое примеч. к дневниковой записи М. П. Погодина от 2 апреля (н. ст.) 1839 г. в разделе «Из статьи М. П. Погодина “Месяц в Риме (окончание)” (“Год в чужих краях”, ч. 2)». Содержание этой басни Крылова отзывается в образе Собакевича в «Мертвых душах».

²³ *Frutti di mare* (*ит.*) — плоды (дары) моря; морепродукты (съедобные моллюски, устрицы).

²⁴ Фердинанд II (1810–1859), король Обеих Сицилий в 1830–1859 гг.

²⁵ Стих из «Оды на разрушение Вавилона» (1801) А. Ф. Мерзлякова.

²⁶ Федор Иванович (Фридрих Леберехт) Липман (1784–1854), преподаватель истории.

²⁷ Возможно, дальнейшие обзоры совершались уже без Гоголя. В записи от 21 марта (н. ст.) Погодин в качестве своего спутника упоминает С. П. Шевырева (см. ниже), который к тому времени, вероятно, выздоровел.

²⁸ Повестка дня (*фр.*).

²⁹ В 1846 г. С. П. Шевырев также указывал: «К числу Словенских типов, завещанных нам древними, должно <...> отнести Точильщика в трибуне Флорентийской, голову Дака в Ватикане (Braggio puovo), которой невольно кланяешься, как будто голове своего земляка, когда ее видишь, и фигуры Даков пленных на барельефах Траяновой колонны. <...> Умирающий Гладиатор, статуя в Музее Капитолийском, прославленная стихами Байрона, представляет тип Словенский. Мицкевич первый осмелился это высказать. Важнейшее доказательство, разумеется, самое лицо, носящее на себе явные признаки Словенского, скажу Русского образа. Кроме того, должно еще обратить внимание на витую жгутком или веревочкой повязку около шеи. Винкельман и Феа объясняли это различным образом: всего более остановились на том мнении, что этой веревкою обвязывали себе шею глашатаи, чтобы предохранить жилы шеи во время крика, который должны были издавать они. Объяснение натянуто! Не есть ли это наша гривна? Образцы гривен, находимых у нас, также виты веревкой; гривна также плотно прилегала к шее: доказательством тому служит гривна Георгия, отрока Борисова. Убийцы, чтобы снять ее, должны были разрубить ему шею» (История русской словесности, преимущественно древней. XXXIII публичные лекции *Степана Шевырева*, О<рдинарного> Профессора Московского Университета. М., 1846 (цензурное разрешение 19 марта). Т. I. Ч. 1. С. 105). В. В. Толбин в 1858 г. писал об изображении раба на картине А. А. Иванова «Явление Мессии»: «Вся фигура и вся поза раба сильно напоминают и похожи на фигуру и позу “Точильщика”, статуя, находящаяся во второй античной галерее академического музеума...» (имеется в виду копия древней статуи, находящейся во Флоренции, в галерее Уффици; именно об этой статуе, относящейся «к числу словенских типов», упоминал в 1846 г. С. П. Шевырев) (*Толбин В. <В.> О картине г. Иванова // Сын Отечества. 1858. 22 июня. № 25. С. 711*).

³⁰ На этом заканчивается первая часть воспоминаний Погодина «Месяц в Риме», опубликованная в № 2 «Москвитянина» за 1842 г. В № 3 Погодин поместил «Рим» Гоголя (*Гоголь. Рим. Отрывок // Москвитянин. 1842. Ч. II. № 3* (цензурное разрешение 11 марта; цензор Н. Крылов). С. 22–67), а вторую часть своих воспоминаний «Месяц в Риме» напечатал в № 4. Тем самым статья Погодина стала как бы «обрамлением» — предисловием и послесловием — к гоголевскому «Риму». «Месяц в Риме» Погодина часто содержит подробное описание тех «гоголевских» мест, о посещении которых Гоголем известно из других источников.

Погодин постоянно стремился к подобному «обрамлению» в журнале своих дневниковых записей 1839 г. теми или иными материалами, связанными с Гоголем. Так, сразу после своей статьи «Месяц в Париже. (Из дорожного дневника <2–17 мая> 1839)», напечатанной в № 1 «Москвитянина» за 1841 год (С. 76–130; цензурное разрешение 13 дек. 1840 г.), он поместил повесть А. Ф. Вельтмана «Приезжий из уезда, или Суматоха в столице» (С. 131–218), которая начиналась словами: «Всем уже известно и переизвестно из повести “Неистовый Роланд” <повесть А. Ф. Вельтмана с сюжетом, близким «Ревизору»; опубликована в 1835 г. в т. 10 «Библиотеки для Чтения»> и из комедии “Ревизор” и из иных повестей и комедий, о приезжих из столицы, сколько происходило суматох в уездных городах от приездов губернаторов, виц-губернаторов и ревизоров. Теперь следует по принадлежности описать, как в столицах происходила подобная же суматоха от приезжего из уезда, и как принят был qui pro quo, или сей вместо этого» (*Вельтман Ал. Приезжий из уезда, или Суматоха в столице // Москвитянин. 1841. № 1* (цензурное разрешение 13 дек. 1840 г.). С. 131). См. также в наст. изд. коммент. к статье Г. П. Данилевского «Основьяненко (Г. Ф. Квитка) . Материалы для истории украинской литературы».

С парижскими описаниями повести Гоголя «Рим» соотносимы еще две публикации Погодина, повествующие о его пребывании в Париже: *Погодин М. Месяц в Париже. (Продолжение <19 мая – 2 июня 1839>) // Москвитянин. 1841. № 2* (цензурное разрешение 13 дек. 1840 г.). С. 430–459; *Погодин М. Еще две недели в Париже <4–10 июня 1839> // Москвитянин. 1841. № 3* (цензурное разрешение 10 февр.). С. 50–77.

В четвертом номере «Москвитянина» за 1841 г. было напечатано: Прибавление к изящной словесности. *Гоголь. Новые сцены к комедии Ревизор // Москвитянин. 1841. № 4* (цензурное разрешение 27 марта). С. 578–593, с подстрочным (к заглавию) примечанием Погодина: «Автор прислал из Рима “Ревизора” для нового издания, исправленного.

Следующими сценами заменяется прежнее начало 4 действия» (С. 578). На с. 593 этого номера журнала следовало еще одно примечание Погодина: «Второе издание будет готово к 1 Мая; кому из иногородних угодно иметь оное, немедленно по выходе, то благоволят относиться в газетную экспедицию Московского почтамта, не прилагая ничего за пересылку. Цена два рубля серебром. К этому изданию приложатся несколько новых сцен, оставленных при первом издании. Также письмо автора о первом представлении».

В пятом номере «Москвитянина» за 1841 г. последовали еще две публикации: *Гоголь*. Сцена. Хлестаков и Растаковский... // Москвитянин. 1841. № 5 (цензурное разрешение 7 апр.). С. 37–40; *Погодин*. Венеция. (Из дорожного дневника <27 февраля – 2 марта (н. ст.)> 1838) // Москвитянин. 1841. № 5. С. 41–60.

В седьмом номере журнала за тот же год были опубликованы дневниковые заметки Погодина о посещении Неаполя 12–17 апреля (н. ст.) 1839 г.: *Погодин*. Неаполь // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.). С. 6–21.

Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2)

24 марта <н. ст.>. Множество народа толпилось по улицам; и в церкви множество, а не тесно. И никогда не бывает тесно, как сказал нам Ш<евырев>. <...> ...Пошли <...> осматривать *Галерею Шиары* <...> Ш<евырев> говорит, что ему Перуджин нравится более всех. Я не скажу этого. <...>

Мы приглашены ныне обедать к Князю Д<митрию> В<ладимировичу>!... <...>

Вечер у Кн<ягини> В<олконской>, куда обещал прийти Г<оголь> и прочесть что-нибудь из новых своих сочинений. Мы прождали его понапрасну. Я толковал все с Бруни; он намеревается изобразить все важнейшие происшествия в Истории рода человеческого, по своим полезным следствиям, — изобретения, открытия, учения и тому под. Мысль прекрасная и достойная нашего века, который начинает отдавать справедливость пользе, а не славе, и отличать, хоть кое-где, кое-когда и кое-как, мишуру от золота.

25 <марта (н. ст.)>. В Ватиканскую библиотеку с Ш<евыревым>. <...> Г<оголь> повел нас в студию (рабочую) русского художника *Иванова*. Это новое для нас зрелище. Студия — огромная комната, или, лучше сказать, помещение, иногда часть какого-нибудь сарая, только с хорошим и выгодным светом, падающим сверху или с боков. Мы увидели в комнате Г. Иванова ужасный беспорядок, но такой беспорядок, который тотчас дает знать о принадлежности своей художнику. Стены исписаны разными фигурами, которая мелом, которая углем, — вот группа, вот целый эскиз. Там висит прекрасный дорогой эстамп, здесь приклеен или прилеплен какой-то очерк. В одном углу на полу валяется всякая рухлядь, в другом — исчерченные картоны. В середине господствует на огромных подставках картина, над которою трудится художник. Сам он в простой холстинной блузе, с долгими волосами, которых он не стриг, кажется, года два, не бритый недели две, с палитрою в одной руке, с кистью в другой, стоит один-одинёхонек перед нею, погруженный в размышления. Вокруг него по всем сторонам лежит несколько картонов, с его корректурами, т. е. с разными опытами представить то или другое лицо, разместить фигуры так или иначе. Повторяю — это явление было для нас совершенно ново и разительно.

Приходом своим мы пробудили художника.

Картина представляет проповедь в пустыне Св. Иоанна Крестителя, который указывает на Спасителя, вдали идущего. Прекрасное сочинение: Иисус Христос, чуть видный вдали, произвел на меня особенное действие и мгновенно навел задумчивость. Счастливая мысль, которой подобной я не видал никогда. Прекрасно положение и Крестителя, вещающего и указывающего на идущего Спасителя. — Один молодой человек только что вышел из вод Иордана, и надевает белую рубашку; другие слушают с сомнением, третьи с верою. Одним словом, задумано превосходно — есть где развернуться художнику, есть что представить. Дай Бог ему

Российской славы к совершенству.

Говорят, что Г. Иванов работает очень медленно, беспрестанно поправляет себя, недовольный. Жаль; с таким расположением души лучше б ему писать картины не столь сложные, как эта. Час, проведенный с особенным удовольствием!

Пешком в *виллу Боргезе* — богатейшее собрание статуй, бюстов и мозаиков древних, зал десять. Мы, разумеется, только что обежали; после Ватиканского собрания недостает и силы обратить должное внимание на все эти сокровища.

Прогулялись по прекрасному тенистому саду; какие высокие деревья! <...> К вечеру погода испортилась.

26 <марта (н. ст.)>. Дождь льет ливнем. Нельзя никуда показать носу, однако я решился, кончив Италиянский урок, хоть плыть да быть у Ш<евырева> и сделал записку, что еще осматривать нужно в Риме. После обеда немножко разгулялось время, но произошло несколько недоразумений, и мы пошли посмотреть студии знаменитых художников уже поздно — *Торвальдсена*, *Тенерани*, *Джибсона*, *Выйята*. Успели взглянуть только на Тенерани, который считается первым италианским ваятелем. <...> Дождь не перестает. Толковали с Г<оголем> о Русской литературе, за рюмками сладенького и легонького Дженсано, ей на здоровье, и на освобождение от ига двадцати язык. <...>

27 <марта (н. ст.)>. <...> Зашли с Ш<евыревым> на Форум. <...> С Форума поворотили направо. <...> Вышли ко храмину Весты, или Солнца, где ныне церковь Солнечной Божией Матери. <...> Ш<евырев> завел на *виллу Гонзаги*, на берегу Тибра, где Кн<ягиня> В<олконская> давала ему праздник в день именин его, декабря 27 / января 8, на открытом воздухе, под тению лимонов. Прекрасный уголок земли, покрытый цветами и плодами. Теперь все в полном цвете, а кругом за стенами ужасная гадость со всех сторон. <...> Позавтракав у подошвы горы Testaccio <...> пошли на *кладбище*, очень хорошо устроенное, для иностранцев: англичан, русских и жидов. Постояли на могиле Княжны В<яземской>², дочери нашего доброго Кн<язя> П<етра> А<ндреевича>. — Русская могила, вдали от отечества, наводит особое уныние на душу! <...> ...Теперь начинаются торжественные служения Страстной и Святой недели, для которых наезжает путешественников отовсюду. Осмотры наши прекращаются, ибо надо ходить всякой день к Св. Петру раза по два. <...>

28 <марта (н. ст.)>. К Св. Петру. Ныне умовение ног. <...>

29 <марта (н. ст.)>. В рабочую к *Торвальдсену*. <...> ...В 6 часов к Св. Петру.

Ныне Miserege поется в капелле Сикстовой, у Микель-Анджело! <...> Теперь начнутся церемонии в храме Св. Петра. <...> Лавки изукрашены — прелесть: сало, сыр, ветчина, являются здесь в таких изящных формах, что загляденье. Плошек, стаканчиков разноцветных, видимо-невидимо. Масло оливное сияет в прозрачных сосудах. Блеск ослепительный! Золото, серебро, бриллианты, так и сверкают перед глазами. Окорока все в гирляндах, с лавровыми венками. Сало пирамидами, сыр колоннами и обелисками в цветах и зелени. <...>

30 <марта (н. ст.)>. Ш<евырев> послал нам приглашение осматривать ныне *галерею Кардинала Феша* с Княгиней Г<олицыной>³. <...> От Феша отправились в Капитолий; по дороге застал нас дождик, и мы забежали в церковь Iesu. Учтивый Аббат встретился в дверях и предложил жене моей свой зонтик. <...>

Il museo Capitolino заключает в себе также множество сокровищ <...> в двух обширных залах помещается картинная галерея: превосходная Сивилла *Доминикина*, другая Сивилла *Гверчина*, Андромеда *Гвида*, мальчик с Ангелами *Гвида*, Магдалина *Тициана*, повторение Венецианской. Душа, *Гвида*, Св. Севастиан, его же; Цыганка, *Караваджио*; огромная картина *Гверчина*, во всю стену, представляющая мучения Св. Петрониллы⁴. Рядом с нею оставлена копия нашего художника *Серебрякова*⁵, копия, которая смело может стоять подле своего подлинника. Художник предлагает ее любителям. С горестию подумал, что у нас перевелись почти эти вельможи, которые посвящали

бы свои избытки искусствам, собирали бы произведения, занимали бы своих художников. Истратить пять-десять тысяч на бал, двадцать тысяч на туалет, о, на это мы готовы, хоть в долг; но заплатить пятьдесят рублей за книгу, — заказать в тысячу рублей картину — слуги покорные! Да где продается книга? да что же делать с картиною? Вельможи прошедшего столетия покупали библиотеки, заводили галереи, собрания редкостей, положим, без толку, по советам иностранцев, которые их обманывали и разоряли, — это была крайность. — Но куда же вышли из этой крайности их дети? К другой крайности — пренебрегать и книги, и картины, и редкости, и бросать свои деньги на удовольствия гораздо более ничтожные, пустые, ветротленные, чем удовольствия их отцов.

Я пристрастен, я увлекаюсь, — но сочтите мне, сколько есть вельмож в России, которые купят в год на двести рублей Русских книг⁶! <...>

31 <марта (н. ст.)>. День Светлого Воскресения, по римскому календарю. Отправились к Св. Петру. <...>

Нельзя было возвращаться домой с таким множеством экипажей, которые все толпились на одной улице. <...> Переждав разъезд, отправились к Ш<евыреву>, и с ним вместе обедать на виллу к Княгине В<олконской>. — Обедало несколько русских. После обеда дамы поехали в город в экипажах, а мужчины пешком.

Зашли в церковь Св. Климента, где в подземном склепе почивают мощи Св. Кирилла, избретателя Славянской грамоты. Хотелось было сходить в подземелье, но не было Патера, у которого хранятся ключи. Церковь древняя, но бедная, и имеет много колонн Римских. Постояли у Колизея и посмотрели на пляску национальную Saltarella, среди глазевшей толпы. <...> Из дома, лишь начинало смеркаться, повел я опять жену к Св. Петру смотреть знаменитую иллюминацию. <...>

Апреля 1 <н. ст.>. Принуждены были посвятить день отдыху и поберечь силы для вечера. По крайней мере обойдем рабочие Русских художников, кои все почти у нас в соседстве. Г. Скотти⁷, сын того Скотти⁸, который усеял Ангелами купол Шереметевой церкви в Москве, начал писать портрет с меня. Были у Г. Ефимова⁹, архитектора, который путешествовал по Греции и Египту, и рассматривали полный портфель его. От него к Бруни, нет дома; к Живаго, нет дома, к Маркову¹⁰, нет дома. Впрочем, немудрено ибо ныне праздник. С досады пошли к чужим: к Джибсону, первому английскому ваятелю, — дома. Множество прекрасных грациозных произведений. Англичане вообще отличаются теперь в скульптуре, которая процветает преимущественно в наше время, ибо живописцев, кроме наших, нет отличных в Риме, ни даже в Европе. Кого поставят они рядом с Брюлловым, Бруни! Были у Выйята, также отличного ваятеля. Английские художники гораздо приветливее, любезнее своих соотечественников.

Зашли к оному французскому художнику, который гравировал Мадонну Бруни¹¹. Мне показалась она слишком идеальной, почти фантастической. Потом италианцу, который пишет зверей, и показал нам две славные картины Пуссеня.

Другая рабочая Торвальдсена так же полна, как первая. Воображение его неистоичимо, но руки отказываются.

В сумерки отправились к крепости Св. Ангела, в коей ныне будет сожжен знаменитый фейерверк, сочиненный Микель-Анджелом. Та же история дорогою с экипажами. Вдалеке еще от Св. Ангела начали предлагать нам места в домах, откуда можно смотреть жирандолу. Мы отказывались, желая подойти ближе, но ближе все уже было занято, и мы не могли получить ни одного места. Надо было остаться на площади перед мостом. Теснота и давка страшная, а всего опаснее жандармы, которые без всяких объяснений готовы были, кажется, ездить по головам. С нами был Г<оголь> и художник И<ванов>. — Решились воротиться; по прежней дороге не было никакой возможности, ибо она вся запружена народом и экипажами. Продравшись кое-как чрез толпу, поворотили по глухим улицам и переулкам, в которых не видать и не слышать было ни души. Темнота, хоть глаз уколи, ни из одного окна не светило огонька. И странно и досадно, что теряем случай видеть знаменитейший в Европе фейерверк. А все виноват

Г<оголь>, который отсоветовал хлопотать о местах заранее, уверяя, что их получить легко. Спутники наши, зная хорошо Рим, вывели нас наконец на нашу *via del Condotti*, в значительном расстоянии от площади, где экипажи уже перерывались. Начали толкаться наудачу в двери, и наконец в одном домишке придверник предложил нам четыре места; по скверной темной лестнице через заваленные комнаты провел он нас на свой балкончик, над Тибром, наискось, впрочем отдаленную, от мавзолея Адриана. Людей натыкано было на этом брэнном балкончике столько, что я побоялся, как бы он не обломился.

Мы стали одною ногою на балкон, а другою на пороге, чтоб на всякой случай иметь хоть какую-нибудь точку опоры. Разумеется, нам будет видно хуже через головы, зато безопаснее. В комнатке горел какой-то тусклый ночник. А что за фигуры стоят подле нас! Они тотчас начали ссору с хозяином, зачем напускал он лишних людей сверх договора; хозяин стал приводить им причины, оправдываться, но вот прошипела и сверкнула ракета, — внимание устремилось, и ссора затихла. Первая декорация понравилась особенно — густые облака дыму рассеялись, и крепость Св. Ангела представилась каким-то волшебным замком, вся в пламени; залились огненные фонтаны, загремели бураки из тысячи ракетов, которые рассыпались над Тибром, при залпах из пушек. Пушечные удары, коими как будто заключалась всякая часть фейерверка, наполняли громом всю окрестность, неслись по реке и отдавались вдали, производя особенное действие. Торжественно, величественно, высоко! Нас так и обсыпало искрами беспрестанно. Прилетали и заертки, головни. Стекла звенели, дома дрожали, — того и глядел я, что балкончик наш кувыркнется в Тибр, и, каюсь в трусости, я прижимался к стене.

Некоторые штуки не удались, и наши товарищи, которые видали жирандолу несколько раз, принимались ругать нового архитектора, вздумавшего будто поумничать и сделать перемену в сочинении Микель-Анджело. Мы услышали после, что народ на площади освистал его в наказание за дерзость¹.

Что до нас, мы были очень довольны и тем, что видели, ибо до сих пор не знали ничего лучше в этом роде. Пресмешно выбирались мы из нашего курятника — что за клетки, переходы, лестницы!

Воротились домой без дальних приключений и опасностей; как-то особенно посчастливилось: а экипажей было много, но они разъезжались с промежутками один за другим, или сталкивались только на просторных площадках, и мы не натерпелись никакого страха. Мое опасение, — мне не хотелось идти на жирандолу, не запасясь местами предварительно, — оказалось несправедливым, и я был очень рад.

Скорее спать, чтоб завтра подняться пораньше: мы уговорились с Р<ихтером> и Г<оголем> ехать в пять часов утра в Тиволи, если будет хороша погода.

2 <апреля (н. ст.)>. Поднялись спозаранку и выехали из Рима воротами С. Лоренца близ монастыря того же имени, куда Римлянки, принадлежащие к числу сестер милосердия, по вторникам ночью, с факелами, приходят большой процессией молиться Богу. По плохому мосту переехали через Горациев Анио.

По дороге видишь кое-где гробницы, или, лучше сказать, груды камней. Что за мертвенная природа вокруг!

Синее озеро *Сольфатара*, разносящее далеко противный запах тухлых яиц. Здесь были бани Агриппы, куда ездил и Август.

¹ Далее в публикации 1844 г. (с. 120) следует:

Бывает столько же вреда,

Когда

Невежа не в свои дела вpletется,

И поправлять труды ученого возьмется.

Сказал давно наш Крылов. Что до нас, мы были очень довольны...

Близ самого *Тиволи* начинаются масличные рощи: деревья, тонкие, искривленные и дуловатые, похожие наружностью на наши ивы; ничего красивого, живописного. Гордишко самый бедный; кажется, не живет здесь ни одного порядочного человека, а построен за 500 лет почти до Рима, следовательно за 3000 лет до нашего времени! От ворот, с горы, прекрасный вид на Римское поле и город; но дождик помешал нам насладиться. Мы остановились в гостиннице подле храма Весты, на вершине скалы. Знаменитый водопад пред глазами. Аниене бросается стремглав в пропасть, сажень в десять глубиною. И падает она прекрасно, а упадет еще лучше. Бездна пены, брызгов, шуму,

Алмазна сыплется гора¹².

И вдруг солнечный луч пронесит воду и радужные цветы засверкают...

Река, угрожавшая наводнением городу и особенно храму Весты, отведена в сторону, сквозь гору, по которой проложен красивый, новый мост. Водопад лишился несколько пиитической своей дикости, зато приобрел прозаическую безопасность: мы наняли четырех лошаков с двумя проводниками. Пресмешная процессия составила из нас, как мы, в разнообразных своих костюмах, — плащах, солопах, блузах, сели на долгоухих чад осла и кобылицы, и потянулись гуськом под гору смотреть *Cascatelli*. И <ванов> хотел написать эту смешную картину. Виды прелестные на всяком шагу, горы, по коей мы ехали, чрез обширный овраг, на другую гору, вышшую, с которой ниспадают эти великолепные потоки, белыми, серебристыми, радужными, переливными лентами, пуская от себя блестящую пыль. По оврагу, среди сельских огородов, между ветвистыми деревьями, стремится быстрая речка, получившая дань со всех сторон, и, кажется, слышишь стихи Горация, который поет в честь ее.

Me nec tam patiens Lacadaemon¹³,
Nec tam Larissae¹⁴ percussit campus opimae,
Quam domus Albunae¹⁵ resonantis
Et praeceps Anio¹⁶, ae Tiburni lucus, et uda
Mobilibus pomaria rivis¹⁷.

Какая простота, даже дикость, — вот сельская природа по преимуществу. Осел мой отстал, и я не умел с ним хорошенько справиться (да ведь и мудрено справиться с ослами, — то ли дело с лошадьми!). Пустил его на волю, не спуская глаз с прелестной картины, которая изменялась беспрестанно. Ни об нем я не думал, а думалось, и очень приятно, сладко.

Общество остановилось на несколько минут, и я поправился. Проводник болтал нам вздор о всех шалашах, которые попадались нам на глаза, и мы слушали его с удовольствием, потому что в рассказах его звучали имена Горация, Катулла, Мецената.

Мы оставили наших ослов в рощице, и пошли пешком чрез огороды к речке, следовали несколько времени за ее течением, в совершенной глуши. Погода разгулялась, и солнце обливало нас жаркими лучами своими. У склона гор мы сели на своих ослов, и начали подниматься в город, миновав виллу Меценатову, для которой у нас мало оставалось времени, притом мы насытились уже древностью, и предпочли ей *виллу д'Эсте*, которая должна нам напомнить Италию средних веков. В грязном, пустом переулке, состоящем из одних заборов, постучались мы в каменные высокие ворота. Нет ответа. Шибче и шибче. Тоже безмолвие — лишь только наши собственные удары отзывались вдали. Мы начали наконец огромным кольцом стучать так, что все Тиволи должно бы сбежаться на сию турбацию. Нимало — мы стояли, казалось, пред оставленным заколдованным замком, в волшебной сказке. — Выбившись из сил, должны были, по совету проводника, объехать весь сад и соседние дома, и захватить с другой стороны к воротам дома в самом городе! Взобрались на гору, потом долго колесили по переулкам. Что за старух

видели мы в разных углах, на улицах, за пряжею, укрывавшихся от солнца, какие мужчины, что за ребяташки! как они одеты! Боже мой, Боже мой, — при такой природе, среди таких красот, такая бедность и дикость! Бедное человечество!

Устав порядком, добрались мы наконец до ворот. Проводник отыскал какую-то оборванную женщину, которая повела нас по комнатам, росписанным некогда Цуккари и другими знаменитыми художниками. Дворец необитаемый, ветер воет по обширным пустым залам, кои кажутся теперь казармами, зато вид такой с террасы. Сад расположен по скату горы. По одному уступу устроены были сотни фонтанчиков из урн, стоящих в прямой линии. Над гротом они еще не совсем испортились, и садовник, которому передала нас женщина, отвернув где-то кран, пустил из них воду, ударившую вверх тонкими струями.

Сад запущен, дорожки порастают травой, но какие деревья, какие цветы мелькают еще кое-где! Уныло бродили мы здесь одни-одинехонки. Хоть тяжело и далеко было спускаться вниз до тех ворот, которые мы проломали было, однако решились, чтоб полюбоваться снизу превосходным видом величественного дворца. Пошли, — потом опять надо было подниматься наверх!

Как проголодались мы! Бросив ослов, бегом почти побежали в нашу гостинницу, ко храму Весты, где заказан был у нас обед. Гостинница была полнехонька. Наехала толпа англичан. Обед еще не готов. Предосадно. В ожидании И<ванов> показал нам десяток голов, начерченный Брюлловым углем на стене. С гордостью посмотрели мы на эти причудливые черты нашего славного мастера. Наконец подали кушанье, и мы принялись за макароны так, что итальянцам стало любо. Гостинница, впрочем, из весьма посредственных. Удивительно, как в таких многопосещаемых местах не заведется до сих пор лучших, к пользе содержателей и удовольствию путешественников.

Пока закладывали нашу коляску, мы полюбовались еще водопадом от храма Весты; но поднялся такой ветер, что едва стоять было можно. Сходили вниз по очень спокойным дорожкам в гроты.

Вилла Адриано принадлежит к числу самых интересных развалин в Риме, и по своей обширности, и по своим воспоминаниям, и по своему настоящему положению. Император Адриан, большой охотник до архитектуры, хотел соединить здесь все предметы, поражавшие его при путешествии, точно как покойная Императрица¹⁸ в Вене собрала в Лаксенбурге воспоминания Рыцарства. Мимо пустынных огородов въехали мы на двор, где скучает одинокий дом, в роде нынешней английской фермы. Там стояло уже несколько экипажей; проводники все разошлись с путешественниками, и на нашу долю осталась оборванная двенадцатилетняя девчонка, босиком, с голыми руками, которая тотчас и повела нас, начав свое выученное наизусть описание: Вот Греческий театр, вот Пекиле (портик, украшенный картинами в Афинах), вот храм Стоиков, театр Морской, вот гвардейские казармы, Каноп (на память об Египетском, где был храм Сераписов), вот библиотека, Императорский дворец.

И если б вы видели, что за здания скрываются под такими пышными именами? Здесь гряда камней, так упавшая стена, свод провалившийся, бугор, насыпь. Есть, однако ж, целые комнаты с живописью на стенах по черному полю. Сохранилась длинная стена, усеянная деревьями и кустарниками. Все развалины находятся вдали одна от другой, и доказывают обширные пределы виллы. Прогулка по этим романтическим памятникам от одного к другому очень приятна.

В вилле Адриановой найдено было множество статуй, украшающих теперь римские галлеи.

Поздно вечером воротились мы в Рим. А надо еще брать урок. Лишь только ударило 9, как я лег спать, а учитель¹⁹ через пять минут постучался, и должен был идти назад, увидя, что его ученик уже на покое. Как быть — ученик везде ученик и всегда рад обмануть учителя.

3 <апреля (н. ст.)>. Почитаю обязанностью обойти русских художников, показать свое участие, порадоваться их успехам, засвидетельствовать им свое почтение. Нынешний день им

посвящается, тем более, что из знатных наших путешественников никто к ним почти не заглядывает, как будто они были не только чужие, но даже враждебные. Я не понимаю, как может до такой степени заглушить национальное чувство. <...>

К *Рихтеру*. Он восстановил форум Троянов... <...>

К *Ефимову*, который трудится над восстановлением виллы Адриановой. <...>

*Томировский*¹ ²⁰ показывал восстановление фресков Адриановских... <...>.

У *Скотти*, который кончил мой портрет, однако ж, не совсем удачно, что до сходства, потому что я не мог уделить ему достаточно времени, есть прекрасные головы. <...>

...Перейду теперь к художнику, в котором есть, кажется, много Русского духа, к *Пименову*, которого мальчик, играющий в бабки, так понравился. Он занимается и живописью. <...> У него много моделей, кои все удостоверяют в его горячей душе.

*Каневского*²¹ не застал дома — но слышал множество похвал его портретам.

Марков показал нам свою Русскую сцену — дети на могиле матери. Слишком нарядна, пестра и не пахнет Русским духом. Но он рассказал нам о задуманной картине — битва в Колизее: замысел обширный. Дай Бог, чтобы он нашел средства и успел привести его в исполнение.

Иордан трудится четвертый год над Преображением Рафаэля с неутомимым прилежанием, и обещает нам такую гравюру, какой, может быть, не имеет еще Европа.

Заключили рабочею *Бруни*, товарища Брюл<л>ова, Бруни, которому без всякого сомнения принадлежит одно из первых мест между живописцами Европейскими. Огромная картина его, представляющая воздвижение медного змия в пустыне, вполнину почти окончена, укрепит за ним оное. <...> Бруни оставил теперь эту картину, занявшись Тайною вечерью для Измайловской церкви. — Есть прекрасные головы между Апостолами.

Как весело становится у меня (все еще) на сердце, как узнаю я нового русского человека, который кистью, или пером, или мечом, или словом, обещает возвысить достоинство отечества, проявляет новые силы его, придает красоты...

Ш<евырев> объявил мне, что решается ехать в Париж вместе с нами, то есть побывав прежде в Неаполе. Мы очень обрадовались такому драгоценному чичероне для достопримечательностей Неаполя и Помпеи, где он был долго и знает коротко. Хоть добрый Грифи выучил нас немножко болтать по-италиански, но какая же разница ехать с Шев<ыревым>, который готов говорить хоть с Дантом и Петраркой. После обеда ходили в кондитерскую отведывать *Римское мороженое*, — но случилось не отличное.

4 <апреля (н. ст.)>. Дождь. Отправились с Ш<евыревым> к *Кардиналу Меццофанти*²². <...>

К *Овербеку*, немецкому живописцу, который давно поселился в Риме, оставил Лутера подобно многим своим соотечественникам, и сделался ревностным Католиком. Он ведет жизнь самую строгую и постную и напоминает мне очень живо Фра-Беато да Фиезоле²³, в своей мастерской, среди своих картин, коих предметы взяты из Священной Истории, между этими покойными, неподвижными, хоть просветленными лицами. Он начинает день свой молитвами и пением и потом принимается за кисть; не берет моделью никого кроме жены своей! Хорошо, похвально, — но нет жизни в его глубоко задуманных, прекрасно сочиненных картинах, — какая-то окамененность! Овербеку за пятьдесят лет. Физиогномия его очень примечательна: высокий, худощавый мужчина с волосами, зачесанными назад, как у наших дьячков, — впрочем, не нынешних, которые стригутся коротко. Он показывал нам картон своей новой картины. Овербек очень привязан к нашему Ж<уковскому>, с которым они сошлись во вкусе и понятиях о живописи, и соблазнили, вместе с Г<оголем>, и некоторых наших художников²⁴.

В *Капитолий*. <...> В нижнем ярусе, в той половине, которая обращена к Форуму, отыскивается из-под приделок, переделок и поправок многих столетий и восстанавливается много древнего... <...> Мы ходили долго между кучами мусору, покрываемые пылью веков.

¹ Ошибка. Следует: Томаринский

Потом по узкой лестнице поднялись на каланчу, надстроенную на здании: весь Рим как на блюдечке. Ш<евырев> описал все части города с окрестностями, над которыми я мучился столько, переводя во время студенчества древнюю географию Нича. <...> А читая Ливия, какой обширный театр представляешь себе для этих действий. Помилуйте, это почти ссора двух соседей за десятину земли в каком-нибудь Козельском уезде. Царь Этрусский владел усадьбой не шире Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича²⁵. Сколько смешных и превратных вещей рассыпано по Истории. Приключения села Горохова рассказываются как История всемирного царства. Они важны, спору нет, но не надо писывать село теми красками, кои принадлежат уже Империи. <...>

Зашли в церковь Св. Иосифа на Форме, под которую под землю показывают так называемые *темницы Мамертинские*, куда надо спускаться из церкви на несколько футов в глубину. Здесь умер Югорта и сидели участники в заговоре Катилинином. Стены подземелья древней кладки, циклопической. Под этими темницами есть еще другие, глубже, где был заточен Святой Апостол Петр, окрестивший своих стражей водою, источенною из камня. Что за имена, что за предания! Первые темницы основаны Анком Марцием, и потом Сервием Туллием¹.

У Пропананды встретились с Ч<ертковыми> и остановились. Пока мы говорили, вдали прошла старушка с девушкой, держа молитвенник, и поклонилась Ч<ертковым>.

— Кто это такая? — спросил я.

— Госпожа N.

— Куда же она идет?

— В церковь — она здесь поселилась и перешла к католицизму.

Вот объяснение переходов: в детстве не получают эти господа и госпожи никаких понятий о религии, разве только поверхностные. В молодости они грешат, увлекаясь потоком света; к старости, в чужих краях, приходят иногда в себя и начинают думать и бояться будущей жизни — в эту-то минуту появляется ловец, услужливый Аббат, красноречивый, снисходительный, — он утешает, объясняет, убеждает и овладевает умом и воображением бедного грешника, или грешницы, которые прежде не слыхали и не имели случая ничего слышать подобного о своей церкви, верят на слово, что там и нет ничего кроме заблуждений, не имея силы состязаться оружием слишком неровным, — и упадают в сети. Вот что советовал бы я этим несчастным лицам, как соотечественник и Христианин: выслушав Аббата, согласясь с его верованиями, побывайте, до перехода, у Русского священника или Архиерея, сообщите ему ваши вновь приобретенные мнения, испросите у него ответов, а потом сравните, рассудите и проч.

Хорошо было бы, если б места священников при итальянских миссиях занимаемы у нас были всегда людьми учеными, знающими, умными, способными защитить, изучить.

Ч<ертковы> пригласили нас обедать к себе нынче.

Отправились, вспоминали опять о Москве и рассказывали друг другу о путешествии.

5 <апреля (н. ст.)>. В коляске за город, вместе с учителем нашим Г<риффи> и Г<оголем>¹¹ — осматривать церковь Св. Агнессы, древнейшую в Риме, построенную Константином по просьбе дочери его Констанции, над катакомбами в том месте, где найдено тело мученицы. Церковь находится на Via Nomentana, в миле от Porta Pia. Она замечательна особенно потому, что в ней сохранились все части древней базилики, или судебной палаты: пространство в середине, с отделениями по сторонам за колоннами и трибуной для заседания судей. Первые

¹ В издании 1844 г. (с. 139) далее следует: Ч<ертко>вы приехали, и мы пошли к ним. Особенное чувство, особенное удовольствие — встретиться с своими на чужбине. Нет дома. Они у В<иельгор>ских. Туда. Ушли уже. Наконец встречаются у Пропананды. Ну что в Москве? Как вы? Откуда, куда, надолго ли? и проч.

Пока мы говорили, вдали прошла старушка с девушкой...

¹¹ В издании 1844 г.: с учителем нашим Гр. и Г.

церкви все устроены из базилик: ничего выше, величественнее их не могла вначале придумать древность для постановления алтарей Господних. Шесть драгоценных колонн из Африканского мрамора украшают Святые врата. Множество древностей: надписи надгробные из катакомб, языческие надгробия с Амуром и Психеею. Коринфские колонны из Африканского мрамора.

От Св. Агнессы к *Св. Лаврентию*, стоящему очень уединенно близ заставы, основанному первоначально Константином над гробом Святого. Византийская стенная живопись. Пол из 12 столетия. Множество всяких колонн от древности. Дорога идет по большей части между каменными стенами заборов, прескучных и преутомительных.

Осматривали Римские стены, которые здесь по местам сохранились очень хорошо. Жаль, что нам не удастся осмотреть их все. Они принадлежат к разным временам, Императорским.

Наш Археолог показал нам останки *Преторианских казарм*, памятник несчастнейшего периода в Римской Истории, военного деспотизма, когда престол Цезаря находился в распоряжении грубой, жестокой, необразованной военной сволочи. Здесь можно проклясть от души варварство и зверство — да будут же прокляты они во веки веков.

Между тем мы проголодались порядком, не завтраков до сих пор, а Гр<ифи> спешил на свои уроки. Воротились в город, разочлись с своим ветурином, которого очень смешно понукал археолог: *cocchiere, perche non vai piu allegemente*²⁶.

Cafe greco всегда битком набит. Выпили авроры с большим удовольствием.

Решено ехать на днях — и я должен был покончить дела с банкиром. У *Валентини* великолепный palazzo на Апостольской площади. На дворе и на лестнице увидел много обломков древних и даже колонн, верно, принадлежавших к форуму Траянову. Валентини принял нас очень радушно, и пока его кассир приготавливал деньги (я просил луидоров), показал нам старых Джиотто, Альбано.

И хозяин, и приказчик примечательны: оба сухощавые, только что не бедно одетые, один длинный, другой низкий ростом, будто с картины Миериса. Кассир в очках за решеткою, в комнате с голыми стенами и несколькими стульями, среди свертков с дукатами с скудиями, которые он отсчитывал костлявою своей рукою очень бережно и почтительно, были для меня изображением банкиров Средних веков.

Ныне по плану мы должны еще осмотреть церковь *Св. Павла*, за городом <...> Церковь строится. <...> Неприятно было ходить одним без товарищей в новом и незнакомом месте. Показывают место, где Св. Апостолы Петр и Павел расстались. <...> Приехали в Рим, как уже смерклось.

Уговорились ехать завтра в *Фраскати*, древний Тускул, любимое пребывание Цицерона... <...>.

6 <апреля (н. ст.)>. Пустились ранехонько. Рихтер с нами. Начал накрапывать дождь. В дурную погоду Фраскати лишается всех своих прелестей: принимались несколько раз ласкать себя надеждою, при мгновенных из-за туч взглядах солнечных, но эта надежда исчезала вместе с ними очень скоро. Дождь полился, и мы приехали измоченные. Городишко дрянной. Гостинница пренеопрятная, а народу уже много. Что за кофий подали нам! Хлеба в рот не возьмешь. Г<оголь> непременно хотел ехать назад. Я сходил, однако ж, с Рихтером осмотреть ближние виллы, чтобы получить какое-нибудь представление хоть о местоположении, — по воде и под водою. Лавры, мирты, оливы, — но никто не живет; все пусто и необитаемо. Бегают только оборванные мальчишки и предлагают свои услуги. Не было сил плыть далее. О Цицероне и думать нечего: до него надо бы идти далеко.

Решились, с стесненным сердцем, возвратиться, не видав ничего. Впрочем, роптать грех: это почти первая неудача в нашем путешествии. Я хотел было, Впрочем, оставаться и дожидаться. Г<оголь> настоял. — Лишь только мы отъехали версты три, как погода начала разгуливаться... Предосадно.

В нынешнюю полночь празднуется в нашей церкви Светлое Воскресение, неделю позднее Католиков. Мы дожидались двенадцати часов все у Р<ихтера>, и гурьбою отправились в дом Посольства. Малая и тесная церковь вместе со смежною комнатою была полнехонька. Сладко было почувствовать себя между своими, сладко было молиться вместе Русскому Богу, петь Русские молитвы, и обняться, перецеловаться по обычаю предков. Иные назовут это квасным патриотизмом, пожалуй, но я почитаю себя счастливым, что юношеское чувство сохранилось во мне до сих пор всегда живое, горячее¹.

Художники наши разгавливаются все вместе, и пригласили меня к себе на празднество.

7 <апреля (н. ст.)>. Нынешний день начался очень рано, т. е. с полночи, от 1 до 2-х продолжалась заутреня, в 2, распевая по улицам Римским, около форума Траянова, мимо фонтана Треви, Русское «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав», пришли мы на квартиру Л<огановского>²⁷, Т<омаринского> и Е<фимова>, где назначено разговенье. Столы были накрыты и уставлены так, что и скатертей не видно. Откуда ни взялись куличи, пасхи и печеные красные яйца. Подождали несколько времени Священника²⁸, чтоб он благословил, но его задержал кто-то, и мы, перекрестясь, приступили одни к столу. Нас было человек 30. Тридцать человек, живущих на счет Правительства! Началось целование. Распорядитель, Л<огановский>, попросил сесть за стол, — что же! Начался ужин, или, лучше, особенная заутренняя трапеза. Потянулись холодные, жаркие, пирожные, похлебки, полилось бургонское, португальское и наконец шампанское. Подумаешь, богачи задают пир, — и ни от чего нельзя отказаться. Чего тут не было, а ни у кого за душой ни копейки, — Русский дух! Тосты, тосты! раздались восклицания со всех сторон.

— Назначьте вы первый тост, — закричал мне И<ордан>.

— Назначьте вы, — закричали за ним все прочие.

Я встал.

— Здоровье нашего славного Царя, Августейшего Покровителя Художеств, и да утверждается в Нем более и более мысль, что искусство есть венец гражданского образования, лучшее украшение жизни, слава Государства. Боже! Царя храни!

— Ура, ура! — и все множество запело лесными голосами (музыкантов не было, кроме Г. Иордана) «Боже, Царя храни», но у всех певцов недостало уже памяти, и после первого куплета:

*Боже Царя храни,
Славному долги дни
Дай на земли!*

— все стали поглядывать друг на друга, ожидая продолжения... но никто не подсказывал... оборотились ко мне; я помнил не больше, и все затянули опять диким голосом «Боже, Царя храни», обрадуясь, как будто вспомнили все, и подхватили опять, только гораздо громче. Потом выпили за здоровье Наследника, Который во время пребывания Своего в Риме²⁹ так одобрил всех наших художников, заказал им работы и вообще оставил самое приятное воспоминание. Чье здоровье пили после, я ничего уже не помню, знаю только, что никто не был обижен, как никто не был обнесен чаркою. Какими громовыми рукоплесканиями покрылась святая Русь? В честь искусству! искусству! Все пело, пило, кричало, шумело, словом, — кто во что горазд, и бедные соседние италианцы верно восклицали со старушками Гоголя: ну, теперь гуляют парубки³⁰!

— За мужичков! — закричал Пименов, который так счастливо начал предметы для ваяния из их жизни.

¹ В издании 1844 г. далее следует: Странно выставлять его наружу, — да зачем же исключать мне эти строки из своего дневника. Я отмечаю здесь все, что думаю и чувствую. Пускай осуждают, кто хочет!

— За Русских мужичков! — закричало двадцать голосов.

— А солдатики-то наши, — возразил кто-то.

— И за солдатиков!

Все оборотились к безрукому Полковнику З., который живет в Риме, при пособии Правительства, для излечения ран.

— За мужичков! За солдатиков! За художников! Бруни, Брюл<л>ова! за учителей!

Шампанское не истощалось, Иордан смешил своими острыми шутками, другой странными телодвижениями, третий бурными восклицаниями!

Между тем рассветало, голоса начали стихать, свечи и глаза гаснуть. Все мы устали, утомились, — перечеловались, и разошлись слишком веселые, чтоб не сказать, очень навеселе.

Выспавшись дома, я отправился с женою разгавливаться к нашему доброму Градоначальнику...³¹ <...>.

Собрались с Г<оголем> и двумя молодыми Русскими купцами, Б<откиным>³² и И<савевым>³³, с которыми встретились здесь, на *Монте Марио*, чтоб взглянуть оттуда на Рим. Дорога крутая, и лишь только начали мы подниматься, как показалась туча, становилась темнее и темнее, и мы затрепетали, что прольется дождь. Зато представился вид другого рода: Рим под нависшими тучами, кои прорезывала молния. К счастью, мы успели взобраться, и лишь только дошли до крыльца по длинным аллеям из густых деревьев, как и упал дождь. Переждали. Вид в хорошую погоду должен быть прелестный — в глазах обширная зеленая долина, с протекающей по ней рекою, далее Рим, а за Римом *Самрагна*. Обедали у Ч<ертковых>. Вечер у Княгини В<олконской>.

8 <апреля (н. ст.)>. В библиотеку *Ватиканскую* с Ш<евыревым> и Ч<ертковым>, который хочет заказать снимки с рисунков Константина Манасия. Осматривали *Христианский музей*. Сколько драгоценностей собрано из первых веков Христианства. Византийские образа надо бы списать для нас: они здесь не подновленные, не испорченные. По ним мы могли бы узнать много и о нашей древней Корсунской живописи. <...>

9 <апреля (н. ст.)>. Проснулись в 5 часов и торопились, а я начал по обыкновению беспокоиться, как бы не опоздать. Пришли первые в контору дилижансов; осталось времени выпить кофею в соседней харчевне. <...> Простились с нашим любезным Г<оголем> до Чивиты-Веккии, куда обещал он выехать к нам навстречу, ибо пароход на пути из Неаполя³⁴ в Марсель остановится там на несколько часов. Итальянцы не славятся своею точностию, и мы вместо 6 отправились в 10.

Придется ли еще когда увидеть мне Рим! А хотелось бы! Грустно, очень грустно!

Погодин.

Впервые опубликовано: Погодин. Месяц в Риме (окончание) // Москвитянин. 1842. Ч. II. № 4 (цензурное разрешение 1 апр.; цензор В. Флеров). С. 309–356. Перепечатано, с дополнениями: Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина. М., 1844. Ч. 2 (цензурное разрешение 19 июня; цензор В. Флеров). С. 80–153. Печатается по первой публикации, с дополнениями по изд. 1844 г.

¹ Голицыну.

² Восемнадцатилетняя дочь князя П. А. Вяземского княжна Прасковья Петровна скончалась в Риме в 1835 г. В письме из Рима к князю П. А. Вяземскому от 25 июня (н. ст.) 1838 г. Гоголь сообщал ему о посещении могилы княжны П. П. Вяземской: «Еще не так давно был я вместе с княгиней Зин<андой> Волхонской на знакомой и близкой вашему сердцу могиле». См. также в наст. изд. коммент. к письму князя П. А. Вяземского А. О. Смирновой от 21 августа 1835 г.

³ Возможно, имеется в виду жена князя Д. В. Голицына.

⁴ Память св. Петрониллы (около 90 г.), дочери св. первоверховного апостола Петра, совершается 31 мая.

⁵ Василий Алексеевич Серебряков (1810–1886), художник.

⁶ Ср. рассуждение Гоголя о меценатах во второй редакции повести «Портрет»: «Множество карет, дрожек и коля-

сок стояло перед подъездом дома, в котором производилась аукционная продажа вещей одного из тех богатых любителей искусств, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные в зефиры и амур, которые невинно прослыли меценатами и простодушно издержали для этого миллионы, накопленные их основательными отцами, а часто даже собственными прежними трудами. Таких меценатов, как известно, теперь уже нет, и наш XIX век давно уже приобрел скучную физиономию банкира, наслаждающегося своими миллионами только в виде цифр, выставляемых на бумаге».

⁷ Михаил Иванович Скотти (1814–1865), художник.

⁸ Иван Петрович (Джио Батиста) Скотти, батальный и декоративный живописец.

⁹ Дмитрий Егорович Ефимов (1811–1864), архитектор.

¹⁰ Алексей Тарасович Марков (1802–1878), исторический живописец.

¹¹ «При стремлении создать церковную живопись, которая была бы чисто «русской», «националистические тенденции, как это всегда бывает, вызвали к жизни многие странные обратные явления. Призванные художники, большинство которых прошло немецкую школу, либо обновленную римско-болонскую, должны были осуществить заветное желание правительства вернуть религиозному искусству его былое величие, мощь и значение» (А. Грищенко. Русская икона как искусство живописи // Вопросы Живописи. Москва 1917, стр. 11). В росписях столичных храмов (Исаакиевского собора в Петербурге (1818–1858) и храма Христа Спасителя в Москве (1839–1883)) участвует целый ряд художников-римокатоликов, профессоров и питомцев императорской Академии художеств: Брюллов, Семирадский, Бруни, фон Нефф. Им, наряду с другими, выпала судьба создать национальное русское искусство — «заменить Феофана Грека, Рублева, Дионисиев и многое множество безымянных мастеров древней иконы. При полном небрежении к драгоценным памятникам старорусского искусства, новым «высоким» иконописным стилем остались довольны не только в официальных сферах» (Грищенко А. Указ. соч., стр. 12). В качестве примера достигнутого результата Грищенко приводит оценку славянофила Шевырева <...>: «Бруни успел найти и новый образ для своей Мадонны, и новое положение, он изобразил ее чертами девы; в задумчивых томных глазах, в бледном колорите, в эфирном стане, в неразвитой молодости, которую даже вменяли в порок художнику, — вы видите эти признаки Мадонны северной, скажу, Русской, которой мысль и образ могли родиться на берегу Невы» (Там же, стр. 12–13). И вот эта пошлость с примесью сублимированной эротики заменила икону. И «какая пропасть отделяет эту Мадонну с берегов Невы от великого образа Богоматери, родившегося на берегах Геллеспонта, — писал Н. Щекотов, — и как трудно, почти невозможно было людям 40-х годов перешагнуть эту пропасть и возвратиться к красоте древности» (Щекотов Н. Иконопись как искусство (по поводу собраний икон И. С. Остроухова и С. П. Рябушинского) // Сб. «Русская Икона», вып. 2-й. Спб., 1914, стр. 130)» (Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. Издание Западно-Европейского Экзархата. Московский Патриархат, 1989. С. 371–372).

¹² Начальная строка стихотворения Г. Р. Державина «Водопад» (1791–1794).

¹³ Лакедемон, главный город Спарты (Лаконии).

¹⁴ Ларисса, город в Фессалии.

¹⁵ Альбуния, нимфа источника около Тибра.

¹⁶ Анион, приток Тибра.

¹⁷ Гораций. Оды. Кн. 1, VII, 10–14:

Мне же не так по душе терпеливый
Лакедемон и простор полей многоплодной Лариссы,
Как Албунии чертог говорливой,
Быстрый Анион ток, и Тибурна роши, и влажны
Берег зыбучий в садах плодовых.

(Пер. Г. Ф. Церетели).

¹⁸ Имеется в виду Мария Терезия (1717–1780), австрийская эрцгерцогиня с 1740, великая герцогиня Тосканская, королева Венгрии с 1740 и Чехии с 1743, императрица Священной Римской империи с 1745 г.

¹⁹ Грифи, «отрекомендованный Гоголем Погодину учитель итальянского языка» (Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1895. Т. 3. С. 277).

²⁰ Михаил Антонович Томаринский (1812 — ночь с 14/26 на 15/27 июня 1841), архитектор. Прибыл в Рим в качестве пансионера Академии художеств в октябре 1837 г. вместе с А. В. Логановским и жил с ним на одной квартире. Кон-

чина М. А. Томаринского произвела тяжелое впечатление на Гоголя. См. в наст. изд. мемуары П. В. Анненкова, Ф. И. Иордана, а также некролог М. А. Томаринскому Н. А. Рамазанова: «Художник, занимавшийся в Вилле <Адриана>, простудился. Пособия медицины не могли восстановить его здоровья, и в ночи на 14 июня, он скончался, окруженный товарищами, которые не отлучались от него в продолжение трех суток. Нельзя было, говорят приехавшие из Рима, смотреть без слез на трогательную картину расставания наших молодых пенсионеров с любезным товарищем» (*Скульптор Рамазанов*. М. А. Томаринский // *Художественная Газета*. 1841. № 17 (цензурное разрешение 11 сент.). С. 6–7).

²¹ Ксаверий Ксаверьевич Каневский (1804–1867), художник.

²² Джузеппе Меццофанти (1774–1849), кардинал, полиглот.

²³ Ср. статью: *Чижов Ф. В.* Джованни Анджелико Фиезолийский, и об отношении его произведений к нашей иконописи // *Русская Беседа*. 1856. Т. 4 (цензурное разрешение 20 дек.). Отд. 5.

²⁴ А. А. Иванов познакомился с Овербеком (и Корнелиусом) еще в начале 1830-х гг. — задолго до встречи с Гоголем. М. П. Погодин, совершая свое путешествие по Италии, едва успел ознакомиться с римской жизнью и потому историю взаимоотношений русских художников с Овербеком изобразил не совсем так, как это обстояло на самом деле (см. в наст. изд. коммент. к статье Молоткова «Письмо из Рима Никколе Синчеро»).

²⁵ Герои «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя.

²⁶ Кучер, почему ты не идешь радостнее (*ит.*).

²⁷ Александр Васильевич Логановский (1812–1855), скульптор. Прибыл в Рим в октябре 1837 г. как пансионер Академии художеств.

²⁸ Имеется в виду иеромонах Герасим.

²⁹ Будущий Император Александр II; пробыл в Риме с 4/16 декабря 1838 г. по 1/13 февраля 1839 г.

³⁰ Строки из повести Гоголя «Майская ночь, или Утопленница».

³¹ Князю Д. В. Голицыну.

³² Николай Петрович Боткин (1813–1869).

³³ 2 апреля (н. ст.) 1839 г. Гоголь писал А. С. Данилевскому: «Письмо твое привезли довольно исправно и скоро приятели твои Боткин и Исаев и потом ушли и куда делись, я никак не могу догадаться. В первый раз они меня не застали дома. Я вхожу к себе и вижу на столе лежит знакомая мне палка, этот сюрприз меня очень обрадовал. Мне показалось, как будто бы я увидел часть тебя самого. Краски я тоже получил, хотя не все из тех самых колеров, которые я тебе назначил. <...> Благодарю тебя очень за всё». В письме к А. С. Данилевскому от 14–18 апреля (н. ст.) 1839 г. Гоголь также сообщал: «Боткин твой добрый малый, но Исаев глуп страшно».

³⁴ Дневниковые записи, сделанные М. П. Погодиным в Неаполе, впервые опубликованы: *Погодин*. Неаполь // *Москвитянин*. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.). С. 6–21. В заключение этой публикации было сделано примечание: «Все путешествие под заглавием: Год в чужих краях, 4 части, выйдет в сентябре месяце» (С. 21).

Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4)

Плавание до Марсели. <...> 18 <апреля (н. ст.)>. Солнце оживило нас своими лучами. Мелькнула черная точка вдали направо. Говорят, это купол Св. Петра. Около 12 часов въехали мы в гавань *Чивиты-Веккии*, где ожидал нас Гоголь¹ и семейство Ш<евырева>. Обошли городишко с немногими остатками древности, и, пока любезные наши хозяева занялись приготовлением обеда, мы повалились спать, утомленные беспокойством ночи...

Нечего говорить, как сладок показался покой, и вкусен потом обед. Но приближается час отплытия...

С Г<оголем> мы съедемся опять в Мариенбаде. <...>

Поплыли... Через несколько минут мы увидели на старой башне крепости белые развевающиеся платки... Это нам прощальные знаки. Мы вынули свои... Грустно! <...>

¹ Так в источнике.

Марсель и дорога до Парижа. <...> 24 <апреля (н. ст.)>¹. А вот и Французская кофейная. Зеркала по стенам в золотых рамах; шелковые подушки на диванах. Газет двадцать, насыпано на среднем мраморном столе. Пятьдесят человек сидит, прихлебывает кофе и читает. Присели и мы, взяли наудачу лист, и как нарочно, попался такой забубенный article², что мы и рот разинули, не веря своим глазам, и принялись читать со страхом и трепетом. <...>

Начинаются явления новые, живые, западные, Французские, с интересами минуты. Прощай Археология Римская! Прощайте Италиянские Антиквари! Прощайте Юпитеры, Ромулы, Венеры! Прощайте мрамор, гранит, и Мадонны. — Теперь мы станем слушать Депутатов! Об чем было прение в палате? Кто министром был вчера? Кто президентом завтра. А что курс? Какая мода начинается! — Держитесь крепче за землю Русские люди! <...>

*Париж*³. <...> 3 <мая (н. ст.)>. <...> Позавтракав, отправился с Г<оголевы>м⁴ письмом⁴ искать Д<анилевского>, чтоб посоветоваться с ним о квартире, ибо оставаться на нашем чердаке было бы несносно. <...> Отыскал Д<анилевского> и договорился с его хозяйкою⁵. <...>

Ходил смотреть Палерояль. <...> Нижний этаж по всему квадрату занят лавками и магазинами, где все возможные вещи, начиная от первых требований нужды, до изящнейших и богатейших произведений роскоши и прихоти, блестят в глаза изумленному путешественнику. Здесь все есть. В полчаса Ивану Никифоровичу из природы Гоголевой можно нарядиться на бал, хоть в Тюльери. Лишь только бы деньги. Деньги, деньги — вот Альфа и Омега Палерояля. <...> Для денег красноречие, чувствительность, все напряжение ума, вся изобретательность воображения. <...>

4 <мая (н. ст.)>. Завтракал в Cafe. Кофейные — превеликолепные, и по несколько рядом. Как им поддерживаться при таком совместничестве? Стены зеркальные, диваны, кушетки, стулья обиты бархатом, столы с мраморными досками. Журналов рассыпано, кажется, сотни. Зачитаешься нехотя. <...>

Пришел к нам доктор, рекомендованный Д<анилевским>, молодой человек, очень любезный. Он успокоил меня и жену, и позволил ей ехать завтра в Версаль, где будут играть воды, т. е. бить фонтаны, в честь Королевского рожденья⁶, бывшего 1 мая. <...>

5 <мая (н. ст.)>. Омнибус о пятнадцати местах отправляется в Версаль всякую четверть часа. <...> ...Мы отправились с Ш<евыревым> и Д<анилевским>. <...>

9 <мая (н. ст.)>. <...> Заведя жену на выставку <промышленности> и оставив ее вместе с добрым Казанским Профессором А<ристовым>⁷, которого мы здесь встретили, восхищаться терно, муслинами, кружевами, пошел отыскивать Русскую церковь на самом краю города, близ Триумфальных ворот и заставы Пасси, rue neuve de Beugy. Нет дома Священника, Г. Вершинского⁸, который подарил нас таким прекрасным переводом Бахмановой Логики. <...>

2 <июня (н. ст.)>. Писал письма домой. Ходил к обедне. Церковь наша снаряжена очень бедно. Говорил после с почтенным г. Вершинским о факультете богословии, который составляют теперь два профессора, и толкуют больше всего о жестах. Боссюэт и Массильон у нас! <...>

4 <июня (н. ст.)>. К Мицкевичу, который живет в отдаленной части города, за Palais de Luxembourg. Похудел, поседел, постарел! Он узнал нас с Ш<евыревым> в ту ж минуту, и удивился, как мы, Русские, не переменяемся. <...> С Мицкевичем мы были все очень хорошо знакомы в период «Московского Вестника», когда он жил в Москве, принятый везде, ласкаемый, честимый. Генерал-Губернатор исходатайствовал ему позволение ехать в чужие края. Когда вспыхнула революция, он был в Риме, и Шев<ырев> писал ко мне оттуда, как огорчило его это известие, как он вопиал против мятежников, губящих, а не спасающих бедное отечество. В таком расположении оставил он Рим. Вдруг слышим мы его, произносящего хулу на Россию! Вот что мы узнали после в объяснение этой удивительной перемены: Мицкевич не успел приехать еще в Дрезден, как Варшава уже была взята. В Дрездене окружили его изгнанники, спасавши-

¹ В журнальной публикации: Гоголевым

еся бегством, его товарищи, родные, и он, в минуту энтузиазма, почел бесчестьем для себя не разделить их участи, объявил себя на их стороне и начал действовать по чуждому внушению. У него не достало высокой силы сказать своим легкомысленным соотечественникам: вы сделали дурно, вы виноваты — я останусь утешать своими песнями новое поколение, примирять их с необходимостью и утверждать вечный союз России с Польшей, для общего блага обоих государств. Так я объяснял себе его внезапное отступничество. По крайней мере лучшего оправдания придумать не мог я, любивший Мицкевича от всего сердца. Сочинений его в этот период я не читал, и только слышал много дурного. В Риме я узнал от княгини В<олконской>, что Мицкевич раскаивается в прежнем своем образе мыслей, — и пошел к нему удостовериться в этом мнении. Ах! как бы я желал броситься к нему на шею и сказать ему, чтоб он предался великодушью Русского Государя, — но не мог выговорить, и решился в уме написать когда-нибудь к нему письмо в защиту Русской истории перед Польскою, и доказать ему исторически необходимость соединения Польши с Россией. <...>

На вопрос наш о его занятиях М<ицкевич> отвечал, что у него многое начато, но что нет ничего близкого к окончанию. Он предан теперь более всего Истории, и, удивляясь древностям Славянским Шафарика, сказал, что исследования сего последнего сделали ненужными его собственные. А что делает Лелевель? «Бог его знает, — отвечал он с неудовольствием, — пишет протесты, и тому подобное». Из этих слов я заключил, что Мицкевич действительно оставил политику, как мне сказывали в Риме. <...>

Мицкевич едет в Лозанну, откуда полгода тому назад получил он приглашение на кафедру Латинского языка. Он не мог ехать тотчас по причине болезни жены, но надеется, что это место еще не занято. «Впрочем, я не слишком буду сожалеть, — прибавил он, — если и не получу его». Правду сказать, учить склонениям для поэта должно быть тяжело¹. <...>

12 <июня (н. ст.)>. <...> За четыре станции до Булони начали нас бомбардировать адресами гостинниц; всякий прохожий почти совал по билетцу, — а как мы стали подъезжать, то явились и верховые, и друг перед другом зазывали к себе в гости. Vive l'industrie.

В Булони было совершенное нападение — целая куча.

Г<оголь> сказывал, что здесь когда-то появилась совершенно новая ветвь промышленности — карессёры. Карессёр подает вам руку, чтоб выйти из коляски, обтирает сапоги, обметает пыль с платья, потом начинает гладить вас по рукам, как магнетизер, целует вас в плечо, и в заключение просит два-три су! За что? «Я вас ласкал!»⁹

Бельгия и Голландия. <...> 7 <июля (н. ст.)>. <...> Во Франкфурте первое лицо Ротшильд, которого называют королем Франкфуртским. Есть прекрасные новые улицы, например, та, где первая гостинница в городе, Hotel de Russie, — видно, в честь Русских расточителей. Вопреки своему патриотизму, я не останавливался в ней ни разу, боясь и приступить к величественному швейцару. <...>

За обедом вспомнил, что надо визировать паспорт. <...> История с паспортом и его визами принадлежит также к числу особенных неприятностей путешествия. — Г<оголь> уверял меня, что он нигде не визировал своего паспорта, и не выпускал его никогда из рук, уклоняясь различным образом от вопросов полицейских. Слава его изобретательности, но я плохо ему верю! Зато Ш<евырев> придумывает сам разные окказы для паспорта, визирует его там, где и не нужно. <...>

А всего досаднее было мне узнать после, что наш Языков был в то же время во Франкфурте, больной, и стоял почти в одном трактире со мною. Я думал, что он на водах! <...>

¹ Мицкевич занимает теперь кафедру Славянских наречий в Париже, в College de France. В первых своих лекциях был он очень умерен, а после начал опять вдаваться в крайности... — Примеч. М. П. Погодина. Фрагмент о Мицкевиче отсутствовал в журнальной публикации. Этот фрагмент был исключен по предложению цензора Н. И. Крылова (см.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893. Кн. 7. С. 25).

8 <июля (н. ст.)>. <...> Поутру приехали мы в *Вирицбург*. <...> Обошли кругом Университет, и наконец осмотрели знаменитую *Julius-spital*... <...> В самом деле прекрасное благотворительное учреждение! Господа Земляники не дурно бы сделали, если б взглянули на оное! Нет, кроме шуток! Наши благотворительные заведения — без всякого сомнения первые в Европе, и нигде не находите вы им подобных. Но вопрос, чего они стоят Правительству! Следовательно, иностранные (*Вирицбургское*, *Амстердамское* и проч.) полезно изучать для того, чтоб узнать, как с малыми средствами делается многое. <...>

Мариенбад. 8 июля — 8 августа <н. ст.>. Мариенбад — местечко, выстроенное в долине среди гор... <...> Долина, рассеченная дорожками во всех направлениях, усеянная кустами и цветами, очень приятна для глаз. <...>

Около источника стоят четыре Гебы, девочки лет по 10 или по 12, в чистых чепчиках, с бадейками на длинных палках в руках, кои беспрестанно они то опускают с кружками в колодезь, чтоб почерпнуть воды, то вынимают оттуда, и возвращают хозяевам. Около них беспрестанно толпа народа, которая ежеминутно прибывает и убывает. Эти малютки-плутовки любят иногда подшутить над своими просителями, как и большие... Одна стоит, например, оборотившись в эту сторону. Вы подходите и подставляете ей свою кружку, дожидаетесь, пока удовлетворит она ваших предшественников — вот сейчас очередь доходит до вас, вы подвигаете ей кружку прямо к носу, — и что же? Плутовка, как Фортуна, вдруг оборачивается в другую сторону, начинает оделять ваших компетентов и лишает вас надолго надежды. Вы заходите с другой стороны, а она опять уже на прежней. Предосадно, а щелкнуть нельзя. Разумеется, цванцигер, данный в благоприятную минуту, на просторе, становится для нее магнитом, к которому после льется целебная вода при первой минуте вашего появления, даже издали. О взятки! сила ваша везде одинакова.

Над долиною к востоку возвышается гора, покрытая лесом. По середине ее проложены чистые и удобные дорожки для гуляющих. На самом видном месте водружен Крест с Распятием и вывешен образ Божией Матери всех скорбящих, пред которым сверху зажигается лампада. Этот крест и лампада, освещаемые луною, среди всеобщего безмолвия, над обителью немощей человеческих, производил на меня всегда особенное действие.

Жизнь на водах очень однообразна: один день похож на другой; занятия все запрещены; пить и прогуливаться, пить и прогуливаться — вот и все. <...> Общество самое разнообразное, изо всех сословий, — большею частию Немцы, а из иностранцев только Русские. Англичане и Французы не страдают, видно, такими болезнями, от коих лечат воды, или, лучше сказать, не имеют Немецких Докторов, которые посылали бы их на Немецкие воды. Первое лицо был Принц Прусский (нынешний Король)... <...> Второе лицо — Герцог Саксен-Веймарский, супруг нашей Великой Княгини Марии Павловны, и дочь ее, Принцесса Мария Луиза, супруга принца Фридриха Прусского. Есть какое-то естественное влечение к своему Царскому Дому: эту Принцессу все мы видели в первый раз, а все как-то называли нашею... <...> На несколько дней приезжал Герцог Саксонский Иоанн, приобретший себе известность и в ученом мире разными сочинениями.

В день рождения Прусского Короля Прусаки давали бал, на который были мы все приглашены. <...>

Из Русских был здесь Б<енардаки>, лицо очень примечательное своим умом. Оставив по неприятности военную службу, он с капиталом в 30 или 40 т<ысяч> р<ублей> пустился в обороты и в короткое время хлебными операциями приобрел большие деньги. Чем более умножались его средства, тем шире распространял он круг своего действия, принял участие в откупках, продолжая хлебную торговлю, скупал земли, приобрел заводы и в течение пятнадцати лет нажил такое состояние, которое дает ему полумиллион дохода. Вот что значит сметливость, деятельность и честность, вот что значит уметь соединять свою пользу с общею. Я давно уже слышал о действиях Г-на Б<енардаки>, открытых и решительных, коими приобрел он

неограниченную доверенность от всех лиц, имевших с ним дело. Щедрые награды людям, служившим усердно, доставили ему таких поверенных, которые приносили и приносят ему выгоды несчетные. Быв в сношении, в течение двадцати лет, с людьми всех состояний, от министров до какого-нибудь побродяги, приносящего в кабак последний грош, он был для меня Профессором, которого лекции о состоянии России, о характере, достоинствах и пороках тех и других действующих лиц, об отношениях их к просителям и делам, о состоянии судопроизводства, о начале мер, приведении их в исполнение, до последних результатов, о помещиках и их хозяйстве, о хозяйстве крестьянском, о положении городов и их местных выгодах, — лекции, оживленные множеством анекдотов, слушал я с жадностью. Всякий день после ванны ходили мы втроем, я, он и Г<оголь>, по горам и долам и рассуждали о любезном отечестве. — Г<оголь> выспрашивал его об разных исках и, верно, дополнил свою галерею оригинальными портретами, которые когда-нибудь увидим мы на сцене. Книжные и кабинетные занятия ничего не значат или значат очень мало, в сравнении с опытом. Где он не был, чего он не знает, с кем не был он в сношении! Сибирь, Оренбург, Поволжье, Кавказ, Крым, Новороссия, Петербург, — у него все как на ладони. Очень любопытно было для меня слушать разговор его о голоде 1834 года и об искусственном возвышении цен, вследствие некоторых частных распоряжений.

Как человек книжный, я предлагал ему писать свои записки в поучение потомкам, просил его написать по крайней мере рассуждение о хлебе, хлебной торговле, установлении цен в пользу помещиков и крестьян против иностранцев, о мерах против голода¹.

Г-н Б<енардаки> доставил мне и сладкую минуту. Разговорясь с ним о состоянии ученых и литераторов в разных Славянских странах, я как-то сказал ему нечаянно, что тысяч на двадцать рублей ежегодно, при моих теперешних связях и отношениях, можно бы сделать чудеса: оживотворить их литературы, дать им ход быстрейший, оказать такое действие на просвещение целых племен, какого в другое время нельзя сделать и миллионами, посеять семена, которые дадут со временем плоды, великие, исторические, вселенские. Может быть, иные рассмеются таким чудесам ценою в 20 т<ысяч> рублей; но чего стоили те три корабля, с которыми Колумб открыл Америку. В наше время не те чудеса, коими чудесами были во время оно, и не тем они зачинаются, где зачинались прежде. Всему черед.

Но я заговорил о Г-не Б<енардаки> и о сладкой минуте, которую доставил он; вот она — выслушав меня, он сказал преспокойно: «Это такая безделица, о коей не стоит труда и говорить много. Я даю вам честное слово, что эту сумму вы будете получать ежегодно для такой цели. Мне стоит предложить это человекам трем-четырем из моих знакомых, и мы устроим это дело!»

Впрочем, оказались после препятствия.

С достопочтенным Сенатором нашим П<ейкером>¹⁰ толковали мы о политических происшествиях, о положении России, а потом, услышав о смерти Махмуда, поразившей всех, о новых Европейских вопросах, о межеванье, о лаже. <...>

Много любовался Иноземцевым, которого слову верят здесь как оракулу. <...> Признаюсь, я заслушиваюсь Иноземцева, когда он анализирует какую-нибудь болезнь, изыскивает ее местопребывание и настаивает ее в самом центре. <...>

Parties de plaisir¹¹ из Мариенбада были в Кенигсварт, замок Князя Мет<т>ерниха <...>, — в Карлсбад, где я был, чтобы возвратить визит Мацевевскому¹². <...>

Полиции в Мариенбаде как будто нет. Впрочем, чему и случаться между мирными больными. <...> Случилось, однако, одно происшествие с Г-ном Б<енардаки>, которое показало, что Полиция не изменяет своей природы соответственно градусам долготы. Он нанял богатую квартиру по условию, заплатив деньги вперед, прожил несколько времени и увидел, что комнаты очень сыры, съехал, но никак не получил назад своих денег, хотя имел право по условию, и хотя Полиция утверждала его право и обещалась ему вытребовать должное. <...>

¹ Я как будто предчувствовал тогда новый голод в России, в следующем году. — *Примеч. М. П. Погодина.*

Говорят, что в Мариенбаде скучно. Что касается до меня, я провел этот месяц очень приятно. Не говорю уже об том, что я жил в одной комнате с Г<оголем> и получал на несколько времени посещения Шафарика¹³ и Мацеевского, — и обыкновенное общество доставляло мне много удовольствия, приносило мне много пользы. <...> Очень не много неприятных минут имел я — и это письма из России...

8 <августа (н. ст.)>. Прогулявшись с Г<оголем>, благословив его остаться долечиваться и приехать в Вену к нам навстречу, мы простились со всеми сожителями, с которыми свыклись, право, как родные, и отправились. <...>

Минхен. <10 августа (н. ст.)>. <...> ...Ш<евырев> здесь, т. е. в городе <...> мы расцеловались. <...>

12 <августа (н. ст.)>. <...> В Литейную, Erzgiesserey пешком... <...> Видел статуйки тех художников, которые стоят на галереях. Желал бы приобрести их себе, но боюсь истратиться слишком. Заказал только Г<оголю> любезного его Пентуриккио, который надоел мне в Риме столько.

Уже поздно. Некогда познакомиться с Бадером, которому давал мне письмо Князь Александр Николаевич Голицын. Передал его Шевыреву¹⁴. <...>

Швейцария¹⁵. <...> 26 <августа (н. ст.)>. <...> ...Приёре, при подошве Монблана. <...> Приехали в гостиницу... <...> Монблан пред нашими почти окнами.

28 <августа (н. ст.)>. Все тот же дождь. <...> ...Мы решились съездить на *Монтанвер* <...>, дабы увидеть хоть что-нибудь; наняли ослов и отправились смотреть знаменитое так называемое *Море льда* — *mer de glace*. <...> Проводник рассказывал мне о приключениях нашего Г<оголя>, который действительно показал здесь неустрашимость, и вместе безрассудство, не послушав проводников, не советовавших ему идти далее. <...>

29 <августа (н. ст.)>. <...> В 6 часов приехали мы в Женеву. <...>

30 <августа (н. ст.)>. <...> ...Мне надо еще написать письмо к Б<енардаки>, который приедет сюда отдавать сына¹⁶. Не помню уже, как я написал, или, лучше, как разберет он. <...>¹⁷

Возвратный путь. <...> Октябрь¹ <сентябрь> 12/24 — ноябрь 20¹¹ <сентябрь 26> <старого> <тиля>. <...> Перед светом (19 <сентября (н. ст.)>) приехали мы в Линц... <...> В 8 часов отправился пароход и перед вечером привез нас благополучно в Вену. Много мест на Дунае прекрасных. Счастливый случай привел нас именно в ту гостиницу, где ожидал уже нас Г<оголь>.

В Вене пробыли мы трое суток (20–22 <сентября (н. ст.)>). Я повидался с Копитаром и рассмотрел его библиотеку, которую б должно приобрести России. <...>

Разругав трактирщика, zum Römischen Kaiser¹⁸, которого хуже нам нигде не встречалось, в ночь отправились в дальнейший путь, не в дилижансе с экстра-почтою, а уже в своих экипажах, в одном я с Г<оголем>, а в другом жена моя с Г-жою Ш<евыревой>, которая тоже дождалась нас в Вене. 23 <сентября (н. ст.)> пили чай в *Никольсбурге*, а обедать приехали в *Брн*, столицу Моравии, не остановясь даже в Райграде... <...>. Взглянули издали на знаменитый Шпильберг и помянули Сильвио Пеллико. <...> 24 <сентября (н. ст.)> до света мы были в *Ольмюце*, и 25 <сентября (н. ст.)> поздно вечером приехали в *Краков*.

Мы остановились в огромной, но как будто запустелой, лет 100 не обитаемой гостинице... <...>

На другой день (26 <сентября (н. ст.)>)... <...> Сходили в крепость, на горе, по берегу Вислы, в роде нашего Кремля, от которого осталось слишком мало следов. Посредине стоит гробница св. Станислава; под собором покоятся останки Костюшки, перевезенные сюда из Золотурна, где он скончался, и Понятовского. Могильный курган первого насыпан недалеко от города, а на другой стороне предание показывает курган баснословной Ванды. <...>

¹ Ошибка в названии месяца.

¹¹ Ошибка в указании месяца и числа. Гоголь и Погодин прибыли в Москву 26 сентября ст. ст. 1839 г.

На улицах грязь и нечистота. Жида положили на Кракове печать свою. К ночи оставили Краков, и 28 <сентября (н. ст.)> до света приехали в *Варшаву*, где мне нечего было делать¹⁹, как увидиться и переговорить с своими знакомыми, особенно с г. Мацеевским и Линде...²⁰ <...> Линде дал мне две буквы — два огромные тома своего Сравнительного Словаря в полное распоряжение. Управившись, мы выехали, опять на ночь, и к вечеру 29 <сентября (н. ст.)> приехали наконец на Русскую границу. — Слава Богу! С какою радостью услышали мы знакомый оклик!

Однако ж, несмотря на патриотизм наш, насилу нас пропустили, потому что урочный час приближался. Строгий осмотр продолжался с лишком час. Мне было жаль больше всего расстроенных моих Славянских книг! Кое-как мы отделались и приехали ночевать в *Белосток*, где ожидал нас служитель, высланный навстречу из Москвы, без которого ехать по Русским дорогам невозможно. 30 <сентября (н. ст.)> на почте я нашел себе казенную подорожную вместе с поручением г. Министра народного просвещения, и таким образом успокоился насчет окончания своего путешествия. <...> 1 ноября¹ <октября (н. ст.)>, или по-нашему 19 числа октября¹¹ <сентября>, мы добрались до *Гродно*, где я свиделся с Московским товарищем, директором гимназии, доктором Ястребцовым, и среди постоянного двора, в толпе жидов и ямщиков, потолковал о состоянии Русской Литтературы, а 21 <сентября> поутру приехали в *Вильну*. <...>

Поздно вечером выехали мы из Вильны и без всяких приключений (только карета наша на первой станции была опрокинута в канаву, впрочем благополучно) чрез Оршу, Молодечно <...>, Борисов, пред которым осматривал знаменитую переправу великой армии чрез Березину²¹, Минск, 23 <сентября> приехали в *Смоленск* рано поутру. <...>

*Вязь*² проехали мы рано поутру, *Дорогобуж*, как и *Гжатск*, ночью. В Дорогобуже насмешил меня старик, станционный смотритель, которого мы разбудили, за что он очень рассердился на нас. «Нет лошадей». «Скоро ли будут?» «Скоро». Мы расположились дожидаться, как вдруг служитель наш приходит нам сказать, что лошади есть на дворе. Мы намираем на смотрителя, требуем, чтоб он скорее отпустил нас, и грозим жалобою. «Хоть к самому Суворову ступайте жаловаться — нет лошадей».

Вторая и самая неприятная история была в Можайске, где холерная моя слава оказала мне услугу и доставила приказание Г. Почтмейстера станционному смотрителю дать нам лошадей немедленно, что плут старался отклонить со всеми уловками Русского ума и досады.

Между тем взглянули мы на новый Собор, и пожалели о старом, назначенном уже к ломке, хоть он и оставался последним памятником древнего Можайского княжения...

26 <сентября> поутру остановились мы на Поклонной горе, увидели Ивана Великого, златоглавы церкви, и сердце отдохнуло... Вот направо от леса показался Девичий монастырь, вот и Дорогомиловская Застава... приехали...

Здравствуй, наша матушка Москва!

Отрывки из заключения.

<...>

Народ столиц, городов, и народ деревень — везде совершенно различные народы.

О простом народе, его жизни, воспитании, нравственности попечения большого нет нигде.

Политической Истории Европы предлежит много проблем; и в этой драме далеко еще до 5 действия, а перелом близок.

Нет такого учреждения, закона, из которого нельзя бы было сделать злоупотребления, которое везде тотчас и делается: следовательно не столько важны учреждения и законы, сколько люди, от которых зависит исполнение.

У всякого народа есть свои добродетели и свои пороки, и всего менее можно судить о народах по выходцам. <...>

¹ Ошибка в названии месяца.

¹¹ Ошибка в названии месяца.

Все фрагменты печатаются по первым публикациям: разделы «Плавание до Марсели», «Марсель и дорога до Парижа» — по изд.: Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина. М., 1844. Ч. 2 (цензурное разрешение 19 июня; цензор В. Флеров). С. 186, 197; раздел «Париж» — по изд.: Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина. М., 1844. Ч. 3 (цензурное разрешение 19 июня; цензор Н. Крылов). С. 3, 4, 5, 6, 10, 12, 18–19, 43–44, 122, 128–132, 174; остальные разделы — по изд.: Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина. М., 1844. Ч. 4 (цензурное разрешение 19 июня; цензор Н. Крылов). С. 50–53, 59, 61–65, 73–78, 82–84, 89, 96, 150–155, 159, 163, 222–228, 230.

¹ 23–24 апреля (н. ст.) 1839 г. Погодины были в Марселе.

² Статья (фр.).

³ Согласно черновому автографу дневника, Погодины прибыли в Париж 2 мая 1839 г.: «В Париж приехали 2 мая в 6 часов вечера» (РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 39. Ед. хр. 2. Л. 22). Дневниковые записи, сделанные Погодиным в Париже, впервые опубликованы — записи от 2–17 мая 1839 г.: *Погодин М.* Месяц в Париже. (Из дорожного дневника 1839) // Москвитянин. 1841. № 1 (цензурное разрешение 13 дек. 1840 г.). С. 76–130; записи от 19 мая — 2 июня: *Погодин М.* Месяц в Париже. (Продолжение) // Москвитянин. 1841. № 2 (цензурное разрешение 13 дек. 1840 г.). С. 430–459; записи от 4–10 июня: *Погодин М.* Еще две недели в Париже // Москвитянин. 1841. № 3 (цензурное разрешение 10 февр.). С. 50–77.

⁴ Письмо Гоголя к А. С. Данилевскому, написанное 14 апреля (н. ст.) 1839 г. в Риме и переданное Гоголем М. П. Погодину 18 апреля (н. ст.) 1839 г. в Чивитавеккье.

⁵ В письме к А. С. Данилевскому от 14–18 апреля (н. ст.) 1839 г. Гоголь сообщал: «Письмо тебе это вручит Погодин, для которого ты будешь должен отвести прежде всего квартирку у нашей madame Hochard». См. также в черновом автографе дорожного дневника М. П. Погодина: «3 <мая (н. ст.) 1839>. К Дан<илевскому>, и он дост<ал> нам квартиру в одном доме с ним. Прекрас<ная> комната за 60. Дан<илевский> показал Palvi Royel и Тюльери. — Вот это славно! Был в восхищении» (РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 39. Ед. хр. 2. Л. 23).

⁶ Подразумевается Людовик Филипп (1773–1850), французский король с 1830 по 1848 г.

⁷ Евмений Филиппович Аристов (1806–1875), профессор анатомии Казанского университета; 1 июня 1837 г. был командирован, для усовершенствования в анатомии, на два года за границу, откуда вернулся в сентябре 1839 г.

⁸ Димитрий Степанович Вершинский (1798–1858), профессор Петербургской Духовной академии, богослов, с 1835 г. протоиерей, настоятель русской посольской церкви в Париже.

⁹ Дорожные записи о последующем пребывании Погодина в Брюсселе и Амстердаме 29 июня — 1 июля 1839 г. впервые были опубликованы в альманахе «Молодик»: *Погодин М.* Отрывки из дорожных записок. Бриссель. — Амстердам // Молодик, на 1843 год, украинский литературный сборник, издаваемый И. Бецким. Харьков, 1843. Ч. 1 (цензурное разрешение 10 сент. 1842). С. 89–103.

¹⁰ Речь идет об Иване Устиновиче Пейкере (1784–1844), командированном в 1835 г. в Москву с правами ревизующего сенатора для приведения в порядок дел Межевой канцелярии.

¹¹ Увеселительные прогулки (фр.).

¹² Вацлав Александр Мачеевский (1793–1883), польский историк.

¹³ О. М. Бодянский сообщал в письме к М. П. Погодину от 18 октября н. ст. 1839 г., что Гоголь взял у П. И. Шафарика «малороссийские и польские песни, изданные Вацлавом из Олеска, обещаясь послать назад ему из Вены», но что тот «доныне не получал этой книги» (см. в наст. изд.).

¹⁴ Франц Ксаверий Баадер (1765–1841), немецкий философ и теософ. О продолжавшихся тогда почти три месяца беседах Шевырева с Баадером — «всего более сочувствующего Восточной Церкви» — см.: *Шевырев С.* Христианская философия. Беседы Баадера // Москвитянин. 1841. № 6 (цензурное разрешение 31 мая). С. 378–437. 12/24–13/25 ноября 1839 года С. П. Шевырев писал М. П. Погодину из Мюнхена: «Отвечаю о Баадере. — Я потому не уведомил тебя о нем прежде, что только теперь с ним познакомился. После тебя, я только два раза был в Мюнхене, во время приезда Строгонова, и еще раз. В тот раз мне было некогда, а в другой я был у него, но не застал дома. Теперь же, переселившись в Мюнхен, я был снова у него, но опять не застал: оставил письмо и карточку. На другой день добрый старик сам пришел ко мне. — Он сам хочет писать к Князю Голицыну, но просил меня предварительно передать ему почтение его через тебя и рассказать ему о его теперешнем житье-бытье. Так как он в сочинениях своих ведет полемику с папизмом,

то его здесь очень не любят — и он в ссоре с правительством, которое держится строго католической папистической пропаганды. Особенно сочинение его: об эманципации католической Церкви от Римской диктатуры (в письме к Князю Элиму Мещерскому) — подняло его врагов. Хотя не смели запретить его брошюру, но всячески старались вредить ему. Попы запретили студентам Богословского факультета посещать его лекции. Теперь он издал сочинение против Гегелевой Философии Религии, где восстал и на Штрауса. — Но несмотря на гонения, он не унимается — и готовит сочинение большое *против Папизма*, в котором исторически и спекулятивно его уничтожит. — Он намерен все эти сочинения свои доставить Князю Александру Николаевичу <Голицыну>, и если не найдет прежде случая, то пришлет со мною. <...> После рассказа его о себе, он приступил со мною прямо к своей системе — и обещал приходить ко мне всякое утро говорить со мною о книге, им теперь изданной. — На другой день пришел также — и пробыл у меня час, говоря безупречно и объясняя мне свою книгу. — В своем разговоре он гораздо яснее, нежели в книгах — и сам это чувствует. — Философия его проникнута мистицизмом. — Он изучал Бёма и Сен-Мартена. — Много глубоких мыслей сообщает он. Едва ли можно эти мысли привести в строгую систему — но система их душа его, в которой их единство. — Он хочет меня ввести в учение свое — и дать ключ к его книгам. Его беседа очень занимательна — и я благодарен тебе за знакомство, которое, может быть, опишу я в статье: Беседы с Баадером. — 25/13 н<оября>. Баадер был опять у меня сегодня. Глубоки его беседы. Он наполняет мне душу. Он намерен посвятить свое сочинение против Папизма кн<язю> Алек<сандру> Ник<олаевичу> Голицину. От России ждет он освобождения от Римской Диктатуры. Пруссия слаба, чтобы противостоять» (РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 28. Л. 17 об.). В письме из Берлина от 24 февраля (н. ст.) 1840 г., Шевырев добавлял: «С Баадером продолжал беседы. Об нем напишу большую статью. Купил все его сочинения. Он один понимает истинное начало Христианской философии. Мысли его я записывал. Знакомство с ним есть одно из приобретений в жизни. Он собирается издать книгу в защиту нашей Церкви против нападающих» (РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 28. Л. 21).

¹⁵ Глава «Швейцария» впервые была опубликована М. П. Погодиным в качестве отдельной статьи: *Погодин М. Швейцария. (Из путевых записок) // Москвитянин. 1843. № 9 (цензурное разрешение 18 авг.). С. 190–233. Из этого номера журнала Гоголь выписал для себя стихотворение М. Н. Лихонина «Век ума» (с. 17–18) и прочел здесь «Отрывки из нового романа: Михайло Чарнышенко» П. А. Кулиша (без подписи) (с. 243–264).*

¹⁶ Николай Дмитриевич Бенардаки (род. в 1830), библиограф. См. письма Гоголя к Д. Е. Бенардаки и к П. В. Нащокину от 20–29 июля (н. ст.) 1842 г. из Гастейна.

¹⁷ Фрагмент из дневника Погодина, посвященный встрече с Л. Океном 6 сентября 1839 г., впервые был опубликован в «Отечественных Записках»: *Погодин. Любопытная встреча. (Из путевых записок) // Отечественные Записки. 1840. № 7 (цензурное разрешение 14 июля). Отд. VII. С. 1–8 (отрывок из книги «Год в чужих краях» о встрече с Л. Океном: «Сентября 6, н. с. <1839>. — Дилижанс из Милана во Флоренцию отходит в 4 часа утра...»)*. См. также публикацию: *Еще об Окене // Москвитянин. 1852. № 2. (Январь. Кн. 2). Отд. VIII. С. 34–42.*

¹⁸ Между 24 августа и 22 сентября (н. ст.) 1839 г. Гоголь писал Погодину из Вены: «На всякий случай, если несколько меня отыщешь, оставляю записочку в *poste restante*. Живу zum Römischen Kaiser Freieung, комната 27».

¹⁹ Погодин осматривал Варшаву по пути за границу 15–22 января 1839 г. Гоголь осмотрел достопримечательности Варшавы позднее, 7–13 июня (н. ст.) 1840 г.; см. в наст. изд. письмо В. А. Панова к К. С. Аксакову от 27 июня — 8 июля (н. ст.) 1840 г. из Вены.

²⁰ Самуил Богумил Линде (1771–1847), польский лексикограф.

²¹ В том же году торжества, с большими маневрами, состоялись на Бородинском поле. На открытии памятника в честь знаменитого сражения 26 августа (7 сентября н. ст.) 1839 г. присутствовал Император Николай I.

Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году

В марте¹ приехал я в Рим. Там жил уже два года Шевырев, получивший отпуск для восстановления здоровья, которое расстроилось пятилетними неусыпными трудами в университете. Там водворился и Гоголь, бежавший из Петербурга после разных неудовольствий и досад при представлении и напечатании «Ревизора». Я тотчас отправился отыскивать его.

Он жил в Via Felice, <№ 126>, нашего centum venti sie, в четвертом этаже. Взобравшись к нему по широкой лестнице, отворяю дверь и в эту самую минуту — вижу — он из окна выплескивает что-то на улицу из огромного сосуда, целым потоком. Я так и обмер. «Помилуй, что ты делаешь?» — «На счастливого», — отвечает он пресерьезно, бросаясь меня обнимать. Разумеется, увидя такую простоту нравов¹, я никогда уж не ходил в Риме около домов, чтобы не быть окачену или осчастливлену подобным счастьем, а выбирал всегда дорогу по середине улицы.

Гоголь управлял совершенно домом, где жил, известный под именем Signore Nicolo: назначил тотчас помещение мне с женою подле своей комнаты, через темную залу, и предписал хозяину условия, против которых тот не осмеливался произнести ни одного слова, приговаривая только вполголоса, с низкими поклонами: «Si, signore, si, signore!».

Первою заботою Гоголь почел устроить утреннее чаепитие. Запас отличного чаю у него никогда не переводился, но главным делом для него было набирать различные печенья к чаю. И где он отыскивал всякие крендельки, булочки, сухарики, — это уже только знал он, и никто более. Всякий день являлось что-нибудь новое, которое он давал сперва всем отведывать, и очень был рад, если кто находил по вкусу и одобрял выбор какую-нибудь особенную фразу. Ничем более нельзя было сделать ему удовольствия.

У самого папы и кардинала Ламбускини, который управлял тогда его двором, не бывало, думаю, такого богатого и вкусного завтрака, как у нас. Действие начиналось так. Приносился черномазю, косматою Нанною, — в роде описанных в его превосходном отрывке «Рим», — ужасной величины медный чайник с кипяченою водою. Гоголь обыкновенно начинал ругать Нанну за то и за другое, почему приносит она поздно, почему не вычистила ручки, не отерла дна и проч., и проч.; та с криком оправдывалась, а он доказывал, с разными характеристическими пантомимами с обеих сторон. Целая драма²! «Да полно! — заключал я обыкновенно. — Вода простынет!» Гоголь опомнивается, и начинаются наливанья, разливанья, смакованья, подчиванья и облизыванья. Ближе часа никогда нельзя было управиться с чаем. «Довольно, довольно, пора идти!» — «Погодите, погодите, успеем. Еще по чашечке, а вот эти дьяволенки, — отведайте, — какие вкусные! Просто — икра зернистая, конфетки!»

Всякой день выход был решаем уже после многих толков и споров. План осмотров написал для меня Шевырев. Он помог и Гоголю на первых порах познакомиться с Римом, который известен был Шевыреву как свои пять пальцев, как нам, москвичам, известен Кремль или петербуржцам Невский проспект. Шевырев перечел все исследования, проверил, изучил все мнения и споры, по источникам и по натуре, еще в первое свое там пребывание и, приехав в другой раз, только что дополнил и освежил их, и сделался отличным *cicerone*³, не уступая никакому Нибби. Но Гоголю непременно хотелось делать всегда что-нибудь по-своему. Шевырев дорожил более всего точностию, порядком, полнотою, а Гоголь хотел удивлять сюрпризами, чтоб никто не знал заранее ничего. Шевыреву принадлежала наука и знания, Гоголю — воображение и оригинальность, которая не оставляла его ни в чем, в важных делах, как и <в> мелочах. Он выбирал время, час, погоду, — светит ли солнце, или пасмурно на дворе, и множество других об-

¹ В черновом автографе было: а. такую патриархальность б. такую бесцеремонность

стоятельств, чтоб показать нынче то, а не это, а завтра — наоборот. Привел, например, он нас в первый раз в храм св. Петра, и вот как вздумал дать понятие об огромности здания. «Зажмурь глаза!» — сказал он мне в дверях и повел меня за руку. Остановились спиной к простенку. «Открой глаза! Ну, видишь, напротив, мраморных ангельчиков под чашею?» — «Вижу». — «Каковы, — велики? Ну, так оборотись». Я оборотился к простенку, у которого стоял, и увидел перед собою, под пару к ним, двух, почти колоссальных. Так велико между ними расстояние в промежулке: огромные фигуры издали кажутся только посредственными.

Читатели могут быть уверены, что я помню Крыловского путешественника и рассказ его о Римских огурцах⁴.

В другой раз повел он нас молча, Бог знает, по каким переулкам и, кажется, нарочно выбирал самые дурные и кривые, чтоб пройти как можно дальше и неудобнее. Конца, кажется, не было этому лабиринту. «Да куда же ты ведешь нас?» — спросил я его с нетерпением. — «Молчи, — отвечал он с досадою, погруженный как будто в размышление, — узнаешь после». Наконец, мы выходим на площадь. Перед нами открылась вдали широкая каменная лестница, наверху по бокам ее два огромные коня, которых под уздцы держали всадники. За нею на площади конная статуя. В глуби обширное здание с высокою каланчою. — «Ну, видишь молодцов?» — спросил мой чудак. — «Вижу. Да что же это такое?» — «Хороши». — Между тем мы приблизились. — «Это древние статуи Диоскуров, из театра Помпеева. А это Марк Аврелий на коне. А это Капитолий!»

Капитолий, — можно себе представить, какое впечатление производило такое полное слово.

Но было мне и много досады с Гоголем, точно как и с Шевыревым. Это две крайности. Гоголь никогда не мог поспеть никуда к назначенному сроку и всегда опаздывал, а Шевырев хотел явиться везде чуть ли не накануне. Гоголя нельзя было вытащить никуда иначе, как после нескольких жарких приступов, а Шевырев, напротив, сам приступал спозаранку, и ничего не давал делать за несколько часов до предположенного дела. По дорогам ехать с ними — новые хлопоты и досады. В Италии господствовала в то время система паспортов. «Gli passaporti»⁵ слышалось на всяком, кажется, перекрестке. Шевырев и не клал уже паспорта в карман, а показывал его всякому встречному и поперечному, хоть бы кто его и не спрашивал. Гоголь ни за что на свете не хотел никому показывать своего паспорта, и его надо было клещами вытаскивать из его кармана. Он уверял меня даже, что когда ездит один, то никогда не показывает паспорта никому по всей Европе под разными предлогами. Так и при нас, — не дает, да и только; начнет спорить, браниться и, смотря в глаза полицейскому чиновнику, примется по-русски ругать на чем свет стоит его, императора австрийского, его министерство, всех гонфалоньеров и подаст, но таким тоном, таким голосом, что полицейский думает слышать извинения и повторяет тихо: «Signore, passaporti!» Так он поступал, когда паспорт у него в кармане, и стоило только вынуть его, а это случалось очень редко; теперь — представьте себе, что паспорта у него нет, что он засунул его куда-нибудь в чемодан, в книгу, в карман. Он должен, наконец, искать его, потому что мы приступаем с просьбами: надо ехать, а не пускают. Он начнет беситься, рыться, не находя его нигде, бросать все, что попадется под руку, и наконец, найдя его там, где нельзя и предполагать никакой бумаги, начнет ругать самый паспорт, зачем он туда засунулся, и кричать полицейскому: «На тебе паспорт, ешь его!» — и проч., да и назад взять не хочет. Преуморительные были сцены. Кто помнит, как читал Гоголь свои комедии, тот может себе вообразить их, и никто более.

Читал Гоголь так, скажу здесь кстати, как едва ли кто может читать. Это было верх удивительного совершенства. Прекрасно некоторые вещи читал Шевырев, прекрасно читают другие комические вещи Садовский, Писемский, Островский; но Гоголю все они должны уступить. Скажу даже вот что: как ни отлично разыгрывались его комедии или, вернее сказать, как ни передавались превосходно иногда некоторые их роли, но впечатления никогда не производили

они на меня такого, как в его чтении. Читал он однажды у меня, в большом собрании, свою «Женитьбу», в 1834 или 35 году⁶. Когда дошло дело до любовного объяснения у жениха с невестой — «в которой церкви вы были в прошлое воскресенье? какой цветок больше любите?» — прерываемого троекратным молчанием, он так выражал это молчание, так оно показывалось на его лице и в глазах, что все слушатели a' la lettre покатывались со смеху, и долго не могли прийти в себя, а он, как ни в чем не бывало¹, молчал и поводил только глазами.

Расскажу еще кстати один анекдот о Гоголе. После чаю он обыкновенно водил нас по Риму, и к двум часам приводил в гостиницу Лепри на Корсо или к Scalinata, близ Piazza di Spagna, обедать; но сам никогда ничего не ел, говоря, что не имеет аппетита и что только часам к шести может что-нибудь проглотить. Там он оставлял нас, и мы после обеда или шли к Шевыреву, или к учителю⁷, который давал нам итальянские уроки. Так продолжалось недели две. Однажды вечером встретился я у княгини Волконской с Бруни и разговорился о Гоголе. — «Как жаль, — сказал я, — что здоровье его так медленно поправляется!» — «Да чем же он болен?» — спрашивает меня с удивлением Бруни. — «Как чем? — отвечаю я. — Разве вы ничего не знаете? У него желудок расстроен; он не может есть ничего». «Как не может, что вы говорите? — воскликнул Бруни, захохотав изо всех сил. — Да мы ходим нарочно смотреть на него иногда за обедом, чтоб возбуждать в себе аппетит: он ест за четверых. Приходите, когда угодно, около 6 часов к Фалькони».

Отправились мы гурьбой на другой день к Фалькони. Это была маленькая, тесненькая трапезная, в захолустье, в роде наших харчевен, и, надо отдать справедливость, если и почище, то немного. Но не красна изба углами, а красна пирогами, говорит пословица. Г<-н> Фалькони славился отличною, свежешю провизиею. Мы пришли и заперлись наглухо в одной каморке подле Гоголевой залы, сказав, что хотим попить особю, и спросили себе бутылку Джансано. К 6 часам, слышим, действительно, является Гоголь. Мы смотрим через перегородку. Проворные мальчуганы, camerieri⁸, привыкшие к нему, смотрят в глаза и дожидаются его приказаний. Он садится за стол и приказывает: макарон, сыру, масла, укусу, сахару, горчицы, равиоли, брокколи... Мальчуганы начинают бегать и носить к нему то то, то другое. Гоголь, с сияющим лицом, принимает все из их рук за столом, в полном удовольствии, и распоряжается: раскладывает перед собою все припасы, — груды перед ним возвышаются всякой зелени, куча стклянок со светлыми жидкостями, все в цветах, лаврах и миртах. Вот приносятся макароны в чашке, открывается крышка, пар повалил оттуда клубом. Гоголь бросает масло, которое тотчас расплывается, посыпает сыром, становится в позу, как жрец, готовящийся совершать жертвоприношение, берет ножик и начинает разрезывать...

В эту минуту наша дверь с шумом растворяется. С хохотом мы все бежим к Гоголю. — «Так-то, брат, — восклицаю я, — аппетит у тебя нехорош, желудок расстроен? Для кого же ты это все наготовил?» Гоголь на минуту сконфузился, но потом тотчас нашелся и отвечал с досадою: «Ну, что вы кричите, разумеется, у меня аппетита настоящего нет. Это аппетит искусственный, я нарочно стараюсь возбудить его чем-нибудь, да черта с два, возбужу, как бы не так! Буду есть, да нехотя, и все как будто ничего не ел. Садитесь же лучше со мной, я вас угощу». — «Ну, так угости — мы хоть и пообедали, но твои искусственные приготовления такие аппетитные...» — «Чего же вы хотите? Эй, камерьере, принеси!» — и пошел, и пошел: agro-dolce, di cigno, pelustro, testa di suppa Inglese, moscatello, и пр., и пр. Началось пированье, очень веселое. Гоголь уписывал за четверых и все доказывал, что это так, что это все ничего не значит, и желудок у него расстроен.

Заклчу мой отрывок стихами Шевырева, который поднес их Гоголю в день своего рождения, 27 декабря, в 1838 году⁹, в Риме, на вилле княгини Волконской, отдавая ему от имени друзей нарисованную сценическую маску. Эти стихи, очень удавшиеся Шевыреву, показывают, как рано и как высоко ценим был гений Гоголев от всех людей к нему близких, вопреки толкам «Отечественных Записок».

¹ В публикации: не бывалы

Что ж дремлешь ты? — Смотри, перед тобой
Лежит и ждет сценическая маска.
Ее покинул славный твой собрат,
Еще теперь игривым, вольным смехом
Волнующий Италию. Возьми
Ее — взглядишь в шутливую улыбку
И в честный вид: ее носил Гольдони.
Она идет к тебе: ее лица
Подвижными и беглыми чертами
Он смело выражал черты народа
Смешные, всюду подбирая их,
На улицах, на площадях, в кафе,
Где нараспашку виден итальянец, —
Где мысль его свободна и резва, —
И через чистый смех, в сердца граждан
Вливалось истины добро святое!
Ты на Руси уж начал тот же подвиг!
Скажи, поэт, когда устав от дум
И полн заветных впечатлений Рима,
Ты вечером, в часы сочувствий темных,
Идешь домой: не слышится ль тебе,
Не раздается ли в душе твоей
Далекий, резвый, сильный, добрый хохот
С берегов Невы, с берегов Москвы родной?
Тот хохот твой — веселья чудный пир,
Которым ты Россию угощаешь,
Добро великое посеяв в ней,
Сам удалясь от названных гостей.
Что ж задремал? — Смотри перед тобой
Лежит и ждет сценическая маска...
Надень ее — и долго не снимай,
И новый пир, пир Талии задай,
Чтобы на нем весь мир захохотал,
Чтобы порок от маски задрожал...
Но для друзей сними ее подчас:
И без нее ты будешь мил для нас.

В Риме мы расстались. Я с Шевыревым уехал в Неаполь, а и в Париж. Гоголь, выезжавший по дороге проводить нас в Чивита-Веккию, куда приставал наш пароход, — отправился после в Мариенбад, где должен был дожидаться меня. В Мариенбаде произошла новая история. Гоголь занемог в Марсели, но не хотел лечиться, а Иноземцев, который также был тогда в Мариенбаде, больной ипохондрией, не хотел лечить. Мне надо было их сводить и упрашивать, чтоб один решился лечиться, а другой — лечить. Здесь скажу только, что в Мариенбаде был еще тогда известный предприимчивый Д. Е. Бенардаки. Мы все гуляли вместе, Бенардаки, знающий Россию самым лучшим и коротким образом, бывший на всех концах ее, рассказывал нам множество разных вещей, которые и поступили в материалы «Мертвых душ», а характер Костанжоло во 2-й части писан в некоторых частях с него. Здесь мы остановимся...

Февраля 7. 1865 г.

Стихотворение С. П. Шевырева, посвященное Гоголю, было впервые опубликовано М. П. Погодиным в 1842 г.: <Шевырев С. П.> С. Ш. К Г<оголю>. При поднесении ему от друзей нарисованной сценической маски в Риме, в день его рождения // *Москвитянин*. 1842. № 1. С. 16–17; с датой: «Января³⁰/₁₈ 1839. Рим». Текст воспоминаний впервые напечатан: *Погодин М. П.* Отрывок из записок. О жизни в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году // *Русский Архив*. 1865. № 7. Стб. 887–895. Черновой автограф хранится: Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году // *ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 4–9. Текст печатается по публикации 1865 г.; название приводится по черновому автографу.

¹ 8 марта (н. ст.) 1839 г.

² Описание М. П. Погодина отчасти напоминает известную лишь в пересказе повесть «Прачка», приписываемую Гоголю (см. в наст. изд. статью А. С. Гиероглифова «О неопечатанном рассказе Н. В. Гоголя “Прачка”»).

³ Проводник, гид (*ит.*).

⁴ Имеются в виду строки басни И. А. Крылова «Лжец» (1812): «Вот в Риме, например, я видел огурец: / Ах, мой Творец / И по сию не вспомнюсь пору! / Поверишь ли? Ну, право, был он с гору!».

⁵ Паспорта (*ит.*).

⁶ 4 мая 1835 г. (см. в наст. изд. письмо Е. А. Боратынского М. П. Погодину от 3–4 мая 1835 г. и письмо В. П. Андросова А. А. Краевскому от 19 мая 1835 г.). «Несмотря на затворническую жизнь, Погодин давал вечера, и о них доводил чрез свой *Москвитянин* до всеобщего сведения. Так, о вечере, бывшем у него 12 февраля 1851 года, мы читаем: “Был литературный вечер у редактора *Москвитянина* М. П. Погодина, у которого издавна раза два в год бывают подобные большие собрания, и московские литераторы всех поколений знакомятся обыкновенно с новыми примечательными произведениями литературы, и между собою. Мы помним один такой вечер, когда Гоголь, только что явившийся на поприще, в 1834 или 1835 году, читал у него своих *Женихов*, и уморил почти со смеху всех слушателей, удивительным, неподражаемым своим чтением. Мы помним, что произвело одно его молчание между женихом и невестой, после односложных вопросов и ответов о любимом цвете и прогулках”» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 338; см. также в наст. изд.).

⁷ Грифи.

⁸ Официанты (*ит.*).

⁹ Датировка ошибочна. Во-первых, 27 декабря 1838 / 8 января 1839 г. был не днем рождения, а днем именин Степана Петровича Шевырева (память св. первомученика и архидиакона Стефана); день рождения Шевырева приходился на 18/30 октября. Вероятно, датируя в 1865 г. посвященное Гоголю стихотворение, М. П. Погодин воспользовался при этом записями в своем дневнике от 27 марта (н. ст.) 1839 г., однако по недосмотру перепутал именины с днем рождения: «Вилла Гонза<га>, где Волк<онская> давала праздник Шевы<реву>...»; «Ш<евырев> завел на *виллу Гонзаги*, на берегу Тибра, где Кн<ягиня> В<олконская> давала ему праздник в день именин его, декабря 27 / января 8...» (см. в наст. изд.). Во-вторых, при первой публикации стихотворения Шевырева в 1842 г. Погодин сопроводил его другой датой: «Января³⁰/₁₈ 1839. Рим» (см. преамбулу к наст. коммент.). Эта датировка соответствует дневниковой записи В. А. Жуковского «18 (30) января <1839>, *середа*. Рождение Гоголя» (см. в наст. изд.), а также строкам письма Гоголя к Шевыреву от 10 сентября (н. ст.) 1839 г.: «...Ты владеешь стихом и <...> стих твой силен <...> это я заключаю из тех памятных мне стихов в день моего рождения, которые ты написал в Риме». Возможно, мистификация Гоголя была связана с известной репликой купцов в «Ревизоре» об именинах городничего (см. в наст. изд. коммент. к упомянутой дневниковой записи В. А. Жуковского от 18/30 января 1838 г.).

Воспоминание о С. П. Шевыреве Фрагмент

<...> В Риме был тогда и Гоголь. В день его рождения, 27-го декабря 1838 года¹, празднуя его со многими русскими на вилле княгини Волконской, Шевырев прочел ему <...> стихи, при поднесении от друзей нарисованной сценической маски... <...>¹

В Риме я нашел Шевырева в 1839 году за книгами, рисунками и тетрадами, и провел целый месяц вместе с ним, Гоголем и Ивановым. Они познакомили меня с Римом и окрестностями. Из Рима отправились мы с Шевыревым в Неаполь. Точность его, доведенная до крайности, была очень тяжела. Приехав в Неаполь, он хотел непременно прежде всего визировать паспорта у консулов тех владений, куда мы предполагали заглянуть с парохода по пути в Марсель, то есть римского, флорентийского, сардинского и французского, потом навести справки о пароходах и взять места, прежде нежели приступить к осмотрам. На это потребовалось около двух дней, в продолжение которых мы должны были сидеть, сложа руки, а всех дней было только пять или шесть. Мученье было с ними: Гоголь всегда опаздывал и не хотел соблюдать никаких формальностей, Шевырев хотел являться всегда чуть не накануне срока и сочинял формальности. <...>

В Чивиту-Веккию, на возвратном пути нашем из Неаполя, выезжал к нам на встречу Гоголь, проститься с семейством Шевырева. <...>

Первые опубликовано: *Погодин М.* Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве. СПб., 1869. С. 22–23; То же // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1869. № 2. С. 414–416. Печатается по первой публикации.

¹ 18/30 января 1839 г. См. в наст. изд. коммент. к «Отрывку из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году» М. П. Погодина.

М. П. Погодин — С. Т. Аксакову

<Начало октября 1839. Москва>

Гоголь просит Вас узнать от Вашей знакомки — когда бывает выпуск воспитанниц Патриотического института, в декабре перед святками или в январе, после них¹.

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 566. Печатается по первой публикации.

В «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксаков писал: «Не зная хорошенько времени, когда должен был последовать выпуск воспитанниц из Патриотического института, Гоголь сначала торопился отъездом. Это видно из записки Погодина ко мне, в которой он пишет, что Гоголь просит меня справиться об этом выпуске...» (см. в наст. изд.).

¹ См. в наст. изд. ответ С. Т. Аксакова, написанный на обороте послания М. П. Погодина.

¹ Привожу эти стихи в доказательство того, как рано Гоголь был оценен в нашем кругу; а невежи наши думают и провозглашают, что оценил Гоголя прежде всех Белинский, между тем как он не сказал ничего нового. — *Примеч.* М. П. Погодина.

<Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина
1840—1841 гг.>

1840

Январь. <...> 5. <...> С Акс<аковым> о предложениях Свербеевых Гоголю. <...>

7. <...> Какие деревяшки Гоголевы сестры!¹ <...>

Апрель. <...> 27. Провожали Гоголюху. Заплакали и деревяшки. <...>

Ноябрь. <...> 16. <...> Со Щепкиным о театре. — Решился напечатать Гоголев перевод² и отрывок из его Записок³. <...>

20. <...> Досадно, что надо ехать к Князю⁴ и расстроить утро. Рассматривал картины Гампельна в гостиной. Приехал Орлов⁵, сострил, указывая картины: Прежде пыл, а теперь пыль. Ермолов прежде впереди, а теперь назади. Совестно было, когда Князь выслал сказать, что не может принять Генерала Орлова, который 25 лет тому назад брал Париж на капитуляцию, и приглашал меня в кабинет. Так переходчивы времена.

27. <...> Получил письмо от Гоголя⁶. Был утешен и огорчен. Удивительное создание человек! — И все еще не верится вполне. Человек испорчен, первородный ум ясен. — Были минуты торжественные. <...>

Декабрь 1. <...> Хохотал, воображая себя на месте городничего, которому представляются свиные рожи и пр. <...>

31. <...> К к<нязю> Голицыну. <...> Говорил с Кривцовым, и о Библиотеке для художников в Риме⁷. Князь очень любезен, но я не мог при Кривцове, просить его о рассылке по частям. <...>

1841

<...> *Январь.* <...> 17. <...> Вечер у Томашевского⁸, который засадил меня играть в бостон с тремя Немцами. Прескучно, но все-таки я взял с них свою дань, наблюдав их внимательно. Подлинно, это деревянные Тедески. Вот прототип чиновников⁹. <...>

18. <...> Письмо от Гоголя¹⁰, который выздоровел и пишет, но не присылает¹¹. <...>

Февраль <...> 2. Книгопродавцы за экзеп<п>ляры>. Ширяев прислал деньги; теперь в расходе около 660. Рас<с>читывался. Приготовлял 3 книжку. К Аксак<овым>. Читал Журнал. Приехал Васьков¹². Сели играть в карты: в одну пар<т>ию выиграл 80, а в другую проиграл 120. Толковали о Журнале. О Гоголе, его характере и выходках. Решил написать письмо: Разоряюсь, выручай. Как бы было хорошо, если б теперь поддержать впечатление эффектными статьями. В 1000 подписчиках я теперь уверен. Дорогою думал купить роман Загоскина и напечатать начало в Журнале. Предложить Ин<н>окентию издание проповедей.

3. Нап<исал> письма к Ин<н>окентию>, к Гоголю...¹³ <...>

13. <...> Был Кривцов, толковали о библиотеке и Академии в Москве. <...>

Март <...> 15<-го>. Письмо к Лобкову о библиотеке для Русских художников в Риме¹⁴. <...>

Апрель <...> 8. <...> Ксенофонт Полевой покупает все экз<емп>ляры> Ревизора и дает по 4 р<убля>, но в сроки. Привез наконец деньги. Толковали о книжной торговле. <...>

14 <...> Поутру был Граф Толстой, с которым много говорил о России нынешней и прошедшей. Журнал Ваш¹⁵ запретят, сказал он, потому что в нем слишком явен Русский дух, и много православия. Есть какая-то невидимая, тайно действующая сила, которая мешает всякому добру в России. Верно, она имеет свое начало в чужих краях, трепещущих России, и действующих через золото. Обещал рас<с>просить Протасова и Уварова о причинах моей остановки¹⁶. <...>

16. Написал лист о Риме¹⁷. <...> Вечер у Акс<аковых>, но нападала тоска о том, что так давно из дома. Домашняя досада на О<льгу> С<еменовну>, которая просто блажит, забывает о девяти живых, чтоб плакать об одном¹⁸. Читал им Рим. Спорил о приличиях. <...>

17. <...> Отнял несколько времени Полевой, которому не мог отказать о Ревизоре, хотя это мне и не очень выгодно. <...>

24. <...> Вечером ходил к Дмитриеву, который ужасно встревожен ругательствами Белинского, вслед за Глинкою, который гово<рит>: все это за Москвитянина, я не буду ничего помещать и пр. Дмитриев предлагает написать официальную бумагу и подписать ее всем, против правил, проповедуемых Отеч<ественными> Записками. Все это верно, и я не понимаю, как слабы эти религиозные люди, смущаясь подобными выходками дряни и сволочи.

25. <...> Ольга Сем<еовна> рассказывала о бешенстве Белинского на меня, и Козловский у него. <...>

Maï <...> 25. <...> Лобков получил Станислава¹⁹ за пожертвование, которое лежит у меня в ящике, а Государю доложено, что библиотека доставлена²⁰. Письмо от Гоголя²¹, который ждет денег, а мне не хотелось бы посылать. Между тем я думал поутру, как бы приобрести равнодушные к деньгам. Думал не в шутку об путешествии, чтоб соединить ярмарку с Новым городом, захватив Устюг и Вологду. <...>

Фрагменты дневниковых записей М. П. Погодина 1840–1841 гг., кроме записей от 7 января, 27 апреля и 20 ноября 1840 г., от 14 апреля 1841 г., публикуются впервые по автографам: запись от 5 января 1840 г. – *Погодин М. П. Дневник. 1829–1840 // РГБ. Ф. 231. Раздел I. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 152*; остальные записи – *Погодин М. П. Дневник. 1840–1845 // РГБ. Ф. 231. Раздел I. К. 33. Ед. хр. 1. Л. 18, 18 об., 19 об., 20, 24 об., 28, 30–30 об., 33, 34, 36–36 об., 37–37 об., 42*. Записи от 7 января, 27 апреля и 20 ноября 1840 г., от 14 апреля 1841 г. впервые опубликованы: *Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Кн. 5. С. 356, 358, 362; Кн. 6. С. 53*; печатаются также по автографам: *Погодин М. П. Дневник. 1829–1840 // РГБ. Ф. 231. Раздел I. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 152, 153; Погодин М. П. Дневник. 1840–1845 // РГБ. Ф. 231. Раздел I. К. 33. Ед. хр. 1. Л. 18 об., 35 об.*

¹ Ср. также в наст. изд. отзыв о сестрах Гоголя Анне и Елисавете в воспоминаниях С. Т. Аксакова.

² Очевидно, имеется в виду гоголевская литературная обработка перевода комедии итальянского драматурга графа Джованни Жиро (1776–1834) «Дядька в затруднительном положении» (1807), высланная Гоголем 10 сентября (н. ст.) 1840 г. из Венеции для бенефиса М. С. Щепкина. (Рукопись была разделена Гоголем на три части, которые были вложены в письма к М. С. Щепкину, С. Т. Аксакову и М. П. Погодину.) Перевод был впервые напечатан С. И. Пономаревым в 1882 г.: Дядька в затруднительном положении (L'ajo nell'imbarazzo). Комедия в трех действиях, сочинение гр<афа> Джованни Жиро (Giovanni Giraud). Перевод с итальянского, приписываемый Н. В. Гоголю // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Киев; Лейпциг, 1882. Т. 7. Отд. 2.

³ Имеются в виду записки М. С. Щепкина.

⁴ Князю Д. В. Голицыну.

⁵ «Когда Гоголь был уже в Риме, Погодин получил от М. Ф. Орлова следующую записку: “Орлов свидетельствует свое почтение Михайле Петровичу Погодину и извещает его, что он имеет оказию переслать что-либо Гоголю чрез Павла Ивановича Кривцова. Ежели Михайле Петровичу угодно воспользоваться сим случаем, то он может это сделать на следующих условиях: 1) Чтобы посылка не была очень громоздка. 2) Чтобы она доставлена была к Орлову, но не позже завтрашнего числа. В этом случае усердствует наипаче жена моя и просит напомнить об ней и обо мне нашему Гоголю”. Эти строки Погодин получил от почтенного М. Ф. Орлова накануне встречи с ним в приемной Московского генерал-губернатора...» (*Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 5. С. 362*).

⁶ Имеется в виду письмо от 17/29 октября 1840 г. из Рима. На это письмо Погодин отвечал 28 ноября 1840 г.

⁷ См. «Реестр книгам, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года Июля 11 дня» М. П. Погодиным в т. 9 Полн. собр. соч. и писем Гоголя в 17 т. (М.; Киев, 2009).

Первая половина книг, приобретенная М. П. Погодиным на средства купца-благотворителя А. И. Лобкова, была получена в Риме в начале 1842 г. 11/23 января этого года П. И. Кривцов сообщал М. П. Погодину из Рима: «На днях получили

мы обещанную для общины русских художников библиотеку. <...> Извещая вас обо всем этом, я льщу себя надеждою, что присланные два ящика с книгами были только предвестниками следующих высылко... <...> В свое время я известил вас, что писал о выдаче г-ну Гоголю 2000 франк<ов>. Письмо мое не застало его более в Риме, и поручение не было выполнено» (*Воропаев В.* Книги для Гоголя // Прометей. М., 1983. Т. 13. С. 133–134). 20 октября 1841 г. Гоголь писал А. А. Иванову из Москвы: «Меня удивляет, что вы не получили до сих пор денег. Они посланы были к Кривцову, и Кривцов еще в августе месяце уведомил Погодина, что послал в Рим распоряжение о выдаче их немедленно. Но не знаю только, кому он дал распоряжение: Валентини или кому другому. Итак, я вас прошу разыскать и принять эти деньги. Их 2000 р<ублей>». В декабре 1841 г. А. А. Иванов отвечал Гоголю из Рима: «Сегодня получил я письмо ваше от 20 октября, где вы просите разыскать наши деньги 2000 рублей. — Валентини ничего не знает, и, таким образом, я решился спросить Кривцова, не получал ли он письма от Погодина, на что Кривцов отвечал, что в августе месяце получил письмо, где Погодин, прося как можно скорее доставить вам в Рим деньги, обещал ему чрез две недели их прислать, вследствие чего Кривцов написал к Торлони, чтоб вам вручили <нрзб.> 2000 рублей. Но как вас уже в Риме не было, а Погодин не высылал обещанных денег, то это дело ничем и кончилось». См. также в наст. изд. дневниковую запись М. П. Погодина от 25 мая 1841 г.

Вторая половина книг была получена в январе 1843 г. (см. в наст. изд. письмо Н. М. Языкова к родным от 9 января (н. ст.) 1843 г.).

⁸ Антон Францевич Томашевский (1803–1883), заведующий почтовым училищем и цензор иностранных газет на Московском почтамте.

⁹ В 1882 году Н. Я. Аристов писал по поводу образа Акакия Акакиевича в повести Гоголя «Шинель»: «Мелкое чиновничество тянулось за крупным и подражало ему во всем <...> созданное искусственно на бюрократический немецкий лад, оно размножало класс нищих в Петербурге, как прекрасно изображено в повести «Шинель»...» (*Аристов Н. Я.* Иноземное влияние в России, изображенное Гоголем в его сочинениях // *Аристов Н. Я.* Сочинения Н. В. Гоголя со стороны отечественной науки. СПб., 1887. С. 96).

¹⁰ Письмо от 28 декабря (н. ст.) 1840 г.

¹¹ Подразумевается присылка Гоголем его произведений в журнал «Москвитянин», издание которого началось с января 1841 г.

¹² Федор Иванович Васьков (1790–1855), генерал-майор, гродненский гражданский губернатор (с 1844 по 1848 г.), новгородский гражданский губернатор (до 1850 г.), начальник костромского ополчения, друг С. Т. Аксакова, охотник и рыбовод.

¹³ Письмо не сохранилось. Судя по содержанию дневниковой записи Погодина от 2 февраля 1840 г., в письме содержалась просьба к Гоголю дать что-нибудь из его новых сочинений для публикации в «Москвитянине». 13 марта (ст. ст.) 1840 г. Гоголь писал С. Т. Аксакову: «Вы пишете, чтобы я прислал что-нибудь в журнал Погодину. Боже, если бы вы знали, как тягостно, как разрушительно для меня это требование, — какую вдруг нагнало оно на меня тоску и мучительное состояние! Теперь на один миг оторваться мыслью от святого своего труда — для меня уже беда. Никогда б не предложил мне в другой раз подобной просьбы тот, кто бы мог узнать на самом деле, чего он лишает меня. Если бы я имел деньги, клянусь, я бы отдал все деньги, сколько б у меня их ни было, вместо отдачи своей статьи! Но, так и быть, я отыщу какой-нибудь старый лоскуток и просижу над переправкой и окончательной отделкой его, Боже! может быть, две-три недели, ибо теперь для меня всякая малая вещь почти такого же требует обдумыванья, как великая, и, может быть, еще большего и тягостно-томительнейшего труда, ибо он будет почти насильственный, и всякую минуту я буду помнить бесплодную великость своей жертвы — преступную свою жертву. Нет, клянусь, грех, сильный грех, тяжкий грех отвлекать меня! Только одному неверующему словам моим и недоступному мыслям высоким позволительно это сделать. Труд мой велик, мой подвиг спасителен. Я умер теперь для всего мелочного; и для презренного ли журнального пошлого занятия ежедневным дрязгом я должен совершать непрощаемые преступления? и что поможет журналу моя статья? Но статья будет готова и недели через три выслана. Жаль только, если она усилит мое болезненное расположение. Но, я думаю, нет. Бог милостив... <...> Обнимите Погодина и скажите ему, что я плачу, что не могу быть полезным ему со стороны журнала; но что он, если у него бьется русское чувство любви к отечеству, он должен требовать, чтоб я не давал ему ничего».

¹⁴ См. выше коммент. к дневниковой записи М. П. Погодина от 31 декабря 1841 г.

¹⁵ «Москвитянин».

¹⁶ Граф А. П. Толстой собирался в то время в Петербург. Позднее, в неотправленном письме к графу С. Г. Строганову от конца января 1845 г., М. П. Погодин отмечал: «Никто в Москве не пишет... ссылаясь, по русской лени, на цен-

зуру, которой ужаснее вообразить трудно... Один журнал <«Москвитянин»>, который целая партия считает официальным, а между тем ни одного номера не проходит без затруднения, так что несколько раз я хотел уничтожить его. Только по первому номеру я вижу, что преемник мой <И. В. Киреевский> не выдержит полгода. А в Петербурге, наоборот, пропускают Бог знает что. В Петербурге можно зажигать, а нам нельзя кричать — пожар» (*Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 96.*)

¹⁷ Подразумевается статья «Месяц в Риме» (см. в наст. изд.).

¹⁸ 5 марта 1841 г. у Сергея Тимофеевича и Ольги Семеновны Аксаковых умер младший сын Михаил (род. в 1824). По-видимому, об этом Погодин написал тогда Гоголю (письмо не сохранилось), который 15 мая (н. ст.) 1841 г. отвечал Погодину: «Ужасно жалко мне Аксаковых, не потому только, что у них умер сын, но потому, что безграничная привязанность до упоения к чему бы ни было в жизни есть уже несчастье. Так мало знать жизнь, чтобы не помнить, что всякую минуту мы можем лишиться всего, позабыть, что всякую минуту мы должны благодарить за то, что остается нам, жить обманом и стараться вечно обманываться — страшно, просто страшно. Мы ропчем только на утраты и никогда не благодарим за блага, которые даются нам щедро, обильно, но мы замечаем их только в минуту, когда лишаемся их, а до того времени глядим на них, как на что-то должное нам, на что-то непременно принадлежащее нам. Неблагодарен человек. — Как бы мне хотелось быть в эту минуту в Москве. Как бы хотелось знать, утешились ли они хоть сколько-нибудь. Обними их и перецелуй, хоть им теперь не до меня».

¹⁹ А. И. Лобкову был пожалован орден Св. Станислава 3-й степени (см.: *АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 565. Л. 30.*)

²⁰ См. в наст. изд. коммент. к дневниковой записи М. П. Погодина от 31 декабря 1840 г.

²¹ 15 мая (н. ст.) 1841 г. Гоголь писал М. П. Погодину: «Благодарю много за деньги. Я их получил, но это, однако ж, как ты сам знаешь, только половина. Я расплатился с долгами и сижу на месте. Если ты не выслал остальных двух тысяч еще до получения сего письма, то мне беда, беда, потому придется оставаться в Риме на самое жаркое время лета...» См. также в наст. изд. коммент. к дневниковой записи М. П. Погодина от 31 декабря 1840 г.

М. П. Погодин

Где наши литераторы? Фрагмент

Верно, нашим читателям приятно будет узнать о многих наших литераторах, которые не ведут такой общественной жизни, и не дают знать о себе, как писатели Запада: где кто из них живет, чем занимается, что делает, какую жертву готовится принести на алтарь отечества. <...>

Гоголь, больной живет в Италии. Прошлого года он приезжал в Москву, прожил здесь полгода, и отправился опять в Рим. <...>

Впервые опубликовано: <Погодин М. П.> Где наши литераторы? // *Москвитянин*. 1841. Ч. 1. С. 325. Печатается по первой публикации.

М. П. Погодин

Литературные новости Фрагмент

<...> *Гоголь* написал уже два тома своего романа *Мертвые души*¹. Вероятно скоро весь роман будет кончен, и публика познакомится с ним в нынешнем году. Комедия *Жених*, в 2 действиях, давно готова. Из комедии *Владимир 3-й степени* написано два действия. Есть несколько готовых повестей: о чиновнике, укравшем шинель, Мадонна dei fiori², и пр. К Ревизору прибавлено

несколько новых сцен, другие исправлены, и он выйдет вскоре вторым изданием. (Теперь про-
дается он по 50 руб<лей> за экз<емпляр>.) <...>

Впервые опубликовано: <Погодин М. П.> *Зеленецкий К.* Литературные новости // Москвитянин. 1841. № 2 (цен-
зурное разрешение 31 янв.) С. 616. Печатается по первой публикации.

Сообщение, подписанное профессором русской словесности и исторической литературы Ришельевского лицея в
Одессе Константином Петровичем Зеленецким (1812–1858), было написано, вероятно, М. П. Погодиным.

¹ К «Мертвым душам» М. П. Погодин отнесся сдержанно. Осенью 1841 г., после чтения автором последних пя-
ти глав первого тома поэмы, он высказал Гоголю ряд критических замечаний, из которых С. Т. Аксакову запомни-
лось только то, что «в первом томе содержание поэмы не движется вперед; что Гоголь выстроил длинный коридор,
по которому ведет своего читателя вместе с Чичиковым и, отворяя двери направо и налево, показывает сидящего в
каждой комнате уroda» (см. в наст. изд. «Историю нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с
1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.>» С. Т. Аксакова). В 1847 г., с выходом в свет «Выбранных мест из переписки с
друзьями», где содержался критический отзыв Гоголя о Погодине (в статье «О том, что такое слово»), Погодин пи-
сал ему: «На досуге по вечерам я хотел было исписать “Мертвые души”, но оставил это намерение после твоей послед-
ней книги, чтоб мои замечания не были растолкованы отмщением». В 1842 г. Погодин отказался напечатать в ре-
дактируемом им журнале «Москвитянин» благожелательную статью о «Мертвых душах» К. С. Аксакова —
«Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова или Мертвые души”». По объяснению Н. П. Барсукова,
«познакомившись с этою статьею, Погодин, любя автора и оберегая его от насмешек, не согласился напечатать ее в
Москвитянине; это возбудило неудовольствие С. Т. Аксакова, и он жаловался на Погодина Гоголю» (*Барсуков Н.*
Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Кн. 6. С. 297–298). «Когда на брошюру Аксакова обрушился “град руга-
тельств, злобных насмешек и всякого рода оскорблений”, Погодин был за границей и из Парижа, 1 октября
1842 года, писал С. Т. Аксакову: “Как горько было мне услышать, что Константин напечатал свою статью о Гоголе!
Как досадно мне было на вашу слабость! Неужели и в вас недостало столько литературной доверенности ко мне,
чтоб согласиться со мною, что статья не годится для печати в первом виде? Неужели я не напечатал ее без основа-
ния? Неужели легко мне было прислать ее назад? Неужели не рад бы я был всякому успеху Константина?”» (*Бар-
суков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Кн. 6. С. 298–300; см. также в наст. изд. «Историю нашего зна-
комства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.>» С. Т. Аксакова). Однако дело
заклучалось, по-видимому, не только в «заботе» Погодина о литературной репутации Константина Аксакова. Сы-
грало роль и личное нерасположение М. П. Погодина к К. С. Аксакову (см. в наст. изд. дневниковую запись Погоди-
на от 25–26 апреля 1845 г.), и его сдержанное отношение к поэме Гоголя. Несколько месяцев спустя Погодин напе-
чатал в «Москвитянине» (1843. № 7; цензурное разрешение 8 авг.) статью неизвестного автора «Путевые
впечатления», с примечанием: «Помещая эту статью, надеюсь, мне не нужно предупреждать читателей, что Москви-
тянин почти совершенно не согласен с литературными мнениями Автора. Я поставил себе за правило помещать все
присылаемое ко мне: против себя, своих сотрудников и друзей, и при этом случае не нахожу причин изменять ему, —
тем более, что статья имеет свои достоинства» (С. 178). В статье, в частности, содержался критический разбор пер-
вого тома «Мертвых душ» (Путевые впечатления // Москвитянин. 1843. № 7. С. 188–190). «В этом сочинении, —
писал неизвестный рецензент, — нет никакого плана, ни даже тени правдоподобия; самый слог местами чересчур
уже низок и приличен только толкучему рынку». Спустя еще два года Погодин поместил в своем журнале такой же
негативный отзыв о «Мертвых душах» помощника попечителя Московского учебного округа Д. П. Голохвастова
(статья «Голос в защиту Русского языка»; см. в наст. изд. коммент. к письму А. П. Елагиной В. А. Жуковскому от
23 января 1842 г., а также письмо Гоголя к П. А. Плетневу от 7 января 1842 г.). В 1846 г. в опубликованном в «Моск-
витянине» обзоре А. Е. Студитского «Русская словесность в 1845-м году» о Гоголе говорилось как о продолжателе
«разрушительного» направления, заданного О. И. Сенковским и поддержанного М. Ю. Лермонтовым (см. в наст.
изд. коммент. к письму С. П. Шевырева П. А. Плетневу от 27 марта 1846 г.). В 1848 г. в погодинском «Москвитяни-
не» появилась также статья М. А. Дмитриева «О натуральной школе и народности», где тот в свою очередь замечал:
«Никто не будет отрицать, чтобы в первых произведениях Гоголя, в Вечерах на хуторе — и в Миргороде, не было на-
туры; однако ж в них он не был копи<и>стом. <...> Напротив (да простят мне и Гоголь, которого люблю, и его преж-

ние поклонники, которых не люблю) – в повести Мертвые души, в которой он слишком близко захотел подойти к действительному миру (хотя и не подошел к нему) – я не вижу художника, потому что не вижу целостности идеи в жизни, им изображаемой!» (Дмитриев М. О натуральной школе и народности // Москвитянин. 1848. № 9 (цензурное разрешение 16 авг.). С. 21–23).

В 1853 г. в «Москвитянине» М. П. Погодин опубликовал также повесть Е. И. Вельтман «Виктор», в которой, по словам С. Т. Аксакова, заключалась «давно сдерживаемая неприязнь» к Гоголю (см. в наст. изд. коммент. к статье С. Т. Аксакова «Несколько слов о биографии Гоголя»).

С другой стороны, в 1852 г., возражая Ф. В. Булгарину, Погодин писал: «Г. Булгарин обвиняет Гоголя, зачем он не изобразил нам добродетельных людей. По моему мнению искать и требовать добродетельных людей от комедии и сатиры есть то же, что жаловаться, зачем в больнице нет здоровых, а одни только чахоточные и расслабленные. Здоровым в больнице нет места, точно как идеалам добродетели в комедии и сатире. Фон-Визин представил нам самое разительное доказательство, как неуместны там Стародумы и Правдины, которые наводят только скуку и мешают впечатлению целой его комедии. Для прославления добродетели есть другие живописцы, кроме комиков и сатириков. Впрочем, возбуждать отвращение к пороку разве важно меньше возбуждения любви к добродетели, – замечу я старой апофегмой г. Булгарину» (Погодин М. П. Ответы г. Булгарину // Москвитянин. 1852. № 11 (Июнь. Кн. 1 <цензурное разрешение дано в нач. июня>). Отд. VIII. С. 59). Кроме того, сразу по выходе первого тома «Мертвых душ» М. П. Погодин напечатал в «Москвитянине» две положительные статьи о поэме С. П. Шевырева: *Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души*. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.); *Шевырев С. П. Похождения Чичикова, или Мертвые Души*. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8 (цензурное разрешение 22 авг.). За публикацию в одном и том же журнале статей С. П. Шевырева и Д. П. Голохвастова, с противоположных точек зрения оценивающих «Мертвые души», М. П. Погодин заслужил даже упреки в непоследовательности (см.: <Голохвастов Д. П.> Д. Ответ на статью Отечественных Записок: «Голос в защиту от голоса в защиту русского языка» // Москвитянин. 1846. № 3 (цензурное разрешение 19 марта). С. 238–239).

² Первоначальное название незавершенного романа Гоголя «Аннунциата» (впоследствии – повесть «Рим. Отрывок»). См. коммент. к разделу «Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 года».

Из дорожного дневника М. П. Погодина 1842 г. Черновой автограф

<12 июля>. Малорос<сийские> села очень живописны. По скату горы рассыпаны хаты, белые, как снег, под шокол<адными> кровлями, в густой зелени, под тенью деревьев. В долине бродят вола. Мужики ворочаются около телег. Свежий ветерок попахивает. Свины. – Первое такое село под Харьк<овым>. Липцы. За Харьк<овым> Люботин. <...>

<15 июля>¹. Ин<нокентий> в олтаре благословил меня, помолясь в ноги пред олтарем.

Европей<ская> улица в Харькове.

<16 июля. Полтава>². Вид чудны<й> с горы. Бод<янский>³ описал сражение. <...> Что за невинность в мало<россиянине>. – Его характеристическая <черта>¹. Хотя я понимаю теперь много в малор<оссиянине>. Его не беспокоит эта алчба, и он счастлив. – А великороссиянин чем больше имеет, тем больше хочет. Но это только в сравнении с малор<оссиянином>, а англичанин? <...>

Никто не знает о Васильевке, Янов<щина>. Муж на жатве, а жена умерла. Премилый проводник. У малорос<сиянина> не было такой нужды, как у великороссиянина, которого плутом <1 нрзб.> сделало правительство. – Чи се? Се, а совсем не то (дороги).

<Васильевка>. Радость была неописанная, и я радовался в общей радости⁴. След<овательно>, я люблю Гоголя, хоть он и насолил мне и кажется мне, что я охладел к нему. Вместо часа

¹ Не дотисано.

решился ночевать. Послал к губернатору⁵ известие. Сыгра<л> с ними в префе<ранс>, чтобы позабавить. Блохи и клопы.

17 <июля>. Уснул в саду. Обошел всю усадьбу. На Решетилов<ку>¹. Далее перемена маршрута. На Миргород. Отобедали. Чего не было: бублики с маком, сыр жареный, варенье, сыр глянчатый⁶, от особого способа творожить, пироги с вишнями. Кудривки⁷, лотовки <?>. На Ереськи и Мирг<ород>. Заехали в Толстое. Помещик⁸ служил 1812 года. Поручил записывать сыну⁹. Мосты чрез Голтву. Вечер. Псел, домик низменный, где отдыхал Трошинский. <1 нрзб.> проехать в Мирг<ород> в час. Послали за лошадьми и легли спать.

18 <июля>. Прие<хали> в 5 часов. Что же лошади <...> надо дожидаться. <...> Привел козак бабу для свидетельства в помешательстве. <...> Лихая тройка. Нет ни заставы, ни исправника, ни окружного, ни помощника. А есть один Иван Семенович. Вывеск<а> с генераль<скими> эполетами. Любопытно, кто заказывает. Гоголь польстил Миргороду. Те же грязь и луж<а>.

Хлеб, как яичной желток... <...> Дорога прекрасная. <...> Кибинцы Трошинского. Дорога Ромодань. <...> Жидовская корчма. Кор<мили> лош<адей>. Приехали в Лубны. По дороге везде много курганов, как в Луб<енском>, так и в Золотон<ошском> уездах. Доктор Петрашевский¹⁰ малороссиянин. <...> Прогул<ялся> по саду. Какое здесь обилие, и как легко жить. <...> В Луб<енский> монастырь. <...> Св. Афана<сий> сидящий. <...> ...Капнист, Новиков, близко Тешань. Черныш о войне 1812 года. А о малорос<сийской> жизни. Анекдоты и проч. — Виды хороши. Что за небо! Звезды сверкают, но не так, как у вас. Вишенный кисель. <...>

Публикуется впервые по автографу: *Погодин М. П.* Записная книжка (без переплета) (дневник и деловые записи). <1842>. Карандашом и чернилами. Автограф на рус. и нем. яз. // *РГБ*. Ф. 231. Разд. I. К. 39. Ед. хр. 4. 27 л. Л. 18–19.

«9 июня 1842 года состоялось Высочайшее соизволение на увольнение Погодина в Германию, Данию и Англию по 22 сентября сего года. <...> 7 июля того же 1842 года он выехал из Москвы на Харьков» (*Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893. Кн. 7. С. 1).

¹ Погодин прибыл в Харьков вечером 12 июля, уехал из Харькова «после обеда» 15 июля 1842 г. (см. заметку Погодина в его записной книжке: *РГБ*. Ф. 231. Разд. I. К. 39. Ед. хр. 4. Л. 20 об.).

² См. две заметки Погодина в его записной книжке: «16/28 в Полтаву и к Гоголям. 17/29 у Гоголей и в Миргород»; «16. Поутру в Полтаве, вечер<ом> у Гогол<ей>. 17. У Гог<олей> и ночевать в Миргород» (*РГБ*. Ф. 231. Разд. I. К. 39. Ед. хр. 4. Л. 20 об., 25 об.).

³ Павел Ильич Бодянский (1809–1867), редактор «Полтавских Губернских Ведомостей» с 1842 г.

⁴ Подразумевается встреча с матерью Гоголя Марией Ивановной.

⁵ Имеется в виду Александр Егорович Аверкиев (1792–1858), полтавский губернатор с 9 сентября 1840 по октябрь 1843 г.

⁶ По-видимому, от слова «глек» («гличик») – кувшин.

⁷ Вероятно, уменьш. от «кудри» – род печенья завитками.

⁸ Василий Иванович Черныш, отчим А. С. Данилевского, сосед Гоголей по имению, отставной майор.

⁹ Василий Васильевич Черныш, сын В. И. Черныша.

¹⁰ Василий Михайлович Петрашевский (1787 – 29 мая 1845), доктор медицины, отец М. В. Петрашевского-Бутовича.

¹ На Решетилов<ке> *вписано*.

Из статьи «Поездка пр<офессора> Погодина за границу
в 1842 году»
Черновой автограф

7 июля отправился я из Москвы на Харьков... <...> За Белгородом начинаются малороссийские села. Как я люблю их! Что за прелесть — эти белые хаты с шоколадными кровлями, в сени зеленых развесистых деревьев, рассыпанные по склону горы. Видно с первого взгляда, что обитатель их в дружбе с природою, что он любит свой домашний кров, и не покидает его без крайней нужды. Совсем не то в Великой России; деревца вы не увидите часто подле избы, и редко сидит дома заботливый хозяин; он спешит с промысла на промысел. У него изба — только ночлег. <...>

Три дня пробыл я в Харькове в гостях у Преосвященного Иннокентия. <...> Познакомился лично с нашим житейским мудрецом Г. Ф. Квиткою, который теперь по единогласному выбору дворянства получил место председателя уголовной палаты.

Виделся с старым своим знакомым П. П.¹ Артемовским-Гулаком, и услышал от него, на вечере у Преосвященного, множество новых малороссийских анекдотов, которые рассказывает он мастерски. <...>

Я думал, что легко найду случай проехать из Харькова в Киев, предполагая непрерывное сообщение между двумя такими важными городами. Не тут-то было. Насилу добрался, сколько верст между ними. «Дорога ближняя на Сумы, но трудно найти теперь лошадей; ступайте лучше на Полтаву». <...>

<16 и 17 июля>. В Полтаве губернатором А. Е. Аверкиев, с которым я имел честь давно уже познакомиться в Твери¹, и спорить о Борисе Годунове. Он встретил меня с прежним радушием <...> и предложил все средства к свободному проезду по проселкам: мне хотелось по дороге, потому что семь верст не крюк, навестить мать Гоголя около Миргорода и осмотреть его родину; а потом проехать на Золотоношу и Переяславль, взглянуть на Максимовича в его хуторе на берегу Днепра.

Проводником моим в Полтаве был г. <П. И.> Бодянский, редактор Губернских ведомостей, брат нашего профессора². Стоя на горе, близ бывшего дома Котляревского, у которого я был в 1829 году, он показал мне все примечательные места в истории Полтавского сражения... <...>

Все бумаги, нужные для меня, были готовы. Г. почтмейстер с своей стороны оказал свое действие, и я, вооруженный разными видами и предписаниями, [осмотрев еще раз достопримечательности Полтавы], пустился в [Николаевку] Васильевку. <...> Какая природа вокруг благодатная! Какой везде простор! Что за невинность, простота на лицах! <...> Что за прелесть — полосы [совершенно] лиловые.

— Какие это цветочки?

— Сикирки¹ ³.

Народу почти не встречалось, и очень трудно было допрашиваться о дороге. Случится увидеть где-нибудь на поле у скирда или стога бабу или мальчика, — так насилу докличешься:

— Чи се?

— Се, — отвечают они, чтоб как-нибудь отвязаться, а выходило дело совершенно напротив.

Что за мосты через Голтву, которая пробирается болотами!

К вечеру подъехал я к [Николаевке] Васильевке. На широкой поляне стоит скромная церковь, осененная ветлами. Вдали от нее, [за склоном] чрез небольшое углубление, виден [сельский] барский дом, в одно жилье⁴, как везде в Малороссии, длинный, окрашенный белою крас-

¹ В публикации ошибочно: П. И.

² Фразы: «Какие это цветочки?» — «Сикирки», — пропущены в журнальной публикации.

кою, увенчанный высокими, развесистыми деревьями. Впереди рассыпаны хаты. [Людей нико-го не встречалось.] Стадо возвращалось домой. Вот где! тихая отчизна Поэта!

— Дома ли барыня?⁵ — спросил я пастуха.

— Гоголиха? — отвечал он, — не скажу (т. е. не знаю).

Я вышел из брички и пошел по зеленому двору. Дворовые высовывались кое-где из окон.

— Барыня уехала к соседям, но сейчас будет.

— А дочери дома?

— Старшая⁶.

Я [пошел] познакомился и попросил провожатого, чтоб идти навстречу. Не успели выйти из деревни, как я увидел длинные дрожки... — [Нечего говорить об удивлении неожиданности.]

[Здесь я ночевал.] Никак нельзя было отказаться от ночеванья. Нечего было и думать. А на другой день должно было непременно обедать. С вечера разосланы были гонцы в разные стороны, а [на другой день] поутру из-за сорока верст приехал г. Дан<илевский>, любезный мой парижский сожитель. Мы осмотрели весь дом, сад на берегу пруда, густой, [плотной], с разными затейливыми гротами и пещерами, извилистыми дорожками, рошицами, гумно, кладовые, погреба с наливками, вареньями, сырами и прочими произведениями малороссийской природы; потом крестьянские хаты, сходили в церковь, покатались по пруду, наконец пообедали — борщ, вареники [и проч. и проч.], сыр жареный, глечаный (от особого способа творожить), пироги с вишнями и варенья. Все блюда и чашки верхом. Разумеется, одно кушанье надо было запивать терновкою, другое сливянкою, третье смородиновкою. Каждое кушанье имело свою историю со множеством случаев, происходивших при его употреблении⁷.

Любезный г. Да<нилевский> растолковал мне дорогу; оказалось, что не надо возвращаться в Полтаву <...>, но чрез Миргород можно прямо выехать на Лубны, и тем выгадать верст 50. Мы отправились вместе... <...>.

Дорогою заехали к родственнику моего спутника, майору Чернышу, который служил с отличием всю войну 1812 года, был близок к некоторым знаменитым генералам и знает вообще много любопытного. Я просил его сына записывать его рассказы. Напившись чаю, продолжали путь.

В Ереськах, на Псле, взяли подставных лошадей. Здесь долго жил Трощинский. Обошел все комнаты запустелого дома, где проводил последние годы своей жизни этот знаменитый сановник, остатный из Екатерининского славного времени. Он был очень гостеприимен, и к нему собиралось все соседнее дворянство⁸. Что случилось с его бумагами? Замечу еще, что Трощинский выписывал все вновь выходившие русские книги и журналы⁹, что, как известно, в высшем кругу случается еще редко.

<18 июля>. Ночью поздно приехали мы в знаменитый Миргород... <...> [Я нахожу, что Гоголь из любви...] Те же широкие улицы, низменные домики, грязь по дороге, и лужа на перекрестке, как [описаны у Гоголя] во время ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. Гоголь только польстил немножко своему [родному] отечественному городу. Я заметил еще на вывеске [генеральской] мундир с толстейшими эполетами. Желательно знать, каких генералов приманивает к себе для заказов [расторопный портной] миргородский артист.

Дорога оказалась прекрасная, точно скатерть. Поля покрыты хлебом, как яичным желтком. На солнце [волнуется он] переливается он, что твое золото. <...> Проехали село Кибинцы, другое селение Трощинского, где, кажется, он скончался. Одна соседняя дорога называется Ромоданью, вероятно, в память походов Князя Ромодановского. На половине дороги, подле жидовской корчмы, кормили лошадей. <...>

По обеим сторонам дороги очень много курганов.

¹ Далее было: ме<сто>

¹¹ Далее было: Я вышел из св<оей>

Перед вечернями приехали в Лубны, на высокой горе, и остановились у почтенного доктора Петрашевского. — Низенький, но обширный дом под тению черешень, рябин и тополей, среди огромного сада... Что за привольная жизнь в Малороссии! Какое изобилие во всех естественных произведениях. А роскошь уже закралась, — и производит опустошения, рождает недостаток, а за недостатком притеснение и насилие. Малороссиянин дольше не чувствовал нужды, оттого он и невиннее; его не беспокоит жадность [великороссия<нина>] москаля, и он счастлив внутри своей хаты, под черемухою. Впрочем, и москаль не родился плутом, а сделан и сделался.

Пообедав, малороссиянин Д<анилевский> расположился отдыхать, а я, москаль, поспешил к начальникам хлопотать о продолжении дороги. <...> Между тем, чтоб не потерять времени, подговорил товарища съездить в знаменитый Лубенский монастырь в 5 верстах от города, [где Св. Афанасий почивает сидящий].

Какая живописная дорога, в гору между двумя борами; лучи солнечные прорезывают чащу и представляют волшебную игру света по разным направлениям. Группа баб подле шинка была достойна кисти Теньера¹⁰. Монастырь стоит на крутой горе Мгыри; вид на Сулу и заречье прелестный.

Приложился к руке Преосвященного Афанасия, который скончался здесь на возвратном пути из Москвы в Константинополь в 1634 г. Патриарх почивает в креслах, и вид его сидящего, вторые сто лет, с наклоненною головою, очень поразителен. <...>

За патриархальным ужином с вишневым киселем у нашего почтенного хозяина расспрашивал о примечательных здешних людях и местах. — Недалеко отсюда Ташань, где жил Румянцев-Задунайский и Обуховка с песнями Капниста; услышал о бумагах Новикова. Сколько любопытных сведений можно собрать везде! А малороссийская жизнь с своими бесконечными анекдотами и побасенками! <...>

<21 июля>. Как я ни торопился на воды, но счел за грех не остановиться на день в Киеве, и не посмотреть на новости киевские.

Университет почти готов; огромное, великолепное здание, чуть ли не первое в Европе. <...>

Какой прекрасный вид представляет женский Институт. Я был в Киеве в 1835 году, осенью в ненастную погоду, под проливным дождем, — но и тогда произвел он на меня сильное действие. Теперь скажу решительно, что по положению это первый город в Европе: такого разнообразия нет нигде. Какие виды из городского сада, от церкви Андрея Первозванного, которая теперь восстанавливается, и с многих других точек города. <...>

Хотя по пещерам, думал: сколько твердости духа, преданности Богу, ненависти к миру должно было иметь, чтоб заключиться в этих подземных гробах, вдали от света дневного, — не принимать никакой пищи и питья, кроме просвиры, корки черного хлеба и воды, — не выходить по двадцати, по тридцати лет из утробы земной, углубляться в себе, сосредоточивать все свои мысли на молитве. Какими чудесами преисполнена жизнь этих Святых отшельников, чудесами истинными и несомненными, кои беспрестанно оправдывает и доказывает наука! Сколько поэзии в их подвигах! А мы, несмысленные, от таких [целебных] живоносных источников обращаемся к Уландам и Гейне, переводим их мелочные дразги и попираем ногами свои бисеры. Одно основание Печерской церкви есть такая поэма, которой позавидовала бы всякая европейская литература. О юноши! как мне жаль вас, когда я вижу вас стремящихся за потоком... <...>

<22 июля>. Малороссия за Днепром имеет уже другой характер, судя по большой дороге: местоположение хуже, селений мало, кое-где видишь грязный шинок, и только. Поляки и жида оказали на ней все свое влияние. Любопытно было бы описать вторжение шляхты с 16 столетия и разделение русских поместий: сколько прибыло к нам тогда господ, и сколько русских помещиков, в течении времени до [19 века] [наших вр<емен>] Екатерины II-й ополчилось, приняв католическую веру, желая пользоваться покровительством польского правительства.

Замечательно, что русские крестьяне [ста<ли>] укрепились вполне здесь за своими господами, т. е. поляками, только тогда, как эти губернии возвратились к России.

<23–24 июля>. Проехал благополучно Новгород-Волынский с остатками древних укреплений, которые беспрестанно разваливаются. Острог в воспоминание о первой Славянской Библии, которую напечатал здесь Константин Острожский посредством [нашего] московского печатника Ивана Федорова, Дубно, и прочие места, столько известные из нашей удельной истории, — и на третьи сутки в 3 часа пополудни приехал в Радзивил<л>ов. <...> Остановился у своего приятеля, еврея Гартенштейна, купца 1-й гильдии, который много одолжал меня усердным исполнением моих книжных поручений. Дилижанс из Брод в Львов отходит еще завтра поутру, и я расчел, что лучше осмотреть мне здесь знаменитую Лавру Почаевскую ныне, чем ехать ночевать в Бродах. <...> Ах, Боже мой! как мало мы знаем о себе, во всех отношениях. Если человек, принадлежащий к ученому цеху, имел такое темное понятие о Почаевской Лавре, не видав ее своими глазами, что же известно об ней в публике¹¹? <...>

Как ни скакал я домой, но приехал очень поздно, бедные хижины были все освещены; свечи во множестве горели по всем углам: евреи праздновали субботу. <...>

<25 июля>. Наконец вот и граница: шлагбаум русский с черными и белыми полосами и шлагбаум австрийский с полосами черными и желтыми. Хоть я еду в третий раз, а увидеть это разделение для меня опять было тяжело... Помолился Русскому Богу на свою сторону, и, перекрестясь, переступил черту...¹² <...>

11 <августа (н. ст.)>. Утром проехал я с горестию чрез богатые русские соловарни в Бохнии и Величне, коими галичане исстари торговали. <...>

17 <сентября (н. ст.)> поутру отправился я из Мариенбада <...> в Копенгаген... <...> Мне над<о> было, однако же, заехать прежде в Веймар, чтоб получить от г. Сабинина предварительное сведение о копенгагенских ученых. Путь избрал я на Теплиц, Дрезден, Лейпциг, Веймар, а оттуда чрез Галле в Берлин... <...>

[На этой дороге] <...>

<17–18 сентября (н. ст.)>. В Карлсбаде сел к нам в дилижанс граф Грабовский¹³, ехавший в Дрезден, от него услышал я среди разговора о некоторых имениях польских, напр<имер>, графа Потockого, который оставил своим семи сынам по 13 тысяч душ и десяти дочерям по полтора миллиона рублей. Все эти имения [в Русских владениях] в Малороссии! А Ржевужские, Браницкие и проч. и проч.! Узнал¹ об удивительной скупости, превосходящей всякое вероятие, одного миллионщика, который ежегодно посылает огромные суммы в иностранные банки, между тем притесняет жесточайшим образом своих подвластных, загоняя к себе скот, налагая штрафы за просрочки, вычитая проценты и тому под<обное>.

<20–21 сентября (н. ст.)> ...Мы отправились <из Лейпцига> в Веймар в 6 часов вечера, и на другой день <21 сентября (н. ст.)¹⁴>, в 6 часов утра мы были там. <...> Прекрасное утро провел в семействе нашего Священника, протоиерея Сабинина¹⁵, которого доселе знал только по письмам. Многие у нас упрекают духовенство в пошлом образе жизни, [грубых] [пошлых] странных привычках, неочищенном вкусе, умственной бездейственности. Пожалуйте в дом отца Сабинина. Вот как застал я все семейство. Жена¹⁶ с старшею дочерью писала картину масляными красками, которая с честью могла бы занять место в академическом классе, другая твердила урок на фортепиано, какую-то сонату Моцарта, сыновья сидели за латинскими авторами, а отец читал католический журнал. Столько образованности, любознательности, вкуса нашел я во всем семействе, сколько, разумеется, мудрено у какого-нибудь русского Князя или Графа, где воспитание возложено на немецкого гувернера, французскую мамзель и английскую няньку, и дети живут от родителей через два этажа и пятнадцать комнат и видятся в урочные часы. Следовательно причина вышеупомянутых недостатков нашего духовенства заключается

¹ Было: слышал

вне, а не внутри, в бедности, а не в закоснелости. Будут средства, и образ мыслей, действий, жизни изменятся, что касается до этих отношений. <...>

Мы воротились к русскому радушному обеду, и проговорили весь остаток дня до спектакля в разговорах об ученых Копенгагена, где г. Сабинин прожил лет десять, а потом об отношениях Русской Церкви к католичеству, об оскорблениях, коими она беспрестанно в последнее время подвергалась. Да, настает для всех время взять меч духовный в свою защиту, настает время явить себя. Таких благоприятных обстоятельств, как ныне, еще не было для нее: протестантизм переживает себя, и часть его, спасшаяся от Штраусовского кораблекрушения, готова броситься к ней в объятия; часть католичества, недовольная папою, также; другая часть привлечется отрешением Гельдебрандова постановления о безбрачии Священников. Англиканская церковь сама по себе усердно желает общения. <...>

<7 октября (н. ст.)> В Дюссельдорф приехали мы ночью <с 7 на 8 октября>¹⁷! <...>

<8 октября (н. ст.)>. Отыскал В. А. Жуковского и весь день провел с ним. Поутру показал он мне здешнюю академию и мастерские молодых художников, которых он очень любит и жалуется. Дом его за городским гуляньем, в одно жилье с вышкою, скрывается под сению густых, высоких деревьев, в большом саду, <к> которому прилегает Горациев огород. Описать [жилище Жуковского] его [комнаты] покой — выйдет ода, но я не могу сочинить ее, потому что эта часть дорожных моих записей затерялась. Древний и новый мир, язычество и христианство, классицизм и романтизм являются на стенах его в [прек<расных> эстампах] прекрасных картинах: здесь сцены из Гомера, там жизнь Иоанны Д'арк; впереди [Рафаэлева] Дрезденская и Корреджиева Мадонна, молитва на лодке бедного Семейства, Рафаэль и Дант, Сократ и Платон. В Помпее археологи называют один дом домом Поэта по каким-то неясным приметам, но дом Жуковского с первого взгляда никому нельзя назвать иначе. Потом донес я ему о состоянии русской литературы, — о Мертвых душах Гоголя и мнениях, произведенных ими, о сочинениях Преосвященного Иннокентия, о трудах Павского¹⁸ и Востокова¹⁹, о гениальном произведении Посошкова²⁰ и изданиях археографической комиссии, — наконец о [безумном] нелепом направлении некоторых непризванных писак, которые [дерзкою] слепою рукою дерзают метать плевела на нашу чистую ниву.

Жуковский прочел мне две песни Гомеровою Одиссеи, переведенные им гексаметром, и объяснил мне правила, коих при переводе держится²¹; потом несколько отрывков из Рюкертовой поэмы Наль и Дамаяни, коею он перенесет нас на Восток, в Индию, и таким образом дополнит мир поэзии, открытый им для своих соотечественников. <...>

Впервые опубликовано (с неточностями): Поездка пр<офессора> Погодина за границу в 1842 году // Москвитин. 1844. № 1 (цензурное разрешение 28 дек.). С. 151, 154–162, 165, 167–173. В пересказе, с цитатами: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893. Кн. 7. С. 1–60. Печатается по черновому автографу: Погодин М. П. Путешествие за границу. 1842 // РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 41. Ед. хр. 5а–б. 69 л. Л. 1, 2 об.–12 об., 15 об., 21, 23–24 об., 36 об.–37.

¹ А. Е. Аверкиев служил в Твери с 1815 г. в должности советника казенной палаты, затем, с 1821 г. по 1829 г. — в должности губернского прокурора; с 19 апреля 1835 г. по 31 января 1838 г. состоял тверским вице-губернатором.

² О. М. Бодянского.

³ Сикирки (секирки) — васильки.

⁴ Т. е. в один этаж.

⁵ Мария Ивановна Гоголь.

⁶ Мария Васильевна, в замужестве Трушковская.

⁷ *По возвращении в Москву <10 ноября 1842 г.> Погодин получил следующее письмо от матери Гоголя: «От всей души поздравляю вас с благополучным возвращением в дом ваш. Надеюсь, что здоровье ваше поправилось, и чем дальше будет лучше, как обыкновенно бывает после вод: воображаю себе, с какою радостью встретило вас милое семейство ваше, и как они теперь счастливы, что опять с вами; с этим счастьем ничто не может сравниться, когда благословен-

ное Богом семейство вместе! О! как тяжела разлука с милыми сердцу. Вы верно видели в Гастейне моего сына! он долго там прожил, сделайте милость, напишите мне, каково тогда было здоровье его и употреблял ли он воды, ко мне он об этом не писал; когда же занятия ваши не позволят написать ко мне, то попросите от меня Елизавету Васильевну утешить хотя несколькими строчками. Как мне жаль, что полынная водка, удостоившаяся вам понравиться, не досталась вам, как бы я рада была надеть ее побольше и когда бы можно доставить к вам. Вы не можете себе вообразить, как вы одолжили меня *Москвитянином*, с каким удовольствием, управясь с моими делами, принимаюсь за книгу и всегда в душе благодарю вас. Когда-то я буду в состоянии выписывать этот прекраснейший журнал на свои деньги» (*Барсуков Н. П. Жизнь и груды М. П. Погодина*. СПб., 1893. Кн. 7. С. 62).

⁸ Дочь В. В. Капниста С. В. Скалон вспоминала: «Дмитрий Прокофьевич Трошинский, вельможа и сановник во время царствований Екатерины II, Павла I и Александра I, известный умом и правотою души своей, жил в 45-ти верстах от нас, в своей деревне Кибинцах, с семейством, которое состояло из единственной побочной дочери (он не был никогда женат) княгини Хилковой, зятя и двух племянников, генералов Трошинских.

Он был родом из Малороссии, как говорят, сын казака.

Будучи беден, дошел он почти пешком до Киева, чтобы учиться там в так называемой в то время в бурсе.

Сам он говорил нам, что должен был писать целые дни для других, за то только, чтобы иметь право заниматься вечером в бурсе при чужой сальной свечке.

И этот-то человек достиг впоследствии без помощи чьей-нибудь, только трудами и умом своим, до такого возвышенного сана, сделался вельможей, полезным для отечества и в особенности для родины своей, получив в награду от государыни Екатерины II богатые имения.

Он был очень дружен с отцом моим и вместе с ним заботился о благоденствии Малороссии. Эта любовь его к родине известна была не только дворянству, но и всему народонаселению. У нас в деревне во время гуляний народ обыкновенно бежал толпами, чтобы только посмотреть на него.

В 12-м году, когда правительством велено было отправить из Малороссии сухари для войск наших в Польшу, он с живым участием спешил помочь несчастному народу, который рисковал потерять в этой дальней дороге волов — единственное свое достояние и средство к жизни. Он упросил отца моего ехать немедленно в Петербург и хлопотать о том, чтобы правительство позволило это пожертвование сделать не натурою, но деньгами. <...> Для Малороссии это было величайшее облегчение... <...>

(30 августа 1812 г. Д. П. Трошинский писал, в частности, князю Я. И. Лобанову-Ростовскому, тогдашнему малороссийскому генерал-губернатору: «Несчастное продолжение отступления армий наших, с одной <стороны>, и медленность в выводе полтавского ополчения в назначенные ему места, с другой стороны, <с>только для меня мучительны, что я от досады и огорчения слег и уже третий день лежу в постели. Я не могу надивиться, как благородные люди могут равнодушны быть в деле толико важном, каково есть защита отечества. Всякий час получаю отзвывы, что избранные чиновники, под предлогом болезней и других причин, бесстыдно уклоняются от службы, а владельцы в поставке козаков и всего принадлежащего великие остановки имеют»; Четыре письма Д. Пр. Трошинского к кн<язю> Я. И. Лобанову-Ростовскому // Киевская Старина. 1886. № 12. С. 710–711. — И. В.).

Дмитрий Прокофьевич Трошинский часто проживал у нас по целым месяцам и любил нас всех, истинно, как близких родных, распоряжался в доме нашем иногда совершенно как у себя, что доказывало искреннюю дружбу его к нам. <...>

Дом его, в Кибинцах, деревянный, в два этажа, снаружи не казался великолепным, но внутри был отлично и богато отделан: множество картин, фарфора, бронзы и мрамора.

Многие обыкновенно у него проживали по несколько недель. Главный праздник был 26 октября, в день его именин. К этому времени съезжались к нему знакомые, родные, друзья с разных губерний и в особенности из Киевской. Театр, живые картины, маскарад и другие разные сюрпризы были приготовлены заранее к этому дню зятем его, князем Хилковым, и дочерью, которая была так хороша, так мила и привлекательна, что сводила с ума всех молодых людей, а женщины все искренно ее любили. Муж ее тоже был очень красивый, любезный и образованный молодой человек, любил очень тестя своего, стараясь всегда угождать и забавлять его, чем только мог. <...>

Ко дню именин Д<митрия> П<рокофьевича> иногда являлась какая-нибудь бедная старушка, родственница его, в платочке на голове и в простом ситцевом платье. Как ласково он ее принимал и, усадив подле себя, угощал за обедом! <...>

Он, обыкновенно, до двенадцати часов утра занимался серьезными делами в своем кабинете, читал и принимал посетителей, беседуя с ними в особенности о России, о правительстве, о политике и обо всем, что касалось его отечества и было близко сердцу его; потом выходил к завтраку, где ожидали его родные, и гости, и шуты, которых было всегда несколько в доме для того, чтобы шутками своими развеселять его. Так как, обыкновенно, он был серьезен и задумчив, дочь его часто давала при нас деньги которому-нибудь из шутов, чтобы он только был повеселее и усерднее забавлял старика. За обедом играл всегда оркестр музыки, угощениям не было конца; прислуги было столько же, сколько и сидящих за столом. Надо сказать, что, после господского стола, за тем же столом подавался тот же обед всем и лакеям и горничным. После этого неудивительно, что в ближайшем городке Миргороде нельзя было иногда купить курицы, ибо все закупалось на кухню Трошинского — и это было еще одно из благодеяний для его обывателей.

После обеда и после отдохновения приготавливалась всегда партия в шахматы, при которой старик любил присутствовать и серьезно сердился и кричал на того, который делал, по мнению его, ошибки; в это время певчие обыкновенно пели разные песни. Иногда он сам заставлял их петь известную малороссийскую песню “Чайку”, которая аллегорически представляла Малороссию, как птицу, свившую гнездо свое близ дорог, окружавших ее со всех сторон. Прекрасная музыка этой песни, а более еще значение слов ее, до того были трогательны, что, слушая ее, почтенный старик Трошинский часто закрывал лицо свое рукою и проливал слезы.

К шутам его присоединялись обыкновенно и так называемые там шутодразнители, которые и приезжали только для того, чтобы дразнить первых и тем забавлять хозяина. Иногда выходили из этого пресмешные сцены, от которых старик бывал в совершенном удовольствии. У него был некто барон Шиллинг, ста четырех лет; он был еще так здоров и так бодр, что танцевал все танцы, и в особенности французскую кадрили с разными антраша, пел дрожащим голосом разные немецкие песни и всегда был весел; зимою, в страшный мороз, ходил всегда в одном фраке, в летнее же время любимое занятие его состояло в том, чтобы ловить мух; его держали единственно для того, чтобы старик Трошинский, видя его силу и бодрость, не считал бы себя слишком старым.

В числе шутов был и священник, отец Варфоломей, расстриженный (как он всем говорил) за то, что он будто бы обвенчал кого-то вместо венцов бубликами. Конечно, он выдумал это для большей забавы; вообще он был вовсе не глуп и из хитрости и от жадности к деньгам представлялся дураком, не умеющим иногда даже сказать, когда спрашивал у него старик Трошинский, сколько дней в неделе.

Дмитрий Прокофьевич, привыкнув с молодости, учившись сначала в киевской бурсе, а потом служа в канцеляриях, спать при шуме чтения и разговоров, сохранил эту привычку и до старости, имея у себя всегда или чтецов, или сказывальщиков; когда приходила иногда очередь и отцу Варфоломею рассказывать ночью что-нибудь, то он всегда с пользой для себя употреблял этот случай, представляя иногда свое жалкое положение, и, тронув старика, получал на другой день денежное пособие, а иногда, сердясь на него за что-нибудь и говоря как бы о ком другом, представлял его таким угрюмым, сердитым и капризным вельможей, что старик легко мог узнавать себя в этой особе и на другой день за завтраком, смеясь, рассказывал нам о хитрости отца Варфоломея, называя его при этом, по обыкновению, всегда скотиною.

Чтобы дать вам понятие о том, что позволялось делать в то время для забавы старика, я расскажу вам следующее.

Помню, как один раз так называемые шутодразнители, сделав чучело в виде отца Варфоломея, во весь рост, в его рясе, совершенно с его физиономией и с седой бородой, повесили его на ближайшем дереве, близ балкона, предупредив, однако, об этом Дмитрия Прокофьевича, которой немедля пришел и, усевшись на балконе, ожидал, улыбаясь, с нетерпением настоящего отца Варфоломея, чтобы посмотреть, какую фигуру он сделает при этом своем изображении.

Трудно представить себе страх и изумление несчастного Варфоломея, увидевшего себя висевшим на дереве; перекрестившись, он стал на колени, с поднятыми руками к небу, и, скривив жалобно свою физиономию, сказал с большим умилением: “Благодарю Господа, то не я!” <см. также в наст. изд. *Воспоминания А. С. Данилевского о доме Д. П. Трошинского, в пересказе В. И. Шенрока*>.

Я и теперь живо представляю себе довольную улыбку на лице Дмитрия Прокофьевича и громкий смех всех окружавших его!

Таковыми-то шутками нужно было иногда развеселять задумчивого, мрачного и всегда почти грустного старика Трошинского.

Он обожал дочь свою, и в доме она делала все, что хотела; будучи обворожительной кокеткой, она в то же время страшно ревновала ко всем своего мужа. Несчастливая страсть эта довела их, наконец, до того, что они совершенно рас-

сорились, и бедный князь, несмотря на любовь тестя и двух детей, должен был расстаться с ними и уехать навсегда из дому.

В 1813 году государь Александр I призвал к себе Трошинского и сделал его министром юстиции. В 1816 г. скончалась в Петербурге дочь его, оставив ему единственную внуку двенадцати лет, а в 1817 г. он опять попал в немилость, как известно, за прямодушие свое, и, вышед в отставку, возвратился, к большой радости нашей в Малороссию.

Тогда опять оживился наш край: праздники и веселости начались по-прежнему; только в семействе его была большая перемена. Вместо красавицы дочери была при нем внука его, княжна Хилкова, тринадцати лет, которую он очень любил и которая, несмотря на детский возраст свой, оставаясь совершенно одна при нем, развилась и начала жить слишком рано.

Хотя она не была так хороша собой, как мать ее, но миловидностью, добротой сердца и необыкновенной грациозностью не менее матери сводила с ума всех молодых людей.

Но это-то и послужило ей к большому вреду — характер ее испортился, она в свою очередь сделалась большой кокеткой, недолго жила и вскоре после замужества своего скончалась.

При ней хоть и была в то время очень хорошая гувернантка швейцарка m-lle Guene, но сколько ни старалась, не могла ее исправить от ее дурных наклонностей. Иностранку эту я очень любила, как умную и образованную женщину, и всегда с удовольствием проводила с нею время.

Хозяйкой же в доме была тетка княжны, жена племянника Д. П. Трошинского, Андрея Андреевича Трошинского. Он, будучи уже сорока лет, женился в Москве на шестнадцатилетней девице Кудрявцевой. Она, едва вышедшая из пансиона, была в то время совершенным ребенком. Согласилась за него выйти потому единственно (как она сама мне говорила), чтобы надеть чудное приготовленное к венцу платье, и, одевшись в него, не помышляя ни о чем, с восторгом бежала впереди всех, через сад, для венчания в домовую церковь. Будучи хороша собою, с большими черными ресницами, с длинными густыми каштанового цвета локонами по плечам, она казалась скорее дочерью его, чем женою, в особенности, когда она прибегала, как дитя, спрашивать у него позволения идти гулять, или надеть платье, какое она желала.

Этот-то ребенок должен был в то время играть роль хозяйки в доме дяди своего, который ее очень любил и ласкал и за любовь которого часто ссорились тетка с племянницей. Вообще они во всем ривализировали <соперничали; от фр. rivalite> и завидовали друг другу; но при нем скрывали это и часто в угодность ему танцевали вместе, как большие друзья, в богатых костюмах русскую пляску (любимый его танец) и мастерски играли вместе на театре.

Обе они очень меня любили; но впоследствии я была более дружна с женой А. А. Трошинского, и эта дружба сохранилась у нас до ее смерти; она умерла несколько лет прежде своего старого мужа» (Воспоминания С. В. Скалон (урожденной Капнист) // Исторический Вестник. 1891. Апрель. С. 358–359, 362–366; см. также: *Капнист-Скалон С. В. Воспоминания // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т. 1. С. 322–323, 327, 328–333).*

Примечательно также, что в декабре 1852 г. С. В. Скалон писала М. И. Гоголю из Полтавы: «После праздника у нас будет благородный театр, и Саша моя <А. В. Скалон> будет участвовать. Приезжайте, друг мой, посмотреть на нее. Да нет ли у вас каких-нибудь хорошеньких комедий или малороссийских пьес? Пожалуйста, пришлите. Здесь ничего нельзя достать» (*Назаревский А. А. Из архива Головни // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 325*). «Очевидно, — пояснял А. А. Назаревский, — по мнению Скалон, в Васильевке, в доме Гоголей, легче было достать “хорошенькую комедию” или “малороссийскую пьесу”, чем во всей Полтаве» (Там же. С. 325).

Сын Ивана Ефимовича Трошинского (племянника Д. П. Трошинского), студент Харьковского университета Илларион Иванович Трошинский 22 ноября 1820 г. прислал В. А. Гоголю-Яновскому «книжонку», или, как сообщал И. И. Трошинский, «сочинения наших господ студентов, между которыми и моя пьеса помещена». «Я надеюсь, Василий Афанасьевич, — писал он, — получить от вас строгую на нее критику» (Там же. С. 325–326). Получив ответ, И. И. Трошинский вновь писал Василию Афанасьевичу: «Письмо сие с таким восхищением читал, что не в силах изъяснить, тем более, что нашел в нем самую тонкую критику на мое сочинение, которую вы, по словам вашим, не могли и не хотели писать. Но приведенными вами аллегорическими лицами, то есть *цыганом* и *попадью*, дали мне почувствовать, что вы его прочли не с тем намерением, чтобы только прочесть, но с тем, чтобы порядочно обкритиковать... Я постараюсь как можно более сочинять, дабы я мог получать такие приятные, хотя и критические письма» (письмо от 21 января 1820 г.; Там же. С. 326).

«Кто-то из знакомых “посылал песенку” Василию Афанасьевичу, “как охотнику петь... имеющему часто приятнейший случай аккомпанировать в песнях дамам”, предлагая, кроме того, “если угодно будет, выдумать сей песни голос...” (Там же. С. 326).

Кроме того, в бумагах В. А. Гоголя-Яновского сохранился список украинских слов на букву «к» (Там же. С. 326–327. См. также в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 9. С. 901–902).

⁹ См.: Каталог антикварной библиотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, приобретенной после бывшего министра Д. П. Трошинского. Киев, 1874.

¹⁰ Давид Теньер (Тенерис) (1610–1690), голландский художник, преимущественно писавший жанровые сцены.

¹¹ «Когда в 1843 году (правильно: в 1844 г. — И. В.) эти строки были напечатаны в *Москвитяине*, они произвели впечатление и в Остроге, о чем свидетельствует следующее письмо преосвященного Анатолия <Мартыновского>, епископа Острожского, (от 3 апреля 1844 г.) к Погодину: “Здесьние чиновники, прочитавши в одном из номеров *Москвитянина* путевые ваши записки о Почаевской Лавре, приступили ко мне с просьбою составить хоть краткое, но обстоятельное описание оной. Собравши за год еще материалы для сей цели, в угодность желанию сказанных чиновников, я привел исторические свидетельства о Почаевской Лавре в порядок, составил требуемое описание, препровождаю оное вашему высокоблагородию в том предположении, что может быть вам угодно будет употребить содержание этой рукописи для издаваемого вами журнала”» (*Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893. Кн. 7. С. 16).

¹² «На другой день, 9 <августа (н. ст.)>, во Львове»...» (*РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 41. Ед. хр. 5а–б. 69 л. Л. 14). Ср.: «28/9 в Лемберге...» (записная книжка Погодина 1842 г.: *РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 39. Ед. хр. 4. Л. 20 об.); «27 во Львове. 28 вечером из Львова» (*РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 39. Ед. хр. 4. Л. 25 об.).

¹³ Ср. в дорожном дневнике Погодина 1842 г.: «17<–18 сентября (н. ст.)>. <...> ...Граф Граб<овский>, белосток<кий> помещик. Я очень люблю дилижанс. Вот видите вы человека обыкновенного или любезного. <...> Анекдоты о <1 нрзб> Поточком, как нашел, как червле у козака, захотел вхот. 7 сыно<вей> и 9 дочер<ей> по 1 1/2 м. и 13 т. душ. Каковы имения достались полякам, нахлынувшим на Русь. Надо достать сведений о первом наводнении. М<нрзб> Пот<нрзб> беспрестанно переводит деньги в банки иностр<анные>» (*Погодин М. П.* Записная книжка (без переплета) (дневник и деловые записи). <1842>. Карандашом и чернилами. Автограф на рус. и нем. яз. // *РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 39. Ед. хр. 4. 27 л. Л. 2).

¹⁴ Дата устанавливается на основании заметки Погодина в записной книжке: «21 в Веймар поутру» (*РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 39. Ед. хр. 4. Л. 9).

¹⁵ См. также письмо М. П. Погодина к С. П. Шевыреву от 15/27 сентября 1842 г. из Копенгагена: «В Веймаре познакомился с Сабининым...» (Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву. С объяснениями Н. П. Барсукова // Русский Архив. 1883. № 1. С. 98).

¹⁶ Сабинина Александра Тимофеевна (1806–1882), рожденная Вещезерова.

¹⁷ Дата устанавливается на основании заметки Погодина в записной книжке: «7 В Майнц, по Рейну, в Дюс<с>ельд<орф>» (*РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 39. Ед. хр. 4. Л. 9).

¹⁸ Протоиерей Герасим Петрович Павский (1787–1863), профессор Санкт-Петербургской Духовной академии, автор грамматики и хрестоматии еврейского языка.

¹⁹ Александр Христофорович Востоков (наст. фамилия Останек, 1781–1864), филолог, поэт.

²⁰ «Книга о скудости и богатстве» (1724) Ивана Тихоновича Посошкова (1652–1726) была издана в 1842 г.

²¹ См. также об этом: Отрывки из письма В. А. Жуковского // *Москвитянин.* 1845. № 1. С. 37–42.

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг.

1843

Октябрь. 25. Понедельник. <...> Кн<ягиня> Авдотья Иван<овна> Голицына, жена К<нязя> Серг<ея> Мих<айловича> (Princesse Nocturne), ученая дама математичка, проездом чрез Москву, присылала за Шев<ыревым>, как за ревнителем национальности, и рассказала ему

очень много любопытного: в Петерб<урге> ослепление невероятно. При дворе никто не думает ни о чем, кроме забав и удовольствий. Всеобщее убеждение, что дела идут как нельзя лучше и Россия благоденствует. Должна быть сильная пропаганда, в коей принимают участие и некоторые государственные люди — Строгонову не верьте. Он сказал мне однажды: должно делать изменения мало-помалу, а таким образом со временем изменится и основа. Я ему возразила: если основа изменится, то Здание упадет.

Его же слова: я не люблю гениев, с ними ладить трудно, дело делать по-своему можно только с людьми обыкновенными.

«Я могла бы спасти Пушкина, если б знала его обстоятельства. Жена его не виновата»¹. <...>

Вечеру рапорт Тром<онина>¹ о древностях и напоминание Лобкова через Зенкова² о Филатовской библиотеке. Обдумывал речь ему, вспоминая Гоголево замечание о Русс<ких> купцах³. <...>

28. <...> Вечер у Княг<ини> Голицыной, которая просто сумасшедшая, а видно, что у нее был ум замечательный. — Рассказы о сист<ематических> действиях какой-то партии; как трудно с Рус<ским> духом выйдти в люди. Верен отзыв об Истории Карамз<ина>: идешь, идешь, кажется, и легко, а устанешь. Жалеет, что леса теперь стравят по плану. А прочее все вздор. <...>

Ноябрь. <...> 19. <...> Вечеру был у меня Гакстгаузен⁴. Не хотел ему сначала говорить ничего, а потом не мог удержаться и передал важнейшие результаты, которыми он был поражен. <...>

20. <...> Вечер у Языкова, Свербеев⁵ и Киреевский. Толковали о бессудности и отсутствии всякой управы, в чем виновато правительство, в чем виноват народ. Иван Гагарин перешел, говорят, в католичество. Объясняют тем, что люди с сильными страстями, делать нечего. Замечательно слово Г<рафа> А. П. Толстого¹¹: в Париже собираешься сказать то и другое, сделать такое, — подъезжаешь к границе — жар простывает, проедешь дальше — чувствуешь совсем [уж] не то, а ввалишься в Пет<ербург>, вступишь во дворец, так и почувствуешь такое подлое потрясение в поджилках, что из рук вон. Забавно фр<анцузское> выражение *plutocratie*, в русском переводе: плутократия.

Говорили о Малор<оссийской> Истории Маркевича⁶. <...>

Декабрь. <...> 5. <...> А много жестокой правды в Кюстине⁷ о России, хоть он и очень скупен. <...>

9. <...> Поутру был у Бар<она> Гакстгаузена и сообщил ему ответы, и толковал много о крестьянах. Передал ему свои мысли, в надежде, что они из его уст принесут пользу. <...>

12. <...> Оканчивал Кюстина, от которого часто мороз подирает по коже. <...>

1844

Январь. <...> 9. <...> Корр<ектура> Пут<ешествий>⁸ и отставка⁹ не выходят из головы. — Были Григорьев¹⁰ и Фет¹¹. В ужасной пустоте вращаются молодые люди. Отчаянное безверие. <...>

Декабрь <...> 18. <...> К Кир<еевскому>, от коего ни слуху, ни духу. Что-то не спорится. Хотел было заехать к Шев<ыреву>, а он приехал к Кир<еевскому>, и привез стихотворен<ие> Жуковского¹². Маленькая досада и боль самолюбия, почему мне в 4 года он не мог собраться привезть ничего, а здесь и без просьбы. Разумеется, Киреевский ему родной¹³, но для общего дела, чтоб показать участие, мог бы он прислать мне хоть страницу. — И Гоголь также показал величайшее усердие, какого не видал я¹⁴. Ну, Бог с ними. <...>

¹ «Я могла бы спасти Пушкина, если б знала его обстоятельства. Жена его не виновата». — *вписано Погодиным на полях.*

¹¹ *Далее было: живя*

23. Умилительное письмо от Гог<оля>¹⁵. Читал его с горячи<ми> слезами. — Он указывает во мне *гнев*. Я думал, что это горячность, вспыльчивость, но гнева, в смысле злобы, я не питаю, ни на Качен<овского>, ни на Полев<ого>, ни на Строгон<ова>. — Второй порок мой он называет незнание приличий. Я [чувствую в] признаю его следствия, но не находил ему имени. И Гоголево, кажется, неверное. Мне чего недостает — [это чтоб я] <1 нрзб.> я слишком прям, что влечет для меня неприятности, кои Гоголь считает происходящими от незнания приличий. Я размышлял когда-то на днях о своих действиях, кои не приносят той пользы, какую б должны приносить, — не от того ли, что я хотел как будто сам сделать их так-то. Нет — смирись, и не думай делать сам. Сам ты ничего не можешь, а пусть делает тобою Бог. Думай, что ты ничего не делаешь, и тогда ты сумеешь много. — Можно и обмануть себя, думая, что предаешь себя в волю Божию, а делать свою!

25. <...> Поплакали с Ол<ьгой> Сем<еновной>¹⁶, читал ей письма Жук<овского>, Гог<оля>... <...>

1845

Январь. <...> 3. <...> Точно — Гоголь прав. Я сознал в себе гнев. Я <1 нрзб.> его во многом. — Нет, это дружество <?>. <...>

29. <...> Вечеру прочел в Воскресном Чтении об Иордане, и вздумал ехать в Иерусалим гоним, если Богу угодно. <...>

Февраль. <...> 2. Известие от Шев<ырева>¹⁷, что я выбран Почетн<ым> Член<ом> Универ<ситета> с Герцог<ом> Лейхтенб<ергским>, Принцем Ольденбург<гским>¹, потом Остроград<ский>¹⁸, Штруве, Восток<ов> и Гоголь. Назначение последнего вопреки мнению Аристократов и, может быть, правит<ельства>... <...>

Март. 1. <...> К больной Ел<изавете> Гр<игорьевне>¹⁹ о Гоголе... <...>.

19. Старик Беляев с письмом от сына²⁰. Вот славный Еллинист и может быть употреблен в Унив<ерситете>. — Гоголь учился у него в Париже по-Греч<ески>²¹, и тот не взял с него денег. <...>.

Гневная речь сестры за намерен<ие> купить дом в Таганке <...> Зло, озлобили, как писал Гоголь. <...>

Апрель. <...> 25–26. Коррект<ура>. — Чувство оскорбления, что не спрашивают моего совета о обеде, который я устроил бы лучше всех. Кому же быть подле Ш<е>в<ырева>, как не мне, его руководителю, помощнику, советчику, которого он <1 нрзб.> сам на это попросил и проч. — Как противе<н> этот болтун²²: год он был без памяти от Гегеля, потом «Мертвых душ», потом лекций Грано<вского>, теперь Шев<ырева>, которого ненавидит и презирает²³. Но оставляю этот вздор. <...>.

Июль. <...> 19. <...> Вечеру были Андрей Карамзи<н> и Серг<ей> Тим<офеевич>. Говор<или> о Кара<мзине>, я расспрашив<ал>, о Гоголе и проч. <...>.

Ноябрь. <...> 3. <...> К Смирн<овой> по назначению. Я как <1 нрзб.> и никогда не был, не знаком с нею! — <...> Обращение не понравилось. Все род сала с кок<етством>. — (Врешь Тургеньеву²⁴, гадкий <1 нрзб.>, с любовно<й> игро<й>.) Чит<ала> отрывки из писем Гоголя. Он писал то же, что писал мне. А говор<я>т, что он обратился к религиозности! Как все это мелко, пусто. Все-то и тут с плутовством. <...>.

6. Приехал Кулеш²⁵ и просил Малороссийской Летописи. Пригласил остановиться у себя, чтобы рассмотреть ее. Нашел он там прекрасные вещи. Не хотелось мне, чтобы он лег спать в кабинете, как будто для того, чтобы не помешать явлению Лизы²⁶, которую я всегда ожидаю.

¹ В автографе ошибочно: с Герцог<ом> Ольденбург<гским>, Принцем Лейхтенб<ергским>.

Но в другой комнате холодно. Делать нечего. Я не ложился спать до часа ее кончины, до 3-го. <...> С Шев<ыревым> к Трут<о>в<скому> <?>, где обедали. Говор<или> с ним о Смирн<овой>... <...> Вечер<ом> с Кулеш<ом> о Киеве, о литературе и Гоголе.

7. О Сагах. Чит<ал> <1 нрзб.> для сообщений замечаний Кулешу. <...>

1846

<...> Май. <...> 15. <...> Обед у Новоси<льцева>²⁷. С Смирновой. Поговорил с ней об том, об сем. <...>

29. <...> Обед у Шев<ырева> с Сабининой. <...>

Июнь. <...> 6. <...> С Сабининым. <...>

27 июля – 26 октября путешествие. <...>

1847

Январь. <...> 10. Не пишется. Обедать к сестре. Заехал к Ане. Пишут против книги Гоголя²⁸. После обеда к Шев<ыреву>. Показал мне место обо мне²⁹, и я огорчился до слез, до глубины сердца: кроме ругательств о моем слоге, <нрзб.>ности, Гоголь пишет, что он не встречал ни одного юноши, который бы сказал мне спасибо, которого бы подвигнул я к добру, работая 30 лет, как муравей! <3 нрзб.>, и на бале у Черт<ковых> поговор<или> с Ел<изаветой> Гр<игорьевной> – Павлова ругает книгу, и как будто в ту же <1 нрзб.>. Прочие тоже. – Поговорил с Заг<о>ск<иным>, Чаад<аевым>. Попросил Капниста о <2 нрзб.>. – Приехал домой в 2 часа. Начал читать – он помешался, и пожалел об нем, прочел другие места, расхохотался.

11. Прочел всю книгу. Увидел, что Гоголь не хотел обругать меня, а дать публичную оплеуху в назидание, и примирился с ним мыслию. Ни досады, ни огорчения не осталось. А горько то, что он все-таки помешался, и в помешательстве сжег сво<е> сочинени<е>. По суждени<ям> об его книге, буду судить о людях. Это даст мне масштаб. Много страниц превосходных. А помешательство произвела в ней гордость, как я видел уже давно. Он считает своей обязанностью учить всех. Вот поучил и меня! Христианство в апплике³⁰, а не серебряное. Гоголь <2 нрзб.> привил видимое смирение, которое паче гордости. Бог с ним; рад, что не сержусь. Вечер<ом> был Дмит<риев>, поговорили о Библии, о литер<атуре>, о правлении, о Гоголе.

15. Вечером был у Акс<аковых>, и толковали о Гоголе³¹. Как возвышал он прежде, так теперь низлагает. <...>

*<Дарственная надпись Н. В. Гоголя М. П. Погодину,
предназначенная для наклейки на экземпляр
«Выбранных мест из переписки с друзьями»>^{1 32}*

Неопрятному и растрепанному душой Погодину, ничего не помнящему, ничего не примечаящему, наносящему на всяком¹¹ шагу оскорбления другим и того не видящему, Фоме неверному, близорукому и грубым аршином меряющему людей, дарит сию книгу в вечное напоминание грехов его, человек, также грешный, как и он, и во многом еще неопрятнейший его самого.

¹ Подклеено на обороте л. 13, после дневниковых записей от 10–18 января 1847 г., внизу страницы.

¹¹ В автографе ошибочно: на всякому

<...> 20 <января>. <...> Обедал у Черк<асских>. Добрые люди, но как воспитываются дети! Поговорил с ними о Гоголе. <...>

21. Все-таки ничего не делаю. Дум<ал> о Гоголев<ой> книге и ответе ему.

22. <...> Слух о гадкой истории Черкасск<ого>, который соблазнил и изнасил<овал> деву, а она умерла с крестом в руках. Что же делает он в деревне! <...>

Февраль. <...> 1. <...> Вечер <...> у Аксак<овых>, где толки о Гоголе. <...>

4. <...> У Акс<аковых> чит<ал> письмо к ним от Гоголя³³. Так и пашет холодом. Хуже книги. <...>

23. Ш<е>в<ырев> приезжал и удивил меня своими экстазами. Страсть превознестъ. К Ак<саковым>, которые подтвердили то же. Письмо Гоголя³⁴, который обещает [об]ругать меня еще в знак дружбы! <...>

Март. <...> 14–22. Любезное и нежное письмо от Гоголя³⁵. Утешился, но сердца на него у меня нет, разве когда раздумаешься. — Думал о степени своей полезности. Говел в <1 нрзб.>, ходил в Церковь... <...> Читал Еван<гелие>. Думал. Писал письмо к Гоголю³⁶. Разбирался. <...>

Апрель. <...> 8. <...> Писал письмо Гоголю³⁷. <...>

24. <...> В театре с Павл<овым>. — <...> Страшно, как подходит многое к Гоголю. <...>

Май. <...> 6. <...> Пис<ал> к Гоголю³⁸. <...>

12. <...> Чита<л> статью Вязем<ского>³⁹. Надобно написать ответ. <...>

Июль. <...> 11. <...> Письмо от Гоголя⁴⁰ и дум<ал> о нем. <...>

14. Письмо к Гого<лю>⁴¹. <...>

22. <...> Рассказы Щепкина: Богу душу отдал. <...>

1848

Январь. <...> 4. <...> Вечер у Шев<ырева>. <...> На Ш<евырева> гадкие мне сердятс<я> <1 нрзб.> за доброе слово о Гог<оле>. <...>

Июль. <...> 24. <...>. Гул<ял> и дум<ал>: нужно для отдохновения, освежения, даже <1 нрзб.>. Дождаться брата и Гоголя. С <1 нрзб.> об Апокалипсисе. <...>

25. <...> Дума<л> опять, гуляя. Нужно. <...>

Октябрь. <...> 13. <...> Приеха<л> Гоголь. О Петерб<урге>. — Что буду<т> говори<ть> о нынеш<нем> времени читатели! Махнут разом: бестолковые делеяги. — Т<аков> журн<алист> в Петерб<урге>, что себя думает поправить и считает это легким, лишь бы его послушались. <...>

14. <...> С Гоголем об Аксакове. — Его мечта невозмож<на>, всякой подумает — это кучер, котор<ый> вп<ря>гает лоша<дей> и постав<ляет> в стойло, и пр. <...>

15. <...> Обед<ать> к Перф<ильеву>⁴² с Гоголем. О Речи. — Вечером с Гог<олем> о нынешнем времени и о Русском человеке.

16. <...> С Гог<олем> о нынеш<ней> администрации. <...>

17. <...> Бодянский с известием о доносе Снегирева Министру, а теперь распускает слухи на меня. О какое противное и скаредное создание! Ровинс<кий> и Забелин. Смеялись с Гог<олем> над этимологией Бодянского, и он начал вставлять ты! Приезжал Шев<ырев> просить обедать завтра. Слава Богу — не сердится за объяснение. С Гого<лем> обедали вдвоем и толковали о людях и их действиях. <...>

18. <...> Обед у Шев<ырева>. Его рожден<ие>. — Любезности и гадкости Снегирев<а>. — Глубок<ое> замечан<ие> Гоголя: Спасение России, что Петербург в Петербурге. <...>⁴³

Ноябрь. 1. <...> Дум<ал> о Гоголе. Он все тот же — я убедился. Только ряса подчас другая. Притворство по-прежнему видно из отзыва о Щепкине; жесткость из междометия о Берг<е>. Люди ему нипочем. <...>

3. <...> Гоголь по два дня не показывается; хоть бы спросил, чем ты кормишь 25 человек? Завтра собрание Истор<ического> Общ<ества>. — Предвижу волнение в прав<лении> и неспроста, а надо ехать. <...>

4. <...> Спор<ил> с Бод<янский>, котор<ый> не понимает даже, что ему добра хотят. Соверш<енная> скотина. <...>

Ноябрь. <...> 11. Приготовление к вечеру. Письмо от Самарина⁴⁴.

Гоголь испортил, и досадно⁴⁵! <...>

19. <...> Православие и Самодержавие у меня в доме: Гоголь служил всенощную, — неужели для восшествия на престол?

20. Пишу и пишу. Гоголь ныне приобщался. Вот почему вчера он служил всенощную. Гово<рили> о Пуш<кине>, о литер. <1 нрзб.>. <...>

22. Студенты из Семинарии⁴⁶. О Семинарии. Показывал Гоголю. <...>

28. <...> С Язык<овыми> о сплетнях. — Слышал их восклицания о Бодян<ском>, которого не знают в глаза, а теперь вступаются! <...>

Декабрь. <...> 18. <...> Гадости Бодянского... <...>

20. <...> ...о Бодян<ском> и историч<еских> трудах. Что за гадкое создание. Но ввечеру получил известие, что он прослезился. <...>

23. <...> К Шев<ыреву>. — Пишет. — Бод<янский> пред ним уже разливается слезами, только что обругавши и оклеветавши нас всех. — Что за гадости. Не хотелось его разуверять.

24. <...> Гоголь был. <...>

25–31. Жестокий холод, почти до слез. <...>

Записи, относящиеся к 1843 г., публикуются впервые по автографу: *Погодин М. П. Дневник. 1840–1845 // РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 33. Ед. хр. 1. Л. 47 об., 48 об., 51 об., 53 об., 54, 54 об.*

Записи, относящиеся к 1844 г., печатаются по автографу: *Погодин М. П. Дневник. 1840–1845 // РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 33. Ед. хр. 1. Л. 57, 64, 64 об. Записи от 18 и 23 декабря впервые частично опубликованы: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893. Кн. 7. С. 406, 486–487.*

Записи, относящиеся к 1845 г., печатаются по автографу: *Погодин М. П. Дневник. 1840–1845 // РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 33. Ед. хр. 1. Л. 66, 67 об., 69, 70 об., 71 об.–72, 74 об., 79 об., 84. Записи от 2 февраля, от 25–26 апреля, от 6 ноября впервые частично опубликованы: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 85, 87, 251–252.*

Записи, относящиеся к 1846 г., публикуются впервые по автографу: *Погодин М. П. Дневник. 1846–1852 // РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 34. Ед. хр. 1. Л. 7, 7 об., 8, 9.*

Записи, относящиеся к 1847 г., печатаются по автографу: *Погодин М. П. Дневник. 1846–1852 // РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 34. Ед. хр. 1. Л. 13 об., 13 а, 15 об., 16, 16 об., 17 об., 18, 20 об.–21. Записи от 10 и 11 января (частично) и дарственная надпись Гоголя впервые опубликованы: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 544; записи от 23 февраля, от 14–22 марта, от 8 апреля, от 12 мая впервые напечатаны: Там же. Кн. 8. С. 546, 549, 551, 589.*

Записи, относящиеся к 1848 г., печатаются по автографу: *Погодин М. П. Дневник. 1846–1852 // РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 34. Ед. хр. 1. Л. 28, 36, 38 об.–39, 39 об.–40, 40, 40 об., 41 об.–42. Впервые частично опубликованы: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1896. Кн. 9. С. 475, 478–479, 476.*

¹ Корнелий Яковлевич Тромонин (ум. в 1847), археолог.

² Павел Федорович Зеньков (Зенков, род. в 1824), художник. В одиннадцатом номере журнала «Москвитянин» за 1843 г. М. П. Погодиным была помещена литография П. Ф. Зенькова с портрета Н. В. Гоголя работы А. А. Иванова (1841).

³ Возможно, подразумевается реплика городничего в «Ревизоре»: «Архиплуты, протобести, надувалы мирские!»

⁴ Барон Август фон Гакстаузен (1792–1866), немецкий писатель по аграрным вопросам.

⁵ Дмитрий Николаевич Свербеев (1799–1876), мемуарист, дипломат в отставке.

⁶ «История Малороссии» (Ч. 1–5. 1842–1843) Николая Андреевича Маркевича (1804–1860).

⁷ Имеется в виду французский путешественник и литератор маркиз Астольф де Кюстин (1790–1857), чья книга «La Russie en 1839» («Россия в 1839 г.») вышла в Париже в 1843 г., выдержала несколько переизданий и была переведена на ряд европейских языков. В России книга была запрещена. Первый полный перевод ее на русский язык см.: Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. / Пер. с фр.: под ред. В. Мильчиной. М., 1996.

⁸ Подразумевается книга «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (фрагменты из этой книги см. выше в наст. изд.).

⁹ В 1844 г. М. П. Погодин вынужден был оставить Московский университет. «Влияние западников сделалось господствующим в Московском университете пред исходом университетской деятельности Погодина. Влияние это по принципу было враждебно Погодину и Шевыреву. В Дневнике первого мы находим следующие замечательные записи: Под 5 мая 1843 года. Слушал рассказы о грабительствах молодых профессоров, которых махиавелические козни, против меня в особенности, мне кажутся ясными. Я слушал не без удовольствия, что они раскрываются. Это нехорошо; но не должно ж молча оставлять университет и учение в жертву таким негодяям. Я удивляюсь, что я позволял делать с собою Крылову. Эти подлецы всячески старались оттереть меня, чтоб на свободе делать что угодно. Но истина возьмет свое» (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893. Кн. 7. С. 155).

¹⁰ Аполлон Александрович Григорьев (1822–1864), критик, поэт.

¹¹ Афанасий Афанасьевич Фет (настоящая фамилия Шеншин, 1820–1892), поэт.

¹² Имеются в виду «Две повести. Подарок на новый год издателю “Москвитянина”. (Из Шамиссо и Рюккерта)» В. А. Жуковского, опубликованные в № 1 «Москвитянина» за 1845 г., переданного М. П. Погодиным И. В. Киреевскому.

¹³ Прабабушкой И. В. Киреевского по женской линии (бабушкой его матери А. П. Елагинной) была М. Г. Бунина, жена отца В. А. Жуковского, А. И. Бунина.

¹⁴ Имея в виду «Две повести» В. А. Жуковского, Гоголь 14 декабря (н. ст.) 1844 г. писал С. П. Шевыреву: «...Жуковский мною заставлен сделать для Москвитянина великое дело, которого, без хвастовства, побудителем и подстрекателем был я».

¹⁵ Письмо от 20 декабря (н. ст.) 1844 г. из Франкфурта, вызванное известием о смерти 3 ноября 1844 г. первой жены Погодина Елизаветы Васильевны (рожд. Вагнер).

¹⁶ Аксаковой.

¹⁷ «Имеется в виду письмо С. П. Шевырева от 2 февраля 1845 г.: “Поздравляю тебя почетным членом нашего Университета. Прекрасное предложение сделал граф С. Г. Строганов: Герцог Лейхтенбергский, Принц Ольденбургский, ты (в знак благодарности Университета — его выражение), Остроградский, Штруве, Востоков, Гоголь. — Каков? Отличается. Я вчера благодарил его и ездил нарочно» (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 87).

¹⁸ Михаил Васильевич Остроградский (1807–1861), математик.

¹⁹ Чертковой.

²⁰ Федор Николаевич Беляев, филолог–эллинист, помощник библиотекаря Московского университета.

²¹ См. письмо Гоголя к Ф. Н. Беляеву от 5 марта (н. ст.) 1845 г. из Франкфурта и ответное письмо Ф. Н. Беляева от 20 марта (н. ст.) 1845 г. из Парижа.

²² Имеется в виду К. С. Аксаков.

²³ Н. П. Барсуков ошибочно читал иначе: «Как противны эти болтуны: год они были без памяти от Гоголя, потом от “Мертвых душ”, от лекций Грановского, теперь Шевырева, которого ненавидели и презирали» (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 85).

²⁴ Имеется в виду А. И. Тургенев.

²⁵ Пантелеймон Александрович Кулиш (Кулеш, 1819–1897), украинский писатель и историк, автор первой биографии Гоголя и издатель его сочинений. В то время Кулиш вез с собой в Петербург письмо к нему 1843 г. польского критика М. А. Грабовского, заключающее в себе главным образом негативную оценку «Тараса Бульбы». Это письмо было опубликовано в 1846 г. в первом номере «Современника», редактируемого П. А. Плетневым, и стало первым отрицательным отзывом польской критики о повести Гоголя. Приехав в Петербург, Кулиш 24 ноября 1845 г. не без лукавства извинялся перед Погодиным: «Мне очень совестно перед Вами, что я не мог доставить Вам для Москвитянина письма

Грабовского о Гоголе; а не мог я доставить Вам его потому, что лишь только перевел и показал Петру Александровичу <Плетневу>, Петр Александрович послал его в типографию и велел набирать; после уже он хоть и узнал, что это письмо обещано мною Вам, но брать назад из типографии было неловко» (*Савченко Ф. Я.* Листи П. Кулиша до М. Погодина (1842–1851) // П. О. Кулиш. (Матеріали і розвідки). Збірник філологічно секцій Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1929. Т. XXII. Ч. 1. С. 15; см. также: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 252). Извиняясь перед Погодиным, Кулиш, несомненно, понимал, что только Плетнев — но отнюдь не Погодин — мог напечатать послание Грабовского. Уже в 1848 г., в письме к О. М. Бодянскому от 24 октября, Кулиш называл Погодина своим «врагом» (*Шацька А.* Недруковане листування П. О. Кулиша з О. М. Бодянським (до проблеми відтворення тексту) // Пантелеймон Кулиш. Матеріали і дослідження. Львів; Нью-Йорк, 2000. С. 220). Кулиш, помещая «разбор» Грабовского в журнале и называя его «глубоким и многосодержательным», преследовал, как и польский критик, цели отнюдь не литературные. Одновременно с этим он опубликовал свою «Повесть об украинском народе» (СПб., 1846), смысл которой сводился, по замечанию В. Г. Белинского, к тому, что, мол, «Малороссия или должна отторгнуться от России, или погибнуть». Появление в печати «Повести...» Кулиша привлекло внимание Императора Николая I и вызвало расследование. За свою сепаратистскую деятельность Кулиш был отправлен в трехгодичную ссылку в Тулу; писать ему было запрещено, а потому позднейшие работы Кулиша о Гоголе вышли не под собственным его именем, а под псевдонимом Николай М. Затаенная неприязнь, личные амбиции, неспособность понять и осмыслить духовный путь Гоголя («полусумасшедшего поэта», — как называл Кулиш Гоголя в одном из своих писем) — все это вместе так или иначе отразилось в составленной Кулишом гоголевской биографии (подробнее см.: *Виноградов И. А.* Первый биограф Гоголя // *Кулиш П. А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 3–81).

²⁶ 3 ноября 1845 г. исполнялся год со дня кончины жены Погодина Елизаветы Васильевны.

²⁷ Петр Петрович Новосильцев (1797–1869), московский вице-губернатор с 1838 г.

²⁸ Имеется в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».

²⁹ В статье «О том, что такое слово».

³⁰ Накладное серебро (*фр.*).

³¹ О содержании беседы см. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к сыну Ивану от 16 января 1847 г.

³² 2 ноября (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал С. П. Шевыреву из Ниццы: «Когда получишь из Петербурга 8 экземпляров книги “Выбранные места из переписки с друзьями”, вручи следующим лицам, по приложенным при сем надписаниям, которые, разрезавши порознь, приклей на первый листок в книге. Не смущайся тем, что Погодину придется на долю надпись несколько крепкая. Это ему нужно. Он немножко чихнет, но этот чих будет здравие. Есть вещи, которые один я могу ему сказать и должен сказать, потому что получил на то право. Время свое я выждал. И теперь буду его потчевать многим его собственным добром, которого он в себе никак не подозревает. Я свое дело исполню лучше, нежели он. Назад тому три года, если я не ошибаюсь, я просил открыто у вас всех себе упреков, но упреков я не получил. Теперь стану я попрекать, но упреки мои будут не от гнева, — что-то другое подвигнет ими. О! как нам нужно глядеть и глядеть ежеминутно на себя! Не отвращай и ты от себя взора. Многого и многого мы в себе не видим, и почти всего, что ни есть в нас дурного». 30 декабря 1846 г. С. П. Шевырев писал Гоголю: «...Остановила меня надпись Погодину. Я хотел тебе искренно сказать, что я ее не могу пропустить через мои руки, не хочу быть посредником в такой передаче. Не так, друг мой, говорят правду от любви, не тем языком, без того раздражения». 11 февраля (н. ст.) 1847 г. Гоголь отвечал: «Относительно надписи Погодину ты <...> попал в заблуждение. Я давно уже, слава Богу, ни на кого не сержусь. Но для надписи я прибирал нарочно самые жесткие слова, желая усилить в глазах его те недостатки, которые кажутся ему небольшими и неважными...»

³³ Письмо к С. Т. Аксакову от 20 января (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

³⁴ Письмо Гоголя к М. П. Погодину от 11 февраля (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

³⁵ От 4 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

³⁶ Письмо от 17–24 марта 1847 г.

³⁷ Письмо от 8 апреля 1847 г.

³⁸ Письмо от 6 мая 1847 г.

³⁹ Имеется в виду статья «Языков — Гоголь».

⁴⁰ От 8 июля (н. ст.) 1847 г. из Франкфурта.

⁴¹ Письмо от 14 июля 1847 г.

⁴² Степан Васильевич Перфильев (1796–1878), начальник 2-го (московского) корпуса жандармов.

⁴³ «В это время, проездом из Одессы в Петербург, пребывал в Москве высокопреосвященный Иннокентий. В честь высокого гостя А. И. Лобков сделал обед, на который приглашал Погодина и Гоголя. “Вот и владыка к нам из теплых стран пожаловал, — писал Лобков Погодину, — нынче я имел честь его видеть и убедить завтрашний день у меня разделить трапезу, к которой я вас покорнейше прошу пожаловать. Владыка еще поручил пригласить ко мне же г. Гоголя, но я его не знаю, и потрудитесь это устроить”. Не знаем, воспользовался ли Гоголь этим приглашением, но знаем, что Погодин воспользовался оным, о чем гласит запись его в *Дневнике*, под 21 октября 1848 года: “Обедать к Лобкову не хотел было ехать и поехал для Музея...”» (*Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1895. Т. 9. С. 475).

⁴⁴ Настоящую записку Ю. Ф. Самарина к М. П. Погодину см. в наст. изд. в коммент. к письму С. Т. Аксакова сыну Ивану от 15 ноября 1848 г.

⁴⁵ «В честь пребывания Гоголя в Москве Погодин торжественно отпраздновал день своего рождения (11 ноября 1848 г.) во фраках и белых галстуках. Приглашенных было много <...> новый помощник попечителя Московского учебного округа кн<язь> Г. А. Щербатов <...> П. П. Новосильцов <...> И. В. Киреевский... <...> Но вечер, кажется, не удался благодаря герою торжества. По крайней мере, вот что записал Погодин в *Дневнике* о своем вечере: “Приготовление к вечеру. Письмо от Самарина. Гоголь испортил, и досадно”» (*Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1896. Кн. 9. С. 478–479). Н. В. Берг вспоминал: «Однажды, кажется в том же 1848 году, зимой, был у Погодина вечер, на котором Щепкин читал что-то из Гоголя. Гоголь был тут же. Просидев совершенным истуканом в углу, рядом с читавшим, час или полтора, со взглядом, устремленным в неопределенное пространство, — он встал и скрылся... Впрочем, положение его в те минуты было точно затруднительное: читал не он сам, а другой; между тем вся зала смотрела не на читавшего, а на автора, как бы говоря: “А! вот ты какой, господин Гоголь, написавший нам эти забавные вещи!”» (см. в наст. изд. «Воспоминания о Н. В. Гоголе» Н. В. Берга).

⁴⁶ Имеются в виду выпускники Московской Духовной академии 1848 г., магистры М. А. Германов и В. П. Нечаев (впоследствии епископ Костромской и Галицкий) (см. в наст. изд. письмо В. П. Нечаева А. В. Горскому от 22 ноября 1848 г.).

Из писем М. П. Погодина

М. П. Погодин — С. П. Шевыреву

<Октября конец — ноября начало 1846>

<...> Что наш бедный Гоголь?.. *Ревизора* он хочет печатать, но он позабыл, что получил от меня, кажется, две тысячи пятьсот рублей или две тысячи за издание, и что это издание осталось у меня все в кладовой, потому что он тогда же выдал полное собрание! Я молчу и не претендую, Бог с ним, хоть и нахожусь теперь в самых тесных обстоятельствах. Не знаю, как и держусь. Между нами! <...>

Первые опубликовано: *Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1894. Кн. 8. С. 327–328. Печатается по первой публикации.

М. П. Погодин — А. П. Елагиной

22 октября 1848. <Москва>.

<...> Благодарю Вас усердно за черновые бумаги Василия Андреевича¹. Гоголь, который теперь здесь, рассказывал мне много об его житье-бытье. <...>

Гоголь наш решил остаться на зиму в Москве, если климат не помешает.

Он довольно здоров и весел, сколько можно быть веселу в наше время. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 708, 710.

¹ Жуковского.

М. П. Погодин — М. А. Максимовичу

Дек<абря> 24, 1848.

<...> Гоголь в Москве жил у меня два месяца, а теперь переехал к графу Ал. П. Толстому, ибо я сам переезжаю во флигель: из дома выживают рукописи, боюсь огня запаху. Он здоров, спокоен и пишет. Вот так нагрубил, или лучше — обругал он меня перед лицом всей России, да я и то снес, — значит, что я, горд, или добр? <...>

Впервые опубликовано: *Пономарев С. И.* Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. СПб., 1882. С. 48; см. также: Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. С пояснениями С. И. Пономарева // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1882. Т. 31. № 2. <Отд. 3>. С. 48; перепечатано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 9. С. 476. Печатается по первой публикации.

М. П. Погодин — М. А. Максимовичу

<12 июня 1850. Москва>

<...> Не выезжаю из дома, чтоб не разехаться с Гоголем или Карамзиным. Не знаю, будет ли возможность приехать завтра проститься с тобою. Всего бы лучше, если бы вы назначили час на заставе. Я приехал бы туда хоть в заутрени. <...>

Впервые опубликовано: Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. С пояснениями С. И. Пономарева // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1882. Т. 31. № 2. <Отд. 3>. С. 54. Печатается по первой публикации.

13 июня 1850 г. Гоголь с Максимовичем выехали из Москвы на родину.

М. П. Погодин — М. А. Максимовичу

20 июля (1850).

<...> Где Гоголь? Напиши о нем свои наблюдения. <...>

Впервые опубликовано: Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. С пояснениями С. И. Пономарева // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1882. Т. 31. № 2. <Отд. 3>. С. 55. Печатается по первой публикации.

<Рецензия на «Словарь достопамятных людей Русской земли» Д. Н. Бантыша-Каменского (СПб., 1847)>

Фрагмент

<...> Из биографии Графа Ильи Андреевича Безбородко узнаем мы происхождение Нежинского лица... <...> Вспомним, что из Нежинского лица в один курс вышли: Гоголь, Кукольник, Базили, Прокопович, Лукашевич... Сеяние дало плод! Капитал не остался без процентов. <...>

Впервые опубликовано: *Погодин М.* Словарь достопамятных людей Русской земли. Сочинение Д. Н. Бантыша-Каменского, 3 тома. 1847 г. // Москвитянин. 1848. Ч. 3. № 6. Критика. С. 62. Печатается по первой публикации.

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина
1849—1851 гг.

1849

Январь. <...> 4. <...> Гог<оль>. <...>

15. Не могу найти своих записок о путеш<ествии> 1846 г. <...>

17. <...> Вечер очень весел<ый> у Павлова. С остромами... <...> Толки о Гоголе, Аксак<ове>, Жук<овском> и проч. <...>

Февраль. <...> 6. К обедне. <...> После обеда Гоголь, Данил<евский>, Миллер и Рабус, Чертков, Щепкин. <...>

22. <...> Гоголь. <...>

Март. <...> 4. <...> Матв<ей>!, Гоголь. Письма. <...>

7. <...> К Гоголю, к Барте<неву>. <...>

13. Матв<ей>² с книгами. <...>

31. В типогр<афии>, в церкви. Дети приобщались, я подошел к крылосу, смотрел на них, вспомнил об Лизе, заплакал, и вспомнил свой сон, вскоре после ее кончины, где видел приобщение детей, все удивительно! Гоголь проезжал у нас и совета<л> мне, говоря, что так-то и надо искать помощи, что чувствует себя нехорошо и проч. — Корректуры. <...>

Май. <...> 6. <...> Гоголь желает сделать обед для своих знакомых в день имени<н>. Чтob не вызвать подозрений. <...>

7. <...> Гоголь. С неприятностью думал о несоизволении на статьи. <...>

9. <...> Обед с Гоголе<м>³. Об нем с Нашок<иным>. <...>

10. <...> Ездил в Преобр<аженское> смотреть Иван<а> Яковл<евича>⁴. — Примечатель<ное> явление. Как интересны приходящие. Напишу особо. Я не спрашивал, но, может быть, он говорил что-то и на мой счет, впрочем не ясно. <...>

11. <...> Обед<ал> <с> Гогол<ем> и гов<орил> с ним об обеде, Хом<якове>, Ив<ане> Як<овлевиче>⁵ и пр.

15. <...> С Нашок<иным> об Ив<ане> Як<овлевиче>, о нынешнем времени, о Вяземском. <...>

20. <...> Обед с Гогол<ем>. <...>

Июнь. <...> 3. <...> ...К Вязе<мскому> и не застал. — К Шев<ыреву>, и сговорились с Гог<олем> ехать к нему в Остаф<ьево>. <...>

4. Пис<ал> и почти кончил Андрея⁶. Превесело. <...> Приходит Гоголь, прослушал, и ни слова. Не досадно ли ему, что он потеряет свое первенство. Чего доброго! <...>

5. К Вяз^{<емскому>} в Остафьев^{<о>}, по Серпухов^{<ской>} знаком^{<ой>} дороге, по которой ездил с таким бьющимся сердцем. Пустились в тряской, и писа^{<л>} письмо. С Гог^{<одем>} о Европе, о России, Правитель^{<стве>}. — Это шоссе, напр^{<имер>}, проведено прямо, стоило дорого, но ездить нельзя: усыпано хрящем, что и колеса, и копыта испортились. Все ездят и мучатся проселками, а за шоссе все-таки платят Клейнмихелю... ^{<...>} Вязем^{<ский>} очень рад. Гуля-ли⁷. — О Кар^{<амзине>}, о крестьянах, о Петре В^{<еликом>}, литературе и пр. С Всеволжским. — Обед у Окулов^{<ых>}. Прочел Спешневу отрывок. ^{<...>}

11. ^{<...>} На блины к Ал^{<ексandre>} Мих^{<айловне>} с Гоголем. ^{<...>}

Август. ^{<...>} 23. ^{<...>} В саду. Гоголь. ^{<...>}

Сентябрь. ^{<...>} 13. ^{<...>} Уваров уволен, и удар⁸. Жаль его. Протасов министр. ^{<...>}

15. ^{<...>} Думал о сочинении: Суета сует и всяческая суета. ^{<...>}

20. Вот что значит напряжение и волнение. Все утро проработал я, не отвлекаясь мыслью ни на минуту. След^{<овательно>} для духа нужны такие движения. Потому-то и Пушкин любил играть. Обед^{<ать>} опять к Акс^{<аковым>}. — Гадко смотреть на наших помещиков. — Со-верш^{<енные>} свиньи, а эти еще добрые. ^{<...>} Отыграл сто руб^{<лей>}. ^{<...>}

22. ^{<...>} Вечером у Акс^{<аковых>}, и проиграл отыгранное. ^{<...>}

Октябрь. ^{<...>} 15. ^{<...>} Вечер^{<ом>} Кн^{<язь>} Енгал^{<ычев>}, Шев^{<ырев>}, Киреев^{<ский>}, Гоголь, Григорь^{<ев>}. Духовная беседа, а Гоголь скучал и улизнул⁹. ^{<...>}

29. ^{<...>} Указ об увольнении Ув^{<арова>}. ^{<...>}

30. ^{<...>} Обедали у меня Максим^{<ович>} и Гоголь, а вечером для Максим^{<овича>} филоло-ги. Столько ученых и дельных людей. Дети слушали, а я радовался на них, помяная Лизу. ^{<...>}

Ноябрь. ^{<...>} 8. ^{<...>} Слухи о смерти Увар^{<ова>}, об уничтожен^{<ии>} Министерства просве-щения, о главном управлении для образования. ^{<...>}

17. ^{<...>} Гоголь. ^{<...>}

26. ^{<...>} ...К вечеру съехали^{<сь>} Гого^{<ль>}, Щеп^{<кин>}, Пере^{<вошиков>}, Меж. и очень приятный вечер. ^{<...>}

Декабрь. ^{<...>} 3. ^{<...>} Гр^{<афиня>} Росто^{<пчина>} читала свою комедию¹⁰ и очень жел^{<ал>}¹ ей успеха, а кажется, успела, по крайней мере 4 и 5 дей^{<ствия>} поразили многих, при перв^{<ом>} слушании. — А как сух Гоголь. Комедия Банкрут¹¹ удивительна¹². Ее прочел Садов^{<ский>} и автор, с ними познакомился¹³. Было человек 15, и до 3 часов. Не спал до 5. А наши авторы очень глупы и не умеют обходиться с женщинами¹⁴. ^{<...>}

5. Пис^{<ал>} письмо к Гр^{<афине>} Росто^{<пчиной>} о вечере¹⁵, и просил Нелюд^{<имку>} для Москв^{<итянина>}¹⁶. ^{<...>} Вечер у Акс^{<аковых>}, где я испытываюсь злобою против невежства и барства. ^{<...>}

11. ^{<...>} Письма от Ростоп^{<чиной>} милые и стихи. Дает Нелюдимку. Хорошо — что то бу-дет. ^{<...>}

26. ^{<...>} К Студит^{<скому>}, Дмитр^{<иев>}. — С Конст^{<антином>}¹⁷ ^{<?>}. — С Беляевым. Ска-зыв^{<ал>}, что он хочет в августе печатать I том своей Истории. Он тоже подвигнет все-таки ме-ня, как Остров^{<ский>} Гоголя. ^{<...>}

1850

Январь. ^{<...>} 19. ^{<...>} К Гоголю, кото^{<рый>} читал нам с Максим^{<овичем>} Мерт^{<вые>} Ду-ши. ^{<...>}

Февраль. ^{<...>} 24. ^{<...>} Гости. Рад, что Хомяк^{<ов>} приехал, и сказал, что я напрасно и сом-невался в его перемен^{<е>}. — Очень весел. — Все шло хорошо. Ростоп^{<чина>}, Заго^{<скин>}, Пе-

¹ В автографе описка: и очень жаль

рев<ощиков>, Ш<е>в<ырев> и проч. — А Гоголь после двух писем не приехал. Кобенится. <...>

Март. <...> 1. <...> Остров<ский> не был. Все не решается. <...>

3. <...> Остров<ский> соглашается и нет, наконец, на просьбу. <...>. Обед у Попечителя. Обласкан донельзя. Приятно. О Банкруте положился на меня¹⁸. <...>

8. <...> Банкрут пропущен. — А. Н. Остров<ский> потребовал много: 400-х сер<ебром> и 1000 экз<емпляров>, а мне 200, след<овательно>, руб<лей> 800. Не имел духу сделать замечание и согласился. <...>

20. <...> В городе fugoge от Банкрута. <...>

22. <...> Остров<ский> мямлит о Банкруте, которого хочется ему продавать. Предложил ему купить всего. <...>

25. <...> Островскому хочется выдать Банкрута. Пожалуй. <...>

Апрель. <...> 5. <...> Вечер<ом> Клементьев <?> привез Остр<овского>, которого скучно слушать. <...> Рамаза<нов> с св<оею> повестью, очень интересн<ой>. Расск<азы> об Ив<анове>, Егор<ове>, Брюл<лове>, Риме. — Талантлив<ый> человек¹⁹. <...>

13. <...> Гоголь у меня о молодежи, не советует уезжать. <...>

Май. <...> 4. <...> Гог<оль> о пути. Думал, не ограничиться ли Теплицем. <...>

9. <...> Обед. Гоголь. Христосовался с Акс<аковым>. <...>

12. <...> Максимович и Гоголь. <...>

21. <...> Вечер<ом>. Куб<арев>²⁰, Макс<имович> и Гоголь, а потом <фамилия нрзб.>тов. Приписывают Стасюлевичу²¹ донос. <...>

Июнь. <...> 6–13. <...> Гоголь уехал, не простясь, окончательно, а впрочем обедал с Макс<имовичем>. <...>

Октябрь. <...> 21. <...> Обед²². — Не совсем хорошо устроено. — Острили с Кар<олиной> Кар<ловной>²³. — Рассказы Щепкина. <...> Павлов позабыл стихи Вязем<скому> и очень надувался, и у Шев<ырева>. <...>

1851

<...> *Июнь.* <...> 5. <...> Гоголь приехал. Дум<ал> о нем. <...>

11. <...> Вечер<ом> у меня Гоголь с Малорос<сами>, а потом Шев<ырев> с своей статьей. <...>

13. Вечер до 3 ч<асов>. Крылов и Шев<ырев> (а прежде Гоголь) о Грановском, унив<ерситете>, партии. <...>

Август. 15. На Преображ<енское> кладби<ще> с Гоголем. Обед с пением и проч. Стол накрыт по-древнему. У Сорокина²⁴. <...>

Записи, относящиеся к 1849–1851 гг., впервые частично опубликованы: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Кн. 10. С. 318, 195, 514, 326, 514; СПб., 1897. Т. 11. С. 71, 133, 464, 518, 520–521, 559. Печатаются по автографу: Погодин М. П. Дневник. 1846–1852 // РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 34. Ед. хр. 1. Л. 43, 44 об., 45 об.–46 об., 47 об., 49–51, 51 об., 52 об.–53, 53 об.–54, 54 об.–55, 55 об., 56 об., 57 об., 58 об., 59, 60 об., 61 об.–62, 63, 65 об., 74 об.–76, 76 об.

¹ Вероятно, имеется в виду протоиерей Матфей Константиновский. Сын М. П. Погодина Дмитрий Михайлович вспоминал: «Гоголь жил у нас скорее отшельником. Под конец его последнего пребывания у нас (он жил у отца несколько раз), я помню сановитую фигуру священника, приходившего к нему наверх и долго беседовавшего с ним: то был отец Матфей, ржевский знаменитый проповедник...» (см. в наст. изд.)

² См. предшествующее примеч.

³ Через год после этого обеда, 14 мая 1850 г., И. С. Аксаков писал отцу: «Как удался нынче обед Гоголя? В прошлом году он был очень неудачен, — я был на нем» (см. в наст. изд.).

⁴ Иван Яковлевич Корейша (1783–1861), московский юродивый.

⁵ См. также в наст. изд. коммент. к разделу *Из записной книжки В. С. Аксаковой 1853 г. Последние дни жизни Гоголя* и мемуары А. Т. Тарасенкова «Н. В. Гоголь в последнее время жизни», «Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя».

⁶ Исследование о великом князе Андрее Боголюбском.

⁷ «Осмотр остафьевского архива. Запись, оставленная Гоголем: “5 июня 1849. Рылись здесь Гоголь...” Далее — подписи М. П. Погодина, Н. С. Всеволожского и П. А. Вяземского. <...> ...Автограф-запись Гоголя в фонде Вяземских (ЦГЛА)» (Михайлова А. Н. Даты жизни Н. В. Гоголя. 1848–1852 // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1952. Т. 14. С. 15).

⁸ «Товарищ Министра Народного Просвещения писал Государю Наследнику Цесаревичу: “6-го сего сентября министр Народного Просвещения граф Уваров подвергся нервному паралитическому удару, последствием которого было отняние правой руки и ноги...”» (Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 10. С. 539).

⁹ «Возвратившись домой с этого вечера, сосредоточенный И. В. Киреевский написал Погодину ироническое письмо: «Вчерашняя духовная беседа так подействовала на мой грешный нос, что я забыл от него платок у тебя в передней, платок прекрасный, в смысле Шевырева, то есть, красный, и прямо для моего носа сотканный, потому что такой же толстый, как он. Прошу тебя приказать его поискать и при случае мне доставить. Мы надеемся, что ты наведишь нас прежде нашего отъезда» (Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 10. С. 326).

¹⁰ «...Погодин предложил графине Ростопчиной прочесть *Нелюдимку* у него на вечере, это приглашение она приняла с признательностью и писала ему: “С радостью приеду в вашу келью прочитать *Нелюдимку* вам, Шевыреву, Щепкину, Садовскому, Вельтману, если можно, нашему Гоголю, и вообще кому вам угодно. Назначьте мне день и час; я заранее даю вам слово явиться аккуратно, а вы знаете, что слово мое *всегда* исполняется!” <см. также в наст. изд.> Когда же Погодин уведомил графиню о приглашенных на этот вечер, то она писала ему: “Благодарствуйте, благодарствуйте, и от души, Михаил Петрович!.. <...> Давно хотелось мне дружески и братски пожать руку Мею, а теперь горю желанием *низко, низко поклониться Островскому*. <...> А о прочих, о Вельтмане, Перевощикове, Максимовиче, скажу, что мне лестно, приятно, но вместе и немного страшно предстать пред ареопаг, составленный из всех наших заслуженных и дельных знаменитостей... <...> Дай Бог, чтоб Степану Петровичу Шевыреву выздоровление его больных позволило присоединиться к нам; если наш Гоголь решится осчастливить меня своим вниманием, то я тем более ему обрадуюсь, что уж более полугодом с ним не видалась и даже ничего не знаю о его здоровье. Я буду стараться привезти графиню Сальяс, нашу новую писательницу, но не надеюсь, чтоб она согласилась: она стала отшельницей и почти никогда не выезжает; а надо бы вам с нею сблизиться!”» (Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 10. С. 333–334; см. также в наст. изд.). «На этом чтении Шевырева не было, и он на другой же день писал Погодину: “Я поручил Гоголю извинить меня перед графиней Ростопчиной, и он взялся за это. Если бы графиня вверила мне свою комедию для кабинетного прочтения, мне было бы это очень приятно. <...> Можно ли так хвалить комедию Ростопчиной? <...> Перевощиков сказал мне, что он у тебя простудился, и что *Нелюдимка* страшный вздор, писанный весьма хорошими стихами. Вот как разнообразны мнения”» (Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 10. С. 335–336).

¹¹ «Первоначально комедия эта называлась *Банкрот*, но по распоряжению цензуры, боявшейся оскорбить купцов, пришлось переименовать эту пиесу в *Свои люди сочтемся*» (Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 76).

¹² С пьесой А. Н. Островского «Банкрот», или «Свои люди — сочтемся!» («Первоначально комедия эта называлась *Банкрот*, но по распоряжению цензуры, боявшейся оскорбить купцов, пришлось переименовать эту пиесу в *Свои люди сочтемся*»; Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 76), Гоголь познакомился сначала в чтении П. М. Садовского (см. в наст. изд. воспоминания М. И. Семевского «Встречи с А. Н. Островским в Москве»), а затем в чтении автора и П. М. Садовского на вечере у М. П. Погодина 3 декабря 1849 г. (мужские роли читал Садовский, женские — сам автор). См. также в наст. изд. воспоминания Т. И. Филиппова и С. В. Максимова.

¹³ Пригласить А. Н. Островского на вечер М. П. Погодин поручил Н. В. Бергу (см.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 69–70).

¹⁴ Последнюю фразу М. П. Погодин привел в письме к самой графине Е. П. Ростопчиной от 5 декабря 1849 г. «На замечание Погодина, что “наши авторы очень глупы и не умеют обходиться с женщинами”, графиня Ростопчина весьма основательно ответила: “А что наши литераторы люди *не светские*, в этом виноваты не они, а все наше безграмотное, бестолковое, антинациональное высшее общество, не любящее ни русского слова, ни русского характера, ни русского человека. Мои милые французы и те, которых вы мне называете, образовались в лучшем круге, возле женщин, каковые были: Сталь, Рекамье, Pauline de Meulan (первая жена и воспитательница Гизо), следовательно, — как же сравнивать? — А посмотрели бы вы Тьера и теперешних выскочек! Вот грубияне, неучи и дикие в полном значении. Нет, и у нас бывали люди, когда было кому их образовывать, когда были открыты дома Муравьева, Карамзина, княгини Волконской; а теперь, где свет, где теплота, где духовная жизнь, от которой бы развиться нежным цветам светского обхождения, светской ловкости, светского навыка?.. Повторяю, люди есть, нужна им обработка, а это женское дело, а наши дамы играют в преферанс, злословят, сплетничают между собой,

К военным людям так и льнут, —

да принимают ласково только камер-юнкеров, да богатых женихов. Зачем им бедные поэты, не завитые писатели, не смазливые ученые?.. Cela degererait leur salon <это портит вид их салона; фр.>, а вот потому-то и хочу я затеять у себя сперва притон, и потом, мало-помалу, завести и *салон* для артистов, мыслящей и пишущей братии. <...>

Гоголю я назвала Смирнову потому, что из всех светских измен и обманов, для меня всех тягостнее, всех ужаснее те, которые происходят от существа, щедро одаренного, особенно от женщины: я еще того устаревшего, классического верования, что женщину Бог послал на землю, чтоб любить, мирить и благотворить... Виновата, — я *мшу*, говоря правду, тем хуже для тех, кому она глаза колет!”» (*Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1895. Т. 10. С. 338–339).

¹⁵ Отвечая на письмо М. П. Погодина, графиня Е. П. Ростопчина замечала: «...Я была *вполне довольна*, когда увидела слезы в глазах доброго Щепкина, и признаки чувства на благородном, великодушном лице Вельтмана. Я им очарована; также меня поразила умнейшая физиономия Максимовича. Я и не ожидала более — *Нелюдимка* понравится особенно только женщинам; пусть строгие и заслуженные судьи, каковы ваши гости, только ее не слишком строго осудят!» (*Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1895. Т. 10. С. 337–338).

¹⁶ Опубликовано: *Нелюдимка*. Драма в пяти действиях. Соч. графини Е. П. Ростопчиной // Москвитянин. 1850. № 1 (цензурное разрешение 31 дек. 1849 г.). Отд. I. С. 1–106. В № 2 журнала «Москвитянин» за 1850 год М. П. Погодин сделал примечание: «Может быть, и “Банкрут” украсит страницы Москвитянина» (*Литературные замечания // Москвитянин*. 1850. № 2 (цензурное разрешение 14 янв.). Отд. VI. С. 28). Опубликовано: *Свои люди — сочтемся!* Оригинальная комедия в четырех действиях. Сочинения А. Островского // Москвитянин. 1850. № 6 (цензурное разрешение 14 марта; цензор В. Лешков). Отд. I. С. 33–136.

¹⁷ Возможно, имеется в виду К. С. Аксаков.

¹⁸ На следующий день, 4 марта 1850 г., Погодин писал А. Н. Островскому: «*Между нами*. Ура! Ура! Я обедал вчера у Попечит<еля>. Говорил о Банкроте. “Если вы думаете, что его пропустить можно, что я полагаюсь совершенно на вас. Я и сам так думал”. Он обещал послать тетрадь к цензору <В. Н. Лешкову> — я нынче пишу к нему напоминание. До свидания! Ваш М. Погод<ин>. 4 марта. А так как тетрадь в цензуре все-таки возьмет время, а набирать надо немедленно, то благоволите прислать мне другую, мелкую, с вашими условиями» (*ГЦТМ*. Ф. 200. Ед. хр. 1934. Л. 1; опубли.: *Неизданные письма из архива А. Н. Островского*. М.; Л.: Academia, 1932. С. 419).

¹⁹ См.: *Рамазанов Н.* Пимен Никитич Орлов в Риме // Москвитянин. 1852. № 2. (Январь. Кн. 2). Отд. VIII. С. 28–33; и др.

²⁰ Алексей Михайлович Кубарев (1796–1881), палеолог.

²¹ Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826–1911), общественный деятель, публицист и историк.

²² См.: Обед, данный в Москве, октября 21-го дня, в честь князя П. А. Вяземского // Москвитянин. 1850. № 21 (цензурное разрешение 31 окт.). Отд. V. С. 33–46). Князь П. А. Вяземский возвратился тогда в Россию после путешествия к Святым Местам. В июне 1849 г. он был в Москве проездом на Восток, потом «долго жил в Царьграде, посетил Малую Азию и поля Трои, поклонился в Иерусалиме Гробу Господню и встречал Христову Пасху <23 апреля 1850 г.>» (Там же. С. 33). Возвратился в Россию через Одессу («Честь и благодарность Одессе за то, что она предупредила Москву своим угощением»; Там же. С. 33).

²³ Павловой.

²⁴ «В августе мы встречаем Гоголя опять в Москве, где находился и Погодин, который от своего крестника, Сорокина, получил следующее приглашение: «Сего 15-го августа, есть день ежегодно-открытого торжества на Преображенском кладбище. В этот день открыт для зрителей всякого звания вход в их молельни и часовни, которые для такового торжества украшаются один раз в год полным великолепием и драгоценностями, какие только имеются на кладбище; в этот день бывает у них, в одной из молельней, общественная трапеза со всеми обрядами их к оной. Во всем этом много есть любопытного и единственного в своем роде. Если пожелаете вы оное все видеть, то я, с своей стороны, очень бы рад был сопутствовать вам и показать путь, как старожил здешнего края. Церемониал трапезы начинается от 10 часов утра и оканчивается во 2-м, по полудни. Молельни бывают открыты в 11 утра... Вечерня начинается в 4 часа и всегда бывает с большими распевами славников по хомовому <имеется в виду древнее хомовое, или раздельноречное пение>. Очень я счастлив буду, если вы посетите своего крестника, и если на это решитесь, то покорнейше прошу вас, известите меня о времени вашего приезда; я в назначенное вами время буду вас ожидать дома со всею моею готовностью к вашим услугам». Погодин воспользовался этим приглашением и вместе с Гоголем отправился на торжество, о чем и записал в своем *Дневнике* следующее: «На Преображенское кладбище с Гоголем. Обед с пением и проч. Стол покрыт по-древнему. У Сорокина» (Дневник 1851, под 15 августа)» (*Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1897. Кн. 11. С. 520–521, 559).

М. П. Погодин

Современные известия. Московские Фрагмент

<...> 12 февраля <1851> был литературный вечер у редактора Москвитянина М. П. Погодина, у которого издавна раза два в год бывают подобные большие собрания, и московские литераторы всех поколений знакомятся обыкновенно с новыми примечательными произведениями литературы, и между собою. Мы помним один такой вечер, когда Гоголь, только что явившийся на поприще, в 1834 или 1835 году, читал у него своих Женихов¹, и уморил почти со смеху всех слушателей удивительным, неподражаемым своим чтением. Мы помним, что произвело одно его молчание между женихом и невестою, после односложных вопросов и ответов о любимом цвете и прогулках. В другой раз читал М. Н. Загоскин отрывки из Мирошева; в третьем годе Графиня Ростопчина — свою Нелюдимку, в прошлом Л. А. Мей перевод Слова о Полку Игореве, А. Н. Островский, вместе с знаменитыми артистами нашими, гг. Садовским и Щепкиным, Банкрута. Лет пять тому назад сам хозяин прочел похвальное слово Карамзину и несколько отрывков из своей Русской Истории. <...>

Впервые опубликовано: <Погодин М. П.> Современные известия. Московские // Москвитянин. 1851. № 4. Февраль. Кн. 2. С. 244–245. См. также: *Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1897. Т. 11. С. 338. Печатается по первой публикации.

¹ 4 мая 1835 г. (см. в наст. изд. коммент. к «Отрывку из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году» М. П. Погодина).

Обед в честь Айвазовского и Иордана Фрагмент

19 марта <1851>, в Художественном классе, друзьями искусства дан был обед в честь знаменитых русских художников, Ивана Константиновича Айвазовского и Федора Ивановича Иордана. <...> Хомяков вспомнил, что ныне день рождения Гоголя, и предложил выпить за его здоровье. Армфельд назвал его первоотсутствующим, как художника на празднике художников. Но Шевырев¹ относил день рождения Гоголева к другому времени². Чтоб кончить спор, предложено выпить за Гоголя на Антония, а потом еще на Онуфрия.

Впервые опубликовано: *Погодин М. П.* Современные известия: Московские <...> Обед в честь Айвазовского и Иордана // Москвитянин. 1851. № 7. Апрель. Кн. 1 (цензурное разрешение 1 апр.). С. 199, 208. Печатается по первой публикации.

В тот же день, 19 марта 1851 г., С. Т. Аксаков писал Гоголю: «Здравствуйте, милый друг Николай Васильевич, в новый ваш год! Крепко вас обнимаю и поздравляю. Несколько любящих вас приятелей заранее согласились было сегодня обедать у нас; но, как нарочно, что-то угораздило Погодина с Шевыревым устроить сегодня обед Иордану! Не только все наши гости обедают там, но и Константина утащили. Надеюсь, однако, что Бодянский отобедает и придет к нам».

¹ Также присутствовавший на обеде (см.: *Погодин М. П.* Современные известия: Московские <...> Обед в честь Айвазовского и Иордана // Москвитянин. 1851. № 7. Апрель. Кн. 1 (цензурное разрешение 1 апр.). С. 203).

² См. в наст. изд. коммент. к дневниковой записи В. А. Жуковского от 18/30 января 1839 г.

М. П. Погодин

Московские известия

19-го числа сего августа в 11 ¹/₂ часов по полудни изволили осчастливить здешнюю столицу Своим прибытием Их Императорские Величества: Государь Император и Государыня Императрица... <...>

Есть надежда, что второй том Мертвых Душ скоро выйдет в свет. Первый же том отпечатается третьим изданием, значительно умноженным.

Наш неутомимый Жуковский прислал целый том новых своих сочинений в прозе. Он занимается теперь переводом Илиады.

С. Т. Аксаков окончил большое сочинение об охоте¹, которое, верно, сделается дорогим подарком не только для охотников, но и для ученых, для литераторов. <...>

Впервые опубликовано: <*Погодин М. П.*> Московские известия // Москвитянин. 1851. № 16 (цензурное разрешение 20 авг.). <Отд. 2>. С. 265–267. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду книга С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина
конца 1851 — начала 1852 гг.

1851

Декабрь. <...> 4. <...> Написал письмо к К<онстантину> Н<иколаевичу>. — О Гоголе. <...>

1852

<...> Февраль 1–6. <...> Кончина Хомяковой. <...>

16. День досад. <...> Островский. Снова за деньгами. <...>

<...> Путешествие в Суздаль. <...> Кончина Гоголя¹. Написал². Горько. <...>

Март 1–3. <...>

4. Писал и плака<л> о Гоголе. По типогра<фа>.

5. Не дали написать писем. Рамаз<анов> о Гоголе. <...> Перед обед<ом> Шев<ырев> при-
вез одобренную статью о Гог<оле>. <...>

Публикуется впервые по автографу: *Погодин М. П. Дневник. 1846–1852 // РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 34. Ед. хр. 1. Л. 77, 78 об., 79.*

¹ При кончине Гоголя присутствовала теща Погодина Е. Ф. Вагнер. См. в наст. изд. ее письмо к Погодину от 21 февраля 1852 г.

² Имеется в виду некролог «Кончина Гоголя» (см. ниже в наст. изд.).

М. П. Погодин

Кончина Гоголя
<Некролог>

*Текст некролога, напечатанный
в журнале «Москвитянин» (1852. № 5)*

Московские известия

Кончина Гоголя¹

21 февраля, в четверг, поутру, без четверти в восемь часов, умер Гоголь.

Публика требует подробностей о кончине своего любимца; в городе ходят^{II} слухи и толки.

Скрепя сердце, приступаю к исполнению журнальной обязанности, которая никогда не была для меня так тягостна.

*Примечания М. П. Погодина, графа
А. П. Толстого, А. С. Хомякова и
Е. Владимировна на полях
копии некролога,
хранящейся в РГАЛИ*

К Вл. Ив. НАЗИМОВУ
Графу Ал. П. ТОЛСТОМУ^{III}
С. П. ШЕВЫРЕВУ
А. С. ХОМЯКОВУ

Прошу покорнейше просмотреть
и сообщить на полях заметки. —
М. П.<огодин>.

^I Далее в копии ИРЛИ: (1852)

^{II} Далее в копии ИРЛИ: разные

^{III} Слова Назимову и Толстому в оригинале зачеркнуты. — *Е. В.<ладимиров>.*

Чем он был болен¹? На этот вопрос можно отвечать только то, что он страдал, страдал много, страдал телом и душою, но в чем именно заключались его страдания, как они начались, — никто не знает, и никому не сказывал он об них ничего, даже своему духовнику.

С которого времени, по крайней мере, оказалась в нем роковая перемена? Кажется, недели за три до кончины.

А за месяц он был, по-видимому, здоров, принимал еще живое участие в издании своих сочинений, которые^{II} печатались вдруг в трех типографиях, занимался корректурами, заботился об исправлениях в слог^{III}, просил замечаний.

Летом же читал многим главы^{IV} (до семи^V)^{VI} из второго тома «Мертвых душ», и сам попросил напечатать известие в журнале о скором его издании вместе с умноженным первым.

По соображениям оказывается теперь, что в последнее время он уклонялся под разными предлогами от употребления пищи^{VII}, в чем, однако ж^{VIII}, уличить было его^{IX} невозможно^X.

Во вторник^I на масленице^{XI} он приезжал к своему духовнику², живущему в отдаленной части города*)^{XII}, известить, что говеет, и спросить, когда может приобщиться. Тот посоветовал было дождаться первой недели поста, а потом согласился и назначил четверг.

В четверг³ явился он в церковь еще до заутрени и исповедался. Перед принятием святых даров^{XIII}, за обедню, пал ниц и много плакал. Был уже слаб и почти шатал-

В. И. Назимов лежит больной в сильном жару и с головной болью — и весьма сожалеет и не может высказать своих ощущений, попросите статью эту и письмо у гр<афа> Толстого, который оставил у него до требования. Помета карандашом. — *Е. В.<ладимиров>*.

*) На Девичьем поле. Старика Гоголь очень любил, узнав его в 1842 году, когда жил у меня по приезде из-за границы. — Позд<нейшее> прим<ечание> М. П. Погодина. — <*Е. Владимиров*>.

^I В копии РГАЛИ: Чем он болел?

^{II} В копиях РГАЛИ и ИРЛИ: кои

^{III} в слог^e нет в копии РГАЛИ.

^{IV} В копии РГАЛИ: многим отрывки глав

^V К этим словам П. А. Плетнев в копии некролога, отправленной 17 марта 1852 г. в письме к В. А. Жуковскому, сделал примечание: А. О. Смирнова сказывала мне, что только И. В. Капнисту, который, хотя любил Гоголя, но терпеть не мог его сочинений, он прочитал девять глав, желая воспользоваться строгою критикою беспощадного порицателя своих сочинений. — П. Плетнев. (См.: Плетнев П. А. Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 734.)

^{VI} В копии ИРЛИ: многим отрывки (глав до семи)

^{VII} К этим словам П. А. Плетнев в копии некролога, отправленной 17 марта 1852 г. в письме к В. А. Жуковскому, сделал примечание: Она же <Смирнова> говорила мне, что он довольствовался, съедая в день одну просвиру и пропуская несколько глотков красного вина. — П. П.<летнев>. (См.: Плетнев П. А. Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 734.)

^{VIII} В копиях РГАЛИ и ИРЛИ: в чем тогда

^{IX} В копии РГАЛИ: его было

^X Далее в копии ИРЛИ подстрочное примечание: Явно нравственное настроение в том, что он на панихиде сказал: «теперь пора работать молодым — мы кончили!», а в доме приятеля сказал: «я опять, кажется, потерял всех умерших друзей. Языков умер для меня второй раз». — Примеч<ание> А. С. Хомякова.

Панихида была, должно быть, по его жене, урожденной Языковой, которая незадолго скончалась. — М. П.<огодин>.

^{XI} К этим словам П. А. Плетнев в копии некролога, отправленной 17 марта 1852 г. в письме к В. А. Жуковскому, сделал примечание: 5 февраля стар<ого> стиля. — П. П.<летнев>. (См.: Плетнев П. А. Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 734.)

^{XII} Далее в копии ИРЛИ подстрочное примечание: На Девичьем Поле. Старика Гоголь очень любил, узнав его в 1842 году, когда жил у меня по приезде из-за границы. — Позднейшее прим<ечание> М. П.<огодина>.

^{XIII} В копии ИРЛИ: Святых Даров

ся*)^I. Вечером приехал он опять к священнику и просил его отслужить благодарственный молебен, упрекая себя, что забыл исполнить то поутру. Из церкви заехал по соседству к одному знакомому**) ^{II}, который при первом взгляде на него заметил в лице болезненное расстройство и не мог удержаться от вопроса, что с ним случилось. «Ничего, — отвечал он, — я не хорошо себя чувствую».^{III} Просидев несколько минут, он встал, — в комнате сидело двое посторонних, ***)^{IV} — и сказал, что сходит пока к домашним, но остался у них еще менее.

В субботу⁴, на масленице, он посетил также некоторых своих знакомых. Никакой особенной болезни не было в нем заметно, не только опасности; а в задумчивости его, молчаливости,^V не представлялось ничего необыкновенного.

С понедельника⁵ только обнаружилось его совершенное изнеможение. Он не мог уже ходить и слег в постель. Призваны были доктора. Он отвергал****) всякое пособие^{VI}, ничего не говорил, ни на кого не смотрел и решительно^{VII} *****) не принимал пищи^{VIII}. Просил только по временам пить, и глотал по несколько капель^{IX} воды с красным вином^X. Никакие убеждения не действовали. Так прошла^{XI} первая неделя^{XII}.

*) Это рассказал мне после сам священник. — <Примечание М. П. Погодина.>

**) Ко мне. Но я теперь никак не могу вспомнить, почему я говорил о себе в статье безлично и почему даже не означил я св. своего прихода, Саввы Освященного. — <Примечание М. П. Погодина; прочитано Е. Владимировым с ошибкой; ср. подстрочное примечание в копии ИРЛИ.>

***) Д. А. Ровинский и Е. В. Забелин. — <Примечание М. П. Погодина.>

Эти и последующие примечания А. П. Толстого можно напечатать под звездочкой внизу страницы. — <Позднейшее примечание М. П. Погодина.>

****) Принимал не охотно, но дары в субботу¹¹ принял, еще пилюли и ложку клещевинного^{XIII} масла. — <Примечание графа А. П. Толстого.>

*****) Это не совсем так: он ежедневно принимал два раза пищу, но очень мало. Утром хлеб или просфору, которую запивал липовым чаем, — а в вечеру — кашницу, саго или чернослив. — Всего, однако, очень понемногу. — Г<граф> Т<олстой>.

^I Далее в копии ИРЛИ подстрочное примечание: Это рассказал мне после сам священник. — М. П.<огодин>.

^{II} Далее в копии ИРЛИ подстрочное примечание: Ко мне. Но я теперь никак не могу вспомнить, почему я говорил о себе в статье безлично и почему даже не означил яснее своего прихода, Саввы Освященного. — М. П.<огодин>.

^{III} Фразы: «Ничего, — отвечал он, — я не хорошо себя чувствую». — нет в журнальной публикации и в копии РГАЛИ. Фраза печатается по копии ИРЛИ.

^{IV} Далее в копии ИРЛИ подстрочное примечание: Д. А. Ровинский и Е. В. Забелин. — М. П.<огодин>.

^V В копии РГАЛИ: и молчании; в копии ИРЛИ: и молчаливости

^{VI} Далее в копии ИРЛИ подстрочное примечание: Принимал не охотно, но дары в субботу принял, еще пилюли и ложку клещевинного масла. — Примеч<ание> гр<афа> А. П. Толстого.

^{VII} Вместо: ничего не говорил, ни на кого не смотрел и решительно — в копии РГАЛИ: ничего не говорил, и почти

^{VIII} Далее в копии ИРЛИ подстрочное примечание: Это не совсем так: он ежедневно принимал два раза пищу, но очень мало. Утром хлеб или просфору, которую запивал липовым чаем, — а в вечеру — кашницу, саго или чернослив. Всего, однако, очень понемногу. — Прим<ечание> гр<афа> А. П. Т<олстого>.

^{IX} капель нет в копии ИРЛИ.

^X Далее в копии РГАЛИ: (У Погодина в оригинале — «по несколько капель красного вина» — поправка сделана гр<афом> Толстым. Е. В.<ладимиров>).

^{XI} Далее в копии ИРЛИ: вся

^{XII} Далее в копии ИРЛИ подстрочное примечание: В четверг на первой неделе он сказал: «надобно меня оставить в покое. Я знаю, что я должен умереть». — А. С. Хомяков.

^{XIII} В копии РГАЛИ ошибочно: кладовинного

В четверг⁶ сказал: надо меня оставить, я знаю, что должен умереть¹. <*>

В понедельник⁷ на второй неделе духовник предложил ему приобщиться и пособороваться^{II} маслом^{III}, на что он согласился с радостью^{IV} и выслушал все евангелия^V в полной памяти, держа в руках свечу, проливая слезы.

Вечером уступил было настояниям духовника принять медицинское пособие, но лишь только прикоснулись^{VI} к нему, как закричал самым жалобным, раздирающим голосом: «Оставьте меня, не мучьте меня!»

Кто ни приходил к нему, он не поднимал глаз, приказывал только по временам переворачивать себя или подавать себе пить. Иногда показывал нетерпение.

Во вторник⁸ он выпил без прекословия чашку бульону, поднесенную ему служителем, чрез несколько времени другую^{VII}, и подал тем надежду к перемене в своем положении, но эта надежда продолжалась недолго.

В среду⁹ обнаружались явные признаки жестокой нервной горячки. Употреблены были все средства, коих он, кажется, уже не чувствовал, изредка бредил, восклицая: поднимите, заложите, на мельницу, ну же, подайте^{VIII}! Дышал тяжело, к утру^X затих, — и скончался.

Из расспросов об участии его сочинений оказалось:

В воскресенье¹³, перед постом, он призвал к себе одного из друзей своих^{IX} <*> и, как бы готовясь к смерти, поручал

<*> В четверг¹² на первой неделе он сказал: надобно меня оставить в покое. Я знаю, что я должен умереть. — Эта заметка Хомякова. М. П. <огодин>.

**> «Одного из друзей своих и как бы готовясь к смерти», напечатать, как было у меня. В Москвитинне> я, кажется, поступил по желанию гр<афа> Толстого, заменил свои слова его словами. <Позднейшее примечание М. П. Погодина.>

^I В основном тексте копии РГАЛИ и в основном тексте копии ИРЛИ фразы: В четверг сказал: надо меня оставить, я знаю, что должен умереть. — нет. В копии РГАЛИ эта фраза в измененном виде, с примечанием М. П. Погодина, написана на полях (см. сноску <*>). В копии ИРЛИ фраза, также в измененном виде, составляет текст подстрочного примечания (см. выше).

^{II} Далее в копии РГАЛИ: («елеем», маслом — в оригинале вычеркнуто. Е. В.<ладимиров>)

^{III} маслом нет в копии ИРЛИ.

^{IV} В копии РГАЛИ: с радостью

^V В копии РГАЛИ: все евангелие; в копии ИРЛИ: все Евангелия

^{VI} В копии РГАЛИ: прикоснулся

^{VII} Слов: чрез несколько времени другую — нет в копиях РГАЛИ и ИРЛИ.

^{VIII} В копии РГАЛИ: восклицая: поднимите, поднимите, на мельницу; в копии ИРЛИ: восклицая: «поднимите, поднимите на мельницу!..»

^{IX} Вместо: одного из друзей своих — в копии РГАЛИ фраза со сноской: гр<афа> Т<олстого>, у которого жил, как в отческом доме*); вместо: одного из друзей своих — в копии ИРЛИ: гр<афа> Толстого, у которого жил, как в отческом доме. К словам: одного из друзей своих, — П. А. Плетнев в копии некролога, отправленной 17 марта 1852 г. в письме к В. А. Жуковскому, сделал примечание: Графа Петра Александровича <ошибка> следует: Александра Петровича> Толстого, который, как я догадываюсь, по христианскому смирению, не желает, чтобы где-нибудь выставлено было имя его как человека, оказывавшего одолжение или помощь Гоголю. На этом основании печатно нигде не упомянуто, что Гоголь и жил у него в квартире. Везде говорится просто: на Никитском бульваре, в д<оме> Талызина, как и в письме Гоголя, в последний раз к вам писанном. — П. П.<летнев>. (См.: Плетнев П. А. Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 736.)

ему^I отдать некоторые свои сочинения в распоряжение^{II} духовной особы*), им уважаемой^{III}, а другие напечатать. Тот старался ободрить его упавший дух и отклонить от него всякую мысль о смерти.

Ночью, во вторник^{IV} 14, он долго молился один в своей комнате. В три часа призвал своего мальчика^V и спросил его: тепло ли в другой половине его покоев.

— Свежо, — отвечал тот.

— Дай мне плащ, пойдем: мне нужно там распорядиться.

И он пошел, с свечей в руках, крестясь во всякой комнате, чрез^V которую он^{VI} проходил. Пришед, велел открыть трубу, как можно тише, чтоб никого не разбудить, и потом подать из шкафа портфель. Когда портфель был принесен, он вынул оттуда связку тетрадей, перевязанных тесемкой, положил ее в печь и зажег свечой^{VII} из своих рук.

Мальчик, догадавшись, упал пред^{VIII} ним на колени и сказал:

— Барин, что вы это, перестаньте!

— Не твое дело, — отвечал он, — молись.

Мальчик начал плакать и просить его. Между тем огонь погасал, после того как обгорели углы у тетрадей. Он заметил это^{IX}, вынул связку из печки, развязал тесемку и уложил листы так, чтоб легче было приняться огню, зажег опять, и сел на стуле перед огнем, ожидая, пока все сгорит и истлеет^X. Тогда он, перекрестясь, воротился^{XI} в прежнюю свою^{XII} комнату, поцеловал мальчика, лег на диван и заплакал.

— Иное надо было сжечь, — сказал он, подумав, — а за другое помолились бы за меня Богу; но, Бог даст, выздоровею и все поправлю^{XIII}.

Поутру^{XIV} 16 он сказал гр<афу> Т<олстому>: «Вообразите, как силен злой дух! Я хотел сжечь бумаги, давно уже на то оп-

*) Митрополиту Филарету.
<Примечание М. П. Погодина.>

^I В копии РГАЛИ: поручил; в копии ИРЛИ: поручал

^{II} Далее в копиях РГАЛИ и ИРЛИ: одной

^{III} Далее в копии ИРЛИ подстрочное примечание: Митрополиту Филарету. — М. Погодин>

^{IV} К этим словам П. А. Плетнев в копии некролога, отправленной 17 марта 1852 г. в письмо к В. А. Жуковскому, сделал примечание: С 11-го на 12-ое февраля. — П. Плетнев>. (См.: Плетнев П. А. Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 736.)

^V В копии РГАЛИ: через

^{VI} он нет в копии ИРЛИ.

^{VII} В копиях РГАЛИ и ИРЛИ: свечую

^{VIII} В копиях РГАЛИ и ИРЛИ: перед

^{IX} это нет в копиях РГАЛИ и ИРЛИ.

^X Вместо: опять - и истлеет — в копиях РГАЛИ и ИРЛИ: опять... и все сгорело!

^{XI} В копиях РГАЛИ и ИРЛИ: он перекрестился и воротился

^{XII} свою нет в копии ИРЛИ.

^{XIII} Слов: Иное надо было сжечь, — сказал он, подумав, — а за другое помолились бы за меня Богу; но, Бог даст, выздоровею и все поправлю. — нет в копиях РГАЛИ и ИРЛИ.

^{XIV} Вместо: Поутру — в копиях РГАЛИ и ИРЛИ: На другой день

ределенные, а сжег главы «Мертвых душ», которые хотел оставить друзьям на память после своей смерти». <*>¹

Вот что до сих пор известно о гибели нецененного нашего сокровища!^{II}

Было ль^{III} это действие величайшим подвигом христианского самоотвержения, самую трудную жертвою, какую может только принести наше самолюбие, или тайлся в нем глубоко сокрытый^{IV} плод тончайшего самообольщения, высшей духовной прелести, или, наконец, здесь действовала одна^V жестокая душевная болезнь^{VI}?

Во всех трех возможных и вероятных случаях он имеет равное право на наше человеческое участие, и все они^{VII} одинаково вызывают нас к размышлению, глубокому, в наше время, исполненное^{VIII} чудных явлений и в обществах, и в людях.

Можно утвердить только то, что это была натура особливая, которая по кончине сделалась еще таинственнее и еще мудренее для уразумения, чем была при жизни, и которую судить простою меркою, по обыкновенным нашим понятиям, нельзя и не должно^{IX}.

Может быть, дух^X, который был условием его созданий и который^{XI} сообщал^{XII} им ту ни с чем не сравненную для нас любезность и прелесть, ту силу удивительную, которой ничто не противилось^{XIII}, был вместе и условием его такой жизни, его такой смерти, его такого образа действий: если бы он не

<*> Кажется, последние шесть строк лучше бы оставить. <Примечание графа А. П. Толстого.>¹⁷

Заменить: на другой день говорил об этом с горем. <Позднейшее примечание М. П. Погодина.>

Мои слова оставьте, как были, а заметки Толстого и Хомякова под звездочкой. <Позднейшее примечание М. П. Погодина.>

¹ Далее в копии ИРЛИ подстрочное примечание: Кажется, последние шесть строк лучше бы оставить? — Примечание графа А. П. Толстого.

^{II} Фразы: Вот что до сих пор известно о гибели нецененного нашего сокровища! — нет в копиях РГАЛИ и ИРЛИ.

^{III} В копии РГАЛИ: Было ли

^{IV} В копиях РГАЛИ и ИРЛИ: скрытый

^V одна нет в копиях РГАЛИ и ИРЛИ.

^{VI} Далее в копии РГАЛИ: Но для чего нам разбирать эти источники? Больше ли мы должны были говорить перед христианами, чем сострадать несчастливцу, или свяшенно трепетать о человеке? Друзья и братья! (эти два слова в оригинале зачеркнуты. Е. В<ладимиров>). Человек еще ближе всех к нам; прочитано Е. Владимировым с ошибкой; в копии ИРЛИ: Но для чего нам разбирать эти источники? Больше ли мы должны благоговеть перед христианином, чем сострадать несчастливцу, или свяшенно трепетать о человеке? Человек еще ближе всех к нам.

^{VII} Вместо: участие, и все они — в копиях РГАЛИ и ИРЛИ: участие. Все они

^{VIII} Так в копиях РГАЛИ и ИРЛИ. В журнальной публикации ошибочно: исполненному

^{IX} Далее в копии РГАЛИ: Что принадлежало в нем его физиологии, его национальности, его восприятию, его опыту, что было ему врождено, что им приобретено, что в нем выработалось без его ведома, все это разобрать едва ли достанет в ком силы; фраза прочитана Е. Владимировым с ошибкой; в копии ИРЛИ: Что принадлежало в нем его физиологии, его национальности, его воспитанию, его опыту, что было ему врождено, что им приобретено, что в нем выработалось без его ведома, все это разобрать едва ли достанет в ком силы.

^X В копиях РГАЛИ и ИРЛИ: тот дух

^{XI} который нет в копиях РГАЛИ и ИРЛИ.

^{XII} В копии РГАЛИ: сообщил

^{XIII} Вместо: ничто не противилось — в копиях РГАЛИ и ИРЛИ: противиться было нельзя

умер так, может быть он не мог бы и жить так, и не живя так, не мог^I и писать так.

Что принадлежало в нем его физиологии, его национальности, его воспитанию, его жизни, опыту, что было ему врождено, что им приобретено, что в нем выработалось без его ведома, всего этого разобрать едва ли достанет в ком силы^{II}.

Все это ведать одному Сердцеведу^{III}...

И на что же нам разбирать источники плачевного события? Больше ли мы должны благоговеть перед христианином, чем сострадать несчастливцу, или священно-трепетать о человеке?

Друзья и братья! человек еще ближе всех к нам^{IV}.

Оставим же бесполезные исследования^V и неверные догадки. Оплачем горькими слезами то^{VI}, что потеряли, и возблагодарим сторицею^{VII} за то, что осталось! Будем^{VIII} удивляться великому художнику и молиться, кто может, о слабом человеке.

М. П<огодин>^{IX}.

4-го марта^X.

Р. S. Торжественные, умилительные похороны Гоголя, приносящие столько чести Москве и ее начальству, описаны в наших газетах^{XI} 18. В роковую неделю меня не было в Москве*)^{XII}, как будто в наказание, что я в последнее время позволял^{XIII} себе питать разные подозрения насчет его^{XIV}, и не

*) Я должен был отправиться с гр<афом> Уваровым в Суздаль, где уже ожидала нас комиссия, коей поручено было исследование о могиле князя Пожарского. Уезжая, я упросил свою покойную тещу (Антонину Г. Т. в оригинале зачеркнуто. Е. В<ладимиров>) Е. Ф. Вагнер, Англичанку, умевшую ходить за больными, чтобы она не оставила Гоголя. Она провела у него ночи две, и на ее руках почти он скончался. <Примечание М. П. Погодина.>

[Прибавь, если нужно, а не то, как хочешь.] — <Зачеркнуто Е. Владимировым.>

^I В копии ИРЛИ: не мог бы

^{II} Фрагмент: Что принадлежало в нем его физиологии, его национальности, его воспитанию, его жизни, опыту, что было ему врождено, что им приобретено, что в нем выработалось без его ведома, всего этого разобрать едва ли достанет в ком силы. — в копиях РГАЛИ и ИРЛИ помещен выше (с небольшими отличиями).

^{III} В копии РГАЛИ: сердцеведу.

^{IV} Фрагмент: И на что же нам разбирать источники плачевного события? Больше ли мы должны благоговеть перед христианином, чем сострадать несчастливцу, или священно-трепетать о человеке? Друзья и братья! человек еще ближе всех к нам. — помещен в копиях РГАЛИ и ИРЛИ выше.

^V В копии РГАЛИ ошибочно: бесполезные последования

^{VI} Вместо: Оплачем горькими слезами то — в копии РГАЛИ: и оплачем то; в копии ИРЛИ: Оплачем то

^{VII} сторицею нет в копиях РГАЛИ и ИРЛИ.

^{VIII} В копии РГАЛИ: осталось, и будем всегда; в копии ИРЛИ: осталось; будем всегда

^{IX} В копии ИРЛИ: М. Погодин

^X Далее в копии ИРЛИ: (1852)

^{XI} Слов: Р. S. Торжественные, умилительные похороны Гоголя, приносящие столько чести Москве и ее начальству, описаны в наших газетах. — нет в копиях РГАЛИ и ИРЛИ.

^{XII} Далее в копии ИРЛИ подстрочное примечание: Я должен был отправиться с гр<афом> Уваровым в Суздаль, где уже ожидала нас комиссия, коей поручено было исследование о могиле князя Пожарского. Уезжая, я упросил свою покойную тещу Е. Ф. Вагнер, англичанку, умевшую ходить за больными, чтоб она не оставляла Гоголя. Она провела у него ночи две, и на ее руках почти он скончался. — М. П<огодин>.

^{XIII} В копии ИРЛИ: в последнее время я позволял

^{XIV} насчет его нет в копиях РГАЛИ и ИРЛИ.

верил вполне его искренности. Шевырева также не было: тот сам лежал больной в постели¹.

Шкаф^{II} покойного запечатан и будет разобран по истечении шести недель¹⁹. Может быть, найдется еще что-нибудь там, или в другом неожиданном месте^{III}.

*Заключительные примечания С. П. Шевырева, М. П. Погодина и
Е. Владимировой в копии некролога, хранящейся в РГАЛИ*

Из неизданных его сочинений у Шевырева уцелела развязка Ревизора — сцена, написанная им в честь М. С. Щепкина и присланная ему из заграницы. *Это приписка Шевырева**. — <Примечание Е. Владимировой>.

Вообще поручите сличить эту рукопись с печатной статьей Москвитянина^{**}). Может быть, окажутся какие-нибудь различия, кои можно отметить. — <Примечание С. П. Шевырева>.

* Приписка Шевырева сделана карандашом. Рядом с этой припиской на полях слева помета Шевырева: «Прибавь, если нужно, а не то, как хочешь». — <Примечание Е. Владимировой>.

Рукопись М. П. Погодина с пометами А. С. Хомякова, С. П. Шевырева, гр. А. П. Толстого занимает 6 страниц. Текст рукописи и пометы на ней приводятся полностью. — *Е. Владимиров*.

** Я просмотрел и нашел следующее прибавление: Иное^{IV} надобно сжечь, а за другое помолились бы за меня Богу, но, Бог даст, выздоровею и все поправлю. Вероятно, я услышал это после от мальчика^V. — <Примечание М. П. Погодина.>

¹ *Вместо:* Шевырева также не было: тот сам лежал больной в постели. — *в копиях РГАЛИ и ИРЛИ:* Шевырев сам лежал больной в постели. *К словам:* лежал больной в постели, — П. А. Плетнев в копии некролога, отправленной 17 марта 1852 г. в письме к В. А. Жуковскому, сделал примечание: А. О. Смирнова знает, что Гоголь по несколько времени перед сим отдал Шевыреву запечатанный небольшой пакет с бумагами. После шести недель все будет известно. — П. П. <Летнев>. (См.: Плетнев П. А. Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 738.)

^{II} *В копии ИРЛИ:* Шкаф

^{III} *Вместо:* Может быть, найдется еще что-нибудь там, или в другом неожиданном месте — *в копиях РГАЛИ и ИРЛИ:* Может быть, там найдется еще что-нибудь. *Далее в копии ИРЛИ:* Приписка рукою <С. П.> Шевырева: Из неизданных его сочинений у Шевырева уцелела «Развязка Ревизора», сцены, написанные им в честь М. С. Щепкина и присланная еще из заграницы.

^{IV} *Вместо:* Иное — *в копии РГАЛИ ошибочно:* И не

^V *Вместо:* мальчика — *в копии РГАЛИ ошибочно:* Мальгина

Впервые опубликовано: *Погодин М. П.* Кончина Гоголя // Москвитянин. 1852. № 5 (цензурное разрешение 4 марта; цензор. Д. С. Ржевский). Отд. VII. С. 47–50; текст на каждой странице обрамлен черной рамкой). Перепечатано: Литературный Вестник. 1902. Т. 3. Кн. 1. С. 128–130. Печатается по первой публикации, с дополнениями по рукописным копиям: *РГАЛИ*. Ф. 373. Погодин. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 1–7 (Погодин Михаил Петрович. «Кончина Гоголя». Статья. Имеются пометы А. П. Толстого, А. С. Хомякова, С. П. Шевырева. Машинописная копия с правкой и примечаниями Е. Владимирова); *ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 55. 14 л.

Некролог был собственноручно переписан П. А. Плетневым для В. А. Жуковского и отправлен ему в письме от 17 (29) марта 1852 г.: «Если бы я наверное знал, что Москвитянин нынешнего года посылается к вам, Василий Андреевич, то, конечно, не стал бы переписывать из него печатного известия о последних днях Гоголя» (*Плетнев П. А.* Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 733–738).

Имеются также сведения, что автограф статьи М. П. Погодина «Кончина Гоголя» хранился в коллекции известного собирателя книг и рукописей красноярского купца Геннадия Васильевича Юдина (1840–1912). В 1939 г. газета «Правда» сообщала: «КРАСНОЯРСК, 23 июня. (Корр. «Правды»). В старой России славилась библиотека красноярского библиофила купца Г. В. Юдина. <...> После Великой Октябрьской социалистической революции рукописные материалы юдинской библиотеки были переданы в краевое архивное управление. <...> Редакция журнала «Литературное наследство» обратилась в красноярский архив с просьбой составить описание рукописного фонда бывшей юдинской библиотеки. При разборе рукописных материалов найдено много интереснейших документов. <...> На днях найдена собственноручная рукопись Гоголя «Повесть о капитане Копейкине». Рукопись с цензурными пометками хранилась в бумагах литературного критика Погодина, библиотеку и архив которого после смерти критика купил Юдин. В этих же бумагах обнаружен оригинал написанного Погодиным некролога на смерть Гоголя» (10.000 ценных документов // *Правда*. 1939. 24 июня. № 173. С. 6). Г. П. Георгиевский тогда же комментировал это сообщение: ««Правда» от 24-го июня с. г. в № 173 (7858) сообщила о находке цензурного экземпляра «Повести о капитане Копейкине» в Красноярском краевом архивном управлении. <...> В 1852 году с этого экземпляра, с разрешения Погодина, снял копию профессор Н. С. Тихонравов, впоследствии редактор десятого издания сочинений Гоголя. В этом издании 1889 г., (том 3-й, 270–276 стр.) Тихонравов по своей копии напечатал текст, зачеркнутый цензором. Тихонравов самого экземпляра повести в это время не имел под рукою, очевидно, потому, что не нашел его: он где-то затерялся в письменном наследстве Погодина, а может быть был уже в Красноярске у Юдина» (*Георгиевский Г. П.* Еще автограф Гоголя // *РГБ*. Ф. 217. К. 2. Ед. хр. 7. Л. 1). В 1940 г. И. Чеканинский в свою очередь назвал в числе «случайно обнаруженных» в собрании Г. В. Юдина «подлинных документов» «один из первоначальных вариантов «Повести о капитане Копейкине», перечеркнутый цензором, с многочисленными карандашными поправками Гоголя; беловик опубликованного варианта, переписанный рукой писателя; подлинник письма Гоголя к Г. И. Спасскому и ответное письмо последнего...» (*Чеканинский И.* Библиотека, в которой работал В. И. Ленин // *Правда*. 1940. 23 апр., № 113. С. 3). Спустя некоторое время автограф первоначальной редакции «Повести о капитане Копейкине» — принадлежавший ранее М. П. Погодину и использованный (по изготовленному списку) П. А. Кулишом в 1857 г. при издании 4-го тома «Сочинений и писем Гоголя» (см. в наст. изд. примеч. 143 к «Воспоминаниям о Гоголе» П. В. Анненкова) и — также по списку — Н. С. Тихонравовым в 1889 г. при подготовке 3-го тома 10-го издания сочинений Гоголя — поступил в Главное архивное управление СССР в Москве (затем — в Центральный Государственный архив древних актов; см.: *Фейнберг И.* История одной рукописи // *Наш современник*. 1958. Кн. 1. С. 351). Этот автограф был использован при подготовке текста «Мертвых душ» для Полного академического собрания сочинений Гоголя (подготовленный для собрания текст впервые был опубликован в 1948 г. отдельным изданием; том собрания вышел в 1951 г.). Судьба «оригинала» погодинского некролога на смерть Гоголя остается неизвестной. (Подробнее о рукописях Гоголя, хранившихся в юдинской коллекции, см.: *Неизданный Гоголь*. Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2001. С. 431–433.)

Д. С. Ржевский, сообщая, что в другой статье М. П. Погодина — «Поминовение по Гоголю» (см. в наст. изд.) — он исключил некоторые места, писал автору: «За первую статью «Кончина Гоголя» я получил замечание, которое при свидании сообщу» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблюма // *Лит. наследство*. Т. 58. М., 1952. С. 764).

А. Ф. Писемский 20 марта 1852 года писал А. Н. Островскому из Костромы: «Последняя книжка Москвитянина до отвратительности пуста; но Погодинское известие о смерти Гоголя прекрасно — я его беспрестанно перечитываю и потихонечку плачу... Чорт знает что творится в Божьем мире: Галаховы цветут здоровьем, а Гоголи умирают, добро бы хмельем занимался, а то и того не было — нашему брату, например, не диво умереть рано, за тем, что с малолетства име-

ли к вину пристрастие. <...> Р. С. Купите, Бога ради, мне портрет Гоголя, если есть хороший – то самый лучший, а если нет, то какой есть, но, пожалуйста» (впервые опубликовано: Неизданные письма Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, А. Ф. Писемского и др. из архива А. Н. Островского / По материалам Гос. театрального музея им. А. А. Бахрушина подготовили к печати М. Д. Прыгунов, Ю. А. Бахрушин и Н. Л. Бродский. М.; Л.: Academia, 1932. С. 347. Печатается по изд.: *Писемский А. Ф.* Письма. Подготовка текста и коммент. М. К. Клемана и А. П. Могилянского. М.; Л., 1936. С. 49).

¹ 5 февраля 1852 г.

² Иоанн Диомидович Никольский, священник церкви Преподобного Саввы Освященного на Девичьем поле, духовник Гоголя.

³ 7 февраля 1852 г.

⁴ 9 февраля 1852 г.

⁵ С 11 февраля 1852 г.

⁶ 14 февраля 1852 г.

⁷ 18 февраля 1852 г.

⁸ 19 февраля 1852 г.

⁹ 20 февраля 1852 г.

¹⁰ 21 февраля 1852 г.

¹¹ 16 февраля 1852 г.

¹² 14 февраля 1852 г.

¹³ 10 февраля 1852 г.

¹⁴ В ночь с понедельника 11 февраля на вторник 12 февраля 1852 г.

¹⁵ Семена Григорьева.

¹⁶ 12 февраля 1852 г.

¹⁷ В ответ на это замечание графа А. П. Толстого М. П. Погодин 5 марта 1852 г. писал ему: «Я сам долго думал, почтенный граф Александр Петрович, о тех строках, кои остановили на себе Ваше внимание. Мне не хотелось внутренно помещать их. Но имеем ли мы право умолчать их? Они заключают черту важную, без коей историческое изображение неполно, след<овательно> не верно. Взвесьте это, и разрешите недоумение, прошу Вас.

Преданный М. Погодин.

5 марта.

В словах Назимова речь шла о письме (другого) Петерб<ургского> графа Толстого и о другом деле.

Я все еще как будто в лихорадке» (Письмо Н. В. Гоголя С. П. Апраксиной и переписка о Гоголе // Записки Отдела рукописей / Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина. Вып. 1. М., 1938. С. 34).

На обороте записки М. П. Погодина граф А. П. Толстой карандашом написал: «Я также в постели, почтеннейший Михаил Петрович, и очень слаб, так что больше обыкновенного еще сомневаюсь в том, что вчера ответил.

– По крайней мере оставьте послед<ние> строки о дей<ствии> лукавого. Это сказано было мне одному без свидет<елей>: я мог бы об этом никому не говорить и во всяком случае ни покойный, ни я не пожелал бы сказать это *всем*.

Публика не духовник и, впрочем, как ни старайся, а из последних дней никакого ясного вывода о покойном не делаешь. – Вот еще пример. – Послед<ние> строчки об действии лукавого портят всю трогательность рассказа о сожж<ении> бумаг.

Душевно преданный

гр<аф> А. Толстой.

Извините, пишу в постели» (Там же. С. 34). Окончательную редакцию настоящей записки см. в наст. изд. в разделе *Гоголь в письмах графа А. П. Толстого*.

¹⁸ 24 февраля 1852 г. Сообщение о смерти Гоголя впервые было напечатано в № 43 «Ведомостей Московской Городской Полиции» от 22 февраля 1852 г. (см. в наст. изд. <Некролог Гоголя в официальной части «Ведомостей Московской Городской Полиции» от 22 февраля 1852 г.>), а в № 47 «Ведомостей...» от 27 февраля 1852 г. была опубликована статья графини Е. П. Ростопчиной «Похороны Гоголя» (см. в наст. изд.). Кроме того, сообщение о кончине Гоголя появилось в № 24 «Московских ведомостей» от 23 февраля 1852 г. (см. в наст. изд. <Некролог Гоголю> М. Н. Катко-

ва), о похоронах — в № 25 от 26 февраля (см. в наст. изд. коммент. к письму М. И. Гоголь А. А. Трощинскому от 29 марта 1852 г.).

¹⁹ См. в наст. изд. раздел «Документы Московской городской полиции и Московского надворного суда о кончине Гоголя».

М. П. Погодин — М. И. Гоголь

<9 марта 1852. Москва>

Вы уже знаете, добр<ая> Мар<ия> Ив<ановна> о вашей, или лучше сказать, о нашей общей утрате. До сих пор никто опомниться не может, после неожиданного удара. Богу так угодно. Что с ним вдруг сделалось, никто понять не может. В четверг¹ на масляной вечером он был у меня, в субботу² у Хомякова, а с первой недели³ он был уже безнадежной и все говорил <1 нрзб.>. Я узнал об его болезни уже в понедельник⁴ на второй неделе, собравшись ехать в Суздаль, по Высочайшему повелению. Вечер и вторник⁵ пробыл при нем, и привез на ночь Елизавету Фоминичну¹. В этот день он выпил две чаши бульону и тем подал надежду. В среду⁶ на ночь также оставалась при нем Елиз<авета> Фом<инишна>, при которой он и скончался без четверти в 8 часов утра⁷. Посылаю вам 2 странички, орошенные общими слезами¹¹, кои написал я в память о незабвенном. Похороны описал<а> графиня<ня> Ростопчина⁸. Вся Москва, говорят, была, несли на руках профессоры и студенты до кладбища. Ему все были родные. Бог дал вам сокровище, — и отнял, покоритесь с верою Его воле. Напишите мне хоть два слова о себе. Надо же было случиться, что ни я, ни Шевырев не были при его кончине и на погребении. Шевырев лежал больной, а я был увезен в Суздаль, за три дня, т. е. во вторник⁹. — В следующий раз напишу вам больше, а теперь не могу.

Касательно его сочинений, вам надо наслатъ доверенность Шевыреву за подписью вашу и закончить издание, начатое при покойнике, вести расход и приход и отдать отчет вам, Шевырев, разумеется, будет рад оказать вам эту услугу в память о друге, тем более, что и сам покойник поручил ему то и половина уже кончена.

Прощайте, добрая Мария Ивановна, возложите упование на Бога, как возлагал и покойник. Плачьте, но не отчаивайтесь. Если вам случаться какая нужда, обращайтесь без всяких околичностей к нам. Мы все рады будем исполнить сыновний долг за вашего и нашего незабвенного.

Март 9.

Впервые опубликовано, с неточностями, по копии: *Материалы и исследования*. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 188–189. Печатается по указанной копии: *РГБ*. Ф. 74. К. 7. Ед. хр. 10. Л. 4.

¹ 7 февраля 1852 г.

² 9 февраля 1852 г.

³ С 11 февраля 1852 г.

⁴ 18 февраля 1852 г.

⁵ 19 февраля 1852 г.

⁶ 20 февраля 1852 г.

⁷ 21 февраля 1852 г.

⁸ См. в наст. изд. статью графини Е. П. Ростопчиной «Похороны Гоголя».

⁹ 19 февраля 1852 г.

¹ Далее в копии примечание в скобках: (его <т. е. М. П. Погодина> теща)

¹¹ Вы прочтете их в Москвитяине. — *Примеч. М. П. Погодина*.

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина
1852 г. (март — апрель)

14 <марта>. <...> Мировое письмо от Аксакова, и я тому очень рад. <...>

15. <...> Заезж<ал> к Акс<аковым>. <...>

19–22. <...> Приятное письмо от Смирновой, по поводу статьи о Гоголе¹. <...>

26, 25, 24, 23. Говел, молился иногда с усердием. Дум<ал> подчас с грустью о своих неудачах и тесных обстоятельствах, а подчас и обижался. Надо же уметь бороться с ними. Толстой привез благоволение. Вот то и награда. Но я скоро забыл свое честолюбие. <...>

27. Приобщался Св. Таин, со слезами, но минуты причастия все проходят не так, как бы следовало. <...>

29. <...> Мировое письмо от Самарина, которое доставило большое удовольствие. А ведь действительно в смерти Гоголя что-то примиряющее и любовное. <...>

30. Светлый Праздник. В церкви. <...> Написал мировое Бодян<кому> и Снег<иреву> <...>

31. К Хом<якову>, и с ним в Данил<ов>. — Тронут. — Отдал зап<иску> С<нрзб.> и хоть бы с словом подошел после. — Как умен и любезен Хомяк<ов>. — Много толковал с ним. — С Ел<агиной> и пр.

Апрель. <...> 9. <...> Глупое письмо от груб<ого> Бодян<ского>. <...>

Публикуется впервые по автографу: *Погодин М. П. Дневник. 1846–1852 // РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 34. Ед. хр. 1. Л. 79 об., 80.*

¹ См. в наст. изд. письмо А. О. Смирновой к М. П. Погодину от середины марта 1852 г.

М. П. Погодин

Московские известия.
Поминовение по Гоголе
(Отрывок из письма в Петербург <к А. О. Смирновой>)

...А вот я пишу к Вам и еще. Вчера, в сороковой день¹, отслужили мы заупокойную обедню и панихиду на могиле Гоголя. Случалось ли когда-нибудь Вам слышать их на Святой неделе? Выше, глубже, сильнее, умильнее, торжественнее этого священнослужения я не знаю ничего. Молитвы об усопшем сменяются или, лучше, прерываются беспрестанно песнями Воскресения...

Никакими словами нельзя передать ощущения этих удивительных славословий, полных силы, восторга, увлечения, звучащих из гроба, из ада, с неба и со всех концов земли.

Из церкви благоговейной толпою мы вышли на могилу — могила вся в цветах: яркие, свежие, веселые, прекрасные, распускались они и благоухали среди молодой зелени, а вокруг снег, лед и зима! Опять знамена жизни, этой вечной победительницы над временным и случайным врагом своим смертью.

По окончании панихиды началась трапеза. Внизу приготовлен был стол для нищей братии. Вверху, село нас за другой стол человек пятьдесят. Прежде всего прочтено было письмо Гоголя², последнее из всего того, что он напечатал: о празднике светлого Христова Воскресения в России. Можете себе представить, какую силу получило каждое его слово, само по себе сильное, теперь послышавшееся из могилы, скрепленное великой печатью смерти — и бессмертия.

Кто задумался, кто умилился, кто унесся мыслию в прошедшее, кто в настоящее, кто в будущее, о себе, об отечестве, о человечестве, все плакали.

А эти черты художника, комического писателя, эти судороги смеха, которые невольно, насильно среди высоких и глубоких размышлений, вырывались из его груди, стесненной даже до смерти, они возбуждали грустное чувство другого рода...

Начали говорить о надгробном памятнике, о надписях... Она получила полное одобрение, выражая верно жизнь покойника: Из пророка Иеремии, гл. 8, ст. 20: «Горьким моим словом помяуся».

После трапезы, по обычаю, принесена была так называемая заупокойная чаша. Архимандрит³ произнес молитву, мы взяли стаканы, гласы надгробные и воскресные раздалась снова. По странному случаю, певчие ошибались беспрестанно; вместо воскресной песни заводили надгробную, потом, вдруг, вспомнив порядок, останавливались на середине стиха, начинали вновь другим напевом вопиять вместо смерти о жизни, потом опять вместо жизни о смерти, с новыми ошибками, и эти ошибки и это смешение было лучше всякой правильности! Не жизнь ли есть смерть, и не смерть ли есть жизнь!

Вот как помянули мы нашего Гоголя. Прибавлю еще, — и может быть здесь-то заключается самая лучшая, самая приятная жертва его памяти, — какое-то расположение к миру примечается у нас везде по его кончине. Люди враждовавшие, не расположенные или недовольные между собою, между его знакомыми, подают, не друг другу, а недруг недругу, руку, забывают взаимные обиды. Доказательство, самое убедительное и сильное, что в основании его сочинений и действий была любовь, которая теперь магически разливается и сообщается. Дай Бог, чтоб это святое чувство сохранялось и умножалось во всех везде, и всегда.

Р. С. И за мысль об этом поминовении и за исполнение ее мы обязаны Шевыреву.

Впервые опубликовано: <Погодин М. П.> М. П. Московские известия. Поминовение по Гоголю. (Отрывок из письма в Петербург) // Москвитинин. 1852. № 8 (цензурное разрешение 15 апр.). Отд. VII. С. 139–140. Печатается по первой публикации.

9 апреля 1852 г. П. А. Плетнев писал В. А. Жуковскому: «В ожидании ответа на мое письмо, в котором отправил я к вам, Василий Андреевич, статью Погодина о последних днях Гоголя, препровождаю того же автора описание поминовения Московских друзей наших, совершенное над покойником, по русскому обычаю в сороковой день. Это описание Погодин прислал к А. О. Смирновой, а она мне поручила отправить его к вам» (Плетнев П. А. Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 738).

Месяцем ранее М. П. Погодин опубликовал также статью племянника Гоголя Н. П. Трушковского: *Н. Трушковский*. Диканька. (Из путевых записок) // Москвитинин. 1852. № 6 (цензурное разрешение 15 марта). Отд. VII. С. 67–74. См. в наст. изд.

Отклик С. П. Шевырева на статью М. П. Погодина см. в наст. изд. в письме С. П. Шевырева к М. П. Погодину от 20 мая 1852 г.

¹ 31 марта 1852 г.

² Статья «Светлое Воскресенье».

³ Архимандрит Пармен (Соколов) (ум. в 1855), настоятель Свято-Даниловского монастыря с 1848 г.

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1852 г. (апрель — декабрь)

24 <апреля>. <...> К Ел<агиной>. — Известие о смерти Жуковс<кого>. Что за черной год! Плакали. <...>

Май. <...> 16. Вечер у Назимова. Слушать Литургию Гоголя. Нет — слабо, хоть и есть несколько прекрасных мест. Ш<е>в<ырев> читал впопряд все с амфазом. <...>

20. <...> Ужин<ал> у имени<ника> Хомяк<ова>, и слушал Записки Гоголя¹. Все кажется у него недоношенным. — Может быть, это сознание и замучало его. А замышлял много. Это был художник и христианин (может быть и искусственный), которых хотел помирить малороссиянин. — Жаль, что язык знал нетвердо. <...>

Июль. <...> 21. <...> К Акс<аковым>. — Вечером Ольга Семен<овна>² у нас о Гоголе и Загоскине. Потом Данилевский. — Уж не ездил ли он за статьями Гоголев<ой> матери. <...>

29. <...> Проведать Шевырева. <...>

Август. <...> 2. <...> К Дав<ыдову>³ и Шев<ыреву>. <...>

16. <...> Филип<пов>⁴, рассказы о Ржеве и <1 нрзб.>, об отце Матвее и <фамилия нрзб.>. <...>

18. <...> Оскорбительное и нелепое письмо от Шев<ырева>⁵, который сильно взволновался по поводу помещения сочинений Гоголевских. <...>

20. <...> ...Трушков<ский> привез вещи Гоголя от матери. Читал его письма к матери. <...>

22. <...> План ехать в Тверь <...> в монастыри <...>, в Ржев послушать отца Матвея... <...>

24. <...> Трушковской. <...>

Сентябрь. <...> 26. <...> Был у меня отец Матвей. Беседа. Христианин. Простота и искренность. Обедали. <...>

29. <...> Благодатной вечер у Отца Матвея, о котором после. <...>

Декабрь. <...> 17. <...> О Гоголе<вских> [историч<еских>] статьях с матерью и Шев<ыревым>. <...>

Публикуется впервые по автографу: Погодин М. П. Дневник. 1846–1852 // РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 34. Ед. хр. 1. Л. 81, 82, 84, 84 об., 85 об., 85, 87, 88 об.

Среди недатированных записей на последних листах записной книги М. П. Погодина 1846–1852 гг. имеется еще ряд упоминаний о Гоголе: «Что я могу продать: <...> Ревизор» (Погодин М. П. Дневник. 1846–1852 // РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 34. Ед. хр. 1. Л. 97); «Москва 1848 <...> [Мерт<вые>] Письмо Гого<ля>» (Там же. Л. 97 об.); «[Разбор Мертвых Душ]» (Там же. Л. 97 об.); «Гоголь» (Л. 100); «Гоголь» (Л. 101).

¹ Речь идет об «Авторской исповеди».

² Аксакова.

³ Иван Иванович Давыдов (1794–1863), писатель, педагог.

⁴ Тертый Иванович Филиппов (1825–1899), сенатор, публицист, историк.

⁵ См. в наст. изд. письмо С. П. Шевырева к М. П. Погодину от 17 августа 1852 г.

М. П. Погодин

Мелочи

Мелочи. <...> Другая не менее интересная новость — бюст Гоголя, исполненный известным скульптором, академиком Н. А. Рамазановым. Это новое произведение нашего художника вполне достойно его истинного таланта. Голова бюста наклонена к плечу, или, лучше сказать, поникла на грудь, что, некоторым образом, придает задумчивость и мысль физиономии великого писателя, и вместе с тем выражает его племенной оттенок, как малороссиянина.

Много художественного такта можно заметить в положении, постановке частей бюста и игре линий лица. Несмотря на то, что искусство ваяния, по сущности своей, лишено того важного средства выражения, чем владеет живопись, именно — глаза, в которых внешним образом выражается внутренняя физиономия — душа человека, наш даровитый художник постановкою

бюста, положением частей его, игрою линий, тонкостью отделки в частях и целом, и полной их гармонией, умел выразить не только дагерротипную верность и сходство форм и черт лица Гоголя, но и эту, по-видимому, неуловимую, неопределенно проявляющуюся душу, которая сквозит в чертах человека, и определительно понимается только художником. Эта внутренняя физиономия Гоголя и передана со всею артистическою точностию Н. А. Рамазановым.

Главным материалом для воспроизведения бюста служила художнику необыкновенно верная маска, снятая им же с Гоголя в первый день его кончины. Художник знал лично покойного поэта и в памяти своей запечатлел незабвенные черты его. Кроме того, для своих технических соображений, при изваянии бюста, имел он пред собою портрет, написанный с Гоголя в Италии живописцем Ивановым, принадлежащий М. П. Погодину. Гоголь, несколько лет тому назад, когда жил в Италии, как говорят, вполне был схож с этим портретом; но в последнее время, вероятно, вследствие болезни, его физиономия несколько изменилась. Оттого-то бюст Гоголя, изваянный Н. А. Рамазановым, всякому, видевшему Гоголя, покажется более схожим и верным, чем все портреты, каким он и есть в действительности.

Маска, снятая с Гоголя уже известна московской публике, и публика, надеемся, будет ждать с нетерпением объявления в Московских газетах о выпуске в продажу *бюста Гоголя*, чтобы поспешить приобрести его¹.

Впервые опубликовано: <Погодин М. П.> Мелочи // Москвитянин. 1852. № 8 (цензурное разрешение 15 апр.). Отд. VIII. С. 149. Печатается по первой публикации.

¹ Позднее М. П. Погодин сообщал: «На лотках носят в Москве бюстик, очень несхожий, Гоголя: он не имеет ничего общего с произведением Н. А. Рамазанова, на которое принимается подписка» (Смесь // Москвитянин. 1852. № 11 (Июнь. Кн. 1 <цензурное разрешение нач. июня>). Отд. VIII. С. 61).

М. П. Погодин

Ответы г. Булгарину

Г. Булгарин написал две статьи против меня. Считаю нужным отвечать на его обвинения.

Первая статья (№ 78) относится к стихам г. Кукольника о древней России¹. <...>

Вторая статья г. Булгарина относится к покойному Гоголю². Тяжело говорить о неостывшем еще прахе, но нельзя и прейти молчанием обвинений г. Булгарина; нельзя тем более, что в обществе нашем мало еще установились мысли об искусстве, и мнение газеты имеет свой ход и значение. По крайней мере постараюсь говорить как можно короче.

Г. Булгарин обвиняет Гоголя, зачем он не изобразил нам добродетельных людей.

По моему мнению искать и требовать добродетельных людей от комедии и сатиры есть то же, что жаловаться, зачем в больнице нет здоровых, а одни только чахоточные и расслабленные. Здоровым в больнице нет места, точно как идеалам добродетели в комедии и сатире. Фон-Визин представил нам самое разительное доказательство, как неуместны там Стародумы и Правдины, которые наводят только скуку и мешают впечатлению целой его комедии. Для прославления добродетели есть другие живописцы, кроме комиков и сатириков. Впрочем, возбуждать отвращение к пороку разве важно меньше возбуждения любви к добродетели, — замечу я старой апофегмой г. Булгарину. <...>

Наконец г. Булгарин обвиняет меня за черную каемку, в коей напечатано скорбное известие о кончине Гоголя, и коей не было при известиях о кончине Державина и Карамзина. Отвечаю, что во время Державина и Карамзина не было такого обыкновения, но что впоследствии многие подобные известия печатались таким образом.

Впервые опубликовано: *Погодин М. П. Ответы г. Булгарину // Москвитянин. 1852. № 11 (Июнь. Кн. 1 <цензурное разрешение дано в нач. июня>). Отд. VIII. С. 57–60. Печатается по первой публикации.*

А. О. Смирнова, которой М. П. Погодин отправил статью, советовала ему не печатать «ответ» Ф. В. Булгарину по поводу Гоголя (см. в наст. изд. письмо А. О. Смирновой М. П. Погодину от конца апреля 1852 г.). Погодин, помимо своей статьи, в том же номере журнала поместил также «Письмо из Херсона» с возражениями Ф. В. Булгарину В. Негрескула. Последний писал: «Державин, Пушкин, два самые яркие светила отечественной поэзии, охарактеризовали себя в своих “памятниках”. Вот дальновидно-меткое, беспристрастное слово Гоголя о самом себе:

“Не таков удел, и другая судьба писателя, дерзнувшего вызвать наружу <...> страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь <...> ему не избежать <...> от <...> лицемерно-бесчувственного современного суда, который назовет ничтожными и низкими им лелеянные создания, ответит ему презренный угол в ряду писателей, оскорбляющих человечество, придаст ему качества им же изображенных героев, отнимет от него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта <...> ибо не признаёт современный суд, что высокий восторженный смех достоин стать рядом с высоким лирическим движением и что целая пропасть между ним и кривляньем балаганного скомороха! Не признаёт сего современный суд и все обратит в упрек и поношение непризнанному писателю”.

Не прошло двух месяцев, и вещее слово поэта сбывается: я говорю о статье Северной Пчелы № 87.

“Мы всегда говорили одно, что Н. В. Гоголь был приятный рассказчик, умел смешить, забавлять своими карикатурами, и только. Гоголь веселый малороссийский рассказчик, забавник, карикатурист, писавший по несчастью не с натуры, и плохим русским языком... Беспоместная малороссийская шляхта, упражняющаяся в ябедничестве, послужила ему образцом для изображения русского дворянства в Ревизоре, в котором нет ни одной картины, писанной с натуры... Мертвые души — сказка, которая названа по внушению друзей поэмой (это наименование верх смешного) и пр. Во всех повестях и рассказах г. Гоголя — одни рисунки и то карандашом, т. е. рассказы, *без мысли и чувствований*... Вздрогнуло ли хоть раз ваше сердце от полноты чувств при трогательной, нежной, великодушной, благородной сцене в сочинениях Гоголя? Только одни жартики, одни карикатуры. Повторяю: талант г-на Гоголя: искусство рассказывать, подбирать смешное, хотя бы и неизящное, и группировать свои карикатуры в повествованиях без завязки, без развязки, и без конца, все кажется отрывочным и проч.”

Грустно, грустно встретиться с подобными статьями!.. Не возражение вызывают они, одно лишь сострадание к близорукости, или же умышленному непониманию: есть ли хоть слово правды в выписанных строках?...» (*Негрескул В. Письмо из Херсона // Москвитянин. 1852. № 11 (Июнь. Кн. 1 <цензурное разрешение получено в начале июня>). Отд. VII. С. 117–118.*)

¹ <Булгарин Ф. В.> Заметки, выписки и корреспонденция Ф. Б. // Северная Пчела. 1852. 9 апр. № 78. С. 309–310.

² <Булгарин Ф. В.> Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1852. 19 апр. № 87. С. 345–346. См. также в наст. изд. раздел «Ф. В. Булгарин о Гоголе».

Прощальный обед М. С. Щепкину

Трудно найти человека, который бы имел столько людей, к себе расположенных и приверженных, как Михаил Семенович Щепкин. <...> Некоторым из московских его почитателей вздумалось пригласить его к себе на обед, пред отъездом за границу <...> В два дня явилось до семидесяти охотников участвовать в задуманном празднике, и 10 мая, в саду, на Девичьем поле, назначен был обед. <...> В четыре часа в воскресенье собрались гости. <...> Михайло Семенович сидел между Садовским и Островским, двумя исполняющимися надеждами русской комедии. Когда налиты были бокалы шампанского, М. П. Погодин произнес следующее:

«Милостивые государи! Несколько лет сряду, в этом самом саду, в этот почти день и час собирались мы обыкновенно к незабвенному нашему Гоголю — праздновать его именины¹. Это был самый дорогой для него день, о котором он любил заранее хлопотать, советоваться, — уст-

раивать. В последний раз¹, вы помните, — это так недавно, сидел он здесь на краю, облокотясь на стол, задумчивый и молчаливый, — как будто предвидел близкий свой конец. <...> Не могу не вспомнить об нем при этом случае по многим причинам... <...> Гоголь сам обязан был многим Щепкину. Не говорю об их с лишком двадцатилетней близкой, короткой связи, не говорю об их частых беседах, исключительно посвященных драматическому искусству и русской жизни, не говорю о веселых, живых и умных рассказах Щепкина, которые часто встречаются в сочинениях Гоголя, — но тот смех, который Щепкин возбуждал в Гоголе, еще молодом человеке, выступавшем на поприще, не был ли задатком того смеха, каким после наделил нас Гоголь с таким избытком? Выводя на сцену многие действующие лица, Гоголь не имел ли в виду Щепкина?.. Могу подтвердить это и примером: Щепкин имел такое влияние на Гоголя, какое в младшем поколении Садовский своею простотою, своею натурою, и даже, своею особою, имеет на Островского.

Вот еще два имени пришлось к слову. Но это не случайность. В истории, в развитии нашей комедии, комической игры, они все четверо составляют органическое целое. Начинаящий утешать нас блистательными своими дебютами Островский получил в наследство много указаний от Гоголя, а Садовский не меньше обязан примеру и началу Щепкина. Щепкин же — между ними старший. <...>. <...>

Впервые опубликовано: Прощальный обед М. С. Щепкину // Москвитянин. 1853. № 10 (цензурное разрешение 14 мая). Отд. VII. С. 43–45. Печатается по первой публикации, с дополнением по автографу М. П. Погодина: РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 23. Ед. хр. 45.

¹ 9 мая 1840, 1842, 1849, 1850 г.

² См. в наст. изд. коммент. к письму М. С. Щепкина И. И. Сосницкому от 28 апреля 1836 г.

М. П. Погодин

<Набросок воспоминаний о Гоголе>

31 авг<уста 1855. Москва>.

Я узнал Гоголя тогда-то¹.

Первые письма² и отнош<ения>.

Свидание в Петерб<урге> и чтение³. В гостин<ице> Серапина у Обух<овского> моста, где я стоял с Перевоши<ковым>⁴.

Письмо в Москву — напечатан<ное> в Наблюдателе, где я назвал его звездою⁵.

Переписка об Истор<ии> и проч.

Письмо о смерти Пушкина, 1837 г. Ты у нас остался и проч.⁶

С тех пор я ходил за ним, как нянька.

Всяческая помощь, и от себя и от других.

1839 г. в Риме вместе жили⁷. Первые впечатления отрицат<ельные>.

— В Мариенбаде ходил за ним и Иноз<емцевым>. —хлопоты. Он чит<ал> отрывки из Мертв<ых> душ и уверял, что при жизни они не будут напечатаны.

Из Вены привез его в Росс<ию>. Жил у меня. Сестры. Мать.

1841. Я начал издав<ать> журн<ал>. Хладнокров<ие> его произв<одило> во мне про<тив><ное> впечатл<ение>. Начал подозр<евать> эгоизм.

1842. Он приехал. Почти уверен, что я не спрашивал у него статью⁸. Может быть, другие говорили. Он вызвался сам, и я спрашив<ал> при истечении им назначенных сроков. Упре-

¹ В автографе после слов: В последний раз — далее написано: полтора года тому назад

ка<л> его сильно в холодности, эгоизме, гордости. Помню сильнейшую сцену при Трофимовск<ом>⁹. Я считал себя его каким-то ментором, столько был уверен в неограничен<ной> ко мне доверен<ности> за мои дела, что [эти упреки] считал себя в праве, и был уверен, что эти упреки, хотя и горькие¹, не переменят наших отношен<ий>, тверд<ых> отношен<ий>; а он в это время меня уже презирал, и злобился, и показывал презрение. Ничего этого я не замечал. Каково же было ему слышать упреки от презируемого человека¹¹. Были минуты, в котор<ые> он видел мою душу — и минуты, смею сказать, которые должны были возбудить уважение даже в незнак<омом> человеке (письмо к <фамилия нрзб.> в университет> для <1 нрзб.>).

Его холодность, беспереры<вая> ложь, уещанье знатных, меня сердили.

Причем не <1 нрзб.>, где он <1 нрзб.> от денег, и причем из <1 нрзб.>. Слухи, что он был у Краевс<кого>, посылал к Белинск<ому>¹⁰.

Толков<ал> о мелоч<ах>, мимо меня, печатание. Посредн<ики>, клиенты, мимо меня¹¹. Наконец, на мои стр<оки> о напечат<ании> вместо объявл<ения> главы не получил <согласия>¹². Я даже имел право.

Я рассерди<лся>, а через месяцев 8, кажется, написал к нему письмо после случая накануне: ты мне был противен, но вчера... И я готов¹³.

До портрета¹⁴ же я не подозревал его злобы и презрения. Притом письмо, им написан<ное> к Лизе, о дружбе и любви и проч.¹⁵ — Не могу теперь разобраться, отвечал ли он¹⁶.

Мое несчастье. Письмо его, которое я, переламывая себя, читал врачам¹⁷. Просил его, и ответа¹⁸ не получил на просьбу.

Является его книга, где он дал мне пощечину¹⁸. Я многим писал, Акс<акову> и Шев<ыреву>, кажется. Переписка по поводу книги. Надо справиться в моих письм<ах>. Его раская<ние>¹⁹ и проч.

Я попал ему прямо в сердце, кажется, оттого и злоба, хоть закрытая, может быть, ему самому неизвестная. После он раскаялся, но все то же тайлось. Пишу это теперь на память, но все надо сообразить и обдумать.

Впервые опубликовано, с пропусками: Фридендер Г. Заметка М. П. Погодина о Гоголе // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 793–794. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 19.

Написано, вероятно, в 1855 г. Весной этого года в Москве проездом из Малороссии в Петербург побывал П. А. Кулиш. Одной из целей его визита в Москву было обращение за материалами для биографии Гоголя к Погодину. 21–22 марта 1855 г., будучи в Москве, Кулиш сообщил жене: «Работа моя подвинулась далеко вперед, так что я начал понемногу бить баклуши, как ты это видишь из моих разъездов по Москве. <...> Был у Погодина. Погодин раздобылся и не только дал мне за пять лет “Москвитянин”, но обещал сообщить письма к нему Гоголя и даже написать для меня свои воспоминания о нем» (Пантелеймон Кулиш. Листи до М. Д. Білозерского. Упорядковання, вступна стаття й коментарі О. Федорука. Львів; Нью-Йорк, 1997. С. 206–207). По приезде в Петербург Кулиш в письме от 2 апреля 1855 г. извещал Н. Д. Белозерского: «Погодин сообщил мне часть писем к нему Гоголя, а остальные, по мере переписки, обещал прислать сюда. Вызывается даже написать записки» (Пантелеймон Кулиш. Листи до М. Д. Білозерского. С. 121; см. также: Шенрок В. И. П. А. Кулиш. Биографический очерк. Киев, 1901. С. 100). В январе 1856 г. сорок девять писем Гоголя к М. П. и Е. В. Погодиным (47 и 2) 1832–1841 гг. опубликовал сам Погодин в «Москвитянин»: <Погодин М. П.> Письма Гоголя. К М. П. Погодину // Москвитянин. 1855. № 19 и 20. Октябрь (цензурное разрешение 19 янв. 1856). Кн. 1 и 2. С. 1–56. Публикацию Погодин сопроводил примечанием: «Не думал я печатать так скоро этих писем, но вышедшая биография Гоголя (Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Соч. Николая М. <П. А. Кулиша>. СПб., 1854. — И. В.) представляет без них такие

¹ хотя и горькие *вписано*.

¹¹ *Фраза*: Каково же было ему слышать упреки от презируемого человека — *вписано*. *Рядом на полях вписано и зачеркнуто*: К Лизе он писал все вре<мя> о дружбе

¹³ *В автографе ошибочно*: и в ответ

проблемы, что оставлять их в неизвестности сделалось непозволительным. Автор <П. А. Кулиш> просил их после у меня, чтоб воспользоваться ими для второго издания. Г<-н> Тр<ушковский>, племянник покойного, объявил также о намерении своем издать письма Гоголя, и просил о доставлении моих писем для помещения в полное его собрание. Я рассудил напечатать их особо в журнале: биограф возьмет из них, что ему нужно для его цели, а издатель полного собрания распределит по хронологическому порядку соответственно прочим. Здесь же они явятся в своей особой совокупности, и в этом отношении представят занимательность другого рода. М. П<огодин>» (С. 1). Вероятно, с указанным Кулишом весной 1855 г. намерением Погодина написать «воспоминания» или «записки» о Гоголе, а также с публикацией Погодина писем к нему Гоголя в октябрьском номере «Москвитянина» за 1855 г. (вышедшем с трехмесячным опозданием) и связан датированный 31 августа набросок.

¹ Погодин познакомился с Гоголем около 30 июня 1832 г., по приезде Гоголя в Москву. До этого, в 1829 г., Гоголь отправил Погодину свою идилию «Ганц Кюхельгартен», о чем свидетельствует дарственная надпись Гоголя на экземпляре книги: «Михаилу Петровичу Погодину от Издателя».

² Лета 1832 — начала 1835 гг.

³ В период после 20 февраля до 11 марта 1835 г. См. в наст. изд. «Письмо из Петербурга» М. П. Погодина.

⁴ Дмитрий Матвеевич Перевощиков (1788—1880), математик и астроном.

⁵ Имеется в виду «Письмо из Петербурга» (1835) М. П. Погодина (см. в наст. изд.).

⁶ Письмо М. П. Погодина, на которое Гоголь отвечал 30 марта (н. ст.) 1837 г. из Рима, не сохранилось.

⁷ Погодин пробыл в Риме вместе с Гоголем с 8 марта по 9 апреля (н. ст.) 1839 г. См. в наст. изд. разделы *Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2); Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2).*

⁸ В ноябре—декабре 1841 г. М. П. Погодин писал Гоголю: «Я устраиваю теперь вторую книжку <«Москвитянина»> Будет ли от тебя что для нее?». На эту записку Гоголь тогда же отвечал: «Ничего». Однако после авторского чтения незавершенной повести «Рим» 19 февраля 1842 г. на вечеру у князя Д. В. Голицына Гоголь обещал эту повесть Погодину для публикации в третьем номере журнала (см. в наст. изд. коммент. к письмам С. П. Шевырева к М. П. Погодину от 4 и 25 февраля 1842 г.). 13 марта 1842 г. Гоголь сообщил Н. Я. Прокоповичу: «В «Москвитянине» не повесть моя, а небольшой отрывок. <...> Это единственная вещь, которая у меня была годная для журнала. Погодину я должен был дать что-нибудь, потому что он для меня много делал». См. также в наст. изд. коммент. к письму М. П. Погодина М. А. Максимовичу от 28 марта — 7 апреля 1840 г.

⁹ Вероятно, при Н. М. Трахимовском, внуке врача М. Я. Трохимовского.

¹⁰ Между 1 и 7 января 1842 г. Гоголь встретился с В. Г. Белинским, чтобы передать ему для Петербургского цензурного комитета рукопись первого тома «Мертвых душ». См., в частности, в наст. изд. раздел «Книга для записей рукописей и книг Московского цензурного комитета».

¹¹ Имеются в виду хлопоты Гоголя, связанные с изданием «Мертвых душ».

¹² Отказ Гоголя опубликовать в «Москвитянине» вместо объявления о выходе «Мертвых душ» главу из поэмы см. в его письме к М. П. Погодину от второй половины апреля (до 28 числа) 1842 г.

¹³ Имеется в виду письмо М. П. Погодина к Гоголю от 12/24 сентября 1843 г.

¹⁴ Речь идет о публикации М. П. Погодиным без ведома Гоголя его портрета в № 11 «Москвитянина» за 1843 г. (см. в наст. изд. коммент. к письму Н. М. Языкова к родным от 27 октября 1844 г.).

¹⁵ Письмо Гоголя к жене Погодина, Елизавете Васильевне, от 4 июня 1842 г. из Петербурга.

¹⁶ На письмо М. П. Погодина к Гоголю от 12/24 сентября 1843 г. Гоголь отвечал около 2 ноября (н. ст.) 1843 г. из Дюссельдорфа, однако это послание осталось неизвестным Погодину, так как С. Т. Аксаков и С. П. Шевырев решили не передавать его адресату (см. письма С. Т. Аксакова к Гоголю от ноября—декабря 1843 г., Гоголя к С. П. Шевыреву от 2 февраля (н. ст.) 1844 г., а также в наст. изд. «Историю нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.>» С. Т. Аксакова).

¹⁷ Письмо от 20 декабря (н. ст.) 1844 г. из Франкфурта, вызванное известием о смерти первой жены Погодина Елизаветы Васильевны (рожд. Вагнер).

¹⁸ Имеется в виду статья из «Выбранных мест из переписки с друзьями» «О том, что такое слово» с резко критической характеристикой М. П. Погодина.

¹⁹ Гоголь собирался написать статью «О достоинстве сочинений <и> литературных трудов Погодина» (см. его письмо к С. П. Шевыреву от 27 апреля (н. ст.) 1847 г.), однако не исполнил своего намерения.

М. П. Погодин — М. А. Максимовичу

19 мая (1871).

<...> Тебе понравился «Святослав». Он напечатан был еще в 1845 году, и Гоголь был им очень доволен. <...>

Впервые опубликовано: *Пономарев С. И.* Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. СПб., 1882. С. 123; см. также: Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. С пояснениями С. И. Пономарева // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1882. Т. 31. № 2. <Отд. 3>. С. 123. Печатается по первой публикации.

Е. Ф. Вагнер — М. П. Погодину

<21 февраля 1852. Москва>

Спешу передать вам горестное известие: сего утра в 8 часов наш добрый Николай Васильевич скончался, был все без памяти, немного бредил, по-видимому, он не страдал, ночь всю был тих, только дышал тяжело; к утру дыхание сделалось реже и реже, и он как будто уснул, болезнь его обратилась в тифус; я у него провела две ночи¹, и при мне он скончался. В воскресенье² будут похороны; и как жаль, что вас здесь нет, я поеду на похороны. Накануне смерти у Н. В. Гоголя был консилиум; его сажали в ванну, на голову лили холодную воду, облепили горчишниками, к носу ставили пиявки, на спину мушку³, и все было без пользы; очень жаль, что вас здесь нет. — Как-то вы доехали? говорят, дороги очень дурны. Прощайте, любезнейший Михаил Петрович, писать более не о чем и не могу, так меня это горе расстроило. Христос с вами.

Впервые опубликовано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Кн. 11. С. 535–536. Печатается по первой публикации.

Елизавета Фоминична Вагнер, теща М. П. Погодина.

¹ С 19 на 20 и с 20 на 21 февраля 1852 г. См. в наст. изд. письмо М. П. Погодина к М. И. Гоголю 9 марта 1852 г.

² 24 февраля 1852 г.

³ Об этом лечении см. также в наст. изд. в мемуарах фельдшера А. В. Зайцева «Из воспоминаний очевидца о смерти Н. В. Гоголя».

Гоголь в воспоминаниях Д. М. Погодина

Д. М. Погодин

Пребывание Н. В. Гоголя в доме моего отца

Незабвенный Николай Васильевич Гоголь переселился к нам на Девичье поле прямо из знойной Италии. Он был изнежен южным солнцем, ему была нужна особенная теплота, даже зной; а у нас кстати случилась, над громадной залой с хорами, большая, светлая комната, с двумя окнами и балконом к восходу солнца, царившего над комнатой в летнее время с 3-х часов утра до 3-х пополудни. Хотя наш дом, принадлежавший раньше князю Щербатову, и был построен на большую ногу, но уже потому, что комната приходилась почти в третьем этаже, она была, относительно своей величины, низка, а железная крыша также способствовала ее нагреванию. Я распространяюсь об этом ничтожном для других обстоятельстве на том основании, что для Николая Васильевича это было важно; после итальянского зноя наш русский май не очень-то приятен; а потому наша комната была ему как раз по вкусу. Нечего и говорить, каким почетом и, можно сказать, благоговением был окружен у нас Гоголь. Детей он очень любил и позволял им резвиться и шалить сколько угодно. Бывало, мы, то есть я с сестрою, точно службу служим; каждое утро подойдем к комнате Н<иколая> В<асильевича>, стукнем в дверь и спросим: «Не надо ли чего?» — «Войдите», — откликнется он нам. Несмотря на жар в комнате, мы заставляли его еще в шерстяной фуфайке, поверх сорочки. «Ну, сидеть, да смирно», — скажет он и продолжает свое дело, состоявшее обыкновенно в вязанье на спицах шарфа или ермолки, или в писании чего-то чрезвычайно мелким почерком на чрезвычайно маленьких клочках бумаги. Ключки эти он, иногда прочитывая вполголоса, рвал, как бы сердясь, или бросал на пол, потом заставлял нас подбирать их с пола и раскладывать по указанию, причем гладил по голове и благодарил, когда ему угождали; иногда же бывало, как бы рассердившись, схватит за ухо и выведет на хоры: это значило — на целый день уже и не показывайся ему. До обеда он никогда не сходил вниз в общие комнаты, обедал же всегда со всеми нами, причем был большею частью весел и шутив. Особенно хорошее расположение духа вызывали в нем любимые им макароны; он тут же за обедом и приготавливал их, не доверяя этого никому. Потребуется себе большую миску и, с искусством истинного гастронома, начнет перебирать их по макаронке, опустит в дымящуюся миску сливочного масла, тертого сыру, перетрясет все вместе и, открыв крышку, с какой-то особенно веселой улыбкой, обведя глазами всех сидящих за столом, воскликнет: «Ну, теперь ратуйте, люди».

Весь обед, бывало, он катает шарики из хлеба и, школьничая, начнет бросать ими в кого-нибудь из сидящих; а то так, если квас ему почему-либо не понравится, начнет опускать шарики прямо в графин. После обеда до семи часов вечера он уединялся к себе, и в это время к нему уже никто не ходил; а в семь часов он спускался вниз, широко распахивал двери всей амфилады передних комнат, и начиналось хождение, а походить было где: дом был очень велик. В крайних комнатах, маленькой и большой гостиных, ставились большие графины с холодной водой. Гоголь ходил и через каждые десять минут выпивал по стакану. На отца, сидевшего в это время в своем кабинете за летописями Нестора, это хождение не производило никакого впечатления; он преспокойно сидел и писал. Изредка только, бывало, поднимет голову на Николая Васильевича и спросит: «Ну, что, находился ли?» — «Пиши, пиши, — отвечает Гоголь, — бума-

га по тебе плачет». И опять то же; один пишет, а другой ходит. Ходил же Н<иколай> В<асильевич> всегда чрезвычайно быстро и как-то порывисто, производя при этом такой ветер, что стариновые свечи (тогда о керосине еще не было и помину) оплывали, к немалому огорчению моей бережливой бабушки¹. Когда же Н<иколай> В<асильевич> очень уж расхочется, то моя бабушка, мать моего отца, сидевшая в одной из комнат, составлявших амфиладу его прогулок, закричит, бывало, горничной: «Груша, а Груша, подай-ка теплый платок, тальянец (так она звала Н<иколая> В<асильевича>) столько ветру напустил, так страсть!» — «Не сердись, старая, — скажет добродушно Н<иколай> В<асильевич>, — графин кончу, и баста». Действительно, покончит второй графин и уйдет наверх. На ходу, да и вообще, Гоголь держал голову несколько набок. Из платья он обращал внимание преимущественно на жилеты: носил всегда бархатные и только двух цветов, синего и красного. Выезжал он из дома редко, у себя тоже не любил принимать гостей, хотя характера был крайне радушного. Мне кажется, известность утомляла его, и ему было неприятно, что каждый ловил его слово и старался навести его на разговор; наконец он знал, что к отцу приезжали многие лица специально для того, чтобы посмотреть на «Гоголя», и когда его случайно застигали в кабинете отца, он моментально свертывался, как улитка, и упорно молчал. Не могу сказать, чтобы у Н<иколая> В<асильевича> было много знакомых. Может быть, интеллигентное общество, понимая, как дорог для Гоголя каждый час, не решалось отнимать у него время, а может быть, было дано людям строгое приказание никого не принимать. Гоголь жил у нас скорее отшельником. Под конец его последнего пребывания у нас (он жил у отца несколько раз), я помню сановитую фигуру священника, приходившего к нему наверх и долго беседовавшего с ним: то был отец Матфей², ржевский знаменитый проповедник, которого чуть ли не обвиняют в том, что Гоголь, поддавшись его влиянию, так рано погиб для жизни и общества. Вообще Н<иколай> В<асильевич> любил беседовать с духовенством и не обегал нашего немудрого, но очень добродушного религиозного старичка, отца Иоанна³, переведенного из села Воронова графа Ростопчина, в наш приход св. Саввы Освященного, за усмирение одним пастырским словом 5-ти тысяч крестьян, не захотевших повиноваться распоряжениям графа Ростопчина в повелении сжечь Вороново; но в церкви Гоголя я ни разу не видал. Большое удовольствие доставил Н<иколаю> В<асильевичу> приезд его двух сестер: Марии¹ и Анны Васильевн, поместившихся у нас же, как раз против его комнаты, еще в лучшей, выходявшей большим итальянским окном прямо в сад. Гоголь был очень нежный и заботливый брат и сейчас же задумал им что-нибудь подарить; но не знал — что, и прибег к совету моей матери Елизаветы Васильевны, которую он очень уважал и любил. Доказательством служат и письма его к ней, и отзывы о ней в письмах к отцу моему. С общего совета они решили купить два черных шелковых платья, в которых его «сестренки», как он выражался, вскоре и зашеголяли. Продажа изданий Н<иколая> В<асильевича>, как это ни удивительно, шла все-таки относительно туго, и он постоянно нуждался в деньгах, но прибегал к помощи своих искренних друзей только в крайних случаях; а тогда были около него и считались его друзьями такие личности, как Нащокин, Мельгунов, Павлов, известные своим богатством; они сочли бы за честь и истинное удовольствие ссудить Н<иколая> В<асильевича> деньгами. В то время вообще денежные расчеты велись как-то особенно от нашего времени; верили больше слову, чем росписке или долговому письму (векселя между дворянами совсем не употреблялись). Жили попросту, касс не грабили, общественных сумм не расхищали, банков не было, не было и крахов; а жили себе припеваючи и при нужде помогали друг другу, но помогали так, как нынче было бы и непонятно.

Жил у нас престарелый кучер Яков, в описываемое время ему было уже за 70 лет, считался он как бы членом семейства и служил еще покойному деду⁴. Бывало, придет он к нам в детскую, няня его сейчас чайком побалуует, мы сядем к нему на колена и пристанем: «Дядя Яков, дядя

¹ Ошибка. Следует: Елизаветы

Яков, Расскажи-ка нам что-нибудь». Раз он рассказал нам, в каком положении очутился мой дед после французов. Дом сторел, а вместе с ним и все, что было. Перебивался дед кое-как. (Семейство его жило в подмосковном селе Воронове, которым он управлял.) Мужички князя Салтыкова снабдили его лесом, старинный знакомый Лашковский прислал два воза крупы и муки, другой знакомый Решетников ссудил деньгами. «Ну, так по малости и отдышались...» — прибавил, вздыхая, дядя Яков. Дед мой управлял громадными имениями князя Салтыкова, мог бы нажить большое состояние, но он, как олицетворенная честность, ничего не нажил, кроме любви и преданности крестьян и доброго имени. Дед мог поместить своего сына, а моего отца, с превеликими хлопотами и трудом на казенный кошт в бывший дворянский пансион, и то в разночинное отделение, где содержание было дешевле, да и за столом полагалось только два блюда.

Возвращаюсь опять к Гоголю. В ту зиму⁵ приехал из Киева М. А. Максимович, и, — поверит ли кто теперь, — на тройке гнедых, собственных коней. Максимович тоже пристроился у нас, но уже во флигеле. Николай Васильевич страстно к нему привязался, и у нас в доме стало еще приятнее, как бы теплее. Раньше я сказал, что Н<иколая> В<асильевича> посещали немногие, но все-таки их было достаточно; а так как Н<иколай> В<асильевич> был в душе хлебосол, как всякий истинный малоросс, и только обстоятельства сдерживали его, то один день в году он считал своею обязанностью как бы рассчитаться со всеми своими знакомыми на славу, и в этот день он уже ничего не жалел. То был Николин день — его именины 9-го мая. Злоба дня, весь внешний успех пиршества, сосредоточивался на погоде. Дело в том, что обед устраивался в саду, в нашей знаменитой липовой аллее. Пойди дождь, и все расстроится. Еще дня за два до Николаи Николай Васильевич всегда был очень возбужден: подолгу беседовал с нашим старым поваром Семеном, но кончалось всегда тем, что старый Семен при составлении меню нес под конец такую галиматью, что Гоголь, выйдя из себя, кричал: «то-то уйдешь!» и, быстро одевшись, отправлялся в купеческий клуб к Порфирию. Кроме Порфирия, славился еще повар Английского клуба Басанин, отец молодого талантливой доктора, Ивана Афанасьевича, рано похищенной смерти у науки. Следовательно, выбор был нетруден, и цены брали подходящие. Обыкновенно Н<иколая> В<асильевича> тянуло более к Порфирию на том основании, что он готовил хотя и проще, но зато пожирнее, да и малороссийские кушанья знал отлично. С кулинарною частию дело устраивалось без затруднения, оставалось вино; но тут тоже выходило не по-нынешнему: отец писал такого рода записку: «Любезный Филипп Федорович (Депре), пришлите, пожалуйста, сколько нужно вина человек на 40–50, по вашему выбору, оставшиеся целыми бутылки будут возвращены». Вино присылалось отличное, прекрасно подобранное; со счетом не приставали: были деньги, Гоголь сейчас платил, а нет — ждали. Сад был у нас громадный, на 10 000 квадратных сажен, и весной сюда постоянно прилетал соловей. Но для меня собственно вопрос состоял в том: будет ли он петь именно за обедом; а пел он большею частию рано утром или поздно вечером. Я с детских лет имел страсть ко всякого рода певчим птицам, и у меня постоянно водились добрые соловьи. В данном случае я пускался на хитрость: над обоими концами стола, ловко укрыв ветвями, вешал по клетке с соловьем. Под стук тарелок, лязг ножей и громкие разговоры мои птицы оживали: один свистнет, другой откликнется, и начинается дробь и дудка. Гости восхищались. «Экая благодать у тебя, Михаил Петрович, умирать не надо. Запах лип, соловьи, вода в виду, благодать, да и только».

Надо сказать, что Н<иколай> В<асильевич> был посвящен в мою соловьиною тайну и сам оставался доволен, когда мой птичий концерт удавался, но никому, даже отцу, не выдавал меня. Кто были гости Гоголя? Всех я не могу припомнить, но в памяти у меня сохранились следующие лица: Нашокин, когда был в Москве, Н. А. Мельгунов, Н. Ф. Павлов, Михаил Семенович Щепкин, Пров Михайлович Садовский, Васильев⁶, С. П. Шевырев, Вельтман, Н. В. Берг, известный остряк Юрий Никитьевич Бартенев⁷, знаменитый гравер Иордан, актеры Ленский и Живокини, С. Т. Аксаков, К. С. Аксаков и много других, которых я уже и не запомню. Обед кон-

чался очень поздно, иногда варили жженку. Разговоры лились неумолкаемо. Пров Михайлович Садовский, нечего таить греха, находился всегда уже в легком подпитии и по общей просьбе начинал рассказывать: о капитане Копейкине, о Наполеандре Бонапарте, или неподражаемый рассказ о том, как пьяному мужику все кажется, что у него в ушах «муха жужжит». Вся тонкость этого последнего рассказа состояла в том, чтобы голос вибрировал на разные тоны. Обоймет он, бывало, одну из лип левой рукой, а правой как бы отмахиваясь от мнимой мухи, лезшей ему в ухо, и начинает на разные лады: «муха жужжит». А мимика, выражение глаз при этом не поддаются никакому описанию. Пров Михайлович был родоначальником всех последующих рассказчиков; но, увы! скольких я ни переслушал после неподражаемого Садовского, всем им было далеко до него. Они даже не напоминали его, разве только даровитый Ив. Ф. Горбунов⁸ несколько подходит к нему. До того же момента, как общество все-таки несколько «куликнет», около Юрия Никитьевича Бартенева, служившего подряд при нескольких генерал-губернаторах чиновником особых поручений, собирался тесный кружок слушателей. Юрий Никитьевич начинал чрезвычайно едко и остро передавать различные факты, смешные стороны лиц, с которыми он сталкивался по своей службе и большею частью знакомых слушателям; остроумам его не было конца, и злой язык Юрия Никитьевича никому не делал пощады. Между прочим, он любил давать всем своим хорошо знакомым прозвища, и так метко, что раз данное им прозвище навсегда оставалось за тем лицом. Жил он в Москве очень открыто, большим хлебосолом, и кто только не бывал у него на Смоленском бульваре? Сам дорогой именовник Н<иколай> В<асильевич> в этот день из нелюдимого, неразговорчивого в обществе превращался в расторопнейшего, радушнейшего хозяина; постоянно наблюдал за всеми, старался, чтобы всем было весело, чтобы все пили и ели, каждого угощал и каждому находил сказать что-нибудь приятное. Из нескольких именинных дней, празднованных в нашем доме⁹, я помню, что раза два случалась дурная погода, тогда обед происходил в доме, но и это имело свою хорошую сторону: Николая Васильевича, несмотря на сильное сопротивление с его стороны, все-таки удавалось уговорить прочесть что-нибудь. Долго отбивается Гоголь; но, видя, что ничто не помогает, нервно передергивая плечами, взберется, бывало, в глубь большого, старинного дивана, примостится в угол с ногами и начнет читать какой-нибудь отрывок из своих произведений. Но как читать? — и представить себе невозможно: никто не пошевелится, все сидят, как прикованные к своим местам... Обаяние чтения было настолько сильно, что когда, бывало, Гоголь, закрыв книгу, вскочит с места и начнет бегать из угла в угол, — очарованные слушатели его остаются все еще неподвижными, боясь перевести дух... и только раз как-то, после подобного чтения, Пров Михайлович глубоко вздохнул, скорчил уморительную физиономию, ему одному только доступную, и тихо пробурчал: «А вот и “муха не жужжит”». Все рассмеялись, повеселел и сам Гоголь.

Как на чрезвычайно нервного человека, чтение глубоко продуманных и прочувствованных им очерков производило на Н<иколая> В<асильевича> потрясающее впечатление, и он или незаметно куда-то скрывался, или сидел, опустив голову, как бы отрешаясь от всего окружающего... Общество в день именин расходилось часов в одиннадцать вечера, и Н<иколай> В<асильевич> успокаивался, сознавая, что он рассчитался со своими знакомыми на целый год. Странно, что у меня не сохранилось воспоминания о том, посещал ли Н<иколай> В<асильевич> театр.

Я упоминал, что Н<иколай> В<асильевич> был домосед и знакомых, даже близких, как, например, Степана Петровича Шевырева, М. С. Щепкина, посещал изредка. С прислугою он обращался вежливо, почти никогда не сердился на нее, а своего хохла-лакея ценил чрезвычайно высоко. Меня тоже он любил и называл своим племянником. Припоминая различные мелочи из характера Гоголя, я припомнил пустое обстоятельство, но доказывающее, что Гоголя занимало иногда подшучивать над детьми. Вскоре после его переезда к отцу он обещал мне с сестрою привезти игрушек. Нынче да завтра, так долго томил меня Н<иколай> В<асильевич>.

Наконец как-то раз вернувшись из города (а городом мы, обитатели Девичьего поля, называли Москву), лакей пронес перед Гоголем какой-то ящик, завязанный в бумагу, и Н<иколай> В<асильевич> крикнул мне на ходу: «Митя, ступай живей наверх, я тебе игрушку привез, живей». Я стремглав бросился по лестнице за ними. Начали развязывать покупку, и — о, ужас! — оказалось, что Гоголь купил себе очень элегантную ночную принадлежность из красного дерева. Вот тебе и игрушка! Со слезами на глазах я начал бранить Н<иколая> В<асильевича> и без всякой церемонии называл его обманщиком и грозился об его обмане рассказать всем, всем; а Гоголь, схватившись за бока, истерически хохотал; но в конце концов утешил меня, обещаясь назавтра же непременно привезти замысловатую игрушку; но исполнил ли он свое обещание, теперь уже не припомню: так сильно подействовала на меня первая обида разочарования.

В самом конце сороковых годов Н<иколай> В<асильевич> переехал от нас¹⁰ на Никитский бульвар, в бывший дом Талызиной, к графу А. П. Толстому. Здесь он уже окончательно поддался тому мистическому направлению¹¹, которое, к прискорбию всей России, свело гениальнейшего человека в преждевременную могилу...

Впервые опубликовано: *Погодин Д. М. Пребывание Н. В. Гоголя в доме моего отца // Исторический Вестник. 1892. № 4. С. 42–48. Печатается по первой публикации.*

Дмитрий Михайлович Погодин (1836–1890), старший сын М. П. Погодина. Воспоминания Д. М. Погодина о Гоголе составляют одну из глав его мемуаров, опубликованных посмертно: Воспоминания Д. М. Погодина. I. Несколько слов о моем отце. II. Пребывание Н. В. Гоголя в доме моего отца. III. Семейство Аксаковых. IV. Графиня Е. П. Ростопчина и ее вечера // Исторический Вестник. 1892. № 4. С. 35–41, 42–48, 48–52, 52–55. Публикации было предпослано примечание редакции журнала: «Дмитрий Михайлович Погодин, сын известного профессора историка М. П. Погодина, начал писать свои воспоминания, которые, без сомнения, были бы весьма интересны; но, к сожалению, постигшая его продолжительная болезнь и затем кончина лишили его возможности исполнить свое намерение. В бумагах его уцелело начало этих воспоминаний, которое и передано в редакцию “Исторического Вестника” вдовой Д<митрия> М<ихайловича>, Елизаветой Ивановной Погодиной. Считаю долгом выразить ей нашу благодарность за сообщение рукописи, в которой, между прочим, заключаются любопытные и новые сведения о Гоголе» (Исторический Вестник. 1892. № 4. С. 35).

Рецензент «Русских Ведомостей» замечал по поводу публикации воспоминаний Д. М. Погодина: «Характер воспоминаний не внушает убеждения в их достоверности» (В. В—в. Наши исторические журналы // Русские Ведомости. 1892. 22 апр. № 109. С. 2). Отвечая на это замечание, В. И. Шенрок писал: «В 109 № “Русских Ведомостей” 1892 г. справедливо указано на не вполне надежное значение отчасти в отношении фактической достоверности воспомявний Д. М. Погодина, но так или иначе общий характер впечатлений автора передан, несомненно, правдиво» (Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 114).

¹ Аграфена Михайловна Погодина (1776–1850), мать М. П. Погодина.

² Имеется в виду протоиерей Матфей Александрович Константиновский (1791–1857), священник Спасо-Преображенской церкви г. Ржева, с 1838 г., настоятель Успенского собора; проповедник.

³ Отец Иоанн Диомидович Никольский, священник церкви Преподобного Саввы Освященного на Девичьем поле, духовник Гоголя.

⁴ Петр Моисеевич Погодин, отец М. П. Погодина, крепостной, управляющий московскими домами князя П. И. Салтыкова, отпущенный на волю в 1806 г.

⁵ 1849/50 г.

⁶ Возможно, имеется в виду генерал-майор Федор Иванович Васьков, знакомый С. Т. Аксакова.

⁷ Юрий Никитич Бартев (1792–1866), чиновник, член масонских лож, в 1819 г. по рекомендации А. Ф. Лабзина назначен на должность директора училищ Костромской губернии, с 1836 по 1844 г. личный секретарь князя А. Н. Голицына, мемуарист.

⁸ Иван Федорович Горбунов (1831–1895), рассказчик и актер.

⁹ 9 мая 1840, 1842, 1849, 1850 г.

¹⁰ 4 или 5 декабря 1848 г.

¹¹ См. в наст. коммент. к статье И. Родионова «Воспоминания В. А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе».

П. К. Мартынов

Гг. Погодины и газета «Жизнь»

В 1883 году на горизонте московской прессы появились новые издатели. Это были: Дмитрий Михайлович Погодин, сын известного профессора, историка и славяниста Михаила Петровича Погодина, и жена его Елисавета Ивановна. <...> ...30 декабря <1884 года> <...> они получили разрешение издавать в Москве, без предварительной цензуры, ежедневную газету «Жизнь». <...> ...Номера ее выходили один другого бесцветней и пустей. При таком положении дела, вполне естественно, что газета не могла держаться и 21 марта 1885 года выход ее в свет был приостановлен. Узнав об этом, 30 марта я послал письмо Е. И. Погодиной с предложением продать мне право издания газеты «Жизнь»... <...> 5 апреля я приехал в Москву <...> и в то же утро отправился к Погодиным. Они жили тогда на Софийской набережной близ Каменного моста. <...> Вся их мебель: столы, стулья, этажерки, проходы между мебелью и подоконники были завалены и заставлены множеством портретов и картин всевозможной величины, в рамках и рамочках и даже просто в свертках. <...> Лавируя между загромождавшими квартиру картинами, я не утерпел, чтобы не спросить Дмитрия Михайловича: «что это такое?»

— Это картины и другие вещи из нашего древлехранилища, — отвечал совершенно равнодушно сын человека, положившего в это древлехранилище душу свою. — <...> А если хотите ознакомиться с назначаемыми мною в продажу картинами, я вам дам опись.

И он вынес мне из следующей комнаты лист бумаги, на которой значились №№ и фамилии лиц, чьи были портреты. Противу некоторых портретов, как напр<имер>, А. С. Пушкина, Н. М. Языкова, кн. П. А. Вяземского, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского, гр<афини> Е. П. Ростопчиной и др. была сделана отметка: «Все эти портреты писаны по заказу графа С. С. Уварова¹, в хороших рамках, золоченых, отличной работы, по 150 р<ублей> за экземпляр». Противу же других никаких заметок не было. <...>

Пообедав у знакомых, часов в 8 вечера, я вернулся к себе в гостиницу, и только что успел разоблачиться, как в дверь постучались и в номер вошел Дмитрий Михайлович. <...> Я позвонил прислугу и велел подать самовар со всеми принадлежностями, по московскому обычаю. Все это тотчас же принесли, и мы уселись за чаепитие.

— А знаете ли, Дмитрий Михайлович, — обратился я к гостю, — я сам тоже, как вы выразились, истый, родовитый, коренной москвич, родился и до поступления в службу жил в Москве. Вашего покойного батюшку знал еще в сороковых годах, когда вы проживали, по характерному простонародному выражению, в девичьих палестинах.

— Да, хорошее было время — сороковые годы, — как-то меланхолично отвечал Дмитрий Михайлович, — я был тогда еще ребенком, но все помню... мы вращались тогда в самом кипучем водвороте московской жизни, все, что было лучшего в обществе, любило и ласкало отца. Графы и князья считали за честь пожать руку старика, а гг. Аксаковы, Павлов, Хомяков, Шевырев, Щепкин, Садовский, Ленский, Живокини и сотни других известных деятелей были как бы люди свои, все бывали у нас и дружили с отцом. Что же касается Гоголя, Николая Васильевича, то он по возвращении из Италии, долгое время жил у нас... Вот подождите, покончим дело с газетой, я порасскажу вам много интересного, если вы, конечно, интересуетесь старой московской жизнью.

— Как бы не интересоваться московскою старою жизнью истому коренному москвичу!.. Я бы попросил вас теперь же рассказать мне что-нибудь... ну, хоть о Николае Васильевиче Гоголе.

— Что же вам сказать о Гоголе? — озаботился вдруг Дмитрий Михайлович, впадая в раздумье, — о Гоголе я сказать много не могу, потому что мы, т. е. я и сестра моя, были тогда еще детьми, и понимать его, как следует, не могли.

— Ну, расскажите, например, как он проводил время? чем занимался? что любил? как обращался с вами, с вашим отцом, со знакомыми? вообще, что вы об нем помните?

— Николай Васильевич жил у нас в старом доме на Девичьем поле, в мезонине, над нами. Это была² большая, светлая, с двумя окнами и балконом, комната, с самой простой домашней обстановкой, состоявшей из кровати, комода и нескольких стульев и стола... Здесь-то он, когда был дома, — а выходил из дому он редко, — и проводил все время до обеда, и после обеда часов до семи вечера. Отец мой, как известно, чуть не боготворил его, ему была предоставлена полная свобода действий, и он ценил это и был очень доволен. Раз даже расчувствовался до того, что стал благодарить отца, говоря: «Спасибо тебе, спасибо за все, большое спасибо!»... и тут же, улыбнувшись, прибавил: «да вознаградит тебя за все это — история!»... Мы с сестрой частенько заходили к нему по утрам и оставались у него подолгу. Он не стеснялся нами, оставляя нас сидеть у него, только приказывал: «сидеть смирно и не баловать». Мы и сидели — как будто нас в комнате и не было. Это ему нравилось, он подходил к нам и гладил по головкам, раздобрившись, говорил: «ну, поиграйте, дети!» — и мы начинали резвиться и шалить. Вообще в домашней жизни это был человек простой, добрый и снисходительный, но при всем том не чужд странности и эксцентричности: то он бывало ласкает нас и смеется с нами, то вдруг надуется, нахмурится и тогда сиди и не дыши: не то возьмет за ухо и выведет вон из комнаты. По утрам он не одевался, сидел до обеда в домашнем костюме, т. е. просто в сорочке, с надетой поверх шерстяной курткой. Куртку эту он носил даже летом, несмотря на жаркую погоду. Вернувшись из Италии, он стал слишком чуток к северным ветрам и утренней прохладе. Писал он, по крайней мере, по утрам, когда мы у него бывали (после обеда же он никого к себе не допускал), очень мало. На столе у него мы никогда не видали такой груды всевозможных бумаг, какая лежала у отца в кабинете. Даже книг у него на виду было мало; свои рукописи и книги он берег под замком, и вообще не любил, если прислуга, приходившая убирать его комнату, переворачивала или переставляла что-нибудь из его вещей, находившихся на столе или на комоде. Странно было видеть нам, детям, что гениальный русский писатель, каким считали у нас в доме Гоголя, мог проводить за вязаньем по целым утрам на спицах разных шерстяных вещиц, как то: ермолок, шарфиков и других безделушек, или же за вырезыванием из древесных сучьев дудочек. У меня долго хранилась подаренная им мне дудочка, но когда я однажды попросил его связать мне шерстяные чулки, он рассердился и надрал мне уши. Писал он иногда и при нас, но как-то урывками: сидит под окном вяжет или строгают, и перед ним лежит клочок бумаги и карандаш. Если ему придет в голову что-нибудь, возьмет карандаш и запишет, и опять примется за вязанье или строганье. Записанную мысль он иногда репетировал вполголоса и исправлял. По прошествии некоторого времени он брал в руки исписанный клочок бумаги, прочитывал его, и если оставался им недоволен, рвал его в клочки и бросал на пол, а со стола брал другой клочок и продолжал писать на нем. Если же и это писанье не удовлетворяло его, то он поступал с ним так же, как и с первым, и приступал к третьему. Таким образом на полу рваных клочков набиралось немало, и их прислуга, по уходе Гоголя из комнаты, выметала. Но случалось и так, что некоторые записанные прежде мысли вновь интересовали его, и он приказывал нам подбирать брошенные на пол изорванные клочки бумажек и составлял их по написанному. Если попытка удавалась, то он хвалил нас, гладил по головкам и обещал купить гостинец, чего, вероятно, по забывчивости, никогда почти не делал. После полудня он одевался и сходил вниз, заходил к отцу, когда тот был дома и никого посторонних у него в кабинете не было. В противном случае уходил гулять в сад, который был у нас очень большой, — десятины четыре, если не более. Хорошая погода производила на него всегда хорошее впечатление, он делался весел и шутив. Но он был весел и шутив только в своем домашнем кружке. Если же присутствовал

кто-нибудь чужой или незнакомый, он, как улитка, уходил в самого себя и не обнаруживал никакой жизни, как будто все окружающее было ему чуждо, он молчал или отвечал односложным *да* или *нет*. Поест любил гастрономично, хотя бы и немного. Малороссийской кухне отдавал предпочтение. Но, пристрастясь в Италии к макаронам, любил их кушать и даже приготовлял их за столом собственноручно, по вывезенному из Рима особенному способу. Было ли это лучше — я не знаю; но только все ели и похваливали. В антрактах, между переменаами блюд, он любил выламывать из хлеба мякиш и катать из него шарики, которые или бросал в кого-нибудь из сидящих за столом, преимущественно младших членов семьи, или опускал в стакан, или же оставлял у себя за прибором. После обеда отец сам собирал оставленные за прибором шарики и хранил, как какую-нибудь святыню, в особом ящике, в одном из шкафов своего кабинета³. Таких шариков собрано было 126, которые долго хранились, но куда потом делись — уже не помню. После обеда Николай Васильевич тотчас уходил в свою комнату и запирался в ней. Что он там делал, работал или спал — я не знаю, так как нам строго было приказано: в это время его отнюдь не беспокоить. К 7-ми часам вечера он сходил вниз и гулял у нас в саду, а если погода не благоприятствовала, то начинал ходить взад и вперед по всей амфиладе комнат. Сделав несколько концов туда и сюда, он подходил к столу и выпивал стакан холодной воды. Находившись досыта, отправлялся в кабинет, где отец обыкновенно в это время работал, и усаживался в креслах. Если посторонних никого не было, сидел долго — час и больше, но ничего с отцом не говорил. Однажды он вошел в кабинет и опустился в кресла, не сняв с головы шляпы. Старик покосился на него и, не оставляя работы, спросил шутливо:

— Ну что, находился?

— Я-то находился, а ты-то вот — написался ли? — отвечал Гоголь.

— Да ты что же шляпы-то не снимаешь с головы? — переменял вдруг тему разговора отец.

— Перед кем это? Перед твоей историей что ли? — сыронизировал Николай Васильевич.

— Перед историей — не перед историей, а перед образами, — ответил старик.

— Перед образами я всегда сниму, — отвечал уклончиво Гоголь, — а вот перед твоей историей — наверное уж не снял бы, потому что вся твоя история — не что иное, как легенда или просто басня...

— Ну, ну, брат заврался! — перебил отец и медленно поднявшись с места, подошел к нему, снял с него шляпу и положил ее перед ним, на стол.

— Вот так-то будет лучше! — проговорил он кротко, отошел к своему столу и молча принялся за работу.

Гоголь посидел после того недолго и молча вышел. Но это не было размолвкой между ними. Это было одним из характеристичных мгновенных вспышек каприза духа великого писателя. Нервная чуткость и моментальная вспыльчивость его были поразительны. На мой взгляд, он уподоблялся тогда мимозе, которая при первом прикосновении к ней свертывается и уходит в самое себя. Когда к нам по вечерам приезжали гости (а любопытных посмотреть на автора «Мертвых душ», или поговорить с ним было немало), Николай Васильевич забивался куда-нибудь в угол, нахмурился и говорил очень мало, приставаний с участием и предложений услуг не любил, вместо ответов цедил сквозь зубы какие-то фразы и старался при первой возможности, под каким-нибудь благовидным предлогом, уйти к себе в мезонин. Когда же собирался известный небольшой кружок людей близких, Гоголь как будто преображался, вся его мнительность и напускная мизантропия исчезала, и он становился весел и приятен: разговаривал, шутил и смеялся. Даже, я помню, раза два читал что-то из своих новых сочинений. Ну, конечно, тогда у нас был праздник, и отец, выходя из кабинета, потирал руки и говорил: «Ну, слава Богу! развеселился, наконец»... Вот все, что я в настоящую минуту могу припомнить о жизни великого писателя в наших, как вы выразились, девичьих палестинах.

— А не было ли у Гоголя, во время проживания в вашем доме, каких-либо выдающихся случаев, скрашивающих или отягчающих порою жизнь?

— Право, я затрудняюсь разрешением подобного вопроса, — отвечал уклончиво Дмитрий Михайлович, — нужно припомнить, а сразу как-то трудно.

— Ну, что-нибудь из первых пришедших на память случаев.

— В деньгах Николай Васильевич постоянно нуждался, так как продажа его сочинений шла не шибко. Сколько раз он обещал мне и сестре привезти гостинцев, купить игрушек или книжек, но всякий раз, когда мы напоминали ему об его обещании, отговаривался неимением денег. «Подождите, дети, — убеждал он нас, глядя по головкам, — скоро разбогатею я, тогда всего накуплю вам». И действительно, однажды он привез нам подарок, позвал нас и, смеясь, дал какой-то сверток. «Нате, — сказал, —несите к отцу и покажите!..» Отец развязал, посмотрел и спрятал к себе в шкаф. Что это был за подарок — я не знаю, только нам строго-настрого было приказано: никаких гостинцев у Николая Васильевича не просить. Мы расплакались и несколько дней не были по утрам у него в комнате. Тогда он, при первой же поездке в город, купил мне маленькое ружьецо, а сестре — сетку для ловки бабочек, и на другой день утром пошел с нами в сад, учил меня стрелять, а с сестрой бегал по лужкам за бабочками. Но это было только один раз, и больше мы его дозваться в сад для игры с ним никоим образом не могли.

— А случаев, имеющих какое-либо общественное значение не было?

— Были, как не быть, — непременно было, но, повторю, всего-то сразу мне не припомнить, — уклонился от рассказа Дмитрий Михайлович, — Бог даст будем встречаться, тогда я кое-что припомню и сообщу вам. Впрочем, сегодня, pour la bonne bouche⁴, я расскажу вам, как Николай Васильевич справлял у нас в доме свои именины, которые он праздновал на летнего Николу, 9 мая. У него в Москве, как известно, было большое знакомство. Некоторые дома своих знакомых он посещал, хотя и не часто, но сам, за весьма редкими исключениями, никого не принимал. Если кому нужно было видеть его, — приезжали к нам, и у нас с ним увиделись, у нас, конечно, пили чай или обедали, но Гоголь, по скупости или неимению средств, никого ничем не угощал. Поэтому в день своих именин он считал долгом задать пир, по пословице, на весь мир, чтобы сугубо отплатить друзьям за их постоянное радушие. На именины приглашались все, кто состоял с ним в хороших отношениях. Перечислять их всех я не стану, да и не могу, потому что это было все московское ученое, литературное и художественное societe⁵ того времени, в лице наиболее выдающихся его представителей, конечно, одного с автором «Мертвых душ» направления или сочувствовавших ему. Приготовления к этому пиру обыкновенно начинались задолго до пиршества. Главнейшею же заботой при этом для Николая Васильевича были меню обеда и вина. Для составления первого он приглашал к себе на совет нашего повара Семена, но им обыкновенно оставался недоволен, и ехал на совет к повару английского клуба Басанину или к повару купеческого клуба Порфирию. После нескольких совещаний меню того или другого утверждалось, но готовить приглашался Порфирий, так как он умел стряпать все малороссийские яства и цены брал, противу Басанина, меньшие. Затем начинались хлопоты с винами. Гоголь отправлялся к виноторговцам, выбирал, приценился и соображал, но толку из этого не выходило. Отец мой, видя это, предлагал свои услуги, приказывал Депре прислать нужное количество вина человек на шестьдесят, и дело устраивалось. Гоголь во все это предшествующее пиршеству время находился в сильном возбуждении и постоянно волновался. Он составлял и дополнял списки приглашенных лиц, рассылал письма, записки, оповещения, и заботился, чтобы все близкие к нему люди получили приглашение и собрались именно к обеду — этому кульминационному пункту празднества. Он очень огорчался, когда узнавал, что тот или другой из его друзей, по каким-либо обстоятельствам, не может быть у него на именинах или же когда погода не особенно благоприятствовала предположенному им празднику. Тогда, казалось, он был мученик и в доме не давал никому покоя. Отец, обращавшийся с ним как с ребенком, всегда снисходительно и терпеливо снисходил к его капризам. Но слушая подобное нытье, выходил из себя, оставлял работу и серьезно начинал просить его: «Оставь ты меня, пожалуйста, в покое, ведь ты мешаешь мне работать».

— Я вижу, — восклицал обиженно Гоголь, — что история тебе дороже меня!..

Тогда отец повертывался к нему лицом, внимательно выслушивал все его жалобы и заявления и, разговорив и успокоив его, выпроваживал из кабинета в сад или в другие комнаты дома. Там Николай Васильевич уже деспотствовал, приставая с разными вопросами ко всем встречавшимся ему, нашим домашним и прислуге. Одного он допрашивал насчет тарелок, рюмок, ножей и салфеток; другого — о количестве пива и водки, потребном для кучеров и прислуги гостей; третьего — о том, все ли заправлены лампы и свечи. Мы, дети, тоже привлекались к совету. Нас он спрашивал: какие игры и где мы думаем устроить для других детей после обеда, серьезно обсуждал и оспаривал нас, пока мы во всем не подчинялись его мнению. Когда же наступал заветный день, он с раннего утра был уже на ногах. Приняв обычные поздравления, наш именинник шел по хозяйству, — осматривал, устраивал и суетился. Затем выходил в сад, смотрел на небо, поверял барометр, вздыхал при появлении каждой маленькой тучки и, всем надоев, усаживался в кабинете в кресла и замолкал. Гости в Москве, по обыкновению, собираются рано, кроме, конечно, корчащих из себя аристократию, которые желая выделиться из толпы, приезжают не иначе, как перед самым обедом. Поэтому в день именин Николая Васильевича, наплыв гостей начинался обыкновенно еще до полудня. (Я более помню последние его именины⁶.) Одетый в новую пару, веселый и довольный, именинник принимал поздравления в кабинете; затем он с гостями выходил в залу к молебну, который совершал у нас в доме наш приходской священник, отец Иоанн⁷; после молебствия все шли к завтраку, а вскоре начинался и самый обед. Обедали, впрочем, на два стола: один накрывался в большой липовой аллее сада, за который садились любители ранней весенней свежести и прохлады, а другой — в столовой, где помещались люди более солидных лет, боящиеся простуды, или прелестям весны не доверявшие. Гости собиралось человек 60 или 70 не менее. Фамилий их всех я, конечно, припомнить не могу, но думаю, что не ошибусь, если скажу, что трапезу с именинником разделяло большинство его друзей. Были С. Т. и К. С. Аксаковы, С. П. Шевырев, М. С. Щепкин, П. М. Садовский, Н. Ф. Павлов, Н. В. Берг, Ю. Н. Бартенев, В. И. Живокини, Д. Т. Ленский, А. Ф. Вельтман, Ф. И. Иордан, Н. А. Мельгунов и другие — всех не перечислишь. Обеды были, как все именинные обеды, шумны и радостны, но особенностей их я рассказать не могу, так как мы, дети, за большим столом не сидели. После обеда варили жженку, приносили еще вина, подавали малороссийские наливки и варенуху, — и гости действительно веселились на славу. Разговаривали, шутили, смеялись, пели песни, играли в горелки и в лапту. Актер Садовский, я помню, по просьбе именинника, рассказал после обеда два-три рассказа о Наполеоне Бонапарте, о капитане Копейкине, о хмельном мужичке, у которого в ушах «муха жужжит». Это был неподражаемый рассказчик, не то что ваш И. Ф. Горбунов, который каррикатурит мужика одним горлом. У того был жест, мимика, выражение глаз, вибрация голоса. Все это декорировало рассказ и увлекало слушателя. Поэтому оживление гостей с каждым рассказом возрастало более и более и завершалось, наконец, всеобщими рукоплесканиями. Читали и другие, но кто именно — теперь уже не помню. Читал даже как-то раз и сам хозяин. Читал он какой-то отрывок из своих сочинений, но какой именно — сказать вам не могу, потому что тогда я не знал еще его сочинений. Да говоря откровенно, я и интересовался только обстановкой и процедурой чтения. Помню я, что Николай Васильевич читал уже вечером, у отца в кабинете, при свечах. Видимо он был в хорошем настроении духа и читал хотя не особенно громко, но с одушевлением. В кабинете царила в это время мертвая тишина. Гости сидели и стояли группами вокруг стола, за которым читал Гоголь, в несколько рядов. Обаяние чтения было настолько сильно, что присутствующие сидели и стояли на местах, затаивая в себе дыхание и боясь пошевелиться, чтобы не проронить из него ни одного слова, не упустить ни одного штриха, ни одной интонации, оттенявших рельефы мастерской беседы-чтения автора-чтеца. Когда последняя фраза была сказана, Николай Васильевич быстро окинул взглядом общество, захлопнул весело книгу, вскочил с места и выбежал из комнаты. Слушатели кинулись за ним толпой и

проводили его шумными криками «браво» и громкими рукоплесканиями. Пров Михайлович догнал Гоголя в саду, обнял и расцеловал его, говоря: «да, брат, это не то, что “муха жужжит”». Вот вам один из эпизодов жизни великого писателя, имеющих общественное значение, но на этом сегодня, с вашего позволения, я окончу, так как мне пора домой, да на первых визитах вообще, кажется, не засиживаются.

Я горячо поблагодарил Дмитрия Михайловича за его любезный интересный рассказ и спросил:

— А почему бы вам не описать все это под видом воспоминаний? Я купил бы их у вас для «Жизни». Нет, если дело у нас сойдется, нужно давать в газете более интересные материалы, чтобы поставить газету на предлежащее ей место.

— Я уже думал об этом, да все вот мое нездоровье мешает мне приняться за дело. Конечно, если поправлюсь, я вам кое-что напишу, а если не поправлюсь, то буду рассказывать: пишите уж сами.

— Так я могу нынешним рассказом воспользоваться?

— Ну, это, конечно, мелочь, я попрошу вас принять его от меня в подарок. Если же я вздумаю писать «воспоминания», то у меня материалу масса. Есть из чего выбрать много хорошего. <...>

Мне хотелось извлечь что-нибудь из запаса памяти Дмитрия Михайловича, и я попросил его рассказать мне что-нибудь из его детских воспоминаний о жизни в «девичьих палестинах». <...>

— Не можете ли вы, Дмитрий Михайлович, сказать мне, — спросил я моего собеседника, разливая поданный с московскими принадлежностями чай, — что подвинуло Н. В. Гоголя так резко переменить направление мыслей в последний период его деятельности и сделаться мистиком и проповедником клерикализма?

— Признаться, я никогда не интересовался подобным исследованием, — отвечал, улыбаясь, Дмитрий Михайлович, — но думаю, что влияло на него всего более духовенство. Несмотря на то, что Николай Васильевич жил у нас совершенно изолированно и, как я уже говорил вам, гостей у себя никогда не принимал, духовенству доступ к нему был всегда открыт. Помню, под конец его последнего пребывания у нас в доме несколько священников посещало его, и он любил беседовать с ними подолгу. У него бывали: наш местный приходской священник, добродушный и весьма религиозный отец Иоанн, знаменитый проповедник из Твери отец Матвей, о котором Гоголь отзывался с большим уважением, какой-то соборный из Кремля скелларий, имени его не помню, ходили два монаха из Чудова монастыря и какой-то странник-грек с Афона. Отец косился на это и даже выговаривал не раз Гоголю, но мать моя покровительствовала его приемам духовенства, и поэтому отцы духовные старались попадать к нашему отшельнику в такие часы дня, когда отец был в отсутствии. И Николай Васильевич посмеивался потом над отцом и поддразнивал его:

— А у меня опять попы были, о твоём здоровьи осведомлялись, просили кланяться. Жалуются, что ты мало жертвуешь им...

— Ну, уж ты оставь меня, пожалуйста, в покое, — перебивал его отец и углублялся в свои летописи.

— История для тебя, конечно, важнее религии, — продолжал пилить его Гоголь, ходя из угла в угол по кабинету.

Но отец, по обыкновению, молчал, и только перо его усиленной начинало скрипеть по бумаге. Больше об этом я вам сказать ничего не могу, чтобы не наврать по-пустому. Впрочем, припомнился мне ответ Гоголя известной поэтессе, графине Ростопчиной, которая, будучи у нас на вечере, когда А. Н. Островский читал в первый раз свою комедию «Банкрут» (переименованную впоследствии в «Свои люди — сочтемся»)⁸, по окончании чтения подошла к Николаю Васильевичу и спросила его: «Отчего он сделался таким отшельником-бирюком и не бывает у ней?»

— Зачем? — процедил сквозь зубы сконфуженный автор «Мертвых душ», — я не понимаю вас, вы не понимаете меня; я чужд циклу ваших идей, вы — моему...

Это были слова «бирюка-отшельника», но проповедник еще формировался.

Беседа сделалась оживленнее. Я попросил Дмитрия Михайловича рассказать мне что-нибудь об этом вечере.

— Вечер как вечер, самый обыкновенный, у нас не раз бывали такие вечера, — начал он речь свою, прихлебывая глотками из стакана чай с московскими принадлежностями, — но он был чреват последствиями: Островский после чтения получил громадную известность; пиесе, запрещенной цензурой, исхлопотали разрешение, а поэтесса графиня Ростопчина, жившая до того времени обыкновенной великосветской жизнью, начала устраивать у себя в доме литературные чтения и музыкальные вечера. В сущности, вечер этот, действительно, вышел одним из самых удачных, как по своему внутреннему содержанию, так и по составу собравшегося на нем общества. Тут было все, что считалось тогда солью литературных и артистических московских кружков: старые славянофилы, молодая редакция «Москвитянина», независимые и беспринципные, или, как называли их тогда: «цыганы». Приманкою служила неразрешенная цензурой к печати комедия Островского «Банкрут». Александр Николаевич, только что начавший тогда свою писательскую миссию, написал новую пиесу, в которой мастерскими штрихами очертил неизвестный еще в то время массе публики купеческий быт и его своеобразные взгляды, нравы и деятельность. Цензура наложила на нее свое veto и в обществе заговорили об ней. Мой отец, как известно, всегда старавшийся подать руку помощи заявившему себя чем-нибудь таланту, сочувственно отнесся к затруднительному положению молодого автора и устроил вечер для прочтения подвергшейся запрещению комедии, на который и была приглашена вся бывавшая у него интеллигенция Москвы. Это было, если не ошибаюсь, в 1849 году, на масляной неделе. Чтобы затушевать истинный повод приглашения, устроены были блины, чтение же устроилось как бы случайно, после масленичной трапезы. Чтение происходило у отца в кабинете. В углу, под окнами, за столом, читали: мужские роли — актер Садовский, а женские — сам автор. Нужно ли говорить, что это было за чтение, вы, без сомнения, обоих чтецов слышали. Все акты были прослушаны собравшимся обществом с полным вниманием; казалось, что это были не слушатели, а мертвецы. Когда же чтение окончилось, раздались аплодисменты, и хаос восторга сменил царствовавшее дотоле безмолвие. Все поздравляли и жали руки красневшего и потуплявшего глаза в землю автора. На что Гоголь, и тот признал в молодом писателе талант и не маленький, а графиня Ростопчина пригласили Александра Николаевича прочитать еще раз эту пьесу у нее в доме, для чего и назначила особый вечер. <...>

— А Гоголь был у ней на этом вечере?

— Нет, не был. Не были также и Шевырев, Аксаковы, Павлов, Щепкин и некоторые другие, слышавшие пиесу у нас на вечере. <...>

...Мы попрощались, и мне более не пришлось видеть Дмитрия Михайловича. <...>

Первые опубликовано: *Мартьянов П. К.* Гг. Погодины и газета «Жизнь» // *Мартьянов П. К.* Дела и люди века. Отрывки из старой записной книжки, статьи и заметки. СПб., 1896. Т. 3. С. 108–141, с указанием: «Ноябрь 1885 года». Печатается по первой публикации.

Петр Кузьмич Мартьянов (1827–1899), поэт, прозаик, публицист.

¹ Вероятно, ошибка мемуариста. Портреты были заказаны не графом С. С. Уваровым, министром народного просвещения до 20 октября 1849 г., а министром А. С. Норовым, вступившим в эту должность в апреле 1854 г. В то время С. П. Шевырев писал М. И. Гоголю-Яновской: «На днях вы получите от г. министра народного просвещения, Авраама Сергеевича Норова, письмо, в котором он намерен просить вас о доставлении ему на время Моллеровского портрета с Николая Васильевича. Г<н> министр хочет снять с него копию для того, чтобы поставить этот портрет вместе с дру-

гими портретами русских писателей в библиотеке министерства народного просвещения» (*Линниченко И. А.* Новые материалы для биографии Н. В. Гоголя // *Русская Мысль*. 1896. № 5. С. 192; см. также в наст. изд.).

² Далее, с небольшими стилистическими изменениями, текст повторяет публикацию 1892 г. (*Погодин Д. М.* Пребывание Н. В. Гоголя в доме моего отца // *Исторический Вестник*. 1892. № 4). См. в наст. изд.

³ В 1872 г. об этом же сообщал Н. В. Берг (см. в наст. изд. его «Воспоминания о Н. В. Гоголе»).

⁴ на закуску (*фр.*).

⁵ общество (*фр.*).

⁶ 9 мая 1850 г.

⁷ Отец Иоанн Дномидович Никольский.

⁸ 3 декабря 1849 г. См. в наст. изд. коммент. к разделу «Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1851 гг.».

Гоголь в воспоминаниях А. М. Зедергольм (рожденной Погодиной)

П. Першин

Как Гоголь писал и сжег «Мертвые души». 12 неопубликованных писем Гоголя Фрагменты

<...> От этого уголка Москвы даже теперь еще веет Гоголем, его «Старосветскими помещиками». <...> Уголок этот — Погодинская улица и дома г-жи А. П. Воронец (урожд<енной> кн<ажны> Оболенской). При жизни Гоголя вся эта местность, от края города вплоть до недавно выстроенной контрольной палаты, принадлежала известному историку-славянофилу и проф<ессору> М. П. Погодину, с которым Н. В. Гоголь был в самых дружеских отношениях.

Третьего дня наш сотрудник посетил проживающую в одном из старинных домиков Воронец М. И. Цимохович, которая хранит, как святыню, 12 собственноручных писем Н. В. Гоголя к М. П. Погодину.

Г-жа Цимохович сообщила очень много интересных фактов.

Дома проф<ессора> Погодина, часть которых уже распродана, перешли в руки А. П. Воронец не особенно давно — после смерти ее первого мужа — Ив. Мих. Погодина¹ — сына профессора, у которого было 2 сына и 2 дочери — Иван, Дмитрий, Аграфена и Александра. <...>

12 писем Гоголя перешли к г-же Цимохович по наследству от близкого ей человека, — имя которого тоже довольно известно Москве — прис<яжного> пов<еренного> Нахальнова. <...> Он — сын богатого купца, имевшего в 60-х годах винные лавки на Арбате и других улицах Москвы. <...> Отец его был знаком с проф<ессором> Погодиным, и мальчик попал к последнему на торжество 25-летнего юбилея известного артиста М. С. Щепкина². К этому торжеству мальчик приготовил стихи. Они очень понравились юбиляру, Погодину, Гоголю и даже Каткову, тоже присутствовавшему на торжестве.

М. П. Погодин уговорил отца отдать ему мальчика и поместил его в своем имении в селе Всехсвятском, у сына просвирни, студента-медика, которому и поручил приготовить мальчика в университет. Отсюда мальчик два раза в неделю ходил пешком в Москву к своему спасителю и посещал знаменитые погодинские «субботники». Семья Погодина очень полюбила мальчика, полюбил его и Н. В. Гоголь. Молодой Нахальнов, боготворивший Гоголя, был очень счастлив, получив от Погодина на память некоторые письма Н. В. Гоголя к профессору. <...>

Письма эти, находящиеся теперь у М. И. Цимохович, — из разных мест, а именно, из Рима, Петербурга, Ниццы, Вены, Неаполя и Остэнде.

Наш сотрудник только слегка мог ознакомиться с ними. Среди них имеется замечательное по своей простоте и живости описание моря у гор<ода> Ниццы. Из содержания других писем видно, что хотя Погодин и Гоголь были большими друзьями, очень часто ссорились, попрекали друг друга чуть не хлебом-солью. Среди этих же писем имеется одно — А. М. Погодиной к отцу, в котором она сообщает о ночи на 13-е февраля, знаменательной в истории русской литературы, когда Н. В. Гоголь сжег 2-й том «Мертвых Душ».

Вот что, приблизительно, пишет А<лександра> М<ихайловна>. <...>

Это была бурная ночь у Гоголя. Он много раз вставал с постели, молился Богу. Позвал к себе мальчика.

— Не холодно ли в соседней комнате? — спросил он.

Жил он тогда уже на Никитском бульваре.

— Да, холодно, — отвечал мальчик.

— Затопи камин.

Воля писателя была исполнена. Он принес сюда рукопись 2 тома, бросил ее в камин. Обгорели только края. Тогда он вынул, развязал пачку и опять бросил. Рукопись сгорела. В первый момент он впал в отчаяние, ему стало жаль рукописи.

Мальчик, видя его страдание, заплакал. Это так подействовало на Гоголя, что он подошел к нему, обнял и долго целовал со слезами на глазах...

Интересно, как посылались в то время письма по почте. Некоторые из писем Гоголя совсем без конвертов, — обыкновенный лист почтовой бумаги, сложенный в несколько раз. Внутри написано письмо, снаружи же — адрес и почтовая марка. <...>

Впервые опубликовано в одной из российских газет 1909 г. в связи с празднованием столетия со дня рождения Гоголя. Печатается по изд.: <Першин Павел> П. П.—н. Как Гоголь писал и сжег «Мертвые души». 12 неопубликованных писем Гоголя // Николай Васильевич Гоголь. Материалы, собранные А. А. Бахрушиным. 1893–1912: В 3 т. М.; СПб., 2009. Т. 2. С. 425–428.

Александра Михайловна Зедергольм (рожд. Погодина, род. в 1834), дочь М. П. Погодина.

¹ Сын М. П. Погодина Иван родился в 1842 г.

² По-видимому, имеется в виду пятидесятилетие артистической службы М. С. Щепкина, отмечавшееся в 1855 г., т. е. уже спустя три года после кончины Гоголя. Упомянутый далее М. Н. Катков по болезни на этом юбилее также не присутствовал.

А. М. Зедергольм

<О предсмертном сожжении Гоголем второго тома «Мертвых душ»>

Николай Васильевич Гоголь сжег свои бумаги на первой недели в ночи на 13-ое февраля. Всю ночь провел он в молитве, — в три часа разбудил своего мальчика, спросил его, тепло ли на другой половине, и получивши ответ, что холодно, сказал: пойдем-ка, мне надобно там распорядиться. Велел принести себе портфель, вынул из него бумаги и — зажег; так как они¹ были крепко связаны веревочкою, то обгорели одни края, а середина тотчас же потухла, он развязал, поставил себе стул перед печкою и сидел, покуда все <не> истлело. Когда же он сжег их, ему стало жаль и он сказал мальчику: «Некоторые места точно надобно было сжечь, но были и такие, за которые многие бы помолились за меня Богу^{II}, но Бог даст, выздоровлю, все поправлю. Потом он^{III} сел на диван, а мальчик стоял перед ним и плакал; это его очень тронуло, он подошел к нему обнял^{IV}, долго целовал и, как будто предчувствуя свою близкую кончину, простился с ним. Последнее время Николай Васильевич был вообще^V очень молчалив и большею частью читал книги духовного содержания.

^I они *вписано вместо*: бумаги

^{II} Богу *вписано*.

^{III} он *вписано*.

^{IV} Далее *было*: и

^V вообще *вписано*.

Публикуется впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 652. К. 2. Ед. хр. 110. Л. 1; на обороте листа имеется помета: М-d. Зедергольм (дочь М. П. Погодина), Антонина <Александра> Михайловна.

В. С.

Из воспоминаний о Н. В. Гоголе

<...> В Царском Селе в настоящее время проживает Александра Михайловна Зедергольм, дочь одного из наиболее близких друзей Гоголя, М. П. Погодина. Г-жа Зедергольм теперь в преклонном возрасте, в годовщину смерти Гоголя ей было семнадцать лет.

Гоголь часто останавливался у М. П. Погодина во время своих наездов в Москву, жил у него иногда целыми месяцами. Комната, в которой останавливался Н<иколай> В<асильевич>, так и носила название Гоголевской.

В памяти А. М. Зедергольм Гоголь сохранился со всеми странностями, характерными для него в период последних дней его жизни.

Порывистый в своих движениях, с суетливой походкой, руки в карманах, небольшого роста, пестро одетый в любимый им бархатный жилет, с длинными волосами, часто спадавшими ему на лоб, почему ему часто приходилось откидывать голову назад, чтобы поправить волосы, — таков Гоголь в ее памяти.

В этот период он был нелюдим, малообщителен, скрытен. Однажды, когда в доме Погодина Гоголь обещал прочитать отрывок из «Мертвых Душ» в присутствии приглашенных друзей, кто-то из них не приехал. Гоголь, великий мастер читать, вследствие отсутствия этого лица, был не в духе, стал читать, но было ясно, что он не в ударе. Чтение не произвело обычного сильного впечатления.

В памяти А. М. Зедергольм запечатлелась очень ярко такая сцена. Гоголь любил вышивать по канве, но об этом никому не говорил и скрывал это от посторонних. Однажды, в то время, когда Гоголь проживал у М. П. Погодина, он был остановлен в зале, куда выходила дверь его комнаты, воспитательницей г-жи Зедергольм, которая неосторожно спросила о его успехах в вышивании. Гоголь мрачно ответил:

— Кто вам это сказал? Пустяки, пустяки, — и быстро, видимо очень недовольный, прошел дальше.

Остались в памяти у А<лександры> М<ихайловны> и воспоминания о шумных обедах у М. П. Погодина в день именин Н. В. Гоголя, праздновавшихся 9 мая, об обеде, данном в честь знаменитого актера Щепкина. Тогда Гоголь был распорядителем на этих обедах, устраивавшихся в ал<л>ее сада, прилежавшего к дому Погодина, обеды были веселые, шумные. Гоголь, когда подавались к столу макароны, любил сам их готовить, засучив для того рукава и сопровождая всю манипуляцию веселым смехом и шутками.

Гоголь был большим любителем кофе, у него было бесконечное число кофейников, он сам варил себе кофе. Гоголь любил эти утренние часы, когда пар вырывался из кофейника, — мысль его тогда как бы напряженно работала, он задумывался, становился сосредоточенным. Руками в это время он отрывал кусочки хлеба и скатывал его в шарики. Этими шариками вскоре наполнялся целый бокал. Отдавая раз этот бокал матери А<лександры> М<ихайловны>, Гоголь сказал:

— Вот вам Елизавета Васильевна, на память! В этих шариках много моих мыслей...

В последние два года своей жизни Гоголь редко бывал у Погодина, но часто присылал к Погодиным с просьбой попросить прийти к нему местного священника¹, настоятеля Саввинской церкви, возле которой жили Погодины. К престарелому священнику этому Гоголь относился с глубочайшим уважением и любовью, этот священник часто исповедывал и приобщал Гоголя Св. Таин.

Весть о том, что Гоголь сжег последнюю часть «Мертвых Душ», приказав прислуживавшему у него мальчику растопить рукописью печку, страшно поразила М. П. Погодина.

Последние три дня перед кончиною за Гоголем ухаживала, хотя он и жил в то время в доме гр<афа> Толстого, на Новинском бульваре, бабушка по матери г-жи Зедергольм, Елизавета Фоминична Вагнер, на руках которой он и скончался². В биографиях Гоголя часто неверно упоминается то лицо, которое приняло последний вздох Гоголя.

В те годы девушек-подростков, какою была г-жа Зедергольм, воспитывали отдельно от общества взрослых, почему и память о Гоголе сохранилась у нее лишь в отрывочных частях.

Впервые опубликовано: В. С. Из воспоминаний о Н. В. Гоголе // Новое время. 1909. 20 марта (2 апр.), № 11861. С. 4. Печатается, с незначительным сокращением, по первой публикации.

¹ Имеется в виду отец Иоанн Диомидович Никольский.

² См. в наст. изд. письмо Е. Ф. Вагнер к М. П. Погодину от 21 февраля 1852 г.

Гоголь в письмах Н. К. Калайдовича

Н. К. Калайдович — М. П. Погодину

1839 г. Октября 16. Вторник. СПб.

Императорское училище правоведения.

<...> Вы привезли с собою в подарок нашей литературе беглеца Пасичника! — Знаете ли, что известие об этом возбудило у нас энтузиазм! Теперь только и разговоров, что о Гоголе и новых его произведениях. Только и слышишь, что цитаты из «Вечеров на хуторе», из «Миргорода», из «Арабесок». Даже вздумали разыгрывать «Ревизора» и уже выучили роли¹. Любители петербургской жизни и петербургского общества (которых у нас немало) завидуют теперь москвичам, которые, по всей вероятности, прежде их будут наслаждаться новыми творениями Гоголя. Вот что значит побыть несколько времени за границу, возбудив перед тем всеобщее внимание! Петербург жалеет, что потерял одного из достойнейших литераторов, и возвышает цену произведений Гоголя. «Ревизора» едва можно достать, и то не меньше как за 15 руб<лей>. — Потрудитесь предостеречь г-на Гоголя, чтобы он не медлил изданием своих творений, если не хочет возбудить против себя ярости почитателей его таланта. Будущие титулярные советники ждут с нетерпением диплома и сочинений Гоголя; но и то и другое еще впереди! Неужели все кончится одним ожиданием? <...>

Впервые частично опубликовано: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Кн. 5. С. 324. Печатается по изд.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 564, 566.

Николай Константинович Калайдович (1820–1854), сын археолога К. Ф. Калайдовича (1792–1832); в то время учился в Училище правоведения.

¹ См. также в наст. изд. письма Г. С. и И. С. Аксаковых С. Т. и О. Сем. Аксаковым от 22 октября 1839 г.

Н. К. Калайдович — К. С. Аксакову

23 июля 1842 г.

<...> Слухов и толков о Гоголе здесь не оберешься. Теперь не время, но, когда будет досуг, напишу Вам целую статью¹ о разнообразных суждениях о «Мертвых душах», из которых некоторые уморительны и оригинальны до невероятности. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 643–644. Печатается по первой публикации.

¹ Судьба статьи неизвестна.

Н. К. Калайдович — М. П. Погодину

1842 года, декабря 14. Понедельник. СПб.

<...> Я заменяю у Маркуса¹ секретаря. <...> В пример того, как он сочувствует всему прекрасному и благородному, приведу Вам одно обстоятельство. Когда по поводу появления

«Мертвых душ» начались споры и разногласия и в литературе, и, что еще важнее, в обществе, даже придворном, Маркус, мало следивший нашу литературу, стал меня расспрашивать о Гоголе и его поэме. Я по возможности старался быть беспристрастным докладчиком этого дела и даже удержался от собственного мнения о «Мертвых душах». Я только доставил Маркусу прочие сочинения Гоголя, за исключением «Вечеров на хуторе», которых у меня не случилось под руками. С этих пор Маркус получил высокое мнение о Гоголе. Наконец он достал и «Чичикова», прочитал его, и, когда я пришел потом к нему, он встретил меня словами, что не читал ни на одном языке ничего выше «Мертвых душ», в своем роде. «Это что-то шекспировское!» — говорил он и в первую же свободную ночь, в опровержение всех аристократических мнений, которые ему удавалось слышать, набросал сам статью о Гоголе и «Мертвых душах», взяв с меня наперед слово поправить могущие встретиться в ней неровности слога и напечатать самую статью в одном из журналов. Статья, как я могу предполагать по плану и отрывкам, выйдет замечательная: ведь Маркус знаком почти со всеми европейскими литературами и следит за ними в лице их новейших представителей. Особенно замечательна эта статья тем, что в ней отвергаются не мнения ученых и журналистов, часто известные им самим и всегда более или менее ограниченному кругу их читателей, а мнения людей, составляющих общество, предрассудки рождения и воспитания. Когда она будет окончена, вероятно в январе, я перешлю Вам ее². <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 642–643. Печатается по первой публикации.

¹ Михаил Антонович Маркус (1790–1865), лейб-медик; с 1841 г. — председатель Медицинского совета Министерства внутренних дел; автор ряда статей и брошюр медицинского характера. Вместе с Н. К. Калайдовичем издал в 1843 г. «Краткое руководство для врачей к познанию российских законов, учреждений и государственной службы» (СПб., 1843).

² Судьба статьи неизвестна.

Гоголь в письмах И. Е. Бецкого к М. П. Погодину

И. Е. Бецкий — М. П. Погодину

Харьков. 11 марта 1840 г.

<...> Скажу еще несколько слов о самом Харькове. О нравственном характере малороссийского общества и характере его в отношении к образованию сам судить еще не могу, по бедности данных, и остаюсь при дагерротипических очерках Гоголя.

Одна дама, услышавши от меня слово «Жан-Поль»¹, приняла самого Жан-Поля за мое сочинение. Я и не стал разуверять ее: пусть думает Харьков, что Жан-Поль есть роман в 4-х частях, подобно «Леонидам» Зотова², которые здесь в ходу. Но что меня всего более удивило — это недостаток хоть по крайней мере собачьего чутья оценить Гоголя! Прошу после этого толковать о родине! Я спрашиваю природного малоросца, да еще профессора; мало того что профессора — философа! как нравится ему Гоголь, а он, разбойник, спрашивает: «Это тот Гоголь, который перекладывал в стихи русские сказки?»³ — «Бову королевича гекзаметром», — отвечал я. — «Должно быть, вольтерьянец», — подумал я. Положим, что философия — великая наука, да как же не знать, что и кто Гоголь! О, Гоголь, Гоголь, на твоей родине надобно быть, чтоб оценить тебя! Иди ты в Рим: да слышит он пророка... Дождусь степей украинских, авось, тогда как и мне придется повторить, пережить знаменитое: «Чорт вас возьми, степи, как вы хороши», авось тогда помирюсь с Малороссиею. <...>

Что Ваше намерение издавать журнал в Москве⁴? Жива ли «Галатея»? Если еще Гоголь у Вас, что бы Вам стоило сделать доброе дело; ведь рисуют же иногда истинные художники рожицы на бумажке карандашом; что бы стоило также и Гоголю подарить хоть *рожцу* Раичу для «Галатеи»! от этого она выросла бы вместе с Раичем на целый аршин⁵! <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 584. Печатается по первой публикации.

Иван Егорович Бецкий (1817–1891), воспитанник Погодина, в это время студент Харьковского университета. Впоследствии издавал альманах «Молодик» (см. в наст. изд. письмо И. Е. Бецкого к М. П. Погодину от февраля 1844 г.).

¹ Иоганн-Пауль Рихтер (1763–1825), немецкий писатель, печатался под псевдонимом «Жан-Поль».

² Роман Р. М. Зотова «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона» (М., 1857), отрывки из которого печатались в 1830–1840-х гг. в периодических изданиях.

³ По предположению Л. Р. Каплана, Бецкий говорит здесь о профессоре Матвее Николаевиче Протопопове (1794–1857), читавшем в это время философию в Харьковском университете (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 586).

⁴ Журнал «Москвитянин», официальное разрешение на издание которого М. П. Погодин получил еще в 1837 г., стал выходить только с 1841 г.

⁵ Журнал «Галатея», издававшийся С. Е. Раичем в 1829–1830 гг., возобновился в 1839 г. и снова прекратился в 1840 г.

И. Е. Бецкий — М. П. Погодину

<Февраль 1844>. 3 часа ночи. СПб.

<...> К «Молодику» будут приложены уже заказанные вещи: вид Ахтырского монастыря, портрет Гоголя (великолепный)¹ <...> и, наконец, две группы малороссиянок. Кажется, это такая роскошь, что если после всего этого наша публика покупать не будет, так останется сказать ей:

Если король комедии не полюбит,

Так, видно, он комедию не любит².

Всё это будет издано в пользу приюта³...

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 666, 668. Печатается по первой публикации.

Поэт Н. Ф. Щербина, приятель Бецкого, писал В. М. Лазаревскому 30 мая 1845 г.: «Бецкий объездил большую половину Европы, прожил несколько месяцев в Париже, теперь отправился в Лондон <...> Он осмотрел там достопримечательности, был у Гоголя, у Жуковского, у вдовы Жан-Поля, пишет “Путевые записки” (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 668).

¹ Речь идет об издании: Молодик, на 1844 год, украинский литературный сборник, издаваемый И. Бецким. Вып. 4. В пользу Харьковского Детского приюта. Санктпетербург. В типографии К. Жернакова. 1844 (цензурное разрешение 22 марта). В сборнике, между с. 6 и 7, была помещена литография К. Поля с портрета Гоголя работы К. П. Мазера (1840 г.): «Поясной; сидит в готическом кресле; $\frac{3}{4}$ вправо; в сюртуке с бархатным воротником; гриф: *Я бы давно уже был на дороге | в Рим. — Гоголь; — Лит. Поля; выш. 13 с.; при “Молодике на 1844 г.”; есть экземпляр с одним грифом Гоголь» (Адарюков В. Я., Обольянинов Н. А. Словарь русских литографированных портретов. М., 1916. Т. 1. С. 228). Факсимильно воспроизведенные под портретом строки Гоголя: «Я бы давно уже был на дороге в Рим. Гоголь», были взяты издателем «Молодика» И. Е. Бецким из письма Гоголя к П. А. Плетневу от 7 марта 1840 г. из Москвы. В оглавлении сборника Бецким отмечено: «К сему четвертому выпуску приложены... 4) Портрет Гоголя, с fac-simile из письма Гоголя к П. А. Плетневу» (Молодик, на 1844 год. СПб., 1844. С. 250).*

О публикации его портрета в альманахе И. Е. Бецкого Гоголь, по-видимому, узнал из отдела «Библиографическая хроника» в № 5 журнала «Отечественные Записки» за 1844 г.: «Портрет Гоголя, с fac-simile... довольно неудачен» (с. 6; заметка принадлежит В. Г. Белинскому) (см. коммент. к заметке «Разные дела по части Гоголя» в т. 9 Полн. собр. соч. и писем Гоголя: В 17 т. М.; Киев, 2009). 1 октября (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал Н. М. Языкову из Франкфурта: «Скажи Шевыреву, чтобы он объявил в “Москвитянин”, что мне крайне было неприятно узнать, что без моего спросу и позволения в каком-то харьковском повременном издании приложили мой портрет и какие-то facsimile записки или тому подобное». Спустя месяц, 26 октября (н. ст.), Гоголь сообщал тому же Языкову: «Каков между прочим Погодин и какую штуку он со мною сыграл вновь! Я воскипел негодованием на Бецкого за помещение моего портрета, и надобен же такой случай: вдруг сам Бецкий является из Харькова во Франкфурт для принятия от меня личного распеkania. От него я узнаю, что Погодин изволил еще в прошлом году приложить мой портрет к “Москвитянину”, самоуправно, без всяких оговорок, точно свой собственный...» (речь идет о литографии П. Ф. Зенькова с портрета Гоголя работы А. А. Иванова 1841 г.). См. также <Надпись Н. В. Гоголя к его портрету, сделанная для Д. К. Малиновского в альманахе «Молодик на 1844 год» (конец 1840-х – начало 1850-х гг.)> в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 9. С. 479) и коммент. к письму Н. М. Языкова родным от 27 октября 1844 г. в наст. изд.

² Искаженная цитата из «Гамлета» Шекспира (перевод Н. А. Полевого).

³ Имеется в виду Харьковский Детский приют.

И. Е. Бецкий — М. П. Погодину

19/7 июня 1852. Флоренция.

<...> Письмо ваше я получил и благодарю за мелочи о Гоголе. Если б я послушал влечения, написал бы вам несколько страниц о том, как понимаю характер Гоголя. — Остановился, страшно. Обойдется легко ваш журнал и без моего о великом Гоголе чиликанья. <...> Прочел с сожалением подробности о смерти Гоголя. — Многие в краткой своей статье¹ не досказали вы. <...>

Публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 4. Ед. хр. 52. Л. 2.

¹ Речь идет о статье М. П. Погодина «Кончина Гоголя» (см. в наст. изд.).

Н. И. Крылов — М. П. Погодину

<Около 28 марта 1841. Москва>

Спасибо Вам, добрый Михайло Петрович, за Ваше православное послушание. Теперь пересмотрел журнал Ваш и нашел не только все мои отметки исполненными, но, кроме их, еще много Ваших, и дельных. Спасибо особенно за вчерашнюю мою неосторожность. Читаю с Коршем Гоголя и останавливаюсь на словах: «Вы не только о собаках, но и о сотворении мира». Думаю, зачеркнул ли я это место? Ну давай писать к Степанову¹ и просить его о снисхождении. Сегодня гляжу — все сделано². Я теперь сбился в своем принципе: не знаю, откуда ждать грозы; и не гадаешь, где она постигнет. Так неопределенно ее движение. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 600. Печатается по первой публикации.

Никита Иванович Крылов (1808–1879), цензор, профессор Московского университета.

¹ П. С. Степанов, владелец типографии, в которой печатался «Москвитянин».

² В четвертой книжке «Москвитянина» за 1841 г., цензуравшейся Н. И. Крыловым (цензурное разрешение 27 марта 1841 г.), были напечатаны сцены из четвертого акта «Ревизора» в новой редакции. После слов Амоса Федоровича: «Что иной раз увлечешься, говоря о домашней своре или гончей ищейке...» — была изъята ответная реплика чиновников: «Нет, вы не только о собаках, вы и о столпотворении...».

Ф. Б. Миллер — М. П. Погодину

<31 мая 1842>

<...> На днях я слышал мнения двух особ о «Мертвых душах». Одна из них — дама, имеющая претензии на авторство, — она полагает, что в этом сочинении нет ни содержания, ни <1 нрзб.>, что характеры слишком оригинальны; но в целом оно очень занимательно. Другая особа — мужчина, — он говорит, что «Мертвые души» стоят несколько ниже «Вечеров на хуторе» и «Миргорода»; но все виден в них Гоголь; что характеры изображены прекрасно, только один Гарпагон¹ несколько преувеличен. В особенности понравилось ему своею естественностью рассуждение двух мужичков о колесе, доедет ли оно до Киева, и помещицы Коробочки с своею пенькою и медом, также поразительная противоположность двух прекрасных характеров Манилова и Собакевича. Краткие эпизоды, в которых автор разговаривает сам с собой, исполнены красоты необыкновенной. <...>

Впервые упомянуто: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Комментарий Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 636. Впервые опубликовано: Манн Ю. В. В поисках живой души. «Мертвые души»: писатель — критика — читатель. М., 1984. С. 394. Печатается по первой публикации.

Федор Богданович Миллер (1818–1881), поэт-переводчик.

¹ Имеется в виду Плюшкин.

М. А. Зензинов — М. П. Погодину

1843 года, 30 января. Нерчинск.

<...> Да! пять месяцев прошло после моего письма к Вам, и Вы, может быть, спросите меня, что же я делал в это долгое время? Я не скоро дам Вам отчет, что делал я в это время. Читал журналы, книги, прочел «Мертвые души» Гоголя, «Русскую беседу». Я не буду говорить о произведении Гоголя, а скажу только, что Гоголь — великий наш Художник-Писатель. Гоголь у нас один, и долго-долго не будет другого Гоголя. Он растет талантом видимо и перед глазами. Его перо — кисть Художника, его поэтические места «Мертвых душ» так патриотически высоки, так глубоки чувством, так прелестно очаровательны, что, боюсь Вам, я немного читывал подобного на русском языке; в них одно русское, одно нам родное, одно близкое к нашему сердцу.

Но довольно! Я не буду более говорить об этом Писателе-волшебнике, об нем надо исписать не один лист, а сами знаете, что я могу написать при моем решительном неумении выражаться? Много можно чувствовать, но как всё это выразить? Одним избранным дается дар слова, а я не Гоголь. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 650. Печатается по первой публикации.

Михаил Андреевич Зензинов (1805–1873), сибирский промышленник, писатель, корреспондент Погодина и сотрудник «Москвитянина» (псевдонимы Зензинова: «Даурси», «Даурский пастух»).

Свидетельства о Гоголе П. В. и В. А. Нащокиных

Гоголь в письмах П. В. Нащокина к М. П. Погодину

П. В. Нащокин — М. П. Погодину

<1844. Москва>

<...> ...Вещи Пушкина с удовольствием вам доставлю, но их у меня осталось очень немного, и не все налицо: недавно у меня жил мальчик, который всего меня обокрал и в том числе архалук Пушкина, который один и найден, но еще мне не возвращен; еще книжник покойника, в коем было семьдесят пять рублей, найденных после его смерти; но такова моя была нужда, что я их израсходовал; часы, которые он носил, тоже были мне отосланы и мною получены, но я их подарил Н. В. Гоголю, у которого они еще и теперь находятся; итак, я вам могу только доставить его книжник и архалук, лишь только получу обратно из полиции; еще могу вам предоставить право на получение кровати, обгаренной его кровью и на которой он скончался для нашей жизни. — В. А. Жуковский предлагал мне ее, как человеку, который, по его мнению, более всех на нее имеет право, но я отказался, не лишая себя права передать ее кому захочу. Узнайте, где она, и получите. <...>

Первые опубликовано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893. Кн. 7. С. 310. Печатается по первой публикации.

П. В. Нащокин — М. П. Погодину

<Середина марта 1852. Москва>

<...> Благодарю Вас <...> за статью Вашу о Гоголе, которая превосходна¹.

Публикуется впервые по автографу: *РГБ.* Ф. 231. Разд. II. К. 21. Ед. хр. 120. Л. 18.

¹ Речь идет о статье М. П. Погодина «Кончина Гоголя» (см. в наст. изд.).

П. И. Бартнев

Рассказы о Пушкине. Тетрадь 1851—1860 гг. Фрагмент

<...> 4 ноября <1851>. По словам Нащокина, Гоголь никогда не был близким человеком к Пушкину. Пушкин, радостно и приветливо встречавший всякое молодое дарование, принимал к себе Гоголя, оказывал ему покровительство, заботился о внимании к нему публики, хлопотал лично о постановке на сцену Ревизора, одним словом, *выводил Гоголя в люди*. — Нащокин никак не может согласиться, чтобы Гоголь читал Пушкину свои *Мертвые души* (см. Переписку, стр. 145). Он говорит, что Пушкин всегда рассказывал ему о всяком замечательном произведении. О Мертвых же душах не говорил. Хвалил он ему Ревизора, особенно Тараса Бульбу. О сей

последней пьесе Пушкин рассказывал Нащокину, что описание степей внушил он. Пушкину *какой-то*¹ знакомый господин¹¹ очень живо описывал в разговоре степи. Пушкин дал случай Гоголю послушать и внушил ему вставить в Бульбу описание степи. От себя прибавлю, что здесь верно есть недоразумение и много можно сделать вопросов. Иначе, что за лгун Гоголь перед публикой. — Нащокин, уважая талант Гоголя, не уважает его как человека, противопоставляя его искание эффектов, самомнение — простодушию и доброте, безыскусственности Пушкина — в этом он, конечно, до некоторой степени прав. <...>

Впервые опубликовано: Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851–1860-х годах / Вступ. ст. и примеч. М. А. Цявловского. М., 1925. С. 44–45. Печатается по первой публикации.

¹ С. Д. Шаржинский. См. в наст. изд. фрагмент из «Автобиографии» А. Н. Мокрицкого, коммент. к письму Н. Я. Прокопович С. П. Шевыреву от 26 января 1843 г. и раздел «Гоголь в воспоминаниях М. А. Максимовича» (примеч. П. А. Кулиша).

И. Родионов

Воспоминания В. А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе Фрагменты

Нынешним летом мне случилось посетить В. А. Нащокину.

Она рассказала мне некоторые эпизоды из жизни Пушкина, Гоголя и других литературных деятелей первой половины нынешнего столетия, которых она знала лично.

Вера Александровна, несмотря на свой довольно преклонный возраст и массу испытаний, выпавших ей на долю в течение ее долгой многотрудной жизни, сохранила всю ясность ума и памяти. Особенно хорошо она помнит лица и события, прошедшие перед ее глазами в первую, более счастливую пору ее жизни.

Происходя из знатного дворянского рода и будучи впоследствии замужем за человеком из высшего московского барства дореформенных времен, Вера Александровна принимала у себя в доме и московскую аристократию, и представителей литературного и артистического мира. Ее рассказы так и блещут именами великих писателей, артистов, музыкантов, наряду с представителями старых дворянских родов.

Она иногда немногими штрихами рисует широкую картину старого московского дворянства со всем его благодушием, гостеприимством и причудами. <...>

После смерти Пушкина Жуковский прислал моему мужу серебряные часы покойного, которые были при нем в день роковой дуэли, его красный с зелеными клеточками архалук, погребальную маску и бумажник с ассигнацией в 25 рублей и локоном белокурых волос. В письме Жуковский предлагал прислать и кровать поэта, на которой он умер, с каплями его крови, но Павлу Войновичу так тяжела была утрата друга, так больно было видеть вещественные знаки его преждевременной насильственной смерти, что он отказался.

Впоследствии Павел Войнович часы подарил Гоголю, а по смерти последнего передал их, по просьбе студентов, в Московский университет, маску отдал Погодину, архалук же остался у нас. Куда он девался — не знаю. <...>

¹ Слово: какой-то — подчеркнуто С. А. Соболевским, ознакомившимся с рукописью в первой половине 1852 г.

¹¹ да; это было при мне. С. Соболевский. Стражинский, что в Житомире. Портрет его в кабинете у Плетнева. — Примеч. С. А. Соболевского на полях рукописи, сделанное в первой половине 1852 г. После фамилии: Стражинский — П. И. Бартенев позднее поставил вопросительный знак (фамилия искажена; следует: «Шаржинский»).

С Гоголем Павел Войнович познакомился в Москве, кажется, у С. Т. Аксакова и пригласил его к себе. Это случилось до поездки Николая Васильевича в Италию, но в каком именно году — не помню. Гоголь скоро стал своим человеком в нашем доме. Он был небольшого роста, говорил с хохлацким акцентом, немного ударяя на *о*, носил довольно длинные волосы, остриженные в скобку, и часто встряхивал головой, любил всякие малороссийские кушанья, особенно галушки, что у нас часто для него готовили. Общества малознакомых людей он сторонился. Обыкновенно разговорчивый, веселый, остроумный с нами, Гоголь сразу съезживался, ступшеывался, забивался в угол, как только появлялся кто-нибудь посторонний, и посматривал из своего угла серьезными, как будто недовольными глазами или совсем уходил в маленькую гостиную в нашем доме, которую он особенно любил.

Когда Гоголь бывал в ударе, а это случалось часто до отъезда его за границу, он нас много смешил. К каждому слову, к каждой фразе у него находилось множество комических вариаций, от которых можно было помереть со смеха. Особенно любил он перевернуть, конечно, в шутку, газетные объявления. Шутил он всегда с серьезным лицом, отчего юмор его производил еще более неотразимое впечатление.

У Гоголя была прекрасная семья. Мать кроткая, чудная и в молодости, вероятно, была красавица собой. Гоголь относился к ней с глубокой почитательностью и любовью. Я это знаю потому, что мать и две его сестры прожили у меня в доме около года. Старшая из сестер¹ была очень недурна собой, и Николай Васильевич был с ней особенно дружен; меньшая, Анна¹ Васильевна, лицом поразительно походила на брата. Гоголь, обожавший музыку, очень хотел, чтобы хоть одна из его сестер играла на фортепиано, и, желая сделать ему приятное, мы пригласили для Анны Васильевны учителя музыки — знаменитого тогда Гурилева². Но Анна¹ Васильевна не отличалась музыкальными способностями, уроки шли неуспешно и скоро прекратились.

Мне очень хотелось повеселить девочек³, а для этого их надо было повезти в благородное собрание на бал. В те времена доступ туда имели исключительно только баре, членских билетов было весьма ограниченное количество, да и стоили они довольно дорого. Тогда я устроила такую штуку: из картона вырезала два билета такой величины и формы, как настоящий, и каждой из сестер Гоголя приколола по одному на грудь, а свой настоящий билет взяла с собой. Швейцар собрания знал меня в лицо, как постоянного члена, и вместе со мной пропустил многих новых членов.

Гоголь, когда мы собирались на бал, говорил моему мужу: «Посадят твою жену, Павел Войнович, непременно посадят с фальшивыми билетами-то».

И на самом деле наши мужчины были несколько в тревожном состоянии, ожидая нас дома с чаем.

«Молодец, Вера Александровна, вот молодец-то!» — говорил довольный Гоголь, когда мы, натанцовавшись, возвратились из собрания.

Не могу сказать наверное, в первое ли или в одно из первых представлений «Ревизора» на сцене Гоголь сидел в нашей ложе⁴, в глубине ее, и прятался за моим плечом, иногда пригибался чуть не до самого пола. Публика неистовствовала и вызывала автора. Верстовский несколько раз входил к нам и упрашивал Гоголя выйти к публике, но тот отказывался, говоря: «Скажите, что меня нет, что я уехал из театра», а между тем несколько раз во время хода пьесы ходил за кулисы и показывал актерам, как какую роль надо было играть.

Павел Войнович познакомил Гоголя с графиней Анной Георгиевной Толстой (урожденной кн<яжной> Грузинской).

Женщина эта и ее муж, бывший обер-прокурор Св. Синода гр<аф> Алекс<андр> Петр<ович> Толстой, мне кажется, в последний период жизни Гоголя сыграли громадную

¹ Ошибка. Следует: Ольга

¹¹ Ошибка. Следует: Ольга

роль в смысле духовного перерождения писателя⁵, а поэтому я считаю не лишним несколько подробнее познакомить с личностью графини.

Единственная дочь богатого, знатного князя⁶, обворожительная, красавица собой, она росла в родительском доме вместе с одним мальчиком, воспитанником ее отца. Годы проходили. Из мальчика вышел красивый, умный, прекрасно образованный молодой человек; из девочки сформировалась чудная девушка. Естественно, что молодые люди, живя вместе, полюбили друг друга и в конце концов решили обвенчаться, но когда узнал об этом князь, отец девушки, то энергично воспротивился соединению влюбленных. Он долго отговаривал дочь, напоминал ей о темном происхождении ее избранника, сулил ей самую блестящую партию, но девушка и слышать ничего не хотела. Тогда, наконец, князь вынужден был открыть ей тайну происхождения ее избранника: он оказался побочным сыном князя, следовательно, единокровным братом княжны.

Молодой человек удалился после этого в монастырь и впоследствии был наместником Троице-Сергиевой лавры под именем архимандрита Антония⁷.

Княжна тоже хотела последовать примеру своего брата, и только мольбы и просьбы одинокого гордого князя заставили ее бросить мысль о черной мантии. Уступая его же просьбам, она вышла за графа Толстого.

В то время, когда Гоголь познакомился с графиней, она уже была не первой молодости, жила в своем богатом доме на Никитской, окруженная монахинями и духовенством.

Женщина она была в высшей степени добрая, отзывчивая, много помогала бедным, но отличалась чрезвычайным религиозным фанатизмом. Гоголь в то время сильно нуждался, о чем Павел Войнович откровенно рассказал Толстой. Та отнеслась сочувственно к молодому писателю и предложила ему поселиться в ее доме, на что он согласился.

Немного времени спустя после этого знакомства Павел Войнович встретил Гоголя на улице, едущим в карете с графиней Толстой и ее домоправительницей, Кирианой Федотовой. Они ехали к Троице.

Здесь-то, в доме графини, мне кажется, и дан был сильный толчок зачаткам того мистического религиозного настроения, которому Гоголь остался верен до конца жизни.

Как-то раз Гоголь приезжал к нам, но я была больна и не вышла к нему. Он оставил записку⁸, в которой сообщил, что заедет дня чрез два-три и надеется застать меня здоровой.

Действительно, в следующее посещение я сама встретила его. На вид он был здоров и даже веселее обыкновенного.

— Ну вот, я писал, что вы будете здоровы. Так и случилось, — сказал Гоголь. — А это что за бумажка? — спросил он, указывая на лежавшую на столе записочку.

— Это ваша записка, Николай Васильевич. Зачем такие коротенькие пишете? Пишите, пожалуйста, подлиннее, — пошутила я.

— Зачем это вам?

— Как же? Вы — знаменитость. Со временем ваши письма будут цениться на вес золота.

— Хорошо. Я вам буду теперь писать целые тетради.

Но увь! Его обещанию не суждено было исполниться. Это была его последняя записка ко мне, как и последнее посещение.

Приблизительно неделю спустя мне из дома графини Толстой прислали сказать, что великий писатель безнадежно болен.

Я поспешила на Никитскую.

Гоголь занимал несколько комнат в нижнем этаже дома графини.

Когда я вошла в комнату⁹, в которой находился больной (помню, комната эта была с камином), он лежал в постели, одетый в синий шелковый ватный халат, на боку, обернувшись лицом к стене. Умиравший был уже без сознания, тяжело дышал, лицо казалось страшно черным. Около него никого не было, кроме человека, который за ним ходил.

Я боюсь умирающих, и мне было так страшно жаль несчастного Николая Васильевича, что я не могла уже выносить надрывающего душу зрелища, разрыдалась и уехала. Через несколько часов Гоголя не стало.

На другой день¹⁰ я была у его тела. С него только что сняли маску¹¹. Весть о его смерти уже облетела Москву и народу прибывало все больше и больше к праху почившего.

Выносили тело Гоголя ночью¹² при свечах и факелах в университетскую церковь, где и отпевали. Зрелище было величественное и тяжелое. Народу было множество, но соблюдалась благоговейная тишина, подавляюще действовавшая на душу. Я заметила, что среди публики было много студентов. Кареты тянулись вереницей от дома графини до самого Данилова монастыря, на кладбище которого прах почившего писателя поэта нашел свое вечное упокоение. Я при всем моем желании не могла добраться до монастыря и, пробившись среди карет несколько часов совершенно безуспешно, приказала кучеру поворотить назад домой.

После смерти Гоголя занимаемые им комнаты в доме графини Толстой были закрыты до самой смерти последней. Скончалась она в Москве в своем доме на Садовой 17-го июля 1889 года.

Впервые опубликовано: <Родионов И.> И. Р. Воспоминания В. А. Нашокиной о Пушкине и Гоголе // Новое Время. <Иллюстрированное приложение>. СПб., 1898. 30 сент. (12 окт.). № 8115. С. 6; 14 окт. (26 окт.). № 8129. С. 7. Печатается, в сокращении, по первой публикации.

Вера Александровна Нашокина (1811 (?) – 1900), жена П. В. Нашокина (с 1834 г.), побочная дочь его троюродного брата камергера А. П. Нашокина.

¹ Имеется в виду Елисавета Васильевна Гоголь (в замужестве Быкова), которая на самом деле была тремя годами младше сестры Анны Васильевны. С последней Нашокина перепутала самую младшую сестру Гоголя Ольгу (об уроках музыки в доме Нашокиных, на которые Гоголь возил сестру Ольгу см. в наст. изд. в статье «Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни»). Всего у Гоголя было шесть сестер, из которых две умерли во младенчестве (см. в наст. изд. «Воспоминания М. И. Гоголь-Яновской в путевом дневнике С. П. Шевырева»).

² По предположению Н. А. Раевского, речь идет не об известном скрипаче и композиторе Александре Львовиче Гурилеве (1805–1853), а, скорее, об его отце Льве Степановиче (1770–1844), московском преподавателе музыки (см.: Раевский Н. А. Друг Пушкина Павел Воинович Нашокин // Раевский Н. А. Избранное. М., 1978. С. 415).

³ Имеются в виду Анна и Елисавета.

⁴ Имеется в виду представление «Ревизора» в помещении Московского Большого театра 17 октября 1839 г. См. в наст. изд. коммент. к «Литературному обозрению» В. С. Межевича.

⁵ Факты свидетельствуют об обратном: не граф Толстой и его супруга, а Гоголь повлиял на них в религиозном отношении. Как позволяет судить содержание сделанных П. А. Кулишом выписок из недошедших до нас писем графа А. П. Толстого к Гоголю, именно гоголевскому влиянию Толстой был многим обязан своим духовным образованием (подробнее см.: Виноградов И. А. Воспоминания о Гоголе и письма к нему графа А. П. Толстого (из неопубликованных материалов П. А. Кулиша) // Н. В. Гоголь и русская литература. Девятые Гоголевские чтения: Сб. докл. Междунар. науч. конференции, Москва 1–5 апреля 2009 г. М., 2010. С. 75–82). (Всего П. А. Кулиш располагал двадцатью пятью письмами графа А. П. Толстого к Гоголю, которые были обнаружены им в гоголевском «чимодане с немецчины», переданном Кулишу родными писателя. Из этих писем биографом были частично использованы лишь выписки из трех писем: от 6 ноября 1844 года, от 12 декабря 1844 года и от 27 мая 1845 года (без указания имени отправителя); см.: <Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... Т. 2. С. 17, 22, 23.) 6 ноября 1844 года Толстой писал Гоголю из Парижа: «Я здесь прочел *Le Pape* Мейстера (сочинение о непогрешимости папской власти графа Ж.-М. де Местра «*Du Pape*», изданное в Лионе в 1819 г. – И. В.) и еще любопытнейшую для нас жизнь *Фотия*, <патриарха Константинопольского>, писанную римским католиком, с письмами Фотия и рассуждением о происхождении Духа Святого. — — — контр-Адмирала Путятина, очень верующего и более или менее разделяющего ваши мысли о будущей судьбе христианских народов». В письме от 12 декабря (н. ст.) 1844 года Толстой также сообщал: «Я, по вашим советам, читаю Подражание Иисусу Христу <Фомы Кемпийского> и буду постоянно продолжать, хотя не подается мне живой молитвы». 19 марта 1845 года в письме к Гоголю из Парижа граф Толстой признавался: «...говенья, между

прочим, никому из нас не удастся: без вашего посредства никто не умеет к священному подступиться. — — В порядочные минуты я с женою или один читаю. Духовное еще не очень, увы, совсем даже не действует на меня». В письме из Парижа от 27 мая 1845 года Толстой замечал: «Между тем напал случайно на старинную ф<ранцузскую> книгу *Eloquence des auteurs sacres* <Красноречие священных писателей (фр.)>, в которой многое как будто нарочно для моего положения написано; но, увы, никакие слова, самые сильные, не проникают в глубину прескверной моей души». В письме из Остенде от 20 сентября 1845 года Толстой признавался: «Как вы без моря, так я без вас: очень грустно и скучно и пусто».

Для характеристики взглядов графа А. П. Толстого в этот период примечательно также письмо к нему А. О. Смирновой от 6/18 сентября 1843 г. из Бадена: «Почтеннейший граф Александр Петрович, прилагаемую книгу и мое письмо вручит вам В. А. Муханов. С его совета адресую к вам новое пополненное издание омилий Макария Египетского. Издатель их, Архимандрит Греческой церкви в Венеции отец Спиридон, человек благочестивый, умный, исполненный усердия к Церкви нам общей. Он желал поднести один экземпляр своего посильного труда Императрице, узнавши, что Ее Величество желала, чтобы ее дети учились по-гречески. <...> Мухановы <Николай Михайлович и Владимир Михайлович> вам передадут все, что мы говорили об вас, о нашей любезной России. Вы, говорят, все видите в черном виде, иначе не может быть и не должно быть; но из этого не должно для нас проистекать уныние. Сила наша должна приближаться к делам общей скорби, когда те, которые пока властны <?>, упадут духом. Господь с вами был так милостив, что вам открыл многое, как же вам не тужить о том, что все человечество как бы стремится в бездну. Ведь вся история ничто другое, как это же самое стремление. Но есть эпохи в его развитии, где это делается более ощутительным. По милосердию Божию, мы видим, что в эти эпохи всегда являлся другой — тот, который останавливал переполнение зла. Мы по воле Провидения поставлены в такой исторический момент, в который приходится много выстрадать за себя и за других. Избави нас только Господь от уныния. <...> Великие молитвенники и отшельники всегда видели человечество в его настоящем виде, но не переставали его любить и без уныния молились. А признаться, иногда бывает гадко на душе, когда видишь всю светскую дрянь и пустоту, но как вспомнишь о себе, то чувствуешь, что и сам причастен многим увлечениям. Общество Мухановых должно быть для вас великим утешением; я нахожу, что Николай Михайлович очень созрел духовно, а при Владимире Михайловиче делается как-то приятно, как от запаха хороших цветов. Вы знаете, что мое славянофильство примирительное. Я не требую каких-то сверхъестественных добродетелей... <...> У меня здесь как и везде одна забота — задушевная наша Церковь, и много утешительного <...> мне говорили люди разных исповеданий, что Церковь одна, наша. Кажется, и мы начинаем догадываться, даже в высших кругах» (РГБ. Ф. 11. Разд. I. К. 69. Ед. хр. 31. Л. 1–2).

⁶ Имеется в виду князь Г. А. Грузинский.

⁷ О наместнике Троице-Сергиевой Лавры преподобном Антонии (Медведеве) см. также в наст. изд. третий фрагмент второго раздела <Воспоминаний о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> и коммент. к этому фрагменту.

⁸ Записка не сохранилась.

⁹ 20 февраля 1852 г.

¹⁰ 21 февраля 1852 г.

¹¹ См. в наст. изд. раздел «Гоголь в письмах и воспоминаниях Н. А. Рамазанова».

¹² С 23 на 24 февраля 1852 г.

Гоголь в письмах Г. Рора к М. П. Погодину

Г. Рор — М. П. Погодину

<Конец 1846. Москва>

<...> Вы друг Гоголя: только это и дает мне право к Вам обратиться. Но, надеюсь, что этого достаточно. Дело вот в чем. Мне поручено редакцией «La Revue des Deux Mondes» приготовить работу о Гоголе¹. Самая необходимая подготовка мною уже произведена, но мне не хватает еще некоторых сведений, которые я надеюсь получить от Вас. Не будете ли Вы столь любезны указать день и час, когда я смогу Вас увидеть, не причиняя Вам беспокойства? Надеюсь, что Вы извините докучливость, которая может содействовать славе Вашего знаменитого друга. <...>

Г. Рор.

Я хотел бы, милостивый государь, чтобы всё это осталось между нами.

Подлинник на фр. яз. Впервые опубликовано, в переводе: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 694. Печатается по первой публикации.

Г. Рор — автор трехтомного сочинения «Республиканский миссионер в России» («Un missionnaire republicain en Russie»), изданного в Париже анонимно в 1852 г. В последнем томе этого сочинения значительное место отведено Гоголю. В частности, Г. Рор описал сцену, наблюдавшуюся им в одной из московских гостиных по выходе в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Действительно, — сказала одна дама, — последняя книга Гоголя, его “Переписка с друзьями”, — книга высоконравственная, и она меня несколько примирила с ним.

— По-моему, сударыня, его прежние сочинения столь же нравственны, как и последнее, и нравственность их гораздо живей и интересней. Они отличаются от нее как хорошая комедия от проповеди, временами наводящей скуку.

— Несомненно, что в своем последнем сочинении Гоголь несет чистейший вздор <...> — едко произнес молодой представитель новой школы.

— Извините меня, — живо возразил святоша с претензиями на знание литературы. — Нигде Гоголь не достигал такой высоты, как в своей переписке. Наконец-то он попал на истинную дорогу!..

— На дорогу спасения души, вероятно, — насмешливо возразил молодой человек, — но эта дорога, конечно, весьма далека от поэзии.

— Что касается меня, — сказал толстяк Николай, — я никогда терпеть не мог этого Гоголя. Во-первых, он малоросс. Он издевается над нашей Россией, он ее позорит перед лицом всего мира. Это шут. Вот что я всегда говорил.

— Полноте, Николай Матвеевич, — сказал славянофил. — Гоголь, наоборот, слава нашей родины; это наш великий национальный поэт, и он нежно любит Россию.

— Вот как! И поэтому он нас изображает как нацию мошенников? Не так ли?

— Предположите, — сказала я толстяку Николаю, — что у вас болен ребенок; вы призываете к нему двух врачей. Один из них не дает себе труда осмотреть вашего ребенка и объявляет, что он совершенно здоров; второй внимательно выслушивает его, определяет болезнь, подробно описывает вам ее, чтоб вы могли ее излечить. Который же из обоих врачей больше любит вашего ребенка?

— Чорт возьми, конечно второй!

— Ну вот, Гоголь, подобно этому второму врачу, указал на некоторые болезни России» (цит. по переводу Л. Р. Каплана: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 700).

«Когда появились “Выбранные места из переписки с друзьями”, — сообщал далее Г. Рор, — все захотели их прочесть, и почти тотчас же зазвучали и порицания и хвалебные гимны. Это повторялось при каждом появлении Гоголя в

печати. Впрочем, на этот раз выявилось и значительное различие: большая часть читателей ограничилась тем, что прочла лишь начало книги или перелистала ее; с другой стороны, множество давних противников Гоголя, особенно партия моралистов и святош, стало на его защиту, в то время как большинство его прежних приверженцев высказывалось против него. <...> Потом выступили газетные и журнальные критики. И здесь переменились роли. Молодая критика, эта юная гвардия, столь сильно преданная и неутомимая в превознесении и защите поэтического царства Гоголя, открыто выступила против него; она не отказывалась от славного прошлого великого писателя, но лишь для того, чтоб явственней отречься от его нынешнего падения, осуждаемого ею с горькими сарказмами или строгими упреками» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 694). М. П. Погодину Г. Рор дал в книге отрицательную характеристику.

См. также в наст. изд. коммент. к письму князя П. А. Вяземского М. П. Погодину от 19 марта 1852 г.

¹ Статья Г. Рора о Гоголе в «Revue des Deux Mondes» не была напечатана.

Г. Рор — М. П. Погодину

<Конец 1846. Москва>

<...> Что касается писем Гоголя, нет ли средства нам как-нибудь с ними устроиться? Не могли ли б Вы, например, разрешить мне как-нибудь расположиться в воскресный день, в уголке, где Вы бы мне сообщили отдельные места этой переписки? Вы можете полностью рассчитывать на мою скромность. Единственное, чего я желаю, — это внимательно прочесть письма¹. Возвращаю Вам заметку, которой Вы выразили желание заняться. <...>

Подлинник на фр. яз. Впервые опубликовано, в переводе: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 695. Печатается по первой публикации.

¹ Выполнил ли Погодин просьбу Г. Рора — неизвестно.

Гоголь в письмах П. Ф. Зенькова к М. П. Погодину

П. Ф. Зеньков — М. П. Погодину

Петербург. 1848 года ноября 4-го дня.

<...> Благодарю Вас за письмо, которое я получил от Вас чрез Николая Васильевича; письмо Ваше меня обрадовало <...> тем, что я вместе с Вашим письмом увидел доброго и любезного Николая Васильевича Гоголя, которого никак не ожидал встретить, и был также рад, что Вы здоровы и благополучны.

У Николая Васильевича я был три раза¹ — при первом моем свидании с Николаем Васильевичем мы были очень рады друг другу, в особенности я; от радости не знаешь, что и говорить с ним, — начнешь об одном, сейчас же об другом, потом об третьем, и т. д. После, во второй раз, я приносил ему показать свои рисунки, этюды и эскизы; пересмотревши все, он был доволен моим успехом и пожелал мне еще больших; дал мне несколько полезных советов в отношении моих занятий, которые я уже имел в своем сердце и чувствовал так же, как он, но не мог бы ясно другому высказать их, потому что у меня в разговорах об чем бы то ни было, и как Вам известно, толку бывает мало; поэтому я его слушал так, как бы говорило мне мое сердце; я его еще больше полюбил после этих советов.

Еще я Вам скажу, что он так был добр для меня, что дал мне десять рублей серебром, которые мне было совестно от него взять, и старался сколько мог отклониться, но он просил меня, чтобы я от него принял их, как бы от своего родственника, и чтобы мне не так было совестно взять их, то он предложил мне написать ему к весне головку спасителя; причем я и согласился, поблагодарив его за доброе ко мне расположение.

В третий раз заходил к нему проститься. <...>

Если Николай Васильевич в Москве и Вы его видите, то и ему всенижайшее мое почтение.
<...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 710. Печатается по первой публикации.

Павел Федорович Зеньков (род. в 1824), художник.

¹ В начале октября 1848 г. Гоголь сообщал М. П. Погодину из Петербурга: «Зеньков у меня был. Из него выйдет славный человек. В живописи успевает и уже почувствовал сам инстинктом почти все то, что приготовлялся я ему посоветовать».

П. Ф. Зеньков — М. П. Погодину

27 ноября 1848 г.

Прошу Вас, добрейший Михаил Петрович, поздравьте от меня Николая Васильевича Гоголя с Новым годом и пожелайте ему от меня всех благ, какие он от Господа получить желает.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 711. Печатается по первой публикации.

В. П. Нечаев — А. В. Горскому

22 ноября 1848 г. <Москва>.

<...> Благодаря вашему письму был я с Мих<аилом> Антонычем¹ у М. П. Погодина. Он был так снисходителен, что показал нам все свои археологические и исторические редкости с объяснениями и замечаниями, в числе редкостей показал нам также Н. В. Гоголя, который промолвил при нас пару слов и в ту же минуту скрылся в свой кабинет писать свои «Мертвые души». <...>

Впервые опубликовано: *Корсунский И. Н.* Преосвященный Виссарион, епископ Костромской. По случаю 50-летнего юбилея церковно-общественной его деятельности. М., 1898. С. 7. Печатается по первой публикации.

Преосвященный Виссарион (в мире Василий Петрович Нечаев, 1822–1905), епископ Дмитровский (1889–1891), епископ Костромской и Галицкий (1891–1905), духовный писатель; выпускник Тульской Духовной семинарии (1844); во время визита к М. П. Погодину — выпускник Московской Духовной академии (1848), магистр, преподаватель логики, психологии, патристики и латинского языка Тульской Духовной семинарии, с 1853 г. иерей.

Александр Васильевич Горский (1812–1875), с 1842 по 1862 г. профессор церковной и гражданской истории и библиотекарь Московской Духовной академии, иерей (с 1860 г.), протоиерей (с того же года), ректор и профессор Московской Духовной академии (с 1862 г.), доктор богословия (с 1865 г.).

О визите М. А. Германова и В. П. Нечаева к М. П. Погодину см. также в наст. изд. дневниковую запись последнего от 22 ноября 1848 г.

¹ Михаил Антонович Германов, студент Московской Духовной академии (1844–1848), магистр.

С. К. Смирнов — М. П. Погодину

<1848>

<...> Слышал, что у вас гостит русская знаменитость: Н. В. Гоголь. Горю нетерпеливым желанием видеть этого чудного мужа, которого я почитаю до беспредельности. <...>

Впервые опубликовано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 9. С. 475. Печатается по первой публикации.

Сергей Константинович Смирнов (1818–1889), духовный писатель и историк; ректор Московской духовной академии (с 1878 г.).

А. Е. Студитский — М. П. Погодину

<1849. Москва>

Сообщаю Вам, если Вы не читали, статьи, выдаваемые за переписку Гоголя и Белинского¹. Вы поймете, конечно, что правда это или подделка — всё равно. Дело не об лицах. <...> Если Вы читали, прошу возвратить немедленно; если нет — поскорее. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 721. Печатается по первой публикации.

Александр Ефимович Студитский, журналист, переводчик, сотрудник «Москвитянина».

¹ Имеется в виду одна из копий письма В. Г. Белинского к Гоголю, написанного 12–15 июля (н. ст.) 1847 г. в Зальцбрунне (ныне г. Шавно-Здруй в Польше) и отправленного 17 июля (н. ст.) 1847 г. из Дрездена.

Свидетельства о Гоголе А. А. Григорьева

Гоголь в письмах А. А. Григорьева к М. П. Погодину

А. А. Григорьев — М. П. Погодину

<20 июня 1847. Москва>

<...> Мне хочется убедить одну даму, что Гоголь вовсе не с ума сошел. Одолжите меня дня на четыре его последнюю книгою, то есть *Перепискою*. <...>

Впервые опубликовано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 592. Печатается по первой публикации.

А. А. Григорьев — М. П. Погодину

2 октября 1851 г. <Москва>.

<...> Хорошо, что Вы не поехали сегодня в театр. Такого мерзостного представления «Ревизора» я не мог бы даже вообразить. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 741. Печатается по первой публикации.

А. А. Григорьев — М. П. Погодину

<Октябрь 1851. Москва>

<...> Вот Вам и конец статьи о Гоголе, многоуважаемый Михаил Петрович. Статья вышла жаркая, может быть и слишком, — но, предоставляя Вам право на подстрочное примечание, я прошу Вас не изменять в ней ничего¹. Вы знаете, что Гоголь для меня — святыня, которой служу я с фанатическим идолопоклонством и горжусь таким идолослужением. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 740. Печатается по первой публикации.

¹ Вероятно, речь идет о статье «Летопись московских театров», не пропущенной театральной цензурой (см. в наст. изд. письмо А. М. Гедеонова к М. П. Погодину от 26 декабря 1851 г.). Поводом к написанию статьи послужил, по-видимому, спектакль, о котором А. А. Григорьев упоминал в письме от 2 октября 1851 г. (см. в наст. изд.).

**И. С. Тургенев и его деятельность по поводу романа
«Дворянское гнездо» (Современник, 1859 г. № 1).
Статья вторая
Фрагмент**

<...> Тургеневский <...> «Нахлебник», к сожалению, не играный на сцене, эта «пьеса с причиною», как назвал ее *почему-то* покойный Гоголь¹, — привел натурализм уже не к комическому, а к отвратительному. <...>

Впервые опубликовано: *Григорьев Ал.* И. С. Тургенев и его деятельность по поводу романа: «Дворянское гнездо» (Современник, 1859 г. № 1). Письма к Г. Г. А. К. Б. Статья вторая // Русское Слово. Литературно-ученый журнал, издаваемый графом Гр. Кушелевым-Безбородко. 1859. Май. Отд. 2. С. 22; см. также: Соч. Аполлона Григорьева. Изд. Н. Н. Страхова. СПб., 1878. Т. 1. С. 350. Печатается по первой публикации.

¹ Гоголь называл также эту тургеневскую пьесу «безнравственной» (см. в наст. изд. письмо М. В. Станкевич к родным от 11 декабря 1849 г.).

Гоголь в письмах С. И. Пономарева к М. П. Погодину

С. И. Пономарев — М. П. Погодину

7 марта 1852 г. Киев.

<...> Смерть Н. В. Гоголя неожиданно и глубоко поразила и в Киеве всех чувствующих и понимающих людей. Я постараюсь, передать Вам в журнал собранные мною *отголоски* о покойном, общем любимце. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 754. Печатается по первой публикации.

Степан Иванович Пономарев (1828–1913), студент Киевского университета, впоследствии библиограф.

С. И. Пономарев — М. П. Погодину

1852 года, 18 марта. Киев.

<...> Еще ни над чем я так не трудился, как над посылаемой статьею о Гоголе¹. Сердечные чувства многих, в первые минуты получения роковой вести о смерти его, подмечены и переданы мною здесь с любовью. Представляя ее теперь Вашему милостивому воззрению, смею обратиться внимание Ваше на необходимую приписку в конце статьи и убедительнейше прошу дать место ей в «Смеси» Вашего журнала или в другом месте. <...>

Повторяя свою сердечную просьбу о внимании к статье о Гоголе и о помещении ее в следующей книжке, имею удовольствие засвидетельствовать Вам свою благодарность за присланные журналы. <...> Сердечное, великое спасибо Вам от многих за статью о Гоголе². Чудо! <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 754. Печатается по первой публикации.

¹ Статья неизвестна.

² Имеется в виду статья М. П. Погодина «Кончина Гоголя» (см. в наст. изд.)

Ранние годы моей жизни Фрагмент

<...> ...Аполлон Григорьев, не взирая на примерное рвение к наукам, успел, подобно мне, загореться страстью к стихотворству, и мы каждое свидание передавали друг другу вновь написанное стихотворение.

Свои я записывал в отдельную желтую тетрадку, и их набралось уже до трех десятков. Вероятно, заметив наше взаимное влечение, Григорьевы стали поговаривать, как бы было хорошо, если бы, отойдя к Новому году¹ от Погодина, я упробил отца поместить меня в их дом вместе с Аполлоном, причем они согласились бы на самое умеренное вознаграждение.

Все мы хорошо знали, что Николай Васильевич Гоголь проживает на антресолях в доме Погодина, но никто из нас его не видал. Только однажды, всходя на крыльцо погодинского дома, я встретился с Гоголем лицом к лицу. Его горбатый нос и светло-русые усы навсегда запечатлелись в моей памяти, хотя это была единственная в моей жизни с ним встреча. Не будучи знакомы, мы даже друг другу не поклонились.

О своих университетских занятиях в то время совестно вспоминать. Ни один из профессоров, за исключением декана Ив. Ив. Давыдова, читавшего эстетику, не умел ни на минуту привлечь моего внимания, и, посещая по временам лекции, я или дремал, поставивши кулак на кулак, или старался думать о другом, чтобы не слышать тоску наводящей болтовни. Зато желтая моя тетрадка все увеличивалась в объеме, и однажды я решился отправиться к Погодину за приговором моему эстетическому стремлению.

— Я вашу тетрадку, почтеннейший, передам Гоголю, — сказал Погодин, — он в этом случае лучший судья.

Через неделю я получил от Погодина тетрадку обратно со словами: «Гоголь сказал: это несомненное дарование». <...>

Впервые опубликовано: *Фет А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 140–141. Печатается по первой публикации. Афанасий Афанасьевич Фет (настоящая фамилия Шеншин, 1820–1892), поэт.

¹ Новый 1838 год. В 1837 г. А. А. Фет провел полгода в московском пансионе М. П. Погодина, готовясь к поступлению в Московский университет.

Гоголь в воспоминаниях А. Н. Островского

М. И. Семевский

<Встречи с А. Н. Островским в Москве> Фрагмент

<...> <Ноябрь 1855>. 16-го числа. <...> По словам Островского, первая его комедия¹ сочинялась им с 1846 года по 1850 год и читана была Гоголю в большом собрании гостей. Гоголь расцеловал автора-чтеца. Гр<аф> Соллогуб, прослушав ее у Гоголя, прочел ее при дворе Марьи Николаевны. <...>

15-го декабря. <...> Островский, как сам рассказывает, был представлен Гоголю Садовским. «Автор “Мертвых душ”, прослушав мою первую пьесу — от Садовского, сию похвалил и сделал замечание: что сцена Большова с Расположенским в первом действии излишне растянута». Между тем Гоголь пожелал видеть нового комика, который и был представлен ему на вечере у Ростопчиной². Литературный вечер открылся на этот раз чтением самой хозяйки: баллады ее «Нелюдимка». Монотонное чтение скучного и слабого сочинения, продолжавшееся три часа, заметно утомило и Гоголя, и остальных слушателей. Времени оставалось немного, и Островского попросили прочесть хоть некоторые отрывки из его драмы. Автор прочел сцену Расположенского (первого действия). На этот раз, благодаря его искусному чтению, она не показалась растянутой. Что же касается до прочитанных им сцен (Липочки, свахи и обручения в третьем и четвертом действиях), то все они, как и надо было предполагать, произвели полный эффект. <...>

Любопытно послушать, когда Александр Николаевич, воодушевясь, вдается в странную крайность славянофильства. <...> Тут <...> автор «Своих людей» расхвалит вам «Переписку» Гоголя, заметив при этом, что эта замечательная книга имеет недостаток только один, именно: излишнюю скорость, с коею она издана... <...>

Впервые опубликовано: А. Н. Островский в воспоминаниях современников. М., 1966. С. 134, 136–137. Печатается по первой публикации.

Публикация составлена из писем-отчетов М. И. Семевского дневникового характера 1855–1856 гг. из Москвы к Г. Е. Благодетелю.

Михаил Иванович Семевский (1837–1892), писатель, журналист, общественный деятель, основатель журнала «Русская Старина».

Григорий Евлампиевич Благодетель (1824–1880), в 1855–1856 гг. — преподаватель русского языка и словесности в военно-учебных заведениях Петербурга, впоследствии журналист.

¹ Банкрут (Свои люди — сочтемся!).

² Неточность. Знакомство Гоголя и А. Н. Островского состоялось 3 декабря 1849 г. на вечере у М. П. Погодина. См. в наст. изд. дневниковую запись М. П. Погодина от 3 декабря 1849 г.

Воспоминания об А. Н. Островском Фрагмент

<...> ...В повествовательной литературе А<лександр> Н<иколаевич> требовал твердого знания жизни и колоритного воссоздания ее, не терпел сочинительства, не любил «нытья» или тенденциозного народничанья. Высоко ставил он Пушкина. Гоголь, по его словам, стоит одиноко в русской литературе; последователей его гораздо меньше, чем обыкновенно полагают. «Напрасно считают меня, Писемского и Гончарова последователями или продолжателями гоголевской школы. Достоевский — другое дело: этот весь вышел из “Шинели” Гоголя. Гоголь не может быть назван и первым комическим писателем; до него было уже “Горе от ума”, бытовая комедия, отличающаяся высоким литературным достоинством. Некоторые типы “Мертвых душ” — нежизненны; где встретите вы Манилова, Чичикова? Это не типы живых русских людей, а, так сказать, образцы, собирательные создания общепсихологического анализа. В этом направлении Гоголь не мог иметь последователей. Великорусского народа, простонародия он не знал: дядя Миняй и дядя Митяй у него вышли каррикатурными¹. Стиль Гоголя вовсе не так хорош, как принято утверждать по традиции: иногда даже натянут». За всем тем А<лександр> Н<иколаевич> высоко ценил силу творчества, широту «создания» у Гоголя. «Это огромный талант, — говорил он, — гений, который является, может быть, раз в тысячелетие, талант именно общечеловеческий: его Плюшкин, его Собакевич, Хлестаков — все это не столько русские типы данного времени, сколько вечные образцы общечеловеческих страстей и характеров. Этот талант — бриллиант, но редкий, это ненормальный талант совершенно вне общелитературного течения»... Однажды в беглом разговоре А<лександр> Н<иколаевич> дал несколько черт несимпатической личности Гоголя: «это был человек страшного самолюбия». Гоголь, по словам А<лександра> Н<иколаевича>, буквально уморил себя голодной смертью: ел полпросвиры в день с водой, говел и постился. «В субботу на маслянице¹ (1852 г.), — вспоминает А<лександр> Н<иколаевич>, — я читал у Шевырева “Бедную невесту”; там были Погодин, Аксаковы, Эдельсон² и другие. Поспешно вбежал Гоголь. Чтение прервалось, все пошли к нему навстречу. Он увидел несколько мало знакомых ему людей, немедленно повернулся, оделся и вышел, не сказав никому ни слова».

В ночь с воскресенья на понедельник³ Великого Поста он умер. Во время его похорон⁴ была оттепель. А<лександр> Н<иколаевич> нес гроб (с Хомяковым) и здесь получил первую простуду ног, которые с того времени не переставали у него болеть. Надпись на памятнике: «Горьким словом моим посмеюся» (из Иеремии) приискал Хомяков⁵. <...>

Впервые опубликовано: <Луженковский Н. Н.> Новский Л. Воспоминания об А. Н. Островском // Русские Ведомости. 1887. 18 мая, № 134. С. 3. Печатается по первой публикации.

¹ 9 февраля.

² Евгений Николаевич Эдельсон (1824–1868), критик и журналист.

³ Утром в четверг 21 февраля 1852 г.

⁴ 24 февраля 1852 г.

⁵ Надпись была предложена С. П. Шевыревым (см. в наст. изд. письмо Н. В. Берга к В. Ганке от 11 июня 1852 г.). А. С. Хомяков предложил надпись: «Возлюбих любящих Тя, возненавидех ненавидящих Тя» (см. в наст. изд. письмо Д. Н. Свербеева к Е. А. Свербеевой от 29 февраля 1852 г.).

¹ Подобные же взгляды о ненародности гоголевской сатиры высказывал и Достоевский в письмах из-за границы Н. Н. Страху. — Примеч. Н. Н. Луженковского.

Александр Николаевич Островский.
(По моим воспоминаниям)
Фрагмент

<...> Мы уже давно знали, что Гоголь умер для творчества, и не раз бегали взглянуть на него еще живого, ожидая, когда он из ворот дома Талызина выходил на Никитский бульвар для прогулки. Здесь он жил под дружеским попечением, окруженный ласкою и любовью известных своею христианскою жизнью супругов: графа Александра Петровича Толстого и графини, жены его, Анны Федоровны¹. До нас уже дошел слух о том, что Островский у Погодина читал ему свою комедию², что Гоголь опоздал против назначенного им срока, пришел, когда уже началось чтение, пробыл до конца чтения и, на вопрос хозяина, отозвался о пьесе одобрительно, но к Алек<андру> Ник<олаевичу> не подходил и не изъявлял желанья с ним познакомиться. Похвальный отзыв Гоголя, написанный на клочке бумаги карандашом, передан был Погодиным А. Н. Островскому и сохранился им, как драгоценность³... <...>

Впервые опубликовано: *Максимов С. В. Александр Николаевич Островский. (По моим воспоминаниям) // Русская Мысль. 1897. № 1. С. 55. Печатается по первой публикации.*

Сергей Васильевич Максимов (1831–1901), писатель, этнограф.

¹ Следует: Георгиевны.

² Банкрут (Свои люди — сочтемся!).

³ Имеется в виду записка Гоголя к графине Е. П. Ростопчиной от конца апреля — начала мая 1850 г. по поводу объяснения А. Н. Островского 28 апреля 1850 г. о комедии «Банкрут» («Свои люди — сочтемся!»). С. В. Максимов, судивший о записке Гоголя по слухам, не знал, что она относилась не к пьесе, а к письму Островского, а также то, что она была передана драматургу не Погодиным, а Ростопчиной. «Сохранилась записка Гоголя графине Ростопчиной: «<Я тоже нахожу ответ Островского очень благоразумным.> Дай ему Бог успеха во всех будущих трудах, — писал он по поводу цензурных мытарств Островского с «Банкрутом». — Самое главное, что есть талант, а он везде слышен»» *Смирнов И. И. Александр Николаевич Островский // Александр Николаевич Островский. 1823–1923. Сборник статей к столетию со дня рождения. Иваново-Вознесенск, 1923. С. 23*). Полностью записка Гоголя к графине Е. П. Ростопчиной (датируемая концом апреля — началом мая 1850 г.) напечатана: *Лакшин В. Александр Николаевич Островский. М., 1976. С. 125*.

Комедия А. Н. Островского была впервые опубликована в «Москвитянин» М. П. Погодина: Свои люди — сочтемся! Оригинальная комедия в четырех действиях. Сочинения А. Островского // Москвитянин. 1850. № 6 (цензурное разрешение 14 марта; цензор В. Лешков). Отд. I. С. 33–136. После публикации пьесы Негласный Комитет, или «Комитет 2 апреля» 1848 г., созданный, под председательством Д. П. Бутурлина (1790–1849), для высшего надзора за вышедшими в свет изданиями, обратил внимание Министра народного просвещения князя П. А. Ширинского-Шихматова на пьесу Островского. Министр, в свою очередь, предписал Назимову пригласить к себе автора комедии и «вразумить его, что благородная и полезная цель таланта, должна состоять не только в живом изображении смешного и дурного, но и в справедливом его порицании, не только в карикатуре, но и в распространении высшего нравственного чувства: следовательно, в противопоставлении пороку добродетели, а картинам смешного и преступного — таких помыслов и деяний, которые возвышают душу; наконец в утверждении того, столь важного для жизни общественной и частной верования, что злодеяние находит достойную кару *еще на земле*» (*Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 77*). Выслушав это назидание 12 апреля 1850 г., Островский спустя две недели, 28 апреля, составил оправдательное послание к Назимову, в котором писал: «Труд мой, еще неоконченный, возбудил одинаковое сочувствие и производил самые отрадные впечатления во всех слоях московского общества, более же всего между купечеством. Лучшие

¹ Известно, что Ал<ександр> Петр<ович> был тверским губернатором, а потом обер-прокурором Святейшего Синода. — *Примеч. С. В. Максимова.*

купеческие фамилии единодушно, гласно изъявляли желание видеть мою комедию в печати и на сцене. Я сам несколько раз читал эту комедию перед многочисленным обществом, состоящим исключительно из московских купцов, и, благодаря русской, правдолюбивой натуре, они не только не оскорблялись этим произведением, но в самых обязательных выражениях изъявили мне свою признательность за верное воспроизведение современных недостатков и пороков их сословия, и горячо высказывали необходимость дельного и правильного обличения этих пороков (в особенности превратного воспитания) на пользу своего круга. В глазах этих почтенных людей правда и польза, коей они от нее надеялись, исключала всякую мысль об оскорблении мелочного самолюбия. Все это побудило меня представить мою комедию в Цензурный Комитет, и это же, осмеливаясь думать, обратило и ваше внимание на мой труд. Согласно понятиям моим об изящном, считая комедию лучшей формою к достижению нравственных целей и признавая в себе способность воспроизводить жизнь преимущественно в этой форме, я должен был написать комедию или ничего не написать. Твердо убежденный, что всякий талант дается Богом для известного служения, что всякий талант налагает обязанности, которые честно и прилежно должен исполнять человек, я не смел оставаться в бездействии. Будет час, когда спросится у каждого: где талант твой?» (Там же. Т. 11. С. 78).

На это письмо Островского к Назимову от 28 апреля 1850 г. и откликнулся Гоголь, набросав «на случайном, по обыкновению, клочке бумаги... карандашом беглую “рецензию”»: «Я тоже нахожу ответ Островского очень благоразумным» и т. д. (Лакшин В. Александр Николаевич Островский. С. 125; см. также: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 9. С. 493). Посредником же, передавшим Гоголю письмо Островского, являлась графиня Е. П. Ростопчина, с начала 1850 г. взявшаяся «образовывать» «несветских» русских литераторов на своих субботних литературных вечерах (Лакшин В. Александр Николаевич Островский. С. 124).

Объяснение цензурных затруднений и последующих мер Негласного Комитета, встретивших пьесу Островского, заключается не только в излишней строгости правительства, но и в том влиянии либеральной журналистики, которое испытал будущий драматург в юношеском возрасте. 25 марта 1850 г. Е. А. Елагина, в частности, писала Н. А. Языковой из Москвы в Симбирск: «...В славянофильском кругу много говорят о новой комедии Александра Островского. Новый автор проявился, дай Бог ему счастья и успеху. Как отрадно слышать о молодом человеке, занимающемся изучением русских элементов» (см. в наст. изд.). Однако, несмотря на интерес к пьесе молодого драматурга со стороны славянофилов, первоначально «изучение» Островским «русских элементов» носило определенно прозападнический характер.

Н. П. Барсуков в конце 1890-х гг. со слов Т. И. Филиппова записал: «В пору первой встречи с Филипповым <в 1846 г.>, Островский всецело принадлежал к так называемому западническому направлению, под обаянием которого находился. Он весьма часто ссылаясь в разговорах на мнения *Отечественных Записок*, являвшихся для него авторитетом... <...> Увлекаясь вышеуказанным направлением, Островский доходил иногда до странных, почти невероятных крайностей. Так, заверял он, что ему противен вид самого Кремля с соборами. Он изумил однажды Филиппова, сказав: “Для чего здесь настроены эти пагоды?”. Этою подчиненностью Островского господствующему направлению объясняется между прочим и то, что первая его крупная пьеса *Свои люди сочтемся* состоит из целого ряда темных, отталкивающих, чисто отрицательных типов русского народа, так что смягчающими впечатление являются Аграфена Кондратьевна и плут Ризположенский. Любопытно, что впоследствии западники, доказывая отрицательные качества русского народа, ссылались на ту же, под их влиянием созданную пьесу Островского и на избранных под гнетом их же направления типы. Раз как-то, на вечере у М. С. Щепкина, один из ученых западников, поддерживаемый единомышленниками, проповедывал, что народная Русь и состоит исключительно только из таких типов, что людей иного закала в ней нет и не может быть: все мошенники. “Ну, прощайте же, мошенники”, — сказал, прощаясь после долгих споров, Пров Садовский. <...> По мнению Т. И. Филиппова, комедия *Банкрот* (или *Свои люди сочтемся*), “по совершенству своих форм превосходит все, что Островский писал после. Это объясняется тем, что Островский трудился над нею более четырех лет” <...> Начав с презрения к *пагодам* Кремля, Островский постепенно, исподволь дошел даже до крайностей истинно русского направления» (Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 65, 67–68, 79). А. С. Хомяков в конце 1849 — начале 1850 г. писал графине А. Д. Блудовой: «Грустное явление эта комедия Островского, но она имеет свою утешительную сторону. Сильная сатира, резкая комедия свидетельствует еще о внутренней жизни, которая когда-нибудь еще может устроиться и развиваться в формах более изящных и благородных. А пока что?» (Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 73).

Жизнь и труды М. П. Погодина Фрагменты

<Гоголь и «молодая редакция» журнала «Москвитянин»>

<...> Преобладающее в московском «образованном обществе» поклонение западу не препятствовало, однако, кружку *Молодого Москвитянина* встречать радушный приют в некоторых литературных домах, разумеется, таких, где господствовало родственное им направление. Само собою разумеется, что члены кружка нередко сходились у М. П. Погодина, с которым соединяло их и журнальное дело. Здесь встречали они многих молодых и немолодых уже литераторов. Встречали они между прочим и Гоголя, доживавшего свои последние годы. Но великий писатель до того уже был сосредоточен в самом себе и до того погружен во внутреннюю свою работу, что никакое сближение с ним новых людей не могло уже в то время воспоследовать. <...>

Впервые опубликовано: *Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1897. Кн. 11. С. 92. Печатается по первой публикации.

Николай Платонович Барсуков (1838–1906), историк. Будучи биографом Погодина, Барсуков в своем многотомном издании «Жизнь и труды М. П. Погодина» (Т. 1–21. 1888–1907), опубликовал, помимо материалов, непосредственно касающихся взаимоотношений Гоголя и Погодина, значительный объем переписки современников о Гоголе, сохранившейся в архиве Погодина. Поэтому после «Записок о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша (1856) книга Барсукова занимает наиболее значительное место в издании эпистолярной литературы и биографических сведений о Гоголе, предшествуя и сопутствуя трудам В. И. Шенрока, четыре тома «Материалов для биографии Гоголя» которого вышли в 1892–1897 гг.

Кроме материалов, собранных в настоящем разделе, см. также в наст. изд. раздел <*Из воспоминаний Т. И. Филиппова в пересказе Н. П. Барсукова*>, также представляющий собой фрагмент из книги Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина».

<«Выбранные места из переписки с друзьями» в судьбе М. П. Погодина»>

<...> ...Гоголь писал Шевыреву (от 27 апреля 1847 г.): «Прежде всего поговорим <...> о моем печатном отзыве о Погодине!». <...> Я вовсе не хотел попрекнуть Погодина за то, что он работал тридцать лет, как муравей, но за то, что он не умел поступить так, чтобы увидели все, что он тридцать лет, как муравей, работал для добра. Статьи этой не нужно уничтожать, но вслед за ней я помещу письмо к тебе, под заглавием: *О достоинстве сочинений и литературных трудов Погодина*, и мы увидим, в состоянии ли эти недостатки затмить те его достоинства, которые принадлежат ему одному... <...>».

Но письма *О достоинстве сочинений и литературных трудов Погодина* Гоголь не написал, а жесткие слова остались навсегда и послужили орудием для врагов Погодина, не умевших или не желавших судить *о достоинстве сочинений и литературных трудов* его. <...>

Впервые опубликовано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. М., 1894. Кн. 8. С. 550. Печатается по первой публикации.

¹ В статье «О том, что такое слово».

<Д. Г. Белавин об отношении к «Выбранным местам из переписки с друзьями» Д. Д. Облеухова и архиепископа Калужского Григория (Митькевича)>

<...> ...Дмитрий Григорьевич Белавин сообщил нам следующее: «Дмитрий Дмитриевич Облеухов¹ († 1889 г.), женатый на моей родной сестре Екатерине Григорьевне Белавиной, знал лично Н. В. Гоголя по дому графа А. П. Толстого. Облеухов, будучи человеком религиозным, кажется, должен был бы душевно радоваться внезапному перерождению Гоголя, выразившемуся в *Переписке с друзьями*, но он не раз говаривал, что это не призвание Н. В. Гоголя писать в подобном направлении, и притом выражал свое сожаление, что великий автор *Мертвых Душ* и *Ревизора* с появлением *Переписки с друзьями* — умер уже навсегда как писатель для России. Не был ли то отголосок мнения Ивана Васильевича Киреевского, бывшего крестным отцом Д. Д. Облеухова, расположением и мнением которого Облеухов очень дорожил и уважал его от глубины души». <...>

...Не все духовные особы отнеслись <...> благовольтельно к книге Гоголя. Д. Г. Белавин, по выслушании глав настоящего сочинения², в которых говорится о *Переписке с друзьями*, сообщил мне следующее: «Я припоминаю от времен моей юности суждение по сему предмету преосвященного Григория, епископа Калужского³, расположением которого я имел счастье пользоваться за все мое пребывание в Калуге. Однажды за обедом в одном высокопоставленном семействе разговор зашел о Гоголе и коснулся *Переписки с друзьями*. Споры были большие; кто про, кто contra. Кто-то выразился: *читая эту переписку, удивляешься тому, что Гоголь даже богослов*. На это преосвященный Григорий, с свойственным ему добродушием и голосом, полным — как бы сожаления, сказал: *Э, полноте — какой он богослов, он просто сбившийся с истинного пути пустослов*. Слышалось, как мне казалось, в этих словах: не осуждение, а именно сожаление о потере Гоголя для Русской Литературы». <...>

Впервые опубликовано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. М., 1894. Кн. 8. С. 525, 562–563. Печатается по первой публикации.

Дмитрий Григорьевич Белавин, сотрудник «Православного Обозрения» в 1860 гт.

¹ Дмитрий Дмитриевич Облеухов (1822–1889), сын писателя-переводчика, доктора медицины Дмитрия Александровича Облеухова (1790–1827), брат поэта Антона Дмитриевича Облеухова (не ранее 1862 — после 1916). См. также в наст. изд. статью П. К. «Встреча с Гоголем».

² «Жизнь и труды М. П. Погодина».

³ Преосвященный Григорий (в мире Николай Васильевич Митькевич, 1807–1881), уроженец Черниговской губернии, ректор Казанской Духовной академии (с 1844 г.), епископ Калужский и Боровский (с 9 декабря 1851 г.), с 1869 г. — архиепископ.

Встреча с Гоголем

Признаюсь, с грустью я слышал от г. О<блеухо>ва¹ — человека благородного и почтенного, который, по положению, занимаемому им в обществе, мог знать многое неизвестное другим, — неблагоприятные отзывы о характере Н. В. Гоголя. Он обвинял его в искательстве пред властными и в гордости пред незнатными. Он рассказывал, между прочим, что один драматический артист, давно знакомый Гоголю², делал обед, на который приглашал и Гоголя. Он был так вежлив пред Гоголем, что представил ему список лиц, которые будут за обедом. Гоголь вычеркнул нескольких из списка, и потом, назначив время обеда, прибавил, что если в назначенную им минуту, не будет стоять суп на столе, он не будет обедать. В назначенное время все сели за стол, подали суп, но прождали полчаса, пока не явился Гоголь. Он протянул два пальца хозяину, сел за стол, почти ничего не ел, ни с кем не говорил и молча ушел после обеда.

Но чем более было в обществе разноречащих рассказов о Гоголе, тем более я желал лично встретиться с ним. Это желание исполнилось за девять месяцев до его кончины³. Я встретил его в кабинете одного ученого⁴; он сидел, держа в руках том «Истории Восточной Империи» Лебо⁵, в издании Сен-Мартена. С ним был еще г<раф> <А. П.> Т<олстой>. Речь шла о способе изложения византийской истории. Спутник Гоголя обвинял западных писателей в том, что они умышленно выставляют только черные стороны этой империи, которая своею долговечностью показывала уже в себе избыток жизненных сил; с хозяином дома мы стали указывать на самых историков византийских, которые ничего не рассказывают, кроме придворных интриг, борьбы аристократических фамилий, имевших в виду только личные интересы и не думавших несколько о благе государства. Бунты против императоров и измены сделались так обыкновенны, что партия, приобретающая перевес, редко даже наказывала за них.

«Но надобно искать других источников», — сказал г<раф> Т<олстой>. Мы указали на произведения духовной литературы, на жития святых, в которых действительно можно находить добрые черты греческого народа, его живую веру и часто искреннее благочестие; но тут мало исторических данных, построить по ним целую историю с новым взглядом невозможно.

В это время вмешался в разговор Гоголь. Нет возможности буквально упомянуть его слова. Он говорил темно, фразы его были изысканы; но мысль слов была та, что из этих немногих черт можно создать характер народа, нужно только усвоить себе это убеждение в добрых качествах народа, и с этим убеждением вновь пересмотреть все исторические сказания Византийской империи, и тогда они явятся в другом свете. Я заметил на это, что не все обладают таким творческим воображением, как он; потом, желая сказать ему приятное, чтобы завлечь его в разговор, указал на две его исторические лекции, помещенные в «Арабесках», прибавив, что они мне очень нравятся. Гоголь на это заметил, что он чувствует себя в состоянии написать теперь много лучше.

— Но отчего же вы скупы теперь, — сказал я, — и не хотите делиться с публикою своими трудами?

— Одно направление, — сказал он, — было, созрело и прошло, другое еще не дозрело.

— Так стало быть, — возразил я, — вы по самолюбию не хотите писать, чтобы не показаться при новом направлении ниже, нежели каковы были вы при прежнем.

¹ В публикации: от г. О ва

— Как хотите, думайте, — отвечал он. — Но неужели живописец не прав, если он не выставляет на показ своей картины, как бы она хороша ни была, если он сам недоволен ею.

— Но вы должны иметь в виду пользу публики; если вы осуждаете сами свое прежнее направление, то поспешили бы высказать новое.

— Я не осуждаю, — отвечал он, — всему свое время.

Тем разговор и кончился.

Это была первая и последняя моя встреча с Гоголем. Через три месяца приезжал он опять к нам⁶, и привозил с собою изданную за границей брошюру, где осуждается его отступничество от прежнего направления и приводится объяснение, почему Гоголь не напишет ничего вновь⁷. Гоголь объявил тогда, что он считает священным долгом продолжать «Мертвые души», чтобы опровергнуть клевету; хотел приехать еще через три недели, но не приезжал. В этот последний приезд я не видал его. В начале Великого Поста разнеслась весть о смерти Гоголя, и о том, что он сожжет второй том «Мертвых душ». Глубоко жалел я, что Гоголь умер, не высказав новых своих мыслей и убеждений. Справедливо, кажется, сказал г. Дудышкин («Отечественные Записки», 1854, ноябрь), что «второй том “Мертвых душ” сожжен автором потому, что новая мысль у Гоголя не выработалась, а пользе прежней своей деятельности перестал он верить».

Первые опубликовано: П. К. Встреча с Гоголем // Русский Дневник. 1859. 14 янв. С. 3–4. Печатается по первой публикации.

Личность мемуариста не установлена. Можно было бы предположить, что под инициалами «П. К.» скрыл свое авторство первый биограф Гоголя П. А. Кулиш, однако известно, что последний лично с Гоголем никогда не встречался.

¹ О Д. Д. Облеухове см. в наст. изд. коммент. к разделу <Д. Г. Белагин об отношении к «Выбранным местам из переписки с друзьями» Д. Д. Облеухова и архиепископа Калужского Григория (Митькевича)>.

² Возможно, имеется в виду М. С. Щепкин.

³ Т. е. в июне 1851 г.

⁴ Возможно, М. П. Погодина или С. П. Шевырева или О. М. Бодянского.

⁵ Речь идет о многотомной «Истории поздней Империи» французского историка Шарля Лебо (Le Beau, 1701–1778), первое издание которой вышло в Париже в 1757–1781 гг.; второе, дополненное ориенталистами А. Ж. Сен-Мартеном и М. Ф. Бросса, — в 1819–1836 гг. Сочинение отличается отрицательным отношением к византийской политической культуре, к деятельности Церкви. Влияние взглядов Ш. Лебо на протяжении долгого времени сказывалось на отношении к Византии в европейской науке.

⁶ По-видимому, во второй половине сентября 1851 г. (см. следующее примеч.).

⁷ Имеется в виду книга А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России» (1851). Выписки из этой брошюры были высланы Гоголю М. С. Скуридиным в письме из Петербурга от 13 сентября 1851 г. (впервые опубликовано: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 133–138; см. также: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 15. С. 434–439).

Вновь найденные рукописи Гоголя Фрагмент

<...> П. Я. Дашков¹ добыл эти рукописи и дал им удобную форму благодаря только особой своей находчивости. История рукописей такова. Однажды, в начале 90-х годов прошлого столетия, к Павлу Яковлевичу заехал известный академик, Арист Аристович Куник², археолог, председатель археографической комиссии по изданию иностранных актов, и предложил ему купить рукописи Н. В. Гоголя, имевшиеся тогда в распоряжении вдовы профессора М. П. Погодина³, близкого друга поэта. Павел Яковлевич Дашков согласился тотчас, и купля-продажа была совершена почти в тот же день. Но в каком ужасном виде были эти рукописи! Это, собственно были и не рукописи, а их клочки, это были листы, разорванные на тысячи кусков нервной, раздражительной рукой поэта. <...> ...В одну из <...> минут черной меланхолии собрал он все свои рукописи, изорвал их в разных направлениях и стал растаптывать ими камин, помешивая кочергой.

Дело было в Москве.

Слуга Гоголя, видя острый припадок болезни и не умея помочь, побежал к М. П. Погодину, со словами:

— Барин, спасите нашего барина!.. С ним что-то неладное.

Погодин немедленно поехал к Гоголю и, увидев груды разорванных клочков бумаги, тщательно собрал их, взял маленький чемодан Гоголя, положил туда разорванные и собранные им в наволочку рукописи и отвез к себе. Это было в последние годы жизни Гоголя. Разорвано было все, что было тогда у Гоголя под рукой, — от первых набросков «Вечеров на хуторе близ Диканьки» до последнего его создания, второй части «Мертвых душ».

Долго собирал М. П. Погодин разорванные клочки рукописей своего великого друга <...> долго бился и умер, не только не докончив дела собирания, но и не подвигнув его. <...> ...Бумаги <...> перешли к А. А. Кунику, а от него к П. Я. Дашкову. <...> ...П. Я. Дашков <...> призвал несколько малограмотных людей и просил их на большом просторном столе складывать за определенную поденную плату эти бесконечные кусочки не *по смыслу*, а *по виду и цвету бумаги*. <...> Дело было благополучно кончено, и листы были сведены. <...>

Впервые опубликовано: Михайлов К. Н. Вновь найденные рукописи Гоголя // Исторический Вестник. 1902. Февраль. С. 601–602.

Константин Николаевич Михайлов, помощник присяжного поверенного в Петербурге в 1900–1915 гг., автор трудов по русской истории и филологии. О работе К. М. Михайлова над рукописями Гоголя см.: Михайлов К. Н. На редакционном приеме у С. Н. Шубинского // Исторический Вестник. 1913. Декабрь. С. 1020–1025.

¹ Павел Яковлевич Дашков (1849–1910), коллекционер, библиограф и библиофил.

² Арист Аристович Куник (1814–1903), историк и археолог.

³ Софья Ивановна Погодина (рожд. Сеймонд, в первом браке Бель), вторая жена М. П. Погодина.

Гоголь в письмах и воспоминаниях С. Т. Аксакова

Из писем С. Т. Аксакова

С. Т. Аксаков — Н. И. Надеждину

26 марта 1836 г.

<...> Скажи Гоголю, если он не совсем забыл меня, что я от него без ума и что «Старосветских помещиков» предпочитаю даже «Тарасу», хотя многими местами в нем истинно очарован. К чорту гофманщину: он писатель действительности, а не фантазмагорий. <...>

Впервые опубликовано: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 251; см. также: *Машинский С. И.* С. Т. Аксаков. М., 1973. С. 273. Печатается по первой публикации.

Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859), писатель, мемуарист.

С. Т. Аксаков — М. П. Погодину

<Вторая половина июня (до 25 числа) 1838. Москва>

Иван Ермолаевич Великопольский¹ сказал мне, что видел у вас Кони², который подтвердил неприятное известие о Гоголе³ и предложил мне составить для него подписку. Великопольский дает тысячу рублей⁴. Мысль святая! Ведь это позор всем нам, если Гоголя засадят в тюрьму. Вы всех лучше можете устроить это дело, а потому приезжайте, пожалуйста, в субботу⁵ в клуб обедать: там мы обо всем переговорим и дело уладим.

Впервые опубликовано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Т. 5. С. 159–160. Печатается по первой публикации.

¹ И. Е. Великопольский (1793–1868), писатель.

² Федор Алексеевич Кони (1809–1879), писатель, с 1836 г. жил в Петербурге.

³ В «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксаков сообщал: «В начале 1838-го года распространились по Москве слухи, что Гоголь отчаянно болен в Италии и даже посажен за долги в тюрьму...». По-видимому, слухи были связаны с письменным обращением Гоголя 18 апреля (н. ст.) 1837 г. из Рима к Государю с просьбой о материальной помощи (см.: *Виноградов И. А.* «Спасен я был Государем». Неизвестное письмо Н. В. Гоголя к Императору Николаю Павловичу и его отношение к монархии // Литература в школе. 1998. № 7. С. 5–22; *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 11. С. 106–107, 396–402). О нелепых слухах, появившихся вследствие этого обращения летом 1838 г., дважды сообщала мать Гоголя: в письме к А. А. Трошинскому от 4 июня этого года (см. в наст. изд.) и в письме к самому Гоголю от июля того же года (см. письмо Гоголя к А. С. Данилевскому от 25 марта (н. ст.) 1839 г.).

⁴ См. также в наст. изд. письма С. Т. Аксакова к И. Е. Великопольскому 3–4 июля 1857 г., к М. И. Гоголю 5 июля 1857 г. и письмо И. Е. Великопольского к С. Т. Аксакову 17 июля 1857 г.

⁵ Вероятно, в субботу 25 июня 1838 г. Ср. письмо С. Т. Аксакова к К. С. Аксакову от 1 июля 1838 г.

С. Т. Аксаков — К. С. Аксакову

Пятница. 1838 года, 1 июля. Петровское.

<...> На сих днях подтвердилось известие о дурном положении Гоголя. Великопольский предложил собрать тысяч десять и первый дал тысячу. Завтра это дело устроится, но Погодин говорит, что гордость Гоголя ужасна. — Во-первых, по-моему, тут не оскорбляется гордость; во-вторых, можно так сделать, чрез посольство, что он и знать не будет, кто платит за него долги. Ведь это позор всем нам, если Гоголя за несколько тысяч посадят в тюрьму. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 558. Печатается по первой публикации.

С. Т. Аксаков — К. С. Аксакову

12 июля 1838 г.

<...> Кажется, я писал тебе о намерении нашем с Великопольским (первая мысль его) помочь расстроенному положению финансов нашего Гоголя: исполнение не отвечало моему ожиданию. Иван Ермолаевич¹ дал 1 тысячу, я — 500 р<ублей>, Погодин тоже, Баратынский 250 р<ублей>, Николай Филиппович Павлов обещал столько же, а Хомяков и Мельгунов отказались под предлогом, что «это может быть неправда». Хомяков, который имеет 200 тысяч дохода! Тут только я узнал, что он не дал для Шафарика 50 руб<лей>, которых Погодин тщетно просил у него 4-мя письмами... Это невыносимо. Впрочем, всё, что я пишу об этом предмете, должно остаться совершенною тайною! Бог с ними! Я и сам не верю всему, что говорят о крайнем положении Гоголя... это, вероятно, увеличено его врагами. Может быть и выдуманно, но что за беда? Деньги пошлет ему Михаил Петрович² от себя, займы, — тут никак нельзя обидеться. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 559. Печатается по первой публикации.

¹ Великопольский.

² Погодин.

С. Т. Аксаков — И. Е. Великопольскому

28-го сентября <1839>. Деревня Аксиньина.

Сею минуту получил самую неожиданную и радостную весть — спешу Вам, любезнейшей Иван Ермолаевич, может быть, первому виновнику этого события, сообщить ее! Вчера приехал Мих<аил> Петр<ович> Погодин и с ним Гоголь... Крик радости поднялся у меня в доме и даже напугал некоторых. Щепкин прислал уведомить меня¹. <...>

Впервые опубликовано: *Модзалевский Б. Л.* Гоголь и И. Е. Великопольский. (По поводу двух неизданных писем С. Т. Аксакова) // Литературный Вестник. 1902. Т. III. Кн. 1. С. 13. Печатается по первой публикации.

См. также в наст. изд. письмо И. Е. Великопольского к М. П. Погодину от осени 1839 г.

¹ См. в наст. изд. письмо М. С. Щепкина от 28 сентября 1839 г. из Москвы.

С. Т. Аксаков — М. П. Погодину

<Начало октября 1839. Москва>

Я сейчас ездил узнавать и ничего не узнал¹.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 566. Печатается по первой публикации.

¹ Записка представляет собой ответ на послание М. П. Погодина от начала октября 1839 г. (см. в наст. изд.). Написано на обороте записки М. П. Погодина.

С. Т. Аксаков — Г. С. и И. С. Аксаковым

17 октября <1839>. Вторник. <Москва>.

<...> В прошедшую субботу¹ Гоголь читал у нас начало комедии «Тяжба» и большую главу из романа (вероятно «Мертвые души»)². И то и другое — чудные создания! Особенно глава из романа! И к этому надобно прибавить, что он так читает или, лучше, играет, как никто! Лучшие актеры, мне известные, перед ним — ученики в театральном искусстве. Восхищение было всеобщее. Сегодня дают «Ревизора»³. Гоголь обещал быть в театре. Я надеюсь, что публика встретит его с восторгом, только опасаясь, что он, заметя такое волнение, не дожидется конца и уйдет.

Гоголь вместе с нами придет в Петербург на короткое время⁴, как говорит,— но я думаю, что он вместе же с нами из него уедет. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 566. Печатается по первой публикации.

¹ 14 октября 1839 г.

² Речь идет о чтении первой главы поэмы.

³ Представление «Ревизора» состоялось в московском Большом театре 17 октября 1839 г. Об этом представлении см. в наст. изд. в письме К. С. Аксакова к Г. С. и И. С. Аксаковым от 24–25 октября 1839 г.

⁴ Гоголь ехал в Петербург, чтобы взять из Патриотического института окончивших курс сестер Анну и Елисавету.

С. Т. Аксаков — О. Сем. Аксаковой

27 ноября 1839 г. <Санкт-Петербург>.

Мы сейчас воротились из театра; брали три ложи. <...> Играли «Ревизора», Гоголь ни за что не хотел его видеть. Мне очень хотелось его видеть на здешней сцене и — недаром. Представьте себе, что пиесы узнать нельзя... что пиеса дурна. Как *теперь* она здесь играет — ее нельзя видеть образованному человеку. Но театр был полон, и хохоту было много. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 576. Печатается по первой публикации.

С. Т. Аксаков — К. С. Аксакову

27 ноября <1839. Санкт-Петербург>.

<...> Как я рад, что ты не видел вчера «Ревизора»! Ты пришел бы в совершенное изумление, а потом в ярость! Каково! Пьеса сделана посильным произведением для толпы! Нет истины, нет живых лиц — все отвратительная карикатура!¹ — Как опасно нехорошо играть Гоголя да и всякого гениального писателя! Я даже не скажу ему, до какой степени дурно играют «Ревизора». Это его расстроит, и он должен сейчас у меня быть.

Вообрази, Костя: вчера я приехал рано к Жуковскому (его не было уж дома: он уехал к умершему в ту ночь Дашкову²) и вошел тихонько к Гоголю и нашел его в роде какого-то халата, на голове бархатная большая, вышитая золотом шапка, а ноги в чулках... Стоит и пишет что-то... и видно, что я ему крепко помешал. Уморительный костюм его не кажется ему и странным³. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 574. Печатается по первой публикации.

«В неизданных письмах В. С., И. С. и С. Т. Аксаковых к О. С. Аксаковой за этот период встречаются упоминания о посещении их Гоголем 5, 9, 12 и 13 ноября 1839 г.» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Комментарий Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 575).

¹ В «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксаков писал: «26-го ноября давали “Ревизора”. У нас было два бельэтажа, но я никак не мог уговорить Гоголя ехать с нами. Он верно рассчитал, до чего должно было дойти его представление в течение четырех лет. «Ревизора» нельзя было видеть без отвращения, все актеры впали в отвратительную карикатуру» (см. в наст. изд.).

² Дмитрий Васильевич Дашков (1788 — 26 ноября 1839), министр юстиции, литератор.

³ В «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксаков ошибочно датировал этот эпизод 27 ноября 1839 г. и так же ошибочно сообщал о разговоре тогда с В. А. Жуковским: «На другой день поутру я поехал к Гоголю. Мне сказали, что его нет дома, и я зашел к его хозяину, к Жуковскому. <...> Я засиделся у него часа два. Говорили о Гоголе. <...> Наконец я простился с ласковым хозяином и сказал, что зайду узнать, не воротился ли Гоголь, которого мне нужно видеть. “Гоголь никуда не уходил, — сказал Жуковский, — он дома и пишет. Но теперь пора уже ему гулять. Пойдемте” И он провел меня через внутренние комнаты к кабинету Гоголя, тихо отпер и отворил дверь. Я едва не закричал от удивления. Передо мной стоял Гоголь в следующем фантастическом костюме: вместо сапог длинные шерстяные русские чулки выше колен; вместо сертука, сверх фланелевого камзола, бархатный спензер; шея обмотана большим разноцветным шарфом, а на голове бархатный, малиновый, шитый золотом кокошник, весьма похожий на головной убор мордочек. Гоголь писал и был углублен в свое дело, и мы очевидно ему помешали. Он долго, *не зря, смотрел* на нас, по выражению Жуковского, но костюмом своим нисколько не стеснялся» (см. в наст. изд.).

С. Т. Аксаков — Г. С. и И. С. Аксаковым

25 декабря 1839 г. Москва.

<...> Гоголь читал у нас еще две главы из романа «Мертвые души»¹. Это просто — чудо. На похвалу слов нет. Смешно до того, что все валились со смеха. Скажите об этом Машеньке². Я не прощу себе, что не попросил Гоголя прочесть что-нибудь в Петербурге. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 579. Печатается по первой публикации.

¹ Речь идет о чтении второй и третьей глав первого тома поэмы.

² Имеется в виду М. Г. Карташевская.

С. Т. Аксаков — О. Сем. и В. С. Аксаковым

5 января 1840 г.

<...> Воротаясь домой, нашел у себя Гоголя и Щепкина. Первый сказал: «Вы теперь сироты, и я привез макарон, сыру и масла, чтоб вас утешить. Я же слышал, что вы такой славный мех подцепили, что в нем есть не только звери, но и птицы и чорт знает что такое...» Призвал повара, научил как варить и пр., но вышло, хотя вкусно, да сыро и тяжело, а Гоголю ничего! <...>

Вчера я получил два письма: одно от управителя <...>, а другое от И. И. Панаева¹ — и самое пламенное, в котором умоляют меня Одоевский, Плетнев, Панаев, Враский² и Краевский, чтоб Гоголь не продавал своих сочинений за 5 тысяч (и новой комедии в том числе) Смирдину, особенно потому, что новая комедия будет напечатана в «Сыне отечества» (Полевой прочь, а на его место Никитенко) или «Библиотеке для чтения». Враский предлагает десять тысяч с правом напечатать новую комедию³ в «Отечественных записках». Как только отправлю это письмо, поеду к Гоголю⁴. Я понимаю благородную причину, которая заставляет его торопиться: он поручил Жуковскому в полное распоряжение свои сочинения прежние, но о новой комедии и мы еще ничего не знаем. <...>

Содержание настоящего письма впервые пересказано самим С. Т. Аксаковым в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (впервые опубликовано И. С. Аксаковым в 1880 г.) (см. в наст. изд.). Печатается по изд.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 582.

¹ Письмо неизвестно.

² Александр Васильевич Враский.

³ Речь идет о «Женитьбе». См. в наст. изд. коммент. к письму Н. А. Мельгунова к Н. М. Языкову от 7 октября (н. ст.) 1839 г. из Ганау.

⁴ По-видимому, в результате переговоров С. Т. Аксакова с Гоголем, последний 25 января 1840 г. написал письмо к князю В. Ф. Одоевскому (не сохранилось), в котором обещал «прислать повесть в “Отечественные записки”» (см. в наст. изд. письмо И. С. Аксакова к К. С. Аксакову от 25 февраля 1840 г.). Это обещание Гоголь, однако, не выполнил.

С. Т. Аксаков — Г. С. и И. С. Аксаковым

5 февраля 1840 г.

Вчера вечером вдруг упал ко мне, как с неба, — а просто сказать — с званного обеда — Гоголь (я же его поутру и упросил ехать туда вместе с Армфельдом) и прочел первую главу из итальянской повести... Прелесть, очарование!.. Вот что истина! Вот во что должны были обратиться победители-римляне... Это так! Это те же самые огненные стихии, на которых была основана слава победителей света... А близорукие историки, тупорылые ученые ничего не поняли в этой куче сора, грязи и обломков. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 584. Печатается по первой публикации.

С. Т. Аксаков — Г. С. и И. С. Аксаковым

2 апреля 1840 г.

<...> В день рождения Кости¹ Гоголь прочел отрывок еще из новой комедии², имени которой не знаем. Это был подарок, единственный в мире. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 587. Печатается по первой публикации.

¹ 29 марта 1840 г.

² Вероятно, из «Женитьбы».

С. Т. Аксаков — Г. С., И. С. и М. С. Аксаковым

15 апреля <1840. Москва>.

<...> В субботу на страстной¹ Гоголь прочел нам огромную седьмую² главу, где выведен скряга Плюшкин. Это лицо превосходит все лица творческой фантазии, какие я только знаю. Это нисколько не смешно, а грустно; это не простой скупец, а человек, прежде порядочно живший, только бережливый, но впоследствии, с потерей жены, детей, десятки лет поглощенный скарредством, развившимся ужасно в это время, и дошедший до глупости и гнусности невероятной; он только копит, бережет — нужды нет, что на десятки тысяч ежегодно гниет у него хлеба, сена, сукон, холста... Он только собирает в кучу... Это чудо да и только. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 588. Печатается по первой публикации.

¹ 13 апреля 1840 г.

² Ошибка С. Т. Аксакова. Имеется в виду шестая глава. Аналогичную ошибку допустила В. С. Аксакова в письме к братьям, написанном между 14 и 28 марта или между 10 и 12 апреля 1840 г. (см. в наст. изд.). В черновых рукописях Гоголя, которыми он мог пользоваться при чтении Аксаковым глав «Мертвых душ» осенью 1839 – весной 1840 гг., Плюшкину, как и в окончательном тексте, посвящена шестая глава («Глава 6») (см.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.:> Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6. С. 301). Ср. в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова: «...в субботу, он прочел нам, перед самой заутреней Светлого Воскресенья, в маленьком моем кабинете, 6-ю главу, в которой создание Плюшкина привело меня и всех нас в великой восторг» (см. в наст. изд.).

С. Т. Аксаков — Г. С., И. С. и М. С. Аксаковым

8 мая 1840. <Москва>.

<...> Завтра именинник Гоголь, и все приятели у него с Погодиным обедают. Через несколько дней он уезжает вместе с Пановым. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 588. Печатается по первой публикации.

С. Т. Аксаков — Г. С., И. С. и М. С. Аксаковым

15-го мая 1840. <Москва>.

<...> Сегодня в последний раз обедает у нас, в кругу нашего семейства и коротких приятелей, Гоголь. Завтра он с Пановым едет в Италию прямо из нашего дома. Если он захочет, то, может быть, мы проводим его до первой станции. Гоголь сделался нашим семьянином, и нам очень грустно расставаться с ним как с человеком: гениальный писатель тут в стороне. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 588. Печатается по первой публикации.

С. Т. Аксаков — В. А. Панову

17 января 1841 г.

Как восхитили Вы меня извещением, что Николай Васильевич читал Вам начало своей драмы!¹ Слава Богу! Признаюсь, однако, мне сдается, что это прежнее его создание, а не новое! Он еще в Петербурге мне говорил, что драма у него совсем готова, даже одеяние, и что стоит только написать, но для этого нужно, если не вдохновение, то расположение, которого в Москве он никак не мог почувствовать. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 598. Печатается по первой публикации.

Письмо представляет собой ответ на послание В. А. Панова от 9/21 ноября 1840 г. (см. в наст. изд.).

¹ Имеется в виду драма из эпохи Богдана Хмельницкого.

С. Т. Аксаков — М. Г. Каргашевской

Москва. 1841 года, 1 ноября.

<...> За большой секрет скажу тебе, что только мы двое с Константином слышали 1-й том «Мертвых душ», всего 11 глав, но, кажется, нет возможности уместить их в одном томе. Последняя глава повергла нас в изумление восторга... В ней выразилась благодатная перемена в целом нравственном бытии автора... Вместо мрачной мизантропии — любовь, мир, спокойствие... И каким глубоко и высоко поэтическим образом все это высказалось...

При первой возможности, вероятно, ты первая в Петербурге получишь этот драгоценный том... Автор совсем другой человек. Он находится в состоянии если не всегда творчества (потому что это было бы невыносимо), но всегда производительности, деятельности... Сон и пища — для него дело постороннее. Это видно, что он живет постоянно в своем мире, в своем обществе. Читает только нам двоим и беспрестанно требует замечаний. Эти чтения — секрет для всех. Три раза в неделю он обедает у нас, и до 9-ти часов мы занимаемся определением и записыванием особенностей нашего богатейшего языка: для него это очень нужно¹.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 606. Печатается по первой публикации.

¹ Почерпнутые Гоголем в октябре–ноябре 1841 г. из бесед с С. Т. Аксаковым сведения сохранились в гоголевских записных книжках 1841–1844 и 1841–1845 гг. и были использованы тогда же Гоголем при переработке отдельных глав

первого тома «Мертвых душ», второй редакции «Тараса Бульбы» и в работе над вторым томом поэмы (см.: *Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий.* Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2009. С. 460; *Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 9. С. 914–916*). См. также в наст. изд. коммент. к статье Ю. Ф. Самарина «С. Т. Аксаков и его литературные произведения».

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

Декабря 9-го <1841. Москва>.

<...> По секрету скажу тебе, что Гоголь начинает печатание первого тома «Мертвых душ»¹. Сей час ожидаю его к себе, чтоб вместе с ним ехать в типографию для устройства этого дела, которое он, по необъяснимой странности, содержит в величайшей тайне. Сегодня же закажем новую бумагу для нового издания всех его сочинений. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 610. Печатается по первой публикации.

¹ Как явствует из дневника И. М. Снегирева, Гоголь привез ему рукопись первого тома «Мертвых душ» 7 декабря 1841 г. (см. в наст. изд.).

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

1842 — 1 февраля. Воскресенье. <Москва>.

<...> Гоголь бодр и весел. По секрету скажу тебе, что он пишет много, всякий день и, кажется, собой доволен. Едва ли он не пишет повесть в «Москвитянин»¹. Боюсь, что варварская, алжирская здешняя цензура ее не пропустит. Молодые профессора, образовавшиеся в чужих краях, хуже стариков, не выезжавших из Москвы². <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 612. Печатается по первой публикации.

¹ В «Москвитянин» (1842. № 3; цензурное разрешение 11 марта) была напечатана незавершенная повесть Гоголя «Рим».

² Имеется в виду прежде всего цензор Н. И. Крылов. См. в наст. изд. коммент. к письму В. С. Аксаковой к И. С. Аксакову от конца 1841 — начала 1842 г.

С. Т. Аксаков — С. П. Шевыреву

<24 мая 1842. Москва>

Любезнейший Степан Петрович! Гоголь крепко вас обнимает. Мы проводили его вчера до первой станции. Он оставил мне записку для получения, смотря по надобности, экземпляров Мертвых душ, в которых я спешу давать вам отчет. На первый случай прикажите мне дать 25 экземпляров: некоторые назначены им в подарки, а другие пойдут на удовлетворение его мелких долгов. М. С. Щепкин едет в Харьков, и Гоголь просил его, чтоб он взял 25 экземпляров для распродажи по Малороссии. Он явится сам или пришлет к вам, а там прикажите ему их отпустить. <...>

24 мая.

Публикуется впервые по автографу: РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 108. Л. 8.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

25 мая <1842. Москва>.

<...> Третьего дня мы проводили Гоголя до первой станции, или, лучше сказать, поехали обедать в Химки, где в половине 6-го взял его экстрадилижанс, на том самом месте, где некогда взял дилижанс Константина... помнишь, Ваня? Дай Бог, чтоб Гоголь так же благополучно воротился, хотя не так скоро! Гоголь проедет не менее трех лет. «Мертвые души» вышли и расходятся живо! Мы почитаем их с тобой на просторе и на досуге в прелестном Гаврилкове, куда завтра хотели переехать, но, вероятно, сего не сделаем, ибо мать с сестрами еще не возвращались от Троицы, куда уехали третьего дня, вместе с матерью и двумя сестрами Гоголя и княжной Горчаковой. В Петербург выслали 100 экземпляров «Мертвых душ» четвертого дня, а вчера послали еще 262. Я прошу тебя прислушаться ко всем толкам о них, какие только случится тебе услышать. Это нужно для Гоголя и поучительно будет для тебя. Высокость этого гениального творения не смогут понять многие, и потому толков неблагоприятных должна быть куча! Быть может, Гоголь заедет к тебе, а может, и нет; но если ты хочешь его видеть, то съезди к нему; он пробудет в Петербурге, по крайней мере, неделю; остановится на Васильевском острове, в 9 линии, между Большим и Средним проспектом, в доме товарища и приятеля своего Прокоповича¹. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 622. Печатается по первой публикации.

¹ Сведения о встрече Гоголя с И. С. Аксаковым неизвестны.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

7 февраля <1844>. Понедельник. Вечер.

...От Гоголя писем не имеем. Воротился Валуев¹ и подтвердил ходившие слухи, что Гоголь проводит большую часть времени у Смирновой. Жуковский говорил Валуеву, что Гоголь изучает в ней петербургских дам, нужных ему во 2-м томе «Мертвых душ», но это просто шутка². <...> Надежда Николаевна³ сокрушается нашими известиями о Гоголе. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 666. Печатается по первой публикации.

¹ Дмитрий Александрович Валуев (1820–1845), историк, славянофил, племянник Н. М. Языкова. В начале 1844 г. вернулся из-за границы, где виделся с Гоголем. См. письма Гоголя к С. Т. Аксакову от 30 августа (н. ст.) 1843 г., к Н. Н. Шереметевой от 3 сентября (н. ст.) 1843 г., к Н. М. Языкову от 5 октября (н. ст.) 1843 г. из Дюссельдорфа.

² См. также в наст. изд. письма А. Л. Боратынской к С. Л. и Н. В. Путятям от 13 апреля 1843 г. и О. Сем. Аксаковой к И. С. Аксакову от 8 февраля 1844 г. По воспоминаниям А. О. Смирновой, в одной из глав второго тома описывалось «имение Чагранова, управляемое молодым человеком, недавно выпущенным из университета. Тут Платонов, спутник Чичикова, ко всему равнодушный, заглядывается на портрет, а потом они встречаются, у брата генерала Бетрищева, живой подлинник этого портрета, и начинается роман, из которого Чичиков, как из всех других обстоятельств, каковы бы они ни были, извлекает свои выгоды» (см. в наст. изд. *Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша*). Позднее А. О. Смирнова привела еще ряд подробностей к содержанию этой главы: «Чичиков уже ездил с Платоновым, который от нечего делать присоединился к этому труженику и вовсе не понимал, что

значила покупка мертвых душ. Наконец, приезд в деревню Чаграновых, где Платонов влюбился в портрет во весь рост этой петербургской «львицы» (см. в наст. изд. <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> А. О. Смирновой от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.). Еще более подробно передавал содержание «романа» Платонова и Чагравинной брат А. О. Смирновой Л. И. Арнольди, которому она пересказала этот сюжет: «Сестра уверяла меня, а С. П. Шевырев подтвердил, что характер этой женщины и вообще вся ее связь с Платоновым изображены были у Гоголя с таким мастерством, что ежели это правда, то особенно жаль, что именно эта глава не дошла до нас...» (см. в наст. изд. воспоминания Л. И. Арнольди «Мое знакомство с Гоголем»). Сохранился набросок Гоголя ко второму тому «Мертвых душ», начинающийся словами: «...Со всех сторон к концу бала Чагравину...». Вероятно, одним из прототипов Чагравинной (Чаграновой) послужила Гоголю А. О. Смирнова. Недаром одну из рукописей своего мемуарного цикла – так называемого «Баденского романа» (название дано публикаторам Л. В. Крестовой в 1931 г.) она озаглавила «Биография Александры Осиповны Чаграновой» (см. в наст. изд.).

³ Шереметева.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

31 марта 1844. Москва¹.

<...> На сих днях получено еще письмо от Гоголя к нам троим: к Шевыреву, Погодину и мне². Верочка списывает его для тебя. Я виделся еще с Языковым и получил от него два письма Гоголя к нему³, которые глубоко проникли в мою душу. Я совершенно растерялся; решительно не знаю, что писать к нему? <...> Письма, прежде написанного уже до половины, я не имею духа послать к нему⁴. <...>

Впервые опубликовано: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 127; см. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 130. Печатается по первой публикации.

¹ «Письмо в Астрахань от 31 марта 1844 года» (История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 127).

² Письмо Гоголя к С. Т. Аксакову, М. П. Погодину и С. П. Шевыреву от 2 февраля (н. ст.) 1844 г. из Ниццы.

³ От 15 февраля (н. ст.) 1844 г. из Ниццы и от 2 апреля (н. ст.) 1844 г. из Дармштадта.

⁴ Письмо к Гоголю было отправлено С. Т. Аксаковым 17 апреля 1844 г.; Гоголь отвечал на это письмо 16 мая (н. ст.) из Франкфурта.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

17 ноября 1845 г.

<...> Впечатление, произведенное над тобою свиданием с А<лександрой> О<сиповой>¹ именно таково, какого мы ожидали... <...> Я не так самонадеян, чтобы после таких отзывов Гоголя и Самарина (особенно последнего), поверить первому своему взгляду. <...> ...Любопытство вполне владело мною рассмотреть эту женщину, которую так осуждает общее мнение, и о которой Гоголь в то же время говорит: «едва ли найдется в мире душа, способная понимать и оценить ее»².

Два часа с половиной я заставлял говорить ее беспрестанно о том, о чем хотел... и что же? Я так же, как и ты, не спал до 2 часов от изумления. Я не вполне доверял Гоголю и Самарину, и считал, что они обольщены, очарованы (и мне говорили многие, что она сирена, очаровательница, волшебница) и сами того не видят. Но я увидел, что тут нет и тени ничего обольститель-

ного, даже ни в каком отношении: я не нашел в ней женщины; это был мужчина в спальном капоте и чепчике; очень умный, смело обо всем говорящий, но легкий, холодный; я по крайней мере не заметил ни малейшей теплоты, ни даже признака эстетического и поэтического чувства. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 286–287. Печатается по первой публикации.

¹ Смирновой.

² 5 июня (н. ст.) 1845 г. Гоголь писал Н. М. Языкову из Гомбурга: «В Москве будет, вероятно, на днях Смирнова. Ты должен с ней познакомиться непременно. Это же посветуй Серг<ею> Т<имоефевичу> Аксакову и даже Н. Н. Шереметьевой. Это перл всех русских женщин, каких мне случилось знать, а мне многих случилось из них знать прекрасных по душе. Но вряд ли кто имеет в себе достаточные силы оценить ее».

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

1845. 18 ноября. Воскресенье. Радонежье.

<...> На этой почте я получил письмо от Гоголя из Рима, от 29 октября¹. Слава Богу, ему гораздо лучше! И почерк, и язык письма стали похожи на прежние. Вообрази, что все его письма к матери пропадали! Бедная мать сходила с ума от неизвестности, и всё это, вероятно, делалось врагами Гоголя, его земляками и соседями, которые уже не раз сообщали матери ужаснейшие о нем известия. Каковы подлецы-злодеи! Гоголь пишет числа отправления его писем и просит, если можно, исследовать это дело, а я его жестоко обвинял понапрасну. Сообщи об этом Александру Осиповне. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 676. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо от 29–30 октября (н. ст.) 1845 г.

С. Т. Аксаков — С. П. Шевыреву

15 января. Радонежье. <Абрамцево. 1846>.

Почтеннейший Степан Петрович! Письмо ваше от 6-го января я получил и надеялся скоро увидеться с вами; но нездоровье не пустило меня в Петербург и даже в Москву. — К Пинскому¹ я написал немедленно, но этот господин, со всеми своими достоинствами, порядочная коряга, и я за него не ручаюсь. Нужно бы нам поговорить о Гоголе; но делать нечего; для него можно истратить последние остатки моего зрения. Вспомните, почтеннейший Степан Петрович, что я предлагал вам сначала исполнить его желание в точности². Вас очень огорчил. Теперь, чтобы поправить это дело, следовало бы мне возратить вам то число денег, которые я получал, после его письма к нам; но я решительно не могу этого сделать, ибо, между нами, нахожусь в затруднительном положении по этой части. И так остается вам, по моему мнению, приводить в исполнение желание Гоголя с настоящей минуты; о моих деньгах забудьте. Напишите ему, что соглашаетесь, можете даже сказать, что потому прежде не могли согласиться, что мои обстоятельства были слишком трудны. Это извинит вас в его глазах. Гоголь пишет, что если вы решительно откажетесь, то он поручит одному мне³; но я не могу за это взяться: я слепну совсем; как же я сохраню тайну? До сих пор никто из моего семейства ее не знает. Смирно-

ва намекнула мне об этом, но я за<нрзб.>. — Прошу вас во имя общей нашей дружбы, утешить Гоголя вашим полным согласием на его волю. Это подкрепит его возвращающиеся силы. Обнимаю вас. Поклонитесь Погодину. Что бы вам навесить нас.

Преданный душой
С. Аксаков.

Публикуется впервые по автографу: РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 108. Л. 10–11.

¹ Матвей Михайлович Карниолин-Пинский (1794–1866), сенатор (с 1850 г.).

² Речь идет об определении Гоголем денег, выручаемых от продажи его «Сочинений», на оказание помощи «бедным, но достойным студентам» Петербургского и Московского университетов. Распорядиться этим фондом Гоголь поручил в Петербурге П. А. Плетневу и Н. Я. Прокоповичу, в Москве — С. П. Шевыреву и С. Т. Аксакову.

³ См. письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 25 ноября (н. ст.) 1845 г.

С. Т. Аксаков — А. О. Смирновой

<31 марта 1846. Радонежье>

Как я благодарен вам, милостивая государыня Александра Осиповна, за приятные ваши строки и за письмо Гоголя¹. Я так давно не имел о нем никакого известия. Письмо это, конечно, утешительно, хотя видно, что он страдает физически и что нет надежды на его возвращение в Россию прежде окончания «Мертвых Душ» и посещения Иерусалима². Дай Бог, чтоб все это совершилось в продолжение нынешнего года. Помнит ли Гоголь, что в мае месяце пойдет пятый год его отсутствию, что все его имение, которым существуют его мать и сестры, будет взято в казну, если он еще год не возвратится? Напомните ему об этом. <...> Возвращаю письмо Гоголя. Душою вам преданный С. Аксаков.

1846 года марта 31 дня, Радонежье.

Впервые опубликовано: Павлов Н. М. Из переписки А. О. Смирновой с Аксаковыми // Русский Архив. 1896. № 1. С. 150. Печатается по первой публикации.

¹ От 4 марта (н. ст.) 1846 г.

² 4 марта (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал А. О. Смирновой из Рима: «И душе, и телу моему следовало выстрадаться. Без этого не будут «Мертвые души» тем, чем им быть должно. <...> Лето всё буду ездить по Европе в местах, где не был, осенью по Италии, зиму по островам Средиземного моря, Греции и наконец в Иерусалим. Теперь же ехать в обетованную землю не могу <...> потому, что <...> не сделал еще того, вследствие чего и по окончании чего полагал только совершить эту поездку».

Решение посетить Иерусалим, после чего вернуться в Россию не ранее окончания второго тома «Мертвых душ» сложилось у Гоголя еще в 1842 г. 18 августа 1842 г. он писал С. Т. Аксакову о задуманном паломничестве к Святым Местам: «...Помните, что путешествие мое еще далеко. Раньше окончания моего труда оно не может быть предпринято ни в каком случае...» 24 декабря 1842 г. он сообщал Н. Н. Шереметевой: «Только по совершенном окончании труда моего могу я предпринять этот путь. <...> Окончание труда моего пред путешествием моим так необходимо мне, как необходима душевная исповедь пред святым причащением». В. С. Аксакова 2 марта 1843 г. писала М. Г. Карташевской: «На днях получили мы очень приятное известие, что Гоголь работает много; это пишет Языков, который живет вместе с ним в Риме. Какое-то необыкновенное значение привязывает Гоголь к окончанию своего труда, который мы и понять не можем теперь, не в отношении к искусству только, но что-то особенное; в Иерусалим он попадет не прежде как по окончании его, и не заезжая в Россию» (см. в наст. изд.). 16 декабря (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал М. С. Щепкину: «Мне ни в каком случае нельзя заглянуть в Россию раньше окончания работы, которую нужно кончить»; Н. М. Языкову 26 февраля (н. ст.) 1846 г.: «...еще не судьба ехать и мне в Иерусалим. Впрочем эта поездка в таком случае только пред-

принималась, если бы я сам был готов и кончил свою работу, без которой мне нельзя ехать, как следует, с покойной совестью». В письме к графиням Л. К. и А. М. Виельгорским и графине С. М. Соллогуб от 18 апреля (н. ст.) 1846 г. он также сообщал: «На зиму проберусь в Италию, на теплейшие места в Средиземном море, оттуда (если будет такая милость Божия, что позволит мне выполнить кое-какие невыплаченные долги, без которых нельзя ехать туда, куда душа хотела бы) проберусь в Иерусалим. Молитесь Богу, мои прекрасные графини, чтобы было всё так и чтобы весной в следующем году или в начале лета мы встретились с вами в России, и была бы в радость наша встреча, и не было бы на моей совести ничего такого, что бы стало меня укорять, что я ни за что получил такую награду, как встреча с моими друзьями, и притом в таком раю, каким для меня кажется теперь наша требующая любви нашей Россия». 25 января (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал матери: «Если Бог мне поможет устроить мои дела, кончить мое сочинение, без которого мне нельзя ехать в Иерусалим, то я отправлюсь в начале будущего 1848 года в Святую Землю с тем, чтобы оттуда летом того же года возвратиться в Россию. Итак, помните, что это может случиться только в таком случае, если Бог мне поможет все устроить так, как я думаю...» Как показывает текстологический анализ сохранившихся глав второго тома «Мертвых душ», в январе 1848 г. в Иерусалим к Святым Местам, а затем на родину, Гоголь отправился, как и предполагал, с законченным (может быть, начерно) вторым томом поэмы, однако дорожные впечатления, полученные по приезде в Россию, и стали причиной переделки готового тома (см.: *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1).

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

Москва, 29 мая 1846 года.

<...> Как мне досадно, что я не предупредил Ал<ександру> Ос<иповну> насчет Белинского и даже Щепкина; жаль, что ты этого не сделал. Мне больно, что она допустила их, наравне с тобою, в свое короткое общество и удостоила Белинского спора, когда следовало бы только сказать, что она не хочет слушать его мнений об этом предмете. Щепкин тоже довольно гадок и еще больше смешон, проповедуя отчаянные западные идеи, как я слышал.
<...>

Впервые опубликовано: *Розенблюм Н.* Белинский в неизданной переписке современников // Русская литература. 1962. № 1. С. 204; см. также: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 629–630. Печатается по первой публикации.

Письмо представляет собой ответ С. Т. Аксакова на письмо сына от 25 мая 1846 г. из Калуги (см. в наст. изд.).

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

20 июня <1846>.

<...> Сделай милость, разразись поскорее громом и молнией на ту высокую натуру, которая не умеет стряхнуть с себя болотной гнили, в которой она выросла и созрела — *и успокойся*. Впрочем, и я, и Константин прочли с огорчением твое извещение о вашей ссоре. <...>

Возвращаюсь к вашей ссоре. Разумеется, ты был ее причиной своими резкими выходками, ибо сказать: ваш друг и приятель — подлец, а особенно женщине, которая не может за это ударить вас и вызвать на дуэль, — дело неизвинительное; на все есть манера: можно сказать то же, не оскорбив лицо, с которым говоришь. Разумеется, А<лександра> О<сиповна>¹ сбесилась и наговорила тебе того, что она не думает, не чувствует и не признает. Мне самому не один раз случалось, в пылу бешенства, то на себя наговаривать, исполнение чего было для меня невозможно и нравственно, и физически. Вот каким образом я объясняю речи А<лександры> О<сиповны>. <...>

Впервые опубликовано: *Павлов Н. М.* Из переписки А. О. Смирновой с Аксаковыми // Русский Архив. 1896. № 1. С. 145–146. Печатается по первой публикации.

¹ Смирнова.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

29 июля 1846 г.

<...> Ты читал статью Гоголя¹? Как хороша! Ее надо прочесть не один раз. Впрочем, я не верю в такое достоинство перевода и еще менее в *такое* действие «Одиссеи» на всех. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 683–684. Печатается по первой публикации.

¹ Статья Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским» была напечатана в «Современнике» (1846. № 7), в «Московских Ведомостях» (1846. 25 июля. № 89), в «Москвитянине» (1846. № 7 (цензурное разрешение 20 авг.)).

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

26 августа <1846>. Абрамцево.

Мы получили верное и секретное известие из Петербурга, что там печатается целая книга, присланная от Гоголя: *отрывки из писем или переписки с друзьями* (название хорошенько не помню)¹. Вероятно, там помещено много из его писем к А<лександр> О<сиповне>², к Языкову и ко мне. Между прочим, там Гоголь признает совершенную ничтожность всего им написанного и говорит, что изорвал продолжение «Мертвых душ», объявляет, что едет в Ерусалим и делает какое-то завещание публике или России. Плетнев печатает эту книгу в возможном секрете и потому не говори об этом никому ни слова; без сомнения, Александра Осиповна должна это знать.

Увы, исполняется мое давнишнее опасение! Религиозная восторженность убила великого художника и даже сделает его сумасшедшим. Это истинное несчастье, истинное горе. Впрочем, ласкаю себя надеждой, что это как-нибудь да не так: может быть, он изорвал прежнее продолжение «Мертвых душ» и написал новое. Истина должна скоро открыться. Второе издание «Мертвых душ» уже печатается и к 15 октября выйдет в свет, если не задержит сам Гоголь присылкою предисловия. Меня удивляет эта несообразность: если он отказывается от всего им написанного, зачем второе издание «Мертвых душ»? Видно, Гоголь на меня сердится: пишет ко всем, кроме меня. <...>

Впервые частично опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 373; см. также: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 155–156; Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 686. Печатается по изд.: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 159.

¹ Известие о готовящейся к печати книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» С. Т. Аксаков получил от Е. А. Свербеевой, а та от А. Н. Попова (см. в наст. изд. письма Е. А. Свербеевой к А. Н. Попову от 11 и 15 августа 1846 г.). В свою очередь, А. Н. Попову о готовящемся издании сообщил, вероятно, сам П. А. Плетнев (см. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к И. С. Аксакову от 18 сентября 1846 г.).

² Смирновой.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

9 сентября 1846 г.

В последнем письмеце твоём от 3-го сентября ты сообщаешь такие черты об Александре Осиповне¹, которые, если они справедливы, дают решительное выражение ее физиономии. Итак, мы все попались было в дураки! Но что же сказать о тех людях, т. е. о Гоголе и Самарине, которые ввели нас в такую ошибку? Неужели она так же искусно притворялась перед ними, как передо мной и Константином? Это было возможно на короткое время, приехав в Москву, оторвавшись от всего того, что прежде ее окружало; но с ними она не могла беспрестанно носить маску. Впрочем, о Гоголе нечего и говорить: он помешан на мысли обратить ее к раскаянию и другому образу жизни. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 686. Печатается по первой публикации.

¹ Смирновой.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

18 сент<ября> 1846. Радонежье.

<...> Шевырев, вероятно, спрашивал Плетнева о последнем сочинении Гоголя: ибо Плетнев пишет, что в сочинении Гоголя, которое скоро выйдет из печати, ничего нет такого, о чем пишет Шевырев и что известие это совершенно ложно; а я думаю, что оно справедливо и что Плетнев пишет для того таким образом, чтобы буквально исполнить волю Гоголя. Я боюсь, чтоб эта сплетня не поссорила Попова с Плетневым. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 688. Печатается по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 50.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

<24 ноября 1846. Москва>

<...> Прочтя присланные Гоголем Предупреждение к новому изданию Ревизора и новую его развязку, я убедился вполне, что Гоголь помешался. Я решился восстать напечатанию того и другого и на выпуск его книги, напечатанной в Петерб<урге>. Завтра посылаю сильное письмо об этом к Плетневу¹ и сейчас посылаю показать его Шевыреву. Они могут меня не послушать; но я, по крайней мере, сделаю что могу. Вслед за этим напишу самое решительное и откровенное письмо к Гоголю². <...>

Впервые опубликовано: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 205 (публикация А. Г. Дементьева). Печатается по первой публикации.

¹ См. ниже.

² Письмо было отправлено Гоголю 9 декабря 1846 г.

С. Т. Аксаков — П. А. Плетневу

<25 ноября 1846. Москва>

<...> Хотя я виделся с вами только один раз в жизни, но у нас с вами так много общих друзей, мнений и оснований, что я пишу к вам как к старинному приятелю. Вы, вероятно, так же, как и я, заметили с некоторого времени особенное религиозное направление Гоголя; впоследствии оно стало принимать характер странный, и, наконец, достигло такого развития, которое я считаю если не умственным, то нервным расстройством. Вы, верно, получили *предупреждение* к 4 и 5 изданию Ревизора, а также новую его *развязку*. Все это так ложно, странно и даже нелепо, что совершенно не похоже на прежнего Гоголя, великого художника. Я слышал, что вы печатаете какое-то его сочинение, в котором также много подобных несообразностей: книга еще не вышла, а неблагоприятные слухи уже бродят по всей России, и уже ваш литературный совестрадр, барон Брамбеус¹, торжественно объявил, что Гомер впал в мистицизм². Если вы, хотя не вполне, разделяете мое мнение, то размыслите, ради Бога, неужели мы, друзья Гоголя, спокойно предадим его на поругание многочисленным врагам и недоброжелателям. Если милосердый Бог возвратит Гоголю прежнее его духовное и телесное здравие, и он спросит нас: «Друзья мои, я был болен, но где же был ваш рассудок?» — что мы станем отвечать ему?

Итак, мое мнение состоит в следующем: книгу, вероятно, вами уже напечатанную, если слухи о ней справедливы, не выпускать в свет, а предупреждение к Ревизору и новой его развязки совсем не печатать; вам, мне и С. П. Шевыреву написать к Гоголю с полной откровенностью наше мнение. Если он его не послушает, то мы откажемся от его поручений, пусть он находит себе других исполнителей. По крайней мере, мы сделаем, что можем. <...>

Во всяком случае имя моей дочери должно быть исключено из числа благотворительниц, назначенных Гоголем³. О том же просит вас, через меня, Катерина Александровна Свербеева. <...>

Впервые опубликовано: *Грот Я. К.* Сергей Тимофеевич Аксаков в заботах о Гоголе // Русская Старина. 1887. № 1. С. 249–250; см. также: *Павлов Н. М.* Из переписки С. Т. Аксакова с П. А. Плетневым // Русский Архив. 1895. № 5. С. 117–118; *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 160–161. Печатается по первой публикации.

Письмо написано В. С. Аксаковой под диктовку С. Т. Аксакова. На письме имеются пометы П. А. Плетнева: «Пол<учено> 1846 г. — Отв<ечено> 30 ноября 1846 г.».

¹ О. И. Сенковский.

² См. в наст. изд. коммент. к письму С. П. Шевырева П. А. Плетневу от 29 октября 1846 г.

³ Имеется в виду список «лиц, принявших на себя раздачу вспомоществований» гоголевского «Предупреждения» к предполагаемому благотворительному изданию «Ревизора с Развязкой».

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

<28 ноября 1846. Москва>

Я написал и послал сильный протест Плетневу¹, чтобы не выпускал в свет новой книги Гоголя, о которой ты знаешь и которая состоит из писем его ко мне и к другим и в которой точно есть завещание целой России, где Гоголь просит, чтоб она не ставила над ним никакого памятника, и уведомляет, что он сжег все свои бумаги. Требую также, чтоб не печатать «Предупреждение» к 5-му изданию «Ревизора» и новой его «Развязки»: ибо все это с начала до конца ложь, дичь и нелепость, и если будет обнародовано, то сделает Гоголя посмешищем всей земли русской. То же самое объявил я и Шевыреву. Не обязывая их к полному согласию со мною, я убеждаю их написать к Гоголю с совершенной откровенностью, что они думают. Сам же я на-

чал диктовать большое письмо к Гоголю², в котором высказываю ему беспощадную правду. Очень жаль, что диктовка этого письма, сильно меня волнуя, увеличивает мои страдания и заставляет диктовать его понемногу: оно потеряет свою цельность и энергию. Если Гоголь нас не послушает, то я предлагаю Плетневу и Шевыреву (который со мной почти во всем согласен³) отказаться от исполнения поручений Гоголя: пусть он находит себе других палачей.

Впервые опубликовано, с неточностями: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 403–404; см. также: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 156. Печатается по изд.: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 159–160.

¹ См. выше.

² Письмо было отправлено 9 декабря 1846 г.

³ См. в наст. изд. коммент. к письму С. Т. Аксакова сыну Ивану 1847 г.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

5 декабря 1846 г. Москва.

<...> Я уведомлял тебя, что писал Плетневу; вчера получил от него преглупый ответ¹. Довольно одного такого друга, чтобы поддержать Гоголево сумасшествие.

Письмо к Гоголю² лежало тяжелым камнем на моем сердце; наконец в несколько приемов я написал его. Я довольно пострадал за то, но согласился бы вытерпеть вдесятеро более мучения, только бы оно было полезно, в чем я сомневаюсь. Болезнь укоренилась, и лекарство будет действительно или даже вредно; нужды нет, я исполнил свой долг как друг, как русский и как человек. <...>

Впервые частично опубликовано, с неточностями: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 404; см. также: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 156. Печатается по изд.: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 161.

¹ См. в наст. изд. письмо П. А. Плетнева к С. Т. Аксакову от 30 ноября 1846 г.

² Отправлено 9 декабря 1846 г.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

9 января 1847. <Москва>.

Сейчас прочли в газетах, что в Москве продается новая книга Гоголя, а мы ее не имеем. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 696. Печатается по первой публикации.

С. Т. и В. С. Аксаковы — И. С. Аксакову

11 января 1847 г. Суббота. Москва.

<...> Наконец третьего дня получили мы новую книгу Гоголя. Александра Осиповна¹, верно, ее имеет и даст тебе прочесть. Увы, она превзошла все радостные надежды врагов Гоголя и все горестные опасения его друзей! Самое лучшее, что можно сказать об ней — назвать Гоголя сумасшедшим. Мы прочли только половину: читать ее долго сряду слишком тяжело, да времени как-то нет.

В первом номере «Современника» я выслушал только две статьи Белинского: о русской литературе и втором издании «Мертвых душ»². С обеими статьями я совершенно согласен, они мне очень нравятся. Не забавно ли, что в Петербурге свободно пропускают то в *журналах*, за что здесь преследуют ученые диссертации! <...>

<Приписка В. С. Аксаковой.>

Сегодня пишем мы тебе сверх обыкновения милый друг и брат Иван; на этой неделе много происходило интересного, много получено нового и у нас чтения и толки беспрестанные. Получена книга Гоголя и мы пришли в ужас и уныние. Ты сам прочтешь и увидишь, слов нет, чтоб выразить всю эту нелепость, как сделался пошел и вял его язык в последних годах. Лучше если б это было простое сумасшествие.

Мы получили также Современник в котором много интересного, статья Белинского о М<ертвых> Д<ушах> очень справедлива и теперь нельзя восставать ни против каких браней и нападений. Это всё глубоко грустно. Мы читали *Кто виноват*³, многое очень умно и хорошо, но зато много там пошло, особенно эта беспрестанная претензия на остроту нисколько не смешную. Будем ожидать от тебя писем, милый Иван, теперь не так скоро ты можешь приехать, как мы ожидали. Обнимаю тебя крепко — дай Бог, чтоб ты был здоров.

Сестра твоя Вера.

Посылаем тебе стихи К. К. Павловой, она просит их не показывать никому — она вследствие каких-то слов <2 нрзб.> написала, они очень милы и легки.

Впервые частично опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 407–408; см. также: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 210, 176–177 (публикация А. Г. Деметьева); Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 696. Письмо С. Т. Аксакова печатается по изд.: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 164–165, с дополнением по изд. 1952 г.; приписка В. С. Аксаковой — по изд. 1936 г.

Ответ И. С. Аксакова — от 18 января 1847 г. (см. в наст. изд.).

¹ Смирнова.

² Имеются в виду статья В. Г. Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» и рецензия на второе издание «Мертвых душ» в первом номере «Современника» 1847 г.

³ Роман А. И. Герцена.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

<14–16 января 1847. Москва>

14 января 1847 г. Москва.

Сейчас получил письмо твое, милый друг Иван, от 11 января¹. Не будучи в состоянии заниматься теперь никаким другим делом, кроме разговора с тобою, я принимаюсь диктовать письмо, хотя оно пойдет еще послезавтра. Письмо твое не изумило, не поразило меня, а просто уничтожило на некоторое время. Я также прочел всю книгу Гоголя. Если б я не имел утешения думать, что он на некоторых предметах помешался, то жестким бы словом я назвал его. Я вижу в Гоголе добычу сатанинской гордости, а не христианское смирение. Я никогда не прощу ему выходок на Погодина²; в них дышит дьявольская злоба, а он изволит утопать в сладости любви христианской. Меня оскорбило письмо его к Веневитиновой³, которое и написать совестно, не только напечатать, которое нашиповано *ангельскими устами и небесным голосом*, где определяется чисто католическое воззрение на красоту женщины и употребление оной и, между прочим, говорится о *рукоплесканиях на небесах*. Я не мог читать без отвращения печатное завещание человека живого и здорового, в каждом слове которого дышат неимоверная гордость и опять-таки злоба на Погодина; где эстамп «Преображения Господня» так и ложится рядом с его портретом. Боже мой, какое впечатление произведет это завещание на его бедную мать! Я не мог без горького смеха слушать его наставленья помещикам⁴, как надобно им пахать, жать и косить впереди своих крестьян; как заставлять их прикладываться к некоторым словам Священного Писания, *тыкая* в них пальцем, как чинить суд и расправу и как уверить умный русский народ, что помещик для того только справляет барщину, чтоб они в поте лица съедали хлеб свой; как раскладывать свой годовой доход⁵, которого никогда при начале года в руках не бывает, на семь куч и если в куче, назначенной для благотворения, неостанет денег, то дать людям умирать возле себя, а из другой кучи не брать! Я не мог без жалости слышать этот язык, пошлый, сухой, вялый и безжизненный, которым ты упиваешься, и только статья о русской литературе и литераторах и письмо об Иванове напомнили мне прежнего Гоголя. Неужели не поразило тебя выражение: *прекрасный Небесный Отец наш* и рядом: *прекрасный друг мой* (говоря о Жуковском). Я теперь уже готов услышать от тебя, что статья, которой не называю⁶, непосредственно вытекает из духа христианского! Этот дух по крайней мере неглуп. Я прочел книгу и отдал читать другим: пишу теперь на память, которая стала у меня плоха. Я уверен, что найду в ней десятки подобных доказательств. Я не буду знать, что мне возразить тому человеку, который скажет: это — хохлацкая штука: широко замахнулся, не совладел с громадностью художественного исполнения второго тома, да и прикинулся проповедником христианства.

Мы все собираемся писать к Гоголю⁷, более или менее в одинаковом смысле. Разумеется, все, что я написал тебе, я не только никому не скажу, но и не позволю сказать при мне, кроме истинных друзей Гоголя.

Впервые опубликовано: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 162–163. Печатается по изд.: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 165–166.

¹ См. в наст. изд.

² В статье «О том, что такое слово» «Выбранных мест из переписки с друзьями».

³ Имеется в виду статья «Женщина в свете», которую С. Т. Аксаков считал адресованной А. М. Веневитиновой (рожд. графине Виельгорской, 1818–1884).

⁴ В статье «Русской помещик».

⁵ В статье «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России».

⁶ «О лиризме наших поэтов».

⁷ См. письмо С. Т. Аксакова к Гоголю от 27 января 1847 г., в которое Аксаков вложил также адресованное ему письмо Д. Н. Свербеева от 16 января 1847 г. (текст этого письма см. в изд.: *Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя*. М., 1896. Т. 4. С. 519–523; *Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем*: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 14. С. 93–96).

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

16 января 1847. Четверг.

<...> Обстоятельства переменяются. Мы не можем молчать о Гоголе, мы должны публично порицать его. Шевырев даже хочет напечатать беспощадный разбор его книги¹. Дело в том, что хвалители и ругатели Гоголя переменились местами: все мистики, все ханжи, все примиряющиеся с подлою жизнью своею возгласами о христианском смирении, весь скотный двор Глинки² и особенно женская свита К. В. Новосильцевой³ утопают в слезах и восхищении. Я думал, что вся Россия даст ему публичную оплеуху, и потому не для чего нам присоединять рук своих к этой пощечине; но теперь вижу, что хвалителей будет очень много, и Гоголь может утвердиться в своем сумасшествии. Книга его может быть вредна многим. Вчера был у меня Погодин. Он признается, что в первые минуты был оскорблен до глубины души⁴ (Шевырев сказывал, что он горько плакал); но скоро успокоился и теперь искренно смеется. Он хочет написать к Гоголю: *Друг мой, Иисус Христос учит нас подставлять правую ланиту, получив пощечину в левую; но где же учит он давать публичные оплеухи?* Вся его книга проникнута лестью и страшной гордостью под личиною смирения: он льстит женщине, ее красоте, ее прелестям; он льстит Жуковскому; он льстит власти. Он не устыдился напечатать, что нигде нельзя говорить так свободно правду, как у нас. Может ли быть безумнее гордость, как требование, чтоб, по смерти его, его завещание было немедленно напечатано во всех журналах, газетах и ведомостях, дабы никто не мог отговориться неведением оногo? Чтоб не ставили ему памятника, а чтоб каждый вместо того сделался *лучшим*? Чтоб все исправлялись *о имени его*?.. Все это надобно повершить фактом, который равносителен *41 числу марта* (в «Записках сумасшедшего»). Известное стихотворение Пушкина к Гнедичу: *С Гомером долго ты беседовал один* Гоголь принял за стансы к царю. Неужели это не бросилось тебе в глаза?

Сейчас получили письмо твое от 14 января и вместе с ним письмо от матери Гоголя, которая еще не получила его книги, но получила его завещание... добрый, нежный сын! <...>. Книги Гоголя в продаже нет: ибо всего было прислано тридцать пять экземпляров, а тысяча двести выслано из Петербурга в прошедший понедельник⁵. Итак, ты не скоро еще ее получишь. Я уверен, что мысли твои о книге Гоголя должны измениться. Ты обольстил сам себя предположением чистого христианского направления в Гоголе. Что Александра Осиповна? Если ты захочешь, то можешь показать ей или прочесть в моем письме все, касающееся до книги Гоголя. Я даже желал был сообщить ей письмо мое к нему⁶, читанное тобою. Неужели необыкновенный ум этой женщины не поймет меня? <...>

Впервые опубликовано: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 163–164; см. также: *Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1894. Кн. 8. С. 545. Печатается по изд.: *Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем* / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 166–167.

¹ В статье «Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя» (Москвитянин. 1848. № 1 (цензурное разрешение 27 дек. 1847). <Отд. 2>. С. 1–29) С. П. Шевырев выступил в поддержку Гоголя.

² Подразумевается Ф. Н. Глинка.

³ Графиня Екатерина Владимировна Новосильцева (рожд. графиня Орлова, 1770–1849).

⁴ Статьей «О том, что такое слово» «Выбранных мест из переписки с друзьями».

⁵ 13 января 1847 г.

⁶ От 9 декабря 1846 г.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

23 января 1847 г.

<...> Всего вероятнее, ты не можешь переварить книги Гоголя, на которой сильно споткнулся и ушибся; легко может быть, что возобновление прежних сношений с Алек<сандрой> Осип<овной> сконфузило тебя самого... <...> О книге Гоголя надо говорить много и долго, я читаю ее во второй раз и очень медленно. Благодаря Бога, я уже совершенно убежден в полной искренности сочинителя и его духовное состояние объясняется для меня: он находится в состоянии перехода, всегда исполненного излишеств, заблуждений, ослепления. Мне блещет луч надежды, что Гоголь выйдет победоносно из этого положения, но книга его чрезвычайно вредна: в ней все ложно, следственно и впечатления будут ложны. Самым близким и живым доказательством тому служишь ты сам. Сегодня я ожидаю твоего ответа на мое последнее письмо и потому не стану распространяться с возражением тебе и книге Гоголя. Скажу только, что, говоря о примирении искус<с>тва с религией, он всеми словами и действиями своими доказывает, что художник погиб в нем. Дай Бог, чтоб это было только на время. Ты, видно, позабыл мое письмо к нему и мои слова о новой развязке Ревизора. Вчера вечером мы перечли письмо «о значении женщины в свете». Большую статью надо написать на это письмо. Боже мой, до какой степени оно противно духу христианскому! Это письмо не только католическое, оно языческое! Нигде так ярко не изобличается ложность направления Гоголя. Какая скотина должна быть духовная цензура, его пропустившая. Гоголь не отвечает мне, и если будет отвечать, то не скоро: он станет ожидать моего мнения о книге; он, вероятно, думает, что она снимет пелену, застилающую глаза мои. Я еще не решился, писать к нему или нет. Многие пишут или собираются писать к нему. Свербеев написал письмо ко мне¹, в котором очень умно и очень зло разбирает его книгу. Уже четыре дня я держу его в своих руках и не имею духу послать: боюсь, не оскорбится ли он. Вера думает со мною одинаково, а Костя строже нас обоих к Гоголю. Мать находится еще в волнении, следовательно, предается излишеству. Загоскин говорит, что надо ехать в Неаполь и расцеловать Гоголя. Филарет сказал, что, хотя Гоголь во многом заблуждается, но надобно радоваться его христианскому направлению. Понятно, что ничего другого он сказать не может. Вчера мы слышали, что сегодня приедет в Москву Смирнова с братьями; если это правда, то жаль, что ты не пишешь о своих последних к ней отношениях: мы не будем знать, как держать себя. <...>

Впервые частично опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 408–409; см. также: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 165–166; Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 167–168. Печатается по первой публикации, с дополнениями и уточнениями по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 57, 58.

Послание отправлено И. С. Аксакову одновременно с письмом В. С. Аксаковой от того же числа (см. в наст. изд.).

¹ Письмо Д. Н. Свербеева к С. Т. Аксакову от 16 января 1847 г. о «Выбранных местах из переписки с друзьями» было отправлено С. Т. Аксаковым Гоголю при письме от 27 января 1847 г.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

25 января 1847.

<...> Обращаюсь к твоему письму. Я живо понимаю твое смущение. Я сам, медленно перечитывая в другой раз, а иное и в третий, нередко впадаю в смущение: неужели это один и тот же человек? Но для меня многое объясняется временем, когда писаны его статьи. Все то, где является еще поэтический, ясный и верный взгляд, иногда выражаемый чудными словами, писано не позже 44-го года. К тому же нельзя, чтоб слепота его направления могла разлить со всех сторон сияния его лучезарного таланта. Я становлюсь спокойнее и даже допускаю иногда отрадную мысль, что Гоголь выйдет победоносно из ложного своего направления. Его книга овладела всеми умами. Люди, уже переговорившие об ней между собою, встречаясь на другой день и начиная свой разговор: «что и говорить о книге Гоголя», продолжают говорить о ней и говорят целые часы. Павлов пишет о ней и читал кое-что Косте: он говорит, что очень умно. Я решился не писать к нему большого письма, с получением ответа на прежнее, тебе известное письмо. Послезавтра посылаю Гоголю письмо Свербеева¹; сам напишу несколько строк, которые сообщу тебе. <...>

Впервые частично опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 411. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 59–60.

¹ См. в наст. изд. коммент. к письму С. Т. Аксакова И. С. Аксакову от 23 января 1847 г.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

Четверг. 30 янв<аря> 1847.

<...> Что касается до книги Гоголя, то я сам часто смущаюсь не менее твоего: в последнем письме к тебе я был гораздо спокойнее, но прочитав в другой раз статью *О лиризме наших поэтов*, я впал в такое ожесточение, что, отправляя к Гоголю письмо Свербеева, вместо нескольких строк, в которых хотел сказать, «что не буду писать к нему писем об этой книге до тех пор, пока не получу ответа на мое письмо от 9 декабря», — написал целое письмо¹, горячее и резкое, очень, очень жалею, на следующей почте пришлю тебе копию. Вчера прочли мы, едва ли не в третий раз письмо об Иванове, которое понравилось мне гораздо менее прежнего. Они оба погибают от лукавого мудрствования, верить надобно в простоте сердца. Это ужасная ошибка и даже дерзость, по-моему, мешать имя Бога во все наши дела. Разумеется, всякий талант от Бога, но мысль, что прежде надобно сделаться святым, чтобы изобразить Святое — нелепость. Из этого вы<й>дет, что Иванов не кончит картины «Появления Господня», а Гоголь — «Мертвых Душ». Кто может осмелиться сказать самому себе: я теперь готов, я добродетелен, я свят? Много, много надобно говорить об этом. Я хочу переписать книгу Гоголя с белыми местами, вновь перечитать ее и записать все мои замечания. Эту книгу я отошлю к нему, разумеется, с оказией. Я сделаю все, что может сделать друг для друга, брат для брата и человек с поэтическим чувством — теряющий великого поэта. До тех пор я не успокоюсь совершенно. Как мне больно слышать твои слова: «все это может быть полезно людям... просветленный художник уразумеет всю жизнь». Какая мечта. Мы сходимся в одном с Ал<ександрой> Ос<иповной>, что Гоголь не в состоянии кончить Мер<твых> Душ. Ты говоришь о суде публики; но ведь большинство публики — публика калужская; итак, мало интересу знать ее суд. Ты кидаешься в ужасные крайности: для понимания необходима образованность ума. Мужики наши свежи, новы, просты и умны, но в них нет слуха, чтоб услышать и пр., хоть Гоголя; этот слух — образованность, а ты так изволишь ее позорить. <...>

Впервые частично опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 413–415; см. также: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 166; Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 168. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 61 об.–62.

¹ От 27 января 1847 г.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

Четверг. 6 февраля <1847>.

<...> Книгу Гоголя мы прочли окончательно, иные статьи даже по 3 раза; беру назад прежние мои похвалы некоторым письмам, или, правильнее сказать, некоторым местам: нет ни одного здорового слова, везде болезнь или в развитии или в зерне. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 418; см. также: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 166; Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 171. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 64.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

1847. 8 февраля, суббота.

<...> Белинский не так написал о книге Гоголя, как я ожидал¹. Впрочем, хорошенько подумав, я почти соглашаюсь, что так и следовало ему написать: он не был в дружеских сношениях с Гоголем. Не мог сказать голый правды о многих статьях и притом болен. Несмотря ни на что, Гоголь не перестает занимать меня с утра до вечера: он, точно, помешался, в том нет сомнения; но в самом помешательстве много плутовства — должно в этом признаться. Сума<с>шедшие бывают по-своему плуты и надуватели: это я видел не один раз, и помешательство их делается и жалко и гадко. Мне пришла странная и вместе утешительная мысль в голову, что если Гоголь, получив множество печатных и письменных отзывов, скажет: «Я вижу, что мои читатели еще не в состоянии понять второго тома Мерт<вых> Душ, да и я еще не созрел для написания его в настоящем виде, а потому оставляю этот труд до времени и начинаю писать прежние побасенки»... и напишет нам чудные побасенки². Эта мысль имеет основанием две причины. Первая: он пишет в последнем своем письме ко мне³: «Ваши нападения мне теперь слишком нужны: они покажут мне ближе меня самого и покажут мне в то же время Вас, т. е. моих читателей. Не увидевши яснее, что такое в настоящую минуту я сам и что такое мои читатели, я был бы в решительной невозможности сделать дельно свое дело». Вторая состоит в том, что Гоголь в письме своем к Щепкину⁴, горячо заботясь о постановке на сцену своей нелепейшей новой развязки Ревизора, между прочим, пишет такие забавные штуки, что надобно хохотать и вместе удивляться ясности взгляда и меткости выражений. <...>

Впервые частично опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 422–423; см. также: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 166. Полностью напечатано: Письма о Гоголе // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 178–180; см. также: Аксаков С. Т. История моего знаком-

ства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 171–172. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 65 об.–66 об.

¹ Имеется в виду статья В. Г. Белинского «“Выбранные места из переписки с друзьями” Николая Гоголя» (Современник. 1847. Т. 1. № 2. Отд. III. С. 103–124).

² Выражение из «Театрального разъезда...» Гоголя.

³ От 20 января (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

⁴ От 24 октября (н. ст.) 1846 г.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

17 февраля 1847 г.

<...> Ты не можешь себе представить, милый мой друг Иван, как потешило меня твое письмо от 15-го февраля¹, вчера мною полученное! Эта горячая схватка с А<лександрой> О<сиповой> посреди изумленного калужского общества меня восхитила: «вся вспыхнула, потом побледнела, потом затряслась, потом подняла руки кверху и пошла потеха...» Эти слова, так живо рисующие всю сцену, внезапно перенесли меня на место действия, откуда я сегодня еще не совсем удалился. За эту сцену я даже с А<лександрой> О<сиповой> почти помирился; если б она была здесь, то я сейчас бы к ней поехал. Я вижу, что она любит Гоголя, как человека. Она не совсем поняла мои слова: «*плутовство в самом сумасшествии*», — и ты мог бы их и не читать ей, если не имел намерения прочесть их. Но я рад тому и другому. Я должен по совести сказать, что А<лексадра> О<сиповна> даже отчасти права: мы, надувая самих себя Гоголем, надували и его, и поистине я не знаю ни одного человека, который бы любил Гоголя, как друг, независимо от его таланта. Надо мною смеялись, когда я говаривал, что для меня не существует личность Гоголя, что я благоговейно, с любовью смотрю на тот драгоценный сосуд, в котором заключен великий дар творчества, хотя форма этого сосуда мне совсем не нравится. <...>

Я желаю, чтобы ты показал или прочел ей все, что я писал о Гоголе. Я желал бы, чтобы все, мною написанное и сказанное о нем, было тогда же напечатано. Ибо теперь, после его ответа на мое письмо, я уже не могу ни говорить, ни писать о нем. Ты не знаешь этого письма. Я перенес его спокойно, равнодушно; но самые кроткие люди, которые его прочли, приходили в бешенство. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 423–424; см. также: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 166; Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 174. Печатается по первой публикации, с уточнениями (в последнем абзаце) по изд. 1960 г.

¹ См. в наст. изд.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

Понедельник, 24 фев<аля 1847>.

<...> ...Прилагаю тебе копию с письма Гоголя¹ и прошу, прежде чем начнешь его читать, хо-рошенько припомнить мое письмо. <...>

Публикуется впервые по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 70 об.

¹ От 20 января (н. ст.) 1847 г.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

28 марта 1847 г.

<...> Не знаю, писал ли я тебе о самой радостной новости: о письмах Гоголя? Вот уже теперь четыре письма, написанные им с 4-го марта: два к Шевыреву¹, а одно ко мне² и одно к Погодину³, и все эти письма писаны уже другим человеком! Уже нет ни высокомерного спокойствия, ни лицемерного смирения; но положение его ужасно. Кипяток последнего моего письма⁴ и ледяной холод письма Свербеева, обрушившиеся на него в одно и то же время, образумили и оскорбили его душу. Он благодарит меня, но в то же время негодует. Письмо его начинается так: «благодарю Вас, мой добрый и благородный друг, за ваши упреки! хотя мне и чихнулось от вашего письма, но чихнулось во здравие!» Зато вся его нежность обратилась на Щепкина и Погодина; к последнему он пишет даже страстное письмо, что показывает еще продолжающееся болезненное состояние духа — пусть он никогда ко мне не обратится, для меня это все равно. Для спасения Гоголя я готов сделаться и презренным орудием казни, и отвратительнейшим палачом. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 433; см. также: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 168–169; *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 177. Печатается по первой публикации.

¹ От 4 и 10 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

² От 6 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

³ От 4 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

⁴ От 27 января 1847 г., с вложением письма Д. Н. Свербеева к С. Т. Аксакову от 16 января 1847 г.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

3 апреля <1847>, четверг.

<...> Вчера я узнал, что Князь Владимир Львов¹ писал прямо к Гоголю замечание на его книгу² и получил ответ весьма благоприятный, т. е. Гоголь благодарит и сознается, что напрасно печатал книгу³. Костя читал даже и в Северной Пчеле ужаснейшее ругательство на Гоголя от Фад<д>ея Булгарина⁴. Кажется, глаза его открылись, ран получил он довольно: не пора ли их врачевать. <...> Что касается до писем Гоголя к Смирновой, то это прежняя манера Гоголя выпутываться из какой-нибудь прорухи. Второму тому я не верю: или его не будет или будет дрянь. Добродетельные люди — не предмет для искус<с>тва. Эта задача неисполнимая. Я надеюсь, что Гоголь примется за прежние *пустячки и побасенки*⁵, тут я надеюсь опять насладиться творческими произведениями. Если Арнольди вправду забыл другие эпитеты — стало они незначительны⁶. <...> Очень жалею о болезни Смирновой: напиши мне об ней; несмотря ни на что, я навсегда сохраню симпатию к этой женщине. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 702; см. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 178. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 77–78.

¹ Князь Владимир Владимирович Львов (1804–1856), детский писатель, впоследствии цензор.

² Письмо от 13/25 февраля 1847 г. из Москвы.

³ Имеется в виду письмо от 20 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя, в котором, однако, Гоголь отнюдь не «сознается, что напрасно печатал книгу», а замечает: «...считаю долгом известить вас, что я отнюдь не переменял направления моего. Труд у меня всё один и тот же, все те же “Мертвые души”. И одна из причин появления нынешней моей книги была возбудить ею те разговоры и толки в обществе, вследствие которых непременно должны были выказаться многие мне неизвестные стороны современного русского человека, которые мне очень нужно взять к соображению, чтобы не попасть в разные промахи при сочинении той книги, которая должна быть вся природа и правда. Если Бог даст сил, то “Мертвые души” выйдут так же просты, понятны и всем доступны, как нынешняя моя книга загадочна и непонятна. Что ж делать, если мне суждено сделать большой крюк для того, чтобы достигнуть той простоты, которую Бог наделяет иных людей уже при самом рождении их. Итак, вот вам покуда посильное изъяснение того, зачем вышла моя книга».

⁴ Вероятно имеется в виду рецензия на «Выбранные места из переписки с друзьями» в № 67 «Северной пчелы» от 27 марта 1847 г., подписанная инициалами Я. Я. и принадлежавшая не Ф. В. Булгарину, а Л. В. Бранту.

⁵ Выражения из «Театрального разезда...» Гоголя.

⁶ См. письмо И. С. Аксакова к родным от 25 марта 1847 г. из Калуги.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

10 апреля 1847 г.

Гоголь, кажется, совершенно очнулся: туповатый князь Владимир Львов, писавший статьи о московской жизни в «Москвитянине» и, за грехи наши, продолжающий писать их в «Листке», не будучи знаком с Гоголем, написал к нему письмо о его последней книге. Письму следовало быть также глуповатому; но иногда Господь умудряет глупцов, и, может быть, письмо было и неглупо и недурно написано. Главное дело в том, что ответ Гоголя прекрасен. Прилагаю тебе на особой бумажке некоторые выписки из письма¹. <...> Я выписал начало: письмо большое, исполнено искренней благодарности. Жаль, что оно ходит по Москве, сопровождаемое нелепыми толками. Вот как идет все на свете. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 702. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду письмо Гоголя к князю В. В. Львову от 20 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

С. Т. Аксаков — С. П. Шевереву

<3 октября 1847. Москва>

Почтеннейший Степан Петрович!

Я переехал в Москву и сегодня ожидаю свою старуху с детьми. Живу от вас очень далеко и не надеюсь скоро вас увидеть, а потому покорнейше прошу написать к Н. В. Гоголю (когда будете писать к нему), что я отвечать на его письмо не буду. Пора нам оставить <друг> друга в покойе.

Преданный нам
С. Аксаков.
3 октября.

Впервые опубликовано, с неверной датировкой: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 158. Датировка письма С. Т. Аксакова уточнена: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 272–273: «А. Г. Дементьев, опубликовавший это письмо в сб. “Н. В. Гоголь. Материалы и исследования” <...> отнес его к 1844 году на основании даты переезда Аксаковых в Москву. Эта датировка полностью опровергается письмом Аксакова к Гоголю от 16 ноября 1844 г., которое, в таком случае, следовало бы непосредственно за комментируемой запиской. Тон и характер письма к Гоголю несовместимы с запиской к Шевыреву. В настоящем издании записка датируется 1847 г. по следующим соображениям. В 1847 г. Аксаковы также были в Москве к 3 октября (См. Барсуков, кн. 9, стр. 61). Слова: “Живу от вас очень далеко” тоже подтверждают дату — 1847 г., когда Аксаковы жили в доме Герцена на Сивцевом Вражке, в то время как в 1844 г. они жили в Газетном переулке, т. е. недалеко от Дегтярного переулочка, где находился дом Шевырева. Наконец, только в 1847 г. у С. Т. Аксакова могло возникнуть то сильное раздражение против Гоголя, которое выражено в письме». Печатается по автографу: РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 108. Л. 16.

Написано в ответ на письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 28 августа (н. ст.) 1847 г. из Остенде, вложенное Гоголем в письмо к С. П. Шевыреву от того же числа.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

8 ноября <1848>. Понедельник. <Москва>.

<...> К большой моей досаде, я нисколько не привыкаю к московской жизни, и посещения добрых людей не развлекают, а надоедают мне. Никак не могу заставить себя принимать искреннее участие в чем бы то ни было. Вот, например, Гоголь теперь в таком прекрасном расположении духа, что ему можно все высказать и все у него выпросить, а я по целым часам сижу с ним, не говоря ни слова. Но зато Константин говорит *все*. <...>

Часто я бываю недоволен его словами, считая их оскорбительными или неуместными, но дело обходится очень хорошо: искренность и простодушие его вполне оцениваются Гоголем. Последний был недавно даже в театре, смотрел своих «Игроков» и остался доволен актерами, что большая редкость¹. Гоголь относит это к тому, что я читал им пиесу и смотрел за репетицией, вследствие чего просит, чтоб я прочел ему «Игроков», но увы — теперь он меня уже не услышит: вместе с зубами я потерял чистоту произношения, а без нее — что за чтение! <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 711–712. Печатается по первой публикации.

¹ Представление «Игроков» состоялось 4 ноября 1848 г.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

15 ноября <1848 г.>. Понедельник. <Москва>.

<...> 11-го ноября Погодин сделал у себя раут¹, на который заблаговременно, письмами и записками, убедительно звал всех, кого мог, а особенно людей порядочных, называющих его публично мошенником². Из всех порядочных людей, совершенно понимавших цель Погодина, один только поступил согласно с своим убеждением: Самарин написал к нему записку, что после всего, в чем обвиняет его общественное мнение, он ехать к нему не может³. Самарину было

это труднее сделать, чем другим, ибо он считает себя почему-то обязанным Погодину. Честь ему и слава! Все прочие повалили, как бараны, их набралось более 50 штук! Погодин мог, торжествуя, сказать Гоголю: «Вот они, называющие меня подлецом! Даже хворые притащились от Красных Ворот и других отдаленных московских урочищ!» Гадко все и скверно! <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 712. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. дневниковую запись М. П. Погодина от 11 ноября 1848 г. и коммент. к ней.

² М. П. Погодина и С. П. Шевырева беспочвенно обвиняли в доносе по поводу публикации в 1848 г. в «Чтениях Императорского Общества Истории и Древностей Российских» сочинения английского посла в России в 1588–1589 гг. Дж. Флетчера «О государстве русском» (см. об этом в наст. изд. коммент. к разделу *Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1849–1851 гг.*).

³ Поверив клевете, Ю. Ф. Самарин писал М. П. Погодину: «Последние происшествия в университетском кругу, о которых говорит теперь вся Москва, возмутили меня и оставили во мне впечатление, с которым я не считаю себя вправе принять вашего приглашения. Мне было очень тяжело написать те строки, потому что я вам обязан за многое и никогда не забуду живого участия, которое вы принимали издавна в моих занятиях и успехах; но это самое налагало на меня обязанность высказать вам, и вам одним, откровенно то, что у меня на душе» (*Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 10. С. 163*).

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

22 ноября <1848>. Понедельник. <Москва>.

<...> Да, вот новость: Гоголь получил от Жуковского печатный экземпляр первых 12 песен «Одиссеи». Гоголь прочел нам сам почти половину. На Гоголя любо **смотреть**. Когда он читает, то вполне наслаждается необъятным творчеством Гомера и художническим переводом. Последнего мнения я и Константин с Гоголем не разделяем. Перевод, точно, хорош и во многих местах изящен, но зато много имеет и грубых недостатков: или Жуковский не способен понять Гомера, или не мог понять его, не зная языка греческого. Он переводит с подстрочных переводов. Жуковский смешал простоту языка с его современною обыденностью: это доказывает справедливость первого предположения. Гоголь поражен нашими замечаниями и убедительно просит записывать их, чтоб немедленно отправить к Жуковскому, что, впрочем, мы не делаем. Что же касается до Гомера, то это чудо, никакими словами не изъяснимое! По моему мнению, он в «Одиссее» проявляет несравненно больше многостороннего творчества, чем в «Илиаде», ибо содержание несравненно разнообразнее. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 712, 714. Печатается по первой публикации.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

28 нояб<ря> 1848. <Москва>.

На другой день после отправки моего последнего письма, т. е. 22 ноября, получили мы письмо твое, милый друг Иван, с приложением сшитой тетрадки! Один вид этого толстого конверта произвел всеобщую радость. Спасибо, сто раз спасибо тебе, милый друг! Ты сам можешь себе представить, какое было для нас наслаждение читать и перечитывать живое изображение всех испытанных тобою новых впечатлений. Из посторонних читали твое большое письмо

только Самарин и Гоголь; обоим оно показалось очень интересным, хотя последнему немножко и чихнулось от некоторых выражений о хохлах². <...>

Мы прочли все 12 песен «Одиссеи». Стих вообще очень хорош, и есть места даже превосходные, но в частностях можно сделать много замечаний, которые и были деланы мной и особенно Константином, всегда доказывавшим неверность перевода сличением его с подлинником. Гоголь сначала принимал эти замечания очень хорошо, убеждался в их справедливости и просил всё записывать для сообщения Жуковскому; но впоследствии стал раздражаться словами Константина, иногда несколько неуместными и резкими, ибо дело непосредственно касалось до его самого. Третьего дня так рассердился за упреки в долгом пребывании на чужой стороне Жуковскому, что убежал и унес с собой «Одиссею». Вчера не был; увидим, придет ли сегодня. Нет, не восстановиться прежним отношениям между нами. Искренности нет, и очень явно его недоброжелательство к Константину, которого, разумеется, он считает причиною всех моих писем. Признаюсь, мне часто бывает досадно. Неужели я, проживши столько лет, не сумел нажить себе имени неглупого и самобытного человека? Всё, что я говорю и делаю, решительно приписывается Константину! Это обстоятельство нередко заставляет меня противоречить ему при свидетелях в том, в чем я внутренне согласен. Вот это, конечно, глупо... <...>

Начало письма впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 25. Печатается по изд.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 714. См. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 196–197.

¹ Имеется в виду большое письмо И. С. Аксакова от 10 ноября 1848 г. из Одессы (см. в наст. изд.).

² В письме И. С. Аксаков, в частности, замечал: «...Кажется мне, что Харьков имеет внутреннее сильное значение для Малороссии, которая в нем централизуется. Которая имеет в нем свой университет. Университет, конечно, плох; но хохлы, вероятно, ставят его выше всех других, и как тип хохлацкий, не сглаживаясь ничем на свете, делает их смешными в сравнении с москалями, то они, вероятно, очень рады, что этот тип находит себе здесь самостоятельное оправдание... Впрочем, в настоящее время эта самостоятельность значит только самостоятельное подражание, обезьянство Западу, а не Москве...» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 11; см. также: Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 401); «Должно сознаться, что мирные обстоятельства, — писал также И. С. Аксаков, — вероятно, еще более придали хохлу лени и неподвижности; нужны были ляхи и татары, чтобы расшевелить эту природу. К тому же хохол скрытен и недоверчив, особенно к москалю» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. С. 16; см. также: Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 404).

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

10 декабря 1848 г. <Москва>.

<...> Гоголь пишет, часто бывает у нас, ездит ко всем, кто только скажет, что желает его видеть, и со всеми очень хорош. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 716. Печатается по первой публикации.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

8 марта 1849. <Москва>.

<...> Да, милый друг Иван, ступай в Малороссию, под ее прекрасное небо, в ее роскошную природу¹. Мне сладко было твое увлечение, Константин взбесился от него, а Хомяков и Гоголь умерли было со смеху под гневом Константина. Несмотря на тревожнения духа, на этих днях я как-то принялся писать свои охотничьи записки... <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 116. Печатается по первой публикации.

¹ В 1849 г., в ночь с 9 на 10 февраля, в Москве в доме генерал-губернатора графа А. А. Закревского состоялся маскарад, организованный супругой Закревского Аграфеной Федоровной. С. П. Шевырев писал об этом маскараде: «Москве, непрерывно благотворящей, можно иногда и повеселиться. Торговля оживилась. Магазины и лавки не наготовлялись товару. Фабрики приходили в деятельность. Заработная плата умножалась. Портные и ремесленники не находили времени. Около богатеющего купца, около довольного ремесленника сытнее был и бедный. Признано экономами за лучшее средство благотворения народу и обществу возбуждать труд, деятельность, давать повод к работе» (*Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. Т. 10. С. 206). И. С. Аксаков 1 марта 1849 г. писал отцу по поводу статьи Шевырева: «...Заметили вы тут слова о благотворительности, о пользе роскоши и расточительности? И какой вздор все это! Никогда не полезна роскошь, ибо она непроизводительна и расточает капиталы, которые действуя как капиталы в тысячу раз полезнее, нежели в бесконечно малом раздроблении. По крайней мере так учила меня политическая экономия...» (*Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849*. М., 1988. С. 476). Огорчение, которое испытал И. С. Аксаков от статьи Шевырева, побудило в нем желание «провести лето где-нибудь в Малороссии, на хуторе». Содержание письма И. С. Аксакова, прочитанного в присутствии Гоголя, по-видимому, нашло отражение во втором томе «Мертвых душ» (ср.: «...давай балы, производи благотельную роскошь, которая дает хлеб мастерам, ремесленникам...»).

С. Т. и В. С. Аксаковы — И. С. Аксакову

Августа 15. <1849>. Радонежье. <Абрамцево>.

<...> Вчера приехал к нам Гоголь на несколько дней; с сегодняшнего утра сидит все на вер-ху и чем-то занимается: разумеется, мы даем ему полную свободу. <...>

<Притиска В. С. Аксаковой:>

<...> Теперь у нас Гоголь и все читает разных русских старых писателей. Читает все переводы Гомера, Мерзлякова¹, и Константин, забывая свои теории, восхищается вместе с Гоголем и со всеми нами. <...>

Впервые опубликовано: Материалы по истории русской литературы и культуры. И. С. Аксаков в Ярославле. По неизданным письмам к нему С. Т. Аксакова и его семьи. Сообщил А. А. Дунин // *Русская Мысль*. 1915. № 8. С. 114. Печатается по первой публикации.

¹ Переводы Гомера Гоголь читал Аксаковым по книге А. Ф. Мерзлякова «Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев» (М., 1825–1826. Т. 1–2).

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

<22 августа 1849. Абрамцево>

<...> Гоголь прогостил у нас до 20 августа. В продолжение этого времени был у нас Путята (уже в другой раз), который говорит, что познакомился с тобой в Петербурге, и Климентий Россет. 20-го, позавтракав, поехали мы с Константином проводить Гоголя до Путяты (он живет в своем имении, в Муранове, 8 верст от нас) и отдать сему последнему визит; но только стали подъезжать к так называемому Артемьевскому лесу, как нас догнал верховой с известием, что приехал Хомяков. Разумеется, мы воротились домой, хотя Гоголь и предлагал не возвращаться, а Хомякову сказать, чтоб он немедленно приезжал к Путяте же. Довольно нелепое предложение! <...> Гоголь ни с чем уехал, уже один¹, и очень недоволен: ему хотелось, чтобы мы его проводили. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 718. Печатается по первой публикации.

См. в наст. изд. ответное письмо И. С. Аксакова от 30 августа 1849 г., а также письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 20 августа 1849 г.

¹ См. в наст. изд. раздел «Свидетельство о Гоголе О. Н. Тютчевой».

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

29 августа <понедельник> 1849. <Абрамцево>.

<...> Уведомление о Рыбинском спектакле¹ так замечательно, что я пишу о нем Гоголю. Об стихотворениях Григорья Богослова² также напишу³. Не могу долее скрывать от тебя нашу общую радость: Гоголь читал нам первую главу 2-го тома Мертвых Душ⁴. Слава Богу! Талант его стал выше и глубже. Мы обещали ему не писать даже и к тебе; но нет сил молчать. Глава огромнейшая. Чтение продолжалось час с четвертью. <...>.

Впервые частично опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 217. Печатается по изд.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 719.

¹ См. в наст. изд. письмо И. С. Аксакова к родным от 20 августа 1849 г. из Рыбинска о постановке «Ревизора».

² См. в наст. изд. письмо И. С. Аксакова к родным от 6 августа 1849 г.

³ См. письмо С. Т. Аксакова к Гоголю от 27 августа 1849 г. из Абрамцево.

⁴ Чтение состоялось 19 августа 1849 г. (см. в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 29 августа 1849 г. из Абрамцево).

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

8 сентября <1849>, четверг. Радонежье. <Абрамцево>.

<...> В прошедший понедельник¹ я, против моего обыкновения, не писал к тебе: мать с Гоголем собирались в Москву, куда и уехали во вторник², и я хотел писать с ними, да не успел. Секретарь мой³ заметил мне, что ты не знаешь о вторичном приезде к нам Гоголя. В прошедшую среду⁴ (но не вчера), часов в 8 вечера, Гоголь удивил нас своим приездом, который был, вероятно, следствием моего письма к нему о первой главе второго тома Мертвых Душ⁵. Он был так

доволен им, что не захотел подождать несколько часов, чтоб ехать вместе с Константином, который в тот же день выехал из Москвы вечером и в четверг рано поутру в нам приехал. Гоголь пробыл у нас 6 дней, но ничего не читал своего, хотя вечера, т. е. с пяти часов по полудни проводил с нами в гостиной, читая нам всякую всячину и не давал спать Констант<ину>. Мы не напрашивались на чтение, хотя очень хотелось нам послушать вторую главу. Впрочем, в последний вечер он сказал нам, что кое-что поправит и тогда прочтет. Смирновой он, верно, читал гораздо больше. Отвечаю на твое письмо⁶: Гоголь сам сказал, что у него написано очень много, только не отделано. Он даже не противоречил мне, когда я сказал ему, что оба тома должны быть написаны... <...>

Впервые опубликовано: Материалы по истории русской литературы и культуры. И. С. Аксаков в Ярославле. По неизданным письмам к нему С. Т. Аксакова и его семьи. Сообщил А. А. Дунин // Русская Мысль. 1915. № 8. С. 115; см. также: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 506. Печатается по первой публикации.

¹ 5 сентября 1849 г.

² 6 сентября 1849 г.

³ Вероятно, имеется в виду дочь С. Т. Аксакова Вера, названная «секретарем» в шутку.

⁴ 31 августа 1849 г.

⁵ См. письмо С. Т. Аксакова к Гоголю от 27 августа 1849 г. из Абрамцево.

⁶ См. в наст. изд. письмо И. С. Аксакова к родным от 3 сентября 1849 г.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

5 октября 1849.

<...> Проводив мать и Веру, примусь за свои охотничьи записки; если не пойдет описание птиц, то попробую заняться кратким описанием технической части оружейной охоты, которого у меня уже довольно написано, только в отрывках. Если же и это не пойдет, то напишу о знакомстве своем с Державиным, что я обещал Гоголю¹. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 720; см. также: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 202. Печатается по первой публикации.

¹ Очерк «Знакомство с Державиным» С. Т. Аксаков закончил после смерти Гоголя (опубл. в 1856). В примечании к статье Аксаков писал: «Статья эта написана прежде всех других моих статей, а именно в мае 1852 года».

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

13 октября 1849 <Москва>.

<...> Гоголь воротился в Москву. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 720. Печатается по первой публикации.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

<Ноябрь 1849. Москва>

<...> Гоголь прислал нам последние 12 песен «Одиссеи», и мы начали читать их с наслаждением, но о переводе можно много заметить¹. Где описания природы и даже быта, обряды и пр., там очень хорошо; но речи или вообще разговоры, *кажется*, не так удачно и верно переданы. <...>

Впервые опубликовано: Неизданные письма к Гоголю / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 806. Печатается по первой публикации.

¹ См. также письмо С. Т. Аксакова к Гоголю от ноября 1849 г.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

Вторник, 10 января 1850. <Москва>

Какой мороз! Слишком 25 гр<адусов> в Москве... <...> Вчера было около 17 гр<адусов>, а ветер дул еще сильнее. <...> Третьего дни и вчера я занимался болотами¹ и вчера бы их кончил, если б не помешал Армфельд... <...> Обращаюсь к болотам: я надиктовал более двух листов и переписал набело (разумеется, не своей рукой) один лист с четвертью. Надеюсь в пятницу² прислать тебе всю статью. Вчера целый вечер провели мы с Гоголем, даже Констант<ина> не было дома (он был у Кошелева, с Соллогуб и Васильчиковой). Гоголь был необыкновенно любезен, прост и искренен; при сестрах говорил о том, как он трудно пишет, как много переменяет, так что иногда из целой главы не остается ни одного прежнего слова. Когда все вышли в другую комнату, он наклонился ко мне и спросил: «Ну, а заметили вы, как я все переправил по вашему письму³? Теперь вы должны сделать мне свои замечания на второе чтение»⁴. Я сказал, что решительно не могу ничего заметить, и в то же время спросил его, что это значит, что при втором чтении я слышал все как будто новое, так что я забыл теперь прежнее? Он объяснил мне это тем, 1) что при втором чтении выступила наружу глубина содержания и второе, что он дал последнюю гармоническую отделку. Он прибавил, что трудно это объяснить и что только живописец понимает, что такое значит *тронуть* в последний раз картину, что после этого ее не узнаешь. Он потребовал вторично, чтоб я ему что-нибудь заметил. Я напряг свою память, и точно вспомнил, что в описании девушки мне показалось слишком обыкновенным, даже избыточным то, что, когда *надобно дать что-нибудь — она отдает все, что у нее есть*⁵, и потом выражение, *что, казалось, она готова была сама улететь вслед за своими словами*⁶, мне не нравится своей идеальностью. На оба замечания Гоголь сказал: *точно так*, — весьма проворно и таким тоном, что, вероятно, он и прежде это думал. Я заставил его признаться, что все наши замечания бесполезны и что он сам это видит лучше других, но в то же время он сказал, что для него важно совпадение моих замечаний с его собственными, и прибавил, что при третьем чтении я, может быть, больше замечу. Я решился ему сказать мое опасение, что при его ясновидящем взгляде, так глубоко и широко все обнимающем, он при каждом новом воззрении увидит что-нибудь новое, если не в главном, не в существенном, то в подробностях, в полноте... Гоголь улыбнулся и сказал: успокойтесь; этому есть мера; художник почувствует гармонию своего создания и ни за что в свете ничего не переменит, кроме каких-нибудь ошибочных слов или сведений. <...> Скажу тебе серьезно, что Гоголь высокого мнения о твоём таланте. <...>

Впервые опубликовано: Письма о Гоголе // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 183–185; см. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 203. Печатается по первой публикации.

¹ Т. е. описанием болот для «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии».

² 13 января 1850 г.

³ Имеется в виду послание С. Т. Аксакова к Гоголю от 27 августа 1849 г., написанное после авторского чтения в Abramцево 19 августа 1849 г. первой главы второго тома «Мертвых душ». В этом письме Аксаков высказал следующие замечания по поводу услышанной главы: «1) Мне показалось, что сначала как-то трудно и тяжело выражались вы. 2) Мне показался несколько длинным и натянутым рассказ об Александре Петровиче. 3) Встреча в деревне крестьянами молодого барина как будто жидка и одностороння». По свидетельству самого С. Т. Аксакова, Гоголь, получив письмо, 31 августа 1850 г. вновь приехал в Abramцево, и сказал: «Вы заметили мне именно то, что я сам замечал, но не был уверен в справедливости моих замечаний. Теперь же я в них не сомневаюсь, потому что то же заметил другой человек, *пристрастный* ко мне» (см. в наст. изд. «Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» С. Т. Аксакова). Текстологический анализ показывает, что в автографе сохранившихся глав второго тома, переписанном Гоголем в период с марта по начало июля 1849 г. и бывшем в употреблении у писателя вплоть до весны 1850 г., «рассказ об Александре Петровиче», а также описание «встречи крестьянами молодого барина» были подвергнуты существенной переработке.

⁴ Авторское чтение у Аксаковых переработанной первой главы второго тома «Мертвых душ» состоялось 7 января 1850 г. (см. в наст. изд. «Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.>» С. Т. Аксакова).

⁵ Имеются в виду следующие строки в описании Улиньки: «Гнев этот исчезнул бы в минуту, если бы она увидела в несчастии того самого, на кого гневалась. При первой просьбе о подавании кого бы то ни было, она готова была бросить ему весь свой кошелек, со всем, что в нем ни <было>, не вдаваясь ни в какие рассуждения и расчеты» (в первоначальном, «нижнем слое» текста сохранившихся рукописей глав второго тома, датируемом периодом с марта по начало июля 1849 г., это место выглядело несколько иначе: «Но как вдруг исчезнул бы этот гнев, если бы она увидела того самого, на кого гневалась, в несчастии, как бы вдруг бросила она ему свой кошелек, не размышляя, умно ли это или глупо, и разорвала на себе платье для перевязки, если б он был ранен»).

⁶ С. Т. Аксаков вспоминает следующие строки второго тома поэмы: «Когда она говорила, у ней, казалось, всё стремилось вослед за мыслью — выраженье лица, выраженье разговора, движенье рук; самые складки платья как бы [летели] стремились в ту же сторону и, казалось, как бы она сама вот улетит вослед за собственными словами» (текст «нижнего слоя» автографа глав второго тома, оставшийся без исправлений).

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

17 января 1850. Вторник.

<...> Я занимаюсь усердно, хотя не могу сказать с любовью, своим делом: кроме статьи о болотах¹, которую ты получил на прошедшей почте, я написал истории трех птиц и сегодня заканчиваю отделение болотной дичи. Не знаю, скоро ли примусь за отдел водяной дичи; но покуда меня не тянет к ней, а пока не потянет, до тех пор и писать не стану. Вчера читали Гоголю дупельшнепа и горшнепа, и он чрезвычайно был доволен, даже выпросил себе всё, чтобы перечесть у себя дома; конечно, если б я был теперь способен чем-нибудь поощряться, то внимание Гоголя должно было поощрить меня; но...

...Вчера прочли Гоголю также и твои письма. После твоего отзыва о Бродяге², он сказал: «от него самого зависит, чтоб Бродяга имел не временное и не местное значение. Все подробности, вся природа, одним словом все, что окружает бродягу, у него сделано превосходно. Если в бродяге будет захвачен человек, то он будет иметь не временное и не местное значение. Надобно показать, как этот человек, пройдя сквозь все и ни в чем не найдя себе никакого удовлетворения, возвратится к матери земле. Иван Серг<еевич> именно это и хочет сделать и верно сделает хорошо». — С некоторого времени Гоголь начал приставать к Констант<ину>, чтоб он занялся составлением русского словаря³. Я сначала как-то не обращал на это внимания. Но вчера вечером сидя с ним наедине у себя наверху, я был вполне им убежден, что этот важный и об-

щепозелный труд может быть совершен исподволь Конст<антином> и что он имеет все к тому нужные способности и вдобавок двух критиков во мне и в Гоголе, которые помогут усовершенствованию его труда. Гоголь умел показать мне заманчивую сторону этой работы. Я припомнил, что некогда сам, рассерженный каким-то глупым объяснением одного слова, присидел часть ночи, не заметив того, за объяснением не только этого слова, но и нескольких следовавших за ним. Сейчас посылаю Конст<антина>, чтоб он прямо с университетского диспуту (где какой-то Медовиков⁴ защищает диссертацию свою «О византийских императорах»⁵) поехал в книжную лавку и купил академический словарь. <...> Отвечаю на твое письмо: Гоголь ни слова не сказал на твое замечание о Чич<икове> и Тентетн<икове>⁶, но, конечно, без внимания его не оставит. <...>

Впервые частично опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 267; см. также: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 135. Печатается по изд.: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 186–187. См. также: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 204; *Машинский С. И.* С. Т. Аксаков. М., 1973. С. 317.

¹ Имеется в виду описание болот для «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии».

² См. в наст. изд. письмо И. С. Аксакова к родным от 9 января 1850 г. из Ярославля.

³ Приняться за создание словаря русского языка Гоголь побуждал К. С. Аксакова еще в 1844 г., полагая, что «он один может у нас совершить словарь русского языка, такой, какого не совершит ни одна академия со всеми своими членами» (письмо к С. Т. Аксакову от 22 декабря (н. ст.); см. также письмо Гоголя к К. С. Аксакову около 29 ноября (н. ст.) 1842 г. и в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к И. С. Аксакову 27 января 1850 г.).

⁴ Петр Ефимович Медовиков (1816–1855), историк, профессор Дерптского университета.

⁵ Имеется в виду магистерская диссертация П. Е. Медовикова «Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владетелям греческим и туземному народонаселению вообще».

⁶ См. письмо И. С. Аксакова к отцу от 12 января 1850 г. из Ярославля.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

20 января 1850. <Москва>.

<...> До сих пор не могу еще прийти в себя: Гоголь прочел нам с Константином 2-ю главу. Вот как было дело.

Пришел он к нам вчера обедать. Зная, что он неохотно сидит за столом без меня, я велел накрыть в маленькой гостиной и Гоголь был очень доволен. После обеда напала на меня дремота. Гоголь употреблял разные штуки, чтоб меня разгулять, в чем и успел. Часу в 7-м вдруг говорит: «А что бы куличка прочесть?»¹ Я отвечал, что теперь все маленькие кулички, но что если он хочет, то Константин принесет все мои записки и прочтет их в гостиной. Гоголь сказал, что лучше пойти наверх. Я, ничего не подозревая, согласился; но Вера догадалась и, провожая меня, сказала: «Он будет вам непременно читать». Мы пришли наверх, я выбрал маленького куличка и заставил Костю читать. Гоголь решительно ничего не слушал, и едва Константин дочитал, как он выхватил тетрадь из кармана, которую давно держал в руке, и сказал: «Ну, а теперь я вам прочту».

Что тебе сказать? Скажу одно: вторая глава несравненно выше и глубже первой. Раза три я не мог удержаться от слез. Рассказывать содержание, в котором ничего нет особенно интересного для тебя, мне не хочется; даже как-то совестно, потому что в голом рассказе анекдота ничего не передается. Впрочем, если ты захочешь его знать, то напиши: я расскажу его со всюю возможною подробностью. Такого высокого искусства: показывать в человеке пошлом высо-

кую человеческую сторону, нигде нельзя найти, кроме Гомера. Так раскрывается духовная внутренность человека, что для всякого из нас, способного что-нибудь чувствовать, открывается собственная своя духовная внутренность. Теперь только я убедился вполне, что Гоголь может выполнить свою задачу, о которой так самонадеянно и дерзко, по-видимому, говорит он в первом томе. Я сказал Гоголю и повторю тебе, что теперь для нас остается только одно: молитва к Богу, чтоб Он дал ему здоровья и сил окончательно обработать и напечатать свое высокое творение. Гоголь был увлечен искренностью моих слов и сказал о себе, как бы говорил о другом: «Да, дай только Бог здоровья и сил! Благо должно произойти из этого, ибо человек не может видеть себя без помощи другого»... Что за образы, что за картины природы без малейшей картинности... Нет, я уж не стану описывать всего так, как хотел было, а расскажу их просто словами охотника, а не поэта.

Гоголю хотелось прочесть третью главу: ибо, по его словам, нужно было прочесть ее немедленно, но у него не достало сил. Да, много должно сгорать жизни в горниле, из которого истекает чистое золото. Вероятно, на днях выйдет какой-нибудь куличок-зук и вслед за ним прочтется третья глава. Я сегодня же хочу написать Гоголю письмо с моими наблюдениями². Вчера я ничего не мог вспомнить и сказал ему, что завтра, может быть, что-нибудь увижу. Больно, что ты не слышал; но еще больнее, что все наши просидели в это время одни в гостиной. Теперь очевидно, что все главы будут читаться только мне и Константину. Я примиряюсь с этою мыслию только одним, что это нужно, полезно самому Гоголю. <...>

Впервые опубликовано, с пропусками: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 272–273; отдельные фрагменты воспроизведены также в изд.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 133–135. Печатается по: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 204–205.

¹ Главу из книги С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

² Письмо неизвестно.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

27 января <1850>. Пятница.

<...> Я написал «Гуся» и «Лебеда»¹. Гоголь и то и другое очень хвалит, но я недоволен; впрочем, я надеюсь исправить. «Гусь» вышел с лишком три листа². <...>

Гоголь еще ничего не читал мне нового, но, кажется, раза два приходил с намерением читать, но всегда что-нибудь мешало. Я совершенно с тобою согласен во всем, что ты говоришь о Гоголе³. <...>

Как я доволен, что Гоголь навел Константина на занятие русским словарем⁴! Гоголь в восхищении, но, может быть, он немножко и плутует. Впрочем, я сам вижу, что Константин имеет призвание к этому делу, а притом, мне кажется, этот труд будет очень полезен для его грамматики... <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 723. Печатается по первой публикации. См. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 205.

¹ Главы из книги С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

² И. С. Аксаков писал в ответ отцу 30 января 1850 г.: «Я уверен, что “Лебедь” у Вас вышел особенно хорошо. По моему мнению, лебедь должен быть написан как можно проще, проще утки <...> Мне особенно нравятся Ваши описания потому, что в них простота выражений без лиризма доводит производимое впечатление до лиризма» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 278–279). С. Т. Аксаков 3 февраля 1850 г. отвечал сыну: «Совершенно ты прав, мой милый Иван, насчет описания лебедя; именно потому-то я и недоволен собою, хотя и Гоголь, и Вера, и Константин очень хвалят» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 724). См. также в наст. изд. письмо И. С. Аксакова к родным от 20 февраля 1850 г.

³ См. в наст. изд. письмо И. С. Аксакова к отцу от 22 января 1850 г.

⁴ См. в наст. изд. коммент. к письму С. Т. Аксакова И. С. Аксакову от 17 января 1850 г.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

31 января <1850>.

<...> ...Сегодня Константин крестит у Соловьева¹ дочь Веру, а Гоголь у Хомякова — сына Николая. Гоголь нам нового не читал, но часто у нас бывает, и вместе с Максимовичем они бывают так веселы и забавны, особенно когда Наденька² поет малороссийские песни, что поистине весело и умирительно на них смотреть³. По необыкновенному расположению духа Гоголя я заключаю, что он пишет много и доволен тем, что написал. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 724; см. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 205. Печатается по первой публикации.

¹ У С. М. Соловьева.

² Надежда Сергеевна Аксакова (1829–1869), дочь С. Т. Аксакова.

³ 5 февраля 1850 г. И. С. Аксаков отвечал отцу: «Желал бы я очень посмотреть на Максимовича и Гоголя, когда они слушают малороссийские песни» (Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 108).

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

Пятница, февраля 17-го дня <1850. Москва>.

<...> Овер¹, после холодного моего приема и невыносимых грубостей и дерзостей от Оленьки², еще не был, и будет он слишком добрый человек, если приедет. Впрочем, уже после этого Константин просил его приехать к Гоголю, и он приезжал. Гоголю лучше, но я испугался его страдальческого лица, на котором было ясно написано преобладание тела над духом. Он был у нас четвертого дня вечером, а третьего дня средние душеньки³ видели его у Хомяковых, и ему было уже гораздо лучше⁴. <...>

На меня нашла тупость, и все мои усилия преодолеть ее бесплодны, и я стал на мель на водах. Гоголь, заключив из моих рассказов, что я могу много и хорошо написать о водах, подстрекнул меня к подробному их описанию⁵. Я не могу найти приличного тона, не могу с точностью назначить себе границы; все, что я написал до сих пор, мне не нравится. Это <не> пересказ простого охотника с бессознательным поэтическим чувством, который не знает в простоте сердца, что описывает природу поэтически. Это литератор, прикидывающийся простяком. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 727–728. Печатается по первой публикации.

¹ Александр Иванович Овер (1804–1864), врач, профессор Московского университета.

² Ольга Сергеевна Аксакова (1821–1861), тяжело больная дочь Аксакова, в течение многих лет прикованная к постели. Ее постоянно лечил Овер.

³ *Средними душеньками* в кругу семьи Аксаковых назывались их дети среднего возраста.

⁴ В записке к С. Т. Аксакову от середины февраля 1850 г. Гоголь писал: «Чувствую лучше. Простуда и жар в голове уменьшается. Овер одобрил всё, сделанное моим доктором. Надеюсь если не сегодня, то завтра выйти на воздух. Рад, что вы также чувствуете лучше. За все слава Богу».

⁵ Имеется работа С. Т. Аксакова над книгой «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

24 февраля 1850 г.

<...> Гоголь начал было поправляться, но опять занемог горлом. Впрочем, вчера ему стало лучше. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 728. Печатается по первой публикации.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

28 февраля 1850 г.

<...> Записки мои читаются сегодня Хомякову, Максимовичу, Ефремову¹. Гоголь их почти все знает². <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 728. Печатается по первой публикации.

¹ Александр Павлович Ефремов (1815–1876), преподаватель географии в Московском университете, товарищ К. С. Аксакова.

² Речь идет о книге С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

3-го марта <1850>. Пятница. <Москва>.

<...> Но отгадай, какая дама провела у нас вечер <в> этот день?.. Александра Осиповна Смирнова. Она прожила в Москве три дня проездом в Петербург. Значение 1-го марта открылось ей самым забавным образом; прошлого года Гоголь очень сердился, что ему об этом не сказали. Нынешний год я написал ему следующую записку: «Чтоб Вы опять не стали пенять мне, я извещаю Вас, что 1-е марта — день рождения Вашей старой и доброй приятельницы...»¹ Кажется, можно было догадаться, о ком идет речь? Ничего не бывало! Гоголь, который в присутствии Александры Осиповны ничего не видит, не слышит и ни о чем, кроме нее, не думает, вообразил, что я извещаю его о дне рождения Александры Осиповны, который имеет быть,

кажется, 6-го марта. Гоголь покупает коробочку со спичками для чистки зубов и нравоучительную книжку для чистки души, с лучезарным, сияющим лицом является к Смирновой, находит там Константина и еще более утверждает в непреложности своей догадки, подносит ей свои подарки, которые она принимает, но говорит, что она родилась не в этот день. Гоголь ссылается на меня, и Константин рассекает гордиев узел, объявив настоящую новорожденную. Несмотря на это, Гоголь обедал не у нас, а с Александрой Осиповной, но с нею провел у нас вечер до *исхода 1-го часа!* — Я очень обрадовался свиданию с Александрой Осиповной. Боже мой, как она изменилась в продолжение трех с половиною лет! Она старуха, она страшно что такое! Гоголь в ее присутствии — описать невозможно. Таким схвачен он на портрете Моллера², который, верно, ты видел у Хомякова. Таким бывает он в счастливые минуты творчества. Нет никакой возможности признать его влюбленным, и потому я объясняю себе это обстоятельство другим образом: между ними существует совершенное согласие в религиозном и нравственном отношении. Я не знаю, правда ли это, — но Гоголь убежден в том, — мой разговор с Александрой Осиповной утвердил меня в моей догадке. Вера думает точно так же. Я сошел вниз. Александра Осиповна очень мне обрадовалась; Гоголя еще не было; живой разговор завязался между нами и скоро перешел в горячий спор, который, разумеется, я сейчас прекратил, сказав, что об этом предмете нам никогда спорить не должно. Она *успела протвердить* мне, что она любит Гоголя, Гоголя, а не поэта... Я улынулся и сказал, что и я люблю его. Когда я между слов промолвил, что, слава Богу, талант Гоголя жив и что он здраво смотрит на предметы, Смирнова расхохоталась и, разгорячась, высказала мне, что Гоголь точно так же смотрит на все, как смотрел в своих письмах, что без них он никогда бы не написал второго тома «Мертвых душ», что он не отступился ни от одного слова, в них написанного, и что он решился меня обманывать, в этом отношении, со всеми другими. Что за укладистая вещь у этих людей вера! Они пойдут с нею на всякую подлость! Прямо из-за Евангелия они начинают забавляться скандальными до живописности разговорами! Они не только допускают всякие человеческие падения, которых и нельзя не допускать, но они отвергают и всякую скромность, всякую пощадку святости чужих убеждений! Терпимость всегда была основанием моих свойств. Поступай как хочешь втайне, но не смей мне этого рассказывать, не смей без рубашки показываться на улице. Мне очень досадно, что я с ней виделся. Она рассказала мне кое-что о дальнейшем развитии «Мертвых душ», и по слабости моего ума на все легла тень ложных их убеждений. Например, она мне открыла секрет, что Гоголь никогда не представит своей рукописи государю, что я советовал, хотя уверен, что он дозволил бы ее напечатать; нет, он хочет до тех пор ее исправлять, пока всякий глупый, привязчивый цензор не пропустит ее без затруднения. Я отвечал: как жаль, какая ложная мысль! <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 728–730; см. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 205–206. Печатается по первой публикации.

¹ День рождения жены С. Т. Аксакова — Ольги Семеновны.

² 1841 г.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

7 марта 1850 г.

<...> Самарин¹ приезжает к нам по вечерам. <...> Как я рад, что третьего дня Гоголь прочел ему и Хомякову 1-ю главу «Мертвых душ», слышанную тобой. Разумеется, Самарин вполне

оценил это великое произведение². Хомякова еще не видал: он сделал два замечания, по-моему неосновательные и пустые. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 734. Печатается по первой публикации.

¹ Ю. Ф. Самарин.

² См. письмо Ю. Ф. Самарина к Гоголю от первой половины марта (после 5 числа) 1850 г. и в наст. изд. письмо Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову от 7–9 марта 1850 г.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

21 марта <1850>. Москва.

Я здоров совершенно. <...> 19 марта даже обедал вместе со всеми в маленькой гостиной и пил на здоровье Гоголя, который был целый день так весел и светел, как он был только в присутствии Александры Осиповны. Трое хохлов были очаровательны: пели даже без музыки и Гоголь зачитал меня какими-то думами хохлатского Гомера: Гоголь декламировал, а остальные хохлы делали жесты и гикали, чего были свидетелями и Хомяков и Софья¹, хотя присутствие последней видимо мешало Гоголю и как только она ушла, то начались прежние гримасы и выверты рукою; я, Хомяков и Соловьев² любовались проявлениями национальности, но без большого сочувствия: в улыбке Соловьева проглядывало презрение; в смехе Хомякова — добродушная насмешка, а мне просто было смешно и весело смотреть на них, как на чуваш или черемис... и не больше. Бодянский был неистово великолепен, а Максимович таял, как молочная, медовая сосулька или татарский *клево-сахар*. <...>

Впервые опубликовано: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 217 (публикация А. Г. Дементьева; письмо датировано здесь 20 марта 1850 г.). Печатается по первой публикации, с уточнением по изд.: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 206.

¹⁴ Софья Александровна Аксакова (рожд. Шишкова, ум. в 1883), жена Г. С. Аксакова.

² С. М. Соловьев.

С. Т. Аксаков — М. А. Максимовичу

24 апреля <1850>.

Пишу лежа в постели. Сыновья обедают сегодня у дяди, а Гоголь будет у нас в среду¹... <...>

Впервые опубликовано: Пономарев С. Из писем к М. А. Максимовичу // Киевская Старина. 1883. № 4. С. 833. Печатается по первой публикации.

¹ 26 апреля 1850 г.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

2 июня <1850>. Москва.

<...> Гоголь третьего дни прочел мне одному, даже без Константина, 3-ю главу «Мертвых душ». Вчера прочел половину ее в другой раз при мне Константину и сегодня хотел дочитать другую. До того хорошо, что нет слов, Конста говорит, что это лучше всего, но что бы он сказал, если б услышал в другой раз то же? Я утверждаю, что нет человека, который мог бы вполне все почувствовать и все обнять с первого раза. Гоголь приготовил и отделал главу для прочтения всему нашему семейству; но не читал, потому что она так чувствительна, что меня должна расстроить... Как это досадно! Проклятое последнее мое нездоровье тому причиной. Теперь чтение откладывается на год... <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 734. Печатается по изд.: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 207.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

<19 июня 1850. Абрамцево>

<...> Если Гоголь в эту зиму ничего не сделает, то я крепко буду бояться за окончание его великого подвига. Гоголь отправился в путь прямо из нашего дому¹, позавтракав на дороге варениками и пр., что, без сомнения, доставило большое удовольствие матери².

В последнее время я замечал в Гоголе необыкновенное ко мне чувство: или записки мои³ ему очень понравились, а также и замечания на его второй том, или болезненность моя его разжалобила. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 734. Печатается по изд.: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 207.

¹ 13 июня 1850 г.

² Очевидно, эти сведения С. Т. Аксаков почерпнул из письма жены, так как 4 июня 1850 г. он уехал из Москвы в Абрамцево, где жил до 21 ноября (см. в наст. изд. коммент. к «Продолжению кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя <1845–1852 гг.>» С. Т. Аксакова).

³ Имеются в виду «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

Пятница, 19 января 1851 г. Москва.

<...> Вчера, наконец, была у нас А<лександра> О<сиповна>... <...> Гоголь пишет к ней положительно, что много и успешно работает¹. <...>

Впервые опубликовано: Материалы по истории русской литературы и культуры. И. С. Аксаков в Ярославле. По неизданным письмам к нему С. Т. Аксакова и его семьи. Сообщил А. А. Дунин // Русская Мысль. 1915. № 8. С. 128. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду письмо Гоголя к А. О. Смирновой от 23 декабря 1850 г. из Одессы.

С. Т. Аксаков — М. Г. Карташевской

25 февраля 1852 г. Абрамцево.

Вот, милая Машенька, что случилось с нами: Гоголь умер... страшные слова! Умереть-то ему нельзя, потому что он вошел в жизнь нашу; но вот беда: он сжег все «Мертвые души». Вероятно, ханжа гр<аф> Толстой, попы и монахи подвинули его на это.

Нельзя служить двум владыкам; нельзя исповедовать двух религий: христианства и искусства <...>

Кажется, что дальше, то тяжелее этот удар. <...>

Впервые опубликовано: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 223; см. также: *Машинский С. И.* С. Т. Аксаков. М., 1973. С. 302. Печатается по первой публикации.

С. Т. Аксаков — А. О. Смирновой

10 марта <1852>, Радонежье. <Абрамцево>.

Милостивая государыня Александра Осиповна! Письмо ваше от 1-го марта я получил 8-го и потому только отвечаю не так поспешно. С первого дня кончины нашего друга я постоянно думал об вас и боялся за вас. Ваши строки меня несколько успокоили, и я надеюсь, что Бог подкрепит ваши силы. Поручение ваше исполнят мои сыновья, а я не выезжаю из деревни. <...> Кончина Гоголя как великого художника имеет громадное значение для всех; но христианская его кончина как человека имеет высокое нравственное значение для его друзей и особенно для меня; но об этом после. Я пришлю вам мое печатное *письмо к друзьям Гоголя*¹: в нем все искренно, и вы вполне поймете мое духовное состояние. Я желаю переписываться с вами, если для вас это не тягостно; мне хочется сообщить вам о моих отношениях с Гоголем в последнее время. Я пришлю вам также мою книгу, которая скоро будет отпечатана². Гоголь с особенною любовью следил за ее сочинением, постоянно подстрекал меня и хотел вместе с нею выдать второй том «Мертвых Душ», которого уже не существует; я означу вам места, после прочтения которых Гоголь читал мне по одной главе «Мертвых Душ». <...>

Впервые опубликовано: Павлов Н. М. Из переписки А. О. Смирновой с Аксаковыми // Русский Архив. 1896. № 1. С. 151. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд.

² Имеются в виду «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

С. Т. Аксаков — А. О. Смирновой

Радонежье <Абрамцево>, марта 28-го 1852 года.

<...> ...Последнее письмо ваше <...> от 15 марта я получил 26-го и потому отвечаю вам так поздно. *Письмо мое к друзьям Гоголя*¹, напечатанное в Московских газетах, вы должны были получить давно; но заочные распоряжения часто исполняются плохо, и потому прилагаю его.

О портрете Гоголя вызвался позаботиться Самарин, который был у меня; он исполнил это лучше моих сыновей.

Мать Гоголя зовут Марья Ивановна. Адрес в Полтаву, в деревню Васильевку. <...> Книга моя под названием «*Записки ружейного охотника Оренбургской губернии*» вышла в Москве; на днях я получу экземпляры, сделаю отметки и немедленно пришлю вам.

С 21-го февраля я погружен в одно занятие: я пишу или диктую о Гоголе. Я сначала писал без плана, что приходило мне в голову, но потом начал писать «*Историю знакомства и переписки с Гоголем*». Последняя очень важна и может быть напечатана нескоро, даже после моей смерти. Всего труднее сохранить хронологический порядок до начала постоянной переписки, т. е. до 1840 года. Вы не можете себе представить, как мне хочется высказать вам все, что я переувствовал и перемыслил в продолжение этого месяца! Именно вам, для которой (как мне кажется) художник не закрывал в Гоголе человека... Но это невозможно на бумаге почти во всех отношениях. Притом тут встретятся толки, с которых мы расходимся в разные стороны; зачем касаться их? Слава Богу, у нас довольно общих нам чувств и мнений. Делаю для вас простую выписку из моих прежних отрывочных записок:

«В продолжение 1851 года Гоголь был у нас три раза. В первый раз в июне² перед моим отъездом за Волгу. Воротясь 15 августа в Москву, я не нашел в ней Гоголя; он был на даче у Шевырева. Около половины сентября³ он приехал в Радонежье и прожил несколько дней. Вообще в последние два года Гоголь показывал мне более прежнего привязанности и доверенности к моему суду; это происходило от того, что он находил во мне менее *страстности* и более спокойствия. В этот раз он был необыкновенно нежен со мною; несколько раз, взяв меня за обе руки, смотрел на меня с таким выражением, которого ни описать, ни забыть невозможно. Он хотел приехать 17-го⁴ к четырем моим именинницам или непременно 20-го в день моего рождения; но не мог исполнить ни того, ни другого, ибо дал обещание приехать на свадьбу к сестре своей Лизе в Полтаву, назначенную 1-го октября, а потому принужден был выехать туда 21-го сентября. Он очень огорчился, что не мог провести со мною день моего рождения и хорошенько проститься. Вот две его записки, одна вслед за другою писанные:

20 сентября. «От всей души и от всего сердца поздравляю вас, бесценный друг С<ергей> Тим<офеевич>, со днем вашего рождения; весьма жалею, что не с вами сижу за кулебякой, но тем не менее и душой и мыслями с вами. Здравствуйте, бодрствуйте, готовьте своих птиц, а я приготовлю вам душ, пожелайте только, чтобы они были живые, живы... так же, как живы ваши птицы. Всех обнимаю, всех вас до единого целую мысленно и прошу не забывать меня в молитвах. Ваш весь Н. Г<оголь>»

21 сентября. «Перед выездом захотелось мне еще раз поздравить вас, бесценный друг Серг<ей> Тим<офеевич>, и со днем рождения и с наступающим днем именин. Вспомните обо мне, а я о вас, и мысленно помолимся друг о друге, чтобы дал Господь сил. А Ольга Сем<еновна> и милые ваши детки, может быть, помолются и у самого Сергея. В<аш> в<есь> Г<оголь>. Пожалуста, не забывайте писать»

Пробыв осень в деревне у матери, Гоголь намеревался проехать на зиму в Одессу, где провел он предыдущую зиму очень хорошо, как в отношении к своему здоровью, так и к успешной работе над *Мертвыми Душами*.

Конец пришлю на следующей почте, а теперь не успеваю. <...>

Впервые опубликовано: Павлов Н. М. Из переписки А. О. Смирновой с Аксаковыми // Русский Архив. 1896. № 1. С. 151–153; см. также: Письмо С. Т. Аксакова к А. О. Смирновой по кончине Гоголя // Русский Архив. 1905. Кн. 3. № 9–12. С. 210–211; Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 224. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд.

² Первый приезд относится ко времени после 5 июня. См. в наст. изд. позднейшую приписку В. С. Аксаковой к ее письму М. Г. Карташевской от 24 мая 1851 г.

³ 8 сентября. См. в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 9 сентября 1851 г.

⁴ Память св. мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

С. Т. Аксаков — А. О. Смирновой

Суббота, 19-е апреля <1852>.

Я получил письмо ваше, почтеннейшая Александра Осиповна, от 9-го апреля¹. <...> Сердечно благодарю вас за ваше собственное письмо и за копию с письма Гоголя². От его матери и сестры нет никаких известий и ответов на письма. Я боюсь за его мать: эта нежная, любящая душа была четыре года как безумная после потери своего мужа; хотя другою любовью, но сына она любила еще больше.

Прошу у вас прощения за сыновей моих; нисколько не извиняю и сам сержусь на них. Самарин взял на себя дело о портрете; не знаю, почему не исполнил и уехал, поручив его брату вашему Арнольди. Я дал новое приказание о буквальном исполнении вашего желания Ивану, который, как я слышу и вижу, потерял голову в хлопотах о Сборнике³. По торопливости того же Ивана послана вам книга моя⁴ без моей подписи и отметок; но вы, к удивлению моему, отгадали, на что обращал внимание Гоголь: *болота и бекас* ему особенно нравились, хотя все предпочитают описание вод, степей. Ему также нравились следующие места в птицах: *кулички, звук и воробей*; в описании *гуся* — страницы 168, 169 и 170; описание зоркости и проворства утки (*гоголя*), при чем он сказал: «*Вот какой проворный мой соименник*». В *журавле* замечены им 250 и 251 страницы; всего более хвалил он голубей *витютину* и *горлинку* и смеялся, слушая описание *тетеревиного тока* (стр. 355). Из последней половины моих Записок он более ничего не слышал и не читал; но первую, после моего чтения, брал к себе на дом. Вторую главу *Мертвых Душ* прочел он мне, выслушав наперед *гаршнена*, а третью — после *куличка-поплавка*, которого совершенно не слушал: едва я успел дочитать, как он вытащил из кармана тетрадь и с необыкновенной энергией начал читать. Я совсем теряю память и совершенно не знаю, где я остановился в описании наших сношений в последнее время. Если хотите, чтоб я продолжал, то напишите мне, на чем я остановился.

Совершенно соглашаюсь с вами в том, что в свете люди по большей части соприкасаются друг с другом своими дурными сторонами... <...> ...Скажу вам, однако, что высокие предметы, особенно тот, который вы подразумеваете, не могут быть предметами для разговоров в обществе. Всякое содержание хорошо, если о нем говорят хорошие люди: и танцовщица, и театр, и всякое молодое, даже безрассудное веселье. В делах совести я не признаю другого авторитета кроме совести; но для вас укажу вам письмо Гоголя к графу Толстому о театре⁵. Если Бог приведет нас когда-нибудь увидеться, то я не скрою от вас моих искренних мыслей вообще о Гоголе, если вы захотите их узнать. <...>

Впервые опубликовано: Павлов Н. М. Из переписки А. О. Смирновой с Аксаковыми // Русский Архив. 1896. № 1. С. 155–156. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд.

² Письмо от конца марта 1851 г. из Одессы.

³ Имеется в виду «Московский Сборник» (М., 1852. Т. 1; цензурное разрешение 17 марта; цензор князь В. В. Львов), где, в частности, был помещен некролог «Несколько слов о Гоголе» И. С. Аксакова (см. в наст. изд.).

⁴ «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

⁵ Имеется в виду статья Гоголя «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности» в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

С. Т. Аксаков — С. П. Шевыреву

<5 мая 1852. Абрамцево>

От всей души благодарю вас, почтеннейший Степан Петрович, за письмо ваше, и за извещение о бумагах покойного, незабвенного друга нашего. Все найденное вами драгоценно для нас и все свидетельствует, из каких трудов и святых стремлений состояла непорочная жизнь его!.. его обращение к друзьям¹ так взволновало мою душу, что я не скоро пришел в состояние его дослушать. Каждое слово в нем — святая правда и священный залог его к нам дружбы. Жаль, что не было известно при его кончине завещание матери и сестрам², тогда легче было бы перевезти тело покойного в Васильевку (чего, по-моему, очевидно желал он), а теперь, при каком-то безумном гонении имени Гоголя, вероятно, это встретит много затруднений. <...> Хотя я предполагал, что открытие и разбор бумаг будут произведены в присутствии Погодина, вас, меня и Хомякова, но сыновья объяснили мне причину, по которой все было сделано именно таким образом. <...> ...Уверен, что вы не допустили никого читать частную переписку Гоголя. Меня бы очень огорчило, если бы посторонние люди стали читать мои письма. В них много есть таких резких выражений о самом Гоголе и о других близких ему людях, что их никому читать не должно: я нередко писал в сильном волнении, которое часто доводило меня до излишеств, до крайностей, о чем я теперь очень сожалею. Конечно, все бумаги покойного принадлежат его наследникам, т. е. его сестрам; но они, разумеется, предоставят в наше полное распоряжение свое литературное наследство, и я прошу вас передать мои письма, которому-нибудь из моих сыновей. Я знаю, что для составления полной биографии Гоголя, которая по моему мнению может быть напечатана весьма нескоро и которую, без сомнения, должны написать вы, — будут нужны и мои письма, за исключением всего того, что касается собственно до нас и нисколько не касается до публики; но мы устроим это вместе с вами.

Не один раз слышал я от Гоголя, как возмущалась душа его, когда после смерти какого-нибудь замечательного писателя, предавали тиснению все оставленное им ненапечатанным, тогда как не было прямых указаний, что автор хотел напечатать, но не успел. У нас есть указания совершенно тому противные: в самое последнее свидание с моей женой, Гоголь сказал, что он *не будет печатать второго тома*, что в нем *все никуда не годится* и что *надо все переделать*. Сожжение набело переписанных глав второго тома как нельзя больше подтверждает эти слова. Итак, рассудите сами, следует ли их печатать? Найденные вами черновые тетради, очевидно, забытые Гоголем, должны быть самые давнишние. Только про первую главу второго тома он сказал мне, что она *получила последнее прикосновение, была тронута кистью художника; говоря техническим языком живописцев*. Он сказал это потому, что при вторичном чтении той же главы для моего сына Ивана, я заметил многие изменения. Повторяю: как же печатать после этого черновую, впоследствии, может быть, совершенно измененную рукопись? Мы нарушаем последнюю волю или художника или христианина... но я вижу, что конца не будет моему письму.

Мая 5-го дня
1852 года. Абрамцево.

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. Из бумаг С. П. Шевырева // Русский Архив. 1878. № 5. С. 53. Печатается по автографу: РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 108. Л. 12–13.

¹ Подразумевается заметка «Друзьям моим».

² Имеется в виду «Совет сестрам».

С. Т. Аксаков — С. П. Шевыреву

19 ноября <1852>. Абрамцево.

Благодарю вас, почтеннейший Степан Петрович, за сообщение мне Авторской исповеди Гоголя. Вы сами можете себе представить, что я чувствовал, когда слушал ее! Она непосредственно относится ко мне. По крайней мере я нашел в ней полный ответ на каждое слово моих укорительных писем <...> но прошедшего не воротишь. Возвращаю вам рукопись с нарочным и верным человеком. Если можно, то сообщите что-нибудь оставшееся после нашего незабвенного друга. <...> Скажите, пожалуйста, в каком положении печатание сочинений Гоголя. Неужели не в шутку, а серьезно запрещены они? Право не верится. Я слышал, как много вы трудитесь. Помогите вам Бог и подкрепи ваше здоровье! Как рассердил меня Данилевский¹ неуместным помещением в газетах писем Гоголя.

Впервые опубликовано: <Бартенев П. И.> П. Б. Из бумаг С. П. Шевырева // Русский Архив. 1878. № 5. С. 54–55; см. также: Аксаков С. Т. Соч. М., 1895. Т. 3. С. 434; Балахшина Ю. В. С. П. Шевырев, Аксаковы и история распространения «Авторской исповеди» в списках // Н. В. Гоголь и его литературное окружение: Восьмые Гоголевские чтения: Сб. докл. Междунар. Конференции. М., 2009. С. 95. Печатается по автографу: РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 108. Л. 18.

¹ Г. П. Данилевский.

С. Т. Аксаков — А. О. Смирновой

15 ноября 1854, Абрамцево.

<...> Вы хвалите письма Гоголя, напечатанные в Опытте его биографии¹. Вы совершенно правы; но я очень бы желал знать ваше мнение: довольны ли вы пониманием Гоголя, как художника и человека, его образом, который начертан биографом, никогда не знавшим и не выдавшим даже Гоголя. <...>

Впервые опубликовано: Павлов Н. М. Из переписки А. О. Смирновой с Аксаковыми // Русский Архив. 1896. № 1. С. 158. Печатается по первой публикации.

¹ П. А. Кулиша.

С. Т. Аксаков — М. И. Гоголь

7-е апреля 1855 г.

Христос Воскресе!

<...> По случаю постоянно нездоровья в продолжение прошедшей зимы, я мало успел подвинуть вперед «Историю моего знакомства с Николаем Васильевичем». Труд этот выйдет довольно огромен, потому что для большого улажения обстоятельств, я включаю туда нашу взаимную переписку, а равно и письма посторонних людей, посланные через меня к покойному моему другу и его ответы. Я дошел до половины 1843-го года¹. Я пишу с полной искренностью: пусть рассудит справедливое потомство²: я не щажу ни себя, ни других, окружавших Николая Васильевича. <...>

Впервые частично опубликовано, по копии В. И. Шенрока из собрания журнала «Русская Старина»: *Машинский С. И.* С. Т. Аксаков. М., 1973. С. 538. Печатается по указанной копии: ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 27–28.

¹ Рукопись «Истории нашего знакомства с Гоголем» С. Т. Аксакова доведена до сентября 1843 г. Признание С. Т. Аксакова в письме к М. И. Гоголю от 7 апреля 1855 г. («Я дошел до половины 1843-го года») позволяет судить об окончании тогда работы Аксакова над мемуарами о Гоголе.

² Такое же признание по поводу своих воспоминаний о Гоголе С. Т. Аксаков сделал в письме к М. П. Погодину от начала 1854 г.: «Это пишется искренне — следственно для потомства» (*Машинский С. И.* С. Т. Аксаков. М., 1973. С. 538).

С. Т. Аксаков — И. Е. Великопольскому

<3–4 июля 1857. Абрамцево>.

3-го июля 1857 г.

<...> Я получил Ваше письмо от 29-го из Москвы, но от Погодина не имею ни строчки, а потому спешу Вас о том уведомить. Я не понимаю, какое средство может он указать мне? Я догадываюсь, что он думает о возвращении Вам денег, некогда данных Вами Гоголю, то есть о 1000 р<ублей> асс<игнациями>; но писать об этом к матери Гоголя должен сам Погодин или Шевырев, который выплачивал долги Гоголя по собственноручной его записке. Впрочем, пожалуй, я напишу, только это длинная история.

Поверьте, что я с душевным прискорбием отказываюсь помочь Вам; даже занять не у кого. <...>

4-го июля.

Я получил письмо от Погодина. Я ожидал: он указывает на деньги, некогда данные Вами Гоголю. Я решился, не спрашиваясь матери Гоголя, которая, без сомнения, одобрит мой поступок, вытребовать Вам 300 р<ублей> сер<ебром> у Кулиша, издателя сочинений Гоголя. <...>

Впервые опубликовано: *Модзалевский Б. Л.* Гоголь и И. Е. Великопольский. (По поводу двух неизданных писем С. Т. Аксакова) // *Литературный Вестник*. 1902. Т. III. Кн. 1. С. 14–15. Печатается по первой публикации.

С. Т. Аксаков — М. И. Гоголь

5 июня <июля> 1857 г. Абрамцево.

<...> Вполне уверенный, что Вы одобрите мой поступок, я позволил себе распорядиться небольшою суммою из тех денег, которые поступают теперь к Пантелеймону Александровичу Кулишу за распроданные экземпляры сочинений Николая Васильевича. Вот в чем дело: Когда покойный сын Ваш был за границей в 1841 году, и когда дружба наша только что начиналась, — распространился в Москве слух, что Гоголь находится в крайнем положении по неимению денег. Один из моих приятелей, вовсе незнакомый с Вашим сыном, дал мне 1000 рублей ассигнациями, которая вместе с другими деньгами была доставлена немедленно Николаю Васильевичу через Погодина. Имена людей, оказавших эту помощь, остались неизвестными. Когда впоследствии произведена была уплата долгов Вашего сына по собственноручной его записке, именно этой тысячи рублей в записке не оказалось; но тогда человек, ее давший, был богат и не думал о возвращении этих денег; теперь он сделался нищий и находится в крайности, и я счел справедливым долгом возратить ему эту сумму: ибо мне и Погодину совершенно известно, кто ее дал. Не сомневаясь в Вашем согласии, и на этой же почте пишу к Кулишу об уплате 300 руб<лей> сер<ебром> Ивану Ермолаевичу Великопольскому. <...>

Впервые опубликовано: *Щеголев П. А.* К биографии Н. В. Гоголя. Заметки и материалы. I–VII // *Литературный Вестник*. 1902. Т. III. Кн. 1. С. 61–62. Печатается по первой публикации.

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову

<Вторая половина 1850-х>

<...> Услышав от Верстовского, что я желаю слышать рассказ Копейкина, читанный мастерски Садовским в доме у Самариных, Садовский сейчас пришел ко мне и доставил нам большое удовольствие своим чтением: это случилось при Арнольди¹, и я долго говорил с Садовским, разумеется о театральном искусстве, и нахожу его в этом отношении необыкновенно умным. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 637. Печатается по первой публикации.

¹ Л. И. Арнольди.

С. Т. Аксаков

Одним сыновьям
<Письмо к К. С., Г. С. и И. С. Аксаковым>

23 февраля <1852. Абрамцево>.

Ровно двое суток, как Гоголя нет на свете. Гоголь умер... Странные слова, совсем не производящие обыкновенного впечатления. Если вчера была во мне некоторая борьба частного моего чувства с общею потерей, то сегодня первое совершенно исчезло, так что я не могу отыскать его... и я совершенно подавлен общею бедою. Я не знаю, любил ли кто-нибудь Гоголя исключительно как человека. Я думаю, нет; да это и невозможно. У Гоголя было два состояния: творчество и отдохновение. Первое давно уже, вероятно вскоре после выхода «Мерт<вых> душ», перешло в мученичество, может быть, сначала благотворное, но потом перешедшее в бесполезную пытку. Как можно было полюбить человека, тело и дух которого отдыхают после пытки? Всякому было очевидно, что Гоголю ни до кого нет никакого дела; конечно, бывали исключительные мгновения, но весьма редкие и весьма для немногих. Я думаю, женщины любили его больше и особенно те, в которых наименее было художнического чувства, как, например, Смирнова¹. — Вот до какой степени Гоголь для меня не человек, что я, который в молодости ужасно боялся мертвецов и которых не видывал до смерти <собственных> детей, я, постоянно боявшийся до сих пор несколько ночей после смерти каждого знакомого человека, не мог произвести в себе этого чувства во всю последнюю ночь! Несколько раз просыпался, думал о Гоголе, воображал его труп, лежащий в гробе со всем страшным для меня окружением, и, не чувствуя никакого страха, вскоре засыпал.

Я признаю Гоголя святым, не определяя значения этого слова. Это истинный мученик высокой мысли, мученик нашего времени и в то же время мученик христианства. Я это предчувствовал, и еще в 1844 году, когда он прислал нам подарки², написав прежде такое письмо³, что я ждал второго тома «Мертвых душ», писал к обоим этим Петровичам⁴ о своем отчаянии. Долго хохотали надо мною эти ослы, прочитав в моем письме, что или художник погиб и выйдет святой отшельник⁵, или Гоголь умрет в сумасшедшем доме. Слава Богу, не сбылось последнее, но зато он ничего не произвел нового и умер. Правда, я предавался надежде, услышав первые главы «Мерт<вых> душ» второго тома, но с каким-то страхом и даже подшпоривая себя; притом ведь это было написано *прежде* и только воспроизведено или, может быть, только повторено даже в слабейшем виде. Нельзя исповедовать две религии безнаказанно. Тщетная мысль совместить и примирить их. Христианство сейчас задаст такую задачу художеству, которую оно

выполнить не может, и сосуд лопнет⁶. Жалею, что я не в Москве. Меня не расстроили бы все эти церемонии. Напротив, мне было бы весело увидеть все улицы около церкви, покрытые толпами людей... Но едва ли это будет?.. Десять лет молчания, шесть лет пропадания из России, слухи об отчаянной болезни и даже смерти, наконец, похороны самого себя в известной книге⁷ — ослабили общее участие. Бедный, бедный страдалец Гоголь! Боюсь, что чувство жалости сильно мною овладеет; а притом это еще вопрос: как-то мы будем жить при мысли, что нет Гоголя. Прощайте, друзья мои. Крепко обнимаю и благословляю вас.

Отец и друг С. Аксаков.

Впервые опубликовано Н. М. Павловым: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 199–200. Печатается по изд.: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 222–223.

¹ «Эти слова нуждаются в небольшой поправке, именно там, где Аксаков невольно говорит за других. Что Гоголя никто не любил, а также, что сам Гоголь не любил никого, эти мнения нам случалось слышать и читать не раз; но это вопиющая неправда, и всего досаднее, что это утверждалось и утверждается на основании искреннего убеждения. Мы лично знали напротив людей, горячо любивших его и несколько не заслуживавших подозрения в притворстве, как, напр<имер>, кроме его сестер, А. С. Данилевский и княжна В. Н. Репнина, а последняя нам категорически объяснила по поводу печатного заявления Аксакова, — что он в данном случае ошибался» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 764).

² См. письмо Гоголя к С. Т. Аксакову, М. П. Погодину и С. П. Шевыреву от 2 февраля (н. ст.) 1844 г. из Ниццы.

³ Возможно, имеется в виду несохранившееся письмо Гоголя от 2 ноября (н. ст.) из Дюссельдорфа с вложением письма к М. П. Погодину.

⁴ М. П. Погодину и С. П. Шевыреву.

⁵ Что подразумевал под этим С. Т. Аксаков, помогает понять письмо к родным его сына И. С. Аксакова из Одессы от 10 ноября 1848 г., где тот передает свои размышления по поводу своей беседы с «одним хохлом» о народных песнях и обычаях (см. в наст. изд.). В письме к родным от 29 ноября 1849 г. И. С. Аксаков замечал: «Пользуйтесь хорошим расположением Гоголя, поддерживайте его, пусть его пишет. Не надо, чтобы Константин разрушал в нем всякую веру в искусство... Я вполне разделяю взгляд Константина, а все-таки счастлив, когда пишу» (см. в наст. изд.). См. также в наст. изд. письмо И. С. Аксакова к родным от 30 августа 1849 г.

⁶ Сходное мнение высказывала позднее Н. С. Соханская в письме к А. В. Дружинину от 22 октября 1857 г.: «...Гоголь, начавший таким искренним смехом и остановившийся в томительном разъединении: человека с высоко религиозным стремлением его духа и поэта с глубоко отрицательным направлением его таланта, и в тяжкой невозможности слить то и другое, свои религиозные стремления выразить в поэтических образах — глубоко мощный талант Гоголя и сам Гоголь погибли в этой борьбе...» (Письма к А. В. Дружинину (1850–1863) / Ред. и коммент. П. С. Попова. (Гос. лит. музей. Летописи. Кн. 9). М., 1948. С. 293).

⁷ Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».

С. А<ксаков>

Письмо к друзьям Гоголя

Гоголя нет на свете, Гоголь умер... Странные слова, не производящие обыкновенного впечатления. Умереть Гоголю вдруг нельзя: тело его предано земле, но дух вошел в нашу жизнь, особенно в жизнь молодого поколения. Много, очень много надобно времени, чтоб память о Гоголе потеряла свежесть; забыт, кажется мне, он никогда не будет. Но Гоголь сжег «Мертвые Души»... вот страшные слова! Безотрадная грусть обнимает сердце при мысли, что Гоголь не дос-

казал своего слова, что погиб плод десятилетних вдохновенных трудов, что навсегда исчезли созданные им образы, выступавшие во втором томе «Мертвых Душ», первые главы которого он читал многим. Я сам слышал четыре, а С. П. Ш<евырев> и А. О. С<мирно>ва, как говорят, слышали семь глав. И Уленька, и Тентетников с их взаимною любовью, и генерал Быстрищев, и Костанжогло, и братья Платоновы, и многие другие — все погибли и навсегда. Это ужасно, это невыносимо горько... Но теперь еще не время распространяться об этом. Я обращаюсь к статьям Гоголя, получившим теперь настоящий смысл, к его «Предисловию» и «Завещанию», напечатанным в книге «Выбранные места из переписки с друзьями». Если б Гоголь был жив, я никогда бы не стал перечитывать этой книги, в свое время не один раз прочитанной мною; но теперь следовало это сделать, и я прочел ее вновь. Поразили меня эти две статьи¹. Больно и тяжело вспомнить неумеренность порицаний, возбужденных ими во мне и других. Вся беда заключалась в том, что они рано были напечатаны. Вероятно, такое же действие произведут теперь обе статьи и на других людей, которые так же, как и я, были недовольны этою книгой и особенно печатным завещанием живого человека. Смерть все изменила, все поправила, всему указала настоящее место и придала настоящее значение. Гоголя как человека знали весьма немногие. Даже с друзьями своими он не был вполне или, лучше сказать, всегда откровенен. Он не любил говорить ни о своем нравственном настроении, ни о своих житейских обстоятельствах, ни о том, что он пишет, ни о своих делах семейных. Кроме природного свойства замкнутости, это происходило от того, что у Гоголя было постоянно два состояния: творчество и отдохновение. Разумеется, все знали его в последнем состоянии, и все замечали, что Гоголь мало принимал участия в происходившем вокруг него, мало думал о том, что говорят ему, и часто не думал о том, что сам говорит; одним словом, Гоголя не могли знать хорошо и потому могли усомниться в задушевности, в правде многих слов его последней книги. Но теперь, когда он смертью запечатлел искренность своих нравственных и религиозных убеждений, кажется, наступило время дать полную веру его христианской любви к людям. Речь идет не о том, ошибочны были или нет некоторые мысли и воззрения Гоголя, речь идет о правде его смирения, чистоте намерений, сердечности чувствований и стремления к добру.

Я убедительно прошу всех друзей и почитателей Гоголя обратить особенное внимание на следующие его слова: «Завещаю по смерти моей не спешить ни хвалой, ни осуждением моих произведений в публичных листах и журналах: все будет так же пристрастно, как и при жизни. В сочинениях моих гораздо больше того, что нужно осудить, нежели того, что заслуживает хвалу. Все нападения на них были в основании более или менее справедливы. Передо мной никто не виноват; неблагоприятен и несправедлив будет тот, кто попрекнет мною кого-либо в каком бы то ни было отношении»¹¹. Неужели теперь мы не поверим в искренность каждой буквы этих слов? Чем можем мы достойнее почтить память усопшего нашего друга, как не самым точным исполнением завещанного им желания? Я знаю, нельзя ожидать общего почтительного молчания даже¹¹¹ на короткое время. Вероятно, много будут писать и уже пишут теперь о Гоголе. Вероятно, некоторые, глубоко, болезненно огорченные смертью любимого и чтимого художника, станут так горячо хвалить его, что оскорбят самолюбие многих; оскорбленные станут возражать с большею неумеренностью; охотно присоединится к ним онемевшее перед таинством смерти старинное недоброжелательство, и закипят над свежешю могилой Гоголя новые вражды, тогда как сердце его билось одним желанием, чтоб люди жили в мире и любви. Не будет ли это истинным оскорблением памяти Гоголя, который никогда ни к кому не питал неприязни, даже скоропреходящего гнева; эту истину могут засвидетельствовать не только все друзья, но даже сколько-нибудь знакомые с ним люди. Не заводить новые ссоры следует над прахом Гоголя, а

¹ *Фразы:* Поразили меня эти две статьи. — *нет в копии В. С. Аксаковой. Фраза приводится по газетной публикации.*

¹¹ «Выбранные места из переписки с друзьями», страница 12-я. — *Примеч. С. Т. Аксакова.*

¹¹¹ *даже* *вписано вместо:* хотя

прекратить прежние, страстями возбужденные, несогласия и в этом искать утешения в нашем общем великом горе¹.

*Деревня <Абрамцево>.
1852 года, 6-го марта.*

Впервые опубликовано: <Аксаков С. Т.> С. А. Письмо к друзьям Гоголя // Московские Ведомости. 1852. 13 марта. № 32. С. 328. (Далее в газете следует «Письмо из Петербурга» И. С. Тургенева; см. в наст. изд.) Печатается по копии В. С. Аксаковой: РГБ. Ф. 474. К. 3. Ед. хр. 24. Л. 2–3. Копия отправлена в апреле 1852 г. С. Т. Аксаковым А. О. Смирновой.

¹ 6 марта 1852 г. С. Т. Аксаков писал М. П. Погодину и С. П. Шевыреву: «Я послал в Москов<ские> Введом<ости> “письмо к друзьям Гоголя”. Последние его строки вполне понятны только вам и мне. Я искренно протягиваю вам *прежнюю* руку и прошу вас возобновить ко мне прежние чувства и отношения. Забудьте навсегда все, в чем я был неправ перед вами, точно так, как я забыл все и помню только вашу дружбу. Когда мы увидимся — не знаю; но это все равно, лишь бы восстановились у нас в сердце мир и доброжелательство. С. Аксаков. Марта 6-го 1852 года. Радонежье». На обороте письма: «Михайле Петровичу Погодину и Степану Петровичу Шевыреву от С. Аксакова» (печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 2819. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 1–2).

С. Т. Аксаков

12 июня 1852 года.

**(Выписка слово в слово
из моих кратких заметок <о Гоголе>
<Письмо к М. И. Гоголь-Яновской>**

В продолжении 1851 года, он был у нас в Радонежье три раза: 1) в июне¹ и уехал вместе с Карташевскими. Возвратясь из моего путешествия в Оренбургскую губернию в Москву 15-го августа, я не нашел в ней Гоголя, он был у Шевырева на даче. В половине сентября² Гоголь приехал к нам в подмосковную; он был необыкновенно со мною нежен и несколько раз, взяв меня за руки, смотрел на меня с таким выражением, которого ни описать, ни забыть невозможно. Он хотел приехать 20 сентября, т. е. в день моего рожденья; но не мог, потому что дал обещание быть на свадьбе у сестры своей Лизы, в Полтавской губернии, назначенной 29-го сентября или 1-го октября. Он выехал из Москвы 21-го сентября, написав ко мне два письма, самые нежные и дружеские: одно 20-го сент<ября>³, а другое в самый день отъезда⁴, и все очень тревожился, что не провел со мною день моего рожденья. Пробыв осень в деревне у матери, Гоголь намеревался уехать на зиму в Одессу, где провел он предыдущую зиму очень хорошо, в отношении к своему здоровью и успешной работе над Мертвыми Душами. Он поехал очень грустен, что не успел еще повидаться со мною и проститься как следует. По неожиданной надобности, я приехал в Москву 27-го сентября и на другой день, к удивлению моему, узнал, что Гоголь воротился. 30-го я увез его с собою в деревню, где его появление, никем не ожидаемое, всех изумило и обрадовало. По каким причинам воротился Гоголь — положительно сказать не могу: он говорил, что в Оптиной пустыни почувствовал нервное расстройство; опасаясь расхвораться дорогой, приехать больным в Васильевку и всех там расстроить, решил воротиться в Москву; он прибавил, смеясь, что «*к тому же не хорошо со мной простился*»; он улыбался, но глаза его были влажны и в смехе слышалось, что-то особенное. Потом он все надеялся, что я перееду на зиму со всем семейством в Москву, ибо желал чрезвычайно провести ее вместе с нами. Но обстоятельства не позволили мне исполнить его желания.

Заметно было, что Гоголь смущался своим возвращением без достаточной причины, по-видимому, и еще более тем, что мать и сестры будут огорчены, обманувшись в надежде его увидеть. 1-го октября, день рождения своей матери и день назначенной свадьбы, поутру Гоголь был невесел, он поехал к обедне в Троицкую Лавру, а на возвратном пути заехал за Ольгой Семеновной в Хотьковский монастырь и сам заходил за ней к Игуменье. За обедом мы пили здоровье его матери и молодых: Гоголь поразвеселился, а вечером сделался очень весел: Надинька пела малороссийские песни и он сам пел с живостью и очень забавно. Это было последнее посещение Гоголя нашего Абрамцева. 3-го октября он уехал в Москву; он взял у нас лошадей до первой почтовой станции, потому что спешил в Москву к четырем часам, к кому-то или с кем-то обедать. К удивлению моему, лошади воротились уже на другие сутки, и я узнал, что Гоголь кормил лошадей в Пушкине и доехал на них до Москвы: наемный кучер наш был несколько груб и попивал иногда. Я встревожился и писал к Гоголю, спрашивая, не случилось ли чего-нибудь неприятного? но получил веселый, шуточный ответ⁵: что все, напротив, было очень хорошо, что он сам раздумал поспеть к обеду и приехал в Москву в 7 часов вечера.

Гоголь хотел непременно еще осенью побывать у нас; но не вдруг собрался¹, а потом захватила осенняя погода. Между тем бодрость к нему воротилась и он писал ко мне, что работает успешно⁶. В одном письме⁷ даже говорит, что если б Бог дал ему еще таких денька два-три, то второй том был бы готов. Мы переписывались довольно часто. Я подстрекал его тем, что мои *Записки ружейного охотника* скоро будут готовы: Гоголь отвечал весело, что от меня не отстанет⁸. — Но это продолжалось недолго. Скоро стали доходить до...⁹

Впервые опубликовано, с ошибками и пропусками: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 813–815. Печатается по рукописи, написанной рукой неустановленного лица (вероятно, кого-то из семейства Аксаковых): *РГБ*. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 42. Л. 1. П. А. Кулиш настоящей рукописью, по-видимому, не располагал, так как в своих «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (СПб., 1856. Т. 2. С. 254–255) воспроизвел соответствующий фрагмент в другой редакции — воспользовавшись присланным ему С. Т. Аксаковым в июле–октябре 1854 г. «Продолжением кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» (см. в наст. изд.).

Работа над мемуарами о Гоголе была начата С. Т. Аксаковым сразу по смерти писателя. 28 марта 1852 г. С. Т. Аксаков сообщал А. О. Смирновой: «С 21 февраля я погружен в одно занятие: я пишу или диктую о Гоголе. Я сначала писал без плана, что приходило мне в голову; но потом начал писать “Историю знакомства и переписки с Гоголем”» (*Аксаков С. Т.* Записки и письма. 1843–1852 гг. // *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 224; см. также в наст. изд.). 15 мая 1852 г. с просьбой сообщить воспоминания о Гоголе обратилась в письме к С. Т. Аксакову М. И. Гоголь: «...Вы утешили меня своим письмом и письмом к друзьям моего сына, прекрасно написанном вами и присланном его мне напечатанным; много меня обяжет <е>, если доставит <е> мне все в отношении его к вам и вообще, что вам о нем известно, все это будет целительным бальзамом для мучительных ран моего сердца...» (*Дурюлин С.* Из семейной хроники Гоголя. М., 1928. С. 79). С. Т. Аксаков откликнулся на просьбу матери Гоголя и, очевидно, выслал ей «Выписку слово в слово из моих кратких заметок», датированную 12 июня 1852 г. 28 июня 1852 г. Мария Ивановна уже благодарила Аксакова: «Получа все от вас, что вы могли мне передать о нашем Ангеле, приношу вам мою чувствительнейшую благодарность» (Там же. С. 79).

¹ Первый приезд относится ко времени после 5 июня. См. в наст. изд. позднейшую приписку В. С. Аксаковой к ее письму М. Г. Карташевской от 24 мая 1851 г.

² 8 сентября. См. в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 9 сентября 1851 г.

³ От 20 сентября 1851 г.

⁴ От 21 сентября 1851 г.

⁵ От 4–5 октября 1851 г.

⁶ См. письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от октября 1851 г.

¹ Было: но уже не собрался

⁷ От конца 1851 г.

⁸ См. письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 20 сентября 1851 г.

⁹ Окончание рукописи не сохранилось. Окончанию «Выписки...», в сохранившемся ее виде: «Скоро стали доходить до...», — соответствует следующая фраза из «Продолжения кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» С. Т. Аксакова: «Потом дошли до меня слухи, что Гоголь опять расстроился» (см. в наст. изд.).

С. А<ксаков>

Несколько слов о биографии Гоголя

Вот и год прошел, как нет на свете Гоголя! 21-го февраля 1853 года, в память дня его кончины, много пролито теплых слез и отслужено панихид: Гоголь был не только великий художник, но и вполне верующий христианин. Гоголя нет на свете — мы привыкли к этим словам и к горестному их смыслу. Изумление прошло; но не прошла и никогда не пройдет скорбь, что уже нет между нами великого писателя, от которого мы еще так много ожидали в будущем. В продолжение года беспрестанно где-нибудь писали о Гоголе. Писано было не по многу, но с живым участием; печатали иногда то, чего не следовало, что рано было печатать; но немало высказалось прекрасных мыслей, верных взглядов и твердых убеждений: конечно, никто не прочел без сочувствия и благодарности благородной статьи одного из жителей Курской губернии в защиту Гоголя¹. Печатные известия и достоверные слухи пробежали по всей России о тех немногих нравственных сокровищах, которые остались в утешение нам после смерти Гоголя. В почтительном ожидании остаются все, жаждущие этой умственной пищи, известной еще немногим. Между тем прежние печатные сочинения Гоголя давно разошлись, и уцелевшие экземпляры покупаются, как я слышал, за страшно дорогую цену. Ожидание всех обращено на его семейство, или на тех, кому поручены литературные дела покойного². В сочинениях Гоголя чувствуется потребность, необходимость: иначе не стали бы платить 50 и 75 рублей серебром за те четыре книжки, за которые недавно платили и, вероятно, скоро будут платить по-прежнему 25 рублей ассигнациями. Естественно было желание публики узнать биографию Гоголя, и так же естественно было желание людей пишущих сообщить хотя некоторые биографические известия о нем. Жаль, что, увлекаясь добрым чувством, нарушая должное уважение к предмету, столь важному и многозначительному, печатали иногда известия разновременные (и потому лишенные всякого значения), перемешанные с известиями о модных платьях и катаньях^{II}; неуместны также и не интересны для публики странные споры о дне и годе рождения Гоголя, когда так нетрудно и положительно можно узнать эти числа от его матери; еще менее интересны улики в ошибках, когда сам исправляющий их впадает в другие ошибки^{III} ³. Все это разрешить и поправить было легко не печатным образом. Не заслуживает внимания недавно раздавшееся шипение, вероятно, давно сдерживаемой неприязни или зависти, скрытое под формою повести⁴: презрительным равнодушием наградит публика такие бессильные и жалкие попытки. Но были статьи, замечательные по изложению и содержанию; первое почетное место между ними принадлежит статье, напечатанной в апрельской книжке Отеч<ественных> Зап<исок> прошедшего года: «Несколько слов для биографии Н. В. Гоголя»⁵. Она написана с участием, увлекательно, тепло и в то же время с соблюдением разумной меры теплоты; она составляет драгоценный материал для будущей пространной, полной биографии Гоголя. Но ее время не близко. Биография всякого известного и почему-нибудь замечательного человека представляет много

¹ Москов<ские> Вед<омости> 1852 года. — *Примеч. С. Т. Аксакова.*

^{II} Москов<ские> Вед<омости> 1852 года. — *Примеч. С. Т. Аксакова.*

^{III} Отеч<ественные> Зап<иски> № 2-й 1853 г. — *Примеч. С. Т. Аксакова.*

затруднений; не только нельзя ее скоро напечатать по свежести отношений покойного к живым людям, но даже нельзя беспристрастно написать: ясности взгляда будет мешать близость предмета; надобно отойти от него, и чем предмет выше, тем отойти надобно дальше: я разумею биографию внутренней жизни, искреннюю и полную. Прекрасная статья, о которой я сейчас говорил, могла быть написана вполне удовлетворительно, потому что время, ею изображенное, время детства Гоголя, *уже далеко*, и потому что детский и юношеский возрасты не представляют препятствий и трудностей к их описанию, непременно сопровождающих изображение жизни человека в годах зрелого мужества. Биография же Гоголя заключает в себе особенную, исключительную трудность, может быть единственную в своем роде. Натура Гоголя, лирически-художественная, беспрестанно умеряемая христианским анализом и самоосуждением, проникнутая любовью к людям, непреодолимым стремлением быть полезным, беспрестанно воспитывающая себя для достойного служения истине и добру, такая натура в вечном движении, в борьбе с человеческими несовершенствами — ускользала не только от наблюдения, но даже иногда от понимания людей, самых близких к Гоголю. Они нередко убеждались, что иногда не вдруг понимали Гоголя, и только время открывало, как ошибочны были их толкования и как чисты, искренни его слова и поступки. Дело, впрочем, понятное: нельзя вдруг оценить и поверить тому чувству, которого сам действительно не имеешь, хотя беспрестанно говоришь о нем. Для большего уяснения предмета я позволяю себе повторить некогда сказанное мною⁶: «Гоголя как человека знали весьма немногие. Даже с друзьями своими он не был вполне или, лучше сказать, всегда откровенен. Он не любил говорить ни о своем нравственном настроении, ни о своих житейских обстоятельствах, ни о том, что он пишет, ни о своих делах семейных. Кроме природного свойства замкнутости, это происходило от того, что у Гоголя было постоянно два состояния: творчество и отдохновение. Разумеется, все знали его в последнем состоянии, и все замечали, что Гоголь мало принимал участия в происходившем вокруг него, мало думал о том, что говорят ему, и часто не думал о том, что сам говорит». К этому должно прибавить, что разные люди, знавшие Гоголя в разные эпохи его жизни, могли сообщить о нем друг другу разные известия. Да не подумают, что Гоголь менялся в своих убеждениях; напротив, с юношеских лет он оставался им верен. Но Гоголь шел постоянно вперед; его христианство становилось чище, строже; высокое значение цели писателя — яснее, и суд над самим собою — суровее. Итак, в этом смысле Гоголь изменялся. Но даже в одно и то же время, особенно до последнего своего отъезда за границу, с разными людьми Гоголь казался разным человеком. Тут не было никакого притворства: он соприкасался с ними теми нравственными сторонами, с которыми симпатизировали те люди или по крайней мере которые могли они понять. Так, например, с одним приятелем и на словах и в письмах он только шутил, так что всякий хохотал, читая эти письма; с другими говорил об искусстве и очень любил сам читать вслух Пушкина, Жуковского и Мерзлякова (его переводы древних⁷); с иными беседовал о предметах духовных; с иными упорно молчал и даже дремал или притворялся спящим. Кто не слышал самых противуположных отзывов о Гоголе? Одни называли его забавным весельчаком, обходительным и ласковым; другие — молчаливым, угрюмым и даже гордым; третьи — занятым исключительно духовными предметами... Одним словом, Гоголя никто не знал вполне. Некоторые друзья и приятели, конечно, знали его хорошо; но знали, так сказать, по частям. Очевидно, что только соединение этих частей может составить целое, полное знание и определение Гоголя.

Итак, остается желать, чтоб люди, бывшие в близких сношениях с Гоголем, записали для памяти историю своего с ним знакомства и включили в свое простое описание всю свою с ним переписку. Тогда эти письма, будучи объяснены обстоятельствами и побудительными причинами, осветили бы многие, до сих пор неясные для иных стороны жизни Гоголя. Такие-то, поистине драгоценные материалы в соединении с печатными сочинениями Гоголя, с теми, которые будут напечатаны, и с его письмами дали бы возможность биографу достойным образом исполнить свое важное и трудное дело. Гоголь вел обширную переписку. Приблизительно

можно сказать, судя по числу его писем к некоторым известным лицам, что число всех писем может простираться до нескольких сотен⁸. Какое богатство! Гоголь выражается совершенно в своих письмах; в этом отношении они гораздо важнее его печатных сочинений. Какое наслаждение для мыслящих читателей проследить, рассмотреть в подробности духовную жизнь великого писателя и высококонравного человека! Сколько борьбы в примирении художника с христианином, сколько подвигов послушания и сколько ошибок, увлечений зыбкого человеческого ума, никогда, однако же, не помрачивших чистоты душевной, открыла бы такая биография! Сколько умильного и поучительного нашли бы в ней даже такие читатели, которые чужды литературного направления! Да исполнится когда-нибудь это желание, без сомнения разделяемое многими, и да будет оправдан и оценен Гоголь по достоинству как художник и как человек.

1853 года, марта 1-го дня.
Деревня <Абрамцево>.

Первые опубликовано: <Аксаков С. Т.> С. А–в. Несколько слов о биографии Гоголя // Литературный отдел Московских Ведомостей 1853 года, марта 21-го дня, № 35-й. С. 360–361. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду напечатанная под псевдонимом «Провинциал» статья Г. П. Данилевского в защиту Гоголя от нападок Ф. В. Булгарина: <Данилевский Г. П.> *Провинциал*. Отзыв провинциала на статью о Гоголе, помещенную в «Северной Пчеле», № 87 // Московские Ведомости. 1852. 21 июня. № 75. С. 783–784; с подписью: «Суджа (Курск<ой> губ<ернии>» (авторство Г. П. Данилевского установлено: *Свясов Е. В.* Эпизод полемики о Гоголе 1852 г. // Русская литература. 1980. № 1. С. 127–134). Позднее критические отклики на статью Булгарина появились также в «Москвитянине»: *Погодин М. П.* Ответы г. Булгарину // Москвитянин. 1852. № 11 (Июнь. Кн. 1 <цензурное разрешение нач. июня>). Отд. VIII. С. 57–60 (см. в наст. изд.); *Негрескул В.* Письмо из Херсона // Там же. Отд. VII. С. 117–118.

² Публикация статьи С. Т. Аксакова стала причиной размолвки с ним С. П. Шевырева. На следующий день после публикации, 22 марта 1853 г., С. Т. Аксаков писал М. П. Погодину: «На всякий случай прошу вас принять участие в нижеследующем: Я написал статейку: „Несколько слов о биографии Гоголя“. Я не смел надеяться, чтоб Назимов <попечитель Московского учебного округа и председатель цензурного комитета> пропустил ее, потому что все считают его самого причиной остановки нового издания Гоголя; но, напротив, Назимов поступил прекрасно и всю статью напечатали. Вообразите себе, что Степан Петрович <Шевырев>, для которого статья моя, как голос публики, могла служить точкою опоры для настоятельных требований скорейшего разрешения, до того рассердился, что не только бранит и жалуется на меня всем нашим общим приятелям, но ездил жаловаться на меня официально Назимову и просить, чтоб мне не дозволяли печатать в *Московских Ведомостях* о Гоголе, прибавляя к тому, что моя статья раздражает публику и что все обвинения падают на него и пр. и пр. Все это до такой степени нелепо, так по-ребячьи, что не заслуживает досады и я остаюсь совершенно спокоен. Но я боюсь одного, чтоб он не вздумал отвечать мне печатно и не рассердил бы меня. Мало того, что потешит недоброжелателей Гоголя, — это может повредить делу. Если вы имеете влияние, то уймите Шевырева; я писал письмо самое короткое к нему и считаю мой поступок христианским подвигом... Не говорите Шевыреву, что я писал к вам» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 12. С. 11).

Вскоре Погодин получил от Шевырева разъяснение. «В статье Аксакова, — писал Шевырев, — напечатано: *Ожидание всех обращено на семейство Гоголя и на тех, кому поручены литературные дела*, следовательно, на меня. Я пользовался этим случаем, чтобы напомнить В. И. Назимову об издании сочинений Гоголя и сказал: “если цензура позволяет сказать, что ожидание все устремлено только на семейство Гоголя да на меня, то, стало быть, она признает всякие препятствия, ей известные, по которым остановлено издание, уже несуществующими, если только не хочет свалить на меня одного вину ожидания. Я готов давно уже, как известно вашему превосходительству, сделайте милость только пропустите”. И вследствие разговора, с разрешения Владимира Ивановича <Назимова>, подал о том просьбу в цензурный комитет, но едва ли что выйдет полезное. Касательно тона статьи я выразил сожаление, что в ней есть выходы раздражения и что это может только повредить самому делу, разбудив их вновь, что горячностью мы не достигнем цели, как уже пример прошедшего показал довольно. В разговоре замечено было Владимиром Ивановичем, что

имя Аксакова, как автора статьи, не может быть также полезно делу, потому что Гоголя выставили начальником Славянофильской партии. Владимир Иванович напал сам на Аксакова и даже припоминал, что ему когда-то было запрещено писать вообще. Я взял его сторону, хвалил его статью о Загоскине, его книгу об охоте, и просил не поднимать старины, для него неприятной. Некоторым близким знакомым, особенно Кошелеву и Хомякову, я говорил, что Аксаков, слагая вину ожидания на одного меня, тем убаюкивает цензуру и стоит за нее перед публикою. Цензуре приятно напечатать то, что может служить к ее оправданию. Пропуская такое выражение, она тем дает знать, что препятствия не от нее, а в медлении издателей. К чему же польза таких статей? С одной стороны они будят злобу, только что заснувшую; с другой – покрывают цензуру, которая рада высвободиться из-под публичного обвинения. Кроме того, всякому из нас надобно же знать свои отношения к правительству. Аксакову-отцу следовало бы, если он действительно желает, чтобы сочинения Гоголя были изданы, не протестовать публично от своего имени, которое под опалою правительственного мнения. Что касается до меня, мне, конечно, тяжело. Никто не скажет о том, что уже мною сделано по смерти Гоголя. Все свободное время я отдавал на приготовление текста Мертвых Душ, Размышлений о Божественной Литургии и Авторской исповеди. В отчете академическом это напечатано. Аксаков о том не скажет. *Московские Ведомости*, разумеется, рады будут скрыть это». «Всему Петербургу и всей Москве уже известно, – продолжал Шевырев, – что рукописи уже пошли по рукам из кабинета великого князя Константина Николаевича. Никто мне не помогал и до сих пор не поможет в этом деле, а только каждый действует в утешение своего самолюбия. Аксаков рыцарствует невпадом и только вредит делу, бросая из-за угла камни в Булгарина с братиею. Но правда то, что надобно быть при всем том спокойным и не горячиться, а я виноват, может быть и погорячился, сказавши не другим, а про себя лишнее» (*Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 12. С. 11–13.*)

³ Имеется в виду анонимная статья П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» (Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7. С. 109–121), написанная по поводу статьи Г. П. Данилевского «Хуторок близ Диканьки» (*Московские Ведомости*. 1852. 14 окт. № 124. С. 1277–1280) (см. в наст. изд.). 4 ноября 1852 г. О. М. Бодянский познакомил Кулиша с Аксаковыми. Почерпнутые у Аксаковых сведения о Гоголе были, в числе других, использованы Кулишом в его статье «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» (см. в наст. изд. «Воспоминания Н. С. Аксаковой в статье П. А. Кулиша “Выправка некоторых биографических известий о Гоголе”»).

⁴ Речь идет о повести Е. И. Вельтман (рожд. Кубе; 1816–1868) «Виктор»: Виктор. Повесть Елены Вельтман // Москвитянин. 1853. № 2. (Январь. Кн. 2). Отд. 1. С. 167–210; № 3. (Февраль. Кн. 1) (цензурное разрешение 29 янв.). Отд. 1. С. 211–248; № 4. (Февраль. Кн. 2). С. 251–344; отд. изд. – 1853.

27 февраля 1853 г. С. Т. Аксаков сообщил И. С. Тургеневу: «Если вы читаете “Москвитянин”, то верно прочли и заметили повесть г-жи Вельтман “Виктор”. Эта... женщина вздумала мимоходом попачкать славу Гоголя. Оба они с мужем всегда шипели около себя хулу и клевету на Гоголя, а теперь осмелились даже и печатно поплевать на его память. Я сейчас уведомил об этом Погодина, а он с своей молодой редакцией и не узнал, что у него в журнале напечатано. Надобно бы ее показать несколькими строками равнодушия и презрения, да негде, да еще, пожалуй, и не пропустят. 21-го февраля, в день кончины Гоголя, написал я несколько слов о нем, желая сообщить мои мысли о составлении биографии Гоголя тем господам, которые весьма легкомысленно принимаются за это важное дело. Если моя статейка будет напечатана в *Московских Ведомостях*, то пришлю вам отдельный оттиск» (*Майков Л. Н. Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу. (1853 г.) // Русское Обозрение. 1894. № 9. С. 19.*)

11 марта 1853 г. сын С. Т. Аксакова Иван также писал И. С. Тургеневу: «Прочтите в *Москвитянине* повесть “Виктор” г-жи Вельтман: вы увидите там, как эта м<артыш>ка бросает исподтишка камни в Гоголя» (Там же. С. 28).

Рецензент «Отечественных Записок» в 1853 г. писал о герое повести Е. И. Вельтман: «В лице Виктора автор смеется над тем ложным воспитанием и учением “чему-нибудь и как-нибудь”, над которым давно все смеются. <...> Виктор, приехав в деревню, от скуки не знает, что делать, и начинает машинально перелистывать “Мертвые Души”. Глаза Виктора остановились на предисловии второго издания... <...> Виктор, прочтя эти строки, находит себе цель в деревне делать замечания на “Мертвые Души” <...> ...Дело кончилось тем, что Виктор влюбился... <...> Вследствие всего этого, замечания остались ненаписанными, сам Виктор был одурачен м<ademoise>лле Чапаринной и с отчаяния уехал на Кавказ. Таким образом, и замечания г-жи Вельтман на Гоголя, как и замечания самого Виктора, проскользнули мимо своей цели. Таких лиц, каких встретил Виктор в деревне, не нашлось в первой части “Мертвых Душ”, но кто поручится, что их не было бы во второй или третьей?..» (*Журналистика // Отечественные Записки. 1853. № 5 (цензурное разрешение 29 апр.). Отд. 5. С. 53–54.*)

Отрицательная рецензия на повесть Е. И. Вельман была напечатана также в 1853 г. в «Современнике»: «...Положение молодого человека, принимающегося за пополнение и исправление “Мертвых Душ” (на основании предисловия автора), как за подвиг жизни, — положение неестественное, самый тон г-жи Вельман, которым говорит она, по поводу странного предприятия молодого человека, о Гоголе, неуместен, даже неприличен. В свое время журналы наши позволили себе несколько насмешливых выражений при появлении второго издания “Мертвых Душ” с известным предисловием; но тогда автор был жив и мог отвечать на насмешки» (Новые книги. Октябрь 1853 // Современник. 1853. № 11. Отд. 4. С. 31–32).

М. П. Погодин по поводу указанных рецензий иронизировал: «Досталось <...> в ноябре <...> Москвитянину от благородного Современника и благороднейших Отечественных Записок. <...> Современник <...> вздумал обвинять г-жу Вельман в неуважении к покойному Гоголю, и выписал в доказательство с трагическими гримасами несколько строк, принадлежащих сумасшедшему действующему лицу повести. Можно одобрять или не одобрять литературный вымысел, придуманное положение, — на это имеет право всякий, но приписать г-же Вельман злое намерение унижить память о Гоголе, — признаемся, на это достанет духу разве только у Современника — и Отечественных Записок, которые поступили еще отчаяннее» (<Погодин М. П.> Журнальное замечание // Москвитянин. 1853. № 22. (Ноябрь. Кн. 2) (цензурное разрешение 1 дек.). Отд. 8. С. 125).

Позднее Л. Н. Майков указывал: «Литературное достоинство повести г-жи Вельман очень незначительно; но основная мысль ее — противоположение простой сельской жизни ложному блеску столичной щеголеватости — могла бы, пожалуй, даже понравиться С. Т. Аксакову, если бы сочинительница не вздумала ввести в свое произведение одну черту, в сущности вовсе ненужную для развития сюжета, а именно какую-то странную полемику против Гоголя. Пустой и жалкий герой повести представлен вместе с тем поклонником автора “Мертвых Душ”; собираясь в объезд соседей, он прочитывает предисловие ко второму изданию знаменитой поэмы и решает воспользоваться своею поездкой для собирания замечаний и житейских наблюдений, которые отошлет затем Гоголю. <...> Не найдя материала для пополнения Гоголевских описаний, Виктор решает начать письмо к знаменитому писателю каким-то общим рассуждением — и опять останавливается: он не знает, как зовут Гоголя. <...> Под конец повести сочинительница уже совсем забывает, какую роль она вздумала навязать своему герою, и он уже просто-напросто попадает в смешное и жалкое положение. Быть может, впрочем, такова и была цель г-жи Вельман; быть может, она в самом деле хотела показать, что только ничтожный человек, в роде ее героя, способен увлекаться Гоголем, и что ему неизбежно предстоит поплатиться за свое увлечение. Но если это так, то значит, г-жа Вельман вообще не признавала за поэтическим творчеством никакого нравственного значения и видела в нем лишь пищу и забаву праздных умов. К сожалению, такое предположение оказывается весьма вероятным. Известно, по крайней мере, что сам Вельман <муж Е. И. Вельман, писатель>, человек бесспорно даровитый, любил играть своим талантом и растратил его слишком легкомысленно» (Майков Л. Н. Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу. (1853 г.) // Русское Обозрение. 1894. № 9. С. 21–23).

⁵ Напечатанная без имени автора статья П. А. Кулиша «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя» (Отечественные Записки. 1852. № 4. Отд. 8. С. 189–201) (см. в наст. изд.).

⁶ В «Письме к друзьям Гоголя» (см. выше в наст. изд.).

⁷ См. в наст. изд. коммент. к письму С. Т. и В. С. Аксаковых к И. С. Аксакову от 15 августа 1849 г.

⁸ В настоящее время сохранившаяся переписка Гоголя насчитывает около 1900 писем, из них около 1350 писем самого Гоголя (см.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009–2010. Т. 10–15, 17).

<Замечания о рукописной редакции
«Опыта биографии Н. В. Гоголя...»>
(Черновик письма к П. А. Кулишу)

<Первая половина декабря 1853. Москва>

Мы прочли вашу рукопись^I. Благодарю вас от искреннего сердца за удовольствие^{II}, которое вы мне доставили. Вы совершили прекрасный труд^{III}. Вы означили^{IV} образ поэта так истинно^V, что все дальнейшие сведения о нем — будут только дополнениями, доказательствами. Дай Бог, чтобы книга ваша была напечатана: она должна найти^{VI} сочувствие в каждом мыслящем человеке, в каждом благородном сердце, даже в^{VII} людях, для которых эстетические наслаждения не составляют отрады в жизни. Несмотря на некоторые противоречия^{VIII}, многие места, по глубине взгляда и силе чувства — превосходны, достойны памяти Гоголя — более похвалить я не умею.

Ваше сочинение возбудило во мне сильное участие и я прилежно начал занимать<ся> замечаниями и пояснениями; и через неделю надеюсь выслать вам рукопись и тетрадку заметок^I.

Очень понимаю, что вы делали то, что могли, и потому пробелов очень много. В первом периоде недостает домашнего детства; вероятно, все это подробно передано самою матерью Гоголя и записано Г-ном Шевыревым. Во втором периоде, который можно назвать Петербургским, для описания которого вы имеете все средства (ибо Плетнев и Прокопович благодаря Бога живы), также недостает подробностей частной жизни поэта. Может быть вы имели причину не говорить о них и не <1 нрзб.> о представлении Ревизора, о впечатлении, им произведенном на публику; но для всякого будет интересно узнать, что Ревизора ставил на Сцену сам Гоголь (неподражаемый актер для комических ролей), и потому пиеса сначала игралась хорошо; впоследствии же, мало-помалу, актеры впали в карикатуру и в 1839-м году [и] я не имел терпения выслушать двух актов — так отвратительно шел Ревизор на Петербургской сцене. Замечательно то, что Гоголь предсказал мне это и не пошел со мной в Театр. Считаю не лишним прибавить, что^{IX} в 1839-м году Гоголь приезжал вместе со мной, месяца на два, в Петербург, взял двух сестер своих из Патриотического Института и вместе же со мной воротился в Москву. Период третий, то есть Московский и заграничный, не мог быть хорошо известен вам: тут пробелы огромные и даже сведения, вам сообщенные, не верны или не точны; но вы поняли внутреннее состояние Гоголя и, по немногим данным — прекрасно его изобразили.

[Книга ваша, конечно, будет иметь не одно издание: ко второму изданию вашей книги я надеюсь написать «Историю моего знакомства с Гоголем». Она напишется не для печати; но я охотно предложу вам взять из нее все, что будет нужно вам для третьего периода.]

[Я бы мог много сообщить вам сведений для 3 периода; но это задержало бы издание вашей книги. Если Бог поможет, то я напишу «Историю нашего знакомства с Гоголем», которая <1 нрзб.> долго не скоро будет напечатана.]

^I *Далее было:* Предчувствие не обмануло меня. Скажу откровенно. Вы <о>правили мои ожидания.

^{II} *удовольствие вписано вместо:* наслаждение

^{III} *прекрасный труд вписано вместо:* подвиг: поздравляю вас

^{IV} *означили вписано вместо:* начертали

^V *Далее было:* так глубоко

^{VI} *Далее было:* горячее

^{VII} *Далее было:* тех

^{VIII} *Далее вписано:* к сожалению, я общался <1 нрзб.> и <2 нрзб.>

^{IX} Считаю не лишним прибавить, что *вписано вместо:* Примечание.

[В характере Гоголя не было [постоянного] упрямства, но на него находила иногда легкая <1 нрзб.> необъяснимая капризность, о которой он сам очень сожалел, хотя никогда не признавался в том, и которую объяснял разными выдумками. Один раз (кажется, в 1840 году²) решил Гоголь посмотреть представлен<ие> Ревизора. Слух об этом распространился, и лучшая публика заняла первый ряд кресел. Гоголь приехал в [бену<а>р] ложу к Чертковой и сел там, чтоб его не было видно, а через ложу сидели я с семейством. [Пред<ставление>] Пьеса шла [даже] отлично хорошо. Публика приняла ее с восхищением. По окончании 3-го акта вдруг все встали, обратил<ись> к <1 нрзб.> Черт<ковой> и начали вызывать автора. Вероятно, кому-нибудь пришла мысль, что Гоголь может уехать, не досмотрев пьесы. Несколько времени он выдерживал вызовы и гром рукоплесканий; [но вдруг] потом выбежал из ложи. Я бросился за ним, [желая] чтобы провести его к ложе директора, [в котору<ю>] предполагая, что он хочет [показаться публике] явиться; но вдруг вижу, что он спешит вон из театра. Я догнал его и упрасивал [выйти] показаться в директор<скую> ложу. — Гоголь не согласился и убежал. Публика была очень недовольна, [и] сочла такой поступок оскорбительным и приписала его безмерному самолюбию автора. На другой день Гоголь одумался, хотел написать извините<льное> письмо к директору театра³, прося его сделать письмо известным, благодарил, извинялся и наклепал на себя небывалые обстоятельства. Пог<один> и я удержали его, и дело обошлось без письма, котор<ое> <1 нрзб.> бы Гоголя в об<нрзб.> <1–2 нрзб.>.]

Страницы⁴

- 11-я. Г<оголь> родился 19 марта, но не 20-го.
 11-я. В честь образа называвшегося Св. Николаем (нельзя сказать).
 12 — Называлась всегда Яновщиной. Васильевка — новейшее название (но первое более известно).
 19. Про скучную для юности (пропущено).
 25. Переимчивости. NB.
 84, 85. Отчего вычеркнуты эти страницы?
 Талант виден в приводимых отрывках.
 96. Сравнение тривиальное с Поприциным.
 98. От сердца красавицы к собственному кошельку. NB.
 99. Тр<и> сестры, 4-ая старшая была замужем.
 115. Первая часть М<ертвых> Д<уш> была, вероятно, дописана после Пушкина и явилась в 1842 году.
 118. Носил шинель на *опашку*? NB.
 121, 122, 123. Хитрые происки и т. д. NB.
 125, 126. [<1 нрзб.>]
 [142. Не пережил ли? Вместе пережил] Перемог.
 207. О смехе неправ.
 211. О значении смеха Гоголя.
 О родстве смеха с народным <1 нрзб.>
 233 стр. Письмо к Мак<симовичу> не могло быть 1841 года, а в январе 1840 года.
 235. NB.
 236. Ал<ександра> Осип<овна> — не Смирнова ли?
 241. Странно о колиграфии.
 242. Рекомый? — кривляка.
 248. О б<нрзб.> писем Г<оголя>.
 249. *Современные* вероятно совершенные.
 250. <2 нрзб.>? NB.

261. Выписка.
 262 стр. Письмо должно принадлежать к 1840, а не к 1842.
 301. [Масса. NB.] Масса ума и сердца.
 301. Г<оголь> воротился в сентябре 1848.
 Г<оголь> ездил в том же году в Петерб<ург>.
 306. Об вечерах и веселости Гоголя. Об Максимовиче.
 307. Об сравнении с любовью к женщине.
 № 5-й. Гей хороша молодлица — вовсе не пели⁵.
 № 7. Тоже нет.
 № 10. Нет.
 Замечание о чоботах несправедливо. <3 нрзб.> и <2 нрзб.> не всякой <2 нрзб.> дал <1 нрзб.> всем девицы игры проявившихся чувств.
 № 21. Самая любимая и еще 25.
 № 23. Почти никогда не певалась.
 № 27. Та журба — нет у нас.
 № 28. Нет.

Вот песни, у нас находящиеся и не поименованные.

Чи ты ж мене, моя маты,
 На мисти купила,
 Що всим по доленьци,
 А мене втопыла?

О девчина серденько,
 чья ты?
 Чи выйдешь на улицу
 гуляты.

Да орав мужык край дороги.

Ой кряче, кряче.

Ой пид гаем, гаем.

Гомон, гомон.

Ой израда кари очи.

Нехай.

Да оглянется чумак до дорогу.

342. Гоголь по дороге в Калугу остановился в Оптиной пустыне.
 343 стр. О фраке.
 344. [О вере <?>] Один раз или два Гоголь рас<с>казал тот анекдот, но не более.
 345. [Кошелевы были] Кошелевых он редко посещал; а фамилии надобно сократить.
 358. Сравнение неуместное с Аф<анасием> Ив<ановичем>.
 363. Он видно *не находил*, что достиг <?>.

Публикуется впервые по автографу: *РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 20–23.*

Познакомившись с Аксаковыми через посредство О. М. Бодянского 4 ноября 1852 г., Кулиш с 25–26 мая по 7 июня 1853 г. вновь гостил в Москве у Бодянского и опять посетил с ним Аксаковых. Позднее в письме к И. С. Аксакову Кулиш, говоря о себе в третьем лице (из опасения открыть свое авторство), признавался: «Письмо ваше, почтеннейший Иван Сергеевич, так наказало моего приятеля, автора статьи о Гоголе, за его грубую опрометчивость, как только кто бы то ни было мог этого желать. *Проводя в вашем доме незабвенный для него вечер, он не думал о материалах для биографии Гоголя. Это было следствием последней вечерней беседы с О. М. Бодянским.* Требование ваше вполне законно, и если автору статейки, о которой вы упоминаете, удастся написать порядочную биографию Гоголя, то он почтенным долгом сообщить вам ее в рукописи и просит вашего позволения упомянуть в ней о том, что сколько-нибудь касается вас и вашего семейства» (*Шенрок В. И. П. А. Кулиш. С. 123–124*). Очевидно, Иван Аксаков высказал Кулишу ряд критических замечаний по поводу его статьи о Гоголе, что пришлось гоголевскому биографу не по душе. Спустя три месяца, 25 августа 1853 г., он писал Бодянскому из Мотроновки: «Хочу составить нечто вроде полной биографии Гоголя (с гробовым молчанием об Аксаковых). Имейте это в виду и пораспросите, у кого случится, как и где жил Гоголь за границей» (*Титов А. Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому. Киев, 1898. С. 68*). Несмотря на очевидную нелепость намерения составить «полную биографию» Гоголя «с гробовым молчанием об Аксаковых» (наиболее близким Гоголю московским семейством), Кулиш в «Опыте биографии Н. В. Гоголя...» почти исполнил это обещание, упомянув лишь вскользь о дружбе Гоголя с Аксаковыми. (В то время Кулиш, кстати, не был знаком и с матерью Гоголя, что в свою очередь не могло не сказаться отрицательно на содержании его книги.) По завершении работы над «Опытом...» здравый смысл, однако, возобладал, и Кулиш решился обратиться к Аксаковым с просьбой о помощи. В нескольких письмах к Бодянскому от ноября — декабря 1853 г. Кулиш сам убеждает приятеля в важности дополнений, которые могли бы быть сделаны Аксаковыми по прочтении его «Опыта...» (Там же. С. 72–77). В то же время в письме к Бодянскому от 9 ноября он не без самонадеянности заявляет: «Что же касается их мнения, что чем позже будет сделана оценка сего крепкого мужа, тем лучше, то, между нами сказать — это мнение нелепое и недостойное уважения» (Там же. С. 72).

В преддверии публикации «Опыта биографии Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиш отправил С. Т. Аксакову рукопись книги и, по-видимому, просил замечаний и дополнений. Откликом на обращение Кулиша стало публикуемое письмо С. Т. Аксакова. «Прочитав <рукопись “Опыта биографии Н. В. Гоголя...”> <...> Аксаков исписал целую тетрадь “замечаний и дополнительных сведений” и в этой связи сообщал своему сыну Ивану <в письме от 18 декабря 1853 г.>: “Это занятие подняло со дна моей души воспоминание о Гоголе, и мне стало совестно, что я до сих пор не исполнил священного долга его памяти и потомству: не написал истории моего знакомства с Гоголем со включением всей нашей переписки” <Сергей> Тимоевич> пишет далее, что закончит вскоре ряд неотложных дел, и тогда, добавляет он, “непременно примусь за Гоголя, и не отстану, если буду жив и здоров, пока не совершу этого подвига”» (*Машинский С. И. С. Т. Аксаков. М., 1973. С. 534–535*).

Сам Кулиш сообщал о письме С. Т. Аксакова О. М. Бодянскому: «Аксаков пишет <...> между прочим следующее: “Ко второму изданию Вашей книги, я надеюсь написать историю моего знакомства с Гоголем. Она напишется не для печати; но я охотно предложу Вам взять из нее все, что будет нужно для третьего периода”. Что касается до содействия в настоящий момент, то он, по прочтении рукописи, говорит вот что: “Ваше сочинение возбудило во мне сильное участие, и я прилежно начал заниматься составлением замечаний и пояснений. Все это делаю с полной откровенностью; через неделю надеюсь выслать вам рукопись и тетрадку заметок”. Похвалам его нет меры. “Вы означили, — говорит он, — образ поэта так истинно, что все дальнейшие сведения о нем будут только дополнениями, доказательствами”, и проч. и проч.» (*Титов А. Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому. Киев, 1898. С. 76*).

В ответном письме из Петербурга (от 22 декабря 1853 г.) Кулиш благодарил Аксакова: «Письмо Ваше о моем “Опыте Биографии Гоголя” получено мною в такое время, когда я сильно страдал от людских глупостей и мерзостей, — поэтому Вы поймете, как дороги мне Ваше участие, Ваше сочувствие и Ваша помощь. <...> Когда отправлена была к Вам рукопись, я получил семь длинных писем Гоголя к Марии Петровне Балабиной (ныне Вагнер) из-за границы и еще кой-какие материалы. Это наполнило несколько важных пробелов и дало мне повод высказать новые идеи о Гоголе, как о поэте и человеке. Вместе с Вашими замечаниями и дополнениями, которых ожидаю с нетерпением, новые мои страницы придадут такую полноту биографии Гоголя, что это сочинение действительно может тогда почтяться почти законченным, и почитателям памяти Гоголя останется только делать к нему прибавления» (*РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III)*).

К. 15. Ед. хр. 5. Л. 1–2; опубли.: *Гудзий М. К.* Невидані листи П. О. Кулиша до Аксакових // Радянське літературознавство. 1957. Ч. 19. С. 64).

В свою очередь С. Т. Аксаков, возвращая, по-видимому, рукопись «Опыта биографии Н. В. Гоголя...», писал Кулишу: «Я получил письмо ваше от 22 д<екабря> и спешу отвечать. <...> Примите искреннее участие в неприятности, испытанной вами... <...> но для Полной биографии Гоголя невозможно не <2 нрзб.> нужны еще <1 нрзб.> его письма и <1 нрзб.> жизнь его в Москве и за границей. <1 нрзб.>, что вы верно и глубоко означили образ поэта и чел<овека> <1 нрзб.> у вас превосходны; но что касается до полноты биографии, то вся эта и<нрзб.>ность покуда» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 12).

¹ Рукопись П. А. Кулиша была, по-видимому, возвращена автору С. Т. Аксаковым при письме от конца декабря 1853 – начала января 1854 г. (см. выше), «Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя» – отправлены 10 июня 1854 г. (см. ниже в наст. изд.).

² Речь идет о представлении «Ревизора» в московском Большом театре 17 октября 1839 г. Об этом представлении см., в частности, в наст. изд. в письме К. С. Аксакова к Г. С. и И. С. Аксаковым от 24–25 октября 1839 г.

³ Имеется в виду письмо Гоголя к М. Н. Загоскину от октября (после 17 числа) 1839 г.

⁴ Даются ссылки на страницы рукописи. Автограф «Опыта биографии Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша хранится в Отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины (см.: Путівник по фондах відділу рукописів Інституту літератури / Національна Академія наук України. Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України. Київ, 1999. С. 180–181).

⁵ См. в наст. изд. раздел «Любимые Гоголем украинские народные песни (по воспоминаниям С. Т. Аксакова, О. М. Бодянского, М. А. Максимовича). Фрагмент из «Записок о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша».

С. Т. Аксаков

Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу>

<10 июня 1854>

С мая 1836-го года по 27-е сентября 1839-го года Гоголь жил в Италии, большею частью в Риме. Известно, какое действие произвела на него смерть Пушкина. Он сделался болен и находился в весьма затруднительных обстоятельствах [относительно] по недостатку в деньгах. Вероятно, помощь некоторых друзей вывела его из этого положения. В 39-м году он приехал в Москву вместе с Мих<аилом> Пет<ровичем> Погодиным, в доме которого остановился и постоянно жил до отъезда за границу. Здоровье его поправилось, он был очень весел и шутив. Тут составились его близкие дружеские связи с людьми, с которыми прежде он не был знаком коротко. Об Мертвых Душах он ни с кем не говорил и на вопросы о них отвечал с неудовольствием, что «у него ничего готового нет». 26 октября того же года он уехал вместе с одним из своих друзей¹ в Петербург для того, чтоб взять двух своих сестер из Патриотического Института. В Петербурге он остановился сначала у Плетнева, а через две недели переехал к Жуковскому, который жил тогда во дворце. В продолжении дороги в Петербург Гоголь был очень весел и заставлял хохотать своих спутников, но в Петербурге совершенно переменялся. Он встретил какие-то неудачи, которые привели его опять в затруднительное положение насчет денег. 22-го декабря, вместе с тем же семейством и двумя своими сестрами, возвратился он в Москву^{II}.

¹ В изд. Кулиша вместо: с одним из своих друзей – с одним близким ему семейством

^{II} Далее в изд. Кулиша вставка, извлеченная из его позднейших вытисков «Из Истории Нашего Знакомства с Гоголем» С. Т. Аксакова (см. в наст. изд.): В Петербурге он, между прочим, говорил мне, что, кроме труда, завещанного ему Пушкиным, совершение которого он считает задачей своей жизни, то есть «Мертвых душ», у него составлена в голове

Я забыл вам сказать, что в 1839-м году Гоголь воротился совсем уже не тем франтиком, каким уехал за границу в 1836-м году и каким изображен на портрете, который я вам дал^I. Наружность Гоголя так переменялась, что его можно было не узнать: прекрасные белокурые густые волосы лежали у него почти по плечам, красивые усы, эспаньолка довершали перемену; черты лица получили совсем другое значение; когда он говорил, в глазах выражалась доброта, веселость и, так сказать, благорасположенность ко всем^{II}; когда же он задумывался, то сейчас изображалось в них серьезное устремление к чему-то высокому. Сюртук в роде пальто заменил фрак, который Гоголь надевал только в крайности: вся фигура его в сюртуке сделалась благообразнее.

По возвращении Гоголь начал читать у нас Мертвые Души и в разное время прочел шесть^{III} глав. Читал также отрывки из комедии «Тяжба» и^{IV} начало итальянской повести «Ан<n>унциата», которое потом было несколько переделано и составило статью «Рим»^V, напечатанную в Москвитянине. Великим постом приехала к Гоголю мать и жила вместе с ним и дочерьми также у Погодина. 9-го мая, в день именин Гоголя, обедали у него все его приятели и знакомые в саду, что повторялось всякой раз, когда Гоголю случалось проводить этот день в Москве. Гоголь уже собирался ехать в Рим, откуда обещал непременно через год воротиться. Он не любил быть в дороге один; он искал себе попутчика, которого на ту пору не было. Один молодой человек из числа наших приятелей, только что кончивший курс в университете, В. А. Панов, который хотел ехать за границу года через два, решил переменить все свои планы^{VI} и вызвался ехать с Гоголем. Последний от этого был в восхищении. 18-го числа 1840^{VII}

трагедия из истории Запорожья, в которой все готово, даже до последней нитки в одежде действующих лиц, — что это его давнишнее, любимое дитя, — что он считает, что эта пиеса будет лучшим его произведением, и что ему будет слишком достаточно двух месяцев, чтобы переписать ее на бумагу.

^I В изд. Кулиша вместо: на портрете, который я вам дал — на портрете, рисованном Венециановым.

^{II} Эти слова напомнили мне, что на одной из рукописей Гоголя, найденных в чемодане за границей, написано его рукою в разных местах: «Благорасположение. Благодарность всем и всему за все». Рукопись относится еще ко времени петербургской его жизни. В первой книге черновых сочинений также написано, на листе, предшествующем повести «Ночь перед Рождеством»: «благорасполож<ение>». Н. М. — Примеч. П. А. Кулиша в изд. 1856 г.

^{III} шесть *вписано* вместо: семь

^{IV} отрывки из комедии «Тяжба» и *вписано*.

^V Намерение написать повесть «Аннунциата» было брошено. — Примеч. С. Т. Аксакова.

Вероятно, к этой повести относится следующий отрывок, написанный на одной стороне осьмушки почтовой бумаги и найденный в чемодане Гоголя, оставшемся в квартире Жуковского за границей.

«Клянусь, этаких очей нельзя представить и вообразить! Их тоже немощна предать кисть художника: так они черны; а из них льются молнии. А чело, плечи... это солнечное сияние, облившее белые стены каменных домов. А волосы, Боже, какие волосы! темная громовая ночь, и все в лоске. О, нет! такой женщины не сыскать в Европе; об них только живут предания, да бледные, бесчувственные портреты их иногда являются в правильных созданиях художников. У, как смело, как ловко обхватило платье ее могучие, прекрасные члены! Но лучше, если б оно не обхватило ее вовсе. Покровы прочь, и тогда бы увидели все, что это богиня. А попробуйте покровы прочь с немки, или англичанки, или французенки, и выйдет чорт знает что: цыпленок! Вот повернулась картинная голова. Коса кольцом. Сверкнул затылок и тонкая снежная шея. Еще движение, и уже видны благородные прямые линии носа, тонкий конец брови и три длинные иглы ресниц. А что же далее?.. Но нет, не гляди, не наноси своих молний...»

В 1839 году у него, по свидетельству С. Т. Аксакова, была новая комедия: «Владимир 3-й степени», но он не дописал ее, признавая ее, вероятно, в полном составе неудобною для печати, а может быть, он был недоволен ею, как взъерошенный художник. — Примеч. П. А. Кулиша в изд. 1856 г.

^{VI} Было: намерения

^{VII} 1840 *вписано*.

<года> мы¹ проводили их до первой станции. Панов умер еще в 49-м году, это был достойнейший и наидобрейший из людей¹.

[Пребывание в Москве Гоголя имело сильное на него влияние.]

Первые письма Гоголя из Варшавы [и], Вены и Венеции к одному из друзей его были так же веселы и шутивы, каким он был сам во время пребывания своего в Москве. <...>¹¹

Вскоре^{IV} Гоголь сделался очень болен, и первое письмо его после болезни, от 28 декабря, поразило всех серьезностью, торжественностью тона и открытым выражением^V религиозного направления, которое было в Гоголе всегда, но о котором он прежде не говорил и даже скрывал. Этот тон продолжался до его смерти. Вот выписки из этого письма.

Декабря 28-го Рим (1840). <...>^{VI}

Очевидно, что это письмо написано уже совсем в другом тоне, чем все предыдущие. Этот тон сохранился уже навсегда. Должно поверить, что *много чудного совершилось* с Гоголем, потому что он с этих пор изменился в нравственном существе своем. Это не значит, что он сделался другим человеком, чем был прежде; внутренняя основа всегда лежала в нем, даже в самых молодых годах; но она скрывалась, так сказать, наружностью внешнего человека. Отсюда начинается постоянное стремление Гоголя к улучшению в себе духовного человека и преобладание религиозного направления, достигшего в последствии, по моему мнению, такого высокого настроения, которое уже несовместимо с телесным организмом человека. Я не спрашивал Гоголя в подробности, что с ним случилось: частью из деликатности, не желая насиловать его природной скрытности, а частью потому, что боялся дотрогиваться до подобных предметов^{VII}. Считаю

¹ В изд. Кулиша вместо: мы — я, сын мой Константин, М. П. Погодин, М. С. Щепкин и еще двое друзей Гоголя

¹¹ Далее в изд. Кулиша вставка, извлеченная из его позднейших выписок «Из Истории Нашего Знакомства с Гоголем» С. Т. Аксакова (см. в наст. изд.): Гоголь прощался с нами нежно, особенно со мной и с моим сыном Константином, был очень расстроен, но не хотел этого показать. Он сел в тарантас с нашим добрым Пановым, и мы стояли на улице до тех пор, пока тарантас не пропал из глаз.

Я, Щепкин, Погодин и Константин сели в коляску, а прочие — на дрожки. На половине дороги вдруг откуда ни взялись потянулись с северо-востока черные, страшные тучи и очень быстро и густо заволокли половину неба и весь край западного горизонта. Сделалось очень темно, и какое-то зловещее чувство нашло на нас. Мы грустно разговаривали, применяя к будущей судьбе Гоголя мрачные тучи, потемнившие солнце. Но не более, как через полчаса, мы были поражены внезапною переменою горизонта. Сильный северо-западный ветер рвал на клочки и разгонял черные тучи; в четверть часа небо совершенно прояснилось, солнце явилось во всем блеске своих лучей и великолепно склонялось к западу. Радостное чувство наполнило наши сердца. Не трудно было составить благоприятное толкование небесного знаменья. Каких блистательных успехов, каких великих созданий и какого полного торжества его славы мы не могли ожидать в будущем! Это явление произвело на нас с Константином, особенно на меня, такое сильное впечатление, что я во всю остальную жизнь Гоголя никогда не смущался черными тучами, которые не только затемняли его путь, но даже грозили пересечь его существование, не дав ему кончить великого труда. До самого последнего, страшного известия, я был убежден, что Гоголь не может умереть, не совершив дела, свыше ему предназначенного.

^{III} Следует выписки из письма Гоголя к С. Т. Аксакову от 7 июля (н. ст.) 1840 г. из Вены.

^{IV} Было: После этого

^V Было: и выражениями

^{VI} Следуют отрывки из письма.

^{VII} Вместо: до подобных предметов — в изд. Кулиша вставка, извлеченная из его позднейших выписок «Из Истории Нашего Знакомства с Гоголем» С. Т. Аксакова (см. в наст. изд.): до таких предметов и явлений, о которых одно воспоминание могло его расстроить. Слова самого Гоголя в этом письме утверждают меня в том мнении, что он начал писать «Мертвые Души», как любопытный и забавный анекдот, — что только впоследствии он узнал, говоря его словами,

за нужное сообщить вам, что во время болезни Гоголя, с нежной заботливостью ходил за ним купец Ник<олай> Петр<ович> Боткин^I, который случился на то время в Риме².

От 5-го марта 1841 года^{II} я получил от него письмо, из которого делаю выписки... <...>^{III}

Это письмо привело в восхищение всех друзей Гоголя: из него можно было заключить, что Гоголь переезжал в Москву навсегда, о чем он и сам говорил в первое время по возвращении своем из Рима. Как слышна искренность убеждения Гоголя в великость своего труда, как в благую, свыше назначенную цель всей его жизни. Поехать к Гоголю, так сказать, на встречу, чтобы привезть его в Москву, никто не мог по разным обстоятельствам, Щепкин же^{IV} не имел никаких средств для этого путешествия, да и получить заграничный отпуск было бы для него затруднительно.

Последнее письмо ко мне от Гоголя из Рима, в 1841-м году, не имеет числа, но по содержанию можно догадаться, что оно написано довольно скоро после предыдущего письма от 5-го марта. Вот из него выписки... <...>^V

Желание Гоголя не исполнилось. Я давно уже не занимался никакими делами, и Ревизор был напечатан П<огодиным> со всеми приложениями, которые, кажется, предварительно были помещены в Москвитянинe.

Гоголя мы уже давно ждали и даже ждать перестали. Наконец 18-го октября 1841 г. внезапно Гоголь явился у нас в доме. В этот год последовала новая, большая перемена в Гоголе, не в отношении к наружности, а в отношении к его нраву и свойствам. Впрочем и по наружности он стал худ, бледен, и тихая покорность воле Божией слышна была в каждом его слове: гастрономического направления и прежней проказливости — как будто никогда и не бывало. Иногда, очевидно, без намерения, слышался юмор и природный его комизм; но смех слушателей, прежде не противный ему или не замечаемый им, в настоящее время сейчас заставлял его переменить тон разговора.

Покуда переписывались первые шесть глав Мертвых Душ, Гоголь прочел мне, С<ергею> А<ксакову>, и П<огодину>^{VI} остальные пять глав. Он читал их у себя на квартире, т. е. в доме П<огодина>^{VII}, и ни за что не согласился, чтоб кто-нибудь слышал их, кроме нас троих. Он требовал от нас критических замечаний. Я не мог их делать и сказал Гоголю, «что, слушая Мертвые Души в первый раз, никакой в свете критик, если только он способен принимать поэтические впечатления, — не в состоянии будет замечать недостатков его поэмы; что, если он хочет моих замечаний, то пусть даст мне чисто переписанную рукопись в руки, чтоб я на сво-

«на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначайший сюжет», — что впоследствии мало-помалу составилось это колоссальное создание, наполнившееся болезненными явлениями нашей общественной жизни, — что впоследствии почувствовал он необходимость исхода из этого страшного сборища человеческих уродов, необходимость примирения... Возможно ли было исполнение этой задачи и мог ли ее исполнить Гоголь? это вопрос другой.

^I *Вместо:* подобных предметов. — Ник<олай> Петр<ович> Боткин — *было:* таких предметов и явлений, которым я не верил и теперь не верю, считая их порождением болезненного состояния духа и тела. Но я слышал, что Гоголь, во время болезни имел [какое-то видение] какие-то видения, о которых он тогда же рассказывал ходившему за ним с братскою любовью, нежностью и заботою купцу Н. П. Боткину

^{II} 1841 года *вписано.*

^{III} *Следуют извлечения из письма.*

^{IV} *Вместо:* по разным обстоятельствам, Щепкин же — *было:* Константину нельзя было ехать по особенным семейным обстоятельствам, (5 <1 нрзб.> я <1 нрзб.> 17-летия сына), а Щепкин

^V *Следуют выписки.*

^{VI} *Вместо:* С<ергею> А<ксакову>, и П<огодину> — *было:* Конст<антину> Серг<еевичу> и Погодину

^{VII} *Было:* Погодина

боде прочел ее, и, может быть, не один раз. Тогда дело другое». — Но Гоголь не мог этого сделать: рукопись поспешно переписывалась и немедленно была отослана в Цензуру, в Петербург.

[3-го марта] В 3-м номере Москвитянина 1842 года¹ была напечатана большая статья Гоголя под названием «Рим». Предварительно он прочел ее у меня в доме³, а потом на литературном вечере у князя Дм. Вл. Голицына⁴, который просил об этом Гоголя, но через кого — не помню. [У Гоголя не было фрака, и он должен был надеть чужой.]

Еще в январе 1842 года дошли до нас слухи из Петербурга^{II}, что первый том Мертв<ых> Душ, одобренный к напечатанию, отправлен в Москву; но Гоголь не получал его целый месяц. Итак, можно ли обвинять его за беспокойство, за то, что он писал об этом своим приятелям и даже хотел сам ехать в Петербург? Это происшествие осталось неразгаданным. По получении рукописи, немедленно приступили к печатанию 2500 экземпляров. Обертка была нарисована самим Гоголем.

Несмотря на то, что Гоголь был сильно занят изданием Мертв<ых> Д<уш>, очевидно было, что он час от часу более расстраивался духом и даже телом: он чувствовал головокружение, и один раз впал в такой сильный обморок, что долго лежал без чувств и без всякой помощи, потому что это случилось наверху в мезонине, где он жил и где у него на ту пору никого не было. Вдруг дошли до нас слухи стороной, что Гоголь собирается уехать за границу и очень скоро. Мы сначала не поверили и спросили самого Гоголя, который отвечал неопределенно: «может быть»; но вскоре сказал решительно, что он едет, что он не может долее оставаться, потому что не может писать и потому что такое положение разрушает его здоровье. Через несколько дней⁵ после этого объяснения, часов в 7-мь после обеда, вдруг вошел к нам Гоголь, с образом Спасителя в руках, с сияющим и просветленным лицом. Он сказал: «Я все ждал, что кто-нибудь благословит меня образом; но никто не сделал этого. Наконец Иннокентий благословил меня, и теперь я могу объявить, куда я еду: я еду ко Гробу Господню»^{III}. Все расспросы об отъезде за границу были Гоголю неприятны. Один раз спросили его: «С каким намерением он приезжал в Россию? с тем ли, чтоб остаться в ней навсегда, или с тем, чтоб скоро уехать?» Гоголь с досадою отвечал: «С тем, чтоб проститься». Но это была неправда: и письменно, и словесно он высказывал прежде совсем другое намерение. На вопрос: «Надолго ли он едет?» Гоголь отвечал различно. Сначала сказал, что уезжает на два года, потом — на пять лет, а один раз сказал, что едет на десять лет. Последний ответ, вероятно, вырвался у него в досаде на скучные вопросы. Одна пожилая женщина⁶, любимая и уважаемая Гоголем, сказала ему, что она будет ожидать от него описания Святых Мест. Гоголь отвечал: «Да, я опишу вам их, но для этого мне надобно очиститься и быть достойным»^{IV}.

9-го мая сделал Гоголь такой же обед для своих друзей в саду у Погодина, как и в 1840-м году. Погода стояла прекрасная; я был здоров, а потому присутствовал вместе со всеми на этом обеде. На нем были профессора: Григорьев (проездом случившийся в Москве)⁷, Армфельд, Редкин и Грановский. Был С. В. П<ерфильев>^V, Хомяков, Киреевские, Елагины^{VI}, Заго-

^I 1842 года *вписано*.

^{II} из Петербурга *вписано*.

^{III} *Далее было*: Гоголь провожал Иннокентия, и тот на прощание благословил его образом. Иннокентию, как Архирею, весьма естественно было так поступить, но Гоголь видел в этом указание свыше.

^{IV} *Далее было*: В первых числах мая приехала мать Гоголя с его сестрой Анютой, чтобы взять с собой Лизу, которая целый год жила у Раевской, и чтоб проститься с сыном, который, вероятно, уведомил ее, что уезжает надолго. Она остановилась также у М. П. Погодина.

^V *Вместо*: С. В. П<ерфильев> — *было*: Степ. В. Перфильев, особенный почитатель Гоголя, Свербеев

^{VI} *Далее было*: Нашокин (известный друг Пушкина, любивший в нем не поэта, а человека, чем очень дорожил Пушкин)

скин^I, Самарин, К. С. А<ксаков> и Г. С. А<ксаков>^{II} и многие другие из наших общих знакомых^{III}. Обед был шумный и веселый, и Гоголь сам казался оживленным.

Печатанье Мерт<вых> Душ приходило к концу, и к отъезду Гоголя успели переплести десятка два экземпляров, которые ему нужно было раздать в Москве и взять с собою в Петербург. Первые совсем готовые экземпляры были получены 21-го мая прямо к нам в дом, к обеду^{IV}. Это был в то же время прощальный обед с Гоголем. Здесь он в третий раз обещал, что через два года будет готов 2-ый том Мерт<вых> Д<уш>^V, но приехать для его напечатанья уже не обещал. 23-го мая, в полдень, после завтрака, Гоголь уехал из нашего дома^{VI}. Я с сыновьями и М. С. Щепкин с сыном провожали его до первой станции, т. е. до Химок, где расположились отобедать и дожидаться дилижанса, в котором Гоголь должен был отправиться в Петербург и место в котором было взято им заранее^{VII}. Гоголь убедительно просил меня: старательно вслушиваться во все сужденья и отзывы о Мерт<вых> Д<ушах>, предпочтительно дурные, записывать их из слова в слово и все без исключения сообщать ему в Италию. Он уверял меня, что это для него необходимо, просил, чтобы я не пренебрегал мнениями и замечаниями людей, самых глупых и ничтожных, особенно людей, расположенных к нему враждебно; он думал, что злость, напрягая и изощряя ум самого пошлого человека, может открыть в сочинении такие недостатки, которые ускользали не только от пристрастных друзей, но и от людей, равнодушных к личности автора, хотя бы они были очень умные и образованные^{VIII}. Мы сидели еще за столом, хотя уже давно отобедали, когда приехал дилижанс; увидав его, Гоголь торопливо встал, начал собираться и простился с нами^{IX}. Товарищем Гоголя в купе опять случился военный с иностранной фамилией, кажется, немецкой, — человек замечательный по необыкновенной толщине. Гоголь и тут, для предупреждения разных объяснений и любопытства, назвал себя Гонолем и даже записался так в Конторе Дилижансов, предполагая, что не будут справляться с его паспортом^X.

^I Далее было: Павлов

^{II} Вместо: К. С. А<ксаков> и Г. С. А<ксаков> — было: Константин и Гриша

^{III} Вместо: На нем были профессора ~ и многие другие из наших общих знакомых — в изд. Кулиша: На нем были некоторые из московских профессоров и много других литераторов

^{IV} Далее было: У нас было довольно гостей, по случаю именин Константина, и все обедали в саду.

^V Далее в изд. Кулиша: вдвое толще первого

^{VI} Далее было: Кроме наших семейств, была на этом прощаньи одна достопочтенная старушка Н. Н. Шереметева, которую Гоголь очень любил. Простившись со всеми и вышед из зала, он вдруг обернулся с просветленным лицом и перекрестил всех нас.

^{VII} Далее было: Мы много гуляли по рошам, но были как бы чем-то связаны; искренних, дружеских излияний, которым, казалось бы, невозможно не быть при расставаньи на долгое время между друзьями, из которых один отправлялся с намереньем предпринять трудное и опасное путешествие к Святым Местам, — между нами не было.

^{VIII} Далее было: Я [чувствовал] видел, что Гоголь внутренно был чрезвычайно рад, что уезжает из Москвы (вам со временем объяснятся причины этой радости), но глубоко скрывал свою радость. Он чувствовал в то же время, что обманул наши ожидания, что уезжает слишком рано и поспешно, не открыв даже мне настоящих причин своего отъезда; что, не зная этих причин, я имел полное право обвинять его в причудливости, непостоянстве, пристрастии к Италии, в равнодушии к Москве и России, и в недостатке дружбы лично ко мне. Он чувствовал, что делает такой поступок, который без искренних объяснений, мог показаться мне весьма двусмысленным. Все это отчасти так и было, и я, конечно, с неприятным изумлением и некоторою холодностью, в сравнении с прежним, смотрела на уезжающего Гоголя.

^{IX} Далее было: не с таким чувством, какого можно было ожидать

^X Далее было: Из всего рассказанного мною очевидно, что я не мог быть вполне доволен Гоголем, но по совести должен сказать, что несмотря на некоторые необычные его поступки, я обвиняю в этом одного себя. Во-первых, я должен был догадаться, отчего происходит телесное и духовное расстройство Гоголя. Во-вторых, мне надобно было преодолеть скрытность Гоголя и заставить его быть откровенным. Впоследствии в одном письме Гоголь намекнул мне об этом. Дело бы объяснилось и, если б я не мог его поправить, [то все] по крайней мере у Гоголя было бы легче на душе.

Гоголь в Петербурге пробыл недолго; он так торопился, что все дела свои оставил неконченными. Вот его письмо.

С. п. б. Июня 4 (1842). <...>^I

О пребывании Гоголя за границей я очень мало знаю и могу только сообщить вам его письма. Первое было из Гастейна и получено мною 11 августа 1842 года.

Гастейн. Июля 27/15. <...>^{II}

Надобно признаться, что почти все поручения Гоголя насчет присылки статистических и других книг, а также выписок из дел и деловых регистров, исполнялись очень плохо; а между тем очевидно, что все это было ему нужно для второго тома Мерт<вых> Д<уш>. П<авло>вы не поехали за границу^{III}. Конечно, отъезжающих за границу и кроме их было довольно; но мы плохо верили их ак<к>уратности. Не помню, с кем-то были посланы один раз бумаги и книги, но они совсем не дошли до Гоголя и пропали. Несмотря на такие уважительные причины, должно сознаться, что все мы без исключения были не довольно внимательны к просьбам Гоголя^{IV}.

Теперь следует одно из самых замечательных и самое огромное письмо Гоголя из Гастейна от 18/6 августа (письмо прилагается под № 1)^V. Это письмо было вызвано моим вопросом^{VI}: за чем он едет в Иерусалим^{VII}.

Из писем 1843 года ничего не могу сообщить, потому что все они относятся или до денежных дел или до таких обстоятельств, которых обнаруживать еще не время; да и могут они быть

^I Следует текст письма.

^{II} Следует текст письма.

^{III} Далее было: да и не думали ехать, а Гоголь счел их пустые слова за настоящее намерение

^{IV} Далее было: Я должен к этому присовокупить, что такого рода сведения, каких требовал Гоголь, мне казались не только недостаточными для узнания настоящего дела, но даже вредными, потому что сообщали неверные понятия.

^V Копия письма Гоголя от 18 августа (н. ст.) 1842 г., снятая В. С. Аксаковой для П. А. Кулиша, хранится в музее «Абрамцево». «На копии сделаны рукою С. Т. Аксакова следующие примечания:

1. К словам: ...я прочел в лице вашем во время чтения почти все, что мне было нужно. Я не рассердился на вас за неоткровенность. — «Гоголь решительно ошибался. При первых чтениях я не был еще способен замечать недостатки».

2. К словам: Мой совет напечатать ее зимою после двух или трех других критик. — «Критика была уже напечатана отдельно <...>».

3. К словам: ...восторженность во многих местах казалась вам доходившею до смешного излишества. — «Не понимаю, как пришла в голову Гоголю эта мысль! Никогда лирические места не казались мне смешными. Это недоразумение».

Необходимо заметить, что, делая это примечание, С. Т. Аксаков забыл слова своего письма от 3 июля 1842 г., буквально цитируемые Гоголем.

4. К словам: ...я написал порядок, как уплачивать по случаю возникшего несогласия насчет первенства. — «Друзья Гоголя сложились по 1500 р<ублей> асс<игнациями> и дали ему на дорогу эти деньги (всего 6000 р<ублей> асс<игнациями>) с тем, чтобы получить их из выручки за Мертв<ые> души. Когда Шевырев стал расплачиваться, то никто не хотел взять первый <...>» (Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 265. Фразы: «Гоголь решительно ошибался. При первых чтениях я не был еще способен замечать недостатки»; «Критика была уже напечатана отдельно»; «Не понимаю, как пришла в голову Гоголю эта мысль! Никогда лирические места не казались мне смешными. Это недоразумение», — впервые опубликованы: Соч. и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 5. С. 485, 487, 488).

^{VI} Далее было: или, лучше сказать, [выраженьем моего] изумлением

^{VII} Далее было: оно произвело необыкновенное действие, кажется, на мое семейство

обнаружены только мною самим, и то с огромными пояснениями. Все это войдет в мельчайших подробностях в мои, покуда секретные, записки о Гоголе. Прилагаю извлечение из одного письма, где Гоголь говорит о Мертвых Душах.

Баден. 24 июля. <...>^I

Вот вам несколько писем из 1844-го года. Вообще надобно сказать, что в продолжении этого года, кроме его начала^{II}, здоровье Гоголя находилось в лучшем положении и что он работал над вторым томом Мер<твых> Ду<ш>.

1844. Ница. Февраля 10-го / 30 января. <...>^{III}

Следующее письмо прилагаю за его оригинальность. Шутливость его поддельная: Гоголь хотел рассеять мою хандру; его можно поместить все или с исключениями, как заблагорассудится.

16 мая. Франкфурт.

Я получил ваше милое и откровенное письмо. <...>^{IV}

...Ваше волнение есть, просто, дело черта. Вы эту скотину бейте по морде и не смущайтесь ничем. <...> Вам бы следовало, просто, не глядя на него, выполнить буквально предписание^V, руководствуясь только тем, что дареному коню в зубы не глядят. Вы бы, может быть, нашли там только подтверждение тому, чему вы веруете и что в вас есть... <...> О себе скажу вам вообще, что моя природа совсем не мистическая. Недоразуменья произошли оттого, что я слишком рано вздумал было говорить о том, что слишком ясно было мне и чего я не в силах был выразить глупыми и темными речами^{VI}, в чем сильно раскаиваюсь, даже и за печатные места. <...>^{VII}

<Сопроводительная записка С. Т. Аксакова>

10-го июня, 1854 года.

Я захворал, любезнейший Пантелеймон Александрович, и не в состоянии был приготовить более материалов. Поступите с ними по вашему благоусмотрению. Нам жаль, что Г. Сочинитель «Опыта биографии Гоголя» упомянул об моей особе лестно для моего самолюбия: это лишает меня возможности напечатать критический разбор его замечательного Труды, который я много уважаю. К удивлению моему, я вижу, что его встречают неблагоприятно в журналах. Впрочем, это <1 нрзб.> отчасти: Отеч<ественные> Зап<иски> гnevаются за то, что опыт не печатан *у них*; а Москвитянин... Но об этом лучше не говорить: я недавно удостоверился, что смерть не поправила дурных отношений!!

Сегодня мне получше. Я простудился и получил ревматические боли в зубах, голове и ногах, и страдал очень. — Прилагаю еще извлечения из последнего письма Гоголя в 1844 го-

^I Следует выписка.

^{II} кроме его начала *отписано*.

^{III} Следует текст письма.

^{IV} Следует текст письма.

^V Это относится к книге, которую Гоголь подарил мне и советовал читать ежедневно. — *Примеч. С. Т. Аксакова.*

^{VI} Это относится к письмам религиозного содержания, которые писал Гоголь ко мне и к другим. — *Примеч. С. Т. Аксакова.*

^{VII} Следует продолжение письма.

ду. Остальные годы постараюсь, если здоровье позволит, доставить немедленно. Обнимаю вас.

Ваш душою С. Аксаков¹.

Франкфурт, декабр<я> 21. <...>¹¹

Все фамилии и имена лучше, однако ж, только заглавными буквами¹¹¹.

Хранится: <Аксаков С. Т.> Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <с 1836 по 1844 г.> // *ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 83. Л. 1–22; Впервые частично использовано П. А. Кулишом: <Кулиш П. А.> *Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя...* СПб., 1856. Т. 1. С. 251–255, 259–260, 270–275, 287–288, 299–302, 306–314. Печатается по автографу, с исключением текстов писем Гоголя.

«Восемнадцатого декабря 1853 года Аксаков сообщал сыну Ивану, что хотел было приняться за воспоминания о Гоголе, но, добавляет он, “меня уговорили наперед окончить «Казанскую гимназию» <главы из «Воспоминаний» С. Т. Аксакова>, которая, надо признаться, не только сильно меня занимает, но и волнует...”» (*Машинский С. И.* С. Т. Аксаков. М., 1973. С. 518). К работе над воспоминаниями о Гоголе С. Т. Аксаков обратился вновь 9 января 1854 г. О. М. Бодянский 1 февраля 1854 г. записал в дневнике: «Отправившись утром к С. Т. Аксакову в деревню Абрамцево... К<ули>ш нашел там совершенную готовность старика помогать ему в доставлении материалов для биографии Гоголя. Он снова повторил ему свое намерение сделать выписки из переписки своей с покойником, равно как дал письма к М. С. Щепкину и А. П. Елагиной о том же. Первый тотчас же сообщил 10 писем к нему Гоголя, начиная с 26 <точнее: с 29> апреля 1836 года...» (*Кочубинский А. А.* О. М. Бодянский в его дневнике // *Исторический Вестник*. 1887. Т. XXX. № 12. С. 525). Под 4 февраля Бодянский записал: «Читал остальные письма Гоголя, т. е. к Щепкину». А. А. Кочубинский, опубликовавший выдержки из дневника Бодянского, при этом пометил: «Здесь небольшая выписка из письма от начала декабря неизвестного года из Рима <письмо Гоголя от 3 декабря (н. ст.) 1842 г.> о подражании Рашели <упоминание о Э. Рашели содержится в коммент. О. М. Бодянского к упомянутому письму Гоголя; см. в наст. изд. дневниковую запись Бодянского от 4 февраля 1854 г.> и большая из письма от 16 декабря <точнее: около 10 июля (н. ст.)> 1847 года <...> Последнее письмо заключается: “начать в ваши годы писать записки, это значит жить вновь. Вы непременно помолодеете и силами, и духом, а чрез то приведете себя в возможность прожить лишний десяток лет”» (Там же. С. 525).

В марте 1854 г. С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану: «Я диктую уже седьмую тетрадь истории нашего знакомства с Гоголем, а как эта работа очень утомительна, то для отдохновения и развлечения пишу еще эпизод из семейной хроники» (*Машинский С. И.* С. Т. Аксаков. М., 1973. С. 535).

4–5 апреля 1854 г. С. Т. Аксаков писал А. Н. Верстовскому: «Кое-как занимаюсь составлением пространной истории нашего знакомства с Гоголем, со включением всей переписки. Эта история вполне откровенная и лет через двадцать как верный материал пригодится будущему биографу Гоголя» (*ГЦТМ*. Ф. 53. Ед. хр. 9. Л. 22 об.). 10 июня 1854 г. часть материалов, озаглавленных «Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя», Аксаков послал Кулишу. 2 июля 1854 г. Кулиш сообщал Бодянскому: «А<ксаков>в прислал мне драгоценные материалы для второго издания “Опыта”...» (*Титов А.* Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому. С. 79–80). 5 июля 1854 г. сам С. Т. Аксаков извещал М. А. Максимовича: «Вы верно уже знаете, как я познакомился с Паликопом (один из псевдонимов П. А. Кулиша. — *И. В.*) и как мы полюбили друг друга. Я уже послал ему кое-что и обещал окончание; но хворость и знойное лето отнимают у меня руки» (*Лономарев С.* Из писем к М. А. Максимовичу // *Киевская Старина*. 1883. № 4. С. 836).

В «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиш писал: «В 1839 году он <Гоголь> приехал в Москву вместе с М. П. Погодиным, в доме которого остановился и жил до нового выезда за границу, в 1840 году. Об этом и дальнейших временах его жизни в Москве С. Т. Аксаков сообщил мне “Краткие Сведения и Выписки для Биографии Гоголя”, из-

¹ Письмо С. Т. Аксакова: Я захворал ~ Ваш душою С. Аксаков — написано, в отличие от остального текста рукописи, карандашом.

¹¹ Следует текст письма.

¹¹¹ Фраза: Все фамилии ~ заглавными буквами — написана карандашом.

влеченные из подробной истории его знакомства с поэтом, написанной не для печати. Принося ему за это глубокую благодарность, я буду вносить в мое повествование места из его рукописи, без всякой перемены» (см. в наст. изд. «Фрагменты из воспоминаний С. Т. Аксакова в "Записках о жизни Н. В. Гоголя..." П. А. Кулиша»).

Позднее, в письме от 11 сентября 1854 г., дочь Аксакова Вера Сергеевна сообщала своей двоюродной сестре М. Г. Карташевской: «Отесенька пишет самую подробную для себя историю знакомства с Гоголем, куда входит также вся переписка. Автору же "Опыта биографии" отесенька посылает некоторые отрывки из воспоминаний и отрывки из писем Гоголя» (цит. по: *Гудзий М. К.* Невидані листи П. О. Куліша до Аксакових. С. 115). См. также в наст. изд. письма И. С. Аксакова к родным от 15 и 29 сентября 1854 г.

Содержание «Записок о жизни Н. В. Гоголя...» Кулиша дает основание говорить о том, что, помимо рукописи «Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя», отправленной в июне 1854 г., и «Продолжения кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя», отправленного в июле–октябре 1854 г., С. Т. Аксаков послал П. А. Кулишу по крайней мере еще одно письмо с материалами для биографии Гоголя. Позднее, в конце ноября – начале декабря 1854 г. Кулиш приехал к Аксаковым и сделал несколько собственноручных выписок из мемуаров С. Т. Аксакова о Гоголе (см. в наст. изд. раздел «Из Истории Нашего Знакомства с Гоголем» С. Т. Аксакова. (Выписки рукою П. А. Кулиша»)).

В 1890 г. Н. М. Павлов, комментируя заключительные строки незавершенной «Истории нашего знакомства с Гоголем» С. Т. Аксакова (оканчивающейся цитатой из письма М. П. Погодина к Гоголю от 12 сентября 1843 г.: «Я готов опять и ругать и любить тебя. Твой Погодин»), писал: «На этом обрывается рукопись *Истории моего знакомства с Гоголем*. Но все бумаги Сергея Тимофеевича, собранные им для этого труда, сохранены в целости. Сюда относятся: 1) подлинные письма его к Гоголю и Гоголя к нему по самый 1852 год; 2) выписки из дневника старшей дочери автора, Веры Сергеевны, и выдержки из ее переписки с М. Г. Карташевской; частью это уже было внесено автором в первоначальный рассказ, а частью подготовлено для дальнейшего; 3) выписки из посторонних писем, относящиеся до Гоголя и очевидно же подготовленные для внесения в текст *Истории моего знакомства*; 4) заметки и черновые наброски, частью продиктованные и лишь переправленные, а частью писанные от начала до конца собственноручно Сергеем Тимофеевичем — очевидно, назначавшиеся сюда же; 5) переписка Сергея Тимофеевича и родственников по поводу кончины Гоголя, и печатные некрологические статьи. Наконец 6), наброски из задуманного сочинения (из *Истории моего знакомства*), предварительно сделанные самим Сергеем Тимофеевичем для г. Кулиша, когда он приступил еще в 50-х годах к "Опыту биографии Гоголя" Эти напечатанные г. Кулишем отрывки, не представляющие важности, поскольку относятся к промежутку времени до 1843 года (так как это самое время в полной и цельной картине изображено автором в сохранившейся посмертной рукописи), весьма важны относительно остальных годов до самой кончины Гоголя. — Пользуясь исчисленным материалом, издатель в том и полагал свою главную задачу, чтобы, ничего не добавляя от себя, вести дальнейший рассказ собственными словами Сергея Тимофеевича или, по крайней мере, подлинным текстом подготовленного им самим матерьяла. Печатаем, необходимые для связности речи, краткие добавления, особым разгоныстым шрифтом; а остальной текст тем же самым, как и первую половину *Истории моего знакомства с Гоголем*. Издатель Н. М. Павлов» (История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. М., 1890. С. 117).

Принятая Н. М. Павловым композиция в расположении мемуарных свидетельств о Гоголе С. Т. Аксакова была сохранена в изд. 1960 г. (при этом раздел записок и писем 1843–1852 гг. был расширен); см.: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Таким образом, сложилась традиция, когда первоначальная редакция мемуаров о Гоголе С. Т. Аксакова 1854 г., сложившаяся в виде двух писем к П. А. Кулишу, привлекалась лишь частично в качестве дополнения к позднейшей, незавершенной редакции, причем текст мемуаров не представлял для редакторов самостоятельной ценности, но рассматривался лишь в качестве некоей хронологической канвы, которую следовало наполнить новыми эпистолярными и мемуарными материалами. В «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша первоначальная редакция мемуаров Аксакова в свою очередь была воспроизведена в раздробленном виде, с сокращениями и исправлениями. Еще П. В. Анненков в 1857 г. сетовал на то, что «превосходная записка» о Гоголе Аксакова, опубликованная Кулишом, разделена последним «на отрывки, в которых отчасти теряется общий характер повествования» (см. в наст. изд. «Воспоминания о Гоголе. Рим, летом 1841 года» П. В. Анненкова). В настоящем издании «Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя» и «Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» С. Т. Аксакова публикуются, за исключением известных писем Гоголя, в полном объеме.

¹ Имеется в виду сам С. Т. Аксаков.

² Помощь была оказана Гоголю Н. П. Боткиным в Вене в конце августа (н. ст.) 1840 г. См. в наст. изд. письмо В. А. Панова С. Т. Аксакову от 9/21 ноября 1840 г. из Рима.

³ Предположительно, в субботу 14 февраля 1842 г. (см. в наст. изд. коммент. к письму С. П. Шевырева М. П. Погодину от 4 февраля 1842 г.).

⁴ Предположительно, в четверг 19 февраля 1842 г. (см. в наст. изд. коммент. к письму С. П. Шевырева М. П. Погодину от 4 февраля 1842 г.).

⁵ В начале февраля 1842 г. (см. в наст. изд. коммент. к «Воспоминаниям А. В. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока»). См. также в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой М. Г. Карташевской от 29–30 мая 1842 г.

⁶ О. Сем. Аксакова.

⁷ Василий Васильевич Григорьев (1816–1881), историк-ориенталист, профессор Ришельевского лицея. См. в наст. изд. фрагмент из его воспоминаний «Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве».

С. Т. Аксаков

Продолжение кратких сведений и выписок из писем
для биографии Гоголя <1845–1852 гг.>
<Письмо к П. А. Кулишу>

<Июль–октябрь 1854>

1845-ый год.

В начале этого года Гоголь сделался очень болен и до мая месяца ничего ко мне не писал. Вот первое письмо его в этом году. Оно содержит в себе ответ на мое письмо, в котором я уведомляю его, что я теряю один глаз и опасаюсь за другой¹.

Франкфурт. 2 мая. <...>^{II}

Вскоре Гоголь поехал лечиться холодною водою в Греффенберг^{III}. Это лечение было для него спасительно^{IV}. Из Греффенберга^V я получил от него только одно маленькое письмецо, из которого, однако, видно, что Гоголь очень поправился в своем здоровье: ибо он мог уже заниматься своим делом. Вот это письмецо без означения года, месяца, числа и места, откуда писано¹.

«Благодарю вас, бесценный Сергей Тимофеевич, за ваши два письма. <...>^{VI} Весь ваш Гоголь».

Вероятно, это письмецо было писано в июле. Когда Гоголь воротился в Рим, я не знаю; но вот первое его письмо оттуда.

¹ *Далее было:* Я находился тогда в ужасном страхе и раздражительном состоянии духа; это письмо показалось мне холодным, не выражающим того участия, которого я вправе был ожидать от дружбы Гоголя; но мы оба ошиблись: Гоголь таким письмом думал меня лучше успокоить, чем выражением горячего участия, а я не понял его намерения и очень огорчился.

^{II} *Следует текст письма.*

^{III} *Было:* Грейфенберг

^{IV} *Далее было:* Кажется, он жил там вместе с Языковым, который оттуда воротился в Россию.

^V *Было:* Грейфенберга

^{VI} *Следует текст письма.*

Рим. Октяб<ря> 29. <...>¹

Следующее письмо Гоголя, последнее в 1845 году, я сообщаю вам в отрывках. Оно касается такого дела, которое было известно только мне и Шевыреву. Последний осердится на меня, если я оставлю в письме те строки, которые непосредственно до него касаются.

Рим. 25 ноября.

Вы меня все-таки больше знаете, вы утвердили обо мне свое мнение не из дел моих и поступков, а благородно поверили мне в душе своей, почувствовавши той же душою, что я не могу обмануть, не могу говорить одно, а действовать иначе. Словом, вы меня все-таки больше знаете, а потому объясните NN², что все то, что я уже положил и определил в душе своей и произношу твердо, то уже не переменяется мною. Это не упрямство, но то решение, которое делается у меня вследствие многих обдумываний. [Если ж он найдет исполнение моей просьбы несообразным своим правилам, то пусть передаст все в одни ваши руки.] А вас прошу тогда выполнить, как святыню, мою просьбу. Не смущайтесь затруднительностью: Бог вам поможет. [Помните только то, что деньги не для бедных студентов, но для бедных, слишком хорошо учащихся студентов, для талантов.] Имя дающего должно быть навсегда скрыто. [Потому что у талантов чувствительней и нежней природа, чем у других людей. Многое может оскорбить <их>, хотя и не кажущееся другим оскорбительным.] Когда же дающий скрыл свое имя — дар его примется твердо и смело. Благословится во глубине благодарной души его неизвестное имя, ибо тот, кто скрыл свое имя, верно, не попрекнет никогда своим благодеянием и не напомнит о нем. — Не заботьтесь о том, что книга идет тупо, не хлопочите о ее распространении и берегите только экземпляры. Она пойдет потом вдруг; деньги тоже пока не нужны: таланты редки и не скоро один после другого появляются. Нужно только, чтобы ни одна копейка не издержалась на что-нибудь другое, а собиралась бы и хранилась бы, как святая: обет этот дан Богу.

Здоровье мое хотя и стало лучше, но все еще как-то не хочет совершенно устанавливаться. Чувствую слабость и, что всего непонятнее, до такой степени зябкость, что не имею времени сидеть в комнате: должен ежеминутно бегать, согреваться; едва же согреюсь и приду, как вмиг остываю, хотя комната и тепла, и должен вновь бежать согреваться. В такой беготне проходит почти весь день, так что не имеется времени даже написать письма, не только чего другого. Но о недугах не стоит, да и грех говорить: если они даются, то даются на добро. А потому помолитесь [и всю вашу семью попросите помолиться], и все, кто ни молились обо мне, да помолются вновь, да обратится все в добро и да пошлет Господь Бог попутный ветер моему делу и труду. Затем прощайте. Обнимаю вас!

Ваш Г.

Выписки для печати этого письма все-таки меня смущают и возникает вопрос: можно ли их печатать без полного объяснения всего дела и без согласия Шевырева. Зачеркнутые строки карандашом прошу непременно выкинуть. Книга, о которой говорит Гоголь, — полное собрание его сочинений, которое, точно, на целый год в продаже останавливалось; причина очевидна: это была петербургская контрфакция, которая на время снабдила экземплярами все книжные лавки.

¹ Следует текст письма.

1846 год.

В этом году у меня сохранились только два письма Гоголя, но, кажется, их было больше. Впрочем, я был так болен, особенно в конце года, что письма могли легко затеряться. Гоголь также был болен и телом, и душой. В этот год составил он, втайне от всех московских друзей, известную книгу: «Выбранные места из переписки с друзьями», да и в Петербурге, кажется, знал о ней один Плетнев. Вот первое письмо.

1846. Рим. 23 марта. <...>^I

Почерк руки и самое содержание письма, если внимательно в него всмотреться, показывают внутреннее ненормальное^{II} состояние Гоголя. Вот еще маленькое письмецо, без года и числа, вероятно относящееся к последним числам декабря 1846 года³.

«Что вы, добрый мой, замолчали, и никто из вас не напишет о себе ни словечка. <...>^{III} Раньше генваря последних чисел я не думаю подняться в Иерусалим. Ваш Г.»

В конце этого года, во время жестокой моей болезни, дошли до меня слухи, что в Петербурге печатается известная книга Гоголя «Выбранные места из Переписки с Друзьями»; мне даже сообщили по несколько строк из разных ее мест. Я пришел в ужас и немедленно написал к ее издателю П. А. Плетневу⁴, чтоб он остановился изданием этой книги до вторичного приказания Гоголя, к которому я написал также большое письмо⁵, в котором просил его отложить выход книги хоть на несколько времени. Плетнев не послушал моих убеждений⁶, и книга вышла, а от Гоголя я получил ответ уже в 1847 году. Вот это письмо.

Неаполь. 1847. Генваря 20 нов. стиля.

Я получил ваше письмо, добрый друг мой Сергей Тимофеевич. <...>^{IV} Секретов у меня в этом отношении нет никаких.

Друг мой, вы не взвесили как следует вещи. <...>^V Вас очень любящий Г.

Из этого ответа видно, что, если мое письмо и поколебало Гоголя, то он не хотел в этом сознаться; а что он поколебался, это доказывается отменением некоторых его распоряжений⁷, на которые я нападал всего более. (Теперь еще не время говорить об этом, потому что надобно говорить слишком пространно и слишком откровенно.) Между тем мне прочли кое-как два раза его книгу (я был еще болен и ужасно страдал). Я пришел в восторженное состояние от негодования и продиктовал к Гоголю другое, небольшое, но^{VI} жесткое письмо⁸. В это время NN^{VII}, в письме ко мне, сделал несколько очень справедливых замечаний. Я послал и^{VIII} его письмо вместе с своим к Гоголю. Вот его ответ на оба письма^{IX}.

^I Следует текст письма.

^{II} внутреннее ненормальное вписано.

^{III} Следует текст письма.

^{IV} Следует текст письма.

^V Следует текст письма.

^{VI} Было: и

^{VII} Было: а. Д. Н. С. б. Свербеев

^{VIII} и вписано.

^{IX} на оба письма вписано.

1847 г. 6 марта. Неаполь. <...>^I

В этом письме поразительно сходство вашего мнения о книге Гоголя (стр. 155 Опыта Биографии) с его собственным объяснением или оправданием. Я отвечал Гоголю⁹ между прочим: «Да кто же вас заставлял водить читателя в кухню?»

Из всех остальных писем этого года, которых у меня находится четыре, я могу вам сообщить только одно, и то с выпусками. Я считаю это письмо очень нужным для биографии¹¹, потому что оно достаточно показывает, в каком положении находился Гоголь после издания известной своей книги.

1847. Франкфурт. Июля 10-го.

Я к вам не писал, потому что, во-первых, вы сами не отвечали мне на последнее письмо мое, а во-вторых, потому что вы, как я слышал, на меня за него рассердились. <...>^{III} Обнимаю вас от всей души. Весь ваш Г.

[В письмах ко мне Гоголь не вполне сознавался в своей ошибке, но мне случилось прочесть его письмо к совершенно незнакомому для него человеку¹⁰, который, по преданности своей к Гоголю, написал к нему¹¹ свое мнение об его книге, вероятно, выраженное весьма кротко и почтительно. В ответе Гоголя¹², между прочим, есть следующее место: «Одно помышление о том, с каким неприличием и самоуверенностью сказано в ней многое, заставляет меня гореть от стыда. Стыд этот мне нужен». И еще в другом месте: «Но книга моя была не от дурного умысла, на ней только лежит печать неразуменья человеческого или, лучше, моего, а потому я верю в Божью милость, что не допустит Он, чтобы из книги моей почерпнули вред». Эти строки были тогда же выписаны мною: в них заключается полное признание.]^{IV}

В 1848-м году Гоголь возвратился из Иерусалима прямо на свою родину, в Васил<ь>евку. Он воротился в самое несчастное время для Полтавской губернии: засуха, неурожай, холера и другие болезни. Вот его первое письмо.

1848-го года. Июня 8-го. Васил<ь>евка.

Как вы меня обрадовали вашими строчками, добрый друг мой. Но меня печалит, что вы так часто хвораете. Ради Бога, берегите себя.

Теперь тысячами вокруг болеют и мрут. В Полтавской губернии свирепствует холера почти повсеместно и в самой Полтаве. Бог да хранит вас. Драмы^V К<онстантина> С<ергеевича>¹³ я еще не имею: сегодня, однако, пришло объявление о посылке. Вероятно, это она. Я ее прочту с любопытством уже и потому, что в ней должен заключаться вопрос, разрешением которого я серьезно теперь занят не менее самого К<онстантина> С<ергееви>ча.

Весь ваш Н. Г.

^I Следует текст письма.

^{II} Далее было: и

^{III} Следует текст письма.

^{IV} Фрагмент: В письмах ко мне Гоголь не вполне сознавался в своей ошибке - в них заключается полное признание - зачеркнуто в рукописи карандашом.

^V «Освобождение Москвы». — Примеч. С. Т. Аксакова на полях.

Я потому только привел выписки из этого письма, что в нем обнаруживается *последнее* направление Гоголя, т. е. жажда понять русский народ в его прошедшем и настоящем.

Вот еще письмо Гоголя^I, последнее из Васильевки.

Июля 12. Васильевка.

И за письмо и за книги^{II} благодарю вас, добрый С<ергей> Т<имофеевич>. Как ни слаб я после недуга, от которого еще не оправился как следует, но не могу отказать себе написать к вам несколько строчек. <...>^{III} Я после напишу К<онстантину> С<ергеевичу> мое мнение о его драме. Статья его о современном споре^{IV} мне понравилась, может быть, оттого, что во время чтения голова моя была свежа и внимания достало на небольшую статью.

В драме [что всего важнее] постигнуто *Высшее свойство* нашего народа — вот ее главное достоинство! <...>^{III} Весь ваш Н. Г.

Не лишним считаю сообщить вам письмо Гоголя к Константину, писанное также из Васильевки, но прежде обоих предыдущих писем ко мне. Константин, узнав о возвращении Гоголя на родину, откуда через два месяца он намеревался переехать в Москву, захотел прежде свиданья с ним высказать все, что было на душе^{VI}, так, чтобы при свиданьи находиться уже в прямых отношениях^{IV}; до сих же пор Константин не писал к нему^V ни слова о его книге. Ответ Гоголя показывает, что он уже пережил тяжкое время испытания и мог выслушивать спокойно самые несправедливые и оскорбительные нападения, в которых более всех виноват — я. Умеренность и кротость его ответа поразительны. Вот это письмо.

Июня 3. Васил<ь>евка.

Откровенность прежде всего, Константин Сергеевич. <...>^{VI} Когда-нибудь переговорим о многом лично, и это, вероятно, будет лучше всяких письменных рассуждений.

Искренно желающий вам добра и любящий вас Н. Г.

В сентябре^{VII} 1848-го года Гоголь приехал из Малороссии в Москву и поселился у графа А. П. Толстого^{IV}. Я это время был в деревне и переехал в город уже в октябре. В тот же вечер пришел к нам Гоголь, и мы увиделись с ним после шестилетней разлуки. Гоголь бывал у нас почти каждый день^{VIII}. В непродолжительном времени восстановились между нами прежние,

^I еще письмо Гоголя *вписано вместо*: другое и

^{II} *Следует текст письма.*

^{III} *Следует текст письма.*

^{IV} *Фрагмент*: высказать все, что было на душе, так, чтобы при свиданьи находиться уже в прямых отношениях — *вписан вместо*: излить всю свою душу, так, чтобы после и не говорить уже более об этом предмете

^V к нему *вписано*.

^{VI} *Следует текст письма.*

^{VII} В сентябре *вписано вместо*: В августе

^{VIII} *Вместо*: Гоголь бывал у нас почти каждый день — *было*: Гоголь очень мне обрадовался; но я, к сожалению моему, не мог встретиться с ним по-прежнему. Многими письмами Гоголя я был недоволен. По горячности моей я много высказал лишнего нашим общим друзьям еще задолго до появления книги Гоголя, высказал свои сомнения: не погиб ли в Гоголе художник в борьбе с мистиком-христианином. Я имел полное право так думать, потому что некоторые распоряжения, прибавления и поправки прежних сочинений изобличали или запутанность головы, или потерю художнического чутья. Мне было известно, что Гоголь знал об этом. Я сам написал к нему много таких резких выражений, что вспоминал о них с огорчением и стыдом. Конечно, только дружба моя к нему и благоговение к его таланту были при-

как бы прерванные, нарушенные продолжительною разлукою^I <отношения>; но об его книге и втором томе Мертвых душ не было и помину. Гоголь в эту зиму^{II} прочел нам всю Одиссею, переведенную Жуковским^{III}. Он слишком^{IV} восхищался этим переводом, что высказал уже печатно в Московских Ведомостях. Я и Константин были не совсем согласны^V с ним. Разумеется, это было ему неприятно, но он не показывал никакого неудовольствия. Один раз, когда мы высказали ему немалое число самых неопровержимых замечаний на перевод Одиссеи, Гоголь сказал: «Напишите всё это и пошлите Жуковскому; он будет вам очень благодарен». — Очень часто также читал вслух^{VI} Гоголь Русские песни, собранные Терещенкою и нередко приходил в совершенный восторг, особенно от свадебных песен¹⁸. Гоголь всегда любил читать^{VII}; должно сказать, что он читал с неподражаемым совершенством только^{VIII} все комическое в прозе или, пожалуй, и чувствительное, но одетое формою юмора. Все же чисто патетическое, как говорится, и лирическое, Гоголь читал нараспев^{IX}, он хотел, чтобы ни один звук стиха не терял своей музыкальности; привыкнув к его чтению, точно^X можно было чувствовать силу и гармонию стиха. Из напечатанных вами писем Гоголя видно, что он работал неуспешно и жаловался на свое нравственное состояние. Я же думал напротив, что труд его подвигается вперед хорошо, потому что сам он был довольно весел и читал всегда с большим удовольствием. Я в этом ошибался, но вот что верно: я никогда не видал Гоголя так здоровым, крепким и бодрым физически, как в эту зиму, т. е. в ноябре и декабре 1848-го и в январе и феврале 1849-го года. Не только он пополнил, но тело на нем сделалось крепко^{XI}; обнимаясь с ним ежедневно, я всегда щупал его руки. Я радовался и благодарил Бога. Надобно заметить, что зима была необыкновенно жестокая и постоянная, что Гоголь прежде^{XII} никогда не мог выносить сильного холода и что он одевался очень легко. Но недолго предавался я радостным надеждам на совершенное выздоровление его здоровья! С появлением первых оттепелей Гоголь стал задумчивее, вялее, и хандра очевидно стала им овладевать. Однако 19-го марта, в день его^{XIII} рождения, которое он всегда проводил у нас, получил я от него следующую довольно веселую записку: «Любезный друг С<ергей> Т<имофеевич>. Имеют сегодня подвернуться вам к обеду два приятеля: Петр Мих<айлович> Зыков и я, оба греховодники и скоромники. Упоминаю об этом обстоятельстве по той причине, чтобы вы могли приказать прибавить кусок бычачины на одно лишнее рыло. Весь ваш Н. Гоголь. Суббота»^{XIV}.

чиною моей горячности; но тем не менее я чувствовал неразумность моих поступков. Все это вместе смущало меня и производило некоторое охлаждение в моих чувствах. Мне было досадно, но я не мог преодолеть себя. Разумеется, Гоголь это заметил, но бывал у нас почти каждый день, и любовь самая искренняя ко мне выражалась в каждом его слове и движении

^I как бы прерванные, нарушенные продолжительною разлукою *вписано вместо*: дружеские

^{II} Было: в это время

^{III} Далее было: и подарил мне ее экземпляр

^{IV} слишком *вписано вместо*: слепо

^V не совсем согласны *вписано вместо*: не согласны

^{VI} вслух *вписано*.

^{VII} Далее было: и можно было заметить, что он считал себя очень искусным чтецом и

^{VIII} только *вписано*.

^{IX} Далее было: и напыщенно

^X привыкнув к его чтению, точно *вписано вместо*: и выходило даже смешно, особенно сначала, не привыкнув

^{XI} Далее было: как камень

^{XII} прежде *вписано*.

^{XIII} Было: своего

^{XIV} Фрагмент: Однако 19-го марта - Суббота». — представляет собой вставку, написанную на полях.

В начале мая 1849 года^I он начал хворать и физически^{II}. 7-го мая я получил от Гоголя записку, которую и сообщаю вам. Меня с сыновьями Гоголь не мог приглашать, потому что еще в начале 1848-го года мы перестали видеться с Погодиным^{III}.

«Мне хотелось бы, держась старины, послезавтра отобедать в кругу коротких приятелей в Погодинском саду. Звать на Именины самому неловко. Не можете ли вы дать знать или сами, или через Константина Сергеевича Армфельду, Загоскину, Самарину и Павлову совокупно с Мельгуновым? Придумайте, как это сделать ловче, и дайте мне потом ответ. Если можно, заблаговременно.

Весь ваш Н. Гоголь».

Лето 1849 года Гоголь провел в разъездах. Долго гостил у Смирновой в ее подмосковной²⁰ и потом у Шевырева на даче²¹. Наконец, 14-го августа Гоголь приехал к нам в подмосковную²². Много гулял и забавлялся тем, что, находя грибы, собирал их и подкладывал мне на дорожку, по которой я должен был возвращаться домой. Я почти видел, как он это делал. По вечерам читал с большим одушевлением переводы Мерзлякова древних²³, особенно гимны Гомера ему нравились^{IV}. Так шли вечера до 18-го числа. Но 18-го вечером Гоголь, сидя на своем обыкновенном месте, вдруг сказал: «Да не прочесть ли нам главу Мертвых душ?» Мы^V были озадачены его словами и подумали, что он говорит о первом томе Мертвых душ. Константин даже встал, чтоб принести их сверху, из своей библиотеки; но Гоголь удержал его за рукав и сказал: «Нет, уж я вам прочту из второго», — и с этими словами вытащил из своего огромного кармана большую тетрадь. Я не могу передать, что сделалось со всеми нами^{VI}. Ту же минуту все мы придвинулись к столу, и Гоголь прочел первую главу 2-го тома Мертвых душ^{VII}. Чтение продолжалось час с четвертью. Гоголь несколько устал и, осыпаясь нашими искренними и радостными приветствиями, скоро ушел наверх в свою комнату, потому что уже прошел час, в который он обыкновенно ложился спать, т. е. 11-ть часов. Я не стану описывать, в каком положении были мы все^{VIII}. Тут только мы догадались, что Гоголь с первого дня имел намерение прочесть нам первую главу из второго тома Мертвых душ, которая одна была отделана, по его словам, и ждал от нас только какого-нибудь вызывающего^{IX} слова. Тут только припомнили мы, что Гоголь много раз опускал руку в карман и хотел что-то вытащить, и вынимал пустую руку.

^I 1849 года *вписано*.

^{II} *Далее было*: Перед своими именинами, которые он собирался праздновать и праздновал у Погодина в саду, Гоголь перепугал нас всех, говоря серьезно и с уверенностью о самых нелепых бреднях суеверных людей¹⁹. Я приписывал и теперь приписываю нравственное состояние Гоголя пребыванию его в доме Толстых. Попы, монахи с их изуверными требованиями, ханжество, богомольство и мистицизм составляли его атмосферу, которая никому не вредила, кроме Гоголя: ибо он один со всею искренностью предавался этому направлению.

Лето 1849 года Гоголь провел в разъездах. Долго гостил у Смирновой

^{III} *Вместо*: которую и сообщаю вам. Меня с сыновьями Гоголь не мог приглашать, потому что еще в начале 1848-го года мы перестали видеться с Погодиным — в изд. *Кулиша*: Было одно обстоятельство, не касавшееся Гоголя, на которое не позволило ему сделать нам прямого приглашения

^{IV} *Было*: особенно гимн Гомера ему нравился

^V *Далее было*: тем

^{VI} *Далее было*: Я был совершенно уничтожен. Не радость, а страх, что я услышу что-нибудь недостойное прежнего Гоголя, так смутил меня, что я совсем растерялся. Гоголь был сам сконфужен.

^{VII} *Далее было*: С первых страниц я увидел, что талант Гоголя не погиб, — и пришел в совершенный восторг.

^{VIII} *Далее было*: особенно я, который считал его талант погибшим

^{IX} вызывающего *вписано*.

Гоголь требовал от меня замечаний на прочитанную главу, и я написал к нему письмо²⁴, в котором¹ я сделал ему несколько замечаний и указал на особенные, по моему мнению^{II}, красоты. Получив мое письмо, Гоголь был так доволен, что захотел видеть меня немедленно. Он^{III} нанял карету, лошадей и в тот же день^{IV} 31-го июля^V прискакал к нам в Абрамцево. Он приехал необыкновенно весел или, лучше сказать, светел^{VI}, и сейчас сказал: «Вы заметили мне именно то, что я сам замечал, но не был уверен в справедливости моих замечаний. Теперь же я в них не сомневаюсь, потому что то же заметил другой человек, *пристрастный* ко мне». Гоголь прожил у нас целую неделю; до обеда раза два выходил гулять и остальное все время работал. После же обеда всегда что-нибудь читали^{VII}. Мы просили его прочесть следующие главы, но он убедительно просил, чтоб я погодил^{VIII}.

6 сентября Гоголь уехал в Москву вместе с О<льгой> С<еменовной>^{IX}. Прощаясь, он повторил ей обещание прочесть нам следующие главы М<ертвых> Д<уш> и велел непременно сказать это мне.

(Я зарпортовался и вошел в такие подробности, которым в вашем очерке совсем не следует быть, ибо они слишком связаны с личностью моей и моего семейства, да и говорить многое рано, особенно без объяснений^X; итак, покорнейше прошу не помещать тех строк^{XI}, которые зачеркнуты^{XII}. Теперь я стану продолжать так, как желаю, чтоб было помещено у вас.)

1850-го года генваря 7-го Гоголь прочел тем же особам^{XIII} в другой раз первую главу Мертвых душ. Они были поражены удивлением: глава показалась им еще лучше и как будто написанною вновь.

Гоголь был очень доволен таким впечатлением и сказал: «Вот что значит, когда живописец даст последний туш своей картине. Поправки, по-видимому, самые ничтожные: там одно слов-

^I *Фрагмент*: Гоголь требовал от меня замечаний на прочитанную главу, и я написал к нему письмо, в котором — *вписан вместо*: На другой день рано поутру я пришел наверх к Гоголю, обнял его и высказал всю мою радость, и Гоголь сказал мне с сияющим, радостным лицом: «Фома неверный». В этот день поутру Гоголь должен был непременно ехать к нашим соседям Путятям, где его дожидался <К. О.> Россет, чтоб вместе с ним ехать в Москву. Мы с Константином поехали его провожать; только что мы отъехали с [пол<версты>] версту, как Гоголь обратился ко мне и Константину и весьма серьезно сказал: «Ну, говорите же мне теперь всё, что вы заметили в первой главе». Мы не были готовы к такому вопросу; только что я начал соображать мои впечатления, как нас догнал нарочный с известием, что к нам приехал Хомяков на самое короткое время и в первый раз. Мы должны были воротиться, что было неприятно Гоголю. На возвратном пути говорили уже совсем о другой материи. Повидавшись с Хомяковым, через полчаса Гоголь уехал один и как будто не так весел. Мне это было очень досадно. Через несколько дней Константин поехал в Москву, и я написал с ним к Гоголю письмо, в котором откровенно признался ему во всех моих сомнениях, уничтоженных первой гла<вою> 2-го тома Мер<твых> Д<уш>. Тут же

^{II} по моему мнению *вписано*.

^{III} он *вписано вместо*: Нетерпение его было так велико, что он не захотел подождать Константина, который только на несколько часов должен был остаться в Москве и мог привезти его в своем экипаже. Гоголь

^{IV} в тот же день *вписано*.

^V *Отиска. Следует*: августа

^{VI} *Далее было*: долго и крепко жал мне руку

^{VII} *Фраза*: После же обеда всегда что-нибудь читали — *вписана*.

^{VIII} *Далее было*: Тут он сказал мне, что он прочел уже несколько глав С[мирновой] и Ш[евыреву], что сам увидел, [что многие места] как много надо переделать, и что прочтет мне их непременно, когда они будут готовы.

^{IX} *Вместо*: вместе с О<льгой> С<еменовной> — *было*: вместе с моей женой

^X да и говорить многое рано, особенно без объяснений *вписано*.

^{XI} строк *вписано вместо*: страниц

^{XII} *Далее было*: а взять из них только голые факты и указания

^{XIII} тем же особам *вписано вместо*: тому же своему приятелю

цо убавлено, здесь прибавлено, а тут переставлено — и все выходит другое. Тогда надо напечатать, когда все главы будут так отделаны». Гоголь воспользовался всеми замечаниями, ему сделанными. Января 19-го Гоголь прочел вторую главу второго тома Мертвых душ, которая была довольно^I отделана и не уступала в достоинстве первой. До отъезда своего в Малороссию²⁵, Гоголь прочел третью и четвертую главы²⁶. Из Малороссии Гоголь проехал зимовать в Одессу. Вот его письма оттуда.

7 ноября. Одесса.

Уведомляю вас, бесценный друг С<ергей> Т<имефеевич>, что я в Одессе и, может быть, останусь здесь всю зиму, хоть, признаюсь, здешняя зима мало чем лучше московской. Но нечего делать: с паспортом я опоздал^{II}. <...>^{III} Смотрите, чтобы нам, как увидимся, было не стыдно друг перед другом и было бы что прочесть...

Весь ваш Н. Г.

Одесса. Декабря 23. <...>^{IV}

Возвращаясь из Одессы в 1851-м году, через Малороссию, Гоголь писал ко мне из Васильевки.

Мая 14. Д. Васильевка. <...>^V

В 1851-м году Гоголь был у нас в деревне три раза²⁷: в июне, в половине сентября, когда он сбился на свадьбу сестры своей в Васильевку, откуда хотел проехать на зиму опять^{VI} в Одессу, и, наконец, в третий раз 30-го сентября, когда он уже воротился с дороги, из Оптиной пустыни^{VII}. Он был постоянно грустен и говорил, что в Оптиной пустыни почувствовал себя очень дурно и, опасаясь расхвораться, приехать на свадьбу больным и всех расстроить, — решился воротиться. Очень было заметно, что его постоянно смущала мысль о том, что мать и сестры будут огорчены, обманувшись в надежде его увидеть. 1-го октября, в день рождения своей матери, Гоголь ездил к обедни в Сергиевскую Лавру и, на возвратном пути, заезжал в Хотьковской Монастырь. За обедом Гоголь поразвеселился, а вечером был очень весел: пелись малороссийские песни, и Гоголь сам пел очень забавно. Это было его последнее посещение Абрамцево и последнее свидание со мною. 3-го октября он уехал в Москву. В продолжение октября и ноября Гоголь, вероятно, чувствовал себя лучше и мог успешно работать, что доказывается несколькими его записками. В одной из них²⁸, между прочим, он писал: «Слава Богу за все. Дело кое-как идет. Может быть, оно и лучше, если мы прочитаем друг другу зимой, а не теперь. Теперь время еще какого-то беспорядка, как всегда бывает осенью, когда человек возится и выбирает место, как усесться, а еще не уселся...». Следующие слова из другой записки²⁹ показывают, что Гоголь был доволен своей работой: «...Если Бог будет милостив и пошлет несколько деньков, подобных тем, какие иногда удаются, то, может быть, я как-нибудь управлюсь»^{VIII}.

^I довольно *вписано вместо*: тщательнее

^{II} т. е. с получением заграничного паспорта. — *Примеч. С. Т. Аксакова на полях.*

^{III} *Следует текст письма.*

^{IV} *Следует текст письма.*

^V *Следует текст письма.*

^{VI} опять *вписано.*

^{VII} *Далее было*: 1-го октября, в день рожденья своей матери

^{VIII} *Фрагмент*: В одной из них, между прочим, он писал - я как-нибудь управлюсь». — *представляет собой вставку, написанную на соседнем листе тетради.*

Потом дошли до меня слухи¹, что Гоголь опять расстроился; я писал к нему³⁰ и спрашивал: как подвигается его труд? и получил от него следующую печальную, последнюю¹¹ записку, писанную или в исходе декабря 1851-го года, или в начале января 1852-го³¹:

«Очень благодарю за ваши строчки. Дело мое идет крайне тупо. Время так быстро летит, что ничего почти не успеваешь. Вся надежда моя на Бога, Который один может ускорить мое медленно движущееся вдохновенье.

Весь ваш Н. Г.

Обнимаю вместе с вами весь дом ваш».

Хранится: <Аксаков С. Т.> Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя <с 1845 по 1852 г.> // *ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 84. Л. 1–21. Впервые частично использовано П. А. Кулишом: <Кулиш П. А.> *Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя...* СПб., 1856. Т. 2. С. 94–99, 132–134, 204–206, 222–224, 228–230, 254–255. Печатается по автографу. См. коммент. к разделу: «Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя» С. Т. Аксакова.

¹ Письмо от 21 сентября (н. ст.) 1845 г. из Гrefенберга.

² Шевыреву.

³ Письмо отправлено Гоголем из Рима и датируется 10–14 ноября (н. ст.) 1846 г.

⁴ От 25 ноября 1846 г. (см. в наст. изд.).

⁵ От 9 декабря 1846 г.

⁶ См. в наст. изд. ответное письмо П. А. Плетнева С. Т. Аксакову от 30 ноября 1846 г.

⁷ По поводу «Развязки Ревизора».

⁸ От 27 января 1847 г., с вложением письма Д. Н. Свербеева к С. Т. Аксакову от 16 января 1847 г.

⁹ В марте 1847 г.

¹⁰ Имеется в виду князь В. В. Львов.

¹¹ 13/25 февраля 1847 г.

¹² От 20 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

¹³ «Освобождение Москвы в 1612 году» (М., 1848).

¹⁴ Подразумевается письмо С. Т. Аксакова от 21 июня 1848 г., а также книги: «Записки об ужении рыбы» С. Т. Аксакова (М., 1847) и драма в 5 действиях К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» (М., 1848).

¹⁵ Статья К. С. Аксакова «О современном литературном споре» в 1848 г. была запрещена цензурой; впервые была опубликована в издаваемой И. С. Аксаковым газете «Русь» (1883. № 7. С. 20–26). В 1847 г. К. С. Аксаков предназначал статью для «Современника». 22 апреля 1847 г. В. Г. Белинский писал В. П. Боткину: «Аксаков хочет поместить статью у нас; в этом видно с его стороны уважение к нашему журналу и доверенность к нам. <...> ...Скажи ему, что всякую другую статью его готовы поместить; но спора этого по особым причинам допустить в “Современник” не можем» (*Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 12. С. 356; Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 637–638*).

¹⁶ В послании, написанном из Москвы между 11 и 20-ми числами мая 1848 г.

¹⁷ Первое время Гоголь жил у М. П. Погодина; к графу А. П. Толстому переселился 4 или 5 декабря 1848 г.

¹⁸ Имеется в виду книга А. В. Терещенко «Быт русского народа». В 7 ч. СПб., 1848. Тексты свадебных песен находятся во втором томе этого издания — «Свадьбы» (цензурное разрешение 17 апреля 1847 г.).

¹⁹ См. в наст. изд. письмо И. А. Фонвизина к Н. Н. Шереметевой от 28 мая 1849 г.

²⁰ В июле 1849 г. Гоголь был у А. О. Смирновой в Калуге и в ее имении Бегичево Медынского уезда Калужской губернии.

¹ *Первоначальные редакции фрагмента*: В 1851-м году Гоголь был у нас в деревне три раза - Потом дошли до меня слухи — см. в наст. изд. в письме С. Т. Аксакова к А. О. Смирновой от 28 марта 1852 г. и в разделе: Аксаков С. Т. *Выписка слово в слово из моих кратких заметок. (Письмо к М. И. Гоголь-Яновской от 12 июня 1852 г.)*.

¹¹ последнюю вписано.

²¹ В начале августа 1849 г. в Больших Вяземах.

²² Гоголь пробыл у Аксаковых в Абрамцево с 14 по 20 августа 1849 г.

²³ См. в наст. изд. коммент. к письму С. Т. и В. С. Аксаковых к И. С. Аксакову от 15 августа 1849 г.

²⁴ 27 августа 1849 г.

²⁵ В день отъезда из Москвы 13 июня 1850 г. Гоголь писал О. Сем. Аксаковой: «Мы с Максимовичем заедем к вам на дороге, то есть перед самым отъездом, часу во втором, стало быть, во время вашего завтрака, чтобы и самим у вас чего-нибудь перехватить: одного блюда, не больше, или котлет, или, пожалуй, вареников, и запить бульонцем. Весь ваш Н. Г<оголь>». Записка адресована О. С. Аксаковой, оставшейся в Москве в то время, когда С. Т. Аксаков уже уехал в Абрамцево, что видно из его письма к Гоголю от 5 декабря 1850 г. («4 июня я переехал в свою подмосковную, где я прожил до 21 ноября...»), а также из письма И. С. Аксакова от 12 июня 1850 г. («Вчерашняя почта привезла мне ваши письма, милый отесинька и милая маминька: от Вас — из деревни и от маменьки — из Москвы от 9-го июня») (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 324; Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 149) (см.: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 276).

²⁶ Четвертая глава второго тома «Мертвых душ» была прочтена Гоголем Аксаковым 24 июня 1851 г. (см. в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 26 июня 1851 г.).

²⁷ См. в наст. изд. коммент. к «Выписка слово в слово из моих кратких заметок <о Гоголе>» С. Т. Аксакова.

²⁸ От октября 1851 г.

²⁹ От конца 1851 г.

³⁰ Письмо не сохранилось.

³¹ Записка от начала января 1852 г.

С. Т. Аксаков

Из Истории Нашего Знакомства с Гоголем <1832–1840 гг.> <Выписки рукою П. А. Кулиша. Конец ноября — начало декабря 1854 г.>

В 1832 году Г<оголь> говорил Константину: «Я был сперва толстяк, а теперь болен». С<ергею> Тим<офееви>чу сказал, что он болен неизлечимо и что болезнь его находится в кишках, хотя казался здоровым.

Уже в 1832 году в ответ на замечание С<ергея> Т<имофеевича>, что писать нашему комику не о чем, что в свете все однообразно, гладко, прилично и пусто, он сказал, что это неправда, что комизм кроется везде, что, живя посреди него, мы его не видим, но что если художник перенесет его в искус<с>тво, на сцену, то мы же сами над собой будем валяться со смеху¹.

В 1837 году погиб Пушкин. Из писем самого Гоголя известно, каким громовым ударом была для него эта потеря. Гоголь сделался болен и духом и телом. Я прибавлю, что, по моему мнению, он уже никогда не выздоравливал совершенно и что смерть Пушкина была единственной причиной всех болезненных явлений его духа, вследствие которых он задавал себе неразрешимые вопросы, на которые великий талант его, изнеможенный борьбою с направлением отшельника, не мог дать сколько-нибудь удовлетворительных ответов.

Щепкин в 1839 <г.>. «Такое волнение его приезд во мне произвел, что я нынешнюю ночь почти не спал». — Константин, прочитавши записку Щепкина прежде всех, поднял от радости такой крик, что всех перепугал, а с Мишенькой^{1 2} сделалось даже дурно.

¹ Отиска. Следует: с Машенькой

Во время поездки в Петербург в 1839 году, на станции в Торжке – волосы в котлетах. Послали за половым, и Гоголь предупредил Аксаковых, как будет отвечать половой: «Волосы-с? какие же тут волосы-с? Откуда придется волосам-с? Это так-с, ничего-с! Куриные перушки или пух и проч. и проч.» В самую эту минуту вошел половой и на предложенный нами вопрос отвечал точно то же, что говорил Гоголь, многое даже теми самыми словами.

В 1839 г., в Петербурге Гоголь говорил Сержею Тимофеевичу, что кроме труда, завещанного ему Пушкиным, совершение которое он считает задачей своей жизни, то есть «Мертвых Душ», у него составлена в голове трагедия из истории Запорожья, в которой все готово, до последней нитки, даже в одежде действующих лиц, что это его давнишнее, любимое дитя, что он считает, что эта пьеса будет лучшим его произведением и что ему будет слишком достаточно двух месяцев, чтоб переписать его на бумагу.

Взглянув на Марию Ивановну и поговорив с ней несколько минут от души, можно было понять, то у такой женщины мог родиться такой сын. Это было доброе, нежное, любящее существо, полное эстетического чувства с легким оттенком самого кроткого юмора. Она была так моложава, так хороша собой, что ее решительно можно¹ было назвать только старшей сестрой Гоголя.

Из Вены июня 7-го, 1840 г. Гоголь писал к Сержею Тимофеевичу: «Спросить у Погодина, не нашелся ли мой Шекспир 2 том, который взять ему (Константину) с собою и прибавить к этому оба издания песней Максимовича, а может быть и третье, коли вышло». ... Итак очень ошибочно это мнение, что будто Гоголь только в последние два года своей жизни вновь обратился к своей прекрасной родине и к ее прелестным песням. (Впрочем, в прежнем письме, из Варшавы от 10 июня, он просил привезти ему в Рим компактное издание русских песней Сахарова.)

Кривцов был назначен в Рим вроде какого-то попечителя и официальным ходатаем всех русских художников, там живущих. Гоголь хотел быть его помощником, которому предполагали определить жалованья слишком две тысячи рубль ассигнациями.

После письма о болезни из Рима декабря 28 (1840) сделать опровержение нелепого взгляда Дудышкина на полный состав плана «Мертвых Душ» и пр., взяв в основание слова Сержею Тимофеевичу: «Слова самого Гоголя утверждают меня в том мнении, что он начал писать “Мертвые Души” как любопытный и забавный анекдот, что только впоследствии он узнал, говоря его словами, “на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначительный сюжет”³, что впоследствии мало-помалу составилось это колоссальное создание, пополнившееся болезненными явлениями нашей общественной жизни, что впоследствии почувствовал он необходимость исхода из этого страшного сборища человеческих уродов, необходимость примирения... Возможно ли было исполнение этой задачи и мог ли ее исполнить Гоголь – это вопрос другой...»

Письмо к одному литератору⁴: «Ревизор сыгран», писано было к Пушкину, но не отослано, потому что Пушкин явился сам к Гоголю из деревни.

Гоголь вместо Гоголь сказано было Петру Ивановичу Пейкеру⁵.

В Гастейне и Венеции Гоголь жил вместе с Языковым, как видно из письма к Сержею Тимофеевичу от 16 июля 1842 г.⁶

В 1839 году у Гоголя была новая комедия «Владимир 3-й степени», но он не дописал ее признавая ее, вероятно, в полном составе, неудобною в цензурном отношении, а может быть, он был недоволен ею как взыскательный художник.

1840 г. Гоголь прощался с нами нежно, особенно со мной и с Константином, был очень расстроган, но не хотел этого показать. Он сел в тарантас с нашим добрым Пановым, и мы стояли на улице до тех пор, пока экипаж не пропал из глаз. Погодин был искренно расстроен, а

¹ Было: можно решительно

Щепкин заливался слезами. Я, Щепкин, Погодин и Константин сели в коляску, а Митя⁷, Щепкин и Мессинг⁸ — на дрожки. На половине дороги вдруг откуда ни взялись, потянулись с северо-востока черные, страшные тучи и очень быстро и густо заволокли половину неба и весь край западного горизонта; сделалось очень темно, и какое-то зловещее чувство нашло на нас. Мы грустно разговаривали, применяя к будущей судьбе Гоголя мрачные тучи, потемнившие солнце; но не более как через полчаса мы были поражены внезапною переменою горизонта. Сильный северо-западный ветер рвал на клочки и разгонял черные тучи; в четверть часа небо совершенно прояснилось, солнце явилось во всем блеске своих лучей и великолепно склонялось к западу. Радостное чувство наполнило наши сердца. Нетрудно было составить благоприятное толкование небесного знаменья! Каких блистательных надежд, каких великих созданий и какого полного торжества его славы мы не могли ожидать в будущем! Это явление произвело на нас с Константином, особенно на меня, такое сильное впечатление¹, что я, во всю остальную жизнь Гоголя никогда не смущался черными тучами, которые не только затемняли его путь, но даже грозили пресечь его существование, не дав ему кончить великого труда. До самого последнего, страшного известия я был убежден, что Гоголь не может умереть, не совершив дела, свыше ему предназначенного¹¹.

Хранится: РГБ. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 46. Л. 1–2. Рукопись представляет собой выписки П. А. Кулиша из воспоминаний С. Т. Аксакова о Гоголе, сделанные в начале декабря 1854 г. Частично использованы П. А. Кулишом в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (СПб., 1856. Т. 1. С. 194, 252, 272). Печатается по автографу.

В конце ноября 1854 г. Кулиш вновь приезжает к Аксаковым в Абрамцево, где читает им сначала свой роман «Черная рада», затем — биографию Гоголя, и в то же время работает с предоставленными ему Сергеем Тимофеевичем гоголевскими материалами. В дневнике В. С. Аксаковой сохранилась запись: «9 декабря, понедельник. <...> Вот уже другая неделя, как живет у нас Кулиш. <...> Три вечера сряду читал нам Кулиш свой исторический малороссийский роман «Черная рада». <...> ...По утрам он занимался чтением писем Гоголя к отесеньке и отесенькиных записок (пространных) о Гоголе. Прочтя «Раду», Кулиш приступил к чтению своих записок о Гоголе, т. е. своего опыта биографии, но втрое обогатившегося, после напечатания в журнале, драгоценнейшими сведениями о Гоголе и его письмами. <...> Два дня мы читали записки о Гоголе по вечерам, а потом два дня и утро и вечер. <...> Делали некоторые заметки, Кулиш принимал охотно советы, даваемые ему. Станный человек, способный так верно, так тонко видеть и судить и столько же способный впасть в ошибку, а главное, попасть в фальшивую ноту! <...> В пятницу мы кончили читать записки о Гоголе» (Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. Ред. и прим. кн<язя> Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. СПб., 1913. С. 17–20). Сам Кулиш в «Записках...» свидетельствовал: «Когда были уже напечатаны (в «Опыте Биографии Гоголя») эти строки <о перемене, случившейся с Гоголем после смерти Пушкина>, С. Т. Аксаков позволил мне прочесть «Историю его знакомства с Гоголем», написанную для хранения в рукописи, и я, с удивлением, нашел в ней о смерти Пушкина следующие строки: «Из писем самого Гоголя известно, каким громовым ударом была для него эта потеря. Гоголь сделался болен и духом, и телом. Я прибавлю, что, по моему мнению, он уже никогда не выздоравливал совершенно и что смерть Пушкина была одною из причин всех болезненных явлений его духа, вследствие которых он задавал себе неразрешимые вопросы, на которые великий талант его, изнеможенный борьбою с направлением отшельника, не мог дать удовлетворительных ответов»» (<Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 1. С. 194).

Позднее, 29 апреля 1888 г., П. А. Кулиш писал В. И. Шенроку по поводу гоголевской биографии: «Вы по прошествии 30 лет исправили то, в чем ошибались Аксаков, Плетнев и другие, принимавшие непосредственное участие в моем труде. Я был их делопроизводителем в докладе публике о Гоголе... <...> Ни в одном ведомстве не работали так честно над составлением доклада, как в ведомстве Плетнева и Аксаковых (Сергея и Константина). Еще когда я писал первые сообщения о Гоголе для напечатания в журнале, Плетнев приходил ко мне и заставлял меня прочитывать написанное. У Аксаковых я долго жил для усовершенствования моего труда...» (цит. по: Крутикова Н. Е. Н. В. Гоголь. Исследова-

¹ Было: влияние

¹¹ Он и совершил, только не по нашему плану. П. К. — Примеч. П. А. Кулиша.

ния и материалы. Киев, 1992. С. 283; см. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 250).

¹ К 1832 г. относятся первые попытки обращения Гоголя к жанру комедии. После отъезда Гоголя из Москвы критик Н. И. Надеждин 19 августа 1832 г. извещал читателей «Молвы»: «Рудый Пасочник, которого прекрасные малороссийские сказки приняты были с особенным удовольствием, недавно проехал чрез Москву на свою родину <...> Кроме повестей, у старика замышлено нечто важнейшее, но мы, опасаясь, чтоб он не обвинил москалей в нескромности, умалчиваем до времени» (Молва. 1832. 19 августа. № 67). Летом 1832 г. датируется черновой набросок «Комед<ия>» («Матер<иалы> общие», «Матер<иалы> частн<ые>»). К тому же времени относятся строки чернового наброска Гоголя на отдельном листе к «Отрывку из Истории Малороссии» (позднейшее название — «Взгляд на составление Малороссии»): «Особенная страсть к увеселениям, к общественным гульбищам. С начала весны все девки и парни выходят на улицу из хат и поют приветствия весне. Улица делается всеобщим собранием. Как просто, как высоко постигнуто это удержимое средство (о свадьбах). Человек ничего так не боится, как стыда». Последние строки позволяют судить, что Гоголь имеет здесь в виду свадебные обычаи козаков, описанные Г. де Бопланом (Описание Украины. Соч. Боплана. СПб., 1832. С. 75–77; указано: Тихонравов Н. Примечания редактора и варианты // Гоголь Н. В. Соч. 10-е изд. Т. 5. С. 578). Свой рассказ о малороссийской свадьбе Боплан заключает: «Хотя свобода пить водку и мед могла бы довести до соблазна, но торжественное осмеяние и стыд, коим подвергаются оне, потеряв целомудрие, удерживают их от искушения». По-видимому, с размышлениями 1832 г. связаны также позднейшие строки Гоголя в «Театральном разезде...» (1842): «...насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится на свете».

² Мария Сергеевна Аксакова (Марихен) (1831–1906), младшая дочь С. Т. Аксакова.

³ Строки из письма Гоголя к С. Т. Аксакову от 28 декабря (н. ст.) 1840 г. из Рима.

⁴ «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору».

⁵ Петр Иванович Пейкер (1811–1853), сын Ивана Ивановича Пейкера (1784–1844), бывшего начальника С. Т. Аксакова по Константиновскому межевому институту.

⁶ Письмо от 15/27 – 17/29 июля (н. ст.) 1842 г. из Гастейна.

⁷ Д. М. Щепкин.

⁸ Михаил Иванович Мессинг (около 1800 – 1884), муж сестры М. П. Погодина.

Фрагменты из воспоминаний С. Т. Аксакова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша

<...> Записная книга Гоголя сшита в лист из синеватой бумаги хорошего, по своему времени, сорта и переплетена в кожу; толщиной она в вершок. На заглавном листе ее читаем: «Книга Всякой Всячины, или Подручная Энциклопедия. Составл. Н. Г. Нежин, 1826»¹. <...>

Письма его к М. А. Максимовичу о кафедре всеобщей истории в Киевском Университете, которой он напрасно домогался, покажут, для чего ему нужно было получить место профессора. Встретив в этом искании препятствия, он ограничился званием адъюнкта в столичном университете. «Здесь он не переставал работать по мере данных ему Богом сил, не переставал учиться и постоянно имел в виду цель — сделаться наконец ученым хорошим профессором, именно историком. Но его художническая природа мешала постоянно той пассивной деятельности, которая нужна для обогащения себя сведениями. Его понимание истории не могло обратиться в спокойное преподавание. Тем не менее с юных лет Гоголь делал постоянные усилия образовать себя, которые тем более имеют в себе заслуги, что для художника они тяжелее, нежели для всякого другого. Доказательством этому служит его записная книга, о которой говорено было выше. Такие записные книги видали у него постоянно. Чем далее, тем более застав-

¹ Она принадлежит теперь С. Т. Аксакову. — *Примеч. П. А. Кулиша.*

лял он себя заниматься, изучать, работать. Коротко его знавшие могут это засвидетельствовать. Быстрота соображения, гениальная отгадка смысла вещей и событий мешает также заниматься последовательно. Человек, для которого смысл события является выводом, часто тяжело добываемым долгими трудами, видит всю цену и необходимость для него этих трудов. Но для того, чей острый взор проникает в смысл события, не дожидаясь полной, окончательной работы, для того не составляет она той необходимости, как для медленно идущего ума. Не хочу сказать, чтобы дар прозрения освобождал человека от труда: я хочу сказать только то, что этот дар, предупреждая вывод постепенный, мешает последовательности работы»¹. <...>

В письмах к г. Максимовичу Гоголь ненароком открывает местами, под какими впечатлениями и влияниями писал он свои первые повести; но по ним трудно было бы составить себе понятие о самом процессе его авторства. Гораздо яснее говорят об этом его черновые книги, в которых он обыкновенно писал свои сочинения. Эти книги, принадлежащие ныне одному из ближайших друзей Гоголя, К. С. Аксакову, одним уже видом своим дают понятие о простом уголке, в котором роилось столько грез. Каждый знает переплетенные тетради из простой бумаги, с кожаными корешками, накрапленными кой-как купоросным раствором, продающиеся в бумажных лавках низшего разряда, в Петербурге, и покупаемые присутственными местами для записывания входящих и исходящих бумаг. Такие книги служили Гоголю для черновых рукописей его сочинений. У К. С. Аксакова хранится их шесть, не считая записной книги, переплетенной в кожу, и отдельных листов, на которых написаны: «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь» и начало комедии «Женихи». <...>

...Посмотрите, что делает Гоголь по смерти Пушкина. Пишет и жжет. У него нет ободряющего авторитета, нет равносильного гения, который бы указал ему прямой путь поэтической деятельности. Словом, смерть Пушкина положила в жизни Гоголя такую резкую грань, как и переезд из Малороссии в столицу. При жизни Пушкина Гоголь был одним человеком, после его смерти сделался другим^{II}. <...>

Написав слово «проказливость», я вспомнил слова С. Т. Аксакова об этой черте характера Гоголя, в более обширном смысле. С его позволения, я приведу здесь отрывок из письма его ко мне.

«В натуре Гоголя была проказливость, шутка: он любил sproказить, подшутить, любил пуф. Он был не лгун, а выдумщик, и всегда готов был сочинить целую сказку, чтоб отделаться как-нибудь от скучных или неприятных вопросов. По тем же причинам, он часто давал обещания, которые и не думал исполнять. Из множества примеров я расскажу вам два.

Гоголь вздумал попробовать, можно ли путешествовать в чужих краях, не имея паспорта, и выдумал следующую штуку. Когда надобно было предъявлять где-нибудь паспорта, Гоголь от-

¹ Два места в этом оправдании характера Гоголя, отмеченные кавычками, заимствованы мною, почти без всякой перемены, из письма ко мне С. Т. Аксакова. — *Примеч. П. А. Кулиша.*

^{II} Когда были уже напечатаны (в «Опыте Биографии Гоголя») эти строки, С. Т. Аксаков позволил мне прочесть «Историю его знакомства с Гоголем», написанную для хранения в рукописи, и я, с удивлением, нашел в ней о смерти Пушкина следующие строки:

«Из писем самого Гоголя известно, каким громовым ударом была для него эта потеря. Гоголь сделался болен и духом, и телом. Я прибавлю, что, по моему мнению, он уже никогда не выздоравливал совершенно и что смерть Пушкина была одною из причин всех болезненных явлений его духа, вследствие которых он задавал себе неразрешимые вопросы, на которые великий талант его, изнеможенный борьбою с направлением отшельника, не мог дать удовлетворительных ответов». — *Примеч. П. А. Кулиша (см. также в наст. изд. раздел «Из Истории Нашего Знакомства с Гоголем» С. Т. Аксакова (Выписки рукою П. А. Кулиша).*

бирал их от пассажиров и очень обязательно принимал на себя хлопоты представить, кому следует. Собственного паспорта он не отдавал, а оставлял у себя в кармане. Когда помеченные паспорта возвращали Гоголю, он принимал их, рассматривал и вдруг восклицал: “Да где же мой паспорт? Я вам его отдал вместе с другими!” Начинали искать, но паспорта не находили. Тот, кто их записывал, совестился, извинялся, а Гоголь мастерски разыгрывал сконфуженного путешественника. Между тем надобно было ехать, и Гоголь уезжал с незаписанным паспортом. Разумеется, он разнообразил свои выдумки. Дело только в том, что я и другие видели его паспорт, возвратившимся из-за границы почти белым; а известно, как бывают измараны заметками заграничные паспорта¹.

Вот другой случай. Гоголь ехал из Петербурга в Москву в дилижансе и сидел в одном купе с моим знакомым, прекрасным человеком, П. И. П-ейкером. Заметя, что товарищ очень обрадовался соседству известного писателя, он уверил его, что он не Гоголь, а *Гогель*, прикинулся смиренным простачком, и П-ейкер оставил соседа в покое. Приехав в Москву, П-ейкер немедленно посетил нас. Речь зашла о Гоголе, и петербургский гость изъявил горячее желание его видеть. Я сказал, что это очень немудрено, потому что Гоголь бывает у нас почти каждый день. Через несколько минут входит Гоголь, своей тогда еще живой и бодрою походкой. Я познакомил его с моим гостем, и что же? П-ейкер узнает в Гоголе своего соседа Гогеля! Мы не могли удержаться от смеха. Но П-ейкер осердился. Он был прав: за что Гоголь дурачил его трое суток? Между тем Гоголь сделал это решительно для того, чтобы избавиться от докучных вопросов, предлагаемых обыкновенно писателю: “Что вы теперь пишете? когда подарите нас новым произведением? для чего вы не напишите того-то?” и проч. и проч. Можно ли строго осудить за это Гоголя, который так любил уединение дороги? Невинная выдумка возвращала ему полную свободу, и он, подняв воротник шинели выше своей головы (это была его любимая поза), всю дорогу читал потихоньку Шекспира или предавался своим творческим фантазиям». <...>

В 1839 году он приехал в Москву вместе с М. П. Погодиным, в доме которого остановился и жил до нового выезда за границу, в 1840 году.

Об этом и дальнейших временах его жизни в Москве С. Т. Аксаков сообщил мне «Краткие Сведения и Выписки для Биографии Гоголя», извлеченные из подробной истории его знакомства с поэтом, написанной не для печати. Принося ему за это глубокую благодарность, я буду вносить в мое повествование места из его рукописи, без всякой перемены! <...>

Впервые опубликовано: <Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 1. С. 54, 103, 161–162, 194, 231–232, 251–255, 259–260, 270–275; 287–288, 299–302, 306–314; Т. 2. С. 94–99, 132–134, 204–206, 222–224, 228–230, 254–255. Печатается по первой публикации, с исключением фрагментов, извлеченных Кулишом из «Кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» и «Продолжения кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» С. Т. Аксакова (см. в наст. изд.).

¹ Ср. в наст. изд. составленный С. П. Шевыревым «Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя».

¹ В материалы, присланные С. Т. Аксаковым, Кулиш внес некоторые сокращения, исправления и дополнения. См. подстрочные примеч. к разделам: «Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя» и «Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» С. Т. Аксакова.

История нашего^I знакомства с Гоголем,
с включением всей переписки с 1832 по 1852
<с 1832 по 1843 гг.>

1854 года

Начато 9 января^{II}.

Вступление^{III}

История знакомства моего с Гоголем, еще вполне не оконченная^{IV} мною, писана была не для печати, или, по крайней мере, для печати по прошествии многих^V десятков лет, когда уже никого из выведенных в ней лиц давно^{VI} не будет на свете, когда цензура сделается свободною или вовсе упразднится^{VII}, когда русское общество^{VIII} привыкнет к этой свободе и отложит ту щекотливость, ту подозрительную раздражительность^{IX}, которая теперь более всякой цензуры мешает говорить откровенно, даже о давно прошедшем. Я печатно предлагал всем^X друзьям и людям^{XI}, коротко знавшим Гоголя, написать вполне искренние рассказы^{XII} своего знакомства с ним^I и таким образом оставить будущим биографам достоверные материалы для составления полной и правдивой биографии великого писателя^{XIII}. Это была бы, по моему мнению, истинная услуга истории русской литературы и потомству^{XIV}. Не знаю, принято ли кем-нибудь мое предложение, но я почти исполнил свое намерение^{XV}. Очевидно, возникают вопросы: как можно печатать сочинение, писанное не для печати? и какая причина заставила меня изменить^{XVI} цели, с которою писана книга? Первый вопрос разрешается легко: из «Истории Моего знакомства с Гоголем» исключено все^{XVII},

^I Слово: нашего — зачеркнуто в рукописи синим карандашом, тем же карандашом вписано: моего (редакторская правка И. С. Аксакова).

^{II} Титульный лист с заглавием (л. 1) и текст мемуаров (л. 3–128), за исключением «Вступления» (л. 2), написаны в рукописи чернилами.

^{III} «Вступление» написано карандашом на отдельном листе (л. 2). Сохранилась также написанная чернилами копия большей части «Вступления» и вариант окончания «Вступления», написанный карандашом (РГБ. Ф. 3. Разд. III. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 5–6). В копии к заглавию «Вступление» имеется подзаголовок: (Писано в 1856 году); и примечание Н. М. Павлова, написанное на полях: Писано в 1856 году, по выходе в свет книги П. А. Кулиша «Записки о жизни Гоголя», когда С. Т. Аксаков имел намерение (потом оставленное им) напечатать это сочинение свое (РГБ. Ф. 3. Разд. III. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 5).

^{IV} Было: еще не конченная

^V по прошествии многих вписано вместо: <2 нрзб.>

^{VI} лиц давно вписано.

^{VII} или вовсе упразднится вписано.

^{VIII} русское общество вписано вместо: публика <1 нрзб.>

^{IX} ту подозрительную раздражительность вписано.

^X всем вписано.

^{XI} людям вписано.

^{XII} Было: а. воспомин<ания> б. вполне откровенные рассказы

^{XIII} полной и правдивой биографии великого писателя вписано вместо: его полной и правдивой биографии

^{XIV} и потомству вписано.

^{XV} Было: а. свое намерение б. свою мысль

^{XVI} какая причина заставила меня изменить вписано вместо: что могло <1 нрзб.> и переменить

^{XVII} все вписано.

чего нельзя еще напечатать в настоящее время. Причины же, почему я так поступил, почему я забыл свои намерения^I, состоят в следующем: четыре года прошло, как мы лишились Гоголя; кроме биографии, напечатано в журналах^{II} много статей о нем; и продолжают^{III} писать и печатать^{IV}. Ошибочные мнения о Гоголе, как о человеке, постоянно^V вкрадываются в сочинения всех пишущих о нем, потому что из них, даже сам биограф его², — лично Гоголя не знали или не находились с ним в близких сношениях. Я думаю, что мой искренний, никаким посторонним чувством не подкрашенный рассказ может бросить истинный^{VI} свет^{VII} не на великого писателя, для которого, говорят, это неважно^{VIII}, а на человека. Мне кажется, что дружба моя к Гоголю и долг его памяти^{IX} требуют от меня такого поступка. Записки мои потеряют^X не только^{XI} большую половину своей занимательности, но и большую половину очевидности^{XII}, т<o> е<сть> способности изъяснить предмет, о важности которого распространяться не нужно...^{XIII}

В 1832 году, кажется весною, когда мы жили в доме Слепцова на Сивцевом Вражке, Погодин привез ко мне в первый раз, и совершенно неожиданно, Николая Васильевича Гоголя. «Вечера на Хуторе близ Диканьки» были давно уже прочтены, и мы все восхищались ими. Я прочел, впрочем, «Диканьку» нечаянно: я получил ее из книжной лавки, вместе с другими книгами, для чтения вслух моей жене³, по случаю ее нездоровья. Можно себе представить нашу радость при таком сюрпризе. Не вдруг узнали мы настоящее имя сочинителя; но Погодин ездил зачем-то в Петербург, узнал там, кто такой был «Рудый Панько», познакомился с ним и привез нам известие, что^{XIV} «Диканьку» написал Гоголь-Яновский, и так это имя было уже нам известно и драгоценно.

По субботам постоянно обедали у нас и проводили вечер короткие мои приятели. В один из таких вечеров⁴, в кабинете моем, находившемся в мезонине, играл я в карты в четверной бостон, а человека три не игравших сидели около стола^{XV}. В комнате было жарко, и некоторые, в

^I почему я забыл свои намерения *вписано*. В копии фраза отсутствует (см.: РГБ. Ф. 3. Разд. III. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 5).

^{II} напечатано в журналах *вписано вместо*: написано

^{III} Было: а. и продолжают <1 нрзб.> б. и <1 нрзб.>

^{IV} *Вместо*: кроме биографии, напечатано в журналах много статей о нем; и продолжают писать и печатать — в копии *следует*: кроме биографии и напечатанных в журналах многих статей, о нем продолжают писать и печатать

^V постоянно *вписано вместо*: незаметно; *слова*: постоянно — нет в копии.

^{VI} В другом варианте слово: истинный — *вписано вместо*: естественный (РГБ. Ф. 3. Разд. III. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 6).

^{VII} Далее было: на Гоголя

^{VIII} Далее было: но

^{IX} В другом варианте *слова*: долг его памяти — *вписаны вместо*: ко всей семье (РГБ. Ф. 3. Разд. III. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 6).

^X Далее в копии *следует* подстрочное примечание Н. М. Павлова: Т<o> е<сть> при появлении в неполном виде, как тогда предполагал автор. Теперь, по прошествии слишком тридцати лет с его кончины, сочинение его печатается вполне. *Изд<атель>*.

В изд. 1890 г. *напечатано* (с. IV): Это вступление написано было С. Т. Аксаковым в 1856 году для напечатания его воспоминаний о Гоголе в неполном виде, как тогда предполагал автор. Теперь, по прошествии слишком тридцати лет с его кончины, воспоминания печатаются вполне. Начало их помещено сыном его И. С. Аксаковым в его газете «Русь», но с некоторыми пропусками. *Изд<атель Н. М. Павлов>*.

^{XI} не только *вписано*.

^{XII} очевидности *вписано вместо*: ясности

^{XIII} Не *дописано*. Фрагмент: Я думаю, что мой искренний — распространяться не нужно — *также написан в копии карандашом*.

^{XIV} Далее было: сочине<ние>

^{XV} Далее было: и смот<рели>

том числе и я, сидели без фраков. Вдруг Погодин, без всякого предуведомления, вошел в комнату с неизвестным мне очень молодым человеком, подошел прямо ко мне и сказал: «Вот вам Николай Васильевич Гоголь!» Эффект был сильный. Я очень сконфузился, бросился надевать сюртук, бормоча пустые слова пошлых рекомендаций. Во всякое другое время я не так бы встретил Гоголя. Все мои гости (тут были П. Г. Фролов⁵, М. М. Пинский и П. С. Щепкин⁶ — прочих не помню) тоже как-то озадачились и молчали. Прием был не то что холодный, но конфузный. Игра на время прекратилась; но Гоголь и Погодин упросили меня продолжать игру, потому что заменить меня было некому. Скоро, однако, прибежал Константин⁷, бросился к Гоголю и заговорил с ним с большим чувством и пылкостью. Я очень обрадовался и рассеянно продолжал игру, прислушиваясь одним ухом к словам Гоголя; но он говорил тихо, и я ничего не слышал.

Наружный вид Гоголя был тогда совершенно другой и невыгодный для него: хохол на голове, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородок, большие и крепко накрахмаленные воротнички придавали совсем другую физиономию его лицу: нам показалось, что в нем было что-то хохлацкое и плутоватое. В платье Гоголя приметна была претензия на шегольство. У меня осталось в памяти, что на нем был пестрый светлый жилет с большой цепочкой¹. У нас остались портреты, изображающие его в тогдашнем виде⁸, подаренные впоследствии Константину самим Гоголем.

К сожалению, я совершенно не помню моих разговоров с Гоголем в первое наше свидание; но помню, что я часто заговаривал с ним⁹. Через час он ушел, сказав, что побывает у меня на днях, как-нибудь пораньше утром, и попросит сводить его к Загоскину, с которым ему очень хотелось познакомиться и который жил очень близко от меня¹¹. Константин тоже не помнит своих разговоров с ним, кроме того, что Гоголь сказал про себя, что он был прежде толстяк, а теперь болен¹¹¹; но помнит, что он держал себя¹¹¹¹ неприветливо, небрежно и как-то свысока, чего, разумеется, не было, но могло так показаться¹¹¹¹¹. Ему не понравились манеры Гоголя, который¹¹¹¹¹¹ произвел на всех без исключения невыгодное, несимпатичное впечатление. Отдать визит Гоголю не было возможности, потому что не знали, где он остановился: Гоголь не хотел этого сказать¹¹¹¹¹¹¹.

Через несколько дней, в продолжение которых я уже предупредил Загоскина, что Гоголь хочет с ним познакомиться и что я приведу его к нему, явился ко мне довольно рано Николай Васильевич. Я обратился к нему с искренними похвалами его «Диканьке»; но, видно, слова мои показались ему обыкновенными комплиментами, и он принял их очень сухо. Вообще в нем было что-то¹¹¹¹¹¹¹¹ отталкивающее, не допускавшее меня до искреннего излияния и увлечения, к которым я способен до излишества¹¹¹¹¹¹¹¹¹. По его просьбе мы скоро¹¹¹¹¹¹¹¹¹¹ пошли пешком к Загоскину. Дорогой он удивил меня тем, что начал жаловаться на свои болезни (я не знал тогда, что он говорил об этом Константину) и сказал даже, что болен неизлечимо. Смотря на него изумленными и недоверчивыми глазами, потому что он казался здоровым, я спросил его: «Да чем же вы

¹ В платье Гоголя - с большой цепочкой *вписано*.

¹¹ и который жил очень близко от меня *вписано*.

¹¹¹ кроме того, что Гоголь - а теперь болен *вписано*.

¹¹¹¹ *Далее было*: как-то

¹¹¹¹¹ *Далее было*: Манеры

¹¹¹¹¹¹ который *вписано вместо*: он

¹¹¹¹¹¹¹ Отдать визит - не хотел этого сказать *вписано*.

¹¹¹¹¹¹¹¹ *Далее было*: такое

¹¹¹¹¹¹¹¹¹ искреннего излияния и увлечения, к которым я способен до излишества *вписано вместо*: а. искренних б. искреннего увлечения

¹¹¹¹¹¹¹¹¹¹ скоро *вписано*.

больны?» Он отвечал неопределенно и сказал, что причина болезни его находится в кишках. Дорогой разговор шел о Загоскине. Гоголь хвалил его за веселость, но сказал, что он не то пишет, что следует, особенно для театра. Я легкомысленно возразил, что у нас писать не о чем, что в свете все так однообразно, гладко, прилично и пусто, что

Даже глупости смешной
В тебе не встретишь, свет пустой¹⁰.

Но Гоголь посмотрел на меня как-то значительно и сказал, что «это неправда, что комизм кроется везде, что, живя посреди него, мы его не видим; но что, если художник перенесет его в искусство, на сцену, то мы же сами над собой будем валяться со смеху и будем дивиться, что прежде не замечали его»¹. Может быть, он выразился не совсем такими словами, но мысль была точно та. Я был ею озадачен, особенно потому, что никак не ожидал ее услышать от Гоголя. Из последующих слов^{II} я заметил, что русская комедия его сильно^{III} занимала и что у него есть свой оригинальный взгляд на нее^{IV}. Надобно сказать, что^{IV} Загоскин, также давно прочитавший «Диканьку» и хваливший ее, в то же время не оценил вполне; а в описаниях украинской природы находил неестественность, напыщенность, восторженность молодого писателя; он находил везде неправильность языка, даже безграмотность. Последнее очень было забавно, потому что Загоскина нельзя было обвинить в большой грамотности. Он^V даже оскорблялся излишними, преувеличенными, по его мнению, нашими похвалами. Но по добродушию своему и по самолюбию человеческому ему приятно было, что превозносимый всеми Гоголь поспешил к нему приехать. Он принял его с отверстыми объятиями, с криком и похвалами; несколько раз принимался целовать Гоголя, потом кинулся обнимать меня, бил кулаком в спину, называл хомяком, сусликом и пр. и пр.; одним словом, был вполне любезен по-своему. Загоскин говорил без умолку о себе: о множестве своих занятий, о бесчисленном количестве прочитанных им книг, о своих археологических трудах, о пребывании в чужих краях (он не был далее Данцига), о том, что он извездил вдоль и поперек всю Русь и пр. и пр. Все знают, что это совершенный вздор и что ему искренно верил один Загоскин^{VI}. Гоголь понял это сразу и говорил с хозяином, как будто век с ним жил, совершенно в пору и в меру. Он обратился к шкафам с книгами... Тут началась новая, а для меня уже старая история: Загоскин начал показывать и хвастаться книгами, потом табакерками и, наконец, шкатулками. Я сидел молча и забавлялся этой сценой. Но Гоголю она наскучила довольно скоро: он вдруг вынул часы и сказал, что ему пора итти, обещал еще забежать как-нибудь и ушел.

«Ну что, — спросил я Загоскина, — как понравился тебе Гоголь?» — «Ах, какой милый, — закричал Загоскин, — милый, скромный, да какой, братец, умница!»... и пр. и пр.; а Гоголь ничего не сказал, кроме самых обиходных, пошлых слов.

В этот проезд Гоголя из Полтавы в Петербург¹² наше знакомство не сделалось близким. Не помню, через сколько времени Гоголь опять был в Москве проездом¹³, на самое короткое время; был у нас и опять попросил меня ехать вместе с ним к Загоскину, на что я охотно согласился. Мы были у Загоскина также поутру; он по-прежнему принял Гоголя очень радушно и любезничал по-своему; а Гоголь держал себя также по-своему, т<o> е<сть> говорил о

^I и будем дивиться, что прежде не замечали его *вписано на полях*.

^{II} Из последующих слов *вписано карандашом на полях (вероятно, дополнение И. С. Аксакова)*.

^{III} сильно *вписано*.

^{IV} Надобно сказать, что *вписано*.

^V *Фрагмент*: он находил везде неправильность языка, даже безграмотность. Последнее очень было забавно, потому что Загоскина нельзя было обвинить в большой грамотности. Он — *вписан*.

^{VI} *Далее было: но*

совершенных пустяках и ни слова о литературе, хотя хозяин заговаривал о ней не один раз. Замечательного ничего не происходило, кроме того, что Загоскин, показывая Гоголю свои раскидные кресла, так прищемил мне обе руки пружинами, что я закричал; а Загоскин оторопел и не вдруг освободил меня из моего тяжкого положения, в котором я был похож на растянутого¹ для пытки человека. От этой потехи руки у меня долго болели. Гоголь даже не улыбнулся, но впоследствии часто вспоминал этот случай и, не смеясь сам, так мастерски его рассказывал, что заставлял всех хохотать до слез. Вообще в его шутках было очень много оригинальных приемов, выражений, складу и того особенного юмора, который составляет исключительную собственность малороссов; передать их невозможно. Впоследствии, бесчисленными опытами убедился я^{II}, что повторение Гоголевых^{III} слов, от которых слушатели валялись со смеху, когда он сам их произносил, — не производило ни малейшего эффекта, когда говорил их я или кто-нибудь другой.

И в этот приезд знакомство наше с Гоголем не подвинулось вперед: но, кажется, он познакомился с Ольгой Семеновной и с Верой^{IV}. В 1835 году мы жили на Сенном рынке, в доме Штюрмера. Гоголь между тем успел уже выдать «Миргород» и «Арабески». Великий талант его оказался в полной силе. Свежи, прелестны, благоуханны^V, художественны были рассказы в «Диканьке», но в «Старосветских помещиках», в «Тарасе Бульбе» уже являлся великий художник с глубоким и важным значением. Мы с Константином, моя семья и все люди, способные чувствовать искусство, были в полном восторге от Гоголя. Надобно сказать правду, что кроме присяжных любителей литературы во всех слоях общества, молодые люди лучше и скорее оценили Гоголя. Московские студенты все пришли от него в восхищение и первые распространили в Москве^V громкую молву о новом великом таланте^{VI}.

В один вечер сидели мы в ложе Большого театра; вдруг растворилась дверь, вошел Гоголь и с веселым дружеским видом, какого мы никогда не видели^{VII}, протянул мне руку с словами: «Здравствуйте!» Нечего говорить, как мы были изумлены и обрадованы. Константин, едва ли не более всех понимавший значение Гоголя, забыл, где он, и громко закричал, что обратило внимание соседних лож. Это было во время антракта^{VIII}. Вслед за Гоголем вошел к нам в ложу Александр Павлович Ефремов^{IX}, и Константин шепнул ему на ухо: «Знаешь ли кто у нас? Это Гоголь». Ефремов, выпуча глаза также от изумления и радости, побежал в кресла и сообщил эту новость покойному Станкевичу^X и еще кому-то из наших знакомых. В одну минуту несколько трубок и биноклей обратились на нашу ложу, и слова «Гоголь, Гоголь» разнеслись по креслам. Не знаю, заметил ли он это движение, только, сказав несколько слов, что он опять в Москве на короткое время, Гоголь уехал.

Несмотря на краткость свидания, мы все заметили, что, в отношении к нам Гоголь совершенно сделался другим человеком, между тем как не было никаких причин, которые во время

^I Было: а. на распятого б. на растленного

^{II} Впоследствии, бесчисленными опытами убедился я *вписано вместо*: Я часто слышал и даже испытал над самим собою

^{III} Гоголевых *вписано вместо*: сказанных Гоголем

^{IV} Было: Свежий, прелестный, благоуханный

^V Москве *вписано вместо*: <1 нрзб.>

^{VI} *Фрагмент*: Надобно сказать правду — громкую молву о новом великом таланте. — *написан на отдельном листе, подклеенном к рукописи. Ему предшествовал карандашный набросок на полях*: Надобно сказать правду, что кроме присяжных любителей литературы во всех слоях общества <не дописано>. Студенты. [Надобно сказать правду] Должно признаться, что молодые люди лучше и скорее оценили Гоголя. Московские студенты все пришли от него в восхищение и первые распространили в Москве громкую молву о новом великом таланте.

^{VII} какого мы никогда не видели *вписано*.

^{VIII} *Далее было*: Константин побежал в кресла и сказал там покойному Станкевичу

его отсутствия¹ могли бы нас сблизить. Самый приход его в ложу показывал уже уверенность, что мы ему обрадуемся. Мы радовались и удивлялись такой перемене. Впоследствии, из разговоров с Погодиным, я заключил (то же думаю и теперь), что его рассказы об нас, о нашем высоком мнении о таланте Гоголя, о нашей горячей любви к его произведениям, рассказы, которыми он вскормил Гоголя при первом свидании^{II}, произвели это обращение. После таких разговоров с Погодиным Гоголь немедленно поехал к нам, не застал нас дома, узнал, что мы в театре, и явился в нашу ложу.

Гоголь вез с собою в Петербург комедию, всем известную теперь под именем «Женитьба»; тогда называлась она «Женихи». Он сам вызвался прочесть ее вслух в доме у Погодина для всех знакомых хозяина¹⁷. Погодин воспользовался этим позволением и назвал столько гостей, что довольно большая комната была буквально набита битком. И какая досада, я захворал и не мог слышать этого чудного, единственного чтения! К тому же это случилось в субботу, в мой день, а мои гости не были приглашены на чтение к Погодину^{III}. Разумеется, Константин мой был там. Гоголь до того мастерски читал или, лучше сказать, играл свою пиесу, что многие, понимающие это дело люди, до сих пор говорят, что на сцене, несмотря на хорошую игру актеров, особенно господина Садовского в роли Подколесина, эта комедия не так полна, цельна и далеко не так смешна, как в чтении самого автора. Я совершенно разделяю это мнение, потому что впоследствии хорошо узнал неподражаемое искусство Гоголя в чтении всего комического. Слушатели до того смеялись, что некоторым сделалось почти дурно; но, увы, комедия не была понята! Большая часть говорила, что пиеса неестественный^{IV} фарс, но что Гоголь ужасно смешно читает¹⁸.

Гоголь сожалел, что меня не было у Погодина; назначил день¹⁹, в который хотел приехать к нам^V обедать и прочесть комедию мне и всему моему семейству. В назначенный день я пригласил к себе именно тех гостей, которым не удалось слышать комедию Гоголя. Между прочими гостями был <и> Станкевич и Белинский²⁰. Гоголь очень опоздал к обеду, что впоследствии нередко^{VI} с ним случалось. Мне было досадно, что гости мои так долго голодали, и в 5 часов я велел подавать кушать; но в самое это время увидели мы Гоголя, который шел пешком через всю Сенную площадь к нашему дому. Но, увы, ожидания наши не сбылись: Гоголь сказал, что никак не может сегодня прочесть нам комедию, а потому и не принес ее с собою. Все это мне было неприятно и, вероятно, вследствие того и в этот приезд Гоголя в Москву не последовало такого сближения между нами, какого я желал, а в последнее время^{VII} и надеялся. Я виделся с ним еще один раз поутру у Погодина на самое короткое время и узнал, что Гоголь на другой день едет в Петербург²¹.

В 1835 году дошли до нас слухи из Петербурга, что Гоголь написал комедию «Ревизор», что в этой пиесе явился талант его, как писателя драматического, в новом и глубоком значении^{VIII}. Говорили, что эту пиесу никакая бы цензура не пропустила, но что Государь приказал ее напечатать и дать на театре. На сцене комедия имела огромный успех²², но в то же время много наделала врагов Гоголю. Самые злонамеренные толки раздавались в высшем чиновничьем круге и даже в ушах самого Государя. Ни с чем нельзя сравнить нашего нетерпения прочесть «Ревизор».

^I во время его отсутствия *вписано*.

^{II} рассказы, которыми он вскормил Гоголя при первом свидании *вписано карандашом*.

^{III} *Фраза*: К тому же это случилось в субботу, в мой день, а мои гости не были приглашены на чтение к Погодину — *вписано*. Далее было *вписано*: И <фамилия нрзб.> надеялся услышать

^{IV} неестественный *вписано вместо*: вздор

^V *Было*: ко мне

^{VI} нередко *вписано вместо*: часто

^{VII} а в последнее время *вписано*.

^{VIII} глубоком значении *вписано вместо*: полным блеске

зора», который как-то долго не присылался в Москву. Я прочел его в первый раз самым оригинальным образом. Однажды¹, поздно заигравшись в Английском Клубе, я выходил из него вместе с Великопольским. В это время швейцар подал мне записку из дому: меня уведомили, что какой-то проезжий полковник²³, привез Ф. Н. Глинке печатный экземпляр «Ревизора» и оставил у него до 6-ти часов утра; что Глинка прислал экземпляр нам²⁴ и что все ожидают меня, чтобы слушать «Ревизора». Сгоряча¹¹ я сказал об этом Великопольскому и не мог уже отказать ему в позволении услышать «Ревизора», и мы поскакали домой. Я жил тогда в Старой Басманной, в доме Куракина. Было уже около часу за полночь. Никто не спал, все сидели в ожидании меня, в моем кабинете, даже m^{<ademoise>}lle Potot, жившая у нас с матерью. Я не мог в первый раз верно прочесть «Ревизора»; но, конечно, никто никогда не читал его с таким увлечением, которое разделяли и слушатели¹¹¹. «Ревизор» был продан петербургской дирекции самим Гоголем за 2 500 руб^{<лей>} ассигн^{<ациями>}, а потому немедленно начали его ставить и в Москве. Гоголь был хорошо знаком с Мих. Сем. Щепкиным и поручил ему письменно постановку «Ревизора», снабдив притом многими, по большей части очень дельными^{IV} наставлениями²⁵. В то же время узнали мы, что сам Гоголь, сильно огорченный и расстроенный чем-то в Петербурге, распродал с уступкою все оставшиеся^V экземпляры «Ревизора» и других своих сочинений и собирается немедленно уехать за границу. Это огорчило меня и многих его почитателей^{VI}. — Вдруг приходит ко мне Щепкин и говорит, что ему очень неловко ставить «Ревизора», что товарищи этим как-то обижаются, не обращают никакого внимания на его замечания и что пьеса от этого будет поставлена плохо; что гораздо было бы лучше, если бы пьеса ставилась без всякого надзора, так, сама по себе, по общему произволу актеров; что если он пожалуется репертуарному члену или директору, то дело пойдет еще хуже: ибо директор и репертуарный член ничего не смыслят и никогда такими делами не занимаются; а господа артисты, назло ему, Щепкину, совсем уронят пьесу. Щепкин плакал²⁶ от своего затруднительного положения и от мысли, что он так худо исполнит поручение Гоголя. Он прибавил, что единственное спасение состоит в том, чтоб я взял на себя постановку пьесы, потому что актеры меня уважают и любят и вся дирекция состоит из моих коротких приятелей; что он напишет об этом Гоголю, который с радостью передаст это поручение мне. Я согласился и^{VII} ту же минуту написал сам в Петербург к Гоголю горячее письмо²⁷, объяснив, почему Щепкину неудобно ставить пьесу и почему мне это будет удобно, прибавя, что, в сущности, всем будет распоряжаться Щепкин, только через меня. Это было первое мое письмо к Гоголю, и его ответ был первым его письмом ко мне. Вот оно:

15 Мая, СПб.

«Я получил приятное для меня письмо Ваше. Участие Ваше меня тронуло. Приятно думать, что среди многолюдной неблаговолящей толпы скрывается тесный кружок избранных,веряющий творения наши верным внутренним чувством и вкусом; еще более приятно, когда глаза его обращаются на творца их с тою любовью, какая дышит в письме Вашем. — Я не знаю, как благодарить за готовность Вашу принять на себя обузу и хлопоты по моей пьесе. Я поручил ее уже Щепкину и писал об этом письмо к Загоскину. Если же ему точно нет возможности ладить

¹ Однажды *вписано вместо*: Один раз

¹¹ Сгоряча *вписано*.

¹¹¹ *Фрагмент*: Ни с чем нельзя сравнить ~ которое разделяли и слушатели — *написан на отдельном листе, подклеенном к рукописи*.

^{IV} дельными *вписано вместо*: справедливыми

^V оставшиеся *вписано*.

^{VI} Это огорчило меня и многих его почитателей *вписано*.

^{VII} согласился и *вписано*.

самому с дирекцией и если он не отдавал еще письма, то известите меня, я в ту же минуту приготовлю новое письмо к Загоскину. Сам я никаким образом не могу приехать к Вам, потому что занят приготовлениями к моему отъезду, который будет если не 30 мая, то 6 июня непременно. Но по возвращении из чужих краев я постоянный житель столицы древней.

Еще раз принося вам чувствительнейшую мою благодарность, остаюсь навсегда

Вашим покорнейшим слугою

Н. Гоголь».

Мая 15, 1836.

На конверте.

Его высочородию!

Милостивому Государю

Сергею Тимофеевичу

Аксакову

от Н. Гоголя.

Как это странно, что письмо такое простое, искреннее не понравилось всем и даже мне.

Отсюда начинается долговременная и тяжелая история *не полного понимания* Гоголя людьми самыми ему близкими, искренно и горячо его любившими^{II}, называвшимися его друзьями! Безграничной, безусловной доверенности в свою искренность Гоголь не имел до своей смерти. Нельзя предположить, чтоб все мы были виноваты в этом без всякого основания; оно заключалось в наружности обращения и в необъяснимых странностях его духа. Это материя длинная и, чтобы бросить на нее некоторый свет, заранее скажу только, что впоследствии я часто говаривал для успокоения Шевырева и особенно Погодина: «Господа! ну как мы можем судить Гоголя по себе? Может быть, у него все нервы вдсятеро тоньше наших и устроены как-нибудь вверх ногами!» На что Погодин со смехом отвечал: «Разве что так!»

Вследствие письма Гоголя ко мне Щепкин писал к нему²⁸, что письмо к Загоскину отдано давно, о чем он его уведомлял^{III}; но, кажется, Гоголь не получал этого письма, потому что не отвечал на него и^{IV} уехал немедленно за границу.

Итак, «Ревизор» был поставлен²⁹ без моего участия. Впрочем, эта пиеса игралась и теперь играет в Москве довольно хорошо, кроме Хлестакова, роль которого труднее всех. Гоголь всегда мне жаловался, что не находит актера для этой роли, что оттого пьеса теряет смысл и скорее должна называться *Городничий*, чем *Ревизор*. Незадолго до своей смерти он передал эту роль г-ну Шумскому и сам ставил пьесу³⁰. Я тогда уже не ездил в театр, но все зрители восхищались Шумским; сам Гоголь видел его из нашей ложи в продолжение двух действий и остался им доволен^V.

В 1837-м году погиб Пушкин. Из писем самого Гоголя известно, каким громовым ударом была эта потеря. Гоголь сделался болен и духом, и телом. Я прибавлю, что, по моему мнению, он уже никогда не выздоравливал совершенно и что смерть Пушкина была единственной причиной всех болезненных явлений его духа, вследствие которых он задавал себе неразрешимые

^I Я был тогда титулярным советником; но Гоголь, по фигуре моей, вообразил, что я непременно должен быть статским советником. — *Примеч. С. Т. Аксакова на полях.*

^{II} искренно и горячо его любившими *вписано.*

^{III} о чем он его уведомлял *вписано.*

^{IV} не отвечал на него и *вписано.*

^V *Фрагмент:* Незадолго до своей смерти ~ остался им доволен. — *обведен в рукописи карандашом и надписан:* «выноска». *На полях следует также примечание для наборщика:* «Это вниз под строкою, мелким». В изд. 1880 и 1890 гг. фрагмент напечатан в качестве подстрочного примечания (в изд. 1880 г. — № 4, с. 18; в изд. 1890 г. — с. 13).

вопросы, на которые великий талант его, изнеможенный борьбою, с направлением отшельника, не мог дать сколько-нибудь удовлетворительных ответов³¹.

В начале 1838-го года³² распространились по Москве слухи, что Гоголь отчаянно болен в Италии и даже посажен за долги в тюрьму. Разумеется, последнее было совершенная ложь. Во всей Москве переписывался с ним один Погодин; он получил, наконец, письмо от Гоголя, уведомлявшее об его болезни и трудных денежных обстоятельствах. Это письмо было писано из Неаполя от 20-го августа³³. Между прочим Гоголь писал в нем: «Мне не хотелось пользоваться твоею доброю. Теперь я доведен до того. Если ты богат, пришли вексель на 2000. Я тебе через год, много через полтора их возвращу»¹. Несколько человек^{II} решились помочь Гоголю^{III}, но под большим секретом: я, Погодин, Баратынский³⁴ и Павлов^{IV} ³⁵ сложились по 250 р<ублей>, и 1000 р<ублей> предложил сам по сердцу весьма добрый человек И. Е. Великопольский, которому я только намекнул о положении Гоголя и о нашем намерении. Секрет его знакомыми^V был вполне сохранен. Погодин должен был написать к Гоголю письмо³⁶ следующего содержания: «Видя, что ты находишься в нужде, на чужой стороне, я, имея свободные деньги, посылаю тебе 2000 р<ублей> ассигнациями. Ты отдашь их мне тогда, когда разбогатеешь, что без сомнения будет». Деньги были отосланы немедленно. С этими деньгами случилась странная история. Я удостоверен, что они были получены Гоголем, потому что в одном своем письме Погодин очень неделикатно напоминает об них Гоголю, тогда как он дал честное слово нам, что Гоголь никогда не узнает о нашей складчине; но вот что непостижимо: когда финансовые дела Гоголя поправились, когда он напечатал свои сочинения в 4-х томах, тогда он поручил все расплаты Шевыреву и дал ему собственноручный^{VI} регистр, в котором даже все мелкие долги были записаны с точностью; об этих же 2000-х не упомянуто; этот регистр и теперь находится у Шевырева^{VII} ³⁷.

В 1838-м году, кажется 8-го июня, уехал Константин за границу, намереваясь долго прожить в чужих краях (он не мог прожить более пяти месяцев). Перед возвращением своим в Россию он написал к Гоголю в Рим самое горячее письмо³⁸, убеждая его воротиться в Москву (Гоголь жил в Риме уже более двух лет) и назначая ему место съезда в Кельне^{VIII}, где Константин будет ждать его, чтоб ехать в обратный путь вместе. Гоголь еще не думал возвращаться, да и письмо получил двумя месяцами позднее, потому что куда-то уезжал из Рима. Письмо это, вероятно дышавшее горячей любовью, произвело, однако, глубокое впечатление на Гоголя, и хотя он не отвечал на него, но, по возвращении в Россию^{IX}, через год, говорил о нем с искренним чувством.

В 1839 году Погодин ездил за границу, имея намерение привезти с собою Гоголя^X. Он ни слова не писал нам^{XI} о свидании с Гоголем, и хотя^{XII} мы сначала надеялись, что они воротятся

¹ *Фрагмент*: Это письмо было писано ~ через полтора их возвращу» — *вписан на полях*.

^{II} Несколько человек *вписано карандашом вместо*: Мы

^{III} *Было*: ему помочь

^{IV} и Павлов *вписано карандашом*.

^V его знакомыми *вписано вместо*: наш

^{VI} собственноручный *вписано*.

^{VII} *Фрагмент*: С этими деньгами ~ и теперь находится у Шевырева — *обведен в рукописи карандашом*. Внизу листа сделана сноска, начинающаяся фразой: Когда финансовые дела Гоголя поправились. По-видимому, указанный фрагмент И. С. Аксаков в 1880 г. предполагал перенести в подстрочное примечание, однако правка осталась незавершенной.

^{VIII} съезда в Кельне *вписано*.

^{IX} хотя он не отвечал на него, но, по возвращении в Россию *вписано вместо*: он отвечал, очевидно, под его влиянием. Но по возвращении в Россию

^X имея намерение привезти с собою Гоголя *вписано на полях*.

^{XI} нам *вписано*.

^{XII} хотя *вписано*.

в Москву вместе, но^I потом уже потеряли эту надежду^{II}. Мы жили^{III} лето на даче в Аксиньине, в 10 верстах от Москвы. 29-го сентября вдруг получаю я следующую^{IV} записку от Михаила Семеновича Щепкина:

«Почтеннейший Сергей Тимофеевич, спешу уведомить вас, что М. П. Погодин приехал, и не один; ожидания наши исполнились: с ним приехал³⁹ Н. В. Гоголь. Последний просил никому не сказывать, что он здесь; он очень похорошел, хотя сомнение о здоровье у него беспрестанно проглядывает. Я до того обрадовался его приезду, что совершенно обезумел, даже до того, что едва ли не сухо его встретил; вчера просидел целый вечер у них и, кажется, путного слова не сказал: такое волнение его приезд во мне произвел, что я нынешнюю ночь почти не спал. Не утерпел, чтобы не известить вас о^V таком для нас сюрпризе: ибо, помнится, мы совсем уже его не ожидали. Прощайте, сегодня, к несчастью, играю и потому не увижу его.

Ваш покорнейший слуга
Михаил Щепкин.

От 28-го сентября 1839 года».

Я помещаю эту записку для того, чтоб показать^{VI}, что значил приезд Гоголя в Москву для его почитателей. Мы все обрадовались чрезвычайно. Константин, прочитавши записку прежде всех, поднял от радости такой крик, что всех перепугал, а с Машенькой⁴⁰ сделалось даже дурно. Он уехал в Москву в тот же день, а я с семейством переехал 1-го октября. Константин уже виделся с Гоголем, который остановился у Погодина в его собственном доме на Девичьем поле. Гоголь встретился с Константином весело и ласково; говорил о письме, которое, очевидно, было для него приятно, и объяснял, почему он не мог приехать в назначенное Константином место, т. е. в Кельн. Причина состояла^{VII} в том, что он уезжал на то время из Рима, а воротясь, целый месяц не получал писем из России, хотя часто осведомлялся на почте; наконец он решился пересмотреть сам все лежащие там письма и между ними нашел несколько адресованных к нему; в том числе находилось и письмо Константина. Бестолковый почтовый чиновник принимал Гоголя за кого-то другого и потому не отдавал до сих пор ему писем^{VIII}.

Разговаривая очень приятно, Константин сделал Гоголю вопрос, самый естественный, но, конечно, слишком^{IX} часто повторяемый всеми при встрече с писателем: «Что вы нам привезли, Николай Васильевич?», — и Гоголь вдруг очень сухо и с неудовольствием отвечал: «Ничего». Подобные вопросы были всегда ему очень неприятны; он особенно любил содержать в секрете то, чем занимался, и терпеть не мог, если хотели его нарушить.

На другой день^X моего переезда в Москву^{XI}, 2-го октября, Гоголь^{XII} приехал к нам обедать вместе с Щепкиным, когда мы уже сидели за столом, совсем его не ожидая. С искренними, ра-

^I но *вписано вместо*: а

^{II} *Фрагмент*: и хотя мы сначала надеялись, что они воротятся в Москву вместе, но потом уже потеряли эту надежду — *вписан на полях*.

^{III} *Далее было*: это

^{IV} следующую *вписано*.

^V *Далее было*: а. ком б. ко

^{VI} чтоб показать *вписано*.

^{VII} *Было*: Причины были следую<щие>

^{VIII} *Далее было*: 2-го октября

^{IX} конечно, слишком *вписано вместо*: так

^X На другой день *вписано вместо*: Не помню, виделся ли я с Гоголем в первый день

^{XI} *Далее было*: но

^{XII} Гоголь *вписано вместо*: он

достными восклицаниями встретили его все, и он сам казался воротившимся к близким и давнишним друзьям, а не просто к знакомым, которые виделись несколько раз и то на короткое время. Я был восхищен до глубины сердца и в то же время удивлен. Казалось, как бы могло пятилетнее отсутствие, без письменных сношений, так сблизить нас с Гоголем? По чувствам нашим мы, конечно, имели полное право на его дружбу, и, без сомнения, Погодин, знавший нас очень коротко, передал ему подробно обо всем, и Гоголь почувствовал, что мы точно его настоящие друзья.

Наружность Гоголя так переменялась, что его можно было не узнать: следов не было прежнего, гладко выбритого и обстриженного (кроме хохла) франтика в модном фраке! Прекрасные белокурые густые^I волосы лежали у него почти по плечам; красивые усы, эспаньолка довершали перемену; все черты лица получили^{II} совсем другое значение; особенно в глазах, когда он говорил^{III}, выражались доброта, веселость и любовь ко всем^{IV}; когда же он молчал или задумывался, то сейчас изображалось в них серьезное устремление к чему-то высокому. Сертук вроде пальто заменил фрак, который Гоголь надевал только в совершенной крайности. Самая фигура Гоголя в сюртуке сделалась благообразнее^V. Шутки Гоголя, которых передать нет никакой возможности, были так оригинальны и забавны, что неудержимый смех одолевал всех, кто его слушал, сам же он всегда шутил, не улыбаясь.

С этого собственно времени началась наша тесная дружба, вдруг развившаяся^{VI} между нами. Гоголь бывал у нас почти каждый день и очень часто обедал. Зная, как он не любит, чтоб говорили с ним об его сочинениях, мы никогда об них не поминали⁴¹, хотя слух о «Мертвых душах» обежал уже всю Россию и возбудил общее внимание и любопытство. Не помню, кто-то писал из чужих краев, что, выслушав перед отъездом из Рима первую главу «Мертв<ых> Душ», он хохотал до самого Парижа. Другие были не так деликатны, как мы, и приступали к Гоголю с вопросами, но получали самые неудовлетворительные и даже неприятные ответы^{VII}.

Гоголь сказал нам, что ему надобно скоро ехать в Петербург, чтоб взять сестер своих⁴² из Патриотического института, где они воспитывались на казенном содержании. Мать Гоголя должна была весной^{VIII} приехать за дочерьми в Москву. Я сам вместе с Верой^{IX} сбился ехать в Петербург, чтоб отвезти моего^X Мишу⁴³ в Пажеский корпус, где он был давно кандидатом. Я сейчас предложил Гоголю ехать вместе, и он очень был тому рад.

Не зная хорошенько времени, когда должен был последовать выпуск воспитанниц из Патриотического института, Гоголь сначала торопился отъездом. Это видно из записки Погодина ко мне⁴⁴, в которой он пишет, что Гоголь просит меня справиться об этом выпуске; но торопиться было не к чему: выпуск последовал в декабре. Во всяком случае замедление отъезда происходило от нас. Я писал Гоголю 20-го октября, что, «желая непременно ехать вместе с вами, любезнейший Николай Васильевич, я обращаюсь к вам с вопросом, можете ли вы отложить свой отъезд до вторника? Если не можете, мы едем в воскресенье поутру». На той же записке Гоголь отвечал:

^I густые *отписано*.

^{II} все черты лица получили *отписано вместо*: все выражение лица получило

^{III} когда он говорил *отписано*.

^{IV} веселость и любовь ко всем *отписано вместо*: мыслящий ум и постоянное устремление к чему-то высокому

^V *Фрагмент*: Сертук вроде пальто заменил фрак - сделалась благообразнее - *отписан на полях*.

^{VI} развившаяся *отписано вместо*: возникшая

^{VII} *Фрагмент*: любит, чтоб говорили - самые неудовлетворительные и даже неприятные ответы - *отписан на полях*.

^{VIII} весной *отписано*.

^{IX} вместе с Верой *отписано*.

^X *Далее отписано карандашом и зачеркнуто*: младшенького (вероятно, правка И. С. Аксакова). В изд. 1880 г. (№ 5,

с. 13) *напечатано*: младшего сына

«Коли вам это непременно хочется и нужно и я могу сделать вам этим удовольствие, то готв отложить отъезд свой до вторника охотно».

Но и во вторник отъезд был отложен, и мы выехали в четверг после обеда¹ 26-го октября (1839 г.). Я взял особый дилижанс, разделенный на два купе: в переднем сидел Миша и Гоголь, а в заднем — я с Верой. Оба купе сообщались двумя небольшими окнами, в которых деревянные рамки^{II} можно было поднимать и опускать: с нашей стороны в рамках были вставлены^{III} два зеркала. Это путешествие было для меня и для детей моих так приятно, так весело, что я и теперь вспоминаю о нем с удовольствием. Гоголь был так любезен, так постоянно шутив, что мы помирали со смеху. Все эти шутки обыкновенно происходили на станциях или при разговорах с кондуктором и ямщиками. Самый обыкновенный вопрос или какое-нибудь требование Гоголь умел так сказать забавно, что мы сейчас начинали хохотать; иногда даже было нам совестно перед Гоголем, особенно когда мы бывали окружены толпою слушателей^{IV}. В продолжение дороги, которая тянулась более четырех^V суток, Гоголь говорил иногда с увлечением о жизни в Италии, о живописи (которую очень любил и к которой имел решительный талант), об искусстве вообще, о комедии в особенности, о своем «Ревизоре», очень сожалел о том, что главная роль, Хлестакова, играетя дурно в Петербурге и Москве, отчего пьеса теряла весь смысл^{VI} (хотя в Москве он не видал «Ревизора» на сцене⁴⁵). Он предлагал мне, воротясь из Петербурга, разыграть «Ревизора» на домашнем театре; сам хотел взять роль Хлестакова, мне предлагал Городничего, Томашевскому⁴⁶ (с которым я успел его познакомиться), служившему цензором в Почтамте, назначал роль почтмейстера, и так далее. Много высказывал Гоголь таких ясных и верных взглядов на искусство, таких тонких пониманий художества, что я был очарован им. Большую же часть^{VII} во время езды, закутавшись в шинель, подняв ее воротник выше головы, он читал какую-то книгу, которую прятал под себя или клал в мешок, который всегда выносил с собою на станциях. В этом огромном мешке находились принадлежности туалета: какое-то масло, которым он мазал свои волосы, усы и эспаньолку, несколько головных^{VIII} щеток, из которых одна была очень большая и кривая: ею Гоголь расчесывал свои длинные волосы. Тут же были ножницы^{IX}, щипчики и щеточки для ногтей и, наконец несколько книг^X. Сосед Гоголя^{XI}, четырнадцатилетний наш Миша, живой и веселый, всегда показывал нам знаками, что делает Гоголь, читает или дремлет. Миша подсмотрел даже, какую книгу он читал: это был Шекспир на французском языке.

Гоголь чувствовал всегда, особенно в сидячем положении, необыкновенную зябкость; без сомнения, это было признаком болезненного состояния нерв, которые не пришли еще в свое

¹ после обеда *вписано*.

^{II} в которых деревянные рамки *вписано вместо*: которые

^{III} в рамках были вставлены *вписано вместо*: это были

^{IV} *Фрагмент*: Все эти шутки — толпою слушателей — в рукописи зачеркнут карандашом. Вместо него карандашом *вписано и вновь зачеркнуто*: Общий [веселый] громкий смех [постоянно] частехонько оглашал [и экипаж] и наш экипаж, и станции, на которых мы останавливались. Впрочем (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 13*: «Общий громкий смех то и дело оглашал наш экипаж, и станции, на которых мы останавливались. Впрочем»).

^V более четырех *вписано вместо*: около пяти

^{VI} отчего пьеса теряла весь смысл *вписано*.

^{VII} *Вместо*: Большую же часть — *вписано карандашом и зачеркнуто*: Иногда же (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 13*).

^{VIII} несколько головных *вписано вместо*: множество щеток и щеточек

^{IX} ножницы *вписано*.

^X *Фрагмент*: В этом огромном мешке — несколько книг — *вписан на полях*.

^{XI} *Далее вписано карандашом и зачеркнуто*: в купе (*дополнение И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 13*).

нормальное положение после смерти Пушкина. Гоголь мог согреть ноги только ходьбою и для того в дорогу он надел сверх сапогов длинные и толстые^I русские шерстяные чулки и сверх всего этого теплые медвежьи сапоги. Несмотря на то, он на каждой станции бегал по комнатам и даже по улицам во все время, пока перекладывали лошадей, или просто ставил ноги в печку^{II}. Гоголь был тогда еще немножко гастроном^{III}; он взял на себя распоряжение нашим кофеем, чаем, завтраком и обедом. Ехали мы чрезвычайно медленно, потому что лошади, возившие дилижансы, едва таскали ноги, а Гоголь рассчитал, что на другой день, часов в пять пополудни, мы должны приехать в Торжок, следственно должны там обедать и полакомиться знаменитыми котлетами Пожарского^{IV}, и ради таковых причин дал нам только позавтракать, обедать же^V не дал: мы весело повиновались такому распоряжению. Вместо 5-ти часов вечера мы приехали в Торжок в 3 часа утра. Гоголь шутил так забавно над будущим нашим утренним^{VI} обедом, что мы с громким смехом взошли на лестницу известной гостиницы, и Гоголь сейчас заказал нам^{VII} дюжину котлет с тем, чтоб других блюд не спрашивать. Через полчаса были готовы котлеты, и одна их наружность и запах возбудили сильный аппетит в проголодавшихся путешественниках. Котлеты были точно необыкновенно вкусны, но вдруг (кажется, первая Вера) мы все перестали жевать, а начали вытаскивать из своих ртов довольно длинные белокурые волосы. Картина была очень забавная, а шутки Гоголя придали столько комического этому приключению, что несколько минут мы только^{VIII} хохотали, как безумные. Успокоившись, принялись мы рассматривать свои котлеты, и что же оказалось? В каждой из них мы нашли по несколько десятков таких же длинных белокурых волос! Как они туда попали^{IX}, я и теперь не понимаю. Предположения Гоголя были одно другого смешнее. Между прочим он говорил с своим неподражаемым малороссийским юмором, что «верно повар был пьян и не выспался, что его разбудили и что он с досады рвал на себе волосы, когда готовил котлеты; а может быть, он и не пьян и очень добрый человек, а был болен недавно лихорадкой, отчего у него лезли волосы, которые и падали на кушанье, когда он, приготавливая его, потряхивал своими белокурыми кудрями. Мы послали для объяснения за половым, и Гоголь предупредил нас, какой ответ мы получим от полового: «Волосы-с? Какие же тут волосы-с? Откуда придти волосам-с? Это так-с, ничего-с! Куриные перушки или пух, и проч., и проч.». В самую эту минуту вошел половой и на предложенный нами вопрос отвечал точно то же, что говорил Гоголь, многое даже теми же самыми словами. Хохот до того овладел нами, что половой и наш человек посмотрели на нас, выпуча глаза от удивления, и я боялся, чтобы Вере не сделалось дурно. Наконец припадок смеха прошел. Вера попросила себе разогреть бульону; а мы трое, вытаскав предварительно все волосы, принялись мужественно за котлеты.

Так же весело продолжалась вся дорога. Не помню, где-то предлагали нам купить пряников. Гоголь, взявши один из них, начал^X с самым простодушным видом и серьезным голосом уверять продавца, что это не пряники; что он ошибся и захватил как-нибудь куски мыла вместо^{XI} пряников^{XI}, что и по белому их цвету это видно, да и пахнут они мылом, что пусть он сам отве-

^I и толстые *вписано*.

^{II} *Далее вписано карандашом и зачеркнуто*: Так как (дополнение И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 13).

^{III} *Далее вписано карандашом и зачеркнуто*: то (дополнение И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 13).

^{IV} обедать же *вписано вместо*: а обедать

^V утренним *вписано*.

^{VI} сейчас заказал нам *вписано вместо*: сейчас заказали себе

^{VII} только *вписано*.

^{VIII} попали *вписано вместо*: взошли

^{IX} *Далее было*: уверять продавца

^X вместо *вписано вместо*: а не

^{XI} *Далее было*: и

дает^I и что мыло стоит гораздо дороже, чем пряники⁴⁸. Продавец сначала очень серьезно и убедительно доказывал, что это точно пряники, а не мыло, и наконец рассердился. В моем рассказе ничего нет смешного, но, слушая Гоголя, не было возможности не смеяться^{II}.

Помню я также завтрак на станции^{III} в Померани, которая издавна славилась своим кофеем и вафлями, и еще более была замечательна тогда уже старым своим слугою, 20 лет ходившим по-видимому в одном и том же фраке, в одних и тех же чулках и башмаках с пряжками. Это был лакей высшего разряда, с самой представительной наружностью и приличными манерами^{IV}. Его знала вся Россия, ездившая в Петербург. В какое бы время дня и ночи ни приехали порядочно одетые путешественники, особенно дамы, лакей-джентльмен являлся немедленно в полном своем костюме. Меня уверяли, что он всегда спал в нем, сидя на стуле. С этим-то, интересным для Гоголя, человеком умел он разговаривать так мастерски, впадая в его тон, что всегда хладнокровно-учтивый старик, оставляя вечно носимую маску, являлся другим лицом, так сказать, с внутренними своими чертами. В этом разговоре было что-то умильно^V забавное и для меня^{VI} даже трогательное.

30-го октября в восемь часов вечера приехали мы в^{VII} Петербург. Не доезжая до Владимирской, где был дом Карташевских^{VIII} 49, Гоголь вышел из дилижанса, захватил свой мешок и простился с нами. Он не знал, где остановится: у Плетнева или у Жуковского. Он обещал немедленно прислать за своими вещами и чемоданом^{IX} и уведомить нас о своей квартире; хотел также скоро побывать и сам. Но обещания Гоголя в этом роде были весьма неверны; в тот же самый вечер, но так поздно, что все уже легли спать, Гоголь приезжал сам, взял свой мешок и еще кое-что и сказал человеку, что пришлет за остальными вещами; но где живет, не сказал. На другой день я поехал^X его отыскивать, но не успел отыскать. По множеству моих разъездов, я не успел^{XI} побывать у Плетнева, а у Жуковского^{XII} Гоголя не оказалось. Наконец, 3-го ноября, я был у Гоголя. Он только что переехал к Жуковскому и обещал на другой день, то есть 4-го, приехать обедать к нам. Он очень мне обрадовался, но казался чем-то смущенным и^{XIII} уже не

^I что пусть он сам отвечает *вписано*.

^{II} *Фрагмент*: Ехали мы чрезвычайно медленно - не было возможности не смеяться. — *зачеркнуто в рукописи карандашом. Вместо него вписано карандашом и зачеркнуто*: Проезжая, особенно в Торжке, [где считалось некоторой обязанностью съесть пожарскую котлету], знаменитом пожарскими котлетами, но где именно мы [ничего] их есть не могли, потому что все оказались с длинными белокурыми волосами, происходило немало забавных сцен (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 13: «при этом — особенно в Торжке, знаменитом «Пожарскими котлетами» и где именно мы их есть не могли, потому что все оказались с длинными белокурыми волосами, — происходило немало забавных сцен»*).

^{III} на станции *вписано*.

^{IV} и приличными манерами *вписано*.

^V *Вместо*: умильно — *вписано карандашом и зачеркнуто*: не только

^{VI} для меня *вписано*.

^{VII} *Вместо*: 30-го октября в восемь часов вечера приехали мы в — *вписано карандашом и зачеркнуто*: Наконец дошли мы в (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14*).

^{VIII} *Вместо*: Владимирской, где был дом Карташевских — *вписано карандашом и зачеркнуто*: нашей квартиры (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14*).

^{IX} *Было*: За своим чемоданом

^X *Вместо*: в тот же самый вечер - я поехал — *было*: но не прислал за чемоданом даже и на другой день. Я поехал

^{XI} *Было*: а. не успел б. не мог

^{XII} *Фрагмент*: но не успел отыскать. По множеству моих разъездов, я не успел побывать у Плетнева, а у Жуковского — *вписан вместо*: он оказался у Плетнева, но на другой день хотел переехать к Жуковскому и тогда прислать за чемоданом

^{XIII} *Фрагмент*: Он обещал немедленно прислать - но казался чем-то смущенным и — *зачеркнуто в рукописи карандашом; вместо него вписано и зачеркнуто*: и только дня через три, в течении которых, где жил он, мне неизвестно, пе-

походил на прежнего, *дорожного* Гоголя. Он развеселился несколько, говоря, что возьмет своих сестер и опять вместе с нами поедет в Москву; хотел немедленно, как только можно будет переехать через Неву, повезти нас в Патриотический институт, чтоб познакомиться с своими сестрами^I. Он не остался у нас обедать, потому что за ним прислал Жуковский^{II}. Я познакомил его с моими хозяевами. Гоголь всем не очень понравился, даже Машеньке^{III} 50. Вообще должно сказать, что, кроме Машеньки, никто не понимал и не ценил Гоголя как писателя. Гр. Ив. Карташевский даже и не читал его; но я надеялся, что он может и должен вполне оценить Гоголя, потому что в молодости, когда он был еще моим воспитателем, он страстно любил^{IV} «Дон-Кихота», обожал Шекспира и Гомера и первый развил в моей душе любовь к искусству. Ожидания мои не оправдались, что увидим впоследствии.

5-го ноября, я еще не сходил сверху, потому что до половины второго просидел у меня Кавелин^V, только что успели прибежать ко мне Вера и Машенька, чтоб послушать «Арабески» Гоголя, которые я накануне купил для Машеньки, — как вбежал сам Гоголь, до того замерзший, что даже жалко и смешно было смотреть на него, — в то время стояла в Петербурге страшная стужа, до 23 градусов при сильном ветре^V; но потом, посогревшись, был очень весел и забавен с обеими девицами. Сидел очень долго и просидел бы еще дольше, но пришел Ив. Ив. Панаев: это напомнило Гоголю, что ему пора идти. Несмотря на то, что Гоголь показался всем очень веселым^{VI}, внутренно он был чрезвычайно расстроен. 5-го же^{VII} ноября он был у меня опять и открыл мне свое затруднительное положение^{VIII}. Он был обнадежен Жуковским, что сестры его получают вспоможение при выходе из института от щедрот Государыни; но теперь никто не берется^{IX} доложить ей^X о том, ибо по случаю нездоровья она не занимается^{XI} делами, и беспокоить ее докладами считают неприличным^{XII}. Гоголь сказал^{XIII}, что насчет его уже начались сплетни и что он горит нетерпением поскорее отсюда уехать. Очень просил, чтоб я с Верой и с ним съездил к его сестрам, и поручил мне в каждом письме писать к моей жене и Константину по пяти поклонов. Я был взволнован его положением и предложил ему все, что тогда у меня было, разумеется, безделицу; он сказал что-то весьма растроганным голосом и убежал. В тот же

реехал к Жуковскому. В Петербурге он был (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14: «Я увидался с ним лишь через три дня. В Петербурге он не был»*).

^I чтоб познакомиться с своими сестрами *вписано*.

^{II} *Фрагмент*: Он не остался у нас обедать, потому что за ним прислал Жуковский. Я — *вписан вместо*: Не помню хорошенько, обедал ли он у нас 4-го ноября, но знаю, что он был, и что я

^{III} даже Машеньке *вписано*.

^{IV} *Фрагмент*: Он развеселился несколько — он страстно любил — *зачеркнуто в рукописи карандашом (сокращение И. С. Аксакова)*.

^V в то время стояла в Петербурге — при сильном ветре *вписано*.

^{VI} *Фрагмент*: ему пора идти. Несмотря на то, что Гоголь показался всем очень веселым — *зачеркнуто в рукописи карандашом; вместо него вписано и зачеркнуто*: и хотя другим он и казался иногда очень веселым, но (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14*).

^{VII} же *вписано*.

^{VIII} *Фрагмент*: 5-го же ноября он был у меня опять и открыл мне свое затруднительное положение — *зачеркнуто в рукописи карандашом; вместо него вписано и зачеркнуто*: [Его] Надобно было [взять] ему взять сестер из Института, экипировать их, обеспечить их содержание — и все это при совершенном безденежье! (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14*).

^{IX} *Вместо*: не берется — *было вписано и зачеркнуто карандашом*: не брался

^X ей *зачеркнуто в рукописи карандашом*.

^{XI} *Вместо*: она не занимается — *было вписано и зачеркнуто карандашом*: Императрица не занималась

^{XII} *Вместо*: считают неприличным — *было вписано и зачеркнуто карандашом*: считалось неудобным

^{XIII} *Вместо*: сказал — *было вписано и зачеркнуто карандашом*: вскоре по приезде, сказал мне

день я описал все подробно Ольге Семеновне, заметив, что, вероятно, Гоголю надобно много денег, что все это, как я надеюсь, поправится, а в противном случае — я поправлю¹.

Во всем круге^{II} моих старых товарищей и друзей, во всем круге моих^{III} знакомых я не встретил ни одного человека, кому бы нравился Гоголь и кто бы ценил его вполне! Даже никого, кто бы всего его прочел! О, Петербург, о, пошло деловой, всегда равно отвратительный Петербург^{IV}! Вот, например, Владимир Иванович Панаев, тоже старый мой товарищ^V, литератор и член Российской Академии, с которым, разумеется, я никогда о Гоголе не рассуждал, вдруг спрашивает меня при многих свидетелях: «А что Гоголь? Опять написал что-нибудь смешное и неестественное?» Не помню, что я отвечал ему; но, вероятно, присутствие^{VI} других спасло его от такого ответа², от которого не поздоровилось бы ему^{VII}.

В продолжении нескольких дней Гоголь еще надеялся на какие-то благоприятные обстоятельства; мы виделись с ним несколько раз, но на короткое время. Всякий раз уславливались, когда ехать к его сестрам, и всякий раз что-нибудь мешало.

Наконец 13-го ноября обедал у нас Гоголь. Григорий Иванович³, который успел прочесть кое-что из него^{VIII} и всю ночь хохотал от «Вия»... увы, также не мог вполне понять художественное достоинство Гоголя; он почувствовал только один комизм его. Это не помешало ему быть вполне любезным по-своему с своим земляком. Гоголь за обедом вдруг спросил меня потихоньку: «Откуда этот превосходный портрет?» и указал на портрет Кирил<л>овны, написанный Машенькой Карташевской. Я, разумеется, сейчас объяснил дело, и Машенька, которой по нездоровью не было за столом, также и Веры^{IX}, была сердечно утешена отзывом Гоголя. После обеда он смотрел портрет Веры, начатый Машенькой, и портрет нашей Марихен⁴, сделанный Верой, и чрезвычайно хвалил, особенно портрет Марихен, и в заключение сказал, что им нужно коротко познакомиться с Вандиком⁵, чтоб усовершенствоваться. Оба друга были в восхищении. Я объяснил ему, какое прекрасное существо Машенька Карташевская. После обеда Гоголь долго говорил с Григорием Ивановичем об искусстве вообще: о музыке, живописи, о театре и характере малороссийской поэзии; говорил удивительно хорошо! Все было так ново, свежо и истинно! И какой же вышел результат? Григорий Иванович, этот умный, высоконравственный, просвещенный и доступный пониманию некоторых сторон искусства человек, сказал нам с Верой: что малороссийский народ пустой, что и Гоголь сам точно такой же хохол, каких он представляет в своих повестях, что ему мало одного, что он^X хочет быть и музыкантом, и живописцем, и начал бранить его за то, что он предался Италии. Это меня сердечно огорчило, и Вера печально сказала мне: «Что после этого и говорить, если Григорий Иванович не может понять, какое глубокое и великое значение имеет для Гоголя вообще искусство, в каких бы оно формах ни проявлялось!»

^I *Фрагмент*: Очень просил - я поправлю — зачеркнут в рукописи карандашом.

^{II} *Слова*: Во всем круге — зачеркнуты в рукописи карандашом; вместо них вписано и зачеркнуто: Нужно заметить, что во всем петербургском круге

^{III} *Далее вписано и зачеркнуто карандашом*: петербургских

^{IV} *Фраза*: О, Петербург, о, пошло деловой, всегда равно отвратительный Петербург! — зачеркнута в рукописи карандашом; вместо нее вписано и зачеркнуто: Таков был тогда пошло деловой, отвратительный Петербург! (исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14).

^V *Далее вписано и зачеркнуто карандашом*: (по Казанской гимназии и университету) (пояснение И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14).

^{VI} *Было*: в присутствии

^{VII} *Фрагмент*: от такого ответа, от которого не поздоровилось бы ему — зачеркнут в рукописи карандашом; вместо него вписано и зачеркнуто: от резкого ответа (исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14).

^{VIII} *Было*: из Гоголя

^{IX} *которой по нездоровью не было за столом, также и Веры вписано.*

^X *ему мало одного, что он вписано вместо*: Гоголь

13-го ноября этого года осталось для меня незабвенным днем на всю мою жизнь. После обеда, часов в 7, мы ушли^I с Гоголем наверх, чтоб поговорить наедине. Когда я позвал Гоголя, обнял его одной рукою^{II} и повел таким образом наверх, то на лице его изобразилось такое^{III} волнение и смущение... Нет, оба эти слова не выражают того, что выражалось на его лице^{IV}! Я почувствовал, что Гоголь, предвидя, о чем я буду говорить с ним, терзался внутренно, что ему это было больно, неприятно, унижительно. Мне вдруг сделалось так совестно, так стыдно, что я привожу в неприятное^V смущение, даже в какую-то робость^{VI} этого гениального человека^{VII}, — и я^{VIII} на минуту поколебался: говорить ли мне с ним^{IX} об его положении? Но, взойдя наверх, Гоголь преодолел себя и начал говорить сам.

Его обстоятельства были следующие: Жуковский уверил его через письмо еще в Москву, что Императрица пожалует его сестрам при выходе из Института по крайней мере по тысяче рублей (что, впрочем, я уже отчасти знал). С этой верной надеждой он приехал в Петербург; но она не сбылась по нездоровью Государыни, и неизвестно, когда сбудется. К довершению всего^X, Гоголь^{XI} потерял свой бумажник с деньгами, да еще и с записками, для него очень важными^{XII} 56. Кроме того, что ему надобно было одеть^{XIII} сестер и довести до Москвы, он должен^{XIV} заплатить за какие-то^{XV} уроки...⁵⁷ Что делать? К кому обратиться? Все кругом холодно, как лед, а денег ни гроша! У людей близких, т<о> е<сть> у Жуковского и Плетнева^{XVI}, он почему-то денег про-

^I *Фрагмент:* Всякий раз усаживались – После обеда, часов в 7, мы ушли – *зачеркнуто в рукописи карандашом; вместо него вписано и зачеркнуто:* Я решился, во что бы ни стало, вывести его из затруднительного положения. В один день, когда Гоголь обедал у нас (мы останавливались у близких родных – Карташевских), после обеда ушли мы (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. – № 5, с. 14*). К слову «Карташевских» в изд. 1880 г. сделано подстрочное примечание: «Родная сестра С. Т.<имоефееви>ча, Надежда Тимофеевна (Наташа Сем<ейной> Хроники и Детских годов) была замужем за Григ. Ив. Карташевским, в то время сенатором. Он умер в 1840 г. Ред<актор И. С. Аксаков>».

^{II} обнял его одной рукою *вписано вместо:* взял его за руку

^{III} Слово: такое – *зачеркнуто в рукописи карандашом; вместо него вписано и зачеркнуто:* сильное (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. – № 5, с. 14*).

^{IV} *Фраза:* Нет, оба эти слова не выражают того, что выражалось на его лице! – *зачеркнуто в рукописи карандашом.*

^V неприятное *вписано.*

^{VI} даже в какую-то робость *вписано.*

^{VII} Слова: этого гениального человека – *зачеркнуты в рукописи карандашом; вместо них вписано и зачеркнуто:* такого гениального художника (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. – № 5, с. 14:* «этого гениального художника»).

^{VIII} Было: что я

^{IX} Слова: говорить ли мне с ним – *зачеркнуты в рукописи карандашом; вместо них вписано и зачеркнуто:* начинать ли мне разговор (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. – № 5, с. 14*).

^X К довершению всего *вписано вместо:* к тому же

^{XI} *Фрагмент:* Его обстоятельства – К довершению всего, Гоголь – *зачеркнуто в рукописи карандашом; вместо него вписано и зачеркнуто:* Кроме обманутой надежды на немедленную помощь при выпуске сестер, он еще (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. – № 5, с. 14*).

^{XII} Об этом было опубликовано в Полицейской газете; но, разумеется, бумажник не нашелся, именно потому, что в нем были деньги. – *Примеч. С. Т. Аксакова. После слов:* Об этом было – *вписано и зачеркнуто карандашом:* уже (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. – № 5, с. 14*).

^{XIII} Слово: одеть – *зачеркнуто в рукописи карандашом; вместо него вписано и зачеркнуто:* экипировать (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. – № 5, с. 14*).

^{XIV} Далее *вписано и зачеркнуто карандашом:* был (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. – № 5, с. 14*).

^{XV} Далее *вписано и зачеркнуто карандашом:* разные добавочные (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. – № 5, с. 14*).

^{XVI} т<о> е<сть> у Жуковского и Плетнева *вписано.*

свить не мог (вероятно, он им был должен). Просить у других, не имея на то никакого права, считал он унижительным, бесчестным и даже бесполезным. Хотя я живо помню, но пересказать не умею, как вскипела моя душа. Прерывающимся от внутреннего чувства, но в то же время твердым голосом я сказал ему, что я могу без малейшего стеснения, совершенно свободно располагать 2000 рублей; что ему будет грех, если он, хотя на одну минуту, усумнится; что не он будет одолжен мне, а я ему; что помочь ему в затруднительном положении я считаю самую счастливую минутою моей жизни^I; что я имею право на это счастье^{II} по моей дружбе к нему; имею право даже^{III} на то, чтобы он взял эту помощь без малейшего смущения, и не только без неприятного чувства, но с удовольствием, которое чувствует человек, доставляя удовольствие другому человеку^{IV}. — Видно, в словах моих и на лице моем выражалось столько чувства правды^V, что лицо Гоголя не только прояснилось, но сделалось лучезарным. Вместо ответа он благодарил Бога за эту минуту, за встречу его на земле^{VI} со мной и моим семейством^{VII}, протянул мне обе свои^{VIII} руки, крепко сжал мои и посмотрел на меня такими глазами, какими смотрел за несколько месяцев до своей смерти, уезжая из нашего Абрамцева в Москву и прощаясь со мной не надолго^{IX}. Я верю, что в нем это было предчувствие вечной разлуки...^X Гоголь не скрыл от меня, что знал наперед, как поступлю я; но что в то же время знал через Погодина и Шевырева^{XI} о моем нередко затруднительном^{XII} положении, знал, что я иногда сам нуждаюсь в деньгах и что мысль быть причиною какого-нибудь лишения^{XIII} целого огромного семейства его терзала, и потому-то было ему так^{XIV} тяжело признаваться мне в своей бедности, в своей крайности; что, успокоив его на мой счет^{XV}, я свалил камень, его давивший, что ему теперь легко и свободно. Он с^{XVI} любовью и радостью начал говорить о том, что у него уже готово в мыслях^{XVII} и что он сделает по возвращении в Москву; что кроме труда, завещанного ему Пушкиным, совершение которого он считает задачей своей жизни, то есть «Мертвые души», — у него составлена в голове трагедия из Истории Запорожья⁵⁸, в которой все готово, до последней нит-

^I *Фрагмент*: Хотя я живо помню — самую счастливую минутою моей жизни — *зачеркнуто в рукописи карандашом; вместо него вписано и зачеркнуто*: Не без волнения и с своей стороны сказал я ему, что могу без малейшего стеснения, совершенно располагать 2000 рублей

^{II} на это счастье *зачеркнуто в рукописи карандашом (исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14)*.

^{III} имею право даже *зачеркнуто в рукописи карандашом*.

^{IV} *Далее было*: не ручаясь за буква<льное>

^V *Слова*: чувства правды — *зачеркнуты в рукописи карандашом; вместо них вписано*: искренности *(исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14)*.

^{VI} на земле *вписано*.

^{VII} *Слова*: за встречу его на земле со мной и моим семейством — *зачеркнуты в рукописи карандашом (сокращение И. С. Аксакова)*.

^{VIII} свои *вписано*.

^{IX} не надолго *вписано вместо*: только на несколько месяцев

^X *Фрагмент*: какими смотрел за несколько месяцев — предчувствие вечной разлуки... — *зачеркнуто в рукописи карандашом; вместо него вписано и зачеркнуто*: в <4 нрзб.>

^{XI} и Шевырева *вписано*.

^{XII} *Слово*: затруднительном — *зачеркнуто в рукописи карандашом; вместо него вписано и зачеркнуто*: стесненным *(исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14)*.

^{XIII} *Далее вписано и зачеркнуто карандашом*: для

^{XIV} *Фрагмент*: что знал наперед — и потому-то было ему так — *вписан на полях вместо*: как было ему

^{XV} успокоив его на мой счет *вписано*.

^{XVI} *Далее было*: такой

^{XVII} в мыслях *вписано вместо*: в голове

ки, даже^I в одежде действующих лиц; что это его давнишнее, любимое дитя, что он считает, что эта пьеса будет лучшим его произведением и что ему будет слишком достаточно двух месяцев, чтобы переписать ее на бумагу. Он говорил о моем семействе, которое вполне понимал и ценил^{II}; особенно о моем Константине, которого нетерпеливо желал перенести из отвлеченного мира мысли в мир искусства, куда, несмотря на философское направление, влекло его призвание. Сердца наши были переполнены чувством; я видел, что каждому из нас нужно было остаться наедине^{III}. Я обнял Гоголя, сказал ему, что мне необходимо надобно ехать^{IV}, и просил, чтобы завтра, после обеда, он^V зашел ко мне^{VI} или назначил мне час, когда я могу приехать к нему^{VII} с деньгами, которые^{VIII} спрятаны у моей сестры^{IX}; что никто, кроме Константина и моей жены^X, знать об этом не должен. Гоголь^{XI}, спокойный и веселый, ушел от меня. Я, конечно, был вполне счастлив; но денег у меня не было. Надобно было их достать, что не составляло трудности^{XII}, и я сейчас написал записку и попросил^{XIII} на две недели 2000 рублей^{XIV} к известному богачу, очень замечательному человеку^{XV} по своему уму и душевным свойствам, разумеется, весьма односторонним — откупщику Бенардаки, с которым был хорошо знаком. Он^{XVI} отвечал мне, что завтра поутру приедет сам для исполнения моего «приказания». Эта любезность была исполнена в точности. В тот же вечер я не вытерпел и нарушил обещание, добровольно данное Гоголю; я не мог скрыть моего восторженного состояния от Веры и друга ее Машеньки Карташевской, которую любил, как дочь (впрочем, они были единственным исключением). Обе мои^{XVII} девицы пришли^{XVIII} в восхищение. 14-го ноября Гоголь ко мне не приходил. 15-го я писал ему записку и звал за *нужным*. — Гоголь не приходил. 16-го я поехал к нему сам, но не застал его дома. Зная от Бенардаки, который 14-го числа сам привез мне поутру 2000 рублей, что

^I даже *вписано*.

^{II} которое вполне понимал и ценил *зачеркнуто в рукописи карандашом*.

^{III} *Фрагмент*: Сердца наши ~ остаться наедине — *зачеркнуто в рукописи карандашом; вместо него вписано*: Наконец мы расстались (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14*).

^{IV} *Слова*: сказал ему, что мне необходимо надобно ехать — *зачеркнуты в рукописи карандашом (сокращение И. С. Аксакова)*.

^V *Слова*: завтра, после обеда, он — *зачеркнуты в рукописи карандашом; вместо них вписано*: он на другой день к вечеру (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14*).

^{VI} *Далее вписано карандашом*: за деньгами

^{VII} или назначил мне час, когда я могу приехать к нему *вписано*.

^{VIII} *Далее вписано и зачеркнуто карандашом*: будто бы (*дополнение И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14*).

^{IX} *Далее вписано и зачеркнуто карандашом*: и объявил ему (*дополнение И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14*).

^X и моей жены *зачеркнуто в рукописи карандашом (сокращение И. С. Аксакова)*.

^{XI} *Слова*: не должен. Гоголь — *вписаны вместо*: не будут и

^{XII} что не составляло трудности *вписано вместо*: что, конечно, для меня было нетрудно

^{XIII} *Слова*: и попросил — *зачеркнуты в рукописи карандашом; вместо них вписано и зачеркнуто*: с просьбой (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14*).

^{XIV} Для уплаты этих денег я написал в Москву к должнику своему Великопольскому, который сейчас выслал мне 2700 рублей, то есть весь долг. — *Примеч. С. Т. Аксакова*.

^{XV} человеку *вписано*.

^{XVI} *Слова*: хорошо знаком — *зачеркнуты в рукописи карандашом; вместо них вписано*: знаком еще в Оренбургской губернии, где он начинал подрядами свою коммерческую деятельность. Бенардаки (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14*).

^{XVII} мои *вписано*.

^{XVIII} пришли *вписано вместо*: были

именно 16-го Гоголь обещал у него обедать, я написал записку к Гоголю и велел человеку дожидаться его у Бенардаки; но Гоголь обманул и не приходил обедать. На меня напало беспокойство и сомнение, что Гоголь раздумал взять у меня деньги. Замечательно, что этот грек Бенардаки, очень умный, но без образования, был единственным человеком в Петербурге¹, который назвал^{II} Гоголя гениальным писателем и знакомство с ним ставил себе^{III} за большую честь⁵⁹!

В этот же день, 16-го ноября, обедали у Карташевских два тайных советника: весьма известный и любимый прежде литератор Хмельницкий⁶⁰ и другой, тоже литератор, мало известный, но не без дарования, Марков⁶¹. Несколько раз разговор обращался на Гоголя. Боже мой, что они говорили, как они понимали его — этому трудно поверить⁶². Я тогда же написал об них в письме к моей жене, что это были Калибаны⁶³ в понимании искусства, и это совершенная правда^{IV}. Зная свою горячность, резкость и неумеренность в своих выражениях, я молил только Бога, чтоб Он дал мне терпение и положил хранение устам моим. Я ходил по зале с Верой и Машенькой^V, где, однако, были слышны все разговоры, и удивлялся вместе с ними крайнему тупоумию и невежеству высшей петербургской публики, как служебной, так и литературной. Брату Николаю Тимофеевичу⁶⁴ было даже совестно за старинного его приятеля Хмельницкого, а Григорю Ив<анович> — за Маркова. Наконец терпение мое лопнуло; я подошел к ним и с убийственным выражением сказал: «Ваши Превосходительства! Сядемте-ка лучше в карты!»

Только что мы кончили игру, в которую я с злобным удовольствием обыграл всех трех тайных советников, как пришел ко мне Гоголь. Я выбежал к нему навстречу и увел его наверх. Слава Богу! все исполнилось по моему желанию: Гоголь взял деньги и был спокоен, даже весел^{VI}. Он не приходил ко мне, потому что переезжал от Плетнева к Жуковскому во дворец. Впрочем, я не вполне поверил его словам, потому что на его переезд достаточно было одного часа, и у меня осталось сомнение, что^{VII} Гоголь колебался взять у меня деньги и, может быть, даже пробовал достать их у кого-нибудь другого⁶⁵. На другой день мы назначили ехать с ним в Патриотический институт^{VIII}.

Должно упомянуть^{IX}, что в это время вышли из печати вторые «Три повести» Павлова⁶⁶,

¹ Далее вписано и зачеркнуто карандашом: из моих знакомых (дополнение И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14).

^{II} который назвал вписано вместо: назвавшим

^{III} знакомство с ним ставил себе вписано вместо: считал

^{IV} Фрагмент: В этот же день — это совершенная правда — зачеркнуто в рукописи карандашом.

^V с Верой и Машенькой вписано.

^{VI} Фрагмент: В тот же вечер я не вытерпел — и был спокоен, даже весел — зачеркнуто в рукописи карандашом; вместо него вписано и зачеркнуто: Действительно на другой день Бенардаки сам привез мне поутру 2000 рублей. От него я узнал, что он и сам знаком с Гоголем и что Гоголь обещал у него дня через два обедать. Но Гоголь пропал и не приходил обедать и к Бенардаки. Дня через четыре только явился Гоголь (исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14: «Действительно, на другой день Бенардаки сам привез мне поутру 2000 рублей. От него я узнал, что он и сам знаком с Гоголем и что Гоголь обещал у него обедать дня через два. Но Гоголь пропал; не приходил обедать и к Бенардаки. Замечательно, что этот Грек Бенардаки, очень умный, но без образования, был единственным человеком в Петербурге из моих знакомых, который назвал Гоголя гениальным писателем и знакомство с ним считал себе за большую честь. Дня через четыре только явился Гоголь»).

^{VII} Слова: и у меня осталось сомнение, что — зачеркнуты в рукописи карандашом; вместо них вписано и зачеркнуто: по всей вероятности (исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14).

^{VIII} Слова: На другой день мы назначили ехать с ним в Патриотический институт — зачеркнуты в рукописи карандашом (сокращение И. С. Аксакова).

^{IX} Слова: Должно упомянуть — зачеркнуты в рукописи карандашом; вместо них вписано и зачеркнуто: Припомню (исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 14).

что, сравнивая их с прежними⁶⁷, многие нападали на них, а Гоголь постоянно защищал, доказывая, что они имеют свое неотъемлемое достоинство: наблюдательный ум сочинителя и прекрасный язык, и что они нисколько не хуже первых.

Наконец 17-го ездили мы с Верой и с Гоголем к его сестрам. Гоголь был нежный брат, он боялся, что сестры его произведут на нас невыгодное впечатление; он во всю дорогу¹¹ приготовлял нас, рассказывая об их неловкости и застенчивости и неумении говорить. Мы нашли их точно такими, как ожидали, т<о> е<сть> совершенными монастырками. Вера старалась обласкать их как можно больше; они были уверены, что в следующий четверг¹¹¹, 23 ноября, едут вместе с нами в Москву. Гоголь просил нас обмануть их, кажется, для того, чтобы заранее взять их из Института, с которым они не хотели расстаться, задолго до^{1V} отъезда. Меньшая, Лиза, веселая и живая^V, была любимицей брата. Может быть, и сам Гоголь этого не знал^{VI}, но мы заметили. Из института мы завезли Гоголя на его квартиру у Жуковского, который жил во дворце, потому что Гоголь^{VII}, давши слово обедать с нами у Карташевских, сказал нам, что ему нужно чем-то дома распорядиться. Мы дожидались его с четверть часа и не вдруг заметили, что он бежал на квартиру для того, чтоб надеть фрак. Гоголь сказал нам, что на другой день он перевозит сестер своих к княгине^{VIII} Репниной (бывшей Балабиной), у которой они останутся до отъезда⁶⁸. Гоголю совестно было оставлять их там слишком долго, и потому Гоголь просил меня ускорить наш отъезд из Петербурга. Это приводило меня в большое затруднение, потому что судьба моего Миши не была устроена, и отъезд мой мог быть отложен очень надолго. Я не вдруг даже решился сказать об этом Гоголю, потому что такое известие было бы для него ударом. Ему казалось невозможным ехать одному с сестрами, которые 7 лет не выезжали из Института, ничего не знали и всего боялись. Впоследствии мы испытали на деле, что опасения Гоголя были справедливы. Последующие^{IX} дни Гоголь не так часто виделся с нами, потому что очень занимался своими сестрами^X: сам покупал все нужное для их костюма, нередко терял записки нужных покупок^{XI}, которые они ему давали, и покупал совсем не то, что было нужно; а между тем у него была маленькая претензия, что он во всем знает толк и умеет купить хорошо и дешево. Когда же Гоголь сидел у меня^{XII}, то любимый его разговор был о том, как он весною увезет с со-

¹ Далее следует примечание И. С. Аксакова, написанное на полях карандашом: Николая Филипповича, талантливово автора «Ятагана» и др<угих> повестей. Ред<актор>. В изд. 1880 г. (№ 5, с. 14) в качестве подстрочного примечания напечатано: «Николая Филипповича, талантливого автора «Ятагана» и друг<их> повестей. За несколько лет перед тем была им издана книга «Три Повести», имевшая большой успех. Здесь говорится уже о второй серии повестей. Ред<актор>». В изд. 1890 г. это примечание не вошло.

¹¹ во всю дорогу вписано.

¹¹¹ Далее было: т<о> е<сть>

^{1V} Далее было: их

^V Лиза, веселая и живая вписано.

^{VI} В автографе ошибочно: не знает

^{VII} Гоголь вписано вместо: он

^{VIII} княгине вписано.

^{IX} Было: На следующие дни

^X Фрагмент: Наконец 17-го ездили мы - очень занимался своими сестрами — зачеркнуто в рукописи карандашом; вместо него вписано: Начались хлопоты для Гоголя с выпуском и снаряжением его сестер. Он (исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 15: «Начались хлопоты для Гоголя с выпуском и снаряжением «патриоток», как называл он своих сестер. Он»). Далее вписано и зачеркнуто карандашом: Сказать, что нам доложили о приезде не Гоголя, а Гегеля (примечание И. С. Аксакова).

^{XI} нужных покупок вписано.

^{XII} Слова: сидел у меня — зачеркнуты в рукописи карандашом; вместо них вписано: забегал ко мне (исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 15).

бою Константина в Италию и как благотворно подействует на него эта классическая страна искусства. Я предупредил его, что мы не можем скоро ехать и чтоб он нас не дожидался. Гоголь с тяжелым вздохом признался мне, что без нас никак не может ехать и потому будет ждать нашего отъезда, как бы он поздно ни последовал. Очень жаловался на юродство институтского воспитания и говорил, что его сестры не умеют даже ходить по-человечески. Он хотел на днях привести их к нам, чтоб познакомить с сестрой Надиной и ее дочерьми⁶⁹. Гоголь опять читал повести Павлова, опять многое хвалил и говорил, что они имеют свое неотъемлемое достоинство¹.

24-го ноября Гоголь сидел^{II} у меня целое утро. Он сказал^{III} мне между прочим, что здешние мерзости не так уже его оскорбляют, что он впадает в апатию и что ему скоро будет все равно, как бы о нем ни думали и как бы с ним ни поступали. Совестно было мне оставлять его долго в этом положении и отнимать у него время, которое, может быть, было бы творчески плодотворно в Москве. К тому же сестры его грустили по Институту, и дальнейшее пребывание их у Княгини Репниной было для него тягостно. Но что же было мне делать? Нельзя же было мне пожертвовать для этого существенно важными обстоятельствами для собственного моего семейства!

26-го ноября давали^{IV} «Ревизора». У нас было два бельэтажа, но я никак не мог уговорить Гоголя ехать с нами. Он верно рассчитал, до чего должно было дойти его представление в течение четырех лет. «Ревизора» нельзя было видеть без отвращения, все актеры впали в отвратительную карикатуру. Сосницкий⁷⁰ сначала был недурен; много было естественности и правды в его игре; слышно было, что Гоголь сам два раза читал ему «Ревизора», он перенял кое-что и еще не забыл; но как скоро дошло до волнений духа, до *страсти*, говоря по-театральному, — Сосницкий сделался невыносимым ломакой, балаганным паясом^V.

На другой день поутру^{VI} я поехал к Гоголю. Мне сказали, что его нет дома, и я зашел к его хозяину, к Жуковскому. Я не был с ним коротко знаком, но по Кавелину и Гоголю он хорошо меня знал. Я засиделся у него часа два. Говорили о Гоголе. Я не могу умолчать, несмотря на все мое уважение к знаменитому писателю и еще большее уважение к его высоким нравственным достоинствам^{VII}, — что Жуковский не вполне ценил талант Гоголя. Я подозреваю^{VIII} в этом даже^{IX} Пушкина, особенно потому, что Пушкин погиб, зная только наброски первых глав «Мертвых Душ»^X. Оба они восхищались талантом Гоголя^{XI} в изображении пошлости человеческой, его неподражаемым искусством схватывать вовсе незаметные черты и придавать им такую вы-

^I *Фрагмент*: Я предупредил его — свое неотъемлемое достоинство. — *зачеркнуто в рукописи карандашом (сокращение И. С. Аксакова)*.

^{II} *Вместо*: 24-го ноября Гоголь сидел — *вписано и зачеркнуто карандашом*: Однажды он просидел (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 15*).

^{III} *Фрагмент*: утро. Он сказал — *исправлен в рукописи карандашом*: утро и сказал (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 15*).

^{IV} *Фрагмент*: Совестно было мне — 26-го ноября давали — *зачеркнуто в рукописи карандашом; вместо него вписано и зачеркнуто*: Он рвался *вон* из Петербурга, [но считал невозможным везти сестер иначе как] но не решался отправляться в путь один с сестрами и дожидался отъезда моего и моей дочери. Мы же вынуждены были беспрестанно отлагать отъезд. Тем временем давали в Петербурге (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 15*).

^V ломакой, балаганным паясом *зачеркнуто в рукописи карандашом (сокращение И. С. Аксакова)*.

^{VI} поутру *вписано вместо*: до обеда

^{VII} *Далее вписано и зачеркнуто карандашом*: мне показалось тогда

^{VIII} *Вместо*: Я подозреваю — *вписано и зачеркнуто карандашом*: Несколько односторонне я подозревал

^{IX} *Далее вписано и зачеркнуто карандашом*: и

^X *Фрагмент*: зная только наброски первых глав «Мертвых Душ» — *вписано вместо*: а. не зная «Мертвых Душ» б. не зная <1 нрзб.> «Мертвых Душ»

^{XI} *Далее вписано и зачеркнуто карандашом*: преимущественно (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 15*).

пуклость, такую жизнь^I, такое внутреннее значение, что каждый образ становился живым лицом, совершенно понятным и незабвенным для читателя, восхищались его юмором, комизмом, — и только. Серьезного значения, мне так кажется, они не придавали ему^{II}. Впрочем, должно предположить по письмам и отзывам Жуковского, что^{III} он уже понимал Гоголя вполне. Жуковский также много говорил со мной о Милькееве⁷², принимая теплое участие в его судьбе. Он читал мне многие его письма, которые несравненно лучше его стихов, имеющих также достоинство, хотя одностороннее. Письма Милькеева очень меня разогрели, и я разделял надежды Жуковского, не оправдавшиеся впоследствии. Наконец я простился с ласковым хозяином и сказал, что зайду узнать, не воротился ли Гоголь, которого мне нужно видеть. «Гоголь никуда не уходил, — сказал Жуковский, — он дома и^{IV} пишет. Но теперь пора уже ему гулять. Пойдемте». И он провел меня через внутренние комнаты к кабинету Гоголя, тихо отпер и отворил дверь. Я едва не закричал от удивления. Передо мной стоял Гоголь в следующем фантастическом костюме⁷³: вместо сапог длинные шерстяные русские чулки выше колен; вместо сертука, сверх фланелевого камзола, бархатный спензер; шея обмотана большим разноцветным шарфом, а на голове бархатный, малиновый, шитый золотом кокошник, весьма похожий на головной убор мордочек. Гоголь писал и^V был углублен в свое дело, и мы очевидно ему помешали. Он долго, *не зря, смотрел* на нас, по выражению Жуковского, но костюмом своим нисколько не стеснялся^{VI} 74. Жуковский сейчас ушел, и я, скрепя сердце, сказал Гоголю, что мы поедем из Петербурга после 6-го декабря. Он был очень огорчен, но отвечал, что делать нечего и что он покоряется своей участи. Я звал его гулять, но он возразил, что еще рано. Я увидел, что ему надобно было что-то кончить, и сейчас с ним простился.

29-го ноября, перед обедом, Гоголь привозил к нам своих сестер. Их разласкали донельзя, даже больная моя сестра встала с постели, чтоб принять их; но это были такие дикарки, каких и вообразить нельзя. Они стали несравненно хуже, чем были в институте: в новых длинных^{VII} платьях совершенно не умели себя держать, путались в них, беспрестанно спотыкались и падали, от чего приходили в такую конфузию, что ни на один вопрос ни слова не отвечали. Жалко было смотреть на бедного Гоголя.

Мы условились с ним послезавтра в одно время приехать в Эрмитаж: мы с Панаевым, который доставил нам вечный билет для входа, а Гоголь с сестрами и с Балабиной. Гоголь предлагал Верочке и Машеньке^{VIII} осмотреть картины Жуковского, между которыми были очень замечательные, и также его чудесный альбом, стоивший, как говорили, тысяч 40. Разумеется, это надо было сделать в отсутствие хозяина, что мои девицы находили не совсем удобным^{IX}. В эрмитаже мы были 1-го декабря с Панаевым до 2-х часов, а потом с каким-то чичероне вплоть до сумерек. Уже в последних комнатах, перед самым выходом, встретили мы сестер Гоголя с ста-

^I такую жизнь *вписано*.

^{II} *Далее вписано и зачеркнуто карандашом*: а. Неприятно звучало у него имя Теньера⁷¹ рядом с Гоголем б. Неприятно звучало мне часто упоминаемое тогда Жуковским сравнение Гоголя с Теньером (*дополнение И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 15*).

^{III} *Вместо*: должно предположить по письмам и отзывам Жуковского, что — *вписано и зачеркнуто карандашом*: впоследствии, судя из писем и отзывов Жуковского, надо предположить, что (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 15*).

^{IV} и *вписано*.

^V писал и *вписано*.

^{VI} не стеснялся *вписано карандашом*.

^{VII} длинных *вписано*.

^{VIII} Верочке и Машеньке *вписано вместо*: нам также

^{IX} находили не совсем удобным *вписано вместо*: нашли неудобным

рухой Балабиной и ее дочерью; но сам Гоголь не приезжал. Сестры его сказали нам, что они сейчас от Жуковского; они, вероятно, осматривали картины и знаменитый альбом.

2-го декабря был у нас Гоголь, и мы вновь опечалили его известием, что и после 6-го декабря отъезд наш на несколько дней отлагается. 3-го декабря я читал «Арабески»^I Григорию Ивановичу, Машеньке и Верочке. Я прочел «Жизнь», «Невский Проспект», с некоторыми выпусками, и «Записки Сумасшедшего». Григорий Иванович очень хвалил, а Машенька и Вера были в восхищении и тронуты до слез. До 6-го декабря мы виделись с Гоголем один раз на короткое время. 6-го декабря я ездил в Царское Село, и надежда на помещение Миши в Лицей разрушилась. Я решился^{II} поместить его или в экстерны Пажеского Корпуса, или в Юнкерскую Школу. 7-го декабря я написал к Гоголю обо всем случившемся со мной и также о том, что теперь я сам не знаю, когда поеду, и чтоб он не ждал меня. Я получил ответ самый нежный и грустный^{III}.^{IV} Гоголь обвинял в моей неудаче свою несчастную судьбу, не хотел без меня ехать и жалел только о том, что я огорчен. Жестокие морозы повергли его в уныние, и вдобавок он отморозил ухо. Он хотел приехать ко мне на другой день; но я намеревался предупредить его, потому что он очень легко одет. Гоголь не стал дожидаться следующего дня; он приехал ко мне в тот же день после обеда, сильно расстроенный моею неудачей^V, и утешал меня, сколько мог, даже вызвался разведать об учителях Юнкерской Школы. Он так страдал от стужи, что у нас сердце переболело глядя на него.

До 11-го декабря мы не видали Гоголя; морозы сделались сноснее, и он, узнав от меня, что я не могу ничего положительного сказать о своем отъезде, решился через неделю уехать один с сестрами. 13-го Гоголь был у нас, и так как мы решились через несколько дней^{VI} непременно ехать, то, разумеется, условились ехать вместе. Федор Иванович Васьков⁷⁶ также вызвался ехать с нами^{VII}. 15-го Гоголь вторично привозил своих сестер; они стали гораздо развязнее, много говорили и были очень забавны. Они нетерпеливо желали уехать поскорее в Москву. Много раз уже назначался день нашего отъезда и много раз отменялся по самым неожиданным причинам, и Гоголь полагал, что именно ему что-то постороннее мешает выехать из Петербурга.

Наконец, дни через два⁷⁷ (настоящего числа не знаю), выехали мы из Петербурга. Я взял два особых дилижанса: один четверместный, называющийся фамильным, в котором села Вера, две сестры Гоголя и я; другой двуместный, в котором сидели Гоголь и Фед. Ив. Васьков. Впрочем, в продолжение^{VIII} дня Гоголь станции на две садился к сестрам, а я — на его место к Васькову.

Несмотря на то, что Гоголь нетерпеливо желал уехать из Петербурга, возвратный наш путь совсем^{IX} не был так весел, как путь из Москвы в Петербург. Во-первых, потому что Васьков, хо-

^I Далее было: брату

^{II} решился *вписано вместо*: должен был

^{III} Далее было: (он потерял)

^{IV} Он потерял, но слова Гоголевой записки сохранились в письме моем к жене, писанном в тот же день. — *Примеч.*

С. Т. Аксакова.

^V сильно расстроенный моею неудачей *вписано*.

^{VI} несколько дней *вписано вместо*: три дни ехать

^{VII} *Фрагмент*: Жуковский сейчас ушел - вызвался ехать с нами. — *зачеркнуто в рукописи карандашом; вместо него вписано и зачеркнуто*: Жуковский сейчас ушел, и я остался недолго, увидев, что Гоголю надобно было что-то кончить. Наконец мы все вместе потащились в двух дилижансах в Москву. Я с дочерью, Гоголь с сестрами и присоединившийся к нам мой старый приятель, Фед<ор> Ив<анович> Васьков (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 15*).

^{VIII} *Вместо*: в котором сидели Гоголь и Фед. Ив. Васьков. Впрочем, в продолжение — *вписано и зачеркнуто карандашом*: Гоголь и Васьков сидели в [своем] особом дилижансе вместе. В продолжение (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 15*).

^{IX} совсем *вписано вместо*: далеко

тя был самое милое и доброе существо, был мало знаком с Гоголем, и во-вторых, потому что последнего¹ сильно озабочивали и смущали сестры. Уродливость физического и нравственного институтского воспитания высказывалась тут выпукло и ярко. Ничего не зная и не понимая, они всего боялись, от всего кричали и плакали, особенно по ночам. Принужденность положения в дороге, шубы, платки и теплая обувь наводили на них тоску, так что им делалось и тошно, и дурно. К тому же, как совершенные дети, беспрестанно ссорились между собою. Все это приводило Гоголя в отчаяние и за настоящее и за будущее их положение. Надобно сказать правду, что бедной Верочке много было хлопот и забот, и я удивлялся ее терпению. Я не знаю, что стал бы с сестрами^{II} делать Гоголь без нее. Они бы свели его с ума^{III}. Жалко и смешно было смотреть на Гоголя; он ничего не разумел в этом деле, и все его приемы и наставления были не к стати, не у места, не вовремя и совершенно бесполезны. И гениальный поэт был в этом случае нелепее всякого пошлого человека. Один Васьков смешил меня всю дорогу своими жалобами^{IV}. Мы пленили его описанием веселого нашего путешествия с Гоголем в Петербург; он ожидал того же на возвратном пути, но вышло совсем напротив. Когда Гоголь садился вместе с Васьковым, то сейчас притворился спящим и в четверо суток не сказал ни одного слова; а Васьков, любивший спать днем, любил поговорить вечером и ночью. Он заговаривал с своим соседом, но мнимоспящий Гоголь не отвечал ни слова. Всякое утро Васьков прекомически благодарил меня за приятного соседа, которого он досыта наслушался и нахохотался^V. На станциях, во время обедов и завтраков, чая и кофе, не слышали мы ни одной шутки от Гоголя. Он и Вера постоянно были заняты около капризных *патриоток*, на которых угодить не было никакой возможности, которым все не нравилось, потому что не было похоже на их институт, и которые буквально почти ничего не ели, потому что кушанья были не так приготовлены, как у них в институте. Можно себе представить, что точно такая же история была^{VI} в Петербурге у Княгини Репниной! Каково было смотреть на все это бедному Гоголю? Он просто был мученик.

Наконец на пятые сутки притащились мы в Москву. Естественно сначала все приехали к нам. Гоголь познакомил своих сестер с моей женой и с моим семейством и перевез их к Погодину, у которого и сам поместился. Они занимали мезонин: на одной стороне жил Гоголь, а на другой его сестры.

Тут начались наши почти ежедневные свидания. 2-го января Ольга Семеновна с Верой уехали в Курск. Третьего числа, часа за два до обеда, вдруг прибегает к нам Гоголь — меня не было дома, — вытаскивает из карманов макароны, сыр-пармезан и даже сливочное масло и просит, чтоб призвали повара и растолковали ему, как сварить макароны. В обыкновенное время обеда Гоголь приехал к нам с Щепкиным, но меня опять не было дома: я поехал выручать свою

¹ Было: последний

^{II} с сестрами *вписано вместо*: с ними

^{III} *Вместо*: Уродливость физического и нравственного институтского воспитания — Они бы свели его с ума — *в рукописи вписано и зачеркнуто карандашом*: Прекрасные, добрые, милые девушки, они были тогда в полном смысле слова Институтки, выросшие в закрытой теплице, — носившие еще на себе свежий след уродливого физического и нравственного институтского воспитания. Ничего, конечно, не зная и не понимая, они всего боялись, часто плакали. Часто им делалось тошно и дурно. Все это приводило Гоголя в отчаяние. Я не знаю, что стал бы с ними делать Гоголь без помощи и забот моей дочери (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 15: «Прекрасные, добрые, милые девушки, они были еще тогда в полном смысле слова институтки, выросшие в запертой теплице, — носившие на себе свежие следы институтского воспитания. Конечно, они ничего еще не знали, не понимали, всего пугались, часто им делалось тошно и дурно. Все это приводило тогда Гоголя в отчаяние»*).

^{IV} своими жалобами *вписано*.

^V *Фрагмент*: Всякое утро Васьков прекомически благодарил меня за приятного соседа, которого он досыта наслушался и нахохотался — *вписан*.

^{VI} была *вписано карандашом*.

шубу, которую обменялся с кем-то в Опекуновском совете. По необыкновенному счастью, я нашел свою прекрасную шубу, висящую на той же вешалке: хозяин дрянной шубы, которую я надел вместо своей, видно еще не кончил своих дел и оставался почти уже в опустевшей зале Опекуновского совета. Чрезвычайно обрадованный, я возвратился весел домой, где Гоголь и Щепкин^I уже давно меня ожидали. Гоголь встретил меня следующими словами: «Вы теперь сироты, и я привез макароны, сыру и масла, чтоб вас утешить. Я же слышал, что вы такой славный мех подцепили, что в нем есть не только звери, но и птицы и чорт знает что такое^{II}». Когда подали макароны, которые, по приказанию Гоголя, не были доварены, он сам принялся стряпать. Стоя на ногах перед миской, он засучил обшлага и с торопливостью, и в то же время с аккуратностью^{III}, положил сначала множество масла и двумя соусными ложками принялся мешать макароны, потом положил соли, потом перцу и, наконец, сыр и продолжал долго мешать^{IV}. Нельзя было без смеха и удивления смотреть на Гоголя; он так от всей души занимался этим делом, как будто оно было его любимое ремесло, и я подумал, что если б судьба не сделала Гоголя великим поэтом^V, то он был бы непременно артистом-поваром. Как скоро оказался признак, что макароны готовы, т<о> е<сть> когда распустившийся сыр начал тянуться нитками, Гоголь с великою торопливостью заставил нас положить себе на тарелки макароны и кушать. Макароны точно были очень вкусны, но многим показались не доварены и слишком посыпаны перцем; но Гоголь находил их очень удачными, ел много и не чувствовал потом никакой тяжести, на которую некоторые потом жаловались. В этот день бедный Константин должен был встать из-за стола и, не дообедавши, уехать, потому что он дал слово обедать у Горчаковых, да забыл. Особенно было это ему тяжело, потому что мы не переставали надеяться, что Гоголь что-нибудь нам прочтет; но это случилось еще не скоро. Во все время пребывания Гоголя в Москве макароны появлялись у нас довольно часто^{VI}. На другой день^{VII} ⁷⁸ получил я письмо от Ив. И. Панаева, в котором он от имени Одоевского, Плетнева^{VIII},

^I *Фрагмент*: Он и Вера постоянно были заняты около капризных *патриоток* ~ я возвратился весел домой, где Гоголь и Щепкин — *зачеркнуто в рукописи карандашом; вместо него вписано и зачеркнуто*: Наконец приехали мы в Москву, где дела Гоголя с сестрами несколько поустроились. Он сызнова стал нашим частым [1 нрзб.] собеседником и посетителем... На другой день по отъезде моей жены со старшею дочерью в Курск (в начале января 1840 г.) часа за два до обеда, вдруг прибегает к нам Гоголь (меня не было дома), вытаскивает из карманов макароны, сыр-пармезан и даже сливочное масло и просит, чтоб призвали повара и растолковали ему, как сварить макароны; сам же обещал приехать к обеду. Я запозднился, и когда приехал, то Гоголь со Щепкиным (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 5, с. 15 — № 6, с. 15*: «Наконец, приехали мы в Москву, где дела Гоголя с сестрами несколько поустроились. Он сызнова стал нашим частым собеседником и посетителем... На другой день по отъезде моей жены со старшею дочерью в Курск, в начале января 1840 г., прибегает к нам Гоголь (меня не было дома), вытаскивает из карманов макароны, сыр пармезан и даже сливочное масло и просит, чтоб призвали повара и растолковали ему, как сварить макароны; сам же обещался приехать к обеду. Я запоздал к обеду, и когда приехал, то Гоголь со Щепкиным»)

^{II} Я же слышал, что вы такой славный мех подцепили, что в нем есть не только звери, но и птицы и чорт знает что такое *зачеркнуто в рукописи карандашом (сокращение И. С. Аксакова)*.

^{III} Далее было: он

^{IV} *Вместо*: мешать — *вписано и зачеркнуто карандашом*: возиться (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 15*).

^V *Вместо*: поэтом — *вписано и зачеркнуто карандашом*: а. писателем б. художником (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 15*: «писателем»).

^{VI} *Фрагмент*: В этот день ~ у нас довольно часто. — *зачеркнуто в рукописи карандашом (сокращение И. С. Аксакова)*.

^{VII} *Вместо*: На другой день — *вписано и зачеркнуто карандашом*: В то же время (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 15*).

^{VIII} Далее было: Панаева

^{IX} Далее было: и

Врасского^{IX} 79, Краевского и от себя^I умолял^{II}, чтоб Гоголь не продавал своих прежних^{III} сочинений Смирдину^{IV} за 5 тыс<яч> (и новой комедии в том числе)^V, особенно потому, что *новая комедия* будет напечатана в «Сыне Отечества» или «Библиотеке для Чтения»; а Врасский предлагает 6 тысяч с правом напечатать новую комедию в «Отечественных Записках». Я очень хорошо понял благородную причину, которая заставляла Гоголя торопиться продажей своих сочинений, для чего он поручил все это дело Жуковскому; но о новой комедии мы не слыхали⁸⁰. Я немедленно поехал к Гоголю, и, разумеется, ни той, ни другой продажи не состоялось. Под *новой комедией*, вероятно, разумелись разные отрывки из недописанной Гоголем комедии, которую он хотел назвать: «Владимир третьей степени»⁸¹. Я не могу утвердительно сказать, почему Гоголь не дописал этой комедии; может быть, он признал ее в полном составе неудобною в цензурном отношении, а может быть, был недоволен ею, как взыскательный художник.

Через несколько дней, а именно в субботу⁸², обедал у нас Гоголь с другими гостями; в том числе был^{VI} Самарин⁸³ и Григорий Толстой⁸⁴, давнишний мой знакомый и товарищ по театру, который жил в Симбирске и приехал в Москву на короткое время и которому очень хотелось увидеть и познакомиться с Гоголем. Гоголь приехал к обеду несколькими минутами ранее обыкновенного и сказал, что он пригласил ко мне обедать^{VII} незнакомого мне^{VIII} гостя графа Владимира Соллогуба. Если б это сделал кто-нибудь другой из моих приятелей, то я бы был этим недоволен; но все приятное для Гоголя было и для меня приятно. Дело состояло в том, что Соллогуб был в Москве проездом, давно не видался с Гоголем, в этот же вечер уезжал в Петербург и желал пробыть с ним несколько времени вместе. Гоголь, не понимавший неприличия этого поступка и не знавший, может быть, что Соллогуб, как человек, мне не нравился^{IX}, пригласил его отобедать у нас. Через несколько минут вошел Толстой и сказал, что Соллогуб стоит в лакейской и что ему совестно войти. Я вышел к нему и принял его ласково и нецеремонно^X. Гоголь опять делал макароны и был очень весел и забавен. Соллогуб держал себя очень скромно, ел за троих и не позволял себе никаких выходок, которые могли бы назваться неучтивостью по нашим понятиям и которыми он очень известен в так называемом большом кругу^{XI}. С этого дня Гоголь уже обыкновенно по субботам приготавливал макароны^{XII}. Он приходил к нам почти всякий день и обедал раза три в неделю, но всегда являлся неожиданно^{XIII}. В это время мы узнали, что Гоголь

^I от себя *вписано вместо*: своего соб<ственного>

^{II} *Далее было*: ме<ня>

^{III} *прежних вписано*.

^{IV} Смирдину *вписано*.

^V *Далее было*: Смирдину

^{VI} *Далее вписано и зачеркнуто карандашом*: Юр. Фед. (дополнение И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 15).

^{VII} *обедать вписано*.

^{VIII} *Далее было вписано и зачеркнуто карандашом*: тогда лично (пояснение И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 15).

^{IX} и не знавший, может быть, что Соллогуб, как человек, мне не нравился *зачеркнуто карандашом* (сокращение И. С. Аксакова).

^X *нецеремонно вписано вместо*: бесцеремонно

^{XI} *Фрагмент*: Соллогуб держал себя - в так называемом большом кругу — *зачеркнуто карандашом* (сокращение И. С. Аксакова).

^{XII} *Вместо*: макароны — *вписано и зачеркнуто карандашом*: это блюдо (исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 15).

^{XIII} *Далее следует примечание И. С. Аксакова, написанное карандашом на полях*: В рукописи замечено карандашом для памяти, что однажды человек (конечно, [вно<вь>] недавно поступивший в должность), взойдя в гостиную, доложил вместо Гоголя: «г. Гегель». Так как в комнате было немало юных поклонников Гегеля и в то же время Гоголя, то

очень много работал, но сам он ничего о том не говорил. Он приходил^I к нам отдыхать от своих творческих^{II} трудов, поговорить вздор, пошутить, поиграть на бильярде, на котором, разумеется, играть совершенно не умел, но^{III} Константину удавалось иногда затягивать его в серьезные разговоры об искусстве вообще. Я мало помню таких разговоров, но заключаю о них по письмам Константина, которые он писал около 20-го января к Вере^{IV} в Курск и к Мише^V в Петербург. Вот что он говорит в одном своем письме: «Чем более я смотрю на него, тем более удивляюсь и чувствую всю важность этого человека и всю мелкость людей, его не понимающих. Что это за художник! Как полезно с ним проводить время! Как уясняет он взгляд на мир искусства! Недавно я написал письмо об этом к Мише, серьезное и важное, которое вылилось у меня из души^{VI}».

В это время приехал Панов из деревни^{VII}. Он вполне понимал и ценил Гоголя. Разумеется, мы сейчас их познакомили, и Панов привязался всею своею любящею душою к великому^{VIII} художнику. Он^{IX} скоро доказал свою привязанность убедительным образом.

Так шло время до возвращения Ольги Семеновны с Верой и с Соничкой Самборской⁸⁵ из Обояни. Они воротились, кажется, 2-го или 3-го февраля, вероятно, в субботу⁸⁶, потому что у нас обедал Гоголь и много гостей. Достоверно, что во время их отсутствия, продолжавшегося ровно месяц, Гоголь нам ничего не читал; но когда начал он читать нам «Мертвые души»^X, т<о>

это вышло очень забавно... *Ред<актор>*. В изд. 1880 г. (№ 6, с. 15) напечатано: «В рукописи замечено карандашом для памяти, что однажды человек (конечно, недавно поступивший в должность), взойдя в гостиную, доложил вместо Гоголя: "Гегель" Так как в комнате было немало юных поклонников Гегеля и в то же время Гоголя, то это вышло очень забавно. Не проказа ли это самого Гоголя? *Ред<актор>*». В изд. 1890 г. это примечание не вошло.

^I Вместо: приходил — *вписано и зачеркнуто карандашом: являлся (исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 16).*

^{II} творческих *зачеркнуто карандашом (сокращение И. С. Аксакова).*

^{III} Далее *вписано и зачеркнуто карандашом: сын мой (исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 16: «сыну моему»).*

^{IV} Вместо: к Вере — *вписано и зачеркнуто карандашом: к сестре (исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 16).*

^V Вместо: к Мише — *вписано и зачеркнуто карандашом: к брату (исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 16).*

^{VI} Фраза: Недавно я написал письмо об этом к Мише, серьезное и важное, которое вылилось у меня из души — *зачеркнуто карандашом; вместо нее следует написанное карандашом примечание И. С. Аксакова: Здесь на полях С<ергей> Т<имофеевич> написал карандашом: «Вставить, что я спрашивал Гоголя о Запорож<кой> Трагед<ии> и что он, махнул рукой, не сказав ни слова». В изд. 1880 г. (№ 6, с. 16) в качестве подстрочного примечания напечатано: «Здесь на полях Сер<ей> Тим<офеевич> написал карандашом: «Вставить, что я спрашивал Гоголя о Запорожской трагедии и что он, махнув рукою, не сказал ни слова». *Ред<актор>*». В изд. 1890 г. это примечание не вошло.*

^{VII} из деревни *вписано. Далее следует примечание И. С. Аксакова, написанное карандашом: Василий Алексеевич Панов, [симбирский помещик], кандидат Моск<овского> Университета, [кажется], товарищ Валуева, Елагиных и, кажется, А. Н. Попова. Он изд<ал> впоследствии брошюру о своем путешествии по Славянским землям, и издал [впослед<ствии>] Московский Сборник 1846 и 1847 г. (первые «славянофильские» издания). *Ред<актор>*. В изд. 1880 г. (№ 6, с. 16) в качестве подстрочного примечания напечатано: «Василий Алексеевич Панов, кандидат Моск<овского> Университета, товарищ Валуева, Елагиных и, кажется, А. Н. Попова. — Он напечатал впоследствии брошюру о своем путешествии по Славянским землям и издал Московский Сборник 1846 и 1847 гг. (первые славянофильские издания). *Ред<актор>*». В изд. 1890 г. это примечание не вошло.*

^{VIII} Вместо: великому — *вписано и зачеркнуто карандашом: нашему (исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 16).*

^{IX} Вместо: Он — *вписано и зачеркнуто карандашом: Панов (исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 16).*

^X нам «Мертвые души» *вписано. Далее было: в январе ли*

е<сть> которого именно числа⁸⁷, письменных доказательств нет. Легко может быть, что он читал один или два раза по возвращении нашем из Петербурга, от 23<-го> декабря до 2-го января, потому что в письмах Веры к Машеньке Карташевой <есть> известие, от 14-го февр<аля>⁸⁸, что мы слушали уже итальянскую его повесть («Ан<н>унциату»)⁸⁹ и что 6-го марта Гоголь прочел нам уже 4-ую главу «Мертвых Душ»¹.

8-го марта^{II 90}, при многих гостях, совершенно неожиданно для нас объявил Гоголь, что хочет читать. Разумеется, все пришли в восхищение от такого известия^{III}, и все соединились в гостиной. Гоголь сел за боковой круглый стол, вынул какую-то тетрадку, вдруг икнул и, опустив бумагу, сказал, *как он обьелся грибков*. Это было начало комической сцены, которую он нам и прочел. Он начал чтение до такой степени натурально, что ни один из присутствующих не догадался, что слышит сочинение. Впрочем, не только начало, но и вся сцена была точно так же читана естественно и превосходно. После этого, в одну из суббот, он прочел 5-ую главу⁹¹, а 17-го апреля⁹², тоже в субботу, он прочел нам, перед самой заутрени Светлого Воскресенья, в маленьком моем кабинете^{IV}, 6-ю главу, в которой создание Плюшкина привело меня и всех нас в великой восторг. При этом чтении был Армфельд, приехавший просто поиграть со мной в пикет до заутрени, и^V Панов, который приехал в то время, когда уже Гоголь читал, и чтоб не помешать этому чтению, он сидел у двери другого, соседнего моего кабинетца. Панов пришел в упоение и^{VI} тут же решился пожертвовать всеми своими расчетами и ехать вместе с Гоголем в Италию. Я уже говорил о том, как нужен был товарищ Гоголю и что он напрасно искал его. После чтения мы все отправились в Кремль, чтоб услышать на площади первый удар колокола Ивана Великого. Похристосовавшись после заутрени с Гоголем, Панов сказал ему, что едет с ним в Италию, чему Гоголь чрезвычайно обрадовался.

Перед Святой Неделью приехала мать Гоголя с его меньшей сестрой. Взглянув на Марью Ивановну (так зовут мать Гоголя) и поговоря с ней несколько минут от души, можно было понять, что у такой женщины мог родиться такой сын. Это было доброе, нежное, любящее существо, полное эстетического чувства, с легким^{VII} оттенком самого кроткого юмора. Она была так моложава, так хороша собой, что ее решительно можно было назвать только старшею сестрою Гоголя. Натурально, Марья Ивановна жила вместе с своими дочерьми также у Погодина.

В это пребывание свое в Москве Гоголь играл иногда в домино с Константином и Верой, и она проиграла ему дорожный мешок (sac de voyage). Гоголь взял обещание с Веры, что она напишет ему масляными красками мой^{VIII} портрет, на что Вера согласилась с тем, чтобы он прислал нам свой, и он обещал^{IX}.

¹ *Абзац:* Так шло время - уже 4-ую главу «Мертвых Душ» — *зачеркнул карандашом; вместо него вписано:* В эту зиму Гоголь в разное время прочел первые 4 главы и итальянскую его повесть (Ан<н>унциату) (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 16*).

^{II} *Вместо:* 8-го марта — *вписано и зачеркнуто карандашом:* Однажды в марте (1840 г.) (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 16*).

^{III} *Вместо:* пришли в восхищение от такого известия — *вписано и зачеркнуто карандашом:* обрадовались (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 16*).

^{IV} *Слова:* в маленьком моем кабинете — *вписаны; впоследствии зачеркнуты карандашом (вероятно, И. С. Аксаковым; не вошли в изд. 1880 г.)*.

^V *Фрагмент:* Армфельд, приехавший просто поиграть со мной в пикет до заутрени, и — *зачеркнул карандашом (сокращение И. С. Аксакова)*.

^{VI} *Вместо:* в упоение и — *вписано и зачеркнуто карандашом:* в такое восхищение, что (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 16*).

^{VII} *легким вписано.*

^{VIII} *Было:* свой

^{IX} *Было:* что он и обещал

Я не говорил о том, какое впечатление произвело на меня, на все мое семейство, а равно и на весь почти наш круг знакомых, когда мы услышали первое чтение первой главы «Мертвых Душ». Это был восторг упоения, полное счастье, которому завидовали все, кому не удалось быть у нас во время чтения; потому что Гоголь не вдруг стал читать у других своих знакомых^I.

Приблизился день именин Гоголя, 9-е мая, и он захотел угостить обедом всех своих приятелей и знакомых в саду у Погодина. Можно^{II} себе представить, как было мне досадно, что я не мог участвовать в этом обеде: у меня сделался жестокий флюс от зубной боли^{III}, с сильной опухолью. Несмотря на то, я приехал в карете, закутав совершенно свою голову, чтобы обнять и поздравить Гоголя; но обедать на открытом воздухе, в довольно прохладную погоду, не было никакой возможности. Разумеется^{IV}, Константин там обедал и упрямил именинника позвать Самарина^V, с которым Гоголь^{VI} был знаком еще мало. На этом обеде, кроме круга близких приятелей и знакомых, были: <А.> И.^{VII} Тургенев⁹³, князь П. А. Вяземский, Лермонтов, М. Ф.^{VIII} Орлов, М. А. Дмитриев, Загоскин, профессора Армфельд и Редкин, и многие другие. Обед был веселый и шумный, но Гоголь, хотя был также весел, но как-то озабочен, что, впрочем, всегда с ним бывало в подобных случаях. После обеда все разбрелось по саду, маленькими кружками. Лермонтов читал наизусть^{IX} Гоголю и другим, кто тут случился, отрывок из новой своей поэмы «Мцыри», и читал, говорят, прекрасно. Константин не слышал чтения, потому что в это время находился в другом конце обширного сада с кем-то из своих приятелей^X. Потом все собрались в беседку, где Гоголь, собственноручно, с особенным старанием, приготавливал жженку. Он любил брать на себя приготовления этого напитка, причем говаривал много очень забавных шуток. Вечером приехали к имениннику пить чай, уже в доме, несколько дам: А. П. Елагина, К. А.^{XI} Свербеева, К. М. Хомякова и Черткова. На вечер многие из гостей отправились к Павловым, куда Константин, будучи за что-то сердит на Павлова^{XII}, не поехал.

Последнюю неделю своего пребывания в Москве Гоголь был у нас всякий день и пять раз обедал, по большей части с своей матерью и сестрами. Отъезд его с Пановым был назначен 17-го мая^{XIII} 94. Гоголь с сестрой своей Лизой был с моими детьми в театре. Играла m<ade-moise>lle Allan⁹⁵, приехавшая из Петербурга; после спектакля он хотел ехать; но, за большим разгоном, лошадей не достали, и Гоголь с сестрою^{XIV} ночевали у нас. На другой день, 18-го чис-

^I *Фрагмент*: Она была так моложава - стал читать у других своих знакомых — *зачеркнуто карандашом (сокращение И. С. Аксакова)*.

^{II} *Далее было*: было

^{III} от зубной боли *вписано*.

^{IV} *Далее вписано и зачеркнуто карандашом*: сын мой (*дополнение И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 16*).

^V *Далее вписано и зачеркнуто карандашом*: (Юрия) (*дополнение И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 16*).

^{VI} *Было*: он

^{VII} *Далее карандашом ошибочно вписано*: С. (*дополнение И. С. Аксакова; в изд. 1880 г. напечатано: «И. С. Тургенев» — № 6, с. 16*).

^{VIII} М. Ф. *вписано*.

^{IX} наизусть *вписано*.

^X *Фраза*: Константин не слышал чтения, потому что в это время находился в другом конце обширного сада с кем-то из своих приятелей — *зачеркнута карандашом (сокращение И. С. Аксакова)*.

^{XI} *В рукописи ошибочно*: Б. А. (*в изд. 1880 г. напечатано: «К. А. Свербеева»*).

^{XII} *Далее было*: к нему

^{XIII} *Далее было*: но за большим разгоном долго *<не дотисано>*

^{XIV} с сестрою *вписано*.

ла, после завтрака, в 12 часов¹, Гоголь, простившись очень дружески и нежно с нами и с сестрой, которая очень плакала^{II}, сел с Пановым в тарантас, я с Константином и Щепкин с сыном Дмитрием⁹⁶ поместились в коляске, а Погодин с зятем своим Мессингом — на дрожках, и выехали из Москвы. В таком порядке ехали мы с Поклонной горы по Смоленской дороге, потому что путешественники наши отправлялись через Варшаву. На Поклонной горе мы вышли все из экипажей, полюбовались на Москву; Гоголь и Панов, уезжая на чужбину, простились с ней и низко поклонились. Я, Гоголь, Погодин и Щепкин сели в коляску, а молодежь поместилась в тарантасе и на дрожках. Так доехали мы до Перхушкова, т<о> е<сть> до первой станции. Дорогой был Гоголь весел и разговорчив. Он повторил свое обещание, сделанное им у меня в доме за завтраком и еще накануне за обедом, что через год воротится в Москву и привезет первый том «Мертвых Душ» совершенно готовый для печати. Это обещание он сдержал, но тогда мы ему не совсем верили. Нам очень не нравился его отъезд в чужие края, в Италию, которую, как нам казалось, он любил слишком много. Нам казалось непонятным уверение Гоголя, что ему надобно удалиться в Рим, чтоб писать об России; нам казалось, что Гоголь не довольно любит Россию, что итальянское небо^{III}, свободная жизнь посреди художников всякого рода, роскошь климата, поэтические развалины славного прошедшего, все это вместе бросало невыгодную тень на природу нашу и нашу жизнь. В Перхушкове мы обедали, выпили здоровье отъезжающих; Гоголь сделал жженку^{IV} (не потому, чтоб мы любили выпить, а так, ради воспоминания подобных okazji). Вскоре после обеда мы сели, по русскому обычаю, потом помолились. Гоголь простился с нами нежно, особенно со мной и Константином, был очень растроган, но не хотел этого показать. Он сел в тарантас с нашим добрым Пановым, и мы стояли на улице до тех пор, пока экипаж не пропал из глаз. Погодин был искренно расстроен, а Щепкин заливался слезами. Я, Щепкин, Погодин и Константин сели в коляску, а Митя Щепкин и Мессинг на дрожки. На половине дороги, вдруг откуда ни взялись, потянулись с северо-востока черные, страшные тучи и очень быстро и^V густо заволокли половину неба и весь край западного горизонта; сделалось очень темно, и какое-то зловещее чувство налегло на нас. Мы грустно разговаривали, применяя к будущей судьбе Гоголя мрачные тучи, потемнившие солнце; но не более как через полчаса мы были поражены внезапною переменою горизонта: сильный северо-западный ветер рвал на клочки и разгонял черные тучи, в четверть часа небо совершенно прояснилось, солнце явилось во всем блеске своих лучей и великолепно склонялось к западу. Радостное чувство наполнило наши сердца. Нетрудно было составить благоприятное толкование небесного знаменья! Каких блистательных надежд, каких великих созданий и какого полного торжества его славы мы не могли ожидать^{VI} в будущем! Это явление произвело на нас с Константином, особенно на меня, такое сильное впечатление, что я во всю остальную жизнь Гоголя никогда не смущался черными тучами, которые не только затемняли его путь, но даже грозили пресечь его существование, не дав ему кончить великого труда. До самого последнего страшного известия я был убежден, что Гоголь не может умереть, не совершив дела, свыше ему предназначенного^{VII}.

¹ *Фрагмент:* На вечер многие из гостей – в 12 часов – зачеркнуто в рукописи карандашом; вместо него вписано и зачеркнуто: Отъезд Гоголя с Пановым последовал 18-го мая. После завтрака, у нас в доме (исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 16).

^{II} Слова: простившись очень дружески и нежно с нами и с сестрой, которая очень плакала — вписаны на полях.

^{III} итальянское небо вписано вместо: роскошь климата

^{IV} Далее было: (в последн<ий>

^V очень быстро и вписано.

^{VI} не могли ожидать вписано вместо: не ожидали

^{VII} Далее в рукописи позднейшее примечание, написанное неустановленным лицом карандашом на полях: Он и совершил, только не по нашему плану. Г. К. (в изд. 1890 г. это примечание не вошло). Здесь же помета, указывающая на публикацию письма в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша: Записки, I, 254.

Обращаюсь назад. По возвращении из Петербурга, прожив несколько времени вместе с матерью и сестрами в доме Погодина, Гоголь уверил себя, что его сестры, *патриотки* (как их называют), которые по-ребячьи были очень несогласны между собой, не могут ехать вместе с матерью в деревню, потому^I что они будут постоянно огорчать мать своими ссорами. И так^{II}, он решил пристроить как-нибудь в Москве меньшую сестру Лизу, которая была умнее, живее и более расположена к жизни в обществе. Приведение в исполнение этой мысли стоило много хлопот и огорчений Гоголю. Черткова, с которой он был очень дружен, не взяла его сестры к себе, хотя очень могла это сделать^{III}; у других знакомых поместить было невозможно. Наконец, через Надежду Николаевну Шереметеву, почтенную и благодетельную старушку, которая впоследствии любила Гоголя, как сына, поместил он сестру свою Лизу к г-же Раевской, женщине благочестивой, богатой, не имевшей своих детей, у которой жили и воспитывались какие-то родственницы. Мать Гоголя уехала из Москвы прежде него^{IV}.

Гоголь читал первые главы «Мертвых Душ» у Ив. Вас. Киреевского и еще у кого-то: все слушатели приходили в совершенный восторг, но были люди, которые возненавидели Гоголя с самого появления «Ревизора». «Мертвые Души» только усилили эту ненависть. Так, например, я сам слышал, как известный граф Толстой-американец⁹⁷ говорил при многолюдном собрании в доме Перфильевых⁹⁸, которые были горячими поклонниками Гоголя, что он «враг России и что его следует в кандалах отправить в Сибирь». В Петербурге было гораздо более таких особ, которые разделяли мнение графа Толстого.

Во второй половине июня получил я первое письмо от Гоголя из Варшавы^V. Вот оно^{VI}:

Варшава, 10 июня <н. ст. 1840>.

«Здравствуйте, мой добрый и близкий сердцу моему Друг, Сергей Тимофеевич. Грешно было, если бы я не отозвался к вам с дороги. Но что я за вздор несу: грешно. Я бы не посмотрел на то, грешно или нет, прилично или неприлично, и верно бы не написал вам ни слова, особливо теперь, если бы здесь не действовало побуждение душевное. Обнимаю вас и целую несколько раз. Мне не кажется, что я с вами расстался. Я вас вижу возле себя ежеминутно и даже так, как будто бы вы только что сказали мне несколько слов и мне следует на них отвечать. У меня не существует разлуки, и вот почему я легче расстаюсь, чем другой. И никто из моих друзей по этой же причине не может умереть, потому что он вечно живет со мною.

Мы доехали до Варшавы благополучно — вот покаместь все, что вас может интересовать. Нигде ни на одной станции не было никакой задержки. Словом, лучше доехать невозможно. Даже погода была хороша: у места дождь, у места солнце. Здесь я нашел кое-каких знакомых, через два дня мы выезжаем в Краков и оттуда, коли успеем, того же дни в Вену. Целую и обнимаю несколько раз Константина Сергеевича и снабжаю следующими довольно скучными поручениями: привезти с собою^{VII} кое-какие для меня книжки, а именно миниатюрное издание «Онегина»⁹⁹, «Горя от ума»¹⁰⁰ и басней Дмитриева¹⁰¹ и если только вышло компактное издание «Русских песней» Сахарова¹⁰², то привезти и его. Еще: если вы достали и если вам случится до-

^I потому *вписано*.

^{II} И так *вписано вместо*: а потому

^{III} хотя очень могла это сделать *вписано*.

^{IV} *Фрагмент*: Я, Щепкин, Погодин и Константин сели в коляску — Мать Гоголя уехала из Москвы прежде него — *зачеркнуто в рукописи карандашом; вместо него вписано и зачеркнуто карандашом*: Обращаюсь назад. Кроме нас (*исправление И. С. Аксакова, напечатанное в изд. 1880 г. — № 6, с. 16*).

^V из Варшавы *вписано вместо*: из-за границы

^{VI} *Далее следует примечание С. Т. Аксакова на полях*: Все письма Гоголя не только списаны с точностью, но даже скопированы.

^{VII} *Далее было*: следующие для

стать для меня каких-нибудь докладных записок и дел, то привезти и их также. Михаил Семенович¹⁰³, которого также при сей верной оказии целую и обнимаю, обещался с своей стороны достать. Хорошо бы присообщить и их также. Уведомите меня, когда едете в деревню. Корь, я полагаю, у вас уже совершенно окончилась. Перецелуйте за меня все милое семейство ваше, и Ольге Семеновне¹ вместе с самую искреннейшею благодарностью передайте очень приятное известие, именно, что запасов, данных нам, стало не только на всю дорогу, но даже и на станционных смотрителей, и даже в Варшаве мы наделили прислуживавших нам плутов остатками пирогов, балыков, лепешек и прочего¹⁰⁴.

Прощайте, мой бесценный друг. Обнимаю вас множество раз».

Поручения Константину привезть с собою книги и деловые бумаги показывают, что Гоголь вполне был уверен в скором приезде Константина в Италию. У нас точно было это намерение, хотя не так твердое и непреложное, как это казалось Гоголю¹¹. Впрочем, если б оно и было точно таково, то, конечно, не могло бы исполниться, потому что в 1840-м году, 12 августа, умер муж у сестры Надежды Тимофеевны, и мы с Верой прожили четыре месяца в Петербурге, а в 1841 году, 5 марта, мы потеряли Мишу. Потому разлучаться было не время¹¹¹. Деловые бумаги

¹ *Фрагмент*: Корь, я полагаю, у вас уже совершенно окончилась. Перецелуйте за меня все милое семейство ваше, и Ольге Семеновне — *зачеркнуто в рукописи карандашом; вместо него вписано*: Супруге вашей (*сокращение И. С. Аксакова; в изд. 1880 г. напечатано: «Семье вашей»*).

¹¹ *Далее следует отсылка С. Т. Аксакова к его примечанию, написанному на отдельном листе*:

Но в доказательство, что оно было, прилагаю ответ мой на это первое письмо Гоголя.

«Да, мой милый, мой бесценный друг Николай Васильевич! между друзьями нет разлуки! Вы так прекрасно выказали мне мои собственные чувства! Письмо ваше из Варшавы от 10 июня нов. ст. обрадовало все наше семейство. Меня не было дома, и не я его получил; зато слова *письмо от Гоголя* радостно и шумно встретили меня, когда я воротился. Не нужно говорить, как драгоценно мне это *душевное побуждение*, которое заставило вас написать его... По непонятной для меня самой какой-то недогадке я не спросил вас, куда писать к вам? Мне так это досадно! Мне так хотелось писать, так было необходимо высказать вам все, что теснилось в душе... но от глупой мысли, что письмо мое нигде не может вас поймать и пролежит где-нибудь известное время, воротится опять в Москву, опускало мне руки... Теперь я столько пропустил времени, что, вероятно, это в самом деле случится... но нужды нет. Если письмо не застанет вас в Вене, то, может быть, если вы оставили свой адрес, настигнет вас на водах или где-нибудь в Германии. — Я и все семейство мое здоровы. Корь миновалась благополучно. Все обнимаем вас, а Константин особенно и так крепко, что только заочно могут быть безвредны такие объятия. Все ваши поручения он выполнит с радостью: он все еще готовится писать диссертацию. Лиза ваша здорова, начинает привыкать к новому своему житью-бытью и хорошо улаживается. Мы видимся нередко. Она гостит у нас другой день: вчера было Воскресение (вероятно, 9/21 июня. — *И. В.*), а сегодня Раевской нет дома. Лиза сама пишет. Погодин, верно, написал вам, что у него родился сын в день рождения Петра Великого и назван Петром и что я крестил его с Лизаветой Григорьевной Чертковой. Это мне было очень приятно, потому что она ваша добрая приятельница. — Едва ли я поеду в свои деревни за Волгу... Кажется, мы проведем лето в Москве: к этому есть много побудительных причин и не весьма приятных. Не такой год, чтоб расставаться. — Я прочел *Лермонтова «Героя нашего времени»* в связи и нахожу в нем большое достоинство. Живо помню слова ваши, что Лермонтов-прозаик будет выше Лермонтова-стихотворца. Письмо мое написано очень беспорядочно... нужды нет, не хочу пропустить почты. Михаил Семенович очень было прихворнул, но теперь выезжает и поправляется. Пожалейте: он на строжайшей диете... Он обнимает вас и обещает достать много *записок из дел*, к которым я присоединю свои. Все это привезет вам Константин, если не встретится оказии прежде».

Из этого письма очевидно, что мы действительно имели твердое намерение послать Константина в Италию к Гоголю. Оно, вероятно, писано вскоре по получении письма Гоголя от *<пробел в рукописи; следует: 10>* числа *<н. ст.>* 1841-го *<ошибка; следует: 1840>* года¹⁰⁵.

¹¹¹ *Фрагмент*: Прощайте, мой бесценный друг - разлучаться было не время — *зачеркнуто в рукописи карандашом (сокращение И. С. Аксакова, см. изд. 1880 г. — № 6, с. 17)*.

и разные акты, которых Гоголь добивался постоянно, вероятно, были ему нужны для того, чтоб поверить написанные им в «Мертвых Душах» разные судебные¹ сделки Чичикова, которые так и остались неверными с действительностью.

Вскоре по получении этого первого письма я уехал с Гришей¹⁰⁶ за Волгу в свои деревни, и об этом-то отъезде спрашивает меня Гоголь.

Почти через месяц получил я от Гоголя второе письмо, уже из Вены.

Июля 7 <н. ст. 1840>. Вена.

«Я получил третьего дня письмо ваше, друг души моей, Сергей Тимофеевич¹¹!!! Оно ко мне дошло очень исправно и дойдет без сомнения и^{IV} другое так же исправно, если только вам придет желание написать его; потому что я в Вене еще надеюсь пробыть месяца полтора, попить воды и отдохнуть. Здесь покойнее, чем на водах, куда съезжается слишком скучный для меня свет. Тут все ближе, под рукой, и свобода во всем. Нужно знать, что последняя давно убежала из деревень и маленьких городов Европы, где существуют воды и съезды. Парадно — мочи нет! К тому же у меня такая скверная натура, что при взгляде на эту толпу, приехавшую со всех сторон лечиться, — уже несколько^V тошнит, а на водах это не идет: нужно, напротив, чтобы слабило. Как вспомню Мариенбад и лица, из которых каждое насильно и нахально влезло в память, попадаясь раз по сорока на день, и несносных русских с вечным и непреложным вопросом: “А который стакан вы пьете?” — вопрос, от которого я улепетывал по проселочным дорожкам. Этот вопрос мне показался на ту пору^{VI} родным братцем другого известного вопроса: “Чем вы подарите нас новеньким?” Ибо всякое слово, само по себе невинное, но повторенное двадцать раз, делается пошлее добродетельного Цинского¹⁰⁷ или романов Булгарина, что все одно и то же... Я замечаю, что я, кажется, не кончил периода. Но вон его! Был ли когда-нибудь какой толк в периодах? Я только вижу и слышу толк в чувствах и душе. Итак, я на водах в Вене, где^{VII} и дешевле, и покойнее, и веселее. Я здесь один; меня не смущает никто. На немцев я гляжу как на необходимых насекомых во всякой русской избе. Они вокруг меня^{VIII} бегают, лезут, но мне не мешают; а если который из них влезет мне на нос, то щелчок, и был таков. Я совершенно покоен после вашего письма. Первое и главное: вы здоровы; но мне жаль, если вы проведете лето в Москве. Перемена необходимо нужна вам, как и всякому человеку, проведему зиму в Москве. Мне жаль, если у вас не будет дачи, пруда с рыбами, леса и дорог, которые бы заманили ходить^{IX}.

Ради Бога, сделайте так, чтоб ваше лето не было похоже на зиму; иначе это значит гневить Бога и выпускать на него эпиграммы. Вена приняла меня царским образом! Только теперь всего два дня прекратилась опера... Чудная, невиданная. В продолжение целых двух недель первые певцы Италии мощно возмущали, двигали и производили благодетельные потрясения в моих чувствах. Велики милости Бога^X! Я оживу еще. Обнимаю от души Константина Сергееви-

¹ судебные *вписано*.

¹¹ друг души моей, Сергей Тимофеевич *зачеркнуто карандашом (сокращение И. С. Аксакова, см. изд. 1880 г. — № 6, с. 17)*.

^{III} *Помета в рукописи неустановленного лица: Напеч<атано> у Кулиша.*

^{IV} и дойдет без сомнения и *вписано вместо: если только вам придет*

^V уже несколько *вписано*.

^{VI} на ту пору *вписано*.

^{VII} где *вписано карандашом*.

^{VIII} *Далее было: ночью*

^{IX} *На этом оканчивается публикация 1880 г. Далее в этой публикации следует подстрочное примечание И. С. Аксакова: Здесь кончается рукопись или связанное изложение воспоминаний; сохранились лишь черновые материалы, выписки из писем и т. п. Ред<актор>.*

^X *Далее было: ко мне грешному*

ча, хотя без сомнения не так крепко, как он меня, но это не без выгоды: бокам несколько легче. И между прочим прошу его к наданным от меня комиссиям прибавить еще несколько, и именно: спросить у Погодина, не нашелся ли мой Шекспир 2-й том, который взять ему с собою и прибавить к этому оба издания песней Максимовича¹⁰⁸, а может быть, и третье, коли вышло. А главное, купить или поручить Михаилу Семеновичу купить у лучшего сапожника петербургской выделанной кожи, самой мягкой для сапог, т<о> е<сть> одни передки. Они так уже вырезанные находятся; места не занимают и удобны к взятию. Пары две или три; случилась беда: все сапоги, сделанные мне *Таке*, оказались короткими. Упрямый немец! Я толковал ему, что будут коротки, — не хотел, сапожная колодка, согласиться! и широки так, что у меня ноги распухли. Хорошо было бы, если бы мне были доставлены эти кожи, а делают сапоги здесь не дурно. Товарищ мой¹⁰⁹ немного было прихворнул, но теперь здоров, заглядывается на Вену и с грустью собирается ее оставить послезавтра для дальнейшего пути. Он теперь сидит за письмом к вам. Целую ручки Ольги Семеновны и посылаю мое душевное объятие всему вашему семейству. Прощайте, мой друг! Будьте здоровы и берегите свое здоровье!»

К этому письму не нужно прибавлять никаких объяснений. Но следует заметить, что здесь продолжается в душе Гоголя то же самое настроение, с каким он уехал из Москвы. Его же увидим мы и в следующем письме в Москву к О<льге> С<еменовне>, ибо я известил Гоголя, что уезжаю с Константином за Волгу, куда я и уехал, кажется, 27-го июня. Из этого письма также видно, какое значение имели для Гоголя все искусства и как благотельно было их влияние на его душу. О сильном стремлении его к живописи я уже имел случай говорить; но здесь видно, как действовала на него музыка и как дороги были ему родные малороссийские песни. Даже третье издание Максимовича, почти одних и тех же песен, просит он Константина привезть ему в Рим. Итак, очень ошибочно это мнение, что будто Гоголь только в последние два года своей жизни вновь обратился к своей прекрасной родине и к ее прелестным песням. Вот его письмо к О<льге> С<еменовне> из Венеции.

Венеция, августа 10¹¹⁰.

«Так как Сергея Тимофеевича теперь вероятно нет в Москве, Констан<тин> Сергеев<ич> без сомнения тоже с ним; то решаюсь, Ольга Семеновна, осадить вас моими двумя усерднейшими просьбами. Но прежде чем просьба, позвольте поблагодарить вас, вы знаете за что: за все. Позвольте поблагодарить также вас и все ваше семейство за память обо мне; впрочем, в последнем случае благодарить мне незачем, потому что здесь плата тою же монетою с моей стороны, что вам без сомнения известно, — а просьбы мои следующие. Отправьте прилагаемое при сем письмо к Лизе и вручите Михаилу Семеновичу прилагаемое при сем действие переведенной для него комедии¹¹¹. Еще одна просьба, о которой напоминать мне немножко бессовестно, но нечего делать. Просьба эта относится прямо к Вере Сергеевне, а в чем она заключается — это ей известно. Исполнению ее конечно теперь мешает отъезд Сергея Тимоф<еевича>. Но по приезде... Вера Сергеевна, простите меня за мой докучливый характер. Прощайте. Веселитесь веселее, сколь можно¹. Я Вас вижу очень живо и также вижу всех вас, все ваше семейство.

К Сергею Тимофеевичу я буду писать из Рима; не знаю только, куда адресовать. Впрочем, отправите вы. Целую ваши ручки».

Первое действие комедии, о которой пишет Гоголь, принадлежит к той самой пьесе, которую Щепкин, под названием «Дядька в хлопотах», давал себе в бенефис в прошедшую зиму¹¹², через год после кончины Гоголя. Просьба к Верочке относится до моего портрета, который она обещала написать для Гоголя, исполнению которой без сомнения мешало мое отсутствие. Я во-

¹ Далее в письме Гоголя опущены строки: и отвечайте лета более, сколько можно.

ротился из-за Волги в исходе августа. Меня ожидало уже печальное известие, что Гр. Ив. Карташевского уже нет на свете. Через сутки мы уже уехали с Верой в Петербург. Писем от Гоголя долго не было. Наконец пришло известие, что он был отчаянно болен¹¹³, и вот письмо, которое я получил от него уже в январе 1841 года.

Рим, декабря 28 <н. ст. 1840>.

«Я много перед вами виноват, друг души моей Сергей Тимофеевич, что не писал к вам тотчас после вашего мне так всегда приятного письма. Я был тогда болен. О моей болезни мне не хотелось писать к вам, потому что это бы вас огорчило. Вы же в это время и без того, как я узнал, узнали великую утрату¹¹⁴; лгать мне тоже не хотелось, и потому я решился обождать. Теперь я пишу к вам, потому что здоров, благодаря чудесной силе Бога, воскресившего меня от болезни, от которой, признаюсь, я не думал уже встать. Много чудного совершилось в моих мыслях и жизни. Вы в вашем письме сказали, что верите в то, что мы увидимся опять. Как угодно будет всевышней силе, может быть, это желание, желание сердец наших, сильное обоюдно, исполнится. По крайней мере обстоятельства идут как будто бы к тому.

Я, кажется, не получу места, о котором, помните, мы хлопотали и которое могло бы обеспечить мое пребывание в Риме¹¹⁵. Я почти признаюсь, это предвидел, потому что Кривцова, который надул всех, я разгадал почти с первого взгляда: этот человек, который слишком любит только одного себя и прикинулся любящим и то и се потому только, чтобы посредством этого более удовлетворить своей страсти, т<o> е<сть> любви к самому себе. Он мною дорожит столько же, как тряпкой. Ему нужно иметь при себе непременно какую-нибудь европейскую знаменитость в художественном мире, в достоинство внутреннее которого он хотя, может быть, и сам не верит, но верит в разнесшуюся его знаменитость: ибо ему, что весьма естественно, хочется разыграть со всем блеском ту роль, которую он не очень смыслит. Но Бог с ним, я рад всему, всему, что ни случается со мною в жизни, и как погляжу я только, к каким чудным пользам и благу вело меня то, что называют в свете неудачами, то растроганная душа моя не находит слов благодарить Невидимую руку, ведущую меня.

Другое обстоятельство, которое может дать надежду на возврат мой — мои занятия. Я теперь готовлю к совершенной очистке первый том “Мерт<вых> Душ”. Переменяю, перечисляю, многое перерабатываю вовсе и вижу, что их печатание не может обойтись без моего присутствия. Между тем дальнейшее продолжение его выясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть со временем кое-что колоссальное, если только позволят слабые мои силы; по крайней мере верно немногие знают, на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначущий сюжет, которого первые невинные и скромные главы вы уже знаете. Болезнь моя много отняла у меня времени; но теперь, слава Богу, я чувствую даже по временам свежесть, мне очень нужную. Я это приписываю отчасти холодной воде, которую я стал пить по совету доктора, которого за это благослови Бог и который думает, что мне холодное лечение должно помочь. Воздух теперь чудный в Риме, свежий. Но лето, лето, это я уже испытал, мне непременно нужно провести в дороге. Я повредил себе много, что зажился в душной Вене. Но что же было делать; признаюсь, у меня не было средств тогда предпринять путешествие, и у меня слишком было все рассчитано. О если б я имел возможность всякое лето сделать какую-нибудь дальнюю, дальнюю дорогу; дорога удивительно спасительна для меня... Но обратимся к началу. В моем приезде к вам, которого значения я даже не понимал вначале, заключается много, много для меня. Да, чувство любви к России, слышу, во мне сильно. Многое, что казалось мне прежде неприятно и невыносимо, теперь мне кажется опустившимся в свою ничтожность и незначительность, и я дивлюсь, ровный и спокойный, как я мог их когда-либо принимать близко к сердцу. И то, что я приобрел в теперешний приезд мой в Москву, вы знаете! Что я разумею, Вам за этим незачем далеко ходить, чтобы узнать, какое это приобретение. Да, я не знаю, как и чем благодарить мне Бога... но уже когда я мыслю о вас и об

этом юноше¹¹⁶, так полном сил и всякой благодати¹, который так привязался ко мне, — я чувствую в этом что-то такое сладкое... но довольно. Сокровенные чувства как-то становятся пошлее, когда облакаются в слова. Я хотел было обождать этим письмом и послать вместе с ним перемененные страницы в “Ревизоре” и просить вас о напечатании его вторым изданием, и не успел. Никак не хочется заниматься тем, что нужно к спеху, а все бы хотелось заняться тем, что не к спеху. А между тем оно было бы очень нужно скорее. У меня почти дыбом волос, как вспомню, в какие я вошел долги. Я знаю, что вам подчас и весьма нужны деньги; но я надеюсь через неделю выслать вам переправки и приложения к “Ревизору”, которые, может быть, заставят лучше покупать его. Хорошо бы, если бы он выручил прежде должные вам, а потом тысячу, взятую у Панова, которую я пообещал ему уплатить было в феврале. Панов молодец во всех отношениях, и Италия ему много принесла пользы, какой бы он никогда не приобрел в Германии, в чем он совершенно убедился; это не мешает довести между прочим до сведения кое-кого¹¹⁷. А впрочем, если рассудить по правде, то я не знаю, почему вообще молодым людям не развернуться в полноте сил¹¹⁸ и в русской земле; но почему может увлечь в длинные рассуждения. — Покамест прощайте.

Обнимаю и целую вас несколько раз и все ваше семейство также¹¹⁹.

Что Михаил Семенович? Почему он не написал мне ни строчки, я не знаю даже, получил ли он пиесу и доволен ли ею¹²⁰.

Письмо это написано уже совсем в другом тоне, чем все предыдущие. Этот тон сохранился уже навсегда. Должно поверить, что *много чудного* совершилось с Гоголем, потому что он с этих пор изменился в нравственном существе своем. Это не значит, что он сделался другим человеком, чем был прежде; внутренняя^V основа всегда лежала в нем, даже в самых молодых годах; но она скрывалась, так сказать, наружностью внешнего человека. Отсюда начинается постоянное стремление Гоголя к улучшению в себе духовного человека и преобладание религиозного направления, достигшего впоследствии, по моему мнению, такого высокого настроения, которое уже несовместимо с телесною оболочкою^{VI} человека. Я не спрашивал Гоголя в подробности, что с ним случилось: частью из деликатности, не желая насиловать его природной скрытности, а частью потому, что боялся дотрагиваться до таких предметов и явлений, которым я не верил и теперь не верю, считая их порождением болезненного состояния духа и тела. Но я слышал, что Гоголь во время болезни имел какие-то видения, о которых он тогда же рассказал ходившему за ним с братскою нежностью и заботою купцу Н. П. Боткину, который случился на то время в Риме¹¹⁸. Что касается до места, которое мы все желали доставить Гоголю, то оно, кажется, вовсе не состоялось. Кривцов был назначен в Риме вроде какого-то попечителя и официального ходатая всех русских художников, там живущих. Гоголь хотел быть его помощником, которому предполагали определить жалованья с лишком две тысячи рублей ассигнац<иями>; получив такое место, Гоголь был бы обеспечен в своем существовании. Что же собственно разумел Гоголь под словами: «к каким чудным пользам и благу вело меня то, что называют в свете неудачами», то это обстоятельство осталось для меня неизвестным. Слова самого Гоголя утверждают меня в том мнении, что он начал писать «Мертвые Души» как любопытный и забавный анекдот; что только^{VII} впо-

¹ *Далее было:* а. как говор<ит> Языков б. выражаясь фразой Языкова

¹¹⁶ *Далее было:* и в своей стихии

¹¹⁹ *Фрагмент:* Обнимаю и целую вас несколько раз и все ваше семейство также — *написан на полях.*

¹²⁰ *Фрагмент:* Что Михаил Семенович? Почему он не написал мне ни строчки, я не знаю даже, получил ли он пиесу и доволен ли ею — *написан на полях.*

^V внутренняя *описано.*

^{VI} *Слова:* с телесною оболочкою — *исправлены карандашом:* с телесным организмом

^{VII} только *описано.*

ледствии он узнал, говоря его словами, «на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначущий сюжет»; что впоследствии, мало-помалу, составилось это колоссальное создание, наполнившееся болезненными явлениями нашей общественной жизни; что впоследствии почувствовал он необходимость исхода из этого страшного сборища человеческих уродов, необходимость — примирения... Возможно ли было исполнение такой задачи и мог ли ее исполнить Гоголь — это вопрос другой, к которому я обращусь в конце этих записок. В словах Гоголя, что он слышит в себе *сильно чувство к России*, заключается, очевидно, указание, подтверждаемое последующими словами, что этого чувства у него прежде не было или было слишком мало. Без сомнения, пребывание в Москве, в ее русской атмосфере, дружба с нами и особенно влияние Константина, который постоянно объяснял^I Гоголю, со всею пылкостью своих глубоких, святых убеждений — все значение, весь смысл Русского народа, были единственные тому причины^{II} 119. Я сам замечал много раз, какое впечатление производил он на Гоголя, хотя последний старательно скрывал свое внутреннее движение. Единственно в этом письме, в первый и последний раз, высказался откровенно Гоголь. И прежде и после этого письма он по большей части подшучивал над русским человеком. Есть еще доказательства этого Русского движения, образовавшегося в Москве именно в 1840-м году: в первом томе «Мертвых Д<уш>» многие места в этом духе^{III} очевидно вставлены и даже не совсем гармонируют с прежними речами. Под словами «*и то, что я приобрел в теперешний приезд мой в Москву*» Гоголь разумеет дружбу со мной и моим семейством; а под словами *юноша полный всякой благодати* — Константина.

Я не получал писем от Гоголя около двух месяцев. Прилагаемое письмо от 5 марта нового стиля^{IV} 1841 года получено мною уже тогда, когда Богу было угодно поразить нас ужасным и неожиданным ударом; именно 5 марта потеряли мы сына¹²⁰, полного крепости телесных сил и всяких блистательных надежд; а потому все поручения Гоголя передал я к исполнению Погодину.

Марта 5 <ст. ст. 1841>. Рим.

«Мне грустно так долго не получать от вас вести, Сергей Тимофеевич. Но, может быть, я сам виноват. Может быть, Вы ожидали высылки мною обещанных изменений и приложений, следуемых ко 2 изданию “Ревизора”. Но я не мог найти нигде их. Теперь только случаем нашел их там, где не думал. Если б вы знали, как мне скучно теперь заниматься тем, что нужно на скорую руку, как мне тягостно на миг оторваться от труда, наполняющего ныне всю мою душу. — Но вот Вам, наконец, эти приложения. Здесь письмо, писанное мною к Пушкину^V 121 по его собственному желанию. Он был тогда в деревне. Пьеса игралась без него. Он хотел писать полный разбор ее для своего журнала и меня просил уведомить, как она была выполнена на сцене. Письмо осталось у меня неотправленным, потому что он скоро приехал сам. Из этого письма я выключил то, что собственно могло быть интересно для меня и для него, и оставил только то, что может быть интересно для будущей постановки “Ревизора”, если она когда-нибудь состоится. Мне кажется, что прилагаемый отрывок будет излишним для умного актера, которому случится исполнять роль Хлестакова. Это письмо под таким названием, какое на нем выставлено, нужно отнести на конец пьесы, а за ним непосредственно следуют две прилагаемые, выключенные из пьесы, сцены. Небольшую характеристику ролей, которая находится в начале книги первого издания, нужно исключить. Она вовсе не нужна. У Погодина возьмите приложение в его письме изменение четвертого акта, которое совершенно необходимо. Хорошо бы

^I объяснял *вписано вместо*: доказывал

^{II} были единственные тому причины *вписано*.

^{III} в этом духе *вписано*.

^{IV} нового стиля *вписано на полях*.

^V *Далее зачеркнуто*: вслед за первым предст<авлением> Ревизора

издать “Ревизора” в миниатюрном формате; а впрочем, как найдете лучшим. Теперь я должен с вами поговорить о деле важном, но об этом сообщит вам Погодин. Вы вместе с ним сделаете совещание, как устроиться лучше. Я теперь прямо и открыто прошу помощи, ибо имею право и чувствую это в душе. Да, Друг мой! я глубоко счастлив. Несмотря на мое болезненное состояние, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивные минуты. Создание чудное творится и совершается в душе моей, и благодарными слезами не раз теперь полны глаза мои. Здесь явно видна мне святая воля Бога: подобное внушенье не приходит от человека, никогда не выдумать ему такого сюжета. О, если бы еще три года с такими свежими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончания труда моего, больше ни часу мне не нужно. Теперь мне нужно необходимо дорога и путешествие: они одни, как я уже заметил, восстанавливают меня. У меня все средства истощились уже несколько месяцев. Для меня нужно сделать заем. Погодин вам скажет. В начале же 42 года выплатится мною все, потому что одно то, которое уже у меня готово и которое, если даст Бог, напечатаю в конце текущего года, уже достаточно для уплаты. Теперь я ваш; Москва мне родина. В начале осени я прижму вас к моей русской груди. Все было дивно и мудро расположено высшею Волею. И мой приезд в Москву, и мое нынешнее путешествие в Рим, все было благо. — Никому не говорите ничего ни о том, что я буду к вам, ни о том, что я тружусь; словом, ничего. — Но я чувствую какую-то робость возвращаться одному. Мне тягостно и почти совершенно невозможно теперь заняться дорожными мелочами и хлопотами. Мне нужно спокойствие и самое счастливое, самое веселое, сколько можно, расположение души; меня теперь нужно беречь и лелеять. Я придумал вот что: пусть за мною приедут Михаил Семенович и Константин Сергеевич¹²²; им же нужно: Михаилу Семеновичу для здоровья, Констан<тину> Сергеевичу для жатвы, за которую уже пора ему приняться; а милее душе моей этих двух, которые бы могли за мною приехать, не могло бы для меня найтись никого. Я бы ехал тогда с тем же молодым чувством, как школьник в каникулярное время едет из надоевшей школы домой под родную крышу и вольный воздух. Меня теперь нужно лелеять, не для меня, нет. Они сделают бесполезное дело. Они привезут с собой глиняную вазу; конечно, эта ваза теперь вся в трещинах, довольно стара и еле держится; но в этой вазе теперь заключено сокровище, стало быть ее нужно беречь. Жду вашего ответа, чем скорее, тем лучше. Если бы Вы знали, как я теперь жажду обнять вас. До свиданья! Как прекрасно это слово. Перецелуйте моим поцелуем всех ваших: Ольгу Семеновну, Веру Сергеев<ну>, Ольгу Серг<еевну>, всех, всех. Письма мне адресуйте на имя Банкира Валентини, это будет вернее, чем *Poste restante*¹²³. Адрес его: *Piazza Apostoli, Palazzo Valentini*».

Это письмо привело в восхищение всех друзей Гоголя, а также меня и мое семейство настолько, насколько наши убитые горестью сердца могли принять в этом участие. Письмо это утверждает обращение Гоголя к России; слова «к русской груди моей» это доказывают. Можно также заключить, что Гоголь переезжал в Москву навсегда, с тем чтобы уже не ездить более в чужие края, о чем он и сам мне говорил сначала по возвращении из Рима. Как слышна искренность убеждений Гоголя в этом письме в великость своего труда, как в благоую, свыше назначенную цель всей своей жизни. Поехать к Гоголю, так сказать, навстречу, чтоб привезть¹ его в Москву, никто не мог: Константину невозможно было разлучиться с нами в это печальное время; Щепкин не имел никаких средств ехать, да и получить заграничный отпуск было бы для него очень затруднительно. Что же касается до займа денег для Гоголя и вообще до его письма об этом предмете, то его не вдруг показали мне, потому что мне было не до того. Общее это письмо было написано ко мне, к Погдину и Шевыреву.

¹ В рукописи ошибочно: привезть

Общее письмо, объяснение его и действия по нем¹ 124.

Второе и последнее письмо ко мне в этом году^{II} от Гоголя из Рима не имеет числа¹²⁵; но по содержанию его можно догадаться, что оно написано довольно скоро после письма от 5 марта, когда Гоголь еще не знал о нашем несчастье. Вот оно:

«Едва только я успел отправить письмо мое к вам с приложеньями к “Ревизору”, как получил вслед за тем Ваше¹²⁶. Оно было для меня тем приятнее, что мне казалось уже, будто я от вас Бог знает когда не получал вестей. Целую вас несколько раз в задаток поцелуев личных. “Ревизора”, я полагаю, не отложить ли до осени¹²⁷? Время близится к лету; в это время книги сбываются плохо, и вообще торговля не движется. Отпечатать можно теперь, а выпуском повременить до осени. По крайней мере, так говорит благоразумие и опытность. Вы пишете, чтобы я прислал что-нибудь в журнал Погодину. Боже! Если бы вы знали, как тягостно, как разрушительно для меня это требование, какую вдруг нагнало оно на меня тоску и мучительное состояние. Теперь на один миг оторваться мыслью от святого своего труда для меня уже беда. Никогда б не предложил мне в другой раз подобной просьбы тот, кто бы мог узнать на самом деле, чего он лишает меня. Если бы я имел деньги, клянусь, я бы отдал все деньги, сколько б у меня их ни было, вместо отдачи своей статьи. Но так и быть, я отыщу какой-нибудь старой лоскуток и просижу над переправкой и окончательной отделкой его, Боже! может быть, две, три недели. Ибо теперь для меня всякая малая вещь почти такого же требует обдумыванья, как великая, и, может быть, еще большего и тягостно-томительнейшего труда; ибо он будет почти насильственный, и всякую минуту я буду помнить бесплодную великость своей жертвы, преступную свою жертву. — Нет, клянусь! грех, сильный грех, тяжкий грех отвлекать меня. — Только одному неверующему словам моим и недоступному мыслям высоким позволительно это сделать. Труд мой велик, мой подвиг спасителен; я умер теперь для всего мелочного. И для презренного ли журнального, пошлого, занятого^{III} ежедневным дрязгом, я должен совершать непрощаемые преступления? и что поможет журналу моя статья? Но статья будет готова и недели через три выслана. Жаль только, если она усилит мое болезненное расположение; но я думаю, нет. Бог милостив. Дорога, дорога! Я сильно надеюсь на дорогу. Она же так теперь будет для меня вдвойне прекрасна. Я увижу моих друзей, моих родных друзей. Не говорите о моем приезде никому и Погодину скажите, чтоб он также не говорил; если же прежде об этом проговорились, то теперь говорите, что это неверно еще; ничего тоже не сказывайте о моем труде. Обнимите Погодина и скажите ему, что я плачу, что не могу быть полезным ему со стороны журнала; но что он, если у него бьется русское чувство любви к отечеству, он должен требовать, чтоб я не давал ему ничего^{IV}. Вы, может быть, дивитесь, что я вызываю Константина Серг<еевича> и Михаила Семенов<ича>; но я делал это в том предположении, что Конст<антину> Серг<еевичу> нужно было и без того ехать, а Мих<аил> Сем<енович> тоже хотел ехать к водам, что ему принесло бы значительную пользу. Я бы их ожидал хоть в самом первом за нашу границу немецком городке. Вы знаете этому причины из письма моего, которое вы уже получили. Насчет денег нужно будет распорядиться скорее. В мае месяце я полагаю выехать из Рима, месяцы жаркие провести где-нибудь в холодных углах Европы, может быть в Швейцарии, и к началу сентября в Москву, обнять и прижать вас сильно. Прощайте, жду с нетерпением ваших писем. Обнимаю крепко все ваше семейство».

^I Фраза: Общее письмо, объяснение его и действия по нем. — *отписана карандашом.*

^{II} ко мне в этом году *отписано.*

^{III} *Отписка. Следует читать: пошлого занятия. Далее было: дрязг<ом>*

^{IV} *Далее было: С деньгами*

Желание Гоголя не исполнилось. «Ревизор» был напечатан Погодиным со всеми приложениями, которые предварительно были помещены в «Москвитяине», что, разумеется, было Гоголю неприятно. Хотя я был тогда в таком положении, что не могу обвинять строго себя, но я должен признаться, что финансовые расчеты журналиста не казались мне тогда так противными¹, как теперь, и что вообще я не умел понимать во всей полноте страдальческого положения Гоголя; очевидным доказательством тому служит мое письмо к Гоголю, в котором я просил, чтоб он прислал что-нибудь в журнал Погодину^{11 128}. Теперь для меня это очень прискорбно, но прошедшего не воротить. Я особенно должен обвинять себя потому, что только моя просьба (как мне кажется) могла заставить Гоголя оторваться от своего святого труда, пожертвовать своею чудною итальянскою повестью «Ан<н>унциата», которой начало он нам читал, и сделать из нее отдельную статью под названием «Рим», которая впоследствии была напечатана в «Москвитяине». Впрочем, у Гоголя не достало сил исполнить свое обещание так скоро; он точно оставил было «Мер<твые> Д<уши>» и принялся за переделку «Ан<н>унциаты»; но он был так занят, так погружен в мир своей поэмы, что работа не спорилась и сделалась для него невыносимою. Он бросил ее и докончил уже в Москве.

¹ не казались мне тогда так противными *вписано вместо*: не были тогда мне так противны

¹¹ *В этом месте в рукописи имеется помета, отсылающая к дополнению на отдельном листе:*

Прилагаю письмо Погодина ко мне <от конца марта 1841 г.>, из которого видно, что я противился помещению в «Москвитяине» добавочных сцен к «Ревизору». Это письмо вполне объясняет образ действий Погодина с Гоголем:

«Вы не советуете, т<о> е<сть> Гоголь рассердится, да помилуйте, Сергей Тимофеевич, что я в самом деле за козел отпущения: неужели можно предполагать, что он скажет: пришли и присылай, бегай и делай, и не смей [д<умать>] подумать об одном шаге для себя. Да если б я изрезал в куски «Ревизора» и рассовал его по углам своего журнала, то и тогда Гоголь не должен бы был сердиться на меня, тем более, что «Ревизор» есть уже произведение ак<к>редитованное и не новое, которому ни вредить, ни помогать нельзя. А я, наоборот, думаю сделать подспорье своему же (т<о> е<сть> «Ревизора») изданию: вот де какие большие исправления и вставки. Впрочем, повторяю, я думаю так. Сыщите средство лучше, я оставлю свое, вам прекословить не буду и буду содействовать. Дело в том, что надо посылать ему деньги. — Если средства вы не находите, то согласитесь на мое, но прямо, ясно, или скажите мне, что [не хотите] находите в нем несогласного с пользою автора. Я готов оставить его, но тогда вопрос: что же нам делать? Посылать деньги? Откуда. Печатать. На какие деньги! И дожидаться год, а он без гроша. Теперь я рас<с>читываю войти в сделку через месяц, как хозяин, с книгопродавцами, или и прежде, и выручить деньги, след<о>вательно, могу перехватить на месяц. Напечатать я готов, пожалуй, для него, и продавать от него, — но в таком случае посылать теперь нечего, а ему нужно. — Избегая всего этого, я предлагаю самое верное средство и жду вашего разрешения».

Это письмо требует объяснения. Дело состояло в том, что Гоголь прислал «Ревизора» для напечатанья вторым изданием, или для продажи его книготорговцу. Мне тогда было не до того и я передал все Погодину. Он решился сам купить второе издание за 1500 р<ублей> ассигн<ациями> и уведомил об этом Гоголя; но особые, добавочные сцены «Ревизора» вздумал напечатать особо в своем журнале. Я узнал об этом особом его намерении и писал <23 марта 1841 г.>, что не советую этого делать и [все] [это] прилагаемое письмо [от] Погодина — ответ на мою записку. Я согласился на предложение Погодина, потому что точно денег негде было взять для печатанья, и что выручка от распродажи должна была затянуться. Тогда то и послали мы (о чем уже было сказано) 6000 руб<лей> на первый год, как просил Гоголь. Слова же Погодина, что если б он изрезал в куски «Ревизора» и рассовал его по углам своего журнала, то Гоголь не имел бы права сердиться — ясно показывают натуру Погодина, который ссудив деньгами [в нужде] Гоголя, считал себя вправе поступать с его великим творением по собственному произволу (РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 2–2 об. В этой же единице хранения содержатся: копия письма М. П. Погодина к Гоголю от 12/24 сентября 1843 г. из Москвы — РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 1; письмо Гоголя к М. П. Погодину около 2 ноября (н. ст.) 1843 г. из Дюссельдорфа — РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 3–5; письмо С. Т. Аксакова к Н. В. Гоголю от ноября – декабря 1843 г. из Москвы — РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 6; две редакции письма С. Т. Аксакова к Гоголю от 9 декабря 1846 г. из Москвы — РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 7–9, 11–12. Из них копия письма М. П. Погодина к Гоголю от 12/24 сентября 1843 г. использована С. Т. Аксаковым при написании мемуаров (на цитате из этого письма заканчивается дошедший до нас текст «Истории...»; см. далее подстрочное примечание к этому месту).

Между тем Гоголь получил известие о нашем несчастье¹²⁹. Не помню, писал ли я сам к нему об этом; но знаю, что он написал ко мне утешительное письмо, которое до меня не дошло и осталось для меня неизвестным. Письмо было послано через Погодина; вероятно, оно заключало в себе такого рода утешения, до которых я был большой неохотник, и мог^I скорее рассердиться за них, чем утешиться ими. Погодин знал это очень хорошо и не отдал письма, а впоследствии или^{II} затерял, или обманул меня, сказав, что письма не нашел.

Гоголя мы уже давно ждали, но наконец и ждать перестали; а потому внезапное появление его у нас в доме 18-го октября произвело такой же радостный шум, как в 39-м году письмо Щепкина, извещавшее о приезде Гоголя в Москву: крик Константина точно так же всех напугал.

В этот год последовала новая^{III} сильная перемена в Гоголе, не в отношении к наружности, а в отношении к его нраву и свойствам: впрочем, и по наружности он стал худ, бледен, и тихая покорность воле Божией слышна была в каждом его слове: гастрономического направления и прежней проказливости — как будто никогда не бывало. Иногда, очевидно без намерения, слышался юмор и природный его комизм; но смех слушателей, прежде не противный ему или не замечаемый им, в настоящее время сейчас заставлял его переменить тон разговора. Проявление последней его проказливости случилось во время переезда Гоголя из Петерб^{урга} в Москву. Он приехал в одной почтовой карете с Пет^{ром} Ив^{ановичем} Пейкером и сидел с ним в одном купе. Заметя, что товарищ очень обрадовался соседству знаменитого писателя, он уверил его, что он не *Гоголь*, а *Гогель*, прикинулся смиренным простячком, круглым сиротой и рассказал о себе преплачевную историю. Притом на все вопросы отвечал: «нет, не знаю». Пейкер оставил в покое своего неразговорчивого соседа. Приехав в Москву, Пейкер немедленно посетил нас. Речь зашла о Гоголе, и петербургский гость изъявил горячее желание его видеть. Я сказал, что это очень немудрено, потому что Гоголь бывает у меня почти всякой день. Через несколько минут входит Гоголь, своей тогда еще живою и бодрою походкой. Я познакомил его с моим гостем, и что же? Он узнает в Гоголе несносного своего соседа Гогеля. Мы не могли удержаться от смеха, но Пейкер осердился. Он был прав: за что Гоголь дурачил его трое суток? Между тем Гоголь сделал это единственно для того, чтоб избавиться от докучных вопросов, предлагаемых обыкновенно писателю: «Что вы теперь^{IV} пишете? Когда подарите нас новым произведением? Для чего вы не напишете того-то?» и пр. и пр. Можно ли строго осудить за это Гоголя, который так любил уединение дороги? Невинная выдумка возвращала ему полную свободу, и он, подняв воротник шинели выше своей головы (это была его любимая поза), всю дорогу читал потихоньку Шекспира или предавался своим творческим фантазиям. Между тем многие его за это обвиняли. Мы успокоили Пейкера, объяснив ему, что подобные мистификации Гоголь делал со всеми. Впоследствии они обедали у нас вместе, и Гоголь был любезен с своим прежним дорожным соседом.

Гоголь точно привез с собой первый том «Мер^{твых} Д^{уш}», совершенно конченный и отчасти отделанный. Он требовал от нас, чтоб мы никому об этом не говорили, а всем бы отвечали, что ничего готового нет. Начались хлопоты с перепискою набело «Мер^{твых} Д^{уш}». Я доставил было Гоголю отличного переписчика, бывшего при мне воспитанником в Межевом институте, Крузе¹³⁰; но не знаю или, лучше сказать, не помню^V, почему Гоголь взял другого переписчика. Прилагаемая записка¹³¹ служит тому доказательством.

^I до которых я был большой неохотник, и мог *вписано вместо*: подкрепляемые выражением из Священных книг

^{II} или *вписано*.

^{III} новая *вписано карандашом*.

^{IV} теперь *вписано*.

^V или, лучше сказать, не помню *вписано карандашом*.

«Я к вам приходил между прочим с просьбою, которую совершенно позабыл. А именно, нельзя ли послать к Крузе взять у него десь или две чистой бумаги, которая ему теперь не нужна, а будет нужна моему переписчику¹³². Из-за нее остановилось дело.

Гоголь».

Покуда переписывались первые 6 глав, Гоголь прочел мне, Константину и Погодину остальные пять глав. Он читал их у себя на квартире, т<о> е<сть> в доме Погодина¹, и ни за что не соглашался, чтоб кто-нибудь слышал их, кроме нас троих. Он требовал от нас критических замечаний, не столько на частности, как на общий состав и ход происшествия в целом томе. Я решительно не был тогда способен к такого^{II} роду замечаниям; частности, мелочи бросались мне в глаза во время чтения, но и об них я забывал после. Итак, я молчал, но Погодин заговорил. Что он говорил, я хорошенько не помню; помню только, что он между прочим утверждал, что в первом томе содержание поэмы не двигается вперед; что Гоголь выстроил длинный коридор, по которому ведет своего читателя вместе с Чичиковым и, отворяя двери направо и налево, показывает сидящего в каждой комнате уroda. Я принялся спорить с Погодиным, доказывая, что тут никакого коридора и никаких уродов нет, что содержание поэмы идет вперед, потому что Чичиков ездит по добрым людям и скупает мертвые души... но Гоголь был недоволен моим заступлением и, сказав^{III} мне: «Сами вы ничего заметить не хотите или не замечаете, а другому замечать мешааете...», просил Погодина продолжать и очень внимательно его слушал, не возражая ни одним словом.

Я говорил Гоголю после, что, слушая «Мерт<вые> Д<уши>» в первый раз, да хоть бы и не в первый, и увлекаясь красотою его художественного создания, никакой в свете критик, если только он способен принимать поэтические впечатления, — не в состоянии будет замечать^{IV} какие-нибудь недостатки; что если он хочет моих замечаний, то пусть даст мне чисто переписанную рукопись в руки, чтоб я на свободе прочел ее и, может быть, не один раз. Тогда дело другое. Но Гоголь не хотел и не мог этого сделать: рукопись поспешно переписывалась и немедленно была отослана в цензуру в Петерб<ург>. Тут случилось что-то такое, чего я и теперь объяснить не умею: Гоголь хотел послать первый том «Мерт<вых> Д<уш>» в Петербург к Жуковскому или к графу Вьельгорскому¹³³ для того, чтоб найти возможность представить ее^V прямо к Государю: ибо все мы думали, что обыкновенная цензура его не пропустит. Вдруг Гоголь переменял свое намерение и послал рукопись в Петербург¹³⁴ прямо к цензору Никитенко и, кажется, послал с Белинским, по крайней мере не сказал нам с кем^{VI}. У нас возникло подозрение, что Гоголь имел^{VII} сношение с Белинским, который приезжал на короткое время в Москву^{VIII}, секретно от нас, потому что в это время мы все уже терпеть не могли Белинского¹³⁵, переехавшего в Петербург для сотрудничества в издании «Отч<ественных> Записок» и обнаружившего гнусную враждебность к Москве, к русскому человеку и ко всему нашему русскому направлению.

В это время, то есть в конце 1841 и^{IX} в начале 1842 года, начали возникать неудовольствия между Гоголем и Погодиным. Гоголь молчал, но казался расстроеным, а Погодин начал силь-

¹ т<о> е<сть> в доме Погодина *вписано*.

^{II} к такого *вписано вместо*: ни к каким

^{III} *Было*: и сказал

^{IV} *Далее было*: недо<статки>

^V *Так в источнике. Подразумевается рукопись первого тома «Мертвых душ».*

^{VI} по крайней мере не сказал нам с кем *вписано*.

^{VII} *Далее было вписано*: секретное

^{VIII} который приезжал на короткое время в Москву *вписано*.

^{IX} в конце 1841 и *вписано карандашом*.

но жаловаться на Гоголя: на его капризность, скрытность, неискренность¹, даже ложь, холодность^{II} и невнимание к хозяевам, т<о> е<сть> к нему, к его жене, к матери и к теще, которые будто бы ничем не могли ему угодить. Я должен признаться, к сожалению, что жалобы и обвинения Погодина казались так правдоподобными, что сильно смущали мое семейство и отчасти меня самого^{III}, а также и Шевырева. Я, однако, объясняя себе поступки Гоголя его природною скрытностью и замкнутостью, его правилами, принятыми с детства, что иногда должно не только не говорить настоящей правды людям, но и выдумывать всякий вздор для скрытия истины, я старался успокоить других моими объяснениями. Я приписывал скрытность и даже какую-нибудь пустую^{IV} ложь, которую употреблял иногда Гоголь, когда его уличали в неискренности^V, единственно странности его характера и его рассеянности. Будучи погружен в совсем другие мысли, разбуженный как будто от сна, он иногда сам не знал, что отвечает и что говорит, лишь бы только отделаться от докучного вопроса; данный таким образом ответ неважно надобно было впоследствии поддержать или оправдать, из чего иногда выходило целое сплетение разных мелких неправд. Впрочем, я должен сказать, что странности Гоголя иногда были необъяснимы и остались навсегда для меня загадками. Мне нередко приходилось объяснять самому себе поступки Гоголя точно так, как я объяснял их другим, т<о> е<сть> что мы не можем судить Гоголя по себе, даже не можем понимать его впечатлений, потому что, вероятно, весь организм его устроен как-нибудь иначе, чем у нас; что нервы его, может быть, во сто раз тоньше наших: слышат то, чего мы не слышим, и содрогаются от причин, для нас неизвестных. На такое объяснение Погодин с злобным смехом отвечал: «разве что так». Я тогда еще не вполне понимал Погодина и потому не догадывался, что главнейшею^{VI} причиною его неудовольствия было то, что Гоголь ничего не давал ему в журнал, чего он постоянно и грубо требовал, несмотря на все, уже приведенные мною, письма Гоголя. После объяснилось, что Погодин пилил, мучил Гоголя не только словами, но даже записками, требуя статей себе в журнал и укоряя его в неблагодарности^{VII}, которые посылал ежедневно к нему снизу^{VIII} наверх. Такая жизнь сделалась мученьем для Гоголя и была единственною причиною скорого его отъезда за границу. Теперь для меня ясно, что грубая, черствая^{IX}, топорная натура Погодина, лишенная от природы или от воспитания всех нерв, передающих чувства деликатности, разборчивости, нежности, — не могла иначе поступать с натурою Гоголя, самую поэтическую, восприимчивую и по преимуществу нежную^X. Погодин сделал много добра Гоголю, хлопотал за него горячо всегда и везде, передавал ему много денег (не имея почти никакого состояния и имея на руках большое семейство), содержал его с сестрами и с матерью у себя в доме и по всему этому считал, что он имеет полное право распоряжаться в свою пользу талантом Гоголя и заставлять его писать в издаваемый им^{XI} журнал. Погодин всегда имел добрые порывы и был способен сделать добро даже и такому^{XII} человеку, который не мог заплатить ему тем же; но как скоро ему казалось, что одолженный им человек может его отблагодарить, то он уже приступал к нему без всяких церемо-

^I неискренность *вписано*.

^{II} даже ложь, холодность *вписано карандашом*.

^{III} и отчасти меня самого *вписано вместо: а. особенно Ольгу Сем<еновну> б. и меня*

^{IV} какую-нибудь пустую *вписано*.

^V в неискренности *вписано вместо: в скрытности*

^{VI} главнейшею *вписано вместо: единственною*

^{VII} требуя статей себе в журнал и укоряя его в неблагодарности *вписано*.

^{VIII} снизу *вписано*.

^{IX} черствая *вписано*.

^X *Далее было: Наприм<ер>*

^{XI} в издаваемый им *вписано вместо: себе в*

^{XII} даже и такому *вписано*.

ний, брал его за ворот и говорил: «Я тебе помог в нужде, а теперь ты на меня работай». Я сказал, что были случаи, в которых я никак не умел объяснить себе поступков Гоголя: именно, в течение первых четырех месяцев 1842 года было два таких случая: приехал в Москву старый мой, еще по гимназии товарищ и друг, Дмитрий Макс<имович> Княжевич; он был прекраснейший человек во всех отношениях: умный, образованный, живой, добрый, любящий и одаренный сильным эстетическим чувством. Кроме того, что он, по крайней мере до издания «Мер<твых> Д<уш>»^I, понимал^{II} и ценил Гоголя, он был с ним очень дружески знаком в Риме и, как гостеприимный славянин — не один раз угощал у себя Гоголя. Княжевич очень обрадовался, узнав, что мы с Гоголем друзья и что он бывает у нас всякий день. Я думал, что и Гоголь этому обрадуется. Что же вышло? В первый раз, когда Княжевич приехал к нам при Гоголе и стал здороваться с кем-то за дверьми маленькой гостиной, в которой мы все сидели, Гоголь неприметно^{III} юркнул в мой кабинет, и когда мы хватились его, то узнали, что он поспешно убежал из дому. Такой поступок поразил всех нас, особенно удивил Княж<евича>^{IV}. На другой день продолжалась такая же история, только с тою разницею, что Гоголь не убежал из дому, когда приехал Княжевич, а спрятался в дальний кабинет, схватил книгу, уселся в большие кресла и притворился спящим. Он оставался в таком положении более двух часов и так же потихоньку уехал. На вопросы, что с ним сделалось, он отвечал самыми детскими отговорками: в первый приезд Княжевича он будто вспомнил какое-то необходимое дело, по которому надобно было ему сейчас уехать, а в другой раз — будто ему так захотелось спать, что он не мог тому противиться, а проснувшись, почувствовал головную боль и необходимость поскорее освежиться на чистом воздухе. Мы все были не только поражены изумлением, но даже оскорблены. Я хотел даже заставить Гоголя объясниться с Княжевичем, но последний упросил меня этого не делать и даже взял с меня честное слово, что я и наедине не стану говорить^V об этом с Гоголем. Он думал, что, вероятно, Гоголю что-нибудь наказали^{VI} и что он имеет на него неудовольствие. Княжевич так любил горячо и меня и Гоголя, что буквально счел бы за несчастье быть причиною размолвки между нами. Несмотря на то, наше обращение с Гоголем изменилось и стало холоднее^{VII}. Гоголь притворился, что не примечает того. На третий день опять приехал Княжевич с дочерью, тогда как мы с Гоголем сидели все в моем кабинете. Мы все сейчас встали, пошли навстречу своему гостю и, затворив Гоголя в кабинете, расположились в гостиной. Через полчаса вдруг двери отворились, вбежал Гоголь и с словами: «Ах, здравствуйте, Дмитрий Макс<имович>... протянул ему обе руки, кажется, даже обнял его... и началась самая дружеская беседа приятелей, не выдавшихся давно друг с другом!..^{VIII} Точно он встретился с ним в первый раз после разлуки и точно прошедших двух дней не бывало. Покорно прошу объяснить такую странность! Всякое объяснение казалось мне так невыгодным для Гоголя, что я уже никогда не говорил с ним об этом — в чем^{IX} раскаиваюсь теперь.

Таких недоразумений, оставшихся без объяснений, было много, и, вероятно, они были причиною тому, что Гоголь никогда не бывал со мною вполне откровенен. Другое происшествие состояло в следующем (домашние мои утверждают, что оно случилось в 1840-м году¹³⁶, но это все равно): Гоголь еще не видал на Московской сцене «Ревизора»; актеры даже обижались этим, и

^I по крайней мере до издания «Мер<твых> Д<уш>» *вписано*.

^{II} *Было*: вполне понимал

^{III} *неприметно вписано*.

^{IV} особенно удивил Княж<евича> *вписано*.

^V *Было*: не заговарю

^{VI} *Далее было*: про него

^{VII} и стало холоднее *вписано*.

^{VIII} и началась самая дружеская беседа приятелей, не выдавшихся давно друг с другом!.. *вписано*.

^{IX} в чем *вписано вместо*: и

мы уговорили Гоголя посмотреть свою комедию. Гоголь выбрал день, и «Ревизора» назначили. Слух об этом распространился по Москве, и лучшая публика заняла бельэтаж и первые ряды кресел. Гоголь приехал в бенеуар к Чертковой, первый с левой стороны, и сел или почти лег, так чтоб в креслах было не видно. Через два бенеуара сидел я с семейством; пиэса шла отлично хорошо; публика принимала ее (может быть, в сотый раз), с восхищением. По окончании 3-го акта вдруг все встали, обратились к бенеуару Чертковой^I и начали вызывать автора. Вероятно, кому-нибудь пришла мысль, что Гоголь может уехать, не дослушав пиэсы. Несколько времени он выдерживал вызовы и гром рукоплесканий; потом выбежал из бенеуара. Я бросился за ним, чтобы провести его в ложу директора, предполагая, что он хочет показаться публике; но вдруг вижу, что он спешит вон из театра; я догнал его у наружных дверей^{II} и упрасивал выдти в директорскую ложу. — Гоголь не согласился, сказал, что он никак не может этого сделать^{III}, и убежал. Публика была очень недовольна, сочла такой поступок оскорбительным и приписала его безмерному самолюбию и гордости автора. На другой день Гоголь одумался, написал извинительное письмо к Загоскину (директору театра), прося его сделать письмо известным в публике, благодарил, извинялся и наклепал на себя небывалые обстоятельства. Погодин прислал это письмо на другой день мне, спрашивая, что делать? Я отсоветовал посылать, с чем и Погодин был согласен. Гоголь не послал письма и на мои вопросы отвечал мне точно то же, на что намекал только в письме, т<о> е<сть> что он перед самым спектаклем получил огорчительное письмо от матери, которое его так расстроило, что принимать в эту минуту изъявление восторга зрителей было для него не только совестно, но даже невозможно. Нам казалось тогда, и теперь еще почти всем^{IV} кажется такое объяснение неискренним и несправедливым. Мать Гоголя вскоре приехала в Москву, и мы узнали, что ничего особенно огорчительного с нею в это время не случилось. Отговорка Гоголя признана была нами за чистую выдумку; но теперь я отступаюсь от этой мысли, признаю вполне возможным, что обыкновенное письмо о затруднении в уплате процентов по имению, заложенному в Приказе общественного призрения, могло так расстроить Гоголя, что всякое торжество, приятное самолюбию человеческому, могло показаться ему грешным и противным. Объяснение же с публикой о таких щекотливых семейных обстоятельствах^V, которое мы сейчас готовы назвать трусостью и подлостью, или, из милости крайним неприличием, — обличают только чистую, прямую, простую^{VI} душу Гоголя, полную любви к людям и уверенную в их сочувствии.

Гоголь продолжал бывать у нас очень часто, почти всякой день, и охотно слушал рассказы Константина о том, как он держал себя и действовал в так называемом большом свете, который он начал посещать тогда и в котором искали его знакомства. Константин увлекался мыслью, что истины, которые он проповедовал там, согласно с своим задушевным и глубоким убеждением, — произведут благотворное действие. Он ошибался. Свет с любопытством и удовольствием слушал его, как диковинное явление, — и только. Это сделалось модою^{VII}. Правда, некоторые любили его за теплоту убеждений, но самые убеждения считали прекрасными мечтами. Гоголь хорошо понимал настоящее значение этого явления и очень им забавлялся. Докуки Погодина увенчались, однако, успехом. Он дал ему в журнал большую статью под названием «Рим», которая была напечатана в 3-м № «Москвитянина». Он прочел ее в начале фев<раля>¹³⁷ предварительно у нас, а потом на литературном вечере у кн<язя> Дм. Вл. Голицына¹³⁸; у Гоголя не было

^I к бенеуару Чертковой *вписано вместо*: к известному бенеуару

^{II} у наружных дверей *вписано*.

^{III} сказал, что он никак не может этого сделать *вписано*.

^{IV} почти всем *вписано*.

^V о таких щекотливых семейных обстоятельствах *вписано вместо*: таких щекотливых семейных обстоятельств

^{VI} простую *вписано карандашом*.

^{VII} сделалось модою *вписано вместо*: была мода

фрака, и он надел фрак Конст<антина>. Несмотря на высокое достоинство этой пиэсы, слишком длинной для чтения на рауте у какого бы то ни было Генерал-Губернатора, чтение почти усыпило половину зрителей; но когда к концу пиэсы дело дошло до комических разговоров итальянских женщин между собою и с^I своими мужьями, все общество точно проснулось и пришло в неописанный восторг, который и остался надолго в благодарной памяти слушателей.

Многие дамы, незнакомые лично с Гоголем, но знакомые с нами, желали его видеть; но Гоголя трудно было уговорить придти в гостиную, когда там сидела незнакомая ему дама. Одна из них, именно Кошелева^{II} 139, желала особенно познакомиться с Гоголем, а потому Вера и Константин так пристали с просьбами к Гоголю, что каким-то чудом уговорили его войти в гостиную. Это точно стоило больших трудов Константину и Вере. Они приставали к нему всячески, убеждали его; он отделялся разными уловками: то заговаривал о другом, то начинал им^{III} читать вслух что-нибудь из «Москов<ских> Ведомостей» и т. д. Наконец, видя, что он уступает, Константин громко возвестил его в гостиную, так что ему уже нельзя было не войти, и он вошел; но дама^{IV} не сумела сказать ему ни слова, и он, оставшись несколько минут, ушел. Конст<антин> проводил его и благодарил, но он был не совсем доволен, и на вопрос Конст<антина>, как он нашел даму^V, он сказал, что не может судить о ней, потому что не слышал от нее ни слова, «а вы мне сказали, что она желает со мною познакомиться».

Еще в январе 1842-го года дошли до нас слухи, что первый том «Мерт<вых> Д<уш>» в рукописи ходит по рукам в Петербурге. Гоголь не знал, что и делать: он писал туда к своим приятелям, даже хотел сам ехать на выручку^{VI} его; но, наконец, нетерпеливо ожидаемая рукопись, вся без исключения пропущенная цензором, была получена. Я не могу утвердительно сказать, дознались ли мы тогда настоящим образом, где и по чьей милости прогуливался целый месяц первый том «Мерт<вых> Д<уш>». У нас оставалось подозрение, что тот господин, которому поручено было его отправить на почту, или почтам<т>ский чиновник, принявший посылку, вздумали наперед прочесть любопытную новость и дать почитать своим приятелям; дело только в том, что рукопись ехала из Петерб<урга> до Москвы целый месяц. Я уверен, что Никитенко не смел пропустить ее сам и что она была показана какому-нибудь высшему цензору, если не Государю. Мы не верили глазам своим, не видя ни одного замаранного слова; но Гоголь не видел в этом ничего необыкновенного и считал, что так тому и следовало быть. Вначале напечатаны 2500 экзempl<яров>. Обертка была нарисована самим Гоголем. Денег у Гоголя не было, потому «Мерт<вые> Д<уши>» печатались в типографии в долг, а бумагу взял на себя в кредит Погудин. Печатание продолжалось два месяца. Несмотря на то, что Гоголь был сильно занят этим делом, очевидно было, что он час от часу более расстраивался^{VII} духом и даже телом: он чувствовал головокружение и один раз имел такой сильный обморок, что долго лежал без чувств и без всякой помощи, потому что случилось это наверху, в мезонине, где у него никогда никого не было. Вдруг дошли до Константина слухи стороной, что Гоголь собирается уехать за границу и очень скоро; он не поверил и спросил сам Гоголя, который сначала отвечал неопределенно: «Может быть», но потом сказал решительно, что он едет, что он не может долее оставаться, потому

^I с вписано.

^{II} именно Кошелева вырезано; вырезанный фрагмент вложен в конверт с надписью: «Что я выкинул в печати "И<стории> м<оего> з<накомства> с Гого<лем>»»; хранится: РГБ. Ф. 3. Разд. III. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 38(1).

^{III} им вписано вместо: нам

^{IV} дама вписано карандашом вместо: К<ошелева>

^V даму вписано карандашом вместо: Кош<елеву>

^{VI} ехать на выручку вырезано; рядом вписано: ехать на выручку; вырезанный фрагмент (с словами на лицевой стороне: «именно Кошелева»; см. выше) вложен в конверт с надписью: «Что я выкинул в печати "И<стории> м<оего> з<накомства> с Гого<лем>»»; хранится: РГБ. Ф. 3. Разд. III. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 38(1 об).

^{VII} Далее было: более

что не может писать и потому что такое положение разрушает его здоровье. Константин был очень огорчен и с горячностью убеждал Гоголя не ездить, а испытать все средства, чтоб приучить себя писать в Москве. Гоголь отвечал ему, что он именно то и делает и проживет в Москве до нельзя. Вера, при которой происходил этот разговор, сказала Гоголю, что никак не должно доводить до нельзя, а лучше уехать немедленно. Я с огорчением и неудовольствием узнал об этом. Все делалось как-то неясно, неоткровенно^I, непонятно^{II} для меня, и^{III} моя дружба к Гоголю тем оскорблялась. Теперь я вижу, что в этом виноват был я более всех, что я невнимательно смотрел на положение Гоголя, легкомысленно осуждал его, недостаточно показывал к нему участие, а потому и не пользовался его полной откровенностью. У меня всегда было правило, не навязываться с своим участием, не домогаться ничьей откровенности. Такое правило решительно иногда бывает ложно, а с Гоголем более ложно, чем с кем-нибудь. Будучи сам плохим христианином, я с неудовольствием и недоверчивостью смотрел на религиозное направление Гоголя. Вероятно, это было главною причиною, почему он не открывался мне в своих намерениях. Если б я с любовью и горячностью приставал к Гоголю с расспросами, если б я заставлял его быть с собою откровенным с самого приезда в Москву, то, вероятно, я мог бы не допустить до огромного размера его неудовольствий с Погодиным, и тогда, может быть, Гоголь не уехал бы из России, по крайней мере так скоро^{IV}. Через несколько дней, перед вечером, уезжал я в клуб, и все меня провожали до передней, вдруг входит Гоголь с образом Спасителя^V в руках и сияющим, просветленным^{VI} лицом. Такого выражения в глазах у него я никогда не видывал. Гоголь сказал: «Я все ждал, что кто-нибудь благословит меня образом, и никто не сделал этого^{VII}, наконец Ин<н>окентий благословил меня^{IV}. Теперь я могу объявить, куда я еду^{VIII}: ко Гробу Господню». Он провожал Ин<н>окентия, и тот, прощаясь с ним, благословил его образом. Ин<н>окентию, как архи<е>рею, весьма естественно было благословить Гоголя образом; но Гоголь давно желал, чтоб его благословила Ольга Семеновна, а прямо сказать не хотел. Он все ожидал, что она почувствует к этому влечение, и даже сам подговаривался, но Ольга Семеновна не догадывалась, да и как было догадаться? Признаюсь, я не был доволен ни просветленным лицом Гоголя, ни намерением его ехать ко Святым Местам. Все это казалось мне напряженным, нервным состоянием и особенно страшным в Гоголе, как в художнике, — и я уехал в клуб. Без меня было много разговоров об этом предмете, и особенно Вера приставала к Гоголю со многими вопросами, которые, как мне кажется, не совсем были ему приятны. Например, на вопрос: «С каким намерением он приезжал в Россию: с тем ли, чтоб остаться в ней навсегда или с тем, чтоб так скоро уехать?» Гоголь отвечал: «С тем, чтоб проститься». Всем известно, что и письменно и словесно Гоголь высказывал совсем другое намерение. На вопрос, надолго ли едет он? — Гоголь отвечал различно. Сначала сказал, что уезжает на два года, потом, что на десять и, наконец, что он^{IX} едет на пять лет. Ольга Семеновна сказала ему, что теперь она ожидает от него описания Палестины, на что Гоголь отвечал: «Да, я опишу вам ее, но для того мне надобно очиститься и быть достойну». Через несколько времени он ушел^X, оставя образ у нас, и взял его уже на другой день.

^I Далее было: и тогда

^{II} Далее было вписано: тогда

^{III} и вписано вместо: что

^{IV} Фрагмент: Если б я с любовью - по крайней мере так скоро — вписано на полях.

^V Спасителя вписано.

^{VI} просветленным вписано вместо: лучезарным

^{VII} этого вписано карандашом вместо: это

^{VIII} Далее было: к Свя<тым>

^{IX} Далее было: у

^X В этот день вечером он хотел было итти к Дмитриеву, у которого очень давно не бывал по пятницам; но он был так расстроен, или, лучше сказать, так проникнут высоким настроением, что не имел силы итти на скучный вечер, где

В первых числах мая приехала мать Гоголя с его сестрой Анютой, чтоб взять с собой Лизу, которая целый год жила у Раевской¹, и чтоб проститься с сыном, который, вероятно, уведомил ее, что уезжает надолго. Она остановилась также у Погодина¹¹. 1-го мая вот что случилось. Гоголь у нас обедал, после обеда часа два сидел у меня в кабинете и занимался поправкою корректур¹¹¹, в которых он не столько исправлял типографические ошибки, сколько занимался^{11V} переменю слов, а иногда и целых фраз. Корректур был огромный сверток. Гоголь не успел их кончить, потому что условился ехать вместе с Шевыревым на гулянье, а Констант<ин> уехал ранее с Боборыкиным¹⁴¹. В 6 часов мы дали Гоголю лошадь, и он отправился к Шев<ыреву>, поручив мне спрятать и запереть корректуры, так чтоб их никто не видал. Зная, что Гоголь должен воротиться очень поздно и что в этот вечер никто нам не помешает, мы расположились в моем кабинете, и я начал читать вслух именно те главы «Мерт<вых> Д<уш>», которых мое семейство еще не знало. Только что мы рассчитались, как вдруг Гоголь въехал на двор... Сделалась страшная суматоха, и мы едва успели скрыть наше преступление. Мы переконфузились не на шутку, потому что очень боялись рассердить или, лучше сказать, огорчить^V Гоголя; по счастью, он ничего не заметил. Он приехал в большой досаде на Шевырева, который не дождал его пяти минут и уехал один, ровно в 6 часов. Поболтав кой о чем с нами и продолжая жаловаться на немецкую ак<к>уратность Шевырева, Гоголь хотел было уже опять засесть за свои корректуры, как вдруг приехала карета четверкой в ряд, которую^{VI} из Сокольников прислала Кат<ерина> Алекс<андровна> Свербеева и приказала убедительно просить Гоголя к ним в палатку; она узнала от Шев<ырева>, что он не дождал Гоголя и что Гоголь у нас. Гоголю не очень хотелось ехать^{VII}, ему казалось уже поздно, но мы его уговорили, и он уехал.

Перед своими именинами, по случаю прекрасной погоды, еще до приезда матери^{VIII}, Гоголь пригласил к себе в сад некоторых дам и особенно просил, чтоб приехала Ол<ьга> Сем<еновна> с Верой. В 6 часов вечера Ол<ьга> Сем<еновна> с Верой и Лизой отправились к Гоголю; он встретил их на террасе и изъявил сожаление, «что они не приехали раньше^{IX}, что так было хорошо, а теперь уже солнце садится». Они сошли в сад и гуляли вместе. Вскоре приехали Катер<ина> Алекс<андровна> Свербеева и Авд<отья> Петр<овна> Елагина. Гоголь был очень смешон в роли хозяина, и даже жалко было на него смотреть, как он употреблял всевозможные усилия, чтоб занимать приехавших дам. Ол<ьга> Сем<еновна>, Авд<отья> Петр<овна> и^X жена Погодина¹⁴² сели в саду у чайного стола, а Гоголь с Кат<ериной> Алекс<андровной> и за ними Лиза с Верой пошли гулять. Гоголь употреблял все усилия, чтоб занимать свою спутницу, которую можно было занимать только светской болтовней, как он думал^{XI}. Две девушки шли за ними и посмеивались. Истоштив наконец, как видно, весь свой запас, Гоголь прибежал,

собирались нестерпимо скучные люди. Дмитриев, несмотря на свой замечательный ум, никогда вполне не понимал Гоголя. — *Примеч. С. Т. Аксакова, написанное на полях.*

¹ Далее было: кото<рая>

¹¹ Далее было: Перед своими именинами, по случаю прекрасной погоды, Гоголь пригласил к себе в сад некоторых дам и особенно просил, чтоб приехала Ол<ьга> Сем<еновна> с Верочкой. Но

¹¹¹ Было: корректуры

^{11V} занимался *вписано*.

^V или, лучше сказать, огорчить *вписано*.

^{VI} Далее было: прислал<а>

^{VII} Далее было: но

^{VIII} еще до приезда матери *вписано*.

^{IX} Далее было: пото<му>

^X Далее было: Ли<за>

^{XI} как он думал *вписано*.

например¹, к следующим разговорам: «Хорошо, если б вдруг из этого дерева выскочил хор пельсников и вдруг бы запел», и тому подобным в этом роде. Все было вяло, принужденно и некстати; но спутница его считала долгом находить все очень любезным и забавным, и очень привлекательно улыбалась; я слышал потом, как^{II} Сверб<еева> говорила, что Гоголь был чрезвычайно любезен и остроумен. Наконец пошли пить чай; сделалось холоднее. Гоголь подавал всем дамам салопы и услуживал, как умел. После чаю воротились в комнату; тут Гоголь, для той же цели, принялся рассказывать всякий вздор и пустяки, об водяном^{III} лечении Присница¹⁴³, чему дамы очень смеялись, хотя, правду сказать, тут ничего не было смешного, потому что слышалось тяжелое^{IV} принуждение, которое делал себе Гоголь. Ол<ьга> Сем<еновна> и Вера не могли не заметить, что он был очень доволен, когда уехали Елагина и Свербеева^V. Проводя их, он сел в угол дивана, как человек, исполнивший свой долг и довольный, что может отдохнуть. Тут он был совершенно свободен, расспрашивал их про недавно бывший вечер у Хомякова, именно о том, что там делалось после его ухода, про Одоевского, про Боборыкина, которые всегда его забавляли. Наконец, когда сделалось уже совершенно темно, Ол<ьга> Сем<еновна> и Вера уехали.

9-го мая сделал Гоголь такой же обед для своих друзей в саду у Погодина, как и в 1840-м году. Погода стояла прекрасная; я был здоров, а потому^{VI} присутствовал^{VII} вместе со всеми на этом обеде. На нем были профессора: Григорьев (проездом случившийся в Москве), Армфельд, Редкин и Грановский. Был Ст. Вас. Перфильев, особенный почитатель Гоголя, Свербеев, Хомяков, Киреевские¹⁴⁴, Елагины¹⁴⁵, Нащокин (известный друг Пушкина, любивший в нем не^{VIII} поэта, а человека, чем очень дорожил Пушкин), Загоскин, Н. Ф. Павлов^{IX}, Ю. Самарин, Константин, Гриша^X и многие другие из общих наших знакомых. Обед был шумный и веселый, хотя Погодин с Гоголем были в самых дурных отношениях и даже не говорили, чего, впрочем, нельзя было заметить в такой толпе. Гоголь шутил и смешил своих соседей. После обеда Гоголь в беседе сам приготавливал жженку, и когда голубоватое^{XI} пламя горящего рома и шампанского обхватило и растопляло куски сахара, лежавшего на решетке, Гоголь говорил, что «это Бенкендорф, который должен привести в порядок сытые желудки». Разумеется, голубое пламя и голубой жандармский мундир своей аналогией подали повод к такой шутке, которая *после обеда* показалась всем очень забавною и возбудила общий громкий смех. Не помню, тут ли был Перфильев.

Печатанье «Мер<твых> Д<уш>» приходило к концу, и к отъезду Гоголя успели переплести десятка два экземпляров, которые ему нужно было раздарить и взять с собой. Первые совсем готовые экземпляры были получены 21-го мая, в день именин Константина, прямо к нам в дом, и тут же Гоголь подарил и подписал один экземпляр имениннику¹⁴⁶, а другой нам с надписью: «Друзьям моим, целой семье Аксаковых»^{XII}. У нас было довольно гостей, и все обедали в саду. Были Погодин и Шевырев. Это был в то же время прощальный обед с Гоголем. Здесь он в тре-

¹ Было: как напри<ер>

^{II} как *вписано вместо*: что

^{III} водяном *вписано*.

^{IV} тяжелое *вписано*.

^V Далее было: а пр<оводя>

^{VI} Далее было: и

^{VII} Далее было: на это<м>

^{VIII} в нем не *вписано вместо*: его не как

^{IX} Загоскин, Н. Ф. Павлов *вписано*.

^X Гриша *вписано*.

^{XI} голубоватое *вписано вместо*: синее

^{XII} *Фрагмент*: а другой нам с надписью: «Друзьям моим, целой семье Аксаковых» — *вписан на полях*.

тий раз обещал, что через два года будет готов второй том «Мер<твых> Д<уш>», но приехать для его напечатанья уже не обещал. Семейство Гоголя бывало у нас очень часто, почти всякий день. Мать его также собиралась ехать и брала с собой вторую свою дочь Лизу, которая во время пребывания своего у Раевской много переменялась к лучшему, чем Гоголь был очень доволен. Во время еще^I пребывания своей сестры у Раевской^{II}, месяца за два до отъезда, у ней в доме^{III} Гоголь познакомился короче с одной почтенной старушкой, Над<еждой> Ник<олаев-ной> Шереметевой, которая за год перед сим, еще не зная Гоголя лично^{IV}, упростила Раевскую взять его сестру. Шереметева была глуха и потому, видев Гоголя несколько раз прежде, не говорила с ним и почти^V совсем его не знала. Но по случаю болезни Раевской, просидев с Гоголем наедине часа два^V, она была поражена изумлением, найдя в нем горячо верующего^{VI} и набожного человека. Она, уже давно преданная исключительно молитве и добру^{VII}, чрезвычайно его полюбила, несколько раз сама приезжала к нему, чтоб беседовать с ним наедине, и наконец непременно захотела его проводить. Гоголь, взявши место в дилижансе на 23 мая^{VIII}, сказал^{IX}, что он едет из нашего дома и пригласил ее без всяких церемоний прямо приехать к нам. Шереметева, побывав поутру у Гоголя, подарив ему шнурок своей работы и отдав прощальное письмо^X, приехала к нам 23-го мая в субботу, чтоб еще^X проститься с Гоголем^{XI}. Через четверть часа нельзя было узнать, что мы не были целый век дружески^{XII} знакомы с этой почтенной и достойной женщиной. Когда началось прощанье, она простилась с Гоголем прежде всех и уехала, чтоб не мешать Гоголю проститься с матерью и сестрами. Простившись со всеми, Гоголь, выходя из залы обернулся и перекрестил всех нас^{XIII}. Я, Гоголь, Константин и Гриша сели в четверместную коляску и поехали до первой станции, до Химок, куда еще прежде поехал Щепкин с сыном и где мы расположились отобедать и дожидаться дилижанса, в котором Гоголь отправлялся в Петерб<ург>. Подъехав к Тверской заставе, я как-то выглянул из коляски и увидел, что Над. Ник. Шереметева едет за нами в своих дрожках. Мы остановились, Гоголь вышел и простился с ней очень нежно, а она благословила и перекрестила его, как сына. У самого шлагбаума подбежал к нам солдат и спросил: кто мы и куда едем? Константин, неспособный ни к какому^{XIV} роду лжи, начал было рассказывать: «что мы такие-то и едем провожать Гоголя, отправляющегося за границу»; но Гоголь поспешно вскочил и сказал, что мы едем на дачу и сегодня же воротимся в Москву. Я засмеялся, Константин несколько сконфузился, а Гоголь пустился объяснять, что в жизни необходима змеиная мудрость, т<о> е<сть> что не надобно сказывать^{XV} иногда никому не нужную правду и приводить тем людей в хлопоты и затруднения; что если б он успел объявить^{XVI} о путешественнике, отъезжающем в чужие края, то у него потребо-

^I еще *вписано*.

^{II} *Далее было вписано*: у ней в доме

^{III} у ней в доме *вписано*.

^{IV} не говорила с ним и почти *вписано*.

^V часа два *вписано*.

^{VI} горячо верующего *вписано вместо*: самого религиозного

^{VII} уже давно преданная исключительно молитве и добру *вписано*.

^{VIII} взявши место в дилижансе на 23 мая *вписано*.

^{IX} *Далее было*: ей

^X еще *вписано*.

^{XI} проститься с Гоголем *вписано вместо*: проводить Гоголя

^{XII} дружески *вписано*.

^{XIII} *Фраза*: Простившись со всеми, Гоголь, выходя из залы обернулся и перекрестил всех нас — *вписано на полях*.

^{XIV} *Было*: ни к какому

^{XV} сказывать *вписано вместо*: сказать

^{XVI} успел объявить *вписано вместо*: объявил

вали бы паспорта, который находился в то время у кондуктора, в конторе дилижансов, и путешественника бы не пропустили. Потом Гоголь обратился ко мне с просьбами старательно вслушиваться во все суждения и отзывы о «Мертвых Душах», предпочтительно дурные, записывать их из слова в слово и все без исключения сообщать ему в Италию. Он уверял меня, что это для него необходимо, просил, чтоб я не пренебрегал мнениями и замечаниями людей самых глупых и ничтожных, особенно людей, расположенных к нему враждебно; он думал, что злость, напрягая и изощряя ум самого пошлого человека, может открыть в сочинении^I такие недостатки, которые ускользали не только от пристрастных друзей, но и от людей равнодушных к личности автора, хотя бы они были очень умны и образован<н>ы. В такого рода разговорах, но без всяких искренних, дружеских излияний, которым, казалось бы, невозможно было не быть при расставании на долгое время между друзьями, из которых один отправлялся с намерением предпринять трудное и опасное путешествие ко Святым Местам, — доехали мы до первой станции (Химки, в 13 верстах от Москвы). Мих<аил> Сем<енович> Щепкин, приехавши туда прежде нас с сыном, пошел к нам навстречу и точно встретил нас версты за две до Химок. Приехавши на станцию, мы заказали себе обед и пошли все шестеро^{II} гулять. Мы ходили вверх по маленькой речке, бродили по березовой роще^{III}, сидели и лежали под тенью деревьев; говорили как-то мало, не живо, не связно и вообще находились в каком-то принужденном состоянии. Гоголь внутренне был чрезвычайно рад, что уезжает из Москвы, но глубоко скрывал свою радость. Он чувствовал в то же время, что обманул наши ожидания и уезжает слишком рано и поспешно, тогда как обещал навсегда оставаться в Москве. Он чувствовал, что мы, для которых было закрыто^{IV} внутреннее состояние его души, его мучительное положение в доме Погодина, которого оставить он не мог без огласки, — имели полное право обвинять его в причудливости, непостоянстве, капризности, пристрастии к Италии и в холодности к Москве и России. Он читал в моей душе, а также и в душе Константина, что после тех писем, какие он писал ко мне, — его настоящий поступок, делаемый без искренних объяснений, мог показаться мне весьма двусмысленным, а сам Гоголь — человеком фальшивым. Последнего мы не думали, но, конечно, с неприятным изумлением и некоторою холодностью, в сравнении с прежним, смотрели на отъезжающего Гоголя. Мы воротились с прогулки, довольно скучной, сели обедать, выпили здоровье Гоголя привезенным с собой шампанским и, сидя за столом, продолжали разговаривать о разных пустяках до приезда дилижанса, который явился очень скоро. Увидав дилижанс, Гоголь торопливо встал, начал собираться и простился с нами, равно как и мы с ним, не с таким сильным чувством, какого можно было ожидать. Товарищем Гоголя в купе опять случился военный, с иностранной фамилией, кажется, немецкой, но человек необыкновенной толщины. Гоголь и тут, для предупреждения разных объяснений и любопытства, назвал себя *Гонолем* и даже записался так, предполагая, что не будут справляться с его паспортом. Хотя я давно начинал быть иногда недоволен поступками Гоголя, но в эту минуту я все забыл и чувствовал только горечь, что великий художник покидает отечество и нас. Горькое чувство овладело мною, когда захлопнулись^V дверцы дилижанса; образ Гоголя исчез в нем, и дилижанс покатился по Петербургскому шоссе. В то же время, как мы отправились провожать Гоголя, его мать с дочерьми и Ольга Семеновна, также с дочерьми, отправились в двух экипажах^{VI} к Троице помолиться Богу. Марья Ивановна была очень огорчена: сердце матери предчувствовало долгую разлуку^{VII}.

^I в сочинении *вписано*.

^{II} шестеро *вписано вместо*: пятеро

^{III} Далее было: и

^{IV} было закрыто *вписано*.

^V Было: захлопнулась

^{VI} экипажах *вписано*.

^{VII} Далее на полях *вписано карандашом*: Общее впечатление пребывания Гоголя, <З нрзб.>

Из всего рассказанного мною очевидно, что в этот приезд Гоголя я не был доволен им так, как в первый приезд, хотя по его письмам должно было ожидать, что взаимная дружба наша сделается гораздо сильнее. Повторяю, что, несмотря на некоторые необъяснимые поступки Гоголя, я обвиняю в этом себя. Мне должно было вмешаться в его неудовольствия с Погодиным, стать между ними посредником и судьей. Не надобно было смотреть на то, что Гоголь скрывал их; по рассказам Погодина я должен был понять, как страдал Гоголь. Если б нельзя было уладить их неприятности, то надобно было так устроить, чтоб Гоголь не жил с ним вместе. Здесь кстати сказать, что, возвращаясь в Россию, если не навсегда, то надолго, Гоголь не имел намерения жить у Погодина: он хотел жить вместе с Н. М. Языковым¹⁴⁹, который по болезни не мог тогда еще воротиться в Россию. Впрочем, и то надо сказать, что впоследствии Гоголь жил вместе с Языковым в чужих краях, но не ужился, и, конечно, в этом должно обвинить не Языкова, у которого был характер очень уживчивый. Причиной неудовольствия был крепостной лакей Ник<олай> Мих<айлович>¹⁵⁰, который ходил за ним во все время болезни усердно, пользовался полной доверенностью своего господина и, по его болезни, полновластно распоряжался домашним хозяйством; Гоголь же захотел сам распоряжаться и вздумал нарушать разные привычки и образ жизни больного. Так, по крайней мере, говорили братья Языкова, к которым будто он писал сам, а также и его доверенный лакей. Когда приехал Языков на житье в Москву — я спрашивал его об этом, но он отвечал мне решительно, что это совершенный вздор и что никаких неудовольствий между ним и Гоголем не бывало. Нельзя предположить, чтобы братья Языкова выдумали эту историю; но, вероятно, преувеличили, основываясь не на письмах брата, а на письмах его камердинера. Ник<олай> Мих<айлович> Языков до кончины своей показывал искреннюю и горячую привязанность к Гоголю. Как бы то ни было, успел ли бы я или нет в своих действиях — вина состоит в том, что я их не начинал и что все это пришло мне в голову гораздо позже. Вскоре после отъезда Гоголя «Мерт<вые> Души» быстро разлетелись по Москве и потом по всей России. Книга была раскуплена нарасхват. Впечатления были различны, но равносильны. Публику можно было разделить на три части. Первая, в которой заключалась вся образованная молодежь и все люди, способные понять высокое достоинство Гоголя — приняла его с восторгом. Вторая часть состояла, так сказать, из людей озадаченных, которые, привыкнув тешиться¹ сочинениями Гоголя, не могли вдруг понять глубокого и серьезного значения его поэмы; они находили в ней много карикатуры и, основываясь на мелочных промахах, считали многое неверным и неправдоподобным. Должно сказать, что некоторые из этих людей, прочитав «Мерт<вые> Д<уши>» во второй и даже в третий раз, совершенно отказались от первого своего неприятного впечатления и вполне почувствовали правду и художественную красоту творения. Третья часть читателей обозлилась на Гоголя. Она узнала себя в разных лицах поэмы и с остротением вступилась за оскорбление целой России. К сожалению, должно сказать, что некоторые добрые и хорошие люди принадлежали к этой категории и остались в ней навсегда.

Распродажей «Мерт<вых> Д<уш>» заведовал Шевырев и по мере выручки денег расплачивался с долгами. Я сам немедленно отвез полторы тысячи руб<лей> асс<игнациями> Кат<ерине> А<лександровне> Свербеевой, которая так прекрасно поправила неизвинительный отказ своего супруга^{11.151} Мы довольно скоро переехали на дачу. Там перечел я

¹ *Фрагмент:* Гоголя — приняла его с восторгом — которые, привыкнув тешиться — *вырезан; на полях вписан тот же текст (купура была сделана с целью удалить упоминание о Свербеевых, находящееся на обороте листа; см. ниже); вырезанный фрагмент вложен в конверт с надписью: «Что я выкинул в печати "И<стории> м<оего> з<накомства> с Гого<лем>»;* хранится: РГБ. Ф. 3. Разд. III. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 38 (2, 3).

¹¹ *Фрагмент:* чивался с долгами. Я сам немедленно отвез — поправила неизвинительный отказ своего супруга — *вырезан; вместо вырезанного фрагмента на полях вписана часть текста: чивался с долгами; вырезанный фрагмент вложен в конверт с надписью: «Что я выкинул в печати "И<стории> м<оего> з<накомства> с Гого<лем>»;* хранится: РГБ. Ф. 3. Разд. III. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 38 (2 об., 3 об.).

«Мерт<вые> Д<уши>» вслух своему семейству, прочитывая каждый день по одной главе, и тут только я понял всю великость этого творения. Я открыл в нем много красот, которые ускользнули от меня во время чтения Гоголя и даже моего собственного, всегда отрывочного и не вполне внимательного в суете городской жизни. Мать Гоголя с дочерьми уехала в свою Васильевку, или Яновщину, уже после нашего переезда на дачу. Марья Ивановна с дочерьми провожала нас, когда мы уезжали из Москвы, и простилась с нами очень грустно; особенно плакала Лиза, которую сестра Анюта напугала рассказами о жизни в глуши Малороссии. Марья Ивановна — женщина необыкновенная. Она так моложава и хороша собой, что дочери кажутся при ней уродами; она вся^I исполнена самоотвержения и^{II} тихой любви к своим детям; она отдала им свое сердце и сама не только не имеет воли, но даже своих желаний; по крайней мере не показывает их. Сына любит она более всего на свете и между тем должна от него почти отказаться, видеть изредка, и то на короткое время. Лицо ее постоянно грустно, особенно после отъезда Николая Васильевича; она плачет мало, но видно, как глубоко огорчена, и между тем говорит, что не надобно грустить: ибо у них есть поверье, что тот человек, о котором грустят, будет оттого грустить больше. Вера очень справедливо пишет в письме к М. Карташевской¹⁵², что как-то странно видеть мать Гоголя и слышать, как она говорит о нем. Например: «Когда *Николинька* писал “*М<ертвые> Д<уши>*”, он желал только добра людям» и т. п. выражения в этом роде. В самом деле, соединение подчеркнутых мною слов очень странно отзывается в ушах и в уме слушателя^{III}. Она, конечно, не может смотреть на него иначе, как на сына, и во всех словах^{IV} о нем слышится материнское чувство, даже тогда, когда она говорит о нем как о великом писателе. Как она боится того впечатления, которое произведет на целую Россию его новая книга! Она боится неприязненного впечатления только потому, что это может его расстроить и повредить его здоровью. Как интересны все те мелочные подробности, которые она рассказывает про детство своего Николиньки. Например: как он написал один раз какое-то сочинение¹⁵³ и поднес ей, а потом сам же тихонько утащил его и, вероятно, истребил, как она подозревает, и пр. и пр. Как она смотрит на портрет сына¹⁵⁴, который он оставил ей и который в самом деле похож чрезвычайно! Как она объясняет то, что выражается на лице его. «Он улыбается, — говорит она, — но вместе с тем он думает грустное; как будто хочет сказать людям: вы ошибаетесь во мне, моя душа чиста и ясна, и много любви в ней». — Вера прибавляет, что я советовал М<арье> И<вановне> записывать все воспоминания о детстве сына (кажется, всего было бы благонадежнее записывать их самим нам) и продолжает так: как любит М<арья> И<вановна> всех тех, кто принимает участие в ее сыне! Она все старается уверить себя, что он воротится скоро, хотя он сам сказал ей, что это может быть не прежде пяти лет (чего он мне, собственно, никогда^V не говорил). Она увидела один раз только что вышедший том «Мертвых Душ», лежавший на столе у нас в гостиной; она развернула и прочла: «О моя юность, о моя свежесть»... и залилась слезами. Поразительно было видеть, как по наружности молодая, прекрасная и свежая женщина оплакивала увядшую юность и свежесть своего сына.

10 июня, живя на даче в деревне Гаврилкове, я только что кончил вслух чтение «Мертвых Душ», как получил первое письмо от Гоголя из Петербурга:

«С.п.б. Июня 4 <1842>.

Я получил ваше письмо¹⁵⁵ еще в начале моего приезда в Петербург¹⁵⁶, милый друг мой Сергей Тимофеевич. Теперь пишу к вам несколько строк перед выездом.хлопот было у меня до

^I вся вписано.

^{II} самоотвержения и вписано.

^{III} Фрагмент: Например: «Когда *Николинька* писал “*М<ертвые> Д<уши>*” - очень странно отзывается в ушах и в уме слушателя — вписано на полях.

^{IV} всех словах вписано вместо: всем приме<шивается>

^V мне, собственно, никогда вписано вместо: нам никому

вольно. Никак нельзя было на¹ здешнем бестолковьи сделать всего вдруг, кое-что я оканчивать оставил Прокоповичу. Он уже занялся печатанием. Дело, кажется, пойдет живо. Типографии здешние набирают в день до шести листов, все четыре тома к октябрю вы<й>дут непременно. Экземпляр “Мерт<вых> душ” еще не поднесен Царю. Все это уже будет сделано по моему отъезде. Обнимаю вас несколько раз. Крепки и сильны будьте душой! Ибо крепость и сила почиет в душе пишущего сии строки, а между любящими душами все передается и сообщается от одной к другой, и потому сила отделится от меня несомненно в вашу душу. Верующие в Светлое увидят Светлое, темное существует только для неверующих. — Прощайте. Обнимаю Константина Сергеевича, и передайте мое сердечное рукопожатье Ольге Семеновне, а с ним вместе и всему вашему семейству. Обнимите также всех моих знакомых, всех, кого я видал и с кем был в Москве. Прощайте. Пишите в Гастейн».

Первое мое письмо в Петербург, о котором говорит Гоголь, не нашлось в его бумагах. Печатанье всех его сочинений в четырех частях, в числе 5000 экземпляров было поручено школьному товарищу и другу Гоголя, г-ну Прокоповичу. Я его совсем не знаю и никогда не видывал, но дело это он^{II} исполнил не совсем хорошо. Во-первых, издание стоило невероятно дорого, а во-вторых, типография сделала значительную контрфакцию. Когда Шевырев впоследствии, с разрешения Гоголя, вытребовал все остальные экземпляры к себе в Москву, оказалось, что у книгопродавцев^{III} в Петербурге, и частью^{IV} в Москве, находился большой запас «Мертвых душ», не соответствующий числу распроданных экземпляров, так что в течение полутора года ни один книгопродавец не взял у Шевырева ни одного экземпляра, а все получали их из Петербурга с выгодною уступкою. По прошествии же полутора года экземпляры начали быстро расходиться и пересылаться в Петербург. Теперь следует мое письмо с дачи.

«1842. Июля 3-го. Гаврилково.

Вот уже другой месяц живем мы в прелестной деревушке, милый друг Николай Васильевич! Другой месяц или читаем вас, или говорим о вас! Никому не поверю, чтоб нашелся человек, который мог бы с первого раза вполне понять ваши бессмертные “Мертвые души”! Я восхищался ими вместе с другими, а может быть и больше других, или, по крайней мере, многих; но восхищение мое было одностороннее. Некоторые, более выдающиеся (по натуре своей) части закрывали от меня остальное. Это мир Божий... можно ли одним взглядом его рассмотреть? — Какое надобно внимание и разумение, чтоб открыть в нем совершенство творчества в малейших подробностях, по-видимому и не стоящих большого внимания. Признаю торжественно превосходство эстетического чувства в моем Константине! Он понял вас более меня и более всех, сколько мне известно, из прежних ваших творений. Что казалось восторженностью, доходившею до смешного излишества, то теперь стало истиною, понятою еще немногими, но тем не менее непреложной истиной! Конечно, молодое поколение образованных юношей, все без исключения почти, кроме несчастных, лишенных всякого чувства изящного, более и полнее вас поймет, чем сорокалетние и пятидесятилетние люди. Все мы, с некоторыми изменениями, успели засорить свой ум, притупить чувство и не можем вдруг стряхнуть с себя сего ложного воззрения и направления. Константин написал статью, которая печатается в “Москвитянине”¹⁵⁷: в ней верно и ясно указаны причины, отчего порядочные люди, понимавшие и чувствовавшие других поэтов, не могут вдруг и вполне понять и почувствовать “Мертвые души”. Я прочел их два раза про себя и третий раз вслух для всего моего семейства; надоб-

^I на *вписано вместо*: при

^{II} *Далее было*: не

^{III} у книгопродавцев *вписано карандашом*.

^{IV} частью *вписано карандашом*.

но некоторым образом остыть, чтоб не пропустить красот творения, естественно ускользящих от пылающей головы и сильно бьющегося сердца. Теперь мы с жадностью бросились перечитывать все, написанное вами прежде, по порядку, как оно выходило. Расстояние велико; но элементы уже те! Главное: свежесть, ароматность, так сказать, жизни непостижимые!.. Прочту ли я остальные части “Чичикова”? Доживу ли я до этого счастья? Кроме моего семейства, у меня нет другого, столь высокого интереса, в остальном течении моей жизни, как желание и надежда прочесть два тома “Мертвых душ”; а трагедия¹⁵⁸? Помните ли, что¹ вы говорили мне о ней в Петербурге?.. Вы сами тогда считали ее совершеннейшим своим произведением, хотя она не была написана. Неужели толпа новых лиц, живущая в похождениях Чичикова, вероятно после вами созданная, сгладит образы и характеры лиц драммы, которые тогда (как вы сами выразились) предстояли пред вами живые и одетые в полные костюмы *до последней нитки*? Но да будет, что угодно Богу, да сохранит Он только вас здрава и невредима.

Я получил ваше письмо из Петербурга от 4-го июня. Вы намеревались выехать из него ранее, чем предполагали; по крайней мере, я помню, что поднесение экземпляров назначено было при вас; мы еще не имеем никакого известия, когда именно выехали вы из этого северного Вавилона. Сердечно вас благодарю, милый друг, за то, что вы побывали у Карташевских; особенно благодарит вас Вера: вы доставили ей истинное удовольствие, давши взглянуть на себя ее другу, Машеньке Карташевской. Эта необыкновенная девушка превзошла все мои ожидания! Как ни высоко я ценил ее эстетическое чувство, но не мог предполагать, чтоб она могла так понять и почувствовать “Мертвые души” Она удивила и восхитила меня своим письмом. Не много таких прекрасных существ можно встретить, не только в Петербурге, но и в Москве, и в целой православной Руси. — Я обещал вам записывать разные толки о Чичикове; я сделал это, сколько мог успеть, ибо через неделю мы уехали из Москвы. Вот они: выписываю их с дипломатическою точностью. С. В. Перфильев¹¹ сказал мне: “Не смею говорить утвердительно, но признаюсь: *Мертвые души* мне не так нравятся, как я ожидал. Даже как-то скучно читать; все одно и то же, натянуто; видно желание перейти в русские писатели; употребление руссизмов вставочное, не выливается из характера лица, которое их говорит” Он прочел залпом в один день. Я просил его через несколько времени прочесть в другой раз и не искать анекдота. Он хотел прочесть три раза. Уходя, он прибавил, что сальности в прежних сочинениях, даже в “Ревизоре”, его не оскорбляли; но что здесь они оскорбительны, потому что как будто нарочно вставляются автором. — Н¹¹¹. И. Васьков¹⁵⁹ говорил, “что состав губернского общества не верен (как и в “Ревизоре”), где пропущены: стряпчий, казначей и исправник); что председателей двое, что полицеймейстер лицо ничтожное в губернском городе; что, представив^v сначала все в дрянном и смешном виде, странно сделать такое горячее обращение к России; что часто шутки автора плоски, неблагопристойны, и что порядочной женщине нельзя читать всю книгу”. Наконец, нашелся один, который обиделся следующими словами: “*посмотрим, что делает наш приятель?*” — “И кто же этот приятель?.. Селифан или половой!.. Что же они мне за приятели?..” Не сочтите за выдумку последнего выражения — все правда до последней буквы. Есть, впрочем, обвинения и справедливые: я очень браню себя, что одно просмотрел, а на другое мало настаивал: крестьяне на вывод продаются с семействами, а Чичиков отказался от женского пола; без доверенности, выданной в присутственном месте, нельзя продать чужих крестьян, да и председатель не может быть в одно и то же время и доверенным лицом и присутствующим по этому делу. — Несмотря на лето, “Мертвые души” расходятся очень живо

¹ что *вписано*.

¹¹ Перфильев *вписано вместо*: П-в

¹¹¹ *Так в рукописи*.

¹⁵⁹ Васьков *вписано вместо*: В-в

^v *Далее было*: все

и в Москве и в Петербурге. Погодину отдано уже 4500; в непродолжительном времени и другие получают свои деньги (забавно, что никто не хочет получить первый, а всякий желает быть последним)».

«5-го июля <1842>.

Вчера получил Константин письмо от Погодина, который отказывается напечатать его статью о “Мертвых душах”, хотя она уже была набрана¹⁶⁰; будучи сам слеп, боится, что осмеют человека зрячего... Ох, уже эти мне друзья, которые, не понимая хорошенько, вступают не в свое дело и присваивают себе не принадлежащие им права. Константин напечатает свою статью особой брошюрой. Вы знаете, милый друг, что я не допустил бы Константина печатать восторженный вздор; напротив, эта статья указывала истинную точку, с которой надобно смотреть на ваше творение, и открывает причины, почему красоты его не вдруг могут быть доступны испорченному эстетическому чувству большей части людей. — Погодин, наконец, третьего дня получил отпуск и скоро уезжает¹⁶¹. — Банкир ваш, Валентини, умер, итак, пришлите мне немедленно ваш адрес в Риме. Жена моя не дождалась моего письма и писала к вам на прошедшей неделе¹⁶². Я теперь совершенно предался наслаждениям деревенской жизни. Местоположение у нас чудесное, дожди и грозы всякой день, но мимолетные, после которых еще свежее зелень, еще чище воздух, еще ароматнее цветы и травы. Всякой день встаю в 4 часа утра и спешу удить¹⁶³; и река, и пруды у самого дома. Пекусь на солнце часу до 11 и бросаюсь в реку, чтоб прохладиться и освежиться. До обеда немного вздремну, до вечера сижу и¹ гуляю с своими, а вечером опять удить. Я точно уехал за тысячу верст: ни с кем не вижусь, ни во что не вхожу и ни с кем не переписываюсь... Письмо к вам, милый друг, исключение! С вами я не расстаюсь ни на один час, также и все мое семейство. Желание поговорить с вами не оставляло меня ни на минуту, но я слишком полон был сильных чувств и потому нарочно мешкал несколько времени. — Грустно мне, когда вздумая, что время вашего возвращения так далеко... когда мы вас дождемся?.. Много воды утечет в продолжение почти трех лет!.. А кто знает, велик ли запас ее! Притом какое длинное, трудное, со многими опасностями сопряженное путешествие! часто я думаю, думаю и никак не могу объяснить себе причины этого последнего вашего путешествия. Не правда ли, милый друг, у вас не было и помышления о нем, когда вы воротились в Москву? Оно родилось мгновенно. По крайней мере, я не подозревал его. По моему свойству и правилам я никогда не навязываюсь на доверенность друзей своих; потому не спрашивал и вас о причинах такой быстрой перемены, хотя был поражен ею... Теперь же меня это беспокоит. Может быть, вы желали мне сказать о них и ожидали только моего вопроса; может быть, мое молчание вы растолковали в другую сторону и — жестоко ошиблись!.. Как бы я желал, чтоб срок вашего отсутствия сократился и чтоб мы увидели вас скорее, опять посреди нашего семейства, которое все, без исключения, привязано к вам как к ближайшему родному. — Сейчас получили письмо от Лизы. Маменька ваша и сестрицы доехали¹¹, хотя не скоро, с хлопотами и убытками, но благополучно; они верно к вам пишут. Всем нам очень жаль Лизу: она будет скучать, и ей не сладиться с тамошней, деревенской жизнью. — Константин будет к вам писать особо и скоро; но я не стал его дожидаться, потому что крепко захотелось перемолвить с вами словечко. К нам приехал третий и последний наш сын¹⁶⁴; часто бывает горько на душе, что уже не дождемся возвращения четвертого¹⁶⁵... Прощайте, милый, сердечный друг наш! Поминайте нас так же часто, как мы вас; чаще этого нельзя. Я предлагал Погодину, сейчас после вашего отъезда, заплатить весь ваш долг, но он отказался. Если вам понадобятся деньги, то, чур, ни к кому, кроме меня, не писать. Обнимаю вас крепко и долго. Да сохранит вас милосердный Бог для всех вообще и для

¹ и вписано.

¹¹ Далее было: хорошо

нас особенно! Все вас обнимают. Я был два раза у Шереметевой; она вас¹ помнит и любит сильно.

Ваш душою С. Аксаков.

Погодин едет завтра».

Статья Константина, о которой говорится в этом письме, была принята Погодиным в журнал без всякого сопротивления, но его сбил Шевырев. Погодин очень боялся, что мы с Константином осердимся за его отказ напечатать статью, и написал об этом большое письмо ко мне, но оно затеряно; я^{II} отвечал очень ласково, что, может быть, он, как журналист, обязанный заботиться о выгодах журнала — поступает очень благоразумно, не помещая статьи, которая, разумеется, озлобит всех недоброжелателей Гоголя. Я умолчал о том, что мы намерены напечатать статью особой брошюрой, и уверял его, что Константин не питает никакого неудовольствия, что и было совершенно справедливо. Погодин очень обрадовался и написал к нам пренежную записку, в которой расхвалил Константина за его скромность и кротость. Погодин немедленно уехал за границу и, уже будучи в Париже, получил известие, что статья Константина напечатана. Ниже я приложу выписки из письма Погодина. С. В. Перфильев^{III} исполнил свое обещание, прочел «Мертвые Души» три раза и оценил их по достоинству. В словах моих, что отсутствие Гоголя может продолжиться *почти три года*, заключается ясное доказательство, что он никогда не говорил мне о своем отъезде на пять лет. Здесь кстати сказать несколько слов о брошюре Константина. Погодин^{IV} не ошибся в том, что она будет принята всеми враждебно. Статья называлась: «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые Души»^V. Как только она вышла из печати, все журналисты, все неприятели и даже почти все приятели Гоголя, говоря буквально, взбесились. Град ругательств, злобных насмешек и всякого рода оскорблений посыпался печатно и письменно на Константина^{VI}. Раздражение было так велико, что сначала не было возможности ни с кем спорить. Я ожидал восстания, но не всеобщего и не в такой степени неистового. Я был так удивлен им, что даже на некоторое время усумнился в справедливости моего собственного взгляда и суда. 12 уже лет прошло этому событию; не один раз перечитал я эту брошюру с искренним желанием найти в ней справедливые причины общего раздражения. Собираясь писать эти строки, я еще раз прочел ее и не нахожу ничего, что могло бы оправдать волнение, ею произведенное. Раздавался общий крик, что Константин назвал Гоголя Гомером, что совершенная неправда. Константин сказал только, что *у Гоголя есть этическое созерцание, древнее, истинное, какое было и у Гомера*. Я спрашиваю по совести каждого: значит ли это, что Гоголь равен Гомеру, что он Гомер? Бесновавшийся тогда Шевырев сам через несколько лет переврал в одной из своих статей именно эту самую мысль Константина, а потом и еще кто-то в одном из петербургских журналов повторил эту же мысль — и никто не обратил даже внимания на них. Этот общий неистовый гнев есть^{VII} психологическое явление, остающееся неразгаданным: <оно>, без сомнения, явилось законно, и, было бы любопытно объяснить его законность. Гоголь также остался недоволен появлением брошюры Константина, осуждая не столько ее смысл, как то, что она появилась не вовремя, в минуту общего недоумения, поражения, так сказать, произведенного «Мертвыми Душами», ко-

^I Я был два раза у Шереметевой; она вас *вписано*.

^{II} Было: но я

^{III} Перфильев *вписано вместо*: П-в

^{IV} Далее было: и Шевырев

^V Далее было: Едва

^{VI} Далее на полях *вписано карандашом*: Надобно сказать, что один только Плетнев оценил печатно брошюру Константина и отдал ей должную справедливость.

^{VII} Этот общий неистовый гнев есть *вписано вместо*: Это

гда большинство публики, оскорбленное, раздраженное восторгами поклонников Гоголя, не знало, что¹ делать: хвалить или бранить? Первого не хотелось делать, на второе не смели вдруг решиться. Брошюра Конст<ант>ина как будто развязала им язык, и скрываемаемая многими злоба на Гоголя излилась сначала^{II} на сочинителя брошюры, а потом и на творца поэмы. В этом отношении Гоголь^{III} был совершенно прав. Брошюра наделала ему много зла. Нашелся, однако, один добросовестный человек, П. А. Плетнев, который, в издаваемом им журнале «Современник», отозвался с большою похвалою и уважением о статье Константина¹⁶⁶.

К письму моему к Гоголю^{IV}, приведенному выше от 3-го и 5-го июля, были приложены выписки из писем Машеньки Карташевской о «Мертвых Душах», которые я считаю за нужное приложить здесь, как факт, вполне выражающий то впечатление, какое произвела поэма Гоголя на человеческую душу, одаренную поэтическим чувством.

«Выписка^V из письма Карташевской

«6 июня <1842>.

Сегодня мы дочитали «М<ертвые> Д<уши>». Боже мой, что это за совершенство! Я не могу передать тебе, как много я была поражена чтением этой поэмы! Как можно было создать с таким совершенством все характеры этого романа и среди этой пошлой, бесцветной ничтожности отделить всякого такими резкими, отличительными чертами. Что это за разговоры! и что за восхитительные места везде, где автор говорит сам от себя!.. Я перечитывала их по нескольку раз и даже не могла удержаться, чтоб иных мест не прочесть Ваничке¹⁶⁷; я просила его передать тебе, в каком я полном восхищении! Я даже просила его позволения означить карандашом те места, которые особенно превосходны. Делая это, я воображала, что передам тебе хотя отчасти свои впечатления и что, когда ты взглянешь на эти отмеченные листочки и перечтешь их, мы как будто перечтем их вместе. Воображаю, в каком вы были восхищении! Мне кажется, что только после этого сочинения вполне начинаю я понимать, что такое Гоголь и что это за талант».

(Из конца того же письма:)

«Вот и здесь (в деревне) скоро и жадно прочиталась поэма Гоголя. Это было чтение всеобщее. Любопытно слушала его и Надя¹⁶⁸. Я как-то предчувствовала, что Гоголь не просто едет за границу в Италию, что не эта страна отнимает его у нас; но я не знала ничего, потому что ты не писала мне, что он едет в Палестину. Можно вообразить, как он опишет эту страну! Еще скажи мне, написаны ли уже другие две части «М<ертвых> Д<уш>» и скоро ли мы можем надеяться прочесть их? Что будет в них, как выше всякого выражения будет то удовольствие, которое обещает он нам! Как велики должны быть наши надежды, когда он сам объявляет, что «*явятся чудные образы, и все повергнется в прах*».

«16-го июня <1842>.

Как верно угадала я, еще из предыдущего твоего письма, что ты, не сознавая, может быть, сама, боишься, что я не почувствую всего удивительного совершенства «М<ертвых> Д<уш>» Ты думала, что они ускользнут от моего внимания, и между тем стараешься сама найти мне оп-

^I Далее было: ему

^{II} сначала вписано.

^{III} Гоголь вписано вместо: он

^{IV} к Гоголю вписано.

^V Было: Выписки

равдание, говоря, что все достоинство этого сочинения не может быть постигнуто сразу. Вот что говорят твои строки и чего, может быть, ты не знаешь сама... И мысль, что “М<ертвые> Д<уши>” не произведут во мне должного удивления, должна была тебе придти, потому что совсем не так слушала я “Ревизора” и не таково было впечатление на меня этой пьесы, и ты это знала! Не знаю¹¹, передало ли мое предыдущее письмо то глубокое впечатление, которое произвело на меня это сочинение; я чувствую, что полный отчет отдать в нем было бы трудно. Только поверь мне, что я ценю его так высоко, как должно, и что ни одна мелочная подробность из разговоров всех этих ничтожных людей, а еще менее, ни одно из тех восторженных, как ты говоришь, мест, где говорит Гоголь сам от себя, не прошло не замеченным, не почувствованным мною. Ах, как приятно и в разлуке знать, что чувства наши были одинаковы»; и пр.

Вот вам точные выписки: выкинуты только нежные названия. Хотел было выбрать из других писем, но устал писать. Обнимаю вас, милый друг, крепко и горячо. Я лучше¹¹¹ себя чувствую и привыкаю понемногу^{11V}».

Погодин писал ко мне из Парижа от 1-го октября <1842>:

«Как горько было мне услышать, что Константин напечатал свою статью о Гоголе! Как досадно мне было на вашу слабость. Неужели и в вас не достало столько литературной доверенности ко мне, чтоб согласиться со мною, что статья не годится для печати в первом виде? Неужели я не напечатал ее без основания? Неужели легко мне было прислать ее назад? Неужели не рад бы я был всякому успеху Константина?»¹⁶⁹ и пр. и пр.

Теперь следует письмо Гоголя, полученное мною 11-го августа.

Гастейн, июля 27/15 <1842>.

«Здоровы ли вы, Сергей Тимофеевич, и что делается со всеми вашими? Напишите мне об этом две, три строчки: это мне нужно. Вы верно знаете и чувствуете, что я об вас думаю часто. Из Москвы никто не догадался написать <мне> в Гастейн, и я слышу чрез то пустоту какую-то, которая мне несколько мешает вдыхать в себя полную жизнь. — Я пробуду в Гастейне вместе с Языковым еще недели три, и в конце августа хотим ехать в Венецию, где пробудем недели две, если не больше; и потому вы адресуйте, если почувствуете благодатное желание писать, прямо в Венецию *Poste restante*. Напишите мне все: как вы проводите время, хороша ли дача, хороша ли рыбная ловля, веселы ли^V как следует ваши дети? Ольге Семеновне скажу, что буду писать к ней, что предмет письма очень светел, и потому прошу ее быть как можно светлее до самого получения письма. — Да кстати о письмах. Пошлите кого-нибудь на квартиру Нащокина (у Старого Пимена, в доме Ивановой) узнать, получено ли им письмо мое¹⁷⁰? Письмо это очень нужно и касается прямо его дела, а потому мне хотелось бы, чтобы оно было получено во всей исправности. — А моему милому Константину Сергеевичу напишу тоже письмо, несколько нужное для нас обоих. — Сделайте милость, обнимите всех, кого увидите из моих знакомых. Если Павловы точно едут, то вы мне сделаете большую услугу присланьем чрез них некоторых

¹ Далее следует примечание на полях: Этому причиною были совсем другие обстоятельства.

¹¹ Не знаю вписано вместо: Этому

¹¹¹ Далее было: вас

^{11V} Далее в тексте письма следует фраза, опущенная С. Т. Аксаковым: Мы все благодарим Вас сердечно за приписку верхней строчки в нашем экземпляре «Мертвых душ» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 621).

^V В автографе письма Гоголя: веселятся ли

книг, а именно: “Памятник веры”¹⁷¹, такой совершенно, как у Ольги Семеновны, и “Статистику России” Андросова¹⁷², и еще, если есть какое-нибудь замечательное сочинение статистическое о России вообще или относительно частей ее, вышедшее в последних годах, то хорошо бы очень присовокупить его к ним. Кажется, вышел какой-то толстый том от Мин<истерства> Внут<ренних> дел¹⁷³. — А Григория Сергеевича попрошу присылать мне реестр всех сенатских дел за прошлый год с одной простой отметкой: между какими лицами завязалось дело и о чем дело. Этот реестр можно присылать частями при письмах ваших. Это мне очень нужно. Да чуть было не позабыл еще попросить о книге Кошихина¹⁷⁴, при Ц<аре> Ал<ексее> Михайловиче. Я прошу вас записать цену их, чтобы я знал, сколько вам должен. — Я уверен, что Павловы не откажутся привезть мне их. Обнимите их от меня обоих. Они верно не сомневаются в том, что я очень хотел бы их увидеть. Около октября 1-го я надеюсь быть в Риме.

Прощайте. Не забывайте меня и пишите. Посылаю вам мой душевный поцелуй.

Ваш Гоголь.

Из Петербурга я писал¹ письма, к Вам, Ел. В. Погодиной и к Над. Н. Шереметьевой. Если Вам случится увидеть последнюю, скажите, что я буду к ней еще писать скоро и дайте ей мой адрес».

Надобно признаться, что почти все поручения Гоголя насчет присылки статистических и других^{II} книг, а также выписок из дел и деловых регистров исполнялись очень плохо; а между тем очевидно, что все это было ему очень нужно для второго тома «Мертвых Душ». Павловы не поехали за границу, да и не думали ехать, а Гоголь счел их пустые слова за настоящее намерение. Конечно, отъезжающих за границу и кроме их было довольно, но мы плохо верили их ак<к>уратности. Не помню, с кем-то были посланы один раз бумаги и книги, но они совсем не дошли до Гоголя и пропали^{III}. Несмотря на такие уважительные причины, должно сознаться, что все мы без исключения были не довольно внимательны к просьбам Гоголя. Я должен к этому присовокупить, что некоторые^{IV} сведения, каких требовал Гоголь, мне казались все равно недостаточными для узнания настоящего дела и даже вредными, потому что сообщали неверные понятия^V.

Теперь следует одно из самых замечательных и самое огромное письмо Гоголя. Надобно рассказать, как я получил его. Это случилось в начале сентября, именно 2-го^{VI} 175. В этот день поутру прочел я вслух переделанную и дополненную повесть Гоголя «Портрет», напечатанную в 3 № «Современника». Не защищая ее фантастического содержания, все дополнения, относящиеся к погибающему дарованию художника, привели меня в такой восторг, что слезы несколько раз прерывали мое чтение; тем не менее оно было так выразительно, что все слушавшие меня вполне разделяли мое восхищение. Целый день мы все были полны того богатого чувства, которое оставляет по себе художественное создание. Вечером поехал я в Англицкий клуб и сел, по обыкновению, играть в карты. Вдруг приходит Томашевский и подает мне очень толстое письмо от Гоголя. Продолжая играть, я распечатал его, чтоб пробежать некоторые строки; но я попал на такие слова, которые сделали для меня продолжение игры — невозможным. Я нашел на свое место другого игрока и на извозчике прискакал домой; дома не только удивились, но даже встревожились моим, необыкновенно скорым, возвращением, но я развернул письмо и прочел моей семье следующее¹⁷⁶:

^I Далее было: четыре

^{II} и других *вписано карандашом.*

^{III} и пропали *вписано карандашом.*

^{IV} некоторые *вписано.*

^V *Фраза:* Я должен к этому присовокупить - сообщали неверные понятия — *вписано карандашом на полях.*

^{VI} именно 2-го *вписано.*

«Гастейн, 18 / 6 августа <1842>»

Я получил ваше милое письмо¹⁷⁷ и уже несколько раз перечитал его. Вы уже знаете, что я уже было соскучился, не имея от вас никакой вести, и написал вам формальный запрос. Но теперь, слава Богу, письмо ваше в моих руках. Что же сделалось с тем, что писала, как видно из слов ваших, Ольга Семеновна, — я никак не могу понять: оно не дошло ко мне. Все ваши известия, все, что ни заключалось в письме вашем, все до последнего слова и строчки было для [меня] любопытно и равно приятно. Начиная с вашего препровождения времени, ужения в прудах и реках, и до известий ваших о “Мертвых душах”. Первое впечатление их на публику совершенно то, какое подозревал я заране. — Неопределенные толки, поспешность быстрая прочесть и ненасыщенная пустота после прочтения, досада на видимую непрерывную мелочь событий жизни, которая становится невольной насмешкой и упреком, — все это я знал заране. Бедный читатель с жадностью схватил в руки книгу, чтобы прочесть ее как занимательный, увлекательный роман, и, утомленный, опустил руки и голову, встретивши никак не предвиденную скуку. Все это я знал. Но при всем этом подробные известия обо всем этом мне всегда слишком интересно слышать. Многие замечания, вами приведенные, были сделаны не без основания теми, которые их сделали. Продолжайте сообщать и впредь, как бы они ни казались ничтожны. Мне все это очень нужно. Само по себе разумеется, что приятнее всего было мне читать отчет ваших собственных впечатлений, хотя они были мне отчасти известны. Бог одарил меня пронизательностью, и я прочел в лице вашем во время чтения¹⁷⁸ почти все, что мне было нужно. Я не рассердился на вас за неоткровенность¹. Я знал, что у всякого человека есть внутренняя нежная застенчивость, воспрепятствующая ему сделать замечания насчет того, что, по мнению его, касается слишком тонких чувствительных струн, прикосновение к которым, как бы то ни было, но все же сколько-нибудь раздражает самое простительное самолюбие. Самая искренняя дружба не может совершенно изгладить этой застенчивости. Я знаю, что много еще протечет времени, пока узнают меня совершенно, пока узнают, что мне можно все говорить и более всего то, что более всего трогает чувствительные струны. Так же, как я знаю и то, что придет наконец такое время, когда все почувют, что нужно мне сказать и то, что в собственных душах, не скрывая ни одного из движений, хотя эти движения не ко мне относятся. Но отнесем будущее к будущему и будем говорить о настоящем. Вы говорите, что молодое поколение лучше и скорее поймет. Но горе, если бы не было стариков. У молодого слишком много любви к тому, что восхитило его, а где жаркая и сильная любовь, там уже невольное пристрастие. Старик прежде глядит очами рассудка, чем чувства, и чем меньше подвинуто его чувство, тем ясней его рассудок и может сказать всегда частную, по-видимому, маловажную и простую, но тем не менее истинную правду. Если бы сочиненье мое произвело равный успех и эффект на всех, в этом была бы беда. Толков бы не было. Всякий, увлеченный важнейшим и главным, считал бы неприличным говорить о мелочах, считал бы мелочами замечания о незначительных уклонениях, о всех проступках, по-видимому ничтожных. Но теперь, когда еще не раскусили, в чем дело, когда не узнали важного и главнейшего, когда сочинение не получило определенного недвижимого определения, теперь нужно ловить толки и замечания, после их не будет. Я знаю, что самые близкие люди, которые более других чувствуют мои сочинения, я знал, что и они все почти ощутят разные впечатления. Вот почему прежде всего я положил прочесть Вам, Погодину и Константину, как трем различным характерам, разнородно примушим первые впечатления. То, что я увидел в замечании их, в самом молчании и в легком движении недоуменья, ненароком и мельком про-

¹ Гоголь решительно ошибался. При первых чтениях я не был еще способен замечать недостатки. — *Примеч.* С. Т. Аксакова на копии письма Гоголя, снятой В. С. Аксаковой для П. А. Кулиша (впервые опубликовано: Соч. и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 5. С. 485; см. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 265).

скальзывающего по лицам, то принесло мне уже на другой день пользу, хотя бы оно принесло мне несравненно большую пользу, если бы застенчивость не помешала каждому рассказать вполне характер своего впечатления. Человек, который отвечает на вопрос ограждающими словами: “не смею сказать утвердительно, не могу судить по первому впечатлению”, делает хорошо; так предписывает правдивая скромность. Но человек, который высказывает в первую минуту свое первое впечатление, не опасаясь ни компрометировать себя, ни оскорбить нежной разборчивости и чувствительных струн друга, тот человек великодушен. Такой подвиг есть верх доверия к тому, которому он вверяет свои суждения и которому вместе с тем вверяет, так сказать, самого себя. Иными людьми овладевает просто боязнь показаться глупее. Но мы позабыли, что человек уже так создан, чтобы требовать вечной помощи других, у всякого есть что-то, чего нет у другого, у всякого чувствительнее не та нерва, чем у другого, и только дружный размен и взаимная помощь могут дать возможность всем увидеть с равной ясностью и со всех сторон предмет.

Я был уверен, что Конс<тантин> С<ергеевич> глубже и прежде поймет, и уверен, что критика его точно определит значение поэмы. Но, с другой стороны, чувствую заочно, что Погодин был отчасти прав, не поместив ее, несмотря на несправедливость этого дела. Я думаю просто, что ей рано быть напечатанной теперь. Молодой человек может встретить слишком сильную оппозицию в старых. Уже вопрос, почему многие не могут понять “Мертвых душ” с первого раза, оскорбит многих. Мой совет напечатать ее зимою, после двух или трех других критик¹. Не дурно также рассмотреть, не слышится ли явно: *я первый понял*. Этого слова не любят, и вообще лучше, чтобы не слышалось большого преимущества на стороне прежде понявших. Люди не понимают, что в этом нет никакого греха, что это может случиться с самым глубоко образованным человеком, как случается всякому в минуты хлопот и мыслей о другом прослушать замечательное слово. Лучше всего, если бы Кон<стантин> Сер<геевич> прислал эту критику мне в Рим, переписавши ее на тоненькой бумажке для удобного вложения в письмо. Я слишком любопытен читать ее. — Ваше мнение: нет человека, который бы понял с первого раза “Мертвые души”, совершенно справедливо и должно распространиться на всех, потому что многое может быть понятно одному только мне. Не пугайтесь даже вашего первого впечатления, что восторженность во многих местах казалась вам доходившею до смешного излишества¹¹. Это правда. Потому что полное значение лирических намеков может изъясниться только тогда, когда выйдет последняя часть. — — —¹¹¹ Вере Сергеевне скажите, что я был тоже доволен, увидевши в Петербурге ее друга К<арташевскую> и не жалею даже на кратковременность нашего свидания. Есть души, что самоцветные камни, они не покрыты корой и, кажется, как будто и родились уже готовыми и обделанными. Их видит издали зоркий глаз ювелира, только замечает их место, сказавши: Слава Богу, и спешит к тем, где нужно много работы, чтобы отколоть грубую кору и сколько-нибудь огранить, дабы видел всякой, что это была не простая земля, но дорогой камень, закрытый вековыми накопленьями всего. Слова и мнения ее вы также выпишите и пришлите мне, хотя натурально нужно, чтобы она никак не

¹ Критика была уже напечатана отдельно. — *Примеч. С. Т. Аксакова на копии письма Гоголя, снятой В. С. Аксаковой для П. А. Кулиша (впервые опубликовано: Соч. и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 5. С. 487; см. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 265).*

¹¹ Не понимаю, как пришла в голову Гоголю эта мысль! Никогда лирические места не казались мне смешными. Это недоразумение. — *Примеч. С. Т. Аксакова на копии письма Гоголя, снятой В. С. Аксаковой для П. А. Кулиша (впервые опубликовано: Соч. и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 5. С. 488; см. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 265).*

¹¹¹ Так в рукописи.

знала этого. Все то, что идет прямо от души и сердца, мне так же нужно знать, как все то, что идет от рассудка.

Вас устрашает мое длинное и трудное путешествие¹⁷⁹, вы говорите, что не можете понять ему причины; вы говорите, что несколько раз хотели спросить меня и все останавливались, не решаясь навязываться самому на доверенность. Зачем же вы не спросили? Никогда душевная жажда спросить не должна оставаться в груди. Никогда сердечный вопрос не может быть докучен или не у места. Самое большее было бы то, что я ответил бы вам на это молчанием; но если молчание это светло и выражает спокойствие душевное, то стало быть оно уже ответ, и ничем другим не мог выразиться этот ответ. А вопрос ваш все-таки был бы мне приятен, потому что он вопрос друга. И что бы мог я вам отвечать? разве произнес бы слова только: Так должно быть! — Рассмотрите меня и мою жизнь среди вас. Что вы нашли во мне похожего на ханжу, или хотя на это простодушное богомольство и набожность, которою дышит наша добрая Москва, не думая о том, чтобы быть лучшею. Разве нашли вы во мне слепую веру во все без различия обычаи предков, не разбирая, на лжи или на правде они основаны, или увлечение новизной, соблазнительной для многих современностью и модой? Разве вы заметили во мне юношескую незрелость или живость в мыслях? разве открыли во мне что-нибудь похожее на фанатизм и жаркое, вдруг рождающееся увлечение чем-нибудь? И если в душе такого человека, уже по самой природе своей более медлительного и обдумывающего, чем быстрого и торопящегося, который притом хоть сколько-нибудь умудрен и опытом, и жизнью, и познанием людей и свыше; если в душе такого человека родилась подобная мысль, мысль предпринять это отдаленное путешествие, то верно она уже не есть следствие мгновенного порыва; верно уже слишком благодетельна она, верно далеко оглянута она; верно и ум, и душа, и сердце соединились в одно, чтобы послужить такой мысли. Но если б даже и не могло заключиться в ней никакой обширной цели, никакого подвига во имя любви к братьям, никакого дела во имя Христа, то разве вся жизнь моя не стоит благодарности, разве небесные минуты тех радостей, которые я слышу, не вызывают благодарности, разве прекрасная жизнь тех прекрасных душ, с которыми встретила душа моя, не вызывает благодарности? разве <любовь>, обнявшая мою душу и возрастающая в ней более и более с каждым днем, не стоит благодарности? Разве в сих небесных торжественных минутах не присутствует Христос? Разве в сем высоком союзе душ не присутствует Христос? Разве эта любовь не есть уже сам Христос? Разве все, что отрывается от земли и земного, не есть уже Христос? разве в любви, сколько-нибудь отделившейся от чувственной любви, уже не слышится мелькнувший край божественной одежды Христа? И сие высокое стремление, которым стремятся прекрасные души одна к другой, влюбленные в одни свои божественные качества, а не земные, не есть ли уже стремление ко Христу? "Где вас двое, там есть церковь моя"¹⁸⁰. Или никто не слышит сих Божественных слов? Только любовь, рожденная землей и привязанная к земле, только чувственная любовь, привязанная к образам человека, к лицу, к видимому, к стоящему перед нами человеку, та любовь только не зрит Христа. Зато она временна, подвержена страшным несчастьям и утратам. И да молится вечно человек, чтобы спасли его небесные силы от сей ложной, превратной любви! Но любовь душ — это вечная любовь. Тут нет утраты, нет разлуки, нет несчастий, нет смерти. Прекрасный образ, встреченный на земле, тут утверждается вечно, все, что на земле умирает, то живет здесь вечно, то воскресается ею, сей любовью, в ней же, в любви, и она бесконечна, как бесконечно небесное блаженство. Как же вы хотите, чтобы в груди того, который услышал высокие минуты небесной жизни, который услышал любовь, не возродилось желание взглянуть на ту землю, где проходили стопы Того, кто первый сказал слово любви сей человекам, откуда истекла она на мир. — Мы движемся благодарностью к Поэту, подарившему нам наслаждения души своими произведениями; мы спешим принести ему дань уважения, спешим посетить его могилу, и никто не удивляется такому поступку, чувствуя, что стоит уважения и самый великий прах его. Сын спешит на могилу отца, и никто не спрашивает его о причине, чувствуя, что дарование жизни и воспитание стоят благодарности. Одному только Тому, Кто рай блаженства низвел на землю, Кто виной всех

высоких движений, Тому только считается как-то странным поклониться в самом месте Его земного странствия. — По крайней мере, если кто из среды нас предпримет такое путешествие, мы уже как-то с изумлением таращим на него глаза, меряем его с ног до головы, как будто бы спрашивая: не ханжа ли он, не безумный ли он? Признайтесь, вам странно показалось, когда я в первый раз объявил вам о таком намерении. Моему характеру, наружности, образу мыслей, складу ума и речей и жизни, одним словом, всему тому, что составляет мою природу, кажется неприличным такое дело. Человеку, не носящему ни клобука, ни митры, смешившему и смешавшему людей, считающему и донныне важным делом выставлять неважные дела и пустоту жизни, такому человеку, не правда ли, странно предпринять такое путешествие? Но разве не бывает в природе странностей? Разве вам не странно было встретить в сочинении, подобном “Мертвым душам”, лирическую восторженность, не смешною ли она вам показалась вначале, и потом не примирились ли вы с нею, хотя не вполне еще узнали <ее> значение? Так, может быть, вы примиритесь потом и с сим лирическим движением самого автора. И как мы можем сказать, чтобы то, которое кажется нам минутным вдохновением, неожиданно налетевшим с небес откровением, чтобы оно не было вложено всемогущей волею Бога уже в самую природу нашу и не зрело бы в нас невидимо для других? Как можно знать, что нет, может быть, тайной связи между сим моим сочинением, которое с такими погрешками вышло на свет из темной низенькой калитки, а не из победоносных триумфальных ворот в сопровождении трубного грома и торжественных звуков, и между сим отдаленным путешествием? И почему знать, что нет глубокой и чудной связи между всем этим и всей моей жизнью и будущим, которое незримо грядет к нам и которого никто не слышит. Благоговение же к Промыслу! это говорит вам вся глубина души моей. Помните, что в то время, когда мельче всего становится мир, когда пустее жизнь, в эгоизм и холод облекается все, и никто не верит чудесам, в то время именно может совершиться чудо чудеснее всех чудес. Подобно как буря самая сильная настает только тогда, когда тише обыкновенного станет морская поверхность. Душа моя слышит грядущее блаженство и знает, что одного только стремления нашего к нему достаточно, чтобы всевышней милостью Бога оно ниспустилось в наши души. И так светлей и светлей да будут с каждым днем и минутой ваши мысли и светлей всего да будет неотразимая вера ваша в Бога, и да не дерзнете вы опечалиться ничем, что безумно называет человек несчастьем. Вот что вам говорит человек, смешавший людей. Прощайте, это письмо пусть будет и для Ольги Семеновны вместе. Но не показывайте его другим. Лирические движения души нашей!.. неразумно их сообщать кому бы то ни было. Одна только всемогущая любовь питает к ним тихую веру и умеет беречь, как святыню, в глубине души душевное слово любящего человека. Впрочем, помните, что путешествие мое еще далеко: Раньше окончания моего труда оно не может быть принято ни в каком случае¹⁸¹, и душа моя для него не в силах быть готова. А до того времени нет никакой причины думать, чтобы <мы> не увиделись опять, если только это будет нужно. — Пишите мне все, что ни делается с вами и что ни делается вокруг вас; все, что ни касается жизни, уже жизнь моя. Толков об “Мертвых душах”, я думаю, до зимы вы не услышите. Но если на случай кто-нибудь будет вам писать о них, вы выпишите эти строки в письме ко мне. Прощайте. Целую вас всею силою душевного лобзания; распространите его на всех близких вашему сердцу. Деньги мне не нужны раньше октября. Адресуйте на имя банкира Duc de Torlonia¹⁸² для передачи Гоголю. Шевыреву я написал порядок, как уплачивать по случаю возникшего несогласия насчет первенства¹⁸³. Нужно, чтобы эти деньги были уплачены как можно скорее. Они должны были быть отданы в первые два месяца».

¹ Друзья Гоголя сложились по 1500 р <ублей> асс<игнациями> и дали ему на дорогу эти деньги (всего 6000 р <ублей> асс<игнациями>) с тем, чтобы получить их из выручки за Мертв<ые> души. Когда Шевырев стал расплачиваться, то никто не хотел взять первый. — *Примеч. С. Т. Аксакова на копии письма Гоголя, снятой В. С. Аксаковой для П. А. Кулиша (первые опубликовано: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 265).*

К этому письму почти не нужно никаких объяснений, кроме того, что в нем Гоголь между прочим отвечает на мое письмо, которое, как и многие другие, пропало¹⁸⁴. Хотя я не помню содержания этого письма, но решительно протестую против того, будто лирические места «Мертвых Д<уш>» показались мне смешными. Я никогда так не думал, а потому и не мог написать. Я подозреваю, не принял ли Гоголь мнений других, сообщенных мною в письме^I, за мои собственные, единственно потому, что я вообще назвал их сделанными *не без основания*. Одно только лирическое место (стран. 58¹¹)¹⁸⁵ показалось мне, да и теперь кажется, неуместным, сказанным рановременно. Можно ли говорить о том, что человек еще намерен произвесть. Разве будущее нам известно^{IV}? К несчастью, смерть Гоголя и сожжение «М<ертвых> Д<уш>» служат ужасным доказательством справедливости моего замечания^V. Должно также сказать, что это чудное письмо произвело тогда на нас необыкновенно сильное впечатление, вероятно подготовленное утренним чтением переделанной или почти вновь написанной Гоголем повести «Портрет». Я сам, не совсем довольный религиозным направлением Гоголя, которое мне казалось мистическим, был не то чтобы убежден, но растроган, умилен, очарован этим письмом. Надобно признаться, что не совсем строго было выполнено желание Гоголя, требовавшего, чтобы мы только двое с О<льгой> С<еменовной> прочли это письмо. Можно ли было не показать его Конст<антину> и старшим дочерям? Гоголь узнал об этом и был очень недоволен^{VI}. Под большим секретом было оно прочтено некоторым нашим друзьям. В 1847 году, когда вышла известная книга: «Избранные места из переписки с друзьями», сильно меня взволновавшая, я имел непростительную слабость и глупость, в пылу спорного разговора, в доказательство постоянного^{VII} направления Гоголя, показать это письмо Павлову... Мне и теперь совестно, что я это сделал. Я был за это жестоко^{VIII} наказан: Павлов выпросил у меня это письмо на несколько часов, чтобы прочесть одному больному человеку, почтенному и достойному, любившему Гоголя, но^{IX} сомневавшемуся в искренности его религиозных убеждений^X. Он уверил меня, что прочтение этого письма будет душевным и целебным^{XI} наслаждением для больного, что это будет истинным добрым делом. Павлов не возвратил мне этого письма до сих пор: сначала говорил, что забывает привезти; потом, что куда-то далеко его запрягал, и, наконец, сказал, что он мне возвратил его, уверяя меня, что я забыл об этом. Я сердился и огорчался постоянно таким поступком и^{XII} был убежден, что Павлов потерял письмо; но с год тому назад я узнал положительно, что это письмо было найдено в его бумагах, когда их разбирали полицмейстер Бакунин и жандармский капитан Воейков. Я опасался даже, что Пав<лов> отдал кому-нибудь это письмо для печати, и потому ожидал сего <1 нрзб.>^{XIII} Теперь я вижу в этом письме лирический порыв, дифирамб, чем назвал сам Гоголь свое путешествие ко Святым Местам^{XIV}.

^I сообщенных мною в письме *вписано вместо*: выпис<анных>

^{II} *Ошибка. Следует*: 258

^{III} (стран. 58) *вписано*.

^{IV} *Фраза*: Разве будущее нам известно? — *вписана карандашом*.

^V доказательством справедливости моего замечания *вписано вместо*: подтверждением моего мнения

^{VI} *Фраза*: Гоголь узнал об этом и был очень недоволен — *вписана карандашом*.

^{VII} постоянного *вписано вместо*: прежнего

^{VIII} жестоко *вписано вместо*: жестко

^{IX} любившему Гоголя, но *вписано*.

^X *Вместо*: его религиозных убеждений — *было*: религиозных убеждений Гоголя

^{XI} и целебным *вписано*.

^{XII} и *вписано вместо*: но

^{XIII} *Фраза*: Я опасался даже, что Пав<лов> отдал кому-нибудь это письмо для печати, и потому ожидал сего <1 нрзб.> — *вписана на полях карандашом*.

^{XIV} *Далее было*: В 1842 году писем Гоголя более не нашлось, но видно из письма Веры к Машеньке, что было письмо в декабре. *Эта фраза зачеркнута карандашом; вместо нее вписано*: Письма нашлись. *Затем выше было вписано*:

На это письмо писал к Гоголю Константин¹⁸⁶ следующее:

«Наконец пишу к вам, дорогой Николай Васильевич... до сих пор не мог собраться. Мы получили ваше последнее большое¹ письмо из Гастейна; мне нечего сказать вам, как только, что ни одно слово письма вашего не пропало для меня даром; все они отозвались глубоко и остались во мне своею благодатною силою. — Бог знает, когда мы вас увидим; но оставайтесь далеко, живите где хотите, идите, куда вас влечет: Бог благословит всякий путь ваш и ваше дальнейшее путешествие; если же только можете, не уклоняясь от желанного пути, то приезжайте к нам в Москву, которую, верно, вы постоянно видите и чувствуете, где бы вы ни были: она живое сердце нашей великой России; на ней лежит судьба ее, из нее все великое благо. — Как будем мы рады, мы собственно, когда вас опять увидим. Вы уехали, дорогой Николай Васильевич, и оставили нам книгу, которая произвела необыкновенный шум. — Давно не бывало у нас такого движения, какое теперь по случаю “Мерт<вых> Д<уш>”. Ни один, решительно, человек не остался равнодушен; книга всех тронула, всех подняла, и всякий говорит свое мнение. Хвала и брань раздаются со всех сторон, и того и другого много; но зато полное отсутствие равнодушия. — Отвсюду слышны мнения: их говорит всякой; всякой открыл свое суждение и потому при этом всеобщем объявлении своих мыслей, взглядов на вещи, при этом всеобщем признании, вынужденном книгою, произошла такая разность мнений, такие поразительные несходства, что едва веришь ушам своим. — Без этой книги и предполагать нельзя бы было такого различия мнений, которое вышло теперь на свет. — Одни говорят, что только тут видят они Гоголя, который до сих пор далеко не так поражал их; что только тут почувствовали они его колос<с>альность; другие провозгласили было в¹¹ самом начале, что эта книга — падение Гоголя, смерть его таланта; но скоро должны были замолчать, оглушенные всеобщим шумом, поднявшимся над их главами; они ограничиваются тем теперь, что указывают на прежние ваши сочинения, на Малороссию. — Для иных здесь колос<с>ально предстает Россия, сквозящая сквозь первую часть и выступившая на конце книги; слезы навертываются у них на глазах при чтении последних строк; другие с горестью читают, говорят, что надо терзаться и плакать; *посмотрите*, — говорил мне один, — *какая тяжелая, страшная насмешка в окончании этой книги*. — Какая? — спросил я выпучив глаза. — *В словах, которыми оканчивается книга*. — Как в этих словах? — *Да разве вы не заметили: Русь, куда несешься ты, сама не знаешь, не даешь ответа*. — И это говорят серьезно, с искреннею, глубокою грустью. Мне удалось, однако, поколебать это печальное мнение. — Одни говорят, что “М<ертвые> Д<уши>” — поэма, что они понимают смысл этого названия; другие видят в этом насмешку совершенно в духе Гоголя: *нате вот, грызите за это слово*. Многие помещики не на шутку выходят из себя и считают вас своим смертельным, личным врагом. Само собою разумеется, что ко всему этому присоединяются нападения на вас, на неприличие; с другой стороны дается этим нападениям живой отпор. — Я говорю вам, дорогой Николай Васильевич, пока вообще; но потом постараюсь написать мнения в отдельности — некоторые выражены печатно. Журналы не могут перестать говорить о “Мерт<вых> Душах”; не показывается номера, в котором бы не было об них толков. Шевырев написал две¹⁸⁷, пишет еще третью статью¹⁸⁸. “О<течественные> З<аписки>”, беспрестанно говоря и браня все мнения о “Мерт<вых> Душах”, обещаются написать большую статью. Словом сказать, литераторы, журналисты, книгопродавцы, частные люди — все говорят, что давно не бывало такого страшного шума в литературном мире, одни браня, другие хваля. Из последних,

№ 1, вставка. Последнее замечание относится к последующему тексту: На это письмо писал к Гоголю Константин — но кажется, он их далеко не понимает». См. ниже подстрочное примеч. к заключительным строкам этого фрагмента — письма К. С. Аксакова к Гоголю от начала ноября 1842 г.

¹ большое вписано.

¹¹ в вписано вместо: при

одни со слезами на глазах от того живого света русской жизни, проникающего наружу теплым лучом, перед которым падает всякое сомнение и растет надежда вместе с силами и бодростью духа. — Другие — со слезами на глазах от совершенного отчаяния; они говорят, что тот не русский, у кого сердце не обольется кровью, глядя на безотрадное состояние России; говорят: *Гоголь не любит России; посмотрите, как хороша Малороссия и какова Россия*; прибавляют: *Заметьте, что самая природа России не пощажена и погода даже все мокрая и грязная*. Но мне хочется также сказать вам собственно про себя, дорогой Николай Васильевич. Когда я слышал “М<ертвые> Д<уши>”, еще никакого впечатления целого не было возбуждено во мне; я прочел их; я чувствовал, что прекрасно; видел красоту создания, жизнь всякой отдельной черты; но что такое самое создание, какой общий смысл его, в котором соединяются в одно целое все эти чудные, живые черты, — этого я не мог себе постигнуть. Мысль была в недоумении; но потом открылась для меня внутренняя гармония всего создания: стали в одно целое все малейшие черты, понятна стала глубочайшая связь всего между собою, основанная не на внешней анекдотической завязке (отсутствие которой смущает с первого разу), но на внутреннем единстве жизни, — и тогда мог я наслаждаться самим созданием, целым его образом, который, кажется, стал доступен мне. — Очень понятно, что тогда весь был я наполнен моим чувством наслаждения, впечатлением “М<ертвых> Д<уш>” Мне кажется, главная трудность лежит в настоящем уразумении слова: *Поэма*, так по крайней мере, как я его понимаю. Когда стал я говорить о “М<ертвых> Д<ушах>”, то нашел согласным с собой Хомякова и Самарина¹⁸⁹. “*Это древний эпос с его великим созерцанием, разумеется, современный и свободный, в наше время, — но это он*”.

Я сказал Хомякову, что хотел бы написать о “М<ертвых> Д<ушах>”, он советовал мне то же, и я написал статью: *Несколько слов для “Москвитянина”*; туда не была она принята; тогда я напечатал ее брошюрой, которую не пустил в продажу, раздав только знакомым; несмотря на то, она сделалась известна многим; брошюрка была написана скоро¹, может быть не ясно, — и на нее многие, почти все напали, искажая сказанные в ней мысли. Многого не досказал я еще там собственно о “М<ертвых> Д<ушах>”, что думаю и что случалось говорить мне здесь. — *Белин<ский>* умышленно или неумышленно изуродовал слова мои, напечатал на меня ругательную рецензию¹⁹⁰, на которую надо было мне отвечать для того, чтобы уничтожить ложь, на меня взводимую. Нет, Николай Васильевич, у меня не было чувства: я *первый понял*, и кажется, не видать его в статье моей. Посылаю вам и брошюрку и мое возражение¹⁹¹. — Далеко и то и другое, не дает еще чувствовать, что такое “М<ертвые> Д<уши>”.....¹⁹² Прочтите и скажите мне, что вы думаете. В этих статейках сказано мое глубокое убеждение.....¹⁹³ Прощайте, дорогой мой Николай Васильевич, от всего сердца обнимаю вас. Белинской в восторге от “М<ертвых> Д<уш>”, но кажется, он их далеко не понимает¹⁹⁴.....¹⁹⁵

¹ Далее в автографе письма К. С. Аксакова следует: услышал от меня Павлов и вдруг то же услышал от Хомякова.

² Далее было: и

³ Так в рукописи.

⁴ Так в рукописи.

⁵ Далее в автографе письма К. С. Аксакова следует: Слова ваши о слав<янском> племени (<1 нрзб.> прекрасное место) находит он, между прочим, утрированными.

⁶ Далее вписано карандашом и зачеркнуто: В 1842-м году писем Гоголя более не нашлось. Фрагмент: На это письмо писал к Гоголю Константин — но кажется, он их далеко не понимает — является вставкой, написанной на отдельных листах и составляющей, вместе с еще двумя дополнениями (см. ниже), особую единицу хранения (РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 3. Л. 1-4). Вверху л. 1 имеется надпись карандашом: № 1, вставка. 1842 год. NB. Сейчас после: «ко Святым Местам».

1843 год.

Письмо без числа, но вероятно писанное в январе¹⁹³.

«Благодарю вас, добрый друг мой Ольга Семеновна, за прекрасное письмо ваше. В нем слышны все движения души вашей. Всегда в минуты ваших душевных движений пишете ко мне. Все, что изольется из души вашей, останется святыней и тайной в душе моей. Слышите ли, что в последних словах заключается упрек вам. Да, я люблю делать упреки тем, которых люблю. Я просил вас, чтобы вы только вдвоем прочитали письмо мое, а письмо это читала вся ваша семья, и кроме того вы даже дали списать с него для себя копию. Я знаю, вы любите отвечать обыкновенно, что в семье вашей нет тайны, и отчасти думаете, что такой просьбой моей водит отчасти маленький каприз. Но Бог весть, может быть, иногда не вовсе ничтожная причина двигает капризом. Но дело уже сделано. Исполните же по крайней мере теперь мою просьбу. Просьба отсутствующего должна быть священна. Позабудьте вовсе письмо мое оное! — Не читайте его, спрячьте на целые четыре года. Никто из вас пусть не говорит и не упоминает о нем во все это время. Я так хочу, и больше ничего. Еще просьба: не хвалите меня перед другими, по крайней мере, менее сколько можно. Из письма вашего со страхом я увидел, что вы меня считаете чем-то вроде святости и совершенства. Ради Бога не думайте так: это грех. В моей душе есть точно стремление к этому; но вы слышите ли, какое страшное пространство между этим стремлением и достижением? Вот все, что вы можете говорить другим: у него добрая душа и есть истинное желание быть лучше, чем он есть. Эти слова вы можете только сказать обо мне. И если услышите нападения на меня, никак не отвергайте их. Нападения не могут быть без причины. Лучше прилежно выслушайте их и передайте потом мне. Прощайте! В минуты сильных ваших душевных всегда пишете ко мне. Если у вас родятся какие-нибудь упреки, мне смело их говорите. Упреков любящего человека всегда жаждало, как святыни, мое сердце».

Письмо это должно принадлежать к 1842 году и, вероятно¹, было приложено в письме ко мне, которое пропало. Оно, очевидно, есть ответ на письмо Ольги Семеновны, которое было писано к Гоголю перед отъездом на богомолье в Воронеж, что происходило в октябре.

Теперь по хронологическому порядку следует мое письмо к Гоголю от 6-го февраля 1843, которое прилагается здесь в оригинале:

«1843 года, февраля 6. Москва.

У, какой хаос в голове! Как давно не писал к вам, милый друг Николай Васильевич, и очень много накопилось всякой всячины, о которой надобно бы написать к вам и подробно, и порядочно... Право, не знаю, с чего начать? Прежде всего надобно сказать вам причину немного долгого моего молчания, а потом^{II}, по возможности, рассказать исторически все происшествия (очень жалею, что не вел записки вроде журнала; но обстоятельства были так важны, и мы принимали их так близко к сердцу, что до благополучного их окончания я не в состоянии был ничего писать). Я и все мои здоровы, но не писал к вам, во-первых, потому, что сначала мы были встревожены слухами, будто Государь был недоволен *“Мертвыми душами”* и запретил второе их издание; будто также недоволен был *“Женитьбой”*, и что 4-й том ваших сочинений задержан, перемаран^{III} и вновь должен быть напечатан (все это, как оказалось после, или совершенная неправда, или было, да не так^{IV}). Во-вторых, не писал я к вам потому, что в бенефис Щепкина ставились на здешнем театре

¹ вероятно *вписано карандашом. На полях вписано: действительно так*

^{II} а потом *вписано карандашом.*

^{III} перемаран *вписано карандашом.*

^{IV} было, да не так *вписано карандашом.*

“Женитьба” и “Игроки”; разумеется, я не пропускал репетиций и сколько мог хлопотал, чтобы пьесы были поняты и сколько-нибудь сносно сыграны. Вчера сошел бенефис Щепкина, и сегодня принимаюсь я писать к вам; но, вероятно, ранее понедельника¹⁹⁴ это письмо не отправится в Рим. Еще к 1-му ноября ожидали мы ваших сочинений; даже книгопродавцы московские не получали еще их, объявлено в газетах, что такого-то числа поступят в продажу сочинения Г<оголя>. Я непременно хотел дожидаться их появления, чтоб написать о всем, и о моих собственных впечатлениях, и о том, что произведут они на всю массу читающей московской публики; но сочинения ваши запоздали своим выходом сами по себе, и потом действительно 4-й том был задержан (так что у нас были получены два первых задолго до получения 4-го; почему не было получено третьего, не знаю). Впрочем, эти задержки произошли вследствие особенных обстоятельств. Два цензора были посажены под арест за пропуск какой-то статьи¹⁹⁵; это заставило их сделаться еще осторожнее и остановить выпуск некоторых уже отпечатанных книг, в том числе и 4-й том ваших сочинений. Наконец, все было получено без всяких исключений... Все (я разумею людей¹, способных понимать и чувствовать) были в восхищении, что истина восторжествовала. Все приписывают это Самому Государю¹⁹⁶ (я то же думаю) и все восхищаются Его высоким правительственным разумом. Вообще, появление на сцене и в печати ваших творений будет памятником Его царствования; мы благословляем его от души! — Пьесы, цензурованные для представления на театре: “Женитьба” и “Игроки”, были получены гораздо прежде ваших сочинений; я имел случай читать несколько раз в обществе мужчин и дам последнюю и производил восторг и шум необыкновенный, какого^{II} не произвела она даже на сцене¹⁹⁷. На это есть множество причин: 1) на большом Театре, где обыкновенно даются бенефисы, многого нельзя было расслушать; итак, публика только вслушивалась в пьесы. 2) Главные лица: Подколесин^{III} и Утешительный^{IV} дурно были исполнены Щепкиным... Остальных, мелочных причин не нужно исчислять. Но когда подняли занавесь, продолжительный гром рукоплесканий приветствовал появление на сцене нового вашего сочинения. Я не понимаю, милый друг, вашего назначения ролей: Если б Кочкарева^V играл Щепкин, а Подколесина^{VI} Живокини¹⁹⁸, пьеса пошла бы лучше. По свойству своего таланта Щепкин не может играть вялого^{VII} и нерешительного творения; и Живокини, играя живой характер, не может удерживаться от привычных своих фарсов и движений, которые беспрестанно выводят его из характера играемого им лица; впрочем, надо было отдать ему справедливость: он работал из всех сил, с любовью истинного артиста, и во многих местах был прекрасен. Они желают перемениться ролями: позволите ли вы¹⁹⁹? В продолжение великого поста они переучат роли, если вы напишете ко мне^{VIII}, что согласны на то. Верстовский²⁰⁰ (который вас обнимает: недавно я прочел ему “Разъезд”, и он <два дня>^{IX} был в упоении) и другие говорят, что в Петербурге Мартынов²⁰¹ в роли *Подколесина* — бесподобен; но все прочие лица несравненно ниже московских. Послезавтра бенефис должен повториться на большом театре, а потом пьесы ваши навсегда сойдут на Малый театр. Актеры и любители театра нетерпеливо этого ожидают, там они <пьесы> получают настоящую цену и оценку.

Сам вижу, как беспорядочно мое письмо; но получение ваших сочинений, постановка пьес^X и все вообще так высоко настроили мои нервы, что они дрожат, и предметы путаются и пляшут

¹ людей *вписано карандашом.*

^{II} какого *вписано карандашом.*

^{III} Подколесин *вписано карандашом.*

^{IV} Утешительный *вписано карандашом.*

^V Кочкарева *вписано карандашом.*

^{VI} Подколесина *вписано карандашом.*

^{VII} вялого *вписано карандашом.*

^{VIII} ко мне *вписано.*

^{IX} В *рукописи оставлен пробел для неразобранных слов.*

^X постановка пьес *вписано карандашом.*

в голове моей. Лучше начать отчет о спектакле. “Женитьба” была разыграна лучше “Игроков” В первой женихи, особенно Садовский (*Анучин* или *Ходилкин*^I, как перекрестил его г. цензор *Гедеонов*, который по глупости своей много кое-чего повымарал в обеих пьесах: о купцах^{II}, дворянах и гусарах. Слово “гусар” заменил “молодцом^{III}”, вместо *Чеботарев*^{IV} поставил *Чемоданов* и пр.), были недурны. Женщины, кроме Агафьи Тихоновны^V (Орлова²⁰²), которая местами^{VI} была хороша (сваха *Кавалерова*²⁰³ и купчиха — *Сабурова 1-я*²⁰⁴) вообще были хороши^{VII}. Щепкин, ничуть меня не удовлетворяя в строгом смысле, особенно был дурен в сцене с невестой один на один. Его робость беспрестанно напоминала Гордничего, и всего хуже в последней сцене. Переходя^{VIII} от восторга, что он женится, вспыхнувшего на минуту, появление сомнения и потом непреодолимого страха от женитьбы даже в то еще время, когда слова, по-видимому, выражают радость, — все это — совершенно пропало^{IX} и было выражено пошлыми^X театральными приемами... Публика грозно молчала всю сцену, и я едва не свалился со стула. Мне тяжело смотреть на Щепкина... он так мне жалок: он переслуживает свою прежнюю славу. — Хомяков, который был подле нас^{XI} в ложе, весьма справедливо заметил, что те же самые актеры, появившиеся в средней пьесе²⁰⁵ (какой-то^{XII} водевиль) между двумя вашими, показались не людьми, а картонными фигурами, куклами выпускными^{XIII}. — Оставляю писать до завтра; ибо очень устал.

7-го февраля.

После спектакля я отправился в Дворянский клуб, где я обыкновенно играю в карты и где есть огромная комната Кругелей, Швохневых^{XIV 206} и других. Они все дожидались нетерпеливо “Игроков” и часто меня спрашивали: что это за пьеса? Там все без исключения — говорили следующее: «“Женитьба” не то, что мы ожидали; гораздо ниже “Ревизора”, даже скучно, да и не натурально; а “Игроки” хороша, только это старинный анекдот; да и все рассказы^{XV} игроков известные происшествия^{XVI}». Один сказал, что нынче уже таких штук^{XVII} не употребляют и никто не занимается изучением рисунка^{XVIII} обратной стороны. Нашлись такие, которые были в театре, но уехали пораньше, и я нашел их уже за картами, уверяющими, что они не могли попасть в Театр, но что после непременно посмотрят обе пьесы. — Странное дело: “Женитьбу” слушали с большим участием; удерживаемый смех, одобрительный гул, как в улье пчел, ходил по театру; а теперь эту пьесу почти все осуждают; “Игроков” слушали гораздо холоднее, а пьесу все

^I Ходилкин *вписано карандашом.*

^{II} купцах *вписано.*

^{III} молодцом *вписано.*

^{IV} Чеботарев *вписано карандашом.*

^V Агафьи Тихоновны *вписано карандашом.*

^{VI} которая местами *вписано карандашом.*

^{VII} Сваха лучше всех. — *Примеч. С. Т. Аксакова. (Слово: Сваха — вписано карандашом.)*

^{VIII} Так в рукописи.

^{IX} пропало *вписано карандашом.*

^X пошлыми *вписано карандашом.*

^{XI} подле нас *вписано карандашом.*

^{XII} какой-то *вписано карандашом.*

^{XIII} выпускными *вписано карандашом.*

^{XIV} огромная комната Кругелей, Швохневых *вписано карандашом.*

^{XV} все рассказы *вписано карандашом.*

^{XVI} происшествия *вписано карандашом.*

^{XVII} штук *вписано карандашом.*

^{XVIII} и никто не занимается изучением рисунка *вписано карандашом.*

почти хвалят; все это я говорю о публике рядовой. — Вчера был у меня П<авлов>, который, несмотря на больные глаза, приезжал^I в театр, который был поражен “Игроками” и, сидя подле меня, говорил, что это — трагедия^{II}, и ужасно бранил игру *Ленского*²⁰⁷ (занимавшего^{III} роль *Ихарева*^{IV}: я хотел дать ее Мочалову²⁰⁸, но он пьет напропалую; да и Щепкин, по каким-то соображениям или отношениям^V, не хотел этого); но вчера^{VI}, то есть на другой день представления, изволил говорить совсем другое, что “*Женитьба*” шалость большого таланта, а “*Игроки*” не следовало писать, играть и еще менее печатать²⁰⁹; что тут нет игроков, а просто воры, или действие слишком одностороннее и пр., то есть говорил совершенный вздор; когда же я ему напомнил вчерашнее его мнение, то он сказал, что был *ошеломлен* вчера и сегодня поутру все хорошенько обдумал... то есть признался откровенно во всем. (Хомяков говорит, что это торжество воли!..)

8-го февраля.

Загоскин^{VII} в театре не был, но неистовствует против “*Женитьбы*” и особенно взбесился за эпиграф к “*Ревизору*”²¹⁰. С пеной у рта кричит: “*да где же у меня рожа крива?*” Это не выдумка²¹¹. Верстовский просил меня написать к вам, что он берется поставить “*Разъезд*”, а то дирекция^{VIII} возьмет его по разам^{IX}. Исполняю его желание, хотя знаю наперед ваш ответ. — Обращаюсь к Изданию ваших сочинений: вообще оно произвело выгодное для вас впечатление на целую Москву, ибо главное ожесточение против вас произвели “*Мертвые души*” “*Шинель*” и “*Разъезд*” всем^X без исключения нравятся; полнейшее развитие “*Тараса Бульбы*”²¹² также. Судя по нетерпению, с которым их ожидали, и по словам здешних книгопродавцев, которые были осаждаемы^{XI} спрашивающими, должно предполагать, что издание будет иметь сильный расход. — Что касается до меня и до всех моих, то трудно сказать что-нибудь новое о наших чувствах: мы наслаждаемся *вполне*. Конечно, новые ваши творения, например “*Шинель*”^{XII} и особенно “*Разъезд*”, сначала так нас поразили, что мы невольно восклицали: “*это выше всего*”, но впоследствии, повторив в несчетный раз старое, увидели, что и там тоже вечная жизнь, те же живые образы. Но я, лично я, остаюсь, однако^{XIII}, при мнении, что “*Разъезд*”, по обширному своему объему, по сжатости и множеству глубоких мыслей, по разумности цели пьесы, *по языку*, по благородству и высоте цели, по важности своего действия на общество — точно выше других пьес. Не говорю о других красотах^{XIV} его, которые он разделяет со всеми вашими сочинениями такого рода или содержания. — Мы слышали, что куда-то прислан экземпляр ваших сочинений для нас: благодарим вас. Дай Бог, чтоб наступило скорее время или, лучше сказать, чтоб оно прошло благополучно, когда вы, сидя посреди всех наших, напишете на первом листочке: “*милым друзьям*” и пр. — Хотя я очень знаю, что действия ваши, относительно появле-

^I приезжал *вписано карандашом.*

^{II} трагедия *вписано карандашом.*

^{III} занимавшего *вписано карандашом вместо: заменившего*

^{IV} Ихарева *вписано карандашом.*

^V отношениям *вписано карандашом.*

^{VI} но вчера *вписано карандашом.*

^{VII} Загоскин *вписано карандашом.*

^{VIII} дирекция *вписано карандашом.*

^{IX} по разам *вписано карандашом.*

^X всем *вписано карандашом.*

^{XI} осаждаемы *вписано карандашом.*

^{XII} Шинель *вписано карандашом.*

^{XIII} однако *вписано карандашом.*

^{XIV} красотах *вписано карандашом.*

ния ваших созданий, заранее обдуманы, что поэт лучше нас, рядовых людей, прозревает в будущее: но (следую, впрочем, более убеждениям других, любящих также вас людей) теперь много обстоятельств требуют, чтоб вы сами, если возможно, ускорили выход второго тома “*Мертвых душ*”. Подумайте об этом, милый друг, хорошенько... Много людей, истинно вас любящих, просили меня написать вам этот совет. Впрочем, ведь мы не знаем, такое ли содержание 2-го тома, чтоб зажать рот врагам вашим? Может быть, полная казнь их заключается в 3-м томе?..

Вы так давно не писали к нам, что это наводит на меня сомнение; я боюсь, что вы недовольны или досадуете за брошюрку Константина и что чувство досады мешает вам писать; Вы дожидаетесь, может быть, пока она пройдет совершенно. Если так, то, пожалуйста, пишите, не дожидаясь полного исчезновения неприятного чувства. Я сам знаю, что это ошибка, и не маловажная: с его стороны написать, а с моей — позволить печатать. Но что же делать? нам казалось, что смелое указание истинного взгляда может навести многих на настоящую точку зрения, и если это так, то чего смотреть на толпу, которая заревет, не понимая цели. Впрочем, это не извиняет меня: я, седой дурак, должен был понять, что этот рев будет неприятен вам. Есть люди, которые говорят, что он вам даже повредил^I; но я решительно не соглашаюсь с ними: вам вредить ничто не может. Одно могло бы быть вредно, и то как отсрочка^{II} — полное равнодушие, невнимание; но дело уж давно не так идет.

Теперь о нас самих. Мы здоровы по возможности. Я сижу на диете; только не умею ладить с временем и часто ложусь спать слишком поздно. Жена и все мое семейство вас обнимают. Намерение мое уехать в Оренбургскую губернию сильно поколебалось, и мы ищем купить деревню около Москвы, но до сих пор не находим. Я хочу только приятного местоположения и устроенного дома. Мысль, что вы, милый друг, со временем переселясь на житье в Москву, будете иногда гостить у нас, — много украшает в глазах наших^{III} наше будущее уединение. Прощайте. Обнимаю вас крепко, да сохранит вас Бог^{IV}.

Следующее письмо Гоголя — ответ на мое, приложенное в оригинале.

«Рим, март. 12^V <1843>».

Наконец я получил от вас письмо, добрый друг мой, и отдохнул душою, потому что, признаюсь, мне было слишком тягостно такое долгое молчание со всех сторон. Благодарю вас за ваши известия, мне они все интересны. Успех на театре и в чтении пьес совершенно таков, как я думал. Толки о “Женитьбе” и “Игроках” совершенно верны, и публика показала здесь чутье. Относительно перемены ролей актеры и дирекция имеют полное право, и удивляюсь, зачем они не сделали этого сами. Кто же, кроме самого актера, может знать свои силы и средства? Верстовского поблагодарите от души за его участие и расположение; а “Разъезда” натурально не следует давать: и неприлично, и для сцены вовсе неудобно. У Щепкина спросите, получил ли он два письма мои²¹³, писанные одно за другим; так же как, получили ли вы сами мое письмо, в котором я просил вас о постановке “Ревизора”²¹⁴, дело, которым, пожалуйста, займитесь. Там же я просил дать какой-нибудь отрывок Живокини, по усмотрению Мих<айла> Сем<еновича>, за его усердные труды. Константину Сергеевичу скажите, что я не думал сердиться на него

^I повредил *вписано карандашом вместо: вредил*

^{II} то как отсрочка *вписано карандашом.*

^{III} много украшает в глазах наших *вписано карандашом.*

^{IV} *Фрагмент: «1843 года, февраля 6. Москва - да сохранит вас Бог» — является вставкой, написанной на отдельных листах и составляющей, вместе с еще двумя дополнениями (см. выше и ниже), особую единицу хранения (РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 3. Л. 13–15). Вверху л. 13 имеется надпись карандашом: Письмо С. Т. Аксакова. Ответ на это: Март 18-го 1843 г. Рим.*

^V *Ошибка. Следует: 18*

за брошюрку²¹⁵; напротив, в основании своем она замечательная вещь. Но разница страшная между диалектикою и письменным созданием, и горе тому, кто объявляет какую-нибудь замечательную мысль, если эта мысль еще ребенок, не вызрела и не получила образа, видного всем, где бы всякое слово можно почти щупать пальцем; и вообще чем глубже мысль, тем она может быть действительнее самой мелкой мысли. Относительно 2-го тома “М<ертвых> Д<уш>” я уже дал ответ Шевыреву²¹⁶, который вам его перескажет. Что же до того, что бранят меня, то Слава Богу: гораздо лучше, чем бы хвалили. Браня, все-таки можно сказать правду и отыскать недостатки; а у тех, которые восхищаются, невольно поселается пристрастие и невольно заслоняет недостатки. И вы также не должны меня хвалить неумеренно никому и ни перед кем. Поверьте, что^I хвалится горячо, равнодушно, то уже неумеренно. Меньше всего я бы желал, чтобы вы изменили к кому-нибудь^{II} ваши отношения по поводу толков обо мне. Я совершенно должен быть в стороне. Напротив, полюбите от души всех несогласных с вами во мнениях; увидите, вы будете всегда в выигрыше. Если только человек имеет одну хорошую сторону, то уже он стоит того, чтобы не расходиться с ним. А те, с которыми вы в сношениях, все более или менее имеют многие хорошие стороны. Я бы попросил вас передать мой искренний поклон Заг<оскину> и П<авлову>, но чувствую, что они не поверят, подумают, что я поднялся^{III} на шутки, или, пожалуй, примут за насмешку вроде кривой рожи, и потому пусть этот поклон останется между нами.

Но поговорим теперь о самом важном деле. Положение мое требует сильного вашего участия и содействия. Я думаю, вы уже знаете из письма моего к Шевыреву, в чем дело. Вы должны принести для меня жертву, соединившись втроем вместе: Вы, Шевырев и Погодин. Взять на себя дела мои на три года. От этого все мое зависит, даже самая жизнь. Тысячи важных, слишком важных для меня причин и самая важнейшая, что я не в силах думать теперь о моих житейских делах. Но обо всем этом, я думаю, вы узнали уже от Шевырева. Со вторым изданием²¹⁷ распорядитесь, как найдете лучше, но так устройте, чтобы я мог получать по шести тысяч в год в продолжение трех лет, разделив это на два или на три срока и чтоб эти сроки были слишком точны: от этого много зависит. Впрочем, распоряжение относительно этого предоставьте Шевыреву. Он точнее нас всех. — Слова эти слишком важны, и во имя Бога я молю вас не пренебречь ими. Сроки должны быть слишком ак<к>уратны. Что теперь я полгода живу в Риме без денег, не получая ни откуда^{IV}, это конечно ничего. Случился Языков, и я мог у него занять. Но в другой раз это может случиться не в Риме; мне предстоит глухие уединения, дальние отлучения, не теряйте этого из виду; если не достанет и не случится к сроку денег, соберите их хотя в виде милостыни. Я нищий и не стыжусь своего звания.

А вас вместе с Погодиным я попрошу войти в положение моей маменьки, тем более, что вы уже знакомы с нею и несколько знаете ее обстоятельства. Я получил от нее письмо, сильно меня расстроившее. Она просит меня прямо помочь ей, в то время помочь, когда я вот уже полгода сижу в Риме без денег, занимая и перебиваясь кое-как. Просьба о помощи меня поразила. Маменька всегда была деликатна в этом отношении: она знала, что мне не нужно напоминать об этом, что я могу чувствовать сам ее положение. Она знала это уже потому, что я отказался от своей части имения и отдал ей (100 душ крестьян с землями), тогда как сам не был даже на полгода обеспечен. (Последнего обстоятельства натурально она не знала, иначе бы отказалась и от имения, и от всякой со стороны моей помощи, и потому я должен был почти всегда уверять ее, что я не нуждаюсь и что состояние мое обеспечено.) Но и в сей мысли она была однако ж очень деликатна и не просила меня о помощи. Теперь это все

^I что *вписано*.

^{II} к кому-нибудь *вписано*.

^{III} *Было*: поднял

^{IV} не получая ни откуда *вписано*.

произошло¹ вследствие невинного обстоятельства. Ольга Семеновна, по доброте души своей, желая, вероятно, обрадовать маменьку, написала²¹⁸, что “Мертвые души” расходятся чрезвычайно, деньги плывут, и предложила ей даже взять деньги, лежащие у Шевырева, которые, вероятно, следовали одному из ссудивших меня на самое короткое время. Маменька подумала, что я богач и могу без всякого отягощения себе сделать ей помощь. Я никогда не вводил маменьку ни в какие литературные мои отношения и не говорил с нею никогда о подобных делах; ибо знал, что она способна обо мне задумать слишком много. Детей своих она любит до ослепления, и вообще границ у ней нет. Вот почему я старался, чтобы к ней никогда не доходили такие критики, где меня чересчур хвалят. И, признаюсь, для меня даже противно видеть, когда мать хвастается своим сыном: это все равно как бы хвастаться собою и своими добродетелями. Маменька должна меня знать просто как доброго сына, а судить о талантах моих не принадлежит ей. Письмо маменьки и просьба повергли меня в такое странное состояние, что вот уже скоро третий месяц, как я всякой день принимаюсь за перо писать ей и всякий раз не имею сил, бросаю перо и расстраиваюсь во всем. В самом деле, положение затруднительно: чтобы объяснить все дело, нужно сказать правду и сделать ей ясным мое положение, а в объяснении моего положения будет уже заключаться ей упрек и беспокойство о моей участи, между тем письмо мое должно быть утешительно и заключить даже в себе умную инструкцию впредь. Но для того, чтобы разумно поступить в этом, для другого может быть незатруднительном деле, мне нужно взглянуть как на совершенно постороннее для меня дело, взглянуть так, как я гляжу на характер и положение лица, которое принимаюсь внести в мое творение, тогда только предмет может предо мною стать всеми своими сторонами, и слово мое может быть проникнуто светом разума, а без этого слово мое будет глупее слова всякого обыкновеннейшего человека. Вот как еще мне трудно отрешиться от многих, многих страстных отношений, чтоб стать на ту высоту бесстрастия, без которого все, что ни произносится мною, есть пошло, презренно и несет мне упреки даже от тех, которые, думая доставить мне добро, заставили произвесть его. Итак, войдите вместе с Погодиным в положение этого дела, объясните его маменьке, как признаете лучше. Во всяком случае, как вы ни поступите, вы поступите в двадцать раз умнее меня. — Дайте ей знать, что деньги вовсе не плывут ко мне реками и что расход книги вовсе не таков, чтобы сделать меня богачом. — Если окажутся в остатке деньги, то пошлите; но не упускайте также из виду того, что маменька, при всех своих прекрасных качествах, довольно плохая хозяйка и что подобные обстоятельства могут случиться¹¹ всякий год, и потому умный совет с вашей стороны, как людей, все-таки больше понимающих хозяйственную часть, может быть ей полезнее самих денег. Я не знаю, могут ли принести мои сочинения, давно напечатанные в четырех томах, какой-нибудь значительный доход. Одно напечатание их (листов, как я вижу по газетам, оказалось более, чем предполагалось) должно достигнуть до 17000. Притом, как бы то ни было, книга в 25 рублей не так легко расходуется, как в десять, особенно если она даже не новость вполне. Я думаю, что в первый год она разве только окупит издание, а потом пойдет тише. Первые деньги после окупления издания я назначил на уплату долгов моих петербургских, которые хоть и не так велики, как московские, но все же требуют давно уплаты. Я знаю, что некоторым, даже близким душе моей и обстоятельствам, казалось странно, отчего у меня завелось так много долгов. И они всегда пропускали из виду следующее невинное обстоятельство: шесть лет я живу, и большею частью за границей, не получая ни откуда жалованья и никаких совершенно доходов. (Шесть лет я не издавал ничего.) Года эти были года странствия, года путешествия; откуда же и какими средствами я мог производить все это? Если положить по пяти тысяч в год, так вот уже до тридцати тысяч в шесть лет. Один

¹ все произошло вписано.

²¹⁸ В автографе письма Гоголя: случаться

раз только я получил вспомоществование, которое было от Государя²¹⁹ и дало мне возможность прожить год. Кроме того я в это время должен был взять моих сестер из института, одеть их с ног до головы и всякой доставить безбедный запас, хотя по крайней мере на два года. Два раза я должен был в это время помочь маменьке, не говоря уже о том, что должен был дать ей средства два раза приехать в Москву и обратно; должен же я был все это произвести какими-нибудь деньгами и средствами; итак, немудрено, что у меня набрались такие долги. А вы знаете сами, я вовсе не такой человек, чтобы издерживать деньги на пустяки, и желанья мои довольно ограничены, и при мне нет даже таких вещей, которые бы показались другому совершенно необходимы. Но довольно об этом. Не забудьте моей глубокой, сильной просьбы, которую я с мольбой из недр души моей вам трем поверяю: возьмите на три года попечение о делах моих. Соединитесь ради меня тесней и больше и сильнее друг с другом и подвигнитесь ко мне святой христианской любовью, которая не требует никаких вознаграждений. Всякого из вас Бог наградил особой стороною ума. Соединив их вместе, вы можете поступить мудро, как никто. Клянусь, благодеяние ваше слишком будет глубоко и прекрасно. Прощайте. Больше я ничего вам не могу теперь писать, да и без того письмо длинно. Напишите мне ваш адрес и ради Бога не забывайте меня письмами. Они очень мне важны, как вы не можете даже себе представить, хотя бы даже были писаны не в минуту расположения и заключались в двух строках, не больше. Не забывайте же меня.

Ваш Н. Гоголь.

Посылаю душевный поклон всему дому вашему. А Ольге Семеновне грех, что она совершенно позабыла меня и не прибавила от себя ни строчки ко мне; Конст<антину> Серг<еевичу> тоже грех. Тем более, что ко мне можно писать, не дожидаясь никакого расположения или удобного времени, а в суматохе, между картами, перед чаем, на запачканном лоскуточке, в трех строчках, с ошибками и со всем, что Бог послал на ту минуту.

Если кто-нибудь поедет за Языковым из Москвы, не забудьте прислать мне книг, если вышло что-нибудь относительно статистики России. Известный “Памятник веры”, который обещала Ольга Семеновна, и молитвенник самый пространный, где бы находились почти все молитвы, писанные Отцами Церкви, Пустынниками и Мучениками.

О моих сочинениях я не имею никаких известий из Петербурга. Прокопович до сих пор не отвечал на мое последнее письмо. К Плетневу я уже писал два письма и ни на одно из них нет ответа¹.

Вот вам мой маршрут: до первого мая в Рим, потом в Гастейн, в Тироль до 1-го июня. В июне, июле и августе адресуйте в *Дюссельдорф* на имя *Жуковского*, везде *Poste restante*¹¹».

Вслед за этим письмом Шевырев привез мне письмо, полученное им от Гоголя²²⁰, которое, хотя писано к Шевыреву, но равно относится как к нему, так ко мне и Погодину. Я считаю, что имею полное право поместить его в моей книге. Вот оно¹¹¹:

«Наконец, после долгих молчаний со всех сторон, я получил письмо от тебя, бесценный друг мой! Поблагодаривши тебя за него от всей души, я принимаюсь отвечать на все его пункты. 1-е. Ты говоришь, что я плохо распорядился относительно дел моих и между прочим не сказал, как и в чем плохо и относительно каких именно дел. Что я плохо распорядился, это для меня не новость, я не должен и не могу заниматься моими житейскими делами вследствие многих глубоких душевных и сердечных причин; но об них после. Но тебе ни в каком случае не должно со мною церемониться, ты должен говорить все напрямик, не опасаясь никакими образами

¹ Фрагмент: О моих сочинениях я ~ и ни на одно из них нет ответа — *вписан на полях.*

¹¹ Фраза: Вот вам мой маршрут ~ везде *Poste restante* — *вписана на полях.*

¹¹¹ Далее было: в приложении. *На полях вписано карандашом:* Набирать эту страницу, прошу возвратить.

задеть каких бы то ни было струн самолюбия ли авторского, или просто человеческого, или чего бы то ни было, что называется обыкновенно чувствительною и щекотливою стороною. Все будет принято благодарно и с любовью. Это я тебе говорю раз навсегда и прошу ради дружбы нашей не заставить меня повторить этого в другой раз. Сколько я могу догадываться, вероятно *плохое распоряжение* относится к изданию моих мелких сочинений и вероятно Прокопович сделал по неопытности какую-нибудь глупость. Впрочем, вот причины, почему я печатание их предпринял в Петербурге и распорядился не так, как бы следовало относительно разных выгод житейских. Издание всех сочинений моих непременно нужно было произвести не откладывая, не затягивая этого дела, к новому году или сейчас после нового года. Взглянувши на все и сообразя все, ты сам, может быть, проникнешь в необходимость этого. Признаюсь, я помышлял было обратиться к тебе, несмотря на то, что совесть кричала против этого; но когда я увидел, что и Погодин едет за границу и что “Москвитянин” взвален на тебя, у меня недостало духу. Я думал обратиться к Сер<гею> Т<имеофеевичу>, но Сер<гей> Тим<офеевич> сказал, что он будет летом в деревне; впрочем, молодые люди (К<онстантин> С<ергеевич> и братья) могут, оставаясь в городе, заведывать печатаньем, — я уже думал поручить дело в Москве; но меня вдруг смутила мысль, что дело пойдет на страшную проволочку. Не говоря о медленности московских типографий, меня сильно остановило цензурное дело. Из всех цензоров один только Никитенко был подвигнут ко мне участием искренним; но беспрестанная пересылка мелких пьес из Москвы в Петербург (они же поступали к цензору не в одно время), письменные объяснения и недоразумения, все это мне предвещало такую возню, что у меня просто не подымались руки и, как я вспомню, чего мне стоило вытребовать и получить из Петербурга рукопись “М<ертвых> Д<уш>”, после того как она уже целый месяц была пропущена комитетом... И притом Никитенко, при всем доброжелательстве, малороссиянин и ленив, его нужно было подталкивать беспрестанно личными посещениями. Все это заставило меня печатанье производить в Петербурге. Прокоповичу я поручил, потому что знаю его совершенно с детства как лучшего школьного товарища: это человек во всех отношениях честный и благородный и деятельный, когда того потребуют. Плетнева я просил напутствовать его во всяких затруднениях. У Прокоповича было все лето совершенно свободно, и он мог неутомимо и безостановочно заняться печатаньем. Этой работой я имел отчасти намерение возбудить его к деятельности, усыпленную¹ несколько его черствой и непитательной работой.

Доходов от этого издания я не мог ожидать. Хотя, конечно, несколько неизвестных пьес (которых я имел благоразумие не печатать в журналах) могли придать некоторый интерес книге, но все же она не новость, она из 4-х томов, стало быть высокой цены никак нельзя было назначить: большого куша вынуть из кармана при теперешнем безденежьи не так легко, как вынуть пять или десять рублей. И притом я не имею духа и бессовестности возвысить цену, зная, что мои покупатели большею частию люди бедные, а не богатые, и что иной, может быть, платит чуть не последнюю копейку. Тут это мерзкое сребролюбие подлее и гаже, чем в каком-либо другом случае. Итак, несмотря на то, что напечатанье стало свыше 16 тысяч и что в книге 128 листов, я велел ее не продавать никак дороже 25 рублей. Первые экземпляры пойдут, конечно, шибче и окупят, может быть, издание; потом медленнее. Половину экземпляров или треть я хотел было назначить к отправке в Москву к тебе; не знаю, удобно ли тебе, и как это сделать — об этом меня уведоми. Итак, вот тебе все причины того распоряжения, которое сделал я относительно этого дела. Конечно, можно было распорядиться и умнее, но у меня не было сил на то, не было сил потому, что я не могу и не должен заниматься многим, что относится к житейскому, но об этом будет речь после. Весьма может быть, что Прокопович, как еще неопытный, многое сделал не так, как следует, и потому ты, пожалуйста, извести меня обо всем. Я натурально не скажу Прокоповичу, что слышал от тебя; а издали дам ему знать быть

¹ Так в рукописи.

осмотрительнее и благоразумнее. Но довольно об этом! Поговорим о втором пункте твоего письма: ты говоришь, что пора печатать второе издание “М<ертвых> Д<уш>”, но что оно должно выйти необходимо вместе со 2-м томом; но если так, тогда нужно слишком долго ждать. Еще раз я должен повторить, что сочинение мое гораздо важнее и значительнее, чем можно предполагать по его началу. И если над первой частью, которая оглянула едва десятую долю того, что должна оглянуть вторая часть, просидел я почти пять лет, чего натурально никто не заметил, один ты заметил долговременную и тщательную обработку многих частей. Итак, если над первой частью просидел я столько времени (не думай, чтоб я был когда-либо предан праздному бездействию в продолжение этого времени. Я работал головой даже и тогда, когда думали, что я вовсе ничего не делаю и живу только для удовольствия своего). Итак, если над первой частью просидел я так долго, рассуди сам, сколько должен просидеть я над второй. Это правда, что я могу теперь работать уверенней, тверже, осмотрительней благодаря тем подвигам, которые я предпринимал к воспитанию моему и которых тоже никто не заметил. Например, никто не знал, для чего я производил переделки моих прежних пьес, тогда как я производил их, основываясь на разумении самого себя, на устройстве головы своей. Я видел, что на этом одном я мог только навывкнуть производить плотное создание, сущное, твердое, освобожденное от излишеств и неумеренности, вполне ясное и совершенное в высокой трезвости духа. После сих и других подвигов, предпринятых в глубине души, я, разумеется, могу теперь двигать работу далеко успешнее и быстрее, чем прежде, но нужно знать и то, что горизонт мой стал чрез то необходимо шире и пространнее, что мне теперь нужно обхватить более того, что верно бы не вошло прежде. Итак, если предположить самую непрерывную и ничем не останавливаемую работу, то два года, это самый короткий срок. Но я не смею об этом и думать, зная мою необеспеченную нынешнюю жизнь и многие житейские дела, которые иногда в силе будут расстроить меня, хотя употребляю все силы держать себя от них подале и меньше, сколько можно, об них думать и заботиться. Понуждение к скорейшему появлению второго тома, может быть, ты сделал вследствие когда-то помещенного в “Москвитянин” объявления²²¹, и потому вот тебе настоящая истина: никогда и никому я не говорил, сколько и что именно у меня готово, и когда, к величайшему изумлению моему, напечатано было в “Москвитянин” извещение, что два тома уже написаны, третий пишется, и все сочинение выйдет в продолжение года, тогда не была даже кончена первая часть. Вот как трудно созидаются те вещи, которые на вид иным кажутся вовсе не трудны. Если ты под словом *необходимость* появления второго тома разумеешь необходимость истребить неприятное впечатление, ропот и негодование против меня, то верь мне: мне бы слишком хотелось самому, чтобы меня поняли в настоящем значении, а не в превратном. Но нельзя упреждать время; нужно, чтобы все излилось прежде само собою, и ненависть против меня (слишком тяжелая для того, кто бы хотел заплатить за нее, может быть, всею силою любви), ненависть против меня должна существовать и быть в продолжение некоторого времени, может быть даже долгого. И хотя я чувствую, что появление второго тома было бы светло и слишком выгодно для меня, но в то же время, проникнувши глубже в ход всего текущего перед глазами, вижу, что все, и самая ненависть, есть благо. И никогда нельзя придумать человеку умней того, что совершается свыше и чего иногда в слепоте своей мы не можем видеть и чего, лучше сказать, мы и не стремимся проникнуть. Верь мне, что я не так беспечен и неразумен в моих главных делах, как неразумен и беспечен в житейских. Иногда силой внутреннего глаза и уха я вижу и слышу время и место, когда должна выйти в свет моя книга; иногда, по тем же самым причинам, почему бывает ясно мне движение души человека, становится мне ясно и движение массы. Разве ты не видишь, что еще до сих пор все принимают мою книгу за сатиру и личность, тогда как в ней и тени сатиры и личности нет, что можно заметить вполне только после нескольких чтений, а книгу мою большею частью прочли по одному разу все те, которые восстают против меня. Еще смотри, как гордо и с каким презрением смотрят все на героев моих. Книга писана долго, нужно, чтобы дали труд всмотреться в нее долго. Нужно, чтобы устоя-

лось мнение. Против первого впечатления я не могу действовать. Против первого впечатления должна действовать критика, и только тогда, когда, с помощью ее, впечатления получают образ, выйдут сколько-нибудь из первого хаоса и станут определительны и ясны, тогда только я могу действовать против них. Верь, что я употребляю все силы производить успешно свою работу, что вне ее я не живу и что давно умер для других наслаждений. Но, вследствие устройства головы моей, я могу работать вследствие только глубоких обдумываний и соображений, и никакая сила не может заставить меня произвести, а тем более выдать, вещь, которой незрелость и слабость я уже вижу сам; я могу умереть с голода, но не выдам безрассудного, необдуманного творенья. Не осуждай меня! Есть вещи, которые нельзя изъяснить. Есть голос, повелевающий нам, пред которым ничтожен наш жалкий рассудок, есть много того, что может только почувствоваться глубиной души, в минуты слез и молитв, а не в минуты житейских расчетов. Но довольно. Теперь я приступаю к тому, о чем давно хотел поговорить и для чего как-то не имел достаточных сил. Но помолясь приступаю теперь твердо. Это письмо прочитайте вместе. Ты, Погодин и Сер<гей> Тим<офеевич>. С вами ближе связана жизнь моя, вы уже оказали мне те высокие знаки святой дружбы, которые основаны не на земных отношениях и узах и от которых не раз струились слезы в глубине души моей. От вас я теперь потребую жертвы, но эту жертву вы должны принести для меня. Возьмите от меня на три или на четыре даже года все житейские дела мои. Тысячи есть причин, внутренних, глубоких причин, почему я не могу и не должен и не властен думать о них. Не в силах я изъяснить вам их, они все находятся в таких соприкосновениях со внутренней моей жизнью, что я не в силах стать в холодное и вполне спокойное состояние души моей, дабы изъяснить все сколько-нибудь понятным языком. Ничего не могу я вам сказать, как только то, что это слишком, слишком важное дело. Верьте словам моим, и больше ничего. Если человек в полном разуме, в зрелых летах своих, а не в поре опрометчивой юности, человек, — сколько-нибудь чуждый неумеренности и излишества, омрачающих очи, — говорит, не будучи в силах объяснить бессильным словом, говорит только из глубины растроганной глубоко души: верьте мне, тогда нужно поверить словам такого человека. Не стану вам говорить, что благодарность моя будет за это вам бесконечна, как бесконечна к нам любовь Христа Спасителя нашего. Прежде всего, я должен быть обеспечен на три года. Распорядитесь, как найдете лучше, со вторым изданием и с другими, если последуют, но распорядитесь так, чтоб я получал по шести тысяч в продолжение 3-х лет, всякой год. Это самая строгая смета. Я бы мог издерживать и меньше, если б оставался на месте. Но путешествия и перемены мест мне так же необходимы, как насущный хлеб. Голова моя так странно устроена, что иногда мне вдруг нужно пронестись несколько сот верст и пролететь расстояние для того, чтоб сменить одно впечатление другим, уяснить духовный взор и быть в силах обхватить и обратить в одно то, что мне нужно. Я уж не говорю, что из каждого угла Европы взор мой видит новые стороны России, и что в полный обхват ее обнять я могу, может быть, тогда, когда оглянущу всю Европу. Поездка в Англию будет слишком необходима мне, хотя внутренно я не лежу к тому, и хотя не знаю еще, будут ли на то какие средства. Издание и пересылку денег ты, как человек точный более других, должен принять на себя. Высылку денег разделить на два срока: 1-ый к 1-му октября и другой к 1-му апреля; в места, куда я напишу, по три тысячи; если же почему-либо неудобно, то на три срока, по две тысячи. Но ради Бога, чтобы сроки были ак<к>уратны, в чужой земле иногда слишком приходится трудно. Теперь, например, я приехал в Рим в уверенности, что уже найду здесь деньги, назначенные мною к 1 октября, и вместо того вот уже шестой месяц я живу без копейки, не получая ниоткуда. В первый месяц мы даже победствовали вместе с Языковым. Но, слава Богу, ему прислали сверх ожидания больше, и я мог у него занять две тысячи с лишком. Теперь мне следует ему уже и заплатить. Ниоткуда не шлют мне, из Петербурга я не получил ни одного из тех подарков, которые я получал прежде, когда был там Жуковский. Вот уже четвертый месяц, как я не получаю даже ни письма, ни известия, и не знаю, что делается с печатаньем. Подобные обстоятельства бывают иногда для меня роковыми,

не житейским бедствием своим и не нищетой стесненной нужды, но состоянием душевным. Это бывает роковым, когда случается в то время, когда мне нужно вдруг сняться и сдвинуться с места и когда я услышал к тому душевную потребность, состояние мое бывает тогда глубоко тяжело и оканчивается иногда тяжелой болезнью. Два раза уже в моей жизни мне приходилось слишком трудно... Не знаю, дадите ли вы веру словам моим, но слова мои душевная правда. И много у меня пропало чрез то времени, за которое, я не знаю, чего бы ни заплатил; я так же расчетлив на него, как расчетлив на ту копейку, которую прошу себе (у меня уже давно все мое состояние — самый крохотной чемодан и четыре пары белья). Итак, обдумайте и посудите об этом. Если не станет для этого денег за выручку моих сочинений, придумайте другие средства. Рассудите сами: я думаю, я уже сделал настолько, чтобы дали мне возможность окончить труд мой, не заставляя меня бегать по сторонам, подыматься на аферы, чтобы таким образом приводить себя в возможность заниматься делом тогда, как мне всякая минута дорога, и тогда, как я вижу надобность, необходимость скорейшего окончания труда моего. Если же средств не отыщется других, тогда прямо просите для меня; в каком бы ни было виде были мне даны деньги, я их благодарно приму, и, может быть, всякая копейка, брошенная мне, помолится о спасении душ¹ тех, которые бросили мне эту копейку. Но если эта копейка будет брошена вследствие отказа в чем-либо нужном себе, тогда не берите этой копейки, я не должен никому стоить лишения и теперь еще не имею права. Относительно другой части дел моих, насчет матери моей и сестер, я буду писать к Сергею Тим<офеевичу> и Погодину и изложу им, каким образом по их мнению поступить на случай, если потребует надобность помочь. Я сделал все, что мог, отдал им свою половину имения, сто душ, и отдал, будучи сам нищим и не получая достаточного для своего собственного пропитанья. Наконец, я одевал и платил за сестер, и это делал не от доходов и излишеств, а занимая и наделав долгов, которые должен уплачивать. Погодин меня часто упрекал, что я сделал мало для семьи и матери, но откуда же и чем я мог сделать больше, мне не указал никто на это средств. Я даже полагаю, что в делах моей матери гораздо важнее и полезнее будет умный совет, чем другая помощь. Имение хорошо, 200 душ; но, конечно, маменька, не будучи хозяйкой, не в силах хорошо управиться, но в помощях такого рода должно прибегать к радикальным средствам, и об этом я буду писать к С<ергею> Т<имофеевичу> и Погодину, надеясь на прекрасные души их и на нежное участие их. И дай Бог, чтоб я в силах был написать только, но мне кажется, что они лучше могут почувствовать мое положение, если только вникнут глубоко в мое положение. Боже, как часто недостает ни слов, ни выражений мне тогда, как таится в душе много того, что б хотела выразить и сказать моя душа, и как ужасно тяжело бывает мне написать письмо, и есть миллион причин, почему я не могу войти в дела житейские и относящиеся ко мне. Еще раз я должен сказать это: отнимите от меня на три, на четыре года все это.

Если Погодин и Сер<гей> Тим<офеевич> найдут необходимость точно помочь иногда денежным образом моей матери, тогда разумеется взять из моих денег, вырученных за продажу, если только они окажутся; но нужно помнить тоже слишком хорошо мое положение, взвесить то и другое, как повелит благоразумие. Они на своей земле, в своем имении и, слава Богу, ни в каком случае не могут быть без куска хлеба... Я в чужой земле и прошу только насущного пропитания, чтоб не умереть мне в продолжение каких-нибудь трех, четырех лет. Но да внушит вам Бог и вразумит вас. Вы всячески сделаете умнее и лучше меня. Напиши мне, могу ли я надеяться получить в самом коротком времени, то есть накопилось ли в кассе для меня денег? Мне нужны по крайней мере 3500, а две тысячи с лишком я должен отдать Языкову, да тысячу с лишком мне нужно вперед для прожития и поднятия из Рима.

Что касается до моего приезда в Москву, то ты видишь, что мне для этого необходимости не настает, и, взглянувши глубоким оком на все, ты увидишь даже, что я не должен этого делать

¹ Так в рукописи.

прежде окончания труда моего. Это может быть даже слишком тягостная мысль для сердца, потому что, сказать правду, для меня давно уже мертво все, что окружает меня здесь, и глаза мои всего чаще смотрят только в Россию, и нет меры любви моей к ней, как нет меры любви моей к вам, которой я не в силах и не могу рассказать. Прощайте, пишите мне, хоть по одной строчке, хоть по самой незначительной строчке. Письма ваши очень важны для меня, и они будут после еще важнее и значительнее, когда я останусь один и потребую пустыней и удалений от всего для глубокого воспитания душевного, воспитания, которое совершается внутри меня святой чудесною волею Небесного Отца нашего. Прощай, я буду к тебе писать, может быть, скоро, вследствие другой уже моей потребности душевной. Целую и обнимаю много раз. На это письмо дай немедленный ответ, чтобы я знал, что ты получил его. И если набрались деньги, то вышлай их немедленно на имя Валентини, piazza Apostoli, palazzo Valentini, потому что в апреле месяце мы думаем подняться из Рима»¹.

Прочитав теперь^{II} внимательно, конечно, не в первый раз, эти оба замечательные, задушевные письма, я должен признаться, что тогда они не были поняты и почувствованы нами, как того заслуживают. Я принял их к сердцу более моих товарищей. Погодин мучил нас обоих своим ропотом, осуждением и негодованием. Он был ужасно раздражен против Гоголя. Впоследствии докажет это его письмо к нему и ответ Гоголя. Шевырев, хотя соглашался со многими обвинениями Погодина, но, по искренней и полной преданности своей к Гоголю, от всего сердца был готов исполнять его желания. Дело в самом деле было затруднительно: все трое мы были люди весьма небогатые и своих денег давать не могли. Сумма, вырученная за продажу первого издания «Мертвых» Д<уш>, должна была уйти на zapлату долгов Гоголя в Петербурге. Выручка денег за полное собрание сочинений Гоголя, печатаемых в Петербурге Прокоповичем (за что мы все на Гоголя^{III} сердились), казалась весьма отдаленною и даже сомнительною: ибо надобно было предварительно выплатить типографские расходы, простиравшиеся до 17000 и более^{IV} руб<лей> ассигн<ациями>. Цена непомерная, несмотря на то, что печаталось около 5000 экземпляров. Мы рассчитывали, что в Москве понадобилось бы на все издание не более 11000. Если мои записки войдут когда-нибудь, как материал, в полную биографию Гоголя, то, конечно, читатели будут изумлены, что приведенные мною сейчас два письма, написанные словами, вырванными из глубины души, написанные Гоголем к лучшим друзьям его, ценившим так высоко его талант, — были приняты ими с ропотом и^V осуждением, тогда как мы должны были за счастье считать, что судьба избрала нас к завидной участи: успокоить дух великого писателя, нашего друга, помочь ему кончить свое высокое творение, в несомненное, первоклассное достоинство которого и пользу общественную мы веровали благоговейно. Я сам теперь удивляюсь этому. Все, что можно сказать в объяснение такой странности, заключается в одном слове: не было полной доверенности к Гоголю. Скрытность его характера, неожиданный отъезд из Москвы, без предварительного совета с нами, печатанье своих сочинений в Петербурге, поручение такого важного дела человеку совершенно неопытному, тогда как Шевырев соединял в себе все условия, нужные для издателя, не говоря уже о горячей и преданной дружбе; наконец, свидание Гоголя в Петербурге с людьми нам противными, о которых он думал одинаково с нами, как то: с Белинским, Полевым и Краев-

¹ *Фрагмент: «Наконец, после долгих молчаний со всех сторон - думаем подняться из Рима» — представляет собой вставку, написанную на отдельных листах и составляющую, вместе с еще двумя дополнениями (см. выше), особую единицу хранения (РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 3. Л. 16–21).*

^{II} теперь вписано.

^{III} на Гоголя вписано вместо: на него

^{IV} до 17000 и более вписано карандашом вместо: а. до более 17000 б. до слишком 17000

^V и вписано.

ским, все это вместе поселило¹ некоторое недоверие даже в Шевыреве и во мне; Погодин же видел во всем этом только доказательство своему убеждению^{II}, что Гоголь человек неискренний, что ему верить нельзя. Мы с Шевыревым не принимали такого убеждения, особенно я. Я объяснял поступки Гоголя странностью, капризностью его художнической натуры; а чего не мог объяснить, о том старался забыть, не толкуя в дурную сторону. Первым моим делом было — послать деньги Гоголю; на ту пору у меня случились наличные деньги, и я мог отделить из них 1500 руб. Такую же сумму думал я занять у <Свербеева>^{III}. Я отправился к нему немедленно, рассказал все дело и — получил отказ. Благосостояние Свербеева^{IV} и значительный капитал, лежавший в ломбарде, были мне хорошо известны. Я сделал ему горький упрек; но Свербеев^V, не обижаясь им, твердил одно: «Я принял за правило не давать денег займа, а дарить такие суммы я не могу». Я отвечал ему довольно жестко и хотел уйти, но жена его прислала просить меня, чтоб я к ней зашел. Я исполнил ее желание, и хотя не был с ней очень близок, но в досаде на ее супруга я рассказал ей, для чего я просил^{VI} займа^{VII} денег у Дмитрия Николаевича^{VIII} и по какой причине получил отказ. Катерина Александровна^{IX} вспыхнула от негодования и вся покраснела. Она быстро встала с своего дивана, на котором полулежала в грациозной позе, и сказав: «Я вам даю охотно эти деньги», вышла в другую комнату и через минуту принесла мне 1500 рублей. Я, признаюсь в моей вине, не ожидал от нее такого поступка, поблагодарил ее с волнением и горячностью. Между тем явился муж^X, и я беспощадно подразнил^{XI} и пристыдил его поступком Кат<ерины> Алек<сандровны>; Свербеев^{XII} был очень смешон: пыхтел, отдувался и мог только сказать: «Это ее деньги, она может ими располагать, но других от меня не получит». Очень довольный, что скоро нашел деньги, я сейчас отправил их в Рим через Шевырева и написал письмо к Гоголю^{XIII}. Через полгода он хотел выслать остальные три тысячи рублей. Не знаю хорошенько, были ли эти деньги высланы к Гоголю, ибо денежные его обстоятельства вскоре переменялись. Во-первых, потому, что вследствие представления Графа Уварова Государь приказал производить Гоголю по три тысячи рублей в продолжение трех лет, и, во-

^I Далее было: в нас

^{II} доказательство своему убеждению *вписано вместо*: подтверждение в своем убеждении

^{III} Слово *вырезано*. Над *вырезанным* словом *вписано*: Д<емидо>ва; однако, речь в данном случае идет о Свербееве (см. ниже).

^{IV} Свербеева *вырезано*; над *вырезанным* словом *вписано*: его; *вырезанный* фрагмент вложен в конверт с надписью: «Что я выкинул в печати “И<стории> м<оего> з<накомства> с Гого<лем>”»; хранится: РГБ. Ф. 3. Разд. III. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 38 (5).

^V Свербеев *вырезано*; над *вырезанным* словом *вписано*: он; *вырезанный* фрагмент вложен в конверт с надписью: «Что я выкинул в печати “И<стории> м<оего> з<накомства> с Гого<лем>”»; хранится: РГБ. Ф. 3. Разд. III. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 38 (9).

^{VI} Далее *вписано* вместо *вырезанного* ниже в рукописи имени Дмитрия Николаевича: у него

^{VII} займа *вписано*.

^{VIII} Дмитрия Николаевича *вырезано*; *вырезанный* фрагмент вложен в конверт с надписью: «Что я выкинул в печати “И<стории> м<оего> з<накомства> с Гого<лем>”»; хранится: РГБ. Ф. 3. Разд. III. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 38 (8).

^{IX} Катерина Александровна *вырезано*; над *вырезанными* словами *вписано*: Она; *вырезанный* фрагмент вложен в конверт с надписью: «Что я выкинул в печати “И<стории> м<оего> з<накомства> с Гого<лем>”»; хранится: РГБ. Ф. 3. Разд. III. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 38 (6, 7).

^X муж *вписано* вместо *вырезанного* слова.

^{XI} Далее было: его

^{XII} Кат<ерины> Алек<сандровны>; Свербеев *вырезано*; вместо *вырезанного* *вписано*: жены. Он; *вырезанный* фрагмент вложен в конверт с надписью: «Что я выкинул в печати “И<стории> м<оего> з<накомства> с Гого<лем>”»; хранится: РГБ. Ф. 3. Разд. III. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 38 (4).

^{XIII} и написал письмо к Гоголю *вписано*.

вторых, потому, что продажа полных сочинений¹ Гоголя, несмотря на чрезвычайные расходы и контрафакцию, — доставила значительную сумму денег: их доставало и на добавок к содержанию Гоголя, и на уплату его долгов, и даже на добрые тайные дела¹¹. Впрочем, я хорошо не знаю денежных дел Гоголя: всем этим заведовал с неусыпным старанием Шевырев.

Следующее письмо Гоголя к Ольге Семеновне, вероятно, писано в апреле 1843 года²²², потому что¹¹¹ писано в ответ на поздравление Гоголя со днем его рождения, 19 марта.

«Благодарю вас, Ольга Семеновна, за поздравление с днем рождения моего. Посылаю вам душевный поклон мой. Вы говорите, что для вас необходимо письмо мое, которое бы в минуту грусти и тревожного состояния души вознесло дух ваш превыше всего окружающего. Но какое письмо в силах это сделать? Глядите просто на мир: он весь полон Божиих благодатей, в каждом событии сокрыты для нас благодати; неистощимыми благодатями кипят все несчастья, нам ниспосылаемые; и день, и час, и минута нашей жизни ознаменованы благодатями бесконечной любви. Чего же вам более для возвышения духа? Будьте просто светлы душой, не мудрствуя. И если это вам покажется трудно и невозможно подчас — все равно старайтесь только стремиться к светлости душевной, и она придет к вам. Стремясь к светлости, вы стремитесь к Богу, а Бог помогает к себе стремиться. Старайтесь просто, безо всякого напряжения душевного быть светлу, как светло дитя в день Светлого Воскресения, и вы много, много выиграете и незаметно вознесетесь выше всего окружающего. Если же вы все-таки убеждены в той мысли, что вам нужно письмо мое, то напишите Лизе, чтоб она прислала вам копию с того длинного письма²²³, которое я посылаю к ним в одно время с вашим. Ей нечего секретничать с вами, и она должна прислать добросовестную копию, не выпуская ни одного слова. Хотя в письме этом заключаются обстоятельства, собственно к ним относящиеся, но я молился в то время, когда писал его, и просил Бога, чтобы для всякого, кому бы ни случилось читать его, было оно благодетельно, а потому, может быть, вы отыщете в нем что-нибудь собственно для себя. Вы пишете, что не смущают вас никакие толки и речи обо мне и что вы верите душе моей. Конечно, последнее благоразумно. Благоразумнее верить тому, что происходит от души, чем тому, что происходит невесть из какого угла и баламутицы. Веря в душу человека, вы верите в главное, а веря в пустяки, вы все-таки верите в пустяки и никогда не узнаете человека. Прощайте! Помните все это и будьте светлы душой. Душевно обнимаю вас и все ваше семейство.

Передайте два при сем следующие письма²²⁴ по принадлежности».

При хладнокровном взгляде на письма Гоголя можно теперь видеть, что большое письмо его о путешествии в Иерусалим, а равно вышеприведенное письмецо к Ольге Семеновне содержат в себе семена и даже всходы того направления, которое впоследствии выросло до неправильных и огромных размеров. Письмо к сестре, о котором упоминает Гоголь, осталось нам не-

¹ полных сочинений *вырезано*; вместо *вырезанного* вписаны те же слова (кутюра сделана с целью удалить находящееся на лицевой стороне листа имя Д. Н. Свербеева; см. выше); *вырезанный фрагмент* вложен в конверт с надписью: «Что я выкинул в печати "И<стории> м<оего> з<накомства> с Гого<лем>"; хранится: РГБ. Ф. 3. Разд. III. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 38 (8 об.).

¹¹¹ Далее следует примечание С. Т. Аксакова, вписанное на полях: Даже высланные мною 3000 руб<лей> пришли тогда, когда Гоголь не нуждался в деньгах, ибо получил 1000 руб<лей> сер<ебром> от Прокоповича в счет будущих доходов за продажу сочинений; слова: Даже высланные мною 3000 руб<лей> пришли тогда, когда Гоголь не нуждался в деньгах, ибо получил — *зачеркнуты*; вместо них вписано: Вслед за моими деньгами Гоголь получил

¹¹¹ 43 года, потому что *вырезано*; вместо *вырезанного* вписаны те же слова (кутюра сделана с целью удалить находящееся на лицевой стороне листа упоминание имен Свербеевых; см. выше); *вырезанный фрагмент* вложен в конверт с надписью: «Что я выкинул в печати "И<стории> м<оего> з<накомства> с Гого<лем>"; хранится: РГБ. Ф. 3. Разд. III. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 38 (4 об.).

известным. Но письма к другой сестре его, Анне Васильевне, написанные, без сомнения, в то же духе, находятся теперь у Кулиша, и мы их читали.

Вот письмецо без числа²²⁵, но помеченное, что получено мною от Гоголя 22-го апреля 1843-го года.

«Я получил письмо от маменьки. Дела ее устроились; на этот год по крайней мере она обеспечена. В письме (которое вы без сомнения уже получили от меня чрез Хомякова)²²⁶ я забыл спросить вас, получили ли вы письмо, в котором я просил вас о постановке “Ревизора” В нем было вложено письмецо к Ольге Семеновне и Константину Сергеевичу²²⁷; получили ли они эти письма и отчего никто из них не отвечал ниже двумя строчками? Что касается до Щепкина, то его просто следует выбранить. Я писал два письма к нему. Я не сержусь на него, если уже у него такой обычай, чтобы не отвечать на письма. Но он должен по крайней мере сказать вам, чтоб вы уведомили меня, что письма точно получены, чтобы я не думал по крайней мере, <что> пропадают они. Подумайте сами, чего не могло притти в мою голову, когда во время самое трудное для меня и такое время, когда ожидал более всего писем отовсюду, решительно отовсюду, и в это время все будто сговорились и бросили меня на три месяца самого тягостного состояния. Не забывайте меня, бесценный друг. Вы уже знаете из письма, которое получили от Хомякова, как нужно писать ко мне. Да хранит вас Бог всех в ненарушимой святости души и здоровья. Адресуйте в Гастейн (в Тироле), *Poste restante*».

Я не помню, чтоб когда-нибудь получил письмо от Гоголя через Хомякова, и вообще я удивляюсь и не знаю, какая могла быть причина, что мы так долго не писали к Гоголю? Надобно предположить, что письма как-нибудь задерживались на почте или вовсе не доходили.

Следующее небольшое письмецо Гоголя я решительно не знаю, к какому времени отнести.

«Мая 5 <н. ст. 1846>.

На выезде из Рима пишу к вам несколько слов, почтеннейший друг мой, Сергей Тимофеевич. Еду я для того, чтобы ехать. Езда, как вы знаете, мое всегдашнее средство; а потому и теперь, как я ни хил и болезнен, но надеюсь на дорогу и на Бога, и прошу у Него быть в дороге, как дома, то есть, как у Него Самого в покойные минуты души, дабы быть в силах и возможности, чтобы <что->нибудь произвести; о том прошу молиться вас и прошу вас также попросить обо мне всех, которые обо мне молились прежде, потому что их молитвами я был доселе чудно сохраняем и среди тяжких и болезненных состояний зрел и укреплялся душой.

Напишите домой к маменьке моей запрос, получила ли она два моих письма²²⁸, писанные после того, которое было приложено при вашем²²⁹. Последнее, от 1-го мая здешнего стиля, весьма нужное; об этом пусть немедленно вас уведомит она или сестры, а вы сообщите мне. Обнимаю вас всех.

Ваш N.».»

Это сомнительное письмецо написано так сбивчиво и таким дурным почерком, что должно предполагать, что Гоголь был болен или сильно расстроен нервами. Вероятно, его надо отнести к другому периоду²³⁰.

Вот, наконец, письмо с уведомлением о получении денег, писанное, без сомнения, в мае месяце 1843-го года²³¹.

«Ваше письмо и деньги²³², бесценный друг мой, я получил исправно и скоро, и медлил ответом, выжидая писем от Шевырева и Погодина. Наконец спустя две недели после вашего письма получил я письмо от Шевырева²³³ от имени вас всех. В нем видна прекрасная душа пи-

савшего, хотя заключается, впрочем, и журьба и что-то вроде не совсем отчетливого нагоняя, который, может быть, и справедлив со стороны вашей или, лучше, со стороны Погодина, от которого, я думаю, проистек он, но все же таки следует подумать и то: однако ж мне неизвестна еще его сторона, и странно бы мне по моей натуре судить о натуре другого, когда эта натура так не сходна с моею. Но оставим все это. Смерть не люблю изъяснений. Все это неразумная трата слов, и больше ничего. Лицо я гласное, стало быть и все, что бы я ни делал, будет гласно всем; дурное, если есть у меня, то уж его никак не спрячешь. Шила в мешке не утаишь; оно где-нибудь да выткнется непременно. — Оправдываться, значит не доверять времени, которое уяснит все. — Вслед за вашими деньгами я получил еще от Прокоповича 1000, стало быть за первый год мне следует получить одну тысячу. Обо всем этом я уведомил уже Шевырева. Прокоповичу я написал выслать немедленно тысячу экземпляров и в продаже находящихся у него давать отчет в Москву всякой раз за два месяца до срочной высылки мне денег, дабы видеть по накопившейся сумме, откуда произвести мне высылку: из Петербурга или из Москвы. Прокопович находится вместе с экземплярами в полном распоряжении вашем, так что, если бы потребовали и все экземпляры выслать, то он их вышлет; но в этом я не вижу надобности: после вновь их нужно присылать в Петербург для тамошних книгопродавцев. К тому же экземпляры безопасны, если они только все находятся в руках Прокоповича, а не типографии, о проделках которой я узнал только теперь из письма Прокоповича. Он скрывал от меня, не желая меня ничем возмутить и думая расплатиться банковыми билетами покойного своего брата, выдачею которых водили его несколько месяцев в присутственных местах; но довольно толковать. Дела мои, как видите, все теперь в ваших руках. Обратимся собственно к нам самим. Я заехал на несколько дней в Гастейн отдохнуть от дороги и отправлюсь в Дюссельдорф, где проведу часть зимы, а остальную в Голландии, и потому письма адресуйте все в Дюссельдорф. Хорошо бы было, если бы вы прислали что-нибудь из тех книг, которых я просил. Из Москвы, вероятно, отправляются не мало этот год за границу, а так как всякий положил себе за правило побывать на Рейне, то ему не много труда будет стоить завезти посылку в Дюссельдорф и отдать ее Жуковскому. На Константина Сергеевича я решительно теперь сердит. Он мне не пишет ни строчки, но вот лучше к нему самому записка. А вас обнимаю всею душою вместе с милым семейством вашим и жду от вас летних известий о покупке дачи и о прочем.

Н. Г.

Записка Константину Сергеевичу.

Что ж вы, Константин Сергеевич, мне ни слова? Я нахожусь в совершенном неведении теперь обо всех делах, которые делаются на свете. Не знаю, что делает Москва, ни о чем говорит она, ни что думает, ни о чем спорит, словом, не знаю вовсе, о чем идет теперь дело. Если вы несколько смутились письмом моим²³⁴, которое когда-то было писано вам, то это письмо писано не в строку текущих дел, это письмо писано так, мимо; на него ответ вы мне дадите года через четыре. А известия текущие должны идти своим чередом; а потому вы уведомите меня обо всем, что делали и что слышали с самого того дни, как перестали ко мне писать. И что Николай Филиппович, и что Каролина Карловна (Павловы)¹, и что Ховрина²³⁵, и что Самарин, и какие еф<ф>екты производите вы в чтениях²³⁶, и что говорят вообще о чтениях Мих<аила> Семеновича^{II}; все это, вы знаете, мне интересно. Простите, что я вас не благодарил до сих пор за присылку ваших статей о “М<ертвых> Д<ушах>” И та, и другая имеют свои достоинства (писанная, как мне кажется, должна принадлежать Самарину²³⁷), но в печатной, не погневайтесь, видно много непростительной юности²³⁸, и писанная кажется перед

¹ В автографе ошибочно: (Павловой). Слово: (Павловой) — вписано.

^{II} Далее следует примечание С. Т. Аксакова, написанное на полях: Шепкин и, кажется, Садовской давали публичные чтения сочинений Гоголя. Разумеется, успех был, но не такой, какого можно было ожидать.

нею написанною стариком. Хотя в ней и нет тех двух, трех истинно поэтических мыслей, как в вашей.

Прощайте. Обнимаю вас».

В приписке к Константину, вероятно, Гоголь говорит о прежнем своем письме. Впрочем, может быть было и другое, как-нибудь затерянное, содержание которого я забыл. Вместе с печатной брошюркой Константина²³⁹ была послана рукописная статья Самарина, вполне заслуживающая отзыв Гоголя.

Вот ответ Гоголя на письмо Ольги Семеновны от 22 апреля.

«20 июня. Дюссельдорф (1843)²⁴⁰.

Я получил от вас, Ольга Семеновна, письмо, присланное мне из Рима (от 22-го апреля старого стиля), на которое нахожу приличным сей же час отвечать. Вы неправы в том, что упрекаете себя за то, что предложили маменьке взять деньги, вырученные за продажу “М<ертвых> Д<уш>”, и разрушили, как вы говорите, деликатные семейственные отношения. Во-первых, вы не могли знать этих отношений. Во-вторых, в самом поступке вашем ничего нет неблагоразумного и никакого худого намерения. А все то, в чем нет дурного намерения и что вместе с тем не противно здравому рассудку, данному нам Богом, не есть уже грех. Если же оно предпринято еще к тому с добрым намерением и желанием истинного добра, то уже оно никогда не может послужить худому. Бог направит его всегда к хорошему, хотя вовсе другим путем, чем мы думаем. В-третьих, в отношении меня вам вовсе не следует руководствоваться ни в каком случае осторожностью оскорбить какие-либо тонкие отношения. Со мной нужно все спроста; и к тому же, все случаи в жизни обращаются мне в пользу. Так по крайней мере было доселе, и так, я верю, будет вперед. Письмо ваше заставило маменьку написать ко мне два такие письма, которые заставили меня строго подумать о другой важнейшей помощи, которой они все вправе ожидать от меня, и я написал наконец то письмо²⁴¹, которое бы мне давно следовало написать, но которое бы я не сумел никогда написать, не получивши прежде этих двух писем... Правда, обдумыванье его у меня отняло много времени, и я ничем не в силах был заняться до тех пор, пока не написал его, — но я исполнил свой долг и покоен в душе. И теперь вас благодарю за то, за что вы себя упрекаете. А лучше все поблагодарим Бога за все, что ни посылается нам. Ибо все, что ни посылается нам, посылается на вразумление и уяснение очей наших. Прощайте!»

Письмо это объясняется само собою; но сначала Гоголь сам был недоволен, и потому Ольга Семеновна писала к нему письмо, в котором обвиняла себя за то, что вмешалась не в свое дело. Что же касается до письма, писанного Гоголем к матери или вообще к своему семейству, то я его не знаю. Без сомнения, оно было нравственно-поучительного содержания. Очевидно, что мысль наставлять, поучать других уже существовала в голове Гоголя.

«Баден. 24 июля (1843¹ года).

Благодарю вас за книги, которые получил от Кн<язя> Мешер<ского>²⁴² в исправности. Вообще все посылки доходят до меня исправно: русские встречаются между собой поминутно и имеют всегда возможность препроводить и передать туда, где я. Мне жаль, что вы не дали знать Шевыреву, он бы тоже прислал мне свою речь об воспитании и взгляд на русск<ую> слов<есность> за прошлый год²⁴³. Может быть, даже накопилось и кое-какие критики и разборы моих сочинений. Всего этого мне бы очень хотелось. Какая, между прочим, я скотина: я написал к вам, не размысливши об одном пункте письма, писанного Шевыревым от вас всех. Еще недавно я прочел его вновь. Письмо это так прекрасно и такой исполнено дружбы, что я удивлялся

¹ В рукописи ошибочно: 1844

не один раз, как гадок человек: ему достаточно увидеть одно пятнышко¹, все прочее ему нипочем. Мне просто показалось; будто до сих пор еще не верят душевному моему слову. Я вспомнил одно обстоятельство Погодина относительно меня, которое просто произошло от простоты его, а не от чего другого, и в это время скользнула мне в письме одна фраза, показавшаяся намеком на то же. Но в сторону об этом. Оно послужит пусть уроком, что ни в каком случае не следует предаваться первому впечатлению, особенно если оно сколько-нибудь не спокойно и если примешалась какая-нибудь оскорбленная мелкая страстишка. Слухи, которые дошли до вас о “М<ертвых> Д<ушах>”, все ложь и пустяки. Никому я не читал ничего из них в Риме, и верно нет такого человека, который бы сказал, что я читал что-либо вам неизвестное¹¹. Прежде всего я бы прочел Жуковскому, если бы что-нибудь было готово. Но увы, ничего почти не сделано мною во всю зиму, выключая немногих умственных материалов, забранных в голову. Дела, о которых я писал вам и которые просил вас взять на себя, слишком у меня отняли времени, ибо я все-таки не мог вполне отвязаться и должен был многое обработать оставшееся на мне, от которого иначе я не мог никак избавиться. Вы уже сами могли чувствовать по той просьбе, по отчаянному выражению той просьбы, какою было наполнено¹¹¹ письмо мое к вам, как много значило для меня в те минуты попечение о многом житейском. Но так было верно нужно, чтоб время было употреблено на другое. Может быть, и болезненное мое расположение во всю зиму и мерзейшее время, которое стояло в Риме во все время моего пребывания там, нарочно отдалили от меня труд для того, чтоб я взглянул на дело свое с дальнего расстояния и почти чужими глазами. Но прощайте. Будьте здоровы. Пишите по-прежнему в Дюссельдорф *Poste restante*. Я только на одну неделю в Бадене. Жуковский тоже не в Дюссельдорфе, а в Емсе на водах. Уведомьте, купили ли дачу? Мне кажется, что вам поездка в Оренбургскую губернию пригодилась бы лучше всего».

Как много говорит это письмо в пользу Гоголя. Из предыдущего письма ко мне точно можно было заметить, что Гоголь был не совсем доволен^{1V} письмом Шевырева, писавшего от себя и от Погодина вместе. Но он выразился так скромно, так кротко, как нельзя более; и со всем тем он раскаялся и в этих немногих словах, и в чувстве негодования против Погодина. Вероятно, в письме к Шевыреву Гоголь обвинял себя еще более и выражал еще нежнее чувство своей благодарной дружбы. — Решительно не знаю, какие житейские дела могли отнимать у Гоголя время и могли мешать ему писать^V? Мне кажется, эта помеха была в его воображении. Я думаю, что Гоголю начинало мешать его религиозное направление. Впрочем, это слово не выражает дело; это собственно не религиозное, а нравственно-наставительное, так сказать, направление. Гоголь, погруженный беспрестанно в нравственные размышления^{VI}, начинал думать, что он может и должен поучать других и что поучения его будут полезнее его юмористических сочинений. Во всех его письмах тогдашнего времени, к кому бы они ни были писаны, уже начинал звучать этот противный мне тон наставника. В это время сошелся он с гр<афом> А. П. Толстым, и я считаю это знакомство решительно губительным для Гоголя²⁴⁴. Не менее вредны были ему дружеские связи с женщинами, большею частью высшего круга. Они сейчас сделали из него нечто вроде духовника своего, вскружили ему голову восторженными похвалами и уверениями,

¹ Далее в автографе письма Гоголя следует: какое-нибудь и уж он только и видит пред собою это пятнышко

¹¹ Далее было: ему или другим

¹¹¹ Далее было: было

^{1V} не совсем доволен *вписано вместо*: недоволен

^V Далее следует примечание С. Т. Аксакова, написанное на полях: Книжными делами заведовали Прокопович и Шевырев, в деньгах он был обеспечен, из дома — его ничто не беспокоило. *Предварительно это же примечание было написано на полях карандашом.*

^{VI} погруженный беспрестанно в нравственные размышления *вписано.*

что его письма и советы или поддерживают, или возвращают их на путь добродетели. Некоторых я даже не знаю и назову только Виельгорскую²⁴⁵, Соллогуб^{1 246} и Смирнову²⁴⁷. Первых двух, конечно, не должно смешивать с последней; но высоту нравственного их достоинства, может быть, была для Гоголя еще вреднее: ибо он должен был скорее им поверить, чем другим. Я не знаю, как сильна была его привязанность к Соллогуб и Вьельгорской; но Смирнову он любил с увлечением, может быть потому, что видел в ней кающуюся Магдалину и считал себя спасителем ее души. По моему же простому человеческому смыслу, Гоголь, несмотря на свою духовную высоту и чистоту, на свой строго монашеский образ жизни, сам того не ведая, был несколько неравнодушен к Смирновой, блестящий ум которой и живость были тогда еще очаровательны. Она сама сказала ему один раз: «Послушайте, вы влюблены в меня?..» Гоголь осердился, убежал и три дня не ходил к ней. Все это наделала продолжительная заграничная жизнь вне отечества^{II}, вне круга приятелей и литераторов, людей свободного образа мыслей, чуждых^{III} ханжества, богомольства и всяких мистических суеверий. Впрочем, я считаю, что ему также была очень вредна дружба с Жуковским, которого, без сомнения, погубила та же заграничная жизнь. Так, по крайней мере, я думаю.

Вот еще коротенькое письмецо Гоголя:

«1843. Дюсс<ельдорф>. 30 августа <н. ст.>.

Письмо ваше и вместе с ним другие, приобщенные к нему, я получил²⁴⁸. Книги получены также в исправности, как через К<нязя> Мещерского, так и через Валуева. Перешлите мне, если найдете оказию, “Москвитянин” за этот год: там есть статьи, меня интересующие очень. О благодарности за все ваши ласки нечего и заикаться. Конст<антина> Сергеев<ича> благодарю также за письмо²⁴⁹, хотя не мешало бы ему быть и подлиннее. Если увидите Шевырева, то напомните ему о присылке мне остальной тысячи за прошлый год. Да если можно, вместе с тем и вперед, что есть. Ибо 1-го октября, как вы знаете, срок <и> время высылки^{IV}. Душевно скорбел я о недугах Ольги Сергеев<ны>²⁵⁰ и мысленно помолился о ниспослании ей облегчения.

Прошайте, душевно вас обнимаю всех. Адрес по-прежнему в Дюссельдорф».

Более писем Гоголя к нам в этом году не нашлось. В это время Погодин, бывший жестоко раздражен против Гоголя и не писавший к нему ни строчки, вдруг прислал мне для пересылки маленькое письмецо, которое я вместе с своим и отослал к Гоголю. Я считаю себя вправе поместить его в моих записках, потому что оно было возвращено мне Гоголем вместе с его ответом Погодину.

«Москва 1843 г. Сент<ября> 12.

Наконец нашел я в себе силу увидеть тебя, заговорить с тобою, написать к тебе письмо. Раны сердца моего зажили или, по крайней мере, затянулись... Ну что, каков ты? где ты? что ты? куда? Я чувствую себя теперь довольно хорошо, пил опять Марьенб<адскую> воду²⁵¹, а теперь на простой. Но зима была тяжелая: часто показывалась кровь из горла, и голова беспрестанно тяжела.

^I Соллогуб *вписано вместо*: Балабину

^{II} вне отечества *вписано*.

^{III} Далее было: всякого

^{IV} Далее следует примечание, написанное на полях карандашом: Сказать там, где говорится о деньгах, что Гог<оль> требовал их и на след<ующий> год. Ниже следует редакционное примечание Н. М. Павлова: NB. Ремарка к выноске. В этом месте диктованной рукописи собственноручная приписка Сергея Тимофеевича: «сказать там, где говорится о деньгах, что Гоголь требовал их и на следующий год». Н. П. В изд. 1890 г. напечатано (с. 116): «В этом месте диктованной рукописи собственноручная приписка Сергея Тимофеевича: “сказать там, где говорится о деньгах, что Гоголь требовал их и на следующий год”. Изд<атель>».

Не случилось ли чего особенного в душе у тебя около 3/15 сентября? Ты знаешь, что я немножко по Глинкиной части²⁵² и верю миру невидимому с его силами. Около 3 числа, я как будто примирился с тобою, а до тех пор я не мог подумать о тебе без тревожения! Когда ты затворил дверь, я перекрестился и вздохнул свободно, как будто гора свалилась у меня тогда с плеч; все, что узнавал я после — прибавило мне еще больше муки, и ты являлся, кроме святых и высших минут своих, отвратительным существом...

Посетив мать твою в прошлом году²⁵³, я почувствовал, что в глубине сердца моего таилась еще искра любви к тебе, но она лежала слишком глубоко. Наконец, я стал забывать тебя, успокоивался... и теперь все как рукой снято. Ну слава Богу! Я готов опять и ругать и любить тебя.

*Твой Погодин*¹.

Хранится: РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 1. 137 л. (Л. 129–137 остались незаполненными). Печатается по автографу.

Написано рукою разных членов семьи Аксаковых с собственноручной правкой С. Т. Аксакова. Рукопись содержит также позднейшую редакторскую правку И. С. Аксакова и Н. М. Павлова (см. подстрочные примеч. в наст. изд.).

Отрывки из рукописи, с значительными сокращениями и редакторской правкой, впервые опубликованы в 1880 г. сыном мемуариста И. С. Аксаковым в трех номерах издаваемой им газеты «Русь»: Отрывок из рукописи Сергея Тимофеевича Аксакова: «История моего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852» // Русь. 1880. 6 дек. № 4. С. 15–18; 13 дек. № 5. С. 13–15; Из неизданной рукописи С. Т. Аксакова: «История моего знакомства с Гоголем» // Русь. 1880. 20 дек. № 6. С. 15–17. Эта публикация обрывается на строках письма Гоголя от 10 июля 1840 г. (до слов: «Мне жаль, если у вас не будет дачи, пруда с рыбами, леса и дорог, которые бы заманили ходить»).

В подстрочном примечании И. С. Аксаков писал: «Через два года по смерти Гоголя С. Т. Аксаков приступил к изложению или, вернее, к диктовке воспоминаний о своем с ним знакомстве. На рукописи стоит его собственноручная пометка: “начато 9 января 1854 г.”. Эта работа была доведена лишь до 1841 года, за 9 лет знакомства. Она была задумана слишком обширно: предполагалось записать первоначально все, что только удержала память, всякую черту, как бы она ни была, по-видимому, мелка; включить всю переписку, до самой ничтожной записки: все это с тем, чтобы потом пересмотреть рукопись и, откинув излишнее, придать стройность и цельность всему произведению. Болезнь помешала С<ерегу> Т<имофеевичу> довершить начатое, — да к тому же необходимо было собрать и переписать множество писем. Тем не менее он дозволил прочесть эту рукопись П. А. Кулишу, который и пользовался ею при составлении своих “Записок о жизни Гоголя”. В 1857 г. С<ерегей> Т<имофеевич> набросал карандашом следующий проект вступле-

¹ На этом рукопись «Истории нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852» С. Т. Аксакова обрывается. Третий лист и девять последующих листов тетради остались незаполненными. В бумагах С. Т. Аксакова сохранилась также копия письма М. П. Погодина к Гоголю от 12/24 сентября 1843 г. из Москвы (хранится: РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 1; напечатано по указанной копии в изд.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 12. С. 273).

Кроме этого, возможно, самим С. Т. Аксаковым для продолжения «Истории нашего знакомства с Гоголем...» были приготовлены следующие четыре письма 1843–1846 гг.:

1) копия ответного письма Гоголя к М. П. Погодину около 2 ноября (н. ст.) 1843 г. из Дюссельдорфа (хранится: РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 3–5; напечатано по указанной копии в изд.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 12. С. 280–285);

2) черновые наброски письма С. Т. Аксакова к Гоголю от ноября–декабря 1843 г. из Москвы (хранятся: РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 6–7; напечатано по указанному автографу в изд.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 12. С. 298–300);

3) первоначальная редакция письма С. Т. Аксакова к Гоголю от 17 апреля 1844 г. из Москвы (хранится: РГБ. Ф. 3. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 25–25 об.; напечатано по указанному автографу в изд.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 12. С. 379–380);

4) черновая и окончательная редакции письма С. Т. Аксакова к Гоголю от 9 декабря 1846 г. (хранятся: РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 7–9, 11–13; напечатано по указанным автографам в изд.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 13. С. 456–460).

ния к своей "Истории", к сожалению, не оконченный: "История знакомства моего с Гоголем, еще вполне не оконченная мною, писана была не для печати... <...> (следует текст «Вступления», до слов: «...даже сам биограф его — лично Гоголя не знал или не находился с ним в близких сношениях...». — И. В.)". Трудно себе и представить теперь, *какое* значение имел Гоголь для своих современников! Велика была его заслуга не только художественная вообще, но и в частности *историческая*. Он явился своего рода эмансипатором, могущественным двигателем общественного создания. Об этом когда-нибудь после — но это-то и придаст интерес "воспоминаниям" С<ергея> Т<имофеевича> ча, как бы мелочны они ни казались. *Редактор*» (Отрывок из рукописи Сергея Тимофеевича Аксакова: «История моего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852» // Русь. 1880. 6 дек. № 4. С. 15–18; 13 дек. № 5. С. 13). Об истории публикации И. С. Аксаковым рукописи его отца см. также в наст. изд. письмо И. С. Аксакова к А. О. Смирновой от 7 ноября 1874 г. и коммент. к <Воспоминаниям о Гоголе> А. О. Смирновой — письму к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.

В полном объеме, с приложением дополнительных материалов (см. в наст. изд. коммент. к разделу «Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя» С. Т. Аксакова), но также с искажениями и пропусками, «История нашего знакомства с Гоголем» С. Т. Аксакова была напечатана в 1890 г. Н. М. Павловым (Русский Архив. 1890. Кн. 4. № 8; отд. оттиск — М., 1890). В предисловии к изданию Н. М. Павлов (крестный сын С. Т. Аксакова) сообщал: «"Есть у меня одно сочинение, — говорил в 1857-м году Сергей Тимофеевич Аксаков пишущему эти строки, — уж не знаю, по моей старости и хворости, буду ли и в силах довести его до конца? Впрочем, оно во всяком случае не для печати. Разве-разве лет через тридцать или сорок после моей смерти можно будет напечатать его. Это — *История моего знакомства с Гоголем*. Тут задето множество лиц: все они еще живы, и сейчас занимают очень видные общественные положения. Рано, еще слишком рано печатать о Гоголе всю правду»

Много лет спустя, именно в 1880 году, Ив. Серг. Аксаков поместил отрывок из этого сочинения в своей газете "Русь": напечатано лишь начало сочинения, при том и оно не вполне. В напечатанном отрывке все знакомство с Гоголем ограничивается лишь концом тридцатых годов; а выход в свет *Мертвых Душ*, и всеобщий переполох, произведенный ими, и с того времени зачавшийся переворот в душе самого Гоголя, выразившийся к концу сороковых годов *Перепиской с друзьями* — все это еще было скрыто от читателей. Целая половина рукописи, таким образом, оставалась под спудом. А она-то, между прочим, и представляет главный интерес — как по отношению к Гоголю, так и в отношении самого автора. Здесь только этот замечательный литературный труд, можно сказать, и достигает своего полного напряжения и входит в настоящую силу. — Редактору "Руси", разумеется, было легче, чем кому бы то ни было, позволить себе разные сглаживания и поправки в посмертной рукописи своего отца. Для него же, с другой стороны, было и затруднительнее, чем всякому другому, печатать все то, что в отношениях его отца с Гоголем могло более говорить в пользу первого, чем последнего: просто было неловко печатать самые эти письма Сергея Тимофеевича с его личные воспоминания о себе — в Записках о Гоголе. Для нынешнего издания не существует ни той легкости, ни этих затруднений. *История моего знакомства с Гоголем* печатается теперь вполне: вся, как есть. <...> Приводимые здесь письма Гоголя большею частью уже были напечатаны в издании г. Кулиша. Сам Сергей Тимофеевич предоставил их, вскоре после смерти Гоголя, в распоряжение биографа; кроме того, сообщил ему и щедрые выдержки из своих собственных воспоминаний о скончавшемся друге» (*Павлов Н. М.* <Предисловие> // История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. I–II).

Новое, подготовленное по автографам, издание «Истории...» С. Т. Аксакова вышло в свет в 1960 г. (раздел записок и писем 1843–1852 гг. здесь, сравнительно с изданием Н. М. Павлова, был значительно расширен): *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Однако при этом, как и в изд. 1890 г., первоначальная редакция мемуаров Аксакова о Гоголе до 1843 г. осталась невостребованной, а первоначальная редакция мемуаров после 1843 г. — привлечена лишь фрагментарно. Несмотря на обращение к автографу, в очень незначительной степени были востребованы черновые варианты рукописи, а в основном тексте «Истории...» был допущен ряд искажений и пропусков, в большинстве своем совпадающих с искажениями и пропусками издания 1890 г. Так же, как в издании Н. М. Павлова, было ошибочно напечатано: вместо наличествующего в рукописи: «по их мнению» — «по имению»; вместо «надобность помочь» — «надобность такая»; «с сестрами» — «с ними»; «опускало мне руки» — «опускались у меня руки»; «Киреевские» — «Киреевский»; «даже в какую-то робость» — «даже какую-то робость»; «да еще и с записками» — «да еще записками»; «будет одолжен мне» — «будет должен мне»; «было ему так тяжело» — «было так ему тяжело»; «дру-

гого, соседнего моего кабинетца» — «другого моего кабинетца»; «не получали еще их, объявлено» — «не получа еще их, объявили»; «уже нет на свете» — «нет на свете»; «сильно чувство к России» — «сильное чувство к России»; «5 марта нового стиля» — «5 марта»; «о нашем несчастье» — «о нашем несчастьи»; «докучных» — «докучливых»; «известным в публике» — «известным публике»; «потребовали бы паспорта» — «потребовали бы паспорт»; «обвинить» — «обвинять»; «прочитывая» — «прочитывал»; «набирают в день» — «в день набирают»; «что полицеймейстер» — «полицеймейстер»; «указывала» — «указывает»; «Выписка» — «Выписки»; «прочеть» — «прочитать»; «Не защищая» — «Не защища<ю>»; «все дополнения» — «но все дополнения»; «розные» — «разные»; «на кратковременность» — «о кратковременности»; «писал к Гоголю Константин» — «Константин писал к Гоголю»; «Отвсюду» — «Отовсюду»; «Переходя» — «Переходы»; «тоже» — «та же»; «прошло» — «пришло»; «чтоб вы сами, если возможно» — «чтоб вы, если это возможно». Ошибочно редакторское примечание в изд. 1960 г.: «На полях рукописи рукою И. С. Аксакова: “Н. И. Васильев”». На самом деле в рукописи вместо: «В-в» — вписано: «Васьков».

Так же, как в изд. 1890 г., в изд. 1960 г. была пропущена написанная на полях рукописи заключительная фраза письма Гоголя из Рима от 28 декабря (н. ст.) 1840 г.: «Что Михаил Семенович? Почему он не написал мне ни строчки, я не знаю даже, получил ли он письмо и доволен ли ею».

Пропущена также наличествующая в источнике фраза: «Я опасался даже, что Пав<лов> отдал кому-нибудь это письмо для печати, и потому ожидал сего <1 нрзб.>».

Как и в изд. 1890 г., в тексте мемуаров пропущено дополнение на отдельном листе, которое Аксаков наметил в качестве подстрочного примечания, после слов: «...очевидным доказательством тому служит мое письмо к Гоголю, в котором я просил, чтоб он прислал что-нибудь в журнал Погодину» (в примечании приводится текст письма М. П. Погодина, с пояснением: «Прилагаю письмо Погодина ко мне, из которого видно, что я противился помещению в “Москвитянин” добавочных сцен к “Ревизору”. Это письмо вполне объясняет образ действий Погодина с Гоголем»). В изд. 1890 г. это письмо было помещено в качестве приложения к основному тексту «Истории...», сразу вслед за ее окончанием (С. 117–118), в изд. 1960 г. письмо Погодина ошибочно вынесено в комментарий (С. 261).

Пропущена в изд. 1960 г. вырезанная из рукописи П. И. Бартевым или Н. М. Павловым фраза: «Я сам немедленно отвез полторы тысячи руб<лей> асс<игнациями> Кат<ерине> А<лександровне> Свербеевой, которая так прекрасно поправила неизвинительный отказ своего супруга» (вырезка с этой фразой хранится в архиве Аксаковых в отдельном конверте; РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 5. Л. 38; указано в 1952 г. Л. Р. Капланом: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 682). Это же относится к вырезанной фамилии во фразе: «Благосостояние Свербеева и значительный капитал, лежавший в ломбарде, были мне хорошо известны». В изд. 1960 г. было напечатано: «Благосостояние <его>...» и т. д.

Пропущено также обозначение места купюры, сделанной С. Т. Аксаковым в письме к нему Гоголя из Гастейна от 18 августа (н. ст.) 1842 г. (беловой автограф этого письма не сохранился).

Наряду с допущенными пропусками, в издании 1960 г. было сделано несколько вставок, отсутствующих в источнике.

Так, в изд. 1960 г. была напечатана отсутствующая в источнике фраза, вставленная впервые для согласования в изд. 1890 г.: «Вот мое письмо к Гоголю» (после слов: «...и об этом-то отъезде спрашивает меня Гоголь»). Так же, как в изд. 1890 г., далее в основной текст редакторами было внесено письмо С. Т. Аксакова к Гоголю от июня 1840 г., которое на самом деле является в рукописи продолжением подстрочного примечания «Но в доказательство, что оно было, прилагаю ответ мой на это первое письмо Гоголя». Вследствие неправильной публикации соотносить письмо с этим примечанием стало невозможным.

В свою очередь было перенесено в основной текст мемуаров подстрочное примечание С. Т. Аксакова к фразе: «К довершению всего, Гоголь потерял свой бумажник с деньгами, да еще и с записками, для него очень важными» («Об этом было опубликовано в Полицейской газете; но, разумеется, бумажник не нашелся, именно потому, что в нем были деньги»).

Две фразы были внесены в текст «Истории...» в изд. 1960 г. из хранящегося в РГАЛИ автографа письма К. С. Аксакова к Н. В. Гоголю от начала ноября 1842 г.: «услыхал от меня Павлов и вдруг то же услыхал от Хомякова» (после слов: «Это древний эпос с его великим созерцанием, разумеется, современный и свободный, в наше время, — но это он») и «Слова ваши о слав<янском> племени (<1 сл. нрзб.> прекрасное место) находит он, между прочим, утрирован-

ными» (после слов: «Белинской в восторге от “М<ертвых> Д<уш>”, но кажется, он их далеко не понимает») (в рукописи «Истории...» эти фразы отсутствуют). Нет также в рукописи подписей С. Т. Аксакова под его письмом к Гоголю от 6–8 февраля 1843 г. («До гроба друг ваш С. Аксаков») и подписи Гоголя под его письмом к Аксакову от 28 февраля (н. ст.) 1843 г. («Твой Гоголь»).

Редакторской вставкой является отсутствующая в рукописи фраза: «Далее следует письмо из Бадена от 24 июля 1843 года».

Вставлены также отсутствующие в рукописи слова из письма Гоголя к С. Т. Аксакову от 24 июля (н. ст.) 1844 г.: «какое-нибудь и уж он только и видит пред собою это пятнышко».

Кроме того, в издании 1960 г. допущен ряд композиционных перестановок. Перемене мест подверглись два письма от апреля (н. ст.) 1843 г. (вместе с комментариями к ним Аксакова); письмо от 5 мая (н. ст.) 1846 г. было вынесено из основного текста «Истории...» и помещено в раздел «Записки и письма. 1843–1852 гг.» (вместе с пояснениями Аксакова).

В настоящем издании текст освобожден от перечисленных искажений.

О работе С. Т. Аксакова над мемуарами о Гоголе (начиная со дня смерти писателя 21 февраля 1852 г.) см. в наст. изд. коммент. к разделам: «Выписка слово в слово из моих кратких заметок <о Гоголе>»; «Несколько слов о биографии Гоголя»; «Замечания о рукописной редакции “Опыта биографии Н. В. Гоголя...”»; «Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя»; «Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя»; «Из Истории Нашего Знакомства с Гоголем» С. Т. Аксакова. Мемуары не были завершены (воспоминания доведены лишь до сентября 1843 г.). С. Т. Аксаков оставил работу над «Историей...» около весны 1855 г. (см. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к М. И. Гоголь от 7 апреля 1855 г.).

Судя по сохранившейся переписке С. Т. Аксакова, а также по многочисленным подготовительным материалам к «Истории нашего знакомства с Гоголем...», помещенным в наст. изд., главным событием в творческой биографии Гоголя, которое в наибольшей степени волновало Аксакова при создании этого мемуарного цикла, был выход в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями». Возможно, во многом именно вследствие неоднозначного отношения мемуариста к этой итоговой книге Гоголя, «История нашего знакомства...» не была доведена до конца. Наиболее значимый и сложный для мемуариста период их взаимоотношений с Гоголем остался за пределами «Истории...», и судить о нем можно лишь по упомянутым предварительным опытам Аксакова, а также по богатому мемуарному и эпистолярному наследию его семейства, родственников и друзей.

¹ Имеется в виду статья С. Т. Аксакова «Несколько слов для биографии Гоголя» (см. в наст. изд.).

² П. А. Кулиш.

³ О. Сем. Аксаковой.

⁴ Летом 1832 г. Гоголь прибыл из Петербурга в Москву около 30 июня и 7 июля отправился далее на родину. Из дней, проведенных в Москве, на субботу приходилось 2 июля 1832 г.

⁵ Петр Григорьевич Фролов.

⁶ «Профессор математики при Моск<овском> Университете. *Ред<актор>*» — *Примеч. И. С. Аксакова в изд. 1880 г. (с. 16)*. Павел Степанович Щепкин (1793–1836), математик.

⁷ «Конст. Серг. Аксаков, родившийся в 1817 г. 29 марта. Он в 1832 г. поступил уже в университет, 15-ти лет. *Ред.*» — *Примеч. И. С. Аксакова в изд. 1880 г. (с. 16)*.

⁸ Возможно, речь идет о литографии А. Г. Венецианова 1834 г.

⁹ В ту пору Гоголь вынашивал замыслы нового сборника, получившего впоследствии название «Миргород». Его остановки в Москве в 1832 г. — и тогдашнее общение с москвичами — пришлось кстати для созревания замысла этого сборника. Хотя название своей новой книге Гоголь дал по имени уездного города в Полтавской губернии — где находилось его родовое имение; хотя самую основу новых произведений — повестей «Старосветские помещики», «Тарас Бульба» и др. — составили размышления писателя о прошлом и настоящем родного края (и непосредственные впечатления от родных мест), — однако какие-то черты попали на страницы «малороссийского» «Миргорода» и из московского быта. По воспоминаниям современников и наблюдениям исследователей, можно заключить, что именно рассказы С. Т. Аксакова и М. С. Щепкина, сама обстановка московской жизни, во многом напомнившая Гоголю родной малороссийский быт, послужили ему материалом для создания первой повести миргородского цикла — «Старосвет-

ские помещики». Критик В. Н. Майков позднее указывал на удивительное сходство содержания этой повести с мемуарным рассказом С. Т. Аксакова о патриархальном, «старосветском» семействе оренбургских помещиков Угличаниных — родственников Аксакова, с которыми тот встречался в 1800–1820-х годах (см.: *Майков В. Н. В. Гоголь и С. Т. Аксаков. К истории литературных влияний.* СПб., 1892. С. 3–9). Этот рассказ был напечатан много лет спустя, в 1856 г., в аксаковских «Воспоминаниях». В свою очередь Гоголь своими произведениями оказал значительное влияние на С. Т. Аксакова. В 1902 г. Д. П. Шестаков, говоря о творчестве Аксакова, замечал по поводу «Старосветских помещиков»: «Заслугой Гоголя перед родной литературой останется и то, что он подсказал старику Аксакову создание *Семейной хроники*» (*Шестаков Д. П. Личность и творчество Гоголя.* Казань, 1902. С. 9). И. И. Панаев в «Литературных воспоминаниях» также замечал: «Для Аксакова-отца сочинения Гоголя были новым словом. Они вывели его из рутинной старой литературной школы (он принадлежал к самым записным литераторам-рутинерам) и пробудили в нем новые, свежие силы для будущей деятельности. Без Гоголя Аксаков едва ли бы написал “Семейство Багровых”» (см. в наст. изд.). Сам Аксаков признавался, что своим развитием как писателя он обязан влиянию двух лиц — сына Константина и Гоголя. Несомненно и обратное влияние — С. Т. Аксакова на Гоголя. Беседы Аксакова с Гоголем на протяжении многих лет (в первой и второй половине 1830-х, зимой 1841/42, в конце 1840-х — начале 1850-х гг.) вызвали к жизни целый ряд других книг Аксакова — содержание которых было заимствовано из той же патриархальной поместной жизни: «Записки об ужении рыбы» (1847), «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852), «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (1855). Материалы всех этих книг первоначально появлялись в записных книжках и художественных созданиях Гоголя — в «Миргороде», «Женихах», «Мертвых душах» — и лишь спустя несколько лет нашли место в произведениях самого Аксакова.

¹⁰ Цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

¹¹ См. в наст. изд. коммент. к заметке С. Т. Аксакова «Из Истории Нашего Знакомства с Гоголем <1832–1840 гг.>».

¹² Из Петербурга в Полтаву.

¹³ 18–23 октября 1832 г.

¹⁴ В. С. Аксакова.

¹⁵ А. П. Ефремов (1815–1876), товарищ К. С. Аксакова по Московскому университету; доктор философии, преподаватель географии в Московском университете.

¹⁶ Николай Владимирович Станкевич (1813–1840), писатель.

¹⁷ В 1835 г. в Москве у М. П. Погодина Гоголь читал «Женихов» не на возвратном пути в Петербург в конце августа, а ранее, 4 мая, — по пути из Петербурга на родину (см. в наст. изд. коммент. к «Отрывку из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году» М. П. Погодина).

¹⁸ «Впоследствии, много лет спустя, С<ергей> Т<имофеевич> сам ставил эту пиесу, по просьбе Гоголя, на Московской сцене. *Ред.*» — *Примеч. И. С. Аксакова в изд. 1880 г. (с. 17).*

¹⁹ После 4 — не позднее 10 мая 1835 г.

²⁰ На этом вечере В. Г. Белинский, вероятно, впервые увидел Гоголя.

²¹ В Полтаву.

²² Премьера «Ревизора» на сцене Александринского театра состоялась 19 апреля 1836 г.

²³ Генерал И. И. Бартоломей.

²⁴ См. в наст. изд. записку Ф. Н. Глинки С. Т. Аксакову от конца апреля 1836 г.

²⁵ В письме от 10 мая 1836 г.

²⁶ «Что, впрочем, бывало с ним при каждом сильном ощущении, не только печальном, но и радостном. *Ред<актор>*» — *Примеч. И. С. Аксакова в изд. 1880 г. (с. 17).*

²⁷ Не сохранилось.

²⁸ Письмо неизвестно.

²⁹ Первое представление «Ревизора» в Москве состоялось 25 мая 1836 г.

³⁰ Сергей Васильевич Шумский (наст. фамилия Чесноков, 1820–1878), артист Малого театра.

См. «Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя... 1836–1897 гг.» С. А. Черневского:

«Ревизор. 1851,
январь 4, Четверг;

февраль 18, Воскрес<енье>;

июль 20, Пятн<ица>;

октяб<рь> 2, Вторник;

октяб<рь> 22, понедел<ьник>;

Декаб<рь> 11, вторн<ик>. Роль Хлестакова играл в 1 раз С. В. Шумский» (*Черневский С. А. Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя... 1836–1897 гг. // ГЦТМ. Ф. 299. Ед. хр. 1853. Л. 3*).

³¹ Далее в изд. 1890 г. следует подстрочное примечание П. И. Бартенева: «В 1839 году Жуковский приехал в Рим, где жил Гоголь. Когда они увиделись (это было в первый раз с 1836 года), то оба внезапно воскликнули: Пушкин! П. Б.» (История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. М., 1890. С. 13).

³² Точнее, в июне 1838 г. Слухи были связаны с письменным обращением Гоголя 18 апреля (н. ст.) 1837 г. из Рима к Государю с просьбой о материальной помощи. См. в наст. изд. письма С. Т. Аксакова к М. П. Погодину от второй половины июня (до 25 числа) 1838 г., к К. С. Аксакову от 1 и 12 июля 1838 г. и коммент. к этим письмам.

³³ Письмо к М. П. Погодину было написано Гоголем 14 августа (н. ст.) 1838 г. и получено в Москве 18/30 августа того же года. Деньги (2000 рублей), которые просил Гоголь в этом письме у Погодина в долг на полтора года, были нужны ему для помощи А. С. Данилевскому, оставшемуся в Париже без средств вследствие мошеннической кражи векселя. См. в наст. изд. коммент. к восьмому разделу воспоминаний А. С. Данилевского «Заграничная жизнь Гоголя в 1836–1839 гг.».

³⁴ Е. А. Боратынский.

³⁵ Н. Ф. Павлов.

³⁶ Письмо было отправлено Гоголю 1 сентября 1838 г.

³⁷ Черновой набросок упомянутого «регистра» долгов Гоголя сохранился в его записной книжке 1842–1852 гг.: «Препоручаю распоряжение продажи Мертвых душ Степану Петровичу Шевыреву... <...>

Первые вырученные деньги обращаются в уплату следующим:

Свербееву — 1500	Хомякову — 1500
Шевыреву — 1900	Погодину — 1500
Павлову — 1500	

Выплачивать прежде тому, кому будут нужны.

Выплативши означенные деньги, выплатить следующие мои долги:

Погодину — 6000
Аксакову — 2000».

³⁸ Письмо не сохранилось.

³⁹ 26 сентября 1839 г.

⁴⁰ Имеется в виду М. С. Аксакова.

⁴¹ 14 октября 1839 г. Гоголь прочел у Аксаковых первую главу «Мертвых душ», а также драматический отрывок «Тяжба» (см. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к сыновьям Григорию и Ивану от 17 октября 1839 г.)

⁴² Анну и Елисавету.

⁴³ Михаил Сергеевич Аксаков (1824–1841), младший сын С. Т. и О. Сем. Аксаковых.

⁴⁴ См. в наст. изд. записку М. П. Погодина к С. Т. Аксакову от начала октября 1839 г.

⁴⁵ Вопреки замечанию С. Т. Аксакова, Гоголь присутствовал на представлении «Ревизора» на сцене московского Большого театра 17 октября 1839 г. (см. в наст. изд. письмо самого С. Т. Аксакова к сыновьям от 17 октября 1839 г.; письма О. Сем. Аксаковой к Г. С. и И. С. Аксаковым от 18 октября 1839 г., Н. Ф. Павлова к С. П. Шевыреву от 20 октября 1839 г.; Н. П. Огарева к А. И. Герцену от 18 октября 1839 г., К. С. Аксакова к Г. С. и И. С. Аксаковым от 24–25 октября 1839 г., Т. Н. Грановского к Н. В. Станкевичу от 25 ноября — 10 декабря 1839 г., фрагмент из «Литературных воспоминаний» И. И. Панаева, воспоминания С. А. Ермоловой о Гоголе в записи П. И. Бартенева, а также фрагмент из «Литературного обозрения» В. С. Межевича. Сам С. Т. Аксаков дальше, среди описания событий начала 1842 г., рассказывает об этом спектакле.

⁴⁶ «Антон Францович Томашевский, один из приятелей С<ергея> Т<имофееви>ча, бывший член литературного кружка Раича». — *Примеч. И. С. Аксакова в изд. 1880 г. (№ 5, с. 13)*.

⁴⁷ Котлеты Пожарского — блюдо из птицы, подававшееся в Торжке в трактире Пожарского. По преданию, во время остановки императора Александра I в трактире Пожарского был заказан обед, в меню которого входили телячьи котлеты. Однако, у Пожарского в тот момент не оказалось телятины, и он приготовил котлеты из куриного мяса. Блюдо понравилось императору и он назвал котлеты Пожарскими. 9 ноября 1826 г. А. С. Пушкин писал С. А. Соболевскому из Михайловского: «На досуге отобедай / У Пожарского в Торжке / Жареных котлет отведай (именно котлет) / И отправься налегке». Во времена Пушкина и Гоголя содержательницей трактира Пожарского в Торжке была «купецкая девица» Дарья Евдокимовна Пожарская (1798–1854). (Подробнее см.: *Пушкин. Письма. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 196–197.*)

⁴⁸ Ср. описание города NN в первой главе первого тома «Мертвых душ»: «Кое-где просто на улице стояли столы с орехами, мылом и пряниками, похожими на мыло...»

⁴⁹ Имеются в виду сенатор Григорий Иванович Карташевский (1777 — 12 августа 1840) и его жена Надежда Тимофеевна (рожд. Аксакова, 1794–1887), сестра С. Т. Аксакова.

⁵⁰ М. Г. Карташевской.

⁵¹ Александр Александрович Кавелин (1793–1850), генерал-адъютант, состоял при Наследнике.

⁵² «Появление сочинений Гоголя произвело такой резкий переворот в общественном и, в частности, в литературном сознании, что сочувствие или несочувствие к Гоголю определяло степень развития и способность к развитию самого человека. Это был рубеж, перейдя через который, С<ергей> Т<имофеевич> растерял всех своих литературных друзей прежнего псевдоклассического нашего литературного периода. Они остались по *сю сторону Гоголя*. *Ред<актор>*» — *Примеч. И. С. Аксакова в изд. 1880 г. (№ 5, с. 14).*

⁵³ Карташевский.

⁵⁴ М. С. Аксаковой.

⁵⁵ Антонис Ван-Дейк (1599–1641), фламандский живописец.

⁵⁶ Объявление о потере было сделано в «Прибавлениях к Ведомостям Санктпетербургской Городской Полиции» от 29 ноября 1839 г. (№ 44. С. 180) и повторено в той же газете 2 декабря 1839 г. (№ 45. С. 187). Текст см. в изд.: *Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 9. С. 485, 870.*

⁵⁷ См. коммент. к гоголевским «Спискам вещей, назначенных для покупки сестрам в 1839 г.» в т. 9 Полн. собр. соч. в 17 т. (М.; Киев, 2009).

⁵⁸ Драма из эпохи Богдана Хмельницкого.

⁵⁹ Д. Е. Бенардаки познакомился с Гоголем летом 1839 г. в Мариенбаде. См. в наст. изд. раздел «Из книги “Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина”» и статью М. П. Погодина «Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году».

⁶⁰ Николай Иванович Хмельницкий (1791–1845), чиновник, драматург, пьесы которого ставились на сцене домашнего театра Д. П. Трошинского (см. в наст. изд. письмо Д. П. Трошинского к Л. И. Голенищеву-Кутузову от 2 ноября 1821 г. С. Т. Аксаков 24 ноября 1839 г. писал жене: «Я здесь очень сошелся с Хмельницким, несмотря на его младенческие понятия в литературе и смешные манеры» (*Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 255.*)

⁶¹ Михаил Александрович Марков (1810–1876), генерал-лейтенант, поэт, беллетрист, драматург.

⁶² В связи с этим укажем также на мнение о гоголевском творчестве поэта и критика Павла Александровича Катенина (1792–1853), который, как и Н. И. Хмельницкий, «весь», по определению А. С. Пушкина в письме к князю П. А. Вяземскому от 21 апреля 1820 г., «принадлежал 18 столетию». Биограф А. Ф. Писемского Б. Н. Алмазов писал: «Как, подумают многие, <...> Катенин, крайний сторонник и самый отчаянный поклонник французского псевдо-классицизма, переводчик Корнеля, имел влияние на такого писателя-реалиста как Писемский? Как это ни странно, а это правда. Познакомился Писемский с Катениным случайно: Катенин жил в трех верстах от родового имения Писемских (в Костромской губернии)... <...> Катенин, фанатически преданный своим идолам, Корнелю и Расину, и корану псевдо-классической поэзии *L'art Poétique* <Поэтическое искусство; *фр.*> Буало, подружился с молодым студентом, жарким поклонником Гоголя и статей Белинского... <...> Как же проводили время, сходясь между собою, эти два совершенно противоположные по литературным убеждениям человека? Катенин декламировал перед Писемским французских лже-классиков; Писемский читал Катенину произведения Гоголя. Разумеется, после чтения у них были горячие спо-

ры. “Ваш Гоголь дрянь, гадость!” — кричал в каком-то ожесточении Катенин. Писемский, возражая Катенину, обзывал, вероятно, тоже не совсем лестными эпитетами Корнеля и Расина. Но когда умолкал спор, Писемский слушал какую-нибудь трагедию какого-нибудь французского классика, а немного погодя Катенин слушал повесть или комедию Гоголя» (*Алмазов Б. Н.* Алексей Феофилактович Писемский и его двадцатипятилетняя литературная деятельность // *Русский Архив.* 1875. Кн. 1. № 4. С. 454). Высказывания П. А. Катенина о Гоголе нашли отражение в автобиографическом романе А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» (1869), в образе Александра Ивановича Коптина (см.: *Могиланский А. П.* Примечания // *Писемский А. Ф.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1959. Т. 4. С. 306):

«— Нынче Гоголя больше играют! — произнес Павел, вовсе не ожидая — какая на него из-за этого поднимется гроза. Александра Ивановича точно кто ущипнул или даже ужалил.

— Боже мой, Боже мой! — воскликнул он, забежав по комнате. — Этот Гоголь ваш — лакей какой-то!.. Холоп! У него на сцене ругаются непристойными словами!.. Падают!.. Разбивают себе носы!.. Я еще Грибоедову говорил: “Для чего это ты, мой милый, шлепнул на пол Репетилова — разве это смешно?” Смешно разве это? — кричал Александр Иванович.

Павел очень этим сконфузился.

— В комедии-с, — продолжал Александр Иванович, как бы поучая его, — прежде всего должен быть ум, острота, знание сердца человеческого, — где же у вашего Гоголя все это, где?

— У него юмору очень много, — юмор страшный, — возразил скромно Павел и этим опять рассердил Александра Ивановича.

— Да что такое этот ваш юмор — скажите вы мне, Бога ради! — снова закричал он. — Но фраз мне не смейте говорить! Скажите прямо, что вы этим называете?

— Юмор — слово английское, — отвечал Павел не совсем твердым голосом, — оно означает известное настроение духа, при котором человеку кажется все в более смешном виде, чем другим.

— Значит, он сумасшедший! — закричал Александр Иванович. — Его надобно лечить, а не писать ему давать. В мире все имеет смешную и великую сторону, а он там, каналья, навараксал каких-то карикатур на чиновников и помещиков, и мой друг, Степан Петрович Шевырев, уверяет, что это поэма, и что тут вся Россия! В кривляканьи какого-то жаргондиста <жирондист — член Жиронды, политической партии времен Великой французской революции> — вся Россия!

Павел решился уж лучше не продолжать более разговора о Гоголе, но полковник почему-то вдруг вздумал заступиться за сего писателя.

— Не знаю, вот он мне раз читал, — начал он, показывая головой на сына, — описание господина Гоголя о городничем, — прекрасно написано: все верно и справедливо!

— Это вам потому, полковник, понравилось, — подхватил ядовито Александр Иванович, — что вы сами были комендантом и, вероятно, взяточки собирали.

Михаил Поликарпович весь вспыхнул.

— Это вы, может быть, собирали, а я — нет-с! — возразил он с дрожащими щеками и губами.

Александр Иванович засмеялся.

— Знаю, мой милый ветеран, что — нет!.. — подхватил он, подходя и трепля полковника по плечу. — Потому-то и шучу с вами так смело» (*Писемский А. Ф.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1959. Т. 4. С. 212–213).

⁶³ Калибан — персонаж комедии У. Шекспира «Буря», получеловек-получудовище.

⁶⁴ Николай Тимофеевич Аксаков (1797–1882), брат С. Т. Аксакова, богатый помещик Самарской и Симбирской губерний.

⁶⁵ «Этот долг Гоголя был впоследствии им уплачен». — *Примеч. И. С. Аксакова в изд. 1880 г. (№ 5, с. 14).*

⁶⁶ «Новые повести» Н. Ф. Павлова (СПб., 1839; «Маскарад», «Демон», «Миллион»).

⁶⁷ «Три повести» Н. Ф. Павлова (СПб., 1835; «Именины», «Аукцион», «Ятаган»).

⁶⁸ См. в наст. изд. «Воспоминания Е. В. Быковой».

⁶⁹ Дочери Г. И. и Н. Т. Карташевских Мария (1818–1906) и Надежда (в замужестве Маркевич, ум. в 1890).

⁷⁰ Иван Иванович Сосницкий (1794–1871), петербургский актер, первый исполнитель роли городничего.

⁷¹ Давид Теньер (Тенирс, 1610–1690), фламандский художник-жанрист.

⁷² Евгений Лукич Милькеев (1815–1840), поэт.

⁷³ В описанном С. Т. Аксаковым «костюме» Гоголь, по-видимому, писал драму из эпохи Богдана Хмельницкого. Та-

кое мнение высказано впервые Н. С. Тихонравовым: *Тихонравов Н. С.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь Н. В.* Сочинения. 10-е изд. Т. 1. С. 635.

⁷⁴ Об этом случае, происшедшем утром 26 ноября 1839 г. в отсутствие В. А. Жуковского, см. также в наст. изд. в письме С. Т. Аксакова к К. С. Аксакову от 27 ноября 1839 г. Встреча С. Т. Аксакова с В. А. Жуковским произошла, вероятно, ранее, когда Гоголь действительно отсутствовал.

⁷⁵ 7 декабря 1839 г. Гоголь писал С. Т. Аксакову: «Вы не виноваты. Это моя несчастная судьба всему виною. Я теперь сам не еду. Морозы повергнули меня в совершенное уныние. Я уже успел отморозить себе ухо, несмотря на все закутыванья. Я не знаю, как и что делать. Как это все странно вышло! Но мне никогда ни в чем удачи. Признаюсь, в вашей записке мне больше всего жаль, что вы обманулись в ваших надеждах, что определение не состоялось, жаль потому, что эта неудача вам неприятна. Будьте здоровы; обнимаю вас несколько раз. Если удастся, завтра буду у вас. Весь ваш Гоголь».

⁷⁶ Федор Иванович Васьков (1790–1855), генерал-майор, гродненский гражданский губернатор (с 1844 по 1848 г.), новгородский гражданский губернатор (до 1850 г.), начальник костромского ополчения, друг С. Т. Аксакова, охотник и рыболов.

⁷⁷ 17 декабря 1839 г.

⁷⁸ 4 января 1840 г.

⁷⁹ А. В. Враский.

⁸⁰ Фрагмент представляет собой пересказ письма С. Т. Аксакова к жене и дочери от 5 января 1840 г. (см. в наст. изд.).

⁸¹ А. А. Краевский просил у Гоголя для «Отечественных Записок» комедию «Женитьба» (см. в наст. изд. письмо Н. А. Мельгунова Н. М. Языкову от 7 ноября (н. ст.) 1839 г.).

⁸² Возможно, в субботу 6 января 1840 г., в праздник Крещения Господня.

⁸³ Ю. Ф. Самарин.

⁸⁴ Григорий Михайлович Толстой (1808 – 1880-е), богатый симбирский и казанский помещик.

⁸⁵ Софья Алексеевна Самборская (Самбурская, в замужестве Трутовская), племянница О. Сем. Аксаковой.

⁸⁶ 3 февраля 1840 г.

⁸⁷ Первую главу «Мертвых душ» Гоголь прочел у Аксаковых 14 октября 1839 г. (см. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к сыновьям Григорию и Ивану от 17 октября 1839 г.); 23 декабря 1839 г. он прочел у Аксаковых вторую и третью главы поэмы (см. в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 25 декабря 1839 г.).

⁸⁸ См. в наст. изд.

⁸⁹ Чтение начатого Гоголем зимой 1838/39 г. в Риме романа «Аннунциата» (первоначальное название «Мадонна дей Фьори») состоялось 4 февраля 1840 г. Отрывок из этого романа, под названием «Рим», был опубликован в 1842 г.

⁹⁰ Авторское чтение у Аксаковых «комической сцены» «Тяжба» (а также первой главы первого тома «Мертвых душ») состоялось не 8 марта 1840 г., а 14 октября 1839 г. (см. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к сыновьям Григорию и Ивану от 17 октября 1839 г.). Объяснение ошибки, допущенной С. Т. Аксаковым, см. в наст. изд. в коммент. к письму В. С. Аксаковой М. Г. Карташевской, написанному между 30 марта и 4 апреля 1840 г. и содержащему сообщение о том, что 29 марта 1840 г. Гоголь читал у Аксаковых отрывок «из какой-то комедии» (вероятно, «Женитьбы»).

⁹¹ Ошибка С. Т. Аксакова. Пятая глава «Мертвых душ» была прочитана Гоголем у Аксаковых в *среде* 13 или 20 или 27 марта или 10 апреля 1840 г. (см. в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к братьям, написанное между 14 и 28 марта или между 10 и 12 апреля 1840 г.).

⁹² Ошибка С. Т. Аксакова. Следует: в субботу 13 апреля. Об этом чтении см. также в наст. изд. в письме С. Т. Аксакова к сыновьям от 15 апреля 1840 г.

⁹³ См. в наст. изд. дневниковую запись А. И. Тургенева от 9 мая 1840 г.

⁹⁴ См. также в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к сыновьям от 15 мая 1840 г.

⁹⁵ Луиза Аллан де Прео, артистка французской драматической труппы. В ее бенефис 17 мая 1840 г. в Большом театре игралась драма в трех действиях Ж. Ф. А. Баяра и Лоренсена (П. Э. Шапелля) «Матильда, или Ревность» (известен перевод с фр. Н. П. Мундта) и водевиль «Быть любимой, или Умереть».

«*Au grand Théâtre.* <в большом Театре; *фр.*>

Pour les abonnés <для абонентов; *фр.*> <...>

Continuation <продолжение; *фр.*> des *Mr et M-me Allan*, artistes du Théâtre IMPERIAL de St.-Pétersbourg. <...>

Abonnement suspendu <отложенный абонемент; фр.>

Vendredi <в пятницу; фр.>, 17 Mai: *Mathilde*, vaud<eville> en 3 actes. Etre aimé ou mourir, vaud<eville> en 1 acte.

Au bénéfice de M-me Allan, artiste du Theatre IMPERIAL de St.-Petersbourg. <...>

Les personnes, qui désireront se procurer d'avance des billets, voudront bien s'adresser à *Mr Allan*, chez M-me Howard, grande Dmitrovka, maison du général Bartholomé; et le jour de la représentation, à la caisse du Théâtre <лица, которые пожелают заранее приобрести билеты, могут обратиться к *господину Аллану*, у госпожи Ховард, в большой Дмитровке, дом генерала Бартоломея; и в день представления, в кассе театра; фр.>» (ИМПЕРАТОРСКИЙ Московский театр // Прибавления к № 39-му Московских Ведомостей. (Мая 15-го <1840>). Отделение II. Объявления частные. С. 588).

2 декабря 1839 г. С. Т. Аксаков писал жене из Петербурга: «Нет, не могу я восхищаться мадам Алан: истинного чувства мало, а плаксивость — не чувство. Искусство ее не так велико, чтоб не видно было швов на этом шитье» (*Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 259.*)

⁹⁶ Дмитрий Михайлович Щепкин (1817–1857), математик и филолог.

⁹⁷ Граф Федор Иванович Толстой (1782–1846).

⁹⁸ Степан Васильевич (1796–1878) и его жена Анастасия Сергеевна (рожд. Ланская, ум. в 1891) Перфильевы.

⁹⁹ Издано в Петербурге в 1837 г.

¹⁰⁰ Издано там же в 1839 г.

¹⁰¹ «Басни и аполוגи» И. И. Дмитриева (СПб., 1838).

¹⁰² «Песни русского народа, собранные И. П. Сахаровым» (СПб., 1838–1839. Т. 1–5). В конце 1839 — начале 1840-х гг. Гоголь использовал это издание при составлении своего сборника «Русские песни».

¹⁰³ Щепкин.

¹⁰⁴ Случай, по-видимому, был использован Гоголем при создании образа Петра Петровича Петуха во втором томе «Мертвых душ» — при описании отъезда Чичикова из его имения: «На другой день до того объелись гости, что Платонов уже не мог ехать верхом <...> “Нет, это уже слишком, — сказал Чичиков, когда выехали со двора. — Это даже пошвински. Не беспокоило ли вам, Платон Михалыч? <...> отовсюду торчат какие-то коробки!” “Это <...> Петр Петрович насовал в дорогу” “<...> Приказано было все поставить в коляску — пашкеты и пироги”». Об использовании Гоголем ряда черт С. Т. Аксакова при создании образа помещика Петуха см. также: *Виноградов И. А. Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М., 2007. С. 104–107.*

¹⁰⁵ Письмо С. Т. Аксакова к Гоголю датируется 10/22 июня 1840 г.

¹⁰⁶ Григорий Сергеевич Аксаков (1820–1891), второй сын С. Т. и О. Сем. Аксаковых.

¹⁰⁷ «Тогдашнего Московского обер-полицмейстера. *Издатель*» (примеч. Н. М. Павлова в изд. 1890 г. — с. 41). Лев Михайлович Цинский, генерал-майор, московский обер-полицмейстер с 1834 по 1845 г. В одном из писем О. Сем. Аксакова сообщала С. Т. Аксакову, что Л. М. Цинский ворует городские средства (*Кузнецова А. Г. Комментарий // Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 3 т. М., 1986. Т. 3. С. 466.*)

¹⁰⁸ Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем (М., 1827); Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем (М., 1834. Ч. 1).

¹⁰⁹ В. А. Панов.

¹¹⁰ Письмо отправлено из Венеции 10 сентября (н. ст.) 1840 г. Августом это сентябрьское письмо помечено Гоголем ошибочно; подобная ошибка часто встречается в его корреспонденции и связана с неверным осмыслением календаря при пересчете разницы между европейским и русским стилями летосчисления.

¹¹¹ Комедия итальянского драматурга графа Джиованни Жиро (1776–1834) «Дядька в затруднительном положении» (1807). Рукопись перевода была разделена Гоголем на три части, которые были вложены в письма к М. С. Щепкину, С. Т. Аксакову и М. П. Погодину.

¹¹² Согласно составленному С. А. Черневским указателю спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя, «Дядька в затруднительном положении» был впервые поставлен в бенефис М. С. Щепкина 9 января 1853 г.: «Январь 9, пятница (бенефис М. С. Щепкина). Состав при первом представлении: маркиз Джوليو Антик<в>ати — Леонидов; маркиз Энрик<о>, сын — Самарин; Джильда Онрати — Рыкалова; маркиз Пепет<т>о — С. В. Васильев; дон Григорио Кордебано — Щепкин; Леонарда — Акимова» (*ГЦТМ. Ф. 299. Ед. хр. 1852. Л. 9 об.*). Спектакли продолжались 13, 18, 22 января и 10 февраля. «Бенефис М. С. Щепкина, — писал театральный критик, — удо-

влетворил вполне общим ожиданиям. “Дядька в затруднительных обстоятельствах” — пьеска живая и веселая, исполненная движения и самых забавных положений, которыми заслуженный артист наш воспользовался в совершенстве. Он был очень хорош в роли этого бедного дядьки, который запутался в чужой беде» (И. К. Бенефис М. С. Щепкина и новая пьеса г. Островского // Литературный отдел Московских Ведомостей 1853 года, января 27-го дня. № 12. С. 121). Еще раз «Дядька в затруднительном положении» был сыгран на сцене Малого театра в 1865 г.: представления состоялись 15, 18 и 19 января.

¹¹³ Имеется в виду болезнь Гоголя в Вене во второй половине — конце августа (н. ст.) 1840 г. Об этом сам Гоголь сообщал в письме к М. П. Погодину от 17 октября (н. ст.) 1840 г. (об этом письме О. Сем. Аксакова упоминает в записке к М. П. Погодину от октября 1840 г.; см. в наст. изд.). См. также в наст. изд. письмо В. А. Панова к С. Т. Аксакову от 9/21 ноября 1840 г.

¹¹⁴ 12 августа 1840 г. скончался сенатор Г. И. Карташевский.

¹¹⁵ Гоголь имеет в виду место конференц-секретаря при инспекторе русских художников в Риме П. И. Кривцове.

¹¹⁶ К. С. Аксакове.

¹¹⁷ Намек на К. С. Аксакова, увлекавшегося немецкой философией.

¹¹⁸ Имеется в виду помощь, оказанная Гоголю Н. П. Боткиным в Вене в конце августа (н. ст.) 1840 г. См. в наст. изд. письмо В. А. Панова С. Т. Аксакову от 9/21 ноября 1840 г. из Рима.

¹¹⁹ Значение влияния на Гоголя своего сына Константина С. Т. Аксаков преувеличивает. С самых первых шагов в литературе и на педагогическом поприще Гоголь проявляет себя как глубокий, связанный с православной отечественной традицией мыслитель, главное место в раздумьях которого занимают судьбы русского народа и русской государственности. Профессор протопресвитер В. В. Зеньковский, почти полвека занимавшийся изучением гоголевского творчества, в своих работах относил даже Гоголя — не без оснований — к «зачинателям» славянофильского течения русской мысли (см.: *Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. (Критика европейской культуры у русских мыслителей)*. Париж, <1926>. С. 63; *Зеньковский В.*, проф., прот. Н. В. Гоголь. Париж, <1961>. С. 205).

¹²⁰ М. С. Аксакова. См. в наст. изд. коммент. к дневниковой записи М. П. Погодина от 16 апреля 1841 г.

¹²¹ Имеется в виду «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору». Впервые напечатано в «Москвитянине» (1841. Ч. III. Кн. VI) и в приложении к изд.: «Ревизор, комедия в пяти действиях, соч. Н. Гоголя» (2-е изд. М., 1841).

¹²² Тремя годами ранее С. Т. Аксаков, в письме от 18 июля 1838 г. к К. С. Аксакову, находившемуся в это время за границей, сам советовал сыну съездить в Рим к Гоголю (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 560).

¹²³ До востребования.

¹²⁴ Письмо до нас не дошло.

¹²⁵ Письмо от 13/25 марта 1841 г. из Рима.

¹²⁶ Письмо не сохранилось.

¹²⁷ Цензурное разрешение второго издания «Ревизора» дано 26 июля 1841 г.; в продажу издание поступило осенью 1841 г.

¹²⁸ «Между тем Аксаков <в письме от 23 марта 1841 г.> не советовал Погодину помещать в “Москвитянине” добавочные сцены к “Ревизору” на том основании, что Гоголь рассердится. На это Погодин писал Аксакову; “Да помилуйте, Сергей Тимофеевич, что я, в самом деле, за козел искупления? Неужели можно предполагать, что он скажет: пришли и присылай, бегай и делай, и не смей подумать об одном шаге для себя. Да если бы я изрезал в куски “Ревизора” и рассовал его по кускам своего журнала, то и тогда Гоголь не должен был бы сердиться на меня...” На это Аксаков сухо отвечал Погодину: “Я только советовал вам не делать того, чего бы я сам не сделал... Чем более мне обязан человек, тем менее я позволю себе без его воли распоряжаться его собственностью, хотя бы это было безвредно для него, а только выгодно для меня. В этом же случае нельзя сказать положительно *первого*. Я не выезжаю, никого не вижу, следовательно — предлагать участие другим не могу; да и считаю это бесполезным»» (*Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. Кн. 6. С. 230).

¹²⁹ См. в наст. изд. коммент. к дневниковой записи М. П. Погодина от 16 апреля 1841 г.

¹³⁰ Возможно, Л. Ф. фон Крузе, брат Н. Ф. фон Крузе (1823–1901), переписчик первых трех глав цензурного экземпляра «Мертвых душ», с каллиграфическим почерком.

¹³¹ Датируется октябрем — ноябрем (не позднее 25 числа) 1841 г.

¹³² Имеется в виду сестра Гоголя Елисавета Васильевна, переписавшая последние восемь глав цензурного экземпляра «Мертвых душ», а также вторую редакцию повести «Тарас Бульба» (подробнее см.: *Гоголь Н. В.* Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2009. С. 457–458).

¹³³ Графу Михаилу Юрьевичу Виельгорскому.

¹³⁴ См. в наст. изд. коммент. к разделу «Книга для записей рукописей и книг Московского цензурного комитета».

¹³⁵ Двумя годами ранее, 2 декабря 1839 г., С. Т. Аксаков, будучи в Петербурге, сообщал О. Сем. Аксаковой: «Вчера заходил ко мне Белинский, но не застал дома. Очень хочется с ним отвести душу и поговорить языком, понятным для нас! Я не могу выучиться здешнему пошлому разговору, особливо относительно искусства» (Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 135).

¹³⁸ 17 октября 1839 г. (см. выше коммент. к описанию С. Т. Аксаковым событий, относящихся к осени 1839 г.). Состав исполнителей на этом представлении был почти тот же, что и на состоявшейся в отсутствие Гоголя московской премьеры «Ревизора» 25 мая 1836 г. (см. в наст. изд. коммент. к письму М. С. Щепкина к И. И. Сосницкому от 26 мая 1836 г., письмо Н. П. Огарева к А. И. Герцену от 18 октября 1839 г. и коммент. к мемуарам А. Т. Тарасенкова «Н. В. Гоголь в последнее время жизни»). Таким образом, спектакль 17 октября 1839 г. был для самого Гоголя, по сути, «премьерой» его комедии на московской сцене. Судя по гоголевской реакции, его впечатление от спектакля было, вероятно, сходным с тем, какое он испытал в 1836 г. от петербургской постановки. По-видимому, это послужило Гоголю одним из толчков к позднейшей переработке комедии и появлению авторских комментариев к ней. Как бы предчувствуя непонимание комедии у своих современников, писатель начал делать объяснения к «Ревизору» сразу по его завершению. К первому изданию пьесы 1836 г. он предпослал заметку «Характеры и костюмы. Замечания для гг. актеров»; в том же году написал письмо о постановке «Ревизора» к А. С. Пушкину («Отрывок...» из этого письма был опубликован им в 1841 г.); тогда же, в 1836 г., был начат «Театральный разъезд после представления новой комедии», напечатанный в 1842 г. Тесно связана с содержанием и сценической историей «Ревизора» написанная в то время Гоголем статья «Петербургская сцена в 1835–36 г.». К эпохе первой постановки пьесы восходит (по свидетельству Гоголя в письме к И. И. Сосницкому от 2 ноября (н. ст.) 1846 г.) и драматическая «Развязка Ревизора», которая сделалась известной друзьям Гоголя в 1846 г. В 1846 г., вероятно, был написан еще один автокомментарий — «Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора»» (последние два произведения были опубликованы посмертно). (См. также в наст. изд. коммент. к письму М. С. Щепкина И. И. Сосницкому от 28 апреля 1836 г.) Следует при этом подчеркнуть, что одно из самых значимых авторских толкований комедии — «Развязка Ревизора» — отнюдь не является следствием якобы изменившегося в последние годы мировоззрения писателя, но органически вытекает из всего предшествующего творчества Гоголя. Об этом свидетельствует тот факт, что идеи, высказанные здесь, были изложены им ранее — почти в той же последовательности — в одиннадцатой главе «Мертвых душ» за пять лет до написания пьесы (см. коммент. в изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 3–4. С. 553–554). Этому соответствует и сделанное еще ранее В. И. Шенроком наблюдение, что сам стиль «Развязки» («Ну, а что, если это наш же душевный город и сидит он у всякого из нас?») во многом напоминает выражения Гоголя в письме к С. Т. Аксакову от 6/18 августа 1842 г. («Как можно знать, что нет, может быть, тайной связи между сим моим сочинением <«Мертвыми душами»> <...> и между сим отдаленным путешествием?» (паломничеством в Иерусалим) (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1898. Т. 4. С. 106). Значение «Развязки Ревизора» оказывается, таким образом, гораздо шире, чем просто истолкование «Ревизора», она представляет собой некий автокомментарий ко всему гоголевскому творчеству. См. также в наст. изд. коммент. к статье А. Н. Афанасьева «М. С. Щепкин и его записки», а также статью: *Виноградов И. А.* Завязка Ревизора // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 3–4. С. 618–655.

¹³⁷ Предположительно, в субботу 14 февраля 1842 г. (см. в наст. изд. коммент. к письму С. П. Шевырева М. П. Погдину от 4 февраля 1842 г.).

¹³⁸ Предположительно, в четверг 19 февраля 1842 г. (см. в наст. изд. коммент. к письму С. П. Шевырева М. П. Погдину от 4 февраля 1842 г.).

¹³⁹ Ольга Федоровна Кошелева (рожд. Петрово-Солоново, 1816–1893), жена А. И. Кошелева.

¹⁴⁰ См. в наст. изд. коммент. к «Воспоминаниям А. В. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока».

¹⁴¹ Николай Николаевич Боборыкин (около 1812 — 1888), поэт.

¹⁴² Елизавета Васильевна (рожд. Вагнер).

¹⁴³ Винсент Присниц (1790–1851), врач, один из основателей гидротерапии, владелец долечевницы в Грэфенберге, местечке при подошве Судетских гор, в Австрийской Силезии, близ городка Фрейвальдау. См. о нем: Жизнеописание Викентия Присница, с портретом его. Соч. доктора Ю. Э. Зелингера. Перевод с немецкого. Издание В. Н. Дошенко. СПб., 1853.

¹⁴⁴ Братья Иван Васильевич и Петр Васильевич и их сестра Марья Васильевна Киреевские.

¹⁴⁵ Вероятно, Авдотья Петровна Елагина (рожд. Юшкова, в первом браке Киреевская) и ее сын Василий Алексеевич Елагин (1818–1879).

¹⁴⁶ С автографом: «Имениннику от Гоголя».

¹⁴⁷ В бумагах Н. Н. Шереметевой сохранились три записки к ней А. П. Елагиной от апреля 1840 г., связанные с помещением сестры Гоголя к П. И. Раевской, из которых следует, что личное знакомство Шереметевой с Гоголем в 1840 г. все-таки состоялось (см. в наст. изд. раздел *Гоголь в письмах А. П. Елагиной*, а также статью Е. Н. Бастамовой «Из личных воспоминаний о Н. В. Гоголе»).

¹⁴⁸ Письмо не сохранилось.

¹⁴⁹ См. также в наст. изд. письмо Е. М. Хомяковой к Н. М. Языкову от 16 ноября 1841 г.

¹⁵⁰ Сильвестр.

¹⁵¹ «Как устанавливается, Е. А. Свербеева в 1843 г., узнав о нежелании своего мужа оказать материальную помощь Гоголю, передала для него свои личные деньги (“История”, 107). Имя Свербеевых перед печатанием воспоминаний Аксакова было вырезано И. С. Аксаковым или П. И. Бартеневым из рукописи и заменено инициалом Д., так как Свербеева во время печатания “Истории моего знакомства с Гоголем” была еще в живых. Вырезанные клочки бумаги с именами Е. А. Свербеевой и ее мужа обнаружены нами в архиве Аксаковых (ЛБ)» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 682).

¹⁵² От 29–30 мая 1842 г. См. в наст. изд. раздел «Гоголь в письмах В. С. Аксаковой к родным 1839–1847 гг.».

¹⁵³ Имеется в виду стихотворение «Россия под игом татар», о котором со слов М. И. Гоголь сообщали также: В. С. Аксакова в письме к М. Г. Карташевской от 29–30 мая 1842 г., Г. П. Данилевский в статье «Хуторок близ Диканьки»; сама М. И. Гоголь в письме к С. П. Шевыреву от 24 февраля 1853 г. (см. в наст. изд.).

¹⁵⁴ Портрет Гоголя работы Ф. А. фон Моллера 1841 г.

¹⁵⁵ Письмо не сохранилось.

¹⁵⁶ 25–26 мая 1842 г.

¹⁵⁷ Речь идет о статье К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души», вышедшей отдельным изданием (М., 1842). О восприятии брошюры К. С. Аксакова современниками см. в наст. изд. коммент. к письму К. С. Аксакова Ю. Ф. Самарину от конца мая 1842 г.

¹⁵⁸ Имеется в виду драма из эпохи Богдана Хмельницкого.

¹⁵⁹ Николай Иванович Васьков, вице-губернатор Псковской губернии (ранее — прокурор); в 1843–1850 гг. — вице-губернатор Санкт-Петербурга.

¹⁶⁰ О том, что М. П. Погодин в последний момент «испугался» и не поместил статьи К. С. Аксакова в журнале, хотя она «уже была набрана», писал К. С. Аксаков М. П. Погодину от 5-6 июля 1842 г. (см.: *Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика* / Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. В. А. Кошелева. М., 1995. С. 491). Цензурная история брошюры К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842. Июня 16 1842. Цензурное разрешение 7 июля. Цензор Н. Крылов. 19 с.) отражена в «Журналах заседаний Московского цензурного комитета» за июль 1842 г. Из этой истории следует, что статья К. С. Аксакова была представлена в цензуру еще в июне 1842 г., следовательно, действительно предназначалась для журнала, так как М. П. Погодин отказал Аксакову в публикации лишь 4 июля.

«Июля 3-го дня <...> Представлены были <в июне>: Рукописи: <...> Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. Определено: Поручить рассмотреть Г. Цензору Крылову. <...>

Июля 10-го дня <...> Одобрены к напечатанию <...> с 9 по 16 число Июня Г. Цензором Крыловым рукопись: Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. Определено: Выдать представившим. <...>

Июля 24-го дня <...> с 17 по 24 число сего Июля месяца выданы были Г. Г. Ценсорми билеты на выпуск в свет отпечатанных книг и нот; а именно: <...> Г. Ценсором Крыловым на книгу: Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 169. Л. 27 об., 31, 37 об.).

¹⁶¹ См. в наст. изд. разделы «Из дорожного дневника М. П. Погодина 1842 г.» и «Из статьи “Поездка профессора Погодина за границу в 1842 году”».

¹⁶² Письмо не сохранилось.

¹⁶³ В. И. Шенрок, комментируя слова Гоголя в письме к С. Т. Аксакову: «Я боялся за вас <...>, чтобы вы, сидя над прудом, не простудились», — отмечал, что рыбную ловлю «страстно любил не только сам С. Т. Аксаков, но и все его семейство» (Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 4. С. 409). Н. М. Языков 14 июля 1845 г. сообщал Гоголю: «Аксаковы переехали в деревню близ Троицкой Лавры (речь идет об имении Абрамцево в 12-ти верстах от Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, приобретенном С. Т. Аксаковым в конце 1843 г. — И. В.) и занимаются ужением рыбы; у них цветет благоденствие и сладчайшая деревенская жизнь». И. С. Аксаков в письме к родным от 2 июля 1849 г. также, в частности, спрашивал: «Что возражает Константин на мои письма? Что придумал он нового, сидя за дочкой?» (Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 28). Гоголь в наброске к речи генерал-губернатора в заключительной главе второго тома «Мертвых душ» обращался к своим читателям: «Земля не возделывается. Россия до сих пор остается в первоначальном пустынном виде. Нет, не возможно [это ужение] обратиться в рыбарей и удить рыбу. Следует оставить заботу о частной и личной <жизни> и нужно вспомнить о бедной России».

¹⁶⁴ И. С. Аксаков.

¹⁶⁵ Покойного М. С. Аксакова.

¹⁶⁶ См. в наст. изд. коммент. к письму К. С. Аксакова Ю. Ф. Самарину от конца мая 1842 г.

¹⁶⁷ И. С. Аксакову.

¹⁶⁸ Н. Г. Карташевская (в замужестве Маркевич).

¹⁶⁹ См. также в наст. изд. отрывок из письма М. П. Погодина к С. Т. Аксакову от 1 октября 1842 г. в коммент. к статье М. П. Погодина «Литературные новости». «Здесь кстати напомнить, что К. С. Аксаков учился в частном пансионе Погодина» (Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 76).

¹⁷⁰ Письмо Гоголя к П. В. Нащокину от 20–29 июля (н. ст.) 1842 г. из Гастейна.

¹⁷¹ Имеется в виду церковный календарь, с приложениями, издававшийся в Москве в 1825, 1839 и 1843 гг. Об этом издании Гоголь узнал из февральского номера «Ведомостей Санкт-Петербургской городской полиции» за 1844 г. (от 10 февраля. № 10), сохранившегося в его бумагах: «У книгопродавца Свешникова, в Гостином Дворе, по Невскому Проспекту, в лавках под №№ 4 и 16-м, продаются: Памятник Веры, представляющий празднества, установленные Святым угодникам, с описанием их жития. С присовокуплением текстов Священного писания, размышлений и стихотворений для упражнения в Богомыслии. С приложением листков для записывания мыслей и поступков и с прибавлением описания икон Богородицы, неисходимой Пасхалии, сведений о Епархиях в России, известий о всех церквях С.-п.-б. и Москвы, и изображений Святых, на каждый день, и чудотворных икон Богородицы. М. 1843 г. Ц<ена> в переплете 4 р<убля> 30 к<опеек> сер<ебром>».

¹⁷² Книга Василия Петровича Андросова (1803–1841) «Хозяйственная статистика России» (М. 1827).

¹⁷³ Гоголь имел в виду «Материалы для статистики Российской империи, издаваемые при Статистическом отделе Совете Министерства внутренних дел» (СПб., 1839–1841).

¹⁷⁴ Так ошибочно называли Г. К. Котошихина (ум. в 1667), автора книги «О России в царствование Алексея Михайловича» (1-е изд. — Археографической комиссии. СПб., 1840).

¹⁷⁵ Согласно авторской копии письма В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 16 сентября 1842 г. (см. в наст. изд.), это произошло 11 сентября 1842 г.

¹⁷⁶ Примечания, сделанные С. Т. Аксаковым на копии этого письма Гоголя, см. в наст. изд. в подстрочном коммент. к «Кратким сведениям и выпискам из писем для биографии Гоголя» С. Т. Аксакова, а также в основном тексте в подстрочных коммент. к наст. письму.

¹⁷⁷ От 3–5 июля 1842 г.

¹⁷⁸ Имеется в виду чтение Гоголем последних пяти глав первого тома «Мертвых душ» во второй половине октября — ноябре 1841 г. в доме М. П. Погодина.

¹⁷⁹ Паломничество во Святую Землю. Позднее объяснения этой части письма Гоголь повторит в «Авторской исповеди» (1847).

¹⁸⁰ Парафраз слов Спасителя, переданных св. апостолом и евангелистом Матфеем: «...Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (гл. 18, ст. 20).

¹⁸¹ См. также об этом в наст. изд. в коммент. к письму С. Т. Аксакова А. О. Смирновой от 31 марта 1846 г.

¹⁸² Герцог Торлони (*ит.*).

¹⁸³ См. в коммент. выше черновой набросок оставленного С. П. Шевыреву «регистра» долгов Гоголя, сохранившийся в его записной книжке 1842–1852 гг.

¹⁸⁴ На самом деле письмо Гоголя представляет собой ответ на приведенное выше письмо С. Т. Аксакова от 3–5 июля 1842 г.

¹⁸⁵ Имеются в виду следующие строки в зачине седьмой главы: «И далеко еще то время, когда иным ключом грозная вьюга вдохновенья подымется из облеченной в святой ужас и в блистанье главы и почуют в смущенном трепете величавый гром других речей...»

¹⁸⁶ В начале ноября 1842 г.

¹⁸⁷ *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.). С. 207–228; *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8 (цензурное разрешение 22 авг.). С. 346–376.

¹⁸⁸ *Шевырев С.* Критический перечень произведений Русской Словесности за 1842 год // Москвитянин. 1843. № 1. С. 282–286. В статье Шевырев писал по поводу «Мертвых душ»: «...Одна из прекрасных, Христианских сторон Русского характера и Русского духа есть всегдашняя готовность сознавать открыто свои народные недостатки. В некоторых лицах доходит оно, может быть, до вредной крайности, унижающей вместе с недостатками и самое существо Русского духа; но в массе происходит от доброго источника. Сознавайте народные пороки, признавайте недостатки Отечества, трудитесь денно и ночью за тем, чтобы их уничтожить; но признавайте с тем вместе внутреннее, неизменное, Богом и Христом Его данное и освященное существо Русского человека. Так действовал и Петр: тем и велик он, что сознал недостатки своего народа, но с тем вместе питал и веру в славное его грядущее. Что в великом явилось в огромном размере, то в каждом малом из нас должно повториться. <...> Да, Россия, как истинный Христианин, чем открытее, чем глубже будет исповедывать внутренние свои недостатки, чуждая всяких оболщений, могущих вредить ее успеху, — тем выше станет она перед лицом всех народов... Не бойся, не скрывай она никаких язв своих, а сознавай и лечи их скорым врачеванием... Лишь бы верила она в то, что коренное существо ее свято и вечно, и принадлежит не ей, а Самому Богу, давшему ей не даром такое огромное место и может быть, тысячелетиями неисчерпаемое назначение в мире».

¹⁸⁹ См. в наст. изд. коммент. к письму К. С. Аксакова Ю. Ф. Самарину от конца мая 1842 г.

¹⁹⁰ Имеется в виду рецензия В. Г. Белинского «Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова, или Мертвые души”» (Отечественные Записки. 1842. № 8). К. С. Аксаков ответил на нее «Объяснением» (Москвитянин. 1842. № 9), после чего последовало «Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”» Белинского (Отечественные Записки. 1842. № 11).

¹⁹¹ Вместе с брошюрой «Несколько слов о поэме Гоголя “Мертвые души”» (М., 1842) К. С. Аксаков посылал Гоголю свою статью «Объяснение» (Москвитянин. 1842. № 9). В брошюре К. С. Аксаков писал: «...Глубоко значение, являющееся нам в “Мертвых Душах” Гоголя! Перед нами возникает новый характер создания, является оправдание целой сферы поэзии, сферы, давно унижаемой; древний эпос восстает пред нами» (Аксаков К. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. М., 1842 (подпись под текстом: Москва, июня 16 1842; цензурное разрешение 1 июля). С. 1). В «Объяснении» К. С. Аксаков пояснял: «Отнимите у эпического созерцания прекрасную жизнь, с которой некогда прямо соединялось оно; представьте пред ним современную жизнь, уже не прекрасную, уже опустевшую, ибо перешагнули за нее, перешагнув за сферу художественной красоты, интересы человека, и глубокое созерцание поэта необходимо примет юмор, то посредствующее, что одно может соединять его еще с жизнью (без чего бы оно отворотилось и закрыло глаза, да позволено будет это выражение), примет юмор, *но вместе с тем сохраняя в себе свой характер всевидения и, в то же время, свою справедливость к жизни, умея везде находить ее сквозь юмор.* Только при последних условиях эпическое созерцание полно, истинно, и вместе может быть современно, ибо характер его не препятствует современному определению; и мы в таком виде находим его у Гоголя» (Аксаков К. Объяснение // Мо-

сквитянин. 1842. № 9 (подпись под текстом: 17 авг. 1842. Москва; цензурное разрешение 25 сентября). С. 226). См. также в наст. изд. коммент. к письму И. С. Аксакова отцу от 1 декабря 1845 г.

¹⁹² Позднее Ф. М. Достоевский в письме к Н. Н. Страхову от 30 мая (н. ст.) 1871 г. замечал о В. Г. Белинском: «Я помню мое юношеское удивление, когда я прислушивался к некоторым чисто художественным его суждениям (н<a>-прим<ер>, о “Мертв<ых> душах”). Он до безобразия поверхностно и с пренебрежением относился к типам Гоголя и только рад был до восторга, что Гоголь *обличил*» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 29. Кн. 1. С. 215). П. В. Анненков в «Замечательном десятилетии» также свидетельствовал: «...Белинский <...> как бы считал своим жизненным призванием <...> отстранить и уничтожить попытки к допущению каких-либо других, смягчающих выводов из знаменитого романа, кроме <...> строго обличающих...» (см. в наст. изд.). «Когда мы хвалили сочинения Гоголя, — заявлял в 1847 г. сам Белинский в статье, посвященной “Выбранным местам из переписки с друзьями”, — то не ходили к нему справляться, как он думает о своих сочинениях...» (*Белинский В. Г.* Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя // *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. С. 237). Еще более определенно на этот счет высказался В. П. Боткин в письме к П. В. Анненкову от 28 февраля 1847 г.: «...В русской литературе есть направление, с которого не совратить ее и таланту посильнее Гоголя; русская литература брала в Гоголе то, что ей нравилось, а теперь выбросила его, как скорлупку выеденного яйца» (см. в наст. изд.).

¹⁹³ Письмо написано около 29 ноября (н. ст.) 1842 г. в Риме.

¹⁹⁴ 8 февраля 1843 г.

¹⁹⁵ 11 декабря 1842 г. цензоры А. В. Никитенко и С. С. Куторга по жалобе графа П. А. Клейнмихеля приказом Императора были арестованы и посажены на одну ночь на гауптвахту за разрешение повести П. В. Ефеевского «Губернантка», напечатанной в № 8 «Сына Отечества» за 1842 г. В повести было усмотрено оскорбление офицества.

¹⁹⁶ В действительности «Сочинения» Гоголя в четырех томах были разрешены цензурным комитетом без вмешательства Императора Николая I.

¹⁹⁷ С. П. Шевырев, в свою очередь, писал Гоголю 29 марта 1843 г.: «Я еще все собирался благодарить тебя за впечатление, которое произвели на меня “Игроки” Это чудное и полное создание. Пьеса так была превосходно разыграна, как еще не была ни одна на московском театре. Тому содействовали первый С. Т. Аксаков превосходным чтением пьесы, второй М. С. Щепкин. <...> “Женитьба” имела успех также, но я нахожу, что распределение ролей в этой пьесе было неудачно».

¹⁹⁸ Василий Игнатьевич Живокини (1808–1874), артист Малого театра.

¹⁹⁹ Такое согласие было получено (см. ниже ответное письмо Гоголя С. Т. Аксакову из Рима от 18 марта (н. ст.) 1843 г.).

²⁰⁰ Алексей Николаевич Верстовский (1799–1862), композитор.

²⁰¹ Александр Евстафьевич Мартынов (1816–1860), актер Александринского театра.

²⁰² Прасковья Ивановна Орлова (рожд. Куликова, 1815–1900), артистка Малого театра.

²⁰³ Елена Матвеевна Кавалерова (рожд. Воробьева), артистка Малого театра.

²⁰⁴ Аграфена Тимофеевна Сабурова (рожд. Окунева) (1795–1867), артистка Малого театра.

²⁰⁵ Кроме пьес Гоголя, в бенефис Щепкина был поставлен переведенный с французского водевиль «Подставной и отставной».

²⁰⁶ Действующие лица «Игроков».

²⁰⁷ Дмитрий Тимофеевич Ленский (1805–1860), водевилист и артист Малого театра.

²⁰⁸ Павел Степанович Мочалов (1800–1848), московский трагик.

²⁰⁹ По наблюдению В. И. Шенрока, «осуждение Н. Ф. Павловым “Игроков” за то, что эта пьеса вовсе не комедия, а трагедия», а также мнение Павлова о том, что ее «не следовало <...> печатать», использовано Гоголем в «Развязке Ревизора», будучи в несколько измененном виде отнесено к «Ревизору»: «Гоголь заставил там Петра Петровича воскликнуть: “Признаюсь на меня *ни одна трагедия*, не производила такого печального, такого тягостного, такого безотрадного чувства»» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1898. Т. 4. С. 102; см. также следующее примечание). К. П. Масальский, в свою очередь, замечал по поводу авторского определения жанра «Мертвых душ»: «Мы не понимаем, почему *Мертвые души* названы поэмой. <...> Если *Похождения Чичикова* поэма, то мы не видим препятствия назвать *Ревизора* трагедией в пяти действиях» (<*Масальский К. П.*> *Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя // Сын Отечества. 1842. № 6. Отд. 6. С. 5*). Проникнутое иронией замечание К. П. Масальского на самом де-

ле было не далеко от истины. Гоголь действительно видел в «Ревизоре» не простую комедию, но «комедию-трагедию» (подробнее об этом см.: *Виноградов И. А.* Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы миросозерцания. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. С. 293–295). Трагизм гоголевской «комедии» почувствовал по-своему и В. Г. Белинский, — понимая всё, однако, лишь в политическом значении — ища, как всегда, «нравоченья для *других*, а не для себя». В статье «Александринский театр. Щепкин на Петербургской сцене» (1844), критик замечал: «...Разделение театральных пьес на трагедии и комедии в том смысле, как вы его понимаете, ложно. “Ревизор” Гоголя столько же трагедия, сколько и комедия. Что чувствуете вы, когда в последнем акте торжествующий городничий “распекает” купцов?.. <...> ...Представьте <...> себе такого человека действительно генералом... захочется ли вам смеяться?..» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 9 т. М., 1981. Т. 7. С. 505). Об этом же Белинский размышлял и в 1840 г. в статье «Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова»: «Сделайся наш городничий генералом... <...> тогда из комедии могла бы выйти трагедия для “маленького человека”...» (Там же. Т. 2. С. 226).

²¹⁰ Эпиграф («На зеркало неча пенять, коли рожа крива. Народная пословица») впервые появился в издании «Сочинений» 1842 г. Восклициания М. Н. Загоскина отразились в гоголевской «Развязке Ревизора» (реплика Семена Семеновича). По замечанию В. И. Шенрока, в целом настоящее письмо С. Т. Аксакова «замечательно <...> в том отношении, что оно до некоторой степени проливает свет на возникновение пьесы “Развязка Ревизора”, подобно тому как “Театральный Разъезд” воспроизводит толки, вызванные первым представлением “Ревизора” в 1836 году...» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1898. Т. 4. С. 100).

²¹¹ В те же дни февраля 1843 г. М. Н. Загоскин писал О. Сем. Аксаковой: «Возвращаю вам с благодарностью 4-й том сочинений Гоголя. — Сцена *Игроки* хороша и за нее от всей души спасибо Гоголю. Души и топчи в грязь разбойников и лентяев — тем более, что эти привилегированные воры везде есть. Но конечно во всей Европе нет нигде, кроме России — извините! — кроме как в плохой комедии *Женидьба* <так в автографе> — морского офицера, который полагал бы, что в Италии говорят по-французски. Уж то-то и есть, полно рожа ли крива, не криво ли зеркало?» (Лики Гоголя. Фотоальбом. Под общ. ред. М. С. Гомозковой. Авторы-составители Е. М. Варенцова, С. П. Белехова, В. Н. Куделина, Н. Г. Прохоров. М., 2009. С. 135; датировка письма уточнена).

²¹² Речь идет о второй редакции «Тараса Бульбы», опубликованной в «Сочинениях» 1842 г.

²¹³ Письма к М. С. Щепкину от 28 ноября (н. ст.) и от 3 декабря (н. ст.) 1842 г.

²¹⁴ Письмо к С. Т. Аксакову, написанное около 29 ноября (н. ст.) 1842 г., не сохранилось.

²¹⁵ См. в наст. изд. коммент. к письму К. С. Аксакова Ю. Ф. Самарину от конца мая 1842 г.

²¹⁶ Имеется в виду письмо Гоголя к С. П. Шевыреву от 28 февраля (н. ст.) 1843 г. из Рима.

²¹⁷ Имеется в виду второе издание первого тома «Мертвых душ».

²¹⁸ См. в наст. изд. письмо О. Сем. Аксаковой к М. И. Гоголю от 19 марта 1843 г.

²¹⁹ См. в наст. изд. раздел «Документы об оказании Гоголю Императором Николаем I денежного пособия в 1837 г.».

²²⁰ Письмо от 28 февраля (н. ст.) 1843 г. из Рима.

²²¹ См. в наст. изд. заметку М. П. Погодина «Литературные новости».

²²² Письмо датируется апрелем (н. ст.) 1843 г.

²²³ Письмо к М. И. Гоголю от второй половины марта — апреля 1843 г. из Рима.

²²⁴ Не сохранились.

²²⁵ Письмо от 7/19 апреля 1843 г. из Рима.

²²⁶ Письмо не сохранилось.

²²⁷ Письма к О. Сем. и К. С. Аксаковым, вложенные в несохранившееся письмо Гоголя к С. Т. Аксакову около 29 ноября (н. ст.) 1842 г., сохранились.

²²⁸ Речь идет о письмах Гоголя к М. И. Гоголю от 23 апреля (н. ст.) 1846 г. и к М. И., А. В., Е. В. и О. В. Гоголю от 1 мая (н. ст.) 1846 г.

²²⁹ Письмо Гоголя к матери от 25 ноября (н. ст.) 1845 г., приложенное к письму С. Т. Аксакову от того же числа, до нас не дошло.

²³⁰ Очевидно, что к рассмотрению характера взаимоотношений с Гоголем в период 1846 г., едва освещенный в «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя», С. Т. Аксаков при создании «Истории нашего знакомства с Гоголем...» не обращался.

²³¹ Письмо от 24 мая (н. ст.) 1843 г. из Гастейна.

²³² Письмо до нас не дошло. Сохранилась расписка банкира Ценкера от 13 марта 1843 г. (на фр. яз.) в получении от С. Т. Аксакова 1000 рублей серебром для перевода Гоголю в Рим (см.: Гоголь Николай Васильевич (1809–1852). Опись документальных материалов личного фонда № 139. Под ред. Н. И. Прокофьева / Главное архивное управление МВД СССР. Центральный государственный литературный архив СССР <ныне — РГАЛИ>. М., 1951. С. 10).

²³³ Письмо не сохранилось. Ответ Гоголя на это несохранившееся письмо С. П. Шевырева отправлен из Гастейна 17 мая (н. ст.) 1843 г.

²³⁴ Имеется в виду письмо, отправленное около 29 ноября (н. ст.) 1842 г.

²³⁵ Марья Дмитриевна Ховрина (1801–1877), хозяйка московского литературного салона, посещавшегося славянофилами и западниками.

²³⁶ Сведения о чтениях К. С. Аксакова Гоголь почерпнул из недошедшего до нас письма к нему матери. Ср. в наст. изд. письмо О. Сем. Аксаковой к М. И. Гоголю от 19 марта 1843 г. Позднее Гоголь посвятил этим чтениям в «Выбранных местах из переписки с друзьями» статью *V. Чтения русских поэтов перед публикою*.

²³⁷ Письмо Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову от второй половины октября 1842 г., отправленное К. С. Аксаковым Гоголю в апреле 1843 г. (см. в изд.: *Понов Нил*. Письма Юрия Федоровича Самарина. (1840–1845) // Русский Архив. 1880. Кн. 2. С. 241–332; *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь в неизданных его письмах, а также в письмах его друзей // Русская Старина. 1890. № 2. С. 421–425; *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 12. С. 227–231).

²³⁸ Прочитав эти строки, К. С. Аксаков писал Ю. Ф. Самарину: «Слова Гоголя породили во мне некоторую недоверчивость, которая и без того, вероятно, возбудилась бы» (*Кошелев В. А.* «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. 1976. № 3. С. 87).

²³⁹ Замечание С. Т. Аксакова, что под «печатной» статьей о «Мертвых душах» Гоголь в своей записке к К. С. Аксакову от 24 мая (н. ст.) 1843 г. имеет в виду «печатную брошюрку Константина», т. е. его брошюру «Несколько слов о поэме Гоголя “Мертвые души”», ошибочно. На самом деле Гоголь в своей записке подразумевает отдельный оттиск статьи К. С. Аксакова «Объяснение» (Москвитянин. 1842. № 9). См. в наст. изд. коммент. к письму К. С. Аксакова Ю. Ф. Самарину от конца мая 1842 г.

²⁴⁰ Письмо написано 20–22 июня (н. ст.) 1843 г. в Эмсе. Дата и место отправления послания устанавливаются на основании почтового штемпеля (см.: *Падерина Е. Г.* Затруднительное положение с «Дядькой в затруднительном положении» // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М., 2009. Вып. 2. С. 201).

²⁴¹ Гоголь имеет в виду свое письмо к матери от второй половины марта — апреля 1843 г. из Рима.

²⁴² Князь Николай Иванович Мещерский (1798–1862), отставной гвардии полковник, разбитый параличом и левившийся за границей.

²⁴³ Статьи С. П. Шевырева «Об отношении семейного воспитания к государственному. Речь, произнесенная в Торжественном Собрании Императорского Московского Университета 18 июня 1842» (Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.); Журнал Министерства Народного Просвещения (1842. Ч. XXXV. Отд. II) и «Критический перечень произведений русской словесности за 1842 год» (Москвитянин, 1843. № 1–3).

²⁴⁴ Содержание сделанных П. А. Кулишом выписок из недошедших до нас писем графа А. П. Толстого к Гоголю позволяет судить об обратном влиянии: не Гоголь Толстому, а Толстой Гоголю был обязан своим духовным образованием (см. в наст. изд. коммент. к статье И. Родионова «Воспоминания В. А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе»).

²⁴⁵ Графиню Анну М. Виейлгорскую.

²⁴⁶ Графиню С. М. Соллогуб (рожд. графиню Виейлгорскую).

²⁴⁷ Александру Осипову.

²⁴⁸ Письма не сохранились.

²⁴⁹ Не сохранилось.

²⁵⁰ Ольга Сергеевна Аксакова (1821–1861), больная дочь С. Т. и О. Сем. Аксаковых.

²⁵¹ В Мариенбаде Погодин провел две недели летом 1839 г. (см. в наст. изд. раздел «Из книги “Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина”» и «Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым» М. П. Погодина).

²⁵² Бывший масон поэт Ф. Н. Глинка увлекался мистикой и спиритизмом.

²⁵³ М. П. Погодин побывал Васильевке 16–17 июля 1842 г., во время своей поездки по Украине (см. в наст. изд. разделы «Из дорожного дневника М. П. Погодина» и «Из статьи “Поездка пр<офессора> Погодина за границу в 1842 году”»).

<...> Любимые Гоголем украинские народные
песни (по воспоминаниям С. Т. Аксакова,
О. М. Бодянского, М. А. Максимовича)>
Фрагмент из «Записок о жизни
Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша

<...> Осенью 1849 года М. А. Максимович, соскучась жить в своей живописной, но пустынной и отдаленной от больших дорог усадьбе над Днепром, переехал в Москву, к старым своим знакомым и друзьям. Пребывание Гоголя в Москве было для него одною из главных побудительных причин к этой поездке. Гоголь вел жизнь уединенную, но любил посидеть и помолчать в кругу хорошо известных ему людей и старых приятелей, а иногда оживлялся юношескою веселостью, и тогда не было предела его затейливым выходкам и смеху. Особенно привлекал его к себе дом Аксаковых, где он слушал и сам певал народные песни. Гоголь до конца жизни сохранил страсть к этим произведениям поэзии и, по возвращении из Иерусалима, более полугода брал уроки сербского языка у О. М. Бодянского, для того, чтоб понимать красоты песен, собранных Вуком Караджичем. Песня русская вообще увлекала его сердце непобедимою силою, как живой голос всего огромного населения его отечества. Это нам хорошо известно из его собственных признаний. «Я до сих пор (говорит он) не могу выносить тех заунывных, раздирающих звуков нашей песни, которая стремится по всем беспредельным русским пространствам. Звуки эти вьются около моего сердца»¹. Но к малороссийской песне он сохранил чувство, подобное тому, какое остается в нашей душе к прекрасной женщине, которую мы любили в ранней молодости. <...> Так я объясняю увлечение, с каким Гоголь перед концом своей жизни слушал и певал украинские песни. Приглашая своего земляка и знатока народной поэзии, О. М. Бодянского, на вечера к Аксаковым, которые он посещал чаще всех других вечеров в Москве, он обыкновенно говаривал: «Уьемся песнями нашей Малороссии», и действительно он *упивался* ими, так что иной куплет повторял раз тридцать сряду, в каком-то поэтическом забытьи, пока наконец¹¹ надоедал самым страстным любителям малороссийских песен.

Какие же песни особенно любил Гоголь? Со временем предание об этом исчезнет, и мы не будем знать, какие мотивы, какие мелодии трогали струны чуткой души поэта. А может быть, на родине почитатели его таланта, в воспоминание о нем, пожелали бы петь именно те песни, которыми он «упивался». В самом деле, чем лучше почтить память поэта, как не песнями? Назовем эти песни Гоголевыми¹¹¹.

¹ «Выбранные места из переписки с друзьями», стр. 135. — Примеч. П. А. Кулиша.

¹¹ Далее в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» (Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7. С. 113) было: всем надоедал, и земляки останавливали его словами: «Гбди, гбди, Мыкболо!» (полно, полно, Николай!)

¹¹¹ В своем исчислении Гоголевых песен я руководствовался указанием трех авторитетов: С. Т. Аксакова, О. М. Бодянского и М. А. Максимовича. — Примеч. П. А. Кулиша.

1

Не буду я женытися,
 Бо що мини з того?
Не стає мни десять грошей
 До пив-золотого...

2

Ой знаты, знаты,
Хто кого любить:
Блызенько сидає
Та й прыголубыть...

3

Казала Солоха прыйды,
Щось дам, щось дам...

4

Зчорнив я, змарнив я,
 По полю ходячы,
За тобою, дивчынонько,
 Тужачы, тужачы...¹

5

Чы ты ж мене, моя маты,
 На мисти купыла,
Що всим дала по доленьци,
 А мене втопыла?..²

6

Журылася попада³
 Своею бидою...⁴

7

Ой дивчыно серденько, чыя ты?
Ой чы вийдешь на юльцю гуляты?⁵

8

Ой посияв мужык
Та й у поли ячминь;
Мужык каже: «Ячминь»;
Жинка каже: «Гречка;
Не мов мини ни словечка,
Нехай буде гречка!..»⁶

9

Ой россердывся мий милый на мене...⁷

Эта песня переведена им на русский язык в статье «О малороссийских песнях»¹, как образец «глубины чувств», выражающейся в украинской народной поэзии. Она была известна ему с детства, и он любил припоминать, от кого и как он ей научился.

10

Та орав мужык край дороги,
А в ёго волы крутороги...⁸

11

Ой ты живеш на гироньци,
А я пид горою;
Ой чы тужыш так за мною,
Як я за тобою?..

12

Ой беда, беда
Чайци небози⁹,
Що вывела диткы
Пры бытий дорози!..¹⁰

13

Болыт моя головонька
Од самого чола:
Не бачыла мыленького
Ни тепер, ни вчора...

¹ «Арабески», ч. II, стр. 101. — *Примеч. П. А. Кулиша.*

14

Полюбыла Петруся
Та й сказаты боюся...

15

Одна гора высокая,
А другая нызька:
Одна мыла далекая,
А другая близька...¹¹

16

Чы се тьи чоботы,
Що зять дав?
А за тьи чоботы
Дочку взяв...¹²

17

Да чы я в лузи не калына була,
Да чы я в лузи не червона була?

18

Ой на двори метельця,
Чому старый не женытця?..¹³

19

Ой оре Семен, оре
Та чорными воламы...

20

Ой не ходы, Грыцю,
На вечорныци:
На вечорныцях
Дивкы чаривныци...¹⁴

21

Ой ходыв чумак
Сим рик по Дону,
Та не було прыгодоньки
Никола ёму...

22

Ой чый же се двир?
Прыточыв бы я свий;
Хорошая, чорнявая —
Я ходыв бы ик ий...¹⁵

23

И дощык иде,
И метельця гуде;
Дивчына козака
Через юлыцю веде...

24

Ой пид вышенькою,
Пид черешенькою
Стояв старый з молодою
Як из ягодою...

25

Ой у поли могола
З витром говорыла:
Повий, витре, ты на мене,
Щоб я не чорнила...

26

Ой на гори
Та женци жнут,
А по-пид горою,
По-пид зеленою
Козаки йдуть...¹⁶

27

Та журба мене зкрушила,
Та журба ж мене зсушила...¹⁷

28

У поли крыныченька,
Холодна водыченька, —
Там чумак воды наповае...

29

Ой кряче, кряче та чорненький ворон.
Та на глибокий долини:
Ой плаче, плаче молодой козаче
Пры нещасливий годины...¹⁸

30

Ой израда кари очы, израда...
Чому ж в тебе, козаченьку, не вся щыра правда?¹⁹

31

Ой пид гаем-гаем,
Гаем зелененьким,
Там орала дивчынонька
Вольком чорненьким...²⁰

32

Гомин гомин по дуброви,
Туман поле покрывае;
Маты сына проганяе...²¹

33

Ой з-пид гаю, гаю,
З-пид чорного гаю,
Ой крыкнулы козаченькы:
«Утикай, Нечаю!»²²

34

Ой ты, дивчыно,
Горда та пышна!
Чом ты до мене
З вечора не вийшла?²³

35

У Києви на рынку
П'ють козаки горилку...²⁴

Самыми любимыми песнями у Гоголя были напечатанные под номерами 12, 21 и 25²⁵; песня под номером 28 была одной из первых, которым Гоголь научился в детстве. Главную его музую в этом случае была его тетка²⁶, о личности которой интересно было бы собрать возможно полные сведения. В жизни Вальтера Скотта играла важную роль тетка его, мисс Анна Скотт, первая поэтическая натура, с которой сблизили его обстоятельства его детства. Может быть, здесь было то же самое. <...>

Список из двадцати семи любимых Гоголем украинских песен был впервые опубликован П. А. Кулишом в статье «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» (см.: <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7. С. 113–115). (Ссылка на «трех авторитетов» — С. Т. Аксакова, О. М. Бодянского и М. А. Максимовича — в этой статье отсутствовала.) В 1854 г. список был расширен до тридцати пяти песен, при этом в него было добавлено четырнадцать песен, в то время как шесть песен из прежнего списка исключены (см. ниже). Список был изменен отчасти вследствие замечаний, высказанных С. Т. Аксаковым в письме к П. А. Кулишу от первой половины декабря 1853 г. по поводу рукописной редакции «Опыта биографии Н. В. Гоголя...» (см. в наст. изд.). В таком виде список был впервые опубликован в изд.: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Николая М. // Современник. Литературный журнал, издаваемый с 1847 года И. Панаевым и Н. Некрасовым. 1854. Т. 44. № 4 (цензурное разрешение 31 марта). Отд. 2. С. 120–124. Перепечатан: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение Николая М. СПб., 1854. С. 168–172; <Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 2. С. 209–215. Печатается по последнему изданию.

¹ Далее в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» были приведены строки еще одной песни: «Гей хороша молодыця моргала на мене: / Покынь, покынь молотыты та ходы до мене» (<Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7. С. 114). В письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г. С. Т. Аксаков заметил: «№ 5. Гей хороша молодица — вовсе не пели» (см. в наст. изд.).

² Куплет этой песни появился лишь в изд.: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Николая М. // Современник. 1854. № 4. Отд. 2. С. 120; см. также: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение Николая М. СПб., 1854. С. 168 (не было в: <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7). См. замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «Вот песни, у нас находящиеся и не поименованные.

Чи ты ж мене, моя маты,
На мисти купила,
Що всим по доленьци,
А мене втопыла?» (см. в наст. изд.).

³ В издании 1853 г.: «Журылася баба...» (<Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7. С. 114).

⁴ Далее в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» были приведены строки еще двух песен: «Сим день молотыгла, / Чех, чех заробыла»; «Ой Семене, Семене, / Ходы, сердце до мене» (<Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7. С. 114). Первая из них снята вследствие замечания С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г. (см. в наст. изд.).

⁵ Куплет этой песни появился лишь в изд.: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Николая М. // Современник. 1854. № 4. Отд. 2. С. 121; см. также: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение Николая М. СПб., 1854. С. 169 (не было в: <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7). См. замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «Вот песни, у нас находящиеся и не поименованные. <...>

О девчина серденько,
чья ты?

Чи выйдешь на улицу
гуляты?» (см. в наст. изд.).

⁶ Куплет этой песни появился лишь в изд.: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Николая М. // Современник. 1854. № 4. Отд. 2. С. 121; см. также: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение Николая М. СПб., 1854. С. 169 (не было в: <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7). См. замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «Вот песни, у нас находящиеся и не поименованные. <...>

Нехай» (см. в наст. изд.).

⁷ Строка из этой песни появилась лишь в изд.: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Николая М. // Современник. 1854. № 4. Отд. 2. С. 121; см. также: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение Николая М. СПб., 1854. С. 169 (не было в: <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7).

⁸ Куплет этой песни появился лишь в изд.: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Николая М. // Современник. 1854. № 4. Отд. 2. С. 121; см. также: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение Николая М. СПб., 1854. С. 169 (не было в: <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7. См. замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «Вот песни, у нас находящиеся и не поименованные. <...>

Да орав мужык край дороги» (см. в наст. изд.).

⁹ Чайке бедняжке.

¹⁰ М. А. Максимович, комментируя эту песню («Чайка»), отмечал: «В летописи Конисского песня сия приписывается Мазепе; по мнению Бантыш-Каменского она сочинена Кальнашем, последним запорожским кошевым атаманом» (Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 108). См. также в наст. изд. письмо М. Г. Карташевской к С. Т. Аксакову от марта 1852 г.

¹¹ Далее в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» были приведены строки еще одной песни: «Горе мини, горе, несчастлыва доле: / Выорала Марусенька мыслоньками поле» (<Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7. С. 114). Снято вследствие замечания С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г. (см. в наст. изд.).

¹² Далее в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» к песне «Чы се тыи чоботы» следовало примечание: «Эту песню любил в особенности Гоголь по одной комической случайности. В числе певиц была одна родом из Рязани. Следуя народному своему выговору, она произносила *щоботы* вместо *чоботы*. Это очень забавляло Гоголя; он не иначе пел эту песню, как по-рязански, и прозвал самоё певицу *ЩЧ бо ты!* Фраза, непереводаемая с малороссийского» (<Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7. С. 114). Примечание было снято вследствие замечания С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «Замечание о чоботах несправедливо. <3 нрзб.> и <2 нрзб.> не всякой <2 нрзб.> дал <1 нрзб.> всем девицы игры проявившихся чувств» (см. в наст. изд.).

¹³ Куплет этой песни появился лишь в изд.: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Николая М. // Современник. 1854. № 4. Отд. 2. С. 122; см. также: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением

нием до сорока его писем. Сочинение *Николая М.* СПб., 1854. С. 170 (не было в: <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7).

¹⁴ См. также воспоминания А. О. Смирновой о том, что она пела Гоголю «известную песню: “Ой не ходы, Грыцю, на вечерныци”» (в наст. изд. «Воспоминания А. О. Смирновой в “Записках о жизни Н. В. Гоголя...” П. А. Кулиша»).

Далее в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» была приведена строка еще одной песни: «А вже чумак дочумаковався» (<Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7. С. 115). Снято вследствие замечания С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г. (см. в наст. изд.).

¹⁵ Далее в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» были приведены строки еще одной песни: «И вчора кулиш, и сьогодні кулиш» (<Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7. С. 115).

¹⁶ Куплет этой песни появился лишь в изд.: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. *Николая М.* // Современник. 1854. № 4. Отд. 2. С. 123; см. также: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение *Николая М.* СПб., 1854. С. 171 (не было в: <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7).

¹⁷ Несмотря на замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «№ 27. Та журба – нет у нас» (см. в наст. изд.), П. А. Кулиш оставил эту песню в списке.

¹⁸ Куплет этой песни появился лишь в изд.: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. *Николая М.* // Современник. 1854. № 4. Отд. 2. С. 123; см. также: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение *Николая М.* СПб., 1854. С. 171 (не было в: <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7). См. замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «Вот песни, у нас находящиеся и не поименованные. <...>

Ой кряче, кряче» (см. в наст. изд.).

¹⁹ Куплет этой песни появился лишь в изд.: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. *Николая М.* // Современник. 1854. № 4. Отд. 2. С. 123; см. также: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение *Николая М.* СПб., 1854. С. 171 (не было в: <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7). См. замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «Вот песни, у нас находящиеся и не поименованные. <...>

Ой израда кари очи» (см. в наст. изд.).

²⁰ Куплет этой песни появился лишь в изд.: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. *Николая М.* // Современник. 1854. № 4. Отд. 2. С. 123; см. также: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение *Николая М.* СПб., 1854. С. 171 (не было в: <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7).

²¹ Куплет этой песни появился лишь в изд.: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. *Николая М.* // Современник. 1854. № 4. Отд. 2. С. 123; см. также: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение *Николая М.* СПб., 1854. С. 171 (не было в: <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7). См. замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «Вот песни, у нас находящиеся и не поименованные. <...>

Гомон, гомон» (см. в наст. изд.).

²² Куплет этой песни появился лишь в изд.: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. *Николая М.* // Современник. 1854. № 4. Отд. 2. С. 123; см. также: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение *Николая М.* СПб., 1854. С. 171 (не было в: <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7). См. замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «Вот песни, у нас находящиеся и не поименованные. <...>

Ой пид гаем, гаем» (см. в наст. изд.).

²³ Куплет этой песни появился лишь в изд.: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. *Николая М.* // Современник. 1854. № 4. Отд. 2. С. 123–124; см. также: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение *Николая М.* СПб., 1854. С. 171–172 (не было в: <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7).

²⁴ Куплет этой песни появился лишь в изд.: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Николая М. // Современник. 1854. № 4. Отд. 2. С. 124; см. также: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение Николая М. СПб., 1854. С. 172 (не было в: <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7.)

²⁵ См. замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «№ 21. Самая любимая и еще 25» (см. в наст. изд.).

²⁶ Имеется в виду тетка Гоголя по матери Екатерина Ивановна Ходаревская (в девичестве Косярковская). Сестра Гоголя Ольга Васильевна вспоминала: «Катерина Ивановна хорошо пела, у нее был хороший голос. Большею частью она пела малороссийские песни. Гости всегда просили ее петь, в особенности брат любил слушать ее пение» (см. в наст. изд. раздел «Из семейной хроники Гоголей. (Мемуары О. В. Гоголь-Головни)»). К этим словам В. А. Чаговец сделал примечание: «В письмах Г<оголь> не раз вспоминает о пении Катерины Ивановны. Ей он обязан также и теми песнями, которые с ее слов были записаны и пересланы ему в Петербург. Кроме того, она знала много преданий и рассказов из старого украинского быта, чем также воспользовался Г<оголь>» (там же). О. В. Гоголь-Головня, вспоминая также о приезде в гости к Гоголю в Васильевку Максимовича в августе 1850 г., сообщала: «Профессор <М. А. Максимович> любил слушать малороссийские песни; Катерина Ивановна ему пела, а иногда сидели на крыльце, призывала лирника петь, еще кой-какие парубки пели...» (там же).

Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной)

О. Сем. Аксакова — С. Т. Аксакову

29 сентября 1839 г.

<...> Что же вы не скажете правды Гоголю, что не можете ехать тогда, как он думает¹? <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 566. Печатается по первой публикации.

¹ Речь идет о поездке в Петербург.

О. Сем. Аксакова — Г. С. и И. С. Аксаковым

18 октября 1839 г.

<...> Я не знаю, за что приняться, торопятся ехать, а ничего не готово. Гоголь непременно хотел ехать вместе, но не знаю, что теперь, после вчерашнего. Вчера играли «Ревизора» — его вызывали, кричали, а он не вышел; все в негодовании, а он, я думаю, сердится на отца, считая это его заговором. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 572. Печатается по первой публикации.

О. Сем. Аксакова — Г. С., И. С. и М. С. Аксаковым

22 мая 1840 г.

<...> В субботу¹ Гоголь с Пановым уехали, отец провожал их с Костенькой, М<ихаилом> П<етровичем>² <...> и Щепкиными за 30 верст от Москвы. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 588. Печатается по первой публикации.

¹ 18 мая 1840 г.

² Погодиным.

О. Сем. Аксакова — М. П. Погодину

<Октябрь 1840>

<...> Письмо Гоголя¹ меня так и покрыло туманом. Его надобно вытащить из Рима. Он сам не понимает, ему нужен родной воздух — русских, московских друзей, и он оживет, а так он погибнет, как Виельгорский, как Станкевич. <...>

Впервые опубликовано: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Кн. 5. С. 369. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо к М. П. Погодину от 17 октября (н. ст.) 1840 г., где Гоголь сообщает о посетившей его летом (во второй половине – конце августа н. ст.) 1840 г. в Вене тяжелой болезни.

О. Сем. Аксакова — М. И. Гоголь

19-е марта 1843-го года.

Поздравляю вас, почтеннейшая Марья Ивановна, со днем рождения Николая Васильевича... <...> Сочинения его расходятся, а более всего слушаются и начинают узнавать его разные сословия. Сергей Т<имофеевич> читал во многих домах Шинель, Разъезд, Игроков и проч., а Константин совсем в других домах читал нового Тараса Бульбу и проч. Теперь Щепкин читал публично «Старосветские помещики», а Садовский актер рассказ «Копейкин»; у них устроились публичные чтения по 5-ти руб<лей>¹, им дал Новосильцев залу у Мясницких ворот в своем доме; тут еще читает Вальтер по-французски и М<ademois>elle Шамбери, но вообразите, после чтения Щепкина, когда он кончил Старосветских помещиков, никто не стал слушать Гюго, стали ходить, шуметь — Вальтер рассердился, а М<ada>me Шамбери, говорят, уехала; — человек до 130 было, столько зала и поместить может и то чрезвычайно, говорят, жарко. Сочинения его, говорят, верный капитал и, кажется, все долги его теперь уплочены, и вы, почтеннейшая Марья Ивановна, можете быть спокойны, скоро вы будете совсем обеспечены; Бог посылает вам через сына вашего Свою благодать; нельзя только вдруг все сделать, потерпите и надейтесь, а между тем да благословит Бог и соседа вашего, который разделил с вами свои деньги, столько вам тогда необходимые...¹

Впервые опубликовано: *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник. Киев, 1902. Отд. 3. С. 69–70. Печатается по первой публикации.

¹ См. об этих чтениях: *Ригельман <Н. А.>* Вечера для чтения // Москвитянин. 1843. Ч. 3. № 5 (цензурное разрешение 18 мая). С. 290–298.

О. Сем. Аксакова — И. С. Аксакову

8 февраля 1844 г.

<...> Вчера была у нас Лизавета Павловна¹ и Валуев, который как-то сделался умереннее во всем. Говорит, что Гоголь ездит за Смирновой, что он в ее лице изучает женщин петербургских для «Мертвых душ»². <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 666. Печатается по первой публикации.

¹ Возможно, Елизавета Павловна Полтавцева (рожд. Макарова), актриса, жена актера К. Н. Полтавцева.

² См. также в наст. изд. письма А. Л. Боратынской С. Л. и Н. В. Путятям от 13 апреля 1843 г. и С. Т. Аксакова И. С. Аксакову от 7 февраля 1844 г.

¹ Конца нет. — *Примеч. В. А. Чаговца.*

О. Сем. Аксакова — И. С. Аксакову

<Около 6 ноября 1845>

<...> Приятно мне твое знакомство с Унковскими¹, да читали ли они Гоголя? пожалуй, скажут, что непристойно, читая Сю разные гадости². Мы вчера читали «Записки сумасшедшего», и только одна душа может чувствовать, как это хорошо и высоко, а язык никогда не выразит, а Занд сказала, что у сочинителя нет чувства, но, может, этому виною перевод Виардо. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 676. Печатается по первой публикации. Датировка письма уточнена.

¹ В письме к родным от 7–8 сентября 1845 г. из Калуги И. С. Аксаков сообщал: «...Поехал к Унковскому. <...> Унковских не было дома, кроме старшего сына Михайлы, который сейчас меня узнал... <...> Скоро приехал сам Унковский с женою. <...> Дочерей я видел только за обедом...» (Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 171–172).

² 3 ноября 1845 г. И. С. Аксаков писал родителям: «У Унковских мне совершенно свободно... <...> Дочери — славные девушки... Мне жалки они тем, что живут в провинции, где нет никаких средств около них для образования, ни книг, ни людей... <...> я насилу мог уговорить их <...> бросить читать глупого Sue...» (Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 205).

О. Сем. Аксакова — И. С. Аксакову

<16 января 1847. Москва>

<...> С изумлением, разиня рты и поднявши руки, слушали мы письмо твое о книге Гоголя¹. Вот тебе, Ванечка, семейная картина при чтении твоего письма; больше ничего не скажу; отец так много и сильно написал², что прибавлять уже не стоит... <...> Одно сильное действие возбудила во мне эта книга: *сильное негодование* — вот и польза его книги; до сих пор не могу истребить этого ощущения, оно же и поддерживается вестями (которые привез Боткин и переданные нам Константином), что он иначе не ходит, как потупя взор, и ему говорят тихо, с подобострастием: «Николай Васильевич, Николай Васильевич, хорошо ли это блюдо?», а он, кушая, отвечает: «Софья Петровна, думайте о душе вашей»³. Эта картина Тартюфа так мне противна, что я не могу ее выносить хладнокровно.

Много виноваты в том и Александра Осиповна, и прочие дамы, а здесь обвиняют меня, но я любила в нем истину, а не притворство. <...>

Впервые опубликовано, с пропусками: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 698. Печатается по изд.: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 166.

¹ От 11 января 1847 г. (см. в наст. изд.).

² См. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к И. С. Аксакову 14–16 января 1847 г.

³ С. Т. Аксаков в одном из неизданных писем к сыну Ивану от 10 декабря 1845 г. ссылается на письмо графини С. П. Апраксиной к К. Н. Щепкиной с упоминанием о том, что «Гоголь бывает у них всякий день и что они от него в восхищении» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 693).

О. Сем. Аксакова — С. Т. Аксакову

<Около 30 сентября 1848>

<...> Вера очень беспокоится об Машеньке¹ и просила было Гоголя заехать, тот и согласился, но она не знала, в каком она доме, может в новом, а потому так оставила. <...> Целую тебя, мой милый Серж, крепко и Константина также — ведь если б он настоял, то Гоголь бы поехал с ним. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 708. Печатается по первой публикации.

¹ М. Г. Карташевской.

О. Сем. Аксакова — И. С. Аксакову

1848-го года 16-е октября. <Москва>.

<...> Третьего дня нечаянно я обедала с Гоголем у Анны Степановны¹, он туда пришел; Аркадий² в клубе, а я приехала обедать и оставила его там. Он³ спрашивал у меня «Бродягу», а его-то и нет у нас; говорит, что в Петербурге не успел прочесть, а надеялся здесь, и очень жалел, что не познакомился с тобой короче, сказал: «Пускай он разъезжает, только чтобы не жить в Петербурге». Я спросила: «Да от кого же вы слышали там о “Бродяге”»? — «Да от многих»⁴. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 708. Печатается по первой публикации.

¹ Анна Степановна Аксакова, невестка С. Т. Аксакова.

² Аркадий Тимофеевич Аксаков, брат С. Т. Аксакова.

³ Гоголь.

⁴ См. в наст. изд. письмо И. С. Аксакова к родным от 18 октября 1848 г. из Петербурга.

О. Сем. Аксакова — И. С. Аксакову

<28 ноября 1848>

Мы получили от тебя письмо¹, которое читали, читали и других заставляли (по их желанию). Самарин удивляется и говорит, что он не может никак записать всего. Гоголь очень доволен — последнего от нас отбивают и, может быть, успеют: он, кажется, едет в Англию² — переезжает жить к Толстому, говорит Консте³ очень резкие вещи и даже несправедливые, и тот очень тихо все принимает. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 715. Печатается по первой публикации. Датировка письма уточнена.

¹ Имеется в виду большое письмо И. С. Аксакова от 10 ноября 1848 г. из Одессы (см. в наст. изд.). Это письмо И. С. Аксакова читал и Гоголь (см. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к сыну от 28 нояб<ря> 1848 г.

² См. также в наст. изд. письмо К. С. Аксакова к И. С. Аксакову от 28 ноября 1848 г. и строки письма Гоголя к

С. П. Шевыреву от 28 февраля (н. ст.) 1843 г. из Рима: «Поездка в Англию будет слишком необходима мне, хотя внутренно я не лежу к тому...»

³ К. С. Аксакову.

О. Сем. Аксакова — И. С. Аксакову

<1848 — начало 1849>

<...> Гоголь у нас бывает часто, но, кажется, он под влиянием Шевырева и Погодина. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 716. Печатается по первой публикации.

О. Сем. Аксакова — И. С. Аксакову

<Весна 1849>

Вчера вечером был Гоголь; видно, что Москва полезно действует на него. Много отпало у него духовной гордости, но Константина он постоянно оскорбляет; я поговорю с ним об этом дружески, он и сам не замечает, вероятно, а видно, что есть такие раздувательные мехи, но Бог с ними. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 715–716. Печатается по первой публикации.

О. Сем. Аксакова — И. С. Аксакову

11 июня 1849 г. Радонежье. <Абрамцево>.

<...> Москва пуста. Гоголь, однако же, не чувствует этой пустоты; он живет у Толстого, у которого, как он выразился, *все приезжено*, но собрался сам с Арнольди ехать к Александре Осиповне в Калугу, она проездом в Москве прожила неделю. Самарин приезжал для свидания из деревни и также едет к ней в Калугу, и Константина Гоголь звал туда же. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 718. Печатается по первой публикации.

О. Сем. Аксакова — И. С. Аксакову

<Сентября конец 1849. Абрамцево>

Особенно помолилась за тебя, мой милый сын Иван, 26-е сентября: да благословит тебе Бога на новый год твой, как и где провел этот день? Как бы Пошехонское население не вздумало праздновать твои именины, узнавши о том от Афанасья. Как же назад тому 13 лет обвиняли Гоголя за ревизора, что нет и не может быть такого города и таких людей, а теперь это у тебя все *в очию совершается*¹.

Время делается холодно, и я боюсь, что Гоголь не приедет сюда к нам, а как хочется послужить. Какой был для меня соблазн, когда Гоголь оставил портфель, и все тетради сбоку так и виднелись, что можно было что-нибудь прочесть, но я никак не решилась. <...>

Впервые опубликовано: Материалы по истории русской литературы и культуры. И. С. Аксаков в Ярославле. По неизданным письмам к нему С. Т. Аксакова и его семьи. Сообщил А. А. Дунин // Русская Мысль. 1915. № 8. С. 115; см. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 202, 250. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. письмо И. С. Аксакова к родным от 20 августа 1849 г. о постановке в Рыбинске «Ревизора».

О. Сем. Аксакова — И. С. Аксакову

Москва. Октября 21-е <1849>.

<...> ...Ты не поверишь, как все жалеют и даже скучают, что мы не в Москве¹. Гоголь говорит, что он не может верить, чтоб Сергея Тимофеевича не было в городе. <...>

Кстати: о «Мертвых душах» все знают — Александра Осиповна написала о том даже *Шевыреву*, а в Калуге даже рассказывала содержание. Мне сказывал Федор Унковский²... <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 720. Печатается по первой публикации.

¹ Семья Аксаковых находилась в то время в Абрамцево.

² Федор Семенович Унковский, товарищ И. С. Аксакова по Училищу правоведения.

О. Сем. Аксакова — И. С. Аксакову

<Осень 1849. Абрамцево>

<...> Гоголь хотел к нам приехать сюда зимой читать, но я что-то мало надеюсь — скучная зимняя дорога в России, он же такой зябкий. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 720. Печатается по первой публикации.

О. Сем. Аксакова — И. С. Аксакову

25 ноября 1849 г. Москва.

<...> ...Ты уже верно знаешь, что я уже 10 дней здесь, приехала нанимать другой дом для Олиньки. Слава Богу, дом нанят на полгода, и свой сдан на полгода, убытку нет и выгода та, что нанят большой и известно теплый, с мебелью; словом, дом *Высоцкого, доктора, в Филипповском переулке, в приходе Афанасия и Кириллы*... <...> Гоголь был у меня 2 раза, он очень рад, что я наняла большой дом, и зовет всех сюда... <...>

Впервые опубликовано: Материалы по истории русской литературы и культуры. И. С. Аксаков в Ярославле. По неизданным письмам к нему С. Т. Аксакова и его семьи. Сообщил А. А. Дунин // Русская Мысль. 1915. № 8. С. 118; см. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 202. Печатается по первой публикации.

О. Сем. Аксакова — И. С. Аксакову

<Конец января — начало февраля 1850. Москва>

<...> Вчера Гоголь сидел до половины первого, так был оживлен, пел малороссийские песни, — что весело и интересно было его видеть. <...> Я хотела было послать тебе чаю, но меня все стали просить не посылать и в том числе Гоголь — бо вредно тебе. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 726. Печатается по первой публикации.

Свидетельства о Гоголе К. С. Аксакова

Гоголь в письмах К. С. Аксакова

К. С. Аксаков — Г. С. Аксакову

<Конец апреля 1836. Москва>

<...> Вчера же поутру приехал к нам Михаил Семеныч¹ с письмом от Сосницкого², который пишет³, что была играна в Петербурге комедия Гоголя «Ревизор», с блистательным успехом <...> Ты также принимаешь участие в делах искусства, — итак, изволь собрать сведения об этой комедии, о ее представлении, о Гоголе, и напиши обо всем этом к нам в Москву⁴. Мы надеемся, что Гоголь будет сюда. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 548. Печатается по первой публикации.

¹ Щепкин.

² И. И. Сосницкий.

³ Письмо не сохранилось.

⁴ См. в наст. изд. ответное письмо Г. С. Аксакова от начала мая 1836 г. из Санкт-Петербурга.

К. С. Аксаков — М. Г. Карташевской

Суббота. <9 мая 1836. Москва>.

<...> Я уже читал «Ревизора»; читал раза четыре и потому говорю, что те, кто называет эту пьесу грубою и плоскою, не поняли ее. Гоголь — истинный поэт; ведь в комическом и смешном есть также поэзия. Мне жаль, что Вы в первый раз узнали Гоголя только по его «Носу». В этой шутке есть свое достоинство, но <она>, точно, немножко сальна¹. Как бы мне хотелось, чтобы Вы прочитали «Вечера на хуторе близ Диканьки»! Я уверен, что, узнав и поняв Гоголя, Вы перемените об нем мнение и увидите, что он истинный поэт, что в нем есть глубокое чувство. Если он смеется над жизнью, над нелепостями, которые в ней встречает, то поверьте, что в это время на сердце у него тяжело, и он, смеясь над людьми, любит их и огорчается их недостатками². Многие из его повестей оттенены грустью, которая прямо из души вырывается. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 550. Печатается по первой публикации.

Мария Григорьевна Карташевская (1818–1906), двоюродная сестра К. С. Аксакова.

¹ «Аналогичная оценка К. С. Аксаковым “Носа” Гоголя встречается еще в одном неизданном письме его к М. Г. Карташевской» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 550).

² «В другом неизданном письме к Карташевской, от 19 января 1837 г., К. С. Аксаков, сравнивая “Ревизора” с “Вечерами на хуторе близ Диканьки”, отдает явное предпочтение последним, называя гениальную комедию Гоголя “безде-

лицей”, хотя и отмечает ее художественные достоинства» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 550).

К. С. Аксаков — Г. С. Аксакову

29 мая 1836 г. <Москва>.

<...> У нас давали «Ревизора»¹. Публика хлопала и хохотала, но не вызвала ни одного актера. До театра еще я условился с Катковым, чтобы вызывать Гоголя, хотя он и в Петербурге: мы показали бы этим, по крайней мере, что мы ценим автора. Как скоро кончилась пьеса, я тотчас бросился в кресла (я был в ложе), чтобы исполнить условие. Прихожу — все расходится; несколько голосов слабо кричат: «Щепкина!» Мне попадается Катков: «Что же вы!» — говорит он мне. — «Я только сейчас пришел в кресла, а вы что?» — «Я крикнул раз пять: “Гоголя!” — отвечал он, — меня никто не поддержал, да и тут я имел историю с одним». — Тогда рассказал он мне, что какой-то, с крестом, вздумал его удерживать. Катков отвечал ему. Слово за слово, дошло до того, что незнакомый сказал ему: «Я вас проучу», а Катков в ответ: «Я сам тебя проучу». Дело, казалось, тем и кончилось, я пошел опять в ложу; это было в понедельник²; во вторник и среду экзамен у Каткова. Вчера, т. е. в четверг, я посылая к Каткову за книгами: дело известное, что уже четыре дня как Каткова нет у Васькова, и не знают, где он. Каково это тебе покажется? Если б это была дуэль, об этом, верно, бы знали³. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 551–552. Печатается по первой публикации.

¹ Премьера «Ревизора» на сцене Московского Малого театра состоялась 20 мая 1836 г.

² 25 мая 1836 г.

³ «В конце <...> письма К. С. Аксаков не без разочарования отметил, что “с Катковым история вышла вздор”, т. е. что до дуэли дело не дошло» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 552).

К. С. Аксаков — М. Г. Каргашевской

16 Января <1837>, суббота, утро.

<...> *Коляска* Гоголя не то, что *Вечера на хуторе*, относительно сюжета только, но как произведение само по себе оно совершенно; и в этой безделице Гоголь равен сам себе, можно узнать его и тут. Художник творит по вдохновению и чело Юпитера и улыбающееся лицо дитяти, нужно, чтобы каждое произведение выразило совершенно свою идею, и когда это так — произведение совершенно, как другое, то, при всем различии предмета, эти произведения равны между собою в художественном отношении, так и произведения Гоголя. *Тарас Бульба* и *Коляска* две вещи разные; первая выше второго, но как? — как предмет только, как произведение, где *Коляска* точно так же соответствует своему назначению, самой себе, как *Тарас Бульба*, следовательно как произведение и та и другая повести равные¹. <...>

Впервые упомянуто: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 550. Впервые частично опубликовано: *Смирнова Е. А. С. Т. Аксаков и его книга «История моего знакомства с Гоголем»* // *Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем* / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 230; см. также: *Кошелев В. А. «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов* //

Русская литература. 1976. № 3. С. 93, 97; *Гоголь Н. В.* Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2009. С. 502. Печатается по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 10. 604. Л. 147.

¹ Представление о том, что произведения разные по содержанию могут быть «равны» между собой «в художественном отношении», К. С. Аксаков развил позднее в статье «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842), где доказывал сходство в «акте творчества» Гоголя и Гомера. См. в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского К. С. Аксакову от 19 января 1840 г., а также примеч. к «Литературным воспоминаниям» И. И. Панаева.

К. С. Аксаков — Г. С. и И. С. Аксаковым

<Около 30 сентября 1839. Москва>

<...> Мы в Москве, наконец, и это случилось скорее, нежели мы ожидали, самым нечаянным и приятным образом. В день отесенькиных именин¹ был у нас М. С. Щепкин. Мы разговорились о Гоголе, о его великом таланте и о том, что Бог знает когда придется нам его увидеть и услышать то, что он написал нового. Михаил Петрович Погодин писал, что он ехать в Россию не хочет. Михаил Семенович уехал в тот же вечер. Через день получаем мы поутру от него письмо, что М. П. Погодин приехал из чужих краев и... с ним приехал Николай Васильевич Гоголь! Можете себе представить наш восторг и вместе изумление! Я закричал, как давно не кричал, и испустил такой вопль от радости, что перепугал не на шутку Анну Ивановну² и маленьких сестер. Наконец, решено было мне ехать сейчас в Москву да уж там и остаться. Отесенька непременно хотел приехать с Мишей на другой день, а маменька с остальными на третий³. <...>

Наконец, приехал я к Михаилу Петровичу; вошел в залу, он выходит из дверей. Я бросился обнимать его и в дверях увидел Гоголя. Мы тоже обнялись с ним несколько раз. Он сказал сейчас, что получил от меня письмо⁴, но не мог отвечать, потому что получил его слишком поздно и, сверх того, не знал моего адреса.— У них обедал я и вместе с Гоголем, отправлявшимся в гости, вышел от Михаила Петровича.

Гоголь написал много, но это секрет: он не любит, чтоб ему говорили об его сочинениях. Мы все осторожны на этот счет. Он и теперь собирается писать что-то.

Гоголь такой человек, которого нельзя не полюбить, узнав его лично. Вчера он обедал у нас и часто смешил нас, сам нисколько не улыбаясь; чудный человек! Насчет сочинений своих он очень скрытен и, верно, написал более, нежели как открылся, и то одному Михаилу Петровичу. Гоголь, Гоголь! Наконец он здесь теперь! Я эту новость сообщил многим и в том числе Николаю Филипповичу и Каролине Карловне⁵. Вообразите, что он был в Испании во время междоусобной войны; в Лиссабоне также⁶. Вот вам радостная весть, милые друзья и братья. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 562, 564. Печатается по первой публикации.

¹ Именины С. Т. Аксакова — день памяти преподобного Сергия Радонежского — 25 сентября ст. ст.

² Родионову.

³ С. Т. Аксаков в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» вспоминал: «В 1839 году Погодин ездил за границу, имея намерение привезти с собою Гоголя. <...> Мы жили лето на даче в Аксиньине, в 10 верстах от Москвы. 29-го сентября вдруг получаю я <...> записку от Михаила Семеновича Щепкина... <...> Мы все обрадовались чрезвычайно. Константин, прочитавши записку прежде всех, поднял от радости такой крик, что всех перепугал, а с Машенькой сделалось даже дурно. Он уехал в Москву в тот же день, а я с семейством переехал 1-го октября. Константин уже виделся с Гоголем, который остановился у Погодина в его собственном доме на Девичьем поле. Гоголь встретился с Константи-

ном весело и ласково... <...> Разговаривая очень приятно, Константин сделал Гоголю вопрос, самый естественный, но, конечно, слишком часто повторяемый всеми при встрече с писателем: “Что вы нам привезли, Николай Васильевич?”, — и Гоголь вдруг очень сухо и с неудовольствием отвечал: “Ничего”» (см. в наст. изд.). См. также в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к братьям от 3 октября 1839 г. О посещении Гоголем семьи Аксаковых сообщается также в неизданном письме жены С. Т. Аксакова Ольги Семеновны (1792–1878) к сыновьям от 4 октября 1839 г. (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 564).

⁴ Письмо не сохранилось.

⁵ Каролина Карловна Павлова (1810–1893), поэтесса, жена Н. Ф. Павлова.

⁶ Путешествие в Испанию и Португалию Гоголь совершил в период с 15 июня (н. ст.) по 16 июля (н. ст.) 1837 г.

К. С. Аксаков — Г. С. и И. С. Аксаковым

<24–25 октября 1839. Москва>

<...> Вот, наконец, наши отправляются к вам, и с Гоголем, который недолго пробудет в Петербурге. Я мало еще писал вам об нем, милые братья, и потому напишу теперь. Мы не говорили вовсе с ним о его сочинениях, потом мало-помалу, издаека, заводили разговор так, что, наконец, он сам рассказывал нам о поста<но>вке «Ревизора» и проч.

Я Гоголя люблю и просто как человека. Его лицо, его слова, вся его непосредственность мне чрезвычайно нравятся. Гоголь — художник искреннейший, *durch und durch*¹; в самих рассказах его даже оживают лица, становятся движущимися, живыми образами. — Через несколько времени после его приезда слышали мы, что он читал Жуковскому у Елагиных. Отесенька написал записку к Михаилу Петровичу², в которой упомянул об этом чтении. Михаил Петрович обещал быть у нас в тот день.

У нас обедало несколько гостей: в том числе Панаев. Вечером приезжала Е. В. Погодина³, которая сказала нам, что Гоголь у Нащокина. «Не будет ли он читать у него?» — спросил я. — «Нет, <но> не будет ли он здесь читать?» — отвечала Е<лизавета> В<асильевна>. — Я почти закричал. Наконец приехал Гоголь, с ним Нащокин и М<ихаил> С<еменович>⁴. Через несколько времени все уселись в гостиной, и Гоголь начал читать нам⁵. — Я и все перерывали его часто хохотом.

Все, что ни прочел он, есть истинно художественное произведение. И те тупы, которые только видят в его сочинениях *смешное*. Гоголь — великий, гениальный художник, имеющий полное право стоять, как и Пушкин, в кругу первых поэтов, Гете, Шекспира, Шиллера и проч. — Но о самом Гоголе когда-нибудь после.

Теперь скажу о представлении «Ревизора». Здесь был назначен «Ревизор», и Гоголя убили приехать. Публика хотела его непременно вызвать. Разумеется, этого ему не говорили. Я пошел нарочно в кресла. Там увидел я много знакомых: Кетчера, Боткина, Каткова (я был у Белинского еще перед этим и там видел их); встретился я с ними дружески, но не совершенно свободно. Скоро Гоголь приехал в ложу и совершенно спрятался; я указал на него своим знакомым. Мы условились было хлопать беспрестанно даже в антрактах и вызвать после пьесы. Актеры играли чудесно. Вдруг после второго действия несколько голосов закричали: «Автор!» Я изумился, потому что я не ожидал этого и боялся, что не будет дружен вызов; я совсем было расположился, но, видя, что уж начали вызывать, я присоединился к вызывающим и начал поддерживать всеми силами, голосом, руками и ногами. Уж если вызывать, так вызывать же! Все мои знакомые сделали то же, и вызов стал общим. Гоголь совсем спрятался в своей ложе. За ним не приходили от дирекции. Вызов все продолжался, он встал и уехал. Увидя, что он скрылся, публика удвоила вызов, думая, что он пошел в директорскую ложу. Все обратились туда, и в ней нельзя было мелькнуть фраку, не усилив крика. Вдруг стали подымать занавес, все еще

громче закричали: «Автора! автора!» Занавес поднялся, вышел на авансцену Самарин⁶; всё замолкло. И он сказал: «Автор комедии в театре не находится». Все были поражены, и совершенная тишина наступила после этих слов, точно будто спектакль кончился⁷. Я ушел в ложу и там узнал, что М<ихаил> Н<иколаевич>⁸ и рвет и мечет на Гоголя, но он сам виноват: зачем ему было не прислать⁹. Я Гоголя не виню нисколько. После этого он был у нас несколько раз, и я еще более, как и все, полюбил его! Белинский, которого прошу вас встретить ласково¹⁰, видел его у нас два раза и прошедшую субботу. Какой день был это для нас!

Гоголь у нас обедал и просидел до первого часу. Он был окружен людьми, его искренно любящими и понимающими его великий талант. Тут сидели: я, Дм. Щепкин, М<ихаил> С<еменович>, Панаев¹¹, Белинский; отесенька приходил тоже из гостиной, где играли в карты, Армфельд и Н. Ф. Павлов также. Последний и жалок и смешон и не знает, какую роль принять ему в присутствии Гоголя, который его давит и подавляет. Он все старается заметить, что он сам по себе, а Гоголь сам по себе, так что иногда щадишь бедного Н<иколая> Ф<илипповича>.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 568, 570. Печатается по первой публикации.

¹ насквозь (нем.).

² Погодину.

³ Елизавета Васильевна Погодина (рожденная Вагнер, 1809–1844), жена М. П. Погодина.

⁴ Щепкин.

⁵ Речь идет о чтении Гоголем у Аксаковых 14 октября 1839 г. комедии «Тяжба» и первой главы «Мертвых душ».

⁶ Иван Васильевич Самарин (1817–1855), артист Малого театра, исполнитель роли Хлестакова.

⁷ Об этом представлении «Ревизора», состоявшемся 17 октября 1839 г., см. также в наст. изд. в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова, в «Литературных воспоминаниях» И. И. Панаева, в воспоминаниях С. А. Ермоловой о Гоголе в записи П. И. Бартенева, а также в письмах О. Сем. Аксаковой — Г. С. и И. С. Аксаковым от 18 октября 1839 г., Н. Ф. Павлова к С. П. Шевыреву от 20 октября 1839 г.; Н. П. Огарева к А. И. Герцену от 18 октября 1839 г., Т. Н. Грановского к Н. В. Станкевичу от 25 ноября — 10 декабря 1839 г. См. также в наст. изд. фрагмент из «Литературного обозрения» В. С. Межевича.

⁸ Михаил Николаевич Загоскин (1789–1852), романист и драматург, директор московских Императорских театров.

⁹ По традиции авторы появлялись на вызов публики в директорской ложе. М. Н. Загоскин, видимо, не прислал вовремя за Гоголем.

¹⁰ В. Г. Белинский переехал в Петербург в конце октября 1839 г.

¹¹ И. И. Панаев.

К. С. Аксаков — Г. С. и И. С. Аксаковым

2 января 1840 г.

<...> Гоголь бывает часто у нас, читал уже два раза после приезда. Я дивлюсь ему, и не только во время слушания его сочинений, но и тогда, когда просто с ним разговариваю. Можно бы много написать о характере его как художника, характере, который делает его художником по преимуществу и ставит его в один круг с знаменитым бессмертным греком и англичанином. Гомер, Шекспир и Гоголь — вот чудное, пышное созвездие. Напечатает ли он что-нибудь? <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 572; см. также: Кошелев В. А. «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. 1976. № 3. С. 88–89. Печатается по первой публикации.

К. С. Аксаков — Г. С. Аксакову

Москва. 1840. Января 4–5.

<...> Николай Васильевич получил анонимное письмо от неизвестной девушки, письмо, в самом деле, одушевленное¹; в общем, она говорит ему о своем наслаждении чтением его повестей. Он счастлив этим и поет гимн неиспорченной природе. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 581. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо не сохранилось.

К. С. Аксаков — И. С. Аксакову

3 августа 1840 г.

<...> Я отвез Лангеру¹ его ноты и деньги ему от Гоголя; Лангер в деревне; я отдал ноты же не его. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 586. Печатается по первой публикации.

¹ Композитор Леопольд Федорович Лангер (1802–1885), композитор и преподаватель музыки, знакомый В. Г. Белинского. Л. Ф. Лангер давал уроки музыки сестре Гоголя Ольге Васильевне (см. в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к братьям от середины апреля 1840 г.).

К. С. Аксаков — С. Т. Аксакову

<Начало 1841>

<...> Я не читал статьи Белинского о Ломоносове¹, потому что не получил «О<течественных> Записок» этого номера. Я воображаю, что наврано о Ломоносове; на это точно надо отвечать диссертацией². Я очень хорошо понимаю таких людей, как Белинский: мне теперь ясно довольно (кажется) стало, какой смысл имеет этот кружок, в чем его *временная* польза, достоинство и в чем нелепость и ложь [кажется прошло время] теперь уже Белинского и пр<очих> толки и часто вранье становится не ко времю; теперь оно делает уже вред с некоторым ограничением. Но об этом я теперь не стану распространяться, а предвижу, что мы с Белинским так схватимся литературно, как еще никто с ним не схватывался; надо Б<елинского> определить и поставить на его место, какое он занимает. Или мы с Белинским навсегда разделимся, или он уступит мне, а я уж ему не уступлю. Но это мне никогда не будет мешать отдавать ему должное достоинство. <...>

Впервые опубликовано: Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 145. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. коммент. к письму В. С. Аксаковой к родителям от начала 1841 г.

² Подразумевается диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (М., 1846), вчерне написанной еще в 1839 г.

К. С. Аксаков — И. С. Аксакову

<Конец октября — ноябрь 1841. Москва>

<...> Можешь себе представить, как обрадовались мы, что приехал Гоголь¹! Мы видаемся с ним часто; он (но это по секрету) читал нам и прочел всю первую часть «Мертвых душ»; это — чудо! <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 608. Печатается по первой публикации.

¹ Гоголь приехал в Москву 17 октября 1841 г. и на следующий день посетил Аксаковых.

К. С. Аксаков — В. А. Панову

<Январь–февраль 1842. Москва>

<...> Гоголя мы видаем часто; он бодр духом и, кажется, пишет. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 612. Печатается по первой публикации.

К. С. Аксаков — И. С. Аксакову

<Май 1842. Москва>

<...> Вышли «Мертвые души»; это такая великая вещь... которой давно, давно не видел мир (в сфере искусства, разумеется); так смею я сказать и потом прошу тебя: не читай дорогою и удержишься до твоего приезда сюда, где читай один или не один, все равно, но читай не в дороге, не кое-как, а спокойно, на месте. <...>

Впервые опубликовано: Кошелев В. А. «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. 1976. № 3. С. 91. Печатается по первой публикации.

К. С. Аксаков — Ю. Ф. Самарину

<Конец мая 1842. Москва>

<...> Гоголь уехал¹. Мы его проводили. Поехал он необыкновенно ясен, почти с торжественным видом. Он похож был на свой портрет, который у Хомякова². Подробнее, Бог даст, при свидании — об отъезде Гоголя. Что касается до «Мертвых душ», — только теперь, кажется, вижу я, что это такое. Признаюсь тебе: я восхищался ими. Эстетическое чувство говорило, что это хорошо, но какое-то недоумение сопровождало мое наслаждение. Я наслаждался, но мысль была в недоумении. Это недоумение, кажется, разрешилось; кажется, я понимаю, что такое «Мертвые души», и наслаждение ими стало оттого полное.

В голове у меня образуется целая статья, и я, может быть, напишу ее, может быть и напечатаю³. Вообрази, что многие нападают. Перед отъездом в деревню я заехал к Свербееву, который сказал мне, что он недоволен (а он перелистывал, как сам говорит, — вещь, самая невозможная с Гоголем, так же, как с Гегелем, хотя по другой причине); впрочем, он тут же согласился, что надо вникнуть, и потому своего мнения не подтверждает. Свербеев прибавил,

что Павлову⁴ не нравится и что он торжествует: говорит, что это падение Гоголя, что он себя уронит этим произведением, и радуется, встречая других недовольных; я пожалел, что нет вечеров. Мне было это неприятно, тем более, что я не мог еще дать себе ясного отчета в том, что такое «Мертвые души», и твердо стать против нападений, ложность которых я чувствовал. Я заехал к Хомякову, говоря с удивлением о мнении Павлова и Свербеева и в то же время опровергая их как мог. Хомяков, который читал только несколько, был со мною заодно. Вдруг входит Валуев⁵, только что дочитавший «Мертвые души», в восторге совершенном; говорит, что нигде еще Гоголь не является так во весь рост, как здесь, что это великое создание, и вполне изливает свое негодование, услышав о словах Павлова. Я продолжал говорить о «Мертвых душах» и, воротясь домой, яснее и яснее понимал и отдавал себе отчет, что это такое. Через день поехал я к Свербеевой⁶ (он уже уехал). Она сказала, что Чаадаев жарко нападает, но здесь я уже понимал ясно их ошибки, чувствовал, что бы мог сказать им, и повторил Свербеевой, что думал, — не знаю, понятно ли. Это была середка; она собиралась к Чаадаеву (это был день его рождения), говорила, что у него много будет, хотела сама пригласить туда Павлова, звала меня очень; но мне было никак нельзя; я должен был сделать несколько поездок и потом еще вечером ехать к Ховриным⁷: итак, я не был у Чаадаева. Ховрина сказала мне, что Кетчер говорит, что «Мертвые души» выше всего, что написал Гоголь. Это так, мне кажется: он выше и могущественнее является в своей *поэме* — поэме — не лишне это слово. — Грановский и молодые профессора, вероятно, говорят то же. Итак, увы, Николай Филиппыч! Рано вы начали торжествовать! Вы думали, что «Мертвые души» испытают участь вторых *трех* ваших повестей⁸! Но нет, то было согласие, мнения были снисходительны. А здесь не то. Пусть нападают, но есть диаметрально противоположное мнение в обществе. Да хоть бы в обществе его и не было: сильно само, сильно это создание, и если хотя несколько одушевленных голосов сильно поднимаются за Гоголя, то это уже не участь, постигшая повести Николая Филипповича. Я рад теперь всем этим нападкам: они ясны, они естественное следствие такого великого произведения как «Мертвые души» Гоголя. «Скажите Чаадаеву, — просил я Свербееву, — что я с ним не согласен». — «О, он знает это, — отвечала она, — он уж говорил мне: вот Аксаков, верно, будет защищать». — «Да, сказал я: он не ошибся». Я считаю это произведение великим явлением, такого <не было> не только в нашей литературе, но в мире искусства. Вечером заезжал я к Хомякову. Он сказывал мне, что спор был жаркий; Хомяков защищал; Чаадаев и Дмитриев нападали. Свербеева с жаром защищала, так что Чаадаев говорил ей, что это род опьянения, и сказал ей: «Vous etes ivre-morte»⁹.

Мы дружески простились с Хомяковым. Точно, многие против «Мертвых душ», но я виделся после с Шевыревым; он говорит, что общее мнение стало *за*. Очень жалко! <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 622, 624, 626. Печатается по первой публикации.

¹ 23 мая 1842 г. Гоголь отправился из Москвы в Петербург и далее за границу.

² Портрет Гоголя работы Ф. А. фон Моллера (хранится в ГИМ). См. также в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 29–30 мая 1842 г.

³ К. С. Аксаков выполнил свое намерение и опубликовал статью «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842, подпись под текстом: Июня 16 1842; цензурное разрешение 7 июля. Цензор Н. Крылов. С. 1–19). В брошюре К. С. Аксаков писал: «...Глубоко значение, являющееся нам в “Мертвых Душах” Гоголя!.. древний эпос восстает пред нами» (Аксаков К. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. М., 1842. С. 1). Мысль о единстве «акта творчества» Гомера, Шекспира и Гоголя появилась у К. С. Аксакова непосредственно после того, как он слышал первую главу «Мертвых душ» в чтении самого автора 14 октября 1839 г. (см. в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского К. С. Аксакову от 10 января 1840 г.). По свидетельству К. С. Акса-

кова в письме к Гоголю от начала ноября 1842 г., А. С. Хомяков и Ю. Ф. Самарин поддержали эту идею Константина Аксакова еще при зарождении замысла его статьи: «Когда стал я говорить о “Мертвых душах”, то нашел согласным с собой Хомякова и Самарина». См. в наст. изд. письма А. С. Хомякова к К. С. Аксакову от 24 июля 1842 г., к С. П. Шевыреву от второй половины августа 1842 г.; письмо Ю. Ф. Самарина к А. Н. Попову от сентября–октября 1842 г., письмо К. С. Аксакова к А. Н. Попову от сентября–октября 1842 г., а также письмо Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову от второй половины октября 1842 г., отправленное К. С. Аксаковым Гоголю в апреле 1843 г. (см. в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 12. С. 227–231).

Положительно отозвался также о брошюре К. С. Аксакова П. А. Плетнев в № 4 журнала «Современник» за 1842 г.: «...эта брошюра содержит в себе много новых для нашей публики идей, много мыслей, по-видимому смелых, но тем не менее выведенных из сущности искусств. Мы сожалеем, что автор бросил их слегка, не развивши каждой и не дав им системы. Если бы на своем основании вывел он здание целой науки, мы уверены, что она подействовала бы благотворнее на читателей» (<Плетнев П. А.> Разбор новых книг. Новые сочинения // Современник. 1842. Т. 28. № 4 (цензурное разрешение 2 сент.). С. 82). (Двумя месяцами ранее сам Плетнев отозвался на поэму Гоголя статьей «Чичиков или Мертвые души, Гоголя», вызвавшей живой интерес Гоголя; см. в наст. изд. коммент. к письму Н. Я. Прокоповича С. П. Шевыреву от 26 января 1843 г.) В. С. Аксакова 22 декабря 1842 г. писала М. Г. Карташевской по поводу заметки П. А. Плетнева о брошюре К. С. Аксакова: «В № 4 Современника помещено защищение брошюрки, говорят, ее расхвалили как только можно. На днях приехал в Москву Хомяков, он совершенно согласен с брошюрой и уже спорил за нее» (см. в наст. изд.). Сторону К. С. Аксакова в полемике с В. Г. Белинским занял также Н. И. Надеждин (см. в наст. изд. коммент. к письму М. Г. Карташевской В. С. Аксаковой от 13 ноября 1842 г.). С другой стороны, С. П. Шевырев 1 сентября 1842 г. писал М. П. Погодину, отказавшему К. С. Аксакову в публикации статьи в «Москвитянине»: «Ты принял ответ Аксакова за смирение: он ту же минуту выдал статью свою брошюрой отдельной. Но всеобщий хохот читавших (даже и его стороны) был ему возмездием за гордость. Осрамился совершенно! Даже Белинский в Отечественных> Записках> сказал ему дело — оправдывается у нас в 9-м №» (см. в наст. изд.). По свидетельству С. Т. Аксакова, именно Шевырев был противником публикации статьи К. С. Аксакова в журнале М. П. Погодина: «Статья Константина... была принята Погодиным в журнал без всякого сопротивления, но его сбил Шевырев» (см. в наст. изд. «Историю нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова). В этом сыграло роль и недоброжелательное отношение самого М. П. Погодина к К. С. Аксакову (см. в наст. изд. дневниковую запись М. П. Погодина от 25–26 апреля 1845 г.).

Несмотря на недоразумения и «град ругательств, злобных насмешек и всякого рода оскорблений» в адрес К. С. Аксакова, по поводу его статьи о «Мертвых душах» представление об исключительной самобытности гоголевского творчества, высказанное в аксаковской брошюре, разделяло большинство современников Гоголя. В частности, И. В. Киреевский в 1845 г. указывал: «После появления Мертвых душ Гоголя много говорено было за них и против них <...> между тем от восторженных похвал и страстных порицаний осталось, кажется, одно общее убеждение, что Гоголь в словесности нашей есть представитель той новой, великой, до сих пор в ясном виде еще не являвшейся силы, которой неисчислимы результаты могут произвести совершенный переворот в нашей Литературе, и которую называют *силою Русской народности*» (<Киреевский И. В.> Библиография // Москвитянин. 1845. № 1. <Отд. 10>. С. 4–5). По-своему о самобытности творчества Гоголя отзывался его бывший однокашник В. И. Любич-Романович (см. в наст. изд. статью С. И. Глебова «Гоголь в Нежинском лицее. (Из воспоминаний В. И. Любич-Романовича)»). См. также в наст. изд. письмо П. А. Плетнева к С. П. Шевыреву от 21 ноября 1846 г. и статью графа В. А. Соллогуба «Из воспоминаний». Брошюра К. С. Аксакова в целом отражала представление большинства современников о творчестве Гоголя. Даже В. Г. Белинский, несмотря на полемику с К. С. Аксаковым по поводу его статьи, до конца разделял подчеркнутое тем ощущение редкого своеобразия творчества Гоголя. В 1847 г., в «Ответе “Москвитянину”», критик писал: «...Гоголю не было образца, не было предшественников ни в русской, ни в иностранных литературах» (Белинский В. Г. Ответ «Москвитянину» // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 8. С. 350). Еще в 1835 г., предваряя наблюдения К. С. Аксакова, критик замечал о «Тарасе Бульбе»: «Если в наше время возможна гомерическая эпопея, то вот вам ее высочайший образец, идеал и прототип!.. Если говорят, что в “Илиаде” отражается вся жизнь греческая в героический ее период, то разве одни пиитики и риторики прошлого века запретят сказать то же самое и о “Тарасе Бульбе” в отношении к Малороссии XVI века...» (Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 304). Хотя позднее, в полемике с Аксаковым по поводу «Мертвых душ», Белинский, вопреки высказанному ранее мнению, утверждал, что с Гомером у Гоголя «нет ничего общего», однако, по наблюдению М. Я. Эр-

маковой, слова Белинского, сказанные в этой полемике, что «“Илиаду” может напомнить собою только такая поэма... в которой... жизнь *полагается*, а не *отрицается*», могли быть все-таки вполне применены к «Тарасу Бульбе», — а следовательно, не исключали и прежнего сравнения Гоголя с Гомером (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 6. С. 415, 430; *Ермакова М. Я.* «Тарас Бульба» Гоголя как исторический роман-эпопея. Дис. ...канд. филол. наук. Горький, 1955. С. 267).

В исследовательской литературе сложилось однако мнение, будто сам Гоголь неодобрительно воспринял брошюру К. С. Аксакова. Это мнение, как позволяет судить переписка Гоголя с Аксаковыми, основано на случайном недоразумении. Отзыв Гоголя, несмотря на упреки в «незрелости», был в целом положительным. На предположение Аксакова-отца, что Гоголь может «досадовать за брошюрку Константина» (письмо С. Т. Аксакова к Гоголю от 6–8 февраля 1843 г.), писатель 18 марта (н. ст.) 1843 г. отвечал: «Константину Сергеевичу скажите, что я и не думал сердиться на него за брошюрку; напротив, в основании своем она замечательная вещь. Но разница страшная между диалектикою и письменным созданием, и горе тому, кто объявляет какую-нибудь замечательную мысль, если эта мысль еще ребенок, не вызрела и не получила образа, видного всем, где бы всякое слово можно почти щупать пальцем. И вообще, чем глубже мысль, тем она может быть девственной самой мелкой мысли».

Строки эти являются единственным известным нам откликом Гоголя на брошюру К. С. Аксакова, если не считать предупреждения, высказанного Гоголем еще до знакомства с аксаковской статьей в письме к С. Т. Аксакову от 18 августа (н. ст.) 1842 г.: «Я был уверен, что Кон<стантин> Сер<геевич> глубже и прежде поймет, и уверен, что критика его точно определит значение поэмы. Но, с другой стороны, чувствую заочно, что Погодин был отчасти прав, не поместив ее, несмотря на несправедливость этого дела. Я думаю просто, что ей рано быть напечатанной теперь. Молодой человек может встретить слишком сильную оппозицию в старых. Уже вопрос: почему многие не могут понять “Мертвых душ” с первого раза? — оскорбит многих. Мой совет — напечатать ее зимою, после двух или трех других критик. Недурно также рассмотреть, не слышится ли явно: *Я первый понял*. Этого слова не любят, и вообще лучше, чтобы не слышалось большого преимущества на стороне прежде понявших. Люди не понимают, что в этом нет никакого греха, что это может случиться с самым глубоко образованным человеком, как случается всякому, в минуты хлопот и мыслей о другом, прослушать замечательное слово. Лучше всего, если бы Кон<стантин> Сер<геевич> прислал эту критику мне в Рим, переписавши ее на тоненькой бумажке для удобного вложения в письмо. Я слишком любопытен читать ее».

Основанием для закрепившегося в литературе ошибочного мнения о неодобрительном отношении Гоголя к брошюре Константина Аксакова служит ошибка, допущенная в свое время С. Т. Аксаковым при комментировании письма Гоголя к К. С. Аксакову от 24 мая (н. ст.) 1843 г. Вследствие неочевидности допущенной С. Т. Аксаковым ошибки, эта история требует более обстоятельного рассмотрения. К. С. Аксаков при письме к Гоголю от начала ноября 1842 г. послал ему в Рим две свои статьи о «Мертвых душах» — «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» и «Объяснение» (последняя статья была опубликована в № 9 журнала «Москвитинин» за 1842 г.). Кроме того, в то же послание к Гоголю К. С. Аксаков вложил копию письма к нему Ю. Ф. Самарина от второй половины октября 1842 г., посвященного «Мертвым душам». (Сам К. С. Аксаков, в ответ на упомянутую просьбу Гоголя в письме от 18 августа (н. ст.) 1842 г., в послании от начала ноября сообщал: «Посылаю вам и брошюрку и мое возражение», но В. С. Аксакова в письме М. Г. Карташевской от 18 ноября 1842 г. добавляла, что было отправлено и «письмо Самарина»: «Разумеется, все статьи невозможно сообщить, но брошюрка <К. С. Аксакова> и письмо Самарина уже посланы в Рим»; см. в наст. изд.) Получив тогда письмо К. С. Аксакова, Гоголь, однако, — согласно строкам его следующего письма к Константину Аксакову, около 29 ноября (н. ст.) 1842 г., писал, что «статью <...> или критику» он не получил (очевидно, не было получено и письмо Ю. Ф. Самарина). Тем не менее в письме к С. Т. Аксакову от 18 марта (н. ст.) 1843 г. Гоголь отзывался о брошюре К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя...» как о прочитанной: «Константину Сергеевичу скажите, что я и не думал сердиться на него за брошюрку; напротив, в основании своем она замечательная вещь» и т. д. (см. выше). (Вероятно, статья была получена Гоголем из другого источника.) Позднее, в письме к С. Т. Аксакову от 7 апреля (н. ст.) 1843 г., Гоголь спрашивал о своих письмах к О. Сем. Аксаковой и К. С. Аксакову около 29 ноября 1842 г.: «Получили ли они эти письма и отчего никто из них не отвечал ниже двумя строчками». Вероятно, в ответ на это послание К. С. Аксаков в апреле 1843 г. вновь послал Гоголю *вторую* из своих статей — «Объяснение» (так как из упомянутого письма Гоголя от 18 марта (н. ст.) 1843 г. с очевидностью явствовало, что первую тот уже прочел). При этом Константин Аксаков вновь сопроводил свое «Объяснение» письмом о «Мертвых душах» Ю. Ф. Самарина. 24 мая (н. ст.) 1843 г. Гоголь отвечал К. С. Аксакову: «Простите, что я вас не благодарил до сих пор за

присылку ваших статей о “Мертвых душах”. И та и другая имеют свои достоинства (писанная, как мне кажется, должна принадлежать Самарину), но в печатной, не прогневайтесь — видно много непростительной юности, и написанная кажется перед нею написанною стариком, хотя в ней и нет тех двух — трех истинно поэтических мыслей, как в вашей».

Очевидно, что последний отзыв относился только к статье К. С. Аксакова «Объяснение», но отнюдь не к прочитанной ранее статье «Несколько слов о поэме Гоголя...» — вопреки мнению на этот счет, высказанному С. Т. Аксаковым и поддержанному затем В. И. Шенроком и последующими исследователями. С. Т. Аксаков в «Истории нашего знакомства с Гоголем...», комментируя приведенный критический отзыв Гоголя об «Объяснении» К. С. Аксакова (в письме к последнему от 24 мая (н. ст.) 1843 г.), ошибочно предположил, что этот отзыв относится к «печатной брошюрке Константина», т. е. к статье «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души». С. Т. Аксаков замечал: «Вместе с печатной брошюрой Константина была послана рукописная статья Самарина...» (курсив наш. — И. В.; см. также: Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1898. Т. 4. С. 109–110; коммент. Г. М. Фридендера в изд.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.> 1952. Т. 12. С. 627; мнение В. А. Кошелева: Кошелев В. А. «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. 1976. № 3. С. 87; В. П. Попова: Попов В. П. Отношение Гоголя к брошюре К. Аксакова о «Мертвых душах» // Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. Краснодар, 1981. С. 50; и др.). Несмотря на допущенную ошибку, тот же С. Т. Аксаков тем не менее не без оснований полагал, что «недовольство» Гоголя брошюрой К. С. Аксакова было вызвано не содержанием, а несвоевременностью ее появления в печати. С. Т. Аксаков вспоминал: «Гоголь также остался недоволен появлением брошюры Константина, осуждая не столько ее смысл, как то, что она появилась не вовремя, в минуту общего недоумения, поражения, так сказать, произведенного “Мертвыми Душами”, когда большинство публики, оскорбленное, раздраженное восторгами поклонников Гоголя, не знало, что [ему] делать: хвалить или бранить? Первого не хотелось делать, на второе не смели вдруг решиться. Брошюра Константина как будто развязала им язык, и скрываемая многими злоба на Гоголя излилась сначала на сочинителя брошюры, а потом и на творца поэмы. В этом отношении Гоголь был совершенно прав. Брошюра наделала ему много зла. Нашелся, однако, один добросовестный человек, П. А. Плетнев, который, в издаваемом им журнале “Современник”, отозвался с большою похвалою и уважением о статье Константина» («История нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова; см. в наст. изд.). См. также в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 27 декабря 1845 г., письмо А. О. Смирновой к П. А. Плетневу от января 1846 г., а также ее же письмо к самому Гоголю от 14 января 1846 г.

⁴ Н. Ф. Павлову.

⁵ Д. А. Валуев.

⁶ Е. А. Свербеева.

⁷ Николай Васильевич и Марья Дмитриевна Ховрины.

⁸ Имеются в виду «Новые повести» Н. Ф. Павлова (СПб., 1839) «Маскарад», «Демон», «Миллион».

⁹ Вы мертвецки пьяны (фр.).

К. С. Аксаков — Ю. Ф. Самарину

<Начало августа 1842. Москва>

Ты прав, прав совершенно во всем, что говоришь ты касательно моей брошюры¹! Но ты, как кажется, не знаешь, какую подлую статью об ней напечатали «О<течественные> З<аписки>»². Я поручил Калайд<овичу>³ отдать Краевс<кому> экземпляр, но он уже имел его. — Как? — признаюсь, не умею и придумать. — Ты соглашаешься с тем, что я часто повторял тебе, т. е. что особенно я возбуждаю к себе недоверчивость и сомнение. — Я узнал, что Кетчер (след<овательно> и Гранов<ский> и др.) против меня и даже согласен с статьею Белинс<кого>. Мне было это неприятно, но это уясняет мои с ним отношения — и тем я доволен. — Видел я Павлова; ему ужасно хочется отделить тебя и Хомякова от меня во мнении о Гоголе; он все мне доказывал, что ты и он не согласны со мною. — Жаль, очень жаль, что тебя нет в Москве; мне нужен был бы совет твой вот в чем: я написал ответ на подлую рецензию на меня и отдал в

«Москв<итянин>»⁴ — но помещать ли ответ вообще, и именно этот? — Вот о чем я у тебя спрашиваю; посылаю тебе черновой мой ответ. Скажи мне, мой любезный Самарин, как мне делать, отвечать ли? и если отвечать, хорош ли этот ответ? (Что касается до слога, то он будет, разумеется, исправлен.) Я еще успею взять у Шевырева свой ответ. Павл<ов> советует напечатать; ему нравится мое объяснение, но я все еще колеблюсь. Итак, я жду твоего ответа; не замедли, если можно. <...>

Впервые опубликовано: Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 167–168. Печатается по первой публикации.

¹ «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души».

² Имеется в виду рецензия В. Г. Белинского, опубликованная в августовском номере «Отечественных Записок» за 1842 г.

³ Иван Федорович Калайдович (1796–1853), писатель и переводчик, брат археолога К. Ф. Калайдовича.

⁴ Статья К. С. Аксакова «Объяснение» была опубликована в № 9 журнала «Москвитянин» за 1842 г., с датой: 17 августа 1842 г.

К. С. Аксаков — А. Н. Попову

<Конец октября 1842. Москва>

<...> Сильнейшим подтверждением этого убеждения¹ была поэма Гоголя «Мертвые души», в которых явилось такое чудо создания, такая великая, древняя классическая простота, которая смогла явиться разве только в России, у народа цельного...¹ назначенного к великим подвигам². Я написал брошюрку о «Мертвых душах»³ наскоро для журнала, и она не попала в журнал (Шевырев не захотел), и я напечатал отдельно. На меня все напали, за исключением Самарина и Хомякова, со мною согласных. Нападения меня не смутили, я остался при своем мнении и соглашаюсь разве с одним: что не ясно и не вполне развита моя мысль; впрочем, при внимательном чтении, думаю, что она должна быть совершенно понятна⁴. <...> Хотелось бы мне послать вам ответ мой на подлое ругательство Белинского, написанное им на мою брошюрку в «Отечественных Записках», но не знаю, удастся ли. Он помещен в «Москвитянин», а переписывать не стоит... <...>

Впервые частично опубликовано: *Розенблюм Н.* Белинский в неизданной переписке современников // Русская литература. 1962. № 1. С. 203. Полнее напечатано: *Кулешов В. И.* Славянофилы и русская литература. М., 1976. С. 203–204. Печатается по публикации 1976 г., с дополнением по изд.: *Кошелев В. А.* «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. 1976. № 3. С. 86. Датировка уточнена (см. примеч. 2 к наст. письму).

¹ Убеждения в великом будущем русского народа.

² По-видимому, К. С. Аксаков следует здесь размышлениям Ю. Ф. Самарина в письме к нему от второй половины октября 1842 г., отправленного К. С. Аксаковым в Рим к Гоголю в апреле 1843 г.: «Не касаясь вопроса о России вообще и о современном ее состоянии, я думаю, что из возможности явления в наше время чисто художественного произведения, из нового факта в мире искусства, которого отрицать нельзя, можно вывести заключение о самой жизни. В самом деле, может ли такой момент в истории, такой народ дать предмет для художественного произведения <...>, в котором нет ничего высокого, идеального, действительного, а только одна грязная случайность, одна темная сторона? <...> Скажите, найдете ли вы в поэзии народов отживающих что-нибудь похожее на «Мертвые души»! И есть ли в «Мертвых душах» хотя призрак

¹ Отточие в автографе.

сатиры? Ужели не всякому ясно, что нет поэта, который бы был так далек от сатиры, как Гоголь. <...> Нет, та жизнь, которую поэт мог полюбить и возвести в ясное, светлое создание искусства, та жизнь, поверьте, далека от разрушения. Конечно, в первом томе «Мертвых душ» мы видим ее темную сторону; но, не говоря о тех прекрасных лирических местах, в которых сам поэт разоблачает закрытую для нас и всю облитую светом ее другую сторону, предположивши даже, чего не дай Бог, что мы никогда ее не увидим, и тогда вы не имеете права убивать в себе наслаждение и сокрушаться. Один огромный, неопровержимый факт — возможность возведения этой жизни в мир искусства, становится против темной ее стороны и наполняет душу упованием и укрепляет нас на трудный подвиг, на трудное странствование сквозь эту жизнь».

³ См. в наст. изд. коммент. к письму К. С. Аксакова Ю. Ф. Самарину от конца мая 1842 г.

⁴ В черновой рукописи «Объяснения» К. С. Аксакова содержится следующее пояснение: «Скажут, что у меня неясно выражено: неясно для тех, кому не нужно настоящего смысла слов. Человек всего легче поражается разностью и все озорнее ее видит и потому часто находится вне угадки мнения и там, где его вовсе нет... с охотой хватается он за удобно настигаемую разность, не заботясь о том, точно ли находится она в таком-то месте, он ее разоблачит и скорее... выставляет ее напоказ толпе...» (*Кошелев В. А. «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. 1976. № 3. С. 88*). «Что касается до мнения моего, — писал Аксаков Погодину, — оно совсем не плод восторга, но мнение, основанное на спокойном размышлении, твердо поставленное, как мне кажется, мнение зрелое, одним словом» (*Там же. С. 88*).

К. С. Аксаков — Г. С. Аксакову

16 <сентября>, вечер. <1848. Москва>.

<...> Сюда приехал Гоголь; я был в то время в Москве. Его письма к отесеньке и ко мне¹ были совсем не то, что прежние, то есть гораздо лучше, да и, увидев его, я помнил только то, что шесть лет с лишком не видел его. Поэтому крепко его обнял, так что он долго после этого кряхтел. Он как будто смущен, уступает и еще не знает, как ему быть; неуверенность видна в нем. Так я заметил. <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 752*. Печатается по изд.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // *Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 708*.

¹ К К. С. Аксакову от 3 июня 1848 г. и к С. Т. Аксакову от 8 июня и 12 июля 1848 г. из Васильевки.

К. С. Аксаков — А. Н. Попову

<Около 16 сентября 1848. Москва>

<...> Вы, верно, уже видели Гоголя. Мы получили от него несколько писем из Полтавы, которые, как мне кажется, отличаются много от его иностранных писем. Все это иначе уже расположило меня к нему. Я видел его в Москве почти совершенно неожиданно и обрадовался ему очень. Кроме того, что уже расположенный к нему встречал я его, — я помнил тут, что не видел его 6 с лишком лет, и потому обнял всюю крепостию своего объятия. Проведши с ним несколько часов, я на другой день уехал в деревню. Гоголь показался мне как-то смущенным, не знающим еще, как ему стать, робким даже, что поневоле останавливает всякое сильное слово. Мне, однако же, казалось, да и теперь кажется, что итальянская дурь у него прошла. Мне кажется, что, наконец, посещение Обетованной земли много изменило его, ко благу, разумеется. Но если он прежний Гоголь, написавший свою несчастную книгу¹, полную лжи в искренности и гордости в смиреннии, то поневоле станешь с ним в прежние далекие отношения, которые образовались после его книги. Довольно о нем. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 707. Печатается по первой публикации, с дополнением по изд.: Анненкова Е. И. Аксаковы. СПб., 1998. С. 319–320.

¹ Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».

К. С. Аксаков — И. С. Аксакову

<28 ноября 1848>

<...> Столкновения мои с Гоголем часто неприятны; в его словах звучит часто ко мне недоброжелательство и оскорбительный тон. Я сношу это. Но в последний раз, услышав, что он опять собирается за границу, в Англию¹, я высказал ему свои ощущения касательно этих бесстыдных отъездов в чужие края, и он, кажется, обиделся. Получена «Одиссея» Жуковского. Это не Гомер. Мудрованья премного, особенно в начале. Гоголь даже стал уж соглашаться. Из нескольких слов о нашей старине увидел я, что Гоголь ее самонадеянно не понимает. Если все это так, то, я думаю, не будет прока от его деятельности... <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 715. Печатается по первой публикации.

¹ См. также в наст. изд. письмо О. Сем. Аксаковой к И. С. Аксакову от 28 ноября 1848 г.

К. С. Аксаков — И. С. Аксакову

<20 января 1850>

<...> Вчера Гоголь читал отесеньке и мне вторую главу. — Что тебе сказать? Она для меня несравненно выше первой. Уленька, генерал, жизненные отношения и столкновения этих и других лиц не выходят у меня из головы. Чем дальше, тем лучше. Рассказывать ли тебе или нет? Право, не знаю! О, как трудно выставить прекрасную девушку и как хороша она! Ну, если б ты был здесь, я и не знаю, что бы с тобою было! — Глубоко захвачен человек! Гоголь поймал его и заставил все высказывать, во всем признаваться. Кажется, Гоголь сам был очень доволен, в духе. Жаль только, что ни маменька, ни сестры не слышали. Хорош, хорош Быстрищев со всем, что в нем есть! Но я пишу тебе одни восклицания, а рассказывать мудрено. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 724. Печатается по первой публикации.

К. С. Аксаков — И. С. Аксакову

4 марта 1850 г.

<...> Здесь была Смирнова. Узнав, что она здесь, я поехал к ней. Она мне очень обрадовалась, я сам был рад ее видеть. Вечер провела она у нас и сидела до половины первого. Вот, не могу сойтись я с этой женщиной! Неприятно с ней! Отсутствие всякой логики в голове, сухость, даже какая-то неискренность — все это очень отталкивает. Я поспорил и даже побранился с ней. Тут сидел Гоголь, радостный и счастливый до того ее присутствием, что просто, казалось, лучи шли от него: так он был светел. Между ними как бы установилась постоянная

гармония и понимание. Но мне чужда Смирнова. Это не то что тебе. Ты к ней равнодушен, и она тебя искренно любит. Вскоре пустилась она бранить народ, не признавать красоту русских песен. Я спорил и, наконец, заметил ей: «Виноват, я и забыл, что вы урожденная Росетт». — Гоголь не давал мне порядочно высказывать моего мнения. Бог их знает, как-то не просты они — и Гоголь, и Смирнова, и все, им подобные. Нет свободы в этих людях. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 731–732. Печатается по первой публикации.

К. С. Аксаков — М. А. Максимовичу

31 августа 1850 г. Киев.

Любезнейший Михаил Александрович! мы в *Киеве!*.. Каково! Извещаем вас об этом, как обещали мы вам в Москве. Очень жалею, что вас нет здесь. <...> Что вы и Николай Васильевич Гоголь не дали известия о себе¹? <...>

Впервые опубликовано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 122. Печатается по первой публикации.

¹ С 10 августа 1850 г. М. А. Максимович две недели провел у Гоголя в Васильевке (см. в наст. изд. статью М. А. Максимовича «Родина Гоголя»).

К. С. Аксаков — Н. А. Ригельману

28 сентября 1851 г.

<...> Поют они¹ во весь голос, очень живо и выразительно; мы заметили, что Гоголь и Максимович, при исполнении песен, часто следуют тому способу, который употребляется всем народом в Малороссии. Одна девушка, слыша плясовую песню, не удержалась и пошла плясать; конечно, это естественно, когда сам Осип Максимыч² даже однажды, при звуках малороссийских песен, пустился было в танец. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 726. Печатается по первой публикации.

¹ К. С. Аксаков имеет в виду слышанный им на Украине хор девушек.

² Бодянский.

К. С. Аксаков

О некоторых современных собственно литературных вопросах Фрагмент

<5 мая 1839>

В настоящую минуту литература наша представляет самое пустынное поле. Пушкина нет. Гоголь давно молчит, только изредка доходят к нам из Рима утешительные слухи, что он уже

пишет, что он написал уже что-то, но пока это только слухи, осуществления которых нам остается только с нетерпением ожидать. На литературном поприще виднеются толстые журналы. Книг появляется мало, почти все испачканные грязью, которою щедро перекидываются они друг в друга. «Северн<ая> Пчела» и «Сын О<течества>» преимущественно виднеются в этом искусстве и не терпят недостатка в необходимом для этого оружии. <...>

Впервые частично опубликовано: Кошелев В. А. «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. 1976. № 3. С. 92. Печатается по изд.: Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика / Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. В. А. Кошелева. М., 1995. С. 490.

Отрывок представляет собой начало черновой редакции статьи.

К. С. Аксаков

<На смерть Н. В. Гоголя>

Гоголя нет!.. Грустно и тяжело! Нет великого художника, и нет великого создания, им недоконченного. С именем Гоголя, с его великим поэтическим трудом связывались все надежды, все будущее нашей литературы. Теперь исчезли ее надежды, а может быть, и все ее будущее, вместе с потерей величайшего русского писателя, величайшего и вместе, кажется, последнего русского художника. Пусто стало в рус<ской> лит<ературе>, ей бол<ьше> уже неч<его> ждать. Так грустно становится при этой горькой мысли, что еще невозможен стройный и последовательный отчет о заключившем, — да, заключившем! — уже свою деятельность гениальном писателе.

Десять лет перед нами трудился он неослабно над своею поэмою «Мертвые души», посвящая этому труду своему все силы своей жизни, все могущество своего таланта; и не окончив его, навсегда покинул нас Гоголь. Сама жизнь Гоголя как художника полна чрезвычайно важного и строгого смысла. Талант его не был для него, как для большей части художников, только прикладным даром, которым художнику остается только тешиться в жизни, да набирать дани похвал и выгод житейских. Великий талант свой принял Гоголь как долг, наложенный на его свыше, который он обязан нести в течение всей своей жизни. Строго принял он призвание художника; не улыбаясь сам, производил он своими сочинениями смех, полный художественного наслаждения. Известно его слово, где так высказал он себя, когда сказал: «И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь, *озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы*». Весь обращенный к Богу, всегда трудился он внутренно и часто говорил, что жизнь не веселье, не удовольствие, но труд и подвиг. А стоит только не бежать духовного труда, — он явится, великий и бесконечный. — Вспомним, что так строг, так чист и так важен был поэт, произведения которого, по невежественному мнению некоторых, только грязны и непристойны и, по впечатлению многих, только смешны.

Жизнь поэта и художника еще и доселе считается имеющею какое-то право на дешевые веселья и радости, еще и доселе жизнь художника есть какое-то пиршество, соединенное с кубком вина и с красотой женщины. Другое зрелище представил первый русский художник. Взглянув на свой талант как на долг, возложенный на него от Бога, как на новую обязанность быть еще строже в жизни, он соединил свое вдохновение с молитвой, и жизнь свою повел он сурово, беспрестанно поддерживая, продолжая внутреннюю неослабную борьбу со всеми недостатками человека сперва внутри себя, а потом уже вне. Не время еще изображать во всей последовательности весь духовный путь, пройденный Гоголем уединенно, отшельнически среди житейского шума; ограничимся пока тем, что сказали. Талант для Гоголя был наложенным на него от Бога долгом, а жизнь — духовным подвигом.

Перед художественным гением, понимавшим так свое призвание, перед этим вечно¹ суровым духовным трудом жизни поэта чем покажутся остальные русские писатели? Не говорим о почтенных именах, принадлежащих прошедшей эпохе, о писателях, продолжающих писать, но не могущих сказать нам ничего нового, ничего такого, чего требует теперь русская душа. Мы говорим о тех сочинителях, которые современны, которые все ухватились за одну внешность великого гения Гоголя и продолжают иные все свое литературное поприще одним каким-нибудь его выражением или оборотом речи великого поэта, переиначивая его на разный лад. А современных сочинителей много. Не задумаются они над своим трудом, не станут медлить. О мои быстрые писатели! сочинители повестей, романов и комедий! для вас писать — удовольствие в числе многих других или, может быть, утеха самолюбия вашего. Вы грозно разбраните балы поутру и вечером отправитесь на бал. Вы нападете на пошлость жизни светской и тем самым, может быть, доставите себе новую возможность усладиться этою пошлостью. Или же откровенно будете радоваться всею этою пошлостью и суетою. Во всяком случае, браня и хваля, вы довольны, очень довольны (это ясно высказывается в произведениях ваших) и своею деятельностью, и жизнью: с чем и поздравляем вас.

Повторяем: еще не пришло время для полного суждения о Гоголе. Если точка зрения (на иное) гениального человека-художника и могла быть иногда ошибочна относительно того или другого в отдельности, если мы и признаем ошибочность иных высказанных им мнений в его письмах, то подвиг жизни Гоголя вполне чист, нравственен, истинен, искренен и глубок.

Грустно, грустно! Это чувство всего чаще приходит теперь на душу, и это слово всего чаще просится на уста.

Впервые упомянуто: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 755. Впервые частично опубликовано: Анненкова Е. И. Гоголь и К. Аксаков // Пути русской прозы XIX века. Л., 1976. С. 28–29. Текст печатается по изд.: Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика / Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. В. А. Кошелева. М., 1995. С. 228–230.

Некролог К. С. Аксакова, датируемый концом февраля 1852 г., сохранился в виде чернового автографа; статья не была опубликована, «видимо, из-за цензуры, и ее основные мысли были повторены» в статье И. С. Аксакова «Несколько слов о Гоголе» (см. в наст. изд.) (Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература. М., 1976. С. 209).

К. С. Аксаков

Воспоминание студентства 1832—1835 годов Фрагмент

<...> В те года только что появлялись творения Гоголя; дышавшие новою небывалою художественностью, как действовали они тогда на все юношество, и в особенности на кружок Станкевича! Во время нашего студентства вышло *Новоселье*, альманах; там была повесть Гоголя «О том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Помню я то впечатление, какое она произвела. Что может равняться радостному сильному чувству художественного откровения? Как освежало, ободряло оно души всех! как само постепенное появление изданий гениального художника оживляло, двигало общество! Рад я, что испытал и видел все это. Станкевич ценил очень верно и тонко художественность Гоголя, особенно в безделицах. — Вскоре после выхода его и моего из университета, Станкевич достал как-то в рукописи *Коляску* Гоголя, вскоре потом напечатанную в «Современнике». У Станкевича был я и Белинский; мы приготовились слушать, заранее уже полные удовольствия. Станкевич прочел первые строки: «Го-

¹ В публикации: вечным

родок Б. очень повеселел с тех пор, как начал в нем стоять кавалерийский полк...», — и вдруг нами овладел смех, смех несказанный; все мы трое смеялись, и долго смех не унимался. Мы смеялись не от чего-нибудь забавного или смешного, но от того внутреннего веселия и радостного чувства, которым преисполнились мы, держа в руках и готовясь читать Гоголя. — Наконец, смех наш прекратился, и мы прочли с величайшим удовольствием этот маленький отрывок, в котором, как и в других созданиях Гоголя, — и полнота и совершенство искусства. — Станкевич читал очень хорошо; он любил и комическую сторону жизни и часто смешил товарищей своими шутками¹. <...>

Впервые опубликовано И. С. Аксаковым: Воспоминание студентства 1832–1835 годов. К. С. Аксакова // День. 1862. 6 окт. № 40. С. 4; с датой: «12 января 1855 г.»; см. также: *Аксаков К. С. Воспоминания студентства 1832–1835 годов*. СПб., 1911. С. 27–28; *Аксаков К. С. Воспоминания студентства 1832–1835 годов / Подготовка текста и коммент. Н. И. Цимбаева // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. Изд-во Московского ун-та, 1989. С. 325. Печатается по первой публикации.*

¹ П. В. Анненков сообщал также о восприятии одного из эпизодов «Тараса Бульбы» Н. В. Станкевичем: «...Станкевич и весь круг его поняли с первого раза смех, производимый созданиями Гоголя... <...> Станкевич, смешливый от природы, уже не мог никогда вспоминать некоторых подробностей в его картинах без того, чтоб не потерять совершенно хладнокровия. Такое действие производило на него, например, воспоминание о жиде (в «Тарасе Бульбе»), который, сняв верхнюю одежду, стал вдруг похож на цыпленка» (*Анненков П. В. Николай Владимирович Станкевич. Биографический очерк // Русский Вестник. 1857. Т. 7 (цензурное разрешение 14 янв.). Кн. 3. С. 485; Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. М., 1857 (цензурное разрешение 7 дек.). С. 77–78; Анненков П. В. Н. В. Станкевич (биографический очерк) // Анненков П. В. Соч. Воспоминания и критические очерки. Собр. статей и заметок. 1849–1868 гг. СПб., 1881. Отд. 3. С. 305–306).*

Гоголь в письмах и записных книжках В. С. Аксаковой

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839—1847 гг.

В. С. Аксакова — Г. С. и И. С. Аксаковым

<3 октября 1839. Москва>

<...> Вчера Гоголь обедал у нас, он очень забавен¹. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 564. Печатается по первой публикации.

Вера Сергеевна Аксакова (1819–1864), старшая дочь С. Т. и О. Сем. Аксаковых. «Характерно, что в своей работе над “Историей моего знакомства с Гоголем” С. Т. Аксаков широко пользовался письмами В. С. Аксаковой о Гоголе, то прямо цитируя их, то излагая их содержание от собственного имени» (Из записных книжек В. С. Аксаковой / Публикация Л. Р. Каплана // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 786).

¹ На обеде, вероятно, присутствовали И. И. Панаев с женой. См. в наст. изд. *Воспоминания А. Я. Головачевой (рожденной Брянской, в первом браке Панаевой)*.

В. С. Аксакова — Г. С. и И. С. Аксаковым

<19–20 октября 1839. Москва>

В последний раз мы получили ваши письма при Гоголе — это было в субботу¹ вечером, и мы не успели их прочесть тотчас. В этот вечер Гоголь читал нам отрывок из своей комедии, и еще другой из какой-то повести, кажется «Мертвых душ»²; жаль, что вас не было; все, что он читал, превосходно, чудно; к тому же он так читает, как никакой актер не сумеет сыграть. При свиданьи расскажу вам подробно. Он написал много, как кажется, хотя говорит другим, что ничего не написал, но у него, кажется, нет почти ничего совсем оконченного. Он болен, в ипохондрии, но чрезвычайно смешон, когда рассказывает что-нибудь и не улыбается. Вообразите, что на днях давали «Ревизора»³, его уговорили ехать смотреть, все согласились прежде вызвать его; наша ложа была возле ложи Чертковых, у которых он сидел; возле нас с другой стороны были Павловы; в театре было общество избранное, и потому не так много; все расспрашивали о Гоголе с таким участием, с такою жадностью хотели его видеть, заглядывали в ложу; он же совершенно ушел в креслы и закрылся рукой так, что и нам нельзя было его видеть. Перед вторым актом <М. Ф.> Орлов подходит к Павлову и говорит, что будут вызывать после второго; а между тем Загоскин оставил свой бенеуар для Гоголя. Гоголь же просил отесеньку сказать Загоскину, что его нет в театре. Загоскин рассердился еще более потому, что он видел Гоголя из своей ложи. Прошли два акта, играли превосходно; вдруг раздается крик: «Автора». Гоголь спрятался еще более, крик все увеличивался. Гоголь встал и ушел из ложи. Отесенька вышел тоже, схватил его и уговаривал остаться; он просил сказать, что он нездоров, что он не в состоянии выйти благодарить публику, и уехал. Крик не перестает, напротив еще увеличивается, когда сказали, что Гоголь вышел из ложи, все обратились к директорской ложе, ожидая каждую минуту, что он появится, и если б он в эту минуту показался, его приняли бы с неистовством.

Загоскин прислал за отесенькой, отесенька ему выговаривает, зачем он тотчас же не прислал или не пришел сам за Гоголем. Загоскин говорит: «Да ведь я не знаю, где он сидит (хотя он его видел), ведь он сказал, что его нет в *театре*», но уже было поздно. Гоголь уехал. Шум все продолжался, подняли занавес, шум удвоился, думали, что хотят начать играть, но выходит <И. В.> Самарин, игравший Хлестакова, и говорит: «Автор комедии в театре не находится». Все были чрезвычайно поражены, удивлены, огорчены этим; все утихло, но это произвело неприятное впечатление, стали говорить: «Что же, разве ему неприятно это?» Михаил Петрович Погодин поехал тотчас за ним, но не нашел его. Пьеса продолжалась, играли все, кажется, лучше, и принимали прекрасно. Щепкин был удивительно хорош, его вызвали с большим шумом. Это происшествие произвело довольно большой шум и движение в обществе.

Исписала вам целый лист и всего еще не успела сказать. Гоголь сам чрезвычайно огорчился этим происшествием и написал даже извинительное письмо, после которого, конечно, никто не может его упрекнуть. Он должен скоро ехать в Петербург и собирается даже вместе с нами, но не знаю, уладится ли это, потому что мы еще не совсем решились — когда ехать.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 572. Печатается по первой публикации.

¹ 14 октября 1839 г.

² Речь идет о чтении «Тяжбы» и первой главы «Мертвых душ». См. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к сыновьям от 17 октября 1839 г.

³ 17 октября 1839 г., во вторник.

В. С. Аксакова — О. Сем. Аксаковой

<25 ноября 1839. Санкт-Петербург>

<...> В воскресенье¹ дают «Ревизора», и отесенька берет ложу, но не знаю, поедем ли мы, т. е. я и Машенька²: это будет зависеть от того, что скажет дядя Григорий Иванович³, которому нарочно дадут прочесть «Ревизора». Гоголя мы не видали с тех пор. Он уверен, что мы едем во вторник⁴. Как неприятно его обманывать! Но неужели для этого мы должны ускорить свой отъезд отсюда? <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 576. Печатается по первой публикации.

¹ 26 ноября 1839 г.

² М. Г. Карташевская.

³ Карташевский.

⁴ То есть 28 ноября 1839 г. Отъезд Гоголя с сестрами и Аксакова с дочерью из Петербурга состоялся лишь 17 декабря 1839 г.

В. С. Аксакова — О. Сем. Аксаковой

<27 ноября 1839. Санкт-Петербург>

<...> ...В воскресенье, т. е. вчера, у нас был нанят возок на целый день <...> Вечером мы были в театре всей семьей, видели «Ревизора», и какая разница с тем, что у нас играют, начиная с Сосницкого, который ходит как-то согнувшись, изломанный какой-то, совсем нет той жизни,

которая у нас всех одушевляет. Городничий бывал иногда отвратителен, но иное говорил со смыслом и удачно. Хлестакова здесь играл Куликов, который сам по себе более похож на Хлестакова, нежели Самарин, но совершенно играет, не понимая роли всей, без толку; иное, впрочем, у него лучше, нежели у нас; особенно наружность и манеры. Сегодня мы едем, кажется, смотреть «Тень»¹. Нас хотят удержать до 7 числа, и я думаю, что мы останемся, а Гоголь, может быть, поедет один²... <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 576. Печатается по первой публикации.

¹ «Тень» – балет Л. Маурера с участием М. Тальони, гастролировавшей в это время в Петербурге.

² См. также в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к О. Сем. Аксаковой от 27 ноября 1839 г. Выезд Гоголя и Аксаковых состоялся 17 декабря 1839 г. Приехали они в Москву 21 декабря.

В. С. Аксакова — К. С. Аксакову

<Начало декабря 1839. Санкт-Петербург>

<...> Панаев был у нас, они хотели сделать обед для Гоголя у одного итальянца, чтобы подчивать его макаронами, но это не состоялось. <...>

Первые опубликовано: Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 56. М., 1850. С. 136. Печатается по первой публикации.

В. С. Аксакова — Г. С. и И. С. Аксаковым

<20 декабря 1839. Торжок>

<...> Завтра, Бог даст, будем в Москве <...> По ночам сидит с нами отесенька, а днем Гоголь, который, впрочем, и днем спит. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 580. Печатается по первой публикации.

В. С. Аксакова — Г. С. и И. С. Аксаковым

<22 декабря 1839. Москва>

<...> Дорога наша прошла без всяких особенных происшествий, только в иных местах была очень беспокойна, и ехали мы тихо; вчера¹ приехали часу в девятом, стало быть четверо суток были в дороге. <...>

Первые опубликовано, с ошибочной датировкой (23 декабря): Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 580. Печатается по первой публикации.

¹ 21 декабря 1839 г.

В. С. Аксакова — Г. С. и И. С. Аксаковым

<25 декабря 1839. Москва>

<...> В субботу¹, совершенно неожиданно, Гоголь предложил сам прочесть что-нибудь у нас. Разумеется, все приняли с радостью это предложение, но вместе и забыли, что Загоскин хотел в тот же вечер читать свое что-то; отесенька решил жертвовать Загоскиным и написал ему почти всю правду; Загоскин отвечал, что это очень кстати, потому что у него лицо болит, что, впрочем, и правда, но он, должно быть, рассердился, хотя и был вчера у нас. О чтении Гоголя вы знаете, что можно сказать — чудно. Он читал две главы из «Мертвых душ»², первую главу еще перед нашим отъездом³ мы слышали; все смеялись, и, точно, нельзя не смеяться; но не одно смешное имеет у него достоинство, все чудно. Когда-нибудь напишу, что значат эти «Мертвые души». В воскресенье⁴ была у нас Павлова, просила непременно нас всех приехать завтра к ней на елку. Она по всему городу искала портрет *Гоголя*, чтоб повесить на елку для Константина вместе с портретом *Гегеля*. В субботу, когда читал Гоголь, был у Константина Самарин, который тоже слушал, и нарисовал после чтения портрет Гоголя, довольно похожий⁵. <...>

Дорогой мы познакомились, разумеется очень коротко, с сестрами Гоголя; в воскресенье они у нас обедали... <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 576–578. Печатается по первой публикации.

¹ 23 декабря 1839 г. См. также в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к Г. С. и И. С. Аксаковым от 25 декабря 1839 г. и письмо Н. С. Аксаковой к братьям от того же числа.

² То есть вторую и третью главы поэмы.

³ Имеется в виду отъезд С. Т., В. С. и М. С. Аксаковых вместе с Гоголем из Москвы в Петербург 26 октября 1839 г. Чтение первой главы «Мертвых душ», а также «Тяжбы» состоялось 14 октября 1839 г.

⁴ 24 декабря.

⁵ Портрет неизвестен.

В. С. Аксакова — Г. С., И. С. и М. С. Аксаковым

<28 декабря 1839. Москва>

<...> Вы пишете, что я мало пишу о нашей дороге, но когда же? На станциях, впрочем, и нет ничего особенно интересного. Сестры Гоголя были беспрестанно нездоровы, и одной особенно сделалось дурно. Впрочем, ехали мы без всяких приключений. Один раз только напугал нас кондуктор: стал бить бедного извозчика. Гоголь сменял у нас в карете днем отесеньку и называл себя днем, а отесеньку ночью. Дорогой я, разумеется, имела случай узнать короче его сестер. Они мне очень нравятся сами по себе, но, Боже мой, что за понятия, что за мир, в котором они живут, что за дети! С Гоголем у нас бывали разговоры, но большею частью мы молчали или спали. Один раз он смотрел на обозных лошадей, которые тянулись перед нами, и говорит: «Вот эта лошадь непременно должна быть Степан Степаныч, ну вот так мне кажется, что Степан Степаныч», а сестра его меньшая, над которой он подшучивал прежде, говорит: «А мне кажется, что Николай Васильич».

Вот вам некоторые подробности нашего пути, после напишу побольше¹. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 580. Печатается по первой публикации.

¹ Другие подробности этой поездки, продолжавшейся с 17 по 21 декабря 1839 г., см. в наст. изд. в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова, а также в письмах В. С. Аксаковой к братьям от 20 и 23 декабря 1839 г., Е. В. Гоголь к матери около 25 декабря 1839 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

14 февраля <1840. Москва>.

Я не помню статьи Гоголя, о которой ты говоришь, непременно прочту ее. Гоголь у нас недавно читал отрывок из своей итальянской повести¹, но только мужчинам, а мы не слышали.

Использовано С. Т. Аксаковым в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (см. в наст. изд.). Впервые опубликовано, по авторской копии: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 584. Печатается по указанной копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10. Л. 1–21. Рукопись озаглавлена «Выписки из писем 1840–1849 гг. В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской о Гоголе». Выписка из письма В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 14 февраля 1840 г. открывает этот рукописный сборник, к которому непосредственно обращался С. Т. Аксаков в своей работе над воспоминаниями о Гоголе.

¹ Чтение начатого Гоголем зимой 1838/39 г. в Риме романа «Аннунциата» (первоначальное название «Мадонна дей Фьори») состоялось 4 февраля 1840 г. Отрывок из этого романа, под названием «Рим», был опубликован в 1842 г. См. также в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к сыновьям от 5 февраля 1840 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

6 марта <1840. Москва>

Сейчас только кончил Гоголь читать, он сегодня у нас обедал и после обеда сам предложил чтение. Он прочел четвертую главу из Мертвых душ, как хорошо это, и говорить нечего, как жаль мне, что ты не можешь присутствовать при этих чтениях.

Использовано С. Т. Аксаковым в «Истории нашего знакомства с Гоголем...». Упомянуто: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 584. Публикуется впервые по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

8 марта <1840. Москва>.

...Гоголь дал ему (Кир<иллу> Горбунову)¹ письмо к Брюллову², и, может быть, этот даст ему способ усовершенствоваться.

НВ. Это так и было¹.

Впервые опубликовано по авторской копии (с ошибочным присоединением к данному письму отрывка из послания В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской, написанного между 30 марта и 4 апреля 1840 г.; см. ниже): Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 583. Печатается по указанной копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ НВ. Это так и было. — *Примеч. В. С. Аксаковой на полях рукописи.*

¹ Кирилл Антонович Горбунов (1822–1893), крепостной художник. В неизданном письме к А. П. Елагиной от 13 января 1842 г. К. А. Горбунов писал, что «советом и мнением» Гоголя он «чрезвычайно дорожит» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 584). См. также в наст. изд. письмо В. П. Боткина к В. Г. Белинскому от 9–12 февраля 1840 г. и ответное письмо В. Г. Белинского от 18–20 февраля того же года.

² Письмо неизвестно.

В. С. Аксакова — Г. С., И. С. и М. С. Аксаковым

<Между 14 и 28 марта или между 10 и 12 апреля 1840. Москва>

<...> В эту среду¹ Гоголь опять обедал у нас и [опять] читал уже шестую² главу, это чудо что такое; тут выведен один помещик *Собакевич* — какое это лицо, как обрисовано, и вообще все тут совершенство. Жаль, очень жаль, что вы не присутствуете при этих чтениях, милые братья, тем более еще потому, что едва ли это будет напечатано³. Пересказывать этого невозможно. Хорошо, если бы он нас каждую среду угощал этим! По субботам он, кроме того, бывает у нас, и сестры его также. Сестры его гораздо стали развязнее, очень много выезжают, почти каждый день на вечерах, в лучшем обществе, и везде за ними чрезвычайно ухаживают и стараются занять их... <...>

Впервые опубликовано (с датировкой — первая половина апреля 1840 г.): Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 588. Печатается по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 16. Ед. хр. 38. Л. 2 об.

¹ Среда 13 или 20 или 27 марта или 10 апреля 1840 г. В «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксаков, по-видимому, ошибочно, указывал, что пятая глава была прочитана Гоголем в субботу: «...в одну из суббот, он прочел 5-ую главу...» (см. в наст. изд.).

² Ошибка В. С. Аксаковой. Имеется в виду пятая глава. В черновых рукописях Гоголя, которыми он мог пользоваться при чтении Аксаковым глав «Мертвых душ» осенью 1839 – весной 1840 гг., шестая глава («Глава 6») посвящена, как и в окончательном тексте, Плюшкину (см.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.:> Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6. С. 301).

³ По свидетельству М. П. Погодина, Гоголь во время пребывания в Мариенбаде в июле – начале августа (н. ст.) 1839 г. читал ему «отрывки из “Мертв<ых> душ” и уверял, что при жизни они не будут напечатаны» (см. в наст. изд. «Заметку М. П. Погодина о Гоголе»).

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<Между 30 марта и 4 апреля 1840. Москва>

В пятницу¹ Гоголь у нас опять читал, но не из «Мертвых душ», а из какой-то комедии². Мы уже думали, что он никогда более не будет читать, потому что слышали, что это ему уже наскучило, и, конечно, он это сделал по особенному случаю.

Использовано С. Т. Аксаковым в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (см. в наст. изд.). Впервые опубликовано, с ошибочной датировкой (письмо было присоединено к посланию В. С. Аксаковой М. Г. Карташевской от 8 марта 1840 г.; см. выше), по авторской копии: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 583–584. Печатается по указанной копии: *РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ 29 марта 1840 г., в день рождения К. С. Аксакова.

² Возможно, из «Женитьбы». Выписка из письма В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской между 30 марта и 4 апреля 1840 г. в собственноручном сборнике В. С. Аксаковой «Выписки из писем 1840–1849 гг. В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской о Гоголе» осталась недатированной. Позднее С. Т. Аксаков, воспользовавшись сборником дочери и ошибочно следуя ее датировке предшествующей выписки (из письма от 8 марта 1840 г.), описал в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» под этим числом чтение Гоголем «Тяжбы», состоявшееся на самом деле несколькими месяцами ранее — 14 октября 1839 г. (см. в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к Г. С. и И. С. Аксаковым от 19–20 октября 1839 г. и коммент. к этому письму).

В. С. Аксакова — Г. С., И. С. и М. С. Аксаковым

<Между 3 и 10 апреля 1840. Москва>

<...> Письмо ваше получили мы в самый день рождения Константина¹. У нас были Горчаковы да несколько мужчин, как, например, Гоголь, Великопольский, Погодин, Павлов, Панов², после обеда Самарин. <...>

В пятницу³ Гоголь читал у нас отрывок из какой-то комедии⁴, я слушала больше из другой комнаты и потому не могла всего расслышать. В среду⁵ в московских газетах будет одно прелезавное и оригинальное объявление от Гоголя, в котором он приглашает себе спутника в чужие края. Как, я думаю, в Петербурге мудрено сыскать «Московские Ведомости», то мы вам пришлем это объявление⁶. <...>

Впервые опубликовано (с датировкой — начало апреля 1840 г.): Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 586–587. Печатается по первой публикации.

¹ В пятницу 29 марта 1840 г.

² В. А. Панов.

³ 29 марта 1840 г.

⁴ Возможно, из «Женитьбы». См. также в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к сыновьям от 2 апреля 1840 г.

⁵ 10 апреля 1840 г.

⁶ Текст объявления см. в изд.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 9. С. 485 (первоначальный вариант); 871 (вариант, напечатанный в «Прибавлениях» к «Московским Ведомостям» от 6, 10 и 17 апреля 1840 г. — № 28, 29, 31). См. также в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к братьям от 16 апреля 1840 г. и коммент. к разделу <Извещения газеты «Московские Ведомости» от 6, 10 и 13 апреля 1840 г. об отъезде Гоголя за границу>.

В. С. Аксакова — Г. С., И. С. и М. С. Аксаковым

<Средина апреля 1840. Москва>

<...> Хотелось бы часто тебя послушать, Мишенька, смотри не оставляй музыку <...>. Лангер, которого Константин недавно видел, очень об тебе расспрашивал и боится, чтоб ты не забыл, чему учился у него. Теперь здесь мать Гоголя, женщина умная, чрезвычайно приятная; она привезла с собой меньшую дочь¹, которой Лангер будет давать уроки². Гоголь очень похож на свою мать. Она скоро едет назад в деревню и увозит с собою старшую дочь и меньшую, а средняя остается здесь у какой-то дамы³. <...>

Константин познакомился недавно с Киреевским, Гоголь попросил его ехать с ним вместе прямо на вечер к Киреевскому, и Константин согласился, это, конечно, только один Гоголь мог

сделать, Константин теперь сделался еще более немодным [или лучше¹]; эта мысль, что ни к кому не поеду, прежде нежели тот у меня не будет или не будет меня убедительно просить, у него теперь сделалась еще сильнее, но он готов сделать все для Гоголя, все, о чем то<лько> он его не попросит. Кажется, Гоголь более не будет читать, у него еще ничего не кончено... <...>

Впервые частично опубликовано, с ошибочной датировкой (март 1840 г.): Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 586. Печатается по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 16. Ед. хр. 38. Л. 3–4.

¹ Гоголь (в замужестве Головная), Ольга Васильевна. См. ее воспоминания в наст. изд.

² См. также в наст. изд. письмо К. С. Аксакова к И. С. Аксакову от 3 августа 1840 г.

³ У П. И. Раевской. См., в частности, в наст. изд. раздел *Гоголь в письмах и воспоминаниях А. П. Елагиной*.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<Между 15 и 19 апреля 1840. Москва>

В субботу¹ Гоголь опять читал у нас, и что он читал — это просто возбуждает удивление, что человек может так творить.

Гоголь читал Плюшкина², перед самой заутреней Светлого Воскресения^{II}.

Использовано С. Т. Аксаковым в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (см. в наст. изд.). Впервые опубликовано, без примечания В. С. Аксаковой на полях рукописи и с ошибочной датировкой (8 марта), по авторской копии: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 583–584. Печатается по указанной копии: *РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ 13 апреля 1840 г.

² То есть шестую главу первого тома «Мертвых душ».

В. С. Аксакова — Г. С., И. С. и М. С. Аксаковым

<16 апреля 1840. Москва>

<...> Спешу вам сказать одну новость, которая вас очень удивит, особенно тебя, Гриша. Вы уже знаете, что Гоголь ищет попутчика и объявлял в газетах о том, только не тем смешным объявлением, о котором я вам писала¹, — вообразите, что этого не пропустили [в это трудно поверить]. Но только Гоголь до сих пор не находил никого. Панов решился ехать с ним, и вчера уже они условились. Сегодня Панов едет к своей матери проститься и тотчас же воротится, чтоб ехать с Гоголем в чужие края, через Вену. <...> Панов хотел ехать в чужие <края>, но только после выдержания экзамена в магистры, но теперь решился и хочет прежде, и пробыть там года два. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 587. Печатается по первой публикации.

¹ См. письмо В. С. Аксаковой к братьям между 3 и 10 апреля 1840 г.

^I Не дотисано.

^{II} Гоголь читал - Светлого Воскресения. — *Примеч. В. С. Аксаковой на полях рукописи.*

В. С. Аксакова — Г. С., И. С. и М. С. Аксаковым

<22 мая 1840. Москва>

<...> В субботу¹ уехали и Гоголь и Панов; в эту ночь они все у нас ночевали, и Лиза Гоголь также. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 588. Печатается по первой публикации.

¹ 18 мая ст. ст. 1840 г. См. также в наст. изд. письмо О. Сем. Аксаковой сыновьям Г. С., И. С. и М. С. Аксаковым от 22 мая 1840 г.

В. С. Аксакова — С. Т. и О. Сем. Аксаковым

<Начало 1841>

<...> Что это написано о Ломоносове в «Отечественных» зап<исках>¹? Константин, вероятно, взбесится на это?.. <...>

Впервые опубликовано: *Кошелев В. А.* «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. 1976. № 3. С. 85. Письмо ошибочно датировано в этом издании 4 декабря 1839 г. Печатается по первой публикации. Датировка уточнена.

¹ Можно предположить, что В. С. Аксакова имела в виду напечатанную в № 11 «Отечественных Записок» за 1840 г. (цензурное разрешение 14 ноября) рецензию В. Г. Белинского на трехтомное собрание сочинений М. В. Ломоносова, вышедшее в свет в 1840 г. В рецензии Белинский заявлял, что «в трудах и жизни Ломоносова гораздо больше поэзии, чем в его вдохновениях, принявших на себя форму тяжелых стихов», и утверждал, что Ломоносов «не нужен публике» (<Белинский В. Г.> Собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова // *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 3. С. 445–446). В таком случае письмо следовало бы датировать 4 декабря 1840 г. Однако вероятнее, что письмо к родителям В. С. Аксакова написала после получения послания М. Г. Карташевской от начала 1841 г., в котором та сообщала: «Сегодня Гришенька <Г. С. Аксаков> принес мне 1 № “Отечественных Записок”, и так как он принес мне его ненадолго, то я успела только прочесть повесть “Саламандра” <князя В. Ф. Одоевского> <...> В этой же книге есть опять критика Белинского», и, пробежав листы, я видела имя Ломоносова. Теперь мне досадны его глупые слова» (цитируется по первой публикации: *Розенблюм Н.* Белинский в неизданной переписке современников // Русская литература. 1962. № 1. С. 201). Под «глупыми словами» М. Г. Карташевская, очевидно, подразумевала следующую фразу В. Г. Белинского о М. В. Ломоносове в статье «Русская литература в 1840 году»: «Что же до его прозы — трудно решить, больше вреда, или больше пользы оказал он русскому языку, заковав его в чуждое ему построение латинских и немецких периодов» (Отечественные Записки. 1841. № 1. Отд. 5. С. 7). Реакцию К. С. Аксакова на сообщение В. С. Аксаковой см. в наст. изд. в письме К. С. Аксакова к отцу от начала 1841 г. Позднее по поводу сходных суждений В. Г. Белинского о поэзии Г. Р. Державина критически отозвался о Белинском Гоголь (см. в наст. изд. коммент. к письму В. Г. Белинского В. П. Боткину от 31 марта 1842 г.).

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

<18–20 октября 1841. Москва>

<18 октября>

<...> Возвратившись с маменькой домой сегодня, мы нашли у нас — Гоголя. Он приехал вчера¹ же вместе с П<етром> И<вановичем>² в одной почтовой карете и, разговорившись, узнали, что мы им общие знакомые. Хотя и знали, что Гоголь едет в Россию, но не ожидали его так скоро, и потому, говорят, у нас был порядочный шум при его появлении, так что напугали весь дом. Я очень рада, что я тут не была в эту минуту — кроме испуга, вообрази, что мне еще достается от тех самых, которые меня испугают, что случается нередко. Еще не знают наверное, а кажется Гоголь приехал не с пустыми руками. <...>

<19–20 октября>

Вчера обедал у нас П. И. Пейкер... Я тебе писала, что П<етр> И<ванович> приехал в одном дилижансе с Гоголем, но Пейкер и не знал, что это тот самый Гоголь, писатель. Мы не могли удержаться от смеха, слыша рассказы Пейкера о том, как они ехали вместе и всё молчали; и вообрази, что Гоголь без всякой причины наговорил ему столько вздору, например, тот спрашивает, знает ли он Погодина, Гоголь отвечает, что нет, и т. п. Пейкер, узнавши, что он так был мистифицирован, обиделся было, но мы уверили его, что Гоголь делает это со всеми, что совершенная правда. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 608. Печатается по первой публикации.

В авторской копии В. С. Аксаковой первая часть письма датирована 15 октября 1841 г. (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10). Фраза: «Я очень рада, что я тут не была в эту минуту — кроме испуга, вообрази, что мне еще достается от тех самых, которые меня испугают, что случается нередко» — в копии пропущена.

Датировка второй части письма в копии: «Понедельник [17 окт<ября>]» (дата в копии зачеркнута; 17 октября 1841 г. была пятница, понедельник приходился на 20 октября).

¹ То есть 17 октября 1841 г.

² Пейкером.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

<Конец октября (после 20-го числа) 1841. Москва>

<...> Письмо это пойдет с Петром Ивановичем¹ <...> На днях он обедал у нас вместе с Гоголем², сцена их свидания была так смешна, что я убежала в другую комнату, чтоб не расхохотаться, но и у нас даже Гоголь при Пейкере мало говорил. — Ты совершенно отгадала, моя милая Машенька, их разговор в дилижансе, но только он не пошел далее, и Петр Иванович жалуется ужасно на молчание своего спутника. <...>

Впервые опубликовано, по оригиналу: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 608. Печатается по первой публикации. Эта же выписка имеется в авторской копии, где письмо датировано: «Октябрь, несколько дней спустя» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10) (имеется в виду датировка предшествующей выписки: «Понедельник [17 окт<ября>]»; см. выше).

¹ Пейкером.

² Вероятно, 18 или 19 октября 1841 г. (см. предшествующее письмо В. С. Аксаковой). 20 октября 1841 г., С. Т. Аксаков писал Гоголю: «...Предлагаю вам <...> <о>тобеждать вместе в клубе, куда я записан, <пригласи> в вашего спутника из Питера. Если же вы н<е> хотите в Двор<янский> Клуб, то не приедете ли к н<ам>...» (под «спутником из Питера» подразумевался, по-видимому, П. И. Пейкер). На записку С. Т. Аксакова Гоголь в тот же день отвечал: «К вам натурально приеду, а в клуб и ворон костей моих не занесет».

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Окт<ябрь 1841. Москва>.

Вчера целый день у нас была Лиза Гоголь¹ и ночевала, теперь она возле меня и просит, чтоб я тебе кланялась от нее. Лиза такая шалунья, все толкает мне руку.

Публикуется впервые по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ Елизавета Васильевна Гоголь (в замужестве Быкова).

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Вторник <11 ноября 1841. Москва>.

<...> Жаль, что ты не видала картины Бруни¹. Я спрашивала об ней Гоголя. Он говорит, что в картинах Бруни виден талант более зрелый, нежели даже в картинах Брюллова², но что у этого последнего более гения; что картина эта, впрочем, прекрасна и что каждая группа отдельно может служить для изучения. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 608. Эта же выписка имеется в авторской копии, где письмо датировано: «11 ноября» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ Написанная в Риме картина Федора Антоновича Бруни (1800–1875; принадлежал к католическому вероисповеданию) «Воздвижение Моисеем медного змия» экспонировалась в 1841 г. на выставке в Зимнем дворце. Ранее, в письме к М. П. Балабиной от 30 мая (н. ст.) 1839 г., Гоголь писал: «Картина Бруни, о которой вы интересуетесь знать, кажется, стоит на том же, на чем стояла. Век художника оканчивается, когда он оставляет раз Италию, и, дохнувши тлетворным дыханием севера, он, как цветок юга, никнет голову. Бруни как будто бы прихватил петербургский мороз; по крайней мере кисть его скользит лениво и не работает».

² Согласно словам В. С. Аксаковой в письме к М. Г. Карташевской от 21 октября 1842 г. (см. в наст. изд.), Гоголь прежде всего имел в виду знаменитую картину Карла Петровича Брюллова (1799–1852; принадлежал к протестантскому вероисповеданию) «Гибель Помпеи», которая в августе 1834 г. была выставлена для публичного обозрения в петербургской Академии художеств. Оценке брюлловской картины — с центральным образом мертвой красавицы на переднем плане — посвящена статья Гоголя в сборнике «Арабески» «Последний день Помпеи», датированная писателем августом 1834 г. Картина повлияла на изображение Гоголем мертвой красавицы в повести «Вий». «...Его женщина, — писал Гоголь о картине Брюллова, — блещет, но она не женщина Рафаэля, с <...> ангельскими чертами, — она женщина страстная... <...> Когда я глядел в третий, в четвертый раз, мне казалось, что скульптура — та скульптура, которая была постигнута в таком пластическом совершенстве древними <...> перешла наконец в живопись...». О скульптуре Гоголь в другой статье «Арабесок» («Скульптура, живопись и музыка») замечал: «Напрасно хотели изобразить ею высокие явления христианства <...>, возвышенные, стремительные мысли не могли улечься на ее сладострастной наружности». Соответственно характеристике «языческой» скульптуры Гоголь и оценивал картину Брюллова: «У него нет <...> того высокого преобладания небесно-непостижимых <...> чувств, которыми весь исполнен Рафаэль. Его фигуры <...>

при всем ужасе своего положения <...> заглушают его своею красотою...». Подобным образом «заглушает» свою красоту «ужас своего положения» и мертвая панночка-ведьма в «Вии»: «Она лежала как живая. Чело прекрасное, нежное как снег <...>, казалось, мыслило...». Главная, по Гоголю, идея картины Брюллова — «нам жалка наша милая чувственность» (для этого, по словам Гоголя, Брюллов и «представил человека как можно прекраснее: его женщина дышит всем, что есть лучшего в мире»), тоже находит себе соответствие в «Вии» — в эпизоде, где Хома видит перед собой умирающую красавицу и испытывает к ней жалость.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

Декабрь <1841. Москва>

Павлова обедала у нас в субботу; она уже два раза приезжала почти единственно насчет¹ Гоголя, и как нарочно [все] три раза его не было у нас; с его приезда она один раз его только видела, он к ней довольно благосклонен, но с Ник<олаем> Ф<илипповичем>, кажется, он не симпатизирует.

Впервые опубликовано, с ошибочной датировкой, по авторской копии: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 579–580. Печатается по указанной копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

<22–25 декабря 1841. Москва>
25 декабря.

<...> Ты спрашиваешь о Гоголе. Право, нечего писать об нем; он бывает у нас несколько реже, иногда говорит забавно, играет на биллиарде; пишет ли он, нет ли, и что он пишет, — все это держит в секрете. Отесеньке он читал у себя на дому. Первый том «Мертвых душ» кончен, кажется, но пожалуйста, скажи Ванечке¹, чтоб он не распространял этих слухов, а то вдруг где-нибудь напечатают, а до времени это, точно, должно быть в тайне. Но точно в нем произошла некоторая перемена, как он тогда писал, в нем есть чрезвычайная покорность Провидению, предрассудки он бросил и гастрономия совсем его уже не занимает, как бывало прежде. <...>

Впервые опубликовано, по оригиналу: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 610. Печатается по указанному источнику: ИРЛИ. № 10.611. Л. 148. Выписка из письма имеется также в авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ И. С. Аксакову.

В. С. Аксакова — И. С. Аксакову

<Конец 1841 — начало 1842. Москва>

<...> Гоголь бывает у нас часто, но очень недоволен, если мы скажем кому-нибудь об этом — непременно требует, чтоб мы лгали; иногда он очень смешит; как-то раз он очень серьезно уверял, что сапог его чрезвычайно похож на Крылова (профессора здешнего)¹ и т. п. Очень забавно, когда он играет на биллиарде, играет очень дурно и бранит себя. Но только ты, милый Ва-

¹ насчет *вписано вместо*: для

нечка, пожалуйста, не сообщай ничего никому, ни товарищам, ни Панаеву — из этого более выходят сплетни, и потом же Гоголь все это держит в величайшем секрете. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 610. Печатается по первой публикации.

¹ 7 января 1842 г. Гоголь в письме к П. А. Плетневу, сообщая неблагоприятные отзывы о первом томе поэмы «Мертвые души» в московской цензуре, вслед за мнениями о ней «цензоров-азиатцев, то есть людей старых, выслужившихся и сидящих дома», передавал, в частности, толки «цензоров-европейцев» (получивших образование за границей) — «людей молодых», а именно профессора римского права Московского университета, цензора Никиты Ивановича Крылова (1808–1879): «Что вы ни говорите, а цена, которую дает Чичиков (сказал один из таких цензоров, именно Крылов), цена два с полтиною, которую он дает за душу, возмущает душу. Человеческое чувство вопиет против этого, хотя, конечно, эта цена дается только за одно имя, написанное на бумаге, но все же это имя душа, душа человеческая, она жила, существовала. Этого ни во Франции, ни в Англии и нигде нельзя позволить. Да после этого ни один иностранец к нам не придет». С. Т. Аксаков в письме к сыну Ивану от 1 февраля 1842 г. также замечал о московских цензорах: «Молодые профессора, образовавшиеся в чужих краях, хуже стариков, не выезжавших из Москвы...» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 612). М. П. Погодин 5 мая 1843 г. в свою очередь записал в дневнике: «Слушал рассказы о грабительствах молодых профессоров, которых махиавелические козни, против меня в особенности, мне кажутся ясными. <...> Я удивляюсь, что я позволял делать с собою Крылову. Эти подлецы всячески старались оттереть меня, чтоб на свободе делать что угодно» (*Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. Кн. 7. С. 155).

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

8 февраля <1842. Москва>.

<...> В субботу по старой памяти собираются всегда у нас некоторые, как, например, Гоголь, Щепкин, Павлова; и Кошелева¹ приехала в этот раз². Ей чрезвычайно хотелось видеть Гоголя, и каким-то чудом уговорили его войти в гостиную³. Горчаковы в этот день у нас обедали. Лиз<авета> Павл<овна>⁴ все еще с больной рукой, но это не мешало веселиться в Рязани. Кажется, на днях мы должны будем познакомиться с Ховриными; что они желают с нами познакомиться, в этом нельзя сомневаться; кроме того, что они лично нас желают видеть, они в отчаянии, что нигде не встречают Гоголя, а у нас это немудрено сделать! Мне странно как-то слышать, что есть люди, которые желают как не знаю чего видеть хоть только мельком Г<оголя>. <...>

Впервые опубликовано, по оригиналу и авторской копии (с контаминацией источников): Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 614–615. Печатается по указанным автографам: оригиналу (*ИРЛИ*. № 10.612. Л. 16 об.–17) и авторской копии (*РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ Кошелева (рожденная Петрово-Соловово) Ольга Федоровна (1816–1893), жена А. И. Кошелева.

¹ Далее в авторской копии в текст письма В. С. Аксакова вписала примечание: что, точно, стоило немало усилий со стороны Константина и меня. Мы приставали к нему всячески, убеждали его, он отделялся разными уловками; то заговаривал о другом, то начинал нам читать вслух что-нибудь в московских газетах и т. д. Наконец, Константин убедил его. Видя, что он уступает, мы возвестили его громко в гостиной, так что ему уже нельзя было не войти, и он вошел, но Кошелева не сумела сказать ему ни слова, и он, оставшись несколько минут, ушел. Мы с Константином его проводили и благодарили, но он был не совсем доволен, и на наш, кажется, вопрос, как он нашел Кошелеву, он сказал, что не может и судить о ней, потому что не слышал от нее ни слова: «А вы мне сказали, что она желает со мной познакомиться».

² 7 февраля 1842 г.

³ Эпизод с О. Ф. Кошелевой, описанный В. С. Аксаковой в письме, а также в примечании, сделанном в авторской копии, излагается С. Т. Аксаковым в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (см. в наст. изд.).

⁴ Вероятно, княжна Горчакова.

В. С. Аксакова — И. С. Аксакову

Пятница. <13 февраля 1842. Москва>.

<...> Последняя суббота¹ была отложена, как кажется — причина та, что Н<иколай> Ф<илиппович>² хотел дать другое направление разговору, который в последнее время на всех вечерах был ему совершенно не по сердцу, а именно: все спорили о Гоголе. Начался спор с субботы у него, потом у Елагиной, где Костя много говорил о Павлове и, разумеется, не ставил его высоко как сочинителя, потом у Киреевского тот же спор. Хомяков соглашается во всем с Константином, и другие просто сердятся; наконец, о том же Хомяков говорил и на вечере у кн<язя> Голицына³, так что Голицын попросил на другой день Шевырева прочесть ему «Тараса Бульбу», и ему очень понравилось — сколько он может оценить. Он через Шевырева предлагал Гоголю место какое-то с жалованьем, но Гоголь отказался. (Надобно прибавить, что кн<язь> Голицын звал на вечер к себе Гоголя, который сказывается больным⁴.) Павлов, который тоже был на вечере у Голицына, говорят, очень умно молчал, но, разумеется, оставался равнодушным, потому что, приехавши на другой день⁵ к нам, он, видимо, был раздосадован и бранил Хомякова, говоря, что его скоро нельзя будет понимать, что он потерял весь кредит свой и т. д., и, наконец, сказал под разными предлогами, что субботы в этот раз⁶ не будет, — вероятно для того, чтоб этот спор истощился. Между тем, не знаю, успеет ли, потому что у Хомякова на вторник⁷ он снова повторился, и на этой субботе будет то же. Павлов будет в отчаянии. Вообрази, что в разговоре о Гоголе его, т. е. Павлова, не то что ставят ниже, но даже и не упоминают о нем; и в голову никому не входит; не обидно ли это? Но, впрочем, конечно, кажется по всему, защитники Гоголя доходят почти до какого-то неистовства — пожалуй, что они говорят, то все это так, но такие похвалы очень могут повредить самому Гоголю. Но вот и о Гоголе: до сих пор ты, кажется, ничего не знаешь о его сочинении. Это был величайший секрет. Теперь же, как, вероятно, многие почти это знают и как это письмо идет с дяденькой, можно сказать. Он кончил первый том «Мертвых душ», подал в цензуру, там Крылов остановил и сказал, что не решится пропустить сам; ты можешь вообразить себе, как это его расстроило. Теперь он послал рукопись в Петербург... с кем — не знаем наверное, но чуть ли не с Белинским, с которым, вероятно, он видался у Боткина⁸. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 612. Печатается по первой публикации. Датировка письма уточнена.

¹ 7 февраля 1842 г.

² Павлов.

³ Вероятно, в четверг 5 февраля 1842 г.

⁴ Чтение Гоголем на вечере у князя Д. В. Голицына повести «Рим» состоялось, предположительно, в четверг 19 февраля 1842 г. В письме к М. П. Погодину, написанном в среду 4 февраля 1842 г., С. П. Шевырев сообщал, что «четверги» у князя Д. В. Голицына открываются, и просил Погодина переговорить с Гоголем о возможном чтении его повести на следующий день, 5 февраля (см. в наст. изд.). Но из слов В. С. Аксаковой в настоящем письме («Надобно прибавить, что кн<язь> Голицын звал на вечер к себе Гоголя <вероятно, приглашение последовало на вечере в четверг 5 февраля>, который сказывается больным») явствует, что на первых двух четверговых вечерах — 5 и 12 февраля

1842 г. — Гоголь не присутствовал. Вечер в четверг 26 февраля 1842 г. не состоялся (см. в наст. изд. письмо С. П. Шевырева к М. П. Погодину от 25 февраля 1842 г.: «Вечера не будет у Князя. Отлагается ради масленицы, от которой он не хочет отвлекать гостей своих»). Таким образом, чтение Гоголя могло состояться только 19 февраля. Об этом чтении см. в наст. изд. в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова и в «Главах из воспоминаний моей жизни» М. А. Дмитриева.

⁵ Предположительно, 6 февраля 1842 г.

⁶ 14 февраля 1842 г.

⁷ 10 февраля 1842 г.

⁸ См. в наст. изд. письмо В. Г. Белинского М. С. Щепкину от 14 апреля 1842 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Февраль <20-е числа. 1842. Москва>.

<...> Накануне этого дня Гоголь читал нам одно свое сочинение, чудное, как и всё, что он ни пишет. Я не буду тебе давать отчета в том, что мы слышали, ты сама прочтешь это в «Москвитяине», вероятно, в 3-й книжке¹. Это нельзя назвать повестью, но это отрывок из одной повести, которую он хотел написать и еще напишет, может быть¹, со временем. Тут же более описание <1 нрзб.> Рима, значения Италии, ее народа, и посреди всего является, как солнце, яркой, чудной образ красавицы Ан<н>унциаты. Не только как художественное произведение, оно так замечательно по тем глубоким новым взглядам на значение Италии, но тут есть сцена в Итальянской улице, это чудо... <...>

Впервые частично опубликовано, по оригиналу: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 616. Печатается по указанному источнику: *ИРЛИ*. № 10.612. Л. 11–11 об.; указание на время написания письма — февраль 1842 г. — содержится в авторской копии: *РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ Имеется в виду незавершенная повесть «Рим».

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<23 февраля 1842. Москва>

В субботу у нас обедала Павлова, и Гоголь, который всегда с ней бывает очень любезен, так смешил всех (вероятно, он тогда сказал ей: «А я нахожу, что вы помолодели». Кажется, она отвечала, что ей очень приятно это слышать. «Впрочем, — прибавил Гоголь, — *может быть мне показалось, потому что на вас такой чепчик*»).

Впервые опубликовано, по оригиналу и авторской копии: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 615. Печатается по указанным источникам; фраза: «В субботу у нас обедала Павлова, и Гоголь, который всегда с ней бывает очень любезен, так смешил всех» — по автографу: *ИРЛИ*. № 10.612. Л. 19; позднейшая приписка (слова в скобках) — по сборнику авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской: *РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ Далее в авторской копии выписка из письма обрывается, после чего следует примечание: Это статья замечательная сверх всех своих достоинств тем глубоким новым взглядом на значение Италии [и т. д.].

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Март <середина месяца 1842. Москва>.

Наконец вышел Москвитянин¹ и мы перечли и еще раз перечтем *Рим*¹, — чем мы больше читаем, тем более удивляемся.

Публикуется впервые по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ Гоголь. Рим. Отрывок // Москвитянин. 1842. Ч. II. № 3 (цензурное разрешение 11 марта; цензор Н. Крылов). С. 22–67.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<Май, после 12-го числа, 1842. Москва>

Апрель.

Ты пишешь об *Риме*¹, да, я была уверена, что ты вполне поделишь с нами восхищение. Маменька как-то говорила с Гоголем о том, что теперь она ждет от него описания Палестины (см. ниже)¹: «Да, я опишу вам ее, — сказал он, — но для этого мне надобно быть достойну, очиститься». — И в самом деле, после Рима что можем мы ожидать. Но пожалуйста, чтоб Иван не распространял этих слухов, иной журналист, пожалуй, сейчас напечатает, что Г<оголь> обещает нам описание Палестины и т. п.

Вот кстати об Лизе Г<оголь>; она скоро отправляется в Малороссию, приехала на днях² мать ее и сестра, по этому случаю она и проводила у нас три дни, а сегодня была ее <сестра> у нас и недавно только уехала. Какая теперь разница между ними. Лиза была всегда застенчивее и неловчее сестры своей и гораздо более походила на избалованного ребенка, теперь же, напротив, она так переменялась, и не только в приемах, но и в понятиях, что сестра ее кажется какой-то неопытной. Мне было приятно увидаться с Анетой, не видавшись два года, она смешит нас очень рассказами, а бедная Лиза ужасается.

Мы были на вечере у Хомякова, с Лизой, там был и Гоголь, но он уехал до ужина, а мы оставались ужинать.

На другой день³ мы провели вечер у Погодиной в саду, по приглашению самого Гоголя. К Гоголю обещались быть в этот день некоторые дамы. Часов в 6 вечера маменька, я и Лиза поехали, Гоголь нас встретил на террасе со словами сожаления, что мы не приехали раньше, что так было хорошо, а теперь уже солнце садится. Мы сошли в сад, гуляли вместе, но вскоре приехали Свербеева и Авд<отья> Пет<ровна> Елагина. Гоголь был очень смешон в роли хозяина, и даже жалко было на него смотреть, как он употреблял всевозможные усилия, чтоб занимать приехавших дам. Маменька, Авд<отья> Пет<ровна> и Погодина сели в саду у чайного стола, а мы пошли гулять: Свербеева с Гоголем, а сзади их мы с Лизой; помню, что в большой аллее того сада Гоголь, видно истощивши весь запас разговора, говорил следующее своей спутнице: «Хорошо, если б вдруг из этого дерева выскочил хор песельников и вдруг бы запел» и т. д. — Все это было вяло, принужденно, но спутница его считала долгом находить все очень любезным и забавным и очень привлекательно улыбалась (я слышала потом, что Свербеева говорила, что Гоголь был чрезвычайно любезен). Я же внутренне смеялась, а иногда даже жаль было видеть Гоголя в таком затруднительном положении. Мы с Лизой иногда останавливались, тогда они обращались к нам, а один раз, когда мы сели на скамью, а они от нас ушли дальше, то, вдруг, заметя, что нас нет, воротились к нам. Наконец, пошли пить чай; сделалось холоднее. Го-

¹ В скобках — примеч. В. С. Аксаковой в сборнике авторских копий писем к М. Г. Карташевской.

голь подавал всем салопы, услуживал, как умел. После чаю воротились в комнату. Тут Гоголь продолжал рассказывать всякие пустяки об леченьи Присница, чему дамы много смеялись, хотя вовсе не было смешно, потому что было видно, какое Гоголь делал себе принуждение. Нельзя было не заметить (по крайней мере мне так показалось), что он был доволен, когда они уехали. Он, проводя их, сел в угол дивана, как человек, исполнивший свой долг и довольный, что может отдохнуть. Тут он был свободен совершенно, расспрашивал нас про вечер у Хомякова, что там делалось после его ухода. Мы рассказывали про споры за ужином, об Одоевском, что-то говорили об обществе и т. д. Наконец и мы простились. Погодина и он вышли нас провожать; было уже темно и свежо. Помню, как они стояли на крыльце, когда мы уже уезжали, и прощались с нами.

Содержание письма пересказано С. Т. Аксаковым в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (см. в наст. изд.). Фрагмент: «Мы были на вечере у Хомякова <...> и прощались с нами» — напечатан, по авторской копии: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 620. Печатается по указанной копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ Имеется в виду повесть Гоголя «Рим».

² 9 мая 1842 г., в день именин Н. В. Гоголя.

³ До 9 мая 1842 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Мая 19. 1842. Москва.

<...> Семейство Гоголя бывает очень часто у нас; все на той неделе уезжают и последнее время проводят у нас. Гоголь записал ваш адрес и зайдет, может быть, к вам¹, но я думаю, вы, верно, если только все здоровы, будете уже это время в деревне. Он едет теперь на неопределенное, но очень долгое время². Мертвые души скоро выйдут, если б *нам вместе прочесть с тобой...* <...>.

Письмо упомянуто: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 616. Публикуется впервые по оригиналу: ИРЛИ. № 10.612. Л. 53 об.–54. В авторской копии приведен следующий отрывок письма: «Мая 19. Семейство Гоголя бывает очень часто у нас. Гоголь записал ваш адрес и зайдет, может быть, к вам. Он едет теперь на неопределенное, но очень долгое время. Мерт<вые> Души скоро выйдут» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ См. в наст. изд. письмо М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от 2 июня 1842 г. и коммент. к этому письму.

² Гоголь выехал из Петербурга 5 июня 1842 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<23–25 мая 1842. Москва>

Мая 1842. 23.

<...> Сейчас едем к Троице. Сегодня проводили Гоголя, отесенька и братья поехали его провожать до первой станции¹ и еще не возвращались, а мы, т. е. Маменька, я, Олинька, Надинька и Любинька и Княжн<а> Горчакова едем в одном экипаже, в другом же — мать Гоголя с дочерьми! Нарочно так устроили, чтоб мать его в тот же день уехала, ей так тяжела разлука с сыном, а теперь же так надолго. Завтра, если Бог даст, воротимся, а во вторник² думаем переехать в деревню³. <...>

<25 мая>

Вот мы и воротились от Троицы, моя милая Машенька, усталые, утомленные донельзя. Возвратились не на другой день, как предполагали, но в понедельник⁴. <...> Время у нас чудное, и мы спешим в деревню, завтра, вероятно, переедем⁵. <...>

В этот раз Гоголю досталось ехать также с каким-то военным с иностранной фамилией, только уже совсем не похож на Пейкера, потому что этот, говорят, толст невероятно. Гоголь и теперь также подписался *Гоноль*, чтоб его не узнали.

Я тебе еще не говорила про необыкновенное знакомство, которое мы сделали на днях, с одной удивительной старушкой. Это одна Шереметьева, старушка лет более 70, и уже давно, с молодых лет, отказавшаяся совершенно от всех условий и церемоний света, чрезвычайно умная и исполненная такой истинной религиозности, между тем веселая в разговорах, даже шутивая; действующая всегда так прямо, так просто, что в первую минуту, как ее увидишь, ты сама иначе не можешь с ней говорить, как будто век была с ней знакома, в ней в самом деле есть что-то необыкновенное, как желала бы я, чтоб ты ее увидела. Но вообрази, как мы с ней познакомились. Она как-то увидела Гоголя и по какому-то особенному случаю просидела наедине с ним несколько времени и до того его полюбила, что несколько раз сама у него была, не заставляла дома и опять приезжала, ему не позволяла приезжать к себе, потому что хотела с ним быть наедине: помнит все числа тех дней, в которые она его видела, и наконец непременно хотела его проводить. Никола<й> Васильевич сказал ей, чтоб она приехала к нам, потому что он ехал от нас. Вот в субботу она сперва была у него, подарила ему шнурочек своей работы, написала прощальное письмо, потом приехала к нам, и через минуту никто бы не мог подумать, что мы только в первый раз виделись. Она одевается всегда в черном и не может сносить ничего на голове. По нашей просьбе она скинула с себя платок и осталась по обыкновению в седых волосах, обстриженных, с тем у ней такое прекрасное лицо, такое необыкновенное, привлекательное, в молодости она должна была быть красавицей. Об Гоголе она говорит, что она давно слыхала об нем как о человеке умном, образованном и т. д., но что никто ей не говорил об нем как о человеке, проникнутом так глубоко любовью к Богу (что совершенная правда, особенно с некоторых пор). Вообрази, что она его провожала до заставы, хотела проводить до первой станции, но побоялась их этим стеснить. Прощаясь с ним, крестила, благословляла как сына. С тех пор она у нас была уже два раза и, вероятно, сегодня еще придет, и теперь мы ее встречаем как старинную знакомую.

Она была у нас, когда мы были еще у Троицы, пришла до отесеньки, несмотря на то, что он был в колите <?> и точно также с первой минуты отесенька готов был ей сказать самые сокровенные тайны, если б у него были. Она удивила отесеньку вместе и своим умом. Это чудная женщина. Право, мне кажется, эта женщина должна приносить в дом и мир и благодать⁶. <...>

Публикуется впервые по оригиналу: *ИРЛИ*. № 10.612. Л. 58–60 об. Выписка из настоящего письма имеется также в авторской копии В. С. Аксаковой, с датой «Мая 23. Суббота» (*РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ Перхушково.

² 26 мая 1842 г.

³ В авторской копии: «переехать на дачу».

⁴ 25 мая 1842 г.

⁵ В авторской копии: «переедем на дачу».

⁶ Отрывка: «С тех пор она у нас была уже два раза <...> эта женщина должна приносить в дом и мир и благодать» — нет в авторской копии.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<29–30 мая 1842. Гаврилково>

Гаврилково. 29 мая.

24 вер<сты> от Москвы.

<...> Я тебе писала, что мы воротились от Троицы в понедельник¹, я нашла письмо твое в Москве, по которому мы ждали Яшу² каждый день, между тем собирались поспешно на дачу и проводили время с семейством Гоголь. Наша чудная старушка Шереметева еще нас посетила. Вот истинная христианская любовь, такое живое участие ко всем наполняет ее; право, когда она сидит возле нас, как-то ничто, кажется, не устрашает, какой-то мир приносит она с собой. <...>

<30 мая>

В четверг³ приехали проститься с нами наши знакомые. Семейство Гоголь провожало нас, после обеда мы уехали. Лиза плакала, так была грустна, и нам было грустно с ними расставаться, и так надолго. Мы их искренно всех любим, и особенно Лизу, которую мы так коротко знаем, так привыкли к ней, и которая что-то имеет в себе, так много прекрасного, так же, как и сестра ее, но в той остались некоторые странности института и Малороссии. Бедная Лиза начинает теперь совершенно новую жизнь, она лет десять не жила в семействе, и Боже мой! какое зло, это публичное воспитание женщины, как оно отчуждает их от самых близких родных, они просто не понимают семейных отношений. Она теперь с знакомыми⁴ расстается как с родными, а к своим идет как чужая. Такое грустное письмо написала она нам из Москвы. Вся моя жизнь с 10 лет, пишет она, состоит в расставании, то и дело разлучают с теми, которых люблю и к которым привыкну я. Мать их — женщина прекрасная, полная любви к своим детям, так что она отдала им свое сердце, всю себя, и сама не только не имеет своей воли, но даже своего желания, по крайней мере не показывает его. Сына, разумеется, она любит более всего на свете и между тем должна от него почти отказаться и так мало и редко его видеть. Обстоятельства их тоже не радостные, и все вместе так ее мучит, огорчает и тревожит, что у ней всегда лицо такое грустное, особенно после отъезда сына; она плачет мало, но так глубоко огорчена, кажется, а между тем говорит, что не надобно грустить, у них есть поверье, что и тот человек будет от того более грустить. Ты не можешь вообразить себе, как странно видеть мать Гоголя, слышать, как она говорит об нем; все-таки она не может на него иначе смотреть, как на сына, во всем у ней примешивается материнское чувство, и тогда, когда она говорит об нем как о таком писателе; как она боится за то впечатление, которое произведет на свет его новая книга, боится потому, что это может его расстроить, повредить его здоровью. Как интересны все те мелочные подробности, которые она рассказывает про детство своего *Николиньки*. Какое он написал один раз какое-то сочинение и поднес ей, а потом она подозревает, что сам же у ней его взял⁵ и т. д. — Как она смотрит на портрет его, который он ей оставил и который в самом деле похож чрезвычайно⁶, и как она объясняет то, что выражается в нем: *он улыбается, говорит она, но вместе с тем он думает грустное, как будто он хочет сказать, вы ошибаетесь во мне, моя душа чиста и ясна.*

Отесенька советовал ей записать все воспоминания о его детстве. Как она любит всех, кто принимает участие в ее сыне; все старается уверить себя, что он воротится скоро, хотя он сказал, что может быть не прежде 5 лет¹.

Ты спрашиваешь, моя милая Машенька, зачем Гоголь уехал, но ведь ты знаешь, что он едет к Святым Местам, это было давно его желание, и теперь он его исполняет. Приехавши сюда, он, может быть, сам еще не был уверен, будет ли он в состоянии привести его в исполнение, и по

¹ Далее в авторской копии В. С. Аксаковой: Также один раз, кажется, в день его отъезда она была у нас, Мер<твые> Д<уши>, только что вышедшие, лежали на столе, она развернула их и прочла «О моя юность, о моя свежесть» и залилась слезами. — Когда Гоголь уезжал, перед тем, как выйти из залы, он обернулся ко всем и перекрестил.

обстоятельствам его. Теперь книгу он кончил, напечатал, идет она хорошо, и он уехал более спокойный. Он долго не говорил никому о своем намерении, но один раз поздно вечером¹ вдруг входит к нам с каким-то просветленным лицом — видно, что он был чем-то радостно взволнован; он вошел, держа в руках образ Спасителя¹¹. Он провожал Ин<н>нокентия⁷ и тот благословил его тем образом. Гоголь сказал нам: «Я все ждал, что кто-нибудь подарит мне образ, и никто не сделал этого; наконец Иннокентий благословил меня, теперь я могу объявить, куда я еду: в Палестину». — Тут же на вопрос наш⁸: «с какими намерениями приезжал он в Россию — чтоб остаться здесь или ехать?» — «С тем, чтобы проститься», — отвечал он. Сперва он сказал, что едет на два года, а потом, что на десять, но наконец, что останется более пяти лет¹¹¹. Вот все, кажется, что ты желала знать^{IV}. Не знаю, зайдет ли он к вам, потому что он будет очень занят в Петерб<урге>. Он хотел зайти к Ваничке. Когда-то ты прочтешь «М<ертвые> Д<уши>». Я сама не читала еще их сряду, у нас еще такая суматоха. <...>

Вчера, т. е. в пятницу⁹, собрались мы поздно вечером в кабинете, вдруг видим в темноте входит офицер, в первую минуту все удивились, но я догадалась, что это должен быть Яша. <...> Яша вспомнил твое препоручение и насчет Гоголя, я ему отвечала тоже, что и тебе написала, моя милая Машенька; вообще очень трудно^V отвечать за Гоголя, как и почему он поступает так, а не иначе, он так скрытен, молчалив насчет себя; впрочем тут может быть вина в излишней деликатности его друзей, которые боятся быть нескромными, а он кажется из таких людей, который и рад бы сообщить, но надобно, чтоб его спросили, впрочем, это только предположения.

<...> Сегодня перед обедом, собравшись все в зале, слушали Мертвые души, отесенька читал вслух. Это так чудно и так высоко, что, конечно, не вдруг и не все оценят. <...> Надобно даже вчитаться хорошенько, чтоб оценить вполне все мелочи, которые с первого раза могут показаться пошлыми. Не знаю, как ты достанешь эту книгу, у нас два экземпляра, один для брата, другой на всю нашу семью. <...>

Использовано С. Т. Аксаковым в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (С. Т. Аксаков обращался к авторской копии письма дочери в ее сборнике выписок писем к М. Г. Карташевской). Упомянуто: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 626; см. также: Анненкова Е. И. Записки о Гоголе В. С. Аксаковой // Н. В. Гоголь и русская литература. Л., 1989. С. 64. В полном объеме, по оригиналу, опубликовано: Виноградов И. А. Неопубликованные воспоминания о Н. В. Гоголе его матери // Acta Philologica. Филологические записки. 2007. Вып. 1. С. 355–357. Печатается по оригиналу: ИРЛИ. № 10.612. Л. 64–67. Дополнения и примечания В. С. Аксаковой в авторской копии письма (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10. Л. 6) печатаются по автографу в подстрочных примечаниях.

В авторской копии В. С. Аксаковой имеется также запись, относящаяся к настоящему письму: «29 мая, пятница. В четверг вечером <28 мая 1842 г.> мы переехали на дачу. Было очень жарко, и вдруг настал холод. Сегодня приехал Яша» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ Далее в авторской копии В. С. Аксаковой: (мы были у дверей передней, провожали отесеньку, который ехал в клуб)

¹¹ он вошел, держа в руках образ Спасителя *вписано вместо:* и с образом Спасителя в руке

¹¹¹ Далее в авторской копии В. С. Аксаковой: Гоголь через несколько времени ушел домой и оставил образ у нас, взял его только на другой день. Кроме того, на полях В. С. Аксакова *вписала в авторской копии два примеч., относящиеся к данному месту. К словам «останется более пяти лет»:* Константин услышал от кого-то, что Гоголь опять уезжает из России, и не поверил тому, спросил его, он сказал, что не может более оставаться, что ему необходимо ехать для того, чтоб быть в состоянии писать; Конст<антин> его убеждал погодить, но он отвечал, что сам решился попробовать *остаться донельзя.* — К словам «Гоголь через несколько времени ушел домой»: В тот день был вечер у Дмитрия<иева>, и хотя Гоголь хотел было давно побывать у него, но он не пошел.

^{IV} Вот все, кажется, что ты желала знать. *вписано.*

^V очень трудно *вписано вместо:* это очень затруднительно

¹ 25 мая 1842 г.

² Яков Григорьевич Карташевский (род. в 1822), брат М. Г. Карташевской.

³ 28 мая 1842 г. — праздник Вознесения Господня.

⁴ Имеется в виду семейство П. И. Раевской. См. в наст. изд. коммент. к <Воспоминаниям Е. В. Быковой>.

⁵ Имеется в виду стихотворение «Россия под игом татар», о котором со слов М. И. Гоголь сообщал также Г. П. Данилевский в статье «Хуторок близ Диканьки» (см. в наст. изд.). См. также в наст. изд. «Записку М. И. Гоголь-Яновской о сыне» и письмо М. И. Гоголь к С. П. Шевыреву от 24 февраля 1853 г.

⁶ Портрет Гоголя работы Ф. А. фон Моллера (хранится в ГИМ). См. также в наст. изд. письмо К. С. Аксакова к Ю. Ф. Самарину от конца мая 1842 г.

⁷ В начале февраля 1842 г. См. в наст. изд. коммент. к «Воспоминаниям А. В. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока».

⁸ По свидетельству С. Т. Аксакова в «Истории нашего знакомства с Гоголем...», вопросы тогда задавались Гоголю самой Верой Сергеевной.

⁹ 29 мая 1842 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<9–10 июня 1842. Гаврилково>

9 июня.

Погода ужасная. Зато мы заняты так Гоголем, как никогда, читаем и перечитываем «Мер<твые> Души», и я не знаю, что можно сравнить с тем невыразимым наслаждением, которое доставляет нам это необыкновенное создание. Так странно вообразить, особенно слушая те места, где он говорит от себя, чтобы он был тот самый Гоголь, которого мы так часто видали у себя как самого обыкновенного человека. Что-то говорят в Петерб<урге>. Я думаю, там будут недовольны, как умно он сделал, что уехал от всех этих толков.

Сегодня отесенька дочел нам все, мы читали не вдруг. Мы, конечно, перечтем еще, и не раз. Это выше всего, что он ни писал до сих пор, и что он еще обещает, но как долго ждать, что не прежде двух лет появится другой том, который будет объемом гораздо более первого¹. Он хотел его прислать печатать отесеньке.

10 июня.

Гоголь был наконец у вас¹, хоть на минуту, но ты его видела, и за то я ему благодарна. И Юрлов² был доволен, что увидал его. — —

Сейчас получили письмо от Гоголя из Петерб<урга>³. Письмо полное того чудного спокойствия и силы, которые выражались и в некоторых прежних его письмах, в искренности которых мы более не сомневаемся. — Как хорошо он сделал, что уехал, теперь поднялись разные толки, впрочем, здесь более в хорошую сторону, что то у вас?

Использовано С. Т. Аксаковым в «Истории нашего знакомства с Гоголем...». Публикуется впервые по авторской копии: РГБ. Ф. 3 Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ 2 июня 1842 г. См. в наст. изд. письмо М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой из Петербурга от 2 июня 1842 г.

² Александр Иванович Юрлов (1797–1885), знакомый Аксаковых по Симбирской губернии.

³ Письмо Гоголя от 4 июня 1842 г.

¹ который будет объемом гораздо более первого *вписано*.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Гаврилково. Четверг 18 июня <1842>.

<...> ...Написана ли вторая часть¹ — этого никто не знает; т. е. что она у него является уже ясною в голове, это он сам говорит; но он был даже недоволен, когда спросили его, написал ли он вторую часть, недоволен потому, что это не может делаться так скоро. Прежде еще он говорил отесеньке, что он до тех пор не начинает писать и описывать какое-нибудь лицо, пока оно совершенно ясно, отчетливо с ног до головы, не явится перед ним. Я удивляюсь, милая Машенька, что ты пишешь, что не знала, что Гоголь едет в Палестину, я тебе об этом писала прежде и даже ты мне отвечала, именно то, *каково же он опишет Палестину!* Ты верно это забыла, моя милая Машенька; может быть, и потому, что ты, и так, как мы все, иначе смотришь теперь на самого Гоголя, и мы именно только теперь начинаем понимать его. Хотя, конечно, пришлось бы почти всю книгу исчертить, чтоб означить прекрасные места... <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 628. Печатается по оригиналу: *ИРЛИ*. № 10.612. Л. 80 об.

В авторской копии приведен следующий отрывок письма: «18 июня. Написана ли вторая часть, этого никто не знает. Что она у него является ясною в голове, это он сам говорит; но он был даже недоволен, когда спросили его, написал ли у него вторая часть, потому что это не может делаться так скоро. И ты и мы все иначе смотрим теперь на самого Гоголя, и мы именно только теперь начинаем понимать его» (*РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ Второй том поэмы «Мертвые души».

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Гаврилково. Июня 29. 1842.

<...> ..Я, точно, никак не ожидала, чтоб ты так вполне, так глубоко почувствовала с первого разу всю великость «Мер<твых> д<уш>», и потому боялась, что мои похвалы покажутся сперва тебе преувеличенными. Я думала не потому, чтоб ты невнимательно выслушала Ревизора и могла бы и это пропустить без внимания, нет, я этого не боялась в этом случае. Но вообще нам казалось почти невозможным, чтоб кто-нибудь не бывши знаком с этим произведением, прочтя его один раз, мог оценить его вполне. <...> У нас в доме, где почти с утра до вечера только и говорят об этом и хвалят, немудрено попасть скоро на эту точку, но ты согласишься, что очень легко с первого разу могло бы показаться странным это произведение. <...> В «Москвитянине» ты прочтешь скоро много рецензий этой книги, и я заранее знаю, что тебе многое понравится, первая будет Шевырева¹. К Погодину студенты принесли вдруг три рецензии, и, разумеется, все похвалы. Молодые люди и вообще все в восхищении. Ванечка теперь читает один, по порядку. Нечего и говорить, что он вполне разделяет наше и твое мнение, в этом случае оно <у> всех равно. Потом мы опять хотим перечесть все вместе, впрочем, мы, кажется, будем беспрестанно читать и перечитывать и с каждым разом всё с большим наслаждением. Ты меня спрашивала, когда явится второй том. Вот что сказал Гоголь сам: что ровно через два года выйдет другой том, и еще гораздо более объемом этого, но печатать он не будет сам, а хотел прислать отесеньке. Но два года, не правда ли, это слишком долго ждать. <...>

Впервые опубликовано, с ошибочной датировкой, по авторской копии: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 628, 630. Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 10.612. Л. 77–77 об.

В авторской копии приведен следующий отрывок письма: «Июнь 21. Вот и Ваничка приехал. — Одним словом, я вижу, что ты при чтении М<ертвых> Д<уш> перечувствовала все то же, что и мы. — В Москвит<янине> ты прочтешь скоро много рецензий этой книги, и я заранее знаю, что тебе многое понравится, первая будет Шевырева.

К Погодину студенты принесли вдруг три рецензии, и разумеется, все похвалы, молодые люди вообще все в восхищении. Теперь [Иван] Ваничка читает один, потом мы хотим все вместе перечесть» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ В 1842 г. в «Москвитянине» появилось лишь две статьи о «Мертвых душах» С. П. Шевырева: *Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.). С. 207–228; Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8 (цензурное разрешение 22 авг.). С. 346–376.*

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Гаврилково. <5 июля 1842>.

<...> Ты пишешь, моя милая Машенька, о Хмельницком, Бог с ним, от него нельзя было ожидать другого, но есть люди, которые гораздо его более могли бы понять, люди очень умные, многие не поняли. Но зато Ваничка по прочтении всей книги был в таком изумлении, в таком восторге, как я его никогда не видывала, он не мог почти сказать ни слова, говорил только отрывистыми словами: что-то такое, как возможно, чтоб человек мог творить так, возможно ли это, существуют такого рода наслаждения и т. д. <...> Знаешь ли, милая моя Машенька, отесенька был в таком восхищении, прочтя твое письмо, где ты пишешь в первый раз о Мер<твых> Д<ушах>, что хочет даже написать Гоголю об тебе. <...> Знаешь ли, что мы теперь читаем все прежние сочинения Гоголя, именно начиная с «Вечеров на Хуторе», и особенно интересно после М<ертвых> Д<уш> прочесть эти первые его произведения... <...>

Публикуется впервые по оригиналу: *ИРЛИ. № 10.612. Л. 83.* В авторской копии приведен следующий отрывок письма: «Июль 5. Ты пишешь о Хмельницком, от него и нельзя было ожидать другого, но есть люди (<фамилия нрзб.>) очень (слова: «(<фамилия нрзб.>) очень» — *вписаны.* — *И. В.*) умные, которые тоже не поняли М<ертвых> Д<уш>. Зато Ваничка по прочтении всей книги был в таком изумлении и восторге, что не мог сказать почти ничего другого, как только эти слова: что это такое, как возможно, чтоб человек мог творить так, возможно ли это, существуют такого рода наслаждения и т. д. Знаешь ли, что отесенька хочет сообщить Гоголю то, что ты пишешь о М<ертвых> Д<ушах>. Мы теперь читаем все прежние сочинения Гоголя, начиная с «Вечеров», и как хороши они, особенно интересно после М<ертвых> Д<уш> читать первые его произведения» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Кобринно. Вторник, 7 июля <1842>.

<...> С любопытством ожидаю прочесть что-нибудь умное о «Мертвых душах». Вообрази, что пишет наша «Полицейская газета», которая, не знаю почему, вмешивается в дела литературы¹. Сначала г. критик благоволит Гоголю, называет его «великим портретистом», но потом прибавляет: «Ведь и в солнце есть пятнышки» и потому можно упрекнуть сочинителя в «неокругленности фраз» и т. д.² Он, верно, не заметил тех мест, где особенно всякая фраза имеет всю гармонию, всю прелесть стиха. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 632. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду рецензия на «Мертвые души» в №№ 48, 50 и 51 «Ведомостей С.-Петербургской городской полиции» (от 16, 23 и 27 июня 1842 г.), принадлежавшая, по-видимому, редактору газеты В. С. Межевичу (см. в наст. изд. фрагмент этой рецензии — «Литературное обозрение» В. С. Межевича).

² Имеется в виду следующее место рецензии: «Гоголь великий мастер, великий живописец, и в особенности портретист. <...> Конечно, если и в солнце есть темные пятна, взыскательные критики и читатели могут найти недостатки и в Гоголе: педантические пуристы и записные словесники упрекнули его: первые — за слишком смелые, может быть, картины, набросанные вольною рукою художника, забывая, что они совершенно готовы простить подобные артистические капризы какому-нибудь Теньеру; вторые — за некоторые небрежные периоды, неокругленные фразы, неправильные выражения, — все это так; но едва ли кто станет спорить с нами, что Гоголь *не первый оригинальный русский писатель* — прозаик ли, поэт ли, нам все это равно! Что <...> Гоголь идет своим, совершенно отдельным, независимым путем, чуждым всякого постороннего влияния, что, наконец, ни в одном русском писателе Русь не отразилась так истинно, верно, *дагерротипно*, как в Гоголе, отразилась со всеми оригинальными достоинствами русского человека, и, может быть, со всеми его недостатками!» («Межевич В. С.» Литературное обозрение // Ведомости С.-П.-бургской Городской Полиции / Редактор Межевич. 1842. 27 июня. № 50. С. 218).

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<11–12 июля 1842. Гаврилково>

12 июля.

<...> Читала ли ты критику От<ечественных> Зап<исок>¹? В сторону глупое и совершенно постороннее неприятное начало этой статьи и нелепые слова в самом конце, в ней есть много хорошего и намеки на верные мысли — которые вполне не высказаны, не умели высказать. До сих пор критика Шевырева в Москв<итянинне> еще не вышла. Не знаем, что будет в ней. Не ты одна, моя милая Машенька, употребляешь выражения из «М<ертвых> д<уш>» — никто не может избавиться от этого, и беспрестанно и невольно приходят при случае эти выражения — так чудны и истинны они, и так сильно впечатление этого произведения. <...>

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каллана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 681. Печатается по оригиналу: *ИРЛИ*. № 10.612. Л. 86. В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской о Гоголе из настоящего письма сделана следующая выписка: «12 июля. Читала ли ты критику в От<ечественных> З<аписках>. В сторону глупое, совершенно постороннее неприятное начало этой статьи и нелепые слова, в самом конце есть много хорошего и намеки на верные мысли. До сих пор Критика Шевырева еще не появлялась в Москв<итянинне>. Не знаем, что будет в ней. Не ты одна употребляешь выражения из М<ертвых> Д<уш>, никто не может избавиться от того, и беспрестанно невольно приходят на язык эти выражения, так истинны они и так сильно впечатление» (*РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ Имеется в виду статья В. Г. Белинского «Похождения Чичикова, или Мертвые души», опубликованная, без подписи, в 1842 г. в июльском номере «Отечественных Записок» (см. ниже коммент. к письму В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 17 августа 1842 г.).

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

19 июля <1842>.

Вчера отесенька нам опять перечел «Рим», уже в 4-й раз, и с каждым разом все глубже и лучше кажется нам это произведение.

Публикуется впервые по авторской копии: *РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

17 августа <1842>.

Вот вы получили наконец статьи о Гоголе. Ты справедливо замечаешь, что пространное изложение было бы необходимо, тут¹ мысли так сжаты, они есть только результат тех разговоров¹, которые часто бывают; и, конечно, всем почти она должна показаться чрезвычайно¹¹ странной. В От<ечественных> З<аписках> помещена самая недобросовестная статья² о ней, но на такую статью, где видно больше личности, не стоит возражать. Вышла, наконец, Критика Шевырева, но она очень плоха, в будущем № он обещал продолжение. — Невероятно, чтобы все М<ертвые> Д<уши> разошлись в Петерб<урге>, верно, есть у Прокоповича, приятеля Гоголя, мы знаем, что к нему было послано 500 экземпляров.

Впервые частично опубликовано, по авторской копии: Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 168. Печатается по указанной авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10, с уточнением по изд.: Кошелев В. А. «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. 1976. № 3. С. 86, где фрагмент письма приведен по автографу письма.

¹ Речь идет о брошюре К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (Москва, Июня 16 1842. Цензурное разрешение 7 июля. Цензор Н. Крылов). Здесь К. С. Аксаков писал о поэме Гоголя: «...Глубоко значение, являющееся нам в “Мертвых Душах” Гоголя! <...> древний эпос восстает пред нами» (С. 1). Цензурную историю этой статьи, а также историю ее восприятия современниками см. в наст. изд. в коммент. к «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова и к письму К. С. Аксакова Ю. Ф. Самарину от конца мая 1842 г.

² Имеется в виду вторая статья В. Г. Белинского о «Мертвых душах», — «Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова, или Мертвые души”», — являющаяся рецензией на брошюру К. С. Аксакова с одноименным названием. Статья Белинского была опубликована, без подписи, в августовском номере журнала «Отечественные Записки» за 1842 г.

Первоначально В. Г. Белинский в статье «Похождения Чичикова, или Мертвые души», опубликованной в 1842 г. в июльском номере «Отечественных Записок» писал: «...Мы скажем только, что не в шутку назвал Гоголь свой роман «поэмою» и что не комическую поэму разумеет он под нею. Это нам сказал не автор, а его книга. Мы не видим в ней ничего шуточного и смешного; ни в одном слове автора не заметили мы намерения смешить читателя: все серьезно, спокойно, истинно и глубоко... Не забудьте, что книга эта есть только экспозиция, введение в поэму, что автор обещает еще две такие же большие книги, в которых мы снова встретимся с Чичиковым и увидим новые лица, в которых Русь выразится с другой своей стороны... Нельзя ошибочнее смотреть на “Мертвые души” и грубее понимать их, как видя в них сатиру» (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1976–1982. Т. 5. С. 53–54). Таким образом, взгляды К. С. Аксакова и В. Г. Белинского на гоголевскую поэму — по крайней мере в том, что «Мертвые души» не являются сатирой, — первоначально почти совпадали. Однако, прочитав брошюру Константина Аксакова, Белинский поспешил отмежеваться от славянофильских воззрений. Вследствие этого он отказался рассматривать замысел поэмы в целом и сосредоточил внимание лишь на первом томе. В рецензии на брошюру К. С. Аксакова он писал: «В смысле поэмы “Мертвые души” диаметрально противоположны “Илиаде”. В “Илиаде” жизнь возведена на апофеозу: в “Мертвых душах” она разлагается и отрицается» (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. С. 58).

¹ В авторской копии: эти результаты, выводы полнее тех длинных разговоров

¹¹ Слова: чрезвычайно, — нет в авторской копии.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Понедельник, 24 августа 1842 года.

<...> Отесенька точно писал о твоём мнении¹ Гоголю, но не знал, что ты не будешь этим довольна¹¹. <...>

Что касается до статьи в «От<ечественных> З<аписках>», она точно писана Белин<ским>¹, но это нисколько ни странно; он был как-то в Москве и прием, ему сделанный, конечно, должен был его восстановить против, потом же этот человек принял другое направление, это часто у него меняется; сперва он бранил французов², теперь же он ими только и живет, Москву променял на Петерб<ург> и т. д. Не знаю, что лучше: отвечать или не отвечать на эту статью. И как он понимает Гоголя, как вышедшего из Вальтер Скотта; то ли это? <...>

Впервые частично опубликовано, по авторской копии: Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 168; по автографу напечатано: Розенблюм Н. Белинский в неизданной переписке современников // Русская литература. 1962. № 1. С. 202. Печатается по последнему изданию, с дополнением по указанной авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

Авторская копия (пересказ) письма, кроме фразы, вынесенной в основной текст, состоит еще из двух фраз: «Статья в От<ечественных> З<аписках> писана Белин<ским>, и это не странно.

Белин<ский> был недавно в Москве и был недоволен приемом, ему сделанным. К тому же он очень меняет свое направление».

¹ См. коммент. к предшествующему письму.

² См., в частности, статью В. Г. Белинского «Менцель, критик Гете» (1840).

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Москва. 6 сентября 1842.

<...> Получила ли ты Москвитянин и прочла ли ты обе статьи Шевырева о Мер<твых> Душ<ах>¹, несмотря на разные смешные выражения, определения и рассуждения, многое, особенно во второй половине прекрасно, и я желала бы, чтоб ты прочла, пожалуйста, не пугайся нелепых его рассуждений в первой части и прочти все с начала до конца. Ты увидишь, как Шевырев сам невольно подтверждает ту мысль, что в Гоголе есть какое-то сходство или сродство с Гомером; он приводит на одной странице сравнение из Гомера и сравнение из Гоголя и потом еще сравнение из Данта, но сравнение этого последнего совсем не носит того характера, заметь это. Шевырев, кажется, как будто невольно высказал то впечатление, которое сделали на него Мер<твые> Д<уши>, потом вдруг говорит так совершенно несообразно со всем тем, что сам сказал прежде, говорит, что он ученик Вальтер Скотта и т. д. Несмотря на то, что сам его сравнивает в некотором отношении с Гомером, он ужасно нападает на брошюрку² и вообще все то же, потому что большую часть всех испугало сближение этих имен вместе, и никто больше ничего уже не рассмотрел. Однако как, сверх ожидания, Мер<твые> Д<уши> были поняты или, по крайней мере почувствованы, именно теми людьми, от которых всего менее можно было ожидать, и как именно они были совершенно не поняты теми людьми, от которых именно ждали того. Весь дом Юргановых, Кошелевых в восхищении, и видно, что они почувствовали то, что говорят, а Дмит-

¹ о твоём мнении *вписано вместо*: тебе

¹¹ *Фраза печатается по авторской копии письма.*

риев, Княжевич, Армфельд, я не говорю уже про Павлова, тот, разумеется, из зависти <1 нрзб.>¹, и многие им <1 нрзб.> почти все не понимают, что в них хорошего. <...>

Здесь сделали какую-то пьесу из «Мер<твых> д<уш>», некоторые сцены³, и Щепкин должен читать рассказ о Капит<ане> Копейкине; он сам не знает еще, будет ли это удачно на сцене. Во всяком случае, переделывать так в театральную пьесу есть вещь непозволительная, кажется.

Фрагмент: «Здесь сделали какую-то пьесу из “Мер<твых> д<уш>” <...> есть вещь непозволительная, кажется» — впервые опубликован: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 636. Печатается по оригиналу: ИРЛИ. № 10.612. Л. 105–106, 109.

В авторской копии приводится следующая цитата из письма: «6 сентября. Москва. Несмотря на разные смешные выражения, определения и рассуждения Шевырева, в его обеих статьях много в них прекрасно, особенно во второй. И хотя он ужасно нападает на брошюрку Константина, он сам сравнивает Гоголя с Гомером в некотором отношении и потом вдруг говорит, что он ученик Вал<ьтера> Скотта. М<ертвые> Д<уши> были поняты многими такими людьми, от которых вовсе не ожидали этого, и не поняты другими, от которых ожидали, что они поймут. Дмит<риев>, Княж<евич>, Армф<ельд> (я не говорю уже про Павлова, этот, разумеется, из зависти) и многие, почти все, не понимают, что в них хорошего. — Здесь сделали какую-то пьесу, из М<ертвых> Д<уш> сцены, и Щепкин должен читать рассказ Копейкина, он сам не знает еще, будет ли это удачно на сцене. Во всяком случае это вещь непозволительная, кажется» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.). С. 207–228; Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8 (цензурное разрешение 22 авг.). С. 346–376.

² Имеется в виду брошюра К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842. Июня 16 1842. Цензурное разрешение 7 июля. Цензор Н. Крылов. С. 1–19).

³ 9 сентября 1842 г. в Петербурге в Александринском театре, в бенефис драматурга, актера и режиссера Н. И. Куликова (Н. Крестовского) (1812–1891), а также 11 сентября 1842 г. в Москве в Малом театре, в бенефис актера И. В. Самарина (1817–1885) (см. в наст. изд. статью С. А. Черневского «Гоголь в переделках для сцены»), без ведома Гоголя была поставлена написанная Куликовым инсценировка «Комические сцены из новой поэмы “Мертвые души” сочинения Гоголя». В Москве почтмейстера играл М. С. Щепкин, Ноздрева — В. И. Живокини. Эта постановка эпизодически возобновлялась в 1844 и 1846 гг. (Данилов С. С. Гоголь в инсценировках // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 438).

Н. Я. Прокопович 21 октября 1842 г. сообщал Гоголю из Петербурга: «Кто-то из актеров принаровил некоторые отрывки к сцене; вовсе не сценическое достоинство “Мертвых душ” и талантливая игра здешних актеров сделали то, что вышла чепуха страшная, все бранили и, несмотря на то, все лезли в театр, так что, кроме бенефиса Куликова, пять представлений на Большом театре было битком набито». Н. Н. Шереметева 8 ноября 1842 г. сообщала также О. Сем. Аксаковой: «В октябре из Лицеи внук <Е. И. Якушкин> ко мне писал, что у них будет праздновать<ся> день открытия Лицеи, будет театр, и две сцены будут из “Мертвых душ”» (см. в наст. изд.). 28 ноября (н. ст.) 1842 г. Гоголь писал П. А. Плетневу: «До меня дошли слухи, что из Мертвых душ таскают целыми страницами на театр. Я едва мог верить. Ни в одном просвещенном государстве не водится, чтобы кто осмелился, не испрося позволения у автора, перетаскивать его сочинения на сцену. (А я тысячи имею, как нарочно, причин не желать, чтобы из Мертвых <душ> что-либо было переведено на сцену.) Сделайте милость, постарайтесь как-нибудь увидеться с Гедеоновым и объясните ему, что я не давал никакого позволения этому корсару, которого я не знаю даже и имени». Исполняя поручение Гоголя, П. А. Плетнев в день получения письма (10 декабря 1842 г.) написал соответствующее письмо А. М. Гедеонову (см. в наст. изд.). См. также в наст. изд. письмо М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от 16 сентября 1842 г. из Петербурга.

¹ я не говорю уже про Павлова, тот, разумеется, из зависти <1 нрзб.> *отписано*.

Позднее, 30 января 1856 г., в Московском Малом театре, в бенефис актрисы М. Д. Львовой-Синецкой были поставлены «сцены в 3 картинах» «Похождения Павла Ивановича Чичикова», составленные из второго тома «Мертвых душ» П. И. Григорьевым.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

16 сентября <1842>. Серeda. Москва.

В пятницу¹ испытали мы невыразимые минуты наслаждения. Поутру нечаянно достали мы «Современника» № 3, в котором напечатана повесть Гоголя *Портрет*². Ты знаешь ее, разумеется, но она теперь переделана, и переделка эта все равно что новое произведение и, Боже мой, как это хорошо. Достань этот номер и прочти. Мы не ожидали после М<ертвых> Д<уш> так скоро прочесть что-нибудь такое. Тотчас же поутру отесенька прочел нам; еще мы были совершенно полны этого впечатления, как отесенька, возвратясь очень рано из Клуба, привозит нам огромное письмо Гоголя³. Именно об этом письме хотела было писать тебе и даже написала уже, но после решились оставить до твоего приезда сюда. Сверх всего другого в этом письме позаили меня строки, относящиеся к тебе⁴. Как мог он разгадать тебя, видя тебя так мало.

Публикуется впервые по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ 11 сентября 1842 г. С. Т. Аксаков в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» указывает другую дату: 2 сентября 1842 г.

² *Гоголь Н. В. Портрет // Современник. 1842. Т. 27. № 3* (цензурное разрешение 30 июня 1842 г.). <Разд. 3>. Рас<с>казы и повести. С. 1–92.

³ Письмо Гоголя от 6/18 августа 1842 г. из Гастейна.

⁴ Имеются в виду слова Гоголя в письме: «Вере Сергеевне скажите, что я был тоже доволен, увидевши в Петербурге ее друга К<арташевскую> и не жалею даже о кратковременности нашего свидания. Есть души, что самоцветные камни; они не покрыты корой и, кажется, как будто и родились уже готовыми и обделанными. Их видит издали зоркий глаз ювелира, только замечает их место, сказавши: слава Богу! и спешит к тем, где нужно много работы, чтобы отколоть грубую кору и сколько-нибудь огранить, дабы видел всякий, что это была не простая земля, но дорогой камень, закрытый вековыми накоплениями всего. Слова и мнения ее вы также выпишите и пришлите мне, хотя натурально нужно, чтобы она никак не знала этого. Все то, что идет прямо от души и сердца, мне так же нужно знать, как и всё то, что идет от рассудка».

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

28 сентября <1842>. Москва.

Очень забавны суждения Ак. С. <?> о М<ертвых> Д<ушах>; она говорит, что это так сильно, что она не могла продолжать. Дядя Ар<кадий>¹, разумеется, разделяет отчасти ее мнение.

Публикуется впервые по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ Аркадий Тимофеевич Аксаков (1803–1862), дядя В. С. Аксаковой.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

4 октября <1842. Москва>.

Не знаю, читала ли ты объявление о выходе всех сочинений Гоголя, все прежние его сочинения, кроме М<ертвых> Д<уш>, будут изданы в четырех томах, но многое изменено, в том числе и Портрет, Тарас Бульба и др. Многое прибавлено, как-то: целая комедия, разные сцены и маленькие повести и т. д. и некоторые статьи из Арабесок выключены вовсе. Это мы знали, но помещение Портрета в «Соврем<еннике>» было для нас неожиданностью. Ты спрашиваешь, где теперь Гоголь, последнее письмо его было из Гастейна¹, той именно Гастуны, которую воспевают Языков, они были там вместе, потом поедут в Венецию, а в октябре Гоголь пишет, что будет уже в Риме. — В последнем № Москв<итянина> помещено объяснение (должно быть, брошюрки Константина)¹.

Публикуется впервые по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ Письмо Гоголя от 6/18 августа 1842 г. из Гастейна.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

<21 октября 1842. Москва>

Я не помню хорошенько, моя милая Машенька, что говорил Гоголь о картине Бруни, он ее хвалил и, сравнивая с картиной Брюллова «Последний день Помпеи», находил, кажется, разницу в их достоинстве, но что именно, не умею тебе сказать¹. Мне кажется, я тогда тебе писала об этом и если б ты могла найти то письмо, то увидишь, что он говорил. Если тебе понравились места, где Гоголь говорит о живописи, то это почти составляет всю повесть, весь рассказ, и я не знаю, почему тебе не нравится все; лица, входящие в этот рассказ, также прекрасны, и хозяин, и квартальный, и Никита, и аристократическая дама; как прекрасно определение лица пустой девушки. Но то место, где он описывает ту чудную картину, которая так поразила Чарткова, ты верно, заметила, оно чудесно. Конечно, после всего, что он говорит о живописи, можно положиться на его оценку. Я слышала, что живописцы чрезвычайно дорожат его мнением. Какая разница взгляда знатока, человека, посвященного в искусство, или человека, не знакомого с ним, который только может почувствовать общее впечатление картины. <...>

Недавно получено письмо очень замечательное и прекрасное от матери Гоголя по случаю посылки к ней брошюрки² о М<ертвых> Д<ушах>. В этой женщине есть что-то, что она и передала сыну, в котором это явилось, разумеется, несравненно полнее¹¹. Я тебе может быть пришлю лично, ты увидишь тут странное смешение и странных выражений и прекрасных, как и должно быть в женщине так мало образованной, но в которой есть что-то, что иногда ее выводит из ряда обыкновенных женщин.

Фрагмент: «Конечно, после всего, что он говорит о живописи ~ общее впечатление картины» — впервые опубликован: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 609. Печатается по оригиналу: ИРЛИ. № 10.612. Л. 123 об.–124.

В авторской копии приведен следующий отрывок письма: «Октябрь. Недавно получено письмо от матери Гоголя по случаю посылки к ней брошюрки о М<ертвых> Д<ушах>»; письмо замечательное и прекрасное, несмотря и на стран-

¹ Слова в скобках являются, очевидно, пояснением В. С. Аксаковой, появившимся при копировании письма.

¹¹ в котором это явилось, разумеется, несравненно полнее вписано.

ные выражения, которые, впрочем, и не могут не быть у женщины, так мало образованной, а между тем в которой та-
ится многое в душе» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ См. выше письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 11 ноября 1841 г.

² К. С. Аксакова.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

1 ноября <1842. Москва>.

Посылаю тебе письмо Самарина о Гоголе¹, оставляя вполне на твое восхищение, это письмо не будет напечатано. — Прения о брошюрке не прекращаются. Никакое благородство не защитит против этих бессовестных, бесчестных журналистов, и в последнем номере О<течественных> З<аписок> напечатана, говорят, ругательная статья² вследствие именно этого «Объяснения»³, и к тому же и Гоголю досталось, как нам сказывали.

Последняя фраза письма впервые опубликована: *Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика / Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. В. А. Кошелева. М., 1995. С. 492. Печатается по первой публикации, с дополнением первых двух фраз по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.*

В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской последняя фраза настоящего послания передана следующим образом: «В последнем № От<ечественных> З<аписок>, т. е. который должен выйти сегодня, напечатана, говорят, ругательная статья, вследствие именно этого *объяснения*, а потому и Гоголю досталось, как мы слышали; бессовестность журналов удивительная».

¹ Имеется в виду копия письма Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову от второй половины октября 1842 г., посвященного «Мертвым душам».

² Подразумевается опубликованная без подписи в № 11 «Отечественных Записок» за 1842 г. статья В. Г. Белинского «Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”». В письме к М. Г. Карташевской от 13 ноября 1842 г. В. С. Аксакова замечала, что эта статья Белинского «разумеется... останется без ответа» (*Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. С. 492*).

³ Речь идет о статье К. С. Аксакова «Объяснение», опубликованной в № 9 журнала «Москвитянин» за 1842 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

18 ноября <1842. Москва>.

Ты пишешь про Языковых, это жена и дочери родного брата писателя, именно того, с которым приехал прошлого года Гоголь из-за границы. Гоголь говорил, что его дочери очень еще молоды и прекрасны собой. П. М. Языков отвез их, хотел с Гоголем возвратиться в чужие края. Гоголь даже ждал его несколько времени, но он почему-то остался, и, вероятно, вследствие этого и семейство его воротились из-за границы. Ты спрашиваешь, знает ли Гоголь, что о нем пишут и говорят. Он просил отесеньку и братьев сообщать ему все толки и споры, и очень рад, что М<ертвые> Д<уши> не имели всеобщий успех, а произвели споры и т. д. Разумеется, все статьи невозможно сообщить, но *брошюрка*¹ и *письмо* Самарина² уже посланы в Рим. —

На днях воротились Погодины из-за границы. Статья Бели<нского>³ точно не имеет даже его энергии и так растянута.

Публикуется впервые по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ Речь идет о брошюре К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842).

² Имеется в виду копия письма Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову от второй половины октября 1842 г., посвященного «Мертвым душам».

³ Имеется в виду опубликованная без подписи в № 11 «Отечественных Записок» за 1842 г. статья В. Г. Белинского «Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”».

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

3 декабря <1842. Москва>.

Замечания на Бел<инского> не будет печататься в М<осквитяине>. Хотя Шевыр<ев> и написал уже, не надобно связываться с ними.

В. Боткин хотя и принадлежит к обществу Бел<инского>, в статье своей о выставке¹ делает выписки из Гоголя². Вообще художники очень дорожат суждениями Гоголя об искусстве.

Публикуется впервые по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ Имеется в виду выставка петербургской Академии художеств и посвященная этой выставке статья В. П. Боткина: <Боткин В. П.> В. Б–н. Выставка Императорской Санктпетербургской Академии художеств в 1842 г. // Отечественные Записки. 1842. № 11 (цензурное разрешение 31 октября). Отд. 2. С. 25–46. В этом же номере журнала помещен ответ В. Г. Белинского К. С. Аксакову «Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”» (Отд. 5. С. 13–30).

² В. П. Боткин в своем обзоре выставки сделал обширную выписку из статьи Гоголя «Последний день Помпеи» — «как кажется, многими не оцененной по достоинству»: «Если конец XVIII столетия и начало XIX ничего не произвели полного и колоссального в живописи — И его шаги уже верно будут исполненными и видими всеми от мала до велика» (<Боткин В. П.> В. Б–н. Выставка Императорской Санктпетербургской Академии художеств в 1842 г. // Отечественные Записки. 1842. № 11 (цензурное разрешение 31 октября). Отд. 2. С. 28–29).

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Вторник, 22 декабря <1842. Москва>.

<...> ...Получили еще письмо от Гоголя¹, именно только что мы возвратились с импров<изации>. В этом письме он пишет больше все о своих делах, сочинениях, очень недоволен, что смели сделать сцены из «М<ертвых> д<уш>»² и играют их, но, между прочим, упрекает также — зачем то письмо его прочтено было кем-нибудь другим, кроме отесеньки и маменьки³, и решительно требует, чтоб его никому не показывать, теперь будет зависеть от отесеньки, прочесть или нет его тебе, моя милая Машенька... <...>

В № 4 Современника помещено защищение *брошюрки*, говорят, ее расхвалили как только можно⁴. На днях приехал в Москву Хомяков, он совершенно согласен с брошюркой и уже спорил за нее⁵.

Первое опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 644. Печатается по оригиналу: ИРЛИ. № 10.612. Л. 150; с дополнением (заключительный абзац) по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10. Л. 10. В авторской копии первый абзац выглядит следующим образом: «22 декабря, суббота. [На днях] Получили еще письмо от Гоголя (в воскресенье), он пишет больше о своих делах, сочинениях, очень недоволен, что сделали сцены из М<ертвых> Д<уш>» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10. Л. 10).

¹ Письмо Гоголя, написанное около 29 ноября (н. ст.) 1842 г., было адресовано С. Т. и О. Сем. Аксаковым; от этого письма сохранилась только часть, адресованная Ольге Семеновне.

² См. коммент. к письму В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 6 сентября 1842 г.

³ В письме к С. Т. Аксакову из Гастейна от 18 августа (н. ст.) 1842 г. Гоголь замечал: «Это письмо будет и для Ольги Семеновны вместе, но не показывайте его другим». Позднее в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксаков писал: «Надобно признаться, что не совсем строго было выполнено желание Гоголя, требовавшего, чтобы мы только двое с О<льгой> С<еменовной> прочли это письмо. Можно ли было не показать его Конст<антину> и старшим дочерям? Гоголь узнал об этом и был очень недоволен. Под большим секретом было оно прочтено некоторым нашим друзьям» (см. в наст. изд.).

⁴ Имеется в виду небольшая заметка П. А. Плетнева о брошюре К. С. Аксакова, напечатанная в 1842 г. в № 4 журнала «Современник» в разделе «Разбор новых книг»: «Несколько слов о поэме Гоголя: *Похожение Чичикова или Мертвые души*. В 8; 19 стран. — В отношении к поэзии и вообще к искусствам, называемым изящными, это брошюра содержит в себе много новых для нашей публики идей, много мыслей, по-видимому смелых, но тем не менее выведенных из сущности искусств. Мы сожалеем, что автор бросил их слегка, не развивши каждой и не дав им системы. Если бы на своем основании вывел он здание целой науки, мы уверены, что она подействовала бы благотворнее на читателей. Гоголь именно потому и является у нас чем-то загадочным, что наука, объемлющая все стороны искусства его, едва по частям промелькнула перед нами. От того одни смотрят на Гоголя с энтузиазмом, другие хулят его донельзя» (<Плетнев П. А.> Разбор новых книг. Новые сочинения // Современник. 1842. Т. 28. № 4 (цензурное разрешение 2 сент. 1842 г.). С. 82).

⁵ По свидетельству К. С. Аксакова в письме к Гоголю от осени 1842 г., А. С. Хомяков поддержал идею Константина Аксакова еще при зарождении замысла его статьи: «Когда стал я говорить о “Мертвых душах”, то нашел согласным с собой Хомякова и Самарина. “Это древний эпос с его великим созерцанием, разумеется, современный и свободный, в наше время, — но это он”, — услышал от меня Павлов и вдруг то же услышал от Хомякова. Я сказал Хомякову, что хотел бы я написать о “Мертвых душах”; он советовал мне то же, и я написал статью “Несколько слов” для “Москвитянина”; туда не была она принята; тогда я напечатал ее брошюрой...» В письме к С. П. Шевыреву от второй половины августа 1842 г. А. С. Хомяков замечал: «...Аксакову досталось от О<течественных> З<аписок>; да они, кажется, уже готовы и от Гоголя отступить. Что за глупый народ! У них на одном ряду Сервантес, Байрон, Жорж Занд и Беранже. Аксаков увлекся далеко, но если он будет продолжать брошюрку свою, то полагаю выйдет дельное. Он пояснит то, что без пояснения кажется смешным и нелепым. Мысль его главная следующая: “Искусство утратило везде свою беззаботную свободу; в нем более придуманного, чем созданного. Гоголь (как древние и Шекспир) есть художник поневоле и без намерения” В этом много правды. О<течественные> З<аписки> говорят: “Гоголь зароден В. Скоттом; без В. Скотта он был бы невозможен”. Это просто бессмыслица. Ничего общего нет между ними» (<Бартенев П. И.> П. Б. Из бумаг С. П. Шевырева // Русский Архив. 1878. № 5. С. 61–62; см. также в наст. изд.).

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<1–2 января 1843. Москва>
1 января.

<...> «Женитьба» и «Женихи» — это всё одна и та же пьеса¹. Мы также слышали о неуспехе ее, но теперь пишут в «Литер<атурной> Газет<е>» совсем другое, как мы слышали². Я тебе писала, что ее читал отесенька нам вслух, и писала тебе, что она так же хороша, как и все, что Гоголь ни пишет. Что касается до неприличности, отесенька ее нам читал вслух, я так и не знаю, что именно, но отесенька говорит, что в этой пьесе неприличного, конечно, не более «Ревизора», а «Ревизор» восхищал прежде и высших слушателей. — Скоро ее будут давать здесь³, очень любопытно, какое произведет она действие. Писать тебе ее содержание долго, но всё прекрасно. Есть еще комедия «Игроки», или, лучше, «Сцена из жизни игроков». Это как отрывочный эпизод, и так же удивительно, как всё естественно!

Сегодня отесенька читает ее у Свербеевых, у которых уже начались пятницы... <...>

2 января.

<...> Вчера вечер просидела у нас Павлова, а отесенька читал между тем «Игроки» у Свербеевых⁴, и, говорят, это чтение произвело самое сильное действие; все были в восхищении и от пьесы и от чтения, но было две партии: одни восхищались и смеялись от души, другие же утверждали, что, как это ни прекрасно, положение России тут так ужасно, что нельзя иметь духу смеяться. Признаюсь, мне всегда очень смешны эти последние, так соболезнующие о состоянии России, особенно смешны те дамы, которые это повторяют.

Но именно вообще пьесы Гоголя, особенно эта, должны быть прочтены хорошо, чтоб быть почувствованы вполне; прочтя про себя, она много потеряет. Мне говорил отесенька, что хорошо, если б можно было сделать общее чтение «Мер<твых> Душ» по одной главе в вечер, и я уверена, что все были бы в восхищении, и даже те именно, которым не нравятся теперь. <...>

Первые частично опубликовано, как два отдельных письма: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 646–648. Печатается по оригиналу: *ИРЛИ*. № 10.613. Л. 1 об.–2, 3–3 об.

В авторской копии имеются три выписки из настоящего письма: «1 января. “Женитьба” и “Женихи” — это одна и та же пьеса. Мы также слышали о неуспехе ее, но теперь пишут в “Лит<ературной> Газет<е>” совсем другое, как нам сказывали. Отесенька читал ее нам вслух и говорит, что в этой пьесе неприличного не более Ревизора, а Ревизор восхищал прежде и высших слушателей. Скоро ее будут давать здесь. Есть еще комедия *Игроки*, или, лучше, сцены из жизни Игроков. Сегодня отесенька читает ее у Свербеевых, у которых уже начались пятницы»;

«Января» 1. Отесенька читал пьесу Гоголя у Свербеевых, у которых уже начались пятницы, хотя не все еще вечера начались, но движения много, нынешний год много новых людей вошло в это общество, людей с направлением Западным, составляющим совершенную противоположность с нашим Московским, и теперь запад с востоком состязаются»;

«2 января. Вчера вечер просидела у нас Павлова, а отесенька читал между тем “Игроки” у Свербее<вых>; чтение произвело самое сильное впечатление; все были в восхищении и от пьесы и от чтения, но было две партии: одни восхищались и смеялись от души, другие же утверждали, что, как это ни прекрасно, положение России тут так ужасно, что нельзя иметь духу смеяться. Много значит хорошее чтение» (*РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ Письмо является ответом на послание М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от второй половины декабря 1842 г. (см. в наст. изд.).

² Анонимный рецензент «Литературной газеты» писал по поводу премьеры «Женитьбы» в Александринском театре: «Театр был полон. <...> В продолжение пьесы было несколько взрывов хохота. К концу, который на сцене выходит как-то не совсем эффектен, стало тише, и, когда занавес опустили, раздалось шиканье... <...> Не доверяя впечатлению первого представления, мы пошли в театр, когда “Женитьбу” давали в третий раз, и вот какая нас поразила картина: рукоплескания почти не умолкали, нередко невольный хохот вырывался из уст зрителей и ясно давал знать о впечатлении, производимом пьесой; артисты, игравшие главные роли, были по несколько раз вызваны... Чудное дело: иные пьесы в первый раз имеют огромный успех, а потом во второй и третий падают <...>; тут вышло наоборот!

Сочинения Гоголя на днях вы<й>дут в свет и “Женитьба” будет в руках читателей. Тогда, в тиши кабинета, вернее можно обсудить комедию, нежели со сцены, где часто один жест, одно ударение голоса может дать совершенно иной смысл тому, что хотел сказать автор.

Впрочем, ошибка важная со стороны Гоголя, что он пьесу свою назвал *Комедией*. Лучше бы дать ей модное, безотчетное название *Драматического представления* или просто *Шутки*. Тогда бы критика имела менее права судить ее слишком строго. Условий *комедии* пьеса Гоголя не выполняет. Но как остроумная карикатура на нравы низшего слоя публики, по общежитию и образованию, она забавна в высшей степени» (*Лит. Газета*. 1842. 20 дек. № 50. С. 1021–1023). См. также в наст. изд. письмо В. Г. Белинского к В. П. Боткину от 9–10 декабря 1842 г.

³ Премьера «Женитьбы» на сцене московского Большого театра состоялась 5 февраля 1843 г.

⁴ Об этом чтении Аксаковым «Игроков» см. в наст. изд. письмо Д. Н. Свербеева Н. М. Языкову от 2 января 1843 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

<5 января 1843. Москва>

Критика в «Современнике» написана не тем, кто писал критику на М<ертвые> Д<уши>. Про статью Сенковского¹ говорят, что она очень забавна. — <...> Ждали сочинения Г<оголя>, вместо 4 томов вышло только два, другие два задержаны². Что будет? — В понедельник отесенька читал вслух у нас комедию «Игроки»; чтение было чудесное, а эта пьеса требует именно хорошего чтения, и тут она явилась в полном своем блеске. Сама пьеса чудесна! но Бог даст, если будет все благополучно, ты приедешь и ты услышишь все, моя милая Машенька. Из наших слушателей, кроме Павловой, ни один не умел оценить, почувствовать ее достоинства. — Напрасно ты думаешь, моя милая Машенька, что запрещение Г<оголя>³ дано только для того, чтобы не дать явного согласия, напротив, оно дано так определительно, он так недоволен тем, что кроме отесеньки и маменьки читал кто-нибудь третий; он требует даже, чтобы они сами его письма забыли теперь. <...>

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 648. Печатается по оригиналу: ИРЛИ. № 10.613. Л. 6; с дополнением (первые две фразы) по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10. Окончание выписки в авторской копии выглядит следующим образом: «Ждали сочинения Гоголя, вместо 4 томов вышло только два, другие два задержаны. — В понедельник отесенька у нас читал вслух *Игроки*; чтение было чудесное. Из слушателей, кроме Павловой, ни один не умел оценить ее достоинство» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ <Сенковский О. И.> Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя. Москва, в тип. Университетской, 1842, в 8. Том первый, стр. 475 // Библиотека для Чтения. 1842. Т. 53. Ч. 2. № 8. Отд. 6. С. 24–54.

² 1-й и 2-й тома собрания вышли в свет в начале января 1843 г.; остальные два тома — около 26 января 1843 г. В этот день Н. Я. Прокопович, отправляя из Петербурга в Москву экземпляры вышедшего собрания, спрашивал С. П. Шевырева, получил ли тот посланные ранее по почте «1 и 2-й томы» (Лит. Наследство. Т. 58. С. 649).

³ См. письмо Гоголя к О. Сем. Аксаковой около 29 ноября (н. ст.) 1842 г. из Рима.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

26 января <1843. Москва>.

В первых числах февраля¹ в бенефис Щепкина будут играть две пьесы Гоголя — *Женитьба* и *Игроки*.

Публикуется впервые по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ 5 февраля 1843 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

2 февраля 1843. <Москва>.

<...> На днях получили мы наконец сочинения Гоголя, сколько успели, прочли, именно *Разъезд*. Не умею и не хочу даже передавать тебе впечатление. <...>

В пятницу¹ бенефис Щепкина, играют и «Женитьба» и «Игроки»; мы все едем, очень любопытно видеть это на сцене. Отесенька занимается постановкой этих пьес и теперь уехал на репетицию, только что-то сомнительно, чтоб было много <публики>. У нас публика очень рас-

четлива и, истратившись теперь на немецкие оперы, вряд ли захочет заплатить подороже из уважения к автору и к бенефицианту. Павловы, Хомяковы и наша фамилия (3 ложки Аксаковых) будем сидеть сряду. <...>

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 652. Печатается по оригиналу: *ИРЛИ*. № 10.613. Л. 16–16 об.; с дополнением (первые две фразы) по авторской копии: *РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10. Окончание выписки в авторской копии выглядит следующим образом: «В пятницу бенефис Щепкина, отесенька занят постановкой этих пьес и теперь уехал на репетицию» (*РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ 5 февраля 1843 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

7 февраля 1843 года. Воскресенье. <Москва>.

<...> Как громом поразили меня твои слова про «Шинель»: и тут есть места прекрасные. Но потом я успокоилась, узнавши, каким образом ты прочла ее, т. е. кто тебе читал. Во всяком случае, я жалею, что ты не сама прочла или не слыхала отесеньки или кого-нибудь другого... <...>

Вообрази, что на днях Ванечка рассказывал нам совершенно в роде «Шинели» сцену, происходившую в их канцелярии. Возмутительно слышать!

Я, кажется, тебе еще ничего не говорила о бенефисе Щепкина. Пьесы были играны очень неудовлетворительно для тех, кто знал их прежде и особенно кто слышал чтение их. Хотя аплодировали не так сильно, но слушали с большим вниманием, и беспрестанный смех ходил по театру, особенно во время «Женитьбы»; а всем понравились более «Игроки», хотя последняя пьеса есть только сцена, а не целая комедия, один только анекдот из жизни игроков.

Замечательно, как всех даже поразила та разность между пьесами Гоголя и какой-нибудь французской, которой перевод давали между «Женитьбой» и «Игроками». Как все совсем другое, как сами актеры совсем не те, совершенно как будто игралась кукольная комедия¹.

Первый отзыв после этого бенефиса напечатан в газетах, и — что приятно, — что, во-первых, умная очень статья², хотя он и восхищается игрою актеров и хотя и ставит «Женитьбу» выше «Игроков», потому что в этих последних он находит больше завязки, но статья прекрасная, и потом статья писана неизвестно кем, только человеком, совсем не принадлежащим к этому обществу людей, уже известных своею любовью к Гоголю; стало быть, эту статью можно почти принять за общий голос, общий отзыв, и это весело. Но надобно отдать справедливость, что актеры делали все возможное, чтоб исполнить хорошо свои роли, и многое было удачно. Мы сидели рядом с Павловыми и Хомяковыми. Хомяков в продолжение всей пьесы «Женитьба» так смеялся, что нам вдвойне было смешно. <...>

Впервые частично опубликовано, с ошибочной датировкой (17 февраля): Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 652. Печатается по оригиналу: *ИРЛИ*. № 10.613. Л. 23–24 об.

В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской из настоящего письма сделана следующая выписка: «7 февраля. В бенефис пьесы Гоголя были играны неудовлетворительно для тех, кто их знал прежде и особенно кто слышал чтение их. — Хотя аплодировали не так сильно, но слушали с большим вниманием и беспрестанный смех ходил по театру, особенно во время *Женитьбы*, а всем понравились больше *Игроки*. Между пьесами Гоголя давался перевод какой-то французской, и все были поражены разностью впечатлений, франц<узская> пьеса показалась кукольной комедией. Первый отзыв после этого бенефиса напечатан в газетах, неизвестно кем, только человеком, совсем не принадлежащим к этому обществу, а статья очень умная, хотя он и восхищается игрою актеров. Впрочем на-

добно отдать справедливость, что актеры с своей стороны старались сколько могли и многое было удачно» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ Кроме пьес Гоголя, в бенефис Щепкина был поставлен переведенный с французского водевиль «Подставной и отставной».

² Имеется в виду публикация: <Ригельман Н. А.> Н. Р. Бенефис Щепкина. (Статья для иногородных) // Московские Ведомости. 1843. 11 февр. № 18. С. 107–108.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

2 марта <1843. Москва>.

На днях получили мы очень приятное известие, что Гоголь работает много, это пишет Языков, который живет вместе с ним в Риме. Какое-то необыкновенное значение, которое мы и понять не можем теперь, привязывает Гоголь к окончанию труда своего, и не в отношении к искусству только, но почти что особенно¹; в Иерусалим он попадет не прежде как по окончании его², и не заезжая в Россию.

Впервые опубликовано, по автографу: Анненкова Е. И. Записки о Гоголе В. С. Аксаковой // Н. В. Гоголь и русская литература. Л., 1989. С. 62–63. См. также авторскую копию: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10. Печатается по первой публикации.

¹ В авторской копии: «...необыкновенное значение привязывает Гоголь к окончанию своего труда, который мы и понять не можем теперь, не в отношении к искусству только, но что-то особенное...»

² См. в наст. изд. коммент. к письму С. Т. Аксакова А. О. Смирновой 31 марта 1846 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

23 марта 1843. <Москва>.

<...> Я тебе еще не сказывала, кажется, что недавно получено огромное письмо от Гоголя, писанное к Шевыреву¹, но относящееся также к отесеньке, письмо чудное, необыкновенное; года на три, на четыре он просит, чтобы сняли с него все заботы о житейском и дали ему возможность заниматься вполне своим трудом. И это очень легко сделать, потому что его сочинения расходятся прекрасно и «Мер<твых> Душ» уже не осталось ни одного экземпляра¹, так что, может быть, приступят ко второму изданию. <...>

Фраза из письма, что сочинения Гоголя «расходятся прекрасно и “Мертвых душ” уже не осталось ни одного экземпляра, так что, может быть, приступят ко второму изданию», — впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 658. Печатается по оригиналу: ИРЛИ. № 10.613. Л. 23–24 об. В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской о Гоголе имеется следующая выписка из настоящего письма (с ошибочной датировкой): «26 марта. Недавно получено огромное письмо от Гоголя, писанное на имя Шевырева, но относящееся также к отесеньке. Письмо необыкновенное, прекрасное. — Сочинения его расходятся прекрасно и М<ертвых> Д<уш> уже не осталось ни одного экземпляра, они раскуплены все книгопродавцами, так что, может быть, приступят ко второму изданию. Это дает возможность исполнить его просьбу, снять с него все житейские заботы и дать ему возможность предаться вполне своему труду» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ Далее в авторской копии В. С. Аксаковой вписано: они раскуплены все книгопродавцами

¹ Письмо от 28 февраля (н. ст.) 1843 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

7 апреля <1843. Москва>.

Недавно получил отесенька большое письмо от Гоголя¹ все в том же духе. Чего-то необыкновенного должны мы ожидать во втором томе.

Публикуется впервые по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ Письмо от 18 — около 20 марта (н. ст.) 1843 г. из Рима.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

31 мая 1843. <Москва>.

<...> Все, что ты пишешь о том, что Коля¹ нашел в Миргороде, меня нисколько не удивило, прежде нежели я прочла в твоём письме, что говорил этот смотритель, я уже знала, что он будет говорить дурно. Малороссияне вообще, а особенно в Миргороде, разумеется, терпеть не могут Гоголя за то, что он их вывел в смешном виде, и говорят, что и «Мерт<вые> Души» написаны на них же; всегда выдумывают на него всевозможные сказки, так что бедную мать часто мучат. Она сама нам рассказывала. Эти Малороссы презлбный народ и особенно мстительны. Вообрази, что один раз один из них имел прежде дело с отцом Гоголя и потом все мстил матери, и как же он мстил: она как-то долго не получала писем от сына из чужих краев; этот господин написал к ней письмо, где объявляет ей, что сын ее сошел с ума или что-то такое, не помню, но хорошо, что письмо это она прочла, когда уже получила письмо от сына. Вот каковы Малороссы. Меня не удивило теперь и то, что Коля преклонился на сторону этого смотрителя. Он никогда, кажется, не был к нему очень расположен. Конечно, всякий смотрит по-своему. На днях получили письмо от Гоголя²; он едет в Дюссельдорф, и там и в Голландии проводит зиму; состояние духа его все то же, так же свежо и высоко. <...>

Впервые частично опубликовано, по авторской копии, Н. М. Павловым в изд.: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 151; с купюрами напечатано также: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 663. Печатается по оригиналу: ИРЛИ. № 10.613. Л. 78–78 об. В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской выписка из настоящего письма выглядит так: «31 мая. Все, что ты пишешь о том, что Коля нашел в Миргороде, меня нисколько не удивило, прежде нежели я прочла, что говорил этот смотритель, я уже знала, что он будет говорить дурно. Малороссы вообще, особенно в Миргороде, разумеется, терпеть не могут Гоголя за то, что он их вывел в смешном виде, и говорят, что и Мерт<вые> Д<уши> написаны на них же; всегда выдумывают на него всевозможные сказки, так что бедную мать часто мучат. Она сама нам рассказывала. Вообрази, что один раз один из них имел прежде дело с отцом Гоголя и потом все мстил матери, и как он мстил: она как-то долго не получала писем от сына из чужих краев; этот господин написал, что сын ее сошел с ума или что-то такое, не помню, хорошо, что она прочла это письмо после того, как получила письмо от сына. На днях получили письмо от Гоголя; он едет в Дюссельдорф, и там и в Голландии проводит зиму; состояние духа его все то же, так же свежо и высоко» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ Н. Г. Карташевский.

² От 24 мая (н. ст.) 1843 г. из Гастейна.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<19 июня — 27 июня 1843>.

Воскресенье. 27 июня¹.

<...> Панов <...> много рассказывал замечательного о Гоголе, которого от всей души любит¹. <...> Я очень рада, что то была только твоя ошибка, моя милая Машенька насчет доверчивости Колиной к Миргородцам, впрочем мы с ним об том не говорили. Недавно от Гоголя получено еще письмо¹, он теперь в Дюссельдорфе. <...>

Впервые опубликовано, по авторской копии: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 664. Печатается по оригиналу: *ИРЛИ*. № 10.613. Л. Л. 85, 89, 90 об.; с дополнением по авторской копии: «27 июня. Недавно от Гоголя получено еще письмо, он теперь в Дюссельдорфе. Панов, недавно возвратившийся из-за границы, рассказывал много замечательного про Гоголя, с которым они жили вместе в Италии. Панов был очень удивлен, услышавши за границей, что Гоголь опять уехал из России; с ним он не видался после того» (*РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ Письмо к О. Сем. Аксаковой от 20 июня (н. ст.) 1843 г. из Дюссельдорфа.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

28 июля <1843>.

Гоголь теперь точно с Жуковским.

Публикуется впервые по авторской копии: *РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

6 августа <1843>.

Недавно возвратился Языков после пятилетнего пребывания за границей.

Публикуется впервые по авторской копии: *РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<2–8 октября 1843. Москва>

2 октября 1843.

<...> На днях была Елагина и привозила мне показывать старинные гравюры фресков Микельанджело. Это необыкновенно хорошо; как чудно легки и свободны все эти положения, которые он разнообразит донельзя и точно играет ими, и как необыкновенно естественны и свободны они, несмотря на то, что ты не встретишь их почти нигде в картинах. Эти гравюры привез с собой Языков, и Авд<отья> Петр<овна> взяла их у него и привозила мне их показывать. <...> Это, говорят, нашел Гоголь и указал Языкову¹, а теперь он не в Риме. <...>

¹ июня *втисано карандашом вместо: мая*

¹¹ *Вместо: которого от всей души любит — в авторской копии: с которым они жили вместе в Италии. Панов был очень удивлен, услышавши за границей, что Гоголь опять уехал из России; с ним он не видался после того.*

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 666. Печатается по оригиналу: *ИРЛИ*. № 10.613. Л. 133 об.–135. В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской имеется следующая выписка из настоящего письма, с позднейшим примечанием В. С. Аксаковой: «2 октября. Авд<отья> П<етровна> привозила мне посмотреть фрески Микель-Анджело (гравюры). Их, говорят, нашел Гоголь и указал Языкову, а теперь он не в Риме. Говорят, эти гравюры там очень дешевы» (*РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ В переписке Гоголя упоминаний об этих гравюрах нет.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

4 декабря <1843. Москва>.

<...> Гоголь ужасно обезображен в «Москвитянине»¹, но, кроме того, приложение его портрета совершено против его воли. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 668. Печатается по первой публикации. В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской имеется следующая выписка из настоящего письма: «4 декабря. В самом деле Гоголь ужасно обезображен; но кроме того приложение его портрета было совершенно <так в копии> против его воли» (*РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ Имеется в виду литография П. Ф. Зенькова с портрета Гоголя работы А. А. Иванова (1841), помещенная М. П. Погодиным в № 11 журнала «Москвитянин» за 1843 г. Подробнее см. в коммент. к письму Н. М. Языкова родным от 27 октября 1844 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Февр<аля> 5 <1844. Москва>.

Вчера я была в театре, играли Женитьбу...

Публикуется впервые по авторской копии: *РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10. Л. 28 об.

В. С. Аксакова — И. С. Аксакову

<5 февраля 1844. Москва>

<...> Вчера мы были в театре, смотрели «Женитьбу»; роль Подколесина играл Садовский, а Кочкарева — Щепкин. Садовский был очень хорош, так естественен, но последний монолог и у него был неудачен; странно, что этот монолог более естественен в чтении, нежели в игре; он кажется на сцене несколько короток. Щепкин был очень хорош в Кочкареве, без фарсов, хоть Живокини и живее <...> Замечательно, что «Женитьбу» приезжали смотреть князь и княгиня Щербатовы¹ (генерал-губернатор). Кто их надоумил — не знаю, впрочем им навряд ли понравилось. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 654. Печатается по первой публикации.

¹ Князь Алексей Григорьевич Щербатов (1776 — 18 декабря 1848), московский генерал-губернатор с 1844 г., и его жена княгиня Софья Степановна Щербатова (рожд. графиня Апраксина, 1798–1885).

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

От 7 апреля <1844. Москва>.

Это время мы перечитывали опять Мертв<ые> Души; их брат читал вслух по главе каждый день. — Вот уже и срок подходит, а Гоголь ни слова об нем (о втором томе), видно, не готов. Он писал, что работа у него шла не успешно. Что будет в другом томе, он непременно должен отпечатать в себе состояние теперешнего духа Гоголя, все его письма наполнены каким-то чудным, необыкновенным направлением. Через два года к 21 мая обещался он выдать другой том, однако ж, кажется, не сдержит своего обещания.

Публикуется впервые по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Вторник. 25 апреля 1844. <Москва>.

<...> Ты как нарочно вспомнила о страницах Г<оголя> в то самое время, когда я думала послать их к тебе и сделаю это теперь. Г<оголь> именно говорил об Фильдинге¹ брату, но, кажется, это не совсем чтение для женщин, по крайней мере не все. Недавно на одном обеде пили с восторгом здоровье Гоголя. Это именно на обеде, который давали Грановскому в день окончания его курса человек двадцать его знакомых². <...>

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 668. Печатается по оригиналу: ИРЛИ. № 10.614. Л. 49 об. В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской имеются две выписки из настоящего письма: «От 25 апреля. Гоголь именно говорил об Фильдинге брату, но, кажется, это не совсем чтение для женщин. Недавно на одном обеде пили с восторгом здоровье Гоголя, это именно на обеде, который давали Грановскому в день окончания его курса человек двадцать его знакомых»; «Апр<еля> <...> 25. Недавно на одном обеде пили с восторгом здоровье Гоголя; это именно на обеде, который давали Грановскому в день окончания его курса человек двадцать знакомых» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ Упоминание Гоголя об английском романисте Генри Фильдинге (1707–1754), а также об Ариосте, Сервантесе и Пушкине, как о писателях, «отразивших природу таковую, как она была, а не таковую, как угодно было кому-нибудь, чтобы она была», — в отличие от мечтательного, приукрашивающего действительность «возвышенного» Шиллера — встречается в первоначальных вариантах «Мертвых душ».

² С. Т. Аксаков, по просьбе сына, И. С. Аксакова, в письме от 25 апреля 1844 г. подробно описал последнюю лекцию Т. Н. Грановского и торжественный обед в его честь. «Я в жизнь мою не видал полнее торжества. Все слушатели были проникнуты восторгом <...> Всего горячее, дружнее было принято здоровье Гоголя, — сообщал С. Т. Аксаков. — Я думал, что взлетит потолок залы» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 668).

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

12 января <1845. Москва>.

Не так давно получено от него большое письмо (от Гоголя)¹, состоящее большею частью из советов братьям, чем им и как заниматься, много очень справедливо. Он здоров и кажется довольно бодр. Но работа его до сих пор шла очень медленно, и он сам пишет, что труд его продолжится гораздо далее, нежели ожидал. Это досадно, когда еще выйдет вторая часть. Все неприятные известия очень его огорчили, но он, преданный вполне теперь религиозному чувству, смотрит на все особенным взглядом. Гоголь ставит очень высоко эту женщину (С<мирнову>), и я уверена, что он прав, несмотря на дурную ее славу.

Впервые частично опубликовано, по авторской копии, Н. М. Павловым в изд.: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 141. Печатается по указанной копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ Письмо от 21 декабря (н. ст.) 1844 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

Четверг, 8 марта <1845. Москва>.

<...> Сколько труда тебе стоило, моя милая Машенька, отыскать эту книжку. Ты ее взяла у знакомых, у кого же, ты не сказала. Как особенно приятно приниматься за это чтение, в твердой уверенности найти в нем столько прекрасного <...> и эта уверенность никогда не обманывала меня в Дик<к>енсе. — Удивительно, как он много имеет сходства с Гоголем, я не говорю тут об том высоком, обширном значении Гоголя, которого, кажется, не достигает Дик<к>енс, как он ни хорош, но в способе выражения, в обороте фраз, в приемах, в этих малозначащих, по видимому, подробностях столько сходства, что, право, иногда кажется, как будто бы это перевод из Гоголя, а между тем эти люди не могут даже читать друг друга в оригинале. — Если б переводить Гоголя, то, конечно, только языком Дик<к>енса можно его передать; Дик<к>енс же в переводе, особенно в некоторых местах, требует совершенно гоголевских выражений. <...>

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 670, 672. Печатается по оригиналу: ИРЛИ. № 10.615. Л. 28 об.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

6 июня <1845. Москва>

Сегодня утром получено неожиданное письмо от Смирновой (бывшей Розетти), переслал его Самарин, оно по поводу Гоголя, который теперь в такой хандре и так болен, что не знают, что с ним делать. Он в переписке с Смирновой и пишет к ней¹ о своем положении, и здесь также получены от него письма такого же содержания². Надобно, чтоб кто-нибудь к нему поехал или его сюда вызвать.

Впервые частично опубликовано, по авторской копии, Н. М. Павловым в изд.: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 146; см. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрам-

цево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 149–150. Печатается по указанной копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ Имеется в виду письмо Гоголя к А. О. Смирновой от 4 июня (н. ст.) 1845 г. из Гомбурга.

² См. письма Гоголя к Н. М. Языкову от 1 мая (н. ст.) 1845 г. и к С. Т. Аксакову от 2 мая (н. ст.) 1845 г. из Франкфурта, к Н. Н. Шереметевой и к Н. М. Языкову от 5 июня (н. ст.) 1845 г. из Гомбурга.

В. С. Аксакова — И. С. Аксакову

7 сентября 1845. Москва.

<...> Машенька <...> мне пишет¹, что в «Illustration», номер от 19-го июля, она прочла очень хорошую статью о современной русской литературе и Гоголе и Пушкине; очень верные и совсем не французские суждения; ты, может быть, найдешь где-нибудь этот журнал, так прочти. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 673. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. письмо М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от 20 августа 1845 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

8 октября <1845>.

На прошедшей неделе отесенька еще получил письмо от Смирновой с пересылкой записки к ней Гоголя¹, который был очень болен и¹ уведомляет ее о том¹¹, что теперь ему лучше, но отесенька уже получил прежде от Гоголя такое же уведомление²; тон его писем совершенно так же одинаков ко всем. На зиму он уезжает в Рим, чтоб поправить свое здоровье.

По вечерам мы перечитываем Гоголя, начиная с самых первых его сочинений.

Публикуется впервые по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ От 11 сентября (н. ст.) 1845 г. из Грегфенберга.

² От 21 сентября (н. ст.) 1845 г. из Грегфенберга.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Понедельник. 12 ноября 1845. Радонежье.

<...> Хомяков очень смешно определяет Тьера¹, он называет его Собакевичем, то есть величайшим плутом. — Хотя я ничего не ожидаю от французского перевода Гоголя², однако ж мне любопытно было бы взглянуть, но не знаю, где достать; может быть Занд в том смысле говорит о Гоголе³, что у него нет чувства, потому что в «Старосв<етских> Помещ<иках>» привычка как бы сильнее показана чувства; впрочем, во всяком случае, значит, что у ней мало простого, искреннего чувства. <...> Что за новый Гоголь появился в Петербурге? Напиши, что узнаешь; я думаю, это вроде Бенедиктова, которого также вначале называли Пушкиным. <...>

¹ был очень болен и *втисано*.

¹¹ *Далее было*: что был очень болен

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 675–676. Печатается по оригиналу: *ИРЛИ*. № 10.615. Л. 125 об.–126.

В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской имеется следующая выписка из настоящего письма: «12 ноября. Хотя я ничего не ожидаю от франц<узского> перевода Гоголя, однако ж мне любопытно было бы взглянуть, но не знаю, где достать; может быть Занд в том смысле говорит о Гоголе, что у него нет чувства, потому что в Старосв<етских> Пом<ещиках> привычка как бы сильнее чувства; во всяком случае, значит у ней самой мало простого, искреннего чувства.

Что за новый Гоголь появился в Петерб<урге>? Напиши, что узнаешь. Я думаю, это вроде Бенедиктова, которого также называли Пушкиным» (*РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ Луи Адольф Тьер (1797–1877), французский политический деятель и историк.

² См. в наст. изд. письмо М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от 31 октября 1845 г.

³ См. в наст. изд. то же письмо М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от 31 октября 1845 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Понедельник, 19 ноября <1845>.

В субботу¹ получил отесенька письмо от Гоголя², очень успокоительное на его счет. Он теперь в Риме и чувствует себя гораздо лучше, холодное лечение ему очень помогло. Мы продолжим читать его сочинения.

Публикуется впервые по авторской копии: *РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ 17 ноября 1845 г.

² Письмо от 29 октября (н. ст.) 1845 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

27 декабря 1845. Радонежье.

<...> Хотела было я рассказать тебе подробнее о А. О. Смирновой, но об этом надобно говорить много, а теперь мне некогда, я тебе скажу только результат, что Иван говорит то же о ней, что и Гоголь, и в самом деле по его рассказам об ней, она представляется таким необыкновенным существом, такой высшей натурой, что мелкими кажутся все наши прежние определения и заключения об ней. — Несмотря на то, ее прежние привычки часто оскорбляют. — С Иваном она писала к отесеньке и в этом письме слышится как-то ее внутреннее состояние души. Она в постоянной ипохондрии. — Все известия об Гоголе самые приятные: он освежился, укрепился и готов приняться опять за дело, дай Бог! — Слышала ли ты, милая Машенька, об статье St. Veuve о Гоголе в «*Revue des Deux Mondes*»¹? Мы ее еще не читали, но Иван читал ее. Он почти сравнивает Гоголя с Гомером... и... Шекспиром, словом сказать, напоминает брошюрку брата², против которой многие так восставали, а с St. Veuve, вероятно, те же самые согласятся. — «Повести Гоголя» произвели необыкновенный эффект во Франции. <...>

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 679. Печатается по оригиналу: *ИРЛИ*. № 10.615. Л. 141 об.–142.

В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской имеется следующая выписка из настоя-

шего письма: «27 декабря. Все известия об Гоголе самые приятные; он освежился, укрепился и готов приняться опять за дело,— дай Бог! — Слышала ли ты о статье St. Beuve о Гоголе в “Revue des Deux Mondes”? Мы ее еще не читали, но Иван читал. St. Beuve почти сравнивает Гоголя с Гомером и Шекспиром, словом сказать, напоминает брошюрку брата, против которой многие так восставали, а с St. Beuve, вероятно, те же самые согласятся. Повести Гоголя произвели необыкновенный эффект во Франции» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ Имеется в виду положительный отклик Ш. О. Сент-Бёва на публикацию в 1845 г. Л. Виардо перевода на французский язык пяти произведений Гоголя («Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики», «Вий»), сделанного в 1844 г. И. С. Тургеневым и С. А. Геденовым (см. в наст. изд.: Ш. О. Сент-Бёв. Русские повести Николая Гоголя, переведенные на французский язык Луи Виардо). Напечатанная в № 12 «Revue des Deux Mondes» за 1845 г., статья Ш. О. Сент-Бёва, была перепечатана в переводе в «Отечественных Записках» (1846. № 1) в статье В. Г. Белинского «Отзывы французских журналов о Гоголе» (статья без подписи).

² Имеется в виду брошюра К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842).

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

15 января <1846>.

На днях получено письмо от Гоголя из Рима¹; кажется, он занимается своими трудами.

Публикуется впервые по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ Письмо от 25 ноября (н. ст.) 1845 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

25 февраля 1846.

<...> Мы также прочли Достоевского, и я согласна с тобой¹. Странная повесть² с большим достоинством, хотя вовсе почти не дает тех освежительных высоких наслаждений художеством, которые мы находим во всяком слове Гоголя; это совсем другое, но она сделала во многих местах сильное на меня впечатление, как верный рассказ этой несчастной жизни, и вообще чувство тяжелое, глубоко грустное, болезненное даже, не оставляло меня ни на минуту. — Его цель, конечно, была та, чтоб возбудить участие к этим несчастным бедным людям, не представляя их идеальными людьми, но со всеми их человеческими слабостями, и он эту цель достигает. — Несчастливая форма его повести в письмах так неудобна, что от этого, вероятно, много выходит несообразности, и то, что должен был бы автор или действие говорить за его лицо, должны высказывать они сами про себя, особенно в письмах Мак<ара> Ал<ексеевича>, но несмотря на то, иногда очень искусно автор одевает свою мысль в слово этого бедного человека. В иных местах эта повесть даже очень скучна, в письмах Мак<ара> Алек<сеевича> часты повторения. Но некоторые письма Вариньки, ее журнал особенно хороши. — Даже и то не совсем естественно, чтоб такие люди стали переписываться и именно переписываться так, как они говорят. Разумеется, эта речь, отрывистая, сбивчивая, так, как она обыкновенно выходит из уст человека, особенно человека, как Мак<ар> А<лексеевич>, могла только явиться после того, как Гоголь ее создал, но из этого не следует, чтоб Достоевский подражал, хотя многие фразы прямо напоминают Гоголя, но теперь почти всякая естественная фраза уже невольно напоминает Гоголя, потому что он первый заговорил так. Мне кажется, что впечатление Акакия Акакиевича должно было породить эту повесть, хотя этот чиновник не похож на Акак<ия> Акакиевича. — Я не по-

нимаю хорошенько, хотел ли автор словами Макара Алексеевича о «Шинели» Гоголя показать то впечатление, которое она должна произвести на этих людей или он сам отчасти разделяет его мнение; впрочем, кажется, что это говорит один Макар Алексеевич. — Странен конец, потому я думаю, особенно, что мы не знаем точно прежних происшествий. Автор хотел, кажется, показать, что и в Вариньке, несмотря на ее горе и положение, есть своего рода суетность. — Мысли я никакой особенно не вижу в окончании; от кого же ты слышала или где ты читала то определение, которое тебя удивило, сообщи... <...> Во втором номере «Отечественных Записок»³ напечатана его другая повесть³, и, к удивлению, говорят, без всякого достоинства. Я очень бы желала прочесть какую-нибудь другую его повесть, только не в письмах, чтоб судить больше о самом авторе. Я слышала, что он сам чрезвычайно бедный человек. — В «Отечественных Записках» мы читали перевод статьи St. Beuve, напечатанной в «Revue des Deux Mondes» о повестях Гоголя⁴. Прекрасная статья, и удивительно, как француз по французскому переводу мог столько оценить и понять Гоголя. В одном месте он говорит: «Таковыми сценами мы привыкли только восхищаться в Шекспире»⁵. Но всего, разумеется, он не мог и понять, особенно во французском переводе, который, как ни добросовестен, но не в состоянии передать подлинника. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 680. Печатается по оригиналу: ИРЛИ. № 10.616. Л. 18–19.

В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской имеется следующая выписка из настоящего письма: «25 февраля. В «Отечественных Записках» мы читали перевод статьи St. Beuve, напечатанной в «Revue des Deux Mondes» о повестях Гоголя, прекрасная статья, и удивительно, как француз по французскому переводу мог столько оценить и понять Гоголя. В одном месте он говорит: «Таковыми сценами мы привыкли только восхищаться в Шекспире»; но всего, разумеется, он не мог и понять, особенно во французском переводе, который, как ни добросовестен, но не в состоянии передать подлинника» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ См. в наст. изд. письмо М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от 28 января 1846 г.

² «Бедные люди».

³ «Двойник»

⁴ Перевод статьи Ш. О. Сент-Бёва (познакомившегося с Гоголем лично в 1839 г.) из «Revue des Deux Mondes» («Обозрение двух миров») был напечатан в № 1 «Отечественных Записок» за 1846 г. в статье В. Г. Белинского «Отзывы французских журналов о Гоголе» (статья без подписи). См. в наст. изд.: Ш. О. Сент-Бёв. Русские повести Николая Гоголя, переведенные на французский язык Луи Виардо.

⁵ Имеется в виду отзыв Сент-Бёва о повести «Тарас Бульба», которую критик назвал «запорожской Илиадой» и отметил в ней глубокие «черты истинной природы <...> которым мы привыкли удивляться только в сценах Шекспира» (цит. по: <Белинский В. Г.> Отзывы французских журналов о Гоголе // Отечественные Записки. 1846. № 1. Отд. 8. С. 47).

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

25 марта 1846¹.

<...> Не помню, писала ли я тебе, что мы читали другую повесть Достоевского *Двойник* в *Отечественных Записках* и насилу имели терпение прочесть ее. Такого подражания Гоголю, бездушного и даже наглого, и вообразить нельзя, и до того скучно, что я желаю, чтоб ты хоть взглянула на нее, чтоб иметь понятие об ней. Это, кажется, только можно одним объяснить, что автор хотел написать пародию на Гоголя или похвастаться, что и он может написать

¹ Далее в авторской копии вписано на полях: О повестях Достоевского.

так же, и тут обнаруживается, что талант Достоевского не таков, как мы вообразили по первой повести. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 680–681. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 10.616. Л. 29 об. В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской имеется следующая выписка из настоящего письма: «25 марта. О повестях Достоевского. Мы читали другую повесть Достоевского *Двойник* в “От<ечественных> З<аписках>” и насилу имели терпение прочесть ее. Такого подражания Гоголю, бездушного и даже наглого, вообразить нельзя. Это, кажется, только можно одним объяснить, что автор хотел написать пародию на Гоголя... Первая повесть заставила нас предположить в Достоевском талант гораздо выше» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

7 апреля <1846>.

Недавно пересылала нам Смирнова письмо от Гоголя¹; он пишет, что проведет все лето в дороге, путешествие ему необходимо нужно, что поедет в Турцию, в Иерусалим, что он теперь, несмотря на свои физические страдания, испытывает чудные минуты, что самые его страдания необходимы для его труда; по всему видно, что труд его почти кончен; он просит всех молиться за него. — Все это я пишу для одной тебя. — Чего должны мы ожидать от окончания М<ертвых> Д<уш>, не может же быть, чтоб наши ожидания были обмануты, сохрани Бог, нет, это будет что-то чудное, чего мы и вообразить себе не можем заранее. Дай Бог, чтоб он совершил его.

Впервые частично опубликовано, по авторской копии, Н. М. Павловым в изд.: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 154. Печатается по указанной копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ От 4 марта (н. ст.) 1846 г. из Рима.

В. С. Аксакова — О. Сем. Аксаковой

26 июля 1846.

<...> Стихи Жуковского¹ малозамечательны и заставляют бояться, точно ли так хорош перевод «Одиссеи», как его восхваляет Гоголь. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 684. Печатается по первой публикации.

¹ Стихотворение В. А. Жуковского «Египетская тма (опыт подражания Библейской поэзии)», напечатанное во втором «Московском ученом и литературном сборнике» (М., 1847). Представляет собой стихотворное переложение семнадцатой главы Книги Премудрости Соломона; о содержании этой главы Гоголь напоминает в главе XXVI. *Страхи и ужасы России* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Радонежье <Абрамцево>. 29 июля 1846.

<...> В 88 № Москов<ской> Газет<ы> напечатана прекрасная, замечательная статья Гоголя, которая нас порадовала во многих отношениях. Видно, что он теперь бодр и занят своим трудом. Это статья по случаю перевода Жуковским *Одиссеи*¹. Может быть Гоголь и ошибается насчет достоинства перевода и даже насчет того впечатления, которое произведет Одиссея, но статья его не менее от того глубока и замечательна, и я желаю, чтоб ты ее прочла, моя милая Машенька, но боюсь, что ты не достанешь ее. <...>

Впервые опубликовано, по авторской копии, Н. М. Павловым в изд.: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 154–155. По автографу напечатано в изд.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 683. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 10.616. Л. 65 об.

В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской имеется следующая выписка из настоящего письма: «29 июня. В 88 № Моск<овской> Газет<ы> напечатана прекрасная, замечательная статья Гоголя, которая нас порадовала во многих отношениях; видно, что он бодр теперь и занят своим трудом. Это статья по случаю перевода Жуковским *Одиссеи*. Может быть Гоголь и ошибается насчет достоинства перевода и даже насчет того впечатления, которое произведет Одиссея, но статья не менее замечательна...» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ Статья была опубликована в «Современнике» (1846. № 7) и, при посредстве Н. М. Языкова, в «Московских Ведомостях» (1846. 25 июля. № 89), а также в «Москвитянине»: Об Одиссее, переводимой Жуковским. (Из письма Н. В. Гоголя к Н. М. Языкову) // Москвитянин. 1846. № 7 (цензурное разрешение 20 авг.). <Пагинация 2>. С. 19–27, с подписью: «Франкфурт на Майне. 7-го Июля 1846 г.».

В. С. Аксакова — И. С. Аксакову

29 июля 1846.

<...> Жуковский прислал какие-то стихи в сборник: «Египетская мгла»¹, но ничего особенного в них. Это заставляет нас сомневаться в справедливости похвал Гоголя переводу «Одиссеи» Жуковского. Эта статья Гоголя помещена в 88-м № «Московских ведомостей». Чрезвычайно глубоки и умны его слова, и какие прекрасные места! — так оригинально, что всякий бы узнал Гоголя и без подписи. Видно, что чтение «Одиссеи» имело для него большое значение. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 684. Печатается по первой публикации.

¹ См. коммент. к письму В. С. Аксаковой матери от 26 июля 1846 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

26 сентября <1846. Москва>.

Первое известие о «Переписке с друзьями»¹.

Я тебе еще не писала, что на днях должно выйдти новое сочинение Гоголя, содержание которого неизвестно; оно печатается под величайшим секретом в Петерб<урге> по его поручению; ждем ее нетерпеливо. — Что может она заключать? — У нас прошли слухи, что будто это отрывки из его переписки с друзьями, что будто он сжег второй том М<ертвых> Д<уш> и так далее, слухи, по которым должно заключить, что он не совсем в здравом уме, по крайней мере принял слишком одностороннее направление; но оказывается, что эти слухи — вздор; всего лучше, конечно, разрешит сама книга. — Прочтя его статью, нельзя этому верить, в ней есть, может быть, ошибочные взгляды и суждения, но все разумно, а сколько прекрасных, светлых мест. — Пожалуйста, не говори обо всем этом никому; впрочем, может быть, эта книга уже вышла у вас.

Впервые опубликовано, по авторской копии, Н. М. Павловым в изд.: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 155. Печатается по указанной копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

В. С. Аксакова — И. С. Аксакову

<24 ноября 1846>

Сегодня едет Лопухина¹ в Калугу и просила писем к тебе милый друг и брат Иван. — Я тебе писала в четверг, но не успела написать подробно о Гоголе, отесенька же непременно желает, чтоб ты об этом знал в подробностях. Суди сам, не помешательство ли это, по крайней мере, однопредметное. — До сих пор Шевырев не сообщил нам еще письма Гоголя к нему², но вот что мы знаем: он прислал *Предупреждение к Ревизору*, которое состоит вот в чем. Гоголь назначает деньги вырученные за новые издания Ревизора (вдруг будут печататься два издания одно в Москве, другое в Петербурге) в пользу бедных, преимущественно мелких чиновников. Просит всех читателей *Ревизора* стараться отыскивать бедных, разузнавать об них и препровождать их к лицам, означенным в конце, которые избранны им для раздачи денег бедным. Если же читатель не имеет времени заняться этим, то может прислать денежное вспоможение. Он ручается за лица избранные им, что они, не будучи обременены большими обязанностями, будут добросовестно исполнять это дело, они обязаны не только раздавать деньги, но разузнавать о причине бедности и если нужно напутствовать наставлениями, даже призывать на помощь священников. Читателей же он просит не удовлетворяться письменными сношениями, но лично передавать означенным лицам известия о бедных — Наконец он думает что лучше всего назначить час для таких свиданий и именно до 12 час. Лица назначений следующие:

в Москве

Авд<отья> Пет<ровна> Елагина, Катер<ина> Алекс<андровна> Свербеева, Вера Серг<еевна> Аксакова, Хомяков, Панов, Павлов, Петр Васил<ьевич> Киреевский.

В Петерб<урге>

Виелгорская, Адоевская, Дашкова³, Юр<ий> Фед<орович> Самарин, Аркадий Росетт, и не помню еще кто-то из мужчин. Разумеется, мое имя будет выключено, отесенька уже пишет о том к Плетневу⁴, Свербеева также просила о том. Но возможно ли допустить вообще печатание этого, это конечно значит предать его на посмеяние всех, он этого не понимает, но здравомыс-

¹ Слова: Первое известие о «Переписке с друзьями», — вписаны В. С. Аксаковой на полях.

лящие его друзья не должны допустить до этого; но Шевырев так упрям, что вероятно напечатает.

Развязка Ревизора состоит в разговоре актеров и некоторых лиц после представления Ревизора. Актеры венчают Мих<аила> Сем<еновича> Щепкина, заходит разговор об Ревизоре и Щепкин дает ключ к точному истолкованию Ревизора, а именно, что весь Ревизор ничто иное как наш душевный город, что все это наши страсти и что Хлестаков есть наша светская пустая совесть, перед которой наши страсти так сумеют вывернуться, что еще покажутся добродетельными, что появление настоящего Ревизора должно напоминать нам того Ревизора, перед которым мы неминуемо должны явиться, наша неумолимая совесть. — Наконец оправдывает слова *Над собой смеетесь*, и прибавляет: почему же нам и не сказать *над собой смеемся*, этого смеха больше всего бояться наши страсти, и так оканчивает в роде этих слов: станем же все служить земле и стремиться к Верховной красоте. — Разумеется и тут есть места прекрасные и сильные, но отесенька и Конст<антин> справедливо говорят, что это только частицы прекрасного из *Разъезда* и даже лишены их силы. Истинно тяжелое чувство доставляет чтение всего этого. Увы, человек, со всей его премудростью, без простоты и смирения. Если Гоголь не образумится, он потерян разумеется как художник. Хотят все писать к нему. Хорошо, если б он принял советы друзей. — Не знаю, успеет ли маменька написать тебе сегодня, сейчас воротилась от обедни. — Обнимаю тебя, милый друг и брат Иван.

Дай Бог, чтоб ты был здоров.

Сестра и друг Вера.

Отесенька велит тебе сказать, что он совершенно согласен с тобой в том, что ты отлагаешь печатание твоей книги⁵.

Конст<антин> просит тебя переслать ему письмо Самарина. Конст<антин> читал Грановскому последние стихи твои и он пришел в совершенно искренний восторг.

Первые опубликовано А. Г. Дементьевым в изд.: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 173–174. Печатается по первой публикации.

Этим письмом В. С. Аксакова отвечает на письмо брата Ивана от 19 ноября 1846 г. (см.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 395; *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 332–333). Ответ И. С. Аксакова — от 30 ноября 1846 г. (см. в наст. изд.).

¹ Варвара Александровна Лопухина, жена Алексея Александровича Лопухина, сестра князя Д. А. Оболенского.

² Письмо от 2 ноября (н. ст.) 1846 г. из Ниццы.

³ Графиня Софья Андреевна Дашкова (1822–1908), приятельница графини А. М. Виельгорской, впоследствии жена князя Г. Г. Гагарина.

⁴ См. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к П. А. Плетневу от 25 ноября 1846 г.

⁵ Имеется в виду книга стихов И. С. Аксакова. 10 сентября 1846 г. И. С. Аксаков писал родным из Калуги: «В субботу <7 сентября> получил я наконец письмо от Плетнева, в котором он пишет мне, что посылает рукопись (но рукопись еще не приходила в Калугу), возвращенную от Цензора. Он пишет, что радуется уже и тому, что рукопись возвращена, что Цензор перепачкал ее ужасно, но что всякий другой Цензор поступил бы еще хуже» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 376–377). Спустя несколько дней, 14 сентября 1846 г., И. С. Аксаков вновь извещал родных: «В четверг получил я наконец рукопись свою. “Чиновник” весь, с начала до конца, зачеркнут; не пропущены также стихотворения: “Зачем опять теснятся звуки” и пр. и “Сон”. В некоторых других пиесах также не пропущены некоторые стихи... <...> Но главное, что меня радует, так это то, что “Зимняя Дорога” пропущена почти вся: окончание в наборе пропущено совершенно, как было!» (Там же. С. 379).

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

3 декабря <1846>.

Гоголь или болен или потерял здравый рассудок, живя так долго один в землях чужих. — Может быть даже и влияние (ему самому незаметное) католицизма, которое как-то мирится с православием, все это дает странный характер его религиозному направлению, которое овладело им до такой степени, что художник исчезает. Несмотря на наши собственные невеселые обстоятельства, это нас сильно огорчает — отесенька так волновался и огорчался, что мы не допускали даже разговоров о Гоголе. Несмотря на все наши убеждения, отесенька хотя не вдруг продиктовал письмо к Гоголю¹ вполне откровенное, сильное и прекрасное. — Гоголь прислал к 4 и 5-му изданиям¹ Ревизора *Предупреждение*, которое состоит в следующем: Гоголь назначает деньги, вырученные за Ревизора, в пользу бедных, особенно мелких чиновников; он просит всех читателей разузнавать о бедных и сообщать об них сведения лицам, избранным им на это дело, и сообщать не только письменно, но и лично. Лица же эти обязаны разузнавать о причинах бедности и давать наставления и даже прибегать к помощи священников. Лица же эти все почти наши знакомые, именно Елагина, Свербеева и — я! — несколько мужчин. Ар. Россет¹¹. В своем предисловии к книге, которая должна выйти в Петерб<урге>, он объявляет, что у него не остается манускриптов, то он сжег все свои бумаги и т. д.

Впервые опубликовано, по авторской копии, Н. М. Павловым в изд.: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 155; см. также: Анненкова Е. И. Аксаковы. СПб., 1998. С. 323. Печатается по указанной копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ Письмо было продиктовано С. Т. Аксаковым сыну Константину и отправлено Гоголю 9 декабря 1846 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

27 декабря <1846>.

Об Гоголе слухи все не лучше. Говорят, что он еще хочет издать книгу об русском духовенстве¹, не знаю, правда ли. — Отесенька писал письмо к Плетневу² с тем, чтобы остановить печатание всех этих странностей, но Плетнев не согласен; нам порукой Жук<овский>, который одобрил все намерения Гоголя. Отесенька письма своего к Гоголю³ никому почти не показывал, для того, чтоб Гоголь не обиделся. Что-то он будет отвечать⁴, мы мало имеем надежды на успех, т. е. чтоб он взглянул здоровыми глазами на все свои действия. — Говорят даже, будто он целые дни проводит с монахами, но мы этому решительно не верим; он сохранил православие, но принял дух религии католический, все это желание проповедывать, полагать какие-то вольные формы и для молитвы и для благотворительности, все это в духе католицизма, а не в нашем.

Впервые частично опубликовано, по авторской копии, Н. М. Павловым в изд.: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 155. Печатается по указанной копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ Ср. в наст. изд. письмо Н. М. Языкова к Ф. В. Чижову от 21 октября 1845 г.

² См. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к П. А. Плетневу от 25 ноября 1846 г.

³ Письмо от конца ноября — 9 декабря 1846 г.

¹ В источнике: издании

¹¹ Ар. Россет *вписано на полях*.

⁴ См. письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 20 января (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

В. С. Аксакова — И. С. Аксакову

9 января 1847. <Москва>.

<...> Сию минуту видели в газетах объявление новой книги Гоголя¹, а мы ее еще не получали. При первой вести, что в Петербурге вышла эта книга, к Шевыреву явились книгопродавцы и 1200 экземпляров купили и дали задаток тут же. С нетерпением ожидаем ее. — Второе издание «Мертвых душ» также вышло. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 696. Печатается по первой публикации.

¹ Объявление о выходе «Выбранных мест из переписки с друзьями», а также второго издания «Мертвых душ» и 100 рисунков к «Мертвым душам» художника А. А. Агина, гравированных Бернадским, было помещено в прибавлении к № 4 «Московских ведомостей» от 9 января 1847 г.

В. С. Аксакова — И. С. Аксакову

<14 января 1847. Москва>

Твое письмо, милый друг и брат Иван, удивило нас до крайности. Нет, ты ослепил себя своею собственною мечтою. Ты так был недоволен собой и всею жизнью, ты жаждал примиренья, разрешения твоим вопросам, тебя вдруг освежила мысль, что ты нашел, и ты уже ничего не видал другого. Я вполне уверена, что, перечетши в другой раз, ты совсем иначе на все взглянешь, если только позволишь себе быть искренним совершенно с самим собой. Мы также прочли только еще один раз, но для нас не новость все эти мысли Гоголя; они прежде являлись в таком ослепительном блеске; то был такой восторг души, что мы не позволяли себе самим замечать то, что было непонятного и странного, и то было писано для одного или двух людей, а не на весь мир. <...> В первую минуту по прочтении письма твоего я усомнилась в истине нашего впечатления, но я вспомнила, как мы прежде увлекались, как добросовестно, почти религиозно принимали его слова, как все то уже перечувствовали прежде, вспомнила новую книгу и думаю, что ты скорее ошибаешься. — По крайней мере, эта книга не произвела вовсе почти никакого впечатления благотворного на мою душу. Я помню, как особенно некоторые места из «Мертвых душ» сильно потрясали и производили переворот в мыслях, приносили гораздо более плода душе, нежели все его теперешние проповеди.

В первую минуту по прочтении нескольких отрывков из книги мне чуть не плакать хотелось, но только не от умиления, а от глубокой горести об Гоголе. <...> Сегодня получили письмо от его матери. Он, думая, что она уже получила книгу, прислал ей тот отрывок из завещания, который не напечатан. Лиза хотела его мне прислать. Мать и сестры пришли в отчаяние: думают, что он уже не воротится к ним. — Не знаю, что им отвечать <...>

Стихи твои¹, присланные сегодня, мне чрезвычайно нравятся. Они так прекрасны и истинны вполне — то должен был бы быть Гоголь, что ты в нем видишь уже теперь, и, может быть, еще он будет, я не теряю надежды. <...>

У нас идут такие толки с утра до вечера и о собственном нашем деле и о Гоголе. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 697–698. Печатается по первой публикации.

Письмо является ответом на письмо И. С. Аксакова к отцу от 11 января 1847 г. (см. в наст. изд.). См. также в наст. изд. письма С. Т. Аксакова и О. Сем. Аксаковой к И. С. Аксакову от 14 января 1847 г.

¹ К письму И. С. Аксакова было приложено его стихотворение. Возможно, что это было стихотворение «Свой строгий суд остановив...», сочиненное под впечатлением от книги Гоголя.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

16 января 1847.

<...> Как скоро будет оказия, перешлю тебе отесенькино письмо к Гоголю¹, на которое еще до сих пор нет ответа², не знаем, какое произведет оно на него впечатление. Тебе оно, я уверена, вполне понравится. <...> Наше время чрезвычайно замечательно, но опасно. Боже мой, какое ужасное явление стоит пред нами, — это Гоголь. Может быть, ты уже также прочла книгу, прошу тебя написать все-все твое впечатление и мнение подробно, — именно твое я желаю знать. Отесенька не хочет, чтоб дядя³ знал наше мнение, и потому не сообщай ему моего письма. У нас идут самые живые толки об этом, иные на него [нападают] негодуют, другие видят в этом сума<с>шествие⁴, третьи даже, но это несправедливо, воображают, что это обман. По прочтении первых же страниц нельзя сомневаться в однопредметном помешательстве Гоголя, и на нас это произвело глубоко горестное впечатление, в первую минуту даже страшно было читать; что за нелепости, что за сума<с>шедшая гордость, называющая себя смирением, что за проповеди обо всех и всем, что за католический взгляд на женщину, что за лесть. Язык холоден, вял большею частью, только два-три письма и <1 нрзб.> статья о литераторах прекрасны. — Неужели это падение всей нравственной духовной стороны человека, нет, это не может быть, тут слишком нелепые есть вещи; он всегда был непонятно странен, эти странности развились до сумасшествия, по крайней мере, однопредметного. Уже одно печатание этой книги, этих писем есть доказательство нездорового рассудка. Как печатать завещание при жизни — не сума<с>шествие ли это; может быть сума<с>шествие вследствие гордости духовной, но все-таки сума<с>шествие, и это есть ему извинение во многом, чего бы иначе и извинить нельзя. Что за злоба на Погодина⁴, который очень справедливо вчера нам сказал: Спаситель говорит, чтоб мы подставляли другую щеку, когда нас ударили в одну, но где же Он говорит, чтоб мы давали пощечины; если ты прочла книгу, то ты вспомнишь, что Гоголь говорит, как полезно дать пощечину человеку в виду всех, это относится до Погодина. — Ужасное и горестное явление. Может быть, он сжег сокровища, которых уже не в состоянии произвести. — Но кто знает, может быть, он и выздоровеет. Один человек не без смысла заметил, что это в самом Гоголе переходное состояние, стремление к истине, и хотя тут много темных сторон, но он выйдет на свет. — Дай Бог. Вот чем разрешились все те неясные чудные ожидания; впрочем, он все еще хочет продолжать М<ертвые> Д<уши>. Но что это будет! Я не выписываю тебе некоторых мест, некоторых выражений, книгу нашу мы дали знакомым, после напишу, может быть, подробнее, но если ты читала, то сама заметишь. Здесь ее еще немногие имеют, ждут с нетерпением, еще не пришел большой транспорт из Петерб<урга>. — Многие уже хотят писать, кто Гоголю прямо, кто в журналах. В новом Соврем<еннике> есть статья во многом очень справедливая о Предисловии к новому изданию М<ертвых> Д<уш> первой части⁵. — Отесенька так волнуется, говорит об Гоголе, что нельзя удержать. Хвалители Гоголя совершенно переменялись. Теперь его хвалят мистики, ханжи и т. п.; все же прежние его хвалители его громко порицают. — Нас обвиняют в том, что мы развили в нем эту гордость, — нет, это несправедливо, мы, конечно, добросовестно принимали его слова, видели и тогда странности его, но говорили, что это странности, которые

¹ видят в этом сума<с>шествие *описано вместо*: бранят

мы не можем истолковать и потому не судили его, но тогда в нем был восторг духовного стремления, увлекательного даже для людей холодных, но теперь остались одни слова, тем вернее должно быть наше впечатление, что мы не вдруг позволили себе его осудить. Жаль, что ты не знаешь его прежних писем к отесеньке.

Впервые частично опубликовано: *Анненкова Е. И.* Записки о Гоголе В. С. Аксаковой // Н. В. Гоголь и русская литература. Л., 1989. С. 64–65; см. также: *Анненкова Е. И.* Аксаковы. СПб., 1998. С. 326–327. Печатается по автографу: *ИРЛИ. Ф. 10.617. Л. 2–5.*

В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской имеется следующая выписка из настоящего письма: «16 января <1847>. ...Боже мой, какое ужасное явление стоит пред нами, это книга Гоголя. Она на нас произвела глубоко горестное впечатление, в первую минуту даже страшно было читать. — У нас теперь идут самые живые толки об ней. Иные на него [нападают] негодуют, другие видят в этом сумасшествие, третьи даже, но это несправедливо, воображают, что это обман... Один человек заметил, что это в самом Гоголе переходное состояние, стремление к истине, и хотя тут много темных сторон, но он выйдет на свет... Здесь еще немногие имеют эту книгу, ждут все с нетерпением, еще не пришел большой транспорт из Петерб<урга>. Многие уже хотят писать, кто к Гоголю прямо, кто в журналах. В новом Соврем<еннике> есть статья во многом справедливая о Предисловии к новому изданию М<ертвых> Д<уш> первой части. Отесенька так волнуется, что нельзя удержать. Хвалители Гоголя совершенно переменялись. Теперь его хвалят мистики, ханжи и т. п.; все же прежние его хвалители его громко порицают. Нас обвиняют, что мы развили в нем эту гордость, — это несправедливо, разумеется...» (*РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.*)

¹ Письмо от конца ноября — 9 декабря 1846 г.

² Гоголь ответил С. Т. Аксакову 20 января (н. ст.) 1847 г.

³ А. Т. Аксаков.

⁴ Подразумевается статья «О том, что такое слово».

⁵ Имеется в виду рецензия В. Г. Белинского «Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Издание второе. Москва, 1846». В предисловии Гоголя «К читателю от сочинителя», находящемся в тесной связи с книгой «Выбранные места из переписки с друзьями», критик увидел «столько неумеренного смирения и самоотрицания, что они невольно заставляют читателя предполагать тут чувства совершенно противоположные...». По словам критика, это предисловие «внушает живые опасения за авторскую славу в будущем» и «грозит русской литературе новую великую потерю прежде времени...» (*Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. С. 511.*)

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

20 января <1847. Москва>.

<...> Отесенька посылает тебе письмо свое к Гоголю¹; оно было писано еще до выхода этой несчастной книги. — От тебя уже давно опять нет писем, ожидаю с нетерпением, что ты мне напишешь об этой книге. Ты не можешь себе представить, какие шумные толки идут у нас об ней; все эти дни с утра до вечера у нас кто-нибудь, и первое слово о Гоголе. Мы хотим, несмотря на наше мнение, перечесть эту книгу снова². <...>

Ты, верно, уже знаешь о недавней смерти 26 декабря Ник<олая> Мих<айловича> Языкова, известного поэта. Шевырев хотел было посвятить первую лекцию его памяти и сказал о том графу Струг<анову> как попечителю универ<ситета>. Он не позволил, сказав, что этот поэт принадлежал к *оппозиционной партии*. Возмутительная вещь, Шевырев, несмотря на то, сказал несколько слов об Языкове, прибавив, что ему не удалось поговорить об нем более. — Что за мысли *оппозиционная партия*? у нас никаких партий нет, по крайней мере, люди, которые обращаются к своей народности, не составляют никакой партии, никакого общества, а просто всякий хочет быть вполне русским. <...>

Если ты читала книгу Гоголя, то, вероятно, была поражена словами о Царе³, но я убеждена, что это вытекает из его религиозных взглядов и просто есть сума<с>шествие, иначе это было бы ужасно насколько отвратительно, но это не может быть. <...>

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 699. По авторской копии, вместе с началом последней фразы, напечатано: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 170. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 10.617. Л. 6–7.

В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской имеется следующая выписка из настоящего письма: «20 янв<аря>. Ты не можешь себе представить, какие шумные толки идут об несчастной книге Гоголя. Все эти дни у нас с утра до вечера кто-нибудь, и первое слово о Гоголе. — Мы хотим перечесть эту книгу снова.

Если ты читала ее, то, вероятно, была поражена словами о Царе, но я убеждена, что это вытекает из его религиозных взглядов» (РГБ. Ф. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ Письмо от конца ноября — 9 декабря 1846 г.

² «В неизданных письмах В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской за этот период весьма значительное место занимают высказывания семьи Аксаковых и их круга о “Выбранных местах из переписки с друзьями”. Отметим здесь письма от 16 и 30 января, 21 февраля, 2 и 16 апреля 1847 г.» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 700).

³ Подразумевается статья «О лиризме наших поэтов».

В. С. Аксакова — И. С. Аксакову

<23 января 1847>

Вчера получили мы письмо твое, милый друг и брат Иван, с более подробным отчетом по поводу новой книги Гоголя, вчера еще вечером перечли мы письмо *Женщина в свете* и несмотря на все наши старания заставить себя восхищаться, не могли успеть в этом, а напротив я еще более нежели прежде была поражена той ложной мыслью, на которой основано все это письмо. — Неужели ты этого не чувствуешь, неужели не оскорбляет тебя, что слабости человеческие делаются орудием в святом деле, это просто святотатство и совершенно католический взгляд на вещи; католики обыкновенно выбирают самых хорошеньких женщин, чтоб собирать деньги в церкви и всякой уже дает не из любви к Богу и сострадания к нищему, но потому что не может отказать такой красавице, и вот что проповедует Гоголь слабым женщинам, льстя их тщеславию и красоте. — Ты говоришь, какие прекрасные есть места, точно, есть прекрасные отдельные выражения, есть даже два-три письма вполне прекрасные, но это только блес<т>ки того, что было прежде, и блес<т>ки большею частью окруженные такими странными ложными мыслями, что они исчезают совершенно и не оставляют по себе впечатления. Ты пишешь, что судил по тому, что мурашки пробежали у тебя по телу, я сужу именно по тому же, что я этого не испытала, именно при чтении этой книги ни разу не содрогнулось у меня сердце, — совсем не то было при чтении других прежних его сочинений, все, что ты ни пишешь теперь вследствие этой книги, то я понимаю, если б ты сказал после чтения или М<ертвых> Д<уш> или Разъезда, Портрета и т. д. Там так чудно заключается в этих крепких живых образах, так целно все то прекрасное, что он потом отрывками представляет нам искаженное разведенною водою, с целью наставлять и научать нас. И оно по-моему выходит мертво, бессильно и не может быть благотворно. Я никогда не сомневалась в искренности Гоголя, и не справедливо было бы сомневаться, он заблуждается совершенно искренно, и добродушно выставляет себя со всеми своими заблуждениями на свет, не сознавая их разумеется; — может быть это только временное

заблуждение, и даже неизбежное, для того, чтоб ему достигнуть той высоты, к которой он стремится: но не надобно же признавать его заблуждения за истину. — Иногда я боюсь, чтоб он не остался всегда в этих заблуждениях, потому, что зерна их лежали в нем всегда и тесно связаны с его странной натурой; так постепенно развивались они, что нельзя найти им начала, или надобно признать эти начала за истину, и так сквозь страданий телесных и душевных (которые могут ему служить оправданием и как будто подкреплением его мыслей) достигли они до теперешней степени, а главное беда — то, что он искренно убежден, что он призван на то, чтоб возвещать всем истину. — Знаешь ли, милый, но и мне право приходит в голову, что если ты будешь последователен в своих мыслях, то можешь примириться с воззрением Ал<ександры> Осип<овны>¹, которое прямо выходит из того же воззрения, которое выражается в письме *Женщина в свете*, с тем христианским снисхождением, которое не только извиняет, но позволяет человеческие слабости. Но, я думаю, уж тебе надоели все мои возражения. Прощай, мой милый друг и брат Иван, пожалуйста, не сердись на мои слова, молю Бога, чтоб ты был здоров, мне что-то сдается, что ты не совсем здоров, ради Бога лучше напиши. — Обнимаю тебя, сестра твоя Вера.

Маменьки нет дома, все сестры и Конст<антин> тебя обнимают. Конст<антин> хотел тебе писать. Очень рада что девушки видят <2 нрзб.>

Что эта Кобрина², не в роде ли красавиц, которые нравятся Константину?..

Впервые опубликовано А. Г. Дементьевым в изд.: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 177–178. Печатается по первой публикации.

Послание представляет собой ответ на письмо И. С. Аксакова к родным от 18 января 1847 г. (см. в наст. изд.). Отправлено И. С. Аксакову вместе с письмом С. Т. Аксакова от того же числа (см. в наст. изд.).

¹ Смирновой.

² Кобрина, калужская знакомая И. С. Аксакова.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<30 января — 4 февраля 1847. Москва>

30 января 1847. Москва.

<...> Сегодня уже 4 февраля, я начала письмо уже день пять уже назад... <...> Вчера же я еще получила письмо от тебя... <...>

Все, что ты пишешь о Гоголе, совершенно справедливо, милый друг мой, и многое ты особенно прекрасно выразила. С одним я не совсем согласна, мне кажется, не надобно было бы печатать этой книги, именно потому, что это пишет Гоголь, который имеет такую силу над всей публикой, если это заблуждения, то он много увлечет за собою туда же, и я знаю даже, что увлекает; чем ослепительнее являются эти заблуждения, тем они опаснее; мне кажется, не надобно было бы показывать этого переходного, полного ложных увлечений состояния великого человека. Но дай Бог, чтоб оно было переходное состояние, признаюсь, я иногда совершенно в этом отчаиваюсь. Мне кажется иногда, что в нем погиб не только художник, но даже и человек. Мы перечли еще раз его книгу со вниманием, старались вначале откинуть все свои предубеждения и под конец еще более нашли несообразностей, нежели прежде. По прочтении этой книги мне представилась какая-то бездна запутанных мыслей, ложных толкований, заблуждений, и все это, разумеется, выведено из неоспоримых истин, из прекрасного стремления, но так, что эти начальные побудительные причины теряются почти в том хаосе мудрствований. — Гоголь не фанатик религиозный, т. е. по крайней мере не такой, как мы привыкли понимать под этим словом. Лучше было бы, когда бы он бежал в пустыню, отвергал бы мир, убивал бы постом и

молитвой свое тело, бичевал бы себя, делал бы всевозможные нелепости, но он не то, он хочет примирить жизнь и весь порядок вещей с христианским¹ стремлением, он не говорит даже против света, он ищет примирения, и тут-то впадает в ложь, примером этого служит его письмо *Женщина в свете*, которое многих обольстит и которое есть великое зло тем самым. Оно, точно, прекрасно написано, особенно местами, но неужели, милый друг, ты не видишь того ложного взгляда, на котором оно основано. Возможно ли красоту женщины считать орудием, от Бога данным для внушения святых истин, для влияния благодатного на людей; если даже оно в самом деле так бывает в обществе, то это только показывает испорченность его; и стало быть, Гоголь проповедует католический взгляд, что для благого дела можно употреблять всякие орудия и возбуждать слабости человеческие для того, чтоб человек стал лучше, не заботясь о том, какая побудительная причина в нем действует, и не думая о том, что он вносит этим самым порчу в человека, потому что затемняет чистоту его искренних, бескорыстных, святых побуждений. — Католики, конечно так действуют, они выбирают в действительности хорошеньких молоденьких женщин, и, конечно, тут всякой дает не для Бога, а ради того, что не может отказать вследствие самых житейских отношений и побуждений далеко не высоких и не чистых. В самом деле при первом чтении явился мне прекрасный образ этой женщины, но потом тут везде такие несообразные крайности, и возможно ли писать это в лицо кому-нибудь и печатать. Я даже скорее соглашусь с некоторыми, которые находят это письмо просто страстным письмом. — Не подумай, чтоб я говорила против примирения Христианства с жизнью, я совсем далека от этого. — Я утверждаю, что возможно примирение только не в спокойном признании и извинении слабостей человеческих, а в непрестанной борьбе с ними, для этого не нужно оставлять мир, всякой на своем месте может это исполнить, и мне кажется, тут просто, само собой разрешаются все те неопределенные стремления разрешить этот вопрос. Простоты [побольше], вот чего недостает у всех [нас]; все мудрствуют, Гоголь заразился тоже этой болезнью и запутался совершенно. — Вчера наконец получил отесенька ответ от него¹ на свое письмо, которого копии ты имеешь, вспомни его и прочти теперь это Гоголево письмо и скажи свое душевное впечатление. Я тебе пока не скажу нашего впечатления для того, чтоб услышать, как ты сама на него взглянешь. Чувствую, что пишу сбивчиво, но ты все-таки поймешь, мне только это и нужно. Недавно, отсылая письмо Свербеева (писанное к отесеньке о книге Гоголя)² к Гоголю, отесенька не удержался и написал к нему небольшое, но сильное письмо³, впрочем, полное искренней душевной скорби, так что и оно не должно его оскорбить. Гоголь пишет еще до получения этого письма, и потому его письмо написано только под влиянием первого отесенькиного письма, которое у тебя есть.

Все, что дяд<енька>⁴ написал о Гоголе, справедливо и во многом сходно с твоим мнением, моя милая Машенька. Не верь, что тебе будут говорить о Жорж Занд, будто в ней выражается христианская любовь; в ней это все равно такая же ложь, несмотря на то, что имеет вид истины, и просто это конец нашего века отразился и в ней, но со всеми самыми вредными заблуждениями и отвратительными выводами. <...>

Впервые частично опубликовано: Анненкова Е. И. Аксаковы. СПб., 1998. С. 327–328. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 10.617. Л. 10–12 об.

В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской имеется следующая выписка из настоящего письма: «30 янв<аря>, 4 фев<аря>. Все, что ты пишешь о Гоголе, совершенно справедливо. С одним я не совсем согласна, мне кажется, не надобно было бы печатать этой книги, именно потому, что это пишет Гоголь. Чем ослепительнее являются эти заблуждения, тем они опаснее, он много увлечет за собою, и я знаю даже, что увлекает, — не надобно было бы показывать этого переходного, полного ложных увлечений состояния великого человека. — ...Мы перечли еще раз его книгу повнимательнее, старались вначале откинуть все свои предубеждения и под конец еще более нашли не-

¹ Далее было: а. направ<ением> б. верой

сообразностей, нежели прежде... Вчера наконец отесенька получил ответ от него на свое письмо... Недавно, отсылая к Г<оголю> письмо Свербеева (писанное к отесеньке о Гоголе), отесенька не удержался и написал к нему небольшое, но сильное письмо, впрочем, полное искренней душевной скорби, так что оно не должно оскорбить его. Гоголь пишет еще до получения этого письма» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ От 20 января (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

² См. в наст. изд. коммент. к письму С. Т. Аксакова И. С. Аксакову от 25 января 1847 г.

³ От 27 января 1847 г.

⁴ А. Т. Аксаков.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

21 февраля 1847.

Я хотела было тотчас отвечать тебе, милый друг мой, милая Машенька, но все не удавалось. Между тем ты должна была получить еще письмо от меня после отправки твоего. Твое письмо, мой милый друг, в котором так живо и прекрасно выражается твое негодование против письма Гоголя¹, прочли мы с таким удовольствием, тем более, что это как будто было самое полное и подробное выражение нашего собственного впечатления, и в этом случае наше сочувствие было вполне одинаково; я не могла не смеяться даже, читая твои некоторые слова, где так горячо выражается твое оскорбленное чувство за отесеньку, и так как между нами были мужчины, то негодование выразилось такими энергическими словами, которые женщине несвойственны; впрочем, не отесенька их сказал, а только Константин, ты можешь себе представить, как его должен был возмутить этот ответ. До выхода книги отесенька никому не показывал письма своего к Гоголю², но после книги, видя, что для Г<оголя> не существует уже более никаких частных дружеских отношений, показал свое письмо и потом ответ его; не осталось человека, который бы более или менее не был оскорблен им, и приговор был общий, что письмо хуже книги. — Еще не получая ответа от Гоголя, отесенька не выдержал и написал ему несколько строк по прочтении уже его книги; я списала это письмо³ и посылаю тебе, милый друг, мне оно чрезвычайно нравится. Оно так искренно, так вырвалось невольно из души и так сильно и прекрасно, — отесенька даже жалел, что послал его, но теперь доволен, потому что по получении такого ответа на первое письмо, не был бы в состоянии написать ему впечатление, произведенное его книгой. — Отесенька удивительно спокойно и кротко принял его ответ, но писать к нему с тою душевною горячею откровенностью после такого ответа, разумеется, не в состоянии. — Мне жаль, мой милый друг, что мы расходимся во мнении насчет письма к Соллогуб⁴, впрочем, это только потому, что мы разное его понимаем, разное в нем видим. — Ты прочла его только один раз, но перечти его еще, и я уверена, что впечатление будет другое, нельзя же также забывать, что у Гоголя ничто теперь не говорится просто, а все примыкает к бесконечной цели его систематических взглядов, выводов, и что его ни на минуту не оставляет мысль о цели общей пользы, в достижении которой он в отношении самого себя не сомневается; он говорит догматически, а не так, как ты да мы стали бы говорить для того, чтоб утешить простодушно и примирить с собой какую-нибудь недоверчивую к себе женщину; мы, может быть, сказали бы и лишнее, только для того, чтоб она успокоилась, но в этом высказалось бы наше личное желание и усилие ее успокоить; Гоголь же проповедует, а не утешает, и потому всякое его слово получает смысл непреложной общей истины (которой, по крайней мере, он верит), какого-то нравоучения, иначе для чего бы и печатать такое письмо; у него нет слова даром, он простодушно ставит каждое свое слово за правило. Он вполне уверен, что он призван на проповедание и не забывает этого ни на одну минуту, потому что нет у него ни одного слова, сказанного просто, от души; но везде слышно присутствие этой мысли, потому он и кажется неискренен. В первую минуту

по прочтении этого письма у меня осталось впечатление какого-то прекрасного образа этой женщины, в том образе (ты права) выразилось художественная сторона Гоголя. Но и тут не могли меня не остановить некоторые невыносимо ложные мысли и выражения. При повторном же чтении этой книги, когда передо мною открылся весь хитросплетенный состав его самолюбивого и самоуверенного мудрования, я увидела ясно, что и это письмо выходит из одного же источника и что меня оболстил только на минуту прекрасный образ, который и сам даже ложен. Вспомни, милый друг, эти места: *но у вас есть другие орудия, с которыми все возможно. Во-первых, вы имеете уже красоту*, или дальше: *Если уже один бессмысленный каприз красавицы бывал причиною переворотов всемирных⁵ и заставлял делать глупости наизумнейших людей, что же было бы тогда, если б этот каприз был осмыслен и направлен к добру*. Скажи, пожалуйста, разве не прямо он велит употреблять красоту как средство, что же такое эти всемирные перевороты и благие дела, которые будут делаться только вследствие каприза красавицы, с той только разницею, что этот каприз по ее же произволу направлен к добру, а не ко злу. Но тут слова Гоголя говорят сами за себя, и нечего прибавлять; а что он дает советы, это видно из следующих: *вам не дам такого совета, какой бы мне следовало дать всякой другой женщине, к тому способной*. Нет, мой милый друг, именно я не буду согласна с тем, что все равно <что> красота природы, что красота человеческая; человек существо падшее, в этом нет сомнения, природа все одна и та же, всегда одинаково прекрасна, в человеке и зло и добро, в природе все целно, нераздельно, там нет ни внешнего, ни внутреннего, сперва в человеке было то же, его внешняя красота была выражением только его внутренней красоты и сливалась в одно прекрасное, так что нельзя было бы и приметить их отдельно, не могло существовать и понятие о их разделенном проявлении, теперь же не то, и Гоголь, говоря: *вы имеете уже красоту*, говорит сперва о красоте внешней и о ее именно влиянии в капризе красавицы; возможно ли допускать такого рода влияние красоты на благие действия человека, и разве не во вред это будет душевной красоте человека, бескорыстности его добрых побуждений. Можно допустить влияние прекрасного человека разве только тогда, когда все будет прекрасно и когда вероятно никто бы и не замечал и не говорил об этом; впрочем, такого рода утопий я не понимаю.

Пример, который ты приводишь, милый друг, говорит против тебя самой, ты именно говоришь про девушку, которая действует единственно своей внутренней душевной красотой, а не отличается никакими внешними достоинствами. — Не говорю уже о том, как оскорбительно должно быть для скромного чувства такой женщины слышать такие слова, которые даже могли бы если не исторгнуть, то нарушить ее душевную смиренную чистоту и спокойствие. <...>

Впервые частично опубликовано, по сборнику авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской, в изд.: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 165. Ср.: «21 февраля. До выхода книги отесенька никому не показывал письма своего к Гоголю, но после книги, видя, что для Г<оголя> не существуют более никаких частных дружеских <отношений>, показал свое письмо и потом ответ его; не осталось человека, который бы более или менее не был оскорблен им, и приговор был общий, что письмо хуже книги... Еще не получая ответа от Г<оголя>, отесенька не выдержал и написал ему несколько строк уже по прочтении его книги. Отесенька даже жалел, что послал его, но теперь доволен, потому что по получении такого ответа на первое письмо [его], не был бы в состоянии написать ему о впечатлении, произведенном его книгою. Отесенька спокойно и кротко принял его ответ, но писать к нему с тою душевною горячею откровенностью после такого ответа не в состоянии» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10). Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 10.617. Л. 16–19 об.

¹ Имеется в виду письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 20 января (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

² Письмо от конца ноября — 9 декабря 1846 г.

³ От 27 января 1847 г.

⁴ Имеется в виду статья Гоголя «Женщина в свете». В. С. Аксакова полагала, что эта статья адресована графине С. М. Соллогуб (рожд. графине Виельгорской). Однако сама С. М. Соллогуб в письме от 3 февраля 1847 г. спрашива-

ла Гоголя: «Сестра <графиня А. М. Виельгорская> и я мы очень любопытны знать, кому вы пишете первое ваше письмо, которое нам так понравилось (“Женщина в свете”)». Кроме того, как указал В. И. Шенрок, письмо надписано «к ...ой», а не Соллогуб, и отнесено к 1846 г., «когда С<офья> М<ихайловна> не могла уже жаловаться, что не может быть полезной детям, так как у нее был уже тогда сын Александр и дочь Софья, прозванная Беби, и как видно из <...> переписки Виельгорских с Гоголем, она была напротив уже совершенно погружена в свои семейные обязанности, в которых находила высшее наслаждение жизни» (Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1898. Т. 4. С. 595).

⁵ Ср. «Ветхий завет научает нас первым понятиям о женщине; он открывает первое ее унижение: она была виновницею падения рода человеческого; но в ней же Всемогущей воле угодно было дать ему и спасение» (Призвание женщины. С английского. <Перевод Ф. В. Чижова>. СПб.: В Типографии Имп. Академии Наук, МDCCCXL <1840> (цензурное разрешение 3 дек. 1839 г. — цензор С. С. Куторга). С. 74).

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

7 марта 1847. <Москва>.

<...> Во вчерашних газетах № 28 напечатано письмо к Гоголю по поводу его книги; очень многое чрезвычайно умно и ловко подмечено и сказано, но что-то бездушное слышится в этой статье, по крайней мере совершенное отсутствие теплоты и убеждения. Видно также, что это выработанная вещь, и в некоторых местах очень неясно выражено. Статья эта — Павлова и тем более как-то не располагает к себе¹. — Но она замечательна как первый голос в Москве и умнее и острее всех статей, которые мы читали до сих пор, выставляет нелепости Гоголя <...> Попов, между прочим, защищает несколько Гоголя, но здесь на него все напали. Хомяков, впрочем, тоже защищает, но ему мало верят; всякой думает, что он шутит. <...>

Первые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 700–701. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 10.617. Л. 26 об.–27.

В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской имеется следующая выписка из настоящего письма: «7 марта. Во вчерашних газетах № 28 напечатано письмо к Гоголю по поводу его книги, очень многое сказано умно и ловко подмечено, но что-то бездушное слышится в этой статье, по крайней мере совершенное отсутствие теплоты и убеждения, видно также, что это выработанная вещь, некоторые места не ясно выражены. Статья эта Павлова. Это первый голос в Москве против Гоголя. Попов защищает несколько Гоголя. Хомяков, впрочем, тоже защищает, но ему мало верят; всякий думает, что он шутит» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ Статья Н. Ф. Павлова в виде трех «Писем к Гоголю» была напечатана в № 28, 38 и 46 «Московских ведомостей» за 1847 г. и, по желанию В. Г. Белинского, перепечатана в 5-й и 8-й книжках «Современника» за тот же год. Л. И. Арнольди в письме к И. С. Аксакову от 11 мая 1847 г. отмечал, что в статьях о Гоголе «завистливого, сухого» Павлова нет «теплого чувства и деликатности» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 701).

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Воистинну Воскресе!

2 апреля 1847.

<...> Статью Константина из газет я переписала наскоро и посылаю тебе. Хотела было также переписать письмо Гоголя¹, полученное недавно, но отесенька отдал его прочесть кому-то и потому отлагаю до другого раза его присылку. Это письмо совсем не похоже на предпос-

леднее, которое я тебе присылала, Гоголь опомнился и сам видит свои ошибки и признает их, письмо это было для нас истинно радостной неожиданностью. Мы уже отчаялись в возможности достигнуть до него какими бы то ни было словами и советами, думали, что он оградил себя недостижимой гордостью. Теперь же все не то; это я тебе говорю не только вследствие этого одного письма. В одно время и даже после этого он написал уже несколько писем к разным лицам², и все они полны искреннего простого признания своих заблуждений и смирения неподдельного. Вообрази же себе его положение, когда он, поверивши всем упрекам и взглянувши беспристрастно на себя, увидел во многом, как истинны эти упреки и какую он сделал ошибку, напечатавши эту книгу. Вот его слова в одном письме: «Конечно, я никому не мог дать такой оплеухи, как самому себе, напечатанием этой книги»³; и в другом месте: «что ж делать, если уже мы так устроены, что не увидим своих недостатков, пока не укажут нам на них другие»⁴. Видно, что ему горько, глубоко больно слышать такие упреки и чувствовать, что он неправ, что он сам обольстил себя; некоторые же упреки, которые он получает, столько оскорбительны, как напр<имер>, упреки в Тартюфстве⁵, в двуличности, в обмане. — Он также почувствовал, как он оскорбил Погодина, и писал к нему самое нежное письмо⁶. — К Смирновой он пишет⁷, что непременно напечатает второй том М<ертвых> Д<уш>. Он только умоляет всех писать к нему все мнения, и свои и чужие, о нем и о его книге; говорит, что это ему необходимо нужно. Он теперь в душе своей уверен, а не то что унижается по произволу своей гордости. Его письма так искренни и просты, — именно таковые, какие мог только написать человек в его положении. Он и оправдывает себя по-своему, и, разумеется, многие места отзываются его странными взглядами, от которых же не может он отказаться вдруг, это было бы неестественно, но он уже им не доверяет слепо. Теперь надобно, чтобы все писали, все нападали на его книгу и беспрепятственно поддерживали его в сношениях, хотя письменных, с Россиею, — разумеется, лучше было бы, если б кто-нибудь поехал к нему и вывез его из этой губительной Италии, и вообще из этой жизни, столько отвлеченной, уединенной от движения общего. Живя в чужих краях безвыездно пять лет, почти один или окружен вредными для него людьми, которые только могли развить это опасное направление, он совершенно запутался и потерял разумный светлый взгляд на вещи; теперь эти сильные упреки, то общее негодование, возбужденное его книгой, от которой ожидал он себе славы и получил бесславие, заставили его очнуться от этого усыпления; дай Бог, чтоб осуществились наши надежды, чтобы было полное выздоровление. <...>

Впервые частично опубликовано, по авторской копии, Н. М. Павловым в изд.: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 168. По автографу частично напечатано: *Анненкова Е. И.* Аксаковы. СПб., 1998. С. 328. Печатается по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 10.617. Л. 32–35.

В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской имеется следующая выписка из настоящего письма: «2 апреля. Недавно получено письмо от Гоголя к отесеньке, вовсе непохожее на предпоследнее. Гоголь опомнился и сам видит свои ошибки и признает их. Это письмо было для нас истинно радостной неожиданностью. Мы уже отчаялись достигнуть до него какими бы то ни было словами и советами, думали, что он оградил себя недостижимой гордостью. Теперь же все не то; это я тебе говорю не только вследствие этого одного письма. В одно время и даже после он написал несколько писем к разным лицам, и все они полны искреннего простого признания своих заблуждений и смирения неподдельного. Вообрази же себе его положение, когда он, поверивши всем упрекам и взглянувши беспристрастно на себя, увидел во многом, как истинны эти упреки и какую он сделал ошибку, напечатавши эту книгу. Вот его слова в одном письме: “Конечно, я никому не мог дать такой оплеухи, как самому себе, напечатанием этой книги”; и в другом месте: “что ж делать, если уже мы так устроены, что не увидим своих недостатков, пока не укажут нам на них другие”. Видно, что ему горько, глубоко больно слышать такие упреки и чувствовать, что неправ, что сам обольстил себя; некоторые же упреки, которые он получает, столько оскорбительны, напр<имер>, упреки в Тартюфстве, в двуличности, в обмане. — Он также почувствовал, как он оскорбил Погодина, и писал к нему самое нежное письмо. — К Смирновой он пишет что непременно напечатает второй том М<ертвых> Д<уш>. Он только умоляет всех писать к

нему все мнения, и свои и чужие, о нем и о его книге; говорит, что это ему необходимо нужно. [Он теперь уверен в душе своей] Его письма так искренни и просты, — он и оправдывает себя по-своему, и, разумеется, многие места отзываются его странными взглядами, от которых не может же он отказаться вдруг, это было бы неестественно, но он им уже не доверяет слепо» (РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ От 6 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

² Имеются в виду письма М. П. Погодину и к С. П. Шевыреву от 4 марта (н. ст.) 1847 г., к С. П. Шевыреву от 10 марта (н. ст.) и к князю В. В. Львову от 20 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

³ Ср. в письме Гоголя к С. П. Шевыреву от 10 марта (н. ст.) 1847 г.: «...книгой моей я дал себе самому гораздо сильнейшую оплеуху, нежели друзьям моим».

⁴ Ср. в письме Гоголя к С. П. Шевыреву от 4 марта (н. ст.) 1847 г.: «...целой половины наших грехов мы не видим, а потому и нужно, чтобы другие нам помогали, указывая их *вполне*»; к С. Т. Аксакову от 6 марта (н. ст.) 1847 г.: «Мы уже так странно устроены, что по тех пор не увидим ничего в себе, откуда другие не наведут нас на это».

⁵ Ср. строки письма Д. Н. Свербеева от 16 января 1847 г., отправленного Гоголю С. Т. Аксаковым 27 января 1847 г.: «...поразил меня отчаянный смельчак, который — видно, сердит он был на Гоголя за Ноздрева — во всеуслышание объявил, что автор писем отныне должен называться не Николаем, а Тартюфом Васильевичем». В письме к С. П. Шевыреву от 4 марта (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал: «Разве и теперь не называют меня даже близкие мне люди лицемером, Тартюфом, двуличным человеком...»

⁶ От 4 марта (н. ст.) 1847 г.

⁷ В письме от 22 февраля (н. ст.) 1847 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

Среда. 16 апреля 1847.

<...> Вчера только нам возвратилось письмо Гоголя¹ и потому я не успела переписать тебе его. Я уверена, что ты убедишься в искренности его, когда прочтешь эти письма. Я желала бы тебе переслать их все, но это довольно затруднительно будет сделать. — Это не есть перемена его направления нисколько, но признание своих заблуждений, признание своей гордости, самоослепления. Он сам говорит в одном письме очень искренно: «Люди, с которыми я ныне нахожусь в сношениях, не шутя уверены в моем совершенстве; где же было мне найти голос осуждения. — Нет, не даст мне Бог впасть в ту прелесть, в которую предполагают меня впадшим»². Ему самому страшно стало за себя, потому что он увидал, ему указали ту пропасть, над которой он стоял, не замечая этого. — Он просто жил в каком-то чаду самоослепления и религиозного мудрствования, пять лет жизни отвлеченной, в сношениях только с людьми, поклоняющимися ему, людьми пустыми или странными, и которым он мог без возражения проповедовать все то, что потом напечатал, а главное, то болезненное нервное ипохондрическое состояние, которое особенно в последнее время доходило у него до крайности, все это вместе довело его до того состояния духовного, которое выказалось в его книге; тут, конечно, в этом смысле неуспех его книги мог на него подействовать, он ожидал толков, но более местных, а возможность таких суждений, и особенно от таких людей, и не представлялась, вероятно, его воображению. Такие суждения заставили его усомниться в своей непогрешимости, а это сомнение уже было возвращение к более здравому взгляду на себя, то и увидал, разумеется, еще не во всем, но во многом, по крайней мере, свои ошибки, свои заблуждения. — В одном письме³ своем говорит он (он не видал <еще> своей книги в печати): «Одно помышление о том, с каким неприличием и самоуверенностью сказано в ней многое, заставляет меня гореть от стыда». — И потом, дальше: «стыд этот мне нужен». — Ты видишь, что изменилось не столько его направление, сколько его безусловная вера в себя, а это уже клич ко многому. — Удивляюсь, мой милый друг, как ты защищаешь письмо к женщине в свете. Но так как видно, что мы не сойдемся в этом взгляде, то я и ос-

твляю спор. Что и говорить, что там могут быть прекрасные места. Что касается до Павлова, то как ни умна его статья⁴, как ни хорошо и ни ловко высказаны многие места, но она производит неприятное впечатление, а особенно статья вторая, в которой тон просто противен, так все бездушно, так все выработано, так слышна радость нанести удар великому таланту, — и это впечатление общее.

Впервые частично опубликовано: *Машинский С. И.* С. Т. Аксаков. М., 1973. С. 294; см. также: *Анненкова Е. И.* Аксаковы. СПб., 1998. С. 328–329. Печатается по автографу: *ИРЛИ.* Ф. 10.617. Л. 38 об.–40.

В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской имеется следующая выписка из настоящего письма: «16 апреля... Гоголь сам говорит в одном письме: “Люди, с которыми я ныне нахожусь в сношениях, не шутя уверены в моем совершенстве; где же было мне найти голос осуждения. — Нет, не даст мне Бог упасть в ту прелесть, в которую предполагают меня впадшим” — В другом письме своем говорит он (он не видал еще своей книги в печати): “одно помышление о том, с каким неприличием и самоуверенностью сказано в ней многое, заставляет меня гореть от стыда”. — И потом дальше: “стыд этот мне нужен”... — Ты видишь, что изменилось не столько его направление, сколько его безусловная вера в себя. — Ему самому стало страшно за себя. —

...Статья Павлова, несмотря на то что умно и ловко написана, особенно местами, производит неприятное впечатление, особенно статья вторая, в которой тон просто противен, так все бездушно, так все выработано, так слышна радость нанести удар великому таланту, — и это впечатление общее по прочтении этих статей» (*РГБ.* Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ От 6 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

² Из письма к князю В. В. Львову от 20 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

³ В письме к князю В. В. Львову от 20 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

⁴ См. в наст. изд. коммент. к письму В. С. Аксаковой М. Г. Карташевской от 7 марта 1847 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

29 апреля <1847>.

<...> Мы не слышали о напечатании книги Гоголя в 20 т<ысяч> экземпляров, и мне это кажется что-то невероятно. — Наши знакомые Хомяковы поедут через неделю за границу и увидятся, вероятно, там с Гоголем. <...>

Публикуется впервые по автографу: *ИРЛИ.* Ф. 10.617. Л. 44–44 об.

В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской имеется следующая выписка из настоящего письма: «29 апреля. Мы не слышали о напечатании книги Гоголя в 20 т<ысяч> экземпляров, и мне это кажется что-то невероятно. Хомяковы едут за границу и увидятся, вероятно, там с Гоголем» (*РГБ.* Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

22 июля 1847. <Абрамцево>.

<...> Неделю тому назад отесенька получил письмо от Гоголя¹, <заключающее в себе>¹ горькую жалобу на недоверие к нему и т. д. по случаю некоторых слов, переданных, разумеется, в ложном виде и с ложным истолкованием, вероятно, А<лександрой> Оси<повной> Смирновой, потому что она говорила Ивану, рассердившись (и не понявши их) на отзвывы отесенькины о Книге Гоголя, что она откроет Гоголю глаза² и т. д. Отесенька отвечает ему³ со всею

¹ Слова в автографе пропущены.

искренностью, но Гоголь, точно, <вызывает>¹ жалость, хотя и сам виноват большею частью; все не соберусь прислать тебе его письма. <...>

Публикуется впервые по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 10.617. Л. 72 об.

В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской имеется следующая выписка из настоящего письма: «22 июля. Неделю тому назад получено письмо от Гоголя, заключающее в себе горькую жалобу на недоверие к нему и т. д. по случаю некоторых слов, переданных, разумеется, в ложном виде и с ложным истолкованием, вероятно, А. О. Смирновой, потому что она говорила Ивану, рассердившись (и не понявши их) на отзывы отесенькины о Книге Гоголя, что она откроет Гоголю глаза и т. д.» (*РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ От 10 июля (н. ст.) 1847 г. из Франкфурта.

² См. в наст. изд. письмо И. С. Аксакова к родным от 15 февраля 1847 г. из Калуги.

³ В письме, отправленном 26 июля 1847 г. из Абрамцево.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<7–8 августа 1847. Москва>

Москва. 1847. 7 [июля] августа.

<...> Мы в Москве с субботы¹ утра... <...> Может быть, это письмо застанет уже Яшу² у вас, я думаю, какая вам радость свидеться после годовой разлуки. Что Яша должен был видеть Гоголя, я знала прежде тебя, потому что знаю, что Гоголь в Остенде, но что же ты мне не пишешь подробности их свидания, как Яша его нашел и т. д. Пожалуйста, рас<с>проси его и напиши, человек посторонний видит иногда яснее. Как приеду в деревню, пришлю тебе письма Гоголя, все никак не удается. <...>

Пятница, 8 [июля] августа.

Мы остались до сегодняшнего вечера в Москве... <...> Одни наши знакомые, именно Свербеевы, вчера приехали в Москву также на время, вчера сын зашел к нам... <...> Хотелось бы видеть с его матерью, не знаю удастся ли, она получила письма от Хомяковой, которая, говорит, в восхищении от своей поездки, особенно от приему ее мужу в Праге, Хомяков написал маленькие стихи даже, в благодарность, впрочем, незначительные³. Они виделись также с Гоголем, но подробностей не знаю. <...>

Публикуется впервые по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 10.617. Л. 75, 78 об.

В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской имеется следующая выписка из настоящего письма: «7 августа. Хомяковы виделись за границей с Гоголем, но подробностей не знаю» (*РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ С 2 августа 1847 г.

² Я. Г. Карташевского.

³ В 1847 г. А. С. Хомяков был в Праге, где 19 июня сделал надпись в альбом В. Ганки, а 20 июня написал стихотворение о славянском единстве «Не гордись перед Белградом...». Памятником посещения Праги стало также стихотворение А. С. Хомякова 1847 г. «Беззвездная полночь дышала прохладой...», где он описывает видение, как в храме на Петчине — «Молитва славянская громко звучала / В напевах знакомых минувшим векам / И в старой одежде святого Кирилла / Епископ на Петчин всходил / И следом валила народная сила, / И воздух был полон куреньем кадил. / И клир, воспевая небесную славу, / Звал милость Господню на Западный край...»

¹ Слово в автографе пропущено.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

1847. 7 сентября.

<...> Дяд<енька>¹ расскажет тебе про письмо Гоголя²; оно таково, что я не желала бы, чтоб ты его прочла, оно бы тебя слишком возмутило³. После этого, разумеется, не стоит к нему писать⁴. Бог с ним. <...> — Я думаю, что теперь наши сношения с ним прекратятся.

Публикуется впервые по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 10.617. Л. 85.

В сборнике авторских копий писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской имеется следующая выписка из настоящего письма: «7 сентября. Дяденька расскажет тебе про письмо Гоголя; оно таково, что я не желала бы, чтоб ты его прочла, оно бы тебе было слишком неприятно. — Я думаю, что теперь наши сношения с ним прекратятся» (*РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10).

¹ А. Т. Аксаков.

² От 28 августа (н. ст.) 1847 г. из Остенде.

³ В письме Гоголь, в частности, обращался к С. Т. Аксакову: «Друг мой! не будьте <...> самоуверенны в непреложности своих заключений. Повторяю вам вновь: по частям разбирая мою книгу, вы можете быть правы, но произнести так решительно окончательный суд моей книге, как вы произносите, это гордость в уме своем. Мне показалось даже, как бы в устах ваших раздалась не ваша, а какие-то юношеские речи, как бы в этом месте вашего письма сказал, несколько надеясь на себя, Константин Сергеевич, а не вы. В них отзывается такой смысл: “Твоя голова не здрава, а моя здрава; я вижу ясно вещь и потому могу судить о тебе”. Друг мой, теперь такое время, что вряд ли у кого из нас здрава, как следует, голова. Глядеть на меня, как на блудного сына, и ожидать моего возвращения на путь истинный может только тот, кто сам стоит уже на этом истинном пути. А это один только Бог ведает, кто из нас на каком именно месте стоит. Лучше всем нам иметь больше смирения и меньше уверенности в непреложной истине и верности своего взгляда».

С. П. Шевырев 4/16 октября 1847 г. извещал Гоголя по поводу его письма: «Письмо к С. Т. Аксакову я доставил, прочитавши сам, и сожалел о том, что не остановил его, хотя ты мне и не давал на то права. <...> Письмо твое огорчило Ольгу Семеновну, которая не хотела было даже его и показывать Сергею Тимофеевичу. <...> Мне тут показались две вещи жесткими. Они считали тебя всегда другом семейства. Ты же начинаешь с того, что как будто бы отрекаешься от этой дружбы и потому даешь себе право быть с ними неискренним. Далее, говоря о Константине, ты несколько раз повторяешь “с любезнейшим вашим сыном”; мне показалось это выражение и повторение проистекающим не из того чувства, которое, как мне кажется, ты питал всегда к их семейству...»

⁴ 18 декабря (н. ст.) 1847 г. Гоголь, будучи в Неаполе, написал С. Т. Аксакову еще одно письмо, затем — во второй половине апреля (после 16 числа) 1848 г., по возвращении Гоголя в Россию, — последовала «простая записочка» из Одессы (получена С. Т. Аксаковым 4 мая; не сохранилась). На последнее обращение Гоголю отвечали К. С. Аксаков (между 11–20 числами мая 1848 г.) и С. Т. Аксаков (21 мая). Последний объяснял задержку с ответом случившейся с ним (с 6 мая 1848 г.) болезнью.

В. С. Аксакова

<Заметка о Гоголе 1847 г.>

О Гоголе я только по инстинкту догадываюсь, что он падает ниже в таланте; но приезжий¹, необыкновенного ума человек, сказывал мне на этих днях, что он решительно поглупел, по крайней мере талант его убит мистическим расположением, в которое он впал сообществом Г<-на> Толстого², человека весьма ограниченного, и, вероятно, Жуковского, которого сентиментальность тоже не ведет ни к чему великому. Эту горькую...¹

¹ Окончание рукописи не сохранилось.

Публикуется впервые по автографу: *РГАЛИ*. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 1. Запись [Аксаковой Веры Сергеевны] о Гоголе Николае Васильевиче: «О Гоголе я только по инстинкту догадываюсь...» Рукопись. [1847] 1 л.

Заметка, возможно, представляет собой отрывок несохранившегося письма В. С. Аксаковой к М. Г. Каргашевской.

¹ Возможно, имеется в виду В. П. Боткин. См. в наст. изд. письмо О. Сем. Аксаковой к сыну Ивану от 16 января 1847 г. и письмо В. П. Боткина к П. В. Анненкову от 28 февраля 1847 г.

² Разделяемое членами семьи Аксаковых представление о том, будто на формирование «мистического расположения» Гоголя оказал влияние граф А. П. Толстой, ошибочно. См. в наст. изд. коммент. к статье И. Родионова «Воспоминания В. А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848—1852 гг.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

14 июня <1848>.

Не помню, писала ли я тебе, что Гоголь уже в Малороссии и в августе собирается в Москву; Константин писал ему откровенное письмо¹, — как-то он его примет².

Впервые опубликовано, по авторской копии, Н. М. Павловым в изд.: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 184. Печатается по указанной копии: *РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9—10.

¹ Между 11—20 числами мая 1848 г.

² Гоголь ответил К. С. Аксакову 3 июня 1848 г. из Васильевки.

В. С. Аксакова — С. Т. Аксакову

<11 сентября 1848. Москва>

<...> После обеда пришел Мамонов и нарисовал Гоголя удивительно похоже, без всякой карикатуры¹. Тут вскоре явился и сам Гоголь с сожалением и извинением, что не мог к Вам ехать: он завтра уже едет в Петербург, а в первых числах октября воротится с тем, чтобы провести зиму в Москве. Маменька сказала ему: «Я предчувствовала, что вы не соберетесь ехать к нам в деревню». «Да я и сам это издали предчувствовал, когда обещал Константину Сергеевичу, к тому же не знал, что 60 верст». В этот раз он был как-то развязнее, веселее и опять стал в прежние отношения. Расспрашивал об вас; попросил дать ему стихи Ивана, чтоб прочесть хоть две странички; прочел и чрезвычайно хвалил. Говорит, что все дары ему даны, прекрасный стих, тонкая наблюдательность и т. д., теперь будет только зависеть от него, как он воспользуется жизнью — он так умеет *заподмечать* природу. Заметил только, что не слишком ли Иван увлекается картинками и не слишком ли много они возьмут места в ущерб самому бродяге². Впрочем, прибавил, что не может судить, потому что не прочел всего сряду.— Говорил о статьях Константина, хвалил очень и слог драмы и статьи, — особенно маленькую³. Об Вашей же книжке он говорил и прежде, что хотя он и совсем не интересуется предметом, но прочел ее всю от доски до доски с большим удовольствием⁴. Он теперь у Погодина, в той самой комнате, которую занимал и прежде, и говорит, что увидал ее с такой радостью, точно как будто воротился на родину; что непременно бы остался и на зиму там, если б она была не холодна. Мамонов посмотрел на него и хочет нарисовать его еще, только повеселее. <...>

Сегодня утром <...>, только что маменька напилась чаю, въезжает колясочка и является Гоголь. Он забыл накануне передать нам поручение от сестры его, Лизы (заказать ей платье). Опять повторил, как жалеет, что не попал к Вам, что он надеется, что Вы поймете, что ему нельзя было, и что Вы помириться. От нас поехал к Свербеевой. Не знаю, приняла ли она его, потому что это было рано.— Вот как подробно все Вам написала. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 706. Печатается по первой публикации.

¹ Эммануил Александрович Дмитриев-Мамонов (1823–1883), художник.

² «Бродяга» — незаконченная поэма И. С. Аксакова.

³ Речь идет о драме К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году», а также о трех его критических статьях в «Московском литературном и ученом сборнике» на 1847 г.

⁴ Книга С. Т. Аксакова «Записки об уженье рыбы».

В. С. Аксакова — И. С. Аксакову

<Сентябрь (после 11-го числа) 1848. Москва>

Вчера во время чтения Гомера раздастся неожиданно для нас голос Елены Антоновны, потом пришел дядя¹ и Гоголь.— Сегодня опять помешали нам докончить последнюю главу «Илиады». Теперь отесенька играет в карты наверху с Загоскиным, Томашевским и дядей. — Гоголь был так доволен описанием болота²; говорит, вообще нельзя ни вставить, ни выпустить ни одного слова. <...> Николай Васильевич едет в Петербург послезавтра.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 707; см. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 204. Печатается по первой публикации.

¹ А. Т. Аксаков.

² Имеется в виду глава из книги С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

30 сентября <1848. Москва>.

Гоголь теперь в Петерб<урге>. Он был в Москве, мы его видели, он мало наружно переменялся, но кажется как будто не тот Гоголь. Константин в минуту свидания забыл все и задушил было его обнимая. — Я было поручила Гоголю узнать о тебе, но не знаю наверное адрес. (Гоголь был у Карта<шевских>)¹.

Впервые частично опубликовано, по авторской копии, Н. М. Павловым в изд.: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 184. См. также: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 708; Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем /

¹ (Гоголь был у Карта<шевских>) *прписка В. С. Аксаковой.*

Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 196. Печатается по указанной копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

13 октября <1848. Москва>.

<...> Ты меня спрашиваешь о Гоголе, Иван тебе может передать подробно наше свидание. Примирение произошло еще на письмах; все ему обрадовались [чрезвычайно], и отношения остались по-прежнему дружеские, но [мне все] казалось, что это не тот Гоголь. <...>

Впервые опубликовано, по авторской копии, Н. М. Павловым в изд.: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 184. См. также: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 708; Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 196. Печатается по указанной копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

В. С. Аксакова — И. С. Аксакову

16 октября 1848. Москва.

<...> Если ты еще не очень скоро можешь возвратиться, то перешли твоего «Бродягу». Гоголь просит прочесть. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 708. Печатается по первой публикации.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

29 ноября <1848. Москва>.

Гоголь [бывает] у нас по-прежнему, бывает также часто; он веселее и разговорчивее, нежели был прежде; говорит откровенно и о своей книге, и вообще стал проще, как все находят. — Он твердо намерен продолжать М<ертвые> Д<уши>.

Впервые опубликовано, по авторской копии, Н. М. Павловым в изд.: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 184. См. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 197. Печатается по указанной копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

22 декабря <1848. Москва>.

Сегодня обедает у нас Гоголь и другие.

Впервые опубликовано, по авторской копии, Н. М. Павловым в изд.: История моего знакомства с Гоголем со вклю-

чением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 184. Печатается по указанной копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

В. С. Аксакова — И. С. Аксакову

11 июля 1849 г.

<...> Гоголь, которому сообщили мы некоторые известия об Ярославской губернии¹, говорит, что для него в ней мало будет интересного. Он уехал уже теперь в Калугу. Ал<ександра> Осип<овна>² была здесь... <...> Хомяков возмутился очень твоими известиями о народе, о перемене платья и очень убедительно советует тебе воспользоваться возможностью подать об этом отчет. <...>

Впервые опубликовано: Материалы по истории русской литературы и культуры. И. С. Аксаков в Ярославле. По неизданным письмам к нему С. Т. Аксакова и его семьи. Сообщил А. А. Дунин // Русская Мысль. 1915. № 8. С. 111. Печатается по первой публикации.

¹ Речь идет о наблюдениях И. С. Аксакова о положении раскольников в Ярославской губернии.

² Смирнова.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

20 августа 1849. Абр<амцево>. Суббота.

У нас всю эту неделю гости. В прошлую пятницу¹ приехал Самарин проститься; он едет служить в Симб<ирск>. Он пробыл у нас до воскресенья² утром, только что он уехал, приехал в тот же день Гоголь, который прожил у нас до сегодняшнего дня. Только что Гоголь с отесенькой и Константином (они поехали все вместе к новому нашему соседу Путяте³, который приезжал к нам с визитом и у которого ждал Гоголя Климент Россет, для того, чтоб вместе ехать в Москву) выехали из ворот, как в другие ворота въехал Хомяков. Мы воротили наших, Гоголь уехал один⁴, а Хомяков едет завтра; вероятно, и Константин с ним поедет в Москву. Погода ужасная, дожди непрерывные. — Гоголь обыкновенно все дообеденное время проводил у себя наверху и, по всему вероятно, писал. После же обеда все время почти проходило в чтении старинных русских писателей; читали много прекрасных переводов Мерзлякова с греческого Гомера, и других⁵, и вместе с Гоголем все восхищались.

Впервые опубликовано, по авторской копии в изд.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 717. Печатается по указанной копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ 12 августа 1849 г.

² 14 августа 1849 г.

³ Н. В. Путята.

⁴ См. также в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к сыну Ивану от 22 августа 1849 г.

⁵ См. в наст. изд. коммент. к письму С. Т. и В. С. Аксаковых к И. С. Аксакову от 15 августа 1849 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

29 августа <1849. Абрамцево>.

Получила ли ты мой образок, что делать, живопись нехороша¹. — Наместник Троицы¹ благословил Гоголя образком, [которого] и живопись, и отделка прекрасная, но такого нельзя найти.

Не могу умолчать перед тобой о том, что нас так порадовало, но это великий секрет. 19 числа Гоголь читал нам первую главу второго тома М<ертвых> Д<уш>, и, слава Богу, это так хорошо, даже выше и глубже первой части, по общему приговору. Ты можешь себе представить, как мы были обрадованы. — В этот день 19 числа Гоголь с утра собирался съездить к Троице, но [все] то решался, то опять откладывал, в этом прошло все утро, наконец подали завтракать. Дождь лил частый^{II}, проливной — уже несколько дней воздух был как белая пелена, [но] у Гоголя было сильное желание съездить к Троице, но на него напало одно из тех состояний нерешительности, которое не раз его мучило и^{III}, по его собственным словам, часто^{IV} расстраивало его здоровье. — Велено было заложить карету, сели завтракать, но и тут продолжалось все нерешение ехать или не ехать, Гоголь обращался ко всем с своими сомнениями, он желал, чтоб кто-нибудь его решил, достаточно было одного слова, чтоб его заставить поступить так или иначе. Я сама недавно была у Троицы в первый раз после своей болезни, мне казалось странным, что Гоголь, будучи так близко Троицы после стольких дальних и долгих странствований, после сильной болезни, не съездит помолиться у Мошей Преп<одобного> Сергия, и я ему сказала^V: «Конечно, погода дурна, но мне б хотелось, чтоб вы съездили». — «А если хочется, то надобно ехать», — сказал Г<оголь>. Сел и поехал. — Дождь лил весь день, дорога была ужасная. Гоголь воротился только в 8 часов вечера, когда мы все сидели за нашим круглым столом в гостиной^{VI}, занятые работой и чтением. Мы уже начали жалеть, что^{VII} отпустили его^{VIII}. Он подошел к нам, поздоровался со всеми, Маменька ему сказала: «Я сердилась на В<еру>, что она вас решила ехать». — «Напротив я очень благодарен», — отвечал он. — Он рассказывал про свою поездку, потом пошли пить чай, он показал нам образок, которым благословил его Наместник. У Троицы Гоголь виделся с от<цом> Феодором², бакалавром^{IX}, который писал ему чрезвычайно умные и замечательные, по словам Гоголя^X, заметки на его Книгу³. После чаю мы воротились в гостиную. Константин уже дремал, Гоголь его подталкивал, будил и сказал: «Прочтемте что-нибудь, хоть бы Мертв<ые> Души». Конста<нтин> сказал: «Очень рад, сейчас принесу» (он и мы все думали, что Гоголь говорил о первом томе М<ертвых> Д<уш>)^{XI}, встал и хотел было уже идти вверх за книгой, но Гоголь сказал: «Да уж лучше я сам вам прочту...» и вытащил из кармана тетрадь, мы — обомлели, едва переводили дыхание от ожидания. Гоголь начал читать первую главу второго тома М<ертвых> Д<уш> — первые минуты прошли еще в смутном состоянии^{XII} и ра-

^I что делать, живопись нехороша *вписано*.

^{II} частый *вписано*.

^{III} не раз его мучило и *вписано*.

^{IV} часто *вписано вместо*: могло

^V *Далее было*: как бы

^{VI} в гостиной *вписано вместо*: было всякой

^{VII} *Далее было*: решили его

^{VIII} Мы уже начали жалеть, что [решили его] отпустили его *вписано*. *Далее было вписано*: Наконец он приехал.

^{IX} бакалавром *вписано*. *К этому слову на полях вписана сноска*: От<ец> Феод<ор> [писал Г<оголю>] не был прежде знаком с Г<оголем>, но по прочтении его книги писал ему за границу.

^X чрезвычайно умные и замечательные, по словам Гоголя *вписано*.

^{XI} сказал: «Очень рад - о первом томе М<ертвых> Д<уш>» *вписано*.

^{XII} состоянии *вписано вместо*: <1 нрзб.>

дости, и опасения¹, что то, что услышим, не будет иметь достоинства прежних сочинений Гоголя. Но вскоре мы убедились¹¹, что опасения наши были напрасны. Слава Богу, Гоголь все тот же, и еще выше и глубже во втором томе.

Впервые опубликовано, с купюрами, по авторской копии в изд.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 717. Опущенный фрагмент впервые опубликован: Долгополова С. А. Гоголевская комната в Мурановском доме (О роли предания в усадебной жизни) // Н. В. Гоголь и мировая культура: Вторые Гоголевские чтения: Сборник докл. М., 2003. С. 209–210. Печатается по указанной копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10. Л. 18 об.–19 об.

¹ Наместник Троице-Сергиевой Лавры преподобный Антоний (Медведев) (см. о нем в наст. изд. третий фрагмент второго раздела <Воспоминаний о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> и коммент. к этому фрагменту).

² Архимандрит Феодор (Бухарев, 1822–1871), профессор Московской Духовной академии (с 1852 г.), окончил жизнь мирянином, подав в Святейший Синод прошение о сложении духовного и монашеского сана (1862), которое было удовлетворено.

³ Свои размышления о «Выбранных местах из переписки с друзьями» и «Мертвых душах» архимандрит Феодор изложил в книге «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году» (СПб., 1861). См. в наст. изд. фрагменты из этой книги.

В. С. Аксакова — И. С. Аксакову

<17 января 1850. Москва>

Вчера Гоголь спрашивал о тебе и улыбался, когда мы говорили, что ты уехал, полный впечатления после чтения его, и сказал про тебя: «У него всегда есть средства примирить себя, он поэт». Наденька пела малороссийские песни (Максимович прислал). Он слушал с удовольствием.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 725. Печатается по первой публикации.

В издании 1994 г. указывается, что настоящая записка написана не В. С. Аксаковой, а является припиской К. С. Аксакова к письму матери (см.: Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 518).

См. также в наст. изд. письмо Н. С. Аксаковой к И. С. Аксакову от 16 января 1850 г.

В. С. Аксакова — И. С. Аксакову

<Около 1 февраля 1850. Москва>

<...> Вчера получили вдруг два письма от тебя, милый друг и брат Иван: одно прежнее, от Троицы, и другое по почте. Перевод твой¹ прекрасен, всем нравится. Гоголь очень хвалит, желает только, чтоб ты не сочувствовал этому расположению духа. <...>

У нас часто поются малороссийские песни. Гоголь почти всякий раз просит Наденьку петь, а Максимович даже вместе поет и учит. Любопытно видеть, какое сильное производят на них впечатление родные звуки. Они совершенно забываются, притопывают ногами, и будь одни, непременно, кажется, заплясали <бы>. Недоставало еще Бодянского. В воскресенье все опять

¹ опасения *вписано вместо*: страха

¹¹ мы убедились *вписано вместо*: <З нрзб.>

соберутся на вареники и песни. Наденька очень мило поет. Максимович приносил списки малороссийских чудесных песен. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 725–726. Печатается по первой публикации.

¹ Речь идет о стихотворении И. С. Аксакова «Клеймо домашнего позора...», названном им из цензурных соображений «переводом с санскритского»:

Клеймо домашнего позора
Мы носим, славные извне;
В могучем крае нет отпора,
В просторном царстве нет простора,
В родимой душно стороне!
Ее, в своем безумье яром,
Гнетут усердные рабы!..
А мы глядим, слабеем жаром
И с каждым днем сдаемся даром,
В бесплодность веруя борьбы!
И слово правды оробело,
И реже шопот смелых дум,
И сердце в нас одебелело;
Порывов нет; в забвенье дело;
Спугнули мысль, стал празден ум!

(Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 277–278).

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

3 февраля <1850. Москва>.

Гоголь крестил на днях у Хомякова сына Николая.

Публикуется впервые по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

В. С. Аксакова — И. С. Аксакову

<15–16 февраля 1850. Москва>

Это письмо пойдет с Татариновым¹, который вместе с тем привезет тебе и живую грамоту об нас. Очень не глупый и знающий человек, но пресмешной. В последний раз он у нас обедал нечаянно с Гоголем и Максимовичем. Гоголя он видел в первый раз.

Получено письмо от Смирновой. Неизвестно кем прислано; его должен был привезть Афросимов, но он не явился, и никто не знает, где он. — Из письма ее видно, что она au courant de tout ce qui se fait chez nous². Так как Гоголь не писал ей с ноября и не получал от нее до сих пор ответа, то, всего вероятнее, что все сведения об нас она получает через тебя, в чем, разумеется, ничего нет дурного, но только я знаю, что она также очень сообщительного характера, и потому я тебя предупреждаю, чтоб ты был осторожен в некоторых случаях, особенно что касается до Гоголя; она как раз ему передаст все, а он не любит толков об себе. Мне это пришло в голову по поводу малороссийских песен. Гоголь, в самом деле, с таким увлечением, с таким внутренним сочувствием поет их, разумеется, не умея петь, но для того только, чтоб передать напев и характер пес-

ни, что в эту минуту весь проникается своей народностью и выражает ее всеми средствами — и жестами, и голосом, и лицом, а Максимович перед ним стоит и также забывает все вокруг себя, поет и топчет ногами и разводит руками, но только выражая нежную сторону Малороссии. Бодянский же было припрыгнул с самого начала пения, но потом сконфузился и держал себя смиренно, но тоже пел; все трое вспоминали прежние песни, а маменька клала их на ноты³. По воскресеньям устроились вареники и песни; просят позвать Мамонова для пения и еще для составления рисунков для азбуки (он уже обещал), которую Максимович хочет издать. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 726–727. Печатается по первой публикации.

См. в наст. изд. ответное письмо И. С. Аксакова от 20 февраля 1850 г. из Ярославля.

¹ Василий Иванович Татаринов, профессор Ярославского лицея.

² в курсе всех наших дел (*фр.*).

³ См. также в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к И. С. Аксакову от 20 марта 1850 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

20 февраля <1850>. Суббота¹.

Наденька поет своим приятным небольшим¹ голоском Малор<осийские> песни и доставляет большое удовольствие Гоголю. Он недавно принес целую книгу разных песен малор<осийских> и русских.

Публикуется впервые по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ 20 февраля 1850 г. был понедельник.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Понедельник. <27 февраля 1850>.

Вчера у нас опять были разные песни, я впрочем слушала их с отесенькой сверху.

Публикуется впервые по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

10 марта <1850>.

Смирнова была у нас вечером 1^{-го} марта. Я удивилась перемене, которую нашла в ней, она так похудела и постарела. — Кажется, у них с Гоголем не просто Христианское направление, а несколько религиозно-мистическое. — Гоголь при ней счастлив, у них свой мир, свои особенные интересы.

Публикуется впервые по авторской копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ небольшим *вписано вместо*: маленьким

В. С. Аксакова — И. С. Аксакову

<10 марта 1850. Москва>

Гоголь при ней <А. О. Смирновой> совершенно счастлив, она его очень любит, у них есть свой особый мир, так сказать, в котором у них совершенно одинакие взгляды, понятия, впечатления, язык. Гоголь очень мало сообщает другим из него, потому что видит разность взглядов, но Александра Осиповна менее осторожна и несколько раз проговаривалась. Например, она говорила Константину: «Сдайтесь, обратитесь к нашим началам». Гоголь спросил ее, к каким началам. Она ему на ухо что-то пошептала — разумеется, что мир религиозный, мистический, который очень опасен для всех, особенно для Гоголя. Конечно, его книга была плодом этого направления. Видно, что для Александры Осиповны не осталось никаких других интересов в жизни, по крайней мере умственной. Гоголь хотел обратить внимание ее на малороссийские песни, на их содержание, просил Наденьку спеть, но Александра Осиповна почти не слушала, говоря, что народная музыка для нее не имеет никакой цены, что она понимает только музыку Бетховена и пр., что малороссийские песни потому ей больше русских нравятся, что напоминают ей ее детство и т. д. Константин и тут рассердился.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 730; см. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 206. Печатается по первой публикации.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

25 мая <1850. Москва>.

У нас опять были Малор<оссийские> песни, были Малороссы. Маш<енька> Княжевич¹ была в то время у нас. Гоголь, который не видал ее 9 лет, удивился и сказал, что она даже помолодела с тех пор.

25 мая.

Гоголь уезжает опять надолго; зиму ему необходимо провести в теплом климате, он опять расстроился здоровьем. Он читал отесеньке еще третью главу, и отесенька и Константин никогда еще не были, кажется, в таком восхищении.

Впервые опубликовано по авторской копии в изд.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 732. См. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 206. Печатается по указанной копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ М. Д. Княжевич, дочь Д. М. Княжевича.

В. С. Аксакова — И. С. Аксакову

<Июнь (до 13-го числа) 1850. Москва>

<...> Первый <Н. В. Гоголь> едет на год, другой <М. А. Максимович> возвратится к зиме¹. Они заедут и к Смирновой, и к Елагиным.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 734. Печатается по первой публикации.

¹ Гоголь с Максимовичем выехали на юг 13 июня 1850 г.

В. С. Аксакова — И. С. Аксакову

<21 ноября 1850. Москва>

Гоголь остался в Одессе на зиму — опоздал с паспортом. По письму видно, что он пишет, а здесь уже носится слух, что он писал цензору о своем сочинении.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 734. Печатается по первой публикации.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

24 мая <1851. Москва>.

Вчера получил отесенька письмецо от Гоголя из Малороссии¹ уже на возвратном пути в Москву, на днях он должен быть здесь, чему мы очень рады, надеемся, что не с пустыми руками он явится.

<Позднейшая приписка>

Гоголь вскоре приехал, отесенька уже был в деревне, куда и мы с Карташ<евскими> скоро переехали, при них приезжал и Гоголь и вместе с нами и Карт<ашевскими> вернулся в город¹.

Позднейшая приписка В. С. Аксаковой к наст. письму впервые опубликована: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 277. Письмо публикуется впервые, по авторской копии: *РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.*

¹ От 14 мая 1851 г. из Васильевки.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<18–19 июня 1851. Москва>

18 июня 1851. Вторник. Москва.

<...> Маменька <...> воротилась только в 7 часов. Мы с Наденькой обедали прежде, приходил Гоголь на минуту, хотел придти вечером. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 736. Печатается по автографу: *ИРЛИ. Ф. 10.618. Л. 28 об.–29.*

¹ Гоголь вскоре приехал - вернулся в город. *вписано на полях.*

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

Суббота. 23 июня 1851. Москва.

<...> Сегодня поутру явился Саша¹ пешком¹. Он ночевал на дороге. Он принес письмецо от наших. Они собираются приехать завтра^{II}, а маменька пишет^{III}, что, может быть, до вторника^{IV} 2 останутся в деревне. Это очень жаль, особенно потому, что Гоголь, который сегодня вечером приходил узнать, приехали ли они, очень жалеет, что, может быть, уедет, не повидавшись с ними. Кажется, он имел намерение прочесть им что-нибудь свое. Гоголь сейчас мне сообщил новость, что Лиза, сестра его, *вздумала* идти замуж, но, видно, это еще у них не объявлено, потому что советовал мне к ней не писать, покуда не получу от нее письма. Не умел или не хотел сказать, за кого именно. Очень рада тому, если она этого желает. Впрочем, конечно, ее никто принуждать не будет. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 735. Печатается по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 10.618. Л. 36–36 об., с добавлениями (под строкой) по авторской копии: *РГБ*. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ Александр Николаевич Аксаков, племянник С. Т. Аксакова.

² До 26 июня 1851 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

Вторник <26 июня 1851. Москва>.

До сих пор не успела поговорить с тобой, у нас теперь везде движение, шум, говор. В воскресенье^I, в ожидании наших, я сидела у окна. Слышу, что кто-то напевает Малор<оссийскую> песню<ю>, это был Гоголь, он приходил осведомляться, приехали ли все из деревни; мы переговорили с ним в окно, он ушел, прося дать знать, когда приедут. — Через полчаса после того показались три экипажа, это были все наши. (В этот день, впрочем, Гоголю не давали знать, потому что нашли, что уже было поздно, тем более, что он рано ложится спать). На другой день Гоголь пришел к обеду, принес новые Малор<оссийские> песни (записанные у него дома в деревне), за которые мы и принялись после обеда. Между тем наехало множество гостей, но^V, несмотря ни на что, Гоголь продолжал все заниматься песнями, и так как эти ноты^{VI} песни требовали некоторых поправок, то^{VII} Гоголь и напевал, а мы повторяли на фортепиано бес<с>четное количество раз одну и ту же песню, так что надоели другим, а песни прекрасные и словами и музыкой. Гоголь написал нам слова прекрасной песни.

Потом отесенька прочел Гоголю из своих записок², после чаю он сам принес свою тетрадь и прочел только отесеньке и братьям четвертую главу. Мы могли насилу удержать Сашу³ от вторжения в кабинет и даже употребили физическую силу. Гоголь слышал этот шум на лестнице^{VIII},

^I В авторской копии письма далее добавлено: из Абрамцево

^{II} Вместо: приехать завтра — в авторской копии письма пояснение в скобках: (отесенька с братьями едут в Оренб<ургскую> губернию и потому все приедут из деревни их провожать)

^{III} Далее в авторской копии письма: впрочем

^{IV} Далее в авторской копии письма: еще

^V Далее было: мы

^{VI} ноты вписано.

^{VII} Далее было: мы

^{VIII} Далее было: и оч<ень>

и улынулся, когда узнал после¹ его причину, и сказал: «Почему же вы его не пустили?» В это время также приехал Кн<язь> Дм<итрий> Оболенской⁴, которого мы и удержали внизу.

Сегодня отесенька рассказывал нам, что читал Гоголь; они все в восхищении, только эта глава далеко не так окончена, как предыдущие. Со стороны Гоголя это была маленькая жертва прочесть то, что он думает потом сам изменить. С Гоголем мы вчера простились (он уехал в деревню к Смирновой).

Несмотря на неоконченность главы, говорят, Гоголь захватывает такие разнообразные стороны жизни в среде уже более высокой, так глубоко зачерпывает с самого дна, что даже слишком полны по впечатлению выходят его главы.

Впервые опубликовано, по авторской копии: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 736. См. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 213–214. Печатается по указанной копии: РГБ. Ф. 3. Разд. 3. К. 15. Ед. хр. 9–10.

¹ 24 июня 1851 г.

² Вероятно, из «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии».

³ Александр Григорьевич Карташевский (1817–1894), племянник С. Т. Аксакова.

⁴ Князь Дмитрий Александрович Оболенский (1822–1881).

В. С. Аксакова — С. Т. Аксакову

Суббота. 14 июля <1851. Москва>.

<...> Вчера явился Гоголь, который с большим участием расспрашивал и говорил о Вас. Спрашивал, точно ли Вы поехали в четверг, как собирались¹, что он об Вас думал в этот день и радовался, что погода была хороша. Я сказала ему, что Вы хотели писать к нему письмо, но не успели. — «Так мы в одно время думали друг о друге! Напишите это Сергею Тимофеевичу» и т. д. Кланяется всем, разумеется. Просил прочесть письма; очень забавлялся письмом Константина: говорит, что братья надели очки заранее и уже так все видят, а Вы без очков горячо все принимаете, потому что так чувствуете. <...> Вчера еще новую песню Гоголь <у> нас записал, прекрасную, и на музыку переложили. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 736–737; см. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 214. Печатается по первой публикации.

¹ С. Т. Аксаков отправился с сыновьями Константином и Иваном в Оренбургскую губернию в свое имение после случившегося в Надёжине крестьянского бунта.

¹ после *вписано*.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

Воскресенье. 9 сентября. Абрамцево. 1851.

<...> В субботу¹ приезжал к нам Гоголь повидаться и вчера же уехал. <...> Гоголь очень расстроился здоровьем, собирается в Крым на зиму и будет у сестры на свадьбе. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 738. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 10.618. Л. 62 об.

¹ 8 сентября.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

<1–3 октября 1851. Абрамцево>

1 октября 1851.

<...> Пишу тебе опять немного, потому что спешу, завтра утром рано едут в Москву, и мне не хочется пропустить этого случая.

Отесенька ездил в Москву с Константином по делам (доставать денег) и вчера вечером неожиданно воротился и привез с собой, к совершенному нашему изумлению, — Гоголя, который неделю тому назад уехал из Москвы в Полтаву, сделался нездоров на дороге и после сильной нерешимости, которая еще вдвое его расстроила, воротился назад; в Москве нашел отесеньку и в тот же день приехал к нам.

Он так похудел, так изменился, что страшно видеть. — Что это за болезненный дух и при таких расстроенных нервах; (2 октября)¹ безделица его смущает и приводит его в страшную ипохондрию. Разумеется, в такие минуты может ли он быть в состоянии писать? Воротившись в Москву¹, он успокоился, по крайней мере каким-нибудь окончательным решением, хотя и очень сожалеет, что не попал ни на свадьбу, ни в Одессу. — Его также мучило то, что он не простился с нами перед отъездом, все собирался, но как-то не устроилось. Скоро опять хочет приехать и, кажется, намеревается заняться делом и читать. У нас он порассеялся и праздновал день именин своей матери, которую он очень любит².

<3 октября>.

Я не успела написать вчера тебе, душа моя, — рука очень устала от игры на фортепьяно малороссийских песен, которыми Наденька утешала Гоголя. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 738; см. также: Анненкова Е. И. Аксаковы. СПб., 1998. С. 330. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 10.618. Л. 68–69.

¹ См. в наст. изд. письмо Л. С. Аксаковой С. Т. Аксакову от 4 октября 1851 г.

² 3 октября 1851 г. Гоголь сообщал матери: «В день ваших именин, матушка, молился я у мощей св. Сергия о вас и о всех нас. Здоровье ваше и новобрач<ных> было пито мной за обедом у Аксаковых, которые все вас поздравляют».

¹ Дата вписана.

В. С. Аксакова — С. Т. Аксакову

8 октября <1851>. Москва.

<...> Вечером был Гоголь. Он мне показался веселее и бодрее, хотя говорит, что теплое время будит в нем сожаление, что он не в дороге. Первое его слово об вас, мой милый отесинька. <...>

Впервые опубликовано: *Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем* / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 217. Печатается по первой публикации.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

Среда. 17 октября 1851. <Москва>.

<...> Гоголь часто нас навещает; мы его угощаем иногда малороссийскими песнями, но он так же мало разговорчив, как и прежде; его очень смущает, что нас не будет зимой здесь, и он всеми способами старается нам доказать, что нам выгоднее будет жить врозь, что непременно надобно провести весну в Москве, а в нашей деревне вредно и т. д. С отесенькой они беспрестанно в переписке. <...>

Впервые опубликовано: *Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853)* / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // *Лит. наследство*. Т. 58. М., 1952. С. 740. Печатается по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 10.618. Л. 74 об.

В. С. Аксакова — С. Т. Аксакову

Понедельник <22 октября 1851. Москва>.

<...> Гоголь, который нас часто навещает, пришел вчера вечером и сказал, что завтра, т. е. сегодня¹, играет ревизора² Шумский и что не поедет ли мы в театр, что и он бы пришел в ложу. Ему хотелось в бенеуар Верстовского³, но в Малом театре у Верстовского нет бенеуара, и он прислал бельэтаж. Гоголь согласился и на это, был перед спектаклем у нас. Теперь они уехали все; не знаю, что у них там происходит, как идет пьеса. Жаль, что актеры не сумели устроить этого иначе. Шумский должен был бы приехать к Гоголю и попросить его замечаний, а то Гоголь от нас только узнал, что Шумский будет играть Хлестакова, а когда именно — даже не было объявлено в газетах, и мы бы не знали, но Щепкин приезжал к Гоголю, кажется, накануне, и сказал о том. Любопытно, что сделает Шумский с этой ролью. Жаль, что вы не в Москве, мой милый отесенька и братья! Участие в этом случае очень бы ободрило Гоголя, а теперь никого почти нет знакомых. Что за болезненный духом человек! Вчера он так вдруг расстроился и в лице изменился, послал себе за содовой водой, воды не нашлось, он вдруг исчез сам, и через несколько времени опять воротился, но уже свежее, попросил песен малороссийских и опять развеселился. Впрочем, говорит, что чувствует себя порядочно; употребляет теперь обтирание — воду с нашатырем, по совету Иноземцева. Мне кажется, что он расстроился вчера оттого, что упал подсвечник и сломалась свеча; он, кажется, испугался <...>

Гоголь всякий раз осведомляется о домах и советует нанять такой, в котором бы хоть месяца на два могли мы все поместиться: «Хоть бы и тесно, это только приятнее». Он и прежде говорил, что Вам надобно приехать печатать. Его печатанье еще не начиналось. Спрашивал, почем Вы покупали бумагу. Мы не умели сказать...

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 740. Печатается по первой публикации. Датировка письма уточнена.

¹ 22 октября 1851 г.

² Подразумевается: играет в «Ревизоре» (С. В. Шумский исполнял в спектакле роль Хлестакова).

³ Алексей Николаевич Верстовский (1799–1862), композитор; в это время исполнял должность управляющего Московской конторой Императорских театров.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<8–9 ноября 1851. Москва>

Москва. Четверг. 8 ноября 1851.

<...> Вчера перебивали у нас все родные и знакомые. Кошелева и Гоголь сидели вечер, но все так тихо разговаривали, что Олиньку это нисколько не беспокоило. — Кошелева и Гоголь каждый явились с хлебом на новоселье. Гоголь чуть не сердится на нас, что мы остаемся в деревне, и не перестает доказывать, что нам нет выгоды так жить¹. <...>

Отесенька очень прилежно занимается своими записками² и подстрекает Гоголя. <...>

<9 ноября>.

<...> Сестрам удалось побывать несколько раз в театре. <...> Видели они также Ревизора³, и в роли Хлестакова — актера⁴, который в первый раз играл пьесу, — играл он неудачно. Гоголь также был с нашими, но опоздал в театр, никто почти <его> не видал. После этого⁵ Гоголь собирал у себя актеров и читал им отрывки из Рев<изора>, но сам, говорят, уже забыл «Ревизора» и неудачно читал. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 741–742. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 10.618. Л. 76–76 об., 78 об.

¹ См. также письмо В. С. Аксаковой к отцу от 22 октября 1851 г.

² Имеются в виду «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

³ 22 октября 1851 г.

⁴ Подразумевается С. В. Шумский.

⁵ 5 ноября 1851 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<20-е числа февраля 1852. Москва>

Пишу тебе, милый друг мой Машенька, единственно для того, чтоб ты не беспокоилась обо мне, душа моя. Телесно я еще крепче, нежели можно было бы ожидать, но душа вся разбита, болит и рвется на части. — Ты знаешь, что и прежде было много причин для того; эти причины все те же, сверх того мы испытали в эти дни такую невозвратимую потерю, которой значение для нас именно¹, может быть, ты и не поймешь вполне. Мы еще не опомнились, так скоро все окончилось, так ужасны были дни ожидания. — Сношения наши с Гоголем так вошли в нашу жизнь,

¹ для нас именно *вписано*.

так наполняли ее, влияние его проникало так во все, что лишиться его казалось невероятным в первую минуту. — Я скажу откровенно, что я совершенно забыла на первое время все его значение как художника. Мне было жаль его всей душой как человека, жаль, что не придет он уже к нам, как всегда, что не увижу его, не услышу его участия искреннего. — С тех пор как мы в Москве, он через день непременно приходил хоть на полчаса узнать, что у нас делается, какие вести из деревни, и последние два дня сряду зашел при Мите¹; он сказал только, что чувствует озноб по ночам. С тех пор он выходил, кажется, только в церковь. Это было понедельник² на масляной, вечером; в четверг³ на масляной же он приобщился в церкви, имел какое-то видение или сон, что он умрет, и хотел в субботу⁴ уже собороваться, но его уговорили отложить. — Все время, еще здоровый, он ужасно постился, изнурял себя чрезвычайно, к тому же это убеждение в смерти так было сильно в нем, что он делал все свои распоряжения, приготовился, не пускал к себе почти никого, говорил: «Мне должно беседовать с самим собой», не хотел принимать лекарств, все читал священные книги¹, приобщился еще раз⁵, соборовался⁶ и скончался. Говорят, что у него было воспаление в мозгу или что-то вроде. О нем распустили слух, что он с ума сошел. Но это совершенно несправедливо; вчера еще Овер нам говорил, что мало было даже бреда в последние дни¹¹: он все больше молчал, но был упадок сил.

Он очень расстроился кончиной Хомяковой. Но последнее время, когда мы его видели, он был довольно бодр, но мысли его, точно, обращались больше к другому миру. — Еще в начале своего нездоровья он отдавал Мер<твые> Души Графу Толстому, у которого жил, но тот, боясь предзнаменования, не взял¹¹¹. В ту же ночь он сжег все, что было написано. Ошибкой ли он это сделал или с намерением, нельзя совершенно утверждать, но он жалел потом, и, может быть, это еще усилило его болезнь. Много бы хотелось поговорить с тобой, милый друг; теперь только и мысли и разговоров у нас о Гоголе. Скоро Митя поедет к вам, с Васей⁷ — все расскажет вам подробно. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 744, 746. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 10.619. Л. 58–60.

¹ Дмитрий Григорьевич Карташевский, двоюродный брат В. С. Аксаковой.

² 4 февраля 1852 г.

³ 7 февраля 1852 г.

⁴ 9 февраля 1852 г.

⁵ В субботу на первой неделе Великого Поста 16 февраля 1852 г.

⁶ Таинство соборования было совершено над Гоголем в понедельник второй недели Великого Поста, 18 февраля 1852 г.

⁷ Василий Григорьевич Карташевский, двоюродный брат В. С. Аксаковой

В. С. Аксакова — С. Т. и О. Сем. Аксаковым

<20-е числа февраля 1852. Москва>

Целый день и думаем и говорим только о Гоголе, истинно безотрадно подумать, что не увидим его более. Сколько бесполезных сожалений, как больно, что мы его не утешили эту зиму, не исполнили его такого сильного желания¹. <...> Влияние Гоголя уже так вошло в жизнь, в на-

¹ все читал священные книги *вписано*.

¹¹ в последние дни *вписано*.

¹¹¹ *Далее было*: На дру<гой>

ши взгляды, мысли, что вряд ли мы можем поговорить час, чтоб не наткнуться мыслью на него, — а этот человек был так близок нам, так искренно любил и принимал участие во всем. Сегодня Овер удивил нас своим рассуждением о Гоголе. Как мог он так истинно понять его и то, как должны были бы поступать с ним друзья; даже и мельком было больно слышать это теперь, когда нельзя исправить. <...> Но грустно, грустно, — и никого близких из наших не было около него. Бедная мать, не могу без ужаса подумать о ней! — Как ни был он полон своим миром, но человека, столько любившего Вас и всю семью, нет и не будет. Невыразимо грустно!

Впервые частично опубликовано Н. М. Павловым в изд.: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 196. Печатается по изд.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 746.

¹ Гоголь желал, чтобы Аксаковы провели зиму 1851/52 г. в Москве.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<Начало марта 1852. Москва>

С тех пор, как я тебе писала, приехала, слава Богу, Маменька. И отрадно и грустно нам было увидаться. Маменька очень плачет, да и не одна Маменька и не одни женщины, плачут и тоскуют мужчины. Мне кажется, мысль о Гоголе завладевает чем дальше, тем сильнее, значение его не только как писателя так выясняется для всех, так вырастает с каждым днем; и без пристрастия можно сказать, так высоко и свято это значение. — Его желание добра и мира было так сильно, что друзья его, бывшие до сих пор в разъединении, сходятся теперь и забывают свои прежние раздоры. Конечно, первый пример подает отесенька, и на днях был у нас Шевырев и много рассказывал и говорил о Гоголе. Он его искренно и нежно любил. — Отесенька написал письмо к друзьям Гоголя¹, письмо прекрасное, которое на днях, я думаю, будет напечатано в газетах. Может быть, оно даже слишком хорошо и слишком искренно для печати, но мне так было отрадно и горько прочесть его, видеть Гоголя так оправданным и оцененным. И все отесенька находит, что не выразил и в половину того, как сам чувствует. Отовсюду получают письма, полные тоски и сожаления от людей, едва его знавших. — Мамонов нарисовал портрет, много похожий, особенно в иные минуты; я тебе пришлю на днях; чем дольше смотришь, тем более напоминает он и так живо иногда.

О бедной его матери не могу без ужаса вспомнить, до сих пор об них нет слуха. Не имеем духа писать к ней прежде, нежели услышим, что ее уже поразила эта весть.

О какой фразе моего письма говоришь ты? <...> Не то ли это, что я пишу, что ты, мой милый друг, не можешь вполне понять, что значит для нас Гоголь; я даже не помню хорошо моего выражения, когда я писала тебе об нем. Я вспомнила, что ты находила его незанимательным в разговоре и т. д. Но не ты одна это говорила, это повторяли многие и близкие ему мужчины, но странно: ни я, ни маменька, ни Надя, ни даже никто из женщин, его знавших ближе, не находили этого; все наше желание было только его занять, ему чем-нибудь доставить необходимый для него отдых, после душевных изнурительных трудов его. — И вообще, я думаю, трудно понять, как дорого нам, близко сделалось для нас всех существование Гоголя, для этого надобно было бы прожить всю жизнь с нами и делить наши ежеминутные впечатления. <...>

Здесь Шишкова Мар<ья> Алек<сеевна>² с Никол<аем> Алек<сандровичем>. Завтра едут, мы им отдали 51 экземпляр портретов. Один для тебя, мой милый друг; другие отошлите, прошу вас, к Попову Александру Николаевичу³. <...>

Впервые частично опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 751. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 10.619. Л. 62–64.

¹ См. в наст. изд. «Письмо к друзьям Гоголя» С. Т. Аксакова.

² Мать С. А. Аксаковой.

³ См. в наст. изд. ответное письмо М. Г. Карташевской от 16 марта 1852 г.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<Март 1852. Абрамцево>

<...> Здесь мы постоянно и ежеминутно почти заняты все одним, так что с трудом отрываемся для других интересов. Вспоминаем, разговариваем о Гоголе, перебираем все письма, и свои и чужие, чтоб собрать какие-нибудь подробности. Отесинька пишет записки о нем, и так жаль, что никто из нас не вздумал прежде записывать все подробности со времени наших отношений. <...> Мне грустно, душа моя, что ты не вполне сочувствуешь письму отесинькиному, и мне кажется, ты не так приняла слова. Отесинька не признает всего безусловно безошибочным. Напротив, все где тогда находили ложный взгляд, то и теперь так же. Но где сомневались в искренности, там уже не сомневаются и не могут сомневаться, и давно уже не сомневались, но никогда этого так живо не почувствовали, как теперь, и это очень естественно. Я же никогда не сомневалась в его искренности, хотя точно так же нахожу ошибочным то, что находила и прежде. Мне часто было больно слышать эти сомнения, и потому мне теперь истинно было отрадн видеть, что Гоголь теперь оправдан. Ты, конечно, не можешь вполне отдать себе отчета во всем этом, потому я и говорю, что ты не можешь вполне понять значение Гоголя для нас. Вся его жизнь, особенно в последнее время, слишком ясно доказала нам, как вполне искренни и душевны были все его побуждения, хотя иные и ошибочны, и как от души были все его слова. В этом случае и примерами тоже доказать нельзя, для этого надобно было жить с нами, разделить наши впечатления. <...>

Впервые опубликовано: Анненкова Е. И. Аксаковы. СПб., 1998. С. 331–332. Печатается по первой публикации.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<Апрель 1852>

<...> То, что ты пишешь о письме Смир<новой>, верно, как вообще определение этой женщины, как мне кажется, но именно это письмо ее не сделало на меня и на нас такого впечатления, потому что лицо, о котором говорится, так близко душе, по крайней мере, мы все не могли его читать без слез, хотя даже и не разделяем ее некоторых выражений, именно то, на которое ты указываешь или как ты его понимаешь. Таким авторитетом христианским безусловным никогда Гоголь не был и не хотел быть, я уверена; он был, точно, весь проникнут христианской любовью, самым сильным горячим стремлением к добру и к пользе, с каждым годом, может быть, с каждым днем становился все строже и строже к себе; он даже не часто говорил прямо об духовных, т. е. религиозных предметах, они слишком были для него святы, и он не желал их подвергать недобрым возражениям людей, чуждых им¹; иногда даже вследствие особенного его болезненного ипохондрического состояния, его взгляды, по крайней мере, в те минуты, казались

¹ чуждых им *вписано вместо*: мало с ними знакомых

странными, и случалось ему возражать, но между тем, что бы он ни говорил, о чем бы ни была речь, нельзя было не чувствовать ежеминутно, что именно для Гоголя было главной и единственной целью жизни, куда постоянно и неослабно стремилась его душа всеми силами своими и куда он направлял взгляды всех других. Вот как я понимаю его христианское значение.

Истинно, когда вспомнишь Гоголя, значение, смысл его жизни чувствуешь теперь сильнее и он представляется постоянно указывающим нам туда, куда сам стремился. — Его истинно душевно огорчала всякая вражда между людьми, он истинно сожалел об ошибках; это стремление, разумеется принимало другой смысл в таком человеке, который мог иметь такое огромное влияние. — Недавно получили мы письмо от его матери¹ в ответ на маменькино письмо, оно так хорошо, что мне хочется тебе его сообщить. Она спокойна, но эта женщина потеряла все в нем, для нее он был первым горячо любимым сыном, но она вполне сознавала все великое значение его; он ее также нежно любил; год тому назад он жил с ними и говорил, что не надобно так долго заживаться, что слишком тяжело ему было с ними расставаться. Я также получила ответ на мое письмо от сестры его Лизы, теперь Быковой. — Горесть Лизы, разумеется, смягчена теперь ее новым и, слава Богу, счастливым положением. Но они, разумеется, также огорчены душевно и ценят его вполне, и все, что он для них делал, а делал много, несмотря на то, что так предан был своему труду. Может быть, и даже вероятно, что он был для Смир<новой> такого рода авторитетом, как ты предполагаешь; их все знакомство основано было на том, и он, вероятно, с этой стороны был с ней откровеннее, нежели с другими. — Желала бы я очень перечитать письма его к ней. Не знаю, успею ли сегодня тебе переписать и письмо его матери и из письма Смир<новой>, вероятно, до другого раза. <...>

Публикуется впервые по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 10.619. Л. 66 об.—67.

¹ См. в наст. изд. письмо М. И. Гоголь к О. Сем. Аксаковой от 28 марта 1852 г. из Васильевки.

В. С. Аксакова — М. Г. Карташевской

<После 5 до 11 мая 1852>

<...> На днях получил от Шевырева отесенька письмо, в котором он нам сообщает дорогие для нас вести¹. Они произвели разбор бумагам Гоголя и нашли между другими бумагами, свидетельствующими о его непрестанных и неутомимых трудах всякого рода, 5 черновых глав Мер<твых> Душ и истолкование Литургии, этого последнего сочинения мы не знаем. Но что всего для нас дороже — это последние строки Гоголя, которые и посылаю тебе, мой милый друг, в них святая истина, объясняющая вполне всю деятельность Гоголя¹. Мы не раз слышали от него самого подобные мысли, но никогда они не выражались так ясно, просто и хорошо. Как хотелось бы мне видеть и пересмотреть все его бумаги. Жаль, что мы не в Москве. Но печатать эти черновые главы Мер<твых> Душ не должно, по крайней мере теперь: очевидно, что он не желал их оставить, если сжег набело переписанные. В черновых тетрадах он даже часто не вписывал того, что у него уже было окончено в голове и что он читал из головы, держа в руках тетрадь. Эти тетради могут возбудить противоречия, недоумения. Надобно знать, как Гоголю было тяжело выставлять что-нибудь незрелое, недоконченное, тяжело потому именно, что вводило в заблуждение слушающих и не могло быть полезно. Не знаю, как поступит Шевырев, который, впрочем, принимает самое искреннее душевное участие во всем этом. Летом он едет в Полтаву к матери Гоголя, для того, чтоб собрать сведения. В Полтаву и мне бы хотелось чрезвычайно, чтоб видиться с матерью и сестрами Гоголя и наговориться с ними. Но, разумеется,

¹ Далее было: а. самого б. Он

это так затруднительно, что я и не думаю о возможности. Хочу описать Мар<ии> Ив<ановне>, т. е. матери его, подробности наших последних свиданий, для нее же так дорого каждое слово о ее сыне, которого значение она так вполне понимала и которого любила как только может любить мать сына и такая женщина, душа у ней самая любящая, и в ней есть самой что-то особенное — зародыш, разумеется, неразвившийся, того, что приняло такие великие размеры в Гоголе. Отец его был тоже даровитый человек и писал малор<оссийские> комедии.

Последние строки Гоголя

Друзьям моим

Благодарю вас много, друзья мои. Вами украсилась много жизнь моя. Считаю долгом сказать вам теперь напутственное слово. Не смущайтесь никакими событиями, какие ни случаются вокруг вас. Делайте каждый свое дело, молясь в тишине. Общество тогда только поправится, когда всякой частный человек займется собою и будет жить как Христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей, его окружающих. Все придет тогда в порядок, сами собою установятся тогда правильные отношения между людьми, определятся пределы, законные всему. И человечество двинется вперед.

Есть завещание матери и сестрам², в котором желает он, чтобы деревня превращена была в обитель для незамужних девиц и для воспитания сирот, чтобы выстроена была церковь, издержки на это предполагает он в половине доходов с его сочинений.

Впервые частично опубликовано, с ошибками: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 755–756. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 10.619. Л. 71–73.

¹ Письмо неизвестно. Ответ С. Т. Аксакова на это послание, от 5 мая 1852 г., см. в наст. изд.

² Имеется в виду «Совет сестрам».

В. С. Аксакова — М. И. Гоголь-Яновской *Черновик письма*

11 мая <1852>. Воскресенье.

В половине января приехали мы в Москву, дали знать Н<иколаю> В<асильевичу>, он пришел к нам в субботу¹ вечером, подошел к двери, у нас сидело много гостей, вдруг я слышу слова: можно взойти; я узнала голос и пошла навстречу. [Он был]

Вскоре после того, как прие<хали>...¹

Я вам обещала, доб<рейшая> М<ария> И<вановна>, описание наших последних свиданий с Н<иколаем> В<асильевичем>. Хотя в них особен<ного> ничего не было, но я знаю, что вам все дорого. Мы жили эту зиму в деревне, по обстоятельствам денежным, больной сестре был нанят маленький домик и кто-нибудь из братьев и из сестер постоянно с ней жил. Н<иколай> В<асильевич> очень уговаривал нанять большой дом и переехать всем, уверяя, что жить на два дома не будет выгодно, <1 нрзб.> и говорить как нам всем при этом <1 нрзб.> и сложно <?>, только необходимость могла нас к этому принудить. — Машенька была в Москве на Рождество и к новому году вернулась в дерев<ню>. После половины января я с сестрою Надей по-

¹ Не дотисано.

ехала в Москву. — Как приехали, дали знать Ник<олаю> В<асильевичу>. Он навестил нас, и мы нашли его довольно бодрым; но в это время занемогла жена Хомяк<ова>, сестра Языкова, с которым Ник<олай> В<асильевич> был так дружен. Всех очень встревожила и огорчила¹ болезнь такой молодой женщины. Н<иколай> В<асильевич> навещал нас через день; хотя на короткое время, но приходил непременно узнать, что у нас делается; какие вести из деревни, он все надеялся, что <1 нрзб.> маменька^{II} приедет в Москву к Рождеству. Вы, может быть, слышали, что у нас часто певались малор<оссийские> песни, и Н<иколай> В<асильевич> сам их напевал для того, чтоб класть на ноты. Желая ему сделать приятное, сестра предложила ему заняться опять ма<лороссийскими> песнями. Хомяковой сделалось получше, и мы назначили день, чтоб собраться; но^{III} Хомя<ковой> сделалось опять хуже, и накануне назначенного дня она скончалась², 35 лет, оставя 7 маленьких детей и мужа, ее любившего всею душой. Эта кончина поразила и огорчила всех, но Ник<олай> В<асильевич> она особенно расстроила. Он был на первой панихиде³ и насилу мог остаться до конца, на другой день⁴ он был у нас, говорил, что его это очень расстроило. «Вот как!..» — сказал он, грустно здороваясь с нами; говорил, что боялся в тот день посылать узнавать о ее здоровье и только ждал извещения от самого^{IV} Хомякова, которое и не замедлило прийти. — Спросил, где ее положат. Мы сказали: в Данилов<ом монастыре>, возле Языкова Н<иколая> М<ихайловича>. Он покачал головой, сказал что-то об Языкове и задумался так, что нам страшно стало: он, казалось, совершенно перенесся мыслями туда и так долго оставался в том же положении, что мы нарочно заговорили о другом, чтоб прервать его мысли.

На другой день, во вторник⁵, мы не видали Н<иколая> В<асильевича>^V; в этот день хорон<или Хомякову>. На там он не был; на третий день, в среду⁶, пришел он; мы его спросили, отчего он не был; он сказал, что слишком был расстроен, не мог. Разговор, разумеется, все был о том же. Он сказал: «[Мне было очень тяжело], но теперь спокойнее. Я отслужил сам один панихиду по К<атерине> М<ихайловне> и помянул вместе всех близких^{VI}, прежде отшедших; и она, как будто в благодарность, привела их^{VII} всех так живо перед меня. Мне стало легче. — Но страшна минута смерти!» — «Почему же страшна? — сказал кто-то из нас. — Только бы быть уверена в милости Божией к страждущему человеку, и тогда отраднo думать, что он умрет». — «Ну, об этом^{VIII} надобно спросить тех, кто перешел через эту минуту», — сказал он. — И в самом деле с этих пор он сделался спокоен^{IX}, как-то светел духом, почти весел; по крайней мере таким мы его видели во все последние раза. Через день⁷ опять он пришел и именно утром. Братья наши разъехались: один в Курск, другой в деревню; к нам принесли корректуру Н<иколаю> В<асильевичу>. Я послала ее к нему с запиской, он приходит и говорит, что получил записку,

^I и огорчила *вписано*.

^{II} маменька *вписано*.

^{III} Далее было: в ночь Хомякова скончалась

^{IV} самого *вписано*.

^V во вторник, мы не видали Н<иколая> В<асильевича> *вписано вместо: <2 нрзб.>*

^{VI} близких *вписано*.

^{VII} их *вписано вместо: мне*

^{VIII} об этом *вписано вместо: это*

^{IX} *Вместо:* Он сказал: «[Мне было очень тяжело], но теперь спокойнее. ~ И в самом деле с этих пор он сделался спокоен — *было:* Он сказал: «Страшна минута смерти!» — «Почему же страшна? — сказал кто-то из нас. — Только бы быть уверена в милости Божией к страждущему человеку, и тогда отраднo думать, что он умрет». — «Ну, [это] об этом надобно спросить тех, кто перешел через эту минуту», — сказал он. Один раз <1-2 нрзб.> к нам он сказал: «Мне было очень тяжело, но теперь спокойнее. Я отслужил сам один панихиду по К<атерине> М<ихайловне> и помянул вместе [всех] всех близких, прежде отшедших; и она, как будто в благодарность, привела [мне] их всех так живо перед меня. Мне стало легче». — И в самом деле с этих пор он сделался спокоен

но корре<ктуры> не получал; сказал, что только что от обедни. Это была пятница⁸ перед страстной; в субботу приходилось Сретение⁹, и потому поминальная суббота<я> служба¹ совершалась в пятницу. Видно было, что он находился под впечатлением этой службы; мысли его были все обращены к тому миру, он был светел, даже весел¹¹, говорил много, и все об одном и том же. Он говорил, что надобно посоветовать Хом<якову> читать самому псалтырь по своей жене, что это для него и для нее будет утешение и что тогда только имеет смысл чтение псалтыря по умершим, когда читают близкие, говорил о впечатлении смерти на людей, о том, возможно ли человека воспитать так с малых лет, чтоб он понимал значение жизни и смерти, чтоб она его не поражала¹¹¹ как будто нечаянность. Говорил об одной знакомой нам старушке¹⁰, которая по своему дурному нраву возбудила против себя негодование всех; он говорил о том, как гнев опасен, раздражает других. Хвалил очень своего приходского священника¹¹ и всю службу в его приходе. День был прекрасный, ясный, мы спросили его, работал ли он сегодня? «Нет еще, — сказал он, улыбаясь, — вышел с утра из дома». — «Надобно вам теперь позаняться». — «Надобно, но не знаю, как пойдет». — В воскресенье¹² он опять пришел после обедни пешком из своего прихода, несколько усталый; опять хвалил очень своего приходского священника и все служение; видно, что он был полон службой; говорил опять о псалтыри. Сказал также: «Всякой раз как иду к вам, прохожу мимо Хомякова дома и всякой раз, и днем и вечером, вижу в окне свечу, теплящуюся в комнате Кате<рины> Мих<айловны>, — там читают псалт<ырь>». — Говорил также и о другом, о печатании, хотел прийти к нам держать корректуру, чтобы научить нас. Говорил о другом. Мы сказали, что на другой день ждали брата из деревни¹³. На другой день¹⁴, это было в понедельник на масленой, после обеда мы сидели и разговаривали с приезжими из деревни; слышим, что кто-то взошел; оглядываемся: Ник<олай> В<асильевич>; мы очень удивились и обрадовались ему; он спросил, приехал ли брат и где он; узнавши, что у Хомяк<ова>, сказал, что пойдет туда; в нем было видно несколько утомление; сказал, что скоро уйдет¹⁴, что должен лечь ранее, потому что чувствовал какой-то холод ночью, который ему, впрочем, не беспокоил. Мы сказали: «Это нервный!» — «Да, нервное», — сказал он совершенно спокойно; видно, что он сам не придавал тому значения; сказал, что пойдет к Хом<якову>¹⁵. Мы простились, по обыкновению, и он ушел. Это было в последний раз. К Хомякову¹⁶ он не заходил; в среду¹⁵ его навестили; он сказал, что не совсем хорошо себя чувствует. Видя, что он нейдет к нам несколько дней, я написала записочку¹⁶, чтоб узнать о его здоровье; велели сказать, что не в состоянии отвечать; на другой день посылали узнать; сказали, что лучше...¹⁷

Впервые опубликовано, с пропусками, Н. М. Павловым: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 196–199; см. также: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 219–221. Печатается по автографу: РГБ. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 15–17.

¹ Вероятно, в субботу 19 января 1852 г.

² 26 января 1852 г.

³ 27 января 1852 г.

¹ В источнике ошибочно: службу

¹¹ даже весел *вписано*.

¹¹¹ его не поражала *вписано вместо: <1–2 нрзб.>*

¹⁴ Далее было: потому

¹⁵ сказал, что пойдет к Хом<якову> *вписано*.

¹⁶ К Хомякову *вписано вместо: Тогда бра<т>*

¹⁷ Окончание письма не сохранилось.

⁴ 28 января 1852 г.

⁵ 29 января 1852 г.

⁶ 30 января 1852 г.

⁷ 31 января 1852 г.

⁸ 1 февраля 1852 г.

⁹ В субботу 2 февраля 1852 г.

¹⁰ Имеется в виду мать А. С. Хомякова М. А. Хомякова (рожд. Киреевская).

¹¹ «Алексея Ивановича Соколова, в то время служившего в церкви Симеона Столпника на Поварской, ныне протопресвитера в храме Христа Спасителя. Гоголь скончался в доме графини А. Е. Толстой (ныне принадлежащем Н. А. Шереметеевой), на левой стороне Никитского бульвара (от Арбатских ворот). *Издатель Н. М. Павлов*» (История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 198).

¹² 3 февраля 1852 г.

¹³ 11 февраля 1852 г. С. Т. Аксаков писал Гоголю из Абрамцево: «Константин уехал с тем, чтоб побывать у вас».

¹⁴ 4 февраля 1852 г.

¹⁵ 6 февраля 1852 г.

¹⁶ Записка не сохранилась.

В. С. Аксакова — М. Г. Каргашевской

<29–30 июня 1852>

<...> Понедельник.

<...> В Моск<овских> Газетах появилась прекрасная статья о Гоголе в ответ Булгарину, неизвестно чья, — подписана Провинциалом из Курской губернии, из города Суджа¹. Портреты Гоголя, сделанные Мамоновым, давно все разошлись. Есть какие-то неприятные портреты с разной возмутительной обстановкой, но я тех не видала. <...>

Впервые частично опубликовано, с неточностями и ошибочной датировкой: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 751. Печатается по автографу: *ИРЛИ. Ф. 10.619. Л. 79 об.*

¹ <Данилевский Г. П.> *Провинциал*. Отзыв провинциала на статью о Гоголе, помещенную в «Северной Пчеле», № 87 // Московские Ведомости. 1852. 21 июня, № 75. С. 783–784; с подписью: «Суджа (Курск<ой> губ<ернии>». Авторство Г. П. Данилевского установлено: *Свясов Е. В.* Эпизод полемики о Гоголе 1852 г. // Русская литература. 1980. № 1. С. 127–134.

В. С. Аксакова — И. С. Аксакову

<Вторая половина октября 1852. Москва>

<...> Недавно в газетах помещена статья о Гоголе одного известного нам Данилевского¹, довольно пустого человека, но статья недурна, только вовсе неуместно, особенно в газетах, помещать такие письма, которые должны быть помещены только в полной биографии, но в них виден все тот же Гоголь. С Данилевским мы познакомились прошлого года через Гоголя, который сам его только что узнал, но мы желали слышать, как он поет малороссийские песни, собрались еще два малоросса, и у нас составилась малороссийский вечер из 4 малороссов. Это было в октябре, год тому назад. Гоголь был очень доволен и весел, Наденька и все поочередно пели малороссийские песни, и Гоголь объявил, что наши песни, т. е. переложенные у нас, были лучшие

и самые народные. Никому не входило, что через год вспомним мы этот вечер при таких обстоятельствах. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблома // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 770–771. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. статью Г. П. Данилевского «Хуторок близ Диканьки».

Из записной книжки В. С. Аксаковой 1853 г. Последние дни жизни Гоголя

...30 января 1853 года. Ровно год тому¹ назад вечером приехал Гоголь к нам в маленький дом, котором мы жили¹. Мы сидели в отесенькиных комнатах. Гоголь взошел и на наш вопрос о его здравьи сказал:

— Я теперь успокоился, сегодня я служил один в своем приходе панихиду по Катерине Михайловне²; помянул и всех прежних друзей, и она как бы в благодарность привела их так живо всех перед мной. Мне стало легче¹¹.

На наши слова, что он не был на вчерашней церемонии, он отвечал: «Я не был в состоянии»¹¹¹ ³. Вполне помню, он тут же сказал, что в это время ездил далеко.

— Куда?

— В Сокольники.

— Зачем? — спросили мы с удивлением.

— Я отыскивал своего знакомого, которого, однако же, не видал⁴.

Разговор, разумеется, касался большею частью Хомякова. Гоголь спрашивал, сколько его жене было лет, и вдруг, обратясь ко мне, сказал:

— А вам сколько?

— Тридцать три, — сказала я.

— А, так вы ровесница.

Гоголь в самом деле как-то был спокойнее.

1-го февраля, — это была пятница 1852 года — принесли нам поутру корректуру «Ревизора», но, так как братья уехали в деревню, я не знала, что с ней делать, и послала ее с запиской к Гоголю⁵. В 12 часов утра он пришел сам:

— Что значит, — я получил вашу записку, но не получил корректуру! Меня дома не было: я был у обедни; возвратившись, нашел записку, но без корректуры.

Нас это очень удивило, и я боялась, чтобы не пропала корректура. Гоголь сказал, что сам пойдет в типографию и спросит. Сказал, что был в церкви, потому что в тот день совершалась поминальная служба (вместо субботы, так как в субботу приходился праздник Сретенья), хвалил очень свой приход, священника⁶ и всю службу. Я сказала, что сама была у ранней обедни, видела в первый раз Хомякова после его горя, что не решилась к нему подойти.

¹ Зиму 52 года семья Аксаковых жила в своей деревне Абрамцево, а для больной дочери Сергея Тимофеевича был снят в Москве маленький дом, в котором жил не постоянно кто-нибудь из семьи. — *Примеч. в изд. 1908 и 1913 г.*

¹¹ Набранное разрядкой подчеркнуто в подлиннике. — *Примеч. в изд. 1908 г. В наст. изд. разрядка заменена курсивом.*

¹¹¹ Здесь говорится о смерти жены А. С. Хомякова, Екатерины Михайловны. Она была сестрой поэта Н. М. Языкова, друга Гоголя. Смерть ее (26 января 1852 г.) сильно потрясла Гоголя. Хоронили ее 29 января. — *Примеч. в изд. 1908 и 1913 г.*

— Отчего же, напрасно, — сказал Гоголь, — это не могло ему быть неприятно. Напрасно, — прибавил он, — Хомяков выезжает, был в Опекунском Совете и т. д.

— Да, — сказала я, — конечно, напрасно, многие скажут что он не любил жены своей.

— Нет, не потому, — возразил Гоголь, — *а потому, что эти дни он должен был бы употребить на другое; это говорю не я, а люди опытные. Он должен был бы читать теперь псалтирь, это было бы утешением для него и для души жены его. Чтение псалтири имеет значение, когда читают его близкие*, это не то, что раздавать читать его другим.

Говорили о М<арии> А<лексеевне>¹, о которой он очень жалел, что такая старая женщина не возбуждает ни в ком к себе расположения, а всех раздражает. Много говорили о впечатлении, производимом смертью на окружающих; возможно ли было бы с малых лет воспитать ребенка так, чтоб он всегда понимал настоящее значение жизни, чтоб смерть не была для его нечаянностью и т. д. Гоголь сказал, что думает, что возможно. Тут я сказала, как ужасно меня поразило это впечатление и как все тогда перевернулось у меня перед глазами. — Гоголь вдруг переменял разговор.

В это время приезжал Овер^{II}, я пошла его провожать к Оленьке, он оттуда прошел прямо и сказал мне: «Несчастный!»

— Кто несчастный? — спросила я, не понимая, — да ведь это Гоголь!

— Да, вот несчастный!

— Отчего же несчастный?

— Ипохондрик, не приведи Бог его лечить, это ужасно!

— У него есть утешение, — сказала я, — он истинно верующий человек.

— Все же несчастный, — повторил Овер^{III}.

Я возвратилась к Гоголю, он в это время сидел с Наденькой, мы продолжали кой о чем говорить, предложили ему завтракать, он отказался. Он был постоянно весел, или скорее, светел как-то душой и лицом, нам было отраднo его видеть таким, и ни тени беспокойства на его счет не входило к нам на ум. День был ясный, солнечный, провожая его, я сказала ему шутя:

— Вы сегодня не работали?

— Нет.

— Ну, — сказала я, — вы погуляли, теперь вам надобно поработать.

Он так светло улыбнулся на эти слова.

— Да, надобно бы, но не знаю, как удастся, моя работа такого рода, — продолжал он говорить, уходя и надевая шубу, — что не всегда дается, когда хочешь.

Мы проводили его до передней и простились дружески.

3 февраля 1852 года в воскресенье утром я была дома, когда пришел Николай Васильевич.

— *Я пришел к вам пешком прямо от обедни*, — сказал он, — *и устал*.

В его лице точно было видно утомление, хотя и светлое, почти веселое выражение. Он шел тут же в первой комнате на диване. Опять хвалил очень священника приходского^{IV} и всю службу. Я сказала, что в этой церкви венчались отесенька и маменька.

¹ Мать А. С. Хомякова. — *Примеч. в изд. 1908 и 1913 г.*

^{II} Знаменитый московский доктор. — *Примеч. в изд. 1908 и 1913 г.*

^{III} Об Овере писала Вера Сергеевна отцу в Абрамцево: «Сегодня Овер удивил нас своими рассуждениями о Гоголе. Как мог он так истинно понять его и то, как должны были бы поступать с ним друзья! Даже слишком было больно слышать, что теперь... нельзя исправить. Но видно так Богу угодно, таковы судьбы Божии и для России. Но грустно, грустно... И никого близких из наших не было около него». Русск. Арх. 1890. II (8), стр. 196. — *Примеч. в изд. 1908 и 1913 г.*

^{IV} Это был от<ец> Алексей Соколов, скончавшийся в девяностых годах в сане протопресвитера храма Христа Спасителя. — *Примеч. в изд. 1908 и 1913 г.*

— В самом деле? Ну так скажите вашей маменьке, ей будет приятно знать, что там совершается так хорошо служба.

Я сообщила ему известие из деревни, что на другой день должен был приехать брат⁷.

— Ваши братья скажут, как английские курьеры в чужих краях, только и знают, что ездят взад и вперед (сколько лишних хлопот). Вчера, — прибавил он, — получил я записку от Ольги Федоровны^I. Какая-то бестолковая, она звала меня обедать, у ней должен был быть М. М. Нарышкин^{II}, только написала так, что я не вдруг догадался, когда она меня звала, и уже было поздно, я обедать бы и без того не мог идти, но после пришел бы повидаться с Нарышкиным.

— Что вы делали эти дни? — спросила я его.

— Зачем вам? — сказал он.

— Были ли вы у Хомякова?

— Нет еще, не был.

Мне кажется, ему слишком было тяжело к нему ходить; опять говорили мы о значении чтения псалтири. Я спросила его о корректуре; он сказал, что сам был в типографии и все устроил; говорили о печатании «Охотничьих Записок»^{III}. Я сказала, что очень тихо идет.

— Вы бы сами держали корректуру, — сказал он.

— Не умею.

— Да это вовсе нетрудно, стоит только выучиться этим знакам, я вам сейчас покажу, дай-те мне какую-нибудь книгу.

Я подала ему «Москвитянин»; он достал свою карманную книжку, вынул оттуда карандаш, развернул журнал и показал примерно несколько знаков. В это время воротилась Наденька, я ей сообщила полученные известия и что ей предстоит скоро ехать в деревню.

— Да, — прибавил Гоголь, — вы и не знаете, а вам уже назначен маршрут.

Я сказала, нельзя ли устроить как-нибудь нам песни, а Гоголь сказал:

— Когда же? уже лучше на масленице.

— На масленице Наденька^{IV}, может быть, уедет.

— Да, в самом деле, — прибавил Гоголь, но тем разговор об этом и кончился.

Я попросила перейти в другую комнату, сообщила Наденьке корректурные знаки, которым учил меня Николай Васильевич. Он же сам прибавил, что советовал бы нам заняться этим, что за это можно даже деньги получать, что он нанимает теперь корректора⁸ и платит ему за один том 100 руб<лей> (кажется, за вторую корректуру). Мы расспрашивали его о печатании его сочинений, как оно идет; он говорил, что он роздал в разные типографии, что идет довольно медленно, что ему мешают. Мы звали его приходиться к нам с корректурой и у нас ее поправлять, он обещал, и так мы простились.

4 февраля (1852 года) я сидела в нашей маленькой гостиной с Митей Карташевским^V (брат Константин, Митя и Любенька только что приехали из деревни, самовар был на столе). Мы говорили, очень живо, о Карташевских. Передняя комната была темна, портьерка в нее поднята, я услышала чьи-то шаги, но не обратила в первую минуту на то внимание, думая, что это брат. Шаги приблизились, я обернулась, — то был Гоголь; я ему обрадовалась чрезвычайно: вовсе его не ожидала. Он спросил, приехал ли брат, и, узнав, что он у Хомякова сказал, что сам туда пойдет; спросил меня о здоровье, так как накануне я была нездорова. Уселся в углу дивана, расспрашивал о том, о другом, в лице его видно было какое-то утом-

^I Ольга Федоровна Кошелева. — Примеч. в изд. 1908 и 1913 г.

^{II} Михаил Михайлович Нарышкин — декабрист, возвращенный в то время из Сибири. — Примеч. в изд. 1908 и 1913 г.

^{III} Это — «Записки ружейного охотника» С. Т. Аксакова. — Примеч. в изд. 1908 и 1913 г.

^{IV} Одна из сестер, которая имела голос и пела под руководством Гоголя малороссийские песни, что он очень любил. — Примеч. в изд. 1908 и 1913 г.

^V Двоюродный брат В. С. Аксаковой. — Примеч. в изд. 1908 и 1913 г.

ление и сонливость. Кошелева прислала звать нас с Наденькой к ней, я ему предложила ехать туда же.

— Нет, — сказал он, — я не могу, мне надобно зайти еще к Хомякову, а там домой, я хочу пораньше лечь. Сегодня ночью я чувствовал озноб, впрочем, он мне особенно спать не мешал.

— Это, верно, нервный, — сказала я.

— Да, нервное, — подтвердил он совершенно спокойным тоном.

— Что же вы не пришли к нам с корректурой? — спросила я.

— Забыл, а сейчас просидел над ней около часу.

— Ну в другой раз приносите.

Но этому другому разу не суждено было повториться! Гоголь просидел недолго, простился, по обыкновению подавши нам руку на прощанье, и ушел. Это было последнее свидание. Как нарочно, я не пошла его провожать далее, потому что собиралась ехать. Ничто не сказало мне, что более его не увижу.

Мы все были поражены его ужасной худобой. «Ах, как он худ, как он худ страшно», — говорили мы...

Впервые опубликовано: Последние дни жизни Гоголя. Из записной книжки В. С. Аксаковой // Минувшие Годы / Редактор Н. Я. Селюк. 1908. № 7. С. 273–278. Перепечатано: Из записной книжки В. С. Аксаковой: Последние дни жизни Гоголя // Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854–1855. Редакция и примечания Кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. Приложение. СПб., 1913. С. 164–169. Печатается по первой публикации.

В первой публикации заметки из записной книжки В. С. Аксаковой были сопровождаемы редакторским примечанием: «Сообщенные нам О<льгой> Г<ригорьевной> Аксаковой <племянница В. С. Аксаковой> заметки о последних днях жизни Н. В. Гоголя взяты из записной книжки Веры Сергеевны Аксаковой. Об отношениях Гоголя к семье Аксаковых рассказано подробно С. Т. Аксаковым в “Истории моего знакомства с Гоголем”. (Отрывок из этой работы — в 3-м томе “Полного собрания сочинений” С. Т. Аксакова; в полном виде сочинение занимает всю 8-ю книжку “Русского Архива” за 1890.) В числе материалов о Гоголе, тщательно сохраненных в аксаковской семье и приведенных С<ергеем> Т<имофеевичем> в порядок для этой книги, находим выписку из письма Веры Сергеевны к матери Гоголя о последних с ним встречах и несколько строк о том же из письма к С<ергею> Т<имофеевичу> (Русск. Архив 1890, т. II (№ 8), стр. 196–198). Сообщения Веры Сергеевны в письме к Марье Ивановне Гоголь не расходятся, конечно, с заметками в ее книжке, но заметки содержат много новых и ярких подробностей; в записной книжке Вера Сергеевна не стремится к сжатости и не руководилась соображениями о том, как некоторые детали могли бы повлиять на М. И. Гоголь» (С. 273).

По-видимому, предпочтение, которое среди дневниковых записей В. С. Аксаковой было отдано материалам, связанным с последними годами жизни Гоголя, связано с тем, что в изданной в 1890 г. «Истории моего знакомства с Гоголем» С. Т. Аксакова предшествующий период жизни писателя был освещен достаточно подробно (с привлечением, в частности, авторского сборника В. С. Аксаковой «Выписки из писем 1840–1849 гг. В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской о Гоголе»; см. выше), тогда как до последних лет жизни Гоголя Аксаков своих мемуаров не довел.

¹ 30 января 1852 г.

² Хомяковой.

³ Подробнее о Е. М. Хомяковой и о значении ее кончины для А. С. Хомякова см.: Уракова Н. О. «Прошу Вас выслушать сердцем мою “Прощальную повесть”...» (О духовных причинах смерти Н. В. Гоголя) // Лепта. 1996. № 28. С. 166–168.

⁴ По предположению Н. О. Ураковой, в день похорон Е. М. Хомяковой 29 января 1852 г. Гоголь ездил в находившуюся в Сокольниках Преображенскую больницу для умалишенных к блаженному Ивану Яковлевичу Корейше (1783–1861): «В пользу указанного дня поездки говорит тот факт, что в это время Гоголь, пораженный смертью Хомяковой, находился в смятении и страшных предчувствиях, не имея духовной поддержки, и стремление встретиться с юродивым было для него, возможно, более важным, чем похороны Хомяковой» (Уракова Н. О. «Прошу Вас выслушать сердцем мою “Прощальную повесть”...» (О духовных причинах смерти Н. В. Гоголя) // Лепта. 1996. № 28. С. 168–169).

См. также в наст. изд. мемуары А. Т. Тарасенкова «Н. В. Гоголь в последнее время жизни», «Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя» и дневниковые записи М. П. Погодина от 10 и 11 мая 1849 г.

⁵ Записка не сохранилась.

⁶ Имеется в виду отец Алексей Иванович Соколов.

⁷ К. С. Аксаков.

⁸ Вероятно, речь идет о писателе Михаиле Николаевиче Лихонине (1802–1864). Первые корректуры собрания сочинений Гоголя читались в 1851–1852 гг. С. П. Шевыревым, М. Н. Лихониным и И. С. Аксаковым. Шевырев, по его свидетельству, читал первый и второй тома; Лихонин — третий, И. С. Аксаков — четвертый. Как писал позднее Шевырев, из денег, израсходованных на издание гоголевских сочинений, Лихонину было заплачено за корректуру третьего тома: «За корректуру 3-го тома коррект<ору> Лихонину — 10 р<ублей> 30 <коп. >» (*Линниченко И. А. Новые материалы для биографии Н. В. Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 186*). На одном из двойных корректурных листов третьего тома «Сочинений» (с текстом «Невского проспекта» и шмуцтитолом повести «Нос») имеется также подпись: «Прислать еще корректуру. Лихонин» (*РГБ. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 12. Л. 1–2*). И. С. Аксаков 22 января 1852 г. сообщал родным, что «взялся держать последнюю корректуру 4-го тома» сочинений Гоголя (см. в наст. изд.).

Из дневника В. С. Аксаковой 1854–1855 гг.

1854. <...> 6 декабря, понедельник. Я не писала целую неделю, было некогда... <...> Во вторник 30 ноября воротился Иван... <...> Вечером, уже в 11-м часу, нам сказали: «приехал Кулиш». <...>

<12 декабря, воскресенье> Вот уже другая неделя, как живет у нас Кулиш. На другой день его приезда, т. е. в среду¹, провели в разговорах, а с четверга назначили по утрам до обеда занятия, а по вечерам разговоры или чтения. Так и исполняли. Три вечера сряду читал нам Кулиш свой исторический малороссийский роман «Черная рада». <...> ...По утрам он занимался чтением писем Гоголя к отесеньке и отесенькиных записок (пространных) о Гоголе. Прочтя «Радугу», Кулиш приступил к чтению своих записок о Гоголе, т. е. своего опыта биографии, но втрое обогатившегося, после напечатания в журнале, драгоценнейшими сведениями о Гоголе и его письмами. О впечатлении этого чтения не буду говорить покуда, оно даже слишком подавляет душу. <...>

В понедельник² из Москвы получено письмо от Томашевского... <...>

Два дня мы читали записки о Гоголе по вечерам, а потом два дня и утро и вечер. Впечатление этого чтения трудно передать, оно подавляло душу. Слова Гоголя поднимают со дна все силы душевные, все ее забытые прекрасные потребности и стремления, подымают вопросы давно забытые, тревожат ее, расширяют ее мир, и трудно совладать со всей этой проснувшейся жизнью. К тому же воспоминание о нем самом, о том голосе, который изустно раздавался между нами и которого не услышим больше, о той силе жизни гения, о той неистощимой любви ко всем и к каждому, которая не давала ему покоя! Письма его преисполнены этой любовью. Какая нежная предупредительная попечительность! Какая свежесть, какая полнота прекрасной жизни в его молодых письмах! Какие драгоценные отрывки нашел Кулиш! Душа перешла через несколько впечатлений при этом чтении. Делали некоторые заметки, Кулиш принимал охотно советы, даваемые ему. Станный человек, способный так верно, так тонко видеть и судить и столько же способный впасть в ошибку, а главное, попасть в фальшивую ноту! Чаше же всего он употребляет какие-то фигуральные, цветистые выражения, вроде: литературная мантия и т. д., и это очень мешает его, местами чрезвычайно верным и даже глубоким замечаниям, всегда полным искренней любви и даже благоговения к Гоголю. Кулиш — человек очень умный, наблюдательный, но какая-то странная путаница в его понятиях о чувствах любви поразили нас и прежде в его повестях, и теперь также в романе его «Черная Рада», а особенно в одной его повести которую он было начал нам читать, но не мог продолжать; он сам почувствовал

ее недостатки, ее фальшивый тон более, нежели мы могли ему это высказать; вскочил со стула и сказал: «нет, я не могу продолжать, я сам почувствовал, как это дурно, фальшиво». Вот что значит читать вслух в большом обществе, в присутствии людей, недовольно знакомых!

В пятницу³ мы кончили читать записки о Гоголе. Боже мой, как он страдал, какие страшные душевные подвиги, какое неутомимое, неослабное, ежеминутное стремление к Богу, к совершенству, непостижимое почти для нас, обыкновенных людей! Это – святой человек, и все его ошибки и умственные заблуждения разве не происходили из тех же прекрасных источников, и как мало, лишь немногие знали его, но Бог ему награда!

В субботу⁴ утром воротился Иван из Москвы...<...>

Накануне приезда Ивана мы кончили чтение записок о Гоголе. Кулиш как-то был довольнее, свободнее; он очень работал по утрам, списывая из черновых бумаг Гоголя, находящегося у нас, Альфреда, отрывок из драмы. Это ему стоило много труда, написано оно чрезвычайно тесно и слепо. Он перебирал все бумаги и книги Гоголя, разобрал кое-что новое, небольшие отрывки, часто состоящие из нескольких только слов, но и в них видны следы его гения. Каждый вечер после чаю Кулиш учил Наденьку петь малороссийские песни, и сам учился петь славянские и другие. В нем много учительских приемов и какой-то странный методизм в выражениях, в приемах и даже в мыслях, а между тем слышна под этим страстная натура, которая впрочем, как кажется, побеждается довольно сильным характером, но странные у него понятия, особенно о некоторых предметах. Мне кажется, это как будто следы впечатлений Жан Жака Руссо, о котором он и теперь говорит с таким восхищением. Странно, как же он мог понять так истинно, так глубоко Гоголя, чисто духовного человека, и с таким благоговением предаться ему! В пятницу, особенно вечером, все как-то были очень разговорчивы, но поутру приехал Иван, привез столько неприятных вестей, которые всех смутили.

Кулиш <...> вечером прочел нам письма Гоголя, которые не вошли в биографию. Мы просили его показать нам главы «Мертвых Душ» второго тома. Я и Константин прочли первую, нам столько памятную: ее читал нам сам Гоголь⁵; ничто так живо не напомнило нам Гоголя; казалось, он был тут, казалось, мы слышали его голос. Хотя эта глава далеко не в том виде, в каком он нам ее читал, но и в этом она так прекрасна, что снова произвела на нас то же впечатление, впечатление, которое только Гоголь производит; как живо почувствовали, чего мы лишились, чего лишился весь мир: в ком отразится он так, кто его так сознает и передаст! Прежде нам не хотелось, нам было больно и взглянуть на эти оставшиеся страницы, но теперь так захотелось их иметь! <...>

29 декабря. Опять некогда было писать. – 23-го числа приехал Константин из Москвы и привез Трушковского, который вчера в ночь уехал... <...>

Трушковский привозил нам письма Гоголя к Смирновой и оставшиеся главы «Мертвых Душ», 2-го тома. Все эти чтения произвели сильное, глубокое впечатление на всех и возбудили много и много разговоров и толков, над многим заставили глубоко задуматься. Гоголь – святой человек по своему стремленью. Он мог ошибаться, как человек; мог запутываться в приложении к житейским обстоятельствам тех святых истин, которым был предан всеми силами души своей, но он возлюбил Бога всем умом своим, всей душой, всеми помышлениями, и ближнего, как самого себя, – большего этого не требуется от человека. Какой святой подвиг вся его жизнь! Теперь только, при чтении стольких писем к стольким разным лицам, начинаем мы постигать всю задачу его жизни и все его духовные внутренние труды. Какая искренность в каждом слове! И этого человека подозревали в неискренности! Прекрасны его слова к Смирновой о России⁶, как замечательны они теперь! Он верил в светлое будущее России, но путь к нему указывал в настоящем.

Главы «Мертвых Душ», особенно последние, в таком неоконченном виде, что скорее их можно назвать заметками, которые автор набрасывает для себя самого. Но все же, какие чуд-

ные задачи и какие места! Одна первая глава довольно окончена, хотя тоже не в том виде, как мы слышали от самого Гоголя. Отношения его к Смирновой самые задушевные, дружеские, основанные на духовном стремлении. Трушковский — добрый, неглупый человек, но жалко видеть его бессилие внутреннее, которым столько страдает молодых людей в наше время. Он чтит память дяди всей душой, с благоговением. В настоящее время он посвящает себя собиранию писем Гоголя и приготовлению их к цензуре, а если она разрешит, то немедленно приступит к печатанию. Он также получит разрешение на продолжение печатания сочинений Гоголя, начатого еще им самим, которое было приостановлено после него из каких-то нелепых опасений. Трушковский очень откровенно признается в влиянии дурном Петербурга, которое он всякий раз испытывает, когда там бывает, и потому решительно не хочет там служить. Вообще он еще не решился, какое поприще избрать себе; это и точно трудно, когда нет в душе особенного, исключительного стремления к чему-нибудь, предпочтения чего-нибудь. Недостает в нем какой-то активной силы, а между тем он чувствует живо и принимает живое участие в событиях нашего времени. Нельзя не заметить, что он несколько изнежен, избалован, и в этом отношении Малороссия ему очень вредна. Впрочем, он еще очень молод, ему 21 год. Жизнь научит и укрепит. Мы все говорим ему откровенно наше мнение и делаем ему замечания насчет его характера и т. д. Он принимает хорошо все эти нравоучения, хотя я уверена, что они не совсем ему приятны. <...>

1855. <...> 25 января, вторник. Опять давно не писала; несколько дней провели мы так шумно, что только теперь отдохнули. Через пять дней после возврата Константина из Москвы <16 января, в воскресенье> приехал перед обедом Тургенев со Щепкиным; его мы ждали, но не ждали Щепкина. Я не хотела даже выходить на это время (я и в первый раз, когда у нас был Тургенев, не выходила из своей комнаты, не имела особенного интереса его видеть). <...> Тургенев мне решительно не понравился, сделал на меня неприятное впечатление. Я с вниманием всматривалась в него и прислушивалась к его словам, и вот что могу сказать. Это человек кроме того, что не имеющий понятия ни о какой вере, кроме того, что проводил жизнь безнравственно и которого понятия загрязнились о такой жизни, это — человек, способный только испытывать физические ощущения; все его впечатления проходят через нервы, духовной стороны предмета он не в состоянии ни понять, ни почувствовать. <...> У него есть какие-то стремления к чему-то более деликатному, к какой-то душевности, но не духовному; он весь — человек впечатлений, ощущений, человек, в котором нет даже языческой силы и возвышенности души, какая-то дряблость душевная, как и телесная, несмотря на его огромную фигуру. А Константин начинал думать, что Тургенев сближается с ним, сходится с его взглядами и что совершенно может отказаться от своего прежнего, но я считаю это решительно невозможным. <...> Константин сам, кажется, в этом убеждается и на прощаньи пришел в сильное негодование от слов Тургенева, который сказал, что Белинский и его письмо¹, это — вся его религия. <...>

На другой день <...> прощаясь <...> мы услышали слова Тургенева, обращенные к маменьке: «Даю вам слово, что в будущее воскресенье пойду в церковь». <...> ...Я еще не вставала, когда уехали Хомяков и Гильфердинги — отец с сыном к Троице, а оттуда в Москву, и в то же время Тургенев с Щепкиным прямо в Москву. Перед отъездом Тургенев высказал некоторые свои мысли, которые привели в негодование Константина, и он сильно выразил его. Тургенев, прощаясь с маменькой, сказал: «Вы, по крайней мере, не отчаиваетесь во мне, как ваш сын», и повторил обещание быть у обедни в будущее воскресенье. <...>

Сегодня 21 февраля день памяти дедушки и день памяти Гоголя. Мы ездили с маменькой в Хотьков служить панихиду.

¹ Известное письмо к Гоголю. — Примеч. П. Е. Щеголева.

Впервые опубликовано: Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854–55 гг.) // Минувшие Годы / Редактор Н. Я. Селюк. 1908. № 8. С. 114–118, 122–124, 133–139; № 12. С. 213. Печатается по изд.: Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854–1855. Редакция и примечания Кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. Приложение. СПб., 1913. С. 17–21, 27–28, 40–42, 63.

В публикации 1908 г. редактор журнала Н. Я. Селюк писал: «Сообщением этого замечательного дневника редакция обязана Ольге Григорьевне Аксаковой, племяннице автора дневника и внучке Сергея Тимофеевича Аксакова. <...> О. Г. Аксакова сообщает следующую характеристику своей тетки: “Вера Сергеевна была самая старшая из дочерей Сергея Тимофеевича и Ольги Семеновны Аксаковых; старше ее из детей был только Константин Сергеевич. Поэтому и воспитание ее отделяется от воспитания остальных дочерей; оно более серьезно, более подходит к воспитанию братьев. <...> Вера Сергеевна была богато одаренная натура: она могла многое понимать, была образована, прекрасно рисовала карандашом и писала масляными красками. Она была не чужда экзальтации, сильно увлекалась и чувствовала большую склонность к мистицизму и философии. <...> Вера Сергеевна была исключительным явлением даже и в этой особо талантливой семье. <...> Все были религиозны, но она жила религией, горела верой и любовью к Богу, но в ней это не носило печати особой серьезности и скуки. Эта жизнь проходила где-то внутри ее, а в жизни она была — ребенком с детьми, веселая девушка с своими подругами, понимающий брат — для братьев, отзывчивый друг для всех и каждого”» (С. 101–102).

¹ 1 декабря 1854 г.

² 6 декабря 1854 г.

³ 10 декабря 1854 г.

⁴ 11 декабря 1854 г.

⁵ 19 августа 1849 г. в Абрамцево (см. в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 29 августа 1849 г.).

⁶ Имеется в виду статья XXI. *Что такое губернаторша* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе

Трудно мне вспомнить те свежие, живые впечатления, среди которых жила я 10, 12 лет тому назад; но, погружаясь в них понемногу, постепенно вижу я как то одно, то другое возникает, и тогда-то снова осветится воспоминание и наполняет душу давно забытыми, давно чуждыми впечатлениями. В самом разном мире может жить человек один и тот же, конечно с изменением лет и обстоятельств не узнаешь себя, и может не вериться, что все это сам переживал и пережил, а между тем ничего сильного, яркого не происходило в моей жизни. Я считаю некоторым образом своею обязанностью передать свои воспоминания, связанные с Г<оголем>. Не думаю, чтоб могла соблюсти последовательность; буду записывать, как вспомнится. Между же моими воспоминаниями и настоящим временем легло столько болезненных впечатлений, что это еще более мешает мне возобновить в памяти свежесть той жизни.

Сегодня вспомнила я, как в 1851 году Гоголь был у нас при тет<ушке> Над<ежде> Тим<офеевне>¹. Мы за ним посылали к Троице, вечером были малороссийские песни. На другой день утром я пришла в залу, Гоголь уже давно там был и разговаривал с Иваном², погода была очень дурная. Поздоровавшись с Гоголем, я стала жаловаться на погоду. Г<оголь> сказал: «все хорошо, зачем жаловаться, за все надобно благодарить»; видно было, что ему было тяжело слышать всякое неудовольствие. Не помню, как зашел у Г<оголя> с Иваном разговор, но помню, что он коснулся до всего состояния современного неустройства, разладу и т. д. Гоголь говорил с душевным участием, видно было, что эти мысли не раз тревожили его душу и возбуждали его самое глубокое соболезнование, — «а как бы все само собою устроилось, все недоразумения, раздоры прекратились, — говорил, — если б каждый человек был полон любви».

Он подошел к окну, видимо погруженный в свои мысли, устремил глаза вдаль; видно было, что он предался своей задушевной мечте; в эту минуту высказалась вся его любовь ко всем¹.

1839 года 29 сентября на даче в Аксиньине мы получили записку от Щепкина с извещением, что приехал Гоголь³. Радость была общая, Константин уехал в тот же день в Москву, а мы переехали на другой день совсем. Кажется, 1-го октября во время нашего обеда взошел в залу Щепкин и с ним кто-то, небольшого роста человек с длинными белокурыми волосами, усами и эспаньелкой — то был Гоголь. — С этого дня началось наше короткое знакомство с ним; через месяц мы уже ехали вместе в Петерб<ург> и дорогой еще больше сблизились. В Петерб<урге> мы видались довольно часто, хотя на короткое время. Из Петерб<урга> поехали вместе с ним и с его сестрами и с Фед<ором> Ив<ановичем> Васьковым. — К Празднику Рождества Христова мы были в Москве, и 2 января 1840 года мы с маменькой уехали в Курск и воротились в первых числах февраля. В мае Гоголь уехал с Пановым в чужие края из нашего дома. В 1841 году он воротился один с намерением поселиться в Москве с Языковым. В 1842 г. к 21 мая вышла первая часть Мерт<вых> Д<уш>, и он сам скоро уехал опять в чужие края из нашего же дома. Уехал с тем, чтоб побывать в Иерусалиме. — Уезжая, перекрестил всех нас. Мать и сестры его были тут же. 6 лет он пробыл за границей, в начале 1848 году он воротился в Малороссию, в конце августа приехал в Москву. Я была больна в Москве, и маменька и Константин случайно были в это время также в Москве. С тем же Щепкиным пришел он к нам. Мы обрадовались чрезвычайно, Гоголь был как-то смущен. Вскоре поехал в Петерб<ург> и вскоре опять воротился. В октябре приехал и Отесенька и все из деревни. Тут опять начались посещения Гоголя, хоть не столь частые, как в прежние времена.

1849 год, в мае месяце, незадолго до дня своих именин, он сделался болен, расстроен нервами, однако ж был у него, по обыкновению, обед у Погодина. Лето провел он в разъездах около Москвы (в Калуге у Смир<новой>), был у нас в августе целую неделю, читал в первый раз первую главу 2 Тома, а потом приехал в начале сентября и опять провел неделю.

Мы поздно переехали в Москву, к 1 января 1850 года. Гоголь был Москве и рад очень нам. Зиму провели вместе, малороссийские песни его утешали. Весной опять расстроился. В мае уехал он с Максимовичем в Малороссию, а оттуда в Одессу, где и провел зиму, в 1851 в июне воротился в Москву, был у Троицы, приезжал к нам и с нами вместе уехал в Москву [потом опять приезжал к нам один на два дня, хотел еще приехать до отъезда своего в Малороссию на свадьбу сестры]. Отесенька с братьями ездил в дальнюю деревню, а перед отъездом и все вместе приезжали в Москву, и Гоголь часто ходил к нам и читал Мерт<вые> Д<уши> и пели малорос<сийские> песни; потом он уехал к Смирновой в подмосковную. По возвращении Отесеньки и братьев, он неожиданно приехал к нам один на один день⁴, был чрезвычайно весел и жив; хотел приехать в сентябре к именинным праздникам, но не успел и 22 сентября после сильных нерешений уехал в Малороссию. 30 сентября Отесенька с Константином поехали по делам в Москву, вдруг им говорят, что Гоголь присылал; Конст<антин> побежал к нему и привел его. Он на дороге, в Калуге, сделался болен в Оптиной Пустыни и решился воротиться. В тот же день Отесенька, Конст<антин> и он приехали к нам вечером. Мы были удивлены и обрадованы, но вид Гоголя огорчил нас. Он был так расстроен, так худ, так грустен, что жалко было его видеть. Впрочем, на другой день ободрился, а на третий, 2-го октября, уехал от нас. Это было последнее его посещение в деревне.

¹ В это же утро говорил он о том, как один человек, больной, не выходя из дома, разрисовал весь свой дом растениями и цветами той стороны, где жил, как можно всем себе найти дельное занятие, даже можно смотреть, как делают другие, с пользой, и научиться, когда сам не в состоянии ничем заняться, то следить с вниманием за работой других уже может быть делом. Очевидно он говорил это для меня, потому что я не раз говорила, что я не в состоянии ничего делать. — Тут его позвали читать драму, он тотчас пошел, но мне казалось, что он в ту минуту [продолжал оставаться] не был расположен. — *Примеч. В. С. Аксаковой.*

[Вскоре маменька, я и Надя поехали в Москву, переехали на другую квартиру, с Гоголем виделись часто, я уехала 9 ноября.]

Вскоре после того как Николай Васильевич уехал от нас (2-го октября) мы с маменькой и Надей также должны были ехать в Москву. Маменька искала квартиры для Оленьки, мы же все по обстоятельствам решились провести зиму в деревне. Ник<олай> Вас<ильевич> часто навещал нас по вечерам, всегда расспрашивал подробно о домах, которые мы смотрели, уговаривал маменьку нанять большой, для того чтоб батюшка и все могли переехать в город; но мы не могли этого сделать, как сами того ни желали. «Хоть еще бы одну только зиму вы провели в Москве», — сказал он один раз, и как больно вспоминаются эти слова теперь. — Часто по вечерам пела Наденька малороссийские песни. Ник<олай> Вас<ильевич> сам напевал, я клала на ноты. Один раз собралось у нас еще несколько малороссов, и все пели песни, Ник<олай> Вас<ильевич> был доволен. Наконец маменька наняла домик, мы переехали. Ник<олай> Вас<ильевич> пришел к нам на новоселье во время нашего вечернего чая и принес хлеб для больной сестры. Даже в этот вечер уговаривал маменьку переменить дом на большой и все надеялся, что до Рождества Батюшка и все переедут в город. — Мы возвратились в деревню 9-го ноября. — На Рождество маменька должна была опять ехать в Москву по случаю кончины одной нашей старинной знакомой — Кавелиной. К новому году маменька опять уже была в деревне. В Москве виделась несколько раз с Ник<олаем> Вас<ильевичем>, и он один раз сказал маменьке на вопрос — скоро ли думает печатать: «Нет, не скоро, многого недостает, и если б теперь пришлось начинать, совсем бы иначе начал»¹.

Приехала опять в Москву 1852 года 19 января. Гоголь нас навещал через день до 4 февраля. А 21<-го> его уже не было.

15 февраля 1852 года в пятницу Гоголь был уже в постеле и так изменился в лице, что брат был поражен, взойдя к нему. Гоголь спросил: «Что у вас в деревне?» — «Слава Богу, все благополучно». — «Дай Бог, чтоб было все благополучно», — сказал Гоголь.

16, 17<-го> числа мы справлялись о здоровье Гоголя; все говорили, что лучше, лучше, что он даже встает. 18<-го> числа мне не удалось послать узнать о нем, но я не тревожилась, зная, что ему лучше, и была уверена, что через несколько времени он выздоровеет, но 19 числа утром, часов в 11, приехал к нам В. Че<ркацкий>⁵. Между прочими пустыми разговорами он вдруг сказал: «А знаете ли, вчера Гоголь совсем умирал, его причащали и соборовали». Мы были поражены. Как мы провели этот день, тяжело вспомнить; посылали к Гоголю — те же вести, даже хуже; говорили, что он с ума сошел и т. д. К вечеру, однако же, сказали, что ему лучше несколько. На другой день, однако же, плохие вести. Часов в 5, после вечерни, мне сказали, что нет никакой надежды. Тут приехал Иван с Самб<урскими>^{11 6}. Весь этот вечер провели мы так смутно, что я почти не помню; на другой <день> утром сказали, что Гоголю лучше, но только сильная слабость; я догадалась, что это последнее, но только часа в два или три узнала я, что Гоголя уже не стало.

На первой панихиде вечером уже начался спор о Г<оголе>⁷.

Отчего это каждое слово Гоголя подымает так душу со дна, возбуждает все то, что спало до тех пор в глубине ее, подымает все ее законные потребности, все высокие стремления, вопросы, давно заснувшие, тревожат ее снова, и цель ее существования и долг ее на земле неотразимо представляется, сколько жизни может и должна заключать душа, как широко ее поле назначения; вдруг почувствуешь те тайные связи, связующие каждую человеческую душу со всем

¹ Фрагмент: Вскоре после того как Николай Васильевич ~ совсем бы иначе начал». — представляет собой вставку на подшитом к тетради отдельном листе (настоящий фрагмент отсутствует во втором списке).

¹¹ Так во втором списке. В первом списке ошибочно: с Самс<оновым>

миром других душ и явлений жизни: ту связь, которая часто, всегда почти, пренебрегается нами, и мы живем разрозненные, как-то недовольные, часто тоскующие по ней в своем скудном стесненном одиночестве, вращаясь без смысла, оторванно в ограниченном мире своих собственных нужд и впечатлений. — Слово Гоголя вдруг освещает всю скудость, всю пошлость, всю безжизненность такой жизни; о, если б всегда гореть тем неугасимым пламенем добра и любви, потребности пользы, стремления к идеалу совершенства, и эти стремления должны перейти в дело, принести плод. — Сколько неистощимой любви в его письмах к сестрам, сколько самой нежной, самой предусмотрительной попечительности, входящей во все мельчайшие подробности, предупреждающей все возможные явления, сколько стараний, усилий вразумить их, даже издали оградить их от всего пошлого, недостойного, сколько скорби об них; нежная мать не могла бы более любить и заботиться. И вообще во всех его дружеских письмах сколько нежной любви, душевной заботливости об каждом. Вот откуда проистекает *его желание учить других* — из этого неисчерпаемого источника любви к людям, из этой неутомимой скорби, заботливости о них, которая даже простиралась и на внешние обстоятельства каждого. Вот почему каждое слово его возбуждает в душе каждого ту же любовь, напоминая человеку ту связь любви, которая существует между всеми творениями Божиими и в которой они соединяются с Богом. Как письма Гоголя оправдывают его во всех обвинениях, до сих пор на него взводимых некоторыми! — [Но желая примирить с настоящим порядком вещей] [Но желая отвратить взоры людей от¹...]

Какая-то скупость и скудость души удерживает часто нас от сближения и сообщения с другими душами. Такая скупость удержала Н. от сближения с Г<оголем>. Мне теперь кажется, что это все равно, что зарыть талант в землю, эта боязнь, как будто жаль траты или хлопот. Может быть, она и происходит от скудости душевной, да и она же ее производит. Потом уже нет силы жизни, нет производителя силы, стало быть нет достаточно любви ни для каких подвигов душевных. — Страшно, где же взять богатство, как приобрести его; что может оживить такую зачерствелую душу, кто кроме Бога.

Гоголь говорит в одном письме к Пл<етневу>, что после него будут творить скорее⁸, потому что он уже сделает половину пути. Гоголь говорил о сочинениях, но так как дело Гоголя, по его же словам, есть дело души, то и путь его имел значение не литературное только, а именно путь воспитания душевного, и он, точно, проложил для всех уже его, и его пример не действует ли на всех и не ведет ли по этому пути, уже углаженному им душевными и телесными страданиями? — Много мы имеем примеров Святых Подвижников, но то было давно, во времена, столько разнствующее от наших, при таких особенных обстоятельствах и окружениях, совершенно чуждых нашему времени. Но это совершилось при наших глазах, хотя большею частью неизвестно для нас самих. Это пример из нашей среды, при всех условиях современной жизни и обстоятельствах; это <т> человек явился и жил среди нас, оставался — человек-художник и служивший свято искусству. Какое явление! Все презревший, все подчинивший одному стремлению к Богу!

О Гоголе же

— Что было несомненно, непоколебимо, это — желание добра и пользы и что желание это было так сильно, так проникало все его существо, что было источником всех его действий, присутствовало, кажется, при каждой его мысли, или, лучше, порождало всякую его мысль, — и мыслей, хотя бы и самых ошибочных и, по-видимому, противоречащих. Он сам сказал: «Я *сгораю...*», и это не фраза, это было истинно так. Но как, каким путем достичь добра, как приложить это душевное стремление к жизни, как осуществить его в практической форме — вот это

¹ Не дописано. Последних двух зачеркнутых фраз нет во втором списке.

была задача, которой разрешение мучило его постоянно, которая [этот вопрос] беспрестанно ему являлась то с той, то с другой стороны, часто совершенно противоречащей между собой; эта лаборатория внутренняя не прекращалась. Иногда ему казалось довольно долго, что он нашел задачу, и он ее обнаружил, уча решению, и сам потом удивлялся, как вышло совсем не то, что хотел сказать, и горел со стыда при своей ошибке. В приложениях к частностям он ошибался часто; ему очень естественно хотелось видимой пользы, которая бы своей определенностью, осязательностью успокоила бы его тревожную, жаждущую душу. Любовь он принимал за построение целых не только взглядов, но установлений, и при душевной идеальности своих требований и надежд, которых осуществлений он желал и воображал уже, что видит, — разумеется, часто ошибался. Но не ошибалось в нем это стремление, истинна была эта горячая любовь и желание добра, и он чувствовал это и не мог не скорбеть, когда его так дурно понимали, и чувствовал также свою невозможность оправдаться, выразиться <...¹ лиризм и стремление к образам действительным со всей их оконченностью. Вообще ему трудно было выражаться; конечно это был, может быть, недостаток натуры, но вместе с тем это происходило и из того, что натура его души была слишком идеальна, слишком серьезно горела, чтоб найти легко соответственное слово; надобно чтоб он слишком был одушевлен, тогда он мог говорить, но это случалось очень редко, и мне кажется ему самому было приятно высказаться сколько-нибудь. Мы видели, как полно каждое слово его, как оно, сверх своего обыкновенного смысла, говорит тем внутренним, необъятной глубиной жизни огнем той души, из которой вышло, и подавляет нас своим внутренним значением. Вот почему иногда вовсе неловкие и даже неправильные выражения, если их будут рассматривать со стороны обыкновенного смысла и правильности, имеют невыразимую прелесть и так неотразимо действуют внутренним своим увлечением.

Он не проповедовал громко и увлекательно своих мыслей, но, живя ими исключительно, каждое его слово отзывалось тем, что так вполне им владело. Он постоянно следил за каждым движением человека и желал всей душой сообщить ему свое желание помочь; думал, что бы такой или такой человек мог сделать доброго? и иногда одно, два слова его обнаруживали то, что его занимало: — а вот бы хорошо вам было то сделать, так заняться, но на первое возражение получаемое, он замолчит, потом косвенно когда-нибудь опять скажет: а вот такой-то хорошо делает так-то. Он <не> любил вообще *системы*, которыми так легко удовлетворяются люди, которые часто считают себя обязанными действовать согласно с ними, потому он нападал часто на разговоры, споры и т. д., не любил и прений, направлений особенных и т. д.

Самые идеальные требования души своей хотел практически применить к жизни и по требованию своего художнического таланта желал их видеть осуществленными во всей обстановке мелочей ежедневной жизни.

Обвинения его в том, что он оправдывал Общество, свет, быт помещиков, служебные слишком подчиненные отношения и т. д. — Как все это несправедливо. Он только ничего не нарушал, он хотел только обратить глаза каждого от окружающих его предметов на себя самого, на свою душу и ей одной заняться, говоря, что тогда все само собою устроится и т. д.

Хранится: Список с записок Веры Аксаковой, писанных карандашом о Гоголе // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 18. Ед. хр. 4. Л. 1–12. Здесь же хранится второй, неполный список, на бумаге меньшего размера (без вставки: «Вскоре после того как Николай Васильевич <...> совсем бы иначе начал», и без фрагмента «О Гоголе же»): *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 18. Ед. хр. 4. Л. 13–23. Впервые опубликовано, с ошибками и купюрами, по первому списку: Из записных книжек В. С. Аксаковой / Публикация Л. Каплана // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 786–792. Печатается по первому списку, с уточнением по второму.

На первом листе рукописи сделана помета карандашом рукою неизвестного лица: «Прилагаю подлинник, т. к. я никак не могла разобрать одно слово, которое между тем написано довольно ясно, но очевидно, что оно какое-то осо-

¹ Пропущено слово, не разобранный перепищиком.

бенное, так как самую Верю подчеркнуто и вставлено во вносные знаки. Мне даже казалось, что оно нерусское, английское, но писанное русскими буквами. Это: последнее слово на второй писанной странице. Может быть ты разрешишь.

[Этот] Также список на бумаге маленького формата, помнится, послала тебе еще давно, впрочем, мне не нужен этот список и возвращать его не надо».

Содержание записок позволяет датировать их 1861–1864 гг.

¹ Надежда Тимофеевна Карташевская (рожденная Аксакова, 1794–1887), родная сестра С. Т. Аксакова.

² И. С. Аксаков.

³ См. в наст. изд. письмо М. С. Щепкина к С. Т. Аксакову от 28 сентября 1839 г.

⁴ 8 сентября 1851 г.

⁵ Князь Владимир Александрович Черкасский.

⁶ О приезде трех сестер Самбурских (включая старшую Софью Алексеевну) вместе с И. С. Аксаковым из Курской губернии см.: *Трутовский К. А.* Воспоминания о Сергее Тимофеевиче Аксакове // *Русский Художественный Архив.* 1892. Вып. 2. С. 50: «Так как С-амбурски>й не давал своего согласия <на брак К. А. Трутовского с С. А. Самбурской> и очень круто обращался с дочерью, то Ольга Семеновна Аксакова послала сына своего, Ивана Сергеевича, чтобы узнать на месте все обстоятельства и, если можно, уладить дело. Но упрямый старик не поддавался. Тогда Иван Сергеевич уговорил старика отпустить с ними всех дочерей в Абрамцево». См. также в наст. изд. отрывок из «Воспоминаний о Сергее Тимофеевиче Аксакове» К. А. Трутовского.

⁷ См. в наст. изд. письмо московского генерал-губернатора графа А. А. Закревского начальнику III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии графу А. Ф. Орлову от 29 февраля 1852 г.

⁸ Ср. строки из письма Гоголя к П. А. Плетневу от 6 октября (н. ст.) 1843 г. из Дюссельдорфа: «Я знаю, что после буду творить полней и даже быстрее, но до этого еще не скоро мне достигнуть. Сочиненья мои так связаны тесно с духовным образованием меня самого и такое мне нужно до того времени вынести внутреннее сильное воспитание душевное, глубокое воспитание, что нельзя и надеяться на скорое появление моих новых сочинений».

Гоголь в письмах Г. С. Аксакова

Г. С. Аксаков — родным

18 апреля 1836 г. Санкт-Петербург.

<...> Здесь появился новый журнал «Современник», издаваемый Пушкиным, который, я думаю, много подорвет «Библиотеку»¹. Первый номер его очень хвалят. В нем есть повесть Гоголя², критика Пушкина на Сенковского³. Желал бы прочесть, но, я думаю, не удастся, потому что негде взять. <...>

Впервые опубликовано: Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) // Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 119. Печатается по первой публикации.

Григорий Сергеевич Аксаков (1820–1891), сын С. Т. и О. Сем. Аксаковых, выпускник Императорского Училища правоведения (открытого в 1835 г.), служил прокурором в Симбирске, впоследствии губернатор самарский и оренбургский.

¹ Журнал «Библиотека для Чтения».

² «Коляска».

³ Имеется в виду статья Гоголя «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году», напечатанная в т. 1 «Современника» за 1836 г. (цензурное разрешение 31 марта) без имени автора.

Г. С. Аксаков — К. С. Аксакову

<Начало мая 1836. Санкт-Петербург>

<...> О «Ревизоре» слышал, что эта пьеса была принята отлично; автор был вызван; но также слышал, что в ней много простонародных бранных слов, что не совсем приятно. <...>

Впервые опубликовано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 767. Печатается по первой публикации.

Представляет собой ответ на письмо К. С. Аксакова от конца апреля 1836 г. из Москвы (см. в наст. изд.).

Г. С. Аксаков — К. С. Аксакову

Утро, четверг <21 апреля 1838. Санкт-Петербург>.

<...> Нынче <...> давали «Ревизора», и городничего играл Щепкин¹. «Ревизора» я ни разу прежде этого не видал на сцене, и мне очень приятно было его видеть; и странно было вдрут увидеть Щепкина между петербургскими актерами. Щепкин играл превосходно; многие говорят, что лучше Сосницкого. Петербург его славно принимает. В «Ревизоре» вызвали два раза. Я хлопал и кричал как нельзя больше¹. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 556. Печатается по первой публикации.

Отрывок является припиской к письму, написанному Г. С. Аксаковым накануне и имеющему точную дату.

¹ Гастроли М. С. Щепкина в Петербурге проходили в апреле–мае 1838 г.

Г. С. Аксаков — С. Т. и О. Сем. Аксаковым

Воскресенье. 22 октября, 1839-й год. <Санкт-Петербург>.

<...> У нас в училище играли в субботу¹ после всенощной «Ревизора» Гоголя, разумеется, без декораций и хороших костюмов. Все училище смотрело и восхищалось этой пиесой. Сначала было вовсе запретили играть, но тогда отправились все в известное место и там представляли, как могли. Потом получили позволение от принца² которому донес о том директор³; и тогда все, что можно было сделать, не имея костюмов и декораций, было сделано. Против ожидания, шло очень хорошо. Особенно удачно сыграны роли Хлестакова и Осипа.

Я думаю, Гоголю будет очень приятно, когда он узнает, что пиеса его была играна в училище и что ее почти всякий из нас знает наизусть⁴; сколько эпиграфов приведено было из его комедии к нашим профессорам; всякому досталось! <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 568. Печатается по первой публикации.

См. также письмо к родителям И. С. Аксакова от 22 октября 1839 г.

¹ 21 октября 1839 г.

² Принц Петр Георгиевич Ольденбургский (1812–1881), основатель и попечитель Училища правоведения.

³ Семен Антонович Пошман (1792–1847), действительный статский советник.

⁴ Об отношении воспитанников Училища правоведения к Гоголю и его произведениям см. также в наст. изд. в воспоминаниях В. В. Стасова «Училище правоведения сорок лет тому назад, в 1836–1842 гг.».

Свидетельства о Гоголе И. С. Аксакова

Гоголь в письмах И. С. Аксакова

И. С. Аксаков — С. Т. и О. Сем. Аксаковым

22 октября 1839 г. <Санкт-Петербург>.

Вчера у нас играли «Ревизора» (т. е. только наш и 2-й класс). Некоторые были просто в куртках, другие склеили себе костюмы из бумаги. Впрочем, очень, очень порядочно играли, тем более, что это все устроили в одну неделю и в первый раз, без пособия кулис и костюмов. Был директор¹, только не на всем спектакле, очень смеялся и, говорят, хочет об этом доложить принцу² — может быть, у нас устроят театр, как и в некоторых других заведениях. <...> Итак, письмо это, может быть, и не застанет отесеньку. <...> Стало, я увижу Гоголя, но я не понимаю: что, он приедет вместе с отесенькой или только в одно время с ним? <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 568. Печатается по первой публикации.

См. также письмо к родителям Г. С. Аксакова от 22 октября 1839 г.

¹ С. А. Пошман.

² Принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому.

И. С. Аксаков — К. С. Аксакову

25 февраля 1840 г. <Санкт-Петербург>.

<...> Панаев в восхищении: получили письмо Гоголя к Одоевскому¹: он обещает прислать повесть в «Отечественные записки»² и просит, чтоб ему высылали «Отечественные записки» в Рим³. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 582. Печатается по первой публикации.

¹ Очевидно, речь идет о несохранившемся письме Гоголя к князю В. Ф. Одоевскому, о котором Гоголь упоминал в послании к М. П. Погодину от 25 января 1840 г. из Москвы в Петербург: «Пожалуйста, отправь эти письма. Одно можешь сам отдать Одоевскому и от него получить небольшую посылочку, которую привезешь мне». См. также в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к О. Сем. и В. С. Аксаковым от 5 января 1840 г.

² Обещание не было выполнено.

³ К отправлению из Москвы в Италию Гоголь стал готовиться с начала 1840 г., но выехал только 18 мая этого года.

И. С. Аксаков — К. С. Аксакову

Санкт-Петербург. 7-го апреля <1841>.

<...> Панаев¹ показывал мне письмо Языкова², в котором тот просит его похлопотать о Гоголе, именно о «Ревизоре»³. Панаев сердится, что не написано ни на сколько времени, ни какое количество экземпляров и пр. Он думает, что здесь дадут меньше за «Ревизора»: в Петербурге он и не так разоидется, и ценить его не умеют⁴. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 600. Печатается по первой публикации.

¹ И. И. Панаев.

² Михаил Александрович Языков (1811–1885), директор Императорского стеклянного завода, приятель В. Г. Белинского.

³ Письмо неизвестно. М. А. Языков написал И. И. Панаеву, вероятно, по просьбе Аксаковых, которых посещал во время своего пребывания в Москве.

⁴ Намерение напечатать второе издание «Ревизора» в Петербурге не было осуществлено. «Ревизор» был издан в Москве М. П. Погодиным.

И. С. Аксаков — родным

Астрахань. 1844 года, марта 14-го. Вторник.

<...> Если переписка не очень затруднит, то, конечно, я бы очень рад был прочесть Гоголевы письма¹ и Ваш будущий ответ², милый Отесинька. Признаюсь, эта рассылка *Imitation de Jesus Christ*³ с такими билетиками мне решительно не нравится, но меня это не удивляет: тон прежних его писем, как они ни были прекрасны, мне что-то был не совсем по душе. Есть что-то учительское, проповедническое. Впрочем, я рад буду, если он, объяснив нам, открыв настоящий свет вещи, заставит сознать и наше заблуждение, но до тех пор, как хотите, а это странно. О впечатлении этих движений Гоголя пишете Вы мне только, милая моя Маменька, — но что думают об этом другие, не знаю. Константин, может быть, и желает защитить его, но в душе сам, верно, не доволен этим. Ох, не охотник я до этих штук! Как бы не потерпело искусство от излишества религиозного направления. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 97; см. также: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 51. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо Гоголя к С. Т. Аксакову, М. П. Погодину и С. П. Шевыреву от 2 февраля (н. ст.) 1844 г.; письмо к С. Т. Аксакову от 10 февраля (н. ст.) того же года.

² Ответ был написан С. Т. Аксаковым 17 апреля 1844 г.

³ «Подражание Иисусу Христу» (около 1418); книга приписывается обычно Фоме Кемпийскому.

И. С. Аксаков — родным

Астрахань. 1844 года, апреля 16-го. Воскресенье.

<...> Последняя почта не привезла мне ничего, но я очень благодарен вам за предыдущие письма и за копию с письма Гоголя¹. Я его прочел несколько раз... <...> ...Сознавая истину его

слов, я не могу оторваться от жизни и стремлюсь к противоположной цели. <...> Мне кажется, что Гоголевым настроением духа перейдешь к воззрению на людей, как на братьев по Христе <...> и что не будешь годиться для общественной жизни. <...> Веря я особенно благодарен за то, что она взяла на себя труд переписать мне письмо Гоголя... <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 116–118; см. также: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 67–69. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо Гоголя к С. Т. Аксакову, М. П. Погодину и С. П. Шевыреву от 2 февраля (н. ст.) 1844 г.

И. С. Аксаков — родным

1845 г. Окт<ября> 20. Калуга. Суббота.

<...> На этой неделе получил я два письма: одно от Погуляева¹, другое от Гриши². Погуляев (воротившийся) уведомляет меня, что <...> письмо и сверток на имя Гоголя отданы им в доме Жуковского³: Гоголь в то время находился в Спа, а Жуковского не было дома. <...>

Печатается по изд.: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 196.

¹ Николай Тимофеевич Погуляев (1821–1859), надворный советник, обер-секретарь 5-го департамента Правительствующего Сената; приятель И. С. Аксакова.

² Г. С. Аксаков.

³ Н. Т. Погуляев летом и осенью 1845 г. находился за границей. Ему было передано письмо С. Т. Аксакова от 24 мая 1845 г. и две поэмы И. С. Аксакова («Жизнь чиновника» и «Зимняя дорога»), о которых тот хотел знать мнение Гоголя. Эти произведения были получены Гоголем, вероятно, только в начале июня (н. ст.) 1846 г. во Франкфурте (см. коммент. к письму № 1068 в т. 13 Полн. собр. соч. и писем Н. В. Гоголя в 17 т. (М.; Киев, 2009), а также коммент. к разделу *Н. М. Языков* в т. 17 указанного издания).

И. С. Аксаков — родным

Калуга. 1845 г. 17 ноября. Суббота.

<...> ...Приезд Смирновой расстроил мое одиночество, нарушил мой образ жизни. <...> В среду¹ вечером я был у нее; она явилась совсем в другом свете, была гораздо лучше. Много рассказывала мне про Гоголя, которого она искренно любит, повторяет из него целые сцены со всеми выражениями, все-таки странными в устах женщины, рассказывала про свою молодость, про Государя, говорит, что хочет в Калуге на досуге писать свои мемуары... <...> По ее требованию прочел я ей «Чиновника»², которого брат ее читал уже в Петербурге у какого-то графа Толстого. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 286–287. Печатается по изд.: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 215.

¹ 14 ноября 1845 г.

² «Мистерия» И. С. Аксакова в стихах и прозе «Жизнь чиновника» (1843).

И. С. Аксаков — С. Т. Аксакову

20 ноября 1845 года. Калуга. Вторник.

<...> Получила она <А. О. Смирнова> два письма от Гоголя из Рима¹, которые мне прочла. Он пишет, что ему лучше, что он бодрее. Требуется от нее подробного ежедневного описания всего, что она делает, чем окружена, какие испытывает в душе движения, и все это просит и приказывает во имя Бога... <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 291; см. также: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 218. Печатается по первой публикации.

¹ Имеются в виду письма Гоголя к А. О. Смирновой из Рима от 24 октября (н. ст.) и от 27–29 октября (н. ст.) 1845 г.

И. С. Аксаков — К. С. Аксакову

Калуга 1845 г. 24-го ноября. Суббота.

<...> ...Смирнова, как некий злой демон, огорчив, оскорбив, смутив меня, растравив мое тщеславие и самолюбие, нарушила строй души. <...> Я принес <...> свое «26 сентября»... <...> Я убеждаюсь теперь, что стихи эти понравились ей только потому, что похожи на проповедь, а она теперь большая охотница до проповедей, читает всякие проповеди и говорит и рассказывает это. <...> Вероятно, еще потому, что эпиграфом стоит стих из псалма¹, может быть, одного из тех, которые Гоголь ей выбрал и приказал читать (как я это слышал из письма его последнего к ней²). <...> Может быть, Гоголь считает ее идеалом русской женщины вот почему: она, не хлопота об эмансипации, как женщина Запада, довольно свободна, выше всех этих предрассудков, условий и приличий, давно признанных ложными и смешными, но которые еще сохраняют над нами власть привычки, все может понять, видеть и говорить, не пачкаясь тем, что видит и говорит, оставаясь чистой, может свободным смехом смеяться всему смешному и стать открытым, не жеманным лицом к лицу с действительностью и природой. Вера в ней искренна, без ханжества и суеверия; она проста и откровенна в обращении, без аффектации... Так, может быть, понимает ее Гоголь, но, черт знает, это все как-то не так. <...>

Печатается по изд.: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 223–224.

¹ «Всяк человек ложь» (Пс. 115, ст. 2).

² Письмо Гоголя к А. О. Смирновой из Рима от 27–29 октября (н. ст.) 1845 г.

И. С. Аксаков — С. Т. Аксакову

1845 года. Калуга, декабря 1-го. Суббота.

<...> Каждый вечер провожу я у А. О. Смирновой... <...> На нынешней неделе прочли мы между прочим «Старосветских Помещиков» и «Шинель». Читал ее брат¹, не очень хорошо. И то и другое, кажется, читал А<лександр> О<сиповне> «сам Гоголь в Риме». Впрочем, она говорит, что теперь только начинает ценить Гоголя. Я объяснял ей и содержание Костиной брошюры², толковал ей ту чудесную вещь, которая находится в третьей части его диссертации³ о воззрении на мир древнего человека⁴, о Гомере, о значении юмора в наше время... Но я до сих

пор не видел в ней теплоты эстетических ощущений, никакого сердечного движения... Как я бесился внутренне, когда, при чтении в «Мертвых Душах» — этих чорт знает каких чудных страниц о дороге, ночи и пр. и пр., — она вдруг вспомнит про Жорж Занд и скажет, что она также очень хорошо описывает впечатления путешествий!.. В этот раз, впрочем, я ей это заметил. — Среди «Шинели», в самых чудесных местах, она вдруг, по поводу какого-нибудь квартального вспомнит какие-нибудь глупые стихи Мятлева и скажет или пропоет: «напился, как *каналья*, пьян» и т. п., всегда с особенным удовольствием. <...> А<лександра> О<сиповна> ужасная охотница переписываться! С кем она не в переписке! Всякий светский знакомый ее обязан к ней писать и сообщать все дела и сплетни большого света; она всем отвечает; ведет, кто знает, может быть довольно скандальную переписку с одним и в то же время пишет о псалмах Гоголю!.. <...> Гоголь просто был ослеплен, и, как ни пошло слово, равнодушен, и она ему раз это сама сказала, и он сего очень испугался и благодарил, что она его предупредила и пр. и пр. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 302, 304; см. также: Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 228–230. Печатается по первой публикации, с уточнением по последнему изданию.

¹ Л. И. Арнольди.

² Имеется в виду брошюра К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842).

³ Имеется в виду магистерская диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (М., 1846).

⁴ Имеются в виду следующие строки из третьей, заключительной части диссертации К. С. Аксакова: «Первобытное созерцание и первобытное слово таково, что оно видит и наполняется совершенно созерцаемым предметом, при всем существе своем, при всем достоинстве и высоте, как созерцания. Это слово, обращенное лицом к природе, так сказать, ее изящно отражающее, возвышающееся над нею, являющее все свое величие уже присутствием и существом, делом своим, — во всей простоте, во всем спокойствии, как сама природа. Это признание и сознание природы; это человек, ставший среди природы и взирающий на нее; ибо взор его, взор духа, сознающий и тем сознанием приобретающий себе, признающий и возвышающий природу, — есть слово, в простом и существенном значении. — Такова поэзия древних. Нужды здесь не смущали человека; никакие другие стремления, ни внутренние, ни материальные, не увлекли его; взгляд его был устремлен на мир и видел весь мир. — Но слово не осталось и не могло остаться в таком положении; человек имеет свой путь, свои заботы, свою частную жизнь, свою частную природу и свои новые требования, перешагивающие за границы природы собственно. Слово последовало с ним; оно стало выражением его нужд, стало выражением его человеческой жизни, стало ему орудием, — и возмутилась его созерцательная ясность, побледнели его краски, стал отвлеченным его образ. Искусство, поэзия, хранившая слово как соразмерный себе образ, сама поэзия уже иначе обладала им, уже не то было оно и в поэзии. <...> Среди этой жизни, обращенной в другую сторону, полной других интересов, в то же время мелкой и ничтожной, слово само получило характер, достойный ее состояния. Среди жизни уже другой является, не как зеркало ее, не простирающаяся над нею, но как область в ней, — поэзия. Поэзия сама уже не может быть та, что была прежде; содержание ее, также и жизнь переменялись; она отрывает от случайности эту жизнь; перед ней падает в прах все мелкое, все корыстное и низкое, — и то высокое стремление, которое несется в жизни, с одной стороны, — та скорбь и горькая насмешка, юмор, с другой, — одушевляют ее. Этой жизни служит слово; и поэзия, отрывая жизнь от случайности, при этом новом состоянии жизни человеческой, себе преданной, не удовлетворяясь созерцанием жизни: — с одной стороны, отрывая ее благородное внутреннее стремление, с другой, противопоставляя ей, ее образу, более или менее человеческий юмор, — поэзия отрывает от случайности и самое слово; тогда как прежде слово само было оторвание от случайности и было уже потому изящно; в поэзии является эта вечно прекрасная и великая область, великое благородное наслаждение, деятельность человека, освобождающая человека от случайности и дразня жизни, дающая мир его душе, дающая простое, человеческое наслаждение. Поэзия, вечная хранительница благородного существа духа, вечная уверительница во всей глубине и возвышенности, во всей необходимости и истине, бесконечности его; она так просто хороша, и она никогда не оставит мир, как никогда не оставит человека его человеческое до-

стоинство. Поэзия, это существенная принадлежность человека; конечно, идя вслед за его движением, иное высказывала она, иной характер имело и в ней слово; но это была все же она, поэзия, глубоко человеческую живую потребность осуществляющая: без нее, если бы это можно было вообразить, мир представил бы ледяную поверхность, страшную отвлеченность, жизнь, в которой бы не было сердца. <...> В поэзии вновь является изящным слово, вновь во всем благородстве предстает оно, и, не имеющее уже созерцательного характера, как прежде, оно своею же силою, как слово, выражает, осуществляет внутреннее духа человеческого, содержание поэзии, какой бы ни было» (Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. Рассуждение кандидата Московского Университета *Константина Аксакова*, написанное на степень магистра философского факультета первого отделения. М.: В типографии Николая Степанова, 1846 (Печатать по определению Совета Московского Университета. Декабря 12 дня, 1845 года. Секретарь Совета Василий Спекторский. — Экземпляр РГБ с шифром: S 23/46, с дарственной надписью: «Федору Васильевичу / Чижову / от [Акса<кова>] Сочинителя»). С. 402–403, 406–407).

По наблюдению В. А. Кошелева, пояснением к брошюре К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (1842) могут служить также строки одного из вариантов его поздней статьи «Обозрение современной литературы», относящегося к концу 1840-х гг. и озаглавленного «О современном стихотворстве в нашей литературе». Здесь также К. С. Аксаков рассуждает об отличии отображения мира Гомером от «акта создания» позднейших художников, полагая, что в современном романе, «воспеваемом» жизнь современных людей, возврат к древнеэпической системе воспроизведения мира невозможен. «Аксаков противопоставляет “личное” начало современной “не комической” литературы сатире, ведущей свою генеалогию из древности: “Другое значение имеет у нас комедия и вообще вся комическая сторона литературы; деятельность ее несравненно выше; в ней есть действительный смысл; так и должно быть при ложном положении всего общества; в ней — обличение лжи отвлеченной общественной жизни, и потому наша комическая поэзия имеет в себе много трагического. И в нашей литературе восторг часто смешон, а смех серьезен. Этот серьезный, трагический смех слышится в Фонвизине, в Капнисте, в Грибоедове, в Гоголе. — Общественная ложь — вот предмет русской комедии. Грибоедов сверх того имеет особенный, ему принадлежащий характер сознательного и прямого, горячего обличения лжи”» (*Кошелев В. А.* «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // *Русская литература*. 1976. № 3. С. 89–90). В. А. Кошелев ставит эти размышления К. С. Аксакова в один ряд с упоминанием в его «Проектах литературных занятий», относящихся к началу 1850-х гг., статьи о Гомере, «причем в интересном контексте»: «Очерк истории нашей литературы. Гомер. “Горе от ума”» (Там же. С. 89).

Пояснением к брошюре К. С. Аксакова о «Мертвых душах» может служить также его письмо к М. Г. Карташевской от 16 января 1837 г. (см. в наст. изд.).

И. С. Аксаков — родным

11 декабря 1845 года. Калуга. Вторник.

<...> ...От Ал<ександры> Осип<овны> узнал я о скоропостижной смерти Ал. Ив. Тургенева. <...> Недавно я имел с нею очень долгий разговор; она рассказала мне всю, всю свою жизнь с 8 лет, все свое развитие до встречи с Гоголем, встречу с ним и т. д. до Калуги. И после этого рассказа — я повторяю об ней то же, что Самарин и Гоголь. И так мелки и ограничены кажутся все прежние наши близорукие определения! Я так высоко уважаю эту женщину, так удивляюсь силе ее души, вынесшей ее доброю и *чистою* сквозь тьму тем мерзостей, ее окружавших, что невольно перестаешь замечать мелочи ее недостатков. Мне очень досадно, что я послал свое письмо к Косте. Вы как-то его не так поняли... Особенно Вера пишет совершенно не то... <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 309–310. Печатается по изд.: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 234–235.

И. С. Аксаков — С. Т. Аксакову

15-го декабря 1845 года. Суббота Калуга.

<...> Она <А. О. Смирнова> получила <...> письмо от Плетнева с выпискою из письма Гоголя к нему¹. Гоголь пишет, что он почти совсем оживает, но еще чувствует слабость и какую-то странную зябкость (нервическую), так что никак не может согреться, и это мешает ему работать, тогда как голова его и мысли довольно свежи, и он чувствует в себе силы приняться вновь за свой труд; что тяжелое он испытал время, но благодарит Бога за посланные недуги и скорби, приготовившие его к продолжению его работы, которая должна быть *«жива, как сама жизнь, свята и верна, как сама правда!»* <...>

...Григорьев² дружен и с «Отечественными Записками». Сии последние нашли новую звезду, какого-то Достоевского¹, которого ставят чуть ли не выше Гоголя, находя в Гоголе много славнофильского духа!!!... <...>

Первые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 3. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 311–313; см. также: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 236. Печатается по первой публикации, с уточнениями по последнему изданию.

¹ Письмо от 28 ноября (н. ст.) 1845 г. из Рима.

² А. А. Григорьев.

И. С. Аксаков — родным

1846 года апреля 26. Суббота. Москва.

<...> В Москву приехал я часов в 5, следовательно, довольно рано... <...> На другой день¹ <...> отправились <...> к Ал<ександре> Осип<овне>, но ее не было дома: она смотрела «Игроков» Гоголя. <...>

Первые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 3. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 315–316. Печатается по изд.: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 240.

¹ 25 апреля 1846 г.

И. С. Аксаков — родным

1846 г. мая 14. Вторник. Калуга.

<...> Если мысль моя зрела и выразилась в чем-нибудь, так уж, конечно, выразилась она в последних двух моих стихотворениях¹. <...> Мне кажется, что я уже больше владею формой, чем прежде, что я подвинулся вперед, там что ни говори Гоголь... <...>

Первые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 3. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 323. Печатается по изд.: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 249.

¹ Речь идет о стихотворениях И. С. Аксакова «Среди удобных и ленивых...» и «Ночь», отправленных С. Т. Аксаковым Гоголю 23 января 1846 г. Гоголь отозвался об этих стихотворениях в письме к С. Т. Аксакову от 23–24 марта (н. ст.) 1846 г.

¹ Достоевский был тогда страстный западник. — *Примеч. в изд. 1888 г.*

И. С. Аксаков — родным

25 мая 1846 г. Суббота. Калуга.

<...> У меня Щепкин до сих пор не был и умно сделал, потому что он с Белинским не разлучается нигде и таскает его всюду; нынче мы обедаем опять вместе у Смирнова, и французуповару заказаны вареники... Теперь об Ал<ексandre> Осиповне. Как вам известно, был я у нее в понедельник¹, во вторник видел ее в театре. В среду вечером был я опять у нее, сначала один, потом вскоре приехал Щепкин и Белинский. Я не успел хорошенько предупредить Ал<ександру> Осип<овну> насчет сего господина, и потому она часто делала ему подобные вопросы, напр<имер>, когда речь зашла о Гоголе: «Разве Вы хвалите Гоголя, ведь Вы его браните в своем журнале?», и Белинский, сидевший, впрочем, очень смиренно, скромно и даже робко, кажется, этим очень обижался. — Сначала Ал<ександра> Осип<овна> много рассказывала, по своему обыкновению, о чужих краях, о Грамаклее (место ее родины)... <...> Я поддерживал всячески разговор в этом роде, чтоб не подать поводу к спорам, однако ж под самый конец вечера дошло дело до Жорж Занд, и когда Белинский стал об ней говорить как о некоем божестве, которое, впрочем, начинает портиться, ибо в последних романах ее видно признание раскаяния и других добродетелей, то Ал<ександра> Осип<овна> вспыхнула, да ведь как. Начала кричать на Белинского довольно резко и доказывать весь вред и всю степень разврата Жорж Занд. Белинский возражал довольно горячо, но Ал<ександра> Осип<овна> хотя и говорила умно, но по-женски, т. е. доказывала анекдотами, случайными фактами и нападала, между прочим, на ее *плебейское сердце!* <...> Видя, однако, что Смирнова очень раздражилась, я встал, простился и увел ее гостей... Слышал, однако, от Щепкина, что Белинскому Смирнова-таки понравилась...² <...>

Вообразите, в понедельник дают «Женитьбу» Гоголя!!!! Это просто будет истязание, пытка, так скверны здешние актеры, по крайней мере, большая часть... <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 332–333. Печатается по изд.: Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 256–258.

Ответ С. Т. Аксакова на наст. письмо — от 29 мая 1846 г. — см. в наст. изд.

¹ 20 мая 1865 г.

² Ср. в наст. изд. письмо В. Г. Белинского к М. В. Белинской из Харькова от 11–12 июня 1846 г.

И. С. Аксаков — родным

Вторник. 1846 г. 28 мая. Калуга.

<...> Вчера давали «Матроса»¹ и «Тяжбу»²; театр был почти полон. Щепкин был очень хорош в Бурдюкове. Нынче дают «Женитьбу» Гоголя, и в ночь Щепкин едет. Я этому очень рад, потому что мне уже надоело так часто таскаться в театр, в субботу я обедал вместе с ним и Белинским у Ал<ександры> Осиповны. Особенно ничего не было... <...>

Впервые опубликовано: Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 258–259. Печатается по первой публикации.

¹ Драматический водевиль Т. М. Ф. Соважа и Ж. Ж. Г. Делюрье. М. С. Щепкин играл в этом водевиле роль матроса Симона.

² Сцены Гоголя.

И. С. Аксаков — родным

1846 г. 8-го июня, Калуга. Суббота.

<...> Ал<ександра> Осип<овна> получила письмо от Самарина, который пишет, что Гоголь в Париже. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 340; см. также: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 264–265. Печатается по первой публикации.

И. С. Аксаков — С. Т. Аксакову

1846 г. Калуга. 30 июля. Вторник.

<...> Вчера прочел я письмо Гоголя об Одиссее. Многие чудесно хорошо; появление Одиссеи, может быть, замечательно как факт в XIX веке, но появление ее в России не может иметь влияния на современное общество, на европейское. Одиссея не вылечит Запада, не уничтожит его истории, а нас, русских, не примирит с порядком вещей, а влияние ее на русский народ — мечта. Точно будто наш народ читает что-нибудь, — есть ему время! А Гоголь именно налегает на простой русский народ. Нет, долго, слишком долго зажился он за границей. Что и говорить, Одиссея подействует благотворно на душу отдельного человека, и не одного. <...>

Впервые опубликовано, с ошибочной датировкой: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 353. Печатается по изд.: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 282–283.

И. С. Аксаков — родным

3 августа 1846 года. Суббота. Калуга.

<...> Смирнова больна, и это только заставляет меня еще навещать ее... <...> Она познакомила меня с Клементом, ее братом... <...> Я слышал еще прежде стороною и теперь подтвердил мне и Ар<нольди>, что А<лександра> О<сиповна> получила огромное, листах в четырех, письмо от Гоголя¹, наполненное советами и разными христианскими наставлениями ей. Говорит, что письмо превосходное и что в нем Гоголь, к вящему их удивлению, пишет им про Калугу, как будто он в ней бывал несколько раз, говорит про многих чиновников и жителей, называя их по именам, про то, как А<лександра> О<сиповна> повела себя в Калуге, учит ее быть губернаторшей, брать пример с бывшей здесь лет 20 тому назад княгини Оболенской² (матери Мити³, отец ее был здесь губернатором), делать добро так-то и так-то; а мужа ее — не гнать взяточников. «Я все знаю, мне известно все, что вы делаете», — прибавляет Гоголь; но не пишет, каким образом ему это все известно. <...> Я думаю, что Самарин, который в переписке с Гоголем, сообщает ему все еженедельные письма Смирновой, в которых она подробно описывает ему и всякое новое лицо и всякое новое калужское событие; да к тому же Самарин жил с Оболенским, который знает в Калуге всех. Да, Гоголь просит еще Смирнову описать ему новое учреждение губернского правления, все отношения палат между собою и т. п. Все это разделено по пунктам; впрочем, я самого письма не читал, а мне рассказывал это Арнольди. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 355–356; см. также: Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 283–285. Печатается по первой публикации, с уточнениями по последнему изданию.

¹ Письмо, начатое Гоголем 6 июня (н. ст.) 1846 г. в Праге и отправленное А. О. Смирновой 6 июля (н. ст.) 1846 г. из Карлсбада. Почти без изменений это письмо было помещено Гоголем в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» — статья XXI. *Что такое губернаторша.*

² Княгиня Аграфена Юрьевна Оболенская (рожд. Нелединская-Мелецкая; 1789–1828), жена князя А. П. Оболенского (1780–1855), бывшего в 1825–1831 гг. калужским губернатором. Сведения об А. Ю. Оболенской Гоголь берет из письма к нему А. О. Смирновой от 14 января 1846 г. Ср.: «Покойный Н. В. Гоголь никогда не видал и не знал княгини Оболенской... <...> Если бы Н. В. Гоголь знал княгиню, он бы объяснил тайну влияния кн<ягини> Оболенской на это общество. Он бы понял, что предложенный им <...> рецепт, как сделаться хорошей губернаторшей — никуда не годится. Вся тайна влияния женщины на общество заключается именно в безыскусственной правде и сердечной теплоте ее отношений к людям; а этой правды и этой теплой любви по заказу приобрести нельзя, а всякая подделка под эти чувства скорее отталкивает, чем привлекает людей. Княгиня Аграфена Юрьевна свыше был одарена могучей силой добра» (Оболенский Д., князь. Хроника недавней старины. Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876. С. 291–292).

³ Имеется в виду князь Д. А. Оболенский.

И. С. Аксаков — родным

1846 г. Вторн<ик>, 3 сент<ября>. Калуга.

<...> Глубоко огорчает меня все то, что вы пишете о Гоголе...¹ Правда ли это? С Смирновой я не говорил о нем, потому что не был у нее на этой неделе и вообще не видал ее вовсе более трех недель. Хочу совсем перестать к ней ездить. Она окружила себя всем тем, что есть самого дрянного в Калуге, но что раболепствует перед ней, людьми, даже неприятными ее мужу... <...> Я вчера слышал об ней такие вещи, делавшиеся недавно здесь, что если это правда, так она просто вредная женщина, не только развращенная в образе мыслей и понятий, но развращающая... В провинции если и дурны нравы, то люди эти в простоте сердечной и думают, что это дурно по общепринятым истинам христианским, но Смирнова, передавая им свое воззрение, успокаивает их щекопливость, для того, чтоб самой успокоиться. Если б все вокруг ее были мерзавцы и свиньи — это было бы, конечно, ей величайшим утешением. У ней в доме бывает одна молодая девушка, которую мать с доверенностью отпускает к ней часто на целый день, и Смирнова позволяет Бог знает что делать с нею у себя перед глазами своему брату, тешится этим, и когда один человек сказал ей, как может она позволять такие вещи при себе, то она ответила: «Que voulez-vous, que je fasse, je m'en vais, quand cela devient trop fort!»². <...>

Впервые частично опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 373; см. также: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 686–687. Печатается по изд.: Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 302.

¹ См. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова И. С. Аксакову от 26 августа 1846 г.

² Что прикажете мне делать, я ужоу, когда это переходит границы! (фр.).

И. С. Аксаков — родным

1846 г. Суббота. 14 сент<ября>. Калуга.

<...> Третьего дня, наконец, явился ко мне Клементий Россет, у которого я не был с тех пор, как перестал ездить к Смирновой. <...> Он сообщил мне секрет, давно уже известный, о книге Гоголя. <...>

Впервые опубликовано: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 307. Печатается по первой публикации.

И. С. Аксаков — родным

1846 г. Калуга. Октября 5-го. Суббота.

<...> ...В четверг <...> отправился <...> к Смирновой... <...> Она, как кажется, теперь совсем здорова. Но мы с ней расходимся все более и более, невольно наговорили неприятностей друг другу и расстались очень сухо. <...> Разговор невольно коснулся религии, потому что она беспрестанно говорит об этом... <...> ...Она объявила мне, что находится на *прямом* пути... <...> что нельзя всем жить монахом, подобно мне... <...> что Гоголь поступает очень хорошо, переставая писать, ибо он уже весь исписался, исчерпал свой талант, данный ему от Бога, исполнил свое назначение и теперь должен жить, как все, всех любить и пр. и пр. <...>

Впервые опубликовано: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 318. Печатается по первой публикации.

И. С. Аксаков — родным

1846 года. Калуга. Октября 20-го. Суббота.

<...> Смирнова <...> недавно получила письмо от Гоголя¹. Арнольди сказывал мне, что он пишет, будто в январе отправляется в Иерусалим, куда зовет и Смирнову! Он написал сочинение, в виде двух писем, о Русском Духовенстве, которое цензура сначала не пропустила, но Государь, по ходатайству Протасова, разрешил печатание², и оно выйдет особою книжкою. Вот еще новость: говорят, Плетнев продал «Современник» Белинскому и Панаеву... <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 390. Печатается по изд.: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 324.

¹ Письмо от 8 октября (н. ст.) 1846 г. из Франкфурта.

² См., в частности, в наст. изд. письмо П. А. Плетнева обер-прокурору Святейшего Синода графу Н. А. Протасову от 1 октября 1846 г.

И. С. Аксаков — родным

1846 года. Калуга. Октября 26-го. Суббота.

<...> Читали ли Вы или видели ли октябрьскую книжку «Библиотеки для Чтения»? Вообразите, там по поводу разбора какой-то книжонки Сенковский объявляет публике, что Гоголь болен, вдался в *мистицизм*¹!... <...> В этом же № есть новый разбор «Московского Сборника»,

Никитенко². Это по крайней мере написано вежливо. <...> Но какие все они подлецы: Никитенко, почитатель Гоголя³, и рядом с его статьей ругательство на Гоголя. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 390–391; см. также: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 326. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. коммент. к письму С. П. Шевырева П. А. Плетневу от 29 октября 1846 г.

² *Никитенко А.* Московский литературный и ученый сборник, 1846 года // Библиотека для Чтения. 1846. Т. 78. Отд. V. С. 1–22.

³ О первенствующей роли А. В. Никитенко в цензурном преследовании книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» см.: *Виноградов И. А.* Неизвестные автографы двух статей Н. В. Гоголя о Церкви и духовенстве. К истории издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сборник научных трудов / Петрозаводский гос. ун-т. Материалы IV Международной конференции. Июнь 2002 г. Вып. 4. Петрозаводск, 2005. С. 219–245.

И. С. Аксаков — родным

1846 года Ноября 15-го. Калуга. Пятница.

<...> Перечитываю Гоголя и еще грустнее становится, потому что вспомнишь о самом Гоголе, потому что после чтения Гоголя по крайней мере сутки двое не смеешь не только взяться за перо, но даже подумать о какой-нибудь литературной деятельности. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 395; см. также: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 331. Печатается по первой публикации.

И. С. Аксаков — родным

1846 года Ноября 30-го. Калуга. Суббота.

<...> Благодарю Вас за подробное сообщение известий о Гоголе. Это из рук вон и грустно, и тяжело невыносимо. Один гениальный художник в наше бедное время, на которого с надеждою обращались глаза, от которого ждал свежего, отрадного слова, — и тот гибнет. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 399; см. также: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 336. Печатается по первой публикации.

И. С. Аксаков — родным

7 декабря 1846 года. Суббота. Калуга.

<...> Вечером, 5 декабря, воротилась Смирнова из Воронежа... <...> Сейчас принесли мне ваши письма. Плетнев — человек вообще очень ограниченный, но то, что говорит Плетнев, говорит и Алекс<андра> Осиповна, которая, как сказывал мне вчера Арнольди, получила письмо от Самарина с подробным описанием всех Гоголевых действий, но ничем нисколько не смутилась и не огорчилась, а говорит только, что он исписался. <...>

Впервые частично опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 403. Печатается по изд.: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 339.

И. С. Аксаков — родным

Калуга, 14 декабря 1846 г. Суббота.

<...> ...Я был у нее <А. О. Смирновой> в понедельник¹ вечером. <...> Говорили про Гоголя, она разделяет мысль Плетнева, что все следует печатать. Сидел я недолго; в среду поутру заезжал я к Николаю Михайловичу² по делам службы, был призван к Ал<ексandre> О<сипо>вне в кабинет, где она прочла мне письмо, полученное ею накануне от Гоголя³: письмо очень бодрое и светлое, безо всяких особенных выходов. Живет он в Неаполе, под *крылышком*⁴ С. Петр. Апраксиной, собирается ехать в Иерусалим, чтоб испросить благословение на новые подвиги, но все это ничего в сравнении с тем, что он делал. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 405. Печатается по изд.: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 340.

¹ 9 декабря 1846 г.

² Смирнову.

³ Письмо из Неаполя от 24 ноября (н. ст.) 1846 г.

⁴ В письме Гоголя: «...остановился под крышей у Софьи Петровны Апраксиной».

И. С. Аксаков — родным

Суббота, 1847 года, 11-го января. Калуга.

<...> Я <...> нашел у нее <А. О. Смирновой> только что полученную ею из Петербурга книгу Гоголя. Мы сели читать ее, потом, когда наехали разные гости, ушли с Арнольди наверх и там читали до половины второго¹, но все не прочли всей книги, и Смирнова уступила мне книгу на ночь и на нынешний день до вечера. <...> Книгу Гоголя надо читать не раз и не два, а 20 тысяч раз! Я примирился с ним вполне и вижу, что все взводимое на него — вздор, и что не погиб он для нас, как юмористический писатель. Откинем всякий ложный стыд, мешающий нам поклоняться тому, во что мы веруем, и говорить тем языком, которым невольно заговорит душа, когда проникнется серьезным значением жизни, когда все станет в ней важно и торжественно. Гоголь прав и является в этой книге как идеал художника-христианина, которого не поймет Запад, так же, как и не поймет этой книги. Что за язык, Господи Боже мой, что за язык! Упиваться можно этим языком, лучшим всяких стихов. Seriously надо взглянуть на эту книгу. Она способна пересоздать многих. Совестно становится перед этою торжественною, важною тишиною, когда вспомнишь о наших скороспелых трудах, крикливых восторгах и всякой мелочной душевной возне. Мне страшно было вчера взяться за книгу, когда я почувал, что в ней заключается, боялся проснуться другим, боялся излечения... Презрительная суета и пустота так овладевают человеком, что ему хочется непременно сделать смешным строгий голос правды, чтобы избавиться от ее неумолимого преследования: так будет и с этой книгой... <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 407; см. также: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 342. Печатается по первой публикации, с уточнениями по последнему изданию.

К письму И. С. Аксакова было приложено его стихотворение. Возможно, что это было стихотворение «Свой строгий суд остановив...», сочиненное под впечатлением от книги Гоголя (см. в наст. изд. письмо И. С. Аксакова князю Д. А. Оболенскому от июля 1847 г.).

¹ См. также письмо А. О. Смирновой Гоголю от 11 января 1847 г.

И. С. Аксаков — родным

1847 года, января 18-го, Калуга, суббота.

<...> Теперь о книге Гоголя. Я думаю, Вас немало удивит такая разность впечатлений наших. Мне кажется, я свободнее Вас. Я судил по одним впечатлениям, которые на меня производила эта книга, по тому, как говорит князь Урусов, пробежали ли мурашки по коже или нет. Забудьте, что это писал Гоголь, и признайте за каждым человеком право вещать такое серьезное, опытом жизни запечатленное слово. <...> Что и говорить, и в этой книге есть много вещей, которые показывают, что Гоголь еще не вполне установился, много таких, которых я переварить не могу, напр<имер>, письмо о семи кучках денег¹, предупреждение к Ревизору и т. п. Хотя, надобно признаться, здесь проявляется более странность личного характера Гоголя, всегда у него бывшая, какая-то педантская систематичность (которая есть отчасти и у Константина), нежели странность, вообще свойственная этому направлению. Меня что радует? То, что он мирится и мирит искусство с религией, что он продолжает «Мертвые Души», что даже и здесь, с высоты чудного своего языка, прикасаясь к какому-нибудь предмету, он вдруг заговорит его языком, не брезгуя выражениями. Это меня радует. И какой высокий, чудный образ художника предстает перед глазами! На какую неизмеримую высоту возносит он с собою искусство и служителей искусства, и какое благоговение слышно у него всюду перед нашей дивной душой, перед святым призванием поэта! <...> Мне дела нет до того впечатления, которое Гоголь произведет на публику. На меня он подействовал, точно будто новое поприще деятельности открылось для моей души. Вчера вечером и на ночь написал я стихи, которых еще и не перечитывал нынче. Их надобно отделать, и во вторник я их пришлю к Вам². <...> Вера пишет, что язык слаб и вял. Это такой язык, который, как стихи, невольно удерживается в памяти. <...> Досадно только, что помещено письмо о доме Романовых и государе³. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 410–412. Печатается по изд.: Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 344–345.

¹ Подразумевается статья «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России».

² См. в наст. изд. письмо И. С. Аксакова князю Д. А. Оболенскому от июля 1847 г.

³ Подразумевается статья «О лиризме наших поэтов».

И. С. Аксаков — родным

<21 января 1847. Калуга>

<...> Вот вам стихи, милый отесинька и милая маменька. <...> Письма ваши от четверга получил я в субботу¹, по отправлении своего. Они меня ужасно смутили, встревожили и нарушили то состояние духа, в котором я очутился по прочтении книги Гоголя. Вновь полон я

сомнений и вопросов и уж третьего стихотворения в духе первых двух не напишу². Беру у Смирновой книгу Гоголя и подробно буду отвечать вам на каждый пункт письма. <...>

Впервые опубликовано: Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 347. Печатается по первой публикации.

¹ 18 января 1847 г.

² См. в наст. изд. письмо И. С. Аксакова князю Д. А. Оболенскому от июля 1847 г.

И. С. Аксаков — родным

1847 г. Января 25. Суббота. Калуга.

<...> Получил я Вашу посылку из Москвы: перекрашенные платья и книгу Гоголя. <...> Книгу Гоголя немедленно по получении отослал А<лександре> О<сиповне>, которая просила меня о том, раздавши все свои экземпляры по чужим рукам. Что Вам рассказать про эту неделю? В понедельник был я у Смирновой, читал ей Ваше письмо и Верочкино... Ей, равно как и мне, интересны все впечатления. <...> Я не могу не согласиться с Вами во многом; я сам при чтении книги сильно смущался выходками на Погодина¹, похвалами дому Романовых², разделением на 7 куч³ и т. п., и говорил все это еще прежде Смирновой. Распоряжения насчет портрета⁴ тоже мне были не по сердцу. Но мне кажется, что Гоголь искренен, что он действует так по обязанности, налагаемой на него убеждением, что все это может быть полезно людям. Слышится иногда истинный, пронзительный голос душевной муки; право, слышатся иногда слезы! Я убежден, впрочем, что все это направление не помешает ему окончить Мертвых Душ. Что если Мертвые Души явятся, если просветленный художник уразумеет всю жизнь, как она есть, со всеми ее особенностями, но еще глубже, еще дальше проникнет в ее тайны, не односторонне, не увлекаясь досадой или насмешкой, — ведь это должно быть что-то исполински-страшное. 2-й том должен разрешить задачу, которой не разрешили все 1847 лет христианства. <...> А<лександра> О<сиповна> вся за Гоголя, но не спорит против Ваших возражений, говоря, что указываемое Вами — слабости и крайности, от которых он не вполне очистился и т. п. Она убеждена, впрочем, что Гоголь не в состоянии более написать «Мертвых Душ». <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 412–413. Печатается по изд.: Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 347–348.

¹ В статье «О том, что такое слово».

² В статье «О лиризме наших поэтов».

³ В статье «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России».

⁴ В «Завещании».

И. С. Аксаков — С. Т. Аксакову

1-го февраля 1847 года. Суббота. Калуга.

<...> Она <А. О. Смирнова> читала мне письмо Самарина. Осторожный Самарин, не имея еще сведений, какого мнения о книге Гоголя А<лександра> О<сиповна>, пишет о книге чрезвычайно легко и загадочно, не произнося никакого решительного приговора; однако же, видно, что он ею очень недоволен¹. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 417; см. также: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 348. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. письмо Ю. Ф. Самарина К. С. Аксакову от февраля 1847 г.

И. С. Аксаков — родным

1847 года, Калуга, февраля 15-го. Суббота.

<...> Смирнова задержала меня расспросами о том, что делается в Москве, о Гоголе. У меня в кармане было Ваше письмо¹, и я ей хотел сообщить известие о письме Гоголя к Щепкину, и, добираясь до этого места, прочитывал про себя, однако же вслух, Ваши, правда, жесткие рассуждения о сумасшествии Гоголя и о плутовстве в его сумасшествии. Подняв случайно глаза, я ужаснулся. Смирнова вся вспыхнула, потом побледнела, потом затряслась, потом подняла руки кверху, и пошла потеха. Я вовсе этого не хотел, стал извиняться, успокаивать ее, сказал, что не буду ей возражать... Не тут-то было. Она оскорбилась Вашими выражениями о Гоголе. Это бы еще ничего, но, по свойственной женщинам манере, заехала Бог знает куда, так что и я под конец рассердился. Начала с того, что Гоголь ошибался в «вашей» семье, он думал найти друзей и нашел вместо того людей, которые дорожат только его талантом, что «вы» его надули и надуваете, но ее не надуете, и что она откроет глаза Гоголю² и т. п. Потом стала ругать всю Москву, Вас вообще и меня в особенности. Вы (т. е. Москва и Вы), которые с утра до ночи твердите о христианстве и любви христианской... Тут я не выдержал. «Прошу покорно оставить христианство в покое в теперешнем разговоре», — сказал я <...>. Еще поругавшись, я ушел из комнаты, не простясь. <...>

Впервые опубликовано, с пропусками: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 422–423. Печатается по изд.: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 174. См. также: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 354–355.

¹ Письмо С. Т. Аксакова от 8 февраля 1847 г. (см. в наст. изд.).

² См. письмо А. О. Смирновой Гоголю от 18 февраля 1847 г.

И. С. Аксаков — родным

Суббота, 1-го марта 1847 года. Калуга.

<...> Благодарю Вас за присылку письма Гоголя¹. Да, признаюсь, в нем столько высокомерной нежности, что это даже оскорбительно. Мне было ужасно досадно, когда я читал его. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 427; см. также: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 358. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо от 20 января (н. ст.) 1847 г.

И. С. Аксаков — родным

1847 г. Вторник. 25-ое марта. Калуга.

<...> Ал<ександру> Осиповну не видел и, вероятно, не увижу, потому что ехать к ней не хочу. В 1-ой день праздника получила она (сказывал мне Арнольди) письмо от Гоголя¹, говорит, самое утешительное. Он уверяет ее, что будет 2-й том «Мертвых душ», будет непременно; что книгу свою издал он для того, чтобы посудить и себя и публику... <...> Благодарит ее за любовь и говорит: с моими московскими приятелями не рассуждайте обо мне: они люди умные, но многословы и... Тут еще некоторые эпитеты, которые Арнольди не мог припомнить². Мне же дать прочесть это письмо Смирнова, несмотря на все просьбы Арнольди, отказала! <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 433–434. Печатается по изд.: Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 364.

¹ Письмо к А. О. Смирновой от 22 февраля (н. ст.) 1847 г.

² В письме Гоголя: «Они люди умные, но многословы и от нечего делать толкут воду в ступе. Оттого их может смутить всякая бабья сплетня и сделаться для них предметом неистощимых споров. Пусть их путаются обо мне; я их вразумлять не буду».

И. С. Аксаков — родным

1847 г. Апреля 5-го. Суббота. Калуга.

<...> Письмо Гоголя к Вам¹ и другим очень значительны; чиханье очень полезно и очень облегчает перепонки залегшего носа. <...>

Впервые опубликовано: Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 366. Печатается по первой публикации.

¹ Письмо от 6 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

И. С. Аксаков — князю Д. А. Оболенскому

30 апреля 1847 г.

<...> О Гоголе я совсем не такого мнения, как ты думаешь. Я его никогда не бранил, напротив, был поражен многим, что и прежде лежало в душе моей и написал по поводу того стихотворения о душе человеческой, которые тебе пришлю вместе с прочими¹. Но должен признаться, что в книге Гоголя много лжи и нелепицы, много скрытой гордости и самолюбия, — словом, ум за разум зашел. Меня же, впрочем, поражает не это собственно, а то, что побудило его поднять те страшные вопросы о примирении религии с жизнью, вопросы, кажется, неразрешимые. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 437. Печатается по первой публикации.

¹ См. письмо И. С. Аксакова к князю Д. А. Оболенскому от июля 1847 г.

И. С. Аксаков — князю Д. А. Оболенскому

<Июль 1847. Москва>

<...> Вот тетрадь стихов моих... <...> ...новых нет; теперь уже месяцев шесть, как я не пишу стихов... <...> В тетради я отметил карандашом стихи, писанные вследствие Гоголевой книги, или, лучше сказать, вследствие мыслей, ею возбужденных¹. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 438. Печатается по первой публикации.

И. С. Аксаков — родным

Середа. 1848 г. Окт<ября 18>. Петербург.

<...> Веневитинов, брат поэта, <...> женат на дочери гр<афа> Виельгорского¹ и живет в одном доме с тестем и с гр<афом> Соллогубом, женатым на другой дочери². Тут познакомился я со всей этой семьей. <...> Читали там «Бродягу». Попов, уже в 4-й раз во время моего пребывания в Петербурге читавший его, ревнуя к чести Москвы, читал и в этот раз с великим старанием, и читал довольно хорошо. Восторг и успех был огромный³. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 5. Печатается по изд.: Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 395–396.

¹ Аполлинарии Михайловне.

² Софье Михайловне.

³ «Две странички» из поэмы И. С. Аксакова «Бродяга» Гоголь прочел у Аксаковых еще 11 сентября 1848 г. (см. в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к отцу от 11 сентября 1848 г.). Возможно, во время своего пребывания в Петербурге с 16 сентября по 9 октября 1848 г. Гоголь также слышал о поэме И. С. Аксакова (см. в наст. изд. письмо О. Сем. Аксаковой к мужу от 16 октября 1848 г.).

И. С. Аксаков — родным

<10–11 ноября 1848. Одесса>

1848 г. Ноябрь 10-го. Середа. Одесса.

<...> ...Малороссия произвела на меня приятное впечатление. Везде так и торчит Гоголь с своими «Вечерами на хуторе близ Диканьки». Тут только вы почувствуете все достоинство, всю верность этих описаний, этой, не столько внешней, сколько внутренней характеристики Малороссии, вполне передающей вам и внешнюю ее физиономию. <...> На одной станции <...> удалось мне разговориться с одним хохлом. Я спросил его про разные песни и обычаи, знает ли он «Щедрый вечер, Добрый вечер» и многое другое... <...> Оказалось, что знает, но говорит, что все уже выводится, что на вечерницы и для игр на улицы собираться им не велят, боясь от того беспорядков <...> что коляды почти совсем затихли, ибо это грешно и делается накануне праздника в противность церковным уставам и пр. Последнее очень странно: не есть ли это влияние русского начала?... <...> Сколько языческого во всех этих празднествах и обычаях! Да,

¹ Твой строгий суд остановив... Зачем душа твоя смирна... Не дай душе твоей забыть. — *Примеч. А. Ф. Аксаковой в изд. 1888 г.*

наш народ принял Христианство как младенец; он не освятил его именем, как западные народы, диких, свирепых побуждений, не устроил во имя христианства нехристианские учреждения, — но не переменял веселой стороны своего языческого быта. Владимир Князь обеспечил за ним питье вина, и народ, перекрестив крестным знаменем священную языческую реку, переделав идола во имя какого-нибудь Святого, продолжал прежние игры и веселья. Он не почувствовал их несовместимости с Христианством; напротив, так сказать, он еще пригнул их теплом, пролившимся в быт от нового учения... Но строже и строже становится время; не может, не должен народ оставаться в этом состоянии бессознательного, цельного быта... Конечно, каждому отдельному лицу с первых годов Христианства до последнего времени возможно было путем веры и труда освободиться от своего быта и достичь полного личного усовершенствования; но эту возможность сохранили для человечества, на эту возможность указывали только монастырь и пустыня... Долго, не смущаясь, продолжился этот беспечный быт, — но время напирает. Нельзя же всем идти в монахи или удалиться в пустыни; да при этом куда бы девалась семья? Но где же она, эта граница примирения быта с требованиями религии?.. Под корень подрублена вера в жизнь, со всею ее красою, со всеми ее правами; повеял свежий, редкий воздух, от которого замирает дух, где нет земной человеческой жизни. Надо жить, отвергая жизнь... Рушится быт повсюду; взамен тепла предложен воздух горных высот, где так страшно высоко; а как хорошо иногда бывало внизу!.. Конечно, еще далеко до этого преобразования; но уже вместились в нас это убивающее жизнь понимание... Последние времена искусства пришли... Где же ты, Алешка¹, торопись жить, пока еще есть время; пусть еще пишутся стихи; куда их слушают; скоро раздастся последняя лебединая песнь... <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 10–11, 16–18. Печатается по изд.: Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 402, 405–406.

Гоголь присутствовал при чтении настоящего письма; см. в наст. изд. фрагмент из ответного письма С. Т. Аксакова к сыну от 22 ноября 1848 г.

¹ Герой незавершенной поэмы И. С. Аксакова «Бродяга».

И. С. Аксаков — родным

Новоселица. 29 ноября 1848 г. Понедельник.

<...> Пользуйтесь хорошим расположением Гоголя, поддерживайте его, пусть его пишет! Не надо, чтоб Константин разрушал в нем всякую веру в искусство... Я вполне разделяю взгляд Константина, а все-таки счастлив, когда пишу. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 59. Печатается по изд.: Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 366.

Письмо представляет собой ответ на послание С. Т. Аксакова сыну от 8 ноября 1848 г. (см. в наст. изд.).

И. С. Аксаков — родным

1848 г. Декабря 14-го. Вторник. Кишинев.

<...> Спасибо тебе, Константин, за письмо! Весело мне читать про твою искренность. Гоголя, разумеется, подталкивают против него Погодин и Шевырев. А! да Бог с ними!.. С Александром Толстым я обедал раз у Оболенского, в Петербурге. Он, бесспорно, человек хороший, с

мирной, светлой душой, но не с светлым умом. Напр<имер>, что он делает: едят они с женой постное и для этого в постные дни пьют шоколад, нарочно привезенный из Неаполя и, сколько я понял, даже выписываемый... Несколько времени его смущало крепостное состояние (а он богат). Вдруг вспомнил текст, вместе с Смирновой: «Рабы, повинуйтесь своим господам», и оба обрадовались и успокоились. Я видел Смирнову тогда, сейчас после ухода Толстого, и объяснил ей, что они напрасно веселятся возможности удержать выгодное для них крепостное состояние; что если вообще предписано покорно сносить голод и всякую беду, так еще не значит, что можно не давать есть. Евангелие, просветив совесть человека, конечно, мало обращает внимания на видимое его существование, нисколько не воспрещая совести согласить это видимое существование с нравственными требованиями. Вот какие это люди! Опасно умничанье в деле душевном! <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 73. Печатается по изд.: Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 443.

И. С. Аксаков — А. О. Смирновой

16 мая. Понед<ельник>. 1849 г., Москва.

<...> Теперь о Гоголе. Он очень мне обрадовался, и одним из первых вопросов его был вопрос о вас. Он подробно спрашивал меня об образе вашей жизни, о ваших знакомых, о ваших партнерах в висте и пр. и пр. Он немножко сердится на вас за то, что вы ему не пишете и изъясляет опасение, что вы заживетесь в Царском Селе по милости докторов и не попадете опять в Калугу, чего ему, так же как и мне, очень хочется для вас; а вам, разумеется, хочется этого сильнее, чем кому-либо. Я, впрочем, старался доказать Гоголю, что теперь для вас нет решительно никакой возможности ехать по случаю каких-то явлений печени. Я нашел Гоголя самого хуже здоровьем, чем оставил: он опять расстроился было нервами, похудел очень; но теперь стал несколько вновь бодрее. Я полагаю, что мистицизм Александра Петровича Толстого с супругою в состоянии навести невыносимую хандру и расстроить всякие нервы; мне кажется, что если вы переедете в Калугу, то Гоголь сейчас переселится к вам, и это может быть хорошо и для него, и для вас. Он говорил нашим, что пишет, но лениво. Оттого ли, что время безусловного поклонения искусству прошло, оттого ли, что у всех в памяти его последняя книга, не знаю; но только Гоголь не только не играет никакой роли в здешнем обществе, но даже весьма небрежно трактуется им. Люди забывчивы! 9-го мая, в день своих именин, Гоголь захотел дать обед в саду у Погодина так, как он давал обед в этот день в 1842 году и прежде еще не раз. Много воды утекло в эти годы. Он позвал всех, кто только были у него в *то* время. Люди эти теперь почти все перессорились, стоят на разных сторонах, уже выказались в разных обстоятельствах жизни; многие не выдержали испытания и пали... Словом, обед был весьма грустный и поучительный, а сам по себе превялый и прескучный. Когда же, по милости вина, обед оживился, то многие перебранились так, как и ожидать нельзя было...

Теперь о моих: брата Константина и батюшку (который, как человек больной, неслужащий и старый, а главное — решительно никуда не выезжающий, отпустил также себе бороду, большую, длинную, седую бороду) обязали подпискою: «чтобы *имеющуюся у себя* бороду сбрить и впредь не отпускать, согласно Высочайшей воле»¹. Делать нечего, Высочайшая воля о бородах была исполнена, и Константин уже переделся в немецкое платье. <...>

Впервые опубликовано: *Бартенев П. И.* Из писем И. С. Аксакова к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1895. № 12. С. 431–432; см. также: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 199. Печатается по первой публикации.

¹ Вследствие активного западного влияния отношение к бороде и понимание ее значения (знак мужества) оставалось в тогдашнем светском образованном обществе желать лучшего. В официальных кругах в бороде видели даже подражание «жидам» и «французским модам». 2 апреля 1837 г. был издан специальный указ «О воспрещении гражданским чиновникам носить усы и бороду», где говорилось: «...Государь Император, сверх доходящих до Его Величества из разных мест сведений, Сам изволил заметить, что многие гражданские чиновники, в особенности вне столицы, дозволяют себе носить усы и не брить бороды по образцу жидов, или подражая Французским модам. Его Императорское Величество изволил находить сие совершенно неприличным...» (Полн. собр. законов Российской Империи. Собр. 2-е. СПб., 1838. Т. 12. Отд. 1. С. 206). Ср. также реплику Императора, обращенную к князю А. С. Долгорукому в октябре 1834 г.: «Здравствуй, Долгорукий! Что ты, просишься в евреи, что это за безобразная борода, прошу ее обрить, чтобы завтра не было!» (Император Николая Первый. Николаевская эпоха. Слово Русского Царя. Апология Рыцаря. Незабвенный. Изд. подг. М. Д. Филлин. М., 2002. С. 210).

И. С. Аксаков — родным

1849 г., августа 6-го. Суббота. Рыбинск.

<...> На днях попалась мне книжка творений Св<я>тых Отцов за 1847 г.: в ней помещены стихотворения Григория Богослова. Это решительный поэт! Как я ему обрадовался! Советую Константину обратить на него внимание и Гоголю также¹. Видно, что он наслаждается сам красотою образов и выражений. Его послание к женщинам очень хорошо! <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 209; см. также: Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 40. Печатается по первой публикации.

¹ См. письмо С. Т. Аксакова к Гоголю от 27 августа 1849 г.

И. С. Аксаков — родным

20 августа 1849 г. Суббота. Рыбинск.

<...> На днях на здешнем театре давали «Ревизора»... Я отправился смотреть. И актерам, и зрителям до такой степени было смешно видеть на сцене все те лица, которые сидят тут же и в креслах (напр<имер>, городничий, судья, уездный учитель и т. п.), что актеры не выдерживали и хохотали сами вовсе не у места, а потому и играли плохо, исключая Осипа. А зрители, хоть и смеялись, — да ведь все свои! Всякий друг про друга знает, что он берет, и считает это дело весьма естественным. Вот этим и скверно в уездных и даже губернских городах. Все берут, нет другого общества, и поневоле делаешься снисходительным, говоря, что этот берет не так, как тот, легче и т. п. — А по-настоящему никому из них и руки подать нельзя! Даже мне иногда совестно колоть им собой глаза. Впрочем, здесь, как я вам писал, был один честный человек, городничий Деев, теперь в отставке. Зато он известен был как некое чудовищное исключение, неслыханное диво и дрянной городничий. <...> Клянюсь Гоголю. Заставьте его прочесть стихотвор<ения> Григ<ория> Богослова¹. <...>

Впервые частично опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 214–215. Печатается по изд.: Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 47.

¹ См. письмо С. Т. Аксакова к Гоголю от 27 августа 1849 г.

И. С. Аксаков — родным

30-го августа 1849 года. Рыбинск.

<...> В последнем письме своем Вы пишете, милый отесинька, о посещении Путьяты, Гоголя и Хомякова¹. <...> О Гоголе я могу Вам сказать кое-что утешительное. Только предваряю, что это секрет, и если Вы как-нибудь его не удержите, то вся вина обрушится на меня. Я получил на днях письмо от Александры Осиповны, которой до смерти хочется разболтать свой секрет, но говорит, что не велено, однако же, кое-что сообщает. Гоголь читал ей 2-й том Мертвых Душ, не весь, но то, что написано. Она в восторге, хоть в этом отношении она и не совсем судья. «Как жаль, — пишет она, — что я не смею Вам проболтаться о Муразове, Элабуеве¹, Улиньке, Чаграповой^{II}, Генерале Быстрищеве^{III}»... — и еще какая-то фамилия, которую я не мог разобрать. Говорит, что 1-й том перед тем, что написано и что только набросано, совершенно побледнел. — Может быть, Константин и махнет рукой, но я просто освежился этим известием; нужно давно обществу блистание Божьих талантов на этом сером, мутном горизонте. Атмосфере необходимо разрушиться громом, блеском и молнией великолепного Божьего дара!.. Я прошу Смирнову проболтаться совсем². Только вы, чур, молчите. Если это дойдет до Гоголя, то он рассердится на Смирнову и на меня. Нельзя сердиться на Гоголя, что он Вам не читал Мертвых Душ. Он видит в настоящее время, что Вы и Константин мало заботитесь о его производительности и не ждете от него ничего; даже не видит уважения к прежним проявлениям своего таланта. — Впрочем, я уверен, что Вы, милый Отесинька, обрадуетесь этому известию, да и Константин тоже. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 215–216. Печатается по изд.: Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 51.

¹ См. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к И. С. Аксакову от 22 августа 1849 г., письмо С. Т. Аксакова к П. А. Кулишу от июля – октября 1854 г., озаглавленное «Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.>», а также письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 20 августа 1849 г.

² См. ниже письмо И. С. Аксакова к А. О. Смирновой от конца августа – 11 сентября 1849 г.

И. С. Аксаков — родным

1849 года, сентября 3-го. Суббота. Рыбинск.

<...> В четверг получил я Ваше письмо от 29-го августа¹. Вот забавно: мы друг другу сообщаем один и тот же секрет! Я говорю о Гоголе. Требование его, чтобы Вы не писали о Мертвых Душах даже мне, совершенно нелепо и не имеет никакого основания, а потому прошу Вас и не слушаться его. Напишите мне обо всем подробно; одна ли глава написана или несколько². <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 216–217; см. также: Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 52. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд.

¹ Так в публикациях 1888 и 1994 г. Следует: Хлобуеве

^{II} Следует: Чаграновой

^{III} Следует: Бетрищеве

² См. в наст. изд. ответное письмо С. Т. Аксакова от 8 сентября 1849 г.

И. С. Аксаков — родным

10-го сентября 1849 года. Суббота. <Рыбинск>.

<...> В последнем письме своем¹ Вы пишете, милый Отесинька, что Гоголь опять к Вам приехал в деревню: не вторая ли это глава Мертвых Душ? <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 220; см. также: Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 55. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к И. С. Аксакову от 8 сентября 1849 г.

И. С. Аксаков — А. О. Смирновой

<Конец августа — 11 сентября 1849. Рыбинск>

О, премудрая Александра Осиповна, как благодарен я вам, что вы до сих пор не совладели еще с своею женскою слабостью — болтливостью, проболтались и рассказали мне хоть кое-что о 2-м томе «Мертвых Душ», об Улинъке, Хлобуеве, Чаграновой, Быстрищеве, Муразове и Тентиничкове!¹.. Вы меня просто освежили этим известием. Да уж расскажите все! Мне можно. Обещаю вам соблюсти величайший секрет, по-мужски. Это вам и Гоголь позволит. А ведь он московским своим знакомым ни слова, и вообще с ними мало откровенен; оттого и он, и они друг другом не совсем довольны. Как давно требует душа нового, великого произведения искусства... <...> А как Гоголь есть величайший современный художник, то от него только и можно ждать удовлетворения. Нет, уж вы мне все подробно напишите. <...>

Сентября 11. Много дней прошло с того времени, как я начал это письмо. <...> Прежде всего о Гоголе. Я получил письмо от батюшки. Он в восторге от 1-й главы «Мертвых Душ», которую Гоголь читал у нас в деревне; вскоре затем Гоголь опять побывал у нас в Радонежье, только ничего, однако же, не прочел. <...>

За неимением других книг у моего хозяина, читал на ночь творения св. Отцов. Читали ли вы Григория Богослова? Если нет, так прошу вас, достаньте себе его «стихотворения» и прочтите. Вот кто доставил мне немалое утешение! <...> ...Возьмите пятую и шестую часть Творений Св. Отцов в русском переводе 1847 и 1848 годов... <...> Рекомендуйте его Гоголю. <...>

...У вас в сентябре, 17-го, две именинницы, из числа которых одна знаменитая Надежда Николаевна, выразившаяся однажды про меня в Калуге, где я носил длинные волосы: *ca ressemble a Gogol!*¹ <...>

Впервые опубликовано: *Бартенев П. И.* Из писем И. С. Аксакова к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1895. № 12. С. 437, 439–442. Печатается по первой публикации.

¹ Это похоже на Гоголя! (*фр.*)

¹ Так в публикации.

И. С. Аксаков — родным

1849, декабря 5-го. Понедельник. Ярославль.

<...> Вчера получил <...> письмо от Смирновой; вот, между прочим, что она пишет про Константина: «Что делают Ваши? Гоголь очень доволен Константином Сергеевичем и его *кротостью*. Дай ему Бог свои кроткие, смиренные силы; они выше всех сил наших, строптивых и неразумных, и заговорят лучшим языком когда-нибудь. Скажите ему это от меня». Как получил, так и передаю. Смирнова немножко впадает в нравоучительный тон. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 260–261. Печатается по изд.: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856*. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 88–89.

И. С. Аксаков — родным

1850 г., января 9-го. Ярославль. Понедельник.

<...> Как-то Вы провели ночь эту, милый отесинька, после чтения Гоголя и моего отъезда, что Ваша голова? <...> Спасибо Гоголю! Все читанное им выступало передо мною отдельными частями, во всей своей могучей красоте... Если бы я имел больше претензий, я бы бросил писать: до такой степени превосходства дошел он, что все другие перед ним пигмеи. Но как у меня и вопроса этого самолюбивого не было, и как моего сочинения удел иметь временное и местное значение и доставить мне самому удовольствие, — то я и буду продолжать, если удастся, Бродягу, как свой посильный труд¹. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 266–267; см. также: *Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем* / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 203; *Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856*. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 93, 94. Печатается по последнему изданию.

¹ Ответ Гоголя на эти слова И. С. Аксакова см. в наст. изд. в ответном письме С. Т. Аксакова от 17 января 1850 г.

И. С. Аксаков — родным

12-го января 1850 года. Ярославль.

<...> Как я рад, милый Отесинька, что Вы приняли за статью о болотах¹; только Вы, пожалуйста, не торопитесь: чем полнее будет она, чем больше подробностей, тем лучше. Помните, что Вы этим трудом подстрекаете Гоголя. Я совершенно согласен с замечаниями, сделанными Вами Гоголю². Мне показалось еще, что не довольно ясно обозначено, почему, под каким предлогом Чичиков расположился у Тентетникова... Я теперь точно стал в отдалении и смотрю на картину, развернувшуюся в «Мертвых Душах», и лучше еще понимаю и чувствую ее, нежели стоявши слишком близко к ней. Так все глубоко, могуче и огромно, что дух захватывает! <...> Кланяюсь Гоголю. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 267–268. Печатается по изд.: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856*. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 94–95.

¹ Глава из «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии».

² Имеется в виду письмо С. Т. Аксакова к И. С. Аксакову от 10 января 1850 г.

И. С. Аксаков — родным

22-го января 1850 года. Воскресенье. Ярославль.

<...> Прежде всего отвечаю Вам на Ваши письма¹. Итак, Гоголь прочел Вам и вторую главу, а теперь, может быть, и третью. Вы спрашиваете меня, рассказывать ли мне содержание?.. Анекдотический интерес для меня, как и для Вас, в произведениях Гоголя не важен. Придется рассказывать или почти ничего или слишком много, т. е. его же речами, из которых мудрено выкинуть слово: так каждая нота состоит в соотношении с общим аккордом! А потому, зная, что последнее невозможно, я и не слишком хлопочу знать внешнюю связь содержания... Я думаю, что у Гоголя *все* написано, что он уже дал полежать своей рукописи и потом вновь обратился к ней для исправления и оценки, словом, поступает так, как сам советует другим. В противном случае он не стал бы читать и заниматься отделкою подробностей и частностей. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 271–272; см. также: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 133–135; *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 98. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. фрагмент из письма С. Т. Аксакова от 20 января 1850 г.

И. С. Аксаков — А. О. Смирновой

1850 г. Янв<аря> 29-го, Ярославль.

<...> Радуюсь, что письмо к Шевыреву — клевета. Говорили, что вы написали письмо к Шевыреву, где рассказываете все содержание 2-го тома «Мертвых Душ». Но письма этого из наших никто не читал. <...>

Впервые опубликовано: *Бартенев П. И.* Из писем И. С. Аксакова к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1895. № 12. С. 443. Печатается по первой публикации.

И. С. Аксаков — родным

5 февраля 1850 года. Ярославль.

Вчера вечером получил я Ваши письма от 3-го февраля... <...> Желал бы я очень посмотреть на Максимовича и Гоголя, когда они слушают малороссийские песни. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 283. Печатается по первой публикации.

И. С. Аксаков — родным

1850 г., февр<еля> 20-го. Понед<ельник>. Ярославль.

<...> Я прочел отрывки, присланные Вами, из «Лебедя» и «Гуся»¹ и нахожу, что они очень

хороши! <...> Благодарю милую Веру за присылку малороссийских песней. Очень хороши они, особенно последняя. Песню «Не хилися явороньку» знаю и очень люблю. На письмо ее² отвечаю тем, что Смирновой я пишу не прежде, как по получении от нее ответа, отчего случается не писать иногда три и четыре м<еся>ца. <...> ...Главная цель моего ответа Вере состоит в том, чтоб она была покойна и не опасалась, что я буду передавать содержание ее писем А<лександр> Осиповне. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 291–292. Печатается по изд.: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 115–117.

¹ Главы из «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии».

² См. в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к И. С. Аксакову от 15–16 февраля 1850 г.

И. С. Аксаков — родным

Мая 14-го 1850 года. Романов-Борисоглебск.

<...> Ваши предположения насчет поездки в Абрамцево Вам одному, вероятно, изменились с переменою погоды. — Как удался нынче обед Гоголя? В прошлом году он был очень неудачен, — я был на нем¹. — Каков май? Я не помню такого мая! <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 312; см. также: *Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина.* СПб., 1895. Т. 10. С. 318; *Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 138. Печатается по первой публикации.

¹ Написано в ответ на сообщение отца от 9 мая 1850 г., что его сыновья Константин и Григорий обедают у Гоголя в подинском саду (*Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 534).

И. С. Аксаков — родным

Мая 17-го 1850 г. Романов-Борисоглебск.

<...> Поразила меня смерть Над<ежды> Никол<аевны>¹ своею внезапностью. Это была натура деятельная, душа светлая и, казалось мне, давно готовая к смерти, — что не мешало ей жить — пока она была в жизни — живую жизнью с живыми. — Вы не пишете, куда едет Гоголь...² <...>

Впервые опубликовано: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 141. Печатается по первой публикации.

¹ Кончина Н. Н. Шереметевой 11 мая 1850 г.

² В письме от 19 мая 1850 г. (см. в наст. изд.) С. Т. Аксаков известил сына об отъезде Гоголя, который отправился с М. А. Максимовичем на Украину.

И. С. Аксаков — родным

1850 года, июня 6-го. Вторник. Молога.

<...> В последнем письме от 2-го июня¹ Вы пишете, милый Отесинька, что Гоголь Вам читал новую главу. Слава Богу! Да что ж он, едет куда-нибудь или нет?.. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 324; см. также: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 147. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд.

И. С. Аксаков — родным

Данилов. Июля 9-го 1850 года. Воскресенье.

<...> В Данилове я нашел себе письмо от А<лександр> О<сиповны>¹. Она пишет <...> что Гоголь, вероятно, поселится на Афонской горе и там будет кончать «Мертвые Души» (как ни подымайте высоко значение искусства, а все-таки это нелепость, по-моему: среди строгих подвигов аскетов он будет изображать ощущения Селифана в хороводе и грезы о белых и полных руках и проч.). <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 334–335; см. также: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 150–151; *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 158. Печатается по первой публикации.

¹ Смирновой.

И. С. Аксаков — С. Т. Аксакову

Вторник <понедельник>¹. 1851 г. Сентября 3-го. <Москва>.

<...> В воскресенье² я был у Авдеева³, Гоголя и у Смирновой. Гоголь обрадовался чрезвычайно, но в деревню ехать не хочет. На мой взгляд он очень похудел и переменился. Он полагает, что вам непременно следует зиму проводить в Москве, что это выгоднее, и рассуждает при этом случае с забавною серьезною важностью. По всему видно, что в Москве дом наш ему существенно нужен. Он хочет, чтоб переехала вся семья, с вашими записками, с Константиновыми речами и сочинениями, с малороссийскими песнями и с варениками (это уже я говорю). <...>

Вечером в воскресенье заходил к нам Гоголь... <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 738. Печатается по изд.: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 214.

¹ 3 сентября 1851 г. был понедельник.

² 2 сентября 1851 г.

³ Михаил Васильевич Авдеев (1821–1876), писатель.

И. С. Аксаков — родным

1851 г. Октябрь 8-го. Москва. Понедельник, вечер.

<...> Я забыл вам сказать, что на другой день приезда¹ поутру отправился я к Гоголю, застав его на пороге, он шел к обедне. Весьма мне обрадовался и объяснил, что дело было гораздо лучше, чем мы предполагали, что наемных лошадей приходилось ему так долго дожидаться, что он предпочел ехать на наших², а что кучер воротился пьяный, так оттого, что он дал ему хорошую на водку: последнее он сказал даже с некоторым удовольствием. Очень хочет вас видеть и желал бы воспользоваться хорошей погодой, но я не могу определить своего отъезда. Вы, милый отесинька, сказали, чтоб я ехал через неделю. Вера уверяет, что маменька на днях будет и что я должен оставаться до приезда маменьки. В тот же день Гоголь был вечером у Веры. <...>

Впервые опубликовано: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 217–218. Печатается по первой публикации.

¹ В воскресенье 7 октября 1851 г.

² Речь идет о возвращении Гоголя из Абрамцева в Москву 3 октября 1851 г. (см. в наст. изд. письмо Л. С. Аксаковой С. Т. Аксакову от 4 октября 1851 г.).

И. С. Аксаков — родным

Декабря 3-го 1851 г. Москва. Понед<ельник>, вечером.

<...> Я у Гоголя был два раза: один раз поутру и взял у него Диккенса¹, который и отдал в переплет; другой раз вечером вместе с Мамоновым и его рисунком. Рисунок, однако ж, не вполне удался, отдельно взятые лица превосходны, но общая группировка не соответствует мысли Гоголя. Но Мамонов взялся опять нарисовать новый² и на днях едет с Гоголем в театр³. Рисунок Мамонова Гоголь, однако же, оставил у себя. Гоголь был очень любезен в эти оба раза (разумеется, по-своему) и говорит, что много теперь работает. <...>

Впервые опубликовано: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 224. Печатается по первой публикации.

¹ Возможно, речь идет об одной из принадлежавших Гоголю книг: *The cricket on the hearth a fairy of home* by Charles Dickens. <Сверчок на печи... Чарльза Диккенса>. Paris, 1846. На экземпляре этой книги, принадлежавшей Н. П. Трушковскому, имеется надпись: «Из книг дяди Николая Васильевича Гоголя. Н. Трушковского» (Лики Гоголя. Фотоальбом. Под общ. ред. М. С. Гомозковой. Авторы-составители Е. М. Варенцова, С. П. Белехова, В. Н. Куделина, Н. Г. Прохоров. М., 2009. С. 178).

² Возможно, речь идет о рисунках к «Ревизору».

³ 11 декабря 1851 г. на сцене московского Малого театра состоялась постановка «Ревизора», в которой роль Хлестакова С. В. Шумский играл впервые по указаниям Гоголя. См. в наст. изд. «Историю нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.>» С. Т. Аксакова.

И. С. Аксаков — И. С. Тургеневу

<4 января 1852. Абрамцево>

<...> Гоголь постоянно и много работает и печатает второе издание своих сочинений с прибавкою 5-го, *нового* тома. <...>

1852 января 4-го.

Впервые опубликовано: *Майков Л. Н.* Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу. (1850–1852 гг.) // Русское Обозрение. 1894. № 8. С. 461; см. также: *Майков Л.* Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу. М., 1894. С. 15. Печатается по первой публикации.

И. С. Аксаков — родным

Вторник. <22 января 1852. Москва>.

<...> У Хомякова жена очень и очень больна. <...> Семен¹ так завален работой, что не берет-ся печатать раньше недели, и я начинаю опасаться медленности в печатании сборника². Я обратился к Степановой³, у которой Погодин печатает своего «Москвитянина»... <...> С нынешнего дня со вторника начинается печатание. Гоголь очень одобряет бумагу. Я взялся держать последнюю корректуру 4-го тома его сочинений, печатаемого у Семена. <...>

Впервые опубликовано: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 227. Печатается по первой публикации.

¹ Александр Семен, владелец типографии.

² Имеется в виду «Московский Сборник» (М., 1852. Т. 1; цензурное разрешение 17 марта). В этом издании, с отдельной пагинацией, был помещен некролог «Несколько слов о Гоголе» И. С. Аксакова (см. в наст. изд.).

³ Л. Степанова, вероятно, жена Н. С. Степанова, в типографии которого печатался «Москвитянин».

И. С. Аксаков — родным

Воскресенье. 7 часов утра. <27 января 1852. Москва>

Хомякова скончалась!¹ <...> У Семена² дело идет не так быстро потому, что он завален работой, такой, между прочим, которая держит станки занятыми весьма долгое время (напр<имер>, Гоголь, Калачев³) и потому, во 2-х, что и я не слишком тороплю его: статьи не готовы. <...>

Я сейчас от панихиды. Хомяков покоен, но ужасен. <...>

Впервые опубликовано: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 228–229. Печатается по первой публикации.

¹ 26 января 1852 г.

² См. примеч. к письму И. С. Аксакова от 22 января 1852 г.

³ Калачев (Калачов) Николай Васильевич (1819–1885), историк-юрист.

И. С. Аксаков — И. С. Тургеневу

26-го февраля 1852 года. Москва.

<...> Вчера мы похоронили Гоголя¹. <...> «Ну, кажется, теперь больше хоронить некого», сказал нам вчера Грановский. И действительно, мы похоронили не только последнюю свою славу, но кажется, и последнего художника не только для России, но и для целого мира. И этот последний художник был русский и, как говорит брат², христианин, подвижник, монах. В са-

мом деле, указанное им отличие русского художника от всей пьяной фаланги западных художников — поразительно. Гоголь постоянно смотрел на свой труд как на подвиг... <...> Когда я присутствовал при чтении 2-й главы из 2-го тома «Мертвых Душ», то мне делалось страшно: так каждая строка казалась написанною кровью и плотью, всю его жизнь. <...> А сколько у него было начатого и уже оконченного, кроме «Мертвых Душ»! У брата Константина сохранились только подлинные черновые рукописи Гоголя, заключающие в себе всю «Диканьку», «Миргород» и много первоначальных молодых этюдов. Уезжая за границу, он отдал ему их на сохранение, — так они и остались у брата. <...>

Впервые опубликовано: *Майков Л. Н.* Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу. (1850–1852 гг.) // Русское Обозрение. 1894. № 8. С. 464–465; см. также: *Майков Л.* Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу. М., 1894. С. 18; см. также: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 223. Печатается по первой публикации.

«Это прекрасное письмо составляет как бы черновой набросок статьи И. С. Аксакова «Несколько слов о Гоголе», помещенной в «Московском Сборнике» 1852 года; сходство между письмом и статьей иногда буквальное» (*Майков Л. Н.* Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу. (1850–1852 гг.) // Русское Обозрение. 1894. № 8. С. 465).

См. в наст. изд. ответ И. С. Тургенева И. С. Аксакову от 3 марта 1852 г.

¹ Похороны Гоголя состоялись 24 февраля 1852 г.

² К. С. Аксаков.

И. С. Аксаков — родным

Пятн<ица>. 21 марта 1852 г. <Москва>.

<...> Из П<етер>бурга к Назимову прислана бумага от гр<афа> Орлова, чтобы статей о Гоголе, присылаем<ых> из П<етер>бурга, не помещать в в «П<етер>б<ургских> ведом<остях>»¹: это по поводу того, что не пропущенная Мусин<ым>-Пушкиным¹ статья² помещена была в «Моск<овских> ведомостях». Но это намек, чтоб вообще никаких статей не печатать: Катков изъявил затруднение Дм<итрию> Ник<олаевичу> Свербееву напечатать некролог Андр<ея> Петр<овича> Оболенского, потому что в нем несколько слов есть о Гоголе³ (по случаю одновременности смерти и похорон), сказанных с уважением⁴. Впрочем, обещал поговорить с Назимовым, который вследствие разных известий, полученных из П<етер>бурга, отменил намерение свое приложить портрет Гоголя к «Ведомостям». Поэтому не совсем ловко требовать от Каткова оттисков Вашей статьи⁵, да и какие же оттиски ее могут быть, когда из статьи и 4-х страничек не выходит? Да и к тому уж целая неделя прошла. Впрочем, я у него нынче буду и узнаю, были ли сделаны тогда оттиски. Смирновой можно послать копию⁶, а Надеждину и всем этих господам и посылать не стоит. Вчера воротился Коля Воейков⁷ и говорит, что в П<етер>бурге совершеннолетнее равнодушие к Гоголю. — Смирнова, будьте уверены, прочтет всем, кому нужно. — В стихах я сделал одно изменение, неважное, Впрочем, и стихи уже печатаются, так же как и статья о Гоголе для сборника⁸, даром что многое выпущено. Впрочем, до Назимова мы не доводили. <...>

Впервые опубликовано: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 230. Печатается по первой публикации.

¹ Вероятно, описка. Речь идет о «Московских Ведомостях».

¹ Граф Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795–1862), попечитель Санкт-Петербургского учебного округа.

² Статья И. С. Тургенева «Письмо из Петербурга» (см. эту статью в наст. изд. в «Литературных воспоминаниях» И. С. Тургенева).

³ См. также в наст. изд. «Воспоминания о последних днях жизни Н. В. Гоголя» Д. Н. Свербеева.

⁴ Некролог Д. Н. Свербеева князю А. П. Оболенскому, умершему 19 февраля 1852 г., был напечатан в «Московских Ведомостях» 22 марта 1852 г. См. также некролог о князе А. П. Оболенском М. П. Погодина: *П<огодин> М.* Московские известия // Москвитянин. 1852. № 7 (цензурное разрешение 1 апр.). Отд. VII. С. 114–116.

⁵ «Письмо к друзьям Гоголя» С. Т. Аксакова (см. в наст. изд.).

⁶ В наст. изд. «Письмо к друзьям Гоголя» С. Т. Аксакова печатается по копии, отправленной А. О. Смирновой.

⁷ Николай Владимирович Воейков, сын сестры С. Т. Аксакова Анны Тимофеевны (1799–1850) и Владимира Ивановича Воейковых.

⁸ См. коммент. к письму И. С. Аксакова родным от 22 января 1852 г.

И. С. Аксаков — родным

27 апр<еля> 1852 г. <Москва>.

<...> Вследствие усилившихся толков о сборнике¹ вчера вечером ездил я к Львову и узнал от него следующее: что в П<етер>бурге ждали его появления с нетерпением, т. е. не публика ждала, а правительство, что в прошедшую пятницу получено от Назимова из П<етер>бурга письмо, чтобы не выдавать пока билета на сборник, но письмо уже опоздало, а потому Львов послал изданный сборник к Назимову, которого во вторник или в среду ждут сюда. Он думает, что если достанется за что, так это за статью о Гоголе, и не потому, чтоб она в себе что-либо заключала, а потому, что она является в то время, как Тургенев сидит на гауптфахте, и так резко противоречит фельетону Булгарина², выражающему, конечно, правительственный взгляд на Гоголя. — Вообще же эта статья имеет большой успех. — Книгопродавцы, как я слышал, собираются купить у меня все издание, но я еще этого предложения не получал. <...>

Первые опубликовано: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 239. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду «Московский Сборник» (М., 1852. Т. 1).

² <Булгарин Ф. В.> Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1852. 19 апр., № 87. С. 345–346.

И. С. Аксаков — родным

Вторн<ик>. 28 апр<еля> 1852. Москва>.

<...> Бумаг Гоголя еще не распечатывали, ибо Толстой все еще болен, а Марья Ив. Гоголь пишет к Погодину: делайте, что хотите. Не послать ли ей один экземпляр сборника¹. <...>

Первые опубликовано: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 240. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду «Московский Сборник» (М., 1852. Т. 1) со статьей И. С. Аксакова «Несколько слов о Гоголе» (см. в наст. изд.).

И. С. Аксаков — родным

<Начало мая 1852. Москва>

<...> Марье Ив. Гоголь сборник отправлю¹. <...> Вчера мы видели Шевырева, он сказал, что послал Вам письмо: бумаги Гоголя разобраны²: найдено 5 черн<овых> глав из «М<ертвых> душ» и объяснение литургии и вообще много таких вещей, которые еще более характеризуют этого святого человека!.. <...>

Впервые опубликовано: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 242. Печатается по первой публикации.

¹ Имеется в виду «Московский Сборник» (М., 1852. Т. 1) со статьей И. С. Аксакова «Несколько слов о Гоголе» (см. в наст. изд.).

² Вскрытие бумаг Гоголя состоялось 30 апреля 1852 г.

И. С. Аксаков — А. О. Смирновой

8 июня 1852. Абрамцево.

<...> Я слышал <...>, что вы так резко обнаруживаете свой образ мыслей, напр<имер>, хоть о Гоголе, что едва ли петербургские власти (университет) с вами в ладу; Шихматов, вероятно, считает вас уже давно осужденною, да и не один, я думаю, Шихматов... <...>

Впервые опубликовано: *Бартенев П. И.* Из писем И. С. Аксакова к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1895. № 12. С. 455. Печатается по первой публикации.

И. С. Аксаков — неустановленному лицу

<Вторая половина июня 1852>

<...> После распечатания бумаг Гоголя я было на другой день¹ написал к Вам о том, что найдено, но мне отсоветовали посылать письмо, потому что тогда боялись делать это открытие гласным. Действительно, найдены самые черновые рукописи 4-х глав 2-го тома, да еще какой-то главы, никому не читанной. Шевырев их сам разбирает и переписывает, найдены еще *объяснения обедни, рукопись* – вроде его собственной биографии как писателя² <...> завещание – матери и сестрам³... последнее слово к друзьям⁴... <...> и лоскуток бумаги, содержащий в себе замечательные слова <...>: «Будьте живые, а не мертвые души <...>». <...> Объяснение обедни, завещание, слово к друзьям, этот лоскуток – кажется, найдены в портфеле; очевидно, что он сохранил их с намерением, но главы из М<ертвых> душ нашлись завалившимися в шкафу за книгами. При распечатании бумаг были Капнист, Толстой и Шевырев; разбор взял на себя Шевырев, который исполняет это дело добросовестно. <...> Он на днях едет в Васильевку, к матери Гоголя⁵... <...>

Впервые опубликовано: *Манн Ю. В.* В поисках живой души: «Мертвые души». М., 1984. С. 354–355; 399–400. Печатается по первой публикации.

¹ Т. е. 1 мая 1852 г.

² Имеется в виду «Авторская исповедь».

³ Имеется в виду «Совет сестрам».

⁴ Подразумевается заметка «Друзьям моим».

⁵ Шевырев, вместе с своим сыном Борисом, выехал из Москвы 3 июля 1852 г. и прибыл в Васильевку 10 июля 1852 г.

И. С. Аксаков — родным

13 июня 1854 г. Воскрес<енье>. Коренная. —

14 — понедельник.

<...> Курск показался мне очень живописным. Так как ярмарка уже началась, хотя крестного хода еще и не было, то губернатор и все власти переехали в Коренную. Я заехал в канцелярию и, узнав, что главный деятельный член Статистического Комитета некто Ник<олай> Ив<анович> Билевич, отправился к нему. Он принял меня как человека, давно по слухам ему знакомого; оказалось, что он сам какая-то знаменитость, т. е. не больше моей. К сожалению, я решительно ничего из его трудов ученых и литературных не знаю, но фамилию это я помню. Он долго служил в Москве, товарищ Гоголя по лицу, знает Елагиных, Киреевских, Хомякова, слышал Константина с восхищением, когда он спорил с раскольниками, знает все подробности моей службы. Выйдя потом в отставку, поселился он на своей родине в Курске, а теперь вступил вновь на службу по Статистическому Комитету. <...> При всем том он очень высокого о себе мнения и держит себя очень осторожно; но человек положительно умный. Билевич! Я помню, была какая-то история в Москве, в которой замешено было это имя. Спросить его совестно. Не помните ли!? <...>

Впервые частично опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Ч. 1. Т. 3. Письма 1851–1860 годов. С. 22. Печатается по изд.: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 269.

¹ С. Т. Аксаков в ответном письме от 28 июня 1854 г. сообщал, что если Билевич тот самый, которого он знает, то о нем дурная слава — он подозревался в доносе на Ю. И. Венелина (*Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 583).

И. С. Аксаков — родным

1854 г. Июля 4-го вечером. Ромен.

<...> Во вторник¹, как вам уже известно, я приехал в Полтаву, пробыл там до четверга, а в четверг² после обеда отправился к Марье Ив. Гоголь. <...> ...Доехал благополучно до Яновщины, но уже ночью во 2-м часу. <...> Наконец меня заметил какой-то мальчик, спавший на сене; он объяснил мне, что Трушковский уехал куда-то за 25 верст с Анной Васильевной... <...> Пятницу³ провел я в обществе Марьи Ивановны и Лизаветы Васильевны; Трушковскому дали знать, и он, с теткой, к вечеру также явился. Я был у них зимою и не видал тогда сада. У них хорошо, хотя и нет особенно красивого местоположения. Довольно большой, тенистый, в английском вкусе сад, чрезвычайно запущенный, идет от дома к большому пруду, поросшему камышами, не слишком широкому, но длинному, с двумя или тремя заворотами: это несколько прудов, соединенных вместе. В этом саду нет особенно замечательных деревьев, а из фруктовых одни вишни, которых бездна. Некоторые сорта вишен уже отошли, другие только что спеют. <...> На другой стороне пруда, через который перевозисься на плотике, устроенном по распоряжению Николая Васильевича, — разнообразные рощицы: дубовая, кленовая, липовая, березовая, уксусного дерева и проч. Тут Гоголь хотел устроить дорожки и заставил при себе вычистить и даже уже устроил дорожку кругом по рошам, затевал и другие затеи, беседки и

проч. Теперь дорожки запущены и заросли травой. Марья Ивановна хотела было восстановить их, но нет рук, к тому же на ней лежит все бремя хозяйства. Показывали мне все места, которые любил Гоголь. Кулеш еще не был у них; он, верно, пришел был в ужас при виде запустения всех этих мест и дорожек. Но это очень понятно. Гоголь бывал здесь только гостем, и сад и при нем находился в таком же виде; содержать же сад в исправности — нам по опыту известно, как трудно. <...> Марья Ив<ановна> показалась мне несколько постаревшею против зимы. Она очень утомляется хозяйством, в которое дочери не хотят входить, очень грустна и все твердит или о сыне, или о внуке, которого она нежно любит. Лизавета Васильевна сентиментальничает так, что из рук вон, толкует о Владимире⁴ и нянчится с дочкой, которое довольно миленькая, ходит и прыгает: когда я был в первый раз, она еще не ходила. Анна Васильевна ничего не делает; она очень веселого нрава. До приезда Трушковского мне было довольно скучно, потому что слишком много и церемонно заботятся о госте. Вообще гостить очень не выгодно: из деликатности, а главное из скуки упрощиванья и отказыванья — ешь все, без разбору, а хозяевам и не приходит в голову пощадить гостя. Очень приятно радушное угощение, — но, во-первых, в меру, а во-вторых, сообразно вкусу и привычкам гостя. Они же очень церемонны, готовы сейчас вообразить и даже сказать, что просвещенный вкус гостя не может найти удовольствия в их простой, безыскусственной пище и проч. Я уж обрек себя на жертву, ел все, готов был даже спать на пуховике, видя бесполезность отговорки, да кстати подоспел Трушковский, с которым я спал в одной комнате и который был понисходительнее. <...> От Авдотьи Петровны Елагинной он получил чемодан Николая Васильевича, хранившийся у Жуковского. Там, кроме книг, есть письма к Гоголю от разных лиц, в том числе чисто семейные — от матери его, и рукопись черновая одной главы из романа: «Острианица»⁵, которую очень трудно разобрать. Трушковский намерен разобрать и переписать ее. Впрочем, Елагины ему говорили, что они разобрали. Этот роман принадлежит к молодым произведениям Гоголя. В субботу, после обеда, т. е. часа в три, я поехал из Яновщины на их лошадях в Полтаву... <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Ч. 1. Т. 3. Письма 1851–1860 годов. С. 36–37; см. также: Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 280–283. Печатается по первой публикации.

¹ 29 июня 1854 г.

² 1 июля 1854 г.

³ 2 июля 1854 г.

⁴ В. И. Быков, муж Е. В. Быковой (рожденной Гоголь).

⁵ Имеется в виду начало исторического романа Гоголя «Гетьман» (1833). Н. П. Трушковский, впервые опубликовавший это незавершенное произведение в пятом томе «Сочинений Н. В. Гоголя» (СПб., 1856) и назвавший его «Отрывок неизвестной повести», сообщал: «Этот черновой отрывок хранился в числе бумаг, оставленных Гоголем у В. А. Жуковского, и доставлен нам его супругою». См. также в наст. изд. дневниковую запись О. М. Бодянского от 12 февраля 1854 г.

И. С. Аксаков — родным

Суббота 1854 г. Июля 31. Полтава.

<...> На этой неделе была здесь Марья Ивановна Гоголь с Анной Васильевной и с Трушковским. Они оставались дня два, не больше, а приезжали сюда для покупок, по случаю ярмарки. <...> Я был у них и просидел вечером часа два. Остановливались они у Яновичевых: это три девицы с отцом, каким-то отставным генералом: я его не видал. Девицы же известны в Полтаве под названием *ученых*. Я слышал, как один человек молодой, но не претендующий на ученость,

довольно забавно жаловался, что его визиты к Яновичевым всегда неудачны, что, собираясь к ним ехать, он поутру приготовится из Римской истории, а его спросят про Ассирийскую монархию! Действительно, в них много претензий, особенно в средней Julie, имеющий притязание на высшие взгляды; может быть, они и обладают большими познаниями, но нет в них сочувствия ни к каким современным вопросам, а какой-то отвлеченный интерес к науке, к знанию: статья европейского ученого про царя Артаксеркса кажется им более занимательною, чем вопрос о положении крестьян в Малороссии, о современной войне и проч. И в мужчине неприятно видеть отвлеченность ученого, а в женщине это еще противнее. Про среднюю Гоголь писал к старшей сестре целое письмо¹, в котором говорил, что у нее прекрасная, но испорченная воспитанием натура, и давал ей разные советы, которых она, впрочем, не послушала. Я не читал сам письма, но не разделяю мнению Гоголя. Девушка, которая делает презрительную гримасу, как скоро говорят о народной поэзии, говоря, что она не понимает этой грубой поэзии, что этот интерес ей кажется слишком мелким, что любовь к народности, по ее мнению, очень узкое и тесное чувство в сравнении с человечеством, такая девушка не показывает много чувства и чрезвычайно не симпатична. Она вызвала меня на несколько резких ответов и замечаний, и сама вскоре ушла, оставив меня с другими сестрами. Я потому так об них распространился, что, может быть, Гоголь или его сестры говорили вам об этом семействе. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Ч. 1. Т. 3. Письма 1851–1860 годов. С. 48–49. Печатается по изд.: Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 290–291.

¹ Письмо не сохранилось.

И. С. Аксаков — родным

21 авг<уста> 1854 г. Суббота. Харьков.

<...> Вы не получаете от <И. С.> Тургенева писем: здесь мне рассказывали про него, что он женится, одни говорят — на какой-то Тургеневой¹ же, другие — на граф<ине> Велигорской. Я рад был бы за Тургенева, если б случилось это последнее. Граф<иня> Велигорская, служившая прототипом Гоголевой Улиньке², может иметь на Тургенева благотворное влияние, разорвет узы, связывающие его с грязным и безнравственным обществом Ив<ана> Панаева и компании. Я думаю, ей будет около 28 лет. <...>

Впервые опубликовано: Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 299–300. Печатается по первой публикации.

¹ Речь идет об О. А. Тургеневой.

² Может показаться противоречием то, что Гоголь, избравший в качестве прототипа идеальной красоты девушки Улиньки графиню А. М. Виельгорскую, в письме к ней от 29 октября 1848 г. заявлял: «Ведь вы нехороши собой. Знаете ли вы это достоверно? Вы бываете хороши только тогда, когда в лице вашем появляется благородное движение; видно, черты лица вашего затем уже устроены, чтобы выражать благородство душевное; как скоро же нет у вас этого выражения, вы становитесь дурны». По-видимому, дело заключалось в особенностях внешнего облика Виельгорской. На это, помимо Гоголя, указывала хорошо знавшая Анну Михайловну баронесса Мария Петровна Фредерикс (1832–1908): «Собой она была нехороша, но имела то обаяние, которое лучше всякой красоты и которое делает женщину идеальной. Она внушала очень многим несчастную любовь; они сгорали страстью к ней, но она долго не хотела слышать о замужестве. <...> Вышла она замуж уже немолодой, по просьбе отца на его смертном одре <ум. в 1856 г.>, за князя Александра Ивановича Шаховского; но этот человек хотя ее и любил, но далеко отстоял от ее нравственной

высоты. Она недолго была замужем и скончалась, оставив после себя дочку (графиня М. А. Келлер) нескольких месяцев» (Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Исторический Вестник. 1898. Т. 71. Январь. С. 82). Баронесса М. П. Фредерикс замечала также о Виельгорской: «Она имела на меня громадное влияние в религиозном и нравственном отношении» (Там же. С. 82). В свою очередь, С. Т. Аксаков, упоминая в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» о сестрах Виельгорских — Анне и Софье — отмечал «высокость» их «нравственного достоинства» (см. в наст. изд.). См. также в наст. изд. коммент. к письму графа В. В. Апраксина к матери от 20 августа (н. ст.) 1847 г.

И. С. Аксаков — родным

1854 г. Августа 27. Пятница вечером. Харьков.

<...> Читали ли вы, милый Отесинька, *Северную Пчелу*, те №№, где Булгарин разбирает биографию Гоголя¹ и рассказывает, как в 1828 или 29 году Гоголь явился к нему со стихами, в которых Булгарин превознесен до небес, и с просьбой о месте, и Булгарин определил его в III-е Отделение Канцелярии Государя, куда, впрочем, Гоголь являлся только за получением жалованья и где он числился недолго. Если не читали, то верно слышали. Эти две статьи гнусны в высшей степени по той явной цели, с которой писаны, по старанию представить Гоголя человека подлецом, и по самому тону. Верно, они вызовут возражения. Очень могло быть (Булгарин обещает, в случае нужды, напечатать и стихи и письмо Гоголя — последнее чуть ли не о деньгах), что мальчик Гоголь, попавши в Петербург и не имея ни о чем верного понятия, ни о Булгарине, ни о III Отделении, последовал совету какого-нибудь приятеля, уверившего его, что таков обычай и порядок, что так у практических людей заведено и проч. Вообще люди, с натурами чисто художественными, способны делать страшные глупости и простым, ясным, здравым умом не отличаются — большею частью. <...> Биография Гоголя, написанная нашим знакомым², действительно заключает в себе многие неловкие места, на которые удобно нападать недоброжелательному человеку. Станный человек этот наш знакомый. Кажется, он человек умный, а есть какая-то в его сочинениях и в нем самом ограниченность, для многих вовсе незаметная. <...> Следует <...> заметить биографам, что они оказывают плохую услугу лицу, ими описываемому, выкапывая весь сор и хлам изо всех углов его души. Надобно рассматривать в человеке дело его жизни, его цель, его стремление, идеал, живущий в душе, и уже по отношению к этой существенной стороне можно касаться частностей и мелочей его жизни. <...> Вообще у Кулиша³ многие анекдоты совершенно лишние и плохо объяснены³. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Ч. 1. Т. 3. Письма 1851–1860 годов. С. 64–66; см. также: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 303–304. Печатается по первой публикации.

¹ См.: Ф. Б. <Булгарин Ф. В.> Пчелка. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1854. 7 авг. № 175; 14 авг. № 181. См. также в наст. изд.

² П. А. Кулишом.

³ С. Т. Аксаков в письме от 9 сентября 1854 г. соглашался с мнением сына и добавлял, что он старался предохранить Кулиша от многих неловкостей, но это удалось не везде (*Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 588).

И. С. Аксаков — родным

1854 г., сент<ября> 15-го. Серeda. Кролевец.

<...> Вы пишете¹, что принялись работать для Кулеша. Я не знаю, что Вы для него работаете, для какой цели (о Гоголе разве?). Вы мне не писали². <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Ч. 1. Т. 3. Письма 1851–1860 годов. С. 71; см. также: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 309. Печатается по первой публикации.

¹ В письме С. Т. Аксакова от 26 августа 1854 г. (*Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 589).

² См. коммент. к письму И. С. Аксакова родным от 29 сентября 1854 г.

И. С. Аксаков — родным

29 сент<ября> 1854 г. Серeda. Харьков.

<...> Как мне будет интересно прочесть Вашу статью о Гоголе¹, милый отесинька, и все вычеркнутые Вами страницы. Вы их не бросайте. Многое, что не должно быть отдаваемо на общий толк и суд, может оставаться в рукописи, для немногих. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Ч. 1. Т. 3. Письма 1851–1860 годов. С. 82; см. также: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 316. Печатается по первой публикации.

¹ Речь идет о подготовленных С. Т. Аксаковым для П. А. Кулиша «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>» (письмо к П. А. Кулишу от 10 июня 1854 г.) и о «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.>» (письмо к П. А. Кулишу от июля–октября 1854 г.) (см. в наст. изд.).

И. С. Аксаков — родным

6 апр<еля> 1855 г. Серeda.

<...> Кулеш пишет Трушковскому, что — говорят — доклад о Гоголе на днях будет представлен Государю¹. Я советую самому Трушковскому съездить в Петербург, добиться немедленного разрешения, немедленно приступить к печатанию по крайней мере второго издания полных сочинений (уже наполовину отпечатанного), а потом, смотря по обстоятельствам, или вступить в ополчение или же провести остальные летние месяцы в Малороссии и возвратиться на зиму в Москву для печатания других сочинений Гоголя. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Ч. 1. Т. 3. Письма 1851–1860 годов. С. 113; см. также: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 341. Печатается по первой публикации.

¹ 18 февраля 1855 г. скончался Император Николай I. За полмесяца до кончины, в начале февраля 1855 г., он утвердил доклад министра народного просвещения А. С. Норова о печатании четырех томов сочинений Гоголя 1842 г. издания, а также пяти глав второго тома «Мертвых душ» и «Авторской исповеди» «без всяких исключений и измене-

ний» (см. в наст. изд. коммент. к статье А. И. Соколовой «Встречи и знакомства»). 2 апреля 1855 г. П. А. Кулиш извещал Н. Д. Белозерского: «Сочинения Гоголя позволены без всяких сокращений, но официальной процедуры еще не сделано» (Пантелеймон Куліш. Листи до М. Д. Білозерського. Упорядкування, вступна стаття й коментарі О. Федорюка. Львів; Нью-Йорк, 1997. С. 121; см. также: *Шенрок В. И.* П. А. Кулиш. Биографический очерк. Киев, 1901. С. 124). Разрешение на издание сочинений Гоголя было дано новым Императором, Александром II, 15 мая 1855 г. (см.: Литературный музей. (Цензурные материалы 1-го Отд<еления> IV секции Государственного Архивного Фонда). Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., <1921>. Вып. I. С. 83). 25 мая 1855 г. разрешение на издание сочинений Гоголя было получено в Москве (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 365. Л. 46 об.); оно было заслушано на заседании цензурного комитета 27 мая (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 357. Л. 60–61). Еще через три дня, 30 мая 1855 г., С. П. Шевырев обратился в Московский цензурный комитет с просьбой о разрешении первого тома «Мертвых душ» (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 365. Л. 48 об.–50; обращение заслушано на заседании комитета 5 июня 1855 г.; ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 357. Л. 79–79 об.; разрешение на печатание, от 16 июля 1855 г., получено из Петербурга 25 июля: ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 358. Л. 27–27 об.). Второе, посмертное, собрание сочинений Гоголя – в шести томах, под редакцией Н. П. Трушковского – вышло в свет в 1855 (первые четыре тома) и 1856 годах (подробнее см.: *Виноградов И. А.* К истории создания и публикации духовной прозы Гоголя // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 6. С. 511–530).

И. С. Аксаков — К. С. Аксакову

17 сентября 1856 г. Николаев.

<...> Ты не можешь себе представить, до какой степени <...> легкий способ угощать людей готовыми произведениями чужой кухни имеет успех в провинции и до какой степени люди жадно бросаются на эту готовую пищу, несмотря на то, что она производит несварение в желудке и поносы. Нет ни одного *учителя* гимназии, ни одного уездного учителя, который бы не был под авторитетом русского запада, который бы не знал наизусть письма Белинского к Гоголю, и под их руководством воспитываются новые поколения. Очень жалею, что кафедры университетские недоступны никому из наших. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Ч. 1. Т. 3. Письма 1851–1860 годов. С. 280–281; см. также: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 452–453. Печатается по первой публикации.

И. С. Аксаков — родным

9 октября 1856 г. Екатеринослав.

<...> И Полевой, и Белинский имели огромное влияние на общество, вредное, дурное, но все же громадное влияние. Много я ездил по России: имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому, жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, который бы не знал наизусть письма Белинского к Гоголю; в отдаленных краях России только теперь еще проникает это влияние и увеличивает число прозелитов. Тут нет ничего странного. Всякое резкое отрицание нравится молодежи, всякое негодование, всякое требование простора, правды принимается с восторгом там, где сплошная мерзость, гнет, рабство, подлость грозят поглотить человека, огадить, убить в нем все человеческое. «Мы Белинскому обязаны своим спасением», — говорят мне везде молодые честные люди в провинциях. И в самом деле, в провинции вы можете видеть два класса людей: с одной стороны, взяточников, чиновников в полном смысле этого слова, жаждущих лент, крестов и чинов, помещиков, презирающих идеологов, привязан-

ных к своему барскому достоинству и крепостному праву, вообще довольно гнусных. Вы отворачиваетесь от них, обращаетесь к другой стороне, где видите людей молодых, честных, возмущающихся злом и гнетом, поборников эмансипации и всякого простора, с идеями гуманными. Они часто несут всякую чепуху и сами не видят, что путь их логически оканчивается подлостью петербургского практицизма, но порицание и отрицание их понятны. И если вам нужно честного человека, способного сострадать болезням и несчастьям угнетенных, честного доктора, честного следователя, который полез бы на борьбу, — ищите таких в провинции между последователями Белинского. О славянофильстве здесь в провинции и слыхом не слыхать, а если и слышат, так от людей, враждебных направлению. Да оно и не может возбуждать сочувствия молодежи, лезущей вперед, оно требует большой справедливости, беспристрастного разума, основательности и проч. Требования эмансипации, железных путей и проч. и проч., сливающиеся теперь в один общий гул по всей России, первоначально возникли не от нас, а от западников, а я помню время, когда, к сожалению, славянофилы, хотя и не все, противились и железным дорогам, и эмансипации, последней потому только, что она формулирована была под влиянием западных идей. Да и что делать бедной провинции, если она ищет света и обращается за ним к литературной деятельности столицы. <...>

Впервые опубликовано: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Ч. 1. Т. 3. Письма 1851–1860 годов. С. 290–291. Печатается по изд.: Печатается по изд.: *Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856.* Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 456–457.

И. С. Аксаков — А. О. Смирновой

Москва, 7 ноября 1874. Кисловка, д. Азанчевского.

<...> Знаете, о чем я теперь собираюсь писать? О Гоголе. У меня есть еще неизданная рукопись моего отца: «История моего знакомства с Гоголем». Она доведена только до 1835 года. Кулиш ею пользовался и в своих Записках о жизни Гоголя поместил оттуда несколько извлечений. Тем не менее издать ее следует; но, приступая к изданию, я почувствовал, как несовременна, или, вернее, как мало понятна настоящему поколению эта речь Гоголева современника, обращенная к своим современникам. И чем далее, тем более будет непонятнее. То значение, которое имел Гоголь для литературы, для современников, та восторженность отношений к нему моего отца и многих других, то *наслаждение*, которое доставляло художественное произведение пошлых, грязных и сальных сторон русской жизни, наслаждение чуждое всяких тенденциозных, социалистических соображений, все это теперь — вещи невнятные. Это необходимо истолковать, и потому мне хочется написать, в виде предисловия к рукописи моего отца, два этюда о Гоголе: один — «место или значение Гоголя в истории русской литературы и русского общества», а другой — психологический этюд о самом Гоголе, отчасти в ответ и Пыпину. Если это удастся мне написать, то вы уж конечно не откажетесь прочесть мою работу в рукописи, прежде печати¹. <...>

Впервые опубликовано: *Бартенев П. И. Из писем И. С. Аксакова к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1895. № 12. С. 475.* Печатается по первой публикации.

¹ «Статей этих о Гоголе Иван Сергеевич не успел написать» (*Бартенев П. И. Из писем И. С. Аксакова к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1895. № 12. С. 475.*)

И. С. Аксаков — А. О. Смирновой

<14 февраля 1875. Москва>

<...> ...Благодарю вас <...> за присылку писем Иванова. Вот как бились тогда из-за куска настоящего хлеба наши великие художники! Такие же стоны о материальных помехах внутреннему духовному и художественному творчеству слышались одновременно и от Гоголя. А теперь его творения равнозначительны крупной ренте, с избытком обеспечивающей его наследников. Ф. В. Чижев, которому, между прочим, я передал письма Иванова (он хочет о нем писать) и который, по поручению Анны Васильевны Гоголь, принял на себя труд издания сочинений ее брата, составил в течение нескольких лет капитал для нее с племянниками Быковыми тысяч в 50 р<ублей> сер<ебром> и ежегодно продолжает высылать значительную сумму, чуть не по 5 тысяч р<ублей> сер<ебром>. Сочинения Гоголя постоянно и быстро расходятся, и не потому, чтобы сочувствие к нему было так же сильно, как в былое время, но потому, что невозможно теперь никому, претендующему на какое-нибудь образование, не иметь Гоголя в своей библиотеке. Надо признаться, в эти 23 года, после смерти Гоголя, в *объеме публики* произошла громадная перемена. <...> ...Число читателей увеличилось вдесятеро, и писатели составляют себе целые состояния, т. е. собственно составители учебников и романисты. Цена за *лист* повести или романа, печатаемого в журнале, установилась в редакциях для известных писателей от 300 до 500 р<ублей>. Граф Толстой свой роман «Анну Каренину» продал «Русскому Вестнику» за 20 т<ысяч> р<ублей> с<еребром> с правом, в конце года напечатать и продавать его отдельно, что даст ему также тысяч около 20-ти. Цифры эти любопытны, и я выписываю их вам для сравнения с теми материальными условиями, которыми была обставлена деятельность Гоголя. <...>

Впервые опубликовано: *Бартенев П. И.* Из писем И. С. Аксакова к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1895. № 12. С. 478. Печатается по первой публикации.

И. С. Аксаков

Несколько слов о Гоголе Фрагменты

Так свежа понесенная нами утрата <...> так еще неясно представляется уму смутно слышимой душою весь огромный смысл жизни, страданий и смерти нашего великого писателя, что невозможным кажется нам <...> не поделиться словами скорби... <...>

Много еще пройдет времени, пока уразумеется вполне все глубокое и строгое значение Гоголя, этого монаха-художника, христианина-сатирика, аскета и юмориста, этого мученика возвышенной мысли и неразрешимой задачи! Нельзя было художнику в одно время вместить в себя, выстрадать, высказать вопрос и самому предложить на него ответ и разрешение! Вспомним то место, в конце 1-го Тома Мертвых Душ, когда из души поэта, наболевшей от пошлости и ничтожности современного общества², вырываются мучительные стоны, и — охваченный предчувствием великих судеб, ожидающих Русь, эту непостижимую страну, он восклицает: «Русь! куда несешься ты, дай ответ!.. Не дает ответа!..» <...>

Долго страдал он, отыскивая светлой стороны и пути к примирению с обществом <...> уже не однажды думал, что найден ответ... Но не удовлетворялось правдивое чувство поэта: еще в 1846 г. сжег он 2-ой Том Мертвых Душ; опять искал и мучился, снова написал 2-ой Том и сжег его снова!.. <...> Но недостало человека на это новое испытание, и деятельность духа, напором сил своих, постоянно возроставших, без труда разорвала и сломила сдерживавшие ее земные узы... Вся жизнь, весь художественный подвиг, все искренние страдания Гоголя, наконец со-

жжение самим художником своего труда, над которым он так долго, так мучительно работал, эта страшная, торжественная ночь сожжения и вслед за этим смерть, — все это вместе носит характер такого события, представляет такую великую, грозную поэму, смысл которой еще долго останется неразгаданным.

Многим из читателей, не знавшим Гоголя лично, может показаться странным, что этот художник, заставлявший всю Россию смеяться по своему произволу, был человек самого серьезного характера, самого строгого настроения духа; что писатель, так метко и неумолимо карававший человеческое ничтожество, был самого незлобивого нрава и сносил, без малейшего гнева, все нападки и оскорбления; что едва ли найдется душа, которая бы с такою нежностью и горячностью любила добро и правду в человеке, и так глубоко и искренно страдала при встрече с ложью и дрянью человека. — Как на нравственный подвиг, требующий чистого делателя, смотрел он на свои литературные труды, и — живописец общественных нравов — неумолимо работал над личным, нравственным усовершенствованием. Пусть те из читателей, для которых неясен образ Гоголя, сами посудят теперь, какую пытку испытывала эта любящая душа, когда, повинувшись своему призванию, шла «об руку» с такими героями, каковы, вполне верные действительности, герои Мертвых Душ. Пусть представят они себе этот страшный, мучительный процесс творчества, предлагавший *слезы в смех*, и лирический жар любви и той высокой мысли, во имя которой трудился он, — в спокойное, юмористическое созерцание и изображение жизни. Человеческий организм, в котором вмещалась эта лаборатория духа, должен был неминуемо скоро истощиться... Нам привелось два раза слушать чтение самого Гоголя (именно из 2-го Тома М<ертвых> Душ)³, и мы всякой раз чувствовали себя подавленными громадностью испытанного впечатления: так ощутителен был для нас этот изнурительный процесс творчества, о котором мы говорили, такую глубиной и полнотою жизни веяло от самого содержания, так много, казалось, изводилось жизни самого художника на писанные им строки. Да, если и ошибался этот гениальный поэт в некоторых своих воззрениях (высказанных, напр<имер>, в «переписке с друзьями»), то тем не менее подвиг всей его жизни чист и высок, вполне искренен. Явится ли еще подобный художник или, быть может, со смертью Гоголя, наступает для нас иная пора? <...>

Впервые опубликовано: <Аксаков И. С.> Несколько слов о Гоголе // Московский Сборник. М., 1852. Т. 1 (цензурное разрешение 17 марта; цензор князь В. В. Львов). С. VII–XII. Печатается по первой публикации.

Написано в конце февраля 1852 г. (см. в наст. изд. коммент. к письму И. С. Аксакова И. С. Тургеневу от 26 февраля 1852 г.).

А. В. Никитенко 28 апреля 1852 г. записал в дневнике: «В Москве опять переполох. Там издан сборник Хомяковым, Киреевским и Аксаковым, в котором, говорят, напечатаны очень сильные вещи. Мне удалось прочитать только статью о Гоголе, от имени которого, очевидно, хотят сделать знамя. Гоголь там назван “великим сатириком-христианином” и т. д. Путь его был печальный потому, что ему суждено было проходить его среди общества, какое выставлено в его “Мертвых душах” и т. д. Стихи Хомякова еще сильнее. О сборнике уже много толкуют в публике. Тучи собираются: быть грозе. А кто виноват?» (Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. Без м. изд., 1955. Т. 1. С. 352).

Впоследствии, на заседании Московского цензурного комитета 20 марта 1853 г., состоялось запрещение подготовленного к печати второго тома «Московского Сборника». Одновременно И. С. Аксакову, «который не оправдал доверенности Правительства при издании первого и приготовлении второго тома», было запрещено быть редактором, а само издание было прекращено «совершенно». С И. С. Аксакова при этом была взята подписка (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 327. Л. 13–14). Цензор князь В. В. Львов 27 августа 1852 г. за пропуск в печать первого тома «Московского Сборника» и «Записок охотника» И. С. Тургенева был уволен от должности (см.: Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г. Цензоры Москвы: 1804–1917. (Аннотированный список) // Новое литературное обозрение. 2000. № 44. С. 425). См. также в наст. изд. *Воспоминания М. С. Щеткина о Гоголе в дневнике Ф. И. Булгаева.*

¹ 9 мая 1852 г. министр народного просвещения князь П. А. Ширинский-Шихматов писал по поводу этих строк статьи И. С. Аксакова попечителю Московского учебного округа В. И. Назимову: «Здесь вовсе не объяснено, почему

так много требуется времени, чтоб уразуметь вполне значение Гоголя. Неужели сочинитель статьи думает, что значение это так непостижимо, что никто из современников не в состоянии составить себе ясного понятия о Гоголе по его литературным произведениям? Почему преимущественно Гоголю приписывается глубокое и строгое значение? Подобные неопределимые выражения невольно приводят к предположению, что он имел какую-либо особую скрытую цель, известную только немногим, и такое предположение тем покажется правдоподобнее, что сочинитель статьи называет Гоголя *мучеником возвышенной мысли и неразрешимой задачи*. Какая это возвышенная мысль и неразрешимая задача, которые терзали Гоголя до того, что наконец преждевременно свели его в могилу? — Должно заметить, что причиною смерти Гоголя сочинитель статьи почитает именно неудовлетворительное разрешение означенной задачи и необходимость, после двукратного сожжения второго тома *Мертвых Душ*, приступить снова к ее решению: «но недоставало человека, говорит он, на это новое испытание, и деятельность духа, напором сил своих, постоянно возраставшим, без труда разорвала и сломила сдерживавшие ее земные узы» (Литературный музей. (Цензурные материалы 1-го Отд<еления> IV секции Государственного Архивного Фонда). Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., <1921>. Вып. I. С. 98–99).

² Князь П. А. Ширинский-Шихматов в послании к В. И. Назимову от 9 мая 1852 г. также замечал: «...Кто дал сочинителю статьи право клеймить все *современное общество* печатью *пошлости и ничтожества*, от которых будто бы *из наболевшей души Гоголя вырывались мучительные стоны*. Судить по героям *Мертвых Душ* о целом Русском обществе — есть верх несправедливости, никому не позволительной <...> ...Сочинитель статьи не только безотчетно чернит все современное общество, по его мнению, пошлое и ничтожное, но утверждает даже, что в нем не было ни одной светлой стороны, которая могла бы послужить Гоголю средством примирения с ним. Вот до чего доводит необдуманное желание возвысить Гоголя! <...> ...Статья под заглавием «Несколько слов о Гоголе» <...> безотчетным расточением выходящих из всякой меры похвал Гоголю <...> накидывает тень подозрения на его намерения и действия, которого покойный писатель наш не заслужил ни жизнью, ни христианскою своею кончиною...» (Литературный музей. С. 100, 102).

³ В начале января 1850 г. — первую главу (см. в наст. изд. письмо И. С. Аксакова к родным от 9 и 12 января 1850 г.) и, вероятно, 25 июня 1851 г. — четвертую главу (см. в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Каргашевской от 26 июня 1851 г.).

М. С. Аксаков — О. Сем. Аксаковой

27 ноября 1839 г. <Санкт-Петербург>.

<...> ...Здесь «Ревизора» играют гораздо хуже, нежели в Москве, и потому эта пьеса здесь нравиться не может. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 574. Печатается по первой публикации.

Михаил Сергеевич Аксаков (1824–1841), младший сын С. Т. Аксакова.

Свидетельства о Гоголе Н. С. Аксаковой

Гоголь в письмах Н. С. Аксаковой

Н. С. Аксакова — Г. С. и И. С. Аксаковым

25 декабря 1839 г.

<...> С тех пор как они приехали¹, Гоголь у нас всякий день. В субботу² он у нас читал («Мертвые души»), а я его слушала в другой комнате — это очень смешно, а в воскресенье³ обедали у нас его сестры. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 578–579. Печатается по первой публикации.

Надежда Сергеевна Аксакова (1829–1869), дочь С. Т. Аксакова.

¹ С. Т. и В. С. Аксаковы и Гоголь с сестрами приехали из Петербурга 21 декабря 1839 г.

² 23 декабря 1839 г.

³ 24 декабря 1839 г.

Н. С. Аксакова — О. Сем. Аксаковой

Четверг, 4 января, 12 часов утра 1840.

Вчера был Щепкин. <...> Он у нас обедал с Гоголем¹. <...> Сейчас получили ответ от Заголкина, он не может дать нам ложу, потому что он отдал ее Бакуниным, а Верстовский отдал ложу Нащокину, который хочет повести мать Гоголя в театр. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 581. Печатается по первой публикации.

¹ К этому письму другой дочерью С. Т. Аксакова — Марией Сергеевной (1822–1887) сделана приписка, в которой также сообщается о присутствии Гоголя на этом обеде. Подобная же запись встречается в неизданном письме к матери Ольги Сергеевны Аксаковой (1821–1861) от 8 января 1840 г. (см.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 581).

Н. С. Аксакова — И. С. Аксакову

16 января <1850>. Понедельник, 12 ч<асов> в<ечера>. <Москва>.

Сейчас разъехались наши гости... все разошлись спать, и я на просторе села тебе писать, милый Иван. Были Горчаковы, Воейковы и Гоголь. Гоголю я пела, по его просьбе, малороссийские песни, данные Константину Максимовичем, которые и теперь звучат в ушах моих. Как они неотвязны! Мотив в них так ярко обозначен, так легок и жив, что легко запоминается, и

по тем же причинам скоро и надоедает. Как сравнить с русской песней! — ее и схватить трудно, а если остается в памяти, то раздается в ушах отдельными протяжными звуками или выдающимися вперед музыкальными фразами. Как успокаиваешься и отдыхаешь, когда споешь русскую после малороссийской. — Гоголь слушает, кажется, с удовольствием. Вот одна, которая особенно не выходит у меня из головы, которой слова напевал нам Гоголь и которая довольно мила:

1

Ой пид вишенькою,
Пид черешенькою
Стояв старый з молодую,
Як из ягодою.

2

И моылася,
И просылася:
— Пусти мене, старый диду,
На улицу погулять.

3

— Ой и сам не пиду
И тебе не пуцу,
Хочешь мене стариженького
Да покинуты.

4

— Ой ты, старый дидуга,
Изогнувся, як дуга,
А я молоденька,
Гуляты раденька.

5

Ой ты, старый, — кихи, кихи,
А я, млада, — хихи, хихи
Над твоею бородою,
Над сиденькою¹.

А другого малороссиянина — Максимовича — мы с тех пор, как он у нас был в первый раз, и не видали. Гоголь говорит, что у него есть соседка, которая живет на дороге, куда бы он ни

шел, и к которой он непременно пойдет, и потому к другим не попадает. Эта соседка — графиня Салиас (бывшая его ученица)². <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 722. Печатается по первой публикации.

См. также в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к И. С. Аксакову от 17 января 1850 г.

¹ Позднее песню «Ой пид вишенькою...» биограф Гоголя П. А. Кулиш отметил как одну из самых любимых песен писателя (см. начальный куплет этой песни в наст. изд. в разделе <Любимые Гоголем украинские народные песни (по воспоминаниям С. Т. Аксакова, О. М. Бодянского, М. А. Максимовича)>, № 24).

² Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир (рожденная Сухово-Кобылина, 1815–1892), писательница (псевдоним Евгения Тур). См. в наст. изд. раздел «Гоголь в письмах графини Е. В. Салиас де Турнемир».

Н. С. Аксакова — родным

13 июля 1851 г.

<...> Мы прожили в Москве около трех суток; кроме Анны Ивановны Томашевской и Гоголя, никого не видали. <...>

<Притиска В. С. Аксаковой:>

Письмо Константина мы насилу разобрали, и ежели только мы так прочли, как надо, то стихи твои не очень поэтичны, и Гоголь смеялся, когда ему читали. Как тебе пришло в голову сравнивать черномозем с косой и проч.? <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 737. Печатается по первой публикации.

Н. С. Аксакова — О. Сем. Аксаковой

<Осень 1851>

<...> Я так много из Москвы привезла романсов и песен новых, которые теперь разучиваю. Гоголю еще <не> садилась переписывать — просто некогда. Отдал ли он 3-ю часть Диккенса — видался ли с ним Иван? <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 740. Печатается по первой публикации.

Воспоминания Н. С. Аксаковой в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе»

<...> ...Поговорим о статье г. Данилевского, напечатанной в 124 номере «Московских Ведомостей», под заглавием «Хутор близ Диканьки». <...> Г. Данилевский начинает свою статью прекрасным рассказом о своей поездке в родное село Гоголя, Яновщину... <...> ...Г. Данилевский

рассказывает <...> «В зале стоит рояль, за которым в последнее время Гоголь, при помощи своих близких знакомых, составлял собрание украинских песен, с музыкою. Это собрание, почти из тридцати песен, теперь находится у Н. С. А<ксако>вой, и мы от души желаем скорее увидеть его в печати».

В этой выписке, по-видимому, ничего нет невероятного; но некоторые места статьи поселили в нас такую недоверчивость, что мы нарочно познакомились с Н. С. А<ксако>вой, чтоб узнать от нее самое о гоголевском сборнике. Вопрос наш показался ей очень наивным, и она объявила нам, что никакого собрания, составленного Гоголем, у нее нет. Гоголь, в последние годы пребывания своего в Москве, действительно любил петь и слушать малороссийские песни. Для этого он и несколько его земляков собирались в одном доме раз в неделю. С голоса Гоголя положено было на ноты девицей А<ксако>вой всего песен пять-шесть, вовсе не с целью издать их, а просто для того, чтоб петь их в будущие вечера. Для этого же пересмотрены были всеми гостями вместе голоса украинских песен, изданные Алябьевым¹ и еще сборник Липинского², изданный в 1833 году во Львове³. В этом последнем сборнике текст искажен полонизмами, а голоса попытками Липинского усовершенствовать их. Гоголь и его приятели старались восстанавливать как текст, так и мотивы, и, собираясь в последующие музыкальные вечера, пели уж только те песни, которые всеми ими признаны были за лучшие, и притом в восстановленном виде. Липинский доставил им, впрочем, немного удовлетворительных песен. Они обратились к печатным сборникам М. Максимовича и некоторым рукописным коллекциям, выбирая из них песни, которых голоса были известны кому-нибудь из гостей. Таким образом перепробовано было много изданных и неизданных напевов, и некоторые из них сделались любимыми напевами Гоголя и его приятелей. <...>

Переходя к сельским занятиям Гоголя, г. Данилевский между прочим говорит, что Гоголь *учил* (у себя дома), *как делать настоящие малороссийские вареники*. От кого же сам он научился этому нехитрому и повсеместному в Малороссии искусству? и кто нуждался в его науке? Гоголь был любителем вареников — это так. В Москве для него готовили их по крайней мере раз в неделю. При этом замечательно, что сколько бы раз ни случалось ему есть это лакомое для него блюдо, он всякий раз рассказывал, что он знал на родине одного панка, который, где бы ни встретил за столом вареники, не иначе приступал к ним, как произнеся следующее воззвание: «Вареныки побидэныкы! сыром бóки позабыханы, маслом очы позальваны — вареныки побидэныкы!...»⁴ <...>

Впервые опубликовано: <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2. Отд. 7. С. 112–113, 115. Перепечатано, с исправлениями: <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Соч. Николая М. СПб., 1854. С. 191, 187; <Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 2. С. 259, 253–254 (см. в наст. изд. коммент. к разделу «Воспоминания о Гоголе С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша»). Печатается по первой публикации.

Написано в ответ на статью Г. П. Данилевского «Хуторок близь Диканьки» (см. в наст. изд. раздел «Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1852–1856 гг.»). О последующих исправлениях Г. П. Данилевского в его статье, вследствие замечаний П. А. Кулиша, см. в наст. изд. коммент. к разделу: Г. Данилевский. Хуторок близь Диканьки.

4 ноября 1852 г. О. М. Бодянский познакомил Кулиша с Аксаковыми. 5 ноября П. А. Кулиш писал жене из Москвы: «Обедали мы 4 ноября у Вернадского вместе с несколькими профессорами университета. <...> В 8 часов вечера отправились мы оттуда к Аксаковым. С этим домом был очень дружен Гоголь. Я нашел там, во-первых, старушку Аксакову... <...> Во-вторых, — сына ее Ивана Аксакова. <...> В-третьих, — двух девушек, его сестер, которые удивили меня прекрасно развитым умом своим и самой пленительною любезностью. Одна <по-видимому, Н. С. Аксакова> пела малороссийские песни на итальянский манер, что было очень для меня смешно, и я не скрыл, что

¹ Muzyka do Pieśni Polskich i Ruskich Ludu Galicyjskiego. — Примеч. П. А. Кулиша.

она поет усовершенствованным способом. Вместе с тем она пела разные славянские, английские и шотландские песни. Это мне понравилось больше. <...> Семейство Аксаковых, состоящее из отца, матери, двух братьев и четырех сестер, обязано своею образованностью отцу... <...> Образованность здесь слилась до такой степени с природою, что не знаешь, где между ними разница. Не понимаю, как я, проведя у Аксаковых всего часа три, считаю себя другом дома и уверен, что на меня уже так смотрят» (Пантелеймон Кулиш. Листи до М. Д. Білозерского. Упорядковання, вступна стаття й коментарі О. Федорука. Львів; Нью-Йорк, 1997. С. 197–198).

Почерпнутые у Аксаковых сведения о Гоголе и были использованы Кулишом в его статье.

Прочитав «Выправку...» П. А. Кулиша, И. С. Аксаков 20 февраля 1853 г. писал Г. П. Данилевскому: «Милостивый Государь Григорий Петрович! В одном из №№ Московских Ведомостей за 1852 г. была помещена Ваша статья о поездке Вашей на родину Гоголя. Эта статья возбудила ответ, помещенный во 2-м № От<ечественных> Запис<ок> нынешнего года и названный “биографическими выправками”. И Вы, и возражавший Вам неизвестный автор статьи Отеч<ественных> Записок (по крайней мере скрывший свое имя) — допустили разные ошибки в своих рассказах и описаниях; и Вы и он упоминаете имя моей сестры “Н. С. А—вой”

Я покорнейше прошу Вас, если Вы захотите возражать От<ечественным> Запискам, не упоминать в Вашем печатном споре имени Надежды Сергеевны. Я буду просить об этом и автора статьи От<ечественных> Записок. Вообще довольно неприятно видеть, что разговоры, которые велись в домашней беседе, так, запросто, предаются печати, получают публичность, подвергаются анализу и критике, делаются предметом спора — и все это без дозволения и ведома тех лиц, в доме которых происходили эти разговоры. — Не говорю уже о том, что публика может наскутить спорами и толками о разных мелких биографических подробностях, важных в полной и цельной биографии, но не представляющих отдельно большого интереса для общества (особенно, если об них говорится часто).

Впрочем, мы пошлем к автору статьи От<ечественных> Записок подробное указание всех сделанных им промахов и ошибок. Многие его возражения справедливы, но многие и ошибочны. Во многом Вы правы, но очень многое передали неверно. — И Вы, и автор статьи Отеч<ественных> Запис<ок> допустили эти неточности, разумеется, по незнанию и потому, что в деле, требующем положительных и точных сведений, основались на обыкновенном разговоре, в котором многое могло быть недослышано, не понято, схвачено на лету, без полного и подробного объяснения, способного устранить всякие недоразумения... Повторяю Вам мою покорнейшую просьбу. Ив. Аксаков.

P. S. Еще одно слово: как Вам не совестно трактовать о Гоголе в статьях фельетонных, в одно время и вместе с описанием разных приключений, пассажа, американских театров, танцовщиц, папирос и пр.: говорить о внутреннем подвиге Гоголя с неприятною фельетонною легкостью. 20 февр. 1853 г. С. Абрамцево» (печатается по автографу: РНБ. Ф. 236. Ед. хр. 18. Л. 3–4; впервые опубликовано: Багалей Д. И. Материалы для биографий южно-русских научно-литературных деятелей XIX века. I. Письма к Гр. Петр. Данилевскому / Оттиск из журнала «Киевская Старина». Киев, 1903 (цензурное разрешение 4 июня). С. 57–58).

Еще до поездки в Васильевку Г. П. Данилевский написал статью в защиту Гоголя от нападок Ф. В. Булгарина, высказанных в статье: <Булгарин Ф. В.> Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1852. 19 апр. № 87. С. 345–346 (см.: <Данилевский Г. П.> Провинциал. Отзыв провинциала на статью о Гоголе, помещенную в «Северной Пчеле», № 87 // Московские Ведомости. 1852. 21 июня, № 75. С. 783–784; с подписью: «Суджа (Курс<кой> губ<ернии>»; авторство Г. П. Данилевского установлено: Свяжлов Е. В. Эпизод полемики о Гоголе 1852 г. // Русская литература. 1980. № 1. С. 127–134). Эта статья Г. П. Данилевского заслужила одобрение Аксакова-отца, Сергея Тимофеевича, который в статье «Несколько слов о биографии Гоголя», напечатанной 21 марта в № 35 «Московских Ведомостей» за 1853 г., замечал: «Конечно, никто не прочел без сочувствия и благодарности благородной статьи одного из жителей Курской губернии в защиту Гоголя» (Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 3 т. М., 1986. Т. 3. С. 432; см. также эту статью в наст. изд.). См. также в наст. изд. отзыв В. С. Аксаковой в письме к М. Г. Карташевской от 29–30 июня 1852 г.

На следующий день после выхода в свет номера газеты со статьей С. Т. Аксакова, 22 марта 1853 г., Г. П. Данилевский отвечал И. С. Аксакову: «Милостивый государь, Иван Сергеевич! Грустно и тяжело мне было читать Ваше последнее письмо; вполне справедливые и открытые замечания Ваши заставили меня еще раз, после моих сетований, посоветовать на мою решимость опубликовать то, что судьба послала мне на пути исследований жизни великого поэта; если бы у меня достало сил и средств, я готов был бы посвятить многие годы на эти исследования; многие годы я употребил бы на изучение жизни нравственной, жизни, полной высокого человеческого смысла; юношеская, глупая торопливость, с которою я и без того, как Лаокоон, борюсь ежеминутно и падаю ее жертвою нередко, испортила несколько другую цель:

напечатал я свою статью в самую бурю гнусных проделок нашей петербургской литературы против Гоголя, в то время, как над его еще свежее могилу раздавался бешеный лай редакторов "С<еверной> пчелы", имеющей завидную участь для всех подлецов — обливать ядом всякое живое и мощное русское дарование. Предисловие к этой статье, исключенное при печати, говорило прямо, с какой целью я, молодой и полный смирения литератор, совершил поездку в нашу литературную, современную Мекку гения, и как я без всяких протекций желаю поделиться с 10 000 читателей "М<осковских> ведомостей" тем, что мне удалось узнать о великом моей родины... Сюда попало и слово, за которое я теперь от души краснею: слово о достойнейшей обладательнице песен, которые вы когда-то превратили вечер в Вашем доме для меня во что-то неземное, больше чем истинно-родное и полное трогательной прелести! Статья моя прежде набрана была в газете Краев<ского>; цензура ее запретила; я послал в Москву (15 августа 1852 г. М. Н. Катков сообщил Данилевскому о получении его очерка; см.: Письма Г. П. Данилевского П. А. Плетневу, И. С. и С. Т. Аксаковым (публикация Е. В. Свиясова) // Русская литература. 1979. № 4. С. 188. — И. В.) — Краев<ско>му это больно не желалось, он все выжидал кризиса во мнениях о Гоголе и затем непременно опубликовать ее в своей газете! Я уже объяснял Вам, как мне жаждалось кинуться в бой за великую тень, показать, что есть молодость и талант в наши дни, которые даже совершают поездки на родину того, кто стал изгнанником по смерти: я ускорил печатание статьи! Это и многое другое охладило мои отношения к Краев<скому>; сотрудничество в "Ведомостях" еще более помогло охлаждению этому — и с той поры я сделался мишенью разных лестных выходов и заказных статей! Судите, мой добрейший, мой дорогой Иван Сергеевич, виноват ли я в том, что заглавные буквы мною глубоко и честно уважаемого имени из всяких приличий разоблачены, что это достойное имя попало, по Вашим словам, на страницы полемики?.. Краснею за свое молодое движение и приношу покорнейшее, глубочайшее извинение перед Надеждой Сергеевной и Вами в моей неловкости и во всем, что она вызвала! Мне грустно, мне тяжело это писать: но еще тяжелее взяться за опровержение статьи К<улиш>а; она полна новых ошибок, недобросовестных выходов и всего, чем щеголяют полемисты: но — я не имею сил говорить вновь о тени поэта, которой и без того беспокойно от сумятицы нашей жизни! <...> С. Петербург. 22 марта, 1853» (Письма Г. П. Данилевского П. А. Плетневу, И. С. и С. Т. Аксаковым (публикация Е. В. Свиясова) // Русская литература. 1979. № 4. С. 187–189).

¹ Сборник Максимовича явился первым в литературе нотным изданием, специально посвященным украинскому народному песенному творчеству. В «Предисловии» к книге Максимович замечал: «Занимаясь сборником украинских песен, я, сколько мог, доставал и *напевы* или *мотивы* оных. А. А. Алябьев взял на себя труд аранжировать оные для пенья и фортепьяно: и вот *первая* тетрадь, за которую любители народного пения, которых теперь так много, будут обязаны новою благодарностью своему любимому певцу; я же винюсь пред ними в том, что так замедлил изданием оной» (Максимович М. Предисловие // Голоса украинских песен, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Вып. 1. Отд. 1. С. 3). (М. А. Максимович познакомился с А. А. Алябьевым летом 1832 г. на Кавказе, на Минеральных Водах.) Заглавие на титульном листе книги было сопровождено следующим эпиграфом: «Ничто не может быть выше народной музыки, если только народ имел поэтическое расположение, разнообразие и деятельность жизни. Н. Гоголь, о Малорос<сийских> песнях». В конце первого отдела сборника, заключающего в себе песенные тексты, Максимович сделал также примечание: «Об украинских песнях и музыке оных читатели найдут прекрасную статью г. Гоголя в Журн<але> Минист<ерства> Нар<одного> Просв<ещения> 1834 г. № 4» (Там же. Вып. 1. Отд. 1. С. 16).

18 июля 1834 г. Гоголь, в частности, писал М. А. Максимовичу: «Да что ты не прислал мне нот малороссийских песен? Прислал один лист под названием Голоса, а самих-то голосов и нет. Я с нетерпением ожидаю их». Впоследствии девять песен из тех, напевы которых были опубликованы в «Голосах украинских песен» Максимовича, оказались в числе любимых Гоголем песен (см. в наст. изд. коммент. к письму Н. С. Аксаковой И. С. Аксакову от 16 января 1850 г. и к разделу <Любимые Гоголем украинские народные песни (по воспоминаниям С. Т. Аксакова, О. М. Бодянского, М. А. Максимовича)>). Еще три песни из того же числа были обнаружены в записях Гоголя (см. коммент. к разделам <III> Южнорусские песни. <Тетрадь первая> и <XI. Отдельные песни в записях Гоголя> в т. 17 Полн. собр. соч. и писем Н. В. Гоголя в 17 т.; М.; Киев, 2010).

² Карл Липинский (1790–1861), польский скрипач.

³ Имеется в виду сборник галицких песен В. Залеского «Piésni polskie i ruskie ludu galicyjskiego. Z muzyka instrumentowana przez Karola Lipickiego. Zebrał i wydał Wacław z Oleska» (We Lwowie, 1833). С этим сборником Гоголь познакомился почти сразу по его изданию, в конце 1833 г. и пользовался при создании «Тараса Бульбы» и «Вия»

(Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2009. С. 423, 439, 440, 570; Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации // Гоголеведческие студии. Ніжин, 2000. Вып. 5. С. 88). 7 января 1834 г. Гоголь спрашивал М. А. Максимовича: «Знаешь ли ты собрание галицких песен, вышедших в прошлом году (довольно толстая книга in-8)? Очень замечательная вещь! Между ними есть множество настоящих малороссийских, так хороших, с такими свежими красками и мыслями, что весьма не мешает их включить в гадаемое собрание». Максимович заинтересовался сообщением Гоголя и просил прислать ему экземпляр книги. 12 февраля 1834 г. Гоголь отвечал: «Экземпляра песен галицких здесь нигде нет; мой же собственный у меня замотал один задушевный приятель». 26 марта Гоголь повторял (откликаясь, по-видимому, на новую просьбу Максимовича): «Вацлав, я тебе говорил, что отжилен у меня совершенно безбожно одним молодцом, взявшим на два часа и улизнувшим, как я узнал, совершенно из города». Установлено, что принадлежавшим Гоголю экземпляром собрания «Piésni polskie i ruskie ludu galicyjskiego» пользовался в мае-июне 1834 г. А. С. Пушкин (*Ясинский Я. И.* Работа Пушкина над лексикой «Слова о полку Игореве» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М., 1941. Вып. 6. С. 343–344). 29 марта Гоголь послал Максимовичу лишь одну переписанную им из сборника «Piésni polskie i ruskie ludu galicyjskiego» песню — о Нечае (см. в т. 17 Полн. собр. соч. и писем Гоголя в 17 т.; М.; Киев, 2010). 20 апреля 1834 г. Гоголь вновь извещал Максимовича: «За Песнями Люду Галицкого я послал в Варшаву, и как только получу их, то ту же минуту пришло их тебе».

Вторично сборник «Piésni polskie i ruskie ludu galicyjskiego» Гоголь получил в свое пользование летом 1839 г. в Мариенбаде, где взял эту книгу у П. И. Шафарика, обещая выслать ее назад из Вены, однако, по-видимому, не выполнил этого обещания и увез ее с собой в Москву (26 сентября 1839 г. он вместе с М. П. Погодиным был уже в Москве; О. М. Бодянский 6/18 октября извещал Погодина, что Шафарик книги назад не получил; см. это письмо в наст. изд.)

Об интересе Гоголя к собранию песен Waclaw'a z Oleska «Piésni polskie i ruskie ludu galicyjskiego» в конце жизни свидетельствовал также О. М. Бодянский (см. в наст. изд. его дневниковую запись от 12 мая 1850 г.).

⁴ «Это обстоятельство, между прочим, показывает, до какой степени Гоголь чувствовал себя своим в домах московских друзей своих. Он мог ребячиться там так же, как и в родной Васильевке...» (<Кулиш П. А.> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя... СПб., 1856. Т. 2. С. 253; далее см. в наст. изд. раздел «Воспоминания О. М. Бодянского в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша»).

Л. С. Аксакова — С. Т. Аксакову

<4 октября 1851>

<...> Гоголь вместо <поселка> Пушкина доехал до Москвы на наших лошадях и приехал вчера часу в девятом. Комиссии Ваши, какие можно было, исполнил. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 738. Печатается по первой публикации.

Любовь Сергеевна Аксакова (1830–1867), дочь С. Т. Аксакова.

Гоголь в письмах М. Г. Карташевской к Аксаковым

М. Г. Карташевская — В. С. Аксаковой

Вторник, 2 июня <1842. Санкт-Петербург>.

<...> Наконец и Гоголь был у нас¹. Признаться, я никак не думала, что он решится приехать, но он приехал на одну секунду. Я не была в гостиной в ту минуту, когда он вошел; когда же пришла и спросила о вас, то он отвечал мне: «Я не передаю вам поклона от Веры Сергеевны, потому что она не дала мне этого поручения, но, кажется, это можно подразумевать». Я только что хотела спросить его о путешествии, как он поспешно встал и, несмотря на просьбу маменьки остаться обедать или приехать еще раз, отвечал, что он занят чрезвычайно и что у него нет минуты свободной. И так мы простились. Теперь у меня лежат Ванечкины «Мертвые души»², которые он оставил мне до дороги, и мне так хочется поскорее их прочесть. Когда Гоголь был у нас, то в гостиной также сидел Юрлов, который несколько раз повторял после, как доволен он, что видел Гоголя. Здесь это не часто услышишь, я думаю. Конечно, половина Петербурга не знает, что он существует. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 626. Печатается по первой публикации.

Мария Григорьевна Карташевская (1818–1906), племянница С. Т. Аксакова, двоюродная сестра В. С. Аксаковой.

Ответное письмо В. С. Аксаковой, от 9–10 июня 1842 г., см. в наст. изд.

¹ В письме от 19 мая 1842 г. В. С. Аксакова сообщила М. Г. Карташевской, что Гоголь взял ее адрес и, может быть, зайдет к ним (см. в наст. изд.). Из Петербурга за границу Гоголь выехал 5 июня 1842 г. Позднее С. Т. Аксаков, в письме от 3–5 июля 1842 г., благодарил Гоголя: «Сердечно вас благодарю, милый друг, за то, что вы побывали у Карташевских; особенно благодарит вас Вера: вы доставили ей истинное удовольствие, давши взглянуть на себя ее другу, Машеньке Карташевской». К письму С. Т. Аксаков приложил выписки из посланий М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от 6 и 16 июня 1842 г. о «Мертвых душах» (см. эти выписки в наст. изд. в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова; см. также: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 12. С. 93–94). См. также ответное письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 6/18 августа 1842 г. из Гастейна с упоминанием о М. Г. Карташевской: «Вере Сергеевне скажите, что я был тоже доволен, увидевши в Петербурге ее друга К<арташевскую> и не жалею даже о кратковременности нашего свидания. Есть души, что самоцветные камни; они не покрыты корой и, кажется, как будто и родились уже готовыми и обделанными. Их видит издали зоркий глаз ювелира, только замечает их место, сказавши: слава Богу! и спешит к тем, где нужно много работы, чтобы отколоть грубую кору и сколько-нибудь огранить, дабы видел всякий, что это была не простая земля, но дорогой камень, закрытый вековыми накопленьями всего. Слова и мнения ее вы также выпишите и пришлите мне, хотя натурально нужно, чтобы она никак не знала этого. Всё то, что идет прямо от души и сердца, мне так же нужно знать, как и всё то, что идет от рассудка».

² Имеется в виду экземпляр первого тома «Мертвых душ», принадлежавший И. С. Аксакову.

М. Г. Карташевская — В. С. Аксаковой

16 сентября 1842 г.

<...> Маменька привезла мне из города два номера «Москвитянина», и я прочла вчера, что есть в них интересного, т. е. статьи Шевырева¹. Признаться, они показались мне чрезвычайно странными. Во-первых, меня поразило то, что он начинает как будто бы защищать «Мертвые души», милостиво берет их под свое покровительство. Такой тон заставляет думать, что он сам не оценил, как должно, огромное достоинство разбираемого сочинения. Потом мне очень не нравится манера выписывать целыми страницами из книги, но я молчу: может быть, так надобно; только, читая статьи, мне все казалось, что автор взялся за слишком трудное дело и потому, чтобы избавить себя от трудности определять, выписывает просто из книги. Еще поразило меня обвинение, будто бы город описываемый — идеальное создание, и вообще все его нападения. <...>

И я тоже хотела сообщить тебе, что на нашем театре уже давалось какое-то представление, которого сюжет заимствован из «Мертвых душ»², и три представления сряду театр был полон. Это доказывает, я думаю, что «Мертвые души» произвели большое впечатление, когда поспешили представить их публике даже на театре, но я не знаю, приятно ли это будет Гоголю, особливо если всё обезобразят. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 630, 637. Печатается по первой публикации.

¹ Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.). С. 207–228; Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8 (цензурное разрешение 22 авг.). С. 346–376.

² См. в наст. изд. коммент. к письму В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 6 сентября 1842 г.

М. Г. Карташевская — В. С. Аксаковой

Пятница. <13 ноября 1842. Санкт-Петербург>.

<...> Вчера в первый раз¹ (после возвращения из-за границы) обедал у нас Надеждин². Он еще не совсем оправился после своей болезни и очень слаб. В разговоре часто приходилось ему упоминать о вас. <...>

Я нахожу большую перемену в Николае Ивановиче. Он теперь не шутит так много, как прежде, или, лучше, не обращает все в шутку, как обыкновенно. Я даже удивилась, когда он очень спокойно и серьезно рассуждал о «Мертвых душах». Во многом я была с ним несогласна, но возражения, которые делал он, были совершенно серьезны. Начиная говорить о «Мертвых душах», он обратился ко мне с замечанием: «Вы, конечно, мнения семейства вашего дядюшки?» Я отвечала: «Почему это?» — Сначала я не хотела даже продолжать об этом разговора и сказала Николаю Ивановичу: «Вы знаете, что мнения об этой книге так разнообразны и различны, что трудно найти двух людей, которые говорили бы о ней одно и то же, и потому я боюсь говорить свое мнение о ней». Но разговор пошел далее. Николай Иванович говорил именно то, что опровергает Самарин в своем письме³. Он говорит, что больно читать эту книгу, больно за Россию и русских. Но я совсем этого не нахожу и не чувствую ничего подобного при чтении этой книги. О письме Самарина я, разумеется, не сказала ни слова. Надеждин тоже ужасно возмущен дерзостью Белинского⁴. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 641–642. Печатается по первой публикации.

¹ После возвращения из-за границы.

² Н. И. Надеждин.

³ Имеется в виду письмо Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову от второй половины октября 1842 г., отправленное К. С. Аксаковым Гоголю в апреле 1843 г.; см. в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 12. С. 227–231.

⁴ В полемике К. С. Аксакова с В. Г. Белинским Н. И. Надеждин встал на сторону К. С. Аксакова и отозвался о Белинском отрицательно (впервые упомянуто в изд.: *Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853)* / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 642; см. также: *Кошелев В. А.* «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // *Русская литература.* 1976. № 3. С. 85). Осенью 1842 г. Н. И. Надеждин сообщал С. Т. Аксакову о своей случайной встрече с В. Г. Белинским на вечере у И. И. Панаева: «...встретил Белинского. После гнусной выходки против Константина эта рожа мне опротивела еще более» (*Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика / Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. В. А. Кошелева. М., 1995. С. 492).

М. Г. Карташевая — В. С. Аксаковой

<Вторая половина декабря 1842. Санкт-Петербург>

<...> Мнение петербургских журналов и публики должно принимать в противном смысле. Вот почему, слыша дурные отзывы о новой комедии Гоголя, я почти убедилась, что она хороша, и с нетерпением ждала, не напишешь ли ты мне что-нибудь о ней. Не знаю только, об одной ли и той же будем мы говорить. Комедия, которую здесь давали и которая имела совершенный неуспех, называли, мне кажется, «Женитьба», а ты пишешь о комедии «Женихи»¹. Отчего же ты не говорила мне о ней, моя милая Верочка, и теперь говоришь так неопределительно, или ты ее не читала? Рассказывают, что Государь, который любит все произведения Гоголя, приехал на первое представление и взял с собою Ольгу Николаевну², но что тотчас же ее увез и что вся публика приняла пиесу с шумным выражением негодования. Это говорили у нас за столом, и Надеждин³ был тут. У него есть в рукописи эта комедия, и он сейчас предложил мне ее, но после всего сказанного странно было мне сказать, что я ее прочту. <...>

Впервые опубликовано: *Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853)* / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 646–647. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. ответное письмо В. С. Аксаковой от 1–2 января 1843 г.

² Великая княгиня, дочь Императора Николая I.

³ Н. И. Надеждин.

М. Г. Карташевая — В. С. Аксаковой

9 мая 1843 г. <Санкт-Петербург>.

<...> Я вспомнила о Гоголе, о его пьесах и о том, что хотела рассказать тебе про здешнюю публику. Недавно давали «Игроки»¹. Публика Александринского театра пришла в восторг и стала вызывать *автора*. Автор, разумеется, не является, а публика все неистовствует. Тогда является на сцене актер и говорит: «Автора нет в Петербурге, он в Одессе». <...>

Впервые опубликовано: *Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853)* / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 652, 654. Печатается по первой публикации.

¹ Премьера «Игроков» в Петербурге состоялась 26 апреля 1843 г.

М. Г. Карташевская — В. С. Аксаковой

23 мая <1843. Санкт-Петербург>.

<...> От Коли¹ получаем мы тетради писем. В последнем сообщает он нам очень странные подробности о Гоголе. Он был в самом Миргороде. Там нашелся какой-то человек, смотритель или городничий, не помню, который вздумал клеветать на Гоголя, и самым глупым и странным образом. Он уверяет, например, что Гоголь сам не сочинитель, что все, что он издает под своим именем, — краденое. Что это сочинения дяди его, что и второй и все томы «Мертвых душ» давно написаны и что он должен их выкупить в Риме у дяди или у наследников дяди и для того и поехал в Италию. Как тебе это нравится, моя милая Верочка? Какой хитрый вымысел! Не готовит ли этот господин издать повесть на лица под этим содержанием? Как обрадуются ей гг. Сенковские и тому подобные. Я никогда не могла бы представить себе, что Гоголь имеет неприятелей в этом простом сословии своих соотечественников.

Коля не мог написать всего, что он слышал, но этот смотритель до того наговорил ему, что, кажется, совершенно преклонил его на свою сторону². <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 662–663. Печатается по первой публикации.

¹ Николай Григорьевич Карташевский (род. в 1820), один из братьев М. Г. Карташевской.

² См. в наст. изд. письмо М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от 7 июня 1843 г.

М. Г. Карташевская — В. С. Аксаковой

7 июня 1843 г.

<...> Коля¹ <...> очень удивился, когда увидел, что я поняла из его письма, что он разделяет глупые мнения миргородцев. Напротив, он говорит, что часто приходилось ему спорить там за Гоголя и что ты его, большого почитателя Гоголя, не должна была подозревать способным поверить таким бредням. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 663. Печатается по первой публикации.

¹ Н. Г. Карташевский.

М. Г. Карташевская — В. С. Аксаковой

20 августа 1845 г. <Кобрино>.

<...> Я получаю «Illustration». Пробегая один из прошедших номеров, я с удивлением вижу заглавие: «De la litterature russe contemporaine»¹. Тут делается разбор Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Эта статья мне очень нравится, и меня очень интригует знать, кто мог написать ее². Француз — это невозможно. Самый характер статьи, ее тон, ее направление — не французские. И потом тут такое глубокое знание наших поэтов, какое мудрено предположить в иностранце, и такая тонкая им оценка, какой мало мы имеем и у нас. Гоголя ставит он выше всех. Говорит о его даре творчества, о том спокойном состоянии художника, который передает жизнь со всеми ее хорошими и дурными случайностями, не негодуя и не восторгаясь. Эта мысль одна уже не французская. Говорится еще, что переводятся повести Гоголя на французский язык³ и что

огромный талант автора ручается за прием публики даже иностранной. Однако, мне кажется, что Гоголь непереводим и они не будут иметь Гоголя в переводе. Оценка Пушкина, кажется, тоже очень верна. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 672. Печатается по первой публикации.

¹ О современной русской литературе (*фр.*).

² По предположению Л. Р. Каплана, автором анонимной статьи «О русской литературе: Пушкин, Лермонтов, Гоголь», напечатанной в № 125 парижского журнала «Illustration» от 19 июля 1845 г., был И. С. Тургенев. О Гоголе здесь сообщалось: «...В этот момент тревоги и волнения появился талант юный, могучий, многообещающий, на котором сосредоточилось общее внимание. Это был Николай Гоголь. Родившись в Малороссии (около 1808 г.), он провел свое детство в обширных степях Украины, среди населения, совершенно не соприкасавшегося с европейской жизнью. <...> В своих “Вечерах на хуторе близ Диканьки” Гоголь целиком воссоздал Малороссию. Успех этой книги был огромен. Все восхищались мощью и естественностью ее колорита, ее богатым, вдохновенным комизмом, тонкой наблюдательностью и простосердечной оригинальностью. Гоголь никому не подражал: недостатки и качества — все принадлежало ему самому, все в нем было его собственностью. Он приехал в Россию, обосновался там и выпустил в свет последовательно: комедию (“Ревизор”), другую серию “Повестей”, драматические сцены и первую часть романа (“Мертвые души”), который он заканчивает в настоящее время в Риме. Каждое из его сочинений сопровождалось шумным успехом, и Гоголь теперь является в России самым популярным и влиятельным писателем, которому подражают более всего. Несмотря на то, что Гоголь пишет только прозой, он первый и самый оригинальный из всех писателей русской литературы. Отличаясь глубоким знанием страны и народа, описываемого им с поразительным талантом рассказчика, он обладает неотразимым комическим даром, которого не хватало Пушкину, — иронией, прикрываемой добродушием и отличающейся этим от резкой иронии Лермонтова; своеобразный юмор, свойственный ему одному и отмеченный тем отпечатком глубокой грусти, которую всегда находишь в глубине славянского сердца. В русской жизни нет для него тайн; все классы общества проходят чередой перед его неодолимой наблюдательностью, и многие выражения, взятые из его сочинений, стали обиходными поговорками; что касается его описаний русской природы, они чудодейственно верны и поэтичны. Наконец Гоголь произвел полный переворот в литературе своей страны. Сознательный отказ от всякой восторженности, от всякого литературного пустозвонства, широкая и спокойная манера воспроизведения настоящего положения России; высказывание положительных сторон без энтузиазма и дурных — без негодования, высочайшая способность создавать типы и жизнетворный дар, проявляющийся во всех его зарисовках предметов и людей, — эти разнообразные, но родственные друг другу качества завоевали Гоголю поразительную популярность и первостепенное место среди современных писателей. Один критик справедливо заметил, что Гоголь убил стихи и версификаторов. Во всяком случае, он, несомненно, содействовал уменьшению числа писателей, ибо сделал непременным условием обладание подлинным талантом, и талантом действительно оригинальным, что не всегда встречалось в книгах до воцарения Гоголя.

Все более возрастающее значение, которое приобрел Гоголь с самого начала своей деятельности, вместе с его неопоримыми достоинствами, заставляет желать, чтобы его произведения распространились в Европе, где мы считаем возможным обещать им отличный прием. Известие о том, что перевод его лучших повестей должен скоро появиться на самом распространенном в мире языке, принимается нами с удовлетворением и доверием. Мы надеемся, что наши французские читатели присоединятся к мнению русских о самом народном из их писателей. Кроме умственного наслаждения, которое дает прекрасное произведение искусства, они найдут в нем еще самые верные понятия о жителях другой страны, — насколько их можно получить, не покидая своей родины» (цит. в переводе Л. Р. Каплана: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 672–673).

См. также в наст. изд. статью В. П. Гаевского «Заметки для биографии Гоголя».

³ Перевод на французский язык пяти произведений Гоголя («Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики», «Вий») был сделан в 1844 г. И. С. Тургеневым и С. А. Геденовым и опубликован в 1845 г. Л. Виардо.

М. Г. Карташевская — В. С. Аксаковой

31 октября 1845 г. <Санкт-Петербург>.

<...> В последних №№ «Illustration» явился перевод Гоголя: «Старосветские помещики» («Le menage d'autrefois») и «Les memoires d'un fou»¹. Переводил Viardot², муж m-me Viardot, который от Гоголя в восхищении. Но этот перевод не дает верного понятия об оригинале. Например, все эти наивные разговоры Пульхерии Ивановны с мужем, которые так характеризуют этих двух лиц, как-то не клятся по-французски, и вообще, я думаю, не могут быть переведены. Viardot показывал свой перевод George Sand, чтоб дать ей понятие о Гоголе. Она, говорят, пришла в изумление от его таланта, но прибавила: «Странно, у этого человека как будто нет сердца, нет чувства». Я считаю, что это замечание произошло от перевода, который не мог передать всех бесчисленных звуков чувства, разбросанных по всему рассказу и слышимых часто не в словах, а в расположении фразы. Ведь французы сами говорят: «Le ton fait la musique»³. И справедливо — часто нет ничего замечательного в словах, но они так сказаны, что выражают много. Говорят, еще явился новый автор, вроде будто бы Гоголя, и его повесть, имеющая будто бы более достоинства гоголевских повестей, печатается в одном петербургском альманахе⁴. Любопытно будет посмотреть! <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 674–675. Печатается по первой публикации.

¹ Записки сумасшедшего (фр.).

² См. коммент. к письму М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от 20 августа 1845 г. Перевод «Старосветских помещиков» был напечатан в №№ 136 и 137 парижского журнала «Illustration», от 4 и 11 октября 1845 г.; «Записки сумасшедшего» — в №№ 138 и 139, от 18 и 25 октября.

³ Тон делает музыку (фр.).

⁴ Имеется в виду повесть Ф. М. Достоевского «Бедные люди», напечатанная в изданном Н. А. Некрасовым «Петербургском сборнике».

М. Г. Карташевская — В. С. Аксаковой

22 ноября 1845 г.

<...> Если б была возможность, я бы непременно переслала тебе, моя милая Верочка, те №№ «Illustration», где перевод Гоголя. Viardot напечатал, говорят, уже много переводов Гоголя отдельно. Если бы George Sand прочла только одни «Старосветские помещики», то можно бы сделать то заключение, которое ты делаешь, моя милая Верочка, но ведь Viardot читал ей и другие переводы. А я удивляюсь, что она и столько могла оценить Гоголя, сколько оценила. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 676. Печатается по первой публикации.

М. Г. Карташевская — В. С. Аксаковой

9 декабря 1845. <Санкт-Петербург>.

<...> Здесь рассказывают анекдот про Гоголя и Киселева¹, который очень меня рассердил. Гоголь пришел к Киселеву в чужих краях, и тот с хвастовством рассказывает, что он не знал и

не знает, что за Гоголь, и принял его этими словами. Только у нас могут гордиться, что не знают такого человека, которому скоро станут удивляться и в чужих краях. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 676. Печатается по первой публикации.

¹ Николай Дмитриевич Киселев (1800–1869), дипломат, в то время поверенный в делах в Париже. Ср. слова Н. Д. Киселева, приводимые А. О. Смирновой в ее «Биографии Александры Осиповны Чагановой»: «Где же я мог найти Гоголя, я от всего русского отстал» (см. в наст. изд.).

М. Г. Карташевская — В. С. Аксаковой

28 января 1846. <Санкт-Петербург>.

<...> Дяденька¹, нам читает теперь повесть Достоевского, которую иные сравнивали с повестями Гоголя и отдавали ей преимущество. Она называется «Бедные люди» и помещена в «Петербургском сборнике». Только это далеко, далеко не Гоголь! Возможно ли найти такое сходство, не говоря уже о том, чтоб отдать Достоевскому преимущество! У них с Гоголем общего, я думаю, только то, что сцена их действий происходит посреди бедных и довольно низких слоев общества. Но ведь тогда почему не сравнить его и с Eugene Sue? Я даже скорее сравню его с этим последним — только у Достоевского нет штук, часто оскорбляющих чувство, к которым прибегает Sue. Его повесть (мы еще только на половине) недурна; она очень проста и согрета чувством. Я упомянула об Eugene Sue только потому, что он первый, кажется, стал выводить на сцену низкие слои общества с мыслию привлечь на них внимание гордых <и> сильных земли и показать им, что часто в этом бедном классе более человечности, чем у них. Эта же мысль и чувство видно у Достоевского. У Гоголя — совсем другое: у него нет никакой предположенной цели доказать или указать то и то — он просто создает, создает, как есть, и часто, если обращать внимание на одно содержание его повестей, оно довольно грустно. У Достоевского нет, кажется, большого таланта, но он, кажется, не лишен способностей, и главное, он без штук, и видна любящая душа в его повести. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 680. Печатается по первой публикации.

¹ А. Т. Аксаков.

М. Г. Карташевская — В. С. Аксаковой

28 февраля 1852 г.

В какое время попала ты в Москву?! Как нарочно, чтобы быть ближе всех горестных подробностей, всех ужасных известий! Что за тяжелая полоса для вас, и как мне больно знать, что вас коснулись подобные лишения и огорчения! Жду с нетерпением подробностей письма твоего, милый друг мой, оплакивая вместе с вами и во всех отношениях преждевременную кончину¹.

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 746. Печатается по первой публикации.

¹ Кончину Гоголя.

М. Г. Каргашевская — В. С. Аксаковой

16 марта 1852 г. <Санкт-Петербург>.

Благодарю тебя за портрет Гоголя, который мне очень живо его напомнил. Может быть вы, знавшие его так коротко, не вполне удовлетворены сходством, но я нахожу сходство это поразительным; схвачена и привычка его держать голову немного вперед, точно сидит он, слушая малороссийские песни. Остальные экземпляры я тот же день отослала Попову¹; только, если я не ошибаюсь, их 50 с моим, а не 51. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 752. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. письмо А. Н. Попова С. Т. Аксакову от второй половины марта 1852 г.

М. Г. Каргашевская — С. Т. Аксакову

<Март 1852>

<...> Осиротели мы совершенно, невозвратно, и последнее наше сокровище отнял у нас Толстой своим ханжеством! Зачем он лишил нас еще одной части «Мертвых Душ». Вы одни, милый мой дяденька, имеете воспоминания чудных глав, которые остались неизвестны никому. Что за странная смерть! Он умер, мне кажется, только потому, что был убежден, что умирает; физического расстройства в нем не было. Живо представляю я его себе, слушающего «Чайку»¹ и ходящего задумчиво по комнате. Сейчас читала я в Петербургских Вестн<остях>, что будто бы вторая часть Мер<твых> Д<уш> находится у друзей Гоголя в Петербурге. Хорошо бы, если б эти господа говорили правду, — но довольно странно, что они распускают такие ложные слухи. <...>

Впервые частично опубликовано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 869. Печатается по изд.: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 188.

¹ Украинская народная песня («Ой беда, беда / Чайци небози, / Що вивела дитки / Пры бытій дорози!..»). См. в наст. изд. раздел <Любимые Гоголем украинские народные песни (по воспоминаниям С. Т. Аксакова, О. М. Бодянского, М. А. Максимовича)>.

Гоголь в письмах И. Е. Великопольского

И. Е. Великопольский — С. Т. Аксакову

31 января 1838 г.

<...> Напишите мне еще, как идет портрет Щепкина. Дурнов¹, как я видел из «Художественной газеты», утвержден в звании академика. Это должно его поощрить. — Написано ли к Гоголю о присылке очерка его лица для бюста, который должен быть на картине²? За это взялся Щепкин. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 557. Печатается по первой публикации.

Иван Ермолаевич Великопольский (псевдоним — Ивельев; 1797–1868), литератор.

¹ Иван Трофимович Дурнов (род. в 1801 г.), художник.

² Картина неизвестна.

И. Е. Великопольский — М. П. Погодину

1839, августа 17. Село Чукавино.

Перед отъездом из Москвы я справлялся об Вас, милостивый государь Михайло Петрович, и узнал, что Вас ожидают каждый день. Мне очень было жаль, что я не мог Вас дожидаться и видеть после Вашего путешествия, свидания с Гоголем и пр. <...> Вы надеялись привезти с собою и Н. В. Гоголя. Не приехал ли он¹? Не могу ли я через Вас достать от него отрывка из его «Мертвых душ» или чего другого? — Сделайте мне одолжение, похлопочите об этом для меня и перепишите с ним, ежели он не в Москве. Хорошо, если бы еще к этому он позволил приложить к одному из альманахов² свой портрет (ежели уже Смирдин не приобрел от него этого права для книжки «Сто литераторов», которая выйдет в будущем году). В таком случае, если он в чужих краях, то я бы просил его снять там портрет и даже заказать выгравировать форматом моего альманаха. Я хочу взять форматы прежних: «Полярной звезды» или «Северных цветов». Разумеется, что я заплачу ему за всё это деньги и вышлю по первому его уведомлению. Переписку о его портрете, ежели дело пойдет на лад, я прошу Вас оставить до времени между нами <...> Название моих альманахов будет: «Зима», «Весна», «Лето», «Осень», и каждый выйдет в свое время года. <...>

Отрывок из письма впервые опубликован: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Т. 5. С. 324. Печатается по изд.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 560, 562.

¹ Гоголь приехал в Москву из-за границы вместе с М. П. Погодиным 26 сентября 1839 г.

² В середине августа 1839 г. К. С. Аксаков писал отцу: «И<ван> Е<рмолаевич> <...> не в шутку хлопочет о своем альмавахе; писал к Н<иколаю> Ф<илипповичу> <Павлову> с нарочным в деревню и получил очень милый ответ, в котором тот изъявляет согласие» (Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 56. М., 1850. С. 129). Издание альманахов И. Е. Великопольского не состоялось.

И. Е. Великопольский — С. Т. Аксакову

17 июля 1857 г.

Любезнейший Сергей Тимофеевич! По Вашей записке я был у П. А. Кулиша и получил триста рублей серебром¹. Благодарю Вас <...> Г-н Кулиш, вероятно, уже уведомил Вас, что я взял эти деньги заимообразно. Я не давал Гоголю в заем и, понимаете, не делал ему пособия, характер которого мог бы быть чем-либо неприятен ему. Я был счастлив, что случай дал мне тогда возможность быть ему полезным, и, отдав деньги из рук в руки Погодину, никогда никому о том не говорил, кроме Вас, от которого я тогда, помнится, первого узнал о нужде, в которой Гоголь находился в Италии, и кроме Баратынского, присоединившего, по моему убеждению, к моим деньгам своих пятьсот рублей. Вы знаете, в какой я неоднократно находился крайности, но говорил ли я хоть однажды Вам об этих деньгах, хоть и знал участие, принимаемое Вами в распоряжениях об уплате долгов покойного Николая Васильевича. Я уверен, что его мать немедленно возвратила бы мне эту небольшую сумму, но я не хотел и не хочу лишать себя наслаждения признавать себя одним из самых искренних почитателей его таланта, чему мне удалось, без ведома его, дать доказательство. Тогда я просил Погодина, чтобы Гоголь ничего не знал, от кого он получил деньги, и, сколько мне известно, он во всю свою жизнь ничего о том и не знал. Таким же образом теперь не должна знать о том и его мать, иначе она не захочет остаться у меня в долгу; если же Вы к ней о том уже написали, то прошу Вас это как-нибудь исправить сообразно с моим желанием. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблома // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 560. Печатается по первой публикации.

¹ См. в наст. изд. письма С. Т. Аксакова к И. Е. Великопольскому 3–4 июля 1857 г. и к М. И. Гоголю 5 июля 1857 г.

Гоголь в письмах Д. М. Княжевича

Д. М. Княжевич — С. Т. Аксакову

Одесса. 20 октября 1839.

<...> За доставленные стихи приношу мою благодарность¹, а за уведомление о Гоголе вдвое. Слава Богу, что его, наконец, на святую Русь опять вытащили! Слава Богу! Только если он полюбил Италию, то у вас, верно, соскучится. В таком случае присылайте его к нам: у нас с Италией много сходства, по крайней мере больше, чем у вас. Но ты об нем пишешь как-то таинственно, что заставило нас много думать и догадываться. Если самому некогда, то попроси Константина Сергеича (которого дружески обнимаю) написать нам поподробнее, *что и как и для чего*.

Хорошо, кабы Гоголь дал для «Альманаха» статейку; в ножки бы ему поклонился. Попроси, пожалуйста! И к Погодину я об этом пишу². Помнишь, я было в Рим хотел писать к нему о том. Авось не откажет по знакомству. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 566–567. Печатается по первой публикации.

Дмитрий Максимович Княжевич (1788–1844), попечитель Одесского учебного округа и издатель «Одесского альманаха», приятель С. Т. Аксакова.

¹ Стихи К. С. Аксакова, помещенные в «Одесском альманахе» за 1840 г.: «Певец» (из Гете) и «Ночное посещение» (из Вещеля).

² См. следующее письмо.

Д. М. Княжевич — М. П. Погодину

20 ноября 1839 г. Одесса.

<...> Поддержите хоть Вы честь московских литераторов, которые в нынешнем году сильно меня надули. Обещали чортову пропасть все, и не прислал *почти* никто ничего. Славные ребята! В том числе и Щепкин, на которого, как на твердую гору, надеялся, что он пришлет отрывок из своих записок. Напомните-ка ему, старику, что «кто слову изменит, тому да будет стыдно». За ходатайство Ваше у Гоголя усердно благодарю, хотя вовсе не надеюсь успеха. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 567–568. Печатается по первой публикации.

Упоминание о Гоголе встречается также в неизданном письме Д. М. Княжевича к М. П. Погодину от 3 января 1840 г. (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 568).

П. И. Пейкер — С. Т. Аксакову

Петербург. 7 ноября 1841 г.

Нередко вспоминаю о Гоголе — и признаюсь, если б знал, кто сидел возле меня в дилижансе, я бы ему еще более надоел¹. Зная его теперь, хотя очень мало, я немедленно принялся за перечитывание его сочинений, и теперь многое представляется мне в ином виде; его метода преподавания всеобщей истории восхищает меня; мне кажется, что гениальность этого замечательного человека является здесь не в меньшем блеске, как в юмористических сочинениях. <...>

Впервые опубликовано: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 608. Печатается по первой публикации.

Петр Иванович Пейкер, сын директора Межевого корпуса, сенатора И. У. Пейкера. «Как выясняется из неизданного письма К. С. Аксакова к брату Григорию, Пейкер был знаком с М. А. Бакуниным, с которым вместе учился в артиллерийском училище» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 608). Пейкер принимал участие в издании «Истории Петра Великого» Н. П. Ламбина (СПб., 1843).

¹ Гоголь приехал в Москву из Петербурга в одном дилижансе с Пейкером, представившись попутчику не *Гоголем*, а *Гогелем* (см. в наст. изд. «Историю нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова и письма В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 18–20 октября 1841 г. и от конца октября (после 20-го числа) 1841 г.).

Свидетельство о Гоголе О. Н. Тютчевой (рожденной Путятты)

К. В. Лигарев

Н. В. Гоголь. Неизданное письмо Фрагмент

<...> В подмосковной усадьбе (музее) Мураново, принадлежавшей жене Н. В. Путятты¹, показывают в верхнем этаже дома комнату, в которой останавливался Гоголь. По семейным рассказам, он приезжал вместе с Сергеем Тимофеевичем Аксаковым²; последний был соседом Путятты: ему принадлежало — неподалеку от Муранова — Абрамцево. Страстный рыболов, он зачастую приезжал с вечера, а рано поутру отправлялся удить рыбу в мурановском пруду, том самом «ясном, чистом» пруду, который воспет в посвященных Муранову стихах Боратынского³. В этом пруду, кстати сказать, водились судаки — приманка для всей округи, — посаженные еще Боратынским и его тестем Л. Н. Энгельгардтом. Дочь Н. В. Путятты, О. Н. Тютчева, вспоминала Сергея Тимофеевича с его удочкой — неподвижного и сосредоточенного — на берегу мурановского пруда. До сих пор почему-то считалось, что именно Аксаков познакомил Н. В. Путятту с Гоголем и привозил последнего в Мураново. На деле, как свидетельствует следующее письмо Гоголя, оказывается обратное⁴. <...>

Впервые опубликовано: Лигарев К. В. Н. В. Гоголь. Неизданное письмо // Звенья. М.; Л., 1932. № 1. С. 93. Печатается по первой публикации.

Ольга Николаевна Тютчева (1840–1920), единственная дочь Н. В. Путятты, жена (с 1869 г.) Ивана Федоровича Тютчева (1846–1909), младшего сына Ф. Н. Тютчева.

¹ Софья Львовна (1811–1844), дочь Л. Н. Энгельгардта, жена (с 1838 г.) Николая Васильевича Путятты (1802–1877).

² Гоголь приезжал в Мураново без С. Т. Аксакова (см. коммент. ниже).

³ Имеется в виду стихотворение Е. А. Боратынского «Есть милая страна, есть угол на земле...» (1834).

⁴ С Н. В. Путяттой Гоголь встречался в Ахене 7 июля (н. ст.) 1836 г. (см. в наст. изд. *Запись о Гоголе в дневнике Н. В. Путятты*). В письме к Н. В. Путятте от 19 августа 1849 г. Гоголь писал: «...Если не сегодня, то завтра я и старик Аксаков, сгорающий нетерпением с вами познакомиться, едем к вам». С. Т. Аксаков вспоминал: «В этот день <20 августа 1849 г.> поутру Гоголь должен был непременно ехать к нашим соседям Путяттам, где его дождался <К. О.> Россет, чтоб вместе с ним ехать в Москву. Мы с Константином поехали его провожать; только что мы отъехали с версту <...> как нас догнал нарочный с известием, что к нам приехал Хомяков на самое короткое время и в первый раз. Мы должны были воротиться, что было неприятно Гоголю. На возвратном пути говорили уже совсем о другой материи. Повидавшись с Хомяковым, через полчаса Гоголь уехал один и как будто не так весел» (см. в наст. изд. «Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя <1845–1852 гг.>»). См. также в наст. изд. письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 20 августа 1849 г. и письмо С. Т. Аксакова к И. С. Аксакову от 22 августа 1849 г.

К. Пигарев

**Мураново
Фрагмент**

<...> Одна из комнат в верхнем этаже мурановского дома еще со времен Путяты получила название «Гоголевской»: в ней ночевал¹ великий писатель. Здесь до сих пор сохранился удобный приземистый диван-«сгарауд» («жаба»), на котором отдыхал Гоголь. <...>

Впервые опубликовано: *Пигарев К.* Мураново. М., 1948. С. 44. Печатается по первой публикации.

¹ 20–21 августа 1849 г.

К. В. Пигарев

**Мураново.
Гоголевская комната
Фрагмент**

В этой комнате, обычно отводившейся гостям, 20 августа 1849 года¹ ночевал Н. В. Гоголь. Он приехал в Мураново из Абрамцева, где гостил у С. Т. Аксакова.

С этого времени, как рассказывала впоследствии О. Н. Тютчева², комната получила название Гоголевской. Тем самым как бы подчеркивалось особое уважение, с каким относилась семья Путят к великому писателю.

По словам О. Н. Тютчевой, отдельные предметы из тогдашнего убранства комнаты сохранились здесь и позднее: диван-«жаба» и два кресла работы местных столяров. <...>

Впервые опубликовано: *Пигарев К.* Мураново. М., 1957. С. 142. Печатается по первой публикации.

¹ В ночь с 20 на 21 августа 1849 г.

² В августе 1849 г. О. Н. Тютчевой было около девяти лет.

Воспоминания о Сергее Тимофеевиче Аксакове Фрагмент

<...> Старик С<амбурски>й¹ ни за что не соглашался на наш брак. Когда Софья Алексеевна² написала об этом Ольге Семеновне, то та очень сочувственно отнеслась к нашему браку, и тотчас же выслала своей племяннице образа, из которых один выбран, по ее поручению, Н. В. Гоголем. Это было в 1852 г., в январе, а в марте не стало Гоголя. Так мне и не пришлось с ним встретиться! <...>

Впервые опубликовано: *Трутовский К. А.* Воспоминания о Сергее Тимофеевиче Аксакове // Русский Художественный Архив. 1892. Вып. 2. С. 49–50. Печатается по первой публикации.

Трутовский Константин Александрович (1826–1893), художник.

¹ Самбурский Алексей Иванович, муж покойной сестры О. Сем. Аксаковой Веры Семеновны. См. также в наст. изд. коммент. к «Списку с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе».

² Самбурская (в замужестве Трутовская, ум. в 1858) Софья Алексеевна, старшая дочь А. И. и В. С. Самбурских, родная племянница О. Сем. Аксаковой.

Список условных сокращений

- АВПРИ* – Архив внешней политики Российской Империи Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва.
- ГАРФ* – Государственный архив Российской Федерации, Москва (бывш. ЦГАОР).
- ГИМ* – Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва.
- ГЛМ* – Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея, Москва.
- ГЦТМ* – Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, Москва.
- ИРЛИ* – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург.
- РГАЛИ* – Российский государственный архив литературы и искусства, Москва (бывш. ЦГАЛИ).
- РГВИА* – Российский государственный военно-исторический архив, Москва (бывш. ЦГВИА).
- РГБ* – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва (бывш. ГБЛ).
- РГИА* – Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург (бывш. ЦГИА).
- РНБ* – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (бывш. ГПБ).
- ХИМ* – Харьковский исторический музей.
- ЦГИА СПб* – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (бывш. ЛГИА).
- ЦИАМ* – Центральный исторический архив Москвы (бывш. ЦГИАМ).

Именной указатель

- Абакумов, житель Калуги, 226
- Абеляр П., 321
- Август, слуга графа В. А. Перовского в Риме, 255
- Августа Мария Луиза Катерина, императрица Германии и королева Пруссии, 460
- Августин, блаженный, 38–40, 257, 441
- Авдеев М. В., 931
- Авель, второй сын Адама и Евы, 441
- Авенариус В. П., 189
- Аверкиев А. Е., 478, 479, 483
- Авраам праотец, св. праведный, 24, 40, 441
- Авраамов Н. П., 404, 406
- Агафонов М. А., 40, 45
- Агин А. А., 853
- Агния (Агнесса), св. дева мученица, 39, 304, 427, 452, 453
- Агриппа Марк, 436, 448
- Агриппина, горничная Погодиных, 526
- Адам Виртембергский, 42
- Адарюков В. Я., 545
- Адина, дочь герцога Лейхтенбергского Максимилиана, 199, 200
- Адлерберг В. Ф., граф, 37, 44, 52, 290
- Адриан, римский император, 429, 430, 442, 448, 450, 451, 457
- Айбулат А. М., 34
- Айвазовский И. К., 46, 503
- Ак. С., знакомая В. С. Аксаковой, 830
- Акимова (рожд. Ребристова) С. П., 759
- Акост, де, 284
- Аксаков А. Н., 877
- Аксаков А. Т., 781, 830, 854, 855, 858, 859, 866, 868, 962
- Аксаков Г. С., 157, 542, 577–581, 614, 622, 636, 641, 695, 711, 712, 722, 738, 755, 758, 759, 778, 785–790, 797, 803, 805, 806, 808–811, 819, 903, 904, 905, 907, 930, 948, 967
- Аксаков И. С., 49, 78, 88, 120, 130, 147, 149, 157, 168, 202, 208, 209, 213, 225, 226, 235, 237, 248, 274, 275, 280, 292, 296, 307, 310, 311, 323, 353, 373, 494, 495, 500, 542, 577–585, 587–619, 622, 623, 631, 635, 636, 644, 645, 652, 655, 656, 662, 663, 672–695, 718, 720, 738, 750–758, 762, 763, 765, 778–784, 787–791, 798, 801–803, 805, 806, 808–811, 814–816, 818, 822, 824, 825, 837, 841–845, 849–851, 853, 854, 856, 857, 861, 864, 865, 867–870, 872–878, 887, 889, 890, 894, 895, 897–899, 902, 904–946, 948, 950–953, 956, 968
- 26 сентября, 908
- А. О. Смирновой (Вы примиряетесь легко...), 235, 311*
- А. О. Смирновой (Когда-то я порыв негодования...), 235, 310, 311*
- Бродяга, 608, 781, 867–869, 922, 923, 928*
- Жизнь чиновника, 851, 907*
- Зачем душа твоя смирна..., 919, 921, 922*
- Зачем опять теснятся звуки..., 851*
- Зимняя дорога, 851, 907*
- Клеймо домашнего позора..., 872, 873*
- Не дай душе твоей забыть..., 919, 921, 922*
- Ночь, 911*
- Свой строгий суд остановив..., 854, 918, 919, 921, 922*
- Сон, 851*
- Среди удобных и ленивых..., 911*
- Аксаков К. С., 70, 88, 92, 93, 130, 134, 136, 147, 158, 161–164, 172, 178, 194, 210, 233, 268, 285, 292, 307, 322, 360, 363, 465, 476, 489, 491, 493, 501, 503, 527, 534, 542, 575–581, 583, 587, 589, 595, 596, 599–619, 622, 623, 631, 636, 638, 639, 641, 649–653, 655–658, 660, 664, 666, 667, 670, 671, 676, 680, 683, 687, 689–696, 698–701, 703, 704, 707–713, 716, 718–721, 723, 724, 727–729, 734, 737, 738, 745–747, 749, 752–755, 758, 760, 762–764, 766, 767, 778–782,

- 785–802, 805, 806, 809–811, 815, 816, 819, 823, 827, 829, 831–834, 842, 843, 846, 851, 852, 857, 859, 861, 866–868, 870–872, 875, 877–879, 887–890, 892, 894–899, 903, 905, 906, 908–910, 918, 920, 923–926, 928, 930, 931, 933, 934, 937, 942, 948, 950, 958, 964, 966–968
- Ломоносов в истории русской литературы и русского языка, 790, 909*
- Ночное посещение (из Вецеля), 966*
- О современном литературном споре, 650, 655*
- Освобождение Москвы в 1612 году, 649, 650, 655, 867, 868*
- Певец (из Гете), 966*
- Аксаков М. С., 157, 473, 475, 580, 581, 672, 673, 682, 685, 689, 694, 699, 718, 755, 758, 760, 763, 778, 787, 806, 808–810, 811, 947
- Аксаков Н. Т., 160, 681, 757
- Аксаков С. Т., 25, 34, 51, 53, 88, 93, 107, 116, 126, 127, 130, 147, 157, 160–164, 172, 180, 204, 205, 208, 209, 211, 212, 214, 215, 224–226, 241, 275, 344, 362, 369, 377, 393, 413, 416, 417, 419, 422, 471–477, 489, 494, 495, 497, 499, 500, 503, 515, 521, 522, 527, 529, 534, 542, 552, 575–627, 629–632, 635–639, 642–646, 648, 649, 652, 654–663, 665, 669, 671, 678, 680, 685, 693–697, 699, 702, 710, 715, 719, 721, 723, 724, 726, 732, 734, 738, 740, 741, 744–746, 748, 750–768, 774–781, 783, 786–790, 793–795, 797, 798, 803–811, 813–817, 819–828, 830, 832–839, 842–845, 848–870, 874–886, 888–894, 897–899, 902–908, 910–943, 947, 948, 950–953, 955–958, 963–970
- Воспоминание о М. Н. Загоскине, 630*
- Воспоминания, 644, 754*
- Детские годы Багрова-внука, 678, 754*
- Записки об ужении рыбы, 650, 655, 754, 867, 868*
- Записки ружейного охотника Оренбургской губернии, 211, 393, 503, 604, 606–610, 612, 615–618, 626, 630, 754, 868, 877, 878, 881, 892, 928–930*
- Знакомство с Державиным, 606*
- Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах, 754*
- Семейная хроника, 393, 678, 754*
- Аксакова (в замужестве Томашевская) М. С., 656, 659, 671, 755, 948
- Аксакова (рожд. Заплатаина) О. Сем., 119, 147, 158, 160, 164, 212, 417, 473, 475, 489, 493, 517, 542, 577–579, 583, 595, 600, 605, 606, 612, 613, 615, 617, 619, 626, 640, 646, 653, 656, 663, 666, 676, 677, 680, 681, 686, 687, 689, 694, 696, 700, 709, 710, 711, 713, 716, 718, 721–723, 726, 727, 730, 734, 736, 737, 744, 745, 747, 753, 755, 756, 758–761, 766, 767, 778–784, 787–790, 794, 798, 804, 805, 811, 812, 818, 819, 829, 833, 834, 836, 840, 848, 849, 851, 854, 857, 866–868, 871, 872, 874, 876, 877, 882, 883, 885, 887, 891, 892, 896–899, 903–907, 910–923, 925–942, 947, 948, 950, 951, 970
- Аксакова (рожд. Панова) Е. А., 160
- Аксакова (рожд. Тютчева) А. Ф., 272–274, 280, 922
- Аксакова (рожд. Шишкова) С. А., 614, 884
- Аксакова А. С., 781
- Аксакова А. Т. См. Воейкова (рожд. Аксакова) А. Т.
- Аксакова В. С., 88, 146, 295, 500, 578–580, 582–584, 586, 590, 592, 595, 600, 604–607, 609, 613, 617, 618, 624–626, 631, 642, 645, 646, 656, 658, 666, 672–674, 676, 677, 680–682, 684–687, 689, 690, 694, 696, 697, 700, 708–711, 715, 717, 723, 724, 726, 727, 754, 758, 762, 763, 781, 788, 790, 792–795, 798, 803–886, 889–894, 897, 898, 901, 905, 907, 910, 918, 919, 922, 926, 930, 932, 946, 948, 950, 952, 956–959, 961, 962, 963, 967, 968, 970
- Аксакова Л. С., 583, 600, 607, 617, 787, 798, 819, 857, 879, 881, 892, 932, 955
- Аксакова М. С., 583, 600, 607, 677, 756, 787, 798, 857, 881, 886, 948
- Аксакова Н. С., 583, 600, 607, 611, 617, 626, 630, 727, 798, 806, 819, 834, 857, 872–876, 879, 881, 883, 886, 887, 889, 891–893, 895, 899, 948, 950, 951, 953
- Аксакова Н. Т. См. Карташевская (рожд. Аксакова) Н. Т.
- Аксакова О. Г., 893, 897
- Аксакова О. С., 583, 600, 607, 611, 612, 700, 749, 767, 783, 798, 819, 857, 881, 886, 890, 891, 899
- Аксакова С. С., 617
- Аксаковы, 45, 106, 123, 144, 160, 178, 215, 225, 239, 268, 348, 416, 417, 422, 472, 473, 490, 491, 498, 515, 517, 529, 530, 536, 567, 601, 630, 635, 636, 645, 656–658, 679, 680, 686, 762, 768, 835, 837, 867, 879, 906, 951, 952, 956

- Алан (актер). См. Прео А., де, актер
- Алан (актриса). См. Прео А. Л, де
- Александр I, Император, 59, 131, 132, 203, 262, 277, 314, 325, 327, 329, 330, 338, 347, 348, 353, 374, 407, 436, 484, 486, 756
- Александр III, Император, 355
- Александр VI, римский папа, 433
- Александр Македонский, 286, 392
- Александр Николаевич, Наследник Цесаревич, с 1855 г. Император Александр II, 1, 9–11, 37–42, 44, 45, 50–52, 61–63, 74, 198, 199, 203, 213, 231, 261, 263, 271, 274, 281, 284, 288, 306, 346, 358, 361, 407, 425, 441, 454, 457, 500, 756, 941, 942
- Александр, слуга А. О. Смирновой в Риме, 252
- Александра (Адина) Максимилиановна, дочь герцога Лейхтенбергского Максимилиана, 257
- Александра Михайловна, знакомая М. П. Погодина, 498
- Александра Николаевна, великая княгиня, дочь Императора Николая I, принцесса Гессен-Кассельская, 43, 48, 284, 295
- Александра Феодоровна, Императрица, жена Николая I, 41, 56, 57, 59, 199, 202, 262, 264, 282, 284, 294, 319, 323, 324, 327, 330, 335, 340, 342, 343, 345–347, 350, 354, 355, 357, 503, 555, 676, 678
- Александров А. А. См. Дурова (псевдоним А. А. Александров, в замужестве Чернова) Н. А.
- Алексеев М. П., 192
- Алексеев С. А., 221, 226
- Алексей Михайлович, русский царь, 222, 722, 763
- Алексей, лакей Н. М. Смирнова, 267
- Алексий, митрополит, св., 263
- Аллори, 39
- Алмазов Б. Н., 756, 757
- Алпатов М. В., 428
- Альбрехт, принц прусский, 331, 353
- Альфред А. А., принц Великобританский, 281
- Альфред Великий, 27
- Альфред Э. А., принц Великобританский, 274, 281
- Алябьев А. А, 951
- Амалия Ивановна, гувернантка детей Н. И. Лорер (во втором браке Арнольди), 328
- Анастасевич В. Г., 137
- Анатолий (Мартыновский), архиепископ Могилевский, 25, 487
- Ангулемская герцогиня Мария Тереза Шарлотта, 315
- Андреа делла Валле, 441
- Андрей Боголюбский, великий князь, 497, 500
- Андрей Первозванный, св. апостол, 39, 425, 433, 435, 451, 481
- Андрей Рублев, св., 456
- Андроников (Андроникашвили) И. Л., 5, 31, 32
- Андросов В. П., 4, 34, 409, 418, 470, 722, 763
- Анк Марций, 452
- Анна Иоанновна, Императрица, 253, 330
- Анна, горничная княжны Е. Д. Цициановой, 266
- Анна, знакомая М. П. Погодина в Москве, 490
- Анна, св., 52
- Анненков Е. И., 838
- Анненков П. В., 163, 345, 354, 357, 457, 512, 645, 765, 798, 802, 867, 884
- Анненкова Е. И., 801, 822, 852, 855, 858, 862, 864, 879
- Антипин И. Ф., 222, 226, 405, 406
- Молитва русских людей, 226*
- Антипин М. А., 226
- Антоний (Медведев), наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, св., 232, 235, 278, 344, 553, 555, 871, 872
- Антоний Великий, св., 40, 45, 46, 503
- Антоний Оптинский (Путилов), преподобный, 266, 279, 391
- Антоний Печерский, св., 235
- Антонин Пий, император, 424, 430, 431, 436, 438
- Аппий Клавдий, 428, 438, 439
- Апраксин В. В., граф, 78–81, 361, 940
- Апраксин В. С., граф, 79
- Апраксин С. С., граф, 273, 291
- Апраксина (рожд. графиня Толстая) С. П., графиня, 78–81, 124, 126, 207, 233, 246, 292, 361, 513, 780, 917, 940

- Апраксина (рожд. Пашкова), жена графа В. В. Апраксина, 361
- Апраксина М. В., графиня. См. Мещерская (рожд. графиня Апраксина) М. В., княгиня
- Апраксина Н. В., графиня, 79
- Апраксины, графы, 292
- Аракчеев А. А., граф (с 1799 г.), 407
- Арапунов (Серопупов), 274, 291, 292
- Арендт Ник. Ф., 31, 32, 58
- Ариосто Л., 38, 842
- Аристов Е. Ф., 458, 464
- Аристов Н. Я., 474
- Аристофан, 291
- Арманд, капитан парохода, 252
- Армфельдт А. О., 172, 173, 503, 579, 607, 640, 652, 690, 691, 711, 789, 829
- Арнольди А. И., 288, 296, 377, 595
- Арнольди И. И., 377, 595
- Арнольди И. К., 281, 282
- Арнольди Л. И., 122, 211, 212, 221, 222, 226, 233, 238, 241, 265–267, 272, 274, 278, 288, 296, 320, 373, 374, 377, 378, 391, 395, 401, 404, 405, 584, 599, 618, 622, 782, 861, 908, 909, 913, 915–917, 921
- Арнольди М. И., 377, 595
- Арнольди Н. И. См. Лорер (в замужестве Россет, во втором браке Арнольди) Над. Ив.
- Арнольди О. И. См. Оболенская (рожд. Арнольди) О. И., княгиня
- Арсеньев К. И., 5–7, 34
- Артаксеркс, 939
- Асдубал (Газдурбал), 44
- Астарков С. И., 143
- Ате... Б., 12
- Афанасий, патриарх Александрийский, св., 783
- Афанасий, патриарх Константинопольский, Лубенский чудотворец, св., 478, 481
- Афанасий, слуга А. О. Смирновой, 246, 267
- Афанасий, слуга И. С. Аксакова, 782
- Афанасьев А. Н., 153, 761
- Афанасьев-Чужбинский А. С., 34, 36
- Афросимов, родственник А. О. Смирновой, 873
- Аффендулево, знакомый Н. М. и А. О. Смирновых, 341
- Ацаркина Э. Н., 353
- Ашель, святой католической Церкви, 302
- Б., английский карикатурист, 340
- Б., князь, знакомый А. О. Смирновой, 236
- Б., петербургские знакомые А. П. Дурново, 356
- Баадер Ф. К., 462, 464, 465
- Багалея Д. И., 952
- Баденская, великая герцогиня Стефания Луиза Адриенна (рожд. Богарнэ), жена великого герцога Баденского Карла Людвига Фридриха, 258, 259
- Баденский, великий герцог Карл Людвиг Фридрих, 258
- Базаров И. И., протоиерей, 49, 277
- Базили К. М., 27, 103, 326, 378, 420, 497
- Базили, дочь К. М. Базили, 326
- Байрон Дж., 300, 321, 325, 341, 389, 444, 834
Каин, 321
Небо и земля, 321
- Бакунин А. А., 130
- Бакунин М. А., 130, 967
- Бакунин, московский полицеймейстер, 727
- Бакунины, 948
- Балабин П. И., 327
- Балабина (рожд. де Пари) Варвара (Паулина) О., 327, 335, 685
- Балабина М. П. См. Вагнер (рожд. Балабина) М. П.
- Балабины, 325, 327
- Балакшина Ю. В., 119
- Балдина Е. В., 82, 83
- Балинский, курьер А. О. Смирновой, 258, 260
- Балугьянская (в замужестве Капгер) А. М., 323, 352
- Балугьянский М. А., 352
- Бальзак О., де, 325, 348
- Бальмен Я. П., де, 180

- Банделло М., 336
- Бантыш-Каменский Д. Н., 497, 775
- Баранов П. Т., граф, 42, 48
- Барберини, князя, 38, 40, 425, 435
- Барклай-де-Толли М. Б., 374
- Барсуков Н. П., 51, 62, 65, 112, 113, 116, 130, 134, 145, 162, 212, 213, 409, 411, 412, 413, 416, 418, 419, 459, 470, 473, 475, 476, 478, 483, 484, 487, 492–496, 499–502, 524, 542, 550, 560, 562, 568–571, 575, 594, 601, 602, 604, 609, 610, 629, 630, 760, 779, 799, 815, 929, 930, 931, 964
- Бартнев П. И., 49, 62–64, 78, 130, 134, 140, 144, 147, 173, 194, 200, 201, 203, 204, 206–208, 210, 234, 235, 272, 275, 295, 313, 320, 352, 353, 365–367, 373, 374, 411, 497, 550, 551, 619, 620, 752, 755, 762, 789, 834, 924, 927, 929, 936, 943, 944
- Бартнев Ю. Н., 527–529, 534
- Бартнев Ю. П., 365
- Бартоломей И. И., 668, 754, 759
- Бартоломео, 40
- Баршев С. И., 130, 172
- Барятинский А. И., князь, 42, 48
- Басанин А., 527, 533
- Басанин И. А., 527
- Баско, фокусник и чревоещатель, 261
- Бастамова (рожд. Алмазова) Е. Н., 762
- Баталин И. А., 403
- Баторий С., 426, 442
- Батюшков К. Н., 132, 342, 355
- Батюшкова Ю. Н. *См.* Зиновьева (рожд. Батюшкова) Ю. Н.
- Бах И. С., 299, 323
- Бахман, 458
- Бахметев (Бахметьев) Н. И., 263
- Бахметев А. Н., 285
- Бахрушин А. А., 513, 539
- Бахрушин Ю. А., 513
- Бахтин Н. И., 181, 182
- Башуцкий А. П., 34
- Баяр Ж. Ф. А., 758
- Баяр Ж. Ф. А., Лоренсен (П. Э. Шапель)
- Матильда, или Ревность, 758*
- Беарн Г., граф, 258
- Бедарева А., 95
- Безбородко А. А., князь, 290
- Безбородко И. А., граф, 497
- Бектышев Н. П., 129
- Бектышева, мать Н. П. Бектышева, 129
- Белавин Д. Г., 571, 573
- Белавина (в замужестве Облеухова) Е. Г., 571
- Белехова С. П., 413, 766, 932
- Белинская (рожд. Орлова) М. В., 912
- Белинский В. Г., 5, 87, 92, 93, 97, 133, 138, 148, 167, 188, 189, 193, 240, 275, 321, 322, 347, 348, 360, 363, 443, 471, 473, 494, 521, 522, 545, 561, 587, 592, 597, 598, 655, 667, 704, 729, 742, 753, 754, 756, 761, 764–766, 787–790, 792–796, 801, 805, 808, 811, 816, 817, 826–828, 832, 833, 835, 846, 847, 855, 861, 896, 906, 912, 915, 942, 943, 957, 958, 964
- Беллини В., 160
- Беллини Дж., 39, 40, 250
- Белозерская (рожд. Ген) Н. А., 354
- Белозерский Н. Д., 400, 521, 942, 952
- Белосельская-Белозерская (рожд. Бибикова, во втором браке Кочубей) Е. П., княгиня, 257, 276
- Белосельская-Белозерская З. А., княжна. *См.* Волконская (рожд. княжна Белосельская-Белозерская) З. А., княгиня
- Белосельская-Белозерская М. А., княжна. *См.* Власова (рожд. княжна Белосельская-Белозерская) М. А.
- Белосельский-Белозерский Э. А., князь, 276
- Беляев И. Д., 498
- Беляев Н., 489
- Беляев Ф. Н., 279, 489, 493
- Бем (Бёме) И., 332, 465
- Бенардаки Д. Е., 411, 460–462, 465, 469, 680, 681, 756
- Бенардаки Н. Д., 462, 465
- Бенедиктов В. Г., 5–7, 34, 190, 844, 845
- Бенкендорф А. Х., граф (с 1832 г.), 174, 176, 350, 407, 711

- Беранже П. Ж., 834
- Берг Н. В., 105, 106, 113, 280, 492, 495, 500, 527, 534, 537, 567
- Бередников Я. И., 5–7
- Березовский М. С., 263
- Бернардский Е. Е., 853
- Берри К. Ф. Л., герцогиня, 198, 199
- Бестужев П. А., 136
- Бестужева (рожд. Языкова) П. М., 136
- Бетховен Л., ван, 263, 299, 875
- Бетюн (Betun), княгиня Леони, 245, 259
- Бецкий И. Е., 464, 544–546
- Бибиков М. П., 429
- Билевич М. В., 937
- Билевич Н. И., 85, 937
- Бирон Э. И., герцог Курляндский, 253
- Благой Д. Д., 274, 275, 281, 294
- Благосветлов Г. Е., 566
- Блан Л., 198, 199
- Блудов Д. Н., граф (с 1842 г.), 54, 199, 410, 421
- Блудова А. Д., графиня, 569
- Боб, фамилия родственников Гоголя, 291
- Боборыкин (Боборикин, Бобарыкин, Бабарыкин) Н. Н., 710, 711, 762
- Бог, Пресвятая Троица, Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой, Господь, См. также Иисус Христос,** 21–24, 28, 38, 39, 40, 45, 52–54, 56, 58, 61, 63, 67, 77, 85, 87, 90–92, 98, 103, 105, 112, 115, 117, 118, 132–134, 136, 142, 144, 180, 196, 197, 199, 204, 205, 208, 211–213, 217, 219, 220, 225, 226, 229–233, 235, 239, 240, 245, 251, 253, 255–257, 263, 265, 267, 269, 271, 273, 278–281, 284, 286, 287, 298, 305, 321, 339, 344, 345, 350, 368, 375, 379, 385, 391, 394, 397, 410, 414, 424, 426, 429, 432, 436, 441, 445, 446, 448, 450, 451, 454, 459, 463, 467, 470, 474, 475, 481, 482, 484, 488–491, 494, 495, 500, 501, 508, 511–514, 516, 532, 533, 538, 539, 553–555, 568, 569, 576, 581, 583, 585–587, 590, 592, 593, 595, 596, 600, 605, 610, 612, 613, 616–618, 620, 622, 626, 630, 632, 637, 639, 647, 649, 651, 654, 655, 659, 679, 681, 695, 697, 699–701, 703, 713, 716–718, 720, 723, 724, 726, 728, 730, 733, 734, 735, 737, 740–742, 744, 745, 747, 750, 757, 763, 764, 779, 782, 783, 787, 791, 799, 800, 805, 806, 814, 819–821, 825, 830, 836, 845, 846, 848, 851, 854–858, 861–864, 866, 871, 872, 883, 885–887, 891, 895–900, 908, 911, 914, 915, 917, 920, 923, 926, 928, 931, 956, 966
- Богданов М. Г., протоиерей, 172, 173
- Богомолова Е. Г., 103
- Бодянский О. М., 52, 92, 374, 409–412, 464, 479, 483, 491, 492, 494, 503, 515, 572, 573, 602, 614, 630, 635, 636, 644, 768, 774, 799, 872, 874, 938, 950, 951, 954, 963
- Бодянский П. И., 477–479
- Бок Г. Т., 69, 70
- Бок Т. Е., 69, 70
- Боккаччо Дж., 40
- Боккерини Л., 263
- Болейн А., 40
- Боленко К. Г., 179, 411
- Бонифачио В., 39
- Боплан Г., де, 659
- Боратынская (рожд. Энгельгардт) А. Л. (Н. Л.), 583, 779
- Боратынский (Баратынский) Е. А., 34, 177, 322, 342, 380, 390, 419, 470, 576, 670, 755, 965, 968
- Есть милая страна, есть угол на земле..., 968*
- Молитва (Царь небес, успокой...), 322*
- Боргезе III К., 38, 39, 426, 434, 436, 437, 446
- Борджиа Ч., 39, 40
- Бордоне П., 39
- Борис Феодорович Годунов, 130, 479
- Бородин К. М., 4
- Бороздин А., 172
- Бортнянский Д. С., 263
- Борх, 31
- Боссюэт Ж. Б., епископ, 199, 231, 256, 284, 458
- Бот, 40
- Боткин В. П., 138, 161–163, 249, 275, 428, 655, 765, 780, 788, 808, 811, 816, 833, 835, 867
- Боткин Н. П., 161–163, 250, 275, 455, 457, 639, 646, 698, 760
- Бочаров Н. П., 124, 126

- Браницкие, польский дворянский род, 482
- Браницкий В. К., граф, 253
- Брант Л. В., 600
- Брашман Н. Д., 34
- Брейткопф (рожд. фон Парис) А. И., 327, 353
- Бродский Н. Л., 513
- Бронзино А., 39
- Броссэ М. Ф. (М. И.), 573
- Бруни Ф. А., 38, 41, 425, 426, 445, 447, 451, 455, 456, 468, 813, 831
- Брут М. Ю., 303, 305, 425, 435
- Брюллов К. П., 186–188, 263, 337, 352, 353, 421, 447, 450, 451, 455, 456, 499, 807, 813, 831
- Буало Н., 756
- Бубнов, московский трактирщик, 269
- Булгаков А. Я., 65–67, 185
- Булгаков К. А., 185
- Булгарин Ф. В., 42, 47, 101, 212, 333, 334, 338, 339, 340, 418, 477, 518, 519, 599, 600, 629, 630, 695, 889, 935, 940, 952
- Бульдье Ф. А., 284
- Бунин А. И., 493
- Бунина М. Г., 493
- Бунцен, 30
- Буняковский В. Я., 34
- Бурачек С. А., 279
- Бурбоны, 299
- Бурдин Ф. А., 291, 296
- Буслаев Ф. И., 90, 91, 172, 227, 945
- Бутенев А. П., 62
- Бутович-Бутовский Е. Ф., 34, 35
- Бутурлин Д. П., 568
- Бутурлины, 341
- Быков В. И., 626, 879, 938
- Быков Н. В., 408
- Быкова В. В., 938
- Быкова Е. В. *См.* Гоголь (в замужестве Быкова) Е. В.
- Быковский В. Я., 222, 405, 406
- Быковы, 944
- Бычков И. А., 43, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 52, 53
- Бьенеме Л., 40
- В. С., корреспондент газеты «Новое время», 541
- В., брат В., знакомого Гоголя в Германии, 349
- В., знакомый Гоголя в Германии, 349
- Вавринский И. В., 112
- Вагнер Е. Ф., 504, 510, 524, 541, 705
- Вагнер (рожд. Балабина) М. П., 30, 189, 310, 314, 325, 327, 635, 684, 685, 813
- Вазари Дж., 281
- Ваксмут А. Я., 288, 296
- Валентини Д., 195, 218, 229, 251, 303, 366, 427, 453, 474, 700, 718, 742
- Валуев Д. А., 130, 269, 583, 689, 749, 779, 792, 795
- Вальтер, знакомый Аксаковых, 779
- Ванда, дочь короля Крака, 462
- Ван-Дейк А., 677, 756
- Варвара, св. великомученица, 40
- Варвинский И. В., 109, 112, 172
- Варенцова Е. М., 413, 766, 932
- Варлашка, 66
- Варфоломей (Нафанаил), св. апостол, 425, 433, 438, 451
- Варфоломей, заштатный священник, 485
- Василий Великий, св., 103, 224
- Василий, юридивый, 302
- Васильев, 527
- Васильев В. А., 133
- Васильев С. В., 759
- Васильев, граф, 96, 97
- Васильчиков А. В., князь, 38, 55, 73
- Васильчиков И. В. (Л. В.), князь (с 1839 г.), 263
- Васильчиков П. А., князь, 73
- Васильчикова (рожд. Архарова) А. И., княгиня, 55, 335, 607
- Васильчикова Е. А., княжна. *См.* Черкасская (рожд. княжна Васильчикова) Е. А., княгиня

- Васьков Н. И., 717, 762
- Васьков Ф. И., 472, 474, 527, 529, 685, 686, 752, 758, 786, 898
- Вацлав из Олеска (Залеский В.), 464, 953, 954
- Вашенко-Захарченко А. Е., 298
- В—в В., корреспондент газеты «Русские Ведомости», 529
- Вейсгаупт А., 331
- Великопольский И. Е., 419, 575, 576, 621, 668, 670, 809, 964, 965
- Велланский Д. М., 34, 35
- Вельтман А. Ф., 138, 139, 444, 500, 501, 527, 534, 630, 631
- Вельтман (рожд. Кубе) Е. И., 477, 630, 631
Виктор, 477, 630, 631
- Вельяминов А. А., 380, 395
- Веневитинов А. В., 5–7, 77, 78, 96, 97, 128, 144, 231, 922
- Веневитинов Д. В., 96, 231, 425, 428, 436, 922
- Веневитинов М. А., 78
- Веневитинова Ап. М. См. Виельгорская (в замужестве Веневитинова) Ап. М., графиня
- Венелин Ю. И., 34, 35, 937
- Венецианов А. Г., 5–7, 34, 637, 753
- Вера, св. мученица, 39, 618
- Веревкин М. Н., 259
- Вересаев В. В., 24
- Вернадский И. В., 951
- Верстовский А. Н., 107, 113, 152, 332, 552, 622, 644, 731, 733, 734, 765, 880, 881, 948
- Вершинский Д. С., протоиерей, 279, 458, 464
- Виардо Л., 93, 298, 780, 846, 847, 960, 961
- Виардо П., 961
- Вигель Ф. Ф., 130, 177, 179, 417
- Виельгорская (в замужестве Веневитинова) Ап. М., графиня, 75, 77, 78, 96, 232, 359, 593, 922
- Виельгорская (в замужестве княгиня Шаховская) Анна М., графиня, 41, 47, 57, 76–78, 80, 81, 232, 260, 351, 357, 359, 361, 362, 367, 587, 749, 767, 850, 851, 861, 939, 940
- Виельгорская (рожд. герцогиня Бирон) Л. К., графиня, 47, 57, 74–78, 80, 81, 82, 140, 206, 232, 343, 351, 358, 359, 361, 368, 369, 587
- Виельгорские, 74, 77, 81, 128, 206, 210, 217, 220, 228, 243, 245, 246, 260, 309, 339, 340, 361, 362, 861
- Виельгорский И. М., граф, 40, 41, 74, 75, 78, 82, 83, 84, 140, 160, 217, 231, 232, 243, 255, 346, 358, 359, 361, 425, 426, 428, 436, 441, 452, 778
- Виельгорский Матв. Ю., граф, 72, 75, 232, 257, 327, 339, 347, 359
- Виельгорский (Виельгорский-Матюшкин) Мих. М., граф, 78, 81, 203, 220, 232, 246, 260, 359
- Виельгорский Мих. Ю., граф, 12, 14, 15, 38, 40, 41, 45, 47, 55, 72–75, 78, 82, 83, 96, 106, 160, 168, 206, 217, 228, 232, 240, 243, 244, 250, 261, 262, 265, 277, 292, 327, 330, 332, 335, 338–340, 346, 347, 350, 351, 359, 368, 415, 426, 428, 442, 452, 704, 761
- Виктория, королева Великобритании и Ирландии, 272–274, 281
- Викулин С. А., 40, 45, 54, 198, 260, 371, 372
- Вильгельм I, Нидерландский, 327, 353, 355
- Вильям, 341
- Винкельман И. И., 444
- Виноградов И. А., 2, 12–16, 25, 78, 79, 82, 83, 99, 101–104, 318, 363, 367, 399, 417, 443, 494, 512, 554, 575, 582, 587, 759, 761, 766, 787, 822, 916, 942, 954
- Винцент Д., святой католической Церкви, 302
- Виоланта, 40
- Виргилий, 40, 332
- Вирен В., 409
- Виролайнен М. Н., 317
- Висковатов П. А., 236–241
- Висконти Дж. Б. А., 195, 196, 230
- Виссарион (Нечаев), епископ Костромской и Галицкий, 495, 559
- Вистенгаузен Л. Ф. (Вистингаузен Л. А.), 354
- Витгенштейн Л. П., граф, 324, 352
- Витгенштейн П. Х., граф, с 1834 г. князь, 324
- Витич К. И., 263, 278
- Владимир Александрович, великий князь, 70, 355

- Владимир, св. равноапостольный князь, 290, 426, 442, 475, 637, 657, 688, 923
- Владимиров Е., 504–507, 509–512
- Владиславлев В. А., 34, 35
- Власова (рожд. княжна Белосельская-Белозерская) М. А., 82, 83
- Вовенарг Л. де Клавье, 333
- Вогюэ Э. М., де, 298
- Воейков А. Ф., 4, 7
- Воейков В. И., 935
- Воейков Н. В., 934, 935
- Воейков, жандармский капитан, 727
- Воейкова (рожд. Аксакова) А. Т., 935
- Воейкова Ал. Александровна, 203
- Воейкова (рожд. Протасова) Ал. Анд., 39, 44, 48, 203
- Воейкова Е. А., 43, 48
- Воейковы, 948
- Волкенштейн Г. С., граф, 283
- Волков М. С., 34, 35
- Волконская А. П., княжна. См. Дурново (рожд. княжна Волконская) А. П.
- Волконская (рожд. княжна Белосельская-Белозерская) З. А., княгиня, 21–26, 34, 38, 41, 82, 83, 252, 302, 341–343, 357, 358, 425–428, 435, 436, 445–447, 455, 459, 468, 470, 471, 501
- Волконский А-р Никитич, князь, сын З. А. Волконской, 23, 26, 34, 38, 82, 83, 345, 357, 428
- Волконский Г. П., князь, 355
- Волконский Д. П., князь, 356
- Волконский П. М., светлейший князь (с 1834 г.), 3, 60, 73, 202, 262, 355, 356
- Волтерра Д., да, 40
- Вольтер А., 333, 388, 390, 544
- Вольф Ф. А., 42
- Вольховской В. Д., 420, 423
- Вордсворт У., 325
- Воронец (рожд. княжна Оболенская, в первом браке Погодина) А. П., 538
- Вороновская (рожд. Лорер) Е. И., 328, 353
- Вороновский А. Е., 314, 317, 328, 353
- Воронцов, 42
- Воронцов-Дашков И. И., граф, 32
- Воронцова-Дашкова (рожд. Нарышкина) А. К., графиня, 32
- Воронцовы, 341
- Воропаев В. А., 13–16, 82, 83, 99, 101–104, 318, 474
- Востоков (наст. фамилия Останек) А. Х., 34, 35, 483, 487, 489, 493
- Враский А. В., 5, 6, 579, 687, 758
- Враский Б. А., 6
- Вронченко Ф. П., 12, 15
- Вротновский, 21, 22
- Всевожский Н. С., 498, 500
- Всеволодов В. И., 34, 35
- Вульпиус Х. А.
- Ринальдо Ринальдини, знаменитый атаман итальянских разбойников, 366*
- Выйят. См. Уайт (Выйят, Виатт) Р. Д.
- Высоцкий, московский доктор, 783
- Вяземская (рожд. княжна Гагарина) В. Ф., княгиня, 32, 63, 335, 343, 369
- Вяземская М. П., княжна, 369
- Вяземская П. П., княжна, 446, 455
- Вяземские, князья, 500
- Вяземский Павел П., князь, 369
- Вяземский Петр А., князь, 5–8, 31, 32, 34, 41, 51, 58, 63, 64, 67, 73, 100, 101, 130, 195, 202, 210, 218, 229, 243, 251, 259, 261, 262, 265, 270, 273, 281, 283, 288, 291, 295, 307, 309, 314, 319, 323, 324, 326, 329–331, 333, 335–339, 345, 347, 350, 353, 358, 360, 365, 368, 369, 414, 446, 455, 497–501, 530, 557, 691, 756
- К А. О. Россети, 309, 314*
- Сейчас видно, что Поэт..., 288*
- Вяземский Петр А., князь, Мятлев И. П., Пушкин А. С.
- Поминки, 273, 291*
- Г. К., читатель «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова, 692
- Гагарин Г. Г., князь, 851
- Гагарин И. С., князь, 265, 272, 302, 488

- Гагарин С. С., князь, 217, 225, 228, 235, 242, 247, 293, 297
- Гагарина (рожд. Виленская) И. А., княгиня, 293, 297
- Гаевский В. П., 960
- Гаетано, 39
- Гайдн Й., 263
- Гакстгаузен А. Ф., барон, 488, 492
- Галаган Г. П., 400
- Галанин И. Д., 99
- Галахов А. Д., 34, 35, 87, 231, 512
- Гален, граф, 331
- Галлам Г., 28
- Гальперт, польская актриса, 159
- Гампельн, художник, 472
- Ганеман С., 425, 428
- Ганка В. В., 113, 280, 420, 567, 865
- Ганнибал (рожд. Пушкина) М. А., 330, 353
- Гарофало, 39, 40
- Гартенштейн, купец в Радзивиллове, 482
- Гаршинский, 22
- Гауф, лакей, 293
- Гауфельд (Гацфельд) С., графиня, 258
- Газтан, римский род, 439
- Гверчино, 38, 40, 441, 446
- Гвичиолли Г., 336
- Гвичиолли Т., 336
- Гегель Г. В. Ф., 134, 177, 194, 322, 348, 465, 489, 682, 688, 689, 791, 806
- Гедеонов А. М., 96, 97, 367, 562, 829
- Гедеонов М. А., 732
- Гедеонов С. А., 846, 960
- Гезиод, 332
- Гейне Г., 325, 481
- Геккери Л. Б., барон, 32, 266, 355, 356
- Гендриков А. И., граф, 259
- Гендрикова (рожд. княжна Хилкова) П. А., графиня, 259, 277
- Генрих VIII, английский король, 40
- Георгиевский Г. П., 512
- Георгий (Конисский), архиепископ Могилевский и Белорусский, свт., 775
- Георгий (Машурин), Затворник Задонский, 209, 210, 395
- Герардо de la notti (Геррит Гонтгорст), 40
- Герасим, иеромонах, с 1844 г. архимандрит, настоятель храма русского посольства в Риме, 21, 25, 82–84, 454, 457
- Гердер И. Г., 417
- Германов М. А., иерей, 495, 559
- Герц, домовладелец в Бадене, 259
- Герцен (псевдоним Искандер) А. И., 93, 130, 134, 141, 143, 147, 240, 313, 347, 348, 443, 573, 755, 761, 789
Кто виноват?, 592
- Герцен, московский домовладелец, 601
- Гершензон М. О., 141, 142
- Гесс Г. И., 5, 6, 34, 414
- Гете И. В., 315, 321, 325, 328, 333, 338, 354, 389, 788, 828, 966
Годы странствия Вильгельма Мейстера, 333
Годы учения Вильгельма Мейстера, 333
Коринфская невеста, 315, 328
Фауст, 333, 348
- Гиероглифов А. С., 470
- Гизо Ф., 231, 256, 348, 501
- Гильдебрандт. См. Григорий VII, римский папа
- Гильдебрандт (Гильтебрандт) Ф. И., 413
- Гильфердинг А. Ф., 896
- Гильфердинг Ф. И., 896
- Гиляровский В. А., 103, 126
- Глебов-Стрешнев, 173
- Глебов-Стрешнев Н. П., 172, 173
- Глинка М. И., 3, 26, 185, 263, 327, 331, 332, 414, 415
Жизнь за Царя, 26
- Глинка Ф. Н., 34, 35, 87, 160, 172, 177, 179, 353, 409, 412, 473, 594, 668, 750, 754, 767
- Глинки, 160, 327
- Гмелин И. Г., 272, 280

- Гнедич Н. И., 100
Илиада (перевод), 220
- Гниლოსыров, 291
- Гогель И. Г., 288, 296
- Гоголи-Яновские, 327
- Гоголь (в замужестве Быкова) Е. В., 46, 50, 53, 112, 119, 130–132, 140, 210, 211, 272, 278, 290, 296, 300, 335, 354, 384, 395, 412, 413, 472, 473, 480, 520, 526, 552, 554, 577, 583, 617–619, 623, 625, 626, 632, 633, 636, 637, 640, 654, 672, 676, 678, 682–687, 690–694, 696, 704, 705, 710, 712, 713, 715, 718, 737, 741, 744, 745, 755, 757, 761, 762, 766, 804, 806, 807, 808, 809, 811, 813, 818, 819, 821, 823, 853, 868, 877, 879, 885, 886, 898, 900, 937–939, 948
- Гоголь (в замужестве Головня) О. В., 69, 99, 101, 119, 140, 210, 211, 271, 272, 280, 290, 296, 384, 395, 480, 486, 552, 554, 619, 623, 626, 633, 637, 654, 690, 691, 693, 705, 741, 745, 766, 777, 790, 809, 810, 853, 886, 900, 938
- Гоголь (в замужестве Трушкова) М. В., 480, 483, 554, 633
- Гоголь Анна В., 46, 50, 53, 69, 78, 112, 115, 116, 119, 131, 140, 210, 211, 271, 272, 278, 280, 290, 296, 335, 354, 384, 395, 408, 412, 413, 472, 473, 480, 520, 526, 552, 554, 577, 583, 619, 623, 626, 632, 633, 636, 637, 640, 646, 654, 672, 676, 678, 682–687, 690, 691, 693, 705, 710, 712, 713, 715, 718, 737, 741, 745, 755, 761, 766, 804, 806, 808, 809, 818, 819, 821, 823, 853, 885, 886, 898, 900, 937–939, 944, 948
- Гоголь Анна В. (старшая), 554
- Гоголь Н. В.
Авторская исповедь, 113, 117–120, 122, 212, 353, 370, 376, 377, 383, 517, 620, 630, 764, 936, 941
Альфред, 27, 895
Аннуциата, 148, 149, 179, 427, 477, 579, 637, 690, 702, 758, 807, 817
Арабески, 131, 354, 374, 417, 542, 572, 666, 676, 685, 770, 793, 813, 831, 833
Аще не бдете малы..., 110
Близорукому приятелю, 26
Будьте живые, а не мертвые души, 936
В альбом Е. Г. Чертовой, 140
- В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность*, 322, 593, 854
- Введение (в древнюю историю)*, 417
- Вечер накануне Ивана Купала*, 309, 315, 318
- Вечера на хуторе близ Диканьки*, 227, 248, 282, 287, 295, 309, 318, 333, 339, 347, 374, 409, 416, 417, 476, 542, 543, 548, 574, 659, 663, 664–666, 785, 786, 825, 922, 934, 960
- Взгляд на составление Малороссии*, 20, 659
- Вий*, 287, 315, 317, 318, 328, 677, 813, 814, 845, 846, 953, 960
- Владимир 3-ей степени*, 418, 475, 637, 657, 688
- Выбранные места из переписки с друзьями*, 17, 27, 64, 80, 81, 95–101, 111, 113, 114, 116, 122, 188, 208, 212, 229, 235, 251, 272, 274, 279, 298, 322, 348, 363, 367–369, 374–377, 379, 388, 476, 490, 491, 494, 521, 522, 550, 556, 562, 566, 571, 588–600, 619, 623, 624, 648–651, 727, 751, 753, 765, 767, 768, 780, 797, 798, 848, 850, 852–857, 859, 861–866, 869, 871, 872, 875, 897, 914–919, 921, 924, 945
- Выбранные места из творений Св. Отцов и учителей Церкви*, 277
- Выписки из книг церковных и из творений Отцов Церкви*, 123
- Выписки из Псалтири*, 220, 246, 260, 294
- Выписки из Путешествий по России*, 123
- Выписки стихов и прозы*, 123
- Ганц Кюхельгартен*, 309, 316, 325, 522
- Гербарий, сделанный для О. Н. Смирновой*, 300
- Гетьман (Начало исторического романа)*, 938
- Дарственная надпись К. С. Аксакову на шмуцтитуле первого тома «Мертвых душ». М., 1842*, 711, 762
- Дарственная надпись семье Аксаковых на экземпляре первого тома «Мертвых душ». М., 1842*, 711, 721
- Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы (Приложение к комедии «Ревизор»)*, 163, 699, 701, 702, 760
- Документы, относящиеся к паломничеству в Иерусалим*, 123

- Драма из эпохи Богдана Хмельницкого, 141, 162, 581, 637, 657, 679, 689, 717, 756, 757, 762
- Друзьям моим, 619, 886, 936
- Дядька в затруднительном положении (литературная обработка перевода комедии Дж. Жипро), 355, 472, 473, 696, 698, 759, 760, 767
- Женитьба, 9, 37, 44, 218, 229, 243, 251, 288, 291, 418, 468, 475, 502, 579, 580, 667, 688, 730–734, 758, 765, 766, 809, 831, 834–837, 841, 912, 958
- Жених, 475
- Женихи, 502, 660, 667, 754, 834, 835, 958
- Женщина в свете, 593–595, 854, 856–860, 863
- Жизнь, 685
- Завещание (глава из книги), 116, 376, 588, 590, 593, 594, 624, 854, 919
- Завещание (тункт VI), 123, 594, 853
- Заметки о ботанике, 298
- Заметки о грамматике, 298
- Заметки о первоначальном воспитании, 298
- Занимающему важное место, 28, 369
- Занятия каллиграфией, 123
- Занятия русской и польской историей, географией и русскими древностями, 123
- Занятия сельским хозяйством и ботаникой, 123
- Занятия языками греческим, латинским, итальянским и английским, 123
- Записка о плане осмотра Рима для А. О. Смирновой, 195, 230, 244, 251, 305
- Записки сумасшедшего, 353, 594, 633, 685, 780, 845, 846, 960, 961
- Записная книжка 1841–1844 гг., 411, 581, 754
- Записная книжка 1841–1845 гг., 581, 754
- Записная книжка 1842–1851 гг., 755, 764
- Записная тетрадь 1832–1834 гг., 660, 934
- Записная тетрадь 1833–1836 гг., 660, 934
- Записная тетрадь 1834–1835 гг., 660, 934
- Записная тетрадь 1835–1836 гг., 660, 934
- Записные книги (тетради) (шесть книг), 660, 934
- Записные книжки, 123
- Иван Федорович Шпонька и его тетушка, 281
- Игроки, 286, 291, 601, 731–734, 765, 766, 779, 834–837, 911, 958
- Изложение 5–12 Слов книги святителя Иннокентия (Борисова) «О грехе и его последствиях. Беседы на Святую Четыредесятницу». Выписка из т. 43 «Журнала Министерства Народного Просвещения» за 1844 г., 99
- Исторический живописец Иванов, 593, 596
- История Малороссии, 137
- Италия, 28
- К читателю от сочинителя, 95, 588, 630, 631, 854, 855
- Как поступить, чтобы признательно..., 110, 224
- Книга всякой всячины, или подручная Энциклопедия, 659, 660, 934
- Коляска, 195, 786, 801, 845, 846, 903, 960
- Комедии, 766
- Комедия, 418, 659
- Конспект 1849–1850 гг. книги П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства в 1768–1773 гг.». 3 ч. в 5 т. СПб., 1773–1788, 280
- Конспект книги Г. Паллама «Европа в средние века», 28
- Лекции и материалы по истории, 395
- Мадонна дей Фьори, 425, 427, 428, 475, 758, 807
- Майская ночь, или Утопленница, 237, 318, 330, 336, 454, 457, 660
- Мертвые души, 25, 31, 40, 46–48, 50, 56, 60, 68, 74, 90, 92–97, 106, 108, 110, 113, 114, 117–122, 124, 133, 134, 136, 142, 144, 149, 157, 158, 163, 167–170, 172–176, 178–182, 188, 189, 192–194, 200, 201, 206, 209, 212, 213, 217, 218, 220, 222–225, 227–230, 236, 237, 239, 240, 242, 243, 246–251, 255, 264, 268–270, 282, 287, 288, 292–295, 297, 298, 302, 306, 307, 326, 329, 337, 338, 340, 344–347, 349, 350, 353, 363, 366, 372–376, 378–380, 384–387, 389, 390, 393, 399, 400, 402, 405, 412, 429, 443, 469, 475–477, 483, 489, 490, 493, 498, 503, 505, 509, 512, 517, 519, 520, 522, 532, 533, 536, 538–543, 548–550, 559, 566, 567, 571, 573, 574, 577, 578, 580–584, 586–588, 592, 593, 596, 597, 599, 600, 604, 605, 607–610, 613, 615–619, 622–625, 630, 631, 633,

- 636–643, 651–654, 656–658, 672, 679, 683, 689–693, 695, 697–699, 702–704, 706, 708, 710–724, 726–730, 733–736, 738–742, 746–748, 751, 753–759, 761–766, 779, 783, 787, 789, 791–796, 798, 800, 803, 804, 806–808, 810, 814–816, 819, 821–836, 838, 839, 842, 843, 846, 848, 850, 853–856, 862, 863, 869, 871, 872, 875, 877, 882, 885, 895, 898–910, 918, 919, 921, 924, 926–929, 931, 934, 936, 939, 941, 942, 944–946, 948, 956, 957, 959, 960, 963, 964
- Миргород, 26, 129, 309, 315, 318, 331, 360, 418, 476, 542, 548, 666, 753, 754, 793, 934
- Молитвы, 123
- Надпись М. П. Погодину (?) на авантитуле книги «О средствах сберечь глаза и зрение до самой глубокой старости. Сочинение, изданное для народа Федором Гильтебрандтом». М., 1819, 413
- Надпись М. П. Погодину на экземпляре книги «Ганц Кюхельгартен. Соч. В. Алова». СПб., 1829, 522
- Невский проспект, 443, 685, 894
- Несколько мыслей о преподавании детям географии, 417
- Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве, 208, 367, 915, 916
- Несколько слов о Пушкине, 189
- Новые сцены к комедии «Ревизор», 163, 699, 702
- Нос, 31, 353, 360, 785, 894
- Ночи на вилле, 140
- Ночь перед Рождеством, 637
- Нужно любить Россию, 368
- Нужно проезжаться по России, 368
- О благодарности, 637
- О достоинстве сочинений <и> литературных трудов Погодина (замысел статьи), 523, 570
- О лиризме наших поэтов, 275, 279, 593, 594, 596, 856, 918, 919
- О малороссийских песнях, 20, 953
- О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности, 322, 618, 619
- О том же (Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве), 208, 367, 915, 916
- О том, что такое слово, 99, 100, 275, 322, 396, 476, 490, 494, 521, 522, 571, 593–595, 854, 855, 919
- Об Одиссее, переводимой Жуковским, 100, 322, 588, 594, 849, 913
- Объявление о выезде, 809, 810
- Объявление об издании Истории Малороссии, 138
- Острица (Начало исторического романа «Гетьман»), 938
- Откупа, 411
- Отрывок из Истории Малороссии, 659
- Отрывок из «Истории Малороссии». Размышления Мазепы, 27
- Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору, 163, 657, 659, 699, 701, 702, 760, 761
- Отрывок неизвестной повести (Начало исторического романа «Гетьман»), 938
- Песни, собранные Гоголем, 160, 161
- Петербургская сцена в 1835–36 г., 761
- Петербургские записки 1836 года, 26
- Печатать на моей бумаге... (надпись на цензурной рукописи первого тома «Мертвых душ»), 169
- Письмо из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу, 17
- Повести, 960
- Повесть о капитане Копейкине, 169, 281, 307, 512, 528, 534, 622, 779, 829
- Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, 129, 273, 281, 309, 315, 317, 452, 457, 458, 478, 480, 801, 839
- Помилуй меня, грешного..., 110, 112
- Портрет, 234, 354, 455, 722, 727, 830, 831, 856
- Последний день Помпеи, 352, 813, 833
- Потеря, 678, 752, 756
- Похождения Чичикова, или Мертвые души, 90, 92, 93, 134, 169, 170, 175, 180, 194, 476, 477, 719, 762–764, 787, 792, 794–796, 825–827, 829, 833, 836, 846, 855, 909, 910, 957
- Предисловие (к «Выбранным местам из переписки с друзьями»), 368, 376, 624, 852

- Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора», 761*
- Приложение к комедии «Ревизор», 698, 699, 701, 702*
- Провинциальный жених, 418*
- Происшествия на Севере, 27*
- Путешествие Александры Осиповны, 196, 214, 218, 230, 244, 251, 305*
- Развязка Ревизора, 95, 96, 122, 128, 287, 295, 511, 590, 595, 597, 655, 761, 765, 766, 851*
- Размышления о Божественной Литургии, 49, 108, 114, 115, 117–120, 122, 369, 370, 516, 630, 885, 936*
- Размышления о Божественной Литургии. Подготовительные материалы. Греческий и латинский тексты. Божественная Литургия из чиноположений Апостольских, 123*
- Ревизор, 3, 9, 11, 37, 45, 46, 49, 60, 73, 76, 78, 89, 96, 97, 117, 118, 123, 128, 140, 141, 144, 146, 148, 163, 167, 168, 171, 172, 174, 176, 187, 188, 225, 228, 238, 250, 264, 267, 275, 282, 285–287, 289, 290–292, 295, 300, 326, 332, 337–341, 343, 346, 347, 359, 367, 374, 380, 389, 390, 392, 393, 401, 405, 409, 418, 419, 444, 460, 466, 470, 472, 473, 475, 488, 492, 495, 503, 517, 519, 542, 547, 550, 552, 554, 562, 567, 571, 577, 578, 589, 590, 605, 632, 633, 636, 639, 657, 667–669, 673, 683, 693, 698–702, 706, 707, 717, 721, 732–734, 745, 752, 754, 755, 757, 760, 761, 765, 766, 778, 782, 783, 785, 786, 788, 789, 803–805, 824, 834, 835, 850–852, 880, 881, 890, 903–906, 918, 925, 932, 947, 960*
- Ревизор с Развязкой, 76, 95, 96, 128*
- Ревизор с Развязкой. Предупреждение, 76, 122, 367, 589, 590, 850, 852, 918*
- Рим, 88–91, 148, 149, 179–181, 230, 255, 427, 428, 443, 466, 477, 579, 582, 637, 640, 690, 702, 707, 758, 807, 817–819, 826*
- Рисунки, 123*
- Россия под игом татар, 715, 762, 821, 823*
- Русские песни (сборник), 759*
- Русский помещик, 80, 81, 593*
- Светлое Воскресенье, 107, 110, 113, 515, 516*
- Сганарель (литературная обработка перевода комедии Ж. Б. Мольера Т. Н. Грановского и Н. Х. Кетчера), 153, 154*
- Скульптура, живопись и музыка, 813*
- Словарь русских простонародных слов, 123*
- Собрание русских и малороссийских песен, 123*
- Совет сестрам, 619, 886, 936, 937*
- Сорочинская ярмарка, 332, 336, 660*
- Состояние королевства вестготов в Испании и завоевание ее арабами, 27*
- Соч. и письма Н. В. Гоголя. В 6 т. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857, 621*
- Сочинения Ломоносова и Державина, 123*
- Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти. М., 1855, 113, 122*
- Сочинения Н. В. Гоголя. В 6 т. СПб., 1855–1856, 69, 107, 113, 120, 121, 124, 393, 505, 514, 620, 629, 630, 888, 890, 892–894, 896, 932, 933, 938, 941, 942*
- Сочинения Н. В. Гоголя. В 7 т. 10-е изд. М., СПб., 1889–1896, 169, 173, 659, 758*
- Сочинения Николая Гоголя. В 4 т. СПб., 1842, 120, 202, 495, 582, 586, 627, 647, 670, 716, 730, 731, 733, 736–738, 740, 741, 742, 744, 746, 765, 766, 779, 831, 835, 836, 941*
- Списки вещей, назначенных для покупки сестрам в 1839 г., 682, 756*
- Споры, 322, 363, 443*
- Старосветские помещики, 22, 26, 331, 338, 375, 538, 575, 634, 666, 753, 754, 779, 844–846, 908, 960, 961*
- Статьи об искусстве, 337*
- Статьи печатные и письменные о «Выбранных местах из переписки с друзьями» и «Мертвых душах», собранные Гоголем, 123*
- Статья на итальянском языке для римского журнала («Diario di Roma») о собрании эскизов князя Д. М. Голицына, 159, 160*
- Страхи и ужасы России, 368, 848*
- Страшная месть, 28, 152, 318, 836*
- Тарас Бульба, 25–27, 29, 88, 138, 188, 207, 208, 220, 246, 260, 273, 291, 296, 301, 335, 336, 347, 353,*

- 360, 428, 493, 544, 550, 551, 575, 582, 666, 733, 753, 761, 766, 779, 786, 787, 793, 794, 802, 816, 831, 845–847, 953, 954, 960
- Театральный развезд после представления новой комедии*, 264, 287, 295, 597–600, 659, 731, 733, 761, 766, 779, 836, 851, 856
- Тетрадь выписок из Св. Отцов*, 220, 245, 260
- Три песни, переданные Гоголем графу А. К. Толстому (в записи П. А. Кулиша)*, 396
- Тяжба*, 140, 285, 291, 295, 296, 577, 637, 690, 755, 758, 789, 803, 804, 806, 809, 912
- Утро делового человека*, 195, 284, 360
- Учебная книга словесности для русского юношества*, 122
- Характеры и костюмы. Замечания для гг. актеров*, 761
- Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России*, 274, 275, 322, 593, 918, 919
- Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ»*, 768
- Чтения русских поэтов перед публикою*, 767
- Что такое губернаторша*, 313, 322, 367, 369, 895, 897, 913, 914
- Шинель*, 42, 192, 301, 313, 340, 355, 375, 474, 475, 567, 733, 779, 837, 847, 908, 909
- Шлецер, Миллер и Гердер*, 417
- Гоголь Н. В. Приписываемое
- Дневник русского генерала, веденный в Италии*, 18
- <Заметки о А. О. Смирновой и ее детях в Риме>*, 303
- Книга о русском духовенстве*, 852
- Письма к А. О. Смирновой на фр. языке*, 364, 365
- Прачка*, 470
- Прощальная повесть*, 893
- Гоголь Т. В., 554
- Гоголь-Яновская (рожд. Косьяровская) М. И., 69, 85, 103, 104, 107, 112, 115–122, 126, 130, 140, 210, 211, 237, 271, 272, 290, 309, 331, 335, 338, 354, 370, 384, 413, 472, 478–480, 483, 486, 514, 517, 520, 524, 536, 552, 554, 575, 583, 585, 587, 593, 594, 617–621, 625, 626, 632, 635, 637, 640, 654, 655, 657, 672, 690, 691, 693, 705, 707, 710, 712, 713, 715, 718, 735–737, 741, 745, 747, 750, 753, 762, 766, 767, 777, 779, 807, 809, 818, 819, 821, 823, 831, 839, 853, 879, 883, 885, 886, 893, 898, 935–938, 948, 965
- Гоголь-Яновский В. А., 109, 119, 139, 237, 486, 487, 618, 839, 886
- Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом (Роман и Параска)*, 139
- Голициев-Кутузов Л. И., 756
- Голициев-Кутузов, граф, 78
- Голициева-Кутузова А. М., княжна. См. Хитрово (рожд. княжна Голициева-Кутузова) А. М.
- Голициева-Кутузова Д. М., княжна. См. Опочинина (рожд. княжна Голициева-Кутузова) Д. М.
- Голициева-Кутузова Ек. М., княжна. См. Кудашева (рожд. княжна Голициева-Кутузова) Е. М., княгиня
- Голициева-Кутузова Ел. М., княжна. См. Хитрово (рожд. княжна Голициева-Кутузова, в первом браке графиня Тизенгаузен) Е. М.
- Голициева-Кутузова П. М., княжна. См. Толстая (рожд. княжна Голициева-Кутузова) П. М.
- Голер, церемониймейстер великого герцога Баденского, 259
- Голицын А. Н., князь, 232, 353, 359, 462, 464, 465, 529
- Голицын В. П., князь, 40, 45, 265, 427, 429
- Голицын Д. В., князь, 87–90, 105, 172, 177–180, 409, 425–428, 434, 445, 455, 457, 472, 473, 522, 640, 707, 816
- Голицын Д. М., князь, 159, 160
- Голицын М. А., князь, 218, 229, 243, 251
- Голицын Н. В., князь, 658, 893, 897
- Голицын С. М., князь, 44, 487
- Голицын С. С., князь, 34
- Голицын Ф. Ф., граф, 24
- Голицын Ф. Ф., князь, 29, 293
- Голицына А. В., княгиня, 295
- Голицына (рожд. Измайлова) Е. И. (А. И.), княгиня, 38, 44, 487, 488
- Голицына С., 233
- Голицына, жена князя Д. В. Голицына, 446, 455

- Голицына, княгиня, 42
- Головачева (рожд. Брянская, в первом браке Панаева)
А. Я. (Е. Я.), 803
- Головин Н. А., 179
- Голохвастов Д. П., 93, 133, 167, 170, 173, 476, 477
- Голубинский Ф. А., протоиерей, 278
- Гольдони К., 469
- Гомер, 38, 42, 57, 95, 134, 178, 189, 194, 207, 208, 330, 332, 483, 590, 594, 602, 604, 610, 614, 652, 676, 719, 789, 793, 798, 828, 829, 845, 846, 868, 870, 908, 910
Илиада, 220, 245, 258, 263, 336, 337, 342, 503, 602, 793, 794, 827, 847, 868
Одиссея, 42, 43, 57, 61, 66, 67, 100, 320, 322, 359, 381, 483, 588, 594, 602, 603, 607, 651, 798, 848, 849, 913
- Гомозкова М. С., 413, 766, 932
- Гонзага, итальянский княжеский род, 426, 446, 470
- Гончаров И. А., 390, 513, 567
- Гончаров Н. А., 221, 381
- Гончарова (в замужестве Дантес) Е. Н., 335
- Гончарова (в замужестве Фризенгоф) А. Н., 335
- Гончарова Н. Н. См. Пушкина (рожд. Гончарова, во втором браке Ланская) Н. Н.
- Гончаровы, 226, 334
- Гопка, няня А. О. Смирновой, 315, 317, 328
- Гораций, 63, 448, 449, 483
Оды, 449, 456
- Горбунов И. Ф., 528, 529, 534
- Горбунов К. А., 807, 808
- Горленко В. П., 297, 300, 301, 352, 408
- Городецкий Б. П., 127, 364
- Горский А. В., протоиерей (с 1860 г.), 495, 559
- Горчаков А. М., князь, 277, 282, 290
- Горчаков М. Д., князь, 282, 290
- Горчаков, знакомый В. А. Жуковского, 42
- Горчакова Е. П., княжна, 583, 687, 809, 815, 816, 819, 948
- Горчаковы, знакомые Аксаковых, 687, 809, 815, 948
- Горяинов П. Ф., 4, 34
- Гостилий Тулл, 431
- Гофман М. Л., 58, 364, 365
- Гофман Э. Т. А., 241, 575
- Грабовский М. А., 493, 494
- Грабовский, граф, 482, 487
- Грамзина Т. А., 317, 318
- Гранвальд, великая княгиня, 42
- Гране Ф. М., 40
- Грановский Т. Н., 147–149, 153, 172, 348, 412, 489, 499, 640, 646, 711, 755, 789, 792, 795, 842, 851, 933
- Грацианский И. И., иерей, 412
- Гребенко (Гребенкин) Е. П., 34, 35, 190
- Грегоровиус Ф., 256
- Грец, 258
- Греч Н. И., 42, 47, 50, 89, 334, 340
- Грибоедов А. С., 133, 309, 315, 757, 766, 910
Горе от ума, 291, 338, 339, 501, 567, 693, 757, 766
- Григорий (Митькевич), архиепископ Калужский и Боровский, 571, 573
- Григорий V, патриарх Константинопольский, св., 27
- Григорий VII, римский папа, 483
- Григорий XVI, римский папа, 38, 44, 252, 303–305, 425, 466
- Григорий Богослов (Григорий Назианзин), свт., 605, 925, 927
- Григорий Великий (Двоеслов), св., 425, 435
- Григорий Нисский, св., 260, 277
- Григорович В. И., 150
- Григорович Д. В., 390
- Григорьев А. А., 488, 493, 498, 562, 563, 565, 911
- Григорьев В. В., 5, 6, 7, 34, 640, 646, 711
- Григорьев П. И., 830
Похождения Павла Ивановича Чичикова (сцены в 3 картинах, составленные из второго тома «Мертвых душ»), 830
- Григорьев С., 108, 109, 112, 115, 121, 298, 301, 394, 395, 508, 511, 513, 528, 538, 539, 541, 553, 574
- Григорьев, чиновник, 265

- Гризи Дж., 427
- Гринченко Н. А., 945
- Грифи, учитель итальянского языка, 450–453, 456, 468, 470
- Гриц Т. С., 419
- Грищенко А., 456
- Грот Я. К., 69, 94–98, 100–102, 105, 106, 168, 192, 202, 203, 206–208, 210–212, 214, 309, 320, 362, 590
- Грудаков, калужский книготорговец, 405
- Грузинский Г. А., князь, 232, 235, 278, 553, 555
- Губер Э. И., 34, 35
- Гургорт, баденский врач, 197, 198, 258
- Гудзий М. К., 215, 225, 636, 645
- Гулак-Артемьевский П. П., 479
- Гуминский В. М., 103
- Гурилев А. Л., 554
- Гурилев Л. С., 552, 554
- Гурьев Н. Д., граф, 259
- Густав I Ваза, король Швеции, 426, 442
- Гюго В., 779
- Гюндероде, 41
- Д'Аршиак О., виконт, 32
- Давид, св. пророк, 233, 268, 277, 351
- Давыдов Д. В., 374
- Давыдов И. И., 34, 35, 517, 565
- Давыдов С. И., князь, 268, 279, 407, 408
- Давыдова, жена князя С. И. Давыдова, 407
- Дажинкур, 439
- Даль В. И., 4, 34
- Дальгейм М., 324, 333
- Дамиан, св. мученик, 39, 129, 247, 248
- Данзас К. К., 32
- Даниил Московский, св. благоверный князь, 107, 110, 113, 115, 120, 143, 210, 269, 515, 516, 554, 887
- Данилевский А. С., 17, 20, 85, 87, 227, 248, 249, 309, 311, 357, 428, 457, 458, 464, 478, 480, 481, 485, 575, 623, 755
- Данилевский Г. П., 28, 189, 370, 444, 497, 517, 620, 629, 630, 762, 823, 889, 890, 950–952, 953
- Данилов В. В., 307
- Данилов С. С., 829
- Данте А., 39, 40, 45, 321, 325, 451, 483, 828
Божественная комедия, 321, 340, 354
- Дантес (Дантез) Ж. Ш. (барон Геккерн), 31, 32, 265, 266, 355, 356
- Даргомыжский А. С., 332, 415
- Дашкевич Н. П., 139
- Дашков Д. В., 410, 411, 578
- Дашков П. Я., 574
- Дашкова (рожд. графиня Воронцова) Е. Р., княгиня, 331
- Дашкова (в замужестве княгиня Гагарина) С. А., графиня, 850, 851
- Дашковы, 253
- Дегай П. И., 34, 35
- Делла Порта, 336
- Дельвиг А. А., барон, 314, 420
- Дельвиг Анд. И., барон, 395
- Делюрье Ж. Ж. Г., Соваж Т. М. Ф.
Матрос, 912
- Дементьев А. Г., 589, 592, 601, 614, 851, 857
- Дементьев, чиновник, 14, 15
- Демидов А. Н., 743
- Демидов П. Н., 425
- Депре Ф. Ф., 527, 533
- Державин Г. Р., 123, 132, 322, 456, 518, 519, 606, 811
Водопад, 390, 449, 456
- Дерикер В. В., 189
- Десницкий В. А., 25, 188
- Джегитов Н. П., 34
- Джибсон, английский скульптор, 446, 447
- Джорджоне (Жиорджоне), 39, 40
- Джотто Б., ди, 40, 453
- Джулиани Р., 443
- Джулио Романо, 39, 40
- Джулия, знакомая В. А. Панова в Риме, 163, 166
- Дибич-Забалканский И. И., граф, 332

- Диев М. Я., протоиерей, 34, 35
- Диккенс Ч., 843, 932, 950
- Димитрий Ростовский, св., 43, 205, 224, 247
- Диоген Синопский, 233
- Диоклетиан, римский император, 441
- Дионисий Ареопагит, св., 205
- Дионисий, иконописец, 456
- Диоскуры, Кастор и Поллукс, 431, 433, 467
- Дирхольц, домовладелица в Бадене, 254
- Дмитриев (Федосеев) М. К., 362
- Дмитриев И. И., 130, 132, 693
Басни и апологи, 693, 759
Чужой толк, 214
- Дмитриев М. А., 34, 35, 88, 130, 172, 177, 179, 180, 411, 412, 473, 476, 477, 490, 498, 691, 709, 792, 817, 829
Песнь Правде, 180
- Дмитриев-Мамонов Э. А., 210, 237, 867, 868, 874, 883, 889, 932
- Довгаль И. Ф., 119
- Долгорукие, князя, 160
- Долгорукий А. С., 925
- Долгорукий И. А., князь, 259
- Долгоруков П. В., князь, 42, 220, 225, 245, 265
- Долотова Л. М., 73
- Дольчи К., 38, 39
- Доменикино, 38, 39, 425, 435, 436, 438, 441, 446
- Дон Хуан, брат Филиппа II, 38
- Дондуков-Корсаков М. А., князь, 168, 169, 217, 228, 243, 250
- Доппельгенгер, 331
- Дориа, генуэзский род, 39, 441
- Дориа, князь, 399
- Дорошенко В. Н., 762
- Досталь М. Ю., 165
- Достоевский Ф. М., 188, 297, 322, 513, 567, 765, 846–848, 911, 961, 962
Бедные люди, 271, 846–848, 961, 962
- Двойник, 847, 848*
- Драган, московский домовладелец, 129
- Драшусова (рожд. Ашанина, в первом браке Карлгоф) Е. А., 55
- Дризен Н. В., барон, 201, 202
- Дружинин А. В., 173, 623
- Друз, римский род, 438
- Дубельт Л. В., 251, 407
- Дудышкин С. С., 573, 657
- Дунин А. А., 604, 606, 615, 783, 870
- Дурнов И. Т., 964
- Дурново (рожд. княжна Волконская) А. П., 3, 342, 349, 355
- Дурново П. Д., 3, 355
- Дурново П. П., 3
- Дуров С. Ф., 188
- Дурова (псевдоним А. А. Александров, в замужестве Чернова) Н. А., 34, 272
- Дурхольц, квартирная хозяйка в Бадене, 293, 296
- Дурылин С. Н., 305, 626
- Духинский Ф., 19
- Дышки, 293
- Дюваль, французский дипломат, секретарь разграничительной комиссии по Рейну, 206
- Дюпюи Э., 298, 301
- Дядьковский И. Е., 415–417
- Евлампий (Введенский), епископ Калужский и Боровский, 266, 267
- Евреинова А. М., 317
- Еврипид, 332
- Егоров А. Е., 354, 499
- Екатерина I, Императрица, 307
- Екатерина II, Императрица, 131, 213, 266, 294, 327, 329–331, 338, 347, 480, 481, 484
- Екатерина Павловна, королева Виртембергская, дочь Императора Павла I, 277
- Екатерина, св. великомученица, 39, 40, 323, 327, 353
- Елагин А. А., 130, 136
- Елагин В. А., 130, 136, 194, 762

- Елагин Н. А., 130
- Елагина (рожд. Моейр) Е. И., 136
- Елагина (рожд. Юшкова, в первом браке Киреевская) А. П., 1, 50–53, 57, 65, 88, 104, 130–136, 164, 167, 237, 270, 476, 493, 495, 515, 516, 644, 691, 710, 711, 762, 808, 810, 816, 818, 840, 841, 850, 852, 938
- Елагина Е. А., 136, 569
- Елагины, 130, 640, 689, 711, 788, 875, 937, 938
- Елена Антоновна, знакомая Аксаковых, 868
- Елена Павловна, великая княгиня, жена великого князя Михаила Павловича, 72, 258, 259, 347
- Елена, св., 254, 432
- Елизавета Алексеевна, Императрица, жена Александра I, 263
- Елизавета Петровна, Императрица, 329
- Елисавета, св., 262
- Елисавета Михайловна, великая княгиня, принцесса Нассауская, 43, 48
- Енгальчев, князь, 498
- Ермакова М. Я., 794
- Ермилов В. В., 317
- Ермоланский, арзамасский почт-директор, 273, 291
- Ермолов А. П., 472
- Ермолова (рожд. Черткова) С. А., 140, 147
- Ермолова С. А., 140, 755, 789
- Ершов И. З., 407, 408
- Ершов П. П., 34, 35
- Ершов, сын И. З. Ершова, 407, 408
- Ершова С. И. См. Россет (рожд. Ершова) С. И.
- Ершова, родственница князя С. И. Давыдова, жена сына И. З. Ершова, 408
- Ершovy, 407
- Есфирь (Эсфирь), св. праведная, 40
- Ефёбовский П. В., 731, 765
- Гувернантка, 731, 765*
- Ефименко А. Я., 27
- Ефимов Д. Е., 447, 451, 454, 456
- Ефрем Сирин, св., 99, 111, 269, 351
- Ефремов А. П., 130, 612, 666, 754
- Ефремов П. А., 71
- Жадовская, тверская помещица, 9
- Жадовский, отставной офицер, 9
- Жанна (Иоанна) д'Арк, Орлеанская дева, святая католической Церкви, 483
- Жанна Неаполитанская, 39
- Жданов И. Н., 317
- Жемчужников Ал. М., 399, 400
- Жемчужников А-р М., 400
- Жемчужников Л. М., 400
- Жерве Ф. О., аббат, с 1854 г. епископ Перпиньянский, 82, 83
- Жеребцов Н. А., 34, 35
- Жернаков К., 545
- Живаго С. А., 38, 44, 447
- Живокини В. И., 527, 530, 534, 731, 734, 765, 829, 841
- Жиль (Жоли), зубной врач, 160
- Жилиякова Э. М., 53, 57, 65, 131, 132
- Жиро Дж., граф, 341, 355, 472, 473, 696, 698, 759, 760, 767
- Дядька в затруднительном положении, 355, 472, 473, 696, 698, 759, 760, 767*
- Житомирская С. В., 168, 213, 234, 247, 274, 281, 294, 295, 313, 364
- Жуанвиль Ж., 280
- Жуковская (в замужестве баронесса Верман) А. В., 57, 197, 198, 321, 346, 352
- Жуковская (рожд. баронесса Рейтерн) Е. Е. (Е. А.), 41–43, 47, 57–60, 63, 66, 67, 69, 196–198, 246, 261, 289, 321, 346, 349, 938
- Жуковские, 349
- Жуковский В. А., 1, 5–8, 10, 26, 34, 37–39, 43–73, 78, 104, 106, 107, 113, 123, 127, 130, 131–133, 141, 151, 167, 177, 178, 187, 195–211, 213, 214, 219–222, 225, 226, 234, 235, 245, 246, 248–250, 254, 256, 258–265, 269, 271, 280–283, 288–290, 294, 295, 298, 302, 305, 307–311, 315–317, 319–335, 338, 344–352, 357, 359, 360, 365, 369, 372, 381, 396, 400, 413–415, 425, 434, 436, 443, 451, 470, 476, 483, 487–489, 493, 495–497, 503, 505, 507, 508, 511, 512, 516, 530, 545, 550, 551, 578,

- 579, 583, 588, 593, 594, 602, 603, 628, 636, 637, 651, 675, 676, 678, 681–685, 688, 704, 737, 740, 746, 748, 749, 755, 758, 788, 798, 840, 848, 849, 852, 866, 907, 938
- Без самоотвержения нет молитвы...*, 49
- Две повести. Подарок на Новый год Москвитянину*, 57, 488, 493
- Египетская тма*, 848, 849
- Илиада (перевод)*, 263, 503
- Как достигать состояния покаяния...*, 49
- Капитан Ботт*, 42
- Кот в сапогах*, 43
- Маттео Фальконе*, 42
- Мысли и замечания*, 49
- Наль и Дамаянти (перевод)*, 483
- Новый Завет (перевод)*, 43
- О исповеди*, 43
- О молитве*, 49
- О поэте и современном его значении (Слова поэта – дела поэта)*, 65
- О причащении*, 43
- Одиссея (перевод)*, 42, 43, 57, 61, 66, 67, 100, 320, 359, 360, 381, 483, 588, 594, 602, 603, 607, 651, 798, 848, 849, 913
- Причащение Святых Тайн...*, 49
- Сказка о Иване Царевиче и сером волке*, 43
- Странствующий жид*, 269
- Тюльпанное дерево*, 43
- Жуковский Н. В., 407
- Жуковский П. В., 43, 57, 58, 346, 357
- З., полковник, 455
- Забелин Е. В., 506
- Забелин И. Е., 491
- Заблоцкий-Десятовский А. П., 5–7, 34
- Заборов П. Р., 31, 58
- Заборова Р. Б., 72, 76
- Загор, итальянский полковник, 253
- Загоскин М. Н., 144, 146, 152, 172, 177, 179, 280, 417, 472, 490, 498, 502, 517, 595, 630, 633, 636, 641, 652, 664–666, 668, 669, 691, 707, 711, 733, 735, 766, 789, 803, 804, 806, 868, 948
- Кузьма Петрович Мирошев*, 502
- Загряжская (рожд. графиня Разумовская) Н. К., 355
- Заикин П. Ф., 193
- Зайцев А. В., 524
- Закревская (рожд. графиня Толстая) А. Ф., графиня, 65, 407, 604
- Закревский А. А., граф, 65, 136, 145, 210, 407, 408, 604, 902
- Залесский Б., 19, 20, 22, 25, 26
- Дума Мазепы*, 26
- Залесский Д., 26
- Замойский, 21
- Заплата В. С. См. Самбурская (рожд. Заплата) В. С.
- Заплата О. С. См. Аксакова (рожд. Заплата) О. Сем.
- Зас, 274
- Захарова Л. Г., 9, 11, 46, 47
- Зевакин, московский купец, 145
- Зеведей, отец св. апостолов Иакова и Иоанна, 39
- Зедергольм (рожд. Погодина) А. М., 525, 531, 533, 538–541
- Зейдлиц К. К., 67, 68
- Зеленецкий К. П., 476
- Зелингер Ю. Э., 762
- Зензинов М. А., 549
- Зеньков (Зенков) П. Ф., 488, 492, 545, 558, 841
- Зеньковский В. В., протопресвитер, 760
- Зиновьев Н. В., 342, 355
- Зиновьева (рожд. Батюшкова) Ю. Н., 342, 355
- Золотарев, калужский городской голова, 405
- Зонтаг (рожд. Юшкова) А. П., 270
- Зотов В. Р., 48
- Зотов Р. М., 375, 544
- Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона*, 544
- Зубов А. Н., 309, 324
- Зубов П. А., князь, 242

- Зябловский Е. Ф., 28
- И. К., корреспондент «Московских Ведомостей», 760
- Иакинф (Бичурин), архимандрит, 414
- Иаков Алфеев, св. апостол, 425, 433, 451
- Иаков Зеведеев, св. апостол, 39, 425, 433, 451
- Иаков, брат Господень, св. апостол, 266, 278
- Иван Семенович, чиновник в Миргороде, 478
- Иван, камердинер графа С. П. Толстого, 233
- Иванов А-р Андр., 25, 38, 44, 51, 71, 74, 79, 107, 116, 123, 150, 197, 198, 213, 214, 220, 225, 246, 248, 261, 277, 299, 302, 304, 305, 345, 346, 359, 363, 365, 426, 428, 445, 447, 449, 450, 457, 471, 474, 492, 499, 518, 545, 593, 596, 841, 944
- Иванова, домовладелица в Москве, 721
- Ивантышова Т., 165
- Игнатий Лойола, святой католической Церкви, 39, 44
- Игорь Святославич, князь, 502, 954
- Иеремия, пророк, 110, 113, 280, 516, 567
- Изабелла Католическая (Кастильская), 312
- Иисус Христос, Бог, Бог-Сын, Сын Божий, Господь, Спаситель, Спас, Искупитель, Мессия**, 22–24, 26, 32, 38–41, 43, 44, 59, 60, 79, 82, 100, 102–105, 107–112, 117–120, 134, 144, 190, 194, 208–212, 214, 215, 220, 224, 225, 229, 230, 245, 251, 255–257, 259, 262–264, 267, 269, 272, 274, 283, 285, 301, 302, 305, 322, 337, 345, 346, 349, 353, 363, 391, 415, 424–427, 429, 430, 432–439, 441–443, 445–447, 451–456, 460, 464, 465, 483, 485, 490, 499, 501, 505, 507, 509, 510, 515, 517, 524, 540, 554, 555, 558, 568, 580, 593–596, 616, 619, 620, 622, 624, 627–629, 637, 640, 650, 690, 709, 725, 737, 740, 744, 758, 764, 766, 813, 821–823, 854, 857, 858, 861, 865, 874, 884–891, 898, 899, 906, 907, 913, 914, 917, 919, 920, 923, 933, 944, 945
- Икскуль (Икскуль) А. К., барон, 293
- Иннокентий (Борисов), епископ Харьковский (с 1841 г., с 1845 г. архиепископ), с 1848 г. архиепископ Херсонский и Таврический, 99, 172, 412, 472, 477, 479, 483, 495, 640, 709, 822
- Иноземцев Ф. И., 109, 112, 130, 264, 269, 461, 469, 520, 880
- Иоанн IV, Васильевич (Грозный), 27, 136, 426, 442
- Иоанн Богослов, св. апостол и евангелист, 39, 40, 113, 262, 354, 406, 425, 433, 436, 441, 451, 491
- Иоанн Златоуст, св., 43, 224
- Иоанн Креститель, 38–40, 44, 82, 213, 231, 257, 304, 345, 346, 433, 435, 441, 445
- Иоанн Кронштадтский, св., 402
- Иоанн Лествичник, св., 463, 690
- Иоанн, герцог Саксонский, 460
- Иоанна II, королева неаполитанская, 441
- Иов Многострадальный, св. праведный, 351
- Иона, митрополит Московский, св., 263
- Иордан Ф. И., 46, 107, 116, 164, 345, 451, 454, 455, 457, 503, 527, 534
- Иосиф Обручник, св. праведный, 38–40, 441, 452
- Иосиф, кронпринц баварский (с 1849 г. — король баварский Максимилиан II), 41, 46
- Исаак, библейский патриарх, 40
- Исаакий Далматский, св., 456
- Исаев, московский купец, 455, 457
- Исаия, пророк, 39, 268, 269, 441
- Иссаченко А. В., 318
- Истрия Д. (Duchesse d'Istrie, герцогиня), 260
- Иуда (Фаддей), св. апостол, 425, 433, 451
- Иудифь, 40
- Ишимова А. О., 34, 35, 123
- К. Б., составитель дворянских родословий, 79
- Кавалерова (рожд. Воробьева) Е. М., 732, 765
- Кавелин А. А., 676, 683, 756
- Кавелин К. Д., 130
- Кавелина Е. А., 899
- Каин, старший сын Адама и Евы, 441
- Кайзер, гувернантка детей А. О. Смирновой, 261
- Кайсевич И., 19, 21, 23–27
- А. Целинскому, 21, 26*
- Княгине З. А. Волконской, 23, 26*
- Мадонна, 26*
- Н. Гоголю, 21–23, 26*
- Сонеты, 26*

- Калабриец (Calabrese), 39, 44
- Калайдович И. Ф., 795, 796
- Калайдович К. Ф., 542, 796
- Калайдович Н. К., 542
- Калачев (Калачов) Н. В., 933
- Калигула Г. Ц., 432, 439, 440
- Кальвин Ж., 38
- Кальдерон де ла Барка П., 325
- Кальнышевский (Калныш, Кальнаш) П. И., 775
- Кальяна, приживалка графини А. Г. Толстой, 233
- Каменский П. П., 34, 35
- Камуччини В., 40
- Каневский К. Я. (К. К.), 451, 457
- Канина Л., 230, 235, 256
- Канкрин Е. Ф., граф, 13
- Канова А., 425
- Канту Ч., 231, 256
- Канус, актер, 289
- Каплан Л. Р., 8, 47–49, 79–81, 86, 88–93, 105, 106, 113, 131–133, 137, 143, 160, 163, 164, 166, 179, 193–195, 471, 496, 542–545, 547–549, 556–558, 561, 564, 576–583, 585, 588, 589, 591, 592, 600–603, 605–607, 610–615, 622, 721, 752, 760, 762, 778–783, 785–791, 797–799, 801, 803–817, 819, 824–829, 831, 833, 835–837, 839–845, 847–849, 853, 856, 861, 868–870, 872, 874–884, 886, 889, 901, 904–906, 914, 931, 948, 950, 956–964, 967
- Капнист В. В., 478, 481, 484, 910
Ябеда, 338
- Капнист И. В., 113, 390, 394, 490, 505, 936
- Капнисты, 327
- Караваджо М., да, 39, 40, 441, 446
- Караджич В., 768
- Каракалла, римский император, 439, 440
- Карамзин Анд. Н., 5, 6, 30–33, 58, 196, 217, 218, 225, 228, 229, 234, 235, 242, 243, 247, 250, 275, 288, 293, 335, 357, 489, 496
- Карамзин А-р Н., 5–7
- Карамзин В. Н., 218, 229, 243, 293, 296
- Карамзин Н. М., 31, 48, 59, 60, 131, 132, 201, 296, 319, 347, 425, 436, 488, 489, 498, 501, 502, 518
- Карамзина (рожд. Колыванова, побочная дочь князя Анд. Ив. Вяземского) Е. А., 30–33, 225, 235, 247, 275, 357
- Карамзина Е. Н. См. Мещерская (рожд. Карамзина) Е. Н., княгиня
- Карамзина С. Н., 31, 32, 42, 335
- Карамзины, 50, 58, 196, 265, 266, 327, 331, 335, 337, 340, 348, 350
- Каратыгин П. А., 187, 331
- Караччи Агостино, 38
- Караччи Аннибале, 38, 39
- Карл VIII, французский король, 433
- Карл X, французский король, 309, 315
- Карл Великий, святой католической Церкви, 39, 40
- Карл Фридрих, великий герцог Саксен-Веймарский, 460
- Карлгоф В. И., 190
- Карлгоф Е. А. См. Драшусова (рожд. Ашанина, в первом браке Карлгоф) Е. А.
- Карломан, 28
- Карниолин-Пинский М. М., 585, 586, 664
- Карташевская (в замужестве Маркевич) Н. Г., 683, 720, 757, 763
- Карташевская (рожд. Аксакова) Н. Т., 675, 676, 678, 680, 683, 684, 694, 756, 897, 902, 957
- Карташевская М. Г., 88, 146, 295, 578, 581, 586, 605, 616, 618, 626, 645, 646, 656, 676, 677, 680, 681, 683–685, 690, 715, 717, 720, 724, 727, 756–758, 762, 763, 775, 781, 785, 786, 792, 793, 794, 795, 804, 807–815, 817–819, 821–850, 852, 854–871, 873–877, 879–881, 883–885, 889, 893, 897, 910, 926, 946, 952, 956–959, 961–963, 967, 968
- Карташевские, 625, 682, 717, 868, 876, 892, 956
- Карташевский В. Г., 882
- Карташевский Г. И., 675–677, 678, 681, 685, 694, 697, 756, 760, 804
- Карташевский Д. Г., 882, 892
- Карташевский Н. Г., 839, 840, 959

- Карташевский Я. Г., 821–823, 865
- Карташов В. С., 301
- Кастор, 431, 433, 467
- Каталани А., 282
- Катенин П. А., 756
- Катилина Л. С., 452
- Катков М. Н., 148, 166, 193, 194, 348, 513, 538, 539, 786, 788, 934, 953
- Катон, 438
- Катулл, 449
- Каченовский М. Т., 138, 167, 173, 489
- Квитка-Основьяненко Г. Ф., 34, 35, 89, 444, 479
- Кейт Дж., 331, 353
- Келлер, 42
- Кеппен П. И., 34, 35
- Керн А. П., 331
- Кернер А., 331
- Кессельс, 40
- Кестнер В., 41
- Кетчер Н. Х., 153, 788, 792, 795
- Кикилия (Цецилия), св. мученица, 438
- Кикин П. А., 428
- Кипренский О. А., 40, 45, 421
- Киреевская М. А. *См.* Хомякова (рожд. Киреевская) М. А., мать А. С. Хомякова
- Киреевская М. В., 135, 136, 148, 711, 762, 937
- Киреевские, 52
- Киреевский И. В., 57, 88, 130, 134, 148, 149, 268, 409, 413, 475, 488, 493, 495, 498, 500, 571, 640, 693, 711, 762, 793, 809, 816, 937, 945
- Киреевский П. В., 130, 148, 640, 711, 762, 850, 937
- Кирилл, патриарх Александрийский, св., 783
- Кирилл, учитель Словенский, св. равноапостольный, 425, 435, 447, 865
- Кирилловна, знакомая Карташевских, 677
- Киселев Н. Д., 258, 265, 282, 283, 285, 289, 295, 296, 359, 961, 962
- Киселев П. Д., граф (с 1839 г.), 275, 282, 287, 290, 295–297
- Киселева (рожд. графиня Потоцкая) С. С., 293, 297
- Кисель А. Г., 291, 296
- Кисель, казачкий род, 283
- Китс Дж., 325
- Кишкин Г. Г., 150
- Клейнмихель Евд. (Дука) А., 196
- Клейнмихель П. А., граф (с 1839 г.), 196, 498, 765
- Клеман М. К., 513
- Клементьев, 499
- Кленце Л., 421
- Клименков С. И., 112
- Климент, папа римский, священномученик, 256, 425, 435, 447
- Клинчин А. П., 419
- Кловио (Клавио) Дж., 40, 45
- Клушин П. Н., 272, 280, 405, 407, 408
- Клушина (рожд. княжна Т.....я), вторая жена П. Н. Клушина, 407
- Клушина, первая жена П. Н. Клушина, 407
- Клушины, сыновья П. Н. Клушина, 407
- Княжевич Д. М., 706, 829, 875, 966
- Княжевич М. Д., 706, 875
- Князев А. С., 209
- Кобрина, калужская знакомая И. С. Аксакова, 857
- Кобургский герцог. *См.* Саксен-Кобургский герцог Эрнест I
- Ковальджи К., 352
- Козлов И. И., 34, 35
- Козлов Н. А., 34
- Козловский, 473
- Колумб Х., 461
- Кольцов А. В., 7, 348
- Комаров А. С., 142
- Кони Ф. А., 34, 35, 575
- Константин Великий, св. равноапостольный, 28, 424, 425, 432, 434, 452, 453
- Константин Николаевич, великий князь, 119, 212, 504, 630

- Константин Павлович, великий князь, 131, 332
- Константиновский М. А., протоиерей (с 1838 г.), 109, 111, 112, 268, 269, 280, 306, 399, 400, 497, 499, 517, 526, 529, 535
- Констанция, дочь св. равноапостольного царя Константина Великого, 452
- Копитар В., 462
- Копп И. Г., 57–59, 61–63, 85, 289, 290
- Корейша И. Я., московский юривый, 497, 500, 893
- Коркунов М. А., 5, 6
- Корнелиус П., фон, 457
- Корнель П., 333, 756, 757
- Корнилов А. А., 407, 408
- Корреджо А., 38–40, 74, 254, 276, 436, 483
- Корсини, 38
- Корсунский И. Н., 559
- Корф М. А., барон, 278, 420
- Корш Е. Ф., 547
- Косма (Козма), св. мученик, 39, 129, 247, 248
- Коссович К. А., 105, 106
- Костюшко Т., 462
- Котляревский И. П., 139, 479
- Виргилиева Энеида, на малороссийский язык переложенная, 359*
- Москаль чаривник, 139*
- Котошихин Г. К., 722, 763
- Кочубей Ал. Вас., князь, 38
- Кочубинский А. А., 24, 26, 644
- Кошелев А. И., 113, 172, 173, 231, 607, 630, 634, 761, 815, 828
- Кошелев В. А., 762, 767, 786, 789, 791, 795–797, 800, 801, 811, 827, 832, 910, 958
- Кошелев В. И., 373, 374
- Кошелев Н. И., 373, 374
- Кошелева (рожд. Петрово-Солоново) О. Ф., 634, 708, 761, 815, 816, 828, 881, 892, 893
- Краевский А. А., 4, 5, 7, 34, 470, 521, 579, 688, 743, 758, 795
- Красинский С., 22, 25
- Иридион, 21, 25*
- Небожественная комедия, 21, 22, 25*
- Красс, 339, 439
- Крашенинников М. И., 419
- Крашенинников С. П., 5, 6
- Крестова Л. В., 54–56, 59, 60, 64, 197–200, 213, 215, 234, 247, 274, 275, 281, 294, 295, 352, 365, 584
- Кречетников М. Н., граф, 266
- Кривцов П. И., 14–16, 38, 49, 51, 52, 425, 426, 472–474, 657, 697, 698, 760
- Крон, 85
- Крузе Л. Ф., фон, 703, 704, 760
- Крузе Н. Ф., фон, 760
- Крутикова Н. Е., 317, 416, 658
- Крушкин, воспитанник Академии художеств, 151
- Крылов И. А., 5–7, 34, 179, 262, 263, 280, 335, 343, 347, 357, 414, 448, 467
- Голик, 443, 448*
- Лжец, 467, 470*
- Крылов Н. И., 34, 35, 93, 130, 167, 170, 172, 173, 442, 444, 459, 464, 493, 499, 547, 582, 762, 763, 792, 814–816, 818, 827, 829
- Крылов, студент
- Друзья Гоголя, 106*
- Крюденер В. Ю., баронесса, 262, 331, 353
- Крюков Д. Л., 130, 148
- Ксавье (Xavier), родственница Гончаровых, 335
- Кубарев А. М., 499, 501
- Кудашев Н. Д., князь, 415
- Кудашев С. Д., князь, 290
- Кудашева (рожд. княжна Голенищева-Кутузова) Е. М., княгиня, 415
- Куделина В. Н., 413, 766, 932
- Кудинов А. С., 40, 46
- Кузнецова А. Г., 759
- Кукольник Н. В., 190, 338, 420, 497, 518
- Кулешов В. И., 136, 796, 801
- Куликов (псевдоним Н. Крестовский) Н. И., 805, 829

- Кулиш (рожд. Белозерская, псевдоним Ганна Барвинок) А. М., 214, 521, 951
- Кулиш П. А., 17, 18, 44, 78, 111, 115, 121, 127, 130, 162, 168, 213–215, 224, 225, 235, 237, 240, 269, 297, 300, 305, 309, 310, 312, 313, 320, 354, 357, 361–363, 366, 396, 398–400, 443, 465, 489, 490, 493, 494, 521, 522, 551, 554, 573, 583, 620, 621, 626, 630–632, 635–638, 641–646, 652, 655, 656, 658–663, 692, 695, 723, 724, 726, 745, 750, 751, 753, 767, 768, 770, 774–777, 894, 895, 926, 938, 940, 941, 942, 943, 950–952, 954, 965
- Михайло Чарнышенко, 465*
- Черная рада, 658, 894*
- Куник А. А., 574
- Купер Ф., 313
- Купфер А. Я., 34, 35
- Куракин, московский домовладелец, 668
- Курбатов А. Д., 177, 179, 180
- Курбатов П. А., 177, 179
- Кутайсов П. И., граф, 150
- Куторга С. С., 731, 765, 861
- Кутузов (Голенищев-Кутузов-Смоленский) М. И., светлейший князь, 415
- Кутузова А. М., княжна. *См. Хитрово (рожд. княжна Голенищева-Кутузова) А. М.*
- Кутузова Д. М., княжна. *См. Опочинина (рожд. княжна Голенищева-Кутузова) Д. М.*
- Кутузова Ек. М., княжна. *См. Кудашева (рожд. княжна Голенищева-Кутузова) Е. М.*
- Кутузова Ел. М., княжна. *См. Хитрово (рожд. княжна Голенищева-Кутузова, в первом браке графиня Тизенгаузен) Е. М.*
- Кутузова П. М., княжна. *См. Толстая (рожд. княжна Голенищева-Кутузова) П. М.*
- Кутузовы, 415
- Кушелев-Безбородко Г. А., граф, 563
- Кюстин А., де, 198, 199, 213, 488, 493
- Кюхельбекер В. К., 327
- Кюхельбекеры, 327
- Лабзин А. Ф., 529
- Лабрюйер Ш., де, 333
- Лаваль (рожд. Козицкая) А. Г., графиня, 292
- Лаваль З. И., графиня. *См. Лебцельтерн (рожд. графиня Лаваль) З.*
- Лаваль И. С., граф, 356
- Лаврентий (Лоренцо), архидиакон, св. мученик, 427, 441, 448, 453
- Лаврентий Калужский, блаженный, 222, 226, 267, 279, 406
- Лаголов А. Н., 34
- Лажечников И. И., 34, 35
- Лазарев В. Я., 49
- Лазарев Л. Я., 256, 276
- Лазаревский В. М., 545
- Лакордер Ж. Б. А., аббат, 348
- Лакшин В. Я., 568, 569
- Ламбин Н., 967
- Ламбрускини Л., кардинал, 466
- Ламенне Ф. Р., де, аббат, 348
- Ламенский, 263
- Ланг, 209
- Лангер, жена Л. Ф. Лангера, 790
- Лангер В. П., 34, 35
- Лангер Л. Ф., 790, 809
- Ланская А. С.. *См. Перфильева (рожд. Ланская) А. С.*
- Ланская О. С.. *См. Одоевская (рожд. Ланская) О. С., княгиня*
- Ланской С. С., 262, 414
- Лауниц, 38, 41
- Лафатер (Лавотер) И. К., 262
- Лафонтен Ж., де, 333
- Лафоре, 339
- Лашевский И. Т., 401, 403, 405–407
- Лашковский, знакомый П. М. Погодина, 527
- Лебедев М. И., 421
- Лебо Ш., 572, 573
- Лебцельтерн (рожд. графиня Лаваль) З. И., графиня, 296
- Лебцельтерн Л., граф, 292, 296
- Левашов Г. М., 28

- Левенштейн Ф., 42, 48
- Левенштерн, 265
- Лежнев Н. А., 34
- Лейхтенбургский герцог Максимилиан, 200, 257, 302, 489, 493
- Лелевель И., 459
- Лемке М. К., 60, 174, 176
- Ленорман (Lenormand) М. А., 44, 262
- Ленский (наст. фамилия Воробьев) Д. Т., 153, 154, 527, 530, 534, 733, 765
- Ленхен, горничная А. О. Смирновой, 266
- Леонардо да Винчи, 39, 40, 441
- Леонидов (Стакилевич) Л. Л., 759
- Лепид М. Э., 339
- Лермонтов М. Ю., 34, 35, 94, 142, 157, 185, 195, 234, 236–238, 261, 271, 277, 280, 298, 319, 326, 347, 348, 414, 415, 476, 691, 694, 959, 960
- А. О. Смирновой (*В протосердечии невежды...*), 261, 277
- Герой нашего времени*, 171, 694
- Журналист, читатель, писатель*, 383, 395
- Миѳри*, 691
- Лессинг Г. Э., 354
- Гамбургская Драма тургия*, 333
- Натан Мудрый*, 333
- Лешков В. Н., 501, 568
- Ливен К. А., князь, 416, 417
- Ливий, 303
- Ливий Т., 452
- Ливия Друзилла, 440
- Линде С. Б., 463, 465
- Линниченко И. А., 115, 119, 120, 121, 124, 354, 537, 894
- Липинский К., 951, 953
- Липман Ф. И. (Ф. Л.), 441, 444
- Лист Ференц, 323
- Литвин Н. О., 119
- Лихонин М. Н., 178, 465, 894
- Век ума*, 465
- Лобанов М. Е., 353
- Лобанов-Ростовский Я. И., князь, 484
- Лобков А. И., 172, 173, 472, 473, 475, 488, 495
- Логановский А. В., 454, 456, 457
- Логинов В., 171
- Локателли А., 40
- Ломоносов М. В., 59, 60, 123, 790, 811, 909
- Лонгинов Н. М., 354
- Лопухин А. А., 851
- Лопухина (рожд. княжна Оболенская) В. А., 850, 851
- Лоренсен (П. Э. Шапелль), 758
- Лоренсен (П. Э. Шапелль), Баяр Ж. Ф. А.
- Матильда, или Ревность*, 758
- Лоренцо. См. Лаврентий (Лоренцо), архидиакон, св. мученик
- Лорер (в замужестве Россет, во втором браке Арнольди) Над. Ив., 297, 301, 328, 353
- Лорер (рожд. княжна Цицианова) Е. Е., 314, 317, 328
- Лорер Е. И. См. Вороновская (рожд. Лорер) Е. И.
- Лорер Ник. И., 297, 373, 374, 408
- Лореры, 407
- Лоррен (Желле) К., 38–40, 441
- Лукаковский В. А., 19, 22–26
- Луженовский Н. Н., 567
- Лужин И. Д., 172, 407
- Луи Филипп, французский король, 309, 315, 340
- Лука, св. апостол и евангелист, 39, 40, 337, 425, 433, 441, 451
- Лукаш, слуга С. С. Киселевой, 293
- Лукашевич П. А., 17, 18, 419–421, 497
- Лукреция, 39
- Лунин М. С., 332
- Лыжин Н. П., 69, 70
- Львов А. Ф., 263
- Львов В. В., князь, 599, 600, 618, 649, 655, 863, 864, 935, 945
- Львов Ф. Н., 188
- Львов Ф. П., 263

- Львова Е. В., княжна, 42, 258
- Львова-Синецкая М. Д., 141, 830
- Любимов Н. И., 5, 6
- Любич-Романович В. И., 793
- Любовь, св. мученица, 39, 618
- Людвиг, герцог Баденский, 258
- Людовик I, баварский король, 46
- Людовик IX, французский король, святой католической Церкви, 39
- Людовик XIV, 339
- Людовик Благочестивый I, 28
- Людовик Бонапарт, брат Наполеона I, 356
- Людовик Филипп, французский король, 458, 464
- Лютер М., 43, 425, 451
- Лютцов Р., граф, 41, 46
- Лямина Е. Э., 74, 82, 83, 140, 179, 411
- Ляцкий Е. А., 364
- Лященко А. И., 19, 20
- М. П., польский помещик, 482, 487
- Мадерна К., 38
- Мазаньелло (Томмазо Аньелло), 39
- Мазепа И. С., 26, 775
- Мазер К. П., 545
- Майков В. Н., 754
- Майков Л. Н., 630, 631, 933, 934
- Макарий Великий (Египетский), св., 555
- Макарий Оптинский (Иванов), преподобный, 268, 280, 299, 301, 306, 391
- Макарий, настоятель Болховского монастыря, 209
- Макаров М. Н., 34, 35
- Макиавелли Н., 493, 815
- Максенций, римский император, 439
- Максимов С. В., 500, 568
- Максимович А. П., 34, 35
- Максимович М. А., 20, 87, 107, 208, 272, 398, 409, 412–414, 479, 496, 498–501, 522, 523, 527, 551, 611, 612, 614, 633, 634, 636, 644, 656, 657, 659, 660, 696, 759, 768, 774, 775, 777, 799, 872–876, 898, 929, 930, 948–951, 953, 954, 963
- Максимович П. П., 4, 5, 7, 34
- Максин (второй), московский актер, 153, 154
- Малиновский Д. К., 545
- Малов М. Я., 172
- Мальфатти, врач в Падуе, 341
- Мамонова, 42
- Манассия К., 455
- Манин, венецианский дож, 341
- Манн Ю. В., 548, 936
- Мантенья А., 39, 40
- Мариани, 160
- Мария Александровна, великая княгиня, дочь Императора Александра II, жена (с 1874 г.) принца Великобританского Э. А. Альфреда, 272–274, 281
- Мария Александровна, великая княгиня, жена наследника Александра Николаевича (с 1855 г. Императора Александра II), 42, 274
- Мария Луиза, герцогиня Пармская, 254, 276
- Мария Магдалина, св. равноапостольная, 38–40, 225, 412, 446, 749
- Мария Максимилиановна, дочь герцога Лейхтенбергского Максимилиана, 257
- Мария Михайловна, великая княгиня, дочь великого князя Михаила Павловича, 258
- Мария Николаевна, великая княгиня, дочь Императора Николая I, в первом браке герцогиня Лейхтенбергская, во втором браке за графом Г. А. Строгановым, 51, 58, 168, 196, 197, 199–203, 244, 257, 261, 264, 284, 302, 363, 566
- Мария Павловна, великая герцогиня Саксен-Веймарская, дочь Императора Павла I, 460
- Мария Савельевна, горничная А. О. Смирновой, 329–331
- Мария Терезия, 450, 456
- Мария Феодоровна, Императрица, вторая жена Павла I, 199, 263, 284, 294, 307, 324, 329
- Мария, Пресвятая Богородица Дева, 26, 38–40, 44, 111, 112, 178, 195, 222, 233, 263, 304, 337, 341, 349, 395, 425, 427, 428, 433, 434, 436–439, 441, 446, 447, 456, 458, 460, 475, 483, 763
- Марк Аврелий, 38, 220, 245, 430, 431, 442, 467

- Марк Антоний, 299, 340
- Марк, св. апостол и евангелист, 39, 40, 161, 162, 425, 433, 441, 451
- Маркевич Б. М., 352
- Маркевич Н. А., 152, 271, 488, 493
- Маркина Л. А., 37
- Марков А. Т., 447, 451, 456
- Марков М. А., 681, 756
- Маркович А. В., 400
- Марковский М. Н., 25
- Маркус М. А., 542, 543
- Мармон О. Ф. Л., герцог, 424, 433
- Мармье К., 192
- Мартини, чиновник русского посольства в Мюнхене, 85, 86
- Мартынов А. Е., 731, 765
- Мартынов Н. С., 142
- Мартынович-Лашевский А. И., 401, 403, 404, 407
- Мартьянов П. К., 530, 536
- Марцелл М. К., 437
- Марченко Е. Ю., 24
- Масальский К. П., 375, 765
- Масклет (Masclat), домовладелец в Ницце, 260
- Массильон Ж. Б., епископ, 458
- Массинисса, нумидийский царь, 44
- Матвеевы, 329
- Матис Э., 427
- Маттеи Г., 40
- Матфей, св. апостол и евангелист, 39, 40, 112, 425, 433, 441, 764
- Матюшкин Ф. Ф., 420, 423
- Маурер Л., 805
- Махмуд II, турецкий султан, 461
- Мацеевский В. А., 461–464
- Машинский С. И., 180, 575, 609, 616, 620, 621, 635, 644, 864
- Медем П. И., граф, 266, 278, 343, 357
- Медичи К., 39
- Медичи, флорентийский род, 433, 437
- Медовиков П. Е., 609
- Меж... , знакомый М. П. Погодина в Москве, 498
- Межевич В. С., 34, 35, 146, 148, 554, 755, 789, 826
- Мей Л. А., 502
- Слово о полку Игореве (перевод), 502*
- Мейер (Майер), археолог, 30
- Мейербер Дж., 278
- Мелетий, митрополит Петры Аравийской, 103
- Мельгунов Н. А., 34, 35, 85, 130, 412, 526, 527, 534, 576, 579, 652, 758
- Мельгунов С. П., 364
- Мен, 41
- Ментенон Ф., маркиза, вторая жена Людовика XIV, 199
- Менцель В., 828
- Меньшиков Д. А., 4, 34, 172
- Мердер, 361
- Мерзляков А. Ф., 444, 604, 628, 652, 870
- Ода на разрушение Вавилона, 439, 444*
- Мериме П., 298, 348
- Мерославский Л., 21, 25
- Мессинг (рожд. Погодина), сестра М. П. Погодина, 489, 490, 659
- Мессинг М. И., 658, 659, 692
- Местр Ж. М., де, 284, 302, 348, 351, 357, 554
- Местр К., де, 302, 331, 335
- Параша, 331*
- Прокаженный, 331*
- Путешествие вокруг моей комнаты, 331, 335*
- Местр Р., де, 302, 305
- Меттерних (рожд. княжна Кауниц), княгиня, 266
- Меттерних К. В., князь, 353, 461
- Мец Ф. Ф., 34, 35
- Меценат Г. Ц., 449
- Мецофанги Дж., кардинал, 39, 44, 451, 457
- Мещеринов, предводитель калужского дворянства, 405

- Мещерская (рожд. графиня Апраксина) М. В., княгиня, 79
- Мещерская (рожд. Карамзина) Е. Н., княгиня, 42, 48, 199, 259
- Мещерские, 32
- Мещерский Е. П., князь, 5, 6, 34
- Мещерский Н. И., князь, 747, 749, 767
- Мещерский П. И., князь, 48
- Мещерский Э. П., князь, 465
- Миерис, голландский художник, 453
- Микеланджело Б., 39, 214, 216, 218, 219, 242, 244, 252, 256, 257, 299, 346, 425, 429, 431, 435, 438, 440, 441, 446–448, 840
- Миклухо-Маклай, родственники Гоголя, 291, 296
- Миллер (Мюллер) А., 263
- Миллер (Мюллер) Генрих, 263
- Миллер (Мюллер) Георг, 263
- Миллер (Мюллер) И., 417
- Миллер (Мюллер) Ф., 263
- Миллер О. Ф., 236, 497
- Миллер Ф. Б., 548
- Миллер, гравер, 178
- Милькеев Е. Л., 684, 757
- Мильс, англичанин, 440
- Мильтон Дж., 321
- Мильчина В. А., 493
- Милюков А. П., 186, 188
- Милютин Д. А., граф (с 1878 г.), 46, 47
- Минарди Т., 40, 45
- Минна, няня детей Н. М. и А. О. Смирновых, 349
- Митридат, 307
- Михаил Архангел, Архистратиг, 425, 435
- Михаил Куруларий (Церулларий), патриарх Константинопольский, 442
- Михаил Павлович, великий князь, 41, 42, 258, 259, 260, 309, 311, 319, 324, 329–332, 339, 340, 343, 347, 355
- Михайлов К. Н., 574
- Михайлова А. Н., 500
- Михайловский-Данилевский А. И., 34, 35
- Михалина, горничная С. С. Киселевой, 293
- Мицкевич (рожд. Шимановская) Ц., 459
- Мицкевич А., 19–23, 25, 26, 259, 290, 426, 444, 458, 459
- Пан Тадеуш*, 21
- Могилянский А. П., 5, 7, 757
- Могилянский А. Ф., 513
- Модзалевский Б. Л., 576, 621, 756
- Моисей Оптинский (Путилов), преподобный, 306, 391
- Моисей, св. пророк, 40, 218, 244, 256, 304, 441, 813
- Мокрицкий Ап. Н., 551
- Молева Н. М., 354
- Моллер Ф. А., фон, 37, 74, 116, 121, 536, 613, 762, 792, 823
- Моль, барон, 85
- Молотков, знакомый А. А. Иванова в Риме, 357, 457
- Мольер Ж. Б., 94, 153, 154, 333, 339, 354, 360, 391
- Сганарель*, 153, 154
- Тартюф, или Обманщик*, 377, 780, 862, 863
- Мольтке П. Ф., барон, 42, 48
- Монталамбер М., 348
- Монтень М., де, 333
- Монтескье Ш. Л., 333
- Мохнацкий М., 21, 22, 25
- Моцарт В. А., 263, 299, 482
- Мочалов П. С., 733, 765
- Мудров М. Я., 179
- Мундт Н. П., 4, 34, 225, 358, 361, 758
- Муравьев А. М., 131
- Муравьев А. Н., 231
- Тивериада*, 231
- Муравьев Мих. Никит., 59, 131, 132, 501
- Муравьев Н. М., 131
- Муравьева Е. Н., 131
- Муравьева (рожд. баронесса Колокольцева) Е. Ф., 131, 132
- Муратори Л. А., 230, 256
- Мурзакевич Н. Н., 34, 35
- Мусин-Пушкин М. Н., граф, 934, 935

- Муханов, 80, 116
- Муханов В. А., 555
- Муханов В. М., 555
- Муханов Н. М., 555
- Муханов П. А., 34, 35
- Мякотин В. А., 364
- Мяновский И. И., 299, 301
- Мятлев И. П., 38, 43, 266, 273, 281, 291, 292, 295, 335, 337, 365, 909
- Рассказ о русской кампании, 266*
- Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границей, дан л'Этранже, 346, 357*
- Мятлев И. П., Вяземский Петр А., князь, Пушкин А. С.
- Поминки, 273, 291*
- Надежда Степановна, няня Н. Н. Смирновой, 225, 253, 255, 303, 304
- Надежда, св. мученица, 39, 618
- Надеждин Н. И., 4, 34, 575, 659, 793, 934, 957, 958
- Назаревский А. А., 486
- Назимов В. И., 112–114, 120, 144, 172, 173, 210, 499, 501, 504, 505, 513, 516, 568, 569, 629, 934, 935, 945, 946
- Нанна, служанка Гоголя в Риме, 44, 166, 466
- Наполеон I, 119, 254, 266, 276, 341, 374, 424, 430, 433, 528, 534, 544
- Нарышкин К. А., 47
- Нарышкин Л., 259
- Нарышкин М. М., 373, 374, 892
- Нарышкина (рожд. княжна Лобанова-Ростовская) М. Я., 41, 42, 47
- Населенко Е. П., 575, 584, 588, 590–595, 597–601, 603, 606, 607, 609–611, 613–617, 623, 626, 642, 645, 656, 659, 723, 724, 726, 751, 756, 759, 780, 783, 786, 844, 868, 869, 875, 876, 878, 880, 888, 920, 924, 928, 931, 934
- Нахальнов, купец, 538
- Нахальнов, присяжный поверенный, 538
- Нащокин А. П., 554
- Нащокин П. В., 127, 269, 465, 497, 526, 527, 550–554, 640, 711, 721, 763, 788, 948
- Нащокина В. А., 146, 530, 550–552, 554, 767, 867
- Небольсин Г. П., 5–7, 34
- Неведомский В. Н., 353
- Неверов Я. М., 4, 5, 7, 34, 149
- Негрескул В., 519, 629
- Неелов С. А., 378, 395
- Нейпперг А. А., граф, 254, 276
- Некрасов И. С., 157
- Некрасов Н. А., 205, 428, 513, 774, 961
- Нелединская-Мелецкая А. Ю. См. Оболенская (рожд. Нелединская-Мелецкая) А. Ю., княгиня
- Нелединский-Мелецкий Ю. А., 222, 279, 415
- Нелюбин А. П., 34, 35
- Нерон, 229, 230, 231, 251, 256, 432, 439–441
- Нессельроде (рожд. графиня Гурьева) М. Д., графиня, 362
- Нессельроде К. В., граф, 263, 282, 290, 340, 347, 355, 356
- Нестор Летописец, св., 419, 420, 525
- Нефф Т. А., фон, 456
- Нечаев В. П. См. Виссарион (Нечаев), епископ Костромской и Галицкий
- Нечаев С. Д., 177, 179, 180
- Нечай Д., 773
- Нечкина М. В., 297
- Нешумова Т. Ф., 179, 411
- Нибби А., 39, 44, 195, 196, 256, 466
- Нибур Б. Г., 230
- Никитенко А. В., 17, 34, 35, 43, 94–97, 169, 308, 579, 704, 708, 731, 738, 765, 916, 945
- Никитин А. С., 38
- Никитич, знакомый А. О. Смирновой в Калуге, 266
- Никифоров Н. М., 154
- Николаев А. С., 175, 201, 942, 946
- Николай (Соколов), епископ Калужский и Боровский, 266, 267, 279, 281, 405
- Николай I, Император, 5, 9, 11–14, 17, 26–28, 32, 37, 44, 45, 52, 54, 55, 57–61, 65, 110, 117–119, 167–169, 172, 174, 176, 202–204, 213, 217, 225,

- 228, 232, 240, 243, 250, 256, 262–265, 271, 274, 275, 278, 282, 284, 287, 290, 294, 297, 307–309, 314, 315, 319, 323–327, 329–332, 338–343, 345–347, 350, 355, 357–359, 368, 401, 407, 408, 411, 454, 459, 465, 473, 478, 494, 503, 514, 575, 594, 613, 667, 704, 708, 716, 730, 731, 737, 743, 755, 765, 766, 907, 915, 918, 924, 925, 940, 941, 958
- Николай Александрович, великий князь, 42, 197, 355
- Николай М. См. Кулиш П. А.
- Николай Матвеевич, знакомый Г. Рора в Москве, 556
- Николай Мирликийский, св., 25, 83, 120, 268, 283, 291, 405, 633
- Николь Д., аббат, 290
- Никольский И. Д., иерей, 108, 109, 111, 505–507, 513, 526, 529, 534, 535, 537, 540, 541
- Никольский Т. Ф., протоиерей, 367
- Нич Г. В., 452
- Новиков Н. И., 331, 478, 481
- Новосильцев П. П., 490, 494, 495, 779
- Новосильцева (рожд. графиня Орлова) Е. В., графиня, 594, 595
- Нордов (Нортов) В. И., протоиерей, 205
- Норов А. С., 34, 35, 120, 121, 500, 536, 941
- Нотович О. К., 308, 352
- Нума Помпилий, 439
- Облеухов А. Д., 571
- Облеухов Д. А., 571
- Облеухов Д. Д., 571–573
- Облеухова Е. Г. См. Белавина (в замужестве Облеухова) Е. Г.
- Оболенская (рожд. Арнольди) О. И., княгиня, 395
- Оболенская (рожд. Нелединская-Мелецкая) А. Ю., княгиня, 222, 279, 913, 914
- Оболенский Анд. П., князь, 934
- Оболенский А-р П., князь, 222, 279, 913, 914
- Оболенский Д. А., князь, 851, 878, 913, 914, 918, 919, 921–923, 935
- Оболенский П. С., князь, 395
- Обольянинов Н. А., 545
- Обрезков, 42
- Обуховы, 163, 164
- Овер А. И., 109, 112, 233, 269, 611, 612, 882, 883, 891
- Овербек И. Ф., 38, 304, 305, 346, 357, 451, 457
- Овербек М. Я., 196, 197, 205, 225, 247, 253, 254, 266, 300, 301, 303–305, 313, 320, 322, 323, 349, 351
- Огарев Н. А., 42, 48
- Огарев Н. П., 130, 141–143, 147, 755, 761, 789
- Огарева (рожд. Милославская, по др. сведениям – Рославлева) М. Л., 141, 142
- Одоевская (рожд. Ланская) О. С., княгиня, 32, 76, 335, 850
- Одоевский В. Ф., князь, 4–7, 32, 34, 76, 131, 167, 168, 192, 231, 263, 323, 335, 347, 358, 414, 415, 579, 687, 711, 811, 819, 905
- Саламандра, 811*
- Одоевский М., князь, 180
- Озеров В. А., 338
- Ознобишин Д. П., 34, 35
- Ознобишин Н. И., 119
- Окен Л., 421, 422, 465
- Оксман Ю. Г., 5, 175, 201, 942, 946
- Октавия, дочь Кая Октавия, 425, 437
- Окуловы, 498
- Олимпиев. См. Антипин И. Ф.
- Ольга Николаевна, великая княгиня, дочь Императора Николая I, с 1846 г. королева Вюртембергская (Виртембергская), 51, 144, 258, 284, 958
- Ольга, горничная А. О. Смирновой, 266
- Ольденбургский принц Павел Фридрих Август, 489, 493
- Ольденбургский принц Петр Георгиевич, 904, 905
- Ольхович, слуга Н. М. и А. О. Смирновых, 404, 405
- Онегин (Отто) А. Ф., 58, 364, 365
- Онуфрий Великий, св., 45, 46, 257, 438, 503
- Опочинин Е. Н., 180
- Опочинин Ф. П., 415
- Опочинина (рожд. княжна Голенищева-Кутузова) Д. М., 415
- Оризон, 40

- Орлов (наст. фамилия Копылов) И. В., 141
- Орлов А. А., 87
- Орлов А. Ф., граф, 38, 44, 59, 60, 61, 119, 202, 203, 213, 214, 264, 297, 341, 902, 934
- Орлов М. Ф., 130, 177, 179, 180, 472, 473, 691, 803
- Орлов П. Н., 501
- Орлов Р. К., 34, 35
- Орлов, чиновник, 15
- Орлова (рожд. Куликова) П. И., 732, 765
- Орлова, жена М. Ф. Орлова, 473
- Орлов-Давыдов, граф, 210
- Орлов-Денисов В. В., граф, 172
- Осокин В. Н., 317
- Остен-Сакен (рожд. княжна Хилкова) П. И., баронесса, 486
- Островский А. Н., 172, 467, 498–502, 504, 512, 513, 519, 520, 535, 536, 566–569, 760
- Банкрот (Свои люди – сочтемся!), 136, 172, 498, 499, 500, 501, 502, 535, 536, 566, 568, 569*
- Бедная невеста, 567*
- Остроградский М. В., 5, 6, 489, 493
- Острожский К., гетман, 482
- Остроухов И. С., 456
- Очкин А. Н., 5, 6
- П. К., знакомый Гоголя в Москве, 571–573
- Паве (Pavey) В., 82, 83
- Павел I, Император, 199, 233, 261, 327, 329, 338, 484
- Павел III, римский папа, 40, 431, 439
- Павел, камердинер П. П. Смирнова, 261
- Павел, св. апостол, 38, 257, 427, 430, 453
- Павлищев Н. И., 420, 423
- Павлищева (рожд. Пушкина) О. С., 420, 423
- Павлов М. Г., 34, 35
- Павлов Н. М., 205, 209, 212, 584, 586, 588, 590, 591, 593–595, 597–599, 616–618, 620, 623, 645, 662, 663, 749, 750–752, 759, 839, 843, 848–850, 852, 860, 862, 867–870, 883, 888, 889
- Павлов Н. Ф., 34, 35, 41, 87, 88, 92, 100, 109, 112, 130, 144, 147, 172, 177, 419, 420, 423, 491, 497, 499, 526, 527, 530, 534, 536, 576, 596, 641, 642, 652, 670, 682, 683, 691, 711, 721, 722, 727, 729, 733, 735, 746, 752, 755, 757, 765, 787–789, 792, 795, 803, 809, 814, 816, 829, 834, 837, 850, 861, 864, 964
- Аукцион, 682, 757*
- Демон, 144, 423, 682, 757, 792, 795*
- Именины, 682, 757*
- Маскарад, 144, 423, 682, 757, 792, 795*
- Миллион, 144, 423, 682, 757, 792, 795*
- Новые повести, 144, 423, 682, 683, 757, 792, 795*
- Три повести, 682, 757*
- Ятаган, 682, 757*
- Павлова (рожд. Яниш) К. К., 490, 499, 501, 592, 642, 691, 721, 722, 746, 787, 788, 803, 806, 814, 815, 817, 835–837
- Павловский М. К, протоиерей, 269, 280
- Павский Г. П., протоиерей, 483, 487
- Падерина Е. Г., 767
- Паламарчук П. Г., 113, 114, 116
- Палацкий Ф., 410, 411
- Палестрина Дж. П., да, 299
- Палладий, 441
- Паллас П. С., 272, 280, 281
- Пальмерстон Г. Дж. Т., 66
- Памфили, римский род, 426, 442
- Панаев В. И., 34, 35, 677
- Панаев И. И., 34, 35, 73, 147, 579, 676, 684, 687, 754, 755, 774, 787–789, 803, 805, 815, 905, 906, 915, 939, 958
- Панин А. Н., граф, 177, 180
- Панин В. Н., граф, 177, 180
- Панов В. А., 130, 157, 158, 160–166, 275, 345, 357, 465, 580, 581, 637, 638, 646, 657, 689–692, 696, 698, 759, 760, 778, 791, 809, 810, 811, 840, 850, 898
- Панова Е. А. См. Аксакова (рожд. Панова) Е. А.
- Панова М. А., 159, 160, 165, 810
- Панселин (Пезеллино), 299
- Панчулидзева А. А., 141
- Паради (Paradis), домовладелица в Ницце, 220, 245, 260

- Пари (Парис) О., 327
- Пармен (Соколов), архимандрит, 110, 113–115, 120, 516
- Паррот Е. И., 34, 35
- Паскаль Б., 213, 321, 333
- Пассек В. В., 172, 173
- Патин, воспитанник Академии художеств, 151
- Паткуль А. В., 231, 232, 358
- Патрушева Н. Г., 945
- Пашков П. Е., 172
- Певницкий И. М., протоиерей, 259, 276, 293, 296
- Пейкер И. И., 659
- Пейкер И. У., 461, 464, 967
- Пейкер П. И., 657, 659, 661, 703, 812, 813, 820, 967
- Пелль, знакомый Н. М. Смирнова в Неаполе, 341
- Перголези Дж. Б., 299
- Перевошиков Д. М., 34, 35, 498–500, 520, 522
- Перовский А. В., 196, 198, 304, 305
- Перовский В. А., граф (с 1855 г.), 196–198, 216, 242, 252, 254, 255, 257, 288, 289, 302, 304, 305, 312, 346, 347, 357
- Перовский Л. А., граф (с 1849 г.), 407
- Перуджино П., 39, 40, 250, 337, 341, 354, 362, 434, 445
- Перфильев С. В., 491, 495, 640, 693, 711, 717, 719, 759
- Перфильева (рожд. Ланская) А. С., 693, 759
- Першин П., 538, 539
- Песоцкий И. П., 139, 154
- Пестель П. И., 332, 353
- Петр I, 25, 92, 288, 327, 348, 425, 498, 694, 764, 967
- Петр III, Император, 274
- Петр Степанович, калужский священник, 261
- Петр, св. первоверховный апостол, 40, 103, 196, 218, 219, 229, 230, 235, 244, 251–253, 256, 257, 276, 303–305, 321, 345, 351, 424–426, 430, 433–435, 437, 438, 441, 442, 446, 447, 451–453, 455, 457, 467
- Петрарка Ф., 451
- Петрашевский В. М., 478, 481
- Петрашевский-Бутаевич М. В., 478
- Петровы, 329
- Петронила, дочь св. первоверховного апостола Петра, св., 446, 455
- Пигарев К. В., 4, 968, 969
- Пигарева (рожд. Тютчева) Е. И., 4
- Пилати, 38
- Пимен Великий, св., 721
- Пименов Н. С., 345, 357, 451, 454
- Пинети, часовщик, 262
- Пинтуриккио (Пентуриккио, наст. имя Бернадино Бетти), 39–41, 425, 427, 434, 462
- Пипин Короткий, король франков, 28
- Пиранези Дж., 256, 276
- Пирожкова Т. Ф., 209, 587, 603, 606, 611, 656, 763, 780, 851, 872, 906–943
- Писемский А. Ф., 467, 512, 513, 567, 756, 757
Люди сороковых годов, 757
- Писемский И. П., 177, 179, 180
- Пищи-Муха, фамилия родственников Гоголя, 291
- Платон, 483
- Платон (Левшин), митрополит Московский, 267
- Платонов В. П., 33, 217, 228, 242, 243, 250, 258, 293
- Плетнев П. А., 4, 5, 7, 17, 49, 51, 52, 61, 64, 66, 68, 69, 76, 79, 94–102, 105, 106, 123, 133, 167–169, 190, 192, 195, 202–204, 206–212, 214, 217, 218, 229, 234, 243, 251, 261–264, 269, 280, 283, 290, 308–310, 315, 316, 320, 322, 325–329, 331, 333, 335, 336, 338, 344, 346, 347, 367–370, 416, 476, 493, 494, 505, 507, 508, 511, 512, 516, 545, 551, 579, 586, 588–591, 632, 636, 648, 655, 658, 675, 678, 681, 687, 719, 720, 737, 738, 793, 795, 815, 829, 834, 850–852, 900, 902, 911, 915–917, 953
- Плетнева (рожд. княжна Щетинина) А. В., 105
- Плетнева (рожд. Раевская) С. А., 105
- Плещеев, 408
- Плещеев А. Н., 407
- Плещеевы, 407, 408
- Плиний Младший, 253
- Плюшар А. А., 4, 7, 68, 139, 280
- Погодин Д. И., 538
- Погодин Д. М., 499, 525, 529–531, 533, 535, 536

- Погодин И. И., 538
- Погодин И. М., 91, 538, 539
- Погодин М. П., 4, 18, 34, 45, 46, 51–53, 57, 62, 65, 85–93, 99, 100, 103, 104, 106, 108, 109, 111–116, 123, 126, 127, 130, 132–134, 138, 143–145, 156, 160–164, 166, 167, 169, 172, 177–181, 183, 209–214, 268, 269, 275, 305, 309, 354, 355, 369, 374, 399, 409–424, 427–429, 441–445, 455–457, 459, 461, 464–466, 470–479, 483, 484, 487, 488, 490, 492–497, 499–542, 544–551, 556–562, 564–577, 580, 584, 586, 593, 594, 599, 601, 602, 604, 609, 610, 619, 621, 623, 625, 629–631, 633, 636–640, 644–646, 652, 655, 657, 659, 661, 663, 664, 667, 669–672, 679, 686, 690–694, 696, 699–705, 707–711, 713, 714, 718, 719, 721, 723, 724, 735–738, 740–743, 745, 746, 748–750, 752, 754–756, 759–763, 766, 767, 778, 779, 782, 787–789, 793, 794, 797, 799, 804, 808, 809, 812, 815–817, 824, 825, 832, 841, 854, 862, 863, 867, 894, 898, 905–907, 919, 923, 924, 929–931, 933, 935, 954, 964–966
- Реестр книгам, отправленным из Москвы в Рим Го-
голю 1841 года Июля 11 дня, 99, 473*
- Погодин П. М., 526, 527, 529, 694
- Погодин, брат М. П. Погодина, 491
- Погодина (в замужестве Мессинг). См. Мессинг
(рожд. Погодина), сестра М. П. Погодина
- Погодина (рожд. Вагнер) Е. В., 86, 410, 411, 421, 424–427, 434, 442, 446, 447, 455, 458, 462, 464, 466, 484, 489, 493, 494, 497, 498, 521, 522, 526, 535, 705, 710, 722, 762, 788, 789, 818, 819, 832
- Погодина (рожд. Сеймонд, в первом браке Бель) С. И., 574
- Погодина Агр. И., 538
- Погодина Агр. М., 526, 529, 705
- Погодина Ал. И., 538
- Погодина Ал. М. См. Зедегольм (рожд. Погоди-
на) А. М.
- Погодина Е. И., 529, 530, 536
- Погодины, 540
- Погуляев Н. Т., 907
- Подчацкий (Подчасский) И. И., 373, 374
- Пожарская Д. Е., 756
- Пожарский Д. М., князь, 143, 510
- Пожарский, содержатель трактира в Торжке, 674, 756
- Полевой Кс. А., 374, 472, 473
- Полевой Н. А., 90, 374, 489, 545, 579, 742, 942
- Полетика П. И., 356
- Полиньяк О. Ж. А., князь, 315
- Поллукс, 431, 433, 467
- Полотай А., 410
- Полтавцев К. Н., 779
- Полтавцева (рожд. Макарова) Е. П., 779
- Поль К., 545
- Помпей Великий, 431, 432, 438, 467
- Пономарев С. И., 409, 412–414, 473, 496, 523, 564, 614, 644
- Понятовский Станислав Август, польский король, 424, 433, 462
- Поп (Попе) А., 325
- Попов А-р Никол., 130, 134, 194, 588, 589, 689, 793, 796, 797, 861, 883, 922, 963
- Попов В. П., 795
- Попов Е. И., протоиерей, 271, 280
- Попов Н. А., 767
- Попов П. С., 623
- Попов, житель Калуги, 247
- Порденоне, 39
- Порошин В. Г., 34
- Портиччи, курьер А. О. Смирновой, 261
- Порфирий (Григоров), инок Оптиной пустыни, 391, 392, 395
- Порфирий (Успенский), пресвященный, 428
- Порфирий, повар купеческого клуба в Москве, 527, 533
- Посошков И. Т., 483, 487
- Поссевин А., 426, 442
- Потанчиков Ф. С., 153, 154
- Потапов С. (ошибочно). См. Степанов Г. С.
- Потемкин Г. А., князь, 330
- Потемкин И. А., 24, 29, 41, 46, 257
- Потемкина Т. Б., 269
- Потемкина, жена И. А. Потемкина, 257

- Потоцкие, графы, 482, 487
 Потоцкий, граф, 159
 Поттер П., 39
 Поццо ди Борго К. А., граф, 315
 Почапин, калужский купец, 406
 Пошман С. А., 904, 905
 Пракситель, 433
 Прео А. Л., де, 691, 758
 Прео А., де, актер, 758, 759
 Прийма Ф. Я., 192
 Прилежаев В. А., протоиерей, 302, 305
 Присниц В., 711, 762, 819
 Прокопович В. Я., 746
 Прокопович Н. Я., 123, 169, 420, 497, 522, 551, 583, 586, 632, 716, 737, 738, 742, 744, 746, 748, 793, 827, 829, 836
 Прокофьев Н. И., 767
 Протасов А. П., 177, 179, 180
 Протасов Н. А., граф, 367, 472, 498, 915
 Протасова (рожд. княжна Голицына) Н. Д., графиня, 263
 Протопопов М. Н., 544
 Прохоров Н. Г., 413, 766, 932
 Прудон П. Ж., 322, 348
 Прыгунов М. Д., 513
 Пурталес, графиня, 233, 253
 Пуссен Г., 39
 Пуссен Н., 39, 40, 447
 Путята (рожд. Энгельгардт) С. Л., 583, 653, 779, 968
 Путята Н. В., 4, 583, 605, 653, 779, 870, 926, 968, 969
 Путята О. Н. См. Тютчева (рожд. Путята) О. Н.
 Путятин Е. В., 554
 Пушкин А. С., 3, 5–7, 22, 25, 26, 30–32, 45, 59, 60, 73, 100, 123, 130, 146, 172, 180, 186, 195, 201, 213, 222, 226, 231, 259, 261, 265, 268, 271–273, 281, 282, 284, 289, 291, 292, 296–298, 300, 309–311, 313, 315–320, 322, 324–343, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 353–359, 364, 380, 381, 389, 390, 392, 414, 415, 419, 420, 423, 425, 436, 488, 492, 498, 519, 530, 550, 551, 554, 567, 594, 628, 633, 636, 640, 656–658, 660, 669, 674, 679, 683, 699, 701, 711, 755, 756, 761, 767, 788, 799, 842, 844, 845, 867, 903, 954, 959, 960, 971
Арап Петра Великого, 25
Бахчисарайский фонтан, 392
Борис Годунов, 130
В часы забав иль праздной скуки..., 268, 279
Граф Нулин, 329, 338
Дар напрасный, дар случайный..., 279
Дубровский, 281
Евгений Онегин, 292, 316, 317, 329, 334, 338, 665, 693, 754
Ее глаза, 337, 338, 354
*К Н*** (С Гомером долго ты беседовал один...), 100, 342, 594*
*К*** (Я помню чудное мгновенье...), 331*
Кавказский пленник, 325, 331, 392
Медный всадник, 25
Отцы пустынноики и жены непорочны..., 351, 357
Песни западных славян, 318
Повести Белкина, 333
Полтава, 25, 26
Пророк, 268, 322, 351, 389
Руслан и Людмила, 392
Сказка о попе и о работнике его Балде, 340
Черная шаль, 331
 Пушкин А. С., Вяземский Петр А., князь, Мятлев И. П.
Поминки, 273, 291
 Пушкин С. Л., 340
 Пушкина (в замужестве Дантес) Е. Н., 355
 Пушкина (рожд. Гончарова, во втором браке Ланская) Н. Н., 32, 302, 334, 335, 343, 355, 356, 488
 Пушкина О. С. См. Павлицева (рожд. Пушкина) О. С.
 Пыпин А. Н., 168, 202, 241, 247, 366, 943
 Пьянов А., 352
 Рабле Ф., 325
 Рабус К. И., 497
 Радзивилл (в замужестве графиня Виттенштейн) С. Д., княжна, 323, 352

- Радзивилл, князь, 159
- Радовиц И., 41, 47, 331
- Раджицкий И. Т., 34, 35
- Раевская П. И., 130, 132, 133, 640, 693, 694, 710, 712, 762, 810, 823
- Раевский Н. А., 554
- Разин С. Т., 338
- Разумовская (рожд. княгиня Вяземская) М. Г., графиня, 32
- Разумовский А. Г., граф, 263
- Разумовский Л. К., граф, 373, 374
- Раич (наст. фамилия Амфитеатров) С. Е., 34, 36, 138, 139, 544, 755
- Рамазанов Н. А., 113, 116, 457, 499, 501, 504, 517, 518, 555
- Ранцев (Ранцев-Зас), офицер, 274
- Расин Ж., 333, 339, 757
- Растрелли В. В., граф, 392
- Рафаэль С., 38–40, 44, 178, 195, 196, 214–216, 218, 228, 242, 244, 249, 254, 257, 299, 303, 304, 337, 346, 362, 424, 425, 434, 435, 436–438, 440, 441, 443, 451, 483, 813
- Рачинский В. А., 112
- Рачинский С. А., 112, 113, 402
- Рашель Э., 644
- Редкин П. Г., 130, 640, 691, 711
- Резвой М. Д., 5–7, 34
- Рейнар, 72
- Рейтерн (в замужестве баронесса Вебренау) М. Е., фон, 321, 349
- Рейтерн (рожд. Шварцель) Ш., фон, 349, 357
- Рейтерн Е. Е., фон. См. Жуковская (рожд. баронесса Рейтерн) Е. Е. (Е. А.)
- Рейтерн Е. Р. (Г. В.), фон, 150, 151, 321, 349, 352, 357
- Рейтерны, 349
- Рекамье Ж., 501
- Рени Г., 38, 39, 40, 425, 427, 435, 441, 446
- Ренкевич (Рынкевич) Е. Е., 411
- Репнин В. А., князь, 426
- Репнин В. Н., князь, 327
- Репнин Н. В., князь, 327
- Репнина-Волконская (рожд. Балабина) Е. П., княгиня, 30, 31, 310, 314, 325, 327, 335, 682, 683, 686
- Репнина-Волконская (рожд. графиня Разумовская) В. А., княгиня, 327
- Репнина-Волконская В. Н., княжна, 327, 335, 400, 623
- Репнин-Волконский В. Н., князь, 30, 31, 82, 83, 327
- Репнин-Волконский (до 1801 г. Волконский) Н. Г., князь, 327
- Репнины-Волконские, князья, 269, 325, 327, 341, 358
- Решетников, знакомый П. М. Погодина, 527
- Ржевский Д. С., 512
- Ржевусские (Ржевуцкие), польский дворянский род, 482
- Ригельман Н. А., 779, 799, 838
- Рихтер И. П., 261, 544, 545
- Рихтер Ф. Ф., 421, 425, 427, 448, 451, 453, 454
- Ричардсон С., 379
- Кларисса Гарлоу, 379*
- Риччи М., граф, 82, 83
- Ришелье А. Ж., де, кардинал, 315
- Ришелье Э. О., герцог, 280, 476, 646
- Робертс Д., 257
- Ровинский Д. А., 491, 506
- Роган Ф., де Жарнак, граф, 293
- Родионов И., 146, 530, 551, 554, 767, 867
- Родионов П. И., 165
- Родионова А. И., 165, 787
- Родиславский В. И., 153, 154
- Рожалин Н. М., 425, 428, 436
- Роза С., 39, 441
- Розанов А. С., 75
- Розен Е. Ф., барон, 5–7, 34, 50, 51
- Розенблом Н. Г., 96, 128, 135, 208, 512, 562, 577, 578, 581, 582, 587, 589, 761, 784, 790–792, 796, 799, 805, 811, 814, 815, 822, 828, 838, 868, 873, 878, 881, 890, 903, 947, 950, 955, 964–966
- Роллен Ш., 307, 360

- Романовы, императорская фамилия, 275, 918, 919
- Романья, врач в Риме, 252
- Ромодановский Г. Г., князь, 480
- Ромул, первый царь римлян, 458
- Ромул, сын римского императора Максенция, 439
- Ронкони Дж., 160
- Рор Г., 556, 557
- Росковшенко И. В., 34, 36
- Роспильози Дж., кардинал, 441
- Россет (рожд. Ершова) С. И., 407, 408
- Россет (Россети) Ар. О., 64, 78, 196, 197, 204–206, 213, 216–218, 229–231, 234, 242, 243, 251, 256, 264, 265, 278, 290, 294, 296, 302, 304, 305, 312, 335, 366–370, 377, 595, 850
- Россет А-р О., 377, 595
- Россет Д. И., 290, 296
- Россет И. О., 232, 265, 278, 335, 377, 407, 408, 595
- Россет К. О., 265, 267, 302, 335, 377, 388, 595, 653, 870, 913, 914, 915, 968
- Россет Н. И. *См.* Лорер (в замужестве Россет, во втором браке Арнольди) Над. Ив.
- Россет О. И., 298, 301
- Ростопчин (Рас топчин) А. Ф., граф, 415, 526
- Ростопчина (рожд. Сушкова) Е. П., графиня, 112, 172, 173, 261, 370, 414, 415, 498, 500–502, 513, 514, 529, 530, 535, 536, 566, 568, 569
- Нелюдимка*, 498, 500, 501, 502, 566
- Ротшильд А., барон, 459
- Ротшильд В. А., 127
- Рудаков А. И., 115
- Румянцев-Задунайский П. А., граф, 481
- Руссо Ж. Ж., 388–390, 895
- Рыкалова Н. В., 759
- Рюккерт Ф.
- Наль и Дамаянти (перевод)*, 483
- Сказка о мудреце Кериме*, 493
- Рябушинский С. П., 456
- С., петербургские знакомые А. П. Дурново, 356
- Сабинин С. К., протоиерей, 412, 482, 483, 487, 490
- Сабинина (рожд. Вещезорова) А. Т., 482, 487, 490
- Сабинина М. С., 274, 482
- Сабинина, дочь протоиерея С. К. Сабинина, 482
- Сабинины, сыновья протоиерея С. К. Сабинина, 482
- Сабурова (рожд. Окунева) А. Т., 732, 765
- Сабурова В. А., 154
- Савва Освященный, св., 108, 111, 506, 513, 526, 529, 540
- Савельев Н. В., 34
- Савельев П. С., 34, 36
- Савченко Ф. Я., 494
- Садовский П. М., 154, 172, 286, 467, 498, 500, 502, 519, 520, 527, 528, 530, 534–536, 566, 569, 622, 667, 732, 779, 841
- Саксен-Кобургский герцог Эрнест I, 261
- Салиас де Турнемир (рожд. Сухово-Кобылина, псевдоним Евгения Тур) Ел. В., графиня, 500, 950
- Саллюстий (Саллустий), римский историк, 441
- Салогуб Л. См. Соллогуб Л. А., граф
- Салтыков (псевдоним Н. Щедрин) М. Е., 178
- Салтыков М. А., 130
- Салтыков П. И., князь, 527, 529
- Сальватор, лакей С. С. Киселевой, 293
- Самарин И. В., 141, 154, 286, 289, 291, 759, 789, 804, 805, 829
- Самарин Ю. Ф., 93, 123, 130, 134, 194, 272, 284, 321, 323, 347, 348, 366, 367, 377, 492, 495, 515, 582, 584, 589, 601–603, 613, 614, 617, 618, 641, 652, 688, 691, 711, 729, 746, 747, 758, 762–764, 766, 767, 781, 782, 791, 793–797, 806, 809, 823, 827, 832–834, 843, 850, 851, 870, 910, 913, 916, 919, 920, 957, 958
- Самарина, актриса Московского Малого театра, 154
- Самарины, 622
- Самбурская (в замужестве Трутовская) С. А., 689, 758, 970
- Самбурская (рожд. Заплатаина) В. С., 970
- Самбурская С. А., 899, 902
- Самбурские, 899, 902
- Самбурский А. И., 902, 970
- Самовер Н. В., 74, 82, 83, 140

- Самойленко Н., 119
- Сампсон, библейский судия и богатырь, 39
- Санд Ж., 164, 194, 219, 244, 271, 325, 780, 834, 844, 845, 858, 909, 912, 961
- Мальшка Фадетт, 271*
- Письма путешественника, 271*
- Сапега, 158
- Сарти Дж., 263
- Сарто Андреа, дель, 38
- Сассофферато (Дж. Сальви), 39, 441
- Сатин Н. М., 130
- Сахаров И. П., 4, 34, 414, 657, 693, 759
- Сахаров Ф., 153, 154
- Сведенборг Э., 332
- Свербеев Д. Н., 102, 130, 143, 172, 173, 237, 472, 488, 493, 567, 594–596, 599, 640, 648, 655, 711, 743, 744, 752, 755, 762, 791, 792, 834, 835, 858, 859, 863, 865, 934, 935
- Свербеев Н. Д., 865
- Свербеева (рожд. княжна Щербатова) Е. А., 102, 143, 268, 472, 567, 588, 590, 691, 710, 711, 714, 743, 744, 752, 762, 792, 795, 818, 834, 835, 850, 852, 865, 868
- Свечин Н. С., 357
- Свечина (рожд. Соймонова) С. П., 348, 351, 357
- Свешников Ф., 763
- Свиньин П. П., 34, 36
- Свистуновы, 258
- Связев И. И., 34, 36
- Связев Е. В., 629, 889, 952, 953
- Святогорец. См. Сергей (Веснин), Святогорец, иеросхимонах
- Святослав, великий князь, 523
- Севастиан, св. мученик, 39, 40, 425, 428, 438, 439, 446
- Северин Д. П., 8
- Северин, св. мученик, 38
- Севиные М., де, 196, 197, 329
- Селиванов И. В., 178, 180
- Селюк Н. Я., 893, 897
- Семевский М. И., 305, 308, 320, 500, 566
- Семен А., 933
- Семен, повар Погодиных, 527, 533
- Семененко П., 19, 21–27
- Семирадский Г. И., 456
- Сенковский О. И., 94, 95, 188, 189, 334, 338–340, 418, 476, 590, 836, 903, 915, 959
- Сен-Мартен А. Ж., 572, 573
- Сен-Мартен Л. К., 465
- Сен-При (Saint-Priest) Э. К., граф, 340, 354
- Сен-Симон А., де, 348
- Сен-Симон Л., герцог, 198, 199, 285, 295, 329
- Сент-Бёв Ш. О., 93, 207, 230, 255, 348, 845–847
- Септимий Север, 424, 431
- Серапин, содержатель гостиницы в Петербурге, 520
- Серафим Саровский, св., 90, 232
- Сербинович К. С., 106
- Сервантес С. М., де, 325, 834, 842
- Дон Кихот, 329, 333, 676*
- Сервий Туллий, 452
- Сергий (Веснин), Святогорец, иеросхимонах, 209
- Сергий Радонежский, св., 235, 278, 280, 344, 553, 555, 617, 654, 763, 871, 872
- Серебряков В. А., 446, 455
- Серков А. И., 179
- Сестий, 38
- Сигрин, пастор, 247
- Сидонский Ф. Ф., 5, 6
- Сикст V, римский папа, 40, 257, 304, 430, 433, 446
- Сильвестр I, папа римский, св., 425, 434
- Сильвестр, слуга Н. М. Языкова, 714, 762
- Сильвио, повар А. О. Смирновой, 266
- Сильчевская, сестра П. Сильчевского, 191
- Сильчевский Д. П., 190, 191
- Сильчевский П., 190, 191
- Симановский И. П., 159
- Симеон Столпник, св., 112, 301, 889
- Синельникова (рожд. Ходаревская) М. Н., 45, 107, 111, 113, 122

- Синчеро Никколо (псевдоним), художник, 357, 457
- Сиповский В. В., 317, 318
- Сирани Э., 39
- Скалон (рожд. Капнист) С. В., 113, 484, 486
- Скалон А. В., 486
- Скалон Н. А., 265
- Скоропадский И. И., 330
- Скотт А., 774
- Скотт В., 374, 774, 828, 829, 834
- Скотти И. П. (Дж. Б.), 447, 456
- Скотти М. И., 447, 451, 456
- Скрипицыны, 263
- Скуридин М. М., 573
- Слепцов, московский домовладелец, 663
- Словацкий Ю., 22
- Смирдин А. Ф., 413, 423, 579, 688, 964
- Смирнов И. И., 568
- Смирнов М. Н., 168, 210, 227, 234, 278, 320, 360, 361, 365, 406, 408, 555, 872
- Смирнов Н. М., 3, 30, 31, 33, 39, 40, 63, 64, 150, 195, 200, 202, 206, 228, 250, 251, 265, 266, 267, 277, 279, 293, 296, 297, 303, 306, 310, 312, 314, 320, 322, 323, 329, 334, 335, 336, 338–344, 346, 347, 349, 350, 354, 357, 362, 369, 395, 401–405, 407, 408, 912–914, 917
- Смирнов П. П., 261, 277, 407
- Смирнов С. К., 560
- Смирнова (рожд. Бухвостова) Ф. П., 341, 355
- Смирнова (рожд. Россет) А. О., 3, 30, 31, 33, 41–44, 49, 53–64, 78, 123, 167, 168, 195–227, 230, 234–241, 244, 247, 248, 252, 264, 274, 275, 277–279, 281, 282, 294, 295, 297, 298, 300–320, 322–335, 338–374, 376–379, 383, 384, 387, 391, 393–396, 398, 403–408, 443, 455, 489, 490, 501, 505, 511, 515, 516, 519, 555, 583–589, 592, 594–596, 598, 599, 606, 612–618, 620, 622, 624–626, 633, 652, 653, 655, 749, 751, 764, 767, 776, 779, 780, 782, 783, 795, 798, 799, 838, 843–845, 848, 857, 862, 864, 865, 870, 872–875, 878, 884, 885, 895, 896, 898, 907–921, 924, 926–931, 934, 935, 936, 943, 944, 962
- Смирнова А. Н., 351, 357
- Смирнова Е. А., 575, 584, 588, 590–595, 597–601, 603, 606, 607, 609–611, 613–617, 623, 626, 642, 645, 656, 659, 723, 724, 726, 751, 756, 759, 780, 783, 786, 844, 868, 869, 875, 876, 878, 880, 888, 920, 924, 928, 931, 934
- Смирнова Н. Н. См. Сорен (рожд. Смирнова) Н. Н.
- Смирнова О. Н., 54, 78, 169, 196, 197–199, 202, 225, 235, 236, 251, 253, 254, 257, 261, 295, 298, 301–333, 338, 341, 342, 344–355, 357–365, 369, 395, 405, 406
- Смирнова С. Н. См. Трубецкая (рожд. Смирнова) С. Н., княгиня
- Смирновы, 221, 222, 362, 401, 404–407
- Смоликовский П., ксендз, 24
- Снегирев И. М., 5–7, 34, 167, 170, 172, 173, 491, 515, 582
- Собизский И., 159
- Соболевский А. П., 425, 427, 434
- Соболевский С. А., 33, 342, 551, 756
- Соваж Т. М. Ф., Делюрье Ж. Ж. Г.
Матрос, 912
- Соймонова С. П. См. Свечина (рожд. Соймонова) С. П.
- Соколов А. И., протопресвитер, 108, 112, 298, 301, 888–891, 894
- Соколов И. И., 27
- Соколов П. Ф., 185
- Соколов Петр П., 185
- Соколова А. И., 942
- Соколовский В. И., 34, 36
- Сокологорский К. И., 112
- Сократ, 483
- Солдатенков К. Т., 113
- Соллогуб (рожд. Архарова) С. И., графиня, 260, 277, 292, 325
- Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская) С. М., графиня, 55, 78, 200, 220, 232, 237, 245, 260, 292, 351, 359, 361, 587, 607, 749, 767, 859–861, 922, 940
- Соллогуб А. В., граф, 861
- Соллогуб В. А., граф, 30, 42, 55, 78, 185, 202, 213, 220, 245, 260, 264, 277, 361, 362, 414, 415, 566, 688, 793, 922
- Тарантас, 206, 264*

- Соллогуб Л. А., граф, 217, 228, 242, 250, 293
- Соллогуб С. В., графиня, 861
- Соловьев С. М., 172, 173, 611, 614
- Соловьева В. С., 611
- Соломон, третий царь Израиля, 38, 432, 848
- Песнь Песней*, 336
- Сорен (Saugien) А. В., 364, 365
- Сорен (рожд. Смирнова) Н. Н., 196–198, 200, 225, 234, 251–254, 257, 261, 295, 301, 303, 304, 305, 313, 321, 358, 364, 365, 371, 372, 395, 405, 406
- Сорокин М. П., 34, 36
- Сорокин, крестник М. П. Погодина, 499, 502
- Сосницкий И. И., 141, 289, 291, 520, 683, 757, 761, 785, 804, 903
- София, св. мученица, 618
- Софокл, 332
- Софонеба (Софониба), 38, 44
- Соханская (псевдоним Кохановская) Н. С., 623
- Спаньолетто (Хосе де Рибера), 39
- Спекторский В., 910
- Сперанский М. М., граф (с 1839 г.), 213, 273, 291, 331, 410
- Спешнев, 498
- Спиридон, греческий архимандрит в Венеции, 555
- Срезневская (рожд. Кускова) Е. И., 138, 139
- Срезневский В. И., 138
- Срезневский И. И., 138, 139
- Сталь Ж., де, 501
- Станислав, святой католической Церкви, покровитель Польши, 407, 462, 473, 475
- Станкевич (рожд. Бодиско) Е. Е., 149
- Станкевич (в замужестве Фролова) М. В., 563
- Станкевич А-р В., 149
- Станкевич Н. В., 87, 147, 148, 348, 666, 667, 754, 755, 778, 789, 801, 802
- Стасов В. В., 428, 904
- Стасов Д. В., 195, 297
- Стасюлевич М. М., 499, 501
- Стахович М. А., 130
- Стендаль, 325
- Степанов В. А., 153, 154
- Степанов Г. С., 364, 365
- Степанов Н. А., 34, 36
- Степанов Н. С., 933
- Степанов Н., владелец типографии в Москве, 910
- Степанов П. С., 547
- Степанов, чиновник, 265
- Степанова А. Д., 153, 154
- Степанова Л., 933
- Стерн Л., 300, 329, 340
- Сентиментальное путешествие*, 316, 325
- Стефан, архидиакон, св. первомученик, 470
- Столыпин А. А. (Монго), 259
- Стратен В. В., 428
- Страхов Н. Н., 563, 567, 765
- Строганов А. Г., граф, 410
- Строганов С. Г., граф, 85, 86, 174,–176, 410, 411, 464, 474, 488, 489, 493
- Строев П. М., 138, 139
- Стромилов С. И., 34
- Струговщиков А. Н., 34, 36
- Струйский (псевдоним Трилунный) Д. Ю., 5–7, 34
- Студитский А. Е., 94, 476, 498, 561
- Стурдза А. С., 8, 27
- Суворов А. В., князь Италийский, граф Рымницкий, 233, 330, 463
- Султан-Шах М. П., 6
- Сучкова А. А., 428
- Сушков Н. В., 172
- Сципион, 438
- Сципионы, 303
- Сю Э., 780, 962
- Т., петербургский знакомый А. О. Смирновой, 340
- Таке, сапожник в Москве, 696
- Талалай М., 25
- Талызин А. И., 68, 264, 265, 278, 507, 568
- Талызина, жена А. И. Талызина, 529

- Тальони М., 805
- Танеев А. С., 12–14
- Тарасенков А. Т., 112, 500, 761, 894
- Тарквиний Гордый, 303, 305
- Тассо Т., 38, 257, 425, 438
- Татаринов В. И., 873, 874
- Татаринов П. П., 181, 182
- Тацит П. К., 256
- Тейнер (Тайнер) А., аббат, 426, 428, 442
- Телятьев, воевода в Калуге, 266
- Тенерани П., 38, 44, 304, 446
- Теньер (Тенерис, Тенирс) Д., 481, 487, 684, 757, 826
- Тепляков В. Г., 5–7, 34
- Теребенина Р. Е., 3
- Теренций П., 40
- Терещенко А. В., 651, 655
- Теттенборн К. Ф., барон, 42
- Тиберий (Тиверий), римский император, 303
- Тизенгаузен Е. М., графиня. См. Хитрово (рожд. княжна Голенищева-Кутузова, в первом браке графиня Тизенгаузен) Е. М.
- Тизенгаузен Е. Ф., графиня. См. Хитрово (рожд. графиня Тизенгаузен) Е. Ф.
- Тизенгаузен Ф. И., граф, 415
- Тик Л.
Последние новости, 153
- Тиндаль В., 233
- Тинторетто Я., 39, 89
- Тириш Ф. В., 428
- Тит Флавий Веспасиан, римский император, 441, 442
- Титов А. А., 173, 410, 635, 644
- Титов В. П., 34, 35, 102, 103
- Тихонравов Н. С., 70, 155, 169, 173, 237, 316, 512, 659, 758
- Тициан, 38, 39, 40, 441, 446
- Товия, израильянин, сын Товита, 39
- Толбин В. В., 444
- Толстая (рожд. княжна Голенищева-Кутузова) П. М., 415
- Толстая (рожд. княжна Грузинская) А. Г. (А. Е.), графиня, 57, 108, 112, 232, 233, 235, 258, 265, 269, 278, 552–555, 568, 652, 924
- Толстая, жена графа С. П. Толстого, 233
- Толстой, граф, 513
- Толстой А. К., граф, 268, 271, 303, 306, 320–323, 388, 396, 399, 400
- Толстой А. П., граф, 42, 57, 69, 79–81, 108, 109, 112–115, 124, 126, 209, 221, 232, 233, 235, 246, 258, 259, 264, 265, 268–271, 279, 280, 322, 361, 368, 371, 377, 394, 399, 400, 407, 411, 472, 474, 488, 496, 504–509, 511–513, 515, 529, 541, 552–555, 568, 571, 572, 616, 618, 650, 652, 655, 748, 767, 781, 782, 866, 867, 882, 923, 924, 935, 936, 963
- Толстой Г. М., 688, 758
- Толстой Д. Н., граф, 34, 36
- Толстой И. (Жан), дипломат, 290
- Толстой Л. Н., граф, 297, 513, 944
Анна Каренина, 944
- Толстой М. Ф., 415
- Толстой С. П., граф, 233
- Толстой Ф. П., граф, 34, 36, 693, 759
- Толстые, 362
- Томаринский М. А., 451, 454, 456
- Томашевская А. И., 950
- Томашевская М. С. См. Аксакова (в замужестве Томашевская) М. С.
- Томашевский А. Ф., 472, 474, 673, 722, 755, 868, 894
- Топчибашев М. Д., 34, 36
- Торвальдсен Б., 38, 446, 447
- Торлони (Торлония) А., герцог, 38, 44, 474, 726, 764
- Торси, 38
- Трахимовский (Трохимовский, Трофимовский) М. Я., 273, 522
- Трахимовский Н. М., 521, 522
- Траян (Троян), римский император, 195, 218, 229, 251, 255, 257, 303, 366, 425, 427, 442, 444, 451, 453, 454
- Трифинский Н. Н., 129
- Тромонин К. Я., 488, 492

- Трошинская (рожд. Кудрявцева) О. Д., 486
- Трошинский А. А., 484, 486, 514, 575
- Трошинский Дм. П., 314, 327, 330, 478, 480, 484–487, 756
- Трошинский И. Е., 484, 486
- Трошинский И. И., 486
- Трошинский П. И., 484
- Трубецкая (рожд. графиня Лаваль) Е. И., княгиня, 292
- Трубецкая (рожд. княжна Гика) К. К., 258, 293
- Трубецкая (рожд. Смирнова) С. Н., княгиня, 196–198, 225, 251, 253, 254, 257, 261, 293, 296, 303, 304, 313, 321, 405, 406
- Трубецкая, княгиня, 30
- Трубецкая, княжна, 226
- Трубецкой А., 259
- Трубецкой С. П., князь (до 1826 г.), 292, 296
- Трутовская С. А. *См.* Самбурская (в замужестве Трутовская) С. А.
- Трутовский, 490
- Трутовский К. А., 902, 970
- Трушковский Н. П., 112, 120, 122, 215, 516, 517, 522, 895, 896, 932, 937, 938, 941, 942
- Туманский В. И., 34, 36
- Туманский Ф. А., 34, 36
- Тур Евгения. *См.* Салиас де Турнемир (рожд. Сухово-Кобылина, псевдоним Евгения Тур) Ел. В., графиня
- Тургенев А. И., 41, 43, 51, 52, 55–57, 73, 130, 134, 148, 199, 259, 268, 295, 348, 365, 489, 493, 691, 758, 910
- Тургенев И. С., 149, 227, 271, 280, 303, 308, 313, 322, 323, 347, 348, 369, 390, 408, 563, 625, 630, 631, 691, 846, 896, 932–935, 939, 945, 960
- Бежин луг, 271*
- Гамлет Щигровского уезда, 271*
- Дворянское гнездо, 563*
- Записки охотника, 945*
- Муму, 271, 308*
- Нахлебник, 563*
- Отцы и дети, 313, 322*
- Постоялый двор, 271*
- Три портрета, 408*
- Тургенев Н. И., 348
- Тургенева О. А., 939
- Тьер Л. А., 501, 844, 845
- Тюнин А. П., 119
- Тютчев Ф. И., 4, 251, 262, 280, 291, 323, 348, 368, 369
- Тютчева (рожд. Путята) О. Н., 605, 968, 969
- Тютчева А. Ф. *См.* Аксакова (рожд. Тютчева) А. Ф.
- Тютчева Е. И. *См.* Пигарева (рожд. Тютчева) Е. И.
- Тютчева Н. Н. *См.* Шереметева (рожд. Тютчева) Н. Н.
- Тютюник Л. И., 9, 11
- Тюфякина Е., княгиня, 265
- Тяпкин-Ляпкин, слуга М. П. Погодина, 409
- Уайт (Выйят, Виатт) Р. Д., 446, 447
- Убри (Убриль) П. Я., 41, 47
- Уваров А. С., граф, 510
- Уваров С. С., граф (с 1846 г.), 5, 26, 43, 58, 61, 85, 86, 105, 168, 169, 175, 202, 204, 213, 214, 250, 264, 345–348, 350, 416–418, 472, 491, 498, 500, 510, 530, 536, 743
- Угличанины, оренбургские помещики, 754
- Уланд Л., 481
- Ульянов (Ленин) В. И., 513
- Ульянов Н. И., 28
- Унгер (Унгер-Сабатье) К., 160
- Унковская (в замужестве Кабрит) В. С., 780
- Унковская (рожд. Белкина) В.М., 780
- Унковская Е. С., 780
- Унковский М. С., 780
- Унковский С. Я., 780
- Унковский Ф. С., 783
- Уракова Н. О., 893
- Урбан, святой католической Церкви, 439
- Урусов (псевдоним Ал. Иванов) А. И., князь, 918
- Урусова (в замужестве княгиня Радзивилл) С. А., княжна, 309, 314
- Усов С. М., 34, 36
- Успенский Л. А., 456

- Ф., знакомый А. П. Милюкова, 186
- Фаллу А. П., граф, 348
- Фалькони, содержатель трактира в Риме, 468
- Фарнгаген фон Энзе К. А., 163, 164
- Фаустина (Фавстина) Старшая, супруга императора Антонина, 424, 431
- Феа И., аббат, 444
- Федоров Е. Я., 487
- Федоров И. Ф., 482
- Федорук О. О., 400, 521, 942, 952
- Федотов П. А., 172, 173
- Федотова К., 553
- Фейнберг И., 512
- Фейт Я., 40
- Фенелон Ф., архиепископ, 198, 199
- Феодор (Бухарев), архимандрит, 871, 872
- Феофан (Александров), архимандрит, 172
- Феофан Грек, 456
- Ферапонтов Н. И., 268, 279, 283, 291
- Фердинанд I, австрийский император, 266
- Фердинанд II, король Обеих Сицилий, 438, 439, 444
- Феррари Г., 40
- Фет (наст. фамилия Шеншин) А. А., 488, 493, 565
- Феш И., кардинал, 39, 44, 427, 446
- Фидий, 433
- Фикельмон (рожд. графиня Тизенгаузен) Д. Ф., графиня, 415
- Фикельмон К. Л., граф, 292, 296
- Фикельмон Ш. Л., граф, 265, 278, 415
- Филарет (Амфитеатров), митрополит Киевский и Галицкий, 139
- Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский, свт., 108, 112, 114, 120, 263, 268, 279, 284, 298, 300, 307, 508, 595
- He напрасно, не случайно..., 279*
- Филатов, 488
- Филдинг (Фильдинг) Г., 300, 842
- Филимонов В. С., 34, 36
- Филин М. Д., 925
- Филипп II, испанский король, 38
- Филипп, митрополит, св., 263, 278
- Филипп, св. апостол, 425, 433, 451
- Филиппов Н. П., 5, 6
- Филиппов Т. И., 500, 517, 569, 570
- Филонов, майор, 211, 212, 269
- Философов А. И., 259
- Фишер К. А., 180
- Флеров В. П., 167, 170, 171, 173, 421, 443, 455, 464
- Флетчер Дж., 602
- Флобер Г., 325
- Фок, графиня, 289
- Фома Кемпийский, святой католической Церкви, 189, 198, 199, 554, 643, 906
- Фома, св. апостол, 425, 433, 451, 490, 653
- Фонвизин Д. И., 338, 477, 518, 910
- Фонвизин И. А., 265, 655
- Фонтана Д., 40
- Форнарина (Маргарита), натурщица С. Рафаэля, 39, 40, 425, 435
- Фотий, патриарх Константинопольский, 554
- Франц I, австрийский император, 276
- Франциск Ассизский, святой католической Церкви, 425, 435
- Франциск Сальский, святой католической Церкви, 198, 199
- Франчя Ф., 39
- Фредерикс М. П., баронесса, 939, 940
- Фреццолини Э., 160
- Фридлендер Г. М., 301, 521, 795
- Фридрих II, Великий, 388
- Фридрих Вильгельм III, король прусский, 460
- Фридрих Вильгельм IV, король прусский, 460
- Фридрих, герцог Саксен-Руссенгальский, 258
- Фролов П. Г., 664, 753
- Фурье Ш., 348

- Фьезоле Фра Джованни, да (Беато Фра Джованни, Беато Анджелико), святой католической Церкви, 39, 40, 299, 451, 457
- Х., лицо, упоминаемое Императором Николаем I, 340
- Ханыков В. Я., 267, 272
- Ханыков Я. В., 216, 231, 242, 244, 257, 271, 302, 304, 305, 312
- Ханыкова, 232
- Хелиус, врач, 61
- Хилков Д. А., князь, 268
- Хилков И. Е., князь, 484, 485
- Хилкова (побочная дочь Дм. П. Трощинского) Н. Д., княгиня, 484–486
- Хилкова П. И., княжна. См. Остен-Сакен (рожд. княжна Хилкова) П. И.
- Хитрово (рожд. графиня Тизенгаузен) Е. Ф., 415
- Хитрово (рожд. княжна Голенищева-Кутузова) А. М., 415
- Хитрово (рожд. княжна Голенищева-Кутузова, в первом браке графиня Тизенгаузен) Е. М., 415
- Хитрово Е. А., 3
- Хитрово Н. З., 415
- Хитрово Н. Ф., 415
- Хмельницкий Б. М., 26, 141, 162, 296, 330, 581, 756, 757, 762
- Хмельницкий Н. И., 681, 756, 825
- Хованский А. Н., князь, 165
- Ховард (Howard), 759
- Ховрин Н. В., 792, 795, 815
- Ховрина М. Д., 746, 767, 792, 795, 815
- Ходаревская (рожд. Косяровская) Е. И., 777
- Хоменко Н. В., 119
- Хомяков А. С., 34, 36, 46, 64, 65, 80, 88, 92, 108, 130, 134, 136, 143–145, 172, 205, 209, 264, 265, 268, 269, 271, 292, 326, 344, 348, 360, 409, 497, 498, 503–507, 509, 511, 512, 514, 515, 517, 530, 567, 569, 576, 604, 605, 611–614, 619, 630, 640, 653, 711, 729, 732, 733, 745, 752, 755, 791, 792, 793, 795, 796, 816, 818, 819, 833, 834, 837, 844, 850, 861, 864, 865, 870, 873, 887–893, 896, 926, 933, 937, 945, 968
- Беззвездная полночь дышала прохладой..., 865*
- В альбом В. Ганки, 865*
- Иностранка, 268*
- Не гордись перед Белградом..., 865*
- Хомяков Н. А., 111, 611, 873
- Хомякова (рожд. Киреевская) М. А., мать А. С. Хомякова, 888, 889, 891
- Хомякова (рожд. Языкова) Е. М., 64, 108, 111, 136, 160, 504, 505, 611, 691, 762, 837, 864, 865, 882, 887, 888, 890, 891, 893, 933
- Хомяковы, 887
- Хомянов К. С., 27
- Храповицкий А. В., 248
- Храповицкий М. В., 246, 248, 272
- Христиани Г. Г., 46, 47
- Христофор, слуга, 222, 405
- Цезарь Г. Ю., 264, 303, 424, 431, 432, 436–438, 440, 448, 453
- Целинский А., 26
- Ценкер, московский банкир, 767
- Церетели Г. Ф., 456
- Цецилия (Сесилия), святая католической Церкви, 38, 39
- Цецилия Метелла, 439
- Цимбаев Н. И., 802
- Цимохович М. И., 538
- Цинский Л. М., 695, 759
- Цицерон, 432, 438, 453
- Цицианов Д. Е., князь, 328, 353
- Цицианова Е. Д., княжна, 266, 267, 278, 344, 357
- Цицианова Е. Е., княжна. См. Лорер (рожд. княжна Цицианова) Е. Е.
- Цициановы, князья, 278
- Цуккаро Т., 38, 39, 450
- Цявловский М. А., 54–56, 59, 60, 64, 168, 197–200, 213, 215, 234, 247, 295, 353, 365, 551
- Чаадаев (Чадаев) П. Я., 177, 179, 348, 490, 792
- Чаговец В. А., 99, 101, 115, 124, 777, 779
- Чайковский М. С., 22
- Чарторыйский А. К., 426

- Чеканинский И., 512
- Ченчи Б., 336, 354, 425, 435
- Ченчи Ф., 354
- Черкасов А. И., барон, 213, 214
- Черкасов П. И., барон, 41, 47
- Черкасская (рожд. княжна Васильчикова) Е. А., княгиня, 374
- Черкасские, 491
- Черкасский, князь, 491
- Черкасский В. А., князь, 130, 373, 374, 899, 902
- Черневский С. А., 140, 754, 755, 759, 829
- Черницкая А. М., 78, 199, 306–308
- Черныш Вас. Вас., 478, 480
- Черныш Вас. И., 478, 480
- Чертков А. Д., 46, 82, 138, 140, 144, 172, 177, 179, 410, 427, 452, 455, 490, 497, 803
- Черткова (рожд. графиня Чернышева) Е. Г., 41, 46, 82, 83, 140, 144, 232, 359, 427, 452, 455, 489, 490, 493, 633, 691, 693, 694, 707, 803
- Черткова С. А. См. Ермолова (рожд. Черткова) С. А.
- Чечевица, фамилия родственников Гоголя, 291
- Чивилев (Чевилев) А. И., 130
- Чижевский Д. И., 318
- Чижов Ф. В., 5–7, 25, 34, 43, 123, 130, 235, 457, 852, 861, 910, 944
- Чириков, помещик, 266
- Чистяков М. Б., 34, 36
- Чудаков Г. И., 317
- Чулков М. Д., 331
- Шагин-Гирей, 404
- Шаликов П. И., князь, 179
- Шамбери, французская актриса, 779
- Шамиссо А., де
Предание об Александре Великом, 493
- Шаплет С., де, 374
- Шаповаленко (Шаповалов) И. С., 44
- Шаржинский С. Д., 551
- Шарль (Карл, Charles), курьер А. О. Смирновой, 260, 366, 367
- Шарьер, переводчик, 297
- Шатобриан Ф. О., 198, 199
- Шатров Н. М., 177, 179
- Шафарик П. И., 419, 420, 426, 459, 462, 464, 576, 954
- Шаховская (в замужестве графиня Келлер) М. А., графиня, 940
- Шаховской А. А., князь, 34, 36, 177
- Шаховской А. И., князь, 77, 939
- Шацкая А., 494
- Шварц П. И., 34, 36
- Швецов А. Н., 301
- Шевченко Т. Г., 151, 363, 494, 636
- Шевырев Б. С., 82, 83, 92, 107, 457, 471, 937
- Шевырев Д. С., 105, 107
- Шевырев С. П., 4, 34, 38, 45, 46, 57, 65, 69, 83, 85–107, 111–117, 119–124, 126–130, 143, 144, 147, 152, 166, 172, 177, 179, 180, 209, 226, 268, 269, 280, 362, 373, 374, 384, 387, 395, 399, 409–413, 416, 424–428, 430, 431, 434, 439, 442, 444–447, 451, 452, 455–459, 462, 464–471, 476, 477, 487–495, 497, 498, 499, 500, 502–504, 511, 512, 514, 516, 517, 521–523, 527, 528, 530, 534, 536, 545, 551, 554, 567, 570, 572, 573, 582, 584–586, 589–591, 594, 599–602, 604, 617, 619–621, 623–625, 629, 630, 632, 642, 646, 647, 652, 653, 655, 661, 669, 670, 679, 700, 705, 710, 711, 714, 716, 719, 726, 728, 735–737, 740, 742–749, 754–757, 761, 762, 764–767, 782, 783, 789, 792, 793, 796, 816, 817, 823–829, 833, 834, 836, 838, 850, 851, 853, 855, 863, 883, 885, 894, 906, 907, 916, 923, 929, 936, 937, 942, 957
- История русской словесности, преимущественно древней, 444*
- К Гоголю (Что ж дремлешь ты?), 45, 469, 470, 471*
- Шевырева (рожд. Зеленская) С. Б., 82, 83, 85, 92, 105, 111, 457, 462, 471
- Шевыревы, 82
- Шекспир У., 134, 207, 300, 325, 326, 333, 336, 354, 543, 545, 657, 661, 673, 676, 696, 703, 788, 789, 834, 845–847
- Буря, 757*
- Венецианский купец, 336*
- Гамлет, 187, 545*

- Ромео и Джульетта*, 336
- Шелли П. Б., 321, 325, 336, 354
- Ченчи*, 336, 354
- Шеллинг Ф. В., 322, 428
- Шенин А. Ф., 4, 34
- Шенрок В. И., 17, 20, 24, 74, 78, 81, 111, 112, 121, 126, 127, 161, 162, 169, 199, 202, 225, 234–236, 238–240, 301, 304–306, 308–311, 313–318, 320, 325, 352, 353, 357–363, 366, 371, 372, 395, 404, 408, 416, 456, 485, 521, 529, 594, 620, 623, 626, 635, 646, 658, 761, 763, 765–767, 795, 797, 861, 903, 942, 963
- Шенрок И. Х., 81
- Шереметев В. А., граф, 258
- Шереметев Д. Н., граф, 263, 447
- Шереметева Н. А., 889
- Шереметева (рожд. Тютчева) Н. Н., 41, 42, 55, 58, 62, 63, 98, 99, 101–105, 123, 131–133, 195, 205, 255, 265, 583–586, 641, 655, 693, 712, 719, 722, 762, 820, 821, 829, 844, 927, 930
- Шестаков Д. П., 754
- Шестаков П. Д., 173
- Шнарр, 40
- Шигаев Ю., 296
- Шиллер Ф., 241, 322, 328, 333, 788, 842
- Элевзинский праздник*, 328
- Шиллинг фон Капштадт П. Л., барон, 414
- Шиллинг, барон, приживал Дм. П. Трощинского, 485
- Ширинский-Шихматов П. А., князь, 568, 936, 945, 946
- Ширяев А. С., 415, 416, 472
- Ширяев Г. И., 208, 209
- Шиховской И. О., 34, 36
- Шишков А. С., 331, 417
- Шишков Н. А., 883
- Шишкова М. А., 883
- Шишкова С. А. См. Аксакова (рожд. Шишкова) С. А.
- Шлецер (Шлэцер) А. Л., 416, 417
- Шмидт, портной, 282
- Шпаур, 41
- Шпейер, графиня, 257
- Шпильман, 257
- Штакельберг Г. О., граф, 24, 29
- Штанов, прапорщик, 274
- Штатникова М. И., 282
- Штраус Д., 421, 465, 483
- Штруве, 489, 493
- Штукенберг И. Ф., 34, 36
- Штюрмер, московский домовладелец, 666
- Шуберт Ф. Ф., 263
- Шувалов И. И., граф, 59
- Шульгин И. П., 4, 34
- Шумский (наст. фамилия Чесноков) С. В., 154, 393, 669, 754, 755, 880, 881, 932
- Щеглов И. Л., 226, 401–403, 407
- Щеголев П. Е., 621, 658, 893, 896, 897
- Щедрин. См. Салтыков (псевдоним Щедрин Н.) М. Е.
- Щедрин С. Ф., 346, 357
- Щекотов Н. М., 456
- Щепкин Д. М., 641, 658, 659, 692, 712, 713, 759, 778, 789
- Щепкин М. С., 95–97, 139, 141, 146, 153, 154, 227, 268, 269, 279, 283, 285, 286, 291, 295, 355, 359, 360, 399, 418, 419, 472, 473, 491, 492, 495, 497–502, 511, 519, 520, 527, 528, 530, 534, 536, 538–540, 569, 572, 573, 576, 579, 582, 586, 587, 597, 599, 638, 639, 641, 644, 656, 658, 668, 669, 671, 686, 687, 692, 693, 694, 696, 698, 700, 701, 703, 712, 713, 730–734, 745, 746, 752, 753, 759–761, 765, 766, 778, 779, 785–789, 804, 815, 817, 829, 836–838, 841, 851, 880, 896, 898, 902–904, 912, 920, 945, 948, 951, 964, 966
- Щепкин П. С., 664, 753
- Щепкина А. М., 153, 154
- Щепкина (в замужестве Барсова) Ф. М., 153, 154
- Щепкина (рожд. Тимирязева) К. Н., 780
- Щербатов А. Г., князь, 841, 842
- Щербатов А. Ф., князь, 102
- Щербатов Г. А., князь, 495, 525
- Щербатова (рожд. графиня Апраксина) С. С., 841, 842
- Щербатова (рожд. княжна Оболенская) В. П., княгиня, 102
- Щербина Н. Ф., 172, 173, 545

- Щукин П. И., 234, 365
 Э., барон, майор, 380
 Эвениус А. Е., 112
 Эдельсон Е. Н., 567
 Эйлер (в замужестве Зубова) А. А., 309, 314, 324, 329, 333
 Эйлер Л., 309
 Эльджин Т., граф, 299
 Энгельгардт Л. Н., 968
 Эстергази, князя, 160
 Эсхил, 332
 Этьен, эрцгерцог, 199
 Эфрос Н. Д., 113
 Югель К., 57
 Югурта (Югорта), царь нумидийский, 452
 Юдин Г. В., 512
 Юлий II, римский папа, 39
 Юнг-Штиллинг И. Г., 262
 Юргановы, 828
 Юрлов А. И., 823, 956
 Юсупов Б. Н., князь, 274, 292
 Языков А. М., 136, 202
 Языков М. А., 906
 Языков Н. М., 18, 64, 98, 101, 103, 108, 111, 125, 127, 133, 158, 160, 196, 202, 205, 210, 218, 221, 226, 229, 230, 243, 258, 269, 289, 296, 305, 345, 353, 357, 368, 380, 390, 409, 411, 459, 474, 488, 494, 505, 522, 530, 545, 579, 583–586, 588, 646, 651, 657, 698, 714, 721, 735, 737, 740, 741, 758, 762, 763, 831, 832, 835, 838, 840, 841, 844, 849, 852, 855, 887, 890, 898, 906, 907
Землетрясение, 289, 296, 380
К К. К. Павловой (Забыли вы меня? Я сам же виноват...), 158, 160
Люблю смотреть на сине море..., 103
То ли дело как бывало..., 103
Элегия (Толпа ли девочек игрываая, живая...), 296
 Языков П. А., 34
 Языков П. М., 183, 832
 Языкова (рожд. Ивашева) Ел. П., 832
 Языкова (рожд. Наумова) Н. А., 136, 569
 Языкова Ек. П., 832
 Языковы, 492, 714, 832
 Яков, кучер Погодиных, 526, 527
 Яковлев, чиновник, 14, 15
 Яковлева А. Р., 330, 353
 Якубович Л. А., 34, 36
 Якушкин Е. И., 829
 Янович (Яновичева) Ю., средняя дочь генерала Яновича, 938, 939
 Янович (Яновичева), младшая дочь генерала Яновича, 938
 Янович (Яновичева), старшая дочь генерала Яновича, 938, 939
 Янович, генерал, 938
 Янушкевич А. С., 49
 Яньский Б., 21–25
 Ясинский Я. И., 954
 Ястребцов И. М., 34
 Ястребцов, директор гимназии, 463
 Brambilla, 160
 Carnuel, 329
 Conino, 258
 Fedi, художник в Риме, знакомый Гоголя и А. А. Иванова, 304
 Gabussi, 160
 Guene (Gegenet), горничная княжны П. И. Хилковой, 486
 Hochard, парижская домовладелица, 458, 464
 Laureani, 40
 Lu (Lee), знакомый А. О. Смирновой в Бадене, 258
 Meulan P., de, 501
 Milici, содержательница гостиницы в Риме, 253
 N. N., корреспондент журнала «Москвитянин», 90
 N., знакомая А. Д. и Е. Г. Чертковых в Риме, 452
 N., знакомый В. С. Аксаковой, 900
 N., святой, 39
 Ninette, 329
 Pachte, 333
 Padoviano, 39
 Potot, гувернантка Аксаковых, 668
 Potot, дочь гувернантки Potot, 668
 Sam, 259
 Sarg, 196

Содержание

Запись о Гоголе в дневнике П. Д. Дурново	3
Свидетельства о Гоголе Н. В. Путяты	4
Запись о Гоголе в дневнике Н. В. Путяты	4
Н. В. Путята — А. Ф. Воейкову. 10 октября 1838 г.	4
А. В. Враский, князь В. Ф. Одоевский, А. А. Краевский. Программа для издания книги под названием: <i>Русский Сборник</i> с принадлежащим к нему <i>Литературным Летописцем. Фрагмент</i>	5
А. П. Могилянский. <О программе издания «Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду на 1837 год»>	7
Д. П. Северин — князю П. А. Вяземскому. <i>20 сентября (н. ст.) 1836 г. Оберрид близ Берна</i>	8
Из писем цесаревича Александра Николаевича к императору Николаю Павловичу	9
Из писем императора Николая Павловича к цесаревичу Александру Николаевичу	11
Документы об оказании Гоголю Императором Николаем I денежного пособия в 1837 г.	12
Резолюция Императора Николая I на прошении Гоголя на Высочайшее имя от 18 апреля (н. ст.) 1837 г.	12
Директор кредитной канцелярии Министерства финансов — директору Департамента хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел графу Мих. Ю. Виельгорскому. 15 июля 1837 г. Санкт-Петербург	12
Министр финансов граф Е. Ф. Канкрин — управляющему I Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии статс-секретарю А. С. Танееву. 15 июля 1837 г. Санкт-Петербург	13

Директор Департамента хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел граф Мих. Ю. Виельгорский — российскому поверенному в делах в Риме П. И. Кривцову. <i>16 июля 1837 г. Санкт-Петербург</i>	14
Директор Департамента хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел граф Мих. Ю. Виельгорский — директору кредитной канцелярии Министерства финансов. <i>16 июля 1837 г. Санкт-Петербург</i>	15
Заведующий делами Департамента хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел Орлов — российскому поверенному в делах в Риме П. И. Кривцову. <i>20 июля 1837 г. Санкт-Петербург</i>	15
Российский поверенный в делах в Риме П. И. Кривцов — Департаменту хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел. <i>14 октября (н. ст.) 1837 г. Рим</i>	16
П. А. Кулиш. <Примечания к письмам Гоголя>	17
<Примечание к письму из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу от 2–30 ноября (н. ст.) 1837 г.>	17
<Примечание к письму А. С. Данилевскому от 25 марта (н. ст.) 1839 г.>	17
<Примечание к письму Н. М. Языкову от 26 октября (н. ст.) 1844 г.>	18
А. И. Лященко. Украинофильство Гоголя. (Свидетельство Богдана Залеского). Фрагменты	19
Гоголь в письмах и дневниковых записях И. Кайсевича и П. Семеновича	21
Гоголь в письмах Анд. Н. Карамзина к Е. А. Карамзиной	30
А. А. Краевский. Объявление об издании «Отечественных Записок» в 1839 году. Фрагмент	34
Граф В. Ф. Адлерберг. Журнал путешествия <Наследника Цесаревича Александра Николаевича> за границу 1838 года. Фрагмент	37
Свидетельства о Гоголе В. А. Жуковского	38
Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского	38
Гоголь в письмах В. А. Жуковского	49

<i>Н. П. Лыжин. Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы. Фрагмент</i>	69
П. А. Ефремов. Портреты Гоголя и рисунки к его сочинениям. Фрагмент	71
Гоголь в письмах и воспоминаниях графа Мих. Ю. Виельгорского	72
Из писем графа Мих. Ю. Виельгорского	72
Граф Мих. Ю. Виельгорский о первом авторском чтении «Ревизора», в дневниковой записи князя П. А. Васильчикова	73
Гоголь в дневнике графа И. М. Виельгорского	74
Графиня Ап. М. Виельгорская – графу Матв. Ю. Виельгорскому. 22 июня 1839 г. Марсель	75
Графиня Л. К. Виельгорская (рожденная герцогиня Бирон) – княгине О. С. Одоевской. 11 или 18 ноября 1846 г.	76
<Из воспоминаний родственников Виельгорских> Фрагменты из «Материалов для биографии Гоголя» В. И. Шенрока	77
Гоголь в письмах графа В. В. Апраксина	79
Свидетельства о Гоголе С. Б. Шевыревой (рожденной Зеленской)	82
Гоголь в дневниковых записях С. Б. Шевыревой	82
С. Б. Шевырева – С. П. Шевыреву. 3–5 июня (н. ст.) 1839 г. Рим	83
Гоголь в письмах и документах С. П. Шевырева	85
Гоголь в письмах С. П. Шевырева	85
С. П. Шевырев. Редакторское примечание в заключении второй главы в первом издании второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя	121
С. П. Шевырев. Список бумаг, оставшихся после покойного Н. В. Гоголя	122
С. П. Шевырев. Записка о печатании Сочинений покойного Н. В. Гоголя. О сумме денег, им на то оставленной	124
С. П. Шевырев. Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя	124
А. В. Веневитинов – С. П. Шевыреву. 10 декабря 1846 г.	128
Н. П. Бектышев – С. П. Шевыреву. 15 мая 1853 г. Москва	129
Гоголь в письмах и воспоминаниях А. П. Елагиной (рожденной Юшковой, в первом браке Киреевской)	130

Воспоминания А. П. Елагиной в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша	130
Гоголь в письмах А. П. Елагиной	131
М. В. Киреевская – Е. А. Свербеевой. 24 сентября 1848 г. Москва	135
Е. А. Елагина – Н. А. Языковой. 25 марта 1850 г. Москва	136
В. Г. Анастасевич – И. И. Срезневскому. 14 февраля 1838 г.	137
Гоголь в письмах И. И. Срезневского	138
П. И. Бартенеv. Воспоминания С. А. Ермоловой о Гоголе	140
Гоголь в письмах Н. П. Огарева	141
С. И. Астраков – Н. П. Огареву. 27 февраля 1852 г. Москва	143
Гоголь в письмах Н. Ф. Павлова	144
В. С. Межевич. Литературное обозрение. Фрагмент	146
Гоголь в письмах Т. Н. Грановского	148
Отчет Комитета Общества Поощрения Художников, с апреля 1838 по 28 апреля 1839 года. Фрагмент	150
Гоголь в дневнике Н. А. Маркевича	152
<Объявление газеты «Московские Ведомости» от 3 февраля 1840 г. о постановке комедии «Сганарель» Мольера>	153
В. И. Родиславский. Мольер в России. Фрагмент	154
<Извещения газеты «Московские Ведомости» от 6, 10 и 13 апреля 1840 г. об отъезде Гоголя за границу>	156
И. С. Некрасов. Значение Гоголя в истории русской литературы. Фрагмент	157
Гоголь в письмах В. А. Панова	158
Джюлия – В. А. Панову. 9–11 мая (н. ст.) 1841 г. Рим	166
Книга для записей рукописей и книг Московского цензурного комитета. Фрагменты	167

Книга для записывания объявлений на продажу книг, нот и картин Московского цензурного комитета. <i>Фрагмент</i>	171
Дневник Ивана Михайловича Снегирева. <i>Фрагменты</i>	172
Гоголь в письмах попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова	174
Всеподданнейший доклад начальника III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии графа А. Х. Бенкендорфа от 2 февраля 1842 г. об оказании Гоголю единовременного пособия, с резолюцией Императора Николая I	176
<i>М. А. Дмитриев</i> . Главы из воспоминаний моей жизни. <i>Фрагменты</i>	177
Гоголь в письмах П. П. Татаринова	181
<Извещения газеты «Московские Ведомости» от 13, 16 и 20 мая 1842 г. об отъезде Гоголя за границу>	183
<Извещение газеты «Санкт-Петербургские Ведомости» от 28 мая 1842 г. о прибытии Гоголя в Санкт-Петербург>	184
Воспоминания академика П. П. Соколова. <i>Фрагмент</i>	185
<i>А. П. Милюков</i> . Встреча с Н. В. Гоголем. (Отрывок из воспоминаний)	186
<i>Д. П. Сильчевский</i> . Встреча моего отца с Гоголем в 1842 году. (Отрывок из воспоминаний)	190
<i>К. Мармье</i> . Николай Гоголь. <i>Фрагмент</i>	192
П. Ф. Заикин – М. Н. Каткову. <i>Лето 1842 г.</i>	193
Свидетельства о Гоголе М. Н. Каткова	194
М. Н. Катков – А. Н. Попову. <i>20 февраля 1843 г. Москва</i>	194
<i>М. Н. Катков</i> . <Некролог Гоголю>. <i>Фрагменты</i>	194
Свидетельства о Гоголе А. О. Смирновой (рожденной Россет) и ее дочери О. Н. Смирновой	195
Из писем А. О. Смирновой	195
Из дневника А. О. Смирновой	213
Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в письмах П. А. Кулиша	214

Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша ..	215
Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила	227
<i>П. А. Висковатов.</i> Михаил Юрьевич Лермонтов. Юность поэта. <i>Фрагмент</i>	236
<i>П. Висковатов-Висковатый.</i> Из рассказов А. О. Смирновой о Н. В. Гоголе	236
Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина	241
<i>А. О. Смирнова.</i> <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову>. 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г. <i>Париж</i>	248
<i>А. О. Смирнова.</i> <Автобиография>. <i>Фрагменты</i>	281
<i>А. О. Смирнова.</i> Биография Александры Осиповны Чаграновой. <i>Фрагменты</i>	282
<i>Н. И. Лорер.</i> Записки. <i>Фрагмент</i>	297
<i>В. П. Горленко.</i> Воспоминания г-жи Смирновой о Гоголе. <Перевод статьи О. Н. Смирновой «Etudes et souvenirs» (1885)>	297
Воспоминания О. Н. Смирновой о Гоголе в статье В. И. Шенрока «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь» (1888)	301
<Воспоминания О. Н. Смирновой о Гоголе в статье В. И. Шенрока «Н. В. Гоголь в его неизданных статье и письмах» (1890)>	306
<i>В. И. Шенрок.</i> <Объяснения О. Н. Смирновой к письмам ее матери А. О. Смирновой Гоголю (1890)>	306
<i>О. Смирнова.</i> Ответ г-же Черницкой. <i>Фрагменты</i>	306
О. Н. Смирнова — О. К. Нотовичу. 18 марта (н. ст.) 1890 г. <i>Париж</i>	308
«Отрывки из дневника» А. О. Смирновой, присланные О. Н. Смирновой В. И. Шенроку около 1888 г.	308
«Отрывки из дневника» А. О. Смирновой, присланные О. Н. Смирновой В. И. Шенроку около 1892 г.	314
<i>О. Н. Смирнова.</i> Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.). <i>Фрагменты</i>	319
<i>Предисловие</i>	319
<i>Часть 1</i>	327

Часть 2	342
<Воспоминания о Гоголе А. О. и О. Н. Смирновых в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока>	358
<Воспоминания о Гоголе О. Н. Смирновой в «Указателе к письмам Гоголя... в издании Кулиша» В. И. Шенрока>	362
Г. С. Степанов – А. Ф. Онегину-Отто. 7 августа (н. ст.) 1899 г.	364
Гоголь в письмах А. О. Россета к А. О. Смирновой	366
Гоголь в воспоминаниях Н. Н. Сорен (рожденной Смирновой), в записи В. И. Шенрока	371
Гоголь в воспоминаниях Л. И. Арнольди	373
Воспоминания Л. И. Арнольди в записи П. И. Бартенева	373
Л. И. Арнольди. Мое знакомство с Гоголем	374
Воспоминания графа А. К. Толстого в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша	396
<Воспоминания графа А. К. Толстого, А. М. Жемчужникова и графа А. П. Толстого, записанные П. А. Кулишом>	399
<i>Ив. Щеглов.</i> Три дня в городе Калуге. (Дорожные заметки). <i>Фрагмент</i>	401
<i>И. А. Баталин.</i> Отклики дня. <i>Фрагмент</i>	403
<i>Н. П. Авраамов.</i> О пребывании Гоголя в Калуге. <i>Фрагменты</i>	404
Гоголь в письмах, дневниках и воспоминаниях М. П. Погодина	409
Из писем М. П. Погодина	409
<i>М. П. Погодин.</i> Воспоминание о князе В. Ф. Одоевском. <i>Фрагмент</i>	414
Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1832–1835 гг.	415
<i>М. П. Погодин.</i> Письмо из Петербурга	418
Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1836–1838 гг.	418
Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. <i>Черновой автограф</i>	419

Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 1)	420
Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. <i>Черновой автограф</i>	424
Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2)	429
Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2)	445
Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4)	457
<i>М. П. Погодин.</i> Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году	466
<i>М. П. Погодин.</i> Воспоминание о С. П. Шевыреве. <i>Фрагмент</i>	471
М. П. Погодин — С. Т. Аксакову. <i>Начало октября 1839 г. Москва</i>	471
Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1840–1841 гг.	472
<i>М. П. Погодин.</i> Где наши литераторы? <i>Фрагмент</i>	475
<i>М. П. Погодин.</i> Литературные новости. <i>Фрагмент</i>	475
Из дорожного дневника М. П. Погодина 1842 г. <i>Черновой автограф</i>	477
Из статьи «Поездка профессора Погодина за границу в 1842 году». <i>Черновой автограф</i>	479
Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг.	487
Из писем М. П. Погодина	495
<i>М. П. Погодин.</i> <Рецензия на «Словарь достопамятных людей Русской земли» Д. Н. Бантыша-Каменского (СПб., 1847)>. <i>Фрагмент</i>	497
Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг.	497
<i>М. П. Погодин.</i> Современные известия. Московские. <i>Фрагмент</i>	502
<i>М. П. Погодин.</i> Обед в честь Айвазовского и Иордана. <i>Фрагмент</i>	503
<i>М. П. Погодин.</i> Московские известия. <i>Фрагмент</i>	503
Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина конца 1851 — начала 1852 гг.	504

<i>М. П. Погодин.</i> Кончина Гоголя. <Некролог>	504
<i>М. П. Погодин — М. И. Гоголь.</i> 9 марта 1852 г. Москва	514
Гоголь в дневниковых записях <i>М. П. Погодина</i> 1852 г. (март — апрель)	515
<i>М. П. Погодин.</i> Поминовение по Гоголе. (Отрывок из письма в Петербург <к А. О. Смирновой>)	515
Гоголь в дневниковых записях <i>М. П. Погодина</i> 1852 г. (апрель — декабрь)	516
<i>М. П. Погодин.</i> Мелочи	517
<i>М. П. Погодин.</i> Ответы г. Булгарину	518
Прощальный обед <i>М. С. Щепкину</i>	519
<i>М. П. Погодин.</i> <Набросок воспоминаний о Гоголе>	520
<i>М. П. Погодин — М. А. Максимовичу.</i> 19 мая 1871 г.	523
<i>Е. Ф. Вагнер — М. П. Погодину.</i> 21 февраля 1852 г. Москва	524
Гоголь в воспоминаниях <i>Д. М. Погодина</i>	525
<i>Д. М. Погодин.</i> Пребывание <i>Н. В. Гоголя</i> в доме моего отца	525
<i>П. К. Мартыянов.</i> Гг. Погодины и газета «Жизнь»	530
Гоголь в воспоминаниях <i>А. М. Зедергольм (рожденной Погодиной)</i>	538
<i>П. Першин.</i> Как Гоголь писал и сжег «Мертвые души». 12 неопубликованных писем Гоголя. <i>Фрагменты</i>	538
<i>А. М. Зедергольм.</i> О предсмертном сожжении Гоголем второго тома «Мертвых душ»	539
<i>В. С.</i> Из воспоминаний о <i>Н. В. Гоголе</i>	540
Гоголь в письмах <i>Н. К. Калайдовича</i>	542
Гоголь в письмах <i>И. Е. Бецкого</i> к <i>М. П. Погодину</i>	544
<i>Н. И. Крылов — М. П. Погодину.</i> Около 28 марта 1841 г. Москва	547
<i>Ф. Б. Миллер — М. П. Погодину.</i> 31 мая 1842 г.	548
<i>М. А. Зензинов — М. П. Погодину.</i> 30 января 1843 г. <i>Нерчинск</i>	549

Свидетельства о Гоголе П. В. и В. А. Нащокиных	550
Гоголь в письмах П. В. Нащокина к М. П. Погодину	550
<i>П. И. Бартенев</i> . Рассказы о Пушкине. Тетрадь 1851–1860 гг. <i>Фрагмент</i>	550
<i>И. Родионов</i> . Воспоминания В. А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе. <i>Фрагменты</i>	551
Гоголь в письмах Г. Рора к М. П. Погодину	556
Гоголь в письмах П. Ф. Зенькова к М. П. Погодину	558
В. П. Нечаев – А. В. Горскому, 22 ноября 1848 г. Москва	559
С. К. Смирнов – М. П. Погодину, 1848 г.	560
А. Е. Студитский – М. П. Погодину, 1849 г. Москва	561
Свидетельства о Гоголе А. А. Григорьева	562
Гоголь в письмах А. А. Григорьева к М. П. Погодину	562
<i>А. А. Григорьев</i> . <i>И. С. Тургенев и его деятельность</i> по поводу романа «Дворянское гнездо» (Современник, 1859 г. № 1). Статья вторая. <i>Фрагмент</i>	563
Гоголь в письмах С. И. Пономарева к М. П. Погодину	564
А. А. Фет. Ранние годы моей жизни. Фрагмент	565
Гоголь в воспоминаниях А. Н. Островского	566
<i>М. И. Семевский</i> . <Встречи с А. Н. Островским в Москве>. <i>Фрагмент</i>	566
<i>Н. Н. Луженовский</i> . Воспоминания об А. Н. Островском. <i>Фрагмент</i>	567
<i>С. В. Максимов</i> . Александр Николаевич Островский. (По моим воспоминаниям). <i>Фрагмент</i>	568
Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Фрагменты	570
<Гоголь и «молодая редакция» журнала «Москвитянин»>	570
<«Выбранные места из переписки с друзьями» в судьбе М. П. Погодина>	570
<Д. Г. Белавин об отношении к «Выбранным местам из переписки с друзьями» Д. Д. Облеухова и архиепископа Калужского Григория (Митькевича)>	571

П. К. Встреча с Гоголем	572
К. Н. Михайлов. Вновь найденные рукописи Гоголя. Фрагмент	574
Гоголь в письмах и воспоминаниях С. Т. Аксакова	575
Из писем С. Т. Аксакова	575
С. Т. Аксаков. Одним сыновьям. <Письмо к К. С., Г. С. и И. С. Аксаковым>. 23 февраля 1852 г. Абрамцево	622
С. А<ксаков>. Письмо к друзьям Гоголя. 6 марта 1852 г. Абрамцево	623
С. Т. Аксаков. Выписка слово в слово из моих кратких заметок <о Гоголе>. <Письмо к М. И. Гоголь-Яновской>. 12 июня 1852 г.	625
С. А<ксаков>. Несколько слов о биографии Гоголя. 1 марта 1853 г.	627
С. Т. Аксаков. <Замечания о рукописной редакции «Опыта биографии Н. В. Гоголя...»>. <Письмо к П. А. Кулишу. Первая половина декабря 1853 г.>	632
С. Т. Аксаков. Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу. 10 июня 1854 г.>	636
С. Т. Аксаков. Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу. Июль–октябрь 1854 г.>	646
С. Т. Аксаков. Из Истории Нашего Знакомства с Гоголем <1832–1840 гг.>. <Выписки рукою П. А. Кулиша. Конец ноября – начало декабря 1854 г.>	656
Фрагменты из воспоминаний С. Т. Аксакова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша	659
С. Т. Аксаков. История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> Начато 9 января 1854 г.	662
<Любимые Гоголем украинские народные песни (по воспоминаниям С. Т. Аксакова, О. М. Бодянского, М. А. Максимовича)>. Фрагмент из «Записок о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша	768
Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной)	778
Свидетельства о Гоголе К. С. Аксакова	785

Гоголь в письмах К. С. Аксакова	785
<i>К. С. Аксаков. О некоторых современных собственно литературных вопросах. Фрагмент</i>	799
<i>К. С. Аксаков. <На смерть Н. В. Гоголя></i>	800
<i>К. С. Аксаков. Воспоминание студентства 1832–1835 годов. Фрагмент</i>	801
Гоголь в письмах и записных книжках В. С. Аксаковой	803
Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг.	803
<i>В. С. Аксакова. Заметка о Гоголе 1847 г.</i>	866
Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг.	867
Из записной книжки В. С. Аксаковой 1853 г. Последние дни жизни Гоголя	890
Из дневника В. С. Аксаковой 1854–1855 гг.	894
Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе	897
Гоголь в письмах Г. С. Аксакова	903
Свидетельства о Гоголе И. С. Аксакова	905
Гоголь в письмах И. С. Аксакова	905
<i>И. С. Аксаков. Несколько слов о Гоголе. Фрагменты</i>	944
М. С. Аксаков — О. Сем. Аксаковой. 27 ноября 1839 г. Санкт-Петербург	947
Свидетельства о Гоголе Н. С. Аксаковой	948
Гоголь в письмах Н. С. Аксаковой	948
Воспоминания Н. С. Аксаковой в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе»	950
Л. С. Аксакова — С. Т. Аксакову. 4 октября 1851 г.	955
Гоголь в письмах М. Г. Карташевской к Аксаковым	956
Гоголь в письмах И. Е. Великопольского	964
Гоголь в письмах Д. М. Княжевича	966
П. И. Пейкер — С. Т. Аксакову. 7 ноября 1841 г. Санкт-Петербург	967

Свидетельство о Гоголе О. Н. Тютчевой (рожденной Путяты)	968
<i>К. В. Пигарев. Неизданное письмо. Фрагмент</i>	<i>968</i>
<i>К. Пигарев. Мураново. Фрагмент</i>	<i>969</i>
<i>К. В. Пигарев. Мураново. Гоголевская комната. Фрагмент</i>	<i>969</i>
К. А. Трутовский. Воспоминания о Сергее Тимофеевиче Аксакове. Фрагмент	970
Список условных сокращений	971
Именной указатель	972

Научное издание

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН*

**ГОГОЛЬ В ВОСПОМИНАНИЯХ, ДНЕВНИКАХ,
ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННИКОВ**

*Полный систематический свод
документальных свидетельств*

Издание подготовил И.А.Виноградов

Том второй

Корректор *Е. Н. Сценсович*

Компьютерная верстка *А. З. Бернштейн*

Подписано в печать 20.10.2012 г.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Petersburg. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 83,2. Тираж 800 экз. Заказ 1577

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук

121069, Москва, ул. Поварская, дом 25-а,
тел. (495) 690-05-61

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

ISBN 978-5-9208-0418-1

9 785920 804181

